

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ ХCV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Х С V

1904

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1904

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЯНВАРЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). I—III. Н. П. Мердери	7
II. Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). I—III. Графини Л. А. Ростопчиной	50
III. Къ исторіи 14 декабря 1825 года. (Изъ воспоминаній петербургскаго старожила). Сообщилъ В. П. Батуриинскій	67
IV. Закоулокъ. (Очеркъ). И. Н. Потапенко	87
V. Изъ литературныхъ воспоминаній. Г. К. Градовскаго	109
VI. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Н. П. Фалѣва	116
VII. Императоръ Николай I. (1826—1831). П. Е. Щеголева	138
VIII. Закавказскіе сектанты. I—IV. И. П. Ювачева (Мирлобова)	167
IX. Женихъ нуженъ. (Изъ архивныхъ дѣлъ XIX столѣтія). С. А. Аргоболевскаго	180
X. Заяцъ. (Разсказъ актера). К. И. Ванченко	190
XI. Сахарныя поля. Бытовой этюдъ. Н. А. Хлонова	198
XII. На среднемъ плѣсѣ. (Путевые наброски). I. До Рыбинска. II. По пути въ Романовъ. III. Романовъ-Борисоглѣбскъ. IV. Толга. И. Ф. Тюменева	209
Иллюстраціи: 1) Набережная въ Рыбинскѣ.—2) Волга близъ Песочнаго.—3) Церковь Казанской Божіей Матери въ Романовѣ.—4) Соборъ въ Романовѣ.—5) Борисоглѣбскій соборъ съ пристани.—6) Церковь Покрова въ Романовѣ.—7) Толгскій монастырь близъ Ярославля.—8) Западный фасадъ собора въ Толгѣ.—9) Трапезная церковь въ Толгѣ.—10) Дерево, на которомъ послѣ пожара явилась икона Пресвятой Богородицы въ Толгѣ.	
XIII. Памяти Александра Платоновича Энгельгардта. П. П. Соколова	258
Иллюстрація: Александръ Платоновичъ Энгельгардтъ.	
XIV. Ненаписанныя стихотворенія А. С. Пушкина. П. Е. Щеголева	263
XV. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	275
XVI. Критика и библиографія	302
1) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ пятый. Части I и II. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра II. Сост. С. М. Середонинъ. Спб. 1903. В. Грибовскаго.—2) Сборникъ Тверскаго общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Выпускъ I. Подъ редакціею председателя общества В. И. Колосова въ соучастіи съ Г. К. Линдеманомъ. Тверь. 1903. А. Я.—3) О. П. Сениговъ. Памятники земской старины. Спб. 1903. В. Грибовскаго.—4) В. Нарбековъ. Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. (По памятникамъ церковной старины, бывшимъ на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ). Казань. Типо-литографія императорскаго университета. 1903. В. Ф.—но.—5) В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Клинскаго, Тверскаго и Московскаго уѣздовъ. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—6) Александръ II, царь-освободитель. Издалъ графъ Милорадовичъ. Спб. 1903. Сергья фонъ-Штейна.—7) Семьи литовско-русскаго государства до Люблинской унии 1569 года. И. А. Максимейко. Харьковъ. 1903. В. Грибовскаго.—8) Курсы гражданскаго права профессора Казанскаго университета Р. Ф. Шершеневича. Томъ I. Введеніе. Выпускъ второй. Казань. 1903. В. Грибовскаго.—9) Императорскій Россійскій историческій музей имени императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ II. Житіе святаго Нифонта, лицевого. XVI вѣка. М. 1903. М. О. Сн—вича.—10) Д. Б. Треневъ. Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ. Краткое описаніе церкви, иконъ вѣсти Симеона Ушакова и прочихъ ея достопримѣчательностей, съ приложеніемъ (См. слѣд. стран.).	

15 таблицъ съ 45 фототипіями. М. 1903. А. я.—11) Проф. П. Казанскій. Возрожденіе изученія права. Одесса. 1903. В. г.—12) Отзывъ объ ученыхъ трудахъ приватъ-доцента Е. В. Васьковскаго, составленный ординарнымъ профессоромъ А. И. Загоровскимъ, по порученію юридическаго факультета Новороссійскаго университета. Одесса. 1903. Ignotus.—13) Н. М. Туниковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Спб. 1903. А. м.—14) Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1903. С. фонъ-Штейна.—15) Василій Васильевичъ Латышевъ. Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности его. 1878—1903. Спб. 1903. м.—16) Димитрій Петрушевскій. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. Ч. I. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1903. п. к.—аго.—17) Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ въ 1902 году. Записка проф. И. Цвѣтаева. Москва. 1903. А.—нъ.—18) Э. А. Вольтеръ. Отчетъ о поздѣхъ по бібліотекамъ Австріи и Германіи осенью 1901 года. Спб. 1903. Беге.—19) Новая польскія изданія по исторіи и археологіи. С. Гин—вта.—20) Ф. Монье. Опытъ литературной исторіи Итали XV вѣка. Кватренто. Изд. Л. Ф. Пантелъева. Спб. 1904. п. к.—21) Я. В. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія писемъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903. к.—22) И. Анненскій. Античная трагедія. Спб. 1903. Сергья фонъ-Штейна.—23) Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Эпизодическія программы. Серія I. М. 1903. щ.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 338

1) Колдовство и отравы.—2) Умственная патологія французскихъ королей.—3) Поддѣльный Рабле.—4) Новая біографія Галилея.—5) Неизвѣстный сынъ англійскаго короля Карла II.—6) Историческая находка.—7) Похождение двухъ аристократовъ во время революціи.—8) Родственники Наполеона.—9) Юбилей и памятники.—10) Смерть Роллина и Герберта Спенсера.

XVIII. Смѣсь 373

1) Чествованіе памяти кн. В. Θ. Одоевского.—2) Виленскій памятникъ Екатерины II.—3) Московское археологическое общество.—4) Общество любителей руссійской словесности.—5) Русское бібліографическое общество.—6) Комитетъ по сооруженію музея изящныхъ искусствъ.—7) О непрочности современной бумаги.—8) Собраніе рукописей.—9) Запорожскія древности.—10) Географическое общество.—11) Общество востоконвѣднѣя.—12) Профессоръ М. Соколовскій.

XIX. Некрологи 389

1) Вѣдльскій, Е. В.—2) Вагнеръ, Е. Е.—3) Видгальмъ, И. М.—4) Герардъ, В. Н.—5) Глубоковскій, М. П.—6) Пановъ, А. В.—7) Переяславцева, С. М.—8) Родевичъ, И. И.—9) Голубинскій, Д. Θ.—10) Яровицкій, А. В.

XX. Замѣтки и поправки 399

Еще о кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Ив. Захарина (Якунина).

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императора Николая Павловича.—2) Самозванка. (Княжна Тараканова), драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ **И. В. Шпажннскаго**. Дѣйствія I—III.

Гдѣ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» для всѣхъ подписчиковъ предлагается объявленіе: Товарищества Русско-Французскихъ заводовъ резинового, гуттаперчеваго и телеграфнаго производствъ «Проводникъ» въ Ригѣ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

«ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ»

женщины-врача **А. А. Черевковой**.

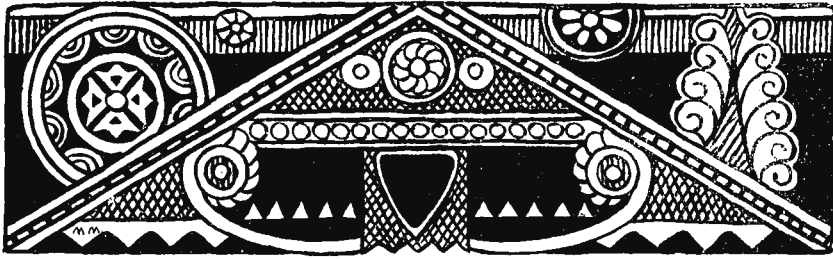
Второе, дополненное изданіе съ 12 иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1904 году
(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1904 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать четыре года (1880—1903).

Подписная цѣна за двѣнадцатъ книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

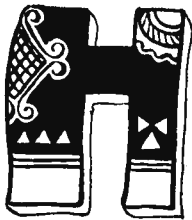
Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на-Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

I.

НА БЕРЕГУ сильно бурлившей рѣки, вздутой весеннимъ разливомъ, царило необычайное оживленіе. Почти все населеніе деревни, съ подростками и стариками, толпилось вокругъ дорожной кареты, запряженной пятерикомъ измученныхъ коней, и размахивая руками, перебивая другъ друга, толковало о переправѣ черезъ эту рѣку съ людьми проѣзжаго господина, съ его камердинеромъ, молодымъ парнемъ въ дорожной ливрейной шинели со множествомъ воротниковъ и въ шляпѣ съ кокардой, съ поваромъ, вылѣзшимъ изъ кибиточки, придѣланной къ задней стѣнкѣ экипажа, и съ бородатымъ осанистымъ кучеромъ, уныло поглядывавшимъ на неожиданную преграду.

Въ совѣщаніи принималъ участіе и фореиторъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, и, мало-по-малу, сдержанный говоръ перешелъ въ такой гвалтъ, что одна изъ шелковыхъ занавѣсокъ на окнахъ поспѣшно поднялась, и надъ спущеннымъ нетерпѣливой рукой стекломъ появилось красивое молодое лицо съ темными глазами и съ густой шапкой вьющихся бѣлокурыхъ волосъ. Во взглядѣ, которымъ онъ обвелъ толпу, выражалось недоумѣніе человѣка, не вполне еще очнувагося отъ крѣпкаго сна и не ясно сознающаго, во снѣ

или наяву видитъ онъ и слышитъ то, что происходитъ вокругъ него.

— Что случилось? Почему мы стоимъ? Что это за народъ?— спросилъ онъ у подбѣжавшаго къ нему камердинера.

— Да вотъ, не знаемъ, какъ рѣку переѣхать. Нѣтъ тутъ у нихъ ни моста, ни плотины, ни парома. Говорятъ въ бродъ, а ее вишь какъ вздуло.

— Какая рѣка?

— Малявка-съ.

— Малявка?— съ живостью переспросилъ баринъ. — Отворяй скорѣе, я выйду,—объявилъ онъ съ живостью.

Дверца распахнулась, и не успѣлъ Оедька развернуть подножку, какъ баринъ спрыгнулъ на землю и, не обращая вниманія на толпу, почтительно разступившуюся передъ нимъ, началъ внимательно всматриваться въ пейзажъ, залитый лучами восходящаго солнца.

Было чѣмъ залюбоваться! Рѣчка капризно извивалась у подножія горъ, покрытыхъ лѣсомъ; роскошная весенняя зелень переливалась изумруднымъ блескомъ въ солнечныхъ лучахъ, лаская взоръ всевозможными оттѣнками. Но глаза проѣзжаго на ней не останавливались и съ напряженнымъ вниманіемъ поднимались все выше и выше, отыскивали что-то такое въ пространствѣ, досадуя на волны зелени, скрывавшія передъ нимъ горизонтъ.

— Господскіе-то хоромы, таперя, тополями засажены, а прежде ихъ, бывало, издалече было видать,—произнесъ старческаго голоса въ толпѣ, точно угадывая причину недоумѣнія незнакомца.

Этотъ послѣдній обернулся къ старику, произнесшему эти слова, и отрывисто спросилъ:

— Гдѣ же тополи?

— Вонъ тамъ! Верхушка башни изъ-за нихъ чуть-чуть виднѣется,—отвѣчалъ старикъ, протягивая руку къ группѣ высокихъ тополей, надъ которыми бѣлѣлась остроконечная верхушка башни съ пестрымъ флюгеремъ.

— Въ домѣ живутъ?—освѣдомился проѣзжій.

— Живутъ. Молодой баринъ, Дмитрій Степанычъ, все больше въ разѣздахъ, а супругу свою къ бабушкѣ привезъ. Дѣтки у нихъ. Тополями-то засадить домъ старая барыня приказала, чтобъ съ большой дороги не было видно.

— Когда?—съ живостью спросилъ проѣзжій.

— Да ужъ таперъ, поди, чай, годовъ двадцать будетъ. У меня въ тѣ поры внучка родилась, скоро пять лѣтъ, какъ замужъ ее отдали.

«Двадцать лѣтъ! Въ тотъ самый годъ, когда его пятилѣтнимъ ребенкомъ привозили сюда изъ Москвы», подумалъ Владимиръ Михайловичъ Грабининъ.

Онъ зажмурился, чтобъ лучше себѣ представить мѣстность такую, какою она была въ то время, но видѣніе изъ прошлаго,

мелькнувшее было передъ нимъ при имени рѣки, безвозвратно кануло въ вѣчность и не являлось на его зовъ; какъ въ калейдоскопѣ, кружились въ его мозгу обрывки давно забытыхъ впечатлѣній: большой бѣлый домъ на горѣ, съ затѣйливыми башнями и съ высокимъ каменнымъ крыльцомъ въ итальянскомъ вкусѣ; роскошный садъ съ тѣнистыми аллеями, спускавшимися къ рѣкѣ,—той самой, передъ которой онъ теперь стоялъ... Смутно, какъ во снѣ, припоминалось, что когда-то онъ бѣгалъ и рѣзвился въ этомъ саду съ другими дѣтьми, въ такую же, какъ теперь, весеннюю пору, но картины эти исчезали одна за другой, не давая ему въ нихъ всмотрѣться. Между прочимъ, промелькнула передъ его духовными глазами длинная вереница комнатъ, гдѣ почему-то не только бѣгать и рѣзвиться было строго запрещено, но даже и говорить нельзя было иначе, какъ шопотомъ. Тутъ толпились люди съ испуганными лицами, и ему было жутко. Въ одномъ изъ покоевъ, глубже и мрачнѣе прочихъ, на широкой кровати лежала старуха, съ пронзительными глазами, худая и страшная. Надъ кроватью спускался балдахинъ глубокими складками изъ темнаго бархата, поддерживаемый когтями огромной золотой птицы, съ остроконечнымъ клювомъ и распостертыми крыльями.

Птица эта, точно парившая подъ самымъ потолкомъ, такъ запечатлѣлась въ его памяти, что заслонила собою все прочія представленія, и ему невозможно было вспомнить лица лежавшей подъ нею старухи: оно воскресало передъ нимъ въ образѣ птичьяго клюва.

А, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, ничего этого не было; онъ, можетъ быть, все это видѣлъ во снѣ, на картинѣ или вычиталъ въ книгѣ?

Ему такъ захотѣлось въ этомъ удостовѣриться, что онъ обернулся къ окружавшей его толпѣ съ готовымъ вопросомъ на устахъ, но ему не удалось его произнести: Оедька бѣжалъ къ нему съ предложеніемъ пройти нѣсколько шаговъ по берегу къ тому мѣсту, гдѣ, по увѣренію здѣшнихъ старожиловъ, было такъ мелко, что смѣло можно было ѣхать въ бродъ.

— Выше подножки вода не достанетъ. Вчера вечеромъ мельникъ тутъ переѣхалъ съ кладью, а воды было больше сегодняшняго, — объяснялъ онъ, указывая на изгибъ рѣки, ухидившій за гору.—Вотъ тутъ одинъ вызывается проводить.

Баринъ принялъ предложеніе, и, минутъ черезъ двадцать, сидя въ каретѣ, онъ медленно ѣхалъ по водѣ къ противоположному берегу, гдѣ посланный на развѣдки парень, весело размахивая руками, кричалъ, чтобъ смѣло ѣхали, безъ сумлѣнія.

Онъ былъ правъ; вода покрывала только колеса экипажа, медленно покачивавшагося на высокихъ круглыхъ рессорахъ, и успокоенный насчетъ переправы, Грабининъ снова задумался объ обитателяхъ дома, гдѣ, ему казалось, онъ былъ въ дѣтствѣ, когда

его сюда привозили изъ Москвы прощаться съ умирающимъ дѣдомъ, оставившимъ ему то самое имѣніе, которое онъ ѣхалъ теперь осматривать.

— Вы чьи? — спросилъ онъ у старика, помогшаго ему найти старый домъ за тополями.

Старикъ этотъ, во время переправы, шелъ въ водѣ ближе всѣхъ къ экипажу, съ любопытствомъ поглядывая на высывавшагося изъ окна барина.

— Аратовскіе. Баринъ нашъ все въ разѣздахъ по другимъ своимъ имѣніямъ, а здѣсь старая барыня хозяйничаетъ.

— Такъ у васъ и старая барыня есть?

— Завсегда у насъ была старая барыня. Въ деревнѣ такихъ стариковъ и въ живыхъ не осталось, которые бы то время помнили, когда ея здѣсь не было.

— Сколько же ей лѣтъ?

— Да поцъ сказывалъ, что по церковнымъ книгамъ ей ужъ давно за сто перевалило.

«Неужто-жъ это та самая старуха, которую я видѣлъ подъ балдахиномъ двадцать лѣтъ тому назадъ?—подумалъ Грабининъ.— Но въ такомъ случаѣ можно разсчитывать, что и балдахинъ съ птицей цѣль, и что я ихъ увижу?»

Ему почему-то стало весело при этой мысли, точно отыскались старые знакомые, которыхъ онъ давно считалъ погибшими.

— И ваша барыня до сихъ поръ въ своемъ умѣ? — спросилъ онъ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Ума-то у нея, пожалуй, что на десятокъ молодыхъ хватить, — отвѣтилъ онъ съ самодовольной усмѣшкой. — Дай Богъ каждому такъ управляться съ хозяйствомъ, какъ наша старая барыня, Серафима Даниловна. До нея у Аратовскихъ господъ только и имѣнія было, что это самое Малявино съ хуторами, а таперича всего у насъ приумножилось—и земли, и лѣсовъ. И все это ейнаго ума дѣло. Разсказываютъ старики, что и покойный ейный супругъ и сыновья изъ ейной воли не выходили. Да и правнукъ-то, теперешній нашъ баринъ, Дмитрій Степанычъ, ужъ на что до всего дошлый, а и тогъ, почитай, что ни во что здѣсь не вмѣшивается и, можно сказать, гостемъ у насъ живетъ, все хозяйство, значить, старой барынѣ предоставилъ. И въ другихъ-то своихъ имѣніяхъ безъ ейнаго совѣта ничего не начнетъ. Она все знаетъ. Да и какъ ей не знать, когда столько лѣтъ прожила на свѣтѣ и все настоящей самовластной хозяйкой, было изъ чего ума набратъся. «Я, грить, все знаю, и то, что есть, и что было, и что будетъ; меня, грить, не проведешь и ничѣмъ ни удивишь».

— Ты изъ дворовыхъ? — прервалъ его Грабининъ, отъ котораго не ускользнули изысканные для мужика обороты рѣчи и

чистота русскаго произношенія собесѣдника, съ первыхъ его словъ.

— Точно такъ-съ, изъ Россіи съ родителями вывезенъ, изъ-подъ Тулы, и сызмальства при господахъ. Въ казачкахъ при буфетѣ, потомъ въ камардинахъ при барчукахъ. Въ Питеръ они меня съ собою взяли. Тамъ несчастье со мною случилось, и сослали меня въ дальнюю деревню, да на простой дѣвкѣ женили, чтобъ, значитъ, отбить охоту на красавицъ въ дѣвичьей заглядываться, — прибавилъ онъ съ усмѣшкой, немного помолчавъ. — И вотъ теперь, скоро сорокъ лѣтъ, что опять на родинѣ очутился. Барыня наша гнѣвна и не отходчива, старой моей провинности отпустить мнѣ не изволила, въ барскіе хоромы обратно меня не приняла, а приказала отпустить лѣсу на избу, чтобъ строился на указанномъ мѣстѣ и мужикомъ, значитъ, доживалъ бы вѣкъ. Построился, хозяйствомъ обзавелся, женился, жену схоронилъ, дочку замужъ отдалъ, двухъ сыновей женилъ и живу теперь съ внуками-сиротами. Двѣ у меня ихъ было, да старшенькую, Настю, къ молодой барынѣ въ услуженіе взяли, а вторую хочу замужъ выдать...

Не подозрѣвая, какое значеніе будутъ имѣть сообщаемые факты на его судьбу, Грабининъ все разсѣяннѣе и разсѣяннѣе слушалъ старика по мѣрѣ того, какъ они приближались къ берегу. Наступалъ конецъ путешествію: поощряемые громкими криками мужиковъ, кони, мокрые и взволнованные неожиданною ванною, шумно фыркая, втащили карегу на крутой песчаный обрывъ рѣки. Мужиковъ, помогавшихъ при переправѣ, одарили мѣдными пятаками изъ кожаной мошны, хранившейся подъ сидѣньемъ (при чемъ, повинувась безсознательному чувству благодарности къ старику, занимавшему его разсказами во время пути, баринъ приказалъ дать ему вдвое противъ другихъ), кучеръ весело крикнулъ: «трогай!» и экипажъ помчался по длинной деревенской улицѣ, мимо глазѣвшихъ изъ всѣхъ оконъ и со всѣхъ крылецекъ бабъ и ребятишекъ.

Деревня Малявино скрылась изъ виду. Оставивъ въ сторонѣ дремучій лѣсъ, съ часъ времени ѣхали по зеленѣющимъ ранними всходами Аратовскимъ полямъ, миновали новый кирпичный заводъ, а затѣмъ конный, проѣхали по землѣ господъ Кандьяровыхъ, а тамъ, передъ тѣмъ какъ повернуть за рощицу, карабкавшуюся по пригоркамъ, кучеръ приостановилъ лошадей, чтобъ дать Ѳедкѣ соскочить съ козелъ, подпрыгнуть къ окну, изъ котораго выглядывалъ баринъ, и скороговоркой возвѣстить:

— Вотъ и Воробьевка, сударь! Извольте взглянуть налѣво, барскіе хоромы видать.

Грабининъ метнулся къ другому окну и увидалъ, промежъ спутанныхъ вѣтвей заглохшаго парка, почернѣвшую отъ времени крышу надъ длиннымъ, осѣвшимъ на сторону, старымъ домомъ.

Зрѣлище было не изъ привлекательныхъ. Садъ совершенно одичалъ и поросъ бурьяномъ, прудъ затянулся иломъ, аллеи проросли высокимъ непролазнымъ кустарникомъ, а постройки разваливались.

Зато въ сторонѣ отъ барскихъ хоромъ, за полверсты отъ него, на юру и одиноко, торчалъ среди лужайки странной архитектуры небольшой домъ, вокругъ котораго было илюдно, и оживленно, и шумно. Весь залитый лучами солнца, онъ рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ парка, давно превратившагося въ дремучій боръ. У заново срубленнаго крыльца, хлопотали куры и тѣснилась пестрая толпа поселянъ въ живописной мѣстной одеждѣ, вызванная сюда бубенчиками приближавшагося экипажа.

И, должно быть, такое событіе, какъ пріѣздъ господъ, было здѣсь въ рѣдкость, если судить по недоумѣнію и жгучему любопытству, не безъ примѣси страха, выражавшимся на всѣхъ лицахъ.

Миновавъ строенія барской усадьбы и оставивъ ихъ далеко за собою, карета повернула прямо къ этому дому.

Толпа раздвинулась, куры съ громкимъ кудахтаньемъ разлетѣлись въ разныя стороны, а черезъ огородъ, кратчайшимъ путемъ, перепрыгивая черезъ ямы и кусты, бѣжалъ безъ шапки, съ развѣвающимися волосами, человекъ лѣтъ тридцати пяти, въ опрятномъ черномъ кафтанѣ и въ высокихъ сапогахъ, управитель Андрей, завѣдывавшій Воробьевкой со смерти старика Вишнякова, который тутъ хозяйничалъ безконтрольно еще при жизни дѣда теперешняго владѣльца.

Шла дѣятельная возня и въ домѣ, гдѣ нѣсколько парней и дѣвокъ, подъ наблюдениемъ красавицы Маланьи, жены Андрея, женщины молодой, строгой и проворной, вытаскивали въ огородъ сундуки и узлы со всякой всячиной.

Бросивъ бѣглый, но зоркій взглядъ на эту возню и мысленно похваливъ супругу за догадливость и распорядительность, Андрей обогнулъ домъ и, подбѣжавъ къ барину, низко ему поклонился.

— Управитель?—спросилъ этотъ послѣдній съ улыбкой.

— Точно такъ-съ. Добро пожаловать, сударь! Заждались мы вашей милости,—весело проговорилъ Андрей, молодцоватымъ движениемъ головы отряхивая назадъ густыя кудри русыхъ волосъ, спадавшихъ ему на лобъ при поклонѣ, которымъ онъ привѣтствовалъ своего господина.—Мы васъ, сударь, не ждали сегодня, не взыщите за беспорядокъ. Увѣдомили бы раньше о вашемъ пріѣздѣ, все бы нашли готовымъ для вашего пребыванія,—продолжалъ онъ, энергичнымъ взмахомъ руки отгоняя прочь глазѣвшую кругомъ толпу любопытныхъ, чтобы остаться съ бариномъ наединѣ.

— А ты меня здѣсь хочешь помѣстить? Почему же не въ домѣ?

— Тамъ ужъ давно невозможно жить. Покойный Абрамъ Никитичъ все собирался, отъ сырости да отъ крысъ, къ внучкамъ

въ деревню перебраться, да такъ и умерь, а послѣ его смерти домъ въ еще большую ветхость пришелъ. Крыша протекаетъ, печи разваливаются, полы давно прогнили. Все это поправлять стало бы въ копеечку вашей милости; вѣдь здѣсь глушь, мастеровыхъ пришлось бы изъ Кіева выписывать, а тамъ все ляхи, такую бы заломили цѣну, что весь годовой доходъ съ Воробьевки имъ бы пришлось отвалить. Вотъ я и надумалъ замѣсто такихъ тратъ, использовать амурный домикъ, что безъ употребленія стоялъ въ паркѣ.

— Амурный домикъ?—переспросилъ Грабининъ.—Вотъ это? — прибавилъ онъ, указывая на строеніе, пестрѣвшее заллатами изъ новаго дерева и съ неуклюжими пристройками, нисколько не отвѣчавшее данному ему названію.

Красивое, чисто русское лицо управителя, его смѣющіеся лукаво глаза, здоровый бодрый видъ и жизнерадостное краснорѣчіе производили такое пріятное впечатлѣніе, что въ бесѣдѣ съ нимъ время легло незамѣтно, а этого только и нужно было Андрею: задержать подольше барина на крыльцѣ, чтобъ дать время убрать все лишнее изъ дома.

— Точно такъ-съ, домикъ этотъ споконъ вѣка звали амурнымъ. Кличка эта ему дадена покойнымъ старымъ бариномъ, вашимъ дѣдушкой.

— Ты говоришь, что онъ стоялъ въ паркѣ? Какъ же вы его сюда перенесли?

— Мы его не переносили-съ, мы этотъ самый паркъ вокругъ него вырубали и, такимъ образомъ, къ жилью его приспособили. Если теперь убрать его тѣми коврами, что у насъ въ кладовой хранятся, да кое-какую мебель изъ стараго дома сюда перенести, вашей милости можно будетъ совсѣмъ спокойно цѣлый годъ тутъ прожить, пока новый домъ не выстроимъ.

— Я пріѣхалъ сюда всего только на недѣлю, — объявилъ баринъ.

— Что же это вашей милости не угодно насъ подольше вашимъ присутствіемъ порадовать?—спросилъ Андрей, ловко скрывая, подъ видомъ соболѣзнованія, радость, наполнившую его сердце отъ пріятнаго извѣстія.

— Мнѣ надо только познакомиться съ имѣніемъ, посмотрѣть, какъ идетъ хозяйство, да узнать, нельзя ли побольше извлекать изъ него дохода.

— Хозяйство здѣсь ваша милость найдетъ въ порядкѣ, на томъ стоимъ. Ночь не доспимъ, куска не доѣдимъ, чтобъ барское добро въ цѣлости сохранить, чтобъ все было исправно, а что до денегъ, въ настоящее время у насъ самая малость осталась, по той причинѣ, что вплоть до зимы въ хозяйствѣ однѣ только траты, а доходовъ ждать нельзя. Вотъ еслибъ ваша милость дозволила

хоша бы самую малость лѣса продать, тогда мы бы и съ деньгами были и облегченіе въ хозяйствѣ получили. Народъ кругомъ воръ и разбойникъ отчаянный, отъ однихъ бѣглыхъ съ Дона да изъ Москвы отбою нѣтъ...

Его давно перестали слушать. Баринъ углубился въ мысли, не имѣвшія ничего общаго съ разсужденіями о непроизводительности лѣснаго хозяйства. При упоминаніи объ амурномъ домикѣ, въ умѣ его завертѣлись разказы старыхъ московскихъ тетушекъ и бабушекъ о проказахъ его покойнаго дѣда съ красавицей полькой, которую онъ тайкомъ вывезъ изъ Варшавы, гдѣ состоялъ при царицыномъ послѣ. Польку эту, къ величайшему огорченію законной супруги и ко всеобщему негодованію и соблазну, онъ поселилъ въ родовомъ своемъ имѣніи Воробьевкѣ. На бѣду красавица была замужемъ за паномъ Джулковскимъ изъ мелкой шляхты, но съ большими связями и протекціями. Сутяга и законникъ изъ кievскаго воеводства, этотъ Джулковскій немедленно отправился въ Петербургъ жаловаться на безчестье, причиненное ему русскимъ офицеромъ, и какъ ни хлопотали Грабининскіе доброжелатели, въ томъ числѣ и своякъ его, Александръ Андреевичъ Безбородко, придать его поступку видъ невинной шалости, и какъ ни расположена была сама царица снисходительно относиться къ такого рода любовнымъ продѣлкамъ, панъ Джулковскій до тѣхъ поръ зудилъ и кляузничалъ, пока не добился приказа вернуть ему, на счетъ похитителя, супругу, съ уплатой крупнаго куша за безчестье.

На имѣніе Грабинина было наложено запрещеніе, тѣмъ болѣе тягостное, что Воробьевка находилась на границѣ Кіевскаго воеводства, гдѣ въ то время хозяйничали соплеменники его соперника и частые наѣзды судей, да разныхъ комиссаровъ, все друзей-пріятелей и собутельниковъ пана Джулковскаго, не могли не быть особенно убыточны и мучительны для несчастнаго похитителя его жены.

Однимъ словомъ, дѣло кончилось бы несомнѣнно полнѣйшимъ разореніемъ этого послѣдняго, если бъ, на его счастье, поляки не прогнѣвали русскую императрицу какой-то дерзкой выходкой, и еслибъ друзья Грабинина не воспользовались удобнымъ случаемъ ее убѣдить, что не стоитъ такъ жестоко карать дворянина, проливавшего кровь за отечество, изъ-за безпутной полячки, которая, безъ сомнѣнія, сама соблазнила его на увозъ отъ постылаго мужа.

Слѣдствіе приказано было прекратить, а пану Джулковскому довольствоваться возвращеніемъ ему супруги и уже сорваннымъ всякими правдами и неправдами вознагражденіемъ.

Однако, пятилѣтняя судебная волокита такъ измучила и разорила Грабинина, что вернуться къ прежней жизни онъ былъ

уже не въ силахъ, и онъ повелъ въ своей Воробьевкѣ жизнь озлобленнаго анахорета, удрученнаго мрачными воспоминаніями (а, можетъ быть, и угрызениями совѣсти), относясь равнодушно не только къ хозяйству, но и къ родному, единственному сыну, котораго мать увезла съ собою въ Москву, когда убѣдилась въ своемъ безсиліи кротостью, покорностью и любовью изгнать изъ сердца мужа привязанность къ иноземкѣ, а такъ какъ прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, пользоваться своими законными правами и заступничествомъ вліятельныхъ родственниковъ противъ невѣрнаго мужа ей было не по праву, то она и предпочла удалиться въ монастырь, гдѣ вскорѣ и скончалась отъ тоски, оставивъ сына на попеченіи своихъ родныхъ.

Когда польку вывезли изъ Воробьевки, и когда кончилось мучительное дѣло взысканій и начетовъ съ имущества Грабинина, всѣ ждали, что онъ пожелаетъ взять къ себѣ сына, чтобы самому заняться его воспитаніемъ, но этого не случилось, и только передъ смертью выразилъ онъ желаніе благословить внука, названнаго его именемъ и котораго онъ былъ воспріемникомъ отъ купели заочно, точно такъ же, какъ заочно далъ свое согласіе на бракъ сына на неизвѣстной ему дѣвицѣ. При послѣднемъ свиданіи онъ, безъ сомнѣнія, открылъ сыну свою истерзанную душу и объяснилъ ему причины, заставившія его обречь себя на затворничество въ молодыхъ еще годахъ; долго говорилъ онъ съ нимъ наединѣ передъ тѣмъ, какъ навсегда смолкнуть, и растроганный Михаилъ Владимировичъ въ слезахъ вышелъ изъ спальни отца, но сынъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобъ посвящать его въ семейныя тайны, а когда онъ достигъ возраста, когда можно было ему все открыть, сдѣлать это было некому: отца его уже въ живыхъ не было.

Такимъ образомъ, зналъ онъ про дѣда только то, что всѣ знали, про внутреннюю же его жизнь ему ровно ничего не было извѣстно.

Много разъ пытался онъ возстановить воображеніемъ подробности любовнаго романа, отъ котораго такъ много выстрадалъ его дѣдъ, но это оказалось такъ же трудно, какъ возстановить сложнѣйшей архитектуры зданіе по кучѣ мусора и камней, оставшихся отъ него...

И вотъ судьба столкнула его съ людьми, которые могли отчасти удовлетворить его любопытство.

— Ты дѣдушку помнишь?—спросилъ онъ у Андрея.

— Какъ не помнить! Я при нихъ въ казачкахъ состоялъ, трубку имъ подавалъ и за ихъ стуломъ стоялъ, когда они изволили кушать. Вѣдь мнѣ, сударь, тридцать шестой годъ идетъ. Когда вашу милость сюда привозили прощаться съ дѣдушкой, я васъ на рукахъ къ нимъ поднесъ. Вамъ, конечно, этого не помнить, а я ужъ тогда жениться жѣтилъ и невѣсту себѣ присмот-

рѣлъ, ту самую Маланью Трофимовну, теперешнюю мою супругу!—съ веселою откровенностью продолжалъ распространяться Андрей, не забывая при этомъ, по временамъ, поглядывать на растворенныя окна дома, мимо которыхъ то и дѣло шныряла его полногрудая красавица жена.

Онъ не ошибся, предполагая, что баринъ ничего не помнилъ изъ того, что онъ старался ему напомнить; какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, важнѣйшее событіе изъ его поѣздки сюда, а именно смерть дѣда, совершенно испарилось изъ его памяти, тогда какъ такое ничтожное событіе, какъ посѣщеніе дома на рѣкѣ Малайкѣ и старуха на кровати подъ балдахиномъ съ золотой птицей, какъ живое, воскресло въ его воображеніи, при первомъ взглядѣ на ту мѣстность, гдѣ онъ это видѣлъ.

Между тѣмъ Андрей, встрѣтившись взглядомъ съ глазами жены, на мгновеніе остановившейся передъ окномъ, чтобъ сообщить ему, что все готово, предложилъ барину войти въ домъ и подкрѣпиться, чѣмъ Богъ послалъ.

— Завтра наши мужички и дичинки изъ лѣсу притащатъ и рыбки въ рѣкѣ наловятъ, да и поваръ вашей милости съ дороги уберется и изготovitъ обѣдъ по вашему вкусу, а ужъ сегодня извольте нашей стряпни отвѣдать, не побрезгуйте, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—говорилъ онъ, слѣдуя за баринкомъ въ горницу съ большимъ диваномъ, обитымъ кожей, стульями такой же грубой работы и овальнымъ столомъ, уставленнымъ яствами на бѣлой домотканной скатерти.

Пока баринъ кушалъ, въ сосѣдней комнатѣ, изъ которой тоже все лишнее и компрометирующее хозяевъ было вынесено, Ѳедька готовилъ барину постель изъ пышныхъ пуховиковъ и уставлялъ столъ принадлежностями для туалета, флаконами духовъ, банками французской помады, пудрой, красивымъ бритвеннымъ приборомъ, овальнымъ зеркаломъ въ серебряной оправѣ и тому подобными вещами, считавшимися необходимою для франта тогдашняго времени.

Угощеніемъ молодой баринъ воспользовался на славу. Никогда не ѣдалъ отъ такой вкусной сметаны, такихъ сырниковъ и варениковъ, сочныхъ галушекъ и рассыпчатого пшеника, желтаго, какъ янтарь. Но когда Маланья, съ торжествующей улыбкой, поставила на столъ глубокое блюдо съ черешнями, баринъ съ изумленіемъ спросилъ:

— Откуда у васъ такія раннія вишни?

— Грунтовой сарайчикъ мы тутъ выстроили за огородомъ.— скромно отвѣчалъ Андрей. — Она у меня охотница до садоводства,— кивнулъ онъ съ усмѣшкой на зардѣвшуюся отъ радостнаго волненія жену.

Ея бѣлая, упругая грудь, увѣшанная монистами, высоко поднималась подъ расшитой разноцвѣтными шелками праздничной

сорочкой, а глаза, съ длинными золотистыми рѣсницами, стыдливо опустились на румяныя щеки.

— Ейное хозяйство. И все съ однѣми бабами, мужиковъ на пустыя затѣи мы не даемъ.

И чтобъ загладить минутную забывчивость, заставившую его занимать барина такими пустяками, какъ его семейныя дѣла, Андрей поспѣшилъ предложить осмотрѣть барскіе хоромы, пока еще не стемнѣло.

— Сами увидите, что отъ нихъ осталось.

Увы, осталось очень мало! Однѣ только развалины подъ грозившей обвалиться крышей. По мнѣнію Андрея, проникнуть въ домъ было опасно, да и затруднительно, въ такую колючую чащу разросся тутъ садъ, нѣкогда наполненный душистыми цвѣтами, съ дорожками усыпанными пескомъ, съ фонтаномъ и тому подобными затѣями.

Полюбовавшись издали руинами, тщетно пытаясь возстановить въ памяти то, что онъ здѣсь видѣлъ двадцать лѣтъ тому назадъ, Грабининъ присѣлъ на исковерканный грозой стволъ стараго дуба, съ безобразно торчавшими черными голыми сучьями, и снова началъ спрашивать своего спутника про старину.

— Расскажи мнѣ про дѣда. Онъ говорилъ съ тобою когда нибудь?

— Ни съ кѣмъ не изволили они разговаривать, окромя Абрама Никитича.

— Кто это Абрамъ Никитичъ? Здѣсь живетъ? Можно его видѣть?— съ живостью спросилъ баринъ.

— Ужъ восемь лѣтъ, какъ мы Абрама Никитича похоронили, сударь,—отвѣчалъ не безъ удивленія Андрей.— Сами же вы изволили меня назначить управляющимъ послѣ его смерти.

Грабину стало совѣстно за свою разсѣянность. Теперь онъ вспомнилъ, какъ ему сообщили про смерть стараго управителя, и какъ онъ, по чьему-то совѣту, назначилъ ему преемникомъ Андрея, какъ ближайшаго человѣка къ покойнику и хорошо знакомаго съ хозяйствомъ въ Воробьевкѣ.

— Одинъ только Абрамъ Никитичъ могъ во всякое время входить къ старому барину и говорить съ ними, а мнѣ можно было только изъ щелки двери на нихъ глядѣть, какъ они, бывало, по цѣлымъ часамъ книжки читаютъ или подойдутъ къ окну, да долго, долго вдаль смотрятъ, точно кого-то ждутъ. Другихъ словъ, кромѣ: «Трубку!» либо: «Послать Абрама!» никогда я отъ нихъ и не слыживалъ.

— А каковъ онъ былъ изъ себя?

— Роста высокаго и наружности худоцавой. Глаза темные, всегда задумчивые, и такъ смотрѣли, точно ничего не видятъ. Брови и волоса черные, а борода длинная и совсѣмъ бѣлая. Во-

лось не стригли, по плечамъ кудрями рассыпались. Никогда не улыбались. Да и не съ кѣмъ имъ было шутить да смѣяться, за-всегда одни. Чистый дворъ передъ параднымъ крыльцомъ травой еще при нихъ поросъ, топтать ее было некому, ворота завсегда отъ гостей на запорѣ. Абрамъ Никитичъ въ горенкѣ рядомъ съ ихъ спальной жилъ, и кому была до него надобность, черезъ заднее крыльцо къ нему проходили.

— А слышалъ ты про ту полячку, которую дѣдъ привезъ сюда изъ Варшавы?

— Какъ не слышать, когда моя родная тетка, сестра старшая матушки, была для услуженія къ ней приставлена, и денно и ночью, можно сказать, при ней находилась. Она, тетенька-то моя, умѣла по-польски говорить и за это въ большой милости была и у нея, и у барина.

— И долго эта полячка здѣсь прожила?

— Да больше трехъ лѣтъ. Барыня при ней три раза на богомолье ѣздила. Два раза поклониться мощамъ преподобнаго Митрофанія въ Ворснежъ, а въ третій разъ въ Москву, да тамъ и осталась съ сыночкомъ, съ вашимъ покойнымъ батюшкой, Михаиломъ Владимировичемъ. Родные не пустили назадъ къ супругу. Тамъ въ скорости и скончалась, какъ еще полячка-то здѣсь была.

— А красива была та полячка?

— Никакой красоты въ ней не было,—съ презрительной усмѣшкой отвѣчалъ Андрей. — Врать не хочу, никогда я ее не видѣлъ, меня и на свѣтѣ не было, когда ее привезли въ Воробьевку, а только и матушка, и тетенька, всѣ, кто ее зналъ, диву дивились, за что только баринъ такъ къ ней пристрастился. Маленькая да щупленькая, худая, какъ щепка, глазищи огромные, а лицо, какъ у ребенка, маленькое. Всегда въ бѣломъ ходила, и другихъ уборовъ, кромѣ бѣлыхъ, у нея не было. Разказывали, что такой обѣтъ, будто бы, ейная мать Богородицѣ дала, какъ рожала ее, завсегда въ бѣломъ дочку водить. У нихъ, у ляховъ-то, обычай еще почуднѣе этого есть,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой. — А косы у нея были длинныя и, какъ смоль, черныя, какъ змѣи, вокругъ нея вились, не подобранныя. Воткнетъ, бывало, въ нихъ цвѣтокъ, да такъ распустехой весь день и ходитъ. Зимой кататься любила въ саняхъ, и тоже въ бѣлой бархатной шубѣ на бѣломъ пушистомъ мѣху. Не иначе, какъ приворожила она къ себѣ барина какимъ нибудь зельемъ или наговоромъ. Онѣ, полячки-то, вѣдьмоваты, это вамъ всякій скажетъ, кто съ ними дѣло имѣлъ.

— А съ кѣмъ она отсюда уѣхала? Съ дѣдушкой?—продолжалъ свои разспросы молодой баринъ.

— Нѣтъ, ляхи какіе-то съ ея стороны за нею пріѣхали. Все время, что здѣсь прожили, баринъ изъ своихъ покоевъ не выходилъ и даже ставни въ домѣ не приказывалъ отворять, чтобъ,

значить, даже ненарокомъ которагонибудь изъ усатыхъ чертей не увидать. Не утерпѣлъ бы тогда и, чего добраго, саблей бы зарубилъ, въ такомъ онъ былъ разстройствѣ и гнѣвѣ, что пришлось съ нею разставаться. Разсказывалъ Абрамъ Никитичъ своимъ близкимъ, что самъ приводилъ ее ночью изъ амурнаго домика, гдѣ она жила, передъ тѣмъ, какъ ей ужъ совсѣмъ уѣхать, и что баринъ на колѣняхъ ее упрашивалъ, обливаясь слезами, остаться. «Такъ, крикъ, мы тебя схоронимъ, въ такое надежное мѣсто упрячемъ, что никто тебя не найдетъ, а пока искать будутъ, увезу тебя въ Турцію». У него ужъ все было для этого готово, и кони припасены за мельницей въ оврагѣ, и мѣшокъ съ червонцами лежалъ въ душлѣ...

— И что жъ?

— Не захотѣла. Побоялась, вѣрно, въ такой опасный и дальній путь пускаться. А, можетъ быть, по родинѣ своей соскучилась, и надоѣло ей жить на чужбинѣ, кто ее знаетъ! Говорили тутъ нѣкоторые, что мужъ ейный не иначе, какъ съ ея согласія, противъ нашего барина дѣло поднятъ, и будто они въ стачкѣ были его обобрать, можетъ, и вправду такъ было. А, между прочимъ, какъ пришли ей сказать, что карета у крыльца, въ отчаяннѣе впала, источнымъ голосомъ завопила, кидалась всѣхъ обнимать и, какъ помѣшанная, металась. «Съ дороги, крикъ, убѣгу и къ вамъ вернусь! Скажите Владимиру, чтобъ меня ждалъ, непременно вернусь!» И, какъ мертвая, на полъ упала. Такъ ее, не дамши очнуться, и увезли. Тотъ усатый полякъ, что всѣмъ распорядился, шутить не любилъ. «Мнѣ что, крикъ, мнѣ отъ самого пана подскарбія приказано ее живую или мертвую въ Варшаву доставить. Если умретъ дорогой, я въ отвѣтъ не буду». Ну, какъ съ такими дьяволами толковать? Какъ она потомъ жила—Богъ ее знаетъ, только ужъ, конечно, не такъ хорошо, какъ у насъ. Ничего для нея баринъ не жалѣлъ и чего, чего для нея не выписывалъ! Чѣмъ ее не ублажалъ! Вещами драгоценными, нарядами, сластями. Нарочно для нея домъ выстроилъ и разубралъ на диво, можно сказать. Одна обивка стѣнъ чего стоила! Изъ французскаго шелка на заказъ была сдѣлана. Изъ-за нея, проклятой, съ роднымъ сыночкомъ разлучился и законную супругу въ гробъ вогналъ... На двадцать четвертомъ году ваша бабушка скончалась...

— И ничего здѣсь съ тѣхъ поръ про эту женщину не было слышно?

— Ничего. Да и не до нея у насъ тогда было, понаѣхалъ судъ, и всякія печали да досады посыпались. Наложили на все печати, нарочно у насъ поселились здѣсь судейскіе, за бариномъ слѣдить, чтобъ не отлучился куда, да изъ своего добра чего бы не скрылъ. Въ родѣ какъ бы въ тюрьмѣ они цѣльныхъ три года въ своемъ родовомъ имѣніи прожили. Въ кажинной мелочи должны

были отчетъ отдавать. Ну, и не вытерпѣли, съ вѣрными своими холопами бунтъ подняли, накинулись ночью на мучителей, избили ихъ да выгнали вонъ изъ села. А они, проклятики, прямо къ своему воеводѣ отъявились съ жалобами, а воевода ихъ назадъ прислалъ, да ужъ не однихъ, а съ солдатами... Насилу баринъ отъ новаго плѣна откупился... Да, подъ большую напасть насъ эта полячка подвела! Отъ самого Абрама Никитича сколько разъ слышалъ про то, что тутъ было раньше! Десятой доли не осталось, вотъ что. А баринъ совсѣмъ одичалъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ изъ комнатъ своихъ не выходилъ. Совсѣмъ молодымъ былъ, когда большеглазую вѣдму въ Воробьевку привезъ, а послѣ ея отъѣзда въ старика обратился, борода побѣлѣла, сторбился, хозяйство забросилъ, все одинъ съ книжками. Подадутъ кушать да попросятъ ко столу, придетъ, а не позовутъ, и такъ просидитъ, не ѣвши. Всѣмъ домомъ Абрамъ Никитичъ завѣдывалъ, съ нимъ только баринъ и видѣлся. Да вотъ меня, мальчишкой лѣтъ шести, взяли въ домъ изъ людской отъ мамки, чтобъ имъ прислуживать. Даже и въ церковь перестали ходить. Попъ горюетъ бывало: «Какъ я его, кричу, хоронить буду, когда онъ у св. Причастія восьмой годъ не былъ?» Однако, когда пришло извѣстіе о барыниной смерти, велѣлъ панихиду служить, и тутъ только народъ его въ церкви увидѣлъ.

Онъ смолкъ. Солнце уходило все ниже и ниже за пригорокъ, покрытый лѣсомъ, и начинало свѣжѣть. Грабининъ, не безъ сожалѣнія, поднялся съ мѣста, чтобъ вернуться въ домикъ управителя. Романическая исторія, знакомая ему въ общихъ чертахъ раньше, принимала особенно поэтическій колоритъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она происходила много лѣтъ тому назадъ, и онъ мысленно давалъ себѣ слово воспользоваться своимъ пребываніемъ здѣсь, чтобъ разузнать ея дальнѣйшія подробности. Безъ сомнѣнія, все это было хорошо извѣстно старымъ товарищамъ и друзьямъ его дѣда, а также и другимъ изъ оставшихся въ живыхъ сотрудниковъ покойной императрицы Елизаветы Петровны, которые и по сихъ поръ не оставляютъ его внука своей лаской. Благодаря имъ, онъ вращается въ лучшемъ столичномъ обществѣ, служитъ въ гвардіи, не обойденъ чинами, получаетъ приглашенія во дворецъ на балы и рауты, удостоился знакомства съ такими личностями, какъ Орловы, Шуваловы, князь Репнинъ, тонкій дипломатъ, быстро шагавшій къ высшимъ государственнымъ должностямъ.

Этому послѣднему Грабининъ немножко завидовалъ, его тонкому воспитанію, знанію иностранныхъ языковъ и придворныхъ обычаевъ. Такъ онъ былъ начитанъ и краснорѣчивъ, что важнѣйшіе государственные люди не скучали съ нимъ подолгу бесѣдовать и принимали въ соображеніе его мнѣнія. А какія интересныя порученія ему давали! Какъ довѣряли его уму и такту!

Передъ отъѣздомъ сюда, Грабининъ встрѣтилъ его у канцлера, графа Воронцова, къ которому князь пріѣхалъ съ какимъ-то секретнымъ докладомъ для императрицы отъ польскаго короля. Обратясь къ Грабину, котораго графъ отрекомендовалъ ему, какъ сына своего хорошаго пріятеля, Репнинъ сказалъ: «Что бы вамъ, сударь, поступить къ намъ на службу въ Варшаву, чѣмъ баклуши бить въ Петербургѣ? Не спокаялись бы, полячки такія очаровательныя!»

Повидимому, шутка эта не понравилась хозяину, онъ сдвинулъ сердито брови и проговорилъ: «И охота тебѣ, Николай Василчъ, искушать молодого человѣка! Отъ этихъ зловредныхъ полячекъ, кромѣ бѣдъ, русскимъ дворянамъ ничего нельзя ждать». И круто свернулъ разговоръ на другой предметъ.

Теперь только Грабининъ догадался, что не что иное, какъ воспоминаніе о несчастной любовной аванюрѣ съ его дѣдомъ, заставило графа отнестись такъ строго къ шуткѣ князя.

И къ воспоминанію этому начали прицѣпляться другія въ томъ же направленіи, между прочимъ, разговоръ у старой придворной дамы, къ которому онъ разсѣянно прислушивался, и который теперь съ изумительною ясностью всплылъ ему на умъ. Рѣчь шла про этого самаго князя Репнина и про его увлеченіе полячкой, княгиней Чарторижской, но одна изъ дамъ, взглянувъ на Грабинина и, вѣроятно, сообразивъ, что при внукѣ Владимира Васильевича не слѣдуетъ упоминать про опасную прелесть полячекъ, такъ же, какъ и графъ Воронцовъ нѣсколько дней тому назадъ, поспѣшила дать разговоръ другое направленіе. Вотъ какъ хорошо былъ извѣстенъ несчастный романъ его дѣда въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ!

А вечеръ, между тѣмъ, какъ всегда на югѣ, быстро надвигался. Когда они вышли изъ парка, превратившагося въ густой лѣсъ, сумерки начинали окутывать мѣстность, тѣмъ не менѣе Грабининъ замѣтилъ у крыльца, къ которому онъ направлялся съ Андреемъ, человѣка въ старинномъ ливрейномъ камзолѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ короткихъ штанахъ изъ бархата, до такой степени выцвѣтшаго, что невозможно было опредѣлить, какого они были первоначально цвѣта, и въ башмакахъ, съ серебряными пряжками. Онъ разговаривалъ съ хозяйкой Андрея и, завидѣвъ барина, поспѣшно снялъ съ головы шляпу, обшитую галуномъ.

Если бъ въ эту минуту Грабининъ взглянулъ на своего спутника, его поразила бы злобная досада, выразившаяся на его умномъ и красивомъ лицѣ, но это длилось одно только мгновеніе и, быстро оправившись отъ непріятной неожиданности, Андрей все тѣмъ же спокойнымъ и почтительнымъ тономъ объяснилъ, что это Ипатычъ, дворецкій старой малявинской барыни.

— Также и ключникъ, двѣ должности справляетъ и въ полномъ довѣрїи у господъ, — нашелъ онъ нужнымъ прибавить, въ то время, какъ человѣкъ съ треуголкой въ рукѣ отвѣшивалъ низкій поклонъ подходившему къ нему барину.

Затѣмъ, выпрямившись настолько, насколько позволяли ему старыя кости, посланецъ г-жи Аратовой произнесъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

— Съ прїѣздомъ честь имѣемъ поздравить вашу милость! Наша барыня, Серафима Даниловна, изволила меня прислать, чтобъ напомнить вашей милости, что онѣ ждутъ вашей визиты.

Какъ ни смѣшно было такое требованіе, Грабинину показалось интереснымъ познакомиться съ личностью, считавшей себя въ правѣ относиться къ прїѣзжимъ, какъ къ подчиненнымъ, къ тому же онъ вспомнилъ рассказы старика на перевозѣ, и все это, вмѣстѣ съ желаніемъ провѣрить впечатлѣніе, произведенное на него мѣстностью, по которой протекала рѣка Малявка, заставило его отвѣтить, что онъ не преминетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Серафимѣ Даниловнѣ.

— Поѣдемъ завтра въ Малявино, — сказали онъ Ѳедкѣ, когда послѣ сытнаго ужина (во время котораго Андрей занималъ его разговорами о хозяйствѣ, съ цѣлью окончательно успокоить его насчетъ правильнаго веденія дѣла и убѣдить его въ необходимости продать часть лѣса, кромѣ убытка, по его мнѣнію, ничего не приносившаго) Владимиръ Михайловичъ съ наслажденіемъ вытянулся на мягкихъ пуховикахъ, покрытыхъ свѣжимъ бѣльемъ.

Послѣ двухнедѣльнаго путешествія по тряскимъ дорогамъ, съ ночлегами гдѣ ни попало и часто подъ открытымъ небомъ, отдохнуть въ постели было очень прїятно.

Потушивъ свѣчу у кровати и оправивъ лампадку передъ образами, Ѳедка вышелъ изъ спальни, плотно притворивъ дверь, и вошелъ въ сѣни, гдѣ ждалъ его управитель.

— Ну, что? Не раздумалъ онъ ѣхать въ Малявино? — спросилъ Андрей взволнованнымъ шопотомъ, едва только фигура Ѳедки вырѣзалась на бѣлесоватомъ фонѣ весенней ночи, освѣщенной луной.

— Какое тамъ! Такъ приспичило, что завтра утромъ хочеть ѣхать.

— Завтра?! И какой дьяволъ успѣлъ донести старой каргѣ о его прїѣздѣ? — съ досадой замѣтилъ Андрей.

— Должно быть, черезъ тѣхъ мужиковъ, что переѣзжать намъ черезъ рѣку помогали, до господскихъ хоромъ про насъ дошло. Много ихъ было...

— Не иначе, какъ черезъ нихъ, — согласился Андрей, съ досадой почесывая въ затылкѣ, и, мелькомъ глянувъ на своего собесѣдника, точно желая узнать, можно ли ему довѣриться, онъ прибавилъ: — намъ бы денъка на два здѣсь барина задержать.

Хотѣлъ тутъ нужный человѣчекъ изъ города пріѣхать, выгодное дѣльце съ нимъ можно бы устроить... дорогую бы цѣну за лѣсъ далъ и денежки наличными, польскими червонцами бы выложилъ. Неужто-жъ нельзя какъ нибудь оттянуть? А? Остался бы ты нами доволенъ, паренекъ? Вонъ, твой тятка все на Василя жалуется, что рѣку отъ него запрудилъ, не даетъ рыбакъ къ его огороду подплыть, всю себѣ перехватываетъ, мы бы это дѣло побожески разсудили...

— Знаю я, Андрей Ивановъ, что вы моего старика не оставляете, и всей бы душой радъ вамъ услужить, да ничего не подѣлаешь. Упрямый у насъ баринъ и, когда разъ заберетъ себѣ что въ голову, непременно на своемъ поставитъ. А совѣтовъ онъ и отъ равныхъ себѣ не любитъ слушать, не то, что отъ хамовъ. Сунься къ нему съ совѣтомъ, такъ шарахнетъ, что и жизни не обрадуешься.

— Такъ неужто жъ нельзя какую нибудь помѣху придумать, чтобъ завтра раздумалъ въ Малявино ѣхать? На карету сослаться, либо на лошадей? Не захочетъ онъ съ визитой ѣхать въ простой тѣлежкѣ и на нашихъ лошадяхъ.

— А Степана-то куда мы дѣнемъ? Это такой гусь, что скорѣе дастъ себя на куски распластать, чѣмъ на лошадокъ своихъ напраслину взведетъ.

— Чортъ!—выругался вполголоса Андрей и, подавивъ порывъ досады, прибавилъ:—ну, и пусть ѣдетъ! Воля его. Если потомъ будетъ каяться, не наша вина.

Онъ большими шагами направился къ старой банѣ на заднемъ дворѣ, куда перебрался съ семьей, уступивъ свое помѣщеніе барину.

Дѣти его, напуганныя запрещеніемъ попадаться на глаза пріѣзжимъ и угрозой быть въ кровь высѣченными въ случаѣ ослушанія, давно ужъ спали, забившись въ конурку, но хозяйка Андрея съ замирающимъ сердцемъ поджидала мужа, моля Бога оградить ихъ отъ бѣды.

— И что это ему вздумалось пріѣхать? Ужъ не донесъ ли кто на тебя письмомъ?—съ тяжелымъ вздохомъ проговорила она, выслушавъ повѣствованіе мужа о неудачной попыткѣ отклонить поѣздку барина въ Малявино. — Попыталъ бы ты про это Оедюху? Ему бы, кажись, какъ не знать, завсегда при баринѣ.

— Скажетъ такой хитрый, какъ же! На Степана сваливаетъ, будто ужъ такъ барину преданъ, что ничѣмъ и не подкупишь, и не умолишь, а самъ, поди, чай, лукавѣе Степана окажется. Ты съ ними осторожнѣе себя соблюдай, съ обоими, а также и съ поваромъ, и съ фореиторомъ. Языка не распускай даже и въ такомъ случаѣ, если бъ зачали тебѣ барина ругать, чтобъ глаза отвести. Знаемъ мы этихъ питерскихъ, имъ ничего не стоитъ родного отца подъ плети подвести изъ-за своей выгоды. А насчетъ письмен-

наго доноса я не боюсь, изъ-за письменнаго доноса онъ бы сюда не пожаловалъ. Да и по всему видать, что до сихъ поръ никто ему худа про меня не говорилъ, а вотъ что завтра будетъ, когда онъ у малявинской вѣдьмы побываетъ!..

— Что же она ему можетъ про насъ сказать? Кажись, у насъ все въ порядкѣ,—нерѣшительно вымолвила Маланья.

— А вотъ мы это завтра узнаемъ,—мрачно замѣтилъ ея мужъ, поворачиваясь къ стѣнѣ, чтобъ заснуть.

Но сонъ не шелъ ему на глаза, и, полежавъ нѣсколько минутъ неподвижно, онъ снова вернулся къ прерванному разговору.

— Я надумалъ къ монаху съѣздить на всякій случай. Надо посоветоваться. Ты завтра за народомъ поглядывай, чтобъ ни единая душа изъ усадьбы не отлучалась. И всякаго, кто придетъ изъ чужихъ, вели къ себѣ приводить, чтобъ знать, къ кому явился и зачѣмъ. Я, какъ провожу его, такъ махну въ лѣсъ. Если что, придется спастись подальше отсюда. Тогда, вѣдь, всѣ, какъ собаки, накинутся. Недруговъ-то у насъ здѣсь много. Намеднись Иванъ изъ Жуковки сказывалъ, будто Лукашку въ Боровинскомъ лѣсу видѣли, изъ медвѣжьей берлоги вылѣзалъ. А этотъ, сама знаешь, въ ложкѣ воды насъ готовъ утопить. Хорошо бы также и Махмутку повидать, намъ отъ него помощь великая можетъ быть.

— Неужто жъ намъ придется въ степь къ киргизамъ переѣзжать? — вскричала въ ужасъ Маланья.

— Тише ты, оглашенная! Дѣтей перебудишь, — сердито зашипѣлъ на нее мужъ. — Это бы еще слава Богу, кабы удалось до степи добраться! Не вышло бы чего хуже,—прибавилъ онъ сквозъ зубы.—Ну, чего загодя ревѣть! — запальчиво возвысилъ онъ голосъ, услышавъ ея всхлипываніе — Обвязался я тутъ съ вами, нѣтъ моей волюшки по-своему поступать! Эхъ! — крикнулъ онъ съ досадой.—Набилъ бы себѣ поясъ червонцами, котомку за плечи, ножъ за поясъ, только бы меня здѣсь и видѣли. Божій міръ великъ, человѣку, когда онъ одинъ, вездѣ можно отъ лиходѣевъ скрыться. И даже забираться далеко не надо: сама знаешь, какихъ дѣловъ понадѣлалъ тотъ, что въ лѣсу у насъ отшельникомъ живетъ.

— Это въ скиту-то?

— Въ скиту!—съ усмѣшкой повторилъ Андрей.—Пусть будетъ скитъ по-твоему, по-бабьему, пусть человѣкъ этотъ будетъ святымъ отшельникомъ. Такой святости завсегда можно набраться, когда ничего больше не остается дѣлать, а мы до этого еще не дошли, мы еще за себя постоимъ... Да что съ тобою толковать! Сказано: собирайся и на все будь готова, вотъ и все тутъ. Куда повезу, туда и поѣдешь.

— А дѣтки?—чуть слышно спросила она.

— Все въ свое время узнаешь, пустыми разспросами не доучай, такое приспѣло время, что надо съ умомъ собраться. Ты, знай,

помалкивай, да помни мужнинъ приказъ: пуще всего прѣзжихъ опасаться и ни къ какимъ разговорамъ ихъ не допускать, поняла?

— Поняла, Андрей Ивановичъ, — съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала Маланья.

II.

Подъѣзжая на другой день къ селу Малявину, Грабининъ все больше и больше убѣждался, что память ему не измѣнила, и что онъ ужъ раньше видѣлъ барскую усадьбу, которую наканунѣ за тополями разглядѣть не могъ.

Все ему было здѣсь знакомо, и барскій домъ съ неуклюжими пристройками и надстройками, увѣнчанный четырехугольной башней, съ галлерейкой на верхушкѣ, и высокое крыльцо съ мраморными, крутыми и растрескавшимися ступенями, и лужайка передъ нимъ, съ каменной фигурой безъ головы и безъ рукъ на высокомъ столбѣ. Вспомнилось ему, что и двадцать лѣтъ тому назадъ фигура эта была въ томъ же видѣ.

Навѣрное узнаетъ онъ и садъ, гдѣ рѣзвился съ другими дѣтьми. Увидитъ ли онъ этихъ дѣтей?

А страшная старуха съ птичьимъ клювомъ, неужели это — та самая Серафима Даниловна, которая такъ властно вытребовала его къ себѣ?

Забывая о времени, истекшемъ между сегодняшнимъ днемъ и тѣмъ, когда онъ былъ здѣсь раньше, Грабининъ невольно искалъ знакомыхъ лицъ между дворовыми, высыпавшими къ нему навстрѣчу, растворяя передъ нимъ двери со стремительною поспѣшностью, чтобъ ввести его въ обширныя сѣни, съ окнами установленными хозяйственными заготовками въ бутылкахъ, въ банкахъ, боченкахъ, а оттуда въ длинную вонючую лакейскую, откуда, сбросивъ плащъ на руки Федьки, который казался настоящимъ принцемъ въ сравненіи съ окружавшей ихъ обтрепанною челядью, онъ прослѣдовалъ за дворецкимъ, тѣмъ самымъ старикомъ, прѣзжавшимъ наканунѣ его приглашать, въ круглую залу, скудно освѣщенную свѣтомъ, падавшимъ съ потолка черезъ окно, съ выбитыми и заткнутыми грязными тряпками стеклами. Со средней перекладины этого окна спускалась люстра, страшилище въ чехлѣ, засиженномъ мухами, и густо обвитое паутиной. Вдоль стѣнъ чернѣлись длинныя впадины хоръ, а въ нишахъ печально выставляли свои атрибуты мраморныя музы, точно жалуясь на жестокую судьбу, покинувшую ихъ въ этой пустынѣ, гдѣ онѣ никому не нужны и ничей не могутъ услаждать взоръ.

Изъ этой залы провели его по другимъ покоямъ, тоже запущеннымъ; всюду голыя стѣны носили слѣды сырости, а разставленная симметрично мебель, окутанная, какъ саванами, побу-

рѣвшими чехлами, напоминала усыпальницу съ надгробными памятниками; вездѣ царилъ полумракъ отъ грязи и тряпокъ, которыя препятствовали дневному свѣту пробиваться сквозь разбитыя стекла.

При ближайшемъ осмотрѣ домъ оказывался много вмѣстительнѣе, чѣмъ можно было предполагать, глядя на него снаружи. Благодаря постепенно придѣланнымъ пристройкамъ, онъ расползался въ ширь, въ глубь и вверхъ, вопреки элементарнѣйшимъ правиламъ архитектуры и эстетики, съ цѣлью вмѣстить многочисленную семью; теперь же, судя по тому, въ какую онѣ пришли ветхость, постройки эти оказывались лишними.

«Зачѣмъ водить онъ меня по этимъ руинамъ? Навѣрное существуетъ болѣе краткій и удобный путь къ жилой половинѣ дома?» — спрашивалъ себя Грабининъ, слѣдуя за своимъ проводникомъ.

Наконецъ, они вошли въ длинный и широкій коридоръ, съ окнами по обѣимъ сторонамъ, вѣроятно, служившій нѣкогда портретной галлереей, если судить по гвоздямъ и обрывкамъ веревокъ, неприятно пестрившимъ стѣны. Тутъ, по внезапно измѣнившейся походкѣ дворецкаго, по тому, какъ онъ почтительно весь подобрался, приближаясь къ плотно притворенной двери, Грабининъ догадался, что насталъ конецъ его странствованію, и что онъ скоро увидитъ владѣлицу этого своеобразнаго жилища.

Онъ не ошибся, дверь безшумно пріотворилась раньше, чѣмъ до нея успѣли притронуться, и степенный женскій голосъ спросилъ:

— Это вы, Захаръ Ипатычъ?

— Доложите барынѣ, Дарья Трофимовна, что воробьевскій молодой баринъ изволили къ нимъ пожаловать, — объявилъ дворецкій.

Дверь немедленно широко распахнулась, и на порогѣ появилась женщина лѣтъ шестидесяти, съ серьезнымъ лицомъ, въ бѣломъ очипкѣ и въ опрятномъ платьѣ изъ домотканной холстинки.

— Пожалуйте, сударь, — обратилась она съ поклономъ къ посетителю, приглашая его движеніемъ руки войти въ комнату, показавшуюся этому послѣднему свѣтлой, опрятной и уютной послѣ мрачныхъ покоевъ, черезъ которые его сюда привели. — Извольте здѣсь маленько пообождать, барыня еще не удосужилась второй свой туалетъ справить. Кандьяровскіе мужики ихъ задержали, выгономъ хотятъ отъ насъ попользоваться. Какъ уйдутъ, я той же минутой вашей милости доложу.

Проговоривъ это, не спуская глазъ, полныхъ любопытства съ гостя, она юркнула въ маленькую дверь, прятавшуюся за высокой, выложенной пестрыми изразцами печкой, а Грабининъ остался одинъ. Озираясь по сторонамъ, онъ увидалъ передъ дверью, растворенной на балконъ, большія пальцы. По положенію наскоро отодвинутой стула, да потому, какъ небрежно была брошена бѣлая скатерть на работу, нельзя было не догадаться, что ее по-

кинули съ большою поспѣшностью. Комната была большая и глубокая, но въ ней было тѣсно отъ множества шкаповъ, шкапчиковъ и поставцевъ разныхъ формъ и величинъ, а также отъ столовъ, покрытыхъ тщательно завернутыми въ бумагу предметами. Въ углахъ тѣснились туго набитые, крѣпко перевязанные и припечатанные бурымъ сургучемъ мѣшки и мѣшечки, вороха талекъ и холстовъ, а стѣны были увѣшаны пучками засыхающихъ травъ и кореньевъ, отъ которыхъ распространялся острый запахъ, поразившій обоняніе Грабинина, когда сюда растворилась дверь. На одной изъ стѣнъ, промежъ пучковъ травъ и мѣшечковъ, вѣроятно, съ сѣменами, красовалось великолѣпное зеркало въ фарфоровой рамѣ, тонкой венеціанской работы, передъ которымъ Грабининъ остановился, чтобъ полюбоваться красивой и нарядной фигурой, отразившейся въ немъ.

И было чѣмъ залюбоваться. Въ тотъ день утромъ, отдохнувъ отъ дороги, онъ проснулся въ веселомъ настроеніи, и когда Ѳедька спросилъ, какое ему приготовить платье для визита въ Малявино, ему вздумалось поразить старуху-сосѣдку наимоднѣйшимъ столичнымъ нарядомъ, въ которомъ онъ щеголялъ проѣздомъ черезъ Москву, и онъ приказалъ подать французскій кафтанъ изъ гранатоваго бархата съ свѣтло-зеленымъ «веръ помъ» камзолемъ; Ѳедька, въ восторгѣ, что баринъ появится въ полномъ блескѣ передъ обитателями здѣшняго мурья, поспѣшилъ исполнить приказаніе, не забывъ и черные шелковые чулки съ бѣлыми крапинками, башмаки съ золотыми пряжками и пышное кружевное жабо съ такими же манжетами. Но въ чемъ онъ особенно старательно развернулъ свой талантъ камердинера и ученика лучшаго столичнаго волосочеса, это при уборкѣ головы своего барина: такъ усердно онъ его напудрилъ и искусно взбилъ ему кокъ, что хоть на придворный балъ, такъ въ ту же пору.

Глядя на себя въ зеркало, Грабининъ долженъ былъ сознаться, что Ѳедька и камердинеръ, и волосочесъ изрядный. Но любоваться собою даже самому красивому щеголю, когда у него есть умъ, минутъ черезъ пять прискучить, и онъ отошелъ отъ зеркала, чтобъ выйти на балконъ и взглянуть на садъ съ яблонями, грушами и сливами, покрытыми, какъ инеемъ, бѣлыми и розовыми цвѣтами.

«Гдѣ теперь тѣ веселые ребята, съ которыми я здѣсь рѣзвился двадцать лѣтъ тому назадъ?»—думалъ онъ, блуждая скучающимъ взглядомъ по пустымъ дорожкамъ и тропинкамъ, разбѣгавшимся въ разныя стороны подъ тѣнью деревьевъ, пронизанныхъ золотомъ солнечныхъ лучей. Царившая здѣсь тишина нарушалась только изрѣдка отдаленнымъ гуломъ, доносившимся сюда изъ села, да стукомъ колесъ изрѣдка проѣзжавшей по дорогѣ телеги, въ саду же было также пустынно и молчаливо, какъ и въ заброшенныхъ парадныхъ комнатахъ, черезъ которыя его сюда провела.

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда онъ уже отчаивался увидѣть тутъ живую душу и съ досадой себя спрашивалъ: долго ли его заставятъ ждать, и не уѣхать ли ему, не повидавшись съ малявинской старой барыней, тратившей такъ много времени на свой туалетъ, въ боковой аллеѣ зашуршали листья подъ чьими-то торопливыми шагами, и на открытое пространство передъ балкономъ выбѣжала молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

Она такъ страстно прижимала его къ груди, склонившись надъ нимъ лицомъ, что, кромѣ густого шиньона золотистыхъ волосъ, рассыпавшихся изъ-подъ гребенки кудрями по ея плечамъ, въ первое мгновеніе Грабининъ ничего не увидѣлъ, но, поровнявшись съ балкономъ, съ котораго онъ съ любопытствомъ на нее смотрѣлъ, перегнувшись черезъ перила, она, какъ вкопанная, остановилась, откинула назадъ голову и остановила на немъ испуганный взглядъ большихъ темныхъ глазъ.

Это длилось всего только нѣсколько мгновеній; быстро опомнившись, она побѣжала дальше и почти тотчасъ же скрылась у него изъ виду, но онъ успѣлъ разглядѣть черты прелестнаго лица, нѣжныя блѣдныя щечки, зардѣвшіяся густымъ румянцемъ подъ его очарованнымъ взглядомъ, пурпуровыя губки, на которыхъ трепеталъ подавленный крикъ изумленія, а въ особенности глаза, темные и глубокіе, съ выраженіемъ страха и мольбы.

Такихъ глазъ ему никогда еще не случалось видѣть ни у одной изъ красавицъ, которыми хвастались обѣ русскія столицы! Богъ знаетъ, что отдалъ бы онъ, чтобъ еще разъ встрѣтиться съ ними взглядомъ! Впрочемъ, все въ ней было очаровательно: тонкая, гибкая фигура въ складкахъ прозрачной бѣлой кисеи, развѣвавшіеся по вѣтру золотыя кудри, маленькія стройныя ножки въ зеленыхъ сафьянныхъ башмачкахъ, руки, судорожно прижимавшія къ груди ребенка, такъ страстно, точно она съ нимъ спасалась бѣгствомъ отъ смертельной опасности; все ея существо дышало такою неземною, таинственною прелестью, что казалось видѣніемъ изъ другого міра.

Кто она? Отъ кого бѣжить? Какая ей грозитъ опасность? Какъ ей помочь?

Увы! на вопросы эти отвѣта не находилось. А между тѣмъ въ мечтахъ о прелестномъ явленіи, онъ не только пересталъ замѣчать, какъ летитъ время, но и забыть, гдѣ онъ и чего ждетъ. Постоявъ довольно долго на томъ же мѣстѣ, глядя вслѣдъ исчезнувшему видѣнію, онъ вернулся въ комнату, съ твердымъ намѣреніемъ найти красавицу, хотя бы для этого пришлось весь день и всю ночь блуждать по лабиринту мрачныхъ покоевъ, пока онъ не встрѣтитъ, если не ее, на такое счастье онъ не смѣлъ рассчитывать, то, по крайней мѣрѣ, когонибудь, кто бы ему сказалъ, кто она, и какъ сдѣлать, чтобъ снова ее увидѣть.

О неудобствѣ походовъ такого рода въ чужомъ домѣ онъ и не помышлялъ; въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, все казалось ему возможнымъ и позволительнымъ для достиженія цѣли. Теперь вся окружающая его обстановка дышала ею и говорила ему о ней. Это она, безъ сомнѣнія, торопливо оторвавшись отъ работы при его приближеніи, отодвинула стулъ передъ пальцами и накинула на шитье скатерть...

Зачѣмъ она поторопилась бѣжать отсюда? Зачѣмъ не дала ему войти, чтобъ поближе съ нею познакомиться? Услышать ея голосъ? Онъ сумѣлъ бы заинтересовать ее собою, сумѣлъ бы безъ словъ, однимъ взглядомъ ей выразить, какое она неизгладимое произвела на него впечатлѣніе!

Размышляя такимъ образомъ, онъ осторожно приподнял скатерть и залюбовался изящнымъ вкусомъ, съ которымъ были подобраны тѣни и сдѣлана вышивка. Какъ живые, выдѣлялись цвѣты и бабочки на нѣжномъ бланжевомъ фонѣ, каждый лепестокъ, каждая травка представляла собою образецъ вкуса и искусства. Да иначе и не могло быть, все, до чего бы ни дотронулись прелестныя ручки обаятельнаго существа, метеоромъ пролетѣвшаго мимо него, чтобъ навсегда смутить ему душу страстнымъ желаніемъ снова его увидѣть, не могло не носить отпечатка присущей ему граціи и красоты...

Отойдя отъ палецъ, онъ замѣтилъ на полу подъ ними нѣсколько живыхъ цвѣтовъ, бутонъ розы, фіалки, служившіе ей, безъ сомнѣнія, образцомъ для вышивки. Стремительно бросился онъ ихъ поднимать и едва успѣлъ сдѣлать это, какъ у двери послышался шорохъ, и явилась старушка, которая ввела его сюда, съ приглашеніемъ пожаловать къ старой барынѣ.

Торопливо спрятавъ похищенное сокровище въ боковой карманъ, онъ послѣдовалъ за Дарьей Трофимовной въ сосѣдній покой, еще больше и глубже перваго, съ широкой кроватью подъ штофнымъ пологомъ посреди, на которой, опираясь сторбленной спиной о подушки, полулежала старуха въ атласной стеганой душегрѣйкѣ, подбитой и отороченной дорогимъ мѣхомъ.

Она была больше похожа на мумію, чѣмъ на живого человѣка. Пожелтѣвшая и жесткая, какъ пергаментъ, кожа была мертвенна, какъ у покойника; ротъ, втянутый внутрь, представлялъ изъ себя синеватую полоску, когда она молчала, а когда онъ раскрывался—отвратительную черную впадину; заострившійся носъ рѣзко выступалъ на осунувшемся и съжившемся лицѣ. Живого на этомъ лицѣ были только глаза, горѣвшіе любопытствомъ и злой ироніей. На головѣ этого живого мертвеца былъ высокій чепецъ изъ пожелтѣвшихъ кружевъ, а ея длинныя, темныя пальцы, крючковатыя и въ узлахъ, были украшены перстнями съ крупными драгоценными камнями.

— Здравствуй, щеголекъ, — зашамкала она беззубымъ ртомъ, протягивая ему руку, которую онъ почтительно поднесъ къ губамъ. — Спасибо, что такъ скоро на мой зовъ откликнулся. Не совѣмъ, значить, дураки тебя воспитали, когда научили почитать старыхъ людей. Ты мнѣ любопытенъ. Споконъ вѣка Аратовы съ Грабиниными дружбу водили. У дѣда твоего, озорника Владимира Василича, я посаженной была при вѣнчаніи, а когда отецъ твой родился, звали меня къ нему крестной, да въ тѣ поры я ужъ третій годъ безъ ногъ лежала...

При рожденіи его отца она ужъ была безъ ногъ... значить это онъ ее видѣлъ двадцать лѣтъ тому назадъ!

Невольно поднялъ онъ глаза къ потолку: птица была на своемъ мѣстѣ. Позолота сошла съ нея почти совѣмъ, но все также побѣдоносно были распущены ея крылья, также зловѣще изгибался клювъ, и также цѣпко впивалась она острыми когтями въ тяжелыя складки выцвѣтшаго штофа такой доброты, какой въ описываемое нами время можно было достать только на тѣхъ фабрикахъ за границей, гдѣ вырабатывали ткани по особому заказу коронованныхъ особъ при французскихъ и итальянскихъ дворахъ.

Но Грабининъ, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ прелестнаго видѣнія въ саду, ничему не могъ удивляться. Все казалось ему въ порядкѣ вещей въ этомъ странномъ таинственномъ домѣ, скорѣе похожемъ на жилище злой колдуньи, державшей въ плѣну черноокихъ красавицъ, чѣмъ на жилище русской помѣщицы. Скорѣе бы только представилась возможность увидеть еще разъ очаровательную плѣнницу и высказать ей, какое она произвела на него впечатлѣніе.

— Подойди ко мнѣ ближе, дай на себя посмотрѣть, — продолжала между тѣмъ старуха, съ любопытствомъ, не стѣсняясь его смущеніемъ, осматривая его съ ногъ до головы. — Красавецъ, въ дѣда. Вотъ такой же былъ, какъ ты теперь, передъ тѣмъ какъ блажь на себя напустить... И для чего ты такъ вырядился? Здѣсь прельщать некого, живемъ просто, какъ до насъ люди жили, такъ и мы... Понапрасну только бархатный кафтанъ треплешь, побережь бы его лучше на смотрины невѣсты... И богатеи же ты, должно быть, чтобъ такъ роскошничать! Въ башмакахъ съ золотыми пряжками по нашимъ трупамъ развѣзжать! Да у насъ здѣсь такіе водятся раклы, что изъ-за алтына готовы человѣка укокопить. Прознать имъ только, какими ты дорогими штучками понавѣшанъ, издалека сбѣгутся тебя, простофилю, ограбить...

И, говоря такимъ образомъ, она прикасалась крючковатыми пальцами до его пуговицъ, щупала бархатъ его кафтана, перебирала брелоки, украшавшіе его часовую цѣпочку, и вскидывала на него острый взглядъ своихъ пронзительныхъ глазъ. Ему становилось жутко подъ этимъ взглядомъ, но, вспомнивъ рассказы ста-

рика на переправѣ, онъ сообразилъ, что золотокудрая красавица не кто иная, какъ жена молодого барина, ея правнука, онъ подавилъ отвращеніе, внушаемое ему старою вѣдьмою, и, съ вниманіемъ прислушиваясь къ ея рѣчи, мысленно молилъ Бога, чтобъ она не догадалась о причинѣ его терпѣнія.

Удалось ли ему ее провести, или просто потому, что старуха обрадовалась случаю поболтать съ чужимъ человѣкомъ, такъ или иначе, но она дала полную волю своему языку и любопытству, пересыпая рассказы о старинѣ разспросами о томъ, что происходитъ въ петербургскомъ свѣтѣ, изъ котораго она удалилась болѣе полустолѣтія тому назадъ.

— Мода у васъ теперь вѣрно драгоцѣнностями себя увѣшивать. Въ наше время все это въ ларцахъ подъ спудомъ хранилось и только при особыхъ случаяхъ вынималось, потому и цѣло было. Много изрядныхъ штучекъ найдется здѣсь и послѣ моей смерти... Да, да, дожидаться бы имъ только, чтобъ Серафима Даниловна дышать перестала, много имъ добра останется, — распространялась она, видимо напавъ на любимую тему.—Статуй у меня есть тальянскаго мастера, такого знаменитаго, что цѣны тому статую нѣтъ. Мнѣ эту штучку привезъ въ подарокъ изъ тальянской земли за услугу князь Василій Репнинъ. Теперь сынокъ его въ важные люди вылѣзъ... Слыхалъ вѣрно? Царскимъ посломъ въ Варшавѣ?

— Имѣю счастье быть лично знакомъ съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ. Незадолго до выѣзда моего изъ столицы видѣлъ его у графа Воронцова, — объявилъ Грабининъ.

— Это у Романа, что ли? Дочь его, Катеринка, что за Дашковымъ, немало набѣдокурила послѣ кончины императрицы Елизаветы Петровны, моей благодѣтельницы, царствіе ей небесное!... Ну, да это не твоего ума дѣло, молодъ ты, чтобъ о поступкахъ высокнхъ особъ судить, — поспѣшила она оговориться, и, не давая гостю объяснить, что онъ упомянулъ не про графа Романа, а про графа Михаила Воронцова, канцлера, она продолжала: — Расскажи ты мнѣ про Репнина, зачѣмъ его въ Питеръ вызвали, когда онъ долженъ въ Варшавѣ сидѣть да за кознями поляковъ слѣдить?

— Съ донесеніями къ государынѣ пріѣзжалъ.

— То-то съ донесеніями. Не донесли на него бы про его шапни съ красавицами. Чѣрторижскаго Адама жонка, Изабелка, говорятъ, веревки изъ него вьетъ. Довольно это обидно про русскаго вельможу слышать! И съ коихъ поръ дьяволъ насъ этими полячками въ соблазнъ вводитъ! Еще при Святополкѣ Окаянномъ преподобный Моисей Угринъ черезъ полячку въ заточеніи мученичество принялъ. Красавецъ былъ, такой же, какъ и твой дѣдъ, а онѣ на мужскую красоту такъ же падки, какъ и на деньги, и на наряды. Распалась та колька до изступленія и цѣлыхъ пять лѣтъ искушала его въ темницѣ свободой, сокровищами, почестями, чтобъ только въ

любовную съ нею связь вступилъ. Воздержался, однако, праведный мужъ и за такой подвигъ послѣ смерти къ лику святыхъ причтенъ. Молятся ему теперь отъ польскаго соблазна и, говорятъ, помогаетъ. Въ былое время совѣтовала я и дѣду твоему сходить пѣшкомъ въ Кіевъ, мощамъ преподобнаго Моисея Угрина поклониться, не послушался и вотъ поль-состоянія да разсудка лишился. Совѣмъ помѣшаннымъ скончался. Твержу я и моему Митяйкѣ: не возжайся ты съ этими іезуитками, вспомни про святого Моисея Угрина да про сосѣда нашего Грабинина! И Репнинъ попался... Я Репниныхъ давно знаю, какъ еще въ дѣвкахъ была! Тогда царь Петръ Алексѣичъ Россіей правилъ, а Аникита Репнинъ при немъ вѣрнымъ помощникомъ былъ. Умень былъ. Ну, да царь Петръ при себѣ дурака не сталъ бы держать. Въѣстѣ шведовъ колотили. Внукъ-то, по всему видать, попроще вышелъ, да по нонѣшнимъ временамъ и такой за умницу сойдетъ. Однако и онъ бы больше пользы принесъ отечеству, кабы не нѣмецкое воспитаніе. Въ басурманскихъ земляхъ учился противъ русскихъ враговъ воевать! — прибавила она съ презрѣніемъ. — А дѣда его мнѣ грѣхъ поминать лихомъ, кажинный день во дворцѣ встрѣчались и другъ другу сюрпризы дѣлали... Что тамъ еще? — прервала она свою рѣчь, чтобъ обернуться къ пологу, слегка закольхавшемуся въ ногахъ кровати, гдѣ, повидимому, была беззвучно растворявшаяся дверь.

Пологъ чуть-чуть раздвинулся, и въ образовавшемся между складками отверстіи появилось блѣдное женское лицо, съ прямымъ носомъ и впалыми, безпокойно бѣгающими глазами.

— Молодая барыня барчука изъ флигеля къ себѣ унесла! — задыхающимся отъ волненія шопотомъ проговорила она. — Заперлась...

— Пошли Дарью! — отрывисто приказала старуха.

Лицо скрылось, и Серафима Даниловна снова обратилась къ своему посѣтителю.

— Я съ государыней Анной Ивановной въ дружбѣ была. Другіе ея любимца, Бирона-проклятика, боялись, а я ни крошечки, за то онъ меня и уважалъ. Все отъ человѣка зависитъ, какъ себя поставить. Другіе дрожма дрожали передъ царемъ Петромъ, а мнѣ онъ вовсе не былъ страшень. За смѣлость онъ меня и любилъ. Я бѣдовая была. Самому царю перечила, не пошла за того носатаго, котораго онъ мнѣ сваталъ, а сама выбрала себѣ мужа. Изъ всѣхъ моихъ дѣтей и внуковъ одинъ только правнукъ Митяйка въ меня уродился, хитроумный и отчаянный. Чай про стычки его съ Орловыми слышалъ? Изъ-за своего озорства долженъ былъ царскую службу оставить. Невозможно ему стало съ Орловыми въ столицѣ оставаться. До драки ужъ между ними доходило, и порядкомъ-таки они ему ребра помяли, вѣдь ихъ пятеро, и всѣ другъ за дружку стоятъ, а нашъ-то одинъ. Все изъ-

за бабъ. Охочъ до бабъ, разбойникъ! Особливо до чужихъ. Махался съ одной красоткой Григорій Орловъ, и совсѣмъ на ладъ у него съ нею шло, а нашъ тутъ и подвернись, да такъ къ ней подбился, что она отъ Орлова-то къ нему и перебѣжала. Ну, и враждуютъ теперь Орловы съ Аратовымъ не на животъ, а на смерть, всякіе подвохи другъ подъ дружку подводятъ, и между прочимъ прозналъ нашъ ловкачъ, что ихъ приспѣшники хлопочуть у государыни приказъ, чтобы его изъ столицы выслать. Тутъ ужъ онъ рѣшилъ совсѣмъ царскую службу бросить. «Самъ себѣ буду царемъ, говоритъ, и чѣмъ мнѣ разнымъ тамъ, что въ случай попали, кланяться, добьюсь того, что мнѣ поклонятся». И, вѣдь, добился, разбойникъ. Пріѣхалъ сюда и зачалъ въ здѣшнемъ краѣ орудовать. Съ полягами снюхался. Подружился съ озорникомъ Браницкимъ, сумѣлъ и Чарторижскимъ и Потоцкимъ угодить. И нашимъ, и вашимъ, значить. «Что мнѣ за дѣло до ихъ ссоръ, говоритъ, мое дѣло сторона». Шагу теперь не ступять, чтобъ съ нимъ не посовѣтоваться. Есть здѣсь одинъ магнатъ поумнѣе другихъ, Салезіемъ Потоцкимъ звать. Не по себѣ уменъ, а главнымъ образомъ черезъ жену. На рѣдкость умная баба, Анной звать. Мужемъ вертитъ, какъ слѣдуетъ; съ русскими не враждуютъ, къ пустымъ затѣямъ не пристають и даже хозяйство свое ведутъ съ толкомъ. Кіевскимъ воеводой онъ теперь, и у Митяйки нашего большія съ нимъ дѣла затѣяны. На самой, можно сказать, границѣ съ Польшей мы живемъ, и споконъ вѣка у насъ съ полячьемъ хлопоты да докука. А нашъ Митяйка въ дружбу съ ними вступилъ и такъ сумѣлъ ихъ околпачить, что пани Анна надоумила мужа, ихнему королю его представить. Оно, положимъ, большой чести въ томъ нѣтъ, какимъ былъ слюняемъ этотъ нашъ ставленникъ, такимъ и остался, а все же, въ здѣшнемъ краѣ это полезно; иной жидъ на все, что угодно, пойдетъ отъ восторга, что съ нимъ ведетъ дѣло такой бояринъ, который въ королевскій дворецъ вхожъ. Да и не одни жида, а также и поляки попроче думаютъ не вѣсть какую протекцію черезъ нашего Митяйку у короля себѣ раздобыть и всякое уваженіе ему изъ-за этого оказываютъ. А важные магнаты, тѣ тоже изъ-за своихъ выгодъ стараются другъ передъ дружкой на свою сторону его перетянуть, потому что онъ и съ русскимъ посломъ въ дружбѣ. И вотъ какъ таится здѣсь нашъ Митяйка, какъ сыръ въ маслѣ, зачалъ даже и самого короля въ руки забирать. По бабьей части вѣрно сумѣлъ ему угодить. Тоже—бабникъ. Еще раньше вмѣстѣ блудили, какъ Понятовскій въ Питерѣ польскимъ посломъ былъ. Въ то время у него, конечно, такой важности не было, какъ теперь, а нутромъ все тотъ же остался, и Митяйка сказывалъ, что, окромя толстаго брюха да обвислыхъ щекъ, никакой перемѣны онъ въ немъ не нашелъ. Не больно хорошо ему королемъ-то живется, магнаты въ

ежовыхъ рукавицахъ его держать, жениться не дозволяютъ, во всемъ усчитываютъ и страшатъ выгнать, если вздумаетъ имъ перечить. Самъ Митяйкѣ жаловался, что только для виду ему почетъ оказываютъ, а на самомъ дѣлѣ куда волюнѣе и счастливѣе ему раньше жилось. «Ты, говоритъ, несравненно счастливѣе меня, и я съ радостью бы съ тобою мѣстомъ помѣнялся. Ты, говоритъ, господинъ твоего положенія, а я рабъ его». Митяйка нашъ смѣется на это. «Кабы, говоритъ, я на его мѣстѣ былъ, всѣмъ бы сумѣлъ показать, что такое заправскій король значить, и всѣ бы у меня по стрункѣ ходили. А онъ бы на моемъ мѣстѣ дальше прихожей съ пауками никуда бы въ королевскомъ дворцѣ не дошелъ». Все отъ человѣка зависитъ,—повторила она свое любимое изреченіе,—одинъ умѣетъ уступать, а другой—братъ. Кабы каждому было дано на своемъ мѣстѣ твердо стоять, никому бы впередъ и не пробиться; на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Митяйка эту механику отлично себѣ усвоилъ и претъ впередъ да впередъ, а прочіе всѣ передъ нимъ только разступаются,—съ самодовольствомъ распространялась она, видимо восхищаясь ловкостью, умомъ и беззаастѣнчивостью любимаго правнука. — До него никто въ здѣшнемъ краѣ изъ русскихъ дворянъ такой силы не забиралъ. И ему пророчили, что католики его съѣдятъ. Анъ не съѣли, а онъ ихъ помаленечку грызетъ да обгладываетъ. Такія ловкія дѣла на контрактахъ обдѣлываетъ, что надо только дивиться... Вотъ только женитьбой опростоволосился...

При этихъ послѣднихъ словахъ Грабининъ, слушавшій ее довольно разсѣянно, встрепенулся и насторожился. Повидимому, терпѣніе его обѣщало увѣнчаться успѣхомъ: старуха сама заговорила про ту, образъ которой неотступно стоялъ передъ нимъ, затмевая всѣ прочія чувства, мысли и представленія.

— Взялъ дѣвку, хоша и знатнаго роду, да опальнаго и разореннаго отца, въ одной сорочкѣ можно сказать. Давно ли женатъ, а ужъ приходится на женины наряды тратиться. Съ махонькимъ сундучишкомъ ее сюда привезъ. Я спрашиваю: «когда же подводы съ приданнымъ пріѣдутъ?» А мнѣ на это: «ничего больше нѣтъ, все тутъ». Вотъ-те и здравствуй! Такого срама въ роду нашемъ еще не бывало. Повѣришь, отъ стыда передъ холопьями глазъ не смѣла поднять. Вотъ она меня какъ оконфузила! У насъ любую дѣвку, если хорошихъ родителей, честиѣе выдаютъ замужъ, а эти князья высокородные! И къ тому же порченая: послѣ перваго же ребенка зачало ее трясти да подбрасывать...

Она опять оборвала рѣчь, къ которой съ замирающимъ сердцемъ прислушивался Грабининъ, чтобъ обернуться къ заколыхавшемуся занавѣсу.

— Ты, Дашка?

На этотъ разъ складки не раздвинулись, но знакомый голосъ отвѣчалъ:

— Я-съ. Изволили за мною и сылать?

— Сколько мнѣ тебѣ повторять, чтобъ басурманку эту съ докладами ко мнѣ не пускать!—гнѣвно замѣтила барыня.—Не могла развѣ сама прійти?

— Меня, сударыня, не было. По приказанію Анюсы Петровны на деревню бѣгала. Коробейники съ товаромъ пріѣхали.

— Румяна вѣрно у нея все вышли. Да ужъ ладно. Наша пороченая опять накуролесила. Алешеньку скрыла и заперлась съ нимъ. Скажи тамъ, чтобъ ея не трогали, не до нея мнѣ теперь, гость у меня. Вечеромъ распоряжусь. Ступай.

Складки полога перестали шевелиться, и старуха опять повернулась къ Грабнину, но, къ величайшей его досадѣ, вмѣсто того, чтобы вернуться къ прежнему разговору о женѣ правнука, она спросила: «въ какомъ положеніи онъ нашель свое хозяйство. И, не дожидаясь отвѣта, объявила, что если онъ оставитъ имѣніе на рукахъ вора Андрюшки, у него отъ дѣдушкина наслѣдства черезъ малое время ничего не останется.

— Ни куриного пера, такъ и знай! Будешь плакаться, что старуху Серафиму Даниловну не послушаль, да ужъ поздно будетъ, такъ-то. Видѣль домъ, гдѣ твой дѣдъ свою грѣшную душу Богу отдалъ? Давно ли въ немъ всякаго добра полна чаша была? А теперь что осталось? Однѣ стѣны, да и тѣ разваливаются. Видѣль павильонъ, который нашъ проказникъ Владимиръ Василичъ для своей полячки выстроилъ и разубралъ? Одно французскаго штофа сколько пошло на стѣны! Андрюшка твой, поганецъ, тотъ павильонъ себѣ на избу оборотилъ и все, что въ немъ было, расхитилъ, полы штучные, двери магогоноваго дерева съ бронзовыми вычурами, зеркала. Дрыхнетъ теперь тамъ и жретъ со своимъ хамскимъ отродьемъ. Паркъ кругомъ вырубилъ да Шумиловскому родичу, разбойнику Гнѣздышову, продалъ за тысячу червонцевъ, и на эти деньги тысячу десятинъ на имя женина брата, что рыбой въ Астрахани торгуетъ, купилъ. Этотъ Маланьинъ братъ, вольный, сынъ казака, и женился на Абрамкиной племянницѣ, когда еще полячка жила въ Воробьевкѣ. Она имъ, полячка-то, и позволеніе у дѣда твоего выпросила обвиняться. Все, что хотѣла, могла она у него выпросить, всеѣмъ ослабъ добрый молодецъ, околдовала она его, всю свою волю растерялъ и самъ бы къ ней въ крѣпостные пошелъ, чтобъ только при ней состоять. И это русскимъ дворяниномъ называется, воиномъ, царскимъ слугою! Жаль мнѣ тебя, Владимиръ Михалычъ! Изъ-за дѣдовской глупости раньше времени родителей лишился, у чужихъ сиротою выросъ и разренное имѣніе въ наслѣдство получилъ. Андрюшка воръ, поди, чай, ужъ успѣлъ тебѣ турысы на колесахъ наплести, чтобъ себя выгородить, а ты ужъ, вѣрно, и уши развѣсилъ... Чего смѣешься?—воз-

высила она съ раздраженіемъ голосъ, подмѣтивъ улыбку на его губахъ.—Развѣ я не правду говорю?

— Я, сударыня, не для чего иного и поспѣшилъ воспользоваться вашимъ милостивымъ приглашеніемъ, какъ чтобъ посовѣтоваться съ вами насчетъ моего здѣшняго хозяйства, которое я дѣйствительно, нашелъ въ большомъ запустѣніи,—поспѣшилъ онъ заявить, и, подмѣтивъ самодовольную усмѣшку, вызванную его словами, онъ прибавилъ, поднявшись съ мѣста и низко кланяясь:—покорнѣйше прошу вашу милость, въ память дружества съ моимъ дѣдомъ и бабкой, не оставитъ меня вашими совѣтами и наставленіями.

Ей это понравилось, и, хотя она все еще сердито приказала ему сѣсть, тѣмъ не менѣе онъ понялъ, что ему удалось попасть на путь къ желанной цѣли, и убѣжденіе это вмѣстѣ съ надеждой возбудило въ немъ осторожность. Упустить такой благоприятный случай сблизиться съ личностью, во власти которой находилась его красавица, онъ счелъ бы величайшимъ для себя несчастьемъ

— Пріѣхалъ я только вчера и не успѣлъ еще осмотрѣться съ дороги,—продолжалъ онъ дѣловитымъ тономъ:—но разореніе мое уже вижу и одного только боюсь, чтобъ, неумѣло взявшись за слѣдствіе, не испортитъ дѣло, а потому, не сказавъ никому ни слова, явился къ вамъ за совѣтомъ. Большой домъ совсѣмъ въ разрушеніи, да и въ маломъ, про который вы изволили вспомнить, кромѣ хамскаго скарба, ничего нѣтъ. А куда все дѣлось,—опасаюсь, до поры до времени, и спрашивать.

— Куда все дѣлось, ты отъ меня узнаешь. Мнѣ все извѣстно. А вотъ какъ тебѣ твое добро назадъ получить, про это тебѣ придется съ моимъ Митяйкой перетолковать. Онъ на такія дѣла дока, съ нимъ всѣ здѣшніе совѣтуются, кому плохо отъ людшекъ приходится. Народъ здѣсь, отъ близости къ Польшѣ и къ воровской казацкой ордѣ, нахалъ и мошенникъ изрядный. Да ты надолго ли сюда пріѣхалъ?

— Будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Отпускъ мнѣ дали малый, но можно отписать доброжелателямъ въ Питеръ, чтобъ выпросили оттяжку.

— Проси скорѣе, нужно. Твое дѣло такое, что имъ можно и самого кievскаго воеводу настрацать. Твой Андришка съ первыми разбойниками въ Польшѣ давно въ стачкѣ. Онъ у меня всѣхъ людшекъ перепортилъ. Не дождавшись моей смерти, дерзить стали. А про твое добро я тебѣ скажу, что въ Россіи отъ него ужъ мало и осталось, все, что было получше, давно въ чужіе края перевезено. Митяйка нашъ сказывалъ, что своими глазами видѣлъ у какого-то важнаго графа, въ Цесарской землѣ, въ городѣ Вѣнѣ, серебряную утварь съ грабининскимъ гербомъ. Вотъ оно куда залетѣло! Самъ тебѣ все расскажетъ, какъ пріѣдетъ, вмѣстѣ и обмозгуете.

— А скоро вы ждете Дмитрія Степановича? — спросилъ Грабининъ.

— Ну, этого тебѣ здѣсь никто не скажетъ. Нашъ соколъ, что буранъ въ степи, откуда налетѣлъ и куда отлетитъ, никто, кромѣ его самого, не знаетъ. Да и самъ-то онъ частехонько попадаетъ не туда, куда задумалъ... Дѣла у него здѣсь затѣяны великія! Какъ-то удастся свершить.

И, круто оборвавъ рѣчь о правнукѣ, она повторила свой совѣтъ просить о продленіи отпуска.

— Да не вздумай то письмо изъ Воробьевки посылать съ которымъ нибудь изъ твоихъ людишекъ! Всѣ они, собачьи дѣти, одну сметанку лижутъ, ни одинъ не задумается тебя головой Андриушкѣ выдать. Можешь письмо здѣсь написать, а я съ нарочнымъ пошлю... Пстой, — прервала она изліянія благодарности, готовыя сорваться съ его губъ, — даромъ такого дѣла не оборудуешь, надо человѣка отъ работы оторвать недѣль на пять, да кормъ ему съ лошадыю на пути, и тамъ на постояломъ дворѣ... Положимъ на все пятьдесятъ рублей, — прибавила она, немного подумавъ.

— Я съ радостью и сто дамъ! — вскричалъ обрадованный Грабининъ.

Но его тотчасъ же заставили раскаяться въ неосторожномъ порывѣ.

— Ишь, какой щедрый! Да за такого мотарыгу и хлопотать не стоятъ. Пусть Андриушка на добрѣ твоемъ наживается, — прервала она его съ лукавой усмѣшкой, забавляясь досадою, выразившейся на его лицѣ.

— Я, сударыня, чтобъ сохранить мое добро ни передъ чѣмъ не остановлюсь, ни передъ какими издержками, — объявилъ онъ, оправившись отъ смущенія.

— Завсегда надо передъ издержками останавливаться, — строго оборвала она его попытку оправдаться. — Припаси пятьдесятъ рублей на посланца, больше не надо. Своимъ я для тебя не поступлю и твоего не возьму. Письмо послѣ обѣда можешь у меня въ библиотекѣ написать, а тѣмъ временемъ я прикажу моему холопишкѣ въ дальній путь собираться... Ей, кто тамъ? — закричала она, хлопая въ ладоши, и, не поднимая глазъ на мальчика, появившагося въ дверяхъ на ея зовъ, она приказала скорѣе подавать 'кушать.

Все устраивалось такъ прекрасно и удобно, какъ Грабининъ и надѣяться не смѣлъ. За обѣдомъ онъ, безъ сомнѣнія, «ее» увидитъ! Ожиданіе это такъ его волновало, что онъ уже не могъ вслушиваться въ рассказы старухи о быломъ, о вельможахъ, которыхъ она знала прежде богатыми, а потомъ разорившимися, вслѣдствіе мотовства, наклонность къ которому она подмѣтила въ своемъ

гостѣ. Той же печальной участи подверглась бы и она, если бы во-время не сумѣла забрать въ руки мужа и удержать его страсть къ пустымъ тратамъ...

Но Владимиру Михайловичу было не до того, чтобъ интересоваться событіями давно минувшаго; настоящее представлялось ему въ такомъ упойтельномъ свѣтѣ, съ той минуты, какъ пробѣжавшая мимо него молодая женщина унесла его сердце, что онъ, не задумываясь, отдалъ бы прошлое всѣхъ вѣковъ, чтобъ узнать, что ждетъ его въ ближайшемъ будущемъ.

Время тянулось безконечно долго, и ему начинало казаться, что никогда не дождатся ему обѣда, когда явился старикъ Ипатычъ съ докладомъ, что кушанье на столѣ.

Большихъ усилій ему стоило воздержаться отъ искушенія немедленно сорваться съ мѣста, чтобъ бѣжать туда, гдѣ онъ мнилъ ее увидѣть. Но онъ себя превозмогъ и, терпѣливо дослушавъ до конца разсказъ старухи, дождался, чтобъ она сама его отпустила.

— Ну, ступай, проголодался вѣрно. Съ коихъ поръ сидишь тутъ да розказни мои слушаешь! Съ домашними моими познакомишься. Тоже и у насъ есть резиденты и резидентки, какъ у польскихъ магнатовъ. Всякаго званія людишки у меня ютятся. Есть и изъ разоренныхъ дворянъ, и изъ проторговавшихся купцовъ, а также сироты изъ поповскихъ. Поди, чай, ждуть—не дождутся поближе на тебя посмотрѣть. Во всю жизнь такого петербургскаго щеголька не видывали... А ты, Ипатычъ, шепни Анюисѣ, чтобъ глупыми разговорами гостю не докучала!—закричала она имъ вслѣдъ, когда гость вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи дворецкаго.

— Слушаю-съ, сударыня, — почтительно отвѣчалъ этотъ послѣдній.

«Что это за Анюиса?»—спрашивалъ себя Грабининъ, проходя за своимъ провожатымъ по длинному узкому коридору, отдѣлявшему половину старой барыни отъ помѣщенія ея домашнихъ.

III.

Сюда долеталъ глухимъ гуломъ оживленный говоръ изъ столовой.

Когда Грабининъ туда вошелъ, вокругъ длиннаго стола, накрытаго для обѣда, собралось довольно большое общество приживалокъ и приживальщиковъ. Увидавъ эту толпу, онъ подумалъ, что если та, для которой онъ здѣсь остался, и будетъ сидѣть за однимъ съ нимъ столомъ, но не рядомъ съ нимъ, ему трудно будетъ познакомиться съ нею поближе.

Но ея тутъ не было. Онъ въ этомъ убѣдился при первомъ взглядѣ на толпу, глазѣвшую на него съ жгучимъ любопытствомъ, смѣшную и жалкую толпу старыхъ и молодыхъ, но одинаково

безобразныхъ мужчинъ и женщинъ, чуть не въ отрепьяхъ, съ заискивающими взглядами и робкими движеніями. Исключеніе представляла изъ себя личность, занимавшая мѣсто хозяйки, къ которой и подвелъ его Ипатычъ.

— Анеиса Егоровна, старой барыни крестница, — проговорилъ онъ ему на ухо, подставляя стулъ передъ приборомъ, по правую сторону отъ высокой, дородной женщины лѣтъ тридцати, густо набѣленной и нарумяненной, которая съ наглымъ любопытствомъ разглядывала его съ ногъ до головы, большими на выкатѣ свѣтлокарими глазами. Нарядная и самодовольная, она представляла интересный контрастъ съ забытыми существами, окружавшими столъ, выжидая позволенія за него сѣсть.

Грабининъ, который, переступивъ порогъ комнаты, только и дѣлалъ, что отвѣшивалъ поклоны направо и налево въ отвѣтъ на молчаливыя привѣтствія этихъ несчастныхъ, поспѣшилъ поклониться отдѣльно Анеисѣ, прежде чѣмъ опуститься на предложенное мѣсто.

Въ эту минуту торопливой походкой вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ, въ опрятномъ французскомъ кафтанѣ, въ бѣломъ жабо и въ напудренномъ парикѣ. Усаживаясь на оставленное для него мѣсто противъ Грабинина, онъ тотчасъ же заговорилъ съ нимъ по-французски, отрекомендовавшись:

— Артюръ Соссье, изъ Парижа.

Впрочемъ, сверкашіе любопытствомъ глаза и крупный орлиный носъ выдавали его иностранное, не славянское происхожденіе.

Изъ дальнѣйшаго разговора Грабининъ узналъ, что онъ пріѣхалъ въ Польшу, чтобъ устроить суконную фабрику въ имѣніи князей Чарторижскихъ, но, не поладивъ съ «фамиліей», принялъ предложеніе Аратова заняться хозяйствомъ въ одномъ изъ его имѣній въ Россіи.

И, точно обрадовавшись новому слушателю, онъ сталъ распространяться о здѣшнемъ краѣ, о томъ, какъ здѣсь веселятся и широко живутъ, о разнузданности общества, о пьянствѣ, развратѣ, какъ богатые помѣщики иногда до смерти спаиваютъ своихъ гостей, а жены ихъ до безчувствія заставляютъ плясать несчастныхъ юношей, которыхъ онѣ, какъ новыя Цирцеи, увлекаютъ иногда силой въ свои замки. По его словамъ, проказы этихъ веселыхъ дамъ часто кончаются трагически, и ихъ жертвы, равно какъ и жертвы ихъ супруговъ, часто платятся жизнью за оказанное имъ своеобразное гостепріимство.

— О, даже и представить себѣ нельзя, сколько вина можетъ выпить полякъ! Здѣсь трезвому человѣку, съ умомъ и съ ловкостью, можно до всего добиться: богатства, почестей, власти. Можно богатую невѣсту себѣ выкрасть, чужую жену увести, кого

угодно убить или запрятать въ такое мѣсто, гдѣ никому не найти,— рассказывалъ онъ съ восхищеніемъ.— Но для этого, кромѣ денегъ, надо имѣть протекцію либо у польскаго магната, либо у посла одной изъ державъ, взявшихъ подъ опеку эту несчастную страну.

По мнѣнію мсье Соссье, всѣхъ вліятельнѣе былъ русскій посолъ, а всѣхъ меньше былъ способенъ защитить своихъ подданныхъ польскій король. Каждый изъ здѣшнихъ магнатовъ, если онъ еще не разоренъ, вліятельнѣе его въ краѣ, и несчастный король отъ каждаго изъ нихъ зависитъ...

Занятый своими мыслями, Грабининъ слушалъ его разсѣянно, думая только о томъ, какъ приступить къ разспросамъ о супругѣ господина Аратова.

По временамъ ему казалось, что и самъ мсье Соссье не прочь ему посплетничать насчетъ обитателей дома, раза два намекалъ онъ ему, что здѣсь можно говорить о чемъ угодно безъ стѣсненія, потому что никто изъ присутствующихъ французскаго языка не понимаетъ, и Грабининъ рѣшился наконецъ у него спросить, какое положеніе занимаетъ въ домѣ двусмысленная личность, сидѣвшая за столомъ вмѣсто хозяйки. Ей первой подавали кушанье, а затѣмъ, обнесши блюдомъ гостя и француза, уносили его изъ комнаты. Остальному обществу подавали другое кушанье и, должно быть, попроще, если судить по тому, что только на одномъ концѣ стола было вино въ бутылкахъ (и прекрасное, французское и венгерское), прочіе же должны были довольствоваться квасомъ и брагой.

— Дама эта изображаетъ собою въ настоящее время заходящее солнце, но было время, когда она играла здѣсь болѣе интересную роль,— съ игривой усмѣшкой отвѣчалъ французъ на предложенный вопросъ.

— Но вѣдь у господина Аратова есть супруга?— спросилъ Грабининъ.

Улыбка внезапно слетѣла съ губъ его собесѣдника, и лицо его сдѣлалось серьезно.

— Мадамъ Аратова очень болѣзненная особа и нуждается въ полнѣйшемъ покоѣ. Супругъ ея озабоченъ намѣреніемъ увезти ее за границу, чтобъ подвергнуть серіозному лѣченію, но при разнообразныхъ своихъ занятіяхъ и разъѣздахъ исполнить это намѣреніе крайне затруднительно. Впрочемъ, ему, кажется, удалось придумать комбинацію, благодаря которой затрудненіе это устранится, и, вѣроятно, на-дняхъ общество наше увеличится еще однимъ членомъ, докторомъ изъ Варшавы. Онъ специалистъ по болѣзни, которою страдаетъ мадамъ Аратова, и, осмотрѣвъ больную, рѣшить, есть ли надежда на выздоровленіе, и какому лѣченію ее надо подвергнуть.

Проговоривъ эту тираду съ подобающею обстоятельствомъ серьезностью, онъ круто повернулъ разговоръ на другой предметъ,

давая этимъ понять, что распространяться подробнѣе о супругѣ господина Аратова онъ не намѣренъ.

Между тѣмъ, обѣдъ подошелъ къ концу, подали ликеры и сласти домашняго приготовленія; домашніе встали изъ-за стола и, помолившись передъ образами, поклонившись Анюисѣ и гостю, вышли изъ столовой, гдѣ осталась только импровизированная хозяйка дома, и Грабининъ съ французомъ. Анюиса, молча прихлебывая ликеръ, лакобилась пастилой, Соссье рассказывалъ про бурныя сцены, разыгрывавшіяся на сеймикахъ и сеймахъ, про интриги, волнующія населеніе въ виду выбора пословъ на предстоящую конфедерацію, а Грабининъ, разсѣянно его слушая, скучалъ и раздражался мыслью о потерянномъ времени. Онъ обрадовался, когда дворецкій явился ему доложить, что посланецъ въ Петербургъ готовится къ отъѣзду и ждетъ письма; поспѣшно поднявшись съ мѣста, онъ послѣдовалъ за Ипатычемъ по темнымъ и свѣтлымъ закоулкамъ, проходамъ и коридорамъ, къ крутой, винтообразной лѣстницѣ, по которой надо было подняться въ библиотеку, большую комнату, обставленную шкапами вдоль стѣнъ и съ письменнымъ столомъ у окна.

— Извольте позвонить, когда кончите писать, сударь, я той же минутой явлюсь,—сказалъ его провожатый, оставляя его одного.

Грабининъ началъ писать одному изъ ближайшихъ своихъ покровителей, краснорѣчиво излагая ему обстоятельства, взятые имъ предлогомъ для продленія отпуска: разстройство имѣнія, необходимость смѣнить управителя и тому подобныя обстоятельства, не имѣвшія ничего общаго съ истинной причиной его желанія дольше оставаться въ здѣшнемъ краѣ.

Не предался бы онъ, можетъ быть, такъ усердно этому занятію, если бъ зналъ, по какой причинѣ нашли нужнымъ провести его прямо сюда, а не къ старой барынѣ: между Серафимой Даниловной и правнукомъ ея, прославившимся на весь край дѣльцомъ и смѣльчакомъ, Дмитріемъ Степановичемъ Аратовымъ, рѣчь шла о немъ.

Какъ всегда, Аратовъ вернулся домой невзначай. Всѣ были еще за столомъ, когда экипажъ его, обогнувъ домъ, безшумно подкатилъ къ заднему крыльцу. Тутъ, узнавъ отъ выбѣжавшихъ къ нему навстрѣчу людей, что у нихъ въ гостяхъ воробьевскій баринъ, Дмитрій Степановичъ запретилъ сказывать о своемъ приѣздѣ и прямо прошелъ на половину прабабки, гдѣ тотчасъ же послѣ первыхъ привѣтствій довольно-таки холодныхъ (оба не любили сердечныхъ изліяній), рѣчь между нимъ и старухой зашла про гостя.

— Это вы хорошо сдѣлали, что на вора Андриюшку его натравили,—замѣтилъ Аратовъ, внимательно выслушавъ повѣствованіе о ея бесѣдѣ съ молодымъ сосѣдомъ, окончившейся предложеніемъ послать человѣка изъ ихъ двора съ письмомъ о продленіи отпуска. — Мы его въ концѣ концовъ такъ запутаемъ, что онъ за счастье почтетъ совѣмъ отъ имѣнія отдѣлаться,—продолжалъ онъ, прохаживаясь большими шагами по комнатѣ.—Это была всегдашняя моя мечта—Грабининское имѣніе за безцѣнокъ купить. Намъ безъ Воробьевки чистый зарѣвъ, никуда ходу нѣтъ.

— Куда тебѣ еще ходъ понадобился? — брюзгливо спросила она.—Какія еще новыя затѣи у тебя на умѣ?

— Дайте дѣлу образоваться, тогда все узнаете, — отрывисто отвѣчалъ онъ.

— Смотри, какъ бы тебѣ въ прахъ на аферахъ не продуться. Ты не Щенный Потоцкій и не Радзивиллъ, чтобъ послѣднюю копейку ребромъ ставить. Этимъ можно мотать, сколько ни трать, имъ не разориться, а ты — дѣло другое. Женой обзавелся, дѣтей народилъ. Это бы еще ничего, кажинный человѣкъ долженъ въ законѣ жить, а что у тебя въ всякомъ мѣстѣ, гдѣ ни поживешь, метресы съ ребятишками объявляются, это ужъ безпремѣнно тебя до разоренія доведетъ,—брюзжала она, не спуская глазъ со своего любимца и любуясь имъ.

Это былъ средняго роста, тонкій и прекрасно сложенный молодой человѣкъ, съ страннымъ и замѣчательно моложавымъ лицомъ, которое, разъ увидавъ, невозможно было забыть. Лицо это съ тонкими, правильными чертами было нѣжно, какъ у молодой дѣвушки, но въ темныхъ сѣрыхъ глазахъ подъ рѣзко очерченными и капризно изогнутыми бровями сверкалъ умъ и энергія, а узкія, красныя, какъ кровь, губы могли произвольно складываться и въ злую насмѣшливую усмѣшку и въ обаятельную улыбку. Жесткость и рѣзкость его словъ представляли интересный контрастъ съ изысканностью его манеръ, изяществомъ его гибкой и граціозной фигуры и мягкимъ звучнымъ голосомъ. На немъ былъ французскій кафтанъ, камзолъ и кулотъ облачковаго цвѣта, голубые шелковые чулки съ серебряными пряжками тонкой филиграновой работы и кружевные манжеты, а его нѣжный, безъ признака растительности подбородокъ утопалъ въ безчисленныхъ складкахъ бѣлой, какъ снѣгъ, косынки изъ прозрачной индійской кисеи.

Кисея эта только что начинала входить въ моду и стоила очень дорого; одни только богатѣйшіе щеголи въ столицахъ позволяли себѣ такую роскошь, но Аратовъ никогда не останавливался передъ издержками, когда дѣло шло объ украшеніи, удобствѣ и пріятности своей особы. Чтобъ убѣдиться, какъ зорко слѣдилъ онъ за модой, стоило только взглянуть на его выхоленные, надушенные руки, унизанныя перстнями, съ золотымъ футляромъ въ

видѣ наперстка, на среднемъ пальцѣ лѣвой руки, долженствовавшимъ предохранять отъ неприятныхъ случайностей отроченный на цѣлый вершокъ ноготь.

— Дуракъ долженъ быть этотъ Грабининъ,— замѣтилъ онъ, не обращая вниманія на воркотню старухи. — До сихъ поръ не приѣзжалъ взглянуть на имѣніе. Допустилъ все разграбить и растаскать! Впрочемъ, это намъ на руку... А изъ себя каковъ?

— Красавецъ, въ дѣда. И щеголекъ изрядный. Тонкаго воспитанія, учтивъ отмѣнно.

— Всѣ петербургскіе тонкаго обращенія. Увидимъ, увидимъ, что за птица.

— Связи у него есть.

— Какія связи?

— У Воронцовыхъ принятъ, у Безбородки. Упоминалъ про Орловыхъ...

— Мы съ Потемкинымъ знакомы, да и то не хвастаемся, — съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ Аратовъ.

— Онъ не хвастался, къ слову пришлось. Говорилъ также про Репнина.

— Съ этимъ онъ гдѣ же успѣлъ познакомиться? Въ Варшавѣ развѣ былъ?

— Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга у Воронцова его встрѣтилъ, и Репнинъ его къ себѣ на службу звалъ.

— Вотъ какъ? И что же онъ?

— Отказался.

— Напрасно. Намъ бы это на руку, чтобъ побольше русскихъ въ здѣшнемъ краѣ селилось, особенно если богатые да со связями. Чарторижскіе теперь извиваются передъ нашимъ княземъ ужами и жабами по той причинѣ, что передъ выборами онъ имъ до зарѣзу нуженъ, а какъ на своемъ поставятъ на конфедераціи, мы имъ опять будемъ не нужны. Надо свою партію составить. Это князь отлично понимаетъ, да вотъ бѣда—отъ своей Изабеллы отстать не можетъ. А она, какъ истая полячка, во всѣ дѣла вилетается. И разорется мотарыга на свою рябую красавицу въ лоскъ. Давно ли императрица долги его уплатила, а онъ ужъ вдвое понадѣлалъ у жидовъ, съ которыми его сводятъ. Пока Потоцкіе будутъ жить въ Польшѣ, нашему князенькѣ изъ когтей ростовщиковъ не выпутаться. Развѣ, что Изабелла найдетъ выгоднымъ его на другого промѣнять...

— А мужъ-то чего же смотритъ? — спросила старуха, которую, повидимому, рассказы эти очень занимали.

— Онъ—филозѳовъ. На него дивится только надо. Сердце у него чувствительное, и всѣхъ амантовъ своей супруги онъ нѣжно любитъ. Намеднисъ охотилсъ мы съ нимъ большою компаніей, и Ржевусскій былъ тутъ...

— Это тотъ, что ждетъ наслѣдства послѣ князя Репнина?

— Тотъ самый. Первый пріятель Адама Чарторижскаго. Подъ конецъ ужина, когда всѣ перепились и, по здѣшнему обычаю, цѣловаться полѣзли другъ съ другомъ, нашъ Адамъ къ Ржевусскому обратился съ рѣчью: «Ты, пане, постояненъ, барзо постояненъ! Выпьемъ, панове, за вѣнецъ постоянства пана Ржевусскаго!»

— Это онъ, что же, въ насмѣшку, что ли? Чтобъ показать, что ему все извѣстно, или сдуру?

— А чортъ его знаетъ! Такіе нравы, что ничего не поймешь. Отъ человѣка всякой другой націи можно было бы такія слова за угрозу принять, но у поляковъ все шиворотъ-навыворотъ. Всѣ схватились за кубки и съ крикомъ: «за постоянство пана Ржевусскаго!» осушили ихъ.

— Ничего, значитъ, не поняли?

— Какъ будто не поняли, а, впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ, — повторилъ свое замѣчаніе о полякахъ Дмитрій Степановичъ.

— И резидентка графини Анны тамъ была?—спросила помолчавъ старуха.

— Которая? У нея ихъ много.

— Та, съ которой ты любовное лазуканье затѣялъ, вдова. Да самъ знаешь, на кого намекаю, зачѣмъ притворяешься?—продолжала старуха.

— Съ какой стати она тамъ будетъ? Пани Розальская такъ еще молода, что безъ своей благодѣтельница не выѣзжаетъ, и въ пьяныхъ компаніяхъ ее встрѣтить нельзя,—отвѣчалъ онъ съ раздраженіемъ.

— И долго это твое съ нею лазуканье будетъ продолжаться?—продолжала она его допрашивать, забавляясь его досадой.—Она тебя всяческими соблазнами поманиваетъ,—продолжала старуха, не дожидаясь возраженій,—а поди, чай, съ любымъ юнцомъ изъ палестры издѣвки надъ тобою, москалемъ, строить! Про мецената Фьялковскаго слышалъ? По всему околотку хвастается знакомствомъ съ твоей красавицей и жениться на ней собирается.

— На ней многіе жениться собираются, невѣста не изъ плохихъ,—замѣтилъ Аратовъ съ самонадѣянной улыбкой человѣка, убѣжденнаго въ своемъ неотразимомъ вліяніи на женщинъ.

— Да не для тебя,—встала старуха.

На это онъ беззаботно махнулъ рукой и молча, дошедши до конца комнаты, спросилъ:

— Съ кѣмъ вы посадили за столъ Грабинина? Анюису и прочій хламъ убрали, надѣюсь?

— Никого не убрали, со всѣми моими домашними обѣдалъ,—сердито возразила Серафима Даниловна.—Твои магнаты, небось, резидентокъ своихъ не выгоняютъ въ людскую при гостяхъ.

Дмитрій Степановичъ вспомнилъ про блестящихъ дворскихъ юношей и дворскихъ дѣвицъ у Чаргорижскихъ, которые прислуживали ему не дальше, какъ нѣсколько дней тому назадъ въ Пулавахъ, и усмѣхнулся.

— У моихъ магнатовъ дворская молодежь такъ расфранчена и воспитана, что нашимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ не мѣшало бы съ нихъ примѣръ брать, какъ въ свѣтѣ жить,—сказалъ онъ.

— Такъ значитъ, если я изъ Парижа выпишу наряды для моихъ хамокъ, ты съ ними за столъ сядешь?

— Тамъ не хамы, а все дворянскія дѣти.

— А за хамовъ у стола прислуживаютъ? Да какая же имъ цѣна послѣ этого? Если съ юныхъ лѣтъ честь свою соблюдать не умѣютъ, чего же отъ нихъ въ старости ждать? У меня тоже по бѣдности дворяне живутъ; есть и дѣвицы сироты, которымъ голову преклонить некуда, и старухи, которыя ужъ работать не могутъ, такъ я бы такимъ за грѣхъ считала нарядышивать, какъ на смѣхъ. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, такъ-то. А гнушаться я ими тоже за грѣхъ считаю и, когда ноги меня носили, завсегда сажала ихъ съ собою за одинъ столъ, значитъ, и гостямъ моимъ не слѣдъ ими гнушаться, даромъ, что одежда на нихъ, по ихъ бѣдности, не важная...

— Скажите лучше, что все шито на чортовъ клинъ, бѣдно и подло, по-нищенски...

— Пусть такъ. Они нищѣ и есть, когда изъ милости живутъ у меня. А дворскіе твоихъ магнатовъ тоже нищѣ и щеголяютъ въ чужомъ съ ногъ до головы. Со всѣми моими домашними гость мой обѣдалъ, и съ французомъ твоимъ, и съ Анѣисой...

— И съ Анѣисой? Одолжили, нечего сказать, подвели подъ срамъ!—съ досадою вскричалъ онъ.

— Съ чего такъ вдругъ Анѣисы застыдился? Расфуфырилась изрядно, не хуже твоей пани Розальской щеголихой себя при гостѣ выказала. Съ перваго взгляда видать, на какомъ она здѣсь положеніи при молодомъ баринѣ,—прибавила она язвительно.

— А мнѣ, можетъ быть, не надо, чтобъ это знали? И, можетъ быть, желаю, чтобъ меня за примѣрнаго супруга считали?

— Надо было насъ заранѣе о такой перемѣнѣ въ мысляхъ предупредить. А ты бы лучше спросилъ про твою супругу, что она тутъ сегодня накуралесила...

— Что еще?—отрывисто и сдвигая брови, спросилъ онъ, прерывая свое хожденіе по комнатѣ.

— Какъ узнала, что пріѣхалъ гость, и что не до нея, побѣжала во флигель, Алешеньку скрала да черезъ садъ съ нимъ въ домъ и убѣжала, заперлась въ своей спальнѣ, никого не пускаетъ, кричитъ: «зарѣжусь, если дверь выломаете!» Вотъ она какая начинается проявляться, тихоня! Не досугъ мнѣ съ нею было ватажиться,

приказала до отъѣзда гостя не трогать. Тебя мы раньше будущей недѣли не ждали.

— Справился раньше, чѣмъ думалъ.

— Завсегда бы тебѣ надо было такъ справляться, чтобъ больше дома жить. Знаю, что радости тебѣ мало съ такой супругой, но знаю и то, что ты ужъ съ нею черезъ край пересыпаешь и до отчаянія ее довелъ. Нельзя у матери дѣтей отнимать,—прибавила она сурово,—который разъ я тебѣ это говорю.

— Самъ знаю, что можно и что нельзя,—сквозь зубы и какъ бы про себя проворчалъ правнукъ.

Но у старухи слухъ былъ тонокъ.

— Нѣтъ, не знаешь!—гнѣвно подхватила она.—Умень ты, Митяйка, да вѣдь и я весь умъ-то еще не растеряла, меня не проведешь. Нельзя отнимать у матери дѣтей,—повторила она.—Даже и курица, и та остервеняется, когда у нея изъ-подъ крыльевъ цыплятъ уносятъ, значить, отъ Бога такъ положено, чтобъ младенцы при матери были, а ты наперекоръ всѣмъ законамъ, и божескимъ, и человѣческимъ, больно ужъ смѣло идешь. Зарвался злобой и хуже звѣря сталъ... Нечего плечами-то пожимать да губы кусать, хоть въ кровь ихъ искусай, а я все-таки всю правду-матку безъ остатка тебѣ выложу. Она грозитъ зарѣзаться. Въ первый еще разъ такое слово вымолвила, значить, недоброе у нея на умѣ, и отъ чело-вѣка съ такими мыслями всякой бѣды можно ждать. Вотъ ты о чемъ поразмысли, прежде чѣмъ срывать на ней гнѣвъ за ослушаніе. Пожурить — пожури, даже побей, если придетъ охота, а потомъ смилуйся, приласкай и общайся къ ней каждый день, хотя на часочекъ, дѣтей посылай.

— Алешка до сихъ поръ у нея?—спросилъ онъ.

— У нея. Я приказала не трогать, пока гость не уѣдетъ. Люди при немъ, кучеръ, камердинеръ, фореиторъ, не ладно при нихъ шумъ поднимать. И безъ того по всему околотку не вѣсть что толкуютъ про наше надъ нею тиранство.

— Мнѣ про то, что здѣсь плетутъ, наплевать, а вотъ если черезъ этого питерскаго франта до столицы гнилые слухи дойдутъ, тогда подлинно неспрiятности могутъ выйти... Да что тутъ толковать, дѣло сдѣлано — надо поправлять... А чтобъ дѣти при ней оставались, на это я ни въ какомъ случаѣ согласиться не могу, ужъ это какъ вамъ будетъ угодно...

— Да ты слышалъ, что я сказала?—прервала она его съ раздраженіемъ.

— Обращаться вы съ нею не умѣете, вотъ что.

— А не умѣю, такъ вези ее туда, гдѣ сумѣютъ.

— Увезу, не безпокойтесь. Дождаться нужно только одного чело-вѣчка изъ Варшавы...

— Ты, значить, въ Варшаву ѣздилъ?

— Въ Варшаву,—отвѣчалъ онъ, отвертываясь отъ пытливаго взгляда, пристально на него устремленнаго. Туда докторъ пріѣхалъ изъ Праги, порченныхъ лѣчить. Пригласилъ его сюда осмотрѣть Елену. А вы еще говорите, что я ея не жалѣю! Знаете, сколько запросилъ съ меня этотъ докторъ? Двадцать червонцевъ! Это только, чтобъ сюда пріѣхать, а за лѣченіе само собою. Я и торговаться не сталъ, всѣ двадцать червонцевъ ему отвалою, сказалъ бы только, какъ намъ ее лѣчить. Что вы на это скажете? — прибавилъ онъ, невольно смущаясь подъ зоркимъ взглядомъ своей слушательницы.

— Скажу, что тебѣ ужъ очень приспичило скорѣе отъ нея избавиться, вотъ что я скажу,—объявила старуха.

Онъ не возражалъ и снова началъ молча прохаживаться по комнатѣ, не раздвигая бровей и улыбаясь странной, вызывающей усмѣшкой, въ то время, какъ Серафима Даниловна продолжала съ любопытствомъ на него смотрѣть, пытаясь разгадать его мысли.

Онъ зналъ, что ему ничего отъ нея не утаить. Слишкомъ много было между ними общаго, слишкомъ хорошо знали они другъ друга, и слишкомъ сильна была въ ней воля, чтобъ бороться противъ ея проникаемости. Да и не для чего! Развѣ, въ концѣ концовъ и какъ бы ни повернулась его опасная затѣя, она не пожертвуетъ всѣмъ на свѣтѣ, чтобъ ему помочь? Ближе и дороже его у нея никого нѣтъ на землѣ. Чтобъ оставить ему все свое состояніе, она со всѣми родственниками, какъ дальними, такъ и близкими, разошлась; только привязанность къ нему и поддерживаетъ въ ней жизнь...

— Унимали вы Грабинина ночевать?—спросилъ онъ, останавливаясь передъ кроватью, съ успокоеннымъ лицомъ и съ обычнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Зачѣмъ? Дорога не дальняя, и ночь лунная, пусть ѣдетъ съ Богомъ.

— Нѣтъ, онъ мнѣ на подольше нуженъ. Когда еще удастся его залучить! Послѣзавтра надо ѣхать въ Тульчинъ, тамъ пиръ горой по случаю выборовъ пословъ на сеймикъ. Я обѣщаль воеводѣ кое въ чемъ ему помочь. Грабинина надо такъ ублажить, чтобъ совсѣмъ въ насъ увѣровалъ. Пріятельскія отношенія надо съ нимъ завести. Это легко. Въ отца вѣрно, такой же кисляй съ чувствительнымъ сердцемъ. А все же на это время нужно, и я имъ займусь. Можетъ быть, повезу его съ собою въ Тульчинъ. Пусть увидитъ, какъ въ Рѣчи Посполитой люди живутъ. Съ красавицами нашими пусть познакомится...

— Смотри, не отбилъ бы у тебя Розальскую, — усмѣхнулась старуха.

— Пусть попробуетъ. Узнаетъ, какъ полячки русскимъ дуракамъ носы натягиваютъ... Ну, да въ Грабининскомъ роду это извѣстно. Ловко отработала полячка его дѣда!... А кстати, я и забылъ вамъ рассказать, мнѣ съ этой самой погубительницей вашего любимца удалось встрѣтиться...

— Съ Джунковской? — съ живостью спросила старуха, съ заискрившимися отъ любопытства глазами.—Гдѣ же? И неужто она еще жива?

— Жива и здорова. Что такимъ дѣлается! Однакожъ про здѣшніе края помнитъ, и когда ей меня назвали, заинтересовалась, стала про Воробьевку разспрашивать, живетъ ли тамъ кто, живъ ли прежній управитель, все ли тамъ попрежнему...

— Да не можетъ быть! Ты меня морочишь! Вотъ безстыдница!

— Истинную правду вамъ говорю. Встрѣтился я съ нею у Изабеллы; раньше при теткѣ ея, мадамъ де-Кракови, въ резиденткахъ на ресептѣ состояла, а теперь при ней.

— И сама про Воробьевку заговорила? Ей, значить, извѣстно, что ты про все знаешь?

— Да кто же этого не знаетъ? Мнѣ на нее Репнинъ указалъ. Гуляли мы съ нимъ въ саду, а она идетъ намъ навстрѣчу, съ двумя дворскими дѣвицами. Любезная и нарядная дама, въ лѣтахъ, а видать, что очень была красива въ молодости, глаза до сихъ поръ съ огонькомъ, и очень представительная...

— А здѣсь была худа, какъ щепка, и съ огромными глазищами...

— Пополнѣла съ тѣхъ поръ, и больше пятидесяти лѣтъ ей нельзя дать. Давно уже овдовѣла и полнымъ уваженіемъ всей «фамиліи» пользуется.

— Вотъ что значить полячка! Наша, русская, послѣ такихъ передрагъ давно бы скисла и отъ тоски да стыда грибокъ грибомъ бы сдѣлалась, а эта козыремъ выступаетъ, говоришь?

— Именно козыремъ. И чего ей стыдиться? Что было, то прошло и былѣмъ поросло. Состояніе у нея хорошее, мужъ былъ, должно быть, парень дѣльный, когда благодѣтели его и патроны послѣ его смерти продолжаютъ оказывать ласку и вниманіе его вдовѣ, чего же ей больше надо? И для чего ей о старомъ грѣхѣ думать да киснуть, когда грѣхъ этотъ давно ксендзы замолили? Что мѣшаетъ жить припѣваючи?

— Совѣсть-то, значить, по-твоему, къ карманъ?

— Понятно. И чѣмъ дальше запрятать, тѣмъ лучше и для себя и для другихъ. Репнинъ мнѣ про нее говорилъ, что она замѣчательно умная женщина, и ему, кажется, очень пріятно, что Изабелла съ нею сошлась. Все же по старой памяти сторону русскихъ тянетъ,—прибавилъ онъ со смѣхомъ, и, вернувшись къ прерванному разговору, онъ спросилъ:—куда посадили Грабинина письмо писать?

— Въ библіотеку. Приказала его туда отвести, когда ты приѣхалъ, чтобъ разговору нашему не мѣшалъ.

— А сколько вы съ него за посылку взяли?

— Пятьдесятъ рублей назначила. Такъ моему предложенію обрадовался, что сто хотѣлъ дать.

— Напрасно отказались. Его къ крупнымъ издержкамъ приучать надо, чтобъ не жался, когда придется съ денежными по нашимъ

сутягамъ развѣзжать. Теплые ребята, они протрутъ глаза его червончикамъ, припасай только побольше.

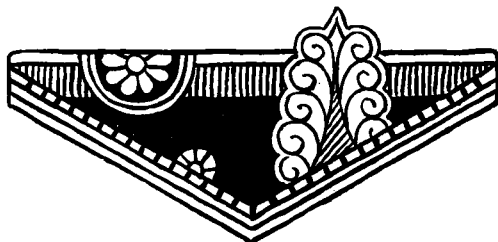
И, весело потирая руки, онъ прибавилъ:

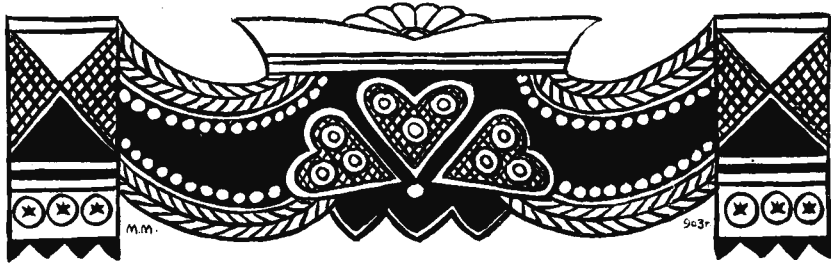
— Однако надо распорядиться насчетъ ужина и всего прочаго, надо показать петербургскому щегольку, какъ у насъ люди со вкусомъ и съ понятіемъ живутъ. Про дѣла мы съ нимъ до завтрашняго утра ни словечка не проронимъ, утро вечера мудренѣе. А про Джунковскую я вамъ на просторѣ еще расскажу.

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

АВНО упрасиваютъ меня друзья написать мои воспоминанія, но въ нихъ столько грустнаго и тяжелаго, что даже теперь, переступивъ порогъ неумолимой старости (мнѣ минуло 64 года), я рѣшаюсь на это съ трудомъ. На Руси несчастныхъ женщинъ много,—кому можетъ быть интересна исторія моихъ личныхъ страданій? Но все, что я вытерпѣла, всѣ бѣдствія моей жизни такъ тѣсно связаны съ личностью моей бабушки, что ужъ по одному этому они должны, мнѣ кажется, представлять несомнѣнный интересъ для людей, изучающихъ личность моего дѣда, извѣстнаго дѣятеля Павловскаго и Александровскаго времени, графа Ѳ. В. Ростопчина, неразрывно связанную съ личностью его супруги.

При чтеніи въ «Русскомъ Архивѣ» переписки А. Я. Булгакова съ его братомъ, прошлое воскресло въ моей памяти съ неудержимою силой, и угасшія были воспоминанія, какъ живыя, встали передо мною, но окончательный толчокъ, заставившій меня взяться за перо, была книга моего племянника, маркиза Пьера де-Сегюра ¹⁾, о моемъ дѣдѣ и его прадѣдѣ, въ которой онъ описалъ бабушку мою такъ пристрастно, что чувство справедливости заговорило во мнѣ сильнѣе уваженія къ матери моего отца и даже къ самому моему отцу.

Графиня Екатерина Петровна имѣла такое вліяніе на мужа, на его взгляды на жизнь его дѣтей, на потерю огромнаго его со-

¹⁾ Покойный его отецъ былъ вторымъ сыномъ сестры моего отца, Софьи Федоровны Ростопчиной, замужемъ за маркизомъ Евгеніемъ Сегурь.

стоянія, а вслѣдствіе того и на судьбу его внуковъ, что личность эта требуетъ настоящаго освѣщенія.

Пьеръ де-Сегюръ пишетъ прекрасно, его сочиненія намѣтили ему мѣсто во французской академіи, слова его будутъ приняты безъ протеста, и «святая» личность перешедшей въ католичество графини Ростопчиной превратится въ историческое преданіе. Пьера де-Сегюра нельзя винить за превратное мнѣніе о прабабкѣ его: въ семьѣ его не можетъ не быть священна память о фанатичкѣ, ненавидѣвшей Россію и все русское, все православное и, насколько это было возможно ея черствому сердцу, любившей только младшую свою дочь (тоже перешедшую въ католичество) въ ущербъ старшей, Натальѣ Ѳедоровнѣ Нарышкиной, не поддавшейся пагубному вліянію матери и не измѣнившей вѣрѣ своихъ предковъ. Бабушка осыпала благодѣяніями всю семью своей второй дочери и особенно ласкала старшаго ея сына, Гастона ¹⁾, два раза ѣздившаго гостить къ ней Москву, бывавшаго съ нею въ католической церкви и видѣвшаго, какую роль играетъ она въ католической колоніи, какъ матери подносили къ ней дѣтей со словами: «Прикоснитесь къ одеждѣ святой!» Онъ слышалъ восторженные похвалы, расточаемыя ей аббатами, которымъ она раздавала все, что оставалось у нея отъ щедрыхъ подачекъ Сегюрамъ, и понятно послѣ этого, что по возвращеніи во Францію онъ всеѣмъ повторялъ, что бабушка его Ростопчина—святая. И этотъ незаслуженный вѣнецъ святости, возложенный имъ на ея главу, племянникъ его Пьеръ де-Сегюръ всею силою своего таланта старается поддерживать въ неприкосновенности. Пора показать обратную сторону медали и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ личность русской аристократки, супруги великаго патріота, скончавшагося въ чувствахъ вѣрнѣйшаго сына православной церкви.

Спасибо памяти А. Я. Булгакова, онъ доставилъ мнѣ неопровержимое подтвержденіе всего видѣннаго мною въ дѣтствѣ и слышаннаго отъ людей, коротко знавшихъ интимную жизнь нашей семьи. Память моя еще, слава Богу, свѣжа, и суровая, неумолимая фигура моей бабушки, какъ живая, встаетъ передо мною въ грозномъ своемъ величіи. Попробую же изложить впечатлѣнія, особенно рѣзко отразившіяся въ моей душѣ, слѣдуя при этомъ правиламъ истины, которыми я руководилась всю мою жизнь.

¹⁾ Вслѣдствіи ослѣпшаго и умершаго епископомъ *in partibus infidelium*.

I.

Происхождение Екатерины Петровны Протасовой. — Ея воспитаніе. — Ея сестры. — Причина пристрастія къ католичеству. — Наружность Екатерины Петровны. — Оставшіеся послѣ нея портреты. — Отношенія между супругами Ростопчинными до перехода графини въ католичество.

Дочь сенатора, генераль-поручика Петра Степановича Протасова, Екатерина Петровна очень рано попала ко двору со своими сестрами, впослѣдствіи княгинями Голицыной и Васильчиковой, графиней Толстою и оставшейся въ дѣвицахъ, горбатой Варварой Петровной Протасовой. Изъ нихъ осталось вѣрна православной вѣрѣ одна только графиня Толстая.

Тетка ихъ, извѣстная подруга всей жизни императрицы Екатерины II, Анна Степановна Протасова, взяла ихъ къ себѣ на воспитаніе, и когда была пожалована въ графское достоинство, титулъ этотъ былъ одновременно пожалованъ и ея племянницамъ.

Всѣ онѣ получили утонченнѣйшее, по тогдашнему времени, воспитаніе. Бабушка моя безукоризненно говорила по-французски, знала языки нѣмецкій, англійскій, латинскій и греческій, но русскому ихъ не сочли нужнымъ выучить, и вотъ на этой-то почвѣ полнѣйшаго и постыднаго незнанія отечественной исторіи, религіи и языка зиждется причина перехода въ католичество сестеръ Протасовыхъ.

Воспитанныя вѣ всякихъ религіозныхъ правилъ, въ вольнодумствѣ, онѣ ощутили потребность обратиться къ Богу тогда только, когда наступило разочарованіе въ утѣхахъ свѣтской жизни, но молиться не умѣли. Бросились въ церковь—и ничего не поняли въ величавой красотѣ православной службы, самый языкъ которой имъ былъ вполне чуждъ.

Уныло вернулись онѣ въ свои роскошные покои, гдѣ ждали ихъ іезуиты эмигранты, передъ которыми онѣ и опустились на колѣни, въ чаяніи духовной поддержки и утѣшенія.

Но я забѣгаю впередъ.

Екатерина Петровна была въ молодости безспорно красива, и я недавно вступила въ полемику съ моимъ почтеннымъ другомъ Н. И. Мердеръ, описавшею ее въ своемъ интересномъ романѣ «Въ годину бѣдствій», какъ безобразную, съ огромными ушами и сильнымъ голосомъ. Такою она сдѣлалась въ глубокой старости, когда мы жили у нея въ домѣ на Басманной. Она тогда уже начинала впадать въ дѣтство и часто, невзирая на сопротивленіе компаньонки, появлялась въ гостиной нашей матери. Когда ей случалось застать у насъ не стараго гостя, она непременно обращалась къ нему съ вопросомъ, приводившимъ насъ въ великое смущеніе: «Для которой изъ моихъ внучекъ вы сюда пріѣзжаете,

мсье?» Иногда шутникъ, притворяясь, что не понимаетъ смысла ея словъ, съ напускною наивностью отвѣчалъ: «для обѣихъ, графиня», и отвѣтъ этотъ приводилъ ее въ ярость: сердито окидывала она его испытующимъ взглядомъ и величественно удалялась.

Въ то время она отъ старости стала меньше ростомъ, голосъ ея осипъ, и отъ дурной привычки почесывать у себя за ушами уши у нея опухли, и изъ нихъ сочилась кровь. Но, опять повторяю, такую она сдѣлалась въ глубокой старости, а въ молодости была красива. Разоблачая, во имя правды, ея безобразный нравственный обликъ, я не могу умолчать, что у нея были прекрасные, полные огня, черные глаза, правильныя черты лица, ослѣпительной бѣлизны зубы, высокій стройный ростъ и густые волосы, которые даже въ глубокой старости приходилось часто подрѣзывать (она носила прическу *à la Titus*), такъ быстро они росли.

Въ апрѣлѣ 1901 года, на художественной выставкѣ въ Москвѣ, мой троюродный братъ, князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ (начальникъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, умершій въ томъ же году), обратилъ мое вниманіе на выставленный имъ очаровательный портретъ масляными красками бабушки моей, молодой женщиной, съ густыми волосами въ мелкихъ букляхъ. Она держитъ на пальцѣ попугая, и вся фигура очень граціозна.

У меня сохранился портретъ карандашомъ, съ легкою ретушью краской на щекахъ и губахъ, сдѣланный въ Парижѣ: три профиля рядомъ, отца моего ребенкомъ, сестры его Елизаветы Ѳедоровны и бабушки, съ большими, опушонными густыми рѣсницами, глазами. Есть еще ея портретъ работы Кипренскаго, въ сидячемъ положеніи, на которомъ она представлена уже сорока лѣтъ, съ выразительнымъ и привлекательнымъ лицомъ, въ рединготѣ бронзоваго цвѣта, скрещенномъ на груди, и съ короткой таліей (модѣ этой она оставалась вѣрна до самой смерти), на плечи ея наброшена кашемировая шаль (обычная принадлежность свѣтской женщины тогдашняго времени), а на головѣ бѣлый тюлевый чепецъ, обрамляющій лицо густою рюшью. Во всякомъ случаѣ дѣдъ не женился бы на ней, если бы она была некрасива, но что при красотѣ Екатерина Петровна была не симпатична и не любезна, это фактъ, и сама она намъ рассказывала, что совѣмъ еще молодой дѣвицей начала нюхать табакъ, чтобъ не заснуть на балахъ, на которыхъ мало танцевала. Если ужъ и тогда считала она танцы предосудительной и безнравственной забавой, то очень можетъ быть, что именно такая серіозность и понравилась графу Ѳедору Васильевичу, бывшему тоже серіознаго нрава и высоко цѣнившему въ женщинѣ умственные и нравственные качества. Что жену свою онъ любилъ глубоко и нѣжно, считая ее во всѣхъ отношеніяхъ совершенствомъ, это несомнѣнно и подтверждается множествомъ фактовъ: въ завѣщаніи, написанномъ имъ въ 1811 году, онъ отдаетъ

ей все свое состояніе, а въ послѣднемъ, написанномъ передъ смертью, лишаетъ ее всего. Почему? Потому что она перешла въ католицизмъ и заставила свою вторую дочь Софью отказаться отъ православія. Сдѣлано это было тайкомъ отъ мужа,—отъ такого мужа, который писалъ ей неоднократно въ сохранившихся у меня письмахъ: «Цѣлую твои ножки, моя благодѣтельница. Молись Богу, мой другъ; молитвы праведныхъ до Него доходятъ. Мы были счастливы, жили въ единеніи и согласіи, а теперь, когда мы увидимся? Цѣлую тебя съ сердцемъ, полнымъ твоими добродѣтелями, и съ надеждой на счастье, которымъ мы будемъ наслаждаться въ будущемъ. (16-го сентября 1812 года. Вороново)». «Сергѣй предшествуетъ мнѣ двумя днями. Я не хотѣлъ отстрочивать минуту его свиданія съ достойнѣйшей матерью и почтеннѣйшей женщиной въ мірѣ. (Владимиръ. 3-го октября 1812 годъ)». «Возвращайся въ разрушенный городъ, въ ограбленный домъ, къ обожающему тебя и уважающему тебя превыше всякаго выраженія мужу. (Москва, 1-го ноября 1812 г.)».

Да, графъ Федоръ Васильевичъ любилъ и уважалъ свою жену. Но любовь эта изсякла, и уваженіе исчезло.

II.

Причина разведенія супруговъ Ростопчиныхъ. — Вліяніе іезуитовъ. — Указъ императора Александра I сенату, 20-го декабря 1815 года. — Высылка іезуитовъ изъ Россіи. — Аббатъ Сюрюгъ. — Случай, послужившій толчкомъ къ увлеченію Екатерины Петровны католицизмомъ. — Отпаденіе отъ православія ея сестеръ. — Аббатъ Малеръ и мнѣніе о немъ А. Я. Булгакова.

Причина, служившая разведеніемъ столь нѣжно любящихъ супруговъ, такъ тѣсно связана съ историческими событіями духовнаго строя въ Россіи, что ей надо посвятить нѣсколько словъ.

Никто не изучилъ и не описалъ такъ документально вліянія католицизма въ Россіи, какъ графъ Дмитрій Толстой. Не имѣя подъ рукой русскаго изданія его книги «Le Catholicisme romain en Russie» (Dentu, 1864), я привожу здѣсь въ переводѣ отрывокъ изъ французскаго изданія.

При раздѣлѣ Польши, Россія получила вмѣстѣ съ Вѣлорусіей и іезуитовъ. Считая ихъ орденъ вѣроломнѣе и опаснѣе прочихъ католическихъ орденовъ, Екатерина II предписала губернаторамъ особенно зорко за ними слѣдить. Это было въ 1773 году, а въ слѣдующемъ году орденъ этотъ былъ упраздненъ папою Климентомъ XIV. Изгнанные отовсюду іезуиты добились дозволенія существовать въ одной только Россіи. Въ 1814 году Римская курія торжественно подтвердила свой приговоръ надъ орденомъ, нашедшимъ у насъ пристанище. И чѣмъ отплатили іезуиты Россіи за ея вѣротерпимость? Совращеніемъ въ католичество мо-

лодыхъ людей, вѣрренныхъ ихъ попеченіямъ, и женщинъ изъ высшаго общества. Этому способствовалъ своимъ вліаніемъ и общественнымъ положеніемъ знаменитый графъ де-Местръ, посланникъ сардинскаго короля и тайный агентъ Римской куріи. Онъ управлялъ іезуитами, наблюдалъ за католическимъ духовенствомъ и вообще велъ себя, не какъ посланникъ, а какъ шпіонъ. Впослѣдствіи онъ письменно сознался, что «всякій государь обязанъ защищать религію своей страны отъ посторонняго вмѣшательства, и что съ обращеніемъ въ католичество въ Россіи было поступлено слишкомъ неосмотрительно и поспѣшно».

Главною неосторожностью пылкихъ апостоловъ было обращеніе несовершеннолѣтняго племянника самого министра вѣроисповѣданій, князя Александра Николаевича Голицына. Ловушка была изготовлена весьма искусно: юный неопитъ нашелъ случайно въ печкѣ якобы забытый въ ней бывшимъ своимъ гувернеромъ іезуитомъ католическій молитвенникъ, прочелъ его и принялъ католическую вѣру. Свершилось это весьма легко и просто, но начальство отнеслось къ этому строго. Доложили государю, и докладъ этотъ, довершая собою цѣлый рядъ подобныхъ докладовъ, вызвалъ высочайшій указъ о высылкѣ іезуитовъ изъ Россіи, 16-го декабря 1816 года. Одновременно съ изгнаніемъ ихъ изъ Петербурга имъ былъ запрещенъ вѣздъ и въ Москву.

Въ виду свершающихся въ настоящее время изгнаній духовныхъ корпорацій изъ Франціи и появленія въ Петербургѣ нѣкоторыхъ изъ ихъ главарей, въ томъ числѣ и извѣстнаго о. Дюлака, считаю нелишнимъ напомнить здѣсь объ этомъ указѣ правительствующему сенату:

«По возвращеніи нашемъ послѣ счастливаго окончанія заграничныхъ дѣлъ въ нашу излюбленную родину, намъ вѣрренную Господомъ Богомъ, мы убѣдились вслѣдствіе многочисленныхъ извѣстій, жалобъ и рапортовъ, до насъ дошедшихъ, въ совершенной правдѣ слѣдующихъ обстоятельствъ: монахи іезуитскаго ордена римско-католической вѣры были упразднены папскою буллою, и какъ ихъ этимъ самымъ и всѣ прочія державы отстранили изъ собственныхъ, у нихъ не было болѣе пристанища. Россія, въ силу добродѣтели, челоувѣколюбія и терпимости въ дѣлахъ религіи, оставила ихъ у себя, дала имъ пристанище и не отказала въ могучемъ своемъ покровительствѣ всѣмъ бѣглецамъ. Она не запретила имъ видѣться съ людьми ихъ вѣры, не отклоняла ихъ отъ этого ни силою, ни преслѣдованіемъ, ни соблазномъ и въ замѣнъ всего этого ожидала отъ нихъ вѣрности, рачительности и пользы. Уповая на это, имъ было разрѣшено заниматься обученіемъ и преподаваніемъ юношеству. Отцы семействъ безтрепетно поручали имъ дѣтей своихъ для обученія наукамъ и нравственности. Но нынѣ несомнѣнно открылось, что они не сохранили долга благодарности и

вмѣсто того, чтобъ сохранить душевное смиреніе, какъ то приказываетъ христіанская заповѣдь, и оставаться мирными жителями иностраннаго государства, они возымѣли желаніе поколебать православную вѣру, первенствующую съ давнихъ поръ въ нашей имперіи, на которой основано счастье и благоденствіе многочисленныхъ народовъ, находящихся подъ нашимъ скиптромъ. Они стали злоупотреблять оказаннымъ имъ довѣріемъ, отклонили отъ нашей вѣры порученныхъ имъ молодыхъ людей и нѣкоторыхъ особъ женскаго пола, столь слабого, соблазняя ихъ переходомъ въ католичество. Стараться внушить человѣку вѣроломство къ религіи его праотцовъ, заглушить въ немъ любовь къ людямъ одной съ нимъ вѣры, къ своимъ соотечественникамъ, отучить умъ его отъ духа его родины, сѣять распри и ненависть въ семействахъ, породить разногласіе между сынами одной и той же религіи — это ли глаголь и воля Бога, столь миролюбиваго и Его единственнаго Сына Человѣка Бога Христа, пролившаго Свою чистую кровь, дабы мы жили въ мирѣ и въ согласіи? Послѣ сихъ дѣлъ не станемъ удивляться, что общество этихъ монаховъ было изгнано изъ всѣхъ государствъ, и что ни одно не сочло возможнымъ допустить его у себя. Кто стерпитъ посреди себя сѣятелей злобы и междоусобій? Поэтому, принимая къ сердцу благополучіе нашего вѣрнаго народа и находя священнымъ и правильнымъ долгомъ искоренить зло въ самомъ началѣ, не давая ему времени дозрѣть и принести плодъ, мы повелѣваемъ возстановить католическую здѣшнюю церковь въ условіяхъ, въ которыхъ она находилась въ царствованіе бабки нашей, покойной императрицы Екатерины II и до 1800 года, и немедленно выслать изъ Петербурга всѣхъ монаховъ іезуитскаго ордена, запрещая имъ входить въ обѣ столицы.

«Александръ».

«С.-Петербургъ. 20-го декабря 1815 г.».

Въ силу этого указа 318 іезуитовъ покинули Россію.

Они уѣхали со спокойною совѣстью, унося съ собою счастье и спокойствіе многихъ семействъ. По тому, что произошло у насъ, можно судить о томъ, что было у другихъ. Когда именно бабушка моя перешла въ католичество, трудно опредѣлить. Понятно, что это хранилось въ глубочайшей тайнѣ. Если число, выставленное въ письмѣ аббата Сюрюга вѣрно (ноябрь, 1812 г.), то фактъ этотъ произошелъ не менѣе, какъ за три года до 1812-го года, но никто этого не зналъ.

Я живо помню разсказъ моей матери о томъ, что было первымъ толчкомъ къ духовному пробужденію Екатерины Петровны. При ней состоялъ домашнимъ докторомъ англичанинъ, атеистъ, съ которымъ она часто вела вольнодумные разговоры. Докторъ этотъ, живя со всею семьей графа Ростопчина въ Вороновѣ, упалъ съ

лошади или изъ экипажа и разбился до смерти. Передъ тѣмъ, какъ скончаться, онъ послалъ за бабушкой и сказалъ ей, что прозрѣлъ, но слишкомъ поздно, чтобъ спасти свою душу, и умолялъ ее позаботиться о собственномъ спасеніи. Въ ночь послѣ его смерти у нея было видѣніе, и ее нашли распростертой на полу, въ глубокомъ обморокѣ. Очнувшись, она проявила признаки сильнаго душевнаго потрясенія и, ко всеобщему изумленію, отправилась къ обѣднѣ въ церковь, выстроенную неподалеку отъ дома и парка. Но тутъ ее ждало разочарованіе: высокій смыслъ православнаго богослуженія остался для нея непонятенъ, и найти утѣшенія въ молитвѣ она тутъ не могла. Душевнымъ своимъ смятеніемъ она подѣлилась съ сестрой своей Голицыной, которая немедленно прислала ей аббата Сюрюга съ книгой «Подраженіе Христу».

Одновременно съ нею измѣнили православію и двѣ ея сестры: княгиня Оболенская и графиня Варвара Петровна Протасова. Эта послѣдняя пережила всѣхъ своихъ сестеръ и скончалась дѣвицей въ 1860-хъ годахъ.

Между совращенными аббатомъ Сюрюгомъ лицами мнѣ припоминаются имена постригшейся въ монахини княгини Голицыной, двоюродной сестры бабушки, князя Одоевскаго, графини Пушкиной, княгини Долгорукой. Подробности преступной дѣятельности аббата Сюрюга можно найти въ его перепискѣ, захваченной въ Петербургѣ. Сюрюгъ проводилъ обыкновенно лѣто у княгини Голицыной, въ имѣннн ея, Александровкѣ, въ 200 верстахъ отъ Москвы и тамъ безпрепятственно служилъ обѣдни. Онъ состоялъ при московской католической церкви и былъ главной причиной перехода бабушки въ католичество. Послѣ него дѣйствовалъ въ томъ же направленіи аббатъ Малербъ, капелланъ. Въ письмахъ своихъ къ брату А. Я. Булгаковъ называетъ Малерба развратнѣйшимъ человѣкомъ, живущимъ съ содержательницей пансіона, отъ которой у него были дѣти ¹⁾).

¹⁾ Интересные способы употребляли святые отцы іезуиты для обращенія въ католицизмъ русскихъ свѣтскихъ дамъ. Вотъ, между прочимъ, что доносить одинъ изъ нихъ въ Римъ: «Исповѣдовать ихъ не представляетъ большого затрудненія, это удобно дѣлать и на большихъ балахъ, и въ концертахъ, и на парадныхъ обѣдахъ, а для причастія я заказалъ ювелиру нѣсколько изящныхъ золотыхъ и серебряныхъ ковчегцевъ, въ которые кладу освященные облатки и передаю незамѣтно эти ковчегцы моимъ духовнымъ дочерямъ. Имъ, такимъ образомъ, представляется полная возможность самимъ причащаться послѣ исповѣди».

Бабушка удобствомъ этимъ, по мнѣнію А. Я. Булгакова, даже злоупотребляла и причащалась каждый день.

III.

Переписка братьевъ Булгаковыхъ.—Личность А. Я. Булгакова и мнѣніе о немъ князя П. А. Вяземскаго и Жуковскаго.—Смерть любимой дочери графа Ф. В. Ростопчина, Елизаветы Оедоровны.—Насильственное обращеніе ея въ католичество.—Послѣдніе дни графа Федора Васильевича.—Личность Брокера.—Кончина графа Федора Васильевича.

Прежде, чѣмъ приступить къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ о бабушкѣ, я должна привести нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній о моемъ дѣдѣ людей, близко его знавшихъ. Это тѣмъ болѣе мнѣ кажется необходимымъ, что, знакомясь съ многочисленными и разнообразнѣйшими отзывами о немъ, я нигдѣ, даже въ роскошнѣйшей библиотекѣ, собранной изъ сочиненій о 1812 годѣ, Иваномъ Христофоровичемъ Колодѣвымъ, не встрѣчала ничего про его супругу, кромѣ замѣтки въ письмѣ Тимоѣея Кирьяка къ князю И. М. Долгорукову отъ 8-го мая 1791 года («Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 691), двѣ строчки: «Кадриль одѣта была блистательнымъ образомъ, состояла изъ 24 паръ и дѣлилась на двѣ кадрили. Первую, т.-е. лѣвую вель принцъ Виртембергскій съ фрейлиной Е. П. Протасовой, а за ними великій князь Александръ Павловичъ со старшей Салтыковой», да въ рѣдчайшей брошюрѣ извѣстнаго библиофила Сергѣя Дмитриевича Полторацкаго, друга моего отца: «Rostoptchine, le comte Theodore. Note litteraire et bibliographique»; про бабушку сказано, что она написала книгу безъ подписи: «Album allegorique. Moscou. 1814». Книга эта не разошлась, и у насъ топили ея печи въ нашемъ домѣ, на Лубянкѣ. Кромѣ того, про нее написано нѣсколько фразъ въ извѣстной перепискѣ Марьи Аполлоновны Волковой съ Ланской, и ничего больше. Но зато богатѣйшій матеріалъ для ея характеристики можно найти въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ, по которой можно прослѣдить за жизнью супруги великаго патріота почти день за день, съ 1804 года до 1830-хъ годовъ.

Характеристику же братьевъ Булгаковыхъ можно найти въ воспоминаніяхъ князя Вяземскаго («Русскій Архивъ», 1867 года, ст. 1437). Тамъ и мнѣніе о нихъ Жуковскаго, такое же лестное для обоихъ братьевъ, какъ и мнѣніе Вяземскаго.

Въ первыхъ своихъ письмахъ А. Я. Булгаковъ относится къ графинѣ Ростопчиной благосклонно, какъ къ супругѣ человѣка, къ которому онъ питаетъ безграничную любовь и уваженіе. Въ 1812 году, когда высочайшимъ приказомъ изъ Вильны, 29-го мая, графъ Федоръ Васильевичъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ, онъ вскорѣ предложилъ А. Я. Булгакову поступить къ нему чиновникомъ особыхъ порученій и обходился съ нимъ, какъ съ домашнимъ человѣкомъ. Съ нимъ же вернулся онъ изъ Владимира въ Москву и пережилъ минуты ужаса, при видѣ

потрясающаго зрѣлища взорваннаго Кремля, поруганныхъ святынь и всеобщаго разоренія.

30-го августа 1814 г., графъ Ростопчинъ былъ уволенъ отъ должности, съ пожалованіемъ въ члены государственнаго совѣта, и вскорѣ, съ совершенно разстроенымъ здоровьемъ, уѣхалъ на воды въ Германію, а оттуда въ Парижъ, гдѣ прожилъ почти семь лѣтъ. Въ 1825 году онъ вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ. Здѣсь ждало его горе, которое вскорѣ свело его въ могилу: смерть послѣдней оставшейся при немъ дочери, Елизаветы, скончавшейся восемнадцати лѣтъ, во всемъ блескѣ очаровательной красоты.

У меня сохранился ея портретъ, набросокъ карандашомъ, съ легкой акварельною ретушью; это была брюнетка съ большими черными глазами и длинными рѣсницами. Бабушка рассказывала, что у воротъ ихъ всегда толпился народъ, чтобы взглянуть на красавицу Ростопчину. Старшія ея сестры были замужемъ: Наталья за Нарышкинымъ, а Софья за Сегюромъ. Какъ католичка, послѣдняя иначе, какъ за католика, не могла выйти.

Всегда нѣжный отецъ, дѣдушка еще нѣжнѣе полюбилъ милую, кроткую дѣвушку, обреченную на преждевременную смерть. Она скончалась отъ чахотки, схваченной при слѣдующихъ обстоятельствахъ: рано утромъ проходилъ мимо оконъ ея спальни полкъ съ музыкой. Чтобы полюбоваться невиданнымъ за границей зрѣлищемъ, она бросилась къ окну босикомъ и простудилась. Опасаясь разспросовъ и упрековъ строгой матери, а также, чтобы не огорчать отца, она долго скрывала свое нездоровье, почти до послѣдняго часа обѣдала за общимъ столомъ и упростила доктора не говорить родителямъ о безнадежности ея положенія, увѣривъ его, что она сама подготовитъ ихъ къ мысли ея потерять. Наканунѣ смерти хотѣла она, какъ всегда, спуститься внизъ, чтобы обѣдать за общимъ столомъ, но силы ей измѣнили, и ее уложили въ постель. Она исповѣдывалась, пріобщалась и соборовалась въ полной памяти и съ изумительною твердостью духа, безпокоясь только о томъ, что г-жа Тончи (жена извѣстнаго художника) не принести ей денегъ за наряды, которые она поручила ей продать. Деньги она непременно хотѣла еще при жизни раздать прислуживавшимъ ей женщинамъ. Взявъ за руку отца, она сказала: «Папа, я была часто нетерпѣлива во время болѣзни, прошу у всѣхъ за это прощеніе, а въ особенности у сестры Наташи. Напишите ей объ этомъ. Сама я ей этого не могла сказать, она немного глуха, а громко говорить мнѣ больно». Помолчавъ, она поцѣловала руку отца и стала просить, чтобы послѣ ея смерти приданое ея раздѣлить поровну между ея сестрами. Часы свои она отдала брату Андрею, съ просьбою ея не забывать. Всѣ вокругъ нея рыдали, одна страдалица была покойна, смотрѣла смерти прямо въ глаза и просила родителей итти отдохнуть, увѣряя, что чувствуетъ себя

лучше. Въ половинѣ четвертаго графиня уговорила мужа прилечь, утверждая, что, по мнѣнію доктора, роковая развязка не такъ еще близка. Убитый горемъ и самъ больной Ѳедоръ Васильевичъ ушелъ къ себѣ и заснулъ. Часа два спустя, жена разбудила его словами: «Лиза скончалась въ шесть часовъ и скончалась католичкой: послѣ вашего ухода она отреклась отъ православія и причастилась св. таинъ по католическому обряду».

Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать несчастный отецъ! Онъ понялъ, что удалили его съ злымъ умысломъ, чтобы привести въ исполненіе заранѣе подготовленный коварный замыселъ, и истерзанному его сердцу былъ нанесенъ жесточайшій ударъ извѣщеніемъ о предсмертномъ отреченіи любимаго ребенка отъ вѣры праотцовъ! Пусть каждый отецъ, преданный сынъ своей церкви, теряющій дочь, представитъ себѣ нравственную пытку, которой подвергла его неумолимая фанатичка жена!

Мать моя часто мнѣ рассказывала ужасныя подробности этой смерти, слышанныя ею не отъ одного А. Я. Булгакова: удаливъ довѣрчиваго супруга, Екатерина Петровна позвала католическаго священника и заперлась съ нимъ и съ приживалками въ комнатѣ умирающей. Что тамъ произошло? Угрозами ли заставили несчастную причаститься облаткой или воспользовались ея слабостью, чтобъ вымучить ея отреченіе отъ православія,—это осталось тайной, и одно только извѣстно: предсмертная агонія страдальцы была не только борьбой между жизнью и смертью, но и борьбой изнасилованной души... Такъ понялъ это убитый горемъ отецъ. Онъ отвѣтилъ торжествующей католичкѣ: «Когда я простился съ моею дочерью, она была православной». И послалъ за приходскимъ священникомъ.

Взбѣшенная фанатичка въ свою очередь послала за аббатомъ. Оба встрѣтились у тѣла усопшей и отказались служить панихиду. Тогда дѣдъ мой написалъ митрополиту. Узнавъ, что усопшая исповѣдывалась и причащалась наканунѣ безъ малѣйшаго протеста и намекъ на будто бы поколебавшуюся въ ней вѣру въ нашу святую церковь, митрополитъ Филаретъ приказалъ отпѣвать ее, какъ православную. Лизу Ростопчину похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ умершими до нея младенцами, братомъ ея Павломъ и сестрой Маріей. Возлѣ нея вскорѣ тутъ положили и отпаихъ, а затѣмъ Наталью Ѳедоровну Нарышкину и мою мать. Осталось еще одно мѣсто, надѣюсь, для меня, такъ какъ братъ мой Викторъ Андреевичъ похороненъ въ Омской губерніи.

Вся Москва явилась на похороны столь рано почившей юной красавицы. Отсутствовала только ея мать, какъ вполнѣдствіи она отсутствовала при похоронахъ мужа... Свято берегла она свою душу отъ оскверненія схизматическими обрядами.

Съ этой минуты дни Ѳедора Васильевича были уже сочтены. Онъ сталъ постоянно хворать; московскій пожаръ надломилъ его

желѣзную, энергичную натуру, вынесшую всю лихорадочную дѣятельность эпохи, предшествовавшей сдачѣ Москвы. Онъ не умеръ «отъ Москвы», какъ любилъ повторять доблестный князь Багратионъ, когда умирающаго дѣда моего вывели изъ обреченной на гибель столицы, но онъ похоронилъ съ нею всю свою дѣятельность, карьеру, цѣль жизни. Что-то могучее и свѣтлое оборвалось въ его сердцѣ, когда съ высотъ Воробьевыхъ горъ онъ въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ волшебную красоту стоглавой «матушки Москвы». Умеръ тогда московскій главнокомандующій, вѣрный слуга и сынъ отечества, остался жить только графъ Ростопчинъ, любящій мужъ и нѣжный отецъ.

Мы знаемъ, что, какъ мужъ онъ былъ поруганъ въ своемъ довѣрїи къ женѣ, и много выстрадалъ, какъ отецъ, отъ старшаго сына, отъ перехода въ католичество второй своей дочери и отъ брака ея съ чужестранцемъ; утѣшеніемъ и гордостью оставалась для него только младшая дочь, и эту похитила у него смерть. Онъ остался одинъ у домашняго очага (второй сынъ его былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать отца), съ суровой, взбалмошной женой, которую онъ не могъ больше ни любить, ни уважать. Ихъ связывало только свѣтское приличіе, союзъ же душъ ихъ давно былъ нарушенъ неумолимымъ фанатизмомъ графини. Печальны были послѣдніе годы русскаго вельможи, бывшаго главнокомандующаго Москвы, великаго патріота Ростопчина! Всѣ относились къ нему съ уваженіемъ и чтили въ немъ прошлое; даже и враги, созданные его острымъ языкомъ и вспыльчивымъ нравомъ, были обезоружены внезапною кончиною его любимой дочери. Смерть эта окончательно омрачила послѣдніе дни Федора Васильевича: ему оставалось жить однимъ умомъ, для сердца радостей уже не было, а тѣлесные недуги усиливались. Выѣзжалъ онъ мало, и единственнымъ развлеченіемъ служили ему посѣщенія друзей, къ числу которыхъ принадлежалъ А. Я. Булгаковъ. Къ довершенію всего, домашній строй со дня на день усиливалъ раздражительность графа: духовный разладъ съ женою обострялся и тѣмъ болѣе разрушительно на него дѣйствовалъ, что гордый и скрытый нравъ заставлялъ его все таить въ себѣ. Никогда не жаловался онъ никому на свои семейныя невзгоды и, не взирая на пылкій нравъ и впечатлительность, ни разу не обмолвился ни единымъ словомъ самымъ близкимъ о своей горькой, сердечной тайнѣ. А. Я. Булгаковъ хотя многое и подозрѣвалъ, но такъ уважалъ графа, что свято хранилъ про себя свои догадки и предположенія.

Въ октябрѣ 1825 года съ графомъ случился сильный припадокъ разлитія желчи. Въ началѣ декабря было два консилиума, но болѣзнь, при сильно разстроенномъ организмѣ, лѣченію не поддавалась. 25-го декабря, докторъ Пфеллеръ сталъ опасаться воспаления въ кишкахъ съ гангреной. Надо было приготовить больного

къ исполненію послѣдняго христіанскаго долга; графиня отъ этого отказалась, подъ предлогомъ, что боится его испугать, но я увѣрена, что ей просто не хотѣлось впускать въ домъ «схизматика» изъ поповъ, о которыхъ она всегда выражалась съ ненавистью. Въ этомъ случаѣ ей, пожалуй, можетъ служить извиненіемъ увѣренность въ невозможности получить отпущенія грѣховъ отъ православнаго причастія.

По праву старой дружбы, А. Я. Булгаковъ рѣшился сказать графу, что ему слѣдовало бы исполнить долгъ всякаго тяжело больного христіанина. Зорко на него взглянувъ, графъ спросилъ: «Кто поручилъ вамъ мнѣ это сказать, жена моя или докторъ?» Булгаковъ отвѣтилъ, что никто ему этого не поручалъ, и графъ приказалъ входившей въ эту минуту въ комнату графинѣ послать за приходскимъ священникомъ¹⁾.

Исповѣдь и причастіе продолжались около часу, и когда домашніе вошли къ графу, онъ взялъ руку Булгакова и сказалъ съ чувствомъ: «Благодарю васъ, мой другъ, вы мнѣ доказали вашу привязанность». На вопросъ: «Не утомился ли онъ?» графъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, хотя я много говорилъ. Я очень доволенъ и собою, и священникомъ. Это умный человѣкъ». Затѣмъ, онъ обратился къ Брокеру: «Адамъ Ѳомичъ, вотъ крестъ съ мощами, хранящійся болѣе ста лѣтъ въ нашемъ родѣ, сбереги его для Андрея».

Такъ какъ А. Ѳ. Брокеръ будетъ играть большую роль въ моемъ разсказѣ, считаю необходимымъ сказать про него нѣсколько словъ.

Родомъ шведъ, Брокеръ служилъ сначала во флотѣ, потомъ въ московскомъ почтамтѣ и былъ отставленъ почтдиректоромъ Ключаревымъ въ 1810 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ключаревъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ московскихъ масоновъ, скрывалъ свой мистицизмъ подъ личиной добродушія, а пылкій и откровенный Брокеръ ненавидѣлъ фальшь и притворство. Въ то время почтдиректора пользовались привилегіей пересылать свои письма и посылки даромъ и злоупотребляли этимъ, чтобъ посылать и получать почтой безвозмездно цѣлые тюки. Однажды такой тюкъ, присланный изъ-за границы, былъ вскрытъ, и въ немъ оказались запрещенныя для ввоза въ Россію табакерки изъ Брауншвейга, главнаго мѣстопробыванія масоновъ. Присутствовавшій при вскрытіи тюка Брокеръ приказалъ другому чиновнику, Рудольфову, составить протоколъ. Разгнѣванный разоблаченіемъ его

¹⁾ По словамъ Снегирева («Русскій Архивъ», октябрь 1903 г., стр. 283), вотъ какъ произошло это событіе: «Онъ (графъ Ростопчинъ) исповѣдывался и причащался у приходскаго іерея Сергѣя Алексѣева (впослѣдствіи протоіерея Казанскаго собора), соборовался, стоя на ногахъ, велѣлъ похоронить себя въ томъ же сюртукѣ и туфляхъ, въ которыхъ ходилъ, безъ всякой пышности, просто, одному священнику. Это было за два дня до его смерти».

тайны Ключаревъ приказалъ Рудольфову подать въ отставку. Несчастный имѣлъ жену и дѣтей и, кромѣ службы, никакихъ средствъ къ существованію. Пылкій Брокеръ, чтобъ его спасти, полетѣлъ въ Петербургъ, явился къ главному директору почтъ, князю Куракину, и добился смѣщенія Ключарева и назначенія на его мѣсто Рудольфова, самъ же вышелъ въ отставку. Въ 1798 г., онъ имѣлъ случай познакомиться съ отцомъ графа Ростопчина, орловскимъ помѣщикомъ Василиемъ Ѳедоровичемъ, человѣкомъ веселымъ и добродушнымъ, который такъ съ нимъ сошелся, что, прїѣзжая по дѣламъ въ Москву, всегда его навѣщалъ, поручалъ ему веденіе своихъ дѣлъ и иногда останавливался въ его маленькой квартирѣ, при чемъ нимало не стѣснялъ часто собиравшееся у гостепріимнаго хозяина общество молодежи. Старикъ Ростопчинъ скончался въ 1799 году. Сынъ его, конечно, вспомнилъ о Брокерѣ и, когда въ іюлѣ 1812 года былъ назначенъ главнокомандующимъ Москвы, назначилъ его третьимъ московскимъ полицмейстеромъ, уважая въ немъ необыкновенную честность, признанную всѣми жителями Москвы безъ исключенія. Про его безкорыстіе рассказывали множество анекдотовъ, между прочимъ мнѣ извѣстно, что онъ передалъ дѣду сумму въ 30 тысячъ, поднесенную ему московскими купцами въ корзинѣ съ фруктами, и на эти деньги дѣдъ построилъ бесѣдку для музыкантовъ на Тверскомъ бульварѣ. Кромѣ честности и дѣятельности, дѣдъ цѣнилъ въ Брокерѣ тожественную съ нимъ антипатію къ масонамъ и къ Ключареву. Извѣстно, какъ страстно и неуспынно преслѣдовалъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ масоновъ; ему, конечно, лучше, чѣмъ кому либо, были извѣстны причины, навлекшія на нихъ гнѣвъ императрицы Екатерины II. Онъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что Брокеръ, личный врагъ ихъ представителя Ключарева, будетъ зорко слѣдить какъ за ними, такъ и за мартинистами, которые подъ личиною благочестія и благотворительности всюду преслѣдовали политическія цѣли.

Когда въ 1815 году графъ Ѳедоръ Васильевичъ переѣхалъ на время въ Петербургъ передъ своимъ отъѣздомъ за границу, онъ поручилъ преданному ему Брокеру веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ и управленіе всѣми своими имѣніями, селомъ Вороновымъ въ Московской губерніи и другими въ Орловской и Воронежской. Изъ переписки ихъ, довѣренной издателю «Русскаго Архива» сыномъ покойнаго Брокера, Владимиромъ Адамовичемъ, можно судить объ отношеніяхъ дѣда къ его отцу. Графъ постоянно называетъ Адама Ѳомича «сердечнымъ другомъ» и выражаетъ такое довѣріе къ его честности и преданности, что это и удивляетъ, и трогаетъ въ такомъ скептикѣ, какимъ былъ строгій, неумолимый въ сужденіяхъ своихъ о людяхъ, графъ Ростопчинъ. Всѣ друзья его отличались благородствомъ души, умомъ и преданностью отечеству: оба Ворон-

цовы, князь Циціановъ, князь Багратіонъ, Булгаковъ, Горчаковъ и другіе; скромный Брокеръ занималъ въ сердцѣ дѣда не послѣднее мѣсто въ этой блестящей компаніи. Вернувшись на родину, графъ помѣстилъ его съ семьей въ одномъ изъ флигелей своего дома. Брокеръ былъ при немъ неотлучно во время его болѣзни и присутствовалъ вмѣстѣ съ Булгаковымъ при его кончинѣ.

Послѣ причастія дѣду немного полегчало, но не надолго, и, чувствуя приближеніе смерти, онъ сказалъ: «Я вижу, что дальше жить недостойнъ, и прошу Бога избавить меня отъ страданій». 27-го числа онъ соборовался, и твердость его духа и христіанское смиреніе поражали всѣхъ присутствующихъ. Онъ со всѣми прощался, всѣхъ близкихъ одарилъ по-царски и сказалъ священнику: «Похороните меня, батюшка, въ простомъ гробѣ, положите рядомъ съ моею дочерью Лизою. На могилѣ моей быть простой мраморной доскѣ съ надписью: «Здѣсь прахъ Федора Ростопчина», безъ всякихъ титуловъ».

Часто благодарилъ онъ Бога, что умираетъ въ Москвѣ, среди друзей, благодарилъ А. Я. Булгакова за напоминаніе объ исполненіи христіанскаго долга передъ смертью и за то, что онъ заставилъ его простить старшаго сына, Сергѣя, котораго онъ заочно благословилъ и приказалъ женѣ выдавать ему ежегодно на содержаніе 20 тысячъ, если окажется, что долги его превышаютъ стоимость оставленнаго ему имѣнія. Но, невзирая на твердость духа, страданія часто вырывали у него восклицаніе: «Господи, сжался надо мною грѣшнымъ, прекрати мои страданія!» На замѣчаніе Булгакова, что страданія временныя, а блаженство вѣчно, онъ смиренно возражалъ: «Недостойнъ я царства небеснаго», на что подруга его жизни утѣшала его такими словами: «Кто смиряется передъ Богомъ, тотъ этимъ возвышается. Вспомни о разбойникѣ на крестѣ и не сомнѣвайся въ милости Божіей». Къ утру съ нимъ сдѣлался легкій нервный параличъ, послѣ котораго онъ началъ говорить съ трудомъ, вечеромъ снова со всѣми простился и у всѣхъ просилъ прощенія, потомъ приказалъ принести шкатулку съ табакерками и приказывалъ Брокеру кому какую отдать: зятю Сегюру, дочери Натальѣ, князю Масальскому, Муромцеву князю А. П. Оболенскому, Кампорозію и другимъ, и дѣлалъ разныя распоряженія.

Жилъ у него изъ милости грекъ Метакса съ семьей; онъ благодарилъ его за дружбу и назначилъ ему изъ доходовъ сына Андрея пожизненную пенсію въ двѣ тысячи рублей. Метакса зарыдалъ и упалъ на колѣни. Графъ сказалъ: «Счастливъ я, что могу сдѣлать добро доброму семейству». Обратившись къ двумъ своимъ камердинерамъ, французамъ, онъ сказалъ: «Друзья мои, вы усердно мнѣ служили въ продолженіе семи лѣтъ, можете оставаться при моей женѣ, а если пожелаете вернуться на родину, вамъ выдадутъ

каждому по три тысячи франковъ. Не забывайте меня». Русскихъ же людей онъ отпустилъ на волю и каждого съ наградою.

Брокеру онъ ничего не сказалъ, но вытребовалъ незадолго передъ тѣмъ свое духовное завѣщаніе изъ опекунскаго совѣта и прибавилъ къ нему нѣсколько строкъ.

Пораженный такою христіанскою смертію, растроганный Булгаковъ сказалъ ему: «Я напишу исторію вашей жизни». «Для чего?» «Это послужитъ мнѣ утѣшеніемъ». «Это—дѣло другое, но прошу васъ, мой другъ, пишите одну только правду». «Вамъ нечего опасаться», отвѣчалъ Булгаковъ.

Оба его легкія были поражены. Забѣтивъ, что доктора удалились для завѣщанія, онъ сказалъ Булгакову: «Другъ мой, упростите, пожалуйста, Пфеллера не давать мнѣ лѣкарства для продленія жизни, я страдаю, мучу жену и васъ всѣхъ».

Крѣпость его организма была такова, что онъ прожилъ до 18-го января, съ водянкой въ груди, пораженными легкими, съ огромнымъ скопленіемъ желчи, давившимъ печень, и, кромѣ того, съ обычными своими недугами—ревматизмомъ, геморроемъ и полнѣйшимъ нервнымъ расстройствомъ. И при всемъ этомъ выдавались такіе дни, когда друзья его надѣялись, что изумительная сила его организма одолѣетъ всѣ эти недуги. Иногда страшныя муки заставляли его молить о смерти, и онъ просилъ докторовъ скорѣе прекратить его страданія. Опіумъ мало дѣйствовалъ. И все-таки свойственный ему юморъ его не покидалъ, и во время одного изъ перерывовъ между припадками жесточайшей боли, услышавъ, что присутствующіе разговариваютъ между собою о декабристѣ Трубецкомъ и о планахъ его произвести въ Россіи такую же революцію, какую сдѣлали во Франціи, онъ замѣтилъ: «Это совершенно напротивъ. Тамъ повара захотѣли сдѣлаться князьями, а у насъ князья—сдѣлаться поварами».

16-го января, ночью, произошла перемѣна къ худшему: одинъ глазъ ввалился, на лбу и на рукахъ появились черныя пятна, его перестали понимать, но наканунѣ смерти онъ внятно сказалъ, протягивая руку Метаксѣ и Булгакову: «Прощайте, прощайте, я умираю».

Скончался онъ 18-го, въ семь часовъ вечера, въ присутствіи Булгакова и Брокера. Графиня подъ предлогомъ головной боли удалилась на свою половину тотчасъ послѣ обѣда. Въ 5 часовъ вѣрные друзья слышали слова, произнесенныя умирающимъ: «Боже! Боже! возьми меня!» Это были его послѣднія слова. Отдавшись въ руки Создателя и Судіи своего, онъ болѣе не произносилъ ни слова и лежалъ спокойно, безъ стонувъ, но въ памяти. Друзья его, сидя поодаль, тихо разговаривали между собою о состояніи дорогого умирающаго. Брокеръ сказалъ, что графъ ужъ потерялъ сознание, и что д-ръ Рамихъ съ минуты на минуту ждетъ пара-

лица мозга, но тутъ Булгаковъ увидалъ, что графъ правой рукой щупаетъ пульсъ у лѣвой, и сказалъ: «Вотъ вамъ доказательство, что онъ въ полной памяти, онъ щупаетъ себѣ пульсъ». «Быть не можетъ!» возразилъ Брокеръ и подошелъ къ постели умирающаго: графъ дѣйствительно щупалъ себѣ пульсъ. Вскорѣ Брокеръ услышалъ у него шумъ въ груди, но Булгаковъ, стоявшій дальше, ничего не слышалъ. Шумъ повторился: то была мокрота, ускорившая конецъ. Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина: сердце, горѣвшее столь пламенною любовью къ отечеству, перестало биться. Московскій патріотъ, наполнившій міръ своею славою и умомъ, окончилъ свое земное поприще, душа его, прошедшая черезъ горнило страданій, отлетѣла...

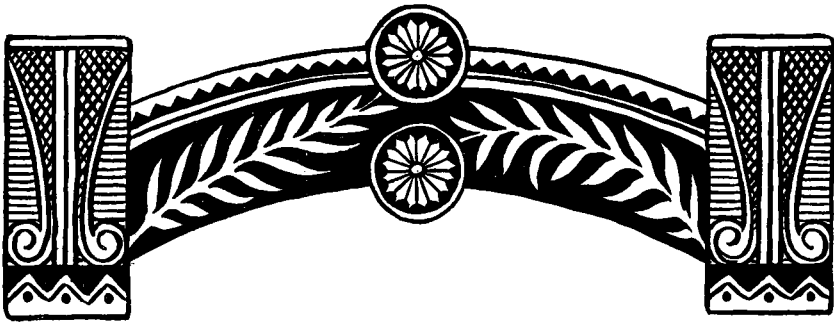
Встревоженный спокойствіемъ умирающаго, Булгаковъ взялъ свѣчу и подошелъ къ изголовью: графъ Ростопчинъ былъ уже безъ дыханія. Преданный другъ закрылъ глаза въ то время, какъ Брокеръ придерживалъ его голову. Въ эту минуту у обоихъ одно только было на умѣ: онъ пересталъ страдать!

До слѣдующаго утра графиня не выходила изъ своихъ комнатъ. Подходила ли она къ тѣлу мужа—неизвѣстно. Булгаковъ пишетъ, что она на другой день за нимъ послала, чтобъ узнать подробности о послѣднихъ минутахъ мужа. И тутъ только Александръ Яковлевичъ въ первый разъ увѣдомляетъ брата о переходѣ графини въ католичество, и что она имѣетъ сердце холодное, невзирая на католическую набожность. «Ворочала она и меня, но я ей сказалъ, что католики будутъ въ аду, а греки въ раю, и что спастись можно въ каждомъ вѣроисповѣданіи». Она даже не поблагодарила его за то, что онъ цѣлый мѣсяцъ почти не выходилъ изъ комнаты графа и не видѣлъ нѣжно любимой имъ семьи.

Выносъ тѣла послѣдовалъ 20 января, и хотя, по желанію графа, приглашеній никому не было послано, явилось множество народа провожать тѣло. Всѣхъ поразило, что покойникъ лежалъ, какъ живой, и нисколько не измѣнился, но еще болѣе были изумлены отсутствіемъ вдовы не только въ церкви, но и на выносѣ. Графиня, вѣрная самой себѣ, избѣгала оскверниться присутствіемъ при молитвахъ нашей православной церкви! 22 января послѣдовали похороны на Пятницкомъ кладбищѣ, въ присутствіи всей Москвы съ генераль-губернаторомъ, княземъ Д. В. Голицынымъ, во главѣ. «Можно мстить живому», пишетъ Булгаковъ, «но умершему воздастся то, чего онъ заслуживаетъ. Не будетъ другого Ростопчина».

Графиня Л. Ростопчина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ ИСТОРИИ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

(Изъ воспоминаній петербургскаго старожила).

ПРЕДЛАГАЕМЫЯ вниманію читателей «Воспоминанія петербургскаго старожила» касаются, главнымъ образомъ, событій 14 декабря 1825 года.

Происхожденіе этихъ воспоминаній слѣдующее. Довольно извѣстный въ 1860-хъ годахъ литераторъ Н. А. Благовѣщенскій ¹⁾, посѣщая одного изъ своихъ друзей, сидѣвшаго въ «Долговомъ отдѣленіи», познакомился во время этихъ посѣщеній съ помощникомъ квартальнаго надзирателя, глубокимъ старикомъ, имѣвшимъ пряжку за 50-лѣтнюю «безпорочную службу». Старикъ рассказывалъ много интереснаго изъ прошлой жизни столицы, и Благовѣщенскій тогда же по возможности дословно записалъ нѣкоторые его рассказы. Онъ пытался напечатать ихъ въ «Русскомъ Словѣ», но въ то время надъ декабристами еще тяготѣлъ цензурный запретъ, и Благовѣщенскій сначала отложилъ «воспоминанія» до болѣе удобнаго времени, а потомъ совершенно забылъ о нихъ.

Въ «Воспоминаніяхъ петербургскаго старожила», конечно, не должно искать какихъ либо новыхъ историческихъ фактовъ. Съ начала 70-хъ годовъ по настоящее время опубликована масса

¹⁾ Н. А. Благовѣщенскій (род. 1838, ум. 1889)—авторъ «Асона», «Среди богомольцевъ» и пр., сотрудникъ «Современника», «Недѣли», редакторъ «Русскаго Слова».

исторических материаловъ, относящихся къ событію 14 декабря 1825 г., воспоминаній самихъ участниковъ этого событія, отдѣльныхъ біографій и монографій и т. д. ¹⁾ Желаящіе детально изучить эту страницу русской исторіи могутъ обратиться къ этимъ первоисточникамъ или же къ капитальнымъ трудамъ Богдановича, Шильдера и др. историковъ. «Воспоминанія старожила» интересны прежде всего, какъ бытовая картинка. Читая ихъ, вы можете видѣть, какъ относился къ крупному историческому событію маленькій русскій чиновникъ, принимавшій въ немъ косвенное участіе,

¹⁾ Укажемъ лишь на главнѣйшіе матеріалы:

«Донесеніе слѣдственной комиссіи», изд. 1826 г., перепечатано въ «Русск. Архивъ» 1875 г., т. 3; см. также «Русск. Арх.» 1881 г., т. 2; «Междоцарствіе» въ «Русск. Старинѣ» 1882 г., № 7; бар. Мод. Корфъ: «Восшествіе на престолъ импер. Николая I», изд. въ 1857 г. въ С.-Петербургѣ; воспоминанія Михайловскаго-Даниловскаго въ «Русск. Стар.» 1890 г.; Сухозанета «14 декабря» въ «Русск. Стар.» 1873 г., № 3; Воспоминанія Голицына въ «Русск. Стар.» 1880 г., №№ 11—12, и 1881 г., №№ 1, 2, 3, 4, и 9; Воспоминанія Голенищева-Кутузова въ «Русск. Архивъ» 1882, № 3; Воспоминанія Деменкова въ «Русск. Архивъ» 1877 г.; Воспом. Блудова въ «Русск. Арх.» 1881 г., т. 2; Воспом. Оленина «Русск. Арх.» 1869 г.; Воспом. Гордана «Русск. Стар.» 1891 г., № 3; Воспом. Каратыгина «Русск. Стар.» 1875 г., № 4: въ статьѣ о Меттернихѣ, «Истор. Вѣстн.» 1880 г., № 2, 1881 г., №№ 5—6; Гречъ: «Записки», Спб., 1886; Кропотовъ: «Гр. Муравьевъ-Виленскій, Спб., 1874; Богдановичъ: «Исторія царств. импер. Александра I»; Шильдеръ: «Импер. Александръ I»; Шильдеръ: «Импер. Николай I». Статьи Якушкина о декабристахъ въ «Русск. Старинѣ» 1888 г., №№ 10—12, 1889 г., № 2, и въ «Вѣстникѣ Европы» 1888 г., № 11—12; П. Н. Милковъ: «Главные теченія русск. истор. мысли въ «Русск. Мысли» 1894 г., № 10, 1895 г., №№ 4, 5 и 12.

Изъ воспоминаній декабристовъ отмѣтимъ:

Басаргинъ: «Записки о происшествіи 14 декабря» въ «XIX вѣкѣ» Бартенева; Записки Батенкова въ «Русск. Архивъ» 1881 г.; Воспоминанія М. А. Бестужева въ «Русск. Старинѣ» 1870 г., № 8, и 1881 г., № 11; Воспоминанія Вѣльева въ «Русск. Старинѣ» за 1880—1886 гг. и въ отд. изданіяхъ; Воспоминанія Горбачевскаго въ «Русск. Архивъ» 1882, т. I; Записки М. Муравьева въ «Русск. Старинѣ» 1886 г., № 9 и въ «Русск. Арх.» 1871 и 1881 г. (№ 2); Воспоминанія Оболенскаго о Рытѣвѣ въ «XIX вѣкѣ» Бартенева (объ Оболенскомъ см. статью М. В. Головинскаго въ «Истор. Вѣстн.» 1890 г., № 1, и Апушкина въ «Вѣстн. Всем. Ист.» 1900 г. № 6); Воспом. Пуцина въ «Атеней» 1859 г.; Воспоминанія бар. Розена, изд. въ 1869 г.; Воспоминанія Фонвизина въ «Русск. Стар.» 1881 г., № 6, 1884 г., №№ 4—5; Воспоминанія Фалленберга въ «Русск. Архивъ» 1877 г. и въ «Русск. Стар.» 1883 г., № 6; изъ воспомин. Якушкина въ «Русск. Архивъ» 1870 г., №№ 8—9.

О пребываніи декабристовъ въ Сибири отмѣтимъ:

Дмитрѣвъ-Мамоновъ: «Декабристы въ Западной Сибири», М., 1896; Завалишинъ: «Декабристы въ Читѣ и въ Петровскѣ 1827—1840» въ «Русск. Стар.» 1881 г., № 10; стат. Кучаева «С. Р. Ленарскій, комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ съ 1826 по 1837 г.» въ «Русск. Стар.» 1880 г., № 8; «Новыя свѣдѣнія о пребываніи декабристовъ въ Нерчинскихъ заводахъ» въ «Истор. Вѣстн.» 1891 г., № 7; Струве: «Воспоминанія о Сибири» въ «Русск. Вѣстн.» 1888 г., №№ 4—11, и отд. изд.; Львовъ: «Изъ воспоминаній» въ «Русск. Арх.» 1885 г., т. I. О женахъ декабристовъ см. статью г-жи Хинъ въ «Истор. Вѣстн.» 1884 г., № 12.

Болѣе подробную бібліографію объ отдѣльныхъ лицахъ см. въ примѣчаніяхъ къ тексту статьи.

В. Батуриный.

въ качествѣ одного изъ винтиковъ сложной административной машины.

Мы печатаемъ «Воспоминанія старожила» въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, снабдивъ ихъ нѣкоторыми библиографическими примѣчаніями.

В. Батуринскій.

I.

Вечеромъ намъ удалось затащить на чашку чая Шипова ¹⁾. Онъ вошелъ, любезно раскланялся и усѣлся на стулъ, кашляя и задыхаясь. Несмотря на свое полицейское званіе, онъ оказался добрымъ и разговорчивымъ старикомъ. Мы его спрашивали и заставляли рассказывать, что онъ видалъ на своемъ вѣку и за долгую службу въ полиціи. Шиповъ былъ настоящій ходячій архивъ. Онъ былъ свидѣтелемъ многихъ важныхъ событій и рассказывалъ объ нихъ много разныхъ интересныхъ подробностей.

Всѣ его рассказы отличались безыскусственностью. Онъ относился къ факту только въ той мѣрѣ, насколько при этомъ исполнялъ свою официальную обязанность, и всегда съ этой точки разсматривалъ событіе, безъ критики, безъ разсужденій, хорошо ли это или дурно. Вотъ нѣсколько его рассказовъ:

— Я, батюшка, давно въ Петербургѣ,—говорилъ онъ,—сколько уже въ полиціи служу!

— И все до сихъ поръ помощникомъ?—спросилъ Н.

— Все помощникомъ. Предлагали мнѣ нѣсколько разъ сдѣлать надзирателемъ, да Богъ съ ними совѣмъ! Не хочу!

— Отчего?

— Оттого, что надзирателемъ побылъ три, четыре года, и вонъ! Ступай, куда хочешь! При мнѣ надзирателей, я думаю, человекъ двадцать пять перемѣнилось, а я все служу да служу. Богъ съ ними! Сперва я служилъ въ сенатѣ. Тогда еще былъ не этотъ, а старый сенатъ. Сперва съ самага-то начала я въ пѣвчихъ былъ; знаешь, пѣлъ это тамъ ге, ми, фа сол. У Бортиянскаго, братецъ мой, учился. Всѣ его концерты пѣлъ.—И онъ запѣлъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ:

Блаженни людіе, вѣдущіе воскликновеніе!

Пѣлъ онъ, зажмуривая глаза и съ пріятною улыбкою.

— Оттуда я перешелъ въ сенатъ. Въ это время въ сенатѣ было много такихъ, что и грамотѣ едва знали! Изъ сената я уже

¹⁾ Фамилія «Шиповъ»—вымышленная. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дознаться настоящей фамиліи рассказчика.

опредѣлился въ полицію и съ тѣхъ поръ вотъ и служу Я и въ двадцать пятомъ году во время бунта въ полиціи служилъ.

— Такъ вы и во время бунта были?

— Былъ, я же тебѣ говорю, братецъ! Надобно тебѣ сказать, что мы этого ничего рѣшительно не знали. Слышимъ, что Николай отказывается отъ престола, и Константинъ отказывается тоже, а почему, подлинно-то не знали. Отреченіе Константина въ Москвѣ лежало. Если бы его объявили тогда во-время, при покойномъ еще императорѣ Александрѣ Павловичѣ, такъ, пожалуй, ничего бы этого и не было! Всякій бы зналъ, кто царь! А то сегодня говорятъ: императоръ—Николай Павловичъ, а завтра—Константинъ Павловичъ. Для насъ-то это было все равно; мы одинаково исполняли свою службу. Вѣдь кто бы ни былъ царемъ, всякій отъ полиціи исправности потребуетъ. Нельзя безъ этого. Какіе ни введи порядки, а все-таки подбирать пьяныхъ, смотрѣть за порядкомъ и благочи́ніемъ и забирать мошенниковъ надо; значитъ, безъ полиціи не обойдешься. Такого времени, братецъ, никогда не бывало, какъ тогда. Бывало и бумаги и указы такъ и пишутся одинъ день: указъ его императорскаго величества Константина Павловича; смотришь: завтра несутъ указъ императора Николая. Ну, вотъ отъ этого пошли, разумется, толки: кто же долженъ царствовать? Кто имѣетъ законное право на престолъ? А ты знаешь, какъ у насъ толкуютъ? Иной ничего во всю свою жизнь не видалъ, не слышалъ и не читалъ, и не знаетъ ничего, а туда же толкуетъ. Положимъ тамъ, кто все это зналъ, читалъ, ну, и слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, ну, тѣ очень хорошо знали, что Константинъ Павловичъ и Николай Павловичъ уступали другъ другу престолъ; а поди, вразуми всѣхъ! Это вотъ чернь и люди темные стали болтать, что они спорятъ, кому царствовать, и отнимаютъ другъ отъ друга престолъ. Все это распускали и люди злонамѣренные; ну, а простой народъ вѣрилъ. Ты ему наговори, поди; онъ и уши развѣситъ. Дураки! Ну, наконецъ, объявили Николая Павловича. Ничего, идетъ это все, какъ слѣдуетъ. Я тогда въ первой части былъ, и нашъ кварталъ былъ на канавѣ. Этой канавы теперь нѣтъ. Вотъ теперь тамъ Конногвардейскій бульваръ, липки насажены, казармы эти съ лошадьми; а тогда этого ничего не было. Петербургъ-то на моихъ глазахъ, поди-ка ты, какъ измѣнился; совсѣмъ другой сталъ.

— Ну, что же вы начали про 14 декабря говорить?

— Да, да. Иду я, братецъ ты мой, утромъ въ кварталъ, это 14 декабря,—го. Со мною были кое-какія бумаги; съ однимъ мошенникомъ тогда мы бились. Смотрю я: народъ это ходитъ. Ну, что же? пусть его ходитъ. Все это тихо, хорошо, въ порядкѣ; ни буйства, ни безначалія никакого нѣтъ; все какъ должно. Только я и думаю про себя: что это народъ такъ расходился? Вниманія, зна-

ешь, большого не обратилъ, такъ только подумалъ, да и забылъ; извѣстно, народъ глупъ, на все идетъ смотрѣть. Вотъ недавно кто-то разбилъ на панели бутылъ съ молокомъ; собралась толпа смотрѣть на пролитое молоко; другіе, видя толпу, Богъ знаетъ откуда шли тоже поглазѣть. Пришелъ я въ кварталъ. Ничего, сѣли это мы, какъ слѣдуетъ. Вдругъ слышимъ на улицѣ крикъ. Что такое? Говорятъ, что идутъ толпы разнаго званія людей, и всѣ кричатъ. Вотъ мы и вышли. Слышимъ, кричатъ: «Константина! Константина!» Намъ, братецъ, и въ голову не пришло, что это такое! Дурятъ, думали, пьяные или такъ.

— Правда ли, что кричали: да здравствуетъ царь Константинъ и жена его Конституція?

— Нѣтъ, братецъ ты мой! «Да здравствуетъ» — этого у насъ никогда не крикнуть. И все это, какъ ты сказалъ, длинно; гдѣ имъ прокричать все это? Кричали: Константина! Конституцію! Можетъ быть, ктонибудь тамъ, пьяный какой, и крикнулъ: Константина и жену его Конституцію, — не спорю. Вѣдь тутъ было много всякихъ. Мы, знаешь, это въ разныя стороны, да давай ихъ унимать. Я тоже, — тогда это былъ молодой этакій, ретивый, — убирайтесь, кричу, такіе вы сякіе, сухіе, немазаные! вотъ я васъ покричу! А они, братецъ, на меня. Тогда у насъ были эти мундиры съ питьемъ и ботфорты. Сейчасъ видятъ полицейскаго. Кварташка! говорятъ. Убить его! Я давай, братецъ ты мой, отъ нихъ Богъ ноги, бѣжать, они за мной. Я вскочилъ въ домъ, на дворъ почти безъ памяти; гляжу: окно въ подвалъ и этакъ еще разломано, я туда. Упалъ тамъ въ какую-то грязь, мундиръ это и все перегадилъ. Въ подвалѣ стояли пустыя кадки; я въ уголъ забрался, да кадкой и накрылся. Самъ не знаю, сижу, живъ ли я или мертвъ. Вотъ, думаю, сейчасъ найдутъ. Сижу, да въ грѣхахъ каюсь; отходную себѣ читаю.

— Струсилъ?

— Какъ же не струсить? Чудной ты, право! убьютъ вѣдь! Квартальному надзирателю нашему, братецъ, голову въ четырехъ мѣстахъ пробили. Извѣстно, бунтовщики! Когда ужъ рѣшились на такое дѣло, осмѣлились противъ царя пойти, такъ имъ все нипочемъ. Что имъ значитъ кварталный! Да и полиція имъ хуже ножа остраго. Вотъ, братецъ ты мой, опомнился наконецъ въ подвалѣ-то. Приподнялъ бочку — никого! Хотѣлъ было вылѣзть; вдругъ шорохъ этакій. Я думалъ, братецъ, что это они, окаянные, притаились, попрятались тоже и караулятъ меня; я опять кадкой и накрылся. Только нашелъ я въ кадкѣ скважину и смотрю. Дышать, братецъ, боялся. Что ты съ ними сдѣлаешь? Убьютъ!

— Это крысы возятся, большунія этакія. А, прахъ васъ побери, проклятыя! Сбросилъ я эту бочку, посмотрѣлъ въ окно: никого, какъ есть ни одной души. Я и вылѣзъ изъ подвала. Гово-

рятъ мнѣ, что на площади народу бездна. Я, братецъ, переодѣлся въ штатское платье, надѣлъ полушубокъ — у дворника взялъ — и пошелъ. Смотрю: на площади-то народу видимо-невидимо! А все еще подходятъ. Подходятъ это тихо, чинно, безъ крику. И мужчины тутъ, и женщины съ дѣтьми; говорятъ: парадъ, должно быть, или смотръ. Ты знаешь: нашъ народъ лишь бы поглазѣть на что нибудь. Я тоже протискаваюсь; дай, посмотрю, молъ, что это такое. Да и дивлюсь: какъ это парадъ или смотръ тамъ такой, а у насъ по полиціи никакого наряду не было! Въ это время государь объѣзжалъ полки, которые остались вѣрными; говорилъ съ ними. Тамъ ура или здравія желаемъ! Ну, парадъ или смотръ, да и только.

— Ну, а бунтовщики что же?

— Бунтовщики ничего; тоже стоятъ на площади; шумъ это небольшой; ну, да и немудрено: народу много собралось.

— И ничего они не дѣлали?

— Что же имъ дѣлать?

— Такъ какой же это бунтъ?

— Какъ, братецъ, какой бунтъ? Зачѣмъ они пришли-то? Противъ кого стали? Бунтовщики! какъ же не бунтовщики? Говорятъ, ихъ уговаривали разойтись по домамъ тихо! Не знаю этого, впрочемъ, навѣрно; не слыхалъ самъ. Да вѣрно, мало кто и слышалъ, потому что многіе думали, что это парадъ или смотръ какой. Были изъ народу также и бунтовщики, такъ тѣ впереди стояли, а тутъ сзади стоялъ все такой народъ, и женщины съ дѣтьми были. Думали—парадъ. Вотъ наконецъ выпалили холостыми зарядами; думали испугать. Не тутъ-то было. Потомъ въ другой разъ. Ну, тутъ уже всѣ видятъ, что ученье; вмѣсто того, чтобы назадъ, всѣ стали тѣсниться, пробиваться впередъ, чтобы посмотреть. Я въ это время началъ продираться изъ толпы; дай, молъ, надѣну свое платье, да того, пройду поближе. Смотрю, а тутъ въ толпѣ стоитъ знакомая мнѣ дама, Варвара Григорьевна. Хорошенькая такая, шельмовская дочь, была! Я, признаться, ей тогда шуры, муры, амурь, извѣстно, какъ молодой человекъ, строилъ. Она мнѣ очень нравилась; я въ нее влюбленъ былъ. Я подхожу къ ней, кланяюсь; она меня сперва въ тулупъ-то и не узнала. А потомъ захохотала и говоритъ: ахъ, Иванъ Григорьевичъ, что это вы такъ нарядились? Я говорю: расскажу потомъ, сударыня.—Она смѣется—вѣрно, говоритъ, волочитесь! Ну, натурально я тогда былъ не такой, а молодой еще мальчишка; этакій изъ себя ничего, ну, и большой охотникъ до женскаго пола.—Что это, говоритъ она, тутъ такое? — Я говорю: ученье, смотръ государь дѣлаетъ; должно быть, по тревогѣ вывелъ. Побудьте тутъ; я сейчасъ живо сбѣгаю домой, надѣну мундиръ и проведу васъ впередъ.—Только это я, братецъ мой, отъ нея, я думаю, двухъ шаговъ не успѣлъ сдѣлать, какъ грянуть

вдругъ настоящими-то выстрѣлами. Боже ты мой, что тутъ такое поднялось! Весь этотъ народъ разомъ вскрикнулъ; раздался визгъ, стонъ, такой вопль, что и въ жизнь свою больше никогда не слыхивалъ. Такъ это страшно и жалко было; у меня волосы дыбомъ стали, а ужъ сердце и не знаю что. Самъ ты посуди: всѣ это закричали, завизжали: мужчины, женщины, дѣти; плачь, стонъ, ревъ; всѣ бѣгутъ. Тутъ мать потеряла дитя; тамъ младенца выбили изъ рукъ и растоптали. Всѣ кричатъ, бѣгутъ и ничего не помнятъ. Ну, и я струсилъ пуще утрешняго; давай Богъ тоже ноги! Въ кварталъ и спрятался. А тамъ, братецъ ты мой, на площади и пошла потѣха! Бунтовщики тоже давай стрѣлять, и въ нихъ стрѣляютъ. Пукъ, пукъ, бумъ, бумъ! Страсти что такое. Артиллерія эта ихъ крѣпко жарила картечами. Прибѣжалъ я въ кварталъ; сижу еле живъ; крикъ, вошь, стонъ! тамъ стрѣляютъ; картечь эта летитъ всюду, народъ бѣетъ въ догонку! Ужасъ! Такого дня я больше и не запомню. Сраженье!

— Такъ вы все время въ кварталѣ и просидѣли?

— Такъ и просидѣлъ. Потомъ, какъ все утихло, перестали выстрѣлы, вотъ насъ и послали на площадь. Страхъ, братецъ мой, вспомнить. На улицѣ это трупы; снѣгъ это весь перемятъ и смѣшанъ съ грязью и съ кровью. Стоны на площади-то. Кому руку оторвало, кому ногу, кому пробило бокъ, кому челюсть вывернуло. Нѣкоторыхъ толпа раздавила совсѣмъ и кишки выдавила и лицо, какъ блинъ, сдѣлала. Гляжу, братецъ ты мой, и барынька эта, съ которой я разговаривалъ, Варвара Григорьевна, тоже лежитъ. Дай Богъ ей царство небесное! Убили ли ее, или толпа задавила, затоптала, Богъ ее знаетъ. Поплакалъ я надъ нею. Нельзя же; молодой человѣкъ тогда еще былъ, влюбленъ страшно. Ей-Богу! Вѣдь жениться хотѣлъ на ней. Молодость! жаръ! Какъ увидѣлъ ее, такъ мнѣ стало горько, что въ ту минуту вотъ, кажется, самъ бы умереть готовъ былъ!

Онъ замолчалъ, пожевалъ губами, высморкался и продолжалъ.

— Вотъ вѣдь сколько прошло лѣтъ, и женатъ, дѣтей имѣю, внучать, а какъ вспомнишь... такъ вотъ за сердце и возьметъ! Молодость, братецъ! Эхъ!

— Ну, что же, на площади много было убитыхъ?—спросилъ я, чтобы поставить Ивана Григорьевича на прежнюю точку разговора.

— Много, братецъ мой. Вѣдь сказано: пуля дура! Картечь не разбираетъ! На зданіяхъ вокругъ всѣ стѣны были забрызганы мозгами и кровью. Сенатъ тогда былъ не этотъ, что вотъ теперь стоитъ, а старый, и были тамъ сдѣланы этакіе вѣсы правосудія, что ли, чортъ ихъ тамъ знаетъ. Такъ народъ забрался туда, братецъ ты мой, чтобы лучше видѣть. Такъ тамъ смотришь: ноги висятъ, а верхней части туловища нѣтъ. Страхъ просто! Велѣно было все это убрать и въ порядокъ привести, чтобы и слѣдовъ

никакихъ не оставалось. Вычистили это мостовую и все. А трупы-то, кажется, будто бы на барки валили, на этой самой канавѣ, что я тебѣ говорилъ, гдѣ теперь бульваръ съ липками. Говорю: кажется, потому что вѣрно-то не помню ¹⁾. Давно уже было, да и не тѣмъ я тогда занимался. Начались эти аресты, вся полиція была на чеку. Служба была, не приведи Богъ, какая!

II.

— Начались, братецъ ты мой, аресты. Былъ я, кажется, при двухъ или трехъ, не помню. Много, вѣдь, тогда брали. Должно быть, они перетрусили послѣ 14 декабря, или уже увидѣли, что барахтаться нечего; только, братецъ мой, не сопротивлялись. Арестовали мы ихъ какъ обыкновенно. Сперва думали, что ихъ трудно будетъ брать, придется забирать съ бою, а вышло прелегко. Тутъ мнѣ дали другое назначеніе.

Былъ, братецъ мой, въ Петербургѣ князь Адуевскій ²⁾, служилъ въ конной гвардіи. Богатый былъ человекъ, молодой и славный такой. А ужъ съ прислугой какой былъ, такъ и сказать нельзя. Прислуга его ужасно любила. У него даже коллежская секретарша одна въ услуженіи была. Жилъ онъ тутъ въ Большой Морской.

14-го числа онъ смѣнился съ караула, внутри дворца въ караулѣ былъ. Смѣнился такъ послѣшно и пріѣхалъ на извозчикѣ.

Пришелъ домой, переодѣлся поскорѣе, надѣлъ шинель, шляпу съ перомъ и пошелъ.

— Не видали мы,—говорятъ люди,—когда и какъ онъ пистолетъ взялъ!

У него на стѣнѣ висѣли прекрасные пистолеты. Ихъ не нашли, такъ и догадались, что онъ ихъ взялъ. Такимъ манеромъ сѣлъ онъ на извозчика, еще сквернаго такого, и поѣхалъ. Дворецкій удивился и говоритъ, когда тотъ садился:

— Что это вы, ваше сіятельство?

— Ничего, говоритъ.

Люди только дивятся, что это съ нимъ! никогда на извозчикахъ не ѣздилъ.

А онъ, братецъ ты мой, понимаешь, шмыгъ на площадь. Его тамъ видѣли въ числѣ бунтовщиковъ, да и по дѣлу, по бумагамъ, оказалось, что онъ участникъ. Какъ начали забирать всѣхъ, вотъ

¹⁾ Сравни воспоминанія англійскаго путешественника Чарльза Арла (въ *Cornhill Magaz.*, 1900). напеч. въ извлеченіи въ «Вѣстн. Всем. Исторіи», 1901, № 1 стр. 260—263.

²⁾ Кн. А. П. Одоевскій. О немъ см. его біографію, составленную Сиротининымъ въ «Истор. Вѣстн.» 1883 г., № 5; также см. «Русск. Стар.» 1870 г., №№ 1—2 «Стихотворенія А. И. Одоевскаго» изданы бар. Розеномъ, Спб., 1883.

и за нимъ тоже. На квартирѣ говорятъ: нѣтъ дома, уѣхалъ и не возвращался. Въ числѣ труповъ тоже ничего похожего не нашли. Никакъ его, братецъ ты мой, не могутъ отыскать; ну, скрылся человѣкъ, да и только; пропалъ, точно сквозь землю провалился! Вотъ меня и поставили къ нему на квартиру, захватывать. Можетъ быть, думали, и самъ навернется или пришлетъ когонибудь отъ себя за чѣмънибудь домой; мало ли что нужно. Ну, да и кто съ нимъ возился, такъ или могъ знать, гдѣ онъ скрывается, или тоже, можетъ, участвовалъ въ заговорѣ. Мнѣ и команды дали девять человѣкъ.

Ты слушай, братецъ; это любопытная исторія. Никакъ черезъ день,—не помню ужъ хорошо, ну, да все равно, черезъ сколько тамъ, только немного время прошло, идетъ вечеромъ изъ Екатерингофа съ караула унтеръ-офицеръ къ зарѣ на главную обвахту, извѣстно—съ рапортомъ. Идетъ это онъ около взморья, и видитъ онъ, братецъ мой, что на льду что-то чернѣется, точно будто человѣкъ лежитъ. Это не далеко отъ берега, этакъ за баркой. Тутъ барка была у берега, вѣтромъ ли ее прибило, или такъ стояла, ну, чортъ ее обдери!—не знаю.

Вотъ онъ, братецъ ты мой, унтеръ-офицеръ-то, осторожно этакъ подходитъ, подходитъ. Смотритъ: прорубь, сверху ужъ и замерзать начала, и тутъ возлѣ лежитъ шпага, пистолетъ, шинель военная и шляпа. Половина-то шинели тамъ въ проруби. Что бы это такое? думаетъ; утопили, должно быть, когонибудь. Да нѣтъ! тогда бы и шинель унесли. Должно быть, самъ бултыхнулся. Идетъ онъ мимо четвертой Адмиралтейской части; дай, думаетъ, зайду, донесу, что видѣлъ: такъ и такъ. Ну, и зашелъ, а тамъ въ части и полицмейстеръ Тихачевъ пріѣхалъ,—сидитъ. Унтеръ-офицеръ рассказываетъ все это, что видѣлъ и какъ тамъ что. Тихачевъ ¹⁾ говоритъ: надобно ѣхать туда!—Такой онъ былъ строгій, неумолимый, исполнительный. И какъ ужъ этихъ заговорщиковъ искалъ, —страсть.—Ну, говоритъ унтеръ-офицеру: ты поѣдешь съ нами.—Тотъ говоритъ: не могу; я долженъ къ зарѣ поспѣть на главную обвахту.—Я, говоритъ, отвѣчаю!—Ну, взяли этого унтеръ-офицера и поѣхали. Вырубили изо льда шинель, подобрали все это, собрали народу, давай дѣлать проруби и искать тѣло и шестами и баграми. Нѣтъ, не нашли, какъ ни бились! Болѣе сутокъ искали. Должно быть, говоритъ Тихачевъ, водою въ море унесло, или куданибудь подъ барку подбило.

Посмотрѣли платье, чье бы это такое могло быть. По формѣ какъ будто Адуевского, конно-гвардейская форма. А Тихачевъ съ ногъ сбился, все Адуевского искалъ. Повезъ онъ эти вещи къ

¹⁾ Чихачевъ, с.-петербургскій оберъ-полицмейстеръ въ 1825 г., впалъ въ немилость и въ 1826 г. былъ замѣненъ Княжниннымъ.

Адуевскому, чтобы показать прислугѣ, не узнаютъ ли. Какъ увидѣли они шинель и все это, такъ и взвыли въ одинъ голосъ; всѣ до одного человѣка признали его платье. Прислуга его, я тебѣ говорю, безъ памяти любила! Добрый такой былъ, ласковый.

На томъ и порѣшили дѣло, что утонулъ.

— А вы все стоите еще у него на квартирѣ?—спросилъ я.

— Все стою, съ командой.

— И много захватили?

— Нѣтъ, врядъ ли человѣкъ восемь-то попалось! Только съ начала съ самага и попадались, а потомъ, должно быть, развѣдали; никто уже не приходилъ. Вотъ, я тебѣ скажу, напримѣръ, въ первый же день, какъ меня поставили, только что вошли мы, вслѣдъ за нами приходитъ какой-то господинъ.—Дома, спрашиваетъ, Адуевскій?—Ему говорятъ: нѣтъ! Онъ было хотѣлъ за двери, а я говорю: нѣтъ-съ, позвольте!—Что, говоритъ, вамъ надобно? Кто, говоритъ, вы такой?—Я, говорю, я полицейскій офицеръ, и долженъ васъ задержать!—Меня? говоритъ, за что это?—Такъ, говорю, приказано, ужъ это не мое дѣло!—Да знаете ли, говоритъ, вы хотя мою фамилію? Кто я такой?—Не знаю! говорю.—Такъ какъ же это вы хотите меня арестовать? Съ ума вы сошли! Развѣ можно арестовать перваго встрѣчнаго?—На то, я говорю, имѣю предписание! Онъ шумѣтъ тутъ началъ. Я ему говорю: вы не сопротивляйтесь, хуже будетъ!—Куда тебѣ, и слушать не хочеть. Однако же мы его дружка заарестовали.

— Что съ этими, которыхъ вы забрали?—спросилъ я.

— Ничего. Всѣхъ повыпустили; одного, кажется, только сослали. Стою я это, а тутъ въ этой же, братецъ мой, комнатѣ ботфорты Адуевского стоятъ. Отличные ботфорты! первый сортъ; рѣдко мнѣ такіе встрѣчалось и видѣтъ; я думаю, рублей сто стоили. Мы тогда тоже ботфорты носили. Хожу я по комнатѣ, а самъ все посматриваю на эти ботфорты, просто глазъ не могу отъ нихъ отвести, такъ они мнѣ понравились. Такъ, братецъ ты мой, и горятъ, я тебѣ говорю, какъ жаръ, шельмовская ихъ душа! Такіе чудесные ботфорты. Ночью даже во снѣ приснилсь, ей-Богу, вотъ какъ теперь это помню. Должно быть, у меня тогда этакая легкая простуда была, слабая лихорадка, что ли, только мнѣ все грезилось разное несообразное, нескладница такая. Вижу площадь эту, убитые валяются, раненые, и тутъ же будто Варвара Григорьевна, и я иду съ нею подъ ручку въ этихъ ботфортахъ Адуевского представляться начальству. Утромъ, братецъ ты мой, не утерпѣлъ я, затворилъ хорошенько двери и потихоньку снялъ ботфорты съ колодокъ и примѣрилъ. Фу, ты пропасть! точно какъ будто на меня шиты. Искушеніе пуще. Хожу, глазъ отъ нихъ отвести не могу. Чортъ знаетъ! Ну, думаю, чего же зѣвать? Вѣдь Адуевскому ихъ теперь не носить; все равно пропадутъ, пожалуй, такъ, а мнѣ при-

годятся! Я ихъ, улучивши удобную минуту, и стащилъ, да съ солдатомъ домой и послалъ. Потомъ, какъ въ парадѣ куда надобно къ начальству являться или такъ одѣться понаряднѣе, я ихъ и надѣвалъ.

— Бывало свои товарищи только дивятся.—Чортъ тебя! говорятъ, гдѣ ты ботфорты такіе себѣ досталъ? — Гдѣ? я говорю, извѣстно гдѣ,—на заказъ дѣлалъ мастеръ!—За что же? говорятъ.—Извѣстно за что, за деньги! Такъ не хотѣли вѣрить, чтобы я деньги заплатилъ. Я имъ всегда бывало говорилъ: провалъ васъ возьми! развѣ намъ дарятъ такіе ботфорты! Извѣстно, какіе намъ даромъ-то дѣлаютъ!

— Такъ тѣла Адуевского и не нашли?

— Ты слушай. Онъ и топиться-то не думалъ. Чего ему топиться? Это онъ все только штуку выкинулъ! Разъ вечеромъ вдругъ пріѣзжаетъ онъ къ своему родному дядѣ Дмитрію Сергѣевичу Ланскому,—его домъ былъ тутъ недалеко отъ первой части. Обѣжалъ это Адуевскій по лѣстницѣ, въ простомъ полушубкѣ, ну, совершеннымъ мужикомъ. Даже лакеи его не узнали; только одинъ старый дворецкій узналъ, тому онъ и самъ открылся, потому что этотъ дворецкій былъ ужъ такой вѣрный человекъ, что изъ него хоть жилы тяни, такъ онъ ничего про барина не проболтается! Адуевскій бросился къ Дмитрію Сергѣевичу. Дядюшка, говоритъ, спрячьте! — Ну, ладно! дѣлать нечего, спрячу, только не надолго! Вольно тебѣ было!—Тотъ и тѣмъ былъ доволенъ.—Хорошо, говоритъ, скоро уйду! Не знаю, какъ, говоритъ, и благодарить, что спасаете меня! — Дмитрій Сергѣевичъ отвелъ его въ дальнюю комнату, — сиди, говоритъ, здѣсь и никуда ни шагу, а мнѣ надобно ѣхать! Сѣлъ онъ въ карету и прямо во дворецъ.—Такъ и такъ, говоритъ, племянникъ мой; но я всегда былъ вѣрноподаннымъ; бунтовщиковъ и измѣнниковъ скрывать не могу.—Адуевского такъ въ той комнатѣ и взяли, да въ крѣпость и отвезли, а потомъ сослали! Дмитрій Сергѣевичъ былъ такой важный; особа, братецъ мой; разумѣется, ему не покрывать же!

Тогда этихъ бунтовщиковъ въ разныхъ мѣстахъ ловили. Бестужева¹⁾, ты знаешь, въ Кронштадтѣ на косѣ схватили. Тамъ, знаешь, кладбище есть, ну, Бестужевъ тамъ и скрывался, думалъ все найти случай за границу бѣжать. Поймали его тамъ нечаянно. Поѣхалъ одинъ полицейскій офицеръ — еще знакомый мой — поѣхалъ на кладбище: тамъ ему что-то было нужно. Онъ нечаянно и увидѣлъ Бестужева. Онъ зналъ его въ лицо очень хорошо. Не знай онъ его въ лицо, такъ бы дѣло и обошлось, мало ли кого

¹⁾ Ник. Алекс. Бестужевъ, о немъ см. «Словарь» г. Венгерова и статью В. Богучарскаго въ «Мірѣ Вожьемъ» 1902 г.

встрѣтишь. Ну, его и заарестовали сейчасъ! Бестужевъ былъ важный преступникъ. А Кухельбекера¹⁾, тоже изъ бунтовщиковъ, уже въ Польшѣ настigli. Вонъ куда успѣлъ добратъся, еще бы немного, и улизнулъ бы! Да!

III.

Получаю я предписаніе явиться къ Княжнину; тогда онъ оберъ-полицмейстеромъ былъ; бѣдовый такой. Ну, думаю, вотъ тебѣ и разъ! Попался! А самъ не знаю, что сдѣлалъ? Кажется, ничего особеннаго, и жаловаться было некому и не за что. Думаю, вѣрно замѣтилъ что нибудь. Быть бѣдѣ! Ну, дѣлать нечего, одѣлся, надѣлъ ботфорты, которые мнѣ отъ Адуевского достались, и отправился. Дрожу весь отъ страха. Я тебѣ говорю, онъ у насъ бѣдовый былъ. Прихожу туда и смотрю: тамъ еще четверо тоже помощниковъ надзирателей: Дубинкинъ, Поповъ, Богдановъ и Карелинъ.

— Что вы, говорю, господа, здѣсь дѣлаете?

— Велѣно, говорятъ, явиться.

Показываютъ мнѣ приказъ, я имъ тоже. Что бы это значило такое? ума не приложимъ, а самихъ такъ лихорадка и бьетъ отъ страха.

Выходитъ Княжнинъ. Насъ такъ и обдало. Со страху одурѣли просто. Поклонились ему кое-какъ, ждемъ, что будетъ.

— Господа, — говоритъ намъ Княжнинъ, — я считаю васъ за хорошихъ офицеровъ, исправныхъ, дѣльныхъ и скромныхъ, какъ должны быть настоящіе, хорошіе полицейскіе офицеры, знающіе свое дѣло и обязанности.

Мы поклонились. Съ души-то, знаешь, поотлегло.

— Я, — говоритъ Княжнинъ, — васъ изъ всѣхъ выбралъ. Помните это! Отправьтесь къ Подушкину, плацъ-майору въ крѣпость и явитесь къ нему. Вы поступаете въ его распоряженіе. Отправляйтесь.

Пошли мы отъ оберъ-полицмейстера, да еще зашли на углу Кирпичнаго переулка въ трактиръ, выпили, закусили; Богдановъ съ Дубинкинымъ въ бильярдъ поиграли.

— Зачѣмъ это насъ къ Подушкину? Что это значить? — думаемъ себѣ. Носились, знаешь, слухи, что судятъ бунтовщиковъ и будто осудили, а никто ничего не зналъ, никому и невдомекъ. А намъ, братецъ мой, этого и на мысль не приходило.

Дубинкинъ съ Богдановымъ было заигрались, ну, другіе стали торопить: пора, говоримъ, велѣно къ девяти часамъ явиться, а ужъ девять есть.

¹⁾ Вишг. Карл. Кухельбекеръ, о немъ см. ст. Н. Гастфрейнда: «Кухельбекеръ и Пущинъ» въ «Вѣстникѣ Всемирной Исторіи» 1901 г., № 1; его дневникъ въ «Русской Старинѣ» въ 1875, 1883, 1884 и 1891 гг.; его письма къ Пушкину въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г., т. I; его поэма «Вѣчный Жидъ» въ «Русской Старинѣ» 1878 г., № 3.

Пошли мы. Приходимъ въ крѣпость, явились къ плацъ-майору Подушкину, говоримъ: честь имѣемъ явиться; присланы отъ г. оберъ-полицейстера въ ваше распоряженіе!

— Хорошо, говоритъ, господа; подождите!

Проводили насъ тамъ въ комнату, зеркала этакія огромныя стоятъ въ золоченыхъ рамахъ. Ну, поставили намъ двѣ восковыя свѣчи. Тогда еще этихъ стеариновыхъ и въ поминѣ не было, никто ихъ и не зналъ. Вездѣ горѣли сальныя свѣчи, а въ богатыхъ домахъ и у насъ въ парадныхъ случаяхъ—восковыя. Дороги были, стеариновыя куда дешевле. Ну, слушай! Сидимъ мы и смѣемся между собой: вотъ дескать въ крѣпость попали! А въ крѣпости-то сидѣть не такъ дурно; лучше, чѣмъ въ конторѣ-то.

Подошелъ я къ окну, а ночь чудная такая была. Такихъ прекрасныхъ ночей я не много въ жизни помню, ей-Богу! тихо такъ, свѣтло, вѣдь это іюль въ концѣ былъ. Кажется, вотъ со двора бы не ушелъ, воздухъ такой чудесный! Чудная ночь! Окно было открыто, и я все глоталъ этотъ воздухъ, какъ теперь помню, такъ мнѣ это легко было.

Черезъ нѣсколько времени приходитъ священникъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протопопъ Казанскаго собора. Тутъ только мы узнали, въ чемъ дѣло, что ночью назначена казнь. Это былъ десятый часъ, а назначено было казнить въ два. Мыловскій приглашенъ былъ исповѣдывать, увѣщевать и напутствовать къ смерти осужденныхъ. Съ нимъ были и св. дары.

Пошелъ онъ къ нимъ, а на насъ напалъ такой страхъ, хуже, чѣмъ у Княжнина. Дѣло-то было не шуточное! Сидимъ всѣ мы такіе блѣдные, дрожимъ. На кого ни взглянешь, просто лица нѣтъ ни на комъ; на себя посмотришь въ зеркало,—то же самое. Точно насъ самихъ къ смерти приговорили. Страшно! Ночь-то, я тебѣ говорю, прелесть какая. А послѣ того, какъ узналъ я, что казнить будутъ, взглянешь на эту ночь, и еще тошнѣе станетъ на душѣ, вотъ такъ все сердце и того; просто плакать хочется.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Вышелъ отъ осужденныхъ Мыловскій. Онъ былъ очень растроганъ, плакалъ. Бестужевъ ¹⁾, Муравьевъ ²⁾ и Рылѣевъ ³⁾ исповѣдывались и много съ нимъ говорили, раскаялись. Къ Пестелю ⁴⁾ приходилъ пасторъ; Мыловскій

¹⁾ М. П. Бестужевъ-Рюминъ.

²⁾ С. И. Муравьевъ-Апостолъ (1796 † 13 іюля 1826 г.), его біографію, составл. Баллодомъ, см. въ «Русской Старинѣ», 1873 г., № 5; см. также «Воспоминанія» Скалона въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1891 г., №№ 5—7; его «Письма изъ крѣпости» см. въ «Русскомъ Архивѣ» 1887—1888 г.г.

³⁾ К. Ф. Рылѣевъ (1795—1826), его біографію, составл. Сироткиннмъ, см. въ «Русскомъ Архивѣ» 1890 г., т. II; воспоминанія Оболенскаго о Рылѣевѣ въ «XIX вѣкѣ» Бартенева; Собраніе сочин. Рылѣева изд. въ 1872 г. въ Спб.

⁴⁾ Пав. Ив. Пестель, о немъ см. въ «Запискахъ» Греча и въ ст. Липранди въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г.

хотѣлъ и его напутствовать, но онъ отказался, а Каховскій ¹⁾ исполнилъ христіанскій долгъ какъ бы по принужденію. Не хотѣлъ чистосердечно раскаться. А эти трое исполнили, какъ слѣдуетъ, христіанскую обязанность, въ особенности Рылѣевъ. Онъ заставилъ плакать священника и отдалъ ему для жены и дочери медальонъ и крестъ.

Я вотъ, какъ теперь, помню слова Мысловскаго. Онъ говорилъ: «Они страшно виноваты, но они заблуждались, а не были злодѣями! Ихъ вина произошла отъ заблужденія ума, а не отъ испорченности сердца. Господи, отпусти имъ! не вѣдали бо, что творили. Вотъ нашъ умъ! долго ли ему заблудиться? а заблужденіе ведетъ на край гибели. Только вѣра святая и писаніе божественное могутъ поддержать человѣка и поставить его на путь истины. Надо молиться, чтобы Богъ смягчилъ сердце царя!».

О Рылѣевѣ онъ еще прибавилъ, что онъ истинный христіанинъ и думалъ, что дѣлаетъ добро и готовъ былъ душу свою положить за други своя.

Въ полночь это начали сѣзжаться въ крѣпость начальствующія лица: Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, — тогда онъ былъ генералъ-губернаторомъ, — жандармскій шефъ ²⁾, полицмейстеры. Много пріѣхало. Пошли такая суета, что ужасъ. Знаешь, приготовления всѣ эти. Надобно тебѣ сказать, что и прежде все съ висѣлицею бились, никакъ не могли найти, кто бы взялся строить ее. Какъ ты ее будешь строить, когда весь вѣкъ не видалъ? Взаяся за это Посниковъ, полицмейстеръ.

— Въ какомъ отдѣленіи Посниковъ полицмейстеромъ? — спросилъ я.

— Онъ, братецъ мой, былъ не въ отдѣленіи, а въ управѣ благочинія. Теперь вотъ въ управѣ благочинія старшій называется председателемъ, а тогда назывался полицмейстеромъ. Вотъ, братецъ мой, кто былъ Посниковъ. Ему бывало, что ужъ прикажутъ, — сдѣлаетъ. Исполнительный былъ такой и робкій, начальство если разсердится или кричить, онъ и испугается. Да вѣдь въ то время было и не то, что теперь. Тогда всѣ взгляда старшаго боялись. Теперь вольница пошла! — Что я говорилъ-то тебѣ? Да. Такъ висѣлицу-то и эшафотъ строилъ Посниковъ и при немъ архитекторъ, забылъ его фамилію, нѣмецкая ³⁾. Висѣлицу строили гдѣ-то въ тюрьмѣ, потомъ разобрали и ночью должны были при-

¹⁾ П. Г. Каховскій, о немъ см. «Русскую Старину», 1874 г., № 9.

²⁾ 3-го іюля 1826 г. было учреждено III отдѣленіе собственн. его величества канцеляріи, см. «Русскій Архивъ» 1889 г., т. II; Голеніщевъ-Кутузовъ: «Изъ памятныхъ замѣтокъ о III отдѣленіи». въ «Русскомъ Архивѣ» 1883 г., т. I; Юзефовичъ: «Объ основаніи III отдѣленія» въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г., Лобачевскій «Записки жандарма» въ «Вѣстникѣ Европы», 1872 г., №№ 3 и 5 и отд. изд.

³⁾ Герней, Христ. Иван.

вести въ крѣпость. Только, братецъ ты мой, долго не везуть. Такая пошла суматоха. Генераль-губернаторъ Кутузовъ изъ себя выходитъ просто.

Въ это время изъ царской фамиліи въ Петербургѣ никого не было. Всѣмъ этимъ распоряжался Кутузовъ. Онъ вмѣсто Милорадовича ¹⁾ поступилъ. А, братъ, Милорадовичъ-то? Вотъ былъ лицо, я тебѣ скажу! Да тебѣ, я думаю, и говорить нечего; самъ знаешь, какой это былъ заслуженный генераль. Арміями долженъ былъ командовать. Онъ былъ сдѣланъ генераль-губернаторомъ. Храбрѣйшій былъ изъ храбрѣйшихъ. Въ сраженіяхъ всегда былъ впереди; въ сорока сраженіяхъ генеральныхъ былъ. Ему все бывало нипочемъ: тутъ пальба эта, стрѣльба, сыплются разныя пули, ядра, бомбы тамъ, мортиры всякія, а онъ себѣ подъ ними обѣдаетъ, какъ дома. И представь себѣ, ни разу не былъ раненъ, а вотъ четырнадцатаго декабря его ранили смертельно; онъ и умеръ.

— Горько мнѣ, — говорилъ онъ передъ смертью, — что я въ столькихъ сраженіяхъ былъ, и пули миновали меня, а тутъ я долженъ умереть отъ руки измѣнника!

Вотъ послѣ него-то и поступилъ генераль-губернаторъ Кутузовъ. Онъ всѣмъ дѣломъ и завѣдывалъ. Наконецъ, привезли висѣлицу; начали ставить. Не такъ ли что было сдѣлано, или забыли что, не знаю, — говорили потомъ, что будто перекладина пропала, а кто ихъ знаетъ, врядъ ли правда. Какъ ей пропасть? Чтонибудь тамъ, можетъ, повредилось, это другое дѣло. Только надобно было починку произвести. Копались съ висѣлицею долго. Какъ ни попукали, братецъ ты мой, какъ ни спѣшили, а все уже дѣло-то подходило ко дню. Въ четыре часа еще висѣлицу ставили.

Насъ привели въ коридоръ казематовъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Сперва-то было ввели въ какую-то черную комнату, да сейчасъ же и вывели. Какая это комната, не могу сказать. Былъ я тамъ недолго, да и замѣчать-то всего не было мочи. Не до того было; жутко, страшно было. Пожалуй, что ихъ судили и допрашивали въ этой комнатѣ.

Вывели насъ въ коридоръ; съ нами былъ полицмейстеръ Тихачевъ. Вслѣдъ за нами офицеръ привелъ двѣнадцать человекъ солдатъ Павловскаго полка, съ заряженными ружьями и со штыками. При исполненіи казни былъ одинъ только Павловскій полкъ. Другихъ полковъ солдатъ я не видѣлъ ни одного человека. Привели и двухъ палачей.

— Господа, выньте свои шпаги! — сказалъ намъ Тихачевъ.

Мы переглянулись: зачѣмъ это понадобились наши шпаги? У меня была старая шпаженка, ржавая, съ изломаннымъ концомъ.

¹⁾ Мих. Андр. графъ Милорадовичъ (1770—1825 г.г.), о немъ см. «Русскій Архивъ» 1871 г. и «Русскую Старину» 1881 г., № 11.

Извѣстно, у насъ въ полиціи шпаги собственно для того только, чтобы вотъ висѣли для порядку съ боку и больше ни для чего. Я, признаться, своею бывало въ печкѣ мѣшалъ, уголья подгробалъ, и у меня конецъ былъ совсѣмъ обожженъ. Когда я вытащилъ шпагу, Тихачевъ захохоталъ.

— Ну, говорить, воинъ! Нечего сказать! Посмотрите-ка какой! Прелесть! Шпага-то, шпага! Я думаю, и крысы ею не заколешь!

Я былъ очень радъ, что моя неисправность произвела только смѣхъ. Могло и достаться. Вѣдь что ты тамъ ни говори, а носить такую шпагу все-таки не форма. Конечно, кто могъ предвидѣть, что намъ придется вынимать шпаги? Ихъ у насъ никогда не смотрѣлъ никто. Висятъ себѣ сбоку да висятъ!

Отворили двери казематовъ и позвали преступниковъ. Крикнули: пожалуйте, господа!

Они уже были готовы и вышли въ коридоръ. Руки и ноги ихъ были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли дѣлать самые маленькіе шаги.

— На нихъ не было кандаловъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Никакихъ кандаловъ не было. Я, какъ теперь, вотъ на нихъ смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались. Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо.

— Что они тутъ? говорили чтонибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорили, потому что и говорить нельзя было. Тутъ былъ, братецъ ты мой, Тихачевъ; онъ бы не позволилъ много говорить.

— Ну, что же, они были блѣдны, встревожены?

— Удивительно, братецъ ты мой, нисколько! Совершенно спокойны. Вотъ какъ мы съ тобой говоримъ. Точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку. Кажется, какъ будто одинъ Каховскій былъ немного поблѣднѣе. Я думаю, ему трудно было умирать, потому что онъ не раскаялся такъ искренно и не исполнилъ, какъ другіе, какъ должно, христіанскаго обряда. Его тоже причастили, ну, да онъ не отъ сердца это все дѣлалъ, а какъ по приказанію. Всѣ они удивительно были спокойны.

Когда ихъ установили, мы пошли въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ офицеръ Павловскаго полка, командиръ взвода, поручикъ Пильманъ, потомъ мы пятеро въ рядъ съ обнаженными шпагами. Мы были блѣднѣе преступниковъ и болѣе дрожали, такъ что можно было сказать скорѣе, что будутъ казнить насъ, а не ихъ. За нами шли въ рядъ же преступники. Позади ихъ двѣнадцать павловскихъ солдатъ и два палача. Тихачевъ шелъ въ сторонѣ и наблюдалъ за процессіею, а самъ не становился въ нее и опредѣленнаго мѣста не имѣлъ, какъ мы, напимѣръ.

Мы двигались впередъ медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти идти.

Такимъ порядкомъ вышли мы на кронверкъ. Парка этого тогда не было въ заводѣ. На мѣстѣ его былъ голый пустырь и на немъ кой-гдѣ валялись нечистоты и разная дрянь. Кронверкъ состоялъ изъ земляныхъ валовъ и отдѣлялся отъ поля и крѣпости водяными рвами. Дорогою преступники могли говорить между собою, но что они говорили, нельзя было слышать.

Когда мы перешли мостъ на кронверкъ, то увидѣли тамъ солдатъ съ ружьями, толпу преступниковъ и два эшафота. На одномъ была устроена висѣлица. Тутъ я одинъ разъ въ жизни и видѣлъ висѣлицу. Это просто, братецъ мой, качели. Знаешь, какъ качели дѣлаютъ на двухъ столбахъ съ перекладиной? Ну, вотъ тебѣ и висѣлица. Качели! только вмѣсто доски къ перекладинѣ на веревкахъ людей подвѣсятъ. Иной, кто не зналъ, что тутъ дѣлается, подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Я тебѣ говорилъ, погода была чудная, а тутъ солнце всходитъ, и музыка играетъ.

Собрали всѣхъ замѣшанныхъ въ бунтъ. Всѣхъ ихъ, кажется, было сто двадцать пять человѣкъ¹⁾. Тихачевъ прочиталъ сентенцію суда и приговоры. Пятерыхъ присуждено было повѣсить, а остальнымъ разнымъ были назначены наказанія: кого въ каторжную работу, кого на поселеніе, кого куда...

— Что же, я думаю, ожидали, что смягчатъ? Отмѣнять смертную казнь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не ожидали. Думали, что не пятерыхъ, а больше повѣсятъ! Вѣдь бунтъ, измѣна, братецъ ты мой! Какое тутъ смягченіе! Нашихъ отвели въ сторону и посадили на траву. Возлѣ нихъ остались мы и солдаты.

— Что же, висѣлица не была готова?—спросилъ я.

— Висѣлица-то была готова, за нею дѣло не стало, а сперва исполняли приговоръ надъ остальными: снимали съ нихъ платье на эшафотѣ, надѣвали на нихъ арестантское, ломали надъ головами шпаги и все это; извѣстно, лишали дворянства и чести, шельмовали, какъ тогда закономъ было постановлено. Намъ все

¹⁾ Подсудимыхъ было 120 человѣкъ. Изъ нихъ преданы смертной казни—5; сосланы на каторгу—88; сосланы на поселеніе—15; сосланы на житье—3; сдано въ солдаты—9.

Кромѣ того, многіе изъ привлекавшихся къ верховному уголовному суду сидѣли въ тюрьмѣ или подверглись административной ссылкѣ. Объ участіи въ заговорѣ бывшаго впоследствии с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ А. Арк. Суворова см. «Русскую Старину» 1882 г., № 5; объ участіи Ѳ. Глинка и Ѳ. П. Толстого, бывшаго впоследствии президентомъ академіи художествъ, см. «Историческій Вѣстникъ», 1895 г., № 1, и «Русскую Старину», 1878 г. № 2; объ участіи М. Муравьева-Виленскаго см. статью Розена въ «Русской Старинѣ», 1884 г., № 1; объ участіи Грибоѣдова см. «Русскій Архивъ», 1875 г., № 7.

это было видно. Того, надъ кѣмъ уже исполненъ былъ приговоръ, сейчасъ же уводили въ крѣпость и сажали въ казематъ; оттуда уже отправляли въ ссылку. Въ ссылку, братецъ ты мой, возили ихъ тоже по ночамъ, этакъ знаешь, передъ утромъ, когда на улицѣ нѣтъ народа.

Когда выпроводили тѣхъ, дошла очередь и до нашихъ. Они, я тебѣ говорю, сидѣли все время на травѣ и тихо между собою разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, нацутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться ко кресту. Они на колѣняхъ молча помолились Богу, смотря на небо. Тяжело было, братецъ, смотрѣть на нихъ! Потомъ на нихъ надѣли этакіе мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса. На шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски съ именами и виною ихъ. Мы опять построились въ порядокъ для шествія на эшафотъ подъ висѣлицу. Надо тебѣ сказать, что подъ самой перекладиной былъ сдѣланъ возвышенный помостъ; на него надобно было всходить по деревянному очень отлогому откосу. Мы пошли. Тихачевъ былъ при насъ: это было въ его командѣ.

— Ну, въ этотъ моментъ, когда на нихъ надѣвали мѣшки, они поблѣднѣли? въ нихъ виденъ былъ страхъ? — продолжалъ допытываться я.

— И ничего-таки, братецъ мой! Я смотрѣлъ на нихъ. Вѣдь вотъ стоялъ, какъ отъ тебя. Первый стоялъ Карелинъ противъ Пестеля, я противъ Рылѣва, потомъ Поповъ противъ Муравьева, Богдановъ противъ Бестужева, а Дубинкинъ противъ Каховскаго. Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно какъ обдумывали какое нибудь важное дѣло. Да вѣдь и минута была серьезная, готовлялись вѣдь, братецъ, къ смерти. Взглянули они въ послѣдній разъ на небо, да такъ, братецъ ты мой, взглянули жалостливо, что у насъ вся внутренность перевернулась и морозъ подралъ по кожѣ. Каховскій, правда, немножко того, сробѣлъ. Вцѣпился этакъ въ батюшку, что его едва оторвали. Страхъ! Такъ это было жутко! Ты вотъ не поймешь этого, что это такое было, а я рассказать не могу. Ну, какъ я тебѣ расскажу? Мѣшки имъ очень не понравились; они были недовольны, и Рылѣвъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: Господи! Къ чему это? Палачи имъ стянули руки покрѣпче. Одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Видно, что имъ было крайне непріятно, когда до нихъ дотрогивались палачи.

Когда все это было готово, Тихачевъ велѣлъ итти. Ну, мы и пошли, опять, знаешь, медленно, а тутъ это музыка играетъ Павловскаго полка.. Солдаты этакъ осужденныхъ сзади натискивали,

чтобъ они знали, куда итти. Такъ они все подвигались понемножку впередъ, по этому деревянному откосу; наконецъ стали на мѣсто. Страшно, братецъ! ухъ, страшно! У насъ волосы стали дыбомъ на головѣ, когда мы подошли подъ перекладину. Тутъ насъ свели прочь, и мы немножко вздохнули. У меня еще бѣда, въ правый ботфортъ попалъ камушекъ, а, можетъ быть, сухая хлѣбная крошка, чортъ ее, не знаю! Только терло мнѣ, братецъ мой, ногу ужасно. До крови, вѣдь, стеръ.

Какъ свели насъ съ эшафота, то поставили тутъ же, возлѣ. На шеи преступникамъ надѣли пегли, и помость, на которомъ они стояли, опустился изъ-подъ ихъ ногъ. Такъ это было ужъ устроено. Они повисли и забились, заметались. Тутъ трое среднихъ и сорвались. Веревки лопнули; они и упали внизъ. Только на краяхъ остались висѣть Пестель и Каховскій. Что тамъ ни говори, а я увѣренъ, что это случилось оттого, что они исповѣдывались и раскаивались отъ чистаго сердца. Богъ ихъ миловалъ. Ну, самъ посуди, веревки были одинаковыя и крѣпкія, ихъ передъ этимъ пробовали, отчего же не сорвались ни Пестель, ни Каховскій?

— А говорятъ,—сказалъ я,—что именно они-то и сорвались, Пестель и Каховскій да еще Рылѣевъ.

— Неправда! Я, вѣдь, тутъ же стоялъ. Врутъ! Ну, какъ они упали, такъ разбились въ кровь; вѣдь самъ посуди, упали-то съ размаха.

Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а потомъ и самъ лѣзетъ, кричить, ругается: что это такое?

— И повѣсить не умѣютъ!—кто-то отвѣчалъ изъ сорвавшихся, кажется, будто Рылѣевъ.

— Вѣшать ихъ, вѣшать скорѣе!—кричитъ Кутузовъ. И Боже ты мой, сталъ тутъ кричать и ругаться. Подняли опять помость и вновь накиннули петли. Въ это время, когда помость былъ поднятъ, Пестель и Каховскій опять достали до него ногами. Пестель былъ еще въ это время живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно быть, отъ ушиба и боли. Ихъ повѣсили опять. А, говорятъ, вѣшать въ другой разъ не слѣдовало. Это тоже Кутузова вина¹⁾.

За рвомъ было немного народу. Рано было, и никто ничего не зналъ; оттого и не собрались. Народъ тоже это зашумѣлъ что-то. Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка еще громче стала играть.

— Что же она играла?—спросилъ я. — Похоронный маршъ?

— Нѣтъ; простые марши играла и разныя штуки. Прошло этакъ съ полчаса; докторъ говоритъ, что они давно померли. Ве-

¹⁾ Болѣе подробно см. статью въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г., т. II: «Казни декабристовъ». Въ этой статьѣ приведены рассказы о казни Шницлера, Путиты и Беркопфа.

лѣли ихъ снимать. Сняли, братецъ мой; у всѣхъ выдѣзли предлинные языки и лица были синія такія, почти черныя. Ихъ сложили на телѣгу и сдали полицмейстеру, полковнику Дершау; онъ былъ назначенъ хоронить ихъ. На день тѣла поставили въ сарай на кронверкѣ же. Висѣлицу живо разобрали. Тутъ и насъ отпустили. Чтобы не дѣлать наряда, Дершау велѣлъ мнѣ, Богданову и Дубинкину явиться къ нему вечеромъ.

Пошли мы. На дорогѣ встрѣтился со мною братъ. Онъ, надобно тебѣ сказать, все прежде еще приставалъ, спрашивалъ меня, когда и гдѣ будутъ наказывать за бунтъ. Я ему говорилъ, что объ этомъ вѣрно будетъ объявлено, и вѣшать будутъ на площади, гдѣ они бунтовались. Мы тогда всѣ такъ думали. Встрѣтилъ меня братъ съ такою претензією: что же ты, говоритъ, не сказалъ? А я говорю: я и самъ не зналъ.

— Гдѣ же ихъ похоронили?

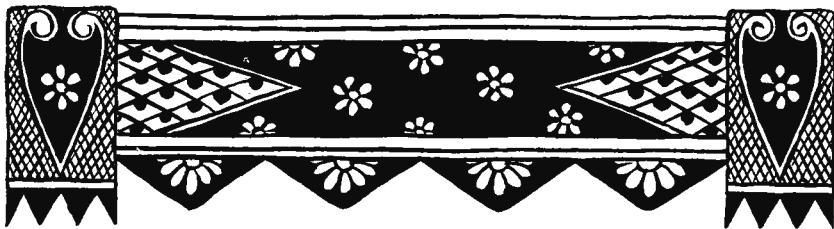
— А вотъ гдѣ. Знаешь ты Смоленское кладбище?

— Ну, знаю.

— Тамъ есть нѣмецкое кладбище, а за нимъ армянское. Тутъ есть этакій переулочекъ налѣво. Вотъ мимо армянскаго кладбища и итти до конца переулка. Какъ выйдешь къ взморью, тутъ и есть. Тутъ ихъ всѣхъ и похоронили. Ночью ихъ вывезли съ конвоемъ, и мы тутъ шли. Распоряжался Дершау. Тамъ потомъ четыре мѣсяца караулъ стоялъ.

Сообщилъ В. П. Батури́нскій.

ЗАКОУЛОКЪ.

(Очеркъ).

—
I.

АНДАЛОВЪ былъ чиномъ только надворный совѣтникъ, но про него говорили, что онъ «дѣйствительный чиновникъ».

Такіе чиновники бываютъ въ каждой канцеляріи — умѣренно способные, чрезвычайно усердные, необремененные вліятельными протекціями и потому не рассчитывающіе на высокія степени, но пригодные къ небольшому движенію по службѣ.

Въ житейскихъ дѣлахъ они никакого толку не понимаютъ, въ наукахъ и въ разныхъ тамъ литературныхъ и общественныхъ штукахъ любой гимназистъ собьетъ ихъ, но въ дѣлахъ своей канцеляріи они непогрѣшимы: знаютъ, гдѣ какое дѣло лежитъ, въ чемъ оно заключается, въ какомъ году оно началось, какія стадіи прошло, и тутъ ужъ ихъ не собьешь.

Для канцеляріи это драгоценные люди, на нихъ она держится, и безъ нихъ она, какъ безъ рукъ.

Когда такой чиновникъ заболѣваетъ и нѣсколько дней не ходитъ на службу, то другіе служащіе стараются какъ нибудь отложить на послѣ мало-мальски запутанныя дѣла. Къ чему ломать голову надъ распутываніемъ, когда въ его головѣ все уже распутано?

Случается даже, что самъ директоръ вдругъ экстренно затребуетъ какую нибудь справку изъ Богъ знаетъ какихъ прошлыхъ временъ и ему, вмѣсто справки, докладываютъ:

— Ваше превосходительство, Ивановъ боленъ, вотъ ужъ третій день не ходитъ.

И директоръ, вмѣсто того, чтобы разсердиться и разнести всю канцелярію за то, что она безъ Иванова ничего не можетъ подѣлать, смиряется и говоритъ:

— Онъ боленъ? Неужели? какъ жаль... Ну, что жъ, отложите справку впредь до его выздоровленія...

Но съ ними рѣдко случается, что они болѣютъ. На видъ они обыкновенно дохлые, съ длинными жилистыми шеями, съ геморoidalнымъ цвѣтомъ лица, но крѣпкіе, двужилые.

Такимъ чиновникомъ въ своей канцеляріи былъ Сандаловъ и, такъ какъ такому человѣку нужна жена, въ которой заключались бы качества, въ немъ самомъ недостающія, то онъ и выбралъ себѣ женщину толковую, спокойную, хозяйственную и расчетливую.

Анна Дмитріевна Сандалова, какъ только получила эту фамилію и изъ дома родительскаго черезъ церковь перешла въ домъ Сандалова, съ той же минуты начала охранять интересы «своего дома» и съ этою цѣлью вступила въ вѣчную, никогда не прерывавшуюся борьбу съ прислугой.

Она зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы кухарка не обвѣшивала и не обмѣривала, чтобы горничная не входила въ соглашеніе съ мелочной и овощной лавкой ради совмѣстнаго надувательства хозяйки. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что Сандаловъ, отдававшій всѣ свои духовныя силы казенной службѣ, приходилъ домой нервный и крайне воспримчивый ко всякому не порядку, она требовала отъ прислуги выдержки и доброй нравственности.

Такъ называемые «женихи», почему-то въ большомъ количествѣ являющіеся къ прислугѣ и по цѣлымъ вечерамъ распивающіе у нея пиво, были ея кровными врагами, и всякій разъ, когда они появлялись, у нея выходилъ съ прислугой инцидентъ.

Всѣ эти «стѣсненія» не нравились прислугѣ, и она, поживъ у Сандаловыхъ двѣ, три недѣли, начинала распространять на черной лѣстницѣ, что у нихъ «не жизнь, а каторга», что это какой-то строгій монастырь или тюрьма, и при первой возможности учиняла барынѣ грубость и получала расчетъ.

Поэтому Аннѣ Дмитріевнѣ Сандаловой приходилось много тратиться на объявленія въ газетахъ. Люди, заинтересованные этимъ вопросомъ, то и дѣло читали на четвертой страницѣ:

«Требуется кухарка (или горничная), отлично знающая свое дѣло, трезваго (это если для кухарки, а для горничной — просто хорошаго, ибо если еще можно допустить нетрезвую кухарку, то относительно горничной этого даже подумать нельзя) поведенія; безъ аттестатовъ и личныхъ рекомендацій не приходиться».

На этотъ разъ съ кухаркой у нея дѣло обстояло благополучно. Подобрался рѣдкій экземпляръ, который жилъ у нея уже второй годъ, какимъ-то чудомъ соединя въ себѣ всѣ добродѣтели, какихъ она требовала отъ кухарки: трезвая, богомольная, старая дѣва, совершенно отказавшаяся отъ всякихъ надеждъ и потому презиравшая «мужескій полъ», какъ она торжественно называла всѣхъ мужчинъ, страшно заботившаяся о своей душѣ и потому боящаяся грѣха и вслѣдствіе этого воровавшая очень осторожно и умѣренно.

Единственный ея недостатокъ состоялъ въ томъ, что она раза три въ зиму отпрашивалась въ Кронштадтъ на богомолье, и въ это время Сандаловы должны были обѣдать въ ресторанѣ. Но Анна Дмитріевна съ этимъ мирилась, какъ потому, что набожныя наклонности свидѣтельствовали о хорошей душѣ, такъ и потому, что неудобства, причиняемые ими, были менѣе обременительны, чѣмъ воровство, пьянство и въ особенности «женихи».

Но съ горничными ей не везло. Въ эту зиму — а былъ всего декабрь мѣсяцъ—она перемѣнила уже трехъ. Первую съ утра до вечера посѣщаль ежедневно «двоюродный братецъ»—ражій дѣтина съ кудрявой головой и съ разбойничьимъ лицомъ, и такъ какъ онъ отбиралъ все ея жалованье и находилъ, что этого мало, то она, будучи безъ памяти влюблена въ него, вѣчно ходила съ растеряннымъ видомъ, съ воспаленными глазами и, казалось, только и смотрѣла, что бы такое стащить. Впрочемъ, это такъ казалось Аннѣ Дмитріевнѣ, но она ничего не стащила.

Вторая была уличена въ похищеніи двухъ столовыхъ ложекъ, которыя по невѣдѣнію приняла за «серебро», а имъ была грошъ цѣна. Третья въ отсутствіе Анны Дмитріевны спала на ея постели, неопровержимымъ доказательствомъ чего было смятое бѣлье, и, благодаря этому, Анна Дмитріевна всю ночь не могла заснуть, воображая, что на нее со всѣхъ сторонъ лѣзли и впивались въ ея тѣло насѣкомыя, такъ какъ она была почему-то убѣждена, что прислуга полна насѣкомыхъ.

И вотъ уже четвертый разъ въ эту зиму въ газетѣ появилось объявленіе о томъ, что требуется «горничная, отлично знающая свое дѣло, хорошаго поведенія» и проч. Было назначено приходиться отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ дня, но, несмотря на это, уже въ восемь часовъ утра, когда Анна Дмитріевна была еще въ постели, когда даже самъ Сандаловъ только копошился въ спальнѣ, приготовляясь къ походу на службу, въ кухнѣ уже торчали шесть таинственныхъ личностей, съ головами, закутанными въ платки.

Впрочемъ, у нѣкоторыхъ личностей изъ-подъ платковъ выглядывали шапочки, и это означало, что они считаютъ себя «сорткомъ повыше и на рубль дороже».

Сидѣли онѣ необыкновенно смирно, какъ сидятъ въ деревняхъ въ великомъ посту на церковной паперти набожныя бабы, ожидая

исповѣди, а кухарка, уже начавшая свою дѣятельность около плиты, громыхая дровами, звеня кастрюлями, стуча кухонными ножами, отъ времени до времени выпускала изреченія, знакомившія съ общимъ положеніемъ въ домѣ.

— Нашъ баринъ человѣкъ сурьезный... Служба да домъ, домъ да служба... Въ гости почитай что никогда не ходитъ, да и къ намъ гости рѣдко жалуютъ. Да и слава Богу. Что съ нихъ толку? только шуму надѣлаютъ, посуду загрязняютъ, да на закуски хозяева истратятся... А жизнь у насъ хорошая, порядочная... Баринъ въ наши прислужныя дѣла не вмѣшивается... Я вотъ второй годъ у нихъ живу, а его даже и въ лицо, какъ слѣдуетъ быть, не разглядѣла. На улицѣ встрѣтила бы, не узнала бы... А барыня у насъ дѣйствительно строгая, порядокъ спрашиваетъ... Чтобы этихъ, примѣрно, жениховъ, которые военные писаря, либо пожарные солдаты, — и духу не было...

Таинственныя личности съ головами, закутанными въ платки, слушали все это и ухомъ не вели. Все это были старыя и очень хорошо имъ знакомыя пѣсни, которыя онѣ слышали всякій разъ, когда нанимались. Не было ни одной хозяйки, которая не требовала бы отъ нихъ трезвости, порядка и всякихъ добродѣтелей. Онѣ не чувствовали себя ни трезвыми, ни порядочными, ни добродѣтельными, а вотъ жили же до сихъ поръ.

Такъ сидѣли онѣ часовъ до десяти, когда наконецъ Анна Дмитриевна, напившись чаю и проводивъ Сандалова на службу, снизошла къ нимъ и велѣла кухаркѣ присылать ихъ, каждую по очереди.

Начался подробный досмотръ и допросъ. Анна Дмитриевна требовала, чтобы платки, укутывавшіе головы, были сняты. Она хотѣла видѣть все воочию.

Мало ли что можетъ скрываться тамъ, подъ платкомъ, какое нибудь уродство, раны, сыпи, колтунъ въ волосахъ?... И настоящій допросъ начинался только послѣ того, какъ наружный осмотръ не давалъ никакихъ отрицательныхъ показаній.

Изъ шести четыре уже по одной наружности оказались негодными. У одной были гнилые зубы, у другой четырехугольное лицо, а Анна Дмитриевна почему-то предпочитала круглую форму, у третьей подозрительная сыпь на лбу, а четвертая, будучи простуженной, говорила сиплымъ голосомъ, вслѣдствіе чего была заподозрена въ пьянствѣ и кой-чемъ еще похуже.

Этимъ Анна Дмитриевна прямо сказала, что онѣ не подходятъ, а остальныхъ двухъ подвергла допросу. У нея для этихъ случаевъ существовалъ готовый рядъ вопросовъ, которые она задавала всѣмъ въ одномъ и томъ же порядкѣ. Прежде всего она интересовалась общими свѣдѣніями: изъ какой губерніи и уѣзда, сколько лѣтъ, замужняя, дѣвица или вдова? потомъ шли вопросы болѣе профес-

сіональнаго характера: сколько лѣтъ въ прислугахъ, гдѣ служила, почему ушла съ послѣдняго мѣста? По пути она получала нѣкоторыя свѣдѣнія и о тѣхъ господахъ, у которыхъ служила допрашиваемая, если это были люди стѣящіе.

Получивъ удовлетворительные отвѣты, Анна Дмитриевна требовала аттестатъ и внимательно прочитывала его. За двѣнадцать лѣтъ состоянія женой Сандалова, она держала въ своихъ рукахъ множество аттестатовъ и научилась читать въ нихъ не только то, что написано, но и между строкъ.

Она по слогу и по способу выраженія узнавала, написанъ ли аттестатъ отъ души, или только потому, что очень приставали, и чтобы отдѣлаться.

Затѣмъ уже она начинала излагать свои требованія, и тутъ можно было подумать, что она задалась цѣлью окончательно запугать человѣка и довести его до такого состоянія, чтобы онъ бѣжалъ безъ оглядки.

— Я должна тебя предупредить, милая (у нея былъ принципъ — прислугѣ говорить ты), что я очень требовательна. Я требую работы, работы и работы. У меня прислуга никогда не должна сидѣть, сложа руки; за всякую испорченную вещь, за разбитую посуду я вычитаю изъ жалованья. Шлянья изъ дома я не признаю. Одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ воскресенье, отпускаю на три часа, и больше никакихъ. Чтобы никакія тетушки и бабушки у тебя внезапно не заболѣвали, никакія подруги не выходили замужъ. Я, милая, никакихъ гостей не признаю и т. д.

И при этомъ Анна Дмитриевна пристально и строго смотрѣла въ глаза испытуемой, желая видѣть, какъ ея слова ложатся у нея на душѣ. Но удивительное дѣло, еще не было ни одного случая, чтобы прислуга, выслушавъ этотъ въ сущности приговоръ къ каторжнымъ работамъ, не согласилась остаться служить у Сандаловыхъ. На всѣ строгости она обыкновенно отвѣчала:

— Ну, еще бы, барыня... само собою!.. Да какъ же иначе!.. Да развѣ можно, чтобы себѣ этакое позволить...

И Анна Дмитриевна отлично знала, что испытуемая въ это время думаетъ: «Ладно, говори, что хочешь, такъ я тебя послушалась... Буду и посуду бить тихонько, чтобы ты не замѣтила, буду и въ гости убѣгать, когда ты дрыхнешь, будутъ и ко мнѣ приходить» и проч.

Когда Анна Дмитриевна опросила этихъ и отпустила ихъ, пришли другія, сперва по одной, черезъ довольно длинные промежутки, потомъ цѣлыми стаями. Она добросовѣстно всѣхъ осматривала и опрашивала и тѣхъ, которыя были удостоены этого, приглашала прійти завтра, чтобы узнать о ея рѣшеніи.

Было около двѣнадцати часовъ, когда пріемъ долженъ былъ кончиться. Анна Дмитриевна уже охрипла отъ разговора и, хотя

еще не нашла ни одной, которая соответствовала бы ее идеалу, тѣмъ не менѣе готова была уже прекратить. Она позвонила кухарку, чтобы приказать ей остальныхъ «гнать къ чорту».

— А тамъ, барыня, одна пришла... такая странная,—сообщила кухарка.

— Ну, какая же?

— Да Богъ ее знаетъ... Какая-то непохожая... Съ виду она какъ будто и ничего, а только видно, что непохожая... Можетъ, посмотрите?

— Пожалуй, позови,—сказала Анна Дмитриевна, заинтересовавшись неопредѣленнымъ объясненіемъ кухарки, и вотъ вошло новое лицо.

II.

Она была немного ниже средняго роста, съ блѣднымъ, крайне незначительнымъ лицомъ, съ мелкими, незамѣтными чертами.

Все на этомъ лицѣ было правильно, ни одна часть его не была уродлива, все было умѣренно—носъ, ротъ, глаза, лобъ, но въ общемъ получалось что-то скучное, сѣрое, непривѣтливое.

Одѣта она была въ черную, сильно затасканную юбку, съ чрезвычайно пострадавшимъ отъ времени и носки воланомъ внизу, а поверхъ юбки была надѣта темная тальма безъ рукавовъ, отъ нея вѣяло холодомъ, и чувствовалось, что тальма эта очень плохо грѣетъ ее.

Волосы на головѣ ея—тоже какого-то сѣраго неопредѣленнаго цвѣта, были не густые, бѣдные, они прикрывались шляпкой—странное соединеніе зимней шапки изъ заячьего мѣха съ лѣтней шляпой. Тутъ былъ и бантъ изъ выпцвѣтшей, нѣкогда коричневой, ленты и перо, смявшееся и свалившееся отъ сырой погоды.

На шеѣ изъ-подъ тальмы выглядывалъ широкій крахмальный воротникъ, довольно помятый и грязный, на рукахъ были фильдекосовыя порчатки съ продранными пальцами, а въ одной рукѣ она держала зонтикъ—крупный мужской, съ толстой ручкой.

Увидѣвъ особу въ столь странномъ нарядѣ, Анна Дмитриевна осмотрѣла ее снизу вверхъ (она почему-то при осмотрѣ прислуги всегда начинала съ ногъ и кончала головой), и взглядъ ея выразилъ недоумѣніе.

— Здравствуйте-съ!—промолвила пришедшая какимъ-то чрезвычайно приличнымъ, нѣсколько даже слащавымъ голосомъ.

— Вы... вы въ горничныя?—спросила Анна Дмитриевна и сама удивилась, почему вдругъ начала говорить ей на вы.

— Да-съ... Вы изволили помѣстить объявленіе...

— Вы откуда же?

— Я собственно здѣшняя... здѣсь и родилась...

— А, такъ вы, значитъ, петербургская мѣщанка?

— Я не мѣщанка... я собственно дочь коллежскаго ассесора...

— Да?—и Анна Дмитриевна вторично съ недоумѣніемъ взглянула на нее.

— Да-съ... отвѣтила испытываемая и какъ-то вдругъ слегка поникла головой, и въ ея сѣрыхъ глазахъ появилось выраженіе тоски.

— А вы уже служили?—все-таки продолжала свой допросъ Анна Дмитриевна, хотя въ эту минуту въ душѣ оя состоялось рѣшеніе, которое можно было выразить слѣдующими словами: «Ну, нѣтъ, дочь коллежскаго ассесора я въ горничныя не возьму. Воображаю, какія претензіи»...

— Да-съ, я уже восемь лѣтъ этой службой занимаюсь.

— Какъ же это—дочь коллежскаго ассесора и вдругъ въ горничныя?—спросила Анна Дмитриевна.

— Такъ... приходится... Судьба, значить, такая...

— И что же, у васъ есть аттестатъ?

— Нѣтъ, собственно аттестата не имѣю...

— Почему же?

— Такъ... прежде я все на одномъ мѣстѣ жила... Люди меня знали съ дѣтства, и я у нихъ долго жила... Собственно не въ горничныхъ, а въ родѣ швей, ну, и тоже за дѣтьми присматривала... Они померли въ одинъ годъ, и пришлось пойти въ горничныя. Пока пріучилась, много мѣстъ перемѣнила и, какъ мною не были довольны, то и аттестатъ просить было неловко.

— Гм... такъ что у васъ никогда и не было аттестата?

— Нѣтъ, никогда-съ.

— А почему же вы ушли съ вашего послѣдняго мѣста?—уже войдя въ колею своихъ обычныхъ вопросовъ, промолвила Анна Дмитриевна.

— Собственно отъ грубости... Въ купеческомъ семействѣ жила и все справляла, какъ слѣдуетъ, потому что я уже пріучилась, но грубости не могла вытерпѣть.

— Въ чемъ же проявлялась эта грубость?

— Такъ... При каждомъ словѣ мое званіе поминали... Если въ табачную надо сходить, такъ: эй, ты, дворянка, сбѣгай-ка за папиросами! а то еще хуже: если чего необходимаго, извините, въ спальню не принесешь, такъ сейчасъ: что-жъ ты своего дворянскаго дѣла не исполняешь?.. А я даже вовсе собственно и не дворянка,—такъ, дочь чиновника...

— Значить, вы требуете, чтобы съ вами почтительно обращались?

— Зачѣмъ? я свое положеніе понимаю. Я прислуга и болѣе ничего, а только для чего же грубость?

— Вы грамотная?

— Да-съ. Я даже когда-то два класса прогимназіи прошла... А я осмѣлюсь спросить: у васъ комната для обѣихъ прислугъ общая?

— Да, обыкновенно онѣ живутъ въ одной, но есть маленькій закоулокъ.

— Ахъ, вотъ если бъ закоулокъ! мнѣ много мѣста не требуется, а только чтобы отдѣльно... Вотъ только это, а во всемъ прочемъ, вы увидите, я буду исполнять все, какъ и всякая другая прислуга. Знаете, это такъ рѣдко бываетъ—отдѣльный уголокъ... Большою частью прислуга живетъ вмѣстѣ, это такъ стѣснительно... Знаете, человѣку хочется быть одному...

— Значитъ, личныхъ рекомендацій о васъ получить нельзя?

— Нѣтъ, отчего же? Они собственно дадутъ... только ужъ не думаю, чтобы дали хорошую... Вы, сударыня, не безпокойтесь... Вы испытайте меня... все, какъ слѣдуетъ, умѣю дѣлать... Я и гладить умѣю, и варенье варить, и шить... Все когда-то для себя дѣлала, такъ ужъ знаю... Мнѣ особенно дорого у васъ, что уголокъ отдѣльный есть... мнѣ бы только уголокъ...

Что-то жалобное слышалось въ ея голосѣ, когда она говорила о своемъ умѣньѣ гладить, варенье варить и шить, въ особенности, когда она упомянула о томъ, что все это дѣлала для себя. Даже Анна Дмитріевна, въ подобныхъ случаяхъ не отличавшаяся впечатлительностью, почувствовала въ душѣ своей какъ бы смутный откликъ, что-то похожее на жалость, однако же не настолько, чтобы измѣнить своимъ твердымъ принципамъ.

— Хорошо. Вы зайдите завтра въ это же время, и я скажу вамъ свое рѣшеніе, а теперь вы можете идти!—сказала она тономъ, не допускавшимъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Хорошо-съ... Только, извините, сударыня... Я собственно не смѣю... А только вы попробуйте... пожалуйста, попробуйте... Право же, я надѣюсь, будете довольны...

— Хорошо, хорошо, завтра я вамъ скажу.

— До свиданья-съ...

И, съ полминуты нерѣшительно помявшись на мѣстѣ, она повернулась и ушла въ кухню.

Теперь Аннѣ Дмитріевнѣ предстояла особая работа: вызвать въ своей памяти всѣ впечатлѣнія, полученныя отъ цѣлаго ряда опрошенныхъ личностей, и сдѣлать выборъ. Дѣло это было не легкое, всѣ личности пришли къ ней неизвѣстно откуда. Правда, всѣ онѣ ссылались на прежнія мѣста и оставляли адреса своихъ послѣднихъ хозяевъ. Обыкновенно Анна Дмитріевна выбирала двѣ-три наиболѣе удовлетворившихъ ее своимъ внѣшнимъ видомъ и своимъ разговоромъ, брала извозчика и объѣзжала ихъ «послѣднія мѣста».

Но изъ всей своей разнообразной практики она помнитъ всего два случая, когда хозяева давали неблагоприятные отвѣты. Обыкновенно же говорили ни то ни се.

— «Да ничего себѣ... Конечно, звѣздъ съ неба не хватаетъ... а такъ, чтобы сказать про нее дурное, этого нельзя».

Люди трусливы. Если было хорошо, они не рѣшаются сказать это, «чтобы потомъ, въ случаѣ чего, не было претензій». Если было дурно, они говорятъ себѣ: «Какое мнѣ дѣло? Зачѣмъ я буду портить человѣку?»

Тѣмъ не менѣе у Анны Дмитриевны это уже вошло въ привычку, и она сочла бы себя невыполнившей какой-то долгъ, если бы не объѣздила «послѣднихъ мѣстъ». И вотъ, перебирая въ своей памяти только что полученныя впечатлѣнія, она замѣтила странное явленіе: вниманіе ея все возвращалось къ послѣдней, къ дочери коллежскаго ассесора. Дочь коллежскаго ассесора не удовлетворяла самымъ главнымъ условіямъ, которыя она считала нужнымъ — даже помѣстить въ своемъ объявленіи: «безъ аттестата и личныхъ рекомендацій не приходитъ». У нея какъ разъ не было ни того, ни другого. И вообще она не заключала въ себѣ ничего привлекательнаго. Лицо ея не возбуждало симпатіи — такъ себѣ, незначительное лицо, по всѣмъ видимостямъ она не отличается хорошимъ здоровьемъ, будетъ уставать, можетъ быть — часто болѣть: о, Анна Дмитриевна совсѣмъ не признавала прислуги, которая болѣетъ. Прислуга, по ея глубокому убѣжденію, не должна болѣть. Поэтому она прежде всего смотрѣла въ лицо, и если видѣла на щекахъ «кровь съ молокомъ», то это уже былъ большой шансъ для испытываемой.

Но что особенно отталкивало ее отъ этой «личности», такъ это воспоминаніе о томъ, какъ она сама вдругъ ни съ того ни съ сего начала говорить ей вы. Почему? съ какой стати? Потому, что у нея какая-то дикая шляпка на головѣ и этотъ ужасный воротничекъ и такой жалкій видъ: какая-то пародія на барышню... Что можетъ быть ужаснѣе жалкихъ претензій? «Нѣтъ нѣтъ — прислуга, такъ прислуга... Терпѣть не могу этихъ неопредѣленныхъ промежуточныхъ существъ».

Таковы были ея доводы противъ дочери коллежскаго ассесора. А доводовъ въ ея пользу Анна Дмитриевна, повидимому, совсѣмъ не находила въ своей душѣ. По крайней мѣрѣ, она не могла выразить ихъ словами. И, казалось, все было противъ «дочери коллежскаго ассесора», и судьба ея въ домѣ Сандаловыхъ была рѣшена.

И тѣмъ не менѣе, когда Анна Дмитриевна подводила итоги своимъ воспоминаніямъ, то въ концѣ концовъ рѣшеніе ея было такое: «Не попробовать ли ее? Въ сущности, я вѣдь ничѣмъ не рискую... Не годится — разсчитаю... вотъ и все».

И когда она такимъ образомъ рѣшила, то у нея явилось пріятное ощущеніе отъ сознанія, что ей нѣтъ надобности таскаться по «послѣднимъ мѣстамъ», и можно сегодня присидѣть дома.

Погода была отвратительная, дулъ сильный вѣтеръ, снѣгъ на улицѣ кружился, какъ въ ураганѣ; въ такую погоду нѣтъ ничего лучше, какъ сидѣть въ теплой квартирѣ и сознавать, что можно сидѣть такъ, сколько тебѣ угодно, хотя бы тамъ, на улицѣ, мѣръ перевернулся вверхъ дномъ.

Такимъ образомъ, повидимому, Анна Дмитриевна Сандалова, несмотря на свои твердые принципы, поступила безъ всякихъ основаній. Но это было только повидимому, такъ ей казалось, но въ дѣйствительности основанія эти гнѣздились въ такой глубинѣ ея сознанія, что оттуда ей не были видны.

А дѣло было въ сущности очень просто: Анна Дмитриевна, видѣвшая на своемъ вѣку множество личностей, приходившихъ наниматься въ прислуги, давно замѣтила, что ни одна изъ нихъ еще ни разу не сказала ни одного слова, которому можно было бы повѣрить. Личности расхваливали свои качества, которыя подвергались изслѣдованію Анны Дмитриевны, какъ товаръ, который надо такъ или иначе сбыть съ рукъ, а значить надо во что бы то ни стало расхвалить. Поэтому онѣ всегда лгали отъ начала до конца: и о своемъ поведеніи, и о необыкновенномъ умѣнѣи гладить и шить, и о своемъ кроткомъ характерѣ, онѣ отрицали—и даже съ негодованіемъ—всякую даже возможность какихъ-то двоюродныхъ братьевъ, жениховъ, даже простыхъ гостей, онѣ рассказывали турусы на колесахъ о какихъ-то генеральшахъ, баронахъ и графахъ, у которыхъ онѣ служили, такъ точно, какъ лгали ихъ аттестаты и рекомендаціи. Имъ просто надо было только какънибудь втереться въ домъ, завладѣть кроватью для спанья, а тамъ уже видно будетъ.

И вдругъ она видитъ передъ собой странное существо, которое, нанимаясь въ горничныя, не рассказываетъ никакихъ исторій о своемъ блестящемъ прошломъ, только вскользь и глухо упоминаетъ о какихъ-то людяхъ, которые знали ее въ дѣтствѣ, и не показываетъ никакихъ блестящихъ аттестатовъ и даже просто заявляетъ, что «на послѣднемъ мѣстѣ» о ней хорошихъ рекомендацій не дадутъ.

«Попробуйте, будете довольны»...—говоритъ она почти умоляющимъ голосомъ—вотъ все ея хвастовство. Эта совершенно новая черта очевидно и подкупила Анну Дмитриевну и настолько, что она простила «дочери коллежскаго ассессора» даже свое вы, которое такъ опрометчиво вырвалось у нея.

«Ну, однако,—сказала она себѣ:—это вы больше не повторится, пусть она будетъ хоть дочерью генералиссимуса, а разъ она горничная, такъ значить ты». И Анна Дмитриевна твердо рѣшила, что будетъ говорить ей ты.

На другой день пришло нѣсколько личностей, каждая съ упованіемъ, что ее-то и выбрали на службу, но всѣмъ было отказано. «Дочь коллежскаго ассессора» водворилась въ домѣ Сандаловыхъ въ качествѣ горничной.

III.

Когда ей объявили, что избираютъ ее, на лицѣ ея выразилась радость. Она сейчасъ же вручила Аннѣ Дмитриевнѣ свой паспортъ и побѣжала за своимъ скарбомъ.

Черезъ часъ она уже была на мѣстѣ. Подручный дворникъ втащилъ въ кухню ея сундукъ — небольшой, обитый желѣзомъ, старинной формы.

— А гдѣ же у васъ этотъ закоулокъ?—первымъ дѣломъ спросила она у кухарки.

Ей показали закоулокъ, и она сейчасъ же скрылась тамъ вмѣстѣ съ своимъ сундукомъ. Довольно долго она тамъ копошилась, а когда вышла оттуда, была неузнаваема.

Безъ своей затасканной гальмы, безъ зонтика въ рукахъ, безъ странной шляпы, она имѣла чрезвычайно чистенькій, благоприличный видъ. Вмѣсто черной юбки, въ которой она ходила, когда была безъ мѣста, очевидно для приданія себѣ солидности, на ней была сѣрая съ розовой ситцевой кофточкой, съ бѣлымъ передникомъ. На головѣ у нея былъ бѣлый чепецъ.

Когда изъ комнаты послышался звонокъ, и она явилась впервые въ этомъ видѣ передъ лицомъ Анны Дмитриевны, хозяйка посмотрѣла на нее и сказала:

— Очень хорошо. Вы всегда будете такъ ходить?

— Всегда-съ. Я люблю, чтобы было прилично.

— А какъ васъ зовутъ?

— Машенькой-съ.

— Ну, хорошо, Машенька, подавайте завтракъ.

И опять Анна Дмитриевна поймала себя на томъ, что, несмотря на свои принципы и на специальное обѣщаніе, говорила ей вы. И хуже всего то, что теперь ужъ она не видѣла возможности перейти на ты, да почему-то и не хотѣлось ей, какъ-то не шло это, и въ душѣ она рѣшила, что это ужъ такъ и останется.

Машенька оказалась чрезвычайно поворотливой, она быстро разузнала, гдѣ что лежитъ, разыскала подобающую случаю скатерть, накрыла столъ и поставила приборъ.

Анна Дмитриевна сидѣла за столомъ, поѣдала завтракъ и любовалась ея ловкостью, и этотъ передникъ, и этотъ чепчикъ, и эти небольшія руки съ длинными пальцами, все это дѣйствовало на нее успокоительно и даже какъ будто прибавляло аппетита. Право, ей казалось, что первый разъ въ жизни она такъ пріятно позавтракала.

Дальше оказалось, что Маша за всякое дѣло бралась такъ, какъ будто она нѣсколько лѣтъ была въ домѣ. Послѣ завтрака она принялась вытирать пыль съ піанино, съ шкафовъ, со всего

что только нуждалось въ этомъ, затѣмъ пересмотрѣла каждый цвѣточный горшокъ и полила тѣ цвѣты, которымъ это было нужно, а когда кончила все, что ей казалось необходимымъ, подошла къ Аннѣ Дмитріевнѣ и заявила:

— Позвольте вамъ сказать... въ кабинетъ подушка, которая на диванѣ, распоролась, такъ не позволите ли зашить?

— Неужели распоролась?—съ удивленіемъ спросила Анна Дмитріевна. Удивленіе ея относилось къ тому обстоятельству, что она сама, такъ бдительно слѣдившая за порядкомъ, а въ особенности въ кабинетъ своего мужа, этого не замѣтила.

— И даже сильно-съ... Такъ, видно, что уже давно...

Анна Дмитріевна отправилась въ кабинетъ и собственными глазами убѣдилась, что Маша права.

Самъ Сандаловъ не жаловался, но онъ вообще никогда не обращалъ вниманія на какіе бы то ни было порядки, если они не относились къ канцелярскому дѣлу.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказала Анна Дмитріевна.—Такъ зашейте. Вы умѣете?

— Какъ-же-съ, я отлично умѣю. — И Машенька принялась зашивать.

«У нея есть инициатива... Это очень хорошо»,—сказала себѣ Анна Дмитріевна.

А когда Машенька кончила эту работу, то спросила, нѣтъ ли чего пошить. Анна Дмитріевна сейчасъ же сочинила какую-то кофточку изъ остатковъ матеріи отъ прошлогдняго платья. Маша взяла для образца кофточку Анны Дмитріевны и забралась въ свой закоулокъ.

Пришелъ со службы Сандаловъ, Машенька накрыла на столъ и подавала обѣдъ. Сандаловъ сперва не обратилъ на нее никакого вниманія, попросту онъ ея не видѣлъ, хотя его взглядъ нѣсколько разъ скользилъ по ней; но вдругъ онъ замѣтилъ ея бѣлый передникъ и чепецъ и волей-неволей долженъ былъ разглядѣть и всю ея наружность.

— Гдѣ это ты взяла такую?—спросилъ онъ жену, когда Машенька за чѣмъ-то вышла.

— А что? Развѣ она тебѣ не нравится?

— О, мнѣ, право, все равно... Но она странная...

— Чѣмъ?

— А вотъ и не знаю чѣмъ: какая-то не похожая на другихъ горничныхъ...

— Да, она дочь коллежскаго асессора.

— Да? Какимъ же образомъ?

Анна Дмитріевна рассказала ему, какъ было дѣло.

— А, такъ вотъ почему ты говоришь ей вы... сказалъ Сандаловъ.

— А ты замѣтилъ?

— Да вѣдь я все замѣчаю, только... какъ бы тебѣ сказать...

— Не обращаешь вниманія?

— Нѣтъ... Не придаю значенія...

— А что у тебя на диванѣ была распорота подушка, ты замѣтилъ?

— Еще бы, это уже недѣли три...

— Почему же ты не сказалъ?

— Ахъ, собирался, тысячу разъ собирался; признаюсь, это меня даже раздражало... приляжешь послѣ обѣда, положишь руку подъ голову, и вдругъ рука куда-то залѣзла, въ какую-то яму...

— А вотъ она сейчасъ же замѣтила и зашила... И вообще, вообще, если она такъ будетъ дальше, то это—сокровище. Кухарка у меня теперь хорошая женщина, а съ горничными я страшно мучилась. Если она будетъ такая, какъ сегодня, то я буду со-всѣмъ счастлива.

А Машенька очевидно рѣшилась оправдать всѣ надежды Анны Дмитриевны. Прошелъ день, другой, третій, а за ними множество другихъ дней, а Машенька ни на іоту не измѣнялась.

Вставала она очень рано, даже раньше кухарки и сейчасъ же принималась за работу. Въ холодные дни она затапливала въ комнатахъ печи, потомъ тщательно прибирала во всѣхъ комнатахъ, выметала, стирала пыль, поливала цвѣты. Когда вставалъ Сандаловъ, въ комнатахъ было уже тепло, чисто и уютно, а въ столовой на столѣ кипѣлъ самоваръ, и его ожидалъ завтракъ.

Сапоги его, и калоши, и платье, и шинель, все было вычищено, все блестѣло, какъ новое. Блестѣли всѣ ручки у дверей, блестѣлъ самоваръ, остры были ножи, которые подавались къ столу, словомъ въ домѣ явилось то, о чемъ всегда такъ безнадежно мечтала Анна Дмитриевна. Былъ отысканъ «идеаль» горничной».

Не было рѣшительно такой надобности, о которой Анна Дмитриевна должна была бы напоминать Машенькѣ, она все сама знала и дѣлала напередъ. Рубахи, кофточки, чепчики, даже цѣлыя юбки—шились одна за другой, избавляя Анну Дмитриевну отъ расходовъ на надѣдливыхъ портнихъ. Анна Дмитриевна блаженствовала.

Когда къ нимъ приходили знакомые, или она сама заѣзжала куда нибудь, она непременно заявляла:

— Ахъ, вы не можете себѣ представить, какая мнѣ удача съ горничной! Ужъ я не говорю о кухаркѣ, — вотъ уже около двухъ лѣтъ я насчетъ кухни спокойна,—но наконецъ я нашла и горничную—золотая дѣвушка, прямо золотая. И представьте себѣ: она дочь коллежскаго асессора.

— Да неужели? — И ей не вѣрили и требовали объясненія и подробностей; всѣмъ казалось, что дочь коллежскаго асессора ни-

коимъ образомъ не можетъ быть хорошей горничной. И Анна Дмитріевна разсказывала все, что знала о Машенькѣ, то-есть главнымъ образомъ то, что она дочь коллежскаго асессора, и что она не могла жить у купцовъ изъ-за ихъ грубости.

— И я, знаете, просто дрожу теперь, что ее могутъ у меня переманить. Тогда я просто, знаете, буду чувствовать себя такъ, какъ будто потеряла рай...

Можно было замѣтить, что Машенька особенно торопилась покончить скорѣе со всей внѣшней уборкой и любила, когда ей поручали шитье. Тогда она забиралась въ свой закоулокъ и тамъ просиживала цѣлые часы. Это было ея любимое мѣсто и любимое занятіе.

Но Анна Дмитріевна, совершенно довольная положеніемъ дѣлъ въ домѣ, никогда и не подумала спросить себя, почему Машенька такъ любитъ свой закоулокъ. Еще кухарку до извѣстной степени интриговалъ вопросъ о томъ, что Машенька дѣлаетъ въ своемъ закоулкѣ, и даже не столько это, какъ то, гдѣ и какъ она тамъ помѣщается.

Кухарка очень хорошо знала этотъ закоулокъ. Онъ торчалъ между, кухней и ванной и представлялъ собой что-то въ родѣ чуланчика съ узенькимъ ходомъ изъ коридора.

Кухня освѣщалась окномъ со двора и получала отсюда настоящей солнечный свѣтъ, разумѣется, въ тѣ дни и часы, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ. Ванна соединялась окошкомъ съ кухней и получала свой свѣтъ изъ кухни, и это уже былъ, разумѣется, свѣтъ скудный, такъ что, когда Анна Дмитріевна или самъ Сандаловъ погружались въ ванну, то приходилось зажигать свѣчу.

А закоулокъ получалъ свой свѣтъ изъ ванны, съ которою онъ былъ связанъ маленькимъ окошечкомъ. Другихъ источниковъ дневного свѣта у него не было. Правда, въ коридорѣ, куда выходила изъ него дверца, по вечерамъ горѣла лампочка, но она давала такой скудный свѣтъ, что его едва хватало на освѣщеніе самого коридора. Такимъ образомъ Машенькѣ приходилось большею частью работать при лампѣ, которая сильно нагрѣвала и портила воздухъ, и оттого глаза ея постоянно были красны.

До поступленія въ домъ Машеньки закоулокъ служилъ для помѣщенія кубышки съ керосиномъ, ножной ванны, которой иногда Анна Дмитріевна для экономіи замѣняла настоящую, полотерныхъ щетокъ и множества другой хозяйственной дряни, которую теперь пришлось помѣстить на нарахъ въ коридорѣ же. Но надъ всѣмъ этимъ скарбомъ господствовала кубышка съ керосиномъ. Къ ней постоянно обращались за освѣтительнымъ матеріаломъ, переливали изъ нея въ бутылку, а изъ бутылки тутъ же разливали въ лампы, при чемъ, разумѣется, изрядно проливали на полъ. И до того въ закоулкѣ полъ былъ пропитанъ керосиномъ, что, когда въ немъ

поселилась Маша, запахъ керосина наполнялъ закоулокъ, и никакъ она не могла его вывести.

Ни одной изъ прежнихъ горничныхъ не приходило въ голову, что можно жить въ этой дырѣ. При кухнѣ была большая комната въ два окна. Анна Дмитриевна шутя говорила даже, что это лучшая комната во всей квартирѣ. И кухарка съ горничной, живя въ ней вмѣстѣ, чувствовали себя отлично.

Поэтому кухарка никакъ не могла понять, почему Машенька пренебрегаетъ большой и свѣтлой комнатой и предпочитаетъ ей закоулокъ. Въ душѣ она радовалась этому, такъ какъ ей все-таки пріятно было жить одной, имѣя въ своемъ распоряженіи цѣлую комнату, но недостаточно быть довольной, надо и понимать. И она не разъ спрашивала у Машеньки:

— И что вамъ за охота, Машенька (она, какъ и Анна Дмитриевна, почему-то не могла обращаться къ Машенькѣ иначе, какъ на вы)? охота вамъ тѣсниться въ этомъ чуланѣ? Тамъ и керосиномъ воняетъ и темнота... Какое такое вы находите въ немъ удовольствіе?

— Такъ,—по своей обычной манерѣ отвѣчала Машенька:—мнѣ тамъ пріятно.

— Не пойму я...

— Не могу объяснить вамъ... сама не знаю почему.. а только мнѣ пріятно.

— Можетъ, гнушаетесь нашимъ сосѣдствомъ? — предположила кухарка.

— Ахъ, какъ можно! какое я имѣю право гнушаться? Что я такое особенное, что бы могла гнушаться?

— Ну, все же вы не простая, а чиновницкая дочь...

— Ну, это что!.. Это было, да ни къ чему не повело... Можетъ, оттого, что я чиновницкая дочь, мнѣ только хуже, чѣмъ вамъ...

И при этомъ глаза ея дѣлались грустными, и все лицо принимало какую-то жалобную складку, и кухарка, видя, что ей разговоръ этотъ неприятенъ, не продолжала его.

Такъ и не поняла она; почему Машенька тѣсный закоулокъ предпочитаетъ большой и свѣтлой комнатѣ. Не разъ въ отсутствіе Машеньки пробовала она заглянуть въ закоулокъ. Но тамъ было почти совсѣмъ темно, и ничего нельзя было разглядѣть. Такъ она и оставила этотъ вопросъ для себя открытымъ.

IV.

А Машенька дѣйствительно обожала свой закоулокъ. Она старалась производить всѣ внѣшнія работы, какъ уборка комнатъ, топка печей, поливка цвѣтовъ, какъ можно скорѣе и какъ можно аккуратно, чтобы ея ни за чѣмъ этимъ не звали.

Она вовсе не любила шить. Глаза у нея были слабые и болѣли отъ этого. Да и сидѣть надо было согнувшись, и случалось, что побаливала у нея спина. И, тѣмъ не менѣе, она просто рвалась за шитьемъ и, когда кончала какую нибудь работу, она точно умоляла Анну Дмитріевну дать ей другую. И когда она шила, такъ ужъ и знали, что она занята шитьемъ, и если не было важнаго повода, не тревожили ея.

Она любила свой закоулокъ. Она полюбила его раньше, чѣмъ увидѣла и воспользовалась имъ. Она полюбила его въ ту самую минуту, когда Анна Дмитріевна въ день перваго осмотра и опроса только упомянула о немъ. Она полюбила его потому, что онъ былъ уже давно предметомъ ея тихихъ, молчаливыхъ, но пламенныхъ мечтаній.

Родителей лишилась она рано, когда ей было тринадцать лѣтъ. Тогда-то именно она посѣщала прогимназію. Отецъ поздно надумалъ отдать ее въ ученіе. Оттого она только и успѣла два класса пройти. Тогда умеръ ея отецъ, а матери она вовсе не помнила.

Съ семи лѣтъ она начала «завѣдывать хозяйствомъ» въ домѣ, и дѣйствительно всему научилась—и гладить, и варить варенье, и шить. А тутъ вдругъ осталась одна, безъ родныхъ и безъ денегъ. Всѣ вещи, какія были въ домѣ, уже давно были заложены и проданы на лѣченье отца. Онъ болѣлъ долго, таялъ медленно, и, когда умеръ, въ квартирѣ было уже пусто.

Служилъ онъ слишкомъ мало, чтобы оставить ей пенсію, и она очутилась на улицѣ. У отца ея были «друзья». Они взяли ее къ себѣ въ домъ и держали на кухнѣ, заставляя исполнять самыя многосложныя обязанности. Тутъ ей было трудно, но все же они помнили, что она «дочь коллежскаго ассессора», и дѣлали ей снисхожденіе.

Ей давали носить старыя платья, позволяли донашивать шляпки, и случалось, когда никого изъ знакомыхъ не было, сажали ее у края стола и разрешали пить съ ними чай въ прикуску.

Такъ прожила она лѣтъ пять, а тутъ и съ друзьями стряслась бѣда. Жена сама умерла, а мужъ почему-то запьянствовалъ, и его чѣмъ-то раздавило гдѣ-то на улицѣ.

Отсюда она пошла мыкаться по людямъ. Пробовала быть швеей и няней, но все было тяжело, и никакъ она не могла дѣлать такъ, какъ требовали.

А, главное, ей страшно мѣшало ея званіе, прописанное въ паспортѣ. Въ «хорошихъ домахъ» рѣшительно не хотѣли «брать дочь коллежскаго ассессора»,—боялись, что ее уважать надо; брали купцы и мѣщане, зато они не только не уважали, а изывались надъ ея дворянствомъ, котораго она себѣ впрочемъ никогда не приписывала. Такъ года полтора она служила въ горничныхъ.

Всѣ неудачи и невзгоды какъ-то странно вылились у нея въ одну мечту. Она денно и ночью мечтала о такомъ мѣстѣ, гдѣ у нея

была бы своя комнатка. И ей всегда представлялось, что эта комната—свѣтлая, просторная, уютная; въ ней можно сидѣть и ходить, принимать знакомыхъ (которыхъ у нея вовсе и не было).

И она знала, что въ хорошихъ домахъ для прислуги бываютъ такія комнаты, и мечтала попасть въ такой домъ, но туда не брали.

По мѣрѣ того, какъ годы шли, мечта ея суживалась, она дѣлала уступку за уступкой. Уже свѣтлая просторная комната превратилась въ маленькую, хотя бы полутемную, лишь бы въ ней можно было сидѣть, и, наконецъ, она рада была и закоулку и охотно принимала его со всѣми его неудобствами, съ тѣсотой, темнотой, запахомъ керосина.

Съ тѣхъ поръ, какъ ушла она изъ родительскаго дома, таскала она за собой сундукъ. Этимъ сундукомъ она такъ дорожила, какъ будто тамъ были какія нибудь драгоценныя сокровища. Однажды случилось, что хозяйка, у которыхъ она служила, переѣзжала на новую квартиру и во время перевозки сундукъ ея забыли въ старой. Машенька вообразила, что онъ потерянъ или украденъ. Она рыдала; впала въ глубокую тоску. Но сундукъ нашелся, его привезли, и она успокоилась.

Что было въ этомъ сундукѣ? Сѣрая юбка, въ которой теперь она ходила, нѣсколько передниковъ и чепцовъ. Но это ли были тѣ драгоценности, изъ-за которыхъ она такъ убивалась?

Нѣтъ, тамъ были ея воспоминанія. Они-то заставляли ее мечтать о своемъ углу и теперь, когда она добилась этого угла, изъ кожи лѣзла, исполняя свои обязанности, чтобы только этотъ уголокъ остался за нею.

При тускломъ свѣтѣ лампы, прибитой къ стѣнѣ и успѣвшей уже за короткое время закоптить потолокъ, сидѣла Машенька на своей узенькой кровати, согнувшись въ дугу, надъ кофточкой, которую шила для Анны Дмитріевны. Иголка совершала быстрыя движенія при помощи ея длинныхъ, тонкихъ пальцевъ, можетъ быть, предназначенныхъ, для музыки или какихъ нибудь изящныхъ художественныхъ работъ.

Шьетъ она долго такимъ образомъ, но вдругъ почувствуетъ усталость и боль въ спинѣ, остановится и выпрямится. Тогда ея взглядъ падаетъ на стѣнку и долго останавливается на ней.

Вся стѣнка увѣшана рамочками, въ которыхъ сидятъ сѣрые, вылинявшіе отъ времени мужчины въ штатскихъ и военныхъ мундирахъ и сюртукахъ, дамы въ пышныхъ шляпахъ съ старинными прическами.

Посрединѣ большой портретъ въ круглой рамѣ подъ стекломъ. Это—мужчина съ худощавымъ лицомъ, на которомъ такія же обыкновенныя и незамѣтныя черты, какъ и на лицѣ Машеньки. Рѣдкая борода не мѣшаетъ рельефно обозначаться формамъ его лица. Глаза у него вялые, болѣзненные, грустные. Это—ея отецъ, съ которымъ она провела все свое дѣтство.

Ничего онъ не далъ ей, кромѣ горемычной жизни, которую она теперь проводитъ, но она съ безконечной нѣжностью смотритъ на него, смотритъ каждый день, каждый часъ и все-таки не можетъ наглядѣться.

Въ немъ ея утраченное прошлое, въ немъ вся та жизнь, о которой она не можетъ даже мечтать, потому что она, эта жизнь, канула въ бездну и никогда, никогда не вернется.

Но если судьба не дала желанной жизни, то все же она не лишила драгоценной способности жить въ воображеніи, жить, вспоминая и грустя, но все-таки жить иной жизнью, чѣмъ та, которая есть въ дѣйствительности.

И Машенька живетъ этой жизнью, живетъ всѣми силами ея души, живетъ томительно и страстно.

И такъ явственно вспоминаются ей дни глубокаго дѣтства. Ея сознание началось съ какого-то горя, должно быть, огромнаго горя, потому что ея первыя впечатлѣнія отъ жизни—все черное, мрачное и угрюмое. Тогда въ ея маленькой дѣтской душѣ составилось представленіе о жизни, какъ о чемъ-то торжественно-мрачномъ.

Въ домѣ угрюмая тишина, какіе-то люди съ заплаканными лицами, всѣ въ черномъ. Зеркала, картины, статуэткы, все закрыто кисеей. Всѣ ходятъ на цыпочкахъ. Повсюду носится дымокъ съ страннымъ слапцавымъ запахомъ, который съ тѣхъ поръ для нея на всю жизнь остался запахомъ горя.

Ни лицъ, ни событій того времени она не помнитъ. Должно быть, тогда умерла ея мать, и это были похороны.

Это событіе разбудило сознание въ ея дѣтской душѣ, ей было тогда около четырехъ лѣтъ. Потомъ вспоминаетъ она, какъ отецъ, тогда еще молодой и здоровый, съ какою-то скорбною нѣжностью ухаживалъ за ней, возился съ ней, какъ нянька. Онъ все старался дѣлать для нея самъ.

На службѣ онъ тогда только начиналъ, жалованье получалъ маленькое, но, должно быть, у него было кой-что свое, или онъ взялъ за матерью, потому что въ домѣ было хорошо—красиво и уютно.

И помнитъ она свои тогдашнія чувства. Она обожала отца и постоянно ежеминутно чувствовала себя «самой счастливой во всемъ мірѣ».

Но какъ все обманчиво! И зачѣмъ судьба такъ подводитъ человѣка? «Самаго счастливаго» она превращаетъ въ самаго жалкаго.

Идутъ въ памяти времена другія. Болѣзнь отца, бѣдность и опять похороны. Не странно ли, что самое чудное время ея жизни, единственное, о которомъ ей хочется вспоминать, было заключено между двумя похоронами?

Счастье ея началось среди чернаго цвѣта и печальныхъ лицъ и закончилось среди нихъ же. И теперь это счастье, какъ рѣдка

драгоценность въ ларцѣ, все сложено здѣсь, въ этой узкой и тѣсной щели.

Это ея царство, сюда въ этотъ закоулокъ ее безумно тянетъ оттуда, изъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ, гдѣ другіе люди живутъ настоящей жизнью. Съ этими портретами она—среди утраченного, но все же своего.

Вотъ рядомъ съ отцомъ ея мать — худенькое, блѣдное лицо. Машенька никогда не знала ея, но все равно она любитъ ее такъ, какъ будто знала и всю жизнь пользовалась ея лаской. Про нее она много слышала отъ отца: она, бѣдная, всю жизнь проболѣла и умерла, не познавъ настоящаго веселья жизни.

Онъ взялъ ее больную. Его любовь къ ней скорѣе походила на жалость, это она видѣла изъ его рассказовъ о ней. Ихъ короткая совмѣстная жизнь была страданіемъ съ ея стороны и нѣжнымъ уходомъ съ его.

«Видишь ли, дѣтка,—часто говорилъ Машенькѣ отецъ, вспоминая о ея матери,—видишь ли, есть существа, которымъ дано жизненныхъ силъ очень мало, такъ что имъ самимъ едва-едва хватаетъ. И они должны быть скупы на свои силы, они должны ревниво оберегать ихъ, а не расточать.

«Твоя мать захотѣла счастья, для котораго у нея не было силъ—счастья быть матерью. Твое рожденіе подкосило ея жизнь. Она отдала тебѣ главную часть своихъ небольшихъ жизненныхъ силъ. Съ тѣхъ поръ она уже не жила, а только покорно ждала смерти».

И Машенька часто думаетъ о томъ, что это было несправедливо. Ея мать жила въ счастливой обстановкѣ и могла прожить такъ всю жизнь. Зачѣмъ она ограбила себя, что вышло изъ того? Жалкое существованіе, которое досталось на долю ей, Машенькѣ.

Повыше—ея дѣдъ, бабушка, по бокамъ дяди, тети, все родня. Ихъ выцветшія лица все какія-то важныя и торжественныя. Это, должно быть, оттого, что всѣ они были простые скромные люди.

Простые скромные люди въ жизни держатся тихо и незамѣтно, но передъ круглымъ стекломъ фотографа всегда принимаютъ важный видъ и на карточкахъ выходятъ сановниками. Это—невинный обманъ: они обманываютъ сами себя, а въ особенности свое отдаленное потомство, которое черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, отыскавъ ихъ изображенія въ фамильныхъ альбомахъ, думаетъ: какіе они были величавые, мои предки!

Вотъ этотъ телеграфистъ—это можно узнать по мундиру—это двоюродный братъ ея отца. Машенька его помнитъ. Онъ приходилъ къ нимъ въ домъ изрѣдка, всегда садился въ уголокъ и молчалъ, цѣлые вечера молчалъ.

Когда ему предлагали чай, онъ привставалъ и говорилъ: «очень вамъ благодаренъ, пожалуйста».

Если во время спора къ нему обращались, желая узнать его мнѣніе, онъ страшно смущался и краснѣлъ и запинаясь говорилъ: «Я... я вполне согласенъ съ вами...», т.-е. именно съ тѣмъ, кто къ нему обращался.

Но что за важное лицо у него здѣсь, на этой водянистой карточкѣ, какъ величественно приподняты плечи, какъ дерзко выглядываетъ крахмальный воротничекъ изъ-подъ мундира, какъ смѣло торчатъ кверху его усы, какой свободой вѣетъ отъ непокорнаго клока волосъ на головѣ его! Очевидно, это былъ его идеалъ, его мечта—быть такимъ.

А вотъ цѣлый рядъ «друзей и знакомыхъ».

Иныхъ Машенька помнитъ, они бывали въ ихъ домѣ, но потомъ куда-то безслѣдно исчезли, о другихъ же только слышала. Есть и такіе, о которыхъ она ничего не знаетъ.

Всѣ эти карточки помѣщались въ большомъ альбомѣ, который всегда лежалъ у нихъ на столѣ. Можетъ быть, многіе даже и не бывали въ ихъ домѣ, а только случайно гдѣ нибудь встрѣчались и случайно попали сюда. Но, все равно, они составляли особый кругъ, прикосновенный къ ея дому, и потому они всѣ ей «свои».

Среди карточекъ была одна, отличавшаяся отъ всѣхъ своей нарядной рамкой—«подъ розовое дерево». Она помѣщалась внизу подъ большимъ портретомъ самого «коллежскаго асессора».

Безусое лицо юноши, почти мальчика, съ низко остриженными волосами на головѣ, смотрѣло серьезно и вдумчиво. Въ этомъ лицѣ не было ни одной черты, похожей на черты тѣхъ незамѣтныхъ лицъ, которыя Машенька считала своими. Въ глазахъ юноши было что-то смѣлое, гордое, орлиное.

И когда Машенька взглядывала на него, то въ лицѣ ея появлялось какъ бы выраженіе опасенія, и всякій разъ она мелькомъ взглядывала на дверь, какъ бы боясь, чтобы посторонній взглядъ не замѣтилъ ея взгляда.

Да, этотъ юноша не принадлежалъ ни къ ея роднымъ, ни къ знакомымъ. Это былъ сынъ одного семейства, гдѣ она нѣсколько лѣтъ тому назадъ служила швеей. Жила она въ томъ домѣ мѣсяцевъ пять и, кажется, за все это время ни слова не сказала съ нимъ, но въ его присутствіи сердце ея билось усиленно, а когда она слышала его голосъ, кровь волновалась въ ней и прилиwała къ лицу, и ея блѣдныя щеки зарумянивались.

Это была тайна, которой никто еще не объяснилъ. Ей нравилось его открытое честное лицо, его смѣлый голосъ, его ясные глаза. Никогда не мечтала она о близости съ нимъ, это было невозможно, онъ былъ недостижимъ для нея. Но, все равно, онъ былъ ея кумиромъ.

Когда пришлось изъ-за какихъ-то недоразумѣній съ его матерью — вздорная, капризная, несправедливая женщина, которой

и онъ часто не одобрялъ — оставить мѣсто, она пошла на смѣлое, рѣшительное дѣло: тихонько пробралась въ гостиную и вытащила изъ альбома его карточку. И это все, что осталось у нея отъ ея тайной и единственной страсти.

Теперь она часто взглядываетъ на это лицо и думаетъ о томъ, что съ нимъ случилось. Осталось ли оно такимъ же смѣлымъ, яснымъ, чистымъ и прекраснымъ, какъ было тогда, или огрубѣло и изгадилось, какъ изгаживаются всѣ человѣческія лица... Но воспоминаніе о немъ ей сладко, и она давно уже причислила его къ «своимъ».

И, сидя на своей кровати, надъ прерванной работой, при свѣтѣ тускло горящей лампы, въ спертomъ воздухѣ, духотѣ и тѣсотѣ, Машенька забываетъ о всемъ, что дѣлается за стѣнами этого закоулка. Забываетъ она и обо всѣхъ невзгодахъ, которыя она испытала, и о томъ, что она въ сущности горничная въ чужомъ, совершенно чужомъ домѣ, что она исполняетъ низкія обязанности, что ее могутъ каждую минуту позвать и заставить дѣлать все, что имъ угодно.

Что ей до всего этого за дѣло? Что ей за дѣло до этого теперь, въ эти минуты, когда она среди своихъ, въ своемъ углу, гдѣ все принадлежитъ ей?

Въ эти минуты она чувствуетъ себя не горничной въ какомъ-то невѣдомомъ ей домѣ, а дѣйствительно, дѣйствительно — дочерью коллежскаго ассессора, дочерью своего отца, который не виноватъ же въ томъ, что судьба дала ему такую слабую грудь, что не выдержалъ онъ борьбы и слишкомъ рано умеръ.

Хорошо ей здѣсь въ этомъ святомъ закоулкѣ. Здѣсь у нея свой особый міръ, до котораго никому нѣтъ дѣла, никому въ цѣломъ свѣтѣ. Пусть они войдутъ сюда, пусть увидятъ ее на этой кровати, увидягъ стѣну, увѣшанную портретами, — что они поймутъ въ этомъ? ничего. Они могутъ проникнуть сюда, въ эти стѣны, но они никогда не проникнутъ въ ея особый душевный міръ, который въ ничтожныхъ предѣлахъ этого тѣснаго темнаго закоулка былъ огроменъ.

Вступая въ этотъ домъ, гдѣ наконецъ получила она уголь и, значитъ, возможность вынуть изъ своего неизмѣннаго спутника — сундука, то, что составляетъ ея «міръ», она дала себѣ клятву: «стараться угодить», и нѣтъ такой тяжелой работы, отъ которой она отказалась бы, нельзя представить себѣ такого униженія, котораго она не перенесла бы.

Пусть слѣпнутъ глаза ея отъ работы, пусть трещитъ голова, и разламывается спина, но вѣдь здѣсь она отъ всего этого отдыхаетъ. Пусть ей придется выполнять какія нибудь позорныя работы, отъ которыхъ сгорѣлъ бы со стыда и негодованія «коллежскій ассессоръ», если бы могъ это видѣть, но вѣдь все это тамъ, за

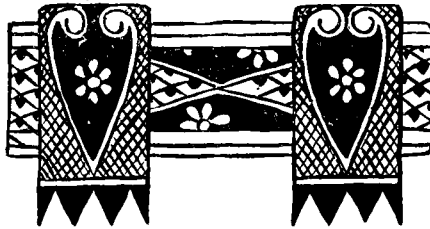
стѣнами этого «міра», а когда она придетъ сюда, она будетъ почтенная среди почтенныхъ, они, смотря на нее изъ своихъ дешевенькихъ рамокъ, не откажутъ ей въ уваженіи.

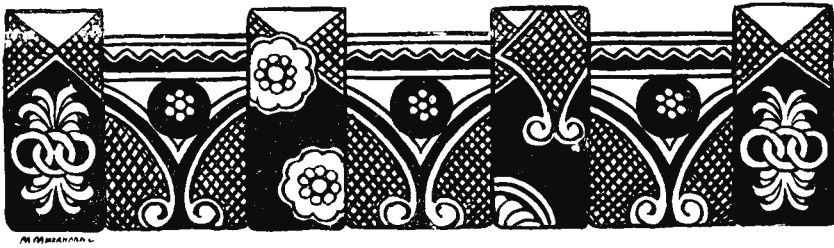
Если же она не угодитъ хозяевамъ — она съ ужасомъ иногда думаетъ объ этомъ — и ее отсюда погонятъ, тогда опять придется ей укладывать свои воспоминанія въ старинный обитый желѣзомъ сундукъ и снова таскать ихъ по грязнымъ кухнямъ чужихъ домовъ, безъ всякой надежды вновь когда нибудь пожить «среди своихъ».

И Машенька старается, Машенька выбивается изъ силъ вотъ уже второй годъ, а Анна Дмитриевна, налегая на нее, выжимаетъ изъ нея послѣдніе соки, сама того не подозрѣвая, и всюду говорить, что у нея золотая горничная, и что наконецъ она вполне счастлива.

— Но пока я этого добилась, сколько я выстрадала!.. ахъ, повѣрите ли, просто не могу вспомнить безъ ужаса, — и глаза ея дѣйствительно выражали настоящій ужасъ.

И. Потапенко.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

МНОГИХЪ замѣчательныхъ людей приходилось мнѣ встрѣчать въ своей жизни, быть съ ними въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ, но никогда не имѣлъ я удовольствія видѣть «великаго писателя земли Русской», гр. Л. Н. Толстого; единственный лишь разъ удалось мнѣ быть и въ обществѣ И. С. Тургенева, хотя нѣтъ, кажется, сколько нибудь извѣстныхъ писателей второй половины минувшаго столѣтія, съ которыми я не былъ бы знакомъ. Случилось это осенью 1880 г., на знаменитомъ обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ въ честь И. С. Тургенева, въ ресторанѣ Бореля (нынѣ Кюба), что на Большой Морской, противъ стараго Дюссо, который увѣковѣченъ былъ Пушкинымъ. Это было время, оставившее по себѣ глубокіе слѣды. М. Н. Катковъ обзывалъ его «диктатурой сердца», а всѣ вѣровавшіе въ него усвоили этому, къ сожалѣнію, краткому времени ласковое, добродушное наименованіе «новыхъ вѣяній». Казалось, наша дорогая, тысячелѣтняя Россія снова вступила въ эпоху свѣта и тепла. Многимъ хотѣлось отдыха и спокойствія послѣ бурь, невзгодъ и растратъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ «освободительную войну»; желалось новой плодотворной работы, чтобъ довершить, полнѣе и лучше осуществить начатое въ 1861—1865 годахъ. Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ и бывшія по этому поводу торжества словно разогнали мрачныя тучи и освѣжили, оздоровили воздухъ. Въ августѣ 1880 года была закрыта «Верхов-

ная распорядительная комиссія», по представленію гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, прекратило свое обособленное существованіе III Отдѣленіе, назначалась сенаторская ревизія для выясненія недостатковъ мѣстнаго управленія и собранія данныхъ, необходимыхъ для развитія и лучшей постановки земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія. Пересмотрѣны и смягчены были административныя взысканія. Подъ предсѣдательствомъ гр. П. А. Валуева образовалась комиссія для улучшенія законовъ о печати. Въ литературныхъ и издательскихъ кружкахъ состоялось нѣсколько собраній для выработки тѣхъ заключеній, которыя должны были представить въ эту комиссію «свѣдущіе люди», приглашенные съ этою цѣлью. Правительственные ряды стали оживляться новыми дѣятелями, повсюду слышались голоса въ пользу законности и порядка, о необходимости новыхъ школъ и широкаго просвѣщенія; въ обществѣ и печати проявлялось необычайное оживленіе. Среди этихъ-то «новыхъ вѣяній» и, можетъ быть, подъ вліяніемъ ихъ состоялся обѣдъ въ честь автора «Записокъ охотника», «Рудина» и «Отцовъ и дѣтей». Онъ находился въ Петербургѣ на обратномъ пути въ Парижъ, откуда прибылъ въ Россію нарочито для участія въ пушкинскихъ торжествахъ. Въ обѣденной залѣ было многолюдно и тѣсно. Участвовали почти всѣ наличные представители петербургской литературы, публицистики, художники, артисты; на такихъ обѣдахъ, какъ извѣстно, яства и питье отходятъ на второй планъ; всѣ ждуть рѣчей и тостовъ. На тургеневскомъ обѣдѣ особенно удачную рѣчь произнесъ И. Ѳ. Горбуновъ отъ имени прославленнаго имъ, всѣмъ извѣстнаго «генерала Дитятина». Его превосходительство заявилъ, что онъ давно слѣдитъ за дѣятельностью отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Тургенева и въ первые годы относился къ ней съ понятнымъ сомнѣніемъ и даже безпокойствомъ, но въ настоящее время всѣ недомѣнкія разсѣялись, и онъ готовъ даже поощрить ее, сказать: «продолжайте, хорошо», въ надеждѣ получить въ отвѣтъ усердный откликъ: «рады стараться»... Поощрительное слово генерала Дитятина, произнесенное Горбуновымъ со свойственнымъ ему комизмомъ, вызвало общее сочувствіе и добродушнѣйшую улыбку на лицѣ Тургенева. Говорили Григоровичъ и многіе другіе. Наконецъ, всталъ Тургеневъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поблагодарить за честваніе и сказать заключительное отвѣтное слово. Всѣ бросились къ срединѣ главнаго стола, за которымъ находился маститый писатель. За шумомъ шаговъ и отодвигаемыхъ стульевъ трудно было разслышать первыя слова. Тургеневъ говорилъ тихо, скромно и какъ бы стѣсняясь. Онъ извинялся, что не умѣетъ и не привыкъ говорить, да и принадлежитъ къ тому времени, когда молчаніе предпочиталось дару слова. Онъ просилъ, поэтому, разрѣшенія прочесть то, что ему хотѣлось сказать, принимая пригла-

шеніе на обѣдѣ. Затѣмъ Тургеневъ вынулъ изъ кармана четвертушку бумаги и прочелъ коротенькую рѣчь, въ которой указывалось, что привѣтствія его глубоко трогаютъ, что онъ относитъ ихъ ко всей литературѣ, которой желаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія, среди новыхъ и лучшихъ порядковъ, свойственныхъ всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ. Читалъ Тургеневъ безъ всякихъ подчеркиваній и «выразительныхъ» приемовъ, съ старческимъ спокойствіемъ, добродушно, но съ увѣренностью и искренностью въ тонѣ. Взрывъ рукоплесканій покрылъ слова писателя; но громче ихъ раздался шипящій, желчный возгласъ Ф. М. Достоевскаго. Онъ подскочилъ къ Тургеневу съ трудно передаваемою раздражительностью и злобно кричалъ:

— Повторите, повторите, что вы хотѣли сказать, разъясните прямо, чего вы добиваетесь, что хотите навязать Россіи!..

Тургеневъ отшатнулся, выпрямился во весь свой ростъ, подавлявшій небольшого и тщедушнаго Достоевскаго, и развелъ руками, тѣмъ жестомъ, которымъ выражаютъ глубочайшее недоумѣніе и негодованіе.

— Что я хотѣлъ сказать, то сказалъ... Надѣюсь, всѣ меня поняли... А на вашъ допросъ, хотя бы и съ пристрастіемъ, отвѣчать не обязанъ!

Таковъ былъ отвѣтъ Тургенева. «Поняли, поняли!» — раздался голоса... Многіе были возмущены неумѣстной выходкой Достоевскаго, и всѣ были огорчены плохой развязкой тургеневскаго чествованія. Въ виду извѣстной вражды, существовавшей между двумя знаменитыми писателями, иные надѣялись, что участіе Достоевскаго въ обѣдѣ служитъ явнымъ признакомъ примиренія, а получились новые поводы къ розни и отчужденію. Началось за зданіе, а свелось на упокой. Такимъ и оказался этотъ литературный праздникъ. Во всѣхъ отношеніяхъ вышелъ прощальный обѣдъ. Обоихъ писателей чествовали уже только послѣ смерти.

Очень скоро, въ январѣ 1881 года, оставилъ насъ Достоевскій. Ему первому и былъ оказанъ особый почетъ, въ видѣ необычайной погребальной процессіи, съ вѣнками впереди. Не долго пожилъ и Тургеневъ. Хоронили его въ сентябрѣ 1883 года, когда останки его были привезены изъ Парижа. Похороны Тургенева по ихъ торжественности, по числу вѣнковъ и депутаций, превзошли всѣ прежнія и послѣдующія почести этого рода; съ тѣхъ поръ вѣнки возятъ только на колесницахъ. Въ свою очередь, и «новыя вѣянія» оказались непрочными, съ ними быстро пришлось распрощаться... Но то, что было въ нихъ добраго и здороваго, рано или поздно, оживетъ; возродится и благодарная память къ тѣмъ, кто прежде боролся и страдалъ за правду и пролагалъ дорогу къ свѣту и добру, опираясь на силу слова и убѣжденія.

При похоронахъ И. С. Тургенева произошло нѣсколько эпизодовъ, достойныхъ вниманія въ бытовомъ отношеніи. Необычайно длинная процессія растянулась отъ Варшавскаго вокзала до Загороднаго проспекта.

Стоялъ тихій, солнечный сентябрьскій день. Всѣ окна были растворены и наполнены публикой не только въ частныхъ домахъ, но и въ казармахъ Измайловскаго, Егерскаго и Семеновскаго полковъ. Простой народъ видѣлся на крышахъ. По мѣрѣ появленія депутацій съ вѣнками (числомъ не менѣе 270) читались надписи и дѣлились впечатлѣніями. За гробомъ шли лица, снабженные особыми билетами. Около Царскосельскаго вокзала къ провожавшимъ погребальную колесницу подошелъ генералъ въ полной парадной формѣ, въ лентѣ и другихъ орденахъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему подбѣжалъ полицейскій и, отдавая честь, заявилъ:

— Ваше превосходительство, безъ билета и военнымъ запрещено участвовать въ процессіи.

Генералъ молча продолжалъ итти.

— Ваше превосходительство, — настаивалъ полицейскій офицеръ, — нельзя-съ, есть приказъ....

— Не мѣшайте мнѣ молиться и итти за гробомъ писателя, котораго я съ дѣтства читалъ и почиталъ, — раздраженно и внушительно отвѣтилъ генералъ. Полицейскій опять взялъ подъ козырекъ и отошелъ въ сторону, а генералъ снялъ шапку и, распахнувъ шинель, еще ближе подошелъ къ гробу съ останками Тургенева. Провожавшіе сочувственно давали ему дорогу и мѣсто. Съ Загороднаго проспекта процессія повернула на Звенигородскую улицу и направилась далѣе къ Волкову кладбищу. При поворотѣ на Разстанную улицу стояли рогатки съ узкимъ проходомъ по срединѣ. Усиленный отрядъ полиціи пропускалъ только депутаціи, которыя располагались по обѣ стороны улицы до главной каменной кладбищенской церкви; образовалась длинная аллея вѣнковъ, зелени и цвѣтовъ, по которой прослѣдовала колесница. За ней рогатки еще болѣе сдвинулись, и началось нѣчто въ родѣ свалки. Требовалось предъявленіе билетовъ; всѣ спѣшили пройти скорѣе, толпились и многіе пробовали проскользнуть безъ билетовъ. Градоначальникъ, генералъ Грессеръ, по свойственной ему привычкѣ, принялъ личное участіе въ соблюденіи порядка.

— Безъ билета нельзя, не угодно ли назадъ!.. раздавался его голосъ.

— Не угодно ли не толкаться... Прикажете, генералъ, пропустить меня, — говорилъ какой-то господинъ, усиливаясь пройти.

— Кто вы такой, я прикажу васъ арестовать за безпорядокъ!..

— Я — Буренинъ...

— А-а! проходите скорѣе...

И В. П. Буренинъ былъ пропущенъ. Нѣтъ правила безъ исключеній. Кажется, подобныя исключенія въ данномъ случаѣ были

умѣстны: одно въ пользу военнаго генерала, другое въ пользу «генерала отъ критики».

Во время обѣдни и отпѣванія далеко не все могли помѣститься въ церкви. Большинство толпилось у могилы и ожидало конца на паперти. Распорядившись похоронами Д. В. Григоровичъ нѣсколько разъ суетливо выходилъ изъ церкви, съ безпокойствомъ подходилъ къ могилѣ и просилъ не испортить это послѣднее жилище своего стараго друга. Замѣтивъ меня, Григоровичъ подошелъ и торопливо, какъ бы участливо спросилъ:

— Вы, конечно, скажете нѣсколько словъ...

По глазамъ, по тону голоса ясно было, что Григоровичъ не безъ тревоги ожидалъ моего отвѣта и опасался непрошеннаго ораторства.

— Не собираюсь, Дмитрій Васильевичъ,—поспѣшилъ я успокоить его.—Мнѣ приходится говорить только у тѣхъ могилъ, которыя забываются друзьями и почитателями, или когда у нихъ языкъ прильпне къ гортани... Отъ избытка чувствъ, должно быть...

— Нѣтъ, отчего же?.. Мнѣ хотѣлось только знать, чтобъ соблюсти порядокъ рѣчей...

— Порядка я не нарушу, Дмитрій Васильевичъ.

Успокоенный Григоровичъ пожалъ мнѣ руку и возвратился въ церковь. Рѣчей надъ могилой Тургенева было мало, и особаго значенія онѣ не имѣли.

II.

Черезъ годъ, лѣтомъ 1884 года, умеръ В. О. Коршъ... Хоронили его на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, почти напротивъ памятника Некрасова. Почти буквально сбылось то, о чемъ я говорилъ Григоровичу. Проводить почтеннаго публициста и редактора весьма вліятельныхъ при немъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» собралось только нѣсколько десятковъ родныхъ и знакомыхъ; литераторовъ было очень мало. Во время отпѣванія ко мнѣ подошелъ родственникъ В. О. Корша, сынъ извѣстнаго критика Григорьева, и просилъ сказать рѣчь.

— Если вы не скажете, — прибавилъ онъ: — будетъ очень досадно; обидно—замолчать такого человѣка, страдальца!..

— Постараюсь,—отвѣчалъ я.

Рѣчь была произнесена по вдохновенію, безъ подготовки и растрогала многихъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», подъ редакціей В. О. Корша, началось мое сотрудничество въ столичной печати; съ добрѣйшимъ Валентиномъ Оедоровичемъ пришлось мнѣ работать и много лѣтъ спустя, когда ему суждено было превратиться въ бѣднаго, необезпеченнаго кускомъ хлѣба газетнаго работника и переводчика... Горькая участь русскаго публициста лучше всякаго краснорѣчія хватала за сердце у этого гроба.

Въ 1891 г., 15 іюля, исполнилось 50-лѣтіе со дня кончины М. Ю. Лермонтова. По порученію комитета «Литературнаго фонда» и правленія учрежденной при немъ кассы взаимопомощи, на мнѣ лежала обязанность заказа возможно болѣе торжественной панихиды. По давнему опыту зная, что начальство не слѣдуетъ утруждать излишними ходатайствами и сомнѣніями, ведущими къ «перепискѣ», къ собиранію «свѣдѣній и заключеній», я поѣхалъ въ канцелярію градоначальства съ заготовленнымъ объявленіемъ о панихидѣ и безъ всякаго затрудненія получилъ обычное разрѣшеніе на напечатаніе его въ газетахъ. На другой день, 14 іюля, появилось во всѣхъ газетахъ извѣщеніе о предстоящей годовщинѣ, и я отправился въ Казанскій соборъ, чтобы переговорить и условиться съ духовенствомъ и старостой собора. Дождавшись конца службы, я попросилъ доложить обо мнѣ служившему протоіерею. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ въ лѣвый придѣлъ алтаря и спросилъ, что мнѣ угодно. Я объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Вотъ такъ вы всегда, господа, поступаете: вольнодумничаете, а затѣмъ панихиды просите служить... Никакихъ демонстрацій и скандаловъ я не допущу!..

Пораженный этимъ неожиданнымъ «репримандомъ», я попробовалъ объяснить протоіерею, что учрежденія, устраивающія въ данномъ случаѣ панихиду, далеки отъ всякихъ демонстрацій, и выразилъ удивленіе, что на весьма почтительную просьбу получился такой рѣзкій и обидный отвѣтъ, безъ малѣйшаго къ тому повода и основанія.

— Какъ безъ основанія!..—воскликнулъ протоіерей: — а вотъ, къ примѣру сказать, Иванъ Тургеневъ. Бросилъ отечество, отцепился отъ церкви, братался съ анархистами, а какую демонстрацію устроили изъ его похоронъ!..

Не могу передать, какъ взволновали меня эти слова.

— Тургеневу были возданы тѣ почести, которыя подобаютъ великому писателю. Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ отцомъ Васильевымъ, бывшимъ священникомъ нашей церкви въ Парижѣ, а затѣмъ членомъ святѣйшаго синода. Отецъ Васильевъ въ самыхъ дружескихъ и почтительныхъ выраженіяхъ отзывался о Тургеневѣ, какъ и всѣ, близко знавшіе его.. Да и вообще, едва ли умѣстно въ данномъ случаѣ тревожить прахъ великаго писателя, восемь лѣтъ уже покоящійся въ землѣ. Тургеневъ оказалъ такія услуги русскому народу и обществу, которыя никогда не забудутся... Духовенству слѣдовало бы не отпираться, не отторгаться отъ вождей русской литературы...

— Ну, на сей счетъ можно быть и иного мнѣнія!..

— Прошу васъ, батюшка, кончимте эти тягостныя препирательства, къ которымъ, повторяю, я не подалъ ни малѣйшаго повода... Угодно ли вамъ отслужить панихиду, на которую имѣется уже надлежащее разрѣшеніе, о чемъ и объявлено въ газетахъ?

— И совершенно напрасно!.. Лермонтовъ убитъ на дуэли... Это приравнивается къ самоубійству... По самоубійцахъ панихидъ не служатъ...

— Пушкинъ тоже убитъ на дуэли, по немъ служили самыя торжественныя панихиды въ 1880 году въ Москвѣ и Петербургѣ... Въ 50-лѣтнюю годовщину смерти Пушкина, 29-го января 1887 года, по моему же заказу духовенство Казанскаго собора служило панихиду, въ этомъ самомъ храмѣ... Какое же основаніе къ нынѣшнимъ препятствіямъ?

— Пренняя ошибка или неправильность не оправдываетъ новыхъ...

— Это ваше послѣднее слово?

— Безъ особаго разрѣшенія владыки служить не стану!

Высказавъ это рѣшеніе, протоіерей повернулся и ушелъ въ алтарь.

Разсуждать и медлить было нельзя. Я поспѣшилъ домой, надѣлъ фракъ и поѣхалъ въ лавру.

По счастью, митрополитъ Исидоръ былъ въ своемъ лѣтнемъ скромномъ помѣщеніи и принялъ меня милостиво и любезно. Маслитый архипастырь выразилъ удивленіе по поводу требуемаго отъ него разрѣшенія и, выслушавъ мои объясненія, поручилъ передать причту Казанскаго собора, что съ его стороны препятствій къ служенію панихиды нѣтъ, и что «судить Лермонтова не намъ, а Богу»...

На выраженное мною опасеніе, что моимъ словамъ протоіерей можетъ не повѣрить, высокопреосвященный владыка сказалъ:

— Какъ онъ можетъ не повѣрить!.. Пускай въ такомъ случаѣ явится сюда.

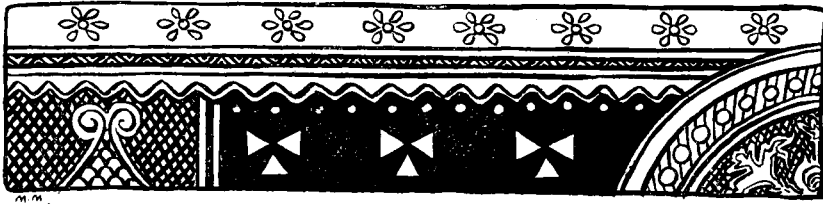
Изъ лавры я заѣхалъ къ себѣ, составилъ официальное письмо о полученномъ разрѣшеніи и о словахъ, въ которыхъ оно было выражено, и повезъ это увѣдомленіе протоіерею.

Всѣ препятствія разомъ исчезли. На другой день панихида была отслужена соборнѣ, при участіи архимандрита, духовнаго цензора, а протоіерей произнесъ даже приличествующую случаю проповѣдь.

На панихидѣ 15-го іюля присутствовало достаточное число литераторовъ, много учителей и учащихся, несмотря на лѣтнюю опустѣлость Петербурга. Конечно, никакихъ «скандаловъ» и «демонстрацій» не произошло.

Послѣ панихиды нѣкоторая часть литераторовъ и учителей отправилась въ ресторанъ «Медвѣдь», и здѣсь, за скромнымъ завтракомъ, была поднята чара въ память великаго поэта... Помянули его и добрымъ словомъ въ оживленной, не подготовленной бесѣдѣ.

Григорій Градовскій.

Д У Э Л И.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I).

I.

О ВРЕМЕНИ изданія закона 1894 года относительно поединковъ въ военной средѣ русская печать обогатилась нѣсколькими монографіями, изслѣдованіями, отдѣльными очерками, разбирающими вопросъ о дуэляхъ съ соціальной, этической и юридической точекъ зрѣнія.

Очевидно, вопросъ этотъ имѣетъ за собой и историческую сторону, которая такъ или иначе игнорируется изслѣдователями, что не мѣшаетъ имъ, впадая въ грубыя историческія ошибки, выставять извѣстныя положенія, претендующія на непоколебимость.

Это обстоятельство и обуславливаетъ появленіе настоящихъ очерковъ.

Всѣ они составлены на основаніи подлинныхъ дѣлъ, являющихся достояніемъ специальныхъ архивовъ, едва ли доступныхъ для публики, что въ свою очередь обусловило и форму предлагаемыхъ очерковъ. За историческую вѣрность сообщаемыхъ здѣсь фактовъ можно ручаться.

Эпоха императора Александра I представляетъ собою любопытный моментъ въ исторіи вопроса о поединкахъ.

Съ одной стороны, законодательство положительно воспрещаетъ кому бы то ни было выходить на поединокъ или участвовать въ немъ тѣмъ или инымъ образомъ, и, слѣдовательно, поединокъ былъ преступнымъ дѣяніемъ, за которое, какъ мы увидимъ ниже, угро-

жали тяжкія наказанія; съ другой же стороны—общественное мнѣніе уже успѣло вылиться въ опредѣленную форму, и всякая обида, нанесенная дворянину, требовала для послѣдняго особой реабилитаціи, которая покоилась или на скрещенныхъ шпагахъ, или на пистолетныхъ выстрѣлахъ.

Однако, угроза закона не могла побѣдить сильное общественное мнѣніе: и вотъ на глазахъ виновныхъ и общества происходитъ интересный процессъ—законъ вырождается, теряетъ свое обаяніе, строгія наказанія не примѣняются, и поединки свободно циркулируютъ въ обществѣ и особенно въ арміи.

Въ первую четверть XIX столѣтія поединки регламентировались воинскимъ артикуломъ Петра Великаго и манифестомъ о поединкахъ Екатерины II-й. Для усвоенія важныхъ подробностей въ послѣдующемъ изложеніи необходимо въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ этими знаменитыми памятниками.

Грубоватый по формѣ военный артикулъ предписывалъ, чтобы каждый, получившій оскорбленіе, тотчасъ же отправлялся по начальству и заявлялъ ему объ этомъ; если же оскорбленный осмѣливался недонести объ этомъ, то онъ самъ подлежалъ довольно серьезному наказанію. Другіе законы того же времени указывали обиженному: или бей челомъ, или помирись.

Это требованіе, очевидно, было разсчитано на предупрежденіе поединковъ, и видѣть въ этомъ требованіи закона стремленіе охранить «честь и достоинство» представляется нѣсколько наивнымъ.

Законъ угрожалъ не только за поединокъ, но даже за вызовъ и за недонесеніе о вызовѣ; виновные подлежали «лишенію достоинствъ и чиновъ» и конфискаціи имущества. Даже слуга, который позволялъ себѣ относить «вызывательную цидулу», т.-е. вызовъ на письмѣ, подлежалъ наказанію шпицрутенами, если, разумѣется, онъ зналъ о содержаніи «цидулы».

«Жестокій штрафъ» угрожалъ противникамъ за выходъ на поединокъ и обнаженіе оружія; наконецъ, если поединокъ происходилъ, то дуэлисты подлежали повѣшенію за ноги и конфискаціи; отъ этихъ мѣръ не освобождались даже и убитые на поединкѣ.

Манифестъ Екатерины II-й смотрѣлъ на поединокъ значительно мягче: составленный подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ началъ XVIII столѣтія, онъ требовалъ: «да умолкнутъ своевольныя толкованія въ дѣлѣ, въ коемъ гласъ закона Божія соединяется съ гласомъ установленій военныхъ и гражданскихъ», вслѣдствіе чего воспрещалось «въ собственномъ дѣлѣ дѣлаться судьбою», т.-е. выходить на поединокъ за нанесенную или полученную обиду.

Всякій, услышавшій о ссорѣ, долженъ былъ примирить противниковъ дружелюбно и стать посредникомъ, а при неуспѣхѣ предложить избрать имъ по одному надежному человѣку, которые въ теченіе одного и не болѣе трехъ дней прекращаютъ ссору и име-

немъ закона запрещаютъ «драку, или поединокъ». Если же у примирителей «есть опасеніе о поведеніи ссорящихся», то они обязаны увѣдомить о томъ начальство, а это послѣднее—военное или гражданское—развести ссорящихся и «дать имъ присмотръ», чтобы поединокъ не могъ состояться.

Манифестъ считалъ поединокъ нарушеніемъ судейской власти, вслѣдствіе чего съ виновнаго взыскивалось «судейское безчестье»—жалованье по чину судьи, которому дѣло было подсудно, а самъ вызыватель до уплаты заключался подъ стражу.

Наказанію за поединокъ должны были подвергаться примирители, посредники, секунданты и даже находившіеся, хотя бы случайно при ссорѣ, люди.

Кромѣ того, манифестъ увѣщевалъ гражданъ жить мирно, а находящихся на службѣ—оказывать послушаніе начальству. Точно также манифестъ воспрещалъ лицу, состоящему или состоявшему на службѣ, вызывать на поединокъ своего начальника «касательно взысканія по службѣ» или даже и по частнымъ дѣламъ.

Таковы были законы о поединкахъ.

По отдѣльнымъ случаямъ можно будетъ составить представленіе о томъ, какъ эти законы примѣнялись, и насколько они оказались жизнеспособными и примѣнимыми.

II.

Дуэль генерала съ камеръ-юнкеромъ.

I.

Корнетъ Чернышовъ стоялъ передъ графомъ Венансономъ и утверждалъ, что министерское управленіе, которое тогда только-что вводилось въ Россіи, значительно хуже управленія коллегіальнаго. Венансонъ молчалъ и только время отъ времени отрицательно покачивалъ головою.

— Ты говоришь: «дьяки и дьяки!»—возмущался Чернышевъ.— Но вѣдь какое знаніе у этихъ дьяковъ!... Они во всемъ свѣдуци, всегда все указать могутъ, разъяснить...

— Обмануть, схитрить...—добавилъ Венансонъ,— а отвѣчать за это некому...

— И опять неправда! Отвѣчать долженъ...— началъ было Чернышевъ, но въ эту минуту вошелъ слуга и подалъ ему письмо, на конвертѣ котораго значилось «нужное».

Чернышевъ вскрылъ письмо и началъ читать. По мѣрѣ чтенія лицо его становилось серьезнѣе.

— Отъ кого это?—спросилъ Венансонъ.

— Отъ Куселева. Представь себѣ: теперь онъ долженъ ѣхать въ Кавказскій полкъ, въ гренадеры, а тутъ такая непріятная исторія... Гм.. что же дѣлать?.. Я совершенно новичокъ въ этомъ дѣлѣ.

— Какой это Куселевъ? — спросилъ Венансонъ: — камеръ-юнкеръ?

— Да... онъ самый! — отвѣчалъ Чернышевъ и, протягивая къ Венансону письмо, сказалъ: — не угодно ли прочесть?

Венансонъ взялъ письмо и прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Ты, вѣроятно, не знаешь, другъ мой, что шесть лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, со мною случилось несчастье, которое всю жизнь должно меня преслѣдовать. Тогда мнѣ было едва 14 лѣтъ, и всѣхъ тонкостей военной науки и экзерцицій точно уразумѣть я не могъ. И вотъ, будучи однажды посланъ на главный караулъ, я сдѣлалъ какую-то незначительную оплошность. Генераль-майоръ Бахметевъ, случившійся здѣсь, ударилъ меня за это своею палкою. До сихъ поръ при семъ воспоминаніи у меня содрогается сердце. Такъ велика была обида, мнѣ нанесенная. Но въ тѣ времена мой подпрапорщичій чинъ не позволялъ мнѣ искать сатисфакціи, пристойной дворянину, обиду же сію всегда такъ великою считалъ, что никакое время не могло истребить оной изъ памяти моей.

«Ты можешь подумать, что мстительная злоба занимаетъ мои чувства. Отнюдь нѣтъ, но мнѣніе общества, коего строгія правила каждому извѣстны, и съ коими я, какъ членъ, долженъ согласоваться, и по чувствамъ благородства требуется отъ меня извѣстное дѣйствіе, дуэлью именуемое. Четыре дня тому назадъ генераль-майоръ Бахметевъ далъ мнѣ слово удовлетворить въ той обидѣ. Я требовалъ отъ него сатисфакціи, какъ высочайшаго двора камеръ-юнкеръ, ибо, хотя по моему желанію и опредѣленъ я штабсъ-капитаномъ въ армію, но не лишень и того чину, которымъ считаюсь при дворѣ.

«А потому прошу тебя, какъ друга и родственника, принять участіе въ охраненіи моей чести. Я не увижу Кавказа, пока моя совесть не успокоится. Увѣдомъ о семъ моемъ рѣшеніи графа Венансона и попроси его отъ меня пріѣхать ко мнѣ вмѣстѣ съ тобой для окончательныхъ переговоровъ. Дуэль назначена на 12-е октября.

«Сохрани все сіе въ тайнѣ отъ моихъ родителей, дабы мысль объ опасности, съ боемъ сопряженной, не заставила ихъ принять мѣры къ пресѣченію мнѣ способовъ избавить себя отъ тяжелаго сознанія оскорбленнаго дворянскаго достоинства и военной чести. Въ полномъ упованіи на твое содѣйствіе

«Твой Куселевъ».

— Ну, что скажешь на все это?— живо спросилъ Чернышевъ, когда Венансонъ окончилъ чтеніе.

— Ничего не скажу!— отвѣтилъ графъ.— И не хочу ѣхать къ нему и мѣшаться въ чужіе счеты... Я — майоръ, и мнѣ неловко передъ генераломъ... А потомъ еще подвергайся отвѣтственности...

— Полно... Вотъ пустяки... Ну, посадятъ въ крѣпость... Не важность...

— Садись, если угодно, а я не желаю... Твой Кушелевъ—ребенокъ и ребенкомъ получилъ заслуженное наказаніе. Не понимаю, почему онъ не вызоветъ на дуэль свою няньку, которая въ дѣтствѣ его сѣкла и, по всей вѣроятности, очень плохо... Онъ и теперь еще продолжаетъ ребячество...

— Послушай, — перебилъ его Чернышевъ, — если ты отказываешься отъ чести быть секундантомъ, то потрудись не глумиться надъ Кушелевымъ, потому что...

— Напрасно думаешь, что я глумлюсь... Я вообще—противникъ дуэлей, а въ настоящемъ случаѣ только объясняю причины, которыя мнѣ препятствуютъ принять лестное предложеніе.

— Какъ знаешь... — отвѣтилъ Чернышевъ.— У каждого свои понятія. Но я тебя попрошу не разглашать содержанія письма... Жалѣю, что далъ тебѣ прочесть его...

— Успокойся!—хладнокровно замѣтилъ Венансонъ.—Отъ этого ни тебѣ, ни другу твоему хуже не будетъ...

Пріятели замолчали. Венансонъ молча допилъ стаканъ вина, подаль Чернышеву руку и вышелъ изъ квартиры. Вслѣдъ за тѣмъ Чернышевъ одѣлся и помчался къ Кушелеву. Дуэль была для него явленіемъ необыкновеннымъ, новымъ, опаснымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заманчивымъ.

— По долгу секунданта, я обязанъ его отговаривать,—думалъ онъ по дорогѣ:—если я не сдѣлаю этого, то нарушу обязанность и нравственную, и законную... Конечно, я долженъ это сдѣлать, но Кушелевъ, безъ сомнѣнія, не согласится... Обида — слишкомъ тяжела... Но главное—тайна и молчаніе... Напрасно я Венансону сообщилъ!...

Кушелевъ встрѣтилъ Чернышева съ многозначительнымъ видомъ, провель его въ свою комнату и заперъ ее на ключъ. И до поздней ночи товарищи обсуждали планъ будущихъ дѣйствій.

Изъ этого разговора Чернышевъ узналъ, что дуэль должна быть серьезной; однимъ изъ самыхъ важныхъ условій было стрѣлять до первой раны, независимо отъ числа осѣчекъ и промаховъ.

— Только, пожалуйста, дѣлай все осторожнѣе!—убѣждалъ Кушелевъ своего секунданта.—Мой отецъ еще ничего не знаетъ объ этомъ, но уже замѣчаетъ какъ будто, что у меня что-то готовится. Я, конечно, стараюсь не показывать вида, пропадаю изъ дома...

Но, знаешь, эти людскія уши да языки... Твой графъ Венансонъ, конечно, не выдастъ, но все-таки я жалѣю, что онъ знаетъ о дуэли...

Въ заключеніе товарищи рѣшили, что завтра должны состояться окончательные переговоры между секундантами относительно всѣхъ подробностей поединка.

II.

Генераль-майоръ Бахметевъ, еще сравнительно молодой человекъ съ засеребрившимися висками, остановился у подъезда и дернулъ торопливо звонокъ.

Это былъ домъ члена военной коллегіи комиссаріатской экспедиціи, генераль-майора Ломоносова.

Хозяинъ былъ еще въ постели, когда ему доложили о пріѣздѣ Бахметева. Онъ быстро одѣлся, умылся и вышелъ къ раннему гостю съ самой радостной улыбкой на губахъ, которая, однако, при первыхъ же словахъ Бахметева совершенно исчезла, смѣнившись выраженіемъ серьезности.

— Представьте себѣ, — рассказывалъ Бахметевъ, — пріѣзжаетъ вчера ко мнѣ какой-то армейскій штабсъ-капитанъ, по фамиліи Кушелевъ... Какъ я узналъ потомъ—сынъ сенатора... Молодой человекъ, почти безусый... и самымъ вѣжливымъ тономъ заявляетъ мнѣ, что въ 1797 году, когда онъ былъ еще подпрапорщикомъ, онъ получилъ отъ меня ударъ палкою въ караулѣ. Мало ли кого я палкою колотилъ, не могу же я всѣхъ помнить. Колотилъ—такъ колотилъ... Хорошо... И требуетъ сатисфакціи, какъ камеръ-юнкеръ двора...

— И ты, конечно, выпроводилъ его? — спросилъ Ломоносовъ.

— Нѣтъ, не выпроводилъ! — отвѣтилъ Бахметевъ.—Я ему сказалъ, что дѣйствительно на своемъ вѣку я многихъ угощалъ палкою, особенно за служебныя упущенія; можетъ быть, въ томъ числѣ и ему досталось. Разумѣется, если самъ битый, да еще офицеръ, говорить, что ты его ударилъ, — значитъ ударилъ. Я и говорю ему: «Не смѣю сомнѣваться, милостивый государь, въ правдивости словъ вашихъ. И ежели вы считаете себя—оскорбленнымъ, меня — оскорбителемъ и требуете сатисфакціи, то я готовъ дать вамъ удовлетвореніе!».

— Это ты сказалъ?! — воскликнулъ Ломоносовъ.— Но съ какой стати?

— По долгу дворянина. Да это все равно: по первому требованію въ этихъ случаяхъ должно дѣлать исполненіе! — замѣтилъ Бахметевъ.— И ты, конечно, понимаешь меня...

— Такъ, такъ... Ну, дальше!...

— Ну, послѣ этого онъ спрашиваетъ меня: «Вы, ваше превосходительство, даете честное слово?» Я ему отвѣчаю на это, что мои слова всѣ честныя... Тогда онъ говоритъ: «дуэль на пистоле-

тахъ въ окрестностяхъ Петербурга». Я его остановилъ и сказалъ, что объ этомъ условятся наши секунданты; однако же условіе драться до первой раны я принялъ охотно... Такъ вотъ я и прошу тебя быть моимъ секундантомъ...

— Что жъ, я согласенъ!—вздыхнулъ Ломоносовъ.— Но все-таки не надо было доводить дѣло до дуэли. Поводъ-то такой странный и необыкновенный...

— Нечего дѣлать... Теперь, братъ, поѣдемъ къ комунибудь... ну, хоть къ Багратіону... и прихватимъ его съ собою...

Ломоносовъ поднялся съ кресла, покачалъ головою и сталъ одѣваться.

Черезъ полчаса они были уже въ домѣ Багратіона, который бесѣдовалъ, сидя за завтракомъ, съ генераломъ Депперадовичемъ.

— Вотъ не ожидалъ васъ видѣть у себя!—сказалъ Багратіонъ, принимая гостей.— Пожалуйте въ столовую... Очень радъ, очень радъ... Антонъ, приборы!...

— Мы къ вамъ по очень важному дѣлу,—замѣтилъ Бахметевъ.

— Великолѣпно!—усмѣхнулся Багратіонъ.— Хорошіи завтракъ и вино дѣла портить не могутъ!...

— Я пріѣхалъ звать васъ въ секунданты,—сказалъ Бахметевъ, садясь на стулъ.

Багратіонъ вскинулъ на него глаза и помолчалъ немного.

— Да-а... — протянулъ онъ. — Такое дѣло, пожалуй, можетъ испортить и завтракъ, и вино! А все-таки я буду ѣсть и попрошу васъ, несмотря ни на что, послѣдовать моему примѣру... Съ кѣмъ же вы деретесь?...

Бахметевъ разсказалъ о пріѣздѣ къ нему Кушелева, заявивъ при этомъ, что вопросъ о дуэли разрѣшенъ окончательно, и отъ Багратіона зависитъ теперь лишь выразить свое согласіе или отказаться въ содѣйствіи.

— Кушелевъ?!—задумался Багратіонъ.— Вѣдь это мальчикъ, сынъ тайнаго совѣтника... Ну, нѣтъ, извините, а этой дуэли не бывать... положительно не бывать!...

— Успокойтесь, князь... Это дѣло рѣшенное, и о немъ мы говорить не станемъ,—сказалъ съ неудовольствіемъ Бахметевъ.

— Нѣтъ, не такъ!—перебилъ его Багратіонъ и нервно поднялся изъ-за стола.—Это невозможно... Вы, ваше превосходительство, поступили неосмотрительно... И я вамъ это докажу...

— Я говорилъ то же самое!—промычалъ Ломоносовъ.

— Присоединяюсь къ вашему сужденію!—вставилъ Депперадовичъ.

— Видите? видите?—подхватилъ Багратіонъ.—Да иначе и быть не можетъ... Я васъ понимаю, вы не рѣшились отказаться отъ дуэли, потому что васъ вызывали. Очень хорошо... Но вѣдь вы обязаны были разъяснить этому мальчику, что требованіе его не

подлежитъ удовлетворенію. Почему? вы хотите знать—почему? Я вамъ отвѣчу: потому, что обиды Кушелеву нанесено не было. Вы—начальникъ, ударили подчиненнаго... но не съ цѣлью оскорбить его честь, а съ цѣлью поправить оплошность, погрѣшность. Онъ могъ тогда же принести жалобу вышнему начальству, и съ васъ было бы взыскано... Да-съ... взыскано... Но вы намѣренія обидѣть его не имѣли... Это всѣмъ ясно... очевидно.

— Я смотрю на это иначе!—не соглашался Бахметевъ.

— Вы не можете смотрѣть иначе!—воскликнулъ Багратіонъ.— Такъ требуетъ долгъ службы, который вы знаете не хуже меня. Наконецъ, я и это оставлю въ сторонѣ. Взгляните на дѣло съ другой точки: вы и Кушелевъ стоите другъ къ другу въ особыхъ отношеніяхъ. Вы—генераль, онъ—штабсъ-капитанъ...

— И камеръ-юнкеръ!—вставилъ Бахметевъ.—Онъ вызвалъ меня на дуэль, какъ камеръ-юнкеръ...

— Извините, но я этого не понимаю!—горячился Багратіонъ.— Но вѣдь обида-то нанесена вами подпрапорщику, а удовлетворенія просить штабсъ-капитанъ... Извините, здѣсь много противорѣчій. Подумайте, генераль, что будетъ, когда объ этомъ дойдетъ до свѣдѣнія нашей арміи... Я увѣренъ, что тогда всѣ бывшіе подчиненные своихъ бывшихъ начальниковъ на дуэль вызывать начнутъ: тотъ оскорбился словомъ, этотъ—движеніемъ, на того—посмотрѣли не такъ. Ахъ, ваше превосходительство, вѣдь такъ вы всю дисциплину расшатаете и сломите, ничего отъ нея бѣдной не останется.

— Именно, именно!—подхватилъ Депперадовичъ.—Я такого же мнѣнія...

— Хорошенько его, дуэлиста, хорошенько!—подзадоривалъ Ломоносовъ, видя, что Бахметевъ какъ бы началъ колебаться и пересталъ почти возражать.

— Я иду дальше!—продолжалъ Багратіонъ, нѣсколько успокоиваясь.— Что будутъ говорить въ обществѣ, когда узнаютъ, что почтенный генераль давалъ удовлетвореніе мальчишкѣ, молокососу за какую-ту легендарную обиду... Клянусь вамъ, что и въ обществѣ вашъ поступокъ будетъ признанъ... извините—не серьезнымъ. И всѣ скажутъ то же самое, что говорю и я... Во всякомъ случаѣ, вы вашей дуэлью отнимете у нея главное качество—быть средствомъ возстановленія поруганной чести, вы уроните самое понятіе о поединкѣ... Наконецъ, подумайте, ваше превосходительство, что подумаетъ, что скажетъ государь, до котораго дѣло это не можетъ не дойти... Какъ онъ можетъ отнестись къ вашему поступку? Что ни говорите, но поединокъ—преступленіе. Петръ Великій дуэлистовъ за ноги вѣшалъ... А въ вашемъ дѣлѣ ничего нѣтъ такого, что оправдывало бы васъ. Наоборотъ, государь будетъ очень недоволенъ...

— Конечно, это такъ!—замѣтилъ Депрерадовичъ.—И вы, какъ генераль, которому дороги интересы военной службы, должны за-быть ваше рѣшеніе и принять другое—противоположное.

— Да, да... Подумайте, генераль!—наставительно сказалъ Багратіонъ.—Разумѣется, я отъ вашего предложенія быть секундантомъ положительно отказываюсь... А вы должны отказаться отъ дуэли. Вашъ поступокъ будетъ принятъ всѣми и вездѣ очень дурно... Повѣрьте мнѣ...

— Но что же я буду дѣлать?!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Бахметевъ.—Вы думаете, я не понимаю этого? Я все взвѣсилъ, все обдумалъ. Но если къ вамъ приходятъ и требуютъ немедленно отвѣта, развѣ можно тутъ отговариваться? Долгъ каждаго честнаго человѣка отвѣтить на это: «Да, согласенъ!» Иначе я поступить не могъ...

— Вы должны были поступить иначе!—твердо сказалъ Багратіонъ.—И я берусь успокоить васъ и вашего противника, такъ что этой дуэли не будетъ, и все устроится само собою...

— Какъ же это?—спросилъ Бахметевъ.—Не извиненіе же мнѣ просить!

— Ваше превосходительство!—укоризненно покачалъ головою Багратіонъ.—Гдѣ идетъ дѣло о чести, тамъ дѣйствуютъ такими путями, какіе предписаны честью... Я позволю себѣ дѣло уладить... Но помните—я заранѣе отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго посредничества, какъ только меня постигнетъ неуспѣхъ.

— Дѣлайте, какъ хотите!—согласился Бахметевъ.

— Вы, генераль, посидите у меня... дома! Въ комнатѣ много новыхъ журналовъ... только что прислали... Я вамъ свои новыя гравюры покажу,—сказалъ Багратіонъ.—А мы пока съ Депрерадовичемъ отправимся кое-куда...

— Я въ вашей власти!—отвѣтилъ Бахметевъ.

Скоро Багратіонъ и Депрерадовичъ уѣхали, Ломоносовъ отправился въ военную коллегію въ присутствіе, и Бахметевъ остался одинъ.

III.

Тайный совѣтникъ Кушелевъ былъ очень удивленъ, когда ему доложили о пріѣздѣ двухъ генераловъ—Багратіона и Депрерадовича. Съ Багратіономъ онъ былъ хорошо знакомъ, но другого генерала зналъ только въ лицо.

— Чѣмъ могу служить?—съ радушнымъ видомъ привѣтствовалъ старикъ пріѣхавшихъ.

— Очень многимъ, ваше превосходительство!—отвѣтилъ весело Багратіонъ, усаживаясь въ кресло.—Вы знаете, что когда вашему сыну было 14 лѣтъ, то ему было нанесено кровное оскорбленіе?—спросилъ онъ Кушелева.

— Въ 14-ть лѣтъ и кровная обида?—засмѣялся тотъ.—Нѣтъ, не знаю-съ.

— Очень жаль! Такъ вотъ вашъ сынъ, движимый чувствомъ сей обиды, вызвалъ на поединокъ генерала Бахметева... знаете, который числится по арміи!

— Мой сынъ... Бахметева?—изумился старикъ. Это —невозможно! за что же?

Багратіонъ очень комично передалъ сцену ссоры, вызова и нарисовалъ картину будущей дуэли.

Старикъ слушалъ серьезно и внимательно; на его умномъ и выразительномъ лицѣ сквозило желаніе не знать того, во что его посвящали.

— Отлично!—произнесъ онъ, когда Багратіонъ кончилъ.—Но я не знаю, что могу сдѣлать въ этомъ случаѣ? Мое правило—не вмѣшиваться въ дѣла сына. И разъ онъ счелъ необходимымъ поступить такъ, а не иначе, я становлюсь въ сторону.

— Какъ это можно?!—воскликнулъ Багратіонъ.—Но вѣдь общество можетъ отнестись къ этому очень нежелательно для него.

— Сынъ считаетъ нужнымъ исполнить желанія или требованія общества!.. твердо отвѣтилъ сенаторъ.

— Но какъ на это взглянетъ государь?—продолжалъ Багратіонъ.—Онъ можетъ узнать объ этомъ и о томъ, что вы не приняли никакихъ мѣръ къ удержанію сына отъ дуэли...

— Я не могу насиловать сына. Пусть поступаетъ онъ по убѣжденіямъ. Богъ и государь — ему судьи...

— Но если онъ будетъ... убить?—спросилъ Багратіонъ, смотря въ упоръ на отца.

Тотъ улыбнулся и сказалъ:

— Тогда одинъ судья — Богъ!..

Багратіонъ, видя такое спокойствіе и хладнокровіе, заволновался.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—вы оправдываете вашего сына? Да? и не примете никакихъ мѣръ къ примиренію его съ Бахметевымъ? Я ничего не понимаю...

— Князь!—серьезно воскликнулъ Кушелевъ.—Если бы Бахметева на дуэль вызвалъ я, тогда, пожалуй, я могъ бы отвѣтить на всѣ ваши вопросы. Но вѣдь мой сынъ—человѣкъ молодой, но уже взрослый. Не соблаговолите ли переговорить съ нимъ лично? При этомъ, ваше сіятельство, я беру съ васъ слово, что, ежели вы не успѣете въ вашемъ добромъ начинаніи у сына, то вы не обратитесь къ его матери и не заставите женское сердце страдать и обливаться кровью. Я увѣренъ, что вы понимаете меня, такъ какъ изъ-за любви къ матери, пожалуй, можно рѣшиться на все...

Кушелевъ позвонилъ. Явился лакей, которому было приказано пригласить сына.

Черезъ минуту на порогѣ показался Куселевъ-сынъ. Онъ видимо догадался о цѣли посѣщенія, смѣшался, но быстро оправился и вошелъ въ комнату.

Старикъ Куселевъ съ ласковой улыбкой на лицѣ, но, не глядя ни на кого, сказалъ сыну:

— Генералы обратились ко мнѣ съ просьбою примирить тебя съ Бахметевымъ. Я прошу тебя, если ты находишь это возможнымъ, исполни желаніе генераловъ, но еще больше прошу дѣйствовать по убѣжденіямъ и чести!.. и старикъ замолкъ.

— Я не знаю, отецъ, что нужно сдѣлать... потупился молодой Куселевъ.

— Что дѣлать?—переспросилъ Багратіонъ.—Брать сейчасъ съ нами, чтобы объяснить съ Бахметевымъ... У васъ... между вами... случилось то, что, по моему мнѣнію, должно причинить огромный вредъ какъ обществу и арміи, такъ и вашимъ родственникамъ... и наконецъ—лично вамъ...

— Ваше превосходительство!—почтительно возразилъ Куселевъ младшій. — Я уже объяснялся съ генераломъ. Обида моя можетъ быть снята или поединкомъ, или извиненіемъ со стороны генерала. На поединокъ онъ согласенъ...

— А извиненіе вамъ будетъ черезъ часъ!—засмѣялся Багратіонъ. — Вотъ что, молодой человѣкъ, надѣвайте шинель и ѣдемъ. Экипажъ ждетъ уже насъ. Вы ничего не имѣете противъ этого?—спросилъ онъ у отца.

— Конечно, нѣтъ!—сказалъ тотъ.—И я буду искренно радъ, если дѣло уладится безъ пороха и крови... Везите сына, куда угодно... Онъ, я увѣренъ, поддержитъ съ достоинствомъ честь своей фамиліи!—замѣтилъ многозначительно отецъ, когда уже они были въ передней.

Мы не будемъ описывать того, что случилось въ квартирѣ князя Багратіона, когда самъ хозяинъ долго убѣждалъ противниковъ помириться. Бахметевъ не считалъ возможнымъ принести извиненіе, Куселевъ требовалъ только послѣдняго. Князь угрожалъ дуэлистамъ довести объ ихъ рѣшеніи до свѣдѣнія начальства, умолялъ ихъ протянуть другъ другу руки, но противники оставались непоколебимыми.

— Богъ съ вами!—произнесъ утомленный Багратіонъ.—Не хотите, — пусть такъ! Я умоваю руки... Я свое дѣло сдѣлалъ, остальное—на вашей совѣсти и во власти Бога!..

IV.

Штабъ-лѣкарь кавалергардскаго полка, Адольфъ Карловичъ Шмидтъ, сидѣлъ за фортепіано со своею дочерью и разучивалъ трудную пьесу въ четыре руки. Онъ громко считалъ: «разъ, два,

три!» но вдругъ на одномъ тактѣ остановился и пристально посмотрѣлъ на свою Шарлотту.

— Такъ... какъ!.. произнесъ онъ, не спуская глазъ съ дочери.

Та не понимала, въ чемъ дѣло, и тоже смотрѣла на отца.

— Такъ... такъ!... — повторилъ Адольфъ Карловичъ. — Всегда такъ...

— Въ чемъ дѣло, папа?—спросила Шарлотта.

— Въ чемъ?! Мы съ тобой spielen... соната интересный, а тамъ, можетъ, умираетъ...

— Кто умираетъ?—недоумѣвала дочь.

— Больной!.. очень больной!.. Онъ уже умеръ... а ты сонату... Ай-ай!.. Какое число сегодня? 12-е? да? Я тебя просилъ всегда напоминать число... Я помню день: Freitag, суббота, но число я не помнилъ... И вотъ сегодня число, когда больной умираетъ, а врачъ сидитъ и играетъ сонату... И дочь его тоже сонату...

— Папа, что ты говоришь? кто умираетъ? Ничего не понимаю!..

— Не понимаешь? а число зачѣмъ не напоминаешь?.. Вчера пришелъ корнетъ Tschernischow и сказалъ, что 12-е число больной можетъ умереть... вечеромъ онъ можетъ умереть, когда ты играешь сонату. Я говорю корнету Чернышеву, почему больной можетъ умереть. Ежели онъ умираетъ, то лучше я пойду вчера... А корнетъ говорить: «Нѣтъ, вечеромъ 12 число приходите по адресу. Тамъ будетъ умирать больной».

— Въ такомъ случаѣ иди, папа! Теперь уже около семи часовъ вечера...

— Да, я долженъ итти!..

Адольфъ Карловичъ одѣлся и торопливо вышелъ изъ дому. На дворѣ шелъ мелкій осенній дождь; улицы были грязныя; висѣлъ густой туманъ. Онъ долго искалъ домъ, указанный ему корнетомъ Чернышевымъ, и наконецъ остановился у подъѣзда, гдѣ жилъ генералъ Бахметевъ.

Увидѣвъ странную фигуру, которую впотьмахъ трудно было даже разглядѣть, лакей генерала заявилъ, что барина нѣтъ дома, и что онъ вернется, можетъ быть, ночью.

— Да, да!.. — замѣтилъ Шмидтъ. — Я знаю, но мнѣ нужно не барина, а больного... Онъ въ 12-е число долженъ умереть...

Лакей попытался еще разъ объяснить Адольфу Карловичу, что генералъ вернется поздно, но, раздосадованный непониманіемъ посетителя, просто захлопнулъ передъ его носомъ дверь и ушелъ.

Адольфъ Карловичъ постоялъ немного, попробовалъ позвонить еще нѣсколько разъ и, отчаявшись увидать лакея, двинулся обратно. На дорогѣ ему пришла мысль зайти къ Чернышеву и потребовать отъ него объясненія. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Чернышевъ, увидя Шмидта, сконфузился, раздѣлъ его и посадилъ въ кресло передъ каминомъ.

— Ахъ, дорогой Адольфъ Карловичъ,—заговорилъ онъ,—я передъ вами очень виноватъ... Вы напрасно прогулялись... Извините!.. Но вотъ въ чемъ дѣло: тотъ больной, о которомъ я вамъ вчера говорилъ, уѣхалъ по дѣламъ... Но онъ вернется черезъ день, и тогда...

— Какъ уѣхалъ?—удивился Шмидтъ.—Вѣдь онъ сегодня вечеромъ долженъ былъ умереть!.. Это вы сами говорили...

— Да, да... Но сегодня ему стало лучше, и онъ уѣхалъ не надолго... Онъ вернется черезъ день или черезъ два... Тогда васъ позовутъ... Я забылъ васъ предупредить, что больной сегодня долженъ ѣхать по дѣламъ. Ужъ вы извините...

— Ничего, ничего! Только пусть въ другой разъ больной не уѣзжаетъ...

И Адольфъ Карловичъ пошелъ домой.

Инцидентъ со Шмидтомъ объяснился впоследствии просто: Чернышевъ пригласилъ его прійти къ Бахметеву, чтобы ѣхать съ нимъ на мѣсто дуэли, не говоря ему о послѣдней ни слова, во избѣжаніе отказа; но 12-го числа дуэль не состоялась, и услуги Адольфа Карловича не понадобились.

Дуэль же не состоялась въ назначенный день въ силу одного обстоятельства, которое читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

V.

Кушелевъ утромъ 12-го октября чувствовалъ себя крайне взволнованнымъ въ виду предстоящей дуэли, которая должна была произойти въ 4 часа дня въ пяти верстахъ отъ Петербурга. Онъ нервно ходилъ по своему кабинету и насвистывалъ одинъ и тотъ же мотивъ. Изрѣдка онъ призывалъ лакея и отрывистымъ тономъ заявлялъ ему, что въ комнатѣ очень холодно, что въ каминъ необходимо наложить дровъ, и что вообще въ Петербургѣ осени стали слишкомъ холодны. Лакей молча выслушивалъ и исполнялъ желанія молодого офицера.

Около 11-ти часовъ дня къ нему вошелъ отецъ, стараясь не показать на своемъ лицѣ безпокойства; но по растерянному нѣсколько виду, по легкому дрожанію въ голосѣ было замѣтно, что старикъ не спокоенъ и во всякомъ случаѣ дурно спалъ ночь. Онъ ласково поздоровался съ сыномъ, заговорилъ было съ нимъ, но бесѣда не налаживалась, слова расходились съ чувствами и мыслями.

— Ну, прощай! — произнесъ старикъ. — Мнѣ въ сенатъ надо ѣхать... Дѣлъ много!

— До свиданья, отецъ!—проговорилъ Кушелевъ...

Старикъ пожалъ руку сына, поцѣловалъ его въ лобъ и произнесъ:

— Пожалуйста, къ матери не заходи сегодня... до вечера!.. У тебя нехорошій видъ...

И на этомъ они разстались.

Не прошло и четверти часа со времени отъезда Кушелева-отца, какъ въ кабинетъ сына вошелъ лакей и съ тайственнымъ видомъ сообщилъ, что какой-то офицеръ желаетъ его видѣть по самому неотложному дѣлу.

— Прости! — съ недоумѣніемъ подернулъ плечами Кушелевъ и затѣмъ скоро увидалъ въ дверяхъ офицера въ адъютантской формѣ и съ крайне озабоченнымъ лицомъ.

— Честь имѣю представиться, — сказалъ вошедшій: — адъютантъ санктъ-петербургскаго военнаго губернатора.

— Чѣмъ могу служить? — произнесъ блѣднѣя Кушелевъ.

— По приказанію его превосходительства, прошу васъ слѣдовать за мною.

— Но куда и зачѣмъ? — упавшимъ голосомъ проговорилъ Кушелевъ.

— О томъ не могу знать, — воскликнулъ адъютантъ. — Я только передаю вамъ приказаніе генерала.

— Но я не могу ѣхать... мнѣ нездоровится... я боленъ...

— Какъ угодно?! Въ такомъ случаѣ, по приказанію военнаго губернатора, штабсъ-капитанъ Кушелевъ долженъ быть доставленъ силою...

— Какъ силою?! — вспыхнулъ Кушелевъ и затѣмъ пристегнулъ саблю и, не говоря ни слова, пошелъ за адъютантомъ.

Черезъ 10 минутъ они были уже въ кабинетѣ военнаго губернатора, генераль-лейтенанта графа Толстого.

Старикъ сурово взглянулъ на юношу, приказалъ адъютанту выйти изъ кабинета, заперъ за нимъ двери и подвелъ Кушелева къ окну.

— Ну-съ, какъ же дѣла наши? — спросилъ онъ. — А? какъ дѣла идутъ, спрашиваю!

— Что прикажете, генералъ? — въ недоумѣніи произнесъ Кушелевъ.

— Прикажу?! Ничего не прикажу... Вы изволите служить въ Кавказскомъ полку, если я не ошибаюсь?..

— Да, я только-что туда назначенъ... въ сентябрѣ приказъ состоялся...

— И скоро вы отправитесь на Кавказъ? — продолжалъ Толстой.

— Какъ только устрою свои дѣла въ Петербургѣ! — отвѣтилъ Кушелевъ.

— Дѣла въ Петербургѣ? Такъ... Но какія же дѣла могутъ быть у столь молодого человѣка, какъ ваша милость? Небось, все интрижки любовныя? а? такъ вѣдь?

Кушелевъ молчалъ и чувствовалъ себя очень неловко.

— Что же вы не отвѣчаете? — продолжалъ свой допросъ Толстой. — Если ваши дѣла поистинѣ дѣла, такъ сказать о нихъ можно...

По-вашему, можетъ быть, дуэль тоже дѣло?—спросилъ онъ поблѣднѣвшаго Кушелева.—Отвѣчайте, юноша, я требую этого! А-а, молчите!.. Значитъ, это—истина... Но я не допущу, не позволю...

Толстой топнулъ ногою, подумалъ немного и продолжалъ:

— Это послушаніе, милостивый государь мой! Ослушаніе законамъ... Дуэль—заимствованіе варварское, отъ временъ дикихъ. Еще великая государыня Екатерина изволила начертать (Толстой схватилъ раскрытую книгу и прочелъ): «донынѣ вопль народовъ, оглященныхъ игомъ зловреднаго обычая, ссылался съ нѣкимъ восхищеніемъ на російскіе нравы и обычаи». Слышите — «съ восхищеніемъ»? А вы что же въ Сибирь угодить желаете? арестантомъ сдѣлаться? каторжникомъ? Кровавое и самовольное мщеніе въ дѣлахъ личной чести совершить? Я вамъ не позволяю... Я вамъ запрещаю. Сегодня вы не будете драться на поединкѣ...

— Но, ваше сіятельство, это дѣло уже рѣшенное!—попробовалъ возразить Кушелевъ.

— Рѣшенное? Ха-ха-ха! Вы рѣшили, а мы разрѣшили... Теперь изъ моего наблюденія вы не уйдете... За вами будутъ слѣдить, о каждомъ вашемъ шагѣ знать будутъ, вздохнуть не дадутъ. Эхъ, юноша, вы порядковъ нашихъ не знаете... жаль мнѣ васъ, а дѣлать нечего... Ну, выбирайте одно изъ двухъ: или маршъ подъ арестъ, или дайте честное слово, что драться вы не будете, а завтра до 12-ти часовъ ночи вы уѣдете къ своему мѣсту служенія... Что же молчите? отвѣчайте!

— Ваше сіятельство, я не знаю, для чего давать вамъ честное слово?!—отвѣтилъ Кушелевъ.

— Для чего?!—пробурчалъ Толстой.—Васъ, молодежь, другимъ ничѣмъ пронять нельзя... Итакъ, говорите за мной, какъ на присягѣ: «даю честное слово»!

— Дальше, ваше сіятельство! Я не знаю конца...

— Боже мой! вотъ безпокойный человѣкъ. Мнѣ немного нужно: скажите, что сегодня стрѣляться не будете, а завтра до полуночи вы уѣдете въ вашъ кавказскій корпусъ!

— Слушаюсь и даю честное слово!—проговорилъ Кушелевъ.

— Вотъ молодчина!—воскликнулъ Толстой.—Настоящій кавказскій герой! Я долженъ васъ облобызать, благородный юноша!—и Толстой схватилъ обѣими руками Кушелева и звучно поцѣловалъ его три раза въ губы.—А теперь отправляйтесь домой и готовьтесь къ отъѣзду!..

— Слушаюсь!—отвѣтилъ Кушелевъ и пошелъ было къ выходу, но вдругъ остановился и спросилъ.—А откуда вы узнали, ваше сіятельство, что я драться на дуэли собираюсь?

— Откуда? Ха-ха-ха! Съ вѣтра, молодой человѣкъ! Сорока на хвостѣ принесла!.. Но это васъ не касается... Поѣзжайте, и дай вамъ Богъ счастливаго пути... До свиданья!..

Когда Кушелевъ вышелъ изъ кабинета Толстого, то графъ позвонилъ и приказалъ появившемуся адъютанту ввести Венансона.

— Дуэли не будетъ!—сказалъ ему Толстой.— Я все сдѣлалъ, что нужно... Но смотрите, чтобы вы въ дальнѣйшемъ ни въ какія ссоры не вѣшивались... Избѣгайте встрѣчи съ Кушелевымъ... Можете идти!..

Венансонъ поклонился и вышелъ.

VI.

Кушелевъ, не теряя ни одной минуты, прѣехалъ домой и сѣлъ за письменный столъ. Онъ рѣшилъ написать письмо своему противнику и секунданту.

«Ваше превосходительство,—писалъ онъ Бахметеву,—невѣдомый доноситель сообщилъ правительству о задуманной нами дуэли. Сего числа военный губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ и взялъ съ меня честное слово, что дуэли сегодня я не произведу, а завтра до полуночи я оставлю г. С-Петербургъ. Подчиняясь волѣ правительства, извѣщаю васъ, милостивый государь, что 13-го сего октября вечеромъ я выѣзжаю изъ города, и первую мою остановкою будетъ Царское Село, гдѣ мнѣ придется нѣсколько поотдохнуть. Камеръ-юнкеръ Кушелевъ».

Онъ сложилъ письмо и приказалъ слугѣ отнести его къ генералу Бахметеву и передать ему лично въ руки, но такъ, чтобы никто не могъ догадаться объ этомъ или замѣтить его.

Письмо къ корнету Чернышеву было также не многословно. Послѣ его полученія Чернышевъ полетѣлъ къ Венансону, не засталъ его дома и затѣмъ помчался къ барону Б., гдѣ, по его предположеніямъ, долженъ былъ находиться Венансонъ. Такъ это и случилось.

— Это, братецъ, ты донесъ?—спросилъ его Чернышевъ.

— Фу, что ты говоришь!—поморщился Венансонъ.

— Я говорю это предположительно! И ты мнѣ ничѣмъ не можешь доказать противнаго...

— Ты ошибаешься!.. Если угодно, я дамъ удовлетвореніе...

— Ну, за подобныя вещи удовлетворенія не просятъ... Я раз-знаю, и если это донесъ ты, то берегись—я вездѣ буду тебя рекомендовать по заслугамъ...

— Фу!.. Какъ можно это предполагать!.. А доказать я тебѣ могу—я готовъ быть секундантомъ Кушелева... Это тебѣ ничего не доказываетъ?

— Это другое дѣло... Это хорошо!—согласился Чернышевъ.

— Значитъ, дуэль все-таки будетъ?—спросилъ Венансонъ.— Хотя и запрещено, но дуэль будетъ... Отлично... Но гдѣ же она произойдетъ и когда?

— Я воздержусь отвѣтить на этотъ вопросъ, во избѣжаніе публичности... Но когда нужно будетъ, я тебя позову... Приѣду и скажу... когда надо...

— О, да!.. Это лучше!.. По крайней мѣрѣ, никто знать не будетъ!.

VII.

Поздно ночью на 14-ое октября Адольфъ Карловичъ Шмидтъ былъ приглашенъ въ квартиру генерала Бахметева. Съ озабоченнымъ лицомъ онъ вошелъ въ переднюю и торопливо началъ развязывать надѣтые на немъ шарфы. Но въ это время въ дверяхъ показался генераль Ломоносовъ, который, при видѣ врача, бросился къ послѣднему и, схвативъ его за руки, сказалъ:

— Пожалуйста, не раздѣвайтесь!.. Мы должны торопиться...

— Какъ же можно въ одеждѣ!..— недоумѣвающе спросилъ Адольфъ Карловичъ.—Она будетъ мѣшать, я одѣтъ тепло!..

— Не въ томъ дѣло...—перебилъ его Ломоносовъ.—Мы должны ѣхать съ вами въ Царское Село...

— Такъ далеко?.. Но тамъ есть свои врачи...

— Во-первыхъ, очень поздно, а, во-вторыхъ, васъ считаютъ за крайне талантливаго доктора, умѣющаго такъ хорошо и такъ успѣшно обращаться съ больными... Пожалуйста, ѣдьте!..

— Въ такомъ случаѣ я готовъ!— улыбнулся Шмидтъ, очень польщенный словами генерала.

Черезъ минуту Ломоносовъ сидѣлъ уже въ каретѣ и досадовалъ на Адольфа Карловича, который снова принялся обявзывать себя шарфами, при чемъ эта операція, въ виду длиннаго путешествія, отличалась особенною тщательностью, способною вывести изъ терпѣнія каждаго.

Наконецъ, Шмидтъ вышелъ, усѣлся, и карета застучала по мокрой мостовой.

По дорогѣ Адольфъ Карловичъ интересовался болѣзнию своего незнакомаго пациента и, узнавъ, что для больного требуется хирургическое лѣченіе, сталъ беспокоиться о томъ, что при немъ нѣтъ необходимыхъ инструментовъ, и что необходимо поэтому вернуться обратно въ городъ, на квартиру, гдѣ инструменты «лежатъ въ прекрасномъ порядкѣ».

Разумѣется, Ломоносовъ запротестовалъ и предложилъ Адольфу Карловичу уснуть предъ трудной операціей.

Шмидтъ послѣдовалъ благоразумному совѣту и скоро захрапѣлъ.

Неподалеку отъ Царскаго Села карета вдругъ остановилась. Ломоносовъ открылъ дверцу и вышелъ.

— Ишь... всю дорогу заняли! — проворчалъ кучеръ, указывая Ломоносову на шоссе, гдѣ кучка людей толпилась около экипажа, накренившагося на бокъ.

Ломоносовъ подошелъ къ этому мѣсту и узналъ по голосу генерала Бахметева. Оказалось, что Бахметевъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ отставнымъ капитаномъ Яковлевымъ, нагналъ карету, въ которой ѣхалъ штабсъ-капитанъ, князь Голицынъ, торопившійся въ Славянку. Голицынъ былъ знакомъ съ Бахметевымъ и, услышавъ, что онъ ѣдетъ драться на дуэли, предложилъ свои услуги. Бахметевъ выразилъ согласіе и, такъ какъ у кареты Голицына сломалось колесо, то онъ рѣшилъ подождать Ломоносова, съ которымъ Голицынъ долженъ былъ сѣсть.

— Наконецъ-то подѣхалъ!—воскликнулъ Бахметевъ, увидавъ Ломоносова.—Что вы такъ замѣшкались?

— Замѣшкаешься тутъ, когда эта нѣмчура копается, — отвѣтилъ Ломоносовъ, недовольный поведеніемъ Адольфа Карловича, который продолжалъ громко хрипѣть, сидя въ каретѣ.

Голицынъ сѣлъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, при чемъ стѣснилъ Шмидта, и черезъ часъ кареты остановились около трактира, въ окнахъ котораго свѣтились огоньки.

— Господинъ докторъ, пожалуйста! пріѣхали!—крикнулъ Ломоносовъ надъ самымъ ухомъ Адольфа Карловича.—Проснитесь, пожалуйста къ больному!

Шмидтъ открылъ глаза, вышелъ изъ кареты и въ недоумѣніи сталъ осматриваться вокругъ.

— Пожалуйста!—продолжалъ Ломоносовъ, указывая на дверь трактира.

— Сюда?!—воскликнулъ Шмидтъ.—Но вѣдь это питейное заведеніе... Гдѣ же больной?

— А онъ сейчасъ будетъ!..—усмѣхнулся Ломоносовъ и, взявъ доктора подъ руку, увлекъ его въ домъ.

Пріѣхавшіе вошли въ обширную комнату. При видѣ ихъ въ одномъ изъ угловъ поднялись три офицера и отвѣсили глубокій поклонъ. Это были—Кушелевъ, Чернышевъ и графъ Венансонъ.

Бахметевъ спросилъ отдѣльную комнату и удалился въ нее. Кушелевъ и Чернышевъ сѣли на прежнее мѣсто, а Венансонъ подошелъ къ Ломоносову, поздоровался съ нимъ и представился князю Голицыну.

— А гдѣ же больной?—сильнымъ голосомъ проговорилъ Шмидтъ и, не получивъ отвѣта, двинулся къ сидѣвшимъ Кушелеву и Чернышеву.

Кушелевъ улыбнулся и сталъ добродушно раздѣвать доктора, недоумѣніе котораго росло съ каждою минутою.

— Вы введены въ заблужденіе, Адольфъ Карловичъ! — замѣтилъ Кушелевъ.

— Какое же заблужденіе? Кто это можетъ говорить?—заволновался Шмидтъ.—Я хочу видѣть больного... Гдѣ онъ?

— А вотъ какъ разсвѣтетъ, и будетъ больной.

— Ничего не понимаю!..

— Ахъ, Адольфъ Карловичъ, больной—это я или Бахметевъ!—сказалъ Кущелевъ, усаживая доктора.

— Не вѣрю и не могу повѣрить...—отрицательно покачалъ головою Шмидтъ.—Вы, я вижу, здоровы, только блѣдны нѣсколько. Бахметевъ даже весель... для кого же нужна моя хирургія?..

— А вотъ для кого... Мы нарочно ввели васъ въ заблужденіе. Черезъ часъ у меня будетъ дуэль съ Бахметевымъ!—рѣшительно произнесъ Кущелевъ и испугался дѣйствія своихъ словъ на доктора.

Адольфъ Карловичъ вскочилъ со стула, заморгалъ глазами и широко раскрылъ ротъ; потомъ онъ рванулся къ Кущелеву, отъ него двинулся къ Чернышеву и наконецъ сталъ усиленно тереть ладонью лобъ.

— Но вы успокойтесь... не волнуйтесь!

— Да, да... Я не волнуюсь... — пролепеталъ Адольфъ Карловичъ.—Но зачѣмъ же такъ обманывать?!.. Моя дочь теперь безпокоится... И я никогда не согласился бы ѣхать сюда... И все такъ таинственно... Боже мой!

— Конечно... все это неприятно...—началъ Кущелевъ,—но иначе нельзя было сдѣлать...

— Да, да... Но обманывать зачѣмъ? Привезли меня, обманули—и теперь я долженъ быть при дуэли... по долгу моей чести долженъ быть... И зачѣмъ я не догадался взять свои хирургическіе инструменты?!.. Можетъ быть, они будутъ нужны... извлекать пулю... раны... О Боже мой!

Онъ всталъ со стула и принялся стремительно ходить по комнатѣ.

— Только скорѣй... пожалуйста, скорѣй... А то дочь безпокоится!—проговорилъ онъ, останавливаясь передъ Кущелевымъ.— Не мучьте... И такой молодой... и быть можетъ... Ужасно!

Онъ схватился руками за голову и снова началъ ходить. Занятый своими мыслями, онъ не видалъ, какъ на востокъ посвѣтлѣло, какъ Венансонъ зарядилъ пистолеты и посоветовалъ Кущелеву снять съ себя шпагу. Какъ тѣнь, онъ шелъ по слѣдамъ двигавшихся впереди него лицъ и ничего не замѣчалъ.

На полянѣ въ небольшомъ лѣсу остановились.

Адольфъ Карловичъ прислонился къ дереву... Онъ видѣлъ только голые сучья деревьевъ и просвѣчивающій сквозь нихъ сѣрый горизонтъ. Онъ смутно сознавалъ, что сейчасъ можетъ совершиться что-то ужасное, что-то такое, чего нельзя остановить, но отъ чего зависитъ судьба многихъ; мысль, что черезъ минуту можетъ быть уничтожена молодая жизнь, тяготила его. Онъ не зналъ причины дуэли, онъ никого не спрашивалъ объ этомъ. Его личное присутствіе здѣсь являлось необходимостью, и отъ его ис-

кусства, умѣнія, хладнокровія зависѣло тоже что-то очень важное и цѣнное. Жаль лишь, что при немъ не будетъ ни одного инструмента: безъ нихъ такъ неудобно.

Въ воздухѣ висѣлъ туманъ; но онъ не мѣшалъ видѣть далеко впередъ. Утренній сырой воздухъ непріятно дѣйствовалъ на нервы. Было мучительно и тяжело.

Вдругъ раздался рѣзкій звукъ и замеръ... Испуганная птица хлопнула крыльями и быстро отлетѣла.

Адольфъ Карловичъ вздрогнулъ отъ неожиданности и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ: въ рукѣ Кушелева дымился пистолетъ, но онъ самъ стоялъ спокойно и неподвижно. Адольфъ Карловичъ остановился въ недоумѣніи...

Вдругъ новый рѣзкій звукъ и чей-то нервный крикъ:

— Заряжайте!..

Затѣмъ послышалось нѣсколько голосовъ, заговорившихъ сразу. Они какъ будто спорили и горячились... Докторъ побѣжалъ впередъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Я приношу извиненіе моему другу, котораго никогда не хотѣлъ обидѣть!—услышалъ Шмидтъ и узналъ голосъ генерала Бахметева.

Докторъ остановился, и когда Бахметевъ, швырнувъ въ сторону пистолетъ, подошелъ къ Кушелеву и подаль ему руку,— Адольфъ Карловичъ понялъ, что ни онъ самъ, ни его инструменты никому здѣсь не нужны. И ему стало вдругъ необыкновенно весело и радостно.

— Ну-съ, докторъ, больного нѣтъ!—разсмѣялся Ломоносовъ.— Кушелеву хотѣлось еще разъ пистолеты зарядить... промаха застыдился... а Бахметевъ извинился... и безъ кровопролитія... Поняли?

— Да, да... Я радъ... Кровопролитіе—ужасно...

И вся компанія толпой направилась къ трактиру.

Бахметевъ и Кушелевъ шли подъ руку, спокойные, но молчаливые.

VIII.

Адъютантъ графа Толстого пріѣхалъ въ Царское Село, когда въ трактирѣ уже не оставалось вина, и когда Адольфъ Карловичъ, стоя со стаканомъ въ рукѣ, пѣлъ хриплымъ голосомъ: «Ноч!»

Кушелевъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и отданъ подъ судъ.

Военно-судная комиссія рассмотрѣла дѣло въ необыкновенно короткій промежутокъ времени, такъ что 2-го декабря оно было уже представлено государю.

По сентенціи суда подсудимый Кушелевъ, конечно, былъ приговоренъ къ повѣшенію, согласно съ требованіями закона. Разумѣется, такой приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе,

«поелику смертная казнь по государственному закону не существуетъ», какъ выразился графъ Толстой. Однако, проступокъ Куселева былъ выдающимся и требовалъ усиленной репрессіи.

Мягче всѣхъ оказался графъ Толстой, который считалъ достаточно наказъ виновника разжалованіемъ въ солдаты до выслуги, но высшій судъ рѣшительно запротестовалъ.

По мнѣнію послѣдняго, нарушеніе Куселева представляло собою «неисполненіе высочайшаго увѣщанія», изложеннаго въ знаменитомъ манифестѣ Екатерины II о поединкахъ, а потому какъ самъ подсудимый подлежалъ лишенію чиновъ и дворянскаго достоинства, такъ и противникъ его — генераль Бахметевъ, и даже секунданты—Ломоносовъ, Чернышевъ, Яковлевъ и Голицынъ.

Что касается бѣднаго Адольфа Карловича, то высшій судъ высказалъ слѣдующее: «Шмидтъ хотя и оправдывается, что о намѣреніи къ поединку не зналъ до пріѣзда въ Царское Село, и судъ полагаетъ, что онъ не имѣлъ уже времени объявить о томъ начальству, но такое заключеніе не дѣльно, ибо онъ, Шмидтъ, по узнаніи тогда же долженъ былъ итти и донести тамошнему правительству для оправданія своего, а не на мѣсто производимаго дуэля, гдѣ онъ, какъ самъ говоритъ, что находился, а при томъ не видно по сему дѣлу, и комиссія не объясняетъ, имѣлъ ли онъ Шмидтъ еще и позволеніе на отлучку отъ полка въ Царское Село».

Адольфъ Карловичъ, узнавъ о созывѣ военно-судной комиссіи по дѣлу Куселева, слегъ въ постель и пролежалъ около мѣсяца. Когда же въ полку была получена бумага, что «штабъ-лѣкарь Шмидтъ самовольно ѣздилъ въ Царское Село и присутствовалъ при производеніи дуэля», за что и предписывалось «наложить на него выговоръ», то онъ улыбнулся и сказалъ своей дочери:

— А я думалъ, что за ноги меня повѣсятъ!.. Какъ неприятно висѣть за ноги!..

Грозное рѣшеніе высшаго суда не могло пройти у государя.

Онъ изучилъ дѣло Куселева, принялъ участіе въ молодомъ чловѣкѣ и положилъ слѣдующую конфирмацію:

«Хотя и слѣдовало поступить съ подсудимымъ, штабъ-капитаномъ Куселевымъ, по мнѣнію высшаго суда для примѣра другимъ, но во уваженіе службы отца помянутаго Куселева, тайнаго совѣтника и сенатора Куселева, избавя подсудимаго отъ наложеннаго наказанія, отправить онаго немедленно къ полку, исключивъ изъ званія камеръ-юнкера.

«Генераль-майорамъ же Бахметеву и Ломоносову сдѣлать въ приказѣ выговоръ.

«Майора же Венансона за неисполненіе повелѣнія, даннаго военнымъ губернаторомъ, арестовать на недѣлю, отправя его послѣ въ корпусъ, состоящій подъ командою князя Циціанова.

«Александръ».

«Въ С.-Петербургѣ. 10 декабря 1803 года».

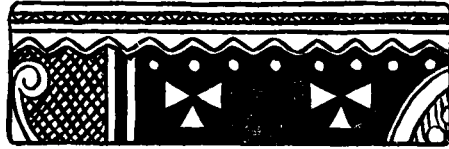
Такъ разрѣшилось простое дѣло, въ ущербъ мнѣнію бюрократа-юриста, требовавшаго усиленнаго наказанія.

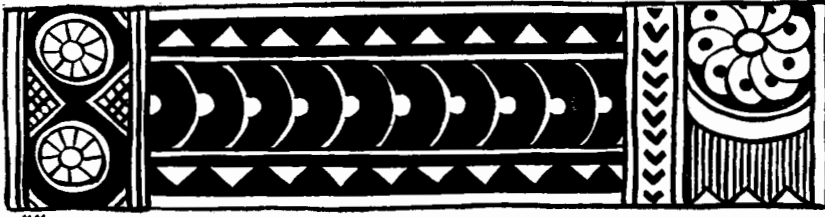
Замѣтимъ между прочимъ, что въ комиссіи военнаго суда графъ Венаксонъ предсталъ въ неособенно приглядной обстановкѣ. Выяснилось, что онъ уговаривалъ Кушелева не признаваться и утверждалъ, что «онъ и всѣ готовы присягнуть, что ничего не было, а когда онъ, Кушелевъ, ему въ томъ отказалъ, то онъ такъ разгорячился, что вышелъ изъ себя и... чуть-чуть удержался отъ произношенія обиднаго слова, кое въ половину уже выговорилъ».

Разумѣется, никто отъ него за это удовлетворенія не потребовалъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

1826—1831.

НА-ДНЯХЪ вышелъ второй томъ предсмертнаго труда Н. К. Шильдера объ императорѣ Николаѣ I. (Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера, съ 252 иллюстраціями. Томъ второй. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1903, 820 стр.). Н. К. Шильдеру не удалось довести до конца окончательную разработку собранныхъ имъ матеріаловъ, и настоящій, второй и послѣдній, томъ его труда по исторіи жизни и царствованія императора Николая I охватываетъ лишь первыя шесть лѣтъ его правленія и заключается 1831 годомъ—самымъ печальнымъ и тяжелымъ. Въ приложеніяхъ помѣщены двѣ статьи Н. К. Шильдера, относящіяся къ позднѣйшей эпохѣ царствованія императора Николая Павловича: «Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ» и «Императоръ Николай I и освобожденіе христіанскаго Востока». Кромѣ этихъ статей, дано еще очень цѣнное приложеніе — списанные Н. К. Шильдеромъ съ подлинной рукописи отрывки изъ записокъ ген.-ад. гр. Бенкендорфа. Эти записки являлись для Шильдера однимъ изъ источниковъ при изложеніи исторіи царствованія Николая Павловича; поэтому появленіе въ приложеніи къ его книгѣ отрывковъ, охватывающихъ не разработанный Н. К. Шильдеромъ періодъ 1832—1837 годовъ, нельзя не признать весьма умѣстнымъ.

Въ статьѣ по поводу перваго тома труда Н. К. Шильдера мы дали общую характеристику труда и общихъ взглядовъ историка

на личность императора ¹⁾. Настоящій томъ такъ же, какъ и первый, заключаетъ немало новыхъ и важныхъ данныхъ; въ основу изложенія легли матеріалы, въ значительной мѣрѣ неизданные и недоступные, главнымъ же образомъ переписка двухъ братьевъ, Николая и Константина Павловичей, и записки графа Бенкендорфа. Но нужно признать, что второй томъ оставленъ Н. К. Шильдеромъ въ менѣе разработанномъ видѣ, чѣмъ первый. Собраны новыя и важныя свѣдѣнія о первыхъ шести годахъ царствованія, указаны слова и дѣйствія императора, но нѣтъ исторіи роста личности; нѣтъ никакого сомнѣнія, что Н. К. Шильдеръ, историкъ, для котораго тонкій психологическій анализъ являлся, такъ сказать, специальностью, подвергъ бы еще окончательному пересмотру свои матеріалы и высвободилъ бы изъ-подъ ихъ груды личность своего героя и показалъ, какъ и чѣмъ онъ жилъ. Только по немногочисленнымъ намекамъ мы можемъ судить, какъ предполагалъ историкъ освѣтить эволюцію личности. Считаю 1825 годъ весьма важнымъ въ жизни императора Николая, Н. К. Шильдеръ все-таки не придавалъ ему рѣшительнаго значенія; ему казалось, что и этотъ ужасный годъ не сформировалъ еще Николая Павловича, и для императора была возможна еще перемѣна. На первые шесть лѣтъ царствованія Н. К. Шильдеръ все-таки смотритъ, какъ на переходный періодъ, и лишь 1831 годъ онъ считаетъ завершившимъ процессъ созиданія личности, отлившимъ императора Николая разъ навсегда въ опредѣленные формы. «Закончился столь тревожный всякими событіями 1831 годъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся безъ перерыва до венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ! Но государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ явился на престолъ въ 1825 году; польская революція довершила пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря. Отнынѣ императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи». Направленіе, данное дальнѣйшимъ ходомъ царствованія императора Николая, вызвало въ принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ, сочувственно относившемся къ Николаю Павловичу, слѣдующія мысли: «Я сказалъ бы императору Николаю: испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчетъ собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не дѣлай ни для кого исключенія. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ! Ты самъ настолько великодушень, челоуѣколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., июль, стр 94 и слѣд.

твердѣ и рѣшителенъ, что тебѣ предназначено играть блестящую роль во главѣ могущественнаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ: но если ты не тиранъ, то не старайся же казаться имъ».

Въ своей статьѣ по поводу перваго тома труда Н. К. Шильдера мы высказались, насколько противорѣчить дѣйствительности и собраннымъ самимъ же Н. К. Шильдеромъ даннымъ подобный взглядъ на ростъ личности Николая Павловича. Уже въ 1825 году, когда и мысли еще не было о 14-мъ декабря, императоръ представлялъ челоуѣка съ совершенно опредѣленнымъ характеромъ и съ не менѣе опредѣленнымъ міросозерпаніемъ, нетерпимаго ко всякимъ, даже ничтожнѣйшимъ, идеямъ и дѣйствіямъ, несомвѣстимымъ съ теоріей и практикой самодержавной власти. Было бы или не было бы 14-е декабря, характеръ царствованія императора Николая ничуть не измѣнился бы отъ этого. И въ этотъ періодъ первыхъ шести лѣтъ, который Н. К. Шильдеру кажется переходнымъ, императоръ Николай, какъ мы увидимъ, неоднократно высказывался и дѣйствовалъ опять-таки въ опредѣленномъ смыслѣ. Нельзя, какъ кажется приписывать и польской революціи большого вліянія на психику императора: вѣдь онъ только терпѣлъ положеніе, созданное императоромъ Александромъ и находившее себѣ защитника въ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

Во второмъ томѣ Н. К. Шильдеръ останавливается, главнѣйшимъ образомъ, на трехъ моментахъ исторіи 1826—1831 годовъ. Онъ старается воссоздать обстановку, которая окружала императора Николая въ первые годы царствованія, отмѣчаетъ исчезновеніе съ исторической сцены прежнихъ дѣятелей и появленіе новыхъ, которымъ суждено было сопровождать Николая Павловича въ теченіе долгаго времени, и набрасываетъ въ очень краткомъ очеркѣ направленіе внутренней политики. Какъ разъ эти годы (1826—1831) въ высшей степени не благопріятствовали развитію внутренней политики; 1828 и 1829 годы были заняты русско-турецкой войной. Н. К. Шильдеръ излагаетъ исторію этой войны весьма подробно: это наиболѣе разработанная часть въ его трудѣ. Онъ пользуется обильнымъ, по большей части, неизданнымъ матеріаломъ изъ военно-ученаго архива главнаго штаба. За русско-турецкой войной послѣдовало польское возстаніе 1831 года, и заботы о внутренней политикѣ опять отошли на второй планъ. А необходимость внутреннихъ реформъ не отрицалъ даже графъ А. Х. Бенкендорфъ. «Теперь (въ концѣ 1829 года),—писалъ онъ въ своихъ запискахъ,—ничто не мѣшаетъ намъ отдаться съ послѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, въ которыхъ нуждается Россія. Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехлѣтней войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также мало отступаетъ предъ административными трудностями, какъ и передъ труд-

ностями войны». Польское возстаніе помѣшало осуществленію тѣхъ реформъ, о которыхъ думалъ графъ Бенкендорфъ. На польской революціи Н. К. Шильдеръ останавливается очень подробно, сообщая нѣсколько новыхъ и цѣнныхъ документовъ и ярко вырисовывая всю неизбѣжность возстанія 1831 года, какъ результата трагическаго столкновенія двухъ началъ, двухъ правительственныхъ системъ.

Не задаваясь цѣлью исчерпать обильнаго содержанія второго тома труда Н. К. Шильдера, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ перваго момента, изображеннаго Шильдеромъ, нѣкоторыхъ особенностяхъ возникшей въ первые же годы вокругъ императора обстановки, и на третьемъ моментѣ — польскомъ возстаніи 1831 года.

I.

Говоря объ обстановкѣ первыхъ лѣтъ царствованія императора Николая I, необходимо коснуться вопроса о настроеніи общества въ то время. Что случилось съ оппозиционнымъ настроеніемъ, представители котораго кончили такъ печально? Оно не исчезло, конечно, но процессъ развитія этого настроенія для насъ не ясенъ. Къ сожалѣнію, Н. К. Шильдеръ не останавливается на этомъ вопросѣ, хотя подъ рукой у него были недоступныя для насъ и содержащія—надо полагать—обильный матеріалъ всевозможныя «секретныя донесенія» и дѣла «о различныхъ слухахъ». Такимъ образомъ, мы не имѣемъ возможности опредѣлить, насколько не соответствовали дѣйствительному положенію вещей представленія правительства императора Николая I объ общественной оппозиціи. А оно было очень занято настроеніемъ общества, боясь появленія призраковъ, боясь того, что зло не вырвано съ корнемъ. Самая распространенность нелѣпѣйшихъ и лишенныхъ всякаго основанія слуховъ о грядущихъ событіяхъ можетъ служить показателемъ общественныхъ интересовъ и общественнаго возбужденія, которое не могло улечься сразу, даже послѣ 13-го іюля 1826 года. А слухи, дѣйствительно, были иногда очень странные. Одно изъ секретныхъ донесеній, заносившихъ сущность народной молвы, сообщало, будто у императора Николая I не хватило силъ для усмиренія взбунтовавшихся войскъ, и онъ просилъ помощи у прусскаго короля: «посему, гласить донесеніе, король посылаетъ въ Россію пятидесяти-тысячный корпусъ прусскихъ войскъ, но идутъ ли сіи войска или нѣтъ, о томъ ничего не слышно». Результатомъ движенія, конечный эффектъ котораго—14-е декабря, было живое и острое сознаніе необходимости внутреннихъ реформъ. По своему существу, это сознаніе было тоже оппозиционнымъ явленіемъ, но—такова сила вещей въ тотъ историческій моментъ—оно заявлялось даже такими людьми,

отъ которыхъ трудно было бы ожидать чего либо подобнаго. Выше мы приводили мнѣніе о необходимости реформъ графа А. Х. Бенкендорфа.

Самъ императоръ Николай видѣлъ необходимость коренныхъ реформъ различныхъ сторонъ государственнаго управленія, и мы не ошибемся, если скажемъ, что впервые указали ему на различные недостатки русской жизни и на неизбежность ихъ исправленія тѣ же декабристы. По совершеніи кары надъ участниками движенія «дѣло» ихъ не испытало обычной участи быть сданнымъ въ архивъ. По возвращеніи съ коронаціи, императоръ Николай Павловичъ приказалъ бывшему правителю дѣлъ судебного комитета Боровкову составить по даннымъ «дѣла» сводъ мнѣній, высказанныхъ декабристами по поводу внутренняго состоянія государства въ царствованіе императора Николая I. Боровковъ составилъ свою записку, отбросивъ, по его словамъ, повторенія и пустословія, но оставивъ мысли даже въ способѣ изложенія по возможности безъ перемѣны. Главнѣйшій матеріалъ доставили Боровкову отвѣты Батенкова, Штейнгеля, Александра Бестужева. Записка эта, напечатанная только въ 1898 году, заканчивалась слѣдующими словами: «Кратко изображенное внутреннее состояніе государства показываетъ, сколь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ воспріялъ скипетръ нынѣ царствующій императоръ, и сколь великія трудности подлежатъ къ преодоленію. Надобно даровать ясныя, положительныя законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унижительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрять частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ—исправить неисчислимыя безпорядки и злоупотребленія». Нечего говорить, что записка Боровкова, опускавшая безъ вниманія завѣтнѣйшія желанія декабристовъ, представляла тенденціозную обработку ихъ мнѣній, но и въ этомъ видѣ она являлась цѣлой программой дѣятельности. Нужно констатировать, что эта программа оказала непосредственное вліяніе на мѣропріятія Николая Павловича. «Государь, — сказалъ графъ Кочубей Боровкову, — часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ и черпаетъ изъ него много дѣльнаго, да и я часто къ нему прибѣгаю». «Мнѣ пріятно было, — пишетъ Боровковъ въ своихъ запискахъ, — слышать лестный отзывъ... Но еще пріятнѣе было видѣть проявленіе труда въ разныхъ постановленіяхъ и улучшеніяхъ, выходящихъ съ того времени».

На судьбѣ одного пункта программы Боровкова остановимся подробнѣе. По его мнѣнію, государю надлежало «направить про-

свѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію». Вопросъ о просвѣщеніи въ его государственномъ значеніи представлялся императору Николаю I однимъ изъ важнѣйшихъ, и связь просвѣщенія съ декабрьскими событіями казалась ему несомнѣнной. Извѣстенъ отзывъ Николая Павловича о составленной по высочайшему порученію А. С. Пушкинымъ «Запискѣ о народномъ воспитаніи». Графъ Бенкендорфъ написалъ на бумагѣ Пушкина: «Lui (Пушкину) faire une reponse, le remercier pour ce papier de part de l'Empereur, en lui observant cependant que le principe qu'il avance que l'instruction et le génie est tout un principe faux pour tous les gouvernements et notamment celui qui a manqué de précipiter lui même dans l'abîme et qui y a jeté tant de jeunes gens, que le moral, les services, le zèle doivent l'emporter sur l'instruction». «Нравственность, прилежное служеніе,—писалъ графъ Бенкендорфъ Пушкину,—усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе». Въ отвѣтъ на эти слова Пушкинъ написалъ «Стансы», въ которыхъ говорилъ, что лишь рабъ или льстецъ могутъ внушать государю, что «просвѣщеніе плодъ—разврата и носить духъ мятежный». Но самъ государь, не признавая абсолютнаго значенія просвѣщенія, разсматривалъ его лишь съ государственной точки зрѣнія и цѣнилъ въ немъ лишь служебное значеніе.

Н. К. Шильдеръ освѣщаетъ весьма интересный моментъ вмѣшательства Николая Павловича въ дѣло народнаго просвѣщенія. Въ 1827 году государь пожелалъ, «дабы государственный совѣтъ постановилъ законъ, чтобы крѣпостныя дѣти отнюдь не были отдаваемы для воспитанія въ такія учебныя заведенія, въ коихъ они могли получать образованіе, превышающее состояніе ихъ, и чтобы были обучаемы въ приходскихъ училищахъ». Графъ Кочубей, которому была сообщена на заключеніе высочайшая воля, высказался за то, чтобы эта мѣра была приведена въ исполненіе не черезъ государственный совѣтъ, а простымъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія. Кочубей видѣлъ удобства подобнаго распоряженія въ томъ, что оно произвело бы менѣе огласки, а законъ, изданный государственнымъ совѣтомъ, сдѣлался бы извѣстнымъ всей Европѣ и произвелъ бы разные толки. «Не можно презирать,—думалъ Кочубей,—мнѣніемъ западно-европейскихъ державъ; ни мнѣніемъ внутри самого государства; наипаче должно стараться основать оное, сколько можно лучше, при началѣ царствованія, большія надежды въ подданныхъ породившаго». Любопытно, что графъ Кочубей не замѣтилъ наивнаго противорѣчія въ своихъ словахъ: для основанія хорошаго мнѣнія онъ рекомендовалъ не хорошія дѣйствія, а хорошія слова, и сокрытіе нехорошихъ дѣйствій. На мнѣніе графа Кочубея Николай Павловичъ

положилъ слѣдующую резолюцію. «Мнѣніе графа Кочубея совершенно согласно съ моимъ; я не выразилъ довольно en détail классъ учебныхъ заведеній, въ который принимать крѣпостныхъ полагаю; надо велѣть Блудову изготвить проектъ указа министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ подробно изложить сей предметъ».

Въ указѣ, удостоившемся высочайшаго одобренія 19-го августа 1827 года, отношеніе императора Николая къ народному просвѣщенію было закрѣплено въ слѣдующихъ характернѣйшихъ фразахъ: «Александръ Семеновичъ. Вамъ извѣстно, что, почитаая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державы, отъ Бога мнѣ врученной, я желаю, чтобы для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здоровыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ понятія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость, но въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному имъ правилу. До свѣдѣнія моего дошло между прочимъ, что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій. Съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части, входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отправить своихъ дѣтей въ сіи заведенія, съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ уныніи предаются пагубнымъ мнѣніямъ или низкимъ страстямъ».

Для характеристики взглядовъ Николая Павловича на воспитаніе дѣтей лицъ высшаго класса Н. К. Шильдеръ приводитъ слѣдующую выписку изъ дневника князя А. С. Меншикова отъ 21 мая 1827 года: «Въ 9 часовъ былъ съ докладомъ у государя на Елагиномъ острову и между прочими предметами показывалъ записку князя Павла Павловича Гагарина, въ которой онъ проситъ объ опредѣленіи сына въ морскую службу и спрашиваетъ, не нужно ли будетъ отправить его въ Англію для изученія мореходства. На

сію статью государь сказалъ слѣдующее: «Je vous avoue que je n'aime pas les envois à l'étranger, les jeunes gens en reviennent avec un esprit de critique qui leur fait trouver peut être avec raison les institutions de leur pays défectueuses». Подобный отзывъ слѣдуетъ сопоставить съ мнѣніемъ Николая Павловича о дѣтяхъ декабристовъ. Въ ноябрѣ 1827 года министръ юстиціи, кн. Долгорукій, высказался, что дворянскимъ дѣтямъ нельзя разрѣшить слѣдовать за родителями «по тому уваженію, что дѣти сіи, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получить приличное роду ихъ образованіе, для вступленія со временемъ на службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способовъ дать имъ воспитаніе, но еще могутъ подать имъ примѣръ худой нравственности». На этомъ мнѣніи Николай Павловичъ написалъ «Согласенъ».

Н. К. Шильдеръ высказываетъ чрезвычайно интересное мнѣніе о томъ, что «убѣжденія императора Николая въ смыслѣ необходимости подобныхъ ограничительныхъ постановленій возбуждались и поддерживались разными, доставляемыми ему изъ Третьяго Отдѣленія, свѣдѣніями. Примѣромъ можетъ служить слѣдующая записка: «Извѣстно ли вашему императорскому величеству, что отставной артиллеріи генераль-майоръ Николай Муравьевъ, учредитель бывшей въ Москвѣ школы колонновожатыхъ, имѣетъ здѣшней губерніи Рузскаго уѣзда въ деревнѣ своей другое заведеніе, въ коемъ 60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть управителями имѣній. По слухамъ, Муравьевъ намѣревается теперь распространить еще сіе заведеніе. Но, сообразивъ извѣстныя послѣдствія отъ прежней его школы, не благоугодно ли будетъ вашему величеству приказать подробно и съ точностью разсмотрѣть сіе новое крестьянское Муравьева заведеніе, ибо оное, дѣйствуя на многочисленнѣйшій классъ народа, можетъ быть въ будущемъ гораздо опаснѣе первой его школы».

На этой запискѣ написано рукою императора Николая: «Не мѣшаетъ узнать».

Такимъ образомъ въ области просвѣтительныхъ начинаній императоръ Николай испытывалъ нѣкоторое воздѣйствіе со стороны графа А. Х. Бенкендорфа. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ преданнѣйшій Николаю Павловичу человекъ и ближайшій сотрудникъ имѣлъ вліяніе на государя, и въ другихъ дѣлахъ: многія высочайшія резолюціи оказываются внушенными графомъ Бенкендорфомъ. Если бы Шильдеръ довелъ до конца свой трудъ, навѣрно, онъ освѣтилъ бы психологическія основанія сближенія государя и Бенкендорфа съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ онъ освѣтилъ въ «Исторіи Александра I» отношенія его къ Аракчееву. Во всякомъ случаѣ, вліянія Бенкендорфа нельзя относить къ числу благотворныхъ. Плохого

представителя нашло въ немъ народное образованіе. Мы не можемъ не привести тутъ выдержки изъ дневника Бенкендорфа объ одной бесѣдѣ его съ Николаемъ Павловичемъ, происходившей вскорѣ послѣ июльской революціи 1830 года во время путешествія въ Выборгъ. «Сидя вдвоемъ въ этой ломкой повозкѣ,—пишетъ Бенкендорфъ,—мы, разумѣется, говорили только о парижскихъ происшествіяхъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могутъ имѣть для остальной Европы. Помню, какъ, разсуждая о причинахъ этой революціи, я сказалъ, что съ самой смерти Людовика XIV французская нація, болѣе испорченная, чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли во главѣ народа, а что самъ онъ влчилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ со временъ Петра Великаго всегда впереди націи стояли ея монархи; но что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнуть тогда на ослабленіе ихъ власти».

II.

Такимъ образомъ фономъ той обстановки, при которой пришлось дѣйствовать императору Николаю Павловичу,—было постоянное опасеніе возвращенія призраковъ, но образъ мыслей и дѣйствій императора былъ вполне опредѣленъ. Очень скоро намѣченъ былъ и кругъ тѣхъ вѣрныхъ и надежныхъ сотрудниковъ, большая часть которыхъ шла за своимъ вождемъ до конца жизни. Произошла смѣна: выдвинулись и укрѣпились новые люди, графъ А. Х. Бенкендорфъ, Дибичъ, Паскевичъ, Меншиковъ и другіе. Любопытной и заманчивой представляется сравнительная характеристика всѣхъ этихъ ближайшихъ дѣятелей Николаева царствованія, которая выяснила бы общность характеристическихъ чертъ и въ свою очередь дала бы матеріалы для построенія понятія «николаевщины», николаевской эпохи. Но мы оставляемъ въ сторонѣ эту интересную задачу, тѣмъ болѣе, что и незаконченный трудъ Шильдера не даетъ намъ повода приступить къ ея исполненію.

Новымъ людямъ должны были уступить свои мѣста старые дѣятели, и, дѣйствительно, первые годы царствованія Николая Павловича посвящены расчетамъ съ видными людьми прошлаго царствованія. По разнымъ мотивамъ удалялись они съ своихъ должностей: одни, какъ Аракчеевъ, просто лично были непріятны новому государю,—другіе, какъ Ермоловъ, внушали ему опасеніе своими замыслами, третьи изгонялись, какъ слишкомъ переусердствовавшіе въ своемъ служебномъ рвеніи, какъ Магницкій и Руничъ. Шильдеръ останавливается, главнымъ образомъ, на исторіи паденія двухъ

лицъ: Ермолова и Аракчеева, двухъ крупнѣйшихъ, но разноцѣнныхъ дѣятелей Александровской эпохи. Матеріалы и соображенія, приводимыя историкомъ, столь любопытны, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на судьбѣ Ермолова и Аракчеева.

По мнѣнію Шильдера, причинъ враждебнаго къ Ермолову отношенія нужно искать въ событіяхъ 1812 года и въ послѣдовавшихъ затѣмъ походахъ: извѣстная партія,—говоритъ Шильдеръ,—никогда не могла простить Ермолову все, что онъ говорилъ, писалъ и твердилъ въ эту достопамятную эпоху... Противники Ермолова въ 1826 году свели съ нимъ счеты. Поводъ дали наши столкновения съ Персіей, въ которыхъ Ермоловъ, какъ старались доказать противники, выказалъ неумѣніе, неподготовленность и даже трусость. Бенкендорфъ написалъ о Ермоловѣ въ своихъ запискахъ, что онъ «десять лѣтъ управлялъ краемъ со всеѣмъ самовластіемъ и непредусмотрительностію турецкаго паши». Исключительное положеніе Ермолова на Кавказѣ, облеченнаго огромною властью, проявляющаго массу энергіи и не способнаго быть только исполнителемъ чужой воли, вызывало серьезныя опасенія въ Петербургѣ. Въ декабрѣ 1825 года много говорили о томъ, что войска Ермолова не присягали, что онъ отложился отъ Россіи и т. п. Въ день своего воцаренія, 12 декабря 1826 года, Николай Павловичъ писалъ Дибичу, что не будетъ спокоенъ, пока не получитъ извѣстій о присягѣ Ермолова и его корпуса. «Я виноватъ,—писалъ государь,—ему мнѣ всеѣхъ вѣрю». Эти слова предопредѣляли участь Ермолова, но велико было обаяніе и сила личности этого замѣчательнаго человѣка, который все еще ждетъ своего историка. Даже императоръ Николай I не рѣшился сразу уволить его въ отставку и продѣлалъ цѣлый рядъ подготовительныхъ дѣйствій. Сначала былъ посланъ на Кавказъ, якобы въ сотрудники Ермолову, Паскевичъ на должность командующаго войсками. На самомъ дѣлѣ, Паскевичъ имѣлъ при себѣ указъ о смѣнѣ Ермолова, который онъ могъ предъявить въ случаѣ очевиднаго нежеланія Ермолова исполнять высочайшую волю. Въ рескриптѣ императоръ писалъ Ермолову, что отъ Паскевича онъ обязанъ получать «изъясненіе важнѣйшихъ намѣреній и повелѣній». Въ то же время государь заявлялъ, что «твердое его намѣреніе наказать персіянъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира», а команда войсками была вручена Паскевичу. Такимъ образомъ было создано совершенно ненормальное положеніе, которое достигло своего апогея въ началѣ 1827 года. Для развязки былъ посланъ въ Тифлисъ Дибичъ, которому Николай Павловичъ предоставлялъ право уволить Ермолова въ случаѣ увѣренности въ его неспособности или въ его «дурной волѣ». Отпуская Дибича, Николай Павловичъ боялся того, что онъ подпадетъ подъ вліяніе «проконсула Грузіи» (такъ называлъ Ермолова Константинъ Павловичъ). «Я надѣюсь,—говоритъ

Николай Павловичъ въ письменномъ предостереженіи Дибичу,— что вы не позволите себя обмануть этому человѣку, для котораго ложь, какъ только она ему полезна, становится добродѣтелью, и который ни во что не ставитъ получаемыя имъ повелѣнія. Наконецъ, да поможетъ вамъ Богъ и да внушитъ вамъ быть справедливымъ». Боязнь государя имѣла основанія. По выраженію Шиллера, произошло нѣчто удивительное!

Въ Тифлисѣ Дибичъ незамѣтно сталъ подчиняться вліянію Ермолова и склоняться въ пользу оставленія Ермолова на Кавказѣ и отозванія Паскевича. Въ своихъ донесеніяхъ Дибичъ началъ оправдывать Ермолова, разъяснять мотивы его обвиненій. Можно представить, какое впечатлѣніе произвела эта эволюція въ мысляхъ Дибича на Николая Павловича. Не говоря ни слова ни графу Толстому, ни графу Чернышеву, государь въ письмѣ отъ 12 марта потребовалъ отъ Дибича привести въ исполненіе данное ему секретное приказаніе о смѣнѣ Ермолова. 28 марта Дибичъ объявилъ Ермолову высочайшее повелѣніе; какъ разъ въ этотъ же день былъ отданъ въ Петербургѣ высочайшій приказъ объ увольненіи Ермолова. Правда, Ермоловъ 3 марта отправилъ въ С.-Петербургъ свое письмо съ просьбой объ отставкѣ, но оно опоздало и пришло въ С.-Петербургъ уже послѣ сообщенія Дибичу высочайшей воли. Такъ совершилось паденіе Ермолова, на два—три дня всѣхъ ошеломившее въ С.-Петербургѣ, какъ писалъ Николай Павловичъ Константину Павловичу. Въ этомъ письмѣ императоръ Николай Павловичъ, повидимому, признаетъ нѣкоторую ложность своихъ представленій о Ермоловѣ и передаетъ брату о томъ, какъ произошла смѣна. «Сегодня утромъ я получилъ отъ Дибича донесеніе, что перемѣна совершилась, и что все произошло въ порядкѣ; Ермоловъ подчинился рѣшенію съ покорностію и безъ жалобъ. Я строго внушилъ Дибичу воспользоваться и предупредить какіе бы то ни было восторги и восклицанія, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, чтобы все произошло, строго придерживаясь служебнаго порядка; повидимому, мнѣ удастся все-таки увидѣть все дѣло оконченнымъ, не какъ паденіе придворнаго, немилость и тому подобное, а такъ, какъ «сдача» должна происходить».

Любопытно, что время не уменьшило въ императорѣ Николаѣ «глубокаго, непреодолимаго недовѣрія и нерасположенія» къ Ермолову. Въ 1831 году государь встрѣтился съ бывшимъ проконсуломъ Грузіи въ Москвѣ, и вотъ что писалъ онъ въ разное время о Ермоловѣ Паскевичу: «Здѣсь нашелъ я Ермолова, онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ, и, какъ кажется, примирѣлъ, полагаютъ, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя онъ мнѣ про сіе ничего не говорилъ; но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу, но не мнѣ его приглашать. Je connais mon homme» (15 октября)... «Мое ожиданіе сбы-

лось, сегодня Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять таки на службу! Вотъ до чего дожили! посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому, присмирѣлъ; не проведетъ дружокъ» (24 октября)... «Ермоловъ покуда скромнень и тихъ, посмотримъ, что дальше будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую, и покуда еще не понимаю» (3 ноября)... Денисъ Давыдовъ рассказываетъ иначе исторію поступленія Ермолова на службу. Бенкендорфъ, посѣтивъ его, сказалъ по порученію государя слѣдующее: его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу. На это Ермоловъ отвѣтилъ: «государь властенъ приказать мнѣ это, но никакая сила не заставитъ меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ»... Вскорѣ графъ А. Ѳ. Орловъ объявилъ о желаніи государя видѣть его въ рядахъ войска и отъ лица государя далъ ему слово, что онъ никогда не будетъ сведенъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ. Ермоловъ былъ вынужденъ написать письмо къ государю и былъ принятъ на службу.

Въ этомъ эпизодѣ съ Ермоловымъ интереснѣе всего отношенія Николая Павловича: помимо того, что враги Ермолова старались настроить противъ него государя, непріязнь послѣдняго обусловливалась мотивами чисто психологическаго характера. Ермоловъ не былъ исполнителемъ и заявилъ претензію на собственныя мнѣнія, а Николай Павловичъ слишкомъ ревниво относился къ своей власти, не терпя даже отвлеченнаго посягательства на ея неограниченность.

Паденіе Аракчеева носитъ иной характеръ. Изъ всѣхъ историческихъ дѣятелей, съ которыми имѣлъ дѣло Н. К. Шильдеръ во время своихъ продолжительныхъ занятій исторіей XVIII и XIX в., никто не вызывалъ въ немъ такой антипатіи, какъ безъ лести преданный графъ. Въ «Исторіи Александра I» Шильдеръ ярко и рѣзко характеризовалъ Аракчеева со всей его вредоносностью; во второмъ же томѣ изслѣдованія о Николаѣ I онъ рассказываетъ лишь исторію безславнаго паденія Аракчеева, собравъ нѣсколько документовъ, чрезвычайно ярко рисующихъ фигуру «убитаго старика» (такъ называлъ себя самъ Аракчеевъ въ это время) и представляющихъ неоцѣненный матеріалъ для психолога. Понявъ свою несовременность, Аракчеевъ 9 апрѣля 1826 года обратился къ Николаю Павловичу съ письмомъ объ отставкѣ, многословнымъ, рассчитанно откровеннымъ. «Нѣсколько лѣтъ уже, — такъ начинается это письмо, — я страдаю болію въ груди: общее несчастье — горестная кончина государя императора Александра Павловича, отца и благодѣтеля моего, — довершило разстройство моего здоровья и довело наконецъ до такого состоянія, что я ни днемъ, ни ночью не имѣю покою. Я совѣтовался со многими врачами, но ни одинъ не могъ облегчить меня. Всѣ рѣшительно говорятъ, что мнѣ остается одно

средство—испытать карлсбадскія воды, я долженъ послѣдовать ихъ совѣту». Характерно для Аракчеева это начало, это обиліе совершенно лишнихъ въ сущности сообщеній. И дальше въ письмѣ Аракчеевъ выдерживаетъ этотъ тонъ: онъ то сознательно уничтожаетъ себя, пресмыкается въ своемъ уничиженіи, то ссылается на свои достоинства. Характеризуя свою дѣятельность по военнымъ поселеніямъ, Аракчеевъ «позволяетъ себѣ открыто и съ позволеннымъ вѣрному слугѣ своего государя христіанскимъ удовольствіемъ сказать, что сія часть въ такомъ положеніи, какое, конечно, не всѣмъ другимъ извѣстно»... При письмѣ Аракчеевъ приложилъ записку о капиталахъ военныхъ поселеній и просилъ, если его труды удостоятся обратить на себя хоть нѣсколько вниманія, двухъ монаршихъ милостей: разрѣшенія напечатать эту записку въ «Инвалидѣ» и предоставить пользоваться во время отпуска присвоеннымъ ему содержаніемъ. «Оно не огромно, всемилостивѣйшій государь, и менѣе получаемаго не только моими сотоварищами, но даже и многими статсъ-секретарями». Въ доказательство своего безденежья графъ сослался на совершенную имъ продажу въ Кабинетъ столовыхъ серебряныхъ вещей. Въ случаѣ, если государь не найдетъ бы за нимъ права на жалованье, онъ, Аракчеевъ, долженъ будетъ прибѣгнуть къ займамъ, ибо не стяжалъ себѣ никакихъ богатствъ.

Рескриптомъ 30 апрѣля 1826 года Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ оставлялъ военныя поселенія навсегда. Въ декабрѣ 1826 года Аракчеевъ вышелъ уже въ чистую отставку и обратился въ «грузинскаго отшельника», но его уединеніе было нарушено преинтереснѣйшимъ инцидентомъ. Читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы станемъ цитировать, быть можетъ, нѣсколько пространно письма Аракчеева, но вѣдь ихъ не передать въ рассказѣ, да, кромѣ того, уже по своему стилю слишкомъ они характерны для отшельника. 31 января 1827 года Дибичъ сообщилъ Аракчееву, что до государя дошелъ слухъ о какихъ-то печатныхъ изданіяхъ писемъ Александра Павловича къ Аракчееву. Предполагая, что Аракчеевъ не могъ самъ напечатать этихъ писемъ, писанныхъ партикулярно и по секрету, государь поручилъ Дибичу спросить у Аракчеева, извѣстно ли ему, изъ какого источника почерпнуты эти письма; въ случаѣ же незнанія графомъ Аракчеевымъ объ этихъ книгахъ предложить ему напечатать объявленіе, что таковыя изданныя въ печать письма и записки выдуманы и не заслуживаютъ вѣроятія.

Графъ Аракчеевъ получилъ письмо Дибича въ Тверской губерніи, какъ разъ во время говѣнія и приготовленія къ принятію святыхъ тайнъ. Немедленно же отвѣтилъ онъ Дибичу, приложивъ и слѣдующее объявленіе: «Дошло до свѣдѣнія графа Аракчеева, что въ С.-Петербургѣ появились въ публикѣ печатныя книги, въ коихъ помѣщены будто бы письма и записки, писанныя ко мнѣ покойнымъ

государемъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ, — то какъ я, графъ Аракчеевъ, никому ничего никогда не только не позволялъ печатать, но даже и не отдавалъ никому никакихъ сего рода бумагъ, то и объявляю, что всѣ таковыя изданныя въ печать письма и записки должны быть невѣрныя и не заслуживающія вѣроятія. 13 февраля 1827 года, генераль графъ Аракчеевъ». Дибичъ былъ въ это время въ Тифлисѣ, и Николай Павловичъ прислалъ это письмо со слѣдующей припиской: «Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе, чѣмъ насъ; я получилъ цѣлыя два, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ злоумышленниковъ изобрѣлъ дѣло на него, и что я погрѣшу, если сему вѣрить буду. Je vous abandonne les réflexions».

Дѣйствительно, одновременно съ письмомъ къ Дибичу Аракчеевъ написалъ два письма къ государю. Въ одномъ изъ нихъ графъ писалъ: «Если бы это свѣдѣніе (о появленіи книгъ съ письмами Александра I) дошло когда либо до меня постороннимъ образомъ, то я бы никогда не повѣрилъ оному быть возможнымъ по той причинѣ, что, доживъ до 60-лѣтъ, стыдно бы мнѣ, старику, было не знать, что милостивыя покойнаго государя императора ко мнѣ писанныя письма должны быть для меня одного драгоценны, а объявлять ихъ въ печатныхъ книгахъ въ публику не только не прилично, но вредно и не позволительно». Въ слѣдующихъ строкахъ графъ настоятельно просилъ государя приказать «разыскать, кто изволилъ оныя письма напечатать, и кто оныя письма для того употребленія выдалъ»... «Тогда и откроются тѣ люди, кои сіе обидное для меня дѣло выдумали»,—писалъ Аракчеевъ.

Во второмъ письмѣ Аракчеевъ «открывалъ душу свою въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, коимъ былъ онъ наученъ покойнымъ государемъ, его отцомъ и благодѣтелемъ. Аракчеевъ выражалъ надежду, что это второе письмо будетъ извѣстно только одному государю. Аракчеевъ говорилъ о томъ, что онъ имѣетъ много не только недоброжелательныхъ людей, но и самыхъ злодѣевъ, число коихъ извѣстно одному Богу и покойному государю. Этимъ врагамъ своимъ онъ и приписывалъ изданіе писемъ и просилъ у государя противъ нихъ защиты. «Если вы думаете,—писалъ Аракчеевъ,—что изданныя печатныя письма по моему согласію изданы, я онаго себѣ никогда и въ умѣ не воображалъ, а дѣйствительно, видно, оное сдѣлано недоброжелателями моими, и должно, кажется, тутъ скрываться, кромѣ намѣренія сдѣлать мнѣ непріятное, предположеніе онымъ поселить въ вашихъ мысляхъ дурное обо мнѣ мнѣніе; но можетъ быть и общее какое либо злонамѣреніе, почему весьма нужно открыть издателей оныхъ книгъ. Всемилоствѣйшій государь! здоровье мое такъ худо, что я теперь ничего себѣ не долженъ желать, какъ только одного покоя, но онаго я отъ моихъ доброже-

лателей никогда не буду имѣть, если вы, всемилостивѣйшій государь, не обратите вашего вниманія на стараго слугу вашихъ августѣйшихъ предковъ. Не оставьте меня вашею отцовскою защитою и будьте увѣрены, что я окажу свои послѣдніе годы жизни, хотя уже не службою, но тою же вѣрною преданностью къ вамъ, августѣйшему монарху, всемилостивѣйшему государю моему, о комъ я ежедневно молюсь Богу, вѣдающему всѣ наши помышленія. Я теперь говѣю и готовлюсь приобщиться святыхъ тайнъ въ той деревнѣ, гдѣ находятся гробы моихъ родителей, а потомъ велю себя перевезти въ Грузино и буду жить уединенно. Но прошу у васъ, всемилостивѣйшій государь, милости — позволить мнѣ въ случаѣ важныхъ какихъ либо обидъ и утѣсненіевъ отъ злодѣевъ моихъ адресоваться прямо къ вашему императорскому величеству съ тою искренно-душевною откровенностью, съ какою я всегда оное дѣлалъ въ теченіе моей жизни».

Читая эти письма, начинаешь жалѣть удрученнаго обидами безъ лести преданнаго графа, но... «трудно, — говоритъ Шильдеръ, — встрѣтить болѣе наглое обращеніе съ истиною, какъ въ этомъ произведеніи пера «истиннаго русскаго новгородскаго неученаго дворянина» (такъ называлъ себя въ письмахъ къ Сперанскому Аракчеевъ), являющемся къ тому же вполне ложной исповѣдью». Дѣло въ томъ, что въ рукахъ Николая Павловича дѣйствительно находились «собственноручные рескрипты покойнаго государя императора, отца и благодѣтеля, Александра I, къ его подданному графу Аракчееву, съ 1796 года до кончины его величества, послѣдовавшей въ 1825 году». Но удивительнѣе всего то, что эта книга была напечатана въ типографіи военныхъ поселеній по личному приказанію Аракчеева! Одинъ экземпляръ этой книги Аракчеевъ далъ одному изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, можно сказать, своему другу, Клейнмихелю, и другъ обязательно представилъ императору Николаю Павловичу.

Императору уже не нужно было никакихъ другихъ доказательствъ отъявленной лжи Аракчеева, и онъ приказалъ графу Чернышеву, челоуѣку, бывшему въ свое время «dans les bonnes grâces du comte», отправиться въ Грузино, отобрать у Аракчеева всю напечатанную имъ переписку и показать ему «son mensonge imprudent». Вотъ что писалъ о путешествіи Чернышева Николай Павловичъ Константину Павловичу 15-го марта 1827 года: «Сегодня утромъ Чернышевъ вернулся ко мнѣ изъ Грузина, куда я посылалъ его объясниться устно съ Аракчеевымъ. Я выбралъ его для бѣльшей вѣрности, такъ какъ онъ пользовался милостями графа. И что же вы подумали бы? Онъ привезъ 18 экземпляровъ и признаніе, что онъ былъ не правъ, но что, какъ его спрашивали, не извѣстно ли ему о подобныхъ книгахъ, ходившихъ по рукамъ, а не спрашивали, не велѣлъ ли онъ ихъ напечатать для себя, то

онъ не думалъ, что лжетъ, сказавъ, что онъ не слышалъ разговоровъ объ этомъ. Онъ плакалъ, увѣрялъ, что печаталъ ихъ съ вѣдома императора, и что даже императоръ часто спрашивалъ его, насколько увеличилось изданіе. Что онъ подарилъ ихъ только двумъ лицамъ, но что возможно, что часть ихъ украли у него, что, впрочемъ, онъ показывалъ ихъ нѣсколькимъ»...

Въ письмѣ къ государю Аракчеевъ начиналъ съ выраженія благодарности за то, что для справки къ нему былъ посланъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, честный человекъ и справедливый; затѣмъ сообщалъ, что онъ напечаталъ двадцать экземпляровъ, одинъ онъ оставилъ у себя, а другой далъ Клейнмихелю. «Касательно же моего перваго письма,—писалъ графъ,—о сихъ письмахъ, то я разумѣлъ письмо Ивана Ивановича Дибича, что онъ спрашивалъ меня о появившихся книгахъ печатныхъ въ публику, то я и думалъ, что письма сіи напечатаны въ какихъ либо журналахъ или анекдотахъ, а если бы онъ спросилъ у меня, нѣтъ ли для себя печатныхъ экземпляровъ, то я бы все то написалъ, что нынѣ лично объяснилъ генералу графу Чернышеву. Послѣ сего, кажется, ваше величество изволите увидѣть совершенно мою невинность и примите милостиво мое желаніе имѣть сіи письма въ печати собственно для себя, а не для публики, о чемъ и покойный государь меня благословлялъ и позволялъ изъ представленныхъ ежегодно печатныхъ ему писемъ, а виноватъ, всемилостивѣйшій государь, я предъ вами, что я послѣдній разъ напечаталъ при вашемъ царствованіи»... «Все-милостивѣйшій государь, простите мнѣ вину мою, если я виновенъ въ ономъ, ибо я терзаюсь онымъ, что вы гнѣваетесь на меня, и оный гнѣвъ вашъ меня ускоритъ къ смерти».

Отвѣтъ Николая Павловича на признаніе Аракчеева былъ кратокъ: «Генералъ Чернышевъ вручилъ мнѣ письмо ваше, Алексѣй Андреевичъ, и посылку; онъ мнѣ передалъ весь вашъ разговоръ. Излишне мнѣ входить съ вами въ разсужденіе о предметѣ, на который мы взираемъ совершенно съ разныхъ точекъ. Я исполнилъ долгъ, какъ братъ и какъ государь. Ваше опасеніе на счетъ собственный излишне: гдѣ есть законы, тамъ и защита каждому; мое же дѣло смотрѣть за соблюденіемъ ихъ безъ лицепріятій, но съ должною справедливостію».

Чрезвычайно любопытно мнѣніе Константина Павловича объ этомъ дѣлѣ и о двухъ его герояхъ, Аракчеевѣ и Клейнмихелѣ (фамилію его, обозначенную у Шильдера точками, можно возстановить по письму Аракчеева). «У меня просто опускаются руки,—писалъ онъ Николаю Павловичу,—и мнѣ нечего прибавлять къ негодованію, которое я испытываю, какъ противъ Аракчеева, такъ и противъ презрѣннаго Клейнмихеля, который, осыпанный въ полной мѣрѣ его милостями, имѣлъ подлость отдать свой экземпляръ съ его собственно-ручной надписью; я на его мѣстѣ постарался бы уничтожить ее, со-

хранивъ все-таки экземпляръ, если бы не могъ истребить его. Человѣкъ, обнаруживающій недостатокъ благодарности къ своему благодѣтелю, каковъ бы ни былъ послѣдній самъ по себѣ,—человѣкъ гадкій и низкій, заслуживающій презрѣнія и недостойный, по моему мнѣнію, оставаться среди общества и, въ особенности, на какомъ бы то ни было мѣстѣ близъ государя. Таково мое мнѣніе. Что же касается книги самой по себѣ, она не представляетъ ничего другого, какъ, съ одной стороны, слѣпую довѣрчивость челоѣка, судившаго о прочихъ по своему ангельскому сердцу, съ другой стороны, глупое тщеславіе, безстыдное самолюбіе и желаніе возвеличить себя даже въ ущербъ тому, кого онъ называлъ своимъ отцомъ и благодѣтелемъ, однимъ словомъ это прискорбно!»...

Николай Павловичъ призналъ до нѣкоторой степени справедливость отзыва Константина Павловича о Клейнмихелѣ, и въ письмѣ отъ 14-го марта 1827 года у него вылились слѣдующія строки о сотрудникѣ своего царствованія: «Я вполне раздѣлилъ бы ваше мнѣніе насчетъ Клейнмихеля, если бы фактъ былъ самъ по себѣ точенъ; но такъ какъ книга была вытребована у него внезапно и неожиданно для него, то это смягчаетъ его вину; но, къ несчастью, болѣе чѣмъ часто бываешь вынужденъ пользоваться услугами людей, которыхъ не уважаешь, если они могутъ принести хоть какую нибудь пользу, а таково именно положеніе даннаго лица».

Вотъ какую печальную исторію пришлось пережить «новгородскому неученому дворянину». Вся переписка Аракчеева, изъ которой мы привели выдержки, представляетъ богатѣйшій психологическій матеріалъ. Удаленіе Аракчеева отъ власти Шильдеръ ставитъ Николаю Павловичу въ особую заслугу передъ Россіей.

Не менѣе полезнымъ дѣломъ съ исторической точки зрѣнія является расправа съ Магницкимъ и Руничемъ. Еще въ маѣ 1826 года Магницкій былъ удаленъ съ должности попечителя Казанскаго округа: подвиги его въ этой должности достаточно извѣстны. Но онъ не унялся и по исключеніи отъ службы. Шильдеръ приводитъ любопытныя данныя о поведеніи уволеннаго со службы Магницкаго изъ находящагося въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства «Дѣла о вредномъ вліяніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго по Казанскому университету и объ отправленіи его арестованнымъ изъ Казани въ Ревель». Генералъ Желтухинъ, ревизовавшій по приказанію Николая Павловича университетъ, донесъ государю, что Магницкій вмѣшивается безпрестанно въ университетскія дѣла, образовавъ тутъ свою партію, и въ своемъ нахальствѣ дошелъ до того, что сталъ распространять о себѣ слухи, будто «никогда онъ не пользовался таковою довѣренностью отъ высшаго начальства, какъ нынѣ, и будто присланъ сюда по порученіямъ тайной полиціи, къ которой якобы принад-

лежитъ»... Николай Павловичъ распорядился быстро и рѣшительно и на рапортѣ Желтухина подписалъ: «послать фельдъегеря съ приказаніемъ губернатору арестовать Магницкаго, опечатать его бумаги, и то и другое прислать: Магницкаго въ Ревель подѣ присмотрѣ коменданта, а бумаги сюда»...

III.

Переходимъ теперь къ важнѣйшей части труда Н. К. Шильдера—отношеніямъ императора Николая I къ Польшѣ и польскому возстанію 1831 года. Для характеристики положенія государя въ польскомъ вопросѣ Шильдеръ воспользовался не вызывающимъ сомнѣній источникомъ—письмами его къ Константину Павловичу. Не останавливаясь на внѣшней исторіи возстанія, мы ограничимся лишь важнѣйшими эпизодами въ исторіи польскаго вопроса въ 1826—1831 годахъ.

Въ этомъ періодѣ два момента играли существеннѣйшую роль; Шильдеръ особенно ихъ подчеркиваетъ. Первый—основное противорѣчіе двухъ системъ управленія—конституціоннаго въ Польшѣ и самодержавнаго въ Россіи—и яркое сознание этого противорѣчія и въ самомъ императорѣ и въ его помощникахъ. «Странно видѣть государя самодержавнаго,—пишетъ одинъ изъ современниковъ,—обладающаго 50.000.000 народовъ на третьей части полушарія, говорящаго конституціоннымъ языкомъ и представляющаго власть свою ограниченною предѣ горстью народа, всегда Россіи враждебнаго, въ то время, когда въ сей послѣдней указъ, не только имъ подписанный, но отъ его имени объявленный, рѣшаетъ безъ малѣйшихъ обрядовъ или формъ жизнь и участь и высшихъ и низшихъ сословій, и гдѣ за малѣйшее противъ правленія замѣчаніе со стороны частнаго человѣка можетъ онъ ужасно пострадать». Другой моментъ—исключительность отношеній, въ которыя судьбой были поставлены два брата. Въ сущности, каждый изъ нихъ былъ рожденъ самодержцемъ; представленіе о неограниченности собственной власти было создано вліяніями и наслѣдственности и обстановки. И вотъ одинъ изъ нихъ, которому былъ предоставленъ російскій тронъ, оказывается, какъ бы тамъ ни было, въ положеніи подчиненномъ; другой, съ исключительнымъ представленіемъ о своей власти, чувствуетъ свою зависимость, внутреннюю, конечно. Могла ли быть у Николая Павловича свобода рѣшеній и дѣйствій, когда рѣчь шла о власти, предоставленной цесаревичу еще при Александрѣ I? Подъ внѣшнимъ покровомъ совершеннаго согласія таился внутренній расколъ. Какое, напримѣръ, впечатлѣніе производили на Николая Павловича сентенціи, которыми Константинъ Павловичъ сопровождалъ свое мнѣніе по всякому вопросу, въ родѣ слѣдующей: «Простите, дорогой братъ, что я вамъ излагаю эти

мысли: онѣ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ высказываются вамъ человѣкомъ, удѣлъ котораго—ничтожество (elles ne tirent à aucune consequence venant d'un homme dont la nullité est le partage), но я долженъ былъ такъ поступить въ силу моей прямоты и откровенности и какъ бы платя дань откровенности, составляющей мой долгъ въ отношеніи къ вамъ, и такъ какъ я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ что бы то ни было; таковъ былъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи нашего почившаго безсмертнаго императора, и онъ останется неизмѣнно такимъ же въ отношеніи къ вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не прикажете поступать иначе».

Въ дѣйствительности же власть цесаревича въ Польшѣ вовсе не ограничивалась властью Николаю Павловича, и цесаревичъ, ревниво относясь къ своему положенію и не терпя малѣйшаго вмѣшательства, передъ Николаемъ Павловичемъ былъ защитникомъ конституціонныхъ началъ. Съ этой точки зрѣнія любопытна переписка двухъ братьевъ о формѣ суда надъ лицами, привлеченными къ дознанію Варшавскимъ слѣдственнымъ комитетомъ. Николай Павловичъ предложилъ, конечно, учредить судъ на тѣхъ же началахъ, на какихъ былъ судъ въ Петербургѣ. И вотъ что писалъ 12-го октября 1826 года Константинъ Павловичъ своему брату: «я позволю себѣ представить вамъ, что составъ суда въ родѣ того, какъ было сдѣлано у васъ, не можетъ имѣть мѣста у насъ безъ нарушенія всѣхъ конституціонныхъ началъ, потому что спеціальныя суды не допускаются, а петербургскій судъ былъ именно такимъ, потому что на ряду съ сенатомъ въ составъ его введены были члены, назначенные особо въ данномъ случаѣ; въ конституціонныхъ странахъ уже отвергають компетентность и правосудіе петербургскаго суда и называютъ его чѣмъ-то въ родѣ военнаго суда сверхъ того, самое судопроизводство представляется имъ незаконнымъ, такъ какъ въ немъ не было допущено гласной защиты; виновные или же подсудимые были осуждены, не бывъ, такъ сказать, ни выслушаны публично, ни защищены тѣмъ же путемъ; въ конституціонныхъ странахъ дѣйствуютъ учрежденные на то суды, при гласной защитѣ»...

Члены польскихъ тайныхъ обществъ были преданы сеймовому суду. Судъ тянулся безконечно долго, въ 1827 и 1828 годахъ. Судъ этотъ вызвалъ такія проявленія народныхъ чувствъ, которыя не оставляли никакого сомнѣнія въ наличности революціоннаго элемента въ жизни Польши, вопреки всему тому, что думалъ о спокойствіи страны Константинъ Павловичъ. Въ изобиліи выходили памфлеты, подпольныя изданія, прокламаціи; молодежь устраивала демонстраціи. Давленіе общественнаго мнѣнія было такъ велико, что дѣло кончилось оправданіемъ подсудимыхъ, изъ которыхъ только нѣкоторые понесли незначительныя наказанія. Предсѣдатель суда

Бѣлинскій сказалъ: «Мое сердце препятствуетъ мнѣ осудить національное чувство». Такой приговоръ ошеломилъ и цесаревича и государя. Письма цесаревича за время суда изобиловали выраженіями въ родѣ: *notre sot et imbécile sénat, la vieille ganache de président, l'insigne bêtise de Bielinski* и т. п. Николай Павловичъ приказалъ административному совѣту высказать свое мнѣніе по поводу судебного приговора. Начался пересмотръ, но и административный совѣтъ почти одобрилъ приговоръ, высказавшись, что приговоръ слѣдуетъ приписать не злонамѣренности его членовъ, а неудовлетворительности существовавшаго уголовного законодательства. Тогда Николай Павловичъ приказалъ прочесть сенату при закрытыхъ дверяхъ выговоръ и утвердилъ рѣшеніе суда. 9-го марта 1829 года цесаревичъ сообщилъ Николаю Павловичу о настроеніи общества слѣдующее: «Вмѣсто того, чтобы чувствовать деликатность вашего образа дѣйствій, выразившагося въ приказаніи сдѣлать имъ выговоръ при закрытыхъ дверяхъ, встрѣчаются такіе, которые въ этомъ видятъ опасеніе дѣйствовать публично, но что впрочемъ они восторжествовали, освободивъ патріотовъ, которые жертвовали для отечества. Подобное толкованіе распространено между праздною молодежью и въ особенности среди студентовъ; со дня на день они становятся все болѣе дерзкими и болѣе смѣлыми и въ особенности послѣ погребенія Бѣлинскаго. Я уже предупредилъ правительство объ этомъ и о крайней необходимости водворить порядокъ среди всей этой неугомонной молодежи; всѣ добромыслящіе люди чувствуютъ это и держатся моего мнѣнія; но не знаю, чѣмъ это можно объяснить; мѣры, которыя считаютъ возможнымъ принять, не отвѣчаютъ безотлагательнымъ потребностямъ даннаго случая. Слѣдуетъ замѣтить, что съ нѣкотораго времени учащаяся молодежь усвоила крайне замѣтную наклонность ко злу. Я склоненъ думать, что она получаетъ руководство извнѣ, а именно отъ Познанскаго герцогства и изъ Франціи».

Этому политическому процессу Шильдеръ приписываетъ не малозначительную роль въ исторіи революціоннаго развитія Польши. А развитіе совершалось непрерывно и невозбранно, и мѣры, которыя могли бы помѣшать этой революціи, роковымъ образомъ не осуществлялись. Такъ было въ русско-турецкую войну, когда Николай Павловичъ очень хотѣлъ послать въ ряды дѣйствующихъ войскъ польскую армію, но цесаревичъ, подъ различными предлогами и между прочимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что настоящее зло грозитъ Россіи не съ Востока, а съ Запада, этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей, настоялъ на оставленіи польскихъ войскъ дома. И здѣсь проявилось ревнивое отношеніе цесаревича ко всему, что находилось подъ его властью. «Такимъ образомъ, — пишетъ Шильдеръ, — польская армія осталась нетронутою въ царствѣ и попрежнему спокойно упражнялась во всѣхъ тонкостяхъ гарнизон-

ной службы, подъ требовательнымъ окомъ своего главнокомандующаго, а тайныя общества могли безпрепятственно продолжать въ рядахъ ея свою подпольную, разлагающую работу, которая, благодаря близорукому упорству цесаревича, привела къ взрыву 1830 года».

При такомъ-то настроеніи польскаго общества императору Николаю предстояло исполнить 45-й параграфъ данной Александромъ I польской консистуціи, гласившій слѣдующее: «всѣ наши преемники въ королевствѣ Польскомъ обязаны короновать себя королями польскими въ столицѣ по обряду, который мы установимъ, и они будутъ приносить слѣдующую присягу: я клянусь и обѣщаю передъ Богомъ и на Евангеліи поддерживать и всею моею властью побуждать къ выполнению конституціонной хартіи». Вопросъ о совершеніи коронаціи обсуждался въ перепискѣ между государемъ и цесаревичемъ. Николай Павловичъ писалъ, чтобы все произошло съ возможно меньшими церемоніями; онъ не хотѣлъ даже духовной церемоніи, совершаемой въ католическомъ соборѣ, но Константинъ Павловичъ настоялъ на необходимости присутствовать на молебствіи въ слѣдующихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ: «Богъ призвалъ васъ царить надъ народомъ другой вѣры, чѣмъ ваша; поэтому вамъ слѣдуетъ защищать ее, уважать и поддерживать и не подвергать ея, такъ сказать, съ вашей стороны запрещенію. Вамъ не предоставлено, какъ кому бы то ни было другому, вмѣшиваться въ споры; оставьте людямъ ихъ вѣрованія, отъ того они не будутъ менѣе вѣрны и признательны вамъ; помимо того, молебеніе—не тайнство, вы будете тамъ въ качествѣ присутствующаго. Вотъ мое мнѣніе, и я не могу измѣнить его».

Слухъ о предстоящей коронаціи въ Варшавѣ, по замѣчанію Бенкендорфа, не порадовалъ русскихъ. 5 мая 1828 года состоялся торжественный въѣздъ государя въ Варшаву, а 12 мая былъ совершенъ обрядъ коронованія. Съ внѣшней стороны пріемъ не оставялъ желать лучшаго, но при церемоніи произошелъ инцидентъ: когда, по принесеніи присяги, примасъ провозгласилъ троекратно «Vivat rex in aeternum», сенаторы и депутаты не повторили этой формулы. «Разрывъ между поляками и династіей въ духовномъ отношеніи совершился»,—замѣчаетъ польскій историкъ. «На насъ,—пишетъ въ своихъ запискахъ Бенкендорфъ,—церемонія произвела какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ отплатитъ со временемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ, Возвратившись въ внутреннія комнаты замка, государь послалъ за мною. При видѣ моего духовнаго смущенія онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистымъ помысломъ и съ твердою рѣшимостью свято ее соблюдать». Какъ отнесся къ пребыванію Николая Павловича

въ Варшавѣ цесаревичъ? Шильдеръ оцѣниваетъ положеніе, созданное присутствіемъ государя, тонкими и мѣткими штрихами.

«Пребываніе государя въ Варшавѣ, — пишетъ онъ, — тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать, какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему приходилось, по крайней мѣрѣ, виѣшнимъ образомъ подавать примѣръ покорности. Очевидцы упоминаютъ о тогдашней его *humeur massacrante*! Сознвая прекрасно, что не одинъ голосъ поднимается противъ его самовластнаго образа дѣйствій и противъ его произвольной, часто переходящей всякую мѣру строгости, онъ страшился пронизательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ наперсниковъ цесаревича также опасались подпасть заслуженной отвѣтственности, между тѣмъ какъ поляки рассчитывали на измѣненіе установленнаго образа управленія, и въ особенности надѣялись увидѣть ограниченіе власти великаго князя. Бенкендорфъ рассказываетъ, что, когда во время торжественнаго обѣда ему пришлось сидѣть между нунціями, они жаловались ему на нестерпимую грубость цесаревича и превозносили привѣтливость новаго ихъ короля, увѣряя, что они охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію со всеѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россіею».

Наступилъ 1830 годъ. Николай Павловичъ предложилъ собрать сеймъ къ 16-му мая. Константинъ Павловичъ назвалъ сеймъ «нелѣпой штукой», но мнѣніе государя было иное: «мы существуемъ для упорядоченія общественной свободы и для подавленія злоупотребленій ею», — отвѣтилъ онъ цесаревичу. И въ этотъ пріѣздъ государя въ Варшаву положеніе, созданное Константиномъ Павловичемъ, показалось въ еще болѣе неприглядномъ освѣщеніи такому наблюдателю, какъ Бенкендорфъ. «Всякая надежда поляковъ на перемѣну къ лучшему, — пишетъ онъ, — исчезла, даже многіе изъ русскихъ, окружавшихъ цесаревича, приходили довѣрять мнѣ свои жалобы и общій ропотъ. Я держался осторожно въ отношеніи этихъ откровеній; но они были такъ единодушны и такъ искренны, что невольно пробудили во мнѣ чувство состраданія къ полякамъ, а еще болѣе къ трудному и жестокому положенію государя. Цесаревичъ въ личномъ обращеніи своемъ съ нимъ всегда представлялся почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ; но въ сношеніяхъ съ министрами и даже въ разговорахъ съ своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе причиняло ему досаду, даже похвалы государя кому либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, тотчасъ возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе его брата противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по собственному его представленію. Можно было тогда же предугадать бли-

зость реакціи и мятежа, если бы жалобы скрывались въ тайнѣ, но онѣ высказывались совершенно явно».

Николай Павловичъ открылъ собранія сейма конституціонною рѣчью. Попрежнему съ внѣшней стороны все шло спокойно, миролюбиво, хотя и холодно. По свидѣтельству Бенкендорфа, государь остался не доволенъ своей поѣздкой, и его положеніе въ Польскомъ королевствѣ показалось ему самому нелѣпымъ, и онѣ почувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ онѣ самъ. Іюльскія событія этого года только способствовали обостренію сознанія противорѣчія двухъ государственныхъ системъ. Поэтому пріобрѣтаютъ особенный интересъ слова, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ 5-го августа 1830 года. «Если бы,—сказалъ государь,—во время кровавыхъ смуть въ Парижѣ народъ разгромилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказался противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе учрежденныхъ конституцій, утвержденныхъ присягою». Шильдеръ сообщаетъ въ своей книгѣ любопытныя подробности о томъ вліяніи, которое имѣли событія 1830 года во Франціи на Николая Павловича, и которое не прошло безслѣдно и въ его отношеніяхъ къ Польшѣ. Извѣстно, что Николай Павловичъ рѣшался даже на европейскую войну для защиты принципа. Этой войны рѣшительно не одобрялъ Константинъ Павловичъ.

Но всѣ приготовленія къ европейской войнѣ были прерваны извѣстіемъ о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы въ ночь на 17-е ноября. Николай Павловичъ получилъ первое сообщеніе цесаревича только вечеромъ 25-го ноября. Уже въ третьемъ своемъ донесеніи цесаревичъ увѣдомилъ государя, что онѣ разрѣшилъ оставшимся при немъ частямъ польской арміи вернуться въ Варшаву, и за это польскіе депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ имперіи. По достиженіи границъ, цесаревичъ писалъ государю 1-го декабря: «И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компанією. Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ, кто только владѣетъ хоть какимъ нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты, не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку, словомъ положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого по благодати Божіей выйдетъ. Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все

начинало раскрываться... Вотъ мы, русскіе, у границы, но, великій Боже, въ какомъ положеніи, почти босикомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто... Я сокрушенъ сердцемъ, на 51^{1/2} году жизни и послѣ 35^{1/2} лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ».

5-го декабря Николай Павловичъ издалъ воззваніе къ войскамъ и народу царства Польскаго, а 12-го декабря манифестъ, обѣщавшій прощеніе всѣмъ, возвратившимся къ исполненію своего долга. Попытки къ примиренію были исчерпаны. 8-го декабря Николай Павловичъ писалъ цесаревичу: «Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновеніе? Вы сами развѣ не поступили бы такъ? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ въ отношеніи поляковъ, и я могу утверждать, что она ни въ чемъ не будетъ упрекать меня, я исполню въ отношеніи ихъ всѣ мои обязанности, до послѣдней возможности; я не напрасно принесъ присягу, и я не отрѣшился отъ нея; пусть же вина за ужасныя послѣдствія этого событія, если ихъ нельзя будетъ избѣгнуть, всецѣло падетъ на тѣхъ, которые повинны въ немъ! Аминь».

Главнoкомандующимъ дѣйствующей арміи въ войнѣ съ Польшей былъ назначенъ Дибичъ. Первые свѣдѣнія о возстаніи онъ получилъ, будучи въ Берлинѣ; подавленіе возстанія ему казалось легкимъ дѣломъ, и онъ готовъ былъ разсматривать все случившееся, какъ поводъ къ «славному подвигу». Но, отправляясь въ Польшу, онъ чувствовалъ себя въ угнетенномъ состояніи и высказывалъ опасенія за свою военную славу и неувѣренность въ силахъ. Предчувствіе не обмануло Дибича.

Николай Павловичъ медлил обращеніемъ къ рѣшительному образу дѣйствій. 1-го января 1831 года Константинъ Павловичъ, принося свои поздравленія, поручалъ польскій народъ милосердію Николая Павловича. «Не всѣ члены народа,—писалъ онъ,—виновны, а виновны тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата. Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ — это мольба брата, имѣвшаго несчастіе изъ послушанія посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны. Моя общественная роль кончена послѣ всего того, что случилось со мною въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня». Еще до полученія этого письма, 3-го января, Николай Павловичъ писалъ цесаревичу: «Кто изъ двухъ долженъ погибнуть—такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо—Россія или Польша? Рѣшите сами. Я исчерпалъ всѣ

возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастье; средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать?»...

Но чаша терпѣнія Николая Павловича переполнилась, когда сеймъ 13-го января 1831 года объявилъ династію Романовыхъ лишеною польскаго престола. 25-го января государь издалъ новый манифестъ: «Мы повелѣли нашимъ войскамъ пойти на мятежниковъ... Да поможетъ намъ Богъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ страны»...

25-го января русская армія вступила въ царство Польское, а 13-го декабря произошла рѣшительная битва передъ Прагою при Гроховѣ. Исходъ этой битвы вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Поляки потеряли до 12.000 человекъ и должны были отступить въ Варшаву; расстройство въ ихъ рядахъ было полное: польскій главнокомандующій Хлопицкій былъ тяжело раненъ. Рѣшительный ударъ со стороны Дибича прекратилъ бы всякую войну, но... этого рѣшительнаго удара не послѣдовало. «Въ эту минуту,—пишетъ Бенкендорфъ,—звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелѣлъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную и кровавую войну». Можно себѣ представить негодованіе императора Николая!

Но что же заставило Дибича прекратить бой? Вопросъ любопытнѣйшій и имѣющій нѣсколько отвѣтовъ. Руководилъ ли Дибичемъ ложный расчетъ на то, что поляки и безъ продолженія боя сдадутся, или онъ прекратилъ бой по чьему либо настоянію? Нѣкоторые думаютъ, что настоялъ на этомъ помощникъ Дибича, графъ Толь. Шильдеръ принимаетъ мнѣніе, высказанное графомъ Бенкендорфомъ въ его запискахъ. «Одинъ генераль,—пишетъ онъ,—далъ Дибичу совѣтъ приостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унести въ гробъ, но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову: «Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россіей. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и талантъ.

Думаютъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольной Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи, и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки,—видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы».

Но справедливо ли подобноое предположеніе? Шильдеръ приводитъ слѣдующія доказательства. Записки Бенкендорфа были прочитаны Николаемъ Павловичемъ, который собственноручно отмѣтилъ всѣ мѣста, казавшіяся ему невѣрными. Слова же Бенкендорфа о Константинѣ Павловичѣ не встрѣтили въ немъ никакого возраженія; Шильдеръ видитъ въ этомъ косвенное подтвержденіе справедливости своего мнѣнія. Другое доказательство Шильдеръ находитъ въ неизданной части записокъ «извѣстнаго» Эразма Стогова, но, очевидно, историкъ не придаетъ серьезнаго значенія этому фантастическому, по его же словамъ, разсказу со словъ очевидца ¹⁾. Но вотъ что писалъ цесаревичъ государю 14-го февраля: «Если бы всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ, а кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе, и все отложено до другого раза. Если бы князь Шаховской прибылъ на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда поляки не увидѣли бы снова Праги, но,—не понимаю,—произошло колебаніе. Впрочемъ поговорка говорить: «que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles». Въ виду такихъ рѣшительныхъ выраженій цесаревича трудно на основаніи приводимыхъ Шильдеромъ свидѣтельствъ принять его мнѣніе. Но какъ бы тамъ ни было, Шильдеръ воз-

¹⁾ Вотъ этотъ разсказъ: «Полю у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барабанѣ, пригнулся къ колѣнямъ и грызетъ ногти правой руки; замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабные адъютанты, ординарцы—всѣ разосланы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича остался я одинъ. Вижу: галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подѣхалъ и громко сказалъ: «фельдмаршалъ, поздравляю васъ съ побѣдой!»—Дибичъ будто не видитъ, не пошевельнулся и продолжалъ кусать ногти. Я думалъ, не хватилъ ли онъ черезчуръ. Великій князь громко говоритъ: «Фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ, какъ барановъ. Фельдмаршалъ, милосердія!»—Дибичъ не шевелился. Великій князь вспыхнулъ: «Фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!» Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочилъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: «Что угодно приказать вашему высочеству?»—«Прекратить рѣзню!»—Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и повелительно скамандовалъ: «Отбой на всѣхъ пунктахъ».

лагаеть на Дибича отвѣтственность за недовершеніе побѣды подъ Гроховомъ, а вслѣдствіе этого за семимѣсячную отсрочку въ покореніи царства Польскаго.

Въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ Дибичъ совсѣмъ растерялся и обнаружилъ свое ничтожество въ военномъ дѣлѣ. Неудовольствіе государя противъ него росло съ каждымъ днемъ, и въ своихъ письмахъ къ Дибичу Николай Павловичъ не скупился на упреки и обиды. «Во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ я не вижу ничего могущаго обѣщать успѣхъ, такъ какъ не усматриваю въ вашихъ собственныхъ мысляхъ ничего опредѣленнаго... Все это можетъ быть исправлено, если снова станете тѣмъ, чѣмъ вы были», и т. д. Наконецъ Дибичъ дошелъ до того, что призналъ необходимымъ для продолженія войны созывъ народнаго ополченія. Государю ничего не оставалось дѣлать, какъ вызвать изъ Тифлиса фельдмаршала графа Паскевича.

Какъ же смотрѣлъ теперь Николай Павловичъ на польскій вопросъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ замѣчательномъ документѣ, цѣликомъ изданномъ Шильдеромъ. Это—записка, собственно ручно написанная государемъ вскорѣ послѣ начала междоусобной войны. Взгляды императора Николая, выраженные здѣсь, поражаютъ своей выдающейся оригинальностью. Государь усматривалъ въ присоединеніи Польши къ Россіи рѣшительный вредъ. Россія, по мнѣнію Николая Павловича, несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего государя. Государь думалъ, что прежнія польскія провинціи, видя исключительно хорошее положеніе своихъ соотечественниковъ, именно здѣсь и находили мотивы къ отложенію отъ Россіи. «Другое еще болѣе существенное зло,—пишетъ Николай Павловичъ,—заключалось въ существованіи передъ глазами порядка вещей, согласнаго съ современными идеями, почти неосуществимаго въ королевствѣ, а слѣдовательно невозможнаго въ имперіи. Зародившіяся надежды нанесли страшный ударъ уваженію власти и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненій и смуть эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную ихъ призрачность и опасныя послѣдствія. Однимъ словомъ, это являлось разрушеніемъ того, что составляло силу имперіи, то-есть убѣжденія, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленія и самодержавномъ государѣ. То, что было ложно въ основаніи, не могло продержаться долго». Поразителенъ выводъ, къ которому приходитъ Николай Павловичъ по разсмотрѣніи вопроса, въ чемъ истинная польза Россіи. «Я не вижу тутъ дру-

гого средства, кромѣ слѣдующаго,—пишетъ государь:—объявить, что честь Россіи (по покореніи Польши) получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ королевства, но что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть страною, неблагодарность которой была столь очевидна; что истинные ея интересы требуютъ установить свою границу по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остального, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію; что, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрно своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользованіе ея законами и учрежденіями въ той мѣрѣ, которая окажется совмѣстимой съ истинными будущими интересами; что титулъ королевства Польскаго останется присвоеннымъ этой части страны, во избѣжаніе того, чтобы подобное наименованіе, данное другой какой либо части, не создало вновь государства, враждебнаго Россіи, чего она не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ».

Эти мнѣнія Николая Павловича принадлежатъ къ тѣмъ неосуществившимся, но живымъ историческимъ мнѣніямъ, которыя въ насъ, потомкахъ, неустанно будятъ вопросъ, что же было бы, если бы эти предположенія осуществились.

Паскевичъ явился по вызову въ Петербургъ, а все-таки Николай Павловичъ, осыпавшій Дибича рѣзкими упреками, былъ не въ силахъ принять рѣшительныя мѣры и отставить своего любимца; несмотря на всѣ его ошибки, онъ все еще питалъ къ нему трогательное чувство. Cholera унесла Дибича; главнокомандующимъ былъ назначенъ Паскевичъ, при которомъ война получила быструю и окончательную развязку. «Если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе»,—высказывался Николай Павловичъ еще до усмиренія мятежа. Дѣйствительно, этого недовѣрія не могли уже поколебать никакія представленія, никакіе доводы. И французскій посолъ Бургоэнъ пробовалъ убѣдить государя возстановить хотя отчасти старый порядокъ, и Парротъ, этотъ идеалистъ и недолгій другъ Александра I, писалъ Николаю Павловичу: «вся моя душа взываетъ къ вамъ: милосердіе! милосердіе! Конфисковать имѣнія мятежниковъ — это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отомстить русскую пролившуюся кровь—заблужденіе». Но идеямъ милосердія и состраданія не суждено было одержать верхъ.

Нельзя не остановиться на представленіяхъ Николая Павловича о тѣхъ вліяніяхъ, которыя могли имѣть идеи возстанія на русское войско.

Въ этомъ отношеніи интересенъ эпизодъ съ государственной уставной грамотой, надъ которой работалъ Н. Н. Новосильцовъ, и которая напечатана Шильдеромъ же въ «Исторіи Александра I». Во время возстанія поляки захватили много документовъ государственной важности и въ томъ числѣ эту грамоту. 18-го іюня

1831 года польское революціонное правительство напечатало эту грамоту въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Андрей Городискій, министр иностранныхъ дѣлъ, снабдилъ изданіе грамоты предисловіемъ, въ которомъ писалъ: «Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les polonais désirent ardemment, que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe, qu'il serait temps enfin, que la nation dont il se faut obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique... commence enfin, à goûter les fruits d'une monarchie constitutionnelle». Узнавъ о томъ, что грамота продавалась въ варшавскихъ книжныхъ магазинахъ по вступленіи русскихъ войскъ, императоръ Николай 14-го сентября 1831 года писалъ Паскевичу: «напечатаніе сей бумаги крайне неприятно; на 100 человекъ нашихъ молодыхъ офицеровъ 90 прочтутъ, не поймутъ или презрять, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ—и главное не забудутъ». Государь приказывалъ черезъ Паскевича графу Витту собрать всѣ оставшіеся экземпляры и разыскать рукопись. Оказалось, что напечатано было 2.000 экземпляровъ, но послано было въ Москву два ящика только съ 1578 экземплярами. 27 ноября 1831 года московскій комендантъ генераль-майоръ Стааль донесъ государю, что «два запечатанныхъ ящика 27 ноября со всѣми находившимися въ оныхъ 1578 экземплярами такъ называемой русской конституціи на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ сожжены».

Опасенія за направленіе русскихъ офицеровъ, выразившіяся въ этомъ эпизодѣ, очень беспокоили государя. Онъ очень боялся вреднаго вліянія польскаго общества на русскую армію, находившуюся въ Варшавѣ, и не разъ высказывался по этому поводу въ письмахъ къ Дибичу. «Заразы нравственной всего болѣе боюсь»,—написалъ онъ въ одномъ письмѣ и три раза подчеркнул послѣднія три слова. Николай Павловичъ просилъ Паскевича слѣдить за сношеніями и поведеніемъ офицеровъ, мѣнять чаще составъ варшавскаго гарнизона, остерегаться женщинъ («этотъ адскій народъ всегда ими дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольности мыслей точно въ опасномъ положеніи»). «Надо вамъ сохранить вѣрную армію,—писалъ государь Паскевичу,—въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, «желаніемъ подражанія». Но Паскевичъ сообщалъ «добрыя извѣстія о краѣ», и спокойствіе государя мало-по-малу восстанавливалось...

Этими замѣчаніями Николая Павловича о возможныхъ вліяніяхъ польскаго общества на русскихъ офицеровъ мы и закончимъ нашъ отчетъ о второмъ томѣ труда Н. К. Шильдера.

П. Е. Щеголевъ.

ЗАКАВКАЗСКІЕ СЕКТАНТЫ.

I.

Эривань.—Первыя встрѣчи съ молоканами.—Вліяніе на нихъ городской жизни.—
Экономическое положеніе сектантовъ.—Дорога къ озеру Гюгча.—Характеръ сек-
тантскихъ селеній.—Бесѣда въ Сухомъ Фонтанѣ.

ПО СЛУЖЕБНЫМЪ обстоятельствамъ, лѣтомъ этого года, мнѣ случилось объѣхать почти всю Эриванскую губернію. Обзорніе ея я началъ съ центра— съ города Эривани. Пока ѣхалъ въ душномъ вагонѣ Закавказской желѣзной дороги, все время я чувствовалъ, что погружаюсь въ глубокую азіатчину: татары, курды, армяне... голыя выжженные солнцемъ пространства... кое-гдѣ жалкія селенія и хлѣбныя поля... изрѣдка цѣпи верблюдовъ, ослы или стада козъ и овецъ... Но вотъ потянулись фруктовые сады за длинными глиняными заборами. Вдали мелькнулъ куполъ храма. Показались старыя строения. Городъ Эривань! Армянинъ-носильщикъ подхватилъ мои вещи и понесъ ихъ къ экипажу. Лихо подѣхала щегольская коляска, совсѣмъ новая, блестящая, красивая. Пара великолѣпныхъ карихъ лошадей невольно заставляли любоваться ими. Взглянулъ на извозчика,—настоящее русское лицо, здоровое, краснощекое, съ русой бородкой.

— Должно быть, молоканинъ?—спрашиваю его.

— Мы—молокане!—улыбаясь отвѣтилъ извозчикъ.

Во всю дорогу до гостиницы онъ охотно отвѣчалъ на мои вопросы о молоканахъ, о ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, объ усло-

вѣяхъ жизни въ Эривани, и не замѣтно было, чтобы онъ замалчивалъ что нибудь по какимъ либо соображеніямъ. Изъ его разсказа я вывелъ совсѣмъ другое представленіе о молоканахъ, чѣмъ имѣлъ раньше по книгамъ. Я полагалъ, что они, называя себя «духовными» христіанами, имѣютъ и видъ людей не отъ міра сего. На самомъ же дѣлѣ не замѣчалось даже той степенности или сдержанности въ словахъ, которая такъ бросается въ глаза у нашихъ старообрядцевъ. Бойкость отвѣтовъ и развязность рѣчи, съ маленькою хвастливостью своими лошадьми и вообще богатствомъ, обличали въ немъ скорѣе жизнерадостнаго человѣка, которому не чужды никакія прелести земной жизни.

Вскорѣ мнѣ пришлось въ Эривани повидать другихъ извозчиковъ-молоканъ, и всѣ они только подтверждали мое первое впечатлѣніе. Они казались немного плутоватыми, «себѣ на умѣ». Напримѣръ, несмотря на установленную таксу, эти «духовные» христіане» заламывали большія цѣны за незначительные переѣзды. «Духовнаго» въ нихъ ничего не было видно. Это можно объяснить только вліяніемъ города и обогащеніемъ въ разныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ.

Если городскіе молокане представляютъ мало интереснаго въ религіозномъ отношеніи, зато они служатъ прекраснымъ примѣромъ, какъ русскіе люди, объединенные нравственно и экономическою взаимопомощью, быстро завоевываютъ прочное положеніе среди другихъ народностей. Большею частью сектанты на окраинахъ Россіи, понимая свою изолированность, сплачиваются въ крѣпкое общество и отлично устраиваются при разнообразныхъ положеніяхъ. На Черноморскомъ побережьѣ или на Каспійскомъ, въ Сибири или за Кавказомъ, всюду сектанты остаются побѣдителями природы и прекрасно приспособляются къ мѣстнымъ политическимъ и экономическимъ условіямъ. Въ данномъ случаѣ, закавказскіе молокане могутъ служить лучшимъ примѣромъ, какая сила заключается въ единеніи сектантовъ на окраинахъ. Про воронцовскихъ молоканъ Борчалинскаго уѣзда и говорить нечего! У нихъ въ селеніяхъ вы встрѣтите культуру западныхъ народовъ: газеты и журналы, техническія приспособленія, новѣйшія полевые орудія, рѣдкіе сорта плодовъ, разныхъ системъ улья и пр., и пр. Впрочемъ, все это не ново и не одинъ разъ подчеркивалось, какъ закавказской администраціей, такъ и изслѣдователями экономической жизни сектантовъ. Гораздо интереснѣе взглянуть на религіозную сторону тѣхъ молоканъ, у которыхъ она не заглушается городской жизнью или какими нибудь коммерческими предпріятіями, какъ, напримѣръ, въ селеніяхъ на западномъ берегу Гокча, одного изъ высочайшихъ озеръ въ свѣтѣ.

Среди потухшихъ вулкановъ, на высотѣ 6.430 футовъ отъ уровня океана, образовался глубокой бассейнъ прѣсной воды, около

70 верстъ длиною. Понятно, при такой высотѣ климатъ здѣсь, несмотря на сорокаградусную параллель, напоминаетъ скорѣе среднюю Россію, чѣмъ теплыя страны Закавказья; и, если бы не возвышались кругомъ гигантскія горы по восьми-десяти тысячъ футовъ, можно было бы подумать, что находишься въ приволжской губерніи. Вотъ тутъ-то и пріютились тѣ сектанты, у которыхъ я прогостилъ около недѣли.

Когда наступаютъ нестерпимыя жары въ долинѣ Аракса, кочевое населеніе со своими стадами бросается въ горы. Переселяются изъ городовъ и нѣкоторыя административныя учрежденія въ наиболѣе прохладныя мѣстечки ближайшихъ горъ. Тогда центромъ управленія Эриванской губерніи становится хорошенькое селеніе въ горной ложбинѣ Дарачичагъ, занимаемой нашими сектантами. Вотъ въ это самое время перекочевки, какъ говорится здѣсь, изъ кишлаговъ въ зеленые зйлаги, то-есть, изъ зимнихъ въ лѣтнія пастбища на горахъ, я тоже отправился въ небольшой компаніи въ Новобаязетскій уѣздъ, къ прохладнымъ берегамъ красиваго озера Гокча.

Почтовый трактъ изъ Эривани шель чрезъ Сухой Фонтанъ и Ахты въ Еленовку, пріютившуюся у самаго озера, при истокѣ изъ него рѣки Занги. По мѣрѣ подъема въ горы, жара быстро смѣнялась на чувствительную прохладу. Не грѣла и бурка; надо было остановиться на станціи и переодѣться въ теплое платье, хотя стоялъ іюнь мѣсяць. По дорогѣ встрѣчались русскія селенія сектантовъ. Большинство—молокане, немного прыгуновъ и субботниковъ. Дома рѣзко отличаются отъ туземныхъ саклей татаръ и армянъ. У менѣе зажиточныхъ одноэтажные дома въ два окна на улицу покрыты соломой; у болѣе богатыхъ—въ два этажа, съ желѣзной или чаще всего черепичной кровлей на два ската. Заборъ изъ сложеннаго сѣраго камня. Ворота не у всѣхъ. Какъ будто не надѣются на крѣпость затвора. Но зато крупныхъ лохматыхъ собакъ всюду много. Онѣ не пропустятъ ни одного туземца, чтобы не осадить его толпою. Улицы широкія, довольно чистыя, мѣстами украшены деревьями.

Въ Сухомъ Фонтанѣ, пока перепрягали лошадей, я разспросилъ одного сѣдого старика, сидѣвшаго у своего дома на зава-линкѣ, какъ они устраивались здѣсь, и какъ имъ теперь живетъ. Сначала онъ подробно разсказалъ о ихъ борьбѣ съ бродячими курдами, о томъ, съ какой тревогой каждую ночь они ложились спать, всегда ожидая внезапнаго нападенія разбойниковъ. Частыя схватки съ магометанами не остались безъ вліянія на новое поколѣніе, вырабатывая въ немъ мужество и предпримчивость. Потомъ наступило время быстрой наживы молоканъ, когда сосредоточилась въ ихъ рукахъ перевозка грузовъ и пассажировъ въ Тифлисской и Эриванской губерніяхъ. Теперь, съ проведеніемъ здѣсь желѣз-

ныхъ дорогъ, извозный промыселъ значительно упалъ, и молокане съ сожалѣнiемъ вспоминаютъ о прекращенiи золотыхъ дней быстраго обогащенiя. Нѣкоторые и до сихъ поръ занимаютъ извозомъ, но не съ такою прибылью.

На мой вопросъ о религiи старикъ замѣтилъ только:

— Вотъ въ Еленовкѣ все увидите. Тамъ вамъ все расскажутъ!

II.

Селенiе Еленовка.—Хозяева-собственники.—Русская синагога.—Иудейское богослуженiе.—Чтенiе священной Торы.—Русско-еврейскiй молитвенникъ.—Наѣзды евреевъ-учителей.—Романъ Юнычъ.—Религiозные споры.

Подѣзжая къ Еленовкѣ, мы были встрѣчены сильнымъ дождемъ. Вся красота озера Гокча и окружающихъ его горъ скрылась подъ сѣрою пеленою. Впрочемъ, въ это время не до красивыхъ ландшафтовъ! У меня было одно желанiе—лишь бы скорѣй обогрѣться и обсушиться. На почтовой станци татаринъ-староста предоставилъ намъ на выборъ любую комнату— мужскую или женскую. Но одна другой была хуже и грязнѣе. Вскорѣ пришелъ здѣшнiй старшина и предложилъ намъ перейти въ домъ волостного правленiя, гдѣ была приготовлена комната специально для прiѣзжающихъ чиновниковъ. Владѣльцы этого дома, занимавшiе рядомъ на дворѣ небольшую избенку, прислуживали заѣзжимъ гостямъ. Была пятница, и хозяйка, высокая, сильная женщина, по имени Ревекка, проговорила, что сегодня вечеромъ будетъ молитвенное собранiе.

— Почему это сегодня, въ пятницу? Праздникъ что ли какой завтра?—спросилъ я Ревекку.

— А какъ же! Завтра суббота,—объяснила она, подвертывая руки подъ передникъ.—Вѣдь мы субботники.

— А, вотъ какъ!—съ нескрываемымъ любопытствомъ уставился я въ иудействующую хозяйку.—Я первый разъ встрѣчаю субботниковъ! Значитъ, у васъ два праздника подъ рядъ; кромѣ воскресенья, вы еще празднуете субботу?

— У насъ праздникъ только суббота. Воскресенья мы не празднуемъ.

— Развѣ вы Христа-то не признаете?

— Нѣтъ, не признаемъ,—нѣсколько сконфуженно отвѣтила русская иудейка.

— Какъ!—воскликнулъ я:—вы Христа отвергаете! Первый разъ вижу такихъ русскихъ людей... Любопытно посмотрѣть, какъ вы молитесь. Пустятъ меня въ вашу молельню?

— Отчего же, пожалуйста хоть сегодня вечеромъ, а то—завтра утромъ.

Я еще не успѣлъ разобратъся со своими дѣлами, и потому отложилъ посѣщеніе русской «синагоги» до завтра.

Хозяинъ дома считается въ селеніи хорошимъ кузнецомъ и во время полевыхъ работъ, весною и осенью, зарабатываетъ по пяти и болѣе рублей въ день, имѣя помощникомъ только одного молодого парня, тоже субботника. Я долго ихъ разспрашивалъ и убѣдился, что они настоящіе іудеи по религіи. Мало того, они постарались заимствовать отъ современныхъ евреевъ и нѣкоторыя черты ихъ домашняго обихода.

На другой день, рано утромъ, работникъ довелъ меня до «синагоги», но самъ въ нее не вошелъ.

— Я одѣтъ не по-праздничному,—смущенно замѣтилъ паренъ и убѣжалъ домой.

Субботникамъ и вообще всѣмъ здѣшнимъ сектантамъ не разрѣшаютъ имѣть постоянныхъ моленъ, поэтому они собираются по праздникамъ въ разныхъ избахъ, то у одного, то у другого хозяина.

При моемъ входѣ въ чистыя прибранныя сѣни синагоги, гдѣ стояло только ведро съ водою, ко мнѣ никто не вышелъ навстрѣчу, хотя навѣрно видѣли меня въ окно. Я остановился у косяка дверей и сталъ разсматривать комнату, раздѣленную занавѣской на двѣ части. Въ первой половинѣ довольно тѣсно стояли около двадцати пяти мужчинъ, а во второй, за занавѣской,—десятка два женщинъ. Въ простѣнкѣ между окнами былъ кивотъ, или ковчегъ, съ священою Торою, то-есть, съ пергаментнымъ свиткомъ Моисеева закона, написаннаго на древнееврейскомъ языкѣ. По стѣнамъ стояли лавки. Посрединѣ—столъ съ книгами. Всѣ молящіеся обращены были лицомъ къ Торѣ. Половина изъ нихъ покрылась бѣлыми талесами съ черными полосами по краямъ и съ двумя поперечными яркими нашивками. У всѣхъ, даже у подростковъ, въ рукахъ еврейскіе молитвенники, съ переводомъ каждой страницы на русскій языкъ. Одинъ субботникъ, изображая раввина, стоялъ по правую сторону кивота и громко читалъ по-русски молитвы. На каждую его фразу всѣ присутствующіе отвѣчали хоромъ тоже короткимъ воззваніемъ. Манера читать, всѣ приемы молящихся—чисто еврейскіе! То же бормотаніе вслухъ, тѣ же непрестанныя покачиванія всѣмъ туловищемъ, и также всѣ были въ шапкахъ и въ покрывалахъ. А взглянешь на лица,—настоящіе воронежскіе и тамбовскіе мужики, истые русаки!

Послѣ шумныхъ молитвъ раввинъ раскрылъ кивотъ и торжественно вынулъ изъ него священный свитокъ въ шелковомъ чехлѣ. При общемъ славословіи Тору раскрыли и разложили на столѣ. Вотъ тутъ-то и началось главное священнодѣйствіе надъ нею. Самъ раввинъ сталъ передъ Торою, помощникъ его съ русскою Библіей—сбоку стола. Затѣмъ молящіеся, оправивъ на себѣ та-

лесъ (у кого его не было, тотъ бралъ общій), поочередно подходили къ столу и становились рядомъ съ раввиномъ. Они громко произносили установленныя три фразы благословенія и затѣмъ благоговѣнно выслушивали чтеніе Библии. Наконецъ, какъ бы свидѣтельствуя свою духовную связь съ Моисеевымъ закономъ, они прикладывали одну изъ четырехъ кисточекъ отъ талеса¹⁾ къ еврейскимъ письменамъ раскрытой Торы и, поцѣловавъ кисточку, съ славословіемъ отходили въ сторону. Такъ сдѣлали человѣкъ семь. Убравъ священный свитокъ въ кивотъ, при общемъ шумѣ всѣхъ присутствующихъ, раввинъ опять сталъ читать молитвы нараспѣвъ.

При чтеніи пророчествъ очень часто поминали имя Иисуса. До меня долетали фразы:

«И показалъ онъ мнѣ Иисуса, великаго іерея... Иисусъ же одѣтъ былъ въ запятнанныя одежды... Снимите съ него запятнанныя одежды... Ибо вотъ тотъ камень, который я полагаю предъ Иисусомъ... и изглажу грѣхъ земли сей въ одинъ день».

Сначала я недоумѣвалъ: не отрывокъ ли это христіанскаго писанія; но, внимательно вслушавшись, сообразилъ, что читаютъ ту самую главу пророка Захаріи, которая считается яснымъ указаніемъ на искупительную жертву Иисуса Христа за всѣхъ людей. Вѣроятно, это было очередное чтеніе изъ Библии, но очень кстати подошедшее, потому что потомъ оно послужило мнѣ исходнымъ пунктомъ для собесѣдованія съ субботниками.

Меня усадили на скамейку и дали мнѣ просмотрѣть ихъ молитвенникъ. На заглавномъ листѣ я прочелъ: «Праздничныя молитвы евреевъ, впервые переведенныя на русскій языкъ гродненскимъ раввиномъ О. Я. Гурвичемъ. Часть 1. Варшава. 1871».

Оказывается, всѣ аксессуары своего культа субботники выписываютъ изъ Одессы непосредственно отъ евреевъ.

— А почему,—спрашиваю я ихъ,—не всѣ вы въ талесахъ?

— Талесъ не всякому подъ силу купить. Они дорого стоятъ: отъ пяти до пятидесяти рублей. Вѣдь матерія на нихъ чисто шерстяная!

Это еленовское собраніе мнѣ напомнило маленькія синагоги, разбросанныя по всей Россіи отъ Варшавы до Сахалина. Вѣроятно, у нихъ былъ руководителемъ ктонибудь изъ настоящихъ евреевъ.

— Умѣетъ ли кто изъ васъ читать по-еврейски? — спрашиваю ихъ.

— Нѣкоторые могутъ. Вотъ я немного могу.

Онъ раскрылъ молитвенникъ и сталъ быстро-быстро, какъ евреи, читать избранныя псалмы Давида. Но понимать—не понималъ,

¹⁾ Эти кисточки, или цицноѣ, называются «нитями видѣнія». Онѣ имѣютъ таинственное символическое значеніе.

кромѣ пяти-шести словъ изъ всего прочитаннаго. Мои догадки были вѣрны: время отъ времени къ нимъ прїѣзжали евреи, учили ихъ и установили весь этотъ порядокъ въ синагогѣ, который только-что прошелъ предъ моими глазами.

Вспоминая не одинъ разъ видѣнныя мною богатыя синагоги въ большихъ городахъ юга Россіи, я подумалъ про русскихъ субботниковъ: можетъ быть, нигдѣ среди настоящихъ евреевъ нѣтъ такой дѣтской вѣры и такого благоговѣнія во время богослуженія въ синагогѣ, какъ здѣсь у нихъ. Войдите въ городскую синагогу въ субботу,—и вы увидите развалившихся въ непринужденныхъ позахъ на скамейкахъ франговатыхъ сыновъ Израиля, съ любопытствомъ оглядывающихся во всѣ стороны. Точно зашли они въ концертный залъ и ищутъ своихъ знакомыхъ. Совсѣмъ иное на окраинѣ, за горами Кавказа. Здѣсь со страхомъ и съ благоговѣніемъ всѣ смотрятъ на Тору и съ сладкимъ замираніемъ произносятъ непрестанныя славословія:

... Благословенъ Ты, Господи, Боже нашъ, Царь вселенной...

Какъ здѣшніе субботники жаждаютъ хоть чѣмъ нибудь походить на избранный народъ! Съ какою любовію заучиваютъ еврейскія слова, и какъ дорожатъ они здѣсь всѣми правилами ихъ ритуала! Нѣтъ,—скажу словами Евангелія,—и въ Израилѣ не нашелъ я такой вѣры!

Непріятно только было слышать, когда субботники съ гордостью повторяютъ:

— Мы не сомнѣваемся. Намъ нечего разбирать Библию: все уже давно разобрано и записано нашими отцами (то-есть, древними іудейскими наставниками). Намъ только надо соблюсти ихъ уставы. Да, мы не сомнѣваемся...

Они впередъ уже обрекаютъ себя на пути Талмуда и успокоились на пути рабскаго подражанія евреямъ. Въ этихъ словахъ «мы не сомнѣваемся» уже чувствуется начинающаяся спячка мысли еленовскихъ субботниковъ.

— Вотъ и Тору мы выписали изъ Россіи,—говорили мнѣ субботники, продолжая посвящать меня въ жизнь ихъ общины.—Тора у насъ дорогая. Ее купилъ нашъ почтенный Романъ Іонычъ.

И мнѣ указали на высокаго здороваго крестьянина, одѣтаго въ новенькую поддевку изъ темносиняго сукна. Онъ считается богачемъ въ Еленовкѣ, и его хлѣба-соли не обходятъ мѣстные чиновники. Меня и моего спутника пригласили зайти къ нему, въ большую двухъэтажную избу, въ самомъ центрѣ селенія.

Романъ Іонычъ, коренной русакъ, всей душой былъ преданъ іудейству. А жена его въ своихъ религіозныхъ взглядахъ доходитъ до фанатизма. Мы попросили у Романа Іоныча разрѣшенія снять фотографіи съ его семейства. Онъ не только не противился нашему желанію, но постарался придать всей группѣ особенныя черты сво-

его культа. Самъ онъ облекся въ полосатый талесъ и сталъ въ въ шапкѣ и съ книгою въ рукахъ въ молитвенной позѣ, а все многочисленное семейство, всѣ эти Рахили, Лии и Сарры, размѣстились вокругъ него.

Когда мы спросили, почему же онъ, назвавъ своихъ дѣтей еврейскими именами, самъ носить христіанское имя, Романъ Ионычъ поспѣшилъ насъ завѣрить, что у него есть и другое еврейское имя, съ которымъ къ нему обращаются только въ синагогѣ.

За чаемъ въ горницѣ рѣчь зашла объ евангельскомъ ученіи. Хозяинъ досталъ большую иллюстрированную Библию и прочиталъ мнѣ нѣсколько мѣстъ, по которымъ будто бы надо судить о Христѣ, какъ о человѣкѣ. Жена сначала вырывала у него изъ рукъ книгу, но потомъ храбро пустилась меня опровергать, доказывая, что Христосъ не есть Сынъ Божій. Наконецъ, дошла очередь мнѣ говорить, и я указалъ имъ нѣсколько безспорно ясныхъ мѣстъ, гдѣ Христосъ прямо называлъ себя Сыномъ Божиимъ, Сыномъ Отца Небеснаго. Для Романа Ионыча это было открытіемъ, и онъ немало удивлялся. Все время въ нашу бесѣду вмѣшивалась жена его. Ее нельзя было тронуть никакимъ текстомъ, ни своротить никакой логикой. Упорно, фанатично и, конечно, мало понимая, въ чемъ дѣло, она отстаивала свое іудейство. Я подумалъ: ужъ не еврейка ли она? Мнѣ говорили, что нѣкоторые еленовскіе субботники побывали въ Юго-Западномъ краѣ и женились на еврейкахъ.

III.

Шабашъ субботниковъ. — Бесѣда съ хозяйкой дома. — Собраніе субботниковъ. — Сокрытія десять колѣнъ Израиля. — Вечеръ въ синагогѣ. — Ученіе Христа.

Суббота въ Еленовкѣ, какъ шабашъ, какъ праздникъ, напоминаетъ воскресенье въ русскихъ селахъ. Разряженные въ яркіе ситцы бабы небольшими группами сидятъ на завалинкахъ или ходятъ по улицамъ, поцелкивая сѣмечки. Мужики въ темно-синихъ поддевахъ тоже толпятся въ разныхъ углахъ селенія. Ребятишки весело гурьбою или бѣгаютъ, или играютъ въ бабки. Молодые дѣвки и парни устроили на лужайкѣ какую-то сложную игру. Талмудическое «ничегонедѣланіе» въ субботу еще не привилось среди здѣшняго населенія: это я замѣтилъ на дворѣ хозяина-кузнеца. Одѣтая по-праздничному, Ревекка еще съ утра объявила, что готовить обѣда не станетъ сегодня, потому что по ихъ закону огня нельзя разводить, а въ то же время самоваръ, полный горящихъ углей, притащила. Она угощала вчерашними кушаньями и, между прочимъ, фаршированной рыбой. Въ этомъ тоже сказалось знакомство съ евреями.

Хозяйка и сегодня съ подвернутыми руками въ передникъ стала у дверей съ видимымъ расположеніемъ поговорить со мною,

но скоро сама должна была признать, что не можетъ удовлетворить моего любопытства.

— Если хотите,—наконецъ сдалась она,—я приведу къ вамъ нашихъ мужиковъ. Они вамъ лучше все расскажутъ.

— Хорошо. А васъ я вотъ о чемъ еще хочу спросить: почему это сегодня утромъ ваши мужчины говорили въ синагогѣ: «Благословенъ Ты, Господи, что не создалъ меня женщиной»? Не обидно вамъ это слушать?

— Вѣдь книжки-то мужчины сочиняли,—вотъ они въ свою пользу и написали такъ,—сквозь смѣхъ отвѣтила субботница и пошла созывать народъ.

Черезъ часъ, дѣйствительно, приходятъ ко мнѣ человѣкъ двадцать субботниковъ и съ ними волостной старшина и писарь, тоже субботники.

Я откровенно передалъ имъ мое впечатлѣніе отъ ихъ собранія въ синагогѣ и подчеркнул, какъ глубоко меня поразило пророческое чтеніе о Христѣ Иисусѣ въ устахъ людей, отвергающихъ его божественную миссію.

— Да вѣдь это пророкъ Захарія говоритъ про іерея великаго, бывшаго въ тѣ времена,—отвѣтилъ мнѣ ближайшій старикъ.

Я уклонился отъ спора и сталъ спрашивать, давно ли они отвергаютъ Иисуса.

— Мы не помнимъ. Еще отцы, а, пожалуй, и дѣды такъ вѣрили.

Мнѣ было извѣстно, что многіе субботники перешли изъ молотканъ, а потому я замѣтилъ имъ:

— Если можно считать дѣдушекъ вашихъ іудействующими, то прадедовъ надо отнѣсти къ христіанамъ. А вамъ, конечно, извѣстно, какъ говоритъ законъ Моисеевъ относительно иноплеменныхъ. Аммонитянинъ и моавитянинъ не могутъ войти въ общество Господне вовѣки, а идумеянинъ и египтянинъ въ третьемъ поколѣніи могутъ войти въ общество Господне, такъ что, если назвать васъ по отношенію къ евреямъ египтянами, то и тогда вы входите въ ихъ народъ только въ третьемъ поколѣніи.

— Да, это намъ извѣстно!—протянулъ старикъ.—А вотъ что я васъ спрошу: куда это дѣвались десять колѣнъ израилевыхъ, уведенныхъ въ ассирійское плѣненіе?

— Вѣроятно, разсѣялись по лицу земли. У нѣкоторыхъ книжныхъ людей были догадки, что въ настоящее время десять колѣнъ израилевыхъ скрываются въ какомъ нибудь изъ европейскихъ народовъ. Иные указываютъ на русскихъ.

— Вотъ и мы такъ полагаемъ,—подхватилъ старикъ,—что Господь премудро хранитъ ихъ въ Россіи. Вы прочтите въ третьей книгѣ Ездры. Тамъ говорится, какъ десять колѣнъ скрылись въ дальней странѣ Арсареевъ. Мы такъ полагаемъ, что это писано про нашу Россію. Въ этой же главѣ говорится, что

явится невѣста, скрываемаая нынѣ землей. А кто эта невѣста? Это—мы, десять колѣнъ израилевыхъ!

Старикъ пригласилъ меня зайти къ нимъ сейчасъ въ синагогу, гдѣ будетъ вечернее собраніе. Я согласился и пошелъ съ ними въ ту же самую избу, гдѣ было и утреннее собраніе.

Усадивъ меня за большой столъ посреди синагоги, они дали мнѣ русскую Библію и просили растолковать имъ нѣкоторыя мѣста третьей книги Ездры и опять о томъ, что невѣста—общество Израилево—теперь сокрыто до времени. Эта любовь къ толкованію Библии да еще такихъ апокрифическихъ книгъ, какъ Ездры, снова выдавала ихъ происхожденіе отъ молоканъ, а потому я повернулъ нашу бесѣду на прежнюю тему.

— Какъ это,—спрашиваю ихъ,—вы, русскіе люди, такъ легко и скоро отказались отъ Христа?

— Вѣдь такъ нельзя жить на землѣ, какъ Христосъ учить,—отвѣтилъ мнѣ одинъ субботникъ.—Что онъ новаго далъ для здѣшней жизни?

Тутъ не удержался мой спутникъ, чтобы не вмѣшаться въ нашъ разговоръ:

— А развѣ это не новое: Христосъ учить насъ жить не для себя, а всецѣло—для другихъ? Любить всѣхъ людей и даже враговъ, а въ то же время отказаться отъ себя, отвергнуть себя,—это новое ученіе, о которомъ Израиль не слышалъ. Въ ветхомъ завѣтѣ была извѣстна заповѣдь о любви къ Богу, а въ новомъ—Христосъ принесъ заповѣдь о любви къ ближнему. Вотъ почему іудеямъ и тяжело жить среди другихъ народовъ, особенно среди христіанъ. Іудеи считаютъ только себя избраннымъ народомъ, они—себялюбцы; а христіане, напротивъ, должны считать всѣхъ людей безразлично своими ближними, меньшими братьями Христа.

И опять я замѣтилъ связь субботниковъ съ молоканами. У нихъ не было нетерпимости, какъ у евреевъ, ни къ имени Христа, ни къ Евангелію. Напротивъ, они позволяютъ себѣ цитировать нѣкоторыя мѣста евангельскаго ученія и сочувственно относиться къ нимъ.

Мы мирно разстались, взаимно сожалѣя, что время не позволяетъ намъ побесѣдовать подольше.

IV.

Еленовскіе молокане.—Ихъ молитвенное собраніе.—Толкованіе Библии.—Пѣніе стиховъ.—Молитвы старца-наставника.—За обѣдомъ у молоканъ.—«Духовные» христіане.—Матеріальное положеніе еленовцевъ.—Тарантасная мастерская.

Еленовскіе молокане, узнавъ, что я посѣщалъ синагогу субботниковъ и велъ съ ними бесѣду по библейскимъ вопросамъ, пригласили меня и въ свою молельню. Въ воскресенье утромъ, еще

до начала собранія, меня повели на другой конецъ улицы, упирающейся въ рѣку Зангу. Просторная чистая изба производила впечатлѣніе болѣе пріятное, чѣмъ суровая синагога съ голыми стѣнами. Здѣсь развѣшаны были, въ разстояніи аршина одно отъ другого, большія бѣлыя полотенца, съ цвѣтными вышитыми узорами и съ длинными кружевами. На небольшомъ столѣ въ главномъ углу комнаты лежали книги. По всей избѣ стояли рядами скамейки. Старикъ-наставникъ пріятливо встрѣтилъ меня и посадилъ рядомъ съ собою у стола. Каждый входящій въ избу останавливался у порога, читалъ про себя «Отче нашъ» и кланялся собранію. Всѣ въ отвѣтъ ему вставали, хотя бы и заняты были чтеніемъ Библии, и тоже кланялись. Собравшихся было человѣкъ шестьдесятъ, и половина ихъ—женщины.

Собраніе открылось толкованіемъ перваго посланія апостола Петра. Такъ какъ молокане называютъ себя «духовными христіанами», то, конечно, все вниманіе проповѣди было обращено главнымъ образомъ на духовное значеніе всѣхъ таинствъ и обрядовъ, принятыхъ вообще у христіанъ. Особенно сильно было подчеркнута обращеніе апостола къ христіанамъ: «Сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу. Вы—родъ избранный, царственное священство, народъ святой» и т. д.

Вѣроятно, ради моего присутствія, они постарались ярче выразить особенность ихъ исповѣданія, указывая именно на эту главу. «Домъ духовный», по ихъ толкованію, это—ихъ собраніе; «священство святое»—они сами, а «духовныя жертвы»—ихъ пѣнопѣнія и молитвы.

Послѣ толкованія всѣ хоромъ запѣли стихи изъ второй главы Петрова посланія. Пѣли съ подсказываніемъ стиховъ. Одинъ, какъ канонархъ въ нашихъ монастыряхъ, прочтетъ обыкновеннымъ голосомъ строчку или двѣ, а всѣ остальные поютъ ихъ тягучимъ мотивомъ съ длинными переходами. Пѣли сидя, вставали только при послѣднемъ стихѣ избранной пѣсни.

Чтеніе Библии и пѣніе чередовались до трехъ разъ. Второе толкованіе предложено на четвертую главу евангелія Іоанна, гдѣ говорится о поклоненіи Отцу въ духѣ и истинѣ—тоже одно изъ главныхъ основаній ученія «духовныхъ христіанъ». Третье толкованіе—о мирномъ царствѣ Мессіи, какъ оно описывается у пророка Исаи.

Послѣ третьяго пѣнія стиховъ изъ книги Сына Сирахова о премудрости, одна изъ женщинъ поднялась со скамьи, взяла голикъ и подмела около стола. Потомъ принесла небольшой коврикъ и разостлала его передъ старцемъ-наставникомъ. Все собраніе поднялось со скамеекъ. Наставникъ повернулся къ нимъ лицомъ и напомнилъ имъ евангельское ученіе: прежде чѣмъ приступить къ

молитвѣ, надо отъ всего сердца простить другъ друга. Сказавъ это, старикъ сталъ молиться вслухъ словами псалмовъ и разныхъ изреченій изъ Библии. Подборъ ихъ былъ произвольный. Что ему приходило на умъ и на сердце, то онъ и говорилъ. Молился наставникъ очень долго и довольно быстро, ни разу не останавливаясь ни на одну минуту. Слова его текли ровно, тихо, безъ всякихъ аффектацій и выкрикиваній, но съ замѣтнымъ одушевленіемъ. Мѣстами эта импровизація переходила въ поученіе. Такъ, при моленіи за царя, онъ напомнилъ братіи вторую главу посланія къ Тимоѳею. Закончилось собраніе тремя большими молитвами съ колѣнопреклоненіями. Опускаясь на коверъ, наставникъ все время держалъ лицо обращеннымъ къ народу.

Выходя изъ молельни, я былъ буквально осажденъ приглашеніями молоканъ на обѣдъ. Больше всѣхъ упрасивалъ меня мой сосѣдъ по скамейкѣ, высокій рыжій мужчина, который приставалъ ко мнѣ съ толкованіями на Апокалипсисъ. Чтобы не обидѣть ихъ, я рѣшилъ пойти къ старѣйшему. При входѣ въ его большой двухъ-этажный домъ, я увидѣлъ умиленную картину взаимнаго цѣлованія молоканъ. Цѣловались всѣ, и мужчины и женщины.

— Вотъ и вы безъ обрядовъ не обходитесь,—замѣтилъ я хозяину.

— Мы привѣтствуемъ другъ друга,—отвѣтилъ онъ,—святымъ цѣлованіемъ любви по апостольской заповѣди, которая много разъ повторяется въ посланіяхъ. И Евангеліе не гнушается цѣлованіемъ. Христосъ даже упрекнулъ Симона фарисея, что тотъ цѣлованія ему не даль.

Лишь только я познакомился съ хозяйкой и дѣтьми ея, какъ сейчасъ же меня усадили за столъ и подали чай съ полубѣлыми кренделями домашняго печенія. Послѣ чая подали нарѣзанную кусками форель изъ здѣшняго озера, запеченную съ яйцами, а кончили обѣдъ яичницей на сковородѣ. Рыбу ѣли прямо руками, а къ яичницѣ подали деревянные ложки.

За обѣдомъ въ разговорѣ я назвалъ ихъ молоканами, да спохватился и замѣтилъ имъ:

— Сами-то себя вы, кажется, не называете молоканами, а духовными христіанами?

— Это, дѣйствительно,—отвѣтилъ хозяинъ,—что мы называемся «духовными», или «постоянными», но не обижаемся, если насъ обзываютъ и молоканами. Мы возрождены отъ слова Божія, которое въ Петровомъ посланіи называется молокомъ. Помните, какъ написано: «Какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы отъ него возрасти вамъ во спасеніе; ибо вы вкусили, что благъ Господь».

Такимъ образомъ народное прозвище ихъ молоканами за то, что они въ постные дни ѣдятъ молоко, они истолковали въ свою пользу, ссылаясь на Библию.

— А почему же вы зовете себя еще «постоянными»? — полюбопытствовалъ я.

— Сначала всѣ мы были духовными христіанами безъ всякаго раздѣленія, а потомъ отъ насъ нѣкоторые отошли и сдѣлались прыгунами и субботниками. Они не устояли въ первоначальномъ ученіи, а вотъ мы до сихъ поръ постоянны, твердо сохранимъ завѣщанное нашими отцами в дѣдами.

— Неужели и субботники отъ васъ?

— Да, немалая часть. Вѣдь въ «духовныхъ» распутному человеку трудно быть, — вотъ онъ и переходитъ въ субботники. У нихъ легче: можно и водочку пить, и курить табакъ.

Разговоръ перешелъ на матеріальное положеніе нашихъ сектантовъ въ Эриванской губерніи. Они хвалили, какъ и встрѣтившійся старикъ въ Сухомъ Фонтанѣ, прежніе заработки до проведенія желѣзной дороги, когда извозъ, главнымъ образомъ, былъ въ ихъ рукахъ. Теперь они жалуется: рыбную ловлю на озерѣ захватили въ свои руки армяне, а для успѣшнаго хлѣбопашества — мало земли у молоканъ, хотя общая молва считаегъ ихъ еще богатыми.

Старикъ-хозяинъ повелъ меня въ свою мастерскую — высокій просторный сарай. Тамъ находились инструменты, матеріалы и верстаки, на которыхъ старикъ работалъ со своимъ сыномъ. Они вдвоемъ выдѣлывали всѣ деревянные и желѣзные части тарантаса, сами и собирали его. Эти огромныя телѣги, съ высокими ободьями для парусинной покрывки, имѣютъ видъ передвижного дома или юрты. Обыкновенно запрягаютъ въ нихъ четверку лошадей. Тарантасы моего старика, какъ я слышалъ, славятся среди молоканъ своею прочностью, и беретъ онъ за нихъ умѣренную цѣну.

Сынъ хозяина, высокій сильный мужикъ, большой любитель духовнаго чтенія. Онъ нѣсколько разъ просилъ меня растолковать то одно то другое мѣсто изъ Апокалипсиса. Я ему посоветовалъ выписать одинъ изъ духовныхъ журналовъ.

Гостепріимный хозяинъ проводилъ меня до дому, показывая по дорогѣ всѣ достопримѣчательности селенія. Разставаясь съ нимъ, я откровенно высказалъ ему, какое впечатлѣніе произвело на меня ихъ собраніе и вся обстановка его семейной жизни.

И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖЕНИХЪ НУЖЕНЬ!..

(Изъ архивныхъ дѣлъ XIX столѣтія).

БЫЧАЙ зачислять мѣста за дѣтьми-сиротами священно-церковно-служителей, сохраняющійся во многихъ епархіяхъ и до сихъ поръ, былъ особенно распространенъ въ старину. Бѣдность духовенства обращала на себя вниманіе высшаго епархіальнаго начальства, и зачисленіе мѣстъ было однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ къ предотвращенію ея. Мѣста зачислялись, главнымъ образомъ, за совершеннолѣтними дочерьми, но не рѣдко и за сыновьями, племянниками, внуками и проч. Были даже случаи зачисленія мѣстъ за дѣвочками-малолѣтками, учениками духовныхъ училищъ, семинарій—послѣдніе учились, получали извѣстную долю причтовыхъ доходовъ, но должность исполняли только во время вакацій...

Духовенство ничего, кромѣ благодарности, не могло питать къ своимъ епархіальнымъ начальникамъ за сохраненіе такого обычая, весьма неудобнаго въ практическомъ отношеніи. Такъ въ дѣйствительности почти всегда и было. Но случалось иногда, что обычай, добровольное дѣло обращалось въ требованіе, непремѣнное желаніе получить извѣстное мѣсто... Фактъ, о которомъ намъ хочется рассказать, и принадлежитъ именно къ такимъ, когда доброе дѣло обращено было въ насильственное требованіе, настолько энергичное, что начальству пришлось прибѣгать къ особымъ, чрезвычайнымъ мѣрамъ для его прекращенія.

I.

Начало исторіи ¹⁾ относится къ 1854 году, первому—управленія Пензенскою епархіею извѣстнымъ преосвященнымъ Варлаамомъ (Успенскимъ). Среди другихъ пензенскихъ архипастырей преосвященный Варлаамъ особенно выдѣляется своею любовью зачислять мѣста за сиротами. Дѣла мѣстной консисторіи, можно сказать, пестрятъ отъ множества резолюцій, касающихся зачисленія. Но архипастырь не ограничивался только бумажнымъ предоставленіемъ мѣстъ, святая самъ часто сиротъ и матеріально помогая имъ. Такимъ отношеніемъ его не замедлили воспользоваться сироты епархіи—и многіе стали уже не просить только, но и требовать себѣ жениха. Такъ было и въ разсказываемомъ случаѣ.

Въ 1854 году умираетъ священникъ села Вороновки, Городищенскаго уѣзда, о. С—ъ. Послѣ него остаются вдова и дочь. Желая воспользоваться мѣстомъ своего мужа, вдовая попадья въ іюнѣ 1855 г. обращается съ просьбою къ преосвященному Варлааму о зачисленіи мѣста за ея дочерью Евпраксіею. Въ своемъ прошеніи попадья писала ²⁾: «Имѣю я при себѣ совершеннолѣтнюю дочь, дѣвицу Евпраксію, которую по случаю вдовства своего и неимѣнію достатка не могу устроить, а какъ Вы, Преосвященнѣйшій Владыко, Отецъ и Покровитель сирыхъ, то я обращаюсь съ покорнѣйшею моею къ Вамъ просьбою, усерднѣйше прошу объ устроеніи сирой дочери моей Е—и имѣть Архипастырское Ваше попеченіе, за что по гробъ жизни моей заставите какъ меня, такъ и дочь мою за устройство ея просить Всещедраго Отца о здравіи и долгоденствіи Вашемъ...». На прошеніи этомъ 13 іюня 1855 г. преосвященный Варлаамъ писалъ: «Дѣвица вышла изъ лѣтъ, навязывать такую невѣсту я никому не могу, и если кто будетъ брать по желанію, на то будетъ его воля, и какое либо вспоможеніе отъ попечительства дастся». вмѣстѣ съ тѣмъ затребована была справка изъ консисторіи о лѣтахъ дѣвицы, по которой оказывалось, что ей уже 37 лѣтъ. «Въ выдачѣ этой,—писалъ на справкѣ архипастырь,—вышедшей изъ лѣтъ дочери за кандидата священства отказать навсегда... Если же кто изъ холостыхъ дьячковъ и ея лѣтъ возьметъ ее, за такового выдать никто не воспрещаетъ ей».

Проходитъ цѣлый годъ. Дѣло, повидимому, можно было считать оконченнымъ, но въ дѣйствительности оказалось противное: оно разгорается съ большею силою и тянется болѣе шести лѣтъ. Толчкомъ послужило прошеніе вдовы, которая писала, что находится

¹⁾ Дѣло Пензенской духовной консисторіи по 2 столу за 1855 г., № 436-й.

²⁾ Всѣ документы приводятся нами съ точнымъ соблюденіемъ орфографіи и проч. подлинниковъ.

женихъ—студентъ, и что весь приходъ (Вороновка) желаетъ имѣть ея дочь «у себя священницею». Получивъ прошеніе С—й, преосвященный Варлаамъ (31/х 1856 г.) писалъ: «За то, что... сія съ дочерію меня беспокоитъ совершенно незаконно и явно вопреки моей резолюціи отъ 13/х 1855 г.—велѣтъ општрафовать ее въ церкви чрезъ благочиннаго 100 земныхъ поклоновъ и обязать подпискою болѣе не просить меня о выдачѣ дочери ея, какъ 37-милтней, за кого либо изъ студентовъ».

Вдова Скв—а рѣшительно не пожелала исполнить архіерейскую резолюцію и къ мѣстному благочинному не явилась, а проживала спокойно въ Пензѣ. Пришлось передать дѣло благочинному пензенскихъ градскихъ церквей, протоіерею О—у, но и его требованіе объ исполненіи епитиміи и дочь и мать отвергли.

Выведенная изъ терпѣнія упорствомъ просительницъ, ежедневно посѣщавшихъ и архіерея и консисторію, послѣдняя въ февралѣ 1858 года дѣлаетъ постановленіе объ отсылкѣ ихъ въ пензенскій Троицкій женскій монастырь на одинъ мѣсяць «для наученія вѣжливости». Но и это постановленіе исполнено ими не было. Сдѣлано было второе, по которому назначено «за неявку въ монастырь» продолжать пребываніе въ немъ до 6-ти недѣль. Когда постановленіе было объявлено С—ымъ, и онѣ рѣшительно отказались исполнить, епархіальное начальство принуждено было прибѣгнуть къ содѣйствию полиціи, при помощи которой 28 мая 1858 года мать съ дочерію и были водворены въ монастырь.

Но была ли отъ этого польза? Рѣшительно никакой. «... Присланныя въ ввѣренный мнѣ монастырь,—писала 3-го іюня игуменія Надежда,—вдова священническая ... съ дочерію Е—іею для наученія вѣжливости и повиновенія начальству... не хотятъ и слышать ни о чемъ и говорятъ, что мы въ монастырѣ жить не хотимъ, а дочь кричитъ, что хотите дѣлайте, но я иду замужъ, подайте мнѣ М—о, пусть насъ преосвященный поставитъ на одну доску, я не оставлю ни жениха, ни мѣста, пусть, когда откажется М—ій, тогда преосвященный дастъ другого жениха, а въ монастырѣ жить не буду, мнѣ надобно готовиться къ замужеству, дѣлать въ монастырѣ (ничего) не хочу и Богу молиться не буду. Это насъ сюда послала консисторія, а преосвященный не знаетъ, ибо ему угодно было обѣщать мнѣ жениха», на одномъ и помѣшались, такъ что въ кельѣ и монастырѣ только и разговору—иду замужъ, хочу быть попадѣей, имѣть себѣ молитвенника, равно произносить и другія соблазнительныя слова, кто бы тутъ ни былъ. Итакъ онѣ вмѣсто наученія вѣжливости во ввѣренномъ мнѣ монастырѣ дѣлаютъ большой для всѣхъ соблазнъ, молодые надъ ними смѣются, а престарѣлыя скорбятъ и ропщутъ; въ настоящее время по случаю отдѣлки новаго храма работаютъ въ монастырѣ разнаго сорта мастеровые люди и рабочіе

тоже всё смѣются; безпрестанно приходятъ ко мнѣ въ келлію и просятъ: дай намъ къ преосвященному записку, что мы въ монастырѣ жить не хотимъ, съ повтореніемъ одного и того же слова отъ дочери: иду замужъ». Заклячая свое донесеніе, игуменія Надежда убѣдительно проситъ протоіерея Варлаама удалить мать съ дочерью изъ монастыря.

На просьбу игуменія архипастырь не согласился. Онъ писалъ: «Назначенный для эпитиміи срокъ онѣ должны выжить — хорошо или плохо проживутъ, объ этомъ донести въ то время. Между тѣмъ противъ сихъ лицъ и особенно дочери, кажется, за носъ водящей свою мать, принять и еще болѣе сильныя мѣры, и именно: 1) взять отъ нихъ подписку, чтобы онѣ перестали обременять мнимымъ своимъ мѣстомъ и женихомъ начальство, едва не каждый день или недѣлю; 2) если же онѣ и еще сдѣлаютъ ослушаніе епархіальному начальству и подписки не дадутъ, то собрать на справку всё случаи ослушанія и неповиновенія ихъ начальству и обсудить оныя по силѣ законовъ, можетъ быть, и для исключенія дочери изъ духовнаго званія, какъ потерявшей всякій стыдъ дѣвицы».

Прошло нѣсколько дней послѣ резолюціи преосвященнаго. Въ-сто того, чтобы вразумиться и съ точностію исполнить наложенную на нихъ эпитимію, мать и дочь С—ы своевольно уходятъ изъ монастыря. Какую жизнь вели онѣ по выходѣ изъ монастыря, ясно изъ рапорта преосвященному В—у благочиннаго протоіерея О—а. «Въ городѣ Пензѣ,—писалъ онъ,—давно уже проживаетъ ... вдовая попадья К. И. съ перезрѣлою дочерью своею, дѣвицею Е. С. Первая — старуха уже преклонныхъ лѣтъ, необыкновенно полная, а вторая имѣетъ отъ роду, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 40, дурна собою и, кажется, уже потеряла нѣсколько зубовъ, ни читать, ни писать не умѣетъ. И мать и дочь, проживая въ городѣ, сильно домогаются у епархіальнаго начальства жениха для послѣдней не дьячка, который бы имѣлъ лѣта, сообразныя возрасту ея, но воспитанника, кончившаго курсъ семинаріи, который бы, женившись на ней, могъ поступить на священническое мѣсто. Домогательство сіе доходитъ до такой степени безстыдства и наглости, что и дочь и мать ежедневно болѣе года ходятъ въ консисторію и дочь постоянно при входѣ и выходѣ изъ оной какъ членовъ, такъ и лицъ, служащихъ въ консисторіи, громко кричить: подайте мнѣ М—о, онъ мой женихъ, я отъ него не отстану, вызывайте его поскорѣе и обвиняйте его со мною, я непременно за него хочу выйти замужъ; за дочерью тѣ же слова повторяетъ и мать. Таковое безстыдство свое мать и дочь огласили едва ли даже не по цѣлому городу, что обѣ онѣ ходятъ по разнымъ домамъ и собираютъ милостыню на содержаніе себя и приданое, называя вездѣ Е—ю невѣстою, якобы уже съ дозволенія начальства помолвленную за означеннаго М—о. Между тѣмъ

у старухи попадьи есть сынъ причетникъ ... у коего вмѣсто бродяжничества по городу и вмѣсто посрамленія, какое онѣ наносятъ духовному званію своимъ безстыдствомъ, могли бы имѣть покойное проживаніе и заниматься сельскими работами вмѣстѣ съ сыномъ для своего содержанія»...

Такое заявленіе благочиннаго вызвало новое постановленіе консисторіи о высылкѣ ихъ въ село Вороновку, со стороны же пресвященнаго Варлаама употреблены были всѣ мѣры къ водворенію матери съ дочерью въ богадѣльню г-жи Киселевой («эти два лица,— писалъ архипастырь,—меня еще и болѣе измучили своимъ каждодневнымъ безстыдствомъ, являясь едва ли не каждый день, особенно дочь; употребить еще одну мѣру.....»). Но Ск—ы, очевидно, рѣшили твердо стоять на своемъ и не слушать никого. Такъ было и теперь. Въ богадѣльню онѣ не пошли, потому что «мы никого, говорили онѣ, объ этомъ не просили хлопотать»; не поѣхали и къ сыну. Столоначальникъ консисторіи доносилъ присутствію, что когда онѣ звали ихъ въ консисторію для объявленія имъ указа, то онѣ не пошли и рѣшительно заявили, что «онѣ никогда туда не пойдутъ и знать ничего не хотятъ ни о какихъ распоряженіяхъ».

Не желая явиться въ консисторію для выслушанія резолюціи, онѣ между тѣмъ, по свидѣтельству того же столоначальника Х—а, каждодневно являются въ консисторію, гдѣ дочь попадьи, «по наглому безстыдству своему, кричитъ: вытребуйте М—о, онъ женихъ мой, я его невѣста, мнѣ съ нимъ пора вѣнчаться, и все у меня къ браку приготовлено, я отъ него никогда не отстану». Являясь каждодневно, онѣ производятъ въ канцеляріи шумъ и крикъ такой, что нарушаютъ тишину и отвлекаютъ чиновниковъ отъ дѣла. При высылкѣ же ихъ изъ канцеляріи консисторіи чрезъ служителей онѣ оказываютъ постоянно сопротивленіе, дочь же попадьи заводитъ со сторожами драку, ругаетъ ихъ скверно матерными словами и громко повторяетъ: «вытребуйте М—о, онъ мой женихъ». Исторія эта начинается каждодневно съ 9-ти часовъ утра и оканчивается около 3-хъ пополудни.

Видя, что никакія частныя увѣщанія не имѣютъ успѣха, пресвященный Варлаамъ переноситъ дѣло на болѣе формальную почву—назначаетъ форменное слѣдствіе.

II.

На требованіе слѣдователя-священника С. Ф—ва явиться къ нему для отобранія отъ нихъ показанія С—ы говорили, что онѣ «знать не хотятъ никакихъ предписаній начальства, объясненія писать не могутъ и не хотятъ кого либо попросить написать, что если и двадцать слѣдствій произведено будетъ, онѣ никому вѣры

не дадутъ, слѣдствія производить вовсе не нужно, потому что преосвященный общаль Е—и другого жениха вмѣсто М—о, и если это дѣло не состоится, то онѣ будутъ жаловаться высшему начальству». Свидѣтельскія показанія, по донесенію священника Ф—а, были не въ пользу С—хъ и давали мѣсто возможному «предположенію въ ненормальности ихъ умственныхъ способностей, а потому 15-го іюня 1859 года консисторіею рѣшено было освидѣтельствовать просительницъ. Дочь попадья, замѣчено въ журналѣ консисторіи, постоянно ищетъ жениха, не дьячка, равнаго годами, но окончившаго курсъ семинаріи. Между тѣмъ Е—и уже болѣе 40 лѣтъ, «и слѣдовательно она невѣстою юношѣ, вышедшему изъ духовно-учебнаго заведенія, никогда быть не можетъ». Прежде, читаемъ далѣе въ журналѣ, Евпраксія искала М—о, но когда тотъ рѣшительно отказался, такъ какъ никогда не давалъ повода считать себя за жениха, то С—ы «обратили свое искательство нынѣ на окончившаго курсъ семинарскаго ученія П. В—а, не въ городѣ, но неизвѣстно гдѣ проживающаго, и усиленно съ бранью требуютъ, чтобы консисторія вызвала его, В—а, въ Пензу, потому что онъ ей (Е—и) нравится, и что будто бы у нея было когда-то съ нимъ соглашеніе на бракъ, и это послѣднее требованіе второго жениха, неизвѣстнаго консисторіи, доходитъ (даже) до безстыднаго нахальства, несвойственнаго даже развращенной нравственности женщинѣ...».

Согласно постановленію консисторіи освидѣтельствованіе состоялось въ присутствіи начальника губерніи П—а, совѣтника Р—а, и. д. товарища предсѣдателя К—а, оператора Р—а, акушера Ф—е и протоіерея В—о. При освидѣтельствovanіи умственныхъ способностей, С-й Евпраксіи были предложены и даны ею слѣдующіе вопросы и отвѣты:

1) Какъ ваше имя и отчество?	Е. С. Ск—а, дѣвица.
2) Кто былъ вашъ отецъ?	Священникъ.
3) Сколько имѣете отъ роду лѣтъ?	Болѣе 30-ти годовъ.
4) Что заставляеть васъ часто являться къ епархіальному архіерею?	Я утруждаю владыку о замѣщеніи родительскаго мѣста мною, прося себѣ жениха.
5) Зачѣмъ каждодневно являетесь въ духовную консисторію и безпокоите не только канцелярскихъ чиновниковъ оной, но и членовъ присутствія?	Насчетъ допросовъ, былъ мнѣ данъ женихъ Н. В—ъ, окончившій курсъ, но онъ не являлся.
6) За что вы находились въ Пензенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и почему самовольно ушли изъ онаго?	Все изъ жениха.

7) На чемъ вы основываете требованіе свое, будто бы окончившій курсъ семинаріи В—ъ желаетъ васъ взять въ замужество?

9) Почему вы, имѣя 40 лѣтъ отъ роду, не желаете уже выйти замужъ за дьячка?

9) Что заставляетъ васъ являться къ епархіальному архіерею и требовать себѣ жениха такъ, какъ это неприлично дѣвицѣ?

10) Почему вы уклоняетесь отъ дачи отвѣтовъ и объясненій слѣдователю по вашему дѣлу, священнику С. Ф—у?

По собственному его В—а согласію.

Потому что желаю имѣть жениха, который можетъ имѣть мѣсто священническое—отца моего.

Потому что я желаю жениха на родительское мѣсто, и за мною зачислено было.

Я съ консисторіею судиться не хочу и требую жениха¹⁾.

Въ протоколѣ освидѣтельствованія было записано—о матери, что она имѣетъ, повидимому, 60 лѣтъ, «здоровая, толстая, смѣлая и дерзкая въ разговорѣ, при чемъ никакого въ ней разстройства умственныхъ способностей не замѣтно»; нормальна и дочь, но зато, что она беспокоитъ начальство «неумѣстнымъ своимъ требованіемъ молодого жениха съ увѣренностію въ своихъ правахъ..... безъ разсужденія, кто согласится изъ молодыхъ студентовъ жениться на старой дѣвкѣ»,—отправить ее вмѣстѣ съ матерью въ село Вороновку къ брату.

Постановленіе губернскаго правленія было исполнено. Въ сопровожденіи дьячка Духосошественской церкви г. Пензы К—а и сторожа М—а онѣ были доставлены въ августѣ мѣсяцѣ въ село Вороновку. Но не долго онѣ прожили тамъ. Вскорѣ имъ снова понадобилось быть въ Пензѣ, «якобы для дачи очныхъ ставокъ съ какимъ-то женихомъ Васи—мъ, иначе если онѣ не явятся туда, то пошлютъ ихъ въ острогъ» (изъ рапорта благочиннаго свящ. Р—о). Несмотря на всѣ увѣщанія благочиннаго, мать съ дочерью явились опять въ Пензу и повели прежнюю безобразную жизнь...

Преосвященный Варлаамъ, такъ долго терпѣливо относившійся ко всѣмъ выходкамъ Ск—хъ и не принимавшій чрезвычайныхъ мѣръ, наконецъ вышелъ изъ себя. «Послѣ 4-лѣтняго вразумленія и наставленія,—писалъ онъ 17 декабря 1859 года,—вышедшихъ изъ всякаго повиновенія и подчиненія законамъ лицъ, дать имъ еще недѣлю времени для размышленія своихъ неразумныхъ дѣйствій и требованій съ тѣмъ, чтобы онѣ подали форменный отзывъ за надлежащимъ рукоприкладствомъ и засвидѣтельствованіемъ, что

¹⁾ Подобные вопросы предложены были и матери.

онѣ не будутъ болѣе обременять собою начальства и предметъ желанія своего навсегда оставляютъ. Если же и за симъ онѣ не подчинятся законамъ, тогда протокольное заключеніе консисторіи (объ исключеніи изъ духовнаго званія) привести въ исполненіе—впрочемъ по отношенію къ одной дочери. Мать, и глубокую уже старуху и какъ попадью, повинующуюся, какъ кажется, внушеніямъ дочери, оставить въ духовномъ званіи впредь до исправленія».

Послѣ объявленія 17 декабря резолюціи преосвященнаго (во время чего дочь кричала, «дайте мнѣ жениха»), рѣшеніе консисторіи, утвержденное архипастыремъ, было приведено въ исполненіе—дочь исключена изъ духовнаго званія.

Но дѣло этимъ все-таки не окончилось. Въ мартѣ 1860 года духовная консисторія доносила губернскому правленію, что Евпраксія С—а каждодневно бываетъ у архіерея съ требованіемъ жениха, а въ апрѣлѣ снова убѣдительно просила правленіе запереть ее въ домъ умалишенныхъ «для приведенія въ разсудокъ». Мать же отправить къ сыну, обязавъ строжайшею подпискою не выѣзжать никуда изъ села.

Губернское правленіе, на основаніи консисторской бумаги, вновь подвергло освидѣтельствованію умственныя способности Евпраксіи. Оказалось, что она вполне нормальна, но на всѣ внушенія «не переставала домогаться изъ одного упрямства съ нахальствомъ того молодого себѣ жениха, который будто бы сватался за нее въ октябрѣ истекшаго года, а именно нѣкогого Ор—о». Рѣшено было отправить дѣвицу къ роднымъ, живущимъ въ Пензѣ, подъ самый строгій надзоръ полиціи. Но кто же такой О—ій, котораго Евпраксія С—а стала считать своимъ женихомъ?

III.

Имя Ор—ого въ первый разъ встрѣчается на страницахъ этого курьезнаго дѣла въ 1860 году. На прошеніи, поданномъ имъ объ опредѣленіи на священническое мѣсто, послѣдовала 17 августа 1860 г. резолюція: «И. Ор—у покуда о полученіи священническаго мѣста и думать не слѣдуетъ... Не онъ ли еще есть и то лицо, за коего болѣе года вяжется дѣвка Ск—а. Если онъ, то для прекращенія безпокойства, отъ той дѣвки ежедневно бываемаго, призвать его и ту дѣвку въ присутствіе консисторіи, дать имъ очную ставку на какое-то между ними знакомство»...

При очной ставкѣ Ск—й представили двоихъ семинаристовъ и просили указать, который изъ нихъ Ор—ій. Ск—а съ азартомъ кричала, что ее обманываютъ—«призовите О—каго, допросите его и ведите ему расписаться, что онъ согласенъ меня взять».

Не много одумавшись, она обратилась къ окончившему курсъ Кр—у (товарищу О—го) съ словами: «давай подписку, иначе я велю расписать тебя и посадить подъ арестъ», но вскорѣ остановилась и, оглядѣвъ внимательно О—го и Кр—а, боялась указать на кого либо изъ нихъ и только твердила: «для чего представили мнѣ двоихъ, я должна имѣть дѣло съ тѣмъ, кто называется И. С. Ор—мъ...». Какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что никакого отношенія Ор—ій къ Ск—ій не имѣлъ и не имѣетъ.

Консисторія послѣ очной ставки Ев—и съ Ор—мъ рѣшила исключить и мать изъ духовнаго званія за то, что она не можетъ образумить свою дочь. Преосвященный Варлаамъ вполне согласился съ рѣшеніемъ консисторіи и отъ себя еще добавилъ просьбу къ начальнику губерніи—«или выслать мать и дочь изъ Пензы, какъ беспаспортныхъ, или заключить ихъ въ смиренный домъ, такъ какъ онѣ болѣе пяти лѣтъ почти ежедневно беспокоятъ и меня, иногда по 2 и по 3 раза въ день, и производятъ всѣ глупости и соблазны для другихъ просителей и посѣтителей.

8-го февраля 1861 года было произведено старшимъ врачомъ больницы, въ присутствіи Ор—о (въ надеждѣ, «не подѣйствуютъ ли на здоровье Ск—ій убѣжденія молодого человѣка Ор—о, о которомъ постоянная рѣчь Ск—ій»), послѣднее освидѣтельствованіе Евпраксіи. На вопросы врача она отвѣчала, что живетъ въ Пензѣ по хлопотамъ о женихѣ, дѣла этого не оставитъ—«что хотите, то и дѣлайте, а я хочу выйти замужъ за Ор—го, потому что дала въ этомъ клятву себѣ...». По освидѣтельствovanіи врачъ сдѣлалъ заключеніе, что она одержима «однопредметнымъ умопомѣшательствомъ», и что ее слѣдуетъ помѣстить въ богадѣльню при заведеніяхъ пензенскаго общественнаго призрѣнія.

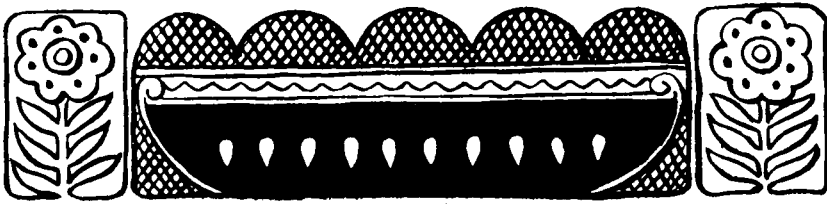
Было ли исполнено или нѣтъ предположеніе врача, опредѣленно сказать трудно. Можно только предполагать, что нѣтъ, потому что черезъ годъ (въ маѣ 1862 года) преосвященный Варлаамъ снова обращается съ просьбою къ гражданскому начальству «о содѣйствіи къ удержанію въ собственномъ значеніи или безумной или глупой... дѣвки, желающей выйти въ замужество по ея выбору и назначенію уже за третьяго жениха и имѣющей такія лѣта, въ коихъ нѣтъ для нея ни одного сверстника въ ученикахъ окончившихъ семинарскій курсъ. Эти требованія и желанія ея прямо безумны, а между тѣмъ губернское правленіе неизвѣстно на какомъ основаніи считаетъ ее еще не безумною и предоставляетъ ей какое-то свободное жительство къ обремененію меня черезъ семь лѣтъ».

Нашъ рассказъ оконченъ, но, окончилось ли самое дѣло, положительно сказать трудно. Можетъ быть, Ск—ы снова затѣяли его

при новомъ пензенскомъ архипастырѣ, преемникѣ преосвященнаго Варлаама, много доставили ему хлопотъ..., а, можетъ быть, и смирились, подчинившись своей судьбѣ, и тихо оканчивали свою жизнь, мечтая и вспоминая о бывшихъ лже-женихахъ, изъ которыхъ ни одного не было настоящаго... Страницы архивныхъ дѣлъ не даютъ намъ на это никакого отвѣта...

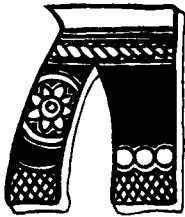
С. А. Артоболовскій.

ЗАЯЦЪ.

(Разсказъ актера).

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ 1895 года наша захудалая труппа, въ количествѣ четырнадцати человѣкъ персонажей обоего пола, во главѣ и подѣ началомъ нѣкоего провинціального актера К. П. М—скаго, скиталась по небольшимъ населеннымъ мѣстамъ Кавказа и Закавказья.

Не засиживаясь долго, а давая по одному или по два спектакля, проѣхали мы много разныхъ станицъ, торговыхъ селъ, минеральныхъ курортовъ и даже ауловъ. Случалось побывать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ до насъ актерская нога еще не ступала. Нечего и говорить, что на актеровъ въ такихъ уголкахъ мѣстные аборигены смотрѣли, какъ на нѣчто необыкновенное. Иные смотрѣли съ нескрываемымъ любопытствомъ, а иные даже со страхомъ, какъ на исчадіе ада и злыхъ духовъ тьмы... За нами то и дѣло бѣгали толпами мальчишки, когда бывало проходимъ по улицѣ какойнибудь станицы или аула.

Отсутствіе театралныхъ зданій, или помѣщеній, скольконибудь пригодныхъ для публичныхъ представленій, насъ не смущало. Мы играли вездѣ, гдѣ только находили небольшой залъ, который могъ вмѣстить нѣсколько десятковъ зрителей. Для этого нами снимались клубы, курзалы, школы, общественныя избы, казармы, манежи, а то такъ прямо сараи и навѣсы. Для постановки и оборудованія сцены требовалось всего нѣсколько часовъ. Живо укрѣпляли изъ досокъ помостъ, на которомъ и воздвигали сцену со всѣми атрибутами. Декорации мы имѣли съ собой. Декорации были самаго при-

митивнаго устройства и состояли изъ нѣсколькихъ боковыхъ кулисъ и двухъ полотняныхъ занавѣсей: передней, которая подымалась и опускалась во время дѣйствія, и задней, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ лѣсъ, а на оборотѣ—внутренній видъ комнаты, то же самое изображали и боковыя кулисы. Лѣсъ представлялъ, такъ сказать, все наружное, замѣняя собой и садъ, и паркъ, и горы, и море, а комната—все внутреннее, т.-е. и хоромы королей, палаццо графовъ и простую деревенскую избу.

Талантовъ у насъ не было. Труппа состояла изъ заурядныхъ, второстепенныхъ и выходныхъ актеровъ, но смѣлости и нахальства у каждаго было много. Каждый брался за какую угодно роль, даже самаго труднаго классическаго репертуара, и если проваливалъ, то проваломъ не смущался, а съ чувствомъ собственного достоинства заносилъ ее въ списокъ репертуара игранныхъ ролей и будущему антрепренеру, при предложеніи услугъ, ставилъ на видъ, что мною, дескать, играны и такія-то роли.

Репертуаръ вели самый «убійственный» и «кровожадный». Ставили все, что попадалось подъ руку, начиная отъ наивныхъ малорусскихъ оперетокъ и кончая «Парижскими нищими» и «Убійствомъ Коверлей». Пьесы обставлялись небрежно, какъ попало, купюры каждый дѣлалъ произвольно, и играли кто во что гораздъ. Одинъ и тотъ же актеръ нерѣдко изображалъ по двѣ и по три роли въ каждой пьесѣ, при этомъ не старался разнообразить изображаемыхъ лицъ гримировкой или костюмомъ, а игралъ съ своимъ собственнымъ лицомъ, такъ что получался какой-то невообразимый сумбуръ и путаница: кто онъ и что изображаетъ, публикѣ разобрать было трудно.

Никакого амплуа не признавали. Сегодня, напримѣръ, актеръ изображалъ сильно-драматическаго героя, а завтра тотъ же актеръ кривлялся и, въ угоду райка шаржировалъ и пересаливалъ до неприличія, въ роли дурачка «Стецька» въ малороссійской опереткѣ. «Марію Кочубей» въ пьесѣ «Маэпа» изображала пятидесятилѣтняя старуха, а старухъ играла совсѣмъ юная дѣвица, увлеченная однимъ актеромъ и бѣжавшая изъ родительскаго дома гимназистка. Все поэтому выходило карикатурно и мервко.

Само собою разумѣется, что дѣла нашего товарищества повсемѣстно были отвратительны, и мы, какъ говорится, жили впроголодь, перебываясь съ хлѣба на квасъ и влача самое жалкое существованіе. Давно бы слѣдовало развѣхаться и бросить это несимпатичное предпріятіе, но ни у кого не было денегъ на дорогу, а чтобы выбраться изъ «погибельнаго Кавказа» назадъ въ Россію, требовалась сумма немалая. Гдѣ ужъ намъ было помышлять о нѣсколькихъ десяткахъ рублей, необходимыхъ на дорогу, когда часто приходилось нуждаться въ двугривенномъ на дневное пропитаніе? Платье наше поистрепалось, сапоги «просили каши», и участники

нашего товарищества на паяхъ скорѣ походили на героевъ Максима Горькаго, нежели на честныхъ служителей храма Мельпомены.

Какъ-то еще въ самомъ началѣ сезона, вскорѣ послѣ Пасхи, когда мы, по избранному нашимъ распорядителемъ маршруту, пробирались на Кавказъ, гдѣ, по его увѣренію, насъ ожидали всѣ блага земныя, и по дорогѣ давали спектакли въ попутныхъ станцияхъ Кубанской области, не помню въ какомъ-то городкѣ или съ вокзала желѣзной дороги примкнулъ къ нашему товариществу молодой юноша, нѣкій Гриша О—скій. Юноша сей—неудачникъ въ жизни, изгнанный изъ какого-то технического или желѣзнодорожнаго училища, надо полагать, за громкое поведеніе и тихіе успѣхи, служилъ чѣмъ-то въ родѣ смазчика или кочегара на желѣзной дорогѣ. Симпатичный блондинъ, добродушный, но глуповатый отъ природы, онъ производилъ довольно выгодное впечатлѣніе. Единственный сынъ чиновника и дворянинъ по происхожденію, онъ отца не имѣлъ, а его мать, вдова, жила въ Харьковѣ на скудную пенсію, заслуженную отцомъ.

Гриша, увлеченный театральнымъ искусствомъ, къ которому, какъ онъ рассказывалъ, еще съ малыхъ лѣтъ чувствовалъ непреодолимую страсть, предложилъ нашему распорядителю услуги въ качествѣ начинающаго актера. Тотъ его принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что Гриша, по простотѣ своей и довѣрчивости къ людямъ, а актеры казались ему даже сверхчеловѣками, сдѣлалъ взносъ «на дѣло» и отдалъ М—скому всѣ свои сбереженія, что-то около пятидесяти рублей. Поэтому онъ былъ немедленно зачисленъ въ составъ товарищества съ окладомъ въ десять марокъ и поставленъ на афишѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Мальчика это на первыхъ порахъ несказанно радовало. Онъ первую афишу, очертивъ краснымъ карандашемъ то мѣсто, гдѣ значилось, что въ пьесѣ «Разбойники» Шварца-разбойника исполнить г. О—скій, послалъ мамашѣ. Когда же получилъ въ отвѣтъ письмо отъ нея, то на наши расспросы, обрадовалась ли этому мама, онъ отвѣчалъ какъ-то уклончиво.

Обязанностей на него, какъ на новичка, сразу навалили массу. Онъ долженъ былъ доставать реквизитъ, т.е. всѣ тѣ предметы, которые понадобятся въ спектаклѣ, и которыхъ въ театральномъ гардеробѣ не имѣлось, какъ-то: подушки, фраки, сюртуки, мундиры, кровати, канделябры, мебель, сервировку и проч. Гриша, бывало, цѣлый день рыщетъ по городу, выпрашивая все необходимое у обывателей. Эта театральная обязанность очень трудная и сопряжена съ рискомъ получить на каждомъ шагѣ непріятность. Согласитесь, не всякій довѣритъ свою вещь совсѣмъ незнакомымъ пріѣзжимъ людямъ, да еще актерамъ. Надо выманивать, выпрашивать, давать бесплатныя контрамарки, надо умѣть внушить къ себѣ довѣріе... Тотъ пошлетъ тебя къ чорту, тотъ обругаетъ и выгонитъ,

а то еще и хуже бываетъ, какъ это и случилось съ нашимъ юнымъ товарищемъ въ одномъ городкѣ.

Въ пьесѣ «Каширская старина» для «подъячаго» понадобился поповскій подрясникъ. Гриша, сообразуясь съ фигурой исполнителя, а его долженъ былъ играть самъ М—скій, рѣшилъ отправиться къ отцу соборному діакону, такъ какъ онъ одинъ подходилъ своимъ громаднымъ ростомъ и тѣлосложеніемъ къ фигурѣ М—скаго, и подрясникъ отца діакона могъ быть впору ему.

— Вхожу въ квартиру отца діакона, — рассказывалъ потомъ Гриша, — вижу, сидитъ самъ отецъ за столомъ въ дезабилье и пьетъ водку... Фигура громадная, волосы вкочлены, глаза налиты кровью, ну, звѣрь-звѣремъ...

— Что угодно, сынъ мой?—довольно ласково спрашиваетъ меня. Я робко объясняю ему причину моего прихода.

Діаконъ выслушалъ, поморщился, покачалъ головой, вышилъ водки, крикнулъ...

— Однако ты предерзокъ, юнецъ нечестивый... Ты хочешь, чтобы я свое духовное одѣяніе далъ тебѣ для бѣсовскаго представленія?

— Будьте покойны, я сейчасъ же возвращу въ цѣлости и невредимости...

— Мерзавецъ!!

Зарычалъ тутъ отецъ своимъ громаднымъ басомъ... Схватилъ это онъ меня за вихры и давай тузить... Такихъ затрецинь надавалъ, что я еле ноги уволокъ...

И инцидентовъ въ этомъ родѣ случалось съ Гришей масса.

Гриша долженъ былъ вставать чуть-свѣтъ и расклеивать по улицамъ и разносить по магазинамъ и домамъ афиши и анонсы, за чтѣ получалъ только тридцать копеекъ на клей. Кромѣ того, таскалъ узлы актеровъ съ костюмами съ квартиръ въ театръ и обратно, бѣгалъ въ типографію съ заказами новыхъ афишъ и программъ; его посылали актеры за водкой во время пооекъ и проч., словомъ безотвѣтный юноша исполнялъ всевозможныя порученія, ничего общаго съ театральнымъ искусствомъ не имѣющія.

Издѣдка, впрочемъ, давали ему въ пьесахъ незначительныя роли, которыя онъ старался исполнять съ выдающимся рвеніемъ, но у него какъ-то не выходило. Онъ не могъ попасть въ настоящій тонъ. Иногда произнесетъ фразу то черезчуръ скоро, то черезчуръ медленно, то скажетъ въ такомъ невозможномъ тонѣ, что его никто не услышитъ. Вообще Гриша подавалъ мало надеждъ къ тому, чтобы когда нибудь изъ него вышелъ хорошій актеръ.

Актеры вообще любятъ издѣваться надъ меньшей братіей и за неисправность часто награждали Гришу зуботычинами или власотрепаніемъ. Распорядитель въ свою очередь штрафовалъ его еже-

дневно за малѣйшую провинность, и вскорѣ весь капиталъ Гриши, вложенный «на дѣло», ушелъ въ штрафы.

Гриша переносилъ все безпрекословно, такъ какъ его увѣрили, что всѣ великіе актеры начинали именно такъ свою карьеру.

Труппа наша, скитаясь по Кавказу и передвигаясь съ мѣста на мѣсто, то по образу пѣшаго хожденія, то въ фургонгахъ и арбахъ, то по желѣзнымъ путямъ, попала и въ Абасъ-Туманъ, гдѣ пришлось играть въ мѣстномъ курзалѣ.

Въ то время проживалъ здѣсь покойный наслѣдникъ цесаревича Георгій Александровичъ. Мы даже удостоились его высокаго посѣщенія въ одномъ изъ нашихъ спектаклей. Несмотря на то, что мы въ этотъ вечеръ изъ кожи лѣзли и старались показать свои таланты во всемъ блескѣ, но высокому гостю, надо полагать, наша игра не особенно понравилась, ибо на послѣдующихъ спектакляхъ мы уже высокой чести присутствія его высочества не удостоились.

Дѣла по обыкновенію и въ Абасъ-Туманѣ были неважны, и мы изо дня въ день ждали полнаго краха и распаденія труппы. Существовать при такомъ положеніи дѣлъ было невозможно. Съ квартиръ за неплатежъ денегъ насъ безцеремонно гнали, такъ что многіе жили въ уборныхъ при театрѣ, а то прямо таки подъ открытымъ небомъ, такъ сказать, на лонѣ природы, которая здѣсь, въ этомъ чудномъ уголкѣ Кавказа, особенно щедро расточила свои дары.

Какъ величественно и прекрасно здѣсь все окружающее!... Какая дивная картина горъ и скалъ, какія долины и роскошные сады съ чопорными дачами, какъ поэтически раскинуты по взгорью сакли ближнихъ ауловъ... А эти журчащія ручьи, а эта безпредѣльная синева неба, а эта величавая даль съ подернутыми легкимъ туманомъ, причудливыми очертаніями цѣпи горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами... Глядишь и не налюбишься!... Забываешь бывало и горе житейское и невзгоды своей жизни скитальческой, горемычной.

Общество, пріѣзжающее сюда провести лѣто, — блестящее, аристократическое... Тамъ пронесется изящное ландо подъ зонтикомъ съ разодѣтыми въ шелки дамами и кавалерами, тамъ промчится кавалькада всадниковъ и амазонокъ верхомъ на лошадяхъ въ окрестную экскурсію. Всѣ веселы, довольны, слышится смѣхъ, остроты, шутки. Не жизнь, а какой-то вѣчный праздникъ!..

При видѣ этихъ сытыхъ, праздныхъ и довольныхъ жизнью людей задумаешься, и становится тебѣ грустно, грустно... Какая громадная разница!... Одному дано очень много лишняго, и онъ придумываетъ всевозможныя удовольствія къ прожиганію жизни, а у тебя ничего, въ карманѣ ломанаго гроша нѣтъ, и по брюху девятый валъ похаживаетъ, требуя кормленія... Скверно голодать въ такихъ мѣстахъ!..

Въ одно прекрасное утро бѣдный Гриша съ унылымъ видомъ и пустымъ желудкомъ бѣгалъ по городу и усердно расклеивалъ афиши, стараясь по возможности меньше израсходовать клея, такъ какъ изъ тридцати копеекъ, получаемыхъ имъ на муку, онъ выгадывалъ себѣ и на дневное пропитаніе. Афиша на сегодняшний спектакль, какъ на зло, по случаю бенефиса самого распорядителя М—скаго, была громадныхъ размѣровъ, въ цѣлую простыню. Онъ уже расклеилъ по всѣмъ улицамъ, оставалось нѣсколько штукъ доклеить по бульвару. Гриша перебѣжалъ улицу и подошелъ къ бульварной витринѣ. Остановился, засунувши пачку съ афишами между колѣнъ, и началъ мочальной кистью смазывать мѣсто для наклейки.

По бульвару въ это время проходили два молодыхъ офицера въ бѣлыхъ кителяхъ съ хлыстами въ рукахъ.

Поровнявшись съ витриной и замѣтивъ Гришу, прижимавшаго ладонью къ столбу свѣжую цвѣтную бумагу съ рѣзко выдѣлявшимися огромными буквами заглавія пьесы, офицеры приостановились.

— «Тарасъ Бульба», историческое представленіе въ 4 картинахъ извѣстнаго писателя Гоголя...

Прочиталъ одинъ изъ нихъ.

— Это у васъ сегодня будутъ играть?—спросилъ Гришу другой.

— Да, сегодня...—отвѣтилъ, не глядя на нихъ, Гриша, разглаживая края листа мокрой бумаги.

— А вы сами тоже принадлежите къ составу труппы? Я, кажется, видѣлъ васъ на сценѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ?—продолжалъ другой офицеръ спрашивать Гришу.

— Да, я и на сценѣ играю, вторыя роли...

Гриша взялъ свертокъ съ афишами подъ мышку и, вытирая рукавомъ потъ, обильно выступившій на лбу, приостановился, оглядывая офицеровъ.

— Скажите, вамъ, вѣроятно, плохо живется, вы такъ бѣдно одѣты?

— Да, живется, нельзя сказать, чтобы хорошо...—грустно улыбнулся Гриша.

— Большое вы получаете жалованье?

— У насъ товарищество, мы на маркахъ...

— Что это значитъ «на маркахъ»?

— Дѣлимъ, если есть барыши на марки, кому сколько определено...

Разспрашивающій офицеръ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на товарища.

— Это, вѣроятно, пая...—пояснилъ тотъ.

— А-а, понимаю... И много приходится получать вамъ?

— Въ прошломъ мѣсяцѣ я получилъ на свою долю всего семь рублей тринадцать копеекъ.

— Только-то?... Мало... Какъ же вы живете на такія скудныя средства?

— Такъ и живу, куплю фунтъ хлѣба, луку, а иногда четверть фунта чайной колбасы или селедку и пообѣдалъ... Сплю подъ сценой или въ уборной, чтобы не нанимать квартиры; здѣсь квартиры дороги, и не пускаютъ актеровъ.

— Вы такъ еще молоды... Что же васъ заставило поступить на сцену? Неужели вамъ пріятна такая жизнь?

— А что же дѣлать?

— Поступите на какое нибудь другое мѣсто, болѣе обезпеченное... Вы учились гдѣ нибудь?

— Учился... меня выгнали изъ технического училища...

— Ха-ха-ха!... Просто и наивно...—разсмѣялся другой офицеръ.

— У васъ есть родные?

— У меня одна мать-старуха, въ Харьковѣ, папа умеръ уже давно.

— А ваше происхожденіе?

— Я дворянинъ. Отецъ мой служилъ чиновникомъ въ казенной палатѣ, мать получаетъ пенсію.

— Чѣмъ такъ скитаться и бѣдствовать, вы бы уѣхали къ своей матушкѣ и нашли другое дѣло.

— Я-то не прочь уѣхать, по правдѣ сказать, все это страшно надоѣло, ролей не даютъ, да и таланта, кажется, у меня нѣтъ, маленькія роли и тѣ проваливаю... Да гдѣ взять денегъ на дорогу?.. Мать выслать не можетъ,—бѣдная, живетъ на двѣнадцать рублей въ мѣсяць пенсіи...

Гриша проговорилъ это со слезами въ голосъ...

— А сколько вамъ надо на дорогу?

— Надо много...

— Сколько же?

— Смотря, какъ ѣхать... Если ѣхать, купить билетъ, то обойдется вся дорога съ харчами, пожалуй, въ рублей двадцать пять, а зайцемъ можно проѣхать и за десять цѣлковыхъ.

— Какъ это «зайцемъ»?—разсмѣялись оба офицера.

— Такъ,—зайцемъ... Двѣ, три станціи проѣдешь, спрятавшись подъ скамейкой въ вагонѣ, пока кондукторъ не замѣтитъ и не высадитъ: иной высадитъ, да и только, а другой по шеѣ наладетъ по первое число, да еще протоколъ составитъ... Тамъ съ кондукторомъ войдешь въ соглашеніе, и онъ провезетъ тебя нѣсколько станцій за копеекъ двадцать, тридцать безъ билета. Нѣсколько станцій пройдешь нѣшкомъ по шпаламъ, а то опять влѣзешь въ вагонъ незамѣтно... Вотъ такъ и доберешься съ грѣхомъ пополамъ...

Оба офицера, слушая простодушный разсказъ Гриши, хохотали отъ души.

— Это и называется «ѣхать зайцемъ»? — любопытствовалъ офицеръ.

— Да...—улыбнулся и Гриша.
 — И вамъ приходилось такъ ѣхать?
 — Сколько разъ...
 — Передвиженіе, нельзя сказать, чтобы удобное... Такъ ѣхать, конечно, не надо... А вава фамилія?
 — О—скій...
 — Прощайте, О—скій!.. Мой совѣтъ вамъ—никогда не ѣздите зайцемъ...

Оба офицера, громко хохоча и переговариваясь другъ съ другомъ о только что услышанномъ отъ Гриши, удалились по аллеѣ бульвара.

Гриша поглядѣлъ вслѣдъ уходившимъ, взявъ ведро съ клеємъ и побѣжалъ въ противоположную сторону доклеивать афиши.

Вечеромъ того же дня, передъ началомъ спектакля, мы всѣ были удивлены приходомъ за кулисы личнаго адъютанта его высочества...

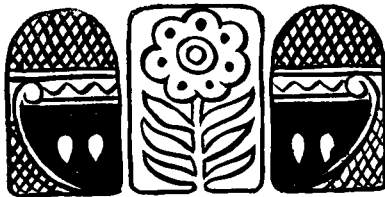
Еще болѣе насъ удивило, когда тотъ позвалъ къ себѣ О—скаго...

— Его высочество прислалъ вамъ вотъ это на дорогу, чтобы вы не «ѣздили зайцемъ»...—сказалъ, смѣясь, адъютантъ, подавая Гришѣ запечатанный конвертъ.

Гриша широко открылъ глаза, принимая конвертъ и узнавъ въ офицерѣ одного изъ утреннихъ собесѣдниковъ на бульварѣ. Онъ до того, бѣдняга, растерялся, что не отвѣтилъ ни слова и даже не поблагодарилъ.

Другой офицеръ, такъ заинтересовавшійся рассказомъ Гриши, былъ его высочество въ Бозѣ почившій наслѣдникъ цесаревичъ Георгій Александровичъ...

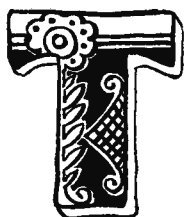
К. И. Ванченко.

САХАРНЫЯ ПОЛЯ.

Бытовой этюдъ.

ТУЧНЫЯ ПОЛЯ раскинулись до самаго горизонта, окаймленнаго кое-гдѣ зелеными щетинками молодыхъ лѣсковъ. А за тѣми лѣсками спрятались хутора: «Сѣрый», «Дуванка», «Лемицино»...

Тамъ и сямъ въ синѣющей дали, точно маяки какіе, бѣлѣютъ и краснѣютъ трубы заводовъ.

Все заводы и заводы свеклосахарные! Посѣвы— все свекловица да свекловица...

Лишь изрѣдка огромныя заводскія имѣнія съ конторами, шоссе сированными дорогами и телефонами перемежаются съ простыми земледѣльческими экономіями да узкими, со всѣхъ сторонъ прижатými, крестьянскими полосками: изрѣдка лишь мѣстами жирная темная ботва свекловицы чередуется съ свѣтлыми полосками пшеницы и ржи.

Всякій злакъ тутъ ежится и тѣснится, уступая честь и мѣсто фавориту и господину края — вздутóму бѣлому «бураку», наполненному драгоценнымъ сахарнымъ сокомъ.

Скромные, старозавѣтные «хлѣборобы», мужики, или господа средней руки, хмурясь, невольнó разступаются, пропуская впередъ самоувѣреннаго и властнаго богатыря и царька мѣстности—сахаро-заводчика, нѣмца, бельгійца, русскаго... Широко и привольно усѣ-

лись они здѣсь и тянутъ соки земли — миллиардами корней своихъ свекольныхъ насаждений...

Огромны ихъ заводскія печи-пасти, дожигающія лѣса края и, на смѣну имъ, уже принявшіяся за уголь донецкихъ копей!.. Страшной силы ихъ паровыя прессы, въ теченіе «компаніи», съ сентября по декабрь, выжимающіе цѣлыя рѣки сладкаго сахаристаго соку!..

Много-много нужно для нихъ свекловицы! Только вези, только подавай!

— Три тысячи пятьсотъ берковцевъ въ день—шутка ли, перерабатываетъ средній изъ этихъ заводовъ! — съ гордостью сообщитъ вамъ заводскій человѣкъ. — Да вѣдь это, милостивый государь, если высчитать, то цѣлыхъ два поѣзда получится, по тридцати вагоновъ въ каждомъ! Вотъ вы и говорите!.. Бездну свеклы сажаетъ сами — и все же намъ съ своихъ плантацій не хватаетъ. Со всѣхъ сторонъ везутъ ее намъ поставщики и экономіи, и простые мужики-хохлики...

Правда. Свекла всѣмъ вскружила головы. Вся округа послѣдніе годы занялась ея посѣвомъ. Соблазнительно!

Какая рожь, какая пшеница, «ифка» и «кустарка», можетъ дать то, что въ состояніи дать при урожаѣ «сахарный буракъ»?

Порядкомъ истощаетъ землю?.. Много возни и хлопотъ съ ними?.. Да, конечно: пѣлка, прорываніе, «обгортаніе»... Но вотъ ужъ, кажется, сдѣлалъ все человѣкъ, и денегъ и труда убилъ много — и вдругъ, смотри, дождливое лѣто, свекла уродилась водянистою, съ малымъ процентомъ сахару — и человѣку убытки, разочарованіе. А тамъ, гляди, червь, а тамъ еще чтò...

— Вонъ у Покозія нашего, — рассказываютъ дуванковцы: — у того прямо оказія вышла: бураки съ человѣческую голову уродились! Носится онъ съ ними, дивуется, любитъся, — ни у кого такихъ нѣту!.. Насилу дождался времени. Убралъ — и повезъ на заводъ, на приѣмку. И опять, смотритъ — какъ есть ни у кого такой... Хм! Чтò же вышло? Приѣмщики возьми да всю свеклу и забракуй!.. Вотъ поражение человѣку!.. Одна въ ней вода!.. Испробовали — вода. Онъ, видите, «переборщилъ» немного — ужъ черезчуръ жирно унавозилъ землю: думалъ, чтò больше-то лучше. Да и лѣто выдалось дождливое. И уродилась съ голову, да только вода одна... Что жъ, привезъ обратно домой и отдалъ ту свеклу свиньямъ. Такъ свиньи у него всѣ труды и барыши и слопали. Попробовала было его «жинка» борщъ себѣ съ нея сварить — Богъ знаетъ, что вышло! Противное, приторное и пѣнится, какъ вотъ конина... Нѣтъ, никуда она не годна — только для сахару...

Вотъ какія бываютъ незадачи съ этой свеклой у людей неопытныхъ.

— Да и заводскіе приѣмщики, ой-ой, доки бываютъ большіе, обижаютъ мужиковъ-свеклоубовъ, — жалуется хуторянинъ. — Берко-

вещь онъ тебѣ не въ десять, а почему-то въ одиннадцать пудовъ считаетъ. Опять же цѣна: съ утра въ конторѣ одну цѣну назначить—ты и повезь, а къ вечеру, когда люди много понавезли,—гляди, цѣну и спустили. Хочешь—вези назадъ. А легко ли? День-то одинъ и такъ ужъ потерялъ. Ну, отдаешь за что ни отдать.

Жалуются, ругаются. А между тѣмъ придетъ новая весна.

— Такъ нѣтъ же! Хотя полоску бураковъ, но посажу и я!—упорствуетъ каждый...

Заводы... Внесли они немало перемѣнъ въ жизнь хуторянъ и слобожанъ!.. Гордятся заводскіе люди:

— Мы даемъ имъ жить!

Далѣе маленькій хуторянской подпасокъ-свинарь ко времени полки или сбора свеклы становится капризанъ, требовательнъ и не такъ ужъ рачителенъ къ своему дѣлу. Онъ помышляетъ, нельзя ли и ему, бросивъ стадо, убѣжать «на бураки», потому что тамъ берутъ и дѣтей.

Берутъ всѣхъ. Въ горячее время «обгортанія», или уборки, посыльный-верховой изъ завода, съ мѣдной трубой въ рукѣ, медленно, какъ герольдъ, развѣзжаетъ по слободамъ, по хуторамъ и трубить. А потомъ перестанетъ трубить, сдѣлаетъ изъ своихъ ладоней родъ рупора—и ну кричать, сзывать:

— На бураки, на бураки!.. Хлопцы, дивчата, на бураки!

И выбѣгаютъ со дворовъ, давно уже его поджидавшія дѣвки, окружаютъ его и на перебой освѣдомляются:

— Куда? Куда зовете?

— Въ Головчанскую экономію! бураки «прорѣжутъ».

— А почему цѣна?

— Сорокъ!

— Э, нѣтъ. Здолчевскій проѣзжалъ—сорокъ пять давалъ. Только то—далеко.

— Ну, ладно! Приходите!

И бросаютъ дѣвки печеное и вареное, торопливо снаряжаются, группируются въ партіи и съ пѣснями покидаютъ свой хуторъ.

Одна дѣвичья ватага пристаетъ къ другой. Вотъ Дуванковскія пошли. Кричатъ:

— Эй, вы, «Сѣрые хутора», стойте! пойдѣте вмѣстѣ!..

И вся эта шумная, оживленная армія атакуетъ заводскую контору.

Бываетъ такъ: нахлынетъ гораздо больше, чѣмъ сколько нужно. Выйдетъ приказчикъ—глянь: цѣлое колышущееся море головъ. Ну, тутъ najити можно! Врагъ онъ себѣ развѣ?.. И громогласно объявляетъ:

— Дѣвки, цѣна въ день тридцать пять!

— Вотъ такъ лихо! А звали по сорокъ пять!

— Обманули!—слышится въ рядахъ.

Но рѣдкая, рѣдкая, разъ выйдя изъ дому, возвращается обратно. Дѣвки уже пораззадорили себя. Да и словно бы стыдно ни съ чѣмъ возвращаться. Опять же хоть и тридцать пять, развѣ въ простой экономіи теперь дадутъ столько? Теперь еще не «жнивá».

Простыя, немудрящія экономіи, что, по старинѣ, сѣютъ только жито да пшеницу, вообще хлѣбъ всякій, ропщутъ и шлютъ «этимъ заводамъ» тысячу пожеланій, одно другого лучше. Всѣ точно взбѣсились,—всѣ на бураки! Въ горячую пору—пшеница «сыплется»—не достанешь рабочихъ рукъ.

— Сманиваютъ цѣной! Развѣ мы можемъ всегда платить столько, сколько они? Наши барыши и ихніе!.. Мы концы съ концами еле сводимъ, а «сахарники», ужъ всѣмъ извѣстно, какой дивидендъ себѣ въ карманъ кладутъ.

И вспоминаютъ то время, когда этихъ самыхъ сахарныхъ заводовъ было еще мало въ краѣ, и не баловались и не портились люди.

— Помилуйте!—говорятъ,—тамъ у нихъ веселье, тамъ музыка! Да, нѣкоторые заводы завели у себя музыку. А хохлушки, ужъ извѣстно, любятъ музыку. Знали чѣмъ!.. Рано, рано утромъ, чуть свѣтъ, трамъ-трамъ-трамъ! хохлёнокъ и два еврейчика, заводскія флейта, скрипка и виолончель, уже нажариваютъ что-то подымающее. Это будетъ лучше звонка и свистка. Это даже подѣйствительнѣе кнута, которымъ во время оно пригончіе поднимали на работу лѣнливыхъ крѣпостныхъ... Хитрые нѣмцы (а иногда и не нѣмцы), придумали—не прогадали!

Какаянибудь Мотря сколько времени еще, проснувшись, ворочалась бы съ боку на бокъ, протираала глаза, а драгоценныя рабочія минуты уходятъ и уходятъ... А тутъ она, слыша музыку, «какъ печеная», вскочить; одну ногу обула, другая еще такъ, и скачетъ въ тактъ, танцуетъ. Сонъ въ мигъ соскочилъ!.. Того и нужно хитрецамъ!.. Сдѣлала свое дѣло музыка, подняла всѣхъ работницъ на ноги. Маршъ теперь на работу! А вечеромъ — опять, пожалуй, музыка, и это ужъ безъ хитрости, а такъ, для удовольствія. И хоть измученная, усталая хохлушка, а пляшетъ, до тѣхъ поръ пляшетъ, пока не упадетъ и тутъ же не заснетъ.

Но музыка не вездѣ. А вотъ подарки—тѣ вездѣ ужъ. Платочки въ праздникъ раздають, ленты въ косы... И хоть тѣмъ платочкамъ, скептики говорятъ, цѣна гривенникъ, и они линючіе, и хоть цѣлый день ей за тотъ платочекъ разогнуться потомъ не дадутъ: то и дѣло кричитъ приказчикъ: «веселѣе, дѣвки, веселѣе!» и хоть даже зря штрафуютъ иногда,—ничего, все забывается за зиму, до перваго новаго появленія мѣдной трубы, до перваго призыва: «на бураки, на бураки!»

Идутъ, бросая дома, свое хозяйство. Иныя на цѣлое лѣто уходятъ. Разъ побывала на буракахъ—ей ужъ скучно дома. Подружки всѣ ушли, какъ же она одна останется?

Деньги, что дѣвка на буракахъ себѣ заработала, онѣ—ея неприкосновенныя: на наряды, на приданое ей идутъ. Ужъ развѣ рѣдкая какая мать потребуеть эти деньги и повернетъ ихъ на общія нужды семьи.

Франтитъ дѣвка, разъ, другой побывавшая на плантаціяхъ. Она уже не носить классической малороссійской «запàски», этого куска плотной пѣстрой матеріи, что плотно драпируется вокругъ бедръ и перехватывается у талии пояскомъ: она носить юбку, спитую по-городскому.

И репутація дѣвки подчасъ въ опасности бываетъ на этихъ плантаціяхъ. Всѣ эти приказчики, да пригончіе, народъ молодой, здоровый и сытый. Держи съ ними ухо остро!

Такъ ворчатъ старозавѣтные люди, ворчатъ и косятся на все возрастающую силу заводовъ и плантацій, обладающихъ такимъ притягательнымъ магнитомъ для молодѣжи.

Старая баба Варька изъ Дуванки—непримиримый врагъ плантацій, съ ихъ музыкой и веселыми нравами. Кабы заводы хоть всѣ сторѣли, а плантаціи черви поѣли—убытку людямъ не было бы, по ея мнѣнію. Она бы даже перекрестилась.

Сахаръ дѣлають!.. Точно люди въ старину безъ сахару не обходились. А медъ на что? Вотъ это вещь безгрѣшная. Пчела—Божье созданіе. Медъ и она, старая, ѣсть, по праздникамъ варить себѣ изъ него варенуху. Лучше всякаго чая! Десять колодокъ пчелъ у нея въ гречихѣ стоятъ. Да, только съ этими заводами ихними и пчеламъ прежняго приволья не стало. Всѣ луговины, всѣ подлѣски, гдѣ прежде цвѣты росли, пораспахали. Съ нею и гречиху стали меньше сѣять. Окружила эта свекловица бабу Варьку со всѣхъ сторонъ.

Впрочемъ, есть еще причина, почему она, какъ на врага, смотритъ на плантаціи, на заводы и на новыя, созданныя ими, условія жизни. Эта горестная исторія съ ея внучкой—все она надѣлала...

Была у бабы Варьки любимая внучка, сиротка. Галей еѣ звали. Чего ей недоставало? Покойна была, сыта, одѣта. Для праздника у нея были даже червенные чоботы съ подковками. Жила себѣ, по хозяйству помогала. Набѣжала волна и захлестнула, потопила ея внучку... Вотъ такъ же, какъ теперь, появился однажды заводскій трубачъ. Ушли на бураки многія ея подруги—стала проситься и она. Плачетъ, молитъ... Долго не соглашалась старая, точно чужая бѣду, а напоследокъ не выдержала—и... толкнула внучку въ бездну. Конечно, кабы знать, заперла бы ее, руки, ноги ей связала бы... Ушла внучка на бураки, да съ тѣхъ поръ и помину объ ней нѣтъ. Промѣняла домъ на плантацію, плахту—на платье, а еѣ, старую, которая была ей вмѣсто матери,—на веселую заводскую компанію. Закрутила тамъ свою глупую голову съ фертомъ однимъ... маленькій начальничекъ тамъ,—и домой не вернулась. Вольная

жизнь показалась ей краше. А, можетъ, и хватилась она, да ужъ поздно—стыдно было опозоренной вернуться домой. Бросилась старая на поиски—и слѣдъ простылъ! Куда-то, говорятъ, на дальній заводъ перекочевала. Куда—никто не знаетъ. А онъ?... Можетъ, она съ нимъ, а, можетъ, давнымъ-давно уже брошена имъ и теперь льетъ слезы. А, можетъ, уже и на свѣтѣ ея нѣту.

— Загубили, загубили дѣвку...

И грозить баба Варька своей костлявой рукой невѣдомому чужовищу, проглотившему ея внучку...

Съ пѣснями проходить дѣвки мимо ея оконъ на плантацію.

— Идите, идите, дуры, тамъ васъ ждуть! Тамъ вымотаютъ съ васъ душу! Дадутъ вамъ лентъ и платочковъ—и стыдъ отнимутъ... А! Небось всякая изъ васъ думаетъ, что она отличится, какъ та полонка Оксана, что замужъ за директора вышла... (Была такая исторія, и ее рассказали старухѣ). Идите, идите!.. Нѣтъ, голубушка, онъ только насмѣется надъ тобою... да и не онъ, а его писарчукъ, лакей,—и бросить! Дуры! Не всякая изъ васъ Оксана!..

Даже жуть возьметъ дѣвокъ.

— Вишь, напала, грызется! Кто же виноватъ, что ея Галька одурѣла!.. Точно и всѣ такія! Ну, нѣтъ! Мы, братъ, тоже такъ огрѣемъ!.. Ха, ха, ха!..

И смѣхъ, молодой задоръ, увѣренность въ своемъ благоразуміи.

— Нѣтъ, старая колдовка, мы такъ зря не пропадемъ! А заработаемъ на наряды да навеселимся вдоволь... Только и всего.

Свекловичныя поля со всѣхъ сторонъ охватили, точно кольцомъ, хуторъ Дуванку. Въ этомъ году хуторяне насѣяли бураковъ еще больше, чѣмъ въ прошломъ. Вначалѣ, казалось, все благопріятствовало урожаю. Весна выдалась не сухая, да и не очень дождливая—не должна быть водянистой свекла. Вотъ кабы только довелось убрать ее благополучно.

Прошлый годъ неудаченъ былъ: много вреда надѣлала гусеница. Являлось опасеніе: не заложила ли эта проклятая гусеница съ осени своихъ яицъ?..

На всякій случай хуторяне приняли мѣры. Канавы вокругъ посадокъ выкопаны были еще съ прошлаго года—съ весны ихъ только углубили да подравняли, гдѣ обвалилось отъ весеннихъ водъ. Канавы—это спасеніе. Завелась гусеница въ одномъ какомъ мѣстѣ,—не перебраться ей дальше, въ другое. Доползетъ и свалится въ канаву. Карабкается, карабкается по отвѣсной стѣнкѣ и шлепъ на дно. А тутъ ужъ бей ее, дави, мни, превращай въ тѣсто.

Но однѣми канавами люди не ограничились. Понавезли они, каждый со своего двора, бурьяну, навозу, старой соломѣ съ крышъ, и цѣлыя горы этого добра разложили вдоль канавъ, воздвигли цѣлыя брустверы для борьбы съ прожорливымъ врагомъ, страшнымъ своею численностью... И предосторожность оказалась не напрасной.

Разъ маленькій Иванъ бродилъ по полю, нашелъ червяка и принесъ его домой показать отцу. Сѣрый дрянной червякъ, о которомъ Иванъ слыхалъ уже разговоры.

— Гдѣ ты его взялъ?

— Въ полѣ нашелъ.

Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ Павло Гунька на червя, шлепнулъ его о землю, раздавилъ. А потомъ сказалъ другимъ:

— Хлопцы, нужно пойти посмотреть.

И вотъ много народу вышло въ поле. Пришли дуванковцы къ своимъ свекловичнымъ посадкамъ и ахнули. Червей была уже цѣлая масса!.. Очевидно, теплая весна оживила заложенныя съ осени яйца,—умѣренная зима не заморозила ихъ.

Вотъ видятъ —черви расправляются, шевелятся, ползутъ... Смѣшно даже, какъ шелеститъ ботва... Ползетъ сѣрая живая, колеблющаяся масса... двинетъ грозная рать, ищетъ себѣ провіанта и уже пожираетъ только что начавшую складываться въ коронку нѣжную ботву свекловицы.

Съ сахарнаго поля инныя твари, порѣзвась, начинаютъ уже перебираться на сосѣдніе огороды —попробовать капусту...

За голову ухватила баба Варька, найдя на лучшей своей грядѣ цѣлый клубокъ червей!.. Душа ея наполнилась новой злобой, новымъ негодованіемъ и на людей и на ихнихъ червей.

— Проклятая!—ругала она гусеницу,—мы ее прежде на огородахъ и не знали!.. Все они!.. Какъ стали они сажать сахарные бураки, какъ расплодился эти плантаціи и заводы (чтобъ они погорѣли!),—она и къ намъ зашла, и теперь ужъ скоро челоуѣку капусты нельзя будетъ посадить. Вишь, еще оправдываются (и никто передъ бабой Варькой не думалъ оправдываться): «неповинны, моль: съ сѣменами, вишь изъ-за границы и яйца червяковья въ нашъ край завезли»... А мнѣ легче, что изъ-за границы? Посадила немножко огородику—вотъ! собрала себѣ на зиму!

И давила червей, и ругалась:

— Чтобъ эти черви васъ самихъ поѣли!..

А врагъ все прибывалъ и прибывалъ, не боясь ничьихъ ругательствъ и угрозъ. Гусеницей полны были уже канавы. Ее били. Но по трупамъ задавленныхъ ползли новыя живыя рати и заполнили уже даже дорогу.

Телѣга вѣхала въ это мѣсто, и вдругъ колеса перестали вертѣться. Они ползли, какъ полозья.

— Сани, сани!—кричали дѣвушки:—возъ сдѣлался санями, смотрите!

Бѣда. Неуправка. Люди выбивалась изъ силъ. И вотъ рѣшено было пустить въ ходъ послѣднее средство. Такъ тѣснымъ со всѣхъ сторонъ врагомъ военачальникъ въ роковую минуту пускаетъ въ ходъ свой послѣдній резервъ.

Пора было ударить съ батарей!..

Люди стали со спичками возлѣ разложенныхъ кучъ, именно какъ артиллеристы возлѣ своихъ батарей.

— А, ну, хлопцы, Господи благослови!—раздалась чья-то команда.

И.. вотъ одна куча бурьяну и соломы съ трескомъ запылала, другая, третья.. И тамъ, и здѣсь!.. Огненное ожерелье опоясало зеленое сахарное поле..

Догоралъ какой костеръ—молодыя бабы, дѣвки и ребята бѣжали и изъ ближайшихъ дворовъ живо приносили соломы, хворосту, навозу, и костры снова разгорались.

Дымъ то устремлялся вверхъ, то разстилался по землѣ и ѣлъ глаза. Люди плакали поневолѣ. Охваченные ѣдкой удушливой горечью дыма, черви бились, извивались, ихъ крючило, какъ въ судорогахъ, они метались изъ стороны въ сторону. Минутами костеръ страшно шипѣлъ и вотъ-тотъ погасалъ, точно на него вдругъ кто-то вылилъ ушатъ воды: то массой вваливались въ огонь черви. Ихъ сѣрныя тѣла старались загасить, задавить огонь, но огонь все же бралъ верхъ, и шипѣли, жарились черви. Другіе, застигнутые клубами дыма, спѣшили перебраться въ сторону, противоположную отъ вѣтра, и эта армія двинулась на огороды. И совсѣмъ ужъ обезумѣла тогда баба Варька.

— Что же это вы дѣлаете, что вы дѣлаете со мною?—кричала она, стараясь перекричать всѣхъ и все.—Варнаки вы, разбойники! А!.. Васъ сахарные червяки осадили, такъ вы ихъ на меня гоните?! Расплодили, антихристы, погани, и теперь угощаете ею добрыхъ людей?.. Капуста... Пропала теперь моя бѣдная капуста! пропала картошка!.. Ироды, вы меня будете кормить зимою, что ли?..

Но некому было слушать ея жалобы и вопли.

Наступила уже ночь, но никто не думалъ итти спать. Продолжали полыхать костры, краснымъ заревомъ освѣщая поля. Надъ ними съ криками кружились какія-то птицы.

Даже самыя маленькія дѣти не спали. Они скакали вокругъ огня, черезъ огни, ликовали, хлопали въ ладоши и сердили своимъ поведеніемъ взрослыхъ людей.

— Цыцъ! Что вы тутъ дѣлаете? Ишь какую игрушку себѣ придумали. Это вамъ не «Иванъ-Купала», чтобы черезъ огонь прыгать! Нашли время радоваться! Отцы изъ силъ выбиваются, а они..

Дѣйствительно, всѣ выбились изъ силъ, и, разойдясь наконецъ по домамъ, заснули, какъ убитые. Заснули успокоенные: гусеница наконецъ вся истреблена и задохлась, и погорѣла!..

Но когда на другой день пришли на поле вчерашней битвы, глазамъ своимъ не повѣрили. Навожденіе это, колдовство, что ли?..

Двигались новыя страшныя рати! Откуда? гдѣ взялись онѣ? Это онѣ переселялись съ Головщанской экономіи. Ихъ тамъ тоже вчера

душили дымомъ, и вотъ онѣ, спасаясь, двинулись сюда, на дуванковцевъ, уже измученныхъ борьбой съ врагомъ.

И поняли тутъ люди, что всѣ ихъ усилія тщетны, и руки ихъ безпомощно опустились.

Схватилъ Гунька, больше всѣхъ вчера потрудившійся, схватилъ шапку съ головы и ударилъ ею оземь, въ знакъ полного отчаянья.

Нѣтъ, очевидно только чудо одно можетъ спасти теперь поля отъ окончательнаго истребленія.

На выгонѣ шумить сходка. Люди совѣщаются, что имъ дѣлать, что предпринять.

Среди стариковъ разговоры:

— Вспомнили бы о Богѣ! Совсѣмъ Его забыли. Умны стали очень.

На этотъ разъ и молодые имъ не перечили, слушали серьезно.

— Что же вы скажете, старики? Говорите, совѣтуйте. Будетъ сдѣлано по-вашему.

— Икону чудотворную хоть разъ бы пригласили...

Икону!.. Всѣ, какъ за якорь спасенія, ухватились за эту мысль.

Икону!.. Тутъ и думать нечего. Согласны всѣ!.. Въ складчину!.. Сколько всѣхъ дворовъ?.. По рублю со двора—этого будетъ достаточно, чтобы пригласить чудотворную икону и устроить крестный ходъ по полямъ... Согласны, всѣ согласны, ни одного протестующаго голоса нѣтъ. И не нужно мѣшкать ни одной минуты... Проклятая прожорливая рать, которую и дымъ костровъ не беретъ, можетъ быть, она спасуетъ предъ дымомъ кадильнымъ, дымомъ ладана?.. Крики людскіе ей ничего не стоятъ, можетъ, нечистая сила духовнаго пѣнія испугается... «Миромъ Господу помолимся...». Да, міромъ, всѣмъ міромъ... вся Дуванка станетъ молиться предъ иконой Божіей Матери.

Всѣ знаютъ: икона та не простая, явленная. Ее чтутъ, она помогаетъ. Тутъ маленькій монастырекъ есть—всего въ семи верстахъ, тамъ эта икона. Итти, просить ее назавтра въ Дуванку, объяснить—такъ и такъ, черви одолѣли, гибель полямъ приходитъ...

И вотъ мигомъ снарядили въ монастырекъ верхового. Иванъ Продьма вызвался. На него охотно возложили это дѣло: онъ шустрый, проворный.

И точно: двухъ часовъ не прошло, какъ Продьма слеталъ туда и обратно и привезъ извѣстіе: икона завтра прибудетъ, и всѣ съ облегченіемъ передохнули. Ну, слава Богу!..

Нужно, однако, выйти навстрѣчу, нужно кому нести хоругви. Хоругви будутъ?... Да, обѣщано поднять всѣ хоругви и вынести крестъ.

И вотъ пошла переборка—кому итти туда, чтобы вернуться оттуда крестнымъ ходомъ, а кто останется на мѣстѣ для встрѣчи.

Настало утро. Приубралась Дуванка, всё надѣли праздничную одежду, и старые, и малые. Избранные для крестнаго хода уже отправились въ монастырь, оставшіеся выходили за околицу, взбирались на пригорки, чтобы заблаговременно увидѣть крестный ходъ, когда онъ станетъ приближаться.

— Несутъ, несутъ!—замахали наконецъ руками послѣ долгаго и нетерпѣливаго ожиданія.

И точно: тамъ, вдали, на горизонтѣ, уже вырисовывалось шествіе. И съ каждой минутой оно все ближе и ближе... Клубится по дорогѣ пыль. Кольшутся и блестятъ въ воздухѣ хоругви. Головы всёхъ обнажаются...

Вотъ заѣли. Да, да, при приближеніи къ хутору заѣли... И все явственнѣе и громче пѣніе.

Вотъ остановились... Нужно отдохнуть. И тѣ, что пришли съ иконою, и тѣ, что оставались, всё теперь смѣшались вмѣстѣ.

Священникъ съ крестомъ и кропиломъ выступилъ впередъ. Десятки рукъ разомъ протягиваются къ иконѣ, которую держитъ сѣдой Лебединецъ. Старухи падаютъ на колѣни. Слышны слова молитвы и тихія, и громкія.

— Ну, съ Богомъ!..

И начался обходъ полей. Кадильный дымъ тонкими голубоватыми струйками вился къ нему.

— Сюда, батюшка, сюда!.. Обойдите, просимъ васъ, вотъ это еще мѣсто!..

И священникъ шелъ... шелъ неумоимо и кропилъ направо и налево. И всё двигались за нимъ.

А когда перестали обходить поля, стали ходить съ молитвой по отдѣльнымъ уже дворамъ и вездѣ служили молебствія.

Баба Варька первая зазвала къ себѣ. И тутъ она даже не утерпѣла, чтобы не поѣтовать батюшкѣ на всю Дуванку, на весь міръ.

— Вотъ что сахарники надѣлали! Червей мнѣ нагнали въ огородъ! Капусту мнѣ всю поѣли! Посмотрите, батюшка!

— Не ты одна—всѣ бѣдствуютъ.

— А я—безвинно! У меня нѣтъ сахарныхъ бураковъ.

Икону проводили. Батюшка уѣхалъ. День, полный суеты, тревогъ и молитвенныхъ впечатлѣній, окончился.

Усталая Дуванка легла спать... Что-то Богъ пошлетъ завтра?.. Неизвѣстно. Но всякъ чувствовалъ, что сегодня совершенно большое и важное дѣло. И всёмъ стало какъ-то легче. Теперь все въ рукахъ Божіихъ. Ему передали слабые люди всё заботы и попеченья. Теперь ужъ не они, а Онъ...

Встали обычно рано, и многіе, по привычкѣ, пошли «взглянуть на бураки»... Уцѣлѣло ли тамъ хоть чтонибудь?..

Что же это, однако?... Гдѣ же гусеница?... Ея не было!.. Почти не было. Лишь кое-гдѣ шевелились отдѣльные запоздалые червячки.

Гдѣ же остальные? Гдѣ цѣлыя рати ихъ?... Нѣту. А взамѣнъ ихъ что-то летаетъ, кружится въ воздухѣ!..

Да это мотыльки, бабочки!.. Такія собою небольшія, желтенькія...

— Чудо! — первый кто-то уронилъ слово. И слово то подхватили начинавшія сбѣгаться со всѣхъ сторонъ дѣтишки:

— Чудо, чудо!!

И съ распростертыми руками стали бѣгать по полю и гоняться за бабочками, Богъ вѣсть откуда появившимися.

Чудо!.. И точно это похоже было на чудо. Вчера обошли поле крестнымъ ходомъ, а сегодня страшнаго червя уже нѣтъ, а залетали красивыя бабочки.

Все выбѣгали, всѣ смотрѣли. Цѣлыя тучи бабочекъ летали и кружились надъ головами, сверкая на солнцѣ своими крылышками. И наконецъ, точно по командѣ, ринулись прочь, и долго-долго провожали люди глазами ихъ исчезающія стаи. И снимали шапки и крестились люди, многіе, не допуская мысли, что это — та самая страшная и безобразная гусеница, только за ночь преобразившаяся въ бабочекъ...

И земля, и воздухъ очистились; и повеселѣли, избавившись отъ враговъ, сахарныя поля!

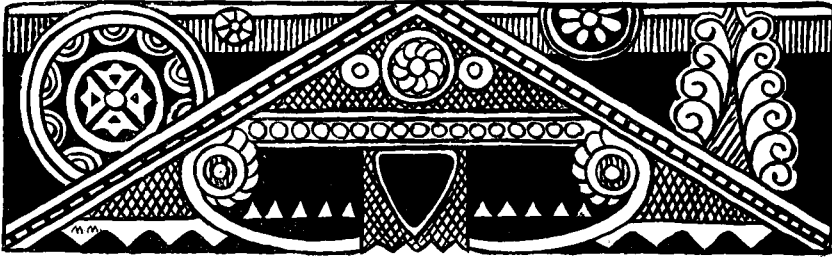
Многія «коронки», правда, оказались подѣденными, скушенными, но люди стали быстро засаживать образовавшіяся плѣши. И такъ какъ лѣта впереди было еще достаточно, и погода стояла теплая, то была надежда, что вторично подсаженное «догонитъ», возьметъ свое. Очень хорошаго сбора, конечно, не будетъ, но не будетъ и слезъ отчаянья.

А къ осени населеніе Дуванки уменьшилось однимъ человѣкомъ: сложила навѣки свои руки баба Варька! Что жъ, довольно пожила, довольно всего насмотрѣлась!.. Въ-время умерла баба Варька!.. Дальше было бы ей еще труднѣе жить, глядя, что творится теперь въ краю, который она знала другимъ и, по ея мнѣнію, гораздо лучшимъ.

Галя ея не показывалась, сгинула: и выморочную старухину усадьбу купилъ чужой человѣкъ, и тамъ, гдѣ росла капуста и морковь, гдѣ стояли пчелы, насажалъ сахарныхъ бураковъ.

Не стало маленькаго островка, какимъ долгое время представлялась Варькина усадьба, зеленое свеклосахарное море его затопило и поглотило! И больше некому было брюзжать въ безсильныхъ попыткахъ остановить теченіе новой жизни... Не видала баба Варька, что даже къ самому кладбищу, гдѣ покоился ея прахъ, теперь уже вплотную подступали ненавистныя ей свеклосахарныя плантаціи...

Н. А. Хлоповъ.

НА СРЕДНЕМЪ ПЛЕСЬ.

(Путевые наброски).

Снова къ тебѣ прихожу я,
Волга, родная рѣка!
Съ новою радостью чую
Свѣжій порывъ вѣтерка.

Никоновъ.

I.

До Рыбинска.

АСТАЛА ВЕСНА. Зазвенѣла въ небѣ пѣсня жаворонка, зажурчали ручьи, рѣки вскрылись, лѣсъ покрылся свѣжей, душистой зеленью, и насъ съ товарищемъ снова потянуло на Волгу.

Верхнее ея теченіе отъ истока до Рыбинска было нами уже осмотрѣно. Побывали мы и на водныхъ системахъ, соединяющихъ это верхнее теченіе съ Петербургомъ. Въ послѣдній разъ мы проѣхали по главной изъ этихъ системъ—Маринской, несущей урожаи береговъ нижней Волги въ нашу роскошную, но не имѣющую ни зерна собственнаго хлѣба столицу; системы Тихвинская и Вышневолоцкая были осмотрѣны еще ранѣе.

Теперь мы рѣшили снова вернуться къ самой Волгѣ и прослѣдить ея теченіе отъ Рыбинска до Нижняго, т.-е. такъ называемый Средній плесъ.

Изъ Петербурга въ Рыбинскъ мы отправились по желѣзной дорогѣ и веселые, довольные, что можемъ наконецъ встряхнуться

послѣ зимняго сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ, заняли мѣста въ вагонѣ.

Народу было довольно много.

Противъ насъ помѣстился какой-то инженеръ и, очевидно, его знакомый, старичокъ, статскій.

Раздались три мѣрныхъ удара въ колоколь, и поѣздъ плавно тронулся съ мѣста.

Только что мы переѣхали Обводный каналъ, и въ окнахъ прекратилось мельканіе темныхъ полосъ мостовой клѣтки, какъ старичокъ, вытянувъ шею по направленію къ лѣвому окну, сталъ набожно креститься на виднѣвшуюся среди зелени бѣлую массу собора Александрo-Невской лавры.

— Въ дорогу помолиться не мѣшаетъ,—замѣтилъ инженеръ.

— А развѣ плохо построена?—прищурился на него старичокъ.

— Построена хорошо, а такъ на всякій случай.

— А вы знаете ли, кому я молился?

— Должно быть, Николаю угоднику.

— Нѣтъ-съ, Николай угодникъ будетъ въ свое время; онъ въ Колпинѣ. А я отдалъ прощальный поклонъ хозяину всей здѣшней мѣстности, отъ Новгорода и до Финскаго залива, благовѣрному князю Александру Ярославичу.

— Вотъ что! Ну, это мнѣ не могло прійти въ голову.

— А вотъ Петру-то Великому пришло. Перенесъ его именно сюда, на Неву.

— Не знаете ли, почему раки не открываютъ?

— Нельзя-съ. Самъ Петръ ключемъ, говорятъ, заперъ и ключъ въ Неву бросилъ.

— Да вѣдь рака-то сдѣлана при Елизаветѣ?

— Такъ что же изъ того, что при Елизаветѣ? Развѣ она Петру не дочь?

— Значитъ, одну раку въ другую вставили? Не открывая?

— Значитъ.

— Интересно бы когда нибудь увидѣть мощи?

— А вы не видали?

— Нѣтъ, не приходилось. А впрочемъ оно, быть можетъ, и къ лучшему. Кто знаетъ еще, съ какимъ бы чувствомъ я сталъ смотрѣть на нихъ? Для глубоко вѣрующаго это другое дѣло...

— А вы не вѣрите?

Инженеръ вздрогнулъ и промолчалъ.

— Такъ я вамъ вотъ что скажу,—оживился старичокъ:—вѣрить я васъ, конечно, не заставляю, а только если представится случай увидѣть мощи, не пропускайте его. Я на своемъ вѣку много мощей видѣлъ, ко многимъ прикладывался и вѣрую вполне. А чтобы доказать вамъ, что не всѣ невѣрующіе въ мощи остаются въ своемъ невѣріи, позвольте предложить вамъ нѣкоторый рассказъ.

— Послушаемъ.

— Былъ въ Сергіевской лаврѣ намѣстникъ Антоній. Святой жизни человѣкъ былъ, я его знавалъ; лаврой правилъ болѣе сорока пяти лѣтъ и умеръ на восемьдесятъ седьмомъ году отъ роду. Личность почтенная, уважаемая, а смолоду, въ родѣ васъ, въ мощи не вѣрилъ. Жилъ онъ, молодой-то, на Волгѣ въ Лысковѣ у князя, Грузинскаго, занимался медициною; человѣкъ былъ вѣрующій, а про мощи ему тамошніе раскольники наговорили, что ихъ монахи выдумали для дохода. Покроютъ пустую гробницу пеленой да и служить молебны, а то положить въ нее что нибудь на подобіе человѣка, укутаютъ со всѣхъ сторонъ и говорятъ, что нетлѣбныя мощи. Не вѣрить-то онъ не вѣрилъ, а убѣдиться все-таки хотѣлось.

— Откуда вы все это знаете?—спросилъ инженеръ.—Онъ самъ вамъ рассказывалъ?

— Рассказывалъ, только не мнѣ, а одному лицу, которое рассказъ его тогда же записало, а послѣ его смерти и напечатало.

— Ну-съ?

— Проѣзжалъ черезъ Лысково генералъ съ семействомъ и прихворнулъ въ Лысковѣ. Антоній-то, тогда его еще Андреемъ Гавриловичемъ звали, его лѣчилъ и за это время съ ними со всѣми сошелся очень близко, такъ что, когда они собрались ѣхать дальше, такъ стали звать и его съ собой прокатиться. А ѣхали они въ Муромъ и во Владимиръ, какъ разъ на поклоненіе мощамъ тамошнихъ угодниковъ. Андрей Гавриловичъ обрадовался случаю, отпросился у князя и поѣхалъ.

— Приготовьте, господа, ваши билеты,—раздался въ вагонѣ голосъ кондуктора, и чрезъ минуту мимо насъ важно проплыла осанистая фигура контролера, сопровождаемая оберъ-кондукторомъ съ портфелемъ.

Контроль билетовъ окончился, публика успокоилась, и инженеръ попросилъ старичка продолжить свой рассказъ.

— Приѣзжаютъ они въ Муромъ,— снова заговорилъ старичокъ:—пошли въ соборъ поклониться свв. Петру и Февроніи, а тутъ, какъ разъ, для Андрея Гавриловича неудача. Мощи-то оказались подъ спудомъ, т.е. въ землѣ, а на поверхности стояла дѣйствительно пустая рака съ иконою на верхней доскѣ. Генералъ повезъ его въ Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. князя Константина съ чадами на вскрытіи, т.е. въ гробницѣ. Но тутъ съ Андреемъ Гавриловичемъ вышло еще хуже. Мощи были покрыты пеленою; онъ подошелъ и хотѣлъ оцупать головки. Монахъ его отогналъ. Сомнѣніе его усилилось, и онъ сталъ просить, чтобы монахъ открылъ покровъ и показалъ мощи, какъ онѣ есть. Монахъ отказалъ, потому что это дѣйствительно безъ особаго разрѣшенія начальства не дѣлается. Слово за слово. Кончилось тѣмъ, что Андрей Гавриловичъ заговорилъ о положенныхъ

вмѣсто мощей куклахъ, а монахъ пригрозилъ отправить его въ полицію.

— Это очень интересно,—засмѣялся инженеръ.

— погодите, дальше еще интереснѣе будетъ,—замѣтилъ старичокъ.—Изъ Мурома онъ выѣхалъ совершенно невѣрующимъ, такъ какъ поведеніе монаха вполне подтвердило для него слова раскольниковъ. Во Владимиръ пріѣхалъ онъ въ дурномъ настроеніи духа и поутру рано пошелъ въ соборъ помолиться передъ образомъ Владимирской Божіей Матери. Обѣдня еще не начиналась, и въ соборѣ не было никого, такъ что помолился онъ безъ помѣхи и почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Вошелъ священникъ служить обѣдню, и Андрей Гавриловичъ, бывшій во Владимирѣ въ первый разъ, попросилъ его показать достопримѣчательности собора.—«Главныя наши достопримѣчательности и драгоценности,—сказалъ священникъ:—это мощи нашихъ благочестивыхъ князей».—И сталъ показывать, гдѣ лежитъ Юрій Всеволодовичъ, гдѣ Андрей Боголюбскій, гдѣ сынъ его Глѣбъ, умершій въ юности при жизни отца. Неглѣнныя мощи его были обрѣтены при Петрѣ Великомъ. Доброе лицо священника понравилось Андрею Гавриловичу, и онъ рѣшилъ открыть ему свою душу. Повинился онъ, что въ мощи не вѣритъ, что подозрѣваетъ въ нихъ одинъ обманъ, и сталъ умолять священника спасти его душу отъ невѣрія, открыть ему мощи и убѣдить въ ихъ неглѣни.—Извольте,—сказалъ священникъ и подвелъ его къ ракъ князя Глѣба.—«Благовѣрный князь скончался въ 1175 году,—сказалъ онъ:—и посмотрите, какъ Господь сохранилъ его».—Потомъ помолился передъ ракою и снялъ покровъ съ мощей. Святой лежалъ въ княжеской одеждѣ совершенно невредимый, какъ будто недавно только скончался. Священникъ осторожно приподнялъ его руку и засучилъ рукавъ: рука была совершенно цѣла, какъ у живого, и только кожа имѣла желтоватый цвѣтъ. Чтобы показать, что даже суставы не потеряли гибкости, священникъ приподнялъ обѣ руки князя, а онѣ были сложены на груди, и положилъ ихъ врозь, какъ у снящаго. Такъ у Андрея-то Гавриловича морозъ по кожѣ пробѣжалъ... Съ тѣхъ поръ и сталъ онъ мощамъ вѣрить. Такъ-то-съ!

— Если это правда,—въ раздумьѣ замѣтилъ инженеръ:—такъ ужъ тутъ не вѣра, а прямо знаніе, на опытѣ.

— А Господь-то что Оумѣ сказалъ?—заговорилъ старичокъ:—«Ты повѣрилъ потому, что осязалъ мои раны, а блаженны не видѣвшіе, а вѣровавшіе».

Поѣздъ подходилъ къ Колпину. Показались темныя массы Ижорскихъ адмиралтейскихъ заводовъ, старѣйшихъ изъ всѣхъ заводовъ морского вѣдомства. При Петрѣ здѣсь была устроена небольшая водяная лѣсопильня; потомъ основана кузница для выдѣлки желѣзныхъ корабельныхъ принадлежностей, а теперь Ижор-

Набережная въ Рыбинскѣ.

скіе заводы удовлетворяютъ чуть ли не всѣмъ требованіямъ нашего судостроенія. Они производятъ и паровые котлы, и машины, и якоря, и броню, и строительную сталь, помпы, цѣпные канаты, шпиль и пр. и пр., при чемъ ежегодное ихъ производство достигаетъ до суммы 6 милліоновъ рублей.

— Вотъ теперъ поклонимся и святителю Николаю,—замѣтилъ старичокъ, снимая шляпу, когда въ окнѣ показались синія главы колпинскаго храма, построеннаго будто бы по проекту Растрелли.

Старичокъ имѣлъ основаніе креститься съ особою набожностью, смотря на силуэтъ виднѣвшагося среди городскихъ построекъ храма, такъ какъ въ немъ находится чтимая не только мѣстными жителями, но и петербуржцами, чудотворная икона св. Николая, явившаяся, какъ кажется, въ 1722 году, въ 5 верстахъ отъ Колпина.

— Что здѣсь 9-го мая бываетъ!—воскликнулъ старичокъ, надѣвая шляпу.—Трудно себѣ представить, сколько другой разъ народу собирается, и въ экипажахъ, и пѣшкомъ, и по желѣзной. Я неоднократно бывалъ, и въ крестномъ ходу хаживалъ на мѣсто явленія.—То-то народу!—и мужички, и господа, и мастеровые, и военные... кого, кого только нѣтъ!... А въ церковь-то не всегда и попадешь.

И онъ началъ рассказывать о чудѣ, совершенномъ иконою, въ шестидесятыхъ годахъ, надъ одною дамою, отъ которой отказались петербургскіе доктора.

За Колпиномъ мѣстность стала живописнѣе. Линія строеній и заводовъ, тянувшаяся вдаль по берегу Невы, скрылась за холмами и зелеными рощницами, которыя то и дѣло мелькали по сторонамъ вдоль полотна дороги.

Мы разговорились съ инженеромъ о самомъ пути, по которому бойко катились наши вагоны, и узнали много интересныхъ подробностей объ исторіи постройки этой старѣйшей изъ нашихъ большихъ желѣзнодорожныхъ линій. Старичокъ усердно иллюстрировалъ дѣловой рассказъ инженера воспоминавшимися ему при этомъ анекдотами.

Полагаю, что нѣкоторыя изъ полученныхъ мною свѣдѣній будутъ небезынтересны и для читателя.

Какъ извѣстно, желѣзнодорожною эрою можно считать 1829 годъ, когда Стефенсонъ, на конкурсѣ Ливерпульско-Манчестерской желѣзной дороги, получилъ премію за свой паровозъ «Ракета». Съ тѣхъ поръ, какъ былъ найденъ удобный паровой двигатель, желѣзнодорожное дѣло пошло впередъ крупными шагами, и черезъ семь лѣтъ развилось въ Англии въ настоящую желѣзнодорожную горячку. Въ 1836 году парламентъ утвердилъ до 29 новыхъ линій. У насъ чуть ли не первую желѣзную дорогу надо признать устроенную на Нижне-Тагильскихъ горныхъ заводахъ механиками,

Волга близъ Песочнаго.

отцомъ и сыномъ Черепановыми, изъ которыхъ послѣдній побывалъ въ 1833 году въ Англіи, присмотрѣлся къ англійскимъ локомотивамъ и, возвратясь домой, устроилъ въ томъ же году свой небольшой «сухопутный пароходъ», дѣйствовавшій на линіи длиною—въ 400 сажень! Русскіе инженеры зорко присматривались къ интересной заграничной новинкѣ, съ мыслями завести ее и у насъ, но среди нихъ,—какъ при началѣ всякаго новаго дѣла,—было немало скептиковъ и нерѣшительныхъ. — «Да, — говорили скептики:—все это хорошо за границей, въ Англіи, въ Америкѣ, а попробуйте-ка у насъ!» Имъ казалось, что и климатъ у насъ не подходитъ, и постройка должна обойтись слишкомъ дорого, что доходы никогда не сравнятся съ расходами, и наконецъ, что подобное нововведеніе можетъ даже произвести переворотъ во всей жизни государства. Скептики на время взяли верхъ.

Въ 1834 году въ Россію по приглашенію Чевкина явился для осмотра горныхъ заводовъ австрійскій инженеръ, чехъ, Францъ фонъ-Герстнеръ, изучившій желѣзнодорожное дѣло въ Америкѣ и уже заявившій себя, какъ энергичный инициаторъ прокладки рельсовыхъ путей въ Австріи. Онъ уже мечталъ о соединеніи желѣзными дорогами Москвы съ Петербургомъ, съ Нижнимъ, съ Одессою, но правительство на его условія не согласилось и разрѣшило только построить, въ видѣ отвѣта, небольшую линію до Царскаго Села и Павловска на протяженіи 24 верстъ. Въ 1838 году Царско-сельская дорога была открыта для движенія, и тогда стали серьезно подумывать о соединеніи рельсовымъ путемъ обѣихъ столицъ имперіи. Для изученія постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ были посланы въ Америку два русскихъ инженера—Крафтъ и Мельниковъ. Появилось множество частныхъ проектовъ постройки новой дороги, предлагавшихся вниманію правительства, и императоръ Николай I повелѣлъ комитету министровъ заняться всестороннимъ обсужденіемъ предположенія о соединеніи Петербурга съ Москвою рельсовымъ путемъ. Впрочемъ и тутъ дѣло безъ скептиковъ не обошлось. Еще въ 1835 году нѣкто, г. Наркизъ Атрѣшковъ, издавъ книгу «Объ устроеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», гдѣ, обсуждая вопросъ о соединеніи столицъ, онъ, на основаніи существовавшаго тогда между ними движенія, предсказывалъ, что наибольшее количество груза, на которое можетъ рассчитывать будущая желѣзная дорога, выразится въ цифрѣ 7.000 пудовъ, а число пассажировъ не превыситъ 8.000 человекъ въ годъ, что составило бы не болѣе 5.650 рублей годового дохода. Въ самомъ комитетѣ министровъ преобладало сомнѣніе; дѣло обсуждалось около двухъ лѣтъ и ни на шагъ не подвигалось. Вернулись изъ Америки Крафтъ и Мельниковъ; они представили докладъ самаго утѣшительнаго, ободряющаго характера, и тѣмъ не менѣе комитетъ министровъ призналъ значительнымъ большинствомъ голосовъ по-

Церковь Казанской Божией Матери в Романовѣ.

стройку желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвой и невозможною, и бесполезною. Министръ финансовъ опасался крупныхъ расходовъ и не довѣрялъ общаею доходности дороги, а управлявшій тогда путями сообщенія графъ Толь прямо заявилъ, что новгородскія болота, разливы рѣкъ и пересѣкающія путь Валдайскія возвышенности представляютъ неодолимые препятствія для осуществленія проекта, который, кромѣ того, не можетъ принести никакой пользы, такъ какъ наши морозы и снѣга будутъ служить постоянною помѣхою эксплуатаціи новой дороги.

1-го февраля 1842 года на послѣднее засѣданіе комитета явился самъ государь и, выслушавъ мнѣнія министровъ, заявилъ, что соглашается съ меньшинствомъ, сооруженіе дороги находитъ вполне возможнымъ и повелѣваетъ немедленно приступить къ подготовительнымъ работамъ по его осуществленію.

Немедленно былъ учрежденъ особый комитетъ по постройкѣ дороги, и предсѣдателемъ его назначенъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. При комитетѣ была образована строительная коммиссія, въ которой, равно какъ и въ комитетѣ, самымъ дѣятельнымъ членомъ оказался получившій незадолго передъ тѣмъ графское достоинство Петръ Андреевичъ Клейнмихель; въ томъ же году ему было ввѣрено, по смерти Толя, управленіе путями сообщенія.

Для большаго удобства предварительныхъ изысканій вся линія была раздѣлена на двѣ половины. Первая—отъ Петербурга до Бологое—была поручена Мельникову, вторая—отъ Бологое до Москвы—Крафту. Въ участкѣ Мельникова находился довольно значительный пунктъ—Новгородъ, который, между тѣмъ, по своему положенію значительно отклонялся отъ прямой линіи между двумя столицами, а потому Мельниковъ сдѣлалъ два проекта: одинъ прямой, на Вышній-Волочекъ, другой съ изгибомъ на Новгородъ и выходомъ къ Волочку. По поводу выбора между этими двумя проектами въ комитетѣ возникли разногласія, и составленъ докладъ государю, который утвердилъ прямую линію, находя, что Новгородъ и такъ не лишится тѣхъ выгодъ, которыми пользовался. По случаю этого высочайшаго повелѣнія въ публикѣ возникъ извѣстный разговоръ (который старичокъ не преминулъ сообщить намъ), будто бы государь Николай Павловичъ потребовалъ карту Россіи, наложилъ линейку на точки Петербурга и Москвы и, проведя карандашомъ линію, сказалъ: «Вотъ вамъ направленіе». Трудно, конечно, рѣшить, насколько этотъ разговоръ справедливъ, но несомнѣнно, что строители старались сдѣлать путь какъ можно короче, и старанія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: астрономическое разстояніе между Москвой и Петербургомъ—598 верстъ, а дорога вышла только на шесть верстъ длиннѣе. Начинаясь въ Петербургѣ отъ Знаменской площади на высотѣ 4,70 сажень надъ уровнемъ моря, она

оканчивается въ Москвѣ на высотѣ около 70 сажень, при чемъ близъ станціи Крюковской достигаетъ своей высшей точки—около 102 сажень надъ уровнемъ моря.

Земляныя работы начались лѣтомъ 1843 года сначала на двухъ участкахъ: между Петербургомъ и Чудовомъ, и между Вышнимъ-Волочкомъ и Тверью, а въ слѣдующемъ году уже по всей линіи. Трудъ, производившійся почти исключительно руками съ помощью простыхъ лопатъ¹⁾, можно прямо назвать колоссальнымъ. По исчисленію Штукенберга, всѣхъ земляныхъ работъ,—на выемкахъ, насыпяхъ и пр.,—было произведено 10 миллионѣвъ кубическихъ сажень,—цифра громадная, даже и для нашего времени, а для сороковыхъ годовъ, когда желѣзнодорожное дѣло находилось еще почти въ младенествѣ, она является поразительною, и не даромъ старичокъ нашъ помянулъ мужичковъ-строителей, вынесшихъ на своей спинѣ всю тяжесть работы,—теплымъ стихомъ поэта:

«Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ,
Съ вѣчно согнутой спиною,
Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ,
Мерзли и мокли, болѣли пышгой:
Грабили насъ грамотей-десятники,
Сѣкло начальство, давила нужда.....
Все претерпѣли мы, Божіи ратники,
Мирныя дѣти труда!»

Въ 1847 году было уже открыто пассажирское движеніе между Петербургомъ и Колпиннымъ, а въ 1849 году линія была готова до Чудова и отъ Волочка до Твери. Въ этомъ же году она была осчастливлена проѣздомъ государя, выразившаго благодарность всѣмъ строителямъ. Прошло еще два года, и 1-го ноября 1851 года Санктъ-Петербургско-Московская желѣзная дорога была официально открыта и предоставлена въ общественное пользованіе. Николаевскою она названа уже въ 1855 году по высочайшему повелѣнію императора Александра II.

Относительно общественнаго пользованія дорогою старичокъ разсказалъ намъ, что оно вначалѣ было крайне стѣснительно по причинѣ разныхъ регламентацій и правилъ. Такъ, напримѣръ, каждый желавшій ѣхать по этой дорогѣ долженъ былъ имѣть при себѣ видѣ и, кромя того, запастись свидѣтельствомъ отъ полиціи о томъ, что къ его выѣзду съ ея стороны препятствій не имѣется. Лица, не предъявившія на станціи этихъ двухъ документовъ, въ вагоны не допускались. Далѣе онъ разсказалъ, что въ сутки ходило всего четыре пассажирскихъ поѣзда: два изъ Петербурга, два изъ Москвы, что билеты были не такіе, какъ теперь, а печатались на длинныхъ

¹⁾ Только на громадной выемкѣ между станціями Ваддайкой и Березайкой были, въ видѣ опыта, примѣнены земляныя паровыя машины.

полосахъ бумаги съ обозначеніемъ всѣхъ станцій отъ Петербурга до Москвы, и въ заключеніе припомнилъ анекдотъ, ходившій въ публикѣ, о графѣ Клейнмихелѣ. Въ числѣ другихъ знаковъ своего благоволенія государь подарилъ Клейнмихелю трость съ дорогимъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями набалдашникомъ. Увидѣлъ у него эту трость князь А. С. Меншиковъ и поздравилъ его съ низкимъ поклономъ: «Поздравляю, графъ! Душевно радуюсь! Помоему вы не одну, а сто палокъ заслуживаете».

Допуская въ характерѣ графа Клейнмихела многія непріятныя черты, подававшія поводъ къ сочиненію такихъ анекдотовъ, нельзя не сознаться, что дорога построена имъ образцово и дѣлаетъ большую честь строителю. Несмотря на очень крупную сумму около 65 милліоновъ, въ которую обошлась постройка (подсчетъ 1851 года), она не обманула возлагавшихся на нее надеждъ. Въ первомъ же году, невзирая на всякія стѣсненія, по ней проѣхало 780.000 пассажировъ, а въ послѣдующіе годы цифра колебалась между 1.000.000 и 1.500.000 человѣкъ. Что же касается до груза, составляющаго главную доходную статью каждой дороги, то количество его въ 1851 году выразилось цифрою въ 10 милліоновъ пудовъ, черезъ пять лѣтъ перевезено уже 23 милліона, въ 1870 году—67 милліоновъ, а въ послѣднее время эта цифра увеличилась въ пять разъ. Число пассажировъ въ настоящее время достигаетъ почти до 3.000.000 человѣкъ.

— А про курьезъ не знаете? — обратился къ намъ старичокъ, когда мы записали цифровыя данныя, сообщенныя инженеромъ.

— Какой курьезъ?

— А при первомъ проѣздѣ по дорогѣ государя Николая Павловича?

— Нѣтъ.

— Какъ же, — случай извѣстный! Приѣхалъ онъ въ Вышній-Волочекъ въ коляскѣ, на лошадахъ, а въ Волочкѣ уже ожидалъ его императорскій поѣздъ до Твери и далѣе. Ну, естественно всѣ подтянулись, подчистились, сторожевыя будки съ иголочки, сторожа въ новой аммуниці,—все это на вытяжку. Тронулись. Поѣхали. Сначала все шло хорошо, и государь былъ очень доволенъ. Только вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, смотрятъ въ окно, а поѣздъ стоитъ. Кое-кто выбѣжалъ на платформу: вагонъ тресется, колеса вертятся, а поѣздъ стоитъ и впередъ не двигается. Было переполоху! Что же оказалось? Одинъ изъ сторожей задумалъ отличиться и показать свой участокъ, что называется, лицомъ: взялъ да передъ царскимъ проѣздомъ густо-прегусто нарисовалъ у себя всѣ рельсы бѣлой масляной краской!—Ужъ потомъ песку бросали, бросали,—еле съ мѣста сдвинулись. И колеса-то всѣ въ поѣздѣ выбѣлили,—вотъ какой умникъ!.....

Соборъ въ Романовѣ.

Такъ какъ при нашемъ проѣздѣ сторожа подобнаго усердія не оказывали, то поѣздъ подвигался быстро, и мы не замѣтили, какъ докатили до Чудова.

Здѣсь наши собесѣдники, ѣхавшіе въ Старую Руссу, любезно простились съ нами и вышли изъ вагона.

Поѣздъ тронулся далѣе.

Волховъ былъ еще въ полномъ разливѣ, и Соснинская пристань подлѣ Волховской станціи была, подобно Венеціи, окружена водою. На гладкой, далеко раскинувшейся водяной поверхности—темныя очертанія деревянныхъ построекъ, казавшихся поставленными прямо на воду; по Волхову, тамъ и сямъ, мелькали лодки; у берега медленно поворачивалась неуклюжая барка.

Поѣздъ давно уже перешелъ мостъ, а направо вдали все еще тянулась и извивалась серебристая лента Волхова. На берегу высились трубы фарфороваго Кузнецовскаго завода, а еще далѣе, еле замѣтнымъ силуэтомъ, виднѣлась на горизонтѣ Державинская Званка.

При взглядѣ на этотъ туманный, возвышающійся надъ окружающею равниною холмъ, на которомъ среди сельской тишины проводилъ послѣдніе годы своей жизни маститый поэтъ Екатерины, воображеніе невольно уносилось въ даль время, когда вмѣсто зданій нынѣшняго женскаго монастыря и училища на этомъ холмѣ возвышался извѣстный по рисункамъ двухъэтажный домъ, крытый куполомъ. На рѣкѣ у пристани покачиваются двѣ лодки: одна—«Гавріилъ», большая, съ каютою въ видѣ домика, другая, маленькая, носящая названіе «Тайки», любимой, неразлучной собачки Державина. На «Гавріилѣ» поэтъ съ семейю ѣздитъ по праздникамъ въ церковь, или навѣститъ своихъ близкихъ сосѣдей помѣщиковъ. Въ этихъ водяныхъ путешествіяхъ «Тайка» всегда слѣдуетъ за «Гавріиломъ». По широкой каменной лѣстницѣ, обсаженной по бокамъ кустами розъ и сирени, поднимаемся мы отъ рѣки къ дому, на площадкѣ передъ которымъ бьетъ самодѣльный фонтанъ. Дверь съ балкона ведетъ прямо въ просторную гостиную. Со стѣнъ смотрятъ на насъ «великіе мужи»,

«Чьи въ рамкахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лица,
«Для воспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней
«И для припрасы той свѣтлицы.

А вотъ и самъ хозяинъ, Гавріилъ Романовичъ, на большомъ диванѣ передъ круглымъ столомъ раскладываетъ свои любимыя пасіансы «блокаду» и «пирамиду».

Въ другое время гостиная эта полна шумныхъ гостей. Ихъ говоръ, шутки и веселый смѣхъ далеко разносятся въ открытыя окна по саду. Насчетъ разныхъ забавъ и выдумокъ Гавріилъ Романовичъ не отстаетъ отъ молодежи. Но картина быстро мѣняется,

Борисоглѣбскій соборъ съ пристани.

и вся Званка принимаетъ чинный и степенный видъ, когда къ пристани ея причаливаетъ баркасъ съ почтеннымъ гостемъ изъ Хутынского монастыря, преосвященнымъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, тогда еще викаріемъ новгородскимъ. Ему Державинъ, въ 1807 году, посвятилъ стихотворное описаніе жизни въ Званкѣ. Евгений не остался въ долгу и на подаренномъ ему поэтомъ акварельномъ видѣ Званки и самъ начерталъ четверостишіе:

«Средь сихъ болотъ и ржавинъ
 «Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
 «Безсмертны пѣсни повторяя
 «Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ».

Въ воображеніи проносится и стройная фигура «Милены» Державина, его второй супруги, Дарьи Алексѣевны, урожденной Дьяковой, принесшей поэту Званку въ приданое, а потомъ своимъ умѣлымъ хозяйствомъ, благодаря прикупкамъ сосѣднихъ деревень, настолько распространившей ея предѣлы, что имѣніе тянулось вдоль Волхова на протяженіи девяти верстъ. Ей же принадлежитъ и мысль увѣковѣчить память поэта устройствомъ въ Званкѣ небольшого женскаго монастыря и школы для дѣвочекъ.

Изъ гостиной мы мысленно переходимъ въ кабинетъ поэта. Здѣсь, кромѣ письменнаго стола, вниманіе наше привлекаетъ большой удобный диванъ, обычное мѣсто отдохновенія Гавріила Романовича; надъ диваномъ развѣшаны ружья и разныя охотничьи принадлежности. На другой стѣнѣ помѣщается очень распространенная въ то время таблица-карта «Рѣка время», внушившая поэту его предсмертныя строфы:

Рѣка время въ своемъ теченіи
 Уноситъ всѣ дѣла людей
 И топить въ пропасти забвенья
 Народы, царства и царей...

Черезъ три дня послѣ того, какъ были набросаны на грифельной доскѣ эти строки, поэтъ мирно отошелъ въ вѣчность, въ ночь съ 8 на 9 іюля 1816 года.

Пока мысли наши уносились въ прошлое, солнце успѣло уже закатиться, и окрестности окутаны серебристою дымкою весеннихъ сумерекъ. Поѣздъ уже поднимался на Валдайскую возвышенность, исправляющую для средней Россіи должность настоящихъ горъ, и исправляющую ее честно и безупречно. Немногія горы, извѣстныя своими заоблачными высотами, даютъ странѣ такія рѣки, какъ наша скромная Валдайская возвышенность. Въ ея невзрачныхъ пустынныхъ нѣдрахъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, зарождаются Днѣпръ, Западная Двина и Волга.

Несмотря на то, что самыя высшія точки Валдайскихъ горъ возвышаются не болѣе 900 футовъ надъ уровнемъ моря, и что сама

Церковь Покрова въ Романовѣ.

возвышенность имѣетъ крайне пологіе, еле замѣтные подъемы, тѣмъ не менѣе для желѣзнодорожной линіи она представляла немалыя затрудненія. При постройкѣ дороги пришлось сдѣлать ей уступку, и предполагавшійся максимумъ подъемовъ въ 0,0025 увеличить до 0,008, при чемъ подъемъ этотъ тянулся непрерывно, на протяженіи 19 верстъ между станціями Бурга, Веребѣе и Торбино. Это представляло большія неудобства. Всѣ товарные поѣзда требовали для подъема двойную тягу, а при спускѣ невольнo развивали такую быстроту, что не въ силахъ были остановиться у Веребѣинской станціи и катились далѣе, нагоняя идущіе впереди поѣзда. Вслѣдствіе этого пришлось

«истор. вѣстн.», январь, 1904 г., т. хсѵ.

прибѣгнуть къ устройству извѣстнаго Веребѣинскаго обхода. Благодаря ему, вышеуказанныя неудобства устранены, но самый путь сталъ на пять верстѣ длиннѣе.

Живописную мѣстность у Веребѣинскаго моста мы проѣхали уже впотѣмахъ. Затѣмъ миновали Угловку, отъ которой отдѣляется вѣтвь на Боровичи, Валдайку, Березайку, и на разсвѣтѣ прибыли въ Бологое, гдѣ пересѣли на Рыбинскую дорогу и, расположившись въ новомъ помѣщеніи, улеглись спать.

Дорога отъ Бологое до Рыбинска, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, представляетъ мало интереснаго, особенно въ первой своей половинѣ. Пейзажи, видимые въ окно, однообразны и не заключаютъ въ себѣ ничего, что бы обращало на себя вниманіе, и потому большую часть пути мы проспали съ совершенно спокойною совѣстью.

Поѣздъ сталъ приближаться къ богоспасаемому граду Бѣжецку, единственному городу на всей линіи отъ Бологое до Рыбинска.

Въ виду того, во-первыхъ, что Бѣжецкъ извѣстенъ по лѣтописямъ еще съ XII вѣка, и, слѣдовательно, имѣетъ право на нѣкотораго рода уваженіе, и, во-вторыхъ, — что на Бѣжецкой станціи имѣется буфетъ, гдѣ можно выпить чаю, мы сочли своимъ долгомъ встать и выйти на платформу.

Когда-то, давно, очень давно, еще на зарѣ туманной юности, я попалъ проѣздомъ въ Бѣжецкъ и провелъ тамъ нѣсколько часовъ. Городокъ тогда былъ невзраченъ и очень не великъ. Онъ ничѣмъ не отличался отъ того провинціального городка, о которомъ поэтъ замѣтилъ, что, —

— дай судейской шавки

Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ.

Подходило и дальнѣйшее описаніе!

Домшки малы, пусты лавки,
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма, плагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый,
И площадь... площадь велика.

Площадь тогда, дѣйствительно, походила на какой-то громадный, унылый пустырь.

Теперь, судя по внѣшнему виду, городъ пообстроился и сталъ замѣтно наряднѣе.

Впрочемъ, настоящій, историческій Бѣжецкъ, — Бѣжецкій рядъ, Бѣжецкій верхъ, или Бѣжичи, — основанный, по преданію, бѣглыми новгородцами, находится на 15 верстѣ ниже по теченію Мологи и носить скромное названіе села Бѣжицы.

До XV вѣка Бѣжецкѣ принадлежалъ новгородцамъ и неоднократно былъ предметомъ споровъ и ссоръ господина Великаго Новгорода съ московскими князьями, пока въ княженіе Василя Темнаго не былъ присоединенъ къ Москвѣ. Скандалъ, произведенный на свадьбѣ этого князя его матерью Софьею Витовтовною, эффектно изображенъ на картинѣ уроженца нынѣшняго Бѣжецка, извѣстнаго художника П. П. Чистякова.

Тронувшись далѣе и проѣзжая мимо полустанка Маслово, мы съ товарищемъ вспоминали, какъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, по указаніямъ одного ярославца, разыскивали здѣсь на рѣкѣ Сити, которая протекаетъ верстахъ въ двухъ отъ полустанка, мѣсто битвы съ татарами. Проходили часа три, были на указанномъ ярославскимъ любителемъ исторіи устьѣ ручья Войскаго, осмотрѣли мѣстность по обоимъ берегамъ Сити, сдѣлали наброски плана и вида мѣстности, а потомъ въ Твери познакомились съ брошюрою, въ которой мѣсто побоища указывается совсѣмъ не тамъ. Дѣло въ томъ, что ярославцамъ хочется, чтобы битва происходила въ Ярославской губерніи, а тверичамъ,—чтобы въ Тверской, и послѣднее мнѣніе, какъ кажется, имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ.

Вскорѣ мы переѣхали черезъ Волжскій мостъ и привѣтствовали давно знакомую нашу красавицу, плавно катившую свои воды на соединеніе съ Мологою. Полюбовались ея берегами, на которыхъ живописно раскинулись, другъ противъ друга, села: Сменцово, Глѣбово и Ивановское, потомъ снова углубились въ лѣсъ, миновали послѣдній полустанокъ и черезъ нѣсколько минутъ были уже на рыбинскомъ дебаркадерѣ.

II.

По пути въ Романовъ.

Я вижу сотни рукъ и лицъ,
Мелькающихъ красно,
А паруса, какъ крылья птицъ,
Колѣблются лѣниво.

Некрасовъ.

Товарищъ мой забылъ второпяхъ купить въ Петербургѣ ботинки и рѣшилъ запастись ими въ Рыбинскѣ. По дорогѣ на пароходъ мы велѣли извозчику остановиться у какого нибудь сапожнаго магазина.

— Вамъ, вѣдь, который лучше?—обернулся извозчикъ.

— Да, лучше.

— Понимаю.

Сдѣлавъ два-три поворота, онъ выѣхалъ на главную улицу и, остановивъ лошадь у одного магазина, замѣтилъ:

— Ужъ лучше этого, по-моему, нѣтъ.

Мы вошли.

Хозяинъ, господинъ средняго роста, съ взъерошенными волосами и растрепанною бородою, оказался типомъ довольно своеобразнымъ. Онъ мрачно освѣдомился: «что намъ угодно?» и на нашъ вопросъ о ботинкахъ оглядѣлъ насъ недовольнымъ взглядомъ.

— Едва ли что для васъ найдется, — заявилъ онъ: — я вѣдь больше на заказъ.

— Помилуйте, у васъ въ окнѣ столько обуви выставлено!

— Это правда, что выставлено; я и не спорю. Но едва ли что найдется. Вы лучше закажите, и будетъ хорошо и удобно.

— Да мы сегодня же уѣзжаемъ на пароходѣ.

— Это ничего не значитъ, что вы уѣзжаете; на обратномъ пути возьмете.

— Да поймите, что онѣ намъ въ дорогѣ нужны!

Онъ смирился и сталъ показывать готовые ботинки, рассказывая, что у него очень много заказовъ.

Вошелъ чей-то молодецъ изъ лавки за сапогами, отданными въ починку.

Хозяинъ злобно покосился на него и буркнулъ, что сапоги не готовы.

— Помилуйте, что же вы дѣлаете? — заговорилъ тотъ: — вѣдь ужъ полторы недѣли прошло послѣ срока.

— А я что буду дѣлать?! — закричалъ, подсакивая къ нему, хозяинъ. — Самъ знаешь, ваши сапоги гдѣ, — въ тюрьмѣ у арестантовъ! Поди къ нимъ и спрашивай. Что же мнѣ разорваться изъ-за васъ прикажете, если у нихъ не готово?

Парень ушелъ.

За нимъ вошелъ какой-то молодой человекъ, тоже заказчикъ; но онъ уже, вѣроятно, зналъ нравъ хозяина и потому, какъ только вошелъ, такъ и сѣлъ молча въ сторонкѣ.

Хозяинъ между тѣмъ рассказывалъ намъ, что всѣ починки управляетъ въ тюрьму, а самъ шьетъ только новыя. Починки его мало интересуютъ, такъ какъ нажать на нихъ приходится не болѣе двугривеннаго. Наконецъ онъ замѣтилъ молодого человѣка:

— Вамъ что угодно? Сапоги или ботинки?

— Да я ужъ заказалъ, — робко заговорилъ пришедшій. — Зашелъ узнать, не готовы ли.

— Нѣтъ, не готовы.

— Да вы посмотрите, — взмолился заказчикъ.

— И смотрѣть нечего! Я теперь васъ вспомнилъ. Не готовы, не готовы.

Молодой удалился человѣкъ, но дверь тотчасъ же снова отворилась, и на порогѣ появился прежній парень.

Толгскій монастырь близъ Ярославля.

— Что же это вы дѣлаете? — снова началъ онъ: — хочяинъ говорить, что такъ никакъ невозможно...

Саложникъ подошелъ къ нему вплотную и, трясаясь отъ волненія, спросилъ тихимъ голосомъ:

— Зарѣзать тебя что ли?!

Мы расхохотались и выбѣжали изъ магазина. Слѣдомъ за нами вылетѣлъ на улицу и заказчикъ, Дверь съ шумомъ захлопнулась.

— И этотъ господинъ хорошо торгуетъ? — спросили мы извозчика.

— А что?.. Извѣстно хорошо. Я бы васъ къ худому не привезъ.

Пароходъ «Курьеръ» стоялъ уже у пристани. Шла нагрузка. Отпустивъ извозчика, мы остановились вверху лѣстницы, спускавшейся подъ гору къ пристани, чтобы полюбоваться красивымъ видомъ Волги, пестрѣвшей сотнями судовъ разнаго типа и наименованій. Влѣво отъ насъ тянулась усаженная молодыми деревцами набережная. На концѣ ея вырисовывалось приземистое, точно придавленное, зданіе стараго собора, построеннаго въ концѣ XVII вѣка, а возлѣ него, надъ крышами прибрежныхъ домовъ, блестѣли серебромъ полукруглые купола новаго собора, съ высоко поднимавшимся въ небо шпилемъ колокольни. Вдоль берегового откоса

надъ Волгою стояли приготовленные къ нагрузкѣ бочки, ящики, кули, прикрытые брезентомъ, какіе-то тюки, короткія, толстыя бревна; около нихъ, у рѣки, сноваль и копошился народъ, а на самой Волгѣ, занимавшей всю глубину картины, царило полное оживленіе, двигались буксирные пароходы, медленно и плавно тянулись за ними величавыя баржи, то тамъ, то тутъ мелькали небольшія лодочки. А надо всѣмъ этимъ высоко, вверху, сияло ласковое солнышко.

Мы спустились къ пароходу и, оставивъ вещи въ общей каютѣ, заняли мѣста въ носовой части верхней палубы.

Вскорѣ мы разговорились съ сидѣвшимъ здѣсь негодіантомъ изъ Чебоксаръ, пріѣзжавшимъ въ Рыбинскъ по торговымъ дѣламъ. Онъ разсказалъ намъ, что теперь далеко еще не всѣ караваны собрались къ Рыбинску. Движеніе ихъ продолжается чуть ли не все лѣто, начиная съ самой ранней весны, послѣ ледохода. Первыми приходятъ обыкновенно суда изъ Верхняго плеса и ближайшихъ мѣстностей, но ихъ бываетъ немного. Затѣмъ показывается въ Рыбинскѣ караванъ судовъ, зимовавшихъ въ затонѣ около Городца, выше Нижняго; за нимъ подходятъ суда съ Оки и ея притоковъ. Еще позднѣе появляется караванъ, стоявшій зиму у села Лыскова, противъ Макарьева; далѣе идутъ караваны съ рѣки Суры, изъ Казани, съ Камы, съ Ветлуги. Позднѣе всѣхъ достигаютъ Рыбинска караваны низовыхъ городовъ: Самарскій, Саратовскій, Астраханскій. Главный грузъ составляетъ, конечно, хлѣбъ въ различныхъ видахъ, какъ въ зернѣ, такъ и мукою, но много идетъ и желѣза, чугуна, нефти и разныхъ другихъ товаровъ. Начиная съ пятидесятихъ годовъ, количество привозимаго въ Рыбинскъ хлѣба возросло въ довольно внушительныхъ пропорціяхъ и въ 1886 году достигло 99 милліоновъ пудовъ. Затѣмъ въ неурожайныя лѣта начала девяностыхъ годовъ оно сильно и сразу уменьшилось, но въ настоящее время снова начинаетъ замѣтно прибывать.

Среди судовъ раскинувагося передъ нами необозримаго каравана преобладали баржи. Высокія, широкогрудыя, съ черными, хорошо просмоленными боками, онѣ напоминали собою рядъ броненосцевъ, неподвижныхъ, какъ бы застывшихъ въ своемъ величавомъ спокойствіи. И, дѣйствительно, волжская баржа заслуживаетъ названія мирнаго броненосца; не ядра, не гранаты вмѣщаетъ она въ своихъ огромныхъ нѣдрахъ, а десятки и десятки тысячъ пудовъ пшеницы, ржи, овса, ячменя и разныхъ другихъ продуктовъ, необходимыхъ для питанія человѣка. Встрѣча на Волгѣ съ такимъ мирнымъ флотомъ, нагруженнымъ всевозможными произведеніями нашихъ необъятныхъ нивъ и полей, всегда производитъ отрадное впечатлѣніе.

Но въ прежніе годы,—лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ назадъ,—эта волжская флотилія была гораздо пестрѣе и разнообразнѣе. То ко-

личество груза, которое вмѣщаетъ теперь одна баржа, требовало прежде чуть не десятка старинныхъ, болѣе мелкихъ судовъ. Зато какихъ только формъ и видовъ, какихъ только типовъ и наименованій не встрѣчалось по Волгѣ въ прежнія времена! Здѣсь были и грузныя мокшаны, и остроносые коломенки, и увѣсистыя расшивы, и орловскія гусянки (строившіяся первоначально въ Тамбовской губерніи на рѣкѣ Гусѣ), и суряки, носившіе также названіе бѣлянъ, и шитики, и кладовыя городецкія лодки, барки, полубарки, соминки, тихвинки, бѣлозерки, — да всѣхъ и не перечестъ; а среди нихъ роль механическихъ двигателей играли старинныя коноводныя машины, по 45 лошадей на каждой, изъ которыхъ 20 были въ постоянной работѣ, наматывая на шкивъ толстый канатъ отъ завезеннаго впередъ якоря. Это были буксиры того времени, тащившіе вверхъ по Волгѣ отъ четырехъ до пяти и болѣе судовъ, глядя по величинѣ, и двигавшіеся со скоростью около 25 верстъ въ сутки. Но эти неповоротливыя, неуклюжія машины все-таки могли считаться бѣлой костью, аристократами того времени: онѣ были если и не послѣднимъ, то все-таки словомъ науки, остальные же, несравненно болѣе многочисленные волжскіе тяглецы справляли свое дѣло безъ всякой науки. Они дѣлились на четвероногихъ и двуногихъ. Четвероногіе были лошади, двуногіе — бурлаки, которыхъ лѣтомъ приходило въ Рыбинскъ до девяноста тысячъ человѣкъ. Эти люди, создавшіе «пѣсню, подобную стону», хилые, невзрачные, забитые нуждою, эксплуатируемые каждымъ, кому только было не лѣнь, подняли своей тощею грудью, изъ одного конца въ другой, миллионы и миллионы пудовъ.

Теперь все это давно миновало. Не видно ни конныхъ машинъ, ни бурлаковъ: ихъ дѣло исполняютъ буксирные пароходы, непрерывною линіей тянущіеся одни за другими вверхъ по Волгѣ.

Первые изъ нихъ появились на ней еще въ 1818 году, только три года спустя послѣ конныхъ машинъ. Это были четыре парохода, построенные на свой счетъ жителемъ Астрахани Евреиновымъ, но ихъ несовершенство, волжскія мели, отсутствіе хорошихъ механиковъ, могущихъ исправлять поврежденія, и общее недовѣріе погубили въ самомъ началѣ новое предпріятіе; Евреиновъ пошелъ съ сумою. Потребовалась цѣлая четверть столѣтія, чтобы мало-по-малу приучить волгарей къ пароходамъ и убѣдить ихъ въ пользѣ этой новой двигательной силы, — и только въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ пароходы добились на Волгѣ болѣе прочнаго успѣха.

На «Курьерѣ» началось то особое оживленіе, которое обыкновенно предшествуетъ отвалу всякаго парохода.

Въ носовой части, внизу, передъ нами два матроса заспорили было, какой флагъ поднять сегодня, для воскреснаго дня, — старый или новый. Но оказалось, что оба флага, и старый, и новый, оди-

наково разорваны. Матросы подняли первый попавшійся подъ руку и поспѣшили на другія работы. Пароходъ слегка дрогнулъ, и колеса его сдѣлали нѣсколько медленныхъ оборотовъ: это въ машинѣ пробовали паръ. Опоздавшіе пассажиры спѣшно пробѣгали по трапу, который готовились уже снимать. Наконецъ, обѣ половины его грузно, со скрипомъ, вползли на пристань, и сообщеніе съ пароходомъ было прервано.

— Отдай носовую!—послышалась команда капитана. Носовая чалка съ плескомъ упала въ воду. Колеса пришли въ движеніе, и черезъ минуту «Курьеръ», описавъ плавный полукругъ, началъ отдаляться отъ пристани. Большинство публики обнажило головы и стало креститься.

Пароходъ вскорѣ вышелъ изъ линіи судовъ на фарватеръ. Потянулись нескончаемые ряды стоявшихъ на якорѣ баржъ, полу-баржъ, маріинокъ, полулудокъ, — караванъ тянулся на нѣсколько верстъ. Но пароходъ быстро бѣжалъ внизъ по теченію, и стройные ряды судовъ, точно части одного громаднаго колеса, плавно двигались мимо насъ, сливаясь вдаль съ такими же рядами въ одну сплошную массу, поросшую цѣлымъ лѣсомъ высокихъ мачтъ, за которымъ скрывались очертанія города.

Но вотъ проползли наконецъ послѣднія суда, и передъ нами во всей красѣ развернулась открытая, свободная Волга.

Принявъ въ себя Мологу и Шексну, она стала теперь значительно шире и многоводнѣе. Она какъ будто возмужала, сдѣлалась внушительнѣе, и самые виды ея приобрѣли болѣе сочности, какъ по краскамъ, такъ и по пропорціямъ. По берегамъ зеленѣли красивыя густыя рощи, тянулись поля и луга, а между ними весело мелькали постройки прибрежныхъ селъ и деревень.

Пароходъ въ первый разъ остановился въ Ильинскомъ у высокаго праваго берега, сплошь покрытаго лѣсомъ. Второю пристанью было Песочное, также на правомъ берегу. Лѣвѣе отъ пристани тянулись вдоль Волги кирпичныя зданія фарфорово-фаянсоваго завода Кузнецова. Здѣсь работаетъ около 300 человекъ, и годовое производство достигаетъ до ста тысячъ рублей.

Отъ Песочнаго мы повернули къ лѣвому берегу и черезъ нѣсколько минутъ подошли къ лежащей почти наискось отъ него, Шашковской пристани, подлѣ которой кокетливо возвышалась среди окружающей рощи изящная деревянная дачка. Вообще Шашково, — носящее также названіе Воздвиженскаго, — пользуется репутаціею красивой и пріятной дачной мѣстности, куда переселяются на лѣто не одни только рыбинскіе жители, но наѣзжаютъ и далекіе гости изъ Москвы и Петербурга.

За Шашковымъ, на лѣвомъ же берегу, близъ села Вознесенскаго, показалось устье небольшой рѣчки Урдомы, бывшей свидѣтельницею одного изъ эпизодовъ борьбы между Москвою и Тверью.

Западный фасадъ собора въ Толгѣ.

Московскій князь Юрій Даниловичъ, погубившій въ ордѣ Михаила Тверскаго и самъ, въ свою очередь, обвиненный тамъ сыномъ убитаго, Димитріемъ Грозныя Очи, спѣшилъ изъ Новгорода, гдѣ онъ тогда находился, чтобы поправить свои дѣла въ ордѣ. Но здѣсь, на Урдомѣ, подстергалъ его другой сынъ Михаила, Александръ, и неожиданно нагрянувъ на отцовскаго врага, чуть было не взялъ его въ плѣнъ. Юрій еле спасся бѣгствомъ во Псковъ, а весь обозъ его и казна достались тверичанамъ. Но если мечь за смерть отца не удалась одному брату, то убійца все-таки не ушелъ отъ рукъ другого. Какъ только Юрій, черезъ два года, добрался до орды, Димитрій собственноручно разрубилъ ему топоромъ голову.

Сливъ свои воды съ водами Урдомы, Волга круто повернула къ югу и, описавъ затѣмъ плавную дугу, снова приняла свое прежнее восточное направленіе.

Вскорѣ впереди показалась красивая, полная какой-то старинной прелести, панорама Романова-Борисоглѣбска, раскинутого на высокихъ уступахъ обоихъ волжскихъ береговъ.

III.

Романовъ - Борисоглѣбскъ.

«Романовцы барана въ зыбкѣ закачали».

Народная шутка.

Романовъ лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, Борисоглѣбскъ — на правомъ, и соединеніе ихъ въ одинъ городъ произошло только въ 1822 году. До тѣхъ поръ Романовъ уже издревле былъ самостоятельнымъ городомъ, тогда какъ Борисоглѣбскъ долгое время считался только слободою.

Исторія Романова, — несмотря на его болѣе, чѣмъ 500-лѣтнее существованіе, — не длинна и не многосложна. Основанъ онъ въ половинѣ XIV вѣка княземъ Романомъ Васильевичемъ, сыномъ Василия Грознаго, Ярославскаго, поставившимъ его «во имя свое», какъ значитъ въ родословныхъ записяхъ. Потомки Романа, князья Львовы, Дѣвы, Шаховскіе и Засѣкины, уступили свои права на эту мѣстность за приличное вознагражденіе великой княгинѣ Маріи, супругѣ Василия Темнаго, и она велѣла обнести Романовъ деревянною стѣною. Одно время имъ владѣлъ князь Андрей Васильевичъ Углицкій, а въ 1493 году вся эта мѣстность была окончательно присоединена къ Москвѣ — Грозный отдалъ Романовъ въ помѣстье ногайскимъ мурзамъ, проживавшимъ въ уѣздѣ еще со временъ татарщины. Въ 1609 году здѣсь, какъ и во многихъ приволжскихъ городахъ, побывали поляки и, конечно, не пощадили жителей. Хотя татарскіе мурзы и не сумѣли отстоять города, но подать съ него получали исправно, и не далѣе, какъ черезъ пять лѣтъ

послѣ погрома, Романовъ, по сохранившимся извѣстіямъ, платилъ свои обычные 33 рубля. Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича романовскіе мурзы числились у государя въ стольникахъ, продолжая исповѣдывать магометанскую вѣру. Но въ XVIII столѣтіи они мало-по-малу утратили свое прежнее значеніе и въ 1760 году переселены въ Кострому, въ особую слободу. Между тѣмъ Романовъ успѣлъ побывать и въ Петербургской и въ Московской губерніи, пока наконецъ не былъ назначенъ состоять въ числѣ уѣздныхъ городовъ Ярославскаго намѣстничества въ 1777 году. Въ это же время произведенъ въ чинъ города и Борисоглѣбскъ, бывший дотолѣ ловецкою слободою; впрочемъ, до 1822 года оба города жили каждый своею особою жизнью и только волею императора Александра I слились въ одно общее цѣлое.

По мѣрѣ приближенія парохода панорама города развѣртывалась все шире и шире. Высокій Романовскій берегъ, перерѣзанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ глубокими оврагами, круто спускался къ водѣ; на вершинахъ его зеленѣли сады, бѣлѣли дома и Божій храмы съ колокольнями. Церкви были расположены то ближе къ берегу, то дальше отъ него, а одна изъ нихъ точно сама опустилась вдоль откоса къ Волгѣ, оставивъ позади себя на полугорѣ свою колокольню. Борисоглѣбскій берегъ понижался болѣе правильными уступами, на которыхъ, повидимому, въ безпорядкѣ, были разбѣяны сады и деревянные домики. Но тамъ краскою и вѣнцомъ всей картины являлся прекрасный каменный соборъ, одно изъ лучшихъ произведеній русской архитектуры XVII столѣтія.

Сойдя съ парохода и оставивъ вещи на пристани, или, какъ здѣсь говорятъ, на конторкѣ, мы отправились осматривать городъ.

Когда мы очутились на прибрежномъ пескѣ, передъ нами сплошною стѣною высился береговой откосъ, совершенно скрывшій отъ глазъ весь видѣнный нами съ воды Романовъ, и только вышеупомянутая церковь надъ самою Волгою красиво выдѣлялась своими пятью изящными главами на фонѣ голубого неба.

Съ нея мы и начали свое обозрѣніе.

Церковь была заперта, но мы скоро отыскали сторожа, который живетъ тутъ же внизу, и онъ, погромыхивая большими ключами, повелъ насъ по крутому крылечку въ верхній храмъ. Поднявшись на открытую галерею, которая тянется вдоль всей боковой стѣны храма, мы полюбовались съ нея красивымъ видомъ на Волгу и окрестности.

Отворяя двери въ верхнюю церковь, сторожъ замѣтилъ, что она недавно отдѣлана. И, дѣйствительно, ничего древняго, ничего интереснаго въ ней не осталось. Престолъ здѣсь, кажется, во имя Преображенія Господня, но церковь болѣе извѣстна подъ именемъ Казанской, по находящейся въ ней чудотворной Казанской иконѣ Божіей Матери. Кромѣ этой иконы, здѣсь же находится рѣзное изображеніе святителя Николая.

Гораздо интереснѣе нижняя церковь во имя Рождества Богородицы, которую, къ счастью, еще не успѣли «отдѣлать». Она оказалась значительно короче верхней, что объясняется самой постройкою, воздвигнутою на уступѣ горы. Полъ въ церкви кирпичный и выстланъ наискось; солея также сложена изъ кирпича. Подлѣ нея находятся двѣ большія хоругви съ символическими изображеніями изъ Пѣсни пѣсней и Притчей Соломоновыхъ—мотивъ, который мы потомъ часто встрѣчали, какъ на хоругвяхъ, такъ и на стѣнахъ притворовъ во многихъ ярославскихъ храмахъ. Вездѣ, подъ видомъ жениха въ Пѣснѣ пѣсней изображенъ Христосъ, а олицетвореніемъ церкви служить невѣста.

Но особое наше вниманіе въ нижнемъ храмѣ привлекла старинная печь, въ сѣверо-западномъ углу, вся выполненная изъ выпуклыхъ, очень интересныхъ изразцовъ.

— Печь-то прежде гораздо больше была, да недавно ее порѣзали,—разсказывалъ сторожъ.—Въ былое-то время въ нее трехполѣнные дрова цѣликомъ ложились, а тепло бывало держитъ до того хорошо, что не больше двухъ разъ въ недѣлю и топить приходилось.

— И что же?

— Ну, и передѣлали.

— Зачѣмъ?

— Ужъ больно огромная показалась.

— А давно ли передѣлали?

— Года два назадъ. Печникъ взялся за пять рублей. Ужъ онъ ее ломалъ, ломалъ, еле разворочалъ! Карнизъ на ней такой большой былъ...

— А гдѣ карнизъ-то?

— Убрали его; рѣшили, что ни къ чему онъ. Стали ее перекладывать, да передѣлывать, да въ концѣ-то концовъ только испортили. Печникъ такъ и отступился. Теперь она и меньше, и топиться стала куда хуже.

— Столько времени стояла, все не велика была, а тутъ...

— Вотъ поди-жъ ты!

Осмотрѣвъ церковь, мы по Казанскому вѣзду, пролегающему мимо церкви, поднялись въ городъ, на торговую площадь, въ глубинѣ которой находится небольшая церковь Спаса. Церковь оказалась довольно старою. Сторожъ предложилъ намъ подняться на колокольню, прибавивъ, что видъ съ нея господа одобряютъ. Поднимаясь наверхъ, мы замѣтили въ стѣнѣ колокольни круглое пространство, задѣланное кирпичемъ.

— Тутъ прежде часы были,—пояснилъ сторожъ,—да испортились, такъ ихъ вынули. Теперь валяются подъ колокольней.

Вѣроятно, и посѣтители, и обитатели торговой площади не одинъ разъ пожалѣли о снятіи этого общественного часомѣрья; здѣсь, на

Трапезная церковь въ Голгѣ.

такомъ людномъ мѣстѣ, въ центрѣ города, оно было поставлено очень кстати.

Кирпичная лѣстница въ стѣнѣ, по которой мы поднимались, вывела насъ на пустую площадку и вдругъ оборвалась. Выше начиналась уже новая деревянная лѣстница.

Сторожъ объяснилъ намъ, что въ 1892 году колокольня эта горѣла, и большой колоколъ, сорвавшись съ подгорѣвшей балки, полетѣлъ внизъ и пробилъ два свода, разрушивъ верхнюю часть лѣстницы. Пробитые своды зияютъ и посейчасъ въ видѣ широкихъ сквозныхъ пролетовъ. Большой колоколъ вѣситъ 108 пудовъ и отлитъ въ 1850 году.

Съ вышины колокольни, хотя и не высокой, но выгодно поставленной на возвышенномъ мѣстѣ въ центрѣ города, дѣйствительно открывается очень красивый видъ на Романовъ и лежащій

напротивъ Борисоглѣбскѣ. Я сдѣлалъ схематическій набросокъ города и его церквей, которыхъ насчиталъ на этой сторонѣ (кромѣ Спасской) семь. Направо, съ краю, высилась колокольня церкви Покрова; нѣсколько лѣвѣе, ближе къ Волгѣ, виднѣлись Троицкая и Михайлъ Архангелъ, какъ ихъ называлъ сторожъ. Прямо противъ насъ, подъ горою, уже знакомая намъ, Казанская. Влѣво отъ нея церковь Воскресенія, соборъ, расположенный на особомъ холмѣ, и еще далѣе св. Леонтій на самомъ краю города, составляющій съ лѣвой стороны pendant къ Покровской церкви. За Волгою въ Борисоглѣбскѣ попрежнему красовался въ самомъ центрѣ величавый соборъ, а лѣвѣе отъ него бѣлѣла небольшая церковь Благовѣщенія.

Съ колокольни мы спустились на площадь. Тамъ стояло нѣсколько деревянныхъ бараконъ-лавокъ. Въ одномъ изъ нихъ всѣ стѣны были обиты образцами набойки и покрыты ими, точно обоями. У прилавка сидѣлъ благообразный старикъ и о чемъ-то степенно разсуждалъ съ пожилою женщиною, вѣроятно, женою. Мы заинтересовались ихъ торговлею и вошли.

Оказалось, что они ничего не продаютъ, а принимаютъ только заказы на набойку, т.-е. окраску тканей по извѣстнымъ рисункамъ, образцы которыхъ и были развѣшаны по стѣнамъ на выборъ для заказчиковъ. Между рисунками нѣкоторые были довольно замысловаты, а другіе не лишены даже извѣстнаго вкуса. Узнавъ, что насъ интересуется ихъ промыселъ, старикъ любезно досталъ изъ-подъ прилавка цѣлую кипу всевозможныхъ образчиковъ и сталъ ихъ показывать. Образчики были, большею частью, только изъ двухъ цвѣтовъ: кубоваго (темносиняго) и желтаго. Старикъ хвасталъ, что у него до пятисотъ штукъ разныхъ узоровъ.

Онъ разсказалъ намъ, что одинъ работникъ въ недѣлю можетъ набить, т.-е. напечатать узоромъ на холстѣ, до 500 аршинъ. За одноцвѣтную кубовую набойку берется, глядя по рисунку, отъ трехъ съ половиною до четырехъ копеекъ за аршинъ; съ зелеными же, т.-е. въ двѣ краски,—пять копеекъ. Цвѣта набиваютъ не одновременно, а одинъ послѣ другого.

Простившись со старикомъ, мы вышли на площадь, потомъ взяли въ лѣвую сторону (благодаря посѣщенію колокольни, планъ города былъ намъ теперь совершенно ясенъ) и, миновавъ церковь Воскресенія, спустились въ оврагъ и поднялись на противоположный холмъ къ собору.

Вокругъ собора еще уцѣлѣли остатки земляного вала; лучше всего они сохранились съ восточной и южной сторонъ. Въ валу, противъ соборнаго алтаря, и посейчасъ существуетъ старинный проѣздъ, а сбоку въ землѣ устроенъ погребъ, въ которомъ теперь хранится, кажется, порохъ. Все пространство вокругъ собора, замкнутое валомъ, представляетъ собою въ настоящее время обшир-

Дерево, на которомъ послѣ пожара явилась икона
Пресвятой Богородицы въ Толгѣ.

ный пустырь, густо поросшій травюю, а съ одной стороны даже кустарникомъ и деревьями. Несомнѣнно, здѣсь въ старину все было застроено, и въ нѣдрахъ этой земли, поросшей зеленою муравою и сотнями яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ, сокрыто немало интересныхъ остатковъ нашей сѣдой старины.

Неподалеку отъ собора, на краю пригорка, ютится небольшая избушка сторожа. Мы постучались въ нее. Сторожъ оказался дома и, захвативъ ключи, повелъ насъ въ соборъ.

Построеніе собора относится къ первой половинѣ XVII столѣтія. Интересна его ажурная небольшая колокольня съ выбитымъ столбикомъ, на мѣстѣ котораго

въ двойной аркѣ повѣшенъ колоколь, вѣроятно, не умѣстившійся внутри колокольні.

Въ притворѣ, направо отъ входа въ соборъ, помѣщено на стѣнѣ большое изображеніе Страшнаго Суда. Вѣроятно, живописецъ разсчиталъ, что здѣсь оно будетъ и виднѣе, и внушительнѣе, чѣмъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на западной стѣнѣ храма, къ которой молящіеся стоятъ спиною и видятъ ее только развѣ при выходѣ изъ церкви. Особый входъ налѣво велъ изъ притвора въ теплый Введенскій придѣлъ, гдѣ бываетъ служба зимою.

Изъ притвора мы вышли въ соборъ, главный алтарь котораго устроенъ въ честь Воздвиженія Животворящаго Креста. Соборъ внутри очень интересенъ, какъ по архитектурѣ, такъ и по живописи. Въ немъ хранится Тихвинская икона Божіей Матери, пожертвованная государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Въ иконостасѣ есть старинныя иконы, хорошаго письма.

Сдѣлавъ наброски собора съ разныхъ сторонъ, мы попросили у сторожа водицы, такъ какъ жара стояла нестерпимая, и присѣли на завалинку передъ его избушкою.

На всемъ соборномъ пустырьѣ, бывшемъ нѣкогда шумнымъ и оживленнымъ центромъ всего города, царили теперь невозмутимый покой и какая-то унылая тишина. Неподвижныя, не шевеля ни однимъ листикомъ, точно млѣя подъ жаркими лучами солнца, стояли группою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, молодыя березы. И трава, и цвѣты какъ будто дремали. Кругомъ ни звука. Все вокругъ точно застыло, охваченное зноемъ лѣтняго дня, и только каменная масса собора высоко поднималась своими старыми главами въ голубое безоблачное небо и, попрежнему царя надъ холмомъ, какъ и въ былыя, давно протекшія времена, казалось, была погружена въ глубокую невеселую думу.

Сторожъ принесъ воды, и мы разговорились о мѣстномъ житьѣ-бытьѣ.

Между прочимъ, я завелъ разговоръ и о романовскихъ полушубкахъ, извѣстныхъ по всей Россіи.

— Дорого ли продается у васъ хорошій полушубокъ?—спросилъ я.

— А разное бываетъ,—отвѣчалъ сторожъ:—за хорошій рублей двадцать, тридцать все надо дать.

— А отдѣльныя овчинки?

— Тѣ рубля по полтора за штуку.

— Много ли же овчинъ идетъ на полушубокъ?

— А это, смотря по тому, какихъ. Вотъ, видите ли, у насъ обыкновенно колютъ къ Успеневу дню, и тѣ овчины называются успенскими; а то колютъ къ Петрову дню,—пораньше значить,—тѣ овчины петровскія. Такъ вотъ успенскихъ штукъ шесть надобно, а петровскихъ больше, — штукъ до девяти. Петровскія овчинки поменьше, зато легче, и цѣнятся онѣ дороже. Впрочемъ, у

насть здѣсь въ городѣ шубняковъ мало; есть еще ихъ нѣсколько въ Борисоглѣбскѣ, а то все больше по уѣзду.

Порода романовскихъ овецъ, какъ извѣстно, разведена еще Петромъ Великимъ. Онѣ славятся мягкостью своей шерсти и произошли отъ помѣси русскихъ овецъ съ силезскими баранами, нарочно выписанными Лефортомъ.

— А еще чѣмъ промышляете?—продолжалъ я разспрашивать сторожа.

— И мясо наше, баранье, тоже славится; отправляютъ и въ Петербургъ. Есть и огородники. Про романовскій лукъ, поди, сами слыхивали? Много нашихъ опять же по трактирамъ служатъ, половыми. Есть и столяры, и штукатуры, разные есть...

Отъ собора мы направились по спуску къ Волгѣ, на перевозъ, чтобы переправиться въ Борисоглѣбскъ. Поромъ ходить здѣсь при помощи маленькаго пароходика, который таскаетъ его на буксирѣ. Здѣсь уже не то, что на Верхнемъ плесѣ, гдѣ въ каждомъ городѣ, и чуть ли не въ каждомъ большомъ селѣ, черезъ всю Волгу, съ берега на берегъ, протянуты канаты, по которымъ совершается поромное сообщеніе между берегами.

Во время переѣзда словоохотливые сосѣди сообщили намъ о случившемся здѣсь недавно печальномъ происшествіи. Дня четыре, пять назадъ на поромѣ, въ числѣ другой публики, переправлялся старичокъ священникъ Борисоглѣбскаго собора. Въ это время по Волгѣ бѣжалъ буксирный пароходъ и чуть не вплотную налетѣлъ на поромъ. Дѣло, впрочемъ, обошлось благополучно, но слабый старичокъ такъ перепугался, что отъ испуга лишился чувствъ, а, вернувшись домой, не вынесъ потрясенія и вскорѣ скончался. Сегодня его хоронили.

Поромъ подходилъ къ берегу. Въ соборѣ благовѣстили къ вечернѣ, и густые, мѣрные звуки колокола плавно разливались по широкому простору Волги.

Сойдя на пристань, мы отправились вслѣдъ за народомъ вдоль берега и затѣмъ, повернувъ налево, поднялись по высокой деревянной лѣстницѣ, устроенной по береговому откосу къ собору. Съ верхней площадки лѣстницы открывается очень красивый видъ на лежащій напротивъ Романовъ.

Борисоглѣбскій соборъ построенъ, если не ошибаюсь, въ 1652 г. и, какъ я уже сказалъ выше, смѣло можетъ быть причисленъ къ лучшимъ образцамъ нашей древней архитектуры. Все въ немъ правильно, соразмѣрно, все типично, богато и красиво и самыя его пропорціи, и двухъ этажная галлерей, его окружающая, и входы, и обработка стѣнъ и оконныхъ наличниковъ, и изящная, отдѣльно стоящая колокольня. Такой соборъ сдѣлалъ бы честь не только любому провинціальному городу, но даже и самой Москвѣ. Обширное пространство вокругъ него обнесено невысокою каменною стѣною

съ тремя воротами, и эта стѣна, какъ рама вокругъ картины, еще болѣе заканчиваетъ общее грандіозное впечатлѣніе, получаемое отъ собора.

Когда мы поднялись наверхъ, вечерня уже окончилась, и народъ выходилъ изъ нижней церкви. На паперти намъ встрѣтился сторожъ. Мы попросили его открыть церковь.

— Отъ верхней ключи отнесли къ батюшкѣ,—отвѣчалъ онъ.

— А вы, голубчики, поднимитесь по лѣсенкѣ,—заговорила одна изъ проходившихъ мимо женщинъ:—Спасителя-то и такъ можно видѣть, черезъ рѣшетку.

— Да вамъ что?—освѣдомился сторожъ.—Молебень?

— Нѣтъ; хотѣлось бы увидѣть вашъ соборъ внутри.

— У насъ безъ молебна не показываютъ,—заявилъ онъ

И припомнился намъ рассказъ старичка въ вагонѣ объ Андрѣѣ Гавриловичѣ. Какъ тутъ не ликовать раскольникамъ и разнымъ иновѣрцамъ?

— Да вы, голубчики, ничего,—и безъ молебна идите, помолитесь; Господь-то видитъ,—успокоивала насъ женщина:—тамъ въ окошечко-то все увидите, и церковь, и все.

Мы поднялись на верхнюю паперть.

Дѣйствительно, тамъ, въ западной стѣнѣ собора, налѣво отъ входа, пробито окно, въ которое можно хорошо видѣть чудотворный Нерукотворенный образъ Спасителя, громаднхъ размѣровъ, съ мерцающею передъ нимъ лампадою. Окно это, загороженное массивною желѣзною рѣшеткою, устроено какъ нельзя болѣе на мѣстѣ. Полумракъ, окутывающій вверху своды храма, невозмутимая тишина, царящая вокругъ, слабый, мерцающій огонекъ лампы и смотрящій на васъ темный, серьезный ликъ Искупителя производятъ сильное, неотразимое впечатлѣніе. Мы долго стояли передъ окномъ, вполне отдавшись глубокому чувству, которое заставило насъ позабыть и неумѣстную выходку сторожа.

Спустившись снова по лѣстницѣ въ нижнюю галлерею, мы вскорѣ увидѣли на ней свѣжую могилу старичка, о которомъ я говорилъ выше. Покойный, должно быть, былъ любимъ прихожанами, такъ какъ у его могилы и теперь еще стояли люди, поминая усопшаго добрымъ словомъ.

По другую сторону собора, на той же галлерей, стоятъ громадныя носилки для ношенія иконы Спасителя въ крестномъ ходѣ. Ихъ величина поразила насъ. Мы смѣрили ихъ шагами. Они оказались десять аршинъ длины, четыре аршина ширины и сажень вышины. По этимъ пропорціямъ можно судить о размѣрахъ самой иконы. На носилки она ставится въ нѣсколько наклонномъ положеніи. Низъ носилокъ между ножками обдѣланъ въ видѣ полукруглыхъ арочекъ, подъ которыми проходятъ лица, желающія во время крестнаго хода подойти подъ образъ.

Народа на праздникъ и крестный ходъ собирается нѣсколько тысячъ, и громадный соборъ бываетъ биткомъ набитъ молящимися. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь въ праздникъ произошла страшная катастрофа. Во время службы въ самый день праздника, когда въ соборѣ буквально яблоку негдѣ было упасть, кто-то вдругъ закричалъ: «пожаръ!» Народъ бросился къ выходу. Давка и суматоха поднялись невообразимыя, и въ результатѣ оказалось до 150 человѣкъ задушенныхъ и измятыхъ. На самомъ дѣлѣ пожара никакого не было, и вся суматоха поднята мазуриками, хотѣвшими попользоваться чужимъ добромъ во время смятенія.

Выйдя изъ галлерей на широкой дворъ, мы еще разъ окинули прощальнымъ взглядомъ величавую массу собора и черезъ южныя ворота, украшенныя красивою башенкою, вышли на длинную улицу, которая тянется вдоль всего города параллельно волжскому берегу.

Кромѣ своего собора, Борисоглѣбскъ не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго и по внѣшнему виду даже и теперь болѣе походить на большую слободу, чѣмъ на городъ.

На другомъ концѣ улицы, вдали, виднѣлась небольшая бѣлая церковь Благовѣщенія, но мы до нея не дошли и свернули подъ гору къ порому, такъ какъ до прихода парохода оставалось часа полтора, а мы еще хотѣли осмотрѣть другую, лѣвую половину Романова.

Перебравшись обратно за Волгу, мы тронулись берегомъ мимо Казанской церкви и, пройдя ее снова, начали карабкаться въ гору. Путь нашъ лежалъ теперь къ церкви Михаила Архангела и къ Покрову.

Первая изъ этихъ церквей, несмотря на то, что считается едино-вѣрческою, построена въ совершенно новомъ, крайне неинтересномъ стилѣ и ничего достойнаго вниманія собою не представляетъ. Намъ говорили, что въ ней есть также очень большая икона Нерукотвореннаго Спаса, но все-таки меньше Борисоглѣбской.

Мимо церкви тянулась какая-то пустынная, унылая улица. Мы пошли по ней, и, не встрѣтивъ ни одной живой души, добрались до огромнаго пустыря, лежащаго уже на окраинѣ города. Направо отъ насъ, въ глубинѣ этого пустыря возвышалась колокольная не высокой Покровской церкви.

По описаніямъ, здѣсь былъ когда-то монастырь, теперь давно уже упраздненный.

Бородатый причетникъ, котораго мы встрѣтили у ограды и попросили показать церковь, побѣжалъ за ключами къ священнику. Черезъ нѣсколько минутъ изъ палисадника, передъ священническимъ домомъ, показался и самъ батюшка въ рясѣ и даже съ посохомъ въ рукѣ. Начало было торжественно, но батюшка и причетникъ въ разговорѣ оказались очень простыми, симпатичными

людьми, бесѣда съ которыми оставила въ насъ крайне пріятное впечатлѣніе. Приходь у нихъ маленькій, бѣдный, и живутъ они, повидимому, очень скромно, на своей тихой городской окраинѣ.

Пока причетникъ отмыкалъ замокъ, батюшка разсказалъ намъ, что церковь построена въ 1738 году, что въ монастырскія времена она, подобно большинству романовскихъ храмовъ, была двухэтажная, но верхній за ветхостью давно уже разобранъ, и осталась одна высокая колокольная, которая теперь кажется еще выше, по сравненію съ низменнымъ зданіемъ самаго храма. Монастырь, по словамъ батюшки, былъ деревянный; и отъ его построекъ, кромѣ каменной перкви, ничего не осталось.

Черезъ низкій притворъ мы вошли въ храмъ, почти весь загроможденный толстѣйшими столбами, на которыхъ когда-то утверждалось зданіе второго этажа, теперь они потеряли всякое значеніе.

— Безобразные у насъ столбы,—замѣтилъ батюшка:—и свѣтъ заслоняють и движенію воздуха препятствуютъ.

Въ иконостасѣ онъ показалъ намъ два образа: св. мученика Ѳеодора и преподобнаго Михаила Малеина, пожертвованные въ монастырь государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ во время проѣзда его черезъ Романовъ.

Направо, у окна, на одной изъ хоругвей мы замѣтили образъ Пресвятой Богородицы, интересный, какъ по изображенію, такъ и по названію: «Прибавленіе ума». Въ какой странѣ, — у насъ или въ Греціи,— и при какихъ обстоятельствахъ возникло подобное изображеніе, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, оно можетъ служить интереснымъ образчикомъ такъ называемыхъ символическихъ иконъ.

Достойны примѣчанія, по древности и по письму, еще иконы: св. Іоанна Богослова и Покрова Пресвятой Богородицы, мѣстная. Кромѣ этихъ иконъ да непомѣрно толстыхъ столбовъ, другихъ достопримѣчательностей въ церкви не оказалось.

Выйдя обратно въ притворъ, мы замѣтили въ сводѣ большую трещину.

— Трещина опасная,—обратился я къ батюшкѣ:—смотрите, не обрушился бы сводъ.

— Пока Богъ хранитъ,—отвѣтилъ онъ съ добродушною улыбкою.—А видали ли вы, въ соборѣ-то у насъ какая трещина?—и печально прибавилъ:—это свидѣтельствуеть о любви романовцевъ къ своимъ храмамъ.

— Неужели же не найдется радѣтелей?

— Вѣдь у насъ почти что три четверти города раскольники. Есть и филипповцы, и кувыркандцы, и нѣтовщина, и всякіе,—однихъ только православныхъ мало.

Слова батюшки о раскольникахъ напомнили намъ, что дѣйствительно, еще въ XVII вѣкѣ, при самомъ зарожденіи русскаго раскола, Романовъ уже выставилъ своего борца противъ никоніан-

ства. Знаменитый Лазарь, сподвижникъ протопопа Аввакума, былъ священникомъ одной изъ романовскихъ церквей.

Хотя личность романовскаго попа и заслонена нѣсколько въ исторіи раскола пламенною фігурою Аввакума, тѣмъ не менѣе и Лазарь былъ созданъ изъ того же кряжистаго матеріала, какъ и протопопъ. Раскольники почитаютъ его святымъ наравнѣ съ Аввакумомъ.

Вызванный въ Москву, при патриархѣ Іосифѣ, для исправленія церковныхъ книгъ, онъ былъ отставленъ Никономъ вмѣстѣ съ Аввакумомъ и другими справщиками. Вернувшись въ Романовъ, Лазарь не скрывалъ своего негодования противъ патриарха. «Егда услышаша архіереи россійстїи»,—говоритъ раскольниче житіе,— «Лазаря свободнымъ языкомъ древле-церковное повѣдающа благочестіе и Никонова новшества изобличающа, за крѣпкую стражу его посадиша». Здѣсь, въ романовской тюрьмѣ, Лазарю явился Ілья пророкъ и укрѣпилъ на подвигъ.

Продержавъ нераскаяннаго попа три недѣли въ тюрьмѣ, власти рѣшили отправить его въ Москву, гдѣ на него на патриаршемъ дворѣ были наложены оковы. Съ патриаршаго двора Лазарь попалъ въ темницу Симонова монастыря, и здѣсь Ілья пророкъ явился ему вторично. За свое упорство, не поддававшееся никакимъ увѣщаніямъ, романовскій попъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Передъ соборомъ 1666 года его снова вернули въ Москву, и здѣсь онъ подалъ государю свою извѣстную челобитную, которая была передана собору, рассмотрѣна имъ и осуждена. По словамъ житія, Лазарь будто бы обратился къ бывшимъ на соборѣ греческимъ патриархамъ съ такою рѣчью: «Молю ваше архипастырство, вселенстїи патриарси, повелите ми за древле-церковныя книги въ пламень огненный, вознесенный, дерзновенно вступить, да Божій судъ изъяснитъ правду: аще убо огнемъ сожженъ буду, правы покажутся новопечатныя книги, аще ли цѣлъ и неврежденъ отъ огня буду, то древле-церковныя печатныя и письменныя книги правы и непорочны явятся».

Но патриархи на такое испытаніе согласія не изъявили и постановили: лишить романовскаго попа священнаго сана и предать анаемѣ. Но Лазарь все не унимался. Тогда ему отрѣзали конецъ языка и сослали, вмѣстѣ съ Аввакумомъ, благовѣщенскимъ діакономъ Феодоромъ и соловецкимъ старцемъ Епифаніемъ, въ Пустозерскъ.

Здѣсь языкъ у Лазаря снова отросъ (житіе приписываетъ это чуду Ілии пророка). Онъ принялся снова устно и письменно отстаивать свое ученіе и въ февралѣ 1668 года написалъ два большія посланія — къ царю и къ патриарху. Результатомъ посланій было вторичное отрѣзаніе языка съ присоединеніемъ на этотъ разъ и правой кисти руки.

Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ самъ протопопъ Аввакумъ въ своей автобіографіи: «Священника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ изъ горла, кровь пошла, да и перестала; онъ въ то время безъ языка и паки говорить сталъ; тоже положи правую руку на плаху по запястье отсѣкли, и рука отсѣченная, лежа на земли, сложила сама, по преданію, персты и долго лежала предъ народомъ, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе Спасителево неизмѣнно. Я на третій день у Лазаря во ртѣ рукою моею гладилъ, ино гладко, языка нѣтъ, а не болитъ, далъ Богъ; и говорить, яко же и прежде. Играетъ надо мной: «щупай, протопопъ, забей руку въ горло-то, небось не откушу!»—И смѣхъ съ нимъ, и горе! Я говорю: «чево щупать, на улицѣ языкъ бросили». Онъ же сопротивъ: «собаки онѣ, вражьи дѣти! пускай ѣдятъ мои языки». Первой у него легче, и у старца (Епифанія) на Москвѣ рѣзаны были, а инымъ жестоко гораздо. А по дву годахъ и опять иной языкъ выросъ, чудно, съ первой же величиною, лишь маненько тупенекъ».

Раскольничье житіе рассказываетъ, будто бы черезъ два года у Лазаря отросла и рука. Насколько достовѣрно это извѣстіе, рѣшать не берусь, знаю только, что Лазаремъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ посланій, было написано въ Пустозерскѣ еще нѣсколько сочиненій и въ числѣ ихъ «Щитъ православія» въ 1675 году.

Скончался тишайшій царь, въ свое время сильно благоволившій къ Аввакуму, и взглядъ на пустозерскихъ заточниковъ въ въ Москвѣ измѣнился. Въ отвѣтъ на посланіе Аввакума къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, въ Пустозерскѣ пришло повелѣніе: сжечь въ срубѣ Аввакума, Лазаря, Ѳеодора и Епифанія «за великія на царскій домъ хулы». Приговоръ былъ исполненъ 1-го апрѣля 1681 года, и романовскій попъ вмѣстѣ съ своими товарищами замолкъ навѣки.

Наступало время прибытія парохода, и мы поспѣшили къ пристани.

Оканчивая обзоръ Романова-Борисоглѣбска, я долженъ упомянуть еще о здѣшней льнопрядильной фабрикѣ, находящейся у самой Волги и дающей заработокъ, какъ мѣстнымъ, такъ и окрестнымъ жителямъ. На фабрикѣ работаетъ до 1.000 человекъ, и въ средѣ подобныхъ ей заведеній московской промышленной области романовская мануфактура занимаетъ видное мѣсто.

Черезъ полчаса пароходъ «Быстрый» уже несъ насъ далѣе, по направленію къ Толжскому монастырю.

IV.

Т о л г а.

Крестомъ высокимъ освѣщенный,
 Вдали отъ сель и городовъ,
 Одинъ стоишь ты, окруженный
 Густыми купами деревь.
 Никитинъ.

Верстахъ въ восьми ниже Романова, на правомъ берегу Волги показался цѣлый рядъ огромныхъ нефтяныхъ цистернъ и зданія большого завода. Это было извѣстное на Волгѣ Константиновское. Заводъ для выработки минеральныхъ маслъ основанъ Викторомъ Ивановичемъ Рагозинымъ, тѣмъ самымъ предприимчивымъ и разностороннимъ человѣкомъ, которому мы обязаны прекраснымъ, къ сожалѣнью, неоконченнымъ, подробнымъ и обстоятельнымъ описаніемъ Волги. Трудъ этотъ, въ которомъ большое участіе принималъ В. А. Раевскій, составляетъ капитальный вкладъ въ нашу небогатую литературу по описанію великой русской рѣки, и жаль, сердечно жаль, что изданіе это, рассчитанное по плану на девять томовъ, остановилось на третьемъ томѣ.

Главною ареною дѣятельности Рагозина было нефтяное дѣло. До него изъ бакинской нефти вырабатывался только керосинъ, при чемъ масса тяжелыхъ маслянистыхъ частей пропадала даромъ. Викторъ Ивановичъ задумалъ утилизировать эти остатки и въ 1875 году устроилъ въ городѣ Балахнѣ заводъ для выдѣлки минеральныхъ маслъ, а черезъ три года завелъ и другой, въ Константиновѣ. Вся окружающая мѣстность, получивъ хорошій заработокъ, ожила, и самъ Романовъ получилъ значительное приращеніе къ своему ежегодному бюджету въ видѣ 5.000 рублей налога съ новаго завода. Съ теченіемъ времени сюда же перешло и Балахнинское дѣло. Въ 1886 году Константиновскій заводъ былъ временно закрытъ, но по прошествіи двухъ лѣтъ снова началъ свою дѣятельность, которую продолжаетъ и до сей поры.

За Константиновымъ села и деревни на обоихъ берегахъ Волги попадались чуть не на каждой верстѣ. Солнце начинало клониться къ закату, и проходившія мимо насъ, какъ въ панорамѣ, картины получали новую красоту отъ золотистаго вечерняго освѣщенія.

Черезъ нѣсколько времени, впереди, на высокомъ, правомъ берегу, показались красныя трубы Норской мануфактуры.

Когда-то здѣсь была рыбная ловецкая слобода, записанная въ число дворцовыхъ. Но мало-по-малу рыболовство пришло здѣсь въ упадокъ, жители понастроили кузницъ и занялись гвоздарнымъ промысломъ. Въ то же время здѣсь не прекращалось и ткацкое дѣло, которымъ занимались преимущественно женщины. «Необхо-

димо замѣтить,—говорить извѣстный знатокъ Волги С. В. Максимовъ,—что сѣвъ льна и ткачество полотень въ этомъ волжскомъ плесѣ настолько древни, что людская память не сохранила воспоминаній о времени перваго ихъ появленія». Дѣйствительно, ярославскія полотна славятся издавна, и, по словамъ того же С. В. Максимова, императоръ Николай I не носилъ другого полотна, кромѣ ярославскаго, о чемъ собственноручно засвидѣтельствовалъ въ 1844 году на всеподданнѣйшемъ отчетѣ ярославскаго губернатора.

Около многолюднаго селенія въ 1859 году возникла мануфактура для выдѣлки льняной и бумажной пряжи, въ короткое время завоевавшая себѣ прочное положеніе, и теперь считающаяся одною изъ первыхъ во всей Ярославской губерніи, при чемъ ежегодное производство доведено ею до почтенной цифры двухъ милліоновъ рублей. Впрочемъ, выработка собственно льняной пряжи, по слухамъ, годъ отъ года уменьшается, но зато все болѣе и болѣе увеличивается производство пряжи бумажной изъ русскаго хлопка, поставщиками котораго являются наши среднеазиатскія владѣнія.

Не успѣли мы миновать Норское, какъ вдали, на лѣвомъ берегу Волги, показались бѣлыя стѣны Толгскаго монастыря.

Въ началѣ четырнадцатаго вѣка здѣсь росли сплошныя, дремучіе лѣса, густою стѣною окружавшіе Ярославль, находящійся всего въ восьми верстахъ отъ Толги. Впрочемъ, рѣчка, протекавшая въ глубинѣ лѣвобережнаго лѣса, и тогда уже называлась Толгою и Толгоболкою. Вотъ какъ рассказываетъ монастырское преданіе объ основаніи монастыря въ этой глухой лѣсной чащѣ лѣваго берега.

Въ 1314 году ростовскій владыка Трифонъ объѣзжалъ свою епархію. Онъ побывалъ въ Бѣлозерскомъ краѣ и, оканчивая объѣздъ, уже направлялся къ Ростову. Запоздавъ на пути, онъ, не доѣзжая Ярославля, остановился на ночлегъ въ походномъ шатрѣ, на правомъ берегу Волги, неподалеку отъ нынѣшняго Норскаго. Ночью ему показался какой-то свѣтъ на противоположномъ берегу рѣки. Владыка взялъ свой посохъ и вышелъ изъ шатра. Въ лѣсу за Волгою стоялъ высокій огненный столпъ. Святитель взглянулъ на рѣку и увидѣлъ мостъ, перекинутый на лѣвый берегъ. Недоумѣвая, что бы это значило, онъ спустился къ мосту и перешелъ на ту сторону. Столпъ горѣлъ попрежнему въ недалекомъ разстояніи отъ воды. Трифонъ углубился въ лѣсъ и вскорѣ увидѣлъ высоко стоящую въ воздухѣ, окруженную сіяніемъ, икону Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Она была изображена нѣсколько наклоненною къ Младенцу, который, обнявъ Ея голову правою рукою, касался личикомъ лица Матери. Трифонъ вознесъ усердную молитву Владычицѣ и былъ настолько пораженъ видѣніемъ, что, возвращаясь къ шатру, позабылъ въ лѣсу свой посохъ.

Настало утро; путники стали собираться въ дорогу, но слуги нигдѣ не могли отыскать владычняго посоха и заявили о пропажѣ святителю. Епископъ послалъ ихъ поискать на томъ берегу Волги, и какова же была его радость, когда, неподалеку отъ мѣста, гдѣ лежалъ забытый посохъ, они нашли икону Богоматери, явившуюся владыкѣ ночью. Трифонъ немедля переправился за Волгу и началъ пѣть молебное пѣніе передъ иконою, а въ это время радостная вѣсть о явленіи образа уже долетѣла до Ярославля, и народъ толпами спѣшилъ къ мѣсту, гдѣ была обрѣтена икона. Владыка тутъ же своими руками началъ рубить деревья для обыденной церкви; народъ бросился помогать святителю, и къ вечеру церковь была поставлена и освящена во имя Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Подлѣ церкви Трифонъ учредилъ и мужскую обитель, самъ назначивъ въ нее игумена. Такъ возникъ, около шести сотъ лѣтъ назадъ, раскинувшійся передъ нами на зеленомъ берегу Толгскій монастырь.

Пароходъ убавилъ ходу и плавно приближался къ монастырской пристани, съ которой въ вечернемъ воздухѣ несло пѣніе иноковъ, служившихъ молебенъ для пароходныхъ пассажировъ.

Мы захватили вещи и вмѣстѣ съ народомъ перешли на пристань, гдѣ въ особомъ помѣщеніи, устроенномъ въ родѣ часовни, шло молебствіе, и передъ иконою уже горѣли десятки свѣчей.

Какъ только молебенъ окончился, и публика приложилась ко кресту, пароходъ тронулся далѣе, а мы направились къ монастырской гостиницѣ, находящейся почти у самой обители, нѣсколько лѣвъ ограда.

Завѣдующій гостиницею о. Митрофанъ принялъ насъ очень любезно и повелъ по длинному коридору, мимо цѣлаго ряда дверей. Это все были номера, и намъ очень понравилось, что надъ каждою дверью была выставлена цѣна суточного пользованія номеромъ. Въ монастыряхъ это встрѣчается крайне рѣдко, и обычное предложеніе платить за номеръ: «сколько вамъ Богъ на сердце положитъ», всегда бываетъ крайне стѣснительно. Намъ отвели прекрасный угловой номеръ, въ три окна, именуемый «семейнымъ», и стоящій всего 1 р. 25 к. въ сутки.

Вечеръ былъ чудный, и мы, заказавъ самоварчикъ, отправились пройтись вдоль монастырской ограда. Къ монастырю, съ правой стороны, примыкаетъ прекрасная вѣковая кедровая роща, обнесенная особою стѣною. Отъ угла этой рощи мы полюбовались видомъ уходящей вдаль, покрытой вечернимъ туманомъ Волги, на которой, точно бриллиантики, тамъ и сямъ сверкали далекіе огоньки.

За чаемъ въ гостиницѣ служившій намъ мальчикъ разсказалъ, что заутреня у нихъ бываетъ въ 4 часа утра, ранняя обѣдня въ семь, а поздняя въ девять, что болѣе всего народу собирается на

8-е августа — день явленія иконы; другой, зимній, праздникъ у нихъ бываетъ Введеніе, и если въ это время нѣтъ ледохода, то богомольцевъ также собирается много.

На другой день мы отправились къ поздней обѣднѣ въ соборъ, помѣщающійся въ центрѣ монастыря и построенный въ два года (съ 1681 по 1683) энергіею и трудами тогдашняго игумена Гордіана, которому обитель обязана многими своими зданіями. Подъ соборомъ находится усыпальница, гдѣ схоронены многіе мѣстные знатные люди, а въ самый храмъ ведетъ довольно высокая лѣстница.

Когда мы вошли въ храмъ, діаконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія. Молящихся было очень немного.

Покупая свѣчи, мы познакомились со свѣчникомъ, о. Варлаамомъ, который, узнавъ, что мы интересуемся монастыремъ, вызвался быть нашимъ путеводителемъ.

О чудотворной иконѣ о. Варлаамъ рассказалъ, что она теперь въ Ярославлѣ, а въ соборѣ на мѣстѣ ея стоитъ копія. У него же мы приобрѣли листокъ съ довольно примитивнымъ изображеніемъ чуда отъ иконы, случившагося въ 1392 году, 16-го сентября, во время заутрени. Когда, на девятой пѣсни канона, священникъ, по обычаю, ставъ передъ иконою, возгласилъ: «Богородицу и Матерь свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ», изъ опущенной правой руки Богоматери показалась струя благоуханнаго мира. Когда же иноки, по окончаніи службы, стали пѣть благодарственный молебенъ, миро появилось и изъ лѣвой ножки Спасителя.

О. Варлаамъ показалъ намъ далѣе богато убранный жемчугомъ Нерукотворенный образъ—даръ Іоанна Грознаго, получившаго въ обители исцѣленіе отъ болѣзни ногъ, во время бѣлозерской поѣздки.

Пока шла обѣдня, мы разсматривали стѣнную живопись храма, расписаннаго черезъ шесть лѣтъ послѣ освященія. Живопись эта уже неоднократно подновлялась, но каждый разъ по старымъ чертамъ, съ точнымъ соблюденіемъ рисунка. Въ одномъ изъ клеймъ изображено моленіе передъ иконою царя Ѳеодора Алексѣевича, бывшаго здѣсь съ сестрами въ 1677 году.

Изъ вѣнчаныхъ особъ, кромѣ Грознаго и Ѳеодора Алексѣевича, обитель 26-го мая 1763 года удостоилась еще посѣщенія императрицы Екатерины Второй, пріѣхавшей сюда нарочно изъ Ярославля для поклоненія чудотворной иконѣ.

Поклониться Толгской святынѣ желала и еще одна изъ русскихъ парицъ, именно Парасковья Ѳеодоровна, вдова государя Іоанна Алексѣевича. Въ октябрѣ 1709 года она съ дочерьми: Екатериною, Парасковьею и Анною, прибыла въ Ростовъ, но дороги вслѣдствіе осенней распутицы были настолько дурны, что ѣхать далѣе она не рѣшилась и сдѣлала распоряженіе принести икону Богоматери въ Ростовъ, что и было исполнено. Шествіе съ ико-

ною приблизилось къ Ростову въ самый день праздника св. Авраамія Ростовскаго, почивающаго въ Богоявленскомъ монастырѣ, когда изъ церквей всего города бываетъ общій крестный ходъ въ монастырь. Царица приказала этому крестному ходу итти на срѣтеніе приближавшейся Толгской иконѣ. Встрѣча вышла торжественная, и три царевны на своихъ рукахъ внесли икону въ монастырь, а государыня приложила къ ней крестъ изъ восточныхъ хрусталей, который носила на груди своей. Вѣроятно, въ память этой своей дѣвической встрѣчи императрица Анна Іоанновна въ 1738 году пожертвовала въ монастырь большую серебряную лампаду на цѣпяхъ, вѣсомъ болѣе шести фунтовъ.

Обѣдня окончилась, и мы обошли весь соборъ кругомъ. Иконостасъ въ немъ новый и поставленъ въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія. На переднихъ отъ солей столбахъ храма, лицомъ къ алтарю помѣщены, обдѣланныя въ небольшія рамки, два письма императора Павла I на имя толгскаго архимандрита Августина, съ которыми императоръ былъ лично знакомъ. Въ первомъ изъ нихъ Павелъ извѣщаетъ, что въ знакъ своего «благоговѣнія» къ Толгской чудотворной иконѣ посылаетъ въ монастырь бархатную ризницу для соборнаго священнослуженія и этимъ исполняетъ свой «долгъ духовный»; во второмъ благодаритъ за присланную ему Августиномъ копию чудотворной иконы. Первое письмо помѣчено: «Санктпетербургъ, декабря въ 19 день 1798 года», второе: «Петербургъ, іюня въ 30 день 1799 года». Присланная императоромъ ризница заключаетъ въ себѣ не только ризы для священнослужителей, но и одежды для престола, жертвенника и аналоевъ съ пеленами. Вся она вышита золотомъ по темнозеленому бархату и подложена бѣлымъ атласомъ.

Когда мы осмотрѣли соборъ внутри, о. Варлаамъ провелъ насъ къ устроенному въ южномъ концѣ паперти небольшому старинному придѣлу во имя ярославскихъ чудотворцевъ, князей: Θεодора, Давида и Константина. Придѣлъ этотъ, очень хорошо сохранившійся, устроенъ въ одно время съ соборомъ. Стѣнная живопись исполнена въ 1691 году на средства окольниковачаго, князя Василія Θεодоровича Жирового-Засѣкина, потомка древнихъ ярославскихъ князей.

Проходя папертью, мы замѣтили и здѣсь, какъ въ Романовѣ, большое изображеніе Страшнаго суда. Глаза у сатаны, сидящаго въ нижней части композиціи, были выколоты какимъ-то благочестивымъ зрителемъ.

Съ паперти мы спустились въ обширный склепъ, устроенный подъ соборомъ, гдѣ схоронены: стольникъ, князь Димитрій Ивановичъ Жировой-Засѣкинъ, окольникій, князь Никита Яковлевичъ Львовъ (скончавшійся въ монашествѣ), князь Яковъ Зиновьевичъ Вяземскій, князь Θεодоръ Ивановичъ Троекуровъ и другіе.

О. Варлаамъ провелъ насъ и въ теплую Крестовоздвиженскую церковь, существовавшую, по писцовымъ книгамъ, еще до 1629 года и бывшую самымъ древнимъ храмомъ монастыря. Но стараніями управлявшаго Толгою въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія архіепископа Авраама церковь эта настолько «обновлена», что отъ прежняго въ ней ровно ничебъ не осталось. Въ палаткѣ подъ сѣвѣрною стѣною этой церкви погребенъ и самъ обновитель ея, преосвященный Авраамъ. Рукоположенный во священника еще въ 1782 году, онъ въ 1812 году былъ протоіереемъ Архангельскаго собора. Во время нашествія французовъ ему было поручено храненіе патриаршей и соборной ризницъ, патриаршей библіотеки и синодальныхъ и консисторскихъ дѣлъ. Нагрузивъ все это на воза, онъ отправился въ Вологду, гдѣ и переждалъ, пока миновала грозная туча. Въ Вологдѣ онъ овдовѣлъ и, когда вернулся въ Москву, принялъ монашество, открывшее ему путь къ высокимъ степенямъ духовной іерархіи. 21-го іюля 1818 года Авраамъ былъ сдѣланъ епископомъ тульскимъ, а черезъ три года архіепископомъ астраханскимъ; затѣмъ переведенъ въ Ярославль, гдѣ управлялъ епархіею около двѣнадцати лѣтъ, и, наконецъ, удалился на покой на Толгу. Покойный всю жизнь свою былъ одержимъ маніею строительства и расширенія и возобновленія старыхъ построекъ. Его руками перепорчено или совершенно уничтожено немало древнихъ архитектурныхъ памятниковъ на Толгѣ, въ Ярославлѣ и другихъ мѣстахъ. Авраамъ умеръ въ 1844 году, распорядившись похоронить себя въ маломъ архіерейскомъ облаченіи и въ стальныхъ крестѣ, паняги и митрѣ, которыя онъ изготовилъ заранѣе.

Третьей монастырскою церковью, которую показалъ намъ о. Варлаамъ, была Спасская, находящаяся неподалеку отъ сѣверныхъ воротъ монастыря. По внѣшности это очень нарядная постройка, какъ по стилю и орнаменту, такъ и по своимъ, покрытымъ блестящею жезью, девяти главамъ, изъ которыхъ средняя высоко поднимается надъ остальными.

Въ трапезной части этой церкви покоятся два лица, небезызвѣстные въ исторіи екатерининскаго и александровскаго времени. Первый изъ нихъ—Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, «очень и очень полезный челоувѣкъ государству», по свидѣтельству самой Екатерины, новороссійскій губернаторъ, президентъ камеръ-коллегии, генераль-губернаторъ ярославскій и издатель «Уединеннаго Пошехонца»; второй—Николай Алексѣевичъ Тучковъ, штыками проложившій дивизіи князя Горчакова дорогу отъ Цюриха къ Шафгаузену въ 1799 году, участникъ сраженій при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ, командиръ третьяго корпуса первой арміи въ Отечественную войну, сражавшійся со славою при Островнѣ, Смоленскѣ, Валутиной горѣ и Бородинѣ. Здѣсь корпусъ его прикрывалъ на лѣвомъ флангѣ старую Смоленскую дорогу и храбро от-

бывалъ атаки Понятовскаго, но вражья пуля пробила грудь Николая Алексѣевича, и его замятво снесли на перевязочный пунктъ, а послѣ перевязки понесли на плащѣ въ Можайскъ. Изъ Можайска его перевезли въ Ярославль. Здѣсь страдалецъ мучился еще три недѣли и, наконецъ, скончался 30-го октября 1812 года. За свою храбрость, прямодушіе и сердечную доброту покойный пользовался уваженіемъ всей арміи.

Примыкающій къ Спасской церкви каменный одноэтажный флигель также имѣетъ свою исторію. Прежде онъ былъ въ два этажа и въ XVIII столѣтіи служилъ приютомъ для отставныхъ и неспособныхъ къ продолженію службы офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которыхъ, въ силу собственноручныхъ указовъ Петра отъ 12-го апрѣля 1722 года и 7-го декабря 1724 года, монастырь долженъ былъ содержать на свой счетъ. Изъ одного документа 1767 года видно, что сержанту полагалось отъ обители деньгами 5 рублей 49 копеекъ, а хлѣбомъ 6 четвертей ржаной муки и 3 четверика крупы въ годъ. Рядовые получали жалованья по 3 рубля 66 копеекъ, въ отношеніи же хлѣбнаго продовольствія женатые были сравнены съ сержантами, а холостые получали его въ половинномъ размѣрѣ. Съ 1793 года корпусъ обращенъ въ больницу для братіи, а въ первой половинѣ XIX вѣка въ немъ перебивали и духовное училище, и семинарія, и уѣздное приходское училище, пока въ 1836 году корпусъ не былъ снова переданъ монастырю. Древняя постройка требовала ремонта, и ремонтъ былъ произведенъ преосвященнымъ Авраамомъ довольно своеобразно: у маститаго зданія, быть можетъ, помнившаго еще времена Петра или Феодора Алексѣевича, онъ велѣлъ начисто снести второй этажъ и употребить кирпичъ на другія новыя постройки, а нижняя часть зданія была отремонтирована на свой ладъ. Теперь въ этомъ корпусѣ помѣщается монастырская трапезная, кухня, рабочая столовая и разныя службы.

У Спасской церкви мы на время разстались съ своимъ любезнымъ путеводителемъ. Онъ отправился трапезовать, а мы—обѣдать въ гостиницу.

Черезъ часъ о. Варлаамъ уже снова ожидалъ насъ у монастырскихъ воротъ и мимо древней колокольни, надстроенной въ 1825 году, провель на братское кладбище.

На колокольнѣ имѣется колоколъ съ двумя надписями, принадлежащими разнымъ годамъ; его исторія не лишена интереса. Въ 1628 году государемъ Михаиломъ Феодоровичемъ было отпущено въ Толгскій монастырь на каменное колоколенное строеніе сто рублей, сумма по тому времени довольно значительная. Тогдашній игуменъ Серапіонъ деньги получилъ, но колокольни на нихъ строить не сталъ, а отложилъ ихъ на задуманную имъ отливку большого стопудоваго колокола. Но царскій вкладъ составилъ только пятую часть всей скопленной Серапіономъ на колоколъ суммы, и потому,

когда колоколъ, въ 1632 году, былъ отлить, то въ надписи на немъ было только глухо замѣчено, что вылить онъ «казенными деньгами». Въ 1677 году при игуменѣ Гордіанѣ (строителѣ собора) князь Львовъ пожертвовалъ въ обитель другой колоколъ въ 200 пудовъ, и Толга могла гордиться своимъ рѣдкостнымъ по тому времени звономъ. Но «радости земныя не бываютъ продолжительны», замѣчаетъ авторъ описанія обители. Не прошло и года, какъ стопудовый колоколъ треснулъ, и игуменъ Гордіанъ оказался въ крайне затруднительномъ положеніи. Колоколъ, конечно, надо было перелить. Но гдѣ? Колокольныхъ заводовъ въ Ярославлѣ тогда еще не было. Приходилось везти въ Москву, но Москвы-то игуменъ и боялся болѣе всего. Вѣсть о разбитомъ толгскомъ колоколѣ тамъ въ какую нибудь недѣлю легко могла долетѣть до дворца, и тогда открылось бы не только то, что разбить царскій колоколъ, а и вся предыдущая исторія, что царскія деньги, присланныя на построеніе колокольной, пошли на другое дѣло, что и колоколъ-то отлить не на одну эту сумму, и она, такимъ образомъ, какъ бы затерялась между остальными деньгами, собранными съ разныхъ сторонъ. Гордіанъ чувствовалъ, что узнай объ этомъ ближніе бояре, ему, какъ представителю толгскаго начальства, не поздоровится. Но его замѣчательная энергія и русская смѣтка вывели его изъ затрудненія. Не говоря никому ни слова, онъ спустилъ колоколъ съ колокольной и черезъ своихъ доброхотовъ тайно отправилъ его за границу, откуда онъ, въ перелитомъ видѣ, черезъ годъ или два, благополучно возвратился въ обитель. Теперь на колоколѣ оказалось двѣ надписи: одна—прежняя, русская, а другая—латинская, гласившая: «*Si Deus pro nobis, quis contra nos. Ewerhardus Splinter me fecit Spelysae anno 1678*». Но этой надписи Гордіанъ не боялся: зналъ онъ, что «латынщиковъ» на Руси въ то время было немного.

На братскомъ кладбищѣ о. Варлаамъ показалъ намъ часовню надъ могилою иноковъ, убитыхъ поляками во времена московской смуты и разоренія.

Здѣсь намъ приходится развернуть одну изъ самыхъ скорбныхъ страницъ въ исторіи Толгской обители.

Наступилъ май 1609 года. Ярославцы, передавшіеся было второму самозванцу, послушались увѣщаній Шуйскаго, сварили въ котлѣ своего воеводу, нѣмца Шмита, и приняли царскихъ воеводъ: Гагарина, Вышеславцева и Рязанова. Узнавъ объ этомъ, Сапѣга изъ-подъ Троицы отрядилъ къ Ярославлю пана Микулинскаго и дворянина Наумова съ войскомъ. Подойдя къ городу, они увидѣли что валы, башни и палисады въ немъ исправлены, а разставленные на стѣнахъ орудія показывали, что ярославцы сдаваться не намѣрены. Сапѣжинцы попробовали вступить въ переговоры и убѣдить горожанъ сначала ласкою, потомъ угрозами, но безъ ус-

пѣха. Тогда они сдѣлали нѣсколько приступовъ, сожгли часть земляного города и подгородніе посады, но города такъ и не могли взять и, махнувъ на него рукою, разсѣялись, чтобы, по крайней мѣрѣ, опустошить окрестности. И вотъ настало для Толги роковое 18-е число, день, который и посейчасъ не позабытъ въ обители. Поляки переправились черезъ Волгу и подступили къ деревянному монастырскому острогу. Надо полагать, что, предчувствуя бѣду часть братіи, и въ томъ числѣ монастырское начальство, укрылись куда нибудь въ безопасное мѣсто, но въ обители все же оставалось нѣсколько десятковъ иночествующихъ съ однимъ іеромонахомъ, Феодосіемъ. Застучали въ ворота вражескіе топоры, затрещали охваченныя огнемъ деревянные стѣны острога. О сопротивленіи нечего было и думать. Непріятель ворвался въ монастырь. Братскія келліи уже пылали. Все остававшееся населеніе обители пыталось запереться въ каменной церкви. Но скоро рухнули и ея двери... О томъ, что произошло въ церкви, можно и не говорить, оно понятно само собою. Когда непріатели, обремененные награбленнымъ добромъ, удалились изъ сожженной обители, по ней, въ разныхъ мѣстахъ, валялось сорокъ шесть обезображенныхъ труповъ. Черезъ нѣсколько времени остальная братія мало-по-малу вернулась въ монастырь, собрала тѣла страдальцевъ и схоронила ихъ въ общей могилѣ.

Прежде надъ могилою убитенныхъ лежалъ камень. Отъ времени онъ треснулъ и раздвоился, и богомольцы сквозь его расщелину доставали святую земельку съ могилы мучениковъ. Теперь, какъ я упомянулъ, надъ убитенными поставлена часовня, а надгробный камень отнесенъ въ сторону.

Съ кладбища мы снова вернулись къ собору и отъ него прошли къ святымъ воротамъ, выходящимъ на волжскій берегъ. Ворота эти, равно какъ и находящаяся надъ ними церковь св. Николая, построены въ 1672 году иждивеніемъ торговыхъ людей гостиной сотни Семена и Ивана Сверчковыхъ. Ограда была въ то время еще деревянная, но, вѣроятно, въ концѣ того же XVII столѣтія вокругъ обители появились и нынѣшнія каменные стѣны.

Намъ оставалось осмотрѣть еще одну достопримѣчательность монастыря—его знаменитую кедровую рощу. Когда занесены на берегъ Волги эти вѣковые сибирскіе кедры, въ точности неизвѣстно. По монастырскому преданію они насажены здѣсь въ концѣ XVI вѣка игуменомъ Феодосіемъ, бывшимъ впоследствии епископомъ астраханскимъ.

О. Варлаамъ показалъ намъ старый кедръ, на которомъ послѣ пожара, уничтожившаго монастырскую церковь, была найдена чудотворная икона Божіей Матери, оставшаяся невредимою отъ огня. Укажу здѣсь маленькое хронологическое несоотвѣтствіе. Дерево это, на которомъ и теперь въ память чуда помѣщается копія съ чу-

дотворной иконы, несомнѣнно кедръ. Когда, въ 1883 году, Толгу проѣздомъ посѣтилъ великій князь Николай Николаевичъ, ярославскій архіепископъ поднесъ ему копію съ чудотворной иконы, заздравную просфору и корзину съ кедровыми плодами, пояснивъ, что плоды эти съ того самаго кедра, на которомъ явленная икона Богоматери вторично обрѣтена была послѣ пожара ¹⁾. А между тѣмъ монастырскія сказанія относятъ пожаръ церкви не къ XVII и даже не къ концу XVI вѣку, когда кедръ (опять-таки по монастырскому же преданію) были только что посажены, а къ первому столѣтію существованія обители ²⁾, основанный въ 1314 году, причѣмъ въ сказаніи упомянуто глухо, что икона обрѣтена «въ дубравѣ на деревѣ». Одно изъ двухъ: или это «древцо» было не кедръ, если же оно было кедромъ, который существуетъ и понынѣ, то надо необходимо допустить, что кедръ росъ здѣсь еще въ XIV вѣкѣ и, слѣдовательно, не требовали искусственнаго разведенія.

Многіе кедръ успѣли уже значительно устарѣть, но въ монастырѣ приняты мѣры для поддержанія своей, пользующейся громкою извѣстностью, рощи. Намъ показали питомникъ, гдѣ стройными рядами на смѣну старымъ вырастаютъ молодые кедръ.

Идя съ нами по широкой тѣнистой кедровой аллеѣ, о. Варлаамъ разсказалъ намъ, что орѣхи на кедрѣхъ поспѣваютъ у нихъ обыкновенно въ концѣ іюля. Дня за два, за три до 8 августа, въ которое празднуется явленіе иконы, кедровыя шишки сбиваются съ деревьевъ и частью раздаются братіи, штукъ по 50 к. и по 100, смотря по урожаю. Въ самый день праздника открывается спеціальная лавка для богомольцевъ. Шишки продаются, которыя покрупнѣе, по полтиннику, а помельче по тридцати копеекъ за десятокъ. Въ послѣдніе годы урожаи шишекъ стали нѣсколько слабѣе.

Роскошная, темнозеленая аллея, по своей ширинѣ и древности окружающихъ ее деревьевъ, отчасти напоминала нашъ петербургскій Лѣтній садъ и дѣйствительно была достойна своей громкой славы.

Въ концѣ ея мы замѣтили нѣсколько стволовъ отъ сломленныхъ бурей кедровъ. На одномъ изъ нихъ помѣщена дощечка со стихотвореніемъ г. Ив. Недумова на тему о глѣнности и непрочности всего земного.

Пройдя аллею, мы вышли къ большой деревянной бесѣдкѣ, стѣны и скамьи которой были покрыты инициалами, замѣтками и поэтическими набросками посѣтителей. На видномъ мѣстѣ красовалось чье-то четверостишіе:

¹⁾ «Ярославскій первоклассный Толгскій монастырь». Изд. второе, дополненное. 1888 г., стр. 17—18.

²⁾ Ibid., стр. 10—11.

Здѣсь мѣсто отдыха, святого вдохновенья,
 Но не для пошлостей и дерзкаго глумленья.
 И вотъ совѣтъ мой отъ души:
 Одумайся, и глупостей такихъ ты больше не пиши.

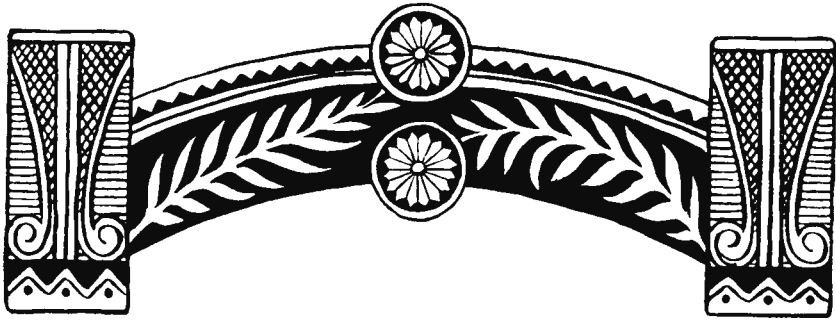
Мы поинтересовались, кто изъ посѣтителей или посѣтительницъ, оставившихъ здѣсь свои автографы, навлекъ на себя негодованіе поэта, и скоро нашли виновницу: недалеко отъ четверостишія рукою какой-то барышни было начертано: «Я очень люблю сидѣть здѣсь, когда гуляли офицеры».

Приближалось время отправляться далѣе; черезъ полчаса долженъ былъ прійти пароходъ, и мы, простившись съ любезнымъ о. Варлаамомъ, зашли за вещами въ гостиницу, а оттуда направились къ монастырской пристани, унося въ душѣ самое пріятное воспоминаніе о Толгѣ и ея прекрасной кедровой рощѣ.

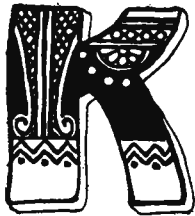
И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПЛАТОНОВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА.

КОГДА умираетъ государственный дѣятель, то обыкновенно пишутъ официальные некрологи, въ которыхъ указываются вмѣстѣ съ окончаніемъ образованія время поступленія на службу, постепенное прохожденіе службы, годъ полученія выдающагося поста, перечень наградъ и чиновъ. Когда же умретъ государственный дѣятель и въ то же время талантливый и отзывчивый на все свѣтлое и доброе человѣкъ, то, по нашему убѣжденію, нельзя ограничиться сухимъ официальнымъ некрологомъ, тѣмъ болѣе, если онъ, кромѣ того, былъ писателемъ, стремившимся повѣдать плоды своей практической дѣятельности читающей публикѣ. Такимъ былъ Александръ Платоновичъ Энгельгардтъ, бывший товарищъ министра земледѣлія, умершій въ Берѣ, вдали отъ родины, 22 ноября; выяснить ту потерю, которую понесло общество и государство въ лицѣ безвременно умершаго человѣка, необходимо еще при свѣжей могилѣ. Это—долгъ священный для людей, знавшихъ его при жизни. Мы иногда слишкомъ много занимаемся покойниками съ громкими именами въ литературѣ, копаемся въ малѣйшихъ деталяхъ ихъ частной жизни, стараемся вывести на свѣтъ Божій самыя незначительныя черты ихъ характеровъ и трудовъ, но нерѣдко забываемъ людей, послужившихъ родинѣ своей мыслью и дѣятельностью и надорвавшихъ свой организмъ въ борьбѣ съ чисто физическими и климатическими условіями нашей угрюмой природы. Послѣ смерти своей А. П. Энгель-

гардтъ въ числѣ своихъ печатныхъ трудовъ оставилъ два капитальныхъ сочиненія: «Русскій Сѣверъ» и «Черноземная Россія»¹⁾.

Первая книга, «Русскій Сѣверъ», составляетъ результатъ личныхъ наблюденій покойнаго, его поѣздокъ и буквально походовъ въ бытность его архангельскимъ губернаторомъ въ такіе отдален-

Александръ Платоновичъ Энгельгардтъ.

ные пункты, куда рѣдко заглядывали до него не только губернаторы, но и простые смертные.

«При первомъ, даже поверхностномъ, знакомствѣ,—говорится въ началѣ этой живой книги,—съ мѣстными условіями и нуждами русскаго Сѣвера, составляющаго Архангельскую губернію и обнимающаго огромное пространство отъ границъ Норвегіи до Тобольской губерніи вѣдоль береговъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря,

¹⁾ «Русскій Сѣверъ. Путевыя записки». Изданіе А. С. Суворина. 1897. «Черноземная Россія». 1902.

нельзя не замѣтить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширнаго края находится въ полномъ застоѣ и какъ бы въ летаргическомъ снѣ. Между тѣмъ по своему географическому положенію и своимъ естественнымъ богатствамъ, край этотъ обладаетъ всѣми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояніе мѣстнаго населенія, но и служить на пользу всего государства». Эти слова, имѣющія глубокое значеніе для нашего сѣвера, А. П. Энгельгардтъ высказалъ не въ видѣ громкой и общей фразы, но какъ человѣкъ-администраторъ, увидавшій самъ лично, безъ всякихъ посредниковъ и «донесеній», этотъ «летаргическій сонъ» края, богатства котораго имъ детально изучены и описаны далѣе въ «Русскомъ Сѣверѣ». Онъ не пожалѣлъ себя, чтобы пройти пѣшкомъ поперекъ всего Кольскаго полуострова, и это путешествіе далеко не было прогулкой по безлюдной и болотной мѣстности. Плаваніе на Новую Землю, совершенное имъ въ 1895 году, считавшееся всегда рискованнымъ, благодаря свойствамъ Ледовитаго океана, имѣло благую цѣль — устройство быта самоѣдовъ, зная ту эксплуатацію, которой подвергались несчастные инородцы въ рукахъ торгующаго люда, онъ такъ обезпечилъ ихъ добычу, настолько урегулировалъ продажу добываемой ими рыбы и пушнины, что многіе изъ нихъ обзавелись хорошими ружьями, рыболовными снарядами и стали откладывать свои сбереженія въ правительственную сберегательную кассу. Нѣкоторые же изъ нихъ обзавелись вмѣсто юртъ теплыми домами, доставленными имъ въ разобранномъ видѣ на пароходѣ. Не говоря уже о проведеніи телеграфа на Мурманскій берегъ, устройствѣ порта и другихъ административныхъ мѣропріятіяхъ, оцѣнка коихъ не составляетъ предмета нашей статьи, вся его книга дышитъ однимъ намѣреніемъ «пробудить спящій сѣверъ отъ летаргическаго сна» и не словомъ только и «благими пожеланіями», а дѣломъ. Онъ пробудилъ къ жизни самоѣдовъ, заставивъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, а не какъ на животныхъ, показывая самимъ собою примѣръ гуманнаго отношенія не только къ нимъ, но и къ остальному мелкому люду, котораго онъ никогда не гнушался и никогда на него не смотрѣлъ свысока, избѣгая всякой «китайской стѣны» эфемернаго величія и чиновничьей недоступности. Всѣ страницы «Русскаго Сѣвера», гдѣ описываются личныя детали его путешествія, проникнуты неизсякаемымъ добродушіемъ и бережнымъ отношеніемъ къ людямъ и невольно вызываютъ симпатію къ личности автора даже со стороны читателей, не знавшихъ его лично, не говоря уже о тѣхъ, кто имѣлъ случай убѣдиться въ прекрасныхъ качествахъ его души и сердца... Эта книга, написанная живымъ, общедоступнымъ языкомъ, наполненная многими интересными иллюстраціями, историческими справками и эпизодами о малоизвѣстномъ краѣ, имѣла въ свое время заслуженный

успѣхъ и широкое распространеніе не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ о Россіи читаютъ нерѣдко болѣе и чаще, чѣмъ мы сами, русскіе. Достаточно сказать, что она была переведена на англійскій языкъ и издана въ 20.000 экземплярахъ, чего не часто удостоиваются у насъ сочиненія наиболѣе популярныхъ писателей.

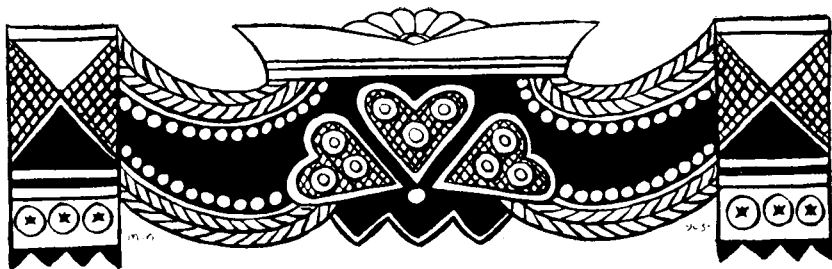
Второе капитальное сочиненіе А. П. «Черноземная Россія», появившееся въ печати за годъ до его смерти, составляетъ популярно-научную работу съ яркимъ изложеніемъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ нашъ земледѣльческій центръ. Въ этомъ цѣнномъ трудѣ, помимо ссылокъ на научную литературу и мнѣнія разныхъ ученыхъ, выясняются причины неурожаевъ въ послѣдніе годы, поразившихъ многія изъ центральныхъ и южныхъ губерній. Придавая огромное значеніе въ экономической жизни населенія такимъ факторамъ, какъ овраги, сыпучіе пески, лѣсоистребленіе и хищническое хозяйство, авторъ «Черноземной Россіи» указываетъ на мѣры борьбы съ ними. «Цѣль моя,—говорится въ предисловіи этой книги,—была нарисовать картину современнаго положенія края и установить, что основная, коренная причина неурожаевъ, подрывающихъ наше экономическое благосостояніе, засухи, что онѣ всему виною. Указавъ на тѣ условія, которыя вызываютъ засухи, я долженъ былъ въ то же время выяснить, почему наша плодородная, но лишенная влаги, земля бессильна вынести пагубныя вліянія засухъ на ея растительный покровъ. Затѣмъ необходимо было выяснить, что привело нашу землю въ такое безсиліе, указать тѣ факторы, которые лишаютъ ее влаги, иссушаютъ ее и даютъ широкій просторъ вліянію засухъ. Такими факторами на основаніи научныхъ изслѣдованій, а также по сравненію настоящаго положенія съ прошедшимъ, являются уничтоженіе древесной растительности, хищническое хозяйство и распашка цѣлинъ, содѣйствовавшія чрезвычайно и быстрому развитію овраговъ, благодаря которымъ для земли пропадаютъ запасы снѣговой и дождевой воды и понизился уровень водъ. Всѣ эти причины, создавшія упадокъ земледѣльской промышленности, сами собой указываютъ на мѣры къ спасенію». И все означенное сочиненіе имѣетъ цѣлью выясненіе этихъ «мѣръ спасенія». Этотъ живой государственный дѣятель, прикасавшійся въ теченіе всей своей жизни къ матери-землѣ и хлѣбонашцамъ, какъ крупный землевладѣлецъ, и объѣхавшій по роду своей службы и наблюдавшій лично большія пространства земледѣльской Россіи, имѣлъ всѣ данныя, чтобы высказать авторитетное слово о «мѣрахъ спасенія» нашего сельскаго хозяйства. И тѣмъ большіе интересъ и значеніе имѣетъ эта книга для лицъ, заинтересованныхъ въ сельскохозяйственной жизни страны, что она является живымъ результатомъ его дѣятельности. Тѣмъ не менѣе авторъ ея былъ

весьма скромнаго мнѣнія о ней. «На мою книгу,—пишетъ онъ въ предисловіи,—я прошу смотрѣть, какъ на памятку о томъ, о чемъ всѣмъ намъ нужно постоянно помнить, какъ на лишній вкладъ человѣка, искренно желавшаго посильно послужить на пользу общаго блага въ дѣлѣ первостепенной важности, въ одномъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ въ интересахъ для всѣхъ насъ одинаково дорогой родины». Дѣйствительно, Александръ Платоновичъ искренно любилъ свою родину, и эта искренность была основною чертою его характера. Эта искренность проявлялась въ сношеніяхъ съ людьми и во всякомъ живомъ дѣлѣ, за которое онъ брался по убѣжденію, и которому онъ отдавался всецѣло со всей страстностью увлекающейся, богато одаренной натуры. Его возмущала человѣческая несправедливость, и онъ всегда стоялъ за правоту, отстаивая людей, внушавшихъ ему довѣріе, не взирая, въ какой служебной степени они находятся, и къ какому рангу они принадлежатъ. Онъ не былъ сухимъ чиновникомъ и не придавалъ значенія формальностямъ; онъ охватывалъ всякій вопросъ широко, не видя въ «формальной бумагѣ и въ отношеніи за № такимъ-то» единственнаго его разрѣшенія. Своимъ прозорливымъ умомъ онъ видѣлъ и чужалъ бѣдствіе отъ «разливающегося моря бумагъ», а потому избѣгалъ ихъ, боясь въ нихъ потонуть, пропустивъ за бумажной формалистикой суть дѣла и практическое его осуществленіе. Кромѣ того, какъ самъ писатель, онъ всегда сочувственно относился къ литераторамъ и литературѣ, придавая ей весьма важное значеніе въ общественной жизни. Онъ зорко слѣдилъ за каждымъ отраженіемъ въ печати современныхъ нуждъ отечества и стоялъ за полную свободу мнѣній, высказываемыхъ смѣло и съ знаніемъ дѣла. Поэтому люди, «пишущіе» въ журналахъ и газетахъ откровенно и съ убѣжденіемъ, находили въ немъ нравственную поддержку, сочувствіе, а при случаѣ и содѣйствіе...

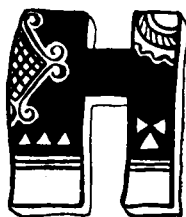
Миръ праху твоему, искренній и талантливый труженикъ земли Русской! Дай Богъ, чтобы наша родина давала побольше такихъ полезныхъ и преданныхъ ей сыновъ!

П. И. Соколовъ.

НЕНАПИСАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

НАСТОЯЩАЯ замѣтка вызвана вышедшей недавно книгой профессора И. А. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» ¹⁾. При всемъ своемъ значеніи въ пушкинской литературѣ трудъ профессора И. А. Шляпкина вызываетъ немало недоумѣній, исправленіе которыхъ лежитъ на обязанности специальной критики. Но съ особенной настойчивостью, по поводу труда профессора И. А. Шляпкина, нужно поднять вопросъ о «ненаписанныхъ» стихотвореніяхъ Пушкина, которыя все-таки мы можемъ читать въ книгѣ профессора Шляпкина. Этимъ ненаписаннымъ произведеніямъ Пушкина и посвящена настоящая замѣтка.

Первый отдѣлъ книги профессора И. А. Шляпкина содержитъ неизданныя стихотворенія Пушкина, варианты и дополненія къ изданнымъ стихотвореніямъ, неизвѣстную драматическую сцену, дополненія къ изданнымъ прозаическимъ произведеніямъ, замѣтки и собственноручныя выписки поэта. Въ какомъ видѣ были автографы поэта, попавшіе профессору И. А. Шляпкину? Въ его рукахъ находились буквально обрывки, клочки, отдѣльные листки; лишь немногіе изъ нихъ даютъ сравнительно сносный текстъ, возстановляемый безъ особаго труда. Остальные клочки такъ испещрены поправками и такъ исчерканы, что въ нихъ слова живого не прочтешь... Предстояла трудная задача—предложить на

¹⁾ Оцѣнка труда профессора И. А. Шляпкина дана въ библиографическомъ отдѣлѣ майской книжки «Историческаго Вѣстника» за 1903 годъ.

судъ спеціалистовъ и читающей публики всѣ эти черновики поэта... Фототипическое воспроизведеніе рукописей было бы въ сущности дѣломъ не сложнымъ, но необходимымъ, потому что въ рукахъ издателя были главнымъ образомъ черновыя. Отказавшись отъ фототипическаго воспроизведенія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе исчерканныхъ автографовъ, издатель «старался вполнѣ исчерпать драгоценную находку такъ, чтобы и въ случаѣ исчезновенія подлинниковъ будущимъ изслѣдователямъ его изданіе могло хотя отчасти замѣнить ихъ».

Изданіе профессора Шляпкина, къ сожалѣнію, не устраняетъ необходимости воспользоваться подлинниками и до ихъ исчезновенія. Возстановилъ ли издатель подлинный видъ рукописи? Спеціальныя занятія черновиками, какъ они напечатаны профессоромъ Шляпкинымъ, не поселяютъ несомнѣнной увѣренности въ томъ, что рукопись находится въ книгѣ въ томъ же видѣ, какъ и въ автографѣ. И вотъ что больше всего способствуетъ возникновенію неуверенности. Издатель не выработалъ и не провелъ на всемъ протяженіи книги точныхъ и строго опредѣленныхъ приемовъ передачи черновыхъ рукописей. Не считаемъ нужнымъ останавливаться на этомъ положеніи, оно весьма обстоятельно разъяснено въ отзывѣ В. Е. Якушкина ¹⁾. Второй вопросъ, являющійся при изученіи книги профессора И. А. Шляпкина, правильно ли чтеніе рукописи. Не имѣя фототипическихъ снимковъ, мы должны довѣрять правильности чтенія издателя. Правда, къ книгѣ приложены нѣсколько факсимиле, но они—какъ разъ съ автографовъ, менѣе всего

¹⁾ «Русскія Вѣдомости» отъ 14 марта 1903 года, № 72. Вотъ что пишетъ В. Е. Якушкинъ: «Въ книгѣ профессора Шляпкина передаются черновыя въ полномъ видѣ съ зачеркнутыми словами, съ обозначеніемъ неразобранныхъ словъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выработаны опредѣленные приемы для обозначенія всѣхъ особенностей рукописи. На одной страницѣ исчерканная черновая передается такъ: всѣ зачеркнутыя слова набраны простымъ шрифтомъ, а удѣльнѣнія курсивомъ, на другой страницѣ, непосредственно рядомъ, курсивомъ, напротивъ того, обозначены зачеркнутыя слова; черезъ нѣсколько страницъ зачеркнутыя слова отмѣчаются скобками (къ этому добавимъ, что въ нѣкоторыхъ фразахъ скобки не закрыты, такъ что не знаешь, гдѣ же оканчивается зачеркнутое). Еще нѣсколько далѣе находимъ пьесу, въ которой въ началѣ зачеркнутыя мѣста обозначены въ ссылкахъ подъ строкой, а подъ конецъ они обозначены въ текстѣ скобками. Прямые скобки иногда обозначаютъ мѣсто, замѣствованное редакторомъ изъ печатнаго текста для дополненія данной черновой, а иногда что-то другое,—по-видимому, не вполнѣ точно разобранныя слова черновой. Точки означаютъ недоковченное слово, иногда неразобранное, при чемъ значеніе ихъ вовсе не оговорено (добавимъ: иногда, значеніе знаковъ вовсе не оговаривается на данной страницѣ, и приходится о немъ догадываться; есть даже пьеса, въ которой передано все сплошь, и зачеркнутое и незачеркнутое, безъ дальнѣйшихъ указаній; это—отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» на стр. 24-ой). Такое отсутствіе опредѣленныхъ приемовъ для передачи особенностей рукописей... можетъ отзываться на точности передачи текста: опредѣленные приемы въ этомъ отношеніи служатъ до известной степени гарантіей точной передачи текста рукописи».

исчерканныхъ, и потому не могутъ вселить въ насъ увѣренности. В. Е. Якушкинъ, провѣрившій по подлиннымъ нѣсколько текстовъ, взятыхъ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ изъ рукописей Румянцеваго музея, констатируетъ важныя неточности и пропуски. Положимъ, рукопись вѣрно прочитана. Въ какомъ же видѣ ее печатать? О рукописяхъ, въ которыхъ нѣтъ поправокъ, нечего спорить, понятно также, что легко напечатать такіе автографы, которые, хотя и имѣютъ поправки, но допускаютъ непосредственное возстановленіе.

Наконецъ, легко себѣ представить, какъ нужно печатать черновые наброски къ извѣстнымъ раньше стихотвореніямъ. Но и тутъ, лишь только дѣло дойдетъ до стиховъ, ранѣе не извѣстныхъ, возникаютъ сомнѣнія. Издатель имѣлъ дѣло съ ужасными, писательскими черновыми, съ поправками и измѣненіями не только словъ и фразъ, съ пропусками, повтореніями, незаконченными словами и т. д. Какъ же издатель поступалъ въ такихъ случаяхъ? Вотъ, напримѣръ, отрывокъ «Изъ альбома Онѣгина». Въ изданіяхъ печатается слѣдующій текстъ:

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца;
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго срамца;
Но чудно!
Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

Просимъ обратить особенное вниманіе на стихи, напечатанные курсивомъ. Профессоръ И. А. Шляпкинъ даетъ слѣдующее чтеніе этихъ стиховъ:

Но въ кучѣ какъ-то мудрено
Всѣхъ вмѣстѣ презирать и трудно
Ихъ эпиграммы площадныя,
Изъ *Віевгі'аны* занятыя...

Вы—далеки отъ дѣйствительности, если думаете, что эти стихи профессоръ Шляпкинъ нашелъ въ своемъ автографѣ. Черновой набросокъ этихъ частей стихотворенія имѣетъ всего на всего слѣдующій видъ (зачеркнутое поэтомъ набрано курсивомъ).

Сбоку приписано:
Но что *чудо* —
Ихъ всѣхъ вмѣстѣ про-
зирать и трудно —

Но *вмѣстѣ* въ кучѣ какъ-то мудрено

Ихъ шутки
Ихъ эпиграммы площадныя
Изъ *книгъ* *Віевгі'аны* занятыя
Но въ кучѣ
Но подлѣны глупцы
Но въ кучѣ тѣ же *толпою*
Намъ кажутся.

Просимъ читателя внимательно сравнить черновую съ текстомъ, который далъ намъ профессоръ И. А. Шляпкинь, и провѣрить слѣдующія положенія. 1) Текстъ, данный профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, не есть единственный текстъ, который только мы можемъ извлечь изъ рукописи. 2) Мотивы предпочтенія профессоромъ Шляпкинымъ даннаго текста для насъ совершенно непонятны: мы, напримѣръ, съ полнѣйшимъ основаніемъ имѣемъ право думать, что для бѣловой Пушкинъ остановился на боковой припискѣ. 3) Четыре строки, напечатанныя профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, не имѣютъ никакого смысла. Затѣмъ мы просимъ читателя поставить и разрѣшить слѣдующіе вопросы: рѣшимся ли мы поставить подъ этими строками имя Пушкина? Находится ли черновой набросокъ въ той окончателной редакціи, за которой должна слѣдовать переписка набѣло? На эти вопросы можно дать только отрицательные отвѣты. Остается открытымъ еще одинъ послѣдній вопросъ: считалъ ли Пушкинъ нужнымъ продолжать обработку этихъ стиховъ, или онъ махнулъ на нихъ рукою и бросилъ ихъ въ корзину?

Вотъ сколько сомнѣній изъ-за одного отрывка, представляющаго варианты къ ранѣ извѣстному! Но какъ возрастутъ наши сомнѣнія, когда отъ отдѣльныхъ стиховъ въ ранѣ извѣстныхъ произведеній мы обратимся къ цѣльнымъ, неизданнымъ стихотвореніямъ, впервые появляющимся на страницахъ книги профессора И. А. Шляпкина! Читатель по обрывку стиховъ изъ альбома Онѣгина могъ составить нѣкоторое представленіе о черновой рукописи. Пусть же читатель въ своемъ представленіи въ нѣсколько разъ ухудшитъ состояніе черновой рукописи; тогда онъ получитъ въ своемъ воображеніи тѣ черновыя, по которымъ профессоръ И. А. Шляпкинь напечаталъ нѣсколько «неизданныхъ» стихотвореній. Принимая во вниманіе видъ черновыхъ (ниже мы подробно съ нимъ ознакомимся), мы имѣемъ право заключать, что эти стихотворенія никогда и не были написаны, а если и были написаны, да до насъ не дошли, то во всякомъ случаѣ имѣли такую форму, о которой мы и представленія имѣть не можемъ по черновымъ, принадлежащимъ профессору И. А. Шляпкину. Нѣсколько неизданныхъ стихотвореній, имъ напечатанныхъ, и являются *ненаписанными стихотвореніями* Пушкина.

Мы вовсе не хотимъ отрицать цѣнность, которую представляютъ черновики для изслѣдователя въ различныхъ отношеніяхъ; они должны быть изданы, но только точнѣйшимъ воспроизведеніемъ черновыхъ и долженъ ограничиться издатель. Для Пушкина они были черновиками, такими должны остаться и для насъ. Заманчива попытка возстановить и приобрести нѣсколько пушкинскихъ стиховъ, но совѣстливое отношеніе къ памяти поэта и точность ученаго изслѣдованія запрещаютъ намъ возстановлять черновые стихи, быть можетъ, брошенные поэтомъ въ корзину. Мѣсто черновикамъ въ академи-

чексомъ изданіи или въ примѣчаніяхъ къ собраніямъ, но отнюдь не въ текстѣ пушкинскихъ стиховъ. А профессоръ И. А. Шляпки-кинъ, оставляя въ примѣчаніяхъ буквальное воспроизведеніе чер-новиковъ, даетъ читателю именно текстъ, даетъ именно въ окон-чательномъ бѣломъ чтеніи эти ненаписанные стихи Пушкина; онъ не останавливается даже передъ тѣмъ, чтобы дать имъ свои собственные заглавія; онъ даже дѣлаетъ нѣкоторые выводы и даетъ комментаріи къ этимъ стихамъ. Для всѣхъ изслѣдователей и лю-бителей Пушкина вопросъ о ненаписанныхъ стихотвореніяхъ имѣетъ важное значеніе. Нужно бояться того, что будущіе издатели, по-ложившись на авторитетъ профессора И. А. Шляпкина, прибавятъ къ собранію сочиненій Пушкина «новыя, неизданныя стихотворе-нія» ¹⁾. Это было бы чрезвычайно прискорбно, и поэтому-то слѣдуетъ остановиться на этихъ стихотвореніяхъ, детально анализировать и освободить отъ нихъ текстъ будущихъ изданій Пушкина.

Таковыми безусловно ненаписанными стихотвореніями Пушкина нужно признать четыре: «Къ фонтану», «Послѣ боя», «Опять увѣн-чаны мы славой», «Полонофилу». Предпоследнее озаглавлено по первому стиху; заглавія остальныхъ даны профессоромъ И. А. Шляп-кинымъ.

Начнемъ съ перваго стихотворенія съ заглавіемъ «Къ фонтану». Возьмемъ листокъ, на которомъ набросано стихотвореніе. Зачеркну-тое самимъ авторомъ не можетъ быть, не должно быть восстано-вляемо; это—основной принципъ при изданіи текстовъ. Сохраняя ситуацію строкъ и отбросивъ все зачеркнутое, получимъ слѣдующій видъ:

1.	Ктобъ	
2.		
3.		
4.		
5.		
6.		
7.	Или	
8.		пастухъ жилецъ земли,
9.		
10.		
11.		
12.	Приди и пей	
13.	Сей бѣлокаменный	фонтанъ
14.		
15.	Стиховъ узоромъ изпещренный	
16.		
17.		Желѣзной ковшигъ
18.		

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ изданіи П. О. Морозова мы уже имѣемъ примѣры. Г. Морозовъ, ни словомъ не оговорившись о процессѣ восстановленія, предложилъ читателямъ бѣловые тексты, созданные проф. И. А. Шляпкинымъ.

19.		пастухъ	
20.			утомленный
21.	Приди и пей		
22.			
23.			

На оборотѣ вдоль листка имѣется четыре строчки, изъ которыхъ только на четвертой не зачеркнуто «сооруженъ». Кажется, сомнѣній никакихъ не можетъ быть въ томъ, что изъ этихъ словъ ни въ какомъ случаѣ нельзя составить стихотворенія, а профессоръ И. А. Шляпкинъ составилъ. Его ничуть не остановило столь незначительное количество цѣлыхъ словъ, и онъ не затруднился воспользоваться стихами, зачеркнутыми самимъ поэтомъ. Вотъ какое стихотвореніе читатель найдетъ въ книгѣ профессора И. А. Шляпкина.

Кто бъ ни былъ ты — ходжа, пловець
Или ловець, томяся жаждой,
Или пастухъ, жилецъ земли
Или усталый мореходецъ, —
Приди и пей...
Сей бѣлокаменный фонтанъ,
Стиховъ узоромъ испещренный,
Желѣзный ковшикъ на цѣпи...

Если мы даже согласимся смотрѣть на зачеркнутыя слова, какъ на незачеркнутыя, то и тогда не найдемъ основаній принять текстъ профессора И. А. Шляпкина. Первый стихъ стихотворенія профессора И. А. Шляпкина составленъ изъ слѣдующихъ четырехъ черновой рукописи, изъ которыхъ Пушкинымъ оставлено всего одно слово:

Ктобъ ни былъ ты пастухъ или
хожа
или ловець
уст. уст.

Дальше черновая въ такомъ видѣ:

Или ловець томить... коли томяся жаждой
Испей и будь здоровъ
Или *ли ты*
Или пастухъ жилецъ земли
рыбакъ
Или — усталый мореходецъ
рыбакъ
Приди и пей
Сей бѣлокаменный *мраморный* фонтанъ
Стихами хитро
Фонтана святъ испещренный
Узорной надписью.
Сей желѣзный ковшикъ на цѣпи
Цѣпью причтылскной
Кто ни былъ ты пастухъ рыбакъ
Рыбакъ иль... путникъ утомленный
Приди и пей... *Отъ .. и порою*

Предлагаемъ читателю сравнить этотъ текстъ съ текстомъ профессора И. А. Шляпкина, а если есть свободное время, то заняться новой вариацией: она, безъ сомнѣнія, удастся. Можно, на примѣръ, взять въ стихъ вмѣсто неуклюжаго «ловець, томясь жаждой» — «ловець томимый»; можно ввести въ стихи забытаго профессоромъ И. А. Шляпкинымъ рыбака и т. д. Какой же отвѣтъ получимъ мы на вопросъ: принадлежит ли Пушкину стихотвореніе, напечатанное на 9-й страницѣ книги профессора И. А. Шляпкина и озаглавленное послѣднимъ «Къ фонтану»?

Переходимъ къ слѣдующему стихотворенію, которое издателю угодно было озаглавить «Послѣ битвы»; вотъ оно:

То было вскорѣ послѣ боя,
Какъ счастье бросило героя,
И рать, побитая кругомъ,
Лежала на крови...
И власть и слава измѣнила,
Какъ ихъ поклонники.

Не будемъ удивляться рати, лежащей на крови, и не станемъ отыскивать смысла въ послѣднихъ двухъ строчкахъ. Обратимся къ черновой. Въ ней мы найдемъ только одинъ первый стихъ стихотворенія; остальныхъ же напрасно будемъ доискиваться. Вторая строка «какъ счастье бросило героя» составлена изъ слѣдующихъ двухъ:

Какъ щ...	<i>Ша.</i>
Когда пок...	бросило героя —

Третью и четвертую строку «и рать, побитая кругомъ, лежала на крови» профессоръ И. А. Шляпкинь получилъ изъ слѣдующихъ

	и рать
<i>Кругомъ лежала рать</i>	побитая
Лежала въ ра...	бо... кругомъ
На крови	кругомъ

Наконецъ послѣднія двѣ строки: «и власть и слава измѣнила, какъ ихъ поклонники», преуdivительнѣйшимъ образомъ скомпонованы изъ слѣдующихъ отрывковъ:

И власть и слава
Ему какъ будто измѣнили персѣжали родъ луч...
 Смерть и слава
 Какъ ихъ поклонники
 На Царск перешло
 Власть и слава
 Измѣнили подобно людямъ ихъ
Измѣнили какъ люди

Суетнымъ поклонникамъ
Перешло на сторону
торжество... Цар

По этимъ строкамъ невозможно даже добраться до смысла той вариации, которую имѣлъ въ виду поэтъ; какъ же можно пытаться возстановлять изъ нихъ бѣловыя стихи? Возможенъ, конечно, только отрицательный отвѣтъ на вопросъ, можно ли занести въ собраніе сочиненій Пушкина новое стихотвореніе поэта «Послѣ битвы»¹⁾.

Безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ предлагаемъ сравнить два произведенія: черновое Пушкина и стихотвореніе, напечатанное профессоромъ Шляпкинымъ. Просимъ обратить вниманіе на соотвѣтствіе строкъ, на полную возможность иныхъ комбинацій (зачеркнутое авторомъ набрано, какъ вездѣ у насъ, курсивомъ).

	<i>побѣды</i>	
Опять увѣнчаны побѣдой	<i>наши знамена</i>	
	мы славою	
И врагъ бѣжитъ и молить	Опять увѣнчаны побѣдой	Опять увѣнчаны мы славою (1).
	кичливый сраженъ	
рѣшенъ Опять <i>предъ нами врагъ бѣжитъ</i>	подъ Царградъ споръ кровавый	Опять кичливый врагъ сраженъ, (2).
въ Арзрумѣ <i>Рѣшенъ</i>	конченъ споръ Рѣшенъ и т...	
	<i>миръ провозглашенъ</i>	Рѣшенъ въ Арзрумѣ споръ кровавый (3).
<i>Рѣшенью</i>		
Въ Бал Эдырне миръ провозглашенъ		Въ Эдырне миръ провозглашенъ (4).
И далѣ бранной славою двинулась		
И вновь в.... Россія		И далѣ двинулась Россія (5)
	<i>покорный</i>	
державно и Югъ <i>пустынный</i> облегла		И югъ державно приняла (6)
Въ свои объятія тугія		Въ свои объятія тугія (7)
Эвксина море полновл	подняла	
Э И под—Евксина <i>приняла.</i>		И под—Евксина подняла (8)

¹⁾ Кстати о датѣ этого отрывка. И. А. Шляпкины датировали его 1829 годомъ, а о написанномъ на оборотѣ отрывка письмѣ къ Бенкендорфу сообщаетъ, что онъ написанъ на бумагѣ со знакомъ 1830. Почему же профессоръ И. А. Шляпкины, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ полагающійся на знакъ бумаги, въ данномъ случаѣ отказывается отъ свидѣтельства бумаги, которое, пожалуй, вѣрно для одного изъ первыхъ набросковъ ненаписаннаго стихотворенія? Вообще даты профессора И. А. Шляпкина вызываютъ большое недоумѣніе. Какъ относиться, напримѣръ, къ слѣдующимъ датамъ? «Пѣсня объ Асанѣ Агиницѣ» отнесена къ 1833 году, и о ней И. А. Шляпкины сообщили, что она написана на бумагѣ 30 годовъ, а отрывокъ «Изъ Анакреона», написанный на оборотѣ пѣсни объ Асанѣ-Агиницѣ, отнесенъ къ 1833 году, но о немъ профессоръ Шляпкины сообщаетъ, что онъ написанъ на бумагѣ 1831 года! Чему же вѣрить?

Если съ натяжками могутъ быть составлены первые четыре стиха, то пятый весьма проблематиченъ, въ шестомъ прибавлено слово, седьмой зачеркнуть поэтомъ, а восьмой не имѣетъ смысла. Кажется, не нужно ставить нашего обычнаго вопроса. Добавимъ, что это и предыдущее стихотворенія дали поводъ профессору И. А. Шляпкину представить обширный комментарий.

Остается еще одно ненаписанное стихотвореніе, носящее собственноручное профессора И. А. Шляпкина заглавіе «Полонофилу». Относительно этого стихотворенія профессоръ И. А. Шляпкинъ облегчаетъ нашу задачу. Текстъ черновой находится въ такомъ ужасномъ видѣ, что издатель долженъ заявить, что онъ возстановляетъ стихи, не ручаясь за точность. Что на самомъ дѣлѣ можетъ дать слѣдующая черновая?

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ
предрасудокъ
 Ты алчешь сѣть свѣтъ чистый свѣтъ
 Ты міра таинство
 Ты ты правды ликъ увидѣлъ
 И вѣжно
Это...
И жарко чуждые народы воз по любилъ
 И мудро..
 Свой народъ возненавидѣлъ
 Ты такъ у
 Ты жизни при
Ты пилъ здоровье Лелевели
 Ты пилъ у яр въ д... *здоровье Лелевели*
 здоровье..
 Ты славилъ имя Лелевели
 Когда безмолвная *Варшав* *бунтъ*
мятежи Варш. поднялась
 Польскій
 И бун. При кликъ и буйст опьянѣла
 И кровь польск не сгинѣла
ночью
И русскій
II злую рад... И кровь полилась
 При кликъ Польш..
 Стеная (?)
 Когда *наша кровь ркою полил.*
 И смерти, борьба. И борьба началась
 При кликъ Польша не сгинѣла
 Чужимъ....
 Отъ на д... злобась
ты *Когда въ д. криваясь ѓ... полна*
 Когда ли Дибичъ кривой раздѣл
 Пестро Парижск.
Когда французск пустомеля
 Ревѣлъ на кафедрѣ ты... у..
 Здоровье... Лел
 Ты ты руки потиралъ Отъ нашихъ неудачъ

Отъ разныхъ ты
 ... глоталь *вѣсти*
 Съ лукавымъ смѣхомъ
 Съ улыбкой слушаль вѣсти
 Кусая губы
 Ког... бѣжали вскачь
 Когда жь... рѣдѣли
 И гибло знамя нашей чести
 Варшавы бунтъ
 Каеъ жидъ
ты въ дымѣ
 и горько
 Поникнулъ ты *прагъ* *Ерусалима* возрыдалъ
 Каеъ жидъ о Иерусалимѣ

Профессоръ И. А. Шляпкинъ извлекъ изъ этой черновой слѣдующее стихотвореніе:

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ,
 Ты свѣта таинство увидѣлъ
 И нѣжно чуждые народы возлюбилъ
 И мудро свой возненавидѣлъ,
 Когда безмолвная Варшава поднялась
 И польскимъ буйствомъ опьянѣла,
 И кровь потокомъ полилась
 При клигѣ: Польша не сгинѣла.

Профессоръ И. А. Шляпкинъ ухитрился извлечь изъ черновой слова, которыхъ въ ней нѣтъ. Любителямъ загадочныхъ картинокъ мы могли бы дать задачу, откуда профессоръ И. А. Шляпкинъ взялъ вторую строку: «ты свѣта таинство увидѣлъ», или въ седьмой строкѣ слово «потокомъ». Совершенно несомнѣнно, что это стихотвореніе никогда не было написано, къ чести поэта. Что сказалъ бы онъ, увидѣвъ свою подпись подъ этими стихами? А профессоръ И. А. Шляпкинъ даже комментаріи далъ и въ комментаріяхъ указалъ на то, что чувство, вдохновившее его на эти стихи, было высоко патріотическимъ. Мы, быть можетъ, желали ли бы сдѣлать противоположный выводъ, что истинно патріотическое чувство поэта сказалось въ томъ, что онъ оставилъ безъ обработки эти стихи и не далъ выраженія тому патріотизму, за которое профессоръ И. А. Шляпкинъ такъ превозноситъ его.

Кромѣ этихъ четырехъ стихотвореній, цѣликомъ неизвѣстныхъ, нужно еще приписать къ ненаписаннымъ наброски, изъ которыхъ мы знали по нѣскольку строкъ: изъ VIII главы Евгенія Онѣгина (строфа XXXVII) и отрывокъ «Два чувства дивно близки намъ». Профессоръ И. А. Шляпкинъ характеризуетъ черновую, по которой восстановлены наброски изъ Евгенія Онѣгина, какъ «почти всю перечеркнутую», и, приводя ее въ примѣчаніяхъ, даже не обозначаетъ, что оставлено незачеркнутымъ. Отрывокъ «Два чувства дивно

близки намъ», тоже на тему о любви къ родинѣ, принадлежитъ къ числу неудавшихся. Вотъ онъ:

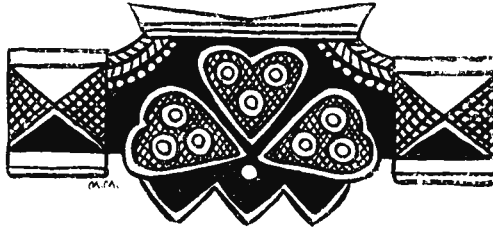
Два чувства дивно близки намъ —
 Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу
 Любовь къ родному пенелищу,
 Любовь къ отеческимъ гробамъ.
 На нихъ основано отвѣка
 По волѣ Бога самого
 Самостоянье человѣка, —
 Залогъ величія его.
 Животворящая святыня!
 Земля была безъ нихъ мертва;
 Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
 Душа — алтарь безъ божества.

Первые четыре стиха были прочтены раньше; въ остальныхъ совершенное отсутствіе поэзіи; это — проза, и при томъ плохая. Обращаясь къ черновой, увидимъ, что эти стихи являются результатомъ знакомыхъ намъ комбинацій профессора И. А. Шляпкина. Эти черновыя тоже слѣдовало бы оставить въ ихъ подлинномъ видѣ и не возстановлять въ окончательномъ текстѣ.

И на основаніи такихъ-то сомнительныхъ поэтическихъ произведеній, самая незаконченность которыхъ можетъ указывать на недостаточность проникновенія ихъ идеями, профессоръ И. А. Шляпкинъ находитъ возможнымъ дѣлать заключенія о ростѣ національно-патріотическаго сзнанія Пушкина. Вообще тенденція сдѣлать изъ Пушкина защитника основъ проникаетъ весь трудъ профессора. Иногда эта тенденція обнаруживается необычайно ярко. Вотъ примѣръ. Профессоръ И. А. Шляпкинъ напечаталъ обрывокъ съ нѣсколькими строками замѣтки, сдѣланныхъ Пушкинымъ при чтеніи Шлецера. Это — замѣтка для себя съ записью интересныхъ страницъ; одна только фраза обращаетъ вниманіе. По поводу XXXIV страницы Шлецера Пушкинъ замѣчаетъ: «Екатерина II много сдѣлала для исторіи, но академія ничего. Доказательство, какъ правительство у насъ всегда впереди». И вотъ эти замѣтки являются для профессора И. А. Шляпкина цѣнными, «какъ указатель той работы, тѣхъ основъ, на которыхъ «не въ пьянствѣ похвальбы безумной», а какъ результатъ вдумчиваго чтенія, покоилось патріотическое міросозерцаніе Пушкина». Онѣ, продолжаетъ профессоръ, прекрасно комментируютъ искренность вѣры Пушкина въ личность императора Николая Павловича и «вообще въ значеніе самодержавія для Россіи». Ну, можно ли изъ цитованной нами фразы Пушкина дѣлать подобный выводъ? Да и всѣ замѣтки (читатель можетъ лично убѣдиться въ этомъ) совершенно не даютъ матеріаловъ для возможности такого сужденія, а профессоръ Шляпкинъ, пренебрегая научностью метода, дѣлаетъ подобное, совершенно не вытекающее изъ текста заключеніе.

Сдѣланный нами анализъ черновиковъ и бѣловыхъ стиховъ приводитъ къ несомнѣнному заключенію: указанная нами стихотворенія: «Къ фонтану», «Послѣ боя», «Опять увѣнчаны мы славою», «Полонофилу», не были написаны Пушкинымъ; черновымъ наброскамъ этихъ стиховъ мѣсто въ примѣчаніяхъ; стихотворенія же, составленные и напечатанныя профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, никоимъ образомъ не могутъ быть приписаны Пушкину и не должны приводиться въ собраніяхъ его сочиненій.

П. Е. Щеголевъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

ОЗОБНОВЛЯЯ въ новомъ году нашу литературную лѣтопись, мы должны оговориться предъ читателемъ, что исчерпать весь любопытный матеріалъ, поставляемый книжными европейскими рынками, — трудъ не посильный при отведенномъ намъ мѣстѣ. Поэтому мы станемъ ограничиваться лишь обзоромъ такихъ литературныхъ новинокъ, которыя могутъ наиболѣе интересовать читателей «Историческаго Вѣстника», при чемъ вещамъ болѣе крупнымъ и важнымъ и мѣсто будетъ удѣляемо болѣе пространное, чѣмъ второстепеннымъ частностямъ.

1. Fr. H. Skrine. The expansion of Russia (1815 — 1900), № 11 of the Cambridge historical series.

Бывшій профессоръ исторіи Эдинбургскаго университета и почетный общинникъ Кембриджскаго университета Протеро предпринялъ изданіе ряда монографій, посвященныхъ обзорѣннѣйшей исторіи важнѣйшихъ государствъ; предназначаются эти очерки для людей, уже ознакомленныхъ съ фактами исторіи, но интересующихся уразумѣніемъ современнаго политическаго состоянія Европы. Серія вышедшихъ доселѣ «Cambridge historical series» насчитываетъ уже пятнадцать томиковъ, и къ печати готовится еще одиннадцать. Послѣднюю новинкою среди этихъ изданій является томикъ, озаглавленный «Расширеніе Россіи» и принадлежащій перу Фрэнсиса Генри Скрайна.

Монографія эта даетъ болѣе, чѣмъ общаетъ, заключая въ себѣ связный и съ пониманіемъ дѣла составленный очеркъ исто-

ріи Россіи за послѣднія пять царствованій въ связи съ преобразованиемъ государственныхъ установленій и возрастаніемъ территоріальныхъ ея владѣній на востокѣ. Авторъ, по собственному признанію, для своего труда пользовался содѣйствіемъ такихъ русскихъ людей, какъ г-жа О. Новикова, С. С. Татищевъ, баронъ Гревеницъ (совѣтникъ русской миссіи въ Лондонѣ), баронъ Унгернъ-Штернбергъ (русскій генеральный консулъ въ Лондонѣ) и т. д., а въ качествѣ бывшего чиновника гражданскаго управленія Остѣ-Индіи Скрайнъ достаточно и самъ освѣдомленъ въ азіатскихъ дѣлахъ и правильно оцѣниваетъ неизбѣжную и роковую необходимость «захватовъ», коими сопровождается осуществленіе Россіею культурной миссіи на Востокѣ. Чуждый «джингонзма», Скрайнъ относится столь же объективно къ азіатской политикѣ Россіи, какъ къ описанію роста ея могущества въ области международныхъ отношеній и преуспѣянія въ области внутренняго государственнаго развитія. Въ монографіи, обнимающей всего 348 страницъ, Скрайнъ въ подробности вдаваться, конечно, не можетъ и ограничивается набрасываніемъ картинъ болѣе или менѣе общаго характера; строя выводы на общеизвѣстныхъ историческихъ фактахъ, Скрайнъ избѣгаетъ цитатъ, въ которыхъ и надобности не встрѣчается; сознавая, однако же, что предметъ, имъ излагаемый, далеко не исчерпывается въ его книгѣ, Скрайнъ любознательнаго читателя отсылаетъ къ толково составленной по отдѣльнымъ царствованіямъ библіографіи важнѣйшихъ сочиненій и журнальныхъ статей по отдѣлу *Rossica*, при чемъ сочиненія русскихъ авторовъ отмѣчаются звѣздочками.

Точка зрѣнія автора на рассматриваемыя явленія выясняется уже изъ введенія. Говоря объ обязанности историка добросовѣстно разбираться въ великихъ историческихъ драмахъ, освѣщая истинное значеніе ихъ путемъ тщательнаго подбора фактовъ и всесторонняго освѣщенія изучаемыхъ явленій, Скрайнъ принимаетъ для себя за руководство знаменательныя слова Ламартина: «Оцѣнивая великихъ людей и крупныя явленія, не подкладывайте на рѣсы вашихъ преходящихъ страстей, предрасудковъ, злобы, національной суетности и узкаго патріотизма; оцѣнивайте людей и событія съ точки зрѣнія того значенія, какое они представляютъ для служенія интересамъ цивилизаціи и развитія общаго самосознанія человѣчества».

Русская имперія, на глазъ Скрайна, представляется единственнымъ съ своемъ родѣ организмомъ въ міровой исторіи. Постепенно сложившись изъ группы варварскихъ олигархій, вѣчно страдавшихъ отъ взаимныхъ раздоровъ и смуть, Всероссийская имперія объединила составныя свои части отнюдь не путемъ насилій и войнъ, но чрезъ воспитаніе въ своихъ подданныхъ сознанія гражданственности (*feeling of citizenship*). Недоумѣніе, возбуждаемое этимъ на пер-

вый взглядъ какъ будто неожиданнымъ явленіемъ, разсѣивается, если взвѣсить, что эволюціонное развитіе сѣверной монархіи совершалось по непреложнымъ естественнымъ законамъ подѣ влияніемъ такихъ же таинственныхъ побужденій, какія, напримѣръ, заставляютъ пчелиные рои покидать ульи, снабженные богатыми запасами соевъ, и образовывать новыя поселенія. Разъ въ самомъ началѣ устроенія Руси имѣлись налицо народъ, обладающій колонизаторскимъ инстинктомъ и всѣми условіями жизни и среды пріучаемый къ выносливости и завоеванію, и верховная власть, своими корнями сросшаяся съ жизненными религіозными воззрѣніями общества, эти факторы, въ видѣ неизбѣжнаго конечнаго результата, и должны были породить Россію въ томъ видѣ, какою ее знаетъ современность (стр. 1).

Задаваясь вопросомъ, какія благія цѣли мирнаго преуспѣянія преслѣдуетъ имперія, раскинувшая 135-ти-милліонное населеніе на одной шестой пространства земнаго шара, Скрайнъ подчеркиваетъ, что независимо отъ того значенія, какое эта мощь можетъ имѣть для всего дальнѣйшаго развитія современной цивилизаціи, правильное разумнѣе русской политики представляетъ особенный интересъ для Великобританіи въ частности, такъ какъ сфера влияния послѣдней постоянно соприкасается съ Россією на протяженіи всего азіатскаго материка. Къ несчастью, однако же, бритты и россіяне отдѣлены другъ отъ друга пространствомъ всей континентальной Европы и различіемъ вѣрованій, языка и политики. Дружба, завязанная въ отдаленную эпоху королевы Елизаветы, была разрушена крымскою кампанією, которая оставила по себѣ наслѣдіемъ взаимную подозрительность и безразсудную ненависть. Весь тонъ британской прессы неизмѣнно окрашивается предубѣжденіемъ и неистовымъ страхомъ, рисующими отчаянныя угрозы для Индіи въ каждомъ поступательномъ шагѣ Россіи вглубь Азіи, и никто изъ англійскихъ писателей не даетъ себѣ труда взглянуть въ удивительныя преобразованія, чрезъ которыя прошла Всероссійская имперія на протяженіи XIX столѣтія (стр. 2). Поэтому-то Скрайнъ и дѣлаетъ усиленную попытку добросовѣстно освѣтить предъ соотечественниками въ общихъ чертахъ строй русской государственности въ его послѣдовательномъ развитіи за минувшее столѣтіе (стр. 2). Имѣя такихъ предшественниковъ и руководителей, какъ Леруа Болье, Рамбо, Мэккензи-Уоллесъ, Мартенсъ, Шильдеръ, Грегенджъ, Норманъ и Морфиль, Скрайнъ дѣйствительно даетъ въ своей монографіи болѣе или менѣе правильную оцѣнку важнѣйшихъ явленій, сказавшихся въ развитіи русской государственности въ XIX в., и въ надлежащемъ свѣтѣ рисуетъ и тѣ болячки, какія подчасъ сказывались въ русской жизни, но аттестовались нашими недругами чуть ли не за неоспоримые симптомы близящейся гибели «колосса на глиняныхъ ногахъ».

Слѣдовать за Крайномъ шагъ за шагомъ въ его любопытномъ очеркѣ намъ не позволяетъ мѣсто, отведенное для настоящей рецензіи. Поэтому, чтобы охарактеризовать нѣсколько поточнѣе воззрѣнія автора на судьбы Россіи, мы ограничимся приведеніемъ его общихъ оцѣнокъ отдѣльныхъ царствованій.

Еще Талейранъ нѣкогда замѣтилъ, что существенная разница между Россіею и прочею Европою въ томъ именно и заключается, что первая свою дѣятельность направляетъ въ интересахъ будущности, а Западная Европа отдается исключительно настоящему и живетъ злободневными интересами (стр. 52).

Эта дальновидная вдумчивость и бережное отношеніе къ кореннымъ интересамъ Русскаго царства проходятъ красною нитью чрезъ политику послѣднихъ царствованій, несмотря на кажущееся различіе въ идеалахъ, какіе преслѣдовались отдѣльными русскими государями.

Объ Александрѣ I поистинѣ можно сказать, что едва ли какой государь съ болѣе великодушною рѣшимостью обращалъ неограниченную власть на неустанныя заботы о доставленіи счастья не только своимъ подданнымъ непосредственно, но и всѣмъ европейскимъ народамъ, переживавшимъ смутныя годы, благодаря преслѣдованію ложныхъ идеаловъ и несовершенствамъ тогдашняго общественнаго строя. Въ Наполеоновскую эпоху человѣчество, въ лицѣ Александрѣ I, пыталось найти давно призываемаго Мессію, которому предстояло замирить и уврачевать обуйанный безуміемъ міръ, но по свойствамъ своей натуры Александръ I оказался слишкомъ женствененъ и слабъ, чтобы справиться съ тяготами мірового преобразователя: онъ слишкомъ чутко относился къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и слишкомъ легко подчинялся руководителству подчасъ недостойныхъ совѣтчиковъ, которые умѣли вкратъ въ его довѣріе. Въ юности Александръ I отдавался во власть благороднѣйшихъ фантазій и поочередно увлекался самыми разнообразными и исключавшими одна другую идеями; позднѣ поставленный лицомъ къ лицу съ критическимъ положеніемъ, въ какомъ очутилась его страна, Александръ I сумѣлъ превозмочь колебанія и проявилъ незаурядную настойчивость въ осуществленіи поставленной имъ себѣ великой цѣли; сила воли и государственная мощь, оказавшіяся въ его обладаніи, доставили русскому императору руководящую роль во всемъ цивилизованномъ мірѣ, но вслѣдъ за непосильнымъ напряженіемъ энергіи у Александра, какъ неизбѣжная реакція, явился упадокъ духа. Вовлеченный въ дебри мистицизма, императоръ въ значительной степени утратилъ настойчивую рѣшительность, да и личный его починъ былъ безсиленъ побороть окружавшее его невѣжество и неблагодарность. Несмотря на тѣнь реакціи, омрачившей послѣдніе годы его царствованія, имя Александра I сохранится въ исторіи, какъ исключи-

тельный образец вѣнценосца, никогда по слѣпому произволу не злоупотреблявшаго безграничною властью и тяготѣвшаго къ убѣжденіямъ, далеко опережавшимъ эпоху (стр. 85).

Совершенно противоположныя типическія особенности представлялъ смѣнлившій Александра I императоръ Николай I. Самъ правдивый и ненавидящій ложь и лесть въ другихъ, преданный долгу до самозабвенія, сдержанный и чуждый самомнѣнія, внушающій къ себѣ невольное почтеніе царственнымъ величіемъ осанки, Николай I былъ истинно мужественъ (thorough man) и великъ сердцемъ, непосредственность влеченій котораго не была извращена воспитательными ухищреніями (стр. 97). Для современниковъ онъ со своимъ безстрашно обнажаемымъ мечомъ явился грознымъ оплотомъ противъ европейской революціи, подавилъ возмущеніе поляковъ, спасъ Австрію отъ распада и устранилъ преждевременное народженіе въ Германіи демократической имперіи. Какой-то насмѣшникъ-дипломатъ прозвалъ императора «Дон-Кихотомъ политики» и дѣйствительно, скорѣе къ похвалѣ, чѣмъ къ осужденію Николая, рыцарственный его духъ представлялъ родственныя черты съ безсмертнымъ героемъ Сервантеса.

Съ желѣзною суровостью правя поданными, Николай въ своемъ служеніи отчизнѣ проявлялъ такое беззавѣтное безкорыстіе, аналогичнаго примѣра которому исторія не знаетъ. Стремленіе, однако же, втискивать существующій порядокъ вещей въ незыблемыя стереотипныя формы Николаю I, несмотря на его желѣзную настойчивость, не удалось, такъ какъ оно нарушало естественный законъ, согласно которому всякій организмъ неминуемо обреченъ на поступательное развитіе или упадокъ; такая же неудача постигла попытки Николая I отрѣзать Россію отъ Европы и оградить ее отъ заразы западно-европейскихъ общественныхъ идеаловъ. Несмотря на бѣдствія, которыя порождены были этимъ обособленіемъ и незамѣтно привели Россію къ печальной севастопольской развязкѣ, реакціонное царствованіе императора Николая I явилось плодотворною поправкою для коренной ошибки реформъ, восходившей вплоть до эпохи Петра и заключавшейся въ стремленіи денационализировать Россію учрежденіями, установленіями и бытомъ, привитыми извнѣ. По смерти уже Николая I, когда улеглись страсти, наиболѣе ожесточенные враги его должны были признать, что суровая послѣдовательность политики почившаго государя вселила въ народъ и племена, принадлежащія къ составу имперіи, сознание братскаго единенія и бодрой вѣры въ мощь Россіи, а это несомнѣнно составило прочную гарантію къ великому и счастливому будущему. Точно также признательные подданные не замедлили возсоздать въ своей памяти и иныя незаурядныя качества Николая I. Онъ былъ стоекъ и правдивъ, приверженъ отечеству и къ себѣ самому болѣе безпощаденъ, чѣмъ къ другимъ; онъ презиралъ фе-

одализмъ и привилегіи и цѣнилъ людей исключительно по личнымъ достоинствамъ; въ частной жизни онъ былъ образцовымъ супругомъ, отцомъ и другомъ и если въ болѣе раннія царствованія домъ Романовыхъ въ сознаніи народномъ вызывалъ представленіе о царственной династіи, то съ эпохи Николая I царь и народъ составили одну семью, и тѣ семейныя радости, въ которыхъ наши государи ищутъ отдохновенія отъ царственныхъ заботъ, находятъ сочувственный откликъ въ милліонахъ русскихъ семей (стр. 163—164).

Націи, какъ и отдѣльныя личности, находятъ себѣ нелицепріятныхъ и вѣрныхъ совѣтчиковъ лишь въ години несчастія. Подобно тому, какъ заря новой жизни занялась для Пруссіи во дни Генскаго погрома, Италія начала обновляться послѣ битвы при Новаррѣ, американская междоусобная война противорѣчивые интересы южанъ и сѣверянъ преобразила въ мощь міровой державы, а Седанская катастрофа очистила Францію и сдѣлала ее достойною того высокаго положенія, которымъ она заручилась въ ближайшее къ намъ время, точно также и Крымская кампанія послужила только къ вящему благополучію Россіи. Переживъ ударъ своему самолюбію, Россія въ послѣдующее пятидесятилѣтіе безъ напряженія свела на нѣтъ унижительныя для національнаго чувства условія, навязанныя ей Парижскимъ трактатомъ, нравственное же воздѣйствіе, оказанное на Россію военными неудачами, послужило ей существенно на пользу—для правительства и общества тогда же выяснилась несостоятельность ультраконсервативныхъ идеаловъ и сказалась потребность въ мирномъ коренномъ преобразованіи общественнаго и экономическаго строя.

Непреходящею заслугою императора Александра II останется то, что онъ сумѣлъ постигнуть истинныя нужды русскаго общества и призвалъ себѣ на помощь для творческой дѣятельности лучшіе элементы тогдашней интеллигенціи. (стр. 174—175).

Вступивъ на престолъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, Александръ II былъ прекрасно и многосторонне подготовленъ къ царственному своему поприщу. Воспиталъ цесаревича поэтъ Жуковскій, и если методы обученія были несовершенны, то онъ сумѣлъ въ царственномъ питомцѣ развить любовь къ ближнимъ и благородство идей; въ области права руководителемъ наслѣдника явился престарѣлый графъ Сперанскій, который привилъ ему смутное, существующее самому наставнику стремленіе къ общественнымъ преобразованіямъ; предпринятое въ 1838 г. путешествіе по Россіи освоило будущаго государя съ торговыми и промышленными интересами отдѣльныхъ областей, а назначеніе съ 1841 г. въ члены государственнаго совѣта и комитета министровъ ознакомило великаго князя съ механизмомъ государственнаго управленія (стр. 167).

Несмотря на многочисленность и первостепенную важность коренныхъ реформъ, прославившихъ царствованіе царя-освободителя,

польское возстаніе, а затѣмъ покушеніе Каракозова, направили теченіе государственной русской жизни въ русло, совсѣмъ не отвѣчавшее начинаніямъ царствованія. Туманныя отвлеченныя идеи и смутныя стремленія колеблющагося либерализма освободительной эпохи оказались слишкомъ беспочвенными для борьбы съ положительными концепціями консервативной славянофильской партіи, проводниками которыхъ въ жизнь выступили графъ М. Н. Муравьевъ-Виленскій, Н. А. Милютинъ, князь В. А. Черкасскій и Ю. Ѳ. Самаринъ. Послѣдовавшая эпоха реакціи, несмотря на успѣхи, достигнутые русскою дипломатіею въ эпоху Франко-Германской войны, несмотря на присоединеніе обширныхъ средне-азиатскихъ областей и несмотря на перипетіи борьбы за освобожденіе славянства, не оздоровили политической атмосферы, и царь-освободитель палъ жертвою ничтожной кучки (*infinitesimal minority*) русскихъ нигилистовъ, постепенно изъ послѣдователей дурно переваренныхъ ученій французскихъ сенсуалистовъ и германскихъ идеологовъ превратившихся сначала въ сторонниковъ социализма, а позднѣе проникшихся анархическими воззрѣніями Бакунина и Крапоткина ¹⁾ (стр. 268).

Никогда, пожалуй, со времени декабрьскаго возмущенія 1825 г. Россія столь не нуждалась въ дальновидномъ и могучемъ волею государѣ, какъ въ моментъ кончины Александра II—съ одной стороны немногочисленная, но страшная своею таинственностью кучка политическихъ изувѣровъ возводила въ подвигъ политическія убійства, а на кару за нихъ взирала, какъ на мученичество, съ другой же стороны правительство и русское общество потерялись предъ успѣхомъ покушенія (стр. 271). Въ тогдашнемъ кризисѣ новый царь оказался на истинной высотѣ положенія. Глубоко религіозный и проникнутый сознаниемъ легшей на него отвѣтственности, Александръ III по своимъ инстинктамъ, воспитанію и серьезному знакомству съ отечественною исторіею и духомъ народнымъ отдавался влеченіямъ абсолютизма, который въ немъ счастливо умѣрялся здравомысліемъ и яснымъ пониманіемъ духовныхъ и матеріальныхъ потребностей эпохи. Серьезный, замкнутый въ себѣ, постоянный въ привязанностяхъ и антипатіяхъ, Александръ III всегда оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и словамъ. Твердый духъ воплощался въ не менѣе могучемъ физическомъ организмѣ, значительно превосходившемъ нормальный уровень, но силъ этихъ хватило на тринадцать лѣтъ. Правда, за это примѣчательное царствованіе русская исторія вступила въ совершенно новый фазисъ. И въ частномъ быту, и въ политическихъ своихъ стремленіяхъ родственныи по духу своему дѣду, Николаю I, Александръ III полагалъ

¹⁾ По утвержденію Скрайна, партія русскихъ революціонеровъ и въ бойкую пору своей дѣятельности не превышала 10.000 человекъ.

истинное благоденствіе своего народа въ воспитаніи трезваго націонализма, опирающагося на преклоненіе предъ религіозными началами православія и на преданность исконнымъ преданіямъ русской государственности. Но, оставаясь убѣжденнымъ самодержцемъ, Александръ III разумною уступчивостью духу современности и чуткою отзывчивостью на истинныя потребности русскаго общества сумѣлъ подавить поступательное движеніе анархизма и поставилъ прочныя устои для дальнѣйшаго процвѣтанія Россіи. Не похожій на своихъ предшественниковъ, Александръ III стойко оберегалъ матеріальные ресурсы своей родины и былъ равнодушенъ къ военнымъ лаврамъ и походамъ, если не затрогивались кровные русскіе интересы; всего же усерднѣе озабочивался онъ развитіемъ матеріальнаго благосостоянія своихъ поданныхъ, а въ особенности крестьянства. Исторія, къ завѣтамъ которой Александръ III питалъ неизмѣнное и глубокое почтеніе, по справедливости отмежевала ему почетное мѣсто въ ряду истинныхъ благодѣтелей, потрудившихся на поприщѣ мирнаго преуспѣянія человѣчества (стр. 272, 308).

Переходя къ настоящему царствованію, Скрайнъ замѣчаетъ, что распространяться о немъ много не будетъ, такъ какъ оно далеко еще не сказало своего послѣдняго слова, а судить объ историческихъ явленіяхъ *in statu nascendi*, не имѣя въ рукахъ всѣхъ документовъ, которые бы выясняли причинную связь и взаимодѣйствіе явленій, преждевременно и бесплодно (стр. 309). Поэтому Скрайнъ въ этой главѣ ограничивается подборомъ наиболее крупныхъ фактовъ и матеріаловъ, которые могутъ служить для охарактеризованія царствованія императора Николая II.

Прежде всего авторъ указываетъ на особенно тщательное воспитаніе, которое было получено Государемъ въ бытность его Наслѣдникомъ. При составленіи подъ руководствомъ Александра III программы занятій Наслѣдника принята была во вниманіе высочайшая воля, выраженная въ знаменательныхъ словахъ: «не пренебрегайте ничѣмъ, что можетъ выработать изъ моего сына человѣка въ истинномъ значеніи слова». Тогда какъ въ этической области руководители воспитанія Наслѣдника вселили въ него глубокое убѣжденіе, что счастье, доступное отдѣльной личности, опредѣляется лишь тою суммою счастья, которую она даетъ ближнимъ, въ области умственной преподаваніе велось на очень широкую ногу, и подъ руководствомъ выдающихся профессоровъ и специалистовъ (какъ, напримѣръ, И. Хр. Бунге или И. И. Бекетовъ), Наслѣдникъ получилъ, можно сказать, образованіе энциклопедическое. Въ то же время для гармоническаго развитія здоровой мысли въ здоровомъ тѣлѣ прилагалось немало заботъ и о физическомъ развитіи царственнаго питомца: по нарочитой волѣ Государя Наслѣдникъ регулярно занимался гимнастикой, атлетикой и разными видами спорта. Для за-

вершенія образованія наконецъ Наслѣдникъ совершилъ 9-ти-мѣсячное кругосвѣтное путешествіе, переживъ самыя разнообразныя и поучительныя впечатлѣнія и встрѣчи (стр. 310).

Сухопутное путешествіе черезъ Сибирь, предсѣдательствованіе въ комитетахъ по устраненію голода и по сооруженію великой Сибирской дороги ввели Государя Цесаревича въ кругъ насущныхъ потребностей, служенію которыхъ ему предстояло себя посвятить въ будущемъ. Вступивъ затѣмъ на престолъ, Государь выразилъ твердую волю посвятить свою дѣятельность на развитіе мирнаго преемственнаго развитія Россіи; заключеніе болѣе тѣснаго союза съ Франціею точно также явилось прочнымъ залогомъ, способствующимъ, на началѣ справедливости, къ вѣчному процвѣтанію мира, порядка и благоденствія народовъ (стр. 310, 312). Всѣ дальнѣйшія важнѣйшія событія настоящаго царствованія—осуществленіе великаго сибирскаго пути, финансовыя и экономическія реформы, созывъ конференціи въ Гаагѣ—представляютъ широкое развитіе и послѣдовательное проведеніе программы, которая была столь счастливо намѣчена еще въ предшествующее царствованіе, и Скрайнъ заканчиваетъ свой обзоръ знаменательными словами: «Минувшій вѣкъ русской исторіи, заря надъ которымъ занялась среди кровопролитнѣйшихъ войнъ, завершился сознательнымъ и рѣшительнымъ стремленіемъ обезпечить мятущемуся міру блага мира» (стр. 348).

Касаясь въ своей книгѣ неоднократно вопроса о расширеніи русскихъ владѣній на азиатскомъ материкѣ, Скрайнъ соглашается съ соображеніями, какія были высказаны княземъ А. М. Горчаковымъ еще 16 ноября 1864 года въ циркулярной нотѣ, вызванной занятіемъ Чечкента и руссофобскими опасеніями Англіи: входъ въ тѣсное соприкосновеніе съ разбойничьими племенами кочевниковъ, любое цивилизованное государство оказывается безсильнымъ надолго поддерживать съ ними миръ и согласіе; оно роковымъ образомъ оказывается вынужденнымъ либо завоевывать ихъ, либо примиряться съ тѣмъ, что пограничная округа принесена будетъ въ жертву анархіи. Завоеванныя уже племена въ свою очередь подвергаются нападеніямъ со стороны сосѣднихъ незамиранныхъ еще кочевниковъ, и такъ завоевательный процессъ повторяется, пока носители цивилизаціи не передвинутъ границъ своихъ завоеваній вплоть до предѣловъ такого государства, которое представляетъ достаточныя гарантіи къ поддержанію у себя дома внутренняго порядка (стр. 230). Эта неизбѣжность для Россіи свои среднеазиатскіе предѣлы расширять до поглощенія Хивы, Кокана и Ферганы, однако же, далеко не проникаетъ въ общее сознаніе Великобританіи. Англійскіе руссофобы въ каждомъ поступательномъ движеніи Россіи вглубь Азіи усматриваютъ непосредственную угрозу для британской Индіи. По ихъ мнѣнію, Англія должна упредить предстоящее вторженіе наступательною политикою (forward policy): Индійскія границы не доста-

точно предохранены; для вящей ихъ охраны слѣдуетъ завоевать Афганистанъ и сосѣднія горныя племена, а ради устраненія нападенія со стороны Персіи надо завладѣть Белуджистаномъ. Болѣе спокойные взгляды высказываютъ руссофилы, лозунгомъ которыхъ лордъ Лауренсъ выставилъ «умѣлую бездѣятельность» (*masterly inactivity*). Руссофилы объясняютъ себѣ движеніе русскихъ вглубь Азии инстинктивнымъ исканіемъ болѣе теплаго климата и незамерзающихъ портовъ. Политическіе виды, побуждающіе Россію все болѣе суживать нейтральную полосу, отдѣляющую русскія владѣнія отъ индійскихъ, подсказываются ей желаніемъ заручиться вѣрными способами къ воздѣйствію на Великобританію, буде она станетъ создавать Россіи затрудненія и препятствія въ другихъ направленіяхъ. Индія съ ея нищетою и кишачимъ сельскимъ пролетаріатомъ, постоянно считающаяся съ повальными болѣзнями и голодовками, не представляетъ ничего заманчиваго для Россіи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя не обладаетъ многочисленнымъ среднимъ классомъ, который бы искалъ простора для примѣненія своей чрезмѣрной энергіи. Индія достаточно охранена на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ непроходимыми горными кряжами, а на сѣверо-западѣ—огромными пустынями, недоступными для походовъ и наступательныхъ движеній. Сторонники «умѣлой бездѣятельности» оспариваютъ полезность завоеванія Афганистана и горныхъ племенъ — такія попытки возможныхъ союзниковъ превратятъ лишь въ непримиримыхъ враговъ. Въ концѣ концовъ наиболѣе существенною гарантіею противъ вторженія русскихъ въ Индію является твердое, но опирающееся на народныя симпатіи управленіе индійскими владѣніями.

Исторія англійскихъ отношеній къ Россіи чуть ли не съ эпохи трактатовъ 1815 года сводится къ чередованію и проведенію въ жизнь взглядовъ то руссофобовъ, то руссофиловъ (стр. 235—236). А между тѣмъ и Россіи и Великобританіи приходится считаться съ тождественными задачами въ отношеніи реагированія на исламъ.

Въ іюнѣ 1898 года, броженіе, наблюдаемое въ средѣ магометанства отъ Борнео до Марокко включительно, нашло отзвукъ и въ уединенныхъ захолустьяхъ Туркестана (въ Андиджанѣ и Ферганѣ), но доколѣ воспитаніе среднеазіатскаго юношества будетъ оставаться въ рукахъ магометанскаго духовенства, русской администраціи, по увѣреніямъ Скрайна, придется считаться съ вѣяніемъ восстановленія теократіи по идеаламъ корана.

Какъ и король Эдуардъ VII, царь Николай насчитываетъ болѣе количество магометанскихъ подданныхъ, чѣмъ самъ повелитель-правовѣрныхъ. Русскіе магометане представляютъ безконечное разнообразіе племенъ, и иныя изъ нихъ обладаютъ незаурядными умственными и нравственными качествами; тѣмъ не менѣе, и эти

племена мало доступны прогрессу, бѣдны и невѣжественны. Къ поступательному развитію для нихъ серьезнымъ препятствіемъ является сказывающаяся у магометанъ неспособность приспособиться къ новымъ условіямъ существованія, вызваннымъ включеніемъ ихъ въ составъ христіанскаго государства. И, тѣмъ не менѣе, магометанскія вѣрованія заключаютъ въ себѣ немало благородныхъ чертъ, какъ, напримѣръ, покорность предопредѣленію, сознаніе братской связи между людьми, сознаніе преимуществъ, представляемыхъ созерцательною жизнью предъ лихорадочною погонею за наживою. Исламъ такимъ образомъ является противодіемъ ложнымъ идеаламъ, какіе залегаютъ въ основѣ смуть, раздирающихъ Западную Европу. Русская система управленія а ргіогі не заключаетъ въ себѣ существенныхъ недостатковъ, которые бы могли служить препятствіемъ къ осуществленію правомѣрныхъ стремленій магометанъ; русское управленіе проявляетъ широкую терпимость—подъ часть, пожалуй, даже чрезмѣрную—и охотно открываетъ пути къ служебной карьерѣ тѣмъ изъ магометанскихъ своихъ подданныхъ, которые поступаютъ унаслѣдованными предубѣжденіями. Такимъ образомъ отчужденіе и обособленность послѣдователей пророка коренятся въ наставленіяхъ, почерпаемыхъ отъ ранней юности у мусульманскихъ муллъ и имамовъ, которые являются закоренѣлыми врагами христіанства и не могутъ помириться съ упраздненіемъ прежней ихъ вліятельности и съ безвозвратнымъ подчиненіемъ невѣрнымъ (стр. 334—335).

Если аналогичные интересы, цѣли и задачи могутъ только способствовать къ установленію болѣе тѣсныхъ и дружелюбныхъ отношеній между Великобританією и Россією, то ближайшее разсмотрѣніе политическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ обѣими державами повсюду на Востокѣ—въ Турціи, Персіи и Китаѣ,—убѣждаетъ Скрайна, что даже и рознь интересовъ здѣсь оказывается далеко не непримиримою—онъ хочетъ вѣрить, что между Великобританією и Россією рано или поздно установится добросовѣстный *modus vivendi*, основанный на взаимномъ довѣрїи и лучшимъ пониманїи національныхъ стремленій и запросовъ (стр. 333, 336).

Если Скрайнъ въ своей монографіи о расширеніи Россіи касается между прочимъ въ общихъ чертахъ подъема экономическаго благосостоянія въ Россіи, какъ одной изъ наиболѣе примѣчательныхъ особенностей въ царствованіи Александра III и Николая II, то этотъ именно предметъ составляетъ специальную тему изслѣдованія Анспаха.

Anspach. *Les finances russes et m-r de Witte. Avec une introduction par Delarivière.* Paris. 1903, in-8°.

Экономистъ Деларивьеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ основалъ въ Парижѣ журналъ, посвященный всестороннему изученію

франко-русскихъ отношеній «Etudes franco-russes», и Анспахъ въ этомъ журналѣ помѣстилъ рядъ статей, ознакомившихъ французскихъ читателей съ финансовыми мѣропріятіями, проводившимися въ Россіи по почину С. Ю. Витте.

Сборникъ этихъ статей теперь и выпущенъ отдѣльною книгою; состоитъ онъ изъ ряда коротенькихъ главокъ, въ которыхъ удобно-понятно излагаются исторія сооружеія великаго сибирскаго пути, введеніе винной монополіи, конверсія государственныхъ займовъ, устройство сберегательныхъ кассъ, преобразование пограничной стражи, измѣненіе таможеннаго тарифа и пр. Къ тексту вездѣ приложены цифровыя таблицы, наглядно показывающія финансовыя результаты, достигнутыя чрезъ неослабную и послѣдовательную многолѣтнюю дѣятельность бывшаго министра финансовъ.

Входитъ въ разсмотрѣніе этихъ цифръ, а равно въ описаніе финансовой политики С. Ю. Витте мы не станемъ, такъ какъ этотъ предметъ выходитъ за предѣлы нашей программы, но мы считаемъ умѣстнымъ коснуться общихъ соображеній, приводимыхъ Деларивьеромъ въ введеніи, такъ какъ они ясно и вразумительно очерчиваютъ значеніе финансовыхъ реформъ послѣдняго времени для развитія событій первостепенной важности, соприкасающихся съ исторіею.

Петръ Великій новымъ направленіемъ, внесеннымъ въ русскую политику, прорубилъ изъ Россіи окно въ Европу, и пресловутое окно это при преемникахъ Петра непомѣрно расширилось. Въ царствованія Екатерины II и Александра I западныя вліянія стали особенно сильно сказываться на славянскомъ мірѣ: Россія чрезмѣрно объевропеилась и, развившись сравнительно въ короткое время, настолько приумножила свои силы и вліятельность, что нынѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ уже является рѣшительницею судебъ націй (*elle est même l'arbitre des nations*).

Если Россія обратилась къ Западу за позаимствованиями извѣстныхъ элементовъ его цивилизаціи, наукъ и техническихъ познаній, которые обусловили ея преображеніе, то она подчинилась лишь велѣніямъ рока. Самая логика вещей требовала, чтобы славянская имперія въ силу географическаго положенія и обширности своихъ территоріи и населенія восприняла отъ Запада начала культурности, которыхъ ей недоставало. Съ того часа, когда Россія захотѣла выступить въ міровой роли, она неизбежно должна была проникнуться европейскими идеями и нравами. Сближеніе съ Европою было предопредѣлено самимъ рокомъ; правда, установилось оно особенно быстро и интенсивно, потому что Петръ Великій, въ забвеніи исконныхъ преданій, ломалъ всѣ преграды и путемъ насилій навязалъ своему отечеству ту политику, которая открыла ему новую эру существованія.

Но и помимо личнаго могучаго почина Преобразователя сближеніе Россіи съ Западомъ и воспріятіе ею западно-европейской цивилизаціи

рано или поздно свершились бы (такъ какъ намеки на это сказывались въ царствованіи Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Михаила Оеодоровича и Алексѣя Михайловича): Швеція, Польша и Турція, по слабости и отсутствію единопудія, не могли противостоятъ набѣгавшимъ волнамъ славянства, и Русской имперіи предопредѣлено было обратитъ свои честолюбивые виды на сосѣднія страны, и, отчасти побѣдивъ, отчасти поглотивъ ихъ, она распространила свое вліяніе и дальше.

Историческія перипетіи, разыгрывавшіяся въ XIX вѣкѣ, обезпечили Россіи неоспариваемое уже и достаточно видное мѣсто въ европейскомъ концертѣ, но неудачи Крымской кампаніи, польское возстаніе, освобожденіе крестьянъ, созданіе желѣзнодорожной сѣти, искусственное поддержаніе денежныхъ курсовъ, расходы, вызванные замиреніемъ Кавказа и присоединеніемъ среднеазиатскихъ владѣній, — все это въ значительной степени поколебало финансовое положеніе и платежныя средства Россіи; французскій экономистъ Воловскій, опираясь на цифры, въ 60-хъ годахъ выступилъ съ самыми мрачными предсказаніями насчетъ дальнѣйшаго благосостоянія Россіи. Хотя мрачныя прорицанія банкротства и возвращенія Россіи въ допетровскій хаотическій мракъ не оправдались, но, несомнѣнно, въ царствованіе Александра II тогдашнимъ министрамъ финансовъ Рейтерну, Грейгу и Абазѣ пришлось годами считаться съ особенно неблагоприятными условіями, и государственное казначейство было обречено на неимовѣрныя напряженія, вызванныя перевооруженіемъ арміи и восточною войною.

Начиная съ царствованія Александра III русская политика и финансы вступили на новые пути. Принужденное въ Европѣ ограничиваться выжидательною политикою и сохраненіемъ занятыхъ позицій, русское правительство приняло за руководящее правило служить лишь кровнымъ интересамъ родины, не отвлекаясь посторонними задачами, и прилагаетъ всѣ мѣры къ поднятію благосостоянія своихъ подданныхъ. Въ этихъ видахъ, грозная многочисленностью населяющихъ ее племенъ, Россія вполне естественно избытокъ своихъ силъ и энергіи направила на Азію.

Такимъ образомъ обновленная воспріятіемъ европейской цивилизации Россія въ концѣ XIX вѣка обращается вспять на Востокъ. Необозримый просторъ варварской, лежащей впускъ Сибири подчиняется творческимъ воздѣйствіямъ культуры; расчистка огромныхъ лѣсныхъ пространствъ, разработка необозримыхъ полевыхъ угодій, устройство фабрикъ и заводовъ, заведеніе новыхъ промысловъ сулятъ Сибири чудные виды на экономическое возрожденіе, сдѣлавшееся осуществимымъ лишь со времени сооруженія великаго сибирскаго пути съ его развѣтвленіями. Не удовлетворяясь баснословными естественными богатствами, таящимися въ нѣдрахъ Сибири, Россія вступаетъ въ тѣсное соприкосновеніе съ Кореею и

Китаемъ, приходитъ послѣднему на помощь во время Японско-Китайской войны, реализируетъ китайскій заемъ, устраиваетъ Русско-Китайскій банкъ и проводитъ чрезъ Манчжурію желѣзную дорогу.

Осуществленіе всѣхъ этихъ предпріятій потребовало затратъ сотенъ и сотенъ милліоновъ, и добыты они не столько заключеніемъ новыхъ займовъ, сколько преобразованиемъ всей финансовой системы. Благодаря умѣлымъ приемамъ С. Ю. Витте, талантливость котораго Анспахъ приравниваетъ знаменитому Кольберу, государственные доходы Россіи за послѣдніе годы достигли такихъ внушительныхъ цифръ, о какихъ русскіе министры финансовъ въ прежнія царствованія и мечтать не могли; въ какія нибудь десять съ небольшимъ лѣтъ великій сибирскій путь, осуществленіе котораго въ эпоху Александра II казалось миѳическою бреднею Е. В. Богдановича, стало уже свершившимся фактомъ.

Несомнѣнно, это грандіозное предпріятіе въ ближайшія же десятилѣтія обусловитъ такой же коренной переворотъ въ экономическомъ строѣ всего міра, какой въ свое время былъ вызванъ открытіемъ Америки и великихъ океаническихъ путей, а потому имя статсъ секретаря Витте, какъ даровитаго исполнителя державныхъ предначертаній, и пользуется совершенно заслуженною популярностью въ дѣловомъ мірѣ всей Европы.

Мало того, что въ мировой товарооборотъ постепенно входятъ естественныя богатства Сибири, что русскіе переселенцы туда, количество которыхъ еще въ 80-хъ годахъ не превышало 30 тысячъ ежегодно, къ 1900 году уже начали выселяться на далекій востокъ по 200 тысячъ челов. ежегодно, — что Россія заручилась незамерзающимъ выходомъ въ Тихій океанъ, но и Китай со своимъ бережливымъ, настойчивымъ и трудолюбивымъ населеніемъ неизбѣжно долженъ будетъ вступить въ болѣе тѣсное и постоянное соприкосновеніе съ европейскими рынками, такъ какъ транзитная перевозка грузовъ между Европой и Дальнимъ Востокомъ чрезъ Сибирь удешевляется вдвое.

Несмотря на спеціальныи характеръ, любопытныхъ темъ касается трудъ, недавно опубликованный въ Швеціи. Профессоръ Лундскаго университета Понтусъ Фальбекъ предпринялъ обширное демографическое изслѣдованіе, посвященное судьбамъ шведскаго и финляндскаго дворянства. Изслѣдованіе это, озаглавленное «Sveiges Adels», появилось въ двухъ томахъ (I въ 1898 году и II въ 1902 году) и заключаетъ въ себѣ массу статистическихъ таблицъ и рядъ фамилльных росписей съ обозначеніемъ происхожденія и профессиональныхъ занятій отдѣльныхъ родоначальниковъ, времени возведенія каждаго изъ новыхъ родовъ во дворянство, вымиранія рода и пр.

Сочиненіе это съ значительными сокращеніями появилось недавно и въ нѣмецкомъ переводѣ (P. Fahlbeck: Der Adel Schwedens und Finnlands, eine demographische Studie. Jena. 1903). Хотя сочиненіе это и посвящено специальной исторіи судебъ шведскаго и финляндскаго дворянства, оно, по справедливому замѣчанію издателя, представляетъ широкій научный интересъ, такъ какъ условія развитія и жизнеспособности этой общественной группы и въ другихъ странахъ представляютъ болѣе или менѣе тѣсныя аналогіи съ наблюдаемымъ въ Скандинавіи. Поэтому и общіе выводы, дѣлаемые профессоромъ Фальбекомъ, могутъ до нѣкоторой степени находить себѣ примѣненіе въ другихъ странахъ.

Причина происхожденія сословныхъ различій издревле приковывала вниманіе человѣчества и говорила его воображенію. Отсюда ведутъ начало у древнихъ еще народовъ преданія о божественномъ происхожденіи знати. Позднѣе сложилось представленіе о томъ, будто въ Европѣ всюду высшія и низшія сословія—дворянство и крестьянство — явились результатомъ завоеваній и первоначально обуславливались насиліями и племеннымъ различіемъ.

Въ новѣйшее время подъ вліяніемъ развитія исторической и научной критики мыслители, экономисты и социологи пытались этотъ предметъ освѣтить научно. Такъ въ образованіи сословій Гумпловичъ усматриваетъ результатъ расовой борьбы, а эволюціонисты—продуктъ борьбы за соперничество и вытекающей отсюда естественный подборъ; Дюркгеймъ и Гуревичъ приписываютъ образованіе сословій раздѣленію общественнаго труда, а Шмоллеръ приводящій для этого моментъ находитъ въ біологической наследственности; Бюхнеръ, наконецъ, ищетъ обосновать различіе сословій размѣромъ и объемомъ правъ на владѣніе земельными угодіями.

Несомнѣнно, въ разныхъ странахъ и при разныхъ условіяхъ гражданственности получалъ преобладаніе одинъ, либо другой изъ перечисленныхъ выше факторовъ, влія на выдѣленіе изъ общественной массы ея «сливокъ». Вслѣдъ же за образованіемъ сословій, несомнѣнно, должно было наступить различіе въ правахъ владѣнія недвижимостью, а это начало, въ свою очередь, должно было вызвать раздѣленіе труда въ области общественной въ такомъ смыслѣ, что воинъ и человѣкъ служилый становился имущественно состоятельнымъ, а бѣднякъ превращался въ мужика и раба. Въ ближайшее къ намъ время съ развитіемъ культурности и упадкомъ рѣзко ограниченныхъ сословій сказался новый переворотъ, и общество начинаетъ распредѣляться не на сословія, но на классы въ зависимости отъ имущественной состоятельности (стр. 4—6).

Въ Англіи, Италіи, Испаніи и Остзейскихъ провинціяхъ дворянство образовалось преимущественно изъ потомковъ завоевателей чужестраннаго корня, и дворянскія преимущества и привилегіи

явились какъ бы данью, доставшеюся завоевателямъ въ отличіе отъ коренного населенія. Въ Швеціи же наоборотъ дворянство является дѣтищемъ своего народа, восходящимъ къ эпохѣ языческой еще старины. Поселяне, сумѣвшіе сосредоточить въ своихъ рукахъ болѣе значительныя земельныя угодья, естественно и постепенно образовали изъ себя аристократію. Въ Швеціи, а особенно въ Норвегіи далеко не въ рѣдкость и теперь еще заурядные мужичьи роды, возводящіе безъ перерывовъ свою генеалогію вплоть до XII столѣтія. Военская доблесть, отправленіе ратной конной службы и несеніе отвѣтственной общественной службы постепенно обусловили подборъ наиболѣе даровитыхъ особей («the fittest») въ особое сословіе (стр. 13, 24).

Наиболѣе рѣшающимъ моментомъ для обособленія оказалась эпоха фолькунгера Магнуса Биргерсона (1275 — 1290), когда состоялся законъ, что всякій поселянинъ, который выставитъ для государственныхъ цѣлей вооруженнаго ратника на конѣ, чрезъ это самое освобождаетъ свое земельное имущество отъ несенія иныхъ повинностей и податей.

Этотъ иммунитетъ способствовалъ накопленію въ средѣ зажиточныхъ поселянъ матеріальныхъ богатствъ, а усвоеніе за каждымъ отдѣльнымъ родомъ постоянного фамильнаго прозвища и, какъ знака принадлежности къ роду (въ средневѣковую еще эпоху), фамильнаго герба отдѣлили толстосумовъ-дворянъ (Grossbauer) отъ зауряднаго мужичья (стр. 38). Въ XVI же вѣкѣ въ зависимости отъ размѣра владѣнія поземельнымъ имуществомъ шведская «знать» разбилась на роды графскіе, баронскіе и заурядно-дворянскіе (стр. 41)—новшество, вѣроятно, занесенное изъ Германіи. Аристократію мѣстнаго происхожденія составили до 1726 родовъ шведскаго корня и 203—шведско-финскаго; постепенно они въ Швеціи получили преобладающее значеніе, и всѣ сколько нибудь значительныя должности и большая часть поземельныхъ владѣній сосредоточились въ ихъ рукахъ.

Усиленіе помѣстной аристократіи вызвало въ XVII вѣкѣ королей на борьбу со знатью, съ помощью городского сословія и захудалаго зауряднаго дворянства. Благодаря «редукціи» поземельной собственности, высшее дворянство въ царствованіе Карла XI утратило большую половину владѣній. Въ то же время для подавленія вліятельности аристократіи шведскіе короли, особенно съ царствованія Густава II Адольфа, открыли доступъ въ привилегированное сословіе «новымъ людямъ» чрезъ пожалованіе имъ правъ дворянства; такимъ образомъ, къ составу послѣдняго, между прочимъ, присоединено было до 468 родовъ чужеземнаго происхожденія, большая часть ихъ первоначально принадлежала къ сословію горожанъ.

Выражая возведеніемъ въ дворянство благодарность за услуги и понесенные труды, правительство руководствовалось принципомъ,

ясно выраженнымъ Акселемъ Оксенштерна: «Возведеніе въ дворянство для королей болѣе выгодно, чѣмъ дарованіе служилому люду денегъ и земель, да и къ славлѣ самой страны послужить усиленіе этимъ путемъ дворянства» (стр. 25).

На самомъ дѣлѣ XVIII вѣкѣ сдѣлался свидѣтелемъ дворянскаго «оскудѣнія»: благодаря редукиці владѣній, отпискѣ ихъ въ казну, исконная шведская знать обѣднѣла и принуждена была искать дополнительныхъ способовъ къ существованію въ поступленіи на казенную службу, а новое служилое дворянство и основаній не видѣло тяготѣть къ аристократическимъ традиціямъ.

Государственныя реформы 1809 года сдѣлали шведское дворянство замкнутымъ сословіемъ, и въ XIX вѣкѣ введеніе въ его ряды новыхъ элементовъ допускалось, лишь какъ рѣдкое исключеніе за особенно выдающіяся заслуги (такъ этого отличія удостоился въ концѣ 90-хъ годовъ Свенъ Гединъ, знаменитый путешественникъ по Азіи); съ утратою же въ 1865 году правъ представительства на сеймѣ, какъ особаго сословія, владѣвшаго $\frac{1}{4}$ голосовъ, шведское дворянство нынѣ окончательно утратило прежнія преимущества и привилегіи и фактически все тѣснѣе сливается въ общую массу съ высшими культурными классами населенія внѣ зависимости отъ происхожденія.

Очертивъ историческія судьбы шведскаго дворянства и указавъ на то, что общественная роль дворянства, какъ представителя опредѣленныхъ сословныхъ интересовъ, сыграна и исчерпана въ виду новыхъ началъ, внесенныхъ современною политическою жизнью въ народное представительство Швеціи, Фальбекъ переходитъ къ разсмотрѣнію иныхъ вопросовъ на основаніи статистическаго матеріала, въ Швеціи особенно полного, такъ какъ офиціальная статистика тамъ издавна пріобрѣла широкое распространеніе и по достоинству пользуется заслуженною извѣстностью. Фальбекъ задается вопросомъ, насколько шведское дворянство жизнеспособно и долговѣчно, какъ общественный классъ, и приходитъ къ отрицательному на этотъ счетъ выводу.

Въ дворянскіе списки шведскаго «Рыцарскаго дома», существующаго съ 1626 года, занесены 142 графскихъ рода, 406 баронскихъ и 2.342 рядовыхъ дворянскихъ; въ 1895 же году налицо въ Швеціи оказывалось 60 графскихъ родовъ, 140 баронскихъ и 517 рядовыхъ дворянскихъ. Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ три столѣтія въ средѣ мѣстнаго дворянства угасло 82 графскихъ рода, 247 баронскихъ и 1.957 рядовыхъ дворянскихъ (стр. 48, 51).

То же явленіе наблюдается въ Финляндіи: съ 1818 года со списковъ мѣстнаго дворянства, насчитывавшаго 344 рода, къ 1896 году сошло 96 родовъ.

Это угасаніе родовъ составляетъ, если можно такъ выразиться, постоянное и давнишнее явленіе, которое почему-то мало замѣчается.

Въ древности, пока извѣстные роды представляли примѣтную для всѣхъ социальную ячейку, судьбы ихъ живо интересовали всѣхъ согражданъ: вымираніе Пелопидовъ въ Греціи или Инглингеровъ и Гьюкунгеровъ въ германскомъ мірѣ нашло себѣ вѣковѣчный откликъ въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ.

Это же вымираніе знатныхъ родовъ проходитъ чрезъ исторію Спарты, Аѳинъ и Рима. Патриціанскіе роды, которыхъ въ Римѣ первоначально насчитывалось до 300, уже къ эпохѣ Цезаря порѣдѣли, и, по исчисленію Моммсена, представляли всего 14 родовъ въ 30 отрасляхъ. Въ Англіи, за время съ 1611 по 1819 годъ, вымерло не менѣе 753 баронетскихъ фамилій. Въ Германіи и Австріи среди графскихъ фамилій угасло до 400 родовъ, въ томъ числѣ въ XVIII вѣкѣ 209, а въ XIX вѣкѣ свыше 110.

То же наблюдается въ средѣ городскихъ, имущественно благоприятно обставленныхъ сословій. Въ германскихъ ганзейскихъ городахъ и Венеціи, гдѣ нѣкогда процвѣтала многочисленная аристократія мѣстныхъ купцовъ—патриціевъ, самыя фамиліи ихъ исчезли изъ людской памяти. Въ Бернскомъ кантонѣ изъ 487 родовъ, занесенныхъ въ списки гражданъ съ 1583 по 1654 годъ, къ 1783 году удержалось всего 108. Въ одномъ Стокгольмѣ, съ 1600 по 1800 годъ, угасло до 249 бюргерскихъ родовъ, а шведскія торговыя фирмы, которыя бы свыше сотни лѣтъ переходили преемственно въ нисходящей линіи отъ отца къ сыну, лишь по исключенію встрѣчаются въ маленькихъ городкахъ.

То же явленіе наконецъ наблюдается и въ частномъ быту выдающихся мыслителей, поэтовъ и государственныхъ дѣятелей—нисходиція поколѣнія ихъ быстро вымираютъ.

Всѣ эти факты невольно наводятъ на вопросъ, не подлежатъ ли исторически извѣстные роды тому же закону преходимости, въ силу котораго любой организмъ растетъ, отцвѣтаетъ, старѣетъ и умираетъ. Что не всѣ роды обречены на эту судьбу, тому доказательствомъ является существованіе и процвѣтаніе любой народности, составляющей совокупность отдѣльныхъ родовъ—каждая изъ народностей была бы обречена на гибель, если бы постепенному угасанію подвергались всѣ входящіе въ составъ ея роды.

Франсисъ Гальтонъ, Уатсонъ, Вестергаардъ и другіе математики утверждаютъ, будто въ то время, какъ большинство родовъ вымираетъ, меньшинство проявляетъ тѣмъ болѣе интенсивную живучесть и плодовитость. Положеніе это, по мнѣнію Фальбека, можетъ быть принято лишь съ значительными оговорками и въ отношеніи всей народной совокупности, и никакъ ужъ не въ отношеніи культурныхъ классовъ въ частности.

Сличая различные элементы движенія народонаселенія, поскольку они касаются шведскаго дворянства вымершаго и живущаго, и разсматривая данныя, опредѣляющія брачность, плодовитость, без-

дѣтность, полъ раждаемыхъ дѣтей и смертность, Фальбекъ приходитъ къ заключенію, что элементы, приведшіе угасшіе уже роды къ полному вымиранію, отражаются столь же неблагоприятно, но лишь болѣе медленно, и на удержавшихся покуда породахъ; упадокъ и полное вымираніе ихъ является лишь вопросомъ будущаго (стр. 137).

Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ останавливаться на цифрахъ, подтверждающихъ и провѣряющихъ печальныя предсказанія, дѣлаемые Фальбекомъ.

Многочисленныя, обнимающія значительный періодъ времени и контролирующія другъ друга данныя, неопровержимо показываютъ, что непосредственными причинами вымиранія дворянскихъ родовъ въ Швеціи являются безбрачіе, бесплодіе, умираніе сыновей въ младенчествѣ и рожденіе дочерей при отсутствіи или рѣдкости нисходящихъ мужского пола.

Внѣшнія статистическія причины вымиранія обуславливаются болѣе глубоколежащею постоянною причиною, вызывающею это явленіе. Если въ болѣе раннія времена привилегированнаго благополучія наши предки легко сбивались на широкую жизнь, въ духѣ эпикуреизма и чувственнаго служенія страстямъ, и разстраивали излишествами не только собственное богатѣйшее здоровье, но по наслѣдству передавали и нисходящимъ зародыши всякихъ недуговъ, то въ ближайшее къ намъ время всѣмъ представителямъ культурныхъ интересовъ вообще приходится считаться съ болѣе еще опаснымъ—чѣмъ собственная разнузданность—врагомъ, который незамѣтно и роковымъ образомъ захватываетъ насъ въ свою власть, хотимъ ли мы того, или нѣтъ.

Очертивъ воззрѣнія современныхъ психіатровъ на дегенерацію, Фальбекъ находитъ, что масса представителей культурныхъ классовъ столь же далека отъ «сверхчеловѣка» генія и отъ выроodka, склоняемаго атавизмомъ къ преступности, какъ отъ физиологически и психически уравновѣшеннаго средняго человѣка—послѣднее понятіе такая же идеальная отвлеченность, какъ «средній человѣкъ» соціальной физики Кетлэ (стр. 159).

Но если физическое вырожденіе выражается въ наслѣдственныхъ невропатическихъ состояніяхъ, болѣе или менѣе граничащихъ съ безуміемъ, а вырожденіе нравственное сказывается въ алкоголизмѣ и отрицаніи всякой надъ собою нравственной узды и категорическихъ императивовъ, то есть еще и третья, болѣе безобидная и распространенная форма вырожденія. Сказывается она въ упадкѣ воспроизводящей силы, бесплодіи, малой плодовитости, хилости и недолговѣчности нисходящихъ и въ преобладаніи среди послѣднихъ женскаго элемента надъ мужскимъ. Наличность этихъ именно признаковъ подтверждаютъ статистическія данныя, касающіяся шведскаго дворянства (стр. 160, 161).

Такъ какъ представители культурныхъ классовъ заключаютъ браки почти исключительно въ своей средѣ, то слабость, неуравновѣшенность и надорванность, присущія обоимъ брачащимся болѣе или менѣе одинаково, сказываются на нисходящихъ съ каждымъ поколѣніемъ все сильнѣе.

Эта дегенеративная слабость, неуравновѣшенность и надорванность роковымъ образомъ сказываются болѣе или менѣе у всѣхъ представителей культурныхъ классовъ вслѣдствіе ускореннаго хода нервной жизни, усиленной мозговой дѣятельности и утонченности современныхъ вкусовъ и обычаевъ. Такіе авторитеты, какъ Якоби и Садлеръ, Спенсеръ и Маудсли, всѣ болѣе или менѣе соглашались, что чрезмѣрное развитіе нервной жизни и напряженной мозговой дѣятельности не столько отражаются на особяхъ, непосредственно въ нихъ повинныхъ, сколько на ихъ потомствѣ. Высшее умственное развитіе обуславливаетъ преобладаніе умственнаго труда и напряженную мозговую дѣятельность, а утонченность вкусовъ и привычекъ повышаетъ чуткость и воспримчивость въ сферѣ нервной жизни. Усиленная мозговая и нервная дѣятельность требуютъ чрезмѣрной работы отъ соответственныхъ органовъ, а это неминуемо сопровождается если не атрофіею, то упадкомъ остальныхъ жизненныхъ функцій.

Человѣкъ безсиленъ достигнуть всего въ одинаковой мѣрѣ, и если наши современники со стороны умственной сдѣлали могущественныя пріобрѣтенія, то въ отношеніи физической жизнеспособности они оказываются несостоятельными: сѣверная легенда, рассказывающая, какъ богатырь Одинъ вырвалъ себѣ глазъ, чтобы обрѣсти высшую мудрость, повторяется на представителяхъ современной культурности: за возросшее до чрезмѣрности умственное развитіе и утонченность своего быта мы обречены расплачиваться не собственнымъ глазомъ и жизнію, но вымираніемъ нашихъ нисходящихъ вслѣдствіе вырожденія (стр. 167—168).

Въ своихъ опасеніяхъ Фальбекъ, пожалуй, хватаетъ черезъ край и проявляетъ излишнюю мнительность, но во всякомъ случаѣ его разсужденія знаменательны—резвые доводы науки тутъ, какъ и вѣщія глаголы поэтовъ и общественныхъ проповѣдниковъ, дружно взываютъ къ культурнымъ элементамъ человѣчества и предупреждаютъ ихъ отъ лихорадочнаго и не знающаго передышки существованія, которое слишкомъ отдаляется отъ велѣній природы и строится гораздо болѣе на искусственныхъ требованіяхъ ума и чувства, чѣмъ по непреложнымъ завѣтамъ правды.

Впрочемъ, для общей экономіи духовнаго процвѣтанія всей совокупности каждаго народа вымираніе нисходящихъ у выдающихся по уму и родовитости особей существеннаго значенія не имѣетъ. Пусть сегодня вымираютъ дѣти Шиллера и Гете, но завтра изъ нѣдръ

народной массы, сильной своею связью съ землею и природою, нарождаются Розенеггеры, и ни единый народъ, ни единая страна не оскудѣваетъ праведниками и солью земли.

Отъ сочиненій, затрогивающихъ темы общаго характера, мы теперь перейдемъ къ брошюрѣ, озаглавленной: «Tagebuech Joseph Steinmüllers über seine Theilnahme am russischen Feldzuge 1812», herausgeg. v. K. Wild. Heibelberg. Winter's Verlag. 1904, in-8°.

Исторія Наполеона во всѣхъ подробностяхъ его походовъ, политики и самой личности изучена и выяснена въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ и запискахъ современниковъ настолько, что являющіеся отъ времени до времени неизданные мемуары лишь повторяютъ, перифразируютъ и подтверждаютъ извѣстные уже факты. Тѣмъ менѣе новаго и необычнаго могъ сообщить скромный рядовой участникъ въ походѣ на Россію 1812 г. Іосифъ Штейнмюллеръ; дослужившійся впоследствии до поручичьяго чина, онъ несъ должность фельдфебеля во второмъ баталіонѣ баденскаго № 2 «Наслѣднаго Великаго Герцога» пѣхотнаго полка, когда въ 1811 году, вмѣстѣ съ полкомъ, насчитывавшимъ 1.725 человекъ (изъ Россіи же вернулось 100 человекъ), былъ отправленъ въ Данцигъ, для усиленія нѣмецкими войсками боевыхъ средствъ, которыми маршалъ Даву располагалъ для обороны крѣпостей Сѣвернаго и Восточнаго морей.

При образованіи въ 1812 году боевыхъ кадровъ арміи, шедшей въ Россію, 1 баталіонъ баденскаго пѣхотнаго полка былъ прикомандированъ къ императорской гвардіи и главной квартирѣ, а 2-й баталіонъ попалъ въ составъ IX корпуса подъ начальство маршала Виктора.

Перейдя 13 сентября чрезъ русскую границу, IX корпусъ лишь 11 октября добрался до Смоленска, и 24 октября до Витебска, позднѣе же былъ противопоставленъ арміи графа Витгенштейна, угрожавшей отступленію великой арміи изъ Москвы.

Штейнмюллеръ началъ вести замѣтки о походѣ въ записной книжкѣ еще въ Пиллау, но большая ихъ часть представляетъ скудный интересъ, такъ какъ записи сводятся къ краткимъ отмѣткамъ о передвиженіяхъ и численномъ составѣ французскихъ войскъ и подчасъ заключаютъ невѣрности; дѣлаемая же характеристика края и населенія не представляетъ ничего любопытнаго для русскаго читателя. Бѣльшія подробности заключаетъ дневникъ о дняхъ, предшествовавшихъ Березинской переправѣ, и о послѣдовавшихъ затѣмъ скорбныхъ приключеніяхъ отступленія.

31 октября стоявшая до тѣхъ поръ ясная и теплая погода смѣнилась стужею, 3 ноября замерзли уже рѣки, и при острыхъ вѣтрахъ и обилии выпавшаго снѣга къ 13 ноября температура по-

низилась до 22°. IX корпусъ, численный составъ котораго быстро растаялъ до 10 тысячъ человѣкъ, къ великому гнѣву Наполеона не смогъ преградить арміи Витгенштейна въ Кострицѣ ея дальнѣйшаго фланговаго движенія, и 25 ноября между Ратулишками и Ломницею маршалъ Викторъ соединился съ остатками великой арміи.

«... Въ какомъ печальномъ положеніи находилась эта пресловутая великая армія!—пишетъ Штейнмюллеръ. — Все бѣжало въ безпорядкѣ. Бравая воинская выправка была утрачена, солдаты не соблюдали никакой дисциплины. Лишь знамена и орлы имѣли еще малочисленную вооруженную охрану, всѣ же прочіе были безоружны и кутались въ тряпье и шубы». Русская армія была отвлечена передвиженіями и артиллерійскимъ огнемъ дивизіи Партонно и предположила переправу французскихъ войскъ у Борисова или Ухолоды, а тѣмъ временемъ съ 26 ноября французы начали перебираться черезъ Березину¹⁾. Переправа, начавшаяся съ войскъ маршала Удино, совершалась медленно, мосты постоянно приходилось чинить. «Какую ужасную картину представляла эта толпа несчастныхъ, закутанныхъ въ прожженные овчины и рваныхъ къ завѣтному берегу!—отмѣчаетъ Штейнмюллеръ.—Нѣмцы, поляки, итальянцы, испанцы, португальцы, кроаты и французы были смѣшаны вмѣстѣ, орала и перекликались, кляли, каждый на своемъ языкѣ, судьбу и жаловались на постигшія ихъ бѣды; офицеры и генералы, подавленные и закутанные въ грязные лохмотья и шубы, дополняли эту смутную картину. Хотя и имѣлись два моста—одинъ для обозовъ, а другой для пѣхоты, натискъ къ переправѣ былъ страшный; доступъ къ мостамъ былъ положительно опасенъ, такъ какъ въ людской массѣ почти нельзя было двигаться. Большой части пѣхоты, однако же, удалось перебраться на другой берегъ. 27 ноября около 4-хъ часовъ пополудни мостъ, предназначенный для переправы обозовъ, сломался въ третій уже разъ, и тутъ артиллерія бросилась къ другому мосту, чтобы насильно добиться переправы».

28 ноября IX корпусу и дивизіямъ Денделя и Жирара съ величайшимъ трудомъ удалось отстоять отъ нападенія Витгенштейна переправу, которая завершилась въ чудовищнѣйшемъ безпорядкѣ. «Все бросилось къ мостамъ — артиллерія, обозъ, каналерія и пѣхота. Каждый хотѣлъ поскорѣе попасть на другой берегъ, сильный отбрасывалъ мѣшавшаго ему слабого въ воду, падавшіе больные и раненые топтались ногами, сотни людей давились колесами

¹⁾ Рѣка у Студенки, не считая прилегающихъ болотинъ, имѣла ширину около 100 метровъ. Слѣшно сооруженные два моста находились на разстояніи 200 метровъ одинъ отъ другого и покоились на 23 быкахъ каждый; верхній мостъ предназначался для пѣхоты, а нижній для артиллеріи и обоза. Мосты, настилкою для которыхъ послужили тонкія доски, были крайне непрочны и подъ тяжестью войскъ выгибались до уровня воды. Примѣчанія Вильда на стр. 31 и 33.

орудій, а иные пытались спастись вплавь, но тутъ же въ рѣкѣ и замерзали» (стр. 37). При дальнѣйшемъ отступленіи, IX и II корпуса оказались въ арберггардѣ, не превышавшемъ 3.000 человекъ, которые и поступили подъ начальство маршала Нея. Скучно питаясь замерзшими сухарями, страдая отъ стужи, жалкая толпа, мало похожая на войско, брела шагъ за шагомъ по направленію къ Вильнѣ. «Всѣ села, мимо которыхъ мы слѣдовали, пылали въ огнѣ, по дорогѣ на каждомъ шагу попадались замерзшіе трупы солдатъ и офицеровъ, иные замерзли, опираясь о стволы сосенъ съ заиндивѣвшими бородами и волосами. Попадались намъ несчастные съ лицами, закопченными дымомъ и измазанными кровью сырой конины, которая жадно пожиралась; словно тѣни, бродили иные вокругъ пылающихъ избъ, пристально вглядывались въ трупы товарищей, а тамъ падали сами и умирали. Каждый бивакъ рисовалъ картины покинутаго боевого поля, настолько велико было вездѣ количество труповъ. Не успѣвалъ утомленный невзгодами похода солдатъ свалиться наземь, какъ ближайшій сосѣдъ уже поспѣшалъ его раздѣть, хотя бы еще живого, чтобы прикрыться его одеждою. Каждый день дѣлалъ насъ свидѣтелями печальнѣйшихъ сценъ. Дороги были покрыты солдатами, и лица человѣческаго не имѣвшими, — одни оглохли, другіе лишились языка, третьи находились въ состояніи оупѣлаго безумія, жарили и поѣдали трупы товарищей; иные наконецъ—какъ это ни невѣроятно, но истинно—сами себѣ обглаживали руки. Дивизія Луазона и неаполитанцы (2 кавалерійскихъ полка), которые шли къ намъ навстрѣчу изъ Вильны и принуждены были бивакировать подъ открытымъ небомъ при 27-ми-градусной стужѣ, почти всѣ позамерзли» (стр. 47—48).

За время этого перехода остатки IX корпуса, сначала державшіеся вмѣстѣ, окончательно разбились на кучки, но и тутъ уваженіе къ военной идеѣ оказалось еще живуче,—знамена свимались съ древковъ и обматывались вокругъ тѣла наиболѣе здоровыми изъ унтеръ-офицеровъ.

Передохнувъ въ Вильнѣ 9 декабря, Штейнмюллеръ съ товарищами по бѣдствіямъ пустился дальше; около возвышенности По-нари они набрали на покинутые на подъемѣ въ гору экипажи Наполеона, кассу арміи и цѣлый обозъ, заключавшій въ себѣ трофеи, награбленные въ Москвѣ, и въ ихъ числѣ русскія знамена и крестъ, снятый съ вершины колокольни Ивана Великаго. Всѣ набросились на добычу: кассы, гдѣ оказалось еще 5 милліоновъ франковъ (а по утвержденію Шамбре до 10 милліоновъ), были разбиты, деньги вынуты и подѣлены собравшеюся толпою; далѣе солдаты отправились, покидавъ оружье, но нагружившись, сколько каждый могъ, драгоценностями и деньгами (стр. 51). Совершенно деморализованныя и въ забвеніи всякой воинской организаціи, платя за рюмку водки 2—3 талера, а за краюху хлѣба 1—2 луи-

дора, отдѣльныя кучки, принадлежавшія нѣкогда къ арьергарду французской арміи, выбирались за предѣлы Россіи, кто чрезъ Гумбиненъ, кто на Тильзитъ, а кто чрезъ великое герцогство Варшавское. Такимъ образомъ маршалъ Ней, осенью 1812 г. вступившій въ предѣлы Россіи во главѣ 30 тысячъ войскъ, чрезъ Нѣманъ обратно перебрался только съ адъютантомъ (стр. 53). По другимъ разсказамъ, маршалъ передъ переправою сумѣлъ собрать вооруженный отрядъ въ 200 человекъ; разсказъ же Дюма если не правдивъ, то картиненъ.

«Въ Вильковишкахъ,—пишетъ онъ,—ко мнѣ неожиданно подошелъ какой-то незнакомецъ въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ, съ отросшею бородою и сильно воспаленными глазами.—«Вы меня не узнаете?»—молвилъ онъ.—«Нѣтъ, кто вы такой?»—«Я арьергардъ великой арміи, маршалъ Ней!» (Souvenirs du lieutenant général Dumas. Vol. III, p. 184).

Перипетіи дальнѣйшихъ 28-ми-мѣсячныхъ странствій Штейнмюллера по Германіи, пока онъ не добрался до родины, хотя и интересны въ бытовомъ отношеніи, историческаго интереса не представляютъ.

Въ заключеніе, чтобы не выносить этого сочиненія въ отдѣльную рубрику, мы хотимъ поговорить о книгѣ, навѣянной материнскою любовью княгинѣ М. С. Урусовой и знакомящей съ біографическими свѣдѣніями о талантливой личности безвременно угасшей музыкантши княжны М. Урусовой; письма ея, обличающія незаурядный эпистолярный талантъ, по своей глубинѣ, вдумчивости и искренности невольно заставляютъ читателя вспомнить о столь же талантливой и такъ же рано сошедшей въ могилу Башкирцевой.

P-se M. Ouroussow. Histoire d'une âme—Mary.—Souvenirs recueillis par sa mère. Paris. Ed. Fischbacher. 1904, in-18°.

Дочь тульского вице-губернатора князя Урусова и М. С. Мальцевой, княжна Марія родилась 13—25 марта 1867 г., а умерла въ началѣ февраля 1895 г. Почти всю недолгую свою жизнь княжна провела съ матерью и сестрою за границею, проживая въ Берхтесгаденѣ, Парижѣ и Италіи и наѣзжая въ Россію лишь по временамъ для свиданій съ отцомъ и дѣдомъ; только послѣдніе годы передъ смертью зимніе сезоны провела она въ Петербургѣ, вращаясь въ избранныхъ аристократическихъ кружкахъ и музыкальномъ мірѣ столицы, къ которому ее влекла ея талантливость.

Нѣсколько мрачныя тѣни на юность княжны положили два обстоятельства. Отецъ ея, близкій другъ графа Л. Н. Толстого, страстный поклонникъ его религіозно-философскихъ воззрѣній и переводчикъ его трактата о религіи (Ma religion) (стр. 29), въ послѣдніе года жизни (умеръ онъ 5 октября 1885 г.) дошелъ до по-

чти болѣзненной экзальтаціи (стр. 44) и со страстностью, доводившею его до изнеможения, старался обратить дочь къ своимъ вѣрованіямъ; если это князю и не удалось, то, во всякомъ случаѣ, по нѣкоторымъ отрывкамъ можно заключить, что княжна и живо интересовалась, и много думала надъ религіозно-нравственными предметами (см. стр. 230, 253, 266—267, 280—288 и т. д.).

Другимъ неблагопріятнымъ факторомъ въ жизни княжны оказалось разореніе ея дѣда, тяжело отразившееся на матеріальномъ благосостояніи Урусовыхъ. Генераль Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ, заводы котораго занимали огромныя пространства земель въ Калужской, Орловской и Смоленской губерніяхъ, съ 30-хъ годовъ явился піонеромъ металлургической промышленности и первый въ Россіи началъ выдѣлывать рельсы, паровыя машины, пароходы, паровозы и вагоны. Въ своихъ имѣніяхъ онъ создалъ сложную систему вспомогательныхъ производствъ, позволявшихъ заводамъ удовлетворять собственными средствами потребности многочисленной арміи ихъ рабочихъ въ предметахъ первой необходимости. Въ то же время С. И. Мальцевъ самоотверженно заботился объ интересахъ меньшей брати—быть его рабочихъ на заводахъ былъ обставленъ прекрасно, расцѣнка рабочей платы дѣлалась щедро, а для болѣе тяжелыхъ работъ имъ издавна былъ введенъ 8-мичасовой трудъ. Также широко были обставлены С. И. Мальцевымъ на его заводахъ школьное, больничное и благотворительное дѣло. Сумма заводскаго производства въ началѣ 80-хъ годовъ была доведена до 8 милліоновъ рублей въ годъ, но, благодаря задолженности, дѣло рухнуло, Мальцевское товарищество очутилось сначала въ казенномъ, а затѣмъ въ конкурсномъ управленіи, и старикъ Мальцевъ, извѣрившись въ людей, развилъ въ себѣ болѣзненную недоувѣрчивость и подозрительность даже къ близкимъ, что неоднократно вызывало жалобы и причиняло горе его дочери и внучкѣ (стр. 201).

Обладая удивительными музыкальными инстинктомъ и памятью, княжна еще ранѣе, чѣмъ постигла грамоту, научилась играть на фортепьяно, а съ 1875 г., когда Урусовы на пятнадцать лѣтъ основались въ Парижѣ, стала уже серьезно заниматься музыкою подъ руководствомъ Кеттена и г-жи Чарвади; научныя занятія шли своею чередою и велись настолько серьезно, что княжна, между прочимъ, въ Сорбоннѣ слушала курсъ педагогіи у Маріона и зоологіи въ музеѣ Jardin des plantes у Вланшара (стр. 149). На ряду съ этимъ Урусовы поддерживали тѣсныя сношенія въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ—во Флоренціи онѣ сблизились съ великою княгинею Маріею Николаевною и графомъ Григоріемъ Строгановымъ (стр. 11); въ Парижѣ онѣ поддерживали тѣсныя отношенія съ В. Гюго и И. С. Тургеневымъ (стр. 19), съ скульпторомъ Антокольскимъ (стр. 68), семьею Мункачи (стр. 52), съ художниками Леманомъ и Прянишниковымъ (стр. 153), съ княгинею Горчаковою, Скобелевою, кня-

земь Орловымъ, кн. Гогенлоэ и т. д. Главные интересы княжны сосредоточивались около музыки: достигнувъ виртуознаго совершенства, какъ пѣнистка, вызывавшая горячія похвалы А. Г. Рубинштейна и Листа, княжна Урусова въ 1889 и 1900 г. выступала въ Парижѣ, какъ исполнительница, на благотворительныхъ и публичныхъ концертахъ.

Особенная близость къ А. Г. Рубинштейну (которому въ книгѣ посвящено немало восторженныхъ страницъ—см. стр. 50—52, 223—228, 231—234, 273—274) и родственныя отношенія къ братьямъ побудили княжину съ дочерью, начиная съ 1891 г., зимы проводить въ Петербургѣ.

Хотя по началу княжна и жалуется на Петербургъ («a horrid winter, balls, dreadful climate, but many good and kind friends», стр. 202), но музыкальные интересы сблизили ее съ великою княгиней Екатериною Михайловною и герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ (стр. 223, 290). Княжна играла не только въ великосвѣтскихъ салонахъ и при высочайшемъ дворѣ (стр. 238), но охотно и неоднократно концертнровала съ Ауэромъ и Вержбиловичемъ (стр. 220, 221, 289) на квартетныхъ собраніяхъ и въ консерваторіи, занималась съ фонъ-Аркомъ (стр. 254, 276) и въ значительной степени способствовала музыкальному образованію скрипача Печникова (стр. 257—260, 262, 276, 289), при чемъ послѣднею предсмертною ея заботою было, при участіи ея дяди Мальцева, графа Ал. Д. Шереметева и С. П. фонъ-Дервиза, пріобрѣсти для Печникова драгоцѣнную скрипку Лаубе (стр. 291).

При преобладаніи въ жизни княжны музыкальныхъ интересовъ и самыя воспоминанія княгини вертятся преимущественно въ этой области, но на ряду съ ними попадаются страницы, отражающія болѣе широкіе интересы, напримѣръ, описаніе впечатлѣній, произведенныхъ на петербургское общество кончиною царя-мироотворца, и воспоминанія о Тургеневѣ и Толстомъ, проч.

Особенно любопытна характеристика личности графа Л. Н. Толстого.

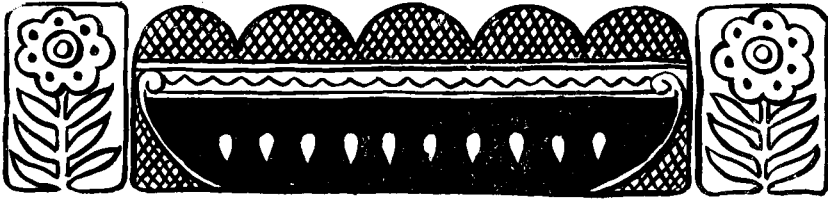
«Отъѣзжая изъ Дяткова въ Петербургъ, мы съ мужемъ вернули къ графу Толстому... Это было какъ разъ въ ту пору, когда графъ, признанный всѣмъ міромъ за наиболѣе крупнаго писателя эпохи, съ увлеченіемъ отдался религіозно-философскому ученію... Толстой съ безпримѣрною горячностью пытался проводить въ жизнь свое новое ученіе, которое впоследствии подвергалось значительнымъ передѣлкамъ, но въ общемъ сохранило прежнее направленіе... Однимъ изъ догматовъ этого ученія являлось отрицаніе науки; поэтому, когда рѣчь заходила о широкомъ образованіи дѣтей, за что стояла графиня, графъ выступалъ съ ожесточенною оппозиціею. Это вносило въ нихъ семью нѣкоторый разладъ и происходило еще въ 1882 году, задолго до появленія «Крейцеровой сонаты»

ты»... Хотя графъ протестовалъ и противъ мясного питанія и противъ домашней прислуги, столъ и домашній штатъ у Толстыхъ были, какъ вездѣ; старшая дочь собиралась выѣзжать въ свѣтъ, но самъ онъ уже облачился въ блузу... и занимался сельскимъ трудомъ» (стр. 23—24).

Въ 1885 году лѣтомъ княгиня опять гоститъ съ дочерью въ Ясной Полянѣ... «Эти нѣсколько дней, проведенныхъ у Толстого,— пишетъ княгиня М. С.,— насъ съ нимъ особенно тѣсно сблизили, и Мари теперь гораздо болѣе, нежели въ прежнее посѣщеніе (то-есть въ 1882 году), заинтересовалась крупною личностью графа, особенность котораго заключается въ томъ, что въ разныя эпохи онъ совершенно искренно убѣждался въ истинѣ противорѣчивѣйшихъ вещей и защищалъ ихъ со всею силою своего таланта. Несмотря на противорѣчія, сущность его природы остается все тою же, и его гениальная наблюдательность сквозитъ во всемъ, что онъ ни пишетъ... Дни стояли жаркіе, мы ихъ проводили на балконѣ, по вечерамъ гуляли въ лѣсу, и бесѣды съ графомъ затягивались до глубокой ночи. Водилъ онъ насъ и въ свою мастерскую, такъ какъ въ ту пору со всеѣмъ пыломъ проникся убѣжденіемъ, что всякій долженъ заниматься ручнымъ трудомъ... Онъ и въ Ясной Полянѣ, и въ Крыму работалъ, какъ простой рабочій...; въ Крыму даже поступилъ поденщикомъ на виноградникъ и получалъ по 1 рублю въ день; рассказывали тоже, что въ Москвѣ онъ пробовалъ заниматься вывозкою съ рѣки льда въ кабакахъ. Теперь же графъ сдѣлался сапожникомъ и носилъ самодѣльную обувь, но мнѣ думается, что онъ такъ одинъ и остался потребителемъ собственныхъ издѣлій... Несмотря на эти ребячества, Мари, хотя и юная, ни на минуту не усомнилась въ истинныхъ дарованіяхъ (valeur) этого человѣка, производящаго странное впечатлѣніе своею блузою и кудластою бородою. Въ то же время съ инстинктомъ художницы дочь моя оспаривала грозныя нападки, съ которыми Толстой обрушивался на музыку. Она мнѣ съ торжествомъ рассказывала, что когда начинала въ гостиной играть на рояли, Толстой потихоньку входилъ и съ величайшимъ вниманіемъ ее слушалъ, но потомъ почиталъ за непремѣнный долгъ выражать соболѣзнованія, зачѣмъ Мари любить то, чѣмъ и самъ-то онъ въ сущности восхищался» (стр. 41—42).

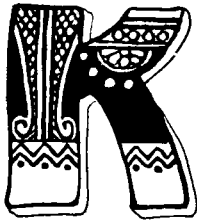
В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ пятый, части I и II. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра II. Сост. С. М. Середонинъ. Спб. 1903.

КАКЪ и предшествовавшіе томы почтеннаго труда г. Середонина, историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ въ царствованіе императора Александра II обладаетъ тѣми же отмѣченными уже достоинствами. Уважаемый авторъ даетъ полную картину работы комитета въ различныхъ отрасляхъ государственной жизни Россіи, причѣмъ въ силу положенія комитета, какъ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ центральныхъ учрежденій, жизнь общественная въ извѣстной степени отразилась въ комитетскомъ дѣлопроизводствѣ.

Какъ извѣстно, въ эпоху царствованія царя-освободителя общество оказало особое воздѣйствіе на государство, и плодомъ этого воздѣйствія явился цѣлый рядъ реформъ, обезсмертившихъ имя императора Александра II.

Г. Середонинъ въ предыдущихъ томахъ своей работы отмѣтилъ тотъ фактъ, что личные взгляды отдѣльныхъ монарховъ различнымъ образомъ отражались на формахъ, характерѣ и объемѣ дѣятельности комитета министровъ. Вліянію этого общаго порядка поднялъ и комитетъ преобразовательной эпохи. Отношенія императора Александра Николаевича къ комитету были иные, чѣмъ отношенія Николая I или Александра Благословеннаго. Въ первые годы существованія комитета Александръ Павловичъ принималъ непосредственное личное участіе въ комитетскихъ работахъ; когда обстоятельства и событія отдалили императора отъ внутренняго управленія Россіею, тогда его мѣсто въ комитетѣ послѣдовательно занимали графъ Н. П. Салтыковъ и гр. Аракчеевъ.

Въ послѣдующее царствованіе такое положеніе вещей было признано ненормальнымъ, и даже на очередь былъ поставленъ вопросъ о самомъ существованіи комитета, который по общему признанію нарушалъ равновѣсіе между высшими государственными учрежденіями. Комитетъ, однако, упраздненію не подвергся, но зато произошло нѣкоторое сокращеніе его дѣятельности. Было принято за правило, что все, требующее изданія новаго законоположенія, дополненія къ закону или новыхъ штатовъ, должно было поступать въ государственный совѣтъ, а оттуда на утвержденіе государя. Но и при такомъ порядкѣ комитетъ не лишился совершенно права разсмотрѣнія дѣлъ законодательнаго характера, такъ какъ практиковались различнаго рода изыятія и отступленія отъ вышеуказаннаго требованія, и министры весьма нерѣдко вносили въ комитетъ законодательные вопросы помимо государственнаго совѣта, испросивъ на то предварительно высочайшее соизволеніе.

При Николаѣ Павловичѣ въ комитетъ поступало очень много разнообразныхъ дѣлъ, и при этомъ изъ нихъ сколько нибудь выдающіяся въ большинствѣ случаевъ рѣшались самимъ государемъ. Какъ правильно замѣчаетъ г. Середонинъ, при такомъ условіи безъ преувеличенія можно сказать, что императоръ несъ на себѣ все бремя управленія Россіей, но, конечно, подобный порядокъ являлся ненормальнымъ, и естественно, что новый государь пожелалъ управлять имперіей при помощи тѣхъ учреждений, которыя стояли около него.

Когда въ началѣ XIX столѣтія императоръ Александръ Николаевичъ выступалъ на путь внутреннихъ реформъ, комитетъ министровъ былъ не учрежденіемъ, а формой министерскаго совокупнаго доклада. Когда, спустя полвѣка, державный племянникъ Благословеннаго вступилъ на тотъ же путь преобразованій, онъ призналъ необходимымъ учредить при совѣтѣ министровъ нѣчто для той же цѣли. Поэтому между созданнымъ въ 1857 г. совѣтомъ министровъ и комитетомъ по составу и значенію можно установить столько сходныхъ чертъ, что эти два установленія можно признать почти тождественными. Отсюда далѣе приходится заключить, что комитетъ министровъ пятидесятихъ годовъ далеко уклонился отъ своего первообраза. Компетенція совѣта должна была главнымъ образомъ заключаться въ разрѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя требовали совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ вѣдомствъ, но выдѣлить такіа дѣла изъ области вѣдѣнія комитета на практикѣ сразу было не такъ-то легко, потому что въ дѣйствительности рѣдкое дѣло не касается сразу нѣсколькихъ вѣдомствъ. Поэтому пришлось создавать кругъ вѣдомства совѣта, такъ сказать, случайно. Министры, усматривая необходимость въ разсмотрѣніи дѣла совѣтомъ, начали испрашивать на то высочайшія разрѣшенія, а затѣмъ постепенно выработались извѣстныя общія начала, оформленныя въ 1861 году.

Учрежденіе совѣта, конечно, отразилось на значеніи комитета: съ одной стороны, во-первыхъ, изъ вѣдомства комитета были изытаты нѣкоторыя дѣла, немногочисленныя, но весьма важныя по своему политическому значенію; во-вторыхъ, совѣтъ, состоящій изъ лицъ, которыя всѣ были членами комитета, въ глазахъ членовъ обоихъ учреждений, безспорно занялъ первое мѣсто.

Однако, несмотря на послѣдовавшее болѣе точное ограниченіе компетенціи комитета отъ государственнаго совѣта и совѣта министровъ, комитету

пришлось выдержать два серьезных натиска, направленных къ тому, чтобы сдѣлать изъ комитета учрежденіе исполнительнаго характера въ полномъ смыслѣ этого слова. Прежде всего такой натискъ произвелъ главноуправляющій II отдѣленіемъ бар. Корфъ, который стремился провести точное различіе между указомъ и закономъ. Все касающееся законодательства Корфъ предлагалъ безъ всякихъ исключеній передать въ вѣдѣніе государственнаго совѣта, все дѣло усѣшнаго исполненія законовъ—комитету министровъ, и такимъ образомъ желалъ различить акты законодательные отъ актовъ исполнительныхъ. Мысль эту теоретически обработалъ Коркуновъ въ своемъ сочиненіи: «Указъ и законъ».

Второй натискъ былъ произведенъ министромъ юстиціи Замятнинымъ по поводу разграниченія административныхъ функцій сената и комитета; при этомъ на очередь едва не стала вопросъ объ уничтоженіи послѣдняго учрежденія.

За всѣмъ тѣмъ, однако, комитетъ все-таки сохранилъ свое значеніе, и архивъ его представляетъ громадную важность и за періодъ великихъ реформъ позапрошлаго царствованія. Значеніе это тѣмъ выше, что, несмотря на существованіе разграниченія комитетскихъ, комитету министровъ передавались очень часто дѣла, хотя и выходившія за предѣлы его вѣдомства, но направляемыя въ комитетъ высочайшею волею. Изъ такихъ дѣлъ нельзя не отмѣтить, между прочимъ, участіе комитета въ обсужденіи вопроса о положеніи сельскаго хозяйства послѣ реформы 19 февраля 1861 года. По этому поводу въ комитетѣ происходилъ горячій обмѣнъ мыслей на тему, которая волнуетъ русское общество и въ настоящее время, именно: какое значеніе имѣетъ община для крестьянскаго хозяйства. Въ общемъ порядкѣ комитетъ разсматривалъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ борьбѣ съ социально-революціонной партіей, при чемъ старался, чтобы эти мѣропріятія, являвшіяся слѣдствіемъ временныхъ общественныхъ замѣшательствъ, не затрогивали коренныхъ началъ великихъ реформъ царя-освободителя, при чемъ при первомъ удобномъ случаѣ отмѣнили предложенное Валугевымъ и проведенное черезъ комитетъ стѣснительное постановленіе, которымъ опредѣленіе на мѣста служащихъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ поставлялось въ зависимость отъ губернаторовъ. Входилъ комитетъ въ разсмотрѣніе вопросовъ о нарушеніи закономѣрности дѣйствій должностныхъ лицъ, но не всегда дѣла въ этомъ отношеніи рѣшались въ положительномъ смыслѣ. Случилось разъ такъ, что офицеръ, посланный съ сотней казаковъ для наблюденія за безпокойными крымскими татарами въ Евнаторійскомъ уѣздѣ, вмѣсто всякаго наблюденія разграбилъ татарскіе пожитки, подвергъ самихъ татаръ истязаніямъ и семерыхъ засѣкъ на смерть. Министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что поступки Максимовича подлежатъ разсмотрѣнію военнаго вѣдомства, потому что онъ былъ посланъ военнымъ начальствомъ. Комитетъ рѣшилъ иначе: оставить это дѣло безъ послѣдствій, такъ какъ на Максимовича жалобъ не поступало, а съ другой стороны съ 1857 г., когда произошелъ описываемый случай, до времени разбирательства прошло пять лѣтъ, и потому нельзя собрать точныхъ данныхъ для правильнаго сужденія о дѣйствіяхъ обвиняемаго

Комитетъ по примѣру прошлыхъ лѣтъ проявилъ большое участіе въ обсужденіи вопросовъ, касающихся правъ и бытовыхъ условій различныхъ сословій имперіи. Между прочимъ, на его долю выпало разсмотрѣніе различныхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, которыя съ особою силой сказались въ началѣ царствованія Александра Николаевича подъ вліяніемъ слуховъ о предстоящемъ освобожденіи, отчасти же и въ силу неовниманія условій самой реформы. Рѣшенія комитета по такимъ дѣламъ были самыя мягкія, при чемъ комитетъ не становился на сторону виновныхъ помѣщиковъ, что нерѣдко систематически дѣлали нѣкоторыя высшія правительственныя установленія въ прошлыя царствованія. При возбужденіи вопроса о допущеніи женщинъ на службу въ правительственныя учрежденія, комитетъ высказался въ пользу такого предположенія. Черезъ комитетъ прошло негласно первое ограниченіе совмѣстительства службы на высшихъ административныхъ постахъ и занятія въ акціонерныхъ компаніяхъ, именно: желѣзнодорожныхъ, гдѣ злоупотребленія со стороны чиновниковъ, заинтересованныхъ въ выгодахъ промышленныхъ предпріятій, могли быть и даже были особенно чувствительны.

Между прочимъ, любопытныя данныя приводитъ г. Середонинъ, основываясь на дѣлахъ комитета, относительно назначенія пенсій низшимъ и среднимъ чиновникамъ. Пенсіонныя оклады очень низки и въ настоящее время, но пенсіонное прошлое нашего чиновничества даже смѣшно. Минскій губернаторъ, на примѣръ, хлопоталъ о назначеніи пенсіи одному чиновнику, прослужившему смотрителемъ Мозырской городской больницы 29 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Не дождавшись пенсіи, старый служака умеръ, и вдовѣ его съ двумя дѣтьми было назначено 71 р. 49 коп. въ годъ. Вдовѣ извѣстнаго профессора Грановскаго по уставу пришлось получить только 476 р. 53 коп., и лишь по особому предствательству министра народнаго просвѣщенія Норова комитетъ назначилъ, не въ примѣръ другимъ, 1.429 р. 60 к. Тѣ же дѣла комитета дали возможность г. Середонину отмѣтить нѣкоторыя весьма любопытныя общественныя явленія, зависящія отъ направленія внутренней политики. Такъ, допущеніе большей свободы печати вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ духа общества въ царствованіе Александра Николаевича крайне благотворно сказалося на уровнѣ чиновническаго произвола и иныхъ служебныхъ правонарушеній. Опасеніе гласности содѣйствовало оздоровленію мѣстной администраціи, которая вызывала столько справедливыхъ нареканій въ прошлое царствованіе и вызывала глубокое негодованіе самого императора. По заключенію г. Середонина, должно констатировать тотъ фактъ, что число обвиненій чиновъ мѣстной администраціи въ незаконныхъ поступкахъ падало въ царствованіе освободителя съ каждымъ десятилѣтіемъ, падало и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Такъ за десятилѣтіе 1855—1864 гг. комитетъ постановилъ по такимъ поступкамъ 26 взысканій, за 1865—1874 гг.—17 взысканій, за 1875—1884 гг.—10.

Комитетъ вообще располагалъ извѣстною самостоятельностью сужденій, но, тѣмъ не менѣе, однако, императоръ Александръ Николаевичъ, не отказывался отъ права и въ исполнительныхъ дѣлахъ направлять дѣятельность коми-

тета. Такъ, когда при постройкѣ Волго-Донской желѣзной дороги, въ Саратовской губерніи произошли рабочіе беспорядки, вызванныя злоупотребленіями подрядчика и мѣстной полиціи, комитетъ, затребовавъ свѣдѣнія отъ губернатора Пгнатъева, въ виду удаленія губернатора, постановилъ прекратить дѣло, государь съ мнѣніемъ комитета не согласился. Пгнатъевъ во время беспорядковъ бездѣйствовалъ, и когда послѣдовалъ запросъ, прислалъ дерзкое объясненіе, до того времени оставивъ безъ движенія двѣнадцать важныхъ дѣлъ, по которымъ министерство неоднократно требовало исполненія. На постановленіи комитета Александръ Николаевичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Нахожу заключеніе комитета неполнымъ и недостаточнымъ и требую, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о неблаговидныхъ поступкахъ бывшаго губернатора Пгнатъева, и какъ поступить».

Какъ и въ предыдущихъ томахъ, матеріалъ, собранный авторомъ «Обзора», подавляетъ своимъ богатствомъ, при чемъ тѣсная связь этого матеріала съ большинствомъ общественныхъ явленій XIX столѣтія дѣлаетъ г. Середонина историкомъ этого вѣка Россіи.

В. Грибовскій.

Сборникъ Тверского общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Выпускъ I. Подъ редакціею предсѣдателя общества В. И. Колосова въ соучастіи съ I. К. Линдеманомъ. Тверь. 1903.

Слѣдя за ученою и издательскою дѣятельностью нашихъ провинціальныхъ архивныхъ комиссій и обществъ, мы не разъ отмѣчали достоинства «Записокъ», «Извѣстій», «Трудовъ», «Сборниковъ» и тому подобныхъ повременныхъ изданій, созданныхъ провинціальными археологами и этнографами. Но никогда еще насъ не поражало такое обиліе интереснаго матеріала, какъ въ только-что вышедшемъ выпускѣ Тверского общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Здѣсь не достаточно одной любви къ мѣстной старинѣ; необходима глубокая опытность и значительная подготовка тѣхъ лицъ, старанію которыхъ обязана появленіемъ въ свѣтъ эта книга. Популяризаторы умѣютъ излагать живо и литературно, археографы выбираютъ изъ актовъ только то, что дѣйствительно важно и драгоцѣнно, словомъ, при такихъ приѣмахъ изданія «Сборнику» можно предсказать широкую извѣстность.

Перечисленіе всѣхъ статей заняло бы слишкомъ много мѣста. Укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ. Сестра извѣстнаго поэта Б. Н. Алмазова, Елизавета Николаевна Бастамова, сообщила свои личныя воспоминанія о Гоголѣ, съ которымъ случайно познакомилась въ Москвѣ въ 1850 году. Гоголь произвелъ на нее вѣчатлѣніе большого человѣка. Небольшого роста, съ блѣдно-желтоватымъ, даже зеленоватымъ лицомъ, онъ поражалъ всѣхъ своими странными рѣчами:

— Университеты не нужны и вредны для русскаго человѣка... Русскому человѣку нужна только грамота... Намъ нужно учитья у дячковъ...

По словамъ автора воспоминаній, Николай Васильевичъ пріѣзжалъ къ ея родственницѣ, Шереметьевой. «Познакомилась же Шереметьева съ Гоголемъ очень оригинальнымъ образомъ,—разсказываетъ она.—Была она разъ на парадномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовалъ и Гоголь. Старушка Шереметьева была большая оригиналка. У нея были стриженные волосы, и ходила она въ чепецъ. Послѣ обѣда она сняла свой чепецъ и повѣсила предъ собой на палку, бывшую у нея въ рукахъ. Увидѣвъ это, Гоголь разсмѣялся и попросилъ познакомиться его съ нею. Гоголя представили. Онъ развалился, почти разлегся около нея на диванъ.

— Батюшка, я вижу, что ты—большая знаменитость, но можешь вести себя все-таки поприличіе,—сказала она Гоголю.

Сначала Гоголя, какъ будто смутили слова эти, но затѣмъ онъ разговорился съ своеобразной старушкой, сталъ часто бывать у нея, завязалъ переписку. Въ 1851 году Гоголь пріѣзжалъ во Ржевъ, къ о. Матвѣю Константиновскому, и г-жа Бастамова передаетъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ подробностей объ о. Матвѣѣ, объ отношеніяхъ его къ старообрядцамъ и евреямъ. Между прочимъ, о. Матвѣй былъ замѣчательный проповѣдникъ и своими простыми рѣчами умѣлъ подѣйствовать на каждого. «Однажды явился въ соборъ Толстой, много слышанный объ о. Матвѣѣ,—вспоминаетъ г-жа Бастамова.—Въ церкви онъ стоялъ впереди всѣхъ. На этотъ разъ о. Матвѣй началъ свою проповѣдь такъ:

— Многіе приходятъ въ церковь съ разными намѣреніями: одни приходятъ помолиться, другіе показаться, а иные посмотрѣть и послушать, что скажетъ пошъ.

«Говорилъ онъ все это, уставившись глазами на Толстого. Толстой очень смутился, и тотчасъ послѣ обѣдни сдѣлалъ ему визитъ. Съ этого времени началось между ними знакомство».

Первое мѣсто въ «Сборникѣ» занимаетъ отрывокъ изъ неизданной поэмы Н. Квашнина-Самарина, рисующей древнюю «святорусскую страну», поросшую частымъ лѣсомъ и замершую въ непробудномъ снѣ. Въ дѣтственномъ лѣсу, населенномъ звѣрями, птицами да гадами, жили три сестры и братъ-боецъ. Однажды они собрались въ путь.

И пришло имъ тутъ на разумъ
 Всѣмъ потечь въ единый часъ
 Четырьмя рѣками разомъ,
 Мѣстомъ дружно подѣлясь.

Къ западу побѣжала свѣтлоструйная Двина, къ востоку—Волга, къ югу—Днѣпръ. Затѣмъ описывается охота племени чуди. Поэма написана звучнымъ стихомъ, и можно пожалѣть, что до сихъ поръ изданъ только небольшой отрывокъ.

В. Колосову принадлежитъ замѣтка о пожарѣ Твери въ 1769 году, когда это бѣдствіе было предсказано юродивымъ Макаріемъ Гончаровымъ. Вообще пророчества Макара сбывались. Однажды онъ сказалъ, между прочимъ, жевѣ секретаря духовной консисторіи, глумившейся надъ нимъ:

— Какъ скоро ты домой придешь, то мужъ дастъ тебѣ таску съ новолочкой.

И никто не сомнѣвался, что секретарша получила должное возмездіе.

Слава о пророчествахъ юродиваго увеличивалась. «И сподобился онъ пророчливости и предвѣщать будущая, яко настоящая»,—читаемъ въ рукописномъ житіи Макарія. За три дня до большого пожара онъ говорилъ многимъ людямъ, торговавшимъ на рынкѣ:

— Спасайтесь—огонь да вода будетъ.

Дѣйствительно, и на этотъ разъ предсказаніе его сбылось. Авторъ статьи задаетъ по этому поводу слѣдующій казуистическій вопросъ: «Что такое представляютъ собою эти предсказанія? Предсказанія ли будущаго, или же просто знаніе того, что должно случиться при чьей либо помощи?»...

Тому же автору принадлежитъ живо написанная статья «1812-й годъ въ городѣ Твери» и дѣльная замѣтка о значеніи родовыхъ клеймъ, носящая, впрочемъ, довольно курьезное заглавіе, «Одинъ изъ пережитковъ первобытнаго славянскаго (!) письма», при чемъ авторъ думаетъ, что «черты и рѣзы», о которыхъ говоритъ болгарскій писатель Х вѣка, черноризецъ Храбръ, на самомъ дѣлѣ и были особые знаки собственности. Очевидно, г. Колосовъ мало знакомъ съ новѣйшей литературой даннаго вопроса. В. Зенгбушъ напечаталъ рефератъ на тему «Что сдѣлала Екатерина II для Твери», Н. Трубиновъ помѣстилъ «Историческій очеркъ дорожнаго дѣла въ Тверской губерніи». Статья I. Линдемана: «Пребываніе царевича Алексѣя Петровича въ Желтиковомъ монастырѣ», носитъ полемическій характеръ. Авторъ не довѣряетъ извѣстіямъ большинства историковъ, будто царевичъ Алексѣй жилъ въ одной изъ келлій этого монастыря въ заточеніи, и доказываетъ, что сохранившіяся до нашего времени палаты при Алексѣевской церкви служили мѣстомъ временныхъ остановокъ несчастнаго Алексѣя при проѣздахъ его въ Москву и Петербургъ. Статья II. Виноградова: «О самоистребленіи въ русскомъ расколѣ», написана на основаніи открытаго Хр. М. Лошаревымъ «Отрапительнаго писанія о новозобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей», и, несмотря на комплиментивный характеръ, даетъ кое-что новое. Изъ остальныхъ статей обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: «Проѣздъ князя А. Д. Меншикова чрезъ Тверь въ 1727 году»—I. Линдемана; «Открытіе крестьянскаго комитета въ Твери и рѣчь императора Александра II къ тверскому дворянству»—В. Колосова; «Тверскія монеты»—Ө. Колодѣя; «Къ статистикѣ старообрядцевъ и сектантовъ въ Тверской губерніи»—II. Виноградова; статьи о Пушкинѣ—Д. П. и Е. В. Крыловыхъ, В. И. Колосова; «О пребываніи Пушкина въ Тверской губерніи»—II. А. Иванова; «Нѣкоторыя данныя по географіи Смоленскаго и Тверскаго края въ XII вѣкѣ»—II. Красноперова; «Сказанія о Твери иностранцевъ» и рядъ интересныхъ этнографическихъ очерковъ (народныя суевѣрія, гаданія, иѣсни, оахиванье, поговорки и т. д.), принадлежащихъ разнымъ авторамъ. Повторяемъ еще разъ, «Сборникъ» дѣлаетъ честь тверскимъ ученымъ-любителямъ. А. Я.

О. П. Сениговъ. Памятники земской старины. Спб. 1903.

Собранные г. Сениговымъ «Памятники» относятся къ концу XVI и началу XVII вѣковъ и имѣютъ въ виду мѣстности по преимуществу бассейна рѣкъ Сѣверной Двины, Онеги, отчасти Печоры, Волги, Вытегры, Свири. Въ этой мѣстности значительно было развито самоуправленіе въ ту эпоху, когда въ остальной Россіи обнаруживалась неизмѣнная склонность замѣнять выборную администрацію коронною. Право самоуправления въ свою очередь своеобразно отзывалось на различныхъ сторонахъ народной жизни, въ силу чего и самое изученіе памятниковъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Московскаго государства представляетъ собою особенный интересъ. Этотъ интересъ увеличивается еще болѣе въ виду того обстоятельства, что мѣстная жизнь, только отраженно испытавшая на себѣ ядъ монгольскаго ига и крѣпостного права, могла развиваться съ большей самобытностію, нежели въ другихъ областяхъ тогдашней Руси. Въѣсть съ тѣмъ, какъ указываетъ г. Сениговъ, сѣверные и сѣверо-восточные уѣзды Московскаго государства не испытали и всей тяжести бѣдствій эпохи смутнаго времени. Большая часть земель этихъ уѣздовъ находилась внѣ района помѣстной системы, но крайней мѣрѣ, въ началѣ XVII вѣка въ силу этой причины при самоуправленіи здѣсь сильно развилось крестьянское землевладѣніе внѣ зависимости отъ разорительной власти помѣщиковъ или вотчинниковъ.

Документы, изданные г. Сениговымъ, представляютъ собою копія съ «приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ», хранящихся въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, и раздѣляются, главнымъ образомъ, на двѣ группы: 1) документы, явившіеся результатомъ дѣятельности мѣстнаго управленія, и 2) документы, обязанные своимъ происхожденіемъ дѣятельности органовъ центрального управленія. Текстъ памятниковъ сохраненъ со всеми фонетическими особенностями сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ нарѣчій стариннаго русскаго языка. Документы снабжены описью и указателемъ личныхъ именъ, а также довольно пространнымъ введеніемъ. Со многими положеніями введенія, однако, трудно согласиться. Такъ, напримѣръ, г. Сениговъ полагаетъ, что идея земской реформы Ивана Грознаго была внушена дѣйствительностью, которую московскій царь могъ наблюдать въ сѣверо-восточномъ краѣ или узнать о земскихъ порядкахъ этой области отъ ея жителей. Между тѣмъ, органы выборные существовали въ древней Руси не только въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ краѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, и притомъ ранѣе XVI вѣка, которымъ занимается г. Сениговъ. По крайней мѣрѣ, въ Судебникѣ 1497 года (ст. 38) на ряду съ правительственнымъ судомъ и администраціей упоминаются «старосты» и «дучіе люди». Выборные участвовали въ мѣстномъ управленіи и по «Двинской грамотѣ 1397 года», т.-е. четырнадцатаго вѣка. Затѣмъ авторъ полемизируетъ съ Градовскимъ и говоритъ: «Въ виду многихъ данныхъ, заключающихся въ Памятникахъ земской старины, возможно утверждать, что въ то время, когда по мнѣнію Градовскаго, московскіе князья, а послѣ цари, подавили вездѣ вѣчевые порядки, во многихъ мѣстностяхъ (сѣверо-восточнаго края)... наблюдалось въ первой половинѣ XVII вѣка значительное развитіе земскаго самоупра-

вленія». Однако, такое противоположеніе дѣйствительно заключаетъ въ себѣ противоположность. Вѣче представляетъ собою органъ, такъ сказать, высшаго центральнаго государственнаго устройства; земское самоуправленіе — низшаго мѣстнаго. Присутствіе вѣча доказываетъ существованіе самостоятельной государственной единицы — непосредственной республики, выборные органы — подчиненную, но, такъ сказать, привилегированную область. Наконецъ, вѣче основано на непосредственномъ участіи всѣхъ полноправныхъ гражданъ въ извѣстныхъ государственныхъ дѣлахъ, право самоуправления выставляетъ выборное начало представительства интересовъ и управленія по полномочію. При такомъ различіи вѣче, конечно, могло отсутствовать, а самоуправленіе — существовать и развиваться.

Въ подробностяхъ собранные г. Сениговымъ документы разнообразны по содержанію: тутъ имѣются судныя дѣла, дѣла по сбору государевыхъ доходовъ, объ утвержденіи земскихъ подьячихъ въ должности, о расхищеніи кабаковъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, отвѣтныя царскія грамоты, челобитныя, списки съ отводныхъ намятей, списки съ оброчныхъ грамотъ и памятей, записки, отписки, списки съ кунчихъ и закладныхъ, съ мѣновыхъ и поручныхъ записей и прочее. Большая часть этихъ документовъ представляетъ собою отдѣльныя части не дошедшихъ до насъ судныхъ дѣлъ. За собраніе всѣхъ этихъ памятниковъ историкъ древняго русскаго права и быта долженъ благодарить г. Сенигова.

В. Грибовскій.

В. Нарбековъ. Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. (По памятникамъ церковной старины, бывшимъ на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ). Казань. Типолитографія императорскаго университета. 1903.

Область религиознаго творчества въ средніе вѣка исторіи Запада и Россіи была значительно шире, чѣмъ въ новые, и изучающему культурную жизнь Россіи до реформы Петра Великаго приходится имѣть дѣло по преимуществу съ памятниками церковной старины. Религиозное чувство сохранило ихъ отъ порчи и забвенія, благодаря которому погибла масса рукописей и другихъ «документовъ прошлаго».

Археологическіе съѣзды даютъ возможность узнавать о хранимыхъ въ провинціяхъ остаткахъ старины, внушая жителямъ уваженіе къ нимъ и охоту оберегать ихъ отъ истребленія. XII археологическій съѣздъ былъ назначенъ въ Харьковѣ для изслѣдованія прилегающаго къ нему района, называемаго археологами «Половецкой стенью». Результаты онъ далъ отличные, и книга г. Нарбекова дѣлаетъ ихъ до нѣкоторой степени общедоступными; она посвящена описанію церковныхъ древностей, бывшихъ на выставкѣ, организованной при съѣздѣ. Отдѣлъ церковныхъ древностей составилъ изъ памятниковъ церквей Харьковской епархіи, особенно вышедшихъ изъ церковнаго употребленія. Иконъ было болѣе 200 деревянныхъ, около 60 на холстинѣ и болѣе 30 металлическихъ. Почти всѣ онѣ писаны въ XVII—XVIII в. подъ яв-

нымъ вліяніемъ западныхъ образцовъ и являются лишнимъ доказательствомъ того переходнаго состоянія русскаго общества, когда оно во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной жизни теряло старые идеалы и усвоивало западно-европейскій укладъ жизни. Вопреки ожиданію на южно-русскомъ религиозномъ творчествѣ отразилось преимущественно не польское, а западно-европейское вліяніе. Образцами для «казацкой» иконописи являлись произведенія нѣмецкихъ художниковъ или даже творенія Мурильо, Перруджино и т. п. Заимствование это на югѣ Россіи въ сферѣ иконописанія не было рабскимъ подражаніемъ, а допускало мѣстное творчество даже съ видоизмѣненіемъ композиціи иконъ. Изъ числа иконъ, композиція которыхъ всецѣло позаимствована съ Запада, вниманіе г. Нарбекова обратили: плодъ страданій Христовыхъ, коронованіе Богородицы, целиканъ, раздирающій свою грудь, чтобы напитать дѣтсей, и сердце Іисусово, изъ котораго струится кровь въ потиръ, Богоматерь съ мечами въ груди, Сивиллы, Лоретская Богоматерь и нѣкоторыя другія.

Интересны символическія изображенія, встрѣчающіяся на этихъ иконахъ, на которыя указываютъ уже самыя названія ихъ. Въ этомъ отношеніи выдѣляется икона—целиканъ. Въ верху ея на желтомъ фонѣ—сердце въ терновомъ вѣнцѣ, подъ нимъ крестъ, копье, губка. Кровь изъ сердца падаетъ въ потиръ. Все это окружено облаками. Внизу на землѣ сидитъ целиканъ, раздирающій клювомъ грудь и кровью ея кормящій дѣтей. За птицей на крестъ тянутся крестъ и копье. Надъ нею по зеленому общему фону надпись:

«Целиканъ птица, себя
Не щадя, дѣтей питаетъ».

Оказывается, что подобнаго рода изображенія были распространены и еще донинѣ встрѣчаются даже въ крестьянскихъ избахъ. Источникомъ такого представленія о целиканѣ былъ рассказъ въ «физиологахъ»: «целиканъ птица зѣло чадолюбивая»; змѣй убиваетъ его птенцовъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, но она оживляетъ ихъ своею кровью.

Между целиканомъ и Христомъ проводится параллель.

Не меньшій интересъ имѣетъ икона «Недреманное око», композиція которой связана съ средневѣковыми представленіями о львѣ. Кромѣ иконописи, г. Нарбековъ описалъ рѣзьбу по дереву, ювелирныя издѣлія, шитыя золотомъ, серебромъ и шелками, бывшія на выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ.

Книга его, богатая по матеріалу, является очень цѣнною въ томъ смыслѣ, что подробно описываетъ многіе такіе остатки старины, которые временно появлялись на провинціальной выставкѣ, чтобы затѣмъ не быть доступными осмотру любителей. Благодаря многимъ любопытнымъ фактамъ изъ исторіи религіознаго искусства, и не специалистъ прочтетъ эту книгу съ удовольствіемъ.

В. Ф.—ко.

В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Клинскаго, Тверскаго и Московскаго уѣздовъ. Спб. 1903.

Слишкомъ сухое заглавіе книги не должно запугивать читателя. Какъ видно будетъ изъ рецензіи, въ ней много интереснаго и цѣннаго. Въ своемъ трудѣ В. Чернышевъ знакомитъ насъ не только съ особенностями говоровъ Тверскаго, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ, но и съ собранными имъ пѣснями, какъ возникшими въ народѣ, такъ и тѣми, которыя перешли къ нему отъ образованныхъ классовъ, при посредствѣ разныхъ «Пѣсенниковъ». Мы остановимся на второй части работы В. Чернышева, представляющей общій интересъ, а именно, на пѣсняхъ. Исследователь передаетъ ихъ тексты съ рѣдкою фонетическою точностью, сохраняя самыя незначительныя на первый взглядъ особенности произношенія. На основаніи матеріала, изданнаго имъ самимъ, а также извѣстныхъ собраній акад. А. И. Соболевскаго, П. В. Шейна, Пальчикова, Смирнова и др., В. Чернышевъ высказываетъ смѣлое предположеніе о томъ, въ какомъ классѣ народа первоначально возникла русская пѣсня. «Всматриваясь въ обстановку, въ которой происходитъ дѣйствіе народной пѣсни, въ свойство лицъ, о которыхъ она поетъ,—говоритъ авторъ,—мы находимъ множество указаній на то, что народная пѣсня первоначально явилась среди высшаго грамотнаго сословія народа, въ населенныхъ центрахъ русской исторической жизни. Лица, дѣйствующія въ пѣсняхъ, судя по тѣмъ чертамъ въ содержаніи пѣсенъ, изъ которыхъ можно видѣть ихъ жилища, убранство жилищъ, одежды мужскія и женскія,—принадлежать къ высшимъ сословіямъ». Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ фигурируютъ высокіе терема, горницы, хоромы и т. д.; въ жилищахъ находятся дубовые столы, пуховыя постели и подушки, кѣтки для птицъ съ серебряными рѣшетками, комоды и т. д. Мужчины носятъ платья изъ «аглицкаго» сукна и хорошаго покроя, золотыя перстни и трости, расчесываютъ кудри частымъ гребешкомъ и вообще заботятся о своей наружности—черты, далеко не свойственныя сельскому быту. Женщины бѣлятся и румянятся сурьмой, носятъ серебряныя и жемчужныя серьги, «туфельки», «чулочки», вилетаютъ въ косу крупный жемчугъ; приданое ихъ такъ велико, что его везутъ къ жениху на двухъ корабляхъ; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ находимъ такіе эпизоды, въ которыхъ говорится о томъ, что дѣвушка пишетъ милому письмо и отправляетъ его съ вѣрными слугами, чтò, конечно, не могло быть въ крестьянскомъ сословіи, такъ какъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка грамотныя женщины даже среди высшихъ классовъ общества представляли болѣе или менѣе рѣдкость.

Подобныя признаки, рисующіе чисто высшую сторону быта, отразившагося въ пѣсняхъ, ясно указывали бы, что онѣ возникли во всякомъ случаѣ не въ крестьянскомъ сословіи, а въ высшей, болѣе образованной средѣ народа. Если мы рассмотримъ отношеніе между собой половъ, дѣтей къ родителямъ и т. д., то и это также какъ будто подтверждаетъ относительную вѣрность высказываемаго В. Чернышевымъ предположенія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, по наблюденію автора, есть намеки на полную самостоятельность чувствъ и независимое положеніе женщины, чтò могло быть вызвано только развитой обще-

ственной жизнью большого города, напримеръ: въ одной пѣснѣ дѣвушка не слушаетъ своего отца, потѣшаетъ молодца, въ другой — женщина не хочетъ поднять шляпу мужа, невѣста не желаетъ привыкать къ уму-разуму, къ снеси, гордости жениха. Отсюда г. Чернышевъ дѣлаетъ такой выводъ: «покоряться, примѣниться къ нраву мужа приходится; но это не одно простое подчинение деспотизму мужа и его семьи, но также слѣдствіе воспитанности. Пѣсни придаютъ слишкомъ много значенія мужской и женской красотѣ, чтобы отнести ихъ къ простому народу, который не очень высоко цѣнитъ красивое лицо, говоря, что «съ лица не воду пить». Черты вѣжливости также отнимаютъ у пѣсенъ характеръ ихъ простонародности. Пѣсни, въ которыхъ говорится о войнѣ, охотѣ, игрѣ на гусляхъ, также несомнѣнно показываютъ свою принадлежность къ высшему сословію, такъ какъ только оно одно часто ходило на войну, занималось охотой, музыкой». «Я не могу, конечно, въ небольшой, наскоро исполненной работѣ, взявши для изслѣдованія небольшой матеріалъ, разъяснить, какъ слѣдуетъ, намѣченные вопросы, — говоритъ онъ нѣсколько дальше. — Но насколько я успѣлъ познакомиться вообще съ русской пѣсней, у меня составилось убѣжденіе о некрестьянскомъ ея происхожденіи».

На это можно возразить слѣдующее. Во-первыхъ, авторъ, повидимому, упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что у насъ существуетъ цѣлый рядъ пѣсенъ, изъ содержанія которыхъ видно, что онѣ были сложены казаками, разбойниками, фабричными, ящиками, матросами и вообще людьми, хотя прямо и не принадлежавшими къ крестьянскому сословію, тѣмъ не менѣе близкими къ нему по своему происхожденію, воспитанію и интересамъ.

Во-вторыхъ, не надо забывать и того, что въ силу психологическихъ и социальныхъ причинъ содержаніемъ народныхъ пѣсенъ не могла быть жизнь и обстановка самого народа, жизнь слишкомъ непривлекательная и мало интересная для него. Вотъ почему въ безыскусственной поэзіи всѣхъ народовъ, всѣхъ странъ и временъ рисуется жизнь, главнымъ образомъ, высшихъ классовъ, дававшая богатый матеріалъ для пѣвца. Если исполнители пѣсни и слушатели искали забвенія въ пѣніи, если содержаніе пѣсни развлекало ихъ, на время отрѣшало ихъ отъ будничныхъ заботъ и горестей, однимъ словомъ, украшало и возвышало ихъ повседневную, слишкомъ тяжелую и тусклую обстановку, то, естественно, являлось необходимымъ брать сюжетъ не изъ собственной жизни, а изъ жизни болѣе культурнаго класса, какою тогда представлялась жизнь городская. Вотъ почему авторъ болѣе правъ, останавливаясь на второмъ вопросѣ. И дѣйствительно, немного дальше г. Чернышевъ дѣлаетъ предположеніе относительно мѣста возникновенія пѣсни. Такъ какъ пѣсня первоначально появилась среди высшего сословія народа, то мѣстомъ ея рожденія, естественно, является городъ и боярская усадьба. «Въ городѣ, какъ въ центрѣ разнообразной, свободной и утонченной жизни культурныхъ классовъ общества, развивается русская пѣсня съ ея богатымъ содержаніемъ, — говоритъ В. Чернышевъ. — Здѣсь слагаются любовныя пѣсни, которыми пополняетъ репертуаръ русскихъ пѣсенъ. Здѣсь же долго держится и обрядовая пѣсня, вмѣстѣ съ самимъ обрядомъ, что можетъ быть подтверждено историческими доказательствами. Игровая пѣсня, живущая въ народѣ, и теперь

указывается иногда и въ не крестьянскомъ кругу. Говоря о роли города въ развитіи народной пѣсни, нельзя оставлять безъ вниманія того положенія, которое занимали города въ старой русской жизни. Городъ часто былъ только мѣстомъ административныхъ учрежденій, суда, торгова, крѣпостью. Центромъ оживленной жизни и дѣятельности были боярскія, позднѣе дворянскія усадьбы, гдѣ отправлялись церковные, семейные и народные праздники. Въ обстановкѣ боярскаго двора, помѣщичьей усадьбы, такъ же, какъ и въ городской, развивалась русская пѣсня».

Затѣмъ В. Чернышевъ переходитъ къ изложенію исторіи постепеннаго вытѣсненія пѣсни изъ среды высшихъ классовъ общества и распространенія ея въ простомъ народѣ. По его словамъ, въ XVIII вѣкѣ русская пѣсня держится еще въ самомъ высшемъ, придворномъ кругу. Царствованіе императрицы Елисаветы было вѣкомъ пѣсенъ. Она сама «благоволила снисходить на эту забаву», говоритъ Державинъ. «Пѣсенники» Чулкова, Новикова, Трутовскаго, Шнора, Прача обращаются въ придворномъ кругу. Еще въ началѣ XIX вѣка въ столичныхъ городахъ поются старыя пѣсни на свадьбахъ, подблюдныя пѣсни на святкахъ, игровыя на пирушкахъ и вообще на собраніяхъ молодежи. Но съ конца XVIII вѣка, въ средѣ образованныхъ классовъ, народныя пѣсни, вытѣсняемыя модными пѣснями и романсами тогдашнихъ поэтовъ, стали терять свое значеніе и черезъ дворовыхъ переходить къ крестьянскимъ сословіямъ. Намъ кажется, что нарисованная авторомъ стройная картина изъ жизни русской пѣсни покоится на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ. Его книга заслуживаетъ вниманія лишь, какъ попытка разрѣшить сложный вопросъ.

А. И. Яцимирскій.

Александръ II, царь-освободитель. Издалъ графъ Милорадовичъ. Спб. 1903.

Книжку эту, предназначенную для народнаго чтенія и написанную извѣстнымъ историкомъ русской литературы и библиографомъ Ст. Ив. Пономаревымъ, выпустилъ въ свѣтъ бывший флигель-адъютантъ и свиты генералъ-майоръ императора Александра II, нынѣ предсѣдатель Черниговской архивной комиссіи, графъ Гр. Ал. Милорадовичъ.

Первое ея изданіе, напечатанное въ Кіевѣ въ 1882 году и озаглавленное «На память о царѣ-освободителѣ,» было подписано псевдонимомъ: «Одинъ изъ народа». Второе—было роздано крестьянамъ мѣстечка Любеча 26-го іюля 1898 г. при открытіи памятника императору Александру II. Настоящее третье изданіе опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и допущено въ бесплатныя народныя читальни.

Книжка г. Пономарева не носитъ характера біографическаго. Значительная часть ея посвящена реформамъ шестидесятихъ годовъ, рассказаннымъ весьма добросовѣстно и подробно, при чемъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія даны объ освобожденіи крестьянъ (стр. 7—16), что является очень цѣлесообраз-

нымъ. Затѣмъ детально характеризуются положеніе торговли и промышленности (стр. 40 — 46), дѣла народнаго образованія и печати (стр. 22 — 27), усиѣхи и улучшенія по военной части (стр. 27 — 32). Гораздо слабѣе изложеніе данныхъ о питейномъ дѣлѣ (стр. 36—40) и заботахъ царя-освободителя объ иновѣрцахъ, инородцахъ и преступникахъ (стр. 46—50). Слишкомъ много конспективнаго и мало характернаго въ повѣствованіи о судебныхъ уставахъ (стр. 19—22), городскомъ и земскомъ самоуправленіи (стр. 16—19). Кратко, но точно переданы событія внѣшней политики, въ частности же Севастопольской обороны (стр. 2—6) и послѣдней турецкой войны (стр. 33—36). Достойны вниманія, обрисованныя съ большой теплотою, черты изъ личной жизни императора Александра II (стр. 50—60).

Написанная яснымъ и литературнымъ языкомъ, книжка г. Пономарева читается очень легко. Авторъ, гдѣ только можетъ, приводитъ подлинныя слова царя-освободителя изъ манифестовъ, рѣчей и писемъ, что въ связи съ разнообразными и многочисленными цитатами изъ стихотвореній, посвященныхъ памяти Александра II, весьма оживляетъ рассказъ.

Хотя съ освѣщеніемъ историческихъ событій и утрированную простотою тона г. Пономарева не всегда можно примириться, тѣмъ не менѣе книжка его заслуживаетъ извѣстной доли вниманія и можетъ быть рекомендована для первоначальнаго ознакомленія съ сущностью преобразованій императора Александра II.

Къ сожалѣнію, въ текстѣ встрѣчаются досадные редакціонные недосмотры. Повидимому, третье изданіе перепечатано съ перваго безъ всякихъ перемѣнъ. Только этимъ и можно объяснить себѣ сообщеніе о томъ, что недавно профессоръ Кіевского университета Бунге сдѣланъ товарищемъ министра финансовъ (стр. 26), и что русскія войска разбили недавно текинцевъ и взяли у нихъ сильную крѣпость (стр. 32). Со времени этихъ недавнихъ событій прошло ни много ни мало—двадцать лѣтъ.

Вообще говоря, оставивъ въ сторонѣ достоинства и недостатки книжки г. Пономарева, мы считаемъ весьма своевременнымъ появленіе обстоятельной и подробной біографіи императора Александра II, предназначенной для народа. Чѣмъ перенечатывать старыя изданія, лучше было бы составить хорошій компилятивный очеркъ по недавно вышедшему въ свѣтъ капитальному труду С. С. Татищева.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. И. А. Максимейко. Харьковъ. 1903.

Литовско-русскіе сеймы до Люблинской уніи 1569 года, говорятъ г. Максимейко въ введеніи къ своему труду, должны быть излагаемы въ исторіи русскаго права на томъ же самомъ основаніи, какъ и земскіе соборы Московскаго государства. Генетическая и преемственная связь между сеймами и древнерусскими вѣчами представляется болѣе ясной и неоспоримой, чѣмъ отношеніе земскихъ соборовъ къ предшествовавшему вѣчевому быту. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ непрерывнымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ; во второмъ же случаѣ оно нарушено темнымъ проваломъ огь конца XIII до поло-

вины XVI вѣка. Стараясь доказать эту важную мысль, г. Максимейко разбираетъ составъ общихъ сеймовъ и указываетъ, какъ постепенно въ принципѣ общее народное собраніе принуждено было по разнымъ причинамъ въ извѣстныхъ частяхъ выдѣлить изъ своей среды представителей, уполномоченныхъ. Въ виду постоянного и несомнѣннаго вліянія Литвы на Россію нельзя не согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что изученіе сеймовъ можетъ способствовать разрѣшенію спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей земскихъ соборовъ. Въ результатѣ сравнительнаго изученія обоихъ институтовъ могутъ быть получены новые выводы о причинахъ происхожденія соборовъ, паденія ихъ и юридическомъ значеніи.

Литовско-русскіе сеймы XV и XIV вѣковъ представляютъ собою средневѣковую форму участія населенія въ верховной власти. По этому поводу г. Максимейко отмѣчаетъ особую черту этихъ собраній. Обязательность рѣшеній сеймовъ была таковою лишь постольку, поскольку, какъ на вѣчѣ, ее принимали участники сейма. Неучаствовавшіе на собраніи или несогласившіеся съ большинствомъ считали себя свободными отъ подчиненія сеймовымъ постановленіямъ и свою свободу въ этомъ случаѣ готовы были защищать даже силой. Причину образованія общихъ сеймовъ г. Максимейко видитъ въ необходимости сплоченія русско-литовскихъ земель, въ виду военныхъ опасностей, грозившихъ обѣимъ народностямъ со стороны Москвы и крымскихъ татаръ. Эта опасность требовала концентраціи государственныхъ служебныхъ силъ и сосредоточенія ихъ на оборонѣ государства. Но возникшіе по военнымъ причинамъ сеймы заодно, такъ сказать, изъ экономіи силъ, рѣшали и другіе государственные вопросы: финансовые, судебные, административные. Сужденія г. Максимейка проникнуты послѣдовательностью и основательностью. Его полемика убѣдительно наравнѣ съ освѣщеніемъ историческихъ фактовъ. Полемизируетъ г. Максимейко преимуществу съ г. Любавскимъ, авторомъ книги, тождественной по содержанію съ книгой автора «Сеймовъ Литовско-Русскаго государства». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полемика эта утомительна по своимъ размѣрамъ, но присутствіе ея объясняется необходимостью. Г. Любавскій и г. Максимейко взяли за одинъ и тотъ же вопросъ почти въ одно и то же время. Однако, несмотря на то, что г. Максимейко, какъ юристъ, могъ глубже и яснѣе захватить изслѣдуемую задачу, книга г. Любавскаго вышла раньше, и потому г. Максимейку пришлось посчитаться съ родственнымъ ему по работѣ авторомъ. Занятіе литовско-русскимъ правомъ имѣетъ громадное значеніе для уясненія многихъ спорныхъ вопросовъ стараго права великорусскаго, потому нельзя не привѣтствовать въ лицѣ г. Максимейка и другихъ молодыхъ ученыхъ усиленнаго вниманія къ литовско-русскимъ юридическимъ древностямъ, тѣмъ болѣе, что для плодотворной работы въ этой области нужно знать не только литовскую Русь, но и языкъ и бытъ тогдашней Польши. Профессоръ Владимирскій-Будановъ, овладѣвъ литовско-русскимъ правомъ, освѣтилъ съ новой стороны Уложеніе царя Алексѣя Михайловича; нужно искренно пожелать, чтобы г. Максимейку удалось раскрыть новыя стороны въ дѣлѣ изученія нашихъ земскихъ соборовъ. Къ книгѣ г. Максимейка приложены акты, касающіеся, какъ вольныхъ общихъ сеймовъ, такъ и сеймовъ велико-княжеской рады.

В. Грибовскій.

Курсъ гражданскаго права профессора Казанскаго университета Г. Ф. Шершеневича. Томъ I. Введеніе. Выпускъ второй. Казань. 1903.

Настоящій томъ труда г. Шершеневича посвященъ всецѣло исторіи источниковъ гражданскаго права, русскихъ и иностранныхъ. Обзоръ русскихъ источниковъ почтенный авторъ начинаетъ съ «Русской Правды» и кончаетъ «Сводомъ законовъ». Авторъ не историкъ, а догматикъ по специальности; поэтому въ обзорѣ источниковъ русскаго права, по крайней мѣрѣ, въ древнемъ періодѣ онъ не производитъ новыхъ изысканій, но излагаетъ лишь то, что уже добыто специалистами. Тѣмъ не менѣе, названный историческій очеркъ представляетъ собою особый интересъ, благодаря тому, что почтенный ученый, создавшій себѣ заслуженную извѣстность, какъ выдающійся цивилистъ, не только излагаетъ фактическій матеріалъ, но и освѣщаетъ его съ различныхъ точекъ зрѣнія. Между прочимъ г. Шершеневичъ останавливается на томъ вопросѣ, насколько памятники русскаго гражданскаго законодательства можно признавать явленіями національнаго правотворчества. Въ этомъ отношеніи наиболѣе національными авторъ признаетъ Русскую Правду, Псковскую судную грамоту, судебники Княжескій и Царскій. Но уже за Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича г. Шершеневичъ національность признаетъ условно, за сводомъ нашихъ гражданскихъ законовъ отрицаетъ всякую самобытность, несмотря на то, что официально всѣ томы свода законовъ разсматриваются, какъ обработка историческаго матеріала. Во многихъ своихъ сужденіяхъ г. Шершеневичъ правъ безусловно. Дѣйствительно, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича заключаетъ въ себѣ много литовскихъ и визавтійскихъ элементовъ, а въ десятый томъ свода, подъ флагомъ русской старины, вошло много законовъ французскихъ. Правда и то, что неудачно составленные наши гражданскіе законы заставляютъ желать многого, и самимъ сводомъ, какъ явленіемъ успѣшной кодификаціи, можно гордиться только условно, такъ сказать, съ формальной стороны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходится относиться ко всѣмъ этимъ фактамъ съ большимъ спокойствіемъ, принимая во вниманіе историческія условія, въ которыхъ они возникли и существовали. Между тѣмъ, г. Шершеневичъ относится къ этимъ продуктамъ исторіи слишкомъ страстно. Его, какъ догматика, терзаетъ и мучитъ неудовлетворительность нашихъ гражданскихъ законовъ, а поэтому онъ становится иногда несправедливымъ къ прошлому. Эта страстность, напримѣръ, приводитъ автора къ тому утвержденію, что Петръ Великій не справлялся съ тѣми условіями, которыя исторически соответствовали или не соответствовали иноземнымъ заимствованіямъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности онъ постоянно принималъ во вниманіе, насколько предполагаемыя заимствованія согласуются съ русскою жизнью и бытомъ. Таковы, напримѣръ, его реформы областного управленія (см. М. Богословскій: «Областная реформа Петра Великаго», стр. 31 и 32). «Петръ, — между прочимъ говоритъ г. Шершеневичъ на стр. 398 своего труда, — ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить переходъ отъ московскихъ порядковъ къ европейскимъ»; несомнѣнно, что подобное утвержденіе представляетъ собою крайность. Въ самомъ дѣлѣ, по этому поводу нельзя не вспомнить той знаменительной характеристики петровскихъ реформъ, которую

далъ въ своемъ «Опытѣ системы административнаго права» проф. Берендсъ, много поработавшій надъ сравненіемъ шведскихъ образцовъ и русскихъ заимствованій петровской эпохи. «Неужели тотъ великій человекъ, — говоритъ названный ученый въ этой характеристикѣ, — проницательности котораго такъ удивляешься, читая, напримѣръ, его письма изъ путешествія къ Меншикову, Апраксину, Шафирову и друг., неужели онъ поступилъ, какъ поступаетъ неудачникъ-гимназистъ на экзаменѣ: нужно рѣшить задачу, взялъ да и списалъ у ближайшаго сосѣда». Въ русскихъ заимствованияхъ со шведскаго обвиняли Петра многіе русскіе и иностранные авторы, но, какъ доказываетъ г. Берендсъ, только по недостатку полнаго знакомства со шведскимъ оригиналомъ и русскимъ произведеніемъ. Теперь эти взгляды уже оставлены, а между тѣмъ г. Шершеневичъ продолжаетъ утверждать, что заимствования были сдѣланы Петромъ въ грубой формѣ, неумѣлой рукой, обнаруживавшей иногда неудачный выборъ.

Если въ данномъ случаѣ съ г. Шершеневичемъ и можно согласиться, то только въ отношеніи заимствования нормъ гражданскаго права, но дѣло въ томъ, что уважаемый ученый на стр. 398 ставитъ вопросъ шире и говоритъ вообще о законодательствѣ. Кромѣ того, даже если третьей кодификаціонной комиссіи Петромъ I и приказано было заняться переложеніемъ шведскихъ правъ на русскіе нравы и потребности, такъ это былъ шагъ отчаянья; ранѣе того Преобразователь при кодификаціонныхъ попыткахъ стоялъ на національной почвѣ, да и при заимствованіи шведскаго кодекса онъ все-таки хлопоталъ о приспособленіи иноземнаго права къ русской жизни. Приходится затѣмъ спорить и противъ того положенія автора, что петровскія заимствования не могли пускаться корней глубоко въ русское бытѣ. А «Табель о рангахъ», дѣйствующая до сихъ поръ, а коллеги, просуществовавшія до начала XIX вѣка, а сенатъ, здравствующій и понынѣ? Очень возможно, что г. Шершеневичъ въ приведенныхъ сужденіяхъ сказалъ не то, что хотѣлъ, поэтому при слѣдующемъ изданіи курса необходимо подчеркнуть истинную мысль автора. Конечно, указанная неясность нисколько не подрываетъ достоинствъ книги почтеннаго ученаго, между прочимъ, для составленія историческаго очерка источниковъ гражданскаго права, поднявшаго громадную литературу, которая и приведена по параграфамъ. Кстати сказать, въ литературномъ указателѣ по поводу спора о силѣ и значеніи свода законовъ для полноты желательно было бы сдѣлать указаніе на одно изъ старѣйшихъ теоретическихъ разсужденій по этому вопросу харьковскаго профессора Гордѣенкова «О законодательномъ достоинствѣ свода законовъ Россійской имперіи» 1835 года. Очень интересенъ въ книгѣ г. Шершеневича § 61, трактующій о задачахъ кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. Онъ содержитъ въ себѣ исторію переработки нашего десяятаго тома, а затѣмъ ставитъ нѣсколько вопросовъ, на которые должны отвѣтить составители новаго гражданскаго уложенія. Историческій очеркъ иностраннаго гражданскаго законодательства касается Франціи, Италіи, Испаніи съ Португаліей, Бельгіи и Голландіи, Германіи, Австро-Венгріи, словомъ, почти всѣхъ державъ Западной Европы; кромѣ того, въ отдѣльномъ параграфѣ изложено распространеніе европейскаго права за предѣлами Европы.

В. Грибовскій.

Императорскій Россійскій историческій музей имени императора Александра III. Описание памятниковъ. Выпускъ II. Житіе святого Нифонта, лицевое. XVI вѣка. М. 1903.

Иллюстраціи къ рукописному житію св. Нифонта, принадлежація Историческому музею, представляютъ несомнѣнный интересъ для исторіи русской миниатюры. Если вѣрить описанію рукописи и полагается на изданныя изображенія, то экземпляръ «Житія» относится ко второй четверти XVI вѣка и переписанъ въ области Великаго Новгорода. Припомнимъ, что въ это самое время въ Новгородѣ процвѣтала художественная школа выдающагося книжника, архіепископа Макарія, на средства котораго были собраны грандіозныя «Минеи-Четы», Отъ этого интересъ иллюстрацій увеличится еще больше. Всѣхъ рисунковъ 350: они изданы фототипіей въ натуральную величину, а двѣ страницы изъ цѣлой рукописи отпечатаны въ краскахъ. По нимъ мы могли бы составить представленіе о живописной техникѣ, характерной для новгородскихъ мастеровъ XVI вѣка, если бы г. Щецкинъ приводилъ болѣе вѣскія доказательства своего предположенія и умѣрилъ бы свою фантазію. Авторъ предисловія указываетъ на главные особенности старинной раскраски акварелью по бумагѣ и на отличіе ея отъ иконописной манеры, обусловленной тѣмъ, что послѣдняя производилась масляными красками и на доскахъ. Онъ думаетъ что оба рода живописи находились въ самомъ тѣсномъ взаимодействіи, несмотря на разныя техническія условія, что ближайшее сходство въ миниатюрѣ и иконѣ обнаруживается, напри- мѣръ, въ способахъ передачи ландшафта, болѣею частью, условнаго и однообразнаго, съ сильно стилизованными деревьями, напоминающими грибы, и рядами нагроможденныхъ другъ на друга утесовъ и скалъ. Обращаютъ на себя вниманіе также архитектурные мотивы: то традиціонныя или фантастическія палаты, то храмы, похожіе на дѣйствительно существующія церковныя зданія съ готическими крышами или же являющія подобіе московскихъ соборовъ XV — XVI вѣка. Лики и фигуры отдѣланы необыкновенно тщательно. Видно, надъ ними работали умѣлые мастера. Все это говоритъ скорѣе за Москву, чѣмъ за Новгородъ. Подобныя изданія настолько необходимы при изученіи нашего стариннаго искусства, что мы считаемъ излишнимъ указывать на ихъ выдающееся значеніе, хотя все предисловіе страдаетъ отсутствіемъ научности.

М. О. Ск—вичъ.

Д. К. Треневъ. Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ. Краткое описаніе церкви, иконъ кисти Симеона Ушакова и прочихъ ея достопримѣчательностей, съ приложеніемъ 15 таблицъ съ 45 фототипіями. М. 1903.

Въ одной изъ церквей московскаго Китай-города сохранилось нѣсколько драгоценныхъ образцовъ русской старинной живописи того переходнаго періода, когда на нее замѣтно вліяли уже западные образцы. Мы говоримъ о церкви Грузинской Божіей Матери, болѣе извѣстной въ Москвѣ подъ прежнимъ названіемъ «храма во имя Живоначальной троицы, что въ Никитникахъ». По-

мимо интереса ея и въ архитектурномъ отношеніи, эта церковь издавна славилась своей живописью, принадлежащей кисти знаменитаго «царскаго изуграфа» Симеона Ушакова.

Свѣдѣнія объ его иконахъ появляются не впервые.

Снегиревъ, Даль и Флимововъ не разъ оставались на твореніяхъ нашего талантливаго и плодовитаго живописца XVII вѣка. Пзящная манера письма, гармонія линій и красокъ, умѣренная реальность религиозныхъ типовъ и сложность композицій, все это—достоинства, отличающія Ушакова отъ другихъ мастеровъ его времени или предшествующаго періода. Среди иконъ, украшающихъ церковь Грузинской Божіей Матери, особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія: «Благовѣщеніе», написанное въ 1659 году тремя мастерами; «Икона Владимирской Божіей Матери», написанная однимъ Ушаковымъ въ 1658 году съ портретами московскихъ митрополитовъ, царя Алексѣя Михайловича, царицы Маріи Пльничны, царевичей Алексѣя и Феодора, двухъ патріарховъ; «Икона Спаса Нерукотвореннаго», трудъ того же «государева иконописца», работавшаго надъ ней въ 1658 году; «Икона Великаго Архіерея», т.-е. Спасителя въ архіерейскихъ облаченіяхъ; «Девять учителей вселенской церкви», очень типичныя изображенія, написанныя, по всей вѣроятности, съ натурщиковъ, или, какъ тогда говорили, «съ живства», и наконецъ, «Чудотворная икона Грузинской Божіей Матери», великолѣпная копія неизвѣстнаго мастера. Всѣ фототипіи исполнены удачно. Особенную цѣнность пріобрѣтаетъ послѣднее изъ перечисленныхъ изображеній, такъ какъ издателю удалось сдѣлать съ него два снимка; на первомъ изъ нихъ находимъ икону въ ризѣ, на второмъ риза снята, благодаря чему можно составить ясное представленіе о художественномъ достоинствѣ выдающагося иконографическаго произведенія XVII вѣка.

Предисловіе написано просто, безъ притязаній на ученость и безъ лишніхъ справокъ. Приводится только нужное и важное для объясненія снимковъ.

А. Я.

Проф. П. Казанскій. Возрожденіе изученія права. Одесса. 1903.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ повременной печати горячо обсуждался вопросъ о рациональной постановкѣ преподаванія права на нашихъ юридическихъ факультетахъ. Среди лицъ, выступавшихъ на этомъ полѣ, почетное мѣсто принадлежитъ профессору Казанскому. Въ прошломъ году, между прочимъ, почтенный ученый выпустилъ въ свѣтъ цѣлый томъ, посвященный обсужденію и систематизаціи различныхъ мнѣній, высказанныхъ по поводу желательныхъ реформъ въ области преподаванія права. Настоящая брошюра г. Казанскаго посвящена тому же вопросу. Новая она ничего въ себѣ не содержитъ, но представляетъ собою подсчетъ всего сказаннаго въ предшествовавшихъ статьяхъ и книгѣ. Взглядъ профессора Казанскаго на задачи студенческой работы въ университетѣ въ итогъ сводится къ слѣдующему. Студентъ, изучающій право, прежде всего долженъ по возможности отнестись самостоятельно къ предмету своихъ наукъ. Для него недостаточно одного пассивнаго

слушанія лекцій. Изучая русскій законъ, онъ долженъ постоянно держать въ рукахъ томы свода, знакомясь съ трудами Гроція или Адама Смита, хотя скольконибудь ознакомиться съ ихъ трудами въ подлинникѣ. Вникая въ методы статистики, самому попробовать приложить ихъ на дѣлѣ и т. д. Поэтому помимо слушанія лекцій профессоръ Казанскій рекомендуетъ рѣчи студентамъ въ видѣ рефератовъ по прочитаннымъ произведеніямъ, собесѣдованіе учащихъ и учащихся между собою на научныя темы, письменныя упражненія на заданную тему, самостоятельное систематическое чтеніе памятниковъ права и классическихъ трудовъ съ объясненіями и толкованіями профессора въ случаѣ необходимости, наконецъ—ознакомленіе съ дѣйствительностью въ образцахъ, изображеніяхъ или иными способами. Конечно, къ пожеланіямъ почтеннаго автора и системѣ студенческой работы можно вполне присоединиться всякому университетскому преподавателю, радѣющему о выпускѣ изъ университетскихъ стѣнъ подготовленныхъ юристовъ.

В. Г.

Отзывъ объ ученыхъ трудахъ приватъ-доцента Е. В. Васьковского, составленный ординарнымъ профессоромъ А. И. Загоровскимъ, по порученію юридическаго факультета Новороссійскаго университета. Одесса. 1903.

Г. Васьковскій выставилъ свою кандидатуру на кафедру юридическаго факультета Новороссійскаго университета. Факультетъ поручилъ извѣстному знатоку гражданскаго права, профессору Загоровскому, дать оцѣнку ученыхъ достоинствъ кандидата и затѣмъ постановилъ напечатать отзывъ специалиста.

Ученыя работы г. Васьковского заключаются главнымъ образомъ въ двухъ его диссертацияхъ: магистерской—«Организація адвокатуры», и докторской—«Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ». Г. Загоровскій даетъ обстоятельный разборъ обѣихъ книгъ, но читателей «Историческаго Вѣстника», конечно, по преимуществу можетъ интересовать отзывъ о первомъ изъ названныхъ трудовъ, такъ какъ въ немъ имѣются нѣкоторыя историческія данныя. Именно изслѣдованіе принциповъ организаціи адвокатуры и изложеніе современнаго ея состоянія г. Васьковскій связываетъ съ историческимъ очеркомъ адвокатуры въ европейскихъ и несвропейскихъ государствахъ до Мекени, Перу и Канады включительно. Между прочимъ авторъ ведетъ рѣчь о недостаткахъ современнаго устройства адвокатской корпораціи въ Россіи и средствахъ устраненія этихъ недостатковъ. Въ исторіи адвокатуры г. Васьковскій находитъ интересныя данныя объ адвокатахъ въ древней Индіи и у евреевъ. Для характеристики дѣятельности библейскаго адвоката авторъ ссылается на книгу Юва, въ которой говорится: «Когда я выходилъ къ воротамъ города и на площади ставилъ себѣ стулъ, князья прекращали рѣчь и полагали руку на уста свои, голосъ знаменитыхъ мужей скрывался, и языкъ прилипалъ къ гортани ихъ. Ибо ухо слышало и ублажало меня, и око видѣло и восхваляло меня. Ибо я спасалъ и страдальца вопіющаго и сироту, когда не было помогающаго ему. Благословеніе погибавшаго приходило на меня, и сердце вдовицы было

мною обрадовано. Я облакался въ праведность, и она одѣвала меня собою; плащемъ и увясломъ служило мнѣ правосудіе. Слѣпому я былъ глазами, а хромоту ногами. Нищимъ я былъ отецъ и выкалъ въ дѣло незнакомаго мнѣ. И сокрушалъ беззаконному челюсти и изъ его зубовъ исторгалъ похищенное. Внимали мнѣ и въ ожиданіи совѣта моего безмолвствовали. Послѣ рѣчей моихъ уже не возражали, и капало на нихъ слово мое». Въ этихъ словахъ Іова г. Васьковскій видитъ «патріархальную форму судебной защиты». Такимъ образомъ авторъ обращаетъ въ адвоката того самого Іова, «который сидѣлъ во главѣ всѣхъ и жилъ, какъ царь, во главѣ воиновъ» и подобно Аврааму, Исааку и Іакову былъ патріархомъ.

Какъ замѣчаетъ профессоръ Загоровскій, авторъ вообще съ исторической частью своей работы обошелся безъ особыхъ стѣсненій. Онъ вовсе не старался изучать исторію адвокатуры, выяснять причины ея возникновенія и формы развитія. Ему вообще нужно было доказать, что процвѣтаніе адвокатуры, какъ института, подаііе неспеціалистамъ права помощи обусловлено отдѣленіемъ ея отъ представительства, т. е. простого юридическаго замѣщенія одной личности другою. Проводя подобную мысль въ исторіи, г. Васьковскій нанизываетъ факты на факты, заимствуя ихъ готовыми изъ разныхъ сочиненій и драпируя ихъ чужими ссылками на цитаты. Кутаясь и цѣпляясь за чужія работы въ исторіи, авторъ болѣе самостоятельно, но столь же неудачно проповѣдуетъ «новыя мысли» относительно настоящаго времени. По мнѣнію г. Васьковскаго, нашъ современный уголовный процессъ—какая-то травля подсудимаго со стороны государства, дѣйствующаго въ лицѣ короннаго суда и прокурора. По этому поводу для защиты преслѣдуемаго высылается «обществомъ» адвокатъ, которому вмѣняется въ обязанность оборонять несчастнаго отъ злоупотребленій со стороны государства. Какъ справедливо указываетъ профессоръ Загоровскій, даже у насъ въ Россіи государство вовсе не становится кровожаднымъ гонителемъ обвиняемаго и даже предоставляетъ прокурору право отказаться отъ обвиненія, если представитель власти прокурорской находитъ таковое неосновательнымъ. Потому весьма странною является фикція посылки адвоката въ судъ обществомъ, гдѣ одна сторона—государство, обвиняетъ, общество защищаетъ, и неизвѣстное третье судить. Точно также въ гражданскомъ процессѣ, гдѣ государство къ обоимъ тяжущимся относится безразлично, общество снабжаетъ ихъ отъ себя адвокатами, которые такимъ образомъ становятся органами правосудія вмѣсто простыхъ защитниковъ, къмъ они пребываютъ въ уголовномъ процессѣ. Но, указываетъ профессоръ Загоровскій, если въ гражданскомъ процессѣ адвокатъ является органомъ правосудія, а правосудіе творится отъ имени государства, то тѣмъ самымъ и адвокаты становятся представителями государственныхъ публичныхъ интересовъ: при чемъ же тогда остается посылка адвокатовъ обществомъ? При чемъ остается адвокатура, «какъ институтъ общественный»? Въ томъ же родѣ разсуждаетъ г. Васьковскій и далѣе. Съ одной стороны, напимѣрь, онъ всячески поноситъ современныхъ адвокатовъ, доказывая, что хорошій адвокатъ по необходимости мошенникъ, съ другой стороны, предлагаетъ за долгое и безупречное служеніе адвокатуры переводить лучшихъ адвокатовъ въ магистратуру и при томъ на высшія должности.

Г. Васьковскій отвѣчалъ профессору Загоровскому въ печати, но, нужно признать, очень слабо. По преимуществу обличитель адвокатовъ для поддержанія своихъ притязаній, ссылается на элементарные учебники, на отзывы о его научныхъ трудахъ, появившіеся въ рецензіяхъ неспеціальныхъ журналовъ и газетъ, и наконецъ на то, что его нѣкоторыя мнѣнія приняты были во вниманіе комиссіей по составленію гражданскаго уложенія. Последній доводъ наименѣе убѣдителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, комиссія въ дѣлѣ собранія научнаго матеріала поставила себѣ очень широкія рамки и потому приняла въ соображеніе не только второстепенныя научныя сочиненія, но даже напечатанныя ученическія студенческія работы, что значительно умаляетъ честь, которая могла бы быть оказываема ей вниманіемъ. Дальнѣйшая защита г. Васьковскаго выразилась въ фельетонѣ редактируемой имъ мелкой газеты, гдѣ просто-напросто аспирантъ на ученую кафедру выбралъ своего рецензента и весь новороссійскій юридическій факультетъ. Доказательство съ научной точки зрѣнія тоже крайне слабое.

Ignotus.

Н. М. Тупиковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Спб. 1903.

Покойный магистрантъ С.-Петербургскаго университета Н. М. Тупиковъ, еще въ бытность студентомъ, взялъ на себя задачу выяснить исторію и значеніе древне-русскихъ личныхъ именъ, которыя не происходятъ отъ христіанскихъ именъ. Съ этою цѣлью онъ просмотрѣлъ значительное количество старинныхъ актовъ, изданныхъ разными учеными учрежденіями, нѣкоторые памятники древней письменности, наконецъ всѣ русскія лѣтописи и сдѣлалъ изъ нихъ выписку собственныхъ нехристіанскихъ именъ, заноса сообразно своей цѣли каждое имя лишь одинъ разъ. Составленный на основаніи этихъ записей словарь долженъ былъ служить лишь матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ автора въ принятомъ филологическомъ направленіи. Къ сожалѣнію, однако, тяжкая болѣзнь и преждевременная смерть Н. М. Тупикова въ 1900 г. прервала предпринятый имъ трудъ. Какъ часть задуманной работы, словарь для другихъ, конечно, не имѣетъ того значенія, которое придавалъ ему составитель. Зато онъ можетъ измѣнить свое назначеніе и послужить справочной книгой для историковъ, хотя его цѣнность, какъ справочнаго пособія, уменьшается отъ того, что, какъ сказано выше, Н. М. Тупиковъ ввелъ въ него не всѣ имена.

Результатъ своего усидчиваго труда авторъ въ рукописи представилъ въ императорскую академію наукъ, которая присудила ему ломоносовскую премію по отзыву проф. Карскаго. Признавая научное значеніе словаря, Императорское Русское археологическое общество напечатало его нынѣ на свое издвленіе.

А. М.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1903.

У насъ ежегодно выходитъ немало книгъ по еврейскому вопросу, въ значительномъ большинствѣ случаевъ написанныхъ евреями. За послѣднее время изъ нихъ составилаь количественно богатая литература, но нельзя не замѣтить, что она не находитъ себѣ надлежащей и полной оцѣнки, ибо русскихъ гебраистовъ немного, а еврейскіе критики еврейскихъ сочиненій, впадая въ односторонній восторгъ отъ всего «отечественнаго», рѣдко даютъ о немъ безпристрастные отзывы.

Недавно появившаяся книга г. Гессена «Евреи въ масонствѣ» любопытна вдвойнѣ: съ одной стороны, она касается общеприятнаго вопроса о роли евреевъ въ масонскомъ движеніи, съ другой же—является изслѣдованіемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ: по словамъ самого автора, ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ не существуетъ историческаго изслѣдованія по вопросу объ участіи евреевъ въ масонствѣ, и ему пришлось отыскивать отрывочныя данныя въ общей масонской литературѣ, что значительно затруднялось рѣдкостью въ обращеніи масонскихъ книгъ. Но какъ ни любопытна книжка г. Гессена по идеѣ,—ближайшее знакомство съ нею должно неминуемо разочаровать внимательнаго читателя. Авторъ «Евреевъ въ масонствѣ» отличается крайнею тенденціозностью, которая красною чертою проходитъ по всей его работѣ: такъ, онъ нерѣдко замалчиваетъ существованіе источниковъ и фактовъ, способныхъ пролить новый свѣтъ на затронутую тему. Какъ извѣстно, масонство возникло изъ средневѣковаго цеха вольныхъ каменщиковъ, правильно организованнаго, дружнаго и единодушнаго въ конечныхъ своихъ цѣляхъ. Какъ и большинство средневѣковыхъ цеховъ, это было сообщество христіанскихъ ремесленниковъ, созданное на почвѣ евангельскаго религіозно-нравственнаго ученія. Вполнѣ понятно, что нехристіане въ члены цеховъ не допускались, и евреи являлись въ отношеніи къ нимъ своего рода «изгоями». Масонство, заимствуя традиціонныя символы, усвоило и религіозно-нравственныя принципы цеха свободныхъ каменщиковъ и, доколѣ придерживалось требованій древяго благочестія,—не принимало въ свою среду нехристіанъ—магометанъ и евреевъ. Когда же въ скептическій вѣкъ Руссо и Вольтера развились раціоналистическія ученія,—въ масонство проникъ духъ политиканства, и весьма многіе масоны, какъ нынѣ дознано исторіей, сознательно и неуклонно преслѣдовали явно противоправительственныя цѣли¹⁾. Очевидно, что при постепенныхъ пзмѣненіяхъ первоначальнаго духа масонства, проникнутаго строгимъ нуризмомъ,—евреямъ понемногу открывался доступъ въ масонскія ложи. Къ сожалѣнію, г. Гессенъ упорно закрываетъ глаза на эти общеизвѣстные факты. Онъ склоненъ, повидимому, думать, что выродившееся и нечуждое

¹⁾ Такъ, въ Баваріи, еще въ 1784 году, при закрытіи масонскихъ ложъ были обнаружены весьма компрометирующіе документы, а во Франціи большая часть крайнихъ вожаковъ революціоннаго движенія отъ барона Анахарсиса Клотоса до Марата сказывались дѣятельными членами масонскихъ ложъ различныхъ направленій и толковъ.

темнаго «шахеръ-махерства» масонство XIX вѣка является достойнымъ своего истиннаго назначенія, якобы исповѣдая идеи широкой вѣротерпимости. Совѣтуемъ автору «Евреевъ въ масонствѣ» вслушаться въ то, что говорятъ о современномъ масонствѣ на Западѣ, и ему станетъ ясно, что наши утвержденія далеко не голословны ¹⁾).

Вообще говоря, г. Гессенъ—типъ очень своеобразнаго историка-ислѣдователя. Идея доказать во что бы то ни стало участіе евреевъ въ работахъ лондонскихъ масонскихъ ложъ XVIII столѣтія, онъ выискиваетъ въ членскихъ спискахъ еврейскія имена. Нельзя сказать, чтобы этотъ способъ доказательства былъ особенно достовѣренъ и убѣдителенъ. Финдель, на котораго г. Гессенъ неоднократно ссылается и къ авторитету котораго итаетъ, повидимому, неограниченное довѣріе, категорически замѣчаетъ, что имена сами по себѣ еще ничего не доказываютъ (стр. 9—10). Въ работѣ г. Гессена замѣчаются также казуистическія натяжки. Такъ, вся V глава его изслѣдованія посвящена доказательству, что клятва евреевъ на Евангеліи, празднованіе обще-масонскаго торжества въ Ивановъ день и призываніе имени Христа, практиковавшіяся евреями, не носятъ и тѣни ренегатскаго уклоненія отъ принциповъ ихъ вѣроученія. Имя Христа, замѣчаетъ г. Гессенъ, не должно было отдалять евреевъ отъ союза. Согласно объясненіямъ многихъ масонскихъ писателей надо признать (оставляя въ сторонѣ вопросъ о ритуалѣ), что по существу союза въ основу его дѣятельности, т.-е. его отношенія къ человѣчеству, былъ положенъ принципъ христіанства ²⁾, т.-е. принципъ, который, по словамъ одного автора-масона, научаетъ всеобщей любви, предписываетъ примиреніе и вѣщаетъ единаго Бога; основой союза, по объясненію другого автора, является чистое истинное христіанство, идеальное христіанство въ своемъ высшемъ истинномъ смыслѣ, какъ вѣра въ единаго Бога и въ единеніе человѣчества (стр. 34). Такимъ образомъ, подъ христіанствомъ въ масонствѣ понималось не религіозное ученіе, а высшая этика, не чуждая, конечно, и іудазму, которая должна была соединить все человѣчество во взаимной братской любви. Поэтому,—какъ замѣчаетъ Ведекинъ, а за нимъ и другіе,—масонство въ качествѣ всечеловѣческаго этического союза, связано со всѣми великими людьми, которыхъ мы чтимъ, какъ величайшихъ зиждителей нравственности (moralische Baumeister). Напрасно г. Гессенъ такъ опирается на эти положенія. Исторія масонства неопровержимо доказала, что разграниченіе христіанскаго вѣроученія и христіанской же этики проводилось далеко не такъ послѣдовательно и категорично, какъ это кажется на первый взглядъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о существованіи шведской системы въ масонствѣ.

Нерѣдко впадаетъ г. Гессенъ въ странныя самопротиворѣчія. Такъ онъ говоритъ, что великая англійская ложа, предписывая братьямъ обязанности Ное-

¹⁾ Для этого назовемъ хотя бы недавно вышедшую книгу: Bois. Les petites religions à Paris (Paris, 1903), въ которой авторъ даетъ между прочимъ добросовѣстную и обстоятельную характеристику современнаго французскаго масонства.

²⁾ Курсивъ г. Гессена.

выхъ законовъ, конечно, не придавала значенія тому, что онѣ требовались еврейской этикой, ложа цѣнила универсальность этихъ законовъ. Извѣстные масонскіе писатели Краузе и Клоссъ говорятъ, что ссылка на Ноевы законы была вызвана желаніемъ ложи катеторически объяснить, что масонство не относится враждебно ни къ одной религіи, мы же полагаемъ, что внесеніе этихъ законовъ въ уставъ преслѣдовало специальную цѣль—открыть доступъ въ союзъ евреямъ. Не пояснить ли г. Гессенъ, какъ могутъ уживаться у него рядомъ подчеркнутыя нами мнѣнія (стр. 6)? Не останавливаясь на другихъ, подобныхъ же промахахъ г. Гессена,—которыхъ, къ слову сказать, встрѣчается въ его книгѣ немало,—посмотримъ, что говоритъ онъ о роли евреевъ въ русскомъ масонствѣ.

Что касается Россіи,—замѣчаетъ г. Гессенъ, заканчивая VII главу своего «историческаго изслѣдованія»,—то русское еврейство, судя по его культурному уровню, врядъ ли могло выдвинуть изъ своей среды много масоновъ; лишь отдѣльныя личности могли обнаружить стремленіе сблизиться въ масонствѣ съ русскимъ обществомъ; къ тому же въ Россіи была распространена шведская система, считавшая масонство христіанскимъ союзомъ. Уставъ Великой ложи Астрей (§ 162) категорически говорилъ, что въ союзъ имѣетъ доступъ лишь «преданный какому нибудь изъ терпимыхъ въ государствѣ христіанскихъ исповѣданій», хотя основные законы «Книги Уставовъ» были извѣстны Астрей, и въ ея уставѣ они были приведены, снабженные примѣчаніемъ, что они достойны уваженія, «яко священные памятники древняго общества вольныхъ каменщиковъ». Впрочемъ, есть извѣстіе, что одна петербургская ложа приняла около 1797 года въ свою среду еврея ¹⁾. Въ царствованіе Александра I послѣдовало закрытіе всѣхъ ложъ въ Россіи (стр. 46—47). Не можемъ не признать, что если бы г. Гессенъ обнаружилъ нѣсколько большее знакомство съ литературою предмета, т.-е. изучилъ бы, какъ слѣдуетъ, работы Пекарскаго, Ешевскаго, Лонгинова, Незеленова и многихъ другихъ, и глубже вникнулъ бы въ монографіи цитируемаго имъ академика А. Н. Шпина,—онъ, конечно, объяснилъ бы удовлетворительнѣе отсутствіе еврейскаго элемента въ русскомъ масонствѣ: государство шведской системы и малая культурность русскихъ евреевъ XVIII столѣтія—причины, еще не исчерпывающія вопроса.

Вообще говоря, недостаточное знаніе обширнѣйшей литературы масонства очевидно въ работѣ г. Гессена на каждомъ шагѣ. Такъ по догматикѣ масонства онъ не упоминаетъ вовсе сочиненій Зейдя Марбаха, Румпельтъ Вальтера и Лева; повидимому, ему неизвѣстна символика масонства въ разработкѣ Гельдмана, Вобрика и Гепа. Изъ библиографическихъ указателей г. Гессенъ почему-то обходитъ молчаніемъ весьма полезныя пособія Бартельмеца и Тауте. Говоря объ исторіи масонства во Франціи, г. Гессенъ жалуется, что, несмотря на всѣ старанія, ему не удалось найти книги Клосса, а потому свѣдѣнія, имъ приводимыя, очень скудны (стр. 46), но за неимѣніемъ работы Клосса г. Гессенъ могъ

¹⁾ Напрасно г. Гессенъ ограничивается здѣсь краткою ссылкой на книгу Anti-Saksena—Sondershausen, 1817 (стр. 93), и не цитируетъ сполна этого любопытнаго извѣстія.

воспользоваться трудомъ Неттельбладта, который даетъ очень удовлетворительный очеркъ исторіи англійскаго, нѣмецкаго и французскаго масонства. Не знаемъ, чѣмъ объяснить авторъ «Евреевъ въ масонствѣ» свое непростительно небрежное отношеніе къ главнѣйшимъ пособіямъ; мы указали лишь на самыя крупныя упущенія г. Гессена: охотники найдутъ ихъ гораздо болѣе. Отличаясь полнымъ отсутствіемъ научной объективности, книга г. Гессена, любопытная по своей основной мысли, является довольно легковѣснымъ и слабымъ «опытомъ историческаго изслѣдованія», къ выводамъ и заключеніямъ котораго совѣтуемъ нашимъ читателямъ относиться съ большою критикой, неуклонно и строго провѣряя ихъ на каждомъ шагѣ. С. фонъ-Штейнъ.

Василій Васильевичъ Латышевъ. Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности его. 1878—1903. Спб. 1903. (Въ продажѣ вѣтъ).

Тѣсный кружокъ почитателей академика В. В. Латышева, — хорошо извѣстнаго и цѣнимаго не только въ Россіи, но и за границей эллиниста, — рѣшилъ напечатать его краткій биографическій очеркъ съ приложеніемъ по возможности полного списка трудовъ. Мотивы, руководившіе составителями этой юбилейной памятной книжки, настолько симпатичны, что на нихъ нельзя не остановиться. «Было бы весьма нежелательно, — читаемъ въ очеркѣ, — чтобы въ наше время, когда поговя за матеріальными благами значительно преобладаетъ надъ всякаго рода возвышенными стремленіями, примѣръ столь самоотверженнаго служенія наукѣ, и притомъ такой, которая гонима толпою, прощель не замѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что примѣръ этотъ можетъ быть и весьма назидателенъ для русскаго юношества».

Списокъ трудовъ академика Латышева, какъ отдѣльно изданныхъ, такъ и разбросанныхъ по различнымъ русскимъ и иностраннымъ журналамъ, занимаетъ цѣлыхъ 13 страницъ. Труды расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и къ каждому изъ нихъ присоединены указанія на критическія статьи и рецензіи. Между трудами уважаемаго ученаго (о которыхъ вѣрѣдко сообщалось и на страницахъ «Историческаго Вѣстника») особенно обращаютъ на себя вниманіе такія капитальныя работы, какъ: «Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи» (докторская диссертация), «Очеркъ греческихъ древностей», «Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ», «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae» и т. д.

Къ настоящему очерку приложены два портрета академика Латышева: въ началѣ и въ концѣ его двадцатипятилѣтней учено-литературной дѣятельности.

М.

Димитрій Петрушевскій. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. Ч. I. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1903.

Проф. Петрушевскій, большой знатокъ англійской исторіи, авторъ диссертации о возстаніи Уота Тайлера, даетъ въ своей новой книгѣ изображеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи общества и государства средневѣковой Англій, начиная отъ англо-саксонскаго развитія до политической борьбы второй половины XIII вѣка. Политическое развитіе для автора лишь «одна изъ функций соціальнаго строя». Здѣсь нѣтъ систематическаго изложенія хозяйственной и соціальной исторіи Англій въ средніе вѣка, но эта сторона историческаго процесса не устранена въ книгѣ. Такъ, въ первой главѣ (англо-саксонское развитіе) много мѣста отведено соціальному строю англо-саксовъ, феодализаци англо-саксонскаго общества и государства. Въ остальныхъ 4-хъ главахъ (книга состоитъ изъ пяти главъ) соціальный строй въ его изображеніи уступаетъ мѣсто эволюціи политическаго строя Англій. Но это сдѣлано, какъ заявляетъ самъ авторъ, «по соображеніямъ простаго удобства», въ виду того, что проф. Петрушевскій намѣренъ въ особой книжкѣ разсмотрѣть эти вопросы. Такимъ образомъ, читатель найдетъ въ этомъ выпускѣ теорію нормандскаго завоеванія (2 гл.), изслѣдованіе о смутномъ времени въ англійскомъ королевствѣ и реформахъ Генриха II Плантагенета (3 гл.), анализъ и оцѣнку Великой Хартіи (4 гл.), наконецъ, исторію возникновенія парламента и характеристику его (5 гл.). Все это—результаты самостоятельнаго изслѣдованія ученаго, но ошибка, намъ кажется, заключается въ томъ, что эту книжку выпустили въ изданіи, имѣющемъ популярно-научный характеръ. Все же «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ» имѣетъ въ виду средняго читателя: объ этомъ ясно сказано въ общемъ предисловіи къ изданію. Между тѣмъ, тонъ книги этой вовсе не годится для средняго читателя. Написана она очень сухо, яркости никакой, рельефа въ изображеніи ни малѣйшаго, множество латинскихъ выраженій такъ и нестряты въ книгѣ, и авторъ не счелъ нужнымъ ихъ перевести, множество деталей, разныхъ инструкцій, эдиктовъ мелкихъ—все это трудно усвоить неспециалисту, для него все это—мало интересно. Отсутствие обобщеній, руководящихъ нитей въ такомъ изданіи—непростительная ошибка автора и редакторовъ изданія, помѣстившихъ эту очень цѣнную, ученую книжку въ коллекцію популярно-историческихъ книгъ.

П. К—ій.

Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ въ 1902 году. Записка проф. И. Цвѣтаева. Москва. 1903.

Дѣло созиданія Музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ близится къ концу. Лежащая передъ нами Записка профессора Московскаго университета И. Цвѣтаева знакомитъ насъ съ шестымъ годомъ дѣятельности комитета по устройству означеннаго просвѣтительнаго учрежде-

нія. Въ качествѣ секретаря этого комитета, профессоръ Цвѣтаевъ представляетъ въ общедоступной формѣ главнѣйшіе моменты довольно сложнаго годичнаго отчета, въ которомъ данныя строительнаго и хозяйственнаго характера чередуются со свѣдѣніями хозяйственнаго и артистическаго содержанія.

Истекшій годъ дѣятельности комитета характеризуется авторомъ Записки, какъ «періодъ напряженнаго исполненія работъ, начатыхъ прежде, съ одной стороны, и какъ пора воплощенія того, что носилось раньше лишь въ области гаданій, предположеній и мечты». Въмѣстѣ съ тѣмъ, истекшій періодъ времени «является поворотнымъ пунктомъ съ направленіи заботъ и попеченій комитета отъ вопросовъ, главнымъ образомъ, по возведенію зданія къ дѣлу его внѣшняго и внутренняго убранства». Къ наружному украшенію музея за истекшій періодъ принадлежатъ начатыя работы по двумъ скульптурнымъ фризамъ, которые должны украсить главный фасадъ зданія. Фризы, находящіеся подъ колоннадою, по всему фасаду, будутъ изображать панаѳнейскую процессію по даннымъ іоническаго фриза Парѳенона въ Аѳинахъ; что же касается верхняго фриза, надъ портикомъ, то онъ долженъ представить, согласно проекту академика Залемана, свисавшему общее признаніе комитета, сюжетъ олимпійскихъ игръ. Заботы о внутреннемъ убранствѣ музея были сосредоточены за истекшій періодъ главнымъ образомъ вокругъ вопроса о стѣнной росписи залъ музея, высоко-художественнаго и дорогаго предпріятія, которое является однимъ изъ многихъ даровъ товарища августѣйшаго предсѣдателя комитета, гофмейстера Ю. С. Нечаева-Мальцова. «Къ настоящему времени, — читаемъ въ Запискѣ, — опредѣлились какъ главные сюжеты будущихъ картинъ, такъ и общее направленіе предстоящихъ работъ. Въ виду преобладанія ландшафтнаго характера предположенной росписи, поставлено основнымъ принципомъ писать съ натуры, на мѣстахъ, и потому предрѣшена организація В. Д. Полѣновымъ спеціальнаго путешествія художниковъ въ Египетъ, Палестину, на острова Эгейскаго архипелага, въ Грецію, Константинополь и Италію» (стр. 32). Роспись музейскихъ залъ будетъ происходить подъ руководствомъ В. Д. Полѣнова и при содѣйствіи В. М. Васнецова и П. В. Жуковскаго.

А—въ.

Э. А. Вольтеръ. Отчетъ о поѣздкѣ по бібліотекамъ Австріи и Германіи осенью 1901 года. Спб. 1903.

Для выясненія и удовлетворенія изрядно уже назрѣвшихъ нуждъ русскаго бібліотекосвѣдѣнія прежде всего необходимо практическое изученіе нѣкоторыхъ особенностей современнаго бібліотекоустройства и книговѣдѣнія за границей. Съ цѣлью приобрѣсти свѣдѣнія въ этой области бібліотекарь перваго отдѣленія бібліотеки нашей академіи наукъ, Э. А. Вольтеръ, совершилъ осенью 1901 года путешествіе по Австріи и Германіи, гдѣ обозрѣлъ всѣ мѣстныя усовершенствованныя книгохранилища и ознакомился съ существующими тамъ распорядками.

Отчетъ объ этой поѣздкѣ вышелъ въ свѣтъ лишь недавно, и изъ него видно, что г. Вольтеръ весьма добросовѣстно отнесся къ своей командировкѣ

и стремился извлечь из нея возможно больше свѣдѣній, пригодныхъ для примѣненія у насъ въ Россіи.

Особое вниманіе обозрѣватель иноземныхъ библіотекъ въ своей книжкѣ обращаетъ на постановку дѣла поступленія такъ называемыхъ обязательныхъ экземпляровъ въ Австріи, гдѣ ими надѣляются не только столичныя, но даже и областныя библіотеки, на развитіе работъ по каталогизаціи, регистраціи и инвентаризаціи произведеній печати, на устройство обществъ библіотекарей, читаленъ и спеціальныхъ музеевъ библіотековѣднія, на способъ храненія книгъ и примѣненіе «книжныхъ магазиновъ» (Büchermagazine) изъ желѣза, на порядки выдачи книгъ для пользованія и проч.

Всѣ эти вопросы сконцентрированы авторомъ въ довольно детальной формѣ, и по внимательномъ просмотрѣ ихъ читатель долженъ сознаться, что дѣло библіотековѣднія въ Россіи по сравненію съ положеніемъ его за границей находится въ самомъ зародышевомъ состояніи.

Несмотря на узко спеціальную тему, книжка г. Вольтера читается легко, безъ напряженія. Въ текстѣ встрѣчаются пояснительные рисунки и чертежи.

Вере.

Новыя польскія изданія по исторіи и археологін.

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» мы указали на то оживленіе, которое замѣчается въ польскомъ книгоиздательствѣ въ послѣднее время; главнымъ центромъ изданій историческихъ и энциклопедическихъ служитъ Варшава, затѣмъ Краковъ и Львовъ. Недавно и Познань внесла свою лепту—роскошное изданіе подъ названіемъ *Tyszkiewicziana*, 94 стр. in folio, цѣна 30 р., т. I. Въ типографскомъ отношеніи это изданіе не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ изданіямъ; текстъ иллюстрированъ полнотипажамъ въ краскахъ. Въ отношеніи содержанія это сочиненіе представляетъ собою собраніе замѣтокъ и документовъ, относящихся къ семьѣ графовъ Тышкевичей, но въ виду той важной роли, которую они играли въ политикѣ Польши въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX в., документы эти имѣютъ большую частію значеніе и для исторіи Польши послѣдняго времени. Сочиненіе это, небольшое по объему (94 страницы), очень разнообразнаго содержанія и распадается на нѣсколько отдѣловъ. Отдѣлъ *Militaria* начинается очеркомъ военной дѣятельности 17-го Литовскаго коннаго полка, выставленнаго графомъ Михаиломъ Тышкевичемъ въ 1812 году. Здѣсь приводится и военная литовская пѣсня, описывается вооруженіе и форма войскъ. Во 2-ой же части этихъ *Militaria* описана военная служба Тышкевичей съ 1400 по 1863 годъ и иллюстрирована Коссакомъ. Заканчивается отдѣлъ очень тщательно и подробно составленными библиографическими свѣдѣніями объ именитыхъ и достославныхъ графахъ, портреты которыхъ украшаютъ въ хронологическомъ порядкѣ третью часть этой книги. Далѣе нумизматическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ монеты и медали, выбитыя частію при Теодорѣ Скуминѣ Тышкевичѣ, когда онъ былъ *podskarbin*, частію носящія характеръ воспоминаній о различныхъ эпизодахъ жизни членовъ этой фамиліи. Кончается этотъ томъ описаніемъ коллекцій и дворцовъ, принадлежащихъ

Тышкевичамъ. Въ общемъ этотъ томъ богатъ данными историческими, генеалогическими, нумизматическими и, конечно, не слишкомъ дорогъ по цѣнѣ, если принять во вниманіе его спеціальное назначеніе—прославленіе рода Тышкевичей. Другая монографія Ал. Краусгара: Королевское общество любителей наукъ (1800—1832)—*Towarzystwo królewskie Przyjaciół Nauk, księga III, czasu Królestwa Kongressowego (1820—1824)*, съ иллюстраціями, стр. 476, изданіе Гебетнера и Вольфа, отличается обычной автору добросовѣстностью въ работѣ и касается времени процвѣтанія этого общества, одновременно съ процвѣтаніемъ Варшавскаго университета. Въ обществѣ участвуютъ ректоръ Скродцкій, Міле, Скарбекъ и др. Шагъ за шагомъ разбирая каждое собраніе, каждый протоколъ собранія, сообщая содержаніе каждаго реферата, авторъ даетъ намъ подробную картину жизни этого общества, столь сильно повліявшаго на развитіе тогдашняго общества. Рядъ портретовъ Лелевеля, Нѣмцевича, Вандтке, Бентковского и многихъ другихъ, рисунки историческихъ памятниковъ дополняютъ картину.

Третье иллюстрированное изданіе—*Święcicki: Historia literatury Żydowskiej*, съ иллюстраціями—очень обширное сочиненіе, интересно не только съ общегуманитарной точки зрѣнія, но имѣетъ и спеціальное значеніе, выясняя то, о чемъ мы слышимъ и говоримъ постоянно, какъ о чемъ-то далекомъ и таинственномъ. Именно во 2-мъ томѣ этого сочиненія, недавно вышедшемъ изъ печати, имѣемъ апокрифическую литературу и псевдоэпиграфы; литературу эллиноеврейскую, характеристику и происхожденіе Мишны, Геморы и Талмуда и, наконецъ, очеркъ ремеслъ и искусствъ. Все это помѣщено на 312 страницахъ первой части 2-го тома. Вездѣ авторъ указываетъ источники, изъ которыхъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и очень ясно излагаетъ свои мысли, чѣмъ выгодно отличается отъ нѣскольکو темнаго въ выраженіяхъ А. Краусгара, о которомъ мы выше упоминали. Въ заключеніе укажемъ, что 300-лѣтняя годовщина рожденія ксендза Кордецкаго, настоятеля Ченстоховскаго монастыря, отразившаго съ 200 шляхты 14 тысячъ шведскаго войска подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Миллера, вызвала цѣлый рядъ новыхъ монографій по этому поводу, а «Библиотека христіанскихъ дѣлъ» (*Biblioteka Dzieł Chrześcijańskich*) опубликовала біографію его, написанную товарищемъ Кордецкаго, подъ заглавіемъ: *Vita religiosa et finis felix A. R. P. Provin-tis Augustini Kordecki*. Интересно, что къ празднованію годовщины нашли и останки Кордецкаго въ подземельяхъ Ясной Горы, давно заброшенныхъ. Среди массы глиняныхъ урнъ около аршина высотой на одной прочли надпись: *Prochy ks. Augustyna Kordeckiego*.
С. Гин—въ.

Ф. Монье. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кваттрогента. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1904.

«Кваттрогента»—важнѣйшій моментъ въ исторіи человѣческой культуры, грань между средней и новой исторіей, когда на обломкахъ старой жизни возникла новая эпоха въ исторіи человѣчества—гуманизмъ.

Послѣ извѣстныхъ сочиненій Буркхардта, Фогта и Корелина книга Монье одинъ изъ самыхъ блестящихъ трудовъ по гуманизму. И написана эта книга

увлекательно, и много въ ней богатаго матеріала. Монье интересуется этотъ вѣкъ, какъ эпоха, полная противорѣчій и контрастовъ, изобилующая анахронизмами и противорѣчіями, усеянная развалинами старой жизни и набросками новыхъ построекъ. Онъ же даетъ опредѣленія гуманизма, у него вѣтъ теоретическаго построения. Даже, говоря о Петраркѣ, онъ не подчеркиваетъ громаднаго значенія индивидуализма перваго гуманиста. То же можно сказать и о Боккаччо. И тѣмъ не менѣе его книга—увлекательная картина итальянскаго общества въ моментъ его пробужденія. Все живые люди, близко знакомая художнику обстановка.

Авторъ начинаетъ свою картину съ изображенія синьоріи, въ которую преобразовалась коммуна, и которая играла такую важную роль въ Италіи. Передъ нами проходитъ цѣлая галлерія тирановъ XV в., съ ихъ пороками и доблестью, жестокостью и мягкостью, гнусностью и благородствомъ, съ душою волка и профилемъ камен. Онъ изображаетъ, какъ въ ту эпоху рядомъ съ кинжаломъ существовало и болѣе опасное оружіе—разумъ, который крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ мечъ покрывается ржавчиной. Глава, въ которой дана характеристика общества того времени (II), одна изъ остроумнѣйшихъ частей книги. И здѣсь историка интересуется тотъ поразительный контрастъ, который наблюдается имъ въ обществѣ XV в. «Это общество наполовину варварское. Оно только что вышло изъ среднихъ вѣковъ, оно сохраняетъ ихъ грубый отпечатокъ. Оно походитъ на тѣ кровати пышнаго двора Феррары, о которыхъ намъ рассказываютъ, что онѣ были украшены драгоценной рѣзбой, убраны дивными коврами, покрывалами изъ камки, бархата, парчи, вышитыхъ золотомъ и серебромъ. Снимемъ эти пышныя ткани: увидимъ дырявыя простыни и торчащую солому». Люди еще грубы. «Отъ нихъ пахнетъ конюшней», они тяжело сложены, неповоротливы. И въ то же время видимъ тутъ—тонкость, заботу о классической литературѣ, ужасающую откровенность, простоту, отсутствіе предрасудковъ—видимъ жизнь, полную молодости и свѣжести.

Все сочиненіе Монье состоитъ изъ четырехъ книгъ. Въ первой онъ изображаетъ социальный строй Италіи въ XV вѣкѣ, во второй—гуманизмъ во Флоренціи, Миланѣ, Венеціи, Римѣ и Неаполѣ, работу гуманистовъ, роль краснорѣчія въ итальянской жизни и значеніе латинскаго языка (вся книга озаглавлена: «Латинскій языкъ»). Третья книга посвящена распространенію греческаго языка въ Италіи. Здѣсь описанъ дворъ Лоренцо Медичи, дана блестящая характеристика этого молодого до конца жизни государя (269—276), обрисованы дворцовый кружокъ, празднества и прелесть жизни при его дворѣ, а въ трехъ послѣднихъ главахъ выяснено значеніе итальянскаго эллинизма и влияние его на Европу. Послѣдняя книга разсматриваетъ возрожденіе въ Феррарѣ, Неаполѣ и выясняетъ постепенное возвращеніе къ итальянскому языку. Отъ государей, ученыхъ, поэтовъ Монье переходитъ къ народу, къ его поэзіи, религіозному чувству и художественному. Въ заключеніе авторъ выясняетъ значеніе Савонаролы, пытавшагося остановить вѣкъ. Переведена книга Монье очень хорошо, но цѣна дорога—4 р. (37 печ. листовъ). П. К.

**Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ.
Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903.**

Книга эта—одно изъ роскошныхъ изданій г. Маркса, которыя такъ хорошо извѣстны русской публикѣ. Предназначенная для популярнаго чтенія, она вполне достигаетъ своей цѣли. Но изданіе это еще и потому имѣетъ большое значеніе, что по вопросу объ исторіи письменности въ нашей популярно-научной литературѣ ничего нѣтъ (не говоримъ объ устарѣлой во многихъ отношеніяхъ книгѣ Шрадера «Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія», такъ какъ ее очень нелегко читать). Книга г. Шницера—единственный цѣльный и систематическій трудъ по этому вопросу.

Спеціальная цѣль его сочиненія—«выяснить существованіе тѣсной родственной связи между всѣми письменами земного шара, т.-е. показать, на основаніи сравнительнаго изученія различныхъ памятниковъ древней письменности, что письмена, подобно языкамъ, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными личностями, какъ это принято было думать на основаніи преданій, а вырабатывались и развивались одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено происхожденіе міровъ, растений и вообще всего того, что когда либо возникало или возникаетъ въ природѣ. Книга распадается на двѣ части.

Выяснивъ сущность письменъ и ихъ всемірное значеніе, авторъ переходитъ къ изображенію подготовительнаго періода въ исторіи письма, къ передачѣ мыслей и желаній посредствомъ окружающихъ предметовъ, которыми выражаются всевозможныя понятія. Такова была «письменность» у всѣхъ первобытныхъ народовъ. При этомъ авторъ придаетъ большое значеніе такъ называемому узловому письму, которымъ пользовались въ древности персы, китайцы, перуанцы, и которое въ настоящее время служитъ способомъ выраженія мыслей у нѣкоторыхъ народовъ въ Америкѣ (перуанцы, мексиканцы), а также у дикихъ племенъ Западной Африки.

Въ исторіи начертательнаго письма авторъ различаетъ три основныхъ стадій: письмо картинное (идеографическое), геороглифическое и фонетическое, или буквенное. Первые зачатки начертательнаго письма авторъ справедливо видитъ въ татуировкѣ, которая приучила людей изображать свои мысли при помощи рисунковъ, послуживъ, такимъ образомъ, переходомъ къ картинному письму. Это письмо возникло и развивалось именно у тѣхъ народовъ, гдѣ процвѣтала татуировка.

Въ исторіи картиннаго письма большую роль играла живопись, существовавшая въ самыхъ отдаленныхъ эпохи человѣческой жизни. Въ этомъ идеографическомъ періодѣ письмо представляло собою рядъ рисунковъ, почти всегда загадочныхъ для насъ, но понятныхъ для первобытнаго человѣка. Приводя образчики идеографической письменности, авторъ знакомитъ насъ съ картиннымъ письмомъ китайцевъ, японцевъ и корейцевъ.

Образное письмо было замѣнено іероглифическимъ египтянами. Въ книгѣ г. Шницера приводится исторія дешифровки іероглифическихъ надписей, авторъ рассказываетъ о Шампольонѣ и его трудахъ, но лишь вскользь назы-

ваетъ его преемниковъ. Далѣе, идетъ описаніе клинообразной письменности (ассиро-вавилонская, мидійская, персидская).

Вторая часть книги даетъ подробную исторію алфавита, распаденіе его на отдѣльные типы и эволюцію современнаго алфавита. Здѣсь авторъ, начиная отъ финикійскаго алфавита, переходитъ къ арабской письменности, къ греческому письму, латинскому алфавиту и славянскои письменности, обзоромъ которой и заканчивается его книга.

Множество прекрасныхъ рисунковъ, отпечатанныхъ красками и золотомъ роскошныхъ таблицъ, въ которыхъ воспроизведены образцы памятниковъ письменъ, придаютъ несомнѣнную цѣнность этому изданію. К.

И. Анненскій. Античная трагедія. Спб. 1903.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ этюдовъ виконтъ Мельхиоръ де-Вогюэ замѣчаетъ между прочимъ, что русскій человекъ, вообще говоря, склоненъ къ мистицизму. Мы затрудняемся сказать, насколько правъ французскій писатель, если онъ имѣетъ въ виду исключительно мистицизмъ религіозный, иное дѣло если онъ подразумѣваетъ мистицизмъ общественный, тогда къ словамъ его нельзя не присоединиться.

У насъ на Руси есть циклъ общественныхъ вопросовъ, которыхъ изслѣдователю лучше не касаться, ибо сложнѣйшую и запутаннѣйшую задачу составляетъ добраться до коренной, реальной ихъ сущности, такъ какъ она сокрыта отъ наблюдателя густымъ, едва провицаемымъ слоемъ перемѣнчивыхъ смутныхъ признаковъ и окутана тяжелымъ покровомъ какого-то мистическаго и неопредѣленнаго тумана. Именно въ такомъ положеніи находится вопросъ классицизма вообще и неразрывно съ нимъ связанное дѣло классической системы воспитанія. «Съ легкой руки» графа Дм. Андр. Толстого у насъ весьма многіе привыкли смотрѣть на древніе языки, какъ на какой-то высшій, хотя и не всѣмъ понятный культъ, затрудняясь подчасъ выставить самыя примитивныя доводы въ пользу его существованія. Остановившись на бездоказательной формулѣ: «классицизмъ великъ», подсказанной свыше и вызванной къ бытію ложно понятыми потребностями государственной жизни, стали преклоняться не только передъ античной культурой, философскими системами Платона и Аристотеля или творческимъ гениемъ Еврипида, но перенесли свое слѣное благоговѣніе на грамматику древнихъ языковъ, видя въ ней могущественную панацею всѣхъ внутреннихъ золъ и общественныхъ неурядицъ Россійскаго государства.

Въ своей плодотворной научно-литературной дѣятельности г. Анненскій является проповѣдникомъ иного классицизма: классицизма духа въ противовѣсъ классицизму буквы. Обладая обширной научной эрудиціей, знатокъ сравнительнаго языковѣдѣнія, г. Анненскій справедливо почитается выдающимся авторитетомъ въ области вопросовъ античной литературы и культуры классической древности. Тонкій эстетикъ и превосходный переводчикъ новѣйшихъ французскихъ поэтовъ, онъ представляетъ солидную творческую силу. Стре-

мясь возродить позабытые сюжеты утраченных трагедій Еврипида, г. Анненскій въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, «Меланиппа-Философъ» (1901) и «Царь Иксиопъ» (1902) выступаетъ въ роли создателя нео-еврипидизма, какъ своеобразнаго направленія въ современномъ художественномъ творествѣ.

Осенью 1901 года «кружкомъ любителей художественнаго чтенія и музыки» былъ задуманъ рядъ публичныхъ лекцій по драматической литературѣ. Принять участіе въ чтеніяхъ согласились профессоръ Ф. Д. Батюшковъ, приватъ-доцентъ Б. В. Варнеке, П. И. Вейнбергъ, П. Я. Деларовъ, профессоръ Ф. Ф. Зѣлинскій и многіе другіе, но намѣреніе это почему-то не осуществилось, и изъ цикла задуманныхъ лекцій состоялась лишь одна—г. Анненскаго объ античной трагедіи. Напечатанная первоначально въ ноябрьской книжкѣ журнала «Міръ Божій» за 1902 годъ, работа г. Анненскаго нынѣ вышла отдѣльнымъ изданіемъ: она заслуживаетъ особеннаго вниманія еще потому, что г. Анненскій— авторъ превосходныхъ и справедливо пользующихся широкою извѣстностью переводовъ изъ эллинскихъ драматическихъ писателей. Въ своемъ чтеніи г. Анненскій останавливается между прочимъ на вопросахъ Діонисова культа и происхожденія греческой трагедіи, опредѣляетъ роль мѣта на эллинской сценѣ. Говоритъ онъ подробно о характерахъ въ античной драмѣ въ связи со значеніемъ послѣдней для древняго міра. Очень отчетлива и рельефна его сравнительная характеристика Эскила, Софокла и Еврипида, какъ разновременныхъ представителей художественнаго творчества въ древнее время. Мы не станемъ характеризовать подробно взгляды и мнѣнія г. Анненскаго; скажемъ только, что въ нихъ повсюду виденъ чуткій художественный критикъ и глубокій эстетъ, нервное дарованіе котораго въ высшей степени способно къ перевоплощеніямъ. Знакомство съ «Античной трагедіей», какъ и съ большинствомъ другихъ произведеній того же автора, доставитъ читателю высокое удовольствіе. Въ концѣ своей работы г. Анненскій останавливается на животрепещущемъ и знаменательномъ вопросѣ: какое значеніе имѣютъ для современной литературы и театра классическія драмы эллиновъ? Чуть ли не каждая изъ нихъ обросла большою литературою переводовъ, передѣлокъ, подражаній, и не одна внушила поэтамъ вдохновенныя созданія. «Пфигенія» Гете настолько самобытное произведеніе германскаго генія, что было бы несправедливо разсматривать ее только, какъ переработку античной трагедіи. Художественная литература, примыкающая къ античнымъ драмамъ, растетъ съ каждымъ днемъ. Мы имѣемъ или имѣли еще вчера Роберта Браунинга, Грилляпарцера, Леконта де Лиль. Отъ подражанія готовымъ образцамъ поэзія идетъ къ реконструкціи погибшихъ по отрывкамъ,—мысль, которая занимала еще Гете и которая такъ блистательно выполнена была Сюинберномъ въ его «Атлантъ». Но было бы столь же неестественно связывать область творчества филологическихъ проблемами, какъ и стѣснять научное изслѣдованіе поэтической формою. Область фрагментовъ изъ античныхъ трагедій и мѣтовъ должна являться лишь однимъ изъ источниковъ свободной творческой работы. Лишь свободному воссозданію греческихъ мѣтовъ суждено пойти далѣе школьнаго упражненія на готовую тему.

Но что же привлекательнаго въ античной трагедіи сохраняется для поэта по сихъ поръ? Во-первыхъ, въ мѣтахъ есть просторъ для самаго широкаго

идеализма. Въ нихъ есть и силуэты тѣхъ героическихъ поднимающихъ душу образовъ и ситуацій, и тѣ благородно мажорныя ноты, которыхъ не хватаетъ современнымъ темамъ, и которыхъ мы такъ сираведливо ждемъ отъ театра. А что лучше: насиловать ли дѣйствительность, оставаясь въ ея рамкахъ, — или же на минуту оживить вѣру въ тѣ сказки, которыя составляли нѣкогда душу великаго народа? Затѣмъ нельзя закрывать глазъ и на то обстоятельство, что античная трагедія давно уже понемногу овладѣваетъ желаніями современнаго зрителя, но что люди точно боятся высказать эти желанія. Всѣ мы хотимъ на сценѣ прежде всего красоты, но не статуарной и не декоративной, а красоты какъ таинственной силы, которая освобождаетъ насъ отъ тумана и паутины жизни и даетъ возможность на минуту прозрѣть несозерцаемое, словомъ красоты музыкальной, а эта-то именно красота и составляла идеаль античной трагедіи, — именно она своими блестками и сдѣлала драму эллиновъ великою и бессмертною. Я думаю наконецъ, — заключаетъ г. Анненскій свой этюдъ, — что сообразно цѣли и нѣкоторые приемы античной сцены ждутъ своей очереди на нашей. Рѣчь идетъ, конечно, не объ открытыхъ театрахъ, маскалахъ или кутурнахъ, а о музыкѣ и балетѣ, т. е. о широкомъ развитіи лиризма и мимики, которые были такъ долго и такъ несправедливо разобщены съ трагедіей, этой универсальной формой творчества, поскольку оно является вѣчнымъ исканіемъ тайны красоты (стр. 51—52).

Хорошимъ книгамъ, какъ и хорошимъ мыслямъ, слѣдуетъ желать широкаго распространенія. Очеркъ г. Анненскаго объ античной трагедіи несомнѣнно принадлежитъ къ числу хорошихъ книгъ, а потому его можно смѣло рекомендовать всякому живо интересующемуся вопросами идейнаго классицизма.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

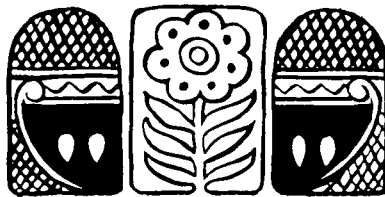
Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Эпизодическія программы. Серія I. М. 1903.

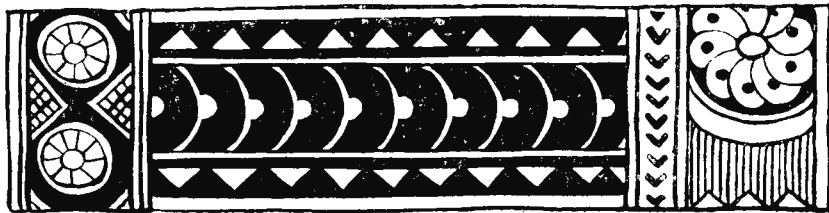
Систематическія программы по самообразованію по всѣмъ отраслямъ знаній, выпущенныя комиссіей по организаціи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній, въ свое время обратили вниманіе печати и по достоинству были оцѣнены. Чтенія, предлагавшіяся этими программами, были рассчитаны на четыре года серьезныхъ занятій и охватывали приблизительно сферу университетскаго преподаванія. Въ настоящее время эта комиссія приступила къ осуществленію другого своего предположенія — къ изданію программъ чтенія и занятій по отдѣльнымъ вопросамъ той или другой науки. Эти эпизодическія программы по самымъ различнымъ темамъ передъ систематическими имѣютъ то преимущество, что онѣ не такъ громоздки и представляютъ большой просторъ индивидуальнымъ желаніямъ и требованіямъ. По каждому вопросу указываются пособія, намѣчается планъ занятій и предлагаются темы для письменныхъ работъ, чтеніе которыхъ беретъ на себя членъ комиссіи — авторъ программъ. Комиссія рѣшила выпу

скать свои эпизодическія программы серіями. Въ лежащую передъ нами первую серію вошло 12 программъ—4 по исторіи: 1) Древній Египетъ, 2) Средне-вѣковой городъ, 3) Исторія французской революціи, 4) Смутное время въ Московскомъ государствѣ. 4 по исторіи литературы: 5) Героини Ибсена, 6) Валленштейнъ Шиллера, 7) Байронъ и его время, 8) Новгородскія былины; одна программа по городскому хозяйству: 9) Городское хозяйство и городскіе финансы; 2 по уголовному праву: 10) Факторы преступности, 11) Основы судебной реформы въ 1864 г. и 12) Вопросы о смертной казни въ старой и новой литературѣ.

По поводу программъ по вопросамъ историческимъ и историко-литературнымъ приходится сказать, что, конечно, работающій по нимъ получитъ несомнѣнную пользу, но нужно отмѣтить, что взгляды составителей на свои задачи нѣсколько расходятся: одни изъ нихъ дають подробно разработанныя программы, такъ, напримѣръ, программа г. Жураковского на тему о героиняхъ Ибсена, другіе же ограничиваются примитивными указаціями, совершенно не имѣющими въ виду спеціализаціи занятій. То, что вынесетъ читатель, изучившій древній Египетъ по программѣ г. Гершензона и новгородскія былины по программѣ г. Мендельсона, врядъ ли прибавитъ что нибудь къ результатамъ общаго знакомства съ вопросами по общимъ программамъ? Впрочемъ, предполагаются читатели, не проходившіе общаго курса по систематическимъ программамъ, но, все равно, новгородскими былинами, напримѣръ, можно заниматься только послѣ общаго знакомства съ народной словесностью. Эти замѣчанія совершенно не умаляютъ значенія эпизодическихъ программъ; остается лишь пожелать широкаго ихъ распространенія.

Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КОЛДОВСТВО И ОТРАВЫ. Докторъ Кабанесъ выпустилъ еще одно изслѣдованіе ¹⁾, на этотъ разъ въ сотрудничествѣ съ д-ромъ Нассомъ. Въ немъ онъ касается исторіи отравъ и колдовства съ древнихъ временъ и до позднѣйшихъ. Онъ разсматриваетъ ее съ двухъ точекъ зрѣнія — съ политической и соціальной. Первая относится къ исторіи, такъ какъ въ извѣстныхъ эпохи, на примѣръ, во времена цезарей, Борджіа, Медичи, и регентства и въ нѣкоторыхъ странахъ съ неограниченнымъ правленіемъ, гдѣ правители занимали тронъ, благодаря придворнымъ революціямъ, ядъ часто прекращалъ нормальное теченіе той или другой династіи. Впрочемъ немало было и вымышленныхъ случаевъ отравы, какъ, на примѣръ, относительно Катерины Медичи, приближенныхъ Людовика XIV, регента и Людовика XVI. Относительно соціальной точки зрѣнія дѣло обстоитъ иначе; отравы случались почти эпидемически и были обязательно связаны съ колдовствомъ и суевѣріемъ. Онѣ случались именно въ то время, когда обществомъ овладѣвала эпидемія суевѣрія. Ядъ игралъ важную роль еще въ самыя древнія времена, что видно въ мифологическихъ легендахъ, которыя, несмотря на всю баснословность и груду символовъ, служатъ философій и нравственной моралью древнихъ людей, и въ нихъ видны человѣческія трагедіи; Медея и Цирцея служатъ лучшими доказательствами. «Никто, говоритъ Діодоръ, не зналъ лучше Цирцеи природы различныхъ растений, никто не шелъ далѣе ея въ ирриготовленіи ядовъ; благодаря своему генію, она сдѣлала новыя открытія». Но еще за четыре вѣка до нея, по словамъ Овидія, король

¹⁾ Poisons et sortilèges, par docteur Cabanès et Nass. Paris. 1903.

Аркадіи, Ликаонъ, былъ превращенъ въ волка. Это былъ первый примѣръ странной формы умственного помѣшательства, извѣстнаго подъ именемъ «ликантропіи». Въ тѣ времена ликантропія была сильно развита; врачъ и магъ Мелампъ излѣчивалъ ее посредствомъ чемерицы, которую, тысячу лѣтъ спустя, Гиппократъ еще считалъ слабительнымъ средствомъ; очевидно, что тогда причиной сумасшествія считали меланхолюю. Въ своихъ «Метаморфозахъ» Овидій ясно даетъ понять, что эпидемія безумія существовала въ доисторическія времена, а потому, утѣшаетъ Кабанесь, нервозность не есть продуктъ, порожденный современными условіями жизни, но кроется въ самомъ человѣчествѣ. Напротивъ съ прогрессомъ цивилизаціи и уничтоженіемъ суевѣрія она проявляется въ менѣ тяжелой формѣ, какъ въ древнія времена. Виргилій въ своемъ произведеніи «Буколики», которое было отголоскомъ народныхъ мѣтій того времени, дѣлалъ изъ людей оборотней посредствомъ различныхъ ядовитыхъ растений. Въ восточныхъ сказкахъ говорится о феяхъ, превращавшихъ людей въ звѣрей. Итальянскія же колдуньи превлекали путешественниковъ и заставляли ихъ съѣдать кусочекъ сыра, въ которомъ находилась отрава, превращавшая неосторожныхъ во въючныхъ животныхъ; колдуньи пользовались такимъ состояніемъ и складывали на нихъ свой багажъ. Когда оканчивалось путешествіе, и онѣ не нуждались болѣе во въючныхъ животныхъ, то возвращали довѣрчивымъ путешественникамъ ихъ первоначальный видъ. «Безъ сомнѣнія,—говоритъ Кабанесь:—онѣ затемняли имъ умъ посредствомъ наркотиковъ, которые возбуждали галлюцинаціи, а потомъ съ помощью противоядія возвращали имъ прежнее нормальное состояніе. Напримеръ, Памфілія, по словамъ Апулея, намазывала себѣ тѣло помадой, благодаря которой она превращалась въ птицу и летала вокругъ любимаго человѣка. Чтобы возвратитъ себѣ прежній видъ, она съѣдала розы. Въ христіанскую эпоху императоръ Сигизмундъ (1366 г.), желая проникнуть тайну ликантропіи, призвалъ самыхъ ученыхъ богослововъ, которые послѣ тысячи опытовъ признали, что превращеніе людей въ животныхъ положительный фактъ, и не вѣрить ему было бы ересью. По словамъ д-ра Кабанеса, ликантропія можетъ быть вызвана посредствомъ извѣстныхъ травъ или растений и внушенія. Въ растительномъ царствѣ между прочимъ были извѣстны белена и мондрагоръ, или, какъ простой французскій народъ называетъ, «трава Цирцеи», а русскій—Адамовой головой. Второму случаю—внушенію или истерическому самовнушенію, приписывали демоническую силу. Только въ началѣ XIX вѣка докторъ признали патологическій характеръ подобныхъ умственныхъ болѣзней. вмѣстѣ съ волшебствомъ существовало искусство отравленія; оно такъ же старо, какъ свѣтъ, и обыкновенно волшебство имѣло съ нимъ тѣсную связь. Еще въ доисторическую, именно каменную эпоху, когда человѣку приходилось имѣть дѣло съ такими непріятелями, какъ гигантскія животныя, противъ которыхъ человѣчскія силы были слишкомъ слабы, онъ сначала прибѣгалъ къ камнямъ копьямъ, которыя бросалъ руками или прикрѣплялъ къ тростнику, а затѣмъ обратился къ отравленнымъ стрѣламъ. Впрочемъ и теперь еще существуетъ такой способъ самозащиты у дикихъ народовъ. Гомеръ разсказываетъ, что Улиссъ просилъ у царя эпирскаго яда для отравленія стрѣлъ, но

царь из уваженія къ богамъ отказалъ ему. Однако Минерва, т.-е. мудрость и разсудительность, помогла Уллису, и Юпитеръ предложилъ ему то, въ чемъ отказалъ царь эирскій. Хотя этотъ разсказъ легендаренъ, но въ немъ есть доля правды, т.-е. изъ него видно, что въ ту эпоху знали о существованіи отравленныхъ стрѣлъ. Кельты—по словамъ Аристотеля, и геты, по увѣренію Овидія, также прибѣгали къ яду. Послѣдніе употребляли для этой цѣли не только желчь пресмыкающихся, но и кровь, что усиливало еще болѣе смертоносную силу яда. Исключая яда гадюкъ, всѣ яды принадлежали къ растительному царству. По мнѣнію Кабанеса, очевидно ядъ змѣй былъ въ то время сильнѣе и составлялся изъ разнаго рода змѣй, что видно изъ произведеннаго ими различнаго дѣйствія, согласно обстоятельствамъ, температурѣ и времени. Даже въ сухомъ видѣ этотъ ядъ сохранялъ свою силу. Однако низкая температура того времени, которую не могли переносить змѣи, и незначительный процентъ яда, выдѣляемаго змѣями, заставлялъ нашихъ праотцевъ прибѣгать къ помощи растительныхъ ядовъ, изъ которыхъ самый сильный былъ аконитъ. Теперь нѣкоторыхъ изъ растений уже болѣе не существуетъ. Кельты и галлы прибѣгали въ особенности къ бѣлой сабадиллѣ, экстрактъ которой извѣстенъ подъ названіемъ вератрина. Плоды и листья тиса играли немалую роль въ древности. Кромѣ того, отравляли стрѣлы составомъ, сдѣланнымъ изъ головъ гремучихъ змѣй съ печенью оленей; всю эту смѣсь оставляли гнить, а затѣмъ смачивали ею стрѣлы. Точно также древніе пользовались ядомъ и другихъ пресмыкающихся. Впрочемъ ядомъ пользовались въ тѣ времена не только съ цѣлью самозащиты, охоты и колдовства, но и какъ орудіемъ правосудія. Такъ въ представленіи первобытныхъ народовъ конвульсія имѣли связь съ одержаніемъ бѣсомъ, а потому обвиняемому давали ядъ, производящій конвульсіи; если съ несчастнымъ дѣлалась конвульсія, и онъ умиралъ, то считался колдуномъ, если же оставался живъ, то обвинителя продавали въ рабство. На Мадагаскарѣ, прибѣгали въ этомъ случаѣ къ яду, который парализируетъ. Въ Сѣверной Америкѣ невѣрную жену принуждали проглотить сильную дозу индѣйскаго перца; если ея лицо не искажалось, то она—невинна, иначе ее признавали виновной, и правосудіе произносило свой приговоръ. Наука объ отравкахъ и ядахъ была очень разработана въ древности, что, конечно, повлекло за собою изученіе противоядій. Уже заранѣе принимались мѣры противъ отравъ въ видѣ противоядій, или приучали себя къ яду ежедневными постепенными дозами. Вообще древніе не были невѣждами по части химіи, а приобрѣтеніемъ ядовъ не пренебрегали даже цари. Такъ Митридатъ дѣлалъ на себѣ испытанія, принимая ежедневно малую дозу яда и подвергая этому опыту осужденныхъ. Когда онъ видѣлъ, что ядъ производилъ свое дѣйствіе, то принималъ противоядіе. Впослѣдствіи онъ усовершенствовалъ свой методъ искусственной прививки яда, соединивъ въ одномъ противоядіи всѣ извѣстные яды и смѣшивая ихъ съ ароматическими веществами, уменьшавшими болѣзнетворность ядовъ. Мало того, онъ былъ даже предвозвѣстникомъ сывороточной прививки, прибавляя къ противоядіямъ кровь животныхъ, которая питалась ядовитыми змѣями; съ этой цѣлью онъ избралъ гусей, живущихъ на Черномъ морѣ и питающихся ядовитыми змѣями. Этотъ подозрительный и недовѣрчивый государь берегъ свои яды такъ же тща-

тельно, какъ и сокровища. Онъ всегда носилъ ихъ при себѣ на случай необходимости и съ ихъ помощью освобождался отъ лишнихъ для него людей. Послѣ его пораженія Помпей нашелъ въ секретныхъ архивахъ цѣлую библиотеку, относящуюся до науки объ ядахъ. Египетскіе цари также изучали яды, и Египетъ былъ классической страной отравъ. Дочь Юпитера, Елена, обладала искусно составленными ядами, чему она научилась у египтянки Полидамы. Вообще Греція научилась искусству отравлять у египтянъ. Въ Индіи существовалъ законъ предавать смертной казни того, кто сообщалъ объ ядѣ, не указывая на его противоядіе, а одинъ индѣйскій народъ, катейцы, издалъ законъ сжигать вдовъ на кострахъ, гдѣ сгоралъ трушъ ихъ мужей. Это дѣлалось въ виду того, что жены отравляли своихъ мужей, съ цѣлю сойтись съ молодымъ любовникомъ. Вообще, въ Индіи отравленіе не представляло затрудненій, такъ какъ эта страна изобиловала ядовитыми растеніями. Напротивъ, греки старались не посвящать народъ въ искусство отравленій, хотя Орфей занимался изученіемъ растительныхъ и животныхъ ядовъ, но въ своей поэмѣ «*De lapidibus*» онъ, въ особенности, стремился указать на противоядія. Гиппократъ умалчивалъ объ ядѣ, а законы Платона запрещали докторамъ, подъ страхомъ смертной казни, прописывать ядъ или говорить о немъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Римляне познакомились съ искусствомъ отравленій отъ грековъ, хотя персы считали себя ихъ учителями. Сначала было принято не говорить о составѣ ядовъ, но потомъ нашли полезнѣе предупреждать объ опасности, а въ римскихъ садахъ стали сѣять макъ для добыванія опія, которымъ отравился предокъ Мецената. Римляне умѣли извлекать изъ мака еще два яда, не менѣе сильные, чѣмъ опій. Въ одинаковой степени они прибѣгали и къ мандрагору, вызывавшему мгновенную потерю чувствительности, и белладоннѣ; посредствомъ ея Медея достигала галлюцинаціи зрѣнія, которою умѣло пользовалась. Она прибѣгала для своихъ волшебствъ также къ тису, ядовитое свойство котораго было тоже извѣстно. У грековъ отравители раздѣлялись на категоріи и носили различныя названія. Римляне раздѣляли ихъ на *venegatii* и *veneficii*, такъ какъ они умѣли готовить яды и занимались отравками, — *genethiaci* и *mathematici*, потому что они составляли гороскопы и прибѣгали къ вычисленію для предсказанія будущаго. Во время республики отравленія такъ были распространены, что пришлось издать законъ, согласно обстоятельствамъ. Нѣкоторое время спустя, въ эпоху консульства Флака и Маркела, матроны составили тайное общество и предавались разврату, что вызвало новый законъ противъ разврата. Онъ поклялся отдѣлаться съ помощью яда отъ всѣхъ добродѣтельныхъ сенаторовъ, написавшихъ его. Но сенаторовъ объ этомъ предупредили. Матроны эвергично отрицали свою вину, ссылаясь на то, что это былъ не ядъ, и предложили сдѣлать опыты *in anima vili*, что стоило имъ жизни. Такъ какъ виновныхъ не осталось, то были заключены на всю жизнь въ тюрьму сообщники, что было гораздо ужаснѣе смерти. Послѣ этого прошло почти два вѣка, и объ ядѣ перестали говорить, но съ порчею нравовъ снова стали прибѣгать къ яду, что вызвало законъ Корнелія о преданіи смертной казни, какъ отравителей и продавцовъ яда, такъ и всякаго рода шарлатановъ и колдуновъ, которыхъ было въ то время немалое количество. Однако эти мѣры не помогли, и рим-

ляне продолжали прибѣгать къ яду, когда надо было избавиться отъ мѣшавшаго врага. Во время перваго Цезаря римляне прогуливались по Форуму съ отравленной иглой въ рукахъ, нанося уколы проходящимъ, которые падали мертвыми. Среди помпейскихъ находокъ есть много перстней съ громадными гнѣздами, гдѣ хранился ядъ на случай самоотравленія, когда не хотѣли попасть въ руки непріятеля. Впрочемъ, случалось, что обвиненія въ отравленіи были несправедливы. Такъ Тацитъ обвинялъ Ливію въ смерти Августа и всѣхъ цезаріановъ, стоявшихъ поперекъ дорогъ ея сына, стремившагося занять тронъ. Но Кабанесъ увѣряетъ, что Августъ умеръ отъ тифозной горячки. Другой историкъ, Діонъ Кассій, рассказывалъ даже, что Ливія отравила Августа фигами, которыя онъ обыкновенно самъ снималъ съ дерева. На это авторъ замѣчаетъ, что теперь, когда психо-патологическая наука ушла далеко и доказала, что ранняя смерть совершается особенно въ семьяхъ, идущихъ по дорогѣ вырожденія, на какой находились римскія императорскія семьи, подозрѣвать Ливію нѣтъ основанія. Изъ десяти случаевъ смертей во время царствованія ея сына, Тиверія, особенно подозрительна смерть его племянника Германика, въ которой обвиняли перваго. Но, по словамъ Жакоби, эта смерть послѣдовала не отъ яда, даннаго будто бы Пизомомъ, а была логическимъ послѣдствіемъ вырожденія, какому подверглась его семья, отецъ и дѣдъ. Тиверій, никогда почти не хворавшій, умеръ насильственной смертью, такъ какъ въ то время вся философія исторіи, какъ выразился Белэ, состояла въ томъ, что тотъ, кто насильственно занималъ престолъ, подвергался тому же насілю. Калигула, въ началѣ мудрый и доброжелательный государь, сдѣлался потомъ жестокимъ, и эту перемену приписывали дѣйствию ядовитаго напитка, даннаго ему женою, вслѣдствіе чего въ его организмѣ произошелъ полный переворотъ, и съ этого момента его жестокостямъ не было конца. Кабанесъ оспариваетъ эту причину, ссылаясь на конечный результатъ эпилепсіи, которой страдалъ Калигула и усиливавшейся отъ развратной жизни. Самъ Калигула только два раза прибѣгалъ къ яду съ цѣлью умерщвленія лишнихъ для него людей—Тиверія и гладиатора Коломба; онъ приказалъ положить яду въ полученную послѣднимъ рану. Во время республики и позже, при императорахъ, римскіе врачи, отличаясь безнравственностью, часто брали на себя роль отравителей и, дѣлаясь любовниками женъ, сами составляли ядъ для умерщвленія мужей. Такъ во время царствованія Тиверія его невѣстка Ливія, жена Друза и сестра Германика, сдѣлалась любовницей Евдема, и когда она рѣшилась избавиться отъ своего мужа, то Евдемъ хвастался, что обладаетъ тайнымъ и вѣрнымъ средствомъ. Тиверій, возстававшій еще ранѣе противъ врачей, съ этихъ поръ совершенно возненавидѣлъ ихъ. Кромѣ этого случая, было много другихъ. Клавдій былъ отравленъ своей женой Агриппиной съ помощью врача. Ксенофона. Формулы приготовляемыхъ въ то время ядовъ ускользнули отъ современнаго изслѣдованія. Одной изъ извѣстныхъ составительницъ была Локуста, жившая при Неронѣ. Согласно рассказамъ, она устроила свою лабораторію въ самомъ дворцѣ, рядомъ съ комнатою Нерона, и послѣдній, будто бы, каждое утро до завтрака принималъ небольшую дозу противоядій въ виду опасности быть отравленнымъ. Вообще, въ Римѣ той эпохи существовало

множество лабораторій для производства яда, который тѣсно былъ связанъ съ колдовствомъ и магіей. По словамъ Сенеки, эти производители были великіе артисты, добившіеся того, что ихъ препараты не оскорбляли ни вкуса ни обонянія, и согласно обстоятельствамъ дѣйствіе было быстрое или медленное. Последнимъ ядомъ былъ отравленъ любимецъ Клавдія, Британикъ, котораго онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Но препараты Агриппины измѣнили все, и Неронъ занялъ тронъ. Не смѣя нанести ударъ Британику открыто, Неронъ прибѣгнулъ къ яду. Первая попытка была неудачна, и приготовленный Локустой напитокъ не достигъ своей цѣли. Взбѣшенный и потерявшій терпѣніе Неронъ сталъ угрожать, что казнить отравительницу. Тогда Локуста пообѣщала приготовить такой сильный ядъ, который убьетъ Британика такъ же скоро, какъ оружіе; и дѣйствительно она изготовила ядъ въ комнатѣ самого Нерона. Въ то время, по словамъ Тацита, дѣти императоровъ ѣли за столомъ вмѣстѣ съ другими принцами своихъ лѣтъ, на глазахъ родителей, хотя за другимъ столомъ, при чемъ рабы пробовали кушанья. Такъ было и съ Британикомъ, который ничего не ѣлъ и не пилъ, прежде чѣмъ не отвѣдаетъ его довѣренный рабъ. По этой причинѣ планъ Нерона былъ трудно выполнимъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ ни измѣнить этого правила ни вызвать двухъ смертей разомъ. Его хитрость помогла ему, и онъ приказалъ подать сначала не отравленный напитокъ, который долженъ попробовать рабъ, но такой жгучій, что Британикъ не могъ бы его выпить безъ воды. Эту-то воду и было рѣшено отравить. Вопросъ о температурѣ воды былъ такой сложный у римлянъ, что часто господинъ приходилъ въ страшную ярость, если слуга подавалъ воду или слишкомъ теплую или слишкомъ холодную. Въ этомъ случаѣ надо было вѣрно рассчитать температуру воды, чтобы Британикъ не оттолкнулъ ея. Въ виду того, что напитокъ сильно жгучій, вода была подана холодная. Едва Британикъ выпилъ ее, какъ съ нимъ сдѣлались конвульсіи. Неронъ не растерялся и сказалъ: «Еще одинъ эпилептическій припадокъ надучей, который такъ часто повторяется у Британика. Пусть вынесутъ этого помѣшавшаго веселью гостя, и продолжается пиршество!» Говорятъ, что это былъ одинъ и тотъ же ядъ, отъ котораго умеръ Германикъ. Чтобы избѣжать народныхъ толковъ, какъ было относительно Германика, трупъ рѣшено было сжечь. Костеръ былъ разведенъ ночью, чтобы избѣжать народныхъ манифестацій. Это обстоятельство Неронъ объяснилъ обычаемъ, будто бы существовавшимъ у предковъ, скрывать похороны юношей отъ постороннихъ взоровъ, чтобы не возбуждать горькаго впечатлѣнія похоронными процессіями. Мало того, что тѣло Британика вынесли ночью, но оно было покрыто алебастромъ, съ цѣлью скрыть пятна быстрого разложенія тѣла, которыя служили, по мнѣнію римлянъ, доказательствомъ отравленія. По словамъ Діона, когда несли трупъ Британика, поднялась буря и дождь, а потому алебастръ весь сошелъ, обнаруживъ знаки преступленія. Послѣ Нерона отравленія продолжались, и Локуста нашла себѣ послѣдователей, тѣмъ болѣе, что общество все болѣе и болѣе падало нравственно. Такъ продолжалось многіе вѣка. Въ Византіи подъ видомъ болѣе утонченной цивилизаціи происходило то же, и ядъ былъ излюбленнымъ орудіемъ политическихъ дѣятелей и приводилъ въ экстазъ фанатиковъ. Во Франціи послѣ крещенія

Хлодвига, когда католицизмъ сдѣлался государственной религіей, нравы не смягчились, и Хлодвигъ продолжалъ совершать свои жестокія преступленія, такъ же, какъ и его преемники. Такъ Фредегонда, жена Хильперика, прославилась своими отравленіями. Она погубила десять королей, какъ посредствомъ яда, такъ и кинжаломъ. Впрочемъ, кромѣ этого случая, исторія меровингскихъ королей мало освѣщена, и какую игралъ роль ядъ въ соціальной и политической жизни этой эпохи, трудно сказать. Въ средніе вѣка, послѣ карловинговъ и во время первыхъ капетинговъ, отъ паденія Римской имперіи до взятія Константинополя Магометомъ II, хотя общество уже было болѣе организованное и могло отвѣчать за свои поступки созвательно, совершенно откинувъ варварство предковъ, но ядъ продолжалъ играть свою роль. Впрочемъ средневѣковое общество не далеко ушло отъ античнаго міра относительно химіи, тогда какъ алхимія, астрологія, магія и колдовство процвѣтали. Только много вѣковъ спустя, астрологія уступила мѣсто астрономіи, алхимія химіи и схоластика философіи, и свободное изслѣдованіе замѣнило легковѣріе. Въ 1321 г., когда король Франціи посѣтилъ Пуату, прошелъ слухъ, что всѣ фонтаны и колодцы Аквитаніи отравлены прокаженными, вслѣдствіе интриги короля Гренады, мстившаго за побѣды надъ нимъ христіанъ, въ особенности дядѣ короля Кастиліи. Съ этою дѣлюю онъ подкупилъ прокаженныхъ при посредничествѣ одного еврея, чтобы отравить христіанъ или сдѣлать ихъ такими же прокаженными. Одинъ изъ понавшихся прокаженныхъ выдалъ тайну и сказалъ, что отравы состояла изъ человѣческой крови, урины и трехъ какихъ-то травъ. Все это было высушено, растерто въ порошокъ и завернуто въ пакетъ съ тяжестью, а затѣмъ брошено въ колодцы и фонтаны. Когда король узналъ объ этомъ, то вернулся скорѣе въ Францію, приказавъ казнить всѣхъ прокаженныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ евреевъ тоже сожгли на кострахъ въ нѣсколькихъ французскихъ городахъ, а нѣкоторые евреи сами убивали другъ друга, чтобы не попасть въ руки христіанъ и не подвергнуться крещенію. Въ началѣ XIV вѣка отравленія во Франціи были въ разгарѣ, и въ Парижѣ жила знаменитость того времени колдунья. Маргарита Бельвиль, которая занималась искусствомъ заклинанія, и главнымъ пособникомъ въ ея волшебствахъ былъ мышьякъ. Внукъ Людовика Святаго, графъ Эвре, король Наварры, третій сынъ Филиппа Смѣлаго, извѣстный подъ именемъ Карла Дурнаго, не останавливался ни предъ какимъ преступленіемъ, а потому отравы и убійства были для него обыкновеннымъ дѣломъ. Первой его жертвой былъ конетабль Карлъ Испанскій, который воспитывался съ дѣтства у короля Іоанна, питавшаго къ нему двусмысленную вѣжность и осыпавшій его почестями и отличіями. Это возбудило въ окружающихъ зависть, особенно въ Карла Дурномъ, и онъ рѣшилъ избавиться отъ Карла Испанскаго посредствомъ преступления, тѣмъ болѣе, что положеніе зятя короля ограждало его отъ подозрѣній. Смерть наваррской королевы возбудила новыя подозрѣнія и слухъ прошелъ, что она умерла отъ яда, хотя всѣ присутствующіе говорили, что отъ слабости сердца, т. е. обморока, случившагося въ банѣ. Въ концѣ того же года умеръ въ Испаніи кардиналъ Булонскій, и при римскомъ дворѣ говорили, что его отравилъ Карлъ Дурной. Послѣдній энергично защищался, и папа Григорій XI прислалъ ему

письмо, что онъ съ своей стороны не считаетъ его способнымъ на убійство кардинала, который былъ его другомъ. Наконецъ его обвиняли въ отравленіи собственнаго сына, но на это нѣтъ доказательствъ. Попытка же отравить дофина Карла, впослѣдствіи короля Карла V, вполне доказана. Восемь лѣтъ спустя, Карль Дурной сошелся съ однимъ врачомъ, по имени Анжелемъ, и, осыпавъ его богатствомъ и милостями, предложилъ ему отравить короля Франціи, за что обѣщаль широко его вознаградить. Онъ такъ принуждалъ Анжела исполнить это порученіе, что тому ничего не оставалось, какъ дать обѣщаніе отравить короля посредствомъ напитка или кушанья. Но, отправившись къ французскому королю, онъ болѣе не возвращался. Говорятъ, будто онъ утонулъ, не успѣвъ исполнить обѣщанія. Въ концѣ 1377 г. Карль Дурной снова пытался отравить французскаго короля и едва не достигъ успѣха, если бы его замыселъ не открыли арестованные наварскіе офицеры. Предназначенный ядъ былъ приготовленъ въ Наваррѣ одной еврейкой и переданъ Карлу Дурному лакеемъ Друэ, двоюродный братъ котораго находился при кухнѣ и фруктовомъ погребѣ французскаго короля, и ему-то былъ переданъ ядъ, чтобы онъ всыпалъ въ подаваемые блюда. Послѣ смерти Карла V король наварскій нѣкоторое время не думалъ объ отравкахъ, но вскорѣ случай послалъ ему новаго сообщника въ его преступныхъ планахъ. Это былъ англичанинъ Робертъ Вурдретонъ, лакей одного трубадура, и ему Карль Дурной поручилъ пробраться на королевскую кухню и всыпать ядъ въ кушанье французскаго короля, герцоговъ Беррійскаго, Бургундскаго и Бурбонскаго. Эта попытка тоже не удалась, и англичанинъ былъ арестованъ съ поличнымъ и казненъ.

Колдовство было страшнымъ бичемъ среднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе, что оно имѣло крѣпкую связь съ отравой. Вслѣдствіе этого до революціи судьи назначали одинаковую кару какъ за колдовство, такъ и за отравленіе. Конечно, астрологию не смѣшивали съ колдовствомъ, и хотя ее преслѣдовала церковь, но она имѣла свои опредѣленные правила, и ученые того времени отдавали на ея изученіе всю свою жизнь. Бѣлая магія были невинна, и только черная магія представляла опасность, благодаря ядамъ, которые играли главную роль. вмѣстѣ съ этимъ играло большую роль волшебство или заклинаніе, которое было извѣстно еще египтянамъ и ассирійцамъ, хотя методъ закліянія измѣнялся согласно времени, лицъ и страны, но истекалъ изъ одного и того же принципа—вызова смерти какого либо лица посредствомъ чародѣйскихъ обрядовъ. Послѣдніе состояли въ томъ, что дѣлали изъ воска фигуру, по возможности похожую на то лицо, которое предстояло уничтожить, прикрѣпляли къ ней волосы и надѣвали различныя вещи, принадлежащія жертвѣ или почему либо близкія ей. Затѣмъ совершали обрядъ крещенія фигуры и давали ей имя жертвы. Послѣдній обрядъ игралъ важную роль и былъ, по словамъ колдуній, безусловно необходимъ. Лобъ фигуры мазали масломъ и часто употребляли пепель отъ сожженныхъ Св. Даровъ, которые играли большую роль въ колдовствѣ. Затѣмъ при чародѣйскихъ формулахъ начиналось истязаніе восковой фигуры: ей прокалывали грудь длинной иглой, медленно ее растопляли на огнѣ. Иногда порча производилась за черной мессой во время возношенія даровъ. Въ первомъ случаѣ предназначенное лицо заклиналось къ смерти внезапно, во

горомъ его заклинали сохнуть, истощаться и медленно гаснуть. Впрочемъ, по счастью, этотъ вздоръ не производилъ на намѣченную жертву никакого дѣйствія, и оно попрежнему здравствовало. Въ общемъ эта церемонія нѣсколько измѣнялась: иногда восковую фигуру замѣняло животное, которое крестили и одѣвали, какъ куклу, затѣмъ приносили въ жертву съ помощью магическаго ножа. Для большей силы колдовства у животнаго вырывали сердце, заворачивали его въ вещи, принадлежавшія лицу, которое заклинали, и втыкали въ него булавки. Наконецъ нѣкоторые колдуньи удовольствовались только похоронами животнаго, чаще всего жабы, или, заставивъ ее проглотить причастіе, клали затѣмъ на порогъ дома, въ которомъ жила намѣченная личность. Такимъ образомъ въ этомъ колдовствѣ, какъ бы оно ни измѣнялось, главную роль играло то или другое изображеніе намѣченной личности. Въ такомъ колдовствѣ были обвинены во время царствованія Филиппа III Пьеръ де Бэнэ, епископъ Байе и Пьеръ де Лабросъ, его двоюродный братъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтникъ и другъ короля. Когда дѣло раскрылось, то первый укрылся въ папскихъ владѣніяхъ, а второго повѣсили. Въ особенности въ концѣ царствованія Филиппа IV и царствованія Людовика X происходили крупныя процессы о заклинаніяхъ и магии, цѣль которыхъ была одна—избавиться отъ королевской семьи. Главную роль играли въ нихъ высшія духовныя лица. Такъ между прочимъ Гишара, епископа Труа, обвиняли въ чарованіи королевы Иоанны, послѣ чего она заболѣла, и ни одинъ докторъ не могъ ей помочь. Во время этой болѣзни будто бы епископъ возобновлялъ уколы восковой фигуры, окрепченной именемъ Иоанны. Но такъ какъ королева все еще не умирала, то епископъ, держа фигуру предъ огнемъ и ломая ей руки и ноги, произнесъ: «Чортъ возьми! Эта женщина вѣчно будетъ жить!» Затѣмъ онъ бросилъ фигуру на полъ, растопталъ ее ногами, а потомъ бросилъ въ огонь, гдѣ она вся растаяла. Въ этотъ моментъ королева умерла. Желая избавиться отъ королевскихъ сыновей и брата короля, онъ приготовилъ изъ скорпіоновъ, жабъ и ядовитыхъ пауковъ микстуру, которую заперъ въ ящикѣ. Вскорѣ братъ короля, принцъ Карлъ, пріѣхалъ въ Шампань, и епископъ приказалъ своему сообщнику, отшельнику Реньо-де-Лангру, привести этотъ ящикъ. Ранѣе этого епископъ испробовалъ силу яда на одного рыцаря королевы наваррской, угостивъ его сливами въ медѣ, въ которыхъ былъ положенъ этотъ ядъ. Рыцарь едва ихъ попробовалъ, какъ заболѣлъ и, четыре дня спустя, умеръ. Но Реньо де Лангръ, несмотря на всевозможныя обѣщанія епископа, не согласился принести ядъ, предназначенный для принца анжуйскаго, и отправился къ бабьи съ доносомъ какъ о чарованіи королевы, такъ и объ ядѣ, прося его защиты отъ гнѣва епископа. Епископа Гишара обвиняли еще въ заклинаніяхъ королевы Бланки и многихъ другихъ. Кроме того, его обвиняли въ поддѣлкахъ, ростовщичествѣ, клятвеннопреступленіи, лжесвидѣтельствѣ и прот. Впослѣдствіи, главный его обвинитель, Ноффо Деи, умершій на висѣлицѣ, признался предъ смертью, что обвиненія епископа въ чарованіи и отравѣ вымышленная ложь. Современники епископа свидѣтельствовали, что онъ былъ жертвой политической интриги. Вообще процессы о колдовствѣ раздѣлялись на два разряда: на политическіе и частныя. Къ первымъ принадлежалъ процессъ Мариньи, министра Филиппа Красиваго. Новый король Людовикъ X, подъ влі-

лнѣмъ настояній враговъ покойнаго короля, назначилъ комиссію, составленную по бѣльшей части изъ непріятелей Мариньи, для провѣрки отчетовъ министра. Несмотря на отсутствіе серьезныхъ доказательствъ виновности Мариньи, онъ былъ запертъ сначала въ Тамплѣ, затѣмъ въ Луврѣ, впоследствии въ Венсенѣ. Когда назначили судъ, король колебался произнести обвиненіе, сбитый съ толку, съ одной стороны, врагами министра, съ другой—партизанами, оставшимися вѣрными политикѣ Филиппа Красиваго. Но вскорѣ дѣло пришло къ рѣшительному концу, благодаря двумъ обстоятельствамъ. Въ это время королева, заключенная въ тюрьму за невѣрность мужу, медленно угасала и, наконецъ, умерла. Но предъ смертью она написала королю длинное письмо, послѣ котораго король круто измѣнился и возненавидѣлъ Мариньи. Въ то же время прошелъ слухъ, что Мариньи предалъ чарованію короля въ сообществѣ своей жены и ея сестры Шантлю. Съ этою цѣлью они прибѣгли къ помощи старой горбатой колдуньи, магика Жака Павью и его лакея. Сначала король не вѣрилъ, но затѣмъ ему дали доказательства въ видѣ восковой фигуры, взятой будто бы въ квартирѣ Мариньи. На фигурѣ была надѣта корона и горностаевая мантія, а сердце ея было проколото нѣсколькими ударами ножа. Этого было довольно, и Мариньи повѣсили. Вся эта интрига была составлена врагами Мариньи, и вскорѣ послѣ этого онъ былъ торжественно обѣленъ, снятъ съ висѣлицы и похороненъ. Въ ту же эпоху, вскорѣ послѣ обѣленія Мариньи, былъ обвиненъ кардиналъ Гаэтанъ въ чарованіи короля, графа Пуатье и своихъ враговъ Колонновъ. Затѣмъ слѣдовали процессы Роберта д'Артуа, предавшаго вмѣстѣ съ женою, сестрою короля, и сыновьями чарованію короля Іоанна французскаго, чтѣ послужило причиной Столѣтней войны. Артуа, обличенный въ преступныхъ замыслахъ, бѣжалъ въ Англію и предложилъ свои услуги Эдуарду III, съ которымъ сталъ приготовляться къ этой ужасной войнѣ. Послѣ этого при французскомъ дворѣ возобновились заклинанія при династіи Валуа. Катерина Медичи привлекла съ собою цѣлое полчище астрологовъ, алхимиковъ, колдуновъ, чарователей, отравителей. О ней лично авторъ не говоритъ ничего, обѣщая все сообщить съ слѣдующемъ томѣ. Ея сынъ Карлъ IX подвергся будто бы существовавшему заговору, въ которомъ участвовали Ла-Моль и Коконно, но по подстрекательству Руджіери. Однако король совсѣмъ не пострадалъ отъ этихъ заколдовываній. Его же братъ и преемникъ Генрихъ III былъ тоже предметомъ заклинаній. Впрочемъ его самого можно было бы прозвать «колдуномъ», и если онъ не занимался порчей, то его можно обвинить въ не менѣе преступныхъ подвигахъ. Онъ любилъ удаляться въ монастырь, находившійся въ Венсенѣ, и когда послѣдній былъ взятъ парижанами, то въ часовнѣ нашли странные предметы, въ родѣ серебряныхъ подсвѣчниковъ въ формѣ сатира, посвященныхъ культу сатаны, и проч. Его мнѣоны, Мегренъ и Еперненъ, доставляли ему со всего свѣта мажиковъ и колдуновъ, которые привозили съ собою въ монастырь зеркала, мази, составы и всевозможные предметы, предназначенные для жертвоприношенія сатанѣ. Такимъ образомъ парижане слѣдовали его же примѣру, занимаясь заколдовываніемъ. Всѣ страстно жаждали отдѣлаться отъ него и даже герцогиня Монпансье. 26-го января 1589 года въ Парижѣ было сдѣлано множество восковыхъ фи-

гуръ, которыя парижане отнесли въ церкви на жертвенникъ и въ продолженіе сорока часовъ было отслужено сорокъ обѣднъ, при чемъ за каждой обѣдней эти фигуры получали уколы. Во время послѣдней обѣдни булавка была воткнута въ сердце фигуры, при чемъ произносились магическія слова, и король умеръ. Само собою разумѣется, что дѣлу помогъ ножъ монаха Клемана, вонзившаго оружіе не въ восковую фигуру, а въ животъ настоящаго Генриха III. Даже Генриха IV не оставили въ покоѣ и подвергли заклинанію къ смерти. Помимо этихъ заклинаній съ политической цѣлью, Францію вообще охватила эпидемія колдовства и чародѣйства. Даже папы предавались страсти къ окультизму, и алхимія съ магіей, «сводныя сестры суетѣрія», занимали самыя строгіе умы. Іоаннъ XXII, знаменитый французскій папа, былъ страстный приверженецъ тайныхъ наукъ и самъ подвергался заколдовываніямъ. По этому случаю графиня Фуа-Беарнъ поднесла ему семейный талисманъ противъ заклинаній, который она одолжала уже папѣ Клименту V. Только чрезъ пятнадцать лѣтъ папа возвратилъ его внуку графини. Опасеніе быть отравленнымъ ввело при королевскомъ дворѣ, а также при папскомъ, старинный персидскій и мидійскій обычай опробовать кушанья. Для этой цѣли существовалъ «испробователь» роскошной формы изъ золота или серебра съ нѣкоторыми драгоценными камнями, считавшимися противоядіемъ, среди которыхъ были агаты. Въ особенности, съ восшествіемъ на папскій престолъ папы Александра VI Борджіа, въ Римѣ начали процвѣтать всякаго рода преступленія, и новый папа не только не старался прекратить ихъ, а напротивъ, пользовался этимъ, наживая себѣ состояніе и увеличивая свой тираническій авторитетъ. Не только месть служила причиной преступленій, но чаще всего неудовлетворенное честолюбіе: сынъ убивалъ отца ради наслѣдства, папа уничтожалъ кардиналовъ, потому что былъ ихъ наслѣдникомъ и нуждался въ деньгахъ. Чтобы воспрепятствовать брату вступить въ бракъ съ авантюристкой Біанкой Капелло, кардиналъ Фердинандъ убилъ ихъ обоихъ. Одинъ рыбакъ видѣлъ, какъ ночью было брошено въ Тибръ болѣе ста труповъ. Цезарь Борджіа, ради кардинальской мантии, убилъ старшаго брата, герцога Кавди и кардинала Перротто, своего покровителя и друга, но не посредствомъ яда, а съ помощью кинжала. Затѣмъ онъ пытался убить зятя, герцога Альфонса д'Эстэ, мужа своей сестры Лукреціи. Жена и сестра заботливо ухаживали за нимъ и готовили сами ему кушанье изъ боязни, чтобы Цезарь не подсыпалъ яда. Но въ одинъ прекрасный день онъ рѣшилъ покончить съ зятемъ и, войдя въ комнату больного, жестомъ выслалъ женщину, затѣмъ позвалъ дону Микелетто, который, бросивъ герцога на постель, удушилъ его. Политика папы Александра VI была слѣдующая: онъ допускалъ кардиналовъ грабить, воровать, торговать индульгенціями, и продавать духовныя мѣста до тѣхъ поръ, пока кардиналы не дѣлались достаточно богатыми; тогда на сцену являлся ядъ, и жизнь такого кардинала прерывалась внезапно, а наслѣдство шло на оргіи папѣ и на округленіе капитала для его сына. Иногда папа отравлялъ изъ политическаго макіавелизма, и даже никто не могъ знать навѣрно, зачѣмъ онъ это дѣлалъ. Такъ было съ отравленнымъ имъ братомъ султана Баязета — Джемомъ. Папа получилъ отъ султана за это преступленіе

300.000 дукатовъ и обезпечилъ себѣ союзъ у султана. Это было началомъ преступленій папы Александра VI, хотя и ранѣе онъ совершилъ много отравленій, но не столь важныхъ. Послушное орудіе въ рукахъ своего сына, папа исполнялъ его малѣйшее желаніе и, ради него, нападалъ на старинныя семьи Рима. Самымъ ужаснымъ изъ его преступленій было отравленіе кардинала Джіамбаттиста Орсини, который вмѣстѣ съ другими аристократами замыслилъ избавить Италію не отъ Александра VI, а отъ его сына, еще болѣе ужаснаго, чѣмъ самъ папа. Узнавъ объ этомъ, папа отмстилъ, приказавъ схватить Орсини и запереть въ тюрьму. Несчастный терпѣливо ожидалъ скорой смерти, но папа не торопился, такъ какъ представился прекрасный случай наполнить папскую казну. Онъ приказалъ захватить всѣ богатства во дворцѣ Орсини и, выгнавъ мать, всю семью и слугъ, велѣлъ оставить имъ лишь необходимое платье. Но этого было ему недостаточно, и онъ сказалъ матери Орсини, что позволить ей наблюдать за кушаньемъ сына за двѣ тысячи экю и громадную прекрасную жемчужину, которая, какъ онъ знаетъ, находится въ семьѣ Орсини. Несчастливая мать достала эту сумму, жемчужина же находилась у любовницы Орсини, которая, переодѣвшись въ мужское платье, пошла къ папѣ и вручила ему жемчужину. Александръ сдержалъ слово, но узникъ все-таки умеръ, нѣсколько дней спустя. Пока велись переговоры, папа угостилъ кардинала своимъ знаменитымъ медленнымъ ядомъ *venenum atterminatum*, который навѣрное убивалъ и въ определенное время. Послѣ смерти Орсини папа велѣлъ врачамъ вскрыть трупъ и признать смерть естественной. Заставить врачей той эпохи признать насильственную смерть естественной было очень легко, такъ какъ за хорошее вознагражденіе они съ такимъ же стараніемъ отправляли на тотъ свѣтъ, съ какимъ по желанію семьи излѣчивали больного. Обобравъ семью Орсини, папа убилъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей отравилъ или выгналъ. Такимъ образомъ самая богатая семья въ Италіи была разорена и разбѣяна, и никто не могъ ей помочь. Затѣмъ папа, не утоливъ еще своей алчности, началъ отравлять по очереди самыхъ богатыхъ кардиналовъ: Модену, Мекіальколя и своего племянника кардинала Монреалея. Кардиналу Арагону влить *venenum attemperatum* во время его посѣщенія Салерна; впрочемъ онъ былъ предупрежденъ, что вскорѣ умретъ. Подобный терроръ распространился на всю Италію и дошелъ до деревень, гдѣ крестьяне стали жить воровствомъ и грабежомъ. Общество, повидимому, возвратилось къ временамъ варварства, и ядъ сдѣлался самымъ обыкновеннымъ орудіемъ. Но и самъ Александръ VI подвергался опасности быть отравленнымъ; одинъ крестьянинъ, Марини, «преждевременный анархистъ», привезъ изъ Константинополя ядъ, чтобы бросить его въ фонтанъ *Porta Viridaris*, изъ котораго брали воду для папы, дворца и папскихъ придворныхъ. Этотъ ядъ могъ убить въ теченіе пяти дней, но не ранѣе. Однако планъ Марини не удался, и онъ былъ казненъ. Кромѣ этой попытки, были еще другіе случаи: такъ одинъ музыкантъ изъ Форли привнесъ папѣ отравленную сильнымъ ядомъ письма, но и это не удалось. Однако терроръ дошелъ въ Римѣ до того, что каждый кардиналъ дрожалъ за свою жизнь, благодаря преступнымъ замысламъ Борджіа. Вдругъ неожиданно умеръ самъ тиранъ, и наконецъ вся Италія освободилась отъ династіи Борджіа. Еще нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ послѣдній потомокъ Борджіа умеръ въ Лондонѣ бѣднымъ фотографомъ. Знаменитый ядъ Борджіа состоялъ изъ мышьяка, смѣшаннаго съ гнилостными алколоидами. По словамъ Гарелли, доктора Карла VI, яды приготавливались просто: брали свинью, посыпали брюшные органы мышьяковой кислотой и ожидали, пока гніеніе, которое задерживалось мышьякомъ; вполнѣ разовьется, затѣмъ сушили сгнившую массу или собирали жидкость, это былъ вѣрный ядъ, а въ семнадцатомъ вѣкѣ не придумали дуншаго. Медленный ядъ Борджіа состоялъ изъ мышьяковой кислоты, мало растворимой. По самый сильный ядъ, который въ большой дозѣ дѣйствовалъ моментально, представлялъ сложную микстуру, составъ которой еще до сихъ поръ точно не извѣстенъ. Блазъ де-Бюри, музыкальный критикъ, говоритъ, что ему представлялся случай узнать рецептъ этого яда, и онъ очень сожалѣлъ, что не воспользовался имъ. Однажды въ Парижѣ давали «Лукрецію Борджіа», и сосѣдомъ по креслу де-Бюри былъ герцогъ Риаріо Сфорца, потомокъ исторической семьи, находившейся въ родствѣ съ Борджіа, — который предлагалъ ему открыть секретъ. Но де-Бюри не явился на свиданіе, и секретъ остался не открытымъ. Кромѣ того, испанскій король Филиппъ II зналъ этотъ секретъ, почему папа Сикетъ V сказалъ испанскому посланнику: «Найдите, посланникъ, что я не боюсь вашего государя, исключая его *«Requiescat in pace»*. Этотъ ядъ носилъ названіе *capta-gelli* и, по словамъ Паоло Жовіо, состоялъ изъ бѣловатато порошка, похожаго на сахаръ, дѣйствіе котораго было испробовано на многихъ невинныхъ людяхъ, умершихъ въ страшномъ состояніи. Секретъ приготовления этого страшнаго яда, укорачивавшаго жизнь по желанію, хранился въ глубокой тайнѣ. Извѣстно лишь, что основой служилъ мышьякъ. Въ средніе вѣка употребляли растительные яды, эпоха же Возрожденія отличалась минеральными ядами. Изобрѣтательность отравителей особенно изощрилась на выборѣ способа передачи яда; каждый изъ нихъ владелъ особымъ орудіемъ смерти, и оно сохранялось, какъ семейная драгоценность, переходя отъ отца къ сыну. Напримѣръ, Савелли отравлялъ съ помощью ключа. Онъ дѣлалъ жертвѣ подарокъ въ видѣ красиваго ларца, а затѣмъ давалъ ему ключъ, который плохо входилъ въ замочную скважину, такъ что приходилось дѣлать усилія. Во время этого процесса неосторожная жертва царапала себѣ руки, и, хотя царапины съ виду были незначительныя, жертва вскорѣ умирала. Дѣло въ томъ, что въ ключѣ было сдѣлано незамѣтное гнѣздышко, а въ немъ капля яда, который, попадая на царапину, отравлялъ жертву. Другіе дѣлали смертоносныя кольца, сдѣланныя такимъ же образомъ. Достаточно было пожать кому нибудь руку и сдѣлать гнѣздышкомъ царапину, какъ ядъ не замедлялъ произвести свое дѣйствіе: иногда смерть была моментальная, чаще же медленная, послѣ жестокой болѣзни, во время которой выпадали волосы и зубы, а кожа покрывалась гангренозными ранами. Существовали еще ножи для фруктовъ, отравленные съ одной стороны, съ другой же нѣтъ, такъ что одинъ кусокъ былъ отравленъ, другой не отравленъ. Многіе яды, извѣстные въ Римѣ въ 1750 году, совершенно исчезли, а нѣкоторые болѣе не имѣются даже въ Неаполѣ, хотя были еще въ употребленіи во время французской революціи. Ядъ служилъ оружіемъ и во время дуэлей. Въ большинствѣ случаевъ ядъ находился въ тѣсной связи

съ черной магіей и колдовствомъ. Даже въ XIX вѣкѣ ядъ еще игралъ немалую роль, и всякаго рода шарлатаны проживали безнаказанно въ Италіи, классической странѣ суевѣрія.

— Умственная патологія французскихъ королей. XX вѣкъ можно считать эрой физиологической исторіи не только въ исторіи литературы, театра и романа, но даже исторіи. Когда-то ее разсматривали съ полемической точки зрѣнія, затѣмъ моральной, картинной, философской, палеографической, психологической. Наконецъ наступилъ моментъ, когда не палачъ, а психіатръ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ общества. Такую мысль провелъ Брашэ въ введеніи къ своему любопытному труду: «*La pathologie mentale des rois de France*»¹⁾, который, однако, ему не пришлось видѣть напечатаннымъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1898 году. Теперь его вдова издала это произведеніе, на которое покойный Брашэ посвятилъ пятнадцать лѣтъ. Мысль заняться исторіей французскихъ королей съ физиологической точки зрѣнія ему подалъ Литтре, и немало потребовалось терпѣнія Брашэ, чтобы прослѣдить всю генеалогію королей, хотя бы приблизительно, такъ какъ число предковъ по восходящей линіи увеличивается по мѣрѣ удаленія въ прошедшее время. Поэтому подобный способъ изслѣдованія наслѣдственности почти невозможенъ у простыхъ смертныхъ, генеалогія которыхъ не ведется, но и съ королями дѣло обстоитъ довольно неудовлетворительно, имѣя въ виду легкомысліе женщинъ. Такъ можно быть всегда увѣреннымъ, что данное лицо сынъ или дочь такой-то женщины, относительно отца вопросъ затрудняется. Однако Брашэ считаетъ почти опредѣленнымъ правиломъ, что надежность наслѣдственности зависитъ отъ продолжительности брака, а интересы династій обезпечиваютъ вѣрность жены относительно первыхъ двухъ дѣтей. Положимъ, это предположеніе обоюдоострое, и тотъ же интересъ влечетъ за собою невѣрность въ случаѣ неспособности мужа. Кромѣ наслѣдственности, Брашэ касается средневѣковаго лѣченія священными предметами и съ помощью святыхъ, при чемъ у каждаго святого и святой были свои поклонники. Нѣкоторые рецепты настолько странные, что кажутся приготовленными колдуньями, а другіе совершенно подходятъ къ современнымъ. Глава о «Физиологіи Людовика XI и современные исторіки» очень любопытна, и въ ней эпицентрикъ Людовикъ XI представленъ Брашэ со всѣми признаками вырожденія, что разбиваетъ прежнія предположенія историковъ о странностяхъ короля. Точно также многіе хроникеры приписывали простые болѣзненные припадки Карла VI различнымъ специальнымъ причинамъ, происходящимъ отъ классовыхъ привилегій, тогда какъ люди всѣ одинаковы предъ болѣзью и предъ смертью.

— Поддѣльный Раблэ. Недавно «*Times*» пустилъ слухъ, что найдена, такъ тщательно разыскиваемая, послѣдняя часть «Жизни Гаргантюа и Пантагрюэля» Раблэ. Это извѣстіе объяло весь свѣтъ и произвело сильное впечатлѣніе. Счастливымъ обладателемъ этой рѣдкости оказался крупный издатель

¹⁾ *Pathologie mentale des rois de France, Louis XI et ses descendants, une vie humaine étudiée à travers six siècles d'histoire, 852 — 1483, par M. Brachet Paris. 1903.*

въ Мюнхенѣ — Людвигъ Розенталь, отыскавшій ее въ Прагѣ. Она представляетъ небольшую книжку въ шестьдесятъ четыре листа, переплетенную въ бурную кожу, съ виду довольно свѣжую, украшенную рисунками и четырьмя золотыми лиліями по угламъ. Заглавіе книги слѣдующее: «Le cinquieme livre des faits et dictz du noble Pantagruel, ausquelz sont compris les grans abus et desordonée vie de plusieurs estatz de ce monde. Composez par M. François Rabelays, docteur en médecine et abstracteur de quinte essence». Наверху напечатано число: «Imprimé en Pan mil cinq cens quarante neuf». На внутренней части переплета значилось, что книга приобрѣтена была въ Парижѣ въ годъ своего отпечатанія. Многие нѣмецкіе ученые признавали эту находку подлиннымъ произведеніемъ Раблэ, и Бюхнеръ въ «Archiv fur das Studium der neueren Sprachen» говорилъ, что это заключеніе въ высшей степени вѣроятно: «in hohem Grade wahrscheinlich». Такимъ образомъ эта находка была безцѣнна, и уже поговаривали о 200.000 франкахъ, при чемъ Америка навѣрно подняла бы цѣну. Раблэ умеръ самое позднее въ маѣ 1554 г., а прежній пятый томъ былъ изданъ въ 1564 г., т.-е. послѣ смерти автора, что вызывало сомнѣніе въ его подлинности. Найденное же изданіе 1549 г. появилось вслѣдъ за четырьмя первыми томами, т.-е. при жизни Раблэ и подъ его именемъ. Всѣ эти обстоятельства вызывали довѣріе. Однако при внимательномъ его изученіи нашлось много сомнительнаго. Такъ въ немъ не возобновляется исторія Пантагрюэля съ того момента, какъ о немъ говорилось въ IV книгѣ, напечатанной въ 1548 году. Хотя имя Пантагрюэля систематически повторяется въ каждой главѣ, но онъ болѣе не имѣетъ никакой роли въ теченіе всего рассказа точно такъ же какъ ни Гаргантюа, ни Панургъ, ни братъ Жанъ, ни Эшитемонъ. Всѣ персонажи измѣнились, обстановка также, а главное языкъ. Въ найденномъ V томѣ нѣтъ той красивой французской расовой прозы, ловкаго, нервнаго, гибкаго стиля, свойственнаго французамъ, который какъ будто сходитъ съ губъ, а не съ пера. Напротивъ его языкъ тяжелый, какой-то прѣсный, педантичный, въ рассказѣ нѣтъ того откровеннаго, сочнаго, звучнаго смѣха, игриваго настроенія, тонкой ироніи и того впечатлительнаго забавнаго пыла, какимъ отличался Раблэ. Этотъ сомнительный новый V-й томъ полонъ какого-то разочарованія мизантропа, сѣтованій образумившагося челоуѣка и унынія опечаленнаго моралиста. Однимъ словомъ—совсѣмъ другая рамка, другіе люди, другое писаніе и, главное, другой умъ. Недаромъ два ученые—Анри Стенъ, изъ французскаго національнаго архива, и нѣмецъ Шнеегансъ категорически рѣшили: «Раблэ никогда не писалъ этой книги». Въ настоящее время «Journal des Debats» сообщилъ ¹⁾, что вопросъ о подлинности новаго V-го тома, найденнаго Розенталемъ, разрѣшился, благодаря Абелью Лефрану, редактору Revue des études rabelaisiennes, книга оказалась поддѣлкой подъ Раблэ. Это не болѣе, какъ копія, сдѣланная, слово въ слово, съ двухъ сочиненій, написанныхъ пятьдесятъ лѣтъ ранѣе этой поддѣлки,—съ произведенія Жана Бушэ «Les Regnars traversant», изданнаго въ 1502 г., и французскаго перевода анонимнаго переводчика произведенія нѣмца Себастьяна Бранта «Narrenschiff»,

¹⁾ Un faux Rabelais, par Jedeheff, Journal des Debats.

напечатаннаго въ 1494 году. Послѣднее называлось по-французски «*La Nef des fous*». Это не единственная поддѣлка подъ Раблэ. Въ дрезденской королевской библіотекѣ сохраняется единственный экземпляръ второй книги Пантагрюэля, изданной въ Лионѣ, въ 1533 году.

— Новая біографія Галилея. Въ Англіи надняхъ вышло любопытное сочиненіе о великомъ итальянскомъ ученомъ Галилеѣ. Оно принадлежитъ англійскому ученому Фэхи и представляетъ съ точки зрѣнія научной и общественной одинаково замѣчательное явленіе. Авторъ вполне справедливо говоритъ, что онъ «имѣлъ возможность написать болѣе основательную біографію и изслѣдованіе трудовъ Галилея, чѣмъ существуютъ до настоящаго время. Новые матеріалы, какими онъ пользовался, доставилъ ему профессоръ Падуанскаго университета Антоніо Фавуаро, издающій подъ покровительствомъ итальянскаго короля полное собраніе сочиненій Галилея. Теперь уже вышло двѣнадцать томовъ, а всего будетъ двадцать. Какъ извѣстно, Галилей родился въ 1564 году. Отецъ его былъ довольно извѣстный музыкантъ и хотѣлъ сдѣлать сына музыкантомъ или живописцемъ, но молодой Галилей не выказалъ способности ни къ тому, ни къ другому предмету, а потому былъ отданъ въ университетъ города Пизы, гдѣ изучилъ математику и механику. Двадцати пяти лѣтъ онъ былъ избранъ профессоромъ въ Падуанскій университетъ и вскорѣ прославился открытіемъ закона свободнаго паденія тѣлъ, а затѣмъ изобрѣлъ термометръ, микроскопъ и астрономическій телескопъ, увеличивающій въ тридцать разъ. Послѣ этого онъ отдался астрономіи и, явившись горячимъ послѣдователемъ теоріи Коперника, открылъ спутниковъ Юпитера, кольцо Сатурна и т. д. Въ 1610 г. онъ переехалъ во Флоренцію и продолжалъ тамъ, подъ покровительствомъ Козьмы II, свои великія астрономическія изслѣдованія. На слѣдующій годъ онъ посѣтилъ Римъ, и ему дозволено было выставить свой телескопъ въ Квиринальскомъ саду, но, такъ какъ Римъ въ то время признавалъ систему Коперника нелѣпой и еретичной, то ему объявили, что онъ не можетъ публично преподавать эту систему, какъ достовѣрный фактъ, а долженъ быть упоминать о ней, какъ о гипотезѣ. Вернувшись во Флоренцію, онъ спокойно занимался своими учеными трудами до 1632 г., когда издалъ свою знаменитую книгу «*Dialoghe quatro, sopra i due massimi sistemi delomondo, Ptolemaico ed Copernico*». Враги его встрепенулись и довели на него инквизиціи, которая потребовала его на свой судъ. Ему тогда было семьдесятъ лѣтъ. Хотя съ одной стороны его книга отличалась умѣренностью тона, а съ другой и папа Урбанъ VIII, будучи еще кардиналомъ Барберини, считался его другомъ, инквизиція все-таки признала его виновнымъ въ распространеніи вредной системы Коперника. Послѣ двадцатидневнаго разсмотрѣнія его дѣла и полугодового предварительнаго заключенія онъ былъ приговоренъ торжественно отречься отъ своихъ ученій. Хотя приговоръ и не былъ подписанъ папой, но вошелъ въ законную силу, и Галилей, стоя передъ судомъ на колѣняхъ, отрекся отъ того, что составляло его славу. Послѣдующую свою жизнь Галилей провелъ въ Сиенѣ и Арцетрѣ въ полузаточеніи. Вскорѣ онъ лишился зрѣнія и умеръ въ

¹⁾ Galileo, his Life and Work. Bay Fähie. London. 1903.

«истор. вѣстн.», январь, 1904 г., т. хсѹ.

1642 году. Что касается до будто бы имъ произнесенныхъ послѣ отреченія словъ: «E pur si muove» (а все-таки вертится), то новый биографъ Галилея поддерживаетъ извѣстное объясненіе, что это—легенда, созданная въ половинѣ XVIII вѣка.

— Незвѣстный сынъ англійскаго короля Карла II. Замѣчательный публицистъ, а также изслѣдователь историческихъ тайнъ, Андро Лангъ, собралъ въ объемистый сборникъ напечатанные имъ въ различныхъ журналахъ очерки, выщущенные подъ общимъ названіемъ: «Трагедія лакея и другія изслѣдованія»¹⁾. Съ заглавной статьей читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы по отзыву въ «Мелочахъ»; въ ней заключается очень интересный рассказъ о новомъ претендентѣ на Желѣзную Маску, лакеѣ Эсташѣ Дождѣ.

Другія статьи этого сборника посвящены: подложной Іоаннѣ д'Аркъ, будто бы спасшейся отъ костра; обѣленію католиковъ отъ обвиненія въ убійствѣ лондонскаго судьи сэра Эдмунда Годфрея; восстановленію всѣхъ подлинныхъ обстоятельствъ смерти Эммы Ронсартъ; обсужденію спора о томъ, кто писалъ пьесы Шекспира—самъ Шекспиръ или Бэконъ и т. д. Но самой любопытной изъ тайнъ, разсматриваемыхъ Лангомъ, является судьба Якова де-Ла-Клоша. Это былъ неизвѣстный плч, во всякомъ случаѣ, малозвѣстный сынъ Карла II и, по словамъ самого короля, молодой дамы одного изъ самыхъ важныхъ родовъ трехъ королевствъ. Онъ родился на островѣ Джерсеѣ въ 1646 г. и получилъ отъ отца имя и фамилію Якова де-Ла-Клошъ. По приказанію короля онъ жилъ во Франціи до двадцатилѣтняго возраста, а въ 1665 г. посѣтилъ Лондонъ, откуда отправился въ Голландію продолжать свои занятія. Тамъ онъ получилъ письмо отъ отца, обѣщавшаго ему 5.000 фунтовъ стерлинговъ подъ условіемъ, чтобы онъ вернулся въ Лондонъ и принялъ англиканскую вѣру, такъ какъ въ дѣтствѣ онъ исповѣдывалъ кальвинизмъ. Это объясняется тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ на островѣ Джерсеѣ у гугенотскаго пастора, по имени де-Ла-Клошъ. Получивъ письмо короля, молодой человекъ перемѣнилъ вѣру, но не сдѣлался протестантомъ англиканской церкви и не вернулся въ Лондонъ, а отправился въ Гамбургъ, гдѣ перешелъ въ католичество. Случайно, проезжавшая чрезъ Гамбургъ шведская королева Христина встрѣтилась съ юношей и посоветовала ему отправиться въ Римъ въ иезуитскую коллегію Квиринвала, при этомъ она дала ему свидѣтельство на латинскомъ языкѣ, подтверждавшее, что согласно двумъ документамъ Якова II онъ былъ его сынъ. Дѣйствительно Ла-Клошъ всегда имѣлъ при себѣ два письма отца, который просилъ его, однако, никому ихъ не показывать до его смерти. Изъ честности молодой человекъ исполнялъ волю короля и замѣнилъ эти письма вмѣсто паспорта письмомъ королевы Христины. По ея совѣту, онъ дѣйствительно отправился въ Римъ и 11 апрѣля 1668 г. постучался у воротъ иезуитской коллегіи. Его принялъ генераль ордена Олива и, узнавъ всю правду, написалъ въ Лондонъ королю, что его сынъ находится въ Римѣ. Въ отвѣтъ онъ получилъ длинное письмо короля на французскомъ языкѣ. Это письмо такъ же, какъ и два преды-

¹⁾ The Valet's tragedy and other studies, by Andrew Lang. London. 1903.

душія, хранятся до настоящаго времени въ архивахъ іезуитскаго ордена. Съ самаго начала король выражалъ свое давнишнее желаніе перейти въ католическую вѣру, чему мѣшали обстоятельства, а потому онъ былъ очень радъ, что юный кавалеръ Яковъ де-Ла-Клошъ вступилъ въ орденъ. Затѣмъ онъ просилъ Оливу секретно прислать сына въ Лондонъ, чтобы научить его, короля, обрядамъ католической церкви. При этомъ онъ желалъ, чтобы сынъ принялъ духовный санъ въ Римѣ, если этого еще не произошло, или надѣялся совершить это въ Парижѣ. Въ то же время Карлъ II написалъ сыну очень дружественное письмо, которымъ звалъ его въ Лондонъ и заявлялъ ему, что въ случаѣ своей смерти и герцога Йоркскаго онъ могъ наследовать престолъ. Но въ случаѣ онъ пожелаетъ поступить въ лоно католической церкви онъ обѣщала ему доставить кардинальское званіе. Въ двухъ слѣдующихъ письмахъ къ Оливѣ король торопилъ отъѣздъ сына въ Лондонъ и настаивалъ, чтобы онъ поѣхалъ въ свѣтской одеждѣ, подъ именемъ Анри де-Рогана. 14 октября 1668 г. Олива заявлялъ Карлу II, что французскій дворянинъ только что выбылъ изъ Ливорно. Въ іезуитскомъ орденѣ хранится еще одно письмо короля, которое увѣдомляетъ Оливу, что Яковъ де-Ла-Клошъ послѣ недолгаго пребывания въ Лондонѣ возвращается въ Римъ съ тайнымъ порученіемъ, исполнивъ которое, онъ долженъ пріѣхать обратно въ Лондонъ съ словеснымъ отвѣтомъ отъ папы. Король также обѣщала прислать въ слѣдующемъ году, по просьбѣ сына, значительную сумму денегъ на необходимую постройку для іезуитскаго ордена. Наконецъ онъ проситъ дать молодому человѣку восемьсотъ золотыхъ на расходы и обѣщала возвратить долгъ чрезъ шесть мѣсяцевъ. На этомъ письмѣ оканчиваются всѣ подлинныя свѣдѣнія объ Яковѣ де-Ла-Клошѣ, хранящіяся въ іезуитскомъ архивѣ. Болѣе не имѣется никакихъ данныхъ о немъ въ исторіи, и неизвѣстно, что съ нимъ случилось, несмотря на многочисленныя изысканія итальянскихъ и англійскихъ ученыхъ. Найдено только очень сомнительное извѣстіе, что 30 марта 1669 года Кентъ, англійскій агентъ въ Римѣ, писалъ въ Англію, что въ Неаполѣ арестованъ молодой англійскій джентльмэнъ католикъ. Онъ прибылъ въ этотъ городъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, влюбился въ дочь трактирщика, женился на ней и объявилъ, что онъ сынъ англійскаго короля. У него было найдено 150 золотыхъ, множество драгоценныхъ камней и бумаги, адресованныя: «его величеству». Въ слѣдующемъ письмѣ того же Кента говорится, что молодой арестантъ былъ переведенъ въ Гаэтскій замокъ, и вице-король, по справкѣ въ Англіи, освободилъ его, убѣдившись, что онъ не сынъ англійскаго короля. Наконецъ, 31 августа того же года Кентъ сообщалъ англійскому правительству, что «молодецъ», имѣвшій притязаніе на званіе сына англійскаго короля, умеръ, вернувшись изъ Франціи, куда онъ ѣздилъ на свиданіе съ матерью, донной Маріей Стюартъ, принадлежавшей къ королевской англійской семьѣ. Кентъ прибавляетъ, что выдававшій себя за Якова Стюарта, предъ смертью написалъ свое завѣщаніе на имя двоюроднаго брата, короля испанскаго. Дѣйствительно, въ англійскихъ архивахъ хранятся два экземпляра этого завѣщанія на итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Умирающій заявляетъ въ этомъ документѣ, что онъ сынъ Карла II и донны Маріи Стюартъ, «изъ семьи бароновъ Санъ-Марцо». Онъ проситъ, что-

бы Карль II далъ его ребенку, который долженъ родиться, владѣнія Уэльсъ или Монмутъ, обыкновенно даваемыя побочнымъ дѣтямъ короля. Наконецъ онъ оставляетъ женѣ и ея семейству маркизатство Жовиньи, стоившее триста тысячъ эку. Нечего прибавлять, что этотъ документъ въ высшей степени нелѣпъ и безуменъ. Никогда не существовали ни бароны Санъ-Марцо, ни донна Марія Стюартъ, одинаково непостижимо, о какомъ говорится маркизатствѣ Жовиньи. Однимъ словомъ, какъ говоритъ историкъ лордъ Актонъ, долго занимавшійся таинственной исторіей Якова де-Ла-Клошъ, что весь этотъ документъ сочиненъ или самозванцемъ или какимъ нибудь мошенникомъ. Въ своемъ изслѣдованіи Андрю Лангъ подробно разсматриваетъ эту таинственную исторію и прибавляетъ свѣдѣнія о неаполитанскомъ Стюартѣ изъ писемъ Виченцо Губіо, которыя онъ признаетъ сомнительными. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ тому заключенію, какъ и лордъ Актонъ, что этотъ неаполитанскій узникъ былъ не кто иной, какъ самозванецъ, разчитывавшій пріобрѣсть себѣ состояніе.

— Историческая находка. Въ библіотекѣ Браницкаго въ Вилановѣ находится теперь книга, имѣющая большую цѣнность для исторіи похода польскаго короля Яна III Собѣскаго для освобожденія Вѣны отъ осады турокъ. Книга эта, — календарь на 1683 годъ Станислава Словаковица, доктора философіи и медицины въ Краковской академіи. Типографія Schedlow J. K. M., форматъ 19 × 15,6 ст.; страницы безъ нумераціи. Календарь этотъ, снабженный собственноручными замѣтками короля Яна III, былъ въ богатомъ переплетѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ золоченные края и хорошая бумага съ водяными знаками льва, опирающагося на скипетръ и гербовый щитъ съ 4 полями, вклеенная въ календарь для замѣтокъ. Страницъ такихъ 25, изъ нихъ незаписанныхъ 4; на 7-ой вытиснено штемцелемъ слово AZEC, что, по мнѣнію Ф. Пуласкаго, должно было обозначать Andreas Zaluski Episcopus Cracoviensis (XVIII в.), и подтверждено замѣчаніемъ Яноцкаго въ его Specimen katalogi NSS. Dresdae. MDCCLII, p. 33. Замѣтки короля Яна III, которыми испещрены страницы календаря, важны и интересны въ двухъ отношеніяхъ. Хотя Вѣнскій походъ разработанъ теперь настолько подробно, что свѣдѣнія, почерпаемые изъ календаря, только освѣщаютъ нѣкоторыя подробности, однако собственноручный записъ главнаго дѣйствующаго лица въ этомъ походѣ, писавшаго для себя, для памяти, день за днемъ, на войнѣ, рисуютъ намъ вѣрную картину и его личности и духа того времени. Въ нихъ, т.-е. въ этихъ замѣткахъ, виденъ и типичный шляхтичъ XVII вѣка, одинаково заботящійся какъ о своей генеалогіи, такъ и о хорошемъ, сытномъ обѣдѣ, ревностный католикъ и хороший отецъ (стр. 23); проходя по чужимъ землямъ, онъ, какъ помѣщикъ, обращаетъ вниманіе и отмѣчаетъ плодородіе почвы, сборы посевовъ, виноградники, «строгіе» сады и т. д. (стр. 28), но уже въ сентябрѣ отъ Каменца и Хоцима Янъ III превращается въ вожда и короля и вотъ подъ 11-мъ сентября пишетъ: «На разсвѣтѣ я остановился въ горахъ надъ селеніемъ; тамъ было совѣщаніе (consilium) съ электорами и генералами: войско подошло къ полудню, перешли черезъ горы и стали надъ турецкимъ лагеремъ въ горахъ Келембурскихъ. Совѣщаніе на могилѣ. Янчары подошли къ монастырю и замку и стрѣляли съ

нашими. Пѣлый день и ночь дулъ чрезвычайно сильный вѣтеръ; изъ города стрѣляли изъ пушекъ сильно и днемъ и ночью. Ночеваль въ лѣсу при пѣхотѣ». Подъ 12-мъ сентября написано только: *Sit nomen Dei (т.-е. domini) benedictum wugrana portzea* — «выигралъ сраженіе». 13-го вѣздъ въ Вѣну, ночлегъ въ лагерѣ турокъ подъ деревомъ въ ужасный вонн (w smrodach szogich). Такъ кратко отмѣчаетъ рыцарь свой подвигъ, но зато дальше, гдѣ онъ съ чисто славянской щедростью одѣляетъ подарками изъ добычи малодушныхъ нѣмцевъ и главнымъ образомъ одного изъ нихъ, убѣжавшаго изъ своей столицы при приближеніи непріятели, и потомъ оказавшагося столь неблагодарнымъ, король подробно отмѣчаетъ (стр. 6): «Кесарю колчанъ везира, 2 коня съ сѣдлами. Бриліантовый уборъ конскій и очень богатое съ камнями сѣдло, князю баварскому знамена, плѣнныхъ, 3 коней, золотыя сабли, золото и другія мелочи». И такъ пишетъ далѣе, кому даны сабля, кому ковры, перстни, нагайки и т. п. Такъ же кратко отмѣчаетъ онъ и пораженія и трудности похода, какъ и свою знаменитую побѣду, напримѣръ, *Confusio* при Порканахъ, путь черезъ Венгрію и т. п. Интересная, такъ сказать, автобіографія Соубескаго за одинъ, столь важный въ исторіи годъ. И календарь самъ по себѣ интересенъ. Написанъ онъ не только докторомъ, но и астрологомъ этого вѣка, астрологомъ по преимуществу, — «Ординаріусомъ астрологіи въ коллегіумѣ Минусъ академіи Краковской», а потому заключаетъ въ себѣ рецепты составленія гороскоповъ, а также фізіономику, какъ по лицу судить о людяхъ, и вотъ находимъ, напримѣръ, такіе перлы: «Если увидишь человѣка съ лицомъ огромнымъ, некрасивымъ, глазами небольшими, опущенными къ землѣ, неодинаковой величины съ какимъ нибудь пятномъ, носомъ толстымъ и большимъ, толстыми губами, черными волосами, безъ бороды, или съ рѣдкими волосами на бородѣ, а ногами большими, кривыми, роста средняго, худого, а отъ тѣла котораго пахнетъ нехорошо (*et cuius corpus hircum olet*), этотъ родился подъ вліяніемъ планеты Сатурна. И по характеру его легко узнать. Мысли его глубоки, совѣты здравы, невлюбчивъ, но влюбившись любить безъ мѣры, не очень злобенъ, но гнѣвливыи гнѣвъ долго сохраняетъ, лакомка, тихоня, мало говоритъ, скучъ, ходитъ лѣниво, ростовщикъ, любить сплетни, прячетъ въ землю деньги».

Родившійся подъ Юпитеромъ имѣетъ раздѣленную и круглую бороду (*bifurcata et rotunda*), «безъ женщины (*absque Veneris officio*) скоро заболѣваетъ»; марсіальность же косматъ часто, а солисть-блондинъ или рыжій, лысъ, честенъ и честолюбивъ — *communiter magnae sapientiae et magnifici*. Оканчивается этотъ календарь спискомъ ярмарокъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ земляхъ и польскихъ городахъ. Визетка на заглавной страницѣ представляетъ двухъ сидящихъ женщинъ другъ противъ друга съ подписью у лѣвой *Medicina*, у правой *Astrologia*, а сверху эниграфъ: *Nos ambae unum sumus!*

— Похожденія двухъ аристократокъ во время революціи. Въ трехъ послѣднихъ нумерахъ «*Revue des deux mondes*» Эрнестъ Доде помѣстилъ статью о романическомъ эпизодѣ изъ похожденій двухъ аристократокъ-наслѣдницъ стариннаго дворянскаго дома въ Савойѣ и двухъ террористовъ. Еще въ 1864 г. кардиналъ Виллье, архіепископъ Шамбери, въ своихъ мемуарахъ о ре-

лигіозномъ преслѣдованіи шамберійской епархіи во время епископства одного изъ его предшественниковъ упоминалъ о романтическихъ приключеніяхъ — сестеръ Бельгардъ и двухъ террористовъ — Эрде Сешеля и Филибера Симона, но эти воспоминанія были очень кратки. Повидному, епископа стѣсняло обнаружить детали, и онъ ограничился только названіемъ именъ. Заинтригованный Доде взялся за это дѣло и, воспользовавшись многочисленными источниками, познакомилъ читателей подробно съ этимъ эпизодомъ, какіе во время террора были не рѣдкостью ¹⁾. Въ живописной долині Шамбери, въ Савойѣ, находились обширныя владѣнія съ историческимъ замкомъ Маршъ, служившимъ укрѣпленіемъ Савойи въ средніе вѣка и вмѣщавшимъ въ себѣ много сотенъ солдатъ. Эти владѣнія принадлежали съ 1530 г. старинному аристократическому роду Бельгардовъ, потомки которыхъ разбѣстались повсюду, въ Австрію, Голландію, Саксонію, Пьемонтъ и Савойю. До 1470 г. они были извѣстны только подъ именемъ де Нуаейль, съ этого момента Жанъ Нуаейль взялъ себѣ имя Бельгарда, которое перешло къ Франсуа, отцу двухъ героинь разсказа. Графъ Франсуа Бельгардъ, маркизь де-Маршъ и Кюрсанжъ родился въ Лондонѣ и долго служилъ генераломъ въ Голландіи. Онъ женился на дѣвицѣ Эрвилъ и послѣ смерти отца переселился въ свой замокъ. Отъ его брака родились три дочери — Аделаида-Викторія въ 1772 г., Цезарина-Люси въ 1774 г. и Франсуаза-Аврора-Элеонора въ 1776 г. Его жена умерла двадцати трехъ лѣтъ, и онъ остался съ тремя дочерьми, воспитанію которыхъ вполне посвятилъ себя. Савойское общество было образцемъ ума, прямоты, добросовѣстности и добродѣтелей, и удивительно, что, видя такой примѣръ, молодыя графини впоследствии выказали столько разнузданности, которую прикрывали привязанностью къ Франціи. Росли онѣ, не покидая родной Савойи — зимою проживая въ старомъ домѣ въ Шамбери, а лѣтомъ въ замкѣ Маршъ. Эготъ періодъ ихъ жизни мало освѣщенъ, но, вѣроятно, имъ доставляли удовольствія, въ виду будущаго блестящаго положенія богатыхъ наслѣдницъ. Въ 1787 г. Адель представляла образецъ красоты и граціи, и хотя ей исполнилось только пятнадцать лѣтъ, но она уже производила впечатлѣніе своей красотой. Тоненькая, прекрасно сложенная, смуглая съ длинными темными волосами, съ черными жгучими и мечтательными глазами, пылкой и страстной душой, она уже въ эти годы обѣщала быть воспитательнымъ созданіемъ. Когда, десять лѣтъ спустя, одна изъ подругъ привела Адель въ ателье художника Давида, въ то время, когда онъ оканчивалъ свою знаменитую картину «Похищеніе сабинянокъ», она произвела такое сильное впечатлѣніе на художника, что онъ упросилъ ее позировать. Ея черты послужили для головы Эрсилы, стоящей на колѣняхъ предъ похитителями. Несмотря на юный возрастъ Адель, отецъ задумалъ выдать ее замужъ, и хотя въ женихахъ не было недостатка, но онъ выбралъ сына своего брата, на двадцать лѣтъ старше ея, начальника баталіона въ Шамбери, графа Бельгарда. 3 ноября 1787 г. былъ сдѣланъ свадебный контрактъ, и Адель получила въ приданое замокъ и земли, а также часть дома въ Шамбери. Первое время ихъ бракъ казался счастливымъ, если считать доказательствомъ счастья рожденіе двоихъ

¹⁾ Les dames de Bellegardes, par A. Daudet, «Revue des deux mondes» 1908.

дѣтей. Адель продолжала жить вмѣстѣ съ отцемъ и сестрами. Но въ 1790 г. у нея случился первое горе: умеръ отецъ, а, два года спустя, ея младшая восемнадцати-лѣтняя сестра Цезарина Люси. Очевидно, съ этого времени случилось нравственное перерожденіе обѣихъ сестеръ. Наступили смуты и волненія предстоящей революціи, которыя совершенно отвлекли ея мужа отъ семейной жизни, и онъ обязанъ былъ часто и надолго покидать свой домъ. Если принять во вниманіе разницу лѣтъ, а также бракъ не по любви, что Адель считала мужа скорѣе своимъ господиномъ, чѣмъ любовникомъ и другомъ, ясно, что въ ея сердцѣ была пустота, и только дружба съ сестрою заполняла эту пустоту. Въ такомъ положеніи находилась Адель, когда наступила революція, и Савойя присоединилась къ Франціи. Монархическое воспитаніе молодыхъ сестеръ и кастовые предрасудки не мѣшали имъ однако сочувственно относиться къ новому ученію и, несмотря на угрожающую опасность Савойѣ, онѣ симпатизировали французскимъ республиканцамъ. Побѣды революціи, несмотря на различныя жестокия сцены, приводили ихъ въ восторгъ: онѣ радовались при мысли, что Савойя будетъ французская. Хотя онѣ не рѣшались еще кричать вслухъ «да здравствуетъ Франція», но это не мѣшало имъ обмѣниваться между собою радостными предположеніями. Событія шли быстро, и знатныя савойцы снѣжили покидать насиженные мѣста, эмигрируя въ Швейцарію и Пьемонтъ. Мужъ Адели въ сентябрѣ явился въ замокъ на нѣсколько часовъ, чтобы поторопить сестеръ уѣхать въ Пьемонтъ. Наконецъ французы заняли Савойю и провозгласили тамъ республику. По этому случаю Шамбери иллюминировали, въ ратушѣ былъ данъ банкетъ, и народъ плясками и пѣніемъ выражалъ свою радость, что присоединится къ Франціи. Съ этого момента въ странѣ воцарились революціонныя нравы и водворился клубъ якобинцевъ на подобіе парижскаго, было посажено древо свободы, а портреты короля Сардиніи, принцевъ и принцессъ торжественно преданы огню подъ радостныя рукоплесканія народа. Граждане, одѣтые въ карманьолки и красныя колпаки, распѣвали «Ça ira». Извѣстіе о присоединеніи Савойи достигло Парижа въ сентябрѣ, и было рѣшено, что три комиссара, назначенные делегатами въ альпійскую армію, отправятся въ Шамбери, чтобы тамъ созвать народный совѣтъ. Въ то время какъ окончили вотировать декретъ объ ихъ назначеніи, на трибуну поднялся депутатъ нижняго Рейна, еще никому неизвѣстный, по имени Филиберъ Симонъ, который наканунѣ впервые говорилъ съ трибуны, но въ этотъ день Симонъ только просилъ отпуска. «Я савойецъ, — говорилъ онъ, — и былъ высланъ пьемонтскимъ правительствомъ, я прошу, чтобы конвентъ далъ мнѣ отпускъ для поѣздки въ Савойю, гдѣ моя восьмидесяти-лѣтняя мать и двадцатилѣтняя сестра увидятъ меня съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что знаютъ мою любовь къ свободѣ». Отпускъ былъ данъ, и Симона присоединили къ тремъ комиссарамъ, давъ ему ту же власть, какъ и первымъ. Хотя Симонъ игралъ немалую роль въ Савойѣ во время революціи, но о немъ авторъ упоминаетъ только потому, что его судьба была тѣсно связана съ судьбою сестеръ Белльгардъ, и онъ имѣлъ большое на нихъ влияніе, такъ же, какъ и другой революціонеръ, Эро Сешель. Симонъ родился въ Савойѣ въ Рюльи въ 1755 г. и предназначался родителями къ духовной карьерѣ. Назначенный священникомъ

въ Аннеси, онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ раструженъ за дурное поведеніе. Одинъ изъ его дядей, патеръ Грюффи, сжалился надъ нимъ, повѣрилъ въ его раскаяніе, далъ ему средства поѣхать въ парижскую семинарію Сентъ-Сюльписъ, чтобы пройти тамъ курсъ Сорбонны. Но, получивъ деньги, онъ не отправился въ Сентъ-Сюльписъ, а поселился въ гостиницѣ, гдѣ сошелся съ революціонерами. Съ этого момента онъ измѣнилъ свои взгляды настолько, что когда впоследствии добровольно или силой покинулъ университетъ, то не получилъ никакой ученой степени. Тогда онъ возвратился въ Савойю. Пробывъ недолго тамъ у дяди, все еще питавшаго надежду на его исправленіе, онъ въ одинъ прекрасный день, захвативъ у него крупную сумму денегъ, отправился въ Эльзасъ. Въ Страсбургѣ онъ досталъ мѣсто преподавателя, гдѣ съ 1789 г. по 1791 г. его ученикомъ былъ, между прочимъ, юный князь Меттернихъ. Послѣдній рассказывалъ, что ихъ комнаты находились рядомъ, и онъ слышалъ все, что происходило въ комнатѣ Симона, которая служила мѣстомъ свиданія якобинцамъ. Отправленный въ Парижъ депутатомъ въ конвентъ, онъ проложилъ тамъ себѣ дорогу и явился делегатомъ въ Савойю. Между тѣмъ сестры Белльгардъ, покинувшія противъ желанія замокъ, опять должны были вернуться въ Савойю, такъ какъ мужъ Адели узналъ о декретѣ, произнесенномъ въ конвентѣ противъ эмигрантовъ, благодаря которому всѣ имѣнія должны подвергнуться конфискаціи, если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ владѣльцы не возвратятся къ себѣ. Въ концѣ ноября супруги разстались, не зная, когда снова увидятся. Графъ былъ опечаленъ, Адель же была рада. Сестра сопровождала ее, а дѣти остались съ мужемъ. 1-го декабря онъ уже были въ Шамбери и объявили муниципалитету, что будутъ съ этихъ поръ хорошими французенками и подчинятся законамъ республики. На вопросъ, гдѣ ея мужъ, Адель отвѣчала, что не знаетъ, гдѣ онъ, а также не вѣдаетъ его намѣреній и не можетъ отвѣчать за его отсутствіе. Съ листа эмигрантовъ вычеркнули ихъ имена, оставивъ лишь имя Белльгарда; съ этого момента она была свободна, хотя будущее представлялось неопредѣленнымъ — останется ли Савойя французской, или опять станетъ пьемонтской, и ея мужъ снова возвратится. Освободивъ себя отъ всякаго почительства и надзора и выброшенная въ море тревоженій, охватившихъ Савойю, двадцатилѣтняя обворожительная, страстная молодая женщина окунулась въ нихъ съ головою. Легкая, какъ птичка, съ такимъ же мозгомъ, поддающаяся вліянію всякаго, она готовилась сдѣлаться добычей каждаго. Опьянѣвъ, она увлекала за собою и свою шестнадцатилѣтнюю сестру. Въ это время въ Шамбери явились изъ Парижа комиссары, посланные для устройства департамента Монъ-Вланъ. Посмотрѣвъ ихъ встрѣчу отправились и обѣ сестры. Въ числѣ четырехъ комиссаровъ находились Филиберъ, Симонъ и Эро Сешель, обращавшій на себя вниманіе, благодаря изящнымъ манерамъ и красотѣ. Послѣдній тотчасъ же замѣтилъ сестеръ Белльгардъ, рѣшивъ по ихъ аристократическимъ манерамъ, что онѣ были изъ его общества. Самъ Сешель былъ сыномъ аристократа и полковника, который женился на дѣвицѣ Магонъ де-Лаландъ, дочери главнаго государственнаго казначея въ Бретани. Молодые жили вмѣстѣ только нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ вскорѣ полковнику пришлось отправиться въ Германію съ арміей, которой командо-

валь маршалъ Контадь, другъ его семьи. Г-жа Сешель удалилась въ Пикардю къ свекрови, изрѣдка видясь съ мужемъ. Такимъ образомъ прошло много мѣсяцевъ, и г-жа Сешель заявила, что она беременна, какъ вдругъ пришло извѣстие о пораженіи арміи, которой командоваль маршалъ. Въ этомъ пораженіи мужъ г-жи Сешель получилъ раны и умеръ, а молодая вдова родила мальчика въ Парижѣ въ 1760 году. Отношенія вдовы къ маршалу послѣ смерти мужа вызвали толки. Г-жа Сешель была такъ дружна съ нимъ, что злые языки говорили объ ихъ близкихъ отношеніяхъ. Они постоянно находились вмѣстѣ, и маршалъ окружилъ его мальчика горячей любовью. Такъ какъ военная карьера не принесла счастья отцу, то Эро съ дѣтства былъ предназначенъ для адвокатуры. Уже въ двадцать лѣтъ, будучи королевскимъ адвокатомъ, въ Шатлэ онъ пробоваль писать и говорить, обладая красивымъ стилемъ и краснорѣчіемъ. Актриса Клеронъ учила его жестамъ и дикціи. Стилю же онъ выучился съ помощью греческихъ, латинскихъ и французскихъ классиковъ, въ особенности Жанъ-Жака Руссо и Бюффона, которыми онъ восторгался, и знакомства съ послѣднимъ жадно искалъ. Руссо онъ восхищался въ другомъ родѣ: такъ онъ отправился въ Голландію съ цѣлью купить рукопись его «Новой Элоизы, чтобы имѣть ее въ своей библіотекѣ. Онъ не забываль веселиться, и съ тѣмъ же пыломъ предавался развлеченіямъ, съ какимъ работаль. Утромъ онъ со степенной важностью говорилъ въ парламентѣ, вечеромъ послѣ прогулки въ Булонскомъ лѣсу отправлялся въ салонъ своей двоюродной сестры, герцогини Полиньякъ, а отъ нея ускользаль къ дамѣ полусвѣта. Но хотя его кутежъ продолжался до зари, рано утромъ онъ уже былъ на ногахъ, рылся въ книгахъ, записываль наскоро свои мысли въ родѣ: «Вѣрь себѣ, знай себя и уважай себя». Своимъ воспитаніемъ онъ обязанъ былъ маршалу, расхваливавшему при каждомъ случаѣ его качества, и герцогинѣ Полиньякъ. Она представила его Маріи-Антуанетѣ, которая заинтересовалась красивымъ адвокатомъ, завоевывавшимъ себѣ повсюду первое мѣсто. Жизнь ему улыбалась; всѣ двери растворялись передъ нимъ; женщины влюблялись, и онъ это прекрасно зналь и злоупотребляль—ничто не обѣщало въ немъ будущаго революціонера. Наступило 14 іюля 1789 года, и въ немъ обнаружился пламенный террористъ. Въ началѣ революціи онъ участвоваль, но незамѣтно, оставаясь съ виду преданнымъ слугою королевскаго режима, но съ 14 іюля онъ присоединился открыто къ революціонерамъ и участвоваль во взятіи Бастиліи. Съ цѣлью получить званіе члена законодательнаго собранія, онъ хвастался, что принималь участіе во взятіи Бастиліи, а не былъ простымъ зрителемъ, и даже убилъ двоихъ. Послѣ этого событія онъ дѣйствительно заняль мѣсто въ парламентѣ, и ни одинъ голосъ не раздаля противъ него, настолько палъ королевскій авторитетъ въ тѣ кровавые дни. Съ этого времени онъ порваль со всѣми семейными традиціями; понавъ на новый путь, онъ былъ увлеченъ толпою, какъ волной, противъ которой устоять былъ не въ силахъ, и его захлестнуло вмѣстѣ со многими другими. Теперь онъ сталъ искать случая, чтобы сдѣлаться популярнымъ. Мать и бабушка стонали отъ ужаса и вскорѣ эмигрировали, а съ ними и восьмидесятилѣтній маршалъ. Къ женщинамъ Эро де-Сешель относился согласно его выраженію: «Я хочу торопиться жить; когда меня вырвутъ у жизни, то

подумаютъ, что убили тридцати-двухъ-лѣтняго человѣка, а мнѣ будетъ во-семьдесятъ лѣтъ, такъ какъ я хочу жить въ одинъ день десять лѣтъ». Его связь съ г-жею Сень-Амарантъ, вдовою почтеннаго офицера, которая дошла до того, что сдѣлалась арендаторшей игорнаго дома въ Палэ-Роялѣ, произвела порядочный шумъ. Тамъ онъ встрѣчалъ такого же рода женщинъ и завязывалъ другія связи. Между прочимъ онъ сошелся съ Барбъ-Сюзанъ-Жиру, извѣстной подъ именемъ Моранси, для которой онъ хлопоталъ о разводѣ съ мужемъ и плѣнился ею. Говорятъ, будто бы онъ пользовался ея вліяніемъ на богатыхъ людей. Во время этой связи онъ отправился въ Савойю, гдѣ увидаль впервые сестеръ Бельгардъ. Сближаясь съ народной массой, Сешель не потерялъ своего аристократическаго блеска и жажды наслажденій. Графиня Бельгардъ тѣмъ болѣе произвела на него впечатлѣніе, что находилась въ пикантной обстановкѣ, она только что превратилась во французскую гражданку и шылкую патріотку, сохранившую однако свои аристократическія манеры и вкусъ, притомъ красивую. Сешель почувствовалъ, что между ними есть много общаго. Ихъ сближеніе быстро шло впередъ. Въѣстѣ съ Сешелемъ въ домъ графини явился и Филиберъ Симонъ. Графиня охотно завязала это знакомство, обезпечивъ себѣ безопасность относительно насилія террористовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она порвала связь съ прошедшимъ. Изъ опасенія ли доносовъ террористовъ или изъ желанія жить въ сутолокѣ террора безъ надзора, руководителя и дисциплины, но сестры рѣшили не покидать Савойи. Онѣ показывались вездѣ съ Эро и Филиберомъ, присутствовали на торжественныхъ процессіяхъ, одѣвались согласно республиканской модѣ, и двери ихъ дома были открыты для всѣхъ представителей народа, генераловъ и т. д. Обѣды смѣнялись балами, на которыхъ присутствовали ихъ новыя пріятельницы, жены и сестры *sans culot'*овъ. Онѣ показывались на улицѣ съ изящной, но дикой патріоткой, которую жители Шамбери называли между собою «*princesse Pistolet*». Вскорѣ распространились слухи, что оба комиссара добились всего отъ сестеръ Бельгардъ, и Аврору даже называли открыто Симонетой. Говорили, что въ ихъ домѣ происходили распутныя интриги, любовное соперничество и т. д. Послѣ приѣзда генерала Келлермана въ Шамбери онъ прислалъ письмо, въ которомъ писалъ, что ночевалъ въ замкѣ Бельгардъ, и хвастался, что получилъ «полное гостепримство». Адель едва не молилась на Эро и питала къ нему культъ, безвозвратно компрометируя себя ради него. Когда чрезъ пять мѣсяцевъ срокъ командировки комиссаровъ окончился, и они должны были возвратиться въ Парижъ, то Адель рѣшила уѣхать вмѣстѣ съ Эро. Тѣмъ временемъ графъ Бельгардъ, оставивъ дѣтей въ домѣ друзей, присоединился къ сардинской арміи въ виду наступательнаго возвращенія въ Савойю, такъ какъ пьемонтское правительство надѣялось на помощь Австріи. Онъ ничего не зналъ о поведеніи жены, потому что въ полученныхъ имъ нѣсколькихъ ея письмахъ ничего не было, кромѣ лжи, а изъ постороннихъ никто не рѣшался сказать правды. Внезапно и эта переписка совсѣмъ прекратилась. Въ апрѣлѣ и маѣ онъ тщетно собиралъ о нихъ свѣдѣнія и наконецъ попросилъ одного изъ офицеровъ, маркиза Анри Коста, узнать чрезъ мать о судьбѣ Адели и Авроры. Однако полученныя офицеромъ извѣстія были таковы, что сказать графу онъ

не рѣшался, но коротко увѣдомилъ, что его жена и сестра уѣхали въ Парижъ, умолчавъ о сопровождавшихъ ихъ де-Сешель и Симонъ. Графъ былъ радъ, что онѣ живы, но не сожалѣлъ объ ихъ поѣздкѣ въ Парижъ. Между тѣмъ обѣ сестры ѣхали въ столицу цѣлую недѣлю, окруженные заботами влюбленнаго Эро. Гдѣ онѣ остановились въ Парижѣ, свѣдѣній нѣтъ, очень возможно, говоритъ авторъ, что въ домъ бабушки Эро, который занималъ тамъ два этажа. Одна ихъ современница говорила, что онѣ были счастливы, сдѣлавшись фанцузженками, и совѣтъ не раздѣляли печали французскихъ аристократовъ, а двери ихъ дома были открыты для всѣхъ представителей ненавистной аристократамъ революціи. По словамъ автора, онѣ присутствовали, безъ сомнѣнія, когда Эро выбирали членомъ комитета общественной безопасности, а также видѣли его выборы въ президенты конвента, когда судьба Эро была рѣшена его врагомъ Робеспьеромъ, мысленно произнесшимъ смертный приговоръ Сешелю. Молодые женщины познакомились со всѣми вождями революціи, и Дантонъ чаще всѣхъ видѣлся съ ними то въ Парижѣ, то въ замкѣ Эпонъ, принадлежавшемъ матери Сешеля. Наконецъ Адель начала хлопотать о разводѣ съ мужемъ и 7-го октября 1793 года добилась рѣшенія. Въ это время Эро и Филиберъ опять уѣхали изъ Парижа въ командировку отъ конвента. Покидая Парижъ, Сешель зналъ, что тамъ остались его смертельные враги, и дѣйствительно, одинъ изъ членовъ собранія, опираясь на законъ, которымъ исключались изъ членовъ комитета общественной безопасности патеры и аристократы воскликнулъ: «Довошу вамъ, что бывший аристократъ Эро Сешель, членъ комитета общественной безопасности, а теперь комиссаръ Рейнской арміи, находится въ сношеніяхъ съ Перейрой, Дюбюиссономъ и Пралли». Собраніе вздрогнуло отъ обвиненія самаго популярнаго члена. Только двое сказали слово въ защиту Сешеля—его коллега Бентаболъ и Кутонъ, другъ Робеспьера. Онъ заявилъ, что надо выслушать свачала Сешеля, а потомъ его приговаривать. Его вмѣшательство было неожиданно и необычайно, но оно скрывало желаніе нанести какъ можно болѣе мѣткій ударъ. Кромѣ того, возвратясь въ Парижъ, Сешель узналъ объ арестѣ стараго маршала Контада. Этотъ арестъ маршала Франціи въ домѣ матери члена конвента далъ понять Сешелю, какой опасности подвергались не только онъ самъ, но всѣ близкія ему лица,—обѣ сестры Бельгардъ и его мать съ бабушкой, тѣмъ болѣе, что у послѣднихъ ежедневно служили въ замкѣ обѣдни. 29-го онъ выступилъ на трибунѣ конвента съ цѣлью самозащиты. Его рѣчь взволновала собраніе, такъ какъ въ ней слышалась искренность, и его отставка была отвергнута. Послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1793 года терроръ достигъ своего апогея. Поведеніе сестеръ Бельгардъ было удивительно въ то время, когда аристократы старались скрыться изъ Паряжа и даже при этихъ условіяхъ рисковали жизнью. Адель такъ страстно привязалась къ Сешелю, что ни за что не хотѣла разстаться съ нимъ, рассчитывая, можетъ быть, что онъ защититъ ихъ отъ террора. Аврора же, по предположенію автора, дѣлала это не изъ любви къ Филиберу, а изъ привязанности къ сестрѣ. Однако не одна любовь удерживала Адель: она не жила тихо и спокойно, а жаждала окунуться въ водоворотъ террора. Тѣмъ временемъ Робеспьеръ не дремалъ, и его шпіоны донесли, что у Сешеля укрывается ка-

кой-то молодой незнакомецъ. Дѣло въ томъ, что, по дорогѣ изъ Парижа, Сешель встрѣтилъ Катю, военнаго комиссара арміи, отправляющагося въ Гальмаръ. Такъ какъ Катю зналъ хорошо Эльзасъ и нѣмецкій языкъ, то Сешель рѣшилъ сдѣлать его своимъ секретаремъ. Въ Парижѣ Катю, хотя нанялъ квартиру, но жилъ у Сешеля. Этимъ воспользовались враги послѣдняго. Арестовавъ Катю утромъ, когда не было дома Сешеля, они опечатали домъ послѣдняго, а когда онъ вернулся вечеромъ домой, то былъ тоже арестованъ, точно также и Филиберъ. Участь Сешеля была давно рѣшена Робеспьеромъ, и 4-го апрѣля его казнили. Онъ спокойно, хладнокровно отправился на смерть и даже ободрялъ Камля Демулэна, съ которымъ они вмѣстѣ были приговорены: «Мой другъ, покажемъ, — говорилъ онъ: — что мы умѣемъ умирать». Когда онъ проѣзжалъ на казнь мимо одного дома, то посмотрѣлъ на полуоткрытый ставень, откуда его привѣтствовала женская рука. Вотъ все, что извѣстно: видѣлся ли онъ съ Адель, была ли это ея рука, — ничего неизвѣстно. Черезъ недѣлю былъ казненъ и Филиберъ Симонъ. Изъ мемуаровъ графини Флери, находившейся въ то время въ тюрьмѣ, извѣстно только, что сестры были тоже арестованы, но съ ними обходились мягко. По словамъ г-жи Куаньи, подруги обѣихъ сестеръ, онѣ скоро утѣшились. Въ ихъ домѣ стали появляться даже члены прежняго аристократическаго общества, хотя главный элементъ представляли артисты и писатели. По словамъ кардинала Биле, у Адель былъ сынъ отъ Сешеля, и она уѣзжала въ Гренобль на время родовъ. Не зная, какъ назвать ребенка, она дала ему имя Шенуазъ; это было названіе улицы, гдѣ она скрывалась, когда онъ родился. Ея сестра усыновила его, и онъ тщательно его воспитали, а впоследствии онъ сдѣлался лейтенантомъ гвардейскаго полка Людовика XVIII. Эти свѣдѣнія Додэ отвергаетъ и ссылается на свидѣтельство г-жи Куаньи, которая въ это время жила съ ними вмѣстѣ и была въ связи съ министромъ юстиціи Малья Гара. У него былъ младшій братъ, извѣстный пѣвецъ Гара, который влюбился въ Адель. Но объ этихъ отношеніяхъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что у нихъ было двое дѣтей — сынъ Луи Франсуа, родившійся въ Эпинѣ 16-го октября 1801 года, о рожденіи котораго не было заявлено, и дочь Полина, родившаяся въ слѣдующемъ году и записанная на имя отца, почему въ документахъ сестеръ о ней ничего не извѣстно. Она воспитывалась у отца, а впоследствии вышла замужъ и умерла въ 1827 году. Вся забота сестеръ была направлена на воспитаніе сына. Когда онъ родился, Адель рѣшила, что никогда не вернется въ Савойю, и купила у двоюроднаго брата, графа Эрвиль, его замокъ Шенуазъ. Такъ долго дремавшая материнская любовь наконецъ проснулась въ сердцѣ Адель, тогда какъ Аврора, выйдя изъ-подъ вліянія Филибера, давно уже чувствовала материнское призваніе. Прежнія дѣти отъ графа Бельгарда были для Адель чужія. Вдругъ въ маѣ 1803 года она получила извѣстіе отъ мужа, достигшаго блестящаго положенія въ Австріи. Въ это время она была поглощена любовью къ Гара и дѣтямъ, родившимся отъ него, и ею овладѣлъ страхъ, что Бельгардъ потребуетъ ее къ себѣ, тѣмъ болѣе, что она узнала, будто онъ хочетъ уничтожить разводную и заставить ее слѣдовать за нимъ не изъ любви къ ней, но ради возвращенія ея приданого дѣтямъ. Однако хлопоты Бельгарда не увѣнчались успѣхомъ, и онъ согласился на мирную сдѣлку. Съ этою цѣлью они встрѣтились у

нотаріуса послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки. Условія были слѣдующія: Адель будетъ пользоваться замкомъ до своей смерти, а затѣмъ онъ перейдетъ къ законнымъ дѣтямъ. Послѣ этого графъ возвратился въ Австрію, гдѣ готовились къ третьей коалиціи противъ Франціи. Такъ они больше и не видались. По другимъ источникамъ, въ это время любовь Адели къ Гара уже потухла. Ей было тридцать восемь лѣтъ, но, вѣроятно, уставъ отъ жизни, полной волненій, она только и мечтала о материнской любви. 7-го января 1830 года она умерла въ квартирѣ сына. Ея смерть была обставлена прежними традиціями, и она исповѣдалась и причащалась предъ смертью. Въ то же время пришло извѣстіе о смерти ея мужа. Аврора въ 1826 году была назначена настоятельницей общины св. Анны въ Мюнхенѣ, а 7-го марта 1840 года она умерла.

— Родственники Наполеона. Французскій писатель Жильбертъ Станжэ предпринялъ новый историческій трудъ ¹⁾: «Французское общество во время консульства». Первый томъ уже вышелъ и заключаетъ въ себѣ любопытный и живой рассказъ объ этой эпохѣ возрожденія Франціи послѣ ея упадка при директоріи. Авторъ подробно, обстоятельно и правдиво излагаетъ всѣ фазы не только политической, но и общественной жизни того времени, обращая вниманіе особенно на многочисленные возродившіеся въ то время салоны. Прежде изданія книги Станжэ помѣстилъ многіе изъ ея отрывковъ въ различныхъ журналахъ, и мы своевременно познакомили съ ними читателей «Историческаго Вѣстника». Теперь же готовится къ выходу второй томъ, посвященный Наполеону и его семейству въ періодъ консульства, отрывки ²⁾ изъ него помѣщены въ восьми нумерахъ «Revue hebdomadaire». Что же касается остальныхъ томовъ, то они знакомятъ читателя съ дѣятельностью сподвижниковъ Наполеона, развитіемъ литературы при консульствѣ и т. д. Конечно, всего обстоятельнѣе Станжэ описываетъ въ вышедшихъ уже отрывкахъ ³⁾ самого Наполеона, какъ человѣка, въ самую блестящую эпоху его жизни. Ни одинъ портретъ Наполеона того времени не изображаетъ его съ точной вѣрностью, и Ламартинъ правъ, называя его физиономію или его взглядъ «вѣчнымъ неутомимымъ пламенемъ». Тѣмъ, которые его видѣли первый разъ, онъ казался строгимъ, холоднымъ и гордымъ. Его жесты напоминали южанина, а голосъ во время покоя былъ нѣжнымъ, мелодичнымъ, но въ минуты гнѣва рѣзкимъ, авторитетнымъ, не допускавшимъ возраженій. Не получивъ хорошаго воспитанія, онъ, по словамъ г-жи Ремюза, не умѣлъ ни войти въ гостиную ни выйти изъ нея, ни сѣсть, ни встать. Цѣлый день съ семи до одиннадцати часовъ онъ проводилъ въ постоянныхъ занятіяхъ. «Я не добръ,—говорилъ онъ:—но на меня можно положиться». Его временныя вешешки были ужасны, но проходили скоро. Относительно женщинъ онъ не довѣрялъ ихъ интригамъ и предпочиталъ такъ называемыхъ имъ «женщинъ дивана». Вообще онъ обходился съ ними довольно грубо и равнодушно. Такъ, напримѣръ, онъ однажды заставилъ актрису Дюшену долго дожидаться себя въ сосѣдней

¹⁾ La société française pendant le Consulat, par Gilbert Stenger. Paris. 1903.

²⁾ Bonaparte, ses frères et sœurs pendant le Consulat, par G. Stenger.

³⁾ La Revue hebdomadaire 1903. De juin jusqu'à Novembre.

комнатъ. Чрезъ нѣсколько времени актриса стала безпокойно двигаться. Наполеонъ, занятый бумагами, воскликнулъ: «Пусть она ждетъ». Когда же она вторично выразила нетерпѣніе, то онъ воскликнулъ: «Пусть раздѣнется и ляжетъ!» Наконецъ она стала шумѣть отъ нетерпѣнья, и Наполеонъ грубо велѣлъ ей сказать: «Пусть она одѣнется и убирается вонъ!» Однимъ изъ любимыхъ препровожденій времени Наполеона было гулять съ своими двумя адъютантами, вмѣшиваться въ толпу и спрашивать мнѣніе народа относительно себя. Въ эту эпоху своей жизни онъ имѣлъ слабость играть въ карты и часто плутовалъ въ игрѣ, но не изъ корысти, такъ какъ игралъ по маленькой, а изъ самолюбія. Уже въ то время у него были двѣ задачи въ жизни—слава и война. Онъ самъ лучше всѣхъ характеризовалъ себя, говоря живописцу Давиду: «Представьте меня неподвижнымъ на бѣшеномъ конѣ!» Что же касается до его родственниковъ, отличавшихся неблагодарностью къ нему, то онъ говорилъ на св. Еленѣ: «Иосифъ во всѣхъ странахъ былъ бы украшеніемъ общества, Люсьенъ—всякаго политическаго собранія; Иеронимъ съ годами привыкъ управлять людьми, а Людовикъ всюду обратилъ бы на себя вниманіе. Сестра Элиза отличалась мужскимъ умомъ и сильной душой; Каролина была очень способна, а Полина была отличнымъ существомъ и красивѣйшей женщиной своего времени. Что касается моей матери, то она достойна всякаго уваженія. Какое же многочисленное семейство могло бы представить лучшей ансамбль?» Переходя отъ Наполеона къ его братьямъ и сестрамъ въ эпоху консульства, Станжэ рисуетъ рельефную характеристику каждаго изъ нихъ и указываетъ на ихъ общую эгоистическую черту—ревность, заставлявшую ихъ враждебно относиться къ брату, составившему ихъ карьеру. Старшій Иосифъ ни въ чемъ не походилъ на Наполеона. Онъ былъ любезенъ, учтивъ, остроуменъ и обходился со всѣми чрезвычайно мягко и предупредительно. Рано жевившись на богатой жейщницѣ, одной изъ сестеръ Кларіи, онъ велъ себя примѣрно, какъ до консульства, такъ и во время его. Онъ занимался литературой и любилъ принимать избранное общество въ своемъ помѣстьѣ Mortefontaine. Его романъ «Моина» былъ хорошо написанъ и поражалъ протестомъ противъ милитаризма. Въ это время онъ любезно обращался съ Наполеономъ и часто обѣдалъ въ Мальмезонѣ. Онъ рѣдко вмѣшивался въ политику, но рассказываютъ интересный анекдотъ о томъ, какъ онъ вышелъ изъ себя, опровергая планъ Наполеона уступить Америкѣ Луизиану. Во время этого разговора Наполеонъ сидѣлъ въ ваннѣ и до того взбѣсился, что вскочилъ, а потомъ бросился опять въ воду, обрызгавъ брата съ головы до ногъ. Хотя Наполеонъ очень любилъ и даже уважалъ брата, но признавалъ его недостатки, такъ какъ Иосифъ былъ несомнѣнно очень ограниченъ, непзмѣримо честолюбивъ и лицемеренъ. Совсѣмъ другой человекъ былъ братъ Наполеона, Люсьенъ. Воспитанный въ духовной семинаріи, онъ приготовлялся въ патеры, но революція сдѣлала его пламеннымъ патриотомъ и республиканцемъ. При возстаніи Паоли на Корсикѣ онъ принялъ его сторону и только послѣ пораженія, нанесеннаго англичанами, бѣжалъ во Францію, гдѣ служилъ по провіантской части. Женившись на красивой Катеринѣ Боле, онъ сначала жилъ очень счастливо и былъ выбранъ во время директоріи въ совѣтъ пятисотъ. Въ немъ онъ приобрѣлъ большую по-

пулярность своими горячими рѣчами въ пользу свободы. Вскорѣ его избрали въ президенты, и онъ сыгралъ главную роль въ переворотѣ 18-го Брюмера, потому что былъ совершенно другого понятія о Наполеонѣ. Въ первые времена консульства онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и велъ въ Парижѣ блестящую жизнь покровителя искусствъ и литературы. Но по несчастію жена его въ это время умерла, и онъ сталъ мрачнымъ, неуживчивымъ. Кончилось тѣмъ, что Наполеонъ разсорился съ нимъ, и онъ отправился въ Мадридъ, гдѣ различными спекуляціями нажилъ себѣ огромное состояніе. По его возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ старался съ нимъ примириться, женивъ его на испанской инфантѣ, но Люсьенъ въ это время находился въ связи съ вдовой Жубертонъ и ради нея пожертвовалъ всей своей будущей карьерой. Его характеръ былъ такой же упорный, какъ у брата, и потому онъ отказался отъ всѣхъ предложеній Наполеона, женился на г-жѣ Жубертонъ и уѣхалъ со своей семьей изъ Парижа въ концѣ консульства. Третій братъ Наполеона, Людовикъ, въ молодости былъ очень мягкій, добрый и трудолюбивый. Въ итальянской и египетской кампаніяхъ онъ сопровождалъ Наполеона. Когда Наполеонъ сдѣлался консуломъ, то онъ продолжалъ военную службу до тѣхъ поръ, пока съ ужасомъ не вышелъ въ отставку, по случаю неотмѣненной братомъ смертной казни, приговоръ которой онъ долженъ былъ подписать. Сдѣлавшись молчаливымъ, угрюмымъ, онъ избѣгалъ свѣта и держался въ сторонѣ отъ брата и Жозефины. Наполеонъ изъ личныхъ расчетовъ женилъ его на Гортензіи Богарнэ, дочери своей жены. Этотъ бракъ былъ самый несчастный. Характеръ Людовика становился все мрачнѣе, деспотичнѣе и мистичнѣе. Сначала Гортензія вела образцовую жизнь, но оставляемая безпрестанно мужемъ, который видимо избѣгалъ ея, она повела веселую жизнь. Даже рожденіе сына, будущаго императора Наполеона III-го, не улучшило ихъ семейныхъ отношеній. Что касается до послѣдняго брата Наполеона, Иеронима, то онъ былъ во время консульства совершеннымъ юношей и велъ самую веселую, развратную жизнь. Чтобы образумить брата, Наполеонъ опредѣлилъ его въ морскую службу и отправилъ въ плаваніе. Но морскія путешествія нисколько не исправили неисправимаго кутилы. Во время своихъ странствій онъ женился на американской красавицѣ Елизаветѣ Патерсонъ. По возвращеніи въ Парижъ Наполеонъ приказалъ ему развестись съ женою, что онъ и сдѣлалъ, не отличаясь гражданскимъ мужествомъ Люсьена. Изъ трехъ сестеръ Наполеона старшая Элиза, не была красива, какъ ея сестры. Она вышла замужъ за корсиканца Бачьони и была всю жизнь несчастна, такъ какъ ея мужъ былъ ни на что не годный и не способный человѣкъ, котораго Наполеонъ съ отчаянія сдѣлалъ сенаторомъ. Жена всегда жила отъ него отдѣльно и имѣла безконечное число любовниковъ. Вторая сестра Наполеона, Полина, несмотря на свою распутную жизнь, была такъ хороша собой, что ей все прощалось. Она такъ легкомысленно вела себя, что Наполеонъ принужденъ былъ выдать ее за своего генерала Леклерка, за которымъ она послѣдовала на островъ Санъ-Доминго. Ея мужъ вскорѣ умеръ отъ дурного климата, и Полина вышла замужъ за итальянскаго принца Камилла Боргезе. Въ Парижѣ, гдѣ поселились молодые, Полина вела безумную жизнь, бросая направо и на-

лѣво несмѣтныя груды денегъ, которыя давалъ ей Наполеонъ. Младшая его сестра, Каролина, была хорошенькая, свѣжая, розовая, бѣлая красавица. Она рано вышла замужъ за знаменитаго Мюрата. Сначала они думали о пріобрѣтеніи богатства, но мало-по-малу Каролина пристрастилась къ свѣтской жизни и нисколько не выказывала того самолюбія, какое проявилось у нея впоследствии. Кратко очертивъ характеры всѣхъ родственниковъ Наполеона и его самого во время консульства, Жильберъ Станжэ въ нѣсколькихъ словахъ упоминаетъ о матери всей этой многочисленной семьи—Летиціи Рамолино. Ей было пятьдесятъ лѣтъ, когда Наполеонъ сдѣлался консуломъ, и главной ея чертой была крайняя скарелность, объясняемая ея первоначальной бѣдностью. Но лучшимъ ея качествомъ была семейная добродѣтель: она была прекрасной матерью. всегда заботившейся о своихъ дѣтяхъ. Болѣе всего она любила Полину и Люсьена, съ которыми жила въ Римѣ послѣ его ссоры съ Наполеономъ. Относительно самого Наполеона она всегда вела себя гордо и съ достоинствомъ, одинаково обращаясь съ нимъ на высотѣ его величія, какъ во дни его школьной жизни.

— Юбилей и памятники. Очень интересное торжество произошло въ Женевѣ 27-го октября прошлаго года. Въ этотъ день минуло 450 лѣтъ съ позорнаго для Швейцаріи и ея апостола Кальвина сожженія Михаила Сервета. Чтобы хотя нѣсколько очистить доброе имя великаго реформатора и его страны, женевскіе кальвинисты, съ согласія базельцевъ, бернцевъ, шафгаузенцевъ и цюрихцевъ, предки которыхъ участвовали въ обвиненіи Сервета, поставили памятникъ жертвѣ фанатизма ихъ предковъ. Этотъ памятникъ состоитъ изъ глыбы чернаго гранита съ подобающею надписью, и Швейцарія такимъ образомъ отдала «*amande honorable*» юридическому убійству замѣчательнаго мыслителя и доктора. При открытіи этого искушительнаго памятника одинъ изъ ораторовъ очень ловко замѣтилъ, что эта церемонія была тѣмъ же, чѣмъ явилась бы соответственная церемонія открытія предъ Лувромъ Пиемъ X искушительнаго памятника жертвамъ Варобломеевской ночи. Конечно, остальные ораторы краснорѣчиво напомнили жизнь несчастнаго Сервета. Собственно онъ былъ испанецъ Мигуэль Серведо и родился въ наваррскомъ городѣ Виллануэва въ 1509 году. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ покинулъ Испанію и началъ изучать въ Тулузѣ юридическія науки. Но скоро бросилъ этотъ предметъ и пламенно предался изученію запутанныхъ религіозныхъ вопросовъ реформаціонной эпохи. Въ 1530 году онъ отправился въ Базель и Страсбургъ, гдѣ слушалъ знаменитыхъ въ то время протестантскихъ богослововъ. Его смѣлыя антитринитарныя идеи испугали и привели ихъ въ такое негодованіе, что они назвали Сервета «нечестивымъ и проклятымъ испанцемъ». Онъ тогда обратился къ суду публички и издалъ свои извѣстныя двѣ книги «*De trinitatis erroribus*» и «*Dialogues*», въ которыхъ продолжалъ полемику противъ ученія о Троицѣ. Но публика также мало обратила вниманія на его ученіе какъ и богословы, которые сожгли въ многихъ городахъ эти книги. Чтобы избѣгнуть преслѣдованія, Серветъ бѣжалъ въ Парижъ, перемѣнилъ свое имя на Михаила Вилланова, сталъ изучать медицину у Фернелля и получилъ докторскій дипломъ. Въ естественныхъ наукахъ Серветъ отличался такъ же, какъ и въ религіи,

безпокойнымъ, но правдивымъ и часто гениальнымъ духомъ. Такъ онъ предупредилъ открытіе Гарвея относительно обращенія крови. Еще онъ издалъ замѣчательный переводъ сочиненія Птолемея и приобрѣлъ славу ученаго географа. Познакомившись съ Кальвиномъ, онъ нѣсколько разъ, частнымъ образомъ, поддерживалъ съ нимъ религіозные диспуты, но когда Кальвинъ предложилъ ему публичный диспутъ, то онъ на словахъ согласился, но фактически бѣжалъ, опасаясь, чтобы женевскій реформаторъ не уличилъ его въ ереси и не подвергнулъ ответственности. Послѣ этого Серветъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Лионѣ, Авиньонѣ и Виеннѣ, гдѣ издалъ свой знаменитый трудъ: «Возстановленіе христіанства». Эта книга была издана анонимно, но Серветъ послалъ Кальвину отрывки изъ нея, прежде чѣмъ она вышла, и тотъ обличилъ его авторство предъ архіепископомъ Виенскимъ. Тогда Серветъ снова бѣжалъ и, пробираясь тайно чрезъ Швейцарію въ Италію, былъ арестованъ въ Женевѣ по указанію Кальвина. Тотъ же Кальвинъ настоялъ на преданіи Сервета суду, который послѣ сложнаго разсмотрѣнія дѣла приговорилъ Сервета, какъ анабаптиста, къ сожженію на кострѣ. Его казнь была совершена четыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Спустя мѣсяць, 29-го ноября 1903 г. въ городѣ Тарбѣ воздвигли статую одному изъ героев первой французской революціи—Дантону. Памятникъ изображаетъ стоящую во весь ростъ фигуру пламеннаго патріота и двухъ мраморныхъ барельефовъ, представляющихъ Дантона, призывающаго волонтеровъ къ защитѣ родины. При открытіи статуи произнесъ торжественную рѣчь военный министръ Андрэ, который представилъ краспорѣчивую характеристику этого яраго героя, вѣрнаго олицетворенія республики. Какъ извѣстно, Дантонъ родился въ Арсисѣ, около полтора ста лѣтъ тому назадъ, въ 1759 году. Сынъ провинціального прокурора, онъ служилъ до революціи королевскимъ адвокатомъ. Съ самаго ея начала Дантонъ основалъ клубъ кордильеровъ, но добился значенія только въ 1791 году, послѣ бѣгства и возвращенія въ Парижъ короля; тогда онъ былъ сдѣланъ прокуроромъ парижской коммуны. Послѣ участія во взятіи Тюильри онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ качествѣ онъ выказалъ удивительную энергію и силу воли въ дѣлѣ защиты Франціи отъ коалиціи. Онъ произнесъ знаменитыя слова: «Для побѣды нужна отвага, еще отвага и всегда отвага»; и для осуществленія проповѣдуемой имъ защиты родины онъ призвалъ триста тысячъ волонтеровъ, основалъ революціонный трибуналъ противъ аристократовъ и учредилъ комитетъ общественной безопасности. Его популярность достигла апогея въ 1794 году, но по обвиненію его соперника Робеспьера онъ былъ преданъ суду и казненъ. Онъ умеръ самымъ мужественнымъ образомъ и, кладя голову на эшафотъ, сказалъ палачу: «Покажи народу мою голову; она этого стоитъ». Настоящая статуя Дантона—третья во Франціи; одна воздвигнута въ Парижѣ на бульварѣ Сень-Жерменъ, а вторая на его родинѣ въ Арсисѣ.

Только что истекшій годъ былъ специальнымъ торжествомъ для создателей новой музыки. Во Франціи чередовался цѣлый рядъ празднествъ въ честь Берліоза, а въ Берлинѣ поставлена статуя Вагнеру. Прежде всего Берліозу поставленъ бюстъ въ Монте-Карло, потомъ статуя въ Греноблѣ, и, наконецъ, его

столѣтній юбилей великолѣпно праздновался въ Парижѣ и многихъ городахъ не только Франціи, но и Европы. Это двойное торжество великихъ музыкантовъ служить достойнымъ возмездіемъ за ихъ долги невзгоды при жизни. Особенно судьба преслѣдовала злополучнаго Гектора Берліоза, родившагося 11-го декабря 1803 г. въ городкѣ Côte Saint André, близъ Гренобля. Всю жизнь онъ прожилъ не признаннымъ гениемъ и музыкальнымъ критикомъ. Только послѣ смерти Берліоза успѣхъ его оперъ, ораторій и симфоній, все увеличивался и теперь достигъ апогея. Во всемъ свѣтѣ Берліоза чтятъ, какъ одного изъ величайшихъ музыкантовъ. Какъ человекъ, авторъ «Троянцевъ» и «Гибели Фауста» былъ замѣчательной и оригинальной личностью по своему пламенному, страстному характеру. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ по уши влюбился въ Эстеллу Готье, шестью годами старше его. Въ концѣ своей полной тревоженій и любовныхъ приключеній жизни, онъ нашелъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ свою Эстеллу и снова влюбился въ нее съ прежней страстью. Эта удивительная любовь, обнаруженная въ недавно напечатанныхъ его письмахъ къ ней, чрезвычайно обезпокоила добрую старушку. Она старалась его успокоить и, между прочимъ посылая ему свой портретъ, остроумно написала: «Вѣрьте мнѣ, что посылаю вамъ мою фотографію какъ бы изъ сожалѣнія къ дѣтямъ, которыя ведутъ себя неблагоразумно. Я всегда считала, что лучшій способъ ихъ образумить—развлеченіе, напимѣръ, показывать имъ картинки. Поэтому я беру смѣлость послать вамъ картинку, которая напомнитъ реальность настоящей минуты и уничтожитъ иллюзію прошедшаго». Мало-по-малу ей удалось затупить пылъ старика, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сдѣлался ея другомъ, постоянно писавшимъ ей о музыкѣ и исполнявшимъ ея мелкія комиссіи. Въ отношеніи Вагнера, Берліозъ былъ, какъ и всегда, оригинальный. Несмотря на близость своего генія къ генію Вагнера, онъ обращался съ послѣднимъ самымъ страннымъ образомъ. То они были друзья, то осуждали произведенія другъ друга, называя ихъ безумными и нелѣпыми. Теперь одинаково будущность благородно мститъ за обоюдныя нападки обоихъ и какъ будто нарочно соединяетъ ихъ торжества.

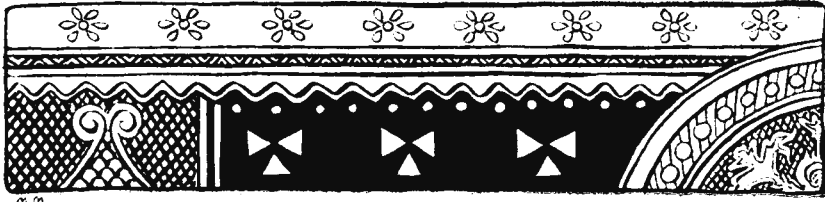
Рихардъ Вагнеръ, родившійся въ 1813 г., долго ждалъ своего апогеоза, и хотя въ концѣ своей жизни дождался общаго признанія своей славы, но только теперь удостоился статуи. Даже эта статуя имѣетъ свою смѣшную сторону, такъ какъ она воздвигнута на деньги крупнаго парфюмера, бывшаго пѣвца—Лейхнера. Самые пламенные вагнеристы, хотя и счастливые прославленіемъ своего кумира, не могли однако простить происхожденіе его памятника и всячески тормозили открытіе парфюмерскаго дара. Наконецъ, упорство негоціанта восторжествовало, и теперь гордая фигура Вагнера возвышается въ Берлинскомъ зоологическомъ саду. Все-таки послѣдній эпизодъ исторіи статуи великаго музыканта вполне осуществляетъ его послѣднія слова: «Моя судьба—всюду и всегда порождаетъ революцію». Дѣйствительно, творецъ музыкальной революціи былъ въ то же время однимъ изъ пламенныхъ участниковъ революціи 1848 г. Что же касается до музыкальнаго генія создателя «Тангейзера», «Лоэнгина», «Парсифаля» и т. д., то излишне о немъ распространяться: онъ признанъ одинаково всемъ свѣтомъ.

— Смерть Роллина и Герберта Спенсера. Въ концѣ октября мѣсяца умеръ въ Парижѣ малоизвѣстный поэтъ Морисъ Ролина, и въ газетахъ было сказано только, что онъ погибъ въ припадкѣ сумасшествія. Однако, въ послѣднее время большинство журналовъ и газетъ стало помѣщать сочувственныя статьи и хвалебныя гимны объ умершемъ поэтѣ; особенно симпатично относятся къ нему критикъ Жеффуа въ «*Revue universelle*», извѣстный публицистъ Октавъ Юзанъ въ «*Academy and Literature*», Андрэ Банье въ «*Journal des Debats*» и Гюставъ Канъ въ «*Nouvelle Revue*». Изъ всѣхъ ихъ статей оказывается, что Ролина заслуживаетъ полнаго вниманія по своему литературному таланту. Онъ родился въ Шатору, въ департаментѣ Эндръ, и былъ сыномъ политическаго дѣятеля 1848 года. Замѣчательно, что молодой человекъ былъ крестникомъ Жоржъ Зандъ. Получивъ воспитаніе въ одномъ изъ провинціальныхъ лицеевъ, онъ двадцати двухъ лѣтъ пріѣхалъ въ Парижъ и поступилъ на службу въ ратушу. Однако онъ занимался болѣе, чѣмъ службой, поэзіей и перекладываніемъ ея на музыку. Всего болѣе успѣха имѣла его книга «*Les nevroses*», въ которой онъ заявилъ себя декадентомъ и послѣдователемъ Эдгара По и Бодлера. Его мрачная, унылая, роковая поэзія особенно производила впечатлѣніе, когда онъ самъ декламировалъ ее подъ звуки своей музыки, одинаково возбуждавшей ужасъ и демоническій страхъ. Викторъ Гюго и Альфонсъ Додэ восхищались его стихотвореніями, а Сара Бернаръ, слушая его импровизаціи, приходила въ такой восторгъ, что падала предъ нимъ на колѣни. Однако вскорѣ ему надоѣла парижская жизнь, и онъ удалился въ деревню, гдѣ прожилъ двадцать лѣтъ, предавшись всецѣло своей болѣзненной поэзіи, которая довела его на пятьдесятъ четвертомъ году до преждевременной драматической смерти.

25-го ноября, стараго стиля, умеръ Гербертъ Спенсеръ. Съ нимъ прекратился рядъ великихъ ученыхъ мыслителей и философовъ XIX вѣка. Теперь не осталось ни одного изъ тѣхъ уметвенныхъ гигантовъ, у которыхъ учились цѣлыя поколѣнія людей знанія и просвѣщенія. Гербертъ Спенсеръ родился въ 1820 г.; сынъ школьнаго учителя, онъ, подобно Джону Стюарту Миллю, воспитывался дома и никогда не бывалъ ни въ школѣ, ни въ университетѣ. Сначала онъ избралъ карьеру практическаго инженера, но черезъ восемь лѣтъ бросилъ ее и сдѣлался писателемъ и журналистомъ. Двадцати двухъ лѣтъ онъ написалъ брошюру «*Настоящая сфера правительства*», а затѣмъ съ 1848 по 1853 годъ занималъ должность помощника редактора журнала «*Economist*». Еще прежде чѣмъ покинуть это политико-экономическое поприще, онъ издалъ свое первое философское сочиненіе: «*Соціальная статика*». Съ этихъ поръ началась выработка его научнаго міросозерцанія. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ вполне выработалъ свою теорію, основой которой служитъ эволюціонизмъ. вмѣстѣ съ нею онъ развилъ и довелъ до апогея систему индивидуализма. Эти идеи онъ развилъ въ трехъ многотомныхъ сочиненіяхъ: «*Синтетическая философія*», «*Начала соціологіи*» и «*Этика*». Кромѣ этихъ главныхъ своихъ трудовъ, онъ написалъ много разнообразныхъ сочиненій, въ томъ числѣ свою послѣднюю книгу «*Акты и комментарии*». Всюду онъ проводилъ одну и тѣ же идеи объ ученой эволюціи и о правахъ индивидуализма, съ одной стороны, про-

тивъ государства, а, съ другой, социализма. Онъ былъ столь же яркимъ врагомъ одного, какъ и другого. «Дурное время настало для всего свѣта, — говоритъ онъ: — социализмъ будетъ величайшимъ бѣдствіемъ, какое когда либо знавала мѣръ. Точно также онъ возставалъ противъ преобладанія государства надъ индивидуальной свободой. Какое право, по его словамъ, имѣло министерство или большинство сказать мнѣ, что я долженъ покупать себѣ хлѣбъ, гдѣ онъ хуже и дороже. Это нарушеніе самыхъ первоначальныхъ условій человѣческой свободы». На основаніи той же индивидуалистической теоріи онъ всегда отказывался отъ всѣхъ официальныхъ и академическихъ почетныхъ званій. Говорятъ, что онъ послѣдній разъ отклонилъ отъ себя почетное званіе, которое въ прошедшемъ году хотѣлъ основать Лондонскій университетъ и пожаловать только тремъ ученымъ: Спенсеру, Кэльвину и Листеру. Конечно, здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе тѣхъ великихъ заслугъ, которыя Спенсеръ оказалъ философіи, психологіи, этикѣ, социологіи, исторіи и біологіи. Но замѣтимъ, что вліяніе его научныхъ трудовъ было не менѣе замѣтно въ Россіи, чѣмъ въ Англіи, за послѣднюю четверть столѣтія. Прекрасно заключаетъ свою статью критикъ «Athenaeum»'а, говоря: «Государственные люди могутъ являться и покидать общественную арену, написавъ свои имена въ маленькомъ уголкѣ національной исторіи; но человекъ, умершій на-дняхъ въ Брайтонѣ на восемьдесятъ третьемъ году жизни, принадлежитъ всему свѣту, и его заслуги не измѣряются только границами одной страны. Его дѣло теперь окончено, и онъ вступилъ въ число безсмертныхъ».

С М Ъ С Ъ.

ЧЕСТВОВАНИЕ памяти кн. В. Θ. Одоевскаго. Въ большомъ конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ 16-го ноября состоялось публичное соединенное собраніе отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, посвященное памяти кн. В. Θ. Одоевскаго по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Большой залъ былъ почти переполненъ публикой, среди которой находились: непрежнній секретарь академіи академикъ Н. Θ. Дубровинъ, академики: Ф. В. Овсянниковъ, А. П. Каринскій, генералъ-майоръ М. А. Рыкачевъ, профессоръ Н. А. Меншуткинъ, П. И. Вейнбергъ, М. М. Стасюлевичъ и много другихъ извѣстныхъ лицъ. Ровно въ 2 часа дня прибылъ августѣйшій президентъ академіи его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ и занялъ предѣдательское мѣсто, имѣя по правую руку вице-президента академіи П. В. Никитина и по лѣвую—академика А. Н. Веселовскаго. Засѣданіе было открыто, и на кафедрѣ взошелъ почетный академикъ, сенаторъ А. Θ. Копп, произнесшій блестящую рѣчь о личности и дѣятельности князя Влад. Θед. Одоевскаго. Почтенный ораторъ высказалъ въ своей рѣчи приблизительно слѣдующее: «Приступая къ воспоминаніямъ о покойномъ кн. Одоевскомъ, Академія Наукъ исполняетъ традиціонный и нравственный долгъ по отношенію къ дѣятелямъ мысли, оставившимъ по себѣ блестящій и благотворный слѣдъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и кн. Одоевскій, со дня рожденія котораго исполнилось нынѣ сто лѣтъ. Три рода дѣятелей оставляютъ о себѣ обыкновенно память въ потомствѣ. Одни изъ нихъ появляются, какъ яркія ракеты, сыплютъ цѣлыя снопы искръ, но скоро потухающія; другіе блещутъ подобно холодному электрическому свѣту, свѣтятся ярко, но не грѣютъ, и, наконецъ, третьи напоминаютъ свѣтъ тихой,

примпрительной лампады предъ образомъ. Это тѣ дѣятели мысли, къ числу которыхъ принадлежалъ и Одоевскій. Онъ стремился къ правдѣ, жилъ дѣятельной и тревожной любовью къ людямъ и глубоко цѣнилъ знаніе. Отсюда его ненависть ко лжи, отсюда—отзывчивость къ страданіямъ ближняго и отсюда же его скромность и бѣдность, несмотрѣя на его принадлежность къ древнему роду Рюриковичей и ближайшее происхожденіе отъ князя Михаила Черниговскаго. Въ рамки его жизни было вложено богатѣйшее содержаніе». Разбирая далѣе тѣ требованія, которыя могутъ быть предъявляемы къ писателю, А. Ө. Кони задался разрѣшеніемъ вопроса: умѣлъ ли Одоевскій страдать? «Писатель долженъ давать читателю чувствовать свою душу, и Одоевскій достигалъ этого въ своихъ произведеніяхъ. Въ то время, когда онъ писалъ, публика требовала отъ литературныхъ произведеній прежде всего занимательности. Это не мѣшало бы, между прочимъ, помнить и теперь, когда форма преобладаетъ надъ содержаніемъ. Въ изящномъ произведеніи нужны мысль, языкъ, стиль и отзывчивость къ жизни; нужно, чтобы слово соответствовало дѣлу. Всѣ эти условія нашли свое осуществленіе въ творчествѣ Одоевскаго. Его языкъ проникнутъ страстнымъ юморомъ. Въ немъ чувствуется скорѣе ораторъ, нежели писатель. Произведенія его отличаются глубокомысліемъ. Ложь, которую онъ ненавидѣлъ и съ которою боролся всю жизнь, создаетъ условность жизни, и Одоевскій и ополчился противъ лжи въ наукѣ, въ искусствѣ и въ жизни». А. Ө. Кони иллюстрировалъ свое блестящее изложеніе выдержками изъ сочиненій чествуемаго писателя и указалъ на то, что первые его удары были направлены на «коварный свѣтъ», и что многія его произведенія имѣли характеръ сатирическій. «Но одной сатирой ограничиться онъ не могъ. Въ его душѣ глубоко залегала нѣжная любовь къ наукѣ и къ искусству, и эта любовь составляла положительную сторону его творчества. Особенно рельефно высказалась она въ его повѣсти «Бригадиръ», основная идея которой между прочимъ совпала съ идеей «Смерти Ивана Ильича» и была потомъ повторена въ одномъ изъ произведеній Достоевскаго. Любовь къ людямъ выразилась и во многихъ другихъ его произведеніяхъ, а любовь къ знанію—во многихъ повѣстяхъ. Одоевскій выступилъ убѣжденнымъ борцомъ противъ его специализаціи противъ свойственнаго послѣдней стремленія убивать инициативу мысли и сводить все только къ опыту». А. Ө. Кони вспомнилъ при этомъ грозное предостереженіе покойнаго профессора Вирхова, также возставшаго противъ специализаціи и находившаго, что послѣдняя низводитъ ученаго до степени работника на фабрикѣ. Особенно подробно А. Ө. Кони остановился на широкой и глубокой образованности князя Одоевскаго. «Одоевскій слѣдилъ за всѣми новыми теоріями въ наукѣ и старался популяризировать ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ былъ знакомъ съ теоріями Бентама, оправдывающаго существованіе жизни полезностью, и Мальтуса, утверждающаго, что численность человѣчества возрастаетъ въ прогрессіи геометрической, а средства къ жизни—лишь въ арифметической. Познакомился Одоевскій и еще съ однимъ нѣмецкимъ, отверженнымъ всѣми тогдашними факультетами ученымъ, авторомъ «Die Welt als Wille und Vorstellung»—Шопенгауэромъ, сочиненіе котораго до 1859 года провалялось въ забвеніи на складѣ у книгопродавца. Нашумѣло въ Европѣ оно уже послѣ, но

Одоевскій знакомъ былъ съ нимъ еще по первымъ, выпущеннымъ въ продажу экземплярамъ и явился противникомъ всѣхъ этихъ трехъ безотрадныхъ научныхъ теорій, написавъ повѣсть-сказку: «Послѣднее самоубійство». Затѣмъ почтенный ораторъ перешелъ къ характеристикѣ кн. Одоевскаго, какъ философа, питавшаго состраданіе къ людямъ, любившаго и просвѣщавшаго народъ огромнымъ количествомъ общепонятныхъ брошюръ; человека смѣлаго, смотрѣвшаго на войну, какъ на преступленіе, а на поэзію, какъ на мстительницу. Онъ былъ противникомъ царившей тогда узкой національности, выразившейся въ лозунгъ: «шанкашъ закидаемъ», и утверждалъ, что національность тогда только сильна, когда она заимствуетъ отъ сосѣдей лучшее. Но все же» онъ глупо вѣровалъ въ народъ и говорилъ, что русскій человекъ есть лучшій человекъ въ мірѣ. Ему принадлежитъ будущее. Оно велико, но оно впереди, а не назадъ». Одоевскій любилъ также искусство и въ искусствѣ— музыку. Въ ней онъ видѣлъ средство для обогащенія души и сохраненія народности. Онъ самъ изобрѣлъ клавишныя и особый органъ. Особенно же восхищала его музыка вокальная, и «ей онъ посвятилъ повѣсть: «Себастьянъ Бахъ». Бетховену было посвящено его произведеніе: «Послѣдній квартетъ Бетховена». Замѣчательно при этомъ недавно обнаруженное обстоятельство, что мысли, высказанныя въ этомъ произведеніи Одоевскаго, совпали съ мыслями, выраженными самимъ Бетховеномъ въ его найденномъ духовномъ завѣщаніи. Одоевскій былъ близокъ къ русскимъ консерваторіямъ, былъ друженъ съ Глинкою, далъ ему двѣ темы для двухъ арій изъ «Жизни за царя» и горячо защищалъ его, когда на него напали за непонятую тогда публикою оперу «Русланъ». Въ сотрудничествѣ съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Вельгорскимъ онъ сочинилъ извѣстный въ свое время «Канонъ» и собиралъ и перекладывалъ на ноты народныя пѣсни». Довольно подробно А. Θ. Кони остановился на общественной и благотворительной дѣятельности Одоевскаго, основавшаго, между прочимъ, общество посѣщенія бѣдныхъ и содѣйствовавшаго открытію яслей, приютовъ, общинъ и другихъ подобныхъ учреждений. «Литераторъ въ лучшемъ и возвышенномъ смыслѣ слова, онъ держалъ двери своего дома открытыми для всѣхъ начинающихъ писателей и никому не отказывалъ въ нравственной поддержкѣ. Его двери были закрыты только для Булгарина и Сенковского. Въ его кабинетѣ, среди клубовъ табачнаго дыма, можно было встрѣтить Пушкина, Гоголя, Вяземскаго, Кольцова и рядомъ съ нимъ какого нибудь скромнаго начинавшаго семинариста». Остановившись на служебной дѣятельности Одоевскаго по Публичной библіотекѣ и Румянцевскому музею, почтенный ораторъ прослѣдилъ подробно его позднѣйшую, старческую дѣятельность, вспомнилъ его благородное письмо къ императору Александру II и закончилъ его смертью и похоронами въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ, находя, что на его надгробномъ памятникѣ можно смѣло начертать строки, взятая изъ его же сочиненій: «Перо писателя пишетъ полезно только тогда, когда въ чернила влито нѣсколько капель крови его собственнаго сердца». А. Θ. Кони смѣнилъ на кафедрѣ профессоръ Н. А. Котляревскій, сдѣлавшій литературную характеристику Одоевскаго. По его словамъ, Одоевскій «создалъ философскую идейную совѣсть, былъ бордомъ за наше общественное обновленіе и самородкомъ. Его особенность

заклучалась въ томъ, что изъ нравственныхъ сентенцій его повѣстей не было ни одной, которой онъ не провель бы въ жизнь».

Вилецкій памятникъ Екатеринѣ II. Въ газетахъ напечатано слѣдующее сообщеніе за подписью председателя комитета по сооружеію этого памятника князя Святополкъ-Мирскаго». Въ № 254 «Свѣта», за подписью «Русскій», появилась замѣтка, въ которой авторъ, указывая на то, будто бы скульпторъ Антокольскій умеръ, не успѣвъ приступить къ работамъ по изготовленію имъ для города Вильны памятника императрицѣ Екатеринѣ II, выводитъ по этому заключенію, что памятникъ, «на который жертвовала вся Россія, поставленъ съ серьезными отступленіями отъ договора, заставляющими опасаться за его прочность». Далѣе г. «Русскій», детально разбирая произведенныя работы, утверждаетъ даже, что «вода понемногу размочитъ шовъ, и пьедесталь разьѣдется, а фигура должна рухнуть». Такъ какъ это письмо отъ начала до конца не вѣрно и легко можетъ ввести въ заблужденіе прочитавшихъ его, высочайше учрежденный комитетъ по сооружеію въ Вильнѣ этого памятника считаетъ своимъ долгомъ какъ указать ошибочность означеннаго письма, такъ и огласить нѣкоторыя свѣдѣнія объ установленномъ уже памятникѣ. Изъ журнала комитета 19-го января 1900 года видно, что присутствовавшій на засѣданіи скульпторъ Антокольскій заявилъ готовность взять на себя исполненіе памятника, кромѣ фундамента, за 150.000 рублей, при чемъ въ общихъ чертахъ объяснилъ, какъ онъ предполагаетъ его сдѣлать. Но отъ представленія предварительнаго детальнаго проекта онъ категорически отказался, такъ какъ, по его мнѣнію, это стѣснило бы его художественное творчество. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія такое желаніе Антокольскаго было удовлетворено, и комитетъ заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому было установлено: Антокольскій изготовляетъ и устанавливаетъ на Кафедральной площади памятникъ за 150.000 рублей. Фигура императрицы изъ бронзы должна быть высоты 3½ арш., гранитный пьедесталь около 6 арш., платформа въ 1½ арш.; всего вышнюю памятникъ долженъ быть 10—11 арш., платформа въ длину—11—12 арш., а въ ширину 6—7 арш. Вокругъ памятника долженъ быть гранитъ и бронзовая ажурная рѣшетка, вышиною приблизительно въ одинъ арш. Ничего болѣе контрактомъ и не могло быть установлено. Статуя и прочія бронзовыя украшенія были изготовлены Антокольскимъ при жизни и удостоились Всемилостивѣйшаго одобренія Государя Императора. Точно также и гранитъ весь, пьедесталь, платформа и балюстрада заказаны имъ, Антокольскимъ, по его собственнымъ рисункамъ и указаніямъ. Слѣдовательно, какъ бронзовыя, такъ и гранитныя части памятника онъ успѣлъ выполнить самъ. Зимой 1901 года Антокольскій заболѣлъ еще въ бытность свою въ Вильнѣ, куда онъ пріѣзжалъ для осмотра фундамента. Чувствуя, что, болѣзнь на этотъ разъ серьезнѣе, чѣмъ равьше онъ предполагалъ, Антокольскій просилъ комитетъ отсрочить установку памятника тѣмъ болѣе, что по случаю его болѣзни, нѣкоторыя детальныя принадлежности памятника потребовали передѣлки и не были еще окончены. Комитетъ согласился на отсрочку, и открытіе памятника предполагалось осенью 1902 года. Но въ іюнь мѣсяцъ того же года Антокольскій неожиданно скон-

чался. Наслѣдники Антокольскаго приняли на себя установку памятника, но предварительно должны были исполнить всѣ формальности по утверженію ихъ въ правахъ наслѣдства. Весною текущаго года началась доставка изъ-за границы статуи и бронзовыхъ украшеній изъ Парижа, а гранита изъ Англіи, и вслѣдъ затѣмъ начались и работы по установкѣ принадлежностей на мѣсто, подъ руководствомъ особо командированнаго изъ Парижа наслѣдниками Антокольскаго техника и при помощи выписанныхъ изъ Англіи специальныхъ мастеровъ. Ближайшее наблюденіе въ техническомъ отношеніи было возложено на особую строительную комиссію изъ трехъ инженеровъ. При установкѣ памятника не было никакихъ отступленій со стороны строителя отъ требованій договора, заключеннаго комитетомъ съ Антокольскимъ. Наоборотъ, многое сдѣлано сверхъ контракта. Такъ, бронзовая фигура вмѣсто 3¹/₂ арш. сдѣлана съ подножкой въ 4¹/₂ арш., величина платформы контрактомъ установлена въ 11—12 арш. и ширина въ 6—7 арш., въ дѣйствительности же она сдѣлана: длиною въ 14,8 арш. и шириною въ 10 арш., при чемъ вся наружная поверхность сдѣлана изъ полированнаго гранита, а подъ нимъ кладки изъ гранитнаго булыжнаго камня съ околкою и на цементѣ. Такая кладка, по удостовѣренію техниковъ, употребляется и при томъ съ известковымъ растворомъ при постройкѣ огромныхъ многоэтажныхъ зданій, какъ, напримѣръ, зданіе судебныхъ установленій въ Вильнѣ, женской гимназій, зданіе Полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ (частью въ семь этажей) и другія. Даже для крѣпостей примѣняется подобная кладка на цементномъ растворѣ. Такая же кладка была примѣнена подъ памятникъ графу Муравьеву, согласно утвержденному техническо-строительнымъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ проекту. Наконецъ, кирпичная кладка на цементномъ растворѣ допущена была при устройствѣ подножія, на которомъ поставленъ пьедесталъ памятника со статуей императора Александра II въ Москвѣ. Для пьедестала же памятника императрицы Екатерины II вѣсомъ всего со статуей до 2,044 пудовъ, она болѣе чѣмъ пригодна и не составляетъ отступленія отъ требованій техники. Въ контрактѣ вовсе не говорится, что основаніе памятника должно быть изъ отесанныхъ гранитныхъ камней, и, тѣмъ не менѣе, оно сдѣлано изъ такихъ камней, подъ самымъ пьедесталомъ отесанныхъ, а подъ платформу — изъ неотесанныхъ, но съ околкою тамъ, гдѣ требовалось, и сложенныхъ на цементѣ. Благодаря этому, такое основаніе является само по себѣ монолитомъ. Что касается пьедестала памятника, составленнаго изъ двухъ частей, то, не говоря уже о томъ, что конфигурація и вѣсъ (390 пуд. и 320 пуд.) камней, даже безъ всякаго соединенія, уже сами по себѣ представляютъ устойчивость, которая вполне подтверждается и точными техническими расчетами, обѣ половины пьедестала спаяны цементомъ. Кромѣ того, онѣ связаны сверху тремя скобами изъ кованной мѣди. Независимо отъ изложеннаго, прочности стула (пьедестала) въ большой степени способствуетъ сѣвленіе подошвы его съ базой посредствомъ цемента и такое же скрѣпленіе верха стула съ карнизной плитой. Слѣдовательно, выводъ г. «Русскаго», что «пьедесталъ разѣдется, и фигура рухнетъ», не имѣетъ никакого основанія. Фундаментъ подъ памятникъ состоитъ изъ каменныхъ «колодець», опущенныхъ до твердаго

материка, на 5 саж. глубины, заполненныхъ бетономъ и перекрытыхъ сверху бетонными же крестовыми сводами. Для испытанія фундамента была произведена пробная нагрузка вѣсомъ 16,421 пуд., при чемъ на колодець, надъ которымъ приходится пьедесталь со статуей, былъ наложенъ грузъ въ 5.984 пуда. Эта временная нагрузка, превышающая вѣсъ памятника, простояла съ октября 1901 года по май 1903 года. Произведеннымъ тщательнымъ техническимъ изслѣдованіемъ установлено, что въ бетонныхъ сводахъ фундамента не оказалось никакихъ, даже волосныхъ трещинъ, а также и слѣдовъ неравномѣрной осадки фундамента. Всѣ условія контракта съ Антокольскимъ пріемная комиссія признала выполненными, вслѣдствіе чего и нашла возможнымъ пріять памятникъ отъ уполномоченнаго наследниковъ Антокольскаго. Изъ сказаннаго очевидно, что лицо, писавшее приведенную выше корреспонденцію, не освѣдомлено о дѣлѣ, обсуждать которое въ печати оно взялось. Комитетъ покорнѣйше проситъ всѣ газеты, перепечатавшія приведенное выше письмо «Русскаго», помѣстить и настоящее сообщеніе, во избѣжаніе всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній».

Московское археологическое общество. 1-го ноября состоялось засѣданіе подъ предѣдательствомъ графини П. С. Уваровой. Д. Н. Анучинъ сказалъ нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти скончавшихся недавно членовъ общества: Н. Е. Бранденбурга, А. И. Маркевича и Теодора Моммзена (послѣдній состоялъ членомъ общества съ 1866 года). Затѣмъ онъ же доложилъ письмо-воззваніе, полученное имъ изъ Сухума отъ В. И. Чернявскаго и бывшаго доцента Новороссійскаго университета В. Н. Пирогова. Въ письмѣ указывается на обиліе древностей различныхъ эпохъ, находимыхъ на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа, и на необходимость систематическаго ихъ изслѣдованія чрезъ посредство особой экспедиціи или комиссіи, при чемъ г. Чернявскій предлагаетъ себя въ распоряженіе ея, какъ путеvodитель и знатокъ края, прожившій въ Сухумѣ 37 лѣтъ. По предложенію графини Уваровой рѣшено списаться съ г. Чернявскимъ и имѣть въ виду Сухумскій край для ближайшихъ археологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ. Далѣе, графиня П. С. Уварова познакомила собраніе съ двумя памятниками византійскаго искусства, находящимися въ горной Сванетіи и оставшимися до сихъ поръ мало извѣстными археологамъ. Одинъ изъ этихъ памятниковъ—серебряный воздвизальный крестъ, украшенный на одной сторонѣ финифтью, на другой—чернью по золоту, а также многими медальонами съ изображеніями Христа, Богородицы и различныхъ святыхъ. Хранится этотъ крестъ въ церкви Спаса въ селѣ Малхвариши и рѣдко когда показывается посѣтителемъ. Внизу креста имѣется греческая, отчасти стертая надпись, указывающая на то, что крестъ былъ вкладомъ какого-то монаха Іоанна. По работѣ и другимъ признакамъ крестъ этотъ представляетъ произведеніе византійскаго искусства XII вѣка. Другой памятникъ—деревянный ковчежець (для мощей) съ серебрянымъ, позолоченнымъ окладомъ, хранящійся въ Вольной Сванетіи, въ монастырѣ Кирика и Іулитты, въ кованомъ сундукѣ, откуда онъ вынимается только два раза въ годъ,—въ субботу на Пасхѣ и 15-го іюня,—когда онъ омывается водой, въ мѣдномъ художественной работы сосудѣ, и вода эта затѣмъ считается освященною и разносится по селенію.

Вообще ковчежець этотъ считается величайшею святыней, и рѣдко кто изъ постороннихъ допускается къ его осмотру. На окладѣ ковчежца находятся многія изображенія (царей Константина и Елены въ діадемахъ и царскихъ костюмахъ, архангеловъ, Петра и Павла, пр. Іліи и др.) и орнаменты. Съ ковчежцемъ этимъ представляютъ нѣкоторое сходство подобныя же ковчежцы, находящіеся въ соборѣ св. Марка въ Венеціи, и др., представляющіе тоже образцы византійскаго искусства X—XI вѣковъ. Описаніе обоихъ этихъ памятниковъ съ фототипіями ихъ будетъ скоро издано графиней П. С. Уваровой. Послѣ этого А. С. Хахановъ сообщил о поѣздкѣ въ Сванетію, совершенной имъ лѣтомъ нынѣшняго года по порученію московскаго археологическаго общества для осмотра и изученія находящихся тамъ памятниковъ древностей.

Общество любителей россійской словесности. 21-го ноября, въ 9-мъ часу вечера, въ Круглой залѣ правленія университета состоялось засѣданіе общества любителей россійской словесности подъ предѣлательствомъ А. Н. Веселовскаго. Л. Ф. Маклакова прочитала рефератъ Е. С. Некрасовой (за отсутствіемъ автора): «Артистъ М. С. Щепкинъ и А. П. Герценъ». Знакомство Щепкина съ Герценомъ началось въ декабрѣ 1839 года, когда Герценъ, жившій въ ссылкѣ во Владимирѣ, отпущенъ былъ въ Петербургъ и проѣздомъ остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ у Огарева. Не заставъ, по пріѣздѣ, дома Огарева, Герценъ отправился къ Н. Х. Кетчеру, гдѣ были Огаревъ (вскорѣ однако уѣхавшій въ театр), Сатинъ и Щепкинъ. Познакомившись здѣсь со Щепкинымъ, Герценъ настолько увлекся его интересными разсказами изъ жизни того времени, что остался ночевать у Кетчера. То были преимущественно веселые, юмористическіе разсказы, но нерѣдко отъ Щепкина приходилось слышать такіе разсказы, отъ которыхъ не смѣяться, а плакать хотѣлось. Въ числѣ ихъ былъ, напримѣръ, разсказъ «О двухъ офицерахъ», изъ которыхъ одинъ хвалился другому, что у него есть въ ротѣ солдатъ, который за полштофъ выдержитъ 100 палокъ и не упадетъ, и поддержать пари. Призванный солдатъ добродушно рѣшился подвергнуть себя такому опыту, а когда молодой Щепкинъ выразилъ предъ нимъ удивленіе въ такомъ легкомъ согласіи, то солдатъ отвѣтилъ: «Э-э, парень, все равно даромъ дадутъ». Много было у Щепкина разсказовъ изъ крѣпостного быта, которые, къ сожалѣнію, рѣдко записывались. Одинъ изъ такихъ разсказовъ легъ въ основу повѣсти Герцена «Сорока-воровка». Въ рефератѣ приведено было содержаніе двухъ разсказовъ Щепкина, переданныхъ Е. С. Некрасовой отъ Н. А. Герцена: «Дядюшка, племянница и казачекъ» и «О крѣпостномъ музыкантѣ и генеральской дочкѣ». Разсказы эти относятся къ 1817 году, и изображаемыя въ нихъ событія имѣли мѣсто въ Харьковской губерніи. Особенно интересенъ второй разсказъ, гдѣ описывается, какъ генеральская дочка, помолвленная съ нелюбимымъ ею же нѣкомъ, настолько расстрогана была игрой на обручальномъ вечерѣ крѣпостнаго музыканта, въ которой слышались стоны его любви и страсти къ ней, что тутъ же заявила музыканту о своей давнишней любви къ нему и согласилась вмѣстѣ съ нимъ умереть въ эту же ночь. Въ саду, по сигналу, они должны были выстрѣлить одновременно другъ въ друга. Но музыкантъ выстрѣлилъ, а генеральская дочь не пожелала убить музыканта и, умирая, выбросила въ снѣгъ

пистолетъ, съ полки котораго ссыпался порохъ, такъ что и музыкантъ не могъ изъ него застрѣлиться. Онъ бросился затѣмъ къ рѣкѣ съ цѣлью утопиться, но не нашлось проруби; увидѣвъ въ этомъ волю Провидѣнія, музыкантъ тотчасъ же заявилъ о своемъ преступленіи; при наказаніи плетью онъ умеръ. Испытавъ на себѣ тяжесть крѣпостного права, Щепкинъ требовалъ отъ артистовъ и всѣхъ своихъ знакомыхъ уваженія къ крестьянамъ. Въ духѣ любви къ нимъ онъ воспитывалъ и молодыхъ служителей сцены. Приведа нѣсколько воспоминаній ученицы Щепкина покойной артистки Медвѣдовой объ его отношеніяхъ къ артистамъ, простыхъ, нерѣдко рѣзкихъ, но всегда задушевныхъ, проникнутыхъ глубокою любовью къ человѣку, г-жа Некрасова коснулась настроенія кружка Грановскаго, въ которомъ постоянно вращался Щепкинъ. Всѣ они тогда думали и говорили о необходимости освобожденія крестьянъ. Никогда не пившій Щепкинъ восторженно заявлялъ, что въ день освобожденія крестьянъ онъ напѣется отъ радости, и дѣйствительно напѣлся. Когда въ 1848 году Герценъ уѣзжалъ за границу, много народа провожало его, и въ числѣ ихъ былъ Щепкинъ, страшно любившій Герцена и едва не больше другихъ грустившій объ его отъѣздѣ за границу. Онъ былъ увѣренъ, что Герценъ больше уже не увидитъ Россіи. Въ 1853 году Щепкинъ отправился въ Лондонъ къ своему другу, который уже былъ объявленъ изгнанникомъ, государственнымъ преступникомъ. Герценъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу, и на пароходѣ произошло самое трогательное свиданіе между друзьями послѣ долгой разлуки. Дѣлая такой рискованный визитъ, Щепкинъ руководился глубокимъ чувствомъ привязанности и любви къ Герцену, имѣя единственною цѣлью уговорить его оставить свою публицистическую дѣятельность, уѣхать на время въ Америку, чтобы друзья выхлопотали затѣмъ ему разрѣшеніе вернуться въ Россію. Герценъ ясно видѣлъ, что Щепкинъ, желая повліять на измѣненіе его убѣжденій, руководится чувствомъ любви къ нему и не понимаетъ неисполнимости своихъ требованій. Онъ твердо и рѣшительно отказался послѣдовать совѣту своего друга. Щепкинъ глубоко огорчился. Онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ поселился у знакомой Герцена М. К. Рейтлихъ. Здѣсь около Щепкина собирался кружокъ русскихъ, въ которомъ онъ читалъ 2-й томъ «Мертвыхъ душъ». Но онъ постоянно мучился сознаніемъ, что ему не удалось уговорить Герцена «свернуть съ ложной дороги». Самъ онъ въ это время уже сомнѣвался въ томъ, дожила ли Россія до освобожденія крестьянъ, не будетъ ли эта реформа ошибкой въ то время, и думалъ, что не все высказалъ Герцену, что могъ привести въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ. Онъ написалъ длинное письмо къ Герцену (оригиналъ у г-жи Некрасовой), въ которомъ обращается къ нему сначала на вы, а затѣмъ, все болѣе увлекаясь бранью, на ты: онъ ругаетъ Герцена за его брошюры, издаваемые въ Лондонѣ, видитъ въ нихъ одни только слова, доказываетъ, что рано, нельзя еще освобождать крестьянъ, говоритъ, что Герценъ и подобные ему изъ-за своихъ убѣжденій и гордости готовы облить челоуѣчество кровью, требуетъ, чтобы Герценъ отказался отъ своихъ ошибокъ, возражая: «Неужели всѣ милліоны людей глупы, а они одни умны» и самонадѣянно берутъ на себя право учить другихъ, вмѣсто того, чтобы позаботиться о личномъ нравственномъ исправленіи и самосовершенствованіи. Въ заключеніе заявляя, что ка-

ждая строка его письма облита кровью, Щепкинъ просить Герцена оставить безъ отвѣта его письмо, такъ какъ это была бы полемика между неравными умственными силами. Письмо закончено словами: «Обнимаю тебя и, можетъ быть, въ послѣдній разъ». Такъ какъ для Щепкина было тяжело самому послать его «жестокое» письмо, то онъ упросилъ г-жу Рейтлихъ отправить это письмо къ Герцену. Благородное и любящее сердце Герцена, конечно, не было смущено этимъ письмомъ; онъ понялъ, что оно писано подъ вліяніемъ искренней любви къ нему, и отвѣтилъ на него въ «Колоколѣ». При всемъ негодованіи къ публицистической дѣятельности Герцена, Щепкинъ искалъ въ ней поддержки. Пять лѣтъ спустя, онъ отправился къ управляющему театрами Геденову по поводу отпуска денегъ артистамъ; когда Геденовъ отказалъ ему въ просьбѣ, Щепкинъ заявилъ, что будетъ жаловаться министру, наконецъ, государю; но и это не подѣйствовало; тогда артисты пригрозили, что онъ напишетъ объ этомъ въ «Колоколѣ»; Геденовъ задумался и черезъ день удовлетворилъ просьбу Щепкина. Въ 1863 году Щепкинъ умеръ и похороненъ рядомъ съ Грановскимъ. В. В. Каллашъ прочиталъ рефератъ «На зарѣ русскаго литературнаго реализма».

Русское библиографическое общество. 19-го ноября въ Старомъ зданіи университета состоялось чрезвычайное собраніе Русскаго библиографическаго общества, посвященное памяти покойнаго председателя А. И. Кирпичникова. Зала украшена была портретомъ покойнаго, окаймленнымъ миртовымъ вѣнкомъ и декорированнымъ тропическими растеніями и цвѣтами. Въ засѣданіи присутствовали супруга и сынъ покойнаго. Собраніе открылъ председатель общества проф. И. Т. Тарасовъ вступительнымъ словомъ, указавъ въ немъ на необыкновенно кипучую и чрезвычайно разностороннюю дѣятельность А. И. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые несутъ непосильное бремя, благодаря тому, что у насъ на Руси рядомъ съ многочисленнымъ классомъ лицъ, ничего не дѣлающихъ и дѣлающихъ очень мало, существуетъ весьма немного людей, работающихъ за нихъ, а потому и чрезмѣрно обременныхъ занятіями. А. И., утомленный до крайности своими многочисленными занятіями, взялъ на себя еще весьма тягостную и ни съ какой стороны не привлекательную должность помощника ректора университета. Эта непосильная дѣятельность, соединенная всегда съ горячимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, скоро свела его въ могилу. По предложенію председателя, собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ. Д. В. Ульянинскій сдѣлалъ сообщеніе объ А. И. Кирпичниковѣ, какъ председателѣ Русскаго библиографическаго общества, отмѣтивъ, что покойный, несмотря на массу труда, посвящавшагося имъ университету и Румянцевскому музею, находилъ время не только для руководства дѣлами общества, но и для составленія рефератовъ, читавшихся имъ въ засѣданіяхъ общества. Не поднималось въ обществѣ ни одного вопроса, по которому онъ не участвовалъ бы въ преніяхъ и не сдѣлалъ бы весьма важныхъ дополненій и заключеній. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ разработкѣ вопроса объ ознаменованіи 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати, и его хлопотамъ общество обязано тѣмъ, что имѣетъ помѣщеніе въ стѣнахъ университета. Д. В. Ульянинскій прочиталъ далѣе докладъ А. А. Энгельмейера (за отсут-

ствіемъ докладчика) «Изъ личныхъ воспоминаній объ А. К. Кирпичниковѣ». Авторъ доклада говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ преимущественно о дѣятельности А. П. въ качествѣ преподавателя русской словесности въ 5-й московской гимназіи, изображая его, какъ серьезнаго, всегда сосредоточеннаго учителя, отличавшагося большимъ умѣньемъ выбирать изъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей мѣста для классныхъ чтеній, которыя слушались его учениками постоянно съ живымъ и захватывающимъ интересомъ и, при объясненіяхъ учителя, служили самымъ лучшимъ двигателемъ ихъ умственнаго развитія. Въ заключеніе А. Д. Тороповъ прочиталъ рефератъ отсутствующаго П. П. Никольскаго о научно-педагогическихъ воззрѣніяхъ А. П. Кирпичникова.

Комитетъ по сооружеію музея изящныхъ искусствъ. 25-го ноября въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, подъ предѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича, состоялось торжественное годовичное засѣданіе Высочайше утвержденнаго комитета по сооружеію музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ. На засѣданіи присутствовали: товарищъ августѣйшаго предѣдателя комитета гофмейстеръ высочайшаго двора Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ, графиня П. С. Уварова, А. Г. Подгорѣцкая, сенаторъ Н. А. Звѣревъ, попечитель учебнаго округа П. А. Некрасовъ, ректоръ Московскаго университета А. А. Тихомировъ, помощникъ ректора Л. К. Лахтинъ, секретарь комитета заслуженный профессоръ И. В. Цвѣтаевъ, деканъ историко-филологическаго факультета М. П. Соколовъ, профессоръ В. Ѳ. Миллеръ, инспекторъ студентовъ В. Н. Фаминскій, В. А. Грингмутъ, Д. И. Пловайскій, князь Н. С. Щербатовъ, строитель музея Р. И. Клейнъ, помощники секретаря комитета Н. Н. Трескинъ и Н. И. Романовъ, К. А. Казначеевъ, А. Е. Армандъ, И. А. Колесниковъ, П. А. Недешевъ, А. Ѳ. Дерюжинскій, Н. Н. Рыбниковъ, Ф. О. Шехтель и Л. З. Мсерианцъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ отчета секретаря комитета профессора И. В. Цвѣтаева о пребываніи его за границей въ 1902—1903 гг. Во время этой поѣздки И. В. Цвѣтаевъ посетилъ всѣ наиболѣе замѣчательныя въ историко-художественномъ отношеніи города Италіи и южной Германіи. По завѣданію составленному плану, во всѣхъ этихъ центрахъ искусства И. В. Цвѣтаевымъ были заказаны гипсовые слѣпки со всѣхъ имѣющихъ значеніе въ исторіи искусства художественныхъ памятниковъ. Во время чтенія профессоромъ И. В. Цвѣтаевымъ доклада о новыхъ приобрѣтеніяхъ, помощниками секретаря Н. Н. Трескинымъ и Н. И. Романовымъ были предложены вниманію собранія фотографическіе снимки съ заказанныхъ произведеній искусства; а знаменитыя мозаики церквей V и VI вв. города Равенны представлены были двумя колоссальными изображеніями Богородицы съ Младенцемъ и Ангела, каждое по 4 арш. вышины, — изъ церкви S. Apollinare Nuovo; эти превосходныя изображенія только что получены комитетомъ и приобрѣтены на средства графа С. В. Орлова-Давыдова и П. А. Колесникова. Послѣ пятиминутаго перерыва профессоръ И. В. Цвѣтаевъ въ обстоятельной рѣчи познакомилъ присутствовавшихъ съ ходомъ работъ по сооружеію музея въ отчетномъ періодѣ и о ближайшихъ предположенныхъ въ будущемъ. На освободившееся мѣсто канцелярша комитета избранъ И. А. Колесниковъ.

О непрочности современной бумаги. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» находимъ слѣдующую статью на эту тему за подписью «Книголюбовъ». «Директоръ Румянцевскаго музея, П. В. Цвѣтаевъ, побуждаемый желаніемъ долговѣчности въвереннымъ его управленію книжнымъ богатствамъ и постоянной пригодности ихъ для пользованія съ научными цѣлями, вопель въ надлежащемъ порядкѣ съ представленіемъ о нѣкоторыхъ существенныхъ преобразованіяхъ въ нашемъ книжномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, въ той его части, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ публичнымъ библіотекамъ. Какъ извѣстно, по закону, на основаніи 72 статьи цензурнаго устава, всѣ издатели обязаны представить девять экземпляровъ своихъ изданій въ указанные въ законѣ учрежденія или непосредственно, или чрезъ цензурные комитеты, прежде чѣмъ выпускать свои изданія въ свѣтъ. Такимъ путемъ и пополняются русскими изданіями наши публичныя библіотеки и между ними наша публичная библіотека при Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Казалось бы, что этотъ путь, при неуклонномъ и добросовѣстномъ исполненіи закона, равно обязательнаго для всѣхъ издателей, будутъ ли имъ частныя лица, или правительственныя установленія (Св. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г., ст. 328), вполне обезпечиваетъ существованіе нашихъ публичныхъ библіотекъ на всей высотѣ того благого просвѣтительнаго дѣла, служить которому онѣ призваны. Казалось бы, что законъ даетъ полное право каждому, нуждающемуся въ книгахъ хотя бы для ученыхъ занятій, искать и найти въ публичныхъ библіотекахъ всѣ необходимыя ему книги, по крайней мѣрѣ, увидѣвшія свѣтъ въ Россіи и изданныя въ подлежащемъ законномъ порядкѣ. Иначе, конечно, становятся совершенно невозможными никакія занятія книгами, такъ какъ не хватало бы средствъ ни у одного богача въ мірѣ, а тѣмъ болѣе у нашихъ ученыхъ для того, чтобы пріобрѣтать всѣ изданія даже въ предѣлахъ извѣстной специальности. Публичныя библіотеки, поэтому, несутъ службу чрезвычайной важности, и надлежащій составъ ихъ и полнота являются дѣломъ государственной необходимости не только для настоящаго времени, но и тѣмъ болѣе для будущаго и даже самаго отдаленнаго. Къ сожалѣнію, дѣйствительное состояніе нашихъ публичныхъ библіотекъ очень далеко не только отъ идеальнаго, но даже и отъ такого, которое бы отвѣчало точно и опредѣленно установленнымъ требованіямъ закона. Такое положеніе библіотекъ создается не всегда всеразрушающимъ временемъ, котораго такъ боятся особенно нынѣшніе, низкопробные матеріалы печатнаго дѣла, но и по винѣ издателей, и даже не однихъ частныхъ издателей, но и правительственныхъ учреждений и ученыхъ обществъ. Директоръ Румянцевскаго музея свидѣтельствуетъ, что правительственныя учрежденія и ученые общества, имѣющія право самостоятельнаго выпуска въ свѣтъ своихъ изданій, безъ посредства цензурныхъ учреждений, «иногда вовсе не высылаютъ въ библіотеку музейевъ появившихся въ печати изданій», вопреки прямому требованію закона, обязывающаго доставлять въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи «по экземпляру всего въ Россіи печатаемаго, гравироваемаго и литографируемаго какъ частными лицами, такъ и казенными вѣдомствами». Надо замѣтить, что правомъ безцензурнаго выпуска въ свѣтъ своихъ изданій пользуется у насъ безконечное количество центральныхъ и мѣстныхъ учреждений и ученыхъ обществъ, печатающихъ

свои изданія съ разрѣшенія своихъ начальниковъ и предѣдателей. Очень многія изъ такихъ изданій вовсе и не поступаютъ въ продажу, такъ что стоитъ большаго труда даже узнать о существованіи ихъ, тѣмъ болѣе, что и о выходѣ ихъ въ свѣтъ нигдѣ не объявляется. При такомъ условіи недоставка узаконенныхъ экземпляровъ въ публичныя библіотеки ставить въ самое фальшивое положеніе и библіотеки, и всѣхъ занимающихся. Первые, вслѣдствіе неполноты своего состава, лишены возможности удовлетворительно исполнять свое назначеніе, а вторые нерѣдко вынуждены во второй и третій разъ открывать Америку. Еще печальнѣе, конечно, такіе недочеты въ библіотекахъ, которые являются результатомъ не случайныхъ и единичныхъ недосылокъ вѣдомствами своихъ изданій, а постоянного уклоненія отъ исполненія законнаго обязательства, тѣмъ болѣе, что въ этомъ виновато, наиримѣръ, передъ Румянцевскимъ музеемъ такое богатое своими изданіями учрежденіе, какъ святѣйшій синодъ. Съ частными издателями дѣло обстоитъ едва ли не хуже. Если они не могутъ уклониться отъ доставленія узаконенныхъ экземпляровъ, такъ какъ обязаны представить ихъ въ цензурныя учрежденія, которыя иначе не разрѣшаютъ выпуска изданій, то они прибѣгаютъ къ инымъ способамъ обойти законъ. По авторитетному указанію г. директора Румянцевскаго музея, нѣкоторые частные издатели «нерѣдко стараются включить въ число узаконенныхъ цензурныхъ экземпляровъ такіе дефекты, которые по особенно плохой бумагѣ, неотчетливой печати, по недостаточной просушкѣ и невѣрной брошюровкѣ, иногда съ уищеніемъ даже цѣлыхъ печатныхъ листовъ, не могутъ быть приняты ни однимъ частнымъ лицомъ и ни однимъ покупателемъ. Поражающая небрежность издателей, при доставленіи цензурныхъ экземпляровъ, доходитъ до того, что въ это число попадаетъ даже простая типографская макулатурная бумага, которую не только читать, но и разобрать невозможно». Такая макулатура была прислана въ Румянцевскій музей журналомъ «Воскресенье». «Бываютъ примѣры отправленія въ цензуру, а изъ цензуры въ библіотеку Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ книгъ съ одними обложками и оглавленіями, но совсѣмъ безъ текста, составляющаго содержаніе книги». Въ такомъ видѣ доставлено было, наиримѣръ, сочиненіе Э. Навиля: «Что такое философія?» Безо всякаго сомнѣнія, такое отношеніе къ дѣлу въ корнѣ подрываетъ всякое значеніе публичной библіотеки и навѣки обездоставляетъ науку и всѣхъ занимающихся въ библіотекахъ. Если публичныя библіотеки, получая въ такомъ печальномъ видѣ узаконенные экземпляры, превращаются въ собранія макулатуры и дефектовъ, то поколѣнія нашихъ ученыхъ, и особенно будущихъ, не мало посѣтуютъ за то, что у нихъ недобросовѣстно отнято самое необходимое орудіе для ученыхъ занятій. Такая небрежность, чтобы не сказать болѣе, со стороны издателей не можетъ быть терпима. Въ интересахъ не однихъ публичныхъ библіотекъ, но, главнымъ образомъ, всѣхъ занимающихся въ нихъ, должны быть приняты самыя энергичныя мѣры противъ этого зла. И понятво само собою, что единственною и самою вѣрною мѣрой должно быть признано безрекословное и добросовѣстное исполненіе закона о цензурныхъ экземплярахъ всѣми издателями—и частными, и казенными. Какъ достигнуть этого исполненія, какими мѣрами заставить издателей исполнять законъ—это дѣло

соглашенія между вѣдомствами, имѣющими публичныя бібліотеки, и вѣдомствами, имѣющими у себя издателей. Во всякомъ случаѣ, неотложно необходимо настаивать на исполненіи закона прежде всего. Затѣмъ, безъ сомнѣнія, можетъ облегчить это исполненіе и нѣкоторое измѣненіе въ нашихъ законахъ о печати. То требованіе закона, по которому цензурные экземпляры представляются издателями раньше выпуска изданія, быть можетъ, въ интересахъ дѣла слѣдовало бы измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы цензурные экземпляры представлялись въ день выхода изданія въ свѣтъ, одновременно съ выпускомъ его въ продажу. Тогда издателямъ не будетъ интереса торопиться и слѣшить съ приготовленіемъ цензурныхъ экземпляровъ. Съ другой стороны, быть можетъ, было бы своевременнымъ пересмотрѣть вопросъ о количествѣ цензурныхъ экземпляровъ и объ учрежденіяхъ, для которыхъ обязательна доставка всѣхъ изданій. Напримѣръ, въ числѣ учреждений, въ пользу которыхъ поступаетъ даровой экземпляръ всего издающагося въ Россіи, поставленъ Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ. Чѣмъ вызвана эта исключительная милость, и почему она продолжается и до сихъ поръ? Интересамъ обрусѣнія края она, очевидно, не служила и не служитъ. Благотворительными побужденіями она не могла быть вызвана, такъ какъ у насъ есть университеты гораздо болѣе бѣдные, чѣмъ Гельсингфорскій. Просвѣтительныхъ цѣлей она также не могла имѣть, такъ какъ читателей русскихъ книгъ въ Гельсингфорсѣ несомнѣнно меньше, чѣмъ въ любомъ уѣздномъ городѣ. А между тѣмъ, общее количество цензурныхъ экземпляровъ (9) не можетъ не ложиться замѣтнымъ накладнымъ расходомъ на издателей. Во всякомъ случаѣ и эти обстоятельства указываютъ на своевременность и необходимость пересмотра нашихъ узаконеній о такъ называемыхъ цензурныхъ экземплярахъ изданій.

Собраніе рукописей. Виленскій археологъ полковникъ Жиркевичъ пожертвовалъ мѣстной публичной бібліотекѣ свою коллекцію рукописей, въ томъ числѣ, по словамъ «Западнаго Вѣстника», 300 автографовъ коронованныхъ особъ и разныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, русскихъ и иностранныхъ. По большей части это собственноручныя письма, иногда весьма важныя и по своему содержанію, и 32 тома документовъ, относящихся къ масонскимъ ложамъ въ Западномъ краѣ Россіи. Протоколъ засѣданій масонскихъ ложъ, приходорасходныя книги, уставы, правила, списки членовъ и переписка масоновъ между собою.

Запорожскія древности. Хранитель Екатеринославскаго археологическаго музея І. В. Строменко возвратился изъ поѣздки по Екатеринославскому уѣзду, гдѣ онъ производилъ раскопки въ селѣ Кацуловкѣ, на мѣстѣ бывшей Чертомлыкскѣй сѣчи. При раскопкахъ, по словамъ «Вѣстника Юга», былъ обнаруженъ скелетъ запорожца, довольно хорошо сохранившійся; на скелетѣ видны были остатки истлѣвшаго жупана, сапогъ и зеленого шерстяного пояса. Въ верхнихъ слояхъ земли найдено было много фрагментовъ кафель различной художественной орнаментаціи; особенно интересна одна кафля, почти цѣликомъ сохранившаяся, облитая зеленою поливой; на кафлѣ этой изображенъ всадникъ на богато убранномъ конѣ; въ одной рукѣ всадникъ держитъ знамя, очевидно, рисунокъ изображаетъ, судя по головному убору, иностраннаго ры-

царя. Между кафлями также найдены: двѣ бомбы, грузки для рыболовныхъ сѣтей, остатки стеклянной посуды, люльки, гвозди и другіе остатки домашняго запорожскаго обихода. Кромѣ раскопокъ, г. Строменко произведенъ былъ осмотръ имѣющихся въ этомъ селѣ древностей, осмотрѣнъ былъ старинный типичный чумацкій возъ, украшенный характернымъ малороссійскимъ орнаментомъ; древній запорожскій надгробный крестъ, подъ которымъ, какъ это видно изъ остатковъ имѣющейся на крестѣ надписи, погребенъ казакъ куреня Медвѣдѣвскаго, року 1724 года, октября 13 дня. Изъ Капуловки г. Строменко отправился въ село Грушевку, Екатеринославскаго же уѣзда; въ церкви этого села хранится нѣсколько запорожскихъ древностей. Самыя интересныя изъ нихъ—серебряный ангелъ — подвѣска художественной работы. На ангелѣ имѣется дата: «Сей провѣсъ отъирилъ (пожертвовалъ) козакъ бывшаго Запорожья Потапъ Бѣлій въ слободу Голую-Грушевку, да и съ товарищемъ же своимъ Иваномъ Загубиколесомъ, до храма святого великаго архистрагига Михаила. 1788 года мѣсяца августа 13-го дня». Далѣе имѣется тамъ напестольный крестъ въ серебряной оправѣ, на которомъ имѣется дата: «Сей крестъ отъирилъ рабомъ Божиимъ Павломъ Недоступомъ съ селеніе Голую-Грушевку до храму Михаила куреня Кавѣвскаго». Наконецъ, имѣется Евангеліе московской печати 1784 года, пожертвованное церкви въ 1786 году. Около церкви имѣются два старинныя кладбища, причѣмъ на одномъ изъ нихъ много общихъ могилъ, какъ это видно изъ надписей на уцѣлѣвшихъ крестахъ; обстоятельство это даетъ основаніе предполагать, что на этомъ мѣстѣ происходила какая-то битва. Помимо этого мѣстность эта извѣстна въ исторіи Запорожья тѣмъ, что на ней находилась пасѣка знаменитаго кошеваго Сѣрка, отчего въ народѣ она и донинѣ носить названіе «Сирковка».

Географическое общество. 31-го октября въ засѣданіи отдѣленія этнографіи врачъ Н. В. Кирилловъ сдѣлалъ сообщеніе о Японіи. Едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ можно найти такое разнообразіе этнографическаго матеріала. Между тѣмъ матеріалъ этотъ постепенно ступшевывается и уничтожается, благодаря тому, что современные японцы слишкомъ заняты вопросами экономическими и изучаютъ свою страну по путеvodителямъ, составленнымъ иностранцами. Обращаясь къ исторіи японцевъ, надо сказать, что племенное происхожденіе ихъ установить точно очень трудно. Родоначальниками ихъ было какое-то очень малорослое племя, остатки котораго можно найти на Филиппинскихъ островахъ или Борнео, затѣмъ въ Японію проникло племя малайское или полинезійское, слѣды котораго мы находимъ въ Южномъ Китаѣ и Корей. Около II в. до Р. Хр. появился элементъ китайскій. Во II в. по Р. Хр. Японія совершаетъ походъ на Корею и вывозитъ оттуда большія богатства, въ видѣ серебра и золота. Корея въ то время была образованнѣе Японіи и послѣдняя переняла отъ нея обычаи и даже религію—буддизмъ. Въ XIII в. на Японію совершаютъ набѣги монголы, но непосредственныхъ указаній, чтобы у японцевъ была примѣсь монгольской крови—нѣтъ. Въ XVI в. появляются въ странѣ европейцы; въ XVIII в. европейцы изгоняются и японцамъ даже запрещается строить суда, дабы они не могли посѣщать Европу и подчиняться влияніямъ ея культуры. Но никакія мѣры не помогли, влияніе это продолжа-

лось и въ половинѣ XIX вѣка для европейцевъ были открыты пять японскихъ портовъ, а въ 1868 г. микадо неожиданно явился сторонникомъ европейской культуры. Династія микадо продолжается въ Японіи около 25 вѣковъ и насчитываетъ болѣе ста представителей. Послѣ историческаго очерка докладчикомъ была показана масса прекрасно исполненныхъ діапозитивовъ, дающихъ наглядное представленіе о семейномъ и общественномъ бытѣ современныхъ японцевъ. По типу современныхъ японцевъ принято раздѣлять на два вида, монгольскій—простонародный (докладчикъ считаетъ его полннезійскимъ) и корейскій—благородный, на самомъ дѣлѣ типовъ можно насчитать до пяти видовъ, почти до европейскаго включительно. Японцы крайне воспримчивы къ европейской культурѣ и легко приспособляются къ орудіямъ современной техники. Главнымъ занятіемъ страны является земледѣліе и именно культура риса, требующаго большаго удобренія, получаемого главнымъ образомъ изъ селенокъ, покушаемыхъ Японіей на Сахалинѣ (до 1½ мил. пуд.). Вся жизнь японца-горожанина проходитъ почти на улицѣ, такъ какъ японскіе дома днемъ совершенно открыты, благодаря раздвижнымъ стѣнамъ. Японцы и японки отличаются своей чистотой и опрятностью, а, благодаря ежедневнымъ горячимъ ваннамъ, почти не страдаютъ ни кожными болѣзнями, ни ревматизмомъ. Санитарное и медицинское дѣло стоитъ у нихъ довольно хорошо и находится въ рукахъ частной предпримчивости. Китайская медицина и лѣченіе за послѣднія 30 лѣтъ почти безслѣдно пачезли изъ Японіи, уступивъ мѣсто европейскимъ. Школьный вопросъ стоитъ также очень высоко и несмотря на трудность японской азбуки (отчасти еще состоящей изъ китайскихъ гіероглифовъ, отчасти изъ самостоятельной слоговой) почти не существуетъ людей безграмотныхъ. Дѣти начинаютъ обучаться съ трехъ лѣтъ, а на воспитаніе ихъ обращается огромное вниманіе, чѣмъ докладчикъ объясняетъ отсутствие въ Японіи пьянства, дракъ и ругани. Но воспитаніе и обученіе касается исключительно только мальчиковъ, такъ какъ дѣвочки считаются вообще обузой и отдаются въ особыя музыкальныя школы, гдѣ изъ нихъ готовятъ гейшъ. Женщина въ Японіи стоитъ вообще въ подчиненномъ положеніи. Религія въ Японіи является отчасти развлеченіемъ; храмы расположены въ живописныхъ мѣстахъ, и въ нихъ совершаются цѣлыя представленія съ феерическими обстановками. Господствующей религіи нѣтъ, хотя національной считается синто, символомъ которой является зеркало. Японцы чрезвычайные любители театра, гдѣ они проводятъ цѣлыя дни, причемъ могутъ не сходя съ мѣста пить, ѣсть и даже лежать на особо приспособленныхъ для этого матрацахъ. Сцена въ техническомъ отношеніи очень усовершенствована. Пьесы обыкновенно давались съ тенденціознымъ характеромъ, въ нихъ японецъ игралъ всегда угнетенную роль у европейца и, главнымъ образомъ, русскаго. За послѣднее время стали преобладать пьесы характера историческаго, проникнутые древнимъ рыцарскимъ духомъ; этотъ духъ новинизма постепенно сталъ заполнять и искусство, и литературу. Но едва ли такое положеніе вещей долго продолжится; нѣтъ сомнѣнія, что экономическія цѣли Японіи все-таки возьмутъ верхъ. Японія слѣшкомъ поздно выступаетъ на сцену исторіи, что-

бы вести колониальную политику въ духѣ среднихъ вѣковъ. Завоеванія Японіи могутъ быть только экономическими.

Общество востоковѣдѣнія. 20-го ноября состоялось сообщеніе Е. А. Пашипкина на тему «Историческій очеркъ древняго Египта». Лекція была иллюстрирована многими туманными картинами, различными изданіями и нѣсколькими подлинными предметами древне-египетскаго быта и искусства. Сначала лекторъ далъ очеркъ развитія египтологіи, какъ науки; наука эта молодая, начало ея, какъ серьезнаго историческаго знанія, можно отнести лишь къ первой половинѣ прошлаго XIX столѣтія. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію исторической жизни. Египтяне пришли въ долину Нила изъ Азіи, вытѣснили изъ нея туземцевъ ливійской расы и въ теченіе первыхъ тысячелѣтій ихъ жизни на африканскомъ материкѣ образовывали будущее великое государство. Въ третьемъ тысячелѣтіи до Рождества Христова Египетъ началъ проявлять колонизаторскую дѣятельность на югѣ, въ Нубіи, но расцвѣтъ могущества Египта надо отнести къ XV и XIV вв. до Р. Х., когда страна, послѣ большихъ и блестящихъ походовъ въ Азію, приобрѣла значеніе міровой державы и вошла въ сношенія съ самыми отдаленными культурными странами того времени (Вавилонъ, Хета). Въ X. в. до Р. Х., съ покореніемъ Египта ассирійцами, начинается уже періодъ упадка, который въ самомъ концѣ имѣетъ однако одно столѣтіе пышнаго ренесанса (625—525 г. до Р. Х.); послѣ этого Египетъ дѣлается персидскою провинціей, затѣмъ подчиняется сильному греческому вліянію подъ властью потомковъ Птоломея, полководца Александра Македонскаго, и дѣлается, наконецъ, простой провинціей Рима, постепенно утрачивая свою самобытность и умирая такъ-сказать естественною смертію. Лекція вызвала шумные аплодисменты.

Профессоръ М. Соколовскій. 29-го ноября въ Краковѣ праздновали 30-ти-лѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора исторіи доктора Марьяна Соколовскаго, члена академіи наукъ и корреспондента центральной исторической комиссіи въ Вѣнѣ. Юбиларъ родился въ Ломжинской губерніи, университетскіе годы пробылъ въ Пештѣ, Гейдельбергѣ и Вѣнѣ, а съ 1878 году, состоялъ профессоромъ исторіи искусствъ въ Краковѣ. Изъ дѣлаго ряда сочиненій Соколовскаго упомянемъ слѣдующія: «Kaulbach и Courbet». 1873 г., «Портретная живопись» 1874 г., «Развалины на островѣ озера Ледницы», «Изслѣдованіе объ архитектурѣ дохристіанскихъ и первыхъ христіанскихъ вѣковъ въ Польшѣ» 1876 г., «Археологическія изслѣдованія въ Галиційской Русси» 1883 г., «Die Italienischen Künstler der Renaissance in Krakau» 1885 г., «Византійская и русская средневѣковая культура» 1888 г.

НЕКРОЛОГИ.

БЛЯВСКІЙ, Е. В. 1-го декабря скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоръ Васильевичъ Блявскій. Покойный участвовалъ въ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ печати менѣе двухъ лѣтъ. До 1902 года дѣятельность его всецѣло была посвящена народному образованію. По окончаніи курса сперва въ смоленской духовной семинаріи, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ, Е. В. выступилъ въ 1861 году на педагогическое поприще въ качествѣ учителя русскаго языка въ одной изъ московскихъ гимназій. До своего назначенія въ 1886 году директоромъ Александровской гимназіи въ Ригѣ, покойный преподавалъ русскій языкъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ издалъ немало учебныхъ книгъ, быстро распространившихся въ школьной средѣ. Съ 1866 года дѣятельность его въ теченіе пятнадцати лѣтъ сосредоточилась въ Прибалтійскомъ краѣ. Находясь во главѣ въ то время первой и единственной русской гимназіи, онъ неуклонно проводилъ въ дѣло воспитанія дѣтей гуманность, индивидуализацію и уваженіе личности учащагося. При немъ гимназія замѣтно улучшилась и обогатилась церковью. Досуги своей педагогической дѣятельности Е. В. посвящалъ мѣстной общественной жизни, обращая особенное вниманіе на развитіе народнаго просвѣщенія. Онъ предсѣдательствовалъ, между прочимъ, въ мѣстномъ русскомъ литературномъ кружкѣ, устроилъ первую народную читальню-библіотеку, руководилъ комиссіей по устройству публичныхъ чтеній и пріютилъ въ помѣщеніи гимназіи женскую воскресную школу. Когда при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ бытность министромъ Н. П. Бо-

гольцова, была образована комиссія по реформѣ средней школы, покойный въ качествѣ свѣдущаго и опытнаго педагога былъ приглашенъ къ участию въ ея занятіяхъ и предсѣдательствовалъ въ секціи комисіи по русскому языку. Покойнымъ составлены учебники: «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языковъ, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго» (3-е изданіе, Москва, 1886 года), «Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ» (4-е изданіе, Москва, 1883 года), «Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій съ приложеніемъ темъ и сочиненій» и друг. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9968; «Слово», 1903 года, № 272).

† **Вагнеръ, Е. Е.** 14-го ноября скончался ординарный профессоръ и деканъ химическаго отдѣленія Варшавскаго политехническаго института императора Николая II Егоръ Егоровичъ Вагнеръ. Покойный родился въ 1849 году въ Казанской губерніи, первоначальное образованіе получилъ сначала въ частномъ нѣмецкомъ пансіонѣ около Риги (въ Биркенру), потомъ дома, а высшее въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета со степенью кандидата въ 1894 году и въ томъ же году былъ избранъ въ стипендіаты для подготовленія къ профессорскому званію, а затѣмъ командированъ для той же цѣли въ 1875 году въ С.-Петербургскій университетъ; въ послѣднемъ онъ былъ назначенъ лаборантомъ при кафедрѣ химіи въ 1876 г. Въ 1882 году Е. Е. занялъ мѣсто доцента по кафедрѣ сельско-хозяйственной и лѣсной технологіи въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новоалександріи, а затѣмъ въ томъ же году перешелъ на кафедру общей и аналитической химіи. Въ 1885 году по защитѣ диссертациі «Синтезъ вторичныхъ спиртовъ и ихъ окисленіе» онъ былъ удостоенъ С.-Петербургскимъ университетомъ степени магистра химіи и въ томъ же году утвержденъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ. Въ 1886 году Е. Е. перешелъ на службу въ варшавскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ органической химіи, а по защитѣ въ 1888 году въ С.-Петербургскомъ университетѣ докторской диссертациі «Къ реакціи окисленія непередѣльныхъ углеродистыхъ соединеній» былъ назначенъ въ 1889 году ординарнымъ профессоромъ и въ этой должности оставался до 1902 года, когда оставилъ Варшавскій университетъ. Въ 1898 году покойный былъ назначенъ членомъ комитета по сооруженію Варшавскаго политехническаго института императора Николая II, а съ открытіемъ института въ томъ же году — ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ химіи и деканомъ химическаго отдѣленія; въ этихъ должностяхъ онъ оставался до своей кончины. Имя покойнаго пользовалось заслуженной извѣстностью среди химиковъ всѣхъ странъ. Е. Е. унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей характерныя черты двухъ народностей — размашистость и ширь русскаго характера и пунктуальность и щепетильность нѣмецкаго; эти двѣ черты положили отпечатокъ на характеръ работъ покойнаго: область его изслѣдованій поражала своею ширью, а самыя изслѣдованія стройностью и полнотой даже въ мелочахъ. Магистерская и докторская диссертациі покойнаго и рядъ позднѣйшихъ работъ, предметомъ которыхъ были изслѣдованія въ одной изъ наиболѣе темныхъ и трудныхъ

для разработки областей химии — химии терпеновъ, являются образцовыми. Кроме этихъ капитальныхъ работъ, покойнымъ отдѣльно и совместно съ учениками произведенъ рядъ изслѣдованій, относящихся къ различнымъ областямъ органической химии, а также напечатанъ рядъ статей по вопросамъ общей химии. Е. Е. обладалъ крупнымъ педагогическимъ талантомъ: его лекціи по ясности формы, цѣлостности и систематичности содержанія приковывали вниманіе слушателей и нерѣдко вызывали нескрываемый восторгъ; онъ обладалъ даромъ вселять въ молодежь любовь къ наукѣ, и къ нему стремилась она, чтобы утолить жажду знанія; покойный далъ цѣлый рядъ учениковъ, которые пошли по слѣдамъ своего любимаго учителя и посвятили себя наукѣ. За ученые работы, имѣющія важное научное значеніе, и за педагогическую дѣятельность покойному первому была присуждена въ 1899 году русскимъ физико-химическимъ обществомъ большая премія имени его знаменитаго учителя А. М. Бутлерова. Съ 1898 года покойный принималъ участіе въ трудахъ комитета по постройкѣ сначала временнаго, а потомъ постоянно помѣщенія Варшавскаго политехническаго института; роскошныя и устроенныя по послѣднему слову науки химическія лабораторіи института обязаны своимъ возникновеніемъ неуныннымъ трудамъ покойнаго. Е. Е. былъ членомъ-учредителемъ общества естествоиспытателей при Варшавскомъ университетѣ, неоднократно былъ избираемъ въ председатели его и въ трудахъ его принималъ самое дѣятельное участіе. Наука понесла въ лицѣ Е. Е. Вагнера невознаградимую утрату. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9954; «Варшавскій Дневникъ», 1903 г., № 323; «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 314; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 568).

† **Видгальмъ, И. М.** 25-го ноября скончался лаборантъ зоологическаго кабинета Новороссійскаго университета Игнатій Мартыновичъ Видгальмъ, одинъ изъ старѣйшихъ служащихъ въ названномъ университетѣ, знатокъ мѣстной фауны, особенно популярный на югѣ Россіи въ качествѣ изслѣдователя вредныхъ насѣкомыхъ. Покойный И. М. былъ сынъ члена городского суда въ Регенсбургѣ. Окончивъ въ Мюнхенѣ городское училище св. Людовика, дальнѣйшее образованіе получилъ въ королевскомъ голландскомъ институтѣ, гдѣ кончилъ четырехклассную латинскую школу. Далѣе Видгальмъ прошелъ подъ руководствомъ профессора Зибольда, энтомолога Крихбаумера и консерватора Куна практическій курсъ зоологіи, тахидерміи и энтомологіи. Приглашенный І. Н. Шатиловымъ въ качествѣ натуралиста-орнитолога, переселился въ Россію въ 1860 г. Уже первые дни по пріѣздѣ въ Россію (Одессу) посвятилъ приведенію въ порядокъ зоологическаго музея Рихельевского лица, куда перешелъ на службу осенью 1862 г. въ качествѣ препаратора. Въ 1864 году былъ назначенъ консерваторомъ зоологическаго кабинета вновь открытаго Новороссійскаго университета. Въ теченіе всего этого времени Видгальмъ, кроме обязанностей службы при зоологической и зоотомической лабораторіяхъ и кабинетахъ при профессорахъ Байковѣ, Маркузенѣ, Стюартѣ, Мечниковѣ, Ковалевскомъ и Зеленскомъ, во все время существованія Новороссійскаго университета исполнялъ обязанности хранителя и лаборанта при кафедрѣ анатоміи чловѣка и въ препарированномъ и анатомическомъ покоѣ и кабинетѣ университета при про-

фессорахъ д-ръ Бернштейнъ, д-ръ Строгановъ и проф. Ревяховъ. Независимо отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, покойный посвящалъ массу времени и энергію зоологическимъ работамъ: производилъ, по порученію различныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и комитетовъ (общества естествоиспытателей, этнологической комиссіи, филлоксернаго комитета и т. п.), многочисленные экскурсіи и наблюденія, результаты которыхъ изложены въ цѣломъ рядѣ статей и (печатныхъ) отчетовъ, участвовалъ въ энтомологическихъ и другихъ съѣздахъ и интересовался также нѣкоторыми вопросами, относящимися къ областямъ, близкимъ къ зоологіи въ тѣсномъ смыслѣ, — очень усердно изучалъ ископаемые остатки рыбъ въ окрестностяхъ Одессы (объ ископаемыхъ осетровыхъ рыбахъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ статью въ видѣ приложения къ «Запискамъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей»). И. М. состоялъ членомъ: 1) общества естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ; 2) общества акклиматизаціи животныхъ въ Москвѣ; 3) энтомологическаго общества въ С.-Петербургѣ; 4) общества сельскаго хозяйства южной Россіи; 5) общества сельскаго хозяйства Полтавской губерніи; 6) одесскаго общества садоводства; 7) филлоксернаго комитета; 8) комитета шелководства; 9) энтомологической комиссіи и 10) общества рыболовства въ С.-Петербургѣ. Въ лицѣ И. М. Видгальма университетъ потерялъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ своихъ членовъ, а одесскіе зоологи — хорошаго товарища и не замѣнимаго сотрудника. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1903 г., № 305; «Одесскія Новости», 1903 г., № 6151).

† **Герардъ, В. Н.** 7-го декабря въ Петербургѣ скончался одинъ изъ блестящихъ представителей русской адвокатуры Владимиръ Николаевичъ Герардъ. Покойный родился въ 1839 году. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи. Образованіе получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, курсъ котораго окончилъ въ 1859 году. По окончаніи Училища правовѣдѣнія, покойный служилъ нѣсколько лѣтъ въ сенатѣ и въ юридической комиссіи царства Польскаго въ 1866 году, съ введеніемъ новыхъ судебныхъ установленій, онъ перешелъ на службу въ с.-петербургскій окружной судъ, въ качествѣ члена суда. На этомъ посту В. Н. оставался недолго — всего два года. Въ 1868 году онъ оставилъ службу и перешелъ въ адвокатское сословіе, въ которомъ и оставался до конца своей жизни. В. Н. принадлежалъ къ числу немногихъ оставшихся въ живыхъ первыхъ адвокатовъ реформированнаго суда. На представителяхъ адвокатуры лежала тогда большая отвѣтственная задача. Трудность проведенія въ жизни великой реформы возлагала большую моральную отвѣтственность передъ обществомъ на всѣхъ участниковъ этого дѣла. В. Н., въ качествѣ члена суда и въ качествѣ одного изъ первыхъ адвокатовъ, не мало поработалъ для того, чтобы реформированный судъ занялъ въ глазахъ общества то высокое положеніе, которое по справедливости принадлежитъ ему теперь. В. Н. быстро завозвалъ себѣ выдающійся успѣхъ и полное уваженіе со стороны всѣхъ своихъ товарищей. Уже черезъ годъ В. Н. былъ избранъ членомъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и съ того времени постоянно оставался въ совѣтѣ, избираемый впоследствии на должность товарища председателя, а два года назадъ, послѣ П. А. Потѣхина, и председателемъ. Имя В. Н., какъ

адвоката пользовалось огромною популярностью и вся его адвокатская деятельность прошла, такъ сказать, на виду публики. Тридцать пять лѣтъ непрерывной, плодотворной, необыкновенно продуктивной работы, работы недюжиннаго человѣка... да это дѣлая горы побѣдъ, триумфовъ, лавровъ и горы терпѣній, лишеній и мукъ!.. Адвокатская дѣятельность В. Н. отличалась чрезвычайно разносторонностью: въ отличіе отъ всѣхъ другихъ свѣтилъ адвокатуры, В. Н. соединялъ въ своемъ лицѣ и адвоката-«криминалиста» и «цивилиста». И на томъ и другомъ поприщѣ—и въ уголовномъ, и гражданскомъ процессѣ—В. Н. стоялъ на одинаковой высотѣ, недостижимой для очень многихъ. Его рѣчи, правда, были чрезвычайно просты. В. Н. былъ противникомъ всякихъ сложныхъ разсужденій. Онъ строилъ свою рѣчь на простыхъ, но ясныхъ, непреложныхъ тезисахъ. Его логика была неотразима, а его огромная эрудиція сообщала рѣчи строго научную обоснованность. Кромѣ того, его рѣчь была всегда необычайно жива и была проникнута пылкостью, характеризовавшею темпераментъ этой высокоодаренной, можно сказать, одухотворенной натуры. Съ именемъ В. Н. Герарда связано воспоминаніе о рядѣ громкихъ процессовъ. Процессы Квитницкаго, Непенина, Звѣздочетова, Мельницкихъ и мн. другіе, теперь почти уже забытые, въ свое время были предметомъ горячихъ споровъ и создали В. Н. громкую славу. Кромѣ того, В. Н. выступалъ почти во всѣхъ политическихъ процессахъ, между прочимъ, въ знаменитомъ процессѣ 173-хъ въ 1878 г. Со многими изъ своихъ кліентовъ, уже осужденныхъ, В. Н. не порывалъ связи и всячески помогалъ имъ и деньгами, и своими связями у вліятельныхъ лицъ, стараясь добиться облегченія ихъ участи. И до послѣдняго времени В. Н. приходилось удовлетворять просьбы, обращенныя къ нему изъ Тобольска, Якутска, Минусинска и другихъ мѣстъ и Сибири, назначенныхъ для жительства ссылнымъ. В. Н. Герардъ былъ вообще рѣдкой души человѣкъ. Его благотворительность была чужда шума и необыкновенно деликатна. Къ нему могъ явиться любой нуждающійся и никогда не получалъ отказа. Многие отъ него получали ежемѣсячное содержаніе, немало учащихся пользовались его стипендіями. Но когда нужно было, когда единоличныя силы оказывались недостаточными, В. Н. умѣлъ привлечь къ своей дѣятельности широкое общественное участіе. Именно такимъ образомъ поступилъ В. Н. въ дѣлѣ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Покойный создалъ собственными усилиями отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, привлекъ къ нему вниманіе общества, сгруппировалъ вокругъ себя преданныхъ дѣлу людей... и въ сравнительно короткое время изъ ничего стали возникать пріюты, убѣжища, гдѣ малолѣтніе невинные страдалцы неустройства и темноты общественной жизни встрѣчали впервые человѣческое отношеніе къ себѣ, гдѣ впервые въ этихъ слишкомъ рано очерствѣлыхъ сердцахъ пробуждалась любовь къ ближнему, жажда ласки и любви. При IV отдѣленіи общества охраненія народнаго здравія была организована комиссія по защитѣ дѣтства съ широкою программой дѣятельности. В. Н. охотно принялъ единогласное предложеніе председательствовать въ этой комиссіи и съ обычной энергіей занялся ея организаціей. Работа въ комиссіи, благодаря энергіи В. Н., кипѣла: былъ разобранъ вопросъ объ ограниченіи правъ родительской власти, подвергнуты обсужденію

законодательныя предположенія правительственныхъ комиссій по вопросу о защитѣ дѣтства, выработаны ходатайства о предоставленіи возможности возбужденія дѣлъ по защитѣ дѣтей какъ благотворительнымъ учрежденіямъ, такъ и родственникамъ ребенка и т. д., попутно разбирались вопросы о необходимости устройства специальныхъ школъ и лѣчебно-воспитательныхъ заведеній для дѣтей-эпилептиковъ, о дѣтяхъ на сценѣ, о малолѣтнихъ ремесленникахъ и т. д. Если просмотрѣть журналы засѣданій комиссій, можно убѣдиться, какую массу труда туда вносилъ В. Н., какъ горячо относился онъ къ этому дѣлу и какъ ясно сознавалъ необходимость пробужденія общественнаго вниманія не только къ матеріальнымъ нуждамъ дѣтей, но и къ нравственной сторонѣ жизни ребенка. Этому очень трудному, не имѣющему подъ собою законной почвы дѣлу В. Н. успѣлъ придать такую крѣпость, поставить его настолько твердо, что защита дѣтей стала выражаться въ формахъ, о которыхъ раньше нельзя было и думать. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ дѣятельности В. Н. было преобразование отдѣла защиты дѣтей въ самостоятельное общество; противъ этого была сильная оппозиція, но В. Н. сумѣлъ вложить столько убѣдительности въ свою рѣчь, что обособленіе было принято чуть ли не единогласно. Говоря о В. Н., нельзя обойти молчаніемъ одной еще выдающейся способности покойнаго. Онъ былъ прекраснымъ чтецомъ, изящнымъ, вдумчивымъ и сердечнымъ; иногда В. Н. выступалъ публично на благотворительныхъ вечерахъ и всегда имѣлъ большой успѣхъ. Покойный, впрочемъ, имѣлъ счастье быть оцѣненнымъ при жизни и добился отъ нея всего лучшаго, что она можетъ дать общественному дѣятелю. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9973; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 607; «Новости», 1903 г., № 342; «Русское Слово», 1903 г., № 336; «Новости Дня», 1903 г., № 7365; «Кіевская Газета», 1903 г., № 338; «Донская Рѣчь», 1903 г., № 327).

† **Глубоковскій, М. Н.** 11-го декабря въ Москвѣ скончался докторъ Матвѣй Никаноровичъ Глубоковскій, почти 20 лѣтъ жизни трудившійся на поприщѣ московской журналистики. М. Н. родился 27-го октября 1857 года въ Вологодской губерніи. Будучи сыномъ сельскаго священника, учился въ вологодской духовной семинаріи, затѣмъ окончилъ курсъ въ специальныхъ классахъ московскаго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, отбылъ воинскую повинность, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1885 году лѣкаремъ. Служилъ театральнымъ врачомъ, но эта служба отнимала у него немного времени. Дѣятельность его была посвящена почти всецѣло московской журналистикѣ. Онъ безъ устали работалъ въ различныхъ изданіяхъ, печатая статьи по разнообразнымъ вопросамъ политики, науки и общественной жизни. Въ студенческіе годы онъ самъ испыталъ большую нужду, занимался между прочимъ корректурой и былъ регентомъ одного изъ пѣвческихъ хоровъ. Занятія съ хоромъ дали ему богатый матеріалъ для составленія руководства «Гигіена голоса для артистовъ, учителей и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ», изданнаго имъ въ 1889 году и выдержавшаго два изданія. Вышло и второе изданіе этой книги, съ добавленіемъ главы «О запканіи». Съ 1890 года М. Н. Глубоковскій задумалъ издавать «общепонятно-научный иллюстрированный

журналъ по всеѣмъ отраслямъ естествознанія»—«Наука и Жизнь». Программа его была чрезвычайно обширна. Сюда входили и замѣтки о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, усовершенствованіяхъ, и статьи по медицинѣ, сельскому и домашнему хозяйству, и свѣдѣнія по исторіи наукъ и промышленности; помѣщались, наконецъ, и различныя остроумныя и научныя игры и задачи. М. Н., совмѣщавшій должности издателя и редактора, являлся въ то же время самымъ ревностнымъ сотрудникомъ своего дѣтища-журнала. Трудно перечислить ту массу его статей и замѣтокъ по зоологій, ботаникѣ, физикѣ и математикѣ, которыя были напечатаны за періодъ существованія «Науки и Жизни» (1890—1894 года). Усердно работая надъ этимъ журналомъ, М. Н. въ то же время лелѣялъ мечту о другомъ общедоступномъ научно-популярномъ изданіи. Съ 1894 года онъ началъ выпускать книжки новаго изданія «Дѣло»,—журнала, который и по своей цѣнѣ (рубль въ годъ), и по легкости изложенія, являлся, дѣйствительно, вполне общедоступнымъ. Дешевая подписная плата не могла, однако, окупить всю стоимость литературнаго предпріятія Глубоковского, и «Дѣло» просуществовало, къ сожалѣнію, очень недолго (до 1899 года). На страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. выступилъ впервые семнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1886 году. Съ этихъ поръ на столбахъ этой газеты не переставали появляться его живыя, увлекательныя замѣтки по различнымъ текущимъ вопросамъ, преимущественно изъ міра политики и науки. Дѣятельно работая въ этой газетѣ и въ собственныхъ журналахъ, М. Н. Глубоковскій принималъ также участіе и на страницахъ другихъ периодическихъ изданій, напримѣръ, въ «Московскомъ» и «Русскомъ Листкѣ», «Царь-Колоколѣ» и «Русскомъ Обозрѣніи». Въ послѣднемъ журналѣ была, между прочимъ, помѣщена любопытная статья покойнаго «Царь-Колоколъ и проекты его возобновленія». (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9979; «Московскія Вѣдомости», 1903 года, № 340; «Русское Слово», 1903 года, № 341).

† **Пановъ, А. В.** 5-го декабря въ Нижнемъ Новгородѣ скончался Александръ Васильевичъ Пановъ. Родился покойный А. В. въ Костромской губерніи въ 1865 году. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія и сначала учился въ костромской семинаріи, а затѣмъ въ духовной академіи въ Казани. Покойный принадлежалъ къ числу блестящихъ учениковъ академіи, на котораго возлагались большія надежды. Когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, его предназначали въ профессора русской исторіи при академіи. Однако, покойный не окончилъ академіи, покинувъ ее всего за три недѣли до окончательныхъ экзаменовъ. Спокойное будущее при академіи онъ промѣнялъ на безпокойный трудъ литератора. Сначала, въ 1892 г., онъ сдѣлался секретаремъ редакціи «Волжскаго Вѣстника», но затѣмъ, оставивъ его, прибылъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ былъ бібліотекаремъ всеословнаго клуба и частной бібліотеки Попова. Библіотека всеословнаго клуба, являющаяся въ настоящее время едва ли не лучшей въ Новгородѣ, обязана этимъ, въ значительной степени, неуспыннымъ трудамъ и знаніямъ покойнаго. Покинувъ Нижній, покойный жилъ въ Самарѣ, гдѣ былъ секретаремъ бюро по приписанію занятій сельско-хозяйственнымъ рабочимъ, и, заинтересовавшись этимъ вопросомъ, написалъ о немъ нѣсколько

статей въ «Русскомъ Богатствѣ». Изъ Самары онъ переселился въ Саратовъ, гдѣ принималъ участіе въ «Саратовскомъ Дневникѣ», помѣщая также статьи по земскимъ вопросамъ и въ мѣстномъ земскомъ изданіи. Изъ Саратова онъ переселился снова въ Нижній, гдѣ и прожилъ около года, почти все время больной. А. В. принималъ дѣятельное участіе во многихъ газетахъ въ качествѣ корреспондента, а также помѣщая статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ и библиографическія. Назовемъ здѣсь «Волжскій Вѣстникъ», «Самарскую Газету», «Вятскую Газету» (земская), «Саратовскую Недѣлю» (земская), «Саратовскій Дневникъ», «Курьеръ», «Русскія Вѣдомости», «Сынъ Отечества», «Право» и другія. Изъ журналовъ статьи его появлялись въ «Мірѣ Божіемъ» и «Русскомъ Богатствѣ». Отдѣльно имъ была издана два раза (второе изданіе дополненное и исправленное) библиографическая книжка: «Домашнія бібліотеки», разошедшаяся въ большомъ количествѣ экземпляровъ. (Некрологи его: «Нижегородскій Листокъ», 1903 года, № 334; «Волгарь», 1903 года, № 334; «Волжскій Вѣстникъ», 1903 года, № 266; «Приазовскій Край», 1903 года, № 326; «Сѣверный Край», 1903 года, № 322, «Саратовскій Дневникъ», 1903 года, № 264).

† **Переяславцева, С. М.** 1-го декабря въ Одесѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончалась Софья Михайловна Переяславцева — выдающаяся русская женщина, снискавшая себѣ почетную извѣстность въ наукѣ, докторъ зоологіи Цюрихскаго университета. С. М. дочь генерала, въ 60-хъ годахъ жила въ Курскѣ, гдѣ стоялъ полкъ ея отца, въ то время полковника, и училась въ мѣстной женской гимназіи. Когда полкъ отца перевели въ другой городъ, то С. М. помѣстили въ частномъ пансіонѣ для гимназистокъ, и она все свое свободное время проводила въ чтеніи серьезныхъ книгъ, преимущественно по естественной исторіи, составляла гербарій и коллекціи. Всѣ знавшіе эту скромную, тихую дѣвушку поражались ея выдержаннымъ характеромъ и большимъ требніемъ, вовсе не предполагая въ ней будущаго ученаго, и только близкимъ друзьямъ ея было извѣстно, что она по окончаніи гимназіи намѣревается заняться естественными науками въ объемѣ университетскаго курса и дальше работать въ томъ же направленіи. Упреки ея подругъ, увлекавшихся въ то время общественными вопросами, за ея олимпійское спокойствіе и какое-то отшельническое настроеніе она обыкновенно отпарировала заявленіемъ, что всякая, хотя и скромная, работа можетъ быть полезна для общества, и наибольшая польза получится при томъ условіи, если каждый возьмется за честное дѣло, къ которому чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ. По окончаніи курской гимназіи съ золотой медалью С. М. Переяславцева нѣкоторое время жила въ Харьковѣ, гдѣ слушала публичныя лекціи по химіи, и частнымъ образомъ занималась анатоміей, ботаникой и зоологіей. Затѣмъ она уѣхала въ Цюрихъ, гдѣ окончила естественный факультетъ со степенью доктора естествовѣдѣнія. По возвращеніи въ Россію она получила мѣсто завѣдующей зоологическою станціей въ Севастополѣ, гдѣ пробыла 12 лѣтъ, работая по изслѣдованію морскихъ микроорганизмовъ и сдѣлавъ немало открытій, которыя въ кругу ученыхъ по этой спеціальности считаются очень цѣнными. Вдумчиваго, сосредоточеннаго характера, питая неизмѣнную любовь къ наукѣ, С. М. проявляла и

заботливое материнское отношеніе къ младшимъ членамъ своей семьи. Въ то же время она съ любовью занималась музыкой. Среди стеклянныхъ бассейновъ и разставленныхъ на окнахъ, на стѣнахъ и на полу всевозможныхъ разбѣровъ банокъ (наполненныхъ морской водой, водорослями и инфузоріями, за которыми С. М. ѣздила въ море часто одна безъ гребца) обрѣталось мѣсто и для піанино. А среди ученыхъ занятій она находила время и охоту востаться съ младшими сестрами и братьями, готовить ихъ къ экзаменамъ и т. п. Послѣ Севастополя С. М. жила въ Одессѣ и тамъ продолжала работать для науки. Въ 90-хъ годахъ она работала на одной изъ зоологическихъ станцій въ Неаполитанскомъ заливѣ и у береговъ Франціи. Туда она была командирована московскимъ обществомъ естествоиспытателей и въ Неаполитанскомъ заливѣ нашла *Nerilla antennata*, самое маленькое изъ породы аннелидовъ (кольчатыхъ червей) въ 0,001 мил. длины и 0,0001 мил. ширины. С. М. подробно описала его строеніе въ «Mémoire sur l'organisation de la *Nerilla antennata*». Изъ другихъ ея работъ на французскомъ языкѣ извѣстны натуралистамъ: «Protozoë de la mer Noire», «Le développement de la *Carpelia ferox*» и «Monographie de Turbellariés de la mer Noire»; на нѣмецкомъ: «Einige Beobachtungen über die Nase der Fische», и на русскомъ: «О размноженіи инфузорій посредствомъ дѣленія», «О пищеvarеніи турбелларій» и «Эмбриональное развитіе коловратокъ» и др. Всѣ эти работы очень цѣнятся учеными, что доказали тѣ овалціи, которыми С. М. была встрѣчена на одномъ изъ съездовъ естествоиспытателей въ Россіи. Въ послѣдніе годы она жила въ большой нуждѣ, и только небольшая пожизненная пенсія отъ академіи наукъ давала ей нѣкоторую возможность продолжать научныя работы. Весною нынѣшняго года она изъ Москвы перѣехала въ Одессу, гдѣ съ ней случился ударъ, и послѣдніе два мѣсяца она прожила въ ужасныхъ страданіяхъ. (Некрологи ея: «Новое Время», 1903 года, № 9969; «Южная Россія», 1903 года, № 307; «Одесскій Листокъ», 1903 года, № 311; «Одесскія Новости», 1903 года, № 6157; «Харьковскій Листокъ», 1903 года, № 1273; «Слово», 1903 года, № 274).

† **Родзевичъ, И. И.** 16-го ноября въ Петербургѣ скончался Пгнатій Пгнатовичъ Родзевичъ. Покойный получилъ извѣстность въ началѣ 80-хъ годовъ, когда онъ былъ издателемъ и редакторомъ газеты «Московскій Телеграфъ». Это была большая газета либерально-прогрессивнаго направленія, отличавшаяся тѣмъ, что большая часть ея содержанія состояла изъ извѣстій, передававшихся по телеграфу изъ Петербурга. Въ то время еще не было телефона, и «Московскій Телеграфъ» былъ первою газетою, пользовавшеюся собственнымъ телеграфнымъ проводомъ. Кромѣ телеграммъ, въ газетѣ помещались передовыя статьи, фельетоны, иностранныя извѣстія и т. д., при чемъ самъ редакторъ участвовалъ во многихъ отдѣлахъ. Вообще газета велась настолько живо, интересно и талантливо, что скоро приобрѣла довольно значительное (для начинающаго органа) распространеніе. У Родзевича была собственная типографія и нѣкоторыя средства, но послѣднія скоро изсякли, тѣмъ болѣе, что газета въ короткое время испытала цѣлый рядъ каръ. Такъ, въ 1882 году она получила первое предостереженіе за статью въ № 1, второе предостереженіе за статью въ № 15 и третье съ пристановкой на четыре мѣсяца за статьи въ №№ 80

и 81. по возобновленіи она получила скоро опять первое предостереженіе, а затѣмъ была воспрещена ея розничная продажа. Въ 1883 году послѣдовало второе предостереженіе, и вскорѣ послѣ того состоялось закрытіе газеты по рѣшенію четырехъ министровъ. Пробовалъ послѣ того покойный издавать газету «Свѣточъ», но она была также закрыта въ 1885 году. Послѣ этихъ неудачъ Родзевичъ оставилъ мысль о газетѣ и сосредоточился на типографіи и службѣ въ городскомъ кредитномъ обществѣ, но и тутъ ему не повезло: онъ вынужденъ былъ оставить службу, и его типографія была продана съ аукціона. Позже онъ переселился въ Петербургъ, завѣдывалъ тамъ одно время чужою типографіей. Онъ происходилъ изъ дворянской помѣщичьей семьи, кончилъ курсъ рязанской гимназіи, а затѣмъ юридическій факультетъ Московскаго университета. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1903 года, № 327; «Вольнь», 1903 года, № 238).

† **Голубинскій, Д. Ѳ.** 23-го ноября въ Сергіевскомъ посадѣ скончался на 75 году жизни старѣйшій изъ профессоровъ Московской духовной академіи, заслуженный профессоръ, д. ст. сов. Дмитрій Ѳедоровичъ Голубинскій. Сынъ знаменитаго основателя теистической философіи—протоіерея Ф. А. Голубинскаго,—почившій профессоръ по образованію—магистръ богословія Московской духовной академіи выпуска 1854 года. Въ томъ же году онъ занялъ въ академіи кафедру физики и геометріи, а съ закрытіемъ этой кафедры въ 1870 году, согласно новой программѣ 1869 года, перешелъ на кафедру естественно-научной апологетики. Въ 1864 году Д. Ѳ. избранъ ординарнымъ профессоромъ, а два года тому назадъ—заслуженнымъ ординарнымъ. Съ именемъ Д. Ѳ. связано много ученыхъ трудовъ. Покойному принадлежитъ много цѣнныхъ трудовъ апологетическаго характера: «Христіанскія размышленія объ устройствѣ земли», «О кругообращеніи атмосферы», «Разборъ и опроверженіе ложнаго мнѣнія о кивотѣ Завѣта», «О времени празднованія Пасхи въ православной церкви и западныхъ христіанъ», «О соотношеніи устройства земного шара съ условіями жизни», «Органы слуха и голоса», «Христіанскія размышленія о суточныхъ и годовыхъ перемѣнахъ на земномъ шарѣ», «Изъ исторіи естественно-научной апологетики въ Россіи» и мн. др. Въ послѣднее время профессоръ былъ занятъ вопросомъ о календарѣ. Свои взгляды по этому предмету онъ изложилъ въ разсужденіи «Вопросъ объ уравниніи года гражданскаго съ астрономическимъ». Послѣ смерти извѣстнаго профессора Волотова, покойный былъ избранъ отъ святѣйшаго синода въ члены комиссіи по вопросу о календарѣ при академіи наукъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, № 9963; «Пріазовскій край», 1903 года, № 316; «Бессарабець», 1903 года, № 308; «Кіевлянинъ», 1903 года, № 328).

† **Яровицкій, А. В.** 22-го ноября скончался сотрудникъ «Нижегородскаго Листка» Алексѣй Васильевичъ Яровицкій, писавшій подъ псевдонимомъ «А. Корневъ». Покойный учился въ Московскомъ университетѣ, изъ котораго долженъ былъ выйти въ 1899 г. и съ 1900 года сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Нижегородскаго Листка». За время своего пребыванія въ редакціи «Нижегородскаго Листка», покойный помѣстилъ въ нашей газетѣ много разсказовъ и нѣсколько стихотвореній подъ псевдонимомъ «А. Корневъ». Изъ разсказовъ его

назовемъ: «Красивая», «Ночью», «Двойникъ» и друг. Последнимъ произведеніемъ Алексѣя Васильевича въ «Нижегородскомъ Листкѣ» былъ очеркъ: «На Волгѣ», помѣщенный въ 306, 307 и 310 нумерахъ газеты. Печатался этотъ очеркъ, когда Алексѣй Васильевичъ былъ уже боленъ, и едва ли онъ читалъ его въ печати. Кромѣ «Нижегородскаго Листка», покойный помѣщалъ свои рассказы въ «Курьерѣ», Самарской Газетѣ», «Сѣверномъ Краѣ» и «Южномъ Обзорѣни». Одинъ его рассказъ былъ помѣщенъ въ журналѣ «Жизнь». Рассказы его были отмѣчены лирическимъ настроеніемъ и страстнымъ стремленіемъ къ добру. Вообще это былъ человѣкъ страстный къ добру, къ общественнымъ идеямъ, къ которымъ онъ относился, какъ къ своимъ личнымъ. Сравнительно мало еще удалось ему сдѣлать, но память о немъ, о его личности и высокомъ настроеніи надолго останется въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ его. Съ его смертью «Нижегородскій Листокъ» потерялъ хорошаго, добросовѣтнаго работника и беллетриста, не лишенаго таланта, а общество — честнаго и способнаго человѣка, искренно преданнаго тому, что онъ считалъ добромъ и истиной. (Некрологи его: «Нижегородскій Листокъ», 1903 г., № 321; «Самарская Газета», 1903 г., № 234; «Сѣверный Край», 1903 г., № 312).

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Еще о Кавказскихъ водахъ.

Трудно угодить на всѣхъ.... Такъ, напримѣръ, моя статья въ сентябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, цитированная многими столичными и почти всѣми мѣстными газетами, не понравилась г-жѣ О. Гнѣдичъ, «рожденной Байковой», дочери «бывшаго контрагента водъ», покойнаго А. Байкова.

«Въ интересахъ истины» г-жа Гнѣдичъ полѣстила въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» письмо, въ которомъ приписываетъ своему отцу «созданіе» Желѣзноводска, Ессентуковъ, основаніе въ Пятигорскѣ первой типографіи, «посѣщеніе всѣхъ заграничныхъ курортовъ», приглашеніе изъ-за границы ученыхъ инженеровъ, приведеніе въ порядокъ Провала и даже экспортъ водъ, которому онъ, покойный Байковъ, далъ, будто бы, «широкое примѣненіе»... Г-жа Гнѣдичъ перечисляетъ даже такія «начинавія» бывшаго контрагента, какъ электричество, трамвай и разбивка парковъ, «которыя остались у него неосуществленными за недостаткомъ средствъ»... несмотря на правительственную субсидію въ 32 тыс. рублей въ годъ, получавшуюся этимъ «контрагентомъ», — слѣдуетъ прибавить.

Для меня вполне понятны чувства дочери, руководившія письмомъ г-жи Гнѣдичъ, и я, по всей вѣроятности, оставилъ бы ея письмо безъ отвѣта. Къ

сожалѣнію, г-жа Гнѣдичъ, въ концѣ своего письма, довольно смѣло называетъ мой отзывъ о дѣятельности бывшаго контрагента водъ «легкомысленной хулою» и даже дѣлаетъ мнѣ упрекъ, что я, говоря о дѣятельности А. Байкова, «довѣрился воспоминаніямъ старожиловъ», а не обратился къ ней «за свѣдѣніями и указаніями» (?), тѣмъ болѣе, добавляетъ г-жа Гнѣдичъ, что она «это лѣто проводила въ Кисловодскѣ»...

Вотъ эта «хула» и эти фразы и обяыываютъ меня отвѣчать г-жѣ Гнѣдичъ.

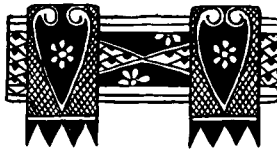
Желѣзноводскъ, какъ и другія группы, созданъ не «бывшимъ контрагентомъ» А. Байковымъ, а высокочтимымъ, понынѣ здравствующимъ докторомъ С. А. Смирновымъ, основавшимъ, ровно 50 лѣтъ тому назадъ (т.-е. за 15 лѣтъ до появленія на водахъ Байкова) русское Бальнеологическое общество на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, тѣмъ С. А. Смирновымъ, котораго такъ единодушно чествовали въ минувшемъ сентябрѣ этого года, во время бывшаго бальнеологическаго сѣзда врачей на упомянутыхъ водахъ, и въ честь коего существуетъ въ Желѣзноводскѣ особый источникъ его имени.

Экспорта водъ во времена контрагентства Байкова тоже не было: пла только, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, вода Ессентуковъ № 17.

Статья моя о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ написана не «по воспоминаніямъ старожиловъ», а по моему личному, давнему знакомству съ водами и по документальнымъ свѣдѣніямъ. Разказы и «воспоминанія» врачей, проживающихъ на водахъ десятки лѣтъ, я также принималъ во вниманіе, когда писалъ свою статью. Всѣ эти свѣдѣнія я предпочитаю тѣмъ, что могли бы дать мнѣ близкіе родственники бывшихъ контрагентовъ, комиссаровъ и директоровъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ... Къ госпожѣ же Гнѣдичъ я не могъ бы обратиться еще и по той причинѣ, что статья моя была сдана въ редакцію журнала въ маѣ мѣсяцѣ совсѣмъ законченною, — и, поэтому, обращаться къ г-жѣ Гнѣдичъ «за свѣдѣніями и указаніями» было бы слишкомъ поздно, — если бы даже я и зналъ о томъ событіи, что она «это лѣто проводитъ въ Кисловодскѣ»...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-Петербургъ,
16-го декабря 1903 г.

САМОЗВАНКА

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ И СЕМИ КАРТИНАХЪ

(въ 3-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ по двѣ картины).

И. В. ШПАЖИНСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13
1904

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица.

Княжна [она же Алина, принцесса владимирская], 21 года.
Филиппъ-Фердинандъ, владѣтельный князь голштейнъ-лимбургскій, 42 л.
Баронъ Фонъ-Горнштейнъ, министр курфирста трирсакаго, другъ князя.
Графиня Теофила Моравская, сестра князя Радзивилла.
Панъ Доманскій, членъ Барской конфедераціи, молодой человекъ.
Франциска фонъ-Мешеде, камермедхень княжны.
Фрицъ, старый слуга князя Лимбургскаго.

СЦЕНА: гостиная въ замкѣ Оберштейнъ [въ Лотарингіи]. Прямо стеклянная дверь на террасу въ паркъ, лѣвѣво—во внутреннія комнаты, направо — въ залъ. Мебель и обстановка въ стилѣ Людовика XV. Дѣйствіе происходитъ раннею осенью 1773 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ и Фрицъ [входятъ справа].

БАРОНЪ.

А гдѣ же князь?

ФРИЦЪ.

Они изволятъ въ паркѣ
Гулять съ ея высочествомъ принцессой.
О васъ я доложить послалъ.

БАРОНЪ.

Скажи,
Я слышалъ—въ Оберштейнѣ не довольны,
Что князь его принцессѣ подарилъ?

ФРИЦЪ.

Что новые порядки не всегда
Бываютъ лучше старыхъ,—всѣмъ извѣстно.
Не такъ ли, господинъ баронъ? У насъ
Изъ старыхъ слугъ осталось только двое.
А новые, по выбору принцессы,
Ей лучше насъ сумѣютъ угодить.
Не такъ ли, господинъ баронъ?

БАРОНЪ.

Быть можетъ.
У васъ тутъ скоро свадьба, мнѣ сказали.
Почтенный Фрицъ, ты долженъ быть доволенъ.

ФРИЦЪ.

Да, если господинъ баронъ изволитъ
Доволенъ быть, то тѣхъ же чувствъ и Фрицъ.
Какъ другъ его высочества, конечно,
Желаете вы счастья ему.
И я желаю счастья. Князь—католикъ.
Принцесса католичество принять
Готовится, чтобъ стать супругой князя,
Но въ церкви протестантской...

БАРОНЪ.

Это какъ?

ФРИЦЪ.

Туда принцесса ходитъ. Къ обращеню
Путь вѣрный, господинъ баронъ. Не такъ ли?

БАРОНЪ.

Довольно странно это!

ФРИЦЪ.

Что же дѣлать!..
Изволите вы знать, въ годахъ извѣстныхъ—
А князю вѣдь ужъ за сорокъ—всегда
Сильнѣй у насъ бываютъ увлеченя
И даже безразсуднѣй... [глядя въ паркъ]
Вонъ принцесса
Итти сюда изволитъ съ княземъ. [Уходитъ].

ВАРОНЪ.

Да,
Несчастный князь! Изъ рукъ авантюристки
Удастся ли мнѣ вырвать честь его?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ, княжна ¹⁾ [въ утреннемъ костюмѣ] и
князь Лимбургскій [входятъ съ террасы].

КНЯЖНА.

Какое утро! что за воздухъ чудный!
Не правда ли, баронъ? [Протягиваетъ ему руку, которую онъ
цѣлуетъ].

КНЯЗЬ [пожимая ему руку].

Желанный гость!

КНЯЖНА.

И я сердечно рада видѣть васъ,
Хотя ко мнѣ вы слишкомъ строги...

ВАРОНЪ.

Я?

Но въ чемъ же?..

КНЯЖНА [съ отгѣнкомъ раздраженія].

Напримѣръ, хоть въ томъ, что я
Безумно расточительна на роскошь,
На прихоти, ни въ чемъ не зная мѣры.
Сейчасъ меня журилъ за это князь,
При чемъ на ваше мнѣніе сослался...

КНЯЗЬ [въ смущеніи].

Зачѣмъ про это? Что за интересъ!
Поспорили немного—и забудемъ.

---

¹⁾ Наружность самозванки гр. А. Г. Орловъ въ донесеніи императрицѣ Екатерины описываетъ такъ: «она женщина роста небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла, ни черна, глаза имѣютъ большіе и открытые, цвѣтомъ темно-каріе, косы и брови темнорусыя». Фельдмаршалъ кн. А. М. Голицынъ въ донесеніи императрицѣ наружность самозванки называетъ «привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительной», добавляя: «нимало не удивительно, что она возбуждаетъ въ людяхъ чувство довѣрія и даже благоговѣнія къ себѣ».

БАРОНЪ.

Не лучше ли отъ власти кредиторовъ
Себя оберегать? Они несносны,
Назойливы...

КНЯЖНА.

Я знаю. Испытала.
Не это ль вы напомнить мнѣ хотите?
Нельзи назвать любезнымъ васъ, баронъ.
Но я неисправима, къ сожалѣнью.
Я цѣну деньгамъ знаю только въ томъ,
Чтобъ брать отъ жизни все для наслажденій.
Вы это суетою назовете,
Но скептикамъ вѣдь мрачно все на свѣтѣ,
А мнѣ прекрасный міръ сіяетъ солнцемъ. [Осматриваясь].
Однако мой костюмъ... Простите! Съ княземъ,
Гуляя въ паркѣ, время мы забыли...

БАРОНЪ.

Оно летитъ такъ быстро для влюбленныхъ!

КНЯЖНА.

О, да! [Смѣясь, посылаетъ ему прощальный жестъ и уходитъ
налѣво].

ЯВЛЕНІЕ III.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ и князь Лимбургскій.

БАРОНЪ.

Вчера я былъ встревоженъ слухомъ,
Что вы рѣшили въ бракъ вступить съ принцессой.

КНЯЗЬ [въ замѣшательствѣ].

Ну, да... Она грозила мнѣ уѣхать...

БАРОНЪ [съ усмѣшкой].

Не въ Персію ли, къ дядѣ?

КНЯЗЬ.

Да, къ нему.

БАРОНЪ.

А вы, чтобъ удержать ее, рѣшили
Связать ея судьбу съ своею бракомъ.

КНЯЗЬ [вызывающимъ тономъ].

И счастливъ, что успѣлъ склонить ее
Союзъ нашъ закрѣпить предъ цѣлымъ свѣтомъ.

БАРОНЪ.

Я въ этомъ «счастьѣ» очень сомнѣваюсь.

КНЯЗЬ.

Баронъ, вы скептикъ.

БАРОНЪ.

Больше: я вашъ другъ.
А гдѣ же документы о рожденьи
Невѣсты вашей? Надо видѣть ихъ.

КНЯЗЬ [въ замѣшательствѣ].

Пока ихъ нѣтъ... Она достанетъ вскорѣ...

БАРОНЪ.

Они васъ образумятъ, можетъ быть.
Мнѣ очень жаль, что долженъ, для спасенья
Отъ брака недостойнаго, открыть
Вамъ прошлое ея...

КНЯЗЬ.

Ахъ, что мнѣ въ этомъ!..
Я слышалъ кое-что... Злословья много,
Особенно чтобъ счастье омрачить,
Которое всегда и всѣмъ завидно..
О, свѣтъ такъ золъ!

БАРОНЪ.

Когда не справедливъ.

КНЯЗЬ.

Глупецъ, кто слѣпо вѣритъ въ справедливость
Людскихъ суждений, милый мой баронъ.

БАРОНЪ.

Друзья не въ счетъ при этомъ, я надѣюсь?

князь.

Друзья, конечно... Ими руководить
Участіе, желаніе добра,
Когда они наносятъ сердцу рану,
Непрощенную правду раскрывая...

баронъ.

Пусть такъ. Я больше здѣсь не пророню
Ни слова.

князь.

Нѣтъ, простите, другъ, простите!
Быть можетъ, я безумецъ, но любовь
Моя такъ безгранична!.. Я не въ силахъ
Принцессу потерять, мой другъ, поймите!

баронъ.

Зачѣмъ терять! Не нужно только брака.
Вы—князь имперіи Римской. Не забудьте!

князь.

Она—принцесса.

баронъ.

Очень сомнѣваюсь.
Теперь она зоветъ себя принцессой,
А прежде—въ Килѣ, въ Гентѣ, и въ Берлинѣ,
И въ Лондонѣ потомъ была извѣстна
Подъ именемъ то Франкъ, то Шель дѣвицы,
Позднѣй ужъ госпожей Тремуйль въ Парижѣ
Зовутъ ее. Все прошлое ея—
Сплошная цѣпь нелестныхъ походовъ.
Вездѣ она любовниковъ имѣла
И ловко разорять умѣла ихъ.

князь.

Жестоки вы!

баронъ.

Не я жестокъ, а факты.
Въ Парижѣ, вамъ извѣстно, графъ Огинскій —
Посланникъ польскій. Съ нимъ свѣда знакомство,
Дотолѣ то француженка, то нѣмка,
Она ужъ стала русскою принцессой.
Понятно, чье вліяніе тутъ было,
И цѣль поляковъ, кажется, ясна.

КНЯЗЬ.

Поляки на нее имѣютъ виды,
Я въ этомъ сомнѣваться не могу.

БАРОНЪ.

Чтобъ жить достойно званію принцессы,
Конечно, нужны средства. И Алина—
Взяла тогда «принцесса» это имя—
Разсказываетъ всѣмъ про дядю Креза,
Персидскаго какого-то вельможу,
Съ богатствами несмѣтными; что ей
Достанется все это по наслѣдству;
Что большее наслѣдство отъ отца,
Владимирскаго князя, ей въ Россіи
Законно будто бы принадлежитъ.
Является кредитъ. Живя роскошно,
Она замѣтна стала въ высшемъ свѣтѣ.
И снова рядъ побѣдъ, вѣрнѣй—паденій...
У ногъ ея и знатный де-Маринъ,
И графъ Огинскій и гофмейстеръ вашъ...

КНЯЗЬ.

Вы вспомнили Рошфора де-Валькура...

БАРОНЪ.

Во Франкфуртѣ, куда отъ кредиторовъ
Принцесса изъ Парижа поспѣшила,
Въ ея сѣтяхъ запутались и вы,
Что стоило значительныхъ вамъ денегъ.
Рошфора заключивъ въ тюрьму—за что,
Конечно, всѣ васъ строго осудили —
Принцессу вы увозите въ Нейсесъ,
Въ своихъ владѣннѣхъ скрывъ ее отъ свѣта.
Тамъ съ «нимфою Калипсо Телемакъ» —
Такъ съ ней себя тогда вы называли —
Въ забвеніи блаженства утопали...

КНЯЗЬ.

Ироніи и красокъ мрачныхъ вы
На этотъ разъ, баронъ, не пожалѣли!

БАРОНЪ [пожимая плечами].

Влюбленному, какъ вы, и въ ваши годы
Естественно смотрѣть на все иначе.
Я долгомъ счелъ сказать, что мнѣ извѣстно.

КНЯЗЬ.

Въ ея натурѣ пылкой—объясненье
Ея непостоянства, увлеченій...
Корысть же, въ чемъ вините вы ее,
Не свойственна ей вовсе. Оберштейнъ
На чьи купилъ я деньги? Ихъ Алина
Сама для этой цѣли предложила...

БАРОНЪ.

Но ей же Оберштейнъ вы подарили.
Мнѣ жаль, что я разстроилъ васъ..

КНЯЗЬ.

Оставимъ.

Займемся лучше книгами. На-дняхъ
Прислали мнѣ прелестныя изданья.
Любитель и знатокъ, вамъ интересно
Ихъ будетъ просмотрѣть. Въ библіотеку
Пойдемте, мой жестокой другъ.

БАРОНЪ.

Пойдемте! [Уходятъ направо].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княжна [(въ изыщномъ костюмѣ) входитъ слѣва, за нею] **Франциска.**

КНЯЖНА [оправляясь передъ зеркаломъ.]

Про что ты говоришь—не понимаю.

ФРАНЦИСКА.

Я слышала, что этотъ злой баронъ...
Онъ князю рассказалъ про все... Онъ знаетъ
Про вашу жизнь, любовниковъ...

КНЯЖНА [прерываетъ].

Молчи!

ФРАНЦИСКА.

Да онъ-то не молчалъ! А нужно ль князю
Про старыя грѣшки всеъ ваши знать?!
Положимъ, князь давно ума лишился,
Когда еще васъ въ Франкфуртѣ увидѣлъ...

Тогда еще Рошфора де-Валькура
Любили вы... Но князь вѣдь легкомысленъ,
Характера неровнаго. Баронъ...

княжна [прерываетъ].

Отстань ты отъ меня съ своимъ барономъ!
И князя мнѣ не очень жалко, если бъ
Баронъ меня избавилъ отъ него.

ФРАНЦИСКА.

На это вы всегда легко смотрѣли...
Не этотъ, такъ другой...

княжна.

Ты вѣтъ какъ судишь!
Но чѣмъ я виновата, что повсюду
Преслѣдовалъ меня докучный рой
Вздыхателей безумныхъ?

ФРАНЦИСКА.

Всюду. Правда.

княжна.

Одинъ, повѣся носъ, вздыхаетъ скорбно;
Отъ ревности другой, мрачнѣе ночи,
Соперника пронзить клянется шпагой;
У ногъ моихъ, пылая страстью, третій
Всѣмъ жертвовать готовъ... Но всѣ они
Лишь были мнѣ забавны... Хоть порою,
Не будучи жестока, вспышкой страсти
Безумцамъ отвѣчала я...

ФРАНЦИСКА.

И часто.

княжна.

Будь слабость то, будь прихоть—покаяньемъ
Не мучила себя за это я.
Какъ пѣнится игристое вино,
Пусть жизнь моя въ веселіи проходить,
И выше для меня всего—свобода!

ФРАНЦИСКА.

Любовь насъ выручала и тогда,
Когда намъ приходилось очень круто,
Спасая отъ нужды и кредиторовъ...

княжна.

И снова мой челнокъ снимался съ мели,
Подхваченный потокомъ бурнымъ жизни...

Франциска.

У пристани теперь вы...

княжна.

Очень скучной.
Въ водѣ недвижной мой челнокъ уныло
Стоять, увязнувъ въ тинѣ.

Франциска.

Ужъ и «въ тинѣ»!
Конечно, князь—находка не большая...
Я—въ смыслѣ томъ, что онъ уже не молодъ.
Но стать супругой имперскаго князя,
Владѣтельной особою—не дурно.
Соскучиться мужчины не дадутъ
И здѣсь вамъ, въ Оберштейнѣ. Панъ Доманскій,
Который прѣзжаетъ изъ Мосбаха,
Мнѣ кажется, влюбленъ въ васъ безъ ума.

княжна.

Доманскій—онъ не дуренъ, строенъ, ловокъ,
Уменъ, краснорѣчивъ... Въ сравненіи съ тѣми,
Которыхъ больше помню я, конечно,
Теряетъ много онъ; но на безлюдьи
Я рада и ему.

Франциска.

Но князь—ревнивецъ.

княжна.

Доманскій этотъ дѣлалъ мнѣ намеки
Довольно интересны... Быть можетъ,
Судьба готовить мнѣ совсѣмъ другое,
Чѣмъ въ скучномъ Оберштейнѣ съ княземъ жизнь.

Франциска.

Охъ, будьте осторожны съ поляками!

КНЯЖНА.

Я вѣрное на призраки мѣнять
Считаю безразсуднымъ.

ФРАНЦИСКА.

Князь идетъ. [Уходитъ налѣво].

ЯВЛЕНИЕ V.

Княжна и князь Лимбургскій.

КНЯЖНА [съ ироніей].

Конечно, менторъ вашъ, баронъ Горнштейнъ,
Опять успѣлъ разстроить васъ...

КНЯЗЬ [горячо].

Ужасно.

Ужасно узнавать со всѣхъ сторонъ
Про ваши походы и связи!
Какихъ мученій стоило мнѣ это!
Откройте же мнѣ правду наконецъ
Про вашу жизнь, рожденіе и дѣтство,
Всю правду, умоляю васъ, чтобъ мнѣ
Не путаться въ сѣтяхъ хитросплетеній
И всякой лжи!

КНЯЖНА.

Не будьте грубы, князь!
Вся жизнь моя за время нашей связи
Извѣстна вамъ. Мнѣ нечего скрывать.

КНЯЗЬ.

Неправда! Съ прежнимъ вы не порывали,
Хотя клялись съ нимъ кончить навсегда.
Съ Огинскимъ въ перепискѣ вы. О чемъ?—
Вы тщательно скрываете. Понятно!
Вѣдь графъ Огинскій былъ въ числѣ другихъ
Любовникомъ въ Парижѣ вашимъ. Тайна
Сношеній вашихъ съ нимъ теперь ясна...

княжна [съ усмѣшкой].

Для ревности слѣпой вездѣ—измѣна.
Скажу, чтобъ насъ достойно пристыдить,
О чемъ писала графу я, извольте!
О Польшѣ, о дѣлахъ ея въ Россіи,
Въ связи съ войной Турецкою; про то,
Что можно отъ Россіи, ободренной
Побѣдами при Чеслѣ, Измаилѣ,
Полякамъ ожидать въ ихъ смутной долѣ.
Объ этомъ графъ Версальскому двору
Мою записку долженъ былъ представить.

князь.

Я въ вашу дипломатію не вѣрю,
Тутъ больше хвастовства, чѣмъ правды. Мнѣ
Не разъ ужъ приходилось убѣждаться,
Что, вѣря вамъ, становишься смѣшонъ.
По княжеству Владимирскому вы
Голицына въ Россіи называли
Своимъ опекуномъ и мнѣ письмо
Къ нему читать давали. Оказалось,
Что это—вздоръ, обманъ совсѣмъ не нужный,
Иль нужный для того, чтобъ скрыть отъ свѣта
Сомнительное прошлое...

княжна [гнѣвно прерываетъ].

Довольно!

На это я достойно вамъ отвѣчу...
Но прежде я спрошу барона... Кстати
Вотъ онъ идетъ. Прошу оставить насъ.

[Князь уходитъ налѣво].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Княжна и баронъ фонъ-Горнштейнъ.

княжна.

Садитесь! Вотъ сюда! [указываетъ ему мѣсто рядомъ съ собою].

Я очень рада

Хоть нѣсколько минутъ вниманье ваше
Занять собою. Рѣдко выпадаетъ
Мнѣ это удовольствіе. Но въ этомъ
Виню себя. О, я въ такой досадѣ!

ВАРОНЪ.

Изъ досадѣ? Почему же?

КНЯЖНА.

Потому,

Что вамъ заслужить расположенъе,
При всемъ желаньи страстномъ—не умѣю.
Для этого умна я не довольно,
А вы умомъ блестящимъ выдаетесь.
Въ любезности я такъ простосердечна,
Что васъ ли, съ вашимъ вкусомъ утонченнымъ,
Занять мнѣ болтовней нестроумной,
Лишенной той игры очарованья,
Которая въ мужчинѣ мысль и чувство
Такъ чудно пробуждаетъ!

ВАРОНЪ [нѣсколько озадаченъ].

Я, принцесса...

Не свѣтскій человѣкъ, а дѣловой...
И лестное сужденъе вамъ, право,
Меня смущаетъ...

КНЯЖНА [лукаво].

Я не говорю,

Что чужды вы пристрастья... Справедливость
Находимъ мы такъ рѣдко вообще [со вздохомъ].
Къ себѣ же я почти ея не знала.
Но вашу прямоту и честность взглядовъ...
Суровья подѣ часъ, цѣню высоко

ВАРОНЪ.

Бываетъ, что въ сужденьяхъ иногда
Я... нѣсколько не сдержанъ... даже рѣзокъ...

КНЯЖНА [грозится].

Бываетъ, о, бываетъ! По себѣ
Я знаю это... [Со вздохомъ].
Можетъ быть, вы правы...

ВАРОНЪ.

Такъ много на себя я брать не стану.

КНЯЖНА.

Я, можетъ быть... дѣйствительно... случилось...
Ошибки... Но судить, всего не зная,

Всего, что пережито было мною,
 Что выстрадано было—справедливо ль?
 Судьба ко мнѣ всегда была сурова.
 Ни материнскихъ ласкъ и попеченій,
 Которыя такъ душу согрѣваютъ,
 Ни помощи отъ преданныхъ людей,
 Ни дружбы безкорыстной—ничего
 Не знала я, баронъ. Печально это!

БАРОНЪ.

Согласенъ съ вами: это не легко.

КНЯЖНА.

Любовью бессознательною къ жизни
 Полна бываетъ юная душа.
 Въ наивности, довѣрчива она,
 Ясна и безмятежна. Слишкомъ рано
 Утратила святыя чувства эти
 Моя душа. Неопытность—обманомъ,
 Довѣрчивость мою—бездушнoй ложью
 Жестоко оскорбляли... О баронъ!
 Я рано испытала горечь жизни,
 Бездушный эгоизмъ людей, ихъ подлость,
 И грубость ихъ страстей и черствость сердца...

БАРОНЪ.

Узнать все это въ юности—ужасно!

КНЯЖНА.

Отъ этого сама, конечно, я
 Не стала лучше... Совѣсти укоры
 Странаньемъ удручали душу мнѣ.
 Но съ княземъ я узнала счастья сладость
 И съ жизнью примирилась. Я вдохнула
 Свободной грудью, съ вѣрой въ обновленье
 И въ свѣтлый миръ души моей разбитой.
 А вы, баронъ, вы стали между нами.
 Но, добрый сердцемъ, развѣ вы способны,
 Участливо принявъ мое признанье,
 Желать, чтобъ снова я въ житейской бурѣ
 Утратила и счастье и покой?
 Не можетъ быть.

ВАРОНЪ.

Принцесса, я надѣюсь
Вамъ поводовъ къ упрекамъ не подать.
КНЯЖНА [встаетъ и подаетъ ему обѣ руки].
Вы милый! вы прелестный! Навсегда
Я въ сердцѣ сохраню минуты эти!
[Давъ ему поцѣловать руку, быстро уходитъ налѣво].

ВАРОНЪ.

Нельзя не пожалѣть ее сердечно,
Коль искренна она!.. Притворство было бѣ
Ужъ слишкомъ нагло... Время намъ покажетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Баронъ фонъ-Горнштейнъ и князь Лимбургскій.

КНЯЗЬ.

Надѣюсь, съ нею не были вы рѣзки?

ВАРОНЪ.

Я рѣзокъ?.. Нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Сердечно благодаренъ.
Обдумалъ я серьезно все, что мнѣ
Открыли про нее вы такъ жестоко...
Мнѣ кажется, вы правы. Мысль о бракѣ
Не лучше ль мнѣ оставить?

ВАРОНЪ.

Какъ хотите.

КНЯЗЬ [удивленно].

Но вы же противъ были! вы сказали...

ВАРОНЪ.

Что зналъ, то рассказалъ по долгу дружбы...

КНЯЗЬ.

Коль вы не противъ брака, — я въ восторгѣ!

ВАРОНЪ.

Невѣсты вашей внутреннихъ достоинствъ
 Не знаю я. Поэтому мнѣ трудно
 За бракъ или противъ высказаться прямо.
 Къ тому же я боюсь упрековъ вашихъ,
 Возможныхъ, если бъ бракъ не состоялся
 И если бъ заключенъ былъ, но не даль бы
 Желаннаго вамъ счастья. Виноватымъ
 Въ обоихъ могъ быть случаяхъ вашъ другъ,
 Что даль совѣтъ въ такомъ невѣрномъ дѣлѣ.
 Прощайте! Мнѣ пора.

КНЯЗЬ.

Останьтесь съ нами!
 Къ чему поспѣшность эта!

ВАРОНЪ.

До свиданья!
 Я вскорѣ навѣщу васъ.

КНЯЗЬ.

Очень радъ.
 Безъ завтрака жъ я васъ не отпущу.
 [Жестомъ приглашаетъ его итти направо. Оба уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Княжна и графиня Моравская [входятъ слѣва и вскорѣ садятся].

КНЯЖНА.

Что новаго, графиня?

МОРАВСКАЯ.

Новостями
 Взволнованы мы всѣ. Мой братъ въ восторгѣ
 И къ вамъ меня послалъ, чтобъ вы скорѣе
 Узнали все, что стало намъ извѣстно.
 Вы сердцемъ—наша. Братъ увѣренъ въ этомъ.

КНЯЖНА.

Я предана такъ князю Радзивиллу,
 Что въ этомъ быть сомнѣнія не можетъ.
 А новости какія?

МОРАВСКАЯ.

Бунтъ въ Россіи,
Казацкій бунтъ, возстаніе народа!
Явился самозванецъ Пугачевъ,
Подъ именемъ покойнаго Петра...

КНЯЖНА.

Россія къ самозванцамъ легковѣрна.

МОРАВСКАЯ.

Отъ искры на Яикѣ разгорѣлось
Чудовищное пламя, и пожаръ
Объялъ ужъ все Поволжье. Къ мятежу
Крестьяне всѣ пристали и башкирцы,
А также черемисы и мордва
И даже ханъ киргизскій. Полчищъ тьма.
Ужъ сколько крѣпостей разбито ими,
Селеній сожжено, усадьбъ дворянскихъ!
И сколько звѣрствъ, убійствъ и грабежа!
Правительства войска разбиты съ Каромъ,
И вскорѣ Оренбургъ падеть навѣрно.
Тогда мятежъ еще грознѣе станеть
И, можетъ быть, Россію потрясеть.
А это намъ совсѣмъ развяжеть руки.

КНЯЖНА.

Понятна мнѣ событій этихъ важность
Для Польши угнетенной...

МОРАВСКАЯ.

Намъ на счастье,
И Швеція войной грозитъ Россіи,
И Франція въ Тулонѣ флотъ готовить,
Чтобъ Турціи помочь.

КНЯЖНА.

Со всѣхъ сторонъ
Заходятъ надъ Россіей грозно тучи.

МОРАВСКАЯ [значительно].

Событія сложились въ вашу пользу...

КНЯЖНА.

Въ мою?!.. Но я при чемъ же тутъ, графиня?

2*

МОРАВСКАЯ.

Узнаете вы вскорѣ. Ожидаетъ
Такая новость васъ!..

КНЯЖНА.

Какая новость?!

МОРАВСКАЯ [уѣлончиво].

Извѣстно мнѣ не все... Вамъ панъ Доманскій
Все дѣло изложить уполномоченъ
Какъ княземъ Радзивилломъ, такъ и всѣми.

КНЯЖНА.

Теряюсь я въ догадкахъ—въ чемъ же дѣло?

МОРАВСКАЯ.

Покажутся вамъ вѣсти эти сказкой
Изъ міра сладкихъ грезъ и сновъ волшебныхъ;
Но должное судьбѣ настало время
Вамъ, столько испытавшей, возвратить. [Встаетъ].
Принцесса, до свиданья! Я спѣшу.
Мы съ княземъ Радзивилломъ во главѣ
Къ вамъ явимся съ сердечнымъ поздравленьемъ...

КНЯЖНА.

По случаю чего? Прошу васъ очень
Не мучить неизвѣстностью меня.
Скажите...

МОРАВСКАЯ [прерываетъ].

Панъ Доманскій все вамъ скажетъ.
Онъ явится, быть можетъ, къ вамъ сегодня.
Отъ васъ онъ безъ ума, какъ всѣ мужчины.
Извѣстна власть того очарованья,
Которая ихъ сразу покоряетъ
И дѣлаетъ рабами вашей воли.
Вы такъ прелестны! [Цѣлуетъ ее].

КНЯЖНА.

Милая графиня,
Вы слишкомъ снисходительны ко мнѣ.

[Провожаетъ уходящую Моравскую до двери и возвращается въ задумчивости .

Какую мнѣ они откроютъ тайну
 Судьбы моей?.. Я съ самыхъ раннихъ лѣтъ
 Вращалась въ вихрѣ пестрыхъ впечатлѣній,
 Волшебной смѣны мѣстъ и лицъ. Но это
 Меня не угнетало. Я стремилась
 Въ мечтахъ честолюбивыхъ къ новой жизни,
 Въ исканьѣ безотчетномъ блеска, власти
 И съ вѣрой страстной въ счастье и любовь.
 И вотъ принцесса я и вскорѣ стану
 Владѣтельною Лимбурга княгиней...
 Но будущность другую предрекаютъ
 Друзья мои... «Изъ міра сладкихъ грезъ
 И сновъ волшебныхъ» будетъ новость эта...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Княжна и князь Лимбургскій.

князь.

Простите! Я разгнѣвалъ васъ, Алина. [Нѣжно цѣлуетъ ея
 руки].

Любовь мнѣ дастъ забвеніе всему,
 Что въ прошломъ есть дурного въ жизни вашей.
 И станете моею вы супругой
 Предъ Богомъ и людьми, хотя бъ весь свѣтъ
 Пошелъ наперекоръ моимъ желаньямъ.

княжна.

До брака васъ со мною не допустятъ
 Родные ваши, папа, можетъ быть...

князь.

А въ случаѣ преградъ неодолимыхъ
 Готовъ я отказаться отъ престола,
 Европу я готовъ для васъ покинуть...

княжна [съ усмѣшкой].

Не въ Персію ль со мной хотите вы
 Совсѣмъ уѣхать, послѣ отреченья,
 Не вѣря въ то, что мой персидскій дядя
 Не вымышленъ, а точно существуетъ?
 Не въ Персію мой путь лежитъ отсюда,
 Скорѣе въ Петербургъ...

князь.

Туда? Зачѣмъ?!

княжна.

Какъ знать—зачѣмъ?.. Давно судьбой моею
Тайнственная воля управляетъ...
Загадочнаго много въ прежней жизни
И въ будущемъ, я чувствую, моемъ...

князь [вспыльчиво].

Тайнственность и эти ожиданья...

княжна [прерываетъ].

Всегда васъ раздражаютъ.

князь.

Да. Еще бы!

Я знаю, что на васъ имѣютъ виды
Въ расчетахъ политическихъ поляки...

княжна [холодно].

Не разъ просила я, чтобъ вы про это
Со мной не говорили никогда!

князь.

Нѣтъ, стану! и интригъ не допущу,
Которыя васъ только унижаютъ!
Извѣстно, что поляки-эмигранты
Въ Парижѣ на Россію умышляютъ,
Стараясь ей чѣмъ можно повредить.
И вы нужны имъ въ тѣхъ же хитрыхъ цѣляхъ.
Игрушкой быть въ рукахъ интриги польской —
Ужели это васъ не возмущаетъ?
Но бракъ со мной всему конецъ положить
И васъ освободить отъ этой роли.
Пусть этотъ незнакомецъ изъ Мосбаха,
Который здѣсь бывалъ у васъ тайкомъ,
Сюда не кажетъ глазъ! Отъ Радзивилла,
Я знаю, онъ, зовутъ его — Доманскій.

княжна [сухо].

Я стану принимать, кого хочу.
Вы знаете отлично это сами.

Я васъ люблю и вами дорожу,
Но больше дорожу своей свободой.
И это васъ запомнить я прошу.

КНЯЗЬ.

Еще бы нѣтъ! Характеръ вашъ извѣстенъ.
Вы можете повѣрить всякой лести.
Она кружить вамъ голову всегда.
Вы съ жадностью ухватитесь за все,
Что ваше честолюбіе затронетъ.
Тогда, себя не помня, вы готовы
На всякій рискъ, на всякое безумство!

КНЯЖНА.

Да, къ счастью, я робости не знаю.

КНЯЗЬ.

Отвага легкомыслию не въ помощь,
А въ явный вредъ!

[Уходит раздраженный].

КНЯЖНА.

Дѣйствительность, однако,
Не въ пользу вашихъ мнѣній, милый князь.
Звѣзда моя не меркнетъ, а восходитъ.
Въ васъ ревность говорить. Она возможна.
Вы правы, что въ порывѣ увлеченія
Безсильна я. Жизнь въ сердце мнѣ вливаетъ
Любви и наслажденій сладкій ядъ.
И власти ихъ оно всегда покорно,
Какъ солнцу все покорно на землѣ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Княжна и Фрицъ.

ФРИЦЪ.

Пріѣхалъ панъ Доманскій...

КНЯЖНА [съ живостью].

Ахъ, проси!

[Фрицъ, поклонившись, уходитъ].

Какая вѣсть?.. Еще страницу въ книгѣ
Судьбы моей откроютъ мнѣ, быть можетъ!..
Волнуюсь я невольно...

[Входящему].

Панъ Доманскій!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Княжна и панъ Доманскій.

ДОМАНСКІЙ [почтительно цѣлуетъ ея руку].

Я къ вашему высочеству посломъ'
Отъ князя Радзивилла.

княжна.

Очень рада.

Ждала васъ съ нетерпѣньемъ, панъ Доманскій.

ДОМАНСКІЙ.

Я счастливъ, что мнѣ выпало на долю
Великую вамъ правду возвѣстить.
Я счастливъ, что изъ устъ моихъ впервые
Услышать вы изволите про то,
Что тайною для васъ священной было.
Узнайте же, что дочь императрицы
Россійской—вы.

княжна [поражена].

Я... дочь императрицы?!

ДОМАНСКІЙ.

Вы — дочь Елизаветы¹⁾. Вашъ родитель —
Супругъ ея, фельдмаршалъ Разумовскій.
Вотъ то, что цѣпью всякихъ ухищреній
Отъ васъ доселѣ скрыто было. Вы—
Законная россійскаго престола
Наслѣдница, княжна Елизавета.

¹⁾ Настоящая дочь Елизаветы отъ брака съ Разумовскимъ носила имя Августы. Въ 1785 г. пострижена въ Ивановскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, подъ именемъ Досиеи. Скончалась 64 лѣтъ въ 1810 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

княжна [усмѣхнулась].

Я чувствовала смутно, что къ чему-то
Давно меня готовить Радзивилль.
Теперь, въ чемъ дѣло, — ясно. Вы, поляки,
На замыслы, враждебные Россіи,
Ужъ слишкомъ смѣлы. Если въ вашихъ цѣляхъ
Ввести меня обманомъ въ заблужденье,
То жертвою интриги я не стану.

доманскій.

«Интриги» нѣтъ, а есть лишь ваше право,
Незыблемое право на престолъ
Имперіи Россійской. Васъ, смущая,
Обманомъ завлекать на путь невѣрный —
Да развѣ бѣ мы посмѣли?! Развѣ я
Не ставлю выше жизни счастье ваше?

княжна.

Любезныя и громкія слова,
Какихъ отъ васъ я слышала немало.

доманскій.

Слова ли только?

княжна [раздумчиво].

Да, судьба моя
Загадками полна... Рожденья тайна...
Во мракѣ неизвѣстности, сомнѣній,
Событій странныхъ дѣтства, для меня
Мучительной оно загадкой было.
И вотъ мнѣ говорятъ: я — дочь царицы!..

доманскій.

О, въ этомъ нѣтъ ужъ болѣе сомнѣнья!

княжна [нервно, съ волненіемъ].

Меня до глубины души волнуетъ
Въ судьбѣ моей такое откровенье...
Вопросъ всей жизни!.. Мыслью потрясенной
Обнять его не въ силахъ сразу я...
Довѣриться блестящему миражу
Величія и власти — роковой
Быть можетъ шагъ, и кто теперь мнѣ скажетъ,

Куда онъ приведетъ меня?... Корона!
 Да, блескъ ея величественъ, прекрасенъ!
 Я имъ ослѣплена. Но путь къ престолу
 Такъ труденъ, такъ опасенъ!..

ДОМАНСКІЙ.

Въ васъ самихъ
 Помимо вашихъ правъ, залогъ успѣха.
 Вашъ умъ блестящій, смѣлость и отвага,
 При вашей красотѣ и обаянѣ,
 Которое плѣняетъ всѣ сердца, —
 Не лучшая ль гарантія успѣха?
 Сама природа дивно васъ надъ всѣми
 Возвысила, избранницу свою.
 И вамъ ли не достигнуть славной цѣли,
 Указанной судьбою вамъ?

КНЯЖНА.

Не знаю.
 Попасть въ водоворотъ борьбы ужасной,
 Быть можетъ, на погибель...

ДОМАНСКІЙ.

Въ насъ опору
 Имѣете вы твердую. И все
 Теперь благоприятно вамъ въ Европѣ,
 Въ самой Россіи. Медлить невозможно.
 Мы быстро путь очистимъ вамъ къ престолу,
 И первый я — клянусь моею честью —
 Для этой цѣли жизни не щадить! [Ставъ на колѣно, цѣлуетъ
 ея руку].

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и князь Лимбургскій.

князь [гнѣвно].

Какая дерзость! Панъ Доманскій, вы
 У ногъ моей невѣсты съ объясненьемъ!!

ДОМАНСКІЙ [вставая].

Я ницъ передъ величіемъ склонился,
 Привѣтствуя російскаго престола
 Наслѣдницу и дочь императрицы.

КНЯЗЬ [княжнѣ, гнѣвно].

Не вѣрьте имъ! Надѣюсь, польскихъ бредней
Довольно съ васъ!

ДОМАНСКІЙ [высокомѣрно].

Святая правда это,
Не «бредни», князь!

КНЯЗЬ [ѣдко].

Ха-ха! [княжнѣ].

Остерегитесь!

Безумно довѣрять себя интригѣ
И замысламъ политики коварной!

КНЯЖНА [глядя передъ собой, не обращая на
него вниманія].

Я — дочь императрицы. Мнѣ вдали
Престоль россійскій царственно сіяеть.
Пусть труденъ путь, но твердою стопой
Итти къ нему мнѣ долгъ повелѣваетъ.

КНЯЗЬ.

Опасная и дерзкая игра,
Въ которой проиграть всего вѣрнѣе!

ДОМАНСКІЙ [восторженно].

Да здравствуетъ россійскаго престола
Законная наслѣдница! Vivat!

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дѣйствующія лица.

Княжна.

Князь Карлъ Радзивиллъ.

Графъ Потоцкій.

Графъ Пржездецкій, староста минскій.

Доманскій,

Чарномскій

Квятковскій

Ковальскій

Микошта, секретарь князя Радзивилла.

Баронъ Кнорръ, гофмаршалъ двора княжны.

Аббатъ Вернардъ.

Де-Беранкуръ, французскій офицеръ.

Гассанъ

Мехметъ

Графиня Моравская.

} польскіе офицеры изъ конфедератовъ.

} капитаны судовъ изъ Варварійскихъ владѣній султана.

Дамы, польскіе и французскіе офицеры.

СЦЕНА: пышный залъ въ домѣ французскаго посольства при Венеціанской республикѣ. Лѣвый уголъ въ глубинѣ составляетъ полукруглый выступъ, въ видѣ фонаря, съ большими окнами, изъ которыхъ видъ на каналъ и панораму города. Въ лѣвой стѣнѣ два окна. Въ широкомъ простѣнкѣ между ними возвышеніе, на которомъ золоченое кресло. Двери въ глубинѣ и направо. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, въ маѣ 1774 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

[На сценѣ] **Квятковскій, Ковальскій, Де-Беранкуръ, Гассанъ, Мехметъ** и нѣсколько польскихъ и французскихъ офицеровъ. [Входятъ] **Чарномскій** и **баронъ Кнорръ**.

ЧАРНОМСКІЙ.

Сегодня здѣсь торжественный пріемъ.
Не правда ль, господинъ гофмаршалъ?

КНОРРЪ.

Да.

[Продолжаютъ разговоръ тихо].

КВЯТКОВСКІЙ.

А кто гофмаршалъ этотъ?

КОВАЛЬСКІЙ.

Присланъ къ намъ
Отъ Лимбургскаго князя для надзора.

КВЯТКОВСКІЙ.

Но птичка улетѣла. Безполезны
Тутъ аргусы.

КОВАЛЬСКІЙ.

Зато полезны деньги,
Откуда бѣ ихъ ни взять. А Кнорръ, конечно,
Явился не съ пустымъ сюда карманомъ.

[Смѣясь отходятъ].

ЧАРНОМСКІЙ [Кнорру].

Подъ именемъ графини Пиннебергъ
Извѣстна здѣсь, въ Венеціи, княжна.
Но кто она — для всѣхъ уже не тайна.
Наслѣдница россійскаго престола
Всеобщій интересъ и массу толковъ
Успѣла возбудить вездѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Микошта [входитъ на послѣдніи слова].

МИКОШТА [пожимая руку Чарномскому].

Къ тому же
Княжна такою блещетъ красотою,
Что взоры всѣхъ невольно привлекаетъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

А турки эти кто?

КНОРРЪ.

Гассанъ, Мехметъ,
Судовъ, стоящихъ въ портѣ, капитаны
Султана изъ владѣній Барварійскихъ. [Уходитъ].

МИКОШТА.

Одинъ изъ нихъ готовъ въ Константинополь
Отсюда насъ съ княжною увезти.

ЯВЛЕНИЕ Ш.

Тѣ же безъ Кнорра и аббатъ Бернарди.

МИКОШТА.

А, патерь!

[Бернарди здороваётся съ нимъ и Чарномскимъ].

ЧАРНОМСКІЙ.

Что же, графъ Огинскій къ намъ
Прійдетъ изъ Парижа?

АББАТЬ.

Графъ?... Не знаю.

МИКОШТА.

Онъ слишкомъ остороженъ.

АББАТЬ.

Можетъ быть.

Едва ль вы осторожность назовете
Порокомъ. Вообще я говорю,
Къ тому, что здѣсь, отнюдь не примѣняя.

ЧАРНОМСКІЙ.

Но онъ ужъ при дворѣ Версальскомъ больше
Посломъ не состоитъ. Теперь Вьельгорскій
Посломъ тамъ нашимъ. Графъ Огинскій могъ бы
Припомнить кое-что. Онъ былъ въ Парижѣ
Поклонникомъ счастливымъ...

КВЯТКОВСКІЙ [подвернувшійся съ Коваль-
скимъ, тихо послѣднему].

На княжну

Аббату намекаетъ панъ Чарномскій.

ЧАРНОМСКІЙ.

И вы, аббатъ, какъ близкій графу, знали...

АББАТЪ [прерываетъ].

Не зналъ я ничего и знать не могъ.
Воспитывалъ племянниковъ я графа
И этимъ былъ всецѣло поглощенъ. [Отходить].

КВЯТКОВСКІЙ [тихо].

Она съ Доманскимъ, кажется, въ амурахъ.

КОВАЛЬСКІЙ.

Пока не приглянулся ей другой.

[Засмѣялись и отходятъ].

ЧАРНОМСКІЙ.

А графъ Огинскій здѣсь намъ нуженъ.

МИКОШТА.

Очень.

ЧАРНОМСКІЙ.

Что Бибиковъ, разбившій Пугачева,
Дѣйствительно... скончался?

МИКОШТА.

Умеръ, да.

ЧАРНОМСКІЙ.

Есть слухъ, что онъ отравленъ...

МИКОШТА.

Можетъ быть.

Не намъ его оплакивать, конечно.
Отъ Волги до Сибири Пугачевъ
Опять теперь всесиленъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

У него

Въ войскахъ конфедератовъ нашихъ много.
Въ союзѣ съ Пугачевымъ намъ удобнѣй
Великую княжну Елизавету
На дѣдовскомъ престолѣ утвердить.

МИКОШТА [аббату, подошедшему на послѣд-
нія слова].

Что вы сказать изволите на это?

АББАТЬ.

Въ политикѣ не право важно — сила.
Лишь выгода преслѣдуется всѣми.
Предъ нею все ничтожно: справедливость,
И долгъ, и честь и чувство состраданья.

ЧАРНОМСКІЙ.

Тому примѣръ — раздѣлъ отчизны нашей.

АББАТЬ.

Умѣніе событія предвидѣть,
Возвыситься надъ общимъ кругозоромъ —
Тѣхъ геніевъ удѣлъ, которымъ міръ
Крупнѣйшими событіями обязанъ.
И въ вашемъ дѣлѣ, столь для васъ серьезномъ,
Важнѣй всего — имѣйте дальновидность.
Избави Богъ, въ расчетахъ на удачу,
Вѣряться слѣпо случаю. Имъ надо
Съ упорствомъ хладнокровнымъ управлять.

КВЯТКОВСКІЙ [подошедшій съ Ковальскимъ,
хвастливо].

Отвага беззавѣтная и храбрость —
Вотъ сила наша, патеръ. Съ смѣлымъ Богъ!

КОВАЛЬСКІЙ.

Вы польской рати равную на свѣтѣ
Не сыщете, любезный патеръ. Мы
Одни побѣды знаемъ!

АББАТЬ.

Если такъ,
Судьба страны мнѣ вашей не понятна.
[Отходи съ подошедшимъ къ нему де-Беранкуромъ].
О Боже! до чего они хвастливы!
Вы слышали?

ДЕ-БЕРАНКУРЪ [кивнувъ головою].

Я ихъ отлично знаю.
Чтобъ Барскихъ поддержать конфедератовъ,

Имъ Франція давала много денегъ
И даже офицеровъ. Въ ихъ числѣ
Имѣлъ несчастье быть въ войскахъ я польскихъ
И видѣлъ всю разнузданность насилій,
Которыми войска конфедератовъ
Свою жъ страну безжалостно терзали.
А ихъ пань-начальники въ разгулѣ
И въ мелкихъ дрязгахъ время проводили,
За пьянствомъ, волокитствомъ и игрой,
Пока не отрезвилъ ихъ всѣхъ Суворовъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тъ же. Входятъ графъ Потоцкій [въ лентѣ], графъ Пржездецкій
и въ концѣ баронъ Кноррь.

МИКОШТА [къ окружающимъ].

Пріѣзжіе: Пржездецкій, графъ Потоцкій...

[Идетъ ихъ привѣтствовать, что раболѣпно дѣлаютъ и другіе поляки].

ПОТОЦКІЙ.

Я князя Радзивилла здѣсь не вижу.

МИКОШТА.

Онъ здѣсь, съ ея высочествомъ княжною. [Уходитъ].

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ [пожимая руку Чарномскому].

Вы тутъ давно?

ЧАРНОМСКІЙ.

Я съ Бриксена ужъ въ свитѣ
Княжны, съ Доманскимъ вмѣстѣ и другими.

ПОТОЦКІЙ.

Мы слышали, что было колебанье...
Что къ частной жизни, къ Лимбургу хотѣла
Княжна вернуться. Правда?

ЧАРНОМСКІЙ.

Да, хотѣла.

Вліялъ Горнштейнъ, другъ Лимбургскаго князя.
Но это колебанье панъ Доманскій
Успѣшно отклонилъ и навсегда.

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

Увѣрены вы въ этомъ?

ЧАРНОМСКІЙ.

Совершенно.

Теперь княжна такъ страстно нашимъ дѣломъ,
Сгорая честолюбьемъ, занята,
Что мѣста колебаньямъ и сомнѣньямъ
Ужъ нѣтъ.

ПОТОЦКІЙ.

Зашли мы слишкомъ далеко,
Чтобъ кончилось ничѣмъ все дѣло наше. [Отходить съ
Пржездецкимъ].
Помѣстья Радзивилла подъ секвестромъ.
Амнистію отвергъ онъ. Изъ Россіи
Доходы прекратятся. Я боюсь,
Что «панъ коханку» вскорѣ разорится.
Тогда безъ средствъ княжнѣ придется плохо.

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

Посмотримъ! При особѣ претендентки
Ничто не держитъ насъ. Уйти успѣемъ.

[Въ смежномъ помѣщеніи хоръ музыки играетъ торжественный польскій маршъ.
Общее движеніе].

КНОРРЪ [входя].

Сейчасъ ея высочество изволитъ
Пожаловать сюда. Прошу для встрѣчи
Мѣста занять. Прошу васъ, господа!

[Размѣщаютъ присутствующихъ и отходить къ дверямъ, которыя распахнулись].

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Входитъ княжна, въ мантии и брилліантовой діадемѣ. Княжну ведетъ подъ руку князь **Радзивиллъ**, въ богатомъ національномъ костюмѣ и въ лентѣ. За ними **Доманскій** подъ руку съ графиней **Моравской**. За ними нѣсколько **дамъ, офицеровъ и Микошта**. Всѣ почтительно склоняются при входѣ княжны. **Кн. Радзивиллъ** ведетъ ее къ креслу на возвышеніе и почтительно цѣлуетъ ее руку.

ВСѢ.

Да здравствуетъ великая княжна!...

[Княжна дѣлаетъ поклонъ и садится. Музыка умолкаетъ].

РАДЗИВИЛЛЪ.

Позвольте вамъ представить вновь прибывшихъ,
Вамъ преданныхъ сыновъ отчизны нашей. [Подводитъ По-
тоцкаго].

Панъ графъ **Потоцкій**.

[Потоцкій цѣлуетъ руку княжны].

княжна.

Васъ въ числѣ друзей
Сердечно рада видѣть, графъ Потоцкій.

радзивицль.

Панъ графъ Пржездецкій.

[Пржездецкій цѣлуетъ ея руку].

княжна.

Слышу я еще
Одно изъ дорогихъ именъ для Польши.
Я счастлива васъ видѣть, графъ Пржездецкій.

радзивицль.

Monsieur де-Беранкуръ, французской службы
Достойный капитанъ. Сражался въ Польшѣ.

[Де-Беранкуръ цѣлуетъ руку княжны].

княжна.

Въ числѣ конфедератовъ? Очень рада.

[Всѣ остальные присутствующіе, исключая аббата и турокъ, подходятъ и цѣлуютъ руку княжны].

РАДЗИВИЦЛЬ [выступаетъ по окончаніи цѣлованія руки].

Позвольте отъ себя и здѣсь стоящихъ
Мнѣ вашему высочеству открыто
Тѣ чувства изложить и упованья,
Которыя волнуютъ намъ сердца.
Вы посланы великимъ Провидѣньемъ
На помощь нашей родинѣ несчастной.
Мы видимъ героиню въ васъ и вѣримъ,
Что къ славѣ путь открытъ судьбою вамъ.
У вашего высочества одни
Враги съ отчизной нашей. За права
Какъ ваши, такъ и Польши угнетенной
Въ борьбу непримиримую мы вступимъ,
Пока не возвратимъ короны вамъ,
А Польшѣ правъ ея и всѣхъ владѣній,
Отторгнутыхъ раздѣломъ незаконнымъ.
Тому виной Россія...

квятковскій [прерываетъ].

И король,

Ея слуга покорный!

КОВАЛЬСКІЙ.

Польшу предаль
Россіи онъ, когда надѣлъ корону!

ПРЖЕЗДВІЦКІЙ.

За то, чтобы на тронѣ удержаться,
Онъ больше былъ готовъ отдать!

КВЯТКОВСКІЙ.

Врага
Другого Польша злѣе не имѣла!

ДОМАНСКІЙ.

За то съ престола свергнутымъ объявленъ
Онъ былъ конфедераціей.

ПОТОЦКІЙ.

Что пользы?

РАДЗИВИЛЛЪ.

А кѣмъ, какъ не Россіей, Понятовскій,
На горе намъ, посаженъ королемъ?
То подкупомъ, то силою Россія
Хозяйничала въ Польшѣ ужъ давно.
Посоль Екатерины, князь Репнинъ,
У насъ распоряжался полновластно,
Какъ въ вотчинѣ своей. За диссидентовъ,
Чтобъ дать права съ католиками имъ
У насъ одни и тѣ же, князь Репнинъ
Въ тюрьму ввергалъ епископовъ, магнатовъ,
Имѣнья ихъ секвестру подвергая,
Хоть папа ¹⁾ самъ былъ противъ диссидентовъ
И въ духѣ томъ посланіе издалъ.

ПОТОЦКІЙ.

А кто причиной? Русскіе средъ насъ
Всегда «своихъ», подкупленныхъ имѣли.
«Россійскихъ партизановъ» кличка имъ
Дана была самой Екатериной
И первымъ Чарторыйскимъ.

---

¹⁾ Климентъ XIII.

ДОМАНСКІЙ.

За враговъ
Отчизны Чарторыйскихъ мы считаемъ.
Наслѣдственный король, отмѣна veto,
Республики чтобъ вольность уничтожить,—
Вотъ планы были ихъ!..

ГОЛОСА.

Мы знаемъ! знаемъ!..

РАДЗИВИЛЛЪ.

Кто русскія войска привелъ въ Литву,
Когда мы за Браницкаго стояли,
Желая возвести его на тронъ?
То были Чарторыйскіе.

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

Позвольте!
Саксонскій принцъ, сынъ Августа, одинъ
Права имѣлъ на польскую корону.

ДОМАНСКІЙ.

Но кстати ли теперь объ этомъ спорить?

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ [ѣдко].

Прошу прощенья! Къ слову я сказалъ.
Почтительнѣйше слушаю.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Мы въ спорахъ,
У насъ обычныхъ, дѣло забываемъ.

[Къ княжѣ].

Тогда въ защиту поправленной свободы
Сошлись конфедераты въ Баръ. Красинскій
Съ Пулавскимъ во главѣ отважныхъ стали,
И вскорѣ разлилось по всей странѣ
Возстанье на враговъ...

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Свою жъ страну
Войска конфедератовъ грабить стали.

ЧАРНОМСКІЙ [пылко].

Не правда! клевета!

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Къ несчастью, правда!

КВЯТКОВСКІЙ [кричить].

Какъ смѣетъ онъ про Барскихъ патриотовъ
Такъ худо говорить!

ДОМАНСКІЙ [вишительно].

Французъ. Оставьте!

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Я въ ихъ рядахъ сражался самъ и знаю.
И Порту на войну тогда съ Россіей
Не Барскіе мятежники подняли,
А Франція, нашъ герцогъ Шуазель,
Да Кауницъ. А вашъ мятежъ безумный
Былъ главною причиною того,
Что Польшу всѣ сосѣди подѣлили.

КВЯТКОВСКІЙ [кричить].

Позвольте! Это дерзость!

РАДЗИВИЛЛЪ [возвышая голосъ].

Перестаньте!

Оставьте споръ! Забыли, кто предъ вами!
Гдѣ должно почтеніе къ той особѣ,
Которой предстоитъ владѣть Россіей
И Польшу къ прежней славѣ возвратить!

ПОТОЦКІЙ [сдержанно]

По поводу раздѣла бѣдной Польши ¹⁾
Я нѣсколько лишь словъ себѣ позволю.
Мы знаемъ въ этомъ дѣлѣ роль Россіи,
Но Австрія и Пруссія, пожалуй,
Еще коварнѣй съ нами поступили.
Въ войну Россіи съ Турціей вмѣшались
Посредничать они, чтобъ легче было
Изъ Польши имъ урвать себѣ куски.
Коварный Фридрихъ Прусскій ужъ давно
Точилъ на Польшу зубы, предвкушая
Захватъ ея земель въ свое владѣніе.
Поэтому врагомъ онъ былъ всегда
Разумныхъ мѣръ на благо Польши.

¹⁾ Рѣчь идетъ о первомъ раздѣлѣ Польши, бывшемъ въ 1772 году.

княжна [встаетъ].

Правда.

Но это лишь политику Россіи
 Въ весьма печальномъ видѣ представляетъ.
 И тѣмъ труднѣй теперь поправить дѣло,
 Что Кауницъ и Фридрихъ такъ сумѣли
 Безъ всякихъ жертвъ Россію обойти.
 При матери моей, Елизаветѣ,
 Не такъ велись дѣла въ былые годы.
 Отечество мое на путь опасный
 Къ гибели ведутъ такіе люди,
 Которымъ довѣрятъ судьбу Россіи,
 Услугами платя имъ за услугу,
 Правительство случайное лишь можетъ.
 Но тронъ Петра Великаго не долженъ
 Быть занятъ иноземною принцессой.
 Какъ внука славной памяти Петра,
 Я больше правъ на тронъ его имѣю,
 И долгъ мой въ томъ, чтобъ ихъ возстановить.

радзивицль.

Вамъ Богъ поможетъ въ вашемъ правомъ дѣлѣ.
 Вся Польша за него возстанетъ съ вами.
 Во Франціи и Турціи имѣя
 Союзниковъ надежныхъ, можемъ мы
 На вѣрную разсчитывать побѣду.
 И близко время то, когда съ восторгомъ
 Вручимъ мы скипетръ вамъ державы русской.

княжна.

Коль Богъ поможетъ мнѣ надѣть корону
 Имперіи Россійской, общаю
 Я Польшѣ возвратить ея владѣнья
 И всѣ ея права возстановить
 И вольности священныя. Да будетъ
 Всевышняго надъ ней благословенье
 И слава, благоденствіе и миръ!

[Уходитъ при кликахъ: «vivat!» «да здравствуетъ княжна Елизавета!» Ее сопровождаютъ Радзивицль, Микошта и дамы. Присутствующіе разбились на группы].

потоцкій.

А въ роль она вошла!

ПРЖЕЗДЕЦКІЙ.

Она умна,
Находчива, ловка и энергична.

ПОТОЦКІЙ.

И правду говорили, что красива.

КВЯТКОВСКІЙ [задорно].

Я этого француза проучу
За дерзость и нахальство!

ДОМАНСКІЙ.

Перестаньте!
До ссоръ ли намъ въ серьезномъ нашемъ дѣлѣ!

АББАТЬ.

Что скажете, monsieur де-Беранкуръ?

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Мнѣ кажется, комедія все это.

АББАТЬ.

Не даромъ графъ Огинскій не пріѣхалъ,
Хоть здѣсь его особенно желали!

КНОРРЪ [громко]

На балъ ея высочество васъ просить
Пожаловать сегодня, господа.

[Всѣ уходятъ, за исключеніемъ Чарномскаго и Доманскаго].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чарномскій и Доманскій.

ЧАРНОМСКІЙ

[объявъ Доманскаго за талію, ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ].

Послушай, другъ! Я долженъ откровенно
Съ тобой поговорить.

ДОМАНСКІЙ.

О чемъ?

ЧАРНОМСКІЙ.

Ты слишкомъ
Серьезно увлеченъ. Съ твоей натурой
Опасно это. Прежде равнодушнѣй
И легче ты смотрѣлъ на дѣло.

ДОМАНСКІЙ.

Да.

Интригою случайно сначала
Считалъ я эту связь, но вскорѣ понялъ,
Что было это грубымъ заблужденъемъ.
Княжна полна такихъ очарованій,
Такъ много обаятельнаго въ ней,
Въ умѣ ея, и въ нѣжности, и въ страсти,
Что связанъ я теперь навѣки съ нею,
И жизнь моя—дѣлить ея судьбу.

ЧАРНОМСКІЙ.

Чего я такъ боялся! Жаль сердечно
Тебя, мой другъ! Ея непостоянство
Одно ужъ причинить тебѣ страданій
Не больше ли, чѣмъ стоитъ эта страсть!

ДОМАНСКІЙ.

Княжна идетъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

Прими совѣтъ мой къ сердцу.

[Поклонившись входящей княжнѣ, уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Доманскій и княжна [безъ манти].

КНЯЖНА.

Скажите, отчего, мой рыцарь вѣрный,
Вы сумрачны? Вы мною не довольны?

ДОМАНСКІЙ.

Не нравится мнѣ этотъ блескъ мишурный.
Онъ слишкомъ увлекаетъ васъ. Безпечны
И веселы вы, чуждая сомнѣній,
А мы еще отъ цѣли далеки.

Мы въ средствахъ стѣснены и зря бросаемъ
 На вздоръ здѣсь кучи золота. У насъ
 Изъ Франціи, изъ Польши набралась
 Тутъ цѣлая толпа авантюристовъ,
 Заносчивыхъ, задорныхъ крикуновъ,
 Людей порочныхъ, съ совѣстью продажной
 И дѣлу больше вредныхъ, чѣмъ полезныхъ...

княжна.

Но внѣшность въ положеніи моемъ
 Огромное значеніе имѣеть.
 Чѣмъ ярче, чѣмъ пышнѣй она, тѣмъ больше
 Кричатъ, интересуются. Молва
 Предшествовать повсюду будетъ мнѣ,
 Въ моихъ же интересахъ. Это ясно.
 А эти господа, мой дворъ «мишурный»,
 Ихъ споры, ихъ задоръ, соревнованье—
 Смѣшны и только. Замкнуты вы очень,
 Одной поглощены идеей...

доманскій.

Вами

И вашею судьбой. Въ душѣ моей
 Другихъ нѣтъ чувствъ и нѣтъ другой заботы.

княжна

[протягивая ему руку, которую онъ цѣлуетъ].

Да, если бы не вы, на подвигъ смѣлый
 Могла я не рѣшиться.

доманскій.

Тѣмъ важнѣе

Отвѣтственность моя, суровѣй долгъ.
 Въ шумихѣ развлеченій, болтовни
 О будущемъ величій, успѣхахъ,
 Мы тратимъ время, дѣло забывая.
 Теперь какъ разъ моментъ благоприятный
 Вамъ прямо заявить свои права.
 Намъ нужно поспѣшить въ Константинополь.
 Оттуда къ русской арміи съ воззваньемъ
 Открыто обратиться нужно вамъ.
 Измѣнчивы, какъ въ небѣ облака,
 Событія въ политикѣ. Сегодня
 Полезно то, что вредно будетъ завтра.

Напъ планъ такъ труденъ, дерзокъ, такъ громаденъ,
Что тысячи препятствій побороть
Придется намъ, пока достигнемъ цѣли.

княжна.

Я знаю это. Разъ ужъ я рѣшилась
Вступить на этотъ путь, гляжу безъ страха
Въ грядущее, рискуя всёмъ на свѣтѣ.

доманскій.

Какъ я для васъ и вашей славы.

княжна.

Знаю

И всей душой люблю за это васъ,
Ревнивый мой ворчунъ.

доманскій.

Ужъ и ревнивый!

княжна.

А кто меня въ кокетствѣ упрекаетъ,
Въ интригахъ легкомысленныхъ, не вы ли?
Я вспомнила невольно Оберштейнъ
И сцены съ княземъ Лимбургскимъ. Онъ, бѣдный,
Сюда мнѣ пишетъ страстные посланья,
Упрашивая стать его женой.
И вы, какъ онъ, ревнивы...

доманскій.

Я ль виновенъ,
Что чувство это стало мнѣ знакомо?

княжна.

Я страсть къ себѣ ни въ комъ не поощряю.

доманскій.

До перваго каприза.

княжна.

Что та-ко-е?!

доманскій.

Простите! Я безумецъ. Сами вы
Больного мѣста нашихъ отношеній

Касаетесь, когда всё силы духа
Для вашего же дѣла мнѣ нужны.

княжна.

Для Польши столько жъ, сколько для меня.
На это я глаза не закрываю.

доманскій.

Увы! отступникъ я. Мнѣ ваше счастье
Дороже счастья родины моей.
Дороже, да!

княжна [цѣлуя его].

Тебѣ я вѣрю, милый!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и князь Радзивилль [съ пакетомъ].

Вотъ важный документъ тотъ, о которомъ
Мы съ вами говорили: завѣщанье.

княжна.

А-а, матери моей, императрицы?

радивилль.

А также дѣда вашего Петра,
Еще Екатерины, бабки вашей. [Достаетъ изъ пакета доку-
менты].

Тутъ съ трехъ духовныхъ копій, и всё
Наслѣдницею русскаго престола
Васъ, внѣ сомнѣній всякихъ, утверждаютъ.

[Княжна просматриваетъ документы].

До лѣтъ, когда принять бразды правленья
Настанетъ время вамъ, Елизаветой
Назначенъ Петръ Голштинскій ¹⁾ государствомъ
Россійскимъ управлять; а вы затѣмъ
Ужъ въ лѣтахъ совершенныхъ всенародно
Должны императрицей всероссійской
Быть признаны безспорно. Такова
Священная для васъ и русскихъ воля
Почившей вашей матери.

¹⁾ Императоръ Петръ III.

КНЯЖНА.

Теперь

Права мои для всѣхъ документально
Доказаны. При помощи Господней,
Я съ духомъ мощнымъ, съ благостію въ сердцѣ
Взойду на прародительскій престолъ.

РАДЗИВИЛЛЪ [торжественно].

Я вижу васъ въ коронѣ и порфирѣ
Сіяющей на тронѣ золотомъ,
Со скипетромъ, которому покорны
Миліоны вашихъ подданныхъ. Я слышу
Восторженные клики ликованья,
Которыми привѣтствуетъ народъ
Свою императрицу.

ДОМАНСКІЙ [вѣжно, глядя на нее съ восхи-
щеніемъ].

Въ ореолѣ

Величія и дивной красоты,
Видѣнемъ лучезарнымъ предо мною
Стоите вы, когда я устремляю
Пытливый взоръ въ таинственную даль.

[За сценой слышно пѣніе хора, подъ звуки мандолинъ].

КНЯЖНА.

Что это?

[Доманскій открываетъ окно въ фонарѣ. На каналѣ видна гондола съ пѣвцами].

РАДЗИВИЛЛЪ.

Серенада.

ДОМАНСКІЙ.

Вамъ съ гондолы,
Какъ гостѣй дорогой морей царицы,
Поютъ венеціанцы свой привѣтъ.

[Княжна медленно идетъ къ окну въ сопровожденіи Радзивилла и слушаетъ пѣніе].

З А Н А В Ъ С Ъ [медленно опускается].

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина первая.

Дѣйствующія лица.

Княжна.
Князь Радзивилль.
Доманскій.
Чарномскій.
Бвятковскій.
Ковальскій.
Воехевичъ, польскій офицеръ.
Микошта.
Аббать Вернади.
Де-Беранкуръ.
Польскіе и французскіе офицеры.

Гостиная въ домѣ французскаго консула при Рагузской республикѣ. Двери: въ глубинѣ и направо, на веранду. Направо окна. Дѣйствіе происходитъ въ Рагузѣ, въ октябрь 1774 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Микошта разговариваетъ съ **де-Беранкуромъ**. Изъ задней двери входятъ **Воехевичъ** и два польскихъ **офицера**.

ВОЕХЕВИЧЪ.

Сегодня у княжны былъ завтракъ знатный!
Какія вина!

МИКОШТА.

Скоро прекратятся
Здѣсь наши пированья. «Панъ коханку»
Совсѣмъ безъ денегъ.

ВОЕХЕВИЧЪ.

Дастъ ихъ панъ Чарномскій.

Агатовыя копи въ Оберштейнѣ
Княжна ему въ залогъ отдать готова.
Доманскій все ужъ отдалъ, что имѣлъ.
Что деньги! Жизни онъ не пожалѣетъ
Для милой сердцу, бѣдный панъ. Она же
Отъ скуки, можетъ быть, ему съ Гассаномъ,
Турецкимъ капитаномъ, измѣняетъ.
А этотъ чортъ въ проклятую Рагузу
Завезъ насъ изъ Венеціи! Къ Царьграду
Нашъ путь лежалъ, а вовсе не сюда.

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Гассанъ не виноватъ. Противный вѣтеръ
И бури насъ въ Рагузѣ бросить якорь
Заставили, къ несчастью. А про сплетни
Насчетъ княжны и турка стыдно вамъ
Злорадно говорить въ ея же домѣ! [Уходитъ въ заднюю
дверь].

ВОЕХЕВИЧЪ [къ остальнымъ].

Не я одинъ. Въ газетахъ похожденья
Княжны зойлъ какой-то описалъ
Гораздо безпощаднѣй. Почитайте!

МИКОШТА.

О ней сенатъ Рагузскій донесенье
Отправилъ въ Петербургъ. Оттуда пишутъ,
Что дѣло тамъ считаютъ пустяками,
Безмысленной затѣей «побродяжки»...

ВОЕХЕВИЧЪ.

Ну, это мы посмотримъ! На веранду
Пойдите, господа, курить.

Одинъ изъ офицеровъ.

Пойдемте!

[Воехевичъ и офицеры уходятъ направо].

ЯВЛЕНИЕ II.

Микошта, сѣвъ къ столу, просматриваетъ бумаги. Изъ задней двери входятъ **Квятковскій** и **Ковальскій**, подпившіе.

квятковскій.

Намъ только бы добраться до Россіи.
А тамъ княжна, ужъ ставъ императрицей,
Богатство намъ и почести и знатность
Рукой разсыплетъ щедрою.

ковальскій.

Еще бы!

Мой знатный родъ даетъ, конечно, право
Мнѣ ближе всѣхъ у трона стать царицы.

квятковскій.

Напрасно ты кичишься славнымъ родомъ
И доблестными предками!

ковальскій.

Напрасно?!

квятковскій.

Твой родъ отъ мѣщанина происходитъ,
Который торговалъ старьемъ на рынкѣ,
А сынъ его у пана пасъ свиней.

ковальскій.

А дѣдъ твой — воръ, грабитель. Какъ собаку,
Въ лѣсу его веревкой удавили!

квятковскій.

Ты лжешь!

ковальскій.

Нѣтъ, ты клеветешь подло, ты!

[Схватились за сабли. Подходить Микошта].

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Доманскій [быстро входитъ на ссору].

ДОМАНСКІЙ.

Опомнитесь, паны! У мѣста ль ссора
Въ покояхъ у княжны! Вы гости здѣсь!

МИКОШТА.

Идите на веранду, прохладитесь!
За завтракомъ венгерское вино —
Не правда ли — ужъ слишкомъ крѣпко было?

[Выпроваживаетъ ихъ на веранду].

ДОМАНСКІЙ.

Вотъ такъ они всегда заводятъ ссоры!
Заносчивость, задоръ! Мы и въ дѣлахъ
Общественныхъ, въ вопросахъ важныхъ—тѣ же,
Какъ въ жизни частной!

МИКОШТА.

Ссоры и раздоры
На сеймахъ нашихъ, съ veto неизмѣннымъ,
Всегда ихъ «разрывали» безразсудно,
Отечеству во вредъ, врагамъ на пользу...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Микошта и Доманскій. Входятъ княжна, аббатъ Бернарди,
де-Беранкуръ и нѣсколько офицеровъ.

КНЯЖНА [де-Беранкуру].

Миѣ пишеть изъ Парижа графъ Бюсси,
Что тамъ въ моемъ успѣхѣ нѣтъ сомнѣнья.
Въ салонахъ всѣ про это говорятъ.

ДЕ-БЕРАНКУРЪ [пожимая плечами].

Быть можетъ... Я извѣстій изъ Парижа
Особенно отрадныхъ не имѣю...
Но вы хотѣли намъ про Пугачева
Подробности сказать...

княжна.

Ахъ, да! Охотно.
Извѣстный Пугачевъ мнѣ братъ родной.
Отцемъ моимъ онъ прижитъ въ первомъ бракѣ,
А матери моей, императрицѣ,
Обязанъ братъ своимъ образованьемъ,
Которое въ Берлинѣ получилъ.
Еще тогда въ мою онъ пользу началъ
Тамъ дѣйствовать, насколько могъ. Онъ зналъ,
Что мнѣ престолъ завѣщанъ, что должна
По всѣмъ правамъ я быть императрицей.
Поднявъ мятежъ въ защиту угнетенныхъ,
Онъ главной цѣлью ставилъ возведеніе
Меня на прародительскій престолъ.

АББАТЪ [съ тонкой усмѣшкой].

Казакъ простой, онъ неучъ, говорили,
Распутный человѣкъ, жестокій извергъ...
Какая клевета! Кому же знать
Всю правду, какъ не вамъ про Пугачева!
Изволили писать султану вы?

княжна.

Писала, да, союзъ свой предлагая.
И, кромѣ брата, много у меня
Приверженцевъ въ Россіи. Русскій флотъ,
Стоящій въ Средиземномъ морѣ, вскорѣ
Права мои признаетъ.

АББАТЪ [переглянувшись съ де-Беранкуръ].

Графъ Орловъ?!..
Начальствуетъ вѣдь онъ эскадрой тою...
А графъ Орловъ... Вамъ лучше знать, конечно,
Возможно ли рассчитывать на то,
Чтобъ вашего высочества слугою
Покорнымъ сталъ Орловъ...

ДЕ-БЕРАНКУРЪ.

Я сомнѣваюсь.
Быть можетъ, вы къ нему уже писали?

княжна.

Писала обо всемъ подробно, да.
[Общее движеніе. Одинъ Доманскій спокоеенъ, но угрюмъ].

Я къ русскимъ морякамъ его эскадры
Въ проектѣ манифестъ ему послала,
Чтобъ самъ Орловъ имъ въ формѣ надлежащей
Его официально объявилъ.

ДЪ-ВЕРАНКУРЪ [горячо].

Откуда взяли вѣру вы въ Орлова,
Что ваше дѣло приметъ онъ серьезно
И станеть помогать, рискуя всѣмъ,
Вамъ въ цѣляхъ низложить Екатерину?!

КНЯЖНА.

Въ немилости теперь Орловы оба.
Заслуги ихъ забыты. Оскорбленье
Имъ гордость не дозволить позабыть;
А смѣлость ихъ, отвага—всѣмъ извѣстны.
Даю я имъ возможность стать у трона.
Враговъ унизивъ, первыми людьми
Опять они польстятся стать въ Россіи.
А если я въ надеждѣ на Орловыхъ,
Къ несчастью, ошибаюсь, я ничѣмъ,
Начавъ игру, конечно, не рискую.
Гдѣ я—Орлову вовсе не извѣстно.
Я съ вами въ безопасности. Увидитъ
Орловъ меня не раньше, какъ принявъ
Защиту правъ моихъ для всѣхъ открыто
И въ преданность его могу я вѣрить
Еще пишу я Панину. Онъ также,
Хотя у власти, врагъ Екатерины,
Конечно, тайный, но не для меня.
Вообще рѣшила дѣйствовать я смѣло,
Съ энергіей, достойной нашихъ цѣлей.
Мой жребій брошенъ. Нѣтъ ни колебаній,
И тѣни нѣтъ во мнѣ сомнѣній прежнихъ.
Мой мозгъ горитъ отъ мыслей безпокойныхъ,
Какъ лучше обезпечить свой успѣхъ;
Какъ лучше въ предстоящихъ мнѣ заботахъ,
Ошибокъ избѣгая, поступать;
Гдѣ помощь, гдѣ опасность, чьи интриги
Труднѣй сломить, и въ чемъ моя опора.
Громадный трудъ!.. [Пауза. Задумалась и вздохнула].

Но я васъ утомляю,

И мнѣ самой хотѣлось бы въ весельи
Забыться отъ заботъ. Въ Рагузѣ скучно,
А я безъ удовольствій увядаю,

Какъ сорванный цвѣтокъ. Не такъ мы жили
 Въ Венеціи прекрасной. Упрекали
 Меня за расточительность и роскошь
 Друзья мои... Вы помните, Доманскій?

ДОМАНСКІЙ [съ натянутой улыбкой и изысканной вѣжливостью].

Роскошные цвѣты — краса природы.
 Въ ихъ радужномъ вѣнкѣ она горда
 И царственно прекрасна. Блескъ и роскошь —
 Такой же ореолъ для красоты,
 Вѣнецъ, въ которомъ, счастье расточая,
 Должна она сіять во мракѣ жизни.

КНЯЖНА.

Любезно очень! Жаль, что кредиторы
 Не такъ, какъ панъ Доманскій, рассуждаютъ.

[Всѣ засмѣялись].

Серьезно, я всегда отъ нихъ бывала
 Въ зависимости скучной.

АББАТЪ.

Въ Петербургѣ
 Заботъ о кредиторахъ ужъ не будетъ.

КНЯЖНА.

О, тамъ для всѣхъ сама богиней счастья,
 Фортуной стану я. Какая радость
 Быть счастьемъ для другихъ! Не въ томъ ли прелесть
 Могущества и власти?.. Ахъ, взойдетъ ли
 Звѣзда моя на сѣверѣ туманномъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Входятъ **Чарномскій** и князь **Радзивиллъ**, очень взволнованные. Немного спустя, съ веранды возвращаются **Воехевичъ**, **Ковальскій** и **Квятковскій**.

ЧАРНОМСКІЙ [съ письмомъ въ рукахъ],

Какія вѣсти! Пишетъ Радзишевскій
 Намъ изъ Царьграда...

КНЯЖНА [испуганно].

Что же?

ДОМАНСКІЙ.

Что такое?

ЧАРНОМСКІЙ.

Что Турціей подписанъ миръ съ Россіей.

[Общее движеніе].

ДОМАНСКІЙ.

Проклятіе!!

РАДЗИВИЛЛЪ [внѣзвѣ].

Чего мы такъ испугались!

ЧАРНОМСКІЙ.

А Франція къ тому склонилась Порту.

РАДЗИВИЛЛЪ [внѣзвѣ].

Еще одна разбитая надежда!

Версальскій дворъ, какъ видите, ужъ къ намъ

Совсѣмъ не такъ относится, какъ прежде.

КНЯЖНА [энергично].

Я въ прочность мира этого не вѣрю.

Мы Турцію на новую войну

Съ Россіей возбудить сумѣемъ вскорѣ.

Возможность перемирія предвидя,

Нашла необходимымъ снова я

Къ султану обратиться. Вотъ письмо.

Прошу его немедленно отправить. [Даетъ Радзивиллу письмо]

РАДЗИВИЛЛЪ [не беретъ его].

Оставьте это! Пользы никакой

Къ султану письма вамъ не принесутъ,

Когда война окончена съ Россіей,

Подписанъ Кайнарджискій договоръ ¹⁾,

И въ Турціи пропали наши шансы.

КНЯЖНА [настоячиво].

Прошу письмо отправить!

РАДЗИВИЛЛЪ [холодно].

Къ сожалѣнью,

Я долженъ отказать вамъ въ этомъ.

---

¹⁾ Кучукъ-Кайнарджискій миръ.

КНЯЖНА [гнѣвно].

Что?

Но вы должны мою исполнить волю!

РАДЗИВИЛЛЪ.

Что долженъ я, чего не долженъ дѣлать,
Я знаю самъ. Бѣда влечетъ другую.
Не все еще сказалъ Чарномскій вамъ.

ЧАРНОМСКІЙ.

Да, новости не всѣ. Еще намъ пишутъ
Что полчища разбиты Пугачева...

[Общее движеніе].

КНЯЖНА.

Разбиты?!

ЧАРНОМСКІЙ.

Ихъ разсѣялъ Михельсонъ.
Мятежъ подавленъ, самъ же Пугачевъ
Въ цѣпяхъ жестокой казни ожидаетъ.

РАДЗИВИЛЛЪ [насмѣшливо].

Вашъ братъ, союзникъ нашъ, не дурно кончил!

КНЯЖНА [гнѣвно].

Смѣетесь вы?! А кто, какъ не поляки,
Союзника мнѣ видѣть въ Пугачевѣ
Настойчиво внушали? Тою смутой,
Которою потрясъ Россію онъ,
Не вы ль мои сомнѣнья побѣждали,
Когда я колебалась, въ вашихъ цѣляхъ,
Вступить на путь борьбы?! Забыто это?!
Теперь, когда схватили Пугачева,
Вы смѣете глумиться надо мной!!
Быть можетъ, вы предать меня готовы,
Какъ трусы малодушные?! Какъ люди,
Душѣ которыхъ сродно вѣроломство?!

РАДЗИВИЛЛЪ [кричить].

Вы дерзки!! удержите свой языкъ!!

КНЯЖНА.

«Дерзка»?—Ха-ха! Чтобъ видѣть вашу трусость,
Которою дурныя вѣсти сразу

Объяли васъ,—быть дерзкою не надо.
Поистинѣ что дерзко: та интрига,
Которой вы опутали меня.
Но разъ я уступила ей, возврата
Ужъ больше нѣтъ, ни вамъ, ни мнѣ, коль честь —
Не звукъ пустой для князя Радзивилла.

[Уходитъ въ сопровожденіи Доманскаго, который вскорѣ возвращается].

ДЕ-БЕРАНКУРЪ [Радзивиллу съ ѣдкой усмѣшкой].

Въ проигранной игрѣ виновенъ тотъ,
Кто ходы рассчиталъ ея невѣрно,
И въ томъ, что королева пѣшкой стала,
Цускай игрокъ пеняетъ на себя.

[Уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, безъ княжны и де-Беранкура.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Вы видите, что дѣло повернулось
Совсѣмъ не въ нашу пользу, господа.
Скажу къ тому, что вы сейчасъ узнали,
Что въ Австріи извѣстны наши планы.
Тамъ вскрыты наши письма и въ газетахъ
Статьи явились вредныя для насъ.

[Доманскій возвращается].

Я лично разоренъ. Секвестръ имѣній
Моихъ въ Литвѣ дѣла мои разстроилъ.
Считая наше дѣло безнадежнымъ
И чтобъ не быть смѣшнымъ въ глазахъ Европы,
Я вынужденъ совсѣмъ его покинуть
И завтра изъ Рагузы уѣзжаю.

[Присутствующіе, жестикулируя, оживленно заговорили между собою].

ДОМАНСКІЙ.

И бросите на гибель ту, которой
Мы голову вскружили въ нашихъ цѣляхъ?
Не будетъ ли безчестнымъ это, князь?
Не будетъ ли постыднымъ вѣроломствомъ?

РАДЗИВИЛЛЪ.

Вы знаете, Доманскій, сколько я,
Болѣя объ отчизнѣ, средствъ и силъ
На дѣло претендентки положилъ.

Событія вверхъ дномъ перевернули
 Расчеты наши въ Турціи, въ Россіи,
 Во Франціи, вездѣ! Кругомъ несчастье.
 Намъ не на что надѣяться. Безумно
 Намъ ради претендентки подвергать
 Отчизну новымъ, тяжкимъ испытаньямъ.
 Оставля чувства личной симпатіи
 Къ прелестной этой женщинѣ, должны
 Въ душѣ имѣть вы родину святую
 И жертвовать ей всѣмъ, какъ дѣлалъ я.
 Красавицѣ-жъ обратно въ Оберштейнъ
 Совѣтуйте покаместъ возвратиться.
 Влюбленный безъ ума въ нее князь Лимбургъ
 Отъ встрѣчи съ нею будетъ въ восхищенѣ.

ДОМАНСКІЙ.

Своимъ словамъ не вѣрите вы сами.
 Вы знаете, возможно ли теперь
 Княжну разубѣдить въ ея надеждахъ,
 Которыя мы сами ей внушили;
 Возможно ли охваченную страстью
 Величія и вѣры въ Провидѣнье
 Лишить сіянья царственной короны,
 Которымъ такъ она ослѣплена.
 Возврата нѣтъ. Ничто уже не въ силахъ
 Ее остановить въ исканьяхъ трона.
 И въ этомъ вся вина лежитъ на насъ.
 И мы жъ на произволъ судьбы ее
 Безжалостно бросаемъ! Невозможно!
 Нѣтъ, это невозможно, князь!

РАДЗИВИЛЛЪ.

Старайтесь
 Внушить ей, что разумнѣй выждать время,
 Пока судьба ей снова улыбнется.
 А голову терять до безразсудства —
 Въ томъ пользы никакой ни ей, ни намъ.
 Старайтесь повліять благопріятно.
 Вамъ легче это, чѣмъ кому нибудь
 Изъ всѣхъ, кто претендентку окружаютъ.

[Дѣлаетъ прощальный жестъ и уходитъ въ сопровожденіи Чарномската]

ДОМАНСКІЙ.

Такой ударъ сразить ее жестоко!

[Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Аббатъ Бернарди, Микошта, Воехевичъ, Квятковскій, Ковальскій
и офицеры.

квятковскій.

Чтобъ чортъ побралъ нелѣпую затѣю
Въ Россіи совершить переворотъ!

ковальскій.

Тутъ столько легкомыслія и риска,
Что нагло одурачены мы всѣ!

воехевичъ.

Какъ раки на мели, съ княжной мы сѣли!

одинъ изъ офицеровъ.

Хорошъ и «панъ коханку»!

квятковскій.

Радзивилль
Оставилъ насъ въ ужасномъ положеньи!

ковальскій.

Нѣтъ имени такому вѣроломству!

воехевичъ.

Нельзя швырять такъ нами!

всѣ [кромѣ аббата и Микошты].

Не позволимъ!

квятковскій.

Отправимся мы всѣ за Радзивилломъ.
Недохнуть же тутъ съ голоду, въ Рагузѣ!

АББАТЪ [съ ироніей].

А графъ Орловъ! Не все еще пропало.
Быть можетъ, онъ поддержитъ ваше дѣло.

квятковскій.

Ха-ха! Наивны вы, аббатъ, я вижу!

АВВАТЪ.

Какъ знать! Въ Россіи много недовольныхъ.
Коль могъ простой казакъ поднять возстанье,
Орлову это легче во сто кратъ!

КОВАЛЬСКІЙ.

Пускай княжна ему отдастся въ руки —
Увидите, что будетъ, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, княжна и Доманскій.

КНЯЖНА [гнѣвно].

Вы здѣсь еще? Измѣна Радзивилла —
Достойный вамъ примѣръ...

МИКОШТА.

Князь столько сдѣлалъ
Для вашихъ интересовъ...

КНЯЖНА [прерываетъ].

Замолчите!

Вступить въ борьбу за тронъ съ Екатериной
Не вы ль меня заставили? Не вы ли
Изъ мирной жизни вырвали меня
И ввергли въ этотъ адъ надеждъ, сомнѣній,
То вѣры, то отчаянья и страха
Не только за судьбу, за жизнь мою?
У ногъ моихъ вы подло пресмыкались,
Чтобъ милостью моею обогатиться,
Изъ шляхты вылѣзть въ знатные вельможи;
Чтобъ я для выгодъ вашего народа,
Магнатовъ вашихъ, шляхты ненасытной,
Пожертвовала цѣлостью Россіи,
Величіемъ ея и силой мощной!..

КВЯТКОВСКІЙ.

Довольно! Намъ изъ устъ авантюристки
Выслушивать постыдно эти рѣчи!

МИКОШТА.

Идемте прочь. Намъ нечего тутъ дѣлать!

[Уходитъ].

КОВАЛЬСКІЙ.

Въ шуты при васъ пусть рядятся другіе,
А намъ срамить себя въ глазахъ Европы
Участиемъ въ продѣлкахъ самозванки —
Нелѣпо и смѣшно!

ВОЕХЕВИЧЪ.

Постыдно даже!

ДОМАНСКІЙ [гнѣвно].

Молчать!! Пускай, кто жизни не жалѣетъ,
Осмѣлится обидѣть дерзкимъ словомъ
Въ несчастьѣ эту женщину!

[Вынимаетъ саблю].

КВЯТКОВСКІЙ.

Однако

Изъ храбрыхъ панъ Доманскій!

всѣ [кромѣ аббата].

Ха-ха-ха!

[Отступаютъ къ двери].

КВЯТКОВСКІЙ.

За даму сердца онъ!

ВОЕХЕВИЧЪ.

Ревнивецъ пылкій!

[Уходятъ со смѣхомъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Аббатъ Бернарди, княжна и Доманскій.

КНЯЖНА [со слезами].

Бросайте всѣ меня и вы, Доманскій!

ДОМАНСКІЙ.

Прошу васъ, успокойтесь! Этотъ сбродъ
Пускай отхлынетъ самъ. Моя жъ судьба
Настолько неразрывна съ вашей долей,
Что если бъ передъ вами эшафотъ
Воздвигся вмѣсто трона, съ вами я
Взошелъ бы на него погибнуть вмѣстѣ!

АББАТЬ.

Зачѣмъ «на эшафотъ»? Избави Боже!..

КНЯЖНА [Доманскому].

Довѣрившись полякамъ вѣроломнымъ,
Чего достигла я?—Измѣны подлой!..
Я такъ несчастна! такъ оскорблена!..

[Рыдаетъ].

ДОМАНСКІЙ [смущенно].

Бываетъ, что въ тяжелыя минуты,
Когда казалось дѣло безнадежнымъ,
Счастливая случайность все спасаетъ..

КНЯЖНА [вспыльчиво]

Какъ глупо это! Я не на «случайность»,
На дѣло я, по вашимъ увѣреньямъ,
Разсчитывать могла.. Вашъ лепетъ дѣтскій
Противенъ мнѣ! «Счастливая случайность»!..
Быть куклою въ рукахъ конфедератовъ,
Полякамъ бросить подъ ноги все то,
Что я съ такимъ трудомъ достигла въ жизни —
Безуміе!.. И кто же, какъ не вы,
Въ томъ первый виноваты?!

АББАТЬ.

Успокойтесь!

Я могъ бы въ затрудненьяхъ вашихъ средство
Одно вамъ указать... хотя, конечно,
Мое предположенье слишкомъ смѣло
И дерзко даже...

КНЯЖНА [съ страстной рѣшимостью].

Я на все готова.

Какое средство?

АББАТЬ.

Вспомните про Римъ.

КНЯЖНА.

Про папу? Это мысль! Съ его вліяньемъ,
Съ могуществомъ его—возможно все!
Блестящая идея!

АББАТЬ.

Я не смѣю

Поддерживать ее съ надеждой твердой...
Святой отецъ превыше всѣхъ настолько,
Что наши упованья на него,
Быть можетъ,—только дерзкія мечтанья;
Но Господу несемъ мы наши скорби,
И въ Немъ единомъ—всѣ надежды наши,
А въ сей юдоли нашъ святой отецъ —
Прибѣжище для ищущихъ защиты...

КНЯЖНА.

Готова я принять католицизмъ
И, ставъ императрицей, Ватикану
Готова подчинить и свой народъ.
Онъ въ римско-католическую вѣру
Со мной, своей царицей, перейдетъ.

АББАТЬ.

Планъ слишкомъ смѣлый. Въ ревностномъ желаньи
Свои права на тронъ осуществить,
Конечно, онъ понятенъ... Но судьбами
Народовъ управляетъ царь Небесный,
А съ вашей вѣрой въ Римъ, съ желаньемъ вашимъ
Стать дочерью нашей церкви, вамъ доступнѣй
Святѣйшаго отца благоволенье.
Мы дѣйствовать начнемъ...

[Удаляется, дѣлая поклонъ на ходу].

КНЯЖНА.

Надежда снова

Мнѣ душу озаряетъ. Прочь сомнѣнья!
Отнынѣ, не щадя ни силъ, ни жизни,
Надѣясь на себя одну, впередъ
Пойду я къ славной цѣли! Вы, поляки,
Мишурной героинею меня,
Покорной вашимъ проискамъ считали.
Геройство покажу я вамъ на дѣлѣ!

[Энергично идетъ къ двери, Доманскій стоитъ удрученный].

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина вторая.

Дѣйствующія лица.

Графъ Аленсѣй Григорьевичъ Орловъ, 38 лѣтъ.

Екатерина Львовна Давыдова, пріятельница Орлова, молодая женщина.

Сэръ Дикъ, англійскій генеральный консулъ въ Ливорно.

Осипъ Михайловичъ Рибасъ, лейтенантъ.

Вольфъ, ординарецъ Орлова.

СЦЕНА: роскошный кабинетъ графа Орлова. Картины въ золотыхъ рамахъ и мраморныя статуи. Двери въ задней стѣнѣ и налѣво. Дѣйствіе происходитъ въ Италіи, въ г. Пизѣ, въ началѣ 1775 года.

ЯВЛЕНИЕ I.

Вольфъ впускаетъ въ кабинетъ сэра **Дика** [въ аннинской лентѣ].

ВОЛЬФЪ.

Графъ проситъ васъ немного подождать.
Сейчасъ онъ выйдетъ.

ДИКЪ.

Всталъ, должно быть, поздно.
Вчера, пріѣхавъ въ Пизу изъ Ливорно,
Палаццо графа видѣлъ я въ огняхъ.

ВОЛЬФЪ.

У насъ былъ балъ.

ДИКЪ.

Живете вы по-царски.
Въ Россіи вообще вельможи ваши
Живутъ богаче герцоговъ нѣмецкихъ.

ВОЛЬФЪ.

А чесменскій герой въ чужихъ краяхъ
Достойно представителя Россіи
Жить долженъ, сэръ.

ДИКЪ.

Вы правы совершенно.

[Вольфъ при входѣ Орлова удаляется].

ЯВЛЕНИЕ II.

Сэръ Дикъ и графъ Орловъ.

ОРЛОВЪ [привѣтливо].

Любезный другъ! И въ лентѣ! Радъ душевно!

ДИКЪ.

Я вашему ходатайству обязанъ,
Что ленту мнѣ прислали.

ОРЛОВЪ.

Перестаньте!

Услуги намъ въ турецкую войну
Большія оказали вы. За это
Вамъ жалуется орденъ сей по праву.

[Садятся].

ДИКЪ.

Здоровы ль вы? Скучаете ль, какъ прежде?

ОРЛОВЪ.

Нѣтъ, очень озабоченъ, не до скуки!

ДИКЪ.

Случилось что?

ОРЛОВЪ.

Явилась самозванка!

Когда чрезъ Монтегю отъ неизвѣстной
Письмо и манифестъ я получилъ,
Я страшно озадаченъ былъ. Враги,
Которые Орловыхъ сжить со свѣта
Хотѣли бы, не разъ уже пытались
Подсылами вовлечь меня въ измѣну,
Мою пытая преданность престолу.
Я тотчасъ же послалъ императрицѣ
Письмо и манифестъ отъ сей особы,
Которая «всклепала на себя»
Княжны великой имя дерзновенно.

ДИКЪ.

Я слышалъ кое-что про личность эту...
Писала вамъ! О чемъ же? Интересно!

ОРЛОВЪ.

Она писала мнѣ, что «долгъ и честь»
Приверженцемъ мнѣ стать повелѣваетъ

Ея законныхъ правъ на русскій тронъ,
 Который мать ея, Елисавета,
 Ей будто бь завѣщаньемъ отказала;
 Что съ Турціей въ союзъ, съ Пугачевымъ,
 Который по отцу ей братъ родной,
 Не трудно ей своей добиться цѣли,
 И чтобъ отнюдь не медлилъ я рѣшенемъ
 Ее провозгласить императрицей...

дикъ [смѣясь].

Не многого ей хочется, однако!

орловъ.

Не столько дерзко это все, сколь глупо.
 Поэтому сначала думалъ я,
 Что тутъ не самозванка, а подвохи;
 Но вѣрный человѣкъ нашель въ Рагузѣ,
 Въ сообществѣ поляковъ, самозванку.
 Такая оказалась. Гамильтонъ ¹⁾
 Ея открылъ мнѣ въ Римѣ пребываніе,
 И льщусь надеждой вскорѣ здѣсь увидѣть
 Пройдоху эту.

дикъ.

Здѣсь, у васъ?

орловъ.

Ну, да.

Въ нуждѣ она, въ рукахъ ростовщиковъ
 Кой-какъ перебивалась, въ ожиданьи,
 Что деньгами, поддержкой Ватиканъ
 Поможетъ ей. Она чрезъ іезуитовъ
 Въ сношенія вошла съ однимъ прелатомъ.
 Какъ съ Гришкою Отрепьевымъ когда-то,
 И тутъ іезуиты помогали...
 На этотъ разъ не вышло ничего.
 Обманутой въ надеждахъ самозванкѣ
 Полиція грозила за долги
 Арестомъ и тюрьмою. Зная это,
 Я Дженкинса банкира подослалъ
 Ей сумму предложить, какую хочетъ,
 А въ то же время мною Христенекъ ²⁾
 Былъ посланъ въ Римъ втереться къ ней къ довѣрью
 И помощью моею оболъстать.
 Отважную, хвастликую при этомъ
 Не трудно заманить въ силокъ.

¹⁾ Англійскій посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ.

²⁾ Штаба Орлова генераль-адъютантъ.

ДИКЪ.

И что же?

ОРЛОВЪ.

А то, что не сегодня—завтра въ Пизу
Пріѣдетъ самозванка для того,
Чтобъ мнѣ свою судьбу и жизнь довѣрить.

ДИКЪ.

Искусный планъ и выполненъ отлично.
Оцѣнить по заслугамъ въ Петербургѣ,
Что вы словить сумѣли претендентку
И тѣмъ конецъ крамолѣ положить.

ОРЛОВЪ.

Не знаю, другъ... Я съ вами откровененъ,
Могу сказать, что думаю про это.
Когда мы воевали съ Портой, я
Измыслилъ планъ всеобщаго возстанья
Стенящихъ христіанъ подъ игомъ турокъ.
И милостиво принять этотъ планъ
Быль матушкой-царицей. «Мы надежны
Къ намъ въ вѣрности и преданности вашей»,
Изволила она мнѣ написать.
«Горячему исканью быть полезнымъ
Отечеству мы вѣримъ»... А потомъ
Коварные явились тутъ подсылы,
Чтобъ я императрицѣ измѣнилъ...
А послѣ Чесмы писано мнѣ такъ:
«Отмѣнная сія побѣда славу
И честь приобрѣла вамъ. Лавры васъ
Отнынѣ, какъ героя, украшаютъ».
Но этого «героя» не призвали
Изъ чуждыхъ странъ служить Россіи дома...
Да что объ этомъ!.. Тамъ теперь Потемкинъ
Въ чести и славѣ, врагъ Орловыхъ лютый...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Рибасъ.

ОРЛОВЪ.

Рибасъ! Ну, что же, нанято палаціо?

РИБАСЪ.

Роскошное и съ полной обстановкой,
Какъ вы сказать изволили.

ОРЛОВЪ.

Чудесно!

ДИКЪ.

Ужъ клѣтка приготовлена для птички!

ОРЛОВЪ.

Два польскихъ офицера, камермедхенъ,
Да трое слугъ еще придутъ съ гостей.
Ты къ ней изъ нашихъ слугъ еще отрядишь,
А также поваровъ. Внушить прислугѣ,
Что должно съ самозванкой обходиться,
Какъ съ царственной особой. Понимаешь?

РИБАСЪ.

Исполнено все будетъ, какъ велите.

ОРЛОВЪ.

И всѣмъ штабнымъ скажи, чтобъ осторожно
Комедию играли, притворяясь,
Что вѣрятъ баснямъ вздорнымъ проходимки.
Намъ нужно усыпить всѣ подозрѣнья,
Которыя возникнуть бы могли
И въ ней самой и въ тѣхъ, кто будетъ съ нею.
Намъ, денегъ не щадя, необходимо
По-царски жизнь ея устроить. Слышно,
Что, будучи завзятою мотовкой,
Пристрастна къ удовольствіямъ она.
Во всемъ мы угождать безъ прекословья
Должны до время ей. Исполнить точно.

РИБАСЪ.

Покойны будьте, графъ.

ОРЛОВЪ.

Ты мной испытанъ.

Я зря ни на кого не полагаюсь.

Ступай теперь, Рибасъ.

[Рибасъ уходитъ.]

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сэръ Дикъ и графъ Орловъ.

ДИКЪ.

Поляковъ мщенемъ

Явилась претендентка на престолъ
Имперіи Россійской за раздѣлъ
Владѣній Польши.

ОРЛОВЪ.

Это несомнѣнно.

Они жъ Елизаветы завѣщаньемъ —
Подложнымъ, разумѣется — снабдили,
Въ обманъ введя, и эту самозванку.
Въ раздѣлъ Польши прусскимъ мы служили,
Не нашимъ интересамъ. Насъ провель
Коварный Фридрихъ. Панину не даромъ
Подарки онъ при письмахъ посылалъ.

дикъ [усмѣхаясь].

Не любите вы Панина!

ОРЛОВЪ.

Не любить

Давно его сама Екатерина.
Чтобъ власть императрицы ограничить,
Не онъ ли учредить совѣтъ верховный
Замыслилъ? Но расчетъ, а также смуты
Держать Никиту Панина у власти
Монархиню однако-жъ вынуждаютъ.
Быль въ пользу Иоанна ¹⁾ заговоръ
Петромъ Хрущевымъ съ Гурьевымъ затѣянъ;
Мировича опять за Иоанна,
На узника навлекшій гибель злую;
Подъ именемъ Петра, до Пугачева,
Немало появлялось самозванцевъ:
Солдатъ Кремневъ, какой-то Асланбекъ,
Армянскаго отродья, и другіе.
Да мало ли еще къ тому причинъ,
Чтобъ въ людяхъ съ вѣсомъ, да при томъ коварныхъ
Враговъ не наживать! И Панинъ въ силѣ.
А братъ Григорій тщетно ждетъ погоды
У моря, въ скучномъ Ревелѣ, забытій.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Давыдова.

ДАВЫДОВА.

Я вамъ не помѣшаю?

ОРЛОВЪ.

О, нисколько!

Я радъ, Екатерина Львовна, очень.
Прошу покорно! [Цѣлуетъ ея руку].

¹⁾ Иоаннъ Антоновичъ.

ДАВЫДОВА [Дикъ, который цѣлуетъ ея руку].
Ваше, сэръ, здоровье?

ДИКЪ.

Отлично, какъ всегда. Благодарю.

ОРЛОВЪ.

У этихъ англичанъ, Господь надъ ними,
И спрашивать не надо про здоровье.

ДИКЪ.

Но и у насъ такихъ атлетовъ, графъ,
Такихъ, какъ вы, красавцевъ очень мало.

ОРЛОВЪ.

Не знаю про себя, а братъ Григорій —
Вотъ писанный красавецъ! Про него
Сама императрица говорила,
Что «нѣтъ его красивѣй въ цѣломъ свѣтѣ».

ДАВЫДОВА [влюбленно гляди на Орлова].

Судить о васъ ужъ женщинамъ позвольте.

ОРЛОВЪ [смѣясь].

Пристрастны вы. «Не по хорошу милъ,
А по милу хорошъ» у васъ всегда.

ДАВЫДОВА.

И въ женской красотѣ мужчины съ нами
Не сходятся въ сужденіяхъ. Посмотримъ,
Чѣмъ такъ обворожать умѣла васъ
Та дама, что изъ Рима къ вамъ пріѣдетъ.
Сэръ Дикъ, у васъ не знаютъ ли, откуда
Взялась у Радзивилла самозванка?

ДИКЪ.

Навѣрное сказать никто не можетъ
И, думаю, сама она: откуда
И кто ея родители. Я слышалъ,
Трактирщица изъ Праги мать ея,
Иль булочника дочь изъ Нюренберга
Особа эта, ищущая трона.

ДАВЫДОВА.

Такъ вотъ она откуда: изъ трактира,
Иль, можетъ быть, изъ булочной нѣмецкой!
Одно другого стоитъ, ха-ха-ха!

ОРЛОВЪ.

Ну, это подъ сомнѣньемъ, мнѣ сдается.

ДАВЫДОВА.

Обманщица она и проходимка!

ДИКЪ [встаетъ].

Вѣрнѣй — она въ обманъ вовлечена.

А что она такое, — мы увидимъ

Стараньемъ графа вскорѣ.

ОРЛОВЪ.

Вы куда же?

ДИКЪ [раскланиваясь].

По дѣлу нужно.

ОРЛОВЪ.

Жду къ себѣ обѣдать.

Пожалуйста! Безъ васъ за столъ не сяду.

[Проводивъ Дика, ходитъ по кабинету].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ Орловъ и Давыдова.

ДАВЫДОВА.

Ты что же станешь дѣлать съ самозванкой?

ОРЛОВЪ.

Въ чужой странѣ я долженъ осторожно,

Безъ всякаго насилья, взять ее.

Мы тутъ на территоріи Тосканской.

Арестъ не мыслимъ. Власти не допустятъ,

Вмѣшается полиція и хуже:

Убьютъ меня отцы іезуиты,

Которые за всѣмъ слѣдятъ, конечно,

Играя роль и въ дѣлѣ самозванки.

Вселить мнѣ надо въ ней слѣбую вѣру

Въ приверженность мою и поощрять

Ея на тронъ безумныя надежды...

Задача не изъ легкихъ!

ДАВЫДОВА [съ усмѣшкой].

Облегчишь

Себѣ ее ты, если «побродяжка»

Податлива, смазлива...

ОРЛОВЪ [съ досадой].

Эхъ, вы, бабы!

Такое дѣло важности отъѣнной,
Которое грозитъ моей судьбѣ,
Коль я его не кончу, какъ велѣли,
А ты про вздоръ!... [Пауза].

Быть можетъ, мнѣ придется
Ей руку предложить, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе
Лишить ее свободы...

ДАВЫДОВА [съ ироніей].

Предложи.

На выдумки вѣдь вы, Орловы, смѣлы.
Вѣдь ты императрицу даже замужъ
Хотѣлъ за брата выдать.

ОРЛОВЪ.

Да, хотѣлъ,

И если бъ не завистники: Ласунскій,
Да Рославлевы, Панинъ, Хитрово,
Я, съ помощью Бестужева ¹⁾, успѣлъ бы
Устроить это дѣло.

ДАВЫДОВА.

Да не вышло!

За то орламъ и крылья подвязали.

ОРЛОВЪ.

Болѣзнь моя тутъ много повредила,
Когда пришлось надолго изъ Россіи
Въ Италію уѣхать. Безъ меня
Григорій братъ остался одинокимъ,
Совѣта и поддержки не имѣя
И сильный лишь одной императрицей,
Онъ Панина Никишки, Чернышевыхъ
Вражду къ себѣ не ставилъ ни во что.
И стоило ему изъ Петербурга
Въ проклятыя Фокшаны отлучиться,
Васильчиковъ былъ выдвинуть врагами...
Вернулся братъ въ тревогѣ, но въ столицу
Допущенъ не былъ. Въ Гатчинѣ его,
Подъ видомъ карантина, задержали...
И какъ потомъ старались клеветою

¹⁾ Графъ Алексій Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, канцлеръ при Елизаветѣ. Сосланъ въ 1758 г., Екатериною возвращенъ.

Чернить его проклятые враги!
 Въ Фокшаны, говорили, онъ поѣхалъ
 Затѣмъ, чтобъ присягнула тамъ ему
 Вся армія. Нелѣпица какая!
 А Павла возвести на тронъ—затѣя
 Гвардейцевъ недовольныхъ! Братъ и тутъ
 Былъ выставленъ причиною...

ДАВЫДОВА.

Ты за брата
 Горой стоишь; а онъ, простосердечный,
 Всегда лѣнтяемъ былъ. Всегда безпечный,
 Онъ слишкомъ жизнь разсѣянную велъ
 И былъ доступенъ всякимъ проходимцамъ.

ОРЛОВЪ.

«Подобный древнимъ римлянамъ герой»—
 Такъ Фридриху сама Екатерина
 Про брата написала. Ты брюзжишь,
 Изволишь быть не въ духѣ!..

ДАВЫДОВА [встаетъ].

Докучать
 Не стану. Успокойся! [идетъ къ двери].

ОРЛОВЪ.

Погоди!..

А впрочемъ какъ угодно!...
 [Давыдова стоитъ у двери въ нерѣшительности. Пауза].

Вотъ вѣдь бабы!
 Ревнивую догадку, подозрѣнье,
 Которое Богъ вѣсть взялось откуда,
 Онѣ уже за былъ принять готовы!

ДАВЫДОВА [подходить и кладетъ ему на
 плечо руку].

Хоть знаю, что свое ты не упустишь,
 Но я про это слова не промолвлю,
 Пока межъ нами повода къ разрыву
 Не дашь ты самъ. А если поводъ будетъ,
 Меня ужъ никогда ты не увидишь!

[Поцѣловала его въ лобъ и идетъ къ двери].

ОРЛОВЪ.

Постой же! Ахъ, какая! Да останься!
 Строптивы бабы! [протягивая къ ней руки].

ДАВЫДОВА

[быстро подходит, бросается къ нему на колѣни, обвиваетъ руками его шею и страстно цѣлуетъ].

Милый!... ненаглядный!...

Идутъ! [вскакиваетъ и отходитъ].

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Рибасъ.

РИБАСЪ.

Сейчасъ посолъ отъ Христенека
Пріѣхалъ съ вѣстью...

ОРЛОВЪ [вставая, съ живостью перебиваетъ].

Ѣдетъ гостя наша?

РИБАСЪ.

Сегодня въ Пизу къ вечеру прибудеть.

ОРЛОВЪ [ходить въ волненіи].

Ага! поймалась! Къ встрѣчѣ все въ палаццо,
Какъ надо, приготовить! Да скорѣй! [Рибасъ уходитъ].
Не думалъ я, что такъ удастся ловко
Мнѣ въ сѣти заманить ее! Вели,
Чтобъ намъ сейчасъ коляску заложили.
Поѣдемъ осмотрѣть палаццо это.
Въ него войдетъ наслѣдница престола,
А выйдетъ арестантка изъ него. [Давыдова уходитъ].
Тревожится о ней императрица
И ждетъ нетерпѣливо, чтобъ Орловъ,
Испытанный слуга, и въ этомъ дѣлѣ
Искусно поступилъ... Опять я нуженъ,
Напомнилъ о себѣ, почти забытый...
Забыто все, что, жизни не жалѣя,
Свершили мы во дни переворота
И сколько положили силъ на то,
Чтобъ прочно утвердить порядокъ новый.
Григорій братъ, какъ выжатый лимонъ,
Давно заброшенъ. Я же... хоть при Чесмѣ
Стяжалъ Россіи славную побѣду,
Въ бездѣйствіи тутъ жить былъ обреченъ.
Теперь, быть можетъ, преданный слуга,
Когда отъ самозванки тронъ избавить,
У трона стать понадобится снова...
Сама императрица говорила,
Что «ревностныхъ и старыхъ слугъ замѣна
Великое есть зло для государства».

З А Н А В Ъ С Ъ .

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ**, **Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). IV—V. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	403
II. Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). IV—VII. (Продолженіе). Графини Л. А. Ростопчиной	427
III. Стениславъ первой степени и енотовая шуба. (Изъ воспомина- ній о Н. Н. Страховѣ). Д. И. Стахѣва	441
IV. Роковыя именины. А. И. Вальборгъ	480
V. Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ. (Посвящается па- мяти Федора Михайловича Достоевскаго). В. В. Т—вой (О. По- чинковской)	488
VI. Это несправедливо. (Три эпизода изъ юношеской жизни импе- ратора Александра III). Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева	543
VII. Изъ воспоминаній о П. А. Стрепетовой. А. Г.	547
<i>Иллюстрація: П. А. Стрепетова.</i>	
VIII. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Алексан- дра I). Гл. II—III. (Продолженіе). Н. И. Фалѣва	564
IX. Закавказскіе сектанты. V—IX. (Окончаніе). И. П. Ювачева (Ми- ролюбова)	586
X. Въ Манчжуріи. Сергѣя Рунича	608
<i>Иллюстраціи: 1) Китайская пагода.—2) Китайскіе чиновники.—3) Китай- скій обѣд.—4) Китайскій уличный парикмахеръ.</i>	
XI. Новые лауреаты академіи наукъ. К. П. Медвѣдскаго	633
XII. Двадцатипятилѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петер- бургѣ. (1878—1903). В. Г. Каниной	647
XIII. Памяти Н. Ѳ. Федорова и А. Е. Викторова. В. И. Шеврока	663
XIV. В. Л. Величко. К. Петрова	671
<i>Иллюстрація: Василій Львовичъ Величко.</i>	
XV. На среднемъ плѣсѣ. (Путевые наброски). V. Въ Ярославлѣ. VI. За Которостью. (Окончаніе). И. Ф. Тюменева	679
<i>Иллюстраціи: 1) Ярославль съ верхняго острова.—2) Царское мѣсто въ Ни- коло-Мокринской церкви въ Ярославлѣ.—3) Церковь св. Власія въ Ярославлѣ.— 4) Церковь Ильи Пророка въ Ярославлѣ.—5) Второй видъ церкви Ильи Про- рока въ Ярославлѣ.—6) Соборъ въ Ярославлѣ.—7) Аванасіевскій монастырь въ Ярославлѣ.—8) Памятникъ Демидову въ Ярославлѣ.—9) Древняя Углич- ская башня въ Ярославлѣ.—10) Церковь Спаса на Городу и чудотворная икона Спасителя.—11) Церковь Николая Мокринскаго.—12) Ярославль. Стар- ый городъ на берегу Которости.—13) Церковь Иоанна Златоуста въ Коров- никахъ.—14) Тугова гора близъ Ярославля.—15) Церковь Предтеченская въ Толчковѣ.—16) Ярославль. Церковь Никола-Мельницкая за рѣкою Которо- стью.—17) Училище для дѣвицъ духовнаго званія и церковь св. Петра и Павла.—18) Церковь св. Петра и Павла на Волгѣ, въ Ярославлѣ.—19) Набереж- ная въ Ярославлѣ.</i>	
XVI. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	721

(См. слѣд. стран.).

XVII. Критика и библиография 741

- 1) Шуйкинский сборник. Выпускъ второй. Москва, 1904. с. в. — 2) И. Н. Вожеряновъ. Иллюстрированная история русскаго театра XIX вѣка. Томъ I. Выпускъ 2. Изданіе автора. Спб. 1903. Б. Г.—цаго. — 3) Соорникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXII. Тифлисъ, 1903. А. Х—ва. — 4) Н. М. Соболевъ. Обь идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904. К. М. — 5) Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ. Академика И. И. Инжула. Спб. 1904. В. Грибовскаго. — 6) Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзной. (Род. 1758 † 1828) Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Молдавскаго. Съ 2 портретами. Спб. 1903. Б. Г.—цаго. — 7) А. А. Титовъ. Сборникъ XVI вѣка съ чудесами отъ иконы св. Николая въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. Москва, 1904. А. н. — 8) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Летописца. Книга семнадцатая. Выпуски I и II. Издана подъ редакціею П. П. Дашкевича. Кіевъ, 1903. А. я. — 9) Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ «Бѣловодское царство». Съ предисловіемъ В. Г. Короленка. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 10) Труды Владимирской ученой архивной комисіи. Книга пятая. Съ приложеніемъ 21 рисунка и 3-хъ плановъ. Владимиръ, 1903. В. Руданова. — 11) Д. К. Треневъ. Иконопись истерцевъ. Съ приложеніемъ фототипій. М. 1903. А. я. — 12) Христіанство и организація международнаго мира. Вар. М. А. Таубе, доктора международнаго права. Спб. 1903. В. Г.—цаго. — 13) «Россия. Полное географическое описаніе нашего отечества». Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Т. XVIII. Киргизскій край. Изд. А. Девриена. Спб. 1904. п. костромскаго. — 14) Джованни Рuffини. Записки Лоренцо Бенони. Переводъ А. Серебряковой. Изданіе С. Дороватовскаго и Л. Чарушникова. Москва, 1903. Сергья фонъ-Штейна. — 15) Г. Светоній Транквиллъ. Жизнь двѣнадцати цезарей. Съ лат. переводъ В. Алексѣевъ. Изданіе А. С. Суварина. Спб. 1904 п. — 16) А. С. Хаханъ-въ. Древнѣйшіе предѣлы раселенія грузинъ въ Малой Азии. Тифлисъ, 1903. А—иа. — 17) Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Переводъ съ нѣмецкаго М. Лемберга, подъ редакціею и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Москва, 1903. Е. в. — 18) Весъ Кавказъ. Справочно-литературный сборникъ. Тифлисъ, 1903. А. хак—ова.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 774

- 1) Дворецъ египетскаго фараона въ Оивахъ. — 2) Кто открылъ Америку. — 3) Англія въ началѣ XVIII вѣка. — 4) Салоны г-жи Гельвецій и актрисы Конта. — 5) Англійская писательница XVIII вѣка. — 6) Нейтрализація мелкихъ государствъ. — 7) Смерть Джузеппе Закарделли, Жерома и Марионни.

XIX. Смѣсь 799

- 1) Торжественное собраніе академіи наукъ. — 2) Премія имени М. И. Михельсона. — 3) Премія Петра Великаго. — 4) Диспутъ А. А. Кизеветтера. — 5) Общество любителей древней письменности. — 6) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. — 7) Къ архивной реформѣ. — 8) Археологическое общество въ Москвѣ. — 9) Историческое общество въ Москвѣ. — 10) Общество археологів, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 11) Романовскій отдѣлъ. — 12) Географическое общество. — 13) Общество изучения Бѣлорускаго края. — 14) Общество востоковѣдѣнія. — 15) Общество любителей естествознанія въ Москвѣ.

XX. Некрологи 823

- 1) Аоннасьевъ, В. И. — 2) Барсовъ, Т. В. — 3) Величко, В. Л. — 4) Девель, Ф. В. — 5) Коропчевскій, Д. А. — 6) Ржепотарскій, А. А. — 7) Серебряковъ, А. Т. — 8) Стрѣбалова, А. И. — 9) Турчиновичъ-Выжнекевичъ, В. И. — 10) Фелицынъ, Е. Д. — 11) Фенцикъ, Е. — 12) Фредериксъ, М. П., баронесса. — 13) Шабельская, П. Л.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Оедора Васильевича Ростопчина. — 2) Самозванка (княжна Тараканова), драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ **И. В. Шпажинскаго**. Дѣйствія IV—V. (Окончаніе).

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1904 году

(двадцать пятый годъ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1904 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать четыре года (1880—1903).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

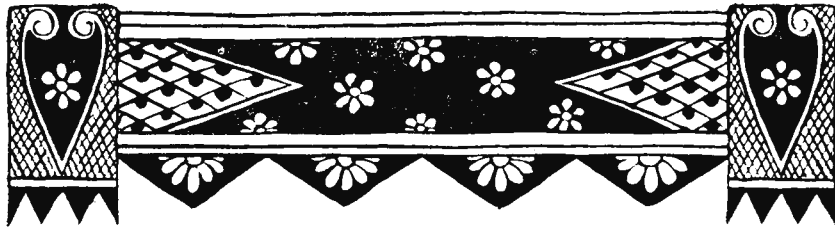

ГРАФЪ ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РОСТОПЧИНЪ.

Съ портрета, приложеннаго къ «Словарю достопамятныхъ людей» Бантыша-Каменскаго.

достав. ценз. 26 января 1904 г. спб.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

IV.

В БОЛЬШОЙ комнатѣ съ широкой кроватью подъ голубымъ штофнымъ пологомъ, Елена Васильевна Аратова играла на коврѣ со своимъ ребенкомъ. Которому изъ двухъ-восемнадцатилѣтней матери или двухлѣтнему сыну, было веселѣе кататься по коври, прятаться за шкафы и кресла, залѣзть подъ столы и диваны и, обнявшись, кружиться съ громкимъ раскатистымъ смѣхомъ или прыгать, взявшись за руки,—рѣшить было трудно. Оба предавались счастью быть вмѣстѣ, безпрепятственно цѣловаться и обниматься, болтая все, что взбрѣдетъ въ голову, не опасаясь быть подслушанными, съ увлеченіемъ юныхъ существъ, которымъ такое удовольствіе рѣдко выпадаетъ на долю. Недавній страхъ и отчаянье были забыты, о томъ, что ждало Аратову впереди, она перестала думать съ той минуты, какъ Настя прибѣжала ей сказать, что приказано ихъ оставить въ покоѣ до отъѣзда гостя, а когда она принесла имъ обѣдъ и начала рассказывать про молодого Воробьевскаго барина, ее съ досадою прервали.

— Я знаю,—отрывисто замѣтила Елена Алексѣевна, отвертываясь, чтобы скрыть румянецъ, вспыхнувшій на ея щекахъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 7.

— Гдѣ же вы, сударыня, изволили ихъ видѣть?—удивилась Настя.

— Иди себѣ, оставь насъ,—съ раздраженіемъ сказала барыня, которой почему-то было непріятно слушать похвалы красотѣ и наряду гостя.

Напоминаніе о немъ ее раздражало, а между тѣмъ онъ не выходилъ у нея изъ головы съ того мгновенія, когда глаза ихъ встрѣтились. Съ этой минуты въ ея душу проникло странное, давно неиспытанное убѣжденіе, что она не одна на свѣтѣ, что есть человѣкъ, которому ея горе и ея слезы могутъ быть близки къ сердцу. Сознаніе это будило въ ней смутную надежду, предчувствіе чего-то новаго и прекраснаго, и, можетъ быть, это было причиной радостнаго возбужденія, съ которымъ она предавалась удовольствію быть съ ребенкомъ.

До сихъ поръ жизнь ея была такъ печальна! Съ того дня, какъ ее привезли сюда, весь Божій міръ превратился для нея въ тюрьму, съ двумя тюремщиками: бабушкой Серафимой Даниловной и мужемъ, котораго она даже и про себя иначе, какъ Дмитріемъ Степанычемъ, не называла, такъ угнеталъ онъ ее своимъ умомъ и могуществомъ, такой безпомощной чувствовала она себя въ зависимости отъ этихъ двухъ существъ, что другихъ помысловъ у нея не было, кромѣ заботы не навлечь на себя ихъ гнѣва. Старалась она этого достигнуть всѣми силами души, но ей это плохо удавалось, и она часто впадала въ отчаянье.

Когда правнукъ и наслѣдникъ Серафимы Даниловны женился на дѣвицѣ безъ состоянія, она, вѣрная своему правилу изъ всего извлекать пользу, рѣшила сдѣлать изъ безприданницы хорошую хозяйку, строгую надсмотрщицу и доносчицу на дворовыхъ, однимъ словомъ подготовить себѣ изъ нея замѣстительницу Дарьѣ, которая, набравшись съ лѣтами всякихъ немощей и лѣни, часто досаждала ей неповоротливостью и пристрастіемъ къ теплой лежанкѣ.

Но безприданница оказалась не на высотѣ возлагаемыхъ на нее упованій. Да и могло ли нагонять страхъ на кого бы то ни было юное существо съ дѣтскимъ личикомъ и съ дѣтскими понятіями о жизни, когда ее самоѣ можно было довести до слезъ жалкимъ словомъ, смутить косымъ взглядомъ, напугать грубостью?

— Не знаю, право, къ чему мнѣ твою красавицу приспособить?—жаловалась Серафима Даниловна правнуку, перечисляя свои неудачныя попытки извлечь пользу изъ его жены.

— А видѣли вы, какъ она рисуетъ?—спросилъ онъ съ улыбкой.

Вопросъ этотъ разсердилъ старуху.

— Смѣяться, что ли, надо мною вздумалъ?—вскричала она.—Ты бы еще спросилъ, слышала ли я, какъ она романсы поетъ, на арфѣ играетъ да по-французски талалакаетъ! Очень нужны эти глупости въ хозяйствѣ, нечего сказать!

— Я вамъ про рисованіе говорю,—стоялъ на своемъ Аратовъ, вынимая изъ кармана вышитое по бархату саше и подавая его прабабкѣ.— Можетъ котораянибудь изъ вашихъ золотошвеекъ такую работу сдѣлать?—продолжалъ онъ, забавляясь изумленіемъ, выразившимся на лицѣ старухи. Она была знатокъ въ рукодѣльѣ и не могла не оцѣнить тонкости вышивки и красоты узора.

— Неужто сама и узоръ сочинила?—отрывисто спросила она.

— Сама.

— Такъ пусть сочинить узоръ для Аришки. Хочется лучше справиться заказъ игуменніи изъ Вознесенскаго монастыря. Пелену она на алтарь просила вышить по бархату, который княгиня Яземская пожертвовала; я общала постараться, а новыхъ узоровъ у насъ нѣтъ. Хотѣла тебѣ приказать раздобыть изъ Варшавы или изъ Москвы.

— Я вамъ привезъ мастерицу, которая вамъ сколько угодно узоровъ насочинить,—возразилъ онъ съ довольной усмѣшкой.

Это происходило вскорѣ послѣ того, какъ онъ привезъ свою молодую жену въ Малявино, три года тому назадъ, и когда онъ еще не терялъ надежды быть съ нею счастливымъ, хотя менѣе самонадѣянный человѣкъ на его мѣстѣ уже и тогда пересталъ бы на это рассчитывать. Послушная родительской волѣ, Елена безропотно вложила свою дрожавшую отъ страха руку въ руку представленнаго ей жениха, не поднимая на него глазъ, выслушала его признаніе въ любви и обѣщаніе посвятить жизнь на ея счастье и еле слышнымъ голосомъ отвѣчала «да» на его вопросъ, «согласна ли она сдѣлаться его женой».

Невѣстой она была недолго. Всѣ торопились свадьбой, и мать ея, спѣшившая въ Сибирь къ умирающему въ ссылкѣ мужу, и самъ женихъ, страстно влюбленный и врагъ такихъ праздныхъ и убыточныхъ занятій, какъ ухаживаніе за дѣвушкой, которая должна была ему принадлежать по законному праву. Изучать ея вкусы и характеръ казалось ему еще безцѣльнѣе: развѣ не отъ него зависѣло передѣлать ее по-своему, если бѣ онъ нашелъ это нужнымъ?

Но онъ ошибся въ расчетѣ, не принявъ въ соображеніе физиологическіе и психическіе феномены, проявляющіеся иногда въ человѣческой природѣ, а именно: непреодолимое и безотчетное отвращеніе женщины къ извѣстному мужчине, безъ всякихъ видимыхъ причинъ и наперекоръ всѣмъ общепринятымъ понятіямъ о неотразимости мужской красоты, ловкости и ума, на не совѣмъ еще вышедшую изъ дѣтства, невинную и чистую помыслами, дѣвушку. А между тѣмъ именно такой феноменъ и проявился, когда наступила ихъ брачная ночь. Отъ ужаса и отвращенія съ Еленой сдѣлался нервный припадокъ съ корчами, окончившійся глубокимъ обморокомъ.

Но тогда это можно было приписать испугу оскорбленной невинности, замкнутою жизнью въ домѣ, похожемъ на теремъ, и утѣшать себя мыслью, что отъ супруга зависитъ, чтобъ она влюбилась въ него до безумія и съ восторгомъ отвѣчала на его ласки. Не было еще примѣра, чтобъ понравившаяся ему женщина не поддалась его обаянію. Но у этой было къ нему что-то враждебное, невольно заставляющее подозрѣвать, что въ данномъ случаѣ не тѣло вліяло на душу, а душа на тѣло. Точно какимъ-то для нея самой непонятнымъ чутьемъ прозрѣвала она жестокость сердца и развращенность ума, скрывавшіяся подъ его очаровательною виѣшностью, и вздрагивала съ ногъ до головы отъ его подблудевъ, какъ отъ прикосновенія ядовитаго жала гнуснаго чудовища, не смотря на всѣ его старанія побѣдить это обидное для него отвращеніе. Въ борьбѣ со слабымъ безпомощнымъ ребенкомъ онъ доходилъ до такой ярости, что, какъ сумасшедшій, выбѣгалъ изъ комнаты, чтобъ не поддаться искушенію ее убить.

Между тѣмъ, она забеременила, и угасшая было надежда увидѣть въ ней такую женщину, какъ тѣ, которыхъ онъ до нея зналъ, снова воскресла въ его сердцѣ. Люди науки, съ которыми онъ совѣтовался, поощряли въ немъ эту надежду, но совѣтовали ее беречь.

Для этого представлялся одинъ только способъ—разлука.

Онъ оставилъ ее у прабабки, а самъ уѣхалъ за границу.

Безъ мужа Елена ожила. Беременность свою она переносила съ легкостью вполне здоровой и сильной натуры, до послѣдняго дня бѣгала и рѣзвилась съ приставленными къ ней компаньонками изъ сонма приживалокъ, ютившихся въ усадьбѣ съ ранняго дѣтства, дочерей довѣренныхъ лицъ, всю жизнь прожившихъ при Серафимѣ Даниловичѣ. На этихъ можно было положиться, что онѣ даже и передъ смертельною опасностью не останутся, чтобъ исполнить желаніе старой барыни.

Эти наперсницы донесли своей благодѣтельница, какъ Елена Алексѣевна весела безъ супруга, какъ она звонко смѣется, расцѣвываетъ цвѣты, радуется яркому солнышку, душистымъ цвѣтамъ, забавляется птичками, котятками, букашками, всѣмъ, что попадаетъ ей на глаза, и опытная старуха, видѣвшая множество неудачныхъ супружествъ на своемъ вѣку, поняла, какъ нельзя лучше, причину этого счастливаго превращенія. Когда окружающія ее старухи, съ улыбкой покачивая головой, съ умиленіемъ говорили: «Эка юность-то въ ней играетъ!» она думала про себя: «Не помнить себя отъ радости, что мужъ далеко!».

И горькая обида за любимаго правнука невольно заползала ей въ сердце, наполняя его досадою на невинную причину семейнаго разлада.

Мѣсяцевъ восемь послѣ отъѣзда изъ Малявина, проживая въ городѣ Парижѣ, Дмитрій Степановичъ получилъ отъ прабабки

письмо съ извѣщеніемъ о рожденіи сына, нареченнаго по его желанію Алексѣемъ.

«Дитя крупное и здоровое, голосъ звонкій и носъ Аратовскій. Кормилицу взяли изъ Ефремовскаго хутора, жену Степана Кудряваго», писала Серафима Даниловна.

Въ то время Дмитрій Степановичъ былъ еще такъ влюбленъ въ жену, что внѣ себя отъ радости немедленно собрался на родину.

Однако, какъ онъ ни торопился, а только черезъ мѣсяцъ прибылъ въ Малявино, въ тотъ самый день, когда приглашенные на крестины гости разъѣхались по домамъ.

И въ ту же ночь, отъ испуга ли (какъ всегда, Аратовъ явился невзначай, никого не предупредивши письмомъ), но съ его женой опять приключился припадокъ таинственнаго недуга, отъ котораго ее уже считали излѣчившейся.

На слѣдующій день, чуть свѣтъ и ни съ кѣмъ не простившись, молодой баринъ уѣхалъ въ городъ, а недѣли черезъ двѣ, вернушіеся съ экипажемъ и лошадьми люди, поваръ и кучеръ, возвѣстили объ его отъѣздѣ за границу.

Съ годъ не было о немъ извѣстій. Знали только, что онъ живъ и здоровъ, потому что сопровождавшій его камердинеръ, Езбешъ, увѣдомилъ бы о болѣзни или смерти своего господина. Западали въ Малявино и такіе слухи: будто Дмитрія Степановича видѣли въ Варшавѣ и въ замкахъ нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ, съ которыми онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но такъ какъ провѣрить слухи эти было трудно, да и безцѣльно, ихъ безъ вниманія пропускали мимо ушей.

На этотъ разъ извѣстіе о рожденіи дочери, посланное ему опять въ Парижъ, гдѣ у него была постоянная квартира, не заставило его торопиться демой, и новорожденной было уже пять мѣсяцевъ, когда онъ пріѣхалъ въ Малявино, гдѣ первымъ его распоряженіемъ было приказать отдалить дѣтей отъ жены и такимъ образомъ лишить ее единственной утѣхи въ жизни.

Онъ нашелъ, что она не сдѣлала никакихъ успѣховъ ни въ пѣніи, ни въ игрѣ на арфѣ, разучилась говорить по-французски и одѣваться со вкусомъ, вообще одичала такъ, что ее нельзя узнать.

— Въ деревнѣ свѣтскому обращенію не научишься. Хочешь имѣть жену модницу, вози ее по большимъ городамъ да по заграницамъ,—возражала на это съ ехидной усмѣшкой старуха прабабка.—И глупъ же ты, Митяйка, женился, а съ женой не знаешь, что дѣлать. Чѣмъ бы радоваться, что и она, и дѣтки здоровы, да Бога благодарить за то, что ей, кромѣ дѣтокъ, ничего не надо, ты ворчишь да злобствуешь.

Но, повидимому, Дмитрію Степановичу этого было мало. Слушая прабабку, онъ амурился и съ раздраженіемъ ходилъ взадъ и впе-

редь по комнатѣ, что всегда у него было признакомъ сдержаннаго волненія.

О главной причинѣ своего неудовольствія онъ молчалъ: отношеніе къ нему жены не измѣнилось; при свидѣтеляхъ она была въ его присутствіи покойна, но стоило имъ только остаться вдвоемъ, чтобъ являлись предвѣстники страшнаго припадка: тревога въ глазахъ, общее безпокойство, судорожное подергиваніе губъ, слезы. Сомнѣваться въ томъ, что ему никогда не побѣдитъ ея отвращенія къ нему, какъ къ мужу, было невозможно, и этой горькой, оскорбительной истины онъ больше отъ себя не скрывалъ.

О, если бъ онъ могъ къ ней сдѣлаться равнодушнымъ! Но, ни на что не взирая, ни на разлуку, ни на развлеченія съ другими женщинами, онъ не въ силахъ былъ заглушить въ себѣ бѣшеной страсти къ законной супругѣ и готовъ былъ на все, чтобъ только заставить ее раздѣлить эту страсть.

Въ немъ проснулась ревность ко всему, что ее окружало, что ей нравилось, что ее забавляло и утѣшало. Прежде всего—дѣти. Дикая мысль, что въ ней никогда не проснется чувственность, пока они будутъ удовлетворять ея потребность въ нѣжности и ласкахъ, мысль эта мало-по-малу такъ имъ завладѣла, что онъ разлучилъ ее съ дѣтьми.

Можетъ быть, онъ смутно рассчитывалъ на взрывъ отчаянія съ ея стороны, на бурную сцену съ упреками, объясненіями и примиреніемъ, но ничего подобнаго не произошло; она безропотно покорилась его рѣшенію, какъ всему, что онъ приказывалъ, но замкнулась въ самой себѣ еще больше. Все свободное время послѣ работы у бабушки, которое она раньше проводила съ дѣтьми, посвящала она теперь чтенію, игрѣ на арфѣ, пѣнію, въ надеждѣ умиловитивъ своего повелителя. Но покорность ея только усиливала его озлобленіе. Не могъ онъ не чувствовать ненависти и отвращенія, скрывавшихся подъ этою покорностью, и сознаніе своего безсилія въ борьбѣ съ слабымъ, беззащитнымъ, одинокимъ существомъ, бессознательно оказывавшимъ непреклонное сопротивление его страсти, приводило его въ неистовство.

Опять началъ онъ покидать домъ на неопредѣленное время, строго-настрога подтверждая каждый разъ приказаніе не позволять молодой барынѣ видѣться съ дѣтьми иначе, какъ при старой барынѣ, къ которой ихъ каждое утро приносили на нѣсколько минутъ. Онъ зналъ, что приказаніе это будетъ исполнено. Серафима Даниловна могла осуждать его съ глазу на глазъ, могла кричать на него, какъ на мальчишку, находить дѣйствія его жестокими и нелѣпыми, но она слишкомъ строго стояла за принципъ самодержавія въ семьѣ, чтобъ преступить приказаніе правнука, даже и въ такомъ случаѣ, когда не одобряла этого приказанія. Отъ нея поблажки Еленѣ не было бы, даже если бъ она и любила ее, а та-

кого чувства она къ ней не питала, и Дмитрій Степановичъ чувствовалъ это, какъ нельзя лучше. Не будетъ поблажки и отъ личности, которую онъ приставилъ къ дѣтямъ. У него было много причинъ не сомнѣваться въ преданности къ нему Анельки.

Назначеніе этой таинственной личности старшей надзирательницей надъ барчатами привело въ негодованіе весь домъ. Отъ барина ждали скорѣе дурного, чѣмъ хорошаго, но чтобъ онъ дошелъ до такого безстыдства, этому никто бы не повѣрилъ, если бы воочію не случилось.

Осуждала его за это и прабабка.

— Вотъ они, нонѣшніе-то, каковы, метресокъ своихъ поганокъ въ няньки къ дѣтямъ отъ законной супруги приставляютъ!—замѣтила она съ язвительной усмѣшкой, когда ей доложили о новомъ распоряженіи барина.

Однако поднять свой властный голосъ противъ такого безчинства старуха не пожелала, и приказаніе Аратова было исполнено: дѣтей поселили во флигелѣ въ саду и поручили Анелькѣ, а Елена Алексѣевна могла ихъ видѣть только по утрамъ у бабушки. Остальное время, какъ сказано выше, она должна была проводить въ занятіяхъ, долженствовавшихъ, по мнѣнію мужа, пополнить воспитаніе, прерванное вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ и ранняго замужества. Усердно рисовала она узоры для бабушкиныхъ вышивальщицъ и терпѣливо трудилась надъ заказаннымъ ей мужемъ халатомъ, искусно выводя затѣйливые узоры разноцвѣтными шелками по бланжевой шелковой ткани, привезенной имъ изъ Франціи, гдѣ онъ видѣлъ такой халатъ на извѣстномъ щеголѣ, герцогѣ Лозенѣ.

О сплетняхъ, ходившихъ въ усадьбѣ про женщину, которой были переданы на попеченіе ея дѣти, она ничего не знала. Елена Алексѣевна принадлежала къ разряду невинныхъ и чистыхъ существъ, передъ которыми самое дерзкое злоязычіе невольно смолкаетъ, и безстыдныя мысли не выговариваются, не изъ боязни предательства, никого не подвела она въ бѣду, съ тѣхъ поръ какъ сюда пріѣхала, а потому, что заставить ее понять грязную истину было бы слишкомъ трудно. Да и бесполезно, такое открытіе: ничего, кромѣ душевнаго смятенія, не возбудило бы въ ея душѣ, ни жажды мщенія, ни даже оскорбленія; оскорбляться можно только тѣмъ, что сознаешь не только сердцемъ, но и умомъ.

А былъ ли у нея умъ?

Этого даже и мужъ ея, не взирая на свою проницательность, не могъ бы сказать. Она была какая-то особенная. Ни къ одной изъ женщинъ въ Аратовской семьѣ нельзя было ее приравнять. Не похожа она была ни на дочерей Серафимы Даниловны, ни на сестеръ Дмитрія Степановича, выросшихъ въ Малявинѣ, ни на его мать, такъ же какъ и она, взлтую издалика и скончавшуюся въ

молодыхъ лѣтахъ, по слухамъ, отъ притѣсненій бабушки Серафимы Даниловны. Какъ пріѣхала сюда Елена Алексѣевна всѣмъ чужая, такую и оставалась, съ замкнутою душою, никому не открывая ни чувствъ своихъ, ни мыслей, ни желаній, ни надеждъ. Никогда не вспоминала она вслухъ про свое прошлое, и про нее знали только то, что она изъ знатной, но разорившейся семьи, безприданница.

Впрочемъ, послѣднее не трудно было знать всѣмъ и въ Малявинѣ и въ окрестностяхъ. Серафима Даниловна дня не пропускала, чтобъ не сѣтовать на оплошность правнука, потерявшаго блестящій случай увеличить свое состояніе выгодною женитьбою. Какъ мы видѣли, она не преминула упомянуть про это и Грабинину, который, негодуя на нее за безсердечіе, конечно, не подозрѣвалъ, сколько горькой обиды за любимаго правнука таилось въ ея сердцѣ на молодую женщину, такъ упорно презиравшую его любовь и платившую за нее отвращеніемъ и страхомъ.

Визитъ молодого сосѣда имѣлъ роковыя послѣдствія для судьбы Елены Алексѣевны. Узнавъ о пріѣздѣ гостя, она стремительно сорвалась съ мѣста передъ пяльцами и, чтобы не попасться на глаза незнакомцу, побѣжала къ себѣ. Для этого надо было пройти черезъ весь домъ, такъ какъ пристройка, занимаемая молодыми господами, находилась въ противоположномъ его концѣ, и, проходя по длиннымъ коридорамъ, она не могла не замѣтить переполоха, поднявшагося въ домѣ по случаю посѣщенія сосѣда. Разосланные старыми слугами мальчишки и дѣвченки опретью мчались съ приказаніями въ людскія и въ кухни; дворецкій въ сопровожденіи лакея съ фонаремъ спускался въ подвалъ за винами; экономка, гремя ключами, торопилась въ кладовую за добавочной провизіей. Эта необычайная суматоха и приготовленія навели Елену Алексѣевну на мысль воспользоваться случаемъ повидать дѣтей не въ урочный часъ.

Судьба ей благопріятствовала. Ей удалось выйти въ садъ ни-къмъ не замѣченной и найти сынишку одного во флигелѣ. Весь штатъ приставленной къ дѣтямъ прислуги принималъ участіе въ чествованіи людей пріѣзжаго господина, и Анелька побѣжала разыскивать кормилицу съ маленькой барышней, въ страхъ, чтобъ, соблазнившись рѣдкимъ случаемъ повидаться со своимъ ребенкомъ, она не завернула въ деревню и, Боже упаси, не внесла бы барское дитя въ свою грязную избу.

Увидавъ Елену Алексѣевну, мальчикъ обезумѣлъ отъ радости и началъ умолять мать взять его съ собою въ домъ. Ему было два съ половиною года, и онъ помнилъ то блаженное время, когда онъ спалъ въ ея спальнѣ и весь день проводилъ съ нею.

Какъ большая часть сдержанныхъ и скрытныхъ натуръ, Елена Алексѣевна сама не подозрѣвала, на какіе отчаянные поступки

она способна въ такія минуты, когда въ ней вспыхнетъ страсть, тлѣющая въ ея душѣ подѣ гнетомъ привычки къ покорности, привитой ей воспитаніемъ съ раннихъ лѣтъ. Мольбы и слезы сына заставили ее совѣтъ потерять голову. Будь, что будетъ, пусть его у нея отнимутъ силой, а добровольно она съ нимъ не разстанется!.. Весь домъ занятъ гостемъ... бабушка при чужомъ шума не подниметь... Дмитрія Степановича раньше будущей недѣли ждать нельзя... добратся бы только до спальни и запереться тамъ...

Мысли эти вихремъ пронеслись въ ея головѣ, въ то время, какъ, схвативъ ребенка на руки, она пробиралась съ нимъ, боязливо озираясь по сторонамъ, по боковымъ аллеямъ къ выходу изъ сада.

Но за нею пустились въ погоню раньше, чѣмъ она успѣла дойти до калитки, и, слышавъ за собою шаги, Елена Алексѣевна послѣшно свернула къ цвѣтнику передъ балкономъ, гдѣ на мгновение остановилась, задержанная пристальнымъ взглядомъ незнакомца, перегнувшася черезъ перила, чтобъ лучше ее разглядѣть.

Впрочемъ, замѣшательство ея длилось недолго; почти тотчасъ же очнувшись, пустилась она бѣжать дальше, обогнула домъ и безпрепятственно достигла двери, въ которую вбѣжала и заперлась на ключъ въ ту самую минуту, когда съ противоположнаго конца галереи уже появилась запыхавшаяся отъ волненія Анелька.

Начались переговоры черезъ запертую дверь. Анелька умоляла отдать ей барченка, клялась всѣми святыми, что все останется между ними. Но на Елену Алексѣевну нашель духъ сопротивленія, и разстаться съ сыномъ ей казалось не возможнымъ. У нея мутилось въ умѣ отъ неожиданныхъ чувствъ, во множествѣ поднимавшихся со дна ея души, побуждая ее къ такимъ рѣшеніямъ, о которыхъ она раньше понятія не имѣла. Ей точно кто-то подсказывалъ необходимость возстать наконецъ противъ тиранства, которому ее такъ долго и такъ безнаказанно подвергали, пользуясь ея одиночествомъ и беззащитностью. Тиранство это теперь ее такъ возмуцало, что она совершенно искренно заявила, что скорѣе зарѣжется, чѣмъ добровольно уступить своимъ мучителямъ.

Анелька испугалась угрозы и побѣжала за помощью къ Дарьѣ Трофимовнѣ. Но и этой послѣдней ничего не удалось подѣлать съ взбунтовавшейся молодой женщиной, внезапно и точно подѣ чьимъ-то наитіемъ извнѣ понявшей свои права и обязанность ихъ защищать.

Благодаря присутствію гостя, ее оставили въ покоѣ, но другое ея предположеніе, насчетъ возвращенія мужа, не сбылось: онъ вернулся много раньше, чѣмъ его ждали, и, услышавъ знакомые шаги по коридору, она вздрогнула отъ испуга. Блѣдная и трепещущая сорвалась она съ ковра и уперлась испуганнымъ взглядомъ на дверь, прислушиваясь къ шагамъ, быстро приближавшимся къ ней.

Сынишка ея, не понимая, въ чемъ дѣло, и принимая, можетъ быть, движеніе матери за новую игру, со смѣхомъ ухватился ручонками за ея юбку, напрягая силенки, чтобъ заставить ее опуститься на коверъ рядомъ съ нимъ.

— Пусти, пусти, моя радость!—шептала она дрожащими губами, пытаясь освободиться отъ вцѣпившихся въ нее рученокъ.— Слышишь, стучать!

— Не отвояй, не отвояй!—вскричалъ малютка, безъ сомнѣнія, вспомнивъ, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ имъ удалось благополучно отразить нападеніе.

— Нельзя... это папенька!

Слова эти произвели магическое дѣйствіе: мальчикъ внезапно смолкъ, выпустилъ изъ рукъ платье матери и боязливо попытался назадъ въ темный уголъ, не спуская широко раскрытыхъ отъ испуга глазъ съ двери, которую мать его торопливо отворяла.

— Отъ кого это вы изволили забарикадироваться?—спросилъ Аратовъ, проникая въ комнату и подозрительно озираясь по сторонамъ.

— Я взяла къ себѣ Алешу, Дмитрій Степанычъ... Мнѣ было скучно... сегодня дѣтей къ бабушкѣ не приносили... васъ не было... бабушка была занята съ гостемъ, спросить позволенія было не у кого,—проговорила она прерывающимся отъ страха голосомъ, все больше и больше смущаясь подъ его пристальнымъ, насмѣшливымъ взглядомъ и не предвидя ничего добраго отъ его молчанія.

— Прекрасно,—произнесъ она наконецъ,—но вы провели съ вашимъ ребенкомъ все утро, можете теперь удѣлить и мнѣ нѣсколько минутъ. Слышали?—прибавилъ онъ, немного помолчавъ, не возвышая голоса и продолжая магнетизировать ее взглядомъ.

Отъ этого взгляда вспышка проснувшейся было въ ней воли внезапно потухла, а ребенокъ, какъ птичка, испуганная надвигающейся грозой, ежась отъ страха, все дальше и дальше забивался въ уголъ, не спуская глазъ съ страшнаго человѣка, смотрѣвшаго на его мать.

— Надо его отправить во флигель,—объявилъ Аратовъ, неторопливо подходя къ круглому отверстию у камина и пригибаясь къ нему губами, чтобъ позвать прислугу.

Этотъ хитро придуманный аппаратъ для сообщенія съ людьми, жившими въ подвальномъ этажѣ, былъ имъ придуманъ и приведенъ въ исполненіе подъ его руководствомъ домашними мастерами. Приспособленіе это дозволяло ему обходиться съ ограниченномъ числомъ прислуги, и онъ ввелъ его на своей половинѣ, когда, по достиженіи совершеннолѣтія, бабушка предоставила въ его распоряженіе пристройку съ башней, въ которую онъ перенесъ всѣ книги, сложенные на чердакѣ послѣ смерти дѣда, а также и тѣ, которыя онъ при каждой своей поѣздкѣ за границу покупалъ во

Франціи, Италіи и Германіи. Рядомъ съ бібліотекой устроилъ онъ обсерваторію для занятій астрономіей съ помощью телескопа. Впрочемъ, инструментомъ этимъ онъ пользовался не столько для наблюденій надъ звѣздами, сколько за тѣмъ, что происходило на землѣ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думали про него во всемъ околоткѣ, дивясь прозорливости, съ которою онъ узнавалъ, видѣлъ и слышалъ все, что происходило не только на его земляхъ, но и у сосѣдей.

Отдавъ приказъ черезъ трубку, онъ повернулся къ женѣ и, увидавъ ее страстно обнимавшей сына, который не сводилъ взгляда, полнаго ужаса, съ отца, Аратовъ поблѣднѣлъ отъ злобы.

— Вотъ вы меня какъ встрѣчаете! Вотъ какъ вы ждете моихъ ласкъ! Вотъ какъ я вамъ дорогъ!—зашипѣлъ онъ.—Вы и сына вашего приучили меня ненавидѣть и бояться! Какъ передъ лютымъ звѣремъ, дрожитъ онъ передъ отцомъ... И вы еще хотите, чтобъ я оставилъ при васъ дѣтей? Чтобъ они выросли злѣйшими моими врагами? Ну, нѣтъ, я еще не обезумѣлъ настолько, чтобъ допустить такой позоръ для себя и для имени, которое они носятъ! Пусть лучше растутъ у чужихъ, какъ круглыя сироты, чѣмъ подъ вашимъ глупымъ вліяніемъ, пусть забудутъ, что у нихъ есть мать... А васъ надо лѣчить, вы не въ своемъ умѣ... такъ ненавиждѣтъ мужа, который взялъ васъ нищую отъ опальныхъ родителей, можетъ только безумная... На-дняхъ пріѣдетъ докторъ, за которымъ я нарочно ѣздилъ въ Варшаву, у него въ Прагѣ больница для такихъ сумасшедшихъ, какъ вы, мы васъ туда отвеземъ и навсегда, чтобъ ваши дѣти забыли про безумную мать и считали васъ мертвой... Возьми барченка и отнеси его во флигель!—грозно обратился онъ къ появившейся въ дверяхъ Настѣ,—и скажи Анелькѣ, что я съ нею еще поговорю. Попробуетъ она у меня малявинскихъ розогъ, узнаетъ, какъ мои приказанія не исполнять! Пусть готовится къ расправѣ, послѣ отъѣзда гостя за всѣхъ примусь,—продолжалъ онъ въ то время, какъ Настя брала на руки дрожавшаго отъ страха ребенка, котораго Елена Алексѣевна покорно ей передала.

— Вы меня еще не знаете, сударыня,—обратился Аратовъ къ женѣ, когда они остались вдвоемъ.—Отвергли мою любовь, узнаете мою ненависть! Порченная! кликуша!—произнесъ онъ съ злобнымъ презрѣніемъ, выходя изъ комнаты, не взглянувъ на нее и оставляя ее въ оцѣпенѣніи отъ ужаса.

V.

Остатокъ дня и весь вечеръ Аратовъ посвятилъ своему гостю.

Не будь Грабининъ такъ всецѣло поглощенъ мыслями о несчастной «порченой», онъ, можетъ быть, поддался бы обаянію ума

и любезности своего новаго знакомаго, но, слушая его рассказы о здѣшнемъ краѣ, преимущества котораго надъ Россіей въ культурномъ отношеніи онъ усердно подчеркивалъ, Владимиръ Михайловичъ ни на минуту не переставалъ вспоминать умоляющій взглядъ несчастной молодой женщины и ломать себѣ голову надъ вопросомъ, какъ бы ее повидать и поближе съ нею познакомиться.

А между тѣмъ, гуляя съ нимъ по парку, Аратовъ очень ловко свернулъ разговоръ съ своего хозяйства на хозяйство въ Воробьевкѣ и предложилъ свои услуги сосѣду.

— Вы хорошо сдѣлали, что послѣдовали совѣту бабушки и просили о продленіи отпуска,— сказалъ онъ, возвращаясь домой при наступленіи темноты и проходя мимо строеній съ освѣщенными окнами.—Чтобъ распутать ваши дѣла и попытаться вернуть хотя бы часть расхищеннаго имущества, нужна большая осторожность. Я всегда готовъ вамъ служить моею опытностью и связями въ здѣшнемъ краѣ, но предупреждаю васъ, что для полнѣйшаго возстановленія вашего хозяйства присутствіе ваше здѣсь необходимо. Бабушка мнѣ говорила, что князь Репнинъ предлагаетъ вамъ у себя службу?

— О, это была одна только свѣтская любезность! Князь меня такъ мало знаетъ, что не можетъ серьезно желать, чтобъ я при немъ служилъ,—поспѣшилъ заявить Грабининъ, и, чутьемъ влюбленнаго угадывая, что надо увѣрить соперника въ его нежеланіи оставаться въ здѣшнемъ краѣ, онъ прибавилъ, что во всякомъ случаѣ у него такъ много сердечныхъ и служебныхъ интересовъ въ Петербургѣ, что ему очень не хотѣлось бы его покинуть. — У меня тамъ много родныхъ, пріятелей, я къ тамошней жизни привыкъ, жизнь въ другомъ мѣстѣ была бы для меня тяжелой ссылкой...

Откуда бралась у него такая находчивость и краснорѣчіе въ отстаиваніи ложныхъ завѣреній, и почему называлъ онъ уже про себя Аратова своимъ соперникомъ,—на вопросъ этотъ онъ затруднился бы отвѣтить; одно только сознавалъ онъ вполне ясно и всѣми силами души, это то, что онъ ненавидитъ этого человѣка, что имъ вдвоемъ на бѣломъ свѣтѣ тѣсно, и что онъ тогда только вздохнетъ свободно, когда будетъ знать, что никогда не встрѣтитъ его на жизненномъ пути.

Они вернулись въ ярко освѣщенную столовую съ сервированнымъ ужиномъ и сѣли за столъ только втроемъ: Грабининъ, хозяинъ дома и французъ. Прочій хламъ, какъ называлъ Аратовъ домочадцевъ своей прабабки, былъ такъ далеко убранъ, что можно было забыть о его существованіи.

Поваръ отличился на славу, даже во дворцѣ у императрицы не ѣдалъ Владимиръ Михайловичъ такихъ тонкихъ кушаньевъ и не пивалъ такихъ вкусныхъ винъ, какъ тѣ, которыми его угощали

такъ усердно, что вскорѣ онъ почувствовалъ легкое головокруженіе, поддаваться которому ему вовсе не хотѣлось. Онъ сталъ отказываться отъ угощенія, хозяинъ настаивалъ, и споръ между ними перешелъ бы, можетъ быть, въ настоящую ссору, если бъ не вошелъ съ взволнованнымъ лицомъ камердинеръ п, съ таинственнымъ видомъ пригнувшись къ своему господину, не доложилъ бы ему о чемъ-то весьма важномъ, судя по тому, какъ поспѣшно всталъ Дмитрій Степановичъ изъ-за стола и, отвѣтивъ, что самъ сейчасъ выйдетъ, обратился къ мсье Соссье, съ любопытствомъ слѣдившему за этой сценой:

— Да, это оттуда. Просятъ немедленно пріѣхать. Дѣло назначено на воскресенье,—отрывисто проговорилъ онъ, отвѣчая на вопрошающій взглядъ француза. А затѣмъ, повернувшись къ Грабинину, онъ извинился, что долженъ немедленно его покинуть. — Надо ѣхать по важному дѣлу къ пріятелю, верстъ за двѣсти отсюда. Оттуда я ужъ прямо поѣду къ кievскому воеводѣ. У меня съ нимъ затѣяны важныя дѣла, собираемъ голоса на предстоящую конфедерацию. Въ Россіи объ этомъ не имѣютъ понятія, а вотъ поживете съ нами и поймете, что такое свободная страна съ избирательными правами. Здѣсь любому магнату, съ умомъ и ловкостью, можно надѣяться сдѣлаться королемъ, и каждый шляхтичъ чувствуетъ себя равнымъ самому важному вельможѣ. Такое происходитъ передъ выборами смятеніе въ умахъ, что золотомъ и обѣщаніями, какъ щепками, швыряютъ, знай, только подбирай, не зѣвай. Разумѣется, надо при этомъ поступать умѣючи и осторожно, чтобъ и выгоду получить и гоноръ сохранить,—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ по выраженію лица своего слушателя, что онъ ему не сочувствуетъ. — Въ подлости и хамствѣ Аратовыхъ никогда никто не упрекалъ, но такъ какъ дуракомъ я никогда не былъ и не буду, то и блюду свои интересы всюду, гдѣ къ тому представляется удобный случай, и скоро сдѣлаюсь однимъ изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ помѣщиковъ въ краѣ. Совѣтую и вамъ послѣдовать моему примѣру, сосѣдъ,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой и, къ величайшему удовольствію Грабинина, которому ничего такъ не хотѣлось, какъ чтобы онъ скорѣе избавилъ его отъ своего присутствія, протягивая ему руку на прощаніе.

— Мы, значить, не скоро увидимся?—спросилъ Владиміръ Михайловичъ.

— Не раньше, какъ недѣли черезъ двѣ. У воеводы придется прожить дня три, раньше не отпустятъ. Вы о здѣшнемъ гостепріимствѣ понятія не имѣете. У насъ думаютъ, что лучше русскихъ никто не угощаетъ гостей, но это могутъ говорить только тѣ, которымъ польскіе обычаи не извѣстны. Что у нихъ за женщины!—продолжалъ онъ съ восхищеніемъ.—Послѣдняя шляхтянка, имѣвшая счастье получить образованіе въ замкѣ магната, любезнѣе и

обаятельнѣе женъ и дочерей нашихъ вельможъ. Изъ-за полячки можно сдѣлаться не только пьяницей и бретеромъ, но и героемъ и разбойникомъ! О, здѣсь можно жить несравненно веселѣе, чѣмъ въ Россіи! Но для этого надо сойтись съ поляками, а еще лучше породниться съ ними... Для меня это невозможно, я женатъ, но вы человѣкъ свободный, и жизнь передъ вами открыта, отъ васъ зависитъ устроить ее самымъ блестящимъ образомъ. По возвращеніи я кое съ кѣмъ васъ познакомлю и, кто знаетъ, захотите ли вы вернуться въ скучный, чопорный Петербургъ или въ затхлую Москву, когда побываете со мною въ Варшавѣ и въ замкахъ здѣшнихъ магнатовъ! Здѣсь такой блескъ, роскошь и тонкій вкусъ, образованіе, вѣчная радость и веселье, какъ нигдѣ въ Европѣ! Даже въ Парижѣ скучаю я по Польшѣ, моей второй и любимой родинѣ,—распространялся онъ, въ увлеченіи своемъ не замѣчая, какъ трудно было его слушателю скрывать негодованіе и отвращеніе, овладѣвавшія имъ все сильнѣе и сильнѣе отъ словъ, казавшихся ему кощунственными и преступными.

Точно камень свалился у Грабинина съ души, когда они разстались. При одной мысли, что они цѣлыхъ двѣ недѣли не увидятся, хмель точно выдуло у него изъ головы, и онъ чувствовалъ себя бодримъ, сильнымъ и на все готовымъ. Никогда не подозревалъ онъ, чтобъ можно было такъ ненавидѣть человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавать себя такимъ безпомощнымъ въ его присутствіи. Не только терялся онъ, но даже какъ будто робѣлъ подъ его холоднымъ, пронзительнымъ взглядомъ... Не за себя, конечно, а за ту несчастную, которая находилась во власти жестокаго мужа, и которую ему такъ хотѣлось спасти.

Но какимъ образомъ?

На вопросѣ этомъ онъ избѣгалъ останавливаться и гналъ его отъ себя прочь, когда онъ наворачивался ему на умъ, такъ жутко было не находить на него отвѣта, а между тѣмъ онъ всею существомъ своимъ сознавалъ, что ему легче отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ этого намѣренія.

— У мсье Аратова вѣчно снѣжныя дѣла, мѣшающія ему располагать временемъ такъ, какъ бы ему хотѣлось. То хлопоты по выборамъ, то улаживаніе недоразумѣній между пріятелими, то ухаживаніе за хорошенькими женщинами, среди которыхъ онъ очень популяренъ. Все это сопровождается пышными пиршествами, кавалькадами, театральными представленіями, концертами, балетами... Онъ правъ, увѣряя, что въ Польшѣ умѣютъ веселиться и отгонять отъ себя мрачныя мысли и тяжелыя предчувствія...

Грабининъ былъ слишкомъ поглощенъ соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ разсказами француза, чтобы внимательно его слушать, и, отказываясь отъ вина, которымъ мсье Соссье, взявъ на себя роль хозяина, усиленно его потчевалъ, онъ поднялся изъ-

за стола и объявилъ, что хочетъ пораньше лечь спать, чтобъ завтра рано уѣхать домой.

Продолжая разговоръ, начатый въ столовой, мсье Соссье проводилъ гостя до приготовленной для него комнаты. гдѣ на порогѣ встрѣтилъ ихъ Оедька. Тутъ, пожелавъ ему спокойной ночи, французъ ушелъ, а Владимиръ Михайловичъ остался со своимъ слугою въ удобно убранной спальнѣ, съ приготовленною постелью на кровати въ глубинѣ.

— Баринъ, что тутъ за ужасы творятся!—вскричалъ Оедька, не будучи въ состояніи долше сдерживать свое волненіе.

«Съ нею?» чуть было не сорвалось у Грабниина съ языка, но, во-время спохватившись, онъ указалъ на окно, растворенное въ садъ, откуда легко было подслушать ихъ разговоръ.

Оедька бросился къ этому окну и, перегнувшись черезъ подоконникъ, съ минуту всматривался въ тѣни, сгущавшіяся въ этомъ мѣстѣ особенно черно отъ высокихъ деревьевъ.

— Никого не видать,—объявилъ онъ шопотомъ, подходя къ кровати, на которую, не раздѣваясь, присѣлъ его баринъ.— Да и не до того имъ теперь, чтобъ за нами подсматривать, своихъ заботъ полонъ ротъ. Сейчасъ, когда вы еще изволили за столомъ сидѣть, прискакалъ тутъ одинъ, чудно наряженный, вотъ какъ у насъ на святкахъ, въ курткѣ съ золотыми шнурами, въ алой шапкѣ съ длиннымъ перомъ...

— Кто такой? Откуда?—прервалъ его баринъ.

— Издалека. Сказывали, да я запомнилъ. Всѣ они здѣсь, даже и русскіе, такъ православную рѣчь коверкаютъ, что не все понять можно. Посланецъ тотъ письмо привезъ ихнему барину и говорить: не иначе, какъ въ собственныя руки, отдамъ. «Езевушъ» пошелъ докладывать и, вернувшись, побѣждалъ собирать охотниковъ. А тутъ въ скорости и самъ баринъ вышелъ, и пока онъ съ посланцемъ въ кабинетѣ разговаривалъ, на конюшнѣ лошадей сѣдлали, а молодцы, которые у нихъ тутъ подъ видомъ охотниковъ проживаютъ, одинъ за другимъ на заднемъ дворѣ собирались. Люди эти все изъ дальнихъ, и охотятся они съ баринкомъ своимъ не на тетеревей и не на волковъ и медвѣдей, а на людей! Что только про нихъ здѣсь рассказываютъ—страсть! Собралось этихъ «охотниковъ» человекъ десять, если не больше, въ темныхъ плащахъ, у каждаго за поясомъ ножъ острый, а ужъ рожи!—морозъ подираетъ вспомнить!—свирѣпыя! Одно слово—разбойники. Для того только ихъ здѣсь и держатъ, чтобъ съ баринкомъ на промыселъ ѣздить.

— На какой промыселъ? Что ты за вздоръ городишь?

— Не вздоръ-съ, а они заправдышніе разбойники-съ, какъ есть-съ, настоящіе. Наѣздами пробавляются. Это всѣмъ здѣсь извѣстно. Послушали бы вы, что про нихъ здѣшній народъ тол-

куеть, волосы дыбомъ становятся слушать! Прошлою осенью одинъ тутъ баринъ, панъ по-ихнему, напалъ на сосѣда съ цѣлою ватагой хлоповъ, съ ножами, саблями, ружьями. Четыре дня дрались, и на пятый отъ барской усадьбы однѣ обгорѣлыя стѣны остались. Люди, которыхъ не успѣли убить или изувѣчить, разбѣжались, куда глаза глядятъ, самого барина зарубили на смерть, супругу его съ дочками въ плѣнъ увели; кабы добрые люди не отбили дорогой, загубили бы и ихъ. Въ лѣсу теперь скрываются, ждуть переменны судьбы.

— При чемъ же тутъ Аратовъ? То происходитъ въ Польшѣ, а не на Русской землѣ,—прервалъ рассказчика Грабининъ.

— Да далеко ли тутъ до Польши-то? Вотъ онъ, Днѣпръ-то!—возразилъ Оедька, протягивая руку къ окну, въ которое вмѣстѣ съ ночнымъ вѣтеркомъ врывался аромать цвѣтовъ и доносились ночные звуки, таинственное стрекотанье, шуршанье и шопотъ никогда не засыпающей природы.—Здѣсь, можно сказать, все перепутано, русскіе дѣлаются поляками, а поляки русскими. Съ первого разу и говоръ-то ихъ не поймешь, пше да пше, барзо да пенкно, только и слышишь. По-настоящему даже и барина назвать не умѣютъ. Садовникъ-то, съ которымъ вы заговорили, чтобъ узнать, можно ли войти въ оранжерею, какъ вамъ отвѣтилъ? Не «пожалуйте, сударь», а «шшепрошу, пане». Оно, правда, похоже на нашъ говоръ, а все же не вдругъ поймешь...

— Но при чемъ же тутъ Аратовъ?—съ раздраженіемъ прервалъ его разсужденія Владимиръ Михайловичъ.

— Да онъ былъ заодно съ тѣмъ господиномъ, что наѣздъ-то на сосѣда сдѣлалъ, и вмѣстѣ со своими малявинскими охотниками рубилъ и жегъ, да грабилъ. Двѣ подводы награбленного добра сюда привезли темною ночью и въ подвалы свалили: ящики съ серебромъ, тюки съ коврами, узлы со всякою всячиною. Однихъ червонцевъ, говорятъ, больше трехъ тысячъ на его долю при дѣлежѣ досталось. Тотъ панъ, котораго они закололи, передъ тѣмъ цѣлую уйму денегъ въ карты выигралъ, было, значить, чѣмъ поживиться. Деньги-то господинъ Аратовъ при себѣ оставилъ и уѣхалъ съ ними за границу, а все остальное добро жидамъ спустили, чтобъ и слѣда не оставалось. Они это здѣсь ловко умѣютъ дѣлать.

— Ты врешь!—вскричалъ Грабининъ, срываясь съ мѣста и схватывая рассказчика за плечо.—Докажи, что это правда! Сейчасъ докажи!—повторялъ онъ, блѣднѣя отъ разнородныхъ чувствъ, нахлынувшихъ ему на душу: негодованіе, ужасъ и нѣчто странное, похожее на торжество, на радостное удовлетвореніе, заволновало все его существо. Самъ себя не помня, онъ такъ сильно впился пальцами въ плечо Оедьки, что тотъ вскрикнулъ отъ боли.

— Баринъ, баринъ! Да какого вамъ еще доказательства, когда я съ тѣми самыми людьми говорилъ, у которыхъ самыхъ близкихъ

родныхъ при этомъ наѣздѣ убили и изуродовали! Да вотъ, вернемся въ Воробьевку, вамъ то же самое и Андрей Ивановичъ скажетъ. Здѣсь это всѣмъ извѣстно, здѣсь такое разбойничье мѣсто, ни суда, ни расправы, у кого сила да деньги, тотъ и правъ. Извольте только присмотрѣться къ здѣшнему народу, — продолжалъ онъ уже болѣе спокойно, не чувствуя больше на себѣ руки барина, — у кажиннаго ножъ за поясомъ, кажинный готовъ во всякую минуту бѣжать куда глаза глядятъ, убили одного или двухъ, ограбили, выручку припряталъ, набилъ себѣ поясъ червонцами, наточилъ ножъ поострѣе, да и драла либо въ Туретчину, либо за море, либо къ казакамъ въ степь. А то такъ и ближе: поляки бѣгутъ въ Россію, а русскіе въ Польшу. Вѣдь только рѣку переплыть. Даже и господамъ это ни почемъ, а хлопамъ и подавно, имъ терять нечего. Лѣса кругомъ, сами изволили видѣть, какіе дремучіе! Сколько въ нихъ разнаго люда хоронится! Здѣсь, въ Малявинѣ, только слава одна, что русскаго барина помѣстье; мы со Степаномъ всего только восемнадцать человѣкъ православныхъ во всей усадьбѣ насчитали, остальные все полячье поганое. При старой барынѣ русскіе, а при молодомъ баринѣ ляхи, въ нашу церковь не ходятъ, а у ксендза въ Кіевѣ говѣютъ, либо въ монастыряхъ, что подъ самымъ Кіевомъ... А сколько здѣсь вѣдьмъ, да колдуновъ и колдуній, знахарей да знахарокъ и такихъ, которые давно душу свою чорту продали, и которыхъ земля не беретъ. Намъ одну такую показывали, на мельницѣ живетъ и кого угодно можетъ заморозить. Такая старая, что въ землю ужъ стала вросать, одинъ горбъ видать. Царя Петра Алексѣевича видѣла, съ окаяннымъ Гришкой Отрепьевымъ говорила. Выведутъ ее утромъ на дворъ, положить на траву, пригнется къ землѣ ртомъ, да такъ и дышитъ весь день, пока ее назадъ въ хату не уведутъ. Вотъ значитъ, какъ ее къ могилѣ тянетъ, а за грѣхи Богъ ей смерти не посылаетъ. И все провидитъ: какъ увидала человѣка, такъ ужъ и знаетъ, чего ему отъ судьбы ждаты. Вамъ бы съ нею повидаться, сударь. Намеднись она молодой барынѣ сказала...

— Какой молодой барынѣ? Супругъ Аратова? — съ живостью прервалъ его баринъ.

— Точно такъ-съ, одна здѣсь молодая барыня.

— Ты про нее слышалъ? Что здѣсь про нее говорятъ?

— Да всѣ ихъ жалѣютъ, говорятъ, на нее супругъ напраслину взводитъ, будто она порченная, никакой въ нихъ нѣтъ порчи, окромя того, что запугана и большое утѣсненіе отъ супруга и отъ старой барыни терпитъ. Дѣточекъ у нея отняли и бывшей любовницѣ барина, басурманкѣ, Анелькѣ, отдали на попеченіе; держать взаперти, какъ преступницу, до отчаянности доводятъ, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ съ ума сошла. Сегодня, какъ мы пріѣхали, она унесла къ себѣ сыночка, такъ что тутъ было, даже жутко вспомнить! Какъ

пріѣхалъ самъ-то, да про все узналъ, осатанѣлъ отъ гнѣва! Анельку приказалъ въ подвалѣ запереть, чтобъ на досугѣ, вернувшись домой, пытать да наказывать, и пошелъ къ супругѣ. Такъ ужъ тутъ, въ дѣвичьей, отъ страха всѣ зачали креститься да вслухъ молиться, чтобы въ ярости чѣмъ ни попало не хватилъ барыню! Отъ такого звѣря, съ позволенія сказать, всего можно ждать. Не разъ ужъ ее билъ...

У Грабинина отъ ужаса въ глазахъ помутилось. Ему въ одно и то же время хотѣлось закричать рассказчику, чтобъ онъ замолчалъ, пересталъ бы ему терзать сердце, и чтобъ онъ скорѣе высказалъ все, что знаетъ про страшную драму, разыгравшуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, подъ одною съ нимъ кровлею.

— Откуда ты все это знаешь?— съ трудомъ шевеля губами, спросилъ онъ.

— Да какъ же знать, сударь, когда мы здѣсь цѣлый день пробыли, а здѣшніе люди только про это и толкуютъ? Баринъ ихъ за какимъ-то шарлатаномъ въ Варшаву ѣздилъ, не то нѣмецъ, не то полякъ, а всего вѣрнѣе, что жидъ, которому христіанскую душу ничего не стоитъ загубить, и этотъ чортъ сговорился съ нимъ молодую барыню совсѣмъ сумасшедшей сдѣлать, чтобъ, значитъ, г-ну Аратову въ дальнюю деревню ее запереть, да на другой жениться. Волочится за какой-то вдовой. Въ дѣвѣцахъ при важной пани, въ родѣ какъ въ воспитанницахъ, жила, а теперь на собственной мызѣ проживаетъ; говорятъ—красавица, а только далеко ей до барыни, Елены Алексѣевны...

— Ты развѣ ее видѣлъ?

— Точно такъ-съ. Та дѣвушка, что при ней, мнѣ ее показывала.

— Гдѣ? гдѣ? когда?— вскричалъ баринъ.

— Какъ супругъ-то ейный ускакалъ, она на крылечко вышла, сѣла на ступеньки и сидитъ тамъ до сихъ поръ пригорюнившись. Все плачетъ. Настя говоритъ: «ажно тоска беретъ, на нее глядячи».

Грабининъ въ волненіи молча прошелся по комнатѣ. Мысли въ такомъ хаосѣ кружились въ его головѣ, что онъ ни на чемъ не могъ остановиться. Одно только сознавалъ онъ ясно: во что бы то ни стало, и что бы отъ этого ни произошло, хотя бы смерть имъ обоимъ, а надо съ нею видѣться... Хуже того, что есть, быть не можетъ... Надо дѣйствовать, ни минуты не медля, сейчасъ, сію минуту...

— Такъ онъ уѣхалъ?—отрывисто спросилъ онъ.

— Уѣхали-съ. Когда вы еще съ французомъ за столомъ сидѣли, люди его собрались на заднемъ дворѣ и сѣли на коней. Г-нъ Аратовъ вышелъ, тоже въ темномъ плащѣ и сдѣлалъ имъ, какъ бы смотръ, всякаго оглядѣлъ и допросилъ. Что онъ имъ говорилъ, я

не могъ слышать: изъ окошка въ коридорѣ я на нихъ смотрѣлъ, а на дворъ, не то что чужихъ, а даже и своихъ-то не всѣхъ пу-скали. Поговоривши съ ними, баринъ самъ вскочилъ на коня и со всѣми ускакалъ. Теперь, чай, далеко! Кони у нихъ добрые. Раньше, какъ черезъ двѣ недѣли самого-то не ждутъ, ну, а изъ охотниковъ, которые уцѣлѣютъ, раньше вернуться.

— Пойдемъ, — сказалъ Грабининъ, повертываясь къ двери:— мнѣ надо видѣть Елену Алексѣевну, проводи меня къ ней.

Это было сказано такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Оедькѣ даже и въ голову не пришло противорѣчить, и они вышли въ коридоръ, казавшійся безконечно длиннымъ отъ наполнявшей его тьмы. Но Оедька не далъ барину пройти больше двадцати шаговъ и, свернувъ въ сторону, ощупью отыскалъ дверь, которую раство-рилъ въ чуланъ, уставленный старымъ хламомъ; тутъ, при сла-бомъ свѣтѣ, пробивавшемся черезъ щель, можно было увидѣть дру-гую дверь, низенькую и обитую желѣзомъ; отъ толчка Оедьки она распахнулась на маленькій дворикъ, со всѣхъ сторонъ стиснутый высокими стѣнами и поросшій густой травой, усѣянной желтыми одуванчиками.

Здѣсь было еще пустыньѣ и молчаливѣе, чѣмъ въ домѣ, а стѣны съ заколоченными ставнями кругомъ, придавали этому мѣсту видъ колодца.

— У нихъ тутъ кладовыя съ разнымъ добромъ, а въ подва-лахъ вина да пустые боченки отъ награбленнаго золота и серебра,— началъ было шопотомъ распространяться Оедька, но баринъ его, замѣтивъ при лунномъ свѣтѣ женскую фигуру, закутанную во что-то бѣлое, на крылечкѣ, въ противоположномъ концѣ двора, не далъ ему договорить.

— Ступай, оставь насъ,—чуть слышно сказалъ онъ.

Оедька скрылся въ темнотѣ, изъ которой они вышли, а Влади-миръ Михайловичъ, какъ во снѣ, движимый непреодолимой силой, овладѣвшей всѣмъ его существомъ, не ощущая ни страха, ни вол-ненія, ни даже изумленія, прямо направился къ молодой женщи-нѣ. Все въ немъ замерло и застыло, кромѣ желанія сказать ей, чтобъ она успокоилась, что онъ ее спасетъ. И чѣмъ ближе онъ къ ней подходилъ, чѣмъ опредѣленнѣе вырисовывался передъ нимъ ея прелестный обликъ, тѣмъ яснѣе становились его мысли.

Впрочемъ, собственно мыслей у него не было, всѣ онѣ отъ перваго взгляда на нее разсѣялись, какъ туманъ при восходѣ солнца; въ умѣ и въ сердцѣ властно царило одно только чувство, отвѣчавшее всѣмъ потребностямъ его души—спасти ее отъ мужа. А какъ это сдѣлать — извѣстно было только Тому, Кто привелъ его сюда такъ чудно и неожиданно.

Она чувствовала то же самое и ждала его, чтобъ ему это ска-зать. На ея блѣдномъ лицѣ, съ глубокими темными глазами, въ

ея довѣрчиво протянутой ему рукѣ, во всемъ ея существѣ читалъ онъ безпредѣльное къ нему довѣріе и радостную надежду.

Она знала, что онъ придетъ. Она долго молилась съ тоскою и слезами, и Господь ее услышалъ, послалъ ей избавителя. Они встрѣтились, какъ старые знакомые, какъ родные и близкіе по душѣ, изстрадавшіеся въ мучительномъ томленіи разлуки и жаждущіе подѣлиться мыслями и чувствами, духовно сливаясь въ одинаковыхъ желаніяхъ и упованіяхъ.

Ее хотятъ увезти отсюда, выдать за сумасшедшую, но она не сумасшедшая, она только очень несчастна и давно страдаетъ... съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій Степановичъ ее взялъ... Но только сегодня постигла она вполне глубину своего горя...

— И какъ Господь милостивъ! — продолжала она, съ восторгомъ поднимая глаза къ небу. — Именно въ эту минуту Онъ васъ ко мнѣ прислалъ! Когда я васъ увидала, точно какая-то живительная искра запала мнѣ въ сердце и затеплилась въ немъ, какъ лампадка, разливая кругомъ свѣтъ и радость...

По временамъ, искра эта блѣднѣла и переставала ее утѣшать и оживлять, но совсѣмъ она не потухала и снова вспыхивала, когда отчаянье начинало заползать въ душу. Если бъ то, что случилось сегодня, произошло вчера, она навѣрное помѣшалась бы отъ страха и отчаянья, но сегодня она уже знала, что не одна на свѣтѣ, она уже прочитала въ его глазахъ жалость къ ней и теплое участіе, и когда мучитель ея къ ней вошелъ и, глядя на нее своими змѣиными глазами, грозилъ ей и стращалъ, доказывая, что все, что она уже вынесла, ничто передъ тѣмъ, что будетъ, что самое страшное для нея еще не наступило, и что онъ ждетъ только приѣзда доктора, чтобъ навсегда отстранить ее отъ свѣта, похоронить живую, когда онъ это говорилъ, она думала о незнакомцѣ, смотрѣвшемъ на нее съ такимъ горячимъ участіемъ, и внутренній голосъ ей шепталъ: «не бойся, онъ тебя спасетъ!»

Она всѣмъ сердцемъ повѣрила этому голосу: она теперь уже знаетъ, что у нея есть на свѣтѣ защитникъ и покровитель, который увезетъ ее отсюда и найдетъ ей вѣрное убѣжище въ какомъ нибудь монастырѣ, далеко отъ этого дома, гдѣ она пролила столько слезъ и была такъ несчастна!

— Гдѣ хотите, лишь бы онъ меня не могъ найти... Я готова постричься въ монахини и навсегда отказаться отъ свѣта. Въ міру мнѣ жалѣть нечего. Дѣтей онъ все равно мнѣ не отдастъ, я его знаю, жалость ему недоступна, и когда онъ возненавидитъ чело-вѣка, для него нѣтъ больше удовольствія, какъ его мучить. Дѣтей онъ заставитъ меня забыть, хуже того, онъ меня представитъ имъ въ такомъ страшномъ видѣ, что они безъ содроганія не будутъ про меня вспоминать. Вы только подумайте, они совсѣмъ крошки, Алешенькѣ два года и пять мѣсяцевъ, онъ не всѣ еще слова вы-

говариваетъ, а Фимочкѣ и году нѣтъ, развѣ такія малютки могутъ помнить мать? Въ монастырѣ я къ нимъ буду ближе, и у меня будетъ гораздо больше надежды ихъ найти и заставить меня узнать и полюбить, когда они выростутъ и выйдутъ изъ воли отца. Я много про это думала въ долгіе часы одиночества и объ одномъ молила Бога: если Ему не угодно смягчить сердце Дмитрія Степаныча, внушить ему ко мнѣ состраданіе, то чтобъ Онъ послалъ мнѣ избавителя, который нашель бы мнѣ вѣрное убѣжище, гдѣ я могла бы совсѣмъ посвятить жизнь молитвѣ за дѣтей, ничего больше не могу я для нихъ сдѣлать...

Она говорила медленно, съ долгими остановками между фразами, точно стараясь припомнить то, что ей казалось нужнымъ, чтобъ избавитель ея зналъ про нее, а онъ, слушая ее, смотрѣлъ на нее съ восторженнымъ благоговѣніемъ, какъ на неземное созданіе, какъ на чудное видѣніе, которое каждую минуту можетъ отъ него отлетѣть такъ же неожиданно, какъ и явилось ему. Упиваясь звуками ея голоса и ощущеніемъ близости къ ней, онъ не удивился бы, если бъ у нея вдругъ выросли крылья, на которыхъ она отъ него отлетѣла бы навсегда. Но одному только небу уступилъ бы онъ ее безъ борьбы, на землѣ же никому не далъ бы до нея прикоснуться. Она не обманется въ своемъ упованіи на него, одна только смерть можетъ заставить его отказаться отъ ея спасенія...

Слушалъ онъ ее молча; всѣ выраженія человѣческой рѣчи казались ему блѣдны въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ чувствовалъ, но она понимала его безъ словъ и улыбалась ему своею чистою, невинною улыбкою, какъ старому испытанному другу, которому можно все сказать, потому что онъ все пойметъ и всему будетъ сочувствовать.

— У меня ничего нѣтъ, а въ монастыряхъ надо платить за келью и за содержаніе, но я умѣю работать и рисовать. Даже бабушка была довольна моею работою, а она такая строгая! Не правда ли, меня возьмутъ безъ денегъ? Вы это устроите? Да? — спросила она.

Онъ взялъ ея руку и молча прильнулъ къ ней губами, давая волю слезамъ, которыхъ не въ силахъ былъ удержать.

— О чемъ вы плачете?—спросила она, не отнимая у него руки.

— Отъ счастья, что вы мнѣ довѣрились, не зная меня,— прошепталъ онъ.

— Я тоже счастлива... Чѣмъ? Неужели только надеждой на избавленіе? Нѣтъ, нѣтъ,—съ живостью отвѣчала она самой себѣ.— Я счастлива тѣмъ, что спасеніе мое придетъ отъ васъ... Что я къ вамъ чувствую?—продолжала она, всматриваясь въ его лицо, точно желая запечатлѣть его въ своей памяти.— Не знаю! Но это такое блаженство, точно я умерла и въ раю. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы все про меня узнали, всю мою жизнь до встрѣчи съ вами...

не ту жизнь, что я вела здѣсь, про это мнѣ хотѣлось бы и самой забыть, и чтобъ никто про нее не узналъ, а какъ я жила дома, съ маменькой, съ маленькими сестрами и съ братомъ...

Она была старшая и помнила прежнюю ихъ роскошную жизнь въ Москвѣ. Она понимала страданія матери съ дѣтьми въ маленькомъ хуторкѣ, оставшемся единственномъ ихъ достояніи послѣ погрома. Бѣда обрушилась на нихъ неожиданно. Тогда еще царствовала императрица Елизавета Петровна. Отецъ ея пострадалъ за преданность благодѣтелю и покровителю, канцлеру Бестужеву. Состояніе его конфисковали все, безъ остатка, домъ въ Москвѣ, имѣнія, драгоценности, не только все ему лично принадлежавшее, но также и то, что онъ взялъ въ приданое за женой. Его увезли въ Сибирь, а семья пріютилась въ хуторкѣ близъ монастыря, гдѣ игуменьей была ихъ близкая родственница, сестра ихъ бабки. Мать ихъ была одна изъ тѣхъ святыхъ женщинъ, которыми всегда изобиловала Русская земля въ тяжелыя времена. Избалованная роскошью и богатствомъ съ рожденія, она сумѣла терпѣливо и съ достоинствомъ примириться со всѣми невзгодами и среди заботъ и лишеній, съ помощью нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ, воспитывала дѣтей въ страхѣ Божиемъ, покорности судьбѣ и въ правилахъ чести, въ которыхъ сама выросла. Старшая дочь ей помогала. Еленѣ съ младенчества было не до дѣтскихъ игръ и не до дѣвическихъ мечтаній, она готовилась къ тяжелой жизни, но того, что предназначала ей судьба, предвидѣть не могла, какъ не могла себѣ представить, чтобъ могли существовать на свѣтѣ такіе люди, какъ Дмитрій Степановичъ Аратовъ. Явился онъ къ нимъ въ очень тяжелое время, когда получено было письмо о тяжелой болѣзни отца и о желаніи его увидѣться передъ смертью съ женою. Можно себѣ представить, какъ рвалась княгиня къ супругу! Но какъ подняться съ мѣста въ такую даль при ихъ нуждѣ и съ кѣмъ оставить дѣтей? Написали дядѣ въ Казань. Онъ прислалъ денегъ на дорогу и предложилъ взять къ себѣ младшихъ дѣтей. Одну только Елену дѣвать было некуда. Ей только что минуло пятнадцать лѣтъ. И вдругъ пріѣхали сваты съ предложеніемъ жениха! Молодой, красивый, богатый, знатнаго рода! Увидалъ Елену въ ихъ приходской церкви, влюбился въ нее и, узнавъ, чья она дочь, заслалъ сватовъ. А эти, извѣстное дѣло, такъ много наболтали и насулили, что весь домъ съ ума свели отъ радости. Векорѣ и самъ женихъ пріѣхалъ къ нимъ и всѣмъ понравился. Всѣмъ, кромѣ Елены, которая безъ ужаса не могла на него смотреть. Но развѣ она смѣла въ этомъ сознаться? Мать ея была, какъ въ чадѣ отъ счастья и пришла бы въ отчаяніе, если бъ узнала, что дочь ея въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ и словѣ жениха, чувствуетъ змѣиное жало, ехидство и жестокость? Никто, кромѣ нея, этого не прозрѣвалъ, всѣ были въ восторгѣ и

наперерывъ поздравляли ее съ блестящей судьбой, да и сама она была слишкомъ неопытна, чтобъ разобраться въ мучившихъ ее чувствахъ, и утѣшала себя надеждой привыкнуть къ этому челобѣю, когда онъ сдѣлается ея мужемъ.

Но надежда эта не осуществилась; чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе росло и ея отвращеніе къ нему; свѣтъ выкатывался у нея изъ глазъ при одной мысли остаться съ нимъ наединѣ. А тогда она еще не понимала, какого рода права онъ будетъ надъ нею имѣть, сдѣлавшись ея мужемъ.

Когда въ разсказѣ своемъ она дошла до этого мѣста, голосъ ея вздрогнулъ и оборвался, а рука ея, которую Грабининъ продолжалъ держать въ своихъ, задрожала и похолодѣла.

— Не вспоминайте! Забудьте! Клянусь вамъ Богомъ, что я заставлю васъ забыть ужасное прошлое!—вскричалъ онъ, опускаясь передъ нею на колѣни и прижимаясь лицомъ къ ея рукамъ.

Она его не отталкивала, она была счастлива и предавалась этому счастью, съ беззаботностью невиннаго ребенка. Онъ тоже въ эти блаженные минуты не думалъ о будущемъ, не спрашивалъ себя: какъ будетъ онъ поступать, чтобъ оправдать ея довѣріе, дать ей то, что она отъ него ждетъ—избавленія отъ мужа, имѣвшаго надъ нею неограниченныя права! Онъ рѣшилъ обо всемъ этомъ поразмыслить послѣ, когда ея съ нимъ не будетъ, и когда ему ничего больше не останется дѣлать, какъ дѣйствовать за нее, теперь же ему было не подъ силу отравлять земными помыслами ниспосланное свыше блаженство.

Сколько времени длилось ихъ свиданіе, этого они не могли бы сказать. Луна давно скрылась за горизонтъ, звѣзды меркли, а небесный сводъ начиналъ проясняться и золотиться занимавшею зарей, когда позади ихъ раздалась послѣдніе шаги, и взволнованный шопотъ Насти заставилъ ихъ очнуться отъ забытья, чтобъ вернуться къ дѣйствительности.

— Милая барыня, свѣтаетъ! Скоро весь домъ поднимется...

Грабининъ машинально поднялъ глаза къ двери въ противоположномъ концѣ двора и увидалъ Оедьку, дѣлавшаго ему руками какіе-то знаки съ порога.

Надо было разстаться.

Черезъ нѣсколько минутъ Оедька входилъ въ кучерскую, гдѣ на свѣжѣмъ снѣгѣ громко храпѣлъ Степанъ, и растолкалъ его.

— Вставайте, Степанъ Андреичъ, баринъ приказалъ закладывать лошадей. Домой собрался ѣхать.

— Что такъ рано?—кряхтя и зѣвая спросилъ Степанъ.

— Не знаю. Заторопился домой и отъ завтрака отказался, на тощакъ хочетъ ѣхать. Приказалъ торопиться,—повторилъ онъ, поспѣшно убѣгая.

Степанъ разбудилъ форейтора и отправился съ нимъ выводить лошадей изъ конюшни.

Пользуясь отсутствіемъ хозяина дома, большая часть малявинской дворни еще покоилась мирнымъ сномъ, когда гость вышелъ на крыльцо, передъ которымъ уже ожидала запряженная карета.

Отъ завтрака, настойчиво предлагаемаго ему старшими слугами, повторявшими, что Серафима Даниловна будетъ на нихъ гнѣваться за то, что отпустили дорогого гостя не кушамши, Грабининъ отказался и, приказавъ передать старой барынѣ его почтеніе и благодарность за ласку, съ обѣщаніемъ въ самомъ непродолжительномъ времени ее навѣстить, онъ поднялъ глаза на окна, въ надеждѣ увидѣть ту, подѣ обаяніемъ которой онъ возрождался къ новой жизни, но за стеклами никого не было видно, зато промежъ кустовъ, разросшихся у подѣзда, два зоркихъ глаза поджидали его взгляда, чтобъ сказать ему, что послѣднее его молчаливое привѣтствіе будетъ свято передано по адресу. Онъ узналъ Настю и успокоился: она сейчасъ побѣжитъ къ своей барынѣ и скажетъ ей, что послѣдній его взглядъ, послѣдняя улыбка были обращены къ ней черезъ посредство вѣрной слуги.

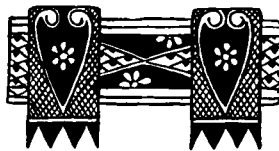
Еще разъ ласково ей кивнувъ, Грабининъ вскочилъ въ коляску. Оедька съ ловкостью обезьяны прыгнулъ на козлы рядомъ съ кучеромъ, который, подобравъ вожжи, съ трудомъ сдерживалъ застоявшихся коней.

Баринъ закричалъ: «Пошелъ!» Лошади помчались по широкой аллеѣ изъ старыхъ липъ и птицами понеслись по деревнѣ. За околицей же, сдерживаемыя опытною рукою Степана, онѣ умѣренной рысцой побѣжали по полямъ и лѣсамъ.

Если бъ мысли и чувства оставляли слѣдъ на былинкахъ и цвѣточкахъ, мимо которыхъ онѣ неудержимо стремятся въ таинственную даль, никто не повѣрилъ бы, что въ то весеннее утро по дорогѣ изъ Малявина въ Воробьевку проѣзжалъ одинъ только воробьевскій баринъ, а не цѣлая толпа жизнерадостныхъ и безъ памяти влюбленныхъ юношей: такое великое множество восторженныхъ чувствъ и безумныхъ мечтаній имъ было посѣяно на протяженіи тридцати верстъ!

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ¹⁾.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

IV.

Эпизодъ съ ключомъ отъ шкатулки.—Извѣстіе о новомъ завѣщаніи.—Разговоръ графини съ Брокеромъ.

О СМЕРТЮ графа Ростопчина для вдовы его началась новая эра, эра свободы духовной и полная возможность располагать богатствомъ усопшаго на благо католичества и его служителей. Аббаты должны были торжествовать; еле терпимые доселѣ въ палатахъ вполнѣ русскаго православнаго боярина, они теперь сдѣлались полнѣйшими господами въ домѣ, властелинами ума и сердца благочестивой вдовицы и должны были сдѣлаться наставниками ея младшаго сына, которому минуло двѣнадцать лѣтъ въ октябрѣ 1825 года. Графиня Екатерина Петровна знала, что въ 1811 году мужъ ея сдѣлалъ духовную, которою передавалъ все свое состояніе въ ея распоряженіе. О существованіи второй духовной она не подозрѣвала и ликовала. Первою каплею горечи въ чашѣ меда, которой она упивалась, явилось слѣдующее обстоятельство.

27-го декабря, послѣ соборованія, думая, что наступилъ его конецъ, графъ Ѳеодоръ Васильевичъ, простившись со всѣми, досталъ изъ стола ключъ отъ шкатулки, въ которой хранились

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 50.

деньги, брильянты, важныя бумаги и завѣщаніе его, и при женѣ и Булгаковѣ передалъ этотъ ключъ Брокеру со словами:

— Прощайте. Я умираю, друзья мои. Адамъ Ѳомичъ, возьми ключъ этотъ; ты знаешь, что тебѣ надо сдѣлать. Бумаги мои съ Булгаковымъ разбери, приведи въ порядокъ. Когда Андрюша будетъ совершеннолѣтній, ему ихъ отдадите.

Адамъ Ѳомичъ? Зачѣмъ Адаму Ѳомичу, когда законная жена и мать Андрюши стояла тутъ же? Какое оскорбленіе! Но, какъ благочестивая жена, графиня молча стерпѣла обиду и развѣ только намекомъ на разбойника, распятаго со Христомъ, дала понять, за какого великаго грѣшника считала она мужа, пребывавшаго въ православіи, когда сама она уже прозрѣла и хотѣла просвѣтити его. По той же причинѣ не любила она и А. Я. Булгакова и, вѣроятно, очень обрадовалась его отказу отъ опекуинства, представивъ это трудное дѣло зятю покойнаго, Нарышкину, жившему постоянно на югѣ, и Брокеру. Съ вѣчно отсутствующимъ зятемъ она надѣялась легко справиться, а съ Брокеромъ ей казалось, что и разсуждать много не стоитъ: мелкая сопка, а за нею стоитъ цѣлый сонмъ живыхъ аббатовъ да католическихъ святыхъ съ Іозофатомъ Кунцевичемъ во главѣ ¹⁾). Ободренная этою мыслью, она на другой же день послѣ кончины мужа послала за Брокеромъ и надменно приказала ему отдать ей ключъ отъ шкапулки. Привожу дословно разговоръ, происшедшій по этому поводу между ними.

— Если бы ключу быть у васъ,—говорилъ Брокеръ,—графъ передалъ бы его вамъ, а не мнѣ. Вы были тутъ же съ нами въ комнатѣ.

— Есть нѣкоторыя бумаги, которыя я хочу сжечь.

— Я до этого васъ не допущу. Графъ былъ такъ уменъ и такъ готовился къ смерти, что онъ зналъ, чему надо оставаться и чему нѣтъ. Волю его я исполню, все будетъ сохранено для Андрея Ѳедоровича.

— Да тутъ есть множество французскихъ бумагъ, коихъ вы не понимаете, и брани на французовъ.

— Французскія бумаги разберетъ Александръ Яковлевичъ, и если графъ бранилъ французовъ, то сдѣлалъ хорошо: они были

---

¹⁾ Я забѣгаю немного впередъ. Кунцевичъ не былъ еще тогда присоединенъ къ лику святыхъ. Разрѣшительную буллу далъ ему при вступленіи на папскій престолъ папа Пій IX. Но заслуги его давно были признаны: отъ него погнбло больше схизматиковъ, чѣмъ во все остальное время избіенія ихъ въ Польшѣ. Извѣстно, что въ Вислѣ погнбло столько православныхъ, сколько было въ ней волчь. Одно воспоминаніе о св. Іозофатѣ Кунцевичѣ способно свѣять съ души каждое попользованіе къ обращенію изъ православія въ католичество для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ исторіей русскопольскихъ отношеній.

нашими злодѣями, они сократили жизнь графа, пустивъ ядъ въ его семью.

— На свѣтѣ одна только вѣра—католическая, нѣтъ безъ нея спасенія.

— И вы смѣете, графиня, это утверждать? Развѣ вы не видѣли, съ какою твердостью, съ какимъ умиленіемъ и спокойствіемъ умиралъ графъ? Дай Богъ вамъ такъ умереть въ вашей вѣрѣ!

— Въ Андриюшино воспитаніе никто не долженъ вмѣшиваться.

— Это рѣшить духовная графа.

— Она мнѣ известна.

— Не можетъ быть, графиня. Графъ Федоръ Васильевичъ недавно уничтожилъ прежнюю и сдѣлалъ новую. (Графиня была ошеломлена этими словами). Что же касается до Андрея Федоровича, къ нему будетъ ходить духовникъ его покойнаго отца, а къ обѣднѣ онъ будетъ ходить съ Метаксой.

— Все, что вы говорите, для меня крайне непріятно.

— Сожалѣю, графиня, но эти непріятности я буду повторять каждый день. Покуда ноги мои двигаются, и я дышу, воля графа будетъ исполнена; она и за предѣлами гроба будетъ мой законъ. Я оправдаю его довѣріе, праха его не оскорблю.

— Вы меня не знаете, я воспитывала одна всѣхъ нашихъ дѣтей.

— Чѣмъ же вы хвастаетесь? Изъ Сергѣя Федоровича вы сдѣлали развращеннаго негодяя, посрамившаго имя Ростопчинныхъ ¹⁾. Вы воспользовались неопытностью вашихъ дочерей, чтобы обратить ихъ въ католичество. Вы заставили ихъ нарушить первую заповѣдь христіанства—вѣрность своей ретигии. Вы и изъ Андриюши сдѣлали повѣсу и баловня, исполняя во всемъ его волю, и что же вышло? Онъ васъ ни во что не ставитъ и не слушаетъ васъ ни въ чемъ.

— Дочери мои сами обратились, про это зналъ мой мужъ ²⁾. Я не неволила. Наташа осталась православной.

— Кому вы это говорите, графиня? Графъ молчалъ для избѣжанія ссоръ, соблазна, явнаго разрыва съ вами. Наталья Федорвна своею твердостью сдѣлала всѣ ваши усилія тщетными, и вамъ известно, что именно за это и была всегда любимою дочерью

¹⁾ Сергѣй Федоровичъ сидѣлъ за долги въ парижской тюрьмѣ Мазась. Отцу надоѣло за него платить, и онъ не препятствовалъ его заключенію, но позоръ этотъ причинилъ много горя графу, и Брокеру все это было известно.

Авт.

²⁾ Графъ такъ мало про это зналъ, что не повѣрилъ извѣстію, увы, слишкомъ неоспоримаго причащенія умирающей дочери по католическому обряду, и обращался къ митрополиту съ просьбой похоронить ее по-православному. Не удивительно, что на первыхъ порахъ и Брокеръ съ Булгаковымъ полагали, что покойницу обратили въ католичество раньше. Подробности всплыли наружу только впоследствии, а тогда все это было еще тайной.

Авт.

графа. Все знают, что перемѣна вѣры заставила васъ выдать Софью Федоровну за француза. Что же касается до Лизаветы Федоровны, то вы и передъ смертью причащали ее тихонько отъ графа. Онъ это узналъ поздно и отъ этого теперь въ гробу.

(Это говорилъ ближайшій другъ графа! Какое страшное обвиненіе!)

Брокеръ продолжалъ:

— Не заставляйте меня высказывать вамъ другія истины, не заставляйте меня забывать, чья вы супруга.

Тутъ графиня ему сухо поклонилась и объявила, что будетъ говорить съ Булгаковымъ.

Но свиданіе съ этимъ послѣднимъ принесло ей мало утѣшенія: Булгаковъ нашелъ, что Брокеръ поступилъ, какъ честный человѣкъ, и хорошо сдѣлалъ, что далъ такой твердый отпоръ графинѣ, которая ему стала ненавистна своимъ отсутствіемъ на похоронахъ мужа и благодѣтеля, какъ онъ называетъ дѣда по отношенію къ его женѣ. Ему было извѣстно, какимъ было для графа нравственнымъ ударомъ ея отступничество, какъ она мучила его своими капризами, хотя и пріобщалась каждый день св. тайнъ. «Это даже, мнѣ кажется, грѣшно,—писалъ онъ брату. Но аббатъ Малербъ говорилъ, что «ни въ чемъ не можетъ отказать графинѣ, потому что она благодѣтельница ихъ церкви». «Каждый день даетъ она киркѣ 25 рублей. Называетъ себя христіанкой, а не заставила себя любить ни мужемъ, ни дѣтьми, ни родными, ни знакомыми. Лучше дѣлать счастье окружающихъ, чѣмъ всѣхъ ругать, учить, все хулить и порочить. Я, право, увѣренъ, что она помѣшана: цѣлый вѣкъ утверждаетъ софизмы и парадоксы. Замѣтъ, что все наши католички таковы. Надо спасти Андриюшу, вырвать его изъ ея когтей. Онъ скоро будетъ ее бить, а она съ христіанскимъ умиленіемъ будетъ подставлять другую щеку. Онѣ только и ищутъ, что славы и мученическаго вѣнца».

V.

Отвращеніе графа Федора Васильевича къ подаркамъ. — Выборъ графиней князя Масальскаго въ совѣтники. аббата Малерба въ духовные руководители и шевадь д'Изара наставникомъ для сына и управляющимъ своихъ имѣній. — Просьба объ уничтоженіи завѣщанія. — Письмо графа Федора Васильевича къ императору Павлу и отвѣтъ государя. — Кто мнѣ это доставилъ.

Графъ Ростопчинъ завѣщалъ Булгакову часы Брегета. Заказанные въ Парижѣ какимъ-то англичаниномъ и не взятые, часы эти были пріобрѣтены графомъ за три тысячи франковъ. Знакомые Александра Яковлевича находили подарокъ этотъ сыишкомъ незначительнымъ, но графъ былъ врагъ подарковъ, самъ никому ихъ не дѣлалъ и отказывался, когда ихъ ему хотѣли дѣлать.

Такимъ образомъ отказался онъ отъ острова (кажется, Крестовскаго), который императоръ Павелъ хотѣлъ ему подарить, а также отъ большого имѣнія въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Надо было внести сто рублей для ввода во владѣніе, онъ ихъ не внесъ, и теперь на этомъ мѣстѣ выстроились города. Бумага о пожалованіи ему этого имѣнія находится у меня.

Женѣ своей онъ оставилъ по завѣщанію только то, чего не могъ ее лишить, а именно, имѣніе Вороново; все остальное пошло сыну его Андрею, такъ какъ Сергѣй Федоровичъ давно истратилъ причитающуюся ему часть наслѣдства, и имѣніе его было заложено. Впослѣдствіи его мать и братъ выкупили это имѣніе, и я расскажу, какимъ образомъ оно попало въ руки итальянцевъ.

Не найдя поддержки ни въ Брокерѣ, ни въ Булгаковѣ, Екатерина Петровна выбрала себѣ въ друзья и въ совѣтники родственника своего, князя Масальскаго. Булгаковъ говоритъ, что онъ тоже былъ католикъ, и что недоставало ему овдовѣть, чтобъ жениться на графинѣ Ростопчиной. Я тоже увѣрена, что Масальскій былъ католикъ, иначе бабушка ни за что не оказала бы ему довѣрія. Для этой отступницы, достойной быть дочерью великаго инквизитора, всѣ схизматики заслуживали смерти на кострѣ.

Но главнымъ совѣтникомъ ея былъ, разумѣется, аббатъ Малербъ, про котораго Булгаковъ пишетъ: «самый развращенный человѣкъ, ослѣпившій графиню до такой степени, что она ему во всемъ повинуется и ни во что не ставитъ совѣты мужа, умнѣйшаго изъ людей своего вѣка, и, признавая за свѣтило cadaго проходимца, носящаго рясу католическаго священника, преклоняется передъ нимъ».

Этотъ Малербъ нашелъ воспитателя для графа Андрея въ лицѣ нѣкоего Изара, извѣстнаго бездѣльника, котораго даже и ближайшіе его сподвижники по плутовству называли шельмой. Г. Бартеневъ предполагаетъ, что это—тотъ самый знаменитый шевалье д'Изаръ, который оставилъ записки о 1812-мъ годѣ, изданныя впоследствии Ладрагомъ. И я того же мнѣнія; трудно предполагать, чтобъ могли быть въ Россіи два лица, дѣйствовавшихъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ и въ одно и то же время.

Къ счастью, прозорливый Брокеръ понялъ, что такая личность, какъ Изаръ, въ воспитатели не годится, и сумѣлъ такъ припугнуть храбраго шевалье, что онъ отказался отъ предлагаемой ему обязанности. Скрѣпя сердце и, разумѣется, не совѣтуясь съ Брокеромъ, графиня взяла въ воспитатели къ сыну какого-то Ружемона, но вскорѣ, отказавъ ему за неспособность, снова обратилась къ Изару. Видѣ французовъ спасенія для молодого Ростопчина не было! И «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ» и двѣнадцатый годъ—все забылось! Впрочемъ, Екатерина Петровна милостиво объяснила опекунамъ, что берегъ Изара только на испытаніе, что съ сыномъ

ся онъ будетъ проводить не болѣе трехъ часовъ въ день, а остальное время посвятить на управленіе ея имѣніями, за что будетъ получать десять тысячъ въ годъ. Оба преданные камердинера, Феликсъ и Лебланъ, видя, въ какія руки попадаетъ молодой графчикъ, со слезами протестовали, и самъ мальчикъ очень скоро понялъ, что за человѣкъ его новый воспитатель: «Изаръ долго при мнѣ оставаться не можетъ», сказалъ онъ Булгакову. Про швейцарку же, по имени Турнье, которую Малербъ втеръ къ графинѣ въ компаньонки, онъ говорилъ матери: «эта негодяйка вамъ льститъ и васъ обманываетъ, не желаю я ни ея ласкъ, ни общества». Мальчику было тогда только двѣнадцать лѣтъ, но онъ уже давно не питалъ къ матери ни страха, ни любви, ни уваженія. При жизни отца онъ боялся Феликса, который состоялъ при немъ дядькой, но послѣ смерти графа никто ужъ не имѣлъ на него вліянія. Предоставивъ воспитаніе сына Изару, графиня принялась, съ помощью Малерба, сочинять письмо къ государю, въ которомъ она просила уничтожить завѣщаніе мужа и назначить ее главной попечительницей вмѣсто Брокера. Всего больше сердило ее то, что Брокеръ, чтобъ спасти отъ нея завѣтную шкатулку, отданную ему на храненіе умирающимъ графомъ, отправилъ ее въ свое имѣніе. Въ этой шкатулкѣ хранился, между прочимъ, очень важный документъ: письмо дѣда къ императору Павлу, съ отвѣтомъ на него отъ царя и вотъ по какому поводу: болѣзненно настроенный государь, по какому-то взбалмошному подозрѣнію, вздумалъ предать свою супругу, императрицу Марію Ѳеодоровну, суду сената, съ приказаніемъ осудить ее на заключеніе въ монастырь, и повелѣлъ графу Ѳедору Васильевичу изготвить въ такомъ смыслѣ указъ. Хорошо зная несчастный нравъ душевно-больного царя, графъ ничего на это не возразилъ, но, вернувшись къ себѣ, написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія: «Sire! Vos ordres s'exécutent et je suis occupé à composer le papier qui doit couvrir de boue tout votre règne. Puisse faire Dieu que vous n'ayez pas le malheur de le signer. Le bon Dieu vous a tout donné pour faire des heureux de votre vivant, mais vous vous rendez malheureux en vous créant des chimères et ne vous occupez qu'à écrire dans votre histoire des pages qui saliront votre règne. Gatchina. 8 Septembre 1799. Rostoptchine».

Государь отвѣтилъ на томъ же письмѣ: «Signor Rostoptchine, vous êtes un homme terrible, mais vous avez raison, qu'il n'en soit pas question! Paul» ¹⁾).

¹⁾ «Ваше величество! Приказанія ваши исполняются, и я занятъ сочиненіемъ бумаги, которой суждено покрыть позоромъ все ваше царствованіе. Господь вамъ даровалъ все для счастья васъ окружающихъ, но вы дѣлаете себя несчастнымъ, создавая себѣ химеры, и заботитесь только о томъ, чтобы вписывать въ исторію нашего царствованія страницы, которыя замачкаютъ его».

Отвѣтъ царя на томъ же письмѣ: «Синьоръ Ростопчинъ, вы—ужасный человѣкъ, но вы правы, предадимъ это забвенію».

Отецъ мой, графъ Андрей Ѳедоровичъ, передалъ это письмо, въ 1837 году, графу Бенкендорфу для доставленія государю, и на слѣдующій день графъ ему сказалъ, что государь приказалъ его благодарить. Скажу здѣсь кстати, что въ бытность свою генераль-губернаторомъ Москвы дѣдъ мой отъ жалованья своего отказывался, и что жена его пенсіи не просила. Она скончалась 84-хъ лѣтъ, въ Москвѣ, 16-го сентября 1859 года.

Когда мой отецъ, окончательно разорившись, уѣхалъ служить въ Сибирь въ 1868 году, я осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію и жила изъ милости у брата моей матери, Сергѣя Петровича Сушкова. Тогдашній нашъ посланникъ въ Швейцаріи, добрѣйшій и почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ Озеровъ, женатый на двоюродной сестрѣ моей матери, Ольгѣ Егоровнѣ Пашковой, находясь въ гостяхъ у благоволившей къ нему великой княгини Елены Павловны, сообщилъ ея высочеству о моемъ положеніи, и великая княгиня прислала Озерову нижеслѣдующую записку, хранящуюся у меня, какъ драгоценность: «Я хлопотала за Лидію Ростопчину, и если хлопоты мои ни къ чему не приведутъ, вы можете ее успокоить, передавъ ей о моемъ намѣреніи, въ случаѣ неудачи, назначить ей пенсію въ 600 рублей въ память добраго ея дѣда».

Великая княгиня оцѣнила благородный поступокъ дѣда, спасшій государя Павла отъ роковыхъ послѣдствій необдуманной вспышки гнѣва. Разсказалъ ли ея высочеству графъ Бенкендорфъ про выше приведенное письмо, или Озеровъ, но, принимая меня, она милостиво упомянула про это обстоятельство.

Другъ моей матери, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ, узнавъ отъ меня, что въ просьбѣ о пенсіи мнѣ было первоначально отказано, подъ предлогомъ, что я не круглая сирота, отправились, первый къ императрицѣ Маріи Александровнѣ, а второй къ государю Александру II, просить за меня, и я получила пенсію не въ примѣръ другимъ. Никогда не забуду я, что первый починъ мнѣ помочь былъ сдѣланъ доброю, умною, истинно великою, великою княгинею Еленою Павловною.

VI.

Управленіе Вороновымъ и уничтоженіе всего хозяйства, устроеннаго графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ.—Мнѣніе графини о митрополитѣ Филаретѣ и о русскомъ духовенствѣ.—Возвращеніе старшаго сына.—Зачисленіе въ Пажескій корпусъ младшаго сына.—Изгнаніе семейства Брокера изъ Ростопчинскаго дома.—Искъ супруговъ Сегуръ.—Банкротство Ливіо и утрата 388 тысячъ франковъ.—Графъ А. Ѳ. даритъ ихъ сестрѣ.—Католическая семья Голицыныхъ.—Жалоба на дурное управленіе Брокера.—Онъ выигрываетъ дѣло въ сенатѣ.

Заручившись такимъ прекраснымъ управляющимъ, какъ французъ Изаръ, графиня Ростопчина принялась по-своему за управленіе имѣніемъ Вороновымъ. Графъ потратилъ много денегъ и заботъ, чтобъ привести это имѣніе въ блестящее состояніе. Онъ выписывалъ

валъ изъ-за границы опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ людей, машины, развелъ прекрасный скотъ и вообще слылъ за образцоваго хозяина. При немъ за одно масло выручалось до восьми тысячъ дохода въ годъ. Графъ обращалъ особенное вниманіе на пашню. Водворившись въ доставшемся ей имѣніи, графиня тотчасъ же приказала собрать крестьянъ и, прочитавъ имъ длинное нравоученіе, уснащенное напоминаніями о дьяволѣ, отпустила ихъ всѣхъ на оброкъ за двадцать рублей съ души. Потомъ она принялась продавать лѣсъ и скотъ за ничто и выгнала управителя Шрама, старика, прослужившаго двадцать лѣтъ ея мужу вѣрой и правдой. Оставъ она все попрежнему, имѣніе давало бы 50 тысячъ доходу, но у нея была одна только забота—скорѣе уничтожить все, созданное мужемъ. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она перебрала у Брокера 36 тысячъ на католическую церковь и на аббата Малерба, нагло льстившаго ей, называя ее святой праведницей, истинной матерью церкви. Надо же было поддерживать такую лестную репутацію! Сыну своему она запретила посѣщать своего опекуна, живущаго въ одномъ съ ними домѣ, прекраснаго семьянина и примѣрнымъ образомъ воспитывавшаго своихъ дѣтей. Митрополита Филарета она во всеуслышаніе называла свиньей, а священниковъ нашихъ—пьяницами, прибавляя къ этому, что спастись можно только въ католической вѣрѣ.

Въ концѣ октября вернулся въ Москву ея старшій сынъ, Сергѣй Федоровичъ, и тотчасъ же явился къ А. Я. Булгакову, чтобъ переговорить о братѣ, признавая, что онъ окончательно пропадетъ, если долше останется съ матерью. Постоянное баловство довело мальчика до того, что онъ избилъ своего гувернера и чуть было не выкололъ ему глазъ. Никто не смѣлъ не только его наказывать, но даже дѣлать ему выговоры. Мать во всемъ ему потворствовала, въ надеждѣ заставить его перемѣнить вѣру, а до того времени его не обучали никакой религіи, и графиня на отрѣзъ запретила старшему сыну приглашать законоучителя къ брату. Напрасно старались ей доказать, что она поступаетъ наперекоръ російскимъ законамъ, она оставалась неумолима, заставляла Андрюшу каждый день читать житія католическихъ святыхъ, что страшно ему надоѣдало, и посылала его въ католическую церковь, гдѣ онъ скучалъ и, слыша, какъ мать его постоянно осуждала православную религію, отсталъ и отъ нея, не приставъ къ той, которую ему навязывали почти силой. За этотъ непоправимый грѣхъ нельзя не винить особенно строго графиню Екатерину Петровну: она не только разорила сына, но вырвала изъ души его, вмѣстѣ съ вѣрой въ Бога, всѣ корни добра.

Къ счастью, во время коронаціи, Булгаковъ переговорилъ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ насчетъ печальнаго положенія младшаго сына графа Ростопчина, а другой

опекунъ, Нарышкинъ, съ своей стороны тоже дѣйствовалъ, и, къ величайшей радости Брокера и Феликса, графиня получила письмо отъ младшей своей сестры, горбатой графини В. П. Протасовой, въ которомъ ее увѣдомляли, что младшій сынъ будетъ отъ нея взятъ, и что государь, въ ознаменованіе особаго уваженія къ памяти покойнаго Федора Васильевича, беретъ на себя его воспитаніе. Можно себѣ представить, какой это былъ для нея ударъ! Однако надо было покориться, и она написала государю, что просить оставить у нея сына еще на нѣкоторое время для окончанія его «религіознаго воспитанія». Но такъ какъ именно во избѣжаніе этого и отнимали у нея сына, то на просьбу ея не обратили вниманія.

Въ этомъ она потерпѣла неудачу, но зато ей удалось сорвать злобу на Брокеръ, котораго вслѣдствіе ея жалобы принудили оставить домъ Ростопчиныхъ черезъ полицію, опечатавъ предварительно всѣ его вещи и еще въ такое время, когда жена его была тяжело больна. Онъ былъ тогда уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и управлялъ дѣлами молодого графа такъ удачно, что, невзирая на удовлетвореніе постоянныхъ требованій графиней денегъ, ему удалось, въ первый же годъ своего управленія, отложить сумму въ сто двадцать тысячъ. Разставаясь съ сыномъ, графиня не могла больше пользоваться доходами на его содержаніе и воспитаніе, и съ притворнымъ смиреніемъ всеѣмъ повторяла, что на жизнь ей остается теперь очень мало, что она должна жить въ лачугѣ и сократить всѣ свои расходы.

Въ то время у нея начались серьезныя неприятности съ любимой ея дочерью Софьей и съ ея мужемъ, Сегюромъ.

Кромѣ прелестнаго имѣнія въ Нормандіи, стоимостью въ сто тысячъ франковъ, роскошнаго приданаго, брильянтовъ и прочаго, графъ далъ дочери при ея замужествѣ 435 тысячъ рублей векселями, на имя банкира Ливіо. Векселя были отправлены Ливіо въ Парижъ. Сегюры извѣстили графа о ихъ полученіи, и графъ скончался, не узнавъ, что изъ всей суммы Сегюръ нашелъ нужнымъ взять только 55 тысячъ, остальное же оставить у Ливіо, не подавъ векселя къ протесту, чтобъ не уплатить пошлины. Ливіо обанкротился вскорѣ послѣ смерти графа, и въ свое время инцидентъ этотъ надѣлалъ много шума и горя и Москвѣ, о чемъ мнѣ не разъ случалось слышать. Графиня Сегюръ прислала Брокеру печатное заявленіе какого-то парижскаго адвоката, требовавшаго уплаты потерянныхъ за Ливіо его довѣрительницей суммъ, изъ имѣнія несовершеннолѣтняго Андрея Федоровича. При этомъ, обходя молчаніемъ имѣнія матери и старшаго брата и не считая нужнымъ справляться съ русскими законами, адвокатъ надменно заявлялъ, что такъ принято поступать во Франціи, и что такой взглядъ на вещи обязателенъ для всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Домогательство

это, конечно, осталось безъ послѣдствій, малолѣтняго Ростопчина ограбить не удалось, и развязному адвокату отвѣтили, что когда наслѣдникъ будетъ совершеннолѣтній, то можетъ подарить хотя бы все свое состояніе сестрѣ, но до тѣхъ поръ распоряжаться ничѣмъ не имѣетъ права. «Насколько намъ извѣстно, молодой графъ Андрей, по совершеннолѣтіи, уплатилъ своей сестрѣ, графинѣ Сегюръ, требуемая ею деньги», пишетъ Булгаковъ брату.

Это совершенно вѣрно. Когда моя тетка Софья Ѳедоровна, умная и добрая женщина, но порабощенная мужемъ, завладѣвшимъ всѣмъ ея состояніемъ и не дававшимъ ей ни гроша (вслѣдствіе чего у нея развилась страсть къ деньгамъ, если не для себя лично, то для дѣтей), продала свое имѣніе въ Нормандіи, я гостила у замужней ея дочери, Ольги Евгеніевны Симаръ де-Шитре, по близости бывшаго имѣнія ея матери, и въ моемъ присутствіи новый владѣлецъ, г-нъ Бодо, привезъ ей однажды нѣсколько картонокъ, забытыхъ ея матерью въ одномъ изъ шкафовъ бібліотеки. Картонки эти оказались набитыми семейными бумагами, которыя мнѣ поручили привести въ порядокъ, и я нашла между ними нѣсколько писемъ дѣда и бабушки, литографированное дѣло Ливіо во множествѣ экземпляровъ и письмо графини де-Сегюръ къ брату (который былъ на 16 лѣтъ моложе ея), съ подобострастной просьбой уплатить потерянные вслѣдствіе банкротства Ливіо деньги, прибавляя къ этому, что это съ его стороны будетъ милость, а не исполненіе долга. Тутъ же находился и отвѣтъ малолѣтняго графа, съ обѣщаніемъ исполнить ея просьбу, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, а также письма бабушки, въ которыхъ, невзирая на все свое пристрастіе къ меньшей дочери, она укоряетъ ее въ жадности, скупости и опрометчивости относительно Ливіо. У отца моего былъ ужасный характеръ и вполне необузданный нравъ, но сердце у него было благородное, и доказательствомъ его щедрости служить множество обогащенныхъ имъ людей, въ ущербъ собственныхъ его дѣтей.

2-го ноября, вскорѣ послѣ своего изгнанія изъ Ростопчинскаго дома, Брокеръ получилъ отъ графини письмо, съ извѣщеніемъ о необходимости ей ѣхать въ Петербургъ, чтобы отвезти сына въ лицей. «Затѣмъ,—пишетъ Булгаковъ брату,—она, какъ другая Крюднерша, проповѣдуетъ ему молиться о спасеніи его еретической души и кончаетъ, какъ всегда, требованіемъ денегъ». Отличительная черта католиковъ—ихъ вѣчная тревога о чужихъ душахъ, о спасеніи которыхъ они хлопочутъ несравненно больше, чѣмъ о своей собственной, но бабушка доводила это стремленіе до крайности и въ этомъ отношеніи переходила всякія границы приличія и уваженія къ чужой личности. Во всякую еретическую душу готова она была ворваться съ мечомъ въ одной рукѣ и со знаменемъ, украшеннымъ изображеніемъ дьявола, въ другой. Это зная

никогда ея не покидало; неизмѣнный рогатый спутникъ постоянно украшалъ собою всѣ ея рѣчи и письма. Не смѣю думать, чтобъ она позволила себѣ пригрозить имъ императору Николаю Павловичу, знаю только, что въ письмѣ къ нему по поводу помѣщенія сына въ лицей она осмѣлилась выразить мнѣніе, что изъ заведенія этого выходятъ одни только повѣсы. Государь поручилъ князю А. Н. Голицыну ей отвѣтить, что онъ не раздѣляетъ ея мнѣнія на этотъ счетъ, но, не желая ей противорѣчить, приказываетъ помѣстить ея сына въ Пажескій корпусъ.

Въ то самое время, когда участь молодого Ростопчина рѣшалась такимъ благоприятнымъ для него образомъ, родная племянница его матери, княжна Голицына, имѣніемъ которой управлялъ грекъ Метакса, уѣхала во Францію и поступила тамъ въ монахини, со взносомъ въ 60 тысячъ рублей. Всѣ ея братья и сестры тоже перешли въ католичество, поженились и вышли замужъ за французовъ. Была между ними графиня Бертье и какая-то польская пани, Августинъ Голицынъ, отецъ красавицы герцогини де-Шобра, героини скандальнаго процесса, и братъ его Антоній, всѣ они жили и умерли въ Парижѣ. Ихъ младшій братъ Петръ, окрещенный сначала въ православную вѣру, потомъ окатолизованный матерью и бабкою, былъ снова обращенъ въ православіе, затѣмъ опять со-вращенъ матерью и наконецъ самъ не зналъ, къ какому вѣро-исповѣданію онъ принадлежитъ: христіанинъ онъ или язычникъ. Когда онъ женился въ Москвѣ, его вѣнчали въ православной церкви и въ католической киркѣ, и только впоследствии оказалось, что сдѣлали ошибку, потому что онъ православный. Тестъ его жаловался на это всему городу, а молодой отшучивался тѣмъ, что онъ и счетъ потерялъ своимъ переходамъ изъ одной вѣры въ другую.

До отъѣзда своего въ Петербургъ графиня Ростопчина занималась тѣмъ, что скупала векселя своего старшаго сына. По наущенію совѣтниковъ своихъ, она купила, между прочимъ, за 14 тысячъ вексель, за который Сергій Федоровичъ получилъ всего только три тысячи и все въ томъ же родѣ. А между тѣмъ оклеветанный ею Брокеръ подалъ въ дворянскую опеку такой удовлетворительный отчетъ, что предводитель Вырубовъ заявилъ, что такой примѣрной опеки ему никогда не случалось видѣть. Проиграла графиня свое дѣло противъ этого достойнаго человѣка и въ сенатѣ, а комитетъ министровъ отказалъ ей въ просьбѣ замѣнить опекуна Нарышкина Масальскимъ.

VII.

Графъ Андрей Федоровичъ въ Пажескомъ корпусѣ и въ кирасирскомъ полку.—Предполагаемый бракъ на сорокалѣтней полькѣ.—Раздробленные брилліанты и ихъ исчезновеніе.—Картинная галлерей графа.

Молодой графъ Ростопчинъ поступилъ въ Пажескій корпусъ и порученъ былъ почтенному Лонгинову, женатому на двоюродной сестрѣ покойнаго графа, Крюковой. Графиня же вернулась въ Москву, гдѣ наняла себѣ домъ по сосѣдству съ Масальскими.

По мнѣнію Булгакова, «она теперь, разставшись съ сыномъ, могла бы поступить хоть въ кухарки къ папѣ», но она предпочла сдѣлаться дойной коровой аббатовъ католической церкви. Оставимъ ее въ этой скромной, но убыточной должности, чтобъ сказать нѣсколько словъ о ея младшемъ сынѣ, котораго она такъ успѣла испортить въ два года пребыванія подъ ея вліяніемъ, что изъ него вышелъ неисправимый мотъ и шалопаѣ. Уже съ шестнадцати лѣтъ онъ началъ мотать, уплатилъ сестрѣ 20 тысячъ и требовалъ у Брокера, поступаая въ военную службу, 40 тысячъ.

Я хорошо помню его разсказъ о томъ, какъ, оставшись однажды одинъ въ кабинетѣ директора Пажескаго корпуса и найдя на столѣ метрическое свое свидѣтельство, онъ тутъ же лежащимъ перочиннымъ ножомъ выскоблилъ цифру 3 и замѣнилъ ее цифрой 2 въ годъ своего рожденія и, возмужавъ такимъ образомъ на годъ впередъ, вошелъ раньше, чѣмъ слѣдовало, во владѣніе состояніемъ.

Поступилъ онъ въ гатчинскій кирасирскій полкъ и обратился къ Брокеру съ требованіемъ 50 тысячъ, грозя застрѣлиться въ случаѣ отказа, при чемъ онъ клялся, что деньги эти ему нужны не для уплаты карточного долга. Брокеръ отвѣчалъ, что онъ обязался честнымъ словомъ передъ его покойнымъ отцомъ не выдавать ему до совершеннолѣтія болѣе той суммы, что опредѣлена была на его содержаніе. Оказалось, что былъ данъ вексель личности, имени которой молодой графъ выдать не хотѣлъ. Скрытность эта очень тревожила Брокера; онъ боялся, чтобъ пылкій необузданный юноша не попалъ въ одно изъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ тогда въ столицахъ и строго преслѣдуемыхъ правительствомъ. Онъ ошибался: отецъ мой никогда не принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ, но онъ любилъ женщинъ и карты, и началъ очень рано кутить, а довѣрчивостью его и добротою всякій пользовался, кто только могъ. Въ невѣстахъ, навязываемыхъ ему, разумѣется, недостатка не было, и 17-ти лѣтъ отъ роду онъ чуть было не женился на матери одного изъ своихъ товарищей, который былъ намного его старше. Съ другой стороны подыскивала ему жену и его мать и нашла таковую въ лицѣ польки и католички. Дѣло зашло такъ далеко, что отецъ мой показывалъ уже

своимъ пріятелямъ брильянты, приготовленные имъ для невѣсты, и тогда одинъ офицеръ сознался ему въ своей связи съ этой самой невѣстой. Взбѣшенный такимъ открытіемъ, молодой графъ схватилъ шкатулку съ драгоценностями, выбросилъ изъ нея все на полъ и растопталъ ногами, затѣмъ вышвырнулъ обломки въ окно, въ снѣгъ, дѣло было зимой. Присутствующіе выбѣжали подбирать эти драгоценныя обломки, но не всѣ принесли назадъ то, что нашли.

Фактъ этотъ былъ подтвержденъ генераль-адъютантомъ Гогелемъ, бывшимъ товарищемъ отца по корпусу, и онъ же рассказывалъ, что отецъ мой приходилъ не разъ къ Гатчинскому пруду въ сопровожденіи двухъ солдатъ, съ мѣшками, наполненными серебряными рублями, которыя онъ для забавы бросалъ въ воду. Забава эта можетъ служить эмблемой его жизни: чванливаго швырянія деньгами. Будучи еще пажомъ, онъ зимой ѣлъ на дворѣ своего опекуна, Лонгинова землянику и кормилъ ею свою лошадь. Увидѣвъ это изъ окна, жена Лонгинова, Марья Александровна, замѣтила ему, что грѣшно давать животному такое дорогое лакомство, и онъ немедленно, пославъ камердинера за большимъ блюдомъ земляники къ Елисѣеву (стоило это въ то время 150 рублей), велѣлъ подвести свою лошадь подъ то окно, у котораго сидѣла его тетка, и далъ лошади опорожнить все блюдо. Понятно послѣ этого, что состоянія, оставленнаго ему отцемъ, хватило не надолго.

50 тысячъ требовались имъ у Брокера, вѣроятно, для женитьбы на старой полькѣ, сосватанной ему его матерью. Что же касается до брильянтовъ, вынутыхъ большей частью изъ табакерокъ, изъ которыхъ одна, пожалованная дѣду австрійскимъ императоромъ во время Суворовской кампаніи, была оцѣнена въ 75 тысячъ рублей, брильянты эти были самымъ наглымъ образомъ похищены извѣстнымъ антикваріемъ и ростовщикомъ В. К. въ Москвѣ. Мы жили тогда на Спиридоновкѣ, въ домѣ Рахманова. Теперь это большой трехъэтажный домъ Раевского, а тогда домъ этотъ представлялъ изъ себя особнякъ со множествомъ флигелей для службъ. Отецъ пригласилъ къ себѣ В. К. и отдалъ ему деньги, которыя онъ у него занялъ подъ залогъ брильянтовъ. В. К. преспокойно положилъ деньги въ карманъ и, не возвращая векселя, взялъ назадъ шкатулку съ драгоценностями и направился къ двери. — А вексель мой? — закричалъ озадаченный отецъ. — А вы развѣ его у меня спросили? — отвѣтилъ наглый мошенникъ и быстро вышелъ. Я помню, что мать моя не разъ упрекала отца за то, что онъ не выбѣжалъ за нимъ и не приказалъ людямъ задержать вора. Отецъ жаловался, но такъ какъ свидѣтелей этой наглой продѣлки не было, то брильянты пропали безслѣдно.

Впослѣдствіи, послѣ смерти В. К., сынъ его втерся въ довѣріе моего отца, и когда этотъ послѣдній вздумалъ продавать свою драгоценную картинную галерею, онъ послалъ ее въ Парижъ съ этимъ достой-

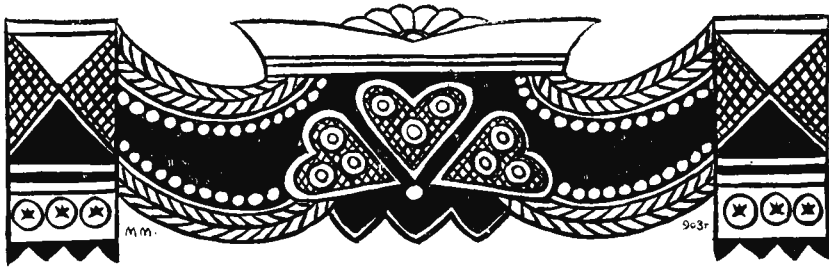
нымъ сыномъ вора, не взирая на просьбы маменьки, по крайней мѣрѣ, застраховать ввѣряемыя такъ опрометчиво драгоценности. Отецъ разсердился на эти совѣты, увѣряя, что считаетъ молодого В. К. за честнѣйшаго человѣка. Вскорѣ было получено извѣстіе, что вслѣдствіе сильной бури корабли, нагруженные картинами, потерпѣли крушеніе въ Балтійскомъ морѣ, и что удалось спасти только нѣсколько ящиковъ, которые перевезли обратно въ Петербургъ, и которые находятся въ таможенѣ.

Сконфуженный отецъ, сообщивъ женѣ о случившемся, поспѣшилъ въ Петербургъ. Въ письмѣ, у меня уцѣлѣвшемъ, онъ рассказываетъ, что, когда внесли къ нему спасенные ящики, онъ былъ пораженъ стукомъ картинъ, колотившихся одна о другую рамами. А между тѣмъ укладывали ихъ въ его присутствіи въ ящики, нарочно для нихъ заказанные по размѣрамъ каждой изъ нихъ. Оказалось, что предусмотрительная буря позаботилась переложить ихъ такимъ образомъ, чтобъ поглотить самыя лучшія, а остальные кое-какъ размѣститъ по ящикамъ, не соображаясь съ ихъ величиной. Эти жалкіе остатки богатѣйшей галлерей отецъ продалъ за 46 тысячъ рублей. Когда во время коронаціи государя Александра II насъ съ сестрой привезли на маленькій балъ къ французскому послу, графу де-Морни, мы въ одной изъ гостиныхъ остановились въ изумленіи передъ картинами, украшавшими стѣны. — Нашъ Вато! Нашъ Вуверманъ! — вскричали мы. — Откуда у васъ эти картины, графъ? — обратилась наша мать къ хозяину дома. Онъ отвѣчалъ, что купилъ ихъ на какомъ-то аукціонѣ и заплатилъ за нихъ очень дорого. И дѣйствительно картина Вато очаровательна и меньше ста тысячъ не могла стоить. Дѣло этимъ и кончилось.

Графиня Л. А. Ростопчина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТАНИСЛАВЪ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ И ЕНОВАЯ ШУБА.

(Изъ воспоминаній о Н. Н. Страховѣ).

I.

СОЗНАЮ свою виновность по отношенію къ памяти покойнаго Николая Николаевича Страхова и отъ близкихъ, увы, уже немногихъ его знакомыхъ, оканчивающихъ, подобно мнѣ, свое земное странствіе, не разъ слыхалъ упреки за то, что до сихъ поръ не написалъ о немъ воспоминаній.

Каюсь въ этомъ. Однако же позволяю себѣ думать, что упреки моихъ сверстниковъ не своевременны и до нѣкоторой степени даже не основательны: я, къ великому моему счастью, не принадлежу къ числу тѣхъ бойкихъ писателей, которые послѣ смерти извѣстнаго лица тотчасъ же печатаютъ о немъ воспоминанія и заботятся при этомъ всего болѣе о томъ, чтобы ихъ маленькія, часто ничтожныя и недостойныя общественнаго вниманія фигурки были обрисованы въ отношеніяхъ къ извѣстному лицу насколько возможно въ выгодномъ освѣщеніи. Но Богъ имъ судья.

Положимъ, со дня смерти Николая Николаевича минуло уже семь лѣтъ (онъ скончался 24 декабря 1896 года), но это не важно. Писалъ же, напримѣръ, онъ самъ воспоминанія о поѣздкѣ на Авоонъ чрезъ десять лѣтъ послѣ этой поѣздки, значитъ, у меня еще остается въ запасѣ цѣлыхъ четыре года. Я, Богъ дастъ, напишу о Страховѣ все, что память сохранила, расскажу, гдѣ, когда,

при какихъ обстоятельствахъ мы познакомились, какъ подружались и прожили потомъ съ нимъ въ мирѣ и согласіи въ одной квартирѣ восемнадцать лѣтъ. Все это—въ будущемъ и не въ далекомъ, надѣюсь.

Во всякомъ случаѣ воспоминанія о покойномъ Николаѣ Николаевичѣ, когда бы они ни появились въ печати, не потеряютъ своей цѣны. Напротивъ думаю, что чѣмъ позднѣе они будутъ напечатаны, тѣмъ больше въ нихъ окажется интереса.

Такъ большія зданія всегда лучше и удобнѣе обрисовываются на извѣстномъ разстояніи.

Итакъ о Страховѣ и о моей многолѣтней съ нимъ дружбѣ поговорю впослѣдствіи, а теперь пока позвольте подѣлиться рассказомъ объ одномъ случаѣ изъ его жизни, случаѣ, положимъ, не крупномъ, не имѣвшемъ никакихъ особыхъ послѣдствій, но достаточно обрисовывающемъ черты его характера.

Однажды, возвратясь со службы, онъ получилъ извѣстіе, показавшееся ему страннымъ. Точнѣе говоря, оно показалось ему не только страннымъ, но даже обиднымъ и весьма его озаботило.

Живя въ столицѣ чуть ли не полвѣка, онъ велъ такой образъ жизни, какъ будто жилъ гдѣ-то на другой планетѣ, на которой нѣтъ ни злобныхъ, ни завистливыхъ людей, ни чиновъ, ни орденъ. Слова Шопенгауэра о томъ, что «міръ все равно, что адъ, въ которомъ люди съ одной стороны мучимыя души, а съ другой дьяволы», составляли прямую противоположность его взглядамъ. Онъ думалъ, что міръ устроенъ прекрасно, и все въ немъ, по библейскому выраженію, «добро зѣло». И въ частныхъ бесѣдахъ и въ литературныхъ своихъ работахъ онъ не разъ высказывалъ такое мнѣніе, что въ людяхъ вообще больше хорошаго, нежели дурного. «Родъ людской,—писалъ онъ,—конечно, представляетъ всѣ тѣ темныя стороны, которыя съ такою силою и глубиною изображаетъ Шопенгауэръ, но жизнь людей, очевидно, содержитъ въ себѣ и какія-то добрыя и свѣтлыя начала, которыя дѣлаютъ ее менѣе пустою и ужасною, и которыя мы откроемъ только тогда, если сумѣемъ войти въ ея интересы, слѣдовательно, если будемъ смотрѣть на нее не съ однимъ лишь гнѣвомъ и презрѣніемъ, а и съ нѣкоторою любовью и участіемъ». (Предисловіе къ Шопенгауэру: «Міръ, какъ воля и представленіе». Томъ I, стр. VIII).

Но изъ всего хорошаго въ мірѣ, если не самое лучшее, то, по крайней мѣрѣ, самое пріятное и дорогое для него составляли книги. Всю жизнь свою со дня молодости до послѣдняго, можно сказать, дня своего земного существованія онъ былъ занятъ книгами, разыскивалъ ихъ по ларямъ букинистовъ, перешлеталъ, разставлялъ

по полкамъ своей квартиры и съ утра до вечера былъ погруженъ въ ихъ чтеніе.

Когда я иногда шутя напоминалъ ему, что Шопенгауэръ не одобряетъ такого постоянного увлеченія чужими мыслями и совѣтуетъ жить своими, онъ, по обыкновенію, улыбался при этомъ тихой добродушной улыбкой и, медленно, не спѣша свертывая папиросу, отвѣчалъ:

— Да, да!.. Шопенгауэръ, конечно... да, онъ—большой мыслитель.

— Но вы все-таки его совѣту не слѣдуете...

Онъ, бывало, въ отвѣтъ на мои слова вздохнетъ какъ-то особенно тихо и помолчавъ, точно обдумывая что-то, проговоритъ обычное:

— Да, да... Это, конечно... Совѣтовать можно...

Въ той общей квартирѣ, которую мы съ нимъ занимали на углу Торговой и Крюкова канала, въ домѣ, бывшемъ Стерлигова, помѣщеніе его состояло изъ двухъ большихъ комнатъ и особой передней. И обѣ комнаты его и передняя и даже передняя той части квартиры, которую я занималъ, были завалены и заставлены книгами. Его знакомые и я, многогрѣшный, замѣчая, какъ съ каждымъ годомъ наша квартира все болѣе и болѣе замѣщается книжными шкафами и полками, шутили иногда, высчитывая, черезъ сколько лѣтъ книги, умножаясь, вытѣснятъ наконецъ и его самого и меня съ семьей изъ квартиры на лѣстницу. Слушая такія рѣчи, Николай Николаевичъ по обыкновенію улыбался и, покачивая головой, отвѣчалъ:

— Ну, вотъ, какія удивительныя вычисленія... Что жъ! Тогда мы можемъ принять соотвѣтственныя мѣры... Другую квартиру взять, напримѣръ... побольше... Хотя, нужно сознаться, и эта квартира немаленькая. Да, да. Въ моей приемной комнатѣ можно даже танцевальный вечеръ справлять... Хе, хе...

Можно было безъ всякаго преувеличенія сказать, что онъ живетъ не въ квартирѣ, а въ огромномъ книжномъ шкафу. Мало того, что книги занимали и комнаты его и обѣ наши переднія, онѣ были горами разложены и по дивану, имѣвшему четыре аршина длины. Онъ потому и купилъ такой большой диванъ, что ужъ очень онъ показался ему пригоденъ для помѣщенія книгъ. Горами лежали онѣ и по кресламъ и даже на полу въ углахъ квартиры. Словомъ, квартиру занимали книги, а самъ Николай Николаевичъ состоялъ при нихъ въ качествѣ... ну, хранителя, что ли, поклонника, покорнѣйшаго слуги, вообще въ качествѣ такого почтительнаго человѣка, который изъ уваженія къ господину готовъ приткнуться гдѣнибудь въ тѣсномъ уголкѣ, лишь бы дать ему побольше мѣста.

Книгъ въ его квартирѣ ко дню смерти оказалось болѣе двѣнадцати тысячъ томовъ.

Странная участь выпала на долю этихъ книгъ. Онѣ, положимъ, не разбрелись опять по книжнымъ ларямъ букинистовъ, какъ это обыкновенно случается съ большинствомъ частныхъ книгохранилищъ, но очень поспѣшно и необдуманно, можно сказать, безъ всякаго счета и описи, не говоря уже о каталогѣ, свалены были въ ящики и отданы наслѣдникомъ его въ даръ одному изъ министерствъ. Но объ этомъ рѣчь впереди, именно въ томъ недалекомъ будущемъ, о которомъ я упомянулъ выше.

Такъ вотъ такой-то почтенный старичекъ, чуждый житейскихъ расчетовъ, каковымъ былъ Николай Николаевичъ, неожиданно къ великому своему изумленію получилъ странную, огорчившую его бумагу, присылки которой онъ ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ.

Нѣсколько разъ перечиталъ онъ ее, нѣсколько разъ укоризненно покачалъ при этомъ головой и, положивъ обратно въ конвертъ, сунулъ въ ящикъ письменнаго стола.

Въ былые годы, когда его длинная борода не была еще бѣло-снѣжной, онъ, случалось, проводилъ за этимъ столомъ время отъ вечерней зари до утренней и обкладывался со всѣхъ сторонъ книгами. Въ описываемое время, будучи уже, можно сказать, въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ проводилъ за нимъ тоже немало часовъ, иногда, по его словамъ, съ ранняго часа вечера «до утренняго куроглашенія», но, нужно замѣтить, засиживался онъ не столько за письменными занятіями, сколько за чтеніемъ книгъ.

Оставлялъ онъ книгу только около двухъ часовъ ночи, самъ гасилъ лампу и уходилъ въ сосѣдную комнату. Вся наша квартира къ этому времени была обыкновенно въ глубокомъ снѣ, онъ одинъ бодрствовалъ и иногда даже и послѣ двухъ часовъ не ложился въ постель, страдая бессонницей. Въ описываемый вечеръ тѣмъ болѣе ему было не до сна. И въ теченіе долгаго вечера, вѣрнѣе сказать, доброй части ночи онъ не одинъ разъ задумывался по поводу полученной бумаги, покачивалъ головой, видимо относясь къ кому-то съ укоризной, и рѣшилъ, что по этому дѣлу ему непременно слѣдуетъ объясниться съ начальствомъ.

Около полуночи я, возвратясь съ прогулки, которую ежедневно дѣлалъ послѣ вечернихъ занятій, зашелъ къ нему пожелать, по обыкновенію, спокойной ночи—и удивился. Онъ сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ около своего непомѣрно длиннаго дивана въ суконномъ халатѣ гороховаго цвѣта и сидѣлъ сгорбившись, задумчивый и безъ книги въ рукахъ.

Страховъ безъ книги и при томъ въ халатѣ, да еще и сидящій сгорбившись, это было уже явленіе рѣдкое, указывающее на его нездоровье.

— Что съ вами?—спросилъ я:—нездоровится?

Онъ какъ будто очнулся отъ сна и тихо съ грустнымъ отгнкомъ въ голосѣ отвѣтилъ:

— Да, немного недомогается...

— Простудились, да?

— О, нѣтъ. Я, знаете, остороженъ... А такъ, неприятности есть... положимъ, небольшія.

— Отъ кого, по какому случаю?

— Такъ... пустяки собственно... Не стоитъ и говорить...

Онъ помолчалъ, видимо колеблясь, говорить ли о неприятностяхъ, но потомъ нѣсколько оживился, сталъ рассказывать, какого рода были у него неприятности, и повеселѣлъ. Оказалось, что его представили къ наградѣ орденомъ, представили неожиданно и, что всего было ему обиднѣе, не въ-время.

— И странно: зачѣмъ меня представлять? Другіе ждутъ не дождутся, и радость имъ велія отъ этого. А они меня представляютъ. Къ чему? Мнѣ не нужно и въ особенности теперь... Мнѣ, знаете, теперь не до ордена...

— Почему, Николай Николаевичъ?

— Да такъ вообще, не стоитъ говорить...

Онъ уклонился отъ объясненія причинъ и уклонился, насколько могъ я понять, именно потому, что все равно, объясняй ихъ или не объясняй, положеніе дѣла отъ этого не перемѣнится.

Возвратясь въ свои комнаты, я думалъ:

— Вотъ она, жизнь. Другой бы на его мѣстѣ такому случаю обрадовался, считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ и звонилъ бы о своемъ необыкновенномъ счастіи во все колокола, торжествуя побѣду. Но надъ чѣмъ же, если здраво разсудить, и какая тутъ побѣда? Однако многіе и, можно сказать, огромное большинство въ подобныхъ случаяхъ торжествуютъ, и лики ихъ сіяютъ при этомъ, «яко свѣтила». А онъ впадаетъ въ уныніе и даже халать суконный надѣлъ, что уже ясно указываетъ на болѣзненное состояніе его здоровья.

II.

По утрамъ онъ пилъ кофе, безъ сливокъ, безъ хлѣба и часто даже безъ сахару,—одинъ только кофе, густой и черный, какъ смола. Напитокъ этотъ подавался ему въ огромномъ кофейникѣ, который его пріятель, Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, называлъ корчагой.

Въ то время, когда Николай Николаевичъ, сидя, по обыкновению, въ мягкомъ креслѣ около своего длиннѣйшаго дивана и читая книгу, пилъ кофе, зашелъ къ нему Майковъ.

Посѣщеніе его нельзя было считать неожиданнымъ, такъ какъ время отъ времени онъ, въ особенности въ праздничные дни, заходилъ поговорить «о томъ, о семъ». Оба они имѣли хотя и не

близкое отношеніе къ нѣкоторымъ департаментамъ, оба соприкасались съ интересами повышеній, окладовъ, сверхсмѣтныхъ назначеній, разныхъ тамъ добавочныхъ, надбавочныхъ, развѣдныхъ и тому подобныхъ суммъ, къ которымъ многоразличными, болѣе или менѣе скорбными и трудными путями пробираются всякіе мелкіе и крупныя чиновники, «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси».

Сами они, т.-е. Майковъ и Николай Николаевичъ, въ синодикѣ лицъ, виновныхъ передъ Господомъ Богомъ въ ухищренномъ способѣ добыванія казенныхъ вспомоствованій, не значились.

Войдя въ кабинетъ и привѣтственно протянувъ руку хозяину, онъ воскликнулъ:

— О—го! Въ горохѣ!..

Такъ онъ называлъ его суконный халатъ.

— Стало быть, опять тѣлесныя немощи...

— Ахъ, извините... смущенно отвѣтилъ Николай Николаевичъ:— я сейчасъ...

— Что вы! Къ чему такое дамское кокетство?..

Однако Николай Николаевичъ озабоченно и не съ свойственною ему торопливостью ушелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ помѣщался его платяной шкафъ, тоже окруженный, какъ сказано выше, книгами. Черезъ минуту онъ возвратился въ своемъ обычномъ костюмѣ, темненькомъ пиджакѣ, успѣвъ, проходя мимо зеркала, тронуть гребнемъ разъ, другой бороду, за которою, откровенно говоря, всегда ухаживалъ.

— Ну, вотъ! Охота вамъ франтить,—замѣтилъ при его возвращеніи Майковъ.

— Извините... Какое же въ этомъ франтовство!

Николай Николаевичъ, по обыкновенію, улыбнулся тихой и нѣсколько грустной улыбкой и, придвинувъ къ письменному столу кресло, предложилъ гостю сѣсть.

— Пожалуйста, Аполлонъ Николаевичъ, покорнѣйше прошу.

Онъ ухаживалъ за нимъ съ почтительною любезностью, какъ обыкновенно ухаживалъ за каждымъ своимъ гостемъ безъ различія чиновъ и положеній. Нельзя сказать, чтобы любезность его была совершенно искренняя, вытекающая изъ свойствъ характера. Этого сказать нельзя. Было въ ней нѣчто искусственное, выработанное и выработанное при томъ очень тонко, такъ что только при долгомъ многолѣтнемъ сожителствѣ съ нимъ можно было уловить, что онъ старается быть любезнымъ и каждому гостю, какъ говорится, «приласкаетъ».

Аполлонъ Николаевичъ на почтительную его любезность отвѣчалъ шутивымъ замѣчаніемъ:

— Очень вы, дорогой другъ, по-придворному...

— Извините... Какъ умѣю... Хе... хе!..

Гость взялся обѣими руками за кофейникъ и на вѣсъ приблизительно опредѣлилъ, сколько еще остается въ называемой имъ корчагѣ не выпитаго кофе.

— О-о! Еще много!—проговорилъ онъ, улыбаясь.

— Не желаете ли стаканчикъ?

— Ни въ какомъ случаѣ!.. Выпита уже опредѣленная чаша дома. Но отчего это вы сегодня такъ медленно опорожливаете свою корчагу?

— Да вотъ такъ... Признаюсь, нѣсколько запоздалъ. Поздно проснулся.

Аполлонъ Николаевичъ, вдумчиво посмотрѣвъ на него, обратилъ вниманіе на то, что Страховъ, противъ обыкновенія, не только говоритъ безъ улыбки, но даже почти не говоритъ, а молча всматривается въ свои тощіе, безкровныя пальцы рукъ, которые, кстати замѣтить, всегда были у него чистенькіе, съ тщательно остриженными ногтями.

— Однако, я смотрю на васъ и дивлюсь, другъ любезный, вижу ясно, что вы, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ.

Николай Николаевичъ съ видимымъ усиліемъ свертывалъ въ это время папиросу и при словахъ гостя не безъ удивленія взглянулъ на него большими уже начинавшими тускнѣть глазами.

— Почему вы такъ думаете, Аполлонъ Николаевичъ?

— Потому и думаю такъ, что вижу... А я, извольте принять во вниманіе, шелъ къ вамъ съ злокозненнымъ намѣреніемъ, именно желая васъ увлечь съ собою въ одно душеспасительное мѣсто. Когда кончите кофе, можетъ быть, пойдете?

— Охъ!..

— Что вы вздыхаете? Будетъ чтеніе, и очень интересное...

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ о томъ, кто именно и гдѣ будетъ читать, и о чемъ, Аполлонъ Николаевичъ снова спросилъ:

— Но что съ вами? Вы такой кислый.

— Ахъ, лучше и не спрашивайте!.. Только что отъ однѣхъ бѣдъ отдѣлался, новая вваливается на плечи. Огорченіе мнѣ и, можно сказать, глупѣйшаго свойства.

— Что такое? Откуда опять?

— Ахъ, въ двухъ словахъ этого не рассказать. Помните, я почти два мѣсяца прохворалъ, лѣчился, тратился на докторовъ, потомъ брата хоронилъ...

— Но позвольте, вѣдь это уже прошлое?

— Однако, оно тѣсно связано съ настоящимъ,—оно вынудило меня войти въ долги, которые, при моемъ маленькомъ содержаніи, выплачивать затруднительно. И теперь вдругъ ко всему этому свалилась новая бѣда.

— Какая же бѣда? Говорите, пожалуйста, яснѣе...

— Представили меня въ наградѣ орденомъ Станислава первой степени! А? Каково? Утѣшили!

— Ничего не понимаю!—возразилъ Майковъ, пожавъ плечами.— Представили къ звѣздѣ, ну, и чудесно. Это въ порядкѣ вещей, такъ и быть должно. Пословица не даромъ говоритъ: «куда вода течетъ, туда и щепку несетъ».

— Позвольте. Вы дослушайте. Вѣдь за это надо будетъ выплачивать деньги...

— Помилуйте! Большія ли деньги?... Пустяки какіе нибудь...

— Да, какъ же, пустяки. Я уже справлялся, и узналъ, къ огорченію моему, что это пахнетъ почти полутораста рублями...

— Ну, вотъ видите, разумѣется, пустяки.

— Да гдѣ же, гдѣ ихъ взять?

— Съѣздите къ вашему начальнику, объяснитесь. Онъ человѣкъ предобрѣйшій. Сдѣлаетъ все, что возможно, и даже къ вящшей вашей славѣ.

— «Слава, насъ учили, дымъ!» — подсказалъ Николай Николаевичъ.

— Положимъ, такъ. «И свѣтъ — судья лукавый!» — добавилъ гость,—но все-таки, какъ ни какъ, а вы будете при звѣздѣ...

— На что она мнѣ?

— Да хотя бы на то, чтобы быть приглашеннымъ къ Квинтиліану на его фиксатуары.

Фиксатуарами покойный Аполлонъ Николаевичъ называлъ въ насмѣшку журфиксы своего вельможнаго знакомаго, Квинтиліана, который приглашалъ на нихъ только особъ, имѣющихъ ордена первой степени. Вспомнивъ о немъ, онъ разказалъ, какъ этотъ самый Квинтиліанъ опредѣляетъ людскія достоинства и недостатки.

— У него, батенька,—объяснилъ онъ,—весь родъ человѣческій дѣлится на два разряда. Это не то, что у вашего любимаго Шопенгауэра. Что — Шопенгауэръ! Шопенгауэру до Квинтиліана, какъ до полярной звѣзды, далеко. У Квинтиліана дѣло просто, даже до гениальности. Онъ раздѣлилъ, я говорю, весь родъ человѣческій на два разряда. Въ одномъ—хорошіе люди, въ другомъ—нехорошіе. Хорошіе, по его опредѣленію, суть тѣ, которые его любятъ; нехорошіе—тѣ, которые его не любятъ. «Это—хоро-о-шій человѣкъ: онъ меня любитъ», отзывается онъ объ одномъ и восторженно возводитъ при этомъ очи къ небу. Но о другомъ уже не восторженно, а унылымъ тономъ и печально поникнувъ головой, говоритъ: «Нѣтъ, онъ—нехорошій человѣкъ: онъ меня не любитъ».

— Однако, у васъ язычекъ... хе-хе!—замѣтилъ улыбаясь Николай Николаевичъ.

— Да! грѣшенъ! Знаю, что грѣшенъ. При первой же исповѣди покаюсь, но и на исповѣди скажу, что говорилъ о Квинтиліанѣ правду и слово въ слово такъ, какъ онъ говорилъ самъ.

Николай Николаевичъ старался выказывать вниманіе къ его словамъ и продолжалъ улыбаться, но улыбка выходила грустная. Замѣтивъ его душевное настроеніе, Майковъ покачалъ головой.

— Э-ге! Какой вы унылый, смотрю я! Не падайте духомъ: «уныніе — смертный грѣхъ»,—ободрительнымъ тономъ заговорилъ онъ,—вашъ начальникъ все устроитъ къ общему благополучію.

— Дай-то Богъ... Но сомнѣваюсь,—со вздохомъ отвѣтилъ Страховъ.

III.

Начальникъ Николая Николаевича низкорослый, съ лысиной во всю голову, когда-то весьма живой и юркій старичекъ, въ описываемое время былъ уже, по годамъ своимъ, можно сказать, въ преддверіи гроба, движения его были медленныя, рѣчь вялая, выраженіе глазъ давнымъ давно уже утратило прежнюю живость, но, несмотря на все это, въ немъ все-таки сохранялся еще въ значительной степени интересъ и къ жизни, и къ служебнымъ дѣламъ, и къ философскимъ наукамъ, которыми онъ когда-то въ свое время тоже занимался.

Неожиданный приходъ Николая Николаевича обрадовалъ его, какъ приходъ человѣка, подвернувшася очень кстати и какъ разъ въ то время, когда именно въ немъ и чувствовалась надобность.

— А-а! Вотъ хорошо!—оживленно воскликнулъ старичекъ:—васъ-то мнѣ и надо!

Страховъ поклонился и не успѣлъ еще произнести перваго слова о причинахъ, которыя привели его къ нему, какъ старичекъ заговорилъ.

— Скажите, пожалуйста, вѣдь вчера была защита диссертациіи N. N. въ университетѣ, да?

— Точно такъ.

— То-то я припоминаю, что вчера. Хотѣлъ я на ней быть, непремѣнно хотѣлъ быть и прозѣвалъ. Рѣшительно не понимаю, какъ это случилось. Жаль и досадно! Ужасно досадно!.. Вы были, конечно? Само собою разумѣется, были. Въ этомъ я нимало не сомнѣваюсь, вы должны были непремѣнно быть. Ну-съ, скажите мнѣ, что же онъ такое тамъ говорилъ? О чемъ была рѣчь? Если не ошибаюсь, кажется, что-то такое о Кантѣ. Да? То-то, я припоминаю, что о Кантѣ. Ну-съ, въ чемъ же дѣло? Рассказывайте, рассказывайте.

Страховъ нѣсколько смутился такимъ неожиданнымъ поворотомъ дѣла. Онъ предполагалъ ходатайствовать объ облегченіи его матеріальнаго положенія, отягощеннаго обстоятельствами, вызванными волею начальства, а тутъ вдругъ пришлось натолкнуться на философію. Справившись съ своимъ смущеніемъ, онъ отвѣтилъ:

— Диссертація имѣла предметомъ время, пространство и причинность.

— Такъ, такъ. Припоминаю. Ну-ка, рассказывайте.

Онъ сталъ рассказывать. Сначала говорилъ нѣсколько робко и вяло, откашливался, припоминалъ слова, замѣняя одни другими, но потомъ разошелся и сталъ говорить свободно и твердымъ, увѣреннымъ тономъ. Говорилъ онъ довольно долго. Старичекъ сидѣлъ въ креслѣ, задумчиво склонивъ голову нѣсколько на бокъ, и слушалъ, перебирая почему-то пальцами рукъ, точно пересчитывая, всѣ ли они у него налицо. Страховъ говорилъ, стоя предъ его кресломъ, и, не будучи приглашеннымъ сѣсть, не рѣшался на это, хотя уже чувствовалъ усталость въ ногахъ. Старичекъ наконецъ спохватился и молча показалъ ему рукой на кресло.

Осторожно опустившись на край кресла, Николай Николаевичъ продолжалъ рассказывать о содержаніи диссертаціи.

— Мы не можемъ,—говорилъ онъ,—представить себѣ безсознательное состояніе иначе, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно есть въ то же время и познающее, что оно есть въ то же время такое, которое заключаетъ въ себѣ основную форму всякаго познания, т.-е. распаденіе на субъектъ и объектъ.

— Мудрено!—возразилъ старичекъ.

Николай Николаевичъ по свойственной ему скромности смутился.

— Я, можетъ быть, не достаточно ясно излагаю...

— О, нѣтъ! говорите, говорите. По-моему, это такой предметъ, который, какъ ясно ни излагай, все будетъ путаница... Продолжайте. Надо же дослушать...

И когда онъ, вообще не отличавшійся краснорѣчіемъ, запнулся на какой-то фразѣ и замедлил рѣчь, старичекъ тревожно завертѣлся въ креслѣ и закашлялъ, видимо теряя терпѣніе.

— Та-а-къ! Такъ!—поспѣшно возразилъ начальникъ и вздохнувъ добавилъ:—«темна вода во облацѣхъ». Чѣмъ дольше живешь на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что все это умствование уподобляется переливанію, какъ говорится, изъ пустого въ порожнее.

— О, да. Возможенъ и такой выводъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ смотрѣть на предметъ, то есть-какою мѣрою измѣрять знаніе науки.

Старичекъ помолчалъ нѣсколько времени, думая о чемъ-то другомъ и, повидимому, потерявъ нить разговора, спросилъ:

— Въ чемъ же дѣло?

— То-есть, у автора диссертаціи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Богъ съ нимъ. Я—о другомъ. Я о томъ хочу спросить, какая же, собственно причинность, говоря философскимъ языкомъ, хе, хе...—улыбаясь, продолжалъ онъ,—и въ какой законѣрности, хе, хе, обуславливаетъ вашъ приходъ ко мнѣ?

— Да, да,—спохватился Николай Николаевичъ,—я къ вамъ по весьма важному дѣлу, то-есть важному лично для меня.

— Что такое?

— Да вотъ, такъ и такъ... Извините, что беспокою. Дѣло въ томъ, что я, какъ вамъ, конечно, извѣстно, награжденъ орденомъ первой степени...

— Знаю, знаю... Что жъ,—по заслугамъ награда, по заслугамъ!.. Я очень радъ, очень... Стало быть, вы пришли ко мнѣ благодарить? Чудесно! Чудесно!.. Вы—достойный человѣкъ и трудолюбивый, и свѣдущій.. Знаю, очень хорошо знаю...

— Но, ваше — ство... я хотѣлъ бы...

— А-а!—перебилъ старичекъ,—понимаю, понимаю! Вы желаете получить возможность представиться туда, въ высшія сферы, и лично выразить чувства? Превосходно! Одобрю, одобрю!.. Что жъ, конечно, пріятно. Для этого не встрѣтится затрудненій. Можно устроить, можно. Вообще, это даже вошло до нѣкоторой степени, какъ будто, въ обычай... Конечно, прежде это было, можно сказать, въ рѣдкость, а теперь въ наши дни каждый или почти каждый изъ получающихъ орденъ первой степени ищетъ случая представиться. И это, само собою разумѣется, весьма понятно;—всякому лестно.

— Но я имѣю честь доложить вамъ... — возразилъ Николай Николаевичъ, уловивъ удобную минуту.

— Никакихъ «но» не нужно,—перебилъ старичекъ: — все сдѣлается легко и въ довольно скоромъ времени. Положитесь на меня, я снесусь черезъ канцелярію...

IV.

Наконецъ таки Николаю Николаевичу удалось высказать старичку, что онъ ходатайствуетъ совѣмъ о другомъ, совершенно противоположномъ ихъ разговору. Старичекъ смутился и какъ-то вдругъ точно завялъ.

— М-мъ... задумчиво промычалъ онъ, смотря на него испытующимъ взглядомъ, — извините, я ничего не понимаю.

Николай Николаевичъ сталъ повторять то, о чемъ уже съ достаточною, по его мнѣнію, ясностію рассказалъ ранѣе. Старичекъ упорно смотрѣлъ на него, не произнося ни слова, и чѣмъ яснѣе излагалъ онъ свою просьбу, тѣмъ запутаннѣе казалась она его начальнику.

— Что такое? Что такое?—прошепталъ онъ, взявшись обѣими руками за голову, точно чувствуя головокруженіе.

— Я бы, ваше — ство, ни въ какомъ случаѣ не позволилъ себѣ утруждать васъ, если бы мои обстоятельства не сложились, къ сожалѣнію, такъ ужасно.

— Обстоятельства, обстоятельства?.. Что такое — обстоятельства! — уже почти ворчливо возразилъ старичекъ: — васъ удостоиваютъ такой высокой чести, а вы впадаете въ уныніе. Подумайте, статочное ли это дѣло!

— Честь, конечно, ваше — ство, большая, и я, само собою разумѣется, не могу не чувствовать благодарности за высокое вниманіе... Вообще весьма цѣню и сердечно тронуть... Но, простите великодушно, мнѣ не по средствамъ, я не имѣю возможности уплатить тѣхъ денегъ, которыя съ меня за эту награду потребуются, хотя бы даже и ежемѣсячными вычетами изъ получаемаго по службѣ оклада. Прошу васъ покорнѣйше принять это во вниманіе и освободить...

Старичекъ пожалъ плечами.

— Странно. Весьма странно... Гм... гм... Освободить отъ награды... Ха, ха! Какъ это возможно, — утвержденіе уже состоялось!.. И вообще это не мыслимо ни въ какомъ случаѣ, даже если бы еще и не состоялось утвержденія. Разъ представленіе сдѣлано, то уже нѣтъ возврата, тѣмъ болѣе теперь...

— Я, ваше—ство, конечно, понимаю, что возврата не можетъ быть, и ходатайствую собственно въ томъ смыслѣ, что для меня весьма тягостенъ взносъ тѣхъ денегъ, которыя я долженъ буду уплатить...

— А—а!.. Вотъ какая задача! Понимаю, теперь понимаю, — задумчиво протянулъ старичекъ и даже закрылъ глаза.

Прошла минута тягостнаго молчанія. Страховъ не осмѣливался повторять своей просьбы, такъ какъ сознавалъ, что и безъ того уже не позволительно долго утруждалъ начальника, а начальникъ былъ очевидно занятъ думами о томъ, какъ можетъ иногда запугаться самое простое дѣло.

— Знаете—что! — оживленно проговорилъ онъ, точно обрадовавшись счастливой мысли: — вы сдѣлайте вотъ какой ходъ: обратитесь къ моему помощнику...

— То-есть... за чѣмъ же?

— Да вотъ съ этимъ вашимъ ходатайствомъ и обратитесь. Онъ можетъ вамъ дѣло устроить. О, онъ человѣкъ вліятельный!

Старичекъ при этихъ словахъ многозначительно поднялъ указательный перстъ.

— Но позвольте: — возразилъ Николай Николаевичъ, — онъ же вашъ подчиненный, и его вліяніе въ такомъ случаѣ на кого же должно быть обращено?..

— М... м... да, оно конечно... да, да... Я совсѣмъ о другомъ думаю... Во всякомъ случаѣ, надо все-таки съ нимъ посоветоваться. Онъ вообще очень вліятельный человѣкъ. Непремѣнно надо.

Старичекъ посмотрѣлъ на карманные часы, потомъ, положивъ ихъ на свое мѣсто, перевелъ взглядъ на подзеркальный столикъ,

на которомъ стояли подъ стекляннѣмъ колпакомъ фигурные бронзовые часы.

— Отстають... На пять минутъ отстають со вчерашняго дня... Ахъ, да!.. О чемъ, бишь, я хотѣлъ вамъ сказать? Да, вспомнилъ: о помощникѣ моемъ. Съ нимъ непремѣнно нужно объясниться. Онъ скоро долженъ быть.

V.

При этихъ словахъ дверь тихо пріотворилась, и служебный помощникъ старичка вошелъ къ нему въ кабинетъ. Онъ былъ большерослый, сутуловатый, съ рыжими бакенбардами, въ вицмундирѣ, съ орденомъ на шеѣ и съ большимъ туго набитымъ бумагами портфелемъ, который онъ не только держалъ подъ лѣвой рукой, но и придерживалъ его тамъ правой.

Подобострастно поздоровавшись со старичкомъ, помощникъ положилъ портфель на его письменный столъ. Отвѣтивъ потомъ молчаливымъ поклономъ на поклонъ Страхова, онъ вопросительно посмотрѣлъ на своего начальника: этотъ, молъ, по какому дѣлу осмѣливается васъ утруждать?

— Вотъ, Захарій Захаріевичъ, какая сложная исторія,—заговорилъ старичекъ, указывая рукой на Страхова.

— Въ чемъ исторія?

— Да вотъ представили мы его къ Станиславу первой степени...

— Да, да. Представленіе утверждено. Утверждено,—повторилъ онъ, взглянувъ на Николая Николаевича и какъ бы желая его этими словами успокоить.—Вчера получены бумаги. Утвержденіе состоялось.

— Да вѣдь вотъ, поймите вы, не доволенъ онъ!—сказалъ старичекъ.

— Какъ не доволенъ?.. Нельзя же представлять къ Аннѣ, миная Станислава. Нельзя, нельзя! Порядокъ!—внушительно проговорилъ онъ, обращаясь къ Страхову.—На-дняхъ еще былъ циркуляръ по подобному обстоятельству, и прежде не разъ бывали разъяснительные циркуляры въ этомъ смыслѣ.

— Да онъ бы и Анной не удовольствовался,—замѣтилъ старичекъ и засмѣялся:—никакая Анна ему теперь... хе, хе... не по годамъ и притомъ даже не по карману... Хе, хе!.. Анна вѣдь еще дороже Станислава. За этотъ орденъ, насколько помню, кажется, причитается уплата еще бѣльшая.

— Да! да!—утвердительно подсказалъ помощникъ:—на тридцать рублей болѣе.

Когда объяснилось наконецъ, въ чемъ заключается недовольство, и въ чемъ его просьба, помощникъ старичка не медля далъ на нее опредѣленный отвѣтъ.

— Это дѣло пустое! Только я долженъ вамъ сказать, что оно не въ нашемъ вѣдомствѣ. Вамъ по этому случаю лучше всего обратиться къ Онуфрію Онуфріевичу. Онъ собственно властью разрѣшить.

— Вотъ, вотъ!—подсказалъ старичекъ:—именно къ Онуфрію Онуфріевичу, онъ можетъ собственно властію разрѣшить.

— Но, ваше—ство,—обратился Николай Николаевичъ, смотря на старичка взглядомъ, полнымъ тоски:—ужели для васъ затруднительно распорядиться такой суммой?... Если возможно, покорнѣйше прошу... чтобы, то-есть, мнѣ не утруждать Онуфрія Онуфріевича.

Старичекъ взглянулъ на помощника; помощникъ не только понялъ этотъ взглядъ, но даже зналъ заранѣе о томъ, что онъ непременно будетъ къ нему обращенъ, и тотчасъ же далъ на него опредѣленный отвѣтъ.

— Сумма, конечно, небольшая,—проговорилъ онъ, почтительно склоняя голову:—случись это въ началѣ года, тогда бы и разговоръ никакихъ изъ-за подобнаго вопроса не возникло, теперь же, въ концѣ года, когда всѣ смѣтныя назначенія уже израсходованы, весьма затруднительно что либо придумать по этому дѣлу.

— Вотъ видите,—подсказалъ старичекъ,—я вамъ говорю, что нельзя. Самое лучшее, разумѣется, обратиться къ Онуфрію Онуфріевичу. Онъ же кстати, насколько мнѣ извѣстно, не только вамъ лично знакомъ, но даже вашъ пріятель.

— Помилуйте! Могу ли я быть пріятелемъ такого большого лица?—улыбаясь отвѣтилъ Николай Николаевичъ.—Учились мы съ нимъ вмѣстѣ,—это вѣрно, но съ той поры прошли десятки лѣтъ, почти полстолѣтія. Онуфрія Онуфріевича я выдаю иногда случайно, но если и бываю у него, то все-таки не смѣю его безпокоить: онъ такъ высоко поставленъ.

— Это не помѣха. Идите къ нему,—сказалъ старичекъ,—кстати отъ меня поклонъ передайте! Онуфрій Онуфріевичъ большой человекъ! И по росту своему, и по положенію онъ весьма большой человекъ. Только, пожалуйста, будьте осторожны, и предварительно свиданія съ нимъ никому о вашемъ дѣлѣ не говорите. Избави Богъ, переврутъ и нагородятъ по этому случаю всякаго вздору. Слетенъ тамъ у нихъ много, даже больше, чѣмъ у насъ въ департаментѣ!..

Собравшись итти къ Онуфрію Онуфріевичу, Николай Николаевичъ зашелъ въ мою половину квартиры. Онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ. Но фракъ его и бѣлый жилетъ и тщательно расчесанная, длинная, сѣдая борода не придавали его фигурѣ щеголеватости: фракъ былъ мѣшковатъ, жилетъ какъ-то странно то-

поршился и сползаль въ бокъ. Ничего этого, конечно, не замѣчая, онъ держался бодро и нѣсколько даже откинулъ голову назадъ, какъ бы въ сознаниіи своего величія, что вовсе не соотвѣтствовало его обычной манерѣ держаться. Поздоровавшись съ ласковою, какъ всегда, улыбкой, онъ спросилъ:

— Какъ вы находите, достаточно ли великолѣпно я выфрантился?

Не успѣлъ я сдѣлать вопроса о причинѣ такого его наряда, какъ онъ сказалъ:

— Великолѣпнѣе этого не могу себя принарядить.

— Но для чего? По какому случаю?..

— Ахъ!..

Онъ махнулъ рукой, и по его блѣдному лицу скользнуло грустное выраженіе.

— Ударился я, надо сознаться, въ хожденіе по пріемнымъ сильнымъ міра сего. Да, да! И самъ себя не одобряю... и не итти не могу...

— Но почему же такое въ васъ раздвоеніе и разладъ съ самимъ собой?

— Да вотъ, какъ хотите, судите. Все отъ Аполлона Николаевича; онъ настаиваетъ, и я боюсь не послушаться его, пожалуй, и обидится... Да и начальникъ мой тоже... Я вамъ рассказывалъ, какой онъ... Да, да! Чего добраго, онъ, пожалуй, выразить неудовольствіе. Скажетъ: совѣтъ вамъ былъ данъ дружескій отъ чистаго, скажетъ, сердца, а вы имъ пренебрегли... Вотъ въ какую попалъ я передрагу. Да, да!.. Вообще трудно ладить съ людьми...

— Махните рукой на все—и только...

Николай Николаевичъ задумчиво посмотрѣлъ на меня и вздохнулъ.

— Хорошо вамъ говорить такъ...

— Почему же вамъ такъ не говорить?..

— Да, да!.. Почему? Потому что мнѣ нельзя. О, я знаю васъ, вы—человѣкъ бойкій...

Онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, улыбнулся и прощаясь сказалъ:

— Что будетъ, то будетъ, а я все-таки пойду къ Онуфрію Онуфріевичу. Исполню, такъ сказать, долгъ дружбы...

Считаю, однако, необходимымъ замѣтить, что какъ о разговорахъ Страхова съ своимъ начальникомъ и его помощникомъ, такъ и о послѣдующихъ его сношеніяхъ съ другими лицами по дѣлу о неожиданно полученной наградѣ, я передаю хотя и на основаніи тѣхъ свѣдѣній, какія у меня сохранились объ нихъ изъ рассказовъ покойнаго Николая Николаевича, но, само собою разумѣется, передаю не съ буквальною точностью, а только по воспоминаніямъ, заботясь всего болѣе о томъ, чтобы сохранить по возможности характерныя стороны разговора, обрисовывающаго душевныя

свойства описываемыхъ лицъ и, главнымъ образомъ, самого Николая Николаевича.

Извините—еще одно замѣчаніе. Я не называю дѣйствительныхъ именъ Квинтиліана, Онуфрія Онуфріевича и его подчиненныхъ помощниковъ. Положимъ, нѣтъ уже на свѣтѣ тѣхъ лицъ, которыя подъ этими фамиліями скрыты, и можно бы говорить о нихъ болѣе откровенно, но въ этомъ не вижу надобности, тѣмъ болѣе потому, что въ ходѣ разказа они не занимаютъ первенствующаго мѣста, а служатъ до нѣкоторой степени только фономъ картины.

Итакъ, оговорившись и оградивъ себя отъ возможныхъ нареканій, продолжаю «ничто же сумняся».

VI.

Письменный столъ въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича былъ заваленъ бумагами до того, что самъ онъ, высокій, широкоплечій и тучный старикъ, умалаялся за ихъ горами чуть не до полного исчезновенія, только и было видно изъ-за нихъ одну его голову, большую сѣдволасую, съ начавшейся уже обнаруживаться на ея темени лысиной.

Когда посѣтилъ его Страховъ, бывшій, какъ сказано, товарищъ его, по учебному заведенію, онъ отъ удивленія развелъ даже руками и громко воскликнулъ:

— Царь небесный! Вотъ обрадовалъ. Спасибо!

— Извините... ваше—ство... что я...

— Позволь, позволь,—возразилъ Онуфрій Онуфріевичъ:—какое тамъ «ство», называй просто по имени. Ты—старый другъ. Что это, сколько времени ты у меня не былъ! Признаюсь, я уже намѣревался тебя вызвать официально... Ха... ха...

— Да я... Извините... Я стѣснялся беспокоить. Такое высокое положеніе теперь вы изволите занимать...

— Ну, ну, будетъ, перестань. Я все тотъ же, и положеніе тутъ не причемъ... Я тебя приглашалъ обѣдать по вторникамъ. Отчего ты уже три вторника пропустилъ?

— Миѣ, признаюсь, нездоровилось.

— А-а! Однако Аполлонъ Николаевичъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Теперь какъ себя чувствуешь?

— Покорно благодарю, теперь лучше.

— Ну, поцѣлуемся.

Они троекратно поцѣловались.

— Садись, гость будешь...

— Можетъ быть, я не въ удобный часъ?..

— Все равно. Всѣ часы одинаковы: всѣ удобны и всѣ не удобны.

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ, смотря по человѣку. Для тебя, напримѣръ, всегда найдется время.

— За это покорно благодарю.

Увидѣвъ на письменномъ столѣ груды бумагъ, Страховъ задумчиво покачалъ головой.

— Какая масса дѣлъ!—сказалъ онъ.

— Ты, другъ, не вѣрно выразился: не дѣлъ масса, а бумагъ. Дѣла страница, а переписки о немъ—сотня.

— Но если и по одной страницѣ содержанія въ каждомъ дѣлѣ, то и такихъ насчитается тутъ множество.

— Хотя бы и такъ,—отвѣтилъ Онуфрій Онуфріевичъ:—я вѣдь не одинъ работаю, у меня есть комитетъ, онъ разсматриваетъ, обсуждаетъ, подготовляетъ предварительныя рѣшенія, и если при этомъ возникаетъ между членами комитета разногласіе, тогда они раздѣляются на голоса и составляютъ двѣ партіи. Мнѣ остается только согласиться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства. Я всего чаще соглашаюсь съ меньшинствомъ.

— Какъ такъ?

— Ха, ха!—засмѣялся Онуфрій Онуфріевичъ:—ты полагаешь, что большинство должно имѣть рѣшающее значеніе?

— М... м... не то, чтобы полагалъ... а вообще, насколько я понимаю, такъ, кажется, принято.

— А я тебѣ скажу, другъ мой, по пословицѣ, что при обсужденіи дѣлъ одинъ голосъ—хорошо, два—хуже, три—еще хуже, а десять—совсѣмъ скверно. Что такое большинство? Да мнѣніе одного мудраго дороже мнѣнія тысячи невѣждъ. Не сегодня сказано: «гдѣ много народу, тамъ много и дряни, хотя бы всѣ они были звѣздоносцы». Такъ вотъ какъ, другъ. Чаще всего приходится соглашаться съ меньшинствомъ, и именно потому, что умныхъ людей всегда и вездѣ меньше, а честныхъ и безкорыстныхъ—еще меньше, ихъ въ наше время можно даже показывать, какъ рѣдкость. Но соловья баснями не кормятъ!—заклучилъ Онуфрій Онуфріевичъ и круто перемѣнилъ разговоръ.

— Говори, другъ, въ чемъ же дѣло.

Николай Николаевичъ даже растерялся.

— То-есть, какъ это? Мнѣ не ясенъ вопросъ.

— Я спрашиваю, въ чемъ суть твоего дѣла. Вѣдь если ты пришелъ ко мнѣ, и послѣ такого долгаго отсутствія, то несомнѣнно имѣешь какую нибудь просьбу. Ко мнѣ иначе не обращаются. Я уже привыкъ къ этому. Ха, ха! Ты извини, я люблю разговоръ на чистоту. Прежде и самое главное—дѣло, а потомъ поговоримъ, такъ сказать, по душѣ. Ну, говори, другъ, какое дѣло, чѣмъ нездоровъ, о чемъ ходатайствовать хочешь?..

Страховъ нѣсколько смутился при этихъ словахъ и хотѣлъ сказать что-то въ свое оправданіе, но Онуфрій Онуфріевичъ перебилъ его рѣчь.

— Знаю, знаю! Не о тебѣ разговоръ. У кого что болить... Я говорю о томъ, что у меня вообще дѣла много, а заняться имъ не даютъ. Повѣришь ли, большая часть служебнаго времени и не только добрая половина его, а, пожалуй, три четверти тратится вовсе не на дѣло, а чортъ знаетъ на что. Нужно быть и тамъ, и тутъ, и у пятаго, и у десятаго, одного встрѣтить, другого проводить, и со всѣми улаживать благопріятныя отношенія.

Дверь въ кабинетъ беззвучно отворилась, и вошелъ департаментскій курьеръ, чисто выбритый старикъ съ военной выправкой. Притворивъ за собою дверь и сдѣлавъ одинъ только шагъ впередъ, онъ остановился, вытянулъ руки по швамъ и доложилъ, отчетливо произнося каждое слово.

— Ихъ высокородія, господинъ Циркуляровъ и господинъ Законниковъ.

— Хорошо. Пусть подождутъ,—небрежно отвѣтилъ Онуфрій Онуфріевичъ, не взглянувъ даже на курьера.

— Это—свой!—успокоительнымъ тономъ замѣтилъ онъ, когда дверь за курьеромъ затворилась, и продолжалъ разговоръ, очевидно, интересовавшій его самого болѣе, чѣмъ гостя.

— А прожектеры? искатели мѣстъ?—возвысивъ голосъ, заговорилъ онъ, — а старушки, разныя тетушки, бабушки, сердобольныя мамыши?!.. Отъ нихъ скрываться приходится подъ семью замками. Былъ на-дняхъ вечеромъ у Квинтиліана. Ты, конечно, его знаешь. Кто не знаетъ Квинтиліана, слава о немъ распространяется по всему міру и даже въ преисподнихъ земли, гдѣ грѣшники кипятъ въ адскомъ пламени, и имъ онъ можетъ по званію своему (онъ, вѣдь, знаешь, имѣетъ нѣкоторое почетное положеніе при Гробѣ Господнемъ) и по молитвамъ можетъ оказать своимъ предстательствомъ содѣйствіе въ высшихъ, то-есть, понимаешь, въ небесныхъ сферахъ... ха!.. ха!.. Ну, вотъ, представь, и въ его апартаментахъ мнѣ покоя не дали. Только что я присѣлъ въ уголокъ со стаканомъ чая, намѣренно даже подальше отъ другихъ, смотрю, ко мнѣ пробирается какая-то старушка. Вглядываюсь,—преподозрительная старушка, и издали уже, не дойдя еще до меня шаговъ на десять, начинаетъ кланяться и губки въ комочекъ сморщила. Догадываюсь, что коварный другъ, Квинтиліанъ, по чувству христіанскаго человѣколюбія, обрекъ меня на жертву. Нѣ-ѣ-тъ, думаю, шалишь, старушка! Я сейчасъ же маршъ въ билліардную. Ну, думаю, если старушка туда придетъ,—я ее кіемъ... ха! ха! ха!..

VII.

Онъ засмѣялся, и его громкій хохотъ звучно раскатился по всей комнатѣ и загудѣлъ вверху на высокомъ лѣпномъ потолкѣ. Смѣялся онъ, какъ Кетчеръ, о смѣхѣ котораго упоминаютъ многіе

современные ему писатели. Поэтъ Алмазовъ, перечисляя необыкновенныя впечатлѣнія въ своей жизни, между прочимъ, говоритъ въ одномъ стихотвореніи: «И слышалъ я Кетчера хохотъ». О хохотѣ Онуфрія Онуфріевича впослѣдствіи, вѣроятно, тоже будетъ сказано, какъ о необычайномъ явленіи. О голосѣ его вообще подобныя отзывы уже существовали и даже съ весьма давняго времени. Такъ, напримѣръ, когда онъ былъ преподавателемъ въ нѣкоторомъ учебномъ заведеніи, сослуживцы посылали изъ сосѣднихъ классовъ записочки къ нему въ классъ съ покорнѣйшей просьбой понизить тонъ голоса и дать имъ возможность читать свои лекціи, и злобно при этомъ отзывались о его голосѣ, котораго будто бы даже «лошади пугаются».

— Такъ вотъ, дружище, каково положеніе!—проговорилъ Онуфрій Онуфріевичъ послѣ хохота.

— Надѣюсь, все сказанное не относится ко мнѣ? — улыбаясь спросилъ Николай Николаевичъ.

— Конечно, нѣтъ. Тебя-то я, слава Богу, знаю лучше, чѣмъ ты самъ себя знаешь. Но, однако, къ дѣлу. Говори, въ чемъ твоя просьба. Ходатайствуешь за когонибудь?

— Ходатайствую — это справедливо, но не за когонибудь, а самъ за себя.

— Странно! Это на тебя не похоже. Ну, рассказывай, чѣмъ болѣешь. Я вылѣчу, я докторъ свѣдущій. Помогу, конечно, заранѣе говорю и съ полной увѣренностію, что помогу.

— Спасибо, и еще разъ, и много разъ спасибо.

Страховъ сталъ объяснять, въ чемъ заключается его просьба, но не успѣлъ проговорить первыхъ вступительныхъ словъ, какъ Онуфрій Онуфріевичъ прервалъ его.

— Вотъ что, другъ, — сказалъ онъ, озабоченно взглянувъ на часы:—дай ты мнѣ возможность предварительно покончить дѣло съ моими чиновниками,—слышалъ, тамъ двое ожидаютъ, а потомъ мы съ тобой поговоримъ всласть, вспомнимъ нашу молодость, невозвратно канувшую въ вѣчность, вспомнимъ многое, многое прошлое, вообще по душѣ побесѣдуемъ. Подожди, другъ.

— Конечно, я могу подождать...

— И превосходно. Ты пока побудь въ сосѣдней комнатѣ, я ихъ скоро отпущу.

Николай Николаевичъ вышелъ изъ кабинета въ пріемную комнату, въ которой ихъ высокородія, господъ Циркуляровъ и Законниковъ, давно уже томились ожиданіемъ, шагая по комнатѣ изъ угла въ уголъ съ портфелями въ рукахъ и уныло посматривая на затворенныя двери кабинета. Какъ только двери открылись, и скромная фигура согбеннаго старца, каковымъ былъ въ описываемое время Николай Николаевичъ, показалась въ нихъ, такъ оба они одновременно встрепенулись, потомъ съежились какъ-то, не то стгор-

билась, не то ростомъ стали ниже, и пошли гуськомъ одинъ за однимъ въ кабинетъ, придерживая въ рукахъ свои портфели. Николай Николаевичъ замѣтилъ, какъ фалдочки на вицмундирахъ ихъ высокородій, исчезая за дверями кабинета, вздрагивали, обнаруживая ихъ «чиновный трепеть». Свѣтъ стѣнныхъ лампъ, ярко разливавшійся по всей пріемной, блеснулъ на пуговицахъ фалдочекъ второго высокородія, шедшаго позади перваго,—и дверь въ кабинетъ затворилась.

Николай Николаевичъ сѣлъ въ кресло, задумчиво оглянулъ комнату, потолоки которой тоже были разукрашены лѣпной работой, оглянулъ стѣны, зеркала, широкія окна и отдался воспоминаніямъ того далекаго прошлаго, на которое намекнулъ ему Онуфрій Онуфріевичъ, и о которомъ онъ намѣревался побесѣдовать съ нимъ «по душѣ».

VIII.

Прошла минута, другая, прошло, можетъ быть, пять, шесть, много—десять, какъ тишина, царившая въ пріемной, нарушилась звукомъ электрическаго звонка, глухо донесшимся откуда-то снизу. Вслѣдъ за этимъ звукомъ раздался другой, уже болѣе ясный; первый, очевидно, донесся отъ подъѣзда нижняго этажа, второй изъ передней отъ швейцара на площадку бельэтажа, гдѣ около дверей пріемной дежурили два курьера. Тотчасъ же вслѣдъ за вторымъ звонкомъ началось торопливое движеніе по коврамъ лѣстницы снизу вверхъ и сверху внизъ. Пробѣжалъ курьеръ вверхъ, потомъ внизъ, потомъ опять вверхъ и о чемъ-то шепотомъ передалъ другому курьеру, тому самому старику съ военной выправкой, который докладывалъ Онуфрію Онуфріевичу о приходѣ ихъ высокородій, господъ Циркулярова и Законникова. Старикъ, выслушавъ курьера, торопливо оправилъ полы кафтана, приободрился и прошагалъ къ дверямъ кабинета. Не спѣша и съ видимой осторожностію онъ отворилъ ихъ, и потомъ слышно было, какъ Онуфрій Онуфріевичъ возвысилъ голосъ, завидѣвъ его входящимъ въ кабинетъ.

— Это еще что такое!—донеслось до слуха Николая Николаевича:—я же тебѣ говорилъ, чтобы никого не принимать...

Но потомъ, къ великому его изумленію, произошла какая-то необыкновенная перемѣна во всемъ, имъ видѣнномъ. Старикъ съ военной выправкой вышелъ изъ кабинета сгорбленный, съ угрюмымъ выраженіемъ лица, ихъ высокородія, господа Циркуляровъ и Законниковъ, оказались безъ портфелей и прошли изъ кабинета скорыми шагами куда-то въ боковую дверь, куда, повидимому, имъ и дороги никогда до сихъ поръ не было. Самъ Онуфрій Онуфріевичъ, можно сказать, не вышелъ, а вылетѣлъ изъ кабинета и быстрыми шагами направился къ дверямъ пріемной комнаты, на ходу оправляя на себѣ платье. Это былъ, повидимому,

совсѣмъ не Онуфрій Онуфріевичъ, смѣлый, самоувѣренный орелъ, а другой какой-то человѣкъ, вовсе незнакомый Страхову. Словомъ—произошла, какъ въ театрѣ, общая перемѣна декораціи, и началось дѣйствіе изъ другой оперы, при новой обстановкѣ и совсѣмъ не съ тѣми дѣйствующими лицами, которыя были въ предыдущемъ актѣ.

Проходя черезъ пріемную, по направленію къ парадной лѣстницѣ, видимо, на встрѣчу какого-то гостя, большого, полагать надо, по своему служебному либо общественному положенію, Онуфрій Онуфріевичъ успѣлъ только сказать Николаю Николаевичу нѣсколько словъ.

— Пройди, голубчикъ, въ кабинетъ,—наскоро бросилъ онъ:— и тамъ подожди, пожалуйста, подожди, я скоро освобожусь.

По коврамъ лѣстницы въ это время поднималась, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ подъ руки, какая-то особа женскаго пола, должно быть, судя по всѣмъ признакамъ, птица весьма высокаго полета. По цвѣту одеждъ и по величественно скромной осанкѣ своей, она напоминала игуменью такого монастыря, который пользуется покровительствомъ знатныхъ особъ, имѣетъ банковые билеты въ значительномъ количествѣ и крѣпкія кладовыя съ запасами всякаго добра на многіе годы. Но это была не игуменья, а нѣчто неизмѣримо выше ея стоящее на ступеняхъ той лѣстницы, которую люди сами себѣ построили, и, несомнѣнно, для того, чтобы увеличить свои земныя страданія и взаимную зависть.

IX.

Пока она поднималась на площадку второго этажа, Онуфрій Онуфріевичъ успѣлъ сбѣжать къ ней навстрѣчу, раскланялся съ необыкновенною почтительностію и поддержалъ ея особу подъ локоть лѣвой руки въ то время, когда она дѣлала послѣдніе шаги по лѣстницѣ.

— Устаю... Не высоко у васъ, а устаю!—слабымъ голосомъ проговорила она.

— Не угодно ли пока здѣсь отдохнуть,—предложилъ Онуфрій Онуфріевичъ, показывая обѣими руками на кресла въ пріемной.

— Ахъ, все равно...

Глубоко вздохнувъ, гостя опустила въ кресло и закрыла глаза, закрыла она ихъ, можетъ быть, и дѣйствительно по причинѣ усталости, хотя ей пришлось подняться всего на двадцать ступенекъ, а, можетъ быть, такъ слѣдовало по правиламъ того общественаго круга, къ которому она принадлежала.

Онуфрій Онуфріевичъ почтительно присѣлъ рядомъ съ ея кресломъ и молча ждалъ, когда она откроетъ глаза.

— Ужъ!—проговорила она, наконецъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго молчанія и, открывъ глаза, вопросительно огля-

нула комнату, какъ бы желая удостовѣриться, что никого изъ постороннихъ въ ней нѣтъ.

Онуфрій Онуфріевичъ тоже посмотрѣлъ направо и налево, хотя ему и безъ того было ясно, что комната пуста.

— Я къ вамъ... навѣрно догадываетесь... по тому очень хорошо извѣстному вамъ дѣлу,—проговорила она, сверкнувъ на Онуфрія Онуфріевича недружелюбнымъ взглядомъ.

Онуфрій Онуфріевичъ опять оглянулъ приемную и озабоченно предложилъ гостя пройти въ сосѣднюю комнату, болѣе удобную для «задушевной бесѣды».

— Почему не въ кабинетъ? — не безъ изумленія спросила гостя.

— Въ кабинетъ?—озабоченно переспросилъ Онуфрій Онуфріевичъ и вспомнивъ, что тамъ сидитъ Николай Николаевичъ, поспѣшно добавилъ, ухватившись за счастливую мысль, кстатн под-вернувшуюся подъ руку: — въ кабинетъ у меня большой без-порядокъ.

— Это все равно,—возразила гостя.

— Но тамъ... ремонтъ: лѣпная работа съ потолковъ грозитъ паденіемъ.

— Ахъ! — воскликнула гостя: — я не хочу въ кабинетъ, не хочу...

Страховъ слышалъ, какъ она ахнула, испуганная словами Онуфрія Онуфріевича.

— Такая... жизнелюбивая! — рассказывалъ онъ потомъ, покачивая головой и улыбаясь своей обычной тихой улыбкой.

Гостя поднялась съ кресла и пошла по указанному Онуфріемъ Онуфріевичемъ пути съ такимъ величіемъ, съ какимъ актрисы Александринскаго театра ходятъ по сценѣ, изображая особъ высококаго общественнаго положенія.

И дѣйствительно она была изъ такихъ особъ и называлась даже «сіятельствомъ». Конечно, одного «сіятельства» не достаточно для «высокаго полета». Несомнѣнно, было въ ней, или, вѣрнѣе сказать, въ томъ положеніи, какое она занимала въ обществѣ, еще нѣчто такое, что придавало ей большое значеніе. Это, несомнѣнно, было. Не даромъ же Онуфрій Онуфріевичъ относился къ ней съ такимъ уваженіемъ, хотя, можетъ быть, и не достаточно искреннимъ. Дѣло не въ томъ, искренно или нѣтъ онъ передъ ней раскланивался, а именно въ томъ, что раскланивался онъ весьма усердно и улыбался при этомъ во весь ротъ. Сопровождая ее изъ приемной въ гостиную, которая въ это время, точно по щучьему велѣнію, была уже ярко освѣщена, онъ забѣжалъ впередъ и озабоченно раскрылъ обѣ двери гостиной, точно боялся, что гостя въ одну дверь не пройдетъ. Можно предположить, что эта сіятельная особа, или, можетъ быть, мамаша ея, была когда-то заду-

шевной пріятельницей грибоѣдовской княгини Маріи Алексѣевны. Она или мать—все равно. Обѣ онѣ въ равной силѣ унаслѣдовали отъ княгини всѣ ея душевныя свойства, обѣ занимали, подобно ей, высокое общественное положеніе и вмѣшивались въ такія дѣла, въ которыя совать носъ особамъ женскаго пола, хотя бы даже и сіятельнымъ, «не токмо за честь, но и за совѣсть» законами Россійской имперіи строго воспрещается.

Она просидѣла въ гостиной Онуфрія Онуфріевича немало времени и разговаривала съ нимъ о чемъ-то, судя по всѣмъ признакамъ, весьма сложномъ, вызывавшемъ съ обѣихъ сторонъ многочисленныя возраженія. Онуфрій Онуфріевичъ, слушая ее, не разъ повертывался въ креслѣ съ такою силой, что оно трещало и скрипѣло, а «сіятельная» гостья тоже не разъ закусывала губы, сухія и тонкія, и бросала на него гнѣвные взгляды.

О чемъ они разговаривали, это осталось навсегда тайной, извѣстной лишь имъ однимъ. И чѣмъ окончились ихъ задушевные разговоры, обѣ этомъ въ управленіи, ввѣренномъ Онуфрію Онуфріевичу, свѣдѣній тоже никакихъ, ни прежде, ни послѣ, не имѣлось. Судя по тому, съ какою почтительностью Онуфрій Онуфріевичъ проводилъ эту гостью до первыхъ ступенекъ лѣстницы и съ какою сладкою улыбкою раскланялся съ нею, прощаясь,—судя по этому, можно было заключить, что они мирно уладили какой-то, должно быть, весьма сложный и взаимно для обоихъ важный вопросъ.

Однако, когда Онуфрій Онуфріевичъ возвратился съ площадки парадной лѣстницы въ свой кабинетъ, Страховъ оказался невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ онъ, войдя въ комнату, поднялъ высоко руки, сжатыя въ кулаки, и съ большою выразительностію погрозилъ ими кому-то въ воздухѣ, а кому именно, это тоже осталось тайной «даже до сего дне».

Х.

Пока сіятельная гостья бесѣдовала съ Онуфріемъ Онуфріевичемъ, Николай Николаевичъ, оставаясь въ кабинетѣ, переживалъ странное душевное состояніе, вовсе, казалось бы, ему не свойственное. Сидя въ тоскливомъ ожиданіи прихода Онуфрія Онуфріевича, онъ вспоминалъ о тихомъ уголкѣ съ книгами, сравнивалъ свое болѣе чѣмъ скромное положеніе съ тѣмъ, которое занималъ Онуфрій Онуфріевичъ,—и не завидовалъ ему. Напротивъ, томился желаніемъ насколько возможно поскорѣе убраться изъ его богатаго кабинета въ свой уголокъ и засѣсть за книгу.

— Чего, чего я не передумалъ,—разсказывалъ онъ потомъ, по возвращеніи домой:—вспомнилась мнѣ моя комната—покой, тишина, полнѣйшая отъ всего міра независимость. Лампа ярко го-

рить, книга передо мной, не нужно ни за кѣмъ ухаживать, волноваться, озабоченно выбѣгать навстрѣчу. Сиди и читай.

— Думаю себѣ, зачѣмъ я здѣсь томлюсь, зачѣмъ оглядываю кабинетъ Онуфрія Онуфріевича, его картины, портреты, вазы— всю роскошную обстановку и этотъ страшный столъ съ грудями бумагъ, которыя въ самомъ дѣлѣ производили на меня своими огромными массаами жуткое впечатлѣніе. Вотъ ужъ именно можно сказать, что онѣ представляли собою воза исписанной бумаги...

Сидѣлъ онъ въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича долго и со свойственной ему терпѣливостью ждалъ окончанія его разговора съ сіятельной гостьей. При той тишинѣ, какая царила вокругъ него, можно было подумать, что весь домъ обмеръ.

— Грѣшный человѣкъ,—разсказывалъ онъ потомъ, — я впалъ даже въ сомнѣніе, не уѣхалъ ли куда Онуфрій Онуфріевичъ со своей важной гостьей, такъ они по временамъ тихо разговаривали, даже, признаюсь, согрѣшили: подумалъ,—не ладно что-то между ними, что-то ужъ больно секретничаютъ... Слышу, часы гдѣ-то тикаютъ, гдѣ-то муха прожужжала у оконнаго стекла — и опять мертвая тишина. Вотъ, думаю, положеніе—и уйти мнѣ нельзя и оставаться не удобно. Однако, спустя нѣкоторое время, слышу, опять доносятся изъ сосѣдней комнаты отголоски ихъ разговора. Княгиня, слышу, волнуется, на что-то ропчетъ, Онуфрій Онуфріевичъ въ чемъ-то увѣряетъ, а что такое, въ чемъ дѣло между ними,—не возможно понять... Признаюсь, я даже и не интересовался этимъ: меня занималъ совсѣмъ другой вопросъ, именно—вопросъ о томъ, зачѣмъ я пришелъ къ Онуфрію Онуфріевичу. И чѣмъ дальше я задумывался надъ этимъ вопросомъ, тѣмъ больше убѣждался, что приходъ мой къ нему и не удаченъ, и не своевремененъ, и даже предосудителенъ. Да, именно — предосудителенъ. Вѣдь вотъ въ самомъ дѣлѣ, какъ можно впасть въ заблужденіе, совершенно неожиданно. Шелъ я къ нему съ однимъ намѣреніемъ, и, казалось мнѣ, очень твердымъ, обдуманномъ, одобреннымъ даже и начальствомъ и пріятелемъ моимъ, достопочтеннымъ Аполлономъ Николаевичемъ, а, просидѣвъ въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича съ полчаса времени, додумался совсѣмъ до другого намѣренія, прямо-таки противоположнаго первому. Осудилъ, грѣшный человѣкъ, и начальство свое и Майкова за то, что посовѣтовали мнѣ итти къ Онуфрію Онуфріевичу.

— Думаю себѣ, что я буду говорить Онуфрію Онуфріевичу о причинѣ моего къ нему прихода. Даже смѣшно!.. Главное—странно, какой неправильный ходъ можетъ принять мысль подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Я все тотъ же, какимъ былъ часъ тому назадъ, и дѣло мое въ томъ же положеніи, а думаю теперь о немъ совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше думалъ. Скажу я,—соображаю себѣ,—скажу, что вотъ такъ и такъ меня предста-

вили къ наградѣ орденомъ Станислава первой степени, и я желаю освободиться отъ уплаты слѣдующей съ меня за эту награду суммы,—что онъ мнѣ можетъ на это отвѣтить? Конечно, пожметъ плечами и, пожалуй, расхохочется своимъ обычнымъ громовымъ хохотомъ, пожалуй, даже скажетъ, что мало ли, молъ, какія глупыя желанія могутъ иной разъ прійти въ голову,—нельзя же высказывать ихъ вслухъ. А можетъ случиться того хуже, можетъ онъ прочитаетъ такое внушеніе, что я не буду знать, какъ выбраться изъ его кабинета. Онъ можетъ меня и, конечно, съ полнымъ основаніемъ упрекнуть въ томъ, что я приглашаю его участвовать вмѣстѣ со мною въ дѣйствіи, клонящемся къ нарушенію казенныхъ интересовъ, что я злоупотребляю дружбой, что это, вообще говоря, съ моей стороны прямо-таки свинство. Но если бы, предположимъ, Онуфрій Онуфріевичъ, и не придалъ моей просьбѣ предосудительнаго характера и даже согласился бы, снисходя къ моему затруднительному положенію, обойти, такъ сказать, законъ и сложить слѣдующую съ меня сумму подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ,—развѣ это дѣйствіе не будетъ предосудительнымъ и даже преступнымъ? Стало быть, въ концѣ концовъ какой же изъ всего этого получится выводъ? Получится неизбежно такой выводъ, что я намѣреваюсь привлечь Онуфрія Онуфріевича въ соучастники въ преступленіи... Хе-хе!.. А для чего, въ силу какихъ обстоятельствъ? по бѣдности моей, что ли? Гм... гм... И спрашиваю самъ себя, что такое бѣдность...

При такомъ его вопросѣ явился, разумѣется, готовый отвѣтъ, явился, можно сказать, самъ собою, вынырнулъ изъ запасовъ его памяти, насыщенной, какъ говаривалъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, философскими мнѣніями «даже до чрезвычайности».

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что покойный Николай Николаевичъ владѣлъ семью языками—греческимъ, латинскимъ, английскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ и русскимъ, и въ безбрежномъ морѣ философскихъ наукъ, по шутливому выраженію А. Н. Майкова, «купался безъ зазрѣнія совѣсти».

— И припомнилось мнѣ,—разсказывалъ потомъ Николай Николаевичъ, укоризненно качая головой видимо въ упрекъ самому себѣ,—припоминалось мнѣ, какъ разрѣшали вопросъ о бѣдности эпикурейцы. Да, да. По ихъ словомъ, бѣдность, согласующаяся съ законами природы, въ сущности—большое богатство. Потребности, установленныя для насъ природою, не велики: не голодать, не чувствовать жажды, быть укрытымъ отъ холода и непогоды. Развѣ трудно ихъ удовлетворить? Развѣ я не имѣю возможности не только легко удовлетворять ихъ, но пользоваться и многими другими благами жизни? Чего же мнѣ еще нужно? Богатства? Но разбогатѣть,—говоритъ Епикуръ,—не значитъ положить конецъ бѣдствіямъ, но только промѣнять ихъ на другія. Конечно, не тотъ бѣденъ, у кого

мало, а кто хочетъ большаго. Я ничего не хочу и никому не завижую. У меня всегда въ памяти мудрое изреченіе Сенеки, и я вполнѣ соглашаюсь съ нимъ, что «ничего нѣтъ достойнаго восхищенія, кромѣ души, а для ея величія ничто не достаточно велико».

— А о начальствѣ своемъ, скажу вамъ, хе, хе, по секрету,—разсказывалъ онъ потомъ,—о начальствѣ я, каюсь, не разъ подумалъ съ великимъ осужденіемъ. Я рѣшилъ, что оно представило меня къ наградѣ неправильно, именно потому и неправильно, что не приняло во вниманіе обстоятельство дѣла, то-есть, будетъ ли его представленіе для меня наградой или огорченіемъ. Оно оказалось дѣйствительнымъ огорченіемъ. Я, конечно, могъ и имѣлъ основанія просить мое начальство снять съ меня, такъ или иначе, это огорченіе или ослабить его тѣмъ или другимъ способомъ; начальство мнѣ ни того, ни другого не сдѣлало и предложило обратиться къ Онуфрію Онуфріевичу. При чемъ тутъ Онуфрій Онуфріевичъ? Поступило начальство въ этомъ случаѣ, можетъ быть, и не безъ нѣкотораго лукавства,—это уже его дѣло... Потомъ я смирился: думаю себѣ, придержусь-ка я лучше совѣта апостола Павла, на котораго, между прочимъ, указываетъ и Оома Кемпійскій. Да, да. У апостола объ этомъ хорошо сказано: «Не буду судить чужому рабу: своему Господу стоитъ онъ и падаетъ. Силенъ бо есть Богъ поставити его».

Здѣсь тоже замѣчу, что книга Оомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» была у Николая Николаевича всегда на столѣ. Въ комнатахъ, имъ занимаемыхъ, какъ сказано выше, книгъ было великое множество—и на столахъ, и на стульяхъ, и даже на полу. Книга Оомы Кемпійскаго всегда лежала на маленькомъ столикѣ около дивана у кресла, на которомъ онъ обыкновенно сидѣлъ, и всегда она находилась сверху другихъ, и случалось, онъ ее даже пряталъ въ ящикъ маленькаго столика, пряталъ не столько для того, чтобы скрыть ее отъ любопытныхъ глазъ, сколько для того, чтобы не разыскивать ее между грудями другихъ книгъ. Читалъ онъ эту книжку каждое утро. Но читалъ ли для того, чтобы ежедневно, такъ сказать, подвигивать себя въ смиренномудріе или только для практики въ латинскомъ языкѣ, — объ этомъ рѣшительнаго слова я сказать не могу.

Нужно добавить, что, сидя въ кабинетѣ знатнаго сановника, когда-то его близкаго товарища по бѣдности и однокашника по семинарской школѣ, онъ не ограничился апостольскимъ совѣтомъ «не судить чужому рабу», а придумалъ нѣкоторый, говоря его словами, «планъ дѣйствиій».

— Я придумалъ, хе хе,—посмѣивался онъ,—не хитрый, положимъ, но самый зато вѣрный, въ которомъ никакого риска, никакого раскаянія быть уже не могло. Знаете, вспомнилъ я изреченіе Амвросія Медиоланскаго, да, его изреченіе, и за него ухватился обѣими, можно сказать, руками. Амвросій Медиоланскій,

изволите видѣть, говорить о молчаніи слѣдующее: «Молчаніемъ, говорить, многихъ видѣлъ спасающихся, многоглаголаніемъ же — ни одного». Вотъ за молчаніе-то я и уцѣпился. Думаю себѣ, если будетъ Онуфрій Онуфріевичъ допрашивать о цѣли моего посѣщенія—отмолчусь. Хе, хе!..

XI.

Онуфрій Онуфріевичъ, проводивъ сіятельную гостью, возвратился въ кабинетъ, какъ сказано выше, грозя кулаками какому-то невидимому врагу. Кто былъ этотъ невидимый врагъ—не извѣстно. По движеніямъ Онуфрія Онуфріевича видно было, что онъ забылъ о томъ, что въ кабинетѣ у него сидитъ Николай Николаевичъ. Увидѣвъ его, онъ мрачно нахмурилъ брови, но тотчасъ же и овладѣлъ своимъ душевнымъ настроеніемъ и съ притворнымъ равнодушіемъ протянулъ какъ бы въ изумленіи:

— А—а!... Душа моя милая!..

Это восклицаніе, конечно, выдавало его и обнаруживало его истинныя чувства. Онъ этими словами ясно говорилъ, что я, молъ, душа моя милая, забылъ о тебѣ, а ты все еще здѣсь и въ такую скверную минуту, когда видѣть твою длинную сѣдую бороду я во все бы не желалъ. Подойдя къ письменному столу, онъ съ видимымъ волненіемъ передвинулъ съ одного мѣста на другое нѣсколько бумагъ, посмотрѣлъ потомъ почему-то на потолокъ, потомъ на свой портретъ, висѣвшій въ широкой золоченой рамѣ надъ диваномъ, обитымъ темно-зеленымъ трипомъ, и обратился къ Николаю Николаевичу съ предложеніемъ сѣсть поближе къ письменному столу. Думы его, видимо, были еще тамъ, куда онъ направлялъ свои грозящіе кулаки, и предъ духовными очами его все еще стояла высокая фигура старухи, бросавшей на него гнѣвные взгляды.

— Этотъ портретъ кто писалъ?—спросилъ Николай Николаевичъ Онуфрія Онуфріевича, видимо, для того, чтобы прервать неловкое молчаніе.

— Не помню я... Не хорошъ онъ.

— Однако сходство большое.

— Да, сходство, пожалуй... Давнишній онъ, и ордена не всѣ. Надо бы позвать мастера, чтобы дополнилъ, да все времени нѣтъ.

— Зачѣмъ ордена?—тихо проговорилъ Николай Николаевичъ:— полагаю, что все равно, есть они или нѣтъ.

— То-есть, гдѣ? На портретѣ?—спросилъ Онуфрій Онуфріевичъ, перебросивъ еще нѣсколько бумагъ съ одного мѣста на другое.

— Да, и на портретѣ...

— И вообще, по-твоему, они, конечно, не нужны?

— Пожалуй... Какъ для кого...

— Для тебя, я знаю, они не нужны. Ты—философъ.

Онуфрій Онуфріевичъ говорилъ нехотя, не взглянуть даже при этомъ ни разу на своего собесѣдника, и какъ ни старался удерживаться отъ мрачнаго нахмуриванья бровей,—онѣ все-таки хмурились. Собесѣдникъ понялъ, что о разговорахъ «по душѣ» теперь нечего и думать, и рѣшилъ поскорѣе раскланяться. Но Онуфрій Онуфріевичъ, опустившись на кресло у письменнаго стола, хотя и не съ прежнимъ радушіемъ, но все-таки не безъ участія спросилъ:

— Въ чемъ же твоя просьба, другъ? Говори.

— Насколько я догадываюсь, теперь, кажется, это не удобно,—уклончиво отвѣтилъ Николай Николаевичъ.

— Почему?..—сухо спросилъ Онуфрій Онуфріевичъ.

— Потому что не время теперь для этого. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ думается.

— Да, пожалуй, до нѣкоторой степени... теперь не удобно. Но не бѣда,—говори только покороче..

— Нѣтъ, ужъ... хе, хе,—улыбнулся Николай Николаевичъ, довольный, что ему представляется случай удобно осуществить свой, какъ онѣ говорилъ, «планъ дѣйствій» и отдѣлаться отъ разспросовъ Онуфрія Онуфріевича:—я лучше въ другой разъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ лучше,—видимо обрадовавшись, подсказалъ Онуфрій Онуфріевичъ:—у меня сегодня дѣлъ многое множество накопилось, тутъ еще, какъ на грѣхъ, сіятельная гостыя задержала...

Онѣ торопливо посмотрѣлъ на часы и позвонилъ. На зовъ тотчасъ же вошелъ старикъ военной выправки и остановился у дверей, вытянувъ руки по швамъ.

— Карету вели подать.

— Карета давно ожидаетъ ваше—ство у подъѣзда,—отвѣтилъ онѣ, стоя на вытяжку.

— Какъ давно? Я назначилъ къ половинѣ восьмого.

— Къ семи, ваше—ство, изволили...

— Ахъ! ахъ! ахъ!..—воскликнулъ Онуфрій Онуфріевичъ:—дѣйствительно къ семи... Припоминаю. Могу опоздать, могу опоздать!.. — встревожился онѣ:—надо спѣшить. Проводы сегодня на вокзалѣ желѣзной дороги одного высокопоставленнаго, чтобъ ему!.. грѣхъ говорить-то!.. Ну, до свиданья, другъ!..—обратился онѣ къ Страху и, наскоро поцѣловавшись съ нимъ, пошелъ въ переднюю, не дожидаясь выхода гостя изъ кабинета.

Навстрѣчу ему Богъ вѣсть откуда появились слуги, кто подавалъ шляпу, кто трость, кто верхнее платье. Потомъ одинъ слуга выбѣжалъ изъ подъѣзда отворять двери кареты, швейцаръ стоялъ около дверей подъѣзда, широко раскрывъ обѣ половинки.

— Скажите тамъ,—проговорилъ Онуфрій Онуфріевичъ, сидя въ каретѣ, и кивнулъ головой куда-то въ сторону:—я черезъ часъ буду, пусть подождутъ...

Лакей, сопровождавшій его къ дверямъ кареты, понялъ, что кивокъ головы относится къ ихъ высокородіямъ, господамъ Циркулярову и Законникову, и, захлопнувъ дверцы, тотчасъ же побѣжалъ въ боковую дверь, открывавшую входъ съ парадной лѣстницы въ канцелярію.

Страховъ, медленно спускавшійся съ лѣстницы, видѣлъ съ ея площадки, какъ суетились слуги около Онуфрія Онуфріевича. Спустившись внизъ въ переднюю, онъ уже не засталъ въ ней его и замѣтилъ только его широкую спину, скрывшуюся за дверями подъѣзда, и слышалъ потомъ глухой звукъ конскихъ копытъ по булыжникамъ беснѣжной въ ту зиму мостовой и громыханье кареты, удалявшейся по направленію къ Варшавской желѣзной дорогѣ.

ХІІ.

Отъ квартиры Онуфрія Онуфріевича Страховъ домой возвращался пѣшкомъ. Несмотря на то, что ночь была тихая и не морозная, онъ поднялъ воротникъ енотовой шубы и шель, прикрывъ имъ нижнюю часть лица. Я въ этотъ вечеръ возвращался изъ гостей и встрѣтилъ его на набережной Мойки, можно сказать, почти столкнулся съ нимъ въ одномъ изъ переулковъ.

— Ва! Вотъ встрѣча!

Онъ, по обыкновенію, улыбнулся, но улыбка была грустная, протянулъ мнѣ руку и промычалъ что-то сквозь зубы.

— Что это вы такъ запоздали? Я думаю, прислуга истомилась, ожидая васъ съ самоваромъ...

— М... м...

Онъ опять помычалъ и показалъ рукой на ротъ, давая такимъ дѣйствіемъ понять, что говорить не можетъ. Я вспомнилъ, что онъ, боясь простуды, всегда избѣгалъ разговора на воздухъ, и пошелъ съ нимъ рядомъ, не задавая ему больше никакого вопроса.

Прошагали мы молча нѣсколько времени. Мнѣ показалось такое безмолвное путешествіе невыносимо скучнымъ, и онъ, видимо, былъ о томъ такого же мнѣнія. Проходя мимо извозчика, онъ тронулъ меня за плечо рукой и показалъ на него глазами.

— Стало быть, поѣдемъ!—спросилъ я.

Онъ утвердительно кивнулъ головой и отрывисто проговорилъ:

— Да... Утомительно.

Когда мы, наконецъ, добрались до Крюкова канала и угла Торговой и вошли въ подъѣздъ дома Стерлигова (нынѣ Онашковича-Яцыно), онъ, остановившись у начала лѣстницы, глубоко вздохнулъ и покачалъ головой.

— О чемъ такой вздохъ?—спросилъ я.

— Трудно на улицѣ дышать носомъ,—сказалъ онъ.

— Ну-съ, поднимаемся, значить. Путь намъ предстоитъ далекой и высокій...

— Но онъ, по-моему, не труденъ, — замѣтилъ Николай Николаевичъ.

Нужно объяснить, что мы жили въ пятомъ этажѣ, и до нашей квартиры нужно было подняться, не много—не мало, на сто четырнадцать ступеней. Положимъ, лѣстница была очень хорошо устроена, пологая, съ маленькими ступенями и съ длинными площадками, отдѣлявшими одинъ этажъ отъ другого. Несмотря на это, подъемъ на высоту ста четырнадцати ступеней давалъ себя знать, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда поторопишься шагать.

Страховъ былъ человѣкъ не торопливый и поднимался по лѣстницѣ не только медленно, но даже, можно сказать, съ необычайной медлительностію. Онъ рассказывалъ по этому случаю почти каждый разъ, когда ему говорили о высотѣ нашей лѣстницы, рассказывалъ именно о томъ, какъ нужно ходить вообще по лѣстницамъ.

— Нужно, я вамъ скажу,—объяснялъ онъ,— при подъемѣ на каждую ступеньку раздвигать, т.-е. выпрямлять ногу всю, и при томъ, чтобы колѣна непремѣнно разогнулись правильно...

Гости слушали его объясненія, но едва ли кто либо изъ нихъ слѣдовалъ его совѣту, ибо не всякій, по моему мнѣнію, способенъ былъ подвергать себя такому испытанію и при такомъ высокомъ подъемѣ. Выносить его могъ только Страховъ, спокойный, никогда не волновавшійся и никуда не торопившійся.

Швейцаръ, бывало, говаривалъ по поводу его шаганья по лѣстницѣ.

— Шлепаешь, шлепаешь калошами,—Господи помилуй. Досада иной разъ возьметъ слушать его шлепанье. Грѣшный человѣкъ, осуждаю его часто. Главная причина—ужъ больно медленно шагаетъ: шлепъ, шлепъ, да еще и остановится и въ полъ глядитъ, точно на немъ, на полу-то этомъ, Богъ вѣсть какіе узоры нарисованы. Хорошій онъ человѣкъ, ласковый, а ужъ шагаетъ по ступенямъ,—не приведи Богъ!..

Въ этотъ вечеръ порядокъ его жизни былъ нарушенъ. Самоваръ, съ которымъ, по обычаю, ждала его прислуга къ восьми часамъ, потухъ, и пришлось его снова разогрѣвать. Лампа Домбергская, которую онъ всегда самъ зажигалъ, бережно и тщательно подрѣзывая свѣтильню, коптила, и онъ долго возился съ ней, уныло покачивая при этомъ головою. Когда я, спустя нѣкоторое время по возвращеніи домой, зашелъ къ нему, онъ былъ задумчивъ и съ несвойственною ему хмуростію свертывалъ свою обычную папиросу. Но потомъ, разговорившись по поводу посѣщенія Онуфрія

Онуфріевича, мало-помалу сталъ оправляться и шутить и рассказывать мнѣ, что ему пришлось пережить, передумать въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича, припомнилъ даже, какой «чиновный трепетъ» почувствовали господа Циркуляровъ и Законниковъ, когда подошли къ дверямъ его кабинета — словомъ все то, что я перedalъ въ предыдущихъ главахъ.

— Куда бѣгутъ?.. Какія высокія цѣли преслѣдуютъ?.. Суета! Суета! — проговорилъ онъ въ заключеніе своего рассказа.

— Но что вы намѣрены теперь предпринять?

— То-есть, какъ это, въ чемъ?..

— А вотъ по дѣлу объ уплатѣ за орденъ.

— Да ничего, — вздохнулъ онъ, — само какъ нибудь устроится.

— Само, Николай Николаевичъ, не устроится. Надо все-таки приложить стараніе.

— Да, да! — задумчиво проговорилъ онъ и замолчалъ.

Я зналъ, что онъ по службѣ получалъ всего тысячу рублей, зналъ и о томъ, что займы онъ ни въ какомъ случаѣ просить не будетъ и предложеніе займа тоже отвергнетъ, — и терялся въ догадкахъ о томъ, какъ онъ выйдетъ изъ затруднительнаго положенія. А онъ молчалъ.

Вообще, при вопросахъ о положеніи его дѣлъ и при многихъ даже другихъ, въ особенности такихъ, на которые онъ не признавалъ нужнымъ давать опредѣленные отвѣты, у него былъ всегда въ памяти одинъ и тотъ же пріемъ — отмалчиваться, и отмалчивался онъ, какъ сказано выше, очень умѣло, а именно, на вопросъ объ одномъ самъ задавалъ вопросъ и совѣтъ уже, такъ сказать, «изъ другой оперы».

XIII.

По средамъ собирались у него обычные гости, давнишніе пріатели, преимущественно старички.

Книги на диванѣ сдвигались насколько возможно въ одну сторону, чтобы дать мѣсто гостямъ, что, впрочемъ, при непомѣрной длинѣ дивана не представляло трудности.

Длиною этотъ диванъ былъ, какъ сказано выше, четыре аршина и, надо сознаться, довольно уродливый. Одинъ его конецъ, ближайшій къ креслу, на которомъ обыкновенно сидѣлъ самъ Николай Николаевичъ, былъ всегда заваленъ книгами. Вокругъ дивана стояли кресла ветхозавѣтной работы, тоже съ жесткими деревянными спинками, какъ и диванъ, и тоже изъ краснаго дерева. Кресла эти въ среду придвигались отъ стѣнъ поближе къ дивану.

На чайномъ столѣ, т.-е., говоря точнѣе, не на чайномъ, а тоже заваленномъ книгами столѣ, довольно длинномъ, въ родѣ какъ бы письменнаго, стоявшемъ въ широкомъ простѣнкѣ между окномъ

и балкономъ, появлялась чистая скатерть съ подносомъ, самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Иногда бывали на ней поставлены и сухари, и сливки, и лимонъ, но—не всегда.

Самъ Николай Николаевичъ пилъ чай безъ всякихъ прибавленій.

— Я росъ сиротой,—разсказывалъ онъ по поводу этого,—и во дни дѣтства и отрочества жилъ у дяди архіерея, который, по скудости своихъ средствъ или по скупости, питалъ меня только однимъ молокомъ. И вотъ съ тѣхъ поръ я чувствую къ молоку большую неприязнь.

Сливки, лимонъ и сухари составляли всю роскошь его угощенія, и сказать надо правду, появлялись они на его столѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь изъ гостей, безцеремонный и откровенный человѣкъ, заявлялъ, укоризненно качая головой и улыбаясь.

— Николай Николаевичъ, не скупитесь. Умрете, вѣдь все останется.

— Что такое? Въ чемъ моя скупость?—смущенно спрашивалъ Страховъ.—Извините, я недостаточно ясно понимаю...

— Скупость ваша ярко обнаруживается... ха... ха! Помилуйте, одинъ пустой чай и безъ коньяку!

— Ахъ, вы, шутникъ, а я въ самомъ дѣлѣ смутился... Я знаю, вы вина не пьете...

— Не въ винѣ дѣло. Не въ винѣ! Пищи надо, Николай Николаевичъ, пищи... Булочки бы что ли или хлѣбца, сухариковъ какихъ нибудь сдобненькихъ. Я ужъ не говорю о кондитерскихъ печеньяхъ. Отъ васъ этого не дождешься...

Николай Николаевичъ иногда на подобное заявленіе отвѣчалъ тоже, конечно, съ улыбкой.

— Ахъ, вы лакомка. Представьте, я этого и не подозрѣвалъ. Вотъ какая новость!.. А помните, сказано: «не отъ хлѣба единого живъ человѣкъ»?

— Да, да! Слыхали. Но, тѣмъ не менѣе, и безъ хлѣба тоже не возможно жить,—смѣясь, возражалъ гость.

— О! Мысль вѣрная, и, безъ всякаго сомнѣнія, ее трудно оспаривать... хе, хе!

Гости оставались у него обыкновенно только до двѣнадцати часовъ, такъ какъ знали, что Николай Николаевичъ хотя и ложился спать около двухъ часовъ ночи, но находилъ необходимымъ оставаться отъ двѣнадцати до двухъ въ одиночествѣ и въ полномъ покоѣ, для того, конечно, чтобы имѣть возможность заснуть, да и то, какъ говорилъ онъ, «съ грѣхомъ пополамъ».

Гости толковали по обыкновенію о служебныхъ дѣлахъ, о газетныхъ извѣстіяхъ, о новостяхъ въ области науки и литературы, а чаще всего «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Самъ Ни-

колай Николаевичъ предпочиталъ слушать разговоръ и помалчивать. Сидитъ себѣ въ мягкомъ креслѣ около стола и посматриваетъ на гостей, иногда немного какъ будто нахмурится, вслушиваясь въ разговоры ихъ и видимо не раздѣляя высказываемыхъ взглядовъ, иногда даже головой покачаетъ при этомъ.

— Что вы, Николай Николаевичъ, головой качаете?—обращался иной разъ гость, воодушевленный своими рѣчами, — если вы не согласны съ моими доводами, то извольте возражать, а не отмалчиваться.

А Страховъ въ отвѣтъ на его замѣчаніе, при первыхъ же его словахъ, уже повеселѣлъ и улыбается обычной кроткой улыбкой.

Хмурился онъ, нужно замѣтить, очень рѣдко, чаще всего—улыбался. Представить себѣ Николая Николаевича безъ улыбки я, признаюсь, не могу. Портретъ его въ музеѣ императора Александра Третьяго работы Рѣпина, не достаточно, кстати сказать, похожій, изображаетъ его тоже съ улыбкой, но да проститъ меня художникъ за мое замѣчаніе, улыбка эта не Страхова, и не улыбка это, а скорѣе гримаса.

XIV.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, посѣщавшій среды Страхова, почти всегда былъ первымъ и раннимъ на нихъ гостемъ, и если онъ, случалось, не зайдетъ, Страховъ на другой день утромъ непременно навѣдается о его здоровьѣ. Иногда, положимъ, очень рѣдко,—въ зиму раза два, три, не болѣе,—онъ запаздывалъ и приходилъ въ такое время, когда всѣ кресла около длиннаго стола и дивана уже были заняты гостями.

— Извините, другъ, запоздалъ!—возвѣщалъ онъ, входя и раскланиваясь съ гостями.

— А-а! Аполлонъ Николаевичъ?—восклидалъ Страховъ:—а я, представьте, уже впалъ въ уныніе, думаю, не заболѣли ли.

— О, нѣтъ! Силами небесными охраняемый здравствую и славлю имя Божіе!

— Пожалуйте! Пожалуйте!..

Съ приходомъ запоздавшаго Майкова между гостями происходило нѣкоторое смущеніе и замѣшательство: каждый желалъ уступить ему свое мѣсто, и поэтому всѣ поднимались съ креселъ и уходили въ сторону. Майковъ чувствовалъ, что ему воздаются почести, и немного какъ будто смущался и отмахивался обѣими руками отъ предложеній.

— Не беспокойтесь... Извините... Я найду себѣ мѣсто, я гдѣнибудь въ уголочкѣ...

Онъ присматривался сквозь очки къ длинному дивану, намѣреваясь найти на немъ себѣ мѣстечко около книгъ.

Онъ былъ очень близорукъ, и въ послѣдніе годы въ особенности его зрѣніе ослабѣло. Онъ даже побаивался, не ослѣпнуть бы совсѣмъ, подобно тому, какъ покойный его отецъ, извѣстный въ свое время художникъ Николай Аполлоновичъ, потерявшій зрѣніе въ дни старости.

Смущеніе гостей наконецъ прекращалось. Майкова, разумѣется, усаживали на первое, такъ сказать, мѣсто, ближайше къ тому креслу, на которомъ обыкновенно сидѣлъ Страховъ. Съ приходомъ его разговоръ гостей часто оживлялся сообщаемыми имъ новостями. Онъ рассказывалъ о перемѣщеніяхъ и новыхъ назначеніяхъ въ высшихъ чиновныхъ сферахъ, съ которыми, по служебному положенію своему, какъ предсѣдатель комитета иностранной цензуры, онъ соприкасался. Въ комитетѣ иностранной цензуры онъ служилъ давно, сначала, какъ водится, младшимъ цензоромъ, потомъ старшимъ и наконецъ послѣ смерти Тютчева (поэта) занялъ его мѣсто. Отъ него гости Николая Николаевича узнавали свѣжія новости о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ службы въ томъ или другомъ вѣдомствѣ и т. п.

Чиновой важности въ немъ никогда и тѣни не было. Едва ли онъ даже когда вспоминалъ о томъ, что имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника и нѣсколько звѣздъ. Разумѣется, онъ имѣлъ болѣе основаній считать неизмѣримо высшимъ свое литературное имя, чѣмъ всякіе чины и ордена.

Да и литературному имени онъ немного придавалъ значенія и цѣнилъ въ человѣкѣ всего болѣе его нравственныя достоинства. На томъ свѣтѣ, говорилъ онъ, никакого значенія нашимъ литературнымъ заслугамъ не придадутъ, а спросятъ перво-наперво, исполнилъ ли заповѣдь: «возлюби и прости».

Позволяю себѣ, говоря объ А. Н. Майковѣ, припомнить разговоръ изъ одной его поѣздки въ Парголово, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ каждое лѣто, если не ошибаюсь, до восьмидесятихъ годовъ, когда приобрѣлъ себѣ дачу на станціи Сиверской по Варшавской желѣзной дорогѣ (теперь, послѣ его смерти, уже проданную его наследниками).

Однажды ѣхалъ онъ въ Парголово съ покойнымъ Аѳанасіемъ Федоровичемъ Бычковымъ, директоромъ императорской Публичной библіотеки. Это было давно, еще во времена блаженной памяти щапинскихъ дилижансовъ, за много лѣтъ до постройки финляндской желѣзной дороги. Щапинскіе дилижансы шутники называли тогда помѣщеніемъ сорока мучениковъ, такъ было тѣсно, душно и неудобно въ нихъ ѣздить. Лошади были костлявыя, измученныя, кучера въ рваныхъ кафтанахъ, кондуктора унылаго вида, одѣтые тоже чуть не въ отрепье, словомъ — въ общемъ эти дилижансы представляли нѣчто до такой степени жалкое, нищенское, чего въ наши дни уже представить въ Петербургѣ нельзя. Но тогда жили

проче и меньше обращали вниманія на щеголеватую внѣшность. Майковъ и Бычковъ опоздали добратся до дилижанса заблаговременно, чтобы успѣть занять мѣсто внутри его, и остановились въ раздумьѣ...

— Ёдете что ли?—вяло спросилъ кондукторъ.

— Да гдѣ же сѣсть? Мѣсть нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? На козлахъ есть еще два мѣста, рядомъ съ кучеромъ.

— Аполлонъ Николаевичъ, какъ вы полагаете?—спросилъ Аванасій Ѳедоровичъ:—можно намъ сѣсть на козлы?

— Гм...—засмѣялся Майковъ, — по-моему, не только можно, а даже должно...

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ.

Аполлонъ Николаевичъ былъ средняго роста, тощій и костлявый, какъ говорится, легкій на подъѣмъ. Онъ легко поднялся на высокіе козлы, гдѣ сидѣлъ кучеръ, а Аванасій Ѳедоровичъ былъ не то, чтобы очень тучный, но довольно-таки мясистый человѣкъ. Онъ не безъ усилій преодолѣлъ трудности подъема и, забравшись наконецъ на верхъ, тяжело дыша, проговорилъ:

— Уфъ! Напрасно мы забрались сюда...

— Какъ напрасно!—засмѣялся Аполлонъ Николаевичъ: — мы занимаемъ теперь высокое положеніе.

— Высокое, но одобренія не заслуживающее.

— Ну, теперь уже поздно обсуживать это дѣло. Забрались, такъ надо сидѣть...

Когда дилижансъ тронулся, Аванасій Ѳедоровичъ сказалъ:

— А все-таки это не ладно.

— Что такое? Что не ладно?

— Да вотъ то именно, что мы сѣли на козлахъ.

— Не удобно вамъ сидѣть, да?—озабоченно спросилъ Майковъ:—подвигайтесь ко мнѣ поближе, я еще потѣснюсь къ краю.

— О, нѣтъ! Не въ этомъ дѣло. Сидѣть можно... Вопросъ совсѣмъ другой. Не хорошо то, что мы умалняемъ свои заслуги, садимся тамъ, гдѣ не подобаеть...

— Почему не подобаеть?

— А потому, что мы съ вами въ чинахъ, такъ сказать... И вдругъ оказывается: на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ...

— Вотъ еще что выдумали! А кучеръ-то развѣ не такой же образъ Божій носитъ, какъ и мы съ вами?

— Я не объ образѣ Божиёмъ,—засмѣялся Бычковъ:—я о томъ, что мы все-таки генералы.

— А онъ, можетъ быть, по душевнымъ своимъ достоинствамъ, генералиссимусъ!..

— Этого, хе, хе, не видно... Впрочемъ, предполагать не возвращается...

— О, конечно! Но, тѣмъ не менѣе, нужно помнить, что и генералиссимусъ, и кучеръ, даже такой рваный и жалкій, каковымъ являетъ себя щапинскаго дилижанса возница,—всѣ сойдутъ «подъ вѣчны своды» въ равномъ чинѣ и званіи...

— Такъ, такъ!—задумчиво проговорилъ Аѳанасій Ѳедоровичъ,—а дальше что будетъ?

— А дальше будетъ Парголово,—смѣясь отвѣтилъ Майковъ.

— Парголово — само собой. Я спрашиваю, что будетъ дальше за земной жизнию?

— А вы не знаете? Какой же вы, однако, скрытный!

— А вы знаете, Аполлонъ Николаевичъ?

— Знаю!—твердо отвѣтилъ Майковъ,—знаю! — повторилъ онъ еще тверже воодушеваясь, и продекламировалъ изъ оды: «Богъ».

«Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бѣдну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отець, въ безсмертіе Твое».

Голосъ его при послѣднихъ словахъ декламации дрогнулъ, и на глазахъ показались слезы.

Такъ рассказывалъ объ этой поѣздкѣ покойный Аѳанасій Ѳедоровичъ.

Но извините: я нѣсколько уклонился въ сторону.

На вечернихъ собраніяхъ по средамъ у Николая Николаевича никто ни за кѣмъ не ухаживалъ, никто никому не льстилъ, не было ни въ комъ ни важности, ни высокомерія. Всѣ были равны, и всѣ говорили одинаково спокойно, не раздражаясь, не волнуясь, не возвышая голоса и не перебивая одинъ другого. Такой всегда мирный характеръ бесѣды обуславливался годами собесѣдниковъ, ихъ житейскою мудростію, умѣньемъ выслушивать возраженія, умѣньемъ отвѣчать на нихъ, не рисуясь своимъ краснорѣчіемъ, какъ рисуются имъ адвокаты, а кратко и вразумительно: «въ малыхъ словахъ много разумъ замыкающе».

Такому характеру бесѣдъ способствовалъ и самъ Николай Николаевичъ, отличавшійся необыкновенною кротостію нрава и спокойствіемъ рѣчи. Угощалъ онъ гостей своихъ чаемъ, который всегда самъ съ необычайною тщательностію наливалъ и самъ подавалъ гостямъ стаканы, каждому отдѣльно и непремѣнно съ радушною улыбкой.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ разговоръ зашелъ между прочимъ о нѣкоемъ писателѣ, отличавшемся большою смѣлостію своихъ сужденій.

— Да, да,—замѣтилъ Николай Николаевичъ,—очень у него все сгоряча. Это, конечно, весьма дурно и даже опасно: ведетъ ко многимъ ошибкамъ. Сгоряча можно и убить и родить человѣка, а вѣдь въ спокойномъ состояніи этого не сдѣлаешь. Я вамъ покажу его послѣднюю статью. Тоже удивительная. Можно сказать, написалъ впопыхахъ. «Хваталъ, какъ говорить Курбскій, отъ многихъ священныхъ словесъ съ великою яростію и лютостію». Вотъ послушайте, я вамъ прочитаю изъ нея нѣчто достойное вниманія.

Онъ поднялся съ кресла, какъ всегда, не спѣша, не слышными шагами отправился къ одной изъ полокъ съ книгами, которыми были заняты всѣ стѣны комнаты.

— Вниманіе, господа. Извольте слушать,—съ обычной улыбкой обратился онъ къ гостямъ:—въ этой статьѣ авторъ высказываетъ свои, если можно такъ выразиться, высшія соображенія о нѣкоторыхъ библейскихъ событіяхъ, а именно—почему Воозъ долженъ былъ родить Овида отъ Руои, а Давидъ царь—Соломона отъ Вирсавіи, бывшей за Уріею, и такъ далѣе до рожденія Іисуса Христа. Вопросъ, какъ видите, великой глубины.

Онъ надѣлъ очки и сталъ читать, по обыкновенію, медленно и ясно произнося каждое слово.

А. Н. Майковъ не выдержалъ, быстро поднялся съ кресла и прервалъ чтеніе громкимъ возраженіемъ.

— Въ своемъ ли онъ умѣ? Откуда у него данныя для разрѣшенія такихъ вопросовъ? Какъ онъ можетъ рассуждать о томъ, о чемъ никто изъ смертныхъ не знаетъ?

Николай Николаевичъ закрылъ книгу и потомъ, приложивъ палецъ ко лбу, съ обычной тихой усмѣшкой проговорилъ:

— Онъ зна—а—еть!..

XV.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній гостей о характерѣ литературныхъ работъ упомянутаго автора разговоръ перешелъ на другой предметъ, и наконецъ кто-то вспомнилъ о наградѣ, полученной Страховымъ, и съ улыбкой спросилъ:

— А вѣдь вы, батюшка, теперь кавалеръ ордена первой степени.

— Да—а!—вздохнувъ, отвѣтилъ онъ:—удостоился.

— Поздравляю! Вы должны по этому случаю устроить праздникъ съ соотвѣтствующимъ угощеніемъ и съ шампанскимъ, конечно, и должны быть, при такомъ знаменательномъ случаѣ, само собою разумѣется, въ полной парадной формѣ при лентѣ и звѣздѣ и со всѣми гостями чокаться бокаломъ.

— О, да! конечно,—улыбаясь, отвѣтилъ Николай Николаевичъ:—мнѣ въ особенности это необходимо сдѣлать, ибо я имѣю большую склонность къ почестямъ и славѣ... Хе, хе!..

— А что, Онуфрій Онуфріевичъ уважилъ ваше ходатайство?— спросилъ Майковъ.

— Да, слава Богу, все устроилось...

— Ну, вотъ! Я вамъ говорилъ, что все устроится,—весело замѣтилъ онъ:—Онуфрій Онуфріевичъ предобрѣйшій человѣкъ.

Николай Николаевичъ задумчиво посмотрѣлъ на него и молчавъ отвѣтилъ:

— Да, да. Все, слава Богу, хорошо.

Отвѣтъ, однако же, несмотря на утвердительный тонъ, вышелъ почему-то не полнымъ. Чувствовалось въ немъ нѣчто недосказанное.

Не досказано было немного, а именно только то, что Николай Николаевичъ къ Онуфрію Онуфріевичу съ просьбой своей больше не обращался и для выхода изъ затруднительнаго положенія, т.-е. пополненія вычета изъ жалованья суммы, слѣдовавшей за орденъ, нашелъ какой-то другой исходъ. Какой именно—онъ не говорилъ. Вообще, несмотря на свою всегдашнюю любезность и готовность оказать каждому самое, повидимому, искреннее вниманіе, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ такихъ, которые касались его самого, умѣлъ хорошо отмалчиваться. Спросить его, напримѣръ, о чемъ нибудь такомъ, о чемъ онъ находилъ неудобнымъ дать какой либо отвѣтъ, онъ тотчасъ же на сдѣланный вопросъ самъ задавалъ вопросъ.

— Ахъ, да!.. Простите, чуть не забылъ! Миѣ давно хотѣлось васъ спросить вотъ о чемъ...

И неудобный отвѣтъ отходилъ въ сторону.

Однажды, спустя уже недѣли три послѣ его разсказа о посѣщеніи Онуфрія Онуфріевича, я замѣтилъ, что онъ, собравшись куда-то уходить, надѣлъ не ту шубу, которую обыкновенно носилъ, не енотовую, а какую-то другую, старенькую.

— Это что за перемѣна у васъ?—спросилъ я.

— Какая? Въ чемъ?

— А шуба? Это же не енотовая?

— Да, да, — задумчиво проговорилъ онъ:—вы совершенно справедливо замѣтили. Это, какъ видите, простенькая, изъ крашенаго барана...

— Гдѣ же енотовая?

— Она уплыла...

— За расплату за орденъ, да?

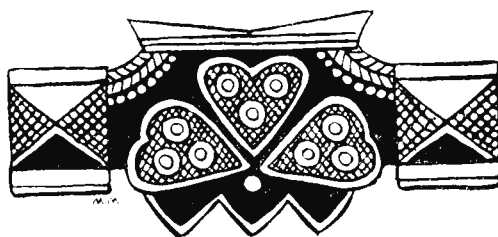
— А Богъ ее знаетъ. Вообще уплыла... Мало ли какія встрѣчаются иной разъ надобности...

Онъ вздохнулъ и сталъ медленно натягивать на себя баранью шубу.

Живя съ нимъ вмѣстѣ, какъ сказано выше, почти два десятилѣтїя, я привыкъ по выраженію его всегда кроткаго лица читать его мысли и въ данномъ случаѣ видѣлъ, что онъ при разговорѣ о шубѣ былъ огорченъ, но огорченъ не тѣмъ, что перемѣнилъ еотовую шубу на баранью, а именно только тѣмъ, что не додумался до этого раньше. И предположеніе мое подтвердилось—онъ уходя сказалъ:

-- Ошибся я! Что дѣлать, безъ ошибки не проживешь... Не слѣдуетъ обращаться за помощью къ сильнымъ міра, надо искать ее въ самомъ себѣ. Да! сказано: «не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны чловѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенїя».

Д. И. Стахѣевъ.

РОКОВЫЯ ИМЕНИНЫ.

ВЕСНОЮ 1900 года судьба закинула меня въ уѣздный городъ Р . . . . Тамъ я встрѣтилъ въ одномъ обществѣ старушку, которая чрезвычайно заинтересовала меня съ перваго взгляда. Это было маленькое, худенькое существо, вся жизнь котораго сосредоточивалась въ выразительныхъ, черныхъ глазахъ, все еще прекрасныхъ. Эти глаза главнымъ образомъ и остановили на себѣ мое вниманіе. Я замѣтилъ, что во время разговора она иногда вдругъ останавливалась, и глаза ея принимали выраженіе ужаса, но въ слѣдующее мгновеніе она, какъ бы овладѣвъ собой, продолжала прерванную нить разговора. Мнѣ казалось, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ есть что-то очень тяжелое на душѣ. Вскорѣ я случайно узналъ, что Александра Семеновна З . . . . (такъ звали заинтересовавшую меня старушку) никогда не празднуетъ своихъ именинъ, которые приходятся на 23 апрѣля, и что на это она имѣетъ серьезныя причины. Познакомившись ближе съ Александрой Семеновной, оказавшейся добрѣйшей женщиной и очень интересной собесѣдницей, я разъ, въ минуту откровенности, спросилъ ее, почему она не празднуетъ своихъ именинъ. Вотъ что мнѣ она отвѣтила.

Это длинная и грустная исторія, но, если хотите, я расскажу вамъ, какъ ни тяжело мнѣ это, что я должна была пережить, когда была еще совсѣмъ молодой.

Я вышла замужъ по любви за офицера поляка. Обстоятельства сложились такъ, что мужъ мой вскорѣ послѣ женитьбы рѣшилъ

перейти на службу въ корпусъ жандармовъ. Времена были тихія и служба его не представляла собою ничего неприятнаго. Судьба закинула насъ въ маленькій городокъ С . . . , лежащій въ центрѣ Виленской губерніи. Положеніе моего мужа, какъ жандарма и поляка, въ городѣ, гдѣ общество почти исключительно состояло изъ поляковъ, было не изъ пріятныхъ. Но мы любили другъ друга и были вполне счастливы у себя дома; а, кромѣ того, нашлись два, три русскіихъ семейства, съ которыми мы близко сошлись.

Прошло нѣсколько лѣтъ безмятежнаго счастья. У насъ родилось двое дѣтей—двѣ дѣвочки, мы приобрѣли маленькій домикъ съ садомъ, обзавелись коровою, и нашъ домъ, что называется, былъ полной чашей. Казалось, ничто не могло омрачить нашего счастья. Но вотъ наступилъ 1863-й годъ, разразилось польское возстаніе—и насталъ конецъ нашей безмятежной жизни. Мой мужъ переживалъ тяжелыя минуты. Съ одной стороны—долгъ службы, присяга въ вѣрности и искренняя преданность своему государю. Съ другой—инстинктивная, врожденная симпатія къ своимъ соотечественникамъ. Надо сказать, что многіе изъ его родственниковъ, а также и его родной братъ, съ которымъ онъ давно прекратилъ всякія сношенія, были среди повстанцевъ. Однако мой мужъ не колебался ни одной минуты: онъ рѣшилъ остаться вѣрнымъ своему государю, чего бы ему это ни стоило. А опасаться можно было всего худшаго. То и дѣло приходилось слышать о жертвахъ мести «народоваго жонда», который всюду разсылалъ своихъ агентовъ. Мужъ получалъ угрожающія письма, я боялась показываться на улицу и жила въ непрестанной тревогѣ за жизнь моего мужа. Точно по какому-то обоюдному молчаливому соглашенію, мы избѣгали затрогивать въ разговорахъ тяжелые вопросы, но я ясно видѣла, какія нравственныя муки переносилъ мой мужъ. Я понимала, какъ тяжело ему было переносить свое двусмысленное положеніе. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, и часто мнѣ приходилось заставлять его въ кабинетѣ безъ всякаго дѣла, погруженнаго въ мрачную задумчивость.

Наступилъ апрѣль, мужъ давно уже не получалъ угрожающихъ писемъ, и я начинала утѣшать себя надеждой, что «тайное общество» забыло о его существованіи. Приближался день моихъ именинъ, 23-е апрѣля, который у насъ всегда очень торжественно праздновался. Къ этому дню мужъ всегда, бывало, приготовить мнѣ какойнибудь сюрпризъ. И на этотъ разъ, какъ бы желая нѣсколько развеселить меня, онъ улыбаясь говорилъ:

— Ну, ужъ на этотъ разъ я приготовлю тебѣ такой сюрпризъ, котораго ты никакъ не ожидаешь!

А меня грызла тоска, и какое-то страшное, неопредѣленное предчувствіе сжимало мое сердце. Но я старалась скрывать отъ мужа мои чувства и дѣлала видъ, что съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ жду его «сюрприза».

Какъ-то вечеромъ, дня за три до моихъ именинъ мы долго гуляли съ мужемъ по саду, напоенному благоуханіемъ цвѣтущихъ яблонь. Дѣвочки наши, изъ которыхъ одной уже минуло пять лѣтъ, а другой было только полтора года, только что отправились спать. Мужъ какъ-то особенно нѣжно простился съ ними. Долго держалъ онъ на рукахъ младшую дочь и все старался ее выучить говорить «папа», что ей почему-то никакъ не удавалось. Малютка упорно, точно дразня его, все говорила «мама». И при этомъ шалунья дергала его за бороду, звонко смѣялась и нѣжно прятала свое личико у него на плечѣ.

— Смотри,—сказала мой мужъ, обращаясь ко мнѣ,—выучи ее къ твоимъ именинамъ говорить «папа». Пусть и мнѣ къ этому дню будетъ сюрпризъ.

Никогда не забуду я этого чуднаго вечера, когда я въ послѣдній разъ видѣла моего дорогого, любимаго мужа.

Было уже поздно, когда мы наконецъ рѣшились уйти изъ благоухающаго сада. Не успѣли мы войти въ домъ, какъ денщикъ подаль мужу запечатанный пакетъ, присланный съ нарочнымъ изъ главнаго управленія. Мужъ дрожащими руками распечаталъ его, и я видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ. На мой вопросъ, что это, онъ сказалъ, стараясь казаться спокойнымъ:

— Ничего особеннаго, моя дорогая. Я долженъ сейчасъ же ѣхать по одному спѣшному дѣлу. Надо арестовать одного помѣщика, противъ котораго есть явныя улики въ принадлежности его къ «тайному обществу». Не беспокойся, завтра вечеромъ я возвращусь. Если же чтонибудь задержитъ меня, то не тревожься: къ твоимъ именинамъ я во всякомъ случаѣ буду дома.

Излишне говорить, съ какимъ чувствомъ я просталась съ мужемъ. Да и онъ, казалось, самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ. Я видѣла, какъ трудно ему было оторваться отъ кроватокъ дѣтей, гдѣ они покоились мирнымъ сномъ. Нѣсколько разъ онъ уходилъ и снова возвращался, чтобы еще разъ обнять меня. Но нужно было торопиться.

— Къ твоимъ именинамъ буду непременно дома!—крикнулъ онъ мнѣ въ послѣдній разъ и скрылся съ моихъ глазъ, скрылся навсегда!..

Потянулись томительные дни ожиданія. Я не находила себѣ мѣста. Только горячая молитва нѣсколько успокаивала меня. Наступилъ канунъ моихъ именинъ. До поздней ночи ждала я и прислушивалась къ малѣйшему стуку. Вѣдь онъ обѣщалъ непременно вернуться къ моимъ именинамъ! Подъ утро я заснула наконецъ тревожнымъ сномъ. Меня разбудилъ стукъ и говоръ. Я вскочила, второпяхъ накинула на себя капоть и выбѣжала въ сѣни. Было раннее утро, солнце только что взошло.

— Слава Богу, слава Богу,—говорила я, крестясь:—это онъ, это онъ!

Но не долго находилась я въ этомъ радостномъ заблужденіи. Прислуга сказала мнѣ, что только что къ нашему дому подъѣзжала телѣга, и какой-то незнакомый человѣкъ передалъ большой ящикъ и письмо на мое имя.

— Онъ прислалъ письмо, значить, живъ,—подумала я, торопливо разрывая конвертъ.

Но при первомъ взглядѣ на незнакомый мнѣ почеркъ я вся похолодѣла и едва имѣла силы дочитать записку до конца. Вотъ что въ ней стояло:

«Вотъ какъ мстятъ поляки измѣнникамъ! Подобная участь ожидаетъ и всю семью того, кто пошелъ противъ своихъ. Не будетъ пощады ни женѣ, ни дѣтямъ, ни прислугѣ, ни одной душѣ, живущей въ этомъ проклятомъ домѣ!

«Патріотъ».

Я стояла въ полномъ недоумѣніи и дрожала съ ногъ до головы. Во мнѣ оставалась еще смутная надежда на то, что все это мистификація, злая шутка. Не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, я сдѣлала знакъ, чтобы прислуга открыла ящикъ.

Послѣ небольшого усилія крышка подалась и распахнулась... Глазамъ присутствующихъ представилась страшная картина! Ящикъ былъ наполненъ частями человѣческаго тѣла, изрубленными на мелкіе куски. Только голова осталась цѣлой, и эта голова принадлежала моему мужу! Одно мгновеніе я, какъ загнипнотизированная, смотрѣла на это блѣдное, землистое лицо съ открытыми глазами, въ которыхъ застыло выраженіе невыразимой муки. Глаза смотрѣли на меня въ упоръ. Но долго этого зрѣлища нельзя было вынести: я дико закричала: «Стася, Стася!» и упала безъ чувствъ...

Я пришла въ себя только на слѣдующій день. За эти сутки многое успѣло случиться. Я очнулась у себя на кровати; около меня сидѣлъ старый Казимиръ. Это былъ нищій, котораго за нѣсколько времени передъ тѣмъ мой мужъ приютилъ у насъ въ домѣ. Онъ сжалился надъ несчастнымъ старикомъ: одѣлъ его, накормилъ и позволилъ поселиться въ маленькой комнаткѣ на чердакѣ. Такъ онъ и остался у насъ жить. Это былъ тихій старикъ полякъ. Его никогда не было видно: онъ или сидѣлъ у себя на чердакѣ, или бродилъ гдѣ-то. Вотъ этотъ-то старикъ и рассказалъ мнѣ потомъ все, что случилось послѣ того, какъ я потеряла сознание.

Кто-то поднялъ письмо, которое я выронила изъ рукъ, и прочелъ его вслухъ. Въ домѣ поднялась настоящая паника. Черезъ полчаса, кромѣ меня, дѣтей и Казимира, никого въ домѣ не оставалось. Помощи ожидать было не откуда. Почти всѣ русскіе покинули городъ, такъ какъ оставаться въ немъ было не безопасно. Я лежала безъ сознанія. И вотъ старый нищій рѣшилъ, что теперь-то настало время отплатить своему благодѣтелю. Онъ по-

заботился о дѣтяхъ и обо мнѣ, зарылъ ящикъ съ останками моего мужа въ саду (о похоронахъ и думать было нечего) и ухаживалъ за мной, какъ опытная сидѣлка.

Хотя я и пришла въ сознание на слѣдующій день, но безсознательное состояніе смѣнилось чѣмъ-то въ родѣ столбняка. Я смотрѣла передъ собой, но ничего не видѣла, на вопросы не отвѣчала и упорно отказывалась отъ пищи. Старикъ пробовалъ подводить ко мнѣ дѣтей, но и на нихъ я не обращала никакого вниманія. Онъ сталъ опасаться за мой разумъ. Вечеромъ Казимиръ уложилъ дѣтей, заперъ какъ можно крѣпче ворота, двери и ставни, положилъ возлѣ себя заряженный пистолеть, который нашель въ кабинетѣ моего мужа, и всю ночь просидѣлъ около меня, не смыкая глазъ. Видя, что я не сплю, онъ нѣсколько разъ начиналъ заговаривать со мной, но я не отвѣчала. Впослѣдствіи я старалась дать себѣ отчетъ о томъ, что я тогда чувствовала, но я такъ и не помню, сознавала ли я тогда что нибудь или нѣтъ.

Такъ прошло два томительныхъ, ужасныхъ дня. Бѣдный старикъ измучился, каждую минуту ожидая, что ворвутся поляки и перерѣжутъ насъ. Извнѣ помощи не приходило. Отлучиться изъ дому, чтобы искать помощи, онъ не могъ, такъ какъ нельзя было оставить ни на минуту дѣтей, да и меня также. Онъ зналъ, что у меня есть мать, но не зналъ, въ какомъ городѣ она живетъ.

Наступилъ третій день, а я все лежала, безучастно глядя передъ собой. Старикъ опять подвелъ ко мнѣ дѣтей, надѣясь, что видъ ихъ пробудитъ меня изъ оцѣпенѣнія, но все было напрасно. Желая развлечь крошку, онъ взялъ ее на руки и сѣлъ къ столику, на которомъ были разставлены бездѣлушки и портреты. Дѣвочка беззаботно лепетала и весело хлопала ручками по столу. Вдругъ раздался рѣзкій звукъ разбитаго стекла. Малютка задѣла руками портретъ моего мужа, онъ упалъ, и стекло въ рамкѣ разбилось. Я вздрогнула и въ этотъ моментъ услышала радостный лепетъ ребенка: «Папа, папа, папа!»

Въ одинъ мигъ я была на ногахъ, къ горлу подступили рыданія, и обильныя, богатныя слезы полились изъ глазъ. Это слово, котораго такъ добивался мой мужъ, и которое теперь въ первый разъ пролепеталъ ребенокъ, пробудило меня изъ моего каталептического состоянія. Я схватила въ свои объятія крошку, которая, быть можетъ, спасла меня отъ безумія, и сквозь рыданія повторяла все одно и то же:

— Бѣдное мое дитяtko, папы нѣтъ больше, нѣтъ больше! Не суждено ему было услышать, какъ ты въ первый разъ сказала «папа»!

Старый Казимиръ смотрѣлъ на меня и тоже плакалъ, плакалъ отъ радости, что я спасена.

— Слава Богу, теперь все уладится,—говорилъ онъ.—О, пани капитанѣва, я думаю, вы потеряли разумъ. Слава Богу, самъ Господь внушилъ этому ангелу спасти васъ!

Долго рыдала я. Дѣти также начали плакать, глядя на меня. А добрый старикъ не старался утѣшать меня. Наоборотъ, онъ все приговаривалъ:

— Плачьте, плачьте, пани капитанѡва,—вамъ легче будетъ. Когда наплачетесь, намъ надо будетъ обдумать, какъ уйти отсюда.

Послѣднія слова окончательно пробудили меня къ дѣйствительности. Что касается до меня, то я съ радостью умерла бы тогда и не шевельнула бы пальцемъ, чтобы спасти свою жизнь. Но надо было думать о спасеніи дѣтей.

И тутъ Казимиръ выручилъ меня. Онъ разыскалъ поляка мальчика, также нищаго, который за хорошее вознагражденіе взялся сходить въ находившійся въ 40 верстахъ сосѣдній городъ, гдѣ жила моя мать, и передать ей письмо. Путь былъ не особенно далекій, но по дорогамъ бродили банды повстанцевъ, и нельзя было съ увѣренностью сказать, дойдетъ ли мальчикъ благополучно до мѣста назначенія.

Прошло еще два дня. Страшно и вспомнить, въ какой тревогѣ я ихъ провела. О снѣ нечего было и думать. По ночамъ мы сидѣли съ Казимиромъ около кроватокъ дѣтей и съ напряженіемъ прислушивались къ малѣйшему шуму. Однако, все было тихо,—о насъ, казалось, забыли.

Кажется, на пятый день послѣ рокового дня моихъ именинъ Казимиръ вышелъ на дворъ, чтобы подоить корову. Вскорѣ онъ вернулся, держа въ рукахъ бѣлую бумажку.

— Посмотрите, пани капитанѡва, что тутъ написано. Эта бумажка лежала у самага забора, точно кто ее нарочно подбросилъ.

Со страхомъ взяла я бумажку. На ней стояло всего нѣсколько словъ:

«Увѣжайте сегодня же. Завтра будетъ поздно.

«Вашъ доброжелатель».

Въ полномъ отчаяніи опустилась я на стулъ. Что было дѣлать? Отъ моей матери не было никакихъ извѣстій. Какъ ѣхать одной по дорогамъ, гдѣ бродили шайки повстанцевъ? Но на что нибудь надо было рѣшиться. Долго совѣщались мы съ Казимиромъ и рѣшили вотъ что. Я совершенно свободно говорила по-польски. По совѣту Казимира я согласилась надѣть на себя мужской костюмъ, Казимиръ брался достать подводу, и послѣ полудня рѣшено было тронуться въ путь, выдавая себя за поляковъ.

Съ лихорадочной дѣятельностью начали мы готовиться къ предстоящему путешествію. Но на этотъ разъ судьба сжалилась надо мной: намъ не пришлось приводить въ исполненіе нашего опаснаго плана.

Въ поддень къ нашему дому подѣхалъ цѣлый отрядъ солдатъ подъ предводительствомъ офицера, который заявилъ, что по при-

казанію начальства командированъ, чтобы сопровождать насъ въ городъ Р..... Мы были спасены! Маленькій нищій благополучно дошелъ до моей матери, и по ея просьбѣ за нами прислали отрядъ солдатъ.

Сборы были не долги, черезъ часъ мы уже были въ дорогѣ, а вечеромъ мы были въ полной безопасности у моей матери.

Но даромъ мнѣ не прошла эта недѣля, въ которую я пережила столько горя, тревоги и душевныхъ мукъ.

Когда я увидала, что дѣти мои спасены, силы вдругъ покинули меня, я свалилась, какъ подкошенная, и впала въ безпамятство.

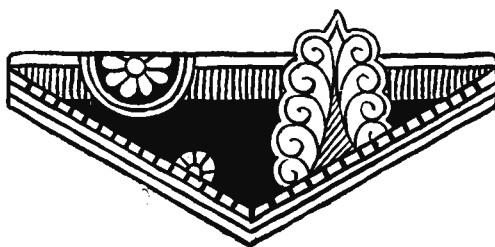
Долго я находилась между жизнью и смертью, и моя мать потеряла уже всякую надежду спасти меня. Но молодость взяла свое, острый періодъ болѣзни прошелъ, и окружающіе меня вздохнули легче: не надо было каждую минуту бояться за мою жизнь. Однако до моего полного выздоровленія я еще много доставила горя и тревоги моимъ близкимъ. Боялись за мой разумъ. На меня находили припадки настоящаго безумія; я страдала страшными галлюцинаціями. Иногда, когда окружающимъ казалось, что я совершенно спокойна, и ничто меня не тревожитъ, я вдругъ устремляла глаза въ одну точку, меня начинало трясти, какъ въ лихорадкѣ, я кричала въ какомъ-то изступленіи безсвязныя слова и прятала голову въ подушки. Я старалась спрятаться отъ того страшнаго видѣнія, которое стояло передъ моими глазами: я видѣла такъ ясно, такъ ясно, до мельчайшихъ подробностей тотъ страшный ящикъ съ останками изрубленнаго человѣческаго тѣла, а, главное, голову и глаза, устремленные на меня съ выраженіемъ такой мольбы и страданія, что самый закаленный человѣкъ не могъ бы вынести этого ужаса.... Припадокъ мой обыкновенно кончался тѣмъ, что я впадала въ полубморочное состояніе, и проходило много времени прежде, нежели я совершенно приходила въ себя. Доктора посоветовали перемѣну обстановки, и меня увезли за границу. И дѣйствительно припадки стали становиться все рѣже и слабѣе, а потомъ и совсѣмъ прошли. Впрочемъ, нѣкоторые слѣды моего тяжелаго душевнаго состоянія въ ту пору остались и до сихъ поръ. И теперь, иногда совершенно неожиданно, передъ моими глазами вдругъ промелькнетъ та страшная картина и заставитъ до боли сжаться мое сердце....

Послѣ всего, что я вамъ рассказала, вы понимаете, что день моихъ именинъ для меня день такихъ тягостныхъ и мрачныхъ воспоминаній, что не можетъ быть и рѣчи о празднованіи его. Этотъ день я провожу въ молитвѣ на могилѣ моего несчастнаго мужа и вѣрнаго Казимира. Надо вамъ сказать, что по окончаніи возстанія останки моего мужа перевезли сюда и похоронили на здѣшнемъ кладбищѣ.

Казимиръ прожилъ съ нами еще нѣсколько лѣтъ. Я любила его, какъ родного, и смерть его была новымъ ударомъ для меня; его похоронили рядомъ съ моимъ мужемъ.

Обѣ мои дочери вышли замужъ. Онѣ счастливы, и у нихъ дѣти. Не разъ уговаривали онѣ меня поселиться съ ними, но у меня не хватаетъ духу покинуть эти двѣ могилы, съ которыми меня соединяютъ такія грустныя, трагическія воспоминанія.

А. И. Вальборгъ.

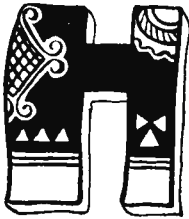

ГОДЪ РАБОТЫ СЪ ЗНАМЕНИТЫМЪ ПИСАТЕЛЕМЪ.

(Посвящается памяти Федора Михайловича Достоевскаго).

.. «Не вдругъ мы поняли его,
«Но онъ учить не тяготился,
«И съ нами братски подѣлился
«Богатствомъ сердца своего»...

Некрасовъ, «Несчастные».

НА МОЮ ДОЛЮ когда-то выпало рѣдкое счастье — въ теченіе цѣлаго года не только часто видѣть и слышать Федора Михайловича Достоевскаго, но и работать съ нимъ вмѣстѣ за однимъ и тѣмъ же столомъ, при свѣтѣ одной и той же типографской лампы. Мнѣ довелось не только читать въ двухъ корректурахъ «Дневникъ Писателя» 1873 года, но иногда присутствовать при самомъ его воспроизведеніи, такъ какъ многія страницы этого «Дневника» писались при мнѣ, въ разговорахъ со мною...

Бываютъ воспоминанія, которыя, какъ талисманъ, предохраняютъ душу отъ охлажденія, зачерствѣнія, измельчанія и отчаянія. Таковы мои воспоминанія объ этой порѣ моей совмѣстной работы съ Федоромъ Михайловичемъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ хранила я эти воспоминанія въ ихъ полной неприкосновенности, но отъ преданія ихъ гласности меня удерживала до сихъ поръ чистосердечная неувѣренность, что я сумѣю это сдѣлать какъ слѣдуетъ. Въ этомъ я не увѣрена и теперь. Но тамъ, гдѣ недостаетъ, быть можетъ, искусства, сохранилась все-таки правда, а вѣдь въ ней-то вся суть.

I.

«Двадцатаго декабря (1872 г.) я узналъ, что уже все рѣшено, и что я редакторъ «Гражданина», — такъ начинается Федоръ Михайловичъ свое «Вступленіе» («Дневникъ Писателя» 1873 г.).

И въ тотъ же самый день, вечеромъ, я увидала его впервые въ типографіи Траншеля, гдѣ я читала тогда корректуру этого журнала.

Какъ сейчасъ, помню я этотъ вечеръ!

Это было воскресенье, канунъ выхода нумера, и я держала послѣднія корректуры, съ трудомъ слѣдя за смысломъ ихъ содержанія. Въ самую эту ночь умерла моя мать, въ страшныхъ мукахъ, и мнѣ все еще видѣлась эта безсонная ночь въ «Гинекологическомъ отдѣленіи» у Красовскаго, на Надеждинской, — картина предсмертныхъ страданій, — священникъ, читавшій отходную, — толпа любопытныхъ больныхъ и сидѣлокъ со свѣчами въ рукахъ, — послѣднія слова и благословенія умирающей и... мое полное одиночество въ едва знакомомъ мнѣ, чужомъ Петербургѣ... Не до статей «Гражданина» мнѣ тогда было. Но я считала нечестнымъ манкировать, и старалась ихъ понимать.

Въ конторѣ я сидѣла одна, какъ всегда въ воскресенье. Машины, наборныя—все это было далеко, за нѣсколько комнатъ. Кругомъ меня была—или мнѣ такъ казалось—тишина, какъ въ могилѣ. За окнами и въ трубахъ выла метель. Хлопья мокраго снѣга по временамъ ударили въ темныя стекла. Въ конторѣ было и сыро, и холодно. Лампа тускло освѣщала одно только бюро между оконъ, за которымъ я работала. И было уже поздно, часовъ около десяти, когда за наружной дверью, на лѣстницѣ, — какъ разъ у меня за спиною, — раздался тихій, какъ бы робкій звонокъ. Въ эти часы по воскресеньямъ заходилъ иногда издатель журнала, читать свою «передовую», — но онъ звонилъ иначе: нетерпѣливо и рѣзко. Минуту спустя, звонокъ повторился. Сторожа при дверяхъ у Траншеля не было. Отворяли мы сами. И я готовилась уже встать, когда изъ комнаты литографщика, направо отъ меня, вышелъ сонный Негг Крейтенбергъ и, надѣвая по дорогѣ сюртукъ, прошелъ мимо меня—открыть дверь.

Не помню, какъ онъ впустилъ этого поздняго посѣтителя. Вѣроятно, онъ указалъ ему на сосѣдную дверь на лѣстницѣ — въ квартиру содержателя типографіи. Но помню, что, возвращаясь къ себѣ за перегородку, онъ сказалъ, проходя мимо меня:

— Достоевскій пришелъ!

«Достоевскій!» — какъ эхо, отозвалось у меня въ душѣ. До сихъ поръ мнѣ не приходилось еще встрѣчаться ни съ однимъ настоящимъ, большимъ писателемъ. И сколько мыслей и образовъ, сколько мучительно-сладкихъ минутъ пробудило теперь во мнѣ

это мимоходомъ произнесенное имя! Для меня это имя не было пустымъ звукомъ. Одно сознаніе, что Достоевскій гдѣ-то тутъ, подлѣ меня, и я, быть можетъ, его сейчасъ увижу, уже согрѣвало мнѣ душу и наполняло ее безотчетной надеждой на болѣе свѣтлое будущее. Слова: «литература», «писатель», означали тогда для меня: жизнь, мысль, свѣтъ, упованіе...

Съ трепетнымъ замираіемъ сердца ждала я. Вотъ-вотъ, сейчасъ, сію минуту, войдетъ сюда знаменитый авторъ «Бѣдныхъ людей» и «Мертваго Дома», творецъ «Раскольникова» и «Идиота»,— войдетъ—и что-то случится со мной небывалое... новое, — послѣ будетъ совсѣмъ ужъ не то, что теперь.

Но никто не входилъ. И уже долго спустя, когда я почти перестала думать объ этомъ,—изъ комнатъ слѣва вышелъ Траншель вмѣстѣ съ невысокимъ, средняго роста, господиномъ въ мѣховомъ пальто и калошахъ, и оба остановились подлѣ меня у бюро, разговаривая между собою, т.-е. одинъ задавалъ короткіе и отрывистые вопросы, а другой такъ же коротко отвѣчалъ на нихъ.

Господинъ въ пальто говорилъ тихимъ, глухимъ, какъ бы разслабленнымъ голосомъ. Онъ спрашивалъ, когда здѣсь бываетъ князь М., когда выходитъ номеръ, и когда приступаютъ къ набору слѣдующаго.

Одинъ разъ я рѣшилась поднять на него глаза, но, встрѣтивъ неподвижный, тяжелый, точно непріязненный взглядъ, невольно потупилась и уже старалась на него не смотрѣть. Я угадывала, что это Достоевскій, но всѣ портреты его, какіе я видѣла, и мое собственное воображеніе рисовали мнѣ совсѣмъ другой образъ, нисколько не похожій на этотъ, дѣйствительный, который былъ теперь предо мною.

Это былъ очень блѣдный—землистой, болѣзненной блѣдностью—немолодой, очень усталый или больной человекъ, съ мрачнымъ изнуреннымъ лицомъ, покрытымъ, какъ сѣткой, какими-то необыкновенно выразительными тѣнями отъ напряженно сдержаннаго движенія мускуловъ. Какъ будто каждый мускулъ на этомъ лицѣ съ впалыми щеками и широкимъ и возвышеннымъ лбомъ одухотворенъ былъ чувствомъ и мыслью. И эти чувства и мысли неудержимо просились наружу, но ихъ не пускала желѣзная воля этого тщедушнаго и плотнаго въ то же время, съ широкими плечами, тихаго и угрюмаго человека. Онъ былъ весь точно замкнутъ на ключъ—никакихъ движеній, ни одного жеста,—только тонкія, безкровныя губы нервно подергивались, когда онъ говорилъ. А общее впечатлѣніе съ перваго взгляда почему-то напомнило мнѣ солдатъ—изъ «разжалованныхъ»,—какихъ мнѣ не разъ случалось видать въ моемъ дѣтствѣ,—вообще, напомнило тюрьму и больницу, и разные «ужасы» изъ временъ «крѣпостного права»... И уже одно это напоминаніе до глубины взволновало мнѣ душу...

Траншель провожалъ его до дверей; я смотрѣла имъ вслѣдъ и мнѣ бросилась въ глаза странная походка этого человѣка. Онъ шелъ неторопливо—мѣрнымъ и не крупнымъ шагомъ, тяжело переступая съ ноги на ногу, какъ ходятъ арестанты въ ножныхъ кандалахъ.

— Знаете, кто это?—сказалъ мнѣ Траншель, когда захлопнулась дверь.—Новый редакторъ «Гражданина», знаменитый вашъ Достоевскій! Этакая гниль!—вставилъ онъ съ брезгливой гримасой.

Мнѣ показалось это тогда возмутительно-грубымъ, невѣжественнымъ кощунствомъ. Изъ всѣхъ современныхъ писателей Достоевскій былъ тогда для меня самымъ мучительнымъ и самымъ любимымъ. Но мнѣ, конечно, было извѣстно, что о немъ ходили тогда разные толки. Въ либеральныхъ литературныхъ кружкахъ и въ средѣ учащейся молодежи, гдѣ были у меня кое-какія знакомства, его безперемонно называли «свихнувшимся», а въ деликатной формѣ—«мистикомъ», «ненормальнымъ» (что по тогдашнимъ понятіямъ было одно и то же).

Это было время только что замолкнувшаго процесса Нечаева и романа «Бѣсы» въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы, молодежь, читали рѣчи знаменитыхъ защитниковъ въ «Голосѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и новый романъ Достоевскаго казался намъ тогда уродливой карикатурой, кошмаромъ мистическихъ экстазовъ и психопатіи... А то, что авторъ «Бѣсовъ» принялъ редакторство въ «Гражданинѣ», окончательно возстановило противъ него многихъ изъ прежнихъ его почитателей и друзей.

Но вѣдь тотъ же Достоевскій такъ волшебна и сладостно расширялъ намъ сердце и мысли!... И кто знаетъ,—думалось мнѣ теперь, подъ впечатлѣніемъ первой встрѣчи съ знаменитымъ писателемъ,—можетъ быть, именно онъ вывелъ насъ всѣхъ изъ нормы и до того пронизалъ намъ душу любовною жалостью, состраданіемъ ко всему страдающему, что намъ сдѣлалось тѣсно въ семьѣ, и все больное, забитое и приниженное стало намъ близко и родственно, какъ свое! А если такъ,—не все ли равно, какъ его называютъ другіе?! Онъ съ полнымъ правомъ могъ отвѣтить этимъ другимъ, какъ Торквато Тассо—врачу, присланному лѣчить его:

«Geheilt will ich nicht sein!

Mein Sinn ist kräftig.

Da wär' ich ja, wie And're, niederträchtig!»

Я надѣялась, что при болѣе близкомъ знакомствѣ съ О. М. Достоевскимъ мнѣ удастся лучше понять его и, можетъ быть, разрѣшить всѣ эти загадочныя для меня противорѣчія.

II.

Снова увидѣть Ѳедора Михайловича мнѣ привелось уже послѣ праздниковъ.

Войдя утромъ въ контору, я застала его сидящимъ въ углу, подлѣ дверей, у стола, за которымъ обыкновенно работалъ корректоръ типографіи, и бывший тутъ же Граншель, какъ настоящій «cavalier galant» (онъ былъ полуфранцузъ, полунѣмецъ, изъ обрусѣлыхъ), представилъ меня Ѳедору Михайловичу:

— Позвольте васъ познакомить: это вашъ корректоръ, В. В. Т—ва. Редакторъ «Гражданина»—Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Ѳедоръ Михайловичъ всталъ и, слегка поклонившись, молча подалъ мнѣ руку. Рука у него была холодная, сухая и какъ бы безжизненная. Да и все въ немъ въ тотъ день мнѣ казалось безжизненнымъ: вялыи, точно черезъ силу движенія, беззвучный голосъ, потухшіе глаза, устремленные на меня двумя неподвижными точками.

Онъ просидѣлъ тогда около часа за чтеніемъ корректуры, и во все это время не проронилъ ни звука. Даже перо его безшумно двигалось по бумагѣ. Быть можетъ, благодаря этой мертвенной тишинѣ, я вдругъ почувствовала какую-то неестественно-гнетущую меня робость. Я тоже работала, но присутствіе его безсознательно смущало меня. Все время, пока онъ сидѣлъ, мнѣ чувствовалось что-то строгое, властное, высшее, какой-то контроль или судъ надъ всѣмъ моимъ существомъ. И я, буквально, не смѣла пошевелиться, боялась оглянуться въ его сторону, и вздохнула свободно только, когда онъ ушелъ, сдавъ мнѣ съ рукъ на руки прочитанную имъ корректуру.

Съ тѣхъ поръ я часто стала видать Достоевскаго въ типографіи, но свиданія наши въ первое время ограничивались только взаимными привѣтствіями при входѣ и выходѣ или краткими замѣчаніями его мнѣ по поводу той или другой корректурной поправки. Я ссылалась тогда на грамматику, а онъ раздражительно восклицалъ:

— У cadaго автора свой собственный слогъ, и потому своя собственная грамматика... Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до чужихъ правилъ! Я ставлю запятую передъ что, гдѣ она мнѣ нужна; а гдѣ я чувствую, что не надо передъ что ставить запятую, тамъ я не хочу, чтобы мнѣ ее ставили!

— Значитъ, вашу орфографію можно только угадывать,—ее знать нельзя,—возражала я, стараясь лучше понять, чего отъ меня требуютъ.

— Да! Угадывать. Непремѣнно. Корректоръ и долженъ умѣть угадывать!—тономъ, не допускавшимъ никакихъ возраженій, сердито сдвигая брови, рѣшалъ онъ.

Я умолкала и старалась, насколько умѣла, угадывать, но внутренно испытывала что-то въ родѣ разочарованія. Ни повелительный тонъ, къ которому я совершенно тогда была непривычна, ни брызливо-недовольныя замѣчанія и раздражительныя тревоги по поводу какой нибудь неправильно поставленной запятой никакъ не мирились съ моимъ представленіемъ объ этомъ писателѣ - человѣкѣ, писателѣ-страдальцѣ, писателѣ-сердцевѣдѣ.

Вначалѣ же почти все раздражало его. То—зачѣмъ поставили въ статьѣ его твердый знакъ на концѣ слова однакожъ, когда у него стоитъ мягкій—однакожъ. То—зачѣмъ вводное предложеніе можетъ быть поставлено въ запятыхъ, вмѣсто того, чтобы—какъ у французовъ и въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—поставить съ черточкой по срединѣ. То, наконецъ, зачѣмъ къ нему въ «Гражданинѣ» прислали статью о введеніи звуковой методы въ сельскія народныя школы, когда онъ слышать равнодушно не можетъ объ этой методѣ...

— Не хочу я, чтобы нашихъ крестьянскихъ дѣтей обучали по этой методѣ!— съ непонятнымъ еще мнѣ тогда ожесточеніемъ говорилъ онъ. — Это не человѣческая метода, а попугайная. Пусть обучаютъ они по этой методѣ обезьянъ или птицъ. А для людей она совсѣмъ не годится. Бб! вв! сс! тт!... Развѣ свойственны людямъ такіе дикіе звуки? У людей должно быть человѣческое названіе каждой буквѣ. У насъ есть свои историческія преданія. То ли дѣло наша старинная азбука, по которой всѣ мы учились! Азъ, буки, вѣди, глаголь, живѣте, земля! — съ наслажденіемъ выговаривалъ онъ.—Сейчасъ чувствуешь что-то живое, осмысленное,— какъ будто фізіономія есть своя у каждой отдѣльной буквы. И неправда это, будто по звуковой онѣ легче выучиваются. Задолбить, можетъ быть, скорѣй задолбятъ. Но никакого просвѣщенія отъ этого не прибавится. Все это однѣ выдумки! Никогда не повѣрю.

То же было и съ частыми напоминаніями о непреложности его авторскихъ и редакторскихъ корректуръ. И наконецъ онъ до того запугалъ меня этою «непреложностью», что я не рѣшилась даже исправить однажды уже несомнѣнную опіску его, и полемическая статья Федора Михайловича такъ и вышла съ ошибкой: «Кто виноватъ?» Чернышевскаго (вмѣсто «Что дѣлать?»). И это вызвало потомъ упреки автору въ незнаніи «даже заглавія» произведенія, по поводу котораго онъ полемизировалъ.

— Почему же вы не поправили, если знали?—укоризненно замѣтилъ мнѣ Федоръ Михайловичъ, когда я выразила ему мое сожалѣніе, что допустила эту ошибку.

— Я не смѣла исправить сама. Вы столько разъ говорили мнѣ, что «все должно оставаться такъ», какъ стоитъ у васъ въ корректурѣ. И я подумала, что вы могли и умышленно сдѣлать эту опіску...

Федоръ Михайловичъ подозрительно взглянулъ на меня и не промолвилъ ни слова. Можетъ быть, онъ изъ этого понялъ, что и самый духъ его «Дневника» остался мнѣ чуждъ и антипатиченъ. И онъ отчасти былъ правъ. У меня въ то время была уже самостоятельная работа,—я вела бытовую хронику въ «Искрѣ»,—моимъ руководителемъ въ этой работѣ былъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», Н. А. Демертъ, и когда я читала теперь въ корректурѣ статьи Достоевскаго, мнѣ зачастую вспоминались совсѣмъ другіе взгляды, другія мысли и настроенія. Съ «Гражданиномъ» меня связывала только необходимость въ заработкѣ,—по духу же я и сама еще не знала, къ какому принадлежу я «лагерю».

Мы искали тогда — и въ книгахъ, и въ людяхъ, вообще на чужбинѣ, внѣ насъ самихъ,—самаго лучшаго «лагеря» — не призрачнаго, не фальшиваго и не противнаго сердцу,—такого, гдѣ правда была бы не на словахъ, а на дѣлѣ, гдѣ справедливость царила бы всюду, всегда и для всѣхъ.

Но такого лагеря не существовало нигдѣ. Или мы не знали его.

III.

Какъ-то разъ — въ концѣ уже марта — мы работали поздно вдвоемъ съ Федоромъ Михайловичемъ. Онъ сидѣлъ, какъ всегда, въ углу за столомъ, а я — рядомъ съ нимъ, за бюро. Я свѣряла его поправки и, прочитывая отдѣльныя полосы, передавала ему на просмотръ и на подпись.

Его «Дневникъ» въ этомъ номерѣ былъ отчасти философскаго содержанія и особенно интересенъ былъ для меня потому, что въ немъ говорилось о выставкѣ картинъ новой русской школы, которую я только-что передъ тѣмъ ходила смотрѣть съ знакомыми-литераторами. Но Федоръ Михайловичъ, говоря о нѣкоторыхъ картинахъ, находилъ въ нихъ совсѣмъ не то, что находили эти знакомые мнѣ литераторы.

Они, напримѣръ, восхищались извѣстной картиной Ге — «Тайная вечеря» — за ея «реализмъ», за то, что изображаемое въ ней событіе носитъ характеръ такой обыкновенности, какъ будто дѣло происходитъ въ наши дни, въ Петербургѣ, гдѣ нибудь на Подъяческой, за ужиномъ въ складчину, тайкомъ отъ полиціи, въ кухмистерской Митрофанова; за то, что всѣ апостолы на картинѣ — какъ будто современные «соціалисты», Христосъ — по-нынѣшнему — «хорошій, добрый человекъ, съ экстагическимъ темпераментомъ», а Иуда — самый обыкновенный шпіонъ или agent-provocateur, получающій по таксѣ за каждый доносъ...

А Достоевскій говорилъ о той же картинѣ: «Гдѣ же тутъ восемнадцать вѣковъ христіанства? Гдѣ идея, вдохновлявшая столько

народовъ, столько умовъ и сердець? Гдѣ же Мессія, обѣтованный міру Спаситель,—гдѣ же Христосъ?!»...

Они говорили о дѣйствительности, какъ она есть... А Достоевскій говорилъ, что такой дѣйствительности «совсѣмъ и не существуетъ»... Они хвалили новую школу за то, что она «свободна отъ идеальничанья, отъ фальши, лганья»... А Достоевскій доказывалъ, что именно тутъ-то и кроется фальшь и самое жалкое рабство предъ «направленіемъ», такъ какъ сути вещей намъ знать не дано, и во всемъ, что мы ни изображаемъ, мы выражаемъ только самихъ себя и наши идеи о мірѣ вещей и явленій...

Все это были вопросы, надъ которыми съ особенной жадностью останавливались тогда мои мысли. Христосъ, христіанство—объ этомъ давно уже не говорили въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества,—по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ. Это напоминало реакцію, «Переписку» Гоголя, вообще «мистицизмъ», котораго страшились тогда, какъ «жупела»...

Достоевскій говорилъ и о нихъ, т.-е. о томъ кругѣ людей и понятій, въ которомъ жила я тогда, и который онъ опредѣлялъ съ язвительной складкой на губахъ—«либералами».

Статья была написана страстно,—онъ, впрочемъ, все писалъ страстно,—и эта горячая страстность невольно сообщалась и мнѣ. Я впервые тогда почувствовала на себѣ неотразимое обаяніе его личности. Голова моя кипѣла въ огнѣ его мыслей. И мысли эти казались мнѣ такъ понятны, онѣ такъ проникали меня насквозь, что, казалось, онѣ—мои собственныя. Было въ нихъ что-то и еще мнѣ особенно близкое: эти слова о Христѣ и Евангеліи напомнили мнѣ мою мать,—женщину пламенной вѣры, когда-то страдавшую за мое «невѣріе»... и я точно возвращалась теперь изъ Петербурга домой, и этотъ домъ мой были христіанскія мысли Ө. М. Достоевскаго.

И вдругъ, сама не знаю почему, меня неудержимо потянуло на него оглянуться. Но, повернувъ слегка голову, я невольно смутилась. Өддоръ Михайловичъ пристально, въ упоръ, смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто давно наблюдалъ за мною и ждалъ, чтобы я оглянулась...

И когда—далеко уже за полночь—я подошла къ нему, чтобы проститься, онъ тоже всталъ, и, крѣпко сжавъ мою руку, съ минуту пытливо всматривался въ меня, точно искалъ у меня на лицѣ впечатлѣній моихъ отъ прочитаннаго, точно спрашивалъ меня: что же я думаю? поняла ли я что нибудь?!

Но я стояла передъ нимъ, какъ нѣмая: такъ поразило меня въ эти минуты его собственное лицо! Да, вотъ оно, это настоящее лицо Достоевскаго, какимъ я его представляла себѣ, читая его романы!..

Какъ бы озаренное властной думой, оживленно-блѣдное и совсѣмъ молодое, съ проникновеннымъ взглядомъ глубокихъ поте-

мнѣвшихъ глазъ, съ выразительно-замкнутымъ очертаніемъ тонкихъ губъ,—оно дышало торжествомъ своей умственной силы, горделивымъ сознаниемъ своей власти... Это было не доброе и не злое лицо. Оно какъ-то въ одно время и привлекало къ себѣ, и отталкивало, запугивало и плѣняло... И я бессознательно, не отрываясь, смотрѣла на это лицо, какъ будто передо мной внезапно открылась «живая картина» съ загадочнымъ содержаніемъ, когда жадно торопишься уловить ея смыслъ, зная, что еще одинъ мигъ, и вся эта рѣдкая красота исчезнетъ, какъ вспыхнувшая зарница. Такого лица я больше никогда не видала у Достоевскаго. Но въ эти мгновенія лицо его больше сказало мнѣ о немъ, чѣмъ всѣ его статьи и романы. Это было лицо великаго человѣка, историческое лицо.

Я ощутила тогда всѣмъ моимъ существомъ, что это былъ человѣкъ необычайной духовной силы, неизмѣримой глубины и величія, дѣйствительно гений, которому не надо словъ, чтобы видѣть и знать. Онъ все угадывалъ и все понималъ какимъ-то особымъ чутьемъ. И эти догадки мои о немъ много разъ оправдавались впоследствии.

— Измучились вы сегодня!—съ нѣжной, точно родственной лаской заговорилъ онъ, провожая меня до дверей и помогая мнѣ надѣть верхнее платье.—Поѣзжайте скорѣе домой, выспитесь хорошенько,—Христосъ съ вами! Да возьмите непременно извозчика, не идите пѣшкомъ. Еще обидитъ васъ какойнибудь пьяный нахаль.

Онъ самъ заперъ за мной двери на ключъ, такъ какъ всѣ кругомъ уже спали, и я вышла на улицу въ какомъ-то экстазѣ. Извозчиковъ близко не было, да и хотѣлось пройтись послѣ десятичасового сидѣнія, согнувшись надъ корректурами. Я шла, всю дорогу вспоминая его лицо и тотъ новый, внезапно раскрывшійся предо мною, его внутренній обликъ... «Какой онъ умный! Какой онъ добрый! Какой необыкновенный онъ человѣкъ!—восторженно думала я:—и какъ они совсѣмъ не понимаютъ его!»

Я не чувствовала ни малѣйшаго утомленія и, придя домой въ три часа, сѣла записывать только-что пережитыя впечатлѣнія. Точно въ нихъ заключалось какое-то удивительное сокровище, которое надо было сберечь на всю жизнь. Но мнѣ казалось тогда, что эти впечатлѣнія современемъ выростутъ во что-то большое и важное, что будетъ нужно и мнѣ, и другимъ.

IV.

Мнѣ приходилось не разъ присутствовать при разговорахъ Достоевскаго съ заходившими въ типографію, чтобы видѣть его, писателями. Изъ нихъ помню Н. Н. Страхова, А. Н. Майкова, Т. И. Филиппова, А. У. Порѣдкаго и однажды—Погодина. Помню также

Всеволода Соловьева, «милаго и замѣчательнаго юношу», какъ называлъ его заочно Ѳедоръ Михайловичъ, пророча ему «блестящую будущность». На меня, впрочемъ, этотъ юноша произвелъ впечатлѣніе не «милаго», но скорѣе очень занятаго собой и своей «блестящею будущностью». Онъ держалъ себя чопорно, сидѣлъ, не снимая перчатокъ, говорилъ звонкимъ, высокопарнымъ голосомъ и смотрѣлъ все время куда-то вверхъ, улыбаясь восторженно-счастливой улыбкой, какъ будто думалъ при этомъ о всѣхъ присутствующихъ въ типографіи: «какіе они счастливые!—видятъ меня, и такъ близко!»...

Со всѣми, кто бы ни приходилъ при мнѣ къ Ѳедору Михайловичу, онъ всегда знакомилъ меня, прибавляя съ улыбкой: «нашъ корректоръ», но разговаривать со мною онъ началъ только послѣ той памятной ночи, когда мы впервые поздно работали съ нимъ вдвоемъ, и мнѣ впервые раскрылась духовная личность писателя.

Заговорилъ онъ со мною совершенно неожиданно и при самыхъ удручающихъ для меня обстоятельствахъ.

Это было въ слѣдующее затѣмъ утро, когда мы только что начинали новый номеръ, и Ѳедоръ Михайловичъ сидѣлъ въ типографіи, бесѣдуя съ Т. И. Филипповымъ о значеніи письма вселенскаго патріарха. Въ контору при нихъ зашелъ нѣкто NN. Впослѣдствіи мнѣ приходилось встрѣчать его имя въ печати. Онъ помѣстилъ даже—не помню гдѣ—свои воспоминанія о Достоевскомъ, но тогда это былъ просто юркій молодой человѣкъ, довольно смазливой наружности, очень незлобивый и... очень недалекій. Не знаю, зачѣмъ онъ, состоя въ кандидатахъ на судебную должность, посѣщалъ типографію Траншеля. Быть можетъ, бѣднякъ просто заходилъ туда отогрѣться или въ надеждѣ заполучить какой нибудь заработокъ. По крайней мѣрѣ, онъ часто жаловался тогда на свою нужду и однажды обратился ко мнѣ, умоляя «спасти его отъ голодной смерти»—просмотрѣть написанный имъ рассказъ и попросить Г. К. Градовскаго напечатать его въ «Гражданинѣ». Рассказъ этотъ былъ помѣщенъ тогда же «въ видѣ субсидіи человѣку съ высшимъ образованіемъ», какъ отвѣтилъ мнѣ тогдашній редакторъ журнала. Съ тѣхъ поръ этотъ NN возымѣлъ обыкновеніе—чуть не ежедневно—по дорогѣ въ Окружный судъ заходить къ Траншелю, и непременно со связкой соленыхъ сушекъ изъ булочной Филиппова, которыя тутъ же при насъ и съѣдалъ въ видѣ завтрака, болтая съ корректоромъ и со мною.

Корректора въ этотъ день не было—«запилъ»—и NN съ мѣшкомъ сушекъ и съ обычной своей болтовней подсѣлъ ко мнѣ. Напрасно показывала я ему глазами на Достоевскаго и Филиппова, которымъ болтовня его очевидно мѣшала разговаривать, такъ какъ Ѳедоръ Михайловичъ поминутно оглядывался на насъ, а Филипповъ иронически улыбался,—ничто не помогало.

— Кто это рядомъ съ вами?—быстро зашепталъ вдругъ NN.— Скажите, пожалуйста, кто?—не отставалъ онъ, не обращая никакого вниманія на всѣ мои мины и пантомимы.

Я оторвала чистый клочокъ отъ корректурнаго листа и написала ему: Достоевскій.

Онъ вытаращилъ глаза.

— Да-а?! Не можетъ этого быть!..

И прежде чѣмъ я успѣла перевести духъ, онъ, набросивъ рiнсе-пез, уже подлетѣлъ прямо къ Ѳедору Михайловичу.

— Мсьё Достоевскій?—развязно проговорилъ онъ, заглядывая ему въ лицо.

Ѳедоръ Михайловичъ всталъ съ вопросительнымъ недоумѣниемъ и торопливо застегивая свой длинный черный англійскій сюртъ.

— Достоевскій!—поправилъ его Ѳедоръ Михайловичъ.—Къ вашимъ услугамъ. Чтò прикажете?

— Очень пріятно познакомиться! Я—NN.—И онъ такъ же развязно, сіяя добродушнымъ самодовольствіемъ, первый протянулъ руку. Ѳедоръ Михайловичъ молча подалъ ему свою—и тѣмъ кончилось дѣло.

Я не знала, куда дѣваться отъ стыда—такъ это вышло неумѣстно, нелѣпо, смѣшно. Одна мысль, что меня могутъ заподозрѣть въ близкомъ знакомствѣ съ этимъ развязнымъ господиномъ, доводила меня до отчаянія. Этотъ NN вообще былъ для меня какимъ-то кошмаромъ. Онъ же торчалъ тутъ подлѣ меня, когда Писемскій диктовалъ мнѣ вставки въ корректуру своей комедіи «Подкопы», и въ благодарность за этотъ трудъ, на прощанье пожелалъ мнѣ съ улыбкой «хорошаго женишка»... Теперь опять улыбается Филипповъ и хмурится Ѳедоръ Михайловичъ... И все изъ-за этого глупаго, безтактнаго болтуна! Мнѣ думалось тогда,—да и теперь то же думается,—что въ присутствіи такого писателя, какъ Достоевскій, не только нельзя было говорить пустяковъ или пошлостей, но даже думать о чемънибудь вздорномъ было стыдно, грѣшно; а NN, торопливо глотая сушку за сушкой, какъ ни въ чемъ не бывало, бормоталъ мнѣ съ умильными взглядами:

— Чтò это, какая вы нынче сердитая? И разговаривать не хотите. Дѣлать нечего, я уйду... Ухъ, какія у васъ сегодня руки горячія! Чтò это у васъ, лихорадка, должно быть?..

Терпѣніе мое истощилось, и я со злостью и заикаясь почти прокричала ему:

— Оставьте меня въ покоѣ, пожалуйста! Развѣ вы не видите, что вы мнѣ работать мѣшаете?!

NN благополучно исчезъ.

— Какой красивый молодой человѣкъ!—не безъ коварства пустилъ ему вслѣдъ Филипповъ.

— Пренахальненькій человѣчекъ!—замѣтилъ Ѳедоръ Михайловичъ, какъ бы въ подтвержденіе моему восклицанію.

И когда Филипповъ ушелъ, и мы остались вдвоемъ въ ожиданіи корректуры, Ѳедоръ Михайловичъ всталъ и, пододвинувъ свой стулъ къ бюро, за которымъ я работала, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, скажите мнѣ, что вы здѣсь дѣлаете? Знаете вы, зачѣмъ вы живете?

Въ первую минуту я растерялась отъ неожиданности, но, кое-какъ овладѣвъ собой, я отвѣчала, что пріѣхала въ Петербургъ учиться.

— Чему же вы здѣсь хотите учиться? И гдѣ?..

— Хочу высшаго образованія... А учусь съ помощью книгъ. Я хожу въ Публичную бібліотеку.

— Но зачѣмъ вамъ это высшее образованіе? Думали вы объ этомъ?

И въ голосѣ, и въ лицѣ у него было при этомъ что-то язвительное: онъ не только какъ будто допрашивалъ, но и судилъ, обличалъ...

Я молчала. Сказать ему, что высшее образованіе даетъ высшее счастье — онъ скажетъ: «а думали вы, что такое счастье?» Я думала, но не сумѣла бы отвѣтить, и всѣ отвѣты казались мнѣ теперь непроходимо глупыми, особенно послѣ этого глупаго приключенія съ NN. Но въ концѣ концовъ я все-таки отвѣтила и даже сказала самую сокровенную мою мысль.

— Я хочу писать... заниматься литературой, — робко пролепетала я. И къ удивленію—Ѳедоръ Михайловичъ не засмѣялся.

— Вы хотите писать? Во-отъ что! — протянулъ онъ.—О чемъ же вы хотите писать? То-есть, что именно: романъ, повѣсть или статью какуюнибудь?

— Я люблю психологическое... внутреннюю жизнь,—бормотала я, боясь взглянуть на него и чувствуя себя совершенною идиоткой.

— А вы думаете, это легко: изображать внутреннюю жизнь?

— Нѣтъ, я не думаю, что это легко. Я потому и учусь... и готовлюсь.

— Писательницъ во всемъ мірѣ только одна, достойная этого имени!—значительно продолжалъ онъ:—это Жоржъ Зандъ! Можете ли вы сдѣлаться чѣмънибудь въ родѣ Жоржъ Зандъ?

Я застыла въ отчаяніи. Онъ отнималъ у меня всякую надежду на будущность... И не помня себя, точно во снѣ, я бессмысленно повторяла ему:

— Я хочу писать!.. Я чувствую потребность... Я только этимъ живу!

— Вы только этимъ живете?—серьезно переспросилъ онъ.—Ну, если такъ, что-жъ, и пишите. И запомните мой завѣтъ: никогда

не выдумывайте ни фабулы, ни интригъ. Берите то, что даетъ сама жизнь. Жизнь куда богаче всѣхъ нашихъ выдумокъ! Никакое воображеніе не придумаетъ вамъ того, что даетъ иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь. Уважайте жизнь!

V.

Федоръ Михайловичъ не разъ потомъ возвращался къ той же темѣ. Онъ то указывалъ мнѣ, какъ не надо писать эссенціями,— какъ пишутъ современные писатели-народники,—то предлагалъ мнѣ сюжеты для повѣсти или романа.

— Никогда народъ не говоритъ такъ эссенціями. Народъ говоритъ такимъ же языкомъ, какъ и мы. И, можетъ быть, на дюжину словъ скажетъ одно забористое. А у нихъ сплошь вся рѣчь такими словами усѣяна. И выходитъ фальшиво, ни на что не похоже.

— Хотите, я вамъ дамъ чудесный сюжетъ?—съ увлеченіемъ говорилъ онъ.—Я сейчасъ встрѣтилъ одну мою старую знакомую,—дѣвицу лѣтъ тридцати,—и просто не узналъ ея: помолодѣла, цвѣтетъ и такъ вся и сіяетъ. «Я, говоритъ, замужъ на-дняхъ выхожу!» Вотъ вамъ богатый сюжетъ. Займитесь психологіей старой дѣвушки — изъ бѣдныхъ гувернантокъ... Вѣчная зависимость отъ другихъ, постороннихъ, вѣчная забота о кускѣ хлѣба,—и вдругъ такое счастье: свой собственный уголь, свое хозяйство, свои дѣти... полная свобода... Словомъ, совершенно новая жизнь!

Но меня совсѣмъ не манилъ такой сюжетъ, и мнѣ хотѣлось писать по своимъ собственнымъ сюжетамъ. Да и самъ Федоръ Михайловичъ высказывалъ потомъ иные взгляды на эту якобы «полную свободу».

— Бракъ для женщины всегда рабство, — говорилъ онъ мнѣ однажды.—Если она «отдалась»,—поневоля она ужъ раба. Самый тотъ фактъ, что она отдалась,—уже рабство, и она въ зависимости навсегда отъ мужчины.

— Будьте историкомъ!—совѣтовалъ онъ въ другой разъ.—Ни одной еще женщины не было. Сколько славы!

— Хотите вы быть истинно образованной женщиной?—спросилъ онъ меня однажды, какъ всегда внезапно (мы читали съ нимъ въ это время корректуру статьи Н. Н. Страхова о «Философіи исторіи» Целлера).

— Конечно, хочу!

— Идите въ Публичную Библіотеку, спросите себѣ «Отечественныя Записки» 1840—1845 гг. Тамъ вы найдете рядъ статей по исторіи наблюденій надъ природой. Это—Герцена. Хотя онъ потомъ, когда сталъ матеріалистомъ, отказался отъ этой книги, но это — лучшая его вещь. Лучшая философія не только въ Россіи,—въ Европѣ. Сдѣлайте, какъ я вамъ говорю—вы будете мнѣ потомъ благодарны.

Я сдѣлала, какъ онъ меня научилъ, и, конечно, была ему благодарна.

Съ тѣхъ поръ—я не могла не замѣтить—Федоръ Михайловичъ видимо занялся моимъ «просвѣщеніемъ».

— Подождите,—говорилъ онъ,—вотъ настанетъ опять зима, я познакомлю васъ съ моими друзьями литераторами, и мы будемъ устраивать литературные, поэтическіе вечера...

Онъ хотѣлъ теперь знать, что я читаю, съ кѣмъ выдаюсь, какого держусь «направленія».

— Что это вы все носитесь съ «либералами»?—съ ироніей указывалъ онъ на книжку «Отечественныхъ Записокъ», только-что взятую мной по дорогѣ изъ библіотеки.—Читайте лучше Погодина, Карамзина, Соловьева...

— Все начинаете себя чужими мыслями!—ядовито восклицалъ онъ опять, заглядывая въ книгу, которую я читала.—Ну, что тутъ хорошаго—жевать эту жвачку, хотя бы разлиберальную?! Возьмитесь-ка лучше за математику, да и прите годика три! Думать повсосу станете,—увѣряю васъ.

Ничто не проходило для него безслѣднымъ и незамѣченнымъ—разъ обратилъ онъ на васъ вниманіе. И по временамъ мнѣ казалось, что я нахожусь какъ бы подъ непрестаннымъ надзоромъ его художнической проницательности. И не скажу, что бы это было всегда пріятно... Художникъ-наблюдатель смахивалъ иногда на духовника-инквизитора.

Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось тогда.

Даже костюмъ мой подвергался его строгому обзору и осужденію. Такъ, я помню, какъ онъ, насмѣшливо вертя въ рукахъ мою лаковую «Wienerhut», допрашивалъ меня, «какое направленіе доказываютъ эти шляпы современныхъ дѣвицъ».

— Что это, знамя, что ли, у васъ? Или пароль?

Шолковый дождевой зонтикъ мой казался ему непростительнымъ щегольствомъ и подозрительнымъ образомъ и мыслей, и жизни.

— Шолковый, настоящій!—съ упрекомъ восклицалъ онъ.—Откуда вы деньги берете? Я всю жизнь мечтаю о такомъ зонтикѣ,—и все купить никакъ не могу. А вы щеголяете, точно у васъ ренты какія! Развѣ есть у васъ ренты?—Онъ пристально, строго смотрѣлъ на меня, выжидая отвѣта.

— Нѣтъ, Федоръ Михайловичъ, никакихъ рентъ у меня нѣтъ. Но что же мнѣ дѣлать, если я люблю изящное?.. Я лучше нѣсколько дней обѣдать не буду, а ужъ бумажнаго зонтика не куплю.

— А я вотъ купилъ. Тяжелый онъ, правда... Вамъ, пожалуй, его и не снести,—уже смягчаясь, снисходительно прибавлялъ онъ.

Разъ, помню, я опоздала.

Н. А. Демертъ, Н. С. Курочкинъ и Г. И. Успенскій взяли меня съ собой смотрѣть встрѣчу персидскаго шаха изъ оконъ редакціи «Петербургскаго Листка» (на Казанской площади). Всѣмъ намъ было удивительно весело. Писатели острили и надъ шахомъ, и надъ встрѣчей, и надъ самими собой. Редакторъ «Листка», Соколовъ, ребячился, какъ маленькій: сдѣлалъ изъ бумаги огромнѣйшее знамя,—въ родѣ змѣя, котораго запускаютъ уличные мальчишки,—и, разрисовавъ его персидскими львами и солнцами, вылъзъ на крышу и все время махалъ тамъ безъ усталы, распѣвая персидскій маршъ и «Боже, Царя храни». Въ результатъ я попала въ контору въ четыре съ половиной—вмѣсто трехъ, какъ назначилъ мнѣ Федоръ Михайловичъ. Вхожу и вижу—Федоръ Михайловичъ сидитъ на моемъ мѣстѣ и читаетъ за меня первыя корректуры.

Я начала извиняться. Онъ не далъ мнѣ договорить до конца.

— Пари держу, что смотрѣли, какъ шаха встрѣчаютъ! То-есть, голову даю на отсѣченіе... Признавайтесь!

— Грѣшна, Федоръ Михайловичъ,—смотрѣла, какъ встрѣчаютъ!..

— Ну, я такъ и зналъ! Я былъ увѣренъ, что и вы сейчасъ побѣжали туда!.. Ну, и какъ вамъ не стыдно? Чего тамъ смотрѣть?.. Развѣ можно интересоваться подобными пошлостями? Стыдитесь! А еще хотите Жоржъ-Зандомъ сдѣлаться! Никогда вы не сдѣлаетесь Жоржъ-Зандомъ!

Федоръ Михайловичъ отлично зналъ, что я не хотѣла «сдѣлаться Жоржъ-Зандомъ», но это была его манера казнить меня.

VI.

Преслѣдуя меня всякаго рода допросами, Федоръ Михайловичъ самъ не любилъ никакихъ о себѣ вопросовъ.

Однажды онъ описывалъ мнѣ то удивительное состояніе, которое онъ испытываетъ всегда передъ наступленіемъ падучей, а я—наивно до глупости, хоть и съ сочувствіемъ перебила его:

— У васъ падучая? Неужели? Отчего это?..

— Ну, объ этомъ я не стану теперь разговаривать,—это со всѣмъ ужъ другой вопросъ!—раздражительно оборвалъ онъ, и, помолчавъ, прибавилъ съ укоромъ:

— Ничего-то вы не понимаете, какъ я вижу! А еще писателемъ быть хотите!

И такъ и не рассказалъ мнѣ всего, что хотѣлъ рассказать. Я хорошо запомнила этотъ урокъ, и съ тѣхъ поръ никогда уже ни о чемъ его не спрашивала.

Такъ же, какъ «писательствомъ», долго язвилъ онъ меня моимъ мнимо-польскимъ происхожденіемъ. И это только потому, что, про-

живъ въ ранней юности нѣсколько лѣтъ въ нашемъ Западномъ краѣ, я съ увлеченіемъ описывала ему однажды живописныя окрестности литовскаго города и красоты поэмъ Мицкевича.

— А все-таки,—перебилъ онъ меня,—вашъ хваленый Мицкевичъ воспѣвалъ Валленрода, то-есть измѣнника и лгуна. А истинный поэтъ не долженъ никогда воспѣвать ни измѣнниковъ, ни лгуновъ. Ни-ко-гда!—съ желчной страстью повторилъ онъ, прищуривая глаза и язвительно кривя губы.

И съ тѣхъ поръ мнѣ не разъ приходилось выслушивать отъ него:

— Да вѣдь вы не можете этого понимать! Вы вѣдь не настоящая русская... Вы—полька!

Разъ онъ указывалъ мнѣ какой-то мой недосмотръ въ корректурѣ и уронилъ на полъ листокъ рукописи, который я ему подняла.

— Ахъ, матушка, извините, пожалуйста!—вскричалъ онъ, и сейчасъ же оговорился:

— Что это я, однако, «матушкой» васъ назвалъ, когда самъ гожусь вамъ въ отцы!

— Что же тутъ дурного, Федоръ Михайловичъ! Это любимое наше народное слово.

— Да вѣдь вы не можете понимать истиннаго значенія этого народнаго слова. Вы вѣдь не настоящая русская...

И такъ было всегда и во всемъ. Ничего въ половину. Или предайся во всемъ его Богу, вѣруй съ нимъ одинаково, іота въ іоту, или—враги и чужіе! И тогда сейчасъ уже злобные огоньки въ глазахъ и ядовитая горечь улыбки, и раздражительный голосъ, и насмѣшливыя, ледяныя слова...

Не разъ онъ ворчалъ на меня за мою—тоже мнимую—«лѣность» и «нерадивость» только потому, что я не помнила иногда содержанія статьи, помѣщенной въ только-что вышедшемъ номерѣ и вообще не выказывала интереса къ тому, что печаталось въ журналѣ, который онъ редактировалъ. Но больше всего донималъ меня Федоръ Михайловичъ за недосмотры мои въ статьяхъ, подписанныхъ таинственными инициалами «ZZ», принадлежавшихъ перу высокопоставленнаго законовѣда-администратора. И тутъ, я помню, однажды я рѣшилась замѣтить ему:

— Какъ же это вы такой психологъ,—и не хотите понять, что именно потому я и пропускаю ошибки въ этихъ статьяхъ, что смертельно боюсь чтонибудь пропустить. Помните, какъ вашъ князь Мышкинъ боялся вазу разбить—и разбилъ. Да и сами вы недавно рассказывали, какъ передъ сномъ вы боялись, что коробка со спичками вспыхнетъ ночью на столикѣ, и какъ она потомъ дѣйствительно вспыхнула... Ну, вотъ то же самое теперь и со мною. Тутъ, должно быть, какой-то законъ психологіи...

Федоръ Михайловичъ снисходительно улыбался.

— Вотъ оно что! Законъ психологіи! А я и не зналъ! Впервые слышу. Это прелюбопытно однакожь. Значить, самъ же я виновать. Ну, хорошо, хорошо. Больше не буду.

И онъ, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ никогда не дѣлалъ мнѣ замѣчаній за мои корректорскіе недосмотры, хотя число ихъ отъ этого едва ли значительно сократилось. (Увы! тутъ, кромѣ «психологіи», было слишкомъ много другихъ причинъ, и изъ нихъ самыя главныя—торопливость журнальной работы, недостатокъ отдѣльнаго помѣщенія, необходимость работать безъ перерыва и по ночамъ). Только разъ, въ концѣ года, когда снова печаталась статья «Z»,—Федоръ Михайловичъ не стерпѣлъ и надписалъ на верху корректураго оттиска:

«Многоуважаемая Варвара Тимофеевна (вмѣсто: Васильевна).

«Особенно прошу васъ поправить ¹⁾ эту статью, сообразно съ моими поправками. Какъ только дѣло касается этого автора, такъ тотчасъ у васъ неразобранныя слова, выкидки цѣлыхъ фразъ, или повторенія двухъ фразъ сряду, и проч. Вы мнѣ сдѣлаете особое удовольствіе, если исполните мою просьбу.

«Вашъ Достоевскій».

Случилось такъ, что эту корректуру я отправляла ему на домъ сама, такъ какъ новый факторъ Траншеля, нѣмецъ, не умѣлъ правильно надписать его адресъ, и попросилъ это сдѣлать меня. Но, взявъ перо, я невольно остановилась: какъ же мнѣ ему написать,—неужели, какъ всеѣмъ:—Его Высокоблагородію, Высокородію и пр.? Мнѣ показалось это рѣшительно невозможнымъ, и я надписала на конвертѣ, какъ пришло тутъ же въ голову:

«Федору Михайловичу Достоевскому, знаменитому русскому писателю, съ дѣтства любимому, дорогому и незабвенному».

— Уже запечатавъ снова пакетъ, замѣтилъ я эту надпись,—разсказывалъ мнѣ потомъ Федоръ Михайловичъ.—И сейчасъ же подумалъ: что же это я дѣлаю? На милыя такія слова отвѣчаю вдругъ грубостью, брюзжу, какъ старая баба, пишу бранныя замѣчанія! Распечаталъ типографскій пакетъ и спряталъ его себѣ на память. А корректуру съ замѣчаніемъ положилъ въ новый конвертъ и отослалъ въ типографію. Дескать, милыя слова, пусть останутся милыми словами, а дѣло дѣломъ.

Но все эти «бранныя» замѣчанія, упреки и выговоры напоминали скорѣе журьбу отца, учителя или старшаго возрастомъ друга. Начальнически-редакторскаго тона я отъ него никогда не слыхала.

¹⁾ Т.-е. наблести, чтобы вѣрно исправить наборщикъ.

VII.

Съ началомъ лѣта, съ отъѣздомъ семьи въ Старую Руссу, Фѣдоръ Михайловичъ сталъ чаще ходить въ редакцію,—въ квартиру князя М., на Николаевской, и мы теперь часто встрѣчались на Невскомъ. (Фѣдоръ Михайловичъ жилъ тогда, кажется, въ Гусевомъ переулкѣ, а я—въ Гончарной). И вотъ однажды, встрѣтившись такимъ образомъ, онъ сталъ мнѣ жаловаться на «скуку редакторства» и на полное свое одиночество. И лицо у него при этомъ было такое унылое и болѣзненно-удрученное, что мнѣ невольно захотѣлось его развлечь.

— А вы ходите чаще къ намъ въ типографію. Мы будемъ васъ занимать!—простодушно, чисто по-женски предложила я.

Фѣдоръ Михайловичъ улыбнулся дѣтски-добродушной улыбкой.

— То-есть, кто же это мы? Это вы съ Траншелемъ и этотъ—какъ его?—«запивающій» корректоръ?

— И я, и корректоръ—всѣ мы!

— Да вѣдь вотъ я теперь туда иду, а вы оттуда уходите. Какъ же вы будете меня занимать? Я встаю поздно,—я работаю всегда по ночамъ,—и раньше двухъ рѣдко выхожу изъ дому. Вотъ если бы вы тамъ оставались, ну, хоть до трехъ,—тогда дѣло другое.

Я обѣщала ему никогда не уходить раньше трехъ и перемѣнить часъ обѣда и занятій моихъ въ Публичной библіотекѣ.

Съ тѣхъ поръ Фѣдоръ Михайловичъ началъ ходить въ типографію ежедневно, а иногда приходилъ и утромъ, и вечеромъ. И такъ какъ отъ 12-ти съ половиной до трехъ типографія замирала—всѣ расходились, кто завтракать, кто обѣдать—на мою долю выпадала вся честь и радость дѣлать съ Фѣдоромъ Михайловичемъ его скуку и одиночество.

Мы размѣщались обыкновенно теперь такимъ образомъ. Я уступала ему мое мѣсто за конторкой, замѣнившей бюро, а сама пересаживалась съ корректурой къ окну,—и намъ такъ очень удобно было переговариваться, ему меня спрашивать, а мнѣ—отвѣчать...

Работы, въ сущности, было не много, но она распредѣлялась такъ неравномѣрно и такъ зависѣла отъ настроеній редактора и издателя, что никогда нельзя было знать заранее, свободна я или нѣтъ. Иногда мнѣ случалось раза два въ день заходить въ типографію, чтобы услышать отъ метранпажа:

— Ничего еще нѣтъ. Жду отъ князя статью, а онъ гдѣ-то теперь на обѣдѣ... Всю ночь придется работать.

И я приходила въ третій разъ, и работала цѣлую ночь.

Такимъ образомъ времени пропадало много. Я всегда поэтому запасалась книгами и читала ихъ тамъ въ свободные промежутки.

И вотъ разъ Федоръ Михайловичъ засталъ меня за чтеніемъ Торквато Тассо, Гете, котораго я тогда изучала. Мелькомъ взглянуть на страницы, онъ прочелъ наизусть весь монологъ Торквато, особенно подчеркивая нѣкоторыя слова. Читалъ онъ нараспѣвъ и возвышенной декламаціей:

... «Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бь могъ
я унижаться, гдѣ спокойно
«Я могъ бы оскорбленіе снести!»...

— А этотъ Антоніо, — съ презрительнымъ выраженіемъ губъ вставилъ Федоръ Михайловичъ, — Антоніо тутъ ничего и не понялъ!

«Его порывъ поэзіи увлекъ»!...

Эти статсъ-секретари всегда такъ думаютъ, — что поэзія это такъ, одинъ только порывъ, и ничего болѣе. Вѣдь Гёте въ душѣ самъ былъ такой статсъ-секретарь, въ родѣ Антоніо. И конечно, Тассо, какъ поэтъ, гораздо выше Гёте, хотъ Гёте и относится къ нему высоко...

«Пока не требуетъ поэта
«Къ священной жертвѣ Аполлонъ»...

— съ тихимъ паэосомъ, медленно началъ онъ глухимъ низкимъ голосомъ; но когда дошелъ до стиха:

«Но лишь божественный глаголь
«До слуха чуткаго коснется», —

голосъ его полился уже напряженно-грудными высокими звуками, и онъ все время плавно поводилъ рукою по воздуху, точно рисуя и мнѣ, и себѣ эти волны поэзіи.

Въ типографіи Федоръ Михайловичъ теперь не только читалъ корректуру, но и просматривалъ и исправлялъ весь свой редакціонный матеріалъ, и тутъ же писалъ свои «Дневники». Иногда онъ предварительно рассказывалъ мнѣ ихъ содержаніе, какъ бы провѣряя на мнѣ будущія впечатлѣнія «въ публикѣ». Иногда громко читалъ какую нибудь отдѣльную фразу, не дававшуюся ему, и требовалъ, чтобы я немедленно подсказала нужное ему слово.

— Ну, скорѣй! Говорите скорѣе, какое тутъ надо слово! — И онъ нетерпѣливо при этомъ топалъ ногой, торопя меня еще болѣе.

Иногда мнѣ удавалось удачно подсказывать, — и тогда онъ улыбался, одобрительно кивая мнѣ головой. А если я слишкомъ медлила или подсказывала вовсе не то, что ему было нужно, Федоръ Михайловичъ такъ же нетерпѣливо просилъ меня — «не мѣшать».

Когда онъ писалъ разговоры, онъ всегда, прежде чѣмъ написать, нѣсколько разъ повторялъ ихъ шопотомъ или вслухъ, дѣлая при этомъ соотвѣтствующіе жесты, какъ будто видѣлъ передъ собой изображаемое лицо.

Разъ, читая въ корректурѣ какой-то рассказъ или повѣсть (кажется, авторъ была Крапивина), гдѣ описывалось, какъ въ одной бѣдной семьѣ, въ ложной надеждѣ на выигрышъ банковаго билета, устроили цѣлый банкетъ, и подробно изображались всѣ приготовления къ чаю,—Федоръ Михайловичъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Такъ это у нея хорошо тутъ описано, какъ они собираются чай пить, что мнѣ даже самому захотѣлось. Просто слюнки текутъ!..

А читая письмо Кохановской о голодѣ въ Малороссіи, Федоръ Михайловичъ говорилъ съ добродушной усмѣшкой:

— Наивно это немножко. Но ничего. Зато паёосу много. И паёосъ у этой почтенной старушки не чета нынѣшнему: настоящей, не выдуманный. Теперь это—большая рѣдкость. И это непременно произведетъ впечатлѣніе. А если произведетъ впечатлѣніе—значитъ, и поможетъ голодному-то народу.

VIII.

Одинъ разговоръ особенно памятенъ мнѣ. Было это въ самомъ началѣ юня, когда, благодаря заботливости Федора Михайловича, мы гораздо раньше кончали работу, и въ этотъ разъ кончали ее вдвоемъ съ метранпажемъ: Федоръ Михайловичъ гостилъ у семьи.

Траншель тоже уѣхалъ на дачу, и въ конторѣ по этому случаю распивали пиво и ѣли колбасу Негг Крейтенбергъ съ своей Амаліей и другими пріятелями, а меня перемѣстили по этому случаю въ литографскую, поближе къ наборной. Туда и зашелъ на минуту ко мнѣ Н. А. Демертъ—съ приглашеніемъ ѣхать съ ними въ большой компаніи на тоню, встрѣчать восходъ солнца. Сборный пунктъ былъ назначенъ всѣмъ на Фонтанкѣ, у Г. И. Успенскаго, и меня обѣщали ждать до одиннадцати.

Вечеръ былъ чудный, теплый и ясный, небо безоблачное, и я была внѣ себя отъ восторга и благодарности, но затѣмъ—ужъ не знаю, какъ это вышло,—послѣ взаимно пріятныхъ, дружескихъ словъ разговоръ нашъ принялъ вдругъ характеръ какой-то словесной дуэли. Вѣроятно, я отозвалась съ сочувственнымъ увлеченіемъ о «Дневникѣ» Достоевскаго, а Демертъ почему-то принялъ это за личное оскорбленіе не только себѣ, но и тому журналу, въ которомъ писалъ, въ составѣ его постоянныхъ и непостоянныхъ сотрудниковъ. Мое сочувствіе извѣстнымъ идеямъ и настроеніямъ Достоевскаго принято было Демертомъ, какъ измѣна съ моей сто-

роны ихъ взглядамъ и ихъ направленію. Такое ужъ было время тогда! Всѣ дѣлились на овецъ и козловъ, всѣ казались взаимно «опасными», «подозрительными»... А съ моей стороны подозрительнымъ являлось одно уже то, что я читала — хотя бы только въ корректурѣ—журналъ не ихъ направленія...

Сначала я пробовала отшучиваться, смѣяться. Но что дальше, то было хуже. Демертъ начиналъ уже мрачно смотрѣть исподлобья куда-то въ пространство и говорить мнѣ ядовитыя колкости...

— Да вѣдь это собственно что же? — угрюмымъ басомъ говорилъ онъ, одной рукой теребя свою бороду, а другой тыча въ мою корректуру:—вѣдь это для васъ тутъ можетъ казаться какой-то диковиной, что онъ тутъ пишетъ... А для меня тутъ рѣшительно ничего новаго нѣтъ. На такихъ Федюшъ изъ Тетюшъ я на моемъ вѣку, слава Богу, предостаточно наглядѣлся... Да, я думаю, въ Чухломѣ, въ любомъ медвѣжьемъ углу, такіе Федюши и по сію пору не вывелись. Крестами побрякиваютъ, на церкви молятся, лбомъ о земь стучаютъ, бормочутъ: «Исусе, Исусе!» Известно, что бабы, а преимущественно старыя дѣвки—куда какъ любятъ такихъ. Въ догонку, видаль я, за ними бѣгають... «Христосикъ! Юродивый! На копеечку! На копеечку!»...

Онъ представлялъ это въ лицахъ, и говорилъ уже не басомъ, а истерическимъ бабьимъ визгомъ.

Я пыталась остановить его:

— О чемъ это вы, Николай Александровичъ? Я — о статьяхъ Достоевскаго, а вы о какихъ-то юродивыхъ! Что же это за разговоръ въ самомъ дѣлѣ!...

— Да и я вѣдь о томъ же! И я о статьяхъ Достоевскаго!..— Онъ захохоталъ.

Меня это возмутило. Только тутъ я впервые почувствовала «тиски» направленія; только тутъ вполне поняла, почему Достоевскій язвительно кривитъ губы, когда произноситъ слова: «они», «либералы»...

— Ахъ, такъ по-вашему онъ—юродивый!—говорила я.—Ну, а по моему это глубочайшій талантъ! Все тутъ у него сущая правда. И какъ горячо!.. И вы не хотите этого признать только потому, что это не въ вашемъ журналѣ!..

— Да ужъ чего горячѣе Аскоченскаго!—не слушая меня, говорилъ въ то же время Демертъ.—Прямо въ бѣлой горячкѣ изъ сумасшедшаго дома! А вѣдь говорятъ, будто тоже «талантъ»!..

Неизвестно, чѣмъ бы кончился тогда этотъ нелѣпый діалогъ, но въ эту минуту мнѣ подали новую корректуру, и Демертъ ушелъ, чтобы не мѣшать.

Когда онъ распахнулъ дверь въ контору,—я на минуту остолбенѣла: въ конторѣ, подлѣ самыхъ дверей, сидѣлъ только одинъ Достоевскій.

Крейтенбергъ съ своими гостями удалился куда-то въ другое мѣсто, въ комнаты Траншеля. Ѳедоръ Михайловичъ сидѣлъ, наклонившись къ столу, и перелистывалъ какую-то рукопись. На конторкѣ лежалъ его мягкій кожаный портсигаръ и листки почтовой бумаги съ начатой статьей. Очевидно, онъ давно уже былъ тутъ и сидѣлъ подлѣ насъ. «И непремѣнно все слышалъ!» — съ волненіемъ думала я.

Но когда я подошла къ нему, онъ поздоровался со мной, какъ всегда, и я узнала, что онъ сейчасъ вернулся изъ Старой Руссы. Онъ замѣтно отдохнулъ и поправился. Лицо у него въ тотъ вечеръ было такое кроткое, ясное и спокойное, какого я еще никогда у него не видала. — «Ничего не слышалъ!» — говорила я себѣ съ облегченіемъ.

— Куда же это вы такъ спѣшите? — остановилъ онъ меня, когда, окончивъ работу, я взялась за шляпу. — Вѣдь еще рано, десяти еще нѣтъ. Посидите со мной, пока нѣтъ корректуры.

Какъ ни прельщала меня прогулка по взморью, сознаніе, что Ѳедоръ Михайловичъ желаетъ моего общества, было слишкомъ могущественно. Я послушно сѣла опять на прежнее мѣсто къ окну, впервые не чувствуя ни робости, ни смущенья въ его присутствіи.

Онъ пересѣлъ поближе ко мнѣ, за конторку, и нѣсколько минутъ молча курилъ и, казалось, о чемъ-то думалъ.

У меня опять тревожно забилось сердце при мысли, что онъ слышалъ мой разговоръ съ Демертомъ. «Хорошо, если слышалъ мою защиту, — думала я, — а если онъ слышалъ одну только брань?!»

— Ну, куда же вы теперь? — заговорилъ Ѳедоръ Михайловичъ. — День работали, а вечеромъ... Что вы дѣлаете по вечерамъ?

— Живу!...

— А что значитъ по-вашему это «живу»? Есть у васъ какіянибудь опредѣленныя идеи? Есть у васъ какойнибудь идеалъ или цѣль жизни? Или такъ и живете... «безъ тоски, безъ думы роковой»?

— Нѣтъ, и съ думой, и съ тоской, и съ идеаломъ — живу! — съ увлеченіемъ проговорила я, разгоряченная моимъ споромъ.

— И съ идеаломъ? — оживленно переспросилъ Ѳедоръ Михайловичъ. — Съ какимъ же, на примѣръ, идеаломъ? Ну, расскажите же мнѣ!

И потому ли, что я все еще была подъ впечатлѣніемъ «идейнаго» спора съ Демертомъ, и на душѣ у меня накопѣло, или голось его, тихій и ласковый, подѣйствовалъ на меня, — я, не смущаясь, отвѣтила ему горячимъ и смѣлымъ признаніемъ. Я говорила ему о моихъ мечтахъ и надеждахъ, объ усиліяхъ создать самостоятельно любимую дѣятельность, добиться завѣтной цѣли, — и о томъ, что женщины это особенно трудно...

И, вѣроятно, онъ повѣрилъ моимъ словамъ, потому что слушалъ все время не прерывая, и въ свою очередь поразилъ меня неожиданнымъ признаніемъ:

— А знаете, какой я вамъ сейчасъ скажу комплиментъ? Ужъ навѣрное вы такого ни отъ кого не слыхали.—И помолчавъ онъ прибавилъ:—Вы мнѣ чрезвычайно напоминаете мою первую жену. Я вѣдь женатъ вторично, и отъ второй жены у меня уже двое дѣтей. А впервые я женился еще въ Сибири. И первая жена—вы и лицомъ, и фигурой удивительно на нее похожи—она, бѣдная, умерла отъ чахотки.

(Объ этомъ сходствѣ онъ уже говорилъ при мнѣ какъ-то Страхову: «Не правда ли, она ужасно похожа на Марью Дмитриевну?» Я не поняла тогда, кто это Марья Дмитриевна, но и Страховъ тогда подтвердилъ: «Да, пожалуй... нѣсколько напоминаетъ»).

— Комплиментъ вамъ тутъ, конечно, не потому, что это была жена моя,—продолжалъ Федоръ Михайловичъ:—что же это за комплиментъ!—а потому, что была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сторала, можно сказать, въ огнѣ этой восторженности, въ стремленіи къ идеалу. Идеалистка была въ полномъ смыслѣ слова,—да!—и чиста, и наивна притомъ была совсѣмъ, какъ ребенокъ. Хотя, когда я женился на ней, у нея былъ уже сынъ. Я женился уже на вдовѣ. Ну, что же, довольны вы моимъ комплиментомъ?—закончилъ онъ тономъ шутки.

— Очень довольна, Федоръ Михайловичъ, только боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Что вы во мнѣ ошибаетесь, и я недостойна такого сравненія. Я не всегда такая.

— А вы будьте всегда,—внушительно, строго сказалъ онъ.—Стремитесь всегда къ самому высшему идеалу! Разжигайте это стремленіе въ себѣ, какъ костеръ! Чтобы всегда пылалъ душевный огонь, никогда чтобы не погасалъ! Никогда!

— Ну, а вы мнѣ все-таки не сказали, какой же у васъ идеалъ?— снова началъ онъ, помолчавъ.—Идея-то ваша какая?

— Идеалъ одинъ... для того, кто знаетъ Евангеліе...

— А вы его знаете?—недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Въ дѣтствѣ я была очень религіозна и постоянно читала его.

— Но съ тѣхъ поръ, конечно, вы выросли, поумнѣли и, получивъ образованіе отъ высшихъ наукъ и искусствъ...

На углахъ его губъ появилась знакомая мнѣ «кривая» улыбка. Но въ этотъ разъ она меня не смутила.

— Потомъ,—продолжала я тѣмъ же тономъ:—подъ вліяніемъ науки, религіозность эта стала принимать другія формы, но я всегда и думала, и думаю, что лучше и выше Евангелія ничего у насъ нѣтъ!

— Но какъ же вы понимаете Евангеліе? Его вѣдь разно толкуютъ. Какъ по-вашему: въ чемъ вся главная суть?

Вопросъ, который онъ задалъ мнѣ, впервые пришелъ мнѣ на умъ. Но сейчасъ же—точно какіе-то отдаленные голоса изъ глубины моей памяти—подсказали отвѣтъ:

— Осуществленіе ученія Христа на землѣ, въ нашей жизни, въ совѣсти нашей...

— И только?—тономъ разочарованія протянулъ онъ.

Мнѣ самой показалось этого мало.

— Нѣтъ, и еще... Не все кончается здѣсь, на землѣ. Вся эта жизнь земная—только ступень... въ иныя существованія...

— Къ мірамъ инымъ!—восторженно сказалъ онъ, вскинувъ руку вверхъ, къ раскрытому настежь окну, въ которое видѣлось тогда такое прекрасное, свѣтлое и прозрачное июньское небо.

— И какая это дивная, хотя и трагическая задача—говорить это людямъ!—съ жаромъ продолжалъ онъ, прикрывая на минуту глаза рукою. — Дивная и трагическая, потому что мученій тутъ очень много... Много мученій, но зато—сколько величія! Ни съ чѣмъ не сравнимаго... То-есть, рѣшительно ни съ чѣмъ! Ни съ однимъ благополучіемъ въ мірѣ сравнить нельзя!

— И какъ трудно осуществить эту задачу!—робко встала я, думая о своемъ.

Онъ взглянулъ на меня съ блескомъ въ глазахъ.

— Вы говорите, что хотите писать. Вотъ вы и пишите объ этомъ!

И какъ бы въ благословеніе на этотъ путь, Федоръ Михайловичъ подарилъ мнѣ тогда три чистыхъ листка оставшейся у него почтовой бумаги въ осьмушку, на которой всегда писалъ онъ свои статьи.

— Вотъ вамъ отъ меня!—съ удареніемъ сказалъ онъ, передавая ихъ мнѣ.

Они живы у меня до сихъ поръ—эти три листка, пожелтѣвшіе, гладкіе и простые.

Мы простились въ тотъ вечеръ, какъ еще никогда не прощались: точно мы были съ нимъ равные другъ другу, взаимно преданные друзья.

Послѣ этого разговора мнѣ уже не хотѣлось ѣхать на взморье, слушать о какихъ-то «юродивыхъ Федюшахъ въ Тетюшахъ», и вмѣсто того, чтобы итти на Фонтанку, какъ мы условились съ Демертомъ, я долго бродила гдѣ-то по улицамъ, «разжигая душевный костеръ»...

IX.

И вдругъ, сейчасъ же послѣ такихъ восторженныхъ словъ и возвышенныхъ настроеній, день или два спустя, мнѣ пришлось быть свидѣтельницей той самой сцены—по поводу непомѣщенной статьи,—которую приводитъ бывший метранпажъ «Гражданина».

М. А. Александровъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Русская Старина» 1892, апрѣль, стр. 184—185). Но въ разсказѣ г. Александрова сцена эта производитъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое произвела она на меня тогда, и какъ она въ тотъ же вечеръ была записана у меня въ тетрадяхъ.

Это было 12-го іюня, вечеромъ, наканунѣ выхода нумера, когда журналъ уже печатался. Дѣло происходило въ конторѣ при мнѣ и при Крейтенбергѣ.

— Воля ваша,—говорилъ Ѳедору Михайловичу метранпажъ,—но только помѣстить эту статью я теперь никакъ не могу. Иначе придется весь наборъ вынимать съ машины, снова верстать—и мы опоздаемъ.

Но Ѳедоръ Михайловичъ требовалъ, «чтобы безъ всякой переверстки вошло»!

Метранпажъ усмѣхнулся.

— То-есть, какъ же это безъ всякой переверстки? Вѣдь въ листѣ-то печатномъ опредѣленное количество буквъ: куда же я втисну новый наборъ, когда листъ у меня заполненъ сполна?

— Знать ничего не хочу!—по-барски крикнулъ Ѳедоръ Михайловичъ, и глаза его надменно сузились, все лицо помертвѣло, губы задергала судорога. Пристукивая по столу крѣпко зажатыми пальцами, онъ хрипло, растягивая слова, произнесъ:—Хоть на стѣнѣ, хоть на потолкѣ, а чтобъ было мнѣ напечатано!

— Ну, отъ такихъ чудесъ я отказываюсь!—съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣтилъ М. А. Александровъ.—Я не Богъ. Я на потолкѣ или на стѣнѣ верстать не умѣю. Воля ваша!

— А не умѣете, такъ я себѣ другого метранпажа найду, который сумѣетъ!

— И потрудитесь найти другого! А я не могу!—говорилъ, уходя, г. Александровъ.

А Ѳедоръ Михайловичъ, задыхаясь отъ волненія, кричалъ ему вслѣдъ:

— И найду! и найду! Мнѣ нужно людей, готовыхъ на все для меня, преданныхъ мнѣ собачьею преданностью... такихъ, на которыхъ я могу всегда положиться... А это ни на что не похоже! Какойнибудь метранпажъ, и вдругъ смѣетъ указывать мнѣ, редактору, чтò можно и чего нельзя!.. Я этого никогда не позволю! Я редакторъ, я распорядитель журнала! Онъ обязанъ исполнять мои приказанія! Гдѣ Траншель?—уже изступленно кричалъ онъ.—Позовите сюда содержателя типографіи! Пусть онъ дастъ мнѣ сейчасъ новаго метранпажа!

Но Траншель былъ на дачѣ, и Ѳедоръ Михайловичъ, взявъ бланковый листокъ, тутъ же написалъ, что просить дать ему другого метранпажа, «такъ какъ этотъ грубитъ и отказывается работать».

Записку эту, не запечатанную и даже не сложенную, Федоръ Михайловичъ вручилъ мнѣ для передачи Траншелю.

— Вы передадите это Траншелю отъ меня, — отрывисто произнесъ онъ, устремляя на меня испытующій взглядъ, точно желая видѣть насквозь, что я теперь о немъ думаю.

Мнѣ хотѣлось и успокоить его, и сказать ему, что онъ не правъ. Но, поднявъ на него глаза, я не рѣшилась сказать ни слова: такъ исказилось его лицо, и такъ оно было неумолимо и до жестокости строго, и такъ страшно напряжено, что, казалось, вотъ-вотъ, сейчасъ съ нимъ сдѣлаются корчи отъ бѣшеней злобы, или онъ разрыдается, какъ больной и несчастный ребенокъ, отъ сознанія, что онъ виноватъ...

Молча принявъ отъ него записку, я только выраженіемъ лица старалась показать ему, что я не сочувствую такому его образу дѣйствій, и мы сухо, безмолвно разстались.

Страшно тогда поразилъ меня этотъ барственный крикъ и эти слова о «собачьей преданности»...

— Вотъ барышня, — говорилъ мнѣ тутъ же Негг Крейтенбергъ, — вотъ вы всегда заступаетесь за вашего Достоевскаго... говорите, что онъ — совѣмъ не такой, не станетъ кричать на людей, какъ кричитъ князь М. А вотъ и выходитъ — совѣмъ такой. Всѣ они такіе! Всѣ люди для нихъ собаки. О, я ужъ ихъ много видалъ, — этихъ писателей, — я ихъ очень хорошенько знаю! Всѣ точно такіе, mein liebes Fräulein! Служи имъ всѣ, какъ собака, — ну, тогда они ничего... не кусаются...

Долго не могла я освободиться отъ тягостнаго впечатлѣнія этой сцены. Писательство представлялось мнѣ тѣмъ же богослуженіемъ, писатель — тѣмъ же апостоломъ, литература — сокровищницей всѣхъ святыхъ, дорогихъ человѣчеству, — и вдругъ!.. И вдругъ самый ревностный изъ ея жрецовъ, самый глубочайшій и пламенный истолкователь ея назначенія, — авторъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» — и самъ оскорбляетъ и унижаетъ зависящихъ отъ него людей, требуя отъ нихъ чего-то «собачьяго»!.. Что же это въ самомъ дѣлѣ такое? Какъ онъ можетъ объ этомъ писать, и какъ все это можетъ мириться, — этого я рѣшительно не могла понять, и опять возвращалась къ прежнимъ взглядамъ на Достоевскаго, — къ чужимъ взглядамъ, — и мнѣ казалось въ эти минуты, что они были правы, обвиняя его въ «слащавой чувствительности» и «чудовищномъ эгоизмѣ»...

Нѣкоторое время потомъ я была постоянно насторожѣ, какъ бы и отъ меня не потребовали чего нибудь въ родѣ «собачьей преданности», но всѣ опасенія быстро разсѣялись. Федоръ Михайловичъ умѣлъ иногда однимъ словомъ, однимъ измѣненіемъ голоса совершенно изгладить всякое къ себѣ недовѣріе. Лучшимъ доказа-

тельствомъ этого служатъ «Воспоминанія» о немъ самого якобы «оскорбленнаго и униженнаго», то-есть того же М. А. Александра.

Не прошло и двухъ дней, какъ всѣ дѣла у насъ опять шли по-старому.

X.

Свой дневникъ «о враньѣ» (т. I, 1873, стр. 147 — «Нѣчто о враньѣ») Федоръ Михайловичъ писалъ въ типографіи, и весь этотъ день онъ пыталъ меня вопросами, какъ бы я поступила въ случаяхъ, которые онъ приводилъ. Прежде чѣмъ писать, онъ рассказывалъ мнѣ послѣдовательно все содержаніе, и затѣмъ прочелъ только что имъ написанное:

«Вотъ эта-то извѣстнаго рода безсовѣстность русскаго интеллигентнаго человѣка рѣшительно для меня феноменъ. Чтò въ томъ, что она у насъ такъ сплошь и рядомъ обыкновенна, и всѣ къ ней привыкли и приглядѣлись. Она все-таки остается фактомъ удивительнымъ и чудеснымъ. Она свидѣтельствуетъ о такомъ равнодушій къ суду надъ своей собственной совѣстью, или, чтò то же, о такомъ необыкновенномъ собственномъ неуваженіи къ себѣ, что придешь въ отчаяніе и потеряешь всякую надежду на что нибудь самостоятельное и спасительное для націи, даже въ будущемъ, отъ такихъ людей и такого общества... Дома, про себя: «Э, чортъ ли въ мнѣніяхъ,—да хошь бы высѣкли!» Поручикъ Пироговъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ высѣченный въ Большой Мѣщанской слесаремъ Шиллеромъ, былъ страшнымъ пророчествомъ, пророчествомъ гения, такъ ужасно угадавшего будущее, ибо Пироговыхъ оказалось безмѣрно много, такъ много, что и не пересѣчь. Вспомните, что поручикъ сейчасъ же послѣ приключенія съѣлъ слоеный пирожокъ и отличился въ тотъ же вечеръ въ мазуркѣ на именинахъ у одного виднаго чиновника».

Федоръ Михайловичъ положилъ перо и съ иронической улыбкой пронизательно посмотрѣлъ на меня.

— Какъ вы думаете? Когда онъ откалывалъ мазурку и вывертывалъ, дѣлая пѣ, свои столь недавно оскорбленные члены, думалъ ли онъ, что его всего только часа два высѣкли?—Безъ сомнѣнія, думалъ,—отвѣчалъ онъ за меня.—А было ли ему стыдно?—Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Я убѣжденъ, что поручикъ этотъ въ состояніи былъ дойти до такой безбрежности, что, можетъ быть, въ тотъ же вечеръ, своей дамѣ въ мазуркѣ, старшей дочери хозяина, объявился въ любви и сдѣлалъ формальное предложеніе. Безконечно трагиченъ образъ этой барышни, порхающей съ этимъ молодцомъ въ очаровательномъ танцѣ, не знающей, что ея кавалера всего только часъ какъ высѣкли, и что это ему совѣмъ ничего!

Записавъ все только что сказанное, Федоръ Михайловичъ закурилъ папиросу и снова обратился ко мнѣ.

— Ну, а какъ вы думаете, если бъ она узнала, а предложеніе все-таки было бы сдѣлано,—вышла бы она за него (разумѣется, подъ условіемъ, что болѣе никто не узнаетъ)?

Эти слова въ его «Дневникѣ» были обращены лично ко мнѣ, и я отвѣтила на нихъ тогда горячимъ и негодующимъ голосомъ:

— Какой ужасъ! Ни за что бы не вышла!

Федоръ Михайловичъ опять улыбнулся—тонко и ядовито.

— Вы бы, можетъ быть, и не вышли. А я вамъ ручаюсь—девянство девять изъ ста не задумались бы ни на минуту. И потому я все-таки напишу: «Увы! непременно бы вышла».

— Ну, теперь я увѣковѣчилъ этотъ нашъ разговоръ,—говорилъ онъ, посыпая пескомъ написанное.—Теперь ужъ это останется навсегда, какъ воспоминаніе нашего сотрудничества у Траншеля. Послушайте!—онъ повернулся ко мнѣ лицомъ,—дайте мнѣ слово, что вы это снова прочтете—вамъ сколько теперь? лѣтъ двадцать есть? Ну, такъ вотъ, годамъ къ сорока, лѣтъ черезъ двадцать-пятнадцать, вы должны это снова прочесть. Тогда вамъ это понятнѣе будетъ.

— Я и раньше прочту, Федоръ Михайловичъ.

— Нѣтъ, раньше не нужно. Но черезъ пятнадцать лѣтъ, обѣщайте мнѣ, что вы это снова прочтете.

Поздно вечеромъ въ этотъ день, когда мы съ нимъ прочитывали въ корректурѣ ту же статью, Федоръ Михайловичъ, отпуская меня домой, сказалъ, вынимая кошелекъ изъ кармана:

— Сдѣлайте мнѣ божескую милость, возьмите вотъ этотъ рубль и купите мнѣ гдѣ нибудь по дорогѣ коробочку папирозъ-пушекъ, если можно Саатчи и Мангуби или Лафермъ, и спичекъ тоже коробочку, и пришлите все это съ мальчикомъ.

Я купила ему папирозы и спички, и, кромѣ того, на послѣдніе свои два двугривенныхъ (я получала по десяти рублей каждую недѣлю по выходѣ нумера) купила пятокъ апельсинъ, такъ какъ Федоръ Михайловичъ передъ тѣмъ только-что жаловался, что ему страшно хочется пить,—и снова поднялась по мосткамъ¹⁾ въ типографію, чтобы передать покупки и сдачу. И, можетъ быть, думала я, онъ возьметъ мои апельсины!.. Мысль объ апельсинахъ очень занимала меня. Забавно и радостно было думать, что вотъ именно я, какая-то никому неизвѣстная «корректорша», ... и угощаю знаменитаго на всю Россію писателя... на послѣдніе два двугривенныхъ!

¹⁾ Домъ, гдѣ помѣщалась тогда типографія Траншеля (теперь ресторанъ Палкина), тогда перестраивался, и лѣстницы уже не было. И Федора Михайловича, и меня спускали и поднимали тогда рабочіе на рукахъ. И однажды ночью, спускаясь такимъ образомъ, съ фонарями и на рукахъ, я увидала на тротуарѣ толпу любопытныхъ, которые съ волненіемъ спрашивали другъ у друга:—Что это значитъ? Похищеніе что ли? Или пожаръ?—Никакого пожара нѣтъ,—отвѣчали рабочіе:—барышня здѣсь газету печатаетъ...

Федоръ Михайловичъ все еще сидѣлъ за конторкой и тѣмъ же ласковымъ голосомъ поблагодарилъ меня «за вниманіе». Тогда я рѣшилась предложить ему мѣшокъ съ апельсинами.

— Что же это вы жертвы мнѣ приносить начинаете? Чѣмъ это я заслужилъ? За что именно?—шутить онъ.

— Ни за что, Федоръ Михайловичъ. Просто вспомнила, что вы пить хотѣли.

— Пить я дѣйствительно очень хочу. И потому, такъ ужъ и быть, пару возьму съ удовольствіемъ. А я вотъ вамъ за это комплиментъ по адресу нынѣшнихъ женщинъ пишу,—полушутя, полусерьезно прибавилъ онъ.—Никогда еще современную женщину не хвалилъ. А теперь вотъ хочу похвалить.

И на другой день, утромъ, я прочла въ корректурѣ приписанный имъ въ мое отсутствіе конецъ: «Дневника Писателя»:

... «А все-таки изъ числа Пироговыхъ и вообще всѣхъ «безбрежныхъ», кажется, можно исключить огромное большинство нашихъ женщинъ. Въ нашей женщинѣ все болѣе и болѣе замѣчается искренность, настойчивость, серьезность и честь, исканіе правды и жертва; да и всегда въ русской женщинѣ это было выше, чѣмъ у мужчинъ. Это несомнѣнно, несмотря на всѣ даже теперешнія уклоненія. Женщина меньше лжетъ, многія даже совсѣмъ не лгутъ, а мужчинъ почти нѣтъ не лгущихъ,—я говорю про теперешній моментъ нашего общества. Женщина настойчивѣе, терпѣливѣе въ дѣлѣ; она серьезнѣе, чѣмъ мужчина; хочетъ дѣла для самаго дѣла, а не для того, чтобъ казаться. Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ намъ отсюда ждать большой помощи?»

Дня два спустя послѣ этого, Федоръ Михайловичъ пришелъ въ типографію съ мѣшкомъ дорогихъ французскихъ дюшесъ.

— Сегодня у меня гости, поэтому разорился, но вотъ васъ первую хочу угостить,—сказалъ онъ мнѣ, подавая мѣшокъ.—Возьмите, попробуйте. Дюшесы хорошія. Я всегда у Эрбера покупаю.

Въ такой деликатной формѣ оплатилъ онъ мнѣ за мое простодушное угощеніе апельсинами.

XI.

Въ концѣ августа типографію перевели въ собственный домъ Траншеля на Стремянной (№ 12); но такъ какъ новое зданіе, выстроенное на дворѣ, еще красили и штукатурили, и ходить туда по лѣсамъ, особливо въ ненастную погоду, не всегда бывало удобно,—мнѣ предложили на время читать корректуру въ мезонинѣ деревяннаго домика¹⁾, выходящаго на Стремянную, гдѣ по-

¹⁾ Въ 1903 году этотъ деревянный домикъ уже замѣненъ новымъ каменнымъ зданіемъ.

мѣщался самъ Траншель съ семействомъ. Мезонинъ этотъ, помнится, состоялъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ первая, полутемная, была загромождена разной рухлядью,—макулатурой, неподными литографскими станками, ящиками съ старымъ шрифтомъ и картонками со старыми шляпками m-me Transchel. А въ другой, крохотной комнаткѣ, поставили для меня маленькій рабочій столикъ и одинъ единственный соломенный стулъ.

Словомъ, далеко не веселое помѣщеніе.

Помню, что въ первый вечеръ,—вечера ужъ были осенніе, темные,—мнѣ какъ-то жутко было даже одной на этой вышкѣ, вдали отъ людей, отъ привычнаго шумнаго оживленія рабочихъ часовъ и отъ незабвенныхъ бесѣдъ съ Федоромъ Михайловичемъ. Мнѣ казалось, я точно въ изгнаніи или въ ссылкѣ. Съ Федоромъ Михайловичемъ мы не видѣлись уже нѣсколько дней. Онъ былъ боленъ, корректуры посылались ему на домъ, номеръ только-что начинался, и никто не ждалъ его въ типографію, тѣмъ болѣе, что наканунѣ у него былъ припадокъ, и корректуру принесли отъ него обратно нечитанною.

И вдругъ, въ первый же вечеръ моего унылаго новоселья, когда я сидѣла тамъ одна за работой, я услышала гдѣ-то въ глубинѣ его голосъ:

— Гдѣ вы?.. Здѣсь такъ темно, что я ничего не могу разобрать!..

Я бросилась къ нему навстрѣчу, и мнѣ пришлось вести его за руку черезъ всю комнату, между всякаго хлама.

— Вотъ вы гдѣ!—какъ-то особенно выразительно и тепло сказалъ онъ. Точно убогая обстановка, въ которой мнѣ приходилось работать одной, возвысила меня въ его мнѣніи и придала мнѣ новую цѣну...

Пришелъ вслѣдъ затѣмъ и М. А. Александровъ съ корректурами и расчетомъ статей для номера. Принесли снизу, отъ Траншеля, другой стулъ—для Федора Михайловича. Но работать въ этотъ вечеръ онъ такъ и не могъ. Руки его дрожали отъ слабости, когда онъ взялся за перо; онъ то-и-дѣло проводилъ рукой по лицу съ выраженіемъ полного изнеможенія, и наконецъ вынужденъ былъ сознаться, что совсѣмъ не въ силахъ читать.

— Нѣтъ, ужъ я лучше уйду!—слабымъ голосомъ сказалъ онъ, вставая.—Голова кружится, не вижу ничего. Дня два посижу еще, а кончать приду сюда къ вамъ, на чердакъ.

Онъ сталъ было надѣвать пальто и не могъ справиться съ его тяжестью. Я помогала ему.

— Вы, точно сестра милосердія, со мной возитесь, — говорилъ онъ, и при этомъ опять невѣрно назвалъ меня по отчеству, сейчасъ же самъ замѣтилъ ошибку и сталъ бранить себя за «гнусную, отвратительную разсѣянность».

— Ахъ, да не все ли равно, Федоръ Михайловичъ!—замѣтила я съ желаніемъ успокоить его. Но вышло еще хуже.

Федоръ Михайловичъ выпрямился, глаза его гнѣвно вспыхнули, и голосъ поднялся знакомымъ мнѣ раздраженіемъ:

— Какъ «не все ли равно!»—вскипѣлъ онъ.—Никогда не смѣйте больше такъ говорить! Никогда! Это стыдно! Это значитъ не уважать своей личности! Человѣкъ долженъ съ гордостью носить свое имя и не позволять никому—слышите: ни-ко-му!—забывать его...

Я должна была торжественно обѣщать, что никому больше не позволю, и, попросивъ его присѣсть на минутку на ящикъ съ макулатурами, побѣжала внизъ позвать когонибудь, чтобы проводили Федора Михайловича домой на извозчикѣ. И съ нимъ поѣхалъ тогда «Соловей», старикъ-батырщикъ типографіи, всегда носившій ему корректуры. А въ концѣ недѣли, какъ всегда, въ воскресенье, часу въ 9-мъ, Федоръ Михайловичъ, уже бодрый и крѣпкій, слегка только покашливая, опять поднимался ко мнѣ на «чердакъ», какъ онъ прозвалъ этотъ мезонинъ Траншеля.

— Скучно мнѣ дома одному,—признавался онъ мнѣ:—съ утра до ночи все одинъ да одинъ. Тянетъ сюда. Какъ день не побываю, будто чего-то недостаетъ.

То же чувствовала и я. Наша работа и наше одиночество невольно сближали насъ.

Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно оживленъ. Какимъ-то вдохновеніемъ вѣяло отъ него. И только-что вошелъ—началъ «перестраивать» комнату.

— Намъ сегодня придется съ вами долго работать,—оживленно говорилъ онъ,—поэтому, давайте, устроимъ все поудобнѣе. И прежде всего переставимъ столъ этотъ такъ—поперекъ стѣны, а не вдоль. Такъ будетъ намъ обоимъ лучше, просторнѣе. Сядемъ другъ противъ друга. Лампу поставимъ сюда, по срединѣ. Ну-съ, хорошо. Теперь надо подумать о чаѣ. Когонибудь надо послать въ трактиръ.—Онъ вынулъ деньги. Я сходила внизъ къ Траншелю, отгуда послали въ трактиръ, и намъ принесли пару стакановъ, огромный трактирный чайникъ кипятку, чаю и сахару. И мы съ Федоромъ Михайловичемъ пили чай «по-братски» и «какъ товарищи».

Мы проработали съ нимъ вдвоемъ всю ночь—вплоть до разсвѣта. И эта ночь запечатлѣлась въ моей памяти на всю жизнь. Этотъ «чердакъ», общій умственный трудъ, полное уединеніе съ глазу на глазъ съ такимъ писателемъ, какъ Достоевскій,—во всемъ этомъ была для меня какая-то особенная духовная красота, какое-то ни съ чѣмъ несравнимое упоеніе.

Шторы были спущены. Жестяная лампа съ картоннымъ колпакомъ освѣщала только нашу работу и наши блѣдныя, усталыя и въ то же время разгоряченныя лица. Все остальное было въ тѣни, какъ на картинахъ Рембрандта. И весь міръ—гдѣ-то на другомъ полушаріи... Мы сидѣли другъ противъ друга за маленькимъ столомъ, гдѣ было такъ тѣсно и неудобно работать, но гдѣ

мы съ увлеченіемъ и работали, и говорили. Собственно, говорилъ онъ одинъ, а я только съ жадностью слушала и внимательно запоминала каждое его слово. Онъ курилъ,—онъ всегда очень много курилъ,—и мнѣ видится до сихъ поръ его блѣдная и худая рука, съ узловатыми пальцами, съ вдавленной чертой вокругъ кисти,—быть можетъ, слѣдами каторжныхъ кандаловъ,—видится, какъ рука эта тушитъ докуренную толстую папиросу,—и жестяная коробка изъ-подъ сардинокъ, доверху наполненная окурками его «пушекъ». Мнѣ видится, какъ лампа начинаетъ постепенно меркнуть, и блѣдный утренній свѣтъ заливааетъ всю комнату, и какъ Ѳедоръ Михайловичъ, положивъ ногу на ногу, охвативъ колѣно руками,—точь въ точь на портретъ Перова,—пытливо глядитъ мнѣ прямо въ лицо и говоритъ своимъ напряженно-глухимъ груднымъ голосомъ:

— Вотъ мы съ вами сидимъ тутъ, на этомъ чердакѣ, работаемъ до бѣлаго дня, а сколько людей теперь веселятся, безопасно жуируютъ вокругъ насъ! И въ голову имъ даже никогда не придетъ, что вотъ вы,—молодая,—а не промѣняете вашей жизни на ихъ... Вѣдь не промѣняете ни за что вы этой трудной вашей жизни на ихъ—легкую и веселую?

— Не промѣняю!..

— Ну, вотъ видите! Значить,—правда! Значить, есть нѣчто высокое, благородное и святое въ этой жизни труда?—все такъ же напряженно, съ тихимъ жаромъ говорилъ онъ, точно доказывая кому-то истину своихъ мыслей.

— Есть!—откликнулась я съ волненіемъ. Меня волновалъ его голосъ, и волновали слова. Сколько разъ я думала то же самое! Но теперь я думала не о себѣ, а о немъ,—о красотѣ душевной этого человѣка... Знаменитый писатель, больной—и по доброй волѣ дѣлалъ теперь со мной эту тяжелую жизнь, чтобъ облегчить хоть на мигъ для меня ея гнетущую тяжесть... Онъ внушалъ мнѣ въ эти минуты благоговѣніе и любовь безъ границъ. И это было такое могучее, радостное чувство подъема и вѣры въ себя и въ людей и благословенія—этой трудной, тяжелой, но истинно-человѣческой жизни!..

— И вотъ, представьте теперь себѣ, — съ возрастающимъ воодушевленіемъ продолжалъ между тѣмъ Ѳедоръ Михайловичъ,—представьте, что съ вами случилось что нибудь въ такомъ родѣ... Я недавно узналъ такой случай. Нынче весною,—вотъ какъ теперь, на разсвѣтѣ,—возвращались съ ужина послѣ акта трое юношей-правовѣды. Но не были пьяны,—отнюдь!—всѣ были трезвы и даже вели между собой возвышенный разговоръ и читали стихи... Ну, тамъ, декламация изъ Шиллера, гимнъ Радости и Свободы... Самыя чистыя и возвышенныя слова говорили, какъ подобаетъ юности съ идеаломъ въ душѣ. И вотъ, на Невскомъ, гдѣ-то тутъ, подлѣ насъ, подлѣ церкви Знаменія, попалась имъ навстрѣчу жен-

щина,—изъ тѣхъ, которыя ночью гуляютъ, потому что это ихъ промыселъ, онѣ только этимъ и существуютъ... И вотъ, эти юноши,—въ возвышенномъ настроеніи и съ идеаломъ въ душѣ (любимое выраженіе Федора Михайловича, которому онѣ придавалъ различныя значенія посредствомъ отгѣнковъ голоса),—почувствовали необычайное омерзѣніе къ этой женщинѣ, истасканной, набѣленной и нарумяненной, торговавшей собою... такое вдругъ почувствовали къ ней омерзѣніе и такую свою необыкновенно высокую чистоту, что плюнули ей—всѣ трое въ лицо. И были за это всѣ трое привлечены въ участокъ, къ мировому. Я ихъ тамъ видѣлъ и слышалъ—еще розовые и почти безъ усовъ. И вотъ тамъ они, въ камерѣ мирового судьи, не желая платить штрафъ за безчинство и личное оскорбленіе, краснорѣчиво, по всѣмъ правиламъ высшихъ наукъ, защищали свое «законное право» поступить именно такъ, какъ они поступили, въ порывѣ благороднаго негодованія «на эту истасканную продажную тварь»...

Онѣ замолчали, какъ будто припоминая, что было дальше, потомъ слегка наклонился ко мнѣ и сказалъ, выразительно растягивая слова, чтобы дать мнѣ почувствовать всю ихъ силу:

— Каковы же должны быть у этихъ людей понятія о «возвышенныхъ идеалахъ», если могли они совершить такую пошлость и низость!.. И потомъ еще защищать свое законное право на основаніи высшихъ наукъ!.. Ну, а если бѣ ошиблись они! Если бѣ не эту женщину они встрѣтили, а если бѣ это вы имъ попались навстрѣчу, и ваше утомленное работой и бессонной ночью лицо показалось бы имъ развратно-изношеннымъ, — и они вамъ плюнули бы въ лицо!..

Я невольно вздрогнула при этихъ словахъ и на минуту закрыла лицо рукою.

— Вы только представьте это себѣ!—возбужденно продолжалъ онѣ, какъ бы электризуясь моимъ волненіемъ:— вы, гордая, чистая дѣвушка, труженица, усталая и измученная, послѣ цѣлыхъ сутокъ труда,—вы идете одна,—и вдругъ вамъ плюнуть въ лицо, потому что оно показалось недостаточно чисто или свѣжо!..

— А знаете, — закончилъ онѣ вдругъ съ своей судорожно-измученной и какъ будто жестокой улыбкой:—знаете, я бы даже хотѣлъ, чтобы это съ вами случилось. Какую бы я вамъ тогда въ защиту рѣчь написалъ!.. Какъ бы я ихъ испотрошилъ тогда, этихъ возвышенно-благородныхъ идеалистовъ, плюющихъ на женщину, декламируя Шиллера послѣ ужина у Дюссо!..

XII.

Это было послѣднее наше ночное сотрудничество съ Федоромъ Михайловичемъ. Осенью, съ возвращеніемъ семьи, онъ и рѣже сталъ заходить въ типографію, и не такъ уже долго засиживался тамъ. Да зачастую, когда онъ заходилъ въ рабочіе часы, ему негдѣ бывало даже присѣсть въ тѣсной и душной каморкѣ, служившей въ одно время и корректорской, и канцеляріей фактора, и конторой самого Траншеля, гдѣ онъ принималъ своихъ многочисленныхъ заказчиковъ.

Федоръ Михайловичъ приходилъ теперь чаще всего по вечерамъ, въ послѣдніе дни недѣли, послѣ 8-ми, когда типографія затихала, и оставались только мы, «журнальные»; проработавъ со мной за однимъ столомъ часа два или три, онъ поручалъ мнѣ потомъ свѣрку своихъ поправокъ, всякій разъ прибавляя при этомъ:

— Такъ ужъ я на васъ надѣюсь!..

Теперь онъ рѣдко принималъ въ типографіи и знакомыхъ ему сотрудниковъ. По крайней мѣрѣ, за всю эту зиму, я помню, приходилъ раза два только Александръ Устиновичъ Порѣцкій, съ которымъ Федоръ Михайловичъ познакомилъ тогда и меня, и много рассказывалъ мнѣ про его «несравненную душевную чистоту и истинно-христіанскую вѣру».

— Къ этому человѣку я питаю особенное довѣріе, — признавался мнѣ Федоръ Михайловичъ: — во всѣхъ тяжелыхъ, сомнительныхъ случаяхъ моей жизни я всегда обращаюсь къ нему, и всегда нахожу у него поддержку и утѣшеніе.

Если въ конторѣ, кромѣ меня и М. А. Александрова, былъ хоть одинъ человѣкъ, Федоръ Михайловичъ угрюмо молчалъ и оставался непроницаемо-недоступенъ для всѣхъ.

И иногда мнѣ случалось быть невольной свидѣтельницей забавно-драматическихъ положеній, когда, напримѣръ, приходили разнаго рода заказчики и не подозрѣвая, кто этотъ угрюмо-молчаливый «субъектъ», выкладывали на чистоту передъ нимъ свою «психику».

Такъ было однажды съ однимъ беллетристомъ, только что вернувшимся передъ тѣмъ изъ ссылки за «увлеченіе» — въ видѣ растраты какихъ-то не своихъ суммъ — и печатавшимъ у Траншеля первое «Собраніе» своихъ сочиненій. При прежней редакціи въ «Гражданинѣ» часто помѣщались его статьи, стихи и рассказы самой разнообразной «художественности» — то строго-пуристическіе, въ назидательномъ жанрѣ, то «откровенные» до того, что ихъ противно было читать въ корректурѣ. Кромѣ того, эти ultra-художественныя произведенія иногда были написаны (или — для типо-

графіи—переписаны) на оборотной сторонѣ какихъ-то любовныхъ посланій, изъ которыхъ, помню, одно начиналось: «Глубокоуважаемая княгиня, дорогая Annette»; помню особенно потому, что наборщикъ, принявъ это тоже за «оригиналъ», набралъ и вставилъ въ середину статьи статистическаго обзора рыбной промышленности въ нашемъ сѣверномъ краѣ.

«Художественный» романъ этого беллетриста, печатавшійся въ «Гражданинѣ» прежней редакціи, такъ и остался тамъ неоконченнымъ, потому что Ѳедоръ Михайловичъ рѣшительно воспротивился помѣщенію его окончанія.

И вотъ этотъ самый беллетристъ, очевидно, не знавшій въ лицо Ѳедора Михайловича, не подозрѣвая, кто это сидитъ рядомъ со мной за столомъ, на соломенномъ стульчикѣ, согнувшись надъ корректурой,—битый часъ, захлебываясь, хвастался передъ нами своей необычайною «знаменитостью», какъ его «хвалятъ и величаютъ» въ газетахъ, какъ имъ «восторгаются» и дамы, и барышни въ салонахъ и будуарахъ, какъ его «чествуютъ» въ разныхъ обществахъ и кружкахъ, и даже въ какомъ-то клубѣ какой-то союзъ былъ названъ заглавіемъ его «знаменитыхъ» рассказовъ...

— Однимъ словомъ,—не переводя духа, рассказывалъ онъ,—я теперь въ Петербургѣ то же, что лордъ Редстокъ. Приглашенія на расхватъ. Не успѣваю вездѣ бывать. Одни зовутъ на обѣдъ, другіе—на раутъ, третьи—чтобъ я имъ прочелъ или стихи, или прозу... Однимъ словомъ, я уже теперь всѣхъ нашихъ свѣтилъ обогналъ, начиная съ Тургенева и кончая самимъ Достоевскимъ!..

И можно представить себѣ эффектъ, когда вслѣдъ затѣмъ въ контору къ намъ вошелъ метранпажъ Александровъ съ какою-то рукописью и, обращаясь къ Ѳедору Михайловичу, назвалъ его громко по имени:

— Какъ вы желаете, Ѳедоръ Михайловичъ, куда помѣстить эту статейку,— послѣ князя ¹⁾, или послѣ «Иностранныхъ событій»?..

Ѳедоръ Михайловичъ невозмутимо заговорилъ съ метранпажемъ, а «знаменитый» беллетристъ, какъ ошпаренный, бросился со всѣхъ ногъ изъ конторы.

Когда разошлись всѣ «лишніе», Ѳедоръ Михайловичъ поднялъ голову и замѣтилъ съ улыбкой:

— А прелюбопытные экземпляры иногда бываютъ у Траншеля

Лично для меня посѣщенія Ѳедора Михайловича были единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ этомъ «темномъ царствѣ». Съ

¹⁾ Типографскій жаргонъ, т.-е. послѣ «статьи князя».

радостнымъ трепетомъ слышишь, бывало, его шаги въ наборной... Потомъ нетерпѣливо ждешь его появленія... И когда увидишь въ дверяхъ слегка сутулую фигуру въ пальто и калошахъ, и блѣдное, измученное, всегда полное мысли, писательское лицо, съ тревогой, бывало, слѣдишь за нимъ, пока онъ раздѣвается тутъ же въ углу, и по тому, какъ онъ снимаетъ пальто и калоши, какъ онъ кашляетъ и вздыхаетъ, какъ взглянетъ впервые,— стараешься угадать, какой онъ пришелъ: добрый или сердитый? Если сердитый и раздражительный,—знаешь, что лучше молчать и «не трогать его», т.-е. дѣлать видъ, что не замѣчаешь его присутствія. А если добрый — можно и улыбнуться и пошутить. Тогда онъ самъ начнетъ разговаривать и подшучивать надъ тѣмъ, какъ я сижу, какъ читаю...

— Точно свади васъ гувернеръ строгій-престрогий съ розгой стоять...

Тогда, какъ искры, полетятъ отъ него разнообразныя интонаціи, слова, замѣчанія, то сравненія, то стихи, то воспоминанія...

И часа два или три промелькнутъ какъ минуты. Забудешь и духоту, и усталость... И вдругъ придетъ въ голову: «А вѣдь никто и не знаетъ, съ кѣмъ я тутъ сижу, разговариваю... съ Достоевскимъ!»...

XIII.

Если въ конторѣ не было постороннихъ, Федоръ Михайловичъ попрежнему писалъ вслухъ свои «Дневники». Иногда онъ рассказывалъ свои впечатлѣнія, событія дня. Именно въ это время, помню, рассказывалъ онъ мнѣ «исторію» своей встрѣчи съ известнымъ авторомъ «судебныхъ рассказовъ» А. Шкляревскимъ. Встрѣча эта произвела на Федора Михайловича такое болѣзненно-тяжелое впечатлѣніе, что онъ, повидимому, долго не могъ отъ него освободиться.

Дѣло было такъ. Шкляревскій лѣтомъ однажды зашелъ къ Достоевскому и, не заставъ его дома, оставилъ рукопись, сказавъ, что зайдетъ за отвѣтомъ недѣли черезъ двѣ. Федоръ Михайловичъ, просмотрѣвъ рукопись, сдалъ ее, какъ всегда, въ редакцію, гдѣ хранились всѣ рукописи—и принятыя, и непринятыя. О принятіи рукописи извѣститъ автора Федоръ Михайловичъ не могъ, такъ какъ Шкляревскій, будучи всегда въ разѣздахъ и не имѣя въ Петербургѣ опредѣленнаго мѣста жительства, адреса своего не оставлялъ никому.

Прошло двѣ недѣли. Шкляревскій заходитъ къ Федору Михайловичу—разъ и два,—и все не застаётъ его дома. Наконецъ, въ одно утро, когда Федоръ Михайловичъ, проработавъ всю ночь, не велѣлъ будить себя до двѣнадцати, слышитъ онъ за стѣной поутру какой-то необычайно громкій разговоръ, похожій на пере-

бранку, и чей-то незнакомый голосъ, сердито требующій, чтобы его «сейчасъ разбудили», но Авдотья, женщина, прислуживавшая лѣтомъ у Федора Михайловича, будить отказывается.

— И наконецъ они такой тамъ подняли гамъ,—разсказываль мнѣ Федоръ Михайловичъ,—что волей-неволей я вынужденъ былъ подняться. Все равно, думаю, не засну. Зову къ себѣ Авдотью. Спрашиваю: «Что это у васъ тамъ такое?»—«Да какой-то, говоритъ, мужикъ пришелъ,—дворникъ, что ли,—бумаги чтобы сейчасъ ему назадъ, требуетъ. Сердитый такой—бѣда! Ничего слушать не хочетъ. И ждать не хочетъ. Непремѣнно чтобы сейчасъ бумаги ему отдали». Я догадался, что это кто нибудь отъ Шкляревскаго. Скажи, говорю, чтобы подождаль, пока я одѣнусь. Я сейчасъ къ нему выйду. Но только сталъ одѣваться и взялъ гребенку въ руки,—слышу, рядомъ, въ гостиной, опять ожесточеннѣйшій споръ. Авдотья, видимо, не знаетъ, что отвѣчать, а посѣтитель, видимо, дошелъ до блага каленія, потому что не такъ же я ужъ долго одѣвался и причесывался, а онъ, слышу, кричитъ на весь домъ: «Я не мальчишка и не лакей! Я не привыкъ дожидаться въ прихожей!».. А у меня, надо вамъ сказать,—пояснилъ Федоръ Михайловичъ,—мебель въ гостиной на лѣто составлена въ кучу и покрыта простынями, чтобы не пылилась, потому что лѣтомъ некому ее убирать. Ну, вотъ, услыхавъ, что мою гостиную принимаютъ за прихожую, я не выдержалъ, поинтересовался узнать, кто именно, и пріотворилъ слегка дверь. Вижу: дѣйствительно, не мальчишка, человекъ уже пожилой, небритый; одѣтъ какъ-то странно: въ пальто и ситцевой рубахѣ, штаны засунуты въ голенища, въ смазныхъ сапогахъ. Я все-таки почтительно ему кланяюсь, извиняюсь и говорю:—Не кричите, пожалуйста, на мою Авдотью,—Авдотья тутъ рѣшительно не виновата ни въ чемъ... Я запретилъ ей будить себя, потому что работалъ всю ночь. Позвольте узнать, что вамъ угодно, и съ кѣмъ имѣю удовольствіе?.. — «Скажите прежде всего вашей дурѣ-кухаркѣ, что она не смѣетъ называть меня «мужикомъ»!.. Я слышалъ сейчасъ собственными ушами, какъ она назвала меня «мужикомъ». Я не мужикъ, я—писатель Шкляревскій, и мнѣ угодно получить мою рукопись!»—Великодушно прошу извинить Авдотью за то, что она по костюму приняла васъ не за того, за кого слѣдовало... А относительно рукописи я васъ прошу обождать пять минутъ, пока я одѣнусь. Черезъ пять минутъ я къ вашимъ услугамъ...—И, представьте себѣ, онъ не далъ мнѣ даже договорить!—съ удрученнымъ видомъ продолжалъ Федоръ Михайловичъ.—Кричитъ свое: «Я не хочу дожидаться въ прихожей! Я не лакей! Я не дворникъ! Я такой же писатель, какъ вы!.. Подайте мнѣ сейчасъ мою рукопись!»—Вашу рукопись, говорю ему, вы получите въ редакціи «Гражданина», куда она сдана уже двѣ недѣли назадъ съ отмѣткой, что пригодна для напечатанія...—«Я не желаю

имѣтъ дѣло съ вашей редакціей «Гражданина»! Я отдалъ рукопись вамъ, а вы заставляете меня дожидаться въ прихожей!.. Какъ вамъ не стыдно послѣ всего, что вы написали!.. Вы—ханжа, лицемѣръ, я не хочу больше имѣть съ вами дѣло!» — Я было началъ его просить успокоиться,—вижу, человѣкъ не въ себѣ,—вышелъ слѣдомъ за нимъ на лѣстницу.—Еще разъ прошу извиненія!—говорю ему вслѣдъ.—Не виноватъ же я, въ самомъ дѣлѣ, что вы мою гостиную принимаете за прихожую. Честью вамъ клянусь, у меня лучшей комнаты нѣтъ, я всѣхъ гостей моихъ въ ней принимаю!.. Что же вы думаете? Онъ бѣжитъ бѣгомъ по лѣстницѣ и грозитъ мнѣ вотъ такъ кулакомъ! «Подождите вы у меня! Я васъ за это когданибудь проучу!.. Я это распубликую! Я васъ разоблачу на весь свѣтъ!»..

Федоръ Михайловичъ взволнованно перевелъ духъ и закончилъ уже съ тонкой улыбкой:

— Странное самолюбіе бываетъ иногда у людей! Писатель одѣвается для чего-то, какъ дворникъ, и сердится, когда его принимаютъ за «мужика»! «Разоблачить» меня собирается!.. Вотъ ужъ чего бы никогда не подумалъ,—что мнѣ можно поставить въ вину, что гостиная моя напоминаетъ прихожую, что швейцаровъ я не держу на подъяздѣ!..

— Непремѣнно этотъ Шкляревскій изъ духовнаго званія. Сынъ дьячка или понамаря,—говорилъ мнѣ опять Федоръ Михайловичъ, день или два спустя.—У этихъ господъ какой-то особый point d'honneur. Помните вы эти стихи Добролюбова:

«Милый другъ, я умираю,
Оттого что былъ я честенъ...
Но зато родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ...
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою;
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею»...

— Какъ по-вашему: есть тутъ нѣчто высокое? Возвышенное чувство или идея какая нибудь особенная, моральный подъемъ?—И тутъ же за меня отвѣтилъ съ презрительной складкой на искривленныхъ губахъ:

— Не говоря уже о томъ, что это совсѣмъ не поэзія,—не только все это обыденно-пошло, но и совсѣмъ это не умно. Сейчас происхожденіе-то вотъ и сказалось! Только поповичъ вѣдь и могъ отмочить себѣ такую предсмертную эпитафію:

... «Оттого что былъ я честенъ»...

Нашелъ, чѣмъ хвалиться! Какъ будто честность—какая-то особенная доблесть, а не прямая обязанность каждаго мало-мальски порядочнаго человѣка! И что это за стезя такая?..

«Шествуй тою же стезею»... Что же это—взятокъ, что ли, не брать «благословляетъ» онъ «милаго друга»? А если милый-то другъ его—тоже изъ духовнаго званія, къ примѣру сказать—въ санѣ хотя бы протодіакона или даже протоіерея,—тогда какъ же ему поступать? За требы, что ли, денегъ не брать? Ну, ужъ за это-то онъ непременно возьметъ!—протянулъ онъ съ неподражаемымъ юморомъ.

— Да и нельзя ему не брать при теперешнемъ положеніи духовенства. Жить ему нечѣмъ будетъ, если не брать. Ну, и врожденный инстинктъ тоже велитъ ему брать. Тутъ уже, такъ сказать, рокъ, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Вотъ и выходитъ, что всѣ эти «благословенія»—фальшь, пустая риторика, если не самохвальство.

— Вѣроятно, и этотъ Шкляревскій въ такомъ же вотъ родѣ. А что поповичъ—ужъ несомнѣнно!

— Впрочемъ, виноватъ,—мелькомъ взглянувъ на меня, саркастически вставилъ онъ:—я, кажется, сейчасъ оскорбилъ ваши чувства... Вы, можетъ быть, какъ они, за праведнаго мученика его почитаете, а я вдругъ кощунствую!... я съ такимъ непочтеніемъ о «господинѣ-бовѣ»!.. Ну, что дѣлать! А я все-таки иначе думать о немъ не могу.

Я была поражена. Онъ рѣшительно угадывалъ мысли! Даже не мысли, а какое-то безотчетное, неуловимое ощущеніе, именно «оскорбленное» чувство—истины. Впервые, слушая Достоевскаго, я внутренне не соглашалась съ нимъ, именно съ тѣмъ, что онъ сказалъ мнѣ о Добролюбовѣ. Эти стихи его, которые Достоевскій ядовито назвалъ «эпитафіей», «самохвальствомъ» и «фальшью», казались мнѣ тогда самой искренней правдой. А въ тонѣ и словахъ самого Достоевскаго мнѣ впервые послышалось что-то личное, какъ будто отголосокъ давнишнихъ его распрей съ враждебными лагерями.

Мнѣ хотѣлось скрыть отъ него невольное впечатлѣніе этихъ почти бессознательныхъ выводовъ,—я не смѣла еще признаться въ нихъ самой себѣ,—а онъ уже все подмѣтилъ и все разгадалъ!

И голосъ его сейчасъ же какъ будто оледенѣлъ, лицо подернулось тѣнью,—онъ весь точно замкнулся на ключъ.

Впослѣдствіи, отдавая себѣ отчетъ въ этихъ впечатлѣніяхъ, я не могла не сознаться, что въ сущности «личное» говорило не въ Достоевскомъ, а во мнѣ,—не «чувство истины» оскорблялось во мнѣ его словами,—оскорблялась любовь къ моимъ мнѣніямъ и пристрастіямъ. Вообще личная жизнь моя какъ бы заслоняла отъ меня міръ его чувствъ, интересовъ и мыслей. Да и молодость тоже мѣшала воспринимать все какъ слѣдуетъ,—глубоко и устойчиво. Иногда мнѣ казалось даже, что онъ «увлекается», и я дѣлала попытки ему возражать.

Такъ, однажды, помню, онъ говорилъ мнѣ за работой:

— Они тамъ пишутъ о нашемъ [народѣ: «дикъ и невѣжественъ... не чета европейскому»... Да нашъ народъ—святой въ сравненіи съ тамошнимъ! Нашъ народъ еще никогда не доходилъ до такого цинизма, какъ въ Италіи, напримѣръ. Въ Римѣ, въ Неаполѣ, мнѣ самому на улицахъ дѣлали гнуснѣйшія предложенія—юноши, почти дѣти. Отвратительные, противоестественные пороки—и открыто для всѣхъ, и это никого не возмущаетъ. А попробовали бы сдѣлать то же у насъ! Весь народъ осудилъ бы, потому что для нашего народа тутъ смертный грѣхъ, а тамъ это—въ нравахъ, простая привычка,—и больше ничего. И эту-то «цивилизацию» хотятъ теперь прививать народу! Да никогда я съ этимъ не соглашусь! До конца моихъ дней воевать буду съ ними,—не уступлю.

— Но вѣдь не эту же именно цивилизацию хотятъ перенести къ намъ, Ѳедоръ Михайловичъ!—не вытерпѣла, помню, встала я.

— Да непремѣнно все ту же самую!—съ ожесточеніемъ подхватилъ онъ.—Потому что другой никакой и нѣтъ. Такъ было всегда и вездѣ. И такъ будетъ и у насъ, если начнутъ искусственно пересаживать къ намъ Европу. И Римъ погибъ оттого, что началъ пересаживать къ себѣ Грецію... Начинается эта пересадка всегда съ рабскаго подражанія, съ роскоши, съ моды, съ разныхъ тамъ наукъ и искусствъ, а кончается содомскимъ грѣхомъ и всеобщимъ растлѣніемъ...

— Такъ какъ же тогда жить народамъ? Что же, строить китайскую стѣну?

Ѳедоръ Михайловичъ сумрачно взглянулъ на меня исподлобья и отрывисто произнесъ:

— Ничего вы еще не понимаете!—и въ этотъ день больше не хотѣлъ со мной говорить. Но прошелъ еще день, опять мы съ нимъ остались одни, и опять онъ мнѣ повѣрялъ свои мысли. Онъ видимо страдалъ своимъ духовнымъ одиночествомъ, тѣмъ, что его не понимали и перетолковывали, и отводилъ себѣ душу, не сомнѣваясь въ моихъ сочувствіяхъ всему, что бы онъ ни сказалъ.

А между тѣмъ мнѣ все труднѣй и труднѣй становилось сочувствовать и порой даже понимать его мысли. И иногда мнѣ стоило труда сдерживать невольную усмѣшку въ отвѣтъ на его «прорицанія»...

Со стыдомъ вспоминаю, какъ «дико» показалось мнѣ, когда онъ однажды, читая корректуру своей статьи о Пруссіи, о Бисмаркѣ и папѣ,—заговорилъ вдругъ тономъ... тѣмъ самымъ тономъ, надъ которымъ такъ зло, но и такъ остроумно смѣялись знакомые мнѣ «либералы»...

— Они и не подозрѣваютъ, что скоро конецъ всему... всѣмъ ихнимъ «прогрессамъ» и болтовнѣ! Имъ и не чудится, что вѣдь

антихристъ-то ужъ родился... и идетъ!—Онъ произнесъ это съ такимъ выраженіемъ и въ голосѣ, и въ лицѣ, какъ будто возвѣщалъ мнѣ страшную и великую тайну, и затѣмъ, окинувъ меня быстрымъ взглядомъ, строго спросилъ:

— Вы мнѣ вѣрите или нѣтъ? Я васъ спрашиваю,—отвѣчайте! Вѣрите или нѣтъ?

— Я вамъ вѣрю, Ѳедоръ Михайловичъ, но я думаю, что вы увлекаетесь, и потому невольно преувеличиваете...

Онъ стукнулъ рукой по столу, такъ что я вздрогнула, и, возвысивъ голосъ, прокричалъ, какъ мулла на своемъ минаретѣ:

— Идетъ къ намъ антихристъ! Идетъ! И конецъ міру близко,—ближе, чѣмъ думаютъ!

Это показалось мнѣ тогда почти «бредомъ», галлюцинаціей эпилептика... «Манія одной идеи... матотъ»...—слышалось мнѣ, какъ отголосокъ кѣмъ-то сказанныхъ словъ... Ну, какъ повѣрить въ конецъ міра и приближеніе антихриста, когда только-что начинаешь мыслить и жить, когда видишь передъ собой неисчерпаемый рудникъ разнаго рода познаній, когда будущее — Богъ его знаетъ почему!—представляется какой-то лучезарной дорогой прямо на солнце!..

И я сидѣла противъ него съ моей нелѣпо-иронической усмѣшкой... А можетъ быть—кто знаетъ!—можетъ быть, именно въ эту ночь ему видѣлся дивный «Сонъ смѣшного человѣка» или поэма «Великаго инквизитора»!...

XIV.

Послѣ этого разговора Ѳедоръ Михайловичъ какъ-то вдругъ замолчалъ и съ каждымъ разомъ становился мрачнѣе и раздражительнѣе. И мы просиживали теперь рядомъ или другъ противъ друга цѣлые вечера, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ. «Здравствуйте!»—«Прощайте!»—говорилъ онъ, подавая мнѣ опять безжизненно-вялую, сухую и холодную руку.

Раза два я пробовала заговорить съ нимъ сама; но онъ или дѣлалъ видъ, что не слышитъ, или отвѣчалъ ледянымъ голосомъ: «да»... «нѣтъ»... И порой мнѣ начинало казаться, что онъ умышленно подчеркиваетъ эту перемѣну въ нашихъ отношеніяхъ, чтобы дать мнѣ живѣе почувствовать безпредѣльную разницу между мною и имъ. «Знаменитость свою мнѣ доказываетъ!»—съ ироніей думала я тогда о немъ. Но потомъ взглянешь, бывало, на его худыя, блѣдныя, точно святыя какія-то руки, съ этимъ желобкомъ вокругъ кисти, всегда напоминавшимъ мнѣ цѣпи и каторгу,—и снова поймешь, что онъ не можетъ сдѣлаться похожимъ на всѣхъ «знаменитыхъ», которыхъ я видывала до сихъ поръ въ моей жизни... «Просто занятъ онъ чѣмъ нибудь... Думаетъ, пишетъ. Или боленъ,

и не можетъ писать, и страдаетъ отъ этого»,—думала я о немъ и тоже молчала.

Не знаю, что переживалъ въ это время Федоръ Михайловичъ, но именно въ это мрачно-молчаливое время онъ только разъ обратился ко мнѣ, поднялъ на минуту глаза отъ корректуры «Иностранныхъ событій» и проговорилъ холоднымъ, отрывистымъ голосомъ:—А какъ это хорошо у Лермонтова:

«Уста молчать, засохъ мой взоръ.
Но подавили грудь и умъ
Непроходимыхъ мужъ сборъ
Съ толпой неусыпимыхъ думъ»...

— Это изъ Байрона,—къ женѣ его относится,—но это не переводъ, какъ у тѣхъ,—у Гербеля и прочихъ,—это Байронъ живемъ, какъ онъ есть. Гордый, ни для кого не проникаемый геній... Даже у Лермонтова глубже, по-моему, это вышло:

«Непроходимыхъ мужъ сборъ»!

Этого нѣтъ у Байрона. А сколько тутъ силы, величія! Цѣлая трагедія въ одной строчкѣ. Молчкомъ про себя... Одно это слово «сборъ» чего стоитъ! Чисто русское слово, картинное. Удивительные это стихи! Куда выше Байрона! Я про этотъ стихъ одинъ говорю...

И опять замолчала надолго.

Такъ и прошла вся зима—вплоть до новаго года. На новый годъ Федоръ Михайловичъ прислалъ мнѣ въ подарокъ—съ М. А. Александровымъ—экземпляръ своего «Идіота», съ собственноручною надписью. Не помню въ точности, что именно онъ мнѣ тогда написалъ, такъ какъ эту книгу—первый томъ съ автографомъ—у меня потомъ вскорѣ украли, но помню, что надпись эта неприятно поразила меня своею шаблонностью. Отъ такого человѣка, какъ Достоевскій, невольно ждалось всегда чего-то особеннаго, необыкновеннаго, непохожаго на другихъ. Да и послѣ всѣхъ нашихъ бесѣдъ и дружескихъ изліяній я считала себя въ правѣ ожидать чего-то иного. Мнѣ даже почудилось, что этой чопорной надписью онъ хотѣлъ меня уколотъ, какъ онъ колотъ иногда, чѣмъ нибудь недовольный мною, поручая свѣрку своихъ корректуръ метранпажу «помимо корректора». Книгу свою онъ обѣщалъ подарить мнѣ давно, когда я заслуживала, вѣроятно, больше вниманія моимъ безмолвнымъ соглашеніемъ со всѣмъ, что бы онъ ни сказалъ. А теперь я вдругъ начала «бунтовать»,—спорить съ нимъ, отстаивать свои взгляды и впечатлѣнія, даже скептически улыбаться,—и ему захотѣлось меня наказать...

Но, не чувствуя себя ни въ чемъ передъ нимъ виноватой, я не желала чувствовать себя и «наказанной», и въ первый разъ, какъ

только увидѣлась съ нимъ въ типографіи, я вмѣстѣ съ благодарностью откровенно высказала ему мои впечатлѣнія отъ его подарка.

— Но что же вамъ показалось непріятно и оскорбительно?—съ напускнымъ изумленіемъ спросилъ онъ. И я поняла, что я не ошиблась: онъ хотѣлъ «уколоть», и теперь былъ доволенъ, что попалъ въ цѣль.

— А то, что вы написали мнѣ «фразу». А вы вѣдь никогда не говорите и не пишете фразъ. За что вы можете меня «глубоко уважать»? Вы меня вовсе не знаете. Написали бы просто: «В. Т.—Достоевскій»,—я бы осталась больше довольна.

Федоръ Михайловичъ молча смотрѣлъ на меня—точно впервые замѣтилъ, что я сижу передъ нимъ.

— Вотъ отъ гордость-то! Не ожидалъ!—проговорилъ онъ съ улыбкой скорѣе одобренія, чѣмъ порицанія, и началъ доказывать, почему это «вовсе не фраза»:

— Вы женщина-груженица, вы живете, ни отъ кого не завися, на свой собственный трудъ, — какъ же я могу васъ не уважать, и даже именно «глубоко уважать»...

И потомъ, когда сама я уже позабыла эту невольную вспышку чувства особенно свойственнаго ему, щекотливаго самолюбія,—онъ самъ напомнилъ о ней еще разъ:

— Да, вотъ еще, чуть было не забылъ!—заговорилъ онъ среди работы:—я читалъ вчера Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и нашелъ тамъ одно мѣсто,—рассказъ Мавры Тимофеевны, — совершенно про васъ:

... «Я потупленную голову,
Сердце гнѣвное ношу!»

Федоръ Михайловичъ прочелъ это съ большой энергіей и опять повторилъ:

— Совѣмъ это про васъ сказано. Я такъ вчера и подумалъ, что это про васъ.

XV.

Спустя нѣсколько дней, Федоръ Михайловичъ пришелъ раньше обыкновеннаго, часовъ въ семь, съ такимъ оживленнымъ лицомъ, какого давно я уже у него не видала,—и только-что сѣлъ—обратился ко мнѣ со словами:

— Сейчасъ придетъ сюда князь М. Мнѣ надо съ нимъ объясниться съ глазу на глазъ. Оставьте, пожалуйста, насъ вдвоемъ. Побудьте пока хоть въ наборной. Скажите и фактору отъ меня—пусть намъ не мѣшаетъ. Я скоро съ нимъ кончу,—всего какихъ-нибудь десять минутъ, не болѣе.

Когда князь ушелъ, и я снова вернулась на прежнее мѣсто, Федоръ Михайловичъ объявилъ мнѣ, что онъ, «слава Богу, скоро ужъ не будетъ больше редакторомъ Гражданина».

— И я такъ этому радъ, что вы и представить себѣ не можете. Точно камень съ души у меня свалился. Свободы хочу. Свое писать началъ. Теперь я жду сюда Александра Устиновича (Порѣцкаго). Намъ нужно сегодня съ нимъ къ Майкову. Такъ ужъ я надѣюсь на васъ!—прежнимъ дружескимъ тономъ заключилъ онъ.

Порѣцкому Федоръ Михайловичъ съ первыхъ же словъ радостно возвѣстилъ ту же новость. При этомъ онъ какъ-то внезапно преобразился. Исчезла вся его строгость и замкнутость. Онъ шутилъ, рассказывалъ анекдоты, литературныя воспоминанія давнихъ лѣтъ... И тутъ я впервые подробно услышала, какъ ихъ, «петрашевцевъ», привозили на Семеновскій плацъ, ставили къ столбу и читали надъ ними приговоръ къ смертной казни. И какъ потомъ, сидя въ крѣпости, онъ получилъ отъ брата библию, и началось въ немъ «духовное перерожденіе». И онъ вполголоса, съ мистическимъ восторгомъ на лицѣ, тутъ же прочелъ тогда свои «любимѣйшіе» стихи Огарева:

«Я въ старой библии гадалъ,
И только жаждалъ и вздыхалъ,
Чтобъ вышла мнѣ по волѣ рока
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка»...

За Огаревымъ послѣдовали другіе. Федоръ Михайловичъ всталъ, вышелъ на середину и съ сверкающими глазами, съ вдохновенными жестами,—точно жрецъ предъ невидимымъ жертвенникомъ,—читалъ намъ «Пророка» сначала Пушкина, потомъ Лермонтова.

— Пушкина я выше всѣхъ ставлю, у Пушкина это почти надземное,—говорилъ онъ,—но въ Лермонтовскомъ «Пророкѣ» есть то, чего нѣтъ у Пушкина. Желчи много у Лермонтова,—его пророкъ—съ бичомъ и ядомъ... Тамъ есть они!

И онъ прочелъ съ желчью и съ ядомъ:

«Провозглашать я сталъ любви
«И правды чистыя ученья,—
«Въ меня всѣ ближніе мои
«Бросали бѣшено каменя»...

И когда дошелъ до стиха:

«Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
«Что Богъ гласитъ его устами!»—

Федоръ Михайловичъ покосился на меня, какъ бы желая поймать—опять!—«дурную», скептическую улыбку.

Корректурные оттиски, сырые и пропитанные скипидаромъ, лежали передъ нами на столѣ, но мы ихъ не читали... Вихрь поэзій, такъ неожиданно налетѣвшій на Достоевскаго, захватилъ и насъ вмѣстѣ съ нимъ.

... «Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей»...

— мрачнымъ, какъ бы умирающимъ голосомъ читалъ онъ, и подѣ конецъ опять сказалъ то же Лермонтовское,—изъ Байрона:

... «Непроходимыхъ мукъ соборъ»...

— на этотъ разъ сказалъ всю пьесу съ начала до конца, и съ такой выразительностью, точно это было не изъ Байрона или Лермонтова, а изъ самого Достоевскаго, его собственное признаніе . . . ., которое лицу постороннему, пожалуй, неловко было и слушать.

До сихъ поръ стоитъ у меня въ ушахъ, какъ онъ два раза повторилъ:

«Лишь знаю я—и могъ снести!—
... «И могъ снести!»

— и какъ голосъ его вдругъ оборвался и жалобно дрогнулъ, какъ будто заглушенный рыданіемъ, когда онъ шепталъ:

«Прости! прости!»...

— Однако, въ какомъ вы сегодня поэтическомъ настроеніи, Федоръ Михайловичъ!—замѣтилъ Порѣцкій.

Замѣчаніе это подѣйствовало на Федора Михайловича, какъ ушатъ холодной воды. Онъ сразу нахмурился и умолкъ, потомъ взглянулъ на часы и заторопился къ Майкову.

— Помните, я вамъ какъ-то давно обѣщала литературные вечера?—сказалъ онъ, прощаясь со мною.—Ну, такъ сегодня пусть это будетъ первый—въ задатокъ будущихъ!

Какъ-то вскорѣ потомъ, встрѣтившись у знакомыхъ съ однимъ изъ «тонкихъ цѣнителей всѣхъ изящныхъ искусствъ», покойнымъ М. А. Кавосомъ, я стала рассказывать ему, какъ «чудно» читаетъ Пушкинскіе стихи Достоевскій, но Кавосъ сдѣлалъ гримасу, неловно напомнившую мнѣ Траншеля.

— Грѣшный человѣкъ,—сказалъ онъ,—не вѣрю я, что онъ можетъ хорошо прочесть Пушкина. Вотъ свои «Записки изъ подполья» онъ, пожалуй, прочтетъ хорошо. Не любитель я его лазаретной музыки, а это и я бы послушалъ.

Я не читала этихъ «Записокъ» — и призналась въ своемъ невѣжествѣ.

— У-у! Самый ужасающій мракъ и зловоніе больничной палаты. Но сильно! Самая сильная вещь, по-моему. Совѣтую прочитать!—изрекъ мнѣ тогда этотъ меценатъ и любитель «прекраснаго».

И я впервые тогда прочла этотъ адъ и пытки самобичеванія, самоказни,—и впечатлѣніе было особенно тяжело для меня потому,

что сначала я никакъ не могла разъединить въ моемъ сознаниі личность автора отъ героя «Записокъ»,—и благоговѣніе къ «пророку Достоевскому» невольно смѣнялось то восторгомъ къ художнику-психологу, то отвращеніемъ къ чудовищу въ образѣ человѣка, то ужасомъ отъ сознанія, что это чудовище дремлетъ въ каждомъ изъ насъ,—и во мнѣ, и въ самомъ Достоевскомъ...

Помню, что не спала цѣлую ночь, и встрѣтившись въ то же утро съ Федоромъ Михайловичемъ въ типографіи, я не выдержала,—заговорила впервые сама о его сочиненіяхъ:

— Всю ночь сегодня,—сказала я,—читала ваши «Записки изъ подполья»... И не могу освободиться отъ впечатлѣнія... Какой это ужасъ—душа человѣка! Но и какая страшная правда!..

Федоръ Михайловичъ улыбнулся ясной, открытой улыбкой.

— Краевскій говорилъ мнѣ тогда, что это—мой настоящій chef d'oeuvre, и чтобы я всегда писалъ въ этомъ родѣ. Но я съ нимъ не согласенъ. Слишкомъ ужъ мрачно. Es ist schon ein überwundener Standpunkt. Я могу написать теперь болѣе свѣтлое, примирающее. Я пишу теперь одну вещь...

XVI.

Съ тѣхъ поръ и уже до конца Федоръ Михайловичъ не измѣнялъ своихъ отношеній ко мнѣ, — развѣ сталъ еще добрѣе и проще. По временамъ онъ опять разспрашивалъ, гдѣ я бываю, что дѣлаю,—и я безъ смущенія рассказывала ему, какъ учителю-другу. И однажды, помню, передавая ему мои наблюденія и бесѣды съ наборщиками (онъ совѣтовалъ мнѣ записывать ихъ), я сообщила ему, между прочимъ, что одинъ наборщикъ, изъ дворянъ-однодворцевъ, служившій передъ тѣмъ писаремъ въ главномъ штабѣ, второй годъ уже состоитъ подъ судомъ за «покушеніе на оскорбленіе дѣйствіемъ дежурнаго офицера при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей»...

— Я не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ,—рассказывалъ мнѣ этотъ наборщикъ,—не всталъ и не отдалъ чести. Офицеръ этотъ и раньше ко мнѣ всегда придирался. А тутъ, ни слова не говоря, хотѣлъ прямо въ зубы! Я только вытянулъ руку,—защищался рукой:—я, говорю, дворянинъ, вы не имѣете права!—и дотронулся слегка рукой до его погона... Свидѣтелей не было,—я былъ одинъ въ канцеляріи... Ну, онъ сейчасъ закричалъ... Созвали команду... «Взять подъ стражу! Отвести на гауптвахту!»... Я понялъ, что я погибъ: моимъ показаніямъ никто бы не повѣрилъ. Оставалось одно—прикинуться сумасшедшимъ, изобразить аффектъ. Я сталъ бросаться на конвойныхъ... Одного искусалъ... Назначили судъ. На судѣ я говорилъ, какъ будто въ бреду, а между прочимъ всѣ мотивы имъ выложилъ... Отдали подъ судебно-медицинскій надзоръ; на

тринадцатой верстѣ цѣлый годъ состоялъ подѣ этимъ надзоромъ. Два раза освобождали, и еще одно испытаніе предстоитъ»...

И несчастный боялся, что въ третій разъ, пожалуй, не выдержитъ:

«Или останусь навсегда въ сумасшедшемъ домѣ, или сидѣлка донесетъ, что обманываю... и тогда разстрѣляютъ».

Мнѣ было страшно его жалко, и по временамъ онъ мнѣ казался дѣйствительно душевно-больнымъ — съ маніей оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ человѣка ..

— Посовѣтуйте ему,—сказалъ Ѳедоръ Михайловичъ,—пусть онъ почаще третъ себѣ лобъ. Это все сумасшедшіе дѣлаютъ. Первый признакъ мозгового расстройства. Скажите ему: пусть вотъ такъ, почаще третъ себѣ лобъ...

И Ѳедоръ Михайловичъ показывалъ мнѣ жестомъ, какъ надо это дѣлать.

Въ свою очередь и Ѳедоръ Михайловичъ опять сталъ посвящать меня въ свои думы и планы. Я узнала тогда отъ него, что онъ пишетъ большой романъ съ героемъ въ образѣ «ростовщика, который мститъ этимъ обществу»... И однажды онъ попросилъ меня даже узнать «какъ нибудь» у знакомыхъ мнѣ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», найдется ли для такого романа свободное мѣсто въ ихъ журналѣ въ будущемъ году.

Съ этимъ вопросомъ я обратилась тогда къ Г. З. Елисѣеву на одномъ изъ собраній такъ называемаго «Итальянскаго клуба»¹⁾ въ отвѣтъ на его вопросъ:

— Ну, что подѣлываетъ вашъ Достоевскій? Все съ «Гражданиномъ» нянчится?...

Узнавъ, что Ѳедоръ Михайловичъ пишетъ новый романъ, Григорій Захаровичъ сказалъ мнѣ самымъ доброжелательнымъ голосомъ:

— Пусть, пусть присылаетъ. Мѣсто для него у насъ всегда найдется.

Я сообщила эти слова Ѳедору Михайловичу. Онъ видимо остался доволенъ, и романъ его «Подростокъ» былъ напечатанъ въ 1875 году въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ это же время, помню, случилось мнѣ разъ читать при немъ въ типографіи «Les misérables» Виктора Гюго. Онъ занятъ былъ исправленіемъ въ корректурѣ какой-то статьи, а я дочитывала послѣднія страницы—кажется—второго тома, какъ вдругъ услышала его насмѣшливый, но и ласковый голосъ:

¹⁾ Литературно-артистическіе вечера въ складчину въ одной частной квартирѣ на Малой Итальянской улицѣ.

— Надъ чѣмъ это вы такъ убиваетесь, что даже не замѣчаете моего присутствія?... А я сейчасъ долженъ уйти!...

Я дочитала и подала ему книгу. Онъ долго и съ любопытствомъ ее перелистывалъ.

— Представьте, что я этого никогда не читалъ!—проговорилъ онъ, видимо заинтересованный. — И какое чудесное изданіе: лондонское,—значить, безъ пропусковъ. Какъ это вы достали его?

— У знакомыхъ взяла на нѣсколько дней. Вотъ и тороплюсь теперь—читаю гдѣ ни попало.

— А что если бъ я взялъ у васъ эту книгу на одну только ночь? Завтра же возвращу вамъ ее обратно. На одну только ночь. Я книгъ никогда не зачитываю!—рѣзко прибавилъ онъ, пристально глядя мнѣ прямо въ глаза. Я, разумѣется, поспѣшила увѣрить его, что хотя книга и не моя, но лицу этому будетъ приятно, если онъ возьметъ ее почитать. И Федоръ Михайловичъ, очень довольный, унесъ съ собою этотъ, кажется, второй томъ «Les misérables»—исторію Фантины (Fantine). Но въ тотъ же самый день съ нимъ произошелъ извѣстный «казусъ», о которомъ я узнала только недѣлю спустя отъ самого Федора Михайловича.

— Знаете, гдѣ я всѣ эти дни пропадалъ?—прошепталъ онъ мнѣ «по секрету», какъ только мы остались вдвоемъ въ конторѣ.—Подъ арестомъ сидѣлъ на Сѣнной, на гауптвахтѣ. За пустяки!... Такъ, одинъ маленькій редакторскій грѣхъ... И все это время я тамъ читалъ вашу книгу,—смѣясь, рассказывалъ онъ.—Книга эта какъ была у меня въ карманѣ пальто, такъ меня съ ней и засадили туда. И, благодаря этимъ «мизераблямъ», мнѣ было превесело тамъ. Не шутя говорю, — очень было мнѣ тамъ хорошо. Офицеръ тамъ дежурный—преумнѣющій. О романѣ моемъ «Преступленіе и наказаніе» говорилъ и вообще разговаривалъ со мной по душѣ. Навѣщать меня туда приходили, и кормили даже отлично. А, кромѣ того, еще этотъ романъ. Я читалъ его съ наслажденіемъ. Я вамъ теперь эту книгу принесъ, въ доказательство, что я не имѣю привычки зачитывать, но—сказать вамъ по правдѣ?—мнѣ ужасно хотѣлось бы оставить ее совсѣмъ у себя. Эта книга мнѣ будетъ теперь всегда напоминать мой арестъ... и какъ мнѣ было тамъ хорошо!

— Послушайте!—съ дѣтской улыбкой и увлеченіемъ заговорилъ онъ, беря меня за руку:—спросите, пожалуйста, этого вашего знакомаго, не согласится ли онъ на обмѣнъ?... Скажите,—я уже выписалъ себѣ точно такое изданіе,—но не можетъ ли онъ оставить мнѣ именно эту книгу. Скажите, что я очень его объ этомъ прошу, что онъ сдѣлаетъ мнѣ этимъ, ну, величайшее, величайшее одолженіе!... Попросите его, пожалуйста!

Собственникъ книги (Михаилъ Альбертовичъ Кавосъ) «съ величайшимъ удовольствіемъ», хотя и не безъ удивленія, и, конечно,

безъ всякой замѣны согласился исполнить это «странное» желаніе Достоевскаго, и, по свидѣтельству Вс. С. Соловьева, Федоръ Михайловичъ «до послѣднихъ дней своихъ восхищался этою книгой»...¹⁾.

XVII.

Въ концѣ марта (или началѣ апрѣля) 1874 года Федоръ Михайловичъ сложилъ съ себя наконецъ тяготившее его редакторство. Сообщая мнѣ это, онъ не скрылъ отъ меня, что врядъ ли я «уживусь» съ новымъ редакторомъ.

Ожиданіе этихъ переменъ, въ связи съ другими, чисто личными моими невзгодами, отражалось, должно быть, у меня на лицѣ. И въ самый послѣдній вечеръ нашей совмѣстной работы Федоръ Михайловичъ шутливо сказалъ мнѣ съ своей милой, доброй улыбкой:

— Ну, что вы въ такомъ уныніи? Или жизнь прожить—не поле перейти?

Я намекнула ему, что у меня впереди—нѣчто очень тяжелое.

— И исхода нѣтъ?

— Безъ исхода.

— И кто виновать?

— Преступленіе и наказаніе! Вѣдь по-вашему такъ?—съ невольной горечью вырвалось у меня.

— Кто виновать?—снова повторилъ онъ, не отвѣчая.

— Безъ вины виноватые,—въ тонъ ему отвѣтила я.

— Коварство и любовь виноваты?—подсказалъ онъ.

Я молчала; онъ вопросительно смотрѣлъ на меня.—И эпилогъ, какъ у Стебницкаго,—«Некуда»?

— Что дѣлать!

Федоръ Михайловичъ разсмѣялся.

— Однако замѣчаете, — сказалъ онъ,—мы съ вами говоримъ все время заглавіями литературныхъ произведеній? Это прелюбопытно! Все время — одними только заглавіями.—И онъ опять весело разсмѣялся. Смѣхъ у него всегда былъ отрывистый и короткій, но въ высшей степени искренній, добродушный. И онъ очень рѣдко смѣялся.

На прощанье Федоръ Михайловичъ выразилъ желаніе и надежду снова увидѣться и работать вмѣстѣ. И онъ такъ тепло говорилъ мнѣ объ этомъ, что я невольно ободрилась и, провожая его до лѣстницы черезъ всю наборную, общала ему, что когда мнѣ удастся написать что нибудь достойное его вниманія, я принесу ему на показъ, какъ учителю...

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1881 г., т. IV, мартъ, стр. 616, «Воспоминаніи о О. М. Достоевскомъ».

Онъ уже спускался по лѣстницѣ—и вдругъ, поднявъ голову, остановился, какъ бы желая что-то сказать. Но въ эту минуту внизу распахнулась дверь, кто-то посторонній сталъ подниматься по ступенямъ мимо Федора Михайловича, и онъ успѣлъ мнѣ только сказать:

— Ну... до свиданія!..

Я не предчувствовала тогда, что это было наше послѣднее свиданіе, послѣдній разговоръ мой съ Федоромъ Михайловичемъ.

Судьба присудила иное.

Предсказанія Федора Михайловича сбылись вполнѣ: съ новой редакціей я «не ужилась». Осенью того же года журналъ «Гражданинъ», вмѣстѣ съ метранпажемъ его, М. А. Александровымъ, перешли въ типографію князя Оболенскаго. И когда Федоръ Михайловичъ зашелъ туда съ какимъ-то заказомъ, онъ, по словамъ г. Александрова, «спросилъ» и обо мнѣ. Но я осталась работать у Траншеля. Потомъ, годъ спустя, когда Федоръ Михайловичъ снова печаталъ у Траншеля отдѣльнымъ изданіемъ романъ свой «Подростокъ», меня уже не было у Траншеля, и мнѣ только передавали, что онъ опять «спрашивалъ» обо мнѣ...

На этомъ и оканчиваются всѣ личныя отношенія мои къ Федору Михайловичу. И я скоро почувствовала, чего я лишилась съ прекращеніемъ этихъ отношеній...

Есть люди, которыхъ оцѣнишь вполнѣ только послѣ того, какъ утратишь. Вблизи они слишкомъ захватываютъ и иногда подавляютъ своимъ обаяніемъ, своей силой. Нельзя безнаказанно смотрѣть открытымъ глазомъ прямо на солнце — блескъ его нестерпимъ, можно ослѣпнуть. Нужны темныя стекла времени, чтобы увидѣть свѣтило своими собственными глазами...

Къ такимъ именно людямъ принадлежалъ и Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

На разстояніи сгладились всѣ безпокойныя и рѣзкія черты, и мягко засіяла неугасимо ровнымъ, любящимъ свѣтомъ эта пламенно-нѣжная, объединенная въ своей высшей сложности, устремленная къ одной высшей цѣли, многострадальная и глубокая личность писателя.

XVII.

Только два раза удалось мнѣ потомъ издалека увидѣть Ф. М. Достоевскаго. Оба раза это были для меня рѣшающія эпохи моей духовной жизни, и точно яркіе маяки стоятъ они въ вереницѣ моихъ воспоминаній.

Первый разъ это было 9 марта 1879 года, на литературномъ вечерѣ въ пользу «Общества нуждающихся литераторовъ и ученыхъ». На программѣ стояли имена Салтыкова, Полонскаго, Потѣхина, Достоевскаго и Тургенева. Я пошла на этотъ вечеръ, чтобы

видѣть и слышать одного Тургенева, а ушла съ него подъ впечатлѣніемъ одного Достоевскаго.

Салтыковъ началъ вечеръ своей «Современной идилліей». Желчнымъ, вяло-брюзгливымъ и монотоннымъ голосомъ прочелъ онъ о томъ, какъ пришелъ Глумовъ и сказалъ, что «надо погодить»,—и они начали пить водку, играть въ карты, набивать папирсы и терять свою «образованность» въ обществѣ новаго друга ихъ—околоточного, пока не обростутъ когтями и шерстью.

Всѣ переглядывались тогда съ сумрачной, но удовлетворенной улыбкой. Всѣ понимали, что значить это Глумовское «надо погодить». Это значило: надо закупориться въ мурьѣ и не высовывать носа за дверь, такъ какъ тутъ же, сейчасъ, его могутъ у васъ оторвать, а, быть можетъ, и вовсе лишить живота. Закупориться и ждать переменъ обстоятельствъ, благоприятной атмосферы для безопаснаго пребыванія мирныхъ обывателей внѣ мурьи на свободѣ, т.-е. на любой петербургской улицѣ, не только на немощенной, но даже и на покрытой торпомъ и асфальтомъ. А доколѣ обстоятельства не переменятся, обывателямъ оставалось только играть въ карты, пить водку и терять «образованность»... Ибо нельзя оставаться людьми и жить человѣческой жизнью при современномъ порядкѣ вещей...

Потомъ еще что-то читали; потомъ былъ антрактъ. А послѣ антракта первымъ вышелъ на эстраду *Ө. М. Достоевскій*.

Глубокое волненіе охватило меня, когда я увидѣла снова эту фигуру и это лицо, когда услыхала этотъ давно неслышанный голосъ. Разомъ вспомнилось все: наша работа за однимъ столомъ, ночныя бесѣды «на чердакѣ», филиппики противъ «либераловъ» и таинственныя возвѣщенія объ антихристѣ...

Онъ читалъ главу изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»—Разсказъ по секрету, но для многихъ, въ томъ числѣ и меня, это было чѣмъ-то въ родѣ откровенія всѣхъ судебъ... Это была мистерія подъ заглавіемъ: Страшный судъ, или Жизнь и смерть... Это было анатомическое вскрытіе больного гангреною тѣла,—вскрытіе язвъ и недуговъ нашей пригнупленной совѣсти, нашей нездоровой, гнилой, все еще крѣпостнической жизни... Пласть за пластомъ, язва за язвой... гной, смрадъ... томительный жаръ агоніи... предсмертныя судороги... И освѣжающія, цѣлительныя улыбки... и кроткія, боль утѣляющія слова—сильнаго, здороваго существа у одра умирающаго. Это былъ разговоръ старой и новой Россіи, разговоръ братьевъ Карамазовыхъ—Дмитрія и Алеши.

Мнѣ слышались подъ звуки этого чтенія двѣ фразы, все объяснявшія мнѣ и въ Достоевскомъ, и въ насъ самихъ. Мнѣ представлялось, какъ будто слушатели, бывшіе въ залѣ, сначала не понимали, что онъ читалъ имъ, и перешептывались между собою:

— Маніакъ!.. Юродивый!.. Странный!..

А голосъ Достоевскаго съ напряженнымъ и страстнымъ волненіемъ покрывалъ этотъ шопоть...

— Пусть странно! пусть хоть въ юродствѣ! Но пусть не умираетъ великая мысль!

И этотъ проникновенный, страстный голосъ до глубины потрясалъ намъ сердца... Не я одна,—весь залъ былъ взволнованъ. Я помню, какъ нервно вздрагивалъ и вздыхалъ сидѣвшій подлѣ меня незнакомый мнѣ молодой человѣкъ, какъ онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, судорожно встряхивая головой и сжимая пальцы, какъ бы съ трудомъ удерживая ихъ отъ невольныхъ рукоплесканій. И какъ наконецъ загремѣли эти рукоплесканія...

Всѣ хлопали, всѣ были взволнованы. Эти внезапныя рукоплесканія, не во-время прервавшія чтеніе, какъ будто разбудили Достоевскаго. Онъ вздрогнулъ и съ минуту неподвижно оставался на мѣстѣ, не отрывая глазъ отъ рукописи. Но рукоплесканія становились все громче, все продолжительнѣе. Тогда онъ поднялся, какъ бы съ трудомъ освобождаясь отъ сладкаго сна, и, сдѣлавъ общій поклонъ, опять сѣлъ читать. И опять послышался таинственный разговоръ на странную, совсѣмъ не «современную», даже «ненормальную» тему.

«Вѣрь тому, что сердце скажетъ!

«Нѣтъ залоговъ отъ небесъ»!

говорилъ одинъ съ ядовитой и страстной ироніей. А другой отвѣчалъ ему съ такой же страстной, изступленною лаской: «Я не мстить хочу! Я простить хочу!»...

Мы слушали это съ возрастающимъ волненіемъ и съ трепетомъ сердца тоже хотѣли «простить»!—И вдругъ все въ насъ чудодѣйственно измѣнилось: мы вдругъ почувствовали, что не только не надо намъ «погодить», но именно нельзя медлить ни на минуту... Нельзя потому, что каждый мигъ нашей жизни приближаетъ насъ къ вѣчному сумраку или къ вѣчному свѣту, — къ евангельскимъ идеаламъ или къ звѣрямъ. А неподвижной середины не существуетъ. Нѣтъ точки неизблемой въ мірѣ вѣчно текущихъ, смѣняющихся явленій, гдѣ каждое мгновеніе есть производное предыдущаго,—нѣтъ остановокъ для мыслящаго ума, какъ нѣтъ покоя для живущаго сердца. Или—«чортова ахинея» и укусы тарантула, или «возьми свой крестъ и иди за Мной»! Или «блаженны алчущіе и жаждущіе правды»—и тогда «не убей», «не укради», «не пожелай!»... Или—ходи по трупамъ задавленныхъ и рви кусокъ изъ чужого рта, ѣзди верхомъ на другихъ и плюй на всяческіе завѣты! А середины не существуетъ, и живое не ждетъ.

...Онъ кончилъ, этотъ «ненормальный», «жестокій талантъ», измучивъ насъ своей мукой,—и громъ рукоплесканій опять полетѣлъ ему вслѣдъ, какъ бы въ благодарность за то, что онъ вы-

велъ насъ всѣхъ изъ «нормы», что идеалы его стали вдругъ нашими идеалами, и мы думали его думами, вѣрили его вѣрой и желали его желаніями...

И если это настроеніе было только минутнымъ для однихъ его слушателей,—для другихъ оно явилось переворотомъ на цѣлую жизнь и послужило могущественнымъ толчкомъ къ живительной работѣ самосознанія, неизсякаемымъ источникомъ вѣры въ божественное происхожденіе человѣка и въ великія судьбы его всемирной исторіи. И эти слушатели имѣли право назвать Достоевскаго своимъ великимъ учителемъ, какъ это было написано на одномъ изъ его надгробныхъ вѣнковъ.

Въ послѣдній разъ я встрѣтилась съ Достоевскимъ на улицѣ въ самомъ началѣ 1881 года, кажется—наканунѣ Крещенья. Въ типографіи Гоппе, гдѣ я тогда занималась, въ этотъ день было мало работы, мнѣ нездоровилось, и меня отпустили домой раньше обыкновеннаго. На Вознесенскомъ только что начали зажигать фонари. Вокругъ, на улицахъ, была обычная шумная суতোлка и обычныя лица попадались на встрѣчу—торговый, рабочій людъ, мастеровые, нищѣ, разнаго рода и вида падающіе и упавшіе... Отъ этихъ улицъ на меня всегда какъ будто вѣяло порокомъ и преступленіемъ. Въ этихъ огромныхъ и грязныхъ домахъ-муравейникахъ, казалось, все было грязно: и стѣны снаружи, и люди—внутри... Этотъ воздухъ отбросовъ и плѣсени отравлялъ какъ будто и душу, и тѣло... И нездоровыя страсти, и губительныя мечты должны были зарождаться здѣсь, на этихъ улицахъ нищеты, порока и преступленія.

Вся эта мѣстность—Сѣнная, Мѣщанскія и Большая Садовая—всегда напоминала мнѣ самыя мрачныя страницы изъ мрачныхъ романовъ Достоевскаго. На праздникахъ, на свободѣ, я прочла его «Кроткую», этотъ разсказъ, который онъ назвалъ «фантастическимъ», хотя самъ считалъ его «въ высшей степени реальнымъ»,—и мнѣ какъ-то особенно думалось теперь объ этой «Кроткой» и о самомъ Достоевскомъ... И вдругъ, за нѣсколько шаговъ передъ собой, въ этой убогой, невзрачной толпѣ, я различила знакомую фигуру—тщедушную и широкоплечую—въ недлинномъ мѣховомъ пальто. Та же мѣрно тяжелая, неспѣшная поступь, какъ будто съ кандалами на ногахъ... То же единственное въ своемъ родѣ лицо,—лицо—точно ткань изъ душевныхъ движеній... Тѣ же глаза, неподвижно устремленные на меня...

Я внутренно вздрогнула. «Неужели это Достоевскій? И неужели онъ узнаетъ меня? И сейчасъ остановится и заговорить, какъ, бывало, на Невскомъ!»...

Онъ остановился подлѣ ярко освѣщенной витрины съ дѣтскими книгами; но, разсматривая книги, онъ, какъ мнѣ показалось, искоса оглядывался назадъ, точно выжидая, когда я къ нему подойду.

Я подошла къ витринѣ съ нотами—рядомъ, въ другомъ окнѣ, и украдкой взглянула въ его сторону, все еще не увѣренная, что это былъ онъ.

Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ,—и сомнѣнія больше не было: это былъ Фѣдоръ Михайловичъ. И онъ смотрѣлъ на меня съ легкой улыбкой, какъ бывало, когда мы встрѣчались на Невскомъ, между Лиговкой и Владимирской.

Мнѣ такъ хотѣлось подойти къ нему, услышать опять его голосъ, сказать ему, какъ глубоко я теперь его понимаю, и какъ много онъ мнѣ сдѣлалъ добра... Я чувствовала себя его ученицей, обязанной ему моимъ нравственнымъ міромъ, моей духовной свободой!... Но робость и гордость точно заковали меня. И я прошла мимо него, не сказавъ ни слова.

А три недѣли спустя послѣ этой встрѣчи, мнѣ привелось прочесть въ корректурѣ, что Достоевскаго уже нѣтъ въ живыхъ! Не хотѣлось даже вѣрить глазамъ—такъ это было неожиданно!—Я рвалась на первую панихиду, чтобы взглянуть еще разъ на дорогія черты... но я была въ то время очень больна, не выходила изъ дому,—и ни видѣть усопшаго, ни проводить его до могилы мнѣ такъ и не удалось.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Много съ тѣхъ поръ измѣнилось. Измѣнились не только понятія, но и слова. Никто не называетъ теперь Достоевскаго ни «юродивымъ», ни «свихнувшимся»... Но Достоевскаго обвиняютъ теперь въ притворной религіозности, въ лицемерномъ идеализмѣ, въ томъ, что онъ училъ,—чему самъ не вѣрилъ; что трагедіей его жизни была неизбежная необходимость «являться къ людямъ въ мундирѣ... христіанской морали»; что онъ, какъ Ницше, наединѣ съ собою жестоко смѣялся надъ обманутыми имъ простаками...

Такъ обвиняютъ теперь его... И читая и слушая подобныя обвиненія, я всегда вспоминаю одинъ рассказъ, который мнѣ довелось случайно услышать отъ почтенной старушки, вдовы священника, часто встрѣчавшей Ф. М. Достоевскаго въ Знаменской церкви.

Вотъ ея подлинныя слова:

— «Онъ всегда къ заутренѣ или къ ранней обѣднѣ въ эту церковь ходилъ. Раньше всѣхъ, бывало, придетъ, и всѣхъ позже уйдетъ. И станетъ всегда въ уголокъ, у самыхъ дверей, за правой колонкой, чтобы не на виду. И всегда на колѣнкахъ и со слезами молился. Всю службу, бывало, на колѣнкахъ простоятъ; ни

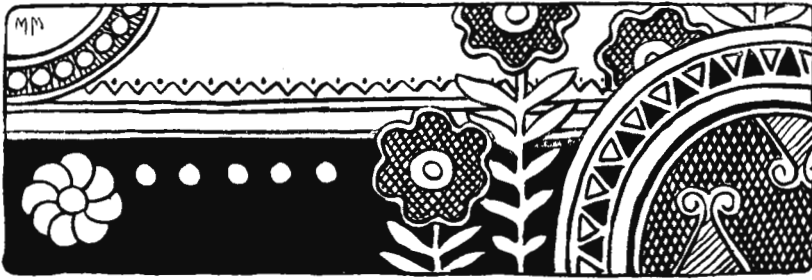

разу не встанетъ. Мы всё такъ и знали, что это—Федоръ Михайловичъ Достоевскій,—только дѣлали видъ, что не знаемъ и не замѣчаемъ его. Не любилъ, когда его замѣчали. Сейчасъ отворотится и уйдетъ».

Вотъ здѣсь, мнѣ думается, и была его истинная трагедія. Величайшая, какая можетъ быть на землѣ,—трагедія неугомонной и неподкупной религіозной совѣсти, въ которой палачъ и мученикъ таинственно сливаются иногда воедино.. Но тайны этой трагедіи навѣки унесъ съ собою искренній, страстный поборникъ евангельской правды, дивный художникъ ея—Федоръ Михайловичъ Достоевскій. И у людей, признающихъ святую свободу совѣсти, нѣтъ даже права разгадывать эти тайны.

В. В. Т—ва (О. Починковская).

ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО!

(Три эпизода из юношеской жизни императора Александра III).

ДИНЬ изъ немногочисленныхъ уже ветерановъ-севастопольцевъ, Владимиръ Валеріановичъ Гогель, сообщилъ мнѣ три эпизода изъ юношеской жизни государя императора Александра III. Въ виду того, что каждая мелочь въ жизни выдающихся людей можетъ быть важна для будущаго историка, я считаю не лишнимъ познакомить читателей съ тѣмъ, что мнѣ передалъ г. Гогель. Дѣйствую я, конечно, съ разрѣшенія рассказчика. Случаи, о которыхъ будетъ рѣчь, имѣли бы мало значенія, если бы не подчеркивали одного изъ свойствъ почившаго государя, а именно присущей ему глубокой справедливости. Эта черта характера императора Александра III ярко сказывалась уже въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ.

Рассказъ излагаю такъ, какъ онъ былъ мнѣ переданъ г. Гогелемъ.

Въ 1851 году царская фамилія, — говорилъ В. В., — довольно продолжительное время находилась въ Москвѣ. Внуки императора Николая I—великіе князья Николай Александровичъ и Александръ Александровичъ—помѣщались въ новомъ дворцѣ; при нихъ безотлучно находился мой родной дядя, тогда свиты его величества генераль-майоръ, Григорій Федоровичъ Гогель. Я былъ кадетомъ въ

1-мъ московскомъ корпусѣ и по праздникамъ, утромъ, приходилъ къ дядѣ во дворецъ. Въ первый же мой приходъ я былъ представленъ великимъ князьямъ, и, хотя по лѣтамъ былъ значительно старше, чѣмъ они, я почти всякій разъ принималъ участіе въ ихъ играхъ: дядя удостоилъ меня этой чести въ награду за то, что я хорошо учился и былъ записанъ на красную доску. Въ началѣ я было терялся, но затѣмъ освоился; въ свою очередь и великіе князья перестали меня стѣсняться. Игрушекъ было много—всякихъ медвѣдей, лошадей, разныхъ звѣрей, птицъ и т. п., но общая игра съ ними какъ-то не ладилась, а потому чаще всего мы занимались «солдатиками». У великихъ князей были оловянные солдатика вершка въ два величиной; солдаты двигались въ дощечки и, установленные въ порядокъ, образовывали строевую часть, которой, обыкновенно, производилось ученье или смотръ; иногда и мнѣ приходилось «представлять» строевую часть великимъ князьямъ. Съ этими-то солдатиками и связанъ первый случай, когда я услышалъ изъ устъ покойнаго государя, тогда мальчика, горячее: «это несправедливо!»

Однажды, придя къ дядѣ, я засталъ солдатиковъ разставленными; надлежало быть «разводу». Великіе князья спорили между собой, кому производить разводъ и кому его принимать. Николай Александровичъ настаивалъ, чтобы разводъ производилъ Александръ Александровичъ, а самъ онъ, какъ старшій, будетъ его принимать.

«Дядька», состоявшій при великихъ князьяхъ, старался ихъ примирить и успокоить, я присоединился къ нему и хотѣлъ уже предложить свои услуги командовать разводомъ, когда изъ сосѣдней комнаты вышелъ мой дядя. Александръ Александровичъ обратился къ нему со словами, которыя я въ точности запомнилъ:

— Григорій Ѳеодоровичъ! Николай Александровичъ все хочетъ, чтобы я командовалъ разводомъ, а онъ будетъ принимать его, «какъ старшій»... Вѣдь, мы играемъ, а въ игрѣ старшинства нѣтъ. Пусть онъ командуетъ: я тоже хочу смотрѣть разводъ, онъ и то всякій разъ смотритъ. Вѣдь это же несправедливо!

Дядя ихъ помирилъ тѣмъ, что прекратилъ игру, такъ какъ великимъ князьямъ нужно было куда-то ѣхать.

Конечно, это только маленькая ссора двухъ мальчиковъ, но характеренъ аргументъ, на который опирался великій князь Александръ Александровичъ: онъ требуетъ и настаиваетъ въ силу справедливости.

Въ началѣ 1853 года я былъ произведенъ въ офицеры, для чего выпускныхъ кадетъ московскаго корпуса прикомандировывали, на время лагерей, къ Дворянскому полку. До отъѣзда къ батареѣ, т.-е. до октября, я часто бывалъ у дяди въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ то время находился дворъ, и часто встрѣчался съ великими князьями Николаемъ Александровичемъ и Александромъ Александровичемъ.

Помню разъ, передъ вечеромъ, устраивалась игра въ осаду и оборону или въ нападеніе и защиту; участвующихъ дѣтей оказалось нечетное число, и раздѣлиться поровну имъ было нельзя. Они рѣшили, какъ говорится, на своеобразномъ дѣтскомъ языкѣ, «конаться», съ тѣмъ, что послѣдній достанется той или другой сторонѣ по счастью. Споръ былъ довольно оживленный, но въ чемъ было дѣло, нельзя было разобрать за общимъ говоромъ. Дядя разговаривалъ съ воспитателемъ великихъ князей, генераль-адъютантомъ Зиновьевымъ; я стоялъ подлѣ нихъ.

Вдругъ подбѣжалъ великій князь Александръ Александровичъ, держа за руку моего двоюроднаго брата Гришу, ровесника великому князю. Надо замѣтить, что мой кузень принималъ участіе въ игрѣ.

Великій князь сказалъ, обращаясь къ генералу Зиновьеву и назвавъ его по имени и отчеству:

— Мы должны раздѣлиться на двѣ партіи, а одинъ оказывается лишнимъ. Его хотятъ прибавить по счастью... Вѣдь это несправедливо. Посмотрите на Гришу и... (не помню, какое имя великій князь еще назвалъ), они такіе слабенькіе, что я предлагаю ихъ считать за одного. Тогда и выйдетъ равное число, чтобы конаться. Вѣдь правда?

— Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ Зиновьевъ, — особенно если ихъ обоихъ поставить противъ васъ.

Это было второе «несправедливо», которое я слышалъ изъ устъ мальчика — будущаго царя. Несмотря на различіе того и другого случая, аргументъ былъ тотъ же: во имя справедливости!

Послѣ Севастопольской кампаніи, я, готовясь поступить въ военную академію, былъ въ 1858—1859 гг. репетиторомъ математики въ Пажескомъ корпусѣ. Зимой царская фамилія находилась въ Петербургѣ; великіе князья помѣщались въ Зимнемъ дворцѣ; тамъ же жилъ и дядя мой. Я часто бывалъ у него. Не помню, чтобы онъ куданибудь отлучался, кромѣ оперы, на которую онъ былъ абонированъ. Тогда въ Петербургѣ подвизались два замѣчательныхъ тенора: Тамберликъ и Кальцолари. Тетушка и кузина были, какъ говорится, безъ ума отъ перваго. У дяди по вечерамъ собирались его друзья и короткіе знакомые; обыкновенно устраивалась партія въ ералашъ (въ то счастливое время еще не умѣли «подвинчивать»), въ гостиной разговаривали за чашкой чая, играли на рояли, а также и пѣли подъ аккомпанементъ кузины, когда бывали капитанъ I ранга Опочининъ и сенаторъ Харитоновъ. По вечерамъ иногда приходили великіе князья, когда знали, что будетъ пѣніе и особенно съ участіемъ Тамберлика или Кальцолари, которые изрѣдка бывали у тетушки.

Помню, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда пѣлъ Тамберликъ, присутствовалъ великій князь Александръ Александровичъ. Тамберликъ рано уѣхалъ, послѣ чего завязался общій разговоръ объ

его голосъ, при чемъ сравнивали съ голосомъ Кальцоляри. Оказалось, что отъ перваго въ восхищеніи—особенно прекрасный полъ, а второму только «симпатизируютъ».

Великій князь Александръ Александровичъ, послѣ нѣсколькихъ фразъ, которыми высказывалъ свое мнѣніе, обратился къ генералъ-адъютанту Гальденштубе со слѣдующими словами:

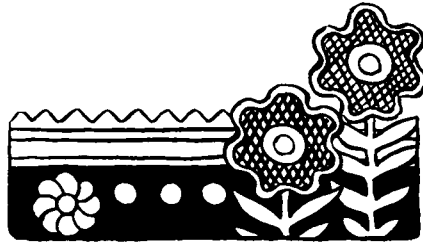
— Александръ Ивановичъ! какъ вы полагаете? по-моему несправедливо однимъ восторгаться, а другому только симпатизировать. Вѣдь у нихъ у обоихъ превосходные голоса. Вся разница, что Тамберликъ поетъ грудью, а Кальцоляри фальцетомъ. Вѣдь вотъ m-г Опочининъ поетъ грудью, а Харитоновъ фальцетомъ; однако, мы ими одинаково восхищаемся и одинаково имъ симпатизируемъ.

Сравненіе было не совсѣмъ вѣрно: Опочининъ пѣлъ басомъ, Харитоновъ теноромъ, а Тамберликъ и Кальцоляри оба были теноры. Лично я не такъ любилъ слушать Тамберлика съ его *ut dies*'омъ, какъ его соперника. Но помимо, такъ сказать, моихъ личныхъ вкусовъ я призналъ и тогда, когда у меня бородка чуть пушилась, и теперь, когда она успѣла посѣдѣть, — что великій князь Александръ Александровичъ нашелъ себѣ точку опоры тамъ, гдѣ всегда ее искалъ: въ справедливости.

Въ маловажныхъ и крупныхъ дѣлахъ онъ всегда только ее одну искалъ, только къ ней стремился и мальчикомъ, и юношей, и на всероссійскомъ престолѣ.

Такъ закончилъ рассказчикъ свою рѣчь.

Н. Н. Алексѣевъ-Кунгурцевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О П. А. СРЕПЕТОВОЙ.

НАСЪ ПРОВОЖАЛА на вокзалѣ маленькая шумная компанія. Путешествіе намъ предстояло большое, и въ первый разъ мы совершали его безъ старшихъ вдвоемъ. Мы ѣхали изъ Севастополя въ Москву, гдѣ сестра моя должна была держать вступительный экзаменъ въ институтъ. Сама я только что окончила гимназію и съ гордостью взяла на себя роль ея провожатой. На вокзалѣ мы забрались очень рано, и уже съ нетерпѣніемъ начали поглядывать на часы. Надъ нами подтрунивали, что мы по неопытности растеряемъ свои вещи, собьемся съ пути, но за всѣмъ этимъ проглядывало и нѣкоторое безпокойство, и шутивая болтовня наша уже начала изсякать, когда наконецъ раздался первый звонокъ. Мы поднялись съ мѣстъ, чтобъ ити на платформу, когда въ залу торопливо вошелъ очевидно тоже отъѣзжающій, высокій молодой человѣкъ, съ кожаной сумкой черезъ плечо. За нимъ слѣдомъ шелъ красивый желтый сетеръ съ волнистой шерстью и длиннымъ пушистымъ хвостомъ.

Молодой человѣкъ снялъ форменную фуражку, и мы увидѣли цѣлую шапку вьющихся русыхъ волосъ. Онъ подошелъ къ книжной стойкѣ и спросилъ себѣ газету. Дверь вторично отворилась, и на порогъ показалась маленькая женская фигура, закутанная въ безформенную сѣрую тальму. Лица нельзя было разсмотрѣть за густой синей вуалью. Она остановилась, ища кого-то глазами, и рѣшительной торопливой походкой направилась къ блондину.

— Что ты тутъ дѣлаешь, Саша?—еще не доходя до него, громкимъ рѣзкимъ голосомъ произнесла она, не смущаясь присутствіемъ постороннихъ: — ужъ былъ звонокъ! Надо скорѣй мѣста занимать!

Онъ повернулъ къ ней молодое красивое лицо, кивнулъ головой и, свистнувъ собаку, вышелъ вслѣдъ за ней.

Нѣсколько времени постояли мы еще на платформѣ подъ кровомъ темной южной ночи. Теплый воздухъ висѣлъ душной пеленой, и не ощущалось никакой прохлады. Когда мы наконецъ вошли въ вагонъ и, тѣсясь въ узкомъ коридорѣ, стали прощаться другъ съ другомъ,—дверь сосѣдняго съ нами купэ отворилась, и изъ нея вышелъ нашъ симпатичный блондинъ. Онъ заговорилъ съ кондукторомъ. «Мы до Петербурга ѣдемъ. Вѣдь это вагонъ прямого сообщенія?»

Отецъ мой вдругъ рѣшительно подошелъ къ нему. Очевидно, онъ и въ немъ вызвалъ то чувство довѣрія и симпатіи, которое, какъ мнѣ казалось, онъ долженъ былъ пробудить въ каждомъ.

— Если бъ вы были такъ добры хоть изрѣдка справляться о моихъ дочеряхъ...—сказалъ онъ.—Онъ вотъ тутъ, рядомъ съ вами поѣдутъ—въ первый разъ въ такой далекій путь однѣ.

Онъ съ улыбкой слушалъ отца и перевелъ на насъ свои оживленные ласковые глаза.

— Очень радъ буду служить, чѣмъ могу. Я съ женой ѣду и познакомлю вашихъ барышень съ ней. Позвольте представиться—Погодинъ.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что хотя отецъ мой и не зналъ лично его отца, но много слышалъ о немъ, при томъ же нашлись общіе знакомые въ Петербургѣ.

— Саша! — послышался рѣзкій голосъ изъ-за закрытой двери купэ.

— Сейчасъ,—отозвался онъ и, еще разъ увѣривъ въ своей готовности служить, скрылся за дверью.

Этотъ инцидентъ подвинулъ время впередъ и поднялъ наше упавшее было передъ разлукой настроеніе. Провожавшіе насъ уже говорили съ платформы, а мы стояли вдвоемъ у открытаго окна, посылая имъ послѣднія привѣтствія. Замелькали фонари, станціонныя окна, человѣческія фигуры, и вскорѣ поѣздъ, грохоча потонулъ во мракѣ теплой южной ночи.

Утро было прелестное. Проснулись мы въ томъ ясномъ, безпричинно веселомъ, молодомъ настроеніи, которому способствовало все окружающее: и яркіе, горячіе лучи солнца, пробивающіеся косымъ столбомъ пыли черезъ зеленую занавѣску окна, и то, что мы вдвоемъ, безъ привычнаго надзора, мчимся въ заманчивую

далъ. На первой же большой станціи послышался стукъ въ нашу дверь, и знакомый уже намъ молодой мужской голосъ спросилъ, встали ли мы, и не хотимъ ли чая. Я отворила дверь и вышла въ коридоръ. Погодинъ дружески поздоровался со мною, какъ съ старой знакомой. При дневномъ свѣтѣ онъ показался мнѣ еще моложе, цвѣтъ лица казался еще свѣжѣе, глаза смотрѣли еще привлекательнѣе. «Пойдемте, я васъ познакомлю съ моей женой», предложилъ онъ и, не дожидаясь моего отвѣта, отворилъ дверь своего купэ и вошелъ туда.

Навстрѣчу мнѣ поднялась маленькая худая женская фигура въ бѣлой матросской рубашкѣ, схваченной кожанымъ кушакомъ. Это была женщина лѣтъ 43-хъ, съ очень смуглымъ, некрасивымъ, болѣзненнымъ лицомъ и небольшими черными глазами, которые внимательно и, какъ мнѣ показалось, недружелюбно остановились на мнѣ.

Вотъ все, что я замѣтила въ первую минуту, и, почувствовавъ себя очень неловко, съ смущеніемъ оглянулась на Погодина. Онъ улыбался и съ любопытствомъ смотрѣлъ на насъ. Мнѣ показалось, что гордость какая-то и спокойная увѣренность свѣтятся въ его глазахъ.

— Очень рада съ вами познакомиться, — прозвучалъ наконецъ ея нѣсколько принужденный тягучій голосъ; она какъ-то особенно отчетливо произносила каждое слово.—*Давайте руку вашу и присядьте.* А Саша намъ пока чаю раздобудетъ...—И она подняла на мужа свои острые черные глаза. Какая-то искра не то насмѣшливости, не то нѣжности пробѣжала въ нихъ. Я съѣла съ ней рядомъ на диванъ, продолжая себя чувствовать неловко и досадуя на нее за это причиняемое мнѣ чувство смущенія. Нѣсколько общихъ фразъ о Севастополѣ, о погодѣ и о цѣли нашего путешествія не сблизили насъ. Я неприязненно смотрѣла на ея худую темную шею, слегка открытую матросскимъ синимъ воротникомъ, на ея маленькую немолодую руку съ круглыми тупыми ногтями, слушала ея рѣзкій отчетливый голосъ и, когда вернулся Погодинъ, рада была возможности встать и уйти къ себѣ. Вскорѣ онъ заглянулъ къ намъ. Его непринужденность и товарищеская простота въ обращеніи передались и намъ, и у насъ не смолкала веселая болтовня.

Скоро мы узнали отъ него, что онъ три недѣли назадъ женился въ Петербургѣ и ѣздилъ съ женой на южный берегъ Крыма, приобрѣлъ себѣ дачу около Ялты и теперь возвращается домой, такъ какъ срокъ его отпуска приближается къ концу. Служить онъ въ контрольной палатѣ, но «имѣетъ свои любимыя частныя занятія», хитро улыбаясь, добавилъ онъ.

Онъ гладилъ собаку, лежавшую у его ногъ, заставлялъ ее продѣлывать разные штуки и сообщилъ намъ, что ее зовутъ Вилла-

ромъ. Намъ было удивительно легко и весело съ нимъ, и мы умышленно или нечаянно забывали о маленькой, некрасивой и суровой женщинѣ, сидѣвшей въ сосѣднемъ купѣ въ полномъ одиночествѣ. Вдругъ громкій, неприятно рѣзнувшій окликъ «Саша!» послышался оттуда.

— Сейчасъ! — спокойно отозвался онъ. — Я еще приду къ вамъ...

Онъ ушелъ. За нимъ лѣниво поднялся и поплелся Вилларъ.

Сестра моя достала свои учебники и сѣла къ окну подучивать исторію. А я принялась размышлять о нашихъ сосѣдяхъ. Фантазія моя разыгралась, и я стала представлять себѣ, что Погодинъ — жертва печальной драмы и заслуживаетъ глубокаго состраданія.

Но онъ не походилъ нисколько ни на жертву драмы, ни на человѣка, нуждающагося въ сочувствіи, и это мнѣ бросилось въ глаза особенно ясно, когда, нѣсколько времени спустя, его высокая стройная фигура показалась опять въ нашей двери, и онъ, удобно облокотясь, весело и дружелюбно смотрѣлъ на насъ. Въ рукахъ у него на этотъ разъ была толстая тетрадь.

— Вы меня спросили, какое мое любимое занятіе, — началъ онъ; — я вамъ покажу... — и онъ слегка покраснѣлъ, протягивая тетрадь: — я пишу!

— И печатаете?

— Раза два печаталъ. Да я еще недавно началъ. Вотъ въ Крыму написалъ двѣ вещи, везу ихъ въ Петербургъ.

— Прочтите намъ! пожалуйста...

— Нѣтъ, вы сами прочтите, если вамъ интересно. Мнѣ неловко будетъ. Вы читайте, а я уйду, чтобъ не мѣшать...

Первый рассказъ назывался «Нина» и заключалъ въ себѣ описаніе первой любви между молодой дѣвушкой съ «блестящими глазами и шаловливой улыбкой» и молодымъ человѣкомъ — «русокудырымъ, мечтательнымъ и грустно-задумчивымъ».

Когда онъ черезъ полчаса заглянулъ опять къ намъ, я увѣренно сказала ему:

— Этотъ герой — это вы? Да?

— Можетъ быть, и я... А что — похожъ? — радостно спросилъ онъ.

— Очень, — съ убѣжденіемъ отвѣтила я, забывая, что это сходство обуславливалось развѣ только молодостью и вьющимися волосами, которыми онъ украсилъ своего героя.

День прошелъ быстро. Уже вечерѣло, когда поѣздъ остановился у какой-то большой станціи. Я стояла у открытаго окна и вдыхала вечерній воздухъ, приятно посвѣжѣвшій послѣ томительно жаркаго дня. Мнѣ невольно бросилась въ глаза маленькая фигура жены Погодина, ожидавшей его на платформѣ. Она стояла ко мнѣ въ полуоборотъ и чертила что-то зонтикомъ на пескѣ. Я ясно видѣла некрасивыя линіи ея головы, рѣзкій профиль съ выдающимся под-

бородкомъ и странную сутуловатость ея спины, отъ которой она казалась еще ниже ростомъ.

— Вы на мою жену смотрите?—раздался за мной голосъ Погодина.—А что? вамъ ея лицо не кажется знакомымъ?—настойчиво продолжалъ онъ. Я съ удивленіемъ взглянула на него.—Нѣтъ? А вѣдь она Стрепетова!—съ наивной гордостью произнесъ онъ.

Я замерла отъ изумленія, которое перешло въ смущеніе и восторгъ.

Это была пора моей жизни, когда всякое извѣстное имя, особенно въ области театральнаго искусства, заставляло биться мое

сердце, а возможность видѣть вблизи или говорить съ знаменитымъ артистомъ казалась мнѣ недостижимымъ счастьемъ. Правда, что я видѣла Стрепетову только разъ, еще ребенкомъ, и совсѣмъ не помнила ея игры, но все же это была—Стрепетова, талантливейшая артистка столичнаго театра, Стрепетова, чьи портреты въ разныхъ роляхъ были недавно помѣщены въ журналѣ «Артистъ», и имя которой извѣстно всей интеллигентной Россіи! И она тутъ, ѣдетъ съ нами... а я не только не выразила ей своего восторга, а невѣжливо, невнимательно отнеслась къ ней...

Всѣ эти ощущенія и мысли вихремъ пронеслись въ моей головѣ. И когда Стрепетова показала въ дверяхъ нашего вагона, я стремительно бросилась къ ней, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, остановилась и восторженно произнесла:

— Я только что узнала, кто вы такая!

— И что же? я отъ этого выиграла въ вашихъ глазахъ?—медленно и строго спросила она.—Мнѣ очень жаль, что я могу пробуждать интересъ и симпатію только, когда узнаютъ мое имя.

Я смутилась до слезъ, слыша за собой беззвучный смѣхъ Погодина и чувствуя на себѣ внимательный взглядъ ея пристальныхъ, черныхъ глазъ.

Вдругъ она положила мнѣ руку на плечо и заговорила ласковымъ голосомъ:

— Ничего, ничего... Не смущайтесь, голубушка!.. Я не наивная дѣвочка и отлично понимаю, что однимъ своимъ видомъ интереса вызвать не могу. Я очень рада, что вы съ моимъ Сашей это время забавлялись. И вамъ было весело, и онъ молодежь любитъ... А вотъ теперь и со мной потолкуете...

Боже, какъ стыдно, какъ неловко мнѣ было передъ ней за свое поведеніе и за свои глупо-самонадѣянныя мысли! Я украдкой взглянула на Погодина и, встрѣтившись съ его попрежнему спокойнымъ, безпечнымъ взглядомъ, я вдругъ поняла это спокойствіе его и увѣренность во всемъ, которыя мнѣ были раньше непонятны,—и еще болѣе стыдно мнѣ стало за себя!

Съ этой минуты Стрепетова всецѣло завладѣла мной. Ея ласковое отношеніе въ отвѣтъ на мое прежнее невниманіе окончательно покорило меня. И если въ этотъ первый вечеръ я еще нѣсколько стѣснялась, чувствуя себя виноватой, то на слѣдующій день я уже не отходила отъ нея.

Сидя съ ней рядомъ на диванѣ и глядя на нее, я не замѣчала больше ни ея темной кожи съ мелкими морщинками, ни ея некрасиваго, немолодого лица. Я только смотрѣла въ ея черные, блестящіе глаза, удивлялась ея крупнымъ бѣлымъ зубамъ, когда она улыбалась, слушала ея выразительную отчетливую рѣчь и думала, что она—Стрепетова.

У нея была особенная манера отгнѣять выраженіе, съ которымъ она говорила, такъ что мнѣ всегда, независимо отъ впечатлѣнія ея словъ, приходило въ голову опредѣленіе ея интонаціи: что вотъ теперь она говоритъ съ грустью, теперь волнуется, теперь высказываетъ гнѣвъ, досаду, смиреніе и т. д.

Рѣчь зашла прежде всего, конечно, объ ея артистической дѣятельности. Несмотря на мою восторженность и готовность видѣть въ ней все лучшее, меня нѣсколько смутили ея дурные отзывы обо всѣхъ, кого она упоминала въ своихъ разсказахъ. Всѣ «товарищи по службѣ», какъ она говорила, были большей частью без-

дарные, пустоголовые интриганы и не уважающіе своего искусства. Она выражалась сильно, беспощадно казня другихъ, но рѣчь ея лилась такъ горячо, такая искренняя нота звучала въ ея словахъ, она такъ ярко изобразила мнѣ безобразную, полную интригъ закулисную жизнь, такой одинокой среди другихъ, истинной артисткой представлялась она мнѣ, что я слушала ее, затаивъ дыханье, и съ глубокимъ сочувствіемъ смотрѣла на ея быстро движущіяся, широкія, блѣдныя губы.

Она никогда не говорила прямо о себѣ или о своемъ талантѣ, но, говоря о другихъ, какъ-то вскользь упоминала и себя, и передо мной ярко выступала ея личность—страдающая, но всегда непреклонная и независимая, а всѣ остальные являлись только фономъ, еще рѣзче отгѣняющимъ ее.

Безсознательно чувствовала я, какая жестокая обида и горечь накипѣли въ этой гордой и смѣлой душѣ, чтобъ вызвать такія алобныя обвиненія противъ жизни и людей, сколько тяжелого горя и несправедливостей видѣли эти нервно выразительные глаза, чтобъ зажечься такимъ негодованіемъ, чтобъ отражать порой такую глубокую печаль...

Погодинъ не принималъ участія въ нашей бесѣдѣ. Иногда онъ входилъ, подсаживался къ намъ и, лѣниво глядя Виллара, спокойно слушалъ жену, какъ человѣкъ, который много разъ уже слышалъ все это и вполне увѣренъ въ впечатлѣніи, которое слова ея должны произвести. Онъ взглядывалъ на меня съ горделивой полудѣтской улыбкой и, ни однимъ словомъ не вмѣшавшись въ разговоръ, уходилъ въ сосѣднее купэ экзаменовать мою сестру по хронологіи.

— Вы не знаете, какъ меня зовутъ,—сказала Стрепетова, замѣтивъ, что я стѣсняюсь въ обращеніи къ ней:—имя мое Полина Антиповна, впрочемъ, лучше Пелагея... Это меня ужъ Полиной переименовали! Я своего плебейскаго происхожденія не стыжусь и всякому съ гордостью скажу, что я изъ народа вышла... Приемный отецъ мой парикмахеромъ въ Нижнемъ былъ.

Я постаралась придать лицу еще больше уваженія и придвинулась поближе къ ней. Она задумчиво смотрѣла на меня.

— Да, немало пришлось пережить... Сама, своимъ трудомъ, выбилась въ люди... Судьбу мою рѣшила одна заѣзжая, плохенькая труппа... Возгорѣлась я, рѣшила, что въ этомъ призваніе мое. Четырнадцать лѣтъ въ первый разъ выступила... А кто тогда антрепренеры были? Купцы да барышники, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющіе, только и помышлявшіе о томъ, гдѣ бы сборъ сорвать... Актеры все были случайные, все больше съ голоду да съ неудачной жизни... Содержаніе самое большое—20 рублей въ мѣсяць... Вотъ всю мою молодость съ ними я и промаялась! Поневолѣ думаешь, не лучше ли было бы, если бъ сидѣла я до сихъ поръ у отца за прилавкомъ да деньги считала!..

Я горячо начала возражать ей, напоминая о духовномъ счастье, которое она давала людямъ и себѣ. Фраза у меня вышла очень вычурная, и я не знала, куда смотрѣть отъ смущенія, а она, какъ нарочно, долго молчала, и на губахъ ея застыла горькая усмѣшка.

— А сколько мерзостей, интригъ, сколько оскорбительныхъ минутъ приходится мнѣ выносить въ жизни изъ-за этого самаго искусства!—страстной нотой вырвалось у нея.

— У меня есть дочь, взрослая ужъ дѣвушка,—разсказала она,—отъ перваго моего мужа Писарева... Выросла она въ театральной обстановкѣ, ну, и рѣшила тоже, что у нея талантъ, что она будетъ актрисой... Я не позволила! Она плакала, просила, но я на себѣ испытала, что значитъ актрисой быть. Не хочу, чтобы дочь моя подвергалась тѣмъ же униженіямъ, чтобъ ей жилось такъ же тяжело, какъ мнѣ... Я ее отправила въ Нижній къ роднымъ, поступила она тамъ въ учительницы, и живетъ себѣ вдали отъ свѣта, отъ суеты, потихонечку... И повѣрьте, счастливѣе меня будетъ!..

— Ну, мнѣ кажется, она на сценѣ хороша бы была,—замѣтилъ Погодинъ, вошедшій при послѣднихъ словахъ ея:—у нея есть талантъ...

— Вотъ тоже защитникъ ея!—съ досадой перебила его Стрепетова:—да что толку-то въ немъ, въ талантѣ?—горячо обратилась она къ нему: — нынче, чѣмъ талантливѣе актриса, тѣмъ ей жить хуже, тѣмъ у нея завистниковъ больше и враговъ... тѣмъ ей ходу меньше даютъ, притѣсняють... Нѣтъ! я очень рада, что не пустила ее,—вдругъ нервно возвысила голосъ и разгорячилась она.— Ну, поплакала немножко, и ничего... Объ ея же благѣ забочусь... Вотъ еще недавно, къ веснѣ,—произнесла она, сдерживаясь и обращаясь ко мнѣ:—платевъ ей накупила и отправила... И все темненькія больше... Не хочу, чтобъ она и въ свѣтломъ ходила,—знаю, къ чему все это ведетъ, на себѣ пережила... А Саша, — добавила она, шутливо понижая голосъ, но мнѣ и въ этой шуткѣ продолжала слышаться скрытая досада и раздраженіе, — Саша вѣдь со всѣмъ ребеночекъ у меня... На все по-дѣтски смотритъ... Онъ тоже, вѣдь, дружилъ съ ней, съ дочкой моей, ну, и поетъ ей въ тонъ!

Погодинъ усмѣхнулся и молча вышелъ изъ купе.

День пролетѣлъ незамѣтно.

Уже зажгли фонари въ вагонѣ, а я все еще не уходила къ себѣ и, сидя рядомъ съ Пелагеей Антиповной, которая по своему обыкновенію сидѣла на поджатыхъ ногахъ,—слушала ея разсказъ о первомъ представленіи на столичной сценѣ и объ ощущеніи, пережитомъ ею.

Она попросила мужа задернуть фонарь, и красная шелковая занавѣсочка бросала мягкій колеблющійся свѣтъ на ея блѣдное выразительное лицо. Погодинъ стоялъ въ коридорѣ съ моей сестрой

и заставлялъ Виллара продѣлывать фокусы; оттуда доносился его голосъ и смѣхъ сестры.

— Саша!—протяжно позвала вдругъ Стрепетова, обрывая рассказъ на половинѣ и прислушиваясь къ тому, что дѣлалось въ коридорѣ.

— Са-а-ша!—произнесла она тѣмъ шутливымъ голосомъ, какимъ взрослые обращаются къ дѣтямъ.—Посиди же съ нами немножко!—обратилась она къ нему, когда онъ вошелъ:—ты, я думаю, своего Вилляшку больше меня любишь? а?

Погодинъ послушно сѣлъ противъ нея на диванъ.

— Нѣтъ, скажи,—нервно продолжала она съ нѣжной настойчивостью, глядя на него:—ты своего Вилляшку больше меня любишь?.. Ну, давай сюда голову твою, нагнись немножко!..—Она протянула руку, и Погодинъ спустился на полъ и сѣлъ у ея ногъ, не покидая своего спокойствія и безмятежно улыбаясь ей въ отвѣтъ.

Она схватила обѣими руками его курчавую молодую голову и, вся перегнувшись, прижала ее къ своимъ колѣнямъ.

— Саша, Саша, ты мой?..—тихо приговаривала она, перебирая его волосы:—ты мой хорошій? мой славный?..

И рука ея нервно крутила его волосы и гладила голову. Лица ея я не видѣла; она вся съежилась, вся склонилась къ нему, голосъ ея звучалъ страстнымъ груднымъ шепотомъ,—и странно было видѣть эту маленькую горбатую фигурку склонившейся надъ красивымъ стройнымъ юношей, покорно положившимъ ей голову на колѣни... Никакого волненія не отражалось на его лицѣ, — то же тихое довольство, та же безопасно спокойная усмѣшка...

Я хотѣла незамѣтно выскользнуть изъ куле, чувствуя себя неловко, но въ эту минуту поѣздъ началъ тихо останавливаться, и Погодинъ поднялся съ полу.

— Я пойду, выпью стаканъ чая,—сказалъ онъ, отряхая пыль съ колѣнъ:—здѣсь, кажется, долго стоитъ.

Мы остались однѣ. Я была подъ впечатлѣнiемъ только что видѣнной сцены, но Стрепетова не дала мнѣ опомниться.

— Что, скажите мнѣ правду,—тихимъ задушевымъ голосомъ произнесла она, положивъ свою руку на мою: — не странно вамъ кажется, что я за него замужъ вышла? Можетъ быть, думаете: ему-то простительно, ну, талантомъ увлекся... А она, старая дура, точно не понимаетъ, что для него жизнь только начинается, а ей ужъ въ могилу пора... Да вѣдь, маточка моя,—вдругъ какъ-то странно и жалобно зазвенѣлъ ея голосъ, и она нервно сжала мою руку,—вѣдь и мнѣ жить хочется! вѣдь всю жизнь не жила, все только горе видѣла!.. И вдругъ блеснуло счастье въ первый разъ, никогда еще не бывало... Ну, какъ не ухватиться за это счастье? Какъ отказаться отъ него? У кого силы на это хватить!! Саша

мой у меня на рукахъ почти что выросъ; всю его душу, какъ на ладони, я вижу... Еще онъ, когда студентомъ былъ, все бывало ко мнѣ ходилъ, говорилъ со мной, совѣтовался обо всемъ... ну, я и буду ему совѣтчицей теперь, пока не умру... Самъ онъ говоритъ, что безъ меня шагу ступить не можетъ... Вы не знаете, что за человѣкъ онъ, мой Саша,—вѣдь младенецъ онъ! душа у него чистая, нетронутая. Надо его и отъ горестей охранять, и отъ грязи житейской... а кто лучше меня будетъ за каждымъ его шагомъ такъ слѣдить!!

Она тяжело вздохнула и замолчала, опустивъ руки.

— Онъ и талантливый, кажется,—нерѣшительно замѣтила я.

— Это писанье-то его?—спросила она улыбаясь, какъ улыбаются слабости любимыхъ дѣтей,—онъ вамъ свой рассказъ читать давалъ? «Нину» свою? Знаю, всѣ его сочиненія знаю,—мнѣ первой читаетъ... Ничего, строчить себѣ, увлекается... Хорошая у него душа... Такого подъ стекломъ держать надо.

Она опять помолчала.

— Вотъ мы и повѣнчались съ нимъ. А ужъ какъ его родные не хотѣли, какъ мѣшали ему, отговаривали... Съ нѣкоторыми поссорился даже, а все-таки на своемъ настоялъ... Спасибо ему, что любить, что жизнь мою горькую скрасилъ.

Слова ея, которыя она произносила жалобно и какъ-то нараспѣвъ, вдругъ напомнили мнѣ бабье причитанье.

Въ коридорѣ стукнула входная дверь, и она замолкла. Я встала, чтобы проститься. Она притянула меня къ себѣ и поцѣловала; я почувствовала, что ея щека мокрая, и мнѣ стало опять неловко и тяжело. Погладивъ я подала руку, не глядя на него, и рада была очутиться у себя въ купе.

На другое утро за полчаса до приѣзда въ Москву мы съ сестрой пошли прощаться съ Пелагеей Антиповной. Мужъ ея перетягивалъ ремнемъ туго набитый пледъ, а она сидѣла среди собранныхъ вещей уже въ шляпкѣ и въ своей сѣрой безформенной тальмѣ.

Мы обѣ стали просить ее подарить намъ портретъ на память объ этомъ знакомствѣ.

— У меня нѣтъ портрета съ собой,—сказала она,—но, если хотите, я вамъ пришлю изъ Петербурга. Вы такія хорошія обѣ; на васъ жизнь еще не наложила черныхъ тѣней, я васъ полюбила и никогда не забуду. Вы мнѣ запишите свой адресъ и увидите, что я слово сдержу!

Я записала ей свой адресъ въ Севастополѣ, а она, вырвавъ листочекъ изъ тетрадки, написала на немъ небрежнымъ крупнымъ почеркомъ: «Стрепетова никогда никого не забываетъ и всегда держитъ данное слово»,—и отдала его намъ. Не знаю, зачѣмъ она это сдѣлала, но мы съ благоговѣніемъ спрятали этотъ клочекъ бумаги и благодарили ее.

Поѣздъ медленно подходилъ къ Москвѣ, и всѣ бросились къ окнамъ, напряженно отыскивая знакомыя или родныя лица среди толпы, стоящей на платформѣ.

Кто-то махалъ платкомъ... передъ глазами забѣгали, засновали носильщики...

Выходя изъ вагона, я еще разъ обернулась, и послѣднее, что мнѣ бросилось въ глаза,—былъ Вилларъ, отчаянно прыгавшій на своего хозяина, и безпечно-смѣющееся, молодое лицо Погодина, въ послѣдній разъ кивнувшего намъ головой.

Прошло немного больше года. Была глухая поздняя осень, и даже у насъ на югѣ, гдѣ такъ хороши осенніе дни, дулъ сильный холодный вѣтеръ, и по землѣ стлался и окутывалъ ее сырой тяжелой туманъ.

Я сидѣла вечеромъ у себя въ комнатѣ, когда мнѣ сказали, что меня спрашиваетъ незнакомый господинъ.

Среди залы стояла высокая мужская фигура; я подошла ближе, но все еще съ недоумѣніемъ вглядывалась въ него, стараясь поймать какое-то неясное воспоминаніе.

— Вы меня не узнаете? Я—Погодинъ,—прозвучалъ знакомый голосъ. Я чуть не вскрикнула отъ неожиданности и изумленія.

Мы сѣли въ гостиной у стола подъ горящей лампой.

— Развѣ я ужъ такъ измѣнился?—спросилъ онъ, наклоняясь впередъ. Свѣтъ лампы упалъ на него, и я съ тяжелымъ щемящимъ чувствомъ смотрѣла на его знакомое и въ то же время чужое лицо.

Никогда не случалось мнѣ видѣть такой рѣзкой перемѣны въ человѣкѣ!

Лицо его потеряло свое безпечное, молодое выраженіе, глаза глядѣли тускло и казались опухшими, кожа будто потемнѣла, утративъ свою свѣжесть и яркій румянецъ. Онъ даже причесывался иначе, остригъ свои красивые мягкіе кудри, и волосы короткими прядями падали ему на лобъ. Какая-то насилуванная, непріятная усмѣшка то и дѣло опускала углы его рта...

— Я проѣздомъ черезъ Севастополь и заѣхалъ къ вамъ на минутку,—какъ-то вяло заговорилъ онъ:—во-первыхъ, я вамъ долженъ передать портретъ моей жены; она поручила мнѣ завести его вамъ.

Онъ не спѣша разстегнулся и, вынувъ изъ кармана большой конвертъ, положилъ его на столъ и задумчиво уставился въ одну точку, какъ бы потерявъ нить своей мысли.

— А гдѣ же сама Пелагея Антиповна?—спросила я.

— Она на Кавказѣ. Въ Тифлисѣ давала представленія, а теперь находится въ Батумѣ... Я навстрѣчу къ ней ѣду.

— А вы?.. вы очень измѣнились,—нерѣшительно начала я:— вы здоровы? продолжаете писать? печатать?

— Бросилъ. Некогда этимъ заниматься,—и онъ опять впалъ въ тупую задумчивость.

Мы помолчали.

— А Вилларъ вашъ живъ?—спросила я, призывая на память всѣ подробности нашего перваго знакомства и желая хоть чѣмъ нибудь оживить его.

— Его украли въ Петербургѣ... Недавно, съ мѣсяць назадъ,—также равнодушно и очевидно насилуя себя на разговоръ, произнесъ онъ:—еще, можетъ быть, вернется...

Я подтвердила, что бываютъ такіе случаи возвращенія собакъ, и мы поговорили немного о собачьей вѣрности и привязчивости.

Меня не покидало грустное чувство, что этотъ человѣкъ, съ которымъ, я думала, у насъ могло найтись много общаго, оказывался для меня совсѣмъ чужимъ.

Онъ всталъ и началъ прощаться. Я поручила ему поблагодарить отъ насъ его жену за память и испытала нѣкоторое облегченіе, когда онъ вышелъ изъ комнаты. Чуть не плача подъ вліяніемъ безотчетно грустнаго, тревожнаго чувства, вынула я изъ конверта карточку Стрепетовой. Какъ живое, глянуло на меня съ портрета ея болѣзненное лицо съ блѣдными широкими губами и пронизательнымъ взглядомъ умныхъ страдальческихъ глазъ. Внизу была надпись: «въ память дружеской бесѣды съ милыми спутницами до Москвы».

Но меня на этотъ разъ почему-то мало обрадовало ея вниманіе.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, до насъ дошло извѣстіе о смерти Погодина. Говорили, что онъ покончилъ съ собой самоубійствомъ. Странная молва окружала эту неожиданную грустную смерть. Большею частью эти слухи клонились къ обвиненію Стрепетовой, но всѣ они были такъ противорѣчивы, что вызывали мало довѣрія къ себѣ... Оставалось только пожалѣть о томъ, что одной молодой, свѣтлой и отзывчивой жизнью стало меньше на свѣтѣ.

Съ Стрепетовой мнѣ пришлось еще разъ встрѣтиться, полгода спустя. Мы отправлялись на пароходѣ изъ Севастополя на южный берегъ.

Опять свѣтло и ярко горѣло южное солнце, безоблачный небо-склонъ опрокинулся надъ нами, и неподвижно, какъ зеркало, стояла зеленовато-синяя вода въ Южной бухтѣ. Воздухъ былъ душный, жаркій, и мы вздохнули свободно, когда пароходъ, мѣрно разсѣкая волны, вышелъ въ открытое море, и въ лицо повѣялъ легкій, освѣжающій вѣтерокъ. Публики было много, и всѣ группами расположились на палубѣ.

Посидѣвъ немного и полюбовавшись на блестяще-синее, ярко-пѣнящееся море, я отправилась внизъ, чтобъ разложить свои вещи въ каютѣ.

Проходя черезъ рубку, я увидѣла маленькую съезжившуюся женскую фигуру въ черномъ платьѣ, сидѣвшую на поджатыхъ ногахъ на скамейкѣ съ газетой въ рукахъ. Я взглянула и тотчасъ же узнала Стрелетову. Она мало измѣнилась за два года,—развѣ только кожа на лицѣ еще потемнѣла, и складки около рта обозначились глубже. Меня вдругъ охватилъ такой непонятный страхъ при мысли, что она можетъ узнать меня, что я, отвернувшись, торопливо спустилась внизъ. Потомъ я поняла, что страхъ этотъ происходилъ оттого, что послѣ извѣстія о смерти Погодина у меня зародилось недоброе чувство къ ней, и я сама еще не знала, какъ отнестись къ ней въ душѣ, какія слова у меня найдутся для нея...

Но на пароходѣ трудно избѣжать встрѣчи, и когда я, нѣсколько времени спустя, зашла опять въ дамскую каюту, я увидѣла Стрелетову, наклонившуюся надъ койкой, гдѣ лежали ея вещи. Отступать было поздно. Она уже обернулась ко мнѣ и смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Я стояла молча, но не имѣла силъ отвести глазъ отъ ея пристального, притягивающаго взгляда.

— Вы меня не узнаете, или не хотите узнать?—прозвучалъ ея отчетливый голосъ.

Мнѣ стало стыдно.

— Пелагея Антиповна!... это—вы?...—произнесла я смущенно и протянула ей руку.

Она взяла ее въ обѣ свои и крѣпко сжала.

— Не знаю, можетъ быть, вы и не хотѣли меня узнавать,—продолжала она, заглядывая мнѣ въ глаза,—со мной и это бываетъ! Прежніе знакомые отворачиваются, отказываются признавать... Но мнѣ слишкомъ памятна поѣздка наша до Москвы, она относилась къ лучшему времени моей жизни, и я васъ сразу узнала...

Какъ я узнавала въ свою очередь этотъ гибкій грудной голосъ, опредѣленно-выразительную интонацію и рѣзкую игру красиваго немолодого лица!

— Если можете, побудьте со мной здѣсь,—говорила она, продолжая сжимать мою руку,—потолкуемъ... вспомнимъ прежнее... Глядя на васъ, я вспоминаю... Сашу... моего.

Голосъ ея оборвался, и она выпустила мою руку.

— Вы слышали... про него?—тихо, прерывисто произнесла она, и вдругъ лицо ея судорожно передернулось, и она быстро отвернулась въ сторону.—Подумайте!.. продолжала она тѣмъ же порывистымъ шепотомъ, повернувъ ко мнѣ мокрое отъ слезъ лицо,—въ такіе годы!.. и какая душа въ немъ погибла!.. А мнѣ-то каково было пережить его!.. Жизнь его, жизнь сломала...

И лицо ея опять задрожало, складки около рта запрыгали, и она, расширивъ ноздри, нервно дышала.

— А какъ вы узнали о его смерти? кто вамъ сказалъ?..—спросила она, не глядя на меня и стараясь овладѣть собой.

— Я не знаю подробностей. Всѣ говорятъ объ этомъ различно,— отвѣтила я.

— И меня винять, конечно!—съ неудержимой горячностью и тоской вырвалось у нея, и она вся подалась впередъ:—вотъ они, люди... вотъ! Имъ всего легче швырнуть комкомъ грязи въ когонибудь... и не хотятъ они видѣть человѣческой стороны во всемъ... не хотятъ понять, какъ я страдаю!.. Господи!

Она бессильно опустила на койку и заставила меня сѣсть возлѣ себя.

— Да, умеръ Саша... умеръ, потому что не въ этомъ мѣрѣ ему надо было жить,—онъ слишкомъ чистъ былъ для него... Не подь силу ему была житейская грязь... И знаете, что меня мучитъ больше всего,—вдругъ измѣнивъ голосъ, съ невыразимой тоской произнесла она:—вѣдь я могла еще, пожалуй, удержать его отъ этого!.. Въ послѣдній день вечеромъ онъ меня предупреждалъ, что убьетъ себя,—я не повѣрила, не могла повѣрить... И на другое утро выхожу... и вижу: на порогѣ моей спальни... Саша... лежитъ...

Голосъ ея оборвался, и она вся какъ-то поникла.

— Но какая же причина?—вырвалось у меня.

— Причинъ много,—не сразу заговорила она:—главная причина та, что онъ не отъ міра сего былъ, не могъ вынести того, что другимъ людямъ нипочемъ. И по службѣ были у него непріятности, и въ свѣтѣ... Я знаю, знаю хорошо, что характеръ у меня тяжелый,—вдругъ страстно произнесла она, круто повернувшись ко мнѣ, и меня поразили напряженные, блестящіе глаза ея на блѣдномъ худомъ лицѣ:—но вѣдь я же больная женщина! я, кромѣ горя, ничего не видала за всю свою жизнь!.. Онъ зналъ, что въ немъ—мое единственное счастье, что всякое его холодное слово, всякій взглядъ меня убить могутъ... Онъ не измѣнялъ мнѣ,—убѣдительно и горячо произнесла она,—сильнѣе, чѣмъ онъ меня любилъ, нельзя любить! Вотъ отсюда все и произошло. Я—нервная, больная, озлобившаяся на людей, меня все раздражало... Онъ по молодости своей тоже всякое мое слово за укоръ принималъ... Говорилъ, что ему нужно забыться въ обществѣ, что я его мучу, пробовалъ къ знакомымъ ѣздить, изъ дому уходилъ... Но все это самообманъ, комедія была! Его тянуло назадъ, и онъ приходилъ опять, и плакалъ передо мной... и я плакала,—и опять начиналась та же жизнь, та же любовь, измученная, больная любовь, когда каждый взглядъ камнемъ падаетъ на душу, каждое слово звучитъ укоромъ... Я ему не вѣрила, онъ меня упрекалъ, оскорблялъ во мнѣ женщину... Саша, Саша мой!..

Она закрыла лицо руками, и все ея маленькое тщедушное тѣло затряслось отъ сдерживаемыхъ рыданій.

Съ мучительнымъ волненіемъ смотрѣла я на нее, чувствуя, какъ меня гипнотизируютъ ея горящіе тоской глаза, ея вибрирующій страстный шепотъ, полный душевной муки, какъ я вслушиваюсь и вглядываюсь жадно въ каждое ея движеніе и слово, какъ бы боясь что нибудь утратить и потерять изъ нихъ...

— А потомъ... Сколько оскорбленій было потомъ!—произнесла она, переводя духъ и вытеревъ мокрое лицо,—на похороны съѣхались его родные, знакомые и каждый изъ нихъ радъ былъ случаю унижить, оскорбить меня... Сколько высокомерія, злобы, презрѣнія было оказано мнѣ... Господи!

Въ дверяхъ каюты показалась моя родственница, съ которой я ѣхала, и позвала меня. Я поднялась съ мѣста.

Стрепетова растерянно оглянулась и опять схватила мою руку, какъ бы желая удержать меня.

— Вы вотъ уйдете... жалобно, беспомощно проговорила она,— а я еще многое вамъ рассказала бы... Съ хорошимъ человѣкомъ поговорить приятно... а я ужъ отвыкла отъ этого...

Она мнѣ показалась такой жалкой въ это мгновеніе, такъ тягостно мнѣ было видѣть передъ собой ея заплаканное лицо и слышать ея порывистую, надорванную рѣчь, что я рада была уйти изъ каюты, чтобъ справиться съ своимъ волненіемъ и овладѣть собой. Трагическій образъ вѣчной, неуголимой страдальницы, непонятой и обойденной жизнью, выросла передо мной во что-то роковое, суровое, какъ сама судьба, заслоняя собой свѣтлый молодой обликъ Погодина, память о которомъ мѣшала мнѣ до этой минуты безпристрастно отнестись къ ней.

Часа два спустя, я увидѣла Стрепетову, сидящую на палубѣ, и опять подошла къ ней. Она обложила себя двумя подушками, и какъ-то вся ушла въ нихъ. Лицо ея было спокойно. Она, казалось, дремала,—и какъ ничтожна и мала была вся ея фигура!

Она открыла глаза и попросила меня сѣсть рядомъ съ ней.

— Вотъ ѣду теперь въ Ялту къ себѣ на дачу, лѣчиться буду лѣтомъ...—слабымъ больнымъ голосомъ начала она:—и врядъ ли вернусь оттуда...

— Но неужели вы бросите сцену?—спросила я.

— Какая же теперь сцена? развѣ я гожусь на сцену? Вы видите—я сидѣть не могу безъ подушекъ... У меня столько болѣзней... у меня весь организмъ разбитъ... Голосъ пропалъ совершенно!

Я невольно вспомнила ея горячую, страстную рѣчь два часа назадъ, ея рѣзкія движенія, громкіе возгласы, гибкій звучный голосъ... Теперь передо мной была совершенно разбитая больная старая женщина, съ еле слышнымъ голосомъ, съ мучительно застывшимъ лицомъ, которое казалось еще старѣе отъ своей неподвижности.

Она стала долго и пространно говорить о своихъ болѣзняхъ и вдругъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, обратилась ко мнѣ:

— Да, вѣдь я не одна ѣду—съ сыномъ,—и она показала мнѣ на невысокаго плотнаго гимназиста лѣтъ 17-ти, сидящаго недалеко, спиной къ намъ и сосредоточенно глядящаго на море.—Вотъ выдержалъ экзамены. Хочу ему Крымъ показать... Они съ Сашей были большіе друзья... Онъ у меня сильная натура, своего добьется въ жизни... А только такія натуры и могутъ устоять противъ злобы людской...

Голосъ ея звучалъ все утомленнѣе и тише. Я ждала, не скажетъ ли она еще чего нибудь о покойномъ мужѣ,—и хотѣлось мнѣ этого, и рада я была, что она не возвращается больше къ этому.

Замѣтивъ, что она устала говорить, я предложила ей вздремнуть и тихо перешла на другую сторону палубы.

Къ вечеру поднялась качка, и я лежала недвижно на койкѣ, открывъ только окно, чтобъ хоть немного освѣжить душливый воздухъ каюты.

Подъ Ялтой стало тише, и я поднялась на палубу вслѣдъ за другими пассажирами.

Было темно. Мы подходили къ Ялтѣ, и огни красиво мигали на темномъ фонѣ горъ. Нѣсколько черныхъ тучъ казались разорванными на тускломъ небѣ, и легкій вѣтеръ обдавалъ лицо порывистымъ вѣяніемъ, Я оглянулась на море. Оно тяжело замирало, и огромная черная равнина только мѣстами поднималась отъ безшумныхъ длинныхъ валовъ...

Кто-то взялъ меня за руку и вывелъ изъ задумчиваго созерцанія. На углу, прижавшись къ скамейкѣ, стояла Стрелетова въ шляпкѣ съ длинной траурной вуалью. Рядомъ съ ней стоялъ гимназистъ съ сумрачнымъ лицомъ, въ фуражкѣ, низко надвинутой на лобъ, и съ небольшимъ саквояжемъ въ рукахъ.

— Какъ я рада еще разъ увидѣть васъ,—прежнимъ вкрадчивымъ гибкимъ голосомъ проговорила она.—Знаете что! напишите мнѣ въ тяжелую минуту, и знайте, что я всегда отзовусь всею душой на слова искренняго правдиваго человѣка... А такихъ людей мало... охъ, какъ мало на свѣтѣ! И такъ цѣню всякое свѣтлое явленіе, такъ хватаюсь за него... Отсюда и злоба моя, и нетерпимость къ всему дурному въ жизни...

Она глубоко вздохнула.

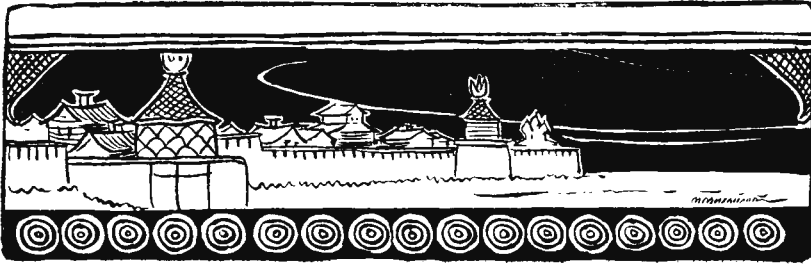
— Да, въ этомъ все горе мое,—продолжала она тѣмъ протяжнымъ, задушевымъ голосомъ, который такъ подкупилъ меня еще при первомъ знакомствѣ,—всюду я ищу хорошихъ людей, съ ними только и отдыхаю... А кругомъ все низость, обманъ, ложь, низкопоклонство... И чувствуешь себя одинокой, покинутой, искалѣченной...

Она порывисто обняла меня и близко заглянула мнѣ въ лицо...

Пароходъ давно уже стоялъ. Кругомъ забѣгали, засустились. Стрепетова вспомнила о какой-то вещи, забытой въ каютѣ, и торопливо пошла за ней. Я хотѣла подождать ее у выхода, чтобъ еще разъ проститься, но толпа незамѣтно оттерла меня, — и я опять очутилась на томъ краю палубы, гдѣ море величественно и грозно дышало передо мной. Тихо колыхалась черная масса, будто подъ ея затихавшей поверхностью скрывалась и вспыхивала таинственная мощная сила...

А. Г.

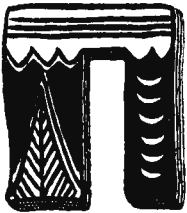
ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I)¹⁾.

II.

Юнкерская исторія.

I.

ПОРУЧИКЪ Роткирхъ вернулся домой въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа. Войдя въ комнату, онъ прежде всего выбранилъ денщика безъ всякой видимой причины, оттолкнулъ ногою бросившуюся ему навстрѣчу собаку, отчего та взвизгнула и спряталась подъ диванъ, и, не снимая мундира, быстро сталъ ходить изъ угла въ уголъ по своему кабинету.

— Что съ тобою?—нослышался въ дверяхъ тоненькій дискантъ, и передъ Роткирхомъ выросла коротенькая и толстенъкая фигурка въ австрійской курткѣ.—Твой хохоль чуть не плачетъ, говоритъ, что ты вернулся звѣрь-звѣремъ. Случилось что? рассказывай!

И фигурка усѣлась въ глубокое кресло, поджавъ подъ себя правую ножку и приготовляясь слушать.

— Ничего не случилось, и рассказывать нечего!—буркнулъ Роткирхъ.—Вѣчно эти дворяне мнѣ кровь портятъ своими выходками... Просто хоть въ отставку уходи...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 116.

— Не понимаю! — вскрикнула фигурка. — Охота тебѣ съ ними нянчиться. Переводись къ намъ, армейцамъ; народъ добрый, избалованный... А ваши дворяне здѣшніе кому угодно голову вскружатъ...

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, ты представь себѣ,—быстро заговорилъ Роткирхъ.— Эта война погубила нашу армію. Прежде были люди, а теперь дворяне, да еще какіе... Вотъ уже десять лѣтъ, какъ нашихъ офицеровъ разстрѣливаютъ и австрійцы и французы. Людей не стало, а армія растетъ, въ офицерахъ нужда чувствуется. И вотъ надумали: «давай, дескать, офицеровъ фабриковать, да какъ можно больше, да какъ можно скорѣе». И начали: вѣдь, когда я поступилъ въ нашъ милый кавалерійскій эскадронъ, тамъ едва-едва человѣкъ сто насчитывали, а нынѣ погляди—двѣ съ половиною тысячи. И что за юнкера! откуда только такіе берутся?! «Намъ, говорятъ, некогда разбирать. Кавалеристовъ мало, а дворянскія дѣти—лошадники хорошіе!» И посылай ихъ въ дворянскій эскадронъ. И послали: одинъ—безграмотный вовсе, другой—только читаетъ по-крупному, а третій—такъ вовсе нѣмой... Не вѣришь?—честное слово... мычитъ и ничего не понимаетъ. Ну, этого, конечно, вернули, а остальныхъ сами же товарищи подучили и письму, и счету, и теперь въ гвардіи служатъ. Молодцы ребята. И все это—народъ балованный: маменькины сынки, лежебоки, на пирогахъ да ватрушкахъ воспитаны... А здѣсь служба... ну, и тяжело, домой хочется...

Роткирхъ замолчалъ, а фигурка въ австрійской курткѣ перемѣнила свое положеніе и, закачавъ головой, добродушно произнесла.

— Да, да... знаю, слышалъ. Не пользуется вашъ кавалерійскій эскадронъ славою... А все-таки беспокоить себя нечего, и волноваться не надо... вредно.

— Нельзя не возмущаться! — воскликнулъ Роткирхъ.— Вѣдь, такіе офицеры погубятъ русскую армію. У нихъ все основано на протекціи. «Ничего, думаютъ, съ нами не подѣлаешь. У насъ папаша сильные да мамыши вліятельныя. Что хотимъ, то и сдѣлаемъ!». И дѣлаютъ... представь себѣ—самые непозволительныя мальчишки, никакихъ принциповъ: тотъ у товарища деньги стянулъ, этотъ дежурнаго офицера ударилъ, а одинъ былъ такой: эскадронный командиръ говоритъ: «Пошелъ подъ арестъ!». А онъ, ни слова не говоря, вытащилъ саблю и погнался за командиромъ. Насилу удержали. И чѣмъ все это кончается?! Самое большее — разжалованіемъ въ солдаты до выслуги да переводомъ въ армейскіе полки... Нѣтъ, такъ служить нельзя... Ты долженъ по-военному, а тебѣ въ носъ суютъ протекцію; ты подтягиваешь юнкера, а онъ тебѣ про тетеньку съ вліяніемъ рассказываетъ... Знать ничего не хочу, ни тетенокъ, ни дяденокъ. Юнкеръ—такъ юнкеръ... Вотъ

сегодня, напиримѣрь. Стою на плацу, а мимо меня два дворянчика проходятъ, недавно приняты, новенькіе. Видалъ я ихъ раньше; говорятъ—изъ хорошей фамиліи. Хорошо—идутъ и фуражки не снимаютъ. Я ихъ остановилъ и замѣчаніе сдѣлалъ. Говорю: «на прошлой недѣлѣ вы мнѣ тоже чести не отдали!» А они мнѣ... представъ себѣ: «не замѣтили!» Понимаешь: идутъ противъ меня, днемъ, въ двухъ шагахъ разстоянія... и не замѣтили. И если бы ты видѣлъ, какую они мину скорчили, когда я замѣчаніе имъ дѣлалъ... Просто невозможно... распушенность, беспорядокъ... А нашъ командиръ, говорятъ, покровительствуетъ имъ... Ну, вотъ посуды: съ одной стороны—долгъ службы, съ другой—протекція...

И долго еще Роткирхъ возмущался беспорядками кавалерійскаго эскадрона.

Этотъ эскадронъ былъ образованъ въ 1811 году при дворянскомъ полку съ цѣлью выпускать кавалерійскихъ офицеровъ, недостатокъ въ которыхъ сталъ чувствоваться еще задолго до отечественной войны. Въ первое время сюда поступали дворяне со стороны, юнкера кавалерійскихъ полковъ и воспитанники изъ кадетскихъ корпусовъ, «замѣченные въ дурномъ поведеніи» и малоуспѣшности ¹⁾.

Составъ эскадрона, такимъ образомъ, отличался пестротой и, въ общемъ, оставлялъ желать много лучшаго. Дисциплина въ немъ была плоха, о нравственномъ воспитаніи юнкеровъ думать было некогда и некому, бѣдныхъ людей почти не было: въ кавалеріи служили въ то время наиболѣе состоятельные дворяне, которые всегда пользовались значительными денежными присылками отъ родственниковъ. При отсутствіи серьезныхъ занятій, при невысокомъ нравственномъ уровнѣ тогдашнихъ баловней-дворянъ, проступки болѣе или менѣе важные были обычнымъ явленіемъ того времени и могли возмущать развѣ лишь только нашего героя—поручика Роткирха, пробившагося въ люди собственнымъ трудомъ и ненавидѣвшаго поэтому своихъ воспитанниковъ, во всѣхъ отношеніяхъ обезпеченныхъ людей, пользующихся протекціей и гордившихся ею.

Эта ненависть искренняго служаки къ людямъ, выдвигавшимся не помощью личныхъ своихъ заслугъ, и была для него роковою.

Отведя душу съ коротенькой фигуркой въ австрійской курткѣ и побранивъ начальство и юнкеровъ, Роткирхъ извинился предъ своимъ пріятелемъ и легъ «соснуть, чтобы подкрѣпитъ къ вечернимъ занятіямъ съ юнкерами».

¹⁾ Случай, передаваемый Роткирхомъ, въ дѣйствительности имѣли мѣсто, какъ свидѣтельствуя о томъ данныя изъ архива главнаго управления военно-учебныхъ заведеній, приведенныя въ прекрасномъ историческомъ очеркѣ этого управления, составленномъ г. П. В. Петровымъ (Сиб., 1902 г.). Упраздненъ этотъ «знаменитый» эскадронъ въ 1826 году.

На прощанье коротенькая фигурка глубокомысленно замѣтила:

— А, по-моему, не стоитъ возмущаться... Кому—протекція, а кому—способности... И ихъ винить нельзя... Мальчишки, молоды очень... А съ сильными тягаться трудно, неравно—самого загонять, куда Макаръ телятъ не гонялъ... тогда тебѣ же хуже...

— Ну, ты всегда таковъ,—улыбнулся Роткирхъ.—А я считаю все это безобразіемъ. Служить—такъ служить... И попадись мнѣ еще разъ эти мальчишки и не сними шапки—ужъ я ихъ...

— Какъ знаешь... твоё дѣло!—проговорила фигурка и удалилась въ свою комнату.

На этомъ товарищи разстались.

II.

Встрѣчи съ «мальчишками» ждать долго не пришлось.

Роткирхъ поднялся съ постели въ самомъ веселомъ настроеніи: шутилъ со своимъ хохломъ-денщикомъ, ласкалъ собаку и подтрунивалъ надъ пріятелемъ въ австрійской курткѣ.

Въ 6 часовъ вечера онъ вышелъ изъ своей квартиры, открылъ калитку и готовился уже двинуться по направленію къ зданію эскадрона, какъ вдругъ услышалъ громкіе голоса, раздававшіеся на противоположной сторонѣ улицы.

Роткирхъ обернулся... По направленію къ зданію эскадрона шли три юнкера, въ которыхъ онъ узналъ «мальчишекъ», испортившихъ ему утромъ хорошее расположеніе духа, и дворянина Горскаго. Юнкера шли, громко разговаривая, при чемъ одинъ изъ «мальчишекъ» хохоталъ на всю улицу.

Роткирхъ вышелъ изъ калитки и остановился.

— Посмотримъ,—подумалъ онъ,—пожелаете вы замѣтить меня или нѣтъ!

Юнкера, не обращая ни на что никакого вниманія, продолжали идти не спѣша. Но вотъ Горскій замѣтилъ офицера, обдернулъ свой мундиръ, поправилъ португею и пошелъ быстрѣе впередъ. Поровнявшись съ Роткирхомъ, онъ сдернулъ фуражку и повернулъ голову къ поручику. Роткирхъ отвѣтилъ на привѣтствіе.

«Мальчишки» продолжали хохотать. У Роткирха прилила кровь къ головѣ, онъ стиснулъ зубы и сталъ ждать, когда они поровняются съ нимъ.

Вотъ они уже поровнялись. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ офицера, пересталъ хохотать, но фуражки не снялъ—они уже миновали Роткирха.

— Юнкера!—крикнулъ поручикъ, сжимая кулаки.—Юнкера, сюда!

«Мальчишки» остановились, посмотрѣли въ замѣшательствѣ другъ на друга и затѣмъ рѣшительно двинулись по направленію къ Роткирху.

Возмущенный офицеръ смотрѣлъ, какъ мѣрнымъ шагомъ, не спѣша, переходягъ улицу юнкера, сохраняя на своихъ лицахъ не только полное спокойствіе, но выражая даже то, чего не могъ выносить Роткирхъ, и что дается однимъ независимымъ людямъ, и совершенно терялъ сознание.

— Юнкера!—закричалъ онъ внѣ себя, когда тѣ остановились передъ нимъ въ самыхъ спокойныхъ позахъ,— какъ вы смѣли!... какъ это можно!...

— Что прикажете?—спросилъ одинъ изъ юнкеровъ.

— Что прикажу?! Сегодня... утромъ... на плацу вы мнѣ оба не отдали чести...

— Такъ точно!..

— А сейчасъ... тоже не отдали!..

— Мы васъ не замѣтили! — въ одинъ голосъ проговорили юнкера.

— Не замѣтили?!—и Роткирхъ позеленѣлъ.—Такъ вы... послѣ этого... Я не знаю... вы—просто не юнкера... а... ослы...

Юнкера отступили на шагъ.

— Господинъ офицеръ... Мы — бароны Иксули! — произнесъ одинъ изъ нихъ съ достоинствомъ.

— Да... да... ослы! ослы!—бормоталъ Роткирхъ.—Только ослы не примѣчаютъ...

— Господинъ поручикъ, мы—бароны... Нашъ отецъ...

— Что бароны? что отецъ?—горячился Роткирхъ.—Здѣсь служба, а не бароны... Да, здѣсь начальство, а не отецъ... Не замѣчаете? офицера не замѣчаете? не хотите замѣчать? Такъ я вашего баронства и знать не хочу, и плюю на это... Слышите?.. плюю!

— Господинъ поручикъ, чрезъ нашего отца... — начали было юнкера.

— Что-о?!—заревѣлъ Роткирхъ.—Чрезъ вашего отца?.. протекцію? да? отвѣчайте—протекцію чрезъ отца?.. Плюю на все... и на протекцію, и на... Здѣсь служба, не игрушки... Только ослы не могутъ понять, что нужно дѣлать при встрѣчѣ съ офицерами... Вонъ отсюда, прочь!..

Юнкера повернулись, щелкнули каблуками и быстро пошли вдоль улицы.

Роткирхъ стоялъ и смотрѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ они спорили по дорогѣ о чемъ-то, размахивали руками и затѣмъ скрылись въ подъѣздѣ командира эскадрона, полковника Линденера.

— Жаловаться пошли! — проворчалъ онъ. — Что жъ, я очень радъ... Я свою обязанность исполняю... Вотъ погорячился немножко. Это—нехорошо... а впрочемъ—ничего, въ другой разъ не осмѣлятся.

И со спокойнымъ сердцемъ онъ пошелъ на ученье.

III.

Полковникъ Линденеръ видѣлъ изъ окна, что въ подъѣздъ вошли бароны Иксули, позвалъ лакея и велѣлъ ему просить ихъ въ кабинетъ.

— Здравствуйте, господа!—любезно встрѣтилъ онъ ихъ.—Очень радъ познакомиться... Вы недавно къ намъ пріѣхали? Садитесь, бароны...

— Полковникъ!—началъ одинъ изъ братьевъ.—Нашъ первый визитъ сопровождается жалобою...

Линденеръ смѣшался и сдѣлалъ серіозное лицо.

— Въ чемъ дѣло?—безпокойно спросилъ онъ.

— Мы здѣсь только еще пятый день и всѣхъ порядковъ не успѣли изучить...

— Ну, да, да... конечно...

— И вотъ мы шли сейчасъ къ вамъ, встрѣтили поручика Роткирха и не замѣтили его...

— И не отдали чести?—спросилъ Линденеръ.

— Да... не сняли фуражекъ!

— Знаю, понимаю... Онъ всегда—такой странный...

— Онъ позвалъ насъ, — продолжалъ одинъ изъ Иксулей, — и гнѣвно назвалъ насъ «ослами».

— Ослами?! — воскликнулъ Линденеръ и сталъ пугливо озираться по сторонамъ.

— И, кромѣ того, упоминалъ о нашемъ отцѣ бранно... и о всѣхъ протежирующихъ намъ также бранно...

— Что вы говорите?!—залепеталъ Линденеръ. — И о батюшкѣ вашемъ, и о протежирующихъ?.. Извините, господа, извините... Я за него извиняюсь... Дурно воспитанный человѣкъ... Развѣ на него можно сердиться?! Нѣтъ, нѣтъ... я съ него взыщу, я долженъ взыскать. Этакъ распускать нельзя офицеровъ... Вы, господа, извините ему... Только что пріѣхали, и вдругъ такъ бранно... И потомъ нашъ батюшка—почтенный человѣкъ, а оцъ... Но вы, надѣюсь, не сердитесь... Онъ вспылил... Забудьте, забудьте объ этомъ... Я съ него взыщу...

— Да, полковникъ, это—кровная обида... Такъ нельзя...

— О, я понимаю... я отлично понимаю... Но это—не то... Обида отъ равнаго... а вы—бароны... Нѣтъ, я его накажу. Какъ можно такъ обращаться съ юнкерами?.. Непремѣнно накажу... И вашего батюшку?.. такъ и сказалъ?.. прямо?.. Ужасный человѣкъ!..

Черезъ полчаса бароны ушли, оставивъ Линденера одного возмущаться поступками подчиненнаго офицера, а затѣмъ и самъ Роткирхъ предсталъ предъ начальникомъ, будучи вызванъ по его требованію.

Линденеръ сначала не могъ говорить отъ волненія.

— Какъ вы могли такъ забыться?—горячился онъ, бѣгая по кабинету.—Вы не понимаете, съ кѣмъ вы говорили, и кого вы называли поносными словами. Вѣдь ихъ батюшка, если пожелаетъ, такъ онъ...

— Господинъ полковникъ,—прервалъ его Роткирхъ,—я исполнилъ свою обязанность: остановилъ юнкеровъ и сдѣлалъ имъ замѣчаніе. Точно—назвалъ ихъ ослиами и сказалъ, что плюю на ихъ протекцію, но...

— Что «но»? — заговорилъ Линденеръ. — Вѣдь они и ихъ батюшка...

— Такъ точно: они—юнкера, а ихъ батюшки я не имѣю чести знать!—произнесъ Роткирхъ.

— О, да... Это—большая честь!

— ...И всегда буду по мѣрѣ моихъ разумѣній исполнять долгъ службы!..

— Очень хорошо, очень хорошо!.. Но бранить юнкеровъ я не позволю!.. Особенно Иксулей—они имѣютъ сильную протекцію, и я ихъ уважаю!.. Слышите, уважаю...

— Такъ точно... Но со всѣми дворянами я обращался вѣжливо и всегда взыскивалъ по службѣ... А эти... Иксули...

— Бароны Иксули!—поправилъ Линденеръ.

— Юнкера бароны Иксули,—добавилъ Роткирхъ,—своею умышленною неучтивостью вынудили меня назвать ихъ ослиами...

— Я съ васъ взыщу... я съ васъ взыщу...

— Слушаюсь...

— Я объявлю вамъ строгій выговоръ...

— Слушаюсь...

— Я вамъ объявляю строгій выговоръ! Ступайте...

Роткирхъ повернулся и вышелъ.

Съ тѣхъ поръ онъ съ баронами въ эскадронѣ уже не встрѣчался.

IV.

Прошло около полугода со времени описаннаго нами происшествія. Поручикъ Роткирхъ продолжалъ служить въ эскадронѣ, бароны Иксули, произведенные въ первый офицерскій чинъ, замѣтно выдвигались по службѣ. И старый инцидентъ постепенно терялъ свою остроту и былъ бы вовсе преданъ забвенію, если бы не одно обстоятельство чисто внѣшняго характера.

Дѣло въ томъ, что Иксули были произведены въ офицеры въ тотъ же самый драгунскій полкъ, гдѣ по спискамъ числился и Роткирхъ, хотя онъ фактически служилъ при кавалерійскомъ эскадронѣ дворянскаго полка.

Иксулямъ казалось нѣсколько неудобнымъ служить въ одной части со своимъ обидчикомъ. Правда, эта обида—старого происхо-

жденія, нанесена юнкерамъ, а не офицерамъ, тѣмъ не менѣе въ душѣ Искули не могли примириться съ Роткирхомъ. Пусть даже за оскорбленіе офицеромъ юнкера нельзя требовать удовлетворенія съ перваго, но вѣдь Роткирхъ оскорбилъ не только юнкеровъ, онъ оскорбилъ ихъ отца и всѣхъ «протежирующихъ имъ». Такая обида требовала удовлетворенія.

Искули неоднократно совѣщались другъ съ другомъ, нища выхода изъ своего двусмысленнаго положенія, и не могли прійти ни къ какому рѣшенію.

О дуэли нельзя было и думать: Роткирхъ не совершилъ ничего такого, что могло бы дать имъ поводъ для вызова, но, съ другой стороны, не вполнѣ корректные отзывы Роткирха объ отцѣ ихъ не могли быть оставлены безъ вниманія.

Во что бы то ни стало, нужно объяснить и затѣмъ дѣйствовать, какъ предписываетъ честь.

Въ декабрѣ 1816 года поручикъ Роткирхъ былъ разбуженъ своимъ денщикомъ, который убѣждалъ своего барина скорѣе вставать, такъ какъ два молодыхъ офицера давно уже ожидаютъ въ его кабинетѣ.

Роткирхъ одѣлся и вышелъ къ посѣтителямъ: передъ нимъ стояли прапорщики Искули.

— А-а! господа... здравствуйте... позвольте васъ поздравить съ производствомъ!.. — радостно заговорилъ Роткирхъ, не понимая цѣли пріѣзда бароновъ.— Чѣмъ могу служить? Садитесь...

Искули не сѣли. Сохраняя на своемъ лицѣ серіозность, младшій Искуль поклонился и произнесъ:

— Господинъ офицеръ, надѣюсь, вамъ памятны тѣ обстоятельства, при которыхъ мы встрѣтились съ вами, будучи юнкерами... здѣсь... около вашей квартиры...

— Конечно, помню!—улыбнулся Роткирхъ, котораго уже стала забавлять серіозность Искулей.

— Вы меня, слѣдственно, освобождаете отъ необходимости напоминать вамъ все происшедшее!—продолжалъ Искуль. — И это для меня очень пріятно... потому что, согласитесь, ваше отношеніе къ намъ непременно касалось нашей чести, нашего имени...

— Такъ, такъ, такъ!—замѣтилъ Роткирхъ.—Я помню, обозвалъ васъ какъ-то... вы фуражекъ не сняли...

— Именно такъ! Вы позволили себѣ нанести намъ оскорбленіе, которое смывается...

— Оскорбленіе?!—изумился Роткирхъ.—Нѣтъ, господа, это не совсѣмъ такъ... И надѣюсь, вы понимаете, что оскорбленіе офицеромъ нижняго чина, значить—подчиненнаго, не даетъ права вызывать на поединокъ. Другое дѣло — оскорбленіе офицера... Но и васъ имѣю честь видѣть офицерами первый разъ... Нѣтъ, господа, бросьте, бросьте... Это совсѣмъ противъ правилъ... Вызывайте меня,

но я не приму вызова, потому что я васъ, гг. офицеры, не оскорблялъ... Это—такъ ясно...

— Да, г. поручикъ, это, пожалуй, такъ! — вмѣшался первый Иксуль.—Мы соглашаемся, что ваши оскорбительныя слова нашей чести не мараютъ... Правда, мы были юнкерами... Это—такъ. Но извольте вспомнить, что, называя насъ съ братомъ оскорбительными именами, вы въ то же время оскорбили нашего отца...

— Вашего отца?!—воскликнулъ Роткирхъ.—Не ошибаетесь ли, господа?

— Н-нѣтъ... Мы не ошибаемся... А потому—пистолеты...

— Подождите, до пистолетовъ всегда дойти успѣемъ!—усмѣхнулся Роткирхъ.—Но даю вамъ честное слово, что у меня даже въ мысляхъ не было оскорблять вашего батюшку...

— Однако, вы сказали, что вы... извините... плюете на нашу протекцію, при чемъ упоминали и объ отцѣ...

— Да... точно!—согласился Роткирхъ.—Что-то сгоряча я сказалъ... Но я хотѣлъ поставить на видъ вамъ, что для меня служба выше всякихъ протекцій, а оскорблять вашего отца у меня даже и въ мысляхъ не было...

Братья переглянулись и замолчали.

— Итакъ, господа! — началъ Роткирхъ. — Я считаю, что несчастный случай со мною и вами не даетъ намъ права оканчивать дѣло поединкомъ, а потому...

— Позвольте... — прервалъ его младшій Иксуль. — Возможно, что подъ вліяніемъ раздраженія вы отозвались неодобрительно о нашемъ отцѣ... Можетъ быть, вы и не имѣли намѣренія оскорбить его. Но въ то время для насъ было очевидно, что какъ мы, такъ и отецъ нашъ оскорблены вами...

— Мы такъ и полковнику Линденеру доложили, — вставилъ старшій Иксуль.

— Да... именно такъ доложили! — подтвердилъ братъ. — А это происшествіе во всякомъ случаѣ было для насъ оскорбительно.

— Такъ что же прикажете дѣлать?—раздраженно воскликнулъ Роткирхъ.—Если угодно, я могу и полковнику Линденеру сказать то же самое, что говорилъ вамъ сейчасъ...

— Да... это необходимо. Только полковнику пока извѣстно о вашихъ выраженіяхъ насчетъ нашего батюшки... Поэтому я и братъ мой просимъ васъ повторить полковнику, что вы не имѣли намѣренія оскорбить отца...

— Я согласенъ!—воскликнулъ Роткирхъ, и черезъ нѣсколько минутъ враги уже выходили изъ злополучной калитки на улицу.

...Вечеромъ того же дня въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ Роткирхъ и бароны вспрыскивали прапорщичьи эполеты бывшихъ юнкеровъ, пили за дружбу и за полковника Линденера.

На разсвѣтѣ Роткирхъ былъ въ распоряженіи своего денщика-хохла, которому рѣдко приходилось встрѣчать своего барина въ такомъ веселомъ настроеніи. Роткирхъ пѣлъ, не давалъ снимать съ себя сапоги и, повалившись на диванъ, заснулъ, какъ убитый...

V.

Наступили святки. Для поручика Роткирха настало время полнаго бездѣлья: въ эскадронѣ онъ не ходилъ, по цѣлымъ днямъ валялся на диванѣ и дразнилъ свою собаку.

Однажды вечеромъ, когда онъ собирался выйти изъ квартиры, денщикъ подалъ ему письмо.

Роткирхъ не торопясь вскрылъ конвертъ, развернулъ бумагу и улыбнулся: письмо было отъ его пріятеля—коротенькой фигурки въ австрійской курткѣ, передъ которою,—какъ читатель помнитъ,—Роткирхъ возмущался безпорядками въ кавалерійскомъ эскадронѣ.

Пріятель писалъ ему, что въ мѣстечкѣ N. тоска страшная...

«Карты и вино безъ женщинъ теряютъ свою привлекательность. Дѣлать вовсе нечего, если не считать сидѣнья за карточными столами въ теченіе 24 часовъ въ сутки. Какъ ты поживаешь? Насколько я могу судить по свѣдѣніямъ, доходящимъ до нашего болота, ты совершенно измѣнился характеромъ. Помнишь, я говорилъ: кому—способности, кому—протекція. Протекція посильнѣе способностей, и я очень радъ, что мои соображенія сбываются. А ты такъ горячо возмущался поведеніемъ своихъ барончиковъ, что услышать о принесенномъ тобою имъ извиненіи было для меня полною неожиданностью. Какъ это случилось? Охота тебѣ извиняться передъ мальчишками, я бы даже этого не сдѣлалъ. Но все-таки очень радъ, что хорошо кончилось. Говорятъ, эти Иксули очень довольны, что даже и ты побѣжденъ. А ты когда-то возмущался протекціей и меня бранилъ. Нѣтъ, я зачастую бываю правъ. Опиши мнѣ подробно, гдѣ и какъ ты встрѣтился съ баронами и за что собственно извинялся».

Прочтя письмо, Роткирхъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— «Что это все значитъ?—подумалъ онъ.—Откуда они взяли, что я извинялся передъ ними?! И за что я буду извиняться?... Мы просто объяснились, а объ извиненіи и рѣчи никакой не было»...

И чѣмъ больше думалъ Роткирхъ, тѣмъ яснѣе становилось для него, что вся исторія объ извиненіи выдумана самими баронами.

— «Понимаю, понимаю!... говорилъ онъ самъ съ собою, нервно теребя усы.—Какъ бы то ни было, а все-таки ослами я ихъ обозвалъ. И всѣ это знаютъ, и Линденеръ знаетъ... И нарочно выдумали, что я у нихъ прощенья просилъ... протекціи или даже дуэли испугался... Нѣтъ, шалите... позорить я себя не позволю... Дескать, что съ него взять, если онъ повинную приносить... И стали всѣмъ

разсказывать, звонить вездѣ, порочить мое имя... Но я не допущу... Ишь, даже въ Н. узнали, что между нами объясненіе происходило.. Это все барончики распускаютъ, чтобы всѣ знали, чтобы меня унижить... Но не на такого напали... я имъ покажу!»

— Иванъ!—громко крикнулъ онъ, и въ дверяхъ показалась заспанная фізіономія денщика. — Бѣги къ поручику Краузе... да поскорѣе... Скажи, я зову... дѣло важное... экстренное...

Денщикъ скрылся, а Роткирхъ перечитывалъ письмо, бросалъ его и снова начиналъ бѣгать по кабинету.

— Представь себѣ, что эти бароны выдумали!—говорилъ онъ черезъ полчаса явившемуся поручику Краузе.—Этакъ дѣла оставить нельзя... И я тебя покорнѣйше прошу быть моимъ секундантомъ...

— Благодарю за честь!—поклонился Краузе.—Но я ничего не понимаю...

— Читай—и тебѣ будетъ ясно!—проговорилъ Роткирхъ, подавая ему письмо.

— Очень хорошо... произнесъ Краузе, окончивъ чтеніе. — Но откуда ты знаешь, что барончики сами распускаютъ эти слухи?... Вѣдь такъ нельзя... узнать нужно... Объяснись съ баронами... Можетъ быть, ничего подобнаго не было...

— Благодарю тебя!—усмѣхнулся Роткирхъ.—Ты исполняешь обязанности секунданта... Я понимаю... Нс, тѣмъ не менѣе, я считаю себя оскорбленнымъ и потому предлагаю Иксулямъ дуэль... на пистолетахъ...

— Обоимъ?!

— Ну... хоть младшему... тотъ побойчѣе... пистолеты и 15 шаговъ...

— Хорошо... Исполню твое желаніе... А все-таки лучше объясниться бы сначала... Можетъ быть...

— Нѣтъ, мой другъ, довольно... Объясненія, видишь, къ чему ведутъ? (онъ показалъ письмо). Пожалуйста, поѣзжай...

...Поздно ночью Краузе вернулся къ Роткирху и разсказалъ ему о томъ, что Иксуль 2-ой «охотно принялъ» дуэль, но былъ «въ недоумѣніи» относительно вызова и выбралъ себѣ въ секунданты своего брата.

Дуэль должна была состояться 2-го января на Крестовскомъ островѣ. По уговору между секундантами, первый выстрѣлъ былъ предоставленъ, по жребію, Иксулю; стрѣлять противники должны были неподвижно въ разстояніи 15-ти шаговъ; на каждый выстрѣлъ было рассчитано по 10 секундъ.

VI.

— Безъ десяти минутъ девять!—воскликнулъ Краузе, остановивъ кучера и выходя изъ экипажа. — Твой противникъ уже на мѣстѣ!... Идемъ...

Было морозное утро. Снѣгъ искрился и хрустѣлъ подъ ногами... Въ отдаленіи видѣлись двѣ верховыя лошади, привязанныя къ деревьямъ. Около нихъ никого не было.

Роткирхъ и Краузе увидали Иксулей. Подойдя къ нимъ, они отдали баронамъ честь.

Роткирхъ отвернулся отъ противника и сталъ смотрѣть на приготавительныя дѣйствія Краузе.

Этотъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица отсчиталъ пятнадцать шаговъ, провелъ каблукомъ двѣ черты и бросилъ на каждую по перчаткѣ. Затѣмъ въ присутствіи Иксуля 1-го вынулъ привезенныя пистолеты, осмотрѣлъ ихъ, показалъ ихъ ему, зарядилъ и, накрывъ платкомъ, поднесъ къ противникамъ.

Тѣ молча выбрали пистолеты и разошлись, держа оружіе дулами внизъ.

Иксуль 1-й остановился вблизи Роткирха, а Краузе—вблизи его противника...

— Готово?—крикнулъ Краузе и, получивъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ:—Взводить!... Начинай...

Младшій Иксуль поднялъ пистолетъ и прицѣлился... У него тряслись руки...

Роткирхъ стоялъ неподвижно, не спуская съ противника глазъ.

— Разъ... два... три... четыре!... и вслѣдъ затѣмъ послышался отчетливый звукъ осѣчки.

Иксуль 1-й, блѣдный отъ волненья, кинулся къ брату...

— Довольно!... воскликнулъ онъ.—Ты показалъ, какъ надобно защищать свою честь!... Довольно... видите, сама судьба примиряетъ насъ!—произнесъ онъ быстро, обращаясь къ Роткирху.—Не правда ли?

— Я не могу отвѣчать... спросите моего секунданта!—мрачно отвѣтилъ Роткирхъ, глядя въ землю.

Краузе заволновался и сказалъ.

— По-моему, это противъ правилъ... Противникъ моего кліента не признаетъ себя виноватымъ... А такого рода примиреніе легко и вѣроятно, какъ это и прежде случалось, можетъ подать поводъ къ новымъ неудовольствіямъ...

— Да... но вѣдь они... началъ было старшій Иксуль.

— Наконецъ, я полагаю,—громко сказалъ Краузе,—что прекращеніе дуэли противно правиламъ... а главное—военной чести... Стоять на плацу дуэли съ заряженнымъ оружіемъ въ рукахъ и кончить дѣло пустяками... Нѣтъ, дуэль продолжается... Взводить... Начинай... Разъ, два, три...

Раздался выстрѣлъ, и Роткирхъ, какъ подкошенный, сѣлъ на снѣгъ.

— Что? куда?—взволнованнымъ голосомъ произнесъ младшій Иксуль и подбѣжалъ къ противнику.

— Пустяки... улыбнулся Роткирхъ.—Въ правую ногу... Кажется, кость немножко раздроблена...

И онъ подаль ему руку.

Скоро сани съ тяжело раненымъ Роткирхомъ быстро неслись по направленію къ городу.

— Доктора... доктор!... шепталъ Иксуль младшій.—Что случилось! Какъ это прискорбно!...

И черезъ два часа весь Петербургъ заговорилъ объ «интересной» дуэли.

VII.

Потеря крови, отсутствіе доктора на мѣстѣ дуэли, поздня помощь раненому—все это вызвало осложненіе въ болѣзненномъ процессѣ, и черезъ четыре мѣсяца (30-го апрѣля) Роткирхъ скончался въ госпиталѣ.

Братья Иксули были преданы военному суду, который и приговорилъ: «по силѣ законовъ о поединкахъ обоихъ Иксулей лишить чиновъ и дворянства, чему подлежали и поручики Роткирхъ и секундантъ его—Краузе; но какъ сія послѣдніе суду преданы не были, то и представляется о нихъ рѣшенію военнаго начальства».

Однако, конфирмовавшее приговоръ начальство по обыкновению не согласилось съ судомъ.

Командиръ полка, генераль-майоръ Чичеринъ, нашелъ, что всѣ четверо подлежатъ разжалованію въ солдаты, «но приѣмля въ соображеніе обстоятельства дѣла, молодость лѣтъ подсудимыхъ Иксулей, отлично хорошую и усердную ихъ службу и доселѣ тихое и скромное поведеніе, почтеніе и уваженіе къ начальству», полагалъ ограничиться лишь отставленіемъ на время отъ производства въ слѣдующій чинъ. Генераль князь Голицынъ предлагалъ Роткирха и Иксулей «выписать въ армейскіе полки тѣми же чинами, а поручику Краузе сдѣлать выговоръ». Генераль Милорадовичъ присоединился къ мнѣнію командира полка, а вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что «слѣдовало бы полковнику Линденеру, какъ начальнику, по дошедшему къ нему свѣдѣнію, наказать Иксулей... и Роткирха... чрезъ что легко бы прекратились послѣдствія».

Государь цесаревичъ полагалъ: Иксуля 2-го посадить въ крѣпость подъ арестъ на 3 мѣсяца, Иксуля 1-го—на 1 мѣсяцъ, а Линденера—на 3 мѣсяца.

Мнѣніе генераль-аудитора такъ характерно, что познакомиться съ нимъ въ подлинникѣ является небезынтереснымъ.

«Аудиторіатскій департаментъ, входя въ разсмотрѣніе дѣла сего, находитъ главнѣйшимъ виновникомъ происшедшей дуэли поручика Роткирха, который по однимъ только слухамъ, что бароны Иксули якобы разглашали о просимомъ имъ отъ нихъ прощени въ обидѣ, нанесенной имъ отъ него въ бытность ихъ юнкерами за неснятіе тѣми Иксулями передъ нимъ фуражки, которая исторія была между ими прекращена уже мировою, сдѣлалъ вызовъ Иксулю къ дуэли безо всякой цѣли и вовлекъ сихъ молодыхъ людей въ преступленіе, коего они были чужды. Таковой вызовъ сопровождался посредствомъ поручика Краузе, избраннаго Роткирхомъ въ секунданты, и который первый имѣлъ полное право не только отклонить отъ такого намѣренія Роткирха и не допустить до произведенія въ дѣйство, но при самомъ началѣ открыться предъ своимъ начальствомъ, какъ того строго требовалъ законъ; но онъ вмѣсто сего, бывъ уже на мѣстѣ дуэли..., подстрекалъ молодыхъ и неопытныхъ Иксулей... Отъ сего самаго совершилось несчастіе Иксулей, а съ тѣмъ вмѣстѣ усердная служба ихъ и отличное поведеніе, начальствомъ свидѣтельствуемое, затмились, поелику закономъ запрещается не только не имѣть поединковъ, но всячески отвращать отъ оныхъ и не допускать, донося тогда же, когда только услышатъ о семъ, по начальству. Почему аудиторіатъ и полагаетъ: за смертію начинщика поединка — поручика Роткирха, оставить о немъ безъ сужденія; относительно жъ до прапорщиковъ бароновъ Иксулей, то ихъ за сіе преступленіе по силѣ воинскаго сухопугнаго устава 49-й главы пунктовъ 10 и 14 и артикуловъ 139, 140 и 147 и манифеста о поединкахъ апрѣля 27-го 1787 г., а также и жалованной дворянству грамоты 6-й статьи, лиша чиновъ и дворянства, написать въ рядовые»...

Этотъ докладъ былъ представленъ въ г. Бобруйскѣ императору Александру 3-го сентября 1817 года, который и положилъ на немъ слѣдующую резолюцію:

«Быть по мнѣнію аудиторіата. Полковника Линденера арестовать на трое сутокъ, а поручика Краузе на мѣсяцъ».

Такъ закончилась юнкерская исторія...

III.

Прапорщикъ «баба».

I.

Въ полдень на гауптвахту былъ приведенъ совершенно юный, безусый прапорщикъ, съ красивымъ, женственнымъ лицомъ и мягкими, какими-то робкими манерами. Онъ чувствовалъ себя крайне сконфуженнымъ и не рѣшался поднять глазъ на караульнаго на-

чальника, браваго поручика Логинова, широкоплечаго, добродушнаго армейца.

— Вы, вѣроятно, въ первый разъ изволите жаловать подъ арестъ? — спросилъ онъ прапорщика, который при этихъ словахъ заалѣлся, и слезы готовы были уже брызнуть изъ-подъ рѣсницъ.

— Точно такъ!—отвѣтилъ онъ и какъ будто испугался своего голоса.

— Ну, вотъ и отлично! — продолжалъ Логиновъ, смущенный поведеніемъ прапорщика и превосходно понимая, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть ничего отличнаго. — Да... а со мной это часто случалось... По крайней мѣрѣ, отдыхъ... Занятій никакихъ: сиди и высиживай... А вы за что?

— Опоздалъ на ученье...

— Ну, вотъ и отлично!—повторилъ Логиновъ.—Я тоже часто опаздывалъ. Да это ничего... Главное, не смущайтесь... Вы водку пьете, конечно?

— Нѣтъ... у меня отъ нея голова кружится...

— Это скверно... Ну, а курить, конечно, курите?...

— Также нѣтъ... Пробовалъ, да привыкнуть не могъ.

— Баба!... — подумалъ про себя Логиновъ. — Ишь, сидитъ и краснѣетъ!...

Разговоръ не завязывался. Прапорщикъ сидѣлъ, попрежнему опутивъ голову и не поднимая глазъ.

— Ежели не пьете и не курите, такъ вамъ скучно будетъ...— началъ черезъ минуту Логиновъ. — Книгъ здѣсь нѣту, арестованныхъ никого... Скука... Да вѣдь вы всего-на-всего дня на три, небось?

— Да... ровно на три дня!... Это ужасно...—какъ-то вырвалось изъ устъ прапорщика.

— Ну, ничего... хуже бываетъ!—замѣтилъ Логиновъ.—Людей на нѣсколько мѣсяцевъ сажаютъ... и то ничего... высиживаютъ... Спиваются, а высиживаютъ...

— Но вѣдь въ караулѣ пить водку воспрещается?!—возразилъ прапорщикъ.

Логиновъ разсмѣялся и съ искреннимъ изумленіемъ поглядѣлъ на арестованнаго офицера.

— Да что это вы въ самомъ дѣлѣ? Неужели въ караулѣ никогда не заступали... порядковъ нашихъ не знаете? — спросилъ онъ. — У насъ въ пѣхотѣ всегда пьютъ... А вы что же?

— Я служилъ въ Москвѣ... потомъ уѣхалъ въ отпускъ... И вотъ теперь меня перевели сюда... Недѣлю тому назадъ я пріѣхалъ... И меня подъ арестъ посадили... Я не бывалъ въ караулахъ...

— Такъ, такъ... понимаю! — промычалъ Логиновъ и добавилъ:— У насъ арестованнымъ свободно... иногда уходятъ... У меня былъ такой случай: одинъ на мѣсяцъ былъ посаженъ... морякъ...

Заболѣла у него сестра, попросился онъ у меня на честное слово до десяти часовъ вечера, а самъ на другое утро только пришелъ... Я уже беспокоиться началъ... Ну, слава Богу, не попался... благополучно все прошло...

— Значить, и уйти можно? — схватился прапорщикъ и поднялъ на Логинова свои голубые глаза.

— Конечно, можно... если караульный отпустить!... — отвѣтилъ тотъ.

— Понимаю, понимаю! — проговорилъ прапорщикъ и глубоко вздохнулъ.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, прапорщикъ ушелъ въ свою комнату, и въ караульномъ помѣщеніи все стихло.

Логиновъ, послѣ плотнаго обѣда, почувствовалъ тяжесть и въ полной формѣ завалился на кожаный диванъ. Онъ помигалъ нѣсколько разъ глазами и затѣмъ, неожиданно для себя, заснулъ.

Сколько времени онъ спалъ, и что происходило въ это время въ караульномъ помѣщеніи, онъ не слышалъ. Но вотъ сквозь сонъ онъ чувствуетъ, что кто-то всхлипываетъ около него, сначала тихо, потомъ все громче и громче, и, наконецъ, раздаются громкія рыданія, ничѣмъ не сдерживаемыя.

Логиновъ открываетъ глаза и въ недоумѣніи осматривается кругомъ.

Прапорщикъ, опустивъ безнадежно голову на руки, плачетъ, какъ маленькій ребенокъ; его бѣлые, какъ ленъ, волосы растрепаны; все туловище его подергивается.

— Эй... эй! — закричалъ Логиновъ, обращаясь къ прапорщику. — Что такое? Что случилось?

Прапорщикъ не мѣнялъ положенія.

— Послушайте... есть о чемъ плакать... Стыдно какъ... Офицеръ — и плачетъ... Подъ арестъ посадили, и плачетъ... На-те, выпейте воды... успокойтесь... какъ стыдно!...

Прапорщикъ сдѣлалъ нѣсколько судорожныхъ глотковъ и снова опустилъ голову на руки.

— Ишь, что случилось! — продолжалъ Логиновъ. — Меня разъ подъ арестъ на цѣлый годъ посадили... И то ничего... все было отлично... очень хорошо!

— Не то, не то! — плаксиво сказалъ прапорщикъ. — Не о томъ я плачу... Я готовъ сидѣть, но только...

— Что только...

— Вотъ возьмите!... — прапорщикъ протянулъ Логинову розовый конвертикъ.

Тотъ взялъ своими огромными пальцами конвертикъ, вынулъ оттуда бумагу, и на него пахнуло запахомъ крѣпкихъ духовъ.

— «Милый Попка! — читалъ про себя Логиновъ. — Сегодня въ 7 часовъ вечера я буду въ крѣпостной бесѣдкѣ. Я не могу удер-

жаться, чтобы не показать тебѣ, насколько я могу сильно чувствовать. Если не придешь — все погибло. Твоя Лидочка!»

Логиновъ повертѣлъ письмо въ рукахъ, понюхалъ его и положилъ передъ прапорщикомъ.

— Вотъ что! — сказалъ онъ. — Если вамъ надо итти, я ничего не имѣю... ступайте...

— Что вы сказали? что вы сказали? — вскочилъ прапорщикъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Говорю: если нужно, идите... Только, чтобы васъ никто не видалъ, даже нижніе чины...

— Я не надолго... Только на полчаса... Здѣсь близко...

— Хорошо, хорошо! Теперь вотъ что: вы должны сейчасъ же дать честное слово офицера, что черезъ полчаса будете въ караульномъ помѣщеніи!...

Прапорщикъ оживился, далъ честное слово, потомъ побѣжалъ въ свою комнату, умылся, причесался и двинулся къ выходу.

— Помните, прапорщикъ, — замѣтилъ ему Логиновъ, — что ежели вы меня подведете, то за это я въ крѣпость пойду, или того хуже... Помните...

— О, да... разумѣется!... — и прапорщикъ исчезъ изъ комнаты.

Послѣ его ухода Логиновъ принялъ мѣры предосторожности: онъ заперъ комнату арестованнаго на ключъ, положилъ ключъ въ карманъ, вошелъ въ помѣщеніе нижнихъ чиновъ и сталъ провѣрять солдатъ въ знаніи ими обязанностей караульной службы, чтобы тѣмъ самымъ совершенно отвлечь ихъ вниманіе отъ арестныхъ камеръ.

Полчаса тянулись мучительно долго.

Логиновъ, похваливъ солдатъ, двинулся къ себѣ въ комнату и остановился у окна, поджидая прапорщика. Вотъ мелькнула въ окнѣ какая-то фигура, и за спиной караульнаго офицера послышался голосъ:

— Я пришелъ! Ровно полчаса!

На порогѣ стоялъ прапорщикъ съ блаженною улыбкою на лицѣ. Онъ тяжело дышалъ.

— Ну, вотъ и отлично! — проговорилъ Логиновъ. — Небось, бѣгомъ бѣжали... Ишь какъ запыхались... Все устроили?

Прапорщикъ радостно кивалъ головою и улыбался.

II.

Прошло двѣ недѣли послѣ описаннаго нами событія, въ теченіе которыхъ поручикъ Логиновъ жилъ такъ, какъ жили наши армейскіе офицеры въ началѣ царствованія Александра I: незначительная и нетрудная служба — днемъ, попойки и балы — вечеромъ.

Этимъ только и жило офицерство, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ.

Логиновъ принадлежалъ къ числу самой буйной молодежи: онъ стоялъ во главѣ особаго общества, сформированнаго изъ офицеровъ различныхъ родовъ оружія; цѣлью этого общества, которое носило названіе «питейнаго», было, какъ показываетъ само слово, питье—самое безпашное, удалское, единственно способное разогнать царство тоски и скуки въ мѣстѣ расположенія частей войскъ.

Съ питьемъ былъ связанъ неразрывнымъ образомъ любовный шаржъ, интрижки болѣе или менѣе крупныя, болѣе или менѣе занимательныя. «Презусомъ» общества считался офицеръ, который могъ выпить больше другихъ, не теряя, однако, сознанія, и у котораго на совѣсти лежало больше любовныхъ приключеній. Членъ общества могъ свободно отбивать даму у другого члена, и это не только не ставилось ему въ вину, но даже и поощрялось: въ этомъ видѣли особаго рода спортъ.

Логиновъ былъ очень красивъ, пилъ неизмовѣрно много и готовился стать «презусомъ».

Во время одного изъ подобныхъ любовныхъ похожденій онъ встрѣтился съ крайне миловидной особой, за которою началъ ухаживать и безъ особенныхъ затрудненій одержалъ побѣду. Скоро особа уже назначила ему свиданіе въ тѣнистомъ, большомъ саду, находившемся близъ крѣпости; закрытая со всѣхъ сторонъ бесѣдка, поставленная среди деревьевъ, весьма располагала ко всевозможнаго рода тайнымъ свиданьямъ.

Встрѣтившись съ красавицей въ бесѣдкѣ, поручикъ Логиновъ не удержался, чтобы не рассказать ей, какъ нѣсколько дней тому назадъ онъ отпускалъ изъ-подъ ареста одного прапорщика на свиданье именно въ эту бесѣдку.

Красавица покраснѣла при этомъ, но Логиновъ не замѣчая продолжалъ характеризовать прапорщика, какъ «бабу», «шляпу», «плаксу» и т. п.

Послѣ перваго свиданія послѣдовало скоро второе, затѣмъ третье, и Логиновъ почувствовалъ себя совершенно въ рукахъ красавицы.

Въ одинъ крайне памятный для Логинова день, прогуливаясь по саду, парочка рѣшила посѣтить бесѣдку. Они поднялись по ступенькамъ, отворили дверь и переступили порогъ, какъ вдругъ красавица громко крикнула: «ахъ!», быстро сбѣжала внизъ въ садъ и скоро скрылась изъ вида.

Логиновъ увидалъ прямо передъ собою прапорщика «бабу». Онъ былъ неузнаваемъ: лицо его перекошилось, блѣдныя губы дрожали, руки сжимались въ кулаки...

Постоявъ минуту въ недоумѣніи, Логиновъ хотѣлъ было уйти изъ бесѣдки, но первый громкій крикъ «бабы» заставилъ его остановиться.

— Куда?! куда вы идете?! Такъ это вы... вы... а я не зналъ, что вы такъ можете поступать... Я былъ ея первою любовью... Вотъ почему такая холодность... Понимаю!.. Такъ честные люди не дѣлаютъ...

— Что-о?—протянулъ Логиновъ.

— Да! такъ не поступаютъ товарищи и честные люди...

— Господинъ прапорщикъ, вы забываетесь...

— Не поступаютъ такъ, не поступаютъ, не поступаютъ!—въ изступленіи кричалъ «баба».

— Я прошу молчать!.. — воскликнулъ въ свою очередь Логиновъ.

— Не поступаютъ, не поступаютъ!—продолжалъ прапорщикъ, и голосъ его сдѣлался пронзительнымъ.

— Тьфу, баба!—отплюнулся Логиновъ.

— А я говорю—не поступаютъ!

— Ну, такъ я готовъ дать удовлетвореніе, коли такъ не поступаютъ!.. — заключилъ Логиновъ и раздосадованный оставилъ бесѣдку, гдѣ продолжалъ раздаваться голосъ прапорщика.

Обойдя садъ и не найдя своей дамы, Логиновъ отправился въ свое общество, которое уже выполняло свое назначеніе, и рассказалъ тамъ про случившійся съ нимъ «скандалъ».

Рассказъ былъ принятъ съ одобреніемъ, и тотчасъ же два «пивца» изъ членовъ общества отправились на квартиру прапорщика въ качествѣ секундантовъ.

Но секунданты не застали прапорщика дома и вернулись ни съ чѣмъ. На другой день миссія къ «бабѣ» снова была отправлена, но прапорщикъ сказался «отмѣнно больнымъ»; на третій день онъ заявилъ, что пришлетъ своихъ секундантовъ. Дни шли, но секундантовъ не было, а потомъ вдругъ всѣ узнали, что прапорщикъ переводится въ другую часть войскъ, расположенную въ одной изъ дальнихъ губерній.

— Ужъ не отказывается ли онъ?—подумалъ Логиновъ.—Экая баба, а еще офицеръ...

Секунданты Логинова отправились на квартиру прапорщика, но квартирная хозяйка заявила, что прапорщикъ «уѣхамши совсѣмъ», передъ отъѣздомъ онъ просилъ «поручика Логинова сблизиться съ ротмистромъ Рожновымъ».

Логиновъ разыскалъ ротмистра Рожнова, который, въ качествѣ «будущаго» секунданта прапорщика, заявилъ, что его довѣритель вынужденъ временно оставить городъ по служебной надобности, но что отъ поединка онъ не отказывается и готовъ дать удовлетвореніе рано или поздно.

— Странный человѣкъ—вашъ прапорщикъ!—сказалъ Логиновъ Рожнову.—А впрочемъ, какъ онъ знаетъ...

III.

Нѣсколько дней спустя, Логиновъ получилъ отъ прапорщика «бабы» письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что, такъ какъ противъ Логинова «возбуждается уголовное преслѣдованіе», то вопросъ о дуэли долженъ быть оставленъ безъ разсмотрѣнія до конца дѣла, и если «поручикъ не будетъ опороченъ», то прапорщикъ готовъ защищать свою честь.

Послѣ прочтенія этого письма Логиновъ протеръ глаза и ущипнулъ себя, чтобы убѣдиться, что онъ не спитъ.

— Или прапорщикъ съ ума сошелъ, или я помѣшался!— подумалъ онъ.— Какое уголовное преслѣдованіе? за что?

Отвѣта на эти вопросы пришлось ждать не долго: въ одинъ изъ скверныхъ дней его позвали въ полковую канцелярію и тамъ объявили, что три недѣли тому назадъ онъ «выпустилъ изъ-подъ ареста офицера, коего потомъ для уничтоженія слѣдовъ преступленія вызывалъ на поединокъ».

Логиновъ изумленно смотрѣлъ на адъютанта, безсознательно отдалъ ему шпагу и отправился подъ арестъ, при чемъ шефъ полка сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ:

— Такъ служить нельзя... Мы—не гвардейцы... Арестованнаго и отпускать...

Логиновъ молча шелъ за адъютантомъ. Для него не было сомнѣній, что вся исторія началась по донесенію «бабы». Никто не зналъ и не могъ узнать ни объ отпускѣ изъ-подъ ареста, ни о вызовѣ прапорщика на дуэль. И сколько онъ ни думалъ, ища выхода изъ своего положенія, онъ ни къ какому выводу прійти не могъ.

«Баба» драться не будетъ, недаромъ онъ столько времени откладывалъ дуэль; да и нельзя драться съ доносчикомъ, не стоить марать рукъ. Что же остается дѣлать? Онъ рѣшилъ ждать.

Скоро его позвали къ допросу. Его обвиняли въ самовольномъ отпускѣ арестованнаго изъ караула, въ нарушеніи обязанности караульной службы «бодрствованія» и въ вызовѣ на поединокъ.

— Я бодрствовалъ... все время бодрствовалъ!—возразилъ Логиновъ, но спохватился и сказалъ:—Да... да... точно... Когда «баба» началъ хныкать, я и проснулся... Точно... да, я спалъ...

Для Логинова все стало яснымъ: ревность, которою воспылалъ прапорщикъ, заставила его пойти на все, даже на доносительство— «мерзѣйшее изъ дѣяній человѣческихъ». Сначала онъ хотѣлъ было «утопить» прапорщика, заявить суду, что, только благодаря «его гнуснымъ слезамъ», произошла вся исторія, но порядочность не позволила сдѣлать этого Логинову, и онъ рѣшился пострадать.

— Это на него подѣйствуетъ и, можетъ быть, «бабу» человѣкомъ сдѣлаетъ!

Черезъ годъ военносудная комиссія закончила дѣло и представила его на конфирмацію: поручикъ Логиновъ былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ въ «дальніе гарнизоны».

При такихъ условіяхъ искать удовлетворенія не было никакой возможности, такъ какъ прапорщикъ «баба» являлся уже по отношенію къ Логинову начальникомъ, и вызовъ равнялся тягчайшему оскорбленію, нарушенію дисциплины, за которое Логиновъ пострадалъ бы еще больше.

Онъ надѣлъ сѣрую солдатскую шинель и скоро очутился въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Оренбургѣ.

Разжалованіе въ солдаты въ Александровскія времена не было особенно тяжелымъ наказаніемъ: Логиновъ жилъ среди офицеровъ, которые держали себя съ нимъ, какъ съ товарищемъ, солдатскую службу фактически не несъ, а черезъ какіе нибудь полгода онъ уже получилъ чинъ прапорщика, а потомъ и утерянный чинъ поручика.

О «бабѣ» онъ забылъ, какъ забываютъ хорошіе незлобивые люди о прошлыхъ непріятныхъ исторіяхъ. Онъ успѣлъ побывать въ военныхъ дѣйствіяхъ, ходилъ съ войсками корпуса Воронцова въ Парижъ и въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I былъ уже назначенъ шефомъ пѣхотнаго полка.

Съ «бабою» ему пришлось встрѣтиться одинъ разъ: по возвращеніи изъ Франціи онъ былъ назначенъ «презусомъ» военносудной комиссіи по дѣлу о расхищеніи комиссіонерами (тогдашними интендантами) казны; въ числѣ свидѣтелей былъ «баба», который держался очень политично и не узнавалъ Логинова. Этотъ въ душѣ былъ радъ подобному обстоятельству и не показывалъ вида, что онъ знаетъ «бабу» или помнитъ зло.

Но вотъ однажды, когда Логиновъ уже вступилъ въ командованіе полкомъ, къ нему былъ переведенъ офицеръ на должность батальоннаго командира. Фамилія назначеннаго офицера ничего не сказала Логинову, и только когда адъютантъ доложилъ ему о пріѣздѣ вновь назначеннаго майора, и въ дверяхъ уже виднѣлась «бабья» фізіономія, онъ все понялъ.

Онъ вѣжливо и сухо встрѣтилъ «бабу», при чемъ даже не подалъ ему руки.

— Благоволите, майоръ, пожаловать въ канцелярію завтра въ полдень!—сказалъ онъ «бабѣ», отпуская его, и затѣмъ громко приказалъ адъютанту:—А вы отдайте въ приказѣ, чтобы завтра г.г. офицеры собрались ко мнѣ, я имъ представлю майора...

На другое утро весь полкъ былъ въ сборѣ.

Логиновъ вышелъ изъ своей комнаты, поздоровался съ офицерами и обратился къ нимъ съ коротенькой рѣчью.

— Господа офицеры! Вотъ майоръ, которому приходится служить въ нашемъ полку, гдѣ такъ свято цѣнятся товарищескія отношенія. Майоръ скоро покажетъ вамъ, какой онъ товарищъ...

Много лѣтъ тому назадъ онъ сослужилъ мнѣ службу... Спасибо ему... Дѣло было такъ...

Логиновъ остановился, но въ эту минуту у его ногъ лежалъ «баба».

— Ради Бога... не напоминайте... Дѣти у меня... Я несчастливъ...

— Что вы... что вы... смѣшался Логиновъ.—Встаньте, стыдно...

И онъ съ трудомъ поднялъ обезумѣвшаго майора.

— Господа,—продолжалъ онъ,—онъ далъ мнѣ возможность узнать, что такое прощеніе, научилъ меня извинять человѣческіе недостатки, юношескія ошибки... Все пройдетъ, одна правда останется... И вотъ она правда...

Онъ подошелъ къ «бабѣ», подалъ ему руку и прошепталъ:

— А вы все такая же «баба».

Впослѣдствіи офицеры узнали стороною, что сдѣлалъ «баба», когда былъ еще прапорщикомъ, и, уважая своего шефа, рѣшились терпѣть «бабу» въ полку.

Разсказываютъ, что «баба» совершилъ даже «геройскій» поступокъ: возвращаясь однажды съ ученья вмѣстѣ съ шефомъ Логиновымъ, онъ услыхалъ на дворѣ казармъ странный шумъ и не успѣлъ опомниться, какъ въ двухъ-трехъ шагахъ отъ шефа появился солдатъ, съ искривленнымъ лицомъ, оказавшійся впослѣдствіи душевно-больнымъ. Въ рукахъ у него былъ тесакъ. Онъ захохоталъ, поднялъ тесакъ и готовъ былъ уже нанести Логинову ударъ, но «баба» рванулся къ нему, схватилъ его за руку, и тесакъ ударилъ «бабу» по плечу. Безумный солдатъ былъ обезоруженъ подбѣжавшими людьми.

— Ну, не найдись «баба», и былъ бы я покойничкомъ!—говорилъ Логиновъ.—Такъ вотъ и поквитались мы съ нимъ...

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАКАВКАЗСКІЕ СЕРТАНТЫ ¹⁾.

V.

Прыгуны.—Въ гостяхъ у представителя секты.—Споръ о духѣ.—Молельня прыгуновъ.—Ихъ религіозныя процессіи.—Духъ и плоть.—Соблазняющее прыганье.—Иѣвнѣ и экстазъ прыгуновъ.

НДЯ ВЪ ГРУППѢ еленовскихъ жителей по главной улицѣ селенія, я подошелъ къ большому дому съ армянской лавочкой въ нижнемъ этажѣ. У входа въ нее стоялъ хозяинъ дома, сѣдой старикъ, съ голубыми глубокоушедшими глазами.

— Вы посѣтили молоканъ и субботниковъ, — обратились ко мнѣ спутники, — не обидѣте и прыгуновъ. Вотъ этотъ дѣдушка сведетъ васъ въ ихъ собраніе.

Старикъ пригласилъ меня подняться наверхъ въ его горницу и закусить съ ними. За столомъ сидѣли двѣ женщины и «пресвитеръ» прыгуновъ. Кромѣ мѣднаго самовара на столѣ, въ углу горницы стояли еще два другихъ, огромной величины. Угощая меня, «пресвитеръ» сталъ толковать вторую главу Дѣяній апостоловъ о изліявіи Св. Духа. Наитіе духа на людей — главная особенность вѣроученія прыгуновъ, и я понялъ, что онъ сразу меня посвящаетъ въ ихъ догму.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 167.

Со мной вмѣстѣ зашелъ въ избу одинъ молоканинъ, который позволилъ себѣ возразить ему словами апостола Іоанна:

— Не всякому духу вѣрьте. Надо испытывать духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Вы почему знаете, что на васъ находитъ Святой Духъ, а не духъ лжи? Вѣдь, въ этомъ-то все и дѣло! Знай я, что къ вамъ приходитъ Духъ отъ Бога, сейчасъ бы перешелъ въ вашу секту.

— Попробуй, испытай,—и ты сразу поймешь, какимъ духомъ мы водимся...

Я перебилъ ихъ споръ вопросомъ:

— Въ этой избѣ собираются... (хотѣлъ сказать «прыгуны», да подумалъ, не обидное ли это для нихъ слово) послѣдователи вашей секты?

— Очень рѣдко. Чаще всего собираемся вотъ у него,—показалъ старикъ-хозяинъ на пресвитера.

— Сегодня будетъ собраніе?

— Надо полагать, что соберутся, и старикъ переглянулся съ пресвитеромъ.

Въ четыре часа пополудни всѣ поднялись изъ-за стола. Молча постояли, то-есть, прочитали про себя молитву, низко поклонились другъ другу въ поясъ и поцѣловались. Такъ же, какъ у молоканъ, у нихъ не возбранялось цѣловаться мужчинѣ съ женщиною.

По дорогѣ я тихонько спрашиваю пресвитера, среднихъ лѣтъ темнорусаго мужчину, съ строгимъ лицомъ постника:

— Прыгать будутъ сегодня?

— Это какъ духъ укажетъ,—уклончиво отвѣтилъ пресвитеръ; но по интонаціи его голоса я понялъ, что сегодня они запрыгаютъ.

— А когда находитъ духъ пророчества?—продолжаю я любопытствовать:—во время прыганья?

— Этого нельзя сказать: духъ приходитъ внезапно, когда и не ждешь его.

Почти напротивъ синагоги субботниковъ находилась изба пресвитера, она же и молельня прыгуновъ. Мы застали тамъ только одну бабу. По всему было видно, что они не рассчитывали собираться здѣсь сегодня вечеромъ, но, вѣроятно, ради меня рѣшили устроить экстренное собраніе. Пресвитеръ оставилъ меня со старикомъ, а самъ побѣждалъ сзывать братію. Собственно, прыгуновъ въ Еленовкѣ очень мало. Очевидно, эта секта здѣсь непопулярна, или она вообще отживаетъ свое время.

Прежде, когда было побольше прыгуновъ, да и администрація не такъ усердно преслѣдовала ихъ радѣнія, они не ограничивались прыганьемъ въ своей избѣ, но выходили на улицу и устраивали религиозное шествіе во главѣ съ пророчицею. Здѣшніе молокане и субботники не одинъ разъ описывали мнѣ картину, какъ прыгуны съ шумомъ, съ выкрикиваньемъ малопонятныхъ словъ «чудно»

скачутъ въ этой религіозной процессіи, а пророчица, повернувшись лицомъ къ прыгающей брагги, пятится задомъ и тоже выкрикиваетъ какія-то таинственныя слова. Такъ они пройдутъ во всю длину улицы. Нѣкоторые отъ изнеможенія падаютъ на дорогѣ.

Недолго пришлось мнѣ со старикомъ ждать въ избѣ пресвитера. Къ моему удивленію, она быстро стала наполняться не только прыгунами, но также молочанами и субботниками. Всѣхъ ихъ принимали любезно и усаживали на первыхъ скамейкахъ съ почетомъ. Очевидно пришедшіе рассчитывали увидѣть выдающееся радѣніе.

Пока народъ собирался, я разспрашивалъ своего сосѣда главнымъ образомъ о прыганьѣ. Онъ старался провести связь между тѣлеснымъ изступленіемъ и пришествіемъ духа.

— Вы знаете,—говорилъ онъ мнѣ,—что плоть желаетъ противнаго духу, а духъ—противнаго плоти: они другъ другу противятся. Чтобы духъ царилъ въ человѣкѣ, непременно надо умертвить плоть. Вотъ почему силы чудотворенія и особенная премудрость даются людямъ, изнурившимъ себя постомъ. Но воздержаніе отъ сна и пищи—это долгій путь. Самъ Христосъ постился сорокъ дней, прежде чѣмъ выступить на проповѣдь. Мы же, грѣшныя и слабыя люди, очень нетерпѣливы. Мы не хотимъ долго и постепенно изнуять себя, а въ то же время желаемъ поскорѣе ощутить въ себѣ пришествіе духа. Вотъ причина, почему мы и прыгаемъ до изнеможенія плоти. Когда плоть со своими страстями замолкнетъ, станетъ безсильна, изнеможетъ, тогда-то въ человѣкѣ и проявляется сила духа: онъ видитъ въ это время видѣнія и пророчествуетъ. Бываетъ то же самое, что случилось съ апостоломъ Петромъ въ Іюппіи. Онъ ослабѣлъ отъ голода и, вѣроятно, отъ усталости до того, что пришелъ въ изступленіе. И вотъ въ это самое время Господь открываетъ ему важное видѣніе и говоритъ съ нимъ.

— Хорошо. Но вѣдь мудрость, сходящая свыше, по апостолу, чиста, мирна, скромна. А вѣдь у васъ некрасивое прыганье, соблазняющее постороннихъ.

— Что дѣлать! Не всѣ это понимаютъ. Вотъ пророкъ Давидъ одѣлся въ льняную одежду и сталъ скакать предъ Господомъ изо всей силы, а жена его за это вздумала стыдить и ругала его пугымъ человѣкомъ. А что ей отвѣтилъ Давидъ? Предъ Господомъ, говоритъ, буду играть и плясать, и еще больше унижусь, и сдѣлаюсь еще ничтожнѣе. Также и женщины израильскія ходили съ пѣніемъ и пляскою и пророчествовали.

— Тогда объясните мнѣ, пожалуйста, къ чему это апостолъ далъ правила, какъ вести себя въ духовныхъ собраніяхъ. Онъ тоже говоритъ, чтобы мы, христіане, ревновали о дарѣ пророчества; но только чтобы пользовались имъ благопристойно. А то, говоритъ, войдетъ къ вамъ въ собраніе ктонибудь изъ невѣрующихъ и скажетъ, что вы бѣснуетесь. Все должно быть благопристойно и

чинно. И духи пророческіе послушны пророкамъ, потому что Богъ не есть Богъ неустройства, но мира.

— Вотъ вы увидите сейчасъ, во время толкованія слова Божія или пѣнія, или молитвы, и у насъ все чинно и благопристойно.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на многолюдье и даже тѣсноту, все время сектанты держали себя тихо и скромно. Богослуженіе прыгуновъ цѣликомъ заимствовано у молоканъ. Сначала также всѣ вставали и кланялись навстрѣчу входящимъ. Потомъ также толковали Библию попережку съ пѣніемъ стиховъ. И вся обстановка молельни совершенно такая же, какъ у «постоянныхъ». Запѣвалъ тотъ самый старикъ, у котораго я былъ въ гостяхъ. Во время пѣнія онъ сидѣлъ неподвижно въ одной позѣ, съ немного склоненной на бокъ головой, выдавая свое внутреннее волненіе лишь нервнымъ отбиваніемъ такта пальцами по столу. На фонѣ всего хора выдѣлялась верхняя нота сильнаго грудного голоса одной женщины. Она придавала всему пѣнію какой-то страстный, возбуждающій характеръ. Съ трегвей пѣсней я сталъ замѣчать въ старикѣ легкія подергиванія въ тѣлѣ. Общее возбужденіе у всѣхъ поющихъ росло все больше и больше. Пальцы старика стали выбивать тактъ крѣпче и быстрѣе. Мнѣ казалось, еще немного,—и они вскочатъ и запрыгають...

Я оглядѣлъ собраніе. Всѣ были въ напряженно выжидательномъ положеніи. Очевидно, у всѣхъ была одна мысль: сейчасъ начнется радѣніе. И мнѣ представилась картина, какъ въ этой тѣснатѣ вдругъ вскочитъ со скамьи какая нибудь баба и съ крикомъ и съ визгомъ запрыгаетъ среди собранія. За ней подымутся другія. Навѣрно, запрыгають и старикъ съ пресвитеромъ. И вся эта кучка людей будетъ скакать, кричать, вертѣться и топтаться на одномъ и томъ же мѣстѣ до изнеможенія... Мнѣ вдругъ стало жалко ихъ, и даже страшно было допустить эту картину, сознавая, что я, можетъ быть, главный виновникъ сегодняшняго собранія.

Надо уйти,—рѣшилъ я про себя и къ общему удивленію внезапно поднялся, простился общимъ поклономъ со всѣми и вышелъ. За мной потянулись молокане и субботники.

Радѣніе не состоялось.

VI.

Прошеніе молоканъ Александру I. — Тайная секта «духовныхъ христіанъ». — Исторія Библии. — Отрицаніе иконъ и крестнаго знаменія. — Отрицаніе молитвъ св. угодникамъ. — Жалоба на гоненія. — Неудачное прошеніе сектантовъ Екаторивъ II.—Пожеланія и благословенія.

Поздно вечеромъ, когда тьма окутала селеніе, и наступила непрерываемая ни однимъ звукомъ тишина, я сидѣлъ дома и писалъ. Вдругъ вдали залаяли собаки. Вотъ онѣ подвигаются все ближе и ближе и, наконецъ, цѣлой сворой яростно заливаются у

воротъ моего дома. Я вышелъ и встрѣтился въ сѣняхъ съ знакомымъ молоканиномъ, который поздоровался со мною и попросилъ позволенія «побезпокоить» меня.

— Милости просимъ!—усаживаю его на табуретку.—Что скажете?

— Да, я пришелъ все насчетъ той бумаги, о которой мы говорили вамъ.

И онъ развернулъ мнѣ затасканную тетрадь въ листъ писчей бумаги, всю исписанную полууставомъ. Это была, какъ значилось на ней, копія съ прошенія молоканъ, поданнаго ими императору Александру I въ 1805 году. Вѣроятно, это одно изъ тѣхъ многочисленныхъ прошеній, докладовъ, разныхъ петицій и записокъ о вѣроученіи молоканъ, которыми они осадили только что вступившаго на престолъ молодого государя.

Я попросилъ переписать для меня принесенную тетрадку, на что мой гость охотно согласился.

Такого обстоятельнаго изложенія молоканской вѣры мнѣ не приходилось встрѣчать раньше, а потому понятно, почему они такъ дорожатъ этимъ документомъ и берегутъ его вотъ уже цѣлое столѣтіе.

Здѣсь я передамъ вкратцѣ содержаніе прошенія и сдѣлаю нѣсколько выдержекъ, чтобы показать характеръ изложенія его.

Послѣ витіеватаго и многословнаго обращенія къ государю Александру Павловичу говорится о самихъ подателяхъ прошенія. Двое изъ нихъ—Лосевъ и Мотылевъ—Воронежской губерніи, а третій—Журавцевъ—Тамбовской. Затѣмъ пространно излагается вѣроученіе молоканской секты.

«Изъ древнихъ лѣтъ,—начинается прошеніе,—мы содержимъ въ тайнѣ секту «духовныхъ христіанъ», называемыхъ простонародно «молоканами», изысканную предками и праотцами нашими. Мы вѣруемъ въ Бога и Отца, Вседержителя Творца, и въ Единороднаго Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего, и въ Духа Животворящаго, отъ Отца исходящаго. О чемъ изъясняетъ намъ Священное Писаніе, называемое Библія»...

Я опускаю дальнѣйшій текстъ прошенія, потому что въ немъ кратко пересказывается библейская исторія израильскаго народа и пророчества о Спасителѣ міра. Говоря о Новомъ завѣтѣ, передается нѣсколько распространенный извѣстный текстъ никеопареградскаго символа вѣры, и опять о Библии:

«...А апостоль Павелъ, какъ орелъ крылатый, всю вселенную облетѣлъ и всѣ племена языковъ ученіемъ своимъ просвѣтилъ и посланіе свое совершилъ. А Іоаннъ все это разсмотрѣлъ и во единъ завѣтъ совокупилъ, вообще называемый Библіей»...

Далѣе говорится о переводахъ святаго писанія, и приводится исторія Библии въ Россіи, съ Владимира святаго до Александра I,

но крайне спутанно и съ грубыми ошибками. И уже послѣ, такъ сказать, подробнаго изслѣдованія о Библии—единственномъ источникѣ вѣроученія молоканъ, отвергающихъ священное преданіе и постановленія вселенскихъ соборовъ,—они излагаютъ особенности своего ученія:

«Что Господь сказалъ роду возлюбленнаго Авраама, раба своего, то усматриваемъ отъ начала и даже до закона Моисеева, и по всѣмъ пророческаго писанія книгамъ, и въ Благовѣстіи—Евангеліи Спасителя міра, и въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, и въ Посланіяхъ, гдѣ никакъ не сказано, чтобы какому либо подобію поклоняться или изображать образъ небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ, или въ водахъ подъ землею. Или молить святыхъ угодниковъ, ангеловъ, или пророковъ, или апостоловъ, или мучениковъ, или святыхъ отцовъ, кромѣ Бога Отца и всѣхъ Творца и Его Единороднаго Сына, Іисуса Христа, и Духа Святаго. Или кто сказалъ въ священномъ писаніи, чтобы изображать какое либо подобіе или крестное знаменіе на себѣ, или на челѣ, или на рудѣ и поклоняться рукотворенному образу? Но нынѣ, ваше императорское величество, побуждаетъ насъ время открыть вашему величеству сію тайну ¹⁾, содержимую нами отъ многихъ лѣтъ, то-есть, отъ царствованія великаго князя Великой и Малой и Бѣлой Россіи, Алексѣя Михайловича, даже дондесъ, страха ради прежнихъ монарховъ и страха ради градоначальниковъ, земскихъ и дворянскихъ исправниковъ, а кольми паче св. чина приходскихъ священниковъ. Какъ скоро гдѣ соберемся мы читать Священную Библию, и при томъ воздать славу Богу Небесному, и попросить милости у Господа за житіе царя и за весь августѣйшій его домъ и за всѣхъ начальствующихъ, тотчасъ доносятъ на насъ священники и ихъ причетники. И гдѣ у кого въ домѣ найдутъ собраніе, тотчасъ запираютъ, согласясь съ начальствомъ, влекутъ и бьютъ нещадно, заковываютъ въ желѣзы и въ кандалы, и въ наручныя, сажаютъ въ тюрьму и остроги, приковываютъ на стѣнныя цѣпи, безъ дневнаго пропитанія и съ ежедневнымъ наказаніемъ. А особенно страдаютъ господскіе люди. Такое мучительное наше положеніе заставило насъ донести вашему величеству, какъ въ древности были мученики въ дни Діоклетіана или Декія, царя римскаго, такъ точно и нынѣ разсѣиваютъ насъ повсюду, всѣ семейства наши. Старыхъ въ ссылку, а молодыхъ на службу вашему величеству безъ очереди, а малыхъ дѣтей въ кантонисты, грудныхъ же младенцевъ отнимаютъ отъ отцовъ своихъ и матерей и разсылаютъ по своимъ экономіямъ. Отдаютъ въ рабство всякому человѣку, изнуряютъ тяжкими работами и оброками и жестокими

---

¹⁾ Вѣроятно, «тайною» молокане называютъ свою секту или особенность ихъ ученія—не поклоняться иконамъ, не молиться св. угодникамъ.

работами и другими невыносимыми пытками и наказаніями, отчего многіе страдаютъ болѣзнями, скорбями и тѣснотами».

Затѣмъ идетъ трогательная просьба «войти въ разсмотрѣніе несчастной жизни» ихъ.

«... Просимъ тебя, государь, отъ многолѣтнихъ старцевъ, украшенныхъ сѣдинами, и отъ множества младенцевъ и ихъ матерей, со слезами: оставьте насъ при своемъ мѣстѣ, прикажите, кому слѣдуетъ, чтобы намъ твердо основываться на священномъ писаніи нашихъ обрядовъ, подаваемыхъ на тридцати пунктахъ¹⁾, которые и прежде были подаваемы духоборцами и двумя повѣренными нашими блаженной памяти въ Божѣ почивающей ея величеству бабушкѣ вашей, Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Оныя повѣренные, по натурѣ своего недоразумѣнія, приступили къ лицу ея величества неблагоприятно и вмѣсто милости претерпѣли большое наказаніе: разсланы были во все края Сибири. Но мы, духовные хрістіане, скрылись отъ страха... (неразборчиво) въ глубину мрака даже до царствованія вашего величества».

Дѣйствительно, въ царствованіе Екатерины II въ Тамбовской губерніи, удивительно успѣшно шла пропаганда извѣстныхъ молоканъ—Уклеина и Швецова и достопамятнаго среди духоборовъ—Побирохина. У одного Семена Уклеина было послѣдователей болѣе пяти тысячъ человекъ! Но въ это время съ ними не церемонились: вожакѣвъ предавали суду и ссылали въ Сибирь на поселеніе.

«... Въ первое лѣто,—говорится дальше въ прошеніи,—по принятіи скиптра державы, нынѣ возбудились, какъ духоборцы, такъ и мы, молокане, утруждать ваше величество. По согласію избрали двухъ повѣренныхъ (въ началѣ прошенія поименованы трое) весьма добраго поведенія, которые, видя несчастную свою участь, припадаютъ подъ скиптръ вашего величества: тотчасъ вашимъ монаршимъ милосердіемъ разрѣшено было бы возвратить всѣхъ внутрь Россіи и наградить особыми участками земли въ Таврической губерніи».

Духоборы появились въ Таврической губерніи въ концѣ XVIII столѣтія. А въ началѣ XIX вѣка правительство нашло нужнымъ переселить изъ средней полосы имперіи, кромѣ духоборовъ, еще и молоканъ въ Мелитопольскій уѣздъ на Молочныя воды, или на рѣку Молочную, впадающую въ Азовское море. Молокане не сразу сдались на предложеніе правительства, а сначала попробовали просить оставить ихъ на мѣстѣ родины. Такъ, на примѣръ, тамбовскіе молокане, купцы Сорокины, 28 апрѣля 1819 года подавали прошеніе о дозволеніи имъ свободнаго вѣроисповѣданія на мѣстѣ ихъ жительства и о запрещеніи православнымъ священникамъ входить

¹⁾ Относительно ученія тамбовскихъ молоканъ XVIII вѣка см. «Всемирный Трудъ», 1867 г., № 2.

въ ихъ дома, но имъ предоставили переселиться на «Молочныя воды», гдѣ тогда была уже дана извѣстная свобода вѣроисповѣданію духоборамъ и молоканамъ.

Ливановъ свидѣтельствуетъ («Раскольники и острожники», томъ III, стр. 409), что Александръ I интересовался молоканствомъ преимущественно предъ всѣми другими сектами, потому молокане и были такъ смѣлы въ своихъ требованіяхъ, какъ это мы видимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи цитируемаго нами прошенія. Кстати сказать, объ этомъ прошеніи у Ливанова ничего не говорится; но въ прошеніи тамбовскихъ молоканъ на имя государя Александра I, 6-го августа 1809 года, вскользь упоминается ихъ жалоба, поданная министру внутреннихъ дѣлъ, графу В. П. Кочубею, приблизительно около этого времени, т.-е. въ іюль 1805 года.

Далѣе прошеніе читается такъ:

«Равнымъ образомъ и мы припадаемъ къ святѣйшему трону вашего императорскаго величества обратить вниманіе на порабощеніе насъ православною религіею (?), отъ наказаній и отъ клеветъ, возводимыхъ на насъ священниками. Изъмите обидимыхъ изъ рукъ обидящихъ и изведите изъ дому темницы во всякомъ мѣстѣ во узахъ заключенныхъ. Освободите отъ притязаній господъ и отъ истязаній начальниковъ, и отъ приходскихъ священниковъ наши обряды, которые вѣдаемъ въ руки вашего величества, и повелите имъ, чтобы они съ потребою своею не входили въ дома наши, да никогда могутъ оклеветать мѣру клеветъ на насъ напрасными ложными доносами вашему величеству, военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ и земскимъ исправникамъ, что будто бы мы ругаемъ священниковъ, хулимъ крестъ и икону и дерзаемъ имя вашего величества и начальствующихъ, вслѣдствіе чего они высылаютъ команды и забираютъ насъ».

Прошеніе заканчивается благословеніями и пожеланіями.

«Успокойте миромъ ваше царство, — и буди великій государь благословенъ Богомъ и человѣками и всѣми племенами нашего отечества Россіи. Мы дождались вашего царствованія и принятія вами всероссійскаго престола, — да воздохнетъ небесному Царю царей всякая душа: да дастъ вамъ Господь обрѣсти милость и миръ къ очахъ Его, якоже даде Господь во дни царствованія царя Соломона, да оградитъ васъ Господь державою крѣпости Своея и благословитъ васъ Господь росою небесною и тукомъ земли, множествомъ пшеницы, вина и елея. Да здравствуетъ нашъ государь и весь августѣйшій его домъ!»

Подписано повѣренными: Журавцевымъ, Лосевымъ и Мотылевымъ.

На прошеніи стоитъ дата: Въ 1805 году, іюля, 12-го дня.

VII.

Подложный документъ. — Собрание государственнаго совѣта. — Сочиненныя рѣчи. — Пренія alexandrovскихъ вельможъ. — Исповѣды представителя секты. — Значеніе документа. — Современныя мечты молоканъ.

— Извѣстно вамъ,—спрашиваю я своего гостя,—что отвѣтилъ государь на это прошеніе?

— А вотъ прочтите!

И, торжествуя улыбаясь, молоканинъ вынимаетъ изъ-за пазухи другую тоже сильно затасканную тетрадь и обѣими руками подаетъ мнѣ:

— Тутъ все полностью прописано, какъ собирался государственный совѣтъ, кто что говорилъ, и какое рѣшеніе постановили.

Сначала я съ любопытствомъ сталъ читать обветшалыя страницы тетради, полагая, что имѣю дѣло съ копіей дѣйствительнаго документа, начинающагося казенной фразой: «По указу его императорскаго величества»... Но съ первой же страницы очевидна была сочиненность бумаги. Тѣмъ не менѣе я попросилъ списать и эту тетрадочку, довольно вѣрно рисующую взгляды молоканъ того времени.

Указывать чуть ли не въ каждой строчкѣ признаки подложности документа, конечно, нѣтъ надобности. Это очевидно и въ тѣхъ немногихъ выдержкахъ, которыя я приведу для характеристики молоканской секты Александровской эпохи.

«Копія съ документа» начинается разсказомъ, какъ назначено на 15-е іюля 1805 года собраніе «военныхъ генераловъ, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, духовнаго митрополита Амвросія и епископовъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, въ присутствіе палаты государственнаго совѣта». По открытіи засѣданія государь приказалъ статсъ-секретарю Сперанскому «вычитать прошеніе молоканъ». Затѣмъ начались пренія. Первымъ высказался свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій. Это прилагательное «Смоленскій» показываетъ, что бумага писана послѣ 1812 года.

— «Государь и всѣ присутствующіе господа!—говоритъ Кутузовъ: — возможно ли остановить слово Божіе, законъ священной Библии, чтобы не читать его всякому православному христіанину и всякому роду людей?»

Его поддерживаетъ архіепископъ (раньше онъ былъ названъ митрополитомъ) Амвросій:

— «Какъ невозможно остановить теченіе солнечнаго и луннаго сіянія или угасить запечатанныхъ звѣздъ, такъ невозможно остановить слово Божіе».

Потомъ опять говоритъ князь Кутузовъ и дѣлаетъ заключеніе:

— «Сію книгу Библию дать имъ, какъ благонадежное и твердое основаніе».

Государь подтвердилъ это заключеніе пространною рѣчью, съ ссылками на священное писаніе. Вспоминая кроткій образъ Христа, онъ предлагаетъ «мѣры терпѣнія».

«Слѣдуетъ ли,—спрашиваетъ государь,—христіанскому роду подвергать сихъ людей подъ гоненія, жестокимъ истязаніямъ, свирѣпымъ пыткамъ, тяжкимъ и прискорбнымъ побоямъ и разнымъ обидамъ? Такъ свирѣпствовала блаженной памяти покойная бабушка Екатерина Алексѣевна. Она наказывала ихъ ссылкой въ Сибирь и въ Архангельскъ и въ Коль-градъ и закладывала въ темныя столбы. А въ Тамбовской губерніи одинъ засѣдатель засѣкъ двухъ человекъ на смерть. Но и нынѣ не убыло того страха и строгости, а между тѣмъ болѣе и болѣе приумножаются послѣдователи къ числу сихъ людей».

Для примѣра, какъ жестоко обращались съ сектантами въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія, приведемъ небольшую выдержку изъ рѣшенія перекопскаго уѣзднаго суда по дѣлу о 34 духоборахъ (см. «Раскольники и острожники» Ливанова, томъ II, стр. 219): «Какъ вышепоименованные подсудимые за внушеніемъ и увѣщаніемъ (всемѣрно) отъ уѣзднаго суда (?) и протопопомъ остались непреклонными, то, дабы отвратить впредь у людей имъ подобныхъ суетвѣріе... въ Днѣпровкѣ наказать: публично мужчинъ кнотомъ по тридцати, а женщинъ плетми по сорока ударовъ; дочерей же духоборцевъ Якова Лактева—Катерину, и Ивана Шалаева—Настасью, какъ несовершеннолѣтнихъ, по силѣ указа 1765 года мая 2-го дня, высѣчь первую въ Алешкахъ, а послѣднюю въ Днѣпровкѣ розгами, и, по наказаніи всѣхъ сихъ преступниковъ, отправить ихъ въ Сибирь на поселеніе, имѣніе же ихъ описать».

Но вернемся къ описанію государственнаго совѣта.

Графъ Шереметевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе:

— «По высочайшему повелѣнію можно дать только тѣмъ полную свободу религій, кои находятся изъ природы (отъ рожденія) въ сей вѣрѣ. А что касается до отпадшихъ отъ православной церкви, то таковыхъ людей должно возвращать покаяніемъ, да не подають повода къ соблазну прочимъ».

Ему возражаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей:

— «Изъ вашего совѣта видно, что вы мало печетесь о словѣ Божіемъ и о защитѣ сихъ несчастныхъ людей. Вы единственно наблюдаете свою собственность, потому что у васъ таковыхъ людей находится немало въ Нижегородской губерніи, въ селѣ Разказовѣ. Я былъ тамъ во время проѣзда моего по всей Россіи. И мнѣ извѣстно, что большая часть таковыхъ людей находится въ Тамбовской, Саратовской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ по малой части».

Говорили еще Петръ Васильевичъ Лопухинъ и Александръ Николаевичъ Голицынъ, но я рѣчи ихъ опускаю. Авторъ документа

и имъ влагаетъ въ уста тексты святаго писанія на защиту молоканскаго ученія. Но этимъ дѣло не кончилось. На 17-е іюля было новое собраніе изъ двѣнадцати сенаторовъ для выслушанія исповѣданія повѣренныхъ молоканъ.

«Государь сказалъ:

«— Дозволяемъ вамъ показать свою секту.

«Журавцевъ сталъ среди совѣта и противъ императора и началъ говорить:

«— Мы вѣруемъ сердечно и несомнѣнно слову Божію...».

Затѣмъ идутъ пространныя разсужденія о Тріединомъ Богѣ, объ ангелахъ, о сотвореніи міра, о грѣхопадении людей, о искупленіи Иисусомъ Христомъ. Разсказываются евангельскія событія и объ устроении святой церкви. Закончилъ онъ свое исповѣданіе картиною пришествія Господня и страшнаго суда.

Въ концѣ концовъ, конечно, дается молоканамъ полная свобода вѣроисповѣданія и даже больше—объявляется угроза всѣмъ тѣмъ, которые вздумали бы помѣшать молоканамъ въ чтеніи Библии.

Я попробовалъ было увѣрять своего гостя, что этотъ документъ подложный, но онъ и слушать не хочетъ! Еще бы: въ него вложены всѣ упованія молоканъ! Несомнѣнно однако и то, что въ ту эпоху, среди приближенныхъ государя Александра I, много было сторонниковъ перевода Библии на русскій языкъ, чтобы сдѣлать ее болѣе доступною для народа. Вѣроятно, авторъ документа, такъ или иначе, былъ освѣдомленъ о новомъ религіозномъ направленіи въ высшихъ сферахъ столицы и, воспользовавшись этимъ, изобразилъ совѣтъ представителей гражданскихъ и духовныхъ властей въ желательномъ для секты духѣ. Извѣстно, напримѣръ, что министръ народнаго просвѣщенія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, сдѣлавшись президентомъ только что основаннаго русскаго библейскаго общества, особенно старался о распространеніи книгъ св. писанія и не одинъ разъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, ходатайствуя за молоканъ, чтобы они безпрепятственно читали въ своихъ собраніяхъ Библию. «Если молокане,— писалъ онъ между прочимъ,—и дѣйствительно находятся въ какомъ либо заблужденіи, то всякому извѣстно, что заблужденія въ предметахъ, къ религіи относящихся, истребляются только убѣжденіями, а всякое насиліе и истязаніе, ожесточая сердце, порождаетъ въ ономъ чувство гибельнаго фанатизма, не приемлющаго уже никакой истины».

Желая узнать, насколько примирились еленовскіе молокане съ существующимъ своимъ положеніемъ, я сталъ разспрашивать своего гостя. Отвѣты были неопредѣленные. Сказалъ онъ между прочимъ, что была у нихъ думка переселиться въ другой край, куда нибудь на просторъ туркестанскихъ земель, но и ее они оставили до поры до времени.

VIII.

Духоборы.—Отличительный костюмъ.—Помощь духоборовъ въ Турецкую кампанію. — Лукерья Васильевна. — Раздѣленіе. — Пропитаніе отъ земли. — Уличная встрѣча.—Библейское объясненіе ихъ названія.—Шаткость ученія сектантовъ.— Овцы безъ пастыря.

Обозрѣніе Эриванской губерніи пришлось мнѣ закончить городомъ Александрополемъ. Главное населеніе его—армяне. Изъ русскихъ—много военныхъ, да кое-гдѣ на улицѣ мелькнетъ замѣтная фигура сектанта. Меня предупредили, что я сразу по вѣшнему виду отличу духобора. И дѣйствительно: иду я однажды днемъ по базару, люблюсь оживленной азіатской толпой, приглядываюсь къ разнообразнымъ товарамъ... Вдругъ проходитъ мимо меня высокій парень въ черной фуражкѣ съ большимъ козырькомъ и съ красной розеткой на ней. Я остановился и съ любопытствомъ оглядѣлъ духобора. На немъ были короткій темно-синій кафтанъ на крючкахъ, цвѣтной жилетъ и платокъ въ видѣ галстука подъ воротникомъ бѣлой рубахи. Брюки убраны въ высокіе сапоги.

Потомъ я еще встрѣчалъ духоборовъ разнаго возраста, и все они имѣли подобный же костюмъ. У нѣкоторыхъ было небольшое измѣненіе въ фуражкѣ. Напримѣръ, по тульѣ вшитъ красный кантъ, а у другихъ—еще по краямъ околыша (иногда бархатнаго) нашиты по тоненькому золотому позументу. Главное же отличіе ихъ фуражекъ—красный помпонъ вмѣсто кокарды.

Разспрашивая мѣстныхъ жителей о духоборахъ, я слышалъ только самые лестные отзывы о нихъ. Военные съ особенною похвалою отзывались о ихъ помощи при трудныхъ передвиженіяхъ въ турецкую кампанію 1877 года. Нѣкоторые изъ нихъ знали лично извѣстную духоборку Лукерью Васильевну, имѣвшую громадное вліяніе на свою среду. Красивая и умная, она, какъ библейскіе судьи въ Израилѣ, съ удивительнымъ умѣньемъ распоряжалась во всехъ серьезныхъ дѣлахъ духоборовъ и безапелляціонно судила ихъ тяжбы. Въ сношеніяхъ съ администраціей Лукерья Васильевна проявила много такта и заслужила уваженіе со стороны даже высокопоставленныхъ лицъ. Въ концѣ минувшаго столѣтія разыгралась та драма, которая привела духоборовъ къ раздѣленію. Здѣшніе чиновники, свидѣтели всехъ событій въ духоборческой средѣ, искренно жалѣютъ ихъ и болѣе обвиняютъ не тактичность нѣкоторыхъ администраторовъ, изъ-за которыхъ такъ обострился вопросъ объ отбываніи воинской повинности.

Съ отъѣздомъ наиболѣе молодой энергичной части духоборовъ въ Канаду, оставшіеся сектанты нѣсколько пошатнулись въ своихъ строгихъ принципахъ, упали духомъ, ослабѣли. Одни стали пить, другіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ занялись коммерческими предпріятіями, что въ принципѣ такъ осуждается духоборами.

Называясь, подобно молоканамъ, «духовными христіанами», духоборы немного отличаются отъ нихъ, какъ по ученію, такъ и по складу жизни. Они менѣе зажиточны, избѣгаютъ городской жизни и предпочитаютъ обрабатывать землю сами, а не наемнымъ трудомъ. Духоборы тоже занимаются извозомъ, но мало.

— Въ шатаніи по городамъ, — говорятъ они, — человекъ портится. Если много денегъ звенить въ карманѣ, — ему не устоять отъ соблазновъ. Только изъ земли человекъ долженъ доставать себѣ пропитаніе. Въ потѣ лица, сказано, ѣшь хлѣбъ твой.

Какъ-то встрѣчаю я трехъ духоборовъ: двое молодыхъ, а третій — среднихъ лѣтъ, невысокаго роста. Одинъ изъ молодыхъ отсталъ отъ своей компаніи и засмотрѣлся на крикливую ссору армянъ, готовую перейти въ драку. Я подошелъ къ нему и, тронувъ за плечо, спросилъ, откуда онъ.

— Изъ Ефремовки, — пугливо отозвался парень и поспѣшилъ догонять своихъ товарищей.

Старшій изъ нихъ остановился и спросилъ меня:

— Вамъ чего надо?

— Да, вотъ хотѣлъ бы поговорить съ кѣмънибудь изъ духоборовъ насчетъ вашей вѣры.

Онъ насторожился и въ отвѣтъ мнѣ вдругъ сталъ говорить, что они исправно служатъ царю и отечеству и, если надо, готовы принять воинское званіе. Мнѣ не понравилось такое послѣднее завѣреніе, какъ будто предъ полицейскимъ чиновникомъ. Я ему откровенно рассказалъ, что здѣсь я заѣзжій человекъ и очень интересуюсь ихъ сектой.

Духоборъ оживился и началъ звать меня въ ихъ селеніе, гдѣ мнѣ можно будетъ побесѣдовать съ наставникомъ.

Во время моихъ переговоровъ съ духоборомъ около насъ собралась толпа праздныхъ армянъ. Продолжать при нихъ бесѣду на улицѣ было неудобно, а потому онъ обѣщался прійти ко мнѣ завтра утромъ на квартиру, и мы разстались.

На другой день вечеромъ я опять встрѣтилъ его на улицѣ около телѣги.

— Что же, — спрашиваю его, — не пришли ко мнѣ утромъ?

— Никакъ не могъ! Вѣрьте совѣсти, не могъ.

Опять разговорились. Я не хотѣлъ терять случая и поспѣшилъ разспросить его, какъ они, оставшіеся духоборы, смотрятъ теперь на вопросы, послужившіе къ ихъ раздѣленію. Но онъ уклончиво самъ спросилъ:

— Да вы, собственно, чтò хотите знать про насъ?

— Меня интересуется все: какъ вы живете, какъ вѣруете, какъ молитесь. Вотъ вы называетесь духовными христіанами такъ же, какъ и молокане. Но какая между вами разница?

Тогда онъ пустился въ пространныя объясненія, изъ которыхъ я только понялъ, что духоборы отвергають установленія церкви, и что ученіе Христа надо понимать духовно.

Я еще попросилъ его объяснить мнѣ, почему они называются духоборами.

— Помните,—отвѣтилъ онъ,—какъ сказано, что война наша не съ плотью и кровью, а съ духами злобы, съ правителями тьмы вѣка сего. Вотъ потому мы и называемся духоборами, то-есть, съ злыми духами боремся. Поэтому и оружія наши—не плотскія, а духовныя. Нашъ поясъ не чеканнаго серебра съ кинжаломъ и съ пистолетомъ. Мы препоясываемся истиною, одѣваемся въ броню правды, закрываемся шлемомъ спасенія да щитомъ вѣры. А главное наше оружіе—мечъ духовный, то-есть, слово Божіе. Однимъ словомъ, духомъ боремся противъ духовъ.

Къ сожалѣнію, занятый службою, я не могъ съѣздить къ нему въ гости или въ какое либо другое селеніе, гдѣ живутъ исключительно духоборы. Разсѣянныхъ-то ихъ можно встрѣтить по всему Закавказью. Мнѣ и случилось побывать у одного духобора, живущаго среди православнаго населенія совершенно уединенно.

Кстати объ этомъ духоборѣ. Онъ признался мнѣ, что не можетъ считать себя принадлежащимъ къ какой либо сектѣ. Онъ родился и выросъ среди духоборовъ. Живя съ молочанами, онъ ходилъ въ ихъ молельню, а теперь не одинъ разъ заглядывалъ въ православную церковь.

— Такъ какъ же васъ считать по вѣрѣ?—спрашиваю его.

— Я и самъ не знаю. Читаю Библию, вѣрю писанію пророковъ и апостоловъ,—вотъ этимъ и живу. А къ какой принадлежу я сектѣ,—не могу сказать.

Мнѣ кажется, этотъ духоборъ до нѣкоторой степени выражаетъ религиозное состояніе многихъ сектантовъ Закавказья. Читать священное писаніе и вѣрить ему—это все у нихъ. И на этой почвѣ можно легко создать здѣсь какую угодно новую секту. По почтовому тракту, близъ озера Гокча, разсказываютъ удивительные случаи, какъ по временамъ въ томъ или другомъ русскомъ селеніи являлись пророки и увлекали за собою толпы народа. Всѣмъ, напримѣръ, хорошо памятенъ случай, какъ за однимъ проповѣдникомъ поднялись почти всѣ жители селенія на высокую гору, и тамъ они пребывали въ ожиданіи откровеній свыше нѣсколько дней, пока не разогнала ихъ полиція.

Мнѣ писала одна учительница, пожившая среди здѣшнихъ сектантовъ, какъ нужны имъ люди, которые помогли бы разобраться въ ихъ многочисленныхъ путяхъ. Какъ разъ во время моего пребыванія на озерѣ Гокча появилось въ газетахъ извѣстіе, что сюда командированъ священникъ-миссіонеръ. Но, заранѣе можно предсказать, трудно будетъ добиться успѣха этой миссіи: извѣстно,

какъ предубѣждены сектанты противъ миссіонеровъ вообще и особенно—въ рясахъ священника. Всякій же другой человѣкъ, безъ пугливаго для нихъ названія—миссіонеръ, скорѣе можетъ рассчитывать на успѣшную бесѣду съ любимъ сектантомъ. Мнѣ рассказали потомъ, что еленовскіе сектанты сначала тоже подозрѣвали—не миссіонеръ ли я, и боялись со мною говорить. Но увидѣвъ, что я пріѣхалъ въ ихъ край по дѣламъ совсѣмъ другого вѣдомства, охотно слушали меня и выложили все, что у нихъ было на сердцѣ.

Да, жатвы здѣсь много, а дѣлателей мало. Здѣшнихъ сектантовъ можно сравнить съ овцами безъ пастыря. Изолированные, заброшенные далеко среди чуждыхъ языковъ, они создаютъ иногда удивительныя ученія! Но что безусловно хорошее въ нихъ: такъ или иначе они горячо ищутъ вѣчной правды. И надо надѣяться, что, при ихъ сравнительно нравственной и трезвой жизни, они найдутъ настоящій путь къ свѣту и истинѣ. Ибо, скажемъ словами Божественнаго Учителя, всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ и стучащему отворять.

IX.

Раздѣленіе духоборовъ. — Замѣна скота людьми. — Духоборческое домоводство. — По закону свободы. — П. В. Веригинъ. — Земельный вопросъ. — Походъ голыхъ людей. — Стремленіе въ теплый край. — Воззваніе ко всѣмъ народамъ міра. — Исканіе Адамова рая. — Арестъ. — Муки въ заключеніи. — Печальный финалъ. — Переселеніе духоборовъ. — «Навстрѣчу Христу».

Въ дополненіе моего очерка о закавказскихъ сектантахъ, я скажу немного о духоборахъ, переселившихся въ Канаду. Въ послѣднее время довольно часто появлялись въ журналахъ и въ газетахъ извѣстія о жизни русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ, изъ которыхъ можно понять, что тамъ у нихъ идетъ напряженная борьба двухъ лагерей. Одна часть духоборовъ крѣпко сѣла на землю, завела хорошее хозяйство, приспособилась къ мѣстнымъ порядкамъ и, вѣроятно, скоро будетъ украшеніемъ своего новаго отечества. Другая же, преслѣдуя свои религіозныя идеи, ушла въ такія крайности, которыя дѣлаютъ ихъ нетерпимыми ни въ одномъ современномъ государствѣ. До меня дошло нѣсколько писемъ, посланныхъ изъ Канады духоборами обоихъ лагерей въ разное время. Въ этихъ письмахъ раскрывается, изъ-за чего собственно пошла у нихъ рознь, и какъ они могли дойти до такихъ необычайныхъ поступковъ, какъ походъ нѣсколькихъ сотенъ людей «навстрѣчу Христу».

Сперва я приведу выдержки изъ безыскусственнаго письма переселенца-духобора, адресованнаго на имя отца-старика въ Елисаветпольскую губернію, о первыхъ странностяхъ религіознаго увлеченія.

«... Ну, что будемъ дѣлать, — пишетъ канадскій духоборъ, — видно, пришло второе пришествіе Господа на землю... У насъ еще пошла другая жизнь, такая странная, ужасная и невыносимая. Не знаемъ: выносима или нѣтъ. У насъ уже половина міра бросила работать на лошадяхъ. Теперь ѣздить и возить на себѣ и повозки, и плуги, и дрова. Лошади стоятъ въ конюшняхъ, жирныя и здоровыя, а люди тянутъ на себѣ плугъ. Коровы ходятъ на волѣ съ телятами. Молоко такъ на всѣ бока и брызжетъ. Коровы хорошія, молочныя, — теленокъ не можетъ высосать... Страшно и ужасно глядѣть! Вамъ на старыхъ мѣстахъ спокою нѣтъ, а намъ на новыхъ мѣстахъ нѣтъ спокою. Невыносимыя дѣла приходится. Можетъ, погибать придется... Говорятъ, поѣхали за мукой въ Йорктонъ, запряглись двадцать человекъ въ повозку. Когда я увидѣлъ, то своимъ глазамъ не вѣрилъ»...

Затѣмъ онъ подробно описываетъ, какъ люди возятъ повозки. А между тѣмъ, какъ видно изъ дальнѣйшей части письма, хозяйство у нихъ стало налаживаться, и они могли бы зажить припеваючи.

«... Жизнь наша была очень хорошая. Обзавелись было всеѣмъ хозяйствомъ. А теперь надо опять разоряться».

Далѣе нѣсколько непонятно написано, но есть основаніе предположить, что онъ колеблется: съ одной стороны, боится разойтись съ учениемъ общины, съ другой — не хочется поступиться матеріальнымъ благосостояніемъ.

«... Можетъ быть обманъ. Опять вздумаемъ, какъ бросили ружья и другія вещи ¹⁾... То же было страшно! Думали, что пропадемъ, а оно вышло къ лучшему. И теперь Богъ знаетъ, что будетъ. Наши старички поѣхали другіе участки искать, гдѣ родится фрукта и всякіе овощи. Хотятъ возвратить Адамовъ рай. Что привезутъ—неизвѣстно».

Послѣ поклоновъ всеѣмъ оставшимся въ Россіи роднымъ онъ описываетъ свое домоводство:

«... Въ эту весну сдѣлалъ хату себѣ, хорошую, здоровую. Хата семи аршинъ шириною, восемь—длиною; пяти аршинъ кухня, чуланъ пяти аршинъ. Вышина три съ половиною аршинъ. Очень было трудно. Теперь уже помазали. Выдѣлку всю подѣлалъ, и двѣ лавки уже сдѣлалъ. Завтра буду дѣлать полъ, а потомъ буду класть печь. Скоро буду переходить въ новую хату, а то я жилъ до сихъ поръ въ землянкѣ»...

На письмѣ была дата—8-го іюня 1902 года. Другое письмо, написанное сторонникомъ духоборческихъ крайностей 25-го августа

¹⁾ Вѣроятно, здѣсь вспоминается тотъ случай, когда, въ концѣ іюня 1895 года, закавказскіе духоборы изъ партіи «постниковъ» снесли на площадь все свое оружіе и предали его сожженію.

1903 года, показываетъ, до какого Адамовскаго рая они дошли въ своихъ религіозныхъ увлеченіяхъ.

«Духъ Отца небеснаго,—пишетъ второй духоборъ,—живущій въ дѣтяхъ Его, требуетъ свободы и творить все новыя дѣла, которыя пробуждаютъ сердца спящихъ, обновляютъ жизнь, устанавливаютъ истину, достигаютъ свободы совершенной».

«Вы хорошо знаете, что духоборы шли въ Канаду, какъ въ край свободы, чтобы на свободѣ устроить жизнь по закону свободы, а вышло вдругъ не то, чему нужно было бы выйти».

Надо замѣтить, что въ этомъ письмѣ духоборы «закономъ свободы» (Так. II, 12) называютъ то ученіе, по которому они признаютъ всеобщее равенство передъ Богомъ и общеніе имуществъ. Они отрицаютъ земельную собственность и дѣлежъ земли. «Земля—Божья,—говорятъ они,—она создана для всѣхъ равно. Кто трудится надъ землею, тотъ и пользуется въ это время трудами рукъ своихъ; а мы замѣчаемъ часто обратное: слуги работаютъ надъ землею, а господа, ничего не дѣлая, пользуются всѣми плодами ея». На этомъ основаніи они не хотятъ держать ни прислуги, ни работниковъ и даже скотъ отпустили на свободу. Исходя изъ того положенія, что подчиненіе всякимъ правиламъ и законамъ, основаннымъ на принудительномъ исполненіи, ограничиваетъ жизнь по свободѣ совѣсти, они отказываются отъ всякихъ гражданскихъ правъ и обязанностей, устанавливаемыхъ государственнымъ законодательствомъ, и руководствуются исключительно указаніями совѣсти ¹⁾.

Дальнѣйшій текстъ письма:

«Скажу вамъ, что вышло. По приѣздѣ Петра Васильевича Веригина, правительство Канады обратилось къ нему съ просьбой, чтобы онъ поддерживалъ руку его въ несогласіи съ духоборами. За это правительство предложило ему власть надъ духоборами. Такъ онъ и сдѣлалъ».

Упоминаемый въ письмѣ П. В. Веригинъ—очень извѣстное и уважаемое лицо среди духоборовъ. По смерти ихъ правительницы въ Закавказьѣ Лукеры Васильевны, въ 1886 году, произошли ссоры между двумя претендентами на ея власть—Петромъ Веригинымъ и Алексѣемъ Зубковымъ (по другимъ свѣдѣніямъ—Губановымъ). Каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ, и духоборы раздѣлились на двѣ партіи. Это раздѣленіе породило такія смуты и беспорядки, что для успокоенія духоборовъ Петръ Веригинъ, какъ агитаторъ и виновникъ смуты, былъ административно сосланъ сперва въ городъ Шенкурскъ Архангельской губерніи, а потомъ—въ Обдорскъ, самый сѣверный городъ Тобольской губерніи. Въ ссылкѣ на умственное и нравственное развитіе Веригина оказали

¹⁾ См. постановленія общества Всемирнаго братства въ Канадѣ.

большое вліяніе политическіе ссыльные. Въ 1901 году, онъ былъ отпущенъ въ Канаду, гдѣ сразу заявилъ себя умнымъ администраторомъ. Канадское правительство предложило Веригину такую же власть надъ духоборами, какая предоставлена старшинамъ-начальникамъ индѣйскихъ племенъ. Раньше въ Закавказьѣ онъ былъ главою духоборовъ съ характеромъ религіозной, «первосвященнической» власти, а теперь онъ становится официальнымъ администраторомъ, санкціонированнымъ канадскимъ правительствомъ или «земной» властью. Это многимъ изъ духоборовъ не понравилось, и опять произошло раздѣленіе.

«Какъ только пріѣхалъ Веригинъ,—продолжаетъ описывать духоборъ въ своемъ письмѣ,—такъ сейчасъ же сдѣлалъ списокъ (духоборовъ) и опросъ, кто признаетъ его власть. И тѣхъ, кто не признавалъ его власти, грозилъ исключить изъ духоборческой среды. Тогда люди испугались и поспѣшили записаться подъ его власть. На всѣхъ записавшихся Веригинъ взялъ землю у правительства».

По законамъ Канады, каждый эмигрантъ, достигшій восемнадцатилѣтняго возраста, имѣетъ право выбрать себѣ кусокъ земли въ пятьдесятъ слишкомъ десятинъ, которую и получаетъ въ собственность, если исполнить всѣ требуемыя правительствомъ формальности и принесетъ присягу на подданство англійской коронѣ. А такъ какъ большинство духоборовъ не соглашалось принести такую присягу, то правительство Канады съ помощью Веригина обошло этотъ вопросъ, признавъ его официальнымъ представителемъ духоборческаго племени. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые духоборы, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма, не поддались такому обходу вопроса о земельной собственности и наотрѣзъ отказались принять землю иначе, какъ въ общественное пользованіе.

Обратимся къ тексту письма:

«Но нѣкоторые все-таки не записались и не взяли земли на тѣхъ правахъ, на какихъ давало правительство. Тогда народъ духоборческій говоритъ имъ: мы васъ прогонимъ; вы не взяли на себя земли, и мы не дадимъ вамъ. Наши братья и сестры подумали и сказали: не надо намъ собственной земли и не только земли, но и ничего намъ не надо. Богъ сотворилъ человѣка голымъ,—такимъ ему и быть должно, и жить должно, какъ живутъ птицы небесныя. А птицы небесныя не присваиваютъ себѣ ни земли, ничего другого. У нихъ нѣтъ ни своей земли, ни своей деревни; а увидѣла птица злого человѣка, который хочетъ ее убить,—поднялась и полетѣла. Вотъ такъ и мы подыдемся и уйдемъ отъ васъ, если вы насъ прогоняете. Здѣсь, въ вашихъ деревняхъ, много нашего труда, но намъ не для чего жалѣть труда рукъ своихъ: трудъ духа нашего не въ примѣръ дороже ручного труда. Христосъ сказалъ: просятъ у васъ верхнее платье,—отдайте и нижнее. И мы безъ скорби и сожалѣнія оставляемъ вамъ всѣ ручныя труды наши».

Въ самомъ дѣлѣ, въ первые два года по переселеніи въ Канаду, духоборы несли немовѣрные труды, устраивая свои поселенія въ преріяхъ. По свидѣтельству одного изъ заправиль духовборческой эмиграціи, это былъ поистинѣ каторжный трудъ, который продолжался не только съ весны до осени, но и всю зиму на открытомъ воздухѣ, иногда при тридцати-градусномъ морозѣ. Но уже въ 1900 году духоборы достигли такого благосостоянія, что заработокъ ихъ въ этомъ году равнялся почти миллиону рублей (на 7.500 душъ обоего пола). Русскій консулъ въ Монреалѣ г. Н. Струве также свидѣтельствуешь, что духоборовъ въ Канадѣ цѣнятъ, какъ прекрасныхъ работниковъ, непьющихъ и честныхъ. Восхищается ихъ силою, выносливостью и малотребовательностью и авторъ «Духоборческой эпопеи» П. А. Тверской.

«Какъ сказали наши братья и сестры,—повѣствуетъ далѣе авторъ письма,—такъ и сдѣлали: все покидали, все оставили и пошли нагишомъ собирать своихъ по селамъ. Духоборы изъ народа говорятъ имъ: какъ вамъ не стыдно ходить голыми! А они отвѣчаютъ: Богъ да любовь братьевъ и сестеръ помогутъ намъ. Идемъ смѣло! Знаемъ куда, знаемъ для чего!»

«Такъ они прошли нѣсколько селъ. Навстрѣчу къ нимъ выѣхалъ Петръ Васильевичъ (Веригинъ). Они идутъ голые и не даютъ ему дороги. Разсерчалъ онъ, кричить, грозить: я вамъ дамъ! А они остановили его лошадь и хотѣли ее выпрячь, чтобы отпустить на свободу. Веригинъ еле ушелъ и еще больше разсерчалъ. Онъ поспѣшилъ въ то село, куда шли братья и сестры, и собралъ тамъ молодцовъ, чтобы они воспрепятствовали приходу нашихъ странниковъ. Пришли они, а молодцы Петра Васильевича ихъ не пускаютъ. Пошли въ другое село,—тоже не пускаютъ. Тогда наши братья и сестры говорятъ имъ: дайте дальше пройти, хоть по мосту черезъ рѣчку. Въмѣсто отвѣта молодцы взяли прутья и такъ стали бить нашихъ братьевъ и сестеръ, что у многихъ кожа вздулась и лопалась. Молодцы ни дальше не пустили ихъ, ни въ село не пустили. И ночевали наши голые братья и сестры въ голой стени, голодные и холодные. А была весна¹⁾, шелъ дождь и снѣгъ. Такъ они голодные и голые ночевали въ голой степи. На утро изъ духовборческаго народа пріѣхали съ фургонами и, забравъ женъ, дѣтей и нѣкоторыхъ мужчинъ, развезли ихъ по селамъ. Остальные не поѣхали, а пошли въ теплый край чрезъ городъ Юрктонъ».

Упомянутый здѣсь Юрктонъ есть ближайшій городъ въ провинціи Ассинобойи къ поселеніямъ духоборовъ. Отъ него на югъ идетъ желѣзная дорога до Виннипега, столицы другой канадской провинціи — Манитобы. Чтобы понять стремленіе духоборовъ на

¹⁾ 1903 г.

югъ «въ теплый край», надо знать, что духоборы получили отказъ отъ канадскаго правительства, осенью 1900 года, на просьбу «избавить ихъ отъ подчиненія тѣмъ установленіямъ, которыя не согласуются съ правдой Божьей» (между прочимъ, не записывать участки земли въ личную собственность, не заносить въ полицейскія книги ихъ брачныхъ союзовъ, а также о рожденіи и смерти членовъ семьи, и др.). Вслѣдствіе этого духоборы выпустили въ свѣтъ свое «Воззваніе ко всѣмъ народамъ міра». Они обращаются къ людямъ-братьямъ всѣхъ странъ земли и просятъ сказать имъ, есть ли гдѣ такая область и такое общество, среди которыхъ они были бы терпимы и могли поселиться и кормиться, и не заставляли бы ихъ за это быть нарушителями законовъ ихъ совѣсти и правды. Такой страны не оказалось. Въ приведенномъ мною первомъ письмѣ изъ Канады духоборъ пишетъ: «Наши старички поѣхали другіе участки искать, гдѣ родится фрукта и всякіе овощи. Хотятъ возвратить Адамовъ рай». Въ поискахъ такого рая, гдѣ они могли бы, отвергнувъ современную культуру, питаться готовыми плодами съ деревьевъ и ходить чуть ли не нагишомъ, духоборы писали и губернатору Колумбіи, но и тотъ не могъ имъ предоставить для проживанія дѣйственные лѣса подъ экваторомъ. И вотъ, когда духоборы убѣдились, что людямъ, которые намѣреваются установить свою жизнь на христіанскихъ началахъ, нѣтъ болѣе мѣста на землѣ (2 Тим. III, 12), они двинулись большой массой, въ нѣсколько сотъ человекъ, въ исключительный походъ въ поискахъ Иисуса Христа осенью 1902 г. Но вернемся къ письму духобора:

«Дошли до Юркгона, хотѣли войти въ городъ, но ихъ не пустили. Вышли изъ него мужчины и женщины съ камнями, съ палками и стали ихъ бить. Потомъ полиція всѣхъ ихъ арестовала и посадила подъ арестъ. Нарядили надъ ними судъ и осудили на три мѣсяца въ каторгу, въ городъ Реджайнъ. Тамъ ихъ очень мучили, крутили руки и выворачивали ноги, или накидывали веревку на шею и били шпорами и палками. Все требовали отъ нихъ подчиненія. Сажали въ . . . . . Приставляли револьверы къ груди и грозились, будто бы застрѣлятъ. Или бросали въ холодную воду и держали подолгу въ холодной водѣ. Оттого нѣкоторые стали навсегда глухими. Или возьмутъ двое: одинъ держитъ, а другой что есть силы давить колѣнкой въ грудь. Цѣплялись ремнями за шею, за ноги, за руки, и привязывали къ стѣнѣ поперекъ. Мучили такъ, что ужъ и не знали, какъ еще больше мучить; но всегда такъ, чтобы поменьше было наружныхъ знаковъ: гоняли бѣгомъ безъ остановки, такъ что они . . . . . Невыносимо мучили, но братья все вынесли, пока не пріѣхалъ Петръ Васильевичъ».

Извѣстно, какъ заключенные за религіозныя убѣжденія своимъ непреклоннымъ упорствомъ вообще выводятъ изъ терпѣнія тюрем-

щиковъ и палачей; но тюремные сторожа въ Реджайнѣ вышли изъ себя вслѣдствіе отказа духоборовъ подчиниться установленному тамъ режиму. Самимъ сторожамъ приходилось дѣлать все, что должны были исполнять заключенные: убирать камеры, грязную посуду и проч. Пошлютъ, на примѣръ, за водою. Не идутъ. Выведутъ насильно одного и дадутъ ему ведро. Не беретъ, но умышленно падаетъ на землю. Привяжутъ ему едро на шею и спустятъ его вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Но и эту ванну онъ переноситъ стойко.

Заканчиваетъ свое письмо духоборъ очень грустно:

«Веригинъ сталъ ихъ (духоборовъ) просить и уговаривать, и они тогда не вынесли и согласились воротиться на подчиненіе Петру Васильевичу. Теперь со стыдомъ они думаютъ о томъ, что было, и смѣются. И надъ ними смѣются. Теперь остается только плакать и рыдать. Скрутили, свертели и задавили. Одна печаль, одна печаль, одна печаль... Все нерадость, все нерадость, все нерадость... О Боже! о Боже! о Боже, все нерадость! Если бы былъ Богъ, то Онъ заступился бы за своихъ; но наверху нѣтъ Бога, и некому заступиться за праведныхъ. А если есть Богъ, то Онъ помогаетъ тѣмъ людямъ, которые мучатъ, богатѣютъ, властвуютъ. Такимъ людямъ Богъ помогаетъ».

Письмо помѣчено: Yorkton. Assa. Canada.

Какимъ отчаяніемъ и даже отрицаніемъ Бога заканчивается письмо! Ужъ слишкомъ великую жертву они принесли, не видя результатовъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сколько однихъ переселеній сдѣлали духоборы! Сначала изъ внутреннихъ губерній Россіи они были переселены въ Мелитопольскій уѣздъ. Затѣмъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія ихъ переводятъ за Кавказъ, въ Тифлисскую и Елисаветпольскую губерніи, главнымъ образомъ, въ Ахалкалакскій уѣздъ; но чрезъ пятьдесятъ лѣтъ часть ихъ опять была расселена по Кахетіи и Карталиніи. Въ 1898 году, начинается массовое переселеніе духоборовъ въ англійскія владѣнія. Но и тутъ они сѣли на землю не сразу: сперва 1.100 человекъ переселилась на островъ Кипръ, а потомъ они переѣхали въ Канаду. Кончились ли ихъ злосключенія? Нѣтъ еще. Они и изъ Канады должны были двинуться неизвѣстно куда, чтобы «установить въ своей жизни свободу, правду и любовь по ученію Христа». Еще раньше только-что рассказаннаго въ письмѣ похода, было грандіозное шествіе духоборовъ въ октябрѣ—ноябрѣ 1902 года. Въ американскихъ журналахъ (напримѣръ, въ «Американскомъ Православномъ Вѣстникѣ», 1903 г., № 20) такая рисуется картина осенняго похода:

Невиданное и странное зрѣлище для американцевъ представляли изъ себя эти толпы пилигримовъ, мужчинъ и женщинъ, медленно подвигающихся съ пѣніемъ уныло-протяжныхъ псалмовъ-кантовъ. По временамъ пѣніе прерывалось проповѣдью. Изнуренныя постничествомъ ихъ лица, болѣе чѣмъ скромная, самодѣльная одежда—самотканная рубашка, штаны и лапти, но чаще безъ послѣд-

нихъ, несмотря на холодъ и слякоть,—возбуждали въ постороннихъ зрителяхъ вмѣстѣ съ удивленіемъ неподдѣльную жалость. Власти г. Юрктона озаботились о женщинахъ и дѣтяхъ, равно о больныхъ и убогихъ, размѣщая ихъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Здоровенныя амазонки-духоборки, когда ихъ принуждали оставаться въ помѣщеніяхъ, съ воплями прокладывали оттуда себѣ путь силой, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось уносить въ эмиграціонный домъ и другія помѣщенія на рукахъ, гдѣ онѣ отъ совершеннаго истощенія падали въ обморокъ. Напрасно имъ предлагалась пища! Мужчины же расположились лагеремъ подъ открытымъ небомъ. Несмотря на утомленіе, что замѣтно было по блѣднымъ, изнуреннымъ лицамъ, ночь провели въ молитвѣ.

Между предводителями духоборцевъ особенно выдавались и обращали на себя вниманіе Семень Черненковъ и Зибаровъ. Послѣдній изображалъ изъ себя Іоанна Предтечу. Высокій, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, со взоромъ постоянно обращеннымъ къ небу, онъ производилъ на зрителей сильное впечатлѣніе. Его рѣчи на ломаномъ англійскомъ языкѣ, обращаемыя къ публикѣ, полныя страстнаго чувства и дерзновенія, заставляли толпу серьезно выслушивать ихъ, а иныхъ изъ толпы—плакать.

— Нѣтъ, мы не вернемся; впередъ, впередъ, всегда впередъ!—таковы восклицанія, повторяющіяся въ разговорахъ ихъ.—А куда мы идемъ? Мы апостолы Іисуса. Онъ имѣлъ апостоловъ и сказалъ имъ, чтобы они шли въ міръ. Вотъ и мы идемъ, и будемъ продолжать нашъ путь, а какъ онъ далекъ, неизвѣстно.

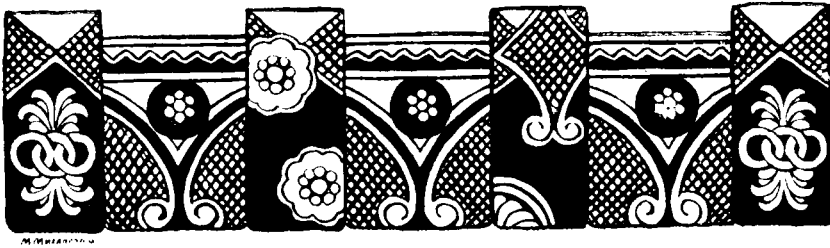
Въ Америкѣ было нѣсколько попытокъ устроить, подобно Оуэну, идеальное общежитіе, или Царство Божіе на землѣ, но всѣ эти попытки кончились ничѣмъ. Наши русскіе духоборы вздумали тоже установить жизнь по закону свободы, по совѣсти, по ученію Христа, и ихъ попытка не удалась: они тоже вернулись къ прежнему установленному порядку жизни.

— Почему,—спрашиваю одного сектанта,—несмотря на столько жертвъ, принесенныхъ духоборами, несмотря на полное «отверженіе себя» и всего внѣшняго благосостоянія, даже до отдачи нижней рубахи, Господь, какъ они говорятъ въ этомъ письмѣ, не услышалъ ихъ?

— Оттого,—послѣ нѣ котораго раздумья отвѣтилъ онъ,—что искали устроить Царство Божіе на землѣ, а не на небѣ. Забыли слова Христа: Царство Мое не отъ міра сего.

И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ).

ВЪ МАНЬЧЖУРИИ.

I.

Первыя впечатлѣнія.—Теперь и прежде.—Маньчжурскія станціи.—«Времянки».—Хинганскіе тупики.—Харбинь.—Три города въ одномъ.—Какъ строили желѣзную дорогу.—Отношенія съ китайцами прежде и теперь.—Русско-китайскій языкъ.—Русская культура въ Маньчжуріи.—Русско-китайскія школы.—Китайское «незванье иностранцевъ» и ассимиляція.

РСКОРѢ послѣ памятнаго 1900 года, перенесшаго центръ тяжести интересовъ цивилизованнаго міра въ малоизвѣстныя дотолѣ области Печилійской провинціи и Маньчжуріи, мнѣ пришлось провести около года въ этихъ краяхъ. За это время накопилось немало наблюденій надъ тѣми своеобразными условіями и тою обстановкою, въ которыхъ течетъ здѣсь жизнь, представляющая, какъ калейдоскопъ, каждый мѣсяць, каждый день, массу новыхъ картинъ, событій и явленій, смѣняющихъ одно другое. Наблюденія эти, благодаря исключительному значенію, пріобрѣтенному за послѣднее время Дальнимъ Востокомъ, вѣроятно, могутъ представлять нѣкоторый общій интересъ, тѣмъ болѣе, что, вообще говоря, у насъ пока, кажется, очень мало знаютъ о Маньчжуріи, о которой такъ много говорятъ; написано о ней сравнительно немного, и къ тому же большинство написаннаго относится къ 1900 году и представляетъ собою преимущественно военныя воспоминанія; о мирной жизни Маньчжуріи, которая наступила послѣ взбудоражившей ее смуты 1900 года, написано очень немного, почти ничего; а между тѣмъ этотъ пе-

рідъ, къ которому относятся предлагаемыя воспоминанія, представляетъ также, несомнѣнно, значительный интересъ, такъ какъ именно въ теченіе его происходило продолжающееся отчасти и до настоящаго времени установленіе взаимныхъ отношеній между разнообразными элементами жизни въ этомъ интересномъ краѣ.

Первое впечатлѣніе, которое встрѣчаетъ cadaго, кто въѣзжаетъ въ предѣлы Маньчжуріи,—мало благопріятно. Послѣ богатой природы Сибирской Швейцаріи—Забайкалья, съ тоненькими серебряными ленточками горныхъ рѣчекъ, съ красивыми линіями прижимающихся къ нимъ лѣсистыхъ хребтовъ,—какъ-то особенно грустно и тяжело становится при видѣ пустынной, голой степи, которая тянется почти отъ начальной станціи Китайской Восточной желѣзной дороги—Маньчжуріи, вплоть до Хингана. Это—самая бѣдная часть Маньчжуріи, по характеру своей природы скорѣе всего примыкающая къ Монголіи. Проѣзжая по этой части страны, невольно составляешь себѣ заранѣе убѣжденіе въ бѣдности всего края, которое смѣняется противоположнымъ впечатлѣніемъ лишь въ послѣдствіи, при ознакомленіи съ другими ея частями, прилегающими къ восточной и южной вѣткамъ Маньчжурской желѣзной дороги.

Глазу буквально не на чемъ остановиться—до такой степени ровна и пустынна вся окрестность. Дорога не оживляется даже хотя бы остановками на болѣе крупныхъ станціяхъ, такъ какъ на всемъ пути отъ Маньчжуріи до Харбина находятся всего два болѣе или менѣе значительныхъ города—Бухату и Хайларъ. Цицикаръ, главный городъ провинціи, по которой мы ѣдемъ, носящей названіе Хэйлуцзянской, остается въ сторонѣ отъ насъ, верстахъ, кажется, въ 20-ти отъ линіи желѣзной дороги. Говорятъ, что, кромѣ соображеній техническихъ—возможно болѣе прямого направленія пути,—въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, сыграли свою роль также и политическія соображенія китайцевъ, настаивавшихъ на томъ, чтобы желѣзная дорога не касалась непосредственно ихъ административныхъ центровъ. Въ особенности настаивали они на этомъ по отношенію къ Мукденю, гдѣ находятся знаменитыя императорскія могилы предковъ царствующей въ Китаѣ династіи, покой которыхъ китайцы боялись нарушить паровознымъ шумомъ и свистомъ. Въ послѣдствіи, однако, убѣдившись въ громадной выгоде желѣзной дороги и въ полной возможности ладить съ русскими,—китайцы отказались отъ своихъ прежнихъ настояній, такъ что, напримѣръ, Мукденъ, первоначально оставленный также въ сторонѣ отъ желѣзной дороги верстахъ въ 20-ти, теперь почти пересѣкается рельсовымъ путемъ, по одну

сторону котораго находится городъ, а по другую — тѣ самыя могилы, покой которыхъ хотѣли въ началѣ такъ тщательно оберегать китайцы.

Вообще многое переимѣнилось въ Маньчжуріи даже за тотъ сравнительно короткій годичный промежутокъ времени, что мнѣ пришлось провести въ ней. Что значить годъ въ жизни другой страны? Ничего или почти ничего. Но здѣсь, гдѣ жизнь кипитъ съ какою-то буквально лихорадочною быстротою, гдѣ каждый день приноситъ съ собою что нибудь новое и прибавляетъ новый камень къ великой русской созидательной работѣ,—за этотъ одинъ годъ произошло столько переимѣнъ, сколько, кажется, при другихъ условіяхъ жизни не бываетъ и за 10 лѣтъ. Когда на обратномъ пути я ѣхалъ въ великолѣпномъ экспрессѣ, въ чудныхъ пульмановскихъ вагонахъ, представляющихъ собою послѣднее слово вагоностроительной техники, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ широкими коридорами, — однимъ словомъ, со всеми удобствами, какихъ только могутъ требовать челоуѣкъ, привыкшій къ самому изысканному комфорту,—мнѣ просто не вѣрилось, что всего какой нибудь годъ тому назадъ этотъ самый путь я проѣзжалъ при совершенно противоположныхъ условіяхъ, въ «приспособленныхъ» для пассажирскаго движенія товарныхъ вагонахъ низенькихъ, маленькихъ, грязныхъ, со скоростью въ 20—25 верстъ въ часъ, съ томительно длинными, чуть ли не 2—3-хъ—часовыми остановками на самыхъ миниатюрныхъ станціяхъ, помѣщавшихся также въ «приспособленныхъ» для этой цѣли покривившихся китайскихъ фанзахъ.

Эти остановки, кажется, самая ужасная сторона нашего путешествія. Пока ѣдешь, хотя бы со скоростью 20 верстъ въ часъ, все-таки ѣдешь, чувствуешь, что каждый поворотъ колеса приближаетъ къ цѣли. Но стоять 2 или 3 часа въ степи, среди которой единственнымъ пятномъ является искривленное и покрытое трещинами, какъ старушечье лицо морщинами, зданіе станціи, и даже не зная, почему стоишь,—это дѣйствительно ужасно. Злые языки говорятъ, что причины этихъ долгихъ стоянокъ довольно своеобразны: то машинистъ не допилъ своего стакана пива, то кондукторъ не успѣлъ использовать до конца свиданіе съ своею женой, живущей на станціи, то кто нибудь изъ «знатныхъ путешественниковъ» не успѣлъ докончить свою трапезу, и кондукторъ нѣсколько разъ бѣгаетъ къ нему, пока наконецъ «особа» соблаговолитъ внять этимъ напоминаніямъ и прослѣдовать къ своему вагону.

Этихъ «особъ» въ Маньчжуріи довольно много, такъ какъ здѣсь дѣйствуетъ совершенно своеобразная, специально желѣзнодорожная «табель о рангахъ». Внѣшнимъ признакомъ знатности такой «особы» является обыкновенно то, что она «слѣдуетъ» въ особомъ ва-

гонѣ, а такъ какъ здѣсь почти каждый инженеръ имѣетъ свой вагонъ, который,—надо отдать имъ справедливость,—они съ большою готовностью предоставляютъ въ пользованіе своимъ добрымъ знакомымъ, то не бываетъ, кажется, ни одного случая, чтобы поѣздъ не имѣлъ въ хвостѣ своемъ подобнаго вагона, служащаго обыкновенно мишенью завистливыхъ взглядовъ прочихъ пассажировъ.

Кромѣ упомянутыхъ выше причинъ нашего долгаго простоя на станціяхъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, были, однако, также и причины иного порядка. Во-первыхъ, это было время, когда мосты были только что построены, и поэтому дѣйствовало еще прежнее распisanіе движенія поѣздовъ, составленное съ такимъ расчетомъ, чтобы переправы на рѣкахъ приходилось совершать не въ ночное время. Другою причиною простоя былъ недостатокъ паровозовъ, изъ-за котораго приходилось пользоваться паровозами проходящихъ поѣздовъ, чтобы произвести всѣ необходимые маневры съ вагонами, находящимися на станціяхъ.

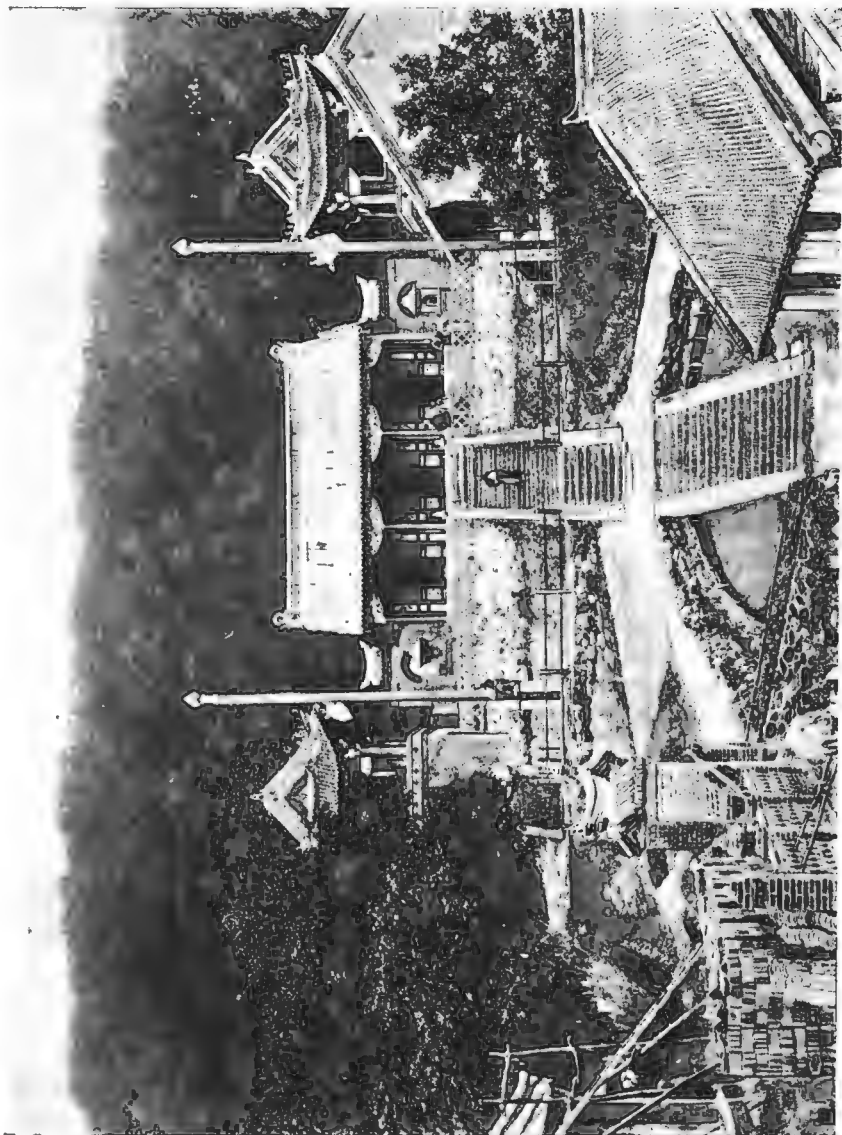
Во время стоянокъ поневолѣ обращаешься къ испытанному средству для того, чтобы скоротать время,—къ буфету, который для русскаго путешественника часто является спасительнымъ ресурсомъ въ дорогѣ. Здѣсь, однако, и этотъ ресурсъ оказывается безсильнымъ: сколько ни пей и сколько ни смотри, какъ другіе пьютъ, а все-таки стоять на станціи безъ конца надоѣдаетъ до тошноты. Единственнымъ бодрящимъ впечатлѣніемъ среди этой томительной тоски является видъ нашихъ бравыхъ солдатъ—«пограничниковъ», небольшіе отряды которыхъ расположены на каждой станціи—звездъ или полусотня при офицерѣ. На нихъ лежатъ самыя разнообразныя обязанности, начиная отъ развѣдочной службы и кончая службою желѣзнодорожной полиціи, представитель которой на каждой станціи прежде всего бросается въ глаза—жандармъ, бравый «пограничникъ» въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ шапкою черезъ плечо и съ винтовкою за спиною. Невдалекѣ отъ станціи виднѣтся флагъ—это мѣсто расположенія станціоннаго поста, гдѣ въ землянкахъ, какъ кроты, живутъ солдаты. Ужъ, казалось бы, какая жизнь при такихъ условіяхъ; такъ нѣтъ же, обитатели этихъ землянокъ, видно, не горюютъ и не тужатъ, если судить по тому, какъ они проводятъ свободное время, играя въ городки или въ чехарду или просто распѣвая пѣсни,—настоящія русскія пѣсни, какими, навѣрно, никогда до сихъ поръ не оглашались маньчжурскія степи, и звуки которыхъ такъ красиво таютъ въ воздухѣ, когда наконецъ нашъ поѣздъ послѣ долгаго отдыха, какъ будто въ раздумьѣ, начинаетъ перебирать колесами, оставляя позади себя поневолѣ хорошо знакомую теперь каждому изъ насъ станцію.

И опять начинается степь, непрерывная, необъятная, безконечная, безъ жилья, безъ людей, безъ единого звука, кромѣ мѣрнаго

рокота медленнаго хода поѣзда, который еще болѣе замедляется на такъ называемыхъ «временкахъ»—временныхъ путяхъ, гдѣ между рельсами обильно растетъ трава, являющаяся какъ бы выраженіемъ безсильнаго протеста самой земли, впервые испытавшей на себѣ тяжесть желѣзнаго чудовища.

Зато «временки» эти были хоть нѣкоторымъ развлеченіемъ для насъ, такъ какъ рядомъ съ ними производились работы по сооруженію постоянного пути, и, благодаря этому, мѣстность весело оживлялась движеніемъ многолюдной толпы рабочихъ. Цѣлое море синихъ китайскихъ халатовъ, среди которыхъ лишь изрѣдка, какъ чайка, промелькнетъ бѣлая рубашка русскаго десятника. Постройка желѣзной дороги вызвала такой колоссальный приливъ къ линіи ея китайскихъ рабочихъ рукъ изъ самыхъ отдаленныхъ частей не только Маньчжуріи, но и другихъ провинцій Китая, что, казалось бы, по самымъ снисходительнымъ даже законамъ политической экономіи, имъ давно уже должно было бы не хватать работы. Но у китайца своя политическая экономія, которая позволяетъ ему быть сытымъ на три копейки въ день, а работы всѣмъ имъ хватаетъ хотя бы уже по одному тому, что работаютъ они крайне медленно, и то количество работы, которое смѣло могъ бы выполнить одинъ русскій, требуетъ труда, по меньшей мѣрѣ, трехъ китайцевъ. У нихъ все какъ-то въ миниатюрѣ: и сами они какіе-то мизерные, худощавые и работаютъ какъ-то особенно, по-своему: на «временкѣ», напримѣръ, пришлось видѣть, какъ они доставляли землю для насыпи: тачекъ у нихъ нѣтъ, и они подносятъ землю въ маленькихъ плетеныхъ корзиночкахъ, немногимъ больше обыкновенной китайской соломенной шляпы; навѣсятъ такихъ двѣ шляпы, опустивъ ихъ тульею внизъ, на коромысло, нагребутъ въ нихъ руками нѣсколько щепотокъ земли, заранее разрытой лопатами, и бѣгаютъ съ ними своею семеняшею походкою отъ выемки къ насыпи и обратно. Понятно, что на всѣ эти перебѣганья со щепотками земли они тратятъ раза въ три больше времени, чѣмъ если бы они лопатами накладывали землю въ тачки и въ нихъ подвозили бы ее къ насыпи.

Проѣхали «временку»—и опять то же самое: ровная, голая степь, степь безъ начала и безъ конца, цѣлый океанъ степи. Только по мѣрѣ приближенія къ Хингану мѣстность становится разнообразнѣе и живописнѣе. Сначала попадаются какъ бы случайно затерявшіяся въ степи небольшіе холмы, потомъ число и высота ихъ все болѣе и болѣе увеличиваются, поѣздъ еще болѣе замедляетъ ходъ и, все время тяжело пыхтя и отдуваясь, ползетъ въ гору и наконецъ взбирается на самую вершину перевала. Со временемъ здѣсь будетъ устроенъ тоннель, надъ сооруженіемъ котораго работаетъ специально созданный здѣсь для этой цѣли временный фабричный городъ, по величинѣ своей, право, не уступающій какимъ нибудь Юзовскимъ или Уральскимъ заводамъ. Пока же тоннель

Китайская кумирня.

этотъ не готовъ, спускъ поѣздовъ съ перевала совершается при посредствѣ весьма своеобразной системы тупиковъ, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Если вы бывали когда нибудь въ Крыму или на Кавказѣ, то вамъ, конечно, приходилось ѣздить по дорогѣ, проведенной зигзагами по склону горы. Экипажъ все время заворачиваетъ то вправо, то влѣво, съ каждымъ поворотомъ взбираясь все выше и приближаясь къ вершинѣ горы. Вообразите такую же зигзагообразную желѣзную дорогу, съ тою только разницею, что въ ней нѣтъ закруглений, на которыхъ производились бы повороты, а просто одна колея пути, расположенная подъ уклономъ, въ концѣ своемъ при посредствѣ желѣзнодорожной стрѣлки соединяется съ другою такою же колеей, расположенною также подъ уклономъ, но уже въ другомъ направленіи. Поѣздъ со всею возможною осторожностью спускается сначала по одной колеѣ; затѣмъ, когда онъ доходитъ до ея конца, его переводятъ при помощи стрѣлки на другую колею, прицѣпляютъ паровозъ къ послѣднему его вагону, и онъ продолжаетъ спускаться по второй колеѣ въ направленіи, противоположномъ тому, въ какомъ онъ спускался по первой. Пассажиры съ понятнымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за этими маневрами поѣзда. У большинства не сходитъ съ лица выраженіе серьезнаго безпокойства, которое еще усиливается отъ передаваемыхъ рассказовъ о несчастныхъ случаяхъ, нерѣдко сопровождающихъ это оригинальное путешествіе. И только, когда поѣздъ, спустившись съ горы, какъ будто бы самъ испытывая чувство облегченія, весело свистя, подкатываетъ къ расположенной у самой подошвы горы маленькой станціи, всѣ лица проясняются, и не одна рука творитъ крестное знаменіе.

Отъ Хингана до Харбина уже недалеко, и вскорѣ, когда поѣздъ, какъ всегда передъ остановкою, замедляетъ ходъ, мы видимъ изъ окна вагона легкой и красивый, несмотря на свои громадные размѣры, мостъ, переброшенный черезъ рѣку, а за рѣкою—довольно большой городъ, надъ которымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ возвышаются неизмѣнные маяки европейской городской культуры—гигантскія фабричныя трубы. Мы подъѣзжаемъ къ Харбину.

Два-три пронзительныхъ и продолжительныхъ свистка — и поѣздъ наконецъ останавливается, но почему-то не у самого перрона, а гдѣ-то на 3-мъ или 4-мъ запасномъ пути. Кое-какъ, при помощи носильщиковъ-китайцевъ, мы добираемся до вокзала, гдѣ впервые за все время нашего путешествія по Маньчжуріи намъ приходится наблюдать нѣкоторыя явленія специально китайской жизни. Первое, что бросается въ глаза—это китайскіе полицейскіе, несущіе здѣсь желѣзнодорожно-полицейскую службу наравнѣ съ нашими «пограничниками», впрочемъ по отношенію къ однимъ только китайцамъ, которыхъ они нещадно тузятъ своими громадными бамбуковыми палками.

Харбинскій вокзалъ—это просто большой сарай, въ которомъ хоть то хорошо, по сравненію съ другими станціями Маньчжурской желѣзной дороги, что онъ довольно высокъ, и поэтому въ немъ, по крайней мѣрѣ, есть чѣмъ дышать. О другихъ удобствахъ распространяться не приходится: отсутствіе ихъ вполне сознается, кажется, самою администраціею дороги, которая уже выработала проектъ сооруженія здѣсь настоящаго вокзала новѣйшаго типа, дѣйствительно необходимаго въ виду того громаднаго значенія, которое уже теперь принадлежитъ и еще болѣе предстоитъ въ будущемъ этому важному желѣзнодорожному пункту, центру русской культуры въ Маньчжуріи.

Харбинъ состоитъ, собственно, изъ трехъ отдѣльныхъ поселковъ, раздѣленныхъ одинъ отъ другого довольно значительнымъ разстояніемъ. Одинъ расположенъ на самомъ берегу Сунгари. Это—такъ называемая «Пристань», гдѣ сосредоточена главнымъ образомъ торговая жизнь, пульсъ которой бьется здѣсь довольно усиленно. Затѣмъ—«Старый Харбинъ», прежній китайскій поселокъ, гдѣ первоначально расположилось управленіе дороги, и наконецъ, построенный впослѣдствіи, уже вполне европейскій «Новый городъ», который съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ все болѣе расширяется и застраивается, готовясь сдѣлаться мѣстомъ пребыванія управленія дороги и главнымъ центромъ «русскаго духа» въ Маньчжуріи.

Происхожденіе этихъ трехъ частей города такое: на мѣстѣ нынѣшняго Стараго Харбина стоялъ когда-то одинъ изъ довольно-многочисленныхъ въ Маньчжуріи ханшинныхъ, т.-е. водочныхъ заводовъ. Когда строители желѣзной дороги рѣшили избрать центральнымъ для нея пунктомъ это мѣсто, благодаря положенію его на половинѣ проектированнаго пути между Забайкальемъ и Владивостокомъ и при томъ на рѣкѣ Сунгари, которая должна была служить единственнымъ средствомъ сообщенія для подвоза необходимыхъ матеріаловъ, то имъ и пришлось на первыхъ порахъ воспользоваться существовавшими строеніями этого завода для помѣщенія въ нихъ управленія дороги и штаба охранной стражи. Какъ вездѣ и во всемъ въ Маньчжуріи, «приспособили» эти строенія, прибавили къ нимъ еще нѣсколько рядовъ фанзъ—и получился небольшой городокъ полувоеннаго, полурбочаго типа, благодаря вытянутымъ въ линію, окрашеннымъ въ бѣлую краску, длиннымъ фанзамъ-казармамъ, въ которыхъ размѣстилось все тогдашнее русское населеніе Маньчжуріи.

Однако, такъ какъ поселокъ этотъ находится не на самомъ берегу рѣки, то торговая жизнь не могла въ немъ сосредоточиться и развиваться. Она, естественно, жалась къ рѣкѣ, по которой каждый день приходили и матеріалы для постройки желѣзной дороги и всѣ товары и припасы, необходимые для поддержанія существо-

ванія обитателей новаго города. Такимъ образомъ выросъ на самомъ берегу рѣки особый поселокъ подъ названіемъ «Пристань», гдѣ и сосредоточилась вся торговая жизнь города. Наконецъ, третій поселокъ образовался около вокзала, по техническимъ условіямъ, построенъ нѣсколько въ сторонѣ отъ рѣки, между «Старымъ Харбиномъ» и «Пристанью». Этому такъ называемому «Новому городу» и предназначается въ будущемъ роль центральной части всего поселенія, которое образуется при сліяніи въ одно цѣлое трехъ отдѣльных, пока разрозненныхъ, его частей. Въ немъ сосредоточены будутъ управленіе желѣзной дороги, почта и телеграфъ, судъ, соборъ, театръ, гимназіи мужская и женская, постройка которыхъ частью уже начата, административное управленіе и т. п. При колоссальномъ, американскомъ ростѣ города, это сліяніе должно совершиться очень скоро, по крайней мѣрѣ, между «Новымъ городомъ» и «Пристанью».

Нигдѣ такъ, какъ здѣсь, не чувствуется и не сознается, какимъ громаднымъ предпріятіемъ было сооруженіе Маньчжурской желѣзной дороги, и если только подумать, что не далѣе, какъ лѣтъ 6—7 тому назадъ здѣсь была голая, пустынная степь, въ которой рѣдко-рѣдко можно было встрѣтить полудикаго монгола, трясущагося на своей маленькой, грязно-бѣлой лошаденкѣ, то теперь, находясь въ самомъ центрѣ желѣзнодорожной дѣятельности, видя передъ собою, съ одной стороны, громадна вагонныя депо съ гигантскою паутиною рельсовъ, а съ другой—высвѣщенный въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ вокзала колоссальный и въ то же время легкій желѣзнодорожный мостъ, бросившій широкую Сунгари подъ ноги горделиво проносающимся надъ нею паровозамъ, — нельзя не отвлечься хоть ненадолго отъ тѣхъ упрековъ и нареканій, которые въ такомъ изобилии сыплются на Маньчжурскую желѣзную дорогу, и не признать, что строители ея совершили дѣйствительно крупное, великое дѣло, требовавшее желѣзной энергіи и упорной, неустанной работы.

Нетрудно представить себѣ, каково было въ началѣ положеніе этихъ первыхъ пионеровъ русской культуры, заброшенныхъ въ невѣдомый край, въ среду населенія, которое было имъ совершенно чуждо и даже враждебно, и съ которымъ они могли сноситься не иначе, какъ при посредствѣ переводчиковъ, по большей части, китайцевъ, побывавшихъ въ Россіи, гдѣ нибудь во Владивостокѣ или Благовѣщенскѣ, и, къ сожалѣнію, слишкомъ часто злоупотреблявшихъ своимъ положеніемъ неизбежныхъ посредниковъ между населеніемъ страны и строителями дороги.

Единственнымъ вѣрнымъ и прочнымъ средствомъ, устанавливавшимъ связь между населеніемъ и дорогою, былъ заработокъ, который оно получало отъ ея постройки. Цѣлыми толпами придвигались китайцы къ дорогѣ, работа для всѣхъ находилась, и,

можно сказать безъ преувеличенія, во время постройки желѣзной дороги буквально вся Маньчжурія кормилась ею, такъ какъ не было, кажется, ни одного села, ни одной деревушки, не поставляла бы рабочихъ на постройку.

Китайскіе чиновники.

Но если такимъ образомъ населеніе края должно было убѣждаться въ пользѣ для него новаго предпріятія, доставлявшаго ему средства къ существованію, то гораздо труднѣе было первое время считаться съ мѣстными китайскими чиновниками, глубоко въ душѣ затаившими чувство недовольства противъ «бѣлыхъ дьяволовъ».

явившихся въ Маньчжурію строить желѣзную дорогу и отнимающихъ у нихъ прежнюю власть и значеніе, а вмѣстѣ съ ними... и прежніе доходы. Только благодаря самому умѣренному образу дѣйствій строителей дороги, соблюдавшихъ въ сношеніяхъ съ китайскими властями всевозможную осторожность и не отстранявшихъ ихъ отъ участія во всѣхъ вопросахъ, въ чемъ бы то ни было касавшихся интересовъ подвластнаго имъ населенія,—удавалось установить отношенія, основанныя на взаимномъ довѣрїи и содѣйствїи.

Дѣло было поставлено въ самомъ началѣ постройки желѣзной дороги такимъ образомъ, что внѣ такъ называемой полосы отчужденія, т.-е. земельныхъ участковъ, отведенныхъ китайскимъ правительствомъ для надобностей дороги,—китайцы оставались полными хозяевами во всѣхъ отношеніяхъ. Въ полосѣ же отчужденія по отношенію ко всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны были интересы китайцевъ, установленъ былъ мирный кондоминіумъ въ лицѣ учрежденныхъ для этой цѣли особыхъ смѣшанныхъ русско-китайскихъ присутствій, такъ называемыхъ «цзяо-шэ-цзюй», или, какъ величали ихъ китайцы-переводчики, желавшіе щегольнуть своимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ — «бюро для внѣшнихъ сношеній». Главное такое присутствіе учреждено было въ Харбинѣ, куда назначены были съ этой цѣлью особые уполномоченные отъ каждаго изъ трехъ маньчжурскихъ вице-королей—цзяньцзюней. Эти высшіе китайскіе чиновники составляли вмѣстѣ съ лицами, уполномоченными главнымъ инженеромъ по сооруженію дороги, центральныя смѣшанныя присутствія въ Харбинѣ, въ которыхъ разбирались всѣ важнѣйшія смѣшанныя русско-китайскія дѣла; въ другихъ же пунктахъ, для разбора менѣе важныхъ дѣлъ, учреждены были особыя мѣстныя присутствія, по образцу центрального, членами которыхъ являлись мѣстные агенты желѣзной дороги и китайскіе чиновники.

Такой порядокъ дѣлъ очень удобенъ для русскихъ, потому что русскія власти устраняютъ отъ себя упреки, которые могло бы предъявить къ нимъ населеніе, а населеніе привыкаетъ къ новому режиму и, сравнивая его съ прежнимъ, отдаетъ предпочтеніе первому. Характеренъ слѣдующій примѣръ.

Дѣйствіе происходитъ въ смѣшанномъ русско-китайскомъ судѣ, гдѣ разбирается дѣло по иску одного китайца съ русскаго. Разбирательство оканчивается въ пользу китайца, ему присуждаютъ что-то около 1.000 рублей, и затѣмъ русскій судья, обращаясь къ отвѣтчику, говоритъ ему:

— Вотъ вы доставите черезъ 7 дней деньги мнѣ; я ихъ передамъ китайскому чиновнику, а отъ него вы ихъ уже получите.

Послѣднее обращеніе относилось къ истцу-китайцу.

Такой порядокъ признается наиболѣе правильнымъ, такъ какъ онъ, казалось бы, лучше всего обезпечиваетъ отъ какихъ бы то ни

было претензій со стороны лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ. Китайцу, однако, этотъ порядокъ, видимо, не нравится. По окончаніи присутствія онъ подходитъ къ русскому судѣ и говорить ему съ глазу на глазъ на выработавшемся въ Маньчжуріи особомъ русско-китайскомъ языкѣ:

— Твоя капитанъ шибко, шибко шанго; деньги твоя минѣ дай; китайски капитанъ деньги мало-мало, хоче много-много. Твоя давай деньги.

Въ переводѣ на обыкновенный русскій языкъ это значить, что китаецъ не довѣрялъ своему же чиновнику, что тотъ передастъ ему присужденныя въ его пользу деньги полностью, и предпочиталъ получить ихъ непосредственно отъ русскаго.

А вѣдь какъ недалеко еще то время, когда русскіе представлялись китайцамъ не иначе, какъ какими-то «бѣлыми дьяволами», и когда, во избѣжаніе общенія съ ними, китайцы не останавливались передъ самыми крайними средствами не лишеными подчасъ даже нѣкотораго комизма. По этому поводу мнѣ невольно вспоминается рассказъ одного казачьяго полковника, относящійся ко времени послѣ волненій 1900 года.

— Иду это я какъ-то полемъ съ отрядомъ. Дѣло было осенью — можете себѣ представить, какая здѣсь грязь была. Прямо кони по брюхо увязали — бѣда, да и только. Вижу, къ деревнѣ подходимъ. Вотъ, думаю, сюда зайдемъ, и люди и лошади отдохнутъ немного. Вошли въ деревню, ну, тутъ, понятно, уже не грязь, а одно болото сплошное. Только видимъ: недалеко куча китайцевъ стоитъ—мужчины, бабы, дѣтвора, и все это галдитъ, пищитъ, кричитъ. Только насъ завидѣли, смотримъ: всѣ мужчины давай бѣжать — однѣ пятки засверкали, и дѣтвора тоже прямо, какъ песокъ, разсыпалась въ разныя стороны. Только бабы на мѣстѣ остались, имъ-то, понятно, въ ихъ маленькихъ башмачкахъ не очень удобно разбѣжаться. И что же бы вы думали?—какъ онѣ стояли, такъ всѣ давай падать прямо лицомъ въ грязь, да еще физиономіями своими поглубже въ грязь норовять зарыться, ну, чисто свиньи, прости Господи. А потомъ, вставать начали, такъ у нихъ съ рожъ-то грязь такъ и течетъ, а рожи-то, рожи,—можете себѣ представить.

— Да ужъ представляю себѣ. Только зачѣмъ же онѣ это дѣлали?

— А вотъ сейчасъ узнаете. Кое-какъ мы ихъ успокоили, да и сами онѣ отошли немного, видятъ, никакого худа мы имъ не дѣлаемъ. Вотъ я и поручаю своему переводчику—у меня казакъ такой есть изъ бурятъ — разузнать, чего это бабы китайскія да передъ нашими казаками этакъ въ грязь лицомъ ударили въ буквальномъ смыслѣ слова. Приходитъ мой переводчикъ и докладываетъ: «Такъ что, значить, ваше высокоблагородіе, какъ мужики-то ихніе убѣгли—потому, трусы, извѣстное дѣло, а бабамъ за ними не

угнаться на своихъ-то узенькихъ колодочкахъ. А бабы-то тоже, значить, дюже спужались, чтобы бѣлымъ чертямъ—это, значить, нашему брату—не полюбиться какъ нибудь. Вотъ онѣ, значить, и того—въ грязь-то и окунулись, чтобы, вѣрнѣе полюбиться не могли». Ну, тутъ, знаете, я какъ это услышалъ, такъ только за бока и ухватился. Вѣдь этакія рожи, прости Господи, и тоже что еще выдумали! Только и могъ я сказать переводчику, чтобы онѣ пошелъ да сказалъ бы этимъ дурамъ, что если бы онѣ даже не только не кидались въ грязь, а наоборотъ до нашего прихода цѣлый мѣсяць мылись бы и парились, и то...

Полковникъ не докончилъ и снова началъ хохотать зычнымъ раскатистымъ смѣхомъ, и его тучная фигура грузно заколыхалась въ сѣдлѣ.

А теперь какая перемѣна! Пришлось мнѣ, между прочимъ, во время моихъ странствій по Маньчжуріи наблюдать и такую сцену. Будучи въ Мукденѣ, случилось мнѣ какъ-то провести вечеръ въ гостяхъ у одного здѣшняго желѣзнодорожнаго техника. Сидѣли, пили чай, разговаривали. Кромѣ меня, было еще нѣсколько гостей-сослуживцевъ хозяина. Вдругъ посреди разговора вошла въ комнату, гдѣ сидѣли мы, китайка, подошла къ одному изъ гостей, принимавшему участие въ общемъ разговорѣ, и, не долго пошептавшись съ нимъ и обмѣнявшись какими-то жестами, вышла затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты, простившись предварительно съ хозяиномъ и съ гостями за руку, которую всѣ они пожимали съ полнымъ вниманіемъ.

— Кто это?—спросилъ я съ невольнымъ удивленіемъ при видѣ этой сцены.

— А это жена Антона Лукича,—отвѣтилъ хозяинъ,—очень милая и почтенная женщина.

— То-есть, какъ же это жена?—переспросилъ я съ еще болѣшимъ изумленіемъ.

— А такъ жена. Живутъ они съ Антономъ Лукичемъ, какъ мужъ съ женою. Не вѣнчаны, конечно, а только живутъ не хуже вѣнчанныхъ. А положимъ, если хотите, то они на половину и вѣнчаны.

— На половину? Да какъ же это на половину вѣнчаются?—не переставалъ я изумляться.

— А такъ. Онѣ, видите ли, чудакъ, Антонъ Лукичъ. Познакомился онѣ съ своею женою, когда она еще дѣвушкою была, въ домѣ ея отца онѣ квартиру снималъ. Семья ея почтенная, очень приличная. Ну, и дѣвушка сама тоже. Полюбились они другъ другу и рѣшили пожениться. Только вотъ бѣда: онѣ-то католикъ или протестантъ, ужъ не знаю точно, а она китайка, буддистка что ли, ихъ вѣдь не разберешь. Нѣтъ и такого закона, по которому ихъ вѣнчать можно было бы. А такъ, просто родители ея не от-

даютъ. Ну, вотъ онъ возьми да и предложи имъ: обвиняйте, говорить, насъ по китайскому закону, и заживемъ мы съ нею, какъ мужъ съ женою. Передъ своими-то ей никакого тогда стыда и не будетъ, а мнѣ все равно: я ее и такъ и этакъ любить буду. Ну, родители подумали, подумали, да и согласились.

— Ну, и что же, неужели въ самомъ дѣлѣ они по китайскому обряду вѣнчались?

— Самымъ настоящимъ образомъ. Свадьба была, можете себѣ представить, какая оригинальная. Все, все до тонкостей исполнено

Китайскій обѣдъ.

было по китайскому обряду. И вотъ теперь живутъ они душа въ душу.

Понятно само собою, что такіе случаи бываютъ не каждый день. Но даже и какъ весьма рѣдкій, подобный примѣръ можетъ до извѣстной степени служить доказательствомъ того, насколько тѣсно устанавливается мирная связь между русскимъ и китайскимъ населеніемъ Маньчжуріи, насколько послѣднее склонно къ ассимиляціи и къ подчиненію русскому влиянію.

Едва ли не лучше всего можно, между прочимъ, судить объ этомъ по тѣмъ успѣхамъ, какіе дѣлаетъ здѣсь распространеніе русскаго языка, способное разрушить всякіе предрасудки иностранцевъ относительно трудности его изученія. По крайней мѣрѣ,

въ районѣ вліянія желѣзной дороги оно настолько широко, что вы можете, встрѣтившись съ любымъ китайцемъ, заговорить съ нимъ по-русски, съ увѣренностью, что такъ или иначе, но онъ васъ пойметъ и какъ нибудь съ вами да объяснится. И лишь очень рѣдко можете рисковать услышать отъ него безнадежное «бу-тун-ды»—не понимаю. Въ особенности отличается въ смыслѣ усвоенія русскаго языка молодое поколѣніе Маньчжуріи, главнымъ образомъ въ лицѣ такъ называемыхъ «боекъ»—китайскихъ слугъ, являющихся наиболѣе живою и непосредственною связью между русскимъ и китайскимъ населеніемъ.

Вы, конечно, подумаете, что «бойка»—это русское слово одного корня со словомъ «бойкій». Ничуть не бывало. Это ничто иное, какъ англійское слово «boy», т.-е. мальчикъ, только съ прибавленнымъ къ нему русскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ.

Понятно, что тотъ русскій языкъ, на которомъ говорятъ здѣсь русскіе съ китайцами, далекъ отъ совершенства, чтобы не сказать больше, и съ московскимъ говоромъ общаго имѣетъ очень мало. Вѣрнѣе всего, это—даже не русскій языкъ, а какой-то особый смѣшанный русско-китайскій. Въ основѣ его лежитъ ни русское, ни китайское, а какое-то мѣстное слово «шанго»—«хорошо», при помощи котораго обѣ стороны умудряются комбинировать выраженія самыхъ разнообразныхъ мыслей. Къ нему прибавляются другія слова, нѣкоторыя русскія, почему-то скорѣе другихъ усвоенныя китайцами: капитанъ, шибко, деньги и т. п., и нѣкоторыя китайскія, усвоенныя нашими рабочими и солдатами—среди нихъ наиболѣе почетное мѣсто занимаетъ классическое «цуба», которое въ первоначальномъ своемъ смыслѣ означаетъ «сторонись», а затѣмъ уже въ устахъ мѣстныхъ изобрѣтательныхъ филологовъ способно принимать самое разнообразное значеніе, въ зависимости отъ настроенія. Къ этимъ словамъ прибавляются еще нѣкоторыя слова специально «дорожныя», напримѣръ, «маманьди»—«подожди», «какойда»—«торопись» и другія—и вотъ уже готовъ основной лексиконъ того русско-китайскаго языка, который едва ли понятенъ какъ интеллигентному русскому, такъ и образованному китайцу, но на которомъ простой народъ объясняется съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Интересно, напримѣръ, наблюдать такую сценку гдѣ нибудь въ Харбинѣ, въ Гиринѣ, въ Мукденѣ, или въ другомъ какомъ нибудь менѣе крупномъ центрѣ, гдѣ расположены русскія войска. Вотъ бѣжитъ черезъ улицу какой-то солдатъ, видимо, денщикъ съ обычнымъ для денщиковъ дѣловымъ видомъ, на бѣгу поправляя впопыхахъ небрежно наброшенную на плечи въ накидку шинель; останавливается у лавчонки какого-то китайца, съ которымъ вступаетъ въ торгъ, намѣренно коверкая при этомъ самымъ немилосерднымъ образомъ русскій языкъ, какъ это всегда почти дѣлаетъ наше простонародье въ разговорѣ съ иностранцами, какъ будто бы въ этомъ видѣ онъ болѣе доступенъ ихъ пониманію.

— Слышь, манза, твоя сколько мыломъ продавай?

— Ти-ли-ца-ти, ти-ли-ца-ти, шибко шанго,—отвѣчаетъ китаецъ. Произнести «тридцать» онъ не въ состояніи, такъ какъ китайцы буквы «р» не выговариваютъ.

— Сколько? Тридцать? Бу-шанго (не хорошо). Нѣтъ, братъ, маманьди, маманьди. Тай-тай сказала—двадцать, больше не можно.

Тай-тай—это барыня, госпожа. Наши солдатики-денщики охотно переняли это чудное слово сначала шутя, а затѣмъ, постепенно при-

Китайскій уличный парикмахеръ.

выкнувъ къ нему, такъ какъ имъ часто приходится имѣть дѣло съ китайцами по различнымъ порученіямъ своихъ командиршъ.

А нѣкоторые солдаты настолько усвоили уже въ постоянныхъ сношеніяхъ своихъ съ китайцами ихъ языкъ, что нарочно щеголяютъ его знаніемъ, понятю весьма курьезнымъ, и это бываетъ особенно смѣшно, когда собесѣдникомъ такого знатока является какой нибудь китаецъ, въ свою очередь мнящій себя знатокомъ русскаго языка и поэтому всѣми силами старающійся говорить по-русски.

— До-шао цянъ (сколько стоитъ)?—спрашиваетъ, напримѣръ, такой покупатель-солдатъ у китайскаго торговца, указывая ему на предметъ торга, названіе котораго, конечно, отсутствуетъ въ его китайскомъ лексиконѣ.

— А-цзинъ лубли (одинъ рубль),—отвѣчаетъ китаецъ непременно по-русски, но, видимо, не будучи твердо увѣренъ въ томъ, что онъ говоритъ достаточно понятно, и сопровождая поэтому свой отвѣтъ настойчивымъ тыканьемъ одного пальца въ глаза покупателю.

— Хынъ-до, хынъ-до (слишкомъ много),—возражаетъ тотъ по-китайски и тоже для ясности считаетъ все-таки необходимымъ укоризненно покачать головою.

— Что муного! Ни муного. Твоя покупай. Шибко шанго есть,—настаиваетъ на своемъ китаецъ, и такой разговоръ иногда продолжается довольно долго къ общему удовольствію обоихъ собесѣдниковъ, пользующихся удобнымъ случаемъ пощеголять другъ передъ другомъ своими обширными знаніями.

А вотъ, въ заключеніе, еще одинъ любопытный образчикъ русско-китайскаго языка, на которомъ обыкновенно обращаются съ просьбою о милостынѣ китайскіе нищіе:

— Капитанъ, капитанъ! Капитанъ шибко шанго. Деньги муного, муного. Куша мэ-ю. Папо, мамо мэ-ю. Ногу ломайло. Капитанъ шибко шанго.

Это должно означать, что «баринъ очень добрый, у него денегъ много, а мнѣ ѣсть нечего. Родителей нѣтъ. Нога болитъ».

И вотъ такъ объясняется между собою почти вся русская и китайская Манчжурія, при помощи словъ въ родѣ «шанго» и «ломайло», немилосердно ломая при этомъ и русскій и китайскій языки.

Русская ассимиляція въ Манчжуріи выражается также въ принятіи китайцами русскихъ именъ, при чемъ они быстро усваиваютъ различіе между обращеніемъ просто по имени и обращеніемъ по имени и отчеству, и на этой почвѣ нерѣдко случаются даже курьезы въ родѣ того, о которомъ рассказывалъ мнѣ одинъ знакомый инженеръ.

— Служилъ у меня на участкѣ переводчикъ-китаецъ, бѣдовый малый. Звали мы его Ванькой, на это имя и книжка рабочая была ему выдана, и онъ былъ, кажется, этимъ именемъ вполне доволенъ. Проходитъ годъ или полтора, является ко мнѣ Ванька и заявляетъ о своемъ желаніи принять на себя поставку шпаль. Откуда онъ денегъ досталъ, ужъ я не знаю. Говоритъ, не его собственныя, компаньона нацелъ. Ну, ладно. Выдаю я ему подрядную книжку, спрашиваю, на чье имя ее написать.

— Пишите, говоритъ, пожалуйста, на имя Ивана Ивановича.

— А это кто же такой, Иванъ Ивановичъ?

— А это я самый и есть. На мое имя и пишите.

— Какой же ты Иванъ Ивановичъ? Вѣдь ты Ванька.

— Ванька былъ, пока переводчикомъ былъ, а теперь какъ подрядчикомъ сталъ, ужъ вы сдѣлайте милость, зовите Иваномъ Ивановичемъ.

Китайцы, врашающіеся среди русскихъ, вполне усваиваютъ себѣ это исключительно русское обращеніе по имени и отчеству, такъ что даже на вывѣскахъ въ Портъ-Артурѣ или въ Харбинѣ не рѣдкость встрѣтить надпись въ родѣ такой: «Шанхайскій портной Степанъ Семеновичъ Суй-фу-цзянь». А нѣкоторые китайцы даже заводятъ себѣ европейскія визитныя карточки, на которыхъ красуются надписи въ такомъ родѣ: «Семень Ивановичъ Ванъ-фу-сянь», «Матвѣй Петровичъ Синъ-цзянь-тай» и т. п.

Обыкновенно эти имена и отчества принимаются носителями ихъ совершенно случайно. Но иногда они принимаютъ ихъ осмысленно, на примѣръ, въ знакъ памяти о человѣкѣ, которому они чѣмъ нибудь обязаны. Расскажу одинъ такой случай.

Какъ-то въ Пекинѣ я и еще одинъ русскій, служащій въ Маньчжуріи, зашли на телеграфъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Харбинъ. Подавая телеграмму, мы были немало удивлены, услышавъ, какъ усердно за сосѣднимъ столомъ какой-то китаецъ занимается изученіемъ русской грамматики, вслухъ повторяя склоненія и спряженія. Мы заинтересовались китайцемъ и заговорили съ нимъ. Оказалось, что первоначальныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ онъ приобрѣлъ въ Мукденѣ, гдѣ служилъ на китайскомъ телеграфѣ и бралъ уроки у одного русскаго телеграфиста, давая ему взаменъ уроки англійскаго языка, основательно изученнаго имъ во время его службы въ открытыхъ портахъ Китая. Вообще китаецъ оказался человѣкомъ достаточно образованнымъ, выдавшимъ виды и хорошо знакомымъ съ иностранцами. Въ заключеніе нашего разговора онъ сообщилъ намъ, что завѣтная мечта его—попасть на русскую службу, такъ какъ всѣ симпатіи его на сторонѣ русскихъ. Когда мой спутникъ предложилъ ему мѣсто въ Маньчжуріи на желѣзной дорогѣ, онъ буквально онѣмѣлъ отъ счастья.

Черезъ нѣсколько времени я встрѣтился съ нимъ снова уже въ Харбинѣ и былъ очень удивленъ, услышавъ, что къ нему обращались, называя его Сергѣемъ Александровичемъ, по имени и отчеству того лица, которое доставило ему мѣсто на русской службѣ. Оказалось, что это имя онъ принялъ съ согласія своего покровителя въ знакъ выраженія ему своей постоянной признательности за его помощь и поддержку.

Судя по всему этому, можно съ увѣренностью утверждать, что китайцы въ Маньчжуріи, несомнѣнно, проявляютъ большую склонность къ ассимиляціи, и что русской культурѣ открыто здѣсь широкое поле дѣятельности. Не могу не привести по этому поводу одинъ случай, свидѣтелемъ котораго мнѣ самому довелось быть, и который лучше цѣлыхъ томовъ отвлеченныхъ разсужденій можетъ служить живымъ доказательствомъ этого. Пришлось мнѣ какъ-то присутствовать при заключеніи одной сдѣлки между русскимъ и китайцемъ. Все честь честью, заключили письменный договоръ при

свидѣтеляхъ—и русскихъ и китайцахъ,—подписаль его сначала русскій, а затѣмъ обращается къ своему контрагенту-китайцу:

— Ну, теперь, Василій Ивановичъ, твой чередъ, ты подпиши; пиши, какъ знаешь по-вашему, тутъ и свидѣтели твои земляки есть.

— Моя не могу писай, моя не знай,—отвѣтилъ на это китаецъ:— пусть Лю писай,—прибавилъ онъ, указывая на одного изъ свидѣтелей-китайцевъ.

— Ну, нѣтъ, это неладно,—возразилъ русскій:—Лю своимъ порядкомъ подпишетъ, а только ты и самъ своею рукой подпиши; ну, хоть знакъ какой поставь, только своею рукой, а свидѣтели подтвердятъ.

Китаецъ уже взялся за перо и собирался было поставить вмѣсто подписи крестъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно безграмотные китайцы, какъ вдругъ занесенная уже рука съ перомъ остановилась, и онъ спросилъ совершенно неожиданно:

— А по-русски можно писай?

И когда на это послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, онъ началъ хотя и невозможными каракулями, но все же по-русски выводить свою подпись.

Оказалось, что, имѣя частыя сношенія съ русскими, этотъ китаецъ, безграмотный по-китайски, научился кое-какъ подписывать по-русски свое имя, котораго онъ не умѣлъ подписать даже на своемъ родномъ языкѣ. И въ данномъ случаѣ мысль о русской подписи не пришла ему сразу въ голову только потому, что онъ не былъ увѣренъ, можетъ ли имѣть надлежащую силу и значеніе его подпись по-русски, при заключеніи формальнаго акта.

Этотъ случай свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени о взаимныхъ отношеніяхъ между русскимъ и китайскимъ элементами въ краѣ и объ успѣхахъ, которые дѣлаетъ въ немъ русская культура. Можно навѣрное сказать, что если бы только китайцы имѣли возможность систематически обучаться русскому языку, то уже второе поколѣніе говорило бы свободно и болѣе или менѣе правильно по-русски. Но, къ сожалѣнію, дѣло обученія русскому языку находится еще въ зачаточномъ состояніи, и во всей Маньчжуріи можно насчитать пока всего лишь 2-3 русскихъ школы для молодыхъ китайцевъ. Мнѣ пришлось посѣтить одну изъ этихъ школъ въ Гиринѣ, и я былъ пораженъ тою бѣглостью и бойкостью, съ какою ученики ея говорили по-русски, декламировали стихотворенія Пушкина, Лермонтова и другихъ классиковъ, рѣшали на русскомъ языкѣ довольно сложныя ариѳметическія задачи.

Въ интересахъ русской культуры русскія школы для китайцевъ нужны, конечно, еще болѣе, чѣмъ очень необходимыя также школы китайскаго языка для русскихъ, которыя должны были бы имѣть исключительно практическое назначеніе подготавливать толковыхъ

переводчиковъ. Пока такихъ переводчиковъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало—все почти исключительно ученики Ургинской школы китайскаго языка, которую ежегодно кончаютъ не болѣе 6—7 человекъ, а между тѣмъ спросъ на нихъ за послѣднее время громадный, и раздобыть такого переводчика поэтому очень трудно. Поневолѣ приходится обѣимъ сторонамъ—и русскимъ, и китайцамъ, въ большинствѣ случаевъ пользоваться услугами случайныхъ переводчиковъ-авантюристовъ и нерѣдко дорого платиться за это.

А обученіе китайцевъ русскому языку могло бы имѣть тѣмъ большіе шансы на успѣхъ, что китайцы при ихъ врожденной практичности не могутъ не понимать выгоды его для нихъ же самихъ, если оно дастъ имъ возможность обходиться въ своихъ сношеніяхъ съ русскими безъ такого посредничества. Кромѣ врожденной практичности, въ данномъ случаѣ должна оказать свое вліяніе также прирожденная каждому китайцу подражательность, распространяющаяся у нихъ даже на такія области, которыя, по европейскимъ понятіямъ, представляются наиболѣе самобытными. До чего доходитъ эта черта, можно судить хотя бы по тому, что нерѣдко случается встрѣчать китайцевъ, которые, зная, что русскіе при молитвѣ крестятся, въ разговорахъ съ ними, когда рѣчь касается области религіи, сопровождаютъ свои слова крестнымъ знаменіемъ. Правда, надо имѣть въ виду, что китайцы вообще къ религіи довольно индифферентны, но все-таки это невольно производитъ весьма странное впечатлѣніе, особенно если приходится видѣть это при нѣсколькихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ пришлось однажды видѣть мнѣ.

Бѣдучи какъ-то разъ по китайскому большому тракту въ окрестностяхъ Гирина, я издали услышалъ глухіе звуки колокола, мѣрно раздававшіеся въ воздухѣ черезъ каждыя нѣсколько минутъ. Бывшій со мною переводчикъ-китаецъ объяснилъ мнѣ, что мы подъѣжаемъ къ кумирнѣ, и что звонъ колокола имѣетъ цѣлью привлеченіе путниковъ, которые пожелали бы что нибудь пожертвовать въ ея пользу. Когда мы подъѣхали ближе, то я увидѣлъ передъ собою нѣчто очень странное: въ маленькой будкѣ, гдѣ могъ помѣститься только одинъ человекъ сидя или стоя, сидѣла, окруженная многочисленными небольшими изображеніями китайскихъ боговъ, древняя старуха, настолько безобразная, насколько могутъ быть безобразны только китайскія старухи, лица которыхъ обыкновенно представляютъ собою какую-то отвратительную сѣть глубокихъ морщинъ отъ раннего,—начиная отъ 3-хъ или 4-лѣтняго возраста,—и весьма неумѣреннаго употребленія румянъ. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что это и есть сборщица пожертвованій, монахиня, всю свою жизнь проводящая въ этой ужасной будкѣ, гдѣ она не можетъ ни на одну минуту принять лежачее положеніе, совершая такимъ образомъ особый родъ подвижничества. Заинтере-

совавписъ, я подошелъ поближе и опустилъ свою лепту на тарелку, стоявшую передъ старухою. Можете себѣ представить мое удивленіе, когда я увидѣлъ, какъ послѣ этого она, эта китайская монахиня-подвижница, начала усиленно креститься, видимо, желая выразить этимъ свою благодарность за пожертвованіе.

Наибольшую воспримчивостью въ смыслѣ усвоенія русской и вообще европейской культуры отличается средній, по преимуществу,—какъ это почти всегда бываетъ,—купеческій классъ населенія, достаточно развитой для того, чтобы знать цѣну всѣмъ ея выгодамъ, а, съ другой стороны, гораздо въ меньшей степени, чѣмъ классъ чиновный, связанный традиціями, которыя мѣшали бы ему самому пользоваться этими выгодами на практикѣ. Среди чиновниковъ только высшіе, которымъ приходится поддерживать сношенія съ русскими властями, усваиваютъ нѣкоторыя черты европейской культуры, хотя бы настолько, чтобы можно было принять у себя гостя-европейца. Поэтому у нихъ въ одной изъ комнатъ всегда ставится нѣсколько столовъ, заранѣе обыкновенно уставляемыхъ угощеніемъ изъ европейскихъ яствъ и питій, служащихъ непремѣнною принадлежностью всякаго пріема, даже и дѣловаго. Прежде поговорить о дѣлѣ и поговорять серьезно и настойчиво, — китайцы въ этомъ отношеніи народъ очень твердый,—а затѣмъ когда дѣловой разговоръ оканчивается, приступаютъ къ угощенію, которое начинается съ папиросъ и чая и завершается непремѣнно шампанскимъ. Кстати сказать — какъ это ни странно—чай здѣсь совсѣмъ не вкусенъ, такъ какъ китайцы его настаиваютъ по-своему и пьютъ его совершенно слабымъ въ родѣ тепленькой водички. Невкусный самъ по себѣ, онъ еще больше теряетъ въ подобныхъ случаяхъ отъ того, что хозяинъ, въ знакъ особаго вниманія къ гостю, считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ собственными пальцами—далеко не всегда достаточной чистоты—положить сахаръ въ чашку. Понятно, что такой чай съ удовольствіемъ запивается шампанскимъ, которое настолько пріобрѣло себѣ полныя права гражданства среди китайцевъ, что безъ него не обходится ни одно свиданіе, и, принимая у себя китайца, не угостить его шампанскимъ было бы крайне невѣжливо.

Китайское купечество, особенно богатое, не ограничивается усвоеніемъ только такихъ отдѣльныхъ чертъ европейской культуры, а воспринимаетъ ее въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Объ открытыхъ портахъ Китая и говорить нечего: тамъ китайцы настолько ее усваиваютъ, что если бы не ихъ костюмъ, то, кажется, трудно было бы и отличить ихъ отъ европейцевъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе растительности на лицѣ, при господствующей на Востокѣ англійской привычкѣ брить бороду и усы, также не можетъ служить въ данномъ случаѣ внѣшнимъ отличіемъ. Но даже и въ Маньчжуріи и при томъ не только въ полосѣ отчужденія, но и внѣ

ея въ болѣе крупныхъ центрахъ, какъ, напримѣръ, въ Гиринѣ, можно встрѣтить богатые купеческія семьи, въ которыхъ молодое поколѣніе свободно говоритъ на европейскихъ языкахъ, въ домѣ у которыхъ можно довольно вкусно пообѣдать по-европейски и посидѣть на европейской мебели. Кое-кто изъ молодежи ѣздитъ на велосипедѣ, занимается любительскою фотографіею, пользуясь для этого «kodak»'ами новѣйшихъ системъ — однимъ словомъ, немногимъ уступая нашимъ молодымъ кушамъ такъ называемой «новѣйшей формаци».

Кажется, въ одномъ только отношеніи европейская культура безсильна, и всѣ попытки и стремленія къ ассимиляціи разбиваются о непреодолимую стѣну вѣковыхъ традицій китайской культуры—китайцы свято держатся своего національнаго костюма и ношенія классической китайской косы. Костюмъ этотъ, конечно, хорошо извѣстенъ каждому, кто хоть разъ въ жизни видѣлъ китайца. Почти всегда и неизмѣнно онъ состоитъ изъ синяго халата до самыхъ пятъ и мягкой обуви — низкихъ туфель или сапогъ, непременно войлочныхъ. Кожаной обуви китайцы совсѣмъ не знаютъ и въ этомъ отношеніи также не проявляютъ никакой склонности къ ассимиляціи—не то, что японцы, у которыхъ эта склонность простирается такъ далеко, что тотъ же самый японецъ, который у себя дома будетъ изъ кожи лѣзть, чтобы... походить на англичанина, носить бѣлый костюмъ и шляпу «здравствуй-прощай», попавъ въ Маньчжурію, облачается въ русскую косоворотку, надѣваетъ картузь на голову, сапоги и, кажется, не шутя воображаетъ, что его можно принять за русскаго, несмотря на его лиллипутскій ростъ и маленькія щели подо лбомъ, которыя называются у японцевъ глазами. При этомъ онъ уже непременно будетъ говорить по-русски, хотя и ломая свой языкъ самымъ безжалостнымъ образомъ, но все же стараясь доказать, что для него нѣтъ ничего недоступнаго.

Но наиболѣе характерною особенностью китайца, безусловно не поддающагося никакимъ перемѣнамъ и ассимиляціи, является, несомнѣнно, ношеніе косы. Коса на затылкѣ, по взглядамъ китайцевъ, это то же самое, что крестъ на шеѣ, по нашимъ понятіямъ, и безъ нея китаецъ—не китаецъ. Китайцы съ такимъ положительно священнымъ благоговѣніемъ смотрятъ на свой обычай ношенія косы, что самая мысль о снятіи ея представляется для нихъ какимъ-то святотатствомъ. Уже съ малыхъ лѣтъ, какъ только на головѣ у ребенка-мальчика начинаютъ показываться хоть какіе нибудь признаки растительности, она тщательно выбривается, и только по срединѣ ея съ обѣихъ сторонъ оставляется по клочку волосъ, тщательно заплетаемыхъ въ жиденькія косички. По мѣрѣ того, какъ волосы этихъ косичекъ вырастаютъ, онѣ соединяются въ одну косу и уже свободно отпускаются, служа пред-

метомъ самаго заботливаго ухода со стороны носителя косы. Китайцы-щеголи отдаютъ ей особенно много вниманія, ужъ, конечно, не менѣе, чѣмъ наши европейскіе франты своимъ усамъ и проборамъ. Признакомъ особо хорошаго тона считается, чтобы передняя половина головы была какъ можно болѣе тщательно выбрита; поэтому въ Китаѣ громаднѣйшій спросъ на парикмахеровъ, которые не только имѣютъ свои мастерскія, но и расхаживаютъ также въ большомъ количествѣ по улицамъ и дворамъ, нося съ собою на длинномъ коромыслѣ два ящика, изъ нихъ одинъ служитъ стуломъ для кліента, а въ другомъ хранятся незатѣйливые инструменты китайскихъ Фигаро, ударяющихъ при этомъ отъ времени до времени въ особую трещалку съ цѣлью привлечь къ себѣ вниманіе публики. На улицахъ нерѣдко можно наблюдать поэтому такую картину: на ящикѣ сидитъ какой нибудь китаецъ съ тѣмъ особеннымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, которое всегда бываетъ у бреющихся и стригущихся, а вокругъ и около него ходитъ парикмахеръ, очищающій его голову буквально, какъ липку.

Волосы обыкновенно смазываются жирными маслами, что придаетъ имъ ярко лоснящійся видъ, и затѣмъ заплетаются искусными пальцами парикмахера въ одну толстую косу, въ концы которой обыкновенно вплетаются черныя тесьмы съ кисточками. Чѣмъ длиннѣе коса, тѣмъ больше чести ея владѣльцу, и поэтому китайцы стараются отпустить ее возможно длиннѣе, чуть ли не до самыхъ пятъ, а кто не можетъ ее настолько вытянуть, тѣ пользуются хоть вплетающимися въ нее тесемками для того, чтобы кисточки ихъ болтались возможно пониже и производили иллюзію настоящей косы.

Извиняюсь передъ читателемъ за то, что я такъ долго занимаю его вниманіе этою на первый взглядъ столь ничтожною принадлежностью китайскаго туалета. Но—повторяю—значеніе косы въ общемъ обиходѣ китайской жизни настолько велико, что она этого вниманія вполне заслуживаетъ. Нельзя, напримѣръ, нанести китайцу большее оскорбленіе, какъ схвативши его за косу, и поэтому, когда за какую нибудь провинность его арестуютъ и ведутъ на расправу, то ему больше всего стыдно не того, что онъ попался въ дурномъ дѣлѣ, и не того, что его ведутъ по улицѣ подъ конвоемъ полицейскихъ, а того, что полицейскіе эти имѣютъ право въ подобныхъ случаяхъ безнаказанно касаться такого священнаго для него предмета, какъ коса, которую они наматываютъ на руку для того, чтобы арестованный не могъ бѣжать.

Съ косою у китайцевъ связанъ цѣлый кодексъ приличій, такъ что считается, напримѣръ, крайне невѣжливымъ говорить со старшимъ, имѣя косу не свободно висящую, а обмотанною вокругъ головы, какъ это обыкновенно дѣлаютъ китайцы во время работы. Если въ это время китайца застанетъ въ такомъ видѣ какой

нибудь чиновникъ или вообще кто нибудь старшій, то первое движеніе работающаго всегда будетъ направлено къ тому, чтобы быстро отпустить косу, и только тогда уже онъ рѣшится дать отвѣтъ на обращенный къ нему вопросъ.

Неудивительно послѣ всего этого, что китайцы съ особеннымъ вниманіемъ относятся къ такому предмету своей внѣшности, который имѣетъ для нихъ не одно только внѣшнее значеніе, а въ дѣйствительности какъ бы символизируетъ для нихъ идею національной самобытности. Ношеніе косы является поэтому чѣмъ-то до такой степени безусловнымъ и обязательнымъ, что до самаго послѣдняго времени нельзя было и подумать видѣть китайца безъ косы. Мнѣ лично за все время пребыванія въ Маньчжуріи довелось встрѣтить только одного такого китайца.

Пришлось мнѣ ѣхать по Сунгари на пароходѣ, совершающемъ въ лѣтнее время рейсы между Гириномъ и желѣзнодорожною станціею Лошагоу. Составъ экипажа парохода былъ пестрый и смѣшанный, какой бываетъ, кажется, только въ странахъ, куда чуть ли не со всѣхъ концовъ свѣта стекаются искатели счастья и наживы. Командиръ парохода былъ полякъ, помощникъ его—нѣмецъ, машинистъ—японецъ, рулевой—русскій, среди матросовъ—также нѣсколько русскихъ, большинство же—китайцы. Только одинъ былъ среди нихъ, національность котораго трудно было опредѣлить—не то китаецъ, не то японецъ; за японца его нельзя было принять по его росту, довольно высокому, встрѣчающемуся у японцевъ только въ средѣ самурайевъ—благороднаго сословія; китайцемъ онъ, повидимому, также не могъ быть, такъ какъ у него не было неизмѣнной принадлежности внѣшности китаецъ—традиціонной косы. Замѣтно было, что онъ держится какъ-то въ сторонѣ отъ своихъ товарищей. Заинтересовавшись имъ, я сталъ ихъ спрашивать, какой національности этотъ человекъ, и они отвѣчали съ какимъ-то особенно таинственнымъ видомъ, что онъ китаецъ.

— Почему же онъ съ вами не разговариваетъ и держится въ сторонѣ? — спросилъ я, еще болѣе заинтересовавшись таинственнымъ тономъ ихъ отвѣта.

— Онъ выдаетъ себя за японца, — отвѣтили мнѣ на это, — и дѣлаетъ видъ, что даже не понимаетъ по-китайски.

— Почему же? Что онъ, преступникъ какой нибудь, что ли?

— Нѣтъ, не преступникъ, а только, видите, косы у него нѣтъ; а у насъ вѣдь насчетъ косы строго; если кто косу отрѣжетъ, то вслѣдъ за косою ему цзянь-цзюнь и голову отрубятъ.

Китаецъ безъ косы, видимо, догадался, что мы говоримъ о немъ, какъ-то весь съежился и ушелъ съ носа парохода, гдѣ мы вели этотъ разговоръ. Я хотѣлъ было пойти за нимъ, но остался на мѣстѣ, привлеченный доносившимися снизу звуками, знакомыми

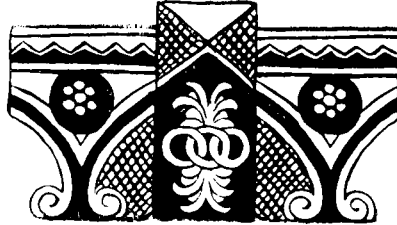
каждому, кто когда нибудь ѣздилъ по Волгѣ, гдѣ въ мелкихъ мѣстахъ длительно и протяжно несутся по спокойной глади воды эти звуки:

— Пя-ять, пя-ять съ половиной, ше-есть, пя-ять съ половиной

Только голосъ, который здѣсь произносилъ эти звуки, былъ какой-то особенный, не русскій, нечистый и гнусавый. Я пере-гнулся черезъ бортъ внизъ и увидѣлъ въ нижней части парохода матроса-китайца съ шестомъ въ рукахъ. Это онъ измѣрялъ глубину воды и выкрикивалъ ее здѣсь, на Сунгари, съ китайскимъ произношеніемъ, но по-русски и даже съ тою самою протяжною манерой, которая невольно переносила мысль на берега далекой родной Волги...

Сергѣй Руничъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

I.

ПИСАТЕЛЬ XVIII вѣка Гоцци, авторъ венеціанскихъ комедій, насчиталъ тридцать шесть основныхъ сюжетовъ драматическихъ произведеній. Если бы про-извести такой же подсчетъ въ области лирической поэзіи, итогъ, навѣрно, получился бы столь скромный. Мы вращаемся въ очень ограниченномъ кругу чувствъ, страстей и настроеній. Разнообразіе достигается исключительно посредствомъ оттѣнковъ, подробностей и технической изобрѣтательности. Наши такъ называемые «декаденты», ищущіе «новаго», пожалуй, не совѣмъ не правы. Стоять на одномъ мѣстѣ, какъ бы привлекательно оно ни было, и какіе бы чудесные виды съ него ни открывались, — скучно. Хочется неизвѣданнаго, и въ подобномъ желаніи нѣтъ ничего незаконнаго, лишь бы оно внушалось искреннимъ чувствомъ, а не стремленіемъ произвести эффектъ, заставить говорить о себѣ — «нашумѣть».

Прежде поэзія была по преимуществу деревенская. Поэтъ жилъ на лонѣ настоящей природы, зналъ ее, ею восторгался, ей «слагалъ гимны». Вы, конечно, избавите меня отъ скучной необходимости прямыхъ указаній, и безъ того всѣмъ извѣстныхъ. Природа до тѣхъ поръ остается богатѣйшимъ источникомъ поэтическихъ озареній, пока ея окончательно не изуродуютъ на культурный ладъ.

Городской поэтъ, хотя бы и очень талантливый, находится подъ гнетомъ искусственной обстановки, налагающей яркую печать

на его творчество: и оно, въ свою очередь, дѣлается искусственнымъ.

О деревенской и городской поэзіи можно сказать очень много. Но необходимы образчики. Ихъ даютъ намъ новые лауреаты академіи наукъ. Присуждая въ истекшемъ году пушкинскую премію, академія рѣшила подѣлить ее между П. И. Вейнбергомъ (за переводы) и г. Иваномъ Бунинымъ — за сборникъ оригинальныхъ стихотвореній «Листопадъ». Кромѣ того, удостоены почетнаго отзыва двѣ поэтессы: М. Лохвицкая-Жиберъ и Т. Куперникъ-Щепкина.

Я съ того и начну, что скажу: г. Бунинъ—поэтъ деревенскій, а госпожи Лохвицкая и Куперникъ—поэтессы городскія.

«Листопадъ» г. Бунина весь проникнутъ глубокимъ чувствомъ природы, которую поэтъ знаетъ, понимаетъ и умѣетъ изображать.

Книжка открывается небольшою осенней поэмкой, нѣсколько вычурной по замыслу, но изобилующей прекрасными, тонкими описаніями «поры увяданья».

Лѣсъ, точно теремъ расписной—
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой пестрою стѣной
Стоить надъ свѣтлою поляной.
Березы желтою рѣзбой
Блестятъ въ лазури голубой,
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами сивѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листьѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И осень тихою вдовой
Вступила нынче въ теремъ свой.

Пребываніе осени въ этомъ «теремѣ расписномъ» и составляетъ содержаніе поэмы. Осень глядитъ съ нѣмой печалью на край небесъ,

Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
Онѣ зовутъ, но нѣтъ названья
Мечтамъ далекимъ. Въ нихъ—любовь
И красота воспоминанья,
Которымъ не воскреснуть вновь...
А даль уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣсъ безмолвны... И безгласно
Уходитъ свѣтлый день изъ нихъ.

Близится ночь. Луна восходитъ. Въ лѣсу

Ложатся тѣни на росу...
 Вотъ стало холодно и бѣло
 Среди полянъ, среди сквозной
 Осенней чащи пемертвѣлой,
 И жутко осени одной
 Въ пустынной тишинѣ ночной.
 Теперь ужъ тишина другая:
 Прислушайся—она растеть...
 . . . . .
 О мертвый сонъ осенней ночи!
 О жуткѣй часъ ночныхъ чудесъ!
 Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
 Свѣтло и пусто на полянѣ;
 Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
 Своей застывшей красотой
 Какъ будто смерть себѣ пророчить.
 Сова—и та молчитъ: сидитъ,
 Да тупо изъ вѣтвей глядитъ.
 . . . . .
 Луна съ небесъ, какъ привидѣнье,
 Глядитъ, застывши безъ движенья,
 И жутко осени одной
 Въ полночной тишинѣ ночной!

Осень знаетъ, что такая ночь не даромъ выпала.

На утро блѣдной и больною
 Она проснется. На дворѣ
 Темно и хмуро. За стѣною
 Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ...
 Теперь ужъ долго не проглянетъ
 На небѣ солнце. Дождь и мгла
 Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманять.

Но—«дни идутъ, свѣжѣетъ просинь туманныхъ далей», боръ стихаетъ, чувствуется приближеніе зимы.

И вотъ ужъ сизые туманы
 Встаютъ на утренней зарѣ;
 Сквозить въ туманѣ лѣсъ багряный,
 Земля—въ морозномъ серебрѣ.
 И въ горностаевомъ шугаѣ,
 Умывши блѣдное лицо,
 Последній день въ лѣсу встрѣчая,
 Выходитъ осень на крыльцо.
 Дворъ пусть и холоденъ. Въ ворота
 Среди двухъ высохшихъ осинъ,
 Видна ей синева долины
 И ширь пустынного болота,—
 Дорога на далекій югъ...
 Туда отъ зимнихъ буръ и вьюгъ,
 Отъ бурной ледяной метели
 Давно ужъ птицы улетѣли;

Туда и осень поутру
 Свой одинокій путь направить
 И навсегда въ пустомъ бору
 Раскрытый теремъ свой оставитъ.

Здѣсь г. Бунину слѣдовало бы закончить граціозную осеннюю поэму, но онъ написалъ еще нѣсколько строкъ, ровно ничего не прибавляющихъ ни къ пейзажу, ни къ настроенію.

Уже приведенные отрывки даютъ понятіе о искренности поэта и о «хорошей школѣ», къ которой онъ несомнѣнно принадлежитъ. Разумѣется, ему недостаетъ крупнаго дарованія, побѣждающаго всѣ трудности. Наблюдательность у него большая, природу онъ страстно любитъ и живо чувствуетъ. Эти осеннія картинки нисколько не банальны, въ нихъ даже мало подражательности, хотя мѣстами явственно слышится вліяніе Пушкина. Благороднѣйшее и плодотворнѣйшее вліяніе! Г. Бунину порою какъ будто не достаетъ словъ, и онъ съ видимымъ усиленіемъ передаетъ стихами то, что въ его воображеніи запечатлѣлось ярко и точно. Посредственный, хотя и не безталантный стихотворецъ или «поэтъ осень» по шаблону, или придумываетъ какіе нибудь затѣйливые ритмы, обороты и образы, чтобы прикрыть ими нищету художественныхъ представленій и отсутствіе истиннаго чувства. Желтый листъ шуршитъ подъ ногою, небо прозрачно и холодно, цвѣты умираютъ, деревья жмутся въ тоскѣ другъ къ другу,— какъ все это истаскано и какъ безконечно надоѣло! Г. Бунинъ сумѣлъ найти новыя краски для рисунка, новыя звуки для своей осенней мелодіи. Если онъ молодъ— отъ него мы въ правѣ ждать многого. Главное, чтобы поэтъ не измѣнялъ традиціямъ «хорошей школы». Кромѣ вліянія Пушкина, на его стихотвореніяхъ можно прослѣдить еще вліянія Фета. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Бушуетъ полая вода, —
 Шумитъ и глухо и протяжно.
 Грачей пролетныя стада
 Кричатъ и весело, и важно.
 . . . . .
 А въ полдень лужи у крыльца
 Такъ разливаются и блещутъ,
 Что въ нашей дѣтской—безъ конца
 По стѣнамъ «зайчики» трепещутъ.

Совершенно въ манерѣ Фета. Далѣе еще интереснѣе.

За рѣкой поля зазеленѣли,
 Вѣетъ легкой свѣжестью воды:
 Веселѣй по рощамъ завенѣли
 Пѣсни птицъ на разные лады.
 Вѣтерокъ съ полей тепло приноситъ,—
 Ароматъ лозины молодой.
 О весна! Какъ сердце счастья проситъ!

Какъ сладка печаль моя весной!
 Кротко солнце листья пригрѣваетъ
 И дорожки мягкія въ саду...
 Не пойму, что душу раскрываетъ,
 И куда я медленно бреду!
 . . . . .
 Горько мнѣ, что сердце такъ устало,
 А душа горячихъ силъ полна,
 Что для сердца скорбнаго настала,
 Можетъ быть, послѣдняя весна.

Легко указать тѣ два стихотворенія Фета, которымъ эти — близкая родня, но г. Бунинъ даетъ не простой перепѣвъ, не блѣдную копию съ произведенія великаго мастера. Среди звуковъ чужихъ, навѣянныхъ, вы слышите и принадлежащія лично поэту. Тонко входя въ весеннее настроеніе, онъ именно въ силу этой тонкости долженъ быть ощутить то, что ощущалъ Фетъ. Но Фетъ — единственный въ своемъ родѣ лирикъ, а г. Бунинъ — лишь «идуцій по стопамъ». Однако, вамъ ясно, что и «дорожки мягкія въ саду», и кроткое тепло солнца, пригрѣвающее молодые листья, и печаль, наполняющая усталое сердце, въ то время, какъ душа «горячихъ силъ полна», — все поэтъ самъ наблюдалъ, самъ пережилъ, самъ почувствовалъ. Только здѣсь даетъ себя знать власть другого поэта, гениальнаго, который наблюдалъ, переживалъ и чувствовалъ то же самое и сумѣлъ каждую подробность, каждую малѣйшую черточку передать съ недосыгаемымъ совершенствомъ. Этой власти противостоять нельзя. Она поистинѣ роковая. Но и отчаяваться нѣтъ причинъ, когда васъ выводятъ на прекрасную, широкую дорогу. Невольное подражаніе высокимъ образцамъ — можетъ быть прямо спасительно, особенно въ наше время.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ весеннихъ мотивахъ г. Бунина.

Все темнѣй и кудрявѣй березовый лѣсъ зеленѣеть;
 Колокольчики ландышей въ чащѣ зеленой цвѣтутъ;
 На разсвѣтѣ въ долинахъ тепломъ и черемухой вѣетъ,
 Соловьи до разсвѣта поютъ.
 Скоро Троицынъ день, скоро пѣсни, вѣяны и покосы...
 Все цвѣтеть и поетъ, молоды надежды тая...
 О весеннія зори! о теплыя майскія росы!
 О далекая юность моя!

Пьеска при всей незамысловатости и даже, если угодно, блѣдности проникнута искреннимъ настроеніемъ. Вы невольно раздѣляете его именно въ силу его непосредственности. Но воздержимся пока отъ рѣшительныхъ заключеній. Вотъ опять мелодія Фета — «На прудѣ».

Яснымъ утромъ на тихомъ прудѣ
 Рѣзко ласточки рѣютъ кругомъ,
 Опускаются къ самой водѣ,
 Чуть касаются влаги крыломъ.

На лету онѣ звонко поютъ,
 А вокругъ зеленѣютъ дуга.
 И стоитъ, словно зеркало, прудъ,
 Отражая свои берега.
 И какъ въ зеркалѣ, межъ тростниковъ,
 Съ береговъ опрокинулся лѣсъ (образъ Фета),
 И уходитъ узоръ облаковъ
 Въ глубину отраженныхъ небесъ.
 Облака тамъ нѣжныи и бѣлыи,
 Глубина, безконечно свѣтла...
 И доносится мѣрно съ полей
 Надъ водой тихій звонъ изъ села.

Я могъ бы привести еще немалое число стихотвореній г-на Бунина, гдѣ подражаніе Фету сказывается столь же и даже болѣе опредѣленно. Въ его осеннихъ пѣсняхъ слышится порою музыка Тютчева, на примѣръ:

За днями сѣрыми и темными ночами
 Настала свѣтлая прощальная пора.
 Спокойно дремлетъ день надъ тихими полями
 И вѣютъ предестью раздумья вечера.

Вообще г-нъ Бунинъ еще не достигъ того перелома, когда подражательность отпадаетъ, и индивидуальность проявляется въ полной мѣрѣ. Большинство поэтовъ не крупнаго масштаба начинаютъ и заканчиваютъ свою дѣятельность, не давъ ничего, кромѣ перепѣвовъ. Съ г. Бунинымъ, думается мнѣ, могло бы случиться другое. Онъ могъ бы выйти на собственную дорогу. Его сборникъ оставляетъ впечатлѣніе опредѣленное и выгодное для поэта. При поверхностномъ ознакомленіи съ нимъ я не совсѣмъ взялъ въ толкъ, при чемъ тутъ собственно «Листопадъ». Въ смыслѣ «время года» поэзія г-на Бунина уже не столь однообразна. Но «по зрѣломъ размышленіи» долженъ теперь сознаться, что г. Бунинъ правъ, озаглавивъ такимъ образомъ свой сборникъ. Въ его поэзіи чувствуется какая-то унылая, щемящая, осенняя нотка. Она проходитъ почти черезъ всѣ стихотворенія, сообщая имъ, если и не безнадежный, то во всякомъ случаѣ грустный колоритъ. Между тѣмъ г. Бунинъ не «ноетъ», тенденціозностью не грѣшитъ, скучной риторики не разводитъ. Причина, значить, лежитъ глубже. И дѣйствительно, если вы начнете сравнивать г. Бунина съ Фетомъ, на примѣръ (не по величинѣ таланта, разумѣется), вамъ станетъ ясно, насколько старый поэтъ сохранилъ больше душевной свѣжести и молодой непосредственности. Г. Бунинъ, кажется, не рисуется и не фразерствуетъ, говоря объ «усталомъ сердцѣ». Его поэзія въ самомъ дѣлѣ проникнута усталостью и разочарованіемъ, которое врядъ ли можетъ пройти. Откуда это? Или злой духъ упадочничества—не того грубаго, которымъ щеголяютъ многочисленные наши «декаденты», а настоящаго, невыдуманнаго, осѣнилъ г. Бунина? Этой загадки я разгадывать не берусь. Передаю свое впечатлѣніе, и пусть читатели провѣряютъ его, заглянувъ въ книжечку г. Бунина.

II.

Отъ усталого поэта-лауреата переходъ къ неунывающей тоже лауреаткѣ г-жѣ Лохвицкой нѣсколько рѣзокъ. «Городская поэтесса» совсѣмъ иной породы, нежели деревенскій стихотворецъ. Вотъ какъ она себя аттестуетъ:

Въ моемъ незнаньи—такъ много вѣры
 Въ расцвѣтъ весенній грядущихъ дней;
 Мои надежды, мои химеры,
 Тѣмъ ярче свѣтятъ, чѣмъ мракъ темнѣй.
 Въ моемъ молчаньи—такъ много муки,
 Страданій гордыхъ, незримыхъ слезъ,
 Ночей безсонныхъ, вѣковъ (ни мало, ни много!) разлуки,
 Нераздѣленныхъ, сожженныхъ грезъ.
 Въ моемъ безумьи такъ много счастья,
 Восторговъ жадныхъ, могучихъ силъ,
 Что сердцу страшень покой безстрастья,
 Какъ мертвый холодъ нѣмыхъ могилъ.
 Но щить мой крѣпкій—въ моемъ незнаньи
 Отъ страха смерти и бытія,
 Въ моемъ молчаньи—мое призванье,
 Мое безумье—любовь моя.

Послѣ простыхъ, задушевныхъ стиховъ г. Бунина это претенціозное кривлянье дѣйствуетъ почти ошеломляюще. Между тѣмъ, вѣдь хотѣла же г-жа Лохвицкая что нибудь сказать своимъ «весеннимъ расцвѣтомъ грядущихъ дней», «вѣками разлуки», «сожженными грезами», «безумьемъ», въ которомъ «такъ много счастья» etc.? Попробуемъ узнать «изъ дальнѣйшаго».

«Мнѣ снилось, — повѣствуетъ г-жа Лохвицкая, — мы съ тобой дремали въ саркофагѣ, а наши имена горѣли въ чудной сагѣ двумя звѣздами, слитыми въ «одну». (Значить, все-таки одной звѣздой горѣли, а не двумя?)

Надъ нами или вѣка, смѣнялись поколѣнья,
 Насъ вихри замели въ горячіе пески;
 Но наши имена, свободныя отъ тлѣнья (словно отъ постоа),
 Звучали въ гимнахъ страсти и любви.
 И мимо смерть прошла. Лишь блескъ ея воскресилъ
 Мы видѣли сквозь сонъ, смеживъ глаза свои.
 И наши имена, струя дыханье лилій,
 Цвѣли въ преданьяхъ сказочной любви.

Какъ-то неловко выписывать подобный... курьезъ, но что прикажете дѣлать—г-жа Лохвицкая—лауреатка! О ея поэзии академія наукъ дала почетный отзывъ. Должны же мы проникнуть въ сущность этой поэзии. И такъ—впередъ.

Вотъ г-жа Лохвицкая въ горахъ. «Ужъ близко близко. Ужъ манитъ взоры огней селенья призывный свѣтъ. За нами мѣсяць, предъ нами горы. Мы ждали счастья, а счастья нѣтъ». Открытіе,

само по себѣ печальное, но врядь ли интересное для читателя. Не заинтересуетъ его, пожалуй, и то, что въ бѣдную ночь г-жѣ Лохвицкой «тяжело», ибо «близокъ скучный день», «деревпамъ густѣть не суждено», «покоился ветхій ея плетень», и «тусклый свѣтъ глядитъ въ ея окно». Здѣсь, впрочемъ, хоть все понятно, а неужодно ли разобратъ въ слѣдующемъ «шедеврѣ»:

О, божество мое, съ восточными глазами,
 Мой деспотъ, мой палаць, взгляни, какъ я слаба!
 Ты видишь, я горжусь позорными цѣпями,
 Безвольная и жалкая раба.
 Влѣднѣя, какъ цвѣтокъ, склонившійся надъ бездной,
 Колебаясь, какъ тростникъ надъ омутомъ рѣки,
 Больная дремлетъ мысль, покинувъ мѣръ надзвѣздный,
 Въ предчувствіи страданій и тоски.
 Бѣгутъ часы, бѣгутъ. И борются надъ нами,
 И вьются, и колотятъ безъ шума и слѣда,—
 О, божество мое съ восточными глазами,—
 Два призрака: Навѣкъ и Никогда.

Необыкновенная сумбурность этого стихотворенія не представляетъ, конечно, достоинства, но главное—не въ ней, а въ совершенномъ отсутствіи чувства и искренности. Г-жа Лохвицкая хочетъ быть эксцентричной, оригинальной, хочетъ «на арфѣ золотострунной» бряцать напѣвы непередаваемой страсти и поражать воображеніе прихотливостью невѣроятныхъ образовъ. Отсюда и родятся такіе перлы:

Въ густомъ шелку твоихъ рѣсницъ дремучихъ
 Разсудокъ мой потеряю навсегда.
 И тамъ, гдѣ блещутъ въ молніяхъ и тучахъ
 Два черныхъ неба, грозныхъ и могучихъ,
 Я не найду его слѣда.
 Но въ сердцѣ спятъ невольные укоры,
 Мнѣ радостно, нѣмое божество,
 Впнать твои расширенные взоры,
 Гдѣ чуждыхъ думъ сгораютъ метеоры
 Въ огнѣ безумья моего.

Поэтесса убѣждена, что это «совѣмъ по-восточному». Но восточное не значить безсмысленное. Если на Востокѣ и теряютъ рассудокъ отъ страсти, то въ пѣсняхъ находятъ его вновь. При всей гиперболичности восточныхъ образовъ, они понятны и красивы, чего нельзя сказать ни о «густомъ шелкѣ дремучихъ рѣсницъ», ни о парѣ черныхъ небесъ, ни о метеорахъ, сгорающихъ въ огнѣ безумья. Это просто наборъ словъ.

Напыщенность, рисовка, желаніе пустить читателю пыль въ глаза характеризуютъ всѣ пьесы третьяго тома стихотвореній г-жи Лохвицкой, увѣнчаннаго академической хвалой. Напримѣръ:

Въ сіяніи огней
 Блестящій длился балъ.
 Все типсе, все пѣжнѣй
 Старинный вальсъ игралъ (?).
 Въ кругу нарядныхъ паръ
 Плыву (sic!) я сквозь туманъ,
 Гирляндой нэнюфаръ
 Обвить мой тонкій станъ.
 Болотная трава
 Скрываетъ мраморъ плечъ,
 Условна и мертва
 Моя пустая рѣчь.
 Чужой руки едва
 Касается рука,
 Отвѣтныя слова
 Звучать издадека.

Поэзіи—ни на грошъ, но какое забавное любованье собой: и «плыву», и «нэнюфары», и тонкій станъ, и мраморъ плечъ. Я отнюдь не отрицаю, что всему этому можетъ найтись мѣсто въ стихахъ, но, чтобы не получалось впечатлѣнія курьеза, тонкій станъ, нэнюфары и т. п. должны играть скромную роль подробностей. У г-жи Лохвицкой они на первомъ планѣ, и дѣло только въ нихъ. Приведу еще стихотвореніе.

Поля, закатомъ позлащенные,
 Уходятъ въ розовую даль.
 Въ мои мечты неизреченныя
 Вилелась вечерняя печаль.

И вижу тамъ, за гранью радостной,
 Гдѣ краски дня сбѣгають прочь,
 На вечеръ ясный, вечеръ благостный
 Глядитъ тоскующая ночь.

Но въ жизни тусклой и незначачей
 Бываютъ царственные сны.
 Они къ страдающей и плачущей
 Слетать съ воздушной вышины.

Нашепчутъ райскія сказанія
 Вѣтвямъ акацій и березъ
 И пьютъ въ медленномъ лобзаніи
 Росу невыплаканныхъ слезъ.

Такъ какъ насъ интересуютъ нѣкоторыя параллели между современной городской и деревенскою поэзію, то позвольте выписать нѣсколько строфъ и изъ книжки Бунина:

Ночь идетъ, и темнѣеть
 Блѣдно-синій востокъ...
 Отъ одеждъ ея вѣть
 По полямъ вѣтерокъ,

День былъ дологъ и зноенъ...
 Ночь идетъ и поетъ
 Колыбельную пѣсню
 И къ покою зоветъ.

Грустенъ взоръ ея темный,
 Одинокъ ея путь...
 Спи, усни, мое сердце!
 Отдохни... Позабудь.

Не правда ли,—велико различіе между обоими стихотвореніями, приблизительно на одну и ту же тему? Простенькая, скромненькая «барышня уѣздная» и расфранченная, изломавшаяся столичная франтиха... Я, разумѣется, такъ не про г-жу Лохвицкую говорю, а про ея поэзію. Г. Бунинъ, какъ поэтъ деревенскій, прежде всего видитъ природу и свое настроеніе окрашиваетъ ея настроеніемъ. У г-жи Лохвицкой природа—декорація въ декадентскомъ стилѣ. Важно не то, что «поля, закатомъ позлащенные, уходятъ въ розовую даль», а то, что въ «неизреченныя мечты» поэтессы «вплелась вечерняя печаль». Далѣе вмѣсто простой проникнутой искреннимъ чувствомъ картины ночи—опять декадентская мазня: за радостной (почему радостной?) гранью, гдѣ сбѣгаютъ прочь краски, «глядитъ тоскующая ночь». Наконецъ, слетаютъ сны и «впиваютъ въ медленномъ лобзаніи росу невыплаканныхъ слезъ». Тутъ уже совершенно ничего уразумѣть нельзя. Опять простой наборъ мудреныхъ словъ.

Можетъ быть, г-жу Лохвицкую, именно какъ городскую поэтессу, и не слѣдуетъ судить слишкомъ строго. Когда-то она «подавала надежды». У нея былъ изящный, красивый стихъ и нѣкоторая оригинальность настроенія, сводившаяся впрочемъ и въ тѣ дни къ воспѣванію «страстей африканскихъ». Все, написанное г-жею Лохвицкою впослѣдствіи, является перепѣвомъ и комическимъ изукрашеніемъ (образчики котораго мы видѣли) ея начальныхъ мотивовъ. Но они вовсе не были такъ богаты, чтобы стоило ихъ разрабатывать. Ихъ незначительную содержательность скрашивало молодое чувство, казавшееся непосредственнымъ. Въ перепѣвахъ ничего этого нѣтъ. Видимо, художественный горизонтъ не расширился передъ г-жей Лохвицкой, и ея поэтическое творчество осталось въ заколдованномъ кругу шаблонныхъ городскихъ и дачныхъ впечатлѣній, да еще, пожалуй, впечатлѣній «отъ книжекъ». Для роста и развитія стихотворнаго таланта подобнаго матеріала, очевидно, не достаточно. Очевидно также, что городская жизнь не въ состояніи вырабатывать поэтовъ. Въ большомъ городѣ они или хирѣютъ, какъ захирѣла г-жа Лохвицкая, или вдаются въ безшабашную декаденщину, чему примѣровъ мы тоже знаемъ довольно.

III.

Вторая лауреатка, г-жа Куперникъ-Щепкина не только городская поэтесса, но еще и фельетоннаго оттѣнка. Книжка «ея стиховъ» открывается назидательнымъ размышленіемъ на тему, что такое слово:

Громко всюду слово раздавалось прежде,
Призывало къ счастью, вѣрило (?) надеждѣ...
.....
Призрѣвливши слово на страницахъ книги,
Вѣще поэты, свѣточн небесъ,
Облегчали намъ житейскія вериги,
Уводя съ собою въ свѣтлый міръ чудесъ.

Это въ прошломъ. Въ настоящемъ —

Слово стало робко, тихо и несмѣло,
Но творить, какъ прежде, дорогое дѣло!
.....
Слово — даръ чистѣйшій, высшій даръ Творца,—
Стало достояньемъ тружениковъ скромныхъ.
Часто горекъ хлѣбъ ихъ, слишкомъ путь тяжелъ...
и т. д.

Вотъ ужъ поистинѣ: нескладно, зато жалостно. Младенческая наивность «разсужденій о словѣ» и необыкновенная ихъ прозаичность не нуждаются въ поясненіи.

Также младенчески наивна и «Любовь»:

Ты требуешь любви и жаждешь наслажденій...
О наслажденьяхъ ли мечтать теперь, мой другъ,
Когда такъ много слезъ и ужаса вокругъ,
Такъ много нищеты, такъ страшнень мракъ осенній?

Но я не скоро кончилъ бы перечень quasi-поэтическихъ «наивностей» г-жи Куперникъ. Къ тому же, наивность наивностью, однако виденъ и прямой расчетъ — порисоваться своею «гражданственностью» и «гуманностью». Съ потѣшной важностью «поэтесса» внушаетъ читателю, что «болѣться мы должны не грознаго возстанья», но «тяжелаго незнанія и вѣчнаго невѣжества оковъ»; что «если ты покинуть и одинъ—знай, у тебя остался вѣрный другъ— это трудъ, трудъ вѣрный и живой»; что «гонимымъ нуждою тяжелой хлѣба стыдно бываетъ просить»; что разъ «кто придетъ къ тебѣ съ отчаяньемъ душевнымъ», а ты ему «посильно облегчишь» его, то «въ этомъ найдешь поэзіи лучи» и т. д. и т. д.

По правдѣ говоря, стыдно печатать подобный вздоръ. Еще болѣе стыдно—выдавать его за поэзію. Между тѣмъ г-жа Куперникъ не слишкомъ-то скромнаго мнѣнія о своей поэзіи. «Какъ звонкой рюмѣ благодарна я!» —въ восторгѣ восклицаетъ поэтесса.

Благодаря ея игрѣ согласной,
 Весь пылъ моей фантазіи прекрасной
 Могу излить тебѣ, не утая,
 Когда мои безумныя признанья
 Въ размѣренный я облакаю стихъ,
 То не боюсь зажечь очей твоихъ
 Сверкающимъ огнемъ негодованья,
 Твой умъ хочу я, ласково-тиха,
 Очаровать мелодією сладкой...
 И, можетъ быть, хотъ музыка стиха
 Коснется струнь души твоей украдкой.

Фетъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мастеровъ слова, жаловался: «Какъ бѣденъ нашъ языкъ! Хочу и не могу!» А вотъ г-жа Куперникъ — та можетъ, и ей ровно таки ничего не стоитъ перелить въ стихи «весь пылъ ея фантазіи». Впрочемъ и то сказать: фантазія Фета и фантазія г-жи Куперникъ — «двѣ очень большія разницы», какъ иногда выражаются у насъ въ литературѣ. Г-жа Куперникъ фантазируетъ, на примѣръ, такъ:

Безъ луны
 Небеса не ясны
 . . . . .
 Безъ цвѣтовъ
 Нѣтъ душистой весны
 . . . . .
 Безъ любви
 Нѣтъ живой красоты.

Не правда ли, чрезвычайно прихотливая и содержательная фантазія?

Мы уже имѣемъ понятіе о «гражданственности» г-жи Куперникъ и о строгости, съ которою она относится къ «любви и наслажденіямъ», въ виду «слезъ и ужасовъ», разсѣянныхъ вокругъ. Это не мѣшаетъ ей, однако, предаваться весьма усиленному воспѣванію любви и приличествующихъ ей аксессуаровъ. Жаль одно: поэтесса въ высшей степени скрытна. Судите сами.

Въ одни глаза я влюблена.
 Я упиваюсь ихъ игрою,
 Какъ хороша ихъ глубина...
 Но чьи они — я не открою.
 . . . . .
 Въ моей душѣ растеть гроза,
 Растеть, тоскуя и ликуя...
 Я влюблена въ одни глаза...
 Но чьи они — не назову я!

До такой степени заинтриговать читателя и не назвать, не открыть?! Но этого мало. На слѣдующей же страницѣ г-жа Куперникъ вновь донимаетъ насъ чортовски загадочными глазами:

Нужны мнѣ только эти очи,
 Въ тѣни опущенныхъ рѣсницъ,
 Ихъ свѣтъ, ихъ тайна звѣздной ночи,
 Ихъ трепетаніе зарницъ,—
 Я не хочу иной отрады.
 Мнѣ поцѣлуй не нужны,
 Нужны мнѣ только эти взгляды.

Впрочемъ, поэтессѣ и еще кое-чего хочется:

Я хочу, чтобы для меня,
 Какъ для сказочной царицы,
 Струны нѣжныя звучали,
 Чтобы пѣлъ мнѣ хоръ чудесный
 О блаженствѣ неземномъ.
 Я хочу, чтобъ, отгоня (sic!)
 Злые призраки печали,
 Упивалися вдвоемъ
 Мы гармоніей небесной!
 Я хочу душистыхъ розъ,
 Звуковъ музыки и блеска,
 И фонтановъ сонныхъ плеска,
 И сквозной тѣни мимозъ.

Очень, очень поэтично. Только какая же разница между звуками нѣжныхъ струнъ, хоромъ чудеснымъ и... музыкой?

Я думаю, ознакомленіе съ «поэзіей» г-жи Куперникъ смѣло можно закончить стихотвореньемъ «Даръ»:

Мои стихи—не перлы, не алмазы,
 На золото ихъ не оцѣнишь ты;
 Въ нихъ—развѣ нѣжность музыкальной фразы,
 Въ нихъ—развѣ трепеть пламенной мечты.
 Но если бъ риемы блещущей короной
 Твое чело могли бы увѣнчать,
 Тебѣ отдамъ восторгъ души влюбленной
 И свѣтлыхъ тайнъ завѣтную печать.
 Открою я ларецъ свой драгоценный
 И звонкихъ римою разсыплю жемчуга,
 И пусть онѣ звенять по всей вселенной,
 Какъ мнѣ твоя улыбка дорога!...

Теперь вы знаете, что такое стихи г-жи Куперникъ. Это «не перлы, не алмазы»—это «жемчуга», хранящіяся въ драгоценномъ ларцѣ. Ихъ столько, что если открыть ларецъ, то они зазвенятъ по всей вселенной. Шутка сказать!

Таковы наши новые лауреаты. О г. Бунинѣ я не говорю. Онъ заслуживаетъ поощренія. Можетъ быть, заслуживаетъ отчасти и г-жа Лохвицкая—заднимъ числомъ, за тѣ надежды, которыя она подавала въ оны дни. Но какимъ образомъ могла увѣнчаться

г-жа Куперникъ академическими пальмами, объяснить трудно. Развѣ, что ужъ ей такъ на роду было написано, а что на роду написано, того не минешь.

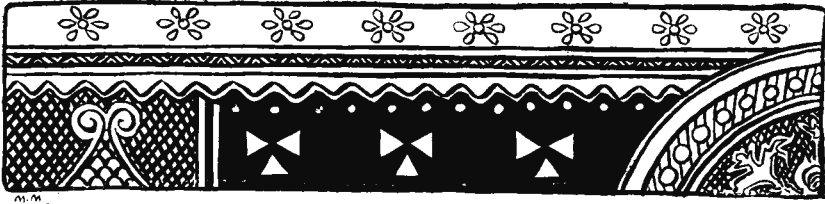
Общее впечатлѣніе получается, однако, довольно грустное. Еще деревенская поэзія съ грѣхомъ пополамъ держится, городская же пришла къ видимому краху. Да и относительно деревенской, въ лицѣ ея представителя, г-на Бунина, слѣдуетъ замѣтить, что она слишкомъ подражательна. Утѣшаетъ здѣсь одно. Фетъ и Тютчевъ несомнѣнно начинаютъ оказывать сильное влияніе на новое поколѣніе стихотворцевъ. Ихъ поэзія, частью забытая, частью непонятая, становится популярнѣе и популярнѣе. О, если бы она стала вполне популярной! Это послужило бы къ очищенію литературнаго вкуса, загрязненнаго не одними плохими стихами. Большинство современныхъ знаменитостей существуетъ исключительно за счетъ плохой памяти, а то и прямо невѣжества «большой публики». Классиковъ, старыхъ мастеровъ или не читаютъ, или читаютъ, какъ нынѣшнихъ второстепенныхъ беллетристовъ — поверхностно, не углубляясь и не изучая. При такомъ порядкѣ вещей всѣ кошки непременно будутъ сѣры, и каждый грамотный и не окончательно бездарный рассказчикъ или романистъ неминуемо «дослужится» до извѣстности.

Въ области поэзіи дѣло все-таки обстоитъ немного лучше, потому что стихи читаетъ главнымъ образомъ тотъ, кто ихъ искренно любить, а это уже нѣкоторая гарантія. И все же увѣнчиваются лаврами г-жи Лохвицкія, процвѣтаютъ г-жи Куперникъ. Отсюда, думаю, понятно, что къ академическому суду нельзя относиться безразлично и нельзя не сожалѣть о его чрезмѣрной снисходительности. Книга удостоена почетнаго отзыва—значитъ чего нибудь стоитъ. Вѣдь у насъ только на словахъ равнодушны къ тѣмъ или инымъ «знакамъ отличія». Въ дѣйствительности они представляютъ очень определенную цѣнность, и общество далеко не игнорируетъ ихъ.

Позволимъ же себѣ высказать искреннее пожеланіе, чтобы въ слѣдующій разъ пушкинская премія досталась поэту никакъ не менѣе достойному, чѣмъ г. Бунинъ, да и почетные отзывы отличили бы стихотворцевъ, сколько нибудь заслуживающихъ серьезнаго вниманія.

Если же таковыхъ не найдется,—ужъ лучше останемся безъ новыхъ лауреатовъ. Лавры нынче у насъ весьма дешевы. Пусть же хоть академическіе не слишкомъ падаютъ въ цѣнѣ.

К. П. Медвѣдскій.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

(1878—1903).

СРЕДИ многочисленныхъ двадцатипятилѣтнихъ юбилеевъ различныхъ лицъ и учреждений рѣзко выдѣляется скромно отпразднованный въ концѣ прошлаго года двадцатипятилѣтній юбилей высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Кажется бы, двадцать пять лѣтъ—слишкомъ незначительный срокъ для того, чтобы устраивать юбилейное празднество, но этотъ непродолжительный періодъ въ жизни курсовъ былъ полонъ борьбы за матеріальное существованіе и непрестанныхъ тревогъ и опасеній за будущее. Кажется, за всѣ двадцать пять лѣтъ не было года, когда устроители курсовъ не тревожились бы неувѣренностью въ прочномъ существованіи ихъ дѣла. Исторія курсовъ весьма поучительна и достойна серьезнаго общественнаго вниманія, потому что шипы и тернія, которые лежали на пути развитія курсовъ, слишкомъ часто попадаютъ подъ ноги всѣмъ нашимъ общественнымъ дѣятелямъ. Поэтому мы считаемъ полезнымъ познакомить нашихъ читателей съ важнѣйшими моментами жизни курсовъ, воспользовавшись вышедшимъ ко дню юбилея изданіемъ «С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ, 1878—1903. Очерки и матеріалы, изданіе комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1903». Историческій очеркъ, данный въ этой книгѣ, основанъ, между прочимъ, на архивныхъ матеріалахъ министерства народнаго просвѣщенія и сообщаетъ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ.

I.

Въ наше время, кажется, никого не удивляетъ и не шокируетъ стремленіе женщинъ къ высшему образованію, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ нужно было усиленно доказывать необходимость и безвредность даже не высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, а только женскихъ гимназій. Высшее же женское образованіе считалось просто неприличнымъ, а женщины и дѣвушки, стремившіяся къ нему, въ глазахъ очень многихъ были образцами безнравственности. Мало кто вѣрилъ въ возможность усвоенія женщиной серьезныхъ, научныхъ знаній, а нѣкоторыми естественными науками, по распространенному мнѣнію, женщинамъ было бы совѣстно заниматься. Но жизнь предъявляла свои требованія; измѣненія въ общественныхъ условіяхъ отразились на экономическомъ положеніи женщины. Женщина конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ энергично проводила въ жизнь стремленіе отвоевать для себя области труда, до того доступныя только мужчинамъ; но еще энергичнѣе и сильнѣе заявляла она свое желаніе добиться равноправности съ мужчинами въ дѣлѣ образованія, какъ общаго, такъ и спеціальнаго.

Первымъ опытомъ высшаго женскаго образованія были публичныя лекціи для женщинъ и мужчинъ, разрѣшенныя 21 декабря 1868 года, по просьбѣ, подписанной 400 женщинами. Матеріальная сторона дѣла стояла очень плохо. Плата за лекціи далеко не покрывала необходимыхъ расходовъ. Помощь правительства за все время существованія лекцій выразилась въ томъ, что оно дало на одинъ годъ помѣщеніе въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ и ассигновало въ 1872 году пособіе въ 1.400 рублей, а въ 1873—въ 1.000 рублей. Эта помощь была, конечно, ничтожна, тѣмъ болѣе, что было запрещено печатать какія бы то ни было объявленія о принятіи пожертвованій со стороны общества, и вообще привлекать общество къ дѣлу путемъ печати. И хотя это распоряженіе было издано впредь до «выясненія направленія учрежденія», но существовало все время вплоть до прекращенія лекцій. Приходилось прибѣгать къ устройству концертовъ, затѣмъ нѣкоторый доходъ давала плата за слушаніе лекцій, поступали небольшія частныя пожертвованія; нѣкоторые профессора предоставляли свой гонораръ въ распоряженіе организаторовъ лекцій.

Параллельно съ этими лекціями существовали еще частныя курсы, такъ называемые «Аларчинскіе», открытые по инициативѣ и на имя Паульсона, извѣстнаго педагога и издателя журнала «Учитель». Женщины устраивали подъ руководствомъ профессоровъ самостоятельныя занятія на частныхъ квартирахъ. Но все это только въ слабой степени удовлетворяло потребности женщинъ въ высшемъ образованіи.

Не только матеріальныя невзгоды тяжело отзывались на первомъ опытѣ высшаго учебнаго заведенія для женщинъ. Слишкомъ велико было недовѣріе и подозрѣніе въ правительственныхъ сферахъ. Программы преподаванія просматривались въ III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи очень тщательно, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ. Замѣчательнымъ памятникомъ отношеній высшей полиціи къ курсамъ является записка, поданная оберъ-полицмейстеромъ Треповымъ министру внутреннихъ дѣлъ. Взгляды генерала Трепова на женское образованіе въ высокой степени интересны. Генераль утверждалъ, что курсы, объ устройствѣ которыхъ «настойчиво хлопочуть руководительницы такъ называемаго женскаго движенія», въ педагогическомъ, или, лучше сказать, въ образовательномъ смыслѣ лишены всякаго значенія. Всѣ лекторы, по мнѣнію оберъ-полицмейстера, убѣждены въ томъ, что курсы превратятся въ женскій университетъ, и въ то же время нѣтъ гармоніи въ преподаваніи, нѣтъ систематическаго подготовленія слушательницъ къ одной, общей цѣли. «На ряду съ химіей и фізіологіей читаются государственное и уголовное право, а на ряду съ ними—словесность. Такимъ образомъ три факультета соединяются въ одномъ, а отъ каждаго читаются лишь предметы, для которыхъ нашелся свободный профессоръ... Государственное и уголовное право читаютъ два молодыхъ профессора, Градовскій и Таганцевъ, по-видимому, изъ моды... Они проповѣдуютъ вредныя истины, Градовскій—о государственной власти и формѣ правленія». Главный же вредъ курсовъ оберъ-полицмейстеръ видѣлъ въ развитіи корпоративнаго духа между молодыми дѣвушками; это сказывается и въ ихъ внѣшности: черныя платья, остриженные волосы, очки; «все говоритъ о принадлежности къ петербургскому обществу нигилистокъ». Въ запискѣ названы по именамъ посѣщавшія курсы «главныя руководительницы и подстрекательницы» такъ называемаго женскаго движенія. (Въ числѣ ихъ приведены фамиліи женщинъ, которыя въ то время не принимали никакого участія въ курсахъ и ни разу не были въ ихъ помѣщеніи). «Отсюда, — говорится въ запискѣ, — нигилистическое направленіе можетъ распространяться неудержимо и здѣсь имѣетъ всѣ способы созрѣвать во взаимныхъ бесѣдахъ». Далѣе указывается на отсутствіе на курсахъ инспекціи: «въ антрактахъ мужчины и женщины долго прогуливаются по коридору въ потемкахъ».

Основываясь на приведенныхъ данныхъ, оберъ-полицмейстеръ полагалъ нужнымъ или закрыть курсы, или преобразовать ихъ для однѣхъ женщинъ, ибо «совмѣстность нигдѣ въ высшихъ и даже элементарныхъ хорошо организованныхъ школахъ не допускается». По счастью, совѣщаніе, организованное по высочайшему повелѣнію 9-го апрѣля 1871 года изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ

и народнаго просвѣщенія, шефа жандармовъ и петербургскаго оберъ-полицейстера, не согласилось съ мнѣніемъ генерала Трепова.

Неблагопріятныя условія высшаго женскаго образованія вызывали массовые отъѣзды женщинъ за границу, здѣсь женщины поступали въ университеты, и многія изъ нихъ достигали ученыхъ степеней и доказывали, такимъ образомъ, способность посвящать себя наукѣ и право требовать учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Это обстоятельство сильно тревожило правительство, и 21-го мая 1873 года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось официальное сообщеніе, которое указывало на то, что учащіяся въ заграничныхъ университетахъ, главнымъ образомъ въ Цюрихѣ, входятъ въ близкое общеніе съ эмигрантами, революціонерами, находятся подъ сильнымъ вліяніемъ послѣднихъ, посѣщаютъ рабочія собранія, лекціи на революціонныя темы, исполняютъ при пріѣздахъ въ Россію порученія революціонеровъ и т. д. Все это, по мнѣнію официального сообщенія, не можетъ благопріятно отразиться на будущихъ матеряхъ и воспитательницахъ подрастающаго поколѣнія въ Россіи, а потому впредь эти отъѣзды запрещались, а тѣмъ, которыя и послѣ заявленія не прекратятъ посѣщенія заграничныхъ университетовъ, объявлялось, что онѣ не только не будутъ допущены ни къ какимъ занятіямъ въ Россіи, но будутъ лишены права поступать въ русскія учебныя заведенія какъ для слушанья, такъ и для экзаменовъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ Россіи все еще не было никакихъ курсовъ, которые соотвѣтствовали бы требованіямъ женщинъ, то массовые отъѣзды продолжались. Это была едва ли не главная причина того, что правительство обратило наконецъ серьезное вниманіе на высшее женское образованіе; по высочайшему повелѣнію была учреждена комиссія для составленія устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ было уже ясно, что единственная возможность прекратить отъѣзды—такъ или иначе удовлетворить требованія женщинъ въ Россіи.

II.

Въ 1876 году, государь высочайшимъ повелѣніемъ предоставилъ министру народнаго просвѣщенія, графу Толстому, право открывать высшіе женскіе курсы въ университетскихъ городахъ, при содѣйствіи профессоровъ университета. Затѣмъ, министерство предоставило начальству учебныхъ округовъ право давать разрѣшеніе на открытіе въ университетскихъ городахъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, но только при соблюденіи слѣдующихъ условій: «1) курсы назывались высшими женскими курсами, учрежденными въ такомъ-то городѣ такими-то лицами, но безъ прибавленія словъ: состоящими или учрежденными при

императорскомъ или мѣстномъ университетѣ; 2) чтобы курсы состояли на общемъ, со всѣми частными учебными заведеніями, основанн, подъ надлежащимъ наблюденіемъ начальства учебнаго округа, и 3) чтобы въ разрѣшеніи учебныхъ вопросовъ (въ томъ числѣ объ утвержденіи новаго устава или положенія о курсахъ, программъ и учебныхъ ихъ плановъ) и въ официальной перепискѣ они были подчинены учебно-окружному начальству, наравнѣ съ другими частными учебными заведеніями, при чемъ въ министерство народнаго просвѣщенія должны быть представлены для свѣдѣнія, какъ утвержденные начальствомъ—уставъ, положеніе, учебные планы или программы курсовъ, такъ и (въ концѣ каждаго учебнаго года) подробныя и обстоятельныя данныя о ходѣ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ». Но министерство не признало возможнымъ предоставить право преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній даже лицамъ, успѣшно прослушавшимъ курсы.

Немедленно послѣ этого началась по всей Россіи дѣятельная работа по организаціи курсовъ для женщинъ. Въ Петербургѣ тѣ же лица, которыя являлись устроителями публичныхъ лекцій, тотчасъ же воспользовались благопріятнымъ моментомъ: 9-го апрѣля 1876 года было подано прошеніе въ министерство объ открытіи высшихъ курсовъ для женщинъ съ полнымъ планомъ преподаванія, выработаннымъ университетскими профессорами.

Графъ Толстой потребовалъ, чтобы курсы были открыты на имя одного изъ профессоровъ, который являлся бы отвѣтственнымъ лицомъ передъ министерствомъ. Рѣшено было такимъ лицомъ избрать А. Н. Бекетова, какъ человѣка, давно и горячо трудившагося на пользу высшаго женскаго образованія, но министръ указалъ на профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, какъ на лицо, пользовавшееся полнымъ его довѣріемъ. Въ продолженіе 1877 года разсматривались въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія проекты курсовъ, выработанные профессорами Кіевскаго, Казанскаго, Московскаго и Петербургскаго университетовъ. Комитетъ одобрилъ ихъ, внеся все же нѣкоторыя измѣненія.

Комитету пришлось разсмотрѣть ходатайство о предоставленіи кончившимъ курсы права преподаванія во всѣхъ классахъ гимназій. «Комитетъ нашелъ невозможнымъ удовлетворить его на томъ основаніи, что право преподавать во всѣхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній, согласно высочайше утвержденному въ 1868 году мнѣнію государственнаго совѣта, предоставлено лишь лицамъ съ университетскимъ образованіемъ или лицамъ, выдержавшимъ испытаніе на званіе учителя гимназій. «Комитетъ считалъ возможнымъ предоставить женщинамъ одинаковыя съ мужчинами права на обученіе только подъ условіемъ равныхъ познаній тѣхъ и другихъ. «Послабленіе въ семъ случаѣ, несправедливое въ принципѣ,

повлекло бы за собою, по мнѣнію комитета, упадокъ женскаго образованія, такъ какъ, по всей вѣроятности, женскія учебныя заведенія, въ большинствѣ случаевъ вознаграждающія за уроки меньше, чѣмъ мужскія, передали бы всѣ уроки вмѣсто учителей учительницамъ, сравнительно съ учителями меньше подготовленнымъ».

Въ маѣ 1878 года, отъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа было получено разрѣшеніе на открытіе въ С.-Петербургѣ курсовъ.

Курсы учреждены съ тремя отдѣленіями: словесно-историческимъ, физико-математическимъ и специально математическимъ. Курсъ сначала предполагался трехлѣтній. Денежныя средства, съ которыми начиналось дѣло, были поразительно скудны и равнялись 222 р. 75 к., представлявшимъ остатки отъ Владимирскихъ и Аларчинскихъ курсовъ.

20-го сентября 1878 года, въ 6 часовъ вечера, въ залѣ Александровской гимназій состоялось открытіе курсовъ. Записалось на курсы 468 постоянныхъ слушательницъ и 346 вольнослушательницъ, всего 814 человекъ. Первая лекція (по древней исторіи) была прочтена профессоромъ В. В. Бауэромъ.

Понятно, что первыя заботы были направлены на постановку матеріальной стороны дѣла. Еще до открытія курсовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ былъ поданъ проектъ устава для доставленія средствъ «Высшимъ женскимъ курсамъ». Спустя двѣ недѣли послѣ открытія курсовъ, проектъ этотъ былъ утвержденъ, и отъ министерства народнаго просвѣщенія поступила субсидія въ 2.500 рублей. 5-го ноября учредители (71 человекъ) выбрали изъ своей среды 12 членовъ, составившихъ комитетъ: И. В. Стасову, В. П. Тарновскую, О. А. Мордвинову, А. Я. Гердъ, А. П. Философову, А. И. Анненскую, Г. В. Бордовскаго, О. Н. Рукавишникову, Е. А. Боткину, С. В. Ковалевскую, А. Н. Страннолюбскаго, М. К. Цебрикову; затѣмъ было избрано нѣсколько кандидатовъ въ члены комитета и въ почетные члены профессора: А. Н. Бекетовъ и К. А. Бестужевъ-Рюминъ. На комитетъ лежала забота о всей матеріальной сторонѣ дѣла. Управление педагогическою частью было въ вѣдѣніи педагогическаго совѣта, состоявшаго изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго курсами.

Жизнь высшихъ женскихъ курсовъ началась въ атмосферѣ, полной подозрѣній и недовѣрія. Многочисленные доносы, понятно, не могли поселить въ правительствѣ расположенія къ высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ; отъ доносчиковъ не отставали и нѣкоторые публицисты, желавшіе загрязнить во что бы то ни стало только что возникающее дѣло. Характерное донесеніе сохранилось въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. «Для сблизенія между студентами и слушательницами недавно открытыхъ выс-

шихъ женскихъ курсовъ устраиваются вечера, гдѣ тѣ и другіе напиваются пьяными, затѣмъ расходятся попарно на квартиры. Устроена уже студентско-курсистская коммуна, гдѣ помѣщаются въ каждой комнатѣ двѣ курсистки и одинъ студентъ». Попечитель Кіевскаго округа долженъ былъ въ официальной бумагѣ опровергать подобную нелѣпую клевету. «Имѣю честь донести,—писалъ онъ,—что изъ имѣющихся уже у меня свѣдѣній и изъ собранныхъ теперь вновь мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя, относительно немногія, изъ слушательницъ кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ дѣйствительно посѣщаютъ вечернія общественныя собранія. Въ этихъ собраніяхъ бываютъ и студенты, и какъ у нихъ въ числѣ слушательницъ есть сестры и близкія родственницы, то весьма возможно, что изъ собраній они расходятся или разѣзжаются вмѣстѣ. Но чтобы устраивались вечера съ особою цѣлью сближенія студентовъ съ курсистками, гдѣ тѣ и другіе напиваются пьяными, объ этомъ я никогда не слышалъ. Ничего также не слышалъ я и объ устройствѣ студентско-курсистской коммуны, гдѣ помѣщаются въ каждой комнатѣ двѣ курсистки и одинъ студентъ. Думаю, что это—клевета, основывая такое мое мнѣніе не столько на негласномъ разслѣдованіи, для котораго, какъ извѣстно, у меня нѣтъ и средствъ, сколько на увѣренности, что если бы дѣйствительно существовало что либо подобное, то объ этомъ было бы сообщено мнѣ авторитетными лицами, которыя при самомъ учрежденіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ предрекали мнѣ самую неприглядную будущность и скорое закрытіе; но подобныхъ сообщеній до сихъ поръ ни отъ кого я не получалъ».

Въ томъ же 1878 году появилась брошюра профессора Новороссійскаго университета Цитовича, который вылилъ цѣлый потокъ грязи на пионерокъ высшаго женскаго образованія. Брошюра вызвала страшнѣйшее возмущеніе: вполне понятно, что молодежь въ своемъ негодованіи рѣшила заявить презрѣніе автору въ письменномъ протестѣ, подписанномъ возможно большимъ количествомъ именъ. Но въ виду того, что такого рода протестъ могъ получить гласность и стать орудіемъ въ рукахъ враговъ высшаго женскаго образованія, то и распорядительницы и Бестужевъ-Рюминъ употребили все свое вліяніе и убѣждали не отвѣчать на клевету, а доказать своимъ образомъ дѣйствій всю ея ложность и неосновательность. Несмотря на это, слухи о волненіяхъ дошли до государя, который потребовалъ отъ шефа жандармовъ, генерала-адъютанта Дрентельна, свѣдѣній о курсахъ.

Но шефъ жандармовъ далъ вполне тенденціозный и ложный отзывъ о дѣятельности высшихъ женскихъ курсовъ: онъ не только подтвердилъ клеветы и неосновательныя обвиненія, но допустилъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ поразительное извращеніе фактовъ. «Происхожденіе и общественное положеніе слушательницъ курсовъ

весьма разнообразно, — писалъ генералъ Дрентельнъ, — изъ числа ихъ немалую долю составляютъ еврейки, не живущія съ мужьями женщины, извѣстныя своею политическою неблагонадежностью». «Курсы состоятъ въ вѣдѣніи особаго учебнаго совѣта изъ профессоровъ, но не имѣютъ утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правилъ и учебной программы». «При нихъ образовался особый дамскій комитетъ, первоначальное устройство котораго никѣмъ не было разрѣшено; хотя по официальнымъ даннымъ учредителемъ высшихъ женскихъ курсовъ и считается профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, но, принимая во вниманіе: 1) что въ устройствѣ курсовъ негласно принимали самое близкое участіе лица, составляющія дамскій попечительный комитетъ; 2) что ранѣе сего лица, вошедшія въ этотъ комитетъ, совмѣстно съ профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, какъ говорятъ, возбуждали ходатайство о женскомъ университетѣ и о предоставленіи женщинамъ правъ учебной службы, наконецъ, 3) что существовавшія до открытія высшихъ женскихъ курсовъ чтенія лекцій въ зданіи Владимирскаго уѣзднаго училища, происходившія подъ руководствомъ тѣхъ же лицъ дамскаго попечительнаго комитета, — не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что профессоръ Бестужевъ-Рюминъ является въ настоящемъ случаѣ только исполнителемъ дѣла, инициатива и руководство которымъ принадлежитъ вышепоименованнымъ лицамъ дамскаго кружка, которыя, помимо педагогической цѣли, очевидно, поставили себѣ задачей достиженіе равноправности женщинъ путемъ высшаго и полуклассическаго образованія. Вскорѣ послѣ открытія курсовъ обнаружилось, что слушательницы оныхъ не довольствуются одними скромными научными занятіями, но стремятся во вѣдѣніяхъ проявленія новаго высшаго учебнаго заведенія подражать прискорбнымъ уклоненіямъ отъ правильнаго пути, которыми, къ сожалѣнію, въ послѣднее время отличается учащаяся молодежь. Подражая послѣдней, слушательницы курсовъ протестуютъ противъ дѣйствій профессоровъ и составляютъ сходки для обсужденія общихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, брошюры профессора Цитовича. Что же касается профессора Бестужева-Рюмина, то онъ — человекъ, совершенно безупречный въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, обладающій обширными познаніями, но легко поддающійся постороннему вліянію».

Но тутъ уже вступился самъ графъ Толстой. Ему не трудно было въ всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ изобличить всю ложность утвержденій шефа жандармовъ и указать, что программы преподаванія и преподаватели на высшихъ женскихъ курсахъ утверждались попечителемъ, что «Благотворительное общество для доставленія средствъ курсамъ» утверждено министромъ внутреннихъ дѣлъ и т. д.

Графъ Толстой не только защитилъ курсы передъ государемъ, но внесъ въ государственный совѣтъ представленіе о выдачѣ имъ

ежегоднаго пособія въ размѣрѣ 3.000 рублей. Государственный совѣтъ постановилъ: выдать 3.000 рублей въ 1879 году и, начиная съ 1880 года, вносить въ расходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія по 3.000 рублей въ годъ. Государь утвердилъ это постановленіе. Подобное распоряженіе давало не столько матеріальную, сколько нравственную поддержку руководителямъ курсовъ.

III.

Работа по устройству матеріальной стороны курсовъ расширялась и усложнялась. Приходилось оказывать денежную помощь слушательницамъ: въ значительномъ большинствѣ слушательницы принадлежали къ бѣднымъ семьямъ; многія изъ нихъ нуждались въ самомъ необходимомъ. Несмотря на сравнительно низкую плату (25 рублей въ полугодіе), въ комитетъ «Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» поступило большое количество просьбъ объ отсрочкѣ ея. Однако, благодаря энергичной дѣятельности комитета и сочувствію общества за время 1878—1879 годовъ, образовался даже нѣкоторый излишекъ, давшій возможность подумать о перемѣнѣ помѣщенія, такъ какъ зданіе Александровской гимназіи было тѣсно и неудобно еще потому, что лекціи можно было читать только по вечерамъ.

Комитетъ курсовъ обратился къ петербургской думѣ съ просьбой дать бесплатно помѣщеніе для курсовъ въ какомъ нибудь изъ принадлежащихъ ей зданій, но дума отвѣтила на эту просьбу отказомъ. На экстренномъ собраніи членовъ «Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» постановлено было пріискать подходящую квартиру и собрать справки о продающихся домахъ, подходящихъ для помѣщенія курсовъ. Спеціальная коммиссія, которой было поручено это дѣло, состояла изъ Н. В. Стасовой, С. В. Ковалевской, М. П. Шуйской и Семенюты. Самымъ подходящимъ помѣщеніемъ оказалась квартира въ домѣ Е. А. Воткиной на Сергіевской улицѣ, которая и была нанята по контракту на 3 года съ платой 8.000 рублей. Расходы по устройству и передѣлкѣ обошлись въ 4.000 рублей. Заботы же по приготовленію квартиры для курсовъ легли почти исключительно на Н. В. Стасову. Экзамены прошли успѣшно, на второй курсъ перешло 319 человекъ.

Несмотря на то, что данныя министерствомъ правила вносили значительныя ограниченія въ пріемъ слушательницъ, число ихъ не уменьшалось, и въ 1879—1880 году поступило 314 постоянныхъ и 22 вольнослушательницы. Въ этомъ году курсы уже помѣщались въ собственной квартирѣ; очень скоро обнаружилось, что и это помѣщеніе не можетъ удовлетворить всѣмъ необходимымъ требованіямъ. Для библіотеки, на примѣръ, можно было отвести только одну комнату; въ виду непрочности положенія на частной квар-

тирѣ нельзя было сдѣлать значительныхъ затратъ на солидную постановку лабораторіи. Временную лабораторію пришлось устроить, по указаніямъ проф. Бутлерова и при его матеріальномъ содѣйствіи, въ кухнѣ подвального этажа дома Боткиной.

Дѣло веденія курсовъ развиваясь требовало много хлопотъ, но попрежнему велось членами - устроителями, охотно отдававшими высшимъ женскимъ курсамъ свой трудъ, энергію и время; единственнымъ наемнымъ лицомъ былъ письмоводитель. Денежныя средства все время сильно колебались, иногда являлось опасеніе, что ихъ недостаточно для веденія дѣла, но, благодаря сочувствію общества и энергіи комитета, все обходилось благополучно. Въ 1881 году «Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» насчитывало 480 членовъ, тогда какъ въ 1878 году ихъ было только 89, большинство не ограничивалось членскимъ взносомъ 5 рублей, поступало много пожертвованій, изъ которыхъ инья достигали значительныхъ суммъ. Но это не давало возможности строить какіе либо прочные расчеты и увеличивать расходы въ такой степени, какую считали необходимой устроители курсовъ.

Въ 1881—1882 году былъ учрежденъ IV курсъ, и на него перешло 109 слушательницъ, 3 вольнослушательницы физико-математическаго отдѣленія и 105 слушательницъ и 9 вольнослушательницъ словеснаго. Осенью 1881 года, къ великому огорченію какъ слушательницъ, такъ и сотрудниковъ Н. В. Стасовой, послѣдней пришлось «не вполнѣ по доброй волѣ» сложить съ себя обязанности распорядительницы курсовъ; ее замѣнила одна изъ ея помощницъ О. А. Мордвинова. Н. В. Стасова осталась на горячо любимыхъ ею курсахъ въ качествѣ «завѣдующей хозяйственной частью курсовъ». На общемъ собраніи Н. В. Стасова была избрана почетнымъ членомъ «Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ».

Въ маѣ 1882 года состоялся первый выпускъ: окончилъ курсъ 176 человекъ (81 по физико-математическому и 95 по словесному отдѣленію). На торжественномъ актѣ былъ прочтенъ отчетъ о состояніи курсовъ за все время ихъ существованія и указано на работы слушательницъ, заслуживавшія особаго вниманія. Наибольше выдающимися признаны работы по математикѣ О. А. Давыдовой, А. Е. Сердобинской и В. І. Шиффъ и сочиненіе по русской исторіи г-жи Александровой, которое заслуживало, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, быть напечатаннымъ.

Теперь наступало время примѣнять пріобрѣтенныя съ такимъ трудомъ знанія въ жизнь. Любопытно, что общество неохотно поручало воспитаніе женщинамъ, окончившимъ курсы: до того сильны еще были предубѣжденія противъ высшаго женскаго образованія. Дѣло доходило до того, что для полученія заработка инья скрывали свое пребываніе на курсахъ. Но число женщинъ, жаждущихъ высшаго образованія, не уменьшалось.

IV.

Въ маѣ 1882 года прекращалось дѣйствіе контракта на квартиру въ домѣ г-жи Боткиной. Недостаточность и непригодность помѣщенія для курсовъ выяснилась съ полною очевидностью. Но въ то же время членамъ общества было ясно, что нужно было искать не новаго частнаго помѣщенія, а собственнаго дома, спеціально для курсовъ выстроеннаго. Передъ обществомъ открывалась огромная задача, которую можно было осуществить только при поддержкѣ общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ. Въ февралѣ 1881 года комитетъ общества обратился къ Петербургскому городскому управленію съ просьбой отвести безвозмездно участокъ земли подъ зданіе курсовъ или дать денежную субсидію въ 12—15 тысячъ рублей для покупки земли. Комитетъ рассчитывалъ на то, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшитъ открыть подписку по всей Россіи для сбора средствъ на постройку. Но разрѣшеніе вопроса въ думѣ затянулось надолго; событіе 1 марта измѣнило положеніе дѣлъ, и о подпискѣ нечего было и думать. Въ маѣ 1881 года общее собраніе членовъ «Общества» постановило поручить особой комиссіи заботы о будущемъ помѣщеніи курсовъ. Правда, на одинъ годъ пришлось возобновить контрактъ съ г-жей Боткиной, но это обстоятельство не устранило вопроса о собственномъ домѣ.

Комиссія совместно съ комитетомъ признала необходимымъ измѣнить содержаніе ходатайства передъ думой и вмѣсто одно-временной субсидіи въ 12.000—15.000 рублей просить ежегоднаго пособия въ 3.000 рублей. Въ засѣданіи 15-го апрѣля 1882 года дума постановила отпускать ежегодное пособие курсамъ въ 3.000 рублей впредь до того времени, когда эта помощь утратитъ характеръ необходимости.

Не имѣя возможности при данныхъ обстоятельствахъ открыть повсемѣстную подписку, комитетъ, по указанію общаго собранія, рѣшилъ обратиться съ циркулярными письмами къ частнымъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ. Съ начала 1883 года комитетъ сталъ получать сочувственные отвѣты. Многочисленныя земскія собранія (82) дѣлали постановленія объ ассигнованіи нѣкоторыхъ суммъ на пособие курсамъ. Но и тутъ добрыя желанія встрѣчали противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ губернаторовъ, которые сочли своимъ долгомъ опротестовать рѣшенія земскихъ собраній, находя, что—это расходъ, не относящійся къ мѣстнымъ нуждамъ и выходящій изъ предѣловъ компетенціи земскихъ собраній. Къ 1-му сентябрю частныхъ пожертвованій на постройку дома въ распоряженіи комитета было на сумму 22.766 рублей 50 коп.

Всѣ заботы о постройкѣ дома возложены были на особую хозяйственно-строительную комиссію. Въ составъ ея вошли: Н. В. Стасова, А. Р. Воронина, А. Я. Гердъ, А. Н. Страннолюбскій, А. Р.

Шуляченко, А. Е. Шварсалонъ, М. М. Семеновъ, Н. В. Пясецкій. Для постройки зданія былъ приобрѣтенъ участокъ земли на 10 линіи Васильевскаго острова за 25.000 рублей. Къ зимѣ 1884 года домъ былъ вечернѣ готовъ. По окончательному расчету стоимость дома равнялась 216.898 рублямъ, далеко превысивъ первоначальную смѣту въ 160.000.

22-го сентября 1885 года, произошло торжественное открытіе и освященіе дома. Теперь уже въ благопріятной обстановкѣ велось дѣло серьезнаго и полнаго высшаго образованія, была расширена библиотека, и впереди рисовалась возможность еще шире и совершеннѣе поставить дѣло, такъ какъ пожертвованія продолжали стекаться со всѣхъ концовъ Россіи. Но не затихли еще злобные голоса противниковъ высшаго женскаго образованія, и въ 47 номерѣ 1884 г. «Гражданина» была напечатана скверная статья, полная инсинуаций, имѣвшихъ цѣлью подорвать довѣріе общества къ курсамъ, но князь Мещерскій былъ вынужденъ въ слѣдующемъ же номерѣ принести извиненіе и взять свои слова назадъ. Конечно, статья «Гражданина» не достигла своей цѣли: курсы завоевали прочное сочувствіе общества.

Казалось бы, послѣ новыхъ успѣховъ хозяйственной дѣятельности «Общества» дѣло высшаго женскаго образованія должно было упрочиться, но это только казалось. Былъ одинъ пунктъ, всегда внушавшій опасенія за будущность курсовъ, это — отношеніе къ нимъ правительства. Графъ Толстой, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ свое время оказавшій курсамъ поддержку, въ 1884 году отказалъ въ ней, не разрѣшивъ произвести повсемѣстнаго сбора пожертвованій. А въ письмѣ отъ 7-го декабря 1884 г. графъ Толстой увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія графа Делянова о томъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе губернаторамъ прекратить пожертвованія земствъ на курсы. Получивъ это извѣстіе, Деляновъ обратился къ попечителю С.-Петербургскаго округа съ бумагой, въ которой писалъ: «Долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить профессору Бекетову, чтобы онъ впредь не обращался съ подобными изложеннымъ ходатайствами къ земствамъ или городскимъ обществамъ, такъ какъ эти обращенія не соотвѣтствуютъ сущности постановленій».

Такое отношеніе къ дѣлу высшаго образованія не предвѣщало ничего хорошаго, но все-таки никто не ожидалъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ курсовъ. Какъ снѣгъ на голову, свалилось 8-го мая 1886 года правительственное сообщеніе такого рода: «Въ виду производящагося въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же приема слушательницъ на существующіе высшіе женскіе курсы вѣдомства означеннаго министерства».

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности остановиться на чрезвычайно интересныхъ данныхъ, сообщаемыхъ въ историческомъ очеркѣ о мотивахъ подобнаго распоряженія правительства. Въ теченіе трехъ лѣтъ не было приѣма. За это время и комитетъ «общества», и педагогическій совѣтъ обращались со всевозможными прошеніями, но положеніе не мѣнялось.

V.

Наконецъ комитетъ прибѣгъ къ послѣднему средству. «Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» взяло на себя смѣлость повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора всеподданнѣйшую просьбу о разрѣшеніи приѣма ученицъ на курсы съ сентября 1889 года, хотя бы въ видѣ временной мѣры впредь до утвержденія правительствомъ новаго положенія о женскомъ образованіи. Государь императоръ отнесся весьма благосклонно къ прошенію и приказалъ министру народнаго просвѣщенія представить мнѣніе по этому прошенію. Графъ Деляновъ, въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, представилъ тѣ соображенія, по которымъ возможно было бы допустить возобновленіе приѣма на курсы. Необходимымъ условіемъ разрѣшенія приѣма графъ Деляновъ считалъ измѣненіе организациі курсовъ. Сущность измѣненій сводилась къ усиленію правительственнаго контроля и къ устраненію инициативы «Общества» не только въ области учебной и воспитательной, но и хозяйственной. Управленіе курсами должно быть сосредоточено въ рукахъ директора, избирающаго преподавателей, а руководство воспитательной частью — въ лицѣ инспектрисы и ея помощницъ, назначаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Для завѣдыванія хозяйственною частью могъ быть образованъ попечительный совѣтъ; «Общество» же даетъ только средства, расходъ которыхъ подлежитъ контролю попечителя округа. На курсахъ устанавливался комплектъ и устраивался интернатъ для иногороднихъ слушательницъ. Наконецъ, преподаваніе на курсахъ должно быть ведено по установленнымъ министерствомъ учебнымъ планамъ и должно состоять изъ двухъ отдѣленій: по наукамъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ, но съ прекращеніемъ преподаванія физиологіи человѣка и животныхъ, естественной исторіи и гистологіи, какъ предметовъ, прямо входящихъ въ кругъ тѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ, кои будутъ преподаваться въ проектируемомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Государь согласился съ соображеніями графа Делянова, и попечитель въ отношеніи отъ 28 февраля 1889 года на имя предсѣдательницы комитета поставилъ «Обществу» вопросъ, желаетъ ли оно подчиниться всѣмъ вышеуказаннымъ условіямъ. Тяжело было согла-

шаться устроителямъ курсовъ, создавшимъ и лелѣвшимъ ихъ, но согласіе было единственнымъ средствомъ добиться разрѣшенія пріема. Послѣ бурнаго засѣданія ограничительные пункты получили полное согласіе «Общества». Правда, было постановлено ходатайствовать передъ министромъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ условій, но эти ходатайства имѣли весьма ничтожный успѣхъ.

Предстояло объявить о возобновленіи пріема на курсы, но министръ народнаго просвѣщенія не далъ разрѣшенія на опубликованіе условій пріема до утвержденія комитетомъ министровъ временнаго положенія о курсахъ. Въ концѣ мая графъ Деляновъ внесъ наконецъ въ комитетъ министровъ свою записку о продолженіи пріема слушательницъ. Любопытно, что единственнымъ мотивомъ для возобновленія пріема графъ Деляновъ выставилъ неизбежность гибели собраннаго годами имущества. То обстоятельство, что курсы должны были закрыться за прекращеніемъ пріема слушательницъ, казалось незначительнымъ министру, онъ писалъ, что «ущербъ отъ сего для женскаго образованія не произойдетъ». Комитетъ министровъ постановилъ разрѣшить пріемъ слушательницъ на основаніяхъ, высочайше одобренныхъ, и предоставить министру собственною властью утвердить временное положеніе о курсахъ.

Въ началѣ іюля попечитель сообщилъ о постановленіи комитета министровъ и препроводилъ «временное положеніе», примѣрную таблицу числа лекцій и примѣрное расписаніе расходовъ на содержаніе курсовъ. По этому положенію, «Обществу для доставленія средствъ курсамъ» было позволено заботиться только о денежныхъ пожертвованіяхъ, но оно не могло ни контролировать, ни направлять употребленіе своихъ средствъ. Въ большую заслугу «Обществу» нужно поставить то, какъ ни было оно подавлено свершившимися измѣненіями, оно не потеряло энергіи и продолжало преслѣдовать свою цѣль—посильное содѣйствіе дѣлу высшаго женскаго образованія. На первыхъ же порахъ «Общество» приступило къ исполненію одного изъ ограничительныхъ пунктовъ — устройству интерната.

VI.

28-го сентября 1889 года возобновились занятія. Первымъ директоромъ курсовъ былъ назначенъ В. П. Кулинъ.

Первое время по возобновленіи курсовъ матеріальное положеніе ихъ опять заколебалось, число слушательницъ сильно уменьшилось и, несмотря на повышеніе платы (100 рублей вмѣсто 50), сборъ за слушаніе лекцій далеко не покрывалъ расходовъ, увеличившихся съ введеніемъ новой администраціи курсовъ. На уменьшеніе же числа слушательницъ влияло и сокращеніе программы преподаванія и повышеніе платы.

Осенью 1894 года, Кулинь оставилъ должность директора, и его мѣсто занялъ Н. П. Раевъ. Къ этому времени число слушательницъ достигло назначеннаго комплекта 400 человекъ, и только благодаря благосклонному отношенію государя, комплектъ этотъ былъ нарушенъ, и въ 1895—1896 гг. на курсахъ было 695 слушательницъ. Въ виду этого пришлось расширить интернатъ, чтобы дать возможность устроиться слушательницамъ сообразно требованіямъ «временнаго положенія». Нѣкоторое время обходились наемными квартирами, но затѣмъ, благодаря щедрой помощи А. М. и И. М. Сибиряковыхъ и Ю. А. Воронцовой-Вельяминовой, завѣщавшей обществу 50.000 рублей, явилась возможность приступить къ постройкѣ дома для общежитія, а къ 1-му сентября 1895 года общежитіе было выстроено и представляло собою удобное во всѣхъ отношеніяхъ помѣщеніе на 85 человекъ. Но потребность въ помѣщеніи еще не была удовлетворена. Въ 1897 году, съ этой цѣлью былъ приобрѣтенъ сосѣдній съ курсами домъ и при немъ еще свободный участокъ земли за 75.000 рублей. Теперь 130 слушательницъ могли жить въ интернатѣ, но все еще приходилось прибѣгать къ найму квартиръ.

Исторія курсовъ въ послѣднее десятилѣтіе характеризуется главнымъ образомъ ростомъ матеріальнаго благосостоянія. Обогатились за это время библіотека и кабинеты ботанической, зоологической и минералогической. Въ зданіи курсовъ была устроена обсерваторія. Въ 1899 году помѣщеніе курсовъ значительно расширилось, такъ какъ во дворѣ былъ построенъ флигель, въ которомъ помѣщаются большая аудиторія на 500 человекъ, актовъ залъ, библіотека и, кромѣ того, двѣ аудиторіи меньшаго размѣра, профессорская и инспекторская. Но и на этомъ не остановилось дальнѣйшее расширение курсовъ. Въ 1903 году было закончено еще одно зданіе, вмѣщающее въ себѣ 4 аудиторіи, 4 обширныхъ кабинета, вторую обсерваторію, кухню и столовую на 400 человекъ. Этой столовой пользуются какъ живущія въ интернатѣ, такъ и входящія слушательницы.

Въ 1895 году умерла Н. В. Стасова, память о которой навсегда сохранится на курсахъ. По инициативѣ В. П. Тарновской, въ память Н. В. Стасовой учреждено въ 1897 году «Общество вспомошествованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ».

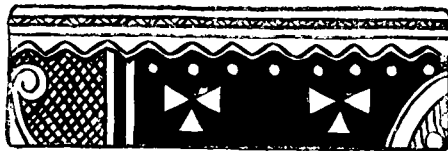
Прошло двадцать пять лѣтъ со дня открытія курсовъ. До ихъ возникновенія родители считали неприличнымъ отдавать своихъ дочерей на курсы; въ настоящее время «курсы» не въ состояніи вмѣстить всѣхъ жаждущихъ образованія. Польза, которую приносятъ окончившія высшіе курсы обществу, признана и въ пра-

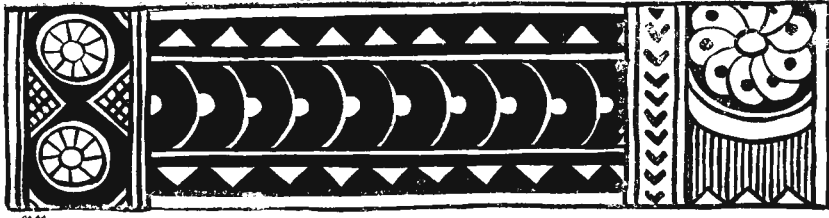

вительственныхъ сферахъ. Въ 1901 году было дано наконецъ разрѣшеніе окончившимъ высшіе женскіе курсы заниматься педагогической дѣятельностью и въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій.

Оглядываясь на пройденный курсами двадцатипятилѣтній путь, составитель историческаго очерка заканчиваетъ книгу слѣдующими строками: «Признаніе настало общее и выражается въ дѣятельномъ сочувствіи какъ къ самому учрежденію курсовъ, такъ и къ слушательницамъ. Кромѣ стипендій слушательницамъ, должно отмѣтить, что Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ 1895 года по настоящее время прислала въ пользу слушательницъ (въ уплату за лекціи) 6.600 рублей; петербургскою городскою думой учреждены слѣдующія стипендіи: имени М. М. Стасюлевича—двѣ стипендіи и имени А. С. Пушкина—двѣ стипендіи. Важнѣе матеріальной, конечно, нравственная побѣда, одержанная надъ обществомъ: существованіе высшихъ женскихъ курсовъ знаменуетъ громаднѣйшій шагъ на пути прогресса, сдѣланный русскимъ обществомъ. Но не легко и не сразу далась имъ эта побѣда. Конечно, для такого учрежденія, которое по замыслу должно было стать женскимъ университетомъ, пройденный періодъ времени представляется весьма недостаточнымъ. Существенно то, что оно могло удержаться, несмотря на все опасности, грозившія курсамъ съ разныхъ сторонъ, на много тяжелыхъ испытаній, которыя пришлось имъ пережить. Еще больше этихъ испытаній досталось на долю первыхъ пионерокъ высшаго женскаго образованія: матеріальная нужда, недоброжелательство окружающей среды, горькое сознаніе невозможности примѣнить въ жизни пріобрѣтенныя знанія—со всемъ этимъ приходилось бороться первымъ слушательницамъ курсовъ. Многія изъ нихъ пали въ непосильной борьбѣ, но за устоявшими осталась побѣда! Мало-по-малу необходимость высшаго образованія для женщины перестала быть вопросомъ, она превратилась въ общепризнанный фактъ, а высшіе женскіе курсы заняли опредѣленное, твердое положеніе среди просвѣтительныхъ учреждений Россіи».

В. Г. Канина.

ПАМЯТИ Н. О. ФЕДОРОВА И А. Е. ВИКТОРОВА.

В половинѣ декабря минувшаго года, въ одной изъ московскихъ больницъ, кротко и тихо угасъ одинъ изъ рѣдкихъ идеалистовъ, благороднѣйшая душа, одинъ изъ людей «не отъ міра сего», Николай Федоровичъ Федоровъ. Покойный долго занималъ скромную должность въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, а въ послѣдніе годы въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ ближайшіе дни послѣ его кончины, вѣроятно, не одинъ москвичъ былъ изумленъ, встрѣчая въ разныхъ газетахъ его некрологи и воспоминанія о немъ, дружно его прославлявшіе. Казалось, вдругъ было сдѣлано открытіе, найденъ былъ перлъ высокой цѣнности. Загадка была, однако, достаточно разъяснена въ единодушныхъ и безусловно согласныхъ отзывахъ о почившемъ. Такія неожиданныя открытія иногда бываютъ. Такъ «святой докторъ» Федоръ Петровичъ Гаазъ, заслуживавшій самаго глубочайшаго преклоненія, былъ уже почти забытъ, какъ прекрасная статья А. О. Кони въ «Вѣстникѣ Европы» напомнила о немъ и заставила всѣхъ читателей живо почувствовать душевную красоту. Не сравнивая покойнаго Федорова съ Гаазомъ, замѣчу только, что это былъ человѣкъ гаазовскаго типа, подвижникъ неутомимаго добросовѣстнаго труда и безкорыстнаго, самоотверженнаго общественнаго служенія. Онъ занималъ самое скромное общественное положеніе, жилъ аскетомъ и изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлялъ крохи служителямъ музея, выписывалъ для музея книги, почему нибудь казавшіяся ему необходимыми, разумѣется, на свои

гроши онъ дѣлалъ это лишь изрѣдка, но дѣлалъ. Лучше всѣхъ его изобразила въ газетной замѣткѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» Екатерина Степановна Некрасова, отмѣтившая и его высокія нравственныя качества и его образцовую, непримѣрную преданность дѣлу, которому онъ служилъ. Но можетъ показаться непонятнымъ, какимъ же чудомъ такой достойный человѣкъ всю жизнь оставался безвѣстнымъ за тѣсными предѣлами своей служебной дѣятельности. Но это объясняется просто обычнымъ преклоненіемъ передъ положеніемъ, рекламой и вѣшнимъ успѣхомъ. А Николай Федоровичъ ни о чемъ подобномъ не думалъ и не хлопоталъ и уклонялся отъ всякаго чествованія и отъ всего показного. Помню, лѣтъ десять назадъ одинъ молодой ученый В., жившій тогда въ Москвѣ, составилъ прекрасный адресъ Николаю Федоровичу, подъ которымъ немедленно явилось множество подписей. Николай Федоровичъ былъ тронутъ и благодарилъ, но скромно уклонился отъ овацій и пріѣзженной церемоніи, и эффектъ обычной въ подобныхъ случаяхъ обстановки былъ потерянъ. Больше ему адреса не подносили. Вообще онъ избѣгалъ декоративнаго почета, и, можетъ быть, ему пріятнѣе было слышать нѣсколько простыхъ словъ искренней благодарности, а такія слова слышалъ онъ часто. Этого человѣка и его умную бесѣду, въ которой всегда было много живой, самостоятельной мысли, высоко цѣнили замѣчательные умы: Ф. М. Достоевскій, философъ В. С. Соловьевъ и современный корифей литературы Л. Н. Толстой. Николай Федоровичъ всегда и со всѣми былъ одинаковъ и въ высшей степени скромнъ, но стоекъ и неуступчивъ въ убѣжденіяхъ. Онъ представлялъ собой замѣчательно опредѣленную и установившуюся личность. Любопытно, что посѣтители музея, зная его по имени и отчеству, въ большинствѣ случаевъ долго, очень долго не знали его фамиліи. И удачно, хотя и оригинально, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» его некрологъ былъ такъ озаглавленъ: «Памяти Николая Федоровича» (безъ фамиліи), и начинается трогательно простыми словами: «Не стало больше Николая Федоровича!» И всѣ, всѣ, кто его зналъ, мало сказать—уважали, но благоговѣли передъ нимъ и не обращали вниманія на его засаленный скюртукъ, продранные локти и иногда зимой валеные сапоги, и вообще производимое имъ, особенно на свѣжихъ людей, совершенно непрезентабельное впечатлѣніе. Екатерина Степановна Некрасова въ своемъ прекрасномъ, прочувствованномъ некрологѣ Н. Ф. Федорова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» чистосердечно признается, что до сихъ поръ краснѣетъ при воспоминаніи, какъ, принявъ его по костюму за музейскаго служителя, будучи ему благодарна за какое-то мелкое библиографическое одолженіе, на котораго онъ былъ всегда такъ щедръ, выслала ему двугривенный.

Милый, незабвенный Николай Федоровичъ! Кто изъ частыхъ посѣтителей Румянцевскаго музея въ семидесятыхъ и особенно

восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ не вспоминаеть о немъ съ задушевнымъ чувствомъ и искренней благодарностью? и въ комъ при извѣстїи о его смерти не шевельнулось чувство глубокой грусти? Всѣ, кто сколько нибудь серьезно работаль въ музеѣ, всегда пользовались у Николая Федоровича радушнымъ, привѣтливымъ приемомъ, и всѣмъ онъ охотно помогаль своей огромной библиографической опытностью и выработанной постояннымъ упражненїемъ библиографической смѣткой. Всѣ такіе посѣтители бывали какъ будто гостями Николая Федоровича, въ отношенїи къ которымъ онъ былъ неизмѣнно добрымъ хозяиномъ. Постоянно бывало встрѣчаешь въ каталожной знакомыя лица, точно это была одна большая семья. Въ разныхъ углахъ каталожной и за столомъ, стоявшимъ въ срединѣ, въ сторонѣ отъ книжныхъ шкаповъ, сидѣли обыкновенно «завсегдатаи», и всѣ чувствовали себя, какъ дома, въ кабинетѣ, прїятно и свободно. Часто принесеть служитель цѣлую охапку книгъ, такъ что иной разъ и класть некуда. Гдѣ же успѣть все пересмотрѣть до трехъ часовъ? Книги оставляются тамъ, гдѣ онѣ были положены, и никто ихъ не переложить, развѣ оботрутъ съ нихъ пыль, и никогда книги не заваливались и не приходилось долго искать ихъ, потому что Николай Федоровичъ почти жилъ въ каталожной и, вѣроятно, на досугѣ пересматриваль все, что было на столахъ, иначе трудно себѣ объяснить неизмѣнную сохранность всего. Николай Федоровичъ всей душой уходилъ въ свое дѣло и, казалось, какъ будто никогда и не выходилъ изъ каталожной. Если придешь слишкомъ рано, онъ ужъ на своемъ мѣстѣ, что нибудь ищетъ или читаетъ или приводитъ книги въ порядокъ, роется въ каталожныхъ карточкахъ. Но не надо думать, чтобы онъ копался надъ механической работой; онъ не сидитъ праздно, мысль его неустанно работаетъ. Если случайно попадешь въ музей въ праздничный день и спросишь у швейцара, здѣсь ли Николай Федоровичъ, почти всегда получаешь отвѣтъ: «кого другого нѣтъ, а ужъ Николай Федоровичъ всегда здѣсь, онъ уже давно пришелъ!» Въ самомъ дѣлѣ, шаги глухо раздаются по коридорамъ, все пусто, попадаютъ одни сторожа или печники, а въ каталожной уже Николай Федоровичъ съ какимъ нибудь изъ его обычныхъ гостей — и заняты дѣломъ, или онъ сидитъ одинъ и, заинтересованный какимъ нибудь вопросомъ, въ свободныя минуты что нибудь читаетъ, наводитъ справки. Другой просидитъ на его должности много лѣтъ и будетъ только отыскивать и доставать требуемыя книги, а онъ, стоя у книжнаго дѣла, всѣмъ интересовался, и живая мысль его постоянно требовала обмѣна мыслей, что дѣлало его крайне общительнымъ и близкимъ ко всѣмъ частымъ посѣтителямъ музея и создавало ему поклонниковъ; я знаю многихъ, которые, увлекаясь Николаемъ Федоровичемъ, этимъ несомнѣнно очень умнымъ и мыслящимъ человѣкомъ, готовы были съ горячностью утверждать

даже, что онъ былъ гений; многихъ трогало его безграничное благоговѣніе передъ наукой, но здѣсь онъ доходилъ до невѣроятныхъ крайностей, отставая, напримѣръ, совершенно невозможныя мысли, будто наука будетъ, вѣчно развиваясь, все увеличивать счастье человѣчества, и договаривался наконецъ до того, что, благодаря наукѣ, настанетъ пора, когда смерти не будетъ, и даже всѣ прежде умершіе воскреснутъ. Мнѣ жаль, если слова эти вызовутъ улыбку, что, конечно, очень возможно, но люди, знавшіе Николая Ѳедоровича, настолько уважали и любили его, что въ этомъ парадоксѣ видѣли только крайнее, но искреннее увлеченіе, что и было справедливо.

Гдѣ и когда найдешь такого энтузіаста и такого самоотверженнаго человѣка, всецѣло жившаго для другихъ? Сидишь иногда въ каталожной—хорошо и уютно у Николая Ѳедоровича. Быстро летятъ часы—и вотъ бьетъ звонокъ, возвѣщающій о прекращеніи занятій, пора уходить, но это надо скрыть отъ Николая Ѳедоровича, иначе онъ будетъ останавливать и увѣрять, что онъ все равно раньше пяти часовъ не уйдетъ изъ музея (официально въ музей по утрамъ можно заниматься до трехъ часовъ), что еще рано, и что у него есть свое дѣло. А иногда выходило неловко: другого спѣшнаго и неотложнаго дѣла бездна, и еще предстоитъ большое передвиженіе по Москвѣ, и непремѣнно надо уходить, но Николай Ѳедоровичъ баловства не любитъ и тотчасъ тономъ грустнаго укора скажетъ: «вы ужъ бѣжать собрались? а я вотъ еще посижу, хочу такую-то книгу посмотреть!» Иногда, благодаря ему же, успѣешь сдѣлать всѣ нужныя справки, и въ данное время остаться еще въ музей значитъ уже терять время, котораго такъ немного, а Николай Ѳедоровичъ заинтересуется справкой и безъ конца продолжаетъ еще что нибудь отыскивать, и не знаешь, какъ вырваться. Пришлютъ ему записи изъ читальнаго зала съ требованіями книгъ, а онъ, не ограничиваясь требованіями, соображаетъ, что еще есть по данному вопросу, и, отыскавъ, посылаетъ въ видѣ сюрприза еще нѣсколько относящихся къ вопросу книгъ. Помню, однажды (кажется, въ 1887 г.) Н. А. Бѣлозерская, приступая къ своей извѣстной работѣ о Нарѣжномъ, попросила меня справиться, не осталось ли какихъ нибудь касающихся его документовъ въ архивѣ Московскаго университета, и прибавила еще нѣсколько вопросовъ, но отвѣты на все были получены только отрицательные. Прихожу къ Николаю Ѳедоровичу, онъ на цѣлые дни ушелъ въ поиски за Нарѣжнымъ и въ результатѣ указалъ столько источниковъ, что Надежда Александровна Бѣлозерская была пріятно изумлена и благодарила (у меня сохраняется ея письмо, написанное по этому поводу). И только разъ было полное разочарованіе: академикъ Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ разыскивалъ какой-то листокъ, editio princeps одной изъ одъ Ломоносова. Но тутъ ужъ и Николай Ѳедоровичъ не по-

могъ, такъ какъ это ужъ было нѣчто въ родѣ желанья птичьяго молока. И съ полной готовностью онъ рылся и отыскивалъ для всѣхъ книги и источники и радовался, когда удавалось удовлетворить, но зато недолюбливалъ, когда кто либо изъ его обычныхъ посѣтителей долго не заглядывалъ въ каталожную. Одинъ давно умершій профессоръ мнѣ сознавался, что ему неловко было показаться въ Румянцевскій музей: совѣстно передъ Федоровымъ! Но Николай Федоровичъ бывалъ рѣзокъ, если кто нибудь нечаянно затрогивалъ горячее патріотическое чувство или говорилъ какое нибудь легкомысленное слово о наукѣ; тутъ онъ былъ фанатикомъ. Я слышалъ, что за неуважительный отзывъ о Россіи онъ буквально выгналъ изъ каталожной одного даровитаго молодого ученаго. Характера онъ былъ независимаго и, относясь пренебрежительно къ матеріальнымъ благамъ, совершенно игнорировалъ сильныхъ міра. Когда одинъ изъ прежнихъ директоровъ музея, никогда не заглядывавшій въ него, случайно проходилъ по коридору около каталожной, Николай Федоровичъ громко, взволнованнымъ голосомъ, сказалъ: «нѣтъ, ужъ если ты получаешь синекуру, такъ ужъ ты и не ходи, не показывайся!» Особенно же онъ терпѣть не могъ людей, чья проповѣдь расходилась съ словомъ, на примѣръ, по вопросу воздержанія и отреченія отъ благъ міра, и въ глаза называлъ ихъ притворщиками и лицемѣрами, на чтѣ имѣлъ полное право, живя, какъ францисканскій или бенедиктинскій монахъ. Однажды одинъ директоръ музея, какъ рассказываетъ Е. С. Некрасова, высоко уважая Федорова и желая его извлечь изъ когтей нищеты, предложилъ ему другое мѣсто съ лучшимъ содержаніемъ. Къ великому его изумленію, Николай Федоровичъ отказался. «А если бы вамъ предложили мое мѣсто?»—спросилъ директоръ.—«И отъ него отказался бы!»—отвѣчалъ Федоровъ. Директоръ этотъ былъ, навѣрное, свѣтлой памяти Михаилъ Алексѣевичъ Веневитиновъ. Доброжелательный ко всѣмъ, будучи аристократомъ по рожденію и привычкамъ, изящный и элегантный, онъ не могъ видѣть уважаемаго человѣка почти въ жалкомъ рубищѣ, но на этотъ разъ этотъ высокой души человѣкъ не понялъ своего дорогого сослуживца и съ сожалѣніемъ и въ крайнемъ недоумѣніи долженъ былъ оставить его въ покоѣ... Расскажу еще одинъ случай. Однажды случилось, что въ каталожной всѣ мѣста были заняты (чего почти никогда не бывало), и вошелъ одинъ сіятельный посѣтитель, занимавшійся наукой. Недовольный тѣмъ, что не могъ найти себѣ мѣсто, посѣтитель обратился къ Николаю Федоровичу съ претензіей, напоминая, что въ каталожной, по правиламъ музея, не должно быть постороннихъ посѣтителей. «Если, ваше сіятельство, вы протестуете противъ нарушенія правилъ, то прошу васъ перваго показать примѣръ и уходить изъ каталожной»,—сказалъ Николай Федоровичъ.

Говоря о Николаѣ Федоровичѣ Федоровѣ, грѣшно было бы не вспомнить и о его другѣ, о такой же замѣчательной личности, какъ

онъ, объ Алексѣѣ Егоровичѣ Викторовѣ, хранителѣ рукописей въ рукописномъ отдѣленіи музея въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти Викторова, была о немъ въ «Русской Старинѣ» прочувствованная статья Е. С. Некрасовой, но потомъ о немъ нигдѣ не было ни слова, и никто не вспомнилъ его въ истекшемъ году по случаю исполнившагося двадцатилѣтія со дня его кончины. Я позволю себѣ рассказать только одинъ незначительный случай изъ его жизни, но, тѣмъ не менѣе, его характеризующій.

Однажды (это было въ 1882 г.), передъ началомъ лѣтнихъ каникулъ, по окончаніи занятій и уже послѣ звонка, Алексѣй Егоровичъ случайно спросилъ меня, гдѣ я намѣренъ провести лѣто, куда ѣду, и, услыжавъ, что въ Виленскую губернію, немного подумавъ, сказалъ: «А вѣдь и я давно туда собираюсь, въ тамошній музей, но все не было случая; ужъ не поѣхать ли вмѣстѣ съ вами?» Но я ѣхалъ собственно не въ Вильну, а къ родственникамъ въ Свенцянской уѣздъ, куда, кажется, Викторову ѣхать не представляло интереса, и вотъ мы условились съѣхаться въ Вильнѣ. Въ назначенное время приѣзжаю въ Вильну, въ одной изъ гостиницъ отыскиваю Викторова, и онъ тотчасъ же захотѣлъ пойти въ музей, чтобы поговорить съ извѣстнымъ галицко-русскимъ ученымъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Головацкимъ, который былъ тогда въ Вильнѣ председателемъ комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ. Въ одну изъ предшествующихъ моихъ поѣздокъ въ Свенцяны и Вильну, по рекомендаціи покойнаго академика Я. К. Грота, я познакомился съ Головацкимъ и теперь могъ удовлетворить желанію А. Е. Викторова, въ свою очередь, познакомить его съ Головацкимъ. Тотчасъ у Головацкаго съ Викторовымъ завязался утомительный для посторонняго слушателя, но чрезвычайно интересный для обоихъ собесѣдниковъ разговоръ объ обмѣнѣ дублетовъ старопечатныхъ книгъ. Дѣло въ томъ, что Викторовъ служилъ музею, какъ и Ѳедоровъ, поистинѣ «не за страхъ, а за совѣсть», и на скудное свое жалованье въ свободные лѣтніе мѣсяцы часто предпринималъ поѣздки по архивамъ, библіотекамъ и монастырямъ съ цѣлью раздобыть недостающія въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго музея рѣдкости. При поѣздкѣ въ Вильну имъ руководила та же цѣль. Только-что оба библіографа встрѣтились, какъ у нихъ пошелъ нескончаемый разговоръ о томъ, что находится, и что можно достать въ разныхъ книгохранилищахъ, при чемъ замѣтно было, что не только оба прекрасно знали на память, что есть и чего недостаетъ въ ихъ музеяхъ, такъ что не имѣли нужды въ справкахъ по каталогамъ, но передавали другъ другу, что имъ случалось видѣть въ разныхъ другихъ книгохранилищахъ, при чемъ, конечно, обнаружилось, что Головацкій былъ больше специалистъ по заграничнымъ библіотекамъ, львовской, краковской и т. п., а

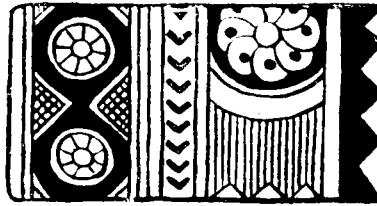
Викторовъ—по русскимъ. Разговоръ, не надолго утихая, все вновь возобновлялся и, казалось, будетъ продолжаться безъ конца. Однако на этотъ разъ практической результатъ оказался довольно незначительный: поговорили, много поразсказали другъ другу, обо многомъ условились и дали другъ другу разныя обѣщанія, такъ что на будущее время знакомство ихъ могло быть полезно для подвѣдомственныхъ имъ учрежденій, но въ настоящую минуту дублетовъ, приобретенныхъ Викторовымъ, было такъ немного, что, если не ошибаюсь, ему не пришлось даже брать извозчика. Зато явились большія надежды на будущее. И для такихъ подчасъ незначительныхъ результатовъ Викторовъ не уставалъ предпринимать иногда даже трудныя поѣздки. Досаднѣе всего, что мечты обоихъ библиографовъ о взаимныхъ услугахъ были безжалостно разрушены судьбой, такъ какъ въ слѣдующее же лѣто Викторовъ, отправившись лѣчиться на Кавказъ, послѣ одной прогулки въ горы разгорячившись, не утерпѣлъ и напился холодной воды и скоропостижно умеръ въ Пятигорскѣ, а вскорѣ (въ 1888 г.) умеръ и Головацкій. Викторовъ былъ такой же скромный и не блиставшій внѣшностью человекъ, какъ и другъ его Федоровъ, хотя и безъ крайностей послѣдняго; когда его, одинокаго и случайно заѣхавшаго въ Пятигорскъ прїѣзжаго, хоронили, то прислуга была удивлена, увидавъ его ордена и узнавъ, что онъ имѣлъ довольно высокій чинъ. Бесѣду Викторова очень цѣнили такіе тузы науки, какъ покойные Буслаевъ и Тихонравовъ.

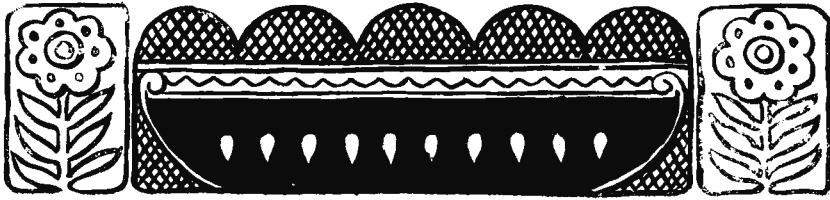
И такіе люди были украшеніемъ Румянцевскаго музея недавно, на нашей памяти, а еще слѣдуетъ хотя вскользь упомянуть о гуманномъ, высоко образованномъ директорѣ музея, Михаилѣ Алексѣевичѣ Веневитиновѣ, о Николаѣ Ильичѣ Стороженкѣ, о Дмитріи Петровичѣ Лебедевѣ. И когда вспомнишь счастливое прошлое время, когда случайно въ этомъ музеѣ сгруппировалось нѣсколько поистинѣ замѣчательныхъ и рѣдкихъ личностей, какъ-то становится грустно, что тогда казалось самымъ простымъ и обыкновеннымъ, самымъ естественнымъ дѣломъ, что въ рукописномъ отдѣленіи во всякое время можешь встрѣтить Алексѣя Егоровича Викторова и пользоваться его указаніями, или Дмитрія Петровича Лебедева, а въ каталожной милѣйшаго Николая Федоровича. Этихъ людей всѣ уважали и цѣнили, но какъ-то не приходила тогда мысль, что такихъ людей больше никогда и нигдѣ не встрѣтишь. Впрочемъ то же можно сказать и о многихъ славныхъ дѣятеляхъ въ другихъ сферахъ. Вотъ примѣръ. Недавно минуло десятилѣтіе (въ ноябрѣ 1903 г.) со дня кончины Николая Саввича Тихонравова, которымъ во время его профессуры и ректорства гордился весь Московскій университетъ, который былъ истиннымъ и драгоцѣннымъ украшеніемъ многихъ ученыхъ обществъ Москвы, который былъ извѣстенъ, какъ челонѣкъ глубокой эрудиціи и сильнаго, замѣчательнаго ума, и прїятно было

тогда всѣмъ такъ или иначе прикосновеннымъ къ университету или ученымъ обществамъ сознавать, что среди нихъ или во главѣ ихъ находится такой тузъ, такая крупная величина, человѣкъ такого высокаго авторитета! И все это миновало и умчалось, и куда ты ушло, славное, дорогое время? И не думалось тогда, что все пройдетъ быстро, и останутся потомъ одни постепенно изглаживающіяся грустныя и дорогія воспоминанія.

Влад. Шенрокъ.

В. Л. ВЕЛИЧКО.

ВЪ НОЧЬ на 31-е декабря минувшаго года скончался отъ воспаления легкихъ талантливый поэтъ и извѣстный публицистъ Василій Львовичъ Величко. Онъ умеръ сорока трехъ лѣтъ—въ расцвѣтѣ силъ и разгарѣ дѣятельности. Никто изъ близко знавшихъ В. Л. не ожидалъ такой быстрой и печальной развязки. Но сердце не выдержало. А перестрадать этому сердцу пришлось немало.

До 1896 года, когда Величко уѣхалъ въ Тифлисъ редактировать газету «Кавказъ», его литературная карьера протекала ровно, ознаменовываясь хотя не шумнымъ, но прочнымъ успѣхомъ. Имя В. Л. можно было встрѣтить на страницахъ всѣхъ журналовъ, которые называются у насъ «лучшими». Изящное и оригинальное поэтическое дарованіе создало ему извѣстность въ кругу читателей и установило за нимъ солидную репутацію въ литературѣ.

Особенный успѣхъ имѣли «Восточные мотивы», дѣйствительно отличающіеся крупными достоинствами. Стихъ прекрасный, звучный, простой, какъ разговорная рѣчь, но въ то же время безъ рѣжущихъ ухо прозаизмовъ. Мѣстный колоритъ переданъ чрезвычайно искусно. Большинство «мотивовъ» проникнуто юморомъ, которымъ нашъ поэтъ вообще былъ надѣленъ щедро. На ряду съ милыми, остроумными пустячками, въ родѣ «Татарскаго анекдота» «Ахметъ на минаретѣ», находимъ такія значительныя и по объему, и по смыслу поэмы, какъ «Ханъ, свинья и три ученыхъ», «Амру» и т. п.

Но и въ мелочахъ не всегда скрывается мелкое поученіе. Ахметъ забрался на минаретъ—

И врьдъ нимъ, какъ на ладони,
 Городъ всталъ: дома, базаръ,
 Буны темныя чинарь...
 Копопились люди, кони...
 Чуть замѣтны съ высоты
 Были люди и скоты...
 — «Двадцать дѣтъ живу на свѣтѣ»—
 Онъ воскликнулъ въ тотъ же мигъ:—
 «А теперь лишь я постигъ
 «Стоя здѣсь, на минаретѣ,
 «Какъ ничтоженъ родъ людской,
 «Какъ малы всѣ предо мной!»
 Вдалекѣ-жъ, играя, дѣти
 Разсуждали межъ собой:
 «Посмотри-ка, кто такой
 Тамъ торчитъ на минаретѣ?»
 И рѣшилъ весь хоръ дѣтей:
 — «Это просто воробей!»...

Въ такомъ же родѣ «Неудачливый одноженецъ», «Тридцать шесть халатовъ», «Усердный песъ», «Штопаная роскошь», «Старцевъ бугоръ», «Откровенный паша». Последнюю бездѣлушку стоитъ привести цѣликомъ.

«На пиру паша Дамасскій
 Молвилъ, выпивши слегка,
 — «Всѣхъ разбойниковъ я знаю
 «Моего пашалыка!
 «Захотѣлъ бы—всѣхъ немедли
 «Перевѣшать могъ бы я!»
 — «Что-жъ ты медлишь?!»—закричали
 Удивленные друзья.
 А паша, въ припадкѣ смѣха,
 Трисся, взявшись за бока:
 — «Вы меня рѣшили, видно,
 «Принимать за дурака!
 «Ну, къ чему ловить всѣхъ сразу,
 «Если больше во сто кратъ
 «Я за нихъ поодиначкѣ
 «Получить могу награду».

Лучшими въ серіи «Восточныхъ мотивовъ» являются поэмы— «Ханъ, свинья и три ученыхъ» и «Амру». Въ послѣдней особенно хороша картина раскинувшихся станомъ, ночью, въ пустынѣ, полчищъ Амру.

Приготовленъ ночлеги: поднялися шатры,
 И во мглѣ непроглядной рядами костры
 Стали ярко пылать и дымиться,
 Отражаясь на шлемахъ и копыяхъ стальныхъ.

Вотъ, вокругъ стана разставлена цѣпь часовыхъ,
 Прозвучало послѣднее слово молитвы—
 И покой воцарился... На завтра походъ,
 Чуть заря алой кровью сводъ неба зальетъ:
 Надо силы набраться для битвы!
 Много витязей въ райскія двери войдутъ,
 Не спасутъ ихъ ни шлемы, ни брони..
 Богатырски заснутъ утомившіяся людъ;
 Только слышно, какъ жвачку верблюды жуютъ,
 Да порою зафыркаютъ кони,
 Словно чувуютъ они приближеніе враговъ.
 Но враговъ не видать... Меркнетъ пламя костровъ,
 Задремали давно часовые,
 Опершись на копья... Безмолвная мгла
 Черной тучей на лагерь уснувшій легла.
 Снятся воинамъ сны золотые...

Оригинальныя стихотворенія Величка также точно обличаютъ въ немъ поэта съ недюжиннымъ дарованіемъ. Само собою, что въ нихъ нѣтъ и тѣни «декаденщины» или тенденціознаго нытья. Разнообразныя и интересныя въ смыслѣ настроенія и сюжетовъ, они свидѣтельствуютъ о принадлежности ихъ автора къ той благородной школѣ, которая ведетъ свое начало непосредственно отъ Пушкина.

Общій характеръ поэзіи Величка бодрый, увѣренный, проникнутый любовью къ жизни, къ людямъ и къ природѣ. «Въ зеленой дымкѣ млѣетъ лѣсъ», возвращается весна, и поэтъ встрѣчаетъ ея приходъ «мольбой за всѣхъ, чей духъ печальный не въ силахъ вѣрить въ міръ чудесъ, мольбой о томъ, чтобъ непогода и лютой утренній морозъ

Хлѣбовъ не погубили всхода,
 И чтобы цвѣлъ, мужалъ и росъ,
 Чтобы не погибъ отъ раннихъ грозъ
 Выходъ молодости,—цвѣтъ народа!..

Природу поэтъ всегда «любилъ и понималъ». «Одною жизнью съ ней мнѣ жить такъ было сладко!» — восклицаетъ онъ въ стихотвореніи «Изъ дневника».

Припавъ къ ея груди, я ночи короталъ;
 Мнѣ звѣздъ,—ея очей,—ясна была загадка
 И шепотъ вѣтерка, шумѣшаго украдкой,
 И каждый вздохъ ея съ восторгомъ я впивалъ!
 А какъ я мучился, какъ зорко примѣчалъ
 Въ моей возлюбленной малѣйшій знакъ упадка!
 Какъ листикъ каждый сохъ, и какъ желтѣлъ камышь,
 Какъ птички пѣвчія пускалися въ дорогу,
 Какъ осыпалась розъ, и какъ нѣмая тишь
 Въ свои права вездѣ вступала понемногу.

Ясностью, простотою и искренностью отмѣчены стихи, посвященные чувству любви.

О, не вдыхай съ тоской напрасной
 О первыхъ радостяхъ любви,
 Въ разгарѣ лѣта не зови
 Мелькнувшихъ дней весны прекрасной!
 Весна дала землѣ цвѣты,
 Трель соловья въ тѣни березы;
 Разсвѣтъ любви далъ счастья слезы
 И опьяненіе мечты.
 Настало лѣто... Солнце грѣетъ,
 Синій и ярче неба сводъ,
 Повисъ на вѣткахъ пышный плодъ,
 На нивахъ колосъ тучный зрѣеть...

Какъ это вѣрно, умно, жизненно и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтично! А вдаться въ реторику было очень легко. Но и въ риторическихъ сюжетахъ Величко удерживается на высотѣ истинной поэзіи. Вотъ, на примѣръ, нѣсколько строкъ изъ стихотворенія «Дружба»: «Не нужно ей ни клятвы, ни лживыхъ обѣщаній, не нужно излишнихъ словъ и пламенныхъ признаній,

Ни вздоховъ сдержанныхъ, ни свѣтлыхъ, горькихъ слезъ,
 И ей невѣдомы ни трепеть ожиданья,
 Ни жгучей ревности порывы и терзанья,
 Ни мукъ сомнѣнія томительный хаосъ.
 Спокоенъ взоръ ея, какъ неба сводъ лазурный,
 Какъ зеркало воды у пристани безурной,
 А рѣчь правдивая такъ ласково проста,
 Какъ тихій плескъ ручья среди прохладной чаши,
 Какъ мирный благовѣсть, куда-то вдаль манищій...
 И въ дружбѣ скромная таится красота,
 Какой полны для насъ родимыя мѣста».

Да, въ лицѣ Величка русская поэзія понесла не легко замѣнимую утрату, особенно по нынѣшнимъ временамъ, когда подъ видомъ исканія «новыхъ путей» наиболѣе способные стихотворцы предаются изображенію всякой мерзости, и въ порнографическомъ экстазѣ договариваются поистинѣ до геркулесовыхъ столбовъ.

Несомнѣнно, значеніе и успѣхъ В. Л., какъ поэта, росли бы и крѣпли съ каждымъ годомъ, если бы онъ исключительно посвятилъ себя «чистому искусству».

Судьба, однако распорядилась такъ, что ему пришлось выступить и на боевомъ публицистическомъ поприщѣ. Горячій и впечатлительный, Величко не могъ отнестись равнодушно къ тѣмъ открытіямъ, которыя онъ сдѣлалъ, ставъ во главѣ тифлисской газеты. Армянская плутократія обрисовалась передъ нимъ во весь ростъ, и онъ объявилъ ей войну не на животъ, а на смерть. Первый фа-

зисъ этой войны завершился пораженіемъ Величка. Онъ долженъ былъ покинуть «Кавказъ».

Вернувшись въ Петербургъ, Василій Львовичъ энергично сталъ продолжать русское дѣло, начатое имъ на окраинѣ. Въ 1901 году возникло «Русское собраніе». Величко выступилъ однимъ изъ учре-

Василій Львовичъ Величко.

дителей и дѣятельнѣйшихъ его членовъ. Въ апрѣлѣ 1902 года онъ, вмѣстѣ съ В. В. Комаровымъ, принялъ на себя редактированіе «Русскаго Вѣстника». Здѣсь сразу же обратилъ на себя вниманіе заведенный имъ постоянный отдѣлъ «Русскія рѣчи». Это были прямыя, сильныя и глубокоубѣжденныя рѣчи. Величко говорилъ полнымъ голосомъ, презирая компромиссы, тщательно избѣгая

18*

недомолвокъ и касаясь вопросовъ, близкихъ каждому русскому человѣку. Разумѣется, число враговъ, которыхъ онъ нажилъ за время «кавказской кампаніи», значительно увеличилось. Но и среди единомышленниковъ находились «осторожные», полагавшіе, что «такъ горячиться не слѣдуетъ», что Величко «хватаетъ черезъ край», увлекается.

Послѣднюю главу «Русскихъ Рѣчей» (въ январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1904.) Величко посвятилъ вопросу о «духовной сущности и свободѣ писателя». Статья проливаетъ свѣтъ на міровоззрѣніе безвременно скончавшагося публициста. Она проникнута духомъ высокаго идеализма. В. Л. раздѣляетъ въ основѣ взглядъ Карлейля, видѣвшаго въ писателѣ героя и называвшаго созданіе письменности героическимъ трудомъ. «Книга запечатлѣваетъ въ себѣ душу всѣхъ прошедшихъ вѣковъ. Все, что человѣчество дѣлало, о чемъ мыслило и чѣмъ оно было,—все это покоится, какъ бы объятое магическимъ сномъ,—тамъ, на страницахъ книгъ. Книга—величайшее сокровище человѣка! Литература постольку, поскольку она литература, есть апокалипсисъ природы, раскрытіе открыто лежащей тайны или, какъ выражается Фихте въ своихъ эрлангенскихъ лекціяхъ,—«непрерывное откровеніе божественнаго въ земномъ и человѣческомъ».

«И такъ,—резюмируетъ Величко,—литература есть не только отраженіе жизни, но и откровеніе. Она—сама жизнь, болѣе тонкая и духовная, чѣмъ то, что принято называть жизнью въ обычномъ смыслѣ слова. Она не только создаетъ свои отвлеченно-литературныя явленія; нѣтъ, ея власть простирается и на факты реальной жизни! Она создаетъ монархіи, парламенты, революціи, поддерживаетъ или разрушаетъ семью, общину, церковь и т. д. Отвлеченныя литературныя произведенія порождаютъ живыхъ, реальныхъ людей, съ тѣмъ или инымъ духовнымъ и даже физическимъ обликомъ».

Такою могущественною представлялъ себѣ Величко литературу. Но кто обладаетъ подобною полнотою власти, на томъ лежитъ и сообразная отвѣтственность. Истинный литераторъ не можетъ быть ни гаеромъ, ни флюгеромъ, ни угодникомъ легкомысленной и перемѣнчивой въ симпатіяхъ толпы. Онъ долженъ «умѣть страдать», потому что его высокая профессія связана гораздо больше со страданіями, нежели съ радостями. Однимъ изъ серьезнѣйшихъ источниковъ «писательскаго страданія» Величко считаетъ «неуравновѣшенность и двойственность натуры». «У человѣка, ставшаго писателемъ, появляется какъ бы вторая духовная природа, управляемая собственными законами и большею частью стоящая выше личной натуры того же человѣка, съ которою онъ ведетъ ожесточенную борьбу. Напримѣръ, Лѣсковъ былъ очень физическій человѣкъ, съ кипучими страстями и нравственнымъ обликомъ матеріа-

листа, а въ литературѣ онъ являлся однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей идеализма. Нерѣдко творецъ возвышенныхъ произведеній является безнравственнымъ, какъ Мюссе, или мелкоштеславнымъ и стяжательнымъ, какъ Гюго или Фетъ. Весьма характерно, что біографы крупныхъ писателей всегда наносятъ ущербъ обаянію ихъ произведеній».

Помимо этого страданія отъ неуравновѣшенности и двойственности натуры, истинный писатель неизбѣжно переживаетъ мучительныя минуты въ зависимости отъ характера и содержанія творческаго процесса. Достоевскій не могъ не страдать, создавая Карамазовыхъ. Жители Вероны, глядя на печальное лицо Данта, говорили: «вотъ человѣкъ, который побывалъ въ аду». Жизнь писателя въ обществѣ и въ родномъ литературномъ кругу также не легка. Чтобы выдержать искусь и не сломиться, надо выработать личный характеръ, надо идти на страданія и умѣть ихъ выносить безъ лишняго крика». Хорошо имѣть не мѣшающую литературѣ профессію, которая давала бы возможность существовать, не пользуясь писательскимъ даромъ для утилитарныхъ цѣлей. Особенно долженъ остерегаться писатель «жажды популярности», которая, разгораясь, становится неутолимой. «Пусть каждый, вступающій въ священный храмъ литературы, скажетъ тебѣ: «не хочу быть яркимъ электрическимъ фонаремъ на дверяхъ растлѣннаго кафешантана. Я предпочитаю быть еле видной восковой свѣчечкой предъ алтаремъ моей святыни».

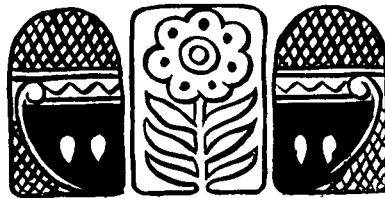
Кажется, не нужно питать никакихъ исключительныхъ «консервативныхъ склонностей», чтобы оцѣнить высокой строй мысли, высказываемыхъ В. Л. Величко относительно призванія и долга писателя. Наши литературныя нравы стали уже слишкомъ непринужденными и слишкомъ рѣдко соединяются слова: «литература» и «служеніе». До личности писателя, до интимныхъ подробностей его біографіи намъ, конечно, нѣтъ дѣла. Человѣкъ умираетъ, писатель остается жить. Въ интересахъ литературы, а, стало быть, и общества важно и необходимо, чтобы писатель являлся на своемъ посту дѣйствительно честнымъ, искреннимъ, убѣжденнымъ, безкорыстнымъ и безстрашнымъ ратоборцомъ того дѣла, которому служить.

Въ послѣднихъ «Русскихъ рѣчахъ» Величко напомнилъ немало «забытыхъ словъ», когда-то твердо державшихся въ памяти каждаго русскаго литератора. Справедливость требуетъ сказать, что, поучая такимъ образомъ другихъ, онъ и самъ старался слѣдовать указываемому пути. Въ качествѣ боевого публициста русскаго направленія, В. Л. немало хлебнулъ горечи. Чтобы успѣшно служить этому направленію, нуженъ большой запасъ мужества. Въ обществѣ слово «націоналистъ» еще не успѣло стать браннымъ, но въ печати оно уже пріобрѣло далеко не комплиментарный смыслъ.

Кто служить русскому дѣлу, тотъ на худой конецъ—человѣкъ неискренній, карьеристъ, себѣ на умѣ. Нужно ли доказывать, въ какой мѣрѣ это несправедливо и... «наивно». Почему писатель, эксплуатирующій слабости и грѣшки «большой публики», увѣнчиваемый за это лаврами и надѣляемый достаточнымъ количествомъ якобы презрѣннаго металла, избавленъ отъ упрековъ въ неискренности и желаніи «лучше устроиться», а писатель, идущій «противъ теченія», долженъ по горло наглотаться всякой грязи, прежде чѣмъ услышитъ отъ кого нибудь доброе слово, увидитъ проявленіе хоть какого нибудь сочувствія? Мы не имѣемъ данныхъ судить о В. Л. Величкѣ, какъ о человѣкѣ. Передъ нами его литературная и общественная дѣятельность. Надо быть исключительно пристрастнымъ, чтобы отрицать въ этомъ литераторѣ и дѣятелѣ талантъ, умъ, образованіе, энергію, убѣжденность. Своему дѣлу онъ служилъ не за страхъ, а за совѣсть, насколько хватало силъ и разумѣнія.

К. Петровъ.

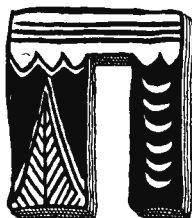
НА СРЕДНЕМЪ ПЛѢСѢ ¹⁾.

(Путевые наброски).

—
V.

Въ Ярославлѣ.

Ярославль городокъ—Москвы уголокъ.
Пословица.

ПАРОХОДЪ, на который мы сѣли въ Толгѣ, принадлежалъ къ числу мѣстныхъ, совершающихъ рейсы только въ окрестностяхъ Ярославля, кажется, не далѣе Нурскаго.

Это было небольшое, довольно аляповатое и грязное судно, производившее послѣ изящныхъ Самолетскихъ и Зарубинскихъ пароходовъ довольно курьезное впечатлѣніе.

Въ маленькой рубкѣ, для привилегированной публики, передъ образомъ Николая чудотворца теплилась лампадка. Сама рубка была настолько тѣсна, что сидѣвшіе четыре мелкихъ торговца наполняли собою почти все ея пространство.

Поставивъ вещи въ свободномъ уголкѣ рубки, мы поднялись на небольшую верхнюю площадку, гдѣ помѣщались вкупѣ и влюбѣ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 209.

и публика, и капитанъ, и рулевой матросъ. Отношенія между ними были самыя семейныя, и бесѣда велась общая. Рѣчь шла о какомъ-то мѣстномъ негоціантѣ, получившемъ, по ихъ расчетамъ, большіе барыши отъ удачной поставки. Въ тонѣ собесѣдниковъ слышалось глубокое уваженіе къ человѣку, которому удалось нажить столько денегъ.

— Голова!— замѣчали одни.

— Голова—головой, но при всемъ томъ и энергія!—поправляли другіе.

Отъ Толги до Ярославля считается не болѣе восьми верстъ, и не раздѣляя ихъ широкая Волга, Толгу смѣло можно было бы назвать ярославскимъ подгороднымъ монастыремъ.

Не успѣли скрыться бѣлыя стѣны и высокая колокольня обители, какъ впереди, на правомъ берегу уже ясно вырисовались силуэты ярославскихъ зданій, и черезъ нѣсколько минутъ передъ нами во всей красѣ развернулся этотъ волжскій щеголь, красиво раскинувшійся надъ своею родною рѣкою.

Вдоль возвышеннаго берега, крутымъ уступомъ спускавшася къ Волгѣ, тянулась длинная, покрытая зеленью набережная, превращенная въ красивый бульваръ, который, начинаясь у стоявшей на самомъ берегу церкви Петра и Павла, шелъ до виднѣвшагося вдаль устья рѣки Которости. Изъ-за стройной линіи деревьевъ бульвара выглядывали прибрежные дома, купола и колокольни церквей. Наклонная плоскость зеленого откоса была испещрена многочисленными подъемами и спусками; впереди, въ полугорѣ бѣлымъ пятномъ выдѣлялась старая, приземистая башня, а за нею, на мысу надъ Которостью, почти совсѣмъ прикрытый окружающею зеленью, виднѣлся Демидовскій лицей и правѣ отъ него колокольня и золоченныя главы собора. Весь берегъ у воды былъ занятъ пароходными пристанями, плотами и стоявшими на якорѣ судами. На берегу суетился народъ, сновали рабочіе, крочники, проѣзжали ломовые,—словомъ жизнь кипѣла во всю.

А между тѣмъ было время, когда, по словамъ рукописнаго преданія, мѣсто это было «зѣло пусто» и называлось ни болѣе, ни менѣе, какъ Медвѣжьимъ угломъ, въ которомъ вмѣсто нынѣшнихъ храмовъ Божіихъ возвышался жертвенникъ скотьяго бога Волоса, а жители селенія были извѣстны своимъ дикимъ нравомъ и разбоями. Это было въ XI столѣтіи. Русью правилъ тогда великій князь Ярославъ Владимировичъ, и захотѣлось ему, говоритъ преданіе, осмотрѣть свой Ростовскій удѣлъ, пустовавшій послѣ убіенія братьевъ его, Бориса и Глѣба. Ярославъ пустился въ путь и изъ Новгорода переправился со своею дружиною на Волгу. Здѣсь онъ самъ былъ очевидцемъ, какъ жители Медвѣжьяго угла бросились грабить проходившія мимо купеческія суда. Купцы оборонялись крѣпко, но конецъ ихъ уже наступалъ, такъ какъ разбойники по-

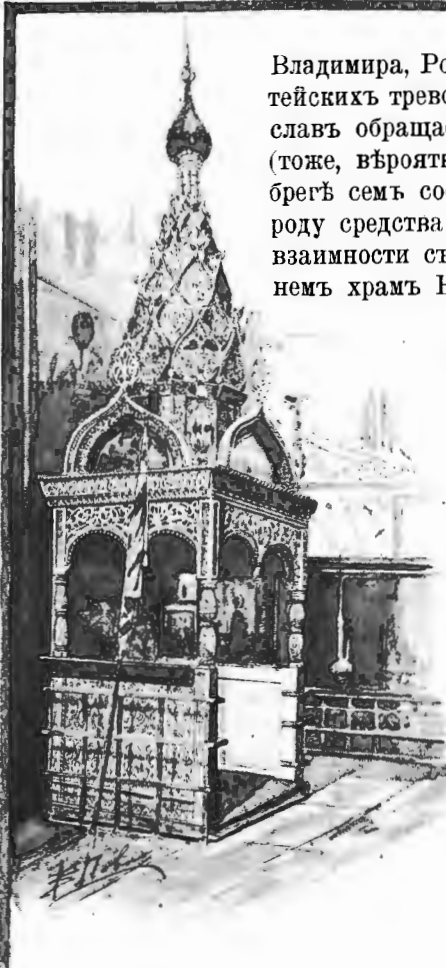
Зрославъ съ верхняго острова.

дожгли суда. Видя это насиліе, Ярославъ приказалъ дружинѣ «разгнати шатаніе беззаконныхъ, да спасутся неповинніи». Княжая дружина храбро кинулась на разбойниковъ и разбила ихъ подлѣ устья Которости, за которою неподалеку находилось и ихъ селеніе. Ярославъ вышелъ на берегъ. Онъ увѣщевалъ жителей оставить свой злой обычай, прекратить разбой и креститься. Жители поклялись передъ идоломъ Волоса жить мирно, въ согласіи и платить князю оброки, но креститься не пожелали. Ярославъ возвратился въ Ростовъ.

Вбродно, мѣстоположеніе Медвѣжьяго угла понравилось князю, такъ какъ черезъ нѣсколько времени онъ опять появился на устьѣ Которости. На этотъ разъ съ нимъ, кромѣ дружины, былъ епископъ, пресвитеры, церковники и мастера. Въ самый Ильинъ день Ярославъ вышелъ на берегъ и направился къ Медвѣжьему углу, но жители приняли князя не попрежнему. Они пустили на него «отъ клѣти нѣкоего звѣря люта» и собакъ. Ярославъ не растерялся и «сѣкирою своею побѣди звѣря», а собаки, «яко агныцы, не прикоснушася никомуждо отъ нихъ». — Такъ-то вы держите свои клятвы?! — заговорилъ князь «мощнымъ голосомъ». — Какой же онъ богъ, вашъ Волосъ, если вы попираете клятву, передъ нимъ данную? — Жители молчали. Ярославъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность и удалился на ночлегъ въ свой шатеръ. На слѣдующее утро онъ вынесъ изъ шатра икону Пресвятой Богородицы и въ сопровожденіи епископа, священниковъ, дружины и мастеровъ отправился на мысъ, омываемый водами Волги и Которости. Здѣсь по приказанію князя было совершено водосвятіе; послѣ него епископъ окропилъ святою водою землю, а Ярославъ собственноручно водрузилъ деревянный крестъ и велѣлъ строить на этомъ мѣстѣ церковь во имя пророка Іліи. Деревя были вырублены, мѣсто расчищено, и вокругъ всей площади начали рубить деревянную стѣну. Такъ было положено начало новому городу, который названъ княземъ въ свое имя — Ярославлемъ.

По другому преданію, лютый звѣрь, котораго убилъ Ярославъ, была медвѣдица, бросившаяся по собственному почину на князя, когда онъ, осматривая мѣстность, отсталъ отъ своихъ дружинниковъ. Ярославъ поразилъ ее сѣкирою, и на основаніи этого преданія въ ярославскомъ гербѣ увѣковѣченны какъ сама медвѣдица, такъ и спасающая князя сѣкира.

Въ 1820 году въ Москвѣ вышла книга: «Повѣствованіе о построеніи города Ярославля, взятое изъ исторіи», составленная членомъ Россійской академіи Павломъ Юрьевичемъ Львовымъ. Въ этомъ повѣствованіи авторъ «Розы и Любима» и «Россійской Памелы» не утерпѣлъ, чтобы не вставить престарѣлаго пустытника, котораго Ярославъ встрѣчаетъ на мѣстѣ будущаго города. Пустыжникъ оказывается однимъ изъ главныхъ богатирей

Царское мѣсто въ Николо-Мокринской церкви въ Ярославль.

Владимира, Рогдаемъ, удалившимся отъ житейскихъ тревоженій на берега Волги. Ярославъ обращается къ нему съ такою рѣчью (тоже, вѣроятно, взятою изъ исторіи): «На брегѣ семъ соорудимъ градъ. Дадимъ народу средства познать пріятство и пользу взаимности съ другими странами; воздвигнемъ храмъ Вседержителю во славу; учре-

димъ училища и симъ сподобомъ откроемъ скрытыхъ талантовъ хранилища. Положимъ награды за успѣхи въ наукахъ, художествахъ, промыслахъ и торговлѣ; преклонимъ добрую людей волю во обрѣтеніе собственного ихъ благополучія и тако съ осторожностію поведемъ челоуѣка путемъ пріятнымъ къ желаемой нами цѣли». По словамъ «повѣствованія» оказывается, что даже и самый гербъ Ярославля установленъ основателемъ города. «Въ доказательство моего къ жителямъ здѣшной области чадолубія», говоритъ Ярославъ, «да будетъ знаменіемъ града пора-

женный мною звѣрь съ златою моею сѣкирою, въ серебряномъ моемъ щитѣ, что и привошу въ даръ первому храму, который будетъ воздвигнутъ въ память дня сего».

Изъ какой исторіи взяты всѣ эти извѣстія, составляетъ, конечно, секретъ почтеннаго члена Россійской академіи, но что городъ, основанный Ярославомъ, или кѣмъ нибудь другимъ, существовалъ въ половинѣ XI столѣтія, это сомнѣнію не подлежитъ. Занося, подъ 1071 годомъ, извѣстіе о волхвахъ, шедшихъ по Волгѣ и Шекснѣ, наша начальная лѣтопись замѣчаетъ, что они «въстаста отъ Ярославля», и слѣдовательно, городъ, такъ красиво раскинувшійся пе-

редъ нами, имѣлъ уже почтенный, болѣе чѣмъ 800-лѣтній возрастъ и былъ, хотя бы по имени, извѣстенъ автору «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Нашъ пароходъ давно уже стоялъ у пристани, и публика гуськомъ выходила по трапу на берегъ. Тронулись и мы съ товарищемъ. У пристани стояло нѣсколько легковыхъ извозчиковъ.

— Какая у васъ гостиница получше?—обратились мы къ одному изъ нихъ.

— Кокуевская; ужъ лучше ея по всему городу нѣтъ.

— Ну, вези въ Кокуевскую.

Извозчикъ поднялся съ нами въ гору, проѣхалъ двѣ-три улицы и выѣхалъ на театральную площадь, на которой находилась гостиница. Правѣе отъ нея на эту же площадь выходила ограда Власіевской церкви, снова напомнившей намъ первобытныхъ жителей Ярославля. О построении первой церкви во имя св. Власія преданіе повѣствуетъ слѣдующее. Когда былъ основанъ Ярославль, а жители Медвѣжьяго угла еще оставались идолопоклонниками, случилась однажды сильная засуха; хлѣбамъ грозилъ неурожай, а людямъ—голодъ. Священникъ Ильинской церкви проходилъ какъ-то мимо Медвѣжьяго угла и услышалъ въ божницѣ Волоса крики, плачъ и тяжелые вздохи: жители молили своего бога о ниспосланіи дождя. Воодушевился онъ христіанскою ревностью, осудилъ язычниковъ за мольбы бездушному истукану и позвалъ съ собою въ городъ, чтобы видѣть силу и славу Божію. Поставивъ народъ передъ Ильинскою церковью, онъ вошелъ въ нее и началъ слезно молиться о дарованіи чуда и просвѣщенія этихъ темныхъ людей свѣтомъ православной вѣры. Потомъ онъ велѣлъ ударить въ колокола, а самъ съ крестомъ и иконами вышелъ къ народу. «Если, по молитвамъ Пресвятой Богородицы и пророка Іліи, здѣсь изображенныхъ, Господь прольетъ сегодня дождь на землю, увѣруете ли въ истиннаго Бога?»—спросилъ онъ.—«Увѣруемъ!»—отвѣчала толпа. Священникъ сталъ служить молебенъ. Въ то же время надъ городомъ поднялась темная туча, и вскорѣ полился обильный дождь. Язычники въ ужасѣ прославили истиннаго Бога и приняли крещеніе, а священникъ тутъ же разрубилъ истукана Волоса и разрушилъ его кумирню.

Прошло нѣсколько времени, и на мѣстѣ разоренной божницы Волоса стало твориться недоброе. То слышалась точно игра на сопеляхъ и гусяхъ, то пѣніе, а иногда раздавался топотъ какъ бы отъ пляски. Скотъ, пасшійся въ этой мѣстности, началъ худѣть и хворать. Жители рѣшили, что это Волосъ превратился въ злого духа и мститъ имъ за разрушеніе своей керемети. Они обратились къ крестившему ихъ священнику, и тотъ посоветовалъ построить на мѣстѣ божницы церковь св. Власія Севастійскаго, извѣстнаго своимъ покровительствомъ стадамъ и скоту. Какъ только церковь

Церковь св. Власія въ Ярославлѣ.

съ разрѣшенія князя и епископа была поставлена, «страхованія» прекратились, и скоть пересталъ хворать.

Нынѣшняя Власьевская церковь начата постройкою 29 апрѣля 1673 года, при чемъ ровъ для церковнаго фундамента былъ выкопанъ прихожанами въ одинъ день, а на слѣдующій—уже начали бить сваи. Церковь освящена въ 1679 году, но, къ сожалѣнію, не избѣгла основательнаго «поновленія» отъ рукъ епископа Авраама. Другая же, теплая церковь (въ которой въ сущности и находится придѣлъ св. Власія), построенная въ 1702 году, была до основанія разорена этимъ преосвященнымъ въ 1825 году и построена заново. Уцѣлѣла было древняя красивая колокольня, но и то не надолго. Одинъ купецъ пожертвовалъ колоколъ въ 1.000 пудовъ, и колокольня была разобрана, а на мѣстѣ ея, по завѣщанію жертвователя, воздвигнута новая въ болѣе современномъ стилѣ.

Занявъ номера въ гостиницѣ, мы употребили остатокъ дня на прогулку по городу и мимо театра, по широкому бульвару, ведущему къ Волгѣ и носящему названіе Стрѣлецкаго, дошли до Про-

ломной улицы. Небольшая, невзрачная улица эта, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ быть извѣстною не въ одномъ только Ярославлѣ. На ней находится домъ, который долженъ быть дорогъ сердцу каждаго любителя родной сцены. Въ этомъ небольшомъ, скромномъ домѣ, принадлежащемъ теперь г. Колмогорову, выросъ и жилъ основатель перваго русскаго театра, Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.

Родившись въ Костромѣ, въ мѣстной купеческой семьѣ, онъ, еще будучи ребенкомъ, лишился отца. Оставшись послѣ мужа съ пятью мальчиками малъ-мала меньше (изъ которыхъ старшимъ былъ Ѳедоръ), вдова Волкова, Матрена Яковлевна, вскорѣ вышла замужъ за ярославскаго купца Ѳедора Васильевича Полушкина, имѣвшаго свой домъ на Проломной улицѣ (которая въ то время, т.-е. въ первой половинѣ XVIII столѣтія, пролегла нѣсколько косяе нынѣшней, такъ что домъ Полушкина выходилъ на нее другимъ фасадомъ, нынѣшній же приходился на дворъ). Здѣсь протекло дѣтство и отрочество Ѳедора Григорьевича, здѣсь же, вернувшись изъ Петербурга,—куда посылалъ его Полушкинъ для изученія бухгалтеріи, и гдѣ онъ познакомился съ настоящимъ театромъ,—онъ вмѣстѣ съ братьями и нѣсколькими знакомыми, въ числѣ которыхъ находился и будущій Дмитревскій, носившій тогда еще фамилію Дьяконова, началъ устраивать первыя сценическія представленія, сначала въ комнатахъ, а потомъ въ находившемся неподалеку кожевенномъ сараѣ своего отчима, тогда уже умершаго.

29 іюня 1750 года произошло открытіе театра въ кожевенномъ сараѣ, гдѣ были устроены подмостки-сцена и мѣста для зрителей, при чемъ архитекторомъ, декораторомъ, машинистомъ, композиторомъ музыкальныхъ номеровъ, режиссеромъ и первымъ актеромъ былъ самъ Ѳедоръ Григорьевичъ, незадолго передъ тѣмъ только достигшій совершеннолѣтія. Для открытія была исполнена трагедія «Эсѣиръ» и пастораль «Эвмонъ и Берфа» съ музыкою Волкова. Молодой купецъ-актеръ нашелъ поддержку въ тогдашнемъ ярославскомъ воеводѣ, Мусинѣ-Пушкинѣ, и мѣстномъ помѣщикѣ Майковѣ. Съ ихъ помощью ему удалось, не далѣе какъ черезъ годъ, построить большое зданіе театра на 1.000 человѣкъ зрителей и начать правильное веденіе театральнаго дѣла съ платною публикою.

Но не долго пришлось ярославцамъ любоваться игрою своихъ актеровъ. Вѣсть о русскомъ театрѣ скоро дошла до императрицы Елизаветы Петровны, и вся труппа, въ числѣ четырнадцати человѣкъ, была потребована въ Царское Село. Здѣсь молодые ярославцы, на другой же день по пріѣздѣ, исполнили трагедію Сумарокова «Хоревъ», при чемъ сама государыня лично наблюдала за кройкою и шитьемъ костюмовъ и прочими приготовлениями къ спектаклю. Юные артисты не ударили въ грязь лицомъ передъ аристократическою публикою и, по повелѣнію императрицы, оставлены въ Петербургѣ, а для пополненія образованія отданы въ сухопутный шля-

Церковь Ильи Пророка въ Ярославлѣ.

хетный корпусъ, числясь въ то же время «актiорами» и получая жалованье: Волковъ—100 рублей, а остальные—по 50 рублей въ годъ.

Домъ Полушкина, бывший при Волковъ одноэтажнымъ, теперь надстроенъ и внутри подвергся также значительнымъ передѣлкамъ. Достопамятный въ исторiи русской сцены коженый сарай, находившiйся во дворѣ дома, разобранъ въ 1831 году. Что же касается до построеннаго Волковымъ деревяннаго театра, то отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ, и теперь трудно даже съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ онъ находился.

Двинувшись далѣе по Проломной улицѣ, мы очутились на площади передъ церковью Ильи Пророка, сохранившеюся почти въ томъ же видѣ, въ какомъ она была построена въ половинѣ XVII вѣка. Этотъ интересный памятникъ церковной архитектуры воздвигнутъ на средства двухъ ярославскихъ купцовъ гостиной сотни: Иоанникiя и Вонифатiя Скрипиныхъ, которые нашли себѣ и вѣчное упокоенiе въ одномъ изъ камѣнныхъ подваловъ храма. На освященiе новаго церковнаго сооруженiя, въ 1650 году, прiѣхалъ самъ ростовскiй митрополитъ Варлаамъ, а патрiархъ Иосифъ, съ разрѣшенiя государя Алексѣя Михайловича, принесъ въ даръ новой церкви частицу ризы Господней.

Интересная снаружи по своей архитектурѣ церковь еще болѣе интересна внутри, благодаря старинной живописи, сплошь покрывающей ея высокiя стѣны и заключающей въ себѣ любопытные образцы изображенiй изъ Ветхаго и Новаго завѣта. Эта стѣнная живопись относится къ 1681 году, выполнена на средства женщины, супруги одного изъ Скрипиныхъ. Чтобы какъ слѣдуетъ рассмотреть и изучить эти съ низу до верху расписанныя стѣны, потребовалась бы, по меньшей мѣрѣ, недѣля времени, и мы оставили храмъ съ глубокимъ сожалѣнiемъ, что не имѣемъ возможности ознакомиться съ нимъ такъ, какъ онъ того заслуживаетъ.

Площадь, на которую мы снова вышли, тянулась чуть не на версту до самаго собора, но осмотръ той части города мы отложили до слѣдующаго дня и по боковой улицѣ, начинающейся отъ зданiя присутственныхъ мѣстъ, вернулись въ гостиницу.

Здѣсь, пользуясь остаткомъ вечера и въ видѣ приготовленiя къ завтрашнему осмотру Ярославля, мы еще разъ пересмотрѣли въ своихъ матеріалахъ свѣдѣнiя, относящiяся до тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Ярославль былъ еще столицею особаго удѣльнаго княжества. Свѣдѣнiя эти едва ли извѣстны большинству читателей, а между тѣмъ они не лишены извѣстнаго интереса, и потому я подѣлюсь ими вкратцѣ съ любителями родной старины. Я уже говорилъ, что въ первые вѣка своего существованiя Ярославль входилъ въ составъ Ростовскаго княжества; тогда родъ Рюриковичей былъ еще немногочисленъ, и Русская земля дѣлилась на

Второй видъ церкви Ильи Пророка въ Ярославль.

крупныя области. Но съ теченіемъ времени, когда родъ князей размножился, пришлось дробить землю на болѣе мелкіе удѣлы. Въ 1218 году очередь дошла и до Ярославля. Правнукъ Мономаха, князь Константинъ Всеволодовичъ, передъ смертью уступая брату Юрію великое княженіе Владимірское, назначилъ старшему своему сыну Васильку Ростовъ, а младшему, Всеволоду, Ярославль. Первому ярославскому князю во время смерти отца было не болѣе 8 лѣтъ отъ роду.

Надо полагать, что даже и тогда Ярославль былъ уже довольно большимъ городомъ, такъ какъ, по словамъ Никоновской лѣтописи, во время пожара, случившагося въ 1221 году, въ немъ сгорѣло не менѣе семнадцати однѣхъ церквей. Ко времени княженія Всеволода Константиновича относится окончаніе и освященіе ярославскаго Успенскаго собора. Но не успѣлъ юный князь вырасти и возмужать, какъ его уже ожидала преждевременная гибель. Насталъ 1237 годъ, и Батыевы полчища двинулись на Русскую землю. Вѣрные завѣту умиравшаго отца, завѣщавшаго имъ чтить великаго князя Юрія въ отца мѣсто, оба Константиновича, Василько и Всеволодъ, поспѣшили на помощь дядѣ и оба сложили головы въ битвѣ на Сити.

Десятилѣтній сынъ Всеволода, Василій, ѣздилъ въ 1239 году съ другими князьями въ орду и былъ утвержденъ Батыемъ на ярославскомъ княженіи. Но и этотъ князь прожилъ недолго. Приѣхавъ зимою 1249 года во Владиміръ, онъ заболѣлъ и скончался. Тѣло его провожали въ Ярославль Александръ Невскій и двоюродные братья Васильковичи ростовскіе. Братъ Василія, Константинъ, вздумалъ, по словамъ мѣстнаго преданія, помѣряться силами съ грозною татарскою ратью и погибъ геройской смертью въ жаркомъ бою на Туговой горѣ подъ Ярославлемъ. Въ 1501 году мощи обоеихъ братьевъ были обрѣтены нетлѣнными, и князья, почивающіе теперь въ ярославскомъ Успенскомъ соборѣ, причтены церковью къ лику святыхъ.

Съ кончиною братьевъ мужское потомство ярославскихъ князей пресѣклось, и княженіе досталось дочери Василія, Маріи, которая была еще ребенкомъ. Дѣлами княжества, во время малолѣтства княжны, управляла ея мать, Ксенія, и черезъ нѣсколько лѣтъ выдала дочь замужъ за третьяго сына Ростислава Смоленскаго, князя Θεодора Ростиславича, владѣвшаго тогда незначительнымъ Можайскимъ удѣломъ. Отъ этого брака у Маріи родился сынъ Михаилъ. Сдѣлавшись княземъ ярославскимъ, Θεодоръ Ростиславичъ дважды участвовалъ въ походахъ хана Мангу Тимура, въ первый разъ въ Дагестанъ, а во второй—на болгаръ. Въ 1279 году, послѣ смерти старшихъ братьевъ, онъ получилъ во владѣніе Смоленскъ, но, оставивъ тамъ намѣстниковъ, вернулся жить въ Ярославль. Впрочемъ здѣсь вскорѣ ожидало его тяжкое испытаніе.

Соборъ въ Ярославлѣ.

Понадобилось ему зачѣмъ-то съѣздить въ орду, гдѣ царилъ уже новый ханъ. Мужественная красота Θεодора Ростиславича «уязвила сердце» ханши, и она, при посредствѣ мужа,—который также благоволилъ къ русскому князю,—задержала его въ ордѣ. Три года пробылъ здѣсь Θεодоръ, осыпавый знаками ханской милости и благорасположенія. Ханша предлагала ему даже въ замужество свою дочь, но князь отвѣчалъ, что имѣеть уже законную супругу, и еле-еле упросилъ отпустить его домой. По дорогѣ къ Ярославлю Θεодоръ Ростиславичъ былъ горестно пораженъ извѣстiемъ, что его супруги уже нѣтъ въ живыхъ, а, подѣхавъ къ своему стольному городу, печальный князь долженъ былъ вынести и тяжкую обиду и оскорбленіе. Ярославскимъ княземъ былъ провозглашенъ малолѣтній сынъ его Михаилъ, а всѣми дѣлами распорядилась его теща, Ксенія, съ боярами. Ему даже не позволили въѣхать въ городъ повидать сына.

Огорченный князь вернулся въ орду. Узнавъ о происшедшемъ, ханъ отправилъ въ Ярославль посла съ угрозами, но ярославцы стояли на своемъ. Между тѣмъ ханша уговорила мужа позволить

дочери креститься и выйти замужъ за Феодора, который въ свою очередь посылалъ къ константинопольскому патриарху съ просьбою о разрѣшеніи брака. Бракъ былъ разрѣшенъ, невѣста приняла святое крещеніе съ именемъ Аняы, и вскорѣ Феодоръ отпраздновалъ свою вторую свадьбу. Отъ этого брака у него родилось два сына Давидъ и Константинъ. Въ это время юный Михаилъ умеръ, и Феодоръ Ростиславичъ, теперь уже въ качествѣ ханскаго зятя, съ торжествомъ возвратился въ Ярославль. Онъ дожилъ до старости и скончался въ 1299 году, принявъ предъ кончиною схиму въ ярославскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ и похороненъ вмѣстѣ съ обоими своими сыновьями Давидомъ и Константиномъ, причисленными, какъ и онъ самъ, къ лику святыхъ. Такимъ образомъ, пять ярославскихъ князей подъ рядъ включены церковью въ число угодниковъ Божіихъ.

Въ княженіе Давида Феодоровича, правившаго Ярославлемъ болѣе двадцати лѣтъ, произошло рассказанное нами выше явленіе Толгской иконы Божіей Матери.

При сынѣ Давида, Василии Грозномъ, Ярославль впервые испыталъ на себѣ тяжелую руку Москвы. Калита навелъ на него татарскаго посла Ахмыла, который пожегъ и разграбилъ весь городъ, уведя съ собою множество плѣнныхъ. Василій женился на дочери Калиты Евдокси Ивановнѣ, но ни этимъ бракомъ, ни веденною вслѣдъ за тѣмъ борьбою, ни союзомъ съ врагомъ Москвы, тверскимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, не могъ приобрести себѣ прежней самостоятельности, и хотя самъ титуловался великимъ княземъ ярославскимъ и происходилъ отъ старшаго сына Мономаха, но долженъ былъ покориться и послушно творить волю потомка Юрія Долгорукаго.

Послѣ Василия осталось три сына, изъ которыхъ младшій, Романъ, уже извѣстенъ намъ, какъ основатель города Романова. Что касается до старшаго, Василия Васильевича, то княженіе его ознаменовалось страшною эпидеміей, извѣстною въ то время подъ именемъ черной смерти, которая, волною разливаясь по русскимъ городамъ, не миновала и Ярославля. Василій Васильевичъ принималъ участіе въ Куликовской битвѣ, сражаясь съ своими ярославцами на лѣвомъ крылѣ общаго русскаго ополченія.

При сынѣ и преемникѣ его, Иванѣ Васильевичѣ, черная смерть появилась снова въ городѣ. Она свирѣпствовала съ 1419 по 1427-й годъ и, какъ кажется, унесла въ могилу и самого князя.

Послѣднимъ ярославскимъ княземъ былъ Александръ Феодоровичъ Брюхатый, племянникъ Ивана Васильевича, сдѣлавшійся княземъ, несмотря на то, что у Ивана осталось потомство. Причины, по которымъ сынъ брата опередилъ на престолѣ сыновей и прямыхъ наслѣдниковъ князя, въ лѣтописяхъ не указаны. Будучи постояннымъ и вѣрнымъ союзникомъ Василия Темнаго москов-

Ананасіевскій монастирь въ Ярославль.

скаго, Александръ Ѳеодоровичъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ его съ Василюмъ Косымъ и Шемякою. Во время этой борьбы съ ярославскимъ княземъ случился слѣдующій непріятный эпизодъ: узнавъ, что разбитый незадолго передъ тѣмъ близъ Ярославля Косой набираетъ въ Костромѣ новую рать, Александръ Ѳеодоровичъ посадилъ на суда 7.000 ярославцевъ и угличанъ и расположился съ ними въ устьѣ Которости. Косой послалъ къ Ярославлю 400 человекъ вятчанъ, но тѣ, прослышавъ о собранной подъ городомъ силѣ, остановились, и только небольшой отрядъ ихъ, человекъ въ сорокъ, продолжалъ попрежнему пробираться впередъ.

Ночью вятчане добрались до окрестностей Ярославля и вышли на берегъ Которости. Наступало весеннее утро; надъ рѣкою поднимался густой туманъ. Вятчане услышали плескъ весель и вскорѣ замѣтили, что навстрѣчу имъ отъ города плыветъ какой-то монахъ. Они окликнули его и вступили съ нимъ въ разговоръ. Монахъ, принимая ихъ въ туманѣ за ярославцевъ, рассказалъ между прочимъ, что князь спитъ теперь на берегу, въ шатрѣ, у самаго устья. Не долго думая, вятчане, подъ прикрытіемъ тумана, прокрались въ спящій станъ, проскользнули въ княжескій шатеръ, схватили соннаго князя и его супругу и бросились съ ними къ лодкѣ. Безъ шума все-таки, конечно, не обошлось; стража подняла тревогу, и войско проснулось. Увидавъ вятчанъ, поспѣшно увозившихъ своихъ плѣнниковъ, ярославцы схватились за луки, и наложили стрѣлы, но вятчане, поднявъ топоръ надъ головами князя и княгини, грозили убить ихъ на мѣстѣ, если съ берега будетъ пущена хоть одна стрѣла. Кричалъ и князь, чтобы стрѣлъ не пускали. Луки ярославцевъ опустились, и вятчане благополучно добрались до противоположнаго берега Волги. На берегу князь предложилъ имъ выкупъ; они согласились на 400 рублей. Но когда назначенная сумма была привезена казначеемъ, вятчане деньги взяли, но плѣнниковъ не освободили и повезли ихъ въ Вятку. Долго пришлось князю пробывать въ постыдномъ плѣну, и, только благодаря настояніямъ Василя Темнаго, онъ и княгиня получили наконецъ свободу.

Александръ Ѳеодоровичъ, какъ мы уже сказали, былъ послѣднимъ владѣтельнымъ княземъ Ярославля, и послѣ его кончины (въ апрѣлѣ 1471 г.) княжество его присоединено къ Москвѣ, а сынъ его, Даниилъ Пенко, началъ службу московскимъ князьямъ въ качествѣ боярина и воеводы.

Подобно тому, какъ само Ярославское княжество возникло вслѣдствіе дробленія земли на болѣе мелкіе удѣлы, и оно, въ свою очередь, въ XIV и XV столѣтіяхъ продолжало дробиться на части еще болѣе мелкія, управлявшіяся младшими сыновьями ярославскихъ князей. Такимъ образомъ изъ него, съ теченіемъ времени, выдѣ-

лились удѣлы: Моложскій, Новленскій, Заозерско-Кубенскій, Курбскій (отъ главнаго селенія — Курбы), Шехонской по Шекснѣ и Ухарскій по рѣкѣ Ухрѣ. Изъ нихъ Моложскій удѣлъ раздѣлился еще на удѣлы: Сидцкій (на рѣкѣ Сити), Прозоровскій и Шуморовскій (отъ селеній Прозорова и Шуморова). Князья этихъ мелкихъ удѣловъ и ихъ младшіе сыновья были родоначальниками княжескихъ родовъ, которые впоследствии встрѣчаются на службѣ московскихъ государей, какъ-то: Бѣлосельскихъ, Дѣвыхъ, Прозоровскихъ, Львовыхъ, Засѣкиныхъ, Бѣльскихъ, Слуцкихъ,

Памятникъ Демидову въ Ярославлѣ.

Курбскихъ, Дуловыхъ, Солнцевыхъ, Шаховскихъ и многихъ другихъ. Большинство ихъ въ настоящее время уже прекратилось.

На другой день рано утромъ мы отправились на осмотръ, и начали со знакомой уже площади, отъ церкви Ильи Пророка. Повернувъ по направленію къ собору, мы скоро дошли до находящагося неподалеку отъ Ильинской церкви Аѳанасіевскаго монастыря. Онъ очень не великъ и тѣсно примыкаетъ къ старому храму, извѣстному подъ именемъ Спасо-Пробоинскаго, съ которымъ также тѣсно связана и исторія его возникновенія.

Въ началѣ XVII столѣтія на этомъ мѣстѣ находилась небольшая приходская церковь св. Аѳанасія и Кирилла Александровскихъ, съ принадлежавшею къ ней часовнею. Когда весною 1612 года Пожарскій, остановясь въ Ярославлѣ, собиралъ войско для освобожденія Москвы, въ городѣ, быть можетъ, вслѣдствіе усиленнаго скопленія ратныхъ и нератныхъ людей, появилась эпидемія, которая начала быстро усиливаться. Въ такой бѣдѣ рѣшено было обратиться къ молитвѣ, принести въ Ярославль Толгскую икону и устроить съ нею крестный ходъ вокругъ города. Въ ночь передъ кануномъ назначеннаго для этого дня соборный протопопъ Илья увидѣлъ сонъ, въ которомъ ему повелѣвалось взять въ крестный ходъ икону Спасителя изъ часовни при Аѳанасіевской церкви. Протопопъ послалъ за иконою одного изъ священниковъ, но тотъ, побывавъ въ часовнѣ и осмотрѣвъ простую, не имѣвшую никакихъ украшеній икону, не нашелъ въ ней ничего особенно выдающагося, чтобы носить ее вмѣстѣ съ Толгскою въ крестномъ ходѣ. Но въ слѣдующую ночь видѣніе протопопу повторилось, и на этотъ разъ уже съ укоризною за ослушаніе. На другое утро, когда народъ собрался въ соборъ для крестнаго хода, протопопъ во всеуслышаніе объявилъ о бывшемъ ему повелѣніи, и шествіе прямо изъ собора направилось къ Аѳанасіевской часовнѣ за иконою Спасителя, чтобы затѣмъ итти съ нею навстрѣчу Толгской. Но лишь только, взявъ икону, крестный ходъ двинулся далѣе, какъ совершилось чудо: подошедшій подъ нее слѣпецъ получилъ прозрѣніе. Этотъ случай укрѣпилъ въ народѣ вѣру въ небесную помощь и милосердіе.

Когда послѣ обхода вокругъ города процессія возвращалась въ соборъ, икона остановилась противъ своей часовни, какъ бы выражая желаніе остаться на своемъ прежнемъ, скромномъ мѣстѣ. Для нея была построена деревянная обыденная церковь, которая и освящена пріѣхавшимъ въ Ярославль ростовскимъ митрополитомъ Кирилломъ, а въ 1615 году, усердіемъ земскаго старосты Гаврилы Ефимова, при Аѳанасіевской церкви устроенъ мужской монастырь. Во время большого ярославскаго пожара 1658 года, истребившаго чуть не весь городъ, монастырь выгорѣлъ до тла, и нынѣшняя его церковь построена уже въ 1664 году, но и она въ

правление преосвященнаго Авраама подверглась такимъ передѣлкамъ, что прежняго въ ней почти ничего не осталось.

Отъ Аванасіевскаго монастыря мы перешли на широкій бульваръ, который тянулся вдоль площади по направленію отъ Ильи Пророка къ собору. Несмотря на утреннее время, на бульварѣ уже встрѣчался народъ. Большинство впрочемъ были случайные прохожіе, шедшіе по дѣламъ, но на нѣкоторыхъ скамейкахъ мы

Древняя Угличская башня въ Ярославлѣ.

замѣтили и такихъ, которые пришли сюда съ газетою и очевиднымъ намѣреніемъ провести время среди мало доступной городскому жителю густой древесной зелени; были здѣсь и нянюшки, вязавшія чулки и вполголоса бесѣдовавшія между собою въ то время, какъ молодое поколѣніе бѣгало и рѣзвилось по дорожкамъ. Кѣмъ устроенъ этотъ благодѣтельный, зеленѣющій въ самомъ центрѣ города бульваръ, намъ узнать не удалось.

Посрединѣ бульвара возвышалась металлическая стройная колонна, увѣнчанная глобусомъ. Подойдя ближе, мы прочли, что она

воздвигнута въ память Павла Григорьевича Демидова, основателя Ярославскаго лицея. И дѣйствительно заслуги этого человѣка на пользу русскаго просвѣщенія должны неувядаемо жить въ памяти потомства. Едва только, въ первыхъ годахъ царствованія Александра I, правительство обратило вниманіе на распространеніе образованія и просвѣщенія въ государствѣ, какъ Павелъ Григорьевичъ одинъ изъ первыхъ откликнулся на благое начинаніе. Онъ пожертвовалъ сто тысячъ рублей вмѣстѣ съ своею богатою коллекціею по естественной исторіи, бібліотекою и муонцъ-кабинетомъ Московскому университету, другія сто тысячъ рублей положилъ въ банкъ на нужды университетовъ, предполагавшихся въ Кіевѣ и Тобольскѣ, и еще сто двадцать тысячъ назначилъ на учрежденіе въ Ярославлѣ училища высшихъ наукъ съ университетскимъ курсомъ, прибавивъ къ этому дару еще 3.578 душъ изъ своихъ крестьянъ на содержаніе училища. Такимъ образомъ возникъ извѣстный теперь не на одной только Волгѣ Демидовскій лицей, открытый 29-го апрѣля 1805 года. Онъ помѣщается по сосѣдству съ соборомъ, почти надъ самымъ сліяніемъ Волги съ Которостью. Снабженный вначалѣ самою разнообразною программю, онъ съ семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія посвященъ преимущественно преподаванію юридическихъ наукъ.

Продолжая путь отъ памятника къ собору, мы вскорѣ дошли до насыпи черезъ довольно глубокій оврагъ, по которому когда-то протекалъ теперь давно уже высохшій Медвѣдицкій ручей, соединявшій Волгу съ Которостью. По преданію, въ этомъ-то оврагѣ Ярославъ и зарубилъ сѣкирою напавшую на него медвѣдицу. Еще въ началѣ XIX столѣтія въ оврагѣ виднѣлся ветхій памятникъ основателю города, сложенный изъ камней въ формѣ пирамиды. Но мало-по-малу, за недостаткомъ ремонта, онъ настолько одряхлѣлъ, что представлялъ наконецъ изъ себя безформенную грудю камня и въ 1830 году разобранъ по высочайшему повелѣнію, какъ не соответствующій своему назначенію. Съ тѣхъ поръ память основателя Ярославля остается ничѣмъ не увѣковѣченной, и только помѣщенная въ гербѣ города медвѣдица съ сѣкирою косвенно напоминаетъ о мудромъ кіевскомъ князѣ.

Треугольная площадь, образуемая Волгою, оврагомъ и Которостью, вмѣщаетъ въ себѣ самую древнюю часть Ярославля, когда-то обнесенную деревянными стѣнами и сохранившую до нашихъ дней названіе Рубленаго города. Здѣсь же была построена и первая ярославская церковь, во имя Ильи Пророка. На мѣстѣ ея, неподалеку отъ оврага, находится теперь Тихоновская церковь, построенная преосвященнымъ Авраамомъ въ неуклюжемъ казенномъ стилѣ его времени. Для того, чтобы возвести это зданіе, онъ приказалъ разобрать до основанія стоявшую здѣсь церковь XVII столѣтія. Вообще надо замѣтить, что куда ни повернешься въ Ярославлѣ,

Церковь Спаса на Городу и чудотворная икона Спасителя.

вездѣ наткнешься на образчики неутомимой разрушительной дѣятельности этого пресвященнаго. Къ счастью, Ярославль такъ богатъ древними храмами, что уничтожить ихъ всё ему все-таки не удалось.

Въ старомъ Ярославлѣ, при его обширныхъ деревянныхъ стѣнахъ, охватывавшихъ не только Рублевый, но и прилегавшій къ нему Земляной городъ, было выстроено до восемнадцати каменныхъ башенъ. Но изъ всѣхъ этихъ каменныхъ твердынь въ настоящее время осталось только три. Съ одной изъ нихъ, которую намъ называли Углицкою, мы сдѣлали набросокъ.

Подходя къ собору, намъ опять пришлось вспомнить архіепископа-архитектора, снесшаго до основанія старинную соборную колокольню шатроваго типа и воздвигнувшаго на ея мѣстѣ свою собственную, въ «новомъ стилѣ».

Заложенный въ 1215 году княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Успенскій соборный храмъ сгорѣлъ въ 1501 году до тла, и для построения новаго собора присланы были мастера изъ Москвы.

Во время копанія ровъ для фундамента рабочіе нашли двѣ гробницы съ нетлѣнными мощами. Надписи на гробницахъ гласили, что въ нихъ покоятся ярославскіе князья, Василій и Константинъ Всеволодовичи. Надъ гробницами отслужили панихиду и снова опустили ихъ въ землю. Съ этого времени надъ городомъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль стали разражаться страшныя бури съ грозой и ливнями. Жители увидѣли въ этомъ знаменіе гнѣва Божія за сокрытіе въ землю нетлѣнныхъ мощей и поспѣшили помѣстить ихъ въ храмъ, гдѣ вскорѣ отъ нихъ начались обильныя исцѣленія. На поклоненіе благовѣрнымъ ярославскимъ князьямъ въ 1504 году пріѣзжалъ самъ государь Иванъ Васильевичъ III.

Новый соборъ сильно пострадалъ отъ огня во время вышеупомянутаго пожара 1658 года, но его вскорѣ возобновили, и съ тѣхъ поръ онъ благополучно существуетъ до настоящаго времени. Въ 1674 году извѣстный ростовскій митрополитъ Іона Сисоевичъ велѣлъ украсить его внутри стѣнною живописью, и живопись эта сохранялась въ неприкосновенности, безъ всякихъ подправокъ, до пресвященнаго Авраама, который, конечно, не преминулъ поновить ее.

Въ соборѣ шла обѣдня, и кадилный дымъ легкими струйками висѣлъ въ воздухѣ. Молящихся было немного, всего нѣсколько старушекъ и пять-шесть мужчинъ изъ простонародья. Однако, несмотря на это, служба отправлялась не спѣша, чинно и истово.

Направо мы увидѣли серебряную раку благовѣрныхъ князей. Къ сожалѣнію, въ ней заключаются теперь уже не мощи ихъ, а лишь останки мощей, хранившихся невредимо до 1744 года. 20-го февраля этого года, по окончаніи богослуженія, сторожа погасили свѣчи, сложили, по обыкновенію, огарки въ ящикъ, стоявшій подлѣ

Церковь Николая Мокринскаго.

раки, заперли соборъ и удалились. Между тѣмъ плохо погашенные огарки продолжали глѣть и наконецъ вспыхнули. Изъ ящика огонь перешелъ на деревянную сѣнь надъ мощами, а отъ горѣвшей сѣни воспламенилась и самая рака. Мощи сгорѣли. Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ обвинилъ въ пожарѣ соборнаго ключаря и приказалъ, лишивъ его священства, отослать въ распоряженіе ярославской провинціальной канцеляріи. Останки мощей были собраны въ два ковчега и положены въ одну общую раку.

Отъ собора мы направились вдоль берега Которости и вскорѣ миновали церковь св. Николая, находящуюся близъ границъ древняго Рубленого города. Слѣдующая за нею церковь—Спасъ на Городу, была уже по ту сторону оврага и принадлежала къ Земляному городу. Въ древнія времена подлѣ нея помѣщался городской торгъ. Церковь Спасъ на Городу, подобно Николѣ въ Рубленомъ городѣ, считается одною изъ древнѣйшихъ въ Ярославлѣ, хотя нынѣшній храмъ построенъ въ концѣ XVII вѣка.

Къ Спасонагородской церкви принадлежитъ построенная отъ нея черезъ улицу часовня. Часовня эта, помѣщающаяся въ зданіи губернской гимназіи, хранитъ въ себѣ мѣстную святыню, глубоко чтимую ярославцами.

На мѣстѣ гимназіи во время оно существовала богадѣльня, извѣстная подъ именемъ Красной. Она раздѣлялась на двѣ половины: мужскую и женскую. Снаружи, на боковыхъ стѣнахъ богадѣльни, были сдѣланы два изображенія: со стороны женской половины—Божія Матерь, а со стороны мужской—Нерукотворенный образъ Спасителя. День и ночь передъ ними теплились неугасимыя лампы.

Въ 1778 году при ярославскомъ генералъ-губернаторѣ Мельгуповѣ былъ составленъ и высочайше утвержденъ новый планъ Ярославля. Согласно этому плану городской торгъ отъ Спасонагородской церкви былъ переведенъ въ другое мѣсто, а площадь, занимаемая Красной богадѣльней, назначена для построенія губернаторскаго дома. (Теперь онъ находится на волжской набережной). Богадѣльню начали ломать. Неизвѣстно, что случилось при этомъ съ образомъ Божіей Матери, но икона Спасителя ознаменовала себя чудомъ и сохранилась до настоящаго времени.

Мѣстное преданіе повѣствуетъ, что когда было приступлено къ ломкѣ стѣны, одинъ изъ рабочихъ ударилъ желѣзомъ въ щеку изображенія Спасителя. Изъ язвы тотчасъ же показалась кровь, а рабочій упалъ пораженный смертью.

Половину часовни занимаетъ устроенная во всю ея ширину деревянная лѣстница, такъ какъ изображеніе помѣщается въ верхней части бывшей богадѣленской стѣны.

Наверху насъ встрѣтила старушка, продающая свѣчи, и съ умиленіемъ повторила разсказъ о томъ, какъ «Онъ, батюшка, не

Ярославль. Старый городъ на берегу Которости.

пожелалъ, чтобы Его трогали». Она показала намъ и язву на щекѣ изображенія. Язва, впрочемъ, не особенно глубока и издали мало замѣтна.

Продолжая нашъ путь вдоль берега Которости, мы осмотрѣли также очень древнюю церковь Михаила Архангела, и вскорѣ передъ нами показались впереди бѣлыя стѣны Спасо-Преображенскаго монастыря, служащаго въ настоящее время резиденціею ярославскимъ архіепископамъ.

Монастырь этотъ, не отличающійся красотою и ничѣмъ не выдающійся по внѣшнему виду, составляетъ, тѣмъ не менѣе, одну изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Ярославля.

Два древнѣйшіе его храма были основаны еще въ началѣ XIII вѣка княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, который завелъ при обители и первое во всемъ сѣверномъ краѣ училище. впоследствии переведенное въ Ростовъ. Чтобы дать понятіе, какимъ уваженіемъ пользовался Спасскій монастырь даже въ Москвѣ, достаточно упомянуть, что однимъ Іоанномъ Грознымъ ему выдано не менѣе пятидесяти пяти царскихъ грамотъ и двѣнадцать въ кратковременное царствованіе Феодора Іоанновича.

Избранный въ 1613 году на царство, юный государь Михаилъ Феодоровичъ прожилъ здѣсь со своею матерью съ 21 марта по 16 апрѣля. Здѣсь онъ вмѣстѣ съ братією встрѣчалъ пасху и отсюда же послалъ свою первую царскую грамоту.

Въ Спасскомъ же монастырѣ нашло временное пристанище и бездыханное тѣло патріарха Никона. Возвращаясь изъ заточенія въ свой Вескресенскій монастырь, изможденный, ослабѣвшій страдалецъ уже предчувствовалъ близость своей кончины. На Толгѣ онъ причастился св. тайнъ и почти уже въ агоніи приближался на судахъ къ Ярославлю. Въ то время какъ суда вошли въ Которость, а въ городѣ начали звонить къ вечернямъ, патріарха не стало. Тѣло его было перенесено въ Спасскій монастырь, и здѣсь по усопшемъ отслужена первая панихида.

Черезъ пятнадцать лѣтъ въ обители совершенно погребеніе молодого князя Феодора Троекурова, умершаго отъ раны, полученной имъ при осадѣ Азова. На погребеніи его присутствовалъ самъ Петръ, нарочно пріѣхавшій въ Ярославль, чтобы отдать послѣдній долгъ своему любимцу.

Въ стѣнахъ этой же обители сохранилась и найденная при Екктеринѣ рукопись Слова о полку Игоревѣ.

Ко времени введенія монастырскихъ штатовъ въ 1764 году Спасскій монастырь, благодаря копившимся вѣками пожертвованіямъ, владѣлъ огромными пространствами земли и болѣе, чѣмъ тридцатью тысячами душъ крестьянъ.

Не успѣли мы войти въ святые ворота и сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ къ намъ уже подошелъ какой-то монахъ и узнавъ, что мы пріѣзжие, очень любезно предложилъ открыть церковь, гдѣ покоятся мощи благовѣрныхъ князей Феодора, Давида и Константина.

Онъ ушелъ за ключами, а мы остались ждать у собора.

— Трифону угоднику не желаете ли поклониться?—обратился къ намъ другой монахъ, появляясь изъ находившейся неподалеку часовни.

— Это какой же угодникъ?

— А тотъ епископъ, которому Толгская икона явилась. Онъ здѣсь и почиваетъ,—указалъ монахъ на часовню.

Вся личность этого старца была настолько симпатична, и самое приглашеніе было сдѣлано такъ радушно, что мы не рѣшились отказать и послѣдовали за нимъ въ часовню.

— Въ епископствѣ-то его Прохоромъ звали,—пояснилъ онъ на ходу,—а имя Трифомъ дано, когда принялъ схиму. Вотъ и гробница его.

Гробница съ изображеніемъ святителя занимала почти все пространство небольшой часовни.

Церковь Иоанна Златоуста въ Коровникахъ.

— Я здѣсь при ней постоянно и нахожусь,—продолжалъ монахъ:—сжился съ нею, какъ съ родною. Не хотите ли и молитву угоднику прочитаемъ?;

И, не дожидаясь нашего согласія, онъ взялъ наклеенную на папку печатную молитву и сталъ читать; въ голосѣ его слышалось неподдѣльное умиленіе.

Поставивъ молитву на окно, онъ съ увлеченіемъ сталъ намъ рассказывать, какъ посвятилъ себя служенію угоднику Божію, и всѣми силами, съ помощью добротныхъ дателей, старается украсить дорогую ему гробницу и самую часовню. Все это было рассказано съ такою теплотой и искренностью, что уже изъ одного сочувствія къ нему нельзя было не пожертвовать хотя бы какую нибудь ленту на украшеніе столь дорогихъ ему предметовъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что въ этой же часовнѣ покоится не отмѣченное, какъ кажется, гробницею, тѣло другого Трифона, архіепископа ростовскаго, исторія котораго связана съ открытіемъ мощей благовѣрныхъ князей, почивающихъ въ обители.

Тѣла ихъ по какой-то необъяснимой причинѣ оставались не преданными землѣ въ продолженіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ, и гробы стояли въ склепѣ подъ церковью. Въ правленіе послѣдняго ярославскаго князя Александра Ѳеодоровича, и именно въ 1463 году, архимандритъ Христофоръ сталъ ходатайствовать предъ княземъ о разрѣшеніи схоронить покойныхъ князей, такъ долго остававшихся поверхъ земли, и получилъ на то разрѣшеніе. Но во время предшествовавшей погребенію торжественной панихиды на глазахъ у всѣхъ исцѣлились два человѣка, и вскорѣ потомъ, молясь у княжескихъ гробницъ, прозрѣли двѣ женщины. Мощи перенесли въ церковь, и о случившемся дали знать въ Ростовъ.

Ростовскою паствою тогда управлялъ вышеупомянутый Трифонъ. Онъ не счелъ нужнымъ ѣхать въ Ярославль лично, а послалъ туда для освидѣтельствованія мощей своего протопопа Константина, человѣка гордаго и заносчиваго. Не встрѣтивъ въ обители ожидаемаго почета къ своей особѣ, протопопъ накричалъ на архимандрита и такъ грубо приступилъ къ осмотру мощей, что разорвалъ схимническій аналавъ на князѣ Ѳеодорѣ Ростиславичѣ. За это онъ тутъ же былъ наказанъ болѣзнію, а когда вѣсть о томъ дошла до Ростова, владыка Трифонъ такъ испугался, что и самъ почувствовалъ расслабленіе во всемъ тѣлѣ. Онъ громко, со слезами каялся въ своемъ маловѣрїи и приказалъ немедленно везти себя въ Ярославль, гдѣ и получилъ исцѣленіе. Онъ сдѣлалъ богатый вкладъ въ обитель и уже не пожелалъ возвращаться на свою кафедру, а провелъ остатокъ дней при гробѣ чудотворцевъ.

Когда мы вышли изъ часовни, первый монахъ ожидалъ насъ съ ключами и провелъ въ обширную церковь чудотворцевъ, построенную преосвященнымъ Авраамомъ на мѣстѣ древней.

Тугова гора близъ Ярославля.

Мощи благовѣрныхъ князей почиваютъ въ одной общей серебряной ракѣ. Князь Феодоръ Ростиславичъ покоится посрединѣ, а сыновья его, Давидъ и Константинъ, по сторонамъ.

Когда мы приложились, монахъ закрылъ раку и предложилъ намъ побывать въ церкви съ чудотворною иконою Печерской Божіей Матери, устроенной подъ монастырскою колокольнею.

Здѣсь мы застали нѣсколько гимназистовъ, ставившихъ свѣчи и усердно, на колѣняхъ, молившихся предъ Печерскою иконою.

— Экзамены у нихъ, — вполголоса пояснилъ намъ путеводитель.

Въ нишѣ, неподалеку отъ иконы, схороненъ митрополитъ лаодикійскій Пареній Небоза. Личность этого пастыря заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Родомъ малороссъ, онъ, какъ пишетъ самъ въ докладной запискѣ Петру I, долгое время пробылъ на востокѣ, занимаясь посильнымъ выкупомъ русскихъ плѣнныхъ изъ турецкой неволи. Константинопольскій патріархъ Калиникъ настолько уважалъ русскаго инока, что возвелъ его въ санъ митрополита пустовавшей тогда Лаодикійской епархіи, а кизичскій митрополитъ Кириллъ, оставаясь при патріархѣ въ Царьградѣ, послалъ его вмѣсто себя на свою кизичскую кафедру, которою Небоза и управлялъ около двухъ лѣтъ, при чемъ въ одной изъ церквей ввелъ богослуженіе на рускомъ языкѣ.

Когда къ патріарху пріѣхалъ русскій посланникъ Никита Алексѣевъ, Небоза вернулся съ нимъ въ Россію, а по дорогѣ, во время задержки подъ Очаковымъ, оказалъ посольству немаловажныя услуги. По возвращеніи въ Москву, онъ въ 1698 г. поднесъ Петру панегирикъ по поводу побѣдъ надъ турками.

Даровитый и энергичный малороссъ понравился государю и былъ назначенъ епископомъ въ Азовъ, но это назначеніе, по независящимъ обстоятельствамъ, не могло быть приведено въ исполненіе, и Небозѣ поручили епархію Холмогорскую въ сѣверномъ краѣ, такъ интересовавшемъ въ то время Петра. Святитель отправился къ мѣсту своего новаго служенія, но по дорогѣ, остановившись въ ярославскомъ монастырѣ, тяжело занемогъ и скончался 2 января 1704 года. Надъ могилою его поставлена деревянная рака, въ которой прежде почивали мощи благовѣрныхъ князей.

При выходѣ изъ Спасскаго монастыря мы полюбовались на очень изящную церковь Богоявленія (XVII вѣка), находящуюся на площади передъ стѣнами обители, и направились далѣе къ церкви Николы Мокринскаго, послѣдней, которую намъ оставалось осмотрѣть до обѣда.

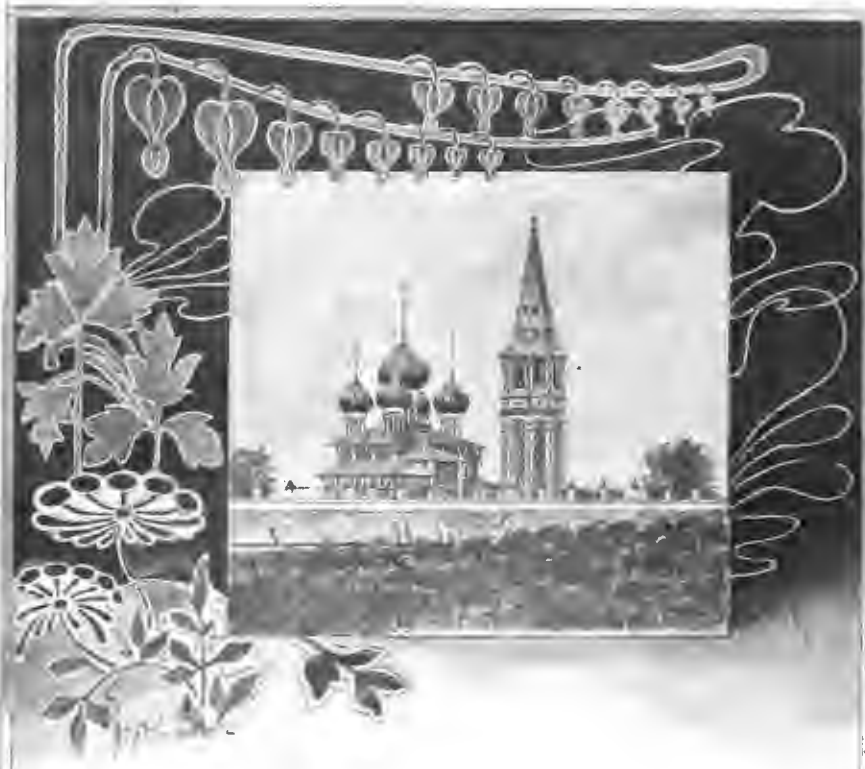
Храмъ этотъ по своей архитектурѣ можетъ считаться едва ли не самымъ красивымъ изъ всѣхъ церквей, находящихся по эту сторону Которости. Построенъ онъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1665 году, «по обѣщанію прихожанъ поставить цар-

Церковь Предтеченская въ Толчковѣ.

Ярославль. Церковь Николо-Мельницкая за рѣкою Которостью.

обиліемъ храмовъ Божіихъ, которые для любителя старины составляютъ главную достопримѣчательность города, такъ какъ послѣ Москвы Ярославль является самымъ богатымъ по части древняго церковнаго зодчества.

За Которостью церквей значительно меньше, чѣмъ въ городѣ, такъ какъ въ XVII вѣкѣ здѣсь находились однѣ только подгородныя слободы. Но въ этихъ-то слободахъ и сохранились лучшіе образчики нашего древняго архитектурнаго творчества. Одна изъ слободъ, Коровницкая, знаменита своимъ храмомъ св. Іоанна Златоуста, другая, Толчковская, — храмомъ Іоанна Предтечи.

Извозчикъ повезъ насъ сперва въ Коровницкую слободу. Она расположена у самаго слиянія Волги съ Которостью, почти напротивъ собора и лица. Прежде на мѣстѣ этой слободы былъ выгонъ для городского скота, куда въ полдень являлись ярославскія хозяйки доить коровъ. Вотъ почему и самая слобода при своемъ возникновеніи получила названіе Коровницкой и Доиловой.

Въ концѣ XVI вѣка, а равно и въ XVII-мъ, она славилась своимъ кожевеннымъ, кирпичнымъ, гончарнымъ и изразцовымъ производствомъ.

Почти рядомъ съ нею находилась другая слобода — Тропинская, въ которой также сооружена своя церковь св. Николая. Неподалеку отъ нея деревянный крестъ на берегу Которости указывалъ мѣсто кончины Никона. Теперь этого креста уже не существуетъ.

Миновавъ Николо-Тропинскую церковь, мы вскорѣ вѣхали въ Коровницкую слободу и остановились у церковной златоустовской ограды. Въ ней помѣщались два пятиглавыхъ храма и отдѣльно стоящая колокольня. Эта-то колокольня и привлекла прежде всего наше вниманіе. Облицованная по гранямъ краснымъ кирпичемъ, легкая, стройная, наряженная, точно невѣста къ вѣнцу, она поражала глазъ своимъ благороднымъ изяществомъ. Не менѣе красивъ и самый храмъ святого константинопольскаго патріарха, занимающій середину заключенной оградой площади. Мы обошли его кругомъ въ какомъ-то тихомъ художественномъ восторгѣ. Какія своеобразно-изящныя пропорціи! Какія детали! Крайне интересна также богатая облицовка главнаго алтарнаго окна, выходящаго на Волгу. Другая пятиглавая (теплая) церковь Владимирской Божіей Матери далеко не представляетъ той красоты и интереса.

Главный храмъ былъ не запертъ, и мы вошли въ его обширную, покрытую старинной живописью, паперть. Она охватываетъ самый храмъ съ трехъ сторонъ, какъ это вообще дѣлалось въ церковныхъ постройкахъ того времени, и съ каждой изъ сторонъ представляетъ широкую, просторную галерею. Въ концѣ правой изъ этихъ галлерей мы замѣтили у стѣны подъ окномъ гробницу съ надписью, что здѣсь похороненъ «ярославецъ, посадскій человекъ Ѳеодоръ Ѳеодоровъ сынъ Неждановскій». Подошедшій въ это время батюшка сообщилъ намъ, что это гробница одного изъ строителей церкви, сооруженной въ 1654 году.

Онъ провелъ насъ въ самый храмъ и тамъ, подведя къ иконостасу, указалъ большую, старинную икону св. Іоанна Златоуста, которая, по его словамъ, и была причиною сооруженія храма.

Икона эта, по написаніи, преназначалась куда-то, въ другое мѣсто и была отправлена водою, по Волгѣ, но близъ устья Которости судно, на которомъ находилась икона, остановилось, и никакими усилиями нельзя было его сдвинуть съ мѣста. Кормчіе увидѣли въ этомъ небесное знаменіе и не рѣшились везти икону далѣе. Они вынесли ее на берегъ и здѣсь оставили, а мѣстные жители соорудили для нея церковь.

Указывая намъ достопримѣчательности храма, батюшка замѣтилъ, что въ алтарныхъ сводахъ есть тайникъ, и предложилъ намъ осмотрѣть его. Тайникъ устроенъ на половинной высотѣ храма и занимаетъ все пространство надъ алтаремъ. Входъ въ него про-

Училище для дѣвицъ духовнаго званія
и церковь св. Петра и Павла.

дѣланъ со стороны діаконника. Тайникъ, по всей вѣроятности, предназначался для сокрытія имущества, какъ церковнаго, такъ и частнаго, на случай вторженія непріятели, и надо замѣтить, что онъ очень искусно скрытъ высокимъ иконостасомъ.

Между тѣмъ въ церкви уже собрался народъ. Принесли одного ребенка для крещенія, другого, въ маленькомъ гробикѣ, для отпѣванія. Ни особой радости подлѣ новорожденнаго младенца, ни особаго горя у гробика умершаго мы не замѣтили. Лица всѣхъ имѣли какое-то общее серьезно-сосредоточенное выраженіе—и только. Батюшка началъ готовиться къ крещенію, и мы поспѣшили откланяться.

Теперь намъ предстояло осмотрѣть церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ.

Извозчикъ повезъ насъ обратно вдоль берега Которости, мимо Николо-Тропинской церкви, опять по направленію къ шоссе, на-

чинающемуся у моста и ведущему къ вокзалу московско-ярославской желѣзной дороги.

Налѣво отъ нашего пути виднѣлся довольно высокій пригорокъ, покрытый густою растительностью, изъ-за которой показывался крестъ церкви и шпиль колокольни. Пригорокъ этотъ извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ Туговой горы. На ней въ настоящее время расположено Пятницкое кладбище, а въ половинѣ XIII вѣка, — именно 3-го июля 1257 года, — произошла, по преданію, кровавая битва съ татарами, въ которой сложилъ голову благовѣрный князь Константинъ Всеволодовичъ, почивающій въ соборѣ. Тѣла ярославцевъ, погибшихъ въ битвѣ, были погребены на мѣстѣ побоища, и отъ рыданій, печали и туги приходившихъ на ихъ могилки родственниковъ сама гора будто бы получила прозвище Туговой.

Между шоссе и бывшею Толчковскою слободою находится церковь Николо-Пенская, названная такъ потому, что построена будто бы на мѣстѣ вырубленнаго лѣса, гдѣ торчали одни только пни. Рядомъ съ нею выстроена другая — Феодоровской Божіей Матери, воздвигнутая, подобно Златоустовской, для храненія ознаменовавшей себя чудесами копии съ Феодоровской костромской иконы. Оба храма принадлежатъ къ XVII столѣтію.

О Толчковской слободѣ, къ которой мы подъѣзжали, въ мѣстной лѣтописи сказано, что она «именованіе свое пріятъ отъ жителей въ ней, по художеству своему толчевному, приуготовляющихъ, сирѣчь, толкущихъ кору, съ древесъ собираемую». Имя этой слободы навсегда увѣковѣчено созданнымъ въ ней храмомъ св. Іоанна Предтечи, представляющимъ одинъ изъ лучшихъ и совершеннѣйшихъ образцовъ русской архитектуры XVII вѣка.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей по осуществленію этой замѣчательной постройки былъ мѣстный діаконъ Родіонъ, собравшій на церковь обильныя пожертвованія. Въ 1671 году ему вмѣстѣ съ толчковскимъ попомъ Абросимомъ была выдана отъ государя Алексѣя Михайловича грамота, разрѣшавшая построить на казенныхъ мѣстахъ кирпичный заводъ, на которомъ и изготовленъ весь матеріалъ, а также всѣ фигурные кирпичи и разнообразныя узоры, украшающіе наружныя стѣны храма. Обширное сооруженіе возводилось въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, при чемъ въ работѣ, по словамъ лѣтописи, принимали участіе голландскіе мастера. Наконецъ въ 1687 году храмъ освященъ, а въ 1695 году стѣны его внутри расписаны живописью.

Этотъ важный архитектурный памятникъ сохранился почти въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ построенъ, и только верхнія его части подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, напримѣръ, главы, или маковицы, вѣнчающія, въ числѣ пятнадцати, кровлю зданія, прежде были меньше по объему и увеличены во второй половинѣ XVIII столѣтія; средняя же глава получила свою замы-

Церковь св. Петра и Павла на Волгѣ, въ Ярославлѣ.

словатую форму лишь въ 1792—1794 гг. Увеличеніе главъ было, по всей вѣроятности, вызвано устройствомъ болѣе высокой и крупной кровли послѣ пожара 1708 года, когда на храмѣ «погорѣ кровль и главы».

Въ обширной и замѣчательно красивой паперти храма устроены по сторонамъ главнаго алтаря два придѣла, во имя трехъ святителей и казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія. Надъ алтарями и здѣсь устроенъ такой же тайникъ, какъ у Іоанна Златоуста.

Не стану описывать тѣхъ чувствъ умиленія и восторга, съ которыми мы осматривали это замѣчательное зданіе,—ихъ надо испы-

тать самому на мѣстѣ,—скажу только, что, какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ богатомъ разнообразіи своего наружнаго и внутренняго убранства, церковь Іоанна Предтечи представляетъ одинъ изъ неувидаемыхъ цвѣтовъ русскаго творчества, способныхъ умилить и восхитить не только архитектора и живописца, но и всякаго, любящаго свое родное, русскаго человѣка.

Въ городѣ мы вернулись другимъ круговымъ путемъ черезъ фабрику Корзинкина.

Фабрика расположена близъ самой Которости на мѣстѣ бывшаго здѣсь Николо-Сковородскаго, «что на Глинищахъ», монастыря и является первою полотняною мануфактурою въ Ярославлѣ. Она была основана въ 1722 году по мысли Петра I купцомъ Максимомъ Затрапезновымъ. Потомъ ею владѣли мѣстные крупные фабриканты Яковлевы, а съ 1857 года—Корзинкинъ. Теперь фабрика носитъ названіе Большой Ярославской мануфактуры.

Отъ прежнихъ Затрапезновскихъ сооруженій сохранились только шлюзы на Которости, нѣсколько старыхъ корпусовъ, теперь уже передѣланныхъ, и церковь Петра и Павла (влѣво отъ дороги), скопированная будто бы съ Петропавловскаго собора въ Петербургской крѣпости. Церковь построена сыномъ Максима Затрапезнова, Иваномъ, который, вѣроятно, былъ дѣятельнымъ помощникомъ отцу въ устройствѣ фабрики. По крайней мѣрѣ, надпись на его гробницѣ въ Петропавловской церкви называетъ его «сея ярославскія маніфактуры фундаторомъ». Иванъ Затрапезновъ родился въ 1695 году и умеръ въ 1741-мъ. «Мѣсто, идеже видиши великую сію маніфактуру съ преславнымъ зданіемъ»,—говоритъ надпись,—«прежде было непроходимое болото; нынѣ же его премудрыми и неусыпными трудами выкопаны пруды и каналы довольные и построена сія святая церковь и все сіе зданіе. Первымъ въ Россіи распространилъ полотняную и другія знатныя къ пользѣ и славѣ государственной маніфактуры и изобрелъ вновь дѣлать новыя и куріозныя вещи, которыхъ въ Россіи никто и никогда не дѣлывалъ, за которые ево неусыпные и ползѣ государственной весьма полезныя труды отъ ихъ императорскихъ величествъ всемилостивѣйше награжденъ и пожалованъ рангомъ колесскаго совѣтника нынѣшняго вѣка».

Впрочемъ память о Затрапезновыхъ въ представленіи народа уже заслонена болѣе свѣжимъ воспоминаніемъ объ ихъ преемникахъ Яковлевыхъ. По крайней мѣрѣ, нашъ извозчикъ, мѣстный старожилъ, указывая на церковь, утверждалъ, что она построена Яковлевыми.

— Тутъ у нихъ и забѣглый домъ былъ,—прибавилъ онъ.

— Какой забѣглый?

— А такой, что если, къ примѣру, какой преступникъ, что учинить, да успѣетъ къ нимъ забѣжать, тутъ ужъ его никакая власть

Набережная в Ярославль.

взять не могла, пока у нихъ во дворѣ находится. Забѣглые-то у нихъ на салфеточной фабрикѣ и работали. Большую власть они въ городѣ имѣли! Люди, разумѣется, богатые. Садъ одинъ у нихъ такъ на полторы версты былъ.

— И теперь еще забѣглый-то домъ есть?

— Гдѣ тутъ! Все давно порушено. И сада нѣтъ. Застроили. Теперь все къ Корзинкину перешло.

Мы въѣхали во дворъ Большой мануфактуры и увидѣли на немъ оставшуюся отъ Сквородскаго монастыря церковь, извѣстную подъ названіемъ Никола Меленки. Название это она получила отъ бывшихъ здѣсь нѣкогда вѣтряныхъ мельницъ. Монастырь въ 1609 году сильно пострадалъ отъ поляковъ, и нынѣшняя церковь построена уже послѣ погрома, именно въ 1627 году. Въ половинѣ XVII столѣтія здѣсь проживалъ извѣстный тогда юродивый Илья, который, по словамъ одной старой рукописи, днемъ раньше предсказалъ большой ярославскій пожаръ 1658 года, испепелившій почти весь городъ.

Противъ церкви находится большое, въ три этажа, училище для дѣтей фабричныхъ рабочихъ. Далѣе потянулось громадное зданіе самой фабрики. По двору въ разныхъ направленіяхъ двигались цѣлыя группы рабочихъ и мастеровыхъ. Ихъ здѣсь насчитываютъ до 6.000 человекъ, такъ что фабрика является какъ бы небольшимъ особымъ городкомъ, не уступающимъ по народонаселенію многимъ городамъ Россійской имперіи. Для рабочихъ здѣсь устроена помѣстительная больница, баня, библіотека, читальня, и вообще на недостатокъ заботливости со стороны администраціи рабочіе здѣсь, кажется, пожаловаться не могутъ.

Мы свернули по двору направо и выѣхали къ шлагбауму передъ мостомъ черезъ Коротость, которая здѣсь запружена.

За мостомъ дорога потянулась по огромному пустому полю, въ концѣ котораго виднѣлись зданія города.

Мы проѣхали неподалеку отъ одиноко стоящей церкви св. Пятницы на Вспольѣ, построенной въ 1689 году и отличающейся той особенностью, что въ ней весь иконостасъ выложенъ изъ кирпича, при чемъ и образа,—исключая только нижняго яруса,—писаны всѣ по кирпичному грунту.

Черезъ нѣсколько минутъ наши дрожки уже гремѣли по каменной мостовой. Извозчикъ нѣсколько разъ сворачивалъ изъ улицы въ улицу, при чемъ на одной изъ нихъ мы прочли помѣщенную у воротъ крупную надпись: «Въ заднемъ флигелѣ во дворѣ Иванъ Егоровичъ живетъ». Вскорѣ и резиденція Ивана Егоровича осталась далеко позади; показалась церковь Власія и наша Кокуевская гостиница, у которой мы и отпустили своего сѣдовласаго возницу.

Наступалъ тихій лѣтній вечеръ. Намѣреваясь завтра съ утреннимъ пароходомъ тронуться далѣе, мы рѣшили посвятить послѣдніе

часы нашего пребыванія въ Ярославлѣ на прогулку по волжской набережной, которая съ своей стороны также составляетъ одну изъ видныхъ мѣстныхъ достопримѣчательностей.

Выйдя изъ гостиницы, мы направились на знакомый уже намъ бульваръ, начинающійся за городскимъ театромъ, но прежде заглянули въ ворота Казанскаго женскаго монастыря, находящагося на той же площади противъ театра. Монастырь этотъ возникъ еще въ 1610 году, но, къ сожалѣнію, въ немъ ничего изъ старыхъ построекъ не сохранилось, и всѣ его зданія относятся не далѣе, какъ къ первой половинѣ истекшаго столѣтія. Главную святыню обители составляетъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери, принесенная сюда въ Смутное время изъ знакомой уже намъ Казанской церкви въ Романовѣ.

Красивый, широкій и тѣнистый бульваръ скоро привелъ насъ къ Волгѣ, вдоль которой въ обѣ стороны тянулась набережная.

Мы свернули налево, по направленію къ расположеннымъ внизу парходнымъ пристанямъ. Почти противъ нихъ на набережной вышашается не особенно большое, но изящное зданіе женскаго духовнаго училища. На нашъ взглядъ это одна изъ самыхъ красивыхъ построекъ, расположенныхъ здѣсь вдоль высокаго берега Волги; ее смѣло можно назвать украшеніемъ набережной.

Публики на бульварѣ было много, особенное оживленіе царило въ группахъ гуляющей молодежи. Тутъ были и барышни, и молодые любезники-кавалеры, и утренніе молитвенники у Печерской—гимназисты, вѣроятно, пришедшіе сюда отдохнуть послѣ выдержаннаго экзамена. Отрадно было видѣть ихъ улыбающіяся, жизнерадостныя лица и слышать ихъ веселый говоръ и смѣхъ.

Мы и не замѣтили, какъ дошли до конца набережной и очутились передъ пятиглавою церковью Петра и Павла, красивый силуэтъ которой мягко вырисовывался на золотисто-красномъ фонѣ заката. Эта церковь первая показывается путнику, спускающемуся по Волгѣ отъ Романова, и является какъ бы провозвѣстникомъ того изобліія красивыхъ древнихъ храмовъ, которыми такъ богата Ярославль.

Когда-то на этомъ мѣстѣ существовалъ монастырь, служившій усыпальницею дѣтей и супругъ ярославскихъ князей, но монастырь этотъ давно уже исчезъ съ лица земли, и только одиноко стоящая величавая церковь (построенная лишь въ 1691 году) напоминаетъ о его быломъ существованіи.

Отъ церкви Петра и Павла мы снова вышли на набережную и направились къ противоположному ея концу, который тянется до самаго устья Которости.

Помимо своей красоты Ярославская набережная не лишена интереса и въ другихъ отношеніяхъ. На ней находится нѣсколько интересныхъ старыхъ церквей, изъ которыхъ наиболѣе достойна

замѣчанія церковь Николая Надѣина, обезглавленная просвященнымъ Авраамомъ, почему-то приказавшимъ снести съ нея четыре главы и оставившимъ только одну (изъ бывшихъ пяти), среднюю. Церковь построена еще въ 1621 году государевымъ гостемъ Надѣемъ Свѣшниковымъ и была первою каменною приходскою церковью въ Ярославлѣ. Прихожанами этой церкви были купецъ Полушкинъ и его пасынокъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, который, по преданію, составилъ и рисунокъ для новаго рѣзного иконостаса, сохранившагося до нашего времени.

Здѣсь же неподалеку проживалъ переведенный въ Ярославль изъ Пельма Биронъ. Въ продолженіе девятнадцати лѣтъ (съ 1742 по 1761 г.) онъ занималъ стоявшій на берегу каменный домъ купца Мякушкина, и есть нѣкоторыя основанія предполагать, что находившійся при Биронѣ лютеранскій пасторъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, имѣвшихъ большое вліяніе на умственное развитіе будущаго основателя русскаго театра.

Въ домѣ Бирона послѣ 1761 года помѣщался острогъ, потомъ изъ кирпичей этого дома была построена первая полицейская часть, которая въ свою очередь давно уже перестроена, и теперь въ этомъ зданіи помѣщается городское училище.

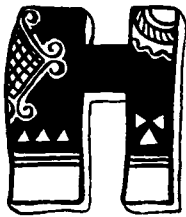
Близъ церкви Николая Надѣина, также на набережной, находится губернаторскій домъ, построенный Александромъ Михайловичемъ Безобразовымъ, который управлялъ Ярославскою губерніею съ 1820 по 1827 годъ и по праву можетъ быть названъ обновителемъ и украсителемъ Ярославля. Онъ распространилъ зданіе Демидовскаго лицея, воздвигъ на пожертвованныя дворянами суммы памятникъ Демидову, устроилъ мостъ черезъ Которость, завелъ первое пожарное депо и наконецъ украсилъ городъ этою дѣйствительно изящною набережною. Память объ этомъ просвѣщенномъ дѣятелѣ навсегда должна съ благодарностью сохраняться въ сердцахъ ярославцевъ.

Дойдя до лицея, мы остановились на мысѣ противъ слиянія Волги съ Которостью и на прощанье долго любовались разстланшеюся передъ нами картиною. Вся окрестность была подернута легкою дымкою сумерекъ. На Волгѣ отражались замиравшія въ небѣ золотистыя краски заката. Внизу ползли буксиры съ судами, сверкая огоньками на мачтахъ. Отъ пристани отваливалъ освѣщенный электричествомъ пассажирскій пароходъ, и его темная масса, вся усѣянная яркими лампочками, свѣтъ которыхъ отражался въ водѣ, была похожа на какую-то фантастическую, движущуюся иллюминацію. За Которостью виднѣлась церковь Іоанна Златоуста; нѣсколько правѣе—Тугова гора. Остальные, болѣе отдаленные храмы уже пропадали, окутанные мягкимъ туманомъ сумерекъ, и только большая мануфактура вдали искрилась и переливалась брилліантами въ голубоватомъ вечернемъ воздухѣ.

И. Ф. Тюменевъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

АСТОЯЩУЮ лѣтопись мы начнемъ съ книги, посвященной новѣйшей исторіи Европы: Dr Albert Wirth. Weltgeschichte der Gegenwart. Berlin. Gose's u. Tetzlaffs Verlag. 1904, in.-8°.

Особенный интересъ для насъ въ этой книгѣ представляютъ свѣдѣнія о Россіи и далекомъ Востока, собранныя авторомъ не только изъ книгъ— въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей Weltgeschichte г. Виртъ ссылается на собственный опытъ и наблюденія, вынесенныя изъ путешествій по окраинамъ Россіи и въ Азіи, до Японіи включительно (стр. 86, 319).

Около 1850 года Россія являлась рѣшителемъ европейскихъ судебъ. Неудачи Крымской кампаніи свергли Россію съ этой высоты, но за послѣднее время русское могущество возродилось вновь, а съ нимъ вмѣстѣ растетъ и могущество всего славянства.

Россія борется съ другими племенами и народами съ помощью меча, школы и религіозныхъ обращеній вполне успѣшно (стр. 170).

Финскія племена, нѣкогда населявшія большую половину имперіи, частью совсѣмъ обрусѣли, частью къ этому близятся, и чрезъ какое нибудь столѣтіе пермяки, вотяки, зыряне и черемисы совсѣмъ сольются съ господствующимъ племенемъ; наоборотъ эсты, ливонцы, курляндцы и карелы до сихъ поръ мало ассимилировались (стр. 318).

Что касается Польши, то она постепенно и послѣдовательно подвергается русскимъ воздѣйствіямъ, и въ настоящее время только половина круинной поземельной собственности удержана польскою знатью, а другая половина перешла частью въ рус-

скія руки, частью къ мѣстнымъ поселянамъ. Какъ поселяне, такъ промышленный и торговый элементъ населенія бывшей Польши, благодаря умѣлой и послѣдовательной политикѣ русскаго правительства, привержены послѣднему; зато представители шляхетскихъ традицій, культурные элементы городского сословія и католическое духовенство тяготеютъ по сей часъ къ идеаламъ «великой Польши», которые находятъ починъ и поддержку въ галиційско-польскихъ кружкахъ. Поэтому русскому правительству придется въ ближайшихъ поколѣніяхъ польскихъ его подданныхъ считаться съ національною рознью.

Виртъ, въ качествѣ нѣмца и защитника антипольской политики, проводимой въ Познани, къ полякамъ относится далеко не благосклонно, какъ къ народности, по собственной винѣ утратившей государственную самостоятельность, и вполне раздѣляетъ взгляды историка Трейчке, совѣтовавшаго къ познанскимъ полякамъ относиться съ беспощадною суровостью, чтобы сломить мятежный ихъ духъ и подчинить населеніе нѣмецкой государственной идеѣ (стр. 179—187 *passim*).

Наиболѣе чреваты благотворными послѣдствіями для увеличенія мощи Россіи колонизаціонные успѣхи, достигнутые послѣднею на азіатскомъ материкѣ. Выселеніе на сибирскій просторъ крестьянскаго населенія изъ центральной Россіи принимаетъ все болѣе внушительные размѣры и съ 1894 года исчисляется ежегодно отъ 150 до 200 тысячъ душъ. Съ 1860 года Сибирь подвергалась разностороннимъ научнымъ обследованіямъ, а по мѣрѣ ознакомленія съ физическими условіями края въ немъ множились промышленныя и торговыя предпріятія, и уже нынѣ въ отношеніи развитія культурности на сибирской окраинѣ достигнуты знаменательные результаты, которые не замедлятъ широко и вполне естественно развиваться, благодаря проведенію великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути (стр. 171).

На турецкую войну 1877 года Виртъ смотритъ лишь, какъ на эпизодъ въ великой борьбѣ между Россіею и Великобританіею. Борьба эта началась еще въ 1812 году, когда англійскіе офицеры силились поддержать персидскаго шаха въ войнѣ противъ Александра I. Наступательныя дѣйствія Россіи противъ Персіи, приведшія въ 1828 году къ заключенію Туркманчайскаго договора, въ глазахъ англичанъ были равносильны собственному ихъ пораженію. Крымская кампанія явилась главнымъ образомъ лишь дальнѣйшею попыткою англичанъ поставить преграды возраставшему могуществу Россіи. Въ непосредственной связи съ Крымской кампаніею англичане предприняли походъ въ Юго-Западную Персію и временно завладѣли Буширомъ и Нижнимъ Каруномъ (1856); въ то же время англичане оказали существенную поддержку Герату противъ Персіи и всемѣрно старались преградить

Россіи доступъ къ Афганистану. Еще лордъ Непиръ высказывалъ опасенія: «Если русскіе займутъ Мервъ и, завладѣвъ крѣпостью съ прилежащею плодородною областью, обезпечать себѣ удобный доступъ къ Герату, то нельзя уже будетъ и сомнѣваться въ ихъ замыслахъ о наступательномъ движеніи на Индію».

Успѣхи русскаго оружія въ Средней Азій болѣзненно тревожили англійскую мнительность, а стремленіе во что бы то ни стало оттѣснить Россію отъ Индіи подалше объясняетъ шестидесятилѣтнія экспедиціи англо-индійскихъ войскъ и посягательства противъ независимости Афганистана. Если Великобританіи удалось утвердиться въ Кветтѣ и наложить руку на Белуджистанъ, то Россія перерѣзала средне-азіатскія пустыни желѣзною дорогою и постепенно распространила свое вліяніе на Кульджу и Кашгаръ (стр. 10—12).

Такое же удивительное политическое искусство проявила Россія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ сношеніяхъ съ Персіею—съ большою умѣлостью и вполне своевременно ею пускались въ ходъ выжиданіе, настойчивость, оказаніе поддержки, проявленіе мощи—то же нерѣдко пыталась продѣлывать Англія, но либо въ неподходящую минуту, либо обращаясь къ негоднымъ средствамъ (стр. 250).

Въ то время, какъ Германія заняла Кіау-Шау, Россія дальновидно готовилась къ тому, чтобы подчинить Манчжурію сферѣ русскаго вліянія—съ этою цѣлью въ декабрѣ 1897 года русскимъ флотомъ былъ занятъ Портъ-Артуръ, который съ прилежащими водами и территоріями 27-го марта 1898 года и переданъ Россіи въ арендное содержаніе. Одновременно съ поступательнымъ движеніемъ русскихъ въ Манчжуріи возросло русское вліяніе въ Монголіи, Тіеншанѣ и собственно Китаѣ.

Поступательное движеніе Россіи въ сѣверо-западномъ направленія на Серединное царство было въ значительной степени облегчено магометанскимъ возстаніемъ 1895—1897 годовъ. Возстаніе это, разыгравшееся въ Кансу и Или, поглотило свыше тридцати тысячъ человѣческихъ жизней и настолько ослабило обѣ воевавшія стороны, что это оказалось на руку могущественному сѣверному сосѣду, и присоединеніе окраинныхъ (внѣшнихъ) провинцій Китая къ Россіи составляетъ лишь вопросъ времени.

Присоединеніе Манчжуріи составитъ, однако же, въ русской государственной жизни явленіе новое: до сихъ поръ расширеніе русскихъ владѣній совершалось съ большою быстротою и полною успѣшностью, потому что Россія на своемъ пути встрѣчала либо неустойчивыхъ кочевниковъ, либо такія культурныя племена, которыя не обладали надлежащею національною сплоченностью; въ Манчжуріи же Россіи предстоитъ стать лицомъ къ лицу съ закаленною стойкою народностью, проникнутою чувствомъ единства и

прочно воспріявшею отъ китайцевъ ихъ своеобразную культуру. Ассимилировать двѣнадцать милліоновъ монголовъ шести милліонамъ арійцевъ, разсѣянныхъ на необозримомъ пространствѣ Сибири, представляется задачею далеко не легкою.

Мы, европейцы, вообще склонны воображать, что военное наше превосходство необходимо повлечетъ за собою и воспріятіе нашей культуры, и что очутившіеся подъ воздѣйствіемъ нашимъ инородцы обязательно станутъ воспринимать наши нравы, образованіе и идеалы, сближаясь съ нами. Это предубѣжденіе нерѣдко оказывается тщетнымъ заблужденіемъ. Наступленіе Запада на Востокъ нерѣдко имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что инородцы забываютъ домашніе свои раздоры, выходятъ изъ инертнаго безсилія и, воспринимая отъ европейцевъ умственное ихъ оружіе и техническія усовершенствованія ихъ цивилизаціи, не только вступаютъ въ борьбу съ европейскими установленіями, но и берутъ надъ ними перевѣсъ съ помощью религіознаго единенія и преуспѣянія въ торгово-промышленной области (стр. 166—166). Удастся ли Россіи побѣдоносно справиться съ этими трудностями, покажетъ будущее. Равнымъ образомъ и въ области мировой политикѣ занятіе Манчжуріи чревато осложненіями, такъ какъ въ Ньючангѣ, главномъ портѣ края, русскіе интересы непосредственно столкнутся съ претензіями англійскими, сѣверо-американскими и японскими (стр. 173).

Высказывая эти сомнѣнія, Виртъ, однако же, подтверждаетъ, что Россія доселѣ вполне успѣшно справлялась съ цѣлями, какія ей послѣдовательно открываются на Дальнемъ Востокѣ. Благодаря умѣлому сосредоточенію казачьихъ и линейныхъ войскъ въ раскинутыхъ по странѣ укрѣпленныхъ лагеряхъ, Манчжурія едва ли выйдетъ изъ повиновенія Россіи; столица восточной Монголіи, Урга, занята казачьими бурятскими отрядами, Кульджа — казаками дунганями; въ Аксу, Турфанѣ, Кашгарѣ и Яркандѣ русскіе консулы пользуются несравненно большимъ значеніемъ, чѣмъ манчжурскіе амбани. Словомъ сказать, не только вся Монголія, но и весь плодородный бассейнъ Тарыма прочно подчинены русскому вліянію (стр. 329—330).

За всѣмъ тѣмъ, замѣчаетъ Виртъ, насчетъ современнаго положенія Россіи высказываются два прямо противоположныхъ взгляда. Одни въ Всероссійскомъ царствѣ провидятъ исполина и признаютъ въ немъ могущественнѣйшую изъ современныхъ континентальныхъ державъ; по ихъ увѣреніямъ, неисчислимы богатства Россіи, неограниченная власть ея государей и дальнѣйшее ея развитіе лежатъ внѣ всякихъ предвидѣній. Наоборотъ, Самсонъ Гиммельстерна, Исаевъ и Рорбахъ предсказываютъ Россіи экономическое крушеніе, съ недоувѣріемъ относятся къ финансовой системѣ, проведенной въ жизнь С. Ю. Витте, и утверждаютъ, что экономическій строй страны, опираясь на экспортированіе сырья и зерновыхъ

хлѣбовъ и на иностранные займы, представляетъ значительный рискъ и угрожаетъ странѣ нарушеніемъ ея благосостоянія.

Тѣмъ не менѣе, Россія все двигается впередъ. Населеніе ея множится, внутреннее ея единеніе растетъ, національное самосознаніе выступаетъ все рѣшительнѣе.

Кто же правъ?

Поклонники ли, почтительно преклоняющіеся предъ величіемъ Россіи, или хулители, которымъ блестящіе успѣхи, достигнутые Россією, кажутся пустымъ миражемъ?

Рѣшить этотъ вопросъ, по мнѣнію Вирта, столь же трудно въ финансовомъ, какъ въ военномъ и политическомъ отношеніи.

Расширеніе владѣній несомнѣнно вызываетъ значительные расходы, ложащіеся тяжелымъ бременемъ на коренное населеніе Россіи, но въ то же время новыя территоріи приносятъ и осязательныя матеріальныя выгоды. Одинъ Амурскій край въ теченіе пятидесяти лѣтъ ежегодно доставлялъ золота на пятьдесятъ милліоновъ рублей. Не меньшія ископаемыя богатства даетъ Алтай. Закаспійская желѣзная дорога приноситъ значительный доходъ. Воздѣльваніе хлопка въ Ферганской области открываетъ самыя благопріятныя перспективы; столь же много обѣщаютъ опыты разведенія табака и чая. Въ Туркестанѣ лишь въ послѣднее время предпринято изученіе минеральныхъ богатствъ, которыми, повидимому, и этотъ край надѣленъ въ изобиліи. Вблизи Иссыкъ-Куля недавно открыты залежи каменнаго угля, такія же залежи обнаружены къ югу отъ Иркутска. Въ Тянь-Шанѣ и Алтай оказались богатѣйшія копи драгоцѣнныхъ камней. Наконецъ Коканъ и Яркандъ издавна славятся художественными ремеслами. Если прибавить сюда тѣ выгоды, какія могутъ доставить новыя территоріи, по мѣрѣ заселенія ихъ и обращенія жителей къ занятіямъ сельскимъ и лѣснымъ хозяйствомъ и скотоводствомъ, то окажется, что разумная эксплуатація заброшенныхъ азіатскихъ пустырей можетъ въ значительной степени снособствовать поднятію народнаго благосостоянія.

Столь же много благопріятнаго можно отмѣтить въ области военнаго дѣла. Отвага и выносливость казачьихъ войскъ, находящихся въ Сибири и Туркестанѣ, не подлежатъ сомнѣнію; русская пѣхота, считавшаяся въ Азіи годами съ неблагопріятными обстоятельствами и суровостью климата, въ кровопролитныхъ бояхъ и безкровныхъ завоеваніяхъ неизмѣнно проявляетъ качества, во многихъ отношеніяхъ превосходящія боевые таланты нѣмецкихъ войскъ. Одна кавалерія, выставленная въ западныхъ провинціяхъ и исчисляемая въ 90.000 всадниковъ, превосходитъ общій составъ германской конницы. Тѣмъ не менѣе русскія разстоянія представляютъ значительныя невыгоды: тогда какъ въ эпоху Наполеона значительность разстояній ослабляла нападающаго, переворотъ,

внесенный современностью въ средства и способы сообщеній, дѣлаетъ слабымъ обороняющагося, если онъ не можетъ столь же успѣшно использовать желѣзнодорожные пути, какъ нападающій.

Равнымъ образомъ и въ отношеніи дальнѣйшихъ поступательныхъ дѣйствій Россія въ Азіи обставлена неблагопріятно—къ югу серьезными препонами для нея являются безлюдныя и трудно проходимыя средне-азіатскія горныя плато, а на далекомъ Востокѣ успѣхамъ русскаго оружія и политики предстоитъ считаться съ англо-японскимъ союзомъ, значеніе котораго отнюдь не слѣдуетъ умалять.

Виртъ допускаетъ, что обращеніе Японіи въ орудіе для отвлеченія русскихъ силъ можетъ въ будущемъ пригодиться и Германіи. Интересы Германіи, конечно, требуютъ въ ближайшемъ будущемъ поддерживать съ Россіею миръ и согласіе, но когда вспыхнетъ наконецъ борьба, высадка японскихъ войскъ въ Сибири можетъ Германіи сослужить немалую пользу. Вѣдь и императоръ Арнульфъ не безъ успѣха использовалъ поддержку мадьярскихъ полчищъ противъ славянства, и Фридрихъ Великій засылалъ къ татарамъ, предлагая имъ совмѣстныя дѣйствія противъ Россіи!

А между тѣмъ, несмотря ни на что, «Россія все движется впередъ, неотразимо, словно рокъ. Она пребываетъ вѣрно своей миссіи, вѣрно стихійному стремленію овладѣть Азіею. Эту цѣль властители Россіи преслѣдуютъ невозмутимо, и предъ этою цѣлью безсилны и внутреннія бѣдствія, и облака, омрачающія внѣшнюю политику. Къ неукоснительному осуществленію этой задачи призываютъ Россію ея традиціи, мощь и воля. Часто, очень часто предвѣщалось Россіи банкротство, только банкротство это никогда не наступало, и долго, очень еще долго предстоитъ Европѣ считаться съ фактомъ могущества Россіи» (стр. 328—333 *passim*; 76).

Обращаясь къ злободневному вопросу японскихъ притязаній, Виртъ указываетъ на то, что, несмотря на серьезные успѣхи, достигнутые въ Корей бывшимъ русскимъ посланникомъ Веберомъ (стр. 37), истинную причину дальнѣйшихъ потрясеній въ Корей слѣдуетъ искать въ интригахъ японскихъ «соши». «Соши»—весьма дѣятельный союзъ политическихъ смутьяновъ, вербуемыхъ въ средѣ студенчества и молодежи; частью изъ фанатизма, частью изъ-за денегъ союзъ этотъ отдаетъ себя на служеніе политикамъ всякихъ партій и путемъ интригъ и даже убійствъ отравляетъ жизнь и дѣятельность противникамъ своихъ «работодателей». Словно кондотьеры Маккиавеллиевой эпохи, «соши» открыто торгуютъ своими услугами, и японскіе демагоги охотно прибѣгаютъ къ ихъ помощи внутри и внѣ страны (стр. 116—117).

Выставивъ въ началѣ китайско-японской войны 1894—1895 годовъ главнымъ домогательствомъ признаніе независимости Кореи—или, вѣрнѣе, подчиненіе ея Японіи, послѣдняя по мѣрѣ успѣховъ

своего оружія увеличивала требованія и пожелала получить южную Манчжурію. 23 марта 1895 года противъ этихъ притязаній Германія, Франція, Россія и Испанія высказались въ рѣшительной коллективной нотѣ, и японцы принуждены были помириться на полученіи военной контрибуціи съ китайцевъ, въ размѣрѣ 740 милліоновъ марокъ, и на присоединеніи Формозы.

Война 1895 года и присоединеніе Формозы поставили Японію на край банкротства, а, благодаря увеличенію ея бюджета на 120⁰/₀, государственный ея балансъ изъ года въ годъ заключается съ значительными дефицитами. Формоза по настоящее время вызвала у Японіи затрату свыше $\frac{1}{4}$ милліарда марокъ, а между тѣмъ со времени оккупации населеніе Формозы произвело уже шесть возмущеній, и трудно предвидѣть, чѣмъ таковыя закончатся. Если бы Японія въ 1895 году получила въ свое обладаніе еще и южную Манчжурію, то оккупация послѣдней вовлекла бы правительство микадо въ безчисленныя затрудненія и совершенно непосильные расходы; въ то же время завладѣніе Манчжуріею породило бы непримиримую вражду между Китаемъ и Японіею; теперь же, когда ихъ попрежнему раздѣляетъ море, они начинаютъ сближаться, и рѣчь заходитъ даже о заключеніи между ними дружественнаго союза, направленнаго не противъ кого другого, какъ западныхъ пришельцевъ (стр. 77—79).

Въ виду настоящихъ недоразумѣній между Японіею и Россіею отзывъ Вирга о Японіи представляетъ тѣмъ большій интересъ, что японскія обстоятельства онъ, повидимому, изучалъ на мѣстѣ и довольно всесторонне.

При значительныхъ расходахъ, которые производятся Японіею на замирненіе Формозы, хотя и прикрываются въ министерскихъ смѣтахъ туманными наименованіями (стр. 113), микадо принужденъ былъ для покрытія расходовъ на усиленіе арміи и флота, поступиться на шесть лѣтъ своимъ «*liste civile*», а оклады жалованья всѣмъ служащимъ урѣзаны на 10⁰/₀ (стр. 104). Благодаря этимъ мѣрамъ, добровольнымъ пожертвованіямъ и обращенію части суммъ, реализованныхъ путемъ государственныхъ займовъ, Японія въ концѣ 1904 года рассчитывала довести свою армію до численнаго состава 145 тысячъ пѣхоты и 18 тысячъ конницы, что при использованіи резервовъ даетъ въ теоріи армію чуть ли не въ полмилліона.

Признавая за военнымъ обученіемъ и снаряженіемъ японской арміи незаурядныя достоинства, Виртъ отмѣчаетъ въ числѣ слабыхъ ея сторонъ недостаточность дисциплины, приводящую къ тому, что иногда унтеръ-офицеры открыто становятся на сторону рядовыхъ противъ офицерства (стр. 87); далѣе подчеркивается легкая доступность японцевъ заболѣваніямъ, хотя санитарная часть арміи и обставлена прекрасно (стр. 87). Горная артиллерія и охрана побере-

жій весьма неудовлетворительны, какъ и конница—послѣдняя главнымъ образомъ потому, что мѣстныя лошади слабосильны, попытки же создать новыя конскія породы путемъ скрещенія съ выписными арабскими конями успѣхомъ не увѣнчивались (стр. 82).

Своеобразную черту японская армія получаетъ чрезъ употребленіе вмѣсто обозовъ многочисленныхъ «кули». Каждый солдатъ имѣетъ особаго «кули», который ему прислуживаетъ, таскаетъ за нимъ багажъ и провизію, а въ случаѣ надобности берется за ружье. Нечего и говорить, что содержаніе и передвиженіе многочисленныхъ носильщиковъ затрудняютъ армію на походѣ, тѣмъ болѣе, что «кули» проявляютъ отсутствіе дисциплины и своею необузданностью нерѣдко вызываютъ серьезныя замѣшательства (стр. 80).

Заботы правительства объ усиленіи флота обѣщаютъ довести его въ непродолжительномъ времени до вмѣстимости 160.000 тоннъ. Къ 1903 году, при затратѣ 120 милліоновъ марокъ, Японія рассчитывала увеличить численность своего флота до 67 военныхъ судовъ, 75 миноносокъ и 12 торпедо-истребителей (стр. 85). Виртъ отмѣчаетъ безразсудную, граничащую съ легкомысліемъ отвагу и слабость дисциплины въ японскомъ флотѣ.

Пресловутое развитіе японской промышленности, выразившееся въ созданіи къ 1898 году свыше 1.200 фабрикъ, по мнѣнію Вирта, не представляетъ серьезной опасности для европейскихъ фабрикаторовъ, такъ какъ японскія издѣлія весьма низкаго качества, да едва ли Японія когда нибудь и дастъ искусныхъ фабричныхъ рабочихъ.

За послѣднее десятилѣтіе въ государственную и экономическую жизнь Японіи существенныя измѣненія внесло стремленіе ея играть міровую роль. Увеличеніе объѣма, расширеніе торговаго судоходства въ связи съ усиленіемъ податного обложенія и утроеніемъ государственнаго бюджета какъ будто и знаменуютъ пышный расцвѣтъ страны «Восходящаго солнца», но, по мнѣнію Вирта, позволительно усомниться, является ли этотъ граничащій съ волшебствомъ подъемъ и впрямь результатомъ серьезнаго и прочнаго прогресса, или же обусловливается опрометчивыми начинаніями гешефтмажеровъ.

Знатоки дѣла утверждаютъ, что всѣ японскія попытки пересадить на родную почву европейскую науку отличаются безнадежною поверхностностью. Наоборотъ японцы проявляютъ умѣніе и незаурядныя способности въ области прикладныхъ знаній и практической хозяйственной дѣятельности. За всѣмъ тѣмъ, однако же, хваленая дѣловитость, экономность и бережливость японцевъ далеко не имѣютъ мѣста въ дѣйствительности; хотя чиновники и довольствуются ничтожными окладами, зато сидятъ по уши въ долгахъ, и правительство нерѣдко перемѣщаетъ ихъ затѣмъ

только, чтобы освободить ихъ отъ преслѣдованій кредиторовъ; точно также купечество живетъ не по средствамъ, а траты на женщинъ и sake (мѣстную водку) и неудачныя спекуляціи съ чужими деньгами вызываютъ частыя самоубійства (стр. 108—109).

Во всякомъ случаѣ природныя богатства Японіи, заключающіяся въ каменномъ углѣ, минеральныхъ маслахъ, лѣсахъ, ископаемыхъ и плодородныхъ земляхъ,—таковы, что, несомнѣнно, разъ Японія переживетъ болѣе или менѣе глубокой крахъ, вызванный болѣзненными явленіями современнаго ея строя, она въ нѣдрахъ многочисленныхъ своихъ острововъ найдетъ прочный залогъ для дальнѣйшаго дѣйствительно плодотворнаго развитія (стр. 110).

Ряды современниковъ, которые могутъ повѣдать міру о «желѣзномъ канцлерѣ» что либо новое, опирающееся на непосредственныя наблюденія и собственный опытъ, съ каждымъ годомъ все болѣе рѣдѣютъ. Это обстоятельство не благоприятствуетъ всестороннему выясненію характера и образа могучаго инициатора Германской имперіи, тѣмъ болѣе, что лица, близко стоявшія къ Бисмарку, далеко не охотно публикуютъ свои воспоминанія. Причины этому весьма разнообразны — одни изъ чувства деликатности стѣсняются дѣлать достояніемъ улицы то, что узнавалось въ интимномъ общеніи съ покойнымъ; другіе смущаются тѣмъ, что воспоминанія ихъ могутъ быть приняты за разоблаченіе тайнъ, нѣкогда ввѣренныхъ имъ по службѣ; третьи изъ-за оппортунистическихъ побужденій опасаются, какъ бы посмертныя похвалы первому канцлеру не навлекли на нихъ недовольства отъ живущихъ; иные, наконецъ, не обладаютъ умѣніемъ интересное, пережитое ими, воплотить въ подходящую литературную форму, а другіе, ссылаясь на запечатаніе подробностей, колеблются оглашать въ печати тѣ или нынѣ подмѣченныя ими черточки самобытности Бисмарка потому только, что онѣ оказываются въ противорѣчій съ представленіемъ, какое уже сложилось у современниковъ о его личности.

Хотя характеристики Буша, Грунерта, Дистъ-Дабера, а равно и записки самого Бисмарка въ общихъ чертахъ довольно вѣрно освѣщаютъ личность «желѣзнаго канцлера», нѣмецкіе его почитатели неустанно продолжаютъ трудиться надъ возводимымъ въ культъ «Bismarck-Forschung».

Въ области подробнѣйшаго изученія общественной дѣятельности и самой личности Бисмарка особенно много потрудился Г. фонъ-Пошингеръ, собравшій и издавшій его рѣчи, переписку и рядъ монографій (Preussen im Bundestag, Bismarcksbriefe, Fürst Bismarck—Neue Tischgespräche und Interviews и т. д.).

Новѣйшій трудъ Пошингера носить нѣсколько претенціозное заглавіе: «Bausteine zur Bismarck Pyramide (Berlin, G. Stilke's Verlag, 1904, in-8°), и составленъ изъ любопытныхъ выдержекъ, характеризующихъ отношенія Бисмарка къ Мольтке, Карлу Румынскому, Зибелю, Симсону, Ленбаху, Р. Вагнеру, Швенцингеру и другимъ.

Легенды о грубости и тяжеломъ характерѣ Бисмарка въ служебныхъ сношеніяхъ въ значительной степени опровергаются многочисленными свидѣтельствами. Въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ своими совѣтниками-докладчиками Бисмаркъ неизмѣнно соблюдалъ формы вѣжливости, но не терпѣлъ неаккуратности и замедленія въ выполненіи текущихъ работъ; равнымъ образомъ при докладахъ дѣлъ по существу онъ въ вопросѣ о дальнѣйшемъ направленіи ихъ не выносилъ противорѣчій, такъ какъ это нарушало теченіе его мыслей, а онъ всегда торопился вкратцѣ продиктовать резолюцію по тому или другому дѣлу, восходившему на его разсмотрѣніе, и предоставлялъ докладчикамъ дальнѣйшее развитіе и ближайшее обоснованіе намѣчавшихся имъ указаній и облеченіе ихъ въ соответствующія формы дѣлопроизводства. Возраженія и доводы разрѣшались докладчикамъ лишь при представленіи документовъ, уже заготовленныхъ къ подписи канцлера. Нерѣдко случалось при докладахъ, что Бисмаркъ, рассказывая взадъ и впередъ по кабинету, диктовалъ цѣлыми часами съ такою быстротою, что записывавшій успѣвалъ только набрасывать канву разсужденій, если не владѣлъ стенографическимъ письмомъ. Обладая незаурядною работоспособностью и выносливостью, Бисмаркъ требовалъ того же отъ своихъ сотрудниковъ и иногда, проработавъ съ Майбахомъ или другимъ министромъ далеко за полночь, отпускалъ его, высказывая на прощаніе желаніе, равносильное приказанію,—получить на завтрашнее уже утро на чисто отдѣланныя и переписанныя бумаги. Въ особенное смущеніе многихъ приводили зоркіе глаза Бисмарка съ лучистыми зрачками—покойно переносить пристальный взглядъ этихъ наблюдательныхъ глазъ было не легко. На закатѣ дѣятельности, когда сынъ канцлера, графъ Гербертъ Бисмаркъ, былъ сдѣланъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, личные доклады чиновъ министерства у канцлера почти прекратились, и къ нему доставлялись краткія памятные записки (Promemoria) по важнѣйшимъ текущимъ дѣламъ; на нихъ канцлеръ и клалъ краткія резолюціи карандашомъ, ближайшія же словесныя указанія дѣлались чрезъ сына, который каждодневно посѣщалъ канцлера для дѣловыхъ переговоровъ (стр. 226—228, 235—236, 158).

Въ свою очередь и канцлеру отправленіе многотрудныхъ его обязанностей давалось не легко. «Если надобно было склонить престарѣлаго моего повелителя на какую нибудь новую мысль, то для этого требовалось немало времени и усилій. Для того, чтобы

у императора Фридриха провести при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣло, требовалось еще болѣе настойчивости, такъ какъ тутъ сказывались стороннія и весьма вѣскія вліянія. Но если нынѣ царствующему всемилостивѣйшему государю я только кидаю мимоletный намекъ, онъ уже тотчасъ его схватываетъ, благодаря необычайной живости ума» (стр. 120).

При постоянномъ обремененіи дѣлами канцлеръ былъ мало доступенъ для лицъ, добивавшихся у него свиданій для официальныхъ дѣловыхъ переговоровъ. Я смотрю, какъ на личнаго своего врага, на всякаго, кто желаетъ получить у меня аудіенцію»,—признавался онъ. Столь немилостиво относился канцлеръ къ пріемамъ, носившимъ официальный характеръ, такъ какъ мало видѣлъ отъ нихъ пользы и жаловался на безцѣльную отъ нихъ потерю времени.

Несравненно легче можно было добиться отъ Бисмарка приглашенія къ завтраку или къ обѣду запросто. Какъ хозяинъ дома, онъ былъ необычайно обаятеленъ, и, ведя сегодня къ столу подъ руку жену провинціального пастора, онъ проявлялъ къ ней такую же предупредительную любезность, какою вчера удостоивалъ супругу владѣтельнаго принца. Послѣ трапезы, въ кругу застольныхъ товарищей, Бисмаркъ, покуривая длинную трубку, охотно касался исторіи, политики, литературы и злободневныхъ вопросовъ, входя въ разъясненіе мотивовъ тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій. Его наблюдательность, юморъ, разностороннее знакомство съ научными вопросами, чуждыми обычной сферы его дѣятельности, практическая освѣдомленность въ области промышленности и сельскаго хозяйства производили неотразимое впечатлѣніе на слушателей.

Превосходный рассказчикъ («causeur», какъ это называютъ французы), Бисмаркъ не прочь былъ для эффекта сгущать краски и разукрашивать описываемые факты, но, не брезгая краснымъ словомъ и остротами, онъ освѣщалъ совершенно самобытно застрогиваемыя темы. Ленбахъ рассказываетъ, что во время пребыванія на сельскомъ просторѣ домашній кружокъ Бисмарка донельзя разнообразился появленіемъ самыхъ разношерстныхъ посѣтителей. Канцлеръ быстро умѣлъ оцѣнить въ посѣтителѣ челоуѣческую личность, не справляясь объ общественномъ его положеніи; случалось, что съ какимъ нибудь фотографомъ, лѣсничимъ или страховымъ агентомъ князь оживленно бесѣдовалъ часами, и когда восхищенный посѣтитель наконецъ откланивался, князь освѣдомлялся у домашнихъ, кто собственно заинтересовавшій его собесѣдникъ (*Wer war denn der Kerl eigentlich?*) (стр. 123, 1—2, 135).

Въ ряду непринужденныхъ бесѣдъ, описываемыхъ фонъ-Пошингеромъ со словъ выдающихся современниковъ, встрѣчаются эпизоды, касающіеся отношеній Бисмарка къ Россіи, ея государямъ и ихъ политикѣ.

Бисмаркъ признавался, что въ 1877 г. ему пришлось сдѣлать немало усилій, чтобы взять верхъ надъ Мольтке и воинственною партіею, настаивавшими на объявленіи Россіи войны въ видахъ предупрежденія ея усиленія и сближенія съ Франціею (стр. 149). Точно также въ 1887 г., когда отношенія Россіи къ Германіи были особенно натянуты, а усиленіе войскъ на западной нашей окраинѣ и нападки русской печати на германскую политику вызывали среди нѣмцевъ тревогу и вспышки шовинизма, Бисмаркъ не уставалъ ссылаться на миролюбіе нашего государя.

«Усиленіе численнаго состава русскихъ войскъ на западной окраинѣ такой вопросъ, по которому я изъ кабинета министерства иностранныхъ дѣлъ не желалъ бы требовать категорическихъ разъясненій. Когда предъявляются требованія подобныхъ разъясненій, то и въ самомъ запросѣ легко можешь взвинтиться, да и отвѣтъ можетъ воспослѣдовать взвинченный, а это такой путь, на который бы я вступилъ нехотя. Относительно усиленія войскъ на русской западной границѣ я, въ качествѣ человѣка, дѣлый уже вѣкъ занимающагося иностранною политикою вообще и русскою въ частности, составилъ себѣ совершенно опредѣленное понятіе. Я полагаю, что русскій кабинетъ держится того убѣжденія — и не безъ основанія, — что въ ближайшемъ европейскомъ кризисѣ русскій голосъ на дипломатическомъ ареопагѣ Европы будетъ имѣть тѣмъ болѣе вѣсъ, чѣмъ сильнѣе охранена будетъ русско-европейская граница, и чѣмъ дальше къ западу будутъ выдвинуты русскія войска... Я полагаю, что изъ факта сосредоточенія русскихъ войскъ въ западныхъ губерніяхъ отнюдь не вытекаетъ, чтобы Россія умышляла нападеніе на насъ... Я скорѣе склоненъ думать, что въ виду всегдашней возможности обостренія восточнаго кризиса для Россіи важно имѣть наготовѣ поддержку въ видѣ арміи, далеко выдвинутой на западъ. Когда и впрямь наступитъ опять восточный кризисъ, никто съ увѣренностью не предскажетъ... Оставляя въ сторонѣ незначительныя недоразумѣнія въ теченіе послѣдняго вѣка, мы можетъ насчитать серьезные кризисы въ 1809 и 1828 гг., крымскую кампанію 1854 г. и восточную войну 1877 г., т.-е., другими словами, серьезные столкновенія правильно возобновляются примѣрно чрезъ каждые 22 года. Почему же не наступитъ ближайшему кризису нѣсколько ранѣе или позднѣе 1899 года?.. Когда я говорю, что мы должны непрестанно дѣлать напряженія для предупрежденія всевозможныхъ случайностей, я хочу этимъ только намекнуть на то, что въ силу географическаго положенія мы обречены на болѣе значительныя усилія, чѣмъ прочія державы... Господь Богъ поставилъ насъ въ такое положеніе, что наши сосѣди всегда будутъ мѣшать намъ погрузиться въ лѣнь и бездѣйствіе. Господь Богъ поставилъ бокъ о бокъ съ нами самую воинственную и безпокой-

ную націю—французовъ, а съ другого бока мы имѣемъ Россію, и въ нес вселились такія воинственныя наклонности, какихъ въ минувшіе вѣка она проявлять не могла... Тѣмъ не менѣе нѣтъ причинъ и не можетъ быть побужденій, которыя бы заставили російскаго государя напасть на своихъ сосѣдей; мало того, я иду столь далеко въ своемъ довѣрїи, что утверждаю: случись даже какая нибудь вспышка во Франціи, которой никто напередъ не предугадаетъ, и которой я отнюдь не предвижу при теперешнемъ правительствѣ, и будь мы этою вспышкою вовлечены въ войну съ французами, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы отсюда непосредственно вытекла война съ Россіею, какъ необходимое послѣдствіе первой. Наоборотъ, если мы ввяжемся въ войну съ Россіею, вполне достовѣрно, что тутъ наступитъ война и съ французами: никакое французское правительство не окажется достаточно сильнымъ, чтобы предотвратить эту войну, если бы даже и имѣло доброе желаніе это сдѣлать» (стр. 42—46 *passim*).

Въ томъ же 1887 г. Бисмаркъ говорилъ пр. Тудихумъ: «Едва ли въ теченіе послѣднихъ 17 лѣтъ кто либо болѣе былъ озабоченъ поддержаніемъ мира, чѣмъ я: намъ это удалось, хотя порою приходилось трудненько. Впрочемъ войной мы ничего не могли бы выиграть ни на Западѣ, ни на Востокѣ. Превратить леттовъ и эстовъ въ нѣмцевъ задача слишкомъ тяжелая, а ввяжись мы въ войну съ Россіею и подступи хоть къ самому Петербургу, положеніе нѣмцевъ въ эстзейскихъ провинціяхъ могло бы только ухудшиться» (стр. 161).

Бисмаркъ въ своихъ бесѣдахъ неоднократно подчеркиваетъ довѣріе и милосливое расположеніе, какое онъ снискалъ у русскихъ государей, и, между прочимъ, рассказывалъ фонъ-Деффригеру, что императоръ Александръ III высказалъ ему однажды недомѣніе, какой знакъ вниманія могъ бы онъ оказать князю, такъ какъ тотъ уже имѣетъ всѣ высшіе русскіе ордена. На это князь, посмѣиваясь, отвѣчалъ, что, будь онъ на мѣстѣ государя, онъ былъ бы тароватъ не на почетныя награды, а кого захотѣлъ бы отличить, того одарилъ бы лошадыю, виномъ, съѣстными запасами—словомъ, матеріально полезными вещами; государь расхотался, а вскорѣ послѣ этого князь изъ Петербурга получилъ изрядный запасъ превосходныхъ винъ и водокъ (стр. 171—172).

Не менѣе любопытны совѣты, высказанные Бисмаркомъ королю Карлу Румынскому при личномъ свиданіи въ 1888 году. Выражая соболѣзнованія по тому поводу, что Румынія изъ русско-турецкой войны не извлекла всѣхъ ожидавшихся ею выгодъ, Бисмаркъ не устаетъ совѣтовать Карлу и лично, какъ раньше чрезъ Братьяну и Стурдзу, избѣгать въ отношеніяхъ къ Россіи рѣзкостей въ виду щекотливаго положенія, какое вытекаетъ для Румыніи изъ самаго географическаго ея положенія и давленія, какое на нее можетъ

всегда оказать, съ одной стороны, могущественная Русская имперія, а съ другой находящаяся подъ русскимъ вліяніемъ Болгарія.

Поэтому для упроченія независимости Румыніи Бисмаркъ рекомендовалъ королю Карлу поддерживать неукоснительно возможно болѣе тѣсную дружбу съ Франціею и Германіею. А въ видѣ отдаленныхъ выгодъ, какими чревато было присоединеніе придунайскихъ княжествъ къ тройственному союзу, «честный маклеръ» оговаривался: «Турція близится къ распаденію, и ничто ее отъ этой роковой развязки уберечь не можетъ; Румыніи естественно предстоитъ великій удѣлъ, но для осуществленія его надо дѣйствовать съ осторожностью, твердостью и мудростью. Румынія теперь заключена въ предѣлы 2.500 квадратныхъ миль съ населеніемъ въ 5 милліоновъ, а когда она будетъ насчитывать населеніе въ 10 милліоновъ, какова будетъ ея мощь! Теперь государственный ея долгъ значителенъ, но съ 10 милліонами подданныхъ чего только Румыніа не совершитъ!» (стр. 87--88).

Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ распространиться дальше о книгѣ Пошингера тѣмъ болѣе, что содержаніе ея выходитъ за предѣлы отведенной намъ рубрики. Несомнѣнно, по богатству и разнообразію сообщаемыхъ фактовъ и подробностей, она представляетъ цѣнный вкладъ не только для ознакомленія съ крупною личностью «желѣзнаго канцлера», но и для освѣщенія крупныхъ событій новѣйшей исторіи.

При обиліи выдающихся и разнообразныхъ, ярко выраженныхъ талантовъ вполне естественно болѣе скромные, рядовые служители мысли оттѣсняются на задній планъ и легко предаются забвенію.

Этой участи подвергся плодовитый историкъ и біографъ Варнгагенъ фонъ-Энзе, которому Густавъ Фрейтагъ посвящаетъ любопытную статью въ недавно появившихся двухтомныхъ *Vermischte Aufsätze aus den Jahren 1848 bis 1894* (Leipzig. Hirzel's Verlag, 1903).

Для русскихъ читателей личность Варнгагена фонъ-Энзе представляетъ интересъ потому уже, что нѣкоторое время онъ состоялъ въ русской военной службѣ и, получивъ возможность ознакомиться съ русскимъ языкомъ, впоследствии неоднократно указывалъ нѣмецкимъ своимъ землякамъ на примѣчательныя литературныя явленія въ Россіи; и выѣхавъ изъ Россіи, Варнгагенъ поддерживалъ близкія отношенія съ такими русскими дѣятелями, какъ князь Козловскій, Жуковскій, князь Вяземскій, князь Одоевскій и др.

Уроженецъ Дюссельдорфа, Карлъ-Августъ Варнгагенъ фонъ-Энзе родился въ 1785 г. и, переселившись вмѣстѣ со своимъ отцомъ-

врачемъ въ Гамбургъ, пошелъ, было, по родительскимъ стопамъ; отъ изученія медицины въ Берлинѣ и Галле впрочемъ его вскорѣ отвлекли болѣе живые интересы къ философіи, исторіи и литературѣ, и уже въ 1803 г. онъ, совмѣстно съ Шамиссо, выступаетъ съ изданіемъ «Альманаха Музъ». Военственный угаръ, изъ котораго Европа не выходила первое пятнадцатилѣтіе ХІХ вѣка, подбѣйствовалъ и на Варнгагена: въ 1809 г. онъ вступилъ въ австрійскую армію и, произведенный въ офицеры, подъ Ваграмомъ былъ опасно раненъ, а въ 1810 г., въ качествѣ адъютанта и спутника австрійскаго князя фонъ-Бентгейма, вращался при Наполеоновскомъ дворѣ. Въ 1813 г. Варнгагенъ, въ чинѣ ротмистра, поступилъ въ русскую службу и находился при кавалерійскомъ отрядѣ генерала фонъ-Теттенборна, который начальствовалъ надъ авангардомъ въ Кутузовской арміи, а послѣ сраженія при Ландсбергѣ вмѣстѣ съ Чернышевымъ занялъ Берлинъ и, очистивъ Гамбургъ и Бременъ отъ французскихъ войскъ, состоявшихъ подъ командою маршала Даву, съ января 1814 г. поддерживалъ со своимъ кавалерійскимъ корпусомъ связь между отдѣльными отрядами союзниковъ. Въ качествѣ адъютанта при генералѣ фонъ-Теттенборнѣ Варнгагенъ попалъ въ 1814 г. въ Парижъ, здѣсь получилъ приглашеніе вступить на дипломатическое поприще отъ князя Гарденберга и подъ руководствомъ послѣдняго подвизался на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Женившись въ 1814 г. на знаменитой въ лѣтописяхъ нѣмецкаго просвѣщенія Рахили Левинъ (бывшей на пятнадцать лѣтъ его старше), Варнгагенъ въ 1816 г. занялъ видный постъ министра-резидента въ Карлсруэ, а въ 1819 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго легаціоннаго совѣтника, такъ какъ не захотѣлъ отправиться въ качествѣ посланника въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты; только здѣсь прусское правительство считало еще возможнымъ терпѣть его либеральныя убѣжденія. Проживая дальнѣйшую жизнь въ Берлинѣ, Варнгагенъ и его знаменитая жена прославились литературнымъ салономъ, который являлся средоточіемъ эстетическихъ, философскихъ и общественно-политическихъ интересовъ, привлекая выдающихся дѣятелей прусской столицы. Находясь помимо своей воли не у дѣлъ, Варнгагенъ долгіе годы своей жизни (умеръ онъ въ 1858 г.) проводилъ за литературными занятіями, поддерживая тѣсное общеніе съ правительственными кругами, гдѣ насчитывалъ немало сверстниковъ и товарищей по военной и дипломатической службѣ.

Въ литературной области Варнгагенъ получилъ извѣстность комментированными изданіями многочисленныхъ сборниковъ корреспонденцій его жены Рахили, Шамиссо, Гнейзенау, Гаугвица, бр. Гумбольдтъ, Меттерниха, Гейнца, Гейне и др. Болѣе широкой интересъ представляютъ написанныя имъ біографіи и харак-

теристики выдающихся дѣятелей XVIII и XIX в. (въ томъ числѣ и русскихъ). Въ качествѣ біографа, Варнгагенъ въ нѣмецкой литературѣ едва ли не первый выработалъ самый жанръ занимательнаго и содержательнаго изложенія жизнеописаній выдающихся личностей въ связи съ широкими общими интересами эпохи. Фрейтагъ справедливо замѣчаетъ, что вообще очертить жизнь выдающейся личности и представить ее въ изложеніи такъ, чтобы сущность рисуемаго образа отвѣчала исторической правдѣ и выступала предъ читателемъ съ выпуклою наглядностью, является задачею далеко не легкою. Хотя Варнгагенъ и выступалъ съ удачными опытами біографій, но и имъ не чужды недостатки, присущіи вообще историческимъ сочиненіямъ этого рода. Воспроизводя жизнь избраннаго героя въ важнѣйшихъ проявленіяхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы общее впечатлѣніе отвѣчало точному и подробному изученію особенностей данной личности, біографъ принужденъ избѣгать длинотъ и ограничивается сопоставленіемъ немногихъ крупныхъ и характерныхъ фактовъ, мыслей и чувствованій, обрисовывающихъ данное лицо; такимъ образомъ истинныя пропорціи поступковъ и чувствованій нѣсколько нарушаются, ибо главной руководящей идеѣ, обосновывающей дѣятельность и жизнь данной личности, отмежевывается преобладающее мѣсто, и характеръ описываемой личности нѣсколько идеализируется, такъ какъ муть и противорѣчія, протягивающіяся чрезъ любую дѣйствительную жизнь, значительно ступшеваются (стр. 180—181).

Opus maximum литературнаго творчества Варнгагена представляютъ его «Denkwürdigkeiten aus meinem Leben», «Blätter aus der preussischen Geschichte» и «Tagebücher».

Здѣсь на ряду съ городскими сплетнями, закулисными дипломатическими слухами и многочисленными придворными анекдотами, находятъ себѣ характерный отзвукъ колебанія и недовольство, сказывавшіяся въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ высшихъ чиновныхъ кругахъ. а равно сообщается немало знаменательныхъ подробностей, характеризующихъ поворотъ, который велѣдъ за революціею 1848 г. вызвалъ въ европейской политикѣ начала 50-хъ годовъ крутую реакцію. Для русскаго читателя среди записей въ «Tagebücher» немалый интересъ представляютъ свѣдѣнія, сообщаемыя объ отношеніяхъ государя Николая Павловича къ берлинскимъ царственнымъ его свойственникамъ.

Характеризуя приемы новѣйшаго берлинскаго лѣтописца, Фрейтагъ замѣчаетъ, что Варнгагенъ далеко не представляетъ собою сильнаго характера. Несмотря на живость либеральныхъ инстинктовъ и патриотизмъ, заставляющіе его скорбѣть о печальномъ упадкѣ Пруссіи 40-хъ и 50-хъ годовъ, Варнгагенъ въ описаніи и оцѣнкахъ злободневныхъ событій не проявляетъ ни самобытности, ни чуткости. Болѣзненный, легко впадающій въ раздражитель-

ность и брюзжаніе, и суетный, Варнгагенъ въ своихъ отзывахъ проявляетъ зачастую пристрастіе и съ злорадствомъ, объясняемымъ разбитымъ честолюбіемъ, отмѣчаетъ неудачи и промахи прусскаго и другихъ европейскихъ правительствъ.

Эта склонность къ опорочиванію современности и къ глумленію надъ нею отнюдь впрочемъ не составляетъ специфическаго недостатка Варнгагена: въ нихъ повинно большинство тогдашнихъ придворныхъ, сановниковъ и интеллигентовъ. Совершенно такъ же, какъ и Варнгагенъ, даже великій Ал. фонъ-Гумбольдтъ и многіе изъ тогдашнихъ прусскихъ генераловъ и министровъ толкались по гостинымъ, равнося и собирая сплетни и новости дня, и проявляли рѣшительное тяготѣніе къ нытью, жалобамъ и предсказаніямъ всяческихъ напастей. Подъ вліяніемъ реакціи, охватившей Европу, политика сдѣлалась игрушкою придворныхъ интригъ; въ дѣлахъ военнаго и гражданскаго управленія насущнѣйшіе государственные интересы размѣнивались на личные вопросы, мелочную борьбу котерій и происки честолюбцевъ, искавшихъ возвыситься. Смѣшеніе печатнаго слова и общественнаго мнѣнія не могло ни сдерживать личныхъ страстей, ни исправлять заблужденій и односторонности сужденій; благодаря этому, каждая единичная личность становилась жертвою случайныхъ впечатлѣній и проникалась убѣжденіями, безапелляціонно царившими въ разрозненныхъ кружкахъ. Тайнственность, въ которую облакалось отправленіе дѣятельности государственной машины, вызывала безконечныя пересуды и сплетни; каждое мѣропріятіе въ средѣ полуосвѣдомленныхъ критиковъ порождало безпощадныя и несправедливыя нареканія. При отсутствіи твердыхъ устоевъ самый масштабъ хорошаго и дурного, похвальнаго и зазорнаго утрачивалъ опредѣленность и прибѣжищемъ въ неразрѣшимыхъ недоумѣніяхъ являлась циничная насмѣшка надо всѣмъ хорошимъ и дурнымъ одинаково. Съ злорадствомъ, не чуждымъ затаенныхъ страховъ, гостинья осуждали огуломъ всѣ правительственныя законодательныя начинанія, и надъ всѣмъ обществомъ безпросвѣтно царило мрачное пессимистическое настроеніе (стр. 200—201).

Эти же черточки, до нѣкоторой степени обусловленныя аналогичными причинами, проглядываютъ и въ запискахъ иныхъ русскихъ людей той эпохи, какъ, напримѣръ, у Вигеля или у Никитенки, почему ими и приходится пользоваться съ такою же осмотрительностью, какой требуетъ обращеніе съ «Дневниками» Варнгагена, въ смыслѣ историческаго матеріала.

На ряду съ широкимъ просторомъ, отводимымъ исторіею жизнеописаніямъ личностей, дѣйствительно крупныхъ и оставившихъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ судьбахъ человѣчества, интересъ

всегда привлекали авантюристы и чудодѣи, которые и самыя права своего гражданства въ исторіи пріобрѣтали въ качествѣ диковинныхъ «человѣческихъ документовъ». Трудолюбивый нѣмецкій ученый Фр. Бюлау посвятилъ много лѣтъ на многотомный сборникъ цѣнныхъ и тщательно провѣренныхъ фактовъ, специально трактующій о «Загадочныхъ личностяхъ», появившихся на аренѣ исторіи.

Въ ряду этихъ «Загадочныхъ личностей» видное мѣсто занимаетъ итальянскій авантюристъ Іосифъ Бальзамо, болѣе извѣстный подъ именемъ графа Калиостро. Пестрая и разнообразная вереница приключеній въ разныхъ европейскихъ столицахъ вполне естественно предназначила его личность къ роли излюбленнаго романистами и драматургами героя, а отъ времени до времени и любознательные историки не брезгали изученіемъ обстоятельствъ жизни Іосифа Бальзамо, тѣмъ болѣе, что капризная судьба, избаловавъ его не по заслугамъ свѣтскими успѣхами, безжалостно разбила непрочное существованіе авантюриста, припутавъ его къ знаменитому процессу кардинала де-Рогана и графини де-ла-Моттъ Валуа о похищеніи драгоценнаго ожерелья у парижскаго ювелира Бёмера.

Жизнеописанію Калиостро посвящено недавно вышедшее изслѣдованіе Henri d'Alméras: *Cagliostro (Joseph Balsamo). La franc-maçonnerie et l'occultisme au XVIII siècle d'après des documents inédits* (Paris, ed. Lecène. 1904, in-18°).

Несмотря на обѣщаніе использовать неизданные документы, д'Альмерасъ самъ же признается, что наиболѣе существенное изъ рукописныхъ документовъ, касающихся Калиостро и хранящихся въ парижскихъ библіотекахъ—Национальной и Арсенальной, уже исчерпано въ солидныхъ изслѣдованіяхъ Кампардона и Функъ-Брентано о процессѣ объ ожерельѣ.

Такимъ образомъ д'Альмерасъ, помимо второстепенныхъ подробностей, заимствуемыхъ изъ помянутыхъ выше рукописныхъ документовъ, черпаетъ данныя для своего труда изъ многочисленнаго, но довольно рѣдкаго печатнаго матеріала, главнымъ образомъ появившагося въ концѣ XVIII вѣка.

Вообще говоря, Калиостро въ біографическомъ отношеніи не посчастливилось: эта личность, которую ея поклонники возводили въ геніи, а хулители ославляли зауряднымъ мошенникомъ, охотно окружала себя таинственностью, такъ какъ въ интересахъ фантастической репутаціи «le Grand Sorhte» скромность происхожденія представляла такія же досадныя неудобства, какъ и бурная юность авантюриста, избаловавшая забавными, но далеко не примѣрными эпизодами. При допросахъ, которымъ Калиостро и его жена подверглись во время процесса объ ожерельѣ, дгаль онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ и не потому только,

что признаніе въ прошломъ и поступкахъ, далеко не безупречныхъ, не вязалось съ принятою имъ на себя ролью, но подчасъ и вслѣдствіе помраченія истины необузданною игрою воображенія, вообще сильнаго у южанъ.

Подвижная и пестрая жизнь Калиостро изобиловала невѣроятными контрастами—мелкія мошенничества и торговля собственною женою чередуются у него съ богатствомъ, почетомъ и привольнымъ житьемъ, и тогда какъ одни факты заставляютъ видѣть въ искателѣ приключеній отсутствіе идеальныхъ побужденій, другіе факты намекаютъ на его великодушіе, любовь къ ближнимъ и чуждое эгоистическихъ расчетовъ обращеніе съ больными.

Первою жертвою своего лганія Калиостро становился самъ, такъ какъ, благодаря сложнымъ психическимъ процессамъ, нынѣ доказаннымъ и извѣстнымъ подъ наименованіемъ самовнушенія (auto-suggestion), Калиостро могъ искренно убѣждаться въ истинѣ того, что по началу утверждалъ облыжно, а окружавшіе его поклонники повторяли и разукрашали на разные лады. Удивленіе, которое Калиостро вселялъ въ разнообразныхъ и далеко не сплошь легковѣрныхъ людей, сближавшихся съ нимъ, и восторженное поклоненіе, которое заставляло многихъ видѣть въ немъ дивнаго врача, провозвѣстника вѣщихъ глаголовъ и основателя усовершенствованныхъ масонскихъ вѣрованій, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія; объяснять успѣхи Калиостро въ разнообразныхъ кружкахъ образованнаго европейскаго общества единственно людскою глупостью довольно легкомысленно.

Альмерасъ склоненъ допустить, что разительные и удостовѣренные случаи излѣченій, какіе значатся въ активѣ благодѣяній Калиостро, пожалуй, и впрямь имѣли мѣсто и объясняются психическими внушеніями и воздѣйствіями на больныхъ; точно также возможно, что, сближаясь временами съ разнообразными специалистами и эмпириками, Калиостро запасся незаурядными знаніями, которыми впоследствии ослѣплялъ легковѣрныхъ своихъ кліентовъ, подъ видомъ исканія философскаго камня, занятій алхиміею и проповѣдыванія «египетскихъ обрядовъ масонства». О положительныхъ качествахъ Калиостро, однако же, можно высказывать лишь смутныя догадки, такъ какъ литературныя свидѣтельства о дѣяніяхъ Калиостро относятся лишь къ позднѣйшей эпохѣ, чѣмъ 1785 г., когда разыгралось дѣло объ ожерельѣ, и носятъ характеръ обличеній и памфлетовъ, направленныхъ противъ личности недавняго авторитетнаго чудодѣя.

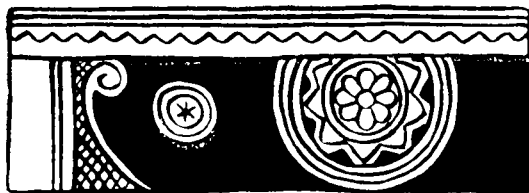
Въ процессѣ объ ожерельѣ обвиненія на Калиостро были возведены дѣйствительною похитительницею драгоценнаго убора, захувавшею графинею де-ла-Моттъ-Валуа, которая въ концѣ концовъ подверглась позорному заклѣйменію отъ руки палача и послѣдніе годы жизни провела въ глубокомъ уединеніи въ Крыму; Калиостро

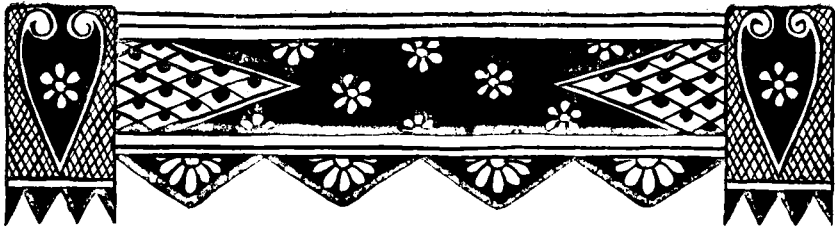
же изъ процесса вышелъ оправданнымъ, но утратилъ прежній престижъ и лишился дальнѣйшихъ средствъ къ легкой наживѣ и, промыкавшись нѣсколько лѣтъ въ Англіи, Швейцаріи и Италіи, въ 1790 г. угодилъ въ Римъ подъ судъ инквизиціи и умеръ въ заточеніи около 1795 года.

Веселый забавникъ, поражающій новизною и вѣроподобіемъ неисчерпаемыхъ выдумокъ, Калиостро владѣлъ шестью иностранными языками, могъ вводить въ заблужденіе людей, по преимуществу культурныхъ, и проявлялъ недюжинный умъ въ неблагоприятныхъ даже выходкахъ, прибѣгая къ нимъ лишь въ минуту крайности, въ борьбѣ за непрочное свое существованіе.

Описывать вслѣдъ за Альмерасомъ богатую похождениями жизнь Калиостро не входитъ въ наши рамки, и къ сказанному остается прибавить, что вообще книга Альмераса составлена интересно и разнообразна по содержанію. Что касается особенно интереснаго для русскихъ читателей частнаго эпизода пребыванія Калиостро въ 1779 г. при дворѣ курляндскаго герцога въ Митавѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ и Варшавѣ, то онъ трактуется Альмерасомъ довольно кратко (стр. 160—168) по мемуарамъ баронессы фонъ-деръ-Рекке, маркиза де-Мошэ и Лаборда и сообщаетъ лишь то, что русскимъ читателямъ болѣе точно извѣстно изъ статей Карновича (Замѣчательныя и загадочныя личности, Спб., 1884 г.), Зотова (въ «Русск. Старинѣ» 1875 г.) и др.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Шукинскій сборникъ. Выпускъ второй. Москва. 1904.

ВТОРОЙ выпускъ сборника, издаваемого П. И. Шуклинымъ, заключаетъ въ себѣ множество въ высшей степени любопытныхъ и появляющихся впервые документовъ. Перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста, и потому мы, по необходимости, вынуждены указать только на нѣкоторые изъ нихъ.

Воспоминанія Макарова о московскомъ генераль-губернаторѣ кн. Д. В. Голицынѣ крайне своеобразны, какъ по изложенію, такъ и по свѣдѣніямъ о филантропической дѣятельности того времени. Изъ воспоминаній видно, что въ то далекое время московская бѣдность представляла все ту же картину, что и нынѣ: подвальные этажи и эксплуатація ихъ жителей съемщиками, грязь, болѣзни и развратъ, тѣ же босяки изъ разныхъ классовъ общества, профессионалы-нищія, среди которыхъ имѣются и отставные кавалеристы и вѣчно помолвленные невѣсты... есть и такіе бѣдные, которые приходятъ въ Москву, думая и рассчитывая на постоянную, въ родѣ жалованья, помощь.

Но автору, управлявшему отъ пошечительнаго комитета о бѣдныхъ Городской части, удавалось помогать и настоящимъ бѣднякамъ, такъ, напримѣръ, къ нему однажды явилась вдова извѣстнаго литератора: «спасеніе всей славы жизни ея зависѣло отъ ничтожной помощи». Вообще изнанка московской жизни начала XIX столѣтія далеко не привлекательна, что видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній въ докладѣ генераль-губернатору князю Голицыну: «Есть еще у меня бѣдныя женщины, которыя промышляютъ сватовствомъ, одну изъ такихъ я всегда находилъ въ подвалѣ подъ однимъ извѣстнымъ зданіемъ, и однажды я увидѣлъ ее во всемъ блескѣ ея промысла: штофъ вина стоялъ на столѣ, черствый хлѣбъ и что-то вонючее тутъ же лежало на закуску.

Женяхъ ужасный, невѣста растерзанная, растрепанная, еще ужаснѣйшая жена, они сидѣли за столомъ и, поднося мнѣ чарку зеленого, просили у меня и помощи и какой-то защиты. «Я благородная, я дочь капитана!» говорила красавица». Вотъ еще картинка: «Въ числѣ непривычныхъ къ нищетѣ мнѣ встрѣтилась однажды моя старая знакомая—было время, когда мы съ нею бывали въ лучшихъ домахъ, прыгали на однихъ и тѣхъ же паркетахъ... Она меня узнала и сказала мнѣ по-французски, чтобъ я не говорилъ о ней ея товарищамъ». Затѣмъ мы видимъ когда-то бывшаго богатаго откупщика, просящаго черезъ двадцать лѣтъ послѣ своего денежнаго могущества милостыню у докладчика.

Превосходенъ въ литературномъ и отчасти психологическомъ отношеніи «Отрывокъ изъ записокъ Ф. Толля», извѣстнаго издателя «Настольнаго словаря», замѣшаннаго въ дѣлѣ Петрашевскаго въ 1849 году. Въэтомъ сравнительно небольшомъ (къ сожалѣнію) отрывкѣ мы знакомимся съ настроеніемъ петрашевцевъ передъ каторгой... Очеркъ рисуетъ автора и его товарища по ссылкѣ Львова, на станціи передъ Томскомъ, гдѣ они ночевали. Толль долженъ былъ остаться въ Томскѣ, а Львовъ слѣдовать дальше въ Иркутскъ... Авторомъ прекрасно уловленъ психологическій моментъ разставанья. Молодыхъ людей охватило чувство полусвободы и заставило на время забыть, что они арестанты, на которыхъ надѣты тяжелые (девятифунтовые) кандалы. «Мы разговорились и даже распутились. Львовъ предложилъ для расиравленія онѣмѣвшихъ членовъ протанцовать польку. Осуществить его мысль въ кандалахъ было не совсѣмъ удобно, однако мы пустились, подпѣвая въ два голоса, между тѣмъ какъ бряканье кандаловъ аккомпанировало намъ довольно складно, а главное чрезвычайно характерно... Свобода! хороша свобода въ кандалахъ!.. воскликнуть тѣ,—прибавляетъ Толль,—которые никогда не испытывали перехода изъ тѣснаго изолированнаго заключенія въ какое бы ни было человѣческое общество, хотя бы оно было обществомъ жандармовъ и каторжниковъ, хотя бы заключеніе замѣнилось кандалами». Въ рассказѣ Толля тонкой нитью проходитъ отношеніе къ арестантамъ простолюдиновъ, теплое и человѣческое, не исключая и жандармовъ. «Не созданъ русскій человѣкъ на то, чтобы быть тюремщикомъ», говоритъ авторъ очерка. Личность томскаго полицеймейстера Василя Михайловича Мобилева производитъ отрадное впечатлѣніе. Наивно и тепло описанъ Толлемъ послѣдній товарищескій обѣдъ со Львовымъ, любезно разрѣшенный Мобилевымъ.

«Принесли обѣдъ. Приглашая насъ къ нему, полицеймейстеръ сказалъ:

«— Извините, господа!.. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Въ Томскѣ нѣтъ хорошей гостиницы... Но жена моя просила васъ принять обѣдъ, изготовленный подъ ея надзоромъ... За неимѣніемъ же во всемъ городѣ бургундскаго, я предлагаю вамъ отъ себя бутылочку своснаго хересу...

«— Которую, вѣроятно, не откажетесь распить вмѣстѣ съ нами?—перебилъ Львовъ.

«— Съ удовольствіемъ!—отвѣчалъ любезный градоначальникъ».

Но и на Керенскомъ винокуренномъ заводѣ, отстоявшемъ въ 67 верстахъ отъ Томска и куда былъ сосланъ Толль, нашлись тоже люди.

«Вошелъ (въ тюрьму) командиръ заводской инвалидной команды. Я опять полѣзъ съ нарѣ, на которыхъ было расположился.. Но командиръ не далъ мнѣ исполнить мое намѣреніе. Поклонившись мнѣ со всѣми приѣмами ловкаго военного писаря, онъ ухватилъ меня за колѣни и самымъ нѣжнымъ голосомъ произвѣсть:

«— Ради Бога, оставайтесь, какъ есть... Не то я уйду, клянусь, уйду!..

«Онъ оглянулся на дверь. Я пересталъ двигаться.

«— Я пришелъ къ вамъ,—продолжалъ командиръ,—вовсе не съ тѣмъ, чтобы васъ беспокоить... Если бы я могъ думать, что потревожу васъ, ей-ей, не пришелъ бы... Да вотъ видите... жена прогнала... говорить: поди, спроси: не угодно ли имъ горяченькаго бульонцу?.. Съ морозу-то оно, знаете, здорово!.. Вы, пожалуйста, не сердитесь за это на насъ... Люди мы простые, неученные... Не взывайте!.. А, право, позвольте прислать вамъ бульонцу...»

«Въ Сибири каторжникъ тотъ же человѣкъ!» «Отнынѣ, — заключаетъ Толль,— и я былъ ничѣмъ болѣе, какъ человѣкомъ: здѣсь мое прошлое не существовало. Я былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ меня приговоръ, т.-е. преступникомъ, отдалнымъ во власть ихъ... (смотрителя и членовъ). Эта мысль гнала меня, потому что я еще далеко не привыкъ стоять на собственныхъ ногахъ. Помогли, гарантіи избаловали меня, нравственно атрофировали одну часть моего существа. Положеніе мое было для меня новинкою, которая озадачивала меня». Но автору инстинктивное чувство подсказывало, что тамъ, въ народѣ, онъ найдетъ и доброе отношеніе и человѣческое чувство. Очень жаль, что записки прерываются на самомъ интересномъ мѣстѣ, именно когда авторъ-каторжникъ вступаетъ непосредственно въ тяжелую, изстрадавшуюся, озлобленную среду, въ каторгу, гдѣ живутъ и чувствуютъ люди. Не правда ли, какимъ свѣтлымъ отношеніемъ къ каторжнику опредѣлилась свбирская полиція!

Но по «Запискамъ Бекетова», помѣщеннымъ въ этомъ же сборникѣ, совсѣмъ иное представляла собой московская полиція 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Семья Бекетовыхъ жила на окраинѣ московской, подъ призоромъ и охраной полиціи. «Частный приставъ, помнится, Митрофановъ, былъ тучный человѣкъ, съ красноватымъ полнымъ лицомъ, перекосившимся отъ удара. Квартальный, по прозвищу «Дубовый», былъ высокій и плотный человѣкъ съ лицомъ крайне тупымъ и грубымъ; онъ не могъ связно сказать трехъ словъ. Будочникъ, по прозвищу «Ворона», былъ толстогубой идиотъ, очень смиренный. Унтеръ-офицеръ, какъ тогда называли—«хожалый», былъ иного свойства: лицо его было серьезно и, если бы не взглянуть въ выраженіе глазъ его, показалось бы неглухимъ, но глаза выражали помѣшательство. Прозвище этому господину было громкое—«Царь». Его назвали такъ потому, что онъ считалъ себя и называлъ, что слышалъ я самъ, мужемъ Екатерины II-й. «Это все было мое», — говорилъ онъ, указывая на деревни Котлы, Кожухово и т. д., но не на Москву. Онъ грубилъ квартальному и билъ будочника безнаказанно, пока однажды не перешелъ границу: тутъ ужъ онъ побилъ квартальнаго (ужаснаго труса) и разрубилъ алебардою голову несчастному будочнику, но неглубоко. Прислано было нѣсколько казаковъ взять неистоваго. Онъ хотѣлъ защищаться топоромъ, но, пока онъ наклонялся за нимъ подъ лавку, казаки схватили его»..

Тогдашній московскій оберъ-полицеймейстеръ, свитскій генералъ-майоръ Цынскій, былъ въ буквальный смыслъ «держиморда». «Кто это Цынскій?» спросилъ Бекетовъ-отецъ у писателя П. И. Дмитриева, на что послѣдній отвѣчалъ, «что онъ побочный сынъ актрисы Вѣтроцынской»... Въ общемъ московскій оберъ-полицеймейстеръ не отличался тѣми рыцарскими качествами, какими обладалъ томскій полицеймейстеръ Мобилевъ. Напротивъ грубость, жестокость и малодушіе характеризовали Цынскаго, что можно видѣть изъ слѣдующаго факта.

Въ 1834 году страшная засуха лѣтомъ, несомнѣнно, была одною изъ главныхъ причинъ частыхъ въ Москвѣ пожаровъ, отъ которыхъ обыватели, что называется, потеряли голову. Въ виду крайней непопулярности полиціи, они сами искали «зажигателей», составляли свои охранные отряды и проч. Но, несмотря на все эти мѣры, пожары не прекращались.

«Однажды, — рассказываетъ Бекетовъ, — не помню на какой улицѣ, майоръ Сомовъ шелъ со своей невѣстой, возвращаясь въ домъ будущаго тестя. Они уже были недалеко, когда загорѣлся еще недостроенный нежилой домъ; Сомовъ остановился посмотреть, и это было для него гибелью. Народъ, страшно раздраженный противъ зажигателей, которыхъ полиція не могла открыть, начиналъ уже самоуправствовать. Такъ случилось и теперь. Съ крикомъ: «вотъ зажигатель!» — нѣсколько человекъ бросились на несчастнаго Сомова и начали его бить. Не припомню, упала ли невѣста его въ обморокъ или начала звать на помощь. Толпа быстро возрастала, и вскорѣ показался скачущій на пожаръ Цынскій, бывший гдѣ-то неподалеку. Услышавъ, что схватили зажигателя, онъ, вмѣсто того, чтобы остановить самоуправство и разобратъ, въ чемъ дѣло, съ бѣшенствомъ закричалъ и безъ того развирѣившей толпѣ: «бейте его, бейте!» Въ это время въ толпу втѣснился отецъ невѣсты Сомова и увидѣлъ, что безнаочно бьютъ на смерть жениха его дочери, обратился къ полиціи, къ оберъ-полицеймейстеру, и при помощи ихъ, но уже поздно, успѣлъ вырвать изъ толпы избитаго, едва живого Сомова».

Разумѣется, его негодованію не было предѣловъ, и о такихъ дѣйствіяхъ градоначальника отецъ невѣсты рѣшилъ донести на высочайшее имя. Вотъ тогда вполне и обозначился характеръ и личность Цынскаго. Онъ явился въ домъ отца невѣсты, когда узналъ, что тотъ рѣшилъ жаловаться. «Увидѣвъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло, оберъ-полицеймейстеръ униженно началъ просить прощенія, говоритъ, ползалъ на колѣняхъ, умоляя о прощеніи, и наконецъ умирающій простилъ его и упробилъ отца невѣсты не давать дальнѣйшаго хода дѣлу».

Вотъ какія мрачныя драмы совершались тогда на улицахъ московскихъ среди бѣлаго дня, и какую роль при этомъ играла московская высшая полиція!

Продолжая свои воспоминанія о знакомыхъ отца, Бекетовъ между прочимъ упоминаетъ о посѣщеніяхъ въ то время извѣстнаго литератора и бывшаго министра юстиціи П. И. Дмитриева и описываетъ его сановитую, сдержанную фигуру.

«Черешъ Дмитриева, хорошо развитый, былъ почти совершенно обнаженъ, и П. И. носилъ густой парикъ, сѣдой, но не бѣлый, съ короткими, зачесанными

кверху волосами надъ лбомъ и приглаженными впередъ на вискахъ. Цвѣтъ его лица былъ немного красноватъ, глаза сѣро-голубые, умные, холодные; Дмитріевъ имѣлъ привычку прищуривать одинъ глазъ, чтобы скрыть косоглазіе, довольно сильное, что видно на портретъ, рисованномъ Тончи... Держался онъ прямо, сановито, но безъ всякой натяжки. Одѣвался тщательно, просто; чаще всего можно было видѣть его во фракъ сѣраго цвѣта, точнѣе—грифельнаго. Звѣзды носилъ онъ, какъ и всѣ тогда, постоянно».

Затѣмъ авторъ описываетъ своихъ родныхъ, домашняго врача, наставника и другихъ лицъ, бывшихъ въ то время у его отца, не минуя слугъ и вообще дворни.

У отца Бекетова народа дѣйствительно бывало много: профессора университета М. П. Погодинъ, А. Ф. Мерзляковъ, П. М. Снѣгиревъ, Бангышъ-Каменскій, князь Горчаковъ, Ал. Дм. Балашевъ, С. С. Кушниковъ и др.

Очень много рассказовъ передаетъ авторъ со словъ своего отца. Эти рассказы характеризуютъ дезорганизацію того времени въ сельскомъ быту, протестъ противъ крѣпостного права, выражавшійся главнымъ образомъ въ разбояхъ.

Вооруженные крѣпостные одного помѣщика напали на усадьбу другого. Мало того, сами помѣщики, напримѣръ, Бобоѣдовы, изъ которыхъ одинъ занималъ должность уѣзднаго судьи, становились атаманами во главѣ разбойничьихъ бандъ и грабили своихъ же братьевъ дворянъ.

Въ этихъ же воспоминаніяхъ описывается тяжкій годъ холеры въ Москвѣ. Процентъ умирающихъ былъ необычайный. «Тяжкое было время,—замѣчаетъ авторъ,—паника, усиливаемая карантинными мѣрами, была подавляющая, и хотя страшна была болѣзнь, но впечатлѣніе, ею производимое, было удвоено паникою. Преувеличенные рассказы о губительности холеры, о томъ, что въ газетныхъ извѣстіяхъ сообщается едва ли о половинѣ заболѣвающихъ и еще менѣе о дѣйствительномъ числѣ умирающихъ, что холера если не такъ же, то почти такъ же смертельна, какъ чума,—наполняли ужасомъ и уныніемъ даже неробкія души». Однимъ словомъ, паника жителей Москвы отъ постоянныхъ пожаровъ и потомъ вслѣдствіе холеры, нестройства вообще, дикости и жестокости въ отношеніяхъ, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, гдѣ разбои составляли обычное явленіе,—вогъ характеристика тогдашней русской жизни, увы!.. печальной и тягостной, если къ этому прибавить всѣ ненормальныя и крайне разнообразныя проявленія крѣпостного права.

Въ «Рассказѣ современника окончилъ императрицы Елизаветы Алексѣевны» приводятся любопытныя подробности. Полное недомоганіе застало государыню на дорогѣ изъ Орла въ Вѣлевъ 3-го мая 1826 года. Съ трудомъ доѣхали до послѣдняго города, гдѣ остановились въ домѣ купцовъ братьевъ Доросеевыхъ. Въ этомъ домѣ незначительнаго города протекли послѣдніе часы жизни ея величества. Государыню сопровождали князь П. М. Волконскій, камеръ-юнгфера Малышевская и камеръ-медхенъ Тиссонъ, послѣднія двѣ особы оставались при императрицѣ, а остальная свита: супруга князя Волконскаго, фрейлины княжны Волконскія и Валугева, помѣстилась въ особыхъ покояхъ. Слабость по приѣздѣ въ Вѣлевъ у государыни усилилась, дойдя до такой степени, что боль-

ная, съѣвъ на постель, не могла поднять на кровать ногу. Тѣмъ не менѣе государыня не пожелала имѣть доктора и, отославъ приближенныхъ дамъ, осталась одна въ комнатѣ, думая отдохнуть. Когда по прошествіи часа времени Тиссоновъ вошла въ комнату государыни, то застала ее уже кончившейся на своей походной кровати.

Въ заключеніе нашей библиографической замѣтки упомянемъ о помѣщенныхъ въ сборникѣ матеріалахъ по цензурѣ того времени; здѣсь немало документовъ по этой части весьма интересныхъ, большею частію, относящихся приблизительно къ 1848 году, когда, какъ извѣстно, въ Европѣ было далеко неспокойно, и европейское революціонное движеніе въ слабой степени отражалось на нѣкоторой части (весьма впрочемъ малочисленной) нашей русской интеллигенціи.

Изъ отношеній, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, петербургскаго цензурнаго комитета въ московскій (отъ юля 1851 года) мы видимъ, «что приобщены къ числу сочиненій запрещенныхъ»: «Краткая священная исторія Ветхаго и Новаго заветъа, изображенная въ 228 картинахъ»; рукопись подъ заглавіемъ «Московскія тайны», соч. Пльина; «Письмо къ Россійской академіи», соч. А. Зражевской.

Строгости цензуры того времени относились къ такимъ произведеніямъ, какъ, напримѣръ, «Свои люди сочтемся» А. Н. Островскаго. Также подлежали запрещенію «Атта Троль» Г. Гейне и «Опирничикъ», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Лажечникова. Сказка «Иванушка дурачекъ» въ 1849 году попадаетъ тоже въ число запрещенныхъ сочиненій.

Строгость цензуры доходила до того, что цензора не рѣшались своей властью пропускать не только невинныя въ литературномъ отношеніи вещи, но даже и патріотическія. Вотъ документъ: «Въ Московскій цензурный комитетъ отъ цензора В. Флерова. Назначенная мнѣ для просмотра рукопись подъ заглавіемъ: «Современная патріотическая русская пѣснь», по духу и направленію своему очень хороша и благонамѣренна. Съ другой же стороны, не зная, до какой степени подобныя патріотическія чувства могутъ быть допускаемы, и будутъ ли оныя теперь своевременны, испрашиваю на сіе разрѣшенія комитета». Въ «Сборникѣ» имѣется «Списокъ періодическихъ изданій» (1858 года, декабрь) съ характеристикой журналовъ, газетъ и ихъ редакторовъ.

Приведемъ нѣкоторыя, особенно любопытныя: ««Современникъ», редакторъ Панаевъ. Журналъ, имѣющій много подписчиковъ, но редація требуетъ большого наблюденія со стороны цензуры. «Отечественныя Записки», редація Краевскаго. Журналъ имѣетъ много подписчиковъ, но редація требуетъ особеннаго наблюденія со стороны цензуры. «Русскій Вѣстникъ», редація М. Катковъ. Журналъ, болѣе всѣхъ расходящійся по Россіи, содержитъ много отличныхъ статей; но редація требуетъ особеннаго бдительнаго надзора. «Указатель Политико-Экономическій», редація Вернадскаго. Редація этого журнала требуетъ самаго бдительнаго наблюденія со стороны цензуры».

О газетахъ и ихъ редакціяхъ читаемъ: ««С.-Петербургскія Вѣдомости», редакторъ Очкинъ. Газета, имѣющая много подписчиковъ, дѣльная, но тре-

бующая надзора. «Сѣверная Пчела», редакторы Гречъ и Булгаринъ. Газета, не совсѣмъ удовлетворительная въ литературномъ отношеніи, но отличающаяся консерватизмомъ». О другихъ изданіяхъ слѣдуютъ такіа характеристика: «полезное изданіе», «не заслуживаетъ вниманія», «не представляетъ ничего особеннаго» и т. д. С. В.

И. Н. Божеряновъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Томъ I. Выпускъ 2. Изданіе автора. Спб. 1903.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ нами была уже сдѣлана общая оцѣнка этого художественнаго изданія. Задача рецензій дальнѣйшихъ выпусковъ его будетъ заключаться лишь въ обзорѣ ихъ содержанія и въ указаніи и исправленіи неизбѣжныхъ въ каждомъ подобномъ трудѣ пробѣловъ и недочетовъ.

Основной текстъ изданія носитъ заглавіе «Взглядъ на ходъ и развитіе русскаго театра въ XIX вѣкѣ», и первая глава его охватываетъ собою эпоху самаго зарожденія нашего театра, т.-е. время съ 1800 г. по 1812 годъ. Здѣсь авторъ, пользуясь всѣми извѣстными до сего времени источниками въ области сценическаго искусства, шагъ за шагомъ прослѣживаетъ исторію его возникновенія, перечисляетъ, почти безъ пропусковъ, шедшія тогда и пользовавшіяся у публики успѣхомъ пьесы, приводитъ біографическія свѣдѣнія объ актерахъ и описываетъ зданія первыхъ петербургскихъ и московскихъ театровъ, подробно останавливаясь на бывшихъ тогда огромныхъ пожарахъ, причинившихъ немало убытка театральной администраціи. Текстъ поясняется удачно исполненными копіями съ современныхъ афишъ, обложекъ драматическихъ и музыкальных произведеній и журналовъ, а также и портретами театральныхъ дѣятелей.

Не касаясь вовсе въ своей настоящей замѣткѣ репертуара пьесъ, дававшихся на сценѣ 1800—1812 гг., и именъ извѣстныхъ тогда актеровъ, мы остановимся лишь на нѣсколькихъ характерныхъ страницахъ въ исторіи нашего театра и на порядкахъ, царившихъ въ тогдашней театральной дирекціи.

Вполнѣ укрѣпившимся русскій театръ нужно считать лишь съ 1803 года. Къ этому времени русская труппа состояла изъ 20 актеровъ и 12 актрисъ; каждый изъ актеровъ получалъ жалованья отъ 300 до 2.500 рублей, а актриса—отъ 350 до 2.800 рублѣй, суфлеры по 400 и 450 рублей, такимъ образомъ содержаніе всей труппы къ концу года свелось къ цифрѣ 32.310 рублѣй.

Значительно мѣняется картина эта къ 1809 году, когда театральное дѣло въ столицахъ упрочилось уже въ казенныхъ рукахъ и значительно успѣло развиться. Въ это время дирекціи было отпущено 200.000 рублѣй на покупуку домовъ подъ театръ, и, кромѣ того, уплачено 35.000 рублѣй за домъ для театральной школы. Къ концу же этого года состоялось высочайшее утвержденіе штата театральной дирекціи по управленію театрами обѣихъ столицъ и положенія о «театральныхъ артистахъ». Сумма расходовъ по петербургскому театру была исчислена въ 31.725 рублѣй, а по московскому—въ 19.950 рублѣй.

По русскимъ труппамъ опредѣлены были различныя амилуа, съ назначеннымъ каждому жалованьемъ. Размѣръ жалованья былъ таковъ. Актеры: первая роль—2.500 рублей, молодой любовникъ—2.000 рублей, второй любовникъ—1.000 рублей, благородный отецъ—1.200 рублей, демихарактерный и комическій—1.200 рублей, резонеръ—1.200 рублей, грубый комикъ—1.200 рублей, петиเมตรъ—1.000 рублей, первый слуга—1.200 рублей, второй слуга—750 рублей, комическій мужичекъ—1.200 рублей, простакъ—1.200 рублей, конфидентъ—500 рублей, аксессуаръ—500 рублей. Актрисы: первая роль—2.500 рублей, молодая любовница—1.500 рублей, «дубль» молодой—1.500 рублей, роль невинныхъ—750 рублей, благородная мать и демихарактеръ—1.200 рублей, комическая старуха и роль дехарактеръ—1.200 рублей, первая служанка—1.200 рублей, рѣзвая роль—1.200 рублей, вторая служанка—750 рублей. Режиссеру изъ актеровъ прибавлялось къ жалованью 500 рублей въ годъ.

Эта небольшая справка изъ положенія о «театральныхъ артистахъ» наглядно показываетъ, что трудъ русскаго актера съ самыхъ первыхъ шаговъ жизни театра оплачивался вполне удовлетворительно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже хорошо.

Платя щедро актерамъ, дирекція, однако, проявляла иногда денежную бѣдность. Характеренъ случай съ художникомъ Скотти, приглашеннымъ дирекціей въ 1810 году для исполненія декораций для нѣмецкаго театра. Слѣдовавшихъ художнику денегъ за исполненную имъ работу долго не платили, и онъ терпѣливо ждалъ; когда же терпѣнію пришелъ конецъ, Скотти подалъ слѣдующее прошеніе: «Такъ какъ я въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ уѣхать въ Москву по собственнымъ дѣламъ, то покорнѣйше прошу доплатить мнѣ слѣдующее 1.550 рублей. Я надѣюсь, что послѣ столь долгаго ожиданія мною денегъ императорская дирекція не допуститъ же до того, чтобы художникъ, не принадлежащій къ ея вѣдомству, былъ ея неаккуратностью доведенъ до отчаянія и былъ бы вынужденъ обращаться за деньгами, слѣдующими ему за работу, къ государю императору. Прошу объявить мнѣ послѣднее и окончательное рѣшеніе». Конечно, послѣ такого настойчиваго требованія деньги были уплачены въ тотъ же день. Интересна исторія афишечной монополіи, существующей за дирекцію до сихъ поръ; придумана она была актеромъ Рыкаловымъ, принявшимъ на себя печатаніе всѣхъ вообще афишъ и исправное ихъ доставленіе публикѣ, а также изготовленіе разныхъ объявленій, театральныхъ и маскарадныхъ билетовъ, программъ и т. п. безъ всякой отъ дирекціи платы, съ обязательствомъ содержанія за свой счетъ разносчиковъ афишъ и уплаты въ пользу дирекціи ежегодно по 5.000 рублей. За взносъ этотъ и за принимаемая на себя обязательства Рыкаловъ просилъ единственнаго позволенія—брать съ подписчиковъ на афиши по 10 рублей съ каждаго въ годъ въ свою пользу. Предпріятіе выгодное и не рискованное. До какой степени тогдашняя дирекція заботилась о нравственности актеровъ и, главнымъ образомъ, актрисъ, можетъ свидѣтельствовать не лишній курьеза инцидентъ съ балетной фигуранткой Авдотьей Ераковой, которая неожиданно стала отсутствовать въ спектакляхъ, ссылаясь на болѣзнь. Смотрителю дома дирекціи Григорьеву было поручено навести справки о положеніи ея здоровья, и онъ донесъ рапортомъ въ контору дирекціи, что Еракова «неодно-

кратно замѣчена имъ въ пьяномъ видѣ, и съ сосѣдями дѣлаетъ разныя буйства». Вслѣдствіе такого отзыва актриса была вызвана къ начальству, подвергнута подробному допросу, а затѣмъ и увѣщаніямъ, какъ свѣтскому, такъ и духовному, чрезъ священника, и Григорьеву было приказано неуставно слѣдить за образомъ жизни ея и о всемъ доносить по начальству. Блюститель ея нравственности энергично началъ навѣщать квартиру Браковой и не разъ нарывался тамъ на оргіи. Воздѣйствія, конечно, онъ на актрису никакого не имѣлъ, она нисколько не унималась и вскорѣ перестала впускать его въ свою квартиру. За это послѣдовало увольненіе ея отъ службы и выселеніе изъ казенной квартиры. Однако, принятые мѣры оказались нѣсколько запоздалыми; Бракова покинула казенную квартиру сама ранѣе и при встрѣчѣ на улицѣ съ Григорьевымъ преподнесла ему въ подарокъ небольшую золотую вещицу. Вообще за поведеніемъ артистовъ администрація слѣдила неуставно: всѣ служившіе при театрѣ пользовались казенными квартирами; за манкированіе службою и за разныя проступки имя провинившагося вносилось въ черную книгу; хорошее же поведеніе оцѣнивалось и награждалось то прибавкою къ содержанію, то бенефисомъ, а чаще всего какимъ нибудь подаркомъ.

Заканчивается первая глава изданія г. Божерянова описаніемъ спектаклей и маскарадовъ, дававшихся въ столицахъ въ годину нашихъ бѣдствій—въ 1812 году. По понятной причинѣ общественное мнѣніе Россіи въ это время было до того возбуждено противъ французовъ, что французскіе спектакли уже не давались, и 19-го ноября директоръ театровъ, А. Л. Нарышкинъ, препроводилъ въ контору театровъ слѣдующій высочайшій рескриптъ: «Александръ Львовичъ. По настоящимъ обстоятельствамъ находя французскую труппу ненужною, повелѣваю всѣхъ актеровъ и актрисъ, какъ по здѣшнему, такъ и по московскому театрамъ оную составляющихъ, изъ службы моей отпустить, удовлетворивъ ихъ по настоящее число жалованьемъ. Относительно же тѣхъ изъ нихъ, которые, на основаніи постановленія 28-го декабря 1809 года о театральныхъ артистахъ, выслужили сроки для полученія пенсіоновъ, дажь я повелѣніе управляющему кабинетомъ о производствѣ слѣдующихъ пенсіоновъ. Александръ. 18 ноября 1812 года».

Во второй части изданія—«Театральномъ альбомѣ портретовъ», напечатанъ цѣлый рядъ портретовъ сценическихъ дѣятелей,—такъ же, какъ и въ первомъ выпускѣ—безъ нумераціи страницъ, что даетъ поводъ думать, что эти портреты предназначены для распредѣленія ихъ по всему изданію въ разныхъ мѣстахъ, по усмотрѣнію самого поддѣлчика. Портреты исполнены цинкографически и очень удачно, но, къ сожалѣнію, авторъ рѣдко указываетъ на оригиналъ портрета и время, къ которому онъ относится.

Третья часть: «Біографіи извѣстныхъ артистовъ драмы и оперы», отличается попрежнему точностью и вѣрностью датъ. Не мѣшало бы только г. Божерянову включить сюда и біографіи драматическихъ писателей; ихъ, вѣдь, не особенно много, и мѣста жалѣть поэтому нечего.

Тщательный просмотръ второго выпуска разбираемаго изданія подтверждаетъ высказанное нами ранѣе мнѣніе, что оно ведется очень добросовѣстно и должно заинтересовать всякаго любителя сценическаго искусства. Трудъ

г, Божерянова есть «лѣтопись» нашего театра, гдѣ впервые собраны и приведены въ порядокъ различные архивные матеріалы и историческіе факты, разбросанные въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ и въ старыхъ журналахъ и газетахъ. Въ оконченномъ видѣ онъ дастъ богатый матеріалъ, на основаніи котораго легко уже будетъ сдѣлать освѣщеніе всего прошлаго русскаго театра.

Достоинства изданія позволяютъ намъ высказать пожеланія самаго широкаго распространенія его среди публики.

В. Г.—дкій.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXII. Тифлисъ. 1903.

32-й выпускъ издаваемаго управленіемъ Кавказскаго учебнаго округа «Сборника матеріаловъ» составленъ по обыкновенію содержательно и разнообразно; онъ заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла, изъ которыхъ первый занимаетъ половину всей книги.

Въ первомъ отдѣлѣ находимъ «Описаніе рукописей общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія» Е. С. Такайшвили. Онъ разбираетъ баратовскій списокъ «Картлисъ-Цховреба», древнѣйшій и самый полный изъ списковъ редакціи царя Вахтанга, подвергаетъ изслѣдованію нѣкоторые изъ существующихъ въ грузинской литературѣ переводныхъ отрывковъ знаменитой «Книги царей» (Шахъ-Намэ)—Ростоміани, Заакіани, Сааміани и эпизодъ, извѣстный подъ названіемъ Бежаніани. Другой значительной статьёй перваго отдѣла «Сборника» является продолженіе начатаго въ 29 и 31 выпускахъ труда Н. А. Караулова «Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Адердбейджахѣ». Здѣсь приведены извлеченія изъ четырехъ арабскихъ географовъ—Нби-Хордадбэ, Кудама, Нби-Рустэ и Ал-Якубий, принадлежащихъ къ IX и X вѣкамъ.

Второй отдѣлъ разсматриваемаго выпуска «Сборника матеріаловъ» составленъ изъ произведеній народной словесности—сказокъ, преданій, легендъ. Всего образцовъ народнаго творчества помѣщено 48; большая часть изъ нихъ принадлежатъ народностямъ Сѣвернаго Кавказа (горскіе татары, ингуши, кабардинцы, чеченцы и терскіе казаки), и небольшое число сказокъ и преданій относится къ Закавказью (греки, нигилонцы, сваны, имеретины, грузины).

Болѣе значительный общій интересъ представляетъ третій отдѣлъ, заключающій въ себѣ любопытные этнографическіе матеріалы, касающіеся имеретинъ, мингрельцевъ и абхазцевъ. Здѣсь наибольшаго вниманія заслуживаетъ статья І. Т. Кобалии «Изъ мионической Колхиды», заключающая много интереснаго этнографическаго матеріала, относящагося къ мингрельцамъ. Повидимому, въ Мингреліи язычество было развито въ свое время въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Грузіи; такъ, по крайней мѣрѣ, заставляють думать сохранившіеся до нашихъ дней многочисленные слѣды языческихъ воззрѣній. Въ статьѣ г. Кобалии отмѣченъ рядъ такихъ пережитковъ старины; таковы наблюдающіяся въ деревняхъ Мингреліи еще и въ настоящее время

моленія и призыванія въ опредѣленные дни древнихъ божествъ Барса и Мирса, Капуніи, Жани Антари, Нацры, Мисеи и др. Собственно представленія о характерѣ этихъ божествъ изгладились въ памяти мингрельцевъ, но имена ихъ и унаслѣдованныя отъ предковъ моленія упомянутымъ божествамъ въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ извѣстные дни упорно продолжаютъ держаться и донинѣ. Необходимо допустить, что до появленія христіанства язычество въ Мингреліи успѣло достигнуть значительнаго развитія, и только потому мингрельцы, эти «французы Кавказа», менѣе другихъ картвельцевъ страдающіе консерватизмомъ, такъ долго сохранили слѣды дохристіанскихъ вѣрованій.

Нѣкоторыя также весьма интересныя этнографическія свѣдѣнія заключаются и въ другихъ статьяхъ того же 3-го отдѣла. М. В. Глушаковъ въ «Памятникахъ народнаго творчества Кутаисской губерніи» сообщаетъ имеретинскія примѣты, суевѣрія, преданія, заговоры и проч., а также пословицы имеретинскія и мингрельскія. Разнаго рода суевѣрія, народные обычаи, празднества и т. п. въ Имеретіи и Мингреліи составляютъ содержаніе слѣдующей статьи—«Изъ области народной фантазіи и быта» М. Г. Машурка. Къ Мингреліи же относится и статья І. Степанова: «Народныя примѣты, разные способы гаданія и нѣкоторыя повѣрья мингрельцевъ».

Въ переведенной съ грузинскаго изъ «Меасибѣ» статья І. Храмелова описывается курьезный абхазскій обычай—«вылавливаніе изъ рѣки души утопленника». Этотъ обычай, хотя менѣе подробно, описывался уже и въ русской литературѣ (см., напримѣръ, М. Джанашвили, «Абхазія и абхазцы» въ «Запискахъ кавказскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества», кн. XVI). Абхазецъ до сихъ поръ (въ западной части Абхазіи) вѣритъ, что душа утопленника не можетъ попасть къ своимъ друзьямъ въ царство мертвыхъ, пока ея не поймутъ изъ рѣки въ мѣшокъ и не вытряхнутъ въ домъ (или на могилѣ).

Четвертый отдѣлъ «Сборника» содержитъ всего три сказки на бжедужскомъ говорѣ кахскаго нарѣчія, записанныя Г. Тамбіевымъ.

А. X—въ.

Н. М. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904.

«Почему,—спрашиваетъ г. Соколовъ,—вопросъ о «самобытности», по-видимому, такой простой и безобидный, за послѣднее время сталъ такимъ острымъ и жгучимъ? Его рѣшеніе—спокойное и обдуманное—по всемъ расчетамъ исполнѣ возможно. Нельзя же на самомъ дѣлѣ отрицать, что народы, какъ и люди, не во всемъ похожи другъ на друга. Какъ бы ни были сложны выкладки добросовѣстныхъ счетчиковъ, на долю самобытности во всякомъ случаѣ что нибудь да останется... Та же участь постигла и понятіе о «націонализмѣ». Фактъ безспорный, что и теперь нѣмцы думаютъ и дѣйствуютъ, какъ нѣмцы,—французы, какъ французы,—англичане, какъ англичане... Почему же самобытность, существующая въ дѣйствительности и на Западѣ, такъ зазорна въ теоріи и для Россіи?»

На эти вопросы книга г. Соколова дает подробный и обстоятельно мотивированный ответ. В существенной части она представляет разбор «очерков» г. П. Милюкова по истории русской интеллигенции и по истории русской культуры. Г. Милюков «хоронит славянофильство», радуется крушению старого и зарождению нового, находит естественным и плодотворным разрыв интеллигенции с прошлым.

Известно, что наша интеллигенция страдает не от одного разрыва с прошлым. Существует у нея разрыв и с церковью, и с государством, и с народом. Первыми тремя разрывами она даже гордится. Последний ее огорчает. Но не разрыв ли с прошлым, в широком смысле слова, обуславливает тяжелую для нея рознь? Г. Соколов аттестует «интеллигенцию» в довольно таки резких выражениях. «Всякая «идеология» русской интеллигенции,—говорит он,—имеет в виду только (курсив наш) доказать право интеллигенции на праздность, любвиумение, плодотворие и любоначалие. «Мы родъ избранный», мы знаем «сокровенныя тайны» «превышней натуры», мы знаем «сокровенныя таинства» общественной эволюции и «теории современнаго прогресса», мы «новая порода людей», «в насъ «алмазная розетка пророческихъ и мистическихъ элементовъ», наконецъ мы, чортъ возьми, переживаемъ годы кризиса и потому имеемъ полное право ничего не дѣлать и за счетъ народа «предаваться мечтамъ и страстямъ».

Въ полемическомъ пылу нашъ авторъ зашелъ слишкомъ далеко. Нельзя же отрицать среди представителей ненавистной ему интеллигенции существованія людей, глубоко убѣжденных, трудолюбивыхъ, самоотверженныхъ, готовыхъ в буквальномъ смыслѣ пожертвовать жизнью ради народа и дѣйствительно приносящихъ подобныя жертвы. Разумѣется, большинство интеллигентовъ—изъ другого тѣста и за пышными фразами скрываетъ страстное желаніе все забрать въ свои руки, всемъ распоряжаться и на «легальномъ основаніи» создать для себя небывало привилегированное положеніе.

Печальные результаты разрыва с прошлым не должны, впрочемъ, чрезмерно смущать насъ. Это—дѣло и вопросъ времени. Г. Соколовъ справедливо замѣчаетъ, что и отъ прошлаго оторваться нельзя. Кто дѣйствительно оторвется отъ прошлаго, тотъ кубаремъ покатится подъ гору въ болото. Между прочимъ прошлое уничтожить нельзя, съ одной стороны, потому, что оно прошло, и мы не въ силахъ призвать его изъ небытія для выслушанія нашего вердикта, а, съ другой стороны, потому, что оно все цѣликомъ живетъ въ насъ, и, приговаривая его, какъ недостойное, къ конечной гибели, тѣмъ самымъ мы и себѣ подписываемъ смертный приговоръ. Съ прошлымъ нельзя порвать, ибо нельзя порвать съ собою. Какъ бы мы ни старались освободить свои жилы отъ крови отцовъ и дѣдовъ и наполнить ихъ лучшею кровью будущихъ поколѣній, намъ этого не сдѣлать. Наши внуки не могутъ стать нашими дѣдами... Переставить, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», поколѣнія людей въ ихъ исторической смѣнѣ съ одного мѣста на другое—титаническая работа «передовыхъ умовъ» нашего времени,—можно только языкомъ, на языкѣ и для языка, ибо современный языкъ болтливъ и подвѣшенъ плохо.

Въ объемистой (527 страницъ) книгѣ г. Соколова много вѣрныхъ и доказательныхъ соображеній. Авторъ горячо возстаетъ противъ ошибочныхъ понятій, распространяющихся въ обществѣ исключительно въ слѣдствіе отсутствія серьезной критики и нашей склонности къ моднымъ и «последнимъ» словамъ. Культурное развитіе русскаго человѣка не можетъ идти правильнымъ путемъ, какъ скоро чуть не на всемъ протяженіи его—пренятствія въ видѣ теорій, доктринъ и просто «интеллигентныхъ» предрасудковъ, съ которыми почему-то жалко разстаться, хотя они и не имѣютъ подъ собою прочной почвы. А вотъ гдѣ ея нѣтъ, то, естественно, осуждено на гибель. Поэтому мы и убѣждены: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Плевелы «интеллигентизма» неминуемо зачухнутъ, доброе сѣмя дастъ плодъ. К. М.

Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ. Академика И. И. Янжула. Спб. 1904.

Вопросъ о лучшей постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ былъ поднятъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, о немъ много говорили. Министерство народнаго просвѣщенія заставляло высказываться преподавателей юридическихъ наукъ, собирало всякіе матеріалы, но затѣмъ дѣло почему-то заглохло, и все осталось попрежнему, хотя настоятельность реформы въ указанной области чувствуется сильнѣе, нежели въ многихъ другихъ сферахъ университетскаго обученія. Книга г. Янжула является однимъ изъ памятниковъ внезапно возникшаго и также внезапно угасшаго интереса къ современному положенію преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Почтенный академикъ, въ бытность свою профессоромъ Московскаго университета, собиравшій вокругъ себя сотни жаждавшей знанія молодежи, получилъ два года тому назадъ официальное порученіе осмотрѣть русскіе университеты и собрать свѣдѣнія, какъ ведется дѣло такъ называемыхъ практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ. Вопросъ объ этихъ занятіяхъ особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе въ девяностыхъ годахъ, и на занятія юридической практикой министерствомъ были даже отпущены особыя суммы. Естественно поэтому, что министерство желало знать, что было сдѣлано факультетами на выданныя деньги, и что думаютъ факультеты дѣлать въ указанномъ направленіи; далѣе была выработана даже особая программа для отвѣтовъ и мнѣній лицъ, ведущихъ практическія занятія и потому освѣдомленныхъ съ положеніемъ вопроса на практикѣ.

Посѣтивъ восемь университетовъ, академикъ Янжулъ собралъ очень богатый матеріалъ, которому и придавъ обработку соответственно системѣ министерскихъ вопросовъ. Изъ произведенной анкеты оказалось, что нѣкоторые факультеты отнеслись къ начинаніямъ министерства болѣе чѣмъ равнодушно. Оказалось, что особое равнодушіе обнаружилъ С.-Петербургскій университетъ, при чемъ одинъ изъ профессоровъ этого университета, г. Фойницкій, даже высказывался противъ веденія практическихъ занятій въ своей рѣчи въ юридическомъ обще-

ствѣ въ спорѣ съ академикомъ Янжуломъ. Враждебно къ вопросу отнеслись и нѣкоторые провинціальныя профессора по преимуществу изъ ординарныхъ заслуженныхъ, что, впрочемъ, объясняется усталостью. Наиболее ретиво къ усиленію активной студенческой работы отнеслись молодые университетскія силы приватъ-доцентовъ. Такъ изъ всего преподавательскаго состава на юридическихъ факультетахъ восьми университетовъ (Томскій въ обзоръ не вошелъ) практическія занятія ведутъ только 128 человѣкъ; изъ нихъ 63 профессора и 65 доцентовъ. Изъ сопоставленія данныхъ оказывается, что болѣе трети всѣхъ наличныхъ профессоровъ никакихъ занятій не ведетъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ университетахъ все дѣло находится всецѣло въ рукахъ доцентовъ. Всего слабѣе практическія занятія поставлены въ университетахъ Петербургскомъ, Казанскомъ и Юрьевскомъ, наилучшимъ образомъ—въ Московскомъ, Харьковскомъ и Новороссійскомъ, среднее мѣсто занимаютъ университеты Кіевскій и Варшавскій. Помимо приведенныхъ данныхъ, обследованіе г. Янжула открыло нѣкоторыя и другія интересныя стороны нашихъ юридическихъ факультетовъ. Наряду съ слабой постановкой практическихъ занятій въ глаза бросается и крайняя недостаточность преподавательскихъ силъ въ особенности въ провинціальныхъ университетахъ. Поэтому изъ числа всѣхъ русскихъ профессоровъ юристовъ 25% не обладаютъ требуемой уставомъ степенью доктора; слѣдовательно всѣ университеты, кромѣ Московскаго, переполнены лицами, прямыхъ правъ на профессуру не имѣющими и только «исправляющими должность». Среди исправляющихъ должность профессоровъ между прочимъ имѣются не только магистры, но даже такъ называемые магистранты, т.-е. лица, никакими степенями не обладающія. Наиболее всего исправляющихъ должность—въ Варшавскомъ и Юрьевскомъ университетахъ, а Томскій до сихъ поръ не можетъ наполниться даже исправляющими должность. Такъ мало заманчива ученая карьера въ Россіи! Кромѣ того, отъ ученой карьеры людей отпугиваетъ и та легкость, съ которой иногда профессоръ даже съ большими заслугами можетъ потерять мѣсто вопреки всякимъ своимъ желаніямъ. Таковы интересныя общія свѣдѣнія, собранныя академикомъ Янжуломъ во время своей поѣздки по университетскимъ городамъ Россіи; но, кромѣ этихъ выводовъ, въ книгѣ заключенъ обширнѣйшій строго систематизированный матеріалъ, касающійся самаго хода практическихъ занятій и желательной ихъ постановки. Нельзя не признать, что если трудъ г. Янжула и не повлечетъ за собой когда-то предполагавшихся благихъ реальныхъ результатовъ, то во всякомъ случаѣ онъ остается драгоценнѣйшимъ намятникомъ для исторіи юридическаго образованія въ Россіи.

В. Грибовскій.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. (Род. 1758, † 1828). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Съ 2 портретами. Спб. 1903.

Недавно вышедшія въ свѣтъ «Воспоминанія» Анны Евдокимовны Лабзиной, урожденной Яковлевой и по первому мужу Карамышевой, жены извѣстнаго писателя-мистика и вице-президента академіи художествъ Александра

Федоровича Лабзина, представляют особый интерес уже потому, что являются первыми печатными записками о XVIII вѣкѣ, принадлежащими перу женщины средняго дворянскаго семейства. Авторы-женщины ранѣе появившихся мемуаровъ: императрица Екатерина II, княгиня Е. Р. Дашкова, княгиня Н. Б. Долгорукова, графиня В. Н. Головина, Г. И. Ржевская, графиня А. Д. Блудова и М. С. Николева—всѣ вышли изъ высшаго круга русскаго общества.

Авторъ разсматриваемыхъ воспоминаній должна быть причислена къ замѣчательнѣйшимъ русскимъ женщинамъ. Жизнь ея во многихъ отношеніяхъ любопытна. Анна Евдокимовна родилась 28-го ноября 1758 года; отецъ ея, Евдокимъ Яковлевичъ Яковлевъ (род. 1692 г., † 1764 г.), служилъ на разныхъ горныхъ заводахъ и пользовался большимъ довѣріемъ у знатныхъ графовъ Воронцовыхъ; затѣмъ онъ занималъ должность присутствующаго въ Екатеринбургской заводской канцеляріи и умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Дѣтство Анна Евдокимовна провела въ деревнѣ, на хуторѣ, между Екатеринбургомъ и Челябинскомъ, на границахъ тогдашнихъ Пермскаго и Уфимскаго намѣстничествъ, и, судя по собственному разсказу ея, оно протекло мирно и тихо, среди нѣжныхъ родительскихъ заботъ. По старинному обычаю, едва дѣвушка минуло тринадцать лѣтъ, ее выдали замужъ за извѣстнаго горновѣда и минера, Александра Матвѣевича Карамышева. Этотъ-то ученый человекъ и есть центръ тяжести «Воспоминаній»; большее число страницъ ихъ посвящено описанію тѣхъ страданій и оскорбленій, которымъ пришлось подвергаться автору—кроткой, богобоязненной женщинѣ, отъ этого буйнаго и безнравственнаго человѣка. По отзывамъ современниковъ, мужъ Анны Евдокимовны «былъ человекъ безъ вѣры», «сомнѣвался въ безсмертіи души» и вообще «принадлежалъ къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ» (см. «Воспоминанія» А. Л. Витберга, въ «Русской Старинѣ» 1872 г., т. 5, стр. 567—568). По запискамъ же жены онъ рисуется то безсердечнымъ тираномъ и грубымъ циникомъ, отрицающимъ всѣ устои семейнаго очага, то человекомъ безхарактернымъ, склоннымъ въ періоды просвѣтленія отъ своихъ буйствъ раскаиваться во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ. Съ такимъ тяжелымъ человекомъ провела Лабзина лучшіе годы своей молодости, безропотно перенося различныя тиранства, твердо вѣруя въ высшую справедливость и надѣясь на лучшее будущее. Самъ же ея властитель, считавшій, очевидно, свою семейную обстановку вполне нормальной, продолжалъ успѣшно подвигаться на служебномъ и ученомъ поприщахъ, путешествуя по дѣламъ службы изъ города въ городъ; умеръ онъ 22-го ноября 1791 года въ Петербургѣ, куда незадолго до смерти былъ переведенъ въ горную по Колывано-Воскресенскимъ заводамъ экспедицію, состоявшую въ вѣдѣніи кабинета его величества. Имя Карамышева, какъ горновѣда, хорошо извѣстно специалистамъ и по его печатнымъ трудамъ и по различнымъ мѣстнымъ изысканіямъ. По смерти перваго мужа Анна Евдокимовна вдовѣла всего около трехъ лѣтъ; въ 1794 году она вышла вторично замужъ за молодого чиновника секретной экспедиціи петербургскаго почтамта Александра Федоровича Лабзина, съ которымъ она сблизилась подъ вліяніемъ мистическихъ идей и настроеній. Несмотря на сравнительно большую разницу въ лѣтахъ, они исполнѣ по-

дошли другъ къ другу, и ихъ слишкомъ тридцатилѣтнее супружество прошло очень счастливо. Анна Евдокимовна была ревностною масонкою и участвовала во всѣхъ дѣлахъ «братства», гдѣ однимъ изъ заправилъ былъ ея мужъ, дослужившійся въ то время уже до важнаго сана. Когда же онъ впалъ въ опалу и былъ сосланъ въ Сѣнгилей, она послѣдовала за нимъ и безъ ропота перенесла всѣ тяжести ссылки. По смерти мужа, она недолго пробыла въ Петербургѣ, а затѣмъ дожила свои дни въ Москвѣ, въ семьѣ М. Я. Мудрова, гдѣ и скончалась 3 октября 1828 года.

Воспоминанія Лабзиной написаны въ 1810 году, въ то время, когда Александръ Федоровичъ находился на верху своей извѣстности, занимая мѣсто конференцъ-секретаря академіи художествъ и директора департамента министра морскихъ силъ. Въ нихъ авторъ въ откровенномъ и спокойномъ разсказѣ изображаетъ свою внутреннюю жизнь, изрѣдка останавливаясь на изложеніи своихъ и чужихъ разсужденій и разговоровъ по тому или иному случаю. Онѣ бѣдны фактами, ведутся безъ всякой хронологической датировки и почти безъ указанія дѣйствующихъ лицъ, но это нисколько не мѣшаетъ имѣть имъ характеръ чистосердечной и безыскусственной отповѣди о всѣхъ прожитыхъ дняхъ горести и радости. Цѣнность онѣ могутъ имѣть лишь, какъ памятникъ давно минувшей эпохи и какъ матеріалъ для исторіи русской культуры средины XVIII вѣка.

Починъ изданія ихъ принадлежитъ Б. Л. Модзалевскому, розыскавшему ихъ случайно, среди остатковъ когда-то обширнаго архива въ имѣніи И. Е. Великопольскаго—селѣ Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи. Въ подлинникѣ «Воспоминанія» написаны ровнымъ и твердымъ почеркомъ; начало ихъ имѣетъ два наброска: первый озаглавленъ: «Описаніе жизни одной благородной женщины», а второй: «Опишу всю мою жизнь, сколько могу вспомнить»; конецъ обрывается на полусловѣ. Изданіе свое г. Модзалевскій снабдилъ многочисленными примѣчаніями, составленными съ замѣчательною тщательностью, и двумя снимками портретовъ четы Лабзиныхъ съ рѣдкихъ оригиналовъ.

В. Г.—цѣій.

А. А. Титовъ. Сборникъ XVI вѣка съ чудесами отъ иконы св. Николая въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. Москва. 1904.

Интересная рукопись, послужившая матеріаломъ для напечатанія книжки съ приведеннымъ заголовкомъ, была написана во времена царя Іоанна Грознаго и принадлежала Ярославскому Успенскому собору. Два съ половиной вѣка она хранилась въ ризницѣ, но бывший соборный ключарь Петръ Соснинъ ее унесъ, а его сынъ архимандритъ Неофитъ увезъ рукопись въ Архангельскъ, куда онъ въ 1826 году поступилъ на должность ректора семинаріи. Въ 1836 году архимандритъ Неофитъ получилъ хиротонію въ епископа старицкаго и, уѣзжая изъ Архангельска, оставилъ ярославскій сборникъ, «какъ ненужную ему вещь», и рукопись поступила въ Архангельскую семинарію и потомъ вмѣстѣ съ другими рукописями, въ 1875—1878 годахъ была промѣнена на дублиеты Румянцевскаго музея.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены житія ярославскихъ чудотворцевъ и трехъ вологодскихъ—какъ мѣстныхъ святыхъ, чтимыхъ тогда въ Ростовской епархіи, въ составѣ которой числилась въ XVI вѣкѣ часть Вологодской губернии и городъ Великій Устюгъ. Изъ житій вологодскихъ чудотворцевъ помѣщено въ сборникѣ житіе Діонисія Глушицкаго съ датой 1565 года и интересной анаграммой: «писалъ Ѡадааакзонъ Заквизіархъ Пимаково вапкѣтнѣй дагнокъ I.». Эта анаграмма доставила въ свое время трудную задачу нашимъ ученымъ. Извѣстный палеографъ П. М. Строевъ рѣшилъ, что скрывшій въ этой тайнописи свое имя сочинитель есть инокъ Принархъ; но другой ученый—В. О. Ключевскій, предположилъ другое: по его мнѣнію, ключъ къ этой анаграммѣ трудно отыскать, потому что она испорчена переписчикомъ.

Наиболѣе интересная часть сборника—это отдѣльно вилетенная тетрадка тоже XVI вѣка съ записью 144 чудесъ, совершившихся въ 1515—1563 годахъ отъ иконы св. Николая, находящейся въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. Икона эта перенесена была въ соборъ изъ великокняжескаго дворца послѣ бывшаго въ 1501 году страшнаго пожара.

Въ доказательство, что всѣ чудеса совершались въ XVI вѣкѣ, авторъ приводитъ перечень историческихъ именъ, упоминаемыхъ въ записяхъ: ярославскій князь Иванъ Михайловичъ Троекуровъ, умершій инокомъ подъ именемъ Антонія въ 1564 году; князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, упоминаемый въ 1561 году; князь Ѡедоръ Васильевичъ Сисѣвъ, извѣстный по своей поручной грамотѣ 1556 года; князь Григорій Осиповичъ Щетининъ, воевода на Переволокѣ 1559 года, и т. д.

Не лишены извѣстной цѣнности и топографическіе матеріалы, разбѣянные въ записяхъ чудесъ въ видѣ указанія мѣстностей, изъ которыхъ приходили больные съ молитвой къ святителю Николаю; значительная часть названій селеній сохранилась и до сего времени.

Въ записи чудесъ приведены и болѣзни, отъ которыхъ вѣрующіе получали исцѣленія; характерно, что недугомъ бѣснованія страдали исключительно женщины.

А. К.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга семнадцатая. Выпуски I и II. Издана подъ редакцію Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1903.

Повременное изданіе кіевского историческаго общества отличалось разнообразіемъ и богатствомъ матеріала съ первыхъ же книжекъ «Чтеній». Такого же характера и два послѣдніе выпуска этой серіи. О. П. Левицкій знакомитъ насъ съ исторіей учрежденія кіевского центрального архива, возникшаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, одновременно съ подобными же архивами виленскимъ и витебскимъ. Для того, чтобы судить о богатствѣ историческаго наслѣдства, оставленнаго потомству минувшюю жизнью западно-русскихъ областей, достаточно сказать, что въ трехъ названныхъ архивахъ хранится болѣе чѣмъ 32.000 такъ называемыхъ актовыхъ книгъ, а въ одномъ кіевскомъ

архивъ насчитываютъ до 500.000 отдѣльныхъ документовъ. Поэтому юбилейная статья г. Левицкаго является весьма кстати. Авторъ отдаетъ справедливую дань благодарности тѣмъ ученымъ, которые первые начали заниматься научной разработкой богатѣйшихъ матеріаловъ, касающихся юго-западной Руси, дѣлаетъ вполне вѣрную оцѣнку трудамъ перваго ректора молодого тогда Кіевскаго университета М. А. Максимовича, издавшаго въ 1840 году двѣ книги историческаго альманаха «Кіевлянинъ», генераль-губернатора Д. Г. Библикова, по ходатайству котораго учреждена извѣстная «комиссія для разбора древнихъ актовъ», хранящихся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей нѣкоторыхъ губерній, профессора Н. Д. Иванюшева, одного изъ главныхъ дѣятелей комиссіи, и другихъ лицъ, которыя нашли возможнымъ устранить массу недоразумѣній и препятствій, мѣшавшихъ скорому осуществленію чисто-научнаго института.

Во второй статьѣ Е. И. де-Витте сообщаетъ нѣкоторыя данныя, извлеченныя изъ древняго «Помянника» Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Эта статья служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ «Помяннику» Кіево-Печерской лавры, напечатанному въ шестой книжкѣ тѣхъ же «Чтеній». Для исторіи малорусскихъ дворянскихъ родовъ оба поминальные памятника XVI—XVII вѣковъ имѣютъ большое значеніе. Небольшой рефератъ профессора Н. П. Петрова: «Объ иконописномъ отдѣлѣ на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ», представляетъ попытку дать общую картину состоянія южно-русскаго религіознаго искусства въ XVII—XVIII вѣкахъ. Авторъ признаетъ справедливость мысли о западно-европейскомъ и польскомъ характерѣ большинства иконъ, бывшихъ на выставкѣ, и съ своей стороны приводитъ нѣсколько цѣнныхъ дополненій къ сообщеніямъ профессоровъ Е. К. Рѣдина и Н. В. Покровскаго, указывая на тѣ пути, которыми шло это влияніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтно посредство Москвы, въ иныхъ—почаевскихъ гранюръ, въ третьихъ—уніатскихъ гравированныхъ антиминсовъ и т. д., однимъ словомъ, по мнѣнію г. Петрова, между правобережной и лѣвобережной Украйнами всегда существовало живое взаимодѣйствіе и въ области церковнаго искусства.

Второй выпускъ посвященъ памяти профессора Ф. И. Фортинскаго и содержитъ пять статей, рисующихъ обликъ этого выдающагося ученаго и чловека въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ. Въ видѣ приложенія печатается продолженіе труда Г. Ласкина «О древностяхъ Константинополя», доведеннаго до второй трети.

А. Я.

Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ «Бѣловодское царство». Съ предисловіемъ В. Г. Короленка. Спб. 1903.

Въ нашемъ старообрядчествѣ до сихъ поръ еще наблюдается то неясное броженіе, которое свѣйственно всѣмъ переходнымъ эпохамъ въ жизни общественной и культурной. «Святое недовольство» дѣйствительностью, исканіе реальной страны съ «правильной» вѣрой, стремленіе заглянуть въ идеальную

старину съ «настоящимъ» благочестіемъ — всѣ эти черты, характерныя для нашихъ ревнителей дониконіанской обстановки, сами по себѣ, конечно, очень благородны. Благодаря подобнымъ же побужденіямъ высшаго порядка, было совершенно необычайное на первый взглядъ путешествіе трехъ казаковъ одной изъ станицъ средняго Урала въ земли сказочнаго «Вѣловодскаго царства». Казаки не разъ слышали о немъ отъ Аркадія, выдававшего себя за епископа миѳической Вѣловодской епархіи; не разъ они мечтали о такой странѣ, которая рисовалась ихъ фантастически настроенному воображенію, вѣроятно, въ образѣ царства «блаженныхъ людей» съ ихъ идеальнымъ правителемъ, пресвитеромъ Іоанномъ, — и они рѣшили найти ее. Какъ извѣстно, легенда о счастливой Аркадіи, населенной праведными «рахманами», существовала и въ византійской, и старой русской, и западной средневѣковой литературѣ. Очевидно, эти традиціи продолжаютъ жить и въ наше время. Иногда онѣ забываются, иногда снова всплываютъ и даютъ толчекъ реальнымъ поискамъ этого царства.

По мнѣнію нашихъ наивныхъ казаковъ, «Вѣловодіе» лежитъ гдѣ-то у китайскихъ границъ, а проникнуть туда можно черезъ дикіе Алтайскіе хребты и мрачныя пустыни Средней Азіи. Но они избрали морской путь, дорогой посѣтили святыя мѣста православнаго востока, и здѣсь, между прочимъ, наводили справки о «правильности» бѣлокриницкаго священства. Прибывши въ Константинополь, казаки подали патріарху прошеніе, въ которомъ просили его отвѣтить на мучившій ихъ вопросъ: былъ ли Амвросій, первый епископъ бѣлокриницкій, отставленъ отъ управления Босвосараевской епархіей съ сохраненіемъ епископскаго сана, или нѣтъ? Какъ видно, это для нихъ было очень важно, такъ какъ неизвѣстность, сохранилъ ли Амвросій свой санъ, или же былъ лишенъ его, поселяла среди старообрядцевъ серьезныя разногласія. Такимъ образомъ, между Хохловымъ и секретаремъ вселенской патріархіи Христо-Панаіоанну завязалась переписка, хотя прямого отвѣта на затронутые въ первомъ письмѣ вопросы Хохловъ и до сихъ поръ еще не получилъ.

Путешествіе Хохлова и его товарищей длилось отъ 22 мая по 24 октября 1898 года. Они побывали на островахъ Архипелага, на Аѳонѣ, въ Салоникахъ, Смирнѣ, въ которое время жили въ Бейрутѣ, Тирѣ, Іерусалимѣ; отсюда отплыли на Дальній Востокъ, побывали на Цейлонѣ, Суматрѣ, Малаккѣ, въ Сингапурѣ, затѣмъ проѣхали въ Гонконгъ, который называется у нихъ Іонконгомъ. Однимъ словомъ, они посѣтили почти тѣ самыя мѣста, описаніе которыхъ намъ оставилъ извѣстный русскій «гость» Аѳанасій Никитинъ, бывший въ Индіи раньше другихъ европейскихъ путешественниковъ. Здѣсь нашимъ казакамъ показалось, что цѣль ихъ странствованій уже достигнута, и что они подъѣзжаютъ къ «Вѣловодскому царству», потому что цвѣтъ морской воды былъ тамъ «бѣлый и непрозрачный». Но ихъ мечтамъ суждено было разбиться о дѣйствительность. Вездѣ жили такіе же люди, какъ и они сами, съ тѣми же горестями и страстями. Проводя нѣсколько дней въ Шанхаѣ, они переѣхали въ Японію и оттуда направились черезъ Владивостокъ домой.

Намъ не приходится много распространяться по поводу несомнѣннаго интереса этого путешествія, интереса не столько въ литературномъ отношеніи, сколько въ культурномъ. Свои впечатлѣнія Хохловъ передаетъ очень вѣрно, и

въ его изложеніи видна тонкая наблюдательность, своеобразное пониманіе мѣстныхъ условій жизни. Природа малозвѣстныхъ странъ, природа экзотическая и фантастическая, въ самой слабой степени занимаетъ путешественниковъ-старообрядцевъ. Они интересуются религіозными вопросами и не упускаютъ случая сказать нѣсколько словъ по поводу той или другой святыни. Какъ отмѣтилъ г. Короленко, авторъ «Путешествія» вѣрится въ «обжаренныхъ рыбокъ», которыя «спрыгнули со сковородки» во время завтрака царя Константина въ день гибели Царьграда; вѣрится также въ то, что стоящая возлѣ гостиницы, у которой обыкновенно останавливаются палестинскіе паломники и туристы, смоковница есть именно та, на которой около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ сидѣлъ Захкей, желавшій увидѣть Христа; затѣмъ, по его мнѣнію, около Мраморнаго моря потому только нѣтъ солянаго столба, въ который была обращена жена Лота, что его давнымъ давно увезли англичане; наконецъ, онъ говоритъ, что въ городѣ Наблосѣ до сихъ поръ сохранились признаки, гдѣ ушиблась, упавши съ верхняго этажа, царица Іезавель, и гдѣ собаки лизали ея кровь и т. д.

Редактированіе рукописи Хохлова принялъ на себя В. Г. Короленко, который исправилъ грамматическія ошибки и разставилъ знаки препинанія. «Въ остальномъ я сохранилъ въ неприкосновенности своеобразный и часто очень выразительный, при всей неправомерности, слогъ автора,—говоритъ г. Короленко.—Слогъ этотъ, какъ читатель замѣтитъ, очень неровный. Наряду съ наивной неповоротливостью изложенія встрѣчаются, съ одной стороны, цѣлыя страницы, въ которыхъ непосредственное краснорѣчіе достигаетъ значительной выразительности и силы, съ другой — страницы, напоминающія безцвѣтно-правильное изложеніе путеводителей и описаній, откуда, вѣроятно, онѣ и заимствованы». Кромѣ того, вмѣстѣ съ чисто-народными и архаическими формами не рѣдко встрѣчаются книжныя выраженія, напримѣръ, «крикъ, потрясающій нервы», «трудно представить себѣ занятіе болѣе неэстетичное» и др.

Какъ вполне справедливо замѣчаетъ нашъ писатель, книга имѣетъ двойной интересъ: во-первыхъ, старообрядцамъ она покажетъ всю бесполезность поисковъ какой-то мистической страны, а интеллигенціи представить возможность познакомиться съ міровоззрѣніемъ и идеалами старообрядцевъ-казаковъ, которые являются какъ бы отраженіемъ психологій огромной массы темнаго русскаго народа.

Къ этому мы могли бы прибавить необыкновенно интересную на нашъ взглядъ параллель, которая объяснитъ очень многое въ психологій подобныхъ «исканій». Послѣ смерти великаго чеха, Іоанна Гуса, образовалась «община чешскихъ братьевъ», цѣлью которыхъ было осуществить царство Божіе на землѣ и какъ бы возстановить первовѣковое христіанство со всѣми его идеальными сторонами. Въ половинѣ XV вѣка нѣкоторые изъ нихъ предпринимаютъ далекое путешествіе въ земли Востока съ цѣлью найти гдѣ нибудь «законную» церковь и затѣмъ присоединиться къ ней, такъ какъ «духовныя лица, получившія посвященіе отъ Рима, не могутъ руководить ихъ совѣстью такъ, какъ означено въ посланіяхъ апостольскихъ». «И вотъ,—читаемъ мы въ отчетѣ объ

этомъ необыкновенномъ путешествіи, — нѣкоторые изъ насъ хотѣли отправиться въ земли индійскія, но такъ какъ въ бытность нашу въ Прагѣ пришли два челоуѣка оттуда и рассказали, какіе у нихъ порядки, то мы убѣдились, что намъ нечего обращаться къ нимъ за поставленіемъ священниковъ, хотя между тѣми людьми, можетъ быть, много и хорошихъ христіанъ. Говорили мы и съ греками также въ Прагѣ, а нѣкоторые изъ чеховъ были въ ихъ землѣ и видѣли ихъ порядки. Были мы и у сербовъ, и у русскихъ, и у армянъ, и у молдаванъ, и хотя и тамъ могутъ быть добродѣтельные люди и хорошіе христіане, но въ поставленіе священниковъ у нихъ мѣшаются міряне. Впрочемъ, такъ какъ они отдѣлены отъ римской церкви, то вѣрные христіане между ними легче могутъ сохранять добрую совѣсть». Въ концѣ XV вѣка выборные изъ братьевъ общины совершили второе путешествіе и, между прочими странами, посѣтили Россію, побывали въ Палестинѣ, Египтѣ, быть можетъ, пробрались и дальше на востокъ, но и они не нашли тамъ загадочной «страны блаженныхъ» точно такъ же, какъ и наши старовѣры, думавшіе отыскать фантастическое «Вѣловодье».

А. И. Яцимирскій.

Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга пятая. Съ приложеніемъ 21 рисунка и 3-хъ плановъ. Владимиръ. 1903.

По примѣру предыдущихъ выпусковъ и лежащей передъ нами пятый выпускъ «Трудовъ» Владимирской архивной комиссіи производитъ отрадное впечатлѣніе, особенно по обилію интереснаго архивнаго матеріала. Въ первомъ его отдѣлѣ находимъ обстоятельное изслѣдованіе Д. Н. Березкова: «О храмахъ Владимиро-Суздальскаго княжества (XII—XIII в.в.)», въ которомъ онъ задается цѣлью «подвести итоги всему, что было написано по поводу нашихъ владимирскихъ памятниковъ, и хотя нѣсколько разобратъ въ тѣхъ результатахъ, къ какимъ пришла въ изслѣдованіи ихъ археологическая наука» (стр. 21). Какъ извѣстно, въ нашей церковно-археологической литературѣ имѣется цѣлый рядъ книгъ и статей, или прямо посвященныхъ или касающихся владимиро-суздальскихъ храмовъ и ихъ памятниковъ. Въ виду того, что храмовъ въ болѣе или менѣе сохраненномъ видѣ отъ XII—XIII в.в. очень немного, а отъ XII в. болѣе заключаетъ въ себѣ древнихъ памятниковъ едва ли не единственный Успенскій соборъ во Владимирѣ, построенный Андреемъ Боголюбскимъ, то естественно, что при изученіи архитектуры и живописи церковной XII—XIII в.в. изслѣдователи впадали въ значительныя разногласія и очень многое оставляли неразгаданнымъ и спорнымъ. Справедливо признавая за владимиро-суздальскими храмами древнѣйшаго періода важное значеніе вообще въ нашей церковной архитектурѣ (по образцу Владимирскаго Успенскаго собора выстроены, на примѣръ, большой Московскій Успенскій соборъ), г. Д. Н. Березковъ и рѣшился собрать все написанное по поводу этихъ храмовъ и носящее болѣе или менѣе научный характеръ. Сдѣланный имъ сводъ научныхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ нашей древнѣйшей церковной архитектуры и живописи доволно полный и во многихъ случаяхъ даетъ возможность установить болѣе

или менѣе правильный взглядъ, въ чемъ и слѣдуетъ признать его немаловажную заслугу. Въ концѣ изслѣдованія авторъ приложилъ до семи рисунковъ видовъ разныхъ частей Дмитріевскаго собора во Владимирѣ, видъ съ восточной стороны Успенскаго владимирскаго собора и 9 рисунковъ съ фресокъ Успенскаго собора, изображающихъ страшный судъ, съ объясненіями профессора Н. В. Покровскаго.

Вслѣдъ за изслѣдованіемъ г. Бережкова помѣщены: «Воспоминанія студента (1850—1864 г.)», П. П. Архангельскаго, касающіяся времени его пребыванія во Владимирскихъ духовныхъ училищъ и семинаріи и сравнительно мало вносящія чего либо новаго.

Во второмъ отдѣлѣ «Трудовъ» — «Матеріалы», — находимъ продолженіе составленной А. В. Селивановымъ «Описи дѣлъ архива Владимирскаго губернскаго правленія. Дѣла канцеляріи владимирскаго губернатора XVIII вѣка». Въ этомъ продолженіи описаны съ большими подробностями 13 дѣлъ за 1797 г., среди которыхъ особенно характерны дѣла «О приведеніи крестьянъ въ должное повиновеніе» или «О неповиновеніи» ихъ помѣщику; дѣла, возникшія вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія «строить города по новому плану»; дѣло о постройкѣ особаго флота на Волгѣ для «искорененія разбойничьихъ партій» и другія.

За «Описью» слѣдуютъ «Матеріалы для исторіи Муромскаго Троицкаго женскаго монастыря», извлеченные г. Травчетовымъ изъ архива бывшаго Муромскаго духовнаго правленія и относящіяся къ 1764—1805 годамъ. Среди нихъ имѣется и подробная опись монастырской ризницы, а въ приложеніи помѣщены: описаніе 1624 г. приходской Троицкой въ гор. Муромѣ церкви, обращенной впоследствии въ женскую обитель; выписки изъ монастырской лѣтописи за 1775 — 1898 г. и повѣсть «О чудесахъ честнаго и животворящаго Креста Господня», перевезеннаго изъ Вильны въ Муромъ «сыномъ боярскимъ арзамасцемъ Василіемъ Миклулинымъ».

Далѣе находимъ сообщенную В. Т. Георгіевскимъ «Опись Покровскаго женскаго монастыря 1651 г.» и «Разборъ и описаніе дѣлъ Переславскаго духовнаго правленія» (окончаніе) М. В. Загорскаго.

Въ концѣ «Матеріаловъ» помѣщена статейка Н. В. Малиновскаго: «Потаенный расколъ содержателя Гусевской хрустальной фабрики, близъ с. Семикова, Владимирской губерніи, орловскаго купца Якимъ Васильева Мальцева (1761—1763 г.)», извѣстнаго дѣятеля въ XVIII вѣкѣ вообще въ сферѣ заводско-фабричной промышленности въ Россіи и въ частности основателя знаменитой Гусевской хрустальной фабрики Меленковскаго уѣзда, Владимирской губерніи. Статейка составлена по архивному дѣлу и заключаетъ въ себѣ матеріалъ, какъ для исторіи раскола во Владимирской губерніи — Якимъ Мальцевъ держался «старой вѣры» и имѣлъ у себя «моленную», въ которой и должны были молиться всѣ его рабочіе, такъ и для исторіи жизни и быта заводскаго мастерового второй половины XVIII вѣка.

Въ заключеніе назовемъ приведенные въ «Приложеніяхъ» «Отчетъ» о дѣятельности Владимирской архивной комиссіи за 1902 г. и «Родъ дворянъ Поливановыхъ» — А. В. Селпванова.

В. Рудаковъ.

Д. К. Треневъ. Иконопись мстѣрцевъ. Съ приложеніемъ фототипій. М. 1903.

Кустарныя «подстаринныя» иконы владимирскаго производства извѣстны съ давнихъ поръ. О нихъ уже упоминается въ грамотахъ начала XVII вѣка, но отзывы объ иконописи мстѣрцевъ, холуянъ и палешанъ не всегда бывали въ пользу нашихъ мастеровъ-кустарей. Немногимъ улучшилось дѣло и теперь, когда спросъ на икону ручной работы значительно упалъ, когда нарядныя и пестрыя иконы-картины, полученные литографскимъ путемъ, постепенно вытѣсняють, благодаря своей дешевизнѣ, «расхожія», то-есть худшаго достоинства иконы, писанныя на деревѣ. Вполнѣ естественно, что въ прямой зависимости отъ этого находится и паденіе самой техники. Мастера не имѣютъ никакой возможности конкурировать съ литографіей: во-первыхъ, дѣло ихъ далеко не легкое, требующее нѣкоторыхъ предварительныхъ знаній, выносливости, опытности, прочныхъ и дорогихъ матеріаловъ и т. д. Во-вторыхъ, иконописецъ мелочникъ, работающій цѣлые дни крошечной кисточкой, скоро портитъ зрѣніе, а лѣтъ черезъ десять-пятнадцать совѣмъ ужъ не способенъ къ такому кропотливому труду. Литографія же убиваетъ это производство, если не качествомъ, то количествомъ.

Много ли иконъ можетъ выпустить въ день небольшая мастерская, главные работники которой—свои же люди, родители да дѣти? Вотъ чѣмъ объясняется появленіе на рынкѣ въ такомъ большомъ количествѣ «подуборныхъ» иконъ, въ которыхъ отъ руки пишутся только лики, и то небрежно, а остальное пространство доски оставляется незакрашеннымъ: покупатель этого не замѣчаетъ, потому что икона прикрывается блестящей фольговой ризой. Нечего и говорить, что подобныя дешевыя иконы никогда не могутъ замѣнить сплошной ручной живописи, къ которой народъ привыкъ, которая служила его религіознымъ потребностямъ не одну сотню лѣтъ. Поэтому-то съ каждымъ годомъ все больше и больше падаетъ спросъ на иконы, и въ самое послѣднее время положеніе владимирскихъ иконописцевъ заставило заговорить о себѣ и нашихъ любителей старины, и присяжныхъ археологовъ, наконецъ, ученыхъ общества и высшее духовенство.

Брошюра г. Тренева указываетъ на печальное положеніе современнаго иконнаго промысла и предлагаетъ нѣкоторыя мѣры для поддержанія его. По мнѣнію автора, единственнымъ средствомъ поднять старое иконографическое искусство можетъ состоять въ обученіи мастеровъ-рисовальщиковъ, надзоръ за реставраціей, которую мстѣрцы занимаютъ въ широкихъ размѣрахъ и т. д. Для того же, «чтобы возвести нашу иконопись на желаемую степень развитія, при современномъ дѣятельномъ поначеніи правительства и при просвѣщенномъ опытнымъ руководительствѣ управляющаго комитета, — въ техническихъ знаніяхъ дѣла нашихъ иконописцевъ имѣется вполнѣ достаточное и не зыбкое основаніе». Въ этомъ отношеніи г. Треневъ правъ, хотя можно сомнѣваться, будетъ ли имѣть успѣхъ такая искусственная поддержка промысла, идущаго къ упадку историческимъ и экономическимъ путемъ. А. Я.

Христіанство и організація міжнароднаго мира. Бар. М. А. Таубе, доктора міжнароднаго права. Спб. 1903.

Книжка г. Таубе представляеть собою часть большого, отчасти уже выполненнаго труда: «Исторія зарожденія современнаго міжнароднаго права», доставившаго автору магистерскую и докторскую ученныя степени. Выпустивъ два тома дѣликомъ, г. Таубе предполагаетъ третью часть своей обширной работы произвести въ видѣ отдѣльныхъ монографій по отдѣльнымъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ вопросамъ. Первой такой брошюрой монографическаго характера является «Христіанство и організація міжнароднаго мира».

Прежде чѣмъ сдѣлать попытку опредѣлить вліяніе на міжнародное право христіанства, г. Таубе выясняетъ то, что было сдѣлано для установленія міжнароднаго мира древней философій и политикой Рима. Авторъ доказываетъ, что идея міжнароднаго права не была совершенно незнакома древности, несмотря на то, что древніе народы, отстаивавшіе національныя начала въ ихъ крайнемъ видѣ, не легко становились на точку зрѣнія взаимной равноправности. Въ самомъ дѣлѣ, уже у различныхъ греческихъ племенъ понемногу практически выработалось общегреческое право. Полибій, доказываетъ г. Таубе, пытался принципы этого права распространить на весь тогдашній цивилизованный міръ. Однако, единеніе народовъ античнаго міра было, въ концѣ концовъ, достигнуто не въ формѣ свободнаго союза солидарныхъ и равноправныхъ государствъ, а въ формѣ принудительнаго объединенія въ единой всемірной Римской имперіи, т.-е. на началахъ государственнаго, а не міжнароднаго права. Стоическое ученіе о единомъ великомъ тѣлѣ челоувѣчества и членахъ его, отдѣльныхъ людяхъ, точно также мало содѣйствовало идеѣ міжнародно-правовыхъ отношеній; «міровое гражданство» стоиковъ отрицало самое понятіе самостоятельнаго существованія отдѣльныхъ государствъ, а безъ нихъ не мыслимо міжнародное право и міжнародный миръ. Итакъ, самостоятельное бытіе различныхъ отдѣльныхъ народовъ и государствъ растворилось въ господствѣ единаго Рима, но идея существованія государства, какъ самоовлѣющей единицы, тѣмъ самымъ не была уничтожена. Стоицизмъ и христіанство вообще отвергли самое понятіе государства. Въ добавленіе къ тому, христіанство въ своемъ первоначальномъ воззрѣніи на сущность общественнаго строя пошло гораздо дальше стоицизма: царство челоувѣческое оно замѣнило царствомъ Божиимъ и туда перенесло всѣ свои идеалы. При такомъ воззрѣніи трудно, конечно, было говорить о правѣ вообще и о міжнародномъ правѣ въ частности. Христіанство первыхъ вѣковъ отрицало самую идею права, какъ челоувѣческаго установленія, а въ особенности права войны и убіенія себѣ подобнаго. Эти возвышенныя взгляды, къ сожалѣнію, не могли сохранить всю свою чистоту при столкновеніи съ издавна установившимися націоналистическими и государственно-правовыми взглядами древности. При столкновеніи обоихъ направленій получился нѣкоторый компромиссъ, давшій возможность говорить о мирномъ сосуществованіи отдѣльныхъ національно-государственныхъ союзовъ. Такимъ образомъ, тезисъ: борьба національныхъ государствъ, былъ давнъ античнымъ міромъ, антитезисъ—отрицаніе

и борьбы и національнаго государства, былъ выставленъ христіанствомъ, а въ результатѣ получился миръ національныхъ государствъ, т.-е. явленіе международнаго права. Г. Таубе нѣсколько иначе формулируетъ эту мысль въ своемъ трудѣ, но въ общемъ онъ проводитъ именно эту идею. Онъ говоритъ сперва о мирѣ насильственнымъ — объединеніи всѣхъ народовъ въ единомъ всемірномъ государствѣ Рима, затѣмъ указываетъ на добровольное, неорганизованное замиреніе всѣхъ людей въ христіанствѣ чрезъ отрицаніе насилія и, наконецъ, изъ столкновенія обоихъ началъ выводитъ добровольное и организованное единеніе народовъ въ единой универсальной церкви; римская церковь взяла у Рима идею единства власти, у христіанства свободный миръ и этимъ путемъ создала нѣкоторый новый принципъ. Распаденіе единой римской церкви и ея борьба со свѣтской властью императоровъ привели къ возникновенію междуправовыхъ отношеній христіанскихъ національныхъ государствъ; таковъ долженъ быть, повидимому, дальнѣйшій и окончательный выводъ г. Таубе изъ его предшествовавшихъ и разсматриваемой работъ, но въ настоящей брошюрѣ автора интересуетъ прежде всего не чисто юридическая сторона дѣла, а генезисъ идей и общественные факторы, обусловившіе собою зарожденіе международнаго права на его современныхъ началахъ.

Мысли свои о роли христіанства въ вопросѣ организаціи международнаго мира г. Таубе проводитъ съ большою послѣдовательностью и убѣдительностью, но, тѣмъ не менѣе, на страницѣ 29 впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. На страницѣ 47 авторъ говоритъ, что миръ христіанскій заключался въ неорганизованномъ замиреніи всѣхъ людей; и это правильно, такъ какъ христіанство, какъ и стоицизмъ, имѣло въ виду не миръ государствъ или народовъ, а мирное существованіе, именно людей. Между тѣмъ, на страницѣ 29 указывается, что христіанское «царство Божіе» давало возможность чрезъ разрушеніе національной исключительности мыслить мирное существованіе государства. Но вѣдь христіанство первыхъ вѣковъ отрицало земное государство, а слѣдовательно и междугосударственныя отношенія. Впрочемъ, можетъ быть, въ данномъ случаѣ, авторъ подъ христіанскимъ міромъ подразумѣваетъ позднѣйшее христіанство средневѣковыхъ и послѣдующихъ временъ.

В. Г.

«Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества».
Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ
общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго.
Т. XVIII. Киргизскій край. Изд. А. Девриена. Спб. 1904.

Восемнадцатый томъ изданія г. Девриена заключаетъ въ себѣ матеріалъ къ изученію и познанію такой далекой окраины Россіи какъ Киргизскій край, но при томъ матеріалъ живой и полный интереса. Въ ней собраны всѣ данныя, касающіяся природы края, климата, растительнаго и животнаго міра, исторіи населенія, его экономическаго быта, географіи и этнографіи этой окраины, малоизвѣстной для европейскихъ читателей. И все

это изложено съ послѣдовательностью и въ строгой системѣ. Благодаря внутренней связи изложенія, читатель съ каждой страницей этого труда заинтересовывается все болѣе и болѣе какъ вслѣдствіе пріобрѣтенія крайне полезныхъ свѣдѣній, такъ и заманчивыми описаніями природы и жизни, нерѣдко достигающими художественной красоты, ибо слогъ, которымъ написана книга, легкій и образный. Для примѣра приведемъ описаніе степныхъ пожаровъ, или «паловъ». «Зрѣлище, которое представляютъ палы въ темную весеннюю ночь, — одно изъ самыхъ величественныхъ въ степи. Сначала наблюдаешь слабыя огненные струйки, которыя врываются кое-гдѣ въ траву, то затихая, то усиливаясь. Но вотъ онѣ становятся все рѣже и рѣже, сливаясь въ одинъ огненный потокъ, который стѣной или рукавами врѣзывается въ степь и быстро гонится вѣтромъ, все усиливаясь и расширяясь... Мѣстами онъ какъ будто кончается: то встрѣтилось озеро или солончакъ—и степь вдругъ потонула во мракѣ. По огненный потокъ миновалъ ихъ и снова широкой рѣкой несется по степи, фантастически освѣщая окрестность... То вдругъ онъ исчезнетъ въ логу, и все кругомъ погрузится въ тьму... Только злобщее зарево говоритъ о его присутствіи... То онъ взбѣжитъ на холмъ и, какъ громадный костеръ, освѣтитъ на минуту степь и снова потухнетъ. Обыкновенно онъ избѣгаетъ лѣсовъ, гдѣ почва и травы сырыя, но иногда врывается и туда. Горе лѣсу, если валежникъ и трава дадутъ огню богатую пищу—не пощадитъ онъ и взрослыхъ деревьевъ; быстро взбѣгаетъ огонь по стволамъ деревьевъ и не рѣдко усиливаетъ настолько повредить ихъ покровъ, что деревья погибаютъ».

Сочиненіе представляетъ собою коллективный трудъ нѣсколькихъ лицъ подъ редакцію одного (В. П. Семенова), тѣмъ не менѣе это обстоятельство не повредило цѣльности работы. Наиболѣе слабой стороной книги являются статистическія данныя о земледѣліи и скотоводствѣ киргизъ и другихъ частей населенія, чтѣ сознаютъ и сами авторы на 247 стр. относительно количества киргизскаго скота, которое менѣе дѣйствительнаго (почти на одну треть). По нашему мнѣнію, слишкомъ бѣгло и поверхностно сдѣланъ обзоръ колонизаціи степныхъ областей (гл. IV) выходцами изъ Европейской Россіи. Очевидно авторы пользовались только официальными источниками, рисуящими односторонне это явленіе, и не заглядывали въ дѣйствительность съ точки зрѣнія потрясенія киргизскаго благосостоянія колонизаціоннымъ движеніемъ, не придавъ особаго значенія отдѣльнымъ моментамъ, сыгравшимъ большую роль въ обращеніи киргизскаго хозяйства къ вынужденной осѣлости. Лучше цифръ даютъ представленіе о земельныхъ владѣніяхъ по составу населенія, по соотношенію между собой по національностямъ прекрасно сдѣланныя діаграммы.

Въ общемъ трудъ этотъ весьма почтенный (не въ смыслѣ объема только, а содержанія), охватывающій самыя разностороннія отрасли жизни и природы Киргизскаго края и его населенія, дающій подробныя историческія данныя о возникновеніи всѣхъ городовъ 4 областей и рисующій нашу окраину въ томъ видѣ, какъ она есть, и исторію ея прогрессивнаго развитія. Безъ всякаго преувеличенія онъ можетъ служить на столькою книгою не только для русскихъ людей, но и для иностранцевъ, которые иногда болѣе насъ, русскихъ, интересуются жизнью и развитіемъ всѣхъ отдаленныхъ «угловъ» пространной Россіи.

II. Костромской.

**Джованни Руффини. Записки Лоренцо Бенони. Переводъ А. Се-
ребряковой. Изданіе С. Дороватовскаго и Л. Чарушника.
Москва. 1903.**

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ появились впервые «Записки Лоренцо Бенони». Англійская читающая публика тотчасъ отмѣтила правдивость, блескъ изложенія и выдающееся дарованіе автора, живо заинтересовавшись его личностью. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что псевдонимъ Лоренцо Бенони принадлежитъ итальянскому эмигранту Джованни Руффини, а самыхъ общихъ свѣдѣній, узнаваемыхъ о его жизни и дѣятельности, было достаточно, чтобы признать «Записки» художественною автобіографіей автора и читать ихъ съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ.

Джованни Руффини родился въ 1807 г. въ небогатой генуэзской семьѣ. Раннее дѣтство онъ провелъ въ домѣ отца, но когда немного подросъ, родители отдали его на воспитаніе дядѣ канонику, жившему недалеко отъ Ниццы. Живой и порывистый ребенокъ пришелся не ко двору въ благочестивой семьѣ своего педантичнаго родственника, который за невинную дѣтскую шалость отослалъ его обратно въ Геную, гдѣ родные постѣ недолгихъ обсужденій порѣшили опредѣлить Джованни въ королевскую коллегію.

Въ яркихъ и талантливыхъ чертахъ характеризуетъ авторъ бытъ и строй этого учебнаго заведенія. Съ одной стороны, охранительныя тенденціи педагоговъ-патеровъ, съ другой — свободолюбивыя стремленія и республиканскіе идеалы воспитанниковъ — таковы были теченія, изъ которыхъ слагалась внутренняя жизнь коллегіи. Преподаватели, управлявшіе ею, были въ то же время смиренными слугами правительственной власти; они прекрасно знали, чего ждутъ отъ нихъ при дворѣ, и понимали, что тамъ хотятъ видѣть послушныхъ вѣрноподанныхъ, а не стѣсняемыхъ резонеровъ. И ученики легко постигали своихъ наставниковъ. Мало преклоняясь передъ ихъ обширными познаніями, столь обычными въ католическомъ духовенствѣ, они ненавидѣли ихъ направленіе, на каждомъ шагѣ стѣснявшее свободу мысли. Чтеніе учащихся находилось подъ строжайшимъ наблюденіемъ префектовъ или надзирателей. Ректоръ, избличивъ однажды автора «Записокъ» въ знакомствѣ съ «Потеряннымъ раемъ», сурово наказалъ его, слѣдуя предписаніямъ «Index librorum prohibitorum», налагавшимъ запретъ на сочиненія Мильтона (стр. 52—56). Немудрено поэтому, что слова «священникъ» и «монахъ» считались среди школьниковъ синонимами тирана и глупца, тогда какъ свѣтскіе учителя наоборотъ пользовались почти обожаніемъ (стр. 37).

Среди восторженныхъ игръ въ республику и консуловъ, навѣянныхъ уроками отечественной исторіи и подготовлявшихъ будущихъ участниковъ «Юной Италіи» къ ихъ тревожной политической дѣятельности, протекли школьные годы Джованни Руффини. Блестяще окончивъ курсъ коллегіи, онъ перешелъ въ семинарію, гдѣ и продолжалъ свое образованіе. Время, проведенное имъ въ стѣнахъ новаго учебнаго заведенія, совпало съ порою религіозныхъ экстазовъ, охватившихъ душу юноши, но длившихся очень недолго. Сближеніе

со старшимъ братомъ Цезаремъ и поступленіе въ генуэзскій университетъ направили мысли Руффини въ совершенно другое русло.

Послѣ усмиренія сардинскаго возстанія правительство назначило особую комиссію по реорганизаціи высшихъ учебныхъ заведеній Пьемонта, принимавшихъ дѣятельное участіе въ недавшемъ революціонномъ движеніи. Члены ея отличались непримиримою враждою къ духу умѣренного прогресса и не питали никакой симпатіи къ молодому поколѣнію. Въ отношеніи университетовъ комиссія поставила себѣ двѣ цѣли: ограничить число студентовъ и сдѣлать жизнь для остального числа избранниковъ насколько возможно тяжелою (стр. 126).

Цѣлая система самыхъ разнообразныхъ наказаній неуклонно примѣнялась въ повседневномъ университетскомъ обиходѣ. Замѣчанія, выговоры, аресты, исключенія чередовались съ различными суровыми правилами, или стѣснявшими доступъ въ университетъ, или затруднявшими прохожденіе курса. Для вновь поступающихъ былъ установленъ имущественный цевзъ и конкурсъ аттестатовъ. Лекціи читались профессорами у себя на дому для болѣе удобнаго надзора за ихъ посѣщеніемъ. Все это, въ связи съ строжайшею регламентаціей всѣхъ поступковъ и ревостнымъ наблюденіемъ за религіозною жизнью студентовъ, естественно ожесточало университетскую молодежь, лишь незначительная часть которой благополучно окончила учебный курсъ. Въ числѣ этихъ немногихъ оказался Руффини, вскорѣ вошедшій въ составъ присяжной адвокатуры.

Руффини вступалъ въ жизнь въ эпоху ожесточенной борьбы между школами прогрессистовъ романтиковъ и консерваторовъ классиковъ; чернила лились потоками. Не пользуясь просторомъ на политической аренѣ, страсти съ особою силою разгорались на литературномъ поприщѣ (стр. 143). Заброшенное за время экзаменовъ чтеніе снова увлекло молодого юриста безъ практики. Предаваясь временами самостоятельному творчеству, Руффини съ восторгомъ перечиталъ Мандони, Шекспира, Гете и Шиллера, но окончательно покорила его умъ книга другого рода: то была «Исторія возрожденія Греціи». «Я читалъ ее,—пишетъ авторъ «Записокъ»,—и чувствовалъ, что при этомъ чтеніи во мнѣ развивались какъ бы какимъ-то волшебствомъ сѣмена тѣхъ чувствованій, которыя таились до тѣхъ поръ въ глубинѣ моей души и придавали теперь мнѣ смутнымъ порывамъ опредѣленную форму. Я, конечно, и раньше оплакивалъ бѣдствія моей родины, но никогда еще до сихъ поръ возрожденіе Италіи не рисовалось моему уму такъ привлекательно и ясно» (стр. 167).

Дѣйствительность была поистинѣ плачевна. Пьемонтъ изнемогалъ подъ властью самаго ужаснаго деспотизма въ мірѣ—деспотизма военнаго (стр. 178). Іезуиты, шпионы и провокаторы слѣдили за каждымъ словомъ и движеніемъ; по ихъ доносамъ, обратившимся въ ремесло, граждане сотнями заключались въ темницы и подчасъ вовсе не возвращались на свободу. Жизнь становилась все невыносимѣе, и единственная надежда на лучшее будущее соединялась съ представленіемъ о карбонаризмѣ, къ которому съ радостью примкнулъ авторъ «Записокъ», видя въ немъ якорь спасенія своего отечества. Но надежды Руффини не сбылись: тайное общество бездѣйствовало. Прошли освободительные 1830—1831 годы. «Давно уже ни одна эпоха,—замѣчаетъ Руффини,—не была

такъ богата упованіями, какъ та, которую мы переживали, и не благопріятствовала въ такой степени подавленнымъ народностямъ поднять голову и потребовать возстановленія своихъ правъ. Бельгія только что завоевала себѣ независимость; Польша взялась за оружіе: въ Болоньѣ и Моденѣ также происходили возстанія. Революція стучалась, такъ сказать, въ наши двери, а мы ничего не могли предпринять, будучи связаны по рукамъ и ногамъ. Вотъ что терзало насъ и приводило въ отчаяніе» (стр. 254).

Мало-по-малу естественный ходъ событій заставилъ итальянскихъ патріотовъ принять формулу Джузеппе Мадзини: «Вмѣсто тщетныхъ попытокъ гальванизировать трупъ общества карбонаріевъ, слѣдуетъ выстроить революціонное зданіе на совершенно новомъ фундаментѣ». Въ 1831 году была создана новая политическая организація «Юная Италія»... Но, несмотря на блестящія усилія пропаганды и всеобщее сочувствіе, разладъ въ средѣ ея членовъ и опасенія рѣшительныхъ дѣйствій привели, два года спустя, большинство ея главнѣйшихъ, открытыхъ правительствомъ, въ тюрьмы и на эшафоты. Руффини, чудомъ избѣгнувшій ареста, уступая настояніямъ родныхъ, бѣжалъ изъ Генуи и съ опасностью для жизни переправился чрезъ пограничную рѣку Варъ на французскій берегъ. Только здѣсь узналъ онъ о казни брата Цезаря и другихъ своихъ школьныхъ товарищей и единомышленниковъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Записокъ Лоренцо Бенони».

На каждой ихъ страницѣ сказывается перо вдумчиваго писателя-художника. Взвѣсивъ порою на событія давно прошедшаго сквозь призму поэтическихъ настроеній, въ высшей степени присущихъ артистической и страстной его натурѣ, Руффини, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно типично воспроизводитъ характеры и образы людей, съ которыми ему довелось повстрѣчаться въ жизни.

Что касается исторической правдивости «Записокъ Лоренцо Бенони», то она стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Достаточно самаго поверхностнаго ихъ сравненія съ перепискою Мадзини, воспоминаніями Пеллико и Марончелли, мемуарами Гарибальди и Андриана, чтобы убѣдиться въ томъ съ полною достоверностью. Яркій образный языкъ, прекрасное знаніе человѣческой психологіи и глубокая вѣра въ вѣчные идеалы свободы заставляютъ причислить книгу Руффини къ лучшимъ произведеніямъ итальянской литературы XIX столѣтія.

Принимая во вниманіе широкую распространенность «Записокъ Лоренцо Бенони» почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, слѣдуетъ считать дѣломъ далеко не лишнимъ ихъ новый русскій переводъ. Принадлежитъ онъ перу г-жи Серебряковой, сдѣланъ точно и литературно, почему, несмотря на мелкіе стилистическіе промахи, читается довольно легко. Издана книга, вообще говоря, тщательно, и цѣна ей назначена весьма скромная. Нѣтъ сомнѣнія, что русская публика прочтетъ мемуары Руффини съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Сергій фонъ-Штейнъ.

Г. Светоній Транквиллъ. Жизнь двѣнадцати цезарей. Съ лат. перевелъ В. Алексѣевъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904.

Имя г. Алексѣева, знакомящаго русскаго читателя въ своихъ многочисленныхъ переводахъ съ греческой и римской литературой, хорошо извѣстно. Теперь неутомимый знатокъ классической литературы перевелъ знаменитое капитальное сочиненіе Светонія, главнаго представителя римской литературы послѣ Тацита, Плінія и Ювенала.

Переводчикъ предпослалъ своему переводу введеніе, гдѣ обстоятельно разсказалъ и біографію римскаго историка и выяснилъ очень безпристрастно значеніе его произведенія, отмѣтивъ сначала отрицательныя стороны Светонія, какъ историка, а потомъ и положительныя. Онъ прямо говоритъ, что «если произведеніе Светонія разсматривать объективно, съ литературной точки зрѣнія, мы не можемъ не признать его весьма слабымъ, бѣднымъ по замыслу и неудачнымъ по исполненію». И дѣйствительно, главный недостатокъ Светонія—и это хорошо указано авторомъ перевода—отсутствіе психологическаго анализа, неумѣніе разобраться въ мелочахъ и отдѣлить ихъ отъ существеннаго, отсутствіе прагматизма и широкаго историческаго кругозора, все это живо чувствуется при чтеніи прекраснаго перевода г. Алексѣева. И все-таки читается Светоній съ непрерывающимся интересомъ, благодаря всякому отсутствію реторики. Замѣчательно добросовѣстно, спокойно, ясно онъ разсказываетъ о какомънибудь триумфѣ цезаря и съ такимъ же равнодушіемъ, съ тою же важностью повѣствуетъ о скандальныхъ похожденияхъ Тиберія на островѣ Капри, съ тою же сухостью рисуетъ ужасающія картины разврата императоровъ, съ какою изображаетъ ихъ войны. Его интересуется, прежде всего, частная жизнь императора: вѣшность, обѣды, туалетъ, заботы о здоровьи (біографія Августа), образъ жизни, шкандальные походы и т. п. Для современниковъ это была одна изъ занимательнѣйшихъ книгъ, а для насъ — великолѣпный документъ для характеристики перваго вѣка имперіи.

Двѣнадцать цезарей—двѣнадцать біографій императоровъ, отъ Цезаря до Доминиціана. Въ каждой изъ нихъ—множество фактовъ, каждая есть результатъ самаго добросовѣстнаго изученія источниковъ. «Ни одинъ изъ античныхъ авторовъ,—говоритъ г. Алексѣевъ,—не любитъ такъ ссылаться на источники, какъ Светоній». Конечно, есть и у него ошибки, но нѣтъ подтасовокъ фактовъ. Лучшія біографіи принадлежатъ Августу, Веспасіану, Нерону.

Благодаря своей объективности, Светоній подкушаетъ читателя всякимъ отсутствіемъ нетерпимости. Вездѣ онъ — «Tranquillus», вездѣ спокоенъ, не морализируетъ: какова была жизнь императоровъ, такую онъ и описываетъ ее.

П.

А. С. Хахановъ. Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ въ Малой Азіи. Тифлисъ. 1903.

Настоящій историко-археологическій этюдъ, представляющій отдѣльное изданіе изъ «Записокъ кавказскаго отдѣленія императорскаго русскаго географическаго общества» (т. XXII, выш. 6-й), составляетъ какъ бы второе перера-

ботанное изданіе одноименнаго труда, появившагося болѣе десяти лѣтъ тому назадъ въ «Чтеніяхъ» императорскаго общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ и отдѣльно (Москва, 1890 г.). За этотъ періодъ времени въ ученой литературѣ появилась немало специальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ то или другое отношеніе къ трактуемому въ данномъ этюдѣ вопросу, и, такимъ образомъ, нашему автору пришлось считаться если не со всѣми, то, по крайней мѣрѣ, съ наиболѣе основными изъ нихъ. Изученіе этой специальной литературы и собственныя наблюденія привели автора къ тому заключенію, что предѣлы расселенія грузинъ (или, какъ точнѣе было бы сказать: племень, находившихся и находящихся въ родствѣ съ грузинами) могутъ быть локализованы слѣдующимъ образомъ: «На западѣ они (т.-е. грузины) переходили рѣку Гались, на югѣ предѣльнымъ пунктомъ ихъ распространенія служилъ Ванъ, какъ это доказываютъ ванскія надписи, на сѣверѣ Кавказскій хребетъ, а на востокѣ Дагестанская область по той линіи, которою эта область отдѣляется отъ Закавказья» (стр. 64).

Вопросъ, подвергнутый изученію проф. Хахановымъ, какъ на это выразительно указываетъ и онъ самъ, «слишкомъ сложный и запутанный, чтобы возможно было разрѣшить его усиліями одного человѣка» (предисловіе). Въ данномъ случаѣ на помощь грузинистамъ должны прійти также кунелогіи, этнографы, археологіи и лингвисты. Достаточно пробѣжать нѣсколько страницъ даннаго этюда, чтобы убѣдиться, насколько тѣсно въ настоящемъ случаѣ переплетаются между собою вопросы изъ различныхъ областей историко-филологической науки, еще ожидающіе не только своего разрѣшенія, но и болѣе или менѣе правильной постановки. Вызвать специалистовъ къ обмѣну мнѣній и проверкѣ собранныхъ данныхъ и было одною изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ авторомъ.

Въ приложеніи къ настоящей работѣ мы находимъ два экскурса, изъ которыхъ первый посвященъ все еще спорному вопросу о происхожденіи названія «Кавказъ».

А—нъ.

Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Переводъ съ нѣмецкаго М. Лемберка, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Москва. 1903.

Германія все еще по-старому остается философскимъ питомникомъ Европы, откуда идутъ «новыя слова» философіи, гдѣ не перевелись еще богатыри философской мысли (Вундтъ, Гартманъ), и гдѣ ее такъ хорошо преподають и популяризируютъ. Въ послѣдней области добросовѣстно и не безъ огонька работаетъ и авторъ лежащей передъ нами книги. Ее можно усиленно рекомендовать каждому русскому читателю, пожелающему уразумѣть сущность и предпосылки борющихся въ Европѣ и даже на нашей философски-неплодородной почвѣ направленій — позитивизма, матеріализма, натурализма и идеализма — и стать сознательнымъ наблюдателемъ движенія современной философской мысли.

При всей своей добросовѣстности Кюльпе не можетъ устоять противъ духа времени и, относясь съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ натурализму, матеріализму и позитивизму («пригоденъ лишь для непритязательныхъ умовъ»), съ особою обстоятельностью и любовью, хотя и не безъ критики, останавливается на идеализмѣ. Тутъ весьма характерны частыя напоминанія, что рѣчь идетъ не просто объ идеализмѣ, а объ идеализмѣ новомъ. Новый періодъ въ исторіи метафизики вообще и идеализмѣ въ частности знаменуется тѣснымъ союзомъ ея съ наукой, и такимъ образомъ получаетъ права гражданства «индуктивная метафизика». Свое отношеніе къ наукѣ она, въ лицѣ краснорѣчиваго представителя Кюльпе, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Метафизика своей теоріей познанія и логикой является необходимымъ фундаментомъ науки, ея первой ступенью, альфой. Съ другой стороны, обобщая отдѣльныя науки и поднимаясь надъ ними, новая метафизика становится разсадникомъ, гдѣ зрѣютъ новыя научныя дисциплины (напримѣръ, социологія), которыя въ свое время, выйдя изъ компетенціи спекулятивной философіи, отойдутъ къ наукѣ. Служа послѣдней, метафизика заимствуетъ у нея «основательность, осторожность, спеціально-научную тщательность, предварительныя методическія изслѣдованія». Вообще, судя по Кюльпе, начинаетъ казаться, что вѣковая вражда науки и метафизики наконецъ-то закончилась дружескимъ примиреніемъ сторонъ. Но тутъ вполнѣ въ время выступаетъ проф. Ланге, редакторъ русскаго перевода Кюльпе, съ пессимистическимъ замѣчаніемъ, что «новая метафизика ничуть не болѣе научна, чѣмъ старая». Самъ Кюльпе безсознательно даетъ любопытныя иллюстраціи къ этой мысли. «Индуктивный метафизикъ» Фехнеръ считалъ землю и ея ближайшихъ сосѣдей индивидуально одушевленными созданіями, за чтó вполнѣ по заслугамъ, и получилъ отъ Кюльпе «фантастическаго мистика». Досталось и научному философу Гартману за «полумистически окрашенную спекуляцію». Отсюда каждый непредубѣжденный читатель можетъ составить ясное представленіе, съ какой осторожностью слѣдуетъ говорить о приведеніи науки и метафизики къ одному знаменателю. Борьба еще не закончена, и можно только гадать о пути, по которому пойдетъ развитіе европейской мысли.

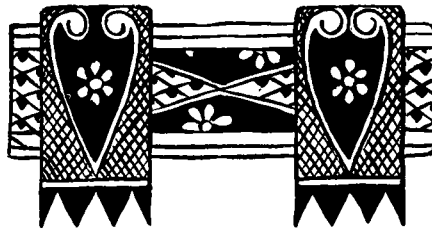
Е. В.

**Весь Кавказъ. Справочно-литературный сборникъ.
Тифлисъ. 1903.**

Издатели сборника *Весь Кавказъ* поставили себѣ цѣлью «ознакомить читателей со всеми свѣдѣніями о Кавказѣ, представляющими большой интересъ и достойными всесторонняго изученія». Привлекательность Кавказскаго края не исчерпывается одной лишь вѣшной красотой, давшей ему право называться «перломъ» въ коронѣ русскаго царя. Нѣдра Кавказа изобилуютъ неисчерпаемыми богатствами, археологъ, лингвистъ, натуралистъ найдетъ обильную пищу для удовлетворенія своихъ способностей и склонностей. Благодаря этимъ условіямъ, Кавказъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привлекаетъ вниманіе не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ, художниковъ и путеше-

ственниковъ. Сообщить справочныя свѣдѣнія лицамъ, интересующимся Кавказомъ, составляетъ задачу названнаго изданія. Помимо обычныхъ отдѣловъ (календарнаго, административнаго и др.), здѣсь мы находимъ части: географическую, историческую, этнографическую, сельско-хозяйственную, социально-экономическую, торгово-промышленную и литературную. Статьи, вошедшія подъ эти рубрики, частью впервые появляются въ печати, частью же перепечатаны изъ рѣдкихъ и малодоступныхъ изданій. Открывается этотъ отдѣлъ обзоромъ Кавказа въ географическомъ отношеніи Ф. Кондратенко, за которымъ слѣдуетъ климатическій очеркъ Кавказа П. Фигуровскаго и перевала черезъ Кавказъ А. Дьячкова-Тарасова. Въ исторической части собраны статьи (къ сожалѣнію, безъ системы и безъ достаточной критики) о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ: по археологін (археологическія изслѣдованія въ Елисаветпольской губ. Э. Реслера, древніе храмы въ Кубанской области и Черноморской губ. и пр.), по религін (состояніе христіанства въ Абхазіи въ первой четверти XIX ст.; Ташевскій армяно-григоріанскій монастырь и др.). Статьи сельско-хозяйственнаго, экономическаго и торгово-промышленнаго характера менѣе содержательны, но есть работы, принадлежащія извѣстнымъ кавказовѣдамъ (рыбный промыселъ на Закавказскомъ побережьи Чернаго моря, Кавказскія минеральныя воды и пр.). Литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ переводъ изъ произведеній кавказскихъ народностей. Къ сборнику приложено 150 иллюстрацій древностей Кавказа, портретовъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, плановъ и видовъ мѣстностей. Книга оканчивается библиографіей, касающейся Кавказа. Несмотря на нѣкоторыя погрѣшности при выборѣ матеріала и при его печатаніи, сборникъ этотъ является полезною книгой для кавказовѣдовъ.

А. Хах—овъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОРЕЦЬ египетскаго фараона въ Фивахъ. Раскопки въ Египтѣ все болѣе и болѣе даютъ новаго матеріала для ознакомленія съ жизнью египтянъ. Всего лучше сохранились храмы, такъ какъ фараоны строили ихъ изъ такого матеріала, какъ известнякъ, песчаникъ, гранитъ и алебастръ, а потому для возстановленія ихъ не требовалось столько времени, какъ, напримѣръ, для дворцовъ фараоновъ.

Послѣдніе строили для себя менѣе долговѣчныя жилища и матеріаломъ брали деревоили кирпичи. Неудивительно поэтому, что отысканный въ 1888—1889 гг. французомъ Гребо дворецъ въ Фивахъ, на лѣвомъ берегу р. Нила и на юго-востокъ отъ Мединѣ-Габу, былъ очищенъ отъ песка и возстановленъ только въ 1903 г. англичаниномъ Нлюберри и американцемъ Тайтесомъ. Послѣдній описалъ дворецъ въ недавно напечатанномъ отчетѣ объ экспедиціи ¹⁾. Теперь дворецъ настолько возстановленъ, что можно осматривать комнаты любимой резиденціи самаго блестящаго изъ фараоновъ XVIII династіи Аменоенса III и проходить по самымъ потаеннымъ комнатамъ, гдѣ жила жена фараона и ея дворъ. Дворецъ возвышается на наносной почвѣ, засыпанной пескомъ, которая прежде прекрасно орошалась и годилась для чудныхъ садовъ на границѣ пустыни. Изъ дворца открывался красивый видъ на горы, поля и роци Фивской долины. На сѣверѣ виденъ похоронный храмъ, выстроенный для себя Аменоенсомъ, а надъ верхвей линіей карнизовъ возвышаются головы двухъ колосовъ, воздвигнутыхъ въ честь фараона его главнымъ министромъ, Гапуи; далѣе одинъ за другимъ тянутся храмы предшественниковъ Аменоенса до самаго входа въ долину, которая ведетъ къ усыпальницамъ фараоновъ; а по ту сторону Нила, на самомъ берегу видны: Фивы, распространявшіяся такъ далеко,

¹⁾ A preliminary report on the Re—excavation of the palace of Amenothis III, by Robb. Tytus. 1903. New-York.

что терялись отъ взоровъ, Луксоръ, и едва начатый храмъ, Аширу, съ его высокими сѣрыми валами, и Карнакъ, заслоняющій горизонтъ, весь изрѣзанный обелисками. Дворецъ выстроенъ настолько далеко отъ Фивъ, что не былъ слышенъ уличный шумъ, и въ то же время, въ случаѣ необходимости, фараонъ могъ бы чрезъ часъ пути достигъ города. Вокругъ дворца былъ построенъ маленький роскошный городокъ для придворныхъ и почетныхъ военныхъ лицъ, имѣвшихъ въ немъ временныя квартиры. Туда допускались на жительство артисты, художники, скульпторы и ремесленники, необходимые для исполненія различныхъ придворныхъ работъ. Остальную часть ихъ квартала тоже открыли, и тамъ остались слѣды ихъ мастерскихъ: шлаки стекла и эмали обнаружили мѣсто, гдѣ дѣлали стеклянныя издѣлія. Сосѣдніе феллахи знали это и пользовались битыми или испорченными предметами съ цѣлью продажи ихъ иностранцамъ. Аменовисъ III страстно любилъ драгоценности и эмалевую посуду—синюю или пеструю. Изъ развалинъ его виллы извлекались цѣлыми годами чудныя вещи, восхищавшія современныхъ знатоковъ живою краскою, блескомъ глазури, чистотою, изяществомъ формы и тонкостью исполненія, которая даже въ обломкахъ представляла чудо искусства. Самъ дворецъ былъ прямоугольной формы. Довольно незначительной толщины стѣна, прорѣзанная рѣдкими и неправильными дверьми, окружаетъ его и представляетъ снаружи длинный, развертывающійся, слѣпой и обнаженный фасадъ. Проникнувъ чрезъ него, попадаешь въ настоящій лабиринтъ узкихъ дворовъ, залъ съ колоннами, комнатокъ, уголковъ, соединяющихся одинъ съ другимъ, примыкавшихъ тамъ и сямъ къ глухимъ закоулкамъ. Все это равняется ста метрамъ длины и двумъстамъ метрамъ вышины. Остальная стѣна рѣдко превышаетъ метръ и пятьдесятъ сантиметровъ. Во многихъ мѣстахъ уцѣлѣли лишь нѣсколько кирпичей, положенныхъ горизонтально, или даже прорытыя траншеи для основанія стѣны. Ширина мѣняется согласно величинѣ комнатъ отъ шестидесяти пяти сантиметровъ до одного метра, а высота достигаетъ пяти метровъ. Вся грубая работа сдѣлана изъ необожженнаго кирпича, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ виденъ отпечатокъ двухъ фараонскихъ гербовъ. Полъ былъ изъ глины и такъ плотно утрамбованъ, что она сдѣлалась въ родѣ камня. Штукатурка на стѣнахъ состояла изъ ила, какъ это дѣлается въ египетскихъ деревняхъ. Потолки были двухъ различныхъ фасоновъ. Въ маленькихъ комнатахъ и коридорахъ были перекинута отъ одной стѣны къ другой деревянныя балки изъ пальмы или акации, между ними пропускали тяжелыя плетенки изъ пальмовыхъ волоконъ, промазанныя толстымъ слоемъ утрамбованной земли. Потолки болѣе обширныхъ комнатъ и особенно залы съ колоннами были устроены нѣсколько сложнѣе: на деревянныхъ перекладинахъ, которыя соединяли колонны, накладывали такія же плетенки, какъ и въ первомъ случаѣ, затѣмъ ихъ прикрывали лежнемъ, крѣпко соединеннымъ наверху, и наполняли кессоны столь хорошо перемѣшанной глиной, что она образовывала очень тяжелую, но твердую и устойчивую покрывку. Судя по остаткамъ потолковъ и по уцѣлѣвшимъ цоколямъ, они были украшены веселой и свѣтлой живописью въ родѣ той, какая украшаетъ храмы и усыпальницы: на потолкахъ коршуны съ распростертыми крыльями, летающіе гуси и утки, заключенные въ рамкахъ волнистыхъ линій

или въ разноцвѣтныхъ спираляхъ. На стѣнахъ изображались танцующія женщины, бассейны и болота съ водяными растениями, преслѣдующія другъ друга рыбы, птицы, играющія между лотосами, и т. д. Теперь еще трудно опредѣлить, какъ были размѣщены члены семьи и слуги, хотя можно различить парадную приемную, изъ которой вела небольшая прихожая въ кабинетъ Аменоеиса III, и множество бань. Въ трехъ изъ нихъ еще и теперь сохранились каменные плиты, на которыхъ ложились массируемые для массажа, а также уцѣлѣли водопроводныя трубы. По сосѣдству съ банями находились спальни съ платформами, на которыхъ возвышались постели. Другія комнаты, еще болѣе малаго размѣра и совсѣмъ голыя, принадлежали, повидимому, слугамъ. Кухни еще не отыскали, но когда послѣдуютъ новыя раскопки, вѣроятно, она появится такъ же, какъ магазины, арсеналь, житницы и святилище, которое составляетъ необходимую принадлежность дворца каждаго фараона.

— Кто открылъ Америку? Тому двѣнадцать лѣтъ, въ Америкѣ былъ торжественно отпразднованъ пятисотлѣтній юбилей ея открытiя Колумбомъ, и хотя нѣкоторые ученые высказывали мысль, будто онъ былъ не первый посѣтившій ее, но этотъ вопросъ оставался открытымъ. Причиной подобныхъ предположенiй служила ея цивилизацiя во время завоеванiя испанцами, и казалось, не было сомнѣнiя въ давности ея происхожденiя, но никто не предполагалъ, что Америка была извѣстна старому свѣту за десять вѣковъ до Колумба. Работы ученыхъ: Прескота, Банкрофта и Шаверо, возстановили лишь разницу между различными расами, считавшимися туземцами, какъ, напримеръ, племенемъ майя, тольтеки, отомицы и т. д. Вместе съ тѣмъ они также опредѣлили прогрессъ племени ацтековъ, укоренившихся въ Анагуакѣ въ началѣ XIV вѣка и назвавшихъ всю страну по имени одного племени—Мексикой. Что же касается главнаго вопроса, то онъ оставался не разъясненнымъ окончательно, хотя ученые и подозрѣвали, что колыбелью американской цивилизацiи былъ Востокъ. Однако, чтобы положительно утверждать существованiе восточной цивилизацiи въ Америкѣ до появленiя тамъ Колумба, требовались доказательства въ видѣ документовъ, памятниковъ и проч. Теперь, по словамъ Латушъ-Тревиля, помѣтившаго статью ¹⁾ въ послѣднемъ номерѣ «La Revue», буддистскiе миссионеры, явившiеся изъ Японiи въ Санъ-Франциско, съ цѣлью распространить буддизмъ по всей Америкѣ, и осмотрѣвшiе мексиканскiе памятники и музеи, высказали мнѣнiе объ аравическомъ родствѣ коренного американскаго народа съ восточнымъ. Такимъ образомъ, по ихъ словамъ, восточные народы переселились изъ Азии въ Новый Свѣтъ, занеся туда свою цивилизацiю, и честь открытiя Америки всецѣло принадлежитъ ихъ предкамъ. Свои доказательства японскiе миссионеры подтверждаютъ географическимъ положенiемъ Камчатки, Аляски и Алеутскихъ острововъ, какъ бы созданныхъ для роли естественнаго моста между Камчаткой и Аляской. Переправа здѣсь представлялась разнообразной и совсѣмъ не затруднительной. Во-первыхъ, можно было попасть туда посредствомъ послѣдовательнаго занятiя ближайшихъ пунктовъ этого архипелага изъ лежащихъ цѣпью острововъ, замыкающихъ Берингово

¹⁾ Les vrais decouvreurs de l'Amérique. «La Revue», 1 Janvier 1904.

море; затѣмъ чрезъ Курильскіе острова, а въ извѣстное время года, когда океанское теченіе бывало такъ сильно, что могло нести суда, не подвергая ихъ серьезной опасности и не требуя особыхъ познаній отъ мореходовъ, то пользовались имъ. Легкій способъ сообщенія, разумѣется, не могъ не привлечь вниманія доисторическихъ восточныхъ народовъ, какъ китайцевъ, такъ и японцевъ. Первые имѣли сношенія съ Камчаткой еще съ незапамятныхъ временъ и даже простирали на нее свой авторитетъ. Вторые же, находившіеся еще ближе, пользуясь легкостью сообщенія, могли совершать туда какъ бы прогулки. Путь съ Камчатки на Аляску былъ длиннѣе, но не представлялъ большой опасности, и очень возможно, что имъ пользовались особенно съ V вѣка, когда буддисты стали предпринимать различныя настойчивыя и безстрашныя поѣздки съ цѣлью распространенія своей религіи. Между прочимъ они отправлялись изъ Китая въ Индію сухопутнымъ, настойчиво проповѣдая буддизмъ даже въ странахъ, еще совсѣмъ неизвѣстныхъ имъ. Очень вѣроятно, что они съ тѣмъ же рвеніемъ распространяли свои догматы на Курильскихъ и Алеутскихъ островахъ. Перебираясь съ острова на островъ, очень вѣроятно, они попали, по словамъ японскихъ миссіонеровъ, и на Аляску, а оттуда добрались по берегамъ Тихаго океана и въ Мексику. Свои слова японцы подтверждаютъ различными документами, состоящими изъ историческихъ традицій, религиозныхъ вѣрованій, пережитія народныхъ преданій, фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ, развалинъ и буддистскихъ изображеній и древностей, изученныхъ ими въ различныхъ пунктахъ Сѣверной Америки, а главное по берегу, начиная почти отъ Аляски до Панамскаго перешейка. На страсть китайцевъ къ путешествіямъ указываетъ извѣстный французскій писатель Террьеръ де-Курпри въ своемъ сочиненіи: «Китай до китайцевъ». Въ китайской исторической, поэтической и географической литературѣ упоминается о посѣщенныхъ китайцами странахъ. Такъ между прочимъ въ ней часто встрѣчается страна Фузангъ, или Фузу, и даже приведено ея протязеніе. По словамъ китайскихъ авторовъ, ея названіе произошло отъ имени дерева, произраставащаго тамъ. Описаніе его очень смутно, и оно напоминаетъ агаву и похоже на алоэ. Какъ всѣ восточные путешественники, въ особенности средневѣковые, они прилагаютъ слишкомъ много фантазіи и вымысла къ своимъ рассказамъ. Нѣсколько инымъ является сжатый, точный рассказъ о Фузангѣ буддистскаго жреца Гюи-Шена, совершившаго туда путешествіе и возвратившагося въ Китай въ 499 году. Въ это время въ Небесной имперіи всихнула революція, и царствовавшій въ то время Ву-Ти не могъ принять путешественника, явившагося къ нему съ отчетомъ и образцами произведеній природы Фузанга. Только чрезъ три года онъ могъ видѣть императора и передалъ ему, въ числѣ другихъ привезенныхъ предметовъ, растеніе, похожее на мексиканское алоэ. Императоръ назначилъ комиссію изъ четырехъ ученыхъ, которымъ предстояло записать рассказъ Гюи-Шена. Между прочимъ онъ передалъ, что Фузангъ посѣтили пять буддистскихъ священниковъ изъ Кабула, проповѣдывавшихъ жителямъ буддистскую вѣру и снабдившихъ ихъ буддистскими священными изображеніями. Эти миссіонеры много способствовали смягченію нравовъ дикихъ туземцевъ Фузанга. Гюи-Шень подробно описалъ детали ихъ путешествія,

совершеннаго съ Алеутскихъ острововъ и Аляски. Лично онъ видѣлъ въ Фузангѣ растеніе съ прядильными волокнами листьевъ, мѣдныя руды, золотыя и серебряныя приіски, еще не тронутыя. Судя по его рассказамъ, обычаи, нравы, мѣры защиты, крѣпости и оружіе древнихъ жителей Фузанга очень подходятъ къ первобытнымъ мексиканскимъ. Такимъ образомъ рассказъ Гюи-Шена можетъ служить для историка документомъ. Кромѣ того, мексиканскія народныя преданія доказываютъ, что въ древнихъ сказаніяхъ мексиканцевъ играетъ важную роль человекъ въ длинномъ бѣломъ одѣяніи и плащѣ, говорившій съ народомъ «языкомъ доброты, проповѣдуя миръ, кротость, умѣренность и прямодушіе». Въ его существованіи никто не сомнѣвался, а за свою добродѣтель онъ подвергался преслѣдованіямъ, угрожавшимъ его жизни. Онъ исчезъ внезапно, оставивъ лишь слѣдъ своей ноги. Еще теперь въ одной деревнѣ, находящейся въ Магдаленѣ, сохранилась статуя, поставленная въ память его добродѣтельной жизни. Звали его Ви-Ши-Некоа, что по созвучію походитъ на Гю-Шенъ-Бикту. Впрочемъ онъ былъ не единственный бѣлый человекъ, посѣтившій Фузангъ, съ нимъ были и другіе бѣлые. Японскіе миссіонеры, находившіяся недавно въ Санъ-Франциско, могли убѣдиться въ поразительномъ сходствѣ обычаевъ, вѣрованій и проч. первобытныхъ азіатовъ съ обычаями и вѣрованіями жителей Мексики, Юкатана и Центральной Америки, а также ихъ архитектуры и искусствъ, существовавшихъ до вторженія испанцевъ. Такимъ образомъ японцы настаиваютъ, что еще до Колумба Новый Свѣтъ имѣлъ сношенія со Старымъ, и азіаты совершали наѣзды черезъ Аляску въ южную Мексику. Кромѣ того, въ Юкатанѣ была вырыта статуетка буддиста въ священномъ одѣяніи, а также найдено изображеніе самого Будды, сидящаго съ подогнутыми ногами на сидѣннѣ, состоящемъ изъ фигуръ двухъ прислонившихся другъ къ другу львовъ, и прочіе памятники искусства, похожіе на тѣ, какіе находятся въ Индіи, Китаѣ и Японіи. Они тѣмъ болѣе служатъ подтвержденіемъ предположеній японскихъ миссіонеровъ, что словъ—эмблема Будды, и это животное никогда не водилось въ Америкѣ. Къ тому же сравнительная лингвистика и этимологія дали такіе результаты, которые могутъ служить подтвержденіемъ предположеній японцевъ: такъ отечественное имя Будды, Гаутама, сравнивается съ Гватемалой, Гуатамой и Гвадмозеномъ, именемъ послѣдняго мексиканскаго императора, убитаго Кортесомъ; точно также Сакія-Муни подходитъ къ имени Оаксака, и много другихъ сходствъ. Найденныя во время раскопокъ въ Юкатанѣ храмы своею архитектурой напоминаютъ храмы Индіи и Китая. Все вмѣстѣ взятое заставляеть задуматься надъ предположеніемъ японцевъ, что Америка была извѣстна Старому Свѣту за десять вѣковъ до появленія въ ней Колумба, и находилась въ сношеніяхъ съ азіатами, которые явились въ Мексику черезъ Аляску.

— Англія въ началѣ XVIII вѣка. Только что вышедшая въ Парижѣ книга «Lettres et voyages de M. César de Saussure» представляетъ любопытную картину нравовъ, обычаевъ и вообще характера англичанъ начала XVIII вѣка. До этой эпохи Англія оставалась совершенно неизвѣстной для Франціи, игнорировавшей ее, и только послѣ отбѣны Нантскаго эдикта и революціи въ Англіи, т.-е. послѣ 1688 г., сталъ проявляться интересъ французовъ къ англи.

чанамъ. Пробужденію этого интереса много способствовали эмигранты. Въ это время, въ особенности въ протестантскихъ странахъ, стали заниматься Англійей, и между прочимъ въ Швейцаріи. Въ началѣ XVIII вѣка, именно въ 1725 году, молодой человѣкъ изъ старинной богатой вадтской семьи, Сесаръ Соссюръ, страстно любившій путешествія, отправился посмотрѣть свѣтъ¹⁾. Прежде всего онъ посѣтилъ Англію, гдѣ оставался четыре года, присматриваясь и внимательно изучая все. По возвращеніи онъ собралъ всѣ свои замѣтки и составилъ ихъ въ формѣ писемъ, какъ это было тогда въ модѣ, но онѣ не были напечатаны, и только теперь появилась первая часть, относящаяся до Англійи. Эти письма напечаталъ швейцарскій историкъ ванъ-Мюнденъ. Они тѣмъ болѣе представляютъ интересъ, что пребываніе Соссюра въ Англійи совпало съ посѣщеніемъ Лондона Вольтеромъ и Монтескье, а потому любопытно сравнить впечатлѣніе, произведенное на швейцарца однимъ и тѣмъ же англійскимъ обществомъ, о которомъ Вольтеръ написалъ свои «Lettres anglaises». Соссюръ путешествовалъ добросовѣстно, какъ истинный туристъ, ничего не упуская изъ вида, изучая все и присматриваясь ко всему. Онъ писалъ свои впечатлѣнія не для публики и самъ признавался, что у него никогда не было зуда «увеличивать количество плохихъ авторовъ». Будучи увѣренъ, что его книги продадутся лишь мелочнымъ лавочникамъ на завертки, онъ хранилъ свои письма въ рукописи. Впрочемъ эта рукопись быстро разошлась по рукамъ двухсотъ лицъ и побывала въ Бернѣ, Женевѣ и Лозаннѣ. Все вмѣстѣ взятое даетъ надежду, что онъ описываетъ безъ прикрасть и утрировки, начиная отъ официальныхъ церемоній до сообщенія, что англійскія женщины моются каждый день, и рецентовъ дѣлать пуншъ. Нѣтъ другой такой книги объ Англійи, въ которой можно было бы найти столько всякаго рода справокъ, и которая была бы такъ добросовѣстно написана. Прежде всего его поразили царствующій тамъ развратъ: въ публичной жизни — продажность, въ семейной — безнравственность. «Я нахожу, — говоритъ Соссюръ: — что большинство англичанъ очень корыстолюбивы, и скорѣе о нихъ можно сказать, чѣмъ о швейцарцахъ: «point d'argent, point d'anglais». Благодаря этому недостатку, дворъ обязанъ своимъ большинствомъ въ парламентѣ. Въ семейной жизни мужчина, и даже женатый, содержитъ любовницу открыто. Одинъ англичанинъ, знающій прекрасно свой Лондонъ, увѣрилъ меня, что въ этомъ городѣ болѣе сорока тысячъ куртизанокъ». Во всѣхъ классахъ общества процвѣталъ порокъ. Вельможи — игроки и пьяницы, предавались постыднымъ удовольствіямъ и забавляли себя тѣмъ, что по ночамъ бѣгали по улицамъ и дрались съ носильщиками. Всѣ пьянствуютъ поголовно: «Днемъ мелкій народъ напивается водкой можжевельниковой и крѣпкимъ пивомъ, а вечеромъ и ночью высшій классъ пьетъ португальскія вина и пуншъ». По его словамъ всѣ напивались до «чертиковъ» — мужчины, женщины, вельможи, рабочіе, духовныя лица и даже дѣти. Народъ невозможно грубъ. Когда человѣкъ хорошо одѣтъ, нельзя пройти по улицѣ, не получивъ оскорбленія и не услышавъ двадцать разъ: «French dog» (французскій песъ). Это ихъ

¹⁾ Les lettres et voyages de monsieur César de Saussure, avec une introduction de B. van Muiden.

обыкновенная брань и, по ихъ мнѣнію, самая сильная; они безразлично называютъ такъ всѣхъ иностранцевъ. Надо еще считать себя счастливымъ, что они не бросаютъ въ голову какой нибудь тухлятины вмѣсто разрывного снаряда. Въ особенности грубость народа обнаруживалась въ его развлеченіяхъ: англичане любили бить собакъ, пѣтуховъ и людей. Сосскюръ отправился въ театръ гладиаторовъ, гдѣ боролись двѣ женщины: толстая, высокая, здоровенная ирландка и маленькая, замѣчательно ловкая и проворная англичанка. Съ перваго же приѣма ирландка получила громадный шрамъ на лбу. Но это не мѣшало продолжать горячій бой, и послѣ пятаго возобновленія ирландка должна была прикончить борьбу, получивъ длинную рану на кости отъ шеи и къ лѣвой груди. Тотчасъ же хирургъ зашилъ ее, не покидая театра. «Эта рана мнѣ казалась опасной,—говоритъ Сосскюръ:—получившая ее считала себя побѣжденной и не хотѣла возобновлять игры. Какъ разъ было время; обѣ онѣ были въ поту, запылавшись, а ирландка цокрята собственной кровью». Борьба мужчинъ была въ томъ же родѣ, и Сосскюръ впервые пожалѣлъ о потраченныхъ деньгахъ. Этого кроваваго удовольствія онъ не могъ понять, тогда какъ англичане приходили «въ восторгъ». Вольтеръ умолчалъ въ своихъ англійскихъ письмахъ «о развратѣ, пьянствѣ и озвѣрѣлости англичанъ». Въ письмахъ Сосскюра находятъ нѣкоторыя замѣтки, могущія служить поправками панегрикамъ, полнымъ энтузіазма, которые высказывались французскими философами по поводу англійской конституціи. Сосскюръ говоритъ: «Предъ воротами Людгатской тюрьмы выставлены три головы казненныхъ за оскорбленіе величества. Въ настоящее время еще находятся три головы, воткнутыя на коль, и между ними по легендамъ находится голова Кромвеля». Въ Англии правосудіе согласовалось съ чловѣколюбіемъ, однако жена, обманувшая мужа, сжигалась живою, что Сосскюръ находилъ чрезмѣрнымъ. пытки не существовало, и подсудимыхъ не приводили къ допросу. «Англичане говорятъ,—замѣчаетъ Сосскюръ:—что лучше десяти виновнымъ избѣгнуть правосудія, чѣмъ погибнуть одному невиновному». Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда обвиняемый не хочетъ защищать свое дѣло, то къ нему примѣняется такъ называемое «выжиманіе», оно состоитъ въ томъ, что обвиняемаго кладутъ на полъ, привязываютъ руки и ноги къ сваямъ, такъ чтобы его тѣло лежало въ формѣ креста, и на желудокъ кладутъ доску съ тяжестью, которая увеличивается чрезъ каждые четыре часа. Вѣротерпимость тамъ была безусловная. «Относительно народа,—говоритъ Сосскюръ:—я убѣжденъ, что большинство никогда не бывало въ церкви и не имѣетъ никакого слѣда религіозности. Свободомысліе полное, но когда набираютъ солдатъ, въ особенности въ гвардію, то заставляють ихъ присягать въ томъ, что они протестанты. Если одинъ изъ нихъ посѣтитъ католическую церковь, и объ этомъ узнаетъ начальство, то его казнятъ чрезъ повѣшеніе». Впрочемъ Сосскюръ находилъ у англичанъ не одни недостатки: ему нравились нѣкоторыя черты ихъ жизни, такъ, напримѣръ, полное благоденствіе во всѣхъ классахъ общества: «даже крестьяне хорошо питались и одѣвались съ комфортомъ». Съ другой стороны, ему не нравилось англійское самонѣніе и сознаніе, что только у нихъ дѣлается все хорошо. Сосскюръ сравниваетъ все англійское съ французскимъ. «Англія,—говоритъ онъ:—одна изъ націй всего свѣта самая счастливая и

лучше всѣхъ управляемая. Обыкновенно говорятъ, что англійскіе короли обладаютъ всѣми возможными полномочіями, чтобы дѣлать для своихъ подданныхъ добро, но законъ связываетъ ихъ и мѣшаетъ имъ дѣлать подданнымъ зло». Въ то время какъ французы дѣлаютъ изъ своихъ королей идоловъ, на которыхъ смѣютъ смогрѣть лишь издали, англичане привѣтствуютъ фамильярно своихъ принцевъ и при случаѣ осыпаютъ ихъ градомъ добродушной брани. Не разъ лодочники на Темзѣ называли королеву Анну «водочной лавочкой», и она ни разу не подумала на это обижаться. Относительно налоговъ тамъ не было, какъ во Франціи, системы откупа, и народъ не подвергался тирани и притѣсненіямъ. Предъ судомъ подсудимому давались всѣ гарантіи, и правосудіе было справедливо, а система наказаній не жестока. Относительно характеровъ обѣихъ націй Соссюръ говоритъ, что французы умны, у англичанъ же много здраваго смысла; французы легкомысленны, англичане же основательны. Среди англичанъ рѣдко встрѣчаешь остроумныхъ, порывистыхъ и веселыхъ людей, какъ во Франціи. Тамъ мало ищутъ романовъ во французскомъ вкусѣ, тогда какъ научныхъ сочиненій выходитъ много. Французы рождены царедворцами, тогда какъ англичане слишкомъ любятъ свободу, чтобы поддѣлываться къ придворнымъ нравамъ; англичанинъ не любитъ пресмыкаться и никогда не дойдетъ до униженія съ цѣлью добиться чего нибудь. Придворный, попавшій въ опалу, не теряетъ, какъ во Франціи, своихъ друзей, напротивъ пріобрѣтаетъ еще новыхъ. Французъ прежде всего удовлетворяетъ свое тщеславіе, англичанинъ же предпочитаетъ серіозныя выгоды. На торговлю въ Англіи смотрятъ иначе, чѣмъ во Франціи или въ Германіи, и сынъ пэра занимался ею, не теряя своихъ правъ. Очень часто младшій сынъ лорда посредствомъ торговли поправлялъ дѣла семьи, испорченныя, благодаря распутству старшаго сына. «Французъ, — говоритъ Соссюръ: — человѣкъ общества и рабъ моды, уважающій мнѣніе другихъ и безпокоящійся о томъ, что скажетъ свѣтъ; его преслѣдуетъ страхъ быть смѣшнымъ; у него ничего нѣтъ личнаго, никакой выдающейся черты; его характеръ изношенъ, благодаря излишествамъ салонной жизни. Напротивъ англичанинъ умѣетъ быть индивидуальнымъ и готовъ, если надо, скорѣе быть смѣшнымъ и страннымъ, чѣмъ переносить стѣсненія и противорѣчія своимъ вкусамъ и фантазіямъ. Во всемъ крайній, онъ болѣе, чѣмъ кто либо другой національности отличается своими добродѣтелями и пороками; принципъ его — доходить до крайности. «Одни изъ нихъ, — говоритъ Соссюръ: — страстно любятъ охоту, лошадей и собакъ, другіе женщинъ, вино и игры, иные театръ, а нѣкоторые ученіе и науку. Никогда ничего не дѣлая въ половину, они всецѣло предаются правящемуся имъ удовольствію. Я убѣжденъ, что это служитъ причиною, почему въ Англіи столько первостепенныхъ ученыхъ, свободомыслящихъ и развратниковъ». Даже Вольтеръ призналъ письма Соссюра «забавными и полезными».

— Салоны г-жи Гельвецій и актрисы Конта. Въ январскомъ номерѣ «La Nouvelle Revue» Жильберъ Станжэ¹⁾ рассказываетъ о салонѣ вдовы

¹⁾ La société de m-me Helvetius, par G. Stenger. «La Nouvelle Revue». Janvier. 1904.

французскаго философа Гельвеція, привлекавшемъ тѣсный кружокъ мыслителей. Г-жа Гельвецій, урожденная Лививилль, была племянница г-жи Графиньи. Будучи бѣдной и проживая въ провинціи, она, несмотря на свою красоту, оставалась какъ бы заброшенной до 32-хъ лѣтъ, когда тетка вызвала ее въ Парижъ съ цѣлью усыновленія. Встрѣтивъ Гельвеція, «повѣсу и любителя ухаживать, особенно за балетными актрисами», но человѣка красиваго, съ выразительными чертами лица, открытыми глазами и ямочкой на подбородкѣ, она заинтересовалась имъ. По происхожденію голландецъ изъ семьи придворнаго доктора, которому покровительствовала Марія Лещинская, подарившая ему откупъ, дававшій до полмилліона дохода, Гельвецій послѣ своей женитьбы оставилъ свое мѣсто въ министерствѣ финансовъ и купилъ великолѣнное имѣніе въ Першѣ, въ Ворэ. Онъ добивался славы, которую искалъ въ уединеніи и ученіи, проведя восемь мѣсяцевъ въ Ворэ, а четыре въ Парижѣ, гдѣ принималъ въ своемъ домѣ въ улицѣ Сентъ-Аннъ всѣхъ мыслителей, идеп которыхъ раздѣлялъ. Страстно любя охоту, онъ преслѣдовалъ браконьеровъ самымъ строгимъ образомъ, что у Дидро вызвало злорадство надъ авторомъ «Долга человѣка по отношенію къ человѣку». «Онъ окруженъ тамъ,—говорилъ Дидро:—сосѣдями и крестьянами, которые ненавидятъ его. Въ его замкѣ выбиваютъ стекла, опустошаютъ его владѣнія по ночамъ, рубятъ деревья, ломаютъ стѣны и проч.». Въ своихъ «Мемуарахъ незнакомки» г-жа Кавеньякъ говоритъ о Гельвеціи по воспоминаніямъ своей матери, которую мужъ возилъ въ имѣнія философа. Она была молода и красива, и любезности Гельвеція ей очень не нравились, какъ и всѣмъ красивымъ женщинамъ. «Это не мѣшало составителямъ мемуаровъ,—говоритъ она,—называть его вдову Артемидой». До дня напечатанія его книги «Умъ» онъ былъ въ милости у двора и оставался управляющимъ, но со дня появленія книги, т. е. съ 1758 года, сначала принцы и царедворцы, а затѣмъ и дофинъ были оскорблены проповѣдуемыми имъ доктринами. Гельвецій хотѣлъ прекратить бурю, объясниться и отречься отъ своихъ доктринъ, но его молодая жена не совѣтовала ему. Однако, онъ все-таки это сдѣлалъ, и къ нему стали относиться съ недовѣріемъ. За границей, напротивъ, когда появился ея переводъ, то у него нашлось множество поклонниковъ. Въ Англіи король принималъ Гельвеція съ почетомъ, а въ Пруссіи Фридрихъ Великій пригласилъ его къ обѣду. Причиной гнѣва нѣкоторой части общества противъ его книги и самого философа была смѣлость, съ которой онъ безошадно анализировалъ дѣйствія ума, утверждая, что человѣкъ думаетъ и разсуждаетъ по образцу животныхъ, что интересъ,—основа всѣхъ нашихъ дѣйствій, какъ добродѣтельныхъ, такъ и порочныхъ. Такимъ образомъ его выводы являлись совершенной противоположностью доктринамъ спиритуалистовъ, въ то время игравшихъ большую роль. Во второй половинѣ XVIII вѣка въ Парижѣ существовало два салона мыслителей—Гельвеція и барона Гольбаха, перебравшагося изъ Берлина. Приглашенные были одни и тѣ же, и хотя Гельвецій былъ богаче, но обѣды Гольбаха отличались большой утонченностью, дебаты—методичностью и блескомъ. По словамъ Гара, Гельвецій ограничивался высказываніемъ своихъ парадоксовъ, а затѣмъ предоставлялъ гостямъ свободу соглашаться съ ними или оспаривать ихъ, онъ углублялся въ себя, сосредоточиваясь, чтобы извлечь изъ

дѣлаго прилива словъ истину или фальшь. Это онъ называлъ «охотой за идеями», послужившими ему для его книги «Esprit». Послѣ объѣда, собравъ достаточно матеріала, онъ исчезалъ и направлялся въ Оперу, предоставивъ своей молодой женѣ занимать гостей. Она съ успѣхомъ это выполняла, вмѣшиваясь опрометчиво въ споры, разжигая и сбивая ихъ съ предназначеннаго пути, «разбивая общество», но оставаясь живою, илѣнительною и привлекавшею къ себѣ всѣхъ. Дидро говорилъ о ней: «C'est une femme très aimable qui s'est fait un caractère qui l'a affranchie, au milieu de ses semblables, toutes esclaves». Фонтенель, увидя ее, воскликнулъ: «Ахъ, сударыня, если бы мнѣ было только восемьдесятъ лѣтъ!». Когда же онъ сдѣлалъ имъ визитъ вскорѣ послѣ ихъ свадьбы, и Гельвецій, прося его сѣсть, представилъ жену, которая всгала, чтобы принять писателя, то онъ сказалъ: «Ah, c'est un astre qui se lève pour moi et qui se couche pour vous». Она была совершенная противоположность женѣ Гольбаха, и хотя его объѣды были тоньше, вино лучше, но разговоръ не имѣлъ того блестящаго легкаго тона, какой вносила съ собою красивая г-жа Гельвецій. Послѣ объѣда г-жа Гольбахъ удалялась со своими близкими друзьями въ амбразуру окна, не вмѣшиваясь въ разговоръ, и о ней всѣ забывали. Вообще о ней никогда никто не говорилъ, имя же г-жи Гельвецій было популярно. Последняя уважала въ людяхъ лишь качество ихъ ума и цѣнила нравственные достоинства. Когда въ 1771 году умеръ Гельвецій, ей было за пятьдесятъ лѣтъ, но она оставалась все еще прекрасной. Философъ оставилъ послѣ своей смерти четыре милліона, которые его вдова раздѣлила между двумя дочерьми, прозванными Франклиномъ «звѣздами», а Конвентомъ — «дочерьми націи», въ память отца, который провелъ идею о равноправности людей. Обѣ дочери вышли замужъ по своему желанію — одна за графа Мюна, съ которымъ вскорѣ развелась, а другая за графа Англо. Г-жа Гельвецій сохранила себѣ лишь ежегодную ренту въ двадцать тысячъ ливровъ на приемы друзей. Черезъ годъ послѣ смерти мужа она поселилась въ Отейль, въ домѣ, купленномъ у художника Кэнтэна де-ла-Тура. Всѣ друзья мужа, какъ Кондорсэ, Съесъ, Дестюде Траси, Вольней, Лапласъ, Дону, Гара, Сентъ-Ламберъ и ея любимецъ Кабанисъ, бывали у нея въ эпоху консульства. Попрежнему у нея завязывались дебаты, какъ было по вторникамъ при жизни мужа. Ея домъ былъ окруженъ паркомъ, въ которомъ ея садовникъ выводилъ всевозможные сорта гортензій и рододендроновъ. Сама она завела цѣлую колонію собакъ, кошекъ и птицъ, при чемъ заставляла друзей уважать спокойствіе своихъ животныхъ, которыя такъ облѣнились, что просыпались лишь для ѣды, подававшейся имъ на плоскихъ блюдахъ. Они ложились на всѣхъ креслахъ въ залѣ и такъ ихъ начкали, что гости не рѣшались садиться. Въ это время Франклинъ, движимый симпатіей, прѣзжалъ изъ Пасси въ Отейль, чтобы повидаться съ г-жей Гельвецій. Вскорѣ эта симпатія перешла въ обожаніе: онъ хотѣлъ на ней жениться и сдѣлалъ предложеніе, но она отклонила его, желая сохранить имя мужа. Однако, только для него одного она рѣшилась выѣхать изъ Отейля въ Пасси, чтобы отдать ему визитъ. Въ 1785 году онъ уѣхалъ, и событія во Франціи заставили ее забыть этого вѣрнаго друга. Ея умъ былъ пораженъ кровавыми сценами, и это впечатлѣніе не могло исчезнуть. Ка-

банись, ради развлечения г-жи Гельведий, напечаталъ свои переведенныя съ нѣмецкаго литературныя замѣтки и посвятилъ ей, съ надписью: «Составилъ для ея развлечения отъ горестной озабоченности, возбужденной въ ея душѣ ужасными сценами революціи». Онъ жилъ у нея въ домѣ съ 1778 года, и ему было въ это время двадцать одинъ годъ. Его представили Тюрго и поэтъ Рушэ; г-жа Гельвицій не хотѣла болѣе съ нимъ разставаться, говоря, что она снова начала жить только съ момента его появленія въ ея домѣ, и находила сходство между нимъ и ея умершимъ сыномъ. Кабанись женился въ 1793 году на свояченицѣ Кондорсэ, Шарлотѣ Груши, и продолжалъ жить у г-жи Гельведий въ павильонѣ, находившемся въ глубинѣ парка. Въ этомъ дружественномъ кружкѣ мыслителей, кромѣ уже поименованныхъ, находились также Дююю, авторъ «Происхожденія культовъ», Севъ-Ламберъ, написавшій «Всемирный катихизисъ», и другъ г-жи-Удето, Гингенэ, издатель журнала «Decade», Дону, Дюси, самъ Бонапартъ и проч. Г-жѣ Гельведий было за восемьдесятъ лѣтъ, но она не хотѣла стариться, и Кабанись написалъ даже для нея экспромтъ: «Vieillir est notre partage; et bientôt, je vous le prédis, nous ne serons plus de votre âge!» Однажды утромъ она встала слишкомъ рано, но должна была снова лечь, вслѣдствіе усиленной лихорадки и опухоли тѣла. Вокругъ постели собрались ея друзья, и наирасно докторъ Руссель прилагалъ всѣ усилія: роковой конецъ наступилъ. Кабанись держалъ ея руку и называлъ ее ласкательными именами: «Добрая мать!»—говорилъ онъ; г-жа Гельведий повторила: «Да, я добрая мать и буду ею всегда!»,—при этихъ словахъ она умерла. Въ своей духовной она оставила въ пожизненное владѣніе домъ одному изъ старыхъ друзей Ла-Рошу, патеру, лишенному во время революціи рясы, и Кабанису. Кабанись не покидалъ Огеяля, и его горе было безгранично. Съ этого момента онъ сдѣлался центромъ общества, окружавшаго г-жу Гельведий.

Тотъ же авторъ описываетъ во второмъ январскомъ номерѣ «Revue Hebdomadaire» другой салонъ, позднѣйшій по эпохѣ и нѣсколько иного рода—именно Конта, актрисы французскаго театра ¹⁾. Луиза Конта, родившаяся въ 1760 году, была истинной парижанкой, живой и остроумной. Еще шестнадцати лѣтъ она выступила на сценѣ въ маленькой роли одной изъ трагедій Вольтера. Ученица г-жи Превилль, она отличалась тонкостью игры, но прошла, однако, незамѣченной. Впрочемъ, Бомаршэ угадалъ ея талантъ и задумалъ поручить ей роль Сюзанны въ «Свадьбѣ Фигаро». Съ этого момента ея красота, а также изящныя манеры привлекли всеобщее вниманіе, и любимые публикою авторы предлагали ей роли въ своихъ новыхъ пьесахъ. Она сдѣлалась любимой актрисой французскаго театра и, благодаря своей молодости, очарованію и манерамъ, стала царствовать среди представителей двора. Когда она играла, всѣ лучшія мѣста были заняты придворными, а ея пышно убранная ложа не могла вмѣстить всѣхъ поклонниковъ, жаждавшихъ уловить хотя ея взглядъ. Даже сама королева считалась ея поклонницей. Однажды она пожелала, чтобы Луиза Конта сыграла роль въ пьесѣ «La Gouvernante»,

¹⁾ Le salon de m-elle Contat, par G. Stenger. «La Revue Hebdomadaire». Janvier. 1904.

Ла-Шоссэ. Роль была длинная, а пьесу предстояло играть чрезъ два дня; но Конта не колебалась, выучила роль и прекрасно ее исполнила. Когда королева выразила ей свое удовольствіе, то актриса отвѣтила: «Я не знала, гдѣ помѣщается память; теперь я знаю: она находится въ сердцѣ». Г-жа Конта была поневолѣ ролясткой и любила монархію Бурбоновъ, а потому во время революціи ее заключили въ Маделонеттъ. Тамъ уже находились многія дамы высшаго общества, и она подружилась съ ними. Ея прекрасное воспитаніе, корректный разговоръ, помогли ей тотчасъ же стать съ ними въ одномъ ряду, а несчастіе и одинаковая участь сблизили ихъ, и Луиза сдѣлалась другомъ аристократокъ, сохранивъ ихъ дружбу и послѣ освобожденія. Когда Парижъ успокоился отъ послѣ всѣхъ волненій, Луиза Конта задумала устроить свой салонъ, какой былъ у г-жи Кино и Адриенны Лекувреръ. Она пригласила въ свой маленькій домъ въ улицѣ Рошфуко прежнихъ свѣтскихъ поклонниковъ, старыхъ авторовъ, дававшихъ ей роли въ своихъ пьесахъ, и новыхъ, желавшихъ, чтобы она играла въ ихъ произведеніяхъ. Успѣхъ салона былъ обезпеченъ, такъ какъ, по словамъ канцлера Паскье, она «была красива, какой только можно быть», и обладала настолько умомъ, что могла подѣлиться съ тѣми, у кого не хватало его. Какъ другъ, она была великодушна и добра, но, какъ врагъ, безпощадна. Ея умъ былъ разсудительный, и она предпочитала серьезные разговоры легкомысленнымъ, руководя бесѣдой чаще всего о важныхъ философскихъ вопросахъ, о которыхъ она судила съ тонкостью и съ такой глубиной, какой нельзя ожидать отъ молодой женщины. Г-жа Конта любила чтеніе, пополняя этимъ пробѣлы своего юношескаго воспитанія, и даже сочиняла стихи, острые и мѣткіе, которые она читала Арно, но отказывалась печатать и даже сожгла ихъ предъ смертью. По свидѣтельству одной ея современницы, Иды Сентъ Эльмъ, которую она приняла у себя въ Лионѣ, Луиза Конта въ то время была тридцати лѣтъ, нѣсколько полная, но это не отнимало у нея ни граціи, ни гибкости. Она была такъ же красива, свѣжа и блестяща въ комватѣ, какъ и на сценѣ. Ея краснорѣчіе было блестяще въ обыденной жизни, какъ и въ пьесахъ Мольера, и посѣтительницѣ показалось, что она находится въ обществѣ свѣтской дамы. Искусство настолько воплотилось въ ея личности, что сдѣлалось второй натурой, чѣмъ объясняется блестящій успѣхъ этой актрисы. Ея салонъ во время консульства г-жа Софи Гэ описываетъ такъ. Однажды она получила любезное приглашеніе, которое ей принесъ виконтъ Сегюръ отъ Луизы Конта. Актриса приглашала ее присутствовать при чтеніи поэмы Лерувэ «Le Mérite des femmes». Приглашеніе было написано въ лестной, обязательной и тонкой формѣ, за что справедливо актрису называли «королевой записокъ». Г-жа Гэ отправилась въ сопровожденіи виконта Сегюра въ назначенный день, опасаясь, что ее смутитъ присутствіе столькихъ гениальныхъ людей. Однако, при входѣ въ гостиную, хозяйка приняла ее съ такимъ радушіемъ и очаровательной улыбкой, что она вскорѣ сдѣлалась увѣренной, хотя салонъ былъ очень оживленъ, и не было ни одного свободнаго мѣста. Аристократка бесѣдовала съ воевѣлистомъ, сидя рядомъ на диванѣ, г-жа Бофоръ, авторъ «Целии»—съ г-жею Сулэ, женою главнаго сборщика податей въ Руэнѣ. Въ углу сидѣлъ Колэнъ Дарлевилль. Невдалекѣ отъ него раздавался голосъ его друга Андриэ,

разсказывавшаго уличное приключеніе, случившееся днемъ. Тамъ же находился братъ извѣстной портретистки Вижэ Лебрёнъ, мало написавшій, благодаря своей лѣности и котораго мужъ художницы называлъ «figé», а также много другихъ представителей искусства и литературы. Сегюръ оспаривалъ у Нарбона благосклонность г-жи Конта; Нарбонъ былъ прежде ея любовникомъ, но въ тотъ моментъ она была замужемъ за племянникомъ Шевалье де-Шарни, котораго любила. Это не мѣшало Нарбону питать къ ней прежнее чувство. Товарищи по театру хозяйки дома тоже присутствовали всѣ налицо: Малэ, Флѣри Дазэнкуръ, Тальма и г-жа Рокуръ. Всѣ они не сводили глазъ съ красивой особы, застѣнчиво и молчаливо сидѣвшей въ отдаленіи, которой покровительствовала хозяйка. Это была будущая звѣзда—дѣвица Марсъ, которой суждено было затмить талантомъ свою покровительницу. Онѣ были совершенно различныя натуры, какъ физически, такъ и морально. Конта представляла повелительную и авторитетную кокетку, закономъ которой былъ ея капризъ. Она играла поклонниками, какъ игрушкой, легкомысленно, беззаботно и даже жестоко. Маленькій вздернутый тонкій носикъ, презрительныя, кровавыя губы доказывали сухость ея сердца и ея требовательность. Въ крупныхъ роляхъ, въ пьесахъ Мольера, можно было ей подражать, равняться съ нею, но никогда не сыграть превосходнѣе ея. Г-жа Марсъ была выше ея въ роляхъ, гдѣ требовалась нѣжность, честность и добродѣтель. Роль Эльмиры въ Тартюфѣ была ея блестящимъ успѣхомъ, Селименой же никто не могъ быть лучше Луизы Конта. Даже Малэ, опытный актеръ, чувствовалъ, что его талантъ блѣднѣетъ рядомъ съ талантомъ Конта. Наконецъ Легувэ приступилъ къ чтенію своей поэмы. Онъ краснорѣчиво, съ меланхолическимъ выраженіемъ началъ читать свое произведеніе, прославляя съ нѣжностью женщину, какъ не умѣлъ ихъ возносить ни одинъ поэтъ. Въ такомъ родѣ бывали вечера г-жи Конта.

— Англійская писательница XVIII вѣка. Англійскій критикъ Добсонъ, нанежавшій цѣлую коллекцію біографій англійскихъ писателей, недавно познакомилъ публику съ однимъ авторомъ XVIII вѣка, оригинальнымъ по своему литературному почину и долго скрывавшимъ свое имя—Фанни Бюрней¹⁾. Въ то время въ Англій романическія произведенія находились въ плачевномъ положеніи, послѣ полувѣкового блестящаго и обильнаго періода. Всѣ писатели предшествовавшаго поколѣнія умерли, какъ, напримѣръ, Ричардсонъ, Фильдингъ, Смоллетъ, Стернъ, Гольдсмитъ. Приходилось довольствоваться претенціозными произведеніями Макензи, миссъ Клары Ривъ и переводами съ французскаго г-жи Риккбони. Вдругъ въ 1778 г. въ Лондонѣ появился новый романъ въ формѣ писемъ, подъ названіемъ «Эвелина, или дебютъ молодой женщины въ свѣтѣ». Всѣ три тома этого романа были напечатаны безъ имени автора, и ежедневно любопытные посѣтители получали отъ издателя одинъ отвѣтъ, что авторъ романа джентльмэнъ, живущій въ аристократической части города и болѣе чѣмъ кто либо знакомый со всѣми сокровенными тайнами общества. Въсѣтъ съ тѣмъ онъ, во что бы то ни стало, желаетъ со-

¹⁾ Fanny Bucey, by A. Dobson. London. 1904.

хранить инкогнито, и этой тайны никогда не узнаютъ. При полученіи такого отвѣта у любопытныхъ разыгрывалась фантазія: одни называли авторомъ Гораса Вальполя, который со времени появленія своего «Отрантскаго замка» не писалъ болѣе романовъ; другіе указывали на Христофа Австэя. Вообще же мнѣніе о новомъ романѣ было единодушно, и всѣ единогласно признавали, что съ начала до конца, всѣ три тома полны трогательныхъ и забавныхъ сценъ и замѣчательной наблюдательности характеровъ. Авторъ вдохновился разомъ Фильдингомъ и Ричардсономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесъ что-то свое оригинальное. Самый строгій судья, старикъ Самуэль Джонсонъ, сказалъ: «По правдѣ, Ричардсонъ сталъ бы опасаться автора «Эвелины»; въ этой книгѣ есть такія достоинства, которыя его испугали бы, а Гарри Фильдингъ также струсилъ бы, такъ какъ во всѣхъ его произведеніяхъ нѣтъ ничего столь деликатнаго, какъ «Эвелина». Сюжетъ «Эвелины» похожъ на обыкновенные сюжеты Ричардсона и его подражателей, но представленъ болѣе ловко и послѣдовательнѣе развитъ, вообще авторъ отнесся къ нему серіознѣе. Хотя въ немъ были недостатки, но виденъ усиліе относительно упрощенія и централизованія романтической интриги. Авторъ водить читателя по самымъ разнообразнымъ слоямъ общества всѣхъ ступеней англійской буржуазіи. Въ этомъ новомъ романѣ, какъ въ калейдоскопѣ, мѣняются картины и фигуры. Публичные и частныя балы смѣняются вечерами въ оперѣ и въ знаменитомъ Воксалѣ, прогулки въ изящныхъ садахъ Мэрильбона и Кенсингтона, бесѣды въ лавочкахъ и разговоры въ салонахъ на модныхъ водахъ—однимъ словомъ въ немъ была полностью представлена картина англійской жизни въ 1778 году. Докторъ Джонсонъ назвалъ автора Эвелины «фабрикантомъ характеровъ». Представленные типы разнообразны, живы и вмѣстѣ съ тѣмъ естественны. Единственнымъ недостаткомъ можно считать разнообразіе, благодаря которому казалось, что авторъ, сознавая свой талантъ фабриковать характеры, слишкомъ воспользовался этимъ даромъ. Кромѣ того, если присмотрѣться ближе, дѣлается замѣтно, что въ манерѣ представлять эти типы нѣтъ ничего оригинальнаго, и видно подражаніе предшествовавшимъ великимъ романистамъ. Впрочемъ, съ точки зрѣнія развитія историческаго жанра подобное подражаніе не уменьшало цѣны этого нововведенія. Впечатлѣніе, произведенное на общество того времени этимъ романомъ, было столь сильное, что имена героевъ романа стали вставляться въ разговоры для сравненій. Только имя автора оставалось еще неизвѣстнымъ. Одна только остроумная англичанка, г-жа Шальмондлей, говорила: «Я знаю кое-кого, державшаго пари, что авторъ «Эвелины» — мужчина; я была готова держать пари, что это — женщина. Но мы оба проиграли наше пари, такъ какъ авторъ — маленькая дѣвочка». «Этой маленькой дѣвочкѣ» было въ 1778 году двадцать шесть лѣтъ; но дѣйствительно она была такая маленькая, тоненькая, легонькая, въ то же время застѣчивая и вѣжвая, а въ улыбкѣ ея большихъ сѣрыхъ глазъ свѣтлосла такая дѣтская наивность, что названіе маленькой дѣвочки къ ней подходило. Всѣ припля еще въ большій восторгъ, узнавъ, что такая скромная дѣвушка, краснѣвшая отъ малѣйшей похвалы, никогда не выходившая изъ родительскаго дома, чтобы наблюдать за уличными типами, могла написать такой сложный романъ.

Тѣмъ болѣе это было поразительно, что она не получила литературнаго образованія, а между тѣмъ ея стиль похвалили самые строгіе критики. Похвалы д-ра Джонсона заставили подозрѣвать, не былъ ли онъ руководителемъ молодой дѣвушки, но это было не справедливо. Только впоследствии, въ 1842 и 1889 г.г., напечатанные документы обнаружили всю интимную жизнь «фабриканта характеровъ». Его звали — Фанни Бюрней. Фанни была дочерью замѣчательнаго челоуѣка въ Англіи второй половины XVIII вѣка, котораго впоследствии предали забвенію. Чарльсъ Бюрней былъ профессоромъ музыки, музыкальнымъ критикомъ, авторомъ музыкальной пантомимы «Королева Мабъ», множества сонатъ, большой и лучшей «Исторіи музыки», а въ особенности прославился своими двумя разказами о путешествіи по Франціи, Италіи, Германіи и Голландіи. Кромѣ музыкальнаго дара онъ обладалъ литературнымъ талантомъ, вкусомъ и геніальностью. Пріѣхавъ въ Лондонъ въ 1760 г., онъ сблизился съ артистами, писателями и художниками, и его салонъ сдѣлался диковинкой Лондона и мѣстомъ свиданія высшаго англійскаго общества, а также иностраннаго, среди котораго находился фаворитъ Екатерины, князь Орловъ. Отъ природы застѣнчивая и боязливая, его дочь съ дѣтства, чувствуя потребность сообщаться, записывала по вечерамъ всѣ пережитыя за день впечатлѣнія и свои думы. Спрятавшись въ уголокъ салона, Фанни могла наблюдать самые разнообразныя типы. Въмѣстѣ съ тѣмъ она съ юнаго возраста привязалась всей душою къ старинному другу родителей, старику Самюэлю Криспу, неудачному драматургу, но челоуѣку съ замѣчательнымъ вкусомъ и съ большими познаніями. Потерѣвъ фiasco, онъ покинулъ Лондонъ и поселился въ своемъ имѣніи, близъ Кингстона. Единственнымъ его наслажденіемъ было получать длинныя письма отъ Фанни. Онъ всегда возбуждалъ въ ней желаніе развивать даръ наблюденія, безъ устали хвалилъ ее и объяснял искусство, съ какимъ классическіе писатели достигали дара нѣсколькими штрихами описывать ансамбль фигуръ или характеровъ. Каждую недѣлю Фанни отправляла «дядѣ Криспу» настоящую хроніку, въ которую всѣми силами старалась вложить изящество и разнообразіе. Она это дѣлала изъ привязанности, но въ то же время эта корреспонденція и веденіе интимнаго дневника было лучшей школой для ея литературнаго образованія. Сдѣлавшись моднымъ авторомъ, ей пришлось разстаться съ любимымъ уголкомъ въ салонѣ и занять роль въ жизненной комедіи, на которую она прежде только смотрѣла. Теперь ей представилось широкое поле для наблюденій, и съ 1778 по 1791 г. ея дневникъ, а также письма, изобиловали разказами, сценами и портретами, которые имѣли историческій и литературный интересъ. Не было такого лица, котораго она не посѣтила и не ознакомилась, начиная отъ короля и королевы кончая актерами Дрюри Лэнь и газетчиками «Morning Herald». Въ особенности же она сблизилась съ лучшими писателями страны, и къ совѣтамъ дяди Криспа присоединились совѣты Джонсона, Шеридана, Гаррика и Бурка. Всѣ ожидали появленіе новаго романа, лучшаго, чѣмъ «Эвелина». Но произошло что-то съ ея талантомъ, и новый романъ «Сесилія, или воспоминанія наслѣдницы», появившійся въ 1782 г. хотя и разошелся въ большомъ количествѣ экземпляровъ, но былъ холодно принятъ писателями и публлкой. Въ немъ былъ замѣ-

тень сдѣланный сю прогрессъ относительно писанія романовъ: интрига въ «Сесилии» была проще и въ то же время могучѣе, характеры еще разнообразнѣе, хотя менѣе по количеству, но въ немъ чувствовалось усиліе растяжки и недостатокъ жизни. Горасъ Вальполь нашель, что романъ безконечно растянуть, большинство фигуръ были утрированы, и всѣмъ придано слишкомъ много характера, чтобы передать сложность настоящей человѣческой жизни, а главное оборотъ фразъ составленъ по образцу д-ра Джонсона. Бѣдная Фани перестаралась и подъ впечатлѣніемъ посыпавшихся на нее совѣтовъ литераторовъ забыла прежнее руководство своего дяди Криспа и стала подражать, хотя крупному, но педантичному писателю и менѣе всего подходящему, чтобы служить примѣромъ такой невинной «дѣвочки», какой была Фани. Но это было еще менѣе злополучное вліяніе, какому она подверглась позднѣе, послѣ смерти Джонсона, въ особенности, когда вышла замужъ за французскаго эмигранта виконта д'Арблэ и уѣхала во Францію, гдѣ стала подражать Дюкрэ-Дюминилу. Во всякомъ случаѣ приведенныя Добсономъ изъ ея дневника и писемъ историческія сцены, при которыхъ она присутствовала, и главныя фигуры принцессъ и актрисъ, государственныхъ людей и поэтовъ служатъ для читателя живыми образцами того вѣка.

— Нейтрализація мелкихъ государствъ. Во второмъ ноябрьскомъ номерѣ «Revue des deux mondes» почтенный русскій профессоръ Мартенсъ, принимавшій живое участіе въ Гаагской конференціи, помѣстилъ статью ¹⁾ о пользѣ нейтрализаціи маленькихъ государствъ. «Стремленіе цивилизованныхъ странъ къ водворенію мира въ области международныхъ отношеній выражается различными путями. То идеальное постоянное міра неотвязно овладѣваетъ воображеніемъ и вызываетъ подвиги, полные великодушія и самоотверженія во время войны, то является желаніе вносить даже въ область грубой силы уваженіе къ религіознымъ обрядамъ и соблюденіе законовъ и обычаевъ войны. Красный Крестъ въ сознаніи цивилизованныхъ націй сдѣлался эмблемой челоуѣколюбиваго милосердія и символомъ самыхъ прекрасныхъ актовъ преданности на полѣ сраженія по отношенію къ раненымъ и больнымъ. Тѣмъ не менѣе эти миролюбивыя стремленія мало трогаютъ правительства. Государства цивилизованнаго міра, которыя занимаются великой международной политикой, не забываютъ реальной истины старинной поговорки: «si vis pacem, para bellum» (если хочешь мира. готовься къ войнѣ). Вооруженія увеличиваются и развиваются въ размѣрахъ, доселѣ небывалыхъ. Мирныя стремленія правительствъ основаны скорѣе на опасеніи неисчислимыхъ послѣдствій громадной войны, чѣмъ внушены идеальнымъ стремленіемъ къ водворенію постоянного мира въ области обоюдныхъ отношеній націй. Съ этой точки зрѣнія, повидимому, существуетъ естественный антагонизмъ между стремленіями общественнаго мнѣнія и политикой государственныхъ реалистовъ. Постоянный миръ, о которомъ мечтаютъ нѣкоторые изъ крупныхъ умовъ, составляющихъ гордость челоуѣчества, нисколько не соответствуетъ вооруженному миру, какой примѣняется большими государ-

¹⁾ La neutralisation du Danemark, par F. de Martens. «Revue des deux mondes», 15 Novembre 1903.

ствами въ началѣ XX вѣка. Очевидно, идея разоруженія не подходитъ къ политическимъ стремленіямъ современныхъ государствъ. Замѣчательное событіе, однако, доказываетъ возможность совмѣщенія стремленій идеалистовъ къ разоруженію и постоянному миру между націями съ самыми положительными дѣйствіями политики большой державы. Это событіе—Гаагская конференція. Въ исторіи цивилизаціи она всегда будетъ занимать самое почетное мѣсто, такъ какъ государь большой, могущественной націи предъ цѣлымъ свѣтомъ въ ней объявилъ необходимость правительствамъ принимать во вниманіе стремленія и желанія народовъ и пытаться обезпечить основу прочнаго мира между ними посредствомъ уменьшенія военныхъ силъ». Хотя, какъ извѣстно, эта благороднѣйшая цѣль Гаагской конференціи не была достигнута, и государства отказались отъ какого либо обязательства не увеличивать арміи и флоты, но все-таки она останется, какъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о великодушномъ намѣреніи гармонизировать законныя желанія націй съ практическимъ стремленіемъ политики. По словамъ почтеннаго профессора, хотя Гаагская конференція и не достигла желаемой цѣли, она, все-таки, дала толчекъ къ лучшей организаціи миролюбивыхъ и нормальныхъ отношеній въ международной жизни. «Никогда еще, — говоритъ авторъ, — пропаганда третейскаго суда, въ виду миролюбиваго разрѣшенія столкновеній между націями не имѣла столько побѣдъ, какъ теперь; никогда союзъ силъ, до сихъ поръ изолированныхъ, принадлежащихъ къ различнымъ націямъ, лучше не подготовилъ торжества этой идеи, и никогда международный третейскій судъ не одерживалъ столь блестящей побѣды надъ нежеланіемъ упорныхъ противниковъ. При такого рода обстоятельствахъ неудивительно, что Гаагская конференція привлекла вниманіе на комбинаціи, которыя имѣли предметомъ прогрессъ мирной жизни націи. Между всѣми этими комбинаціями идея постоянного нейтралитета слабыхъ государствъ занимаетъ первое мѣсто. Нейтрализация государствъ представляется въ настоящій вѣкъ въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ прошедшій. Въ XIX вѣкѣ на подобную нейтрализацію смотрѣли, какъ на подарокъ, сдѣланный большимъ государствомъ Европы малому. Теперь же декларация постоянного нейтралитета должна признаваться, какъ индивидуальное или личное право государства: это—постоянное, торжественное примиреніе государства. Чѣмъ болѣе постоянныхъ нейтральныхъ націй, тѣмъ болѣе обезпеченъ миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Чѣмъ многочисленнѣе нейтральные государства, тѣмъ болѣе будутъ ограничены международныя кровавыя столкновенія. Среди такихъ мелкихъ государствъ, нейтралитетъ которыхъ особенно въ послѣдніе годы признанъ законнымъ и необходимымъ, находится Данія. Друзья этого мирнаго государства и лучшіе патріоты считаютъ нейтралитетъ, по словамъ автора, лучшимъ средствомъ сохранить неприкосновенность и цѣлость государства. Этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ авторитетныхъ журналахъ Даніи, Швеціи и Норвегіи, и послѣднія страны выразили мнѣніе, что нейтрализация Даніи неизбежно повлечетъ за собою нейтрализацию всѣхъ скандинавскихъ государствъ. Затѣмъ профессоръ Маргенсъ выясняетъ, въ чемъ состоитъ нейтрализация Даніи, каковы будутъ на практикѣ международныя послѣдствія, если этотъ проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе; ка-

ково будетъ международное значеніе въ развитіи отношеній между цивилизованными странами на пути мира и прогресса. Нейтрализаціи обезпечиваютъ государству исключительное и привилегированное положеніе. Такъ во время войны оно остается мирнымъ, не принимая ни прямого, ни косвеннаго участія въ войнѣ и не поддерживая ни одной стороны. Въмѣстѣ съ тѣмъ оно отказывается отъ идеи побѣды и вообще отъ всѣхъ политическихъ притязаній, стремясь лишь къ экономическому прогрессу. Многіе государственные люди не раздѣляютъ мнѣнія о выгодѣ нейтральнаго положенія. «Нѣкоторые,—замѣчаетъ профессоръ Мартенсъ,—пожимаютъ презрительно плечами, когда имъ говорятъ о нейтрализаціи государства, какъ о нравственной и юридической гарантіи его независимости и цѣлости». «Постоянная нейтрализація,—пронически заключаютъ они,—это постоянное ничтожество». Другіе увѣряютъ, что это безусловно бесполезно, такъ какъ во время войны каждое государство имѣетъ неотъемлемое право объявить себя нейтральнымъ и не вмѣшиваться въ воинственные отношенія другихъ странъ. «Зачѣмъ,—говорятъ они,—парализовать навсегда свои силы, отказываться навсегда играть роль на жизненной сценѣ, гдѣ націи могутъ выказать свою жизненность и гений? Зачѣмъ налагать на націю вѣчное отреченіе?» Всѣ взятыя вмѣстѣ заключенія выражаютъ одно, что нейтрализація государства—академическая комбинація, не достойная вниманія серьезныхъ государственныхъ людей, и которую они открыто вышучиваютъ». Профессоръ Мартенсъ указываетъ въ исторіи примѣръ также изъ области международныхъ отношеній, когда инициативу великой Екатерины подобнымъ же образомъ осмѣивали, а въ концѣ концовъ она вопля въ кодексъ международнаго права. Въ февралѣ 1780 г. императрица обнародовала свою знаменитую декларацію международнаго права и нейтральныхъ торговыхъ отношеній, которыя служили базисомъ вооруженному нейтралитету. Эта декларація вызвала въ Англіи энергичные и даже воинственные протесты. Англійскій посланникъ, Гаррисъ, хотя сдерживался и въ переговорахъ съ «Сѣверной Семирамидой» и Панинымъ сохранялъ хладнокровіе, но публично насмѣхался надъ «новыми принципами» нейтральныхъ правъ, «изобрѣтенныхъ» императрицей, и отвергалъ ихъ малѣйшую обязательную силу въ международныхъ отношеніяхъ. Тогда Екатерина возвратила всѣ его насмѣшки обратно, сказавъ съ тонкой улыбкой: «Дорогой посланникъ, смѣйтесь надъ моей деклараціей; называйте, пожалуйста, мой вооруженный нейтралитетъ вооруженнымъ ничтожествомъ. А все-таки это фактъ, который останется»... «Время показало,—говоритъ профессоръ Мартенсъ,—что «Сѣверная Семирамида» была права; принципы 1780 г. давно вопли въ кодексъ международныхъ отношеній, признаны и примѣняются всѣми привилегированными странами, и сама Англія на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. взяла на себя инициативу объявить принципы деклараціи 1780 года, какъ обязательный законъ и универсально признанный». Авторъ убѣжденъ, что проектъ нейтрализаціи маленькихъ государствъ въ близкомъ будущемъ одержитъ такую же побѣду. Въ примѣръ онъ приводитъ Швейцарію, сохранившую болѣе ста лѣтъ нейтралитетъ, и которую императоръ Александръ I-й, изъ уваженія къ своему наставнику Лагарпу и ради вѣрности данному слову, взялъ подъ свое покровительство и

защищала ея интересы. Съ 1815 года этотъ постоянный нейтралитетъ Швейцаріи тщательно охранялся во время всѣхъ войнъ прошедшаго вѣка, несмотря на опасность, угрожавшую войнами сосѣднихъ государствъ. «Было бы ошибкой считать, что Европа сдѣлала подарокъ Швейцаріи, утвердивъ постоянный нейтралитетъ,—говоритъ профессоръ Мартенсъ.—Самыя счастливыя дипломатическія условія обыкновенно не что иное, какъ слѣдствіе природныхъ силъ—географическихъ, а также историческихъ, при которыхъ развились націи. Географическія, а также историческія условія Швейцаріи болѣе помогли созданію нейтрализованной Швейцаріи, чѣмъ самыя удачныя дипломатическіе переговоры. Еще въ 1521 году Швейцарія подписала постоянный мирный трактатъ съ Франціей, которая должна была обезпечить ей нейтралитетъ. Это не мѣшало ей устранивать съ различными государствами военныя капитуляціи, въ силу которыхъ она обязывалась доставлять Франціи солдатъ, съ условіемъ оставаться нейтральной и не участвовать въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Послѣ Вестфальскаго конгресса, объявившаго международную независимость Швейцаріи, она старалась оставаться внѣ войнъ, хотя ея положеніе въ самомъ центрѣ Европы должно было вызвать насиліе надъ ея нейтралитетомъ. Съ 1813 года нейтралитетъ Швейцаріи былъ обезпеченъ большими государствами, подписавшими генеральный актъ Вѣнскаго конгресса. Не никогда не тревожили никакимъ серіознымъ насиліемъ, хотя много разъ она вызывала гнѣвъ сосѣдей. Во время войны 1870—1871 гг. между Франціей и Германіей армія Бурбаки сложила оружіе, когда проходила черезъ Швейцарскую границу, нѣмцы же не смѣли переступить ея территоріи около Базеля, хотя такимъ образомъ имъ было легче дѣйствовать противъ Бурбаки. «Нейтралитетъ Швейцаріи,—говоритъ профессоръ Мартенсъ,—зависитъ прежде всего отъ нея самой, а не отъ капризовъ круныхъ государствъ, такъ какъ она можетъ каждую минуту объявить *ubi et ubi*, что она рѣшительно не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія или международныя дѣла и будетъ защищать изо всѣхъ силъ свою національную независимость и неприкосновенность территоріи. Кромѣ Швейцаріи, Бельгія тоже нейтральна, согласно трактату 1831 года, въ которомъ говорилось, что Бельгія въ опредѣленныхъ границахъ составитъ независимое государство и постоянно нейтральное. Она должна соблюдать этотъ нейтралитетъ относительно всѣхъ остальныхъ государствъ. Этотъ нейтралитетъ былъ обезпеченъ съобщаго согласія пятью государствами, которые считали необходимымъ вмѣшаться въ бельгійскую революцію и подписать актъ рожденія Бельгійскаго королевства. Съ тѣхъ поръ Бельгія добросовѣстно соблюдаетъ свой нейтралитетъ. Когда въ 1870 году нейтралитету угрожала нѣкоторая опасность, Великобританія, въ качествѣ обезпечивающаго государства, дала Бельгіи безусловную безопасность противъ насилія двухъ воюющихъ государствъ. Этотъ постоянный нейтралитетъ Бельгіи остался неприкосновеннымъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ опасности, какимъ она подвергалась. Благодѣянія постояннаго нейтралитета столь велики, что никогда ни одно государство отъ него не откажется добровольно. Кромѣ этихъ двухъ государствъ, еще нейтральны—великое герцогство Люксембургъ и независимое государство Конго. «Съ этой точки зрѣнія нейтралитетъ

зація Данія, — говоритъ профессоръ Мартенсъ, — будетъ неоцѣнимымъ благодѣяніемъ для этой маленькой страны и новой гарантіей поддержки общаго мира въ Европѣ». По счастью, Копенгагенъ не возбуждаетъ ни въ комъ мысли о завоеваніи и желанія сдѣлать изъ него столицу всего свѣта, какъ Константинополь, который соблазнялъ Наполеона и Александра I. Такъ въ іюль 1810 года, въ Тильзитѣ, оба государя вели разговоръ относительно союза и передѣлывали карту Европы, при чемъ Александръ выразилъ желаніе присоединить къ Россіи нѣкоторыя части Оттоманской имперіи. Когда дѣло дошло до Константинополя, то Наполеонъ положилъ палецъ на точку, означающую турецкую столицу, и торжественно заявилъ: «Константинополь! Нѣтъ! Никогда! Это—столица всего міра!» Копенгагенъ по географическому положенію напоминаетъ Турецкую имперію, такъ какъ обѣ столицы находятся на берегу проливовъ, соединяющихъ свободныя моря. Въ рукахъ Константинополя ключъ Босфора и Дарданелль, а въ рукахъ Копенгагена—проливы Зундъ и Бельты. Турція издавна признается охранителемъ восточнаго Чернаго и Средиземнаго морей, Данія — входа въ Балтійское море и Атлантическій океанъ. Это положеніе важно для торговли и международныхъ отношеній Балтійскихъ государствъ и другихъ націй, имѣющихъ интересъ въ этомъ мѣстѣ. Эта причина уже давно возбуждала мысль гарантировать «Зундскаго охранителя», а чрезъ него и свободную навигацію Балтійскаго моря отъ эгоистическихъ поползновеній большихъ государствъ. По этому случаю согласно Рескильдскому трактату 1658 г. Данія и Швеція обоюдно обязывались не позволять входить въ Балтійское море военнымъ кораблямъ другихъ націй. Въ 1759 и 1760 г.г. Данія, Швеція и Россія согласились запретить входъ военнымъ судамъ прибрежныхъ государствъ. Наконецъ въ конвенціи 1780 года, заключенной между этими тремя государствами, съ цѣлью защиты принциповъ вооруженнаго нейтралитета, Балтійское море было объявлено, какъ *mare clausum*, а неоткрытое для военныхъ кораблей воюющихъ государствъ. Это условіе исходило изъ того, что прибрежныя государства Балтійскаго моря не принимали участія въ военныхъ операціяхъ и должны были признаны существенно нейтральными. Въ 1781 г. Англія, Франція и Голландія приняли этотъ принципъ нейтрализаціи Балтійскаго моря. Но съ другой стороны было очевидно, что онъ объявленъ лишь на время войны, окончившейся версальскимъ миромъ въ 1783 г. Великобританія это доказала тѣмъ, что въ 1807 г. бомбардировала флотъ Даніи и уничтожила часть Копенгагена. Александръ, а также и другіе европейскіе государя были возмущены такимъ «преступленіемъ». Но англійское правительство заявило, что оно никогда не признавало постоянного нейтралитета Балтійскаго моря. Изъ этого видно, что нейтралитетъ Даніи и Балтійскаго моря занималъ умы государственныхъ людей. «Неопрровержимо, — говоритъ Мартенсъ, — что тезисъ Англии былъ законный и основательный. Принявъ во вниманіе, что еще въ прошлыхъ вѣкахъ всѣ націи, пользующіяся для прохода судовъ Зундомъ и Бельтами, съ личнаго соглашенія или въ виду международнаго трактата, долго платили датскому фиску за право прохода чрезъ эти проливы, за Даніей надо признать роль международнаго охранителя восточнаго Балтійскаго моря. Этотъ почтенный постъ не былъ

уничтоженъ изъ копенгагенскаго трактата 1856 г., который отмѣнилъ плату за право прохода чрезъ Зундъ. Напротивъ,—говорить Мартенсъ,—налагать на Данію обязанность пропускать «безпрещетвенно и безъ задержки» всѣ коммерческія и военныя суда означаетъ признать за нею роль охранителя проливовъ отъ имени всѣхъ европейскихъ и американскихъ націй, которыя участвуютъ въ этой международной сдѣлкѣ. Все это прекрасно обдуманно, и удивительно, что до сихъ поръ нейтралитетъ Даніи не осуществленъ». Пора европейскимъ націямъ, въ виду обезпеченности ихъ мирныхъ политическихъ интересовъ на берегу Балтійскаго моря, серіозно заняться вопросомъ, какъ обезпечить постоянную свободу для прохода судовъ въ датскихъ проливахъ. Пора подумать, чтобы взаимнъ добросовѣстно и достойно исполненной въ теченіе столькихъ вѣковъ трудной обязанности охранителя этихъ проливовъ онъ былъ гарантированъ противъ недоброжелательнаго нападена или дерзкаго удара». Профессоръ Мартенсъ находитъ недостаточнымъ объявленіе независимости и неприкосновенности Даніи, ссылаясь на то, что хотя въ лондонской конференціи 1852 года, неприкосновенность Даніи была торжественно обезпечена, но это не помѣшало во время войны 1863 г. отнять у нея Шлезвигъ и Гольштинію. Онъ находитъ, что единственнымъ средствомъ ея обезпеченія служить объявленіе Даніи постоянно нейтралитетной и постоянно уполномоченной на роль охранителя проливовъ Балтійскаго моря. Впрочемъ нейтралитетъ простирается также на Зундъ и Бельты: какъ никакія военныя операціи не должны простираются на Суэзскій каналъ, такъ никакія военныя дѣйствія со стороны воинствующихъ государствъ не должны быть допущены въ отношеніи нейтральнаго Зунда. Другими словами: объявить нейтрализацію Даніи равняется признанію постоенной нейтральности и неприкосновенности государственнаго положенія для нея самой и утвержденію принципа международнаго права для общности цивилизованныхъ націй. Болѣе того, по словамъ Мартенса, эта нейтрализація обезпечиваетъ навсегда свободу и безопасность навигаціи въ Балтійскомъ морѣ. Затѣмъ профессоръ Мартенсъ объясняетъ, какъ можетъ быть достигнута эта цѣль, не вызывая ни малѣйшаго конфликта и не оскорбляя самой рачительной щенетливости. До сихъ поръ нейтрализація маленькихъ государствъ была привилегіей, созданной для ихъ пользы доброй волею большихъ государствъ. Самые авторитетные публицисты объявляютъ, какъ аксіому, что актъ нейтрализаціи маленькаго государства долженъ обязательно быть подписанъ и одобренъ крупными государствами. Профессоръ Мартенсъ этого не допускаетъ, ссылаясь на то, что въ частной жизни никто не отнимаетъ отъ насъ индивидуальнаго права навсегда объявить, что мы желаемъ сохранять безусловный нейтралитетъ въ спорѣ знакомыхъ и сосѣдей. Одинаково въ политическихъ и международныхъ отношеніяхъ, по его мнѣнію, должно быть признано это право. Точно также и Данія имѣетъ неотъемлемое право объявить *ubi et ubi* о своемъ рѣшеніи не вмѣшиваться въ международные конфликты. Остальные два скандинавскія государства, Швеція и Норвегія, также имѣютъ право присоединиться къ Даніи, чтобы сохранять постоянно свой нейтралитетъ. Декларация въ подобной формѣ должна признаваться, какъ бы добровольно гарантированная большими государствами. Взаимнъ отъ Даніи имѣютъ право требовать

одного — уваженія обязательствъ, вытекающихъ изъ ея постоянного нейтралитета. Она должна отказаться отъ всѣхъ притязаній на роль въ большой международной политикѣ, никакимъ образомъ не вмѣшиваться въ дѣла другихъ государствъ и не оказывать въ мирное, а тѣмъ болѣе въ военное время, другимъ націямъ услуги, которыя могутъ скомпрометировать ея полное безпристрастіе и безусловный нейтралитетъ. Такимъ образомъ эта нація можетъ вполне отдаться исключительно матеріальному и моральному прогрессу. Во время войны иностранныхъ державъ ей не надо объявлять о своемъ нейтралитетѣ, и только надо требовать отъ судовъ, которыя будутъ проходить чрезъ Зундъ, уваженія законовъ страны. Всѣмъ націямъ заранее будетъ извѣстно, что Данія нѣтъ никакого дѣла до международныхъ осложнений, и нейтрализація будетъ служить для нея защитой и убѣжищемъ. Напротивъ партизаны преобладающаго мнѣнія говорятъ, что только въ силу чего-то въ родѣ дара со стороны крупныхъ государствъ можетъ быть объявленъ нейтралитетъ маленькаго государства, и утверждаютъ, что добровольный нейтралитетъ, исходящій изъ инициативы самого заинтересованнаго государства, не имѣетъ ни практической важности, ни юридическаго значенія. При этомъ они ссылаются на примѣръ Бельгіи во время войны 1870 г., когда было сдѣлано Бисмаркомъ сенсационное разоблаченіе проекта секретнаго трактата, направленнаго желѣзнымъ канцлеромъ противъ существованія Бельгіи. Гладстонъ заклеилъ этотъ «трактатъ Бенедетти» «самымъ гнуснымъ преступленіемъ, какое когда либо загрязнило страницы исторіи». Общественное мнѣніе въ Англіи требовало отъ своего правительства, чтобы оно приняло мѣры для обезпеченія нейтралитета Бельгіи и сохраненія ея независимости. Правительство, вполне раздѣляя это мнѣніе и убѣжденное въ важности Бельгіи для безопасности собственной территоріи, повело переговоры съ двумя воюющими націями, чтобы добиться у нихъ торжественнаго обязательства не насиловать нейтралитета бельгійской территоріи. Въ силу двухъ тождественныхъ конвенцій, подписанныхъ въ 1870 году въ Парижѣ и Берлинѣ, всѣ наступательныя дѣйствія Франціи противъ Бельгіи должны вызвать за собою соединенныя военныя силы Англіи и Германіи. Съ другой стороны, всѣ наступательныя дѣйствія Германіи влекли за собою военныя операціи соединенныхъ силъ Франціи и Англіи. Въ этомъ случаѣ Англія исполнила свою обязанность въ качествѣ гарантирующаго государства бельгійскаго нейтралитета. На этотъ примѣръ профессоръ Мартенсъ дѣлаетъ замѣчаніе, что и безъ существованія трактата, которымъ Бельгія была объявлена постоянно нейтральной, Англія развѣ не имѣла права вступить за Бельгію противъ нападений со стороны воюющихъ государствъ? Очевидно, что Англія или другое нейтрально-крупное государство могло взять подъ свое покровительство бельгійскій нейтралитетъ, если бы онъ былъ объявленъ самимъ государствомъ безъ международной гарантіи со стороны крупныхъ государствъ. Поведеніе Англіи въ случаѣ 1870 г. доказываетъ безусловную необходимость и большую выгоду нейтрализаціи мелкихъ государствъ. Но изъ того нельзя заключить, что воля крупныхъ государствъ объявить нейтралитетъ въ пользу маленькаго государства можетъ быть единственнымъ источникомъ этого привилегированнаго и мирнаго положенія. Истинный источникъ нейтрализаціи государства находится

въ географическомъ положеніи, исторіи, интересахъ и въ особенности въ твердой волѣ сохранить, во что бы то ни стало, это положеніе. Профессоръ Мартенсъ настаиваетъ на томъ, что Данія имѣетъ неотъемлемое право объявить свой постоянный нейтралитетъ посредствомъ деклараціи, обращенной ко всѣмъ цивилизованнымъ націямъ. «Больше чѣмъ вѣроятно, — говоритъ онъ, — что многія государства поспѣшатъ принять актъ этой деклараціи, исходящей отъ верховной власти Датскаго государства. Во время войны государства, имѣющія большой интересъ въ Балтійскомъ морѣ, и которыя никогда не могутъ допустить, ни чтобы Данія была завоевана, ни чтобы у нея былъ насильно вырванъ ключъ отъ этого моря, конечно, поспѣшатъ оказать нейтральной Даніи великодушное и дѣйствительное покровительство. Маленькія государства, желающія жить спокойно и мирно, должны сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы не стать игрушкою великой международной политики, которая скорѣе уничтожаетъ, чѣмъ создаетъ. Это заключеніе, какъ намъ кажется, продиктовано здравымъ смысломъ, а здравый смыслъ, сказалъ Гизо, гений человѣчества». «Кромѣ этого, по словамъ профессора, мелкія нейтральныя государства будутъ въ будущемъ самыми убѣжденными партизанами и защитниками двухъ великихъ идей — разоруженія и третейскаго суда. Они, конечно, не могутъ не желать, чтобы военныя силы крупныхъ государствъ были замкнуты въ опредѣленныя границы, и чтобы оружіе насколько возможно было уменьшено въ количествѣ. Съ другой стороны, по самой природѣ нейтрализаціи, они будутъ вынуждены признавать международный третейскій судъ, какъ самое справедливое и практическое средство рѣшать международные конфликты. Гаагская конференція должна приготовить пути, и нейтрализація мелкихъ государствъ — первый шагъ въ этомъ смыслѣ. Тамъ говорилось между прочимъ объ экономическихъ кризисахъ вслѣдствіе большихъ затратъ на вооруженія, что горячо подтвердили мелкія государства. На это нѣмецкій делегатъ полковникъ Гросъ фонъ-Шварцкопфъ отвѣтилъ, что тяжесть обязательствъ и налоговъ не давить нѣмецкій народъ, онъ не увлеченъ на край пропасти и не приближается къ истощенію и разоренію, напротивъ народное и частное богатства увеличиваются, и общее благоденствіе, *Standart of life*, возвышается изъ года въ годъ. «Эти слова приняты были съ сомнѣніемъ, что очень понятно, — говоритъ профессоръ Мартенсъ, — если вспомнить слова Мольтке, произнесенныя въ рейхстагѣ за нѣсколько лѣтъ до того, именно 4 декабря 1886 г. «Вся Европа, сказалъ онъ, ожидаетъ, вооружаясь, и куда нипосмотримъ, всюду видимъ нашихъ сосѣдей вооруженными и отягченными военными приготовленіями, тяжесть которыхъ трудно переносить даже богатой странѣ. Такое положеніе не можетъ длиться безконечно». Вотъ два различныя мнѣнія, оба высказанныя представителями нѣмецкой арміи. Но на Гаагской конференціи большинство преклонилось предъ мнѣніемъ молодого талантливаго полковника, и вопросъ о разоруженіи надолго удалился изъ области дипломатическихъ споровъ. Но если теперь, кто можетъ его снова возбудить и подготовить его практическую развязку, — говоритъ профессоръ Мартенсъ, — то можно не колеблясь отвѣтить — мелкіи нейтральныя государства своимъ примѣромъ».

— Смерть Джузеппе Занарделли, Жерома и Маринони. Въ концѣ прошлаго года Италія лишилась одного изъ послѣднихъ героевъ великой

эпохи, Risorgimento, современной Италии—Джузеппе Занарделли. Онъ родился въ Бресчии въ 1826 году. Съ юности предназначенный въ адвокаты, онъ прошелъ юридическій курсъ наукъ въ Павии и въ 1848 году получилъ званіе доктора правъ. Принявъ горячее участіе въ революціонныхъ дѣйствіяхъ того времени, онъ энергично дѣйствовалъ въ студенческомъ легіонѣ и состоялъ членомъ партіи, трибуномъ которой былъ Мадзини, дипломатомъ Кавуръ, а военачальникомъ Гарibaldi. Послѣ пораженія итальянцевъ и побѣды Австріи, Занарделли принужденъ былъ удалиться за границу, гдѣ существовалъ въ крайней бѣдности, давая уроки изъ-за куска хлѣба. Благодаря амнистіи, заявленной итальянскимъ правительствомъ, онъ вернулся на родину и продолжалъ добывать себѣ пропитаніе профессурой. Когда Италия возродилась, то Занарделли участвовалъ въ сицилійской экспедиціи Гарibaldi, засѣдалъ въ первомъ итальянскомъ парламентѣ и премьеромъ Риказоли назначенъ въ 1868 году королевскимъ комиссаромъ въ провинцію Белюно. Восемь лѣтъ спустя, онъ получилъ портфель министра общественныхъ работъ въ кабинетѣ Депретиса. Но онъ оставался недолго на этомъ посту и поссорился съ Депретисомъ, который присоединился къ правой сторонѣ, а Занарделли былъ предводителемъ лѣвой. Съ этого времени онъ постоянно принималъ участіе въ либеральныхъ министерствахъ, то министромъ общественныхъ работъ, то внутреннихъ дѣлъ, то юстиціи. При этомъ онъ прославился проведеніемъ избирательной реформы и составленіемъ новаго уголовного кодекса, что окончательно закрѣпило его славу, какъ министра и государственнаго человѣка. Онъ содѣйствовалъ либеральнымъ министрамъ: Каброли и Кресси, до перемѣны политики послѣдняго. Нѣсколько разъ Занарделли былъ предсѣдателемъ палаты представителей, а въ февралѣ 1902 года король назначилъ его премьеромъ. Первой его задачей было сдѣлать свое министерство представителемъ всѣхъ отгѣнковъ лѣвой за исключеніемъ социалистовъ. Такимъ образомъ онъ держался либеральной и реформаторскою политикой, дѣлая всевозможныя уступки лѣвой. Послѣ путешествія короля въ Парижъ Занарделли, несмотря на блестящій характеръ, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, подалъ въ отставку. До сихъ поръ еще не вполне выяснилась причина его отставки. Одни увѣряютъ, что онъ удалился по причинѣ болѣзни, а другіе говорятъ, что онъ долженъ былъ покинуть мѣсто перваго министра, благодаря отсрочкѣ посѣщенія Рима русскимъ императоромъ, на томъ основаніи, что онъ слишкомъ мирволилъ социалистамъ. Какъ бы то ни было здоровье Занарделли быстро ухудшилось, и 26 декабря онъ скончался отъ рака въ желудкѣ на семьдесятъ седьмомъ году жизни. Хотя его наслѣдникомъ въ министерствѣ сдѣлался ближайшій его сторонникъ Джіолитти, Италия лишилась въ лицѣ Занарделли одного изъ величайшихъ людей настоящаго времени.

Черезъ нѣсколько времени послѣ Занарделли совершенно неожиданно скончался замѣчательный французскій художникъ Жакъ Жеромъ, живописецъ и скульпторъ. Наканунѣ дня своей смерти онъ по обыкновенію засѣдалъ въ академіи художествъ и потомъ веселый, оживленный обѣдалъ со своими товарищами. Онъ говорилъ между прочимъ: «у меня пятьдесятъ художественныхъ проектовъ». На слѣдующее утро лакей нашелъ его въ постели мертвымъ. Же-

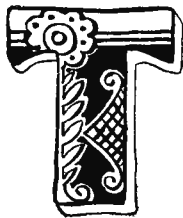

ромъ, родился 11 мая 1824 года въ Везулѣ, съ юности былъ преданъ искусству, три года учился живописи у знаменитаго Поля Делароша и съ нимъ ѣздилъ въ Италію. По возвращеніи въ Парижъ, онъ писалъ картину на премию, но потерялъ неудачу. Это нисколько не разочаровало его, и на слѣдующій годъ онъ получилъ медаль за свою картину «Вой пѣтуховъ», находящуюся теперь въ Люксембургѣ. Съ тѣхъ поръ онъ каждый годъ выставялъ свои произведенія преимущественно классическаго или историческаго содержанія. Онъ пробовалъ писать религиозныя картины, но это ему не удавалось, и наибольшій успѣхъ имѣли воспроизведенія Италіи и Востока. Изъ всѣхъ его картинъ самыми замѣчательными считаются: «Гладиаторы», «Фрина предъ судомъ», «Людовикъ XIV и Мольеръ», «Продажа невольницъ» и «Дуэль послѣ бала». Въ 1863 году Жеромъ былъ назначенъ профессоромъ живописи въ «Ecole des beaux arts», а черезъ два года вступилъ въ академию художествъ. По его словамъ, «художникъ долженъ былъ знать все», и на этомъ основаніи, кромѣ живописи, онъ съ успѣхомъ занимался скульптурой. Незадолго до смерти онъ началъ въ одно и то же время картину и статую «Коринѣ». Несмотря на то, что ему недавно минуло 80 лѣтъ, Жеромъ постоянно былъ веселъ и говорилъ: «Надо жить весело». Его обожали всѣ товарищи и даже юныя художники, приходя въ восторгъ отъ того оживленія, съ которымъ онъ устраивалъ маскарады. Такихъ же лѣтъ, какъ Жеромъ, сошелъ съ жизненной сцены французскій популярный общественный дѣятель Ипполитъ Маринони. Несмотря на то, что онъ былъ извѣстенъ во всемъ свѣтѣ и пользовался громаднымъ состояніемъ, но по своему ремеслу онъ былъ механикъ и происходилъ изъ семьи простыхъ рабочихъ. Онъ родился въ деревнѣ Ливри, въ департаментѣ Сены и Марны. Какъ всѣ бѣдняки, онъ не получилъ никакого образованія, но съ дѣтскихъ лѣтъ питалъ страсть къ механикѣ и тринадцати лѣтъ поступилъ въ Парижѣ машинистомъ въ маленькую механическую мастерскую въ улицѣ Асса. Двадцати двухъ лѣтъ онъ изобрѣлъ машину складывать газеты, и съ тѣхъ поръ посвятилъ всю свою жизнь на усовершенствованіе печатныхъ машинъ. Мало-по-малу, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ онъ довелъ свое искусство до геркулесовыхъ столбовъ. Онъ усовершенствовалъ типъ ротационныхъ типографскихъ машинъ, изобрѣлъ знаменитую извѣстную подъ его именемъ вращающуюся машину, которая даетъ въ часъ до тридцати тысячъ отисковъ газеты большого формата. Своими изобрѣтеніями онъ придалъ блестящее положеніе ежедневной прессѣ всѣхъ странъ. Достигнувъ неимовѣрнаго успѣха и устроивъ въ той самой улицѣ Асса, въ которой онъ началъ свою карьеру простымъ рабочимъ, великолѣпную громадную типографію со всѣми своими образцовыми машинами, онъ сдѣлался собственникомъ газеты «Petit Journal», которая выходитъ болѣе чѣмъ въ миллионѣ экземпляровъ. Хотя ему минуло 81 годъ, но онъ замѣчательно сохранилъ свою свѣжесть и постоянно работалъ до послѣдняго времени.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе академіи наукъ. Въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 29-го декабря, въ часть дня, состоялось торжественное собраніе, на которомъ присутствовали: товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ, много высокопоставленныхъ лицъ, почти весь наличный штатъ академикомъ и посторонніе гости. Ровно въ часть дня прибылъ августѣйшій президентъ академіи, его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, и занялъ председательское мѣсто. Непремѣнный секретарь, академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, прочелъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи за 1903 годъ. Въ текущемъ году академія понесла много тяжелыхъ утратъ. Скончались: ординарный академикъ М. С. Воронинъ, почетный членъ академіи, генералъ-адъютантъ П. П. Тыртовъ, старѣйшій изъ историковъ и филологовъ Теодоръ Моммзенъ, директоръ тифлискаго музея Г. И. Раде, членъ-корреспондентъ академіи Р. Э. Ленцъ и знаменитый анатомъ Карлъ Гегенбауръ. Ихъ памяти были посвящены краткіе некрологи. Ученыя предирія академіи выразились въ слѣдующемъ. Учреждена должность ученаго корреспондента въ Римѣ: академики А. С. Фаминцынъ и К. Г. Залеманъ въ качествѣ делегатовъ принимали участіе въ засѣданіи совѣта международной ассоціаціи академіи въ Лондонѣ; бюро по международной библиографіи занято приготовленіемъ къ печати русской библиографіи по естествознанію и математикѣ. Были сообщены послѣднія свѣдѣнія о полярной экспедиціи барона Э. В. Толля. Дѣятельность вспомоgetельныхъ учреждений академіи выразилась въ переустройствѣ азіатскаго музея и пополненіи его коллекцій, при чемъ въ личномъ составѣ его перемѣнъ не произошло. Геологическому

музею высочайше присвоено наименованіе «Геологическаго музея имени Петра Великаго». Музей обогатился новыми коллекціями ископаемыхъ. Ботаническій музей продолжалъ устраиваться въ новомъ отведенномъ ему помѣщеніи и получилъ въ даръ много новыхъ гербаріевъ. Въ зоологическомъ музеѣ установлены чучело, скелетъ и консервированныя мягкія части мамонта, доставленнаго экспедиціей академіи въ 1903 году. Въ севастопольской біологической станціи работали какъ русскіе, такъ и иностранные ученые. Изслѣдованія надъ фауной Чернаго моря велись правильно и, благодаря содѣйствію вице-адмирала Скрудлова, обнимали значительный районъ этого моря. Въ Николаевской главной астрономической обсерваторіи начатъ новый рядъ опредѣленій прямыхъ восхожденій пульковскихъ главныхъ звѣздъ эпохи 1905 года. Перечислены были труды академиковъ и ученыхъ. Николаевская главная физическая и подвѣдомственная ей провинціальная обсерваторіи производили подробнѣйшія и точнѣйшія магнитныя и метеорологическія наблюденія. Выработанъ проектъ магнитной и метеорологической обсерваторіи въ Портъ-Артурѣ. Академикъ М. А. Рыкачевъ участвовалъ въ сѣздѣ международнаго метеорологическаго комитета въ Англии. Закончены вычисленія всѣхъ ежечасныхъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ на Шницбергенѣ въ 1899—1900 годахъ. Обработка магнитныхъ наблюденій еще не закончена. Въ Константиновской обсерваторіи надстроена башня надъ главнымъ зданіемъ; установленъ новый анеометръ, высотой болѣе 46 метровъ надъ землею. Въ змѣйковой мастерской обсерваторіи, помимо змѣевъ, конструированы новые приборы. Начаты опыты для опредѣленія высоты облаковъ въ темные вечера съ помощью электрическаго прожектора. Работы сейсмической комиссіи оказались плодотворными и дали много новаго. Главнѣйшія работы гг. академиковъ выразились въ слѣдующемъ: академикъ князь В. В. Голицынъ напечаталъ экспериментальную работу надъ дифракціонными рѣшетками и продолжалъ свои теоретическія и опытные изысканія надъ сейсмическими приборами. Академикъ Ф. Б. Шмидтъ окончилъ третій выпускъ пятаго отдѣла своего описанія трилобитовъ восточно-балтійскаго района силлурійской системы. Академикъ А. П. Карпинскій опубликовалъ изслѣдованіе надъ древнѣйшимъ родомъ цефалоподъ и напечаталъ свои изслѣдованія надъ замѣчательной горной породой изъ Забайкалья. Академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ издалъ свой трудъ о брахіоподахъ. Академикъ Бейльштейнъ работалъ надъ изданіемъ своего руководства органической химіи. Академикъ Н. Н. Бекетовъ напечаталъ нѣсколько ученыхъ трудовъ. Академикъ Ф. В. Овсянниковъ закончилъ и напечаталъ свои изслѣдованія надъ спиннымъ и продолговатымъ мозгомъ миноги. Академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій продолжалъ изучать составъ собранія грамотъ бывшей коллегіи экономіи. Академики В. В. Латышевъ, П. В. Никитинъ и А. А. Шахматовъ составляли комиссію по изданію трудовъ епископа Порфирія. Академики В. В. Радловъ и С. Ѳ. Ольденбургъ принимали участіе въ занятіяхъ русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азій, и академикъ баронъ В. Р. Розенъ редактировалъ «Записки Восточнаго отдѣленія императорскаго Русскаго археологическаго общества». Адъюнктами академіи также произведено немало ученыхъ работъ. Неуремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинимъ,

былъ прочитанъ отчетъ о присужденіи наградъ академика К. М. Бэра. Премія въ 1.000 рублей присуждена профессору университета св. Владимира С. Г. Навашину за совокупность его трудовъ надъ халазогаміей. Вторая премія въ 500 рублей присуждена профессору высшей школы въ Софіи П. И. Бахметьеву за его труды, имѣющіе связь съ физико-химическими изслѣдованіями въ области энтомологіи. Юбилейная медаль академика Бэра за крупныя пожертвованія въ музеи академіи присуждена Ѡ. Н. Алексѣенко, который принесъ въ даръ ботаническому музею весь свой огромный гербарій съ общимъ числомъ растений свыше 40.000 и стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей. Академикомъ Н. П. Кондаковымъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности, понесшаго утраты въ лицѣ почетнаго академика писателя А. В. Сухова-Кобылина и двухъ своихъ членовъ-корреспондентовъ: профессора А. И. Кириичникова и французскаго ученаго Гастона Париса. Дѣятельность академиковъ этого отдѣленія выразилась въ томъ, что А. Н. Ныпинъ продолжалъ свою работу надъ капитальнымъ изданіемъ «Сочиненій императрицы Екатерины на основаніи подлинныхъ рукописей». Комиссія по изданію сочиненій А. С. Пушкина состояла попрежнему подъ предѣдательствомъ академика А. Н. Веселовскаго. Подъ редакціей В. И. Саитова изданы отдѣленіемъ «Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина». Приготовленъ къ печати 9-й выпускъ «Словаря русскаго языка». Печатается 3-й томъ труда покойнаго И. И. Срезневскаго: «Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ». Печатается словарь литовско-русско-польскаго языка и другіе ученые труды. Въ виду предпологающагося съѣзда славистовъ готовится къ печати «Сборникъ статей по славяновѣдѣнію», подъ редакцію академика В. И. Ламанскаго. Библиографическіе труды и предпріятія занимали отдѣленіе попрежнему. А. Н. Веселовскій напечаталъ обширный трудъ о литературной дѣятельности В. А. Жуковскаго, И. В. Ягичъ продолжалъ печатаніе церковно-славянскаго перевода «Толковой Псалтири» и другіе труды. В. И. Ламанскій занимался редакціей «Сборника отдѣленія» и «Живой старины». А. А. Шахматовъ окончилъ статью: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». А. И. Соболевскій издалъ сборникъ старыхъ и новыхъ статей. Е. Е. Голубинскій работалъ надъ «Исторіей русской церкви». Н. П. Кондаковъ напечаталъ статью о зооморфическихъ инициалахъ греческихъ и глаголическихъ рукописей и Ѡ. Е. Коршъ — нѣсколько статей. Ломоносовскими преміями увѣнчаны труды: профессора В. Н. Перетца — «Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII вѣка»; А. И. Яцимирскаго — «Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности» и В. А. Погорѣлова — «Описаніе рукописей типографской бібліотеки». Первымъ двумъ авторамъ присуждено баллотировкою по 500 рублей, а третій награжденъ почетнымъ отзывомъ имени Ломоносова. Преміи имени графа Д. А. Толстого присуждены: двѣ половинныя награды по 400 рублей каждая гг. В. И. Шенроку за «Письма Гоголя» и приватъ-доценту А. П. Кадлубовскому за «Очерки исторіи древнерусской литературы житій святыхъ». Почетными золотыми медалями имени Д. А. Толстого награждены: П. А. Сырку (въ 300 рублей) за «Очерки изъ исторіи взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ», В. Н. Перетцъ (въ 250 рублей) за «Мате-

ріалы къ исторіи апокрифа и легенды» и М. Азбукинъ (въ 150 рублей) за «Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ (XI—XIV вѣка)». Постоянной комиссіей для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ 1903 году израсходовано 50.659 рублей 40 коп. слѣдующимъ образомъ. Единоновременныя пособия выданы 302 лицамъ на сумму 12.360 рублей 40 коп.—въ размѣрѣ отъ 10 до 150 рублей. Пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, выдано 90 лицамъ на 19.320 рублей—въ размѣрѣ отъ 10 до 50 рублей, и пенсій имени Императора Николая II выдано 51 лицу на сумму 18.979 рублей. Размѣръ годовыхъ пенсій: 180, 300, 420 и 480 рублей. Въ остаткѣ хранится 4 рубля 66 коп. Въ заключеніе были провозглашены имена лицъ, вновь избранныхъ академіею въ члены-корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: Аррениусъ — членъ шведской королевской академіи наукъ; А. А. Коротневъ—профессоръ университета св. Владимира, и Н. П. Кузнецовъ—профессоръ Юрьевского университета; по отдѣленію русскаго языка и словесности: П. А. Вычковъ—библіотекаръ императорской Публичной бібліотеки; С. А. Вѣлокуровъ—магистръ Московской духовной академіи, и А. А. Дмитревскій—профессоръ Кіевской духовной академіи; по историко-филологическому отдѣленію: М. Ф. Владимірскій-Будаковъ—заслуженный ординарный профессоръ университета св. Владимира, докторъ исторіи.

Преміи имени М. И. Михельсона. 16-го декабря состоялось первое присужденіе премій имени М. И. Михельсона. Преміи эти предназначаются за труды въ области науки о русскомъ языкѣ, именно по разработкѣ лекгическаго состава древняго и современнаго русскаго языка и по опредѣленію заимствованныхъ въ русскомъ языкѣ элементовъ. Настоящій конкурсъ является вторымъ. На первый было представлено всего одно сочиненіе, преміи не удостоенное. Объявленіе результатовъ второго конкурса происходило въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ подъ предѣдательствомъ академика А. Н. Веселовскаго. На конкурсъ были представлены два сочиненія; одно изъ нихъ написано на тему о тюркскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія, другое на тему о западномъ вліяніи на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. Разсмотрѣніе сочиненій было поручено ординарнымъ академикамъ Ѳ. Е. Коршу и А. П. Соболевскому. По полученіи отъ нихъ отзывовъ, оба представленные сочиненія были награждены половинными преміями по 500 р. Авторомъ перваго труда является магистрантъ Н. А. Смирновъ, представившій въ рукописи сочиненія: 1) «Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ» и 2) «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго». Важнѣйшая часть этого труда,— замѣчаетъ академикъ А. П. Соболевскій въ своей рецензіи,— словарь. Онъ представляетъ собою списокъ словъ западно-европейскаго происхожденія, извлеченный изъ документовъ, сочиненій и переводовъ Петровскаго времени и снабженный указаніями на значеніе этихъ словъ и на ихъ западно-европейскіе оригиналы. Хотя о полнотѣ его не можетъ быть рѣчи, тѣмъ не менѣе онъ достаточно освѣщаетъ вопросъ о западномъ вліяніи

на языкъ русскаго образованнаго общества въ концѣ XVII и первой четверти XVIII столѣтія. Главными недостатками словаря являются прежде всего то, что въ немъ находится рядъ словъ, заимствованныхъ еще до Петра въ XVII или даже въ XVI вѣкѣ, и затѣмъ нѣкоторыя неточности или невѣрности указаній на языкъ-источникъ заимствованныхъ словъ. Что касается изслѣдованія, то оно въ сущности является лишь предисловіемъ къ словарю и представляетъ очень скромную попытку сдѣлать выводъ о путяхъ, которыми шли въ русскій языкъ разныя западно-европейскія слова. Къ тому же авторъ совершенно упустилъ изъ виду главный путь—Малороссію и Бѣлоруссію, изъ которыхъ перешло, повидимому, большинство польскихъ словъ. Авторомъ другого, удостоеннаго преміи, труда является студентъ Юрьевскаго университета Д. К. Зеленинъ, представившій сочиненіе подъ заглавіемъ: «Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.». Въ словарѣ г. Зеленина,—замѣчаетъ его рецензентъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ,—читатель найдетъ приблизительно всѣ тѣ слова, возвести которыя къ ихъ германскимъ, романскимъ или латинскимъ первообразамъ пытались предшественники автора. Отыскивать заимствованія, не отмѣченныя прежде, онъ, повидимому, не старался. Самостоятельность автора выражается преимущественно въ критикѣ чужихъ мнѣній. вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ отмѣчаетъ и нетвердость автора въ иностранныхъ языкахъ. Тѣмъ не менѣе трудъ, несмотря на всѣ его недостатки, обнаруживаетъ въ его авторѣ недюжинныя знанія и способности, а также и умѣнье работать. Главное достоинство словаря состоитъ въ полнотѣ матеріала: не только собраны чуть ли не всѣ старыя слова, объясняемая изъ западныхъ языковъ, но и разысканы въ памятникахъ и толково сопоставлены мѣста, въ которыхъ они встрѣчаются. Такимъ образомъ за сочиненіемъ г. Зеленина слѣдуетъ признать значеніе полезной справочной книги и надежной канвы для будущихъ изслѣдованій.

Премія Петра Великаго. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія подъ предѣлательствомъ академика Совина выработана программа двухъ книгъ для соисканія преміи императора Петра Великаго въ 1904 и 1905 гг. Оба сочиненія предназначаются для народнаго чтенія: «Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію» и «Книга для чтенія въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ». Въ условіяхъ конкурса на книгу по отечествовѣдѣнію внесено требованіе, чтобы это сочиненіе особенно подробно и обстоятельно ознакомило читателей съ историческими судьбами и современнымъ состояніемъ великорусскаго племени и вкратцѣ—съ законодательными, административными и судебными учрежденіями Россіи, преимущественно съ тѣми, которыя близко касаются сельскаго населенія.

Диспутъ А. А. Кизеветтера. 19-го декабря въ актовомъ залѣ Московскаго университета приватъ-доцентъ А. А. Кизеветтеръ защищалъ диссертацию на тему: «Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія». Официальными оппонентами были профессора М. К. Любавскій и В. О. Ключевскій. Въ своей вступительной рѣчи диссертантъ отмѣтилъ, что русская исторіографія богата изслѣдованіями по московскому періоду; при изученіи Московскаго царства историкъ чувствуетъ себя уже на твердой почвѣ и можетъ хорошо ориентиро-

ваться въ главнѣйшихъ процессахъ исторической жизни какъ Московскаго государства, такъ и домосковской старины, но нельзя сказать того же относительно исторіи XVIII столѣтія — картина изученія этой эпохи походитъ на проведеніе первыхъ бороздъ на дѣвственной нови. Мы имѣемъ нѣсколько капитальныхъ монографическихъ работъ и въ этой области, но онѣ еще только готовятъ систематическое изученіе этого важнаго отдѣла нашей исторіи. Къ числу такихъ отдѣльныхъ попытокъ подвергнуть научному изученію извѣстныя стороны жизни Русской имперіи XVIII вѣка и принадлежитъ работа диссертанта. До настоящаго времени сравнительно подробнѣе и всестороннѣе изучался административный механизмъ имперіи; значительно менѣе подвергался научному анализу тотъ соціальныи грунтъ, на которомъ этотъ механизмъ воздвигался, и тѣ общественныя силы, которыя приводили его въ движеніе. Исслѣдованія Семевскаго приподняли завѣсу надъ внутреннимъ обиходомъ крѣпостной вотчины и вольной крестьянской деревни въ Россіи XVIII столѣтія. Диссертантъ избралъ предметомъ своей работы изученіе фактическаго состоянія русскаго города того времени. Авторъ не задавался цѣлью объять своимъ изученіемъ всѣ элементы тогдашней городской жизни, что невозможно при современномъ состояніи подавляющаго по богатству архивнаго матеріала. Такому обобщающему изученію должно было предшествовать предварительное специальное изученіе отдѣльныхъ сторонъ городского быта, и на свою долю авторъ выбралъ общинную организацію тогдашняго посада. Изученіе дѣлопроизводства магистратскихъ учреждений XVIII вѣка дало автору возможность разсмотрѣть эту организацію съ трехъ сторонъ: 1) со стороны соціального состава посадскихъ обществъ; 2) со стороны устройства посадскообщиннаго тягла и 3) со стороны постановки посадскообщиннаго тягла. Не касаясь специальныхъ выводовъ, А. А. Кизеветтеръ въ своей рѣчи охарактеризовалъ болѣе общія впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ разработки архивныхъ документовъ, которые даютъ изслѣдователю возможность набросать жизненную картину общихъ условій нашей государственной и общественной жизни за то знаменательное время, когда, по выраженію одного новѣйшаго историка, «цѣною разоренія страны Россія возводилась въ рангъ великой европейской державы». Первое, что съ особенною силой бросалось въ глаза при разборѣ документовъ, рисующихъ повседневное теченіе жизни, это — глубокая бездна, отдѣлявшая Россію краснорѣчивыхъ регламентовъ, инструкцій, указовъ, изготовлявшихся въ петербургскихъ канцеляріяхъ и изукрашенныхъ цвѣтами модной въ то время политической идеологіи, отъ сѣрой и будничной дѣйствительности подлинной Россіи того времени. Научный анализъ документовъ, въ которыхъ записывались не преобразовательныя мечты, а обыденныя факты текущей жизни, вскрываетъ трагическую двойственность русской жизни XVIII вѣка: изъ-подъ вѣшной оболочки европеизированной Россіи на изслѣдователя глядитъ старая московская Русь. Несоотвѣтствіе политической идеологіи съ тогдашнимъ фактическимъ положеніемъ изслѣдователи обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что ростъ государственныхъ потребностей опережалъ развитіе національныхъ силъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей. Правительственныя начинанія превышали наличные ресурсы общества, реформа шла сверху, прину-

дительнымъ путемъ, при помощи страшнаго усиленія правительственной репрессіи, а въ результатъ этой репрессіи получилось искусственное прикрѣпленіе чудовищно разросшагося правительственнаго аппарата къ неокрѣпшему социальному фундаменту, который лишь съ большимъ трудомъ могъ выносить его тяжесть. Эту картину, по мнѣнію диссертанта, надо дополнить еще однимъ штрихомъ, выясняющимъ особенно наглядно при изученіи посадской общины XVIII столѣтія. Всѣ преобразовательныя начинанія XVIII вѣка не отличались логической послѣдовательностью и въ значительной мѣрѣ сами были проникнуты отголоскомъ той старины, которую они старались реформировать. Вся правительственная политика XVIII вѣка стремилась достигнуть недостижимой цѣли — осуществить высшія культурныя задачи внутренней политики на старой основѣ тягла. Въ результатъ эти задачи не получали осуществленія, а посадское тягло становилось невыносимѣе, чѣмъ прежде, и въ сознаніи посадскаго населенія отлагался только одинъ выводъ: что попечительныя заботы правительства стоятъ очень дорого, что жить стало тяжелѣе и отнюдь не лучше. Иллюстрируя на конкретныхъ примѣрахъ эту мысль, диссертантъ указалъ, что правительство желало сдѣлать посадъ разсадникомъ торговопромышленнаго прогресса и въ то же время попрежнему отрывало посадскихъ людей отъ ихъ занятій, рассылая ихъ по всему лицу земли Русской съ разными служебными порученіями; далѣе правительственный регламентъ требовалъ отъ обществъ устройства на мірскія средства цѣлаго ряда просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений, и въ то же время финансовое управленіе вытягивало изъ общинной кассы каждую свободную мірскую копейку на покрытіе такихъ расходныхъ статей, которыя не имѣли ничего общаго съ потребностями мѣстнаго міра; регламентъ надблялъ посадскую общину правами самоуправленія, и въ то же время административная практика сводила къ минимальнымъ предѣламъ эти права, оупутывала каждое мірское начинаніе регламентирующимъ вмѣшательствомъ, недоовѣрчиво и враждебно смотрѣла на всякое проявленіе мѣстной инициативы. Мірское самоуправленіе превращалось въ орудіе осуществленія фискальныхъ задачъ. Въ заключеніе своей рѣчи диссертантъ отмѣтилъ, что при господствѣ тягловои организациі посадской общины тѣмъ не менѣе системѣ посадскаго мірскаго хозяйства и управленія не были чужды начала истинной общественной автономіи. Эти попытки, не встрѣчая благоприятной почвы для своего развитія, свидѣтельствуютъ только о томъ, что на извѣстной ступени общественнаго развитія стремленія къ истинному самоуправленію составляютъ ту природу человѣческаго общежитія, которая влетаетъ въ окно, если ее гонять въ дверь. Такимъ образомъ историческое изученіе минувшихъ эпохъ въ развитіи нашего самоуправления приводитъ къ тому же заключенію, что и наблюденія надъ современной намъ дѣйствительностью: для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей и нуждъ нашей родины приходится желать прежде всего, чтобы навстрѣчу началамъ истинной общественной самодѣятельности широко и свободно распахнулись всѣ двери и всѣ окна государственнаго зданія Россіи. Официальными оппонентами выступили профессоръ М. К. Любавскій и заслуженный профессоръ В. О. Ключевскій. Оба оппонента отмѣтили, что трудъ диссертанта является цѣннымъ вкладомъ въ

русскую историографию, выполняя очередную задачу въ разработкѣ русской исторіи. Авторъ на основаніи новаго и чрезвычайно обильнаго архивнаго матеріала освѣтилъ совершенно неизслѣдованную сторону въ исторіи русскаго города XVIII вѣка. Посвященный этому вопросу работы Плошинскаго, Пригары, Дитятина основаны на изученіи законодательнаго матеріала, но подлинная жизнь посадской общины XVIII столѣтія впервые раскрывается въ книгѣ А. А. Кизеветтера, которая, по выраженію В. О. Ключевскаго, долго еще не устарѣетъ. Въ частности М. К. Любавскій указалъ, что изображенный въ диссертациі процессъ, пережитый посадской общиной, въ теченіе изучаемаго періода, не можетъ быть поставленъ въ генетическую связь съ городской реформой 1785 года, которая въ значительной степени представляется продуктомъ теоретической мысли, мало считавшейся съ конкретною дѣйствительностью. Соглашаясь съ характеристикой реформы 1785 года, сдѣланной оппонентомъ, А. А. Кизеветтеръ отвѣтилъ, что непосредственно передъ указанной реформой старая посадская община въ значительной степени уже была разрушена; въ этомъ онъ склоненъ видѣть нѣкоторую подготовку городской реформы. Затѣмъ, по словамъ М. К. Любавскаго, на диссертациі невыгодно отразилось, что авторъ изучалъ торговое населеніе городовъ изолированно отъ другихъ, непосадскихъ слоевъ тогдашняго города; въ диссертациі не выяснены соотношеніе и общіе интересы различныхъ слоевъ городского населенія. Диссертантъ находилъ, что такія сопоставленія были бы очень цѣнны, но они не входили въ задачи его изслѣдованія, которое имѣло темою не исторію русскаго города, а лишь исторію общинной организаціи посада. Тѣмъ же оппонентомъ было указано, что диссертантъ въ своей книгѣ обобщаетъ выводы, — онъ сдвигаетъ въ одну общую картину характеристику посадскаго строя, не считаясь съ различіями по отдѣльнымъ посадкамъ, стоявшими въ зависимости отъ разницы мѣстныхъ условій и размѣровъ посадскихъ общинъ. Второй оппонентъ — В. О. Ключевскій указалъ, что диссертанту необходимо было сдѣлать нѣкоторыя вводныя замѣчанія, прежде всего опредѣлить самое понятіе «посадская община», такъ какъ этотъ терминъ можетъ вызвать нѣкоторыя недоумѣнія: не всѣ жившіе на посадской территоріи были посадскими людьми, и не всѣ посадскіе люди жили на посадской территоріи. Диссертантъ отвѣтилъ, что онъ предвидѣлъ такое затрудненіе и вышелъ изъ него при помощи первой главы своего изслѣдованія, въ которой сгруппированы данныя источниковъ относительно состава посадской общины, а отъ общей юридической формулировки понятія посадской общины онъ воздержался, боясь внесеніемъ современныхъ понятій въ прошлое дать опредѣленіе посадской общины XVIII вѣка, не вполне соответствующее дѣйствительности. В. О. Ключевскій отмѣтилъ далѣе, что въ устройствѣ посадской общины не былъ выдержанъ принципъ строгаго обособленія сословій, который проводился законодательствомъ со времени Уложенія; въ посадскомъ тягѣ могли встрѣчаться люди разныхъ общественныхъ состояній, такимъ образомъ посадъ носилъ всесословный характеръ съ подвижнымъ социальнымъ составомъ. Въ диссертациі живо изображена эта подвижность и собрано много цѣнныхъ указаній относительно нѣкоторыхъ элементовъ посадскаго населенія, но не выяснено значеніе этой подвижности не только

въ строеніи русскаго общества, но и самой посадской общины. Переходя къ слѣдующему пункту своего возраженія, оппонентъ указалъ, что изъ диссертациі неясенъ ходъ образованія посадской общины до 1721 года: не прослѣжено происхожденіе отдѣльныхъ учрежденій этой общины. Развивая и дополняя одно изъ замѣчаній предшествующаго оппонента, В. О. Ключевскій указалъ, что не слѣдовало сводить въ одну картину разныя черты посадскаго строя, взятыя изъ посадскихъ общинъ различныхъ мѣстностей. Slѣдовало бы провести классификацію посадковъ по количеству и составу населенія: такъ, можно было бы выдѣлять въ видѣ особыхъ типовъ южную посадскую общину или сѣверную, поморскую, которая органически была связана съ уѣздомъ. Особенно же чувствуется отсутствіе специальной главы, или отдѣла, посвященнаго Москвѣ, которая представляла собою единственный случай раздробленія одного города на нѣсколько посадскихъ общинъ. Отвѣчая на это возраженіе, диссертатитъ пояснилъ, что онъ потому именно и не касался въ своемъ трудѣ посадской организаціи Москвы, что она представляла уклоненіе отъ общаго типа. Разбирая заключительную главу диссертациі, В. О. Ключевскій указалъ, что, кромѣ выводовъ, указанныхъ въ этой главѣ, у читателя остается отъ книги общее впечатлѣніе, въ которомъ можно уловить и общій результатъ всего изслѣдованія. Среди рѣзко обособленныхъ сословныхъ группъ, на которыя дробилось русское общество, начиная съ Уложенія, городской посадъ являлся единственной организаціей, гдѣ различныя общественныя классы объединялись для совмѣстной работы. Если идея всесловнаго города дожила до 1785 года, то она этимъ обязана посадской общинѣ XVII и XVIII вѣковъ. И на томъ спасибо старому городовому посаду.

Общество любителей древней письменности. 28-го ноября состоялось общее собраніе подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Передъ началомъ засѣданія предѣдатель посвятилъ нѣсколько словъ памяти почившаго члена-корреспондента общества Г. Ѳ. Штендмана, указавъ, что покойный, принадлежа къ первымъ участникамъ при основаніи общества княземъ П. П. Вяземскимъ, относился къ обществу съ неизмѣннымъ сочувствіемъ и въ теченіе многихъ лѣтъ, до конца дней своихъ, оставался членомъ ревизіонной комиссіи. Память почившаго по предложенію предѣдателя были почтена вставаніемъ. Въ этомъ засѣданіи С. В. Смоленскій сдѣлалъ сообщеніе: «О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разысканіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологіи». Въ немъ референтъ высказалъ слѣдующія соображенія: послѣднія находки и открытія въ нашихъ церковно-пѣвческихъ рукописяхъ открываютъ тѣ же художественныя широкіе горизонты, какъ и новости въ послѣднихъ изданіяхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, былинь и духовныхъ стиховъ. Сближеніе обоихъ народныхъ искусствъ и выясненіе одинаковыхъ основаній ихъ теоретическаго построенія возможно черезъ давно выработанную крюковую грамматику русскаго церковнаго пѣнія, а примѣненіе этой грамматики къ народному искусству можетъ объяснить строеніе русскихъ напѣвовъ, ихъ ритмовъ и музыкальныхъ формъ. Оба искусства, сохраненныя точно и вполне живыя до сихъ поръ на сѣверѣ Россіи, развиты тамъ богаче, чѣмъ на нашемъ югѣ, и подтверждаютъ теоретическія соображенія, вытекаю-

ція изъ сближенія обоихъ искусствъ. Такимъ образомъ разсмотрѣніе исполняемыхъ коренныхъ и добавочныхъ частей и очевидное сходство послѣднихъ въ мірскихъ и церковныхъ напѣвахъ даютъ новыя основанія наукѣ музыкальной теоріи. Необходимо издать справочный музыкально-тематическій словарь, какъ руководительный указатель для будущихъ научныхъ работъ и для композиторовъ. Бывшія потери труда и неудачи русскаго церковнопѣвческаго искусства XIX вѣка отъ отсутствія такого словаря, несмотря на указанія въ извѣстномъ проектѣ Вортнянскаго и въ сочиненіи Львова «О свободномъ несимметричномъ ритмѣ», только подтверждаютъ необходимость сближенія двухъ народныхъ искусствъ на основаніи древней письменной грамматики русскаго церковнаго пѣнія.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. Въ засѣданіи русскаго отдѣленія 29-го ноября, А. А. Спицынъ прочелъ интересный рефератъ о «Мѣдномъ вѣкѣ въ Европейской Россіи». По мнѣнію докладчика, мѣдный вѣкъ жители Европейской Россіи нѣкогда, въ періодъ доисторическій, несомнѣнно пережили. Несмотря на возраженія многихъ ученыхъ, А. А. Спицынъ, собравшій большой матеріалъ о древнѣйшемъ періодѣ мѣднаго вѣка, рѣшительно отстаиваетъ его существованіе. За это говорятъ и южные памятники древности: и дольмены и курганныя погребенія съ обращенными костяками, интересныя и загадочныя поля урвъ въ Кіевской губерніи и наконецъ многочисленныя находки Сѣвера, которыя докладчикъ, судя по нѣкоторой однородности типовъ вещей, связываетъ съ южными памятниками древности. Культура мѣднаго вѣка шла къ намъ, по мнѣнію А. А. Спицына, двумя путями: изъ Малой Азіи черезъ ущелья Кавказскаго хребта и изъ-за Карпатъ. Вообще референтъ находитъ, что эта культура охватывала въ Европейской Россіи огромный районъ и отмѣтила свое существованіе разнообразнѣйшими остатками орудій и другихъ предметовъ жизни человѣка доисторическихъ эпохъ. Въ преніяхъ принялъ участіе предѣдатель императорской археологической комиссіи сенаторъ, графъ А. А. Бобринскій, профессоръ Н. П. Веселовскій и др. лица. Вторымъ референтомъ выступилъ Л. М. Рѣпниковъ, сообщившій о произведенныхъ имъ въ текущемъ году раскопкахъ близъ Старой Ладogi. Демонстрирована была коллекція предметовъ, найденныхъ въ сошкахъ и на городищѣ. II. Первое общее собраніе членовъ состоялось 4-го декабря. Предсѣдательствовалъ графъ П. П. Толстой. Произведены выборы членовъ комиссіи для присужденія медалей общества за важнѣйшіе труды по археологін; избраны: профессоръ, баронъ В. Р. Розень, академикъ Н. П. Кондаковъ, профессоръ Н. В. Покровскій, Я. П. Смирновъ и В. А. Тураевъ. Въ члены комиссіи по присужденію медалей имени графа Уварова: академикъ А. П. Соболевскій, профессоръ Н. В. Покровскій, генераль-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, профессоръ Н. И. Веселовскій, А. К. Марковъ, баронъ В. Р. Розень и В. В. Латышевъ. Затѣмъ членъ императорской археологической комиссіи архитекторъ П. П. Покрышкинъ сдѣлалъ докладъ о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1903 года ремонтныхъ работахъ по реставраціи, предпринятой археологической комиссіей, знаменитаго памятника старины Великаго Новгорода—Спасо-Нередицкаго храма на Волховѣ, основаніе котораго и прекрасныя чудной художественной работы стѣнныя фрески относятся

къ XII — XIII вѣкамъ. Часть работъ уже исполнена П. П. Покрышкинымъ, дальнѣйшій же ремонтъ будетъ производимъ слѣдующимъ лѣтомъ. Новгородскій архіепископъ высокопреосвященный Гурий ассигновалъ на реставрацію до 16.000 рублей. III. 7-го декабря, Т. О. Соколовской сдѣлано было сообщеніе о франкмасонствѣ въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Давныя, приведенныя докладчицей, почерпнуты ею изъ различныхъ документовъ, стихотвореній, масонскихъ пѣсенъ, докладовъ и пр., найденныхъ главнымъ образомъ въ Румянцевскомъ музеѣ. Особенное развитіе масонство получило у насъ при Александрѣ I: говорятъ, что тогда на него была мода, но это не совсѣмъ правильно, такъ какъ успѣхъ движенія основывался въ большей мѣрѣ на его характерѣ и духѣ, его идеалахъ любви къ ближнему, христіанскомъ равенствѣ и проч. Въ сообщеніи масонство разсматривалось, собственно, какъ положительное движеніе мысли. Общество услышало странный на первый взглядъ призывъ «къ братьямъ-человѣкамъ», къ равенству и свободѣ. Масоны стали учить, что надо почитать въ людяхъ только душевныя свойства, воспѣвать мнѣческое золотое время и мечтать о его новомъ наступленіи: «О, живи вовѣки, братство, царствуй, царствуй въ насъ, любовь!» — восклицали они. Любовь къ людямъ связана у нихъ съ необыкновенною вѣротерпимостью; по ихъ мнѣнію, «дѣло не въ названіи», и потому считаютъ обязанностью одинаково помогать христіанамъ и язычникамъ. Открывая широкій доступъ на свои собранія лицамъ различныхъ положеній и національностей, масоны, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не принимаютъ женщинъ, «преlestный взоръ которыхъ можетъ внести раздоръ». Не будучи поклонниками феминизма, они, однако, вообще не чуждались женской любви. Что касается равенства, то масоны имѣли въ виду исключительно душевное равенство и были совершенно далеки отъ мысли о социальномъ братствѣ. Они возставали даже противъ дарованія крестьянамъ гражданскихъ правъ и свободы, особенно въ обширныхъ государствахъ, и смотрѣли на крестьянъ, какъ на «корни», называя при этомъ дворянъ «плодами». «Нельзя, говорили масоны, чтобы ноги были выше рукъ или даже головы». Проповѣдь ихъ ограничивалась признаніемъ человѣка въ человѣкѣ, и въ социальной борьбѣ они не принимали никакого участія, указывая, что вольнодумство — величайшій изъ пороковъ. Подобные взгляды дѣлали ихъ убѣжденными монархистами, приверженцами единой державы. Осуждая войну и относясь довольно неодобрительно къ военнымъ, масоны, тѣмъ не менѣе, часто помогаютъ послѣднимъ, собираютъ для нихъ деньги на обмундированіе и пр. Отъ равенства прямой переходъ къ благотворительности, которая проявляется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Масоны выкупаютъ заключенныхъ изъ тюремъ, хлопочутъ даже объ учрежденіи патроната, основываютъ страховую кассу, принимаютъ участіе «въ трудовой помощи»; за содѣйствіемъ къ масонамъ обращаются даже различныя благотворительныя учрежденія. Приходящихъ въ ложи масоны учатъ заниматься самопознаніемъ и указываютъ здѣшніе пороки — гордость, лесть и лицемеріе. Воспитаніе они ставятъ впереди образованія и полагаютъ, что «науки должны доказать, что есть ложное, и что истинное»; пояснять это они должны не гипотезами, а ясностью. Докладъ въ обществѣ прослушанъ былъ съ интересомъ и покрытъ аплодисментами. IV. 13-го

декабря, Русское отдѣленіе общества обсуждало вопросъ объ архивной реформѣ въ Россіи, возбужденный цѣлымъ рядомъ постановленій археологическихъ съѣздовъ и нынѣ разрабатываемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ преній отдѣленіе пришло къ единогласному заключенію: проектъ архивной реформы проф. Д. Я. Самоквасова, заключающійся въ централизаціи архивнаго дѣла въ особомъ управленіи и въ созданіи центральныхъ архивовъ, какъ требующій огромныхъ затратъ, въ настоящее время неосуществимъ. Желательно пока возложить заботы объ архивахъ и архивныхъ матеріалахъ на губернскія ученныя архивныя комиссіи, выработать для нихъ опредѣленную программу дѣятельности и оказавъ денежную помощь въ суммѣ до 2.000 рублей ежегодной субсидіи каждой изъ архивныхъ комиссій. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ комиссій еще не существуетъ, желательно скорѣйшее учрежденіе ихъ. Затѣмъ С. Л. Пташницкимъ сдѣланъ былъ докладъ объ интересной литовской рукописи и переписи войска и населенія Литвы 1567 года, рисующей составъ литовской шляхты того времени, экономическое ея положеніе, а также территоріальное раздѣленіе Литвы. Постановленіе общества объ архивной реформѣ дало поводъ къ обмѣну мнѣній въ московской печати, обмѣну, имѣющему, какъ и все это дѣло, повидимому, чисто личную подкладку. Изъ этого обмѣна мнѣній мы ниже воспроизводимъ единственный объективный и цѣнный документъ — письмо графини Уваровой (см. ниже «къ Архивной реформѣ»). V. Въ засѣданіи классическаго отдѣленія 22-го декабря сообщено было о предстоящемъ въ апрѣлѣ 1900 года международномъ археологическомъ конгрессѣ въ Афинахъ. Занятія конгресса будутъ происходить подъ предсѣдательствомъ греческаго королевича. Господствующимъ языкомъ на конгрессѣ признанъ французскій, но будутъ дѣлаться сообщенія и на другихъ языкахъ: греческомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ. Время для изложенія каждаго доклада ограничено $\frac{1}{4}$ часа. Особенно интересны будутъ экскурсіи въ разныя историческія мѣстности Греціи. М. П. Ростовцевъ сдѣлалъ интересный докладъ, воссоздавъ типъ дачи или «виллы» римлянина на основаніи фрески, изслѣдованный ими въ Помпей, а также литературныхъ и другихъ источниковъ. У подножья горъ, не большіе, но свѣтлые домики, съ рядомъ колоннъ, раскинутые среди кипарисовъ и платановъ, на берегу широкаго воднаго бассейна — вотъ обычныя римской виллы принадлежности: широкій, свободный доступъ свѣта, воздуха и влаги — было главною цѣлью строителей загородныхъ дворцовъ римскихъ магнатовъ.

Къ архивной реформѣ. Въ № 350 «Русскихъ Вѣдомостей» помѣщено «Письмо къ издателю» графини П. С. Уваровой, которое мы здѣсь полностью перепечатаваемъ. (См. выше «Археологическое общество въ С-Петербургѣ», IV). Въ № 345 «Русскихъ Вѣдомостей» (въ отдѣлѣ телефонныхъ извѣстій) напечатано сообщеніе о состоявшемся (въ Петербургѣ) засѣданіи отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества, въ которомъ былъ выслушанъ «докладъ комиссіи о предстоящей архивной реформѣ». «Московскій профессоръ Самоквасовъ, — говорится въ сообщеніи, — представилъ требующій огромныхъ матеріальныхъ средствъ со стороны правительства проектъ бюрократическаго (?) рѣшенія этого вопроса... Отвѣ-

чая на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ по этому вопросу, русское отдѣленіе, не отрицая извѣстнаго теоретическаго значенія проекта профессора Самоквасова, признало его, однако же, совершенно не осуществимымъ на практикѣ. Реформа же можетъ быть, по мнѣнію отдѣленія, разрѣшена путемъ привлеченія къ участию общественныхъ интеллигентныхъ силъ провинціи, организованныхъ въ губернскія архивныя комиссіи... Архивное дѣло пока (?) можно было бы, по мнѣнію отдѣленія, возложить на архивныя комиссіи, давъ имъ новую организацію и небольшую правительственную субсидію». По поводу этого сообщенія и съ цѣлью уясненія вопроса, позволяю себѣ привести слѣдующія замѣчанія: 1) Проектъ архивной реформы въ Россіи профессора Московскаго университета и управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи Д. Я. Самоквасова составленъ на основаніи принциповъ, выработанныхъ высочайше учрежденными комиссіями по дѣлу архивной реформы въ Россіи, дополненъ общими принципами современной законодательной постановки дѣла въ Западной Европѣ, извлеченными изъ архивнаго законодательства 16 государствъ и собранными въ 1899 году по высочайше разрѣшенной спеціальной командировкѣ профессора за границу. 2) Проектъ профессора Самоквасова былъ подвергнутъ обсужденію въ спеціально назначенныхъ засѣданіяхъ Кіевскаго и Харьковскаго археологическихъ съѣздовъ и единогласно одобренъ ими. 3) Ученые совѣты названныхъ съѣздовъ постановили ходатайствовать передъ правительствомъ объ осуществленіи «проекта основаній архивной реформы въ Россіи профессора Самоквасова» и о привлеченіи къ этому дѣлу людей, знакомыхъ съ архивнымъ дѣломъ. 4) Осуществленіе проекта архивной реформы профессора Самоквасова, какъ доказываетъ его пятая глава, основанная на фактическомъ матеріалѣ, собранномъ императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ, не требуетъ «громадныхъ» денежныхъ средствъ, а, напротивъ, даетъ значительное сбереженіе средствъ, затрачиваемыхъ нынѣ государствомъ на беспорядочное содержаніе «окончательныхъ» архивовъ при 12 тысячахъ правительственныхъ столичныхъ и провинціальныхъ утрежденіяхъ. 5) Ни одно правительство Европы, какъ видно изъ труда профессора Самоквасова, не признаетъ себя въ правѣ отказываться отъ охраны архивовъ, — этого документальнаго народнаго имущества, — и передавать его, какъ предлагаетъ отдѣленіе русскаго археологическаго общества, въ распоряженіе частныхъ провинціальныхъ кружковъ, не имѣющихъ необходимой спеціальной подготовки и состоящихъ изъ любителей, случайно живущихъ въ мѣстности и не отвѣтственныхъ передъ государствомъ за сокровища, которыя петербургское общество желаетъ имъ довѣрить. 6) Во всѣхъ государствахъ Европы храненіе, разборъ, систематизація, описаніе и уничтоженіе ненужныхъ актовъ возлагается только на правительственныя учрежденія, а членамъ ученыхъ обществъ предоставляется право пользоваться государственными архивами и собранными въ нихъ матеріалами съ археологическими и иными научными цѣлями. На какомъ же основаніи Россія должна отказаться отъ порядка и законоположеній, признанныхъ полезными для остальныхъ государствъ Европы? Почему то, что считается государственнымъ достояніемъ въ остальной Европѣ, должно быть добровольно роздано Русскимъ государствомъ по рукамъ частнымъ лю-

бителямъ? Не потому ли прокътъ профессора Самоквасова намъ не годенъ, что онъ рекомендуетъ для архивовъ строгую регламентацію, которую называютъ «бюрократическою»? И что такое мѣра времени «пока», которая предлагается при мѣропріятіяхъ, признанныхъ необходимыми для устройства и упорядоченія архивовъ?

Археологическое общество въ Москвѣ. I. Въ засѣданіи 9-го декабря, было говорено о предпринимаемыхъ изданіяхъ по Херсонесу и по Вавилоніи, сдѣлано сообщеніе В. А. Городцовымъ — о раскопкѣ кургановъ близъ города Ярославля, и доложенъ отчетъ В. В. Хвойка о раскопкахъ въ Кіевской губерніи. Графиня П. С. Уварова сообщила, что, въ виду исполнившагося 50-тилѣтія со времени начала раскопокъ въ развалинахъ Херсонеса (близъ Севастополя) покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ, она пришла къ мысли о желательности изданія всѣхъ свѣдѣній, накопившихся къ настоящему времени по древностямъ этого города, игравшаго такую важную роль въ исторіи древняго русскаго просвѣщенія. По этому поводу она обратилась за совѣтомъ къ профессору исторіи искусства господину Айналову (ранѣе въ Казани, нынѣ въ Петербургѣ), который выработалъ программу изданія въ четырехъ частяхъ: 1) исторія города Херсонеса—по историческимъ свидѣтельствамъ, надписямъ, монетамъ, монументальнымъ древностямъ и т. д.; 2) описаніе города по сохранившимся его остаткамъ, съ промѣрами стѣнъ, улицъ, зданій, съ указаніемъ раскопокъ, находокъ и пр.; 3) античныя памятники Херсонеса, съ подробнымъ описаніемъ болѣе замѣчательныхъ и 4) христіанскіе памятники, до сихъ поръ тамъ найденные. Лѣтомъ нынѣшняго года, по приглашенію графини П. С. Уваровой, господа профессора Айналовъ и Рѣдинъ посвятили цѣлый мѣсяць на подробное изученіе развалинъ Херсонеса и собрали много данныхъ для его описанія. Къ работамъ по разнымъ частямъ программы графиня имѣетъ въ виду пригласить и другихъ специалистовъ по исторіи искусствъ и классическимъ древностямъ, какъ-то профессоровъ Никитскаго, Шестакова, Жебелева, Ростовцева. Всѣ расходы по этому изданію графиня Уварова принимаетъ на свой счетъ. Затѣмъ доложено быко предложеніе извѣстнаго знатока вавилонской клинописи М. В. Никольскаго—издать съ его объясненіями собраніе вавилонскихъ глиняныхъ табличекъ съ клинообразными на нихъ надписями, принадлежащее Н. П. Лихачеву. Собраніе это составилось изъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и заключаетъ въ себѣ цѣнные матеріалы для исторіи вавилонской культуры. Предлагаемое изданіе имѣетъ составить два тома, съ 5-ю таблицами фототипій и политипажамъ въ текстъ, и обойдетя около 2-хъ тысячъ рублей. Общество опредѣлило благодарить М. В. Никольскаго за его предложеніе и согласиться на расходъ въ 2 тысячи рублей для означенной цѣли. В. А. Городцевъ сообщилъ о раскопкѣ четырехъ кургановъ близъ деревни Михайловки, въ 7-ми верстахъ отъ Ярославля, на лѣвомъ берегу Волги. Въ этомъ мѣстѣ имѣется довольно много кургановъ, часть коихъ была раскопана ранѣе, но господину Городцеву удалось добыть новыя данныя. Въ изслѣдованной мѣстности обнаружено всего около 400 кургановъ, изъ которыхъ раскопано до 55, въ томъ числѣ 4 кургана позднею осенью. При общемъ ходѣ раскопокъ по всѣмъ курганамъ выяснены два типа погребеній, принадлежа-

щихъ славянскимъ народностямъ и имѣющихъ сходство со славянскими могильниками, раскопанными въ Смоленской губерніи, а именно: трупосожженіе и обыкновенное погребеніе, при чемъ первый родъ погребенія, судя по найденнымъ вещамъ, принадлежитъ болѣе состоятельному классу населенія; время Михайловскаго могильника можно безошибочно отнести къ IX и X вѣкамъ. При раскопкахъ четырехъ послѣднихъ кургановъ были замѣчены новыя черты обряда трупосожженія: найденныя вещи были помѣщены въ небольшомъ иногда выложенномъ камнемъ углубленіи подъ кострищемъ. Найденныя вещи, по ихъ характеру, выказываютъ большое сходство съ добытыми ранѣе В. П. Сизовымъ изъ кургановъ съ трупосожженіемъ въ Гвѣздовѣ (Смоленской губерніи), которые, несомнѣнно, были насыпаны славянами. Въ числѣ этихъ вещей находились предметы религіознаго языческаго вѣрованія: глиняныя звѣриныя лапы, такія же кольца и обручи; изъ предметовъ украшенія: браслеты и шейныя гривны, служившія съ глубокой древности не только украшеніями, но и денежными знаками, горнохрустальныя, мраморныя, стеклянныя и костяныя бусы, круглыя привѣски, кольца, перстни, бубенчики, пуговицы, пряжки, скандинавскіе наборы поясовъ и, наконецъ, фибулы; изъ домашней утвари найдены: глиняныя сосуды, деревянныя ларцы съ оковками и ключами, ножи, шилья и пр. Но къ самымъ цѣннымъ находкамъ, кромѣ одного, хорошо сохранившагося желѣзнаго топора, принадлежатъ предметы вооруженія. Въ славянскихъ погребеніяхъ, равно какъ и въ инородческихъ VIII—X вѣковъ, мечи встрѣчаются довольно рѣдко. Михайловскій могильникъ представляетъ какъ бы исключеніе: онъ далъ на 50 раскопанныхъ кургановъ—5 мечей, изъ нихъ два съ богатою серебряною насѣчкой, покрытою въ одномъ случаѣ позолотой. Въ общемъ, судя по курганнымъ находкамъ, приходится заключить, что мечи въ IX и X вѣкахъ въ Россіи были болѣею рѣдкостью. Между тѣмъ, этому совершенно противорѣчатъ историческія свидѣтельства, какъ иноземныхъ, такъ и русскихъ писателей. Въ 854—874 годахъ Ибнъ-Хардадѣбъ пишетъ, что русскіе славяне торгуютъ мѣхами оборовъ и выдръ, черныхъ лисицъ и мечами, привозя ихъ въ Византію изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи. Въ 920 году Ибнъ-Фодланъ свидѣтельствуетъ, что каждый руссъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечъ, пожь и сѣкиру; мечи же ихъ суть широкіе, волнообразныя клинки франкской работы. Въ 930 году Ибнъ-Давта подтверждаетъ тоже про русскихъ, а про другихъ славянъ пишетъ, что у нихъ, кромѣ дротиковъ, копій и щитовъ, другаго оружія не было. Обратимся теперь къ русскимъ источникамъ. Подъ 968 годомъ лѣтопись отмѣчаетъ, что печенежскій князь подарилъ кіевскому воеводѣ Прѣтичу коня, саблю и стрѣлы, на что Прѣтичь отвѣтилъ печенежскому князю—даромъ своего вооруженія, состоявшаго изъ брони, щита и меча. Подъ 859 годомъ въ русской лѣтописи отмѣчено, что хозары обложили полянъ данью: по мечу съ дыма, при чемъ отмѣчается, что, по мнѣнію хозаръ, русскіе (кіевскіе) мечи были лучше, чѣмъ хозарскія сабли. Смѣшеніе оружія и предметовъ женскаго убора, присутствіе костей животныхъ и птицъ заставляютъ предполагать здѣсь похоронный обрядъ, сходный съ описываемымъ Ибнъ-Фадланомъ, какъ примѣнявшійся руссами, приходившими въ IX вѣкѣ для торговли въ Болгары на Волгѣ. Въ той же мѣстности

встрѣчаются и могилы съ погребеніемъ; въ одной изъ нихъ было найдено много бронзовыхъ шумящихъ подвѣсокъ (отъ платья) мерянскаго тина. Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе В. И. Сизовъ, Д. Я. Самоквасовъ, Д. П. Иловайскій и другіе. Отчетъ В. В. Хвойка касался, во-первыхъ, находки палеолитическаго вѣка, сдѣланной въ Кіевѣ при земляныхъ работахъ по снесенію части горы (такъ называемаго Протасова яра) для расширенія мѣста у желѣзнодорожнаго вокзала; здѣсь, на высотѣ 7-ми сажень надъ уровнемъ вокзала и на глубинѣ около 8-ми сажень отъ поверхности горы, въ слоѣ песку, покрытаго сверху лѣссомъ, оказалась прослойка золы съ углемъ и съ нѣсколькими костями мамонта. Другая часть отчета г. Хвойка описываетъ раскопки, сдѣланныя имъ прошлымъ лѣтомъ въ Кіевскомъ уѣздѣ, около селенія Щербаневки, на рѣкѣ Красной, близъ Стрѣтовки и у Триполья. Осенью были произведены раскопки въ сѣверовосточной части полей при селеніи Стрѣтовкѣ, Кіевского уѣзда, на находящейся тамъ площади, окруженной широкими и глубокими оврагами и болотами. Пришлось ограничиться изслѣдованіемъ только части этой площади въ размѣрахъ, разрѣшенныхъ владѣльцами. Когда приступлено было къ выемкѣ земли на прибрежной части площади, то почти отъ самой ея поверхности начали попадаться куски обожженной глины, которые на глубинѣ 35 см. перешли въ сплошной горизонтальный слой пластовъ и комковъ глины, подъ ними оказался второй рядъ, а еще ниже—третій. Всѣ три ряда раздѣлены были тонкимъ слоємъ рыхлой, большею частью пережженной земли. Пласты эти представляютъ не что иное, какъ разрушившіяся глинобитныя стѣнки особаго рода построекъ. При раскопкахъ найдены: пережженные человѣческія кости, глиняные сосуды, куски рѣчныхъ раковинъ и большой камень со сглаженною поверхностью (зернотерка). Затѣмъ были произведены раскопки площадокъ Трипольской культуры на лѣвомъ берегу рѣки Красной, на поляхъ, принадлежащихъ къ селенію Щербаневкѣ, Кіевского уѣзда. Здѣсь были раскопаны 6 площадокъ, давшіе почти аналогичные результаты. Найдены были орнаментированные тисненіемъ или росписью черенки, болѣе 70 цѣльныхъ груше—п кольцообразныхъ глиняныхъ сосудовъ разныхъ величинъ и формъ, относящихся къ древне-арійской или такъ называемой Трипольской культурѣ, затѣмъ: зернотерки, кости барановъ, оленей и быковъ, рѣчныя раковины, пережженные человѣческія кости, а также одинъ цѣльный скелетъ въ вытянутомъ положеніи. Находки эти повторяютъ сдѣланныя тѣмъ же изслѣдователемъ ранѣе и указываютъ на весьма древнюю культуру, которую г. Хвойко считаетъ арійскою и сближаетъ съ микенскою. В. П. Сизовъ сказалъ нѣсколько словъ о могилахъ, открывшихся въ августѣ этого года въ Кремлѣ, при канализаціонныхъ работахъ близъ Спасскихъ воротъ, и относящихся къ концу XVII или началу XVIII вѣка; здѣсь были найдены высѣченные изъ камня и дубовые гробы, въ одномъ изъ коихъ нашлась вязаная шапочка, а г. Воронецъ представилъ нѣсколько картоновъ съ кремневыми стрѣлками и другими остатками каменнаго вѣка, найденными въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. II. Въ послѣднемъ засѣданіи С. О. Долговымъ былъ прочитанъ докладъ Г. К. Бугославскаго о замѣчательномъ памятникѣ древней смо-

ленской письменности XIV вѣка, каковымъ является Псалтирь Онежскаго Крестнаго монастыря. Въ виду важнаго интереса, который означенный псалтирь возбуждаетъ въ себѣ, какъ рѣдкій памятникъ древней смоленской письменности конца XIV вѣка, и предпринято изслѣдованіе докладчика. Псалтирь переплетенъ въ деревянныя доски, обтянутыя кожей коричневаго цвѣта съ тисненіями. Какъ на верхней, такъ и на нижней доскѣ имѣется по 5 металлическихъ изъ желтой мѣди украшеній небольшой величины; на передней доскѣ срединное украшеніе ромбовидной формы, а угловыя—сердцевидной; на нижней же доскѣ всѣ 5 украшеній въ видѣ полушарій. Псалтирь писанъ на чистомъ гладкомъ съ глянцеитымъ отблескомъ пергаментѣ, имѣющемъ въ длину около 23 сантиметровъ и въ ширину 16 сантиметровъ. Псалтирь украшенъ 3 миниатюрами, 22 заставками и свыше 150 раскрашенными и раззолоченными буквами; ими начинается каждый псаломъ и каждая пѣснь. Украшающія псалтирь миниатюры изображаютъ двѣ пятиглавыя церкви и внутренность трехглаваго храма. Изъ записи на оборотѣ 156 листа видно, что переписчикомъ псалтири былъ смолянинъ Лука. Псалтирь служитъ нагляднымъ доказательствомъ, какъ высоко стояло въ древнемъ Смоленскѣ въ XIV вѣкѣ искусство списыванія книгъ, рисованія и иконописанія. Въ настоящее время псалтирь смолянина-инока Луки принадлежитъ Онежскому Крестному монастырю, расположенному на островѣ Кій, Онежской губы Вѣлаго моря. Хотя и не имѣется точныхъ свѣдѣній, какъ попала эта замѣчательная книга въ означенный монастырь, но, по всему вѣроятію, она поступила сюда при патріархѣ Никонѣ, который, основавъ въ 1656 году Крестный Онежскій монастырь, снабдилъ его необходимыми для церковнаго богослуженія предметами, въ томъ числѣ и книгами. По занятіи въ 1654 году, во время войны Россіи съ Польшей изъ-за Малороссіи, московскими войсками Смоленской и Мстиславской областей, занятъ былъ и Пустынскій монастырь, гдѣ была писана смоляниномъ Лукою означенная Псалтирь, которая въ числѣ другихъ церковныхъ предметовъ, по просьбѣ патріарха Никона, была передана во вновь основанной имъ Крестный монастырь. Благодаря своему прекрасному письму, обилію и разнообразію рисунковъ и въ особенности записи инока Луки, псалтирь Онежскаго Крестнаго монастыря несомнѣнно представляетъ цѣнный памятникъ древней смоленской письменности.

Историческое общество въ Москвѣ. 7-го декабря, въ большой библиотечной залѣ университета, происходило засѣданіе историческаго общества, посвященное столѣтней годовщинѣ Гердера. Послѣ краткаго вступительнаго слова В. Н. Герье, В. Н. Перцевъ прочиталъ рефератъ на тему «Гердеръ, какъ эволюціонистъ». Коснувшись причинъ малой извѣстности Гердера среди широкой публики, В. Н. Перцевъ постарался выяснитъ отношеніе философскихъ взглядовъ разбираемаго мыслителя къ эволюціонной теоріи. По мнѣнію референта, эволюція понималась Гердеромъ въ смыслѣ имманентнаго развитія единой первичной силы, лежащей въ основѣ всего мірозданія. Признавая развитіе этой силы, Гердеръ однако считалъ вышнія организаци, созданныя ею, постоянными и неизмѣнными и, слѣдовательно, вовсе не былъ предшественникомъ Дарвина. Въ концѣ доклада было отмѣчено противорѣчивое пониманіе Герде-

ромъ процесса историческаго развитія, которое, однако, не помѣшало ему глубоко вѣрить въ прогрессъ въ исторіи, клонящейся къ осуществленію идеаловъ разума и добра. Среди многочисленныхъ гостей (около 150-ти человекъ) преобладали слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Въ засѣданіи 19 декабря 1903 года дѣйствительный членъ общества, профессоръ Д. П. Нагуевскій, сдѣлалъ три небольшихъ доклада по нумизматикѣ; не имѣвшихъ отношенія къ прямымъ задачамъ общества. Первый изъ нихъ касался недавно поступившей въ нумизматическій музей Казанскаго университета шведской монеты-плиты изъ мѣди, вѣсомъ въ $35\frac{3}{4}$ фунта. Монета была во время доклада демонстрирована; найдена она была при работахъ по углубленію Рижскаго порта. Далѣе проф. Нагуевскій сообщилъ свѣдѣнія объ единственной въ мірѣ медали изъ фаянса (не глицевитаго, а пористаго), выбитой въ Германіи въ память открытія памятника Лютеру въ 1821 году. Наконецъ, послѣднее сообщеніе профессора Нагуевскаго касалось мелкой размѣнной монеты въ Абиссиніи, гдѣ въ послѣднее время принято расплачиваться боевыми патронами. Затѣмъ былъ прочитано продолженіе начатаго въ предыдущемъ засѣданіи доклада Я. И. Гурлянда «Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVIII столѣтіе». Въ той части этого труда, которая была доложена въ засѣданіи 19 декабря, характеризовалось административное устройство и финансовая система временъ Чингисхана. Послѣднимъ изъ внесенныхъ въ программу засѣданія сообщеній былъ докладъ И. В. Селицкаго: «Кульджинскіе переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы (экономическо-этнографическіе очерки и бытовая жизнь Джаркентскихъ гарячей и дунганъ)». За позднимъ временемъ была прочитана только первая глава этой статьи, дающая историческія свѣдѣнія о таранчахъ и дунганахъ и характеризующая ихъ религіозную жизнь.

Романовскій отдѣлъ. Въ засѣданіи совѣта Костромской архивной комиссіи 18 мая 1895 года ея тогдашній предсѣдатель (нынѣ покойный) членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь Н. Н. Селифонтовъ предложилъ вопросъ объ умѣстности заняться архивной комиссіи собираніемъ историческихъ матеріаловъ о прошедшемъ предковъ перваго царя изъ дома Романовыхъ. Совѣтъ это предложеніе принялъ, сочувственно отнеслись къ нему и костромское дворянство, и отдѣльные лица. Президентъ императорской академіи наукъ великій князь Константинъ Константиновичъ выразилъ свое полное сочувствіе этому намѣренію. Составленный предсѣдателемъ комиссіи планъ работъ былъ рассмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи членовъ историко-филологическаго отдѣленія императорской академіи наукъ и имъ одобренъ. Затѣмъ конференціей академіи было постановлено ходатайствовать объ образованіи при Костромской ученой архивной комиссіи особаго Романовскаго отдѣла архива и библиотеки и о предоставленіи права названной комиссіи приобрѣтать документы, записки и проч., касающіеся предковъ царскаго дома Романовыхъ. Комитетъ министровъ, раздѣляя эти соображенія, постановилъ: испросить высочайшее соизволеніе на образованіе Романовскаго отдѣла, на что оно и послѣдовало 15 февраля 1897 года, а 26 августа того же года этотъ отдѣлъ былъ объявленъ откры-

тымъ. Тогда же губернское земство увеличило свою субсидію архивной комиссіи до 1.000 рублей, стали поступать денежныя пожертвованія и отъ частныхъ лицъ. Н. Н. Селифоновымъ составлена поколѣнная роспись Захарыныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ и къ ней родословная. Въ основу отдѣла положено 70 рукописныхъ документовъ и до 20 книгъ и брошюръ, художественный портретъ великой старицы Марѣы Ивановны Романовой, снимокъ съ келейной иконы патріарха Филарета, даръ великаго князя Сергія Александровича—портретъ его высочества и августѣйшей его супруги, портретъ патріарха Филарета Никитича, рукопись, заключающая въ себѣ изложеніе одного изъ вариантовъ преданія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ подвигъ спасенія жизни отрока Михаила Феодоровича Романова Иваномъ Сусанинымъ и проч. Въ то же время Н. Н. Селифоновъ былъ занятъ для отдѣла составленіемъ сборника матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила, но этого дѣла за смертію не довелъ до конца. За инициаторомъ явились и добрые работники въ лицѣ непремѣннаго члена архивной комиссіи Н. М. Бекаревича и члена дѣлопроизводителя той же комиссіи С. Д. Преображенскаго, которые, вкладывая въ дѣло любовь и знаніе, неутомимо отыскивають и собирають въ Романовскій отдѣлъ все, что можетъ касаться исторіи предковъ нынѣ царствующаго дома, начиная отъ древнихъ рукописей и кончая простыми старинными картинками.

Географическое общество. Знакомясь съ литературой Абиссиніи, можно смѣло сказать, что современные энциклопедическіе словари даютъ тѣ же свѣдѣнія о бытѣ, законахъ и нравахъ страны, которыя мы встрѣчаемъ и въ изданіяхъ XVIII столѣтія. Особенно мало извѣстна юго-восточная Абиссинія, граничащая съ британской восточной Африкой, англійской и италіанской Сомали. Въ эту часть страны въ текущемъ году совершилъ путешествіе одинъ изъ офицеровъ, находившихся въ составѣ нашей абиссинской миссіи, хорунжіи Д. Н. Потоцкій, сдѣлавшій, 12-го декабря, сообщеніе въ географическомъ обществѣ. Онъ совершилъ довольно длинный путь отъ Джибути до Харара, Адисъ-Абебы черезъ Данакильскую пустыню и по странѣ Арусси. Конечный пунктъ до Харара—урочище Дирэ-Дауа, еще въ январѣ 1903 г. представлялъ совершенно пустынную мѣстность — песокъ, кактусы, молочай и мимозы. Черезъ шесть мѣсяцевъ, благодаря дѣятельной работѣ французскихъ инженеровъ, Дирэ-Дауа превратился въ городъ съ многочисленными бѣлыми каменными и деревянными домами европейскаго образца, ресторанами, гостиницами, электрическимъ освѣщеніемъ и базаромъ. Затѣмъ отъ Дирэ-Дауа произведены уже изысканія для проведенія желѣзной дороги до Адисъ-Абебы, черезъ Данакильскую пустыню, вдоль теченія Авоша и ровнымъ подъемомъ отъ горы Боссетъ. Городъ Хараръ построенъ въ ложбинѣ среди горъ, на пересѣченной мѣстности. Жители Харара въ высшей степени фанатичны, они зорко слѣдятъ за дѣйствіями Сумасшедшаго муллы Махди, съ которымъ вполнѣ солидарны; въ ту ночь, когда на условныхъ вершинахъ горъ зажгутъ сомали костры, для абиссинцевъ и европейцевъ можетъ повториться Варооломеевская ночь. Фанатичная вѣра въ Махди среди сомали въ Огаденѣ была вызвана англичанами. Разсказываютъ, что, обѣщая чудо, Махди взомель на высокій холмъ въ виду многочисленной толпы и былъ неожиданно освѣщенъ яркимъ лучемъ свѣта, этотъ лучъ былъ направленъ

«истор. вѣстн.», февраль, 1904 г., т. хcv.

27

проекторомъ съ британскаго крейсера. Въ столицѣ Менелика Адисъ-Абеба русское зданіе миссіи напоминаетъ своимъ видомъ скромный малороссійскій помѣщичій домъ. Съ особенной радостью встрѣчаютъ въ столицѣ русскихъ докторовъ. Врядъ ли гдѣ нибудь еще они пользуются такой популярностью и любовью, какъ здѣсь. Выраженіе «Московъ-Хакимъ» извѣстно всѣмъ отъ мала до велика. Негусъ Менеликъ самъ построилъ большое зданіе госпиталя, аптеку и операціонную. Послѣ пріѣзда нашихъ врачей съ миссіей, ежедневно на амбулаторный примъ приходило до 150 человекъ, въ операціонной часто присутствовалъ Менеликъ и даже императрица Таяту. Гора Зукуала высотой болѣе 10.000 футовъ, священное мѣсто, куда собираются на богомолье абиссинцы. Вся гора богата растительностью, на вершинѣ потухшій кратеръ, теперь озеро съ тростниками; кругомъ жилища монаховъ. У Авопа открытая мѣстность подъ названіемъ Коки, около крупной листовницы базарь. На деревянныхъ подмосткахъ сидитъ «шумъ», мѣстный администраторъ; въ одной рукѣ козскій хвостъ, въ другой кнутъ изъ бегемотовой кожи. Торговля мѣновая; за каждую сдѣлку «шумъ» получаетъ свой процентъ.

Общество изученія Бѣлорусскаго края. По инициативѣ этнографа Е. Р. Романова въ Могилевѣ учреждается общество изученія Бѣлорусскаго края. Общество имѣетъ цѣлью изученіе Бѣлорусскаго края въ естественно историческомъ и въ историко-этнографическомъ отношеніяхъ и популяризацію новѣйшихъ научныхъ пріобрѣтеній въ указанныхъ областяхъ. Въ соответствии съ этими цѣлями общество организуетъ экскурсіи, изслѣдованія, изученіе архивовъ и т. п.; кромѣ того, предполагается изданіе журнала, устройство музеевъ и библіотекъ, научныхъ выставокъ, публичныхъ лекцій и т. п. Проектъ устава общества былъ представленъ на утвержденіе, но возвращенъ для нѣкоторыхъ измѣненій учредителямъ. Измѣненія внесены, и уставъ вновь представленъ уже на окончательное утвержденіе.

Общество востоковѣднія. I. 7-го декабря, состоялось сообщеніе члена общества М. А. Ростовцева, недавно вернушагося изъ командировки съ Дальняго Востока. Очертивъ путь до Харбина, указавъ на устройство этого города, лекторъ остановился на выясненіи существующихъ взглядовъ на взаимное отношеніе русскихъ и китайцевъ и обратилъ вниманіе на разницу мнѣній относительно культурности китайцевъ и вообще еще на недостатокъ нашего знакомства съ китайцами. Докладчикъ, описавъ поѣздку въ Гиринь, полное бездорожье, сообщилъ, что бѣднѣйшее населеніе питается собаками, играющими роль и городскихъ санитаровъ. Лекторъ особенно остановился на выясненіи необходимости для насъ владѣть китайскою рѣчью, безъ которой невозможно полное обличеніе съ китайцами, и въ этомъ отношеніи учрежденное въ Харбинѣ отдѣленіе общества востоковѣднія должно сослужить службу открытіемъ русско-китайскихъ школъ и курсовъ китайскаго языка для взрослыхъ. Затѣмъ М. П. Федоровъ, авторъ сочиненія «Хлопководство въ Средней Азіи», привелъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ о мировомъ производствѣ хлопка, указавъ на то, что цѣна на хлопокъ за 10—15 лѣтъ возросла на 70%, цѣна же на хлопковыя произведенія лишь на 10%. М. П. Федоровъ говорилъ о нашей зависимости отъ американскаго хлопковаго рынка и о необходимости освободиться

отъ нея. Затѣмъ прочелъ докладъ пріѣхавшій изъ Инкоу г. Сорокинъ, сообщившій, что въ Южной Манчжуріи имѣется хлопокъ, образцы котораго онъ передалъ московскимъ фабрикантамъ. II. 28-го ноября, состоялось сообщеніе С. Ю. Ломницкаго (Рэджэиъ) объ Индіи, историческомъ образованіи ея населенія, различныхъ періодахъ индусской культуры, дѣленіи населенія на касты и экономическомъ положеніи индусовъ по изслѣдованіямъ Ж. А. Дюбуа и Ж. Любонъ. Коснувшись географіи страны, лекторъ перешелъ къ вопросу, какимъ путемъ образовалось столь различное населеніе Остѣ-Индіи. Указавъ затѣмъ на историческій ходъ событій, который далъ въ результатъ смѣсь арійскихъ племенъ съ туранскими и послѣднихъ съ аборигенами страны—неграми, что послужило основаніемъ для дѣленія населенія на касты, на что указываетъ тоже и Ж. Лебонъ, лекторъ перешелъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ кастъ, ихъ обычаевъ и вѣрованій, при чемъ остановился главнымъ образомъ на кастѣ судра (паріи) и кастѣ браминовъ. Лекторъ между прочимъ обратилъ вниманіе слушателей на вліяніе различныхъ періодовъ индусской культуры въ смыслѣ преобладанія въ населеніи тѣхъ или другихъ общихъ идей и вѣрованій, каковы, напримѣръ, періодъ Ведъ, буддизма, необраминскій и мусульманскій. Прекрасное изложеніе, иллюстрированное многими туманными картинами, было награждено шумными аплодисментами. Затѣмъ членъ общества г-жа Л. В. Защукъ прочла экспромтъ въ стихахъ — благодарность лектору, вызвавшій всеобщее одобреніе.

Общество любителей естествознанія въ Москвѣ. I. Географическое отдѣленіе. 5-го декабря, А. М. Остроуховъ сдѣлалъ сообщеніе объ урянхайцахъ и ихъ странѣ, на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки лѣтомъ нынѣшняго года въ сѣверо-западную Монголію. Урянхайцы, иначе называемые сойоты, населяютъ полосу вдоль русской границы отъ Алтая на востокъ, между горами Саянскими и Танну-ола, въ области истоковъ рѣки Енисея и далѣе къ востоку. Референтъ познакомился съ ними въ окрестностяхъ озера Косогола, гдѣ они живутъ охотой и скотоводствомъ, разводятъ овецъ, рогатый скотъ, сарлыковъ (яковъ) и лошадей, тогда какъ западные сойоты занимаются земледѣліемъ. Есть нѣкоторыя основанія думать, что по своему происхожденію сойоты (сами себя они называютъ туба или тува) принадлежатъ къ группѣ самоѣдовъ, но въ то время, какъ самоѣды распространились нѣкогда внизъ по Енисею и далѣе на западъ до Оби, Печоры и Мезени, сойоты, какъ и другія, родственныя имъ племена, оставшіяся въ Минусинскомъ краѣ и Саянахъ, впоследствии отатарились и теперь представляютъ изъ себя народности тюркскаго корня. Съ другой стороны, живя рядомъ съ монголами, они усвоили себѣ отъ нихъ многія черты быта, религію, а нѣкоторыя ихъ вѣтви и языкъ, т. е. омонголились. Живутъ они въ юртахъ, носятъ подходящій къ монгольскому костюмъ, религія ихъ—отчасти шаманство, отчасти ламаизмъ, подчинены они улясуйскому амбаню. Сбывая отчасти русскимъ, отчасти китайцамъ—мѣха, кожи, рогатый скотъ, они получаютъ взаменъ — выдѣланныя кожи, дешевыя мануфактуры, желѣзные и другія металлическія предметы и т. д. Въ цѣломъ рядъ картинъ на экранѣ референтъ познакомилъ съ характеромъ мѣстности, съ типомъ и обстановкой быта урянхайцевъ, а также демон-

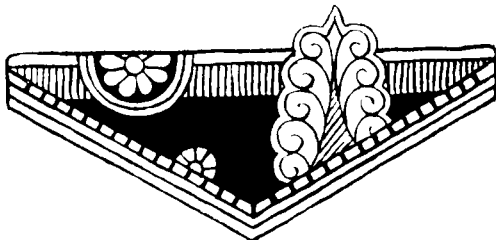
стрировалъ собранную имъ коллекцію этнографическихъ предметовъ — костюмы, украшенія, инструменты, оружіе, принадлежности шаманства и ламаизма, орудія промысла, шкуры животныхъ, служація предметомъ торговли, лѣкарства, образцы мѣстнаго искусства, музыкальные инструменты и т. д. М. К. Барсовъ сдѣлалъ сообщеніе о природѣ и населеніи горнаго Алтая. Показавъ на экранѣ карты Алтайскаго округа и его юго-восточной горной части, референтъ познакомилъ въ рядѣ картинъ съ двумя путями въ горный Алтай, — такъ называемымъ Чуйскимъ трактомъ, съ прошлаго года раздѣланнымъ въ колесную дорогу и ведущимъ въ Монголію, а черезъ нее — въ Восточную Сибирь, и трактомъ Уимонскимъ. Передъ зрителями прошли виды горъ со включеніемъ Бѣлухи (4.500 метровъ высоты) и ея ледниковъ, а также виды растительности — лѣсовъ (лиственныхъ и кедровыхъ), тасжыхъ полянъ и альпійскихъ луговъ. Затѣмъ сообщены были свѣдѣнія о климатическихъ условіяхъ края, его промысловыхъ животныхъ (мараловодствѣ, охотѣ), минеральныхъ богатствахъ (мало еще разрабатываемыхъ), земледѣліи, санитарныхъ условіяхъ (кумысныхъ курортахъ въ Черномъ Ануѣ, Улалѣ, теплыхъ ключахъ — Рахмановскихъ и другихъ), наконецъ, о населеніи, которое административно раздѣляется на кочевыхъ инородцевъ, осѣдлыхъ инородцевъ (собственно русскихъ, основавшихся въ XVII и началѣ XVIII вѣка за рубежомъ и послѣ присоединенія горнаго Алтая въ 1747 года включенныхъ Екатериной II по ихъ просьбѣ, въ разрядъ инородцевъ съ распространеніемъ на нихъ соответственныхъ льготъ) и крестьянское населеніе. Референтъ остановился особенно на алтайцахъ и калмыкахъ (около 30-ти тысячъ душъ), живущихъ главнымъ образомъ скотоводствомъ и охотой, въ примитивныхъ юртахъ и въ язычествѣ (шаманизмѣ), при чемъ ихъ типъ и бытъ были иллюстрированы рядомъ картинъ. Среди русскихъ особенный интересъ представляютъ раскольники, такъ называемые «киржаки» и «поляки»; послѣдніе ничего общаго съ поляками не имѣютъ, но отличаются и своимъ типомъ (красивымъ, рослымъ), и своими костюмами (женскими), и своею зажиточностью. Вообще горный Алтай представляетъ много интереснаго для натуралиста и этнографа, которые могутъ найти богатое поле для своихъ наблюденій.

II. Антропологическое отдѣленіе. Въ засѣданіи 20-го декабря были сдѣланы два сообщенія. А. В. Адриановъ сообщилъ о доисторическихъ могилахъ Минусинскаго края. Минусинскій и Ачинскій уѣзды Енисейской губерніи весьма богаты памятниками старины, — курганами, отдѣльными находками, писаницами на скалахъ и т. д. Курганы сдѣсь представляютъ вѣскольکو типовъ, и по своей древности относятся большею частью къ весьма отдаленному мѣдному вѣку. Масса добытыхъ здѣсь предметовъ (мѣдныхъ топоровъ или цельтовъ, мѣдныхъ ножей, кинжаловъ, долотъ и т. д.) находится въ минусинскомъ и другихъ музеяхъ. Но недавно удалось открыть здѣсь своеобразный могильникъ со слѣдами особенной культуры. Открытъ онъ былъ совершенно случайно, — ибо могилы ничѣмъ снаружи не обозначены, — въ горахъ Оглахты, въ 50-ти верстахъ ниже Минусинска, на лѣвомъ берегу Енисея. Лѣтомъ 1902 г. одинъ инородецъ, проѣзжая верхомъ по склону одного лога, провалился въ яму, которая оказалась могилой. Объ этомъ узналъ г. Адриановъ и, осенью 1903 г. пропзвелъ здѣсь раскопки (при содѣйствіи императорской археологической

коммисіи). Пришлось отыскивать могилы помощью выстукиванія земли, съ цѣлью опредѣлить находящіяся на небольшой глубинѣ пустоты (погребальныя камеры). Найдены были двѣ группы могилъ, въ разстояніи около версты одна отъ другой. Въ одной группѣ погребенія оказались довольно беспорядочными (что, можетъ быть, указываетъ на вторичное погребеніе), въ другой найдено было нѣсколько цѣльныхъ могилъ, своеобразно устроенныхъ. Подъ слоємъ земли около аршина, оказывался потолочный настилъ изъ толстыхъ листовыхъ бревенъ, образующій могилу. Въ пазахъ, между бревенъ, были забиты внутрь могилы по нѣскольку заостренныхъ деревянныхъ сипцъ. На днѣ могилы всегда оказывались лежащими рядомъ два костяка, обыкновенно, мужскихъ или женщины и подростка. На лицахъ умершихъ лежали тонкія гипсовые маски, то бѣлыя, то окрашенныя красною краскою, а иногда и расписанныя фигурами. Всѣ черепа пробиты въ задней части (для извлеченія мозга?); на нѣкоторыхъ сохранились еще кожа и волосы (косы у обоихъ половъ, у женщинъ иногда еще искусственныя сплетенія волосъ или накладки). Изъ вещей были найдены берестяные туяски (или бурочки), отчасти обтянутые шелковою узорчатою матеріей, глиняныя горшки разной формы, деревянные блюда, чаши, ложки, даже цѣлый боченокъ, также остатки луковъ деревянныя булавки и какія-то деревянныя плашки, съ одною или двумя крестовинами, которыя г. Адриановъ склоненъ считать идолами. Металлическихъ, каменныхъ и костяныхъ предметовъ не найдено никакихъ, за исключеніемъ одной изогнутой бронзовой проволоки и маленькой желѣзной петельки. Подъ головами костяковъ насыпано какое-то мелкое сѣмя (просо); кромѣ того, въ могилахъ находились сожженные и размельченныя чеговѣческія кости и бараньи лопатки и ребра. Кости скелета иногда были обложены витушками изъ какой-то травы, набитой въ узкіе кожаные мѣшки, а надъ головами были положены чучела головъ, одно изъ которыхъ сохранилось довольно хорошо. Комъ травы обтягивался съ одной стороны кожей, на которой обдѣлывались носъ, ротъ, глазныя впадины, а затѣмъ обтягивался шелковою красною матеріей, на которой выводились черною краскою брови, носъ и пр.; сверху на это чучело головы надѣвался челець изъ узорчатой шелковой ткани. Референтъ демонстрировалъ мумифицированную голову, черепа, окрашенную маску, чучело головы, волосы, посуду и другіе предметы изъ могилъ, а также показалъ на экранѣ подробности устройства могильныхъ камеръ. Слѣдуетъ прибавить, что найденные имъ при раскопкахъ Оглахтинскаго могильника въ Минусинскомъ краѣ остатки дали поводъ къ сужденію о народѣ, который проявлялъ такую заботливость въ огражденіи своихъ могилъ и въ снабженіи умершихъ, кромѣ нищи, посуды и пр., еще масками, чучелами головъ и т. д. Въ общемъ народъ этотъ, повидному, значительно отличался отъ того, который возводилъ курганы мѣднаго вѣка; онъ имѣлъ другую культуру, былъ меньше ростомъ, слабѣе физически (судя по костяку), форма черепа его не представляла ничего монгольскаго (головы не широкія, лицо не скуластое, носъ правильный), сохранившіеся волосы выказываютъ шатеновый оттѣнокъ, но профессоръ П. А. Минаковъ, произведшій ихъ микроскопическое изслѣдованіе, могъ убѣдиться, что по количеству заключающагося въ нихъ

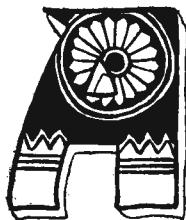

пигмента они, несомнѣнно, принадлежали бронетамъ, а широко-овальный поперечный разрѣзъ волосъ указываетъ на большую близость ихъ по типу къ волосамъ монгольскихъ и американскихъ народовъ, чѣмъ европейскихъ. Нахождение шелковыхъ узорчатыхъ тканей, отчасти съ какими-то иероглифами, напоминающими китайскіе, указываетъ на культурныя сношенія съ Срединной имперіей. Быть можетъ, специальное изученіе найденныхъ тканей въ состояніи будетъ опредѣлить точнѣе эту этыхъ сношеній, а слѣдовательно и самого могильника. Сообщение г. Адрианова вызвало нѣсколько замѣчаній Д. Н. Анучина, указавшаго на другіе извѣстные случаи пользованія погребальными масками (у египтянъ, грековъ, мексиканцевъ) и на значеніе обычая закрывать голову умершаго искусственнымъ чучеломъ головы, и В. Ө. Миллера, выставившаго на видъ нѣкоторыя аналогія въ обрядѣ описанныхъ погребеній съ характеромъ для древнихъ египтянъ. В. Ө. Піотровскій сообщил о результатахъ экспедиціи (въ 1902 году) покойнаго П. Г. Игнатова въ Кокчетавскій уѣздъ Акмолинской области, при чемъ привелъ данныя объ изслѣдованныхъ озерахъ (ихъ глубинахъ и другихъ особенностяхъ) и иллюстрировалъ свое изложеніе рядомъ картинъ и картъ на экранѣ. — Ш. Этнографическое отдѣленіе. 23-го декабря С. К. Кузнецовъ прочиталъ рефератъ «Болѣзнь», смерть и погребеніе черемисина». Этотъ обстоятельный рефератъ представляетъ только начало цѣлаго ряда сообщеній того же автора, имѣющихъ быть прочитанными въ отдѣлѣ и посвященнымъ вѣрованіямъ черемисовъ. Болѣзнь, по убѣжденію черемисовъ, производится злымъ духомъ, и лѣкарственные средства почти совсѣмъ отсутствуютъ въ черемисской медцинѣ; все лѣченіе ограничивается почти исключительно молитвами, заклинаніями и жертвоприношеніями. Погребальные обряды основаны на убѣжденіи, что загробная жизнь является болѣе или менѣе точной копійю съ земного существованія, и потому въ гробъ покойнику кладутъ ѣду, деньги и разныя хозяйственныя принадлежности, а женщинамъ, кромѣ того — гостинцы для умершихъ ранѣе дѣтей. Въ заключеніе состоялись выборы бюро; избраны: председателемъ отдѣла профессоръ Вс. Ө. Миллеръ, товарищемъ председателя — Н. А. Янчукъ и секретаремъ — В. В. Богдановъ.

НЕКРОЛОГИ.

АНАСЬЕВЪ, В. И. † 17-го декабря, скончался докторъ медицины, Василий Ивановичъ Анасьевъ, приватъ-доцентъ императорской военно-медицинской академіи по кафедрѣ патологической анатоміи. По окончаніи въ 1873 году медико-хирургической академіи, покойный былъ командированъ на казенный счетъ за границу, гдѣ работалъ у Вальдеера, Вирхова и Шарко. По возвращеніи въ Россію, В. И. былъ назначенъ прозекторомъ патологической анатоміи при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ читалъ слушательницамъ женскихъ медицинскихъ курсовъ лекціи по анатоміи. По закрытіи онъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ императорской военно-медицинской академіи по кафедрѣ патологической анатоміи. В. И. была основана первая въ Петербургѣ водолѣчебница. Съ его именемъ тѣсно связано основаніе с.-петербургскаго собранія врачей и общества взаимной помощи врачей. Перу В. И. принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій по анатоміи. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 627).

† **Барсовъ, Т. В.** 7-го января, послѣ непродолжительной и тяжелой болѣзни скончался заслуженный ординарный профессоръ Петербургской духовной академіи (бывшій послѣднее время въ отставкѣ), докторъ церковнаго права Тимоѳей Васильевичъ Барсовъ. Почившій—сынъ священника Смоленской епархіи, высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи первымъ магистромъ въ составѣ XXV академическаго курса (1863 г.). По окончаніи образованія оставленъ былъ при академіи бакалавромъ по кафедрѣ греческаго языка и его словесности; затѣмъ черезъ два года (въ 1865 году) перешель, по собственному желанію, на кафедру каноническаго права, которую занималъ до

конца 1901 года, когда по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку. Кромѣ профессорства, Т. В. Барсовъ состоялъ членомъ во многихъ ученыхъ комиссіяхъ, а также занимался переводомъ съ греческаго языка разныхъ официальныхъ бумагъ и документовъ для святѣйшаго синода и нѣкоторыхъ другихъ центральныхъ учреждений. Съ 1879 года по 1902 годъ онъ проходилъ должность оберъ-секретаря святѣйшаго синода по отдѣленію о земельныхъ дѣлахъ, расколѣ и сектахъ, будучи въ то же время и профессоромъ академіи. Въ духовно-литературномъ мірѣ почтенный профессоръ извѣстенъ многими своими статьями, которыя онъ помѣщалъ не только въ духовныхъ, но и свѣтскихъ журналахъ. Перу Т. В. Барсова принадлежатъ слѣдующіе крупныя ученые труды: «Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью», «О каноническомъ элементѣ въ церковномъ управленіи» (сочиненіе, за которое онъ удостоенъ былъ степени доктора церковнаго права), «О святѣйшемъ синодѣ въ его прошломъ», «Синодальныя учрежденія прежняго времени», «Синодальныя учрежденія настоящаго времени», «Сборникъ дѣйствующихъ и руководственныхъ постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія» и нѣкоторые другіе. Скончавшійся профессоръ отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ въ своихъ ученыхъ работахъ; по характеру это былъ прямой, рѣшительный и откликающійся на добрыя начинанія человекъ. Смерть его вызоветъ, безспорно, глубокія сожалѣнія у многочисленныхъ его учениковъ, сослуживцевъ и знакомыхъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10002; «Петербургскій Листокъ», 1904 г., № 7; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 6).

† **Величко, В. Л.** 30 декабря въ С.-Петербургѣ скончался извѣстный русскій поэтъ и даровитый публицистъ, Василій Львовичъ Величко. Покойный происходилъ изъ малороссійскаго дворянскаго рода и былъ потомкомъ извѣстнаго малороссійскаго лѣтописца Самуила Величка, оставившаго живое описаніе событій юго-западной Россіи въ XVII столѣтіи, въ эпоху Хмельницкаго и борьбы Малороссіи съ польскою короной. Наслѣдственныя черты сказались и въ поэтической дѣятельности Василя Львовича. Поэзія прошлаго и вообще эпическій элементъ въ ней особенно сиденъ и ярокъ. Родился Василій Львовичъ въ 1860 году, въ Прилукахъ, и воспитывался въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1883 году. Еще въ училищѣ онъ началъ писать стихи, а съ 1880 года и печаталъ ихъ. Между прочимъ, первыя обратившія на себя вниманіе публики и критики стихотворенія его появились въ «Новомъ Времени». Затѣмъ быстро молодой поэтъ завоевалъ общую симпатію, появлялся въ «Недѣлѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли». Нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній Величко подписывалъ псевдонимомъ В. Воронежскій. Въ 1890 году вышелъ первый сборникъ его пьесъ подъ заглавіемъ «Восточные мотивы». Дѣйствительно, міръ Востока служилъ темой многихъ его, подернутыхъ тонкимъ юморомъ, поэтическихъ картинокъ. Затѣмъ В. Л. писалъ и прозой («Нежданчикъ», «Записки духа»), гдѣ особенно сказывался его малороссійскій юморъ, наконецъ, имъ былъ написанъ легкій драматическій этюдъ «Первая муха», для сцены приспособленный г. Викторомъ Крыловымъ. Если первая половина литературной дѣятельности Василя Львовича

была временемъ уснѣха и популярности, то вторая прошла въ очень тяжелой идейной борьбѣ. Тутъ именно покойному пришлось испытать много горечи. Выступивъ на поприще журналиста, какъ редакторъ-издатель тифлисской газеты «Кавказъ», и благодаря этому приблизившись и окупившись въ будничныя дразги того Востока, который рисовался раньше его воображенію только съ поэтической своей стороны, Величко видимо былъ пораженъ контрастомъ. Онъ слишкомъ близко принялъ къ сердцу кавказскія злосбыдня, пылко ринулся на ихъ обличеніе и проигралъ въ этой борьбѣ. Ему пришлось отказаться отъ изданія газеты и возвратиться въ Петербургъ. Когда надъ безвременной могилой поэта успокоятся страсти, можетъ быть, въ его «армяно робіи» признаютъ просто гнѣвное слово искренно возмущеннаго человѣка-гражданина, признаютъ, что иначе и нельзя было отнестись искреннему писателю къ той оборотной сторонѣ «Восточныхъ мотивовъ», поэтическую сторону которыхъ онъ такъ изящно выразилъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Последніе три года Величко посвятилъ Русскому собранію, въ которомъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ, какъ лекторъ, блестящій ораторъ и убѣжденный русскій націоналистъ. Являясь въ то же время редакторомъ «Русскаго Вѣстника», перешедшаго къ В. В. Комарову, Василій Львовичъ помѣщалъ здѣсь ежемѣсячныя политическія статьи, подъ заглавіемъ «Русскія рѣчи». Кроме того, онъ написалъ историческую драму стихами «Меншиковъ» и издалъ отдѣльною книгою прекрасную біографію покойнаго Владимира Соловьева, дружбою и уваженіемъ котораго неизмѣнно пользовался и въ ведро, и въ невастье. Эта книга разошлась быстро и потребовала второго изданія. Талантливый, задушевный поэтъ, увлекающійся, горячій журналистъ, убѣжденный сторонникъ исконныхъ творческихъ русскихъ началъ, Василій Львовичъ былъ добрымъ, отзывчивымъ, сердечнымъ человѣкомъ. Мы знаемъ, что въ своемъ черниговскомъ имѣніи онъ на всю округу пользовался симпатіей крестьянъ, которые шли къ нему со слезами и печальми, и совершенно подчинялись его совѣтамъ и рѣшеніямъ. Конечно, онъ былъ болѣе поэтъ и философъ, чѣмъ журналистъ. Онъ и жаждалъ покоя, сельской тишины и трудовой созерцательной жизни за медленными созданіями поэтической фантазіи. Бурное поприще журналистики было не по немъ. Оно и надорвало его силы. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 9995; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 2; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 2; «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1904 г., № 3; «Впленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 146; «Варшавскій Дневничекъ», 1904 г., № 9; «Таганрогскій Вѣстникъ», 1904 г., № 6).

† Девель, **О. В.** 3-го ноября, въ городѣ Котельничѣ, Вятской губерніи, скончался немало поработавшій въ области популярной народной литературы, Ѳедоръ Владимировичъ Девель. Покойный происходилъ изъ нѣмецкой семьи и родился въ Западномъ краѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ Ѳедоръ Владимировичъ окончилъ петрозаводскую гимназію, а въ началѣ 80-хъ годовъ и юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, послѣ чего служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ Нижегородской губерніи. Судебная дѣятельность, однако, не привлекала покойнаго, и онъ скоро вышелъ въ отставку, посвятивъ себя журналистикѣ и сотрудничая въ «Посредникѣ» и другихъ періодическихъ изда-

ніяхъ. Изъ трудовъ Федора Владимировича, кромѣ ряда печатавшихся въ земской «Вятской газетѣ», можно указать на «Разказы о Восточной Сибири», «Сельскія и городскія общества потребителей и общественныя лавки» и другія. Занесенный случаємъ въ глухой городъ Вятскаго края, Федоръ Владимировичъ, естественно, тяготился невозможностью заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ, а тяжкая болѣзнь послѣдняго времени довершила конецъ на 45 году его жизни. Федоръ Владимировичъ Девель принадлежалъ къ тѣмъ скромнымъ, но твердымъ въ своихъ принципахъ людямъ, которые въ жизни проходятъ большинствомъ незамѣченными, но при близкомъ знакомствѣ поражаютъ всякаго своею чистотой и дѣльностью. (Некрологъ его: «Иркутскія Губернскія Вѣдомости», 1903 г., № 3594).

Корочевскій, Д. А. † 18-го декабря, скончался въ Петербургѣ, въ возрастѣ 61-го года, извѣстный литераторъ и этнологъ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, Дмитрій Андреевичъ Корочевскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи, родился въ 1842 году, воспитывался въ 4-й московской гимназіи, получилъ высшее образованіе на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета Московскаго университета. Окончивъ курсъ въ 1863 году, онъ пробылъ нѣкоторое время за границей, а съ 1868 года поселился въ Петербургѣ и здѣсь принялъ дѣятельное участіе въ изданіи и редакціи журнала «Знаніе». Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1870 году въ цѣляхъ ознакомленія въ популярной формѣ съ результатами различныхъ отраслей науки. Д. А. помѣстилъ въ немъ рядъ статей по этнологіи: «Переселенія народовъ», «Миѣы дѣтскихъ сказокъ», «Реальныя основы мистическихъ явленій» и другія. Хотя журналъ этотъ составлялся только изъ научныхъ, оригинальныхъ и переводныхъ статей, однако онъ получилъ три предостереженія и въ 1875 году былъ приостановленъ на шесть мѣсяцевъ; окончательно онъ прекратился въ 1877 году, и его замѣнилъ съ 1878 году литературно-политическій журналъ «Слово», издававшийся также при участіи Д. А., но просуществовавшій недолго. Въ этомъ журналѣ Д. А. помѣстилъ нѣсколько статей о родовомъ бытѣ у древнихъ народовъ. Въ 1870-хъ же годахъ подъ редакціей Д. А. вышли переводы классическихъ сочиненій: Тэйлора — «Первобытная культура», Лѣббока — «Начала цивилизаціи». Послѣ прекращенія «Слова» Д. А. былъ нѣкоторое время редакторомъ «Новаго Обзорѣнія», а позже сотрудничалъ въ «Трудѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Наблюдателѣ», «Сѣверѣ», помѣщая въ нихъ очерки по этнологіи и ведя научное обзорѣніе. Не былъ чуждъ Д. А. и беллетристикѣ: имъ былъ напечатанъ между прочимъ подъ псевдонимомъ Таранскаго романъ «Золотое сердце». Съ 1880-хъ годовъ Д. А. сосредоточился на этнологіи и географіи; имъ былъ написанъ рядъ популярныхъ этюдовъ: («Разказы про дикаго человѣка», «Басни и сказки дикихъ народовъ», «Ливингстонъ» 1889 г. (въ «Библіотекѣ Павленкова»), «Люди и жизнь африканскихъ народовъ», «Меланезійцы» и «Полинезійцы», «Ручей и его исторія». Профессорская дѣятельность Д. А. началась на склонѣ его дней. Онъ началъ читать лекціи въ 1897 году на педагогическихъ курсахъ по географіи. Слушательницы любили Д. А. Приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета по каедрѣ антропологіи и географіи и завѣдующимъ этнографическимъ кабине-

томъ Д. А. сдѣлался въ 1897 году, послѣ смерти Э. Э. Петри. Благодаря Д. А., этнографическій кабинетъ университета обогатился массою цѣнныхъ предметовъ и значительно расширился. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 351; «Новости Дня», 1903 г., № 7379; «Днѣпровскій Вѣстникъ», 1903 г., № 116).

Ржешотарскій, А. А. † 3-го января скончался главный металлургъ Обуховскаго сталелитейнаго завода и профессоръ С.-Петербургскаго политехническаго института Альфонсъ Александровичъ Ржешотарскій. Покойный родился въ царствѣ Польскомъ въ 1847 году и высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, который окончилъ въ 1875 году. Нѣкоторое время онъ служилъ на Путиловскомъ заводѣ, откуда вскорѣ перешелъ на Обуховскій заводъ, гдѣ долго завѣдывалъ бессемеровской мастерской и отжигомъ и закалкою орудій, а въ 1899 году былъ назначенъ на должность главнаго металлурга завода. Въ 1902 году А. А. занялъ кѣедрѣ металлургіи въ политехническомъ институтѣ, не оставляя въ то же время своихъ занятій на заводѣ. Изъ многочисленныхъ научныхъ трудовъ почившаго профессора наиболѣе извѣстны: «Структура стали», «Теорія закалки», «Металлографія», «О бессемерованіи» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 9999).

† **Серебряковъ, А. Т.** 15-го декабря скончался сенаторъ Александръ Тимоѣевичъ Серебряковъ. Покойный родился въ 1841 году; образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету. Служебная дѣятельность его началась въ сенатѣ въ 1861 году; въ 1864 году онъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ оберъ-аудиторомъ и присутствовалъ «для содѣйствія членамъ отъ морскаго вѣдомства при занятіяхъ военно-кодификаціонной комиссіи, въ усиленномъ составѣ разсматривавшей проектъ военнаго устава о наказаніяхъ», при чемъ ему поручались работы по разсмотрѣнію этого проекта. Затѣмъ ему пришлось принимать участіе въ комиссіи для составленія проекта постановленій особой части воинскаго устава о наказаніяхъ. Въ 1867 году А. Т. Серебряковъ былъ назначенъ прокуроромъ петербургскаго военно-морскаго суда; въ 1868 году — юрисконсультomъ морскаго министерства. Покойному приходилось принимать участіе въ цѣломъ рядѣ комиссій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Въ 1880 году онъ состоялъ старшимъ чиновникомъ при сенаторѣ Шамшинѣ, ревизовавшемъ губерніи Саратовскую и Самарскую. Въ 1882 году А. Т. Серебряковъ былъ назначенъ въ особую комиссію подъ личнымъ руководствомъ управляющаго морскимъ министерствомъ для пересмотра положенія, наказа и штата морскаго министерства. Въ 1892 году покойный былъ назначенъ представителемъ отъ морскаго министерства въ образованную при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ комиссію для разсмотрѣнія претензій великобританскаго правительства по поводу захвата нашими крейсерами канадскихъ промысловыхъ шкуновъ, занимавшихся недозволеннымъ боемъ морскихъ котиковъ въ русскихъ водахъ Берингова моря. Въ 1893 году А. Т. Серебряковъ принималъ участіе въ трудахъ комиссіи по охранѣ котиковыхъ промысловъ на Беринговомъ морѣ. Покойный занималъ по томъ должность директора канцеляріи морскаго министерства, а въ послѣднее время состоялъ сенаторомъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9982; «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 345).

† **Стрекалова, А. Н.** 13-го января скончалась послѣ продолжительной болѣзни чтимая всею Москвою кавалерственная дама Александра Николаевна Стрекалова. Имя покойной пользовалось рѣдкою популярностью среди всѣхъ слоевъ столичнаго населенія. Она много и плодотворно поработала на поприщѣ благотворительности. По ея инициативѣ возникло множество благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений въ Москвѣ, которымъ покойная посвятила затѣмъ свои заботы и силы. А. Н. отличалась замѣчательной энергіей и къ каждому дѣлу относилась съ любовью. Ею были основаны въ Москвѣ общество поощренія трудолюбія, Троицкая больница для неизлѣчимо-больныхъ женщинъ, которой нынѣ присвоено название «Стрекаловской», общество распространенія полезныхъ книгъ, «Московский муравейникъ» и пр. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. по ея инициативѣ было открыто въ Москвѣ убѣжище для увѣчныхъ воиновъ. До послѣднихъ своихъ дней А. Н. принимала живѣйшее участіе не только во всѣхъ основанныхъ ею учрежденіяхъ, но и въ другихъ, преслѣдовавшихъ цѣли оказанія помощи нуждающимся и обездоленнымъ. Она умѣла сосредоточить вокругъ себя лицъ дѣятельныхъ и готовыхъ поработать на пользу ближнихъ, чтѣ содѣйствовало широкому развитію и процвѣтанію тѣхъ учреждений, въ которыхъ она была предсѣдательницей и виднымъ дѣятелемъ. Она участвовала между прочимъ въ дамскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ, въ московскомъ дамскомъ комитетѣ Краснаго Креста, въ дамскомъ благотворительномъ тюремномъ комитетѣ, въ обществѣ для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета и въ другихъ учрежденіяхъ. При ея содѣйствіи открыты литографская и типографская школы при обществѣ распространенія полезныхъ знаній и множество женскихъ профессиональныхъ училищъ. По рожденію покойная принадлежала къ фамиліи князей Касаткиныхъ-Ростовскихъ. Воспитывалась она въ московскомъ пансіонѣ. Выйдя замужъ, жила нѣсколько лѣтъ за границей; въ 1860-хъ годахъ поселилась въ Москвѣ и съ того времени разставалась съ нею ненадолго и рѣдко, посвящая все свое время дѣлу просвѣщенія и помощи нуждающимся. Умерла она 83 лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память среди всѣхъ знавшихъ и почитавшихъ ее. (Некрологи ея: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 14; «Новое Время», 1904 г., № 10010).

† **Турчиновичъ-Выжнекевичъ, В. И.** 7-го января, скончался на кронштадтскомъ фортѣ «Императоръ Александръ I» отъ легочной чумы магистръ ветеринарныхъ наукъ Владиславъ Ивановичъ Турчиновичъ-Выжнекевичъ. Четыре года тому назадъ въ Кронштадтѣ на Александровскомъ фортѣ устроена лабораторія для изготовленія противочумныхъ препаратовъ. Возникла лабораторія по инициативѣ института экспериментальной медицины. Около двухъ лѣтъ назадъ на должность завѣдующаго лабораторіей назначенъ ветеринарный врачъ, членъ-сотрудникъ института В. И. Турчиновичъ-Выжнекевичъ, бывший питомецъ казанскаго ветеринарнаго института. Выжнекевичъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ усердно занимался изслѣдованіемъ способовъ борьбы съ чумою рогатаго скота. Имъ основана испытательная станція въ Тифлисской губерніи, затѣмъ онъ съ Кавказа переселился въ Сибирь въ г. Читу, гдѣ также основалъ станцію для изслѣдованія бактерій чумы рогатаго скота. Затѣмъ Вы-

жнекевичъ переселился въ Петербургъ и сталъ работать въ лабораторіи института экспериментальной медицины вмѣстѣ съ профессоромъ Ненцикомъ, въ качествѣ его ассистента, и изслѣдовалъ бактерія чумы у людей. Помимо лабораторныхъ трудовъ, Выжнекевичъ написалъ цѣлый рядъ научныхъ сочиненій по своей специальности... Назначенный завѣдывающимъ лабораторіей на Александровскомъ фортѣ Выжнекевичъ горячо принялся за страстно любимое дѣло. О способностяхъ его къ работѣ и энергіи ясно свидѣтельствуется богатая коллекція микробовъ, препаратовъ, заспиртованныхъ чумныхъ животныхъ и проч. На фортѣ императора Александра I работы въ лабораторіи были сосредоточены на производствѣ прививокъ по способу доктора Хавкина и изслѣдованій надъ живыми чумными культурами при помощи постепенной иммунизации животнаго. Выжнекевичъ заразился чумой во время опытовъ надъ живыми чумными культурами. 3-го января вечеромъ онъ почувствовалъ себя дурно. Немедленно былъ вызванъ изъ Петербурга проф. Заболотный. Всѣ принятые къ спасенію больного мѣры остались безрезультатны. Ему не помогли нѣсколько разъ производившіяся вырыскиванія противочумной сыворотки. Острая, безпощадная форма легочной чумы пересилила науку, опытъ и знанія. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10006; «Волгарь», 1904 г., № 12).

† **Фелицынъ, Е. Д.** Въ концѣ декабря скончался въ Екатеринодарѣ Евгений Дмитриевичъ Фелицынъ, предѣдатель археографической комиссіи при канцеляріи главнотачальствующаго гражданской частью на Кавказѣ. Е. Д. происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и родился въ 1848 году. Образование онъ получилъ въ Ставропольской гимназіи. Съ 1867 года Е. Д. непрерывно состоялъ на военной службѣ и принималъ участіе въ покореніи Западнаго Кавказа и въ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Съ 1879 по 1892 годъ Е. Д. редактировалъ неофициальную часть «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей», исполняя въ то же время обязанности секретаря Кубанскаго областного статистическаго кабинета. Покойный не разъ былъ командированъ на ученые съѣзды въ качествѣ спеціалиста. Несмотря на свои служебныя занятія, Е. Д. находилъ время и для занятій наукою, которую онъ страстно любилъ. Перу его принадлежитъ много сочиненій, имѣющихъ характеръ этнографическій, статистическій, археологическій и т. д. Преждевременная смерть его—большая и, пожалуй, незамѣнимая потеря для мѣстной археологіи. Онъ оказалъ такія же заслуги Кубанской области, какъ І. В. Бенгковскій для Ставропольской губерніи. Скромный, конфузливый, Е. Д. вездѣ искалъ предметовъ, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи. Дай Богъ, чтобы въ Ставрополѣ и Екатеринодарѣ нашлись труженики науки, которые могли бы замѣнить І. В. Бенгковского и Е. Д. Фелицына. (Некрологъ его: «Сѣверный Кавказъ», 1903 г., № 152).

† **Фенцикъ, Е.** 22-го ноября, въ селѣ Горнячевѣ, Марамороскаго комптата, въ Угорской Руси скончался на шестидесятомъ году жизни священникъ Евгений Фенцикъ, общественный угрорусскій дѣятель и редакторъ журнала «Листокъ». Покойный Е. Фенцикъ воспитывался въ угварской гимназіи; высшее образованіе онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ по богословскому факультету, послѣ окончанія котораго онъ принялъ духовный санъ и былъ

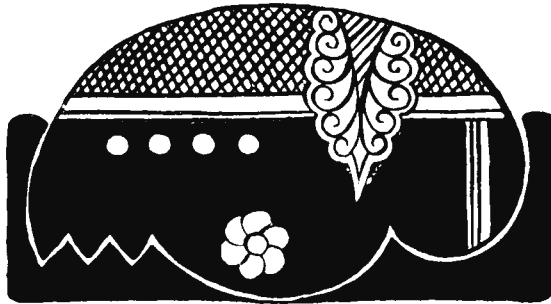

назначенъ настоятелемъ прихода. Всю свою жизнь Е. Фенцикъ посвятилъ религиозно-нравственному просвѣщенію народа. Онъ училъ и наставлялъ своихъ прихожанъ и въ свободное отъ пастырскихъ занятій время занимался литературнымъ трудомъ. Его статьи и письма печатались въ угрорусскихъ газетахъ «Свѣтъ», «Новый Свѣтъ», «Карпатъ» и въ львовской газетѣ «Слово». Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько народныхъ брошюръ, календарей и богословскихъ книгъ (Литургику и Молитвословъ), а также повѣсть «Въ отчизнѣ безъ отечества». Дѣятельность его, какъ издателя «Листка», принесла русскому дѣлу истинную пользу. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ отстаивалъ и защищалъ въ русскомъ Закарпатѣ интересы угрорусскаго населенія и являлся достойнымъ представителемъ общерусской идеи. Общественно-литературная дѣятельность Е. Фенцика началась въ 1867 году. Въ этомъ году, какъ извѣстно, Венгрія получила политическую самостоятельность на основаніи соглашенія съ Австріей, преобразовавшейся въ дуалистическое Австро-Венгерское государство. Мадыры широко развернули свой національный напоръ, начертавъ на немъ свою панмадырскую программу, по которой все населеніе Венгрії должно сдѣлаться мадырскимъ. Началась усиленная мадыризація всѣхъ немадырскихъ народностей. Кромѣ словаковъ, особенно пострадали русскіе. Изданіе русскихъ газетъ «Свѣтъ» и «Новый Свѣтъ» было пріостановлено, а дальнѣйшее существованіе третьей русской газеты «Карпатъ» было обусловлено новою программою, по которой редація газеты обязывалась наполнять половину номера статьями на мадырскомъ языкѣ. Со временемъ всѣ статьи «Карпата» стали печататься исключительно по-мадырски; осталось только русское заглавіе газеты. Наконецъ и его тоже замѣнили мадырскимъ. Русскій ручеекъ долженъ былъ изсякнуть для того, чтобы дать просторъ напирющимъ волнамъ мадырской «мегаломаніи». Такимъ образомъ изданіе русскихъ газетъ прекратилось, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Угорской Руси не было ни одного русскаго органа. Только осенью 1885 года Евгеній Фенцикъ принялся за изданіе въ г. Унгварѣ «Листка» и популярнаго приложенія къ нему, предназначеннаго для угрорусскихъ крестьянъ, и, несмотря на всевозможныя препятствія, онъ издавалъ его непрерывно въ продолженіе семнадцати лѣтъ до послѣднихъ дней своей жизни. Въ 1898 году, благодаря заботамъ Е. Фенцика, въ городѣ Унгварѣ появилось новое русское изданіе «Наука». Оно печаталось на средства ужгородскаго литературнаго общества св. Василія Великаго. Желая подорвать значеніе «Науки», мадырское правительство стало издавать народную газету «Недѣля» въ тенденціозно-мадырскомъ духѣ. Располагая правительственною субсидіей, «Недѣля» составила ужгородской «Наукѣ» серьезную конкуренцію и нанесла матеріальный ущербъ «Листку», но, благодаря энергіи и возвышенному патриотизму Фенцика, изданіе «Листка» не прекратилось. Особенное уваженіе и симпатію онъ питалъ къ извѣстной славяно-русской патриоткѣ Софіи Александровнѣ Леонтьевой-Левинской, которая своими патриотическими письмами и воодушевленными стихами ободряла его и поддерживала въ немъ патриотическія чувства. Въ львовскомъ «Словѣ» Е. Фенцикъ напечаталъ (подъ псевдонимомъ «Владимиръ») нѣсколько стихотвореній и посвятилъ ихъ «Русской солдаткѣ», то-есть

С. А. Левицкой, которая, какъ происходящая изъ военной семьи и какъ вдова военнаго генерала, подписывала большинство своихъ стихотвореній этимъ излюбленнымъ ею псевдонимомъ. О. Евгеній скончался, оставивъ по себѣ память образцоваго священника и самоотверженнаго русскаго дѣятеля. (Некрологъ его: «Варшавскій Дневникъ», 1903 г., № 355).

† **Фредериксъ, М. П., баронесса.** 21-го ноября, скончалась въ Крыму фрейлина ихъ императорскихъ величествъ, баронесса Марія Петровна Фредериксъ. Покойная принадлежала къ числу лицъ, по инициативѣ которыхъ возникло и широко развилось въ Россіи «Общество Краснаго Креста». Совмѣстно съ М. С. Сабининой и лейбъ-медикомъ И. Я. Карелемъ, М. П. Фредериксъ въ 1866 году начала проводить въ жизнь идеи Краснаго Креста, пропагандируя ихъ въ средѣ лицъ высшаго круга и вербуя членовъ-учредителей. Въ началѣ 1867 года число членовъ-учредителей достигло 53, и представилась возможность созвать учредительское собраніе, происходившее, какъ и послѣдующія засѣданія, въ квартирѣ Маріи Петровны въ Зимнемъ дворцѣ. Ею же, совмѣстно съ М. С. Сабининой, былъ составленъ проектъ устава общества, который по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ, былъ окончательно разработанъ и утвержденъ. М. П. Фредериксъ была непосредственно докладчицею по дѣламъ вновь возникшаго общества Краснаго Креста передъ государынею императрицею Марією Александровною, близко интересовавшеюся учрежденіемъ общества и вполнѣдствіи принявшею его подъ свое высокое покровительство. Въ первомъ же общемъ собраніи членовъ общества, происходившемъ въ маѣ 1867 года, Марія Петровна была избрана единогласно почетнымъ его членомъ. Во время франко-прусской войны 1870 года Марія Петровна совмѣстно съ своимъ другомъ М. С. Сабининой отправилась на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ ознакомилась съ военно-санитарнымъ дѣломъ воюющихъ сторонъ и съ эвакуаціею больныхъ и раненыхъ, попутно изучая госпитали и лазареты въ Германіи и Франціи, и все, что касалось «Краснаго Креста». По возвращеніи изъ-за границы, въ 1872 году Марія Петровна приступила къ устройству въ принадлежащемъ ей въ Ялтѣ имѣніи общины сестеръ милосердія и церкви. Въ маѣ 1876 года община сестеръ милосердія и церковь при ней были окончены, персоналъ сформированъ и зданія освящены. Затѣмъ во время русско-турецкой войны мы видимъ Марію Петровну работающею со своими сестрами въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ и въ лазаретахъ Краснаго Креста на эвакуаціонныхъ пунктахъ, гдѣ она, не щадя здоровья и силъ, отдавала также и личныя свои средства на помощь страждущему воинству. Не довольствуясь одною общиною, Марія Петровна устроила въ своемъ имѣніи въ Крыму образцовую больницу. Послѣднимъ ея дѣломъ для Краснаго Креста было крупное пожертвованіе въ 1902 году ялтинской общинѣ сестеръ милосердія, состоящихъ въ имѣніи ея «Джеміетъ» въ 4—5 верстахъ отъ Ялты, двухъ участковъ земли съ находящеюся на нихъ церковью, домомъ и часовнею. Красный Крестъ понесъ большую потерю въ лицѣ этой замѣчательной женщины, жизнь которой была посвящена всему прекрасному и человѣчному. Память о ней останется навсегда въ сердцахъ тѣхъ, кто имѣлъ случай ее узнать. (Некрологъ ея: «Крымскій Курьеръ», 1903 г., № 333).

† **Шабельская, Н. Л.** 7-го января, скончалась въ Ниццѣ одна изъ первыхъ и неутомимыхъ собирательницъ древнихъ художественно-бытовыхъ предметовъ и владѣлица богатѣйшей коллекціи памятниковъ творчества русской женщины былого времени. Богатая образцами стариннаго русскаго шитья, старинныхъ матерій и своеобразно-роскошными старинными костюмами, коллекція эта, собранная покойной въ течение многихъ и многихъ лѣтъ, съ тонкимъ знаніемъ дѣла, представляетъ собою серіозный интересъ не только для интересующагося прошедшимъ нашихъ предковъ, для изучающихъ народное искусство, но и для этнографа и археолога, имѣетъ также и чисто образовательное значеніе для учащагося юношества. Въ то же время, выражая собою замѣчательно ярко художественную сторону старинной русской жизни, коллекція эта является дорогимъ вкладомъ и для нашихъ отечественныхъ художниковъ. Покойная устраивала неоднократно выставки своихъ сокровищъ въ Петербургѣ и Москвѣ, предоставляя весь валовой сборъ съ нихъ благотворительнымъ обществамъ. Изъ числа этихъ выставокъ памятна устроенная ею въ залахъ дворца великаго князя Николая Николаевича и въ стѣнахъ Московскаго историческаго музея въ 1896 г. во время коронаціонныхъ дней. Принадлежитъ къ старинному дворянскому роду, рано овдовѣвъ, Н. Л. поселилась въ Москвѣ, гдѣ въ ея домѣ-особнякѣ каждый находилъ и радушный пріемъ и дорогія указанія въ ея родномъ дѣлѣ. За послѣднія пять лѣтъ Н. Л. начала изданіе снимковъ своихъ коллекцій, и ею были выпущены въ свѣтъ нѣсколько томовъ изящно и богато отпечатанныхъ альбомовъ. (Некрологи ея: «Курьеръ», 1904 г., №13; «Новое Время», 1904 г., №10006).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина первая.

Дѣйствующія лица.

Княжна.
Графъ Орловъ.
Доманскій.
Франциска фонъ-Мешедо.
Слуга.

СЦЕНА: роскошная гостиная въ палаццо у княжны. Двери въ задней стѣнѣ и сбоку. Налѣво окна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княжна и Франциска.

ФРАНЦИСКА.

Ну, вотъ, на новосельѣ мы опять!
Ужъ сколько съ вами мѣсть перемѣнили
Въ короткое мы время! Какъ цыганы,
Туда-сюда мы бродимъ...

КНЯЖНА.

Что такое?!
Ты къ мѣсту природы, какъ грибъ, готова.
Насъ приняли здѣсь такъ, что даже ты
Должна быть всеѣмъ довольна. Графъ Орловъ...
Какая прелесть!.. Какъ онъ деликатенъ,
Почтителенъ!.. Франциска, что ты скажешь?
Не правда ли—красавецъ?

ФРАНЦИСКА.

Графъ Орловъ

Мужчина очень крупный и красивый.
Друзья всѣ ваши прежніе предъ нимъ
Совсѣмъ не интересны, даже тотъ,
Въ Парижѣ, графъ Огинскій. Панъ Доманскій
Не дурень, да, но можно ли съ Орловымъ
Сравнить его! А прежній обожатель,
Князь Лимбургскій, еще маркизъ въ Парижѣ
И старый де-Маринъ, Вантурсъ, который
Былъ въ Гентѣ, какъ банкротъ, въ тюрьму посажень...

княжна [прерываетъ].

Не станешь ли ты всѣхъ перебирать!
Какъ глупо!

ФРАНЦИСКА.

Я отлично помню всѣхъ
Какъ въ Гентѣ, такъ и въ Лондонѣ, въ Парижѣ...

княжна.

Довольно, перестань! Краснѣть должна я,
А ты болтать готова съ наслажденьемъ
Про то, что позабыто!

ФРАНЦИСКА.

Ну, а мнѣ

Пріятно вспомнить. Право, не бѣда,
Коль женщина къ себѣ такъ привлекаетъ,
Что страстью къ ней пылаютъ всѣ мужчины,
Что за носъ водятъ ихъ и денегъ много...

княжна [прерываетъ].

Сказала ужъ, не смѣй болтать про это!

ФРАНЦИСКА.

А графъ Орловъ красавецъ...

княжна [со вздохомъ].

Жалко, я

Такъ страшно подурнѣла!

ФРАНЦИСКА.

Отъ болѣзни.

КНЯЖНА.

Такъ, значить, подурнѣла я?

ФРАНЦИСКА.

Худѣ

Немного стали.

КНЯЖНА.

Это не бѣда.

ФРАНЦИСКА.

Блѣднѣй, а все-жъ попрежнему прекрасны.
Но, кромѣ красоты, есть что-то въ васъ,
Что дѣлаетъ мужчинъ совсѣмъ смѣшными,
Такъ страстно ихъ пылаютъ къ вамъ сердца,
И такъ они теряютъ свой разумъ.

КНЯЖНА.

И это нѣчто есть во мнѣ теперь,
Какъ прежде было?

ФРАНЦИСКА.

Боже мой, конечно!

КНЯЖНА [послѣ задумчивости].

Мнѣ хочется играть. Открой мнѣ арфу.
[Франциска снимаетъ съ арфы чехоль. Княжна играетъ. Пауза].
Замѣтила глаза его?

ФРАНЦИСКА.

Орлова?

КНЯЖНА.

Его, конечно.

ФРАНЦИСКА.

Чудные, а взгляды —
Не правда ль — дерзокъ?

КНЯЖНА.

Властный взглядъ и нѣжный,
Минутами когда...

[Играетъ. Пауза].

ФРАНЦИСКА.

Когда же?

КНЯЖНА [выходя из задумчивости].

Что?

Да, взглядъ его!.. Онъ нѣженъ былъ въ мгновенья,
Когда мой взоръ ловилъ...

[Играеть. Пауза].

Тогда упорно

Въ глаза мои съ магической силой
Впивался онъ, пока не потуплялась,
Зардѣвшись, я смущенная...

[Играеть. Пауза].

И дивно,

Чарующе то было впечатлѣнье!

ФРАНЦИСКА [занятая уборкою мелочей].

Какое?

КНЯЖНА.

Безтолкова ты ужасно!

ФРАНЦИСКА.

Да, графъ Орловъ!

КНЯЖНА [быстро встаетъ].

Отстань ты! Надоѣла!

[Ходить въ волненіи. Франциска уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Княжна и Доманскій.

КНЯЖНА [непривѣтливо].

Ну, панъ Доманскій, очень не довольны
Вы новымъ оборотомъ нашихъ дѣлъ?

ДОМАНСКІЙ.

Конечно.

КНЯЖНА [вспыльчиво].

Вы упорны. Безпристрастно
Взглянуть на дѣло можете ли вы?
Когда конфедераты, Радзивиллъ

Меня такъ подло бросили въ Рагузѣ;
 Когда и въ Римѣ всѣ мои старанья
 Добиться въ Ватиканѣ, чтобы мнѣ
 Существенную помощь оказали,—
 Окончились ничѣмъ, и тутъ же вскорѣ
 Маркизъ д'Античи, польскій резидентъ,
 Совѣтовалъ мнѣ вовсе дѣло бросить,
 Могла ли я Орлова предложенье
 Безумно отклонить?

ДОМАНСКІЙ.

Себѣ вы въ Римѣ,
 Какъ и вездѣ, отчасти тѣмъ вредили,
 Что правду отъ фантазіи у васъ
 Не очень отличить легко...

КНЯЖНА.

Я лгунья?

ДОМАНСКІЙ.

Неправду говоря, потомъ вы сами
 Ей вѣрите по-дѣтски. При умѣ,
 Находчивости вашей, все же трудно
 Поэтому ошибокъ вамъ не дѣлать,
 И даже легкомысленныхъ...

КНЯЖНА.

Я дура?!

ДОМАНСКІЙ.

Не станемъ горячиться. Хладнокровно
 Прошу васъ взвѣсить то, что я скажу.
 Порвавъ съ конфедератами, вамъ надо
 Искать поддержки въ польскомъ королѣ.
 Васъ въ Польшѣ примутъ съ радостью. Оттуда,
 При помощи магнатовъ, вамъ удобнѣй
 Возстаніе поднять въ самой Россіи.
 Опорой вамъ и наша церковь будетъ,
 А ненависть къ Россіи за раздѣлъ—
 Поручкой вамъ, что Польша вся воспрянетъ
 Въ защиту вашихъ правъ на русскій тронъ.
 Союзниковъ Россія не имѣетъ,
 А войнами, чужой и казнокрадствомъ
 Совѣмъ истощена и оскудѣла.

Дастъ внутренняя смута въ ней султану
 Возможность Кайнарджискій договоръ
 Нарушить вскорѣ. Новая война
 У Турціи съ Россіей возгорится.
 Вотъ вѣрный путь исканій нашихъ. Сами
 Вы этотъ планъ преслѣдовали въ Римѣ,
 Съ настойчивостью твердой, а теперь
 Довѣрились Орлову.

княжна.

Но не слѣпо.

доманскій [съ ироніей].

«Не слѣпо», говорите вы! Однако жъ
 Вы съ перваго свиданія съ Орловымъ
 Плѣнились имъ и даже изъ приличья
 Не скрыли вашихъ чувствъ при постороннихъ;
 А то вѣдь былъ приемъ офиціальнѣй,
 И всѣ на васъ взирали съ уваженьемъ,
 Хотя Орловъ, конечно, притворялся
 И внутренно смѣялся, преклоняя
 Колѣна передъ вами...

княжна [гнѣвно].

Изъ терпѣнья

Чтобъ вышла я,—вы этого хотите?

доманскій [горячо и сердечно].

Сдержите ваши чувства! Станьте выше
 Той слабости и влюбчивости вашей,
 Которая туманитъ вашъ разумъ
 И столько вамъ надѣлала вреда,
 Теперь же довести и вовсе можетъ
 До пагубныхъ послѣдствій.

княжна.

Полно каркать,

Какъ воронъ вѣщій! Мнѣ надоѣдаютъ
 Совѣты ваши, сцены, наставленья.
 Въ васъ ревность говоритъ. Она жъ слѣпа,
 И вы себя терзаете напрасно.

доманскій.

Напрасно ли?.. Да, въ васъ мои терзанья
 Встрѣчаютъ равнодушную холодность,

Досаду даже. Это все понятно
И къ этому привыкнуть мнѣ пора.
Теперь серьезнѣй дѣло. Личнымъ чувствамъ
Я долженъ предпочесть, забывъ себя,
Лишь ваши интересы, безопасность
И ваше благо...

княжна.

Да съ чего вы взяли,
Что по уши въ Орлова я влюбилась?!
Досадно даже! Искренно ли, нѣтъ ли,
Но онъ ко мнѣ, какъ къ дочери царицы,
Какъ къ будущей монархинѣ отнесся.
Что дальше будетъ,—время есть увидѣть.

доманскій.

Коль ревность ослѣпляетъ, страсть подавно.
Въ васъ графъ Орловъ, какъ дерзкій волокита,
Намѣтилъ ужъ предметъ своей любви.
Восторгъ ему, казалось, вы внушили....

княжна [прерываетъ].

А развѣ невозможно это? Развѣ
И въ этомъ вы лишь видите притворство?

доманскій.

Я вижу то, что цѣли онъ достигъ;
Что, этимъ очарованная, вы
Ему въ отвѣтъ замѣтно проявили
Такое жъ восхищенье; а оно
Зажжетъ и страсть въ душѣ мятежной вашей.
Но страсть слѣпа—еще я повторяю.
Довѣритесь вы графу—все пропало:
И ваши всѣ надежды, и свобода,
И жизнь, быть можетъ.

княжна.

Полноте, Доманскій!
Зачѣмъ пугать, меня же унижая?
Я чтонибудь да значу.

доманскій.

Да, конечно.
Для всякаго, кто любитъ васъ, значенье
Имѣетъ ваша воля, ваше благо,

И вамъ же подчинится всякій. Я—
 Не лучший ли примѣръ? Но графъ Орловъ
 Совсѣмъ другой породы. Честолюбецъ,
 Себя онъ выше въ жизни никого
 Не ставилъ и не будетъ ставить. Знайте!
 И мой совѣтъ: обдумать все спокойно,
 Забывъ, что для меня вы—все на свѣтѣ!

[Быстро уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Княжна, Франциска и потомъ слуга.

ФРАНЦИСКА [въ боковую дверь торопливо].

Пріѣхалъ графъ Орловъ.

КНЯЖНА.

Принять, конечно!

[Подходить къ зеркалу и оправляется].

Ахъ, Боже мой, къ лицу ли я одѣта!
 Конечно, нѣтъ!... Францискѣ говорила
 Подать другое платье. Нѣтъ, мы спорить!
 Упряма невозможно!...

СЛУГА [распахнулъ дверь].

Графъ Орловъ!

[По входѣ графа затворяетъ дверь и уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княжна и графъ Орловъ [въ лентѣ, отвѣшиваетъ почтительный поклонъ].

КНЯЖНА.

Какъ мило, графъ, что вспомнили меня!

[Протягиваетъ руку, которую Орловъ почтительно цѣлуетъ].

ОРЛОВЪ [не садясь].

Пріятнымъ для себя почелъ я долгомъ
 Вамъ выразить нижайшее почтенье.
 Изволите ли всѣмъ вы быть довольны?

КНЯЖНА.

Я тронута заботливостью вашей.

Прошу, садитесь, графъ.

[Садятся].

ОРЛОВЪ.

Мой долгъ священный
Быть вашего высочества покорнымъ
И преданнымъ слугою.

КНЯЖНА.

Мнѣ пріятно,
Довѣрясь вашей честности высокой,
Все больше убѣждаться въ томъ, что я
Имѣю въ васъ надежную опору,
Защитника имѣю правъ своихъ.

ОРЛОВЪ.

Открывъ мнѣ тайну вашего рожденья
Еще въ письмѣ извѣстномъ изъ Рагузы,
Тогда ужъ вы союзника имѣли
Въ лицѣ моемъ. Увидя васъ, сомнѣнья,
Что я введенъ въ обманъ—какъ то бывало—
Разсѣялись мои. Но ваша жизнь
Мнѣ мало такъ извѣстна...

КНЯЖНА.

Разскажу
Я все вамъ откровенно. Девять лѣтъ
При матери моей, императрицѣ,
Съ рожденья я жила уединенно.

ОРЛОВЪ.

При матери!

КНЯЖНА.

Вы помните ее.
Не правда ли, что всѣ ее любили?

ОРЛОВЪ.

Была она добра и милосердна,
И смертныхъ казней не было при ней.

КНЯЖНА.

Мнѣ очень бы хотѣлось знать подробнѣй
Про жизнь ея, и какъ вообще въ то время
Жилось при ней. Ребенкомъ я была,
И если помню что, то очень смутно.

ОРЛОВЪ.

Жилось привольно. Всѣхъ императрица
 Желала видѣть въ радости и счастья.
 То было время роскоши безумной.
 Изъ кожи лѣзли всѣ наперерывъ
 Затмить другъ друга блескомъ и богатствомъ.
 Сергѣй Нарышкинъ—первый русскій франтъ,
 Апраксинъ, Чернышевъ и Шереметевъ
 Всѣхъ больше отличались мотовствомъ
 И роскошью восточной. Слышалъ я,
 Пятнадцать тысячъ платьевъ будто было
 У матушки-царицы. Разъ, вишь, пять
 На дню она изволила мѣнять
 Свои наряды, а въ метаморфозахъ —
 Тогда такъ маскарады называли —
 Изволила въ мужскомъ являться платьѣ.
 Посты она всегда держала строго,
 А чтеніемъ себя не утруждала,
 То вреднымъ почитая для здоровья.
 Когда она скончалась, что же съ вами,
 Тогда ребенкомъ, случилось?

КНЯЖНА.

Петръ Голштинскій ¹⁾,
 Согласно завѣщанью, сталъ царемъ
 До времени, когда ужъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ
 Вступить я на престоль должна была.

ОРЛОВЪ [въ сторону].

Такъ врать, при томъ нимало не смущаясь!...

КНЯЖНА.

Но, мужа низложивъ, Екатерина
 Короною моею сама вѣнчалась.
 Какъ это все случилось, вамъ извѣстно.

ОРЛОВЪ.

Но не было извѣстно ваше право
 И даже то, что есть на бѣломъ свѣтѣ
 Наслѣдница и дочь Елизаветы.

---

¹⁾ Императоръ Петръ III.

княжна.

Меня въ Сибирь сослали. Цѣлый годъ
Жила я тамъ, пока одинъ священникъ
Меня, освободивъ изъ заточенья,
Не вывезъ изъ Сибири. Я попала
Къ казакамъ на Донъ. Тамъ друзья отца,
Напуганные данной мнѣ отравой,
Укрыть меня надежнѣй поспѣшили
И въ Персію отправили меня.

орловъ.

Сибирь и ядъ! Какъ это все ужасно!
Я сердцемъ содрогаюсь. Съ юныхъ лѣтъ
Въ такихъ несчастьяхъ тяжкихъ и въ неволѣ!
Печальный сей рассказъ усугубляетъ
Приверженность и чувство къ вамъ почтенья...
Нѣтъ, болѣе того... Но буду скромень
И слушаю, что дальше.

княжна.

Тамъ, у шаха,
Осыпанная милостями, я
Наукамъ и искусствамъ обучалась.
Нарочно изъ Европы шахъ ученыхъ
Для этой цѣли лучшихъ пригласилъ.
Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Тогда,
Рожденья моего открывъ мнѣ тайну,
Персидскій шахъ мнѣ руку предложилъ...

орловъ.

Плѣненный красотою вашей... Да,
Поистинѣ немного есть на свѣтѣ
Такихъ очаровательницъ, какъ вы!
Простите за нескромность, но неволью
Сказалось то, что чувствуется сердцемъ...

княжна [выразительно глядя на него].

Вы очень, графъ, любезны!

орловъ.

Что рассказъ
Былъ прерванъ мной—простите. Что же дальше?

княжна.

Но я, какъ православная, не смѣла
Вступить въ тотъ бракъ. Богатствомъ надѣливъ,
Меня отправилъ шахъ великодушный
Тогда въ Европу. Я въ мужскомъ костюмѣ,
Чтобъ узнанной не быть никѣмъ въ Россіи,
Изъѣздила ее, и въ Петербургѣ
Я видѣла, кого мнѣ было нужно...

орловъ.

А именно кого же?

княжна.

Называть

Я лицъ пока не смѣю...

орловъ.

Мнѣ хотѣлось

Узнать лишь, на кого мы въ вашемъ дѣлѣ
Разсчитывать могли бы... Графъ Шуваловъ...¹⁾
Имѣли вы сношенья съ нимъ?..

княжна.

Не помню.

У Фридриха въ Берлинѣ я затѣмъ,
Инкогнито оставивъ, ужъ принцессой
Приема удостоилась. Оттуда
Отправилась я въ Лондонъ и Парижъ,
Въ Германію затѣмъ, и тамъ покупкой
Я графство Оберштейнъ приобрѣла
У Лимбургскаго князя...

орловъ.

Женихомъ

Онъ вашимъ былъ, я слышала?

княжна.

Да. Безумно

Былъ князь въ меня, какъ юноша, влюбленъ.

орловъ.

Одинъ ли онъ! Вы всѣхъ съ ума сводили...

И это мнѣ понятно...

¹⁾ Орловъ подозрѣвалъ Пв. Пв. Шувалова въ сношеніяхъ съ самозванкой и упомянулъ объ этомъ въ письмѣ къ Екатеринѣ.

княжна.

Вамъ понятно?
Хотѣлось бы повѣрить... но скорѣе
Въ томъ льстивую любезность видѣть надо...

орловъ.

Въ словахъ моихъ и тѣни нѣту лести.
Всегда покоренъ сердцу мой языкъ.
Довѣрились потомъ конфедератамъ
Вы, князю Радзивиллу?..

княжна.

Но теперь
Ужъ кончено все это.

орловъ.

Слышалъ я
И радъ за васъ, что больше на поляковъ
Надеждъ вы не имѣете. Они
Нарушить обязательство готовы,
Изъ личныхъ выгодъ, даже въ дѣлѣ важномъ.

княжна.

Вы правы. Таковы почти всѣ были
Изъ нихъ, кто окружалъ меня въ Рагузѣ.

орловъ [встаетъ].

Теперь, довѣрясь мнѣ, на вѣрный путь
Вы послѣ испытаній столькихъ стали.
Великую княжну въ особѣ вашей,
Которой суждено владѣть Россіей,
Я первый чту, какъ подданный.

[Ставъ на колѣно, поцѣловалъ ея руку и встаетъ].

Отнынѣ

Направлены заботы всѣ мои
Ко благу будутъ вашему. Усердно
И съ ревностью, достойной нашей цѣли,
Я дѣйствовать начну, въ надеждѣ твердой,
Что будете увѣнчаны короной
Имперіи Россійской вы по праву.

княжна.

Я тронута. Восторгомъ наполняетъ
Мнѣ душу ваша преданность, участие...

Герсемъ для меня всегда вы были,
И эта вѣра въ васъ была причиной,
Что къ вамъ я изъ Рагузы обратилась
И вамъ теперь судьбу свою ввѣрю,
Хотя должна признаться откровенно,
Что опытъ горькій мнѣ колеблетъ душу,
Что прошлаго уроки охладили
Въ людей вообще и въ искренность ихъ вѣру.

ОРЛОВЪ.

Чтобъ вѣрили вы въ святость чувствъ моихъ,
Въ готовность вамъ очистить путь къ престолу,
Одно есть убѣдительное средство...

КНЯЖНА.

Какое же?.. [Пауза]. Скажите, графъ, я жду.

ОРЛОВЪ [склоняясь на колѣно].

Вамъ руку предложить мою и сердце.

КНЯЖНА [радостно].

Возможно ли!.. Совсѣмъ не ожидала,
Чтобъ вы связать свою судьбу съ моею
Хотѣли, графъ!..

ОРЛОВЪ [вставая].

Но пылкое желанье,
Которымъ я охваченъ, можетъ быть,
Сочтете вы за дерзость?

КНЯЖНА.

Ваши, графъ,
Достоинства настолько совершенны,
Что сердце мнѣ согласіемъ велить
Отвѣтить вамъ.

ОРЛОВЪ [сѣвъ рядомъ, пылко цѣлуетъ ея
руку].

Я счастливъ безконечно!

КНЯЖНА [не отнимая руки].

Но, милый графъ... такой для насъ обоихъ
Серьезный шагъ!.. Не будемъ торопиться...
Намъ столько затрудненій впереди
Придется побороть!.. Надежды вѣрной

На то, что намъ удастся цѣль достигнуть,
Пока такъ мало!.. Лучше выждать время...

ОРЛОВЪ.

Для пользы дѣла, ждать разумнѣй, правда,
Хотя въ его успѣхѣ нѣтъ сомнѣній;
Но ждать блаженства васъ назвать своею
Не въ силахъ я! [Страстно привлечь ее къ себѣ].

КНЯЖНА [въ сильномъ волненіи].

Кружитесь голова...

Теряюсь въ мысляхъ...

[Отодвинулась, беретъ его за руки и смотритъ восторженно. Пауза.]

Власти надъ собой,

Такой, какъ вапа, въ жизни никогда
Не чувствовала я... Въ груди моей
Невѣдомое счастье... Вмѣстѣ съ нимъ
И страхъ какой-то... Что-то роковое
Какъ будто жизнь даетъ въ любви мнѣ вашей...

ОРЛОВЪ [слегка смутившись].

Оставьте этотъ бредъ воображенья,
Разстроеннаго прежней вашей жизнью,
Столь полной испытаній, огорченій,
Не сбывшихся надеждъ...

КНЯЖНА [потупляясь со вздохомъ].

Не знаю, такъ ли.

ОРЛОВЪ [нѣжно и вкрадчиво].

Прогонимъ это облачко сомнѣнья
На ясномъ небѣ счастья!

КНЯЖНА [пылко].

Жизнь моя

Вся въ счастье этомъ!

[Она страстно цѣлуетъ ея руки. Она отстранилась и закашлялась. Тяжело дыша.]

Душно здѣсь. Пойдемте

На воздухъ, въ садъ... Я въ Римѣ вѣдь болѣла,
И грудь еще слаба. [Встали и подъ руку идутъ къ задней двери].

ОРЛОВЪ.

Врачей искусныхъ

Мы вамъ найдемъ. Поправитесь вы скоро.

[Уходить].

ЯВЛЕНИЕ V.

ФРАНЦИСКА [входитъ изъ боковой].

Гулять пошли...

[Глядя въ окно].

Идутъ уже подъ ручку:
Въ любви, какъ и во всемъ, нетерпѣлива
Красавица моя... Да, есть что вспомнить
Въ часы досуга ей!.. То роскошь, блескъ,
Порою жъ мы въ кускѣ нуждались хлѣба.
А денегъ сколько прожито — не счесть!..
Изъ этого что выйдетъ увлеченья?
Къ добру ль оно?..

ЯВЛЕНИЕ VI.

Франциска и Доманскій.

ДОМАНСКІЙ.

Что графъ Орловъ уѣхалъ?

ФРАНЦИСКА.

Графъ? Нѣтъ еще. Въ саду они. А вѣтеръ
И свѣжій день сегодня... Нездорова,
Бережся бѣ надо!.. Развѣ въ павильонъ
Зайдутъ отъ вѣтра. Въ рошѣ онъ лимонной.
Укромно тамъ и тихо.

[Выразительно вздохнула, глядя на Доманскаго].

ДОМАНСКІЙ.

А въ тюрьмѣ
Еще укромнѣй будетъ?

ФРАНЦИСКА.

Гдѣ?! въ тюрьмѣ?
Про что вы говорите, панъ Доманскій?
Въ тюрьму за насъ сажали кредиторы
Безумцевъ, разоренныхъ страстью. Лимбургъ
Изъ ревности Рошфора де-Валькура
Въ тюрьму запряталъ тоже... Понимаю,
Что очень вамъ прискорбно. Много разъ
Княжну я за измѣны вамъ корила...

ДОМАНСКІЙ [съ досадою].

Не въ этомъ вовсе дѣло!

ФРАНЦИСКА.

Ну, однако!..

На этотъ разъ мнѣ кажется, что дѣло
Серьезнѣй, чѣмъ бывало. Не капризь,
Не просто увлеченье, тутъ другое...
И васъ она любила...

ДОМАНСКІЙ [съ нетерпѣніемъ].

Перестаньте!

Тутъ рѣчь не о любви. Спасаться надо,
Бѣжать!

ФРАНЦИСКА.

Опять?! Довольно мы скитались!

ДОМАНСКІЙ.

Несчастливая княжна ослѣплена,
Не видитъ, что надъ пропастью она,
Не хочетъ видѣть! Ей грозитъ измѣна!
Предательство!

ФРАНЦИСКА.

Позвольте! но откуда
Узнали вы, что графъ, какъ Радзивиллъ,
Поступить съ нами?

ДОМАНСКІЙ.

Хуже несравненно.

ФРАНЦИСКА.

Насъ бросили въ Рагузѣ безъ копейки,
И если бы Гассанъ, въ княжну влюбленный,
Не взялся насъ въ Италію доставить,
Что стали бь дѣлать мы?

ДОМАНСКІЙ.

Оставимъ это!

Я васъ прошу готовой быть къ побѣгу.
Спаси княжну, укрый въ надежномъ мѣстѣ —
Вотъ то, о чемъ я весь въ заботахъ буду.
Хотя изъ рукъ Орлова очень трудно

Ее ужъ вырвать, все же есть возможность,
Лишь только бѣ помогли мнѣ самому.

ФРАНЦИСКА.

А если такъ ужъ надо непремѣнно,
Кому же, какъ не вамъ, о ней подумать!
Князь Лимбургскій — онъ тоже вѣрнымъ другомъ
И преданнымъ былъ ей, а вы всѣхъ больше,
И Лимбурга и этого Ромфора...

ДОМАНСКІЙ [прерываетъ съ нетерпѣніемъ].

Довольно! Что за глупая привычка
У васъ копаться въ прошломъ!

ФРАНЦИСКА.

Не сердитесь!

О томъ, что вы сказали, я размыслию. [Уходитъ].

ДОМАНСКІЙ.

О Боже мой! Какія испытанья
Въ любви моей послала мнѣ судьба!
Но больше, чѣмъ себя, ее мнѣ жалко,
Ту женщину, которой жизнь мы сами
Потокомъ бурнымъ ринули въ пучину
Борьбы, страстей, погибели, быть можетъ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Доманскій, княжна и графъ Орловъ.

КНЯЖНА [при видѣ Доманскаго, раздра-
жительно].

Но мы ужъ съ вами кончили бесѣду!
Не думала здѣсь встрѣтить васъ опять...

ОРЛОВЪ [останавливая ее взглядомъ].

Быть можетъ, панъ ко мнѣ имѣетъ дѣло...

[Пожимаетъ руку растерявшемуся Доманскому].

Я очень радъ васъ видѣть...

КНЯЖНА [съ смущеніемъ и досадой].

На минуту

Я васъ оставлю, графъ. Простите!

[Быстро уходитъ въ боковую дверь].

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Доманскій и графъ Орловъ.

ОРЛОВЪ [про себя].

Бѣдный,

Какъ онъ ее разгнѣвалъ! [Доманскому привѣтливо].

Панъ Доманскій,

Довольны ли вы тѣмъ гостепріимствомъ,

Которое старались оказать

Мы вамъ?

ДОМАНСКІЙ [оправляясь].

Конечно, графъ... Приемъ блестящій...

Мы имъ поражены... княжна и мы...

ОРЛОВЪ.

Душевно радъ. Мы рядомъ удовольствій
Займемъ досугъ вашъ здѣсь. Балы, концерты
Смѣнять другъ друга будутъ, маскарады...

ДОМАНСКІЙ [овладѣвъ собою].

Отъ нихъ княжна давно ужъ утомилась,
Разстроила здоровье. Ей врачи
Совѣтовали въ Римъ жизнь другую.
«Занять досугъ» полезнѣй ей лѣченьемъ,
Политику забывъ и всѣ заботы,
Которыя, волнуя честолюбе,
Ей могутъ повредить весьма серьезно.

ОРЛОВЪ [улыбнулся].

Заботы на себя возьмутъ другіе,
Княжна же ихъ трудовъ пожнетъ плоды.
Ей не о чемъ тревожиться.

ДОМАНСКІЙ [загадочно].

За жизнь

Тревожиться естественно...

ОРЛОВЪ [пыливо].

За жизньъ?!

Я васъ не понимаю.

ДОМАНСКІЙ.

Я болѣзнъ

Княжны въ виду имѣю. Что жъ иное

Ей можетъ угрожать, подъ вашей властью,
Которая имѣетъ для нея
Теперь ужъ безграничное значенье?

[Повлонился и уходитъ].

ОРЛОВЪ.

Полякъ ехидный!.. Да, намеки ясны!
Любовникъ онъ къ тому же позабытый...
Опасень можетъ быть мнѣ этотъ панъ.

[Прошелся въ задумчивости. Пауза].

Влюбивъ ее въ себя, увлекшись ею,
Не сдѣлалъ ли ошибки крупной я?..
А вдругъ какъ чувство жалости къ несчастной,
Пылающей ко мнѣ такой любовью,
Въ суровомъ долгѣ станетъ мнѣ помѣхой?..
Какіе пустяки!.. Авантюристка,
Коварно замышляющая смутой
Россію потрясти, какую жалость
Могу я къ ней имѣть? Вѣдь я измѣнникъ,
Коль выпущу крамольницу на волю!..
Всѣ средства хороши въ столь трудной цѣли,
А этой цѣлью самъ я рабски скованъ...
Всѣ средства хороши...

[Проведъ по лицу рукою. Пауза].

Однако жъ это,
Которое такъ съ женщиной обычно,
Смуцаетъ душу мнѣ!.. Э, вздоръ, пустое!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Графъ Орловъ и княжна.

ОРЛОВЪ [смѣясь].

Ну, можно ль съ другомъ преданнымъ такъ рѣзко,
Какъ вы сейчасъ съ Доманскимъ, обходиться?

КНЯЖНА.

Мнѣ было такъ досадно! Мысль одна,
Что онъ сюда пришелъ за мной шпионить...

ОРЛОВЪ [прерываетъ].

И вы, какъ порохъ, вспыхнули. Ай, ай!
Но можно отдалить, не раздражая.

Конечно, онъ изъ ревности способенъ
Внушать вамъ недовѣрiе ко мнѣ...

княжна.

Внушалъ! Но раздражать нелѣпнымъ вздоромъ
Меня ужъ не посмѣетъ онъ! Пускай
Къ своимъ конфедератамъ уѣзжаетъ!
Вѣдь вы мнѣ не измѣните?.. [Припадая къ нему].
Мой милый!
Вѣдь любите меня вы? да? Скажите!

орловъ.

А развѣ въ этомъ можетъ быть сомнѣнье?
Пожалуй, безъ меня, когда въ Ливорно
Придется мнѣ уѣхать, вы и въ правду
Начнете сомнѣваться?

княжна [поражена].

Какъ въ Ливорно?!

орловъ.

Тамъ ссора вышла: наши моряки
Съ англійскими повздорили. На мѣстѣ
Мнѣ дѣло разобрать необходимо.

княжна.

И долго тамъ пробудете?

орловъ.

Не знаю.

Быть можетъ—долго.

княжна.

Это невозможно!

Но какъ же я одна безъ васъ останусь?!

орловъ.

Поѣдемъ вмѣстѣ. Кстати я эскадрѣ
Для васъ нарочно смотрѣ вѣлю назначить.
Должны же васъ увидѣть моряки!
Пусть знаютъ, за кого стоятъ имъ послѣ.

княжна.

Конечно, я поѣду! Тутъ одна
Съ тоски умрешь. Когда же надо ѣхать?

ОРЛОВЪ.

На-дняхъ.

КНЯЖНА [кокетливо].

А часто видѣться мы будемъ?

ОРЛОВЪ.

Какой вопросъ! Конечно, ежедневно.

КНЯЖНА [взявъ его подъ руку, кокетливо
заглядываетъ ему въ глаза].

А я ужъ постараюсь, чтобы время
Со мною не казалось слишкомъ долгимъ;
Чтобъ вы со мной прощались съ сожалѣньемъ,
Мой образъ унося въ горячемъ сердцѣ,
И новаго свиданья съ нетерпѣнiемъ,
Влюбленному понятнымъ, ожидали...
Въ наивности сердечной, я желанья
Открыла вамъ свои...

ОРЛОВЪ [порывисто].

Вы такъ прелестны!..

[Привлекъ ее къ себѣ. Она обвила руками вокругъ его шеи. Поцѣлуй].

З А Н А В Ъ С Ъ.

ДѢЙСТВІЯ ЧЕТВЕРТАГО

картина вторая.

Дѣйствующія лица.

Княжна.

Графъ Орловъ.

Грейгъ, контръ-адмираль.

Рибасъ.

Вольфъ.

Доманскій.

Офицеры, матросы и солдаты. Всѣ въ парадной формѣ.

СЦЕНА: палуба адмиральскаго корабля «Трехъ Іерарховъ», стоящаго въ числѣ другихъ судовъ русской эскадры на рейдѣ г. Ливорно. Вдали море, набережная и видъ Ливорно. Справа видна часть другого корабля, расцвѣченнаго флагами. Дѣйствіе происходитъ 21 февраля 1775 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

На авансценѣ группа **матросовъ**, которые разбирають флаги и разносятъ ихъ украшая снасти. Въ глубинѣ, у борта, **Рибасъ** и **Вольфъ**, съ другими **офицерами**.

1-й МАТРОСЪ.

Спасибо—смотри. Отъ скуки одурѣли.
Ужъ сколько мы стоимъ безъ дѣла тутъ!

2-й МАТРОСЪ [смѣясь].

Въ Кронштадтѣ кабаки по насъ тоскуютъ!

3-й матросъ.

А здѣшнее вино чѣмъ плохо? Бабы,
Небось, получше нашихъ!

1-й матросъ.

Слышно, графъ
Какую-то съ собою привезетъ
На нашъ корабль...

2-й матросъ.

Въ каютѣ адмиральской
Готовятъ угощенье. Вишь, княгиня,
Принцесса ли какая...

3-й матросъ.

Для нея
И смотрѣть, болтають, графъ Орловъ назначилъ.
Кричатъ «ура» ей надо, и салютъ
Ей царскій будетъ.

1-й матросъ.

«Царскій!» Что сбрежнущь!

[Расходятся].

ВОЛЬФЪ [указывая въ даль].

Народу тьма, на набережной, въ шляпкахъ!
Весь городъ на ногахъ!

РИБАСЪ [направляясь къ авансценѣ].

Ливорнцы знаютъ,
Что зрѣлище умѣетъ графъ устроить.
Тому три года, тутъ же у Ливорно,
Примѣрный бой устроилъ графъ Орловъ.
Художнику онъ Чесменскаго боя
Картину заказалъ. Такъ съ этой цѣлью.
Пальба, и ломка мачтъ и такелажа,
И взрывы, и пожаръ на кораблѣ —
Тутъ все пустили въ ходъ. Ливорнцы помнятъ
И ждутъ опять картины грандіозной.
Трагедіи, которую въ финалѣ
Должны мы разыграть, они не знаютъ,
Не то народъ несчастную не далъ бы
Похитить намъ обманомъ.

ВОЛЬФЪ.

О, конечно!
Лишь хитростью и тонкою игрою
Лишить свободы можно самозванку
Въ чужой странѣ и съ такимъ народомъ.

РИБАСЪ.

«Игра»-то вышла, кажется, съ любовью...
Давыдова не даромъ укатила!

ВОЛЬФЪ.

А чѣмъ же бабу взять, какъ не любовью,
Когда ее ревниво охраняли
Поляки, іезуиты?

РИБАСЪ [пожавъ плечами].

Да, конечно!

ЯВЛЕНИЕ II.

Изъ каюты входятъ **Грейгъ, Рибасъ, Вольфъ** и другіе офицеры отдають ему честь. **Вольфъ** отходитъ.

РИБАСЪ [подходя къ Грейгу].

Обѣдъ вчера парадный былъ у Дика
Для графа и для гостя нашей. Вы
Изволили тамъ быть, конечно?

ГРЕЙГЪ.

Да.

Мнѣ было тяжело на томъ обѣдѣ
Участвовать въ комедіи постыдной,
Которую сэръ Дикъ съ его супругой
Играли ради выгодъ и корысти.
Мы связаны присягой. Мы должны
Изъ высшихъ цѣлей дѣйствовать сурово,
Чтобъ зло пресѣчь, грозящее Россіи,
А этотъ англичанинъ, консулъ... Странно,
Что роль такую онъ охотно принялъ.

РИБАСЪ.

За деньги и подарки.

ГРЕЙГЪ.

Самозванка
Была такъ весела и остроумна,

Безъ умолку болтая!.. Если бъ знала,
Безумная, что вскорѣ ей грозить!..

[Пальба изъ пушекъ. Вдали музыка и клики. На палубѣ движеніе].

ВОЛЬФЪ [у борта].

Вонъ въ шлюпкѣ графъ Орловъ и съ нею!

ГРЕЙГЪ [командуетъ].

Трапъ!

[Матросы выбрасываютъ трапъ].

Салютъ!

[Съ корабля «Трехъ Іерарховъ» выстрѣлы].

ВОЛЬФЪ.

Сейчасъ сюда причалятъ!

ГРЕЙГЪ [командъ, выстроившейся для
встрѣчи].

Смирно!

РИБАСЪ.

Графъ очень озабоченъ былъ сегодня.

ГРЕЙГЪ.

Вчера у Дика тоже былъ не веселъ.
Старался быть любезнымъ, но напрасно.

[Грянулъ хоръ музыки].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. На палубу съ трапа входятъ княжна, графъ Орловъ, потомъ До-
манскій и нѣсколько офицеровъ изъ штаба графа. При появленіи княжны
и графа громогласное «ура» всей команды. Княжна раскланивается и пожимаетъ
руку Грейгу.

ОРЛОВЪ [княжнѣ].

Вотъ этотъ адмиральскій «Трехъ Іерарховъ»
Корабль эскадры нашей. Пять линейныхъ
На рейдѣ кораблей, одинъ фрегатъ.
Смотрите, вотъ онъ!

[Мимо, при звукахъ музыки, проходитъ фрегатъ, расцвѣченный флагами. На
немъ крики «ура»].

КНЯЖНА.

Я восхищена!

Все зрѣлище, восторженные клики

До слезъ меня растрогали. О графъ!
Вы столько счастья дали мнѣ сегодня,
Что выразить не въ силахъ я!..

ОРЛОВЪ.

Мы рады,
Что дали случай вамъ полюбоваться
Эскадрой нашей.

КНЯЖНА [восторженно].

То ли, графъ! Впервые
Я царственную мощь въ груди своей,
Величье вѣнценосцевъ ощущаю!..

ОРЛОВЪ [отводя ее].

Насъ могутъ слышать. Будьте осторожнѣй!

КНЯЖНА [тише, взявъ его подъ руку].

И этимъ я обязана тебѣ!
О милый мой! Съ тобой переродилась
Какъ будто я. Невѣдомое счастье
Восторгомъ наполняетъ грудь мою.
Ты тотъ кого душа моя искала
Въ мятежномъ ожиданьѣ съ юныхъ лѣтъ.
Ты тотъ, который Богомъ мнѣ ниспосланъ
Владѣть моей превратною судьбою
И стать со мною вмѣстѣ на престолѣ
Супругомъ, повелителемъ моимъ,
Властителемъ покорныхъ милліоновъ
Обширнѣйшей имперіи на свѣтѣ!
О, какъ я буду счастлива тогда!
Любить тебя, тобой всегда гордиться,
Жить только для тебя!..

ОРЛОВЪ [безпокойно озираясь].

Слѣдять за нами. [Повышая голосъ].

Десертъ, вино въ каютѣ адмиральской
Васъ ждутъ. [Громко офицерамъ, стоящимъ въ отдаленіи].

Прошу васъ всѣхъ ко мнѣ въ каюту!

[Ведя княжну къ сходу въ каюту].

Въ ихъ обществѣ вы будете, пока
Я съ Грейгомъ разговоръ служебный кончу.

КНЯЖНА.

Скорѣ приходите! За здоровье
Мы ваше будемъ пить.

ОРЛОВЪ.

Я не замедлю.

[Бняжна, Доманскій и все общество офицеровъ, исключая Грейга, сподыть съ палубы въ каюту].

ЯВЛЕНИЕ IV.

Грейгъ въ отдаленіи. Въ глубинѣ группа матросовъ. **Орловъ** безпокойно ходитъ по палубѣ, часто останавливаясь. На лицѣ его тревога и смущеніе. Говоритъ отрывисто, съ паузами.

ОРЛОВЪ.

Что дѣлать мнѣ?!.. На сердцѣ столько муки!
 Такъ жаль ее!.. Но долгъ неумолимъ...
 Я—рабъ его, я самъ цѣпями скованъ...
 Ужасно обмануть ея довѣрье!
 Любовь ея!.. Всего коварнѣй это!
 Я низко поступилъ, отдавшись страсти.
 Тутъ слабость и распутство... Я бы могъ
 Инымъ путемъ завлечь ее сюда же.
 Тогда была бъ лишь хитрость, но не подлость...
 Возврата нѣтъ!.. Все кончено. Я долженъ
 Безъ всякихъ колебаній повелѣнье,
 Мнѣ данное монархиней, исполнить...
 И такъ ли въ этой связи я повиненъ?
 Сама-жъ она мнѣ бросилась на шею...
 И мало-ль въ чьихъ объятыхъ побывала
 Она, авантюристка!.. Прочь сомнѣнья!
 Я прежде былъ отважнѣй и смѣлѣе...
 Тому примѣръ... на совѣсти моей...

[На секунду закрыла лицо руками. Отнявъ руки, видитъ Грейга].

Вы тутъ? Она въ каютѣ...

ГРЕЙГЪ [подходя].

Да, я знаю.

Когда же выйдетъ... долженъ я... арестъ?
 Вы такъ мнѣ приказали.

ОРЛОВЪ.

Такъ?.. Да, помню...

Но воля не моя, а повелѣнье...

ГРЕЙГЪ.

Конечно, графъ. Такъ долженъ я?..

ОРЛОВЪ [прерываетъ съ досадою].

Ну, да же!

Что вы должны, то сдѣлать надлежитъ.

ГРЕЙГЪ.

Исполню.

ОРЛОВЪ.

Долгъ важнѣй желаній нашихъ...
Не то хотѣлъ сказать... Само собой
Желать лишь могъ я точно повелѣнье,
Мнѣ данное, исполнить.

ГРЕЙГЪ.

Понимаю.

ОРЛОВЪ.

Такъ вы ее, какъ сказано... подъ стражу
И съ нею кто... Доманскій. Къ вамъ изъ Пизы
Черномскій, трое слугъ и камермедхенъ
Бя съ вещами завтра же придутъ...
Скажите ей, что также арестованъ
И я, по высочайшему приказу...

ГРЕЙГЪ.

И вы?!

ОРЛОВЪ.

Ну, да же, да! Увѣрьте въ этомъ...
А то она въ отчаяннѣ способна
Съ собой покончить...

ГРЕЙГЪ.

Да, весьма возможно.

ОРЛОВЪ.

Я, мнимо арестованный, надежду
Ей выражу въ письмѣ: ее увидѣть,
Какъ только будетъ можно, и спасти.
Надежда эта — лучшею охраной
Отъ всякихъ ей послужить покушеній
На жизнь свою.

ГРЕЙГЪ.

Вы вѣрно рассчитали.

ОРЛОВЪ.

Ну, мнѣ пора... Прошу имѣть о ней
Большое попеченье. Врачъ всегда
При ней чтобъ находился. Нездорова
Она весьма серьезно.

ГРЕЙГЪ.

Все исполню.

[Орловъ идетъ къ борту. Грейгъ, проводивъ его, идетъ влѣво, къ командѣ, распорядиться стражей].

ОРЛОВЪ [быстро возвращаясь на авансцену].

Нѣтъ, я не въ силахъ!.. Это невозможно!..
Когда она пойметъ мою измѣну,
Отъ горя и отчаянія сердце
Несчастной разорвется!.. Невозможно!
[Грейгу, который съ удивленіемъ видитъ его на палубѣ].
Послушайте!

[Грейгъ подходит].

Я думаю, сегодня
Намъ лучше отложить съ арестомъ этимъ...

ГРЕЙГЪ [удивленно и строго].

Позвольте! Почему же? Повелѣнье...

ОРЛОВЪ [съ досадою].

Да знаю, знаю!.. Если отлагаю,
На то имѣя виды, то не значить,
Что я не повинуюсь!

ГРЕЙГЪ [недовѣрчиво].

Какъ угодно!
Вы, случай упустивъ благоприятный
Исполнить повелѣніе, когда
По вашему же сдѣлано все плану,
Отвѣтственность, конечно, на себя
За все берете, графъ?

ОРЛОВЪ [отходя, про себя].

Увы, ужъ поздно!
Зачѣмъ я имъ открылъ свой планъ ареста?!
Себя я этимъ въ руки подчиненныхъ
Безумно предалъ!.. Да, къ несчастью, поздно!
[Грейгу холодно и повелительно].

Извольте все исполнить по приказу.
Моментъ «благопріятенъ». «Упускать»
Дѣйствительно его намъ невозможно!

[Быстро идетъ къ борту и спускается по трапу].

ГРЕЙГЪ.

Я графа никогда въ такомъ волненіи
Доселѣ не видалъ. Должно быть, трудно
Въ силкѣ коварномъ петлю затянуть!

ЯВЛЕНІЕ V.

Грейгъ и Рибасъ.

РИБАСЪ.

Княжна просить послала графа...

ГРЕЙГЪ.

Онъ

Корабль оставилъ. Стражѣ прикажите
Готовой быть. Прошу не удивляться,
Когда я объявлю, что арестованъ
И графъ Орловъ!

РИБАСЪ.

О, я про это знаю!

И всѣхъ предупреду секретно нашихъ.

[Уходитъ].

ГРЕЙГЪ.

Заранѣ былъ планъ обдуманъ этотъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. На палубу входятъ княжна, Доманскій, Вольфъ и офицеры.

За ними слуга съ подносомъ, на которомъ бокалы.

КНЯЖНА [къ окружающимъ].

Прелестно все въ каютѣ адмиральской,
Но очень душно. Лучше съ вами здѣсь
Мы выпьемъ за здоровье графа. Гдѣ же?..
Гдѣ графъ?

ГРЕЙГЪ.

По высочайшему приказу,
Аресту вы подвергнуты! [Доманскому]

И вы,
Ея сообщникъ. Вашу шпагу!

[Доманскаго мгновенно обезоруживаютъ. Обоихъ окружаетъ стража].

КНЯЖНА [какъ громомъ пораженная, послѣ
паузы].

Что-о!

Меня арестовать?!

[гнѣвно].

Да какъ вы смѣли!
Берете на себя вы слишкомъ много!
Вы знаете — кто я?

ГРЕЙГЪ.

Я знаю только,
Что долженъ васъ подъ стражею доставить
Въ Кронштадтъ.

КНЯЖНА.

Меня?! подъ стражей!
Откуда власть вы взяли надо мной?!
И кто дерзнетъ лишить меня свободы?!
Вездѣ въ Европѣ сильные друзья
Въ Версали, въ Ватиканѣ и Берлинѣ,
Въ Царьградѣ даже стануть мнѣ охраной
Отъ всякаго насилья!

ГРЕЙГЪ.

Можетъ быть.
Я долженъ былъ исполнить повелѣнне
И сдѣлалъ это. Больше ни во что
Входить я не обязанъ.

ДОМАНСКІЙ [съ отчаяніемъ].

Умоляль

Я васъ не вѣрить этому злодѣю,
Предателю!

КНЯЖНА.

Скорѣй померкнетъ солнце,
Чѣмъ графъ измѣнитъ мнѣ! Тутъ заговоръ!
Насиліе! Гдѣ графъ Орловъ?

ГРЕЙГЪ.

Онъ тамъ,
На ближнемъ кораблѣ... и арестованъ.

КНЯЖНА [въ ужасѣ].

Онъ тоже?! Все погубло! все!..

[Лишается чувствъ. Общее движеніе].

ДОМАНСКІЙ [подхватываетъ ее при паденіи].

Врача!

Съ ней обморокъ!

ГРЕЙГЪ [ближайшему].

Скорѣй врача пошлите!

[Движеніе].

ДОМАНСКІЙ [надрывающимся голосомъ].

Вотъ жертва лжи и подлости коварной!

Злодѣя да сразитъ проклятье неба!!

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Дѣйствующія лица.

Княжна.

Графъ Орловъ.

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, генераль-фельдмаршалъ, петербургскій генераль-губернаторъ.

Ушаковъ, секретарь слѣдственной комиссіи.

Доманскій.

Франциска фонъ-Мешедъ.

Докторъ.

СЦЕНА: казематъ. Двери: въ глубинѣ и другая налѣво, въ смежную комнату. Потолокъ сводчатый. У лѣвой стѣны кровать и кресло. У правой столъ и скамьи.

Дѣйствіе въ декабрѣ 1775 г.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княжна лежитъ на кровати, въ забытѣхъ, **Франциска** и **докторъ** [входитъ].

ДОКТОРЪ [тихо].

Ну, что она?

ФРАНЦИСКА.

Забылась.

ДОКТОРЪ [подошелъ къ больной и смотритъ на нее. Отходя].

Быль припадокъ?

ФРАНЦИСКА.

Ужасный приступъ кашля. Ослабѣла. [Пауза].

Измучилась я съ нею! По ночамъ

То кашляетъ, то плачетъ. Я не спи!
Сама таскаю ноги черезъ силу.
Того гляди, свалюсь.

ДОКТОРЪ [съ усмѣшкой].

Не долго вамъ
Придется утруждать себя!... Давайте
Питье больной при кашлѣ да микстуру.

ФРАНЦИСКА.

Поправилась бы, если бъ на свободу
Изъ этой ямы выпустили насъ.
Въ пути морскомъ два мѣсяца мы слишкомъ ¹⁾
Страдали, заключенныя въ каютѣ.
Да здѣсь, въ тюрьмѣ, ужъ больше полугода...
Семь мѣсяцевъ, ну, да!.. И все имъ мало
Держать насъ въ заключеньѣ! Панъ Доманскій—
Бѣднягу завела сюда любовь—
Черномскій, слуги—всѣ по казематамъ
Клянуть судьбу, какъ я...

КНЯЖНА [просыпаясь, слабымъ голосомъ].

Франциска!... пить!...

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, князь Голицынъ и Ушаковъ.

ФРАНЦИСКА [подавая питье].

Фельдмаршалъ князь Голицынъ...

КНЯЖНА [болѣзненно].

Ахъ, опять!...

[Франциска помогаетъ ей подняться].

ГОЛИЦЫНЪ [въ глубинѣ, доктору тихо].

Больная какъ?

ДОКТОРЪ [тихо].

Слабѣетъ съ каждымъ днемъ.

[Уходитъ. Ушаковъ раскладываетъ на столѣ бумаги].

КНЯЖНА [гнѣвно].

Что жъ долго мнѣ томиться въ заключеньѣ?!
Меня тутъ стѣны давятъ! Задыхаюсь

¹⁾ Въ Кронштадтѣ самозванку привезли 11 мая 1776 года.

Я въ склепѣ этомъ! Страшными ночами
Меня видѣнья мучать!...

ГОЛИЦЫНЪ.

Успокойтесь!

КНЯЖНА.

Парить, какъ мрачный духъ изъ преисподней,
Здѣсь ужасъ, смерть!...

ГОЛИЦЫНЪ.

Прошу васъ, успокойтесь!
Умѣрьте гнѣвъ и будьте справедливы!
Содержать васъ не такъ, какъ арестантку.
И въ пищѣ и во всемъ въ условьяхъ лучшихъ,
Чѣмъ всякій заключенный, вы живете.
А въ томъ, что вы свободы лишены,
Себя одну вините.

КНЯЖНА.

За собою
Вины я никакой не знаю. Силой;
Коварствомъ, вѣроломствомъ захватили
И заживо меня похоронили
Въ могилѣ этой! [плачетъ].

ФРАНЦИСКА [про себя].

Бѣдныя мы обѣ! [Уходитъ въ смежную ком-
нату].

ГОЛИЦЫНЪ.

До вашего приѣзда въ Петербургъ
Намъ все извѣстно было по бумагамъ,
Которыя имѣлись при арестѣ
У васъ и у Черномскаго. Напрасно
Въ извѣстномъ и доказанномъ упорно
Вы тщитесь запираяться. [Къ Ушакову].

Протоколь.

УШАКОВЪ [подавая листовую тетрадь].

Тутъ все, что заключенная доселѣ
На всѣ допросы ваши показала,
За подписью ея собственноручной.

ГОЛИЦЫНЪ [просматривая тетрадь].

Родители кто ваши: «я не знаю»,—
Былъ вашъ отвѣтъ. Про дѣтство вы сказали,
Что въ Килѣ провели его. Изъ Килы,
Кто именно, не знаете—васъ взяли
Сначала въ Петербургъ. Потомъ въ Москву
Доставили, при нянькѣ, а потомъ
Вы въ Персію ужъ жили. Князь Гали
Вамъ далъ образованье, при посредствѣ
Француза де-Фурнье. Какъ князь Гали,
Такъ и другіе, будто, говорили,
Что дочь императрицы вы; но кто
«Другіе» эти—вы забыли. Съ княземъ,
Ужъ взрослая, уѣхали въ Европу
И жили въ Кенигсбергѣ вы, въ Берлинѣ
И въ Лондонѣ, откуда князь уѣхалъ,
Оставивъ вамъ большую сумму денегъ.
Гали васъ выдавалъ за дочь свою.
И послѣ на его вы средства жили,
«Принцессою Гали» или «Алиной»
Въ то время именуясь. Въ высшемъ свѣтѣ
Затѣмъ въ Парижѣ вы вращались. Тамъ
Опять вы про высокое рожденье
Свое отъ многихъ слышали. Затѣмъ,
Въ Германіи вы Лимбургскаго князя
Невѣстой стали; но, нуждаясь въ деньгахъ,
Въ Венеціи искали ихъ для князя.
Тутъ встрѣча съ Радзивилломъ. Отклонили
Его вы планы васъ на тронъ Россійскій,
Какъ дочь Елизаветы, возвести.
Вы въ Персію стремились за приданымъ,
Туда черезъ Стамбулъ желая ѣхать.
Извѣстный манифестъ къ эскадрѣ русской
Вы сами не писали. Неизвѣстно,
Откуда получился тотъ пакетъ,
Въ которомъ манифестъ съ письмомъ къ Орлову
Вамъ присланъ былъ. Вы только переслали
Его по назначенью въ Пизу, къ графу.
Письмо то получивъ, чрезъ Христенека,
Васъ графъ Орловъ просилъ къ себѣ заѣхать,
Что было по пути вамъ: вы изъ Рима,
Чрезъ Геную, хотѣли къ жениху
Въ Германію уѣхать. Графъ Орловъ...

княжна [прерываетъ].

Прошу, не говорить мнѣ про Орлова!..

голицынъ.

Вотъ все, что показали вы. При этомъ
Упорно утверждали, что, во-первыхъ,
За дочь императрицы никогда
Себя не выдавали; во-вторыхъ,
Никто не убѣждалъ васъ называться
Наслѣдницею русскаго престола...

княжна [прерываетъ].

Вы ищете враговъ императрицы,
Которые могли бѣ въ лицѣ моемъ
Вредить ея величеству. Но, кромѣ—
Ужъ я сказала—князя Радзивилла,
Не знаю никого. Меня смущали,
Конечно, разговоры про мое
Высокое рожденье. Я могла,
Родителей своихъ не зная, думать,
Что мать моя была императрица;
Но русскою великою княжною
Себя не выдавала. То—враговъ,
Орлова злая выдумка, не больше.

голицынъ.

Не разъ просилъ я васъ чистосердечно
Всю правду откровенно мнѣ сказать...

княжна [прерываетъ].

Мнѣ нечего сказать вамъ больше.

голицынъ.

Жаль!

княжна.

Виновною себя передъ Россіей
Ни въ чемъ не признаю. Могла ль въ Ливорно
Довѣриться я русскимъ, если бѣ знала
Преступность за собой? Конечно, нѣтъ.
Мнѣ чуждо честолюбіе. Могла ли
Гоняться я за призраками? Опытъ
Всей жизни убѣдилъ меня, что счастье
Лишь въ совѣсти покойной, только въ этомъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

И такъ, въ преступныхъ замыслахъ сознаться
Упорно не хотите вы. Сознанье
Одно лишь вашу участь облегчить
И даже возвратить свободу можетъ
Вамъ милостью монархини.

КНЯЖНА.

Меня

Поляки и французы называли
То русскою великою княжною,
То дочерью турецкаго султана,
То даже шаха дочерью; но чѣмъ
Я въ этой болтовнѣ сама виновна?
Я столько въ жизни жертвою обмана,
Интригъ, своей довѣрчивости глупой
Бывала!... И меня-жъ за то караютъ!
Зачѣмъ меня тутъ держать?! Это пытка
На медленномъ огнѣ. Молю васъ, князь,
Мнѣ выпросить свободу! Въ Оберштейнъ
Уѣду я сейчасъ же и—клянусь! —
Въ глубокой тайнѣ все, со мной что было,
Навѣки сохранить. О, сжальтесь, князь!
Молю васъ, сжальтесь! дайте мнѣ свободу!

ГОЛИЦЫНЪ [Ушакову].

Вести сюда Доманскаго!

[Ушаковъ уходитъ].

КНЯЖНА [съ живостью].

Зачѣмъ?!

[Голицынъ не отвѣчаетъ. Пауза].

Его, какъ и меня, не разъ допросамъ,
Конечно, подвергали вы... Доманскій
Давно меня преслѣдовалъ любовью
И ей обязанъ тѣмъ, что арестованъ
Со мною вмѣстѣ былъ... Вы это знали?

ГОЛИЦЫНЪ.

Что знаю я, то знаю про себя.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Тѣ же. За **Ушаковымъ** входитъ **Доманскій**, очень взволнованный.

ДОМАНСКІЙ [при видѣ княжны, схватился за голову].

О Боже мой, какая перемена!..

ГОЛИЦЫНЪ.

Доманскій! вы сознались на допросѣ,
Что дочерью себя императрицы,
Великою княжною называла
Особа эта...

КНЯЖНА [гнѣвно сверкнувъ на Доманскаго глазами].

Какъ?!

ГОЛИЦЫНЪ.

Позвольте! [Доманскому].

Васъ

Я спрашиваю: такъ ли вы сказали?

ДОМАНСКІЙ [растерянно].

Случалось въ разговорахъ... иногда...

[къ княжнѣ].

По совѣсти сказать я долженъ...

КНЯЖНА.

Что?

ДОМАНСКІЙ.

Я вынужденъ... Великою княжною
Себя вы называли...

КНЯЖНА.

Никогда! [отчеканивая слова и глядя въ упоръ на Доманскаго].

Серьезно никогда не говорила
Такого вздора я! Шутя, быть можетъ...
И только вамъ... Чтобъ вы не приставали
Съ разспросами, не дочь ли я царицы
[Голицыну],

Чѣмъ такъ надоѣдалъ онъ часто мнѣ.

ДОМАНСКІЙ.

Конечно, такъ и было...

ГОЛИЦЫНЪ.

А зачѣмъ,
Въ какихъ расчетахъ при особѣ этой,
Въ какихъ надеждахъ были неотлучно
Все время вы?

ДОМАНСКІЙ [пылко].

Безумная любовь,
Тогда, какъ и теперь—одна причиной,
Что всюду былъ я съ нею неотлучно
И даже ей пожертвовалъ свободой,
Въ тюрьмѣ сижу, чтобъ вмѣстѣ быть и тутъ.
«Надежду» я одну имѣлъ лишь въ сердцѣ:
Супругомъ стать ея. И это все,
Что жаждала душа моя. «Расчеты!»
Какіе могъ имѣть расчеты я?
Не все ли мнѣ равно: происхожденья
Высокаго ль она, или простого?
Одно: ея любовь моей мечтою,
Всегда моимъ желаньемъ было страстнымъ...

ГОЛИЦЫНЪ [останавливая его жестомъ].

Языкъ многорѣчивъ любовный, но
Не здѣсь намъ слушать ваши изліянья.
Вы можете идти.

[Даетъ Ушакову знакъ увести Доманскаго].

УШАКОВЪ.

Пойдемте, сударь!

[Уводитъ Доманскаго, который бросилъ на княжну пламенный взглядъ, къ чему она равнодушна].

ГОЛИЦЫНЪ.

На всѣ мои вопросы, увѣщанья
Открыть мнѣ о рожденіи своемъ
Всю правду, вы ея не говорите.
Но знаю я—кто вы.

КНЯЖНА [съ живостью, устремивъ на него
испытующій взоръ].

А кто же я?

ГОЛИЦЫНЪ.

Дочь пражскаго трактирщика.

княжна [гнѣвно].

Неправда!

Кто смѣлъ сказать! кто смѣлъ меня унижить?!
Въ глаза тому вѣплюсь, кто смѣетъ дерзко
Приписывать мнѣ низкое рожденье!
И въ Прагѣ никогда я не бывала!
Трактирщика я дочь! Какая наглость!

голицынъ [собирая бумаги].

Такъ кто же вы?

княжна.

Не знаю и не знаю!

[Приступъ кашля, отъ котораго княжна падаетъ на постель. Голицынъ, взявъ бумаги, уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княжна и Франциска [входитъ съ лѣкарствомъ].

ФРАНЦИСКА [давъ больной лѣкарство и уложивъ ее, ворчливо].

Во всемъ себя вините... Можно ль было
Влюбиться до безумія въ Орлова!..
Не дѣвочка вы были, слава Богу!..
А сколько умолялъ васъ панъ Доманскій
Не вѣрить графу! будь онъ трижды проклятъ!..
Разсудокъ потерявъ, вы сами въ пропасть
Въ чаду какомъ-то бросились...

княжна [въ изнеможеніи].

Довольно!..

Я думала, Франциска, что добрѣе,
Участливѣе ты...

ФРАНЦИСКА.

Мнѣ жаль, конечно,
Васъ въ ямѣ этой видѣть да больною..
Но всякому терпѣнью есть конецъ.
Въ тюрьмѣ тутъ погибать, не видя свѣта.
Не очень-то пріятно изъ-за васъ!..
Къ дѣламъ я вашимъ вовсе не причастна.
А то же, что и вы, терплю...

княжна.

Страдаешь

Ты такъ же, какъ и я?! Будь ты умнѣе.
Языкъ не повернулся бѣ у тебя
Сказать мнѣ это!.. Но уже не долго
Тебѣ томиться. Скоро я умру,
И будешь ты свободна...

франциска.

Умирать—

Помилуй Богъ—зачѣмъ же? Развѣ я...

княжна [прерываетъ].

Не мучь меня!.. Пустая болтовня,
Которой хорошо я цѣну знаю...
Да, брошена и всѣми позабыта!..
Участія—ни въ комъ!.. Померкло все,
Исчезло, какъ миражъ... Одна могила
Зіяеть предо мной, и нѣтъ спасенья!..

[Пауза].

франциска.

Гремитъ запоръ. Опять идетъ къ намъ кто-то...

[Входитъ Орловъ].

Ахъ! [Уходитъ налѣво].

ЯВЛЕНИЕ V.

Княжна и графъ Орловъ.

орловъ [потрясенный ея видомъ, про себя].

Это не она! Живой мертвецъ!..

княжна [приподнялась, съ широко раскры-
тыми глазами].

Какъ, вы?! Своимъ глазамъ не вѣрю! Призракъ,
Иль точно это вы?!

орловъ.

Неудержимо

Влекло меня васъ видѣть...

княжна [прерываетъ, вставая].

Какъ убійцу

Влечетъ взглянуть на трупъ несчастной жертвы.

Иль, можетъ быть, пришли вы, какъ палачъ,
 Меня подвергнуть лютымъ истязаньямъ?
 Иль приговоръ мнѣ смертный объявить?
 Иль руки обогреть моею кровью?

ОРЛОВЪ.

Я столько испыталъ за это время
 Тяжелыхъ чувствъ и совѣсти укоровъ!..
 И нѣтъ съ тѣхъ поръ въ душѣ моей покоя..
 Вашъ образъ неотступно предо мной..

княжна [ѣдко усмѣхнулась].

Мы знали, что предательству любовь
 Служила лишь у женщинъ. Таковы
 Далила и Юдиѳъ. Но превзошли
 Вы ихъ, стяжавъ себѣ такую славу,
 Которая въ потомствѣ не умретъ.
 Примѣромъ благородства, прямоты
 И рыцарскаго къ женщинѣ почтенья
 Вы можете служить въ сознаньѣ гордомъ,
 Что совѣсть ваша дѣвственно чиста,
 И честь сіяетъ дивнымъ ореоломъ.

ОРЛОВЪ.

Суровый долгъ...

княжна [прерываетъ].

Васъ вынудилъ на низость?

Схватить меня приказано вамъ было,
 Но способъ вашъ: любви моей добиться,
 Свести съ ума и нѣжностію страстной
 Вполнѣ моимъ довѣрьемъ овладѣть,
 Чтобъ легче обмануть, предать вѣрнѣе,
 Вамъ этотъ путь указанъ не былъ свыше,
 И планъ такой возникнуть могъ въ душѣ
 Лишь подлой и коварной. Прочь подите!

[Бросается въ постель].

ОРЛОВЪ.

Любовь сама явилась. Сами вы,
 Вашъ умъ, и красота и обаянье
 Причиной были... Я не устоялъ,
 И въ этомъ все несчастье...

княжна.

Для меня

А ваша... изъ усердія по службѣ
 Любовь ко мнѣ была...

ОРЛОВЪ.

Какихъ мученій
Мнѣ стоило въ Ливорно въ жертву долгу
Принести свою любовь!...

КНЯЖНА [прерываетъ крикомъ].

Довольно лжи!

Имѣйте хоть къ несчастью уваженіе!
За вашъ обманъ сама императрица
Въ душѣ васъ презирать должна. Она,
Какъ женщина, вамъ съ женщиной коварство
Простить не можетъ. Выиграли мало
Вы подвигомъ геройскимъ вашимъ, графъ!

ГРАФЪ.

Тутъ не было «игры», корыстныхъ видовъ,
А только долгъ. Я былъ бы обвиненъ
Престолу и отечеству въ измѣнѣ,
Когда бъ, послушный сердцу, повелѣнье,
Мнѣ данное, исполнить уклонился.
Я близокъ былъ къ тому, рѣшился даже...
Но былъ удержанъ внѣшнею причиной...
Я стану умолять императрицу,
Чтобъ васъ освободили...

КНЯЖНА [прерываетъ].

Поздно, графъ!

Лишь смерть освободитъ меня отсюда.
Еще на кораблѣ я къ ней взывала.
До Плимута я все еще ждала,
Что въ Англии мнѣ дастъ Орловъ свободу.
Я все еще надѣялась, не вѣря
Предательству коварному его.
А послѣ, все понявъ, позоръ и ужасъ
Судьбы моей несчастной, много разъ
Я смерть звала, рвалась найти могилу
Въ волнахъ морскихъ. Но броситься за бортъ,
Къ несчастью, не давали мнѣ. Ревниво
Для новыхъ берегли меня мученій.
Лишь васъ, чтобъ довершить ихъ, оставалось
Увидѣть мнѣ. И вы—передо мной.
Зачѣмъ явились вы? Воспоминанья
И такъ меня до гроба довели.
Затѣмъ, чтобъ пережить, что съ нашей встрѣчи
Я выстрадала, преданная вами?

Что жизнь мою разбило такъ жестоко?
 Что самое святое оскорбило:
 Любовь мою, которой беззавѣтно
 Я душу отдала? что здѣсь, въ тюрьмѣ,
 Я матерью несчастнѣйшею въ свѣтѣ
 Ребенка стала вашего?...

ОРЛОВЪ [потрясенъ].

Ребенокъ?!...

Но гдѣ же онъ?

КНЯЖНА.

Вашъ сынъ былъ взятъ тогда же...

Его отца съ проклятіемъ изъ сердца
 Я вырвала давно. Дитя страданій,
 Оно бы отравляло душу мнѣ
 И стало бѣ ненавистно... какъ отецъ...

ОРЛОВЪ.

Мучительны укоры ваши! Гнѣвомъ
 И ненавистью рѣчи ваши дышатъ,
 Полны вы ею... больше, можетъ быть,
 Чѣмъ я того достоинъ...

КНЯЖНА.

Не достойны?!
 Осмѣлились сказать мнѣ это вы,
 Предатель мой, палачъ и мой убійца?
 Страданья разрывали грудь мою,
 Въ отчаяннѣ, котораго разсудокъ
 Не въ силахъ выносить! Чего жъ еще вамъ?
 Въ душѣ моей вѣдь цѣлый адъ мученій!
 Чего жъ еще вамъ надо?... Уходите!
 Прочь съ глазъ моихъ! Ступайте вонъ!

[Орловъ быстро уходитъ, съ жестокомъ отчаяніемъ].

О Боже!..

[Запрокинулась, схватившись за голову].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Княжна и Франциска [входитъ встревоженная].

ФРАНЦИСКА.

Что, дурно вамъ?

[Княжна истерично рыдаетъ, потомъ надрывается отъ кашля].

Ахъ, Господи! что дѣлать?!

[Подаетъ питье, но княжна отстраняетъ се. Франциска впопыхахъ стучитъ въ дверь. Ее пріотворяютъ. Въ дверь].

За докторомъ скорѣе! Очень плохо!

[Пауза].

И надо жъ было этому Орлову!...

Легко ли ей!...

[Кашель прошелъ. Княжна лежитъ, закрывъ глаза, въ полномъ изнеможеніи].

Бѣдняжка! помертвѣла!...

Страдалица!...

[Прослезилась. Пауза].

Ну, нѣтъ, не встать ей больше!

[Пауза].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. Входитъ князь Голицынъ съ Доманскимъ, который остается въ глубинѣ.

ФРАНЦИСКА [тихо Голицыну].

Совсѣмъ ей плохо. Былъ такой припадокъ!..

За докторомъ послала я.

ГОЛИЦЫНЪ.

Прекрасно.

[Садится у изголовья больной].

Монархиня, во благости сердечной,

Вамъ въ бракъ вступить съ Доманскимъ разрѣшаетъ...

КНЯЖНА [слабымъ голосомъ].

Съ Доманскимъ?! въ бракъ?!

ГОЛИЦЫНЪ.

А послѣ, вѣроятно,

Вы будете свободны.

КНЯЖНА [съ горечью].

Въ бракъ съ Доманскимъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Въ восторгѣ отъ такого разрѣшенья,

Онъ жаждетъ видѣть васъ.

[Доманскій дѣлаетъ движеніе къ княжнѣ].

КНЯЖНА.

Полякъ ничтожный!

[Доманскій отступаетъ].

Да развѣ, полюбивъ, какъ я любила,

Могу я быть женой его?... Къ тому же,

Какой тутъ бракъ, когда на ладанъ дышитъ
 Счастливая невѣста?! Развѣ съ трупомъ .
 Когда нибудъ вѣнчали?... Наконецъ,
 Дала я слово Лимбургскому князю...
 [Пауза].

ЯВЛЕНИЕ VIII и послѣднее.

Тѣ же и докторъ, войдя, тихо разговариваетъ съ Франциской.

КНЯЖНА

[съ внезапнымъ возбужденіемъ и лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ].

Я ѣду въ Оберштейнъ... Не моремъ только...
 Корабль—тюрьма!... [Порывисто и хрипло].
 Восторженные клики!...
 Пальба изъ пушекъ!... музыка гремитъ!..

ГОЛИЦЫНЪ [всталъ. Доктору].

Что это—бредъ?

ДОКТОРЪ.

Предсмертныя минуты...

КНЯЖНА [приподнялась].

Вездѣ толпы народа!... вотъ и онъ,
 Мой царь, мой властелинъ, мой повелитель!..

[Простерла руки].

Съ ребенкомъ на рукахъ!... То сынъ нашъ кровный,
 Любовь моя, мои страданья... [Вскрикиваетъ].

Ай!

Его онъ въ море бросилъ! въ море бросилъ!! [Съ ужасомъ].
 Чудовища ползуть за мной на борты!...
 Спасите же! Спасите!... Погибаю!!
 А онъ... хохочетъ!... Извергъ и пре-да-тель!..

[Падаеть и умираеть] ¹⁾.

ДОКТОРЪ [склоняясь надъ нею].

Она скончалась.

[Доманскій съ воплемъ бросается на колѣни и припадаетъ головой къ трупу].

ГОЛИЦЫНЪ [молитвенно].

Миръ ея душѣ.

З А Н А В ъ С Ъ.

И. Шпажинскій.

¹⁾ Самованка скончалась 4-го декабря 1775 г. и погребена въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. И. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

МАРТЪ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). VI—VII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	833
II. Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). VIII—IX. (Продолженіе). Графини Л. А. Ростопчиной	864
III. Воспоминанія погибавшаго человѣка. Н. И. Перелыгина	882
IV. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. IV—V. (Продолженіе). Н. И. Фалъева	902
V. Къ біографіи Э. И. Тотлебена. Д. М. Неклюдова-Кайсарова	929
VI. Чума въ Петербургѣ въ 1879 году. (Изъ записокъ врача). Н. И. Черепнина	935
VII. «Зѣло досадительный случай». (Разсказъ). Д. М. Березкина	946
VIII. Въ Майчжурин. Сергѣя Рунича . II. (Продолженіе)	952
Иллюстраціи: 1) Товарные склады на пристани въ г. Харбинѣ.—2) Китайская казнь.—3) Кѣтки съ головами казенныхъ.—4) Георгіевскіе кавалеры.	
IX. Красная Поляна. С. И. Васюкова	983
Иллюстраціи: 1) Монастырь св. Троицы.—2) Краснополянское шоссе. Видъ тоннеля и скалы.—3) Краснополянское шоссе. Начало ущелья Аву.—4) Охотничій домикъ Государи Императора.—5) Церковь на Красной Полянѣ.—6) Мостъ черезъ Мзымту въ колоніи эстонцевъ.—7) Краснополянская дѣвочка гречанка.	
X. Брюлевскій домъ въ Варшавѣ. А. Сидорова	1023
Иллюстрація: Брюлевскій домъ въ Варшавѣ.	
XI. Три народныя картинки. М. Успенскаго	1026
Иллюстраціи: Три народныя картинки.	
XII. Н. К. Михайловскій. А. И. Фаресова	1028
Иллюстрація: Николай Константинович Михайловскій.	
XIII. Столѣтіе перваго русскаго историческаго общества. П. Е. Павлова	1045
XIV. Иностранцы о Россіи. В. А. Тимирязева	1055
XV. Американскія трущобы. (Соціологическо-описательный очеркъ). Е. Н. Матросова	1072
XVI. Критика и библіографія	1094
1) Древности русскаго права. Томъ III. Землевладѣніе, тягло, порядокъ обложенія. В. Сергѣевича. Спб. 1904. В. Грибовскаго.—2) Пл. А. Кулаковскій. Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ изъ исторіи русскаго вліянія на юго-славянскія литературы. Спб. 1903. Андрея Сиротинина.—3) Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ (въ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи). Составлено подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Н. Н. Вѣлявскаго и подъ редакціей генералъ-майора В. А. Потто. Ф. Лѣ—ва.—4) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ четвертый. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра III. Составленъ П. И. Тхоржевскимъ, подъ главной редакціей статсъ-секретаря Куломзина. Спб. 1903. В. Грибовскаго.—5) Императорская главная квартира. (Изъ исторіи столѣтія военнаго министерства). Подъ главной редакціей Д. А. Скалона, составилъ В. В. Квадри. Спб. 1904. И. Фалъева.—6) Г. М. Бараць. Опытъ восстановленія текста и объясненія древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ. Спб. 1904. В. Грибовскаго.—7) Русскій біографическій словарь. Сабанинъ-Смысловъ. Спб. 1904. с. ш.—8) Записки Я. К. Номена о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ. Переводъ, введене и примѣчанія В. Курдта. Кіевъ. 1904. с. ш.—9) С. Уманецъ. Современный бабизмъ (расколъ въ маго-	
(См. слѣд. стран.).	

метанствѣ). Тифлисъ, 1904. Ф. Лъ—ва.—40) Н. Бравченко. «Въ Китай!» Спб. 1904. с. глини. — 11) Сборникъ для народнаго чтенія. Приложение къ журналу «Церковноархидіаскаль школа». Кіевъ. 1904. Ив. Захарина.—12) Изданія Краковской академіи наукъ (Akademija Umiejętnosci) по исторіи и древностямъ. Краковъ. 1903. с. гин—вта.—13) Еватерина Вторая. Историческій очеркъ С. Нестерова. Спб. 1904. с. ш.—14) К. Скальковскій. Новая книга. Публицистика, экономическіе вопросы, путевыя впечатлѣнія. Спб. 1904. Ignotus.—15) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Комитетъ министровъ въ первыя восемь лѣтъ царствованія государя императора Николая Александровича. Составлено помощникомъ управляющаго дѣлами комитета министровъ Н. И. Вуичемъ подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Спб. 1903. Ignotus.—16) Большой всемірный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. Шовальскаго. Выпущенъ I. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1904. г.—17) Соперничество торговыхъ интересовъ на Востоку. Докладъ члена совѣта общества востоквѣдѣнія М. П. Ѳедорова. Спб. 1903. с. у—ца.—18) Сказки о Петрѣ Великомъ въ запискахъ 1745—1754 годовъ. I—IV. П. К. Симоны. Спб. 1903. Ф. Л—ва.—19) Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Систематическій указатель трудовъ по языковеденію, литературѣ, этнографіи и исторіи. Спб. 1903. А. Я.—20) Первое столѣтіе Иркутска. Сборникъ матеріаловъ для исторіи города съ «Введеніемъ» и заключительной статьей приватъ-доцента П. М. Головачева: «Составъ населенія и экономическій бытъ Иркутска до 40-хъ годовъ XVIII вѣка», съ приложеніемъ 4-хъ видовъ и 3 плановъ стариннаго Иркутска. Изданіе В. П. Сукачева. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Спб. 1903. В. Ф—на.—21) А. В. Пановъ. Домашнія библіотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Саратовъ. 1904.—ова.—22) Классическій Востокъ. Остатки финикійской литературы. Обработалъ В. Тураевъ. Спб. 1903. м.—23) Album biograficzny zaslużonych polakow i polek wieku XIX. 2 тома. Варшава. 1901—1903. с. гин—вта.—24) Проф. Р. Ѳ. Врандтъ. Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-туркой войнѣ. (Отгискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1903 годъ). Воронежъ. 1903. А.—25) Проф. С. Гюнтеръ. Вѣкъ великихъ открытій. Переводъ П. Ю. Шнидта. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. 1904. г.—26) А. А. Сааковъ. О необходимости введенія земскихъ учреждений въ Закавказьѣ. Тифлисъ. 1903. А. х—ва.—27) К. І. Храевичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 1904. Андрей Сиротинича.—28) В. Л. Величю. Меншиковъ. Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1904. А. Фаресова.—29) Академикъ И. И. Янжулъ. Воспоминанія о дѣтской жизни. Москва. 1904. в. г.—30) Указатель книгъ и статей о кооперации и мелкомъ народномъ кредитѣ. Изданіе с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ судо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 1900. м. х.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1139

1) Иоанна д'Аркъ.—2) Лондонъ во время Стюартовъ.—3) Актриса Мопзъ.—4) Другъ свѣтскихъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ.—5) Невѣдомыя черты характера Робеспьера и его юность.—6) Наполеоніана.—7) Современный итальянскій разбойникъ.—8) Англійскіе матеріалы о Японіи.—9) Сношенія между Россіей и Японіей.—10) Совѣты Спенсера японцамъ.—11) Смерть Эмиля Дешанеля, Эли Реклю и Марья Ганна.

XVIII. Смѣсь 1168

1) Къ открытію памятника Глинкѣ.—2) Премія Петра Великаго.—3) С.-Петербургское археологическое общество.—4) Московское археологическое общество.—5) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—6) Ученый корреспондентъ академіи наукъ въ Римѣ.—7) Филаретъ Никитичъ Романовъ въ Варшавѣ.—8) Раскопки въ Еватеринославской губерніи.—9) Архангельскій епархіальный музей.—10) Рижскій музей.—11) Императорское общество любителей древней письменности.—12) Кобзари и лирики.—13) Правительственное предостереженіе книгопродавцамъ.—14) Годовое собраніе географическаго общества.—15) Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—16) Общество востоквѣдѣнія.

XIX. Некрологи 1190

1) Васнигъ, П. П.—2) Вельяминовъ-Зерновъ, В. В.—3) Войславъ, С. Г.—4) Марковничковъ, В. В.—5) Михайловскій, Н. К.—6) Пономаревъ, И. Н.—7) Предтеченскій, Е. А.—8) Сафоновъ, С. А.—9) Сильвай, И. А.—10) Тригова, Н. А.—11) Чичеринъ, В. Н.

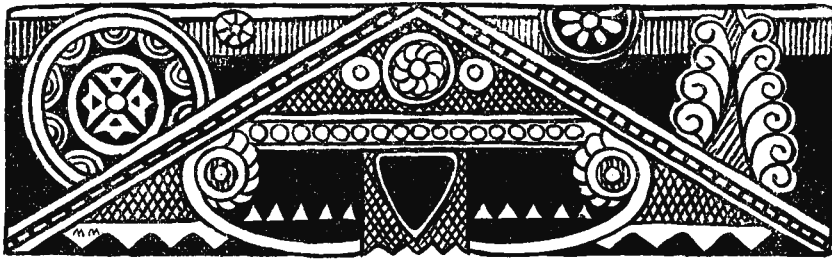
XX. Замѣтки и поправки . . . . .

Къ дуэли Куселева съ Вахметевымъ. Е. Вейденбаума.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ гр. Екатерины Петровны Ростопчиной.—2) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ Г. Легъ. Переводъ съ французскаго.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

VI.

ПАМЯТЕНЪ былъ истекшій день и послѣдовавшая за нимъ ночь также и обитателямъ дома, приспособленнаго для жилья изъ храма любви.

Проводивъ барина, Андрей тотчасъ же сѣлъ въ телѣжку, запряженную сильною татарскою лошадею, ждавшей его у задняго крыльца, и, ни съ кѣмъ не простившись, не сказавъ, куда онъ ѣдетъ и когда вернется, поѣхалъ къ лѣсу, въ противоположную сторону отъ той дороги, что вела въ Малявино, куда поѣхалъ его баринъ.

Грустно взволнованная недобрыми предчувствіями, смотрѣла Маланья вслѣдъ своему удалявшемуся хозяину.

Собиралась надъ ними гроза лютая. Если Господь мимо не пронесетъ, бѣжать имъ куда глаза глядятъ, къ нехристямъ въ степь, либо еще дальше...

Съ дѣтками-то малыми, съ тяжелой поклажей, насиженное покидать куда какъ было жутко и тоскливо! Сколько всяческой тяготы и муки придется вынести, даже и въ томъ случаѣ, если бы удалось благополучно добраться до надежнаго убѣжища, а ужъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV стр. 103.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1904 г., т. ХСV.

про то, что имъ грозитъ въ случаѣ, Боже упаси, неудачи,—и помыслить страшно! Вѣдь они крѣпостные, за обманъ да за расхищеніе господскаго добра баринъ все можетъ съ ними сдѣлать, что захочетъ: въ тюрьмѣ сгноить, отца подъ красную шапку, семью по лицу земли разметать такъ, что цѣлой жизни потомъ не хватить на то, чтобъ разыскать другъ друга...

— О Господи, помилуй! Царица небесная, выручи! — съ тяжелыми вздохами шептала она, отворачивая взглядъ отъ опустѣвшей дороги, на которой ужъ и пыль отъ телѣжки съ ея мужемъ давно улеглась, и направляясь къ сараю въ глубинѣ двора, гдѣ ей предстояло такъ много дѣла, что трудно было рѣшить, за что раньше приниматься.

Уѣзжая, хозяинъ приказалъ ей въ дальній путь собираться на всякій случай, чтобъ, если что, изъ-за пустяковъ ни на единый мигъ не задерживаться.

Прежде всего, подъ заранѣ придуманнымъ предлогомъ, Маланья разослала въ разныя стороны всѣхъ бабъ, дѣвокъ и дѣвчонокъ, составлявшихъ штатъ ея прислуги, и съ помощью старушки родственницы, не разстававшейся съ нею со дня ея рожденія, принялась укладывать въ сундуки и въ коробья вещи, наскоро сюда снесенныя, когда пріѣхалъ баринъ.

Некому было мѣшать имъ, народъ разошелся, а дѣти спозаранку, какъ еще баринъ не уѣзжалъ, ушли къ пчельнику въ лѣсъ, подъ наблюденіемъ старшей сестренки, десятилѣтней кудрявой Маши.

— Ты, дѣвынька, уведи мелюзгу-то куда нибудь подальше, не до васъ намъ теперь,—шепнула ей мать, когда солнышко еще не вставало.

Дѣвочка, смущенная угрюмымъ видомъ отца и заплаканными глазами матери, чуя дѣтскимъ инстинктомъ, что въ домѣ у нихъ неладно, безпрекословно повиновалась и, набивъ мѣшочекъ лепешками, крутыми яицами да остатками барскаго ужина, пустилась съ малышами въ путь.

Маланья со старой родственницей такъ усердно трудились, что къ полудню все цѣнное: серебро, образа въ золоченыхъ ризахъ и прочее, было уложено въ сундукъ, который онѣ сдвинули въ уголъ сарая и прикрыли рогожами и разнымъ тряпьемъ, предварительно заперевъ на ключъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онѣ принялись за мѣха, ковры, одежду. Всего этого было много. Не даромъ сравнивала Малявинская старая барыня усадьбу господъ Грабининыхъ съ полной чашей. Отъ чаши этой расхитители отпивали не вдругъ и не зря, а незамѣтно и послѣдовательно, но такъ усердно, что, когда дѣдъ теперешняго владѣльца задумалъ помирать, отъ добра, скопленнаго вѣками въ барскомъ домѣ, не осталось и половины.

Старый управитель, холостякъ и мизантропъ, придавалъ значеніе только такимъ предметамъ, которые можно было немедленно спустить евреямъ за звонкую монету; но преемникъ его, Андрей, былъ малодушнѣе, и глаза у него разгорались на такіе пустяки, какъ роскошная одежда и богатая домашняя обстановка, заграничный фарфоръ, мебель, хрусталь и разныя драгоценныя штучки, которыхъ употребленіе ему было неизвѣстно.

На замѣчанія жены, на что имъ такія вещи, которыми въ ихъ званіи нельзя и пользоваться, онъ упрекалъ ее въ недалновидности.

— Съ чѣмъ же начнемъ мы новую жизнь, когда судьба наша измѣнится? — возражалъ онъ такъ увѣренно, точно имѣлъ всѣ данныя рассчитывать на блестящее будущее.

У него было много амбиціи, и въ мечтаніяхъ своихъ онъ иногда заносился такъ высоко, что порою самому становилось страшновато, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сладко. Ахъ, какъ сладко воображать себя богатымъ купцомъ въ большомъ російскомъ городѣ, въ Рязани, на примѣръ, откуда его мать была родомъ, и гдѣ онъ провелъ свое раннее дѣтство, пока не отдали его, вмѣстѣ съ родителями, въ приданое барышнѣ, вышедшей замужъ за Владимира Васильевича Грабинина.

Хорошо было бы и въ Москвѣ прожить до самой смерти, въ своемъ домѣ съ большимъ садомъ, поближе къ церкви, чтобъ звонъ колоколовъ будилъ къ церковнымъ службамъ, на которыя онъ отправлялся бы пѣшкомъ, раздавая милостыню нищимъ изъ тяжелой, наполненной грошами и алтынами мошны, которую бы несли за нимъ приспѣшники изъ его приказчиковъ; кафтанъ на немъ былъ бы длинный, изъ тонкаго сукна, на пальцѣ перстень, пожалованный царицей за пожертвованія на богоугодныя заведенія, и народъ съ почтеніемъ разступался бы передъ нимъ, какъ передъ благодѣтелемъ и богачемъ... А позади его супруга Маланья Тимоеевна, въ шелковомъ платьѣ, накрытая настоящимъ шелковымъ французскимъ платкомъ, съ дѣтками, тоже прилично званію и состоянію родителя разряженными. Торговля у него была бы обширная и разнообразная. На выдумки онъ хитеръ и рисковать любитъ въ мѣру, все такими бы дѣлами занимался, которыя и барыши бы ему приносили и хорошую славу. Съ темными личностями совѣмъ бы не знался и дѣла бы велъ все честныя, чтобъ всѣ ему довѣряли. Все краденое добро роздалъ бы по церквамъ, все безъ остатка. И не одно то, что самъ натаскалъ изъ барскаго дома, а также и то, что по наслѣдству отъ крестнаго отца жены имъ досталось...

Вотъ какіе грандіозные планы разрушилъ молодой баринъ своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ въ родовое гнѣздо.

Если принять въ соображеніе, въ какой средѣ вращался Андрей съ тѣхъ поръ, какъ попалъ въ Воробьевку, и какіе примѣры про-

ходили у него передъ глазами, дурность такихъ мечтаній будетъ понятна.

При жизни своего благодѣтеля, покойнаго Вишнякова, воровскаго управителя, онъ много слышался о превращеніи хамовъ въ пановъ, нищихъ въ богачей и богачей въ нищихъ, каторжниковъ въ вельможъ и вельможъ въ каторжниковъ, отъ разныхъ паюковъ, поссессоровъ, диспозиторовъ и живущихъ у богатыхъ вельможъ резидентовъ (по-русски тунеядствующихъ дармоѣдовъ), посѣщавшихъ довѣреннаго управителя Грабинина, съ которымъ у нихъ были постоянныя дѣлишки весьма часто таинственнаго свойства. То былъ вѣкъ авантюръ и авантюристовъ всюду, а въ такомъ разлагающемся государствѣ, какъ Польша, въ особенности. Здѣсь всѣ торопились пользоваться жизнью и, точно предчувствуя неминуемую гибель, предавались бѣшеному удалству въ преслѣдованіи самыхъ отчаянныхъ и преступныхъ цѣлей, не заботясь ни о законѣ, ни о совѣсти, ни объ отвѣтственности передъ Богомъ, въ борьбѣ съ опасностями и случайностями всякаго рода, часто ради минутнаго наслажденія.

Бывалъ Андрей и въ Варшавѣ, видалъ тамъ, какъ богачи знатнаго и незнатнаго происхожденія живутъ, но не льстился онъ на польскія выдумки и полуру, претило ему польское чванство, и смѣшно ему было смотрѣть, какъ они развѣзжали по главнымъ улицамъ города въ раззолоченныхъ каретахъ и коляскахъ, и верхами на коняхъ съ раскрашенными во всевозможные неестественные цвѣта хвостами и гривами, увѣшанными драгоценными камнями, сами всадники въ бархатныхъ кунтушахъ съ алмазными поясами, съ развѣвающимися перьями на шапкахъ, ноги въ красныхъ сафьянныхъ сапогахъ въ золотыхъ стремянахъ и съ блестящей свитой шляхты, расфранченной насчетъ патрона, при карабеляхъ, готовой по первому знаку благодѣтеля зарубить каждаго, на кого косо взглянетъ ихъ повелитель. Но изъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ о странной судьбѣ многихъ изъ этихъ пускавшихъ пыль въ глаза франтовъ, укрѣплялся онъ все больше и больше въ убѣжденіи, что человѣку съ мозгами въ этой странѣ все возможно.

Въ городахъ, мѣстечкахъ, и во дворцахъ весело разоряющихся вельможъ, какъ и въ домахъ всякими правдами и неправдами наживающейся шляхты, царилъ безшабашная вакханалія; съ утра до вечера и съ вечера до утра раздавались веселая музыка, громкіе тосты и дикіе вопли допившихся до чертиковъ хозяевъ съ гостями; изъ широкихъ, настезь растворенныхъ воротъ выѣзжали и въѣзжали блестящія охоты и кавалькады; по обширнымъ дворамъ и садамъ шныряли толпы разряженной прислуги и резидентовъ съ резидентками, въ красивыхъ костюмахъ, украшенныхъ гербами патрона; въ кухняхъ стряпались безчисленныя кушанья изъ

провизіи, выписываемой издалека, вмѣстѣ съ ящиками дорогихъ винъ и рѣдкихъ фруктовъ, кладовыя и подвалы ежедневно наполнялись приносимой изъ лѣсовъ дичью, изъ рѣкъ рыбой, изъ теплицъ и оранжерей поставлялись цвѣты и фрукты, для разведенія которыхъ держали садовниковъ французовъ и нѣмцевъ. И тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ эльдорадо, простой народъ, быдло, изнемогалъ отъ голода и холода, подъ кнутами дозорцевъ и диспозиторовъ, выколачивающихъ изъ него безъ милосердія послѣдній грошъ.

Въ лѣсахъ же, окружающихъ оазисы роскоши и довольства, которыми была усѣяна тогдашняя «свободная и независимая» Польша, ютились неудачники, тѣ, которымъ не повезло въ бѣшенной скачкѣ съ препятствіями за счастьемъ, и которымъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ схорониться до поры, до времени отъ преслѣдованія полиціи и отъ мщенія на смерть оскорбленныхъ ими враговъ. Тутъ, въ дремучихъ, непролазныхъ чащахъ, съ волками медвѣдями и лисицами, выжидали они счастливаго поворота колеса фортуны, въ видѣ переменъ правительства или другого какогонибудь переворота въ судьбѣ своихъ недруговъ, вслѣдствіе частныхъ или общественныхъ событій, влекущихъ за собою неурядицу междоусобія въ странѣ, на которую сосѣднія державы уже наложили свою тяжелую руку.

При каждомъ такомъ явленіи, всегда сопровождавшемся вмѣшательствомъ иноземцевъ во внутреннее устройство Польши, судьбы частныхъ лицъ, равно какъ и государственныхъ дѣятелей, внезапно мѣнялись, и положенія перетасовывались, какъ колода картъ въ рукахъ нервно взволнованнаго игрока: стоявшіе у власти низвергались, увлекая за собою въ бездну своихъ приверженцевъ, а низверженные возносились, таща за собою къ свѣту и власти кліентовъ, оставшихся имъ вѣрными въ несчастіѣ, или друзей, пріобрѣтенныхъ уже въ дни злополучія.

Нельзя было, значить, ни отчаиваться во время бѣды, ни полагаться на прочность благополучія во время удачи.

Такого рода положеніе вещей не могло не отражаться на душевномъ настроеніи самыхъ спокойныхъ и благоразумныхъ людей; пылкихъ же и одаренныхъ живымъ воображеніемъ оно доводило до неистовства въ погонѣ за деньгами, за властью, за женщинами, за всѣмъ, что равняетъ съ любимцами фортуны, пользующимися ея дарами по праву рожденія.

Стремился къ такому счастью и Андрей. Много разныхъ предпріятій было у него затѣяно, когда пріѣхалъ неожиданно баринъ.

Чтобы Владимиру Михайловичу отложить свой пріѣздъ, хотя бы до того времени, когда старую малявинскую коргу снесутъ въ склепъ подъ Малявинскую церковь! Некому было бы тогда открыть ему глаза на продѣлки его управителя.

Правнука ея, для многихъ страшнаго Дмитрія Степановича, Андрей не такъ опасался, какъ его прабабки. Пріѣзжалъ онъ сюда всегда на короткое время, при чемъ былъ такъ поглощенъ собственными дѣлами, что вмѣшивался въ чужія тогда только, когда находилъ это для себя выгоднымъ. Андрей много про него зналъ отъ своихъ лѣсныхъ пріятелей и доброжелателей. Недавно еще, одинъ изъ дозорцевъ изъ Тульчина, встрѣтившись съ нимъ въ корчмѣ, спяна разболталъ ему великую тайну: будто Малявинскій баринъ мѣтитъ промѣнять свои имѣнія въ Россіи на имѣніе въ Польшѣ, чтобъ латинскую вѣру принять и на службу къ польскому королю поступить, и будто сманиваетъ его на такое преступное и грѣшное дѣло бывшая резидентка графини Потоцкой, пани Розальская, къ которой онъ повадился ѣздить.

При такихъ затѣяхъ, гдѣ ужъ о чужихъ убыткахъ заботиться!

Не опасался бы Андрей и барина своего, Владимира Михайловича, если бы некому было его противъ него настроить. Баринъ простой, души добрѣющей, нѣтъ въ немъ ни хитрости, ни лукавства, что на умѣ, то на языкѣ. Своей выгоды вовсе не понимаетъ. Все это Андрей съ первыхъ же словъ съ нимъ постигъ, какъ нельзя лучше. Да и люди, что съ нимъ пріѣхали, то же самое говорятъ: ни скупости, ни корысти въ немъ нѣтъ, деньги для него, что солома, на одно мотовство съ пріятелями да на продажныхъ женщинъ нужны. А доходовъ немало и съ московскихъ своихъ имѣній получаетъ: значить, больше для порядка пріѣхалъ на дѣдушкино наслѣдство взглянуть, чтобъ въ безопасности не упрекнули. Но вѣдь и его можно на подозрѣніе натравить, и, если вздумаетъ, по совѣту старой малявинской корги, кое-кого изъ окрестныхъ людей допросить, многое можетъ открыться. Враговъ у Андрея много, и они рады его погубить, надо, значить, на всякій случай приготовить, чтобъ новую жизнь начать далеко отсюда.

Здѣсь онъ ни за что не останется въ случаѣ бѣды; слишкомъ долго важничалъ, настоящаго барина изъ себя представлялъ и народъ прижималъ, чтобъ примириться съ положеніемъ подневольнаго человѣка, подъ начальствомъ новаго управителя; но прежде чѣмъ окончательно рѣшить: скрыться ли ему съ семьей, не дождавшись слѣдствія и не пытаясь оправдываться, или дождаться, чтобъ разразилась гроза, онъ не хотѣлъ, не посвѣтовавшись съ челоѣкомъ, къ жилищу котораго направлялъ путь.

Доѣхавъ до водяной мельницы, шумѣвшей на днѣ глубокаго оврага, онъ вылѣзъ изъ телѣжки и, ведя лошадь подъ уздцы, осторожно спустился по тропинкѣ къ быстрому потоку, вертѣвшему мельничное колесо. По близости сидѣлъ на завалинкѣ маленькой, крытой соломой хатки старикъ и плелъ лапотъ, а изъ оконца выглядывали бѣлокурыя головки его двухъ внучекъ.

Завидѣвъ посѣтителя, мельникъ отложилъ въ сторону свой лапотъ и поплелся навстрѣчу гостю.

— Постереги здѣсь мою лошадку, дѣдка, вечеромъ приду за нею, — сказалъ Андрей, поздоровавшись со старикомъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— Къ монаху ладишь дойти?

— Да. Жена задумала меду боченокъ сварить, такъ вотъ, не уступить ли медку пудика два сотоваго, — отвѣчалъ Андрей, немного смущенный любопытствомъ мельника.

— У монаха меду много, — замѣтилъ послѣдній. — Ступай себѣ съ Богомъ, паренекъ, коняшку мы твою побережемъ.

— Спасибо. А вотъ, дѣвчурки, вамъ на пряники, — прибавилъ Андрей, подходя къ окошку и протягивая дѣвочкамъ по мѣдному грошу, которые онѣ съ просіявшими личиками зажали въ кулачки.

Выкарабкавшись изъ оврага, Андрей продолжалъ путь пѣшкомъ по лѣсу, превращавшемуся съ этого мѣста въ дремучій боръ. Часа два продирался онъ сквозь тѣсно переплетающіяся вѣтви, завязая въ густомъ кустарникѣ и старательно обходя глубокія ямы, вырытыя лѣсными звѣрями, а инья и людьми, которымъ, за невозможностью дышать на поверхности земли, приходилось хорониться въ ея нѣдра. Солнце уже близилось къ западу, когда онъ наконецъ достигъ до пещеры съ входомъ, густо обросшимъ травой, врытой въ землю такъ глубоко, что незнающему человѣку можно было двадцать разъ пройти мимо, не подозрѣвая о ея существованіи.

Но Андрей не въ первый разъ проникалъ въ убѣжище таинственной личности, скрывавшейся отъ свѣта подъ кличкой монаха, и онъ не задумываясь проникъ въ самую чащу кустовъ, промежъ которыхъ была дверь въ видѣ ставня, всегда запертая изнутри, когда хозяинъ былъ дома, и снаружи, когда онъ выходилъ.

Теперь онъ былъ дома; Андрей явственно услышалъ говоръ за дверью, пригнувшись къ которой онъ нѣсколько минутъ прислушивался прежде, чѣмъ постучаться.

Голоса ему были знакомы, въ одномъ онъ тотчасъ же узналъ голосъ монаха, но кто былъ другой, этого онъ припомнить не могъ, хотя ему казалось, что онъ его слышалъ раньше и очень недавно.

Во всякомъ случаѣ встрѣча эта ему была не пріятна: удастся ли по душѣ перетолковать съ пріятелемъ? Остаться здѣсь долго ему нельзя, надо непременно той же ночью вернуться домой, а если этотъ гость пришелъ ночевать, то, пожалуй, нельзя будетъ остаться наединѣ съ хозяиномъ пещеры...

Но долго раздумывать ему не дали? Вѣроятно, заслышавъ надъ головой шорохъ, монахъ снялъ тяжелый крюкъ съ петли и раздвинулъ ставень настолько, насколько это было нужно, чтобы разглядѣть посѣтителя, а затѣмъ, узнавъ Андрея, немедленно къ нему вышелъ другимъ ходомъ, въ противоположной стороны.

Это былъ высокій и чрезвычайно худой человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, бодрый и живой, какъ юноша, и съ бѣлой, какъ у

старца, бородой, отъ которой лицо его съ рѣзкими чертами и блестящими глазами казалось еще моложавѣе. На немъ была монашеская ряса изъ грубаго порыжѣвшаго отъ времени сукна, подпоясанная веревкой, съ засунутыми за нее деревянными четками и кинжаломъ въ серебряной оправѣ, съ которымъ онъ никогда не разставался. На его включенныхъ бѣлыхъ кудряхъ была надѣта скуфейка изъ потертаго бархата, давно потерявшаго и цвѣтъ и ворсъ.

— Андрей Ивановичъ! Здорово! Я тебя поджидалъ,—проговорилъ онъ съ довольно сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, протягивая посѣтителю руку съ длинными блѣдными пальцами. По одной этой рукѣ, даже не взглянувъ на его лицо съ породистыми красивыми чертами, можно было узнать барина.

— Да, батька, кое о чемъ надо съ тобою посоветоваться,—отвѣчалъ Андрей, подозрительно косясь на дверь и понижая голосъ.— Думалъ застать тебя одного...

— Подожди маленько, этотъ сейчасъ уйдетъ. Ему путь до мѣста не ближній, а до ночи надо порученіе непременно исполнить.

— Кто такой?

— Пана Мальчевскаго паюкъ, Стаська.

— По голосу его, паршивца, узналъ, — съ досадой прошепталъ Андрей.— Не догадался бы, что я къ тебѣ пришелъ. Дѣло мое потаенное, батька. Такъ меня таперя прижало, что собственной тѣни опасуюсь.

— Ничего онъ, бисовъ сынъ, не узнаетъ. Схоронись тутъ въ кустахъ, а я его подальше выведу, до коня, у медвѣжьей берлоги, и въ скорости къ тебѣ вернусь.

Съ этими словами онъ спустился назадъ въ пещеру, а Андрей отошелъ на нѣсколько шаговъ и опустился на землю за кустами. Ждать ему пришлось недолго, вскорѣ онъ услышалъ, какъ монахъ съ посѣтителемъ вышли изъ подземелья въ лѣсъ, а затѣмъ минутъ черезъ десять монахъ къ нему подошелъ ужъ одинъ и, усѣвшись рядомъ съ нимъ на траву, спросилъ, что у него за дѣло.

Андрей рассказалъ про неожиданный пріѣздъ барина и про свои опасенія, чтобъ малявинская старая барыня не внушила ему подозрѣній на управителя.

— Ужъ это непременно, что она ему на тебя нажалуется,—сказалъ, внимательно выслушавъ его, тотъ, котораго называли монахомъ.—Сколько разъ говорилъ я тебѣ не только ей, но и всѣмъ угождать, чтобъ тебя не выдали!

— Не умѣю я такъ,—мрачно проворчалъ Андрей, не поднимая глазъ на своего собесѣдника и смущаясь все больше и больше подъ его пристальнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ.—Пробовалъ, ничего не выходитъ. Чтобъ всѣмъ угодить, лисій хвостъ нуженъ, а его у меня нѣтъ.

— Зачѣмъ же тогда на мошенничества пустился, когда лисьего хвоста у тебя нѣтъ? Въ твоемъ положеніи съ одними волчьими зубами ничего не подѣлаешь. Съ волчьими-то зубами только разбойничать можно, а на мошенничество хитрость, притворство да двоудушіе нужны, надо умѣть лебезить и врать да святошей притворяться, при случаѣ слезы лить, и никогда въ сердце жалости не допускать, надо быть предателемъ, какъ Іуда, съ лобзаніемъ предавшій нашего Спасителя...

— Никогда я Іудой не былъ и не буду!—съ негодованіемъ вскричалъ Андрей. Сравненіе пріятеля уязвило его до глубины души.

— Такъ иди въ разбойники,—замѣтилъ съ улыбкой монахъ.

— И въ разбойники не пойду. Ты меня, кажется, совсѣмъ нехристомъ считаешь,—угрюмо возразилъ Андрей.

— Да христіанскаго то въ тебѣ мало, это я тебѣ и раньше говорилъ. Ну, да благодать то не всякому дается, и во всякомъ случаѣ вымолить ее надо, кровавыми слезами вымолить. И сдается мнѣ, что твое время приспѣло отъ грѣховнаго сна очнуться... Господь по Своей благости вспомнилъ про тебя, если испытаніе тебѣ посылаетъ, надо тебѣ, значить, передъ нимъ оправдаться, вотъ что.

Онъ смолкъ. Молчалъ и Андрей, низко опустивъ голову и тяжело вздыхая. Въ сердце его заползло давно неиспытанное чувство раскаянія и умиленія; хотѣлось плакать и каяться, какъ на исповѣди передъ причастіемъ. А монахъ молился; тишина, царившая вокругъ нихъ, нарушалась его вздохами и шопотомъ скорбнаго воззванія: «Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ», вырывавшагося изъ глубины его души такъ искренно, что настроеніе его не могло не передаваться его собесѣднику.

— Ну, помолились, теперь давай совѣтъ держать, братецъ,—сказалъ онъ, съ добродушной усмѣшкой взглядывая на своего взволнованнаго посѣтителя.—Съ чего это твой баринъ такъ скоро надумалъ къ малявинской старухѣ ѣхать? Отъ кого онъ про нее слышалъ?

— Сама за нимъ прислала. Донесли ей, что утромъ онъ черезъ Малявку въ бродъ переправлялся, ну, и прислала Ипатыча звать его къ себѣ. А не дальше, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, одинъ тутъ паренекъ изъ Малявина сказывалъ, что ихъ старая барыня на меня и рветъ и мечетъ за ихъ Акимку, будто онъ отъ меня озорства набрался и своевольства. На одной изъ нашихъ дѣвокъ задумалъ жениться и приходилъ просить, чтобъ въ промѣнъ его къ намъ замѣсто Кондратія бобыля взять, и я обѣщалъ ему объ этомъ похлопотать, вотъ и вся моя тутъ вина. Воромъ меня обозвала, грозилась барину про меня отписать...

— А вѣдь отписать-то есть о чемъ, Иванычъ?

Андрей промолчалъ.

— Понимаешь ты теперь, что я правду тебѣ говорилъ зимой, когда ты хвастался, что двѣ тысячи десятинъ земли у татаръ купилъ на тѣ деньги, что съ амурнаго домика выручилъ? Вотъ оно теперь и отзывается. Лиходѣевъ у тебя много, Иванычъ. Зачѣмъ расплодилъ?

— У кого ихъ нѣтъ, батько? Иной и радъ бы такъ дѣйствовать, какъ я, да ума не хватаетъ, вотъ и злобствуетъ...

— А теперь, какъ тебѣ казнь подходитъ, Бога будутъ благодарить, что ума имъ на злыя дѣла не додалъ,—подхватилъ монахъ.

Андрей на это только безнадежно махнулъ рукой: аргументы собесѣдника сокрушали въ немъ всякую попытку самозащиты.

— Разсказывай дальше,—отрывисто сказалъ послѣ небольшого молчанія монахъ.

— Чего тутъ разсказывать, все сказано: самъ долженъ понимать, для чего старая корга за нашимъ баринѣмъ послала. Весь день онъ съ нею, съ одною, проведетъ, и чего только она ему не наскажетъ!

— Она въ домѣ не одна, Аратовъ тоже въ Малявинѣ,—замѣтилъ монахъ.

— Когда же онъ успѣлъ пріѣхать? Вчера Ипатычъ сказывалъ, что раньше, какъ на будущей недѣлѣ, его не ждутъ.

— Пріѣхалъ, говорятъ тебѣ. У васъ тамъ никто про него ничего не знаетъ. Послѣднюю недѣлю все въ Кіевѣ съ поляками путался. У Лосунскаго выигралъ въ одну ночь десять тысячъ червонцевъ и сейчасъ у еврея Фогеля брилліантовъ да жемчуговъ на три тысячи закупилъ, чтобъ, значитъ, вдвое дороже перепродать за границу. Камни-то у извѣстнаго лица выкрадены, надо было скорѣе сбыть. Такого случая г-нъ Аратовъ никогда не пропуститъ. Ловкачъ! Вотъ у кого надо учиться дѣла-то дѣлать, Иванычъ,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Этому все съ рукъ сходитъ, — со вздохомъ замѣтилъ Андрей,—потому что баринъ...

— И вовсе не отъ этого, а потому, что Господь отъ него ужъ давно отступился,—строго поправилъ его монахъ.—Ему самъ чортъ помогаетъ. Всякаго можетъ провести и обворожить, даже жиды и тѣ къ нему льнутъ. Недавно одинъ жидъ мнѣ съ восхищеніемъ разсказывалъ, какъ г-нъ Аратовъ его надулъ на лошадахъ. Я спросилъ: чему же онъ радуется? «А тому, говоритъ, что есть такіе мудрые люди на свѣтѣ». Они это мудростью называютъ. Но вѣдь на то они и жиды хриstopродавцы, а насъ, чтобъ насчетъ этой мудрости просвѣтить, Господь Сына Своего послалъ на землю, и Спаситель міра мученическую смерть принялъ. А правнуку Серафимы Даниловны, въ концѣ концовъ, не сдобровать, помани мое слово, когда случится. Затѣялъ онъ теперь съ Заруднымъ да съ

Квашнинскимъ недоброе дѣло—у Сокальскаго дочку для Мальчевскаго выкрасить. Этотъ давно въ нее влюбленъ, а еще больше въ карбованцы, которыми у старика Сокальскаго можна набита. Засылалъ сватовъ и получилъ гѣрбузъ; не захотѣлъ Сокальскій за мотарыгу единственную дочь выдать. Обозлился отвергнутый женихъ и задумалъ невѣсту наѣздомъ достать. Сейчасъ ихъ Стаська рассказываетъ, что они со вчерашняго дня Аратова по всему околотку ищутъ, чтобъ передать ему письмо отъ ихъ пана, и наконецъ кто-то надоумилъ ихъ узнать про него на мызѣ Розальской. Тамъ имъ сказали, что онъ домой въ Малявино уѣхалъ. Стасекъ туда поскакалъ, а мимоѣздомъ ко мнѣ свернулъ отдохнуть и кое о чемъ со мною посовѣтоваться. Затѣялъ ихъ панъ дѣло преопасное. На-дняхъ панъ Сокальскій такъ опился и объѣлся у своего пріятеля Гродзинскаго, что домой его замертво привезли, и онъ лежитъ теперь въ постели, ни рукой, ни ногой пошевелить не можетъ. Вотъ и надумалъ Мальчевскій этимъ воспользоваться, чтобъ наѣздъ сдѣлать. Подкупили Сокальскаго паюка Иозефа да прислужницу молодой панны. Наладили дѣло умно. Мальчевскій обѣщаль роздать сто червонцевъ челяди своихъ приспѣшниковъ, а Стаськѣ посулилъ двадцать пять злотыхъ за то только, чтобъ непременно нашелъ Аратова и отдалъ бы ему письмо въ-время...

— Разбойники! Всѣхъ бы я ихъ повѣсилъ за такую пакость!— проворчалъ Андрей, которому и всегда, при его пристрастіи къ живѣ, претили азартныя выходки разгульной молодежи изъ-за женщинъ, а при томъ душевномъ настроеніи, въ которое привели его упреки монаха, особенно противно казалось такое наглое издѣвательство надъ всѣми законами Божьими и человѣческими. — Такъ много бросить денегъ изъ-за затѣи, отъ которой ничего, кромѣ разоренія, нельзя ждать! Чтобъ овладѣть дѣвкой, которая потомъ съ первымъ встрѣчнымъ отъ него убѣжитъ, стѣдить, нечего сказать! Чѣмъ бы эти деньги на хозяйство употребить, домъ поправить, который у него совсѣмъ разваливается! А пана Сокальскаго мы знаемъ, надъ деньгами трясется, убить его надо, чтобъ добромъ его поживиться.

— За это передъ Богомъ они и отвѣтятъ, а я тебѣ это къ тому говорю, чтобъ ты зналъ, какія дѣла теперь у Аратова затѣяны. Кромѣ проказы Мальчевскаго, въ которую впутался, онъ еще и другими дѣлами озабоченъ; непременно на Розальской хочеть жениться.

— Какъ же ему жениться, когда у него жена есть? Все же вѣдь онъ православный и Россійскаго государства подданный?

— Жена у него, говорятъ, порченая.

— Враки все, никакой въ ней нѣтъ порчи, окромя того, что противенъ онъ ей, и что она скрывать своей къ нему ненависти не умѣетъ, вотъ и вся порча. Намъ нельзя этого не знать, завсегда

Малявинскіе съ Воробьевскими по-сосѣдски жили, кумились и родились. Никакой порчи въ молодой барынѣ малявинской нѣтъ,— съ убѣжденіемъ повторилъ Андрей.

— Эхъ, братецъ ты мой, захочетъ Аратовъ супругу свою безумной сдѣлать, кто ему можетъ помѣшать? Здѣсь страна безправная и незаконная, у кого деньги, у того и власть и сила. Я знаю двухъ такихъ, которыхъ весь городъ хоронилъ; на глазахъ у всѣхъ, ихъ въ гробъ клали, въ могилу опускали, землей засыпали, и памятники надъ ними изъ итальянскаго мрамора поставили, а они себѣ живехоньки, одинъ въ монастырѣ грѣхи свои и чужіе замаливаетъ, а другой...

И, точно испугавшись, что сказалъ много лишняго, онъ поспѣшно свернулъ рѣчь на жену Аратова:—Ты думаешь, въ домахъ для сумасшедшихъ однихъ только безумныхъ держать? Нѣтъ, братъ, тамъ и здоровые томятся.

Андрей ничего не возражалъ. Догадавшись, что въ данную минуту ему не до чужихъ бѣдъ, собесѣдникъ спросилъ у него, какъ же онъ намѣренъ поступить въ виду надвигавшейся на него бѣды.

— Да вотъ я объ этомъ-то и пришелъ съ тобою посоветоваться, самъ-то совсѣмъ обалдѣлъ, ничего не могу ни придумать ни сообразить. Не будь семьи, бѣжалъ бы куда глаза глядятъ, не дожидаясь ни опросовъ, ни пытокъ.

— Бѣжать тебѣ никоимъ образомъ загодя нельзя. Первымъ дѣломъ надо ко всему приготовиться, и если оправдаться не удастся...

— Какъ же тутъ оправдаться, когда живы тѣ самые люди, которые помогали мнѣ таскать барское добро изъ кладовыхъ да изъ подваловъ!—съ отчаяніемъ вскричалъ Андрей.—Нѣтъ, ужъ, батька, оправдаться мнѣ нельзя. Повиниться развѣ...

— Всего было бы лучше.

— Знаю я, но вѣдь ужъ мнѣ тогда въ управителяхъ не остаться: либо сдадутъ въ рекруты, либо въ дальнюю деревню сошлютъ да на землю, какъ простаго мужика, посадятъ. Не снести мнѣ такого креста, батька,—мрачно прибавилъ онъ.

— Чего же ты отъ меня хочешь? Чѣмъ могу я тебѣ помочь?—спросилъ, немного помолчавъ, монахъ. — Ворованному добру я не укрыватель...

— Хотѣлъ просить тебя жену съ дѣтками у себя пріютить, пока у насъ тамъ передрыга-то будетъ. Вѣдь вольную я ее за себя взялъ, за что же она со мною рабью неволю въ опалѣ будетъ претерпѣвать? У нея братъ богатый въ Астрахани живетъ, можно ему отписать съ вѣрнымъ человѣкомъ, чтобъ пріѣхалъ за ними. Все же имъ у него будетъ лучше, хоть сиротами на чужой сторонѣ жить, чѣмъ со мной, опозореннымъ, наказаннымъ, можетъ, тѣми же самыми, которыхъ самъ розгами дралъ...

Голосъ его оборвался отъ душевной муки, и онъ смолкъ, закрывъ лицо руками. Сдержанныя рыданія прорвались наружу, и, не будучи уже въ силахъ удержать ихъ, онъ нѣсколько минутъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Привози сюда семью, схоронимъ ее отъ всѣхъ глазъ съ Божіей помощью, если бы такъ случилось, что дѣло повернется для тебя плохо, — началъ монахъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго онъ съ жалостью и любовью смотрѣлъ на изливавшего передъ нимъ свою печаль несчастнаго грѣшника. О чемъ думалъ онъ въ эти минуты? О своихъ ли собственныхъ прегрѣшеніяхъ, которыя ему приходилось искупать тяжелыми страданіями и лишеніями, о другихъ грѣшникахъ, приходившихъ къ нему за нравственною поддержкою, когда наступало время искупленія? Или объ этомъ самомъ Андреѣ, котораго онъ зналъ до сихъ поръ самонадѣяннымъ, беззаботнымъ и мнящимъ себя счастливымъ удачами въ преступныхъ предпріятіяхъ, а теперь видитъ несчастнымъ, растеряннымъ и удрученнымъ подъ тяжестью креста, еще только готовящагося опуститься на него?.. Невзирая на сердечное ожесточеніе и на корысть, человѣкъ этотъ всегда возбуждалъ въ немъ участіе, и той минуты, что наступила теперь, онъ не только ждалъ съ вожделѣніемъ, но даже не разъ молилъ Бога, чтобъ она скорѣе наступила для его любимца; жаль ему было погибающую въ грѣхахъ душу, душу сильную, терпѣливую, способную столько же на добро, сколько на зло... Онъ зналъ, до какого нравственнаго величія способны возрости такія души подъ очистительнымъ огнемъ искупленія, и не могъ не желать такого духовнаго обновленія для этого русскаго человѣка, сумѣвшаго сохранить всѣ основныя черты россиянина и православнаго среди чуждыхъ и враждебныхъ этому духу элементовъ...

— О семьѣ твоей не заботься, — повторилъ онъ, — вези ихъ сюда хоть завтра. А какъ тебѣ самому быть, много про это не загадывай, а положиись на волю Божію, что пошлетъ тебѣ, то и принимай съ благодарностью и смиреніемъ. Увидишь, какъ тебѣ полегчаетъ, когда ты не языкомъ однимъ, а отъ всего сердца возопишь къ Спасителю: «да будетъ воля Твоя!» И дай себѣ зарокъ, если бы такъ случилось, что на этотъ разъ гроза пронесется мимо, такъ впередъ жить, чтобъ никого на землѣ, окромя Господа Бога, тебѣ не страшиться.

— Какъ передъ Богомъ, обѣщаюсъ тебѣ, батька, по закону жить, а если да опять на скверность меня потянетъ, ни за что я ужъ тебѣ на глаза не покажусь! — вскричалъ Андрей.

— Вотъ это хорошо. Главное не робѣй. Все отъ Бога. Завсегда это помни, слышишь?

— Буду помнить, батька. Спасибо, что меня поддержалъ въ бѣдѣ, каждое твое слово у меня на сердцѣ огнемъ горить... Не чаю я,

чтобъ, какъ ты говоришь, Господь пронесъ бѣду мою мимо, недостойнъ я такого чуда!

— Вотъ это хорошо, что ты самъ себя такъ сталъ понимать, вотъ она милость-то Божія ужъ начала надъ тобою проявляться! Давно ли всѣхъ умнѣе да ловчѣе себя мнилъ? Ну, а если бы такъ случилось, что пришлось бы тебѣ изъ здѣшнихъ мѣстъ удирать, въ этомъ я тебѣ помогу. Есть у меня друзья и у казаковъ, и у нѣмцевъ... Да нечего теперь про то загадывать, надо все въ свое время дѣлать и заранѣе носъ не вѣшать,—прибавилъ монахъ, поднимаясь съ мѣста. — Помни вотъ что еще: никогда ни бѣда, ни счастье не приходятъ оттуда, откуда человѣкъ ихъ ждетъ. Большое спокойствіе доставляетъ душѣ это знать! Да не переночуешь ли ты у меня сегодня? Вѣдь ужъ ночь на дворѣ.

Но отъ этого предложенія Андрей отказался. Ему не хотѣлось, чтобъ по возвращеніи домой баринъ не засталъ его въ Воробьевкѣ.

— Какъ знаешь. И то сказать, мѣсто наше тебѣ знакомо, не заплутаешься. Медвѣдямъ теперь не время на людей кидаться, лѣсными ягодами да травами сыты, волковъ у насъ мало, а про двуногихъ звѣрей давно что-то не слышать. Прощай, буду ждать тебя съ добрыми вѣстями. Храни тебя, Спаситель!

VII.

Андрей пустился въ обратный путь совершенно въ другомъ душевномъ настроеніи, чѣмъ тогда, когда сюда шелъ.

Особенно пришелся ему по душѣ совѣтъ лѣснаго пріятеля не вѣшать прежде времени носа. Успокоила его также мысль, что въ случаѣ надобности есть гдѣ пріютить семью, чтобъ не страдала вмѣстѣ съ нимъ отъ бѣды, въ которой повиненъ онъ одинъ. Предложеніе монаха развязывало ему во многомъ руки. Награбленное добро, съ которымъ онъ еще не находилъ въ себѣ достаточно мужества разстаться, онъ найдетъ гдѣ схоронить, а одна голова не бѣдна, одному-то можно всюду пробраться, все высмотрѣть и на просторѣ раскинуть умомъ, какъ и гдѣ пристроиться, чтобъ удобнѣе къ выгодному дѣлу пристать. Слыхалъ онъ и про рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ, и про золотые пріиски въ Сибири, и про торговлю контрабандными товарами на границѣ Кесарской земли и въ Туретчинѣ... Есть гдѣ человѣку съ мозгами развернуться, земля не клиномъ сошлась даже для бѣлаго крѣпостного...

Разумѣется, вольному легче. Да что ужъ мечтать о томъ, чему невозможно сбыться! Милости теперь отъ барина не жди, дай Богъ, чтобъ не очень лютъ былъ во гнѣвѣ и не изувѣчилъ бы на всю жизнь. Ну, да Богъ милостивъ! Вотъ и монахъ совѣтуетъ не отчаиваться... Непремѣнно отвезетъ онъ ему новый тулупъ, если да молитвами его Господь выручить.

Въ такихъ размышленіяхъ, предаваясь то надеждѣ, то снова впадая въ отчаянне, добрался онъ до мельницы. Было совсѣмъ темно, и мельникъ съ внучками давно спали, когда онъ спустился въ оврагъ и постучался въ слюдяное окошечко, сквозь которое тускло пробивался огонекъ лампадки, теплившейся передъ образами.

— А мы тебя ужъ и ждать перестали,—сказалъ старикъ, опускающая оконце и высовывая изъ него свою сѣдую голову.—Куда ты ночью потащишься? Переночуй у насъ, а завтра чуть свѣтъ поѣдешь.

Но Андрей и отъ предложенія мельника отказался, какъ отъ предложенія монаха. Заплативъ за услугу нѣсколько грошей, принятыхъ съ большою благодарностью, онъ прошелъ за хату, отвязалъ лошадь, запрягъ ее въ телѣжку, вывелъ изъ оврага и немѣшка пустился въ путь.

Ночь стояла теплая, тихая и душистая. Ему свѣтила та же луна, что въ ту ночь свѣтила его барину въ тѣсномъ дворикѣ, между высокими стѣнами, но какъ различны были ихъ мысли и чувства! Чѣмъ ближе подѣзжалъ онъ къ дому, тѣмъ мрачнѣе становились его предчувствія и основательнѣе казались опасенія. Непремѣнно малявинская старая барыня все рассказала барину, который, безъ сомнѣнія, ждетъ его для расправы, съ грознымъ требованіемъ отчета... Очень можетъ быть, что онъ уже давно послалъ за злѣйшими врагами Андрея, за Мишкой Сопуномъ и за Акимкой Ледацимъ, чтобъ допросить ихъ о продѣлкахъ управителя... А эти двое многое знаютъ и только ждутъ случая ему напакостить...

Отъ мыслей этихъ холодный потъ выступалъ у него на лбу и подлая трусость нападала. Изъ всѣхъ силъ натягивалъ онъ вожжи, чтобъ удержать лошадь отъ попытокъ бѣжать быстрѣе, чтобъ скорѣе добраться до конюшни.

И вдругъ, при выѣздѣ изъ лѣса, за которымъ начинались Воробьевскія земли, среди тишины началъ долетать издалека топотъ лошадиныхъ копытъ. Остановивъ лошадь, онъ сталъ прислушиваться. Топотъ приближался, и вскорѣ начала вырисовываться темная движущаяся масса все яснѣе и яснѣе, такъ что наконецъ можно было безъ особаго труда различить въ мягкомъ лунномъ блескѣ всадниковъ въ темныхъ плащахъ и слышать звонъ оружія, который по временамъ примѣшивался къ конскому топоту.

Что за люди? Куда и зачѣмъ ѣдутъ съ такими предосторожностями?

Во всякомъ случаѣ попадаться имъ на глаза было опасно... ихъ много, они вооружены, а онъ одинъ...

Поспѣшно слѣзъ онъ съ телѣжки и отвелъ ее съ лошадыю въ чащу лѣса, а самъ, вскарабкавшись на дерево у самой опушки, сталъ вглядываться въ приближавшійся конный отрядъ.

Въ душѣ его любопытство взяло верхъ надъ всѣми прочими чувствами, и, забывая о предстоящемъ свиданіи съ бариномъ, онъ всматривался въ окружающую его мѣстность, соображая, откуда могли ѣхать эти люди.

Какъ будто изъ Малявина...

Тотчасъ вскочилъ ему въ голову разговоръ съ монахомъ, и ему все сдѣлалось ясно: это Аратовъ со своими хлопами ѣдетъ на помощь къ пану Мальчевскому. Стаськѣ, значитъ, удалось довести въ-время письмо. Наѣздъ на мызу Сокальского состоится. Экіе разбойники и безбожники, прости Господи! Сколько горя, сколько слезъ и несчастій готовятъ мерзавцы! И не стыдно барину Аратову, настоящему природному русскому дворянину, православному, въ такія гнусныя дѣла ввязываться! И впрямь вѣрно порѣшилъ отъ родной вѣры отказаться и на службу къ ляхамъ поступить, не даромъ, значитъ, такая гнилая молва про него идетъ въ народѣ...

Всадники, между тѣмъ, приближались. Ужъ можно было различить ихъ лица и слышать ихъ голоса. Въ одномъ изъ нихъ, по красивой, статной осанкѣ да по коню съ богатымъ сѣдломъ и уздечкѣ, усыпанной драгоцѣнными камнями, онъ узналъ самого Аратова. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Езебіушъ, они о чемъ-то разговаривали, подозрительно поглядывая по сторонамъ, прочіе же люди, человѣкъ пятнадцать, слѣдовали за ними поодаль, молча и, какъ показалось Андрею, печально понуривъ головы.

«Раздумываютъ вѣрно о кровавой бойнѣ да о смертушкѣ лютой, что ждетъ ихъ изъ-за барской затѣи», мелькало въ головѣ Андрея. «Эхъ, ты, неволя злая, на что только разумную тварь, человѣка, погнать можешь!»

Переждавши, чтобъ всадники скрылись у него изъ глазъ, Андрей слѣзъ съ дерева, отвязалъ лошадь и поѣхалъ дальше.

Неожиданная встрѣча усилила его тоску. Мысль о готовившемся беззаконіи и сознание невозможности помѣшать ему свершиться возбуждали въ его умѣ сопоставленія самаго безотраднѣго свойства. Вотъ такъ и онъ пользуясь свободой дѣйствовать воровски, накоплялъ въ своей душѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ грѣхъ за грѣхомъ, съ тѣхъ поръ, какъ молодой баринъ поручилъ ему управленіе имѣніемъ. Какъ эти злодѣи накинута завтра ночью на беззащитныхъ и не подготовленныхъ къ оборонѣ обитателей усадьбы Сокальского, такъ и онъ, пользуясь молодостью барина, его довѣрчивостью и сиротствомъ, разорялъ его...

Въ мрачномъ уныніи подѣхалъ онъ къ дому, гдѣ на крыльцѣ ожидала его возвращенія жена, и молча прошелъ съ ней въ старую баню.

— Баринъ еще не вернулся,—начала было объяснять Маланья, но, замѣтивъ угрюмый видъ мужа, смолкла на полусловѣ

— Никто не былъ?—спросилъ, онъ, сбрасывая съ себя одежду и сапоги, чтобъ лечь въ приготовленную постель.

— Никто. Мы, какъ ты приказывалъ, все уложили. Серебро и образа въ сундукъ, ковры...

И опять оборвала она рѣчь на полусловѣ, испуганная страданіемъ, выразившимся на его лицѣ, при первыхъ ея словахъ.

Андрею вспоминались слова монаха: «ворованному я не укрыватель», сказанныя именно въ ту минуту, когда онъ думалъ объ этомъ серебрѣ и образахъ, которые жена, по его приказанію, хранила ото всѣхъ глазъ. На хорошее дѣло наставлялъ онъ ее, нечего сказать!

— Ладно, завтра обо всемъ переговоримъ, а теперь спать надо, измучился я, какъ собака,—отрывисто проговорилъ онъ, повертываясь къ стѣнѣ и закрывая глаза.

Но сонъ не шелъ, а слова монаха продолжали жестокимъ укоромъ звенѣть въ его ушахъ.

Кажется, ничего новаго не произошло за этотъ день, а между тѣмъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ инымъ человѣкомъ, и вся кровь кидалась ему въ голову отъ новыхъ мыслей, наворачивавшихся ему на умъ, и отъ никогда не испытанныхъ чувствъ, начинавшихъ шевелиться въ душѣ. Все то, что тамъ въ лѣсу, онъ совсѣмъ еще не понималъ, что слушалъ одними ушами, а не сердцемъ, теперь все глубже и глубже проникало въ его духовное существо, заставляя совершенно иначе на все смотрѣть и краснѣть отъ стыда при напомниманіи о вещахъ, на которыя онъ не дальше, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, возлагалъ такъ много упованія, и обладать которыми онъ считалъ за счастье... На вырученные отъ ихъ продажи деньги онъ рассчитывалъ устроить судьбу дѣтей и жены... Даже и тогда, когда, тронутый до слезъ словами монаха, онъ рѣшилъ предаться на волю Божию и, устроивъ семью въ надежномъ мѣстѣ, терпѣливо ожидать заслуженной кары, даже и тогда мысль воспользоваться плодами содѣяннаго преступленія не покидала его... Почему же теперь это кажется ему такъ чудовищно? И на чемъ же такое превращеніе его душевнаго состоянія остановится? Что же это будетъ, если въ такомъ духѣ пойдетъ дальше, когда ужъ и теперь то, къ чему онъ раньше такъ страстно стремился и считалъ величайшимъ на землѣ благомъ, кажется ему мерзостью и зломъ?... Видно, и въ самомъ дѣлѣ надо совсѣмъ перемѣнить жизнь и сдѣлаться совсѣмъ другимъ человѣкомъ... Но какимъ?

Монахъ сказалъ: «чтобъ никого на свѣтѣ не страшиться, окромѣ Господа Бога». Но какъ этого достигнуть?

Вопросъ этотъ такъ его занялъ, что онъ всю ночь не смыкалъ глазъ, ища на него отвѣта, и только на разсвѣтѣ рѣшилъ, что такъ какъ все отъ Бога, то отъ Бога надо ждать разрѣшенія

мучившаго его недоумѣнія. Захочетъ—и просвѣтитъ, все въ Его святой волѣ.

Когда утромъ жена взглянула на него при дневномъ свѣтѣ, она ужаснулась переменѣй, происшедшей въ немъ: глаза ввалились, губы отъ внутренняго жара потрескались, и онъ весь осунулся точно послѣ долгой и мучительной болѣзни; а въ глазахъ совсѣмъ новое выраженіе сосредоточенной задумчивости...

Ей было теперь боязно не только съ нимъ заговаривать, но даже и смотрѣть на него: наливъ ему въ чашку горячаго сбитню и положивъ передъ нимъ нарѣзанный хлѣбъ, она вышла къ дѣтямъ, и когда вернулась, его уже въ кухнѣ не было, ушелъ по хозяйству, не дотронувшись до завтрака.

Въ то утро Андрей хлопоталъ ретивѣе обыкновеннаго. Его одновременно видѣли въ столькихъ мѣстахъ, что только диву давались, какъ это ему удавалось вездѣ поспѣвать. Успѣлъ до полудня побывать въ полѣ, и въ лѣсу на рубкѣ дровъ, подогнать плотниковъ, строившихъ новый сарай, на рѣку сбѣгать версты за три. Возвращаясь назадъ, онъ увидалъ мчавшуюся по дорогѣ дорожную карету, и у него духъ захватило отъ волненія и страха.

— Вотъ оно! Дошло наконецъ!—подумалъ онъ, снимая шапку и поспѣшно направляясь къ перекрестку, мимо котораго долженъ былъ проѣхать экипажъ.

Съ козелъ его увидалъ Оедька и толкнулъ въ бокъ Степана, указывая на управителя, остановившагося при дорогѣ съ обнаженной головой, выжидая удобнаго случая поклониться барину. Но хотя Владимиръ Михайловичъ и глядѣлъ въ окно, онъ не замѣтилъ его; блуждающій взглядъ его разсѣянно скользилъ по мелькавшимъ передъ нимъ предметамъ, ни на чемъ не останавливаясь.

Когда карета, проѣхавъ мимо него, покатила дальше, Андрей вздохнулъ свободнѣе и не торопясь послѣдовалъ за нею къ дому. «Кучеръ съ камердинеромъ его видѣли, и если, пріѣхавъ домой, баринъ про него спроситъ, они скажутъ, что онъ выходилъ на дорогу его привѣтствовать. Не бѣжалъ, значитъ, отъ суда и расправы... Ну, а тамъ, что Господу угодно, то и будетъ, — думалъ онъ.

Лошадей уже отпрягли, и кучеръ проваживалъ ихъ за околицей, когда управитель степенной походкой вошелъ на задній дворъ и, зоркимъ хозяйскимъ взглядомъ посматривая по сторонамъ, направился къ стоявшей особнякомъ кухнѣ. Изъ ея растворенныхъ оконъ несся вкусный запахъ сдобнаго пирога, съ начинкой изъ яицъ и курятины. Заглянувъ туда, онъ увидалъ жену, хлопотавшую у жарко топившейся печки, и умилился, на нее глядя: такая она показалась ему красивая въ затрапезномъ сарафанѣ, съ засученными рукавами; грудь и руки, какъ кипень, бѣлыя и полныя,

губы, какъ малина, алая, щеки отъ жара раскраснѣлись, а глаза, что звѣзды, ласково свѣтились подъ озабоченно сдвинутыми, темными бровями.

Неожиданная струя нѣжности затопила ему сердце и вызвала на глаза слезы умиленія.

— «Добрая ты моя, умница, какъ собака, мнѣ преданная, въ какой омутъ бѣдствій я тащу тебя за собою съ малыми дѣтушками,—подумалъ онъ.—Эхъ, какъ счастливо можно было бы намъ съ тобою вѣкъ прожить, кабы лукавый не попуталъ!»

Онъ съ тяжелымъ вздохомъ облокотился на подоконникъ.

Въ немъ проснулись и отеческія чувства, захотѣлось всѣхъ своихъ милыхъ видѣть вокругъ себя въ эту роковую минуту.

Чтобъ почерпнуть въ ихъ любви силъ на предстоящую пытку, можетъ быть?

Увидавъ мужа, Маланья подбѣжала къ окну.

— Баринъ пріѣхалъ. Не пимши, не ѣмши со вчерашняго дня,—поспѣшила она ему сообщить. — Натощакъ изъ Малявина выѣхалъ. У меня пирожокъ былъ замѣшанъ съ ранняго утра, посадила скорехонько въ печку, сейчасъ подадимъ,—продолжала она, повидимому, спокойно, но въ глазахъ ея читался тревожный вопросъ: что случилось?

— Это хорошо, что ты догадалась барину пирогъ испечь. А куда ты дѣтей упрятала?—спросилъ онъ, любовно на нее глядя.

— Опять, какъ вчера, къ пчельнику усрала. Чего имъ тутъ околочиваться? Отъ ихъ крику и у насъ съ тобою голова иногда трещить, а барину и подавно безпокойно. Не привыкъ онъ къ дѣтямъ, еще своихъ вѣдь нѣтъ,—отвѣчала она съ улыбкой на прояснившемся лицѣ.

— «Если про дѣтей вспомнилъ, значить, ничего особенно страшнаго не произошло»,—подумала она и поспѣшила объявить, что баринъ, какъ пріѣхалъ, такъ умыться спросилъ, а теперь переодѣвается. — А у меня тѣмъ временемъ пирогъ-то отлежится, — прибавила она, указывая на пирогъ, лежавшій на столѣ подъ чистымъ полотенцемъ.

Въ кухнѣ, опрятной, чисто выбѣленной, она была не одна. Нѣсколько бабъ мыли тутъ столы и лавки, щипали дичь, настрѣленную въ лѣсу, и потрошили рыбу.

— Порядокъ дѣлаемъ, чтобъ питерскій поваръ насъ свиньями не обозвалъ. Сейчасъ придетъ сюда стряпать, надо ему все приготовить.

Говоря такимъ образомъ, она исподлсбья взглядывала на мужа, мысленно себя спрашивая: «Чего онъ тутъ стоитъ, на наше бабье дѣло смотреть, точно хочетъ что-то сказать, да не смѣетъ».

Никогда не видывала она его такимъ смиреннымъ да смущеннымъ. Даже и въ день смотринъ такимъ не былъ... Точно виноватый, точно въ чемъ прощеніе хочетъ у нея просить...

Мысль эта ее разсмѣшила. И вѣдь взбредеть же въ голову такая нескладица, прости Господи! Гдѣ же это видано, чтобъ мужъ у жены прощенія просилъ? И все отъ тревоги ей такое несуразное мнится... О Господи, Царь Небесный, спаси и сохрани! Пронеси бѣду мимо!

Прибѣжалъ въ кухню Ѳедька съ приказомъ скорѣе подавать кушать барину.

— За столъ ужъ сѣлъ... Про васъ спрашивалъ, Андрей Ивановичъ, — обратился онъ къ управителю, замѣтивъ его передъ окномъ. — Приказали васъ послать къ нимъ, когда съ поля вернетесь... Давайте скорѣе пирогъ-то, Маланья Тимошеевна, баринъ ждать не любитъ.

И, выхвативъ изъ рукъ Маланьи блюдо съ пирогомъ, онъ побѣжалъ съ нимъ въ домъ, а Андрей все не трогался съ мѣста.

— Что же ты къ барину не идешь, Ивановичъ?—спросила его жена.

— Иду, иду.

Онъ засталъ барина за столомъ, и, не будь онъ такъ разстроенъ, перемѣна, происшедшая въ немъ со вчерашняго дня, несомнѣнно привела бы его въ изумленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился бы, что не гнѣвъ, а совершенно другая причина его озабочиваетъ, лишаетъ аппетита и заставляетъ подолгу задумываться надъ тарелкой съ нетронутымъ пирогомъ.

И Ѳедька былъ не тотъ, что вчера. Тревожно слѣдя за каждымъ движеніемъ барина въ ожиданіи приказаній, онъ по временамъ взглядывалъ на Андрея, точно приглашая его подивиться тому, что дѣлается съ баринкомъ. Но Андрей ничего не замѣчалъ и тогда только встрепенулся, когда назвали его имя.

— Вернулся Андрей? — спросилъ Владимиръ Михайловичъ, точно очнувшись отъ забытья.

— Давно тутъ дожидается, — отвѣчалъ Ѳедька, указывая на дверь, у которой, прижавшись къ притолокѣ, неподвижно стоялъ Андрей.

— А! ну, хорошо, оставь насъ, — отрывисто обратился баринъ къ Ѳедькѣ. А затѣмъ, когда Ѳедька вышелъ, онъ, помолчавъ немного, объявилъ Андрею, что ему надо съ нимъ переговорить.

Но, должно быть, приступить къ бесѣдѣ было не легко. Не глядя на управителя, который, перешагнувъ порогъ комнаты, какъ вкопанный, остановился въ ожиданіи приговора, баринъ подошелъ къ окну, мимо котораго то и дѣло мелькали бѣлые рукава и пестрые сарафаны Маланьиныхъ прислужницъ, и рѣшилъ, что надо найти болѣе уединенное мѣсто для разговора. Приказавъ Андрею за собою слѣдовать, онъ торопливо вышелъ изъ дома и по парку направился къ старому дому.

Шелъ онъ большими шагами, не оглядываясь на своего спутника, нервно помахая шляпой, которую снялъ съ головы, и, за-

вернувъ въ липовую аллею съ чернѣвшими въ концѣ развалинами барскаго дома, дошелъ до пруда, заросшаго иломъ, съ обломками мраморной колонны посреди. Тутъ онъ остановился и, порывистымъ движеніемъ повернувшись къ своему спутнику, устремилъ на него взглядъ, полный отчаянной рѣшимости.

— Можешь ты мнѣ сказать, братецъ, какъ у васъ здѣсь дѣлаются... наѣзды?—спросилъ онъ съ запинкой передъ послѣднимъ словомъ.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что въ первую минуту Андрею показалось, что онъ ослышался.

— Наѣзды-съ?—нерѣшительно повторилъ онъ.

— Ну, да, наѣзды, изъ мщенія, съ цѣлью грабежа или чтобъ увести женщину... Мнѣ надо это знать, понимаешь?—продолжалъ онъ, недоумѣвая передъ растерянностью своего спутника, въ которомъ нельзя было узнать бойкаго и словоохотливаго собесѣдника, рассказывавшаго ему на этомъ самомъ мѣстѣ, третьяго дня, про романъ его дѣда съ полячкой.

Но замѣшательство Андрея длилось недолго; вспомнивъ совѣтъ монаха раньше времени не отчаиваться, онъ бойко отвѣтилъ на предложенный вопросъ, откинувъ всякія соображенія насчетъ его тайнаго смысла.

— По-разбойничьи, сударь. Наѣдутъ съ вооруженными людьми невзначай на чужую усадьбу, рубятъ, жгутъ и въ суматохѣ похищаютъ то, за чѣмъ явились. Вотъ такъ прошлою осенью панъ Несмелковскій выкралъ себѣ невѣсту, дочь богача Матары, а панъ Грабчевскій вывезъ изъ усадьбы мызника Джаншевскаго его жену... Слышалъ я также про наѣздъ на Волыни пана Трипольскаго на свое собственное имѣніе, которымъ воровски завладѣлъ его опекунъ. Великое множество людей погибло при этомъ наѣздѣ, и самъ молодой Трипольскій былъ убитъ. Шибнемъ они, разбойники, прикончили его. Много лѣтъ тянулось дѣло и кончилось тѣмъ что опекунъ вышелъ изъ суда оправданнымъ. Слышалъ я также про наѣздъ князя Сангушка на пана Кордыша изъ-за документовъ... Но вѣдь это, сударь, въ Польшѣ дѣлается, тамъ люди ни совѣсти, ни закона не знаютъ, у нихъ съ деньгами все можно, и богатый да знатный завсегда правъ оказывается. Обиженный плачется кому хочеть на несправедливость, нигдѣ заступы себѣ не найдетъ...

— Вотъ что, братецъ,—прервалъ его баринъ, съ нетерпѣніемъ слушавшій его повѣствованіе, видимо думая о другомъ,—намъ надо непременно учинить наѣздъ на Малявинскую усадьбу. Денегъ я не пожалѣю, только бы удалось. Хотя бы мнѣ голову сложить на плахѣ, хотя бы всего состоянія лишиться, а мнѣ надо выкрасть Елену Алексѣвну, жену Аратова.

По мѣрѣ того, какъ слова эти срывалась у Грабинина съ губъ, у слушателя его лицо прояснилось.

Онъ начиналъ понимать, въ чемъ дѣло.

— Для этого и наѣзда не надо дѣлать, сударь, извольте только приказать, и если малявинская молодая барыня будетъ на то согласна, я вамъ все это оборудую, какъ нельзя лучше,—объявилъ онъ, молодецки тряхнувъ кудрями и съ внезапно повеселѣвшимъ взглядомъ.

— Она согласна.

— Значитъ, нечего и сумлѣваться.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Очинно просто. Надо только выбрать ночьку потемнѣе, да чтобъ г-на Аратова дома не было... Они, кстати, и теперь въ отлучкѣ, поскакали за Днѣпръ помогать пріятелю дѣвицу изъ родительскаго дома выкрасть... тоже, значитъ, наѣздомъ... И такъ полагаю, — продолжалъ онъ съ возрастающимъ возбужденіемъ,—что намъ надо за это дѣло приниматься не медля, чтобъ оно у насъ безъ заминки выгорѣло... Сейчасъ съѣзжу въ Малявино и все тамъ разузнаю. Надо съ однимъ тамъ старикомъ посовѣтоваться, дочка его при молодой барынѣ въ прислужницахъ...

— Не попадись, братецъ!—замѣтилъ Владимиръ Михайловичъ, немного испуганный быстротою соображенія и рѣшительностью своего сообщника.—Надо дѣйствовать навѣрняка, чтобъ понапрасну всѣхъ насъ въ бѣду не вовлечь.

— Вѣстимо, что навѣрняка. Правъ Дмитрія Степаныча Аратова намъ достаточно хорошо извѣстенъ, съ нимъ шутки плохи, ему и зарубить до смерти человѣка ничего не стоитъ. Но вы мнѣ только дозвольте все это обмозговать, я ужъ знаю, какъ сдѣлать, чтобъ всѣмъ намъ, а особливо вашей милости, не попасть впросакъ. Мы въ здѣшнихъ мѣстахъ выросли, всѣхъ и господъ и хамовъ знаемъ, и всѣ ихъ обычаи намъ извѣстны.

Онъ говорилъ съ такою смѣлостью, что его увѣренность въ успѣхъ невольно сообщилась его слушателю. Не ждалъ Владимиръ Михайловичъ такого быстрого исполненія своихъ желаній и сердце его переполнилось такою благодарностью къ вѣрному союзнику, что ему большого труда стоило не броситься къ нему на шею и не расцѣловать его.

Отъ радостнаго волненія у него духъ захватывало.

— Спасибо, братецъ,—глухо прошепталъ онъ, протягивая руку, которую нежданный благодѣтель схватилъ и страстно прижалъ къ губамъ.

— Баринъ! Да я для васъ... да все, что только хотите... Въ адъ кромѣшный пойду... съ самимъ Вельзевуломъ на кулачкахъ готовъ драться!—безсвязно лепеталъ онъ, устремляя на Грабинина взглядъ, полный беззаветной преданности и благодарности.

— Спасибо, спасибо, братецъ,—повторилъ растроганный баринъ.—Если только дѣло выгоритъ, проси, чего хочешь, ничего не пожалѣю! Вольную, денегъ на обзаведеніе, все что пожелаешь!

Ужь это было слишкомъ, мѣра счастья и благодарности переполнилась, и Андрей, какъ подкошенный, съ громкимъ рыданіемъ повалился барину въ ноги.

— Служить вамъ хочу до гробовой доски! Не надо мнѣ вольной... Дѣтокъ моихъ да Малашу мою не забудьте, если бы такъ случилось, чтобъ я раньше васъ померъ, а мнѣ, многогрѣшному, ничего, окромѣ вашего прощенія, не надо... Простите меня, недостойнаго, ради Господа, баринъ!

Грабининъ вспомнилъ вчерашній разговоръ со старухой и пональ, въ чемъ дѣло.

— Все забылъ, все прощаю, помоги мнѣ только спасти несчастную отъ злой доли, — проговорилъ онъ, поднимая рыдающаго Андрея.

— Сейчасъ поѣду и завтра же привезу вашей милости молодую барыню.

— Куда ты ее привезешь?

— Сюда, къ намъ, въ Воробьевку.

— Да гдѣ же мы ее помѣстимъ, чтобъ никто ея не увидѣлъ?

— А старый-то домъ на что? — возразилъ Андрей, съ радостно сверкавшими глазами указывая на развалины, передъ которыми они стояли. — Да тутъ такіе найдутся тайники, что цѣлый годъ ищи — не найдешь. При старомъ еще баринѣ понадѣланы, когда онъ цѣлился свою полячку отъ мужа скрыть... Да вы не извольте беспокоиться, сказалъ, что выкраду и спрячу супругу малявинскаго барина, такъ и будетъ, не извольте сумѣваться.

— Здѣшнихъ людей для этого возьмешь?

— Что вы, баринъ! Да нешто такія дѣла со своими людьми можно вершать? Какъ же опосля съ ними жить-то? Да они надъ нами такую заберутъ силу, что не они намъ, а мы имъ должны будемъ служить... Нѣтъ, ужь, сударь, здѣшніе и знать про это ничего не должны. Да и вашихъ-то, питерскихъ, слѣдуетъ остерегаться. Если даже что и прослышатъ или сами догадаются, такъ надо такъ ихъ напугать, чтобъ и про себя не осмѣливались про то думать. Вотъ какъ мы это дѣло поставимъ, и тогда, въ случаѣ бѣды, Боже упаси, никто насъ, даже подъ пыткой, не сможетъ выдать.

— Ну, поѣзжай себѣ съ Богомъ.

Андрей поспѣшно удался.

«Господи, Господи! — думалъ онъ, шагая черезъ рвы и кусты, чтобъ скорѣе дойти до дома. — Да что жъ это такое? Неужели не сонъ? Неужели и въ самомъ дѣлѣ мнѣ, вмѣсто плетей да ссылки, либо красной шапки, прощеніе и вольная? Да еще, говоритъ, денегъ на обзаведеніе сколько хочешь. Вотъ она, простота-то святая! Господи! И за чьи только молитвы мнѣ, многогрѣшному, такое счастье? Ужь и послужу же я тебѣ, Владимиръ Михайловичъ! Жизни не

пожалѣю для тебя... Закажу и дѣтямъ и внукамъ служить твоимъ дѣтямъ и внукамъ вѣрой и правдой!»

Какъ угорѣлый, вбѣжалъ онъ въ старую баню, схватилъ со стѣны ножъ и заткнулъ его за поясъ, сунулъ за пазуху кожаный кошель съ деньгами, свернулъ дорожный плащъ и выбѣжалъ съ нимъ въ конюшню сѣдлать коня.

Никто ему не мѣшалъ, и никто не видѣлъ его приготовленій къ отъѣзду. Все такъ прекрасно устроивалось, точно ангелъ хранитель имъ покровительствовалъ.

Однако, прежде чѣмъ пуститься въ путь, надо было проститься съ женой и успокоить ее.

Онъ направился къ кухнѣ, гдѣ она помогала повару готовить обѣдъ, и, растворивъ осторожно дверь, ее вызвалъ.

— Что тебѣ, Иванычъ?—спросила она, поспѣшно выходя на крыльцо и вытирая о передникъ руки въ тѣстѣ.

— Все слава Богу, голубка! Молись Богу! Пронесъ многолистый бѣду... Пудовую свѣчку Николаю Чудотворцу поставимъ... Нищимъ десять корцевъ муки раздадимъ и дровъ на зиму...

— Повинился ты барину, Андрюша?—нерѣшительно спросила она.

— Повинился, повинился! Нешто я бы такъ радовался, кабы не повинился? Все бы скребло на сердцѣ, а теперь такъ легко, точно вновь на свѣтъ народился! Онъ намъ все простилъ, Малаша, все!

Сильная въ горѣ Маланья не выдержала радости, закрыла лицо руками и истерично зарыдала.

— Полно, полно, родная! Перестань! Услышать, Боже, сохрани!—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, ласково трепля ее по плечу.—Мнѣ тутъ по одному дѣлу надо сѣздить... Ночевать меня не жди, но такъ устрой, чтобъ никто не догадался, что меня дома нѣтъ.

— Скажу, что занедужилось, и спать легъ.

— Хорошо. Можешь сказать, что голова сильно разболѣлась.

— А если баринъ тебя спроситъ?

— Не спроситъ, не безпокойся.

— А если ты барину не нуженъ, такъ кто же можетъ тебѣ помѣшать спать хоть до завтрашняго утра?

— Вотъ, вотъ! Ты у меня разумница, настоящая помощница мужу и въ горѣ и въ радости...

Какъ ни медленно тянулось время для Владимира Михайловича, однако этотъ томительный день сталъ подходить къ концу.

Съ наступленіемъ вечера ужъ нельзя было прохаживаться по заглохшимъ аллеямъ парка, предаваясь фантастическимъ представле-

нiямъ насчетъ того, что произойдетъ въ эту ночь въ Малявинѣ... Оедька уже два раза являлся къ барину съ предложенiемъ пожаловать ужинать и съ замѣчанiями относительно сырости, змѣй, выползавшихъ, будто бы, изъ норъ послѣ солнечнаго заката, ямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего легче, какъ въ темнотѣ оступитья, и тому подобныхъ пустякахъ. Прогнать его и запретить являться было невозможно, и Грабининъ рѣшилъ продолжать дома размышленiя, отъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ оторваться.

Чтобъ скорѣе остаться одному, онъ безпрекословно сѣлъ за столъ и даже заставилъ себя поужинать, затѣмъ прошелъ въ спальню, раздѣлся, легъ и, приказавъ Оедькѣ тоже лечь, погасилъ свѣчу.

Но сонъ ни на мгновенiе не смыкалъ ему глазъ и, переждавъ, чтобы все въ домѣ стихло, онъ осторожно слѣзъ съ постели, оцупью кое-какъ одѣлся и, принимая всевозможныя предосторожности, чтобъ не быть услышаннымъ, вышелъ на крыльцо. Тутъ, присѣвъ на ступеньки, онъ сталъ ждать, вглядываясь въ темноту, за которой воображенiе рисовало ему то очаровательныя картины, отъ которыхъ сердце его наполнялось восхищенiемъ, то леденящiе кровь ужасы.

Ночь была сумрачная, накрапывалъ по временамъ дождь, и луна, скрываясь за тучами, только изрѣдка выглядывая на нѣсколько мгновенiй, какъ бы для того, чтобъ еще живѣе воскрешать въ памяти несчастнаго влюбленнаго блаженныя динуты минувшей ночи, когда подъ мягкимъ блескомъ ночной царицы онъ клялся въ вѣчной преданности той, которую про себя уже называлъ возлюбленной.

Все, что произошло, было такъ внезапно и неожиданно, что казалось ему сновидѣнiемъ. Неужели Андрей ее привезетъ сюда въ эту ночь? Неужели она рѣшится за нимъ слѣдовать и довѣриться ему? Вчера она была на все согласна, но, можетъ быть, она съ тѣхъ поръ раздумала довѣрить свою судьбу незнакомцу, котораго видѣла первый разъ въ жизни, и не захочетъ кинуться, очертя голову, въ бездну неизвѣстности? Вѣдь она его совсѣмъ не знаетъ. Правда, вчера она говорила, что на все готова, лишь бы избѣгнуть злой судьбы, которую ей готовилъ мужъ, но вѣдь это было сказано въ минуты отчаянiя, подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ угрозъ ея тирана...

Но тутъ вспоминались ея милые глаза, полные безпредѣльнаго къ нему довѣрiя, ея трепеть при одномъ воспоминанiи о томъ, что ее ждетъ у мужа, о его коварствѣ, ненависти и жестокости, и снова надежда начинала ему улыбаться, и онъ упрекалъ себя въ томъ, что позволилъ себѣ усомниться въ ея искренности и въ непоколебимости ея намѣренiй.

— Нѣтъ, нѣтъ, она не раздумаетъ, она не обманетъ моихъ ожиданiй, моей любви!—повторялъ онъ себѣ въ упоенiи, чтобъ слѣдующую затѣмъ минуту снова терзаться сомнѣнiями.

Засвѣтало. По расчету времени, рѣшенія его судьбы ждаль было уже не долго: Андрей, навѣрное, не будетъ дожидаться дня, чтобъ привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Грабининъ подошелъ къ плетню, огораживавшему усадьбу, и, облокотившись на него, началъ смотрѣть на дорогу, по которой онъ самъ вернулся изъ Малявина, и по которой, по его убѣжденію, долженъ былъ вернуться и Андрей.

Но время шло, разсвѣтало, а дорога все оставалась пуста, и ничто не нарушало тишины, особенно глубокой и таинственной передъ пробужденіемъ природы, когда востокъ начинаетъ окрашиваться розовымъ блескомъ, въ которомъ блѣднѣя тонуть звѣзды. Дождь давно прошелъ, и начинавшійся день обѣщаль быть теплымъ и яснымъ.

Что-то онъ ему принесеть, этотъ день?

Долго бы простоялъ онъ у плетня въ мечтаніяхъ своихъ, не замѣчая наступленія утра, если бѣ скрипъ двери у сарая, гдѣ-то близости, и мычаніе коровъ не заставили его вспомнить предостереженія Андрея. Выгоняя скотину въ поле, пастухъ могъ его увидѣть у околицы, и это могло имѣть пагубныя послѣдствія для ихъ предпріятія. Онъ поспѣшилъ вернуться въ домъ, пока никого нельзя было встрѣтить, и въ изнеможеніи кинулся на кровать.

Тревога его съ каждой минутой усиливалась. Навѣрное случилось несчастье! Что задерживаетъ до сихъ поръ Андрея въ Малявинѣ? Если похищеніе не удалось, онъ долженъ былъ уже давно вернуться одинъ... чтобъ возобновить попытку въ другое время... Но если онъ попался, тогда дѣло надолго испорчено... Аратовъ явится къ нему за объясненіями... Онъ, разумѣется, постарается, чтобъ дѣло кончилось дуэлью... Это было бы всего лучше. Убить его или самому быть убитымъ—самое простое разрѣшеніе вопроса. Все равно онъ безъ нея жить не можетъ. Умереть съ убѣжденіемъ, что она будетъ знать, что онъ за нее пожертвовалъ жизнью! Да послѣ счастья жить для нея—это самое лучшее, что онъ можетъ желать для себя! Но рассчитывать на такую развязку трудно, вѣрнѣе такъ случится, что испуганный неудачной попыткой похитить у него жену Аратовъ поспѣшитъ увезти ее въ такое мѣсто, гдѣ будетъ очень трудно ее найти... Такое мѣсто навѣрное ужъ у него припасено на всякій случай... Тогда и смерть ея единственнаго защитника только усугубитъ ея бѣдствіе...

По временамъ Грабининъ порывался допрашивать Маланью. Ей, можетъ быть, извѣстны намѣренія мужа... Онъ, можетъ быть, ей сказалъ, что дѣлать, въ случаѣ его невозвращенія къ утру?.. Но тутъ вспомнилась убѣдительная просьба Андрея никого не посвящать въ ихъ тайну и онъ отказывался отъ этого намѣренія.

Наконецъ, истерзанные нервы не выдержали напряженія, и онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Отъ слезъ немного полегчало, а, можетъ

быть, сердце утомилось страдать, и способность чувствовать притупилась отъ продолжительнаго напряженія. Напала апатія, казалось, что ждать не стоитъ, все равно не дожидаться развязки... Глаза смыкались, онъ впадалъ въ забытѣе, отъ котораго пробуждался для того, чтобъ нестерпимѣе прежняго мучиться.

Между тѣмъ наступилъ день, и сквозь ставни пронизывались солнечные лучи съ весело кружившимися въ нихъ былинками, а кругомъ начиналась шумная каждодневная жизнь, къ кудахтанью куръ, хрюканью свиней и лаю собакъ примѣшивались людскіе голоса. Двери со скрипомъ растворялись, и по всѣмъ направленіямъ раздавались торопливые шаги.

— Тише, окоянные, барина разбудите!

Кто произнесъ эти слова у самой его двери? Голосъ Андрея!

Какъ ужаленный, сорвался Владимиръ Михайловичъ съ постели, бросился къ двери, пріотворилъ ее и увидѣлъ Оедьку, шопотомъ разговаривавшаго съ управителемъ у стола съ приготовленнымъ завтракомъ.

Тутъ же стояла и Маланья съ блюдомъ горячихъ кренделей въ рукахъ.

Грабанинъ протеръ себѣ глаза, но видѣніе не исчезало: Андрей стоялъ все на томъ же мѣстѣ, не подозрѣвая, что баринъ на него смотритъ, и что-то такое объяснялъ Оедькѣ, понижая голосъ до шопота. Лицо у него было такое же, какъ и всегда, спокойное, съ насмѣшливой улыбкой, отражавшейся въ умныхъ съ хитринкой глазахъ.

Грабанинъ отошелъ отъ двери, улегся на кровать и громко позвалъ:

— Эй, кто тамъ?

Дверь немедленно растворилась, и на порогъ появилось ухмылявшееся лицо Оедьки.

— Изволили проснуться? А мы-то какъ старались, чтобъ васъ не разбудить!

— Подай мнѣ одѣться... А кто это у васъ тамъ? — спросилъ баринъ, указывая на дверь въ сосѣднюю комнату, изъ которой ворвался блестящій снопъ солнечныхъ лучей.

— Никого-съ, все свои.

— Я слышалъ голоса...

— Это Андрей Иванычъ рыбу принесъ. Большущая. Спрашивалъ, когда ее сварить для вашей милости: сейчасъ или къ обѣду?

— Развѣ Андрей дома?

— Точно такъ-съ. Съ поля прошелъ на рѣку, а тамъ ребята рыбы наловили, да такой крупной, что всѣ дивятся,—продолжалъ распространяться Оедька, не замѣчая, съ какимъ волненіемъ его слушаютъ. — Я говорю: поглядѣли бы вы, какіе у насъ въ Невѣ лососи да сига водятся! Такъ они здѣсь даже и названій этихъ не знаютъ.

Ждать долгие разъясненія мучившихъ его сомнѣній Владимиру Михайловичу стало не подъ силу, ему казалось, что сердце его разорвется на части.

— Пошли его сюда,—приказалъ баринъ.

— Кого-съ? Андрея Иваныча?

— Разумѣется, кого же больше?

Федька вышелъ. Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія; наконецъ явился Андрей.

Грабнининъ былъ ужъ не въ силахъ произнести ни слова и только съ напряженною пристальностью на него смотрѣлъ, точно пытаясь угадать по выраженію его лица, какія онъ ему принесъ вѣсти.

— Все справлено, сударь, не извольте беспокоиться, — началъ Андрей, притворивъ за собою дверь и выглянувъ изъ окна, чтобъ убѣдиться, что никто ихъ не подслушиваетъ.—И, слава Богу, такъ вышло, что никто здѣсь не подозрѣваетъ, что меня всю ночь не было дома. Да и тамъ все такъ хорошо обставилось, какъ по заказу. Старика я засталъ одного въ хатѣ и не успѣлъ съ нимъ разговориться, какъ и внучка его изъ господскихъ хоромъ прибѣжала, точно ей кто подсказалъ, что именно ее-то мнѣ и нужно. Про все я у нея узналъ, и какъ стемнѣло совѣмъ, и всѣ въ домѣ улеглись спать, она меня къ молодой барынѣ повела...

— Ты ее привезъ?

Дорогого имени Владимиръ Михайловичъ не въ силахъ былъ произнести, но Андрей понялъ, про кого онъ спрашиваетъ.

— Что обѣщалъ вашей милости, то и исполнidl, не извольте сумѣваться, Андрей до гробовой доски ваше къ нему милосердіе не забудетъ и никогда васъ не обманетъ. Сказалъ, что живота своего для вашей милости не пожалѣю, такъ, значитъ, и есть, такъ то-съ,— произнесъ онъ съ торжественностью.—Завернули мы ихъ въ свитку Настинаго дѣда и шапку одного тамъ парнишки надвинули имъ на головку, посадилъ я ихъ передъ собой на сѣдло, и такъ мы, слава Богу, благополучно доѣхали, что надо только дивиться. Ни единой души живой по дорогѣ не встрѣтили и еще до разсвѣта до мѣста доѣхали.

— Какой же вы дорогой ѣхали, что я васъ не видѣлъ? Всю ночь простоялъ я у плетня и на дорогу смотрѣлъ.

— Эхъ баринъ, баринъ, да нешто можно намъ было по большой дорогѣ, по проѣздной ѣхать? Низами я ихъ провезъ, лѣсочками, что вдоль рѣки растутъ. Оно верстъ на шесть дальше будетъ, да зато вѣрнѣе и безопаснѣе. У амбара мы слѣзали, лошадь я въ амбарѣ привязалъ, да пѣшкомъ до стараго дома добрались. Какъ разъ во-время, тудана разсвѣтъ бабы съ ребятишками за земляникой въ паркъ ходятъ, и опоздай мы хоть на одинъ часочекъ, не уйтить бы намъ отъ любопытныхъ глазъ. И домой я сча-

стливо вернулся, успѣлъ даже лошадь изъ амбара вывести и въ конюшню поставить раньше, чѣмъ народъ проснулся.

— Ты ее, значить, въ старомъ домѣ одну оставилъ?

— Одну. Да тамъ ничего, безопасно-сь. Маланья сейчасъ оттуда, говоритъ, что започивала. Часика черезъ два, какъ народъ за обѣдъ сядетъ, и подсматривать некому будетъ, жена имъ отнесетъ кушать, а вечеромъ, какъ стемнѣетъ, я и вашу милость туда проведу...

— Вечеромъ? Ты съ ума сошелъ! Весь день ждать!—вскричалъ внѣ себя баринъ такъ громко, что Андрей бросился запирать окно.

Къ счастью, дворъ былъ пустъ, только на самомъ концѣ работникъ копошился у поломаннаго плетня.

— Баринъ, да какъ же вы не понимаете, что всѣхъ погубите, и себя, и барыню Елену Алексѣевну, и насъ всѣхъ, если терпѣніемъ не запасетесь до поры, до времени!—сказалъ Андрей, умоляюще протягивая къ нему руки.—Поостерегитесь ради Самого Создателя! Вѣдь у насъ дѣло только что начато, много намъ еще мытарствъ и страха предстоитъ прежде, чѣмъ мы его до благополучнаго конца доведемъ! Ужъ если вамъ такъ не терпится ихъ скорѣе видѣть... Послѣзавтра поѣдемъ въ лѣсную пустошь, сами и рѣшите продавать ее или нѣтъ тѣмъ купцамъ, что на нее зарятся,—продолжалъ онъ, не возвышая голоса и такъ естественно, что, если бы Грабининъ не увидалъ Оедьки, входившаго съ его платьемъ, такой внезапный поворотъ разговора заставилъ бы его усомниться въ здоровомъ умѣ своего собесѣдника.

Ему стало совѣстно выказанной слабости, и, сдерживая усиленъ воли душевное возбужденіе, онъ одѣлся, вышелъ въ сосѣднюю комнату и сѣлъ завтракать.

Шепнувъ что-то такое Оедькѣ на ухо, Андрей вышелъ изъ горницы.

— Что онъ тебѣ сказалъ?—спросилъ баринъ, стараясь произносить слова какъ можно спокойнѣе и равнодушнѣе, чтобъ не выдать бури, клокотавшей въ его груди.

— Приказалъ вынуть сѣдло, чтобъ вашей милости ѣхать съ нимъ осматривать пустошь.

— Вынь.

Андрей надъ нимъ сжалился и ускорилъ часъ свиданія.

Грабининъ ужъ настолько успѣлъ проникнуться опасеніями своего сообщника, что не могъ не оцѣнить этой уступки его малодушному нетерпѣнію и мысленно давалъ себѣ слово этимъ не злоупотреблять. Было бы не только глупо, но и преступно погубить начатое дѣло ея спасенія неосторожностью и нетерпѣніемъ. Какъ она ему слѣпо довѣрилась! И какую великую отвѣтственность онъ на себя бралъ! Андрей правъ, опасность далеко не миновала, и самое страшное еще впереди. Вздохнуть свободнѣе можно будетъ,

только перебравшись благополучно за границу... Да и тогда они не будутъ въ безопасности: Аратовъ очень ловокъ и хитеръ, и вездѣ у него найдутся пособники, тогда какъ у нихъ, кромѣ Андрея, никого нѣтъ... Даже и денегъ на путешествіе въ чужіе края не хватить, надо достать въ долгъ и опять таки черезъ посредство Андрея. Какъ близокъ ему сдѣлался этотъ человѣкъ, о которомъ онъ нѣсколько дней тому назадъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія! Теперь вышло такъ, что, кромѣ него да похищенной чужой жены, у него никого не осталось на свѣтѣ. Давно ли у него было множество друзей, родныхъ, знакомыхъ?.. Всѣхъ ихъ сегодняшней бурей точно смело съ лица земли. Невидимая сила перенесла его въ другой міръ. Свиданіемъ съ нею, торжественнымъ обѣщаніемъ спасти ее отъ мужа онъ отрѣзалъ себѣ всѣ пути къ отступленію и безповоротно вступилъ на таинственное тернистое поприще, полное неожиданныхъ опасностей и приключеній. Ему, можетъ быть, предстоитъ и родиною ей пожертвовать; ни одного безопаснаго мѣста не осталось для нихъ въ Россіи, и если не удастся устроиться въ Польшѣ, пользуясь царившими въ этой странѣ безпорядками и неурядицей, придется скрываться въ нѣмецкихъ земляхъ или еще дальше. Такъ или иначе, но онъ долженъ ей всѣмъ пожертвовать, посвятить ей всю свою жизнь. Силою обстоятельствъ они очутились въ совершенно исключительномъ положеніи и только въ самихъ себѣ, въ силѣ своей любви, могутъ искать силъ на борьбу съ остальнымъ міромъ. Ни помощи, ни пощады имъ ждать не откуда. Всѣ будутъ противъ нихъ; одиночество ихъ будетъ полное, и любовь должна будетъ имъ замѣнить всѣ жизненные утѣхи, все, въ чемъ люди ищутъ счастья, и чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ. Какъ преступники, нарушившіе законъ, они обречены на вѣчное изгнаніе. Союзъ ихъ (если бъ она согласилась когда нибудь отвѣтить на его любовь, въ чемъ онъ далеко не былъ увѣренъ), можетъ быть, и возбудитъ въ нѣкоторыхъ чувствительныхъ сердцахъ жалость, но, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ большинства останется позорнымъ и преступнымъ. Чтобъ сохранить покой, хотя бы призрачный, имъ придется лгать и обманывать, выдавать себя не тѣмъ, что они есть, найти себѣ убѣжище въ какой нибудь труппѣ... Найдутъ ли они такое убѣжище и гдѣ—рѣшить было такъ же трудно, какъ и то, удастся ли имъ обойти всѣ преграды на пути къ бѣгству. Сколько понадобится хитрости, удачи и счастья, чтобъ обмануть прозорливость Аратова! Онъ, можетъ быть, ужъ и теперь догадывается, что молодой сосѣдъ влюбился безъ памяти въ его супругу. Грабининъ, можетъ быть, себя ужъ выдалъ смущеніемъ, невольно развившимся на его лицѣ при разговорѣ о ней съ французомъ, а также взглядами, полными жгучаго любопытства, которые онъ украдкой бросалъ на окна строеній, мимо которыхъ водилъ его хозяинъ усадьбы, показывая ему свои владѣнія. Но не искать

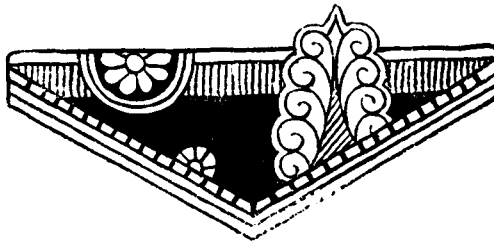

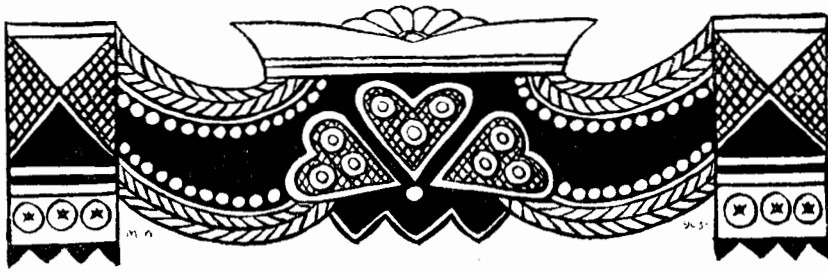
взглядомъ за этими окнами несчастную «порченную» было сверхъ его силъ. Да и вообще, чѣмъ больше вспоминалъ онъ подробности своего пребыванія въ Малявинѣ, тѣмъ больше всплывало ему на умъ подробностей, изъ которыхъ обманутому мужу легко было вывести опасныя предположенія на его счетъ...

Но это только усиливало его рѣшимость все претерпѣть до конца, чтобъ доказать Еленѣ Алексѣевнѣ, что она не ошиблась, предавши свою судьбу въ его руки. Препятствія разжигали его любовь и, такъ сказать, узаконяли ее въ его глазахъ. Кто рѣшится сказать, что она ему не принадлежитъ, когда онъ для нея всѣмъ пожертвуетъ и спасетъ ее отъ страшной участи мнимосумасшедшей, на которую обрекъ ее жестокой тиранъ, пользуясь ея беззащитностью и одиночествомъ?

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ ¹⁾.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

VIII.

Начало моихъ собственныхъ воспоминаній.—Стихотвореніе «Насильный бракъ». — Выписки изъ біографіи, составленной С. П. Сушковымъ.—Отзывъ о графинѣ Е. П. Ростопчиной князя Александра Васильевича Мещерскаго. — Гоненія критики. — Домъ Пашковыхъ въ Москвѣ.—Свадьба въ 1833 году.

СЕ ВЫШЕПРИВЕДЕННОЕ, мнѣ кажется, достаточно ярко обрисовываетъ личность моей бабушки. Она въ своемъ обществѣ представляла вѣрный типъ тѣхъ грозныхъ «самодуршъ», изъ среды которыхъ вышла свекровь бѣдной Катерины въ «Грозѣ» Островскаго. Отъ той топились въ рѣкѣ, отъ этой населялась Сибирь. Даже теперь, въ старости, я трепещу, когда вспоминаю обиды, униженія, насилія души и ума, которыми пострадали всѣ родные и приближенные этой бездушной вѣроотступницы.

Мои собственные воспоминанія начинаются съ 1847 года, когда родители мои вернулись изъ-за границы. Они сначала остановились въ Петербургѣ, гдѣ провели два мѣсяца, но положеніе моей матери при дворѣ сильно пошатнулось послѣ напечатанія ея извѣстнаго стихотворенія «Насильный бракъ». (Смотри біографиче-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 427.

скій очеркъ, написанный Сергѣемъ Петровичемъ Сушковымъ, съ предисловіемъ къ избранному изданію сочиненій его сестры, 1890, Спб., типографія И. Н. Скороходова).

Привожу отрывокъ изъ этого очерка (стр. XV): «Аллегорическій смыслъ—съ ошибочной точки взгляда—о политическомъ отношеніи Польши къ Россіи былъ выраженъ въ балладѣ «Насильный бракъ» настолько явственно, что не оставалось никакой возможности этого не понять и отрицать. А, между тѣмъ, въ продолженіе немалого времени послѣ появленія этого анонимнаго стихотворенія въ «Сѣверной Пчелѣ», никто не обратилъ вниманія на него и не разгадалъ его смысла. Выше было мною рассказано, какъ велико было милостивое расположеніе императора Николая Павловича къ моей сестрѣ, а потому появленіе въ печати этой безразсудной ея баллады, смѣю думать, должно было, не только изумить государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ опечалить и прогнѣвить, какъ поступокъ съ ея стороны неблагодарный въ отношеніи къ нему лично. Но всегда вѣрный своимъ чувствамъ великодушія и высокаго рыцарскаго благородства, особенно въ отношеніи къ женщинамъ, государь Николай Павловичъ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ шефа жандармовъ о заподозрѣнномъ въ балладѣ аллегорическомъ смыслѣ, повелѣлъ оставить это дѣло безъ послѣдствій. Осенью сестра моя возвратилась вмѣстѣ съ семействомъ изъ заграничной поѣздки въ Петербургъ, гдѣ прожила два мѣсяца совершенно спокойно: никто и ничто не напоминало ей о злополучной балладѣ, а затѣмъ Ростопчины переселились на жительство въ Москву, въ домъ матери графа А. Ѳ., жившей въ одиночествѣ. Но когда послѣ того при первомъ высочайшемъ пріѣздѣ въ Москву графиня Е. П., успокоенная полною безответственностію за свое легкомысленное поэтическое увлеченіе и ошибочно предполагая, что государь не изволилъ признать аллегорическаго смысла въ стихотвореніи «Насильный бракъ», отважилась пожелать чести представиться ихъ величествамъ въ числѣ прочихъ московскихъ дамъ, государь гнѣвно велѣлъ не допускать ея во дворецъ. Для моей сестры наказаніе это было горькое и тяжелое, но вполне ею заслуженное. Въ задушевныхъ разговорахъ между нами она искренно сознавала свою вину и каялась въ написаніи этого злополучнаго стихотворенія, которое вырвалось изъ-подъ ея пера совершенно случайно и необдуманно, подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ ею за границею ложныхъ и вздорныхъ толковъ о политическомъ положеніи Польши, судьбою которой она никогда прежде не интересовалась и ничего опредѣленнаго по этому вопросу не знала, какъ и большинство тогдашняго русскаго общества, не только женскаго, но даже и мужскаго. Для смягченія этого единственнаго въ жизни моей сестры проступка передъ родиной желаю напомнить, что она всегда была пламенною патріоткою, какъ это фактически до-

называется содержаніемъ многихъ ея стихотвореній. Къ великой личности государя Николая Павловича неизмѣнно хранилось въ ея сердцѣ чувство живѣйшей любви и преданности, которое ярко высказалось въ прекрасныхъ стихахъ «На кончину императора Николая I», излившихся изъ глубины душевной скорби послѣ возвращенія 21-го февраля 1855 года отъ панихиды въ Чудовомъ монастырѣ (Сергѣй Сушковъ)».

Родители мои поселились на Старой Басманной въ домѣ бабушки. Но, прежде чѣмъ приступить къ своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, я должна пополнить пробѣлъ, отдѣляющій пажескую жизнь отца моего отъ его женитьбы.

Послѣ неудачи своей со зрѣлой полькою отецъ мой бросился въ омутъ всевозможныхъ кутежей. Когда друзья отца его являлись къ графинѣ Е. П—ѣ съ увѣщаніями, уговаривая ее употребить свою материнскую власть, чтобы остановить повѣсу, она неизмѣнно отвѣчала: «покойный мужъ мой отнял у меня мои права и отстранилъ меня отъ воспитанія сына моего; пусть же все зло отъ его дурного воспитанія и поведенія падетъ на его память». И она радовалась, что на томъ свѣтѣ неоцѣнившій ее супругъ страдаетъ и тоскуетъ, видя, какъ погибаетъ душа его сына. Итакъ, никѣмъ не предостерегаемый, необузданный и пылкій юноша, окруженный льстецами и попрошайками, шибко шагаль по дорогѣ къ разоренію и къ ослабленію его нравственного облика. Не зная себѣ удержу ни въ чемъ, онъ даже осмѣлился шутить съ самимъ государемъ! Посаженный имъ на гауптвахту въ Гатчинѣ, онъ отправлялся въ Петербургъ въ театръ и садился въ первыхъ рядахъ, въ партикулярномъ платьѣ и съ наклеенными усами или бакенами. Когда онъ замѣчалъ, что государь, узнавъ его, отдавалъ приказаніе арестовать его, графъ Андрей Θεодоровичъ послѣшно уходилъ, садился на ожидавшую его тройку и летѣлъ въ Гатчину, мѣняя лошадей. Когда посланный пріѣзжалъ наконецъ на гауптвахту, онъ находилъ провинившагося, повидимому, крѣпко спящимъ. Эти дерзкія выходки очень сердили государя, и онъ обрадовался, когда отецъ мой подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву. Ему было тогда 19 лѣтъ, но онъ былъ такъ плѣшивъ и старообразенъ, что на видъ казался вдвое старѣе.

Пріѣхавъ въ Москву съ намѣреніемъ жениться и остепениться, отецъ намѣтилъ себѣ трехъ первыхъ московскихъ красавицъ того времени: Евдокію Петровну Сушкову, которой минуло 21 годъ, княжну Надежду Сергѣевну Долгорукую, вышедшую впоследствии за брата моей другой бабушки, Сергѣя Ивановича Пашкова, и ея двоюродную сестру, Екатерину Александровну Булгакову, дочь вѣрнаго и преданнаго друга графа Θεодора Васильевича и человѣка, осмѣливагося понять и презирать графиню Екатерину Петровну, не говоря уже про то, что онъ былъ другомъ и защитникомъ не-

навистнаго Брокера. Мать успѣшила остановить сына на пути привязанности къ дѣвицѣ Булгаковой, сообщивъ ему, что она была будто бы дочерью его отца. Кто читалъ письма Булгакова, помнитъ, что дѣдъ мой, уже не молодой человѣкъ, только что пріѣхалъ тогда въ Москву, гдѣ познакомился со счастливою, молодою четою Булгаковыхъ — все въ характерѣ и обстоятельствахъ его дружбы съ Александромъ Яковлевичемъ вопіеть противъ подобной клеветы, но молодой человѣкъ повѣрилъ ей и сталъ ухаживать за молодой Сушковой.

Мать моя воспитывалась у своего дѣда и бабушки, Ивана Александровича и Авдотьи Васильевны Пашковыхъ, со своими двумя братьями Сергѣемъ и Дмитріемъ, такъ какъ рано овдовѣвшій отецъ ея былъ начальникомъ Оренбургскаго таможеннаго округа. Въ напечатанномъ мною и сестрою моею, графинею Ольгою Андреевною Торниелли (мужъ которой теперь состоитъ итальянскимъ посломъ въ Парижѣ), изданіи избранныхъ сочиненій нашей незабвенной матери находится пространное предисловіе, написанное дядею моимъ, Сергѣемъ Петровичемъ. Читатель найдетъ тамъ много интересныхъ подробностей, которыми не считаю возможнымъ воспользоваться. Ограничусь только слѣдующимъ отрывкомъ изъ воспоминаній почтеннаго князя Александра Васильевича Мещерскаго, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1900 г. (книга 12, стр. 611).

«1841 годъ Ревель и Гельсингфорсъ. Послѣ того, какъ я былъ представленъ графу Армфельдту у Авроры Карловны Демидовой, я также въ первый разъ познакомился съ графиней Ростопчиной, извѣстной нашей талантливой поэтессой. Она была тогда лѣтъ 25-ти (нѣтъ, 30-ти, родилась въ декабрѣ 1811 года), очень живая и умная, ея разговоръ походилъ на блистательный фейерверкъ. Я помню, что во время первой моей съ нею бесѣды я, признаюсь откровенно, какъ новичекъ, былъ ослѣпленъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очарованъ блескомъ ея остроумія, которое лилось въ ея рѣчи, какъ изъ неисчерпаемаго источника. Блескъ ея ума могъ соперничать развѣ съ блескомъ ея обыкновенно задушевныхъ и томныхъ глазъ, когда она хотѣла кому нибудь нравиться. Небольшого роста, съ очень правильными и точеными чертами, при смугломъ цвѣтѣ лица, съ большими глазами и длинными темными рѣсницами, она, къ сожалѣнію, была очень близорука и поэтому постоянно должна была носить лорнетку, которая заслоняла и мѣшала видѣть всю прелесть ея глазъ. Одаренная необыкновенною памятью, она знала иностранную литературу, какъ свою отечественную. Если ко всѣмъ ея дарованіямъ и привлекательной наружности добавить еще отзывчивость и пламенную ея любовь къ нравственнымъ идеаламъ, то получится типъ такой героини романа, лучше котораго едва ли могъ бы создать самый талантли-

вый поэтъ или романистъ. Такова была графиня Ростопчина, когда я съ нею познакомился».

Покойный князь Мещерскій прекрасно описалъ мою мать. Да будетъ позволено мнѣ, послѣ отталкивающей и леденящей особы моей бабушки, отдохнуть немного на свѣтлой, очаровательно доброй и умной личности моей дорогой матери! Я лишилась ея двадцати лѣтъ, но память о ней такъ же свѣжа и священна, въ моей душѣ, какъ въ первый день этой утраты! Долго, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не могла я даже произносить равнодушно ея имени, и до сихъ поръ изъ моихъ засохшихъ отъ лѣтъ глазъ льются слезы, когда я вспоминаю про нее. Кромѣ всѣхъ прелестей ума, которыя она расточала, не скупясь, на дѣтей и на всѣхъ домочадцевъ, доброта ея была безконечна. Она постоянно помогала нѣсколькимъ семьямъ, давала деньги въ займы (безъ возврата) всей нуждающейся литературной братіи; все, что получала она до изданія ея стихотвореній Смирдинымъ, отдавала она князю В. Ѳ. Одоевскому для основаннаго имъ благотворительнаго общества (въ огромной, переписанной мною перепискѣ матери моей съ Жуковскимъ, Погодинымъ, Плетневымъ, Островскимъ и пр. я нашла письма князя Одоевскаго объ этомъ).

Madame Mainté, наша гувернантка, умершая у насъ въ 1860 году, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, постоянно ссорилась съ матерью по поводу ея щедрости и напоминала ей, что тотъ самый литераторъ, котораго она выручила изъ бѣды, публично осмѣялъ ее, или напечаталъ про нее что либо дурное. «Но онъ нуждается, Богъ съ нимъ! — отвѣчала она: — идите, Mainté (какъ мы называли добрую француженку), и заложите эту брошь, надо бѣднягѣ на доктора или на роды женѣ»... Когда мать моя скончалась, всѣ ея вещи буквально были заложены, и пришлось ихъ выкупать. Сама она лично мало тратила на себя, все шло на друзей, а друзья эти послѣ ея смерти осмѣивали ее въ своихъ воспоминаніяхъ... Горько, очень горько и больно было намъ, дочерямъ, такъ свято хранившимъ священную для насъ память, читать все, что печаталось ложнаго, завѣдомо выдуманнаго, противъ женщины столь рѣдкой доброты и незлобивости! Не помнить зла было даже не достоинствомъ въ ней, а самою обыденною чертою ея характера. Гоненія критики, нападки и насмѣшки славянофильской партіи, не простившей ей ея «западничества», заставляли ее болѣе смѣяться, чѣмъ негодовать. Почти всеобщее гоненіе, замѣнившее прежнія восторженныя похвалы ея лирическому дарованію, было начато Бѣлинскимъ. Мать моя нашла его слишкомъ дурно воспитаннымъ для посѣщенія ея аристократическихъ вечеровъ въ Петербургѣ, и оскорбленный критикъ отретировался, грозя своимъ опаснымъ кулакомъ, обрушившимся на гордую аристократку, на свѣтскую женщину, которая любила балы, музыку, роскошь и смѣла признаваться въ этомъ. Слѣдуя по стопамъ великаго критика,

увлеченнаго уязвленнымъ самолюбіемъ, Огаревъ написалъ свою «Отступницу».

По поводу «Отступницы» Сергѣй Сушковъ говоритъ: «Считаю нужнымъ привести главную часть курьезнаго стихотворенія, столь хорошо обрисовывающаго сумбуръ, бродившій въ головѣ Н. П. Огарева. При этомъ я долженъ объяснить, что онъ познакомился съ моею сестрою, когда она была дѣвочкою 14-ти лѣтъ, а онъ еще учился въ Московскомъ университетѣ и посѣщалъ въ домѣ Пашковыхъ гувернантку, англичанку А. Е. Горнсистеръ, которая раньше жила въ семействѣ Огарева.

ОТСТУПНИЦА.

.....
 Вы мнѣ вручили благосклонно
 Тетрадь завѣтную стиховъ,
 Не помню—слогъ стихотвореній
 Хорошъ ли, не хорошъ онъ былъ,
 Но ихъ свободы гордый геній
 Своимъ дыханьемъ освятилъ.
 Съ порывомъ страстнаго участія
 Вы пѣли вольность и слезой
 Почтили жертвы самовластья¹⁾.
 .....
 Промчалась, полная невзгоды
 Отъ васъ далеко жизнь моя.
 .....
 И какъ-то случай свелъ насъ снова²⁾
 Въ порѣ печальныхъ зрѣлыхъ лѣтъ...
 Уже хотѣлъ я молвить слово,
 Сказать вамъ дружескій привѣтъ,
 Но вы какому-то французу
 Свободу поносили вѣдухъ
 И русскую хвалили музу
 За подлый складъ, за рабскій духъ.
 Меня тогда вы не узнали—
 И я былъ радъ. Я увидалъ,
 Какъ низко вы душою пали...
 И васъ глубоко презиралъ.
 .....
 Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамою
 Я расквитался бѣ эпиграммой;
 Но передъ вами смѣхъ молчать,
 И грозно рѣчь моя звучитъ:
 Покайтесь грѣшными устами,
 Покайтесь искренно, тепло.
 Покайтесь съ горькими слезами,
 Покуда время не ушло.

¹⁾ Мать моя написала тогда стихотвореніе на декабристовъ, ею послѣ со-
 жженное. Я никогда не слыхала его. Л. Р.

²⁾ Въ Парижѣ въ 1847 году.

Просите доблестно (!) прощенья
 Въ намѣнѣ вѣтренной своей
 У молодого поколѣнья,
 У всѣхъ порядочныхъ людей!

. . . . .
 И нѣтъ стыда просить прощенья,
 И сердцу сладостно прощать...
 И даже я на примиренье
 Готовъ по правдѣ вамъ сказать,
 И словъ моихъ тѣмъ не ослаблю:
 Я бѣ и Клейнмихеля простить,
 Когда бѣ онъ дѣвственную саблю
 За безкорыстность обнажилъ.

«Нельзя,—продолжаетъ С. Сушковъ,— придумать ничего нелѣпѣе и смѣшнѣе этого набора пустозвонныхъ фразъ: въ 1825 году минуло Евдокии Сушковой только 14 лѣтъ, какія же политическія убѣжденія о свободѣ и вольности могла имѣть она въ этомъ дѣтскомъ возрастѣ? Графинѣ Ростопчиной не въ чемъ было каяться, и за нею не было никакой измѣны; если она въ своемъ отрочествѣ оплакала сострадательными стихами горькую судьбу несчастныхъ, но заблуждавшихся, благородныхъ и честныхъ людей (какъ декабристы это доказали во время долготѣней ссылки ихъ въ Сибири), сдѣлавшихся искупительною жертвою злополучнаго стеченія обстоятельствъ того времени, то юное ея сострадательное сердце оплакало ихъ участь вмѣстѣ съ цѣлымъ русскимъ обществомъ. Нѣтъ ничего общаго, и не можетъ быть никакого сравненія между декабристами и тѣми безразсудными социалистами, нигилистами, анархистами позднѣйшаго времени, которыхъ сумасбродный Огаревъ величаетъ громкимъ названіемъ «молодого поколѣнія и порядочныхъ людей». И передъ ними-то онъ призываетъ графиню Ростопчину каяться, у нихъ-то просить прощенья! Приплетеніе сюда, совсѣмъ уже ни къ селу, ни къ городу, имени Клейнмихеля составляетъ букетъ нелѣпости и комизма!»

Я сказала выше, что статья Бѣлинскаго была первою стрѣлою, пущенною «порядочнымъ обществомъ» въ мою мать. Въ этой ея автобіографіи я почерпаю слѣдующія подробности.

«Въ 1852 году,—пишетъ С. Сушковъ,—неожиданно возникла въ нѣкоемъ, плачевной памяти, литературномъ кружкѣ ненависть противъ графини Евдокии Ростопчиной, единственно только потому, что она была женщина глубоко-религіозная, здравомыслящая и горячая патріотка въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Когда во второй половинѣ сороковыхъ годовъ у насъ появилось и стало распространяться среди незрѣлой, полуобразованной и легкомысленной молодежи пагубное направленіе безразсудныхъ идей въ духѣ нигилизма, социальной демократіи и анархіи, стремившихся къ отрицанію и разрушенію всѣхъ разумныхъ, нравственныхъ и рели-

гіозныхъ основѣ въ жизни семейной, общественной и государственной, то знаменосцемъ и проводникомъ въ литературѣ этого тлетворнаго направленія явился журналъ «Современникъ», перешедшій въ 1847 году отъ П. А. Плетнева въ руки Панаева и Некрасова, хотя они оба были люди умные и талантливые, но самые пустые и легкомысленные, которые только думали объ удовольствіяхъ жизни и были совершенно неспособны къ серіозному труду веденія нелегкаго журнальнаго дѣла, вслѣдствіе чего вышло, что они отдались всецѣло въ руки ими приглашенныхъ сотрудниковъ, которые сдѣлались дѣйствительными редакторами журнала и дали ему направленіе на свой ладъ. Некрасовъ, по крайней мѣрѣ, сочувствовалъ, хотя на словахъ, мнимолиберальнымъ теоріямъ этихъ безразсудныхъ своихъ сотрудниковъ, какъ это видно изъ нѣсколькихъ его жалостныхъ стиховъ о горькой судьбинѣ нашего простого народа, которые онъ писалъ въ своемъ комфортабельномъ кабинетѣ въ промежуткахъ между вкуснымъ обѣдомъ и гастрономическимъ ужиномъ, или же послѣ крупнаго карточного выигрыша въ англійскомъ клубѣ; но на дѣлѣ онъ ничего не сдѣлалъ и не пожертвовалъ ни одного рубля для облегченія той тяжелой участи бѣднаго люда, о которой онъ такъ краснорѣчиво печалился въ звучныхъ стихахъ. Что же касается до И. И. Панаева, то по его характеру, привычкамъ и образу жизни онъ былъ совершенно «невмѣняемъ» за направленіе «Современника» и никакого собственного мнѣнія не имѣлъ.

«По своему общественному положенію, образу мыслей, убѣжденіямъ и чувствамъ, графиня Е. П. Ростопчина не могла имѣть никакого соприкосновенія и ничего общаго съ вдохновителями и заправилami «Современника», и въ разныхъ ея сочиненіяхъ нерѣдко высказывались воззрѣнія, совершенно противоположныя духу и стремленіямъ этого журнала. Между прочимъ, въ 1851 году, было напечатано въ № 11 «Москвитянина» письмо Евдокіи Петровны къ Ѳ. Н. Глинкѣ, которое возбудило противъ нея сильнѣйшее негодованіе въ редакціи «Современника». Содержаніе письма показываетъ, что оно было вызвано восторженнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на графиню чтеніемъ Ѳ. Н. Глинкою какой-то имъ написанной поэмы высоко религіознаго содержанія, о которой она писала ему слѣдующее: «Слушая эту чудную библейскую эпопею, столь близкую всякой душѣ христіанской, всякому сердцу, ублаженному даромъ утѣшенія и молитвы,—я была изъята изъ нашего міра и вѣка, перенесена въ какое-то другое, лучшее время, время простоты, теплоты жизни и вѣры, время, непохожее на эту тяжкую пору безвѣрія, нелюбія и лжеученій мнимой истины философіи... Вся эта поэма любви, вѣры, богознанія, все это казалось мнѣ такимъ неожиданнымъ, но желаннымъ явленіемъ въ теперешнее наводненіе прозы, реализма и скудости духовной, прикрытой внѣшнимъ име-

немъ разума и разсудка, что я предавалась восторженно и сладко обаянію, увлекавшему и душу мою, и мечту, и слухъ, и сердце».

«Эти прекрасныя чувства и мысли, съ которыми всегда согласится каждый разумный и благонамѣренный человѣкъ, возбудили взрывъ негодованія въ редакціи «Современника», гдѣ, по вѣрной поговоркѣ: «на ворѣ шапка горитъ», приняли письмо графини Ростопчиной за дерзкое выступленіе на открытую борьбу противъ нигилистическаго направленія ихъ журнала... Черезъ три мѣсяца было окончено (въ мартѣ 1852 г.) печатаніе въ «Москвитяинѣ» романа «Счастливая женщина»... въ библиографическомъ отдѣлѣ апрѣльской книжки «Современника» появилась небольшая замѣтка неизвѣстнаго автора, заключающая самое пошлое, тривіальное, прямо сказать, лакейское глумленіе надъ содержаніемъ этого романа... Чувство раздраженія еще болѣе усилилось и укрѣпилось послѣ написаннаго ею прекраснаго стихотворенія, въ іюлѣ 1852 года. «Ода поэзіи»... Въ 1856 году, по случаю выхода перваго тома втораго изданія стихотвореній графини Ростопчиной, была напечатана въ «Современникѣ» рецензія опять неизвѣстнаго автора, составлявшая явленіе въ своемъ родѣ изумительное, необычное, безпримѣрное въ литературной критикѣ. Это не былъ критическій обзоръ стихотвореній, но самыя грубыя нападки, самое неприличное глумленіе надъ личностью автора! Истинный и прямой смыслъ ея поэтическихъ произведеній извращался въ этой рецензіи самымъ наглýmъ образомъ, съ приписаніемъ имъ характера пошлаго, безнравственнаго и при дерзкомъ перенесеніи этихъ оскорбительныхъ выводовъ на характеристику самого автора стихотвореній. Нахальство анонимнаго рецензента дошло до такой крайности, что онъ имѣлъ безстыдство выставить единомышленниками своихъ грубыхъ и неблагопристойныхъ издѣвательствъ надъ личностью и произведеніями графини Ростопчиной—кого же?—Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, этихъ всѣмъ извѣстныхъ друзей графини. Эта безобразная статья была написана, очевидно, по спеціальному заказу редакціи журнала, или къмъ либо изъ главныхъ въ немъ заправилъ.

«Весьма понятно, что графиня Ростопчина не могла отнестись совершенно равнодушно и безучастно къ этимъ злобнымъ выходкамъ противъ нея; но на такое грубое, низкое оскорбленіе надлежало ей отвѣчать съ достоинствомъ спокойнаго пренебреженія. Такъ именно и поступила она, спустя полгода, въ прекрасныхъ стихахъ, подъ названіемъ «Моимъ критикамъ». Позднѣе, въ іюлѣ 1857 г., написала графиня еще и другое стихотвореніе «Простой обзоръ», въ которомъ ярко выставлялись въ наглядныхъ практическихъ примѣрахъ пагубные плоды того направленія идей и стремленій, которыхъ передовые глашатаи и пропагандисты, съ Чернышевскимъ во главѣ, свили себѣ притонъ въ редакціи «Современника».

«Настоящій біографическій очеркъ былъ уже написанъ мной, когда недавно я узналъ изъ статьи «Некрологъ Н. Г. Чернышевскаго», напечатанной въ декабрьской книжкѣ 1889 г. «Историческаго Вѣстника», доселѣ остававшееся мнѣ неизвѣстнымъ имя автора упомянутой безобразной рецензіи въ «Современникѣ» 1856 года: это былъ самъ Чернышевскій! Немудрено, что ученикъ его, такой же семинаристъ, какъ и онъ самъ, Добролюбовъ, написалъ подъ его руководствомъ критику на романъ «У пристани» по образцу рецензіи своего учителя. Этотъ новозавербованный сотрудникъ журнала, еще несовершеннолѣтній юноша, получившій воспитаніе въ провинціальной семинаріи, гдѣ, конечно, не могъ онъ научиться правиламъ свѣтскаго приличія и вѣжливости, обязательныхъ въ благовоспитанномъ обществѣ, разразился съ необузданною и прямо бурсацкою грубостью противъ личности автора романа, женщины, принадлежавшей къ аристократическому обществу и не подававшей ни малѣйшаго повода для подобнаго рода оскорбительныхъ выходовъ противъ нея» (Сергѣй Сушковъ).

Вотъ каковы были критики сочиненій моей матери! Вотъ какія оскорбленія перенесла она и все простила! Беззащитную женщину ругали, позорили, подымали на смѣхъ, потомъ началось то, что французы называютъ «la conspiration du silence», заговоръ молчанія. Даже Аксаковъ въ своемъ сочиненіи о тестѣ, Ѳ. И. Тютчевѣ, называя всѣхъ извѣстныхъ поэтовъ, ни слова не сказалъ про графиню Ростовчину... правда, что онъ и про князя П. А. Вяземскаго забылъ. Горько обиженная, я написала милому, умному старцу, другу моей матери, прося его вступиться за себя и за мать, онъ отвѣтилъ мнѣ, что слишкомъ старъ, и совѣтовалъ написать мнѣ самой: «рубите съ плеча». Но я не Петръ Великій, ни топора, ни дубинки не имѣю, я смолчала.

Въ роскошномъ домѣ въ Москвѣ, на Моховой, гдѣ нынѣ находится Румянцевскій музей, благородное и изящное зданіе во вкусѣ Растрелли, жила по-барски огромная семья Пашковыхъ,—женатые, замужнія, вдовы, дѣвицы, дѣти, приживалки, учителя, дворня, все это ютилось около почтенной четы. Переписка братьевъ Булгаковыхъ освѣтила достаточно безпечную и веселую жизнь нашихъ тогдашнихъ баръ; это была настоящая Аркадія, гдѣ срывали цвѣты удовольствія съ утра до ночи, порхали по лужайкамъ, переодевались въ различные костюмы, ѣздили цѣлымъ обществомъ потанцовать или покушать, а въ карты играли всегда и вездѣ. Отечественная война приостановила шаловливую жизнь нашихъ аркадскихъ прадедовъ; погоревавъ о пожарѣ, о сожженной матушкѣ Москвѣ, немного остепененные, они снесли на чердакъ вѣнки Психей и Авроры, цѣпи изъ розъ устарѣвшихъ амуровъ, арфы поэтическихъ нимфъ и взамѣнъ этого хлама запаслись картами. Засѣла вся матушка Москва за ломберными столами—одна молодая Суш-

кова сидѣла за письменнымъ столомъ и украдкою писала стихи. Рано развилось ея поэтическое дарованіе; прекрасно изучивъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, впоследствии даже итальянскій, она тайкомъ упивалась чтеніемъ великихъ поэтовъ и исписала много альбомовъ выписками изъ нихъ. Несмотря на то, что тогда первенствовалъ французскій языкъ, она знала и любила свой родной; ея стихотворенія безъ подписи уже были извѣстны всей Москвѣ, когда бабушка ея, Авдотья Васильевна, узнавъ про это, ужаснулась; взявъ образъ со стѣны, она хотѣла заставить непокорную внучку поклясться, что она перестанетъ писать: «недостойно, молъ, дворянской дѣвицѣ заниматься подобнымъ образомъ». Мать моя клятвы не дала, обѣщалась только ничего не печатать до брака и стала предметомъ насмѣшекъ и язвительныхъ укоровъ незамужней тетки и нѣкоторыхъ членовъ семьи. Стремясь вырваться изъ этой среды, гдѣ страдала ея пылкая, восторженная душа, она благосклонно приняла ухаживанія пріѣхавшаго изъ Петербурга гвардейскаго офицера съ громкою историческою фамиліею и огромнымъ состояніемъ. Отецъ мой, если не былъ красивъ, ибо ранняя плѣнь очень безобразила его правильное лицо, былъ большого роста, хорошо сложенъ и имѣлъ видъ настоящаго боярина. Онъ наследовалъ отъ отца блестящій умъ, юморъ, краснорѣчіе и могъ нравиться, когда хотѣлъ, но именно дѣло было въ хотѣніи. Такъ какъ онъ родился послѣ смуты и революцій 1812-го года, то на немъ ясно отразилось тревожное состояніе духа его родителей; въ немъ не было равновѣсія, нравъ его былъ буенъ, духъ мятеженъ; при строгомъ воспитаніи и подѣ наблюдательнымъ окомъ благоразумной матери изъ него могъ бы выйти замѣчательный человѣкъ, но вышелъ самодуръ. Да простятъ мнѣ это слово. Я написала его, не какъ дочь, сильно изстрадавшаяся отъ характера отца, а какъ безпристрастный критикъ, для котораго правда есть законъ. Записки моего дорогаго друга, Сергѣя Михайловича Загоскина, достаточно освѣтили личность моего отца, про котораго сложилось цѣлое преданіе. Къ счастью, теперь подобныя личности невозможны, но тогда это было совѣмъ не единичное явленіе. Однако въ то время, когда мой отецъ встрѣтился съ Евдокіей Петровной Сушковой, недостатки, унаслѣдованные имъ отъ матери, а также благопріобрѣтенные, не успѣли еще развиться. Къ тому же онъ былъ влюбленъ, желалъ нравиться и сдѣлался женихомъ. Въ виду его богатства назначенныя для Евдокіи Петровны Сушковой подмосковныя оранжереи были изъяты изъ ея приданаго и переданы нелюбившей и тиранившей ее теткѣ, Александрѣ Ивановнѣ, которая впоследствии, когда мы уже разорились, роскошно жила на доходы съ этихъ самыхъ «ничтожныхъ» оранжерей.

Только наканунѣ свадьбы сдѣлалось извѣстно изъ метрики жениха, что ему не за тридцать лѣтъ, какъ то выдавала его изно-

шенная наружность, но всего только девятнадцать, и открытіе это всёхъ смутило, а въ особенности невѣсту, которая, не взирая на дѣвическую невинность и неопытность, не могла не испугаться, что будущій ея мужъ на два года ея моложе, и что не даромъ онъ такъ старообразенъ.

Можетъ быть, свадьба разстроилась бы, если бы въ дѣло не были замѣшаны злополучныя оранжереи, которыми тетушка Александра Ивановна непремѣнно желала завладѣть, и несчастную дѣвушку уговорили не дѣлать скандала и не отказывать жениху. Евдокія Петровна была не въ силахъ устоять противъ просьбъ и упрековъ многочисленной семьи, и свадьба ея состоялась въ маѣ мѣсяцѣ 1833 года въ церкви Введенія на Лубянкѣ.

Молодые зажили въ своемъ домѣ на Лубянкѣ открыто и принимали всю Москву. Они давали роскошные вечера и балы, для которыхъ, по рассказамъ очевидцевъ, отецъ мой выписывалъ нарядныя конфеты изъ Петербурга, по 25 рублей за штуку.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, длившагося нѣсколько лѣтъ, мать наша близко подружилась съ братомъ своего мужа, графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ, но суровая свекровь не влюбилась талантливую, жизнерадостную молодую свою невѣстку, крѣпко державшуюся православной вѣры, чисто русскую, не только по рожденію, но и по духу, и не способную поддаться на соблазны католичества уже потому, что испытывала на себѣ и на своихъ близкихъ горькіе его плоды отъ свекрови.

IX.

Романъ графа Сергѣя Ѳедоровича. — Его смерть. — Надгробное слово, сказанное его матерью. — Какъ огнеслась графиня къ извѣстію о смерти своей сестры. — Судьба добрачнаго сына графа Сергѣя Ѳедоровича. — Резолюція государя Николая Павловича. — Павсіонъ для дѣвицъ. — Графиня Екатерина Петровна, какъ блюстительница скромности и нравственности.

Какъ сказано выше, мать наша очень подружилась съ братомъ своего мужа и всегда защищала его отъ клеветъ и нареканій. Искушая грѣхи молодости мучительными недугами, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ долженъ былъ проводить всѣ зимы за границей и, проживая во Флоренціи, влюбился въ гофмейстерину герцогини Тосканской, графиню Ф. де-Б., которая отвѣчала ему взаимностью. Не первой молодости, но живая, умная и впечатлительная, она могла до извѣстной степени считать себя свободной, такъ какъ мужъ ея содержался въ домѣ для умалишенныхъ, и на выздоровленіе его не было никакой надежды. Она страстно увлеклась умнымъ и болѣзненнымъ русскимъ путешественникомъ; дядя же нашъ, по собственному ему легкомыслію воображая, что завязавшійся съ нею романъ кончится, какъ всѣ свѣтскія авантюры, и что она скоро

про него забудеть, преспокойно вернулся въ Россію. Но, къ величайшему его удивленію и досадѣ, онъ ошибся въ расчетѣ: покинутая красавица въ одинъ прекрасный день явилась къ нему въ Москву, въ сопровожденіи преданной горничной Лючіи, да еще въ интересномъ положеніи!

Во избѣжаніе скандала, графиня Ф. разыграла передъ отъѣздомъ изъ Флоренці комедію самоубійства, написала кое-кому письма съ намеками на роковое намѣреніе лишить себя жизни и, оставивъ на берегу Арно верхнее свое платье, уѣхала въ Россію. Озадаченный дядя явился съ повинной къ матери, а эта послѣдняя, ненавидѣвшая всякіе грѣхи, а превыше всѣхъ амурные, воспылала гнѣвомъ и объявила, что никогда не пуститъ къ себѣ на глаза заблудшуюся овцу. Тогда дядя обратился къ нашей матери, которую онъ, невзирая на ея молодость, высоко цѣнилъ за умъ и сердце, и, слѣдуя ея совѣтамъ, принялъ бѣглянку, какъ свою будущую супругу, и женился на ней, когда мужъ ея скончался, что случилось, однако, послѣ того, какъ у нихъ родился сынъ, окрещенный въ католической церкви подъ фамиліей Ф. Ребенка этого, «плодъ прелюбодѣянія», бабушка ненавидѣла, но съ матерью его, когда она сдѣлалась законною женою ея сына, она обращалась довольно прилично.

Скончался графъ Сергѣй Ѳеодоровичъ въ 1838 году и при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Его мать жила, какъ всегда зимой, въ Москвѣ, а въ Вороновѣ укрывала аббата въ одномъ изъ флигелей Вороновскаго дома, гдѣ и мы тоже впослѣдствіи проводили лѣтніе мѣсяца съ 1848 по 1859 годъ. Домъ этотъ былъ построенъ покоемъ. Мы занимали въ немъ нижній этажъ, верхній же оставался въ томъ видѣ, въ которомъ оставило его нашествіе французовъ въ 1812 году: дверей и оконъ не существовало, по главной каменной лѣстницѣ, испорченной пожаромъ, ходить было опасно, и проникнуть въ комнаты можно было по деревяннымъ лѣстницамъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ балкамъ. Правый флигель занималъ управляющій, а лѣвый—бабушка со своими многочисленными компаньонками и приживалками. Въ послѣдней комнатѣ этого флигеля, замыкавшей длинную анфиладу покоевъ вдоль сада, жилъ аббатъ, и въ ней находились потайные шкапы въ стѣнахъ со всѣми принадлежностями для служенія католической общины.

Долго пребывало все это въ тайнѣ, но наконецъ, вѣроятно, по доносу кого нибудь изъ домашнихъ, тогдашнему генераль-губернатору, князю Голицыну, было дано предписаніе изъ Петербурга произвести обыскъ въ имѣніи графини Екатерины Петровны Ростопчиной; призвавъ къ себѣ графа Сергѣя Ѳеодоровича, онъ предупредилъ его о грозившей его матери бѣдѣ, если раскроется тайна ея вѣроисповѣданія. Чтобъ опередить обыскъ, долженствовавшій послѣдовать черезъ двадцать четыре часа, графъ Сергѣй Ѳеодоро-

вичь немедленно сѣлъ въ экипажъ и поскакалъ въ Вороново, гдѣ распорядился заложить кирпичами стѣны со шкапами, спустилъ куда-то аббата и вернулся въ Москву съ сильной простудой, отъ которой, страдая уже ранѣ астмой, онъ и скончался. Его мать, конечно, на его схизматическія похороны не поѣхала, и когда, по окончаніи церемоніи, мои двоюродные дяди, князья Алексѣй и Павелъ Голицыны, пріѣхали ее навѣстить, они нашли ее, какъ всегда, прохаживающуюся преспокойно взадъ и впередъ по комнатамъ. Сожалѣнія ихъ о только что скончавшемся сынѣ она прервала такими словами: «Онъ прожилъ такъ, какъ того хотѣлъ: мало, но хорошо» ¹⁾. И снова принялась за прерванную прогулку, страхнувъ съ себя такимъ образомъ всякія бесполезныя воспоминанія и отвѣтственность. Передавая мнѣ это, князь Алексѣй прибавилъ: «Разумѣется, съ тѣхъ поръ ни я, ни братъ мой не перестушили порога этой безсердечной женщины, выражавшейся такъ бездушно про сына, горько поплатившагося своимъ здоровьемъ за юношескія увлеченія и умершаго преждевременно среди заботъ о спасеніи ея отъ неприятностей».

Много позже, когда скончалась ея младшая сестра, графиня Варвара Петровна Протасова, на сестру мою было возложено порученіе приготовить бабушку къ извѣстію объ этой потерѣ. «Никогда не забуду я торжествующей усмѣшки, съ которой бабушка встрѣтила печальное извѣстіе», писала мнѣ еще недавно сестра: «Эге, мамзель! моложе меня, а ушла раньше!» ²⁾—сказала она.

Мнѣ кажется, что эти двѣ фразы достаточно обрисовываютъ личность бабушки, какъ матери и какъ сестры.

Когда графъ Сергѣй Федоровичъ скончался, всѣ его имѣнія оказались заложеными, но его мать и братъ ихъ выкупили и передали вдовѣ его прекрасное состояніе, совѣтуя ей немедленно написать завѣщаніе въ пользу сына Владимира, такъ какъ у нея было еще два сына отъ перваго мужа, уже взрослые и состоящіе на службѣ. Но графиня Марія Ростопчина, со свойственною итальянкамъ безпечностью и лѣнью, откладывала со дня на день исполненіе этого долга и скончалась отъ удара, не обезпечивъ судьбу своего младшаго ребенка. Умерла она года два послѣ своего мужа. Родители мои находились тогда въ своемъ воронежскомъ имѣніи, и, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, камеристка покойницы Люція увѣдомила сыновей ея о внезапной смерти ихъ матери, такъ что, когда отецъ нашъ пріѣхалъ въ Москву, онъ ужъ ихъ здѣсь засталъ въ хлопотахъ о полученіи наслѣдства послѣ матери. Наслѣдство это они получили и, предоставивъ младшему брату право носить ихъ имя и титулъ, уѣхали назадъ на родину. Бабушка

¹⁾ «Il a eu la vie comme il l'a voulu courte et bonne».

²⁾ «Ehé, mamselle, plus jeune que moi, et déjà partie!»

взяла бѣднаго сироту на воспитаніе и обходилась съ нимъ болѣе, чѣмъ сурово. У родителей моихъ первые четыре года послѣ свадьбы не было дѣтей, и отецъ нашъ подалъ государю прошеніе о дозволеніи усыновить добрачнаго ребенка своего умершаго брата. Государь приказалъ вернуть ему прошеніе, собственноручно на немъ написавъ: «Католикъ не можетъ быть графомъ Ростопчинимъ».

Вскорѣ послѣ того родился нашъ старшій братъ Викторъ, и рѣшено было отослать маленькаго Ф. во Францію къ графинѣ Сегюръ, назначивъ ему десять тысячъ въ годъ на воспитаніе и съ капиталомъ въ двѣсти тысячъ франковъ, собраннымъ при содѣйствіи бабушки родственниками. У меня сохранилось письмо восьмилѣтняго мальчика, написанное, разумѣется, по-французски и адресованное бабушкѣ передъ его отъѣздомъ за границу, въ которомъ онъ въ униженныхъ выраженіяхъ благодаритъ за оказанныя ему, сиротѣ, милости. Очевидно письмо это было сочинено которою нибудь изъ бабушкиныхъ компаньенокъ и переписано несчастнымъ ребенкомъ, такъ много пострадавшимъ отъ «благодѣтельница» за то, что онъ имѣлъ несчастье родиться до брака ея сына съ его матерью.

Мальчикъ этотъ унаслѣдовалъ отцовскій умъ и ростопчинскій типъ лица, изъ него вышелъ хорошій человекъ, и Сегюры любили его, какъ родного. При первой возможности его перевели во французское подданство, и онъ умеръ недавно, оставивъ сына и дочь.

Выше я упомянула про бабушкиныхъ компаньенокъ. У нея ихъ было множество. Та самая Турнье, которую нашъ отецъ ребенкомъ называлъ уличною дрянью, имѣла на нее сильное вліяніе. Она выпросила позволеніе взять на воспитаніе сначала одну дѣвочку изъ французской колоніи, потомъ другую, третью, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ нашемъ домѣ перебивало немало маленькихъ мученицъ. Про ея строгость съ ними ходило много разсказовъ. Говорили между прочимъ, что вдохновенная традиціями испанской инквизиціи она подносила къ ихъ губамъ раскаленное распятіе и сѣкла ихъ жестоко за то, что онѣ въ ужасѣ отъ него отвергивались. Трудно этому вѣрить, но мы это слышали отъ нашей матери, которая отличалась замѣчательною правдивостью. Кромѣ фуріи Турнье, при бабушкѣ жила нѣкая Наталья Ивановна Ростопчина, наша дальняя родственница, обожавшая собакъ, некрасивая, угреватая старая дѣва. Впослѣдствіи она уѣхала въ Римъ, гдѣ и скончалась въ монастырѣ. Про нее мнѣ разсказывали въ Италіи, что благочестивое ея житіе кѣмъ-то написано, и что ее слѣдуетъ причислить къ лику святыхъ.

Плохо жилось бабушкинымъ компаньонкамъ. Старшей надъ ними состояла старая безобразная дѣва, Марта. Нѣкоторымъ изъ весталокъ, надъ которыми она владычествовала, удалось выйти замужъ, при чемъ бабушка давала имъ приданое. Между ними

царила вѣчная зависть и вражда. Я помню, какъ однажды одна изъ этихъ дѣвицъ, найдя на полу записку съ перечнемъ грѣховъ, отнесла ее Мартѣ и на вопросъ этой послѣдней, какъ угадала она, что записка эта принадлежитъ ей, — отвѣтила съ напускною наивностью: «по грѣхамъ, на ней означеннымъ, мадмуазель». Крѣпко досталось ей за такой дерзкій отвѣтъ!

И, невзирая на все это, французская колонія считала счастьемъ и честью помѣщать своихъ дочерей къ «святой» графинѣ! Правда, что онѣ здѣсь содержались въ страхѣ Божиемъ: соблюдались всѣ посты, возили ихъ каждый день и къ обѣднѣ, въ каретѣ, слѣдовавшей за бѣлой бабушкиной колымагой, въ которой графиня ѣхала съ вѣрной своей Мартой. Тѣ, которымъ не хватало мѣста въ каретѣ, шли пѣшкомъ и тоже, разумѣется, подъ наблюдениемъ старшей.

Платья онѣ обязаны были носить темнаго цвѣта, по горло, съ длинными рукавами; когда по праздникамъ и воскресеньямъ ихъ отпускали домой, бабушка ихъ предупреждала, что та, которая осмѣлится побывать въ театрѣ или на танцевальномъ вечерѣ, будетъ немилосердно изгнана изъ ея дома. И угроза эта свято выполнялась. Живо припоминается мнѣ случай съ м-ль де-С. изъ извѣстной аристократической семьи эмигрантовъ, некрасивой, коренастой дѣвушкой, съ рыжими волосами, коротко остриженными, и съ выразительнымъ лицомъ. Несчастная позволила себѣ потанцевать на одномъ вечерѣ. М-ль Марта узнала про такой страшный грѣхъ и немедленно доложила о немъ бабушкѣ. Послѣдовало грозное рѣшеніе: прогнать немедленно провинившуюся. Дѣло было вечеромъ. Пріятно хихикая, Марта собственноручно уложила пожитки несчастной м-ль де-С. и вытолкала ее на улицу. Напрасно ходила къ бабушкѣ наша мать просить за несчастную, ей тѣмъ болѣе сурово отказали, что она и сама была такая же грѣшница, сама танцевала на балахъ и возила насъ съ собой. Для такого грѣха пощады не было, и, наказавъ порокъ, святая старица принялась за свои безконечныя молитвы. Грѣшница же, явившись къ родителямъ, была также и ими выгнана вонъ, такъ какъ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ такая святая женщина, какъ графиня Ростопчина, рѣшилась изгнать изъ своего дома, да еще ночью, дѣвушку за такой маловажный проступокъ. И она пошла... туда, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ всегда находятъ пріютъ... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, наша Mainté получила письмо отъ м-ль С., очень встревожилась, поговорила съ мама и поѣхала въ госпиталь. Вернулась она оттуда вся въ слезахъ и заперлась съ нашею матерью. Потомъ, изъ таинственныхъ разсказовъ, шопотомъ передаваемыхъ другъ другу въ нашемъ домѣ, мы узнали, что бѣдная дѣвушка умерла, проклиная бабушку, виновницу ея гибели. Тогда я не поняла еще вполнѣ гнусную подкладку этого печальнаго происшествія.

Другая «облагодѣтельствованная», толстая, вѣчно смѣющаяся Александрина, попалась въ другой винтъ: роясь во время ея отсутствія въ ея сундукѣ, м-ль Марта откопала романъ! О ужасъ! Французскій романъ, еще худшій развратитель, чѣмъ танцы! И Александрина тоже вылетѣла съ позоромъ изъ нашего дома за оскверненіе святой обители. Тутъ ужъ я сама помогала ей укладываться, видѣла ея слезы, слышала, какъ мама приходила ее утѣшать, послѣ неудачной попытки смягчить бабушку. Увы, какъ ни горька была жизнь подъ нашимъ суровымъ кровомъ, все-таки это былъ кровъ.

Послѣ танцевъ и романовъ бабушка всего больше ненавидѣла новыя моды и длинныя таліи. При насъ состояла бонной вывезенная нами изъ Парижа полька, Луиза Адамовна Ставская, весьма недуренькая собою, вертлявая веселая дѣвушка, любившая наряжаться. Ужъ однимъ этимъ не нравилась она бабушкѣ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, Луиза наша надѣла привезенное изъ Парижа платье изъ лѣтней матеріи, съ мелкими розовыми полосками и съ длинной тальей, затянутой въ рюмочку. Такого поруганія надъ правилами стыдливости и благочинія бабушка, конечно, не вынесла, позвала къ себѣ нашего отца и приказала ему немедленно отказать м-ль Луизѣ. Это было жестокимъ ударомъ для всѣхъ насъ, мы привыкли къ м-ль Луизѣ и нѣжно ее любили. Всѣ мы ходили умолять за нее бабушку, но она не захотѣла насъ слушать, и наша милая Луизочка навсегда исчезла у насъ изъ глазъ въ своемъ розовомъ платьѣ. Добродѣтель восторжествовала, но, увы, не надолго: настала очередь внучекъ.

Впрочемъ, я забѣгаю впередъ, потому что между изгнаніемъ Луизы и нашимъ первымъ выѣздомъ въ свѣтъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Мы тогда опять жили съ бабушкой, такъ какъ отецъ боялся оставлять ее одну во время Крымской кампаніи. Мы переѣхали къ ней изъ нашей квартиры, особняка на Спиридоновкѣ, и хотя мнѣ еще не минуло семнадцати лѣтъ, насъ съ сестрой начали вывозить въ свѣтъ. Въ первый разъ повезли насъ на балъ въ палатку, гдѣ гвардейскіе офицеры устроили праздникъ для московскихъ дамъ. Насъ одѣли и привели показать бабушкѣ. Окинувъ насъ съ ногъ до головы презрительно насмѣшливымъ взглядомъ, она проговорила по-французски, разумѣется: «Вы, можетъ быть, воображаете себя красивыми? Ничуть не бывало. Во-первыхъ, вы уроды, а, во-вторыхъ, отвратительны Богу и никогда не войдете въ царствіе небесное. Вы играете въ руку дьяволу, наряжаясь, чтобъ кружиться въ объятіяхъ мужчинъ»... Тутъ ужъ вступилась наша мать, умоляя пощадить нашу невинность. Мы были такъ смущены и испуганы, что наивное удовольствіе потанцовать утратило для насъ всякую прелесть. Въ стремленіи своемъ пробудить

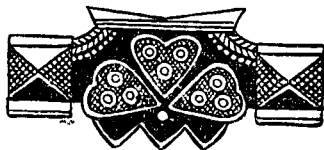
въ насъ женскую стыдливость, бабушка въ насъ убилла счастливое дѣтское невѣдѣніе. До тѣхъ поръ мы видѣли въ молодыхъ людяхъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, только кавалеровъ для танцевъ, теперь же мы стали бояться съ ними разговаривать и чуждались всякаго съ ними сближенія.

Впослѣдствіи мы всегда были обязаны являться къ бабушкѣ передъ баломъ, и, опасаясь ея гнѣва при видѣ нашего скромнаго декольте, насъ причесывали и водили къ ней въ свѣтлыхъ платьяхъ съ закрытымъ лифомъ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ переодѣть въ балный нарядъ. И мы такимъ образомъ должны были сидѣть у нея за работой по нѣскольку часовъ, съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ, причесанной парикмахеромъ по-балльному. Иногда она спрашивала: «теперь такая мода ѣздить на балы въ закрытыхъ платьяхъ?» — «Да, бабушка», — отвѣчали мы не залинаясь. «Это очень хорошо, — замѣчала она. — Въ мое время женщины нагло выставляли голыя руки и плечи. А танцуете вы отвратительную польку, чтобъ трепетать въ объятіяхъ мужчинъ?» — «Нѣтъ, бабушка, мы танцуемъ только кадрили». — «Это хорошо, но все-таки танцы выдуманы дьяволомъ на погибель души»...

Каждый вечеръ мы должны были проводить нѣсколько часовъ въ гостиной бабушки, которая лежала на кушеткѣ и непремѣнно съ работой въ рукахъ; вязала она филе для одѣянія католическаго духовенства. Мы тоже что нибудь вышивали, отецъ нашъ нанизывалъ бусы для ожерелій деревенскихъ дѣвушекъ, и даже гости непремѣнно должны были пріѣзжать съ работой, такимъ образомъ я помню, что Анатолій Нарышкинъ всегда рисовалъ во время своихъ посѣщеній. Одна только наша мать ничего не дѣлала, и это постоянно сердило бабушку.

Графиня Л. А. Ростопчина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ПОГИБАВШАГО ЧЕЛОВѢКА.

НЕДАВНО я получилъ извѣстіе о смерти моего хорошаго пріятеля, извѣстнаго доктора П., скончавшагося въ своемъ имѣніи Рязанской губерніи. Сынъ московскаго священника, докторъ П., родившійся въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, окончилъ курсъ въ классической гимназійи и затѣмъ поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ, по окончаніи котораго профессоръ Захарьинъ принялъ его къ себѣ въ ассистенты, и, благодаря этому, а также своимъ способностямъ, онъ пріобрѣлъ хорошую практику въ аристократическихъ домахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегалъ и бѣдными больными, являясь на призывъ каждаго страждущаго, не обращая вниманія на то, будетъ ли его трудъ оплаченъ, или нѣтъ.

Въ семидесятыхъ годахъ онъ блистательно защитилъ диссертацию на степень доктора медицины и открылъ свою частную лѣчебницу на пятнадцать кроватей платныхъ и пять бесплатныхъ. Проводя жизнь въ постоянныхъ и, можно сказать, непосильныхъ трудахъ, онъ разстроилъ свое здоровье и въ 1897 г., передавъ лѣчебницу другому лицу, уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе доканчивать свой вѣкъ...

Лѣтъ десять тому назадъ, въ одинъ непріятный осенній вечеръ сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ и писалъ. Вдругъ слышу звонокъ, и, спустя минуту, ко мнѣ вошелъ докторъ П.

— Здравствуйте! Я вамъ помѣшалъ?—сказалъ онъ.

— Нисколько,—отвѣтилъ я, пожимая его руку.—Я постоянно работаю и всегда радъ вашему приходу.

— А я былъ тутъ недалеко на практикѣ, иду мимо васъ, вижу свѣтъ, и мнѣ захотѣлось зайти на минуту провѣдать васъ. Ну, что вы пишете? -- спросилъ онъ, садясь въ кресло и закури-
вая сигару.

— Да вотъ изображаю психологію одного человѣка... и я сообщилъ ему занимавшій меня сюжетъ.

— Да,—замѣтилъ онъ,—душа человѣка—это неразрѣшимая загадка, она не всегда поддается нашему пониманію. Иногда воздѣйствіе одного лица можетъ погубить или воскресить душу слабого человѣка. Вотъ я расскажу вамъ случай изъ моей многочисленной практики. Прошлую осень, въ такую же сырую и холодную погоду проходилъ я Новинскимъ бульваромъ и на углу Дурновскаго переулка зашелъ въ писчебумажный магазинъ купить почтовой бумаги. Когда знакомая мнѣ хозяйка уже завертывала ее, въ магазинъ робко вошелъ человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, худой, съ блѣднымъ изнуреннымъ лицомъ, съ опухшими вѣками и подозрительными пятнами на впалахъ щекахъ. Правильныя черты овальнаго лица, вьющіеся каштановые волосы и прекрасныя манеры изобличали въ немъ человѣка не простого происхожденія, но одежда... увы, была не по сезону: рваное пальтишко, измятая шляпа и опорки на ногахъ производили неприятное и жалкое впечатлѣніе. Онъ подошелъ къ содержательницѣ магазина и тихо сказалъ:

— Дайте что нибудь на ночлегъ бѣдному человѣку.

Хозяйка молча подала ему мѣдную монету и по уходѣ его сказала мнѣ:

— Знаете ли, кто это такой?.. Князь В—скій, былъ когда-то очень богатый человѣкъ, но все свое состояніе промоталъ и пропилъ, а теперь живетъ милостыней и ночуетъ въ ночлежныхъ домахъ. Очень жалкій человѣкъ!

Выйдя изъ магазина, я увидѣлъ, что онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ, прислонившись къ стѣнѣ. Когда я проходилъ мимо него, онъ слегка приподнял шляпу и сказалъ, обращаясь ко мнѣ на прекрасномъ французскомъ языкѣ:

— Monsieur, у меня не хватаетъ двухъ копеекъ на хлѣбъ, не можете ли вы мнѣ ихъ одолжить?

Я остановился.

— Скажите, молодой человѣкъ, вы больны?—спросилъ я.

— Да, у меня грудь очень болитъ, и кашель мучить.

— Я докторъ, не хотите ли пойти ко мнѣ, и я осмотрю васъ,—предложилъ я.

— Благодарю васъ... если вы будете такъ добры...— отвѣтилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Я взялъ извозчика, и мы поѣхали.

Первое, что я сдѣлалъ по приѣздѣ, предложилъ князю взять ванну и переодѣться, приказавъ человѣку выдать ему бѣлье, халатъ и туфли.

Когда послѣ этого онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, я не узналъ его. Передо мной предсталъ еще молодой, изящный господинъ, и, если бы не крайняя худоба его, то я могъ бы сказать: очень красивый.

Я велѣлъ подать чай и легкую закуску передъ ужиномъ. Онъ пилъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Когда онъ удовлетворилъ голодь, я спросилъ его:

— Какъ ваше имя и званіе?

— Князь В—скій, Леонидъ Сергѣевичъ, — отвѣтилъ онъ, видимо конфузясь.

— Не будетъ съ моей стороны нескромнымъ спросить васъ, какимъ образомъ вы впали въ такое несчастное положеніе?

— Ахъ, докторъ, вы приняли во мнѣ такое теплое участіе, что я почелъ бы себя самымъ дурнымъ человѣкомъ, если бы скрылъ отъ васъ что нибудь изъ моего прошлаго. Но я человѣкъ пропащій и быстро стремлюсь къ своей гибели, вернуть меня на добрый путь, мнѣ кажется, невозможнымъ.

— Напрасно вы такъ думаете; отчаиваться прежде времени никогда не слѣдуетъ. При твердой волѣ и характерѣ человѣкъ все можетъ сдѣлать.

— Вотъ именно этой воли и характера у меня и нѣтъ.

— А желанія? Тоже нѣтъ?

— Желанія,—отвѣтилъ онъ заминаясь,—одного желанія недостаточно, нужны поддержка, помощь... а гдѣ ихъ найти?

— Я помогу вамъ. А теперь расскажите же мнѣ вашу печальную повѣсть...

— Ахъ, докторъ, — перебилъ онъ меня съ глубокимъ вздохомъ, — если бы вы только знали, какъ мучительно тяжело мнѣ вспоминать о моемъ предосудительномъ прошломъ, о моемъ легкомыслии и порочной молодости!..

— Ну, такъ, мы вотъ что сдѣлаемъ. Вы останетесь теперь у меня, я сначала займусь вашимъ лѣченіемъ, а тамъ, когда, Богъ дастъ, ваше здоровье поправится, я постараюсь позаботиться о вашей будущности. Вы же между тѣмъ напишите мнѣ ваши воспоминанія: это будетъ удобнѣе и легче для васъ. Согласны?

— Хорошо, докторъ, я опишу вамъ все подробно, ничего не скрывая, что сохранилось въ моей памяти.

— И прекрасно. А теперь пойдете ужинать.

За ужиномъ онъ попросилъ у меня рюмку водки; я далъ ему; онъ попросилъ было другую, но я отказалъ. Онъ сдѣлалъ честь

моему ужину и ѣлъ съ большимъ наслажденіемъ; повидимому, онъ давно не испытывалъ этого удовольствія.

На другое утро я внимательно выслушалъ его, — оказалось, что у него развивается сильный плевритъ, который могъ обратиться въ чахотку. Я уложилъ его въ постель и занялся имъ серьезно. Два мѣсяца я боролся съ его болѣзнию, но во-время принятыхъ мѣръ, спокойствіе, здоровая, питательная пища и хорошій уходъ помогли мнѣ, и онъ оправился. Но еще болѣе трудная борьба предстояла мнѣ съ его пагубной привычкою къ алкоголю. Я не сразу прекратилъ ее: въ продолженіе нѣсколькихъ дней я давалъ ему ежедневно по двѣ рюмки, потомъ по одной, а затѣмъ совсѣмъ пересталъ давать. Онъ просилъ, плакалъ, умолялъ, но я оставался непреклоненъ. Сколько мнѣ стоило усилій, уговоровъ, увѣщаній, обращеній къ его благоразумію и научныхъ доказательствъ, что если онъ не откажется отъ этой гнусной страсти, то неминуемо въ скоромъ времени умретъ, а онъ больше всего боялся смерти. Мало-по-малу мнѣ удалось и это, и черезъ два мѣсяца онъ всталъ бодрый, здоровый и пополнѣвшій. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ прожилъ у меня, занимаясь веденіемъ моихъ книгъ по лечебницѣ. За это время онъ прилично одѣлся. Потомъ я устроилъ его на хорошее мѣсто съ жалованьемъ сто рублей въ мѣсяць, гдѣ онъ и служить до сихъ поръ. Онъ не забылъ своего обѣщанія и однажды, вечеромъ, представилъ мнѣ небольшую тетрадь своихъ записокъ, которыя, если вы хотите, я завтра приплю вамъ для прочтенія, а рассказывать его грустную повѣсть слишкомъ долго, мнѣ же пора къ одному больному, который меня ждетъ.

Съ этими словами докторъ всталъ и простился со мной.

На другой день утромъ онъ дѣйствительно прислалъ мнѣ небольшую тетрадь при слѣдующей запискѣ:

«Дорогой другъ!

«Исполняя свое обѣщаніе, я посылаю вамъ тетрадь подъ заглавіемъ: «Печальная повѣсть погибавшаго человѣка». Быть можетъ, при вашихъ литературныхъ занятіяхъ и она пригодится вамъ, тѣмъ болѣе, что я испросилъ разрѣшеніе князя В—скаго, въ случаѣ вашего желанія, и напечатать ее, но только не называя его фамилии.

«Вашъ П.»

Найдя эти записки интересными и поучительными въ томъ отношеніи, что изъ нихъ видно, какъ дурно примѣръ и плохое воспитаніе могутъ разрушительно вліять на слабого волей, безхарактернаго человѣка и довести его до паденія, я пользуюсь теперь даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ и печатаю рукопись безъ всякихъ измѣненій.

I.

Мои записки не представляютъ послѣдовательныхъ воспоминаній о прошломъ, а есть скорѣе бѣглыя замѣтки о томъ, что минутами возникаетъ въ моей памяти. Я не буду придерживаться и хронологическаго порядка, тѣмъ болѣе, что годы и мѣсяцы совершенно улетучились изъ моей памяти. Да и кому можетъ предстоять въ томъ надобность, въ какомъ именно году и мѣсяцѣ я совершилъ тотъ или другой поступокъ? Для всякаго посторонняго человѣка это совершенно безразлично. И при томъ, я пишу эти записки не для назиданія потомства, котораго у меня, вѣроятно, никогда и не будетъ, а только въ исполненіе своего обѣщанія, даннаго мною любезному доктору П., единственному человѣку, оказавшему мнѣ въ высшей степени глубокое и безкорыстное участіе и возвратившему меня на путь чести и добра... Теперь не могу подумать безъ содроганія, въ какой страшной грязи я утопалъ, въ какой ужасный омулъ я опустился и погрязъ съ головой!..

Воспоминаніе объ этомъ приводитъ меня въ краску стыда, леденить мою кровь и наполняетъ душу тоской и раскаяніемъ!.. Слѣдовало бы забыть, уничтожить, истребить изъ памяти все это безобразіе, всю эту отвратительную грязь!.. Но развѣ возможно забыть тяжелую рану, искалчившую человѣка!..

.....

Я родился въ 1858 году въ селѣ Михайловѣ, Тверской губерніи, имѣніи моего отца. Нашъ родъ старинный, и многіе изъ предковъ были знамениты. Отецъ мой, отставной полковникъ, славился беззабѣтной отвагой и храбростью. Въ 1848 году онъ отправился въ Венгерскую кампанію поручикомъ, а вернулся оттуда капитаномъ, обвѣщанный орденами. Затѣмъ, за какую-то дуэль, въ которой онъ убилъ своего противника, онъ былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ. Тамъ черезъ два года за одинъ геройскій подвигъ, совершенный имъ въ виду начальства, по донесеніи о томъ государю, онъ былъ прощенъ съ возвращеніемъ ему прежняго чина и всѣхъ орденовъ. Какъ мнѣ впоследствии рассказывали, онъ совершалъ тамъ чудеса храбрости. Такъ съ малочисленнымъ отрядомъ удалцовъ онъ проникалъ въ горы, разорялъ и сжигалъ аулы, убивалъ и разгонялъ жителей, захватывая нѣкоторыхъ въ плѣнъ и увозя ихъ стада. Горцы страшно боялись его. Начальство ставило его въ примѣръ другимъ. Подчиненные безпрекословно исполняли его приказанія и готовы были пойти за нимъ въ огонь и воду. Товарищи любили его и относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Такъ какъ отецъ мой былъ очень богатъ, то часто во время затишья задавалъ роскошныя пирушки, на которыхъ дорогое вино дилось рѣкой. Тутъ были и музыка, и

пѣніе, и пляски, и картежная игра; веселились до утра; всѣ были безъ чиновъ, на распахку.

Въ тридцать пять лѣтъ онъ уже былъ полковникомъ въ отставку и въ 1856 году пріѣхалъ въ свое имѣніе и поселился въ немъ. Здѣсь онъ зажилъ широкою жизнью богатаго помѣщика того времени: завелъ большую дворню, псовую охоту и отъ времени до времени устраивалъ роскошные пиры, отличавшіеся шумнымъ весельемъ, на которые съѣзжались всѣ окрестные помѣщики съ своими семьями.

Въ двадцати пяти верстахъ отъ него проживалъ въ своемъ имѣніи отставной генералъ Осетровъ. У него были двѣ дочери, изъ которыхъ меньшая, восемнадцатилѣтняя Елена, была очень красива. Отецъ познакомился съ этой семьей и сталъ бывать у нихъ очень часто. Елена ему нравилась, понравился и онъ ей, такъ какъ мой отецъ, высокій, стройный, съ большими черными, полными отваги глазами, былъ очень красивъ собой. Вскорѣ онъ сдѣлалъ предложеніе; но генералъ отказалъ ему, потому что объ отцѣ ходили не очень лестные слухи: онъ много пилъ и когда напивался пьянъ, то былъ очень буенъ и жестокъ. Отецъ Елены не желалъ видѣть свою дочь несчастной.

Но мой отецъ былъ съ твердой, непреклонной волей и рѣшительнымъ характеромъ; онъ никогда не бросалъ разъ задуманнаго имъ дѣла, не окончивъ его. Примчаться въ темную ночь на тройкѣ бѣшеныхъ коней въ имѣніе генерала, пробраться въ спальню своей возлюбленной и похитить ее было для моего отца игрушкой. Еще до разсвѣта прилетѣлъ онъ въ Михайлово и тотчасъ приказалъ своему священнику совершить обрядъ вѣнчанія. На утро онъ послалъ генералу извѣщеніе, что уже обвинчался съ его дочерью, и просилъ позволенія пріѣхать къ нему съ повинной. Генералъ отказалъ, но, не желая безчестить своей дочери, не сдѣлалъ изъ этого скандала. Такъ все исполнилось, какъ хотѣлъ отецъ. Молодые были довольны и веселы.

Черезъ годъ родился я. Отецъ и мать любили меня. Я росъ балованнымъ ребенкомъ, не зналъ ни въ чемъ отказа. У меня, какъ говорится, было семь нянекъ, поэтому, вѣроятно, я и вышелъ такимъ уродомъ. До эмансипаціи, какъ я слышалъ, отецъ жилъ хорошо съ моей матерью и даже рѣдко запивалъ; но эмансипація такъ сильно повліяла на него, закоренѣлаго крѣпостника, что онъ круто переѣнился. Онъ, какъ говорится, рвалъ и металъ, когда манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ прочитанъ въ Михайловской церкви, и всѣ освобожденные возликовали, но, понятно, сдѣлать ничего не могъ. Со злости онъ сталъ чаще предаваться кутежамъ. Съ этого времени жизнь моей матери, женщины тихой и кроткой, сдѣлалась каторжной. Онъ кричалъ, буянилъ, придирался ко всякимъ мелочамъ, ревновалъ ко всѣмъ, мучилъ и тира-

нилъ безпощадно, не имѣя ни капли сожалѣнія къ бѣдной слабой женщинѣ, которая переносила все молча и безропотно,—она боялась его и только въ одной молитвѣ находила утѣшеніе въ своей горькой безрадостной жизни. Часто, какъ говорили мнѣ, она просиживала цѣлыя ночи около моей кровати и горько плакала, зная, сердце ея предчувствовало, что ей не придется вырастить меня, и что я не буду счастливъ. Ея горе казалось ей еще болѣе тяжелымъ, потому что ей не съ кѣмъ было подѣлиться имъ, такъ какъ отецъ ея не только не хотѣлъ видѣться съ ней, но запретилъ и сестрѣ ея бывать у нея, и это страшно мучило мою мать.

Такъ печально шло время годъ за годомъ. Когда мнѣ минуло семь лѣтъ, отецъ выписалъ мнѣ изъ Москвы гувернера, француза, м-г Лармэ. Это былъ статный, красивый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ черными огненными глазами, брюнетъ, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, такъ какъ его мать была испанка. Человѣкъ умный, добрый и веселый, м-г Лармэ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе и въ короткое время заставилъ полюбить себя. Онъ сразу понималъ неправильную жизнь нашей семьи и старался, насколько могъ, отстранять меня отъ вліянія отца, скрывая всѣ безобразія его и горячо сочувствуя моей матери. Онъ скоро сошелся съ нею и, когда они оставались одни, онъ утѣшалъ и успокаивалъ ее, какъ истинный другъ.

— Это только здѣсь, въ Россіи,—говорилъ онъ,—могутъ встрѣтятся такіе варвары мужчины, у насъ, во Франціи, на женщину смотрятъ съ уваженіемъ, и никто никогда не позволитъ себѣ никакихъ грубыхъ къ ней отношеній.

Съ отцомъ онъ былъ холодно-вѣжливъ. Со мной занимался прекрасно. Воспитанникъ Сенъ-Сирской школы, онъ былъ очень уменъ и образованъ и смотрѣлъ на меня, не какъ на своего ученика, а какъ на родного сына; и я, стараясь угодить ему, дѣлалъ быстрые успѣхи во французскомъ языкѣ.

Такъ прошло года полтора, но тутъ, къ несчастью, разразилась катастрофа, лишившая меня добраго паставника.

Однажды, послѣ завтрака, мы сидѣли съ нимъ въ классной и занимались; вошла мать, сильно разстроенная и огорченная какой-то горячій, несправедливой вспышкой отца, сѣла у окна и горько заплакала. М-г Лармэ стало жаль ее, онъ подошелъ къ ней и въ порывѣ нѣжнаго чувства взялъ ея руку; какъ разъ въ это время неожиданно вошелъ отецъ. Увидавъ такую близость француза къ моей матери, онъ страшно вспылить.

— А!—вскричалъ онъ,—такъ вотъ вы чѣмъ тутъ занимаетесь!.. Да знаешь ли ты, что я сдѣлаю съ тобою!—кричалъ онъ, подступая къ французу съ сжатыми кулаками и замахиваясь на него.—Я раздавлю тебя, какъ собаку!..

И неизвѣстно, что произошло бы дальше, если бы не находчивость м-г Лармэ, которая спасла его. Онъ отступилъ на шагъ и спокойно сказалъ:

— Г-нъ полковникъ, я нисколько не сомнѣваюсь въ вашей силѣ и въ вашей храбрости, вы доказали ихъ на дѣлѣ: вы носите на своей груди Георгіевскій крестъ. Но я также увѣренъ и въ вашемъ благородствѣ, какъ дворянина, что вы не позволите себѣ напасть на безоружнаго человѣка, ни въ чемъ передъ вами неповиннаго и находящагося въ вашемъ домѣ и въ полной вашей власти.

Сказавъ это, французъ сложилъ руки на груди и смѣло смотрѣлъ на отца, не выказавъ ни одной чертой лица своей трусости, тогда какъ мать сидѣла блѣдная и неподвижная, едва переводя дыханіе.

Эти благородныя слова м-г Лармэ, его спокойная поза и смѣлый взглядъ обезоружили отца; онъ считалъ храбрость выше всѣхъ добродѣтелей и уважалъ смѣлыхъ людей.

— Но мы не можемъ оставаться съ вами подъ одной кровлей,— проговорилъ онъ болѣе мягко.

— Я и самъ это понимаю и прошу васъ дать мнѣ лошадей,— отвѣтилъ вѣжливо французъ. Отецъ ни слова болѣе не сказалъ и вышелъ изъ комнаты. Въ этотъ же день м-г Лармэ уѣхалъ отъ насъ, горячо простившись со мной.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ другой гувернеръ, м-г Тибо, человѣкъ уже не молодой, не красивый и очень грубый. Онъ не былъ такъ уменъ, какъ м-г Лармэ, и не обладалъ его даромъ привязывать къ себѣ сердца людей. Я не любилъ его, да, кажется, и онъ не питалъ ко мнѣ симпатіи; но отцу онъ нравился, и они были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ, моя бѣдная мать стала часто хворать, силы ея замѣтно падали, она худѣла не по днямъ, а по часамъ, и къ концу слѣдующаго года ея не стало. Я остался сиротой.

Послѣ ея смерти отецъ еще болѣе закутилъ, безобразія его стали отвратительны, и я, никѣмъ ни оберегаемый, все это видѣлъ и осквернялъ свою чистую невинную душу. Я рано понялъ порочную жизнь, и вотъ причина, которая впослѣдствіи низвергла меня въ пропасть...

II.

Когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, отецъ отвезъ меня въ 1-й московскій кадетскій корпусъ. Здѣсь началась другая жизнь, жизнь по дисциплинѣ. Первое время мнѣ, какъ новичку, было не ловко, меня всѣ обижали; но я вскорѣ освоился и сошелся со многими товарищами. Учился я плохо, а вель себя еще хуже, но мнѣ все какъ-то сходило съ рукъ; всѣ мои шалости и проказы

оставались скрытыми, товарищи не выдавали меня, не выдавалъ и я ихъ,—это было нашимъ правиломъ, нашимъ закономъ, и нарушившій его подвергался остракизму изъ товарищескаго кружка,—его всё презирали. Сначала на праздничные дни, по просьбѣ моего отца, меня брала къ себѣ наша дальняя родственница, Зиновьева, богатая, скаредная старуха, окружившая себя кошками и собаками, которыхъ у нея было по нѣскольку экземпляровъ. Мнѣ было у нея очень скучно. Не съ кѣмъ было ни повеселиться, ни поиграть, и я изощрялъ свои шалости надъ бѣдными четвероногими, стравливая ихъ между собою, за что старая родственница постоянно на меня ворчала. А разъ, когда я ея любимую бѣленькую кошечку всю измазалъ чернилами, а маленькую косматую болонку обстригъ до нага, она такъ разсердилась на меня, что перестала брать къ себѣ, о чемъ я не особенно сожалѣлъ. Нѣсколько воскресеній я просидѣлъ въ корпусѣ одинъ и, шатаясь по дортуарамъ и коридорамъ, отъ скуки придумывалъ новыя шалости и проказы. Потомъ меня стали брать къ себѣ нѣкоторые изъ моихъ товарищей. На лѣтнія каникулы я каждый годъ ѣздилъ домой, гдѣ все болѣе и болѣе отравлялся порочной жизнью отца. Въ деревнѣ я жилъ на полной свободѣ, за мной не было никакого надзора, отцу было не до меня. А неопытный и избалованный юноша развѣ можетъ управлять самъ собою, своими разгорающимися страстями? И въ шестнадцать лѣтъ я былъ уже очень испорченъ. Восемнадцати лѣтъ я кончилъ курсъ въ корпусѣ послѣднимъ ученикомъ, и меня выпустили юнкеромъ. Я поступилъ въ гусарскій полкъ. Тутъ начались кутежи, отецъ не стѣснялъ меня деньгами, и, когда черезъ два года меня произвели въ корнеты, я задалъ такую пирушку, что положилъ всёхъ въ лоскъ.

Недалеко отъ стоянки нашего полка находилось имѣніе помѣщика Вельяминова, у котораго была единственная десятилѣтняя дочь, а при ней гувернантка, Софья Павловна Аксамитова, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, очень красивая блондинка, съ большими голубыми глазами, высокая и стройная. Мы, молодые офицеры, приѣзжая къ Вельяминову, сильно ухаживали за ней, особенно я. Вскорѣ я замѣтилъ, что и она относится ко мнѣ далеко не равнодушно и видимо отличаетъ меня отъ моихъ товарищей. И вотъ, однажды, улучивъ свободную минуту, я незамѣтно для другихъ всунулъ ей въ руку записочку, въ которой умолялъ ее выйти вечеромъ, часовъ въ десять, въ садъ, а садъ у нихъ былъ большой и примыкалъ къ дорогѣ, и калитка въ него никогда не запиралась,—гдѣ обѣщавъ ждать ее, говоря, что я имѣю крайнюю нужду сказать ей нѣсколько словъ, отъ которыхъ зависитъ вся моя жизнь. Въ половинѣ десятаго я простился съ хозяевами и уѣхалъ. Но доѣхавъ до калитки сада, я остановился, слѣзъ съ лошади, ввелъ ее въ садъ, привязалъ къ забору и сталъ ждать.

Ночь была чудная, теплая, ароматная; серебристый свѣтъ серповидной луны слегка освѣщаль верхушки деревьевъ и бросаль отъ нихъ на дорожки таинственныя причудливыя тѣни,—все дышало поэзіей и располагало къ нѣгѣ и любви. Мнѣ было только девятнадцать лѣтъ, и естественно я жаждалъ любви и наслажденій. Я былъ убѣжденъ, что люблю Соню горячо и беззавѣтно, я ждалъ ее съ нетерпѣніемъ, кровь моя кипѣла, сердце усиленно билось; я пристально вглядывался по направленію къ дому и чутко прислушивался къ малѣйшему шуму. Все было тихо, даже листья на деревьяхъ не шелестѣли. Но вотъ хрустнулъ песокъ, послышались легкіе шаги, и изъ-за деревьевъ выступила стройная бѣлая фигура. Это была она. Я быстро пошелъ къ ней навстрѣчу. Не знаю, какъ это случилось, но я обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ своей груди. Она не сопротивлялась, только покраснѣла, какъ вспыхнувшая на востокъ заря.

— Соня, дорогая, любовь моя, скажи мнѣ: любишь ли ты меня?

Она такъ тихо, тихо, какъ шелестъ листа при легкомъ дуновеніи вѣтерка, прошептала «да» и тотчасъ закрыла глаза, какъ бы сама наслаждаясь своимъ отвѣтомъ. Мнѣ показалось, что и мѣсяцъ улыбнулся, увидя наше счастье. Я обнялъ ее за талію, и мы сѣли на недалеко стоявшую скамейку. Минуту мы сидѣли молча подъ обаяніемъ охватившей насъ любви.

— Какъ же намъ теперь быть?—сказаль я, страстно цѣлуя ея руки,—я не совершеннолѣтній, и ни отецъ, ни начальство не позволятъ мнѣ жениться, а жить безъ тебя я не могу, это сверхъ моихъ силъ, видѣться съ тобою здѣсь я тоже не могу часто, а видѣться украдкой также невозможно?.. Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ, милая Соня,—сказаль я, немного подумавъ:—только ты согласишься, отъ тебя будетъ зависѣть наше счастье... Дальше говорить я не могъ, я задыхался отъ волненія.

— Что же именно?—спросила она, посмотрѣвъ на меня довѣрчиво, какъ ребенокъ.

— Ты знаешь, — отвѣтилъ я, — что въ шести верстахъ находится уѣздный городъ, я поѣду туда и найму тамъ небольшую квартирку, устрою ее, а ты откажись отъ своего мѣста и переѣзжай туда. Я каждый день послѣ службы буду пріѣзжать къ тебѣ и оставаться до утра. Не правда ли, это хорошо? У насъ будетъ свой уютный уголокъ.

Она не сразу отвѣтила мнѣ, но нѣсколько минутъ молчала.

— А что же я скажу Вельяминовымъ, почему я ихъ оставляю?—тихо спросила она.

— Ты скажи имъ, что уѣзжаешь къ матери.

У нея была старуха мать, бѣдная дворянка, жившая въ Саратовской губерніи вмѣстѣ съ меньшою дочерью. Соня посылала имъ ежемѣсячно половину своего жалованья.

— Ну, а если ты разлюбишь меня и бросишь, что тогда будетъ со мной?—спросила она еще.

— Это вещь не возможная: я никогда не разлюблю тебя, а черезъ два года, когда исполнится мое совершеннолѣтіе, я женюсь на тебѣ, хотя бы для этого мнѣ пришлось выйти въ отставку.

— Хорошо. Я подумаю, а теперь ничего не скажу, и мнѣ пора итти, а то мое отсутствіе будетъ замѣчено.

Мы простились; она пошла, а я уѣхалъ къ себѣ, счастливый и полный надежды.

Мы еще нѣсколько разъ видались съ нею въ саду, и мнѣ долго пришлось уговаривать ее согласиться на мое предложеніе. Я представлялъ ей всю прелесть нашей совмѣстной жизни, все обаяніе и блаженство любви. Съ каждымъ разомъ отговоры ея становились все слабѣе и слабѣе, а мои просьбы и мольбы все сильнѣе и настойчивѣе, наконецъ она согласилась. Я обнялъ ее и горячо поцѣловалъ, поклявшись, что никогда не покину ея,—она повѣрила мнѣ свято.

Черезъ три дня я все устроилъ, и она переѣхала въ нанятую мною хорошенькую и уютную квартиру.

Радость наша была безконечна, мы веселились и шалили, какъ дѣти, она обнимала и цѣловала меня, называя самыми нѣжными именами. Мы то и дѣло перебѣгали изъ одной комнаты въ другую, переставляли мебель съ мѣста на мѣсто, перебирали разныя мелкія вещи на ея столики и этажерки и усталые бросались на кушетку и весело болтали, строя планы нашей будущей жизни въ деревнѣ, а потомъ въ столицѣ. Отрадно мнѣ было смотрѣть, какъ она вечеромъ мило хозяйничала за чайнымъ столомъ, наливая чай и приготовляя бутерброды.

За исключеніемъ дежурныхъ дней я ѣздилъ къ ней ежедневно, иногда вмѣстѣ съ своими товарищами, и мы проводили время очень весело. Соню полюбили всѣ, она была очень умная, живая, веселая, прекрасно пѣла и играла на рояли; своею привѣтливостью и ласкою она очаровывала всѣхъ, и мнѣ всѣ завидовали, называя меня самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, и я дѣйствительно былъ счастливъ.

Такъ незамѣтно пролетѣлъ годъ. Затѣмъ стоянку нашего полка перевели въ другое мѣсто, верстъ за триста отъ прежняго. Понятно, что и Соня переѣхала со мной. Мы устроились съ ней въ другомъ мѣстѣ и попрежнему зажили припѣваючи.

По прошествіи второго года, когда мнѣ исполнилось совершеннолѣтіе, она стала приставать ко мнѣ, чтобы я сдержалъ свое слово и женился на ней; но я, сказать правду, начиналъ уже чувствовать въ своемъ сердцѣ охлажденіе къ ней, и подъ разными предлогами все откладывалъ исполненіе этого дѣла. Я и ѣздить къ ней сталъ все рѣже и рѣже, объясняя свое отсутствіе то вне-

запной болѣзнью, то разными служебными занятіями. Она плакала, упрекала меня, происходили непріятныя сцены, но это нисколько не поправляло дѣла. А когда еще черезъ полгода она, къ ея несчастью, забеременѣла, и беременность ея отразилась на ней очень некрасиво: стройная, гибкая фигура ея сдѣлалась уродливой, и лицо покрылось красными пятнами, я просто отшатнулся отъ нея и имѣлъ наглость сказать ей въ лицо, что не люблю ея, и чтобы она не рассчитывала болѣе на меня. Произошла бурная сцена; она плакала, бѣсновалась, какъ сумасшедшая, называла меня негодяемъ, клятвопреступникомъ и обманщикомъ, но я былъ совершенно равнодушенъ къ ея бурнымъ изліаніямъ и стоически переносилъ ихъ. Къ тому же, мое сердце въ то время уже было занято другою, дочерью нѣмецкаго булочника, Луизой, очень красивою шатенкой. Соня случайно узнала объ этомъ, ревность ея была мучительна, какъ для нея, такъ и для меня. Я предложилъ ей покончить нашу связь и положилъ передъ ней двѣ тысячи рублей. Она схватила эти деньги и бросила ихъ мнѣ въ лицо со словами, что она презираетъ меня равно, какъ и мои деньги, что она не продажная женщина, что я укралъ ея честь и, опозоривъ, погубилъ ее... Виѣ себя она схватила ножъ и бросилась на меня; я едва могъ обезоружить ее: она упала, съ ней сдѣлалась истерика, а я уѣхалъ.

На другой день я получилъ извѣстіе, что она бросилась въ рѣку и утонула. Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что въ то время нисколько не жалѣлъ о ней, а отчасти даже былъ доволенъ такой развязкой. Ея мѣсто вскорѣ заняла Луиза. Это была хладнокровная, веселая нѣмочка; она смотрѣла сквозь пальцы на мои мимолетныя увлеченія, и мы прекрасно съ ней жили. Въ концѣ второго года она вдругъ охладѣла ко мнѣ, влюбилась въ одного заѣзжаго артиста и бѣжала съ нимъ.

Въ это время умеръ мой отецъ, пораженный апоплектическимъ ударомъ. Я вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе. Большое, цѣнное имѣніе было страшно обременено долгами. Я въ хозяйствѣ ровно ничего не смыслилъ. Къ счастью, мнѣ попался хорошій, честный управляющій, который обѣщалъ, если я буду жить поэкономнѣе, года въ четыре или въ пять очистить имѣніе отъ долговъ. Я обѣщалъ. Распустивъ дворню и уничтоживъ псарню, такъ какъ я не былъ охотникомъ, я дѣйствительно повелъ скромную жизнь. Но, проживъ въ деревнѣ все лѣто и не зная, чѣмъ наполнять свои досуги, я страшно соскучился и вздумалъ прокатиться за границу. Собравъ какъ можно больше денегъ, я уѣхалъ къ большому огорченію моего управляющаго.

Первымъ дѣломъ я поѣхалъ въ Парижъ, который давно привлекалъ меня въ свои заманчивыя и соблазнительныя объятія. Я еще въ дѣтствѣ слышался о немъ отъ m-г Лармэ.

И дѣйствительно Парижъ произвелъ на меня обаятельное впечатлѣніе своей веселой, широкой и свободной жизнью, и я закружился въ немъ. Проводя праздную, разсѣянную, лишенную всякаго умственнаго труда жизнь, я познакомился съ молодыми людьми хорошихъ фамилій и вмѣстѣ съ ними посѣщаль клубы, театры, салоны, кафе-шантаны и разные притоны. Въ Парижѣ я прожилъ пять лѣтъ и хорошо изучилъ всѣ его увеселительныя мѣста. Нѣсколько разъ влюблялся я въ красивыхъ парижанокъ, которыя стоили мнѣ большихъ денегъ. На зиму я уѣзжалъ въ Ниццу, оттуда часто ѣздилъ въ Монтэ-Карло и тамъ проигрывалъ въ рулетку значительныя суммы, то и дѣло бомбардируя своего управляющаго письмами, требуя присылки денегъ. Тотъ писалъ мнѣ, что я скоро совѣмъ лишусь своего имѣнія, если буду продолжать такой образъ жизни. Я не слушалъ его, быстро катился подъ гору и не заглядывалъ въ будущее.

Наконецъ мнѣ надоѣлъ Парижъ, и я уѣхалъ въ Италію, страну искусствъ. Венеція очаровала меня, она показалась мнѣ какой-то сказочной, волшебной грезой. Ея синее небо, широкіе каналы, окаймленные старинными дворцами, площадь св. Марка, соборъ, кампанелла, дворецъ Дожей, гондолы, серенады, узкіе полутемные коридоры — все дышало поэзіей, проникало въ душу и навѣвало очаровательныя мечты и желанія. Мнѣ захотѣлось самому сдѣлаться итальянцемъ, жить ихъ веселой жизнью, и я сталъ подражать имъ во всемъ, начиная съ костюма и до жестовъ и манеры разговора.

Однажды вечеромъ, проходя по узкимъ коридорамъ, которые въ Венеціи замѣняютъ наши улицы, я встрѣтился съ красавицей итальянкой и пристально посмотрѣлъ на нее. Она, пройдя нѣсколько шаговъ, обернулась и взглянула на меня съ улыбкой. Я вернулся и, подойдя къ ней, заговорилъ; она отвѣчала; я предложилъ ей пойти со мной въ ресторанъ Бауера и поужинать, на что она согласилась. За ужиномъ мы, кромѣ разныхъ винъ, выпили вдвоемъ бутылку шампанскаго и нѣсколько рюмокъ ликеру. Послѣ ужина мы долго катались по Большому каналу въ закрытой гондолѣ. Я провелъ восхитительную ночь! Рано утромъ мы разстались, я подарилъ ей двѣ тысячи франковъ. Съ тѣхъ поръ мы больше не видались, и я до настоящаго времени не знаю, кто она. По всей вѣроятности, искательница сильныхъ ощущеній, которыя въ Венеціи встрѣчаются нерѣдко.

III.

Затѣмъ я извѣздилъ всю Италію. Долго жилъ въ Римѣ, гдѣ осматривалъ его достопримѣчательности и древности. Особенно привлекали меня катакомбы, гдѣ первые христіане, укрываясь отъ

язычниковъ подъ таинственнымъ покровомъ ночи, совершали свои службы истинному Богу, ежеминутно опасаясь быть схваченными и отданными на мучительныя истязанія. На форумѣ я мечталъ о происходившихъ здѣсь многочисленныхъ шумныхъ собраніяхъ, горячихъ спорахъ и выборахъ, такъ сильно волновавшихъ свободолюбивыхъ древнихъ римлянъ. На Палатинскомъ холмѣ я любовался панорамой Рима и видомъ Кампаніи, и вспомнилъ о минувшемъ могуществѣ римскихъ императоровъ. Въ Колизеѣ, этомъ символѣ величія Рима, мнѣ ясно представлялись борьба гладиаторовъ, бои быковъ, травля звѣрей и варварскія муки несчастныхъ христіанъ, отдаваемыхъ на растерзаніе голоднымъ звѣрямъ за исповѣданіе ихъ вѣры во Христа, и кровожадное наслажденіе зрителей при видѣ ихъ мученій и смерти, ихъ крики, ликованія и рукоплесканія.

На Аппіевой дорогѣ со мной едва не случилось несчастье. Гуляя, я зашелъ довольно далеко, и когда дошелъ до Казеле Ромондо, на меня неожиданно напали двое злоумышленниковъ. Одинъ схватилъ меня за руки, а другой принялся обшаривать мои карманы. Я закричалъ и, къ моему счастью, шедшая невдалекѣ толпа крестьянъ приближала и освободила меня отъ ихъ рукъ.

Изъ Рима я проѣхалъ во Флоренцію, эту столицу искусствъ, гдѣ прожилъ болѣе мѣсяца, и часто ѣздилъ въ Катина и любовался тамъ на красивыхъ великосвѣтскихъ флорентинокъ, роскошно нарядныхъ, пріѣзжавшихъ въ Катина въ богатыхъ экипажахъ съ визитами другъ къ другу. Далѣе я посѣтилъ Неаполь, побывалъ въ его знаменитомъ театрѣ С. Карло; лазилъ на Везувій къ самому кратеру. Былъ въ Помпеѣ—этомъ городѣ мертвыхъ, прекрасно сохранившемся подъ пепломъ. Мѣсяцъ прожилъ въ Сорренто, гдѣ съ наслажденіемъ купался въ морѣ. Наконецъ я снова вернулся въ Парижъ вмѣстѣ съ синьориной Клареттой, съ которой я уже жилъ недѣли три, а познакомился я съ ней случайно. Однажды, выкупавшись въ морѣ и поднимаясь къ себѣ въ отель, увидѣлъ я у одной скалы сидѣвшую молодую, красивую дѣвушку, горько плакавшую. Мнѣ стало жаль ее, и я подошелъ къ ней.

— О чемъ, синьорина, вы плачете? Не могу ли я чѣмъ нибудь помочь вамъ?—спросилъ я, остановившись передъ ней.

— Я, синьоръ, самое несчастное созданіе въ мірѣ. Я одинокая, у меня ничего нѣтъ и нѣтъ никого, кто бы принялъ во мнѣ участіе. Дня два тому назадъ я похоронила свою мать, и теперь хозяева той комнаты, гдѣ мы жили, выгнали меня вонъ, оставивъ мое послѣднее имущество себѣ за долгъ. И у меня теперь нѣтъ ни пристанища, ни куска хлѣба. Остается одно: броситься въ море и утонуть.

И она еще сильнѣе зарыдала.

Я взглянулъ въ нее: въ ея прекрасномъ лицѣ было столько дѣтской наивности, чистоты и довѣрія, что я, не колеблясь, сказалъ ей:

— Пойдемте ко мнѣ, синьорина. Я тоже одинокій, и мы будемъ съ вами жить дружно. Я никому не позволю васъ обидѣть.

Она взглянула на меня и, какъ бы не вѣря мнѣ или не рѣшаясь, черезъ минуту отвѣтила:

— Какъ я пойду къ вамъ, вѣдь вы меня не знаете?

— Послѣ узнаю. Вы скажете. Пойдемте, я живу тутъ недалеко.

Она встала и покорно пошла со мной.

Черезъ два дня мы коротко сошлись и полюбили другъ друга.

Въ Парижѣ мы поселились въ небольшомъ, но хорошенькомъ отелѣ. Мы любили другъ друга страстно, и мнѣ казалось, что я еще никогда и никого не любилъ такъ сильно, какъ ее. Я мечталъ уѣхать съ нею на родину и тамъ обвѣнчаться, но все откладывалъ. Наше время проходило не замѣтно, мы были счастливы. Я доставлялъ ей всевозможныя удовольствія и одѣвалъ ее, какъ куклолку. Ей только что минуло восемнадцать лѣтъ, она была очень живая, веселая, жизнерадостная, но нетребовательная и очень скромная, сердце у нея было нѣжное и доброе. Она не имѣла никого изъ близкихъ родныхъ, а потому всю любовь свою сосредоточила на мнѣ. Мы часто совершали съ нею большія экскурси, то ѣздили въ Швейцарію, то на итальянскія озера, а иногда въ Ниццу. Деньги у меня истощались быстро, онѣ протекали, какъ вода между пальцами, и я то и дѣло писалъ къ управляющему, требуя присылки, какъ можно больше, но онъ съ каждымъ разомъ присылалъ мнѣ все меньше и меньше при отчаянныхъ письмахъ, въ которыхъ предупреждалъ, что все имѣніе мое и движимость скоро пойдутъ съ молотка. Я ничему не внималъ и на все махнулъ рукой. Мой разсудокъ былъ какъ бы затуманенъ, мнѣ все казалось пустяками. И вотъ въ одинъ прескверный день я получилъ отъ своего управляющаго увѣдомленіе, въ которомъ онъ, прощаясь со мной, писалъ, что имѣніе мое и все имущество проданы съ аукціона, и онъ высылаетъ мнѣ, за уплатою всѣхъ долговъ, оставшіяся двадцать тысячъ рублей. А имѣніе съ имуществомъ стоило около пятисотъ тысячъ! Итакъ, я изъ богатаго человѣка дѣлался бѣднякомъ. А кто виноватъ?... Конечно, я не сказалъ Клареттѣ о своемъ разореніи и продолжалъ вести прежнюю жизнь, не отказывая ей ни въ чемъ. На что я надѣялся? Я и самъ не зналъ. Я думалъ: вотъ поѣду въ Монте-Карло и выиграю тамъ значительный кушъ.

Однажды, это было въ Парижѣ, Кларетта попросила меня покататься съ нею на лодкѣ по Сенѣ. Мы отправились. Я взялъ лодку, и мы поплыли внизъ по теченію. Погода стояла прелестная. Небольшой вѣтерокъ чуть-чуть рябилъ поверхность воды. Намъ было весело. Она пѣла свои національныя пѣсни, серебристый голосокъ ея мелодичный, какъ у всѣхъ итальянокъ, далеко разносился по рѣкѣ. Всѣ встрѣчавшіеся намъ въ другихъ лодкахъ привѣт-

ливо, съ улыбкой смотрѣли на насъ, вѣроятно, думая: «Вотъ счастливая влюбленная парочка!» Послѣ каждой пропѣтой пѣсни мы обнимались и цѣловались, а подъ конецъ такъ расшалились, что забыли всякую осторожность. Стали перекачивать лодку со стороны на сторону, пугая другъ друга и громко смѣясь, и разъ такъ сильно перекачали, что лодка опрокинулась, и мы оба упали въ воду... а мѣсто тутъ было глубокое... Я плавалъ хорошо, и когда вынырнулъ, Кларетты уже не было видно; лодка находилась въ близкомъ разстоянїи, я подплылъ къ ней перевернулъ и вскочилъ въ нее, одно весло уцѣлѣло въ уключинѣ, а другое уплыло: Я началъ кричать и звать на помощь. Ко мнѣ подплыло нѣсколько лодокъ, я объяснилъ прибывшимъ на нихъ свое несчастье. Скоро появились багры и сѣти, стали искать, искали часъ, другой,— нѣтъ нигдѣ! Вѣроятно, ее унесло теченїемъ дальше. Я весь дрожалъ отъ испуга, волненїя, отчаянїя и воды. Не помню, какъ я вернулся домой, и что было со мной дальше. Я очнулся только черезъ двѣ недѣли въ сильной горячкѣ. Испугъ, горе и простуда уложили меня въ постель, съ которой я всталъ только черезъ полтора мѣсяца, и долго еще не могъ я оправиться и набраться силъ. Моему отчаянїю не было предѣловъ, я страшно тосковалъ и плакалъ, какъ ребенокъ. Мнѣ казалось, что съ ней я потерялъ все. Мнѣ все опротивѣло, а больше всего Парижъ, и я, какъ только оправился, тотчасъ же уѣхалъ въ Ниццу, а оттуда въ Монте-Карло въ надеждѣ поправить рулеткой свое состоянїе: у меня оставалось съ небольшимъ десять тысячъ. Но, увы, состоянїя я не поправилъ, а спустилъ и остальные деньги, оставивъ только нѣсколько сотъ рублей на дорогу.

IV.

Я вернулся въ Москву съ двумястами рублей отъ почти полумилліоннаго состоянїя. Я занялъ самый скромный номеръ въ меблированныхъ комнатахъ «Лучъ» на Тверской. Что мнѣ было дѣлать? За что приняться? Я рѣшительно не зналъ. Не привыкшій къ труду, не приготовленный ни къ какой дѣятельности и не получивъ высшаго образованїя, я совершенно растерялся. Положенїе мое было ужасное. Я принялся отыскивать своихъ бывшихъ друзей и собутыльниковъ, чтобы попросить ихъ доставить мнѣ какое нибудь мѣсто. Но, какъ извѣстно, друзья остаются друзьями только до тѣхъ поръ, пока у васъ есть деньги, и вы можете угощать ихъ, а какъ только источникъ этотъ изсякъ, такъ всѣ отворачиваются отъ васъ, какъ отъ зачумленнаго. Такъ случилось и со мной. Ни у кого я не нашелъ ни привѣта, ни сочувствїя, ни помощи. Съ горя я напился. Такъ и пошло до тѣхъ поръ, пока я не остался буквально безъ копейки денегъ и былъ съ позоромъ

выгнанъ изъ номера. Я вышелъ на улицу безо всего, только въ томъ, что было надѣто на мнѣ. Передъ этимъ я недѣлю сидѣлъ дома и никуда не выходилъ. Шумъ и движеніе на улицѣ оглушили меня; отъ перепооя у меня страшно болѣла голова; а опохмелиться было не на что; къ тому же и желудокъ требовалъ пищи, такъ какъ я другой день ничего не ѣлъ. Слезы невольно покатались у меня изъ глазъ. Приходилось просить милостыню. А при моемъ званіи и прежней широкой жизни это было ужасно!.. Это можетъ понять каждый интеллигентный человѣкъ. Убить себя у меня не хватало рѣшимости. Я поборолъ свою гордость и подошелъ къ первому встрѣтившемуся мнѣ хорошо одѣтому полному господину, приподнял шляпу и попросилъ:

— Милостивый государь, подайте бѣдному человѣку на хлѣбъ.

Онъ презрительно посмотрѣлъ на меня и молча прошелъ мимо.

Я подошелъ съ тою же просьбой къ другому, какъ мнѣ показалось, болѣе добродушному.

Онъ остановился и въ отвѣтъ на мою просьбу прочелъ мнѣ нотацію:

— Стыдитесь, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, — просить милостыню!.. Вы должны работать, а не попрошайничествомъ заниматься.

— Такъ дайте мнѣ работу! — вскричалъ я разозленный.

— А гдѣ я возьму ее для всѣхъ тунеядцевъ! — огрызнулся онъ и пошелъ прочь.

Я былъ глубоко оскорбленъ, но отплатить не могъ и долженъ былъ проглотить обиду. Я глубоко вздохнулъ и подошелъ къ одной молодой дамѣ, поклонился и сказалъ:

— Madame, одолжите что нибудь бѣдному отставному офицеру.

Она съ удивленіемъ взглянула на меня, и, должно быть, мое лицо сказало ей о моемъ страданіи: она остановилась, вынула изъ кармана маленькій изящный портмонэ, порылась въ немъ и подала мнѣ гривенникъ. Это была первая милостыня, которую я получилъ, и она камнемъ легла мнѣ на сердце. Затѣмъ, по копейкамъ я собралъ еще столько же. Я зашелъ въ кабакъ и выпилъ шкаликъ водки, потомъ купилъ себѣ хлѣба и съѣлъ его тутъ же на улицѣ. Далѣе я не зналъ, что мнѣ дѣлать, гдѣ преклонить свою несчастную голову. На улицѣ оставаться на ночь было нельзя, тѣмъ болѣе, что къ вечеру пошелъ мелкій дождь. Я слышалъ когда-то о ночлежныхъ домахъ для безпріютныхъ, но не зналъ, гдѣ они находятся. Я шелъ по Садовой къ Новинскому бульвару, и, измученный болѣе нравственно, чѣмъ физически, шелъ безъ цѣли, чтобы только не стоять. По дорогѣ спрашивалъ кой у кого, гдѣ ночлежный домъ, и мнѣ сказали, что есть таковой на Новинскомъ бульварѣ, въ Проточномъ переулкѣ. Я отыскалъ его, но въ него еще не пускали: было рано, и я остался ждать около воротъ вмѣстѣ

съ кучкою такихъ же безпріютныхъ, какъ и я, оборванныхъ и пьяныхъ; а дождь все шель, и мы мокли.

Наконецъ, двери нашего рая отворились, и толпа хлынула съ азартомъ, тѣсня другъ друга; я вошелъ послѣднимъ; при входѣ съ меня взяли пять копеекъ. Я вошелъ и... содрогнулся...

Это была не особенно большая, мрачная комната, слабо освѣщенная висѣвшею на потолкѣ, по срединѣ, и сильно коптившею лампою, съ голыми, почернѣвшими стѣнами и такимъ же потолкомъ; на полу грязь и сырость; по стѣнамъ шли въ два яруса нары, на которыхъ переругиваясь размѣщались мужчины и женщины, грязные, отвратительные, отрепанные, полупьяные; каждый изъ нихъ спѣшилъ захватить получше мѣстечко. Воздухъ здѣсь былъ удушливый, сырой, вонючій...

Въ первую минуту я хотѣлъ было бѣжать назадъ, но куда?.. Боже! да у моего отца, во время крѣпостного права, самый послѣдній изъ рабочихъ занималъ лучшее и болѣе чистое помѣщеніе. Что бы сказала моя бѣдная мать, если бы увидѣла, въ какую трущобу попалъ ея единственный и нѣжно любимый ею сынъ?!

И я стоялъ по срединѣ въ тяжкомъ, мучительномъ раздумѣ. Вокругъ меня раздавалась скверная, неприличная ругань и слышались циничныя насмѣшки; атмосфера этой трущобы становилась все отвратительнѣе, наполняясь испареніями отъ мокрыхъ одеждъ, виннаго запаха и ѣдкаго дыма махорки. Я все стоялъ неподвижно, какъ прикованный къ мѣсту. Что происходило въ это время въ моей душѣ,—я не могу описать. Въ это короткое время я перечувствовалъ и перестрадалъ больше, чѣмъ за всю свою жизнь... Я, князь, старинный русскій дворянинъ, членъ аристократическаго общества, воспитанный въ роскоши и изобиліи, при одномъ мановеніи котораго протягивались десятки рукъ, чтобы исполнить каждое его желаніе, нахожусь теперь въ такомъ отвратительномъ мѣстѣ въ компаніи съ пропойцами и отверженными паріями чело-вѣчества!.. Это ужасно! ужасно!..

Не знаю, долго ли бы я такъ простоялъ и рѣшился ли бы сдвинуться съ мѣста, если бы одинъ пьяненькій не окликнулъ меня:

— Баринъ, что же ты стоишь столбомъ! Поди, ложись! Вотъ тутъ, около меня свободная нара, а то займутъ ее, и тебѣ придется лечь на грязномъ полу.

Я вздрогнулъ, взглянулъ и увидѣлъ старичка съ добродушнымъ лицомъ, сидѣвшаго на нарахъ. Я подошелъ къ нему, и онъ, указывая на свободное около него мѣсто, сказалъ:

— Ложись тутъ. Если есть у тебя какія драгоценности или деньги, то дай ихъ мнѣ: я лучше сберегу.

Я показалъ ему двѣ копейки, которыя у меня еще остались отъ полученной милостыни.

— Ну, это не особенно важный капиталъ!—усмѣхнулся онъ:— его и на выпивку мало! Ты, я вижу, еще новичекъ здѣсь,—продолжалъ онъ,—и не знаешь здѣшнихъ порядковъ. Сними сапоги и пиджакъ и положи ихъ подъ голову, а то украдутъ. А утречкомъ встань пораньше, и пойдемъ въ церковь на паперть, тамъ соберемъ малую толку и выпьемъ.

Я послушалъ по его совѣту и молча, взглядомъ поблагодарилъ его, говорить я не могъ.

— Ну, ну, не стѣсняйся, я понимаю, что тебѣ тяжело,—бормоталъ онъ,—да ничего, попривыкнешь, бываетъ и хуже. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, тепло, что твоя баня! Засни скорѣй, и все забудешь. Сонъ — благодѣтель бѣдняковъ, онъ только одинъ у нихъ и остался.

Я легъ, закрылъ глаза и притворился, что сплю. Старичекъ замолчалъ, отвернулся къ стѣнѣ и вскорѣ захрапѣлъ. Но я не могъ заснуть, мое нравственное состояніе было сильно потрясено. Къ этому присоединилась еще другая мука: меня со всѣхъ сторонъ облѣпили невидимые враги, которые жадно терзали мое тѣло. Мнѣ казалось, что я живой ввергнуть въ адъ и испытываю всѣ его страшныя муки: тѣло мое горѣло, какъ въ огнѣ, голова была тяжелая, точно налитая свинцомъ, жилы на вискахъ сильно бились, какъ отъ угара, сердце замирало, въ ушахъ стоялъ шумъ. Въ комнатѣ мало-по-малу начинала воцаряться тишина, только то тутъ, то тамъ еще раздавались кряхтѣнья, охи или сонная ругань пьянаго человѣка. Я лежалъ безъ мыслей, безъ опредѣленныхъ думъ; въ головѣ былъ какой-то хаосъ. Меня терзали и позднее раскаяніе за бессмысленно погубленную молодость, и сожалѣніе къ самому себѣ, и мое ужасное позорное положеніе...

Только къ утру, когда невидимые враги, вѣроятно, насытятся моею кровью, оставили терзать мое тѣло, я немного забылся краткимъ, болѣзненнымъ сномъ. Меня разбудилъ старичекъ, и мы вмѣстѣ пошли въ церковь и стали на паперти. Я получилъ отъ богомольцевъ нѣсколько копеекъ и пропилъ ихъ со старичкомъ. Затѣмъ, я цѣлый день шатался по городу; осторожно, чтобы не замѣтили меня городовые, выпрашивалъ милостыню; подавали болѣе люди, повидимому, не богатые...

На ночь я снова пришелъ въ тотъ же ночлежный домъ и легъ рядомъ со старичкомъ. Страшно измученный въ продолженіе дня, я на этотъ разъ скоро заснулъ... Впослѣдствіи старичекъ рассказалъ мнѣ свою грустную исторію, простую и обыкновенную. Сынъ сельскаго священника, онъ окончилъ курсъ въ семинаріи и поступилъ на службу въ техническое училище надзирателемъ и прослужилъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ его назначили секретаремъ въ канцелярію этого училища. Ведя одинокую холостую жизнь, онъ началъ пить и играть въ тотализаторѣ на скачкахъ. Это его и по-

губило, какъ и многихъ. Онъ проигралъ нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ. Ревизія обнаружила растрату. Богатый попечитель училища, не желая поднимать изъ этого исторіи, внесъ свои деньги, а ему велѣлъ отказать отъ мѣста. Бывшій секретарь не могъ найти другого, окончательно свихнулся и дошелъ до ночлежнаго дома, гдѣ я и встрѣтился съ нимъ.

Прошла недѣля, и... стыдно сказать, я сталъ привыкать къ своему положенію, и оно уже не угнетало меня съ тою силою, какъ вначалѣ. Пытался я было пріискать себѣ какую нибудь работу и не могъ. Однажды я пошелъ вмѣстѣ съ другими на желѣзную дорогу разгружать вагоны, но эта работа оказалась мнѣ не по силамъ: черезъ полчаса я уже былъ такъ измученъ, что не могъ ни разогнуть спины, ни поднять рукъ. Оставалась только милостыня, и я ею пользовался. Сколько разъ приходилось мнѣ проводить дни безъ пищи, но на вышивку у меня всегда находились деньги. Какой исходъ ожидалъ меня впереди? Острогъ или могила?..

Такъ провелъ я слишкомъ годъ, потерявъ всякую надежду на улучшеніе своей несчастной участи, пока не встрѣтился съ вами, дорогой докторъ. Да благословить васъ Богъ,—я безсиденъ отблагодарить васъ за то горячее отеческое участіе, которое вы приняли во мнѣ, несчастномъ погибавшемъ человѣкѣ, возвратили меня обществу и поставили меня на добрый нравственный путь.

Ахъ, какъ хорошо, какъ легко теперь на душѣ!..

Здѣсь кончается рукопись, и о дальнѣйшей судьбѣ автора этихъ признаній мнѣ ничего неизвѣстно.

Н. И. Перелыгинъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I)¹⁾.

IV.

По ревности.

I.

АЛЕТНАЯ танцовщица, хорошенькая Манечка Климовская, торопилась уйти изъ театра домой: завтра у нея должны быть гости, и надо было приготовиться къ ихъ приему—купить вина, фруктовъ, закусокъ...

У подъѣзда театра ее встрѣтилъ лакей корнета Рубцова и сказалъ Климовской, что баринъ поручилъ ему проводить ее до дому и помочь закупить нужное для завтрашняго дня.

Манечка все отлично сообразила. Она подозвала извозчика, сѣла съ лакеемъ въ сани и велѣла ѣхать на Большую Морскую въ гастрономическій и винный магазинъ. Когда по ея расчетамъ всего уже достаточно было куплено, она предоставила лакею корнета Рубцова расплатиться за нее, а затѣмъ снова усѣлась въ сани; покупки были уложены на дно саней, а лакей кое-какъ примостился на облучкѣ съ извозчикомъ.

Климовская была хорошенькая брюнетка и имѣла массу поклонниковъ; мужъ ея—придворный актеръ 14-го класса, былъ не рев-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCV, стр. 564.

нивъ, игнорировалъ совершенно поведеніе жены, любезно принималъ ея гостей и, если было нужно, иногда поздною ночью уходилъ изъ дома «по самому неотложному дѣлу», какъ говаривалъ онъ обыкновенно. Миръ между супругами ничѣмъ не нарушался, и только поручикъ Болховской—другъ ихъ дома—вносилъ нѣкоторый разладъ въ ихъ отношенія.

Дѣло въ томъ, что Болховской, при своемъ почти уже разстроенномъ состояніи, отличался въ любви удивительнымъ постоянствомъ и ревностью: вотъ уже три года, какъ поручикъ горитъ неукротимою страстью къ Манечкѣ, ревнуетъ ее ко всѣмъ, кромѣ, разумѣется, мужа, устраиваетъ ей сцены, грозитъ застрѣлить ее или себя, или наконецъ кого либо изъ «пріятныхъ» ей людей, — словомъ держитъ себя нѣсколько странно, а главное—безконечно мѣшаетъ Манечкѣ.

Вотъ, вѣроятно, и сегодня онъ уже торчитъ у нея на квартирѣ, пьетъ съ мужемъ вино и поджидаетъ Манечку, стоя у окна.

При этой мысли у Манечки захолонуло сердце, и она обратилась къ лакею корнета Рубцова со словами:

— Омушка, если тебя спросить этотъ... ты знаешь Болховского?... ну, вотъ... если онъ спроситъ, чей ты,—скажи: ротмистра Холмутова... Понимаешь? не забудешь?

Омушка кивнулъ головой и улыбнулся.

Манечка больше всего боялась, чтобы Болховской не увидаль лакея корнета Рубцова. Этотъ Рубцовъ, хорошенькій мальчикъ, единственный сынъ у родителей, произвелъ не такъ давно на Климовскую сильное впечатлѣніе, и ей очень хотѣлось, чтобы Болховской «устранилъ себя» отъ Манечки и не мѣшалъ бы ей дѣлать дѣло. Неравнодушіе ея къ молодому Рубцову было скоро замѣчено Болховскимъ, который не преминулъ устроить рядъ сценъ и Манечкѣ и ея мужу. Супруги понимали, что никакіе компромиссы здѣсь не были допустимы. Болховской былъ страшно ревнивъ, Рубцовъ—очень богатъ и милъ; оставалось или отказать Болховскому отъ дома и вызвать тѣмъ, быть можетъ, «ужасныя послѣдствія», или отказаться отъ Рубцова и отъ его вниманія. Супруги рѣшили ждать, надѣясь, что сама судьба сумѣетъ устроить все дѣло...

Предсказанія и предчувствія Манечки сбылись: не успѣла Манечка войти съ лакеемъ Рубцова въ подъѣздъ, какъ навстрѣчу къ ней по лѣстницѣ бросился Болховской, но, увидавъ Омушку, остановился и грозно спросилъ его:

— Ты кто такой? чей?

— Ротмистра Холмутова!—не задумываясь отвѣтилъ Омушка.

При этихъ словахъ Манечка бросилась вверхъ по лѣстницѣ и скрылась за дверью.

— Хол-му-това?!—съ разстановкой переспросилъ Болховской.—Такого ротмистра и не существуетъ... Ты что же это врешь? а? Говори, собака, чей ты?

И Болховской, прижавъ Омушку къ стѣнѣ, крѣпко сжалъ ему руками горло.

— Корнета Рубцова!—прохрипѣлъ Омушка, и вслѣдъ за тѣмъ онъ почувствовалъ, что теряетъ сознание.

— Разбойникъ... вратъ выдумалъ... На, получай!.. — крикнулъ Болховской, и двѣ пощечины гулко отдались подъ сводами подъѣзда.

Омушка вылетѣлъ на улицу, упалъ лицомъ прямо въ снѣгъ и, быстро поднявшись, бѣгомъ пустился домой.

II.

Цѣлый день 26-го января 1821 года Манечка провела съ гостями. Болховской явился рано утромъ, припесъ именинницѣ прекрасную брошь, а потому считалъ себя въ правѣ пользоваться вниманіемъ хозяйки.

Манечка была очень весела, многозначительно улыбалась Болховскому и даже не спрашивала его о вчерашней исторіи. Поручикъ чувствовалъ себя на верху блаженства.

Около 6-ти часовъ вечера Манечкѣ подали свертокъ и письмо: въ первомъ она нашла великолѣпное брилліантовое кольцо, а во второмъ корнетъ Рубцовъ извѣщалъ именинницу, что онъ сегодня дежуритъ и, если будетъ возможно, пріѣдетъ поздно вечеромъ. Манечка нашла нужнымъ воскликнуть:

— Ахъ, какая прелесть этотъ Рубцовъ!.. Неужели онъ не придетъ?!

И этимъ самымъ она повергла Болховского въ безмѣрную пучину отчаянья: онъ было бросился на лѣстницу, но Омушка уже благоразумно исчезъ, и догнать его не было никакой возможности.

Манечка рѣшила подразнить Болховского: она сдѣлалась грустною, задумчивою, молчаливою, не отвѣчала Болховскому и часто подходила къ окну, поджидая корнета.

Климовскій, мужъ Манечки, старался удержать жену отъ «вызывающихъ поступковъ», но не успѣлъ въ этомъ и съ безпокойствомъ поглядывалъ на мрачнаго Болховского, пристально слѣдившаго глазами за всѣми движеніями Манечки. Поручикъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и холодный потъ выступалъ у него на лбу.

Прошло 9-ть часовъ. Въ передней раздался звонокъ, и Манечка, а за нею и Болховской бросились къ дверямъ: на порогѣ стояли поручикъ Булюбашъ и актеръ Мачихинъ, совершенно бѣлые отъ снѣга.

— Богиня!—закричалъ Мачихинъ.—Отойдите отъ дверей, ибо простудитесь... Вѣтеркомъ пахнѣтъ, и божественная ножка простудится. Тѣлохранитель, — крикнулъ онъ Болховскому, — поберегите ножку богини...

Манечка разочарованная вошла снова въ комнату и усѣлась въ дальній, темный уголъ. Ей, дѣйствительно, было немножко скучно: все такъ пріѣлось и надоѣло ей, а этотъ хорошенькій Рубцовъ казался ей такимъ чистенькимъ, «славненькимъ», испорченнымъ; больше всего Манечкѣ нравилось въ немъ какое-то чуть ли не благоговѣйное чувство къ женщинамъ, которое просвѣчивало у Рубцова «даже къ ней» и наполняло ея душу чѣмъ-то неизъяснимымъ.

Гости вошли и усѣлись за вино. Болховской издали глядѣль на Манечку. Это злило ее.

— «Какое онъ имѣетъ право такъ овладѣвать мною?!—думала она.—Только и знай его, и больше никого... Противный... скучный... Надоѣль какъ»...

Но вотъ новый звонокъ... Манечка вскочила и столкнулась въ дверяхъ съ Рубцовымъ.

— Наконецъ-то... А я скучать стала... Какой вы хорошій!..

Рубцовъ улыбался, но ему видимо было не по себѣ, и, подавая руку Болховскому, онъ отвернулся въ сторону.

Съ пріѣздомъ Рубцова настроеніе всего общества замѣтно измѣнилось: актеръ Мачихинъ пересталъ острить, Булюбашъ не улыбался, Климовскій молча слѣдилъ за Болховскимъ, а Болховской, какъ затравленный звѣрь, водилъ глазами по сторонамъ.

Всѣмъ было ясно, что здѣсь два противника, равно серьезныхъ другъ для друга и равно смѣлыхъ.

Однако вино дѣйствовало: разговоръ сталъ налаживаться, а Мачихинъ своими анекдотами заставилъ смѣяться даже Болховского.

Кромѣ Манечки, никто не видѣлъ, какъ Рубцовъ вынулъ записную книжку, вырвалъ изъ нея чистый листъ бумаги и что-то написалъ на ней карандашемъ; затѣмъ онъ подошелъ къ Болховскому, тронулъ его за рукавъ и, когда тотъ обернулся, подалъ ему бумагу и отошелъ.

— «Мнѣ очень жаль, что я долженъ имѣть дѣло съ подлецомъ!—прочелъ Болховской, и кровь бросилась ему въ голову.—Но я надѣюсь, что онъ загладитъ это, назначивши мнѣ мѣсто и время».

— Что это вы, поручикъ, читаете?—спросилъ Болховского громко Мачихинъ, и всѣ обернулись къ поручику.

— Ничего... такъ себѣ!—отвѣтилъ тотъ и, подойдя къ Рубцову, произнесъ:—завтра вы получите отвѣтъ!..

Онъ сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ изъ комнаты.

— Что такое? почему Болховской ушелъ?—обратились присутствующіе къ Рубцову послѣ ухода поручика.

— Вздоръ!—сказалъ Рубцовъ.—Маленькое служебное дѣло... спѣшное очень...

Но всё́мъ было понятно, что «маленькое дѣло» имѣеть роковое значеніе.

Въ полночь Рубцовъ, сжимая руку Манечки, говорилъ ей:

— Поѣдѣте на тройкѣ... на воздухѣ... вдвоемъ... Всѣ гости уже подвыпили, они и не замѣтятъ нашего отсутствія... Моя тройка стоитъ у подъѣзда... Хотите? да?

Манечка отвѣтила улыбкой, накинула ротонду, и черезъ минуту бубенцы звенѣли въ морозномъ воздухѣ.

— Можетъ быть, послѣдній разъ!..—говорилъ онъ.—Или я, или никто... Пусть лучше никто...

Манечкѣ становилось жутко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весело...

III.

Въ шестомъ часу утра Рубцовъ пріѣхалъ домой и, не раздѣваясь, легъ спать.

Его отецъ слышалъ звонокъ, проснулся и уже больше не могъ заснуть. Онъ поднялся, велѣлъ подать себѣ кофе, на цыпочкахъ вошелъ въ комнату сына, перекрестилъ его и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Не прошло и часа, какъ въ передней снова раздался громкій звонокъ.

— Кто бы это могъ быть?—подумалъ старикъ и, войдя въ переднюю, увидалъ солдата, который назвалъ себя денщикомъ поручика Болховского и просилъ передать «молодому барину» записку.

Отецъ-Рубцовъ взялъ записку: она была не запечатана.

— Что это значитъ? кто такой Болховской? что-то я не знаю... товарищей такихъ у сына нѣтъ...

Онъ хотѣлъ было отнести записку въ комнату сына, но, движимый любопытствомъ и считая себя въ правѣ сдѣлать это, онъ развернулъ записку, прочиталъ ее и упалъ въ кресло.

«Для удовлетворенія по вашей запискѣ прошу васъ заѣхать ко мнѣ завтрашняго числа съ вашими товарищами въ два часа пополудни»,—таково было содержаніе записки отъ Болховского.

— Что это значитъ?!—подумалъ старикъ.—Онъ пишетъ: «удовлетвореніе... съ вашими товарищами»... Что это? дуэль что ли?.. дуэль? Мой сынъ будетъ драться на дуэли?! Ребенокъ?! Это—невозможно... Онъ одинъ у меня. Это убьетъ и меня, и его мать... Бѣдная старуха...

И отецъ зарыдалъ, какъ могутъ рыдать старые люди,—сухими рыданіями, безслезными, больными, рѣжущими и ухо, и сердце. Но вотъ рыданія затихли. Старикъ поднялъ голову.

— Не быть этому!—крикнулъ онъ.—Не быть!.. Я отецъ, и я не допущу... Мое дитя, и я долженъ, я смѣю... Я буду просить сына,

буду умолять его врага, стану предъ нимъ на колѣна... буду цѣловать землю, но до дуэли не допущу...

Онъ вошелъ въ комнату сына и тронулъ его за плечо.

— Что? отвѣтъ? принесли? — бормоталъ тотъ, быстро поднявшись съ постели и не придя еще въ себя.

— Да... принесли!—сказалъ старикъ.

— Ахъ, это ты, отецъ!..

— Я... я... Отвѣтъ принесли—дуэль рѣшена!—сказалъ Рубцовъ-старикъ.—Я прочелъ записку... и счастьемъ матери умоляю... помирись, прости или помирись...

— Что ты говоришь?!—смутился сынъ и выхватилъ изъ рукъ отца записку.

— Я требую этого!—крикнулъ старикъ.—Я имѣю право требовать... Ты мальчишка... ты сынъ мой... Я не могу отдавать тебя на убійство... Вспомни о матери...

— Перестань, отецъ, можетъ быть, я живъ останусь...

— Не смѣй мнѣ этого говорить!—крикнулъ старикъ.—Поѣзжай сейчасъ къ врагу своему и помирись. Слышишь? Ты долженъ сдѣлать это... Я тебя не спрашиваю, за что и почему ты вызвалъ на поединокъ... Даже если тебя оскорбили, назвали воромъ, негодяемъ, хотя бы въ обществѣ, — иди и прости ему... Можно уйти изъ общества, снять мундиръ, забыть обиду, но насъ... насъ съ матерью ты долженъ пожалѣть...

Сынъ молчалъ, не поднимая глазъ на отца.

— А-а... молчишь!.. не хочешь!.. Ну, такъ знай!.. Я сейчасъ ѣду къ губернатору, донесу правительству, и тебѣ не позволятъ драться... Это—преступленіе...

— Остановись, батюшка!—прошенталъ сынъ.—Услышитъ мать, и она обезпокоится... А ты успокойся: до завтра еще далеко, и можетъ быть, все уладится...

Старикъ помолчалъ и посмотрѣлъ прямо въ глаза сыну, какъ бы ища тамъ подтвержденія того, что «впрямь, можетъ быть, все уладится». Сынъ выдержалъ взглядъ.

— Смотри, Костя!—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Я не теряю надежды, что ты можешь уладить дѣло... Я вѣрю тебѣ... Но если сегодня вечеромъ я не узнаю положительно, что поединка не будетъ, то я приму свои мѣры... Ты — мальчишка, горячка, сумасбродъ... Изъ-за чего-то вздумалъ людей оскорблять или что иное тамъ... Такъ честные сыновья не поступаютъ...

Отецъ вышелъ изъ комнаты, и тотчасъ же молодой Рубцовъ незамѣтно исчезъ изъ дома, а черезъ полчаса звонился уже у подъѣзда квартиры поручика Болховского.

Тотъ былъ нѣсколько удивленъ появленіемъ противника, тѣмъ не менѣе держался крайне деликатно и предупредительно, не показывая Рубцову ни своей злобы, ни даже неприязни.

— Я очень радъ,—сказалъ Рубцовъ, входя въ комнату,—вашему согласію окончить наше дѣло поединкомъ... Но такъ какъ у меня есть серьезныя основанія спѣшить окончаніемъ дѣла, то я и прошу васъ, не откладывая, приступить тотчасъ же... Мнѣ время очень дорого... Прошу васъ...

— Сейчасъ?!—изумился Болховской.—Къ сожалѣнію, я не могу удовлетворить вашего желанія...

— Почему же? что можетъ мѣшать намъ?

— Очень много! Во-первыхъ, отсутствіе у васъ и у меня посредника...

— За этимъ дѣло не станетъ... Можетъ быть, господа офицеры согласятся!—сказалъ Рубцовъ, показывая рукой на сосѣднюю комнату, откуда раздавались голоса.—Какъ могу судить по голосу, у васъ находятся Голицынъ и Игнатьевъ?...

— Да... они... Но я, право, не знаю... Это такъ странно!—возразилъ Болховской.

— Позвольте мнѣ переговорить съ ними!—произнесъ Рубцовъ и, получивъ согласіе отъ Болховского, вошелъ въ комнату и сталъ убѣждать сидѣвшихъ тамъ офицеровъ принять участіе въ дуэли.

Рубцовъ говорилъ очень долго: онъ указывалъ, что могутъ разнестись слухи, дойти до «правительства», и исполненію дуэли такъ или иначе помѣшаютъ.

Однако, офицеры не согласились, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, подобный способъ дѣйствія противорѣчилъ бы законамъ и обычаямъ поединка.

Рубцовъ уѣхалъ, уступая желанію своего противника драться завтра 28-го января, но домой возвращаться не пожелалъ и отправился къ Климовской.

IV.

— Ну, что? уладилъ?

Таковыми словами встрѣтилъ Рубцовъ-старикъ сына, когда тотъ въ 11 часовъ утра позвонилъ у своей квартиры и вошелъ въ переднюю. По лицу сына онъ догадался, что уладить ему ничего не пришлось. Онъ молча ушелъ въ свой кабинетъ и заперъ двери на ключъ. Просидѣвъ тамъ около часа, онъ направился въ комнату сына, но Фомушка сказалъ ему, что пріѣхали два офицера и взяли корнета съ собою.

— Увезли?! отняли?! Боже мой!...

Онъ наскоро одѣлся, сѣлъ въ сани, отправился въ N—скій полкъ и, узнавъ адресъ поручика Болховского, помчался къ нему на квартиру.

— Я—Рубцовъ,—проговорилъ онъ придавленнымъ голосомъ, садясь по приглашенію Болховского на кресло:—я—отецъ вашего противника...

- Чѣмъ могу служить?
- Я рѣшилъ обратиться къ вамъ, какъ претенденту... Вы, конечно, понимаете меня?
- Что прикажете?
- Я пріѣхалъ просить васъ за сына... Отмѣните ваше рѣшеніе!..—и у старика показались слезы.
- Что вы говорите?—изумился Болховской.—Сынъ вашъ самъ вызвалъ меня на это... Я ему не давалъ повода...
- Такъ, такъ... Я догадываюсь, что онъ оскорбилъ васъ... Я знаю сына... Но вы должны извинить... онъ мальчишка... ему 20-ти лѣтъ еще не минуло... Горячка... сумасбродъ...
- Извините, но я васъ не понимаю!—сказалъ Болховской.—Надѣюсь, не сынъ вашъ проситъ объ извиненіи? Это вы сами?
- Да... да... я самъ... я прошу, какъ отецъ... Оставьте мнѣ сына, не лишайте его жизни... вѣдь онъ одинъ у меня...
- Старикъ заплакалъ, беспомощно опустивъ голову.
- Но что же я могу сдѣлать?—отозвался Болховской.—Иначе я поступить не могу...
- Можете, можете... Простите его... Пройдетъ время—и онъ самъ опомнится... Говорите, что нужно сдѣлать, чтобы этотъ поединокъ миновалъ моего сына? Вѣдь, онъ скоро придетъ сюда... Я ему прикажу...
- Я, право, не знаю!..—задумался Болховской.—Развѣ вотъ что...
- Ну, ну, говорите!
- Пусть онъ публично принесетъ мнѣ извиненіе, что оскорбилъ меня... нечаянно, по ошибкѣ... Я, пожалуй, тогда готовъ простить вашему сыну... Но вы, какъ отецъ, скажите ему, чтобы потомъ намъ не приходилось встрѣчаться гдѣ либо въ одномъ и томъ же мѣстѣ... Это необходимо...
- Хорошо, хорошо!—сказалъ Рубцовъ-отецъ. — Вы позволите мнѣ подождать у васъ на квартирѣ сына?
- Пожалуйста...
- Онъ пріѣдетъ, и я заставлю его извиниться!
- Превосходно!
- Въ комнату вошли два офицера.
- Вы позволите мнѣ переодѣться? — спросилъ Болховской у Рубцова.—Я въ парадѣ: только что вернулся изъ двorca.
- И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.
- Оставшись въ обществѣ съ незнакомыми людьми, Рубцовъ чувствовалъ себя очень скверно: онъ нетерпѣливо ждалъ сына, который долженъ былъ пріѣхать не больше, какъ черезъ часъ. Отецъ полагалъ, что онъ сумѣетъ заставить юношу извиниться и принять условіе, предложенное Болховскимъ; иначе быть не могло, иначе ему грозилъ поединокъ, можетъ быть, даже сама смерть.

Отецъ глоталъ слезы при воспоминаніяхъ, которыя навязчиво лѣзли въ его голову: рожденіе сына, его ученіе, поступленіе на службу—все это живо вставало передъ старикомъ, полное надеждъ на свѣтлое будущее, на большое счастье. И теперь вдругъ все готово рухнуть, исчезнуть... Одно слово, звукъ, похожій на извиненіе, и сынъ будетъ спасенъ.

— Почему такъ долго не выходитъ Болховской? — подумалъ Рубцовъ. — Можетъ быть, онъ ужъ уѣхалъ?—и у него защемило сердце и закружилась голова.—Что хозяинъ такъ долго переодѣвается?—сказалъ онъ вслухъ.

— Онъ сейчасъ выйдетъ!—отвѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

Старикъ недовѣрчиво поглядѣлъ на него и не произнесъ ни слова.

Въ передней послышались голоса... Рубцовъ насторожился, но голоса стихли, и въ квартирѣ Болховского опять наступило молчаніе.

Прошло четверть часа. Нетерпѣніе отца достигло высшихъ предѣловъ. Молчаніе продолжалось слишкомъ долго...

— Боже мой! — заговорилъ онъ. — Что же это поручикъ такъ долго переодѣвается? Не уѣхалъ ли онъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣтилъ офицеръ, ушелъ въ дальнія комнаты и, вернувшись черезъ минуту, произнесъ:—поручикъ Болховской сейчасъ выйдетъ...

У отца отлегло отъ сердца, но не надолго... Ему представилось, что его обманываютъ, что Болховской давно уже поѣхалъ драться съ сыномъ, что теперь все кончено, все погибло...

— Я долженъ видѣть Болховского!—возвысивъ голосъ, проговорилъ Рубцовъ.

Сидѣвшіе въ той же комнатѣ офицеры переглянулись.

— Слышите? слышите?... Я хочу видѣть Болховскаго!..—съ изступленнымъ видомъ выкрикнулъ старикъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Но его удержали, сказали ему: «успокойтесь!» подали воды.

— Не мучьте, господа... скажите, уѣхалъ Болховской?—проговорилъ старикъ, оглядывая присутствующихъ.

И вдругъ чей-то голосъ—металлическій, звенящій, сухой—произнесъ:

— Болховского дома нѣтъ... Онъ уже уѣхалъ... Онъ на поединкѣ... Скоро вернется...

— Да? на поединкѣ?!—прошепталъ отецъ и бросился на колѣна предъ образомъ: — Царица Небесная, охрани его, спаси отъ пули... Богоматерь, ты видишь—коварство сильнѣе любви, сильнѣе слезъ... Господи, отврати руку... не допусти!.. Пошли Ангелохраниителя... Господи!

Старикъ поднялся съ блуждающимъ взоромъ и вышелъ изъ комнаты.

Безъ фуражки онъ остановился на тротуарѣ и долго глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ, по его предположеніямъ, должна была происходить дуэль. Потомъ, перекрестивъ пространство, онъ надѣлъ фуражку и тихо пошелъ домой...

Неподалеку отъ дома его обогнали двѣ кареты и остановились у воротъ, гдѣ жилъ Рубцовъ.

Старикъ при видѣ этого остановился.

— Что? пріѣхали?

И онъ бѣгомъ пустился впередъ... Онъ издали видитъ, что толпа уже обступила экипажи, она быстро растетъ... Слышны какіе-то крики... Старикъ подбѣгаетъ, раздвигаетъ толпу, бросается къ каретѣ и открываетъ дверцу: въ углу онъ видитъ сына—блѣдное, безжизненное лицо показываетъ закинутые кверху помутнѣвшіе глаза, открытый ротъ, взбитые волосы...

— Костя!.. убили?! да?! убили?!.. Господи!..

Старикъ вскрикнулъ и упалъ замертво на мостовую.

Въ толпѣ раздалось всхлипываніе...

V.

Поручикъ Болховской былъ арестованъ и отданъ подъ судъ по высочайшему повелѣнію, которое предписывало, между прочимъ, «обратить вниманіе и на прикосновенныхъ къ дуэли секундантовъ».

Не останавливаясь на подробностяхъ, мы приведемъ наиболѣе интересныя показанія прикосновенныхъ къ поединку лицъ. Самъ виновникъ, Болховской, на допросѣ показалъ, что «причиною поединка надо считать ревность, отъ которой, можетъ быть, Рубцовъ считалъ Болховского препятствіемъ въ желаніяхъ своихъ. Однако жъ, принявъ вызовъ, Болховской согласенъ былъ довольствоваться извиненіемъ Рубцова и о томъ подтвердилъ секунданту. Впрочемъ ни въ квартирѣ Климовскаго, ни прежде того Болховской не подалъ корнету Рубцову никакой причины къ неудовольствію, и 22-го января Рубцовъ былъ у него вмѣстѣ съ другими офицерами, обѣдалъ и провелъ весь вечеръ въ пріятельской бесѣдѣ».

Наиболѣе интереснымъ является показаніе поручика Игнатъева. По его словамъ, онъ «просилъ убѣдительнѣйше Рубцова объяснить причину, побудившую его въ запискѣ къ Болховскому употребить выраженіе, столь неприличное, на что Рубцовъ отвѣчалъ: «если я оскорбилъ Болховского, то готовъ удовлетворить его надлежащимъ образомъ, не давая никому отчета». Придя къ Болховскому 28 января, Игнатъевъ засталъ тамъ отца корнета Рубцова, который между разговоромъ утверждалъ, что сына своего онъ признаетъ совершенно виновнымъ и надѣется заставить его признаться въ проступкѣ своемъ. Потомъ, услыша о пріѣздѣ корнета Рубцова,

они всё вышли въ другую комнату для надлежащихъ объясненій, но, почему отецъ его за ними не послѣдовалъ,—неизвѣстно. А когда Болховской извѣстилъ корнета Рубцова, что отецъ его находится въ ближайшей комнатѣ, а онъ, Игнатьевъ, объявилъ слова отца, что мать, извѣстясь въ болѣзни своей о назначенномъ поединкѣ, находится при концѣ жизни, и что онъ желаетъ его здѣсь видѣть, то корнетъ Рубцовъ отвѣчалъ, что ему не время о томъ думать, а должно драться, и просить употребить всё средства къ избавленію его отъ сего свиданія».

Князь Голицынъ добавилъ къ этому показанію, что, «видя всё усилія склонить Рубцова тщетными, они рѣшились ѣхать, но чтобы не упустить ни малѣйшаго случая къ примиренію, онъ, Голицынъ, пригласилъ съ собою корнета Сабурова въ посредники; однако жъ ни дорогой, ни даже на мѣстѣ поединка, гдѣ еще разъ просили Рубцова извиниться передъ поручикомъ Болховскимъ, въ томъ не успѣли. Для поданія первой помощи раненому предварительно призванъ былъ баталіонный фельдшеръ, котораго Голицынъ взялъ съ собою, и который оставался при экипажахъ. Сей фельдшеръ, осмотрѣвъ рану Рубцова (пуля попала въ правый бокъ между реберъ и, пройдя сквозь внутренность, остановилась въ лѣвомъ боку за кожей), объявилъ, что она — смертельна, послѣ чего въ скорости Рубцовъ умеръ, и тѣло его Голицынъ велѣлъ отвезти на свою квартиру, дабы между тѣмъ предупредить семейство убитаго и извѣстить свое начальство, а по исполненіи сего Голицынъ съ поручикомъ Игнатьевымъ отвезли тѣло Рубцова на квартиру его отца, которому и отдали оное».

При этомъ въ руки отца было передано письмо отъ убитаго на имя полковника Монтрезора, въ которомъ было написано:

«Покорнѣйше прошу почтенныхъ моихъ товарищей не изслѣдовать причины моей смерти: непріятныя и несчастныя для меня обстоятельства принудили меня лишиться себя жизни».

Однако, какъ мы видѣли уже, симуляція самоубійства не удалась, и дѣло приняло уголовный характеръ.

Во время производства слѣдствія отецъ убитаго, коллежскій совѣтникъ Рубцовъ, подалъ военному генералъ-губернатору записку, которая касается многихъ важныхъ подробностей поединка.

«Сынъ мой, — писалъ Рубцовъ, — незадолго до сего времени сдѣлался знакомымъ въ домѣ придворнаго актера Климовскаго. Жена Климовскаго умѣла ему, какъ неопытному 20-ти-лѣтнему молодому человѣку, понравиться, будучи въ то же время въ невольной связи съ поручикомъ Болховскимъ. Естественно, тутъ встрѣтились два противника: Болховской, считая себя будто въ правѣ удалить моего сына отъ жены Климовскаго, ибо, по собственнымъ его словамъ, онъ уже болѣе трехъ лѣтъ такимъ образомъ съ Климовскою знакомъ и даже будто имѣлъ отъ нея дѣтей,—

требовалъ, чтобы Рубцовъ отъ дому сего отказался; но какъ Климовская обоихъ ихъ равно принимала, то Рубцовъ, сынъ мой, и не хотѣлъ на сіе согласиться. Вотъ источникъ, изъ коего проистекла плачевная покойному сыну кончина».

Впослѣдствіи старикъ Рубцовъ подалъ на слѣдствіи другое дополнительное заявленіе, гдѣ онъ указывалъ:

«За нѣсколько дней или наканунѣ того, въ который сынъ мой написалъ ругательную Болховскому записку, сей послѣдній встрѣтилъ жену актера Климовскаго, идущую къ себѣ въ домъ по лѣстницѣ въ сопровожденіи служившаго у сына моего вольнонаемнаго человѣка, и, узнавъ, что человѣкъ сей принадлежитъ сыну, вдругъ съ бѣшенствомъ напалъ на него и, ухватя жестокимъ образомъ за горло, яростно угрожалъ его заколоть или зарѣзать... Теперь предоставляю всякому судить, могъ ли сынъ мой, узнавъ о такой дерзкой наглости, перенести оную равнодушно, ибо въ лицѣ слуги нанесено собственно сыну моему столь жестокое оскорбленіе, и вотъ самая естественная и справедливая причина, что сынъ мой, вышедъ изъ терпѣнія, рѣшился изъяснить на письмѣ свое Болховскому презрѣніе».

Крайне характерна жалоба Рубцова на «коварныя дѣйствія» Болховскаго: «согласаясь на мои убѣжденія, — писалъ старикъ, — отмѣнить поединокъ, хотя и на жестокомъ впрочемъ условіи, чтобы мнѣ, какъ отцу, быть свидѣтелемъ униженія предъ нимъ сына, Болховской далъ мнѣ при этомъ честное слово, чтобы по приѣздѣ сына моего къ нему, не говоря о моемъ тутъ присутствіи, прямо ввести къ нему. Но вмѣсто того, подъ предлогомъ, чтобы переодѣться, удалясь отъ меня, лишь только сынъ къ нему приѣхалъ, то вдругъ встрѣтилъ его сими колкими словами:

«— Какъ вамъ не стыдно, что вы медленностію вашею довели до того, что отецъ вашъ о поединкѣ узналъ и уже здѣсь находится!»

«О семь упрекѣ я слышалъ отъ поручика Болтина.

«Словомъ, убійца Болховской, алкая смерти сына моего, гнуснымъ вѣроломствомъ своимъ лишилъ меня всѣхъ принадлежащихъ мнѣ, какъ отцу, средствъ спасти жизнь сына и тѣмъ самымъ отвратить постигшую меня съ семействомъ вѣчную горестъ».

Всѣ эти указанія старика Рубцова были отвергнуты Болховскимъ, вслѣдствіе чего военносудная комиссія предложила Рубцову очную ставку съ обвиняемымъ.

— На очную ставку я не пойду! — заявилъ онъ судьямъ. — Мои болѣзненные чувства толь жестоко уязвленнаго родительскаго сердца не позволяютъ мнѣ исполнить вашего требованія... Этотъ Болховской — для меня сугубый убійца: онъ прекратилъ вѣроломнымъ образомъ дни сына моего; равномѣрно, ежели не лишилъ жизни меня и семейства моего, то, тѣмъ не менѣе, отравилъ жизнь му-

чительнымъ ядомъ вѣчной скорби!.. Нѣтъ, господа судьи! На очную ставку я не пойду, и принудить меня къ этому вы не можете: поройтесь въ законахъ, и вы увидите, что даже сами мертвые законы снисходятъ къ такому положенію родительскихъ чувствъ и облегчаютъ отъ жестокой обязанности быть отцу на очной ставкѣ съ убійцею его семейства!»...

Военный судъ исчерпалъ всѣ средства къ обнаруженію истины и постановилъ слѣдующую сентенцію:

«Коллежскій совѣтникъ Рубцовъ противъ показаній своихъ насчетъ неопозволительной связи Болховского съ Климовскою, отъ чего будто произошла и кончина его сыну, и требованій Болховского, чтобъ сынъ его отказался отъ дома Климовскаго, никакого особеннаго доказательства, кромѣ своихъ показаній, представить не могъ».

Относительно пріѣзда корнета Рубцова на квартиру Болховского въ день поединка комиссія заключила: «офицеры на шумъ, произведенный пріѣздомъ корнета Рубцова, вышли изъ комнаты, оставивъ въ ней одного отца, и почему онъ за ними не послѣдовалъ,—неизвѣстно».

Въ виду этихъ и всѣхъ другихъ обстоятельствъ дѣла комиссія высказалась въ томъ смыслѣ, что «вызовъ былъ сдѣланъ самимъ корнетомъ Рубцовымъ оскорбительною запискою, что онъ же, Рубцовъ, не внимая убѣжденіямъ, не согласился извиниться предъ Болховскимъ и даже видѣться съ отцомъ, что отецъ-Рубцовъ, зная о поединкѣ за три дня, не принималъ никакихъ средствъ для прекращенія онаго до самой рѣшительной минуты», и что, наконецъ, Болховской за поединокъ подлежитъ повѣшенію. Кромѣ того, комиссія указывала также, что виновный «къ повѣшенію аттестовался достойнымъ, по службѣ и въ хозяйствѣ хорошъ, игрѣ и пьянству не преданъ, способности ума имѣетъ хорошія».

Едва лишь судъ заключилъ сентенцію, какъ обиженный отецъ, сгорая чувствомъ мести, потребовалъ привлечь къ отвѣтственности актеровъ Климовскаго и Мачихина.

— Они знали про записку и про дуэль!—заявилъ онъ.—Но они не донесли, и такое упущеніе содѣлалось главнѣйшимъ источникомъ того ужаснаго злодѣянія, отъ котораго сынъ мой лишенъ коварнымъ образомъ жизни!..

Снова судъ открылъ свое присутствіе.

— Какія же вы можете представить доказательства вашему требованію?!—спросили его.

— Очень большія... Я отвѣчу на вашъ вопросъ дома... Здѣсь я не могу...

— По закону,—именно по указу о формѣ суда,—вы должны это сдѣлать здѣсь...

— Но я не могу здѣсь...

— Но законъ-то этого требуетъ... Если вы не знаете законовъ, то посмотрите...

— Законъ... законъ...—проворчалъ Рубцовъ.—Что вы закономъ мнѣ тычете... У меня свои законы... Ишь тоже—законники... Направо, налѣво маршъ! вотъ ваше дѣло... Тоже законники...

Рубцовъ сердито повернулся и ушелъ изъ присутствія.

«Сей Рубцова поступокъ комиссія военного суда, признавая дерзостью», представляла на «уваженіе вышняго начальства».

Генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, подтвердившій приговоръ военного суда, счелъ возможнымъ ограничиться для Болховского лишеніемъ чиновъ, и дворянства и написаніемъ въ рядовые, такъ какъ, по его мнѣнію, главнымъ виновникомъ поединка былъ убитый Рубцовъ.

Аудиторіатскій департаментъ, какъ кажется, отнесся болѣе сочувственно къ горю старика-отца.

«Причина поединка, — писалъ онъ, — сколько ни затмевается показаніями подсудимаго, секундантавъ и собственноручною Рубцова оставленною запискою, за всѣмъ тѣмъ поединокъ дѣйствительно произошелъ отъ ихъ соперничества за жену актера Климовскаго, изъ которыхъ корнетъ Рубцовъ, по молодости лѣтъ своихъ, ошибочно понимая о правахъ чести, и по основанію того отнеся поступокъ Болховскаго, со слугою его учиненный, къ личной себѣ обидѣ, первый вызвалъ Болховскаго на поединокъ запискою, лично ему отданною съ названіемъ его подлецомъ; а сей, согласясь на вызовъ, произвелъ то, что Рубцовъ на мѣстѣ поединка былъ тогда же убитъ.

«Бывшіе же при томъ секунданта... не только не старались о примиреніи ссорящихся и предварительно не увѣдомили, кого слѣдовало, но еще дѣйствіями своими къ тому способствовали, ибо отецъ Рубцова, влекомъ будучи состраданіемъ о сынѣ и дабы прекратить вызовъ и соглашеніе ссорящихся, нарочно придя въ квартиру Болховскаго, просилъ его о примиреніи съ его сыномъ и, отгнѣня поединокъ, принялъ бы вмѣсто онаго другое, какое ему достаточно покажется удовлетвореніе, на что Болховской, согласясь, обѣщался по пріѣздѣ къ нему корнета Рубцова объявить о присутствіи отца его, и чтобы онъ при немъ и свидѣтеляхъ просилъ у него прощенія. Но въ нарушеніи сего обѣщанія, по пріѣздѣ корнета Рубцова, секунданта ихъ, корнетъ Сабуровъ и бывшіе въ той же квартирѣ поручики Игнатьевъ и Болтинъ, сдѣлали такъ, что корнетъ Рубцовъ не видалъ уже своего отца; Болховской же, подъ видомъ переодѣванія отлучась отъ отца Рубцова въ другую комнату, вышелъ вмѣстѣ съ корнетомъ Рубцовымъ, секундантами и корнетомъ Сабуровымъ другимъ ходомъ изъ своей квартиры, и потомъ уѣхали на Охту, гдѣ произвели поединокъ, кончившійся убійствомъ Рубцова, оставя между тѣмъ при отцѣ

Рубцова Игнатѣва и Болтина, почему и полагаетъ: подсудимаго поручика Болховского, какъ убійцу, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, сослать въ каторжную работу».

«Относительно просьбы коллежскаго совѣтника Рубцова и того что онъ сказалъ членамъ комиссіи, что они не большіе законники' то это обстоятельство къ существенной перемѣнѣ дѣла не относится, и отзывъ сей произошелъ у Рубцова отъ разстройства въ чувствахъ, происшедшаго отъ потери сына»...

Со времени поединка до окончанія суда Болховской сидѣлъ подъ арестомъ «на Сѣнной». Конфирмовавшее приговоръ начальство обращало на это особенное вниманіе, равно какъ и на то, что «преступникъ дѣйствовалъ въ семь случаевъ внѣ участія воли и разсудка».

Докладъ по дѣлу былъ представленъ на утверженіе императору Александру I 15-го декабря 1821 года, на каковой и послѣдовала резолюція, идущая совершенно въ разрѣзъ со всѣми высказанными мнѣніями строевыхъ начальниковъ и юристовъ.

Резолюція гласила:

«Болховского, зачтя ему болѣе шестимѣсячное содержаніе подъ арестомъ и судомъ, посадить въ крѣпость еще на мѣсяць».

V.

Несправедливое донесеніе.

I.

Было около 11-ти часовъ утра.

Генераль-майоръ Заболоцкій, высокій, статный старикъ, подходя къ садику, окружавшему домъ, еще издали услышалъ ласковый голосъ своей генеральши. Онъ остановился, поморщился и рѣшительно повернулъ назадъ къ рѣкѣ, но въ это время былъ замѣченъ супругою, которая громко скомандовала:

— Генераль, сюда!.. Ваше присутствіе необходимо...

Заболоцкій замедлилъ шаги, но команды не исполнилъ.

— Генераль!— снова вскрикнула супруга.— Что же это такое?!... Вы не слышите?!...

Старикъ дернулъ себя за усы, крякнулъ и неохотно двинулся на зовъ генеральши. Та стояла на террасѣ въ ночной кофть. По выраженію ея лица было видно, что она крайне дурно настроена, что черезъ часъ у нея будетъ мигрень, который, по обыкновенію, долженъ закончиться потрясающей душу сценой. Генераль приготовился ко всему и съ равнодушнымъ видомъ поднялся на ступеньки.

— Вы, кромѣ вашего купанья, ничего знать не хотите!— встрѣтила его супруга.— Развѣ можно такъ командовать полкомъ, да еще кавалерійскимъ! Генераль долженъ быть всегда на чеку, все знать... Вы положительно невыносимы... И скоро ли васъ отрѣшатъ отъ командованія? Какъ это никто не догадается доносить написать на васъ?.. Не мѣшало бы... Приѣхалъ бы изъ Петербурга какойнибудь адъютантъ, посмотрѣлъ бы, что такое генераль Заболоцкій, и отрапортовалъ бы... Прекрасный шефъ... нечего сказать... отмѣнный генераль!..

Заболоцкій сохранялъ молчаніе — испытанный имъ приѣмъ при сношеніяхъ съ командиршей, который дѣйствовалъ удивительно вѣрно, и скоро уже генеральша смѣнила свое недовольное ворчаніе дѣловымъ тономъ.

— Скажите, генераль, какъ это вы рѣшились отпустить Эммануэля?—спросила она.

— Отчего же не отпустить?—попытался возразить Заболоцкій.— Вѣдь, онъ просился только до завтра... до вечера...

— До завтра! Но, вѣдь, нельзя же такъ распускать подчиненныхъ!— сверкнула командирша глазами.— Наконецъ, вы могли подождать, пока я встану... А то вы сами лично, я даже не знала. И эти твои офицеры всегда приходятъ къ тебѣ съ просьбами по утрам... когда я еще сплю... Сегодня же скажу Адаму Адамовичу, чтобы онъ въ приказѣ отдалъ объ этомъ—«обращаться къ генералу лишь послѣ 12 часовъ дня». Ужъ твой адъютантъ гораздо болѣе къ мѣсту командовать полкомъ, чѣмъ ты...

Заболоцкій полагая, что утренняя нотация пришла къ концу, поднялся со стула и хотѣлъ было пройти къ себѣ въ кабинетъ. Но генеральша остановила его.

— Не все еще?—удивился шефъ.—Гм... еще что?

— Вотъ что,—еще серьезнѣе начала генеральша.—Какъ же ты полагаешь насчетъ Лодэ? Я нарочно говорю съ тобою сейчасъ, пока еще Люси спитъ... Она, бѣдняжка, не спала всю ночь... Худѣетъ, плачетъ... Я считаю, что, такъ или иначе, но твой этотъ лифляндецъ Лодэ... долженъ же наконецъ объясниться... Надо принять мѣры...

— Я-то при чемъ тутъ? Что я могу сдѣлать?— умоляюще и понизивъ голосъ, произнесъ Заболоцкій.— Вотъ, коли подъ арестъ посадить, выговоръ отдать,—это я могу, имѣю право. Но заставить подчиненнаго офицера сдѣлать предложеніе моей дочери... Это, братъ, того... въ кавалерійскомъ уставѣ не сказано... Да еще я не знаю, откуда ты взяла, что Лодэ сдѣлаетъ или даже можетъ сдѣлать предложеніе Люси?—усмѣхнулся Заболоцкій.

— Можетъ сдѣлать предложеніе! — передразнила его генеральша.— Не только можетъ, но онъ долженъ... Такъ порядочные люди не поступаютъ... Что же это такое? Онъ часто бываетъ у

насъ, говорить съ Люси, ходить съ нею къ рѣкѣ, читаетъ ей... Наконецъ, и Люси стала говорить, что онъ къ ней равнодушенъ...

— Ну, это все еще ничего не значитъ!—буркнулъ генераль.— Часто бываетъ потому, что часто зовутъ; ходитъ къ рѣкѣ, потому что ведутъ; читаетъ, потому что заставляють, а что касается равнодушія...

— Замолчите, генераль!—вскрикнула его супруга, вскакивая съ кресла.—Такъ служить нельзя... Вы—не шефъ, вы—тряпка... Не умѣете заставить подчиненныхъ повиноваться... Да, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, я показала бы...

Но въ это время вошла Люси, сухопарая блондинка, некрасивая, съ длиннымъ и острымъ подбородкомъ, и сѣла на противоположномъ концѣ террасы.

— Матап!—проговорила она голосомъ, въ которомъ слышалась затаенная досада.—Вамъ Маша не говорила, что сегодня у полковника Булгарчича званый обѣдъ?

— Нѣтъ, Люси, ничего не слыхала!—вспокоилась генеральша.—Ты знаешь объ этомъ?—обратилась она къ мужу.

— Откуда же мнѣ это знать?—пожалъ плечами генераль.— Обѣдъ—такъ обѣдъ! Въ этой конурѣ съ тоски умрешь...

— Про какую конуру ты говоришь?

— Да, вѣдь, эскадронъ Булгарчича стоитъ въ деревушкѣ... кругомъ никого... Тоска... Ну, и пусть обѣдаетъ!..

— Конечно, пусть! Но, вѣдь, ты объ этомъ не зналъ!—язвительно замѣтила генеральша.—Шефъ—и не знаетъ, что отъ него въ пяти верстахъ дѣлается... Ужасно...

— Очень парадный обѣдъ...—продолжала Люси.—Этотъ Требинскій, помѣщикъ... приглашенъ...

— Фи... Требинскій... Жена живетъ въ Петербургѣ, а онъ здѣсь со свояченицею!..—вставила генеральша.—Ужасно...

— Маша говоритъ, что Ивахненко будетъ! — замѣтила Люси послѣ нѣкотораго молчанія.

При этихъ словахъ генеральша пристально посмотрѣла въ глаза своей дочери, но ничего не прочла тамъ и спросила:

— Что жъ... съ женою и этой... какъ ее... съ дочерью?

— Разумѣется... А изъ нашихъ, изъ офицеровъ... Лодэ, Лишенъ, Эммануэль, вѣроятно... словомъ, вся компанія иностранцевъ—русскихъ офицеровъ... Русскіе помѣщики и офицеры... тоже русскіе... Ха-ха-ха!

Люси откинулась на спинку кресла и заложила руки за голову. Мать съ безпокойствомъ поглядѣла на нее, потомъ на мужа, но тотъ сидѣлъ неподвижно и совершенно безучастно относился ко всему происходившему. Потомъ онъ поднялся, позвалъ собаку и направился въ конюшню.

— Ужасный человѣкъ!..—прошипѣла генеральша.—Его совершенно не интересуютъ семейныя дѣла... И такое поразительное

равнодушіе... Возмутительно... Генераль, — крикнула она ему вслѣдъ, — прикажите позвать вашего адъютанта... Адамъ Адамовичъ мнѣ нуженъ... Чтобъ непременно сейчасъ пришелъ...

— Эй, драгунъ! Позови, братъ, адъютанта къ генеральшѣ! — сказалъ онъ ординарцу и исчезъ подъ навѣсомъ сараевъ.

Мать и дочь, оставшись на террасѣ, не могли понять, по какому поводу Булгарчичъ устраиваетъ обѣдъ и приглашаетъ гостей.

— Очень просто... Я понимаю! — вдругъ сказала генеральша. — Такъ вотъ зачѣмъ Эммануэль до завтрашняго вечера у генерала отпросился... Очень просто... Дурное общество: кутилы и эти помѣщики, которые рѣшаются привозить въ домъ къ офицерамъ своихъ женъ и дочерей даже... Всѣ они развращенные... до мозга костей... И какъ Лодэ рѣшился быть тамъ?. Просто неприлично...

Черезъ полчаса адъютантъ, Адамъ Адамовичъ, сидѣлъ рядомъ съ генеральшей и таинственнымъ шопотомъ посвящалъ ее въ нѣкоторыя изъ полковыхъ дѣлъ. Онъ сообщилъ, что экономіи въ текущемъ мѣсяцѣ будетъ меньше, что заболѣвшая лошадь пала, что дезертира поймали на австрійской границѣ, и что, наконецъ, Булгарчичъ неравнодушенъ къ дочери помѣщика Ивахненко и собирается жениться на ней.

— Ну, а что же Лодэ? — спросила генеральша. — Онъ при чемъ тутъ?..

Адамъ Адамовичъ задумался и нерѣшительно проговорилъ:

— Говорятъ... но этому нельзя вѣрить, что... Лодэ ухаживалъ за m-lle Ивахненко...

— Это извѣстно!.. — перебила его генеральша. — Но что же дальше?..

— А дальше еще неизвѣстно... Но Булгарчичъ, говорятъ, уже сдѣлалъ предложеніе... а Лодэ... неизвѣстно что...

Генеральша встала и дала понять Адаму Адамовичу, что докладъ оконченъ. Онъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ генеральшу можно было видѣть въ совершенно неподходящей для ея положенія обстановкѣ. Въ дальнемъ углу грязнаго двора она гладила своей пухлой рукой оборваннаго мальчишку.

— Ты пойдешь сейчасъ въ эту деревню... — говорила она ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ наставительно. — Узнаешь, гдѣ живетъ полковникъ Булгарчичъ... Бул-гар-чичъ... понимаешь! Такой высокій, съ длинными усами... внизъ такъ опущены усы... знаешь?..

— Знаю! — бойко отвѣтилъ мальчишка. — Брови густыя...

— Вотъ, вотъ... Это онъ... — обрадовалась генеральша.

— Они живутъ, знаю, гдѣ... — продолжалъ мальчишка. — Тамъ дядина теща супротивъ... домъ содержитъ... Я знаю...

— Ну, вотъ, умный мальчикъ, — обрадованно говорила генеральша: — придешь и смотри, кто пріѣдетъ къ полковнику, какіе

гости, а потомъ скажешь мнѣ... Только никому другому не говори... Пряниковъ дамъ... много дамъ... А теперь вотъ тебѣ впередъ!..— и она сунула мальчишкѣ въ руку мѣдную монету.

Тотъ поглядѣлъ на монету, лукаво подмигнулъ генеральши и сказалъ:

— Ладно!.. все сдѣлаю... а ввечеру приду... пряниковъ готовь!..— и онъ засверкалъ голыми пятками.

II.

Когда Ивашка прибѣжалъ въ село, званый обѣдъ у полковника Булгарчича приходилъ уже къ концу. Не заходя къ «дядиной тещѣ», чтобы не давать повода къ подозрѣнью, онъ примостился на завалинкѣ сосѣдняго дома, откуда до него доносились голоса изъ открытыхъ оконъ одноэтажнаго домика, занимаемаго Булгарчичемъ. Онъ слышалъ крики, пѣнне и звонъ посуды.

Затѣмъ гости сѣли въ экипажи, офицеръ съ густыми бровями чему-то смѣялся и показывалъ пальцемъ на длиннаго офицера съ баками, напоминающаго собою вѣху съ соломеннымъ жгутомъ на верхушкѣ. Красивая барыня тоже смѣялась, смѣялись и гости, и самому Ивашкѣ стало смѣшно, особенно когда «вѣха» что-то сталъ говорить, коверкая русскій языкъ. Барыня смѣялась пуще прежняго, а когда лошади тронулись, то Булгарчичъ звонко чмокнулъ ручку красивой барыни.

Затѣмъ офицеры вернулись въ домъ, голоса стали тише, и Ивашка ничего болѣе не слыхалъ.

Между тѣмъ въ квартирѣ Булгарчича оставшіеся гости снова сѣли за столъ и, почувствовавъ себя безъ дамъ свободнѣе, сняли мундиры и закурили.

Хозяинъ дома, полковникъ Булгарчичъ, сербъ по происхожденію, сидѣлъ съ разсѣяннымъ видомъ. Его красивые глаза смотрѣли куда-то въ пространство. Онъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ и только изрѣдка подносилъ стаканъ съ виномъ къ губамъ. На видъ ему было не болѣе 35 лѣтъ; характерная морщинка между нависшими бровями и широкій носъ придавали индивидуальность его некрасивому въ сущности лицу и дѣлали его привлекательнымъ.

Полковникъ Эмануэль, венгерецъ, совершенно еще молодой человекъ, сидѣлъ въ самой непринужденной позѣ и рассказывалъ прапорщику Лишенню происшедшій съ нимъ нѣкогда скандальный случай, когда онъ, выйдя изъ терпѣнія отъ назойливости корнета Милютинова, «засвѣтилъ ему въ ухо», за чтò и попалъ подъ судъ.

— И что же вышло?!— говорилъ Эмануэль.— Меня императоръ Павелъ велѣлъ выпустить изъ-подъ ареста, а Милютинова за то,

что «подалъ мнѣ случай въ горячности забыться»... такъ и написано въ приказѣ было... исключили изъ службы, и крышка ему: «впередъ никуда не принимать!»

Угрюмый, длинный и худой лифляндецъ, капитанъ Лодэ, стоялъ въ отдаленіи и пристально глядѣлъ на Булгарчича. Онъ чувствовалъ себя приниженнымъ, смѣшнымъ, неинтереснымъ. Дочь помѣщика Ивахненка отдавала Булгарчичу очевидное предпочтеніе; самъ Ивахненко смотрѣлъ на Булгарчича не такъ, какъ на всѣхъ остальныхъ: ему, какъ и его дочери, нравился этотъ простодушный сербъ, и онъ, разумѣется, будетъ радъ свадьбѣ дочери, которая сдѣлаетъ такимъ образомъ прекрасную партію.

Эти мысли раздражали и злили Лодэ. Онъ всегда чувствовалъ нерасположеніе къ этому славянину, а тутъ еще ущемленное сердце давало себя знать. Злоба накопилась и росла съ каждою минутою.

— Эй, капиташа!—крикнулъ ему Эммануэль.—Чего хмуришься? Иди и пей!.. Вино отличное... А ты что же, Болгарка, не пьешь!—обратился онъ къ Булгарчичу.— Или все объ Еленѣ Петровнѣ думаешь? Ну, думай, думай! А мы будемъ пить... Иди, Лодэ, ты вѣдь объ Еленѣ Петровнѣ не думаешь? А если думаешь, то брось... Ничего изъ этого хорошаго не выйдетъ... потому ты не по ней—она вашу націю терпѣть не можетъ. У васъ, говоритъ, все бѣлобрысые, а она такихъ, какъ ты, страсть не любить...

— Довольно!—почти крикнулъ Лодэ и покраснѣлъ.

— Что? что? кричишь?—удивился Эммануэль.—Ишь ты... здѣсь кричишь, а на разводѣ, какъ курица, кудахчешь... Ты, братъ, на оборотъ дѣлай... и иди пить!..

Булгарчичъ, не перемѣняя положенія, взглянулъ мелькомъ на Лодэ, усмѣхнулся и налилъ два стакана вина.

— Иди, Лодэ!—сказалъ онъ.—Не сердись... Токай—немножко похуже, чѣмъ поцѣлуй хорошенькой женщины... Выпьемъ съ тобой... А на меня не сердись... Женское сердце—загадка...

— Это ты врешь!—перебилъ его Эммануэль.—Что касается сердца Елены Петровны, то это — уже разгаданная загадка... И объ этомъ мы говорить не станемъ... А вотъ я знаю одно необыкновенное женское сердце, котораго отгадать ни одинъ чортъ, кромѣ меня, не можетъ. Это—сердце почтенной Люси... командирской дочери... Скажите, пожалуйста, господа, кому оно принадлежитъ... теперь... въ настоящее время?.. Не знаете?.. А Лодэ знаетъ, и я отгадываю... Кому оно принадлежало? Каждому изъ вновь прибывающихъ въ нашъ славный полкъ офицеровъ... Не правда ли?.. А теперь она влюблена въ Лодэ, и онъ таетъ, таетъ; мы не таяли, а онъ таетъ...

Присутствующіе улыбнулись и посмотрѣли на Лодэ. Тотъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно.

— Ну, что жъ? ничего... прекрасная будетъ парочка!—продолжалъ Эммануэль. — Только вотъ дѣти у нихъ пойдутъ некрасивыя... Да на это наплевать... Зато подбородочекъ Люси — одинъ восторгъ... Какъ у вѣдмъ на картинкахъ рисуютъ... Точь-въ-точь...

Булгарчичъ громко расхохотался.

Въ эту минуту Лодэ съ перекошеннымъ лицомъ подошелъ къ Булгарчичу. Подбородокъ у него дрожалъ, глаза были красны.

— Чего смѣяться?.. — взволнованно пришипѣлъ онъ. — Только одни... негодяи смѣются!

— Что-о?!..—поднялся Булгарчичъ.—Негодяи?!.. Это—серьезно?

— Да... да... серьезно... негодяи... ты... негодяи...

И вдругъ звонкая пощечина заставила Лодэ отлетѣть въ уголь, удариться затылкомъ объ стѣну и повалить раскрытый карточный столъ.

— Такъ платятъ за оскорбленіе хозяевъ въ славянскихъ земляхъ!—глубокомысленно и наставительно проговорилъ Эммануэль, обращаясь къ Лодэ.—И я также корнету Милютинову засвѣтилъ...

— Удовольствіе... сатисфакція... сейчасъ удовольствіе! — испуганно кричалъ Лодэ.

— Конечно, удовольствіе!—замѣтилъ Эммануэль.—Кому—удовлетвореніе, а тебѣ—удовольствіе...

— Сатисфакція! Лишеннь—секундантъ!..—прокричалъ Лодэ и быстро выбѣжалъ изъ комнаты.

Лишеннь всталъ, поклонился и пошелъ вслѣдъ за Лодэ.

— Оселъ! — проворчалъ Булгарчичъ. — И все отъ злобы своей... Другой разъ и на худшія вещи не обижался, а теперь по злобѣ... Елена ему понравилась... Что жъ, Эммануэль, секундируешь?

— О, да!—сказалъ тотъ, подражая голосу Лодэ.—Это будетъ у меня уже тринадцатая дуэль... Ловко... только дюжина-то скверная... Какъ бы не того... сорвется...

— Ничего... успокойся!.. Ступай, поговори съ Лишеннемъ... когда тотъ хочетъ и какъ...

— Самъ придетъ... Я вина хочу!..

Не прошло и десяти минутъ, какъ Лишеннь вошелъ въ комнату, поклонился и сказалъ:

— Полковникъ Булгарчичъ, гдѣ вашъ секундантъ?

— Я здѣсь... здѣсь...—замоталъ кудрявою головою Эммануэль.

— Переговорите, господа! Я уйду... — сказалъ Булгарчичъ и вышелъ изъ комнаты.

Секунданты остались одни. Лишеннь изложилъ отъ имени Лодэ условія, которыя заставили Эммануэля вскопоть и затопать ногами.

— Но вѣдь это невозможно!—заревѣлъ онъ.—Мнѣ 27 лѣтъ, и у меня уже было двѣнадцать дуэлей, но такихъ никогда не зна-

валъ... да это и не по правиламъ. Ишь, ты... на ружьяхъ драться выдумаль... стрѣлять изъ ружья... Это совсѣмъ ужъ не по-человѣчески... А первый выстрѣлъ чей?

— По жребію!..

— Ишь, ты какой! Онъ изъ пушекъ дуэль предложилъ бы... А расстояние?..

— Сорокъ шаговъ!..

— Ловко... въ сорока шагахъ изъ ружья... А время и мѣсто?

— Черезъ полчаса въ березовомъ перелѣскѣ...

— Невозможно и невозможно! Такихъ законовъ въ дуэли не бываетъ...

— Какъ угодно!—сказалъ Лишеннь.

— Да вѣдь за это насъ самихъ разстрѣляютъ... подъ судъ отдадутъ...

— Капитанъ Лодэ предлагаетъ дѣло до суда не доводить: мы отправимся какъ будто на охоту, пройдемъ мимо часового и при немъ будемъ громко говорить объ охотѣ... Если кому либо изъ противниковъ будетъ причинено поврежденіе, то онъ скажетъ, что это отъ его собственной неосторожности... при заряданіи...

— Ловко придумано! — засмѣялся Эммануэль. — Молодчина! Пойду Булгарчичу скажу... Обожди...

Эммануэль убѣждалъ Булгарчича не соглашаться на условія Лодэ, говорилъ, что они противны всѣмъ обычаямъ поединка, что Лодэ дѣйствуетъ по злобѣ. На все это Булгарчичъ отвѣтилъ:

— Какъ ему будетъ угодно! Я согласенъ... Я виноватъ противъ него... Хозяинъ—и гостя ударилъ... Свинство... и буду очень радъ, если онъ вытащитъ первый выстрѣлъ...

— А Елена Петровна?—пытливо спросилъ Эммануэль.

— Я согласенъ на все!..—твердо сказалъ Булгарчичъ.

— Ладно! Ружье будетъ общее... чтобъ условія были равны... Лодэ притащитъ!.. — проговорилъ Эммануэль и отправился къ Лишенню заключать условія поединка.

III.

Стало уже смеркаться, когда Ивашка вернулся домой. Онъ былъ чѣмъ-то испуганъ, ноги у него подкашивались отъ страха, голода и усталости. Подойдя къ избѣ, онъ хотѣлъ было отворить дверь и войти, но сознаніе, что онъ не будетъ въ силахъ объяснить свое отсутствіе въ теченіе цѣлаго дня, заставило его остановиться и опрометью броситься за околицу. Постоявъ немного и переведа духъ, Ивашка рѣшилъ отправиться къ табунамъ, чтобы на другой день, успокоившись, предстать предъ грозныя родительскія очи и со спокойной совѣстью сказать, что онъ ходилъ къ табунамъ и ночевалъ въ полѣ у коней.

Когда это рѣшеніе созрѣло въ его косматой головѣ, онъ пустился задворками по направленію къ рѣкѣ, и вдругъ изъ-за угла показалась толстая фигура генеральши, пообѣщавшей пряниковъ.

Ивашка окаменѣлъ и не двигался съ мѣста. Генеральша торопливо подошла къ нему. Въ ея рукахъ онъ видѣлъ какой-то сверточекъ, вѣроятно, съ очень вкуснымъ содержимымъ, но въ первые моменты не обратилъ на него особеннаго вниманія.

— Ну, что-жъ ты пропалъ? — раздраженно замѣтила ему барыня. — Я тебя, болвана, часа три дожидаюсь. Всѣ помойныя ямы ваши изучила. Рассказывай...

Ивашка молчалъ: онъ видѣлъ строгое лицо генеральши, и ему стало еще страшнѣе.

— Рассказывай же... Чего молчишь? а? — насупившись спросила Заболоцкая.

И Ивашка, не выдерживая ея взгляда и голоса, заревѣлъ благимъ матомъ. Генеральша испуганно оглянулась и прошептала:

— Молчи, мальчишка!.. Насъ услышать... Нѣ, возьми!

Получивъ сахарный крендель, Ивашка нѣсколько отошелъ. Онъ закинулъ крендель въ ротъ и началъ рассказывать генеральшѣ все видѣнное и слышанное имъ.

Несмотря на то, что Ивашка не отличался даромъ слова, несмотря даже на присутствіе въ его рту сладкаго кренделя, мѣшавшаго ему говорить, генеральша съ огромнымъ вниманіемъ относилась къ его разсказу, и на ея лицѣ играла загадочная улыбка.

— И вотъ ладно...—говорилъ Ивашка.—Сижу я, а солнышко печетъ... а ёнъ, усастый, идетъ съ такимъ волосатымъ... коротенькимъ... Ладно... а допрежъ ихъ прошли: длинный-длинный, вихрястый-вихрястый, какъ палка, и все ёнъ по хранцузскому, а съ нимъ еще одинъ... И какъ шелъ усастый и говоритъ: «поохотимся, гритъ, на звѣрей»... Услыхалъ я и глянулъ, а у вихрястаго впереди ружьище за плечомъ... И ладно... И къ лѣску, и къ лѣску... А я за ними, все за ними... Не видать меня...

Ивашка остановился и посмотрѣлъ на генеральскій свертокъ.

— Продолжай!.. Ну, дальше...—сказала генеральша.

— А дальше... страсти начались... Сѣлъ я въ кусты, гляжу... А коротенькій платокъ досталъ... бѣленькій такой и узелокъ навязалъ... Потомъ платокъ, какъ за уши, растанули и пошли. Глядь, вихрястый ружье усастому отдалъ... Потомъ, какъ па-альнетъ... да въ ёво...

— Въ кого?.. въ кого?

— Въ вихрястаго... извѣстно...

— Ужасъ, какой ужасъ!.. Ъѣдный Лодэ!.. Ну, ну...

— И ладно... это... Потомъ какъ па-альнетъ, а вихрястый кричать почалъ; кричите, и не разберешь, что кричить... А усастому жалко стало... онъ и давай платокъ прикладывать... А ёнъ лежить... не шелохнется... знай себѣ кричить...

— Ну, ну... А потомъ что?
 — А потомъ я убѣгъ... боязно стало...
 — И больше ничего не видалъ?
 — А что видать-то?
 — Боже мой! Что дѣлается?!—воскликнула генеральша и быстро отвернулась отъ мальчишки.

Тотъ, не спуская глазъ со свертка, шелъ нѣсколько минутъ за нею, но затѣмъ, увидавъ свою хату, опять пустился назадъ и скоро скрылся въ вечернихъ сумеркахъ.

Когда Ивашка очутился у рѣки, онъ вспомнилъ, что барыня не дала ему пряниковъ, и съ ужасомъ обнаружилъ, что полученная имъ отъ нея утромъ мѣдная монетка куда-то исчезла. Долго онъ рылся вездѣ, гдѣ только могъ предполагать возможность найти монетку, ходилъ взадъ и впередъ по лугу и, наконецъ, отчаявшись, воскликнулъ съ горечью:

— И ладно!.. Жадная... Я те припомню...

И на его глазенкахъ свѣтились слезы — слезы досады, обиды и безпомощности...

IV.

Теплая майская ночь. Пахнетъ цвѣтущею сиренью. Гдѣ-то далеко закричалъ пѣтухъ одинъ, другой, и скоро всѣ пѣтухи въ мѣстечкѣ вторили привѣтно зачинающейся зарѣ.

Въ квартирѣ шефа Заболоцкаго темно, но ни онъ самъ, ни генеральша не отошли еще ко сну. Мы застаемъ супруговъ за необыкновеннымъ занятіемъ: генераль съ перомъ въ рукахъ сидитъ на стулѣ и смотритъ на генеральшу, какъ бы ожидая произнесенія приговора; та съ серьезнымъ видомъ читаетъ какую-то бумагу и, окончивъ чтеніе, отдаетъ ее генералу.

— Прочти мнѣ вслухъ! — говоритъ она. — Недостатки тогда лучше видны...

Заболоцкій послушно принимаетъ бумагу и не торопясь читаетъ:

«Доношу вашему императорскому величеству, что 13-го числа маія сего года въ вечеру, скоро послѣ пробитія въ 9 часовъ зори, полковникъ Эммануэль потребовалъ въ квартирѣ моей отъ денщика свѣчу, и когда она была внесена, то онъ Эммануэль вошелъ ко мнѣ съ унтеръ-офицеромъ эскадрона Булгарчича, а сей унтеръ-офицеръ подаль отъ имени Булгарчича рапортъ слѣдующаго содержанія: «что того жъ числа эскадрона его имени капитанъ фонъ-Лодэ, будучи на охотѣ съ полковникомъ Эммануэлемъ и прапорщикомъ Лишеннемъ, заряжая ружье, нечаянно прострѣлилъ себѣ лѣвую щеку, прося тѣмъ же рапортомъ отъ имени Лодэ, чтобы прислать отставного штабъ-лѣкаря Гейзера,—каковая просьба о партикулярномъ, а не полковомъ лѣкарѣ, скорое возвращеніе въ

штабъ Эммануэля, который отпущенъ былъ по утру до другого дни и извѣстное мнѣ недоброжелательство Булгарчича къ Лодэ заставили меня думать тотчасъ другое. По откомандированіи этого полкового лѣкаря, поѣхалъ я въ ту же ночь самъ въ эскадронъ Булгарчича и по прибытіи спрашивалъ стоявшаго при гауптвахтѣ часового: кто застрѣлилъ Лодэ?—который отвѣчалъ не запинаясь: полковникъ Булгарчичъ. Послѣ сего, пришедши въ караульню, спрашивалъ караульныхъ поодиночкѣ, кои отвѣчали такъ же, какъ и часовой. А по свидѣтельству лѣкарскому оказалось у капитана Лодэ: лѣвая ноздря вырвана, верхней челюсти лѣвая жъ сторона и скульная кость пробиты, а пуля остановилась глубоко между отломками костей. По каковой ранѣ я заключаю, что пуля, пущенная правою рукою изъ пистолета, шла горизонтально; а, заряжая ружье, нельзя сдѣлать такой раны, да и нѣтъ нужды заряжать пулю, ибо лѣсъ малъ, звѣрей нѣтъ, а птицу стрѣляютъ дробью. И когда онъ спрашивалъ капитана Лодэ, кто его застрѣлилъ, то Лодэ отвѣчалъ, чтобъ его не спрашивать. Потомъ спрашивалъ прапорщика Лишенна, который сказалъ, что приближалъ въ лѣсъ на выстрѣлъ и нашелъ полковниковъ Булгарчича, Эммануэля и капитана Лодэ, который сидѣлъ уже раненый. Послѣ того я спрашивалъ, гдѣ взяты были ружья, когда пошли они на охоту, и отвѣчалъ изъ нихъ Эммануэль, что онъ бралъ ружье у Булгарчича, а Лодэ имѣлъ собственное, но опроверженіемъ на то служатъ слова, сказанныя человѣкомъ его, Лодэ, что у господина его и ружья совсѣмъ нѣтъ. Соображая все сіе, я полагаю, что двое стрѣлялись, а двое были секундантами, почему и арестовалъ оныхъ полковниковъ Булгарчича, Эммануэля и прапорщика Лишенна».

Послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ редакціонныхъ исправленій черновикъ донесенія былъ уже готовъ.

V.

Естественно, что всѣ участники поединка были преданы суду.

Я затрудняюсь передавать весь ходъ дѣла, всю внутреннюю его сторону, каковую нельзя почти нарисовать, спустя сто лѣтъ послѣ описаннаго событія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства помогутъ уяснить намъ печальный и крайне неожиданный для самого шефа Заболоцкаго исходъ дѣла, окончившагося дурно для самого доносителя и участниковъ его.

Больше полугода засѣдала военносудная комиссія, доискиваясь, на чьей сторонѣ правда. Были допрошены разныя лица, и всѣ въ одинъ голосъ заявляли, что знать ничего не знаютъ и не вѣдаютъ о поединкѣ. «Народная молва»—великій рычагъ уголовной юстиціи того времени, также ничего не выяснила. Дошло даже

до того, что начали опрашивать всѣхъ окрестныхъ жителей и какъ будто сначала напали на слѣдъ, но и онъ скоро затерялся: какъ указывала военносудная комиссія, «два казака изъ обывателей показали, что уже гораздо послѣ того случая (13-го мая), будучи они на сѣнокосѣ, слышали отъ казачьяго малолѣтнаго сына, который, указывая на мѣсто, говорилъ, что тутъ стрѣлялись Булгарчичъ и Лодэ».

Казалось бы, что истина восторжествовала, и доказательство налицо. Однако «малолѣтний казачій сынъ», въ которомъ легко узнать Ивашку, такъ-таки и заявилъ, что «онъ ничего тѣмъ казакамъ не говорилъ, мѣста не показывалъ и не видалъ, чтобы стрѣлялись Булгарчичъ и Лодэ»; и такимъ образомъ почва ускользала изъ-подъ ногъ.

Пробившись попусту нѣсколько мѣсяцевъ, комиссія военного суда спрашивала у шефа, «не имѣетъ ли онъ какихъ-либо достаточныхъ доказательствъ о упоминаемомъ поединкѣ», на что Заблоцкій отвѣчалъ, что «онъ не знаетъ, какіе пункты находить комиссія темными во всеподданнѣйшемъ его донесеніи», и что «подсудимые имѣли между собою сношенія и личное свиданіе, а посему и согласились о мѣрахъ, чтобъ не розниться въ отвѣтахъ и закрыть такое ясное дѣло, которое происходило днемъ и въ близкомъ разстояніи отъ квартиры Булгарчича и отъ эскадронной гауптвахты»; въ заключеніи своего отвѣта Заблоцкій утверждалъ, что «на справедливое и ясное дѣло много сыщется доказательствъ какъ нынѣ, такъ и въ продолженіе времени, хотя бы бывшіе въ дѣлѣ поединка на первый разъ и сыскали какіе предлоги затмить ясныя происхожденія, и судъ не находитъ способовъ открыть самую истину».

При наличности такихъ данныхъ комиссія постановила слѣдующее рѣшеніе:

...«По сему дѣлу подсудимые признанія не учинили, а нѣтъ ни одного личнаго свидѣтеля, который бы могъ по донесенію генералъ-майора Заблоцкаго ясно подтвердить истину о поединкѣ, и по отвѣтамъ, взятымъ подъ присягою отъ помѣщиковъ, кои обѣдали того дня вмѣстѣ у Булгарчича, равно хозяина квартиры онаго Булгарчича и по отвѣтамъ же сосѣдей, жительство имѣющихъ близъ той квартиры, а, сверхъ того, и по показаніямъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, кои составляли минувшаго мая 13-го дня въ эскадронѣ полковника Булгарчича гауптвахтенный караулъ, не оказалось явнаго свидѣтельства...

«Комиссія военного суда, не найдя совершенной истины, кромѣ народной молвы, ... предлагала подсудимымъ, чтобъ они свою невинность отъ народной молвы и несогласное показаніе утвердили присягою, но они отозвались, что не объявлены имъ свидѣтели, кои могутъ уличить ихъ лично въ происшедшемъ поединкѣ, а когда таковыя будутъ, то и они присягу учинять».

«А затѣмъ и шефъ генераль-майоръ Заболоцкій ничего вѣрнаго и основательнаго о происшедшемъ поединкѣ не представилъ, даже и свидѣтелей личныхъ или какихъ бы то ни было не пояснилъ... Почему и заключаетъ, что донесеніе шефа о поединкѣ не совершенно справедливо, то комиссія и оставляетъ подсудимыхъ въ полуподозрѣніи».

Такое рѣшеніе попало на конфирмацію инспектора, генераль-лейтенанта Кологривова, который нашель, что «дѣло слѣдуетъ предать забвенію», подсудимыхъ, «изъ-подъ ареста свобода, употребить на службу», а о «поступкѣ генераль-майора Заболоцкаго въ несправедливомъ донесеніи передать на разсмотрѣніе» высшаго начальства.

Генераль-аудиторъ присоединился вполне къ этому мнѣнію, и государь императоръ Александръ I въ декабрѣ 1803 г. положилъ слѣдующую конфирмацію:

«Дѣло оставить и подсудимыхъ изъ-подъ ареста выпустить».

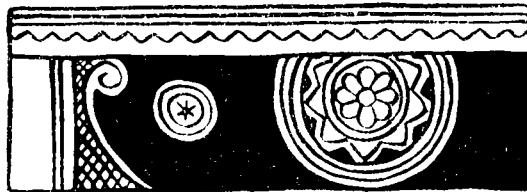
Что же случилось съ шефомъ?

Дѣло о поединкѣ приходило къ концу, «несправедливость» доноса стала ясною, и генераль-майоръ Заболоцкій былъ уволенъ въ отставку.

Хотя по тону доклада генераль-аудитора можно было заключить о желаніи этого военно-судебнаго органа возбудить противъ Заболоцкаго судебное преслѣдованіе «за донесеніе, арестованіе подсудимыхъ и за непредставленіе ясныхъ доказательствъ», но судьба ему улыбнулась, и, кромѣ отставленія отъ службы, онъ не подвергся другому наказанію.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

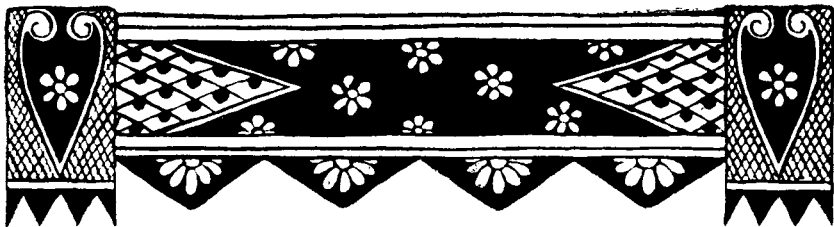

ГРАФИНЯ ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА.

Съ портрета находившагося на исторической выставкѣ портретовъ въ Спб. въ 1870 г.

дov. ценз. 23 февраля 1904 г.

КЪ БЮГРАФІИ Э. И. ТОТЛЕБЕНА.

НМЯ ЭДУАРДА Ивановича Тотлебена упоминается постоянно въ связи съ блестящими военными подвигами Севастопольской обороны и турецкой кампаніи 1877—1878 гг., особенно подъ Плевной. Всѣ пишутъ о Тотлебенѣ, какъ о военномъ героѣ, и очень мало свѣдѣній даютъ о немъ, какъ о безгранично добромъ чловѣкѣ. Одинъ изъ случаевъ проявленія этой сердечной доброты Эдуарда Ивановича я и хочу рассказать.

Это было въ августѣ 1864 года, вообще въ срединѣ лѣта, когда Волга уже спала. Мы съ матерью жили въ Саратовѣ, гдѣ поселились вмѣстѣ съ родными, имѣвшими на Нѣмецкой улицѣ сапожную и башмачную мастерскую, устроенную по рецепту, указанному въ романѣ «Что дѣлать»—саратовца Чернышевскаго. Этотъ романъ взволновалъ тогда умы даже высшаго общества до того, что оно начало устраивать разныя ремесленныя мастерскія, гдѣ всѣ работали на равныхъ началахъ и основаніяхъ. Мужъ сестры моей матери, державшій только что передъ тѣмъ на откупѣ «100» саратовскихъ кабаковъ, проникся духомъ Прудона, Лассаля и идеями романа «Что дѣлать» и открылъ громадную сапожную мастерскую. Его жена, бывшая свѣтская дама изъ высшаго общества, и моя мать, жена умершаго весной 1861 года чиновника особыхъ порученій при саратовскомъ губернаторѣ, не стѣснялись снимать мѣрку съ ногъ не только дамъ, но и мужчинъ, очень стѣснявшихся «такой необыкновенной работы» молодыхъ дамъ, съ которыми они танцовали наканунѣ на балу въ Дворянскомъ собраніи! При всемъ со-

«истор. вѣстн.», мартъ, 1904 г., т. хсв.

чувствіи общества къ благому дѣлу поднятiя заработка и улучшенiя быта и жизни рабочихъ, которымъ говорили «вы», кормили тѣми же кушаньями, какія ѣли мы сами, и выдавали по субботамъ сверхъ уговоренной высокой сдѣльной платы часть барыша, равную долѣ хозяина,—дѣла мастерской шли плохо. Семья бывшего откупщика, купавшаяся наканунѣ въ деньгахъ и очутившаяся при заработкахъ зауряднаго сапожника, стала терпѣть нужду. Моя мать, видя это, открыла переплетную мастерскую, чтобы не быть въ тягость роднымъ, съ помощью добрыхъ людей и своего брата. Мнѣ было тогда 8 или 9 лѣтъ, но я хорошо помню у насъ массу громадныхъ книгъ, съ которыми съ трудомъ возилась мама, помѣщая ихъ въ прессы и завертывая его своими изнѣженными ручками. Она только не обрѣзывала книгъ, что лежало на обязанности дяди. Отсюда видно, что и мы, не получивъ пенсіи послѣ отца, который не дослужилъ ей всего 4 мѣсяца и умеръ въ командировкѣ простудившись,—очень бѣдствовали. Нуждались до того, что мамѣ не на что было сдѣлать вывѣску, и хороший знакомый дяди, совѣтникъ губернскаго правленiя, провозился нѣсколько вечеровъ у насъ въ залѣ на полу и художественно нарисовалъ намъ вывѣску «переплетной». Это создало нѣкоторую рекламу, и дѣла пошли лучше особенно, когда мы съ 7-ми-лѣтней сестренкой, Машей, выучились клеить аптекарскія коробочки и картонки для дамскихъ шляпъ.

Къ лѣту 1864 года дѣла нашей переплетной мастерской, гдѣ работали лишь интеллигентные работники, и наемнаго труда не было, настолько поправились, что наша семья стала посѣщать излюбленное саратовское лѣтнее гулянье на берегу Волги—«Вокзалъ Барыкина». Это было скромное еще тогда зданіе съ буфетомъ и открытой сценой для хора и оркестра и съ стеклянной террасой на столбахъ, съ которой открывался чудный видъ на красавицу Волгу. Къ вечеру, послѣ знойнаго дня, почти «все» саратовское общество спѣшило сюда отдохнуть, послушать музыку, подышать чистымъ воздухомъ съ рѣки и... посмотрѣть пріѣзжихъ. Какъ разъ противъ вокзала у берега стояли пристани-конторки немногочисленныхъ еще тогда волжскихъ пароходовъ и главная изъ нихъ «Кавказа и Меркурія»... Эта компанія была лучшей, и прибытіе пароходовъ ея въ Саратовъ возвѣщалось особо въ газетѣ или объявленіями на заборахъ. Такъ всѣ ждали прихода новаго гигантскаго по тогдашнему времени парохода «Николай Новосельскій», и собрались въ тотъ вечеръ, когда долженъ былъ онъ прійти, въ вокзалъ на Волгу.

Туда пришли съ мамой и мы часовъ въ 7 - 8 вечера. Публики была масса, пароходъ уже пришелъ, но не привлекалъ почему-то вниманiя, которое было всецѣло поглощено появленіемъ красиваго инженернаго генерала въ сопровожденiи 2 офицеровъ генеральнаго штаба.

Мѣстные военные какъ-то скоро всѣ ушли, а генераль со своими спутниками заняли выступъ террасы надъ самой Волгой и стали пить чай и ужинать. Мы съ мамой сидѣли неподалеку на террасѣ, и я съ любопытствомъ изъ-за уголка разсматривалъ молодого и чрезвычайно понравившагося мнѣ генерала и его блестящихъ спутниковъ. Какъ всѣ мальчики, я питалъ страсть къ военнымъ, и не было больше блаженства, какъ играть шашкой мужа сестры моеѣ матери, тоже боевого и славнаго героя, артиллерійскаго полковника С. Л. Лобко, когда онъ приходилъ съ теткой и красавицей кузиной къ намъ. Его жену и дочь въ сентябрѣ 1866 года звѣрски убилъ прежній возлюбленный няньки кузины! Эта нянька жила у тетки 18 лѣтъ и, несмотря на это, впустила въ кухню бѣжавшаго съ каторги пріятеля и помогла убійству своихъ господъ, считавшихъ ее уже за родную...

Когда военные пили чай, и сервировка стола не представляла ничего особеннаго, я еще крѣпился и не подходилъ близко къ ихъ столу, но когда подали закуску, ужинъ и особенно фрукты, я не вытерпѣлъ. Мнѣ страшно захотѣлось поближе рассмотреть эти чудные невиданные мною плоды и фрукты, заманчиво возвышавшіеся горой въ вазѣ среди стола. Думая, что военные заняты ѣдой, я подкрался сзади генерала, вытянулъ шею надъ столомъ и впился глазами въ громадный апельсинъ, возвышавшійся надъ фруктами и виноградомъ. Не знаю, почему генераль обернулся въ мою сторону; я былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и оберлъ отъ страха. Но генераль улыбнулся, замѣтилъ, вѣроятно, мой взглядъ, протянулъ руку и подаль мнѣ апельсинъ, говоря: «на, скушай!» Я отступилъ и отвѣтилъ, что взять апельсина не могу безъ разрѣшенія мамы...

— А гдѣ твоя мама? — спросилъ Эдуардъ Ивановичъ такимъ мягкимъ голосомъ, что я сразу осмѣлѣлъ и бойко рассказалъ, гдѣ она сидитъ, и кто такая она, и вообще отвѣчалъ, кажется, удачно на всѣ разспросы нравившагося мнѣ генерала. Онъ почему-то не спускалъ глазъ съ моего разгорѣвшагося лица и сверкающихъ — отъ разговора съ генераломъ — восторгомъ глазъ и говорилъ все мягче и мягче... Бѣсть онъ давно бросилъ, занялся разспросами меня о нашей жизни и вдругъ, поднявшись со стула и даже не сказавъ ничего удивленнымъ своимъ спутникамъ, сказалъ:

— Сведи меня къ твоей мамѣ познакомиться.

Я потащилъ его торжествующе черезъ всю террасу подъ взглядами удивленной публики и подвелъ къ мамѣ. Она уже знала, кто этотъ пріѣзжій генераль, и удивленію ея не было границъ. Она еще болѣе поразилась, когда Эдуардъ Ивановичъ ей самъ представился, назвавшись просто «Тотлебенъ», и подсѣлъ къ нашему, помню, «пустому» столу. Обмѣнявшись обычными въ такихъ случаяхъ

фразами и услыхавъ подтвержденіе моихъ словъ и отъ мамы, что мы нуждаемся, всѣ работаемъ, не получая ни отъ кого помощи, онъ неожиданно сказалъ:

— Отдайте мнѣ вашего мальчика на воспитанье. У меня недавно умеръ сынъ такихъ же лѣтъ. Горю моему сочувствовалъ самъ государь императоръ Александръ II и ежедневно справлялся о здоровьѣ мальчика, угасавшаго медленно, несмотря на помощь знаменитыхъ врачей... Они же мнѣ посовѣтовали поѣхать разсѣяться, а я кстати рѣшилъ осмотрѣть воздвигнутыя по моимъ указаніямъ и руководствамъ укрѣпленія въ южныхъ нашихъ портахъ...

Онъ посадилъ меня нѣжно къ себѣ на колѣни и позволилъ, смѣясь, дотронуться до бѣлаго большого креста на шеѣ, единственнаго бывшаго на немъ ордена. Мнѣ, конечно, самому сильно хотѣлось ѣхать съ генераломъ, который обѣщаль меня вполне обезпечить и вывести въ люди, а если я буду достоинъ его имени, то и усыновить! Я сталъ умолять маму отдать меня генералу, не жалѣть меня, а радоваться, но врожденная гордость заставила ее не выказать своей нужды просьбой о помощи. Она, сдерживая волненіе, спокойно заявила, что далеко уже не такъ нуждается, чтобы отдать сына на воспитаніе, хотя бы и такому лицу, «какъ вы, генераль», тѣмъ болѣе, что она ждетъ помощи отъ сестры, полковницы Лобко.

— Она скоро должна пріѣхать съ Кавказа,—заявила мама,—и поможетъ мнѣ помѣстить сына въ кадетскій корпусъ, а васъ, генераль, за сочувствіе очень и очень благодарю, но сына вамъ отдать не могу, простите...

Помню, что отказъ мамы глубоко огорчилъ Эдуарда Ивановича. Онъ потупился, молчалъ и только нѣжно перебиралъ мои пышные тогда волосы. Послѣ тягостнаго молчанія, во время котораго я уже началъ всхлипывать, а мама приложила платокъ къ глазамъ, Эдуардъ Ивановичъ сказалъ:

— Да, я васъ понимаю: вы—любящая мать, а я—любящій отецъ. Поймите и меня, вашъ мальчикъ чрезвычайно похожъ на только что потеряннаго мною... Я хочу себя утѣшить, взявъ себѣ вашего въ сыновья, и вы подумайте, не губите ли вы карьеру сына своей материнской односторонней любовью. Еще разъ прошу, отдайте мнѣ Митю!

Онъ уже зналъ, какъ меня зовутъ. Мама махнула рукой и категорически заявила, что это дѣло рѣшенное, и она меня генералу не отдастъ, и предложила переимѣнить тему разговора. Тогда Эдуардъ Ивановичъ спросилъ маму:

— Такъ не могу ли я по пріѣздѣ въ Петербургъ... или вообще чѣмъ нибудь помочь вамъ?

Но мама видимо хотѣла оправдать себя передъ Эдуардомъ Ивановичемъ, что не нуждается, хотя мы тщетно нѣсколько лѣтъ хлопотали о выдачѣ пенсіи или какого нибудь пособія послѣ отца. Она спросила:

— Видитесь ли вы съ государемъ?

— Да, вижу, — отвѣчалъ Эдуардъ Ивановичъ, — и даже довольно часто. А на что вамъ?

— Ну, такъ, не откажите, если можно, — сказала смѣясь мама, — передать его величеству при первой встрѣчѣ, что въ Саратовѣ живетъ вдова его бывшего чиновника, Настасья Ивановна Неклюдова.

Къ удивленію моему и къ ужасу матери, Эдуардъ Ивановичъ досталъ молча изъ бокового кармана красивую записную книжку и что-то сталъ въ нее записывать серебрянымъ карандашомъ. Окончивъ писать, онъ промолвилъ:

— Жаль, что вы мнѣ отказываете въ просьбѣ о сынѣ. Я же вашу просьбу исполнилъ и записалъ «доложить государю при первой встрѣчѣ, что въ Саратовѣ живетъ вдова чиновника Настасья Ивановна Неклюдова съ сыномъ и дочерью». Ну, довольны вы?

— Очень, и благодарю васъ и за себя и за дѣтей, — и протянула ему свою, уже мозолистую руку безъ перчатки. Онъ пожалъ ее, спустилъ меня съ колѣнъ, всталъ, щелкнулъ молодецки шпорами и прощаясь сказалъ:

— Подумайте, Настасья Ивановна! За окончательнымъ отвѣтомъ о сынѣ, который мнѣ такъ напоминаетъ моего, я приплю на обратномъ пути адъютанта.

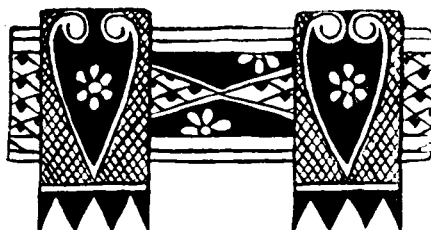
Онъ круто повернулся и пошелъ отъ нашего стола прямо вдоль террасы къ выходу мимо стола, на которомъ еще кончали ужинъ его недоумѣвающіе спутники. Мама тоже поспѣшила уйти изъ вокзала отъ сильнаго волненія и безчисленныхъ вопросовъ знакомыхъ, которые наперерывъ старались узнать, что съ ней говорилъ Тотлебенъ.

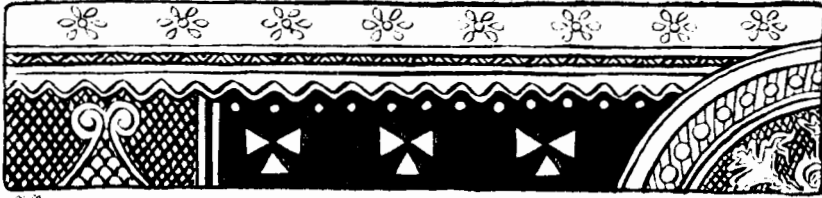
Онъ, дѣйствительно, возвращаясь осенью съ Кавказа, присылалъ къ мамѣ адъютанта съ запросомъ: «не надумала ли она отдать меня генералу?» Онъ опять умолялъ ее объ этомъ, но она сухо приняла блестящаго гвардейца и только просила усиленно благодарить за доброту къ намъ Эдуарда Ивановича и напомнить ему его обѣщаніе доложить о насъ государю...

Конечно, вскорѣ печальное, ужасное событіе, прогремѣвшее на всю Россію, убійство полковницы Лобко и дальнѣйшія обстоятельства нашей жизни заставили маму пожалѣть о своемъ отказѣ Тотлебену. Высокая карьера, конечно, скоро заставила его забыть насъ, а мы его помнили, а я помню и до сихъ поръ. Во время его болѣзни я посылалъ ему письмо и справлялся о здоровьѣ, но не получилъ на мое «простое» письмо отвѣта, а заказное послать не

догадался. Собираясь жениться въ 1884 году, я хотѣлъ было попросить его о протекціи, получая 50 рублей жалованья, но не рѣшился беспокоить уже трудно больного, а вскорѣ онъ и умеръ. Но онъ живетъ ярко, свѣжо, тепло въ моемъ воспоминаніи, и я буду радъ, если знавшимъ его помогъ, хотя отчасти, вспомнить и возстановить образъ этого необыкновеннаго русскаго человѣка и героя!

Д. М. Неклюдовъ-Кайсаровъ.

ЧУМА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1879 ГОДУ.

(Изъ записокъ врача).

МОСКВѢ не посчастливилось въ прошлыхъ столѣтїяхъ; она не разъ боролась съ грозною гостыю, съ чумою во всѣхъ ея видахъ. Не повезло въ одномъ, зато наверсталось въ другомъ, а именно— въ описанїяхъ гибели населенїя первопрестольной столицы подъ влїяніемъ «моровой язвы», «черной смерти» и другихъ поварьныхъ болѣзней, съ чумнымъ теченїемъ. Не только врачи, но и писатели какъ бы ожидали подъ влїяніемъ народнаго бѣдствїя: они дали множество описанїй его въ различнѣйшихъ видахъ, въ формѣ рассказовъ, повѣстей и романовъ.

Петербургъ былъ счастливѣе Москвы; до 1879 года не было и рѣчи о «непрощенной гостыѣ», какъ прозывали въ то время въ сѣверной столицѣ чуму. Появленїе въ ней «непрощенной гостыи» связано съ именемъ Наума Прокофьева и относится къ концу семидесятыхъ годовъ XIX вѣка. Наумъ Прокофьевъ былъ дворникомъ гдѣ-то въ зарѣчныхъ частяхъ столицы, на Выборгской сторонѣ, въ какомъ-то изъ домовъ не то Малой, не то Большой Охты. Описанїе болѣзни Наума Прокофьева, современныхъ ему чумныхъ дней и даже недѣль пока нигдѣ не обнародовано, хотя съ того времени истекла четверть вѣка: давность не очень большая, но вполне совершеннолѣтняя для рассказа въ исторической замѣткѣ. Чума въ Питерѣ и Наумъ Прокофьевъ не попали и подъ перо беллетристовъ: счастье это или несчастье—рѣшать не берусь; этимъ существенно отличается Москва отъ Петербурга, со всѣми

невзгодами по опаснымъ захварываніямъ населенія: про первую писано очень многое, про вторую—почти ничего; осталось даже не выясненнымъ, была ли въ Петербургѣ чума, или такъ только что-то въ родѣ ея.

Болѣзнь Наума Прокофьева была опредѣлена въ терапевтической клиникѣ императорской военно-медицинской академіи. Опредѣленіе основывалось не на микроскопическихъ или бактериологическихъ изслѣдованіяхъ (въ то время о нихъ не было еще и рѣчи), а на данныхъ общихъ признаковъ и всей картины заболѣванія.

Двадцать пять лѣтъ—дѣйствительно очень небольшой срокъ времени, а между тѣмъ разница въ точномъ опредѣленіи чумы—неизмѣрима. Теперь достаточно 24-хъ или 48-ми часовъ, чтобы доказать наличность страшной болѣзни; достаточно сдѣлать нѣсколько культурныхъ (бактериологическихъ) посѣвовъ, и вопросъ рѣшается безъ всякихъ сомнѣній. Посѣвы удались, или не удались, въ этомъ отвѣтъ—чума или не чума. Въ дни Наума Прокофьева пришлось руководиться другими способами доказательствъ, донельзя спорными, не ясными ни для того времени, ни для современнаго рѣшенія путемъ исторической оцѣнки.

Клиническія доказательства о заболѣваніи охтенскаго дворника были весьма внушительны; общество боялось имъ не довѣрять, но еще болѣе боялось признать ихъ непогрѣшимость. Для точнаго распознаванія сути дѣла была составлена особая комиссія изъ врачей, имѣвшихъ вѣское административное положеніе. Въ составѣ ея находились: директоръ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, инспекторъ губернской (столичной) управы, старшій врачъ полиціи и нѣсколько штатныхъ медиковъ, занимавшихъ въ ней высшія должности. Члены комиссіи осмотрѣли больного во всѣхъ подробностяхъ и составили официальный протоколъ объ отсутствіи у Наума Прокофьева признаковъ чумы, а слѣдовательно и ея самой въ столицѣ. Къ сожалѣнію, при написаніи протокола вкралась въ текстъ неудобопонятная фраза «безрецидивный рецидивъ», что въ переводѣ означаетъ «безвозвратный возвратъ». Этимъ опредѣлялось, что у Наума Прокофьева имѣется опухоль желѣзъ, но не чумнаго происхожденія, а характера «секретныхъ» болѣзней, въ скрытомъ положеніи ея, въ періодѣ невозврата. Неудачная редакція протокола осмотра подорвала вѣру въ него, несмотря на официальность освидѣтельствованія исполнѣ компетентными врачами. Повседневная печать того времени распалась на два лагеря: одни представители ея считали недостаточными доказательства клиники, другіе—не вѣрили въ «безвозвратный возвратъ»; въ результатѣ,—отсутствіе у петербуржцевъ довѣрія къ производившимся изслѣдованіямъ о заболѣваніи злосчастнаго Наума Прокофьева.

Нѣсколько мѣсяцевъ ранѣ случая въ Петербургѣ были заболѣванія чумою на югѣ Россіи, въ станицѣ Ветлянкѣ. Свѣдѣнія о первыхъ захварываніяхъ въ ней достигли до нашей столицы въ концѣ декабря мѣсяца 1878 года, хотя эндемическое (мѣстное повальное) развитіе болѣзни наблюдалось значительно ранѣ. Петербуржцы очень боялись занесенія заразы изъ упомянутаго очага чумы; появленіе Наума Прокофьева усилило этотъ страхъ и вызвало переполохъ.

Для ограниченія возникшаго гнѣзда заразы на югѣ были организованы соотвѣтствующія мѣропріятія, предписываемыя медицинскимъ уставомъ. Прежде всего былъ проведенъ карантинъ; его пограничная линія опоясывала всю станицу и была близка къ городу Царицыну. Про этотъ карантинъ циркулировало множество рассказовъ не въ пользу его бдительности: подобные рассказы обычны для всяческихъ кордонныхъ оцѣпленій, то-есть огражденій исключительно физическою (а не медико-санитарною) силою.

Ходячимъ рассказомъ былъ случай съ одною женщиною (по слухамъ, съ кормилицею), находившеюся въ услуженіи въ городѣ у одного изъ начальствовавшихъ лицъ. Женщина была отпущена на побывку въ ближайшую деревню, часа на 3 или на 4, провѣдать родныхъ. Въ эти-то 4 часа времени кордонная цѣпь была выставлена, и стражи заняли свои мѣста. Женщина осталась внутри кольца оцѣпленія, и ея господа невольнo смутились, какъ объ участи ушедшей на побывку въ деревню, такъ и о положеніи дѣтей своихъ.хлопотъ было много по надобности нанять немедля новую няню, или кормилицу. Въ заботахъ день прошелъ скоро; часу въ 9-мъ вечера словно изъ земли выросла и явилась пропадавшая домой. Разспросамъ о походеженіи путешественницы не было конца.

— Какъ же прошла ты мимо стражей? — допрашивали ее господа. — Солдаты не смѣли тебя пропускать?

— Точно, баринъ, они и не пускали, т.-е. собственно одинъ солдатикъ не пускалъ, онъ и стоялъ тамотко одинъ. Я сунула ему двугривенничекъ, ну, онъ и отвернулся, сталъ глядѣть, какъ бы въ сторону, а я и пробѣжала.

Стоустая молва передавала множество и другихъ рассказовъ, особенно изъ періода вспышки болѣзни въ Ветлянкѣ до вступленія въ полное дѣйствіе лечебно-санитарныхъ мѣропріятій. Толковали много и долго о какомъ-то кумачевомъ сарафанѣ: его стащила казачка съ костра, устроеннаго для сожженія вещей изъ домовъ умершихъ хозяевъ. За казачкою погнались, чтобы отнять сарафанъ.

— Ты куда бѣжишь-то? — спросили догонявшаго стражники, охранявшіе костеръ.

— Отнять надо сарафанъ.

— Э, полно, брось. Нешто не видалъ, сарафанъ-то совсѣмъ новенькій; оставь ее, благо уволокла, пусть щеголяетъ себѣ въ красу, людямъ на утѣху.

Во всѣхъ разказахъ явно сквозилъ слухъ о крайней невнимательности населенія станицы къ стрящейся надъ нею бѣдѣ. Добродушіе и невѣдѣніе сплелись въ разказахъ въ одно цѣлое, во что-то неопредѣленное и неизвѣстное. Слишкомъ легкомысленное отношеніе мѣстнаго населенія къ вспышкѣ опасной болѣзни поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что чума не была сразу названа своимъ именемъ, а слыла сначала подъ названіемъ какой-то «хвори»; она проявилась въ нѣсколькихъ хатахъ и похоронила ея обитателей. Число смертей стало увеличиваться въ Ветлянкѣ не со дня на день, а съ часа на часъ; оно образумило населеніе, вынудило его разбѣжаться «куда глаза глядятъ», бросивъ все на произволъ судьбы. До этого же момента растаскиваніе вещей въ дѣйствительности могло имѣть мѣсто.

Въ Петербургѣ зорко слѣдили за тѣмъ, что творится на югѣ, и прислушивались ко всякимъ «говорамъ». Изъ редакцій столичныхъ газетъ были посланы спеціальные корреспонденты въ станицу Ветлянку. Сотрудники газетъ подробно описывали впечатлѣнія съ «пути на чуму». По мѣрѣ приближенія къ очагу ея, писанія становились все короче и короче; по приѣздѣ же на мѣсто корреспонденти превратились въ коротенькія телеграммы; онѣ не были достаточно ясны, никого не удовлетворяли, а только теребили праздное любопытство.

Тѣмъ не менѣе населеніе столицы горѣло желаніемъ знать что либо про чуму. Навстрѣчу этимъ желаніямъ выступило «Общество русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ» и устроило публичныя чтенія о чумѣ, не касаясь Ветлянки, такъ какъ свѣдѣнія о ней не имѣли официальной достовѣрности и вращались въ сферѣ «слуховъ» всяческихъ отгѣнковъ. Чтенія происходили въ химической аудиторіи императорской медико-хирургической академіи и собирали массу слушателей обоого пола и различнѣйшихъ возрастовъ. Петербуржцы, видимо, очень интересовались открытыми засѣданіями упомянутаго «Общества» и, конечно, не безъ задней мысли о самозащитѣ отъ случайностей путешествія «кумачеваго сарафана». Аудиторія легко вмѣщала отъ 300 до 350 слушателей; этого количества мѣсть, однако, было болѣе чѣмъ недостаточно: толпа тѣсно заполняла всѣ коридоры, проходы, уголки, словомъ все, гдѣ только можно было пристроиться для слушанія чтеній. Лекторами были лучшіе врачи столицы и даровитѣйшіе профессора академіи; председательствовалъ профессоръ С. П. Боткинъ. Чтенія начинались въ 8 часовъ вечера, затягивались до полуночи и позже. Лекторы рассказывали впослѣдствіи, что напряженность вниманія слушателей была поразительна и заставляла до крайности остерегаться

въ выраженіяхъ. Читать было болѣе, чѣмъ трудно, а слушать— того труднѣе; становилось и жутко и страшновато даже людямъ съ просѣдью. Послѣ одного изъ такихъ открытыхъ засѣданій слушатели безмолвно начали подыматься со скамеекъ аудиторіи и словно «оторопѣлые» ползели по коридорамъ къ выходу.

— Ну, что, какъ вамъ показалось прочитанное?— раздавались неувѣренные голоса то тамъ, то сямъ, при выходѣ изъ аудиторіи.

— Очень ужъ серьезно,— замѣтилъ какой-то врачъ (съ значкомъ доктора медицины).— Можно бы и попроще.

— А, тѣмъ не менѣе, хорошо и спасибо... твердили многіе, особенно болѣе юные слушатели не медицинской колеи.— По крайней мѣрѣ, поняли, что такое «чума».

Чтенія «Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ», несомнѣнно, оказали хорошую услугу населенію, и не одному только столичному. Рефераты засѣданій въ очень подробномъ видѣ появились на другой же день во всѣхъ газетахъ, а затѣмъ были перепечатаны положительно всѣми провинціальными изданіями. Въ эти дни все населеніе Россіи въ первый разъ услышало правдивое описаніе «чумы» въ мельчайшихъ подробностяхъ ея проявленія и всѣхъ опасностей, какими она грозна для человѣчества. Чтенія о страшной гостьѣ были изложены донельзя просто, удобопонятно и вполнѣ научно. Незнаніе свойствъ болѣзни отошло на отдаленнѣйшее мѣсто и осталось только среди неграмотныхъ людей или малограмотныхъ, не имѣющихъ привычки просматривать утромъ газетный листокъ.

Работа въ Ветлянкѣ тѣмъ временемъ велась очень энергично; дѣятельность санитарно-врачебная выдвигалась все сильнѣе и сильнѣе; заботы о карантинной только охранѣ постепенно ступшевывались, и самый карантинъ скоро былъ снятъ, что имѣло огромное значеніе для наступившей весенней жизни и торговли (особенно рыбою, икрою и проч.) на рѣкѣ Волгѣ и ея притокахъ. Цѣлесообразная дѣятельность мѣстной администраціи не была пустыми слухами или праздными розсказнями; довѣріе къ современно-научному погашенію очага заразы постепенно возрастало среди петербуржцевъ и повсюду. Для удостовѣренія, что въ станицѣ Ветлянкѣ все исполнено по требованіямъ врачебно-санитарныхъ указаній, изъ-за границы (Берлина, Вѣны и проч.) были присланы почетнѣйшіе делегаты врачи; въ миссіи ихъ сквозилъ вопросъ о закрытіи или незакрытіи границы для товаровъ.

Наши врачи (мѣстные и присланные изъ столицъ) вмѣстѣ съ иностранными сотоварищами вполнѣ удостовѣрили, что гнѣздо чумы въ Ветлянкѣ перестало существовать; объ этомъ свидѣтельствовалъ общій протоколъ объ осуществленныхъ мѣропріятіяхъ по погашенію очага. По опубликованіи протокола легко вздохнулось всѣмъ на Руси и за границами ея.

Благополучіе и благоденствіе водворялось со дня на день, и вдругъ, какъ на грѣхъ, обозначился Наумъ Прокофьевъ въ Петербургѣ. Тысячи, если не болѣе, голосовъ вопрошали: «откуда» непрошенный гость—съ Ветлянки онъ, или нѣтъ? «Новообъявленный» оказался питерскимъ жителемъ и не имѣлъ ни единой связывающей нити съ казачьею станицею. Кое-гдѣ въ столицѣ переставали вѣрить, что Наумъ Прокофьевъ «одинокъ»; толковали, будто было нѣсколько подобныхъ же случаевъ заболѣваній, не дошедшихъ до печати. Были ли въ дѣйствительности въ Петербургѣ заболѣванія «злою хворью»,—осталось не опредѣленнымъ; одинъ же изъ случаевъ тяжелой, острой смерти наблюдалъ пишущій эти строки, но не далъ ему никакого наименованія.

Въ одно злосчастное утро, часовъ около 10-ти, мнѣ подали записочку, на простомъ лоскуткѣ бумаги, отъ моего пріятеля—товарища доктора Б—ва, здравствующаго, благодаря Бога, и понынѣ. На записочкѣ значилось: «пріѣзжай немедля, выручи меня и больную: сижу у нея съ 7-ми часовъ, боюсь покинуть, вижу что-то скверное, а опредѣлять опасуюсь». Раздумывать было нечего; сказалъ нѣсколько успокоительныхъ словъ своей женѣ, подшутилъ скорымъ «досвиданья», сѣлъ въ пролетку и покатилъ по адресу: главный штабъ, около арки, во дворѣ, квартира № N. Она оказалась очень небольшою—въ 3 или 4 комнаты, окнами смотрѣла на Зимній дворецъ. Дверь мнѣ открылъ какой-то военный (чиновникъ того же министерства), прислуги не замѣтилъ. Въ залѣ меня встрѣтилъ товарищъ Б—въ; всегда онъ былъ спокойнымъ медикомъ; тутъ же видимо былъ растерянъ и осыпалъ меня изложеніемъ подробностей заболѣванія жены военнаго (который отворялъ мнѣ дверь), молодой женщины лѣтъ 28-ми, или около того.

— Слушай,—твердилъ Б—въ,—и рѣшай, какъ знаешь. Больная съ вечера была вполне здорова. Около 7 или 8-ми часовъ мужъ уѣхалъ къ кому-то изъ родныхъ посидѣть вечерокъ. Въ 10-мъ часу больная поужинала и съ аппетитомъ поѣла «свѣжей икры», присланной въ подарокъ съ низовьевъ Волги. Часа черезъ два почувствовала себя нехорошо и ощущала сильнѣйшій знобъ. Тѣло разгоралось не на шутку. Около 12 часовъ ночи вернулся мужъ и нашелъ жену въ бреду, жару и проч.; чтобы не испугать ея, самъ помогалъ ей, какъ умѣлъ; къ утру же, видя, что дѣло плохо, послалъ за мною. Я прибылъ очень рано. Положеніе больной было слѣдующее: температура тѣла очень высока, болѣе 40° Ц., пульсъ донельзя слабый, около 50 въ минуту, падающій и перемежающійся; дыханіе тяжелое, хриплое; покровы тѣла (кожа) темнѣютъ съ минуты на минуту; всюду сочится кровь: изъ носа, рта, глазъ.

и проч. Сознаніе не потеряно, и больная поминутно спрашиваетъ о своемъ выздоровленіи, и не испортится ли цвѣтъ лица, къ слову сказать, очень красиваго. Увеличивающееся ослабленіе пульса вынудило меня остаться у постели больной безотлучно; несмотря на мою помощь, улучшенія нѣтъ; слабость силъ возрастаетъ съ поразительною быстротою. Пойдемъ, посмотри, больная ждетъ-не дождется.

Мужъ ея былъ очень встревоженъ; видимо намекая на Ветлянку, онъ добавилъ: «вмѣстѣ съ икрою намъ прислали, Богъ вѣсть зачѣмъ, какую-то греческую феску, очень красивую, неизвѣстно откуда пріобрѣтенную. Женѣ феска очень понравилась, и она неоднократно примѣряла ее; мнѣ же феска просто была противна; со злости я сжегъ ее въ каминѣ».

Войдя къ больной, мы переглянулись съ товарищемъ и инстинктивно рѣшили: все потеряно.

На постели лежалъ, разметавшись, еще двигавшійся трупъ молодой, красивой женщины, весь почернѣлый; покрывала были сброшены, такъ какъ больная сильно горѣла. Глаза (я вижу ихъ, какъ сейчасъ) блестѣли въ красныхъ орбитахъ; бѣлки глазъ были пропитаны кровью. Пульсъ едва уловимъ для счета. Дыханіе тяжкое, предсмертное сознаніе все еще есть; кровь выступаетъ всюду, откуда только можетъ. Черная смерть была передъ нами во всей ея безжалостной полнотѣ.

— Скоро ли мнѣ будетъ лучше?—шептали уста несчастной:—помогите, мнѣ очень тяжело...

По нашимъ вдумчивымъ переглядкамъ мужъ догадался, что дѣло плохо, и попросилъ насъ въ другую комнату. Квартира была совсѣмъ пустою; прислуга со страху, передъ чернымъ лицомъ барыни, убѣжала и не возвращалась. Пустота комнатъ вліяла удручающе.

На вопросъ мужа я отвѣтилъ, что у больной «черная смерть» очень близка; дѣло не дойдетъ до появленія бубоновъ, и трагическій конецъ наступитъ не позднѣе вечера. Спасти больную—невозможно; остается позаботиться объ ограниченіи заразы, такъ какъ она вѣ сомнѣній.

Жестокость сказаннаго я сознавалъ вполне; иначе же поступить не могъ: необходимо было дать понять мужу объ исходѣ болѣзни и о всемъ, что остается сдѣлать въ подобныхъ случаяхъ. На совѣщаніи съ товарищемъ установили возможную, лѣчебную помощь умиравшей и порѣшили немедля оповѣстить старшаго врача полиціи, доктора В—л—на; увѣдомленіе его я принялъ на себя и рѣшилъ исполнить это лично.

Выйдя на улицу, я чувствовалъ себя очень не по себѣ: слишкомъ тяжело было все только что пережитое. Куда идти?—шевельнулась мысль:—очиститься безусловно необходимо. Обеззараживаю-

щихъ (дезинфекціонныхъ) камеръ въ то время въ Петербургѣ ни одной не было. Вспомнилось о банѣ, но тутъ же и оборвалось желаніе омыться въ ней: было не безопасно (въ санитарномъ отношеніи) явиться въ это чистилище человѣческихъ тѣлъ. Оставалось одно (какъ и прежде) ѣхать домой, гдѣ и заняться обеззараживаніемъ своей персоны. Жена, навѣрно, догадалась и приготовила ванну, а это—половина дѣла. По дорогѣ въ головѣ все вертѣлась мысль, какъ бы не перенести куда либо заразы. Жена дѣйствительно меня поджидала и сама отворила дверь, увидя въ окно, что я подѣхалъ.

— Что, какъ дѣла?—заговорила она торопливо:—ужъ не чума ли?

— Того хуже,—отвѣтилъ я:—отойди отъ меня подальше и пришли все для переодѣванья въ кабинетъ. Готова ли ванна?

— Конечно, все къ твоимъ услугамъ. Но что же можетъ быть хуже чумы?—назойливо допытывалась моя подруга жизни.

— «Черная смерть»,—сухо отрѣзалъ я:—уйди, пожалуйста, съ дороги, пропусти въ кабинетъ и не приставай съ допросами, пока не очишусь.

Въ кабинетѣ ярко топился каминъ: съ наслажденіемъ я снялъ съ себя все, что было на мнѣ надѣто, и сжегъ въ каминѣ. Вздохнулось полегче; омылся, очистился, одѣлся во все свѣженькое и донельзя былъ доволенъ, что выполнилъ скучную процедуру до встрѣчи съ моими дѣтьми, съ своею семьею.

Перекусивъ на скорую руку и удовлетворивъ насколько можно любознательность жены (дабы она вѣдала, что надо сдѣлать по моему отвѣздѣ), я покатилъ къ доктору Б—л—ну. Онъ жилъ въ Московской части и въ полуденные часы обыкновенно бывалъ дома.

— Доложи поскорѣ барину,—говорилъ я, раздѣваясь въ передней,—что мнѣ необходимо его сію минуту видѣть.

— Да вотъ они сами?—доложилъ Иванъ (онъ былъ своего рода тоже знаменитость по умѣнью различать посѣтителей и давать каждому подобающую цѣну), указывая на залу.

— Чѣмъ обязанъ,—скороговоркою спросилъ хозяинъ:—ужъ не чума ли гдѣ объявилась въ столицѣ? Нынче мода на эту болѣзнь.

— Чума не чума, а что-то въ родѣ ея.

— Что же можетъ быть «въ родѣ ея»?

— «Черная смерть».

— Что такое?

— Черная смерть,—повторилъ я съ удареніемъ на «черная».

— Одни раки гибнутъ красною смертью,—подтрунилъ Б—л—нъ,—люди же обязательно чернѣютъ.

— Всѣ, да не всѣ, и притомъ не такъ, какъ въ данномъ случаѣ, когда смерть приходится опредѣлять еще на дышащемъ больномъ.

— Ну, ладно, разберемся потомъ, что красно, что черно. Скажите, въ чемъ дѣло. Пойдемте въ кабинетъ, тамъ лучше слушается.

Мы помѣстились въ уютной комнаткѣ, совсѣмъ уединенной; хозяинъ предусмотрительно заперъ дверь на задвижку.

Кратко я изложилъ суть дѣла и просилъ немедля озаботиться принятіемъ санитарно-гигіеническихъ мѣръ по отношенію къ хворавшей (а, можетъ быть, уже мертвой), къ ея квартирѣ, обстановкѣ, словомъ ко всему обиходу. Въ моемъ докладѣ я рѣзко выдвинулъ на видъ связь между видѣннымъ мною заболѣваніемъ и вещами, присланными съ юга. Представитель административной медицины сначала слушалъ меня съ какою-то ироніею; она куда-то вдругъ соскользнула, когда я напомнилъ, куда обращены окна неблагополучной квартиры.

— Дѣлать нечего,—полусомнительно заговорилъ Б—л—нъ:—быть по-вашему. Сейчасъ созову товарищей, и мы отправимся всѣ купно на борьбу съ черною смертью. Вы вѣдь знаете, что въ подобныхъ случаяхъ, согласно съ сдѣланными распоряженіями, я долженъ ѣхать въ составѣ полной комиссіи, а именно: я самъ и шесть старшихъ же врачей. Въ такомъ комплектѣ мы въ силахъ выполнить все, что признаемъ необходимымъ, и что только можно сдѣлать, для ограниченія всякихъ случайностей.

Время злополучнаго дня не бѣжало, а летѣло. Былъ четвертый часъ по полудни, когда я вновь очутился на улицѣ; мнѣ невыносимо хотѣлось повидаться съ профессоромъ терапевтической клиники С. П. Б—нымъ; я зналъ, что въ это время онъ никогда не бываетъ дома, тѣмъ не менѣе поѣхалъ къ нему на «авось». Судьба мнѣ благопріятствовала: я встрѣтилъ профессора на Галерной улицѣ. Завидя меня, С—й П—ъ остановилъ свою коляску и скороговоркою спросилъ:

— Вы ко мнѣ?

— Да, профессоръ, очень тяжелая больная у меня на рукахъ, не хотите ли посмотреть, но медлить некогда.

— Мнѣ сейчасъ положительно нѣтъ времени. Меня задержали дома, и я безъ того запоздалъ. Говорите скорѣе, въ чемъ дѣло, нуженъ ли я, какъ врачъ или какъ діагностъ.

— Собственно говоря, ни въ томъ, ни въ другомъ надобности нѣтъ. Возможная врачебная помощь подана, распознаваніе установлено. Нужны же вы для установки доказательствъ, что въ нашей столицѣ встрѣчаются опасныя захварыванія сомнительнаго происхожденія.

— Ужъ не чума ли опять?—задумчиво спросилъ профессоръ.

— Да, очень близко къ ней, совсѣмъ близко.

— Если я не нуженъ, ни какъ врачъ, ни какъ діагностъ, то лучше увольте меня отъ лишняго визита. Полиціи дали знать?

— Конечно, о всемъ лично я передалъ главному врачу.

— Значить, все будетъ сдѣлано, согласно съ указаніями медицины. Этому я вѣрю и вполнѣ сочувствую: шесть врачей явятся на работу, а это вѣдь не шутка, это — «все, что требуется» для погашенія какихъ бы то ни было заболѣваній. Я рѣшилъ нѣкоторое время остаться въ сторонѣ и безъ спроса своего мнѣнія не подавать. Вы, конечно, правы, предлагая мнѣ оцѣнить еще одинъ случай; я весьма благодаренъ вамъ за него. Буду же отвѣчать только на официальные запросы, не иначе. Не посердитесь за нѣкоторую сухость высказаннаго, но въ данное время я иначе поступить не могу. Заѣзжайте вечеромъ, потолкуемъ на досугѣ, такъ какъ случай вашъ мнѣ, конечно, небезынтересенъ. Я знаю, что въ столицѣ попадаются какія-то тяжкія заболѣванія, очень скоротечныя и печальныя по исходу, но не успѣлъ еще разобраться въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

На другой день, утромъ, мнѣ доложили, что ко мнѣ пришелъ фельдшеръ отъ доктора Б—л—а и желаетъ видѣть меня «наединѣ». Я попросилъ позвать пришедшаго въ кабинетъ. Фельдшеръ вошелъ, аккуратно, плотно затворилъ за собою дверь и чуть не шопотомъ изложилъ слѣдующее:

— Его превосходительство приказали доложить, что больная ваша скончалась около 6-ти часовъ по полудни, почти слѣдомъ за осмотромъ ея комиссіею. Всѣ распоряженія были отданы, и трупъ уложенъ въ гробъ съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ обеззараживанія. Усопшая погребена въ ночь на сегодняшній день на одномъ изъ столичныхъ кладбищъ. Квартира за ночь вся передѣлана и вычищена; если желаете, то можете осмотрѣть. Почти весь вечеръ и всю ночь при работѣ присутствовали наши врачи и мы: одни были при погребеніи, другіе — при чисткѣ жилья. Письменнаго извѣщенія вамъ доставлено не будетъ.

— Очень благодаренъ за сообщенныя свѣдѣнія. Поблагодарите вашего главнаго врача отъ моего имени и передайте мое сожалѣніе, что онъ не нашелъ времени черкнуть мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ.

— Этого сдѣлать, его превосходительство сказали, никакъ нельзя до поры, до времени. Можетъ быть, потомъ удастся прислать вамъ копію съ протокола (обѣщаніе осталось не исполненнымъ).

Изложенный случай хворанія, смерти и погребенія протекъ на глазахъ у многихъ лицъ. Былъ ли онъ единичнымъ, осталось впросомъ и до сего времени. Молва гласила, что подобныхъ несчаст-

ныхъ случайностей насчитывалось очень немного и врядъ ли болѣе двухъ десятковъ. Могло ихъ быть и нѣсколько сотенъ, что, по существу дѣла, вполне безразлично. Безусловно важно, что опасно-тяжкія захварыванья въ тѣ дни какого бы то ни было характера строго обставлялись въ врачебно-санитарномъ отношеніи, и въ особенности въ профилактическомъ, т.-е. въ предохранительномъ отъ возможности разноса заразы, если бы таковая была въ любомъ изъ наблюдавшихся заболѣваній. Вездѣ и всюду трудились врачи; населеніе столицы это знало официально и вѣрило, что ничего не будетъ упущено для его здравоохраненія. Работала не одинокая физическая, карантинная сила, а всюду бѣдѣ противопоставлялось знаніе и указаніе врачебной науки.

Жизнь петербуржцевъ въ то же время шла повседневною колею; нигдѣ не замѣчалось даже слѣдовъ паники; чувство страха предъ непрощенною гостью тоже куда-то улетучилось. Можетъ быть, кое-кто и трусилъ, но, такъ сказать, «втихомолку», не подавая о томъ никакого вида. Днемъ люди работали, а вечеромъ отдыхали у своихъ очаговъ. Собирались петербуржцы и на болѣе обставленные вечеринки, въ видѣ роскошныхъ раутовъ. На нихъ всевѣдущіе горожане изъ рода Бобчинскихъ разрѣшались иногда фразою: «а сегодня опять кого-то хоронили ночью...», и замолкали на полусловѣ, убѣдившись, что ихъ сказки не по душѣ собесѣдникамъ, а тѣмъ болѣе—собесѣдницамъ.

Послѣдующее двадцатипятилѣтіе жизни населенія Европы было при появленіи остро заразныхъ заболѣваній очень схожимъ съ тѣмъ, что имѣло впервые мѣсто на нашей родинѣ въ 1879 году. На международныхъ совѣщаніяхъ врачей въ Римѣ, Вѣнѣ, Венеціи и проч. строго установлено отдавать предпочтеніе врачебно-санитарнымъ мѣропріятіямъ при погашеніи очаговъ какихъ бы то ни было заразъ. Практически этимъ путемъ была ведена борьба съ вспышкою холеры въ Парижѣ, въ дни послѣдней, международной выставки. Холера свирѣпствовала на сѣверѣ Испаніи; въ Парижѣ же были только одиночные случаи, нисколько не помѣшавшіе выставочной сутолокѣ. У насъ, въ дни нижегородской выставки, холера бушевала на югѣ, въ низовьяхъ Волги. Въ Нижнемъ Новгородѣ были тоже единичные случаи въ довольно большомъ числѣ, тѣмъ не менѣе выставка закончилась благополучно, безъ повальныхъ захварываній. Недавно (въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка) въ Вѣнѣ наблюдались несомнѣнные случаи чумы, удостовѣренные бактериологическими изслѣдованіями. Отъ этой чумы умерло не болѣе пяти человѣкъ. Карантинное оцѣпленіе неблагополучныхъ домовъ если и потребовалось, то преимущественно для защиты хворавшихъ отъ любознательныхъ глазъ; для погашенія заболѣваній работали день и ночь врачи, въ сотрудничествѣ съ медицинскимъ персоналомъ и сестрами милосердія.

Н. П. Черепнинъ.

«ЗЪЛО ДОСАДИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ».

Разсказъ.

I.

РЪ СЕЛѢ ЮРЦЕВѢ на завтра ожидался прїѣздъ архіерея, а потому съ ранняго утра въ немъ поднялась страшная спѣшка: всѣ юрцевцы бѣгали, кричали, хлопотали, спѣша во что бы то ни стало до прїѣзда высокаго гостя все пообчистить и прибрать, или, какъ выражался юрцевскій дьяконъ Агаѳоникъ, — «все покрыть лакомъ благолѣпія и на все навести глянецъ велелѣнія». Одна часть крестьянъ по наряду сельскаго старосты занялась починкой дороги и двухъ полуразвалившихся мостовъ, черезъ которые долженъ завтра «прослѣдовать» его преосвященство; другая — почти весь день убирала съ кладбища лошадиный и коровій пометъ и оправляла изрытыя поповыми свиньями могилы. Бабы и дѣвки мыли въ церкви полы и чистили подсвѣчники. Церковный староста со сторожемъ Ѳедотомъ опахивали съ иконостаса пыль и паутину и вставляли въ паникадило новыя, только что обожженные, свѣчи, а о. Михаилъ съ дьякономъ тщательно перетирали священные сосуды и приводили въ надлежащій порядокъ ризницу и церковную библіотеку. Однимъ словомъ, всѣмъ было дѣла по горло. Но едва ли не болѣе всѣхъ хлопоталъ и волновался юрцевскій дьячекъ Акимычъ. Оно, впрочемъ, и понятно: завтра ему предстояло править «архіерейскую» службу, а человекъ онъ былъ робкій и до невѣроятности конфузливый. Одно слово «архіерей» приводило его въ неописанный тре-

петь и «священное» содроганіе. Правда, всѣ службы церковныя, «яже уложены суть въ типиконѣ», онъ зналъ, какъ говорится, «къ зубу» и голосомъ обладалъ «зѣло добропорядочнымъ», но не въ знаніи и не въ голосѣ было дѣло, а въ чтеніи: читалъ онъ «неудобовнятно» и торопливо—вотъ въ чемъ закавыка. За пятнадцать лѣтъ дьячества языкъ его, по его собственному выраженію, такъ «измочалился», такъ истрепался и изоврался, что нѣтъ-нѣтъ—да слово-то священное такъ перекроить, что самому потомъ тошно становится. При о. Михаилѣ-то это еще куда ни шло: о. Михаилъ иное слово и самъ путемъ не знаетъ, а если и знаетъ да замѣтитъ, то пожурить такъ слегка—и всему дѣлу конецъ. А вотъ если при архіереѣ-то такая музыка выйдетъ, тогда—что? Архіерей-то вѣдь—не то, что о. Михаилъ: онъ всяко слово, говорятъ, знаетъ и въ случаѣ чего—такого шнелеру подсыплетъ, что на всю жизнь въ памятку будетъ. Грозный онъ, суровый и, между прочимъ, терпѣть не можетъ невнятнаго и торопливаго чтенія въ церкви. Акимычъ это и раньше зналъ и, зная, дрожалъ за себя, а тутъ еще о. Михаилъ загвоздку ему загнулъ...

— Ты, Акимычъ, смотри, не злохудожествуй! — сказалъ онъ ему сегодня послѣ службы.—Помни, что ты предъ лицомъ владыки читать будешь, а владыка-то, самъ знаешь, хоть и благоутробенъ и благолюбивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и остръ вельми и досягаетъ все нѣкрѣпко. Ты ужъ какъ нибудь умали претыканія-то, а то, чего добраго, и мнѣ нагорить изъ-за тебя. Не рыкай, главное дѣло, не борзись, а чти, якоже подобаетъ по чину: съ раченіемъ, красно, благославно и помазанно. Никто, вѣдь, сзади тебя съ кнутомъ не стоитъ да не подхлестываетъ, ну, и не заминай, не противогласи! Обрати особенное вниманіе на «трисвятое». Вѣдь у тебя что выходитъ? Вѣдь у тебя вмѣсто «святыи Боже, святыи крѣпкій»-то—«святыи бе-се-рѣпкій» выходитъ! Вмѣсто «Господи помилуй 40 разъ»—какое-то нелѣпое «помил-ось, помил-ось, помил-ось»! Вмѣсто «аллилуія, аллилуія, аллилуія»—«ѧлилуй-ѧлилуй-ѧлилуй, слав-ти, Боже!» Вмѣсто «тѣи спяти быша»—«тѣи спятъ и быша»... А «иже на всякое время»? Вѣдь срамота одна, да и только! И какъ это тебя угораздитъ, скажи ты мнѣ на милость, всякій разъ перейти съ «иже» на «вѣрую»? Просто удивительно и непостижимо! Книга передъ глазами,—нѣтъ, дуешь себѣ «вѣрую», да и все тутъ!... Такъ смотри, говорю,—не злохудожествуй! А то худо будетъ! Слышь?..

И вотъ бѣдный Акимычъ—самъ не свой. Съ лихорадочной поспѣшностью приведши въ порядокъ на клиросѣ богослужебныя книги, уставивши среди церкви возвышеніе и «сѣдалище» для архіерея, перемѣнивши пелену на аналоѣ и вычистивши, какъ зеркало, оба кадила, онъ захватилъ съ собою апостолъ, часословъ и мѣсячную mineю, заперся у себя въ боковушкѣ и все читаетъ, все читаетъ...

— Акимычъ! — полуотворивши дверь, робко позвала мужа дьячиха.

— «Свя-тый Боже, свя-тый крѣпкій»...

— А Акимычъ!

— Ну, что?.. «Свя-тый безсмертный»...

— Иди, што ль, обѣдать-то!

— Ахъ, отстань ты, пожалуйста! Завтра такое, можно сказать, испытаніе, а она съ обѣдомъ тугъ своимъ!.. «Святы бе-се-рѣпкій, помилуй насъ»!...

— Да вѣдь надо же обѣдать то, али нѣтъ?

— Тыфу, дура! Изъ-за тебя опять вотъ по-старому пошло!.. «Свя-тый Боже, святой крѣпкій»...

Дьячиха притворила дверь, подождала немного и потомъ сѣла вмѣстѣ съ ребятами обѣдать, а Акимычъ снова принялся читать, десятками разъ повторяя «предательскія» мѣста. День уже совсѣмъ померкъ, и дьячиха съ ребятами успѣла уже вечерній чай отпить, а Акимычъ все читалъ. Въ горлѣ у него пересохло, въ глазахъ ломота появилась, закапанныя воскомъ и тускло освѣщаемыя оплывшей сальной свѣчкой буквы начали какъ-то странно прыгать и вертѣться, а онъ все читалъ, все читалъ...

— «Господи, помилуй! Господи, помилуй!... Иже на всякое время и на всякій часъ на небеси и на земли поклоняемый и славимый— глаголавшаго пророки. Во едину святую, соборную и апостольскую церковь»... Тыфу! Опять на «вѣрую» съѣхалъ!.. «поклоняемый и славимый, Христе Боже... поклоняемый и славимый, Христе Боже... Христе Боже»...— непрерывно и мучительно-однообразно и надолѣдливо, точно жужжаніе осенней мухи, доносился изъ боковушки охрипшій речитативъ Акимыча.

А то вдругъ онъ заводилъ апостоль.

— «Ко евреямъ послаанія-а апостола Пааавла чтеніе-е-е!»— гудѣло на низахъ въ дьячковой боковушкѣ и потомъ, постепенно повышаясь и разростаясь, перекидывалось изъ боковушки на улицу и рокотомъ перебѣгало черезъ площадь, теряясь гдѣ-то за поповымъ садомъ.

— Что эфто, православные, какъ укатъ? а?— поровнявшись съ кучкой крестьянъ, еще засвѣтло пришедшихъ изъ дальнихъ деревень посмотреть завтра на архіерея, спросилъ Максимка Шушера изъ Загвоздья.

— А эфто, вишь, Акимычъ ревить! Готовится, значить. Потому завтра, бають, экзаментъ ему будетъ... Ишь какъ вычитывать! Молодецъ—одно слово...

Уже поздно ночью, когда на селѣ вездѣ потухли огни, Акимычъ кончилъ свое приготовленіе и, измученный въ конецъ, наскоро поужиналъ остывшими щами, намаслилъ деревяннымъ масломъ и заплелъ въ косичку свои жиденькіе волосики и, усердно

помолившись Богу, завалился спать. Но и во время сна, должно быть, не оставляла его въ покоѣ тревожная мысль о завтрашнемъ «испытаніи», потому что онъ то и дѣло ворочался съ боку на бокъ, охалъ, стоналъ и что-то безсвязно бормоталъ—не то «вѣрую», не то «иже на всякое время»...

— Акимычъ, Акимычъ, да что ты, Христосъ съ тобой?—всакивала дьячиха.

— Ммм-ням... Святы бе-се-рѣпкій, помилуй насъ!..

II.

На слѣдующій день въ назначенное время къ паперти юрцевской церкви подкатила архіерейская карета. Тотчасъ же послѣ «встрѣчи» началась обѣдня, а вмѣстѣ съ нею — и «зѣло досадительный случай» въ жизни юрцевскаго дьячка Акимыча. Блѣдный, поминутно вздрагивая отъ какого-то внутренняго холода, стоитъ онъ среди церкви и, боясь оглянуться назадъ,—туда, гдѣ залитый горячими волнами іюньскаго солнца, въ парчѣ и золотѣ, сидитъ на возвышеніи грозный владыка, — прерывающимся отъ волненія голосомъ читаетъ «часы». Читаетъ, а самъ про себя молится: «Господи, пронеси! Царь Небесный, помоги! Заступница усердная, поддержи и охрани!»...

И сначала все шло хорошо. Хотя и негромко, неувѣренно и съ замѣтной дрожью въ голосѣ, но зато безъ грубыхъ ошибокъ, безъ особыхъ «претыканій» и «не борзаясь» прочиталъ Акимычъ и первое «трисвятое», и псалмы, и второе «трисвятое» третьяго часа. Онъ уже нѣсколько ободрился и болѣе твердо принялся за «кондакъ» святаго, какъ вдругъ предъ нимъ мельнуло внизу страницы страшное «иже на всякое время».

— Боже мой, какъ бы на «вѣрую» не съѣхаты!—опасливо подумалъ Акимычъ, и отъ одной этой думы холодный потъ выступилъ у него на вискахъ. Онъ растерянно покосился нѣсколько вправо и, какъ на зло, встрѣтился съ упорно устремленнымъ на него изъ алтаря чрезъ открытыя царскія двери взглядомъ о. Михаила: очевидно, и тотъ ждалъ этого же самаго предательскаго «иже на всякое время» и не менѣе Акимыча волновался. Холодная, знобящая дрожь пробѣжала у послѣдняго по спинѣ...

— Господи, помилуй! Господи, помил-ось! Помил-ось, помил-ось, помил-ось!..—отчаянно забормоталъ было Акимычъ «Господи, помилуй—40 разъ», которое полагается предъ «иже на всякое время», и которое, волнуясь за «иже», онъ совершенно опустилъ изъ вида, и вдругъ осѣкся...

— Читай, какъ слѣдуетъ! — раздался сзади его грозный владычній окрикъ.

Акимычъ присѣлъ, точно кто ударилъ его по поджилкамъ, и разомъ замолкъ.

— Ну, что жъ ты? Читай!—еще грознѣй шарахнулъ его по теменю тотъ же властный голосъ.

— Господи, помилуй! Господи, помил-ось, помил-ось, помил-ось!..

— Тьфу, дуракъ! Клади по пальцамъ!

Ручьи пота побѣжали по тѣлу Акимыча. Въ глазахъ потемнѣло. Въ ушахъ зазвенѣло. Языкъ пересохъ, одеревенѣлъ и намазаннымъ шкворнемъ закрипѣлъ во рту:

— Помил-ось, помил-ось, помил-ось!..

— Молчи! Не богохульствуй! Читай «иже»!

Едва держась на ногахъ, не видя ни аналоя, ни книги, Акимычъ часто-часто, захлебываясь и какъ-то по-птичь, пискливо зачиталъ:

— «Иже на всякое время и на всякій часъ на небеси и на земли покланяемый и славимый—глаголавшаго пророки. Во едину святую, соборную и апостольскую церковь»...

— Что-о-о?!

— «...Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ»...

— Ка-а-къ?!

— «...Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь».

— Да ты въ умѣ?

— «Господи, помил-ось, помил-ось, помил-ось!.. Именемъ Господнимъ благослови, отче!».

— Не «отче», а «вла-ды-ко»!

— Владыко, благослови!

Но благословляющаго владычнаго возгласа такъ и не послѣдовало. Тишина въ церкви настала мертвая. Всѣ молча, съ замираніемъ сердца, слѣдили за разыгрывающею предъ ними драмой. Только въ углу у лѣваго клироса кто-то тихо и нудно всхлипывалъ: то дьячиха, зажавши платкомъ ротъ, мучилась за своего Акимыча.

Прошла минута, тяжелая, долгая, томительная, послѣ которой какъ-то особенно отчетливо и выразительно-гнѣвно раздалось съ архіерейскаго мѣста:

— Поди-ка сюда, любезнѣйшій!

Колеблющимся шагомъ, не видя ни празднично-нарядной толпы народа, ни недоумѣнно-вытянутыхъ фізіономій ключаря, благочиннаго и прочаго, пріѣхавшаго съ архіереемъ, духовенства, безъ мысли въ страшно отяжелѣвшей и точно раскаленнымъ обручемъ сжатой головѣ, двинулся Акимычъ къ архіерейскому возвышенію, шагнулъ разъ, шагнулъ другой, третій—и вдругъ, какъ снопъ, грузно свалился на колѣна и, склонившись лицомъ къ самому полу, неудержимо и громко, по-ребячьи зарыдалъ:

— Батюшка, владыко, ваше преосвященство, не наказуй! Видитъ Богъ,—готовился я, изъ всѣхъ силъ старался, всю ноченьку не спалъ, но языкъ мой дьячій такъ измотался, такъ изоврался, что ты что хошь съ нимъ дѣлай, а онъ все свое гнетъ, все въ свою сторону воротить... Я хочу—«иже», а онъ—«вѣрую»; я—«святой Боже», а онъ—«святые бе-се-рѣпкій»... Ну, все и пойдетъ шиворотъ-навыворотъ!.. И ты, пожалуйста, ужъ не наказуй! Прости! Помило-сердуй! Потому, вникни ты и разсуди своимъ архіерейскимъ сердцемъ: самъ я старѣть ужъ почалъ, пятнадцать лѣтъ, какъ дьячу. А тутъ еще дьячиха, куча ребячь... Ну, куда я пойду? На что я гождь?..

По церкви тихо и сдержанно пробѣжала изъ конца въ конецъ волна всеобщаго сочувствія къ неподдѣльному горю бѣднаго Акимыча. Мало-по-малу грозная складка между бровями архіерея разгладилась, лицо прояснилось, и онъ, наклонившись къ Акимычу, мягко проговорилъ:

— Встань и иди съ миромъ въ домъ твой: не ты виноватъ, а діаволь, тебя уязвившій... Борись съ нимъ, и благодать Божія да вспомошествоуетъ тебѣ!..

Точно сквозь сонъ помнить Акимычъ, какъ увели его изъ церкви домой и уложили въ постель, какъ приходилъ потомъ послѣ обѣдни къ нему на домъ самъ грозный владыка и о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ его дьячихой. Кромѣ этого, все куда-то исчезло, все куда-то провалилось, въ какую-то темную, бездонную, полную какихъ-то нелѣпныхъ, безобразныхъ призраковъ пропасть, изъ которой онъ вынырнулъ обратно на свѣтъ Божій лишь черезъ два съ половиной мѣсяца. Бѣдная дьячиха совѣмъ извелась за это время, ни на минуту не покидая своего больного мужа, который то и дѣло вскакивалъ и дико, безумно бормоталъ:

— Не наказуй! Слышь?.. Святые бе-се-рѣпкій, помилуй насъ!..

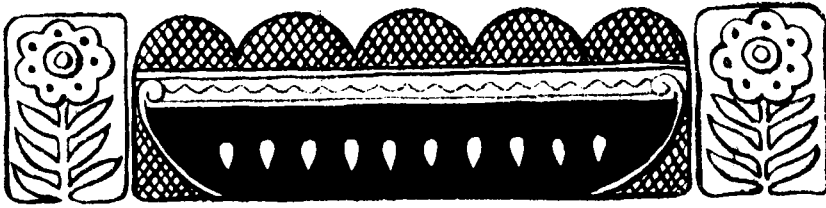
— Полно, полно, родной! Успокойся! Все обошлось похорошему. Самъ владыка былъ, все простилъ и даже на лѣченье далъ... Успокойся!..

Спнній, неимовѣрно исхудавшій, съ прядями сѣдыхъ волосъ, поднялся Акимычъ съ постели и почти тотчасъ же принялся за борьбу съ своимъ заклятымъ ворогомъ—языкомъ.

Перваго октября онъ въ первый разъ послѣ только что описаннаго «зѣло досадительнаго случая» правилъ службу въ родной своей юрцевской церкви—и, о ужасъ! въ одномъ мѣстѣ съ «иже» онъ опять таки съѣхалъ на «вѣрую», а вмѣсто «Господи, помилуй!» опять-таки зачастилъ: «помил-ось, помил-ось, помил-ось!» Но онъ самъ мнѣ разказывалъ, что это случается съ нимъ все рѣже и рѣже, а въ будущемъ, надѣется, и совѣмъ прекратится.

— Главное, знаешь, тутъ что? Главное: бди, не давай дьяволу злохудожному и нерадивому овладѣть тобой! Овладе́лъ онъ тобой—и пиши все пропало: опять на «вѣрую» и скакнешь, будь ему неладно!..

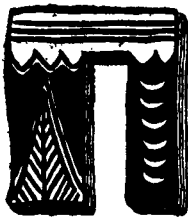
Д. М. Березкинъ.

ВЪ МАНЧЖУРІИ ¹⁾.

II.

За и противъ Манчжурской желѣзной дороги. — Русская торговая предпріимчивость въ Манчжуріи. — Хунхуэизмъ и борьба съ нимъ. — Пограничная стража. — Какъ живутъ русскіе люди въ Манчжуріи. — Общественная безопасность и мѣры ея обезпеченія. — Казни.

ПОЖИВЪ нѣкоторое время въ Манчжуріи и видя массу примѣровъ того, какъ хорошо уживаются съ нами китайцы и въ какой степени усваиваютъ русскую культуру, нравы и обычаи, — нельзя не задаться невольнo вопросомъ, чѣмъ объясняется это явленіе, на первый взглядъ столь странное, если принять во вниманіе пресловутую изолированность китайцевъ и «ихъ премудрое незнаніе иноземцевъ». Не разъ приходилось мнѣ говорить по этому поводу съ людьми, прожившими въ Манчжуріи съ самаго начала постройки желѣзной дороги, лѣтъ 7—8, то-есть, по-здѣшнему, настоящими старожилыми, знатоками мѣстной жизни и ея условій, и всѣ въ одинъ голосъ выражали мнѣніе, что главная причина этого — мирный характеръ завоеванія нами этого края. Манчжурію покорила Россіи желѣзная дорога — въ этихъ словахъ выражается мнѣніе большинства, и если въ нихъ и можетъ послышаться нѣкоторое преувеличеніе, то во всякомъ случаѣ въ нихъ много и правды. Нельзя, конечно, отрицать, что положеніе наше въ Манчжуріи особенно упрочилось послѣ 1900 года, благодаря славнымъ подвигамъ нашихъ доблестныхъ войскъ, но, съ другой стороны, относясь къ нимъ, понятно,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 608.

съ самымъ глубокимъ чувствомъ уваженія, надо помнить, что театромъ ихъ служила менѣе всего именно Манчжурія, гдѣ къ тому времени уже почти законченъ былъ процессъ «мирнаго завоеванія»: воевать пришлось въ Тянь-цзинѣ, подъ Пекиномъ, въ Печилійской области, въ Манчжуріи же наши военныя дѣйствія выражались преимущественно въ преслѣдованіи хунхузозъ—враговъ всякаго порядка, все равно китайскаго или русскаго. Самое же населеніе, которое уже въ то время знало русскихъ по ихъ мирной дѣятельности въ краѣ, было и тогда къ нимъ настолько расположено, что, по рассказамъ очевидцевъ, если и бывало вынуждено, подъ постороннимъ вліяніемъ, начинать преслѣдованіе русскихъ во время объявленной тогда весь Китай общей смуты, то китайцы, мѣстные жители, заранѣе предупреждали объ этомъ своихъ невольныхъ жертвъ и давали имъ опредѣленный срокъ на спасеніе заблаговременнымъ оставленіемъ той мѣстности, гдѣ предполагалось преслѣдованіе.

Все это, разумѣется, вполне естественно, если только принять во вниманіе, какое значеніе представляетъ желѣзная дорога для самой Манчжуріи и ея населенія. Она открыла странѣ такіе горизонты, о которыхъ эти когда-то чуть ли не наиболѣе глухія три провинціи Китая и мечтать не могли. Насколько велика въ этомъ отношеніи заслуга, оказанная Манчжуріи русскою желѣзною дорогою, объ этомъ можно судить, кажется, лучше всего потому, что даже такіе очевидцы, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ излишнемъ расположеніи къ Россіи, какъ, напримѣръ, корреспонденты нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ, бывавшіе въ Манчжуріи до водворенія въ ней русскихъ, прямо поражены были тѣмъ, что они увидѣли, когда вновь посѣтили ее послѣ того.

Что касается того значенія, какое представляетъ и можетъ представлять въ будущемъ Манчжурская желѣзная дорога для Россіи,—оцѣнка этого значенія всецѣло принадлежитъ будущему, но во всякомъ случаѣ нельзя не упомянуть о томъ, что въ этомъ отношеніи мнѣнія не столь единодушны, и желѣзная дорога имѣетъ и убѣжденныхъ противниковъ. Среди нихъ едва ли не первое мѣсто принадлежитъ амурцамъ, т.-е. жителямъ расположенныхъ по Амуру городовъ, которые съ постройкою этой дороги должны были поневолѣ надолго отказаться отъ ихъ завѣтной мечты проведенія желѣзной дороги по Амуру и, по ихъ мнѣнію, обречены теперь на полное увяданіе.

Трудно сказать, насколько опасность эта представляется дѣйствительною, и во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличивать ее, имѣя въ виду, что грузовому движенію по Амуру не могутъ нанести серьезный вредъ никакія желѣзныя дороги, какъ не могутъ онѣ вообще нанести его никакому водному пути, съ которымъ для нихъ нѣтъ возможности конкурировать своими тари-

фами. А что Манчжурской желѣзной дорогѣ предстоитъ громад-ная будущность и безъ того, чтобы она наливалась на счетъ дру-гихъ путей,—это несомнѣнно уже и теперь, когда даже нормальное движеніе по ней еще не вполне наладилось. Понятно, что въ нѣ-которыхъ отношеніяхъ дорога не оправдала расчетовъ и ожида-ній строителей ея и, между прочимъ, и въ томъ, что распределе-ніе участковъ ея по ихъ значенію и доходности оказалось въ дѣйствительности нѣсколько инымъ, чѣмъ это предполагалось за-ранѣе.

Та вѣтка, которая называется главною, т.-е. отъ станціи Манч-журіи до Пограничной на Владивостокъ, оказалась не главною, а второстепенною. Оживленное пассажирское движеніе по ней совер-шается лишь между Манчжуріею и Харбиномъ, откуда бѣльшая часть пассажировъ направляется по южной вѣткѣ на Портъ-Ар-туръ, пріобрѣтшій за послѣднее время столь исключительное зна-ченіе. Грузовое движеніе на этой части пути совершается лишь транзитомъ, такъ какъ все почти пространство между Манчжуріею и Харбиномъ представляетъ собою сплошную степь, почти безъ населенныхъ пунктовъ, съ однимъ или двумя болѣе или менѣе значительными торговыми центрами, промышленяющими къ тому же почти исключительно скотомъ, который на небольшія сравнительно разстоянія не перевозится, а просто перегоняется. Нѣсколько ожи-вленнѣе грузовое движеніе на пространствѣ между Харбиномъ и Пограничною, гдѣ торговля живѣе въ такихъ пунктахъ, какъ, на-примѣръ, Ажехэ или Нингутѣ. Но пассажирское движеніе на этой части пути не особенно значительно, такъ какъ главная масса пас-сажировъ направляется не на Владивостокъ, а на Портъ-Артуръ.

Наиболѣе оживленною и доходною является южная вѣтка, про-рѣзывающая густо населенный хлѣбородный районъ средней и юж-ной Манчжуріи. Особеннымъ оживленіемъ отличается она, начиная отъ станціи Куапченцзы, разросшейся изъ небольшого сравнительно торговаго городка, какимъ была она до постройки дороги, — въ крупный торговый центръ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могущій конкурировать даже съ Харбиномъ. Но, понятно, значеніе глав-нѣйшаго центра торговой жизни въ Манчжуріи остается все-таки за Харбиномъ, благодаря его исключительному положенію въ мѣстѣ скрещенія вѣхъ трехъ участковъ желѣзной дороги и при томъ еще на важнѣйшемъ водномъ пути Манчжуріи—рѣкѣ Сунгари. Здѣсь жизнь буквально ключемъ бьетъ. На рѣкѣ стоятъ десятки баржъ и пароходовъ, по самому берегу проведена желѣзная до-рога, съ которою рѣчной путь производитъ непрерывный обмѣнъ своими грузами, въ воздухѣ стонъ стоитъ отъ лязга вагонныхъ колесъ, ударовъ буферовъ, суетни рабочихъ-грузчиковъ, окликовъ десятниковъ, пароходныхъ паровыхъ свистковъ и всякихъ дру-гихъ самыхъ разнообразныхъ звуковъ, являющихся одною изъ

характерныхъ особенностей жизни всякаго портового города. Та же характерная особенность выражается и въ составѣ населенія Харбина, необычайно пестраго, какъ вообще во всякомъ портовомъ городѣ. Кого, кого только здѣсь нѣтъ! Кромѣ русскихъ и китайцевъ, такъ сказать, естественныхъ представителей мѣстнаго населенія, здѣсь толкуются во множествѣ и татары, въ своихъ бешметахъ и плоскихъ каракулевыхъ шапочкахъ, съ рѣзкими скулами лица и съ неизмѣнною остроконечною бородкою цвѣта ржавчины; и кавказцы, обвѣшанные оружіемъ, въ громадныхъ высокихъ папахъ, въ высокихъ сапогахъ, сами высокіе, рослые, могучіе; и греки низенькіе, юркіе, бритые, съ рѣзкими движеніями, съ маленькими бѣгающими глазами, въ которыхъ все время играетъ какой-то огонекъ любопытства; и балканскіе славяне, какимъ-то чудомъ попадающіе сюда на этотъ конецъ свѣта, нерѣдко въ своихъ національныхъ костюмахъ, стройные, съ свѣтлыми, наивными глазами, придающими имъ видъ какъ будто бы взрослыхъ дѣтей; и, наконецъ, японцы, японцы и японцы, миниатюрныя фигурки, со своими тоненькими, плоскими разрѣзами вмѣсто глазъ, какъ бы оттянутыми у висковъ внизъ, съ торчащими ниточками вмѣсто усовъ,—совершенныя куклы плохого издѣлія, съ холодно-безстрастнымъ, неподвижнымъ, какъ бы застывшимъ выраженіемъ лица, которое, однако, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто сохраненіе этого выраженія стоитъ имъ невѣроятныхъ усилій воли.

И весь этотъ народъ, или, вѣрнѣе говоря, всѣ эти народы торгуютъ, кто чѣмъ и какъ можетъ, собирая обильную дань съ дѣвственной доселѣ торговой почвы края. При этомъ почему-то торговля спеціальности распределены среди этого пестраго разноплеменнаго населенія какъ будто бы по національностямъ: почти всѣ булочныя принадлежатъ грекамъ; мануфактурными товарами торгуютъ преимущественно татары; японцы почти всѣ парикмахеры или содержатели тѣхъ домовъ, о которыхъ не принято говорить въ печати. Почему это такъ, рѣшать не берусь, но это условно такъ, и почти всякая національность занята здѣсь въ лицѣ своихъ представителей какимъ нибудь своимъ особымъ промысломъ.

Русская торговля въ Манчжуріи пока, къ сожалѣнію, занимаетъ еще не настолько выгодное положеніе, которое она легко могла бы занять при существующихъ условіяхъ общаго нашего положенія въ краѣ. Одинъ здѣшній предприниматель, человекъ толковый и практичный, такъ объяснялъ мнѣ причины этого сравнительно невыгоднаго положенія русскої промышленности въ Манчжуріи.

— Главная бѣда въ томъ, что крупный капиталъ сюда не идетъ. Вѣдь вы знаете, кто здѣсь главный предприниматель. Бывшіе же-

лѣзнодорожные служащіе, охранники, пограничники, запасные нижніе чины и прочій подобный людъ. Скопить какіе нибудь гроши на службѣ, а потомъ, какъ службу оставитъ, видитъ, конечно, что въ этихъ краяхъ копейка рубль дѣлаетъ, и займется торговлею. Только, разумѣется, связей у него съ русскими фабрикантами никакихъ нѣтъ, а закупить онъ въ Портъ-Артурѣ или въ Тянь-цзинѣ иностраннаго товару да и торгуетъ годъ, много два, наберетъ барышей, а потомъ и возвращается къ себѣ на родину съ приумноженнымъ капиталомъ. Ему-то, конечно, выгода, а только русской торговлѣ вообще отъ этого никакой пользы нѣтъ. Только китайцамъ такіе предприниматели дорогу протираютъ.

— Почему же такъ?

— А потому, что вотъ расторгнется такой мелкій торговецъ, дѣло его совѣмъ на ноги станетъ, а тутъ, смотришь, въ одинъ прекрасный день придетъ къ нему слезливое письмо съ родины откуда нибудь изъ Херсонской или Радомской губерніи, схватитъ его за живое, и рѣшитъ онъ домой ѣхать съ наработанными деньгами. Тутъ вотъ китаецъ передъ нимъ словно изъ земли выростъ.

— А китайцу-то что?

— Какъ что? Онъ у него всю его торговлишку и перекупитъ. И, конечно, дешевле пареной рѣпы, потому что, извѣстное дѣло, человѣкъ ѣхать торопится. Не до того ему, чтобы о какихъ нибудь лишнихъ ста или двухъ стахъ рубляхъ торговаться и изъ-за этого время терять. А китайцу-то вѣдь торопиться некуда. Онъ у себя дома. Иной разъ онъ такого случая цѣлый годъ дожидается. И вѣдь, знаете, систематически это идетъ. Вотъ поживете здѣсь—увидите, каждый мѣсяцъ тамъ или полтора на Пристани снимается выѣска какого нибудь Иванова или Петрова и уступаетъ мѣсто изображенію какого нибудь Ли-сун-чжи или Лю-си-гина.

— Такъ что въ общемъ выходитъ, что выгода остается на сторонѣ китайцевъ?

— А то какъ же? Да вся эта постройка желѣзной дороги—это какое-то сплошное благодѣяніе для китайцевъ. Возьмите рабочихъ: вѣдь въ Китаѣ чернорабочій не знаетъ, что такое поденная плата выше 10 копеекъ, а у насъ здѣсь самый завалищій рабочій въ день копеекъ 30—35 выработываетъ. Ужъ на что въ портовыхъ городахъ заработная плата рабочимъ высокою считается. А вѣдь у насъ она куда выше, чѣмъ въ Тянь-цзинѣ или Шанхаѣ. Правда и то, что если бы такихъ цѣнъ не платили, никогда дорога такъ скоро не была бы окончена. А только все жъ такъ слишкомъ набили цѣны имъ. То же самое и торговцы. Раньше-то они боялись «бѣлыхъ дьяволовъ», держались въ сторонѣ и только присматривались. А теперь, какъ присмотрѣлись, видятъ—жить можно, и не безъ выгоды, вотъ и начали оперировать да конкурировать. И если дѣло не перемѣнится, то и того можно бояться, какъ бы въ концѣ

концовъ не русскій, а китаецъ пзъ этой борьбы не вышелъ побѣдителемъ. Особенно въ мелкой торговлѣ. Ужъ не говоря о томъ, что китаецъ—по натурѣ купецъ, главное то, что здѣсь, вѣдь, онъ у себя дома, населеніе-то, вѣдь, въ большинствѣ китайское, онъ его вкусы и требованія до тонкостей знаетъ. А нашъ купецъ не только не знаетъ, а и знать не хочетъ. Вы только посмотрите, чѣмъ наши купцы торгуютъ: кромѣ винъ да бакалеи, которыя покупаетъ у нихъ нашъ же братъ русскій, — ничѣмъ, такъ-таки ничѣмъ. И въ мысляхъ у нихъ нѣтъ, чтобы поинтересоваться, что можетъ быть нужно китайскому покупателю, да завести у себя такой товаръ. А смотришь, купилъ эту самую лавченку у русскаго китаецъ: въ ней и вина и бакалея остались, да, кромѣ того, показались ситцы какіе-то простенькіе, да керосинъ, да масло бобовое, да еще что нибудь. Къ нему и русскій не пересталъ ходить въ лавочку, да и китаецъ тоже повадился. И торгуетъ онъ и живетъ себѣ припѣваючи.

— Ну, знаете, въ этой области русскому съ китайцемъ конкурировать дѣйствительно трудно. Конечно, китайскій торговецъ будетъ лучше знать требованія и вкусы своего же брата-китайца, чѣмъ русскій.

— Да, это все вѣрно. Только что болѣе всего печально, вѣдь на всѣ эти вкусы и требованія есть и подходящіе русскіе товары— и сахаръ, и керосинъ, и ситцы, и бязи, и все такое. А между прочимъ вѣдь эти товары здѣсь по большей части не русскаго происхожденія, а все иностраннаго—американскіе, англійскіе, даже японскіе. Вотъ что обидно. Нашъ русскій фабрикантъ совсѣмъ не интересуется Манчжуріею. Здѣшніе китайскіе купцы ѣздятъ въ Россію, хотятъ завязать близкія отношенія съ тамошними фабрикантами, а тѣ хоть бы въ усь подули. Сидятъ себѣ на своихъ сундукахъ да Лазарями поютъ или бѣлугою воютъ, какъ только дѣло коснется «поощренія отечественной промышленности». А чтобы эта промышленность сама задвигалась,—и-и, и думать нечего. Ей-Богу, передъ китайцами стыдно: они за тридевять земель въ Лодзь ѣздятъ торговлю заводить, а тамошніе фабриканты не то что сами ѣздятъ, а и комиссіонера сюда не пошлютъ. Да, наконецъ, не хотятъ наши купцы сами съ китайцами дѣло имѣть, боятся потерь, убытковъ, что ли, такъ хоть съ китайскими купцами вступили бы въ компанію, образовали бы русско-китайское торговое товарищество, что ли, въ родѣ русско-китайскаго банка, или самого общества желѣзной дороги, въ которыхъ также есть пайщики и русскіе и китайцы. Такое участіе китайцевъ, разумѣется, бѣольшую пользу принесло бы, потому что китайскіе купцы лучше нашихъ знаютъ, что именно изъ товаровъ здѣсь въ Манчжуріи нужно и какъ съ покупателемъ здѣшнимъ обходиться. Они бы здѣсь на мѣстѣ съ нимъ и возились, а русскому купцу только

и работы было бы, что сюда свои товары отправлять да денежки за нихъ получать.

— Да, но, вѣдь, согласитесь, и то надо имѣть въ виду, что напимъ товарамъ, если возить ихъ по желѣзной дорогѣ, не легко выдерживать конкуренцію съ иностранными, привозимыми морскимъ путемъ, который обходится значительно дешевле.

— А скажите, пожалуйста, кто же намъ-то мѣшаетъ наши товары тоже моремъ возить. Вѣдь не ушло оно отъ насъ на службу къ нѣмцамъ или англичанамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы выстроили желѣзную дорогу. По желѣзной дорогѣ, понятно, надо бы такіе грузы отправлять, которые сиѣшно на мѣстѣ нужны, потому ли что скоро портятся, или тамъ по какой либо иной причинѣ. А то мы теперь, какъ выстроили желѣзную дорогу, такъ о морскомъ пути и думать больше не хотимъ. Вѣдь, вотъ Добровольный флотъ плачется, что желѣзная дорога у него всю работу отбила; чуть ли не собирается заняться перевозкою итальянскихъ эмигрантовъ изъ Неаполя въ Нью-Йоркъ только, чтобы съ голоду не зачахнуть. А отчего это? Все по легкомыслію да надутости нашего купечества: выходитъ такъ, что если теперь желѣзная дорога есть, то я или по ней товары свои посылать буду, или совсѣмъ не буду, а морской путь мнѣ теперь при желѣзной дорогѣ не подходитъ. Такъ-то-съ. А вѣдь, если по разуму, по-настоящему, разсудить, то при теперешнемъ порядкѣ Добровольный флотъ не то что жаловаться на свою судьбу, а наоборотъ куда лучше дѣла могъ бы дѣлать. Вѣдь, спрось-то на всякій товаръ куда какъ поднялся на Дальнемъ Востокѣ. И можно было бы нашихъ товаровъ много больше, чѣмъ раньше, на пароходахъ отправлять и лишніе товары захватить, постараться сбыть ихъ на пути гдѣ нибудь, ну, тамъ въ Персидскомъ заливѣ, что ли, благо теперь, кажется, съ нимъ хотятъ торговлю заводить... А не удастся лишнее по дорогѣ сбыть,— пусть и оно идетъ въ Манчжурію да на Дальній Востокъ, тамъ ему всегда сбытъ найдется.

— Да, но вы забываете обратные рейсы. Вѣдь, раньше Добровольный флотъ на обратныхъ рейсахъ только и вырабатывалъ стоимость перехода пассажирскимъ движеніемъ. А теперь, когда все пассажирское движеніе ушло на желѣзную дорогу, поневолѣ придется въ обратный рейсъ совсѣмъ налегкѣ итти.

— Что вы? Что вы? Побойтесь Бога! Да вѣдь вы знаете, батенька, Востокъ-то, вѣдь, намъ столько же, а то, пожалуй, и больше еще вернуть можетъ, чѣмъ сколько мы ему дадимъ. Ужъ одна манчжурская щетина да бобовое масло чего стоятъ! Теперь-то ихъ сравнительно мало отправляютъ, не знаютъ еще какъ слѣдуетъ этого дѣла, насколько выгодно оно. Зато кто занялся этимъ—какія деньги нажилъ! Тутъ одинъ дѣлецъ есть. Такъ онъ тысячи нажилъ и—что всего лучше—не затратилъ самъ на это ни копейки денегъ.

— Какъ же это такъ?

— А такъ, очень просто. Съ китайцами онъ дѣла коекакія до этого имѣлъ; пріобрѣлъ между ними кое-какія знакомства, кредитъ небольшой. Вотъ и началъ онъ у нихъ закупать щетину партіями—за бездѣнокъ, конечно, здѣсь, вѣдь, она ничего не стоитъ. По условію, уплата черезъ три мѣсяца. Задатокъ не большой, можетъ быть, даль, ужъ не знаю какъ тамъ. А щетину эту самую онъ по образцамъ заранѣе уже продалъ черезъ знакомыхъ въ Одессѣ какому-то торговому дому. И какъ бы вы думали, по какой цѣнѣ? Въ 12 разъ дороже! Занимался онъ этимъ дѣломъ годика съ два. Ну, и, конечно, состояннице заработалъ. Такъ-то-съ! Разумѣется, послѣ него и другіе занялись этимъ дѣломъ, и еще многіе займутся. Натурально этотъ товаръ съ каждымъ разомъ все въ большемъ количествѣ будетъ въ Европу итти. Тоже и бобовое масло, и пушнина, да и многое еще другое. Нѣтъ, что вы! Товаровъ отсюда на обратный рейсъ хватить.

— Все это хорошо. Но только тогда же, по-вашему, какъ будто бы выходитъ, что желѣзная дорога ни къ чему.

— Нисколько, нисколько. Я же вамъ докладывалъ, что по ней должны итти такіе грузы, которые не переносятъ долгой морской перевозки. Да, наконецъ, если ужъ на то пошло, для желѣзной дороги всегда и мѣстныхъ грузовъ хватить, если оживленіе Манчжуріи будетъ итти такимъ быстрымъ ходомъ, какимъ оно до сихъ поръ шло. Только ужъ, конечно, порядки теперешніе надо измѣнить. А то вѣдь вы знаете, что при нынѣшнихъ тарифныхъ ставкахъ получается? Что по самой Манчжуріи не то, что китайцы, а даже русскіе сплошь да рядомъ предпочитаютъ изъ одного города въ другой свои товары не по желѣзной дорогѣ отправлять, а гужомъ.

— Неужели? Вы, конечно, шутите?

— Нисколько-съ, и не думаю. Сколько примѣровъ знаю. И вѣдь подумайте, это тоже въ копеечку станеть. Мы—вѣдь здѣсь, въ Манчжуріи. Значитъ, коли съ хунхузами не хочешь познакомиться, надо охрану нанимать для каравана, и охрану русскую, конечно. А вы сами изволите знать, во сколько здѣсь русскій человѣкъ цѣнится. Вотъ и подсчитайте. Ужъ не говоря о томъ, что стоитъ арбы нанять, погонщиковъ и все такое прочее. А все же, видно, дешевле обходится, чѣмъ по желѣзной дорогѣ. А то, вѣдь, не возили бы такъ. Кто же себѣ добра не пожелаетъ? Вотъ и можете судить о здѣшнихъ провозныхъ цѣнахъ.

— Ну, хорошо, предположимъ, что это дѣйствительно дешевле можетъ обойтись, хотя съ трудомъ какъ-то этому вѣрится. Но это же гораздо дольше, чѣмъ по желѣзной дорогѣ отправлять грузы. Шутка ли сказать—гужомъ, да еще по здѣшнимъ дорогамъ? Это значитъ иначе, какъ шагомъ, и плестись-то нельзя.

— Такъ-то оно такъ. А все же не больно разница велика, коли сравнить съ желѣзною дорогою. Только ужъ, конечно, надо, чтобы знающій человекъ сравнивалъ. А знающіе люди говорятъ вотъ что. Повезете вы товаръ по желѣзной дорогѣ. Двѣсти-триста верстъ проѣдете благополучно, а тамъ, смотришь, заявляютъ вамъ — вагонъ заболѣлъ. Ну, и того, значить, смазывать его приходится — не вагонъ, разумѣется, а досмотрщика. А вѣдь это тоже денегъ стоитъ. А то просто размывъ пути или маленькое крушеніе. Ну, тутъ ужъ никакой смазкою не поможешь. А гужомъ-то, знаете, на вѣрняка — тише ѣдешь, да дальше будешь.

— И что-жъ, много товаровъ такъ взять?

— Да подходяще. — Собесѣдникъ мой употребилъ именно это слово, занесенное сюда пришлыми сибиряками, употребляющими его въ томъ смыслѣ, какъ у насъ говорятъ «порядочно». — Тутъ даже, знаете, специально для охраны такихъ торговыхъ каравановъ особые отряды образовались, нанимаются караваны караулить. Недавно даже такой случай былъ. Нанялся подрядчикъ со своею охраною караванъ провожать. А по дорогѣ-то хунхузы возьми да и напади на караванъ. Отстрѣляться-то отъ нихъ отстрѣлялись, а только пару лошадей хунхузы у нихъ и повалили. Хозяинъ каравана стоимость лошадей удержалъ съ подрядчика. Говоритъ, я тебя подрядилъ, чтобы все цѣло было. Лошадей убили — ты за нихъ и плати. Подрядчикъ даже въ судъ жаловался.

— Ну, и что же?

— А не знаю ужъ, какъ судъ въ этомъ разобрался. А по-моему, — прибавилъ мой собесѣдникъ съ усмѣшкою, — напрасно хозяинъ товаровъ подрядчику денегъ не уплатилъ. Хотя за то съ нимъ не тягался бы, что тотъ самъ его не ограбилъ.

— Кто? Подрядчикъ, который нанялся его охранять?

— А то какъ же! Здѣсь, вѣдь, народъ-то какой! Одно слово, какъ у насъ въ Сибири говорятъ, — кобылка. Вотъ и торгуи при такихъ условіяхъ.

— Ну, а скажите, пожалуйста, какъ у васъ насчетъ золота? Слышно вѣдь, что многіе этимъ здѣсь занимаются.

— Да многіе занимаются, это вѣрно; да только пока толку немного. И все по той же самой причинѣ. Капиталовъ настоящихъ нѣтъ. Вѣдь для золота, сами знаете, сколько на него капиталу нужно. А безъ капиталовъ, да безъ машинъ, да безъ приспособлений разныхъ — одинъ разговоръ пустой выходитъ. А мелкіе предприниматели рвутся сюда — думаютъ здѣсь настоящія золотыя горы найти, право слово.

— А что, развѣ, по-вашему, въ Манчжуріи золота нѣтъ?

— Какъ не быть? Золотишко-то есть, да только съ поверхности-то его ужъ давно китайцы добываютъ и порядкомъ-таки уже его оттуда выкопали. А что осталось, что поглубже лежитъ — къ нему ужъ

иначе, какъ съ драгою да прочими машинами и не подступись. А на это ужъ, сударь мой, капиталы крупныя нужны. А капиталамъ-то вѣдь сами знаете, чай, и въ Россіи еще хорошо. Такъ-то! Ну, а

Товарные склады на пристани въ г. Харбинѣ.

мелкота-то эта вся видитъ, что въ Маньчжуріи золотыхъ горъ нѣтъ. Поработаетъ, поработаетъ мало-мало, какъ китайцы, по-хищнически, кое-что золота добудетъ да и застопоритъ. Свалить на что всегда найдетъ — хотя бы на неспокойствіи въ Маньчжуріи,

«истор. вѣстн.», мартъ, 1904 г., т. хсѹ.

9

будто въ такихъ условіяхъ нельзя работать. А вѣдь гдѣ же на золотѣ спокойно бываетъ? Клондайкъ-до вѣдь не Маньчжурія, а и тамъ иначе, какъ съ головы до ногъ вооруженными не ходятъ. Ну, а китайцы-то видятъ, что русскіе золото такъ же добываютъ, какъ и сами они, никакихъ машинъ да приспособленій не употребляютъ— значить, и научиться-то отъ нихъ ничему нельзя, одно только безпокойство, и все труднѣе да труднѣе становится отъ нихъ концессіи на добычу золота доставать. Вотъ развѣ что теперь русско-китайскій банкъ дѣло поправить. Онъ, слышно, рѣшилъ заняться самъ правильною рабработкою золота. Ну, а ужъ, конечно, коли одно дѣло на ладь пойдетъ, такъ за ними и другіе потянутся. То же какъ съ заводами здѣшними у насъ...

— А развѣ есть здѣсь какіе нибудь заводы?

— Есть, есть. А какіе бы, вы думали? Пожалуй, не отгадаете, если вы въ Маньчжуріи еще недавно. Водочные-съ! Да, водочные и пивоваренные, — повторилъ онъ, видя мое недоумѣвающее лицо.

— Неужели эти первыми появились? — не могъ я удержаться отъ вопроса.

— Первыми-съ, впереди всѣхъ забѣжали. Какъ Смирновка да Поповка наши сюда раньше всѣхъ другихъ товаровъ при началѣ постройки появились, такъ и теперь, какъ постройка кончилась, да промышленность появилась, перво-наперво начали водочные заводы строиться. Сначала одинъ здѣсь въ Харбинѣ пивоваренный заводъ построился. Ну, извѣстно, коли здѣсь бутылку привознаго пива дешевле 60 копеекъ не достанете, а здѣшній заводъ его началъ по 15—20 копеекъ за бутылку продавать,—расторговался онъ порядочно. За нимъ теперь другіе потянулись, начали водочные заводы строить. Теперь ихъ, кажется, три уже. И ничего, всѣ будто бы недурно торгуютъ.

— Ну, а другихъ заводовъ нѣтъ развѣ?

— Другихъ нѣтъ пока. Да вотъ, теперь говорятъ, скоро маслобойный заводъ будетъ построенъ. Потомъ, вѣрно, и другіе появятся. Вотъ тогда можно будетъ сказать, что русское торговое дѣло здѣсь прочно на ноги станетъ. Главное, значить, чтобы чувствовало оно себя здѣсь, какъ дома, а не то, что теперь, будто на вѣсу.

Не берусь судить, насколько справедливы были мнѣнія моего собесѣдника, но во всякомъ случаѣ долженъ сказать, что, когда обжился и осмотрѣлся въ Маньчжуріи, мнѣ пришлось не разъ убѣдиться, что многое въ словахъ его было правильно.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что русской торговой предпримчивости въ этомъ краѣ можетъ открыться широкое поле дѣятельности. Понятно, что первые шаги ея здѣсь при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, на какихъ до послѣдняго времени находилась жизнь страны, не всегда бываютъ вполне правильны. Но если условія эти нѣсколько измѣнятся, можно съ увѣренностью сказать, что

русская торговая предприимчивость значительно разовьется и окрепнетъ, особенно когда нынѣшнее неопредѣленное положеніе Маньчжуріи прекратится, и въ ней наладится правильная, нормальная жизнь.

Въ числѣ причинъ, отрицательно отзывающихся до сихъ поръ на развитіи торговой предприимчивости въ Маньчжуріи, по крайней мѣрѣ, внѣ полосы отчужденія, не послѣднее мѣсто занимаетъ, между прочимъ, хунхузничество — явленіе вообще настолько интересное, что стоитъ сказать здѣсь о немъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что многіе имѣютъ о немъ весьма превратныя представленія. Въ Россіи, напримѣръ, не разъ приходилось мнѣ слышать отъ многихъ, что хунхузничество является какъ бы продолженіемъ боксерства, и что дѣятельность хунхузовъ основана на политической почвѣ ненависти къ европейцамъ вообще и къ русскимъ въ частности; находились даже люди, которые чуть ли не проводили аналогію между хунхузами въ Маньчжуріи и черкесами на Кавказѣ и высказывали опасеніе, что ихъ дѣятельность можетъ долго служить препятствіемъ упроченію русской власти въ краѣ.

Въ дѣйствительности ничего не можетъ быть превратнѣе подобныхъ мнѣній уже по одному тому, что преобладающій, если не исключительный характеръ хунхузничества во всякомъ случаѣ не политическій, а скорѣе всего экономическій. Ряды хунхузовъ въ громадномъ большинствѣ пополняются безземельными бѣдняками, которые, благодаря общему характеру здѣшняго населенія, гораздо болѣе активному, чѣмъ характеръ ихъ южныхъ соотечественниковъ, не довольствуются, какъ эти послѣдніе, прозябаніемъ гдѣ нибудь на плотахъ на рѣкѣ, а предпочитаютъ силою добывать себѣ средства къ существованію у болѣе слабыхъ. Причина этого отчасти кроется въ самой природѣ населенія Маньчжуріи, которая нѣкогда, подобно нашей Сибири, служила мѣстомъ ссылки безпокойныхъ и мятежныхъ элементовъ изъ внутреннихъ провинцій Китая. Много способствуетъ этому также и природа самой страны, богатой въ своей восточной и южной части гористыми мѣстами, служащими для хунхузовъ надежными убѣжищами. Отсюда они дѣлаютъ свои набѣги, отправляясь въ экспедиціи иногда на довольно долгое время, грабя и обирая всѣ попадающіяся имъ на пути деревни и селенія, и затѣмъ съ собранною добычею возвращаются безнаказанно къ себѣ. При этомъ экспедиціи ихъ рѣдко сопровождаютъ убійствомъ, или вообще какими нибудь насиліями. Мирное населеніе обыкновенно безропотно несетъ имъ дань, и они, погостивши въ какой нибудь деревнѣ и собравши съ нея контрибуцію, уходятъ изъ нея дальше, обыкновенно никого не тронувъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда набѣгъ совершается хунхузами съ цѣлью отмщенія за сдѣланный на нихъ доносъ, онъ имѣетъ совершенно иной характеръ. Въ этихъ случаяхъ хунхузы не знаютъ пощады, и не только доносятъ, но и вся деревня, въ которой онъ живетъ,

несеть тяжелую кару за его доносъ и предается полному уничтоженію. Благодаря такой системѣ, населеніе, понятно, приучено хунхузами предпочитать уплату имъ опредѣленной и довольно умѣренной дани, при томъ по известной справедливой раскладкѣ, чѣмъ рисковать опасностью полнаго разгрома. Такимъ образомъ хунхузничество чуть ли не приобрѣло въ Маньчжуріи полныя права гражданства и существуетъ какъ бы на основаніи обычнаго права, являясь совершенно исключительнымъ и своеобразнымъ способомъ прирѣнія бѣдныхъ.

Что хунхузничество совершенно лишено политическаго характера и во всякомъ случаѣ не направлено преимущественно противъ русскихъ, доказательствомъ этого можетъ служить уже одно то, что хунхузы почти никогда не трогаютъ русскихъ, а если и нападаютъ на нихъ, то опять таки исключительно изъ корыстныхъ видовъ, не причиняя имъ никакого вреда и лишь отнимая у нихъ, понятно, все ихъ имущество. Судить объ этомъ можно хотя бы по тому, напри- мѣръ, что рассказывалъ мнѣ одинъ русскій купецъ, подвергшійся какъ-то на Сунгаріи нападенію хунхузовъ, о которомъ онъ передавалъ очень интересныя подробности. Нападеніе было не шуточное, такъ какъ хунхузовъ было около 40 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями. Взявъ ихъ на перевѣсъ, они предложили тропмъ русскимъ, на которыхъ было совершено нападеніе, сойти съ ихъ джонки, приставшей въ это время къ берегу, и приблизиться къ нимъ — иначе они грозили уложить ихъ на мѣстѣ.

— Видимъ мы — послѣдній часъ нашъ пришелъ, сопротивленіе немислимо. Помолитись Богу, перекрестились, подошли къ нимъ; они сейчасъ же окружили насъ кругомъ, стоятъ, говорятъ что-то по-ихнему, а нѣсколькихъ человѣкъ атаманъ послалъ къ намъ на джонку поискать да пошарить, что взять можно. Мы это сидимъ, молитвы читаемъ, къ смерти готовимся. Видимъ, несутъ наши вещи, все унесли — тряпочки не оставили. Начинаютъ разматривать да разыскивать. Нашли ящикъ съ сигарами, раскрыли, начали курить. Вижу я, одинъ изъ хунхузовъ направляется ко мнѣ съ ящикомъ, протягиваетъ его, предлагаетъ, значить, курить. Я ужъ не зналъ, брать ли, не брать, да думаю, лучше ни въ чемъ не перечить, взялъ — закурилъ, а они всѣ кругомъ какъ загогочуть! Пересмотрѣли вещи, захватили ихъ съ собою, и вижу, вся толпа уходитъ, собирается къ джонкѣ своей, только насъ съ собой не берутъ. Я прямо глазамъ своимъ не повѣрилъ, да пришлось повѣрить, когда одинъ — другой подходитъ, руку суетъ, на прощанье, значить. Такъ они всѣ и ушли и насъ оставили прямо, такъ сказать, въ чемъ мать родила, да зато хоть спасибо, что живыми.

За самыя послѣдніе годы, подъ вліяніемъ общихъ смуть въ Китаѣ, хунхузничество въ Маньчжуріи значительно развилось и усилилось новыми элементами, нѣсколько измѣнившими его харак-

Китайская казнь.

теръ — не столько, впрочемъ, по существу, сколько по внѣшней своей формѣ. Въ ряды его поступило немало бывшихъ китайскихъ солдатъ, которые, за сокращеніемъ количества китайскихъ войскъ, остались безъ заработка и сочли для себя наиболѣе подходящимъ занятіемъ разбойническую дѣятельность. Они также вступаютъ на это поприще потому, что имъ иначе ѣсть нечего, и въ этомъ отношеніи не отличаются отъ прочихъ хунхузовъ; но если среди нихъ находится какой нибудь отчаянный вожакъ, у котораго къ этимъ побужденіямъ примѣшиваются какіе нибудь расчеты честолюбія или личной вражды съ кѣмъ либо изъ китайскихъ властей, то они могутъ быть очень опасны и надѣлать немало хлопотъ. Доказательствомъ этого можетъ служить происшедшій въ прошломъ году небывалый до сего времени въ исторіи хунхузничества фактъ занятія хунхузами большого города Бодунэ, главнаго города Бодунэскаго фудутунства, т.-е. по-нашему чуть ли не губернскаго города, резиденціи самого областного начальника—фудутуна. Случай этотъ замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ шайкѣ этихъ китайскихъ хунхузовъ принимали участіе также и нѣсколько человекъ русскихъ разбойниковъ, присутствіе которыхъ произвело особую панику среди населенія города и главнымъ образомъ было причиною того, что имъ такъ легко овладѣли хунхузы. Городъ этотъ и окружающая его мѣстность не были заняты нашими войсками, и поэтому шайки хунхузовъ спокойно хозяйничали въ его окрестностяхъ, но на самый городъ нападать не отваживались, такъ какъ въ немъ находился все же довольно сильный отрядъ китайскихъ войскъ. Въ началѣ октября 1902 года къ городу приблизилась на разсвѣтѣ толпа изъ нѣсколькихъ сотъ китайскихъ хунхузовъ, впереди которой находилось нѣсколько русскихъ. Толпа подошла къ городскимъ воротамъ, и часовые, видя передъ собою русскихъ и услышавъ отъ китайцевъ, что за ними идетъ цѣлый русскій отрядъ, даже и не подумали о сопротивленіи и отворили настезь ворота. Хунхузы вошли въ городъ и начали тамъ хозяйничать по-своему, собирая обильную дань съ мѣстныхъ купцовъ, обшаривая ихъ магазины, располагаясь въ ихъ домахъ и дворахъ, выбирая себѣ все, что они находили здѣсь лучшаго. А мирные китайцы, вѣрные своему обыкновенію подчиняться силѣ, даже и не думали о какомъ бы то ни было сопротивленіи и показывали все свое добро непрощеннымъ гостямъ, точно тѣ были не безцеремонными грабителями, а щедрыми плательщиками-покупателями. Они по опыту знали, что это—единственное средство спасти жизнь, хотя и пожертвовавъ значительною частью своего имущества. Многие, впрочемъ, отдѣлались не такъ дешево или потому, что пытались оказывать сопротивленіе грабителямъ, или же потому, что у нихъ были личные счеты съ кѣмъ либо изъ хунхузовъ. Немало головъ было срублено, немало домовъ сожжено; огнемъ и мечомъ разбойники оставляли слѣды своего хозяйничанья въ городѣ.

Пришлось и самому фудутуну жестоко поплатиться за прежнія свои отношенія къ одному изъ предводителей хунхузозъ. Этотъ хунхузъ раньше самъ состоялъ на службѣ въ Бодунэскомъ фудутунствѣ и долженъ былъ оставить ее по приказанію фудутуна, какъ говорили, по причинѣ романическаго характера, изъ-за чрезмѣрнаго вниманія, выказывавшагося имъ женѣ фудутуна. Оставивъ службу, онъ ушелъ на сѣверъ въ Цицикарскую провинцію, набралъ тамъ шайку разбойниковъ и, соединившись съ другою шайкою, произвелъ теперь нападеніе на Бодунэ, гдѣ онъ далъ широкой просторъ своей мести. Говорятъ, что, привязавъ къ столбу самого фудутуна, онъ на его глазахъ надругался надъ его женою, а затѣмъ передалъ ее на поруганіе своимъ товарищамъ, и несчастный фудутунъ, видя все это, былъ безсиленъ предпринять что нибудь, чтобъ спасти свою жену. Однако и буйному китайскому Ринальдо недолго пришлось справлять свой разбойничій пиръ. Другой предводитель хунхузозъ, упившись первыми успѣхами, рѣшилъ, что надо подумать о будущемъ, и предложилъ фудутуну перемиріе съ тѣмъ, чтобы тотъ спѣшно отправилъ гонца въ Гиринь къ цзянь-цзюню съ ходатайствомъ о разрѣшеніи принять всю его шайку на военную службу. Такой оборотъ дѣла не долженъ казаться страннымъ, если имѣть въ виду, что, какъ сказано выше, среди хунхузозъ много бывшихъ солдатъ, изъ которыхъ многіе все-таки предпочитаютъ обезпеченное существованіе солдата невѣрному и небезопасному существованію хунхуза. Фудутунъ согласился исполнить это условіе, тѣмъ болѣе, что иначе онъ поступить и не могъ, и послѣ нѣсколькихъ первыхъ дней буйнаго волненія въ городѣ наступила было сравнительная тишина. Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: тотъ предводитель части хунхузозъ, который имѣлъ свои личные счеты съ фудутуномъ, отказался выполнить заключенное его товарищемъ съ фудутуномъ условіе и намѣревался продолжать свою прежнюю опустошительную дѣятельность въ городѣ. Тогда завязалась борьба уже между самими хунхузами на тѣсныхъ улицахъ города, и китайскій Ринальдо сложилъ свою буйную голову въ этой борьбѣ.

Между тѣмъ, слухи о томъ, что происходитъ въ Бодунэ, распространились по всей Маньчжуріи, и сюда былъ отправленъ сильный китайскій отрядъ. Кромѣ того, нашими военными властями былъ отправленъ также небольшой военный отрядъ, который и разсѣялъ окончательно хунхузозъ и захватилъ русскихъ разбойниковъ, понесшихъ строгое наказаніе за ихъ участіе въ хунхузской шайкѣ. Съ хунхузами же расправилась сами китайскія власти, которыя въ такихъ случаяхъ не знаютъ пощады. Съ хунхузами, захваченными на мѣстѣ преступленія, расправа обыкновенно очень коротка: тутъ же на мѣстѣ поимки имъ отрубаютъ голову. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ захватываютъ цѣлыми партиями,

ихъ обыкновенно отводятъ въ ближайшій городъ или въ главный городъ провинціи и наряжаютъ надъ ними судъ, который съ гораздо большимъ основаніемъ можно назвать скорымъ, чѣмъ правымъ и милостивымъ, такъ какъ результатомъ его обыкновенно является привычное для китайцевъ зрѣлище казни.

Выстроаютъ обыкновенно осужденныхъ на смерть преступниковъ на колѣняхъ, съ колодками на шеяхъ, со связанными за спиною руками гдѣ нибудь на площади; кругомъ нихъ шумитъ толпа, сходящаяся всегда смотрѣть на казнь, какъ на какое нибудь интересное театральное зрѣлище; палачъ проходитъ мимо длиннаго ряда преступниковъ; остановится около перваго, ударить его топоромъ по затылку, и безжизненное тѣло валится сразу навзничь, голова отлетаетъ въ сторону, а сосѣдъ казненнаго съ любопытствомъ наблюдаетъ за ея паденіемъ, какъ будто бы его головѣ не предстоитъ черезъ нѣсколько секундъ подобная же участь. Удачный ударъ палача сопровождается обыкновенно одобреніемъ зрителей, выражающимся въ короткомъ возгласѣ «хао». Этотъ возгласъ производитъ на посторонняго непривычнаго зрителя совершенно впечатлѣніе вздоха, вырывающагося изъ груди толпы въ ту минуту, когда духъ выходитъ изъ тѣла казненнаго. Не всегда, конечно, ударъ бываетъ удаченъ, иногда голова повиснетъ на переднихъ позвонкахъ; казненный корчится въ мучительныхъ судорогахъ, а толпа уже не интересуется имъ и ждетъ другого, болѣе удачнаго удара и даже не видитъ, какъ къ такому неудачнику подходитъ другой палачъ и отрѣзаетъ упрямые позвонки особою острою косою.

Когда казнь кончена, тѣла казненныхъ предаются погребенію, головы же помѣщаются въ клѣтки, которыя и вѣшаются въ назиданіе въ людныхъ мѣстахъ у воротъ города, посреди улицъ, а иногда и на большой дорогѣ, гдѣ нибудь на перекресткѣ. И эти головы въ клѣткахъ, особенно въ лунную ночь гдѣ нибудь на деревѣ посреди дороги въ полѣ, производятъ такое тягостное впечатлѣніе, которое нескоро забывается.

Нѣкоторые китайскіе чиновники столь энергично ведутъ такимъ способомъ борьбу съ хунхузами, что въ концѣ концовъ достигаютъ вполне осязательныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, за годичный срокъ пребыванія моего въ Маньчжуріи вновь назначенный фудунъ въ Нингутѣ казнилъ около 800 человекъ хунхузовъ и, благодаря этому, достигъ того, что трактъ отъ Гириня до Нингута черезъ Омосо, находившійся до его назначенія вполне въ рукахъ хунхузовъ, такъ что и самъ онъ долженъ былъ ѣхать туда другою дорогою, былъ совершенно очищенъ отъ нихъ. Но болѣе всего обязана Маньчжурія затихшемъ дѣятельности хунхузовъ, конечно, той упорной борьбѣ, которую еще до послѣдняго времени вели съ ними наши войска, принимая противъ нихъ зачастую довольно серьезно и трудныя экспедиціи. Результатомъ этого явилось

Клѣтки съ головами казненныхъ.

то, что къ оккупированнымъ нашими войсками городамъ и въ особенности къ полосѣ отчужденія хунхузы и на довольно далекое разстояніе рѣдко отваживаются подходить, хорошо зная, насколько твердо и дѣятельно охраняется здѣсь порядокъ и общественная безопасность.

Въ полосѣ отчужденія эта обязанность лежитъ всецѣло на войскахъ Заамурскаго округа пограничной стражи, который получилъ ее въ наслѣдство отъ прежней охранной стражи. Стража эта была организована въ самомъ началѣ постройки дороги для охраны ея на вольнонаемныхъ началахъ изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, преимущественно казаковъ, уже окончившихъ срокъ дѣятельной службы и искавшихъ живой интересной службы въ новомъ краю. Послѣ 1900 года, когда связи между Россією и Маньчжурією болѣе закрѣпились, и стало ясно, что въ будущемъ русское вліяніе въ ней будетъ все болѣе и болѣе упрочиваться, охранная стража была преобразована и приближена по своей организаціи къ общей организаціи русской арміи, при чемъ, въ виду непосредственнаго ея назначенія—охранять желѣзную дорогу, находящуюся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, она вошла въ составъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, подчиненнаго этому министерству, хотя, понятно, по характеру своей дѣятельности она не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностью пограничной стражи, прямымъ назначеніемъ которой является, какъ извѣстно, борьба съ контрабандою.

Помимо спеціально военныхъ задачъ охраненія дороги отъ хунхузовъ или возможности нападенія со стороны враждебнаго населенія, она несетъ, между прочимъ, также и спеціально желѣзнодорожныя и общія полицейскія обязанности. Начальникъ находящагося на каждой станціи небольшого отряда является въ ея районѣ завѣдывающимъ полицейскою частью и среди развѣдокъ, экспедицій и топографическихъ съемокъ долженъ, между прочимъ, заниматься также и составленіемъ протоколовъ обо всѣхъ происшествіяхъ на станціи. Только въ мѣстахъ стоянокъ болѣе крупныхъ отрядовъ завѣдываніе полицейскою частью возлагается на особаго офицера, а въ Харбинѣ полицейская часть находится въ вѣдѣніи особаго полицеймейстера съ тремя помощниками, которые также назначаются изъ числа офицеровъ пограничной стражи.

Соотвѣтственно ближайшей задачѣ своей—охранѣ желѣзной дороги, пограничная стража въ Маньчжуріи разбросана по всей линіи: на каждой станціи стоитъ взводъ или полусотня при офицерѣ. Для офицеровъ такая стоянка представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно заманчивою, такъ какъ работы здѣсь можно найти много, ведя правильныя развѣдки, изучая условія мѣстности, дѣлая ея топографическую съемку и т. п. Да наконецъ можно и на хунхузовъ наткнуться, помѣряться съ ними силами—однимъ

словомъ обстановка чисто боевая. Но зато во многихъ другихъ отношеніяхъ такія стоянки представляются буквально несчастіемъ, такъ какъ жить приходится здѣсь положительно, какъ въ пустынѣ, не имѣя по близости ни одного интеллигентнаго лица, съ которымъ можно было бы обмѣняться словомъ или мыслью. Помню, горько жаловался мнѣ на это одинъ офицеръ, уже не молодой поручикъ, съ которымъ какъ-то случилось мнѣ разговариваться въ вагонѣ желѣзной дороги.

— Вы себѣ и представить не можете, что это за жизнь. Постъ среди поля. Въ двухъ верстахъ гдѣ нибудь несчастная деревушка съ нѣсколькими десятками манзъ, вотъ и все общество. Одно только и остается, что свой взводъ или полурота. И хорошо, если есть еще хоть одинъ офицеръ. А то вѣдь пришлось мнѣ въ прошломъ году съ постомъ на заготовкѣ лѣснаго матеріала для дороги стоять. Такъ вѣдь съ ума можно сойти. Стоишь въ лѣсу, и точно отъ всего міра отрѣзанъ. Тоцища смертельная. Даже ученій нѣтъ. Люди цѣлый день за рубкою лѣса наблюдаютъ, а ты хоть колъ на головѣ себѣ теши—до того тошно. Вечеромъ придетъ вахмистръ съ рапортомъ—такъ и ему обрадуешься: все-таки живой человѣкъ. Хоть съ нимъ захочешь поговорить. Спросишь его: такъ ты говоришь, Егоровъ, все благополучно?—Точно такъ, ваше благородіе, никакихъ происшествій не случилось.—Такъ, такъ, ну, а у тебя какъ, все благополучно?—Точно такъ, ваше благородіе, все въ порядкѣ.—Здоровъ ты?—Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе, здоровъ.—Ну, а родные твои какъ?—Не могу знать, ваше благородіе, такъ что писемъ уже больше съ полгода не получалъ, изъ нашихъ мѣстовъ больно долго письмо-то сюда ходитъ.—Замнется на минутку и молчитъ. И я молчу. Говорить-то мнѣ хочется, а говорить съ нимъ не о чемъ. Да и неудобно какъ-то въ откровенности пускаться—дисциплина не велитъ. Постоитъ онъ такъ немного передъ мною, и видно, и ему также говорить со мною не о чемъ. Спросить что нибудь, чтобы закончить разговоръ, насчетъ ковки лошадей, или фуража, или что нибудь въ родѣ этого, отпустишь его и какъ грохнешься на постель, такъ бы, кажется, вмѣста съ нею въ землю и ушелъ бы.

— Ну, ужъ это вы, право, слишкомъ мрачно на вещи смотрите,—замѣтилъ сидѣвшій тутъ же съ нами молодой офицеръ тоже пограничной стражи.—Ей же Богу, слишкомъ мрачно. Если ужъ на то пошло, такъ я вамъ скажу наоборотъ, что наша служба здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ хотите въ другомъ мѣстѣ. Въ другихъ мѣстахъ, что наша пограничная стража дѣлаетъ?—контрабандистовъ ловить да товары отъ нихъ отбираетъ; а тутъ боевая обстановка, тутъ каждый изъ насъ всякую минуту можетъ въ бой попасть, дѣло живое, горячее.

— Эхъ, батенька,—отвѣтилъ тотъ офицеръ, къ которому говорившимъ обращены были эти слова.—Добро бы война, тогда бы совсѣмъ другое дѣло. А то вѣдь вся боевая обстановка только въ томъ и заключается, что въ разныхъ лишеніяхъ да въ собачьей жизни, а военной славы и въ поминѣ нѣтъ. То-то и дѣло, что только обстановка боевая, а боя-то нѣтъ и славы нѣтъ. А горя много, охъ, какъ много. Вамъ хорошо—вы человѣкъ молодой, холостой. А подумайте, каково-то мнѣ. Вѣдь я человѣкъ семейный. У меня вотъ два съ половиною года тому назадъ жена въ Россію къ больному отцу уѣхала, да тамъ ребенка родила, и я съ тѣхъ поръ ея не видѣлъ и дочку свою только по фотографической карточкѣ и знаю.

— Это дѣйствительно ужасно!—неволью вырвалось у меня.— Но почему же такъ?

— А очень просто почему. Проѣздъ отсюда въ Россію да обратно денегъ стоитъ, и денегъ немало—рублей 300 надо на такое путешествіе ухлопать. А гдѣ ихъ взять-то? Вѣдь это почти трехмѣсячное жалованье. Раньше хотъ платили порядочно. А теперь какъ начали костить, такъ 300 рублей и за два года не сбережешь. Поневолѣ приходится ждать трехгодичнаго срока, когда казенный проѣздъ полагается. Тогда и увидимся съ женою, если только я живъ буду и до тѣхъ поръ не околю.

— Что правда, то правда, — согласился молодой офицеръ. — Слишкомъ уже намъ наши оклады сокращать стали. Вѣдь вотъ я совсѣмъ недавно здѣсь, всего съ годъ, и уже за это время мнѣ десятка на два мое мѣсячное жалованье сбавили. И вѣдь знаете, что обидно,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ живостью.—Другія войска—не пограничной стражи—до сихъ поръ и полевые и порціонныя получаютъ, такъ что оклады у нихъ совсѣмъ по военному времени. А вѣдь, если сравнить, такъ, ей же Богу, намъ не меньше ихняго достается. Ужъ хотъ одно взять. У нихъ, по крайней мѣрѣ, стоянки сносныя—въ большихъ городахъ—въ Гиринѣ, Харбинѣ, Мукденѣ, Цицикарѣ, Нингутѣ, однимъ словомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ какъ ни какъ, а все-таки жить можно. А нашего брата забросятъ куда нибудь на малюсенькую станцію со взводомъ или полусотнею, а то на Сунгари гдѣ нибудь стоишь, а то и совсѣмъ гдѣ нибудь въ лѣсу, и живи тамъ, какъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ.

Въ общемъ не особенно сладка, конечно, для большинства жизнь въ Маньчжуріи. Вѣроятно, если бы дѣйствительно, какъ говорилъ мой собесѣдникъ, была война, было бы совсѣмъ другое дѣло: всѣ лишенія здѣшней жизни отступили бы на задній планъ, подъ вліяніемъ сознанія важности исполняемаго дѣла. Но одни только лишенія безъ такого сознанія—это въ самомъ дѣлѣ кладетъ на здѣшнюю жизнь тяжелый отпечатокъ, который слышится въ рѣ-

чахъ почти всѣхъ и каждаго, особенно, конечно, низшихъ служащихъ, которымъ приходится больше всего терпѣть лишеній. Это впечатлѣніе мнѣ пришлось вынести изъ многихъ разговоровъ, между прочимъ, и съ низшими желѣзнодорожными служащими, служба которыхъ здѣсь также очень тяжела. Одинъ такой разговоръ особенно запечатлѣлся въ моей памяти. Какъ-то поздно ночью я пріѣхалъ на одну маленькую станцію, гдѣ мнѣ надо было дожидаться поѣзда. Зданіе станціи было заперто, и довольно

Георгіевскіе кавалеры.

долго пришлось стучаться въ него. Наконецъ, мнѣ отворилъ дверь какой-то служащій, къ которому я обратился съ просьбою проводить меня къ начальнику станціи.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ онъ.—Что вамъ угодно?

— А вы развѣ начальникъ станціи?—спросилъ я его, нѣсколько сконфузившись тѣмъ, что онъ самъ отворилъ мнѣ дверь.

— Да, если хотите, начальникъ. Да какой здѣсь начальникъ, коли всего на всего кругомъ насъ три человѣка! Я и начальникъ, я и кассиръ, я и контролеръ, и телеграфистъ, и все что хотите, даже швейцаръ, когда вотъ приходится открывать дверь пріѣзжающимъ.

Я поспѣшилъ, конечно, извиниться передъ нимъ за то, что обезпokoилъ его.

— Да что же извиняться? Не за что,—отвѣтилъ онъ.—Служба наша такая. Обыкновенно мы съ помощникомъ моимъ чередуемся. А теперь вотъ ужъ третій день, какъ помощникъ заболѣлъ, въ жару лежитъ. Я нѣсколько телеграммъ посылалъ, просилъ доктора прислать и человѣка, который могъ бы замѣстить моего помощника на время его болѣзни. Ну, и вотъ отвѣчаютъ мнѣ: помощника взять въ настоящую минуту неоткуда; какъ только подыщутъ, пришлютъ. А докторъ участковый нашъ теперь въ объѣздъ поѣхалъ. Никакъ его телеграммами не догонять. Придется, видно, ждать, пока онъ самъ сюда пріѣдетъ, когда очередь до нашей дыры дойдетъ.

— Какъ же вы теперь?

— А вотъ такъ. За двое послѣднихъ сутокъ ровно три часа спалъ. Тутъ еще, какъ на грѣхъ, мѣсячныя вѣдомости надо готовить. Прямо минуты нѣтъ. Вотъ передъ вашимъ пріѣздомъ на полчаса вдремнулъ да такъ крѣпко, что и стуконъ вашихъ долго не слышалъ. Ужъ вы простите, Бога ради, если лишнее ждать пришлось. Да-съ, вотъ такъ и живемъ,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Да вы простите,—спохватился онъ,—что я надѣдаю вамъ своими жалостливыми разговорами. Только знаете, вѣдь живемъ-то мы здѣсь, что въ пустынѣ; свѣжаго человѣка увидишь, такъ накинешься на него, точно хищный звѣрь на добычу.

— Помилуйте, что вы,—поспѣшилъ я успокоить его,—я понимаю, что при такихъ условіяхъ дѣйствительно должно быть тяжело.

— То-есть какъ тяжело, вы прямо и представить себѣ не можете. Знали, что на тяжкія условія ѣдемъ, но только чтобы такъ тяжело могло быть, объ этомъ и не думалось.

— Да, но зато, по крайней мѣрѣ, матеріально-то вы здѣсь хоть лучше обставлены.

— И-и, какое тамъ лучше! Это только говорится такъ. Начать съ того, что вѣдь когда ѣхали сюда, такъ намъ чуть ли не золотыя горы сулили. Помню, я служилъ на юго-западныхъ дорогахъ какъ разъ передъ сокращеніемъ ихъ штатовъ по случаю перехода въ казну, когда поступилъ къ намъ вызовъ желающихъ поступить на «Маньчжурку». Ну, понятно, много значило и то, что каждый боялся, какъ бы у себя за штатомъ не остаться, а главное, конечно, хорошее жалованье обѣщали. Тамъ вѣдь нашъ братъ рублей 35—40 въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ получаетъ, а здѣсь давали по 100 и 125. Да еще думали такъ, что это на первое время, а потомъ еще прибавлять будутъ за хорошую службу. Такъ тутъ и удивляться нечему, что охотниковъ ѣхать пришлось по жребію выбирать—такая масса была.

— Ну, и что же, здѣсь пришлось немного разочароваться?

— Немного! Хорошо, кабы немного. А то вѣдь въ конецъ, что называется, по всей линіи. Начать съ того, что денегъ не только не стали прибавлять, а наоборотъ, чѣмъ ближе къ открытію эксплоатаціи, такъ даже убавлять стали. А почему—Богъ ихъ знаетъ. Вѣдь для нашего брата, движенцевъ, съ открытіемъ эксплоатаціи только настоящая работа начинается. Вотъ строителямъ небось не сокращали окладовъ, хотя имъ теперь совсѣмъ почти дѣлать нечего. Только отчетностью и занимаются.

Я не могъ ничего возразить на это моему собесѣднику, хотя и видѣлъ, что онъ, вѣроятно, немало преувеличиваетъ, увлекаемый накипѣвшимъ въ немъ чувствомъ молчаливаго протеста противъ окружавшихъ условій его жизни. Я не зналъ, насколько было правды въ его словахъ о другихъ, но чувствовалъ, что въ словахъ его о себѣ не можетъ быть неправды, что такія страстныя сужденія его хотя отчасти оправдываются и во всякомъ случаѣ объясняются дѣйствительно его собственными страданіями и лишеніями. А онъ, какъ будто бы ободренный моимъ молчаніемъ, продолжалъ говорить все горячѣе и страстнѣе, спѣша и волнуясь, и рѣчь его текла, какъ воды рѣки, освободившейся отъ долго сдерживавшей ее плотины.

— И потомъ вы сами посудите. Вѣдь полагается же человѣку готовая квартира. Такъ вотъ не хотите ли взглянуть, какова она. Пожалуйте, пожалуйте,—настаивалъ онъ, видя, что я какъ будто бы колеблюсь идти за нимъ. Кстати, скажу женѣ, чтобы чайкомъ насъ попоила. Она вѣдь тоже не спитъ.

Онъ проводилъ меня по двумъ комнатамъ, составлявшимъ его обиталище, являвшее дѣйствительно очень печальный видъ: комнаты были маленькія, низенькія, штукатурка стѣнъ мѣстами обвалилась, и въ этихъ мѣстахъ была видна саманная глина, изъ которой строятся обыкновенно китайскіе дома; въ одной комнатѣ въ двухъ углахъ, а въ другой—по срединѣ стояли ведра, въ которыя падала вода, протекавшая черезъ крышу. Картина была дѣйствительно очень грустная и невольно упрочивала впечатлѣніе отъ горькихъ разсказовъ ея хозяина.

— Такъ вотъ изволите ли видѣть,—продолжалъ онъ, между тѣмъ, вернувшись послѣ минутной отлучки, повидимому, изъ кухни, гдѣ вслѣдъ затѣмъ послышались сухіе звуки разламываемыхъ щепокъ и стукъ углей, бросаемыхъ въ самоваръ.—Каковы апартаменты! А, недурно, не правда ли? Какъ подумаю я о своей прежней квартирѣ на юго-западныхъ дорогахъ, такъ, кажется, весь излишекъ своего жалованья противъ прежняго отдалъ бы, только чтобъ опять въ ней жить. И вѣдь все, все такъ. Хуже всего то, что даже и съ деньгами здѣсь ничего достать нельзя. А что можно достать, такъ вѣдь то вдвое, втрое дороже противъ Россіи обходится. Вотъ и считайте потомъ, что вы здѣсь большое жалованье

получаете. Да вотъ тоже и это!—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.— Есть у меня сынишка. Понятно, тоже хочется ему образованіе дать. Теперь вѣдь безъ образованія съ каждымъ годомъ куда какъ трудно становится жить. Ну, вотъ когда служилъ я въ Россіи, обучался онъ въ гимназіи въ Кіевѣ—отъ Кіева-то шесть часовъ ѣзды до нашей станціи было—бывало на воскресенье и на праздникъ мальчишка пріѣдетъ. Чувствуешь, что онъ недалеко, что хоть разъ въ недѣлю повидать можешь. А тутъ въ этой проклятой Маньчжуріи, что на краю свѣта. Гимназіи только въ Читѣ да во Владивостокѣ. Вотъ и пришлось его, конечно, во Владивостокскую отдать. А вѣдь это только здѣсь кажется, будто близко, по здѣшнимъ разстояніямъ. Только ужъ понятно, мальчишку приходится видать только лѣтомъ да еще два раза въ году—на Рождество и на Пасху. Это вѣдь все равно выходитъ, что жить гдѣ нибудь въ Одессѣ, а сына держать въ гимназіи въ Архангельскѣ. Ёзды вѣдь столько же. Да, нелегка наша жизнь маньчжурская.

Словно въ подтвержденіе его словъ раздался отрывистый сухой звонъ желѣзнодорожнаго телеграфа, отъ котораго мой собесѣдникъ весь встрепенулся, сорвался съ мѣста и почти побѣжалъ къ телеграфному аппарату и началъ вытягивать безконечную узенькую бумажную ленточку съ безчисленными прорѣзанными въ ней черточками...

Сравнительно лучше другихъ живутъ въ Маньчжуріи военные пограничники, т.-е. служащіе не въ пограничной стражѣ, а въ оккупационной арміи, которая расположена въ болѣе крупныхъ городахъ сравнительно значительными отрядами, такъ что у нихъ нѣтъ особенно глухихъ въ общественномъ смыслѣ стоянокъ, кромѣ, впрочемъ, нѣсколькихъ мѣстъ на линіи этаповъ, т.-е. линіи сообщенія нѣкоторыхъ пунктовъ расположенія нашихъ войскъ съ желѣзною дорогою. И жизнь у нихъ спокойнѣе, и помѣщенія лучше, и общество есть, такъ что въ общемъ они даже проводятъ время довольно весело: зимою устраиваются вечера, балы, даже маскарады, лѣтомъ пикники, далекія поѣздки, иногда скачки, какъ, напримѣръ, устроили какъ-то въ Мукденѣ, гдѣ на это зрѣлище приглашены были, между прочимъ, также и мѣстныя китайскія власти, съ большимъ интересомъ любовавшіяся въ особенности джигитовкою нашихъ казаковъ.

Въ смыслѣ развитія общественной жизни нѣкоторыя стоянки, какъ, напримѣръ, Гиринь, не многимъ уступятъ Харбину, который, понятно, является средоточіемъ общественной жизни въ Маньчжуріи, отчего его шутя и называютъ иногда «Маньчжурскимъ Парижемъ».

Общество въ Харбинѣ, собственно говоря, довольно большое и разнообразное, даже настолько разнообразное, что въ концѣ концовъ это отрицательно отзывается на развитіи здѣсь общественной

жизни, такъ какъ отдѣльныя части его живутъ своею обособленною жизнью, имѣющею исключительно кружковый характеръ. Въ этомъ отношеніи Харбинъ, увы, слишкомъ явно носитъ на себѣ печать русской губернской культуры, обычаевъ всякаго нашего губернскаго города, гдѣ чуть ли не каждый общественный классъ живетъ особо отъ другого, и всѣ жалуются на скуку, которой такъ легко было бы избѣжать, если бы они не держались въ сторонѣ одинъ отъ другого, а соединялись бы вмѣстѣ и жили бы одною общою жизнью.

Главнѣйшую часть харбинскаго общества составляютъ военные, которые, въ свою очередь, раздѣляются на два отдѣльныхъ общества: пограничники и непограничники. И у тѣхъ и у другихъ свои особыя военныя собранія. Кромѣ этихъ военныхъ собраній, есть еще собранія желѣзнодорожное и недавно основанное коммерческое, въ которыхъ собираются два другіе преобладающіе въ Харбинѣ классы здѣшняго русскаго населенія—желѣзнодорожные служащіе и торговый классъ. Немаловажнымъ препятствіемъ къ развитію общественной жизни является разбросанность Харбина и значительныя разстоянія, раздѣляющія его отдѣльныя части. Вечеромъ немногіе обитатели города рѣшаются совершать путешествіе изъ одной его части въ другую, такъ какъ общественная безопасность харбинской жизни оставляетъ желать весьма много, при обилии здѣсь безпокойныхъ и преступныхъ элементовъ каторги, для которыхъ сравнительно еще недавно Маньчжурія являлась обѣтованною землею. Борются съ ними приходится самыми энергичными мѣрами, такъ что до послѣдняго времени еще нерѣдки сравнительно были даже случаи казни по приговору военного суда за особенно тяжкія и дерзкія преступленія. Свидѣтелемъ одной казни пришлось, между прочимъ, и мнѣ быть, и воспоминаніе о ней, конечно, никогда не изгладится изъ моей памяти. Казнили четырехъ бѣглыхъ каторжниковъ, зарѣзавшихъ среди бѣла дня въ самой людной части города семейство изъ семи душъ. Задолго до начала казни на мѣстѣ ея собрались всѣ официальные лица, которыя должны были на ней присутствовать; здѣсь были товарищъ прокурора, врачи, полицеймейстеръ, тюремное начальство и нѣсколько человекъ городскихъ «обывателей», которые, по закону, должны быть свидѣтелями казни. Все знакомыя лица, но всѣ какъ бы съ особымъ выраженіемъ, котораго я никогда прежде не замѣчалъ у нихъ, и которое дѣлало ихъ какими-то совершенно чуждыми и новыми для меня людьми, будто бы я видѣлъ ихъ теперь въ первый разъ въ жизни. Разговоръ шелъ вполголоса, какъ будто бы мы находились у постели трудно больного или въ комнатѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, а не посреди обширнаго тюремнаго двора, на разстояніи 15—20 сажень отъ тюрьмы, гдѣ находились осужденные на смерть преступники.

— Ну, что, все готово?—спрашивалъ шопотомъ прокуроръ у полицеймейстера, на котораго возложена была обязанность распорядиться всѣми необходимыми приготовлениями къ казни.

— У меня все готово. Вотъ только батюшки нѣтъ.

— Сейчасъ, вѣрно, будетъ. А что, какъ преступники?

— Всю ночь почти не спали. Брикманъ читалъ имъ что-то, остальные часа два какъ заснули, а онъ не больше, какъ минутъ 20 тому назадъ.

— А знаютъ они о томъ, что на сегодня назначена казнь?—спросилъ кто-то изъ кучки постороннихъ шопотомъ, еще болѣе сдержаннымъ, чѣмъ тотъ, какимъ говорили прокуроръ и полицеймейстеръ.

— Нѣтъ, ничего не знаютъ,—отвѣчалъ полицеймейстеръ:—видимо, надѣются на помилованіе; еще вчера одинъ изъ нихъ спрашивалъ меня, какъ будетъ съ его вещами, въ случаѣ помилованія; когда онъ ихъ получить?

— Предчувствуютъ, вѣрно, все-таки,—послышался чей-то голосъ:—не даромъ не спали всю ночь.

Вдали показался священникъ, котораго только и ждали, чтобы приступить къ печальному обряду. И у него такъ же, какъ у всѣхъ, было какое-то совсѣмъ особое выраженіе лица. По наружности это былъ тотъ же хорошо знакомый мнѣ о. Іоаннъ, но что-то такое было и въ немъ, что придавало ему видъ какого-то новаго, незнакомаго человѣка. Я не могъ тогда разобраться въ этомъ странномъ чувствѣ, но теперь мнѣ кажется, что такъ всегда бываетъ въ минуты какихъ либо особо важныхъ, выдающихся событій, когда въ людяхъ, принимающихъ въ нихъ участіе, какъ бы уничтожаются ихъ индивидуальныя черты, сливаясь всецѣло въ выраженіе той отвлеченной идеи, которая въ данный моментъ осуществляется. Я видѣлъ передъ собою не прокурора Максима Ивановича Б., не полицеймейстера капитана А., не священника о. Іоанна, а прокурора, полицеймейстера, священника вообще, безъ какого либо представленія объ ихъ индивидуальной личности.

Съ приходомъ священника всѣ какъ-то заторопились. Всѣмъ какъ будто хотѣлось какъ можно скорѣе покончить съ печальною церемоніею, но, странно, эта торопливость нисколько не нарушала характера какой-то особой торжественности, сознание которой выражалось въ движеніяхъ и въ словахъ каждаго изъ присутствующихъ.

— Ну, пойдете,—сказалъ прокуроръ, и первый направился къ дверямъ тюрьмы, за нимъ всѣ остальные официальные лица, вошедшія затѣмъ внутрь тюрьмы. Посторонніе въ тюрьму не входили, но плотною стѣною собрались у наружной ея двери, прислушиваясь къ каждому звуку и дѣлаясь между собою тѣми свѣдѣніями, которыя доходили до нихъ.

— Говорятъ, одинъ только Полубенковъ изъявилъ желаніе исповѣдаться. Остальные отказались.

— Ну, а что, какъ они вообще встрѣтили вѣсть о казни?

— Ничего, кажется, спокойно. Гешвелани и Брикманъ такъ тѣ даже сами помогаютъ кузнецу снимать съ нихъ кандалы.

— Тише, тише, господа, кажется, ведутъ.

И всѣ поспѣшили къ небольшому огороженному мѣсту, гдѣ стояла приготовленная заранѣе висѣлица. Висѣлица была одна, хотя осужденныхъ было четверо. Два столба, врытые въ землю на довольно широкомъ разстояніи одинъ отъ другого, поддерживали перекладину, съ которой свѣшивались четыре бечевки съ концами, связанными въ видѣ петли. Внизу между столбами эшафотъ въ видѣ подмостковъ, на которыхъ стояли четыре табурета—подъ каждую петлей по табурету. Помню, что видъ висѣлицы не произвелъ на меня какого либо особенно тяжелаго впечатлѣнія, и даже въ умѣ моемъ неволью скользнула мысль, что она очень походитъ на обыкновенныя качели. Страшно было только видѣть эти свѣшивающіяся съ перекладины бечевки, уже завязанныя въ видѣ петель, и страшно было мелькнувшее у меня опасеніе: а вдругъ онѣ не выдержатъ. На эшафотѣ суетились четыре китайца и двое русскихъ.

— Это палачи,—пояснилъ мнѣ стоявшій рядомъ со мною одинъ изъ помощниковъ полицеймейстера.—Тоже немало помучились, пока ихъ достали. Китайцы-то ничего, имъ это дѣло привычное, а вотъ русскихъ трудно было найти. Пришлось этимъ двоимъ по сто рублей каждому дать: иначе не соглашались.

— Откуда же вы ихъ достали? Кто они такіе?

— Такъ, просто, чернорабочіе, что ли, любители. Здѣсь, вѣдь, въ Маньчжуріи много народа всякаго. Можетъ быть, и сами бѣглецы каторжники, тоже убійцы, только пока не попались.

Можетъ быть, это и было дѣйствительно такъ, но, судя по наружности ихъ, этого нельзя было думать, въ особенности объ одномъ изъ нихъ. Высокій, осанистый мужчина, пожилой, почти старикъ, съ широкою окладистой бородой, въ которой серебрились нитки сѣдыхъ волосъ, одѣтый въ новое съ иголки платье—пиджакъ, брюки на выпускъ—съ сѣрою фетровою шляпой на головѣ, онъ производилъ скорѣе впечатлѣніе степеннаго подрядчика, явившагося въ праздничный день за расчетомъ. Выраженіе лица было у него совершенно спокойное, когда онъ, не слѣша, съ какимъ-то особенно важнымъ, тоже торжественнымъ видомъ давалъ послѣднія указанія остальнымъ палачамъ, показывая имъ, какъ лучше затягивать петлю.

Всѣ разговоры и даже всякое движеніе вдругъ сразу прекратились, когда внутри ограды показались осужденные. Они шли поодиночкѣ, окруженные каждый тремя солдатами съ ружьями, шли

спокойно, не сиѣпа, твердо, удивительно спокойно, какъ будто бы это не были ихъ послѣдніе шаги, которые они дѣлали въ своей жизни. Какъ-то странно было смотрѣть на этихъ людей, сознавать, что они осуждены на смерть, и не видѣть, чтобы они сопротивлялись, ну, хоть бы кричали, хоть бы словомъ или взглядомъ своимъ выражали протестъ противъ того, что у нихъ сейчасъ, черезъ нѣсколько минутъ отнимутъ жизнь. Не знаю, что это было такое, закоренѣлость ли преступниковъ, не разъ уже видѣвшихъ смерть лицомъ къ лицу во время ихъ долгой преступной жизни, или это было дѣйствіе стремительности, съ которою ихъ, не давая имъ опомниться, вели прямо отъ сна къ эшафоту, или въ нихъ таилась еще надежда, что, быть можетъ, хоть въ послѣднюю минуту имъ возвѣщено будетъ помплованіе, но спокойствіе ихъ было прямо поражающее. И когда одинъ изъ нихъ, поровнявшись съ полицеймейстеромъ, произнесъ спокойно, внятно и громко:

— Прощайте, ваше благородіе. Спасибо вамъ за вашу доброту къ намъ.

Я, право, отказывался вѣрить себѣ, что все, что я вижу передъ собою, — не сонъ, а дѣйствительность, что передо мною дѣйствительно люди, осужденные на смерть и относящіеся къ этому такъ спокойно, какъ будто бы они отправлялись куда нибудь въ дальній путь, а не прощались навсегда съ жизнью.

Тѣмъ же спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ, какъ солдаты на ученьѣ, они приблизились къ эшафоту, взошли на него и остановились каждый у своего табурета и у своей петли. Никогда въ жизни не забуду я этой минуты. Тишина вокругъ была такая, что я слышалъ, какъ билось учащеннымъ темпомъ сердце у человѣка, стоявшаго рядомъ со мною. И съ высоты эшафота смотрѣли прямо на насъ четыре человѣка, четыре осужденныхъ на смерть, надъ которыми носилось уже ея дыханье, и которые, тѣмъ не менѣе, стояли спокойно, не бились, не сопротивлялись, ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ не выражали желанія жизни. И самое ужасное во всемъ этомъ было именно то, что они не видѣли въ немъ ничего ужаснаго...

Среди гробовой тишины раздалась команда «на краулъ», слышался на минуту сухой лязгъ вскидываемыхъ ружей, и началось чтеніе смертнаго приговора. Это была самая страшная минута. Чтеніе приговора, казалось, тянулось мучительно долго. Нервное напряженіе у всѣхъ присутствующихъ достигло своей высшей точки. Помню, я усиленно старался отогнать отъ себя сознание и мысль о томъ, гдѣ я, что вижу, и нарочно заставлялъ себя вспоминать всѣ научные софизмы-доводы въ пользу смертной казни, какъ наказанія наиболѣе дѣйствительнаго, наиболѣе скорого и мало мучительнаго. И какъ жалки, какъ безсильны казались мнѣ теперь всѣ эти софизмы, когда я видѣлъ передъ собою настоя-

щую, живую казнь, когда въ глубинѣ моей души накопаль, вырвался оттуда, душилъ меня крикъ, что мы не въ правѣ отнимать жизнь, которую не мы дали, отъ человѣка, такого же человѣческаго существа, какъ и мы сами, когда мнѣ стыдно было за этихъ людей, что они ничѣмъ не выражаютъ этого сознанія, стыдно было за самую жизнь, которая переставала даже казаться мнѣ благомъ, когда я видѣлъ, какъ легко расстаются съ нею люди, переживающіе ея послѣднія минуты.

А люди эти, стоя на эшафотѣ, выслушивали свой смертный приговоръ, и, кажется, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ихъ лицахъ. Только у одного изъ нихъ, Брикмана, истинное званіе и происхожденіе котораго не удалось установить, какъ будто бы губы искривились въ тяжелую улыбку, когда во время чтенія приговора послышалось упоминаніе о немъ, какъ о «бродягѣ, именуемомъ себя Брикманомъ». Про этого Брикмана говорили, будто бы настоящая фамилія его иная, что онъ сынъ почтенныхъ родителей, но тщательно скрываетъ свое имя и происхожденіе, открывшіяся лишь наканунѣ казни, благодаря перехваченному письму на имя его матери, въ которомъ онъ писалъ ей, что умираетъ естественною смертію, отъ болѣзни...

Наконецъ, чтеніе приговора окончилось, и начались послѣднія страшныя приготовленія. Но и то, что произошло затѣмъ, въ эти нѣсколько минутъ, было удивительно неожиданно, удивительно странно именно потому, что все дѣлалось съ какимъ-то непостижимымъ, холоднымъ, душу леденящимъ спокойствіемъ. Осужденные спокойно простились другъ съ другомъ, обнялись, перецѣловались—одинъ только Брикманъ стоялъ все это время неподвижный, какъ каменное изваяніе, какъ будто прикованный къ своему мѣсту, надъ которымъ тихо колыхалась вѣтромъ петля, его петля. Одинъ изъ осужденныхъ хотѣлъ что-то сказать. Послышались невнятные глухіе звуки.

— Прощайте, господа, дай вамъ Богъ всякаго счастья и благополучія.

Что было затѣмъ дальше, я хорошо не помню. Съ какою-то непостижимою стремительностью палачи накинули на осужденныхъ саваны, подняли ихъ на руки, поставили на табуреты, надѣли имъ на шею петли, затянули ихъ—и все было кончено. Остались только два столба съ перекладиной, съ которой свѣшивались четыре бѣлыхъ полотняныхъ мѣшка. Съ минуту они покружились въ воздухѣ, съ минуту замѣтны были какія-то судорожныя движенія, какъ будто бы ихъ колыхало вѣтромъ, а затѣмъ все успокоилось—передъ нами висѣли четыре трупа.

Я не помню, о чемъ думалъ въ эту минуту, не помню, думалъ ли вообще о чемънибудь, помню только, что въ сознаніи моемъ промелькнула мысль, какое счастье, что ужасное зрѣлище смерти

было скрыто этими бѣлыми саванами, въ которые одѣли еще живыхъ людей. Какой былъ бы ужасъ, если бы видно было страшное выраженіе лицъ этихъ несчастныхъ, ужасная маска смерти, въ которую обратилось бы ихъ лицо въ борьбѣ ея съ жизнью.

Въ теченіе тридцати установленныхъ закономъ минутъ трупы висѣли неподвижно. Послѣ этого срока можно было уже быть увѣреннымъ, что въ нихъ не осталось ни одной искры жизни, но врачи, присутствовавшіе при казни, подошли все-таки къ казненнымъ, вынимали какіе-то ланцеты, дѣлали надрѣзы на ногахъ, изъ которыхъ текла черная мертвая кровь. Сомнѣнія быть не могло—казненные были мертвы.

— Готовы,—произнесъ палачъ, тотъ самый, который обратилъ уже на себя вниманіе, съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ слышалось и сознаніе глубокаго внутренняго облегченія и вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство какого-то профессиональнаго самодовольства.

На дворъ въѣхали четыре китайскія арбы съ гробами, установленными по одному на каждой изъ нихъ. Гробы подставили подъ «готовыхъ» покойниковъ, палачъ подрѣзалъ бечевки, на которыхъ висѣли ихъ тѣла, и они грузно и какъ будто тоже съ какимъ-то облегченіемъ опустились, поддерживаемыя руками палачей-китайцевъ, въ подставленные подъ нихъ гробы. Одна за другою арбы начали уже отъѣзжать, когда вспомнили, что надо обвязать гробы веревками, чтобы они не свалились въ пути отъ сотрясенія. И когда вахмистръ, командовавшій полицейскимъ рядомъ, отдалъ объ этомъ приказаніе солдатамъ, послышался чей-то укоризненный голосъ.

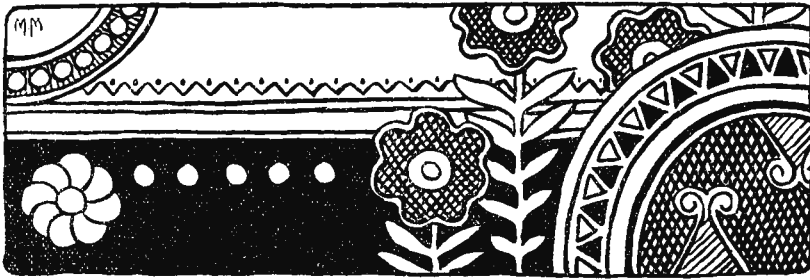
— Ну, да зачѣмъ же самимъ руки-то марать? Приказали бы сдѣлать это китайцамъ-палачамъ.

Я оглянулся,—это, оказывается, говорилъ палачъ, тотъ самый палачъ, который все время привлекалъ къ себѣ мое вниманіе, который съ спокойнымъ видомъ затянулъ петлю на шеѣ у осужденнаго, а теперь считалъ позорнымъ обвязать веревкою гробъ, гдѣ находилось тѣло казненнаго имъ челоуѣка...

Сергѣй Руничъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРАСНАЯ ПОЛЯНА.

I.

Адлеръ.—Дорога на «Поляну».—Монастырь св. Троицы.—Скала Аксу.—Кладбище турокъ.—Минеральный источникъ и рѣка Мзымта.

О НИЗКОМУ берегу моря свободно и широко раскинулось довольно большое селеніе Адлеръ. Въ зелени и цвѣтахъ (китайскія розы) бѣлые домики и церковъ—все это представляетъ съ моря живописный видъ, дополняемый величавыми скалами, высями снѣговыхъ вершинъ, выступающихъ за адлерской низиной.

Тамъ, среди цѣпи высокихъ и могучихъ горъ, находится Красная Поляна, на которую путь лежитъ черезъ Адлеръ. Прежде это была крѣпость св. Духа, а съ 1878 года составилось селеніе изъ крестьянъ преимущественно Херсонской и Бессарабской губерній. Виноградарство, табаководство и разведеніе кукурузы составляютъ главный промыселъ адлерскихъ и сосѣднихъ съ ними жителей. Отъ крѣпости не осталось никакихъ слѣдовъ. На ея мѣстѣ и изъ ея стѣнъ построена церковъ и школа. Въ церковной оградѣ скромный памятникъ: «братская могила 11 нижнихъ чиновъ, убитыхъ при бомбардированіи села Адлеръ во время войны 1877—1878 годовъ».

Селеніе въ послѣдніе годы быстро развивается, постройки растутъ, торговля увеличивается. По воскресеньямъ бываетъ базаръ, а въ обыкновенные дни торгуютъ мелочныя лавки, харчевни, и на

самомъ берегу моря кофейни. Рабочій народъ постоянно толчется въ Адлеръ, гдѣ издавна ведется торговля лѣсомъ, главнымъ образомъ каштановымъ.

Дальнѣйшему развитію этого селенія-мѣстечка несомнѣнно помогаетъ его положеніе между Сочи (30 верстъ), Гаграми (30 верстъ) и Красной Поляной. Сухопутное сообщеніе между этими мѣстами постоянное: ходятъ omnibusы, между Адлеромъ и Сочи почтовые дилижансы, но между Красной Поляной удобное сообщеніе только фаэтоны, которыхъ въ Адлеръ три. Имѣется и гостиница «Миръ», очень чистая и опрятная, съ четырьмя хорошо меблированными комнатами и столовой. Почтовое отдѣленіе, аптека, которая вслѣдствіе постоянныхъ лихорадокъ работаетъ хорошо, двѣ торговли виномъ и непремѣнный «монополь» составляютъ принадлежность Адлера.

Работаетъ аптека, но доктора нѣтъ. Врачебная помощь въ Черноморской губерніи поставлена ниже всякой критики. По нашему мнѣнію, ни одна изъ губерній не только Европейской, но даже Азіатской Россіи не сравнится съ Черноморской по совершенной бѣдности медицинскаго персонала.

Восточный элементъ преобладаетъ въ Адлерѣ, что придаетъ оригинальность и живость мѣстечку, особенно въ праздничные дни, когда отдыхаютъ и гуляютъ рабочіе люди, которыхъ тогда въ Адлерѣ много.

Мы провели въ Адлерѣ воскресенье. Былъ чудный, но нѣсколько жаркій день. Море дрожало легкой зыбью и ярко блестѣло на солнцѣ. Я забылъ сказать, что купанье въ Адлерѣ прекрасное, дно состоитъ изъ мелкаго щебня, смѣшаннаго съ пескомъ, берегъ изъ гладкихъ, красиво и оригинально обточенныхъ морскими волнами камешковъ. Весело въ Адлерѣ, горизонтъ широкій, просторный и разнообразный: и море, и горы, и долины. Мнѣ нравилось бродить среди праздничной толпы незнакомаго мѣста подъ яркимъ солнцемъ юга, близъ лазурнаго моря.

Шумъ и говоръ на улицахъ, гдѣ-то въ харчевнѣ играетъ музыка, раздается напѣвъ русской пѣсни...

Но что это? Огромная толпа народа тѣснится къ дому съ высокимъ крыльцемъ. Около дверей стоятъ два пѣхотныхъ солдата съ ружьями и штыками.

Толпа шумитъ, напираетъ, солдаты ее сдерживаютъ и переругиваются. Я посмотрѣлъ на вывѣску и понялъ, куда стремятся люди, и что охраняютъ солдаты. Это была казенная винная лавка—своего рода святилище, куда по порядку съ порожней разнообразной по объему посудой пропускались по два «жаждущихъ», черезъ минуты съ торжествомъ выходящихъ изъ завѣтнаго мѣста съ завѣтной влагой. Здѣсь же на улицѣ производился разливъ изъ большей посуды въ малыя.

— Однако, у васъ строго,—сказалъ я обывателю:—по-военному продаютъ водку!..

Обыватель съ неудовольствіемъ махнулъ рукой. Мы разговорились.

— Хуже жить стало,—разсказывалъ онъ:—прежде ничего, дешево было, а теперь, когда открылись Гагры, ни къ чему приступить нельзя!.. Помилуйте, эстонцы отличное сливочное масло продавали на базарѣ 30 копеекъ фунтъ, а теперь неугодно ли 60 заплатить!.. Все въ Гагры, да въ Гагры... Поднялись, очень поднялись цѣны!.. Яйца десятокъ былъ 8-10 копеекъ, а теперь меньше 20-ти не купить!..

— Чѣмъ занимаются жители Адлера?..

— Разно!.. кто торговлей, кто табакomъ... у насъ хорошій табакъ родится... Теперь самый разгаръ работъ на плантаціяхъ...

— И много зарабатываютъ?..

— Кто?.. Рабочіе?..

— Ну, хоть бы рабочіе...

— По два, по два рубля съ четвертью. Заработокъ хорошій, да долго не проработаетъ...

— Почему?..

— Лихорадка... она у насъ, окаянная, забираетъ живо, особенно не здѣшнихъ!..

Да... такое живописное мѣсто, и бичъ побережья—лихорадка!

Мнѣ предстояло нанимать фаятонъ, чтобы ѣхать въ Красную Поляну! Послѣ продолжительнаго торга грекъ согласился меня отвезти и привезти обратно за 25 рублей съ условіемъ прождать на Красной Полянѣ два дня.

Говорятъ, это недорого...

На другой день, часовъ въ 9 утра, въ небольшомъ фаятонѣ мы тронулись изъ Адлера по дорогѣ въ Сочи. Проѣхавъ версты три, свернули съ Сухумскаго шоссе вправо. Сначала дорога тянулась по равнинѣ среди полей кукурузы. Море осталось позади, а впереди горы и горы. Какія разнообразныя вершины!.. тупыя, остроконечныя, окутанныя голубоватой дымкой и сверкающія, какъ ковчаное серебро, своими снѣговыми шапками. Гдѣ столпились великаны, а гдѣ отдѣльными пиками выступаютъ на голубомъ, безоблачномъ небѣ!

Мы ѣдемъ не спѣша. Жарко, солнце поднимается выше и выше, и его лучи становятся прямѣе и ощутительнѣе. Нашъ фаятонщикъ, молодой грекъ, общительный, склонный къ бесѣдѣ, да и не мудрено: мы ѣдемъ въ горы и притомъ не близко—50 верстъ.

— Чья это кукуруза?—спрашиваю его.

— Краснополянскихъ поселянъ.

— Что такое?.. удивляюсь я. Развѣ это ихъ земля?.. За пятьдесятъ верстъ!..

— Нѣтъ, земля принадлежитъ Хлудову, кажется, 200 десятинъ, а они ее арендуютъ.

— Развѣ у нихъ тамъ, мало земли?..

— Прежде было довольно, а когда разработанную землю отвели подъ городъ и надѣлили лѣсомъ, нѣтъ земли... вотъ и снимаютъ!..

— Не знаешь, почему платятъ?

— По пятнадцати рублей за десятину. Года два раньше платили десять мѣстные поселяне, а теперь подорожала... труднѣе стало жить! На Красной Полянѣ ничего не найдешь... видите, овесъ съ собой везу... не знаю, какъ насчетъ сѣна?!

— Да вѣдь тамъ горныя пастбища?!. Не можетъ быть, чтобы не было сѣна... Что ты говоришь!

Извозчикъ не отвѣчалъ.

Мы проѣзжали селеніе Первинку, состоящую изъ 36 дворовъ греческихъ семей. Постройки недурныя, хаты стоятъ высоко на деревянныхъ столбахъ, по причинѣ низкаго мѣста и близости рѣки. На богатой влагой почвѣ растетъ гигантская фасоль, кукуруза тоже сильная, высокая. Вокругъ каждаго дома огородъ.

Сравнительно недурное впечатлѣніе производитъ слѣдующее селеніе Молдаванка, или, какъ называютъ мѣстные греки, «Молдовка», 204 души обоего пола, 38 дворовъ. Табакъ, виноградъ (плохое вино), огороды и неизмѣнная кукуруза—культура молдаванъ, поселенныхъ по «положенію» 1866 года на 30-ти-десятинномъ надѣлѣ.

За этимъ селеніемъ рѣка Мзымта и черезъ нее огромный мостъ. Это—шоссе на Гагры, а дорога на Красную Поляну идетъ на встрѣчу этой большой, быстрой рѣки по правой ея сторонѣ. До моста отъ Адлера шесть верстъ и отъ моста до «Поляны» ровно 45 верстъ новой и, какъ увидитъ читатель, удивительной дороги.

Миновали между казенной земли и ѣдемъ среди густого лѣса папоротниковъ, высокихъ, сочныхъ и сильныхъ. Невольная дума о маляріи не оставляетъ насъ во время проѣзда по этой низинѣ. Безлюдно и пустынно. Вправо внизу мелькнула среди кустовъ зелени мельница. Выше верстахъ въ двухъ селеніе Высокое (58 дворовъ при 323 душахъ), котораго не видно съ Краснополянскаго шоссе.

Скоро предгорье, дорога поднимается, роци папоротниковъ исчезаютъ. Показался дубъ, дикая груша, яблоня и кизилъ. Когда-то отсюда начинались черкесскіе сады, и горныя дороги расходились по населеннымъ и богатымъ ауламъ. Еще замѣтны мѣстами остатки черкесскихъ вьючныхъ горныхъ тропъ; намъ попался поворотъ дороги, не круто, а аккуратно построенный при подъемѣ. Меня всегда поражала простота и прочность черкесскихъ дорогъ. Очень хорошо они знали жизнь горъ съ ихъ потоками и стремнинами, крѣпко они обдумывали каждый поворотъ пути, каждый мостъ.

Не было у горцевъ инженеровъ, но владѣли они опытомъ, знали грунтъ, знали мѣста горныя во всѣ времена года.

Давно ли проведено шоссе¹⁾, по которому мы теперь ѣдемъ, и

¹⁾ 6 лѣтъ.

вотъ на 12-й верстѣ идутъ капитальныя работы. Инженеры измѣняютъ направленіе дороги, отводя шоссе влѣво вверхъ, вслѣдствіе страшныхъ оползней. Развѣ раньше, при изысканіи, нельзя было прійти къ заключенію, что въ этомъ мѣстѣ шоссе не выдержитъ, что на такой почвѣ строить крѣпкую дорогу нельзя, а если и можно, то на время?! Черкесы такой ошибки навѣрно не сдѣлали бы, подозрительныя мѣста они всегда обходили. Для черкесовъ всякій ремонтъ и поправка пути былъ тяжкій трудъ и наказаніе, а для инженеровъ «радость безмѣрная» и жатва обильная. Кто-то мнѣ говорилъ, что мечта почти каждаго инженера построить такую дорогу, которую нужно ежечасно, ежегодно и вѣчно ремонтировать... Сегодня обвалъ, завтра заваль, потомъ грунтъ ползетъ, мостъ ненадеженъ, рѣка не по мѣсту течетъ и проч. и проч... И вотъ капитальный (именно капитальный!..) ремонтъ, и вотъ громадныя новыя сооруженія... только дѣйствуй фантазія строителей! смѣлѣй и шире смѣты и проекты!..

Шагомъ проѣхали по ползучему грунту, около дороги палатки рабсчихъ производятъ все-таки нѣсколько пріятное впечатлѣніе. Отрадно, что настоящіе строители не спятъ на сырой землѣ, а на импровизированныхъ, но, тѣмъ не менѣе, кроватяхъ, на которыхъ и теперь лежатъ очевидно больные лихорадкой.

Но я нѣсколько забѣжалъ впередъ.

До мѣста ремонта шоссе еще было одно селеніе, Ахштырхъ, по лѣвому берегу Мзымты; это селеніе состоитъ исключительно изъ малороссовъ, поселившихся давно сначала въ низинѣ, а затѣмъ частью перешедшихъ выше въ мѣста черкесскихъ аулицъ, гдѣ они не такъ страдаютъ лихорадкой, какъ тѣ, которые остались на старомъ мѣстѣ.

Эти поселенцы имѣютъ сравнительно хорошій скотъ, благодаря горнымъ пастбищамъ, и занимаются табаководствомъ, которое въ Адлерѣ и его окрестностяхъ идетъ вообще хорошо. Мы проѣхали мимо табачныхъ плантацій и стали подниматься въ гору среди вѣкового лѣса и гигантскихъ дубовъ, поросшихъ сѣдымъ мохомъ. Порой встрѣчались огромныя каменные глыбы утесовъ, какъ мнѣ казалось, обдѣланныхъ когда-то въ давнее время... Кто знаетъ, что было нѣсколько вѣковъ ранѣе здѣсь въ этой лѣсной пустынѣ въ горахъ съ утесами и скалами!.. Дорога крутится направо и налево, горизонта нѣтъ, вы можете любоваться крѣпкими стволами деревьевъ, вершины которыхъ уходятъ высоко вверхъ, туда, къ синему небу, клочекъ котораго изрѣдка покажется среди вѣтокъ бука. Дорога узкая, частые небольшіе мосты, подъ вами направо пропасть, за которой шумитъ и гремитъ Мзымта, надъ вами по лѣвую сторону крутыя выемки, по почти вертикальнымъ стѣнамъ которыхъ торчатъ каменныя глыбы, едва укрѣпленныя, чуть держащіяся и готовыя всякую минуту рухнуть и покатиться

внизъ въ сырую мрачную бездну, куда не хочется и жутко смотреть...

Въ самомъ дѣлѣ, мрачно, угрюмо среди этого горнаго лѣса; лошади тихо подвигаются впередъ: все подъемъ и повороты. Ни солнца, ни свѣта, ни освѣжающаго вѣтра!..

Молчить фаятонщикъ и лѣниво чуть стегаетъ кнутомъ лошадей, молчимъ и мы и ждемъ, когда переѣднётся эта однообразная, угрюмая декорація.

Но вотъ мы вознаграждены!.. Какой чудный, удивительный ландшафтъ передъ нами: сразу, словно по волшебству, открылись зеленныя горы съ поразительно красивыми перевалами балокъ и ущелій, и вся эта художественная панорама подернута легкой синеватой дымкой, которая, впрочемъ, не мѣшаетъ видѣть подробности, но еще болѣе красить и вершины и перевалы горъ спокойнымъ замѣчательно тонкимъ цвѣтомъ!

Еще поворотъ влѣво, и декорація мѣняется, и синѣвыя вершины блещутъ и сверкаютъ среди безоблачнаго синяго неба... Но это была недолгая переѣднѣ, выступилъ снова лѣсъ, экипажъ покатился подъ гору и опять тѣнь, вѣковые стволы и пропасть и мрачныя стѣны съ угрюмыми скалами, съ обнаженными корнями дубовъ, буковъ, растущихъ на вѣсу, вертикально и порой совѣмъ на голой стѣнѣ дикой, морщинистой скалы. Лошади бѣгутъ особенно быстро подъ гору, гдѣ замелькали постройки.

— Курамень!.. радостно проговорилъ грекъ и добавилъ:— лошадей кормить будемъ. Проѣхали 20 верстъ!..

Фаятонщикъ остановился на дорогѣ, далъ лошадямъ овса и ушелъ въ кофейню. Мѣсто остановки не представляло ничего интереснаго,— угрюмое, дикое ущелье, по которому расположились небольшія хаты на деревянныхъ столбахъ, исполняющихъ назначеніе фундамента. Это недавно устроенный поселокъ Голицынской, состоящій изъ 15 дворовъ съ русскимъ населеніемъ 59 душъ. Выше въ горахъ деревня Лѣсная, гдѣ живутъ греки съ 1878 года, 300 душъ при 57 дворахъ. Версты двѣ отъ шоссе находится ихъ сельское правленіе, школа и церковь. Голицынской поселокъ въ административномъ отношеніи причисленъ къ Лѣсной. Поселяне-греки въ Лѣсной сѣютъ пшеницу, садятъ кукурузу и картошку, при чемъ послѣдняя растетъ очень хорошо. Табаководство развито тоже среди нихъ, и урожаи иногда бываютъ прекрасные, и качествомъ табакъ очень недурной. Голицынской поселокъ производитъ впечатлѣніе неустроенности.

— Эта земля была наша,—разсказывалъ мнѣ старыи житель изъ Лѣсной,—мы и расчистили и прежде занимали табаконъ и баштанами, но поселили русскихъ, и у насъ земли стало меньше, труднѣе жить!..

— Сколько же земли у васъ отрѣзали?

— Около 400 десятинъ...

Вообще на побережьѣ страшная земельная путаница, наслѣдіе стараго времени, когда начальники округовъ (на правахъ губернаторовъ), Соколовъ и Никифораки, селили первый русскихъ—новоселовъ, второй грековъ, безъ всякой системы, безъ справокъ, а такъ по запискамъ и личнымъ приказамъ. Грековъ господинъ Никифораки поселилъ множество, но они, кромѣ культуры табака и торговли, а также кофеенъ, ничего не внесли въ жизнь побережья. Присматриваясь внимательно, пожалуй, можно прійти къ заключенію, что вліяніе грековъ отрицательное въ этомъ молодомъ, еще складывающемся въ культурномъ отношеніи краѣ. Русскіе, какъ прежде, такъ и теперь, въ загонѣ у мѣстнаго начальства: одинъ начальникъ округа ¹⁾ покровительствуетъ полякамъ, другой туркамъ, потому что содержитъ рыбный заводъ, а турки прекрасные рыболовы, третій кому угодно, только не русскимъ рабочимъ (пресловутая исторія городовыхъ и босяковъ въ Сочи)... Русскіе на побережьѣ—это какой-то враждебный элементъ, врагъ и непріятель, а персы, греки, чехи и поляки—желанные и культурные гости-люди!... Спрашивается: кто покорилъ Кавказъ? конечно, не эти мудреные чиновники, надѣленные такой властью, что могутъ покровительствовать на русской землѣ всему и всѣмъ, но только не русскому...

— Новый начальникъ округа поступилъ, и все пошло по-новому!—заключилъ грекъ.

Послѣ отдыха мы спустились въ ущелье и нѣкоторое время наслаждались шумомъ и бѣлыми гребнями Мзымты. Опять мрачно и сыро, но не надолго. Блеснуло солнце, показалось синее небо, и снова въ своей чудной красотѣ пронеслась передъ нами панорама зеленыхъ горъ.

Мы подъѣзжали къ 23 верстѣ, гдѣ находится вновь построенный мужской монастырь во имя Св. Троицы. У самаго шоссе ворота, небольшой образъ и крутая дорога въ горы. Мы поднимались безъ остановки болѣе полчася, когда наконецъ показались деревянные, очевидно, на скорую руку сколоченныя постройки. Справа отъ дороги находится кирпичный заводъ, выше небольшая, въ родѣ сельской, церковь и два двухъэтажные деревянные флигеля, гдѣ помѣщается «братія» въ числѣ 40 человекъ. Монастырь основанъ іеромонахомъ Маркіаномъ въ сентябрѣ 1901 года на пожертвованныя въ количествѣ 200 десятинъ министерствомъ земледѣлія земли. Освященіе происходило 13 іюня 1903 года.

Мы пошли въ церковь, свѣтлую, чистую, безъ всякой роскоши и убранства. Простотой, свѣжимъ воздухомъ повѣяло на насъ въ храмѣ съ иконостасомъ изъ мѣстнаго краснаго дерева, кажется,

¹⁾ Въ настоящее время съ учрежденія Черноморской губерніи должность начальника округа совершенно подобна должности исправника въ Россіи.

единственной роскоши въ обстановкѣ. Живопись совсѣмъ не важная и не рекомендуетъ со стороны талантовъ екатеринодарскихъ художниковъ. Трапезная помѣщается тоже въ зданіи церкви съ лѣвой стороны.

— Думаемъ каменный храмъ воздвигнуть, — сказалъ сопровождавшій насъ іеромонахъ.

Я ничего ему не отвѣтилъ, и мнѣ было жаль простой, свѣтлой и симпатичной церкви, которую закроетъ и придавитъ угрюмое кирпичное зданіе храма. И такъ здѣсь мрачно и темно и даже угрюмо. Лѣсъ, да лѣсъ, ни сада, ни полей, растетъ только одна кукуруза.

— На Красную Поляну ѣдете?—спросилъ насъ монахъ.

— Да, а вы не были тамъ?

— Нѣтъ, боязно... опасная дорога!.. и монахъ посмотрѣлъ по ея направленію.

Дѣйствительно, съ того мѣста, гдѣ мы находились, въ своемъ грозномъ величій возвышалась каменная твердыня Аксу.

Проѣхали больницу, турецкое кладбище, и коньга лошадей звонко застучали по каменному грунту. Что это?!. Передъ нами узкое ущелье, внизу, далеко въ глубинѣ, шумитъ и реветъ Мзымта, отъ лѣваго берега которой вертикально поднимаются огромныя зеленныя горы, съ ихъ балками, вѣковыми дубами, буками, елями. Надъ вами у самага шоссе высятся и уходятъ къ самому небу каменныя скалы, вѣрнѣе одна гигантская скала, знаменитая Аксу. Жутко, страшно!.. Но какой величественный, грандіозный видъ!.. вдали сквозь окно ущелья высятся снѣговыя вершины краснополянскихъ горъ, и скалы, видны и зелень, и синее небо!.. Шоссе опоясываетъ вертикальную стѣну, шоссе узкое, всего какихъ нибудь двѣ сажени съ оградой въ аршинъ, а внизу, внизу страхъ и ужасъ!..

Вотъ тоннель, сначала первый небольшой, а затѣмъ сорокъ три сажени угрюмой и сырой темноты второго тоннеля, и вы и лошадь, и экипажъ снова висите надъ пропастью, и надъ вами все та же скала-гигантъ, порой образующая потолокъ... Вы различаете трещины этого високаго, чудовищнаго потолока, вы смотрите направо, на стѣну горъ, внизъ, въ бездну рѣки, а слѣва вы чувствуете, вы близко почти прикасаетесь Аксу!..

Бѣгутъ лошади среди угрюмаго молчанія, изрѣдка слышенъ лязгъ ихъ подковъ, да внизу глухо шумитъ Мзымта. Противоположныя стѣны горъ изъ темнозеленаго мрачнаго цвѣта переходятъ въ болѣе свѣтлые тона выше, и наконецъ тамъ, на вершинахъ, освѣщенныхъ лучами солнца, яркая зелень высокихъ елей и листовенницъ кажется густой, щетинообразной травой!

Четыре версты дороги около или вѣрнѣе по скалѣ Аксу, четыре версты дьявольски-живописнаго, угрюмаго ущелья!.. Эта дорога не имѣетъ сходства съ Военногрузинской, нѣтъ. Слишкомъ

она тѣсна въ этомъ мѣстѣ, тѣснѣе Дарьяльскаго ущелья, куда не заходятъ лучи солнца, гдѣ мракъ тяжелый, безпросвѣтный... Но на отвѣсномъ, каменномъ поясѣ Аксу бываетъ свѣтло, но не бываетъ радостно, ибо сердце бьется въ трепетномъ восторгѣ и ужасѣ, и въ головѣ мелькаетъ мысль: «одинъ только маленькій камень, сорвавшійся съ верха, и вы можете быть убиты, какъ пулей, наповаль!»

Проѣхали то мѣсто, гдѣ въ прошломъ году именно при такихъ обстоятельствахъ камнемъ былъ убитъ священникъ краснополянской церкви, о. Авраамъ.

Какія оригинальныя, смѣлыя краски природы!.. Нѣкоторая часть Аксу была освѣщена солнцемъ... точно мягкая улыбка скользнула по этой мрачной скалѣ-безднѣ!..

Ѣдете дальше, безлюдно и стало типе: затихла ли въ этомъ мѣстѣ безпокойная рѣка, или она удалилась дальше, или тише, глубже стало ея теченіе, но не такъ теперь слышенъ ея глухой сердитый ропоть... Среди бездны скалъ нѣтъ человѣка!.. Строгий лѣсной звѣрь, да и тотъ, я думаю, обходитъ это грозное ущелье и для своихъ прогулокъ ищетъ болѣе покойнаго, тихаго мѣста...

Гремитъ, шумитъ Мзымта, мрачное, дьявольски мрачное ущелье, и съ грознымъ гнѣвомъ висятъ скалы Аксу, могучія, уходящія вверхъ къ самому небу!..

Однако работали здѣсь люди. Люди вели упорную борьбу съ каменнымъ неприятелемъ, люди погибали въ этой борьбѣ, но другіе, собираясь съ силами, шли, ползли, приспособлялись и своей удивительной ловкостью и отчаянной смѣлостью покорили неприступнаго гиганта, и тамъ, гдѣ прежде отдыхали орлы, тамъ идутъ и ѣдутъ люди, проходятъ подводы...

Постройка дороги замѣчательна... Инженеры въ проектѣ шли на ура; скала подрублена въ своемъ основаніи, въ другихъ мѣстахъ она взорвана динамитомъ, взята въ крѣпкія, сильныя руки, и опоясана каменнымъ поясомъ, вырваннымъ изъ каменной груди... Поясъ—это удивительная дорога; смѣлые, сильные люди, которые вырубили этотъ поясъ,—турки!..

Гдѣ по дорогѣ естественный гротъ и гдѣ скалы особенно нависли надъ шоссе, смотрите вверхъ и вы увидите высоко, высоко вбитые въ твердый камень два стальныхъ стержня, которыми бурятъ скалы. Тамъ, гдѣ орелъ выбралъ бы мѣсто свить свое гнѣздо, тамъ работали турки. Два стержня, похожіе на ломы,—это торжество труда! Смѣлые до отчаянія труженики оставили на память о себѣ тяжелыя орудія своихъ работъ вверху, тамъ почти подъ небесами, а сами погибли геройской смертью!..

Между монастыремъ и тоннелемъ, при самомъ началѣ дьявольской скалы, турецкое кладбище, которое мы посѣтили на обратномъ пути. Оно окружено небольшою изгородью, попросту набросаннымъ въ беспорядкѣ валежникомъ. Мы насчитали 21 могилу; камни въ

человѣческой ростъ указывали число убитыхъ турокъ, которыхъ, какъ я узналъ было больше, а именно 27, убитыхъ на смерть... Число же раненыхъ и умершихъ—огромное, превышающее сотню людей.

Вотъ какова постройка дороги!..

На каменныхъ могильныхъ плитахъ имѣются на турецкомъ языкѣ надписи... Угрюмое мѣсто—это кладбище!.. Огромный букъ-великанъ, сраженный, вѣроятно, молніей, упалъ на могилы турокъ и своими крѣпкими гигантскими вѣтвями покрылъ памятники-плиты... Когда я былъ на кладбищѣ, уныніе и тоска закрались въ мое сердце, а мысль блуждала по странной стѣнѣ утеса Аксу, гдѣ торчали два стержня.

Да, гибли здѣсь турки, которымъ инженеры поручали самыя опасныя работы, взрывы скалъ и проч.

— Падали,—говорили мнѣ,—со скалъ турки, падали съ огромной высоты и летѣли внизъ въ рѣку... Нѣкоторыхъ уносила со-всѣмъ бурливая Мзымта!..

Страшно, читатель, и подумать объ этой работѣ на вѣсу, упершись въ уступъ скалы, тамъ ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ!.. «Когда дождь, то здѣсь очень опасно... катятся камни и падаютъ на дорогу со страшной силой!»

— Ну, а послѣ дождя не опасно?—спрашиваю я у свѣдущихъ людей.

— Опасно,—отвѣчаютъ мнѣ,—когда засыхаетъ камень-трескунъ, то лопается и падаетъ... Опасно зимой, когда снѣгъ, опасно во время и послѣ дождя, опасно, когда сухо.

— Лѣтомъ по скаламъ Аксу джейраны пасутся съ маленькими, которые играютъ, а камни тогда катятся на дорогу.

Дорога черезъ скалу Аксу самая живописная и дорога самая опасная, хотя и другія мѣста Краснополянскаго шоссе тоже не безопасны. Несчастіе можетъ случиться каждую минуту. Вы ѣдете, и справа почти все время подъ вами бездна Мзымты, а слѣва—то каменные, то земляныя стѣны, на которыхъ едва держатся большіе пудовъ въ 20—50 куски скалъ... Эти куски, подмываемые дождями, когда вѣбудь должны скатиться... Вопросъ въ томъ, когда именно? А деревья? вѣковые дубы и буки, съ обнаженными корнями надъ дорогой, если эти великаны сорвутся!.. Вы прекрасно видите и понимаете, что они обречены на погибель, но когда именно, въ этомъ вопросъ. Можетъ быть, сегодня, можетъ, черезъ мѣсяцъ, годъ, или наконецъ завтра,—кто это можетъ знать?!

Здѣсь около скалы Аксу были сосредоточены главныя работы по постройкѣ шоссе, здѣсь именно происходили кровавыя драмы,—и каждый день смерть витала въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Вѣрный спутникъ рабочихъ лихорадка и другія болѣзни находили себѣ пищу въ рабочемъ лагерѣ. Недалеко отъ турецкаго кладбища по-

мѣщается угрюмое зданіе бывшей больницы, гдѣ теперь живетъ съ семьей шоссеый сторожъ, и гдѣ вы можете подъ могучимъ дубомъ напиться чаю... Стволъ дуба, конечно, изрѣзанъ ножами, и кора его покрыта фамиліями и инициалами досужихъ туристовъ... Зачѣмъ они пишутъ и зачѣмъ портятъ деревья?!

Послѣ скалы Аксу замѣчательно красивый поворотъ, очень крутой на 27-й верстѣ и чудный роскошный видъ на Мзымту, ущелье

Монастырь Св. Троицы.

и горы. Кругомъ все скалы и неприступные утесы. На 28-й верстѣ красивый, хорошо построенный памятникъ убитаго во время работъ грека. Этотъ памятникъ воздвигъ благодарный подрядчикъ.

На постройкѣ шоссе работали турки, греки и русскіе. Турки шли въ авангардѣ, имъ поручались опасныя работы.

— За турокъ инженеры не отвѣчали, ну, а за русскихъ или грековъ оставшимся послѣ убитыхъ семьямъ платить приходилось,—разсказывалъ мнѣ краснополянскій житель.

«Какіе, однако, практичные люди эти инженеры!»—подумалъ я.—«Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ требовать пособія за турокъ?... Ихъ семьи далеко, тамъ, гдѣ-то въ Турціи»...

Говорятъ, не было дня, чтобы не насчитывалось убитаго или раненаго. По окончаніи работъ нѣкоторые получили золотыя медали съ надписью «за усердіе»: турокъ Мемедъ-Али, грекъ Константинъ Акридовъ и русскій техникъ Ивановъ.

Проѣхали скалы Аксу, и дорога снова пошла среди лѣса, стало не слышать и не видать бурливой съ бѣлой гривой Мзымты; мрачная тишина вѣковыхъ буковъ не способствовала бесѣдѣ, мы молча любовались, скорѣе «дивились» на крѣпкіе, гладкіе стволы гигантовъ, верхушекъ которыхъ не видно, до того они высоки, а ихъ стволы могучи, какъ окружающая природа. Въ самомъ дѣлѣ на Кавказѣ все грандіозно, крѣпко и сильно. Гора такъ гора, утесъ такъ утесъ, дерево такъ дерево, рѣка такъ рѣка—во всемъ сила и крѣпость несокрушимая, гордая.

Спустились къ рѣчкѣ Кебше, гдѣ строится большой мостъ. Работы кипятъ, люди ворочаютъ камни, обтесываютъ ихъ, возятъ землю, засыпаютъ, паровикъ пытитъ, откачивая воду, раздаются крики, приказы завѣдующихъ...

— Большой будетъ мостъ?

— Да, немаленькій, 12 и 75 сажень, безъ желѣза будетъ стоить 24.000 рублей,—отвѣчалъ надсмотрщикъ.

— А съ желѣзомъ?

— Не меньше 45 тысячъ рублей!

Какія огромныя деньги затрачены на эту дорогу, и расходамъ, ремонту не предвидится конца. Борьба съ природой и ея капризами предстоитъ постоянная, и съ какою природой? Кавказской, господа!..

Высоко на скалахъ работаютъ турки... Они что-то весело кричатъ сверху и смѣются. Греки отдѣлываютъ замѣчательно красивые темносѣрые камни; они считаются вообще хорошими каменщиками.

Опять пошли громадные буки. Буки и вертикальныя земляныя выемки шоссе. Вслѣдствіе сильныхъ впечатлѣній на пути мы чувствуемъ себя утомленными, хочется скорѣе пріѣхать на «Поляну».

— Много ли осталось?—спрашиваемъ извозчика.

— Теперь 14 верстъ... Сейчасъ переѣдемъ рѣку...

— Какую?

— Ачипсе... Эта рѣка впадаетъ въ Мзымту.

Скоро намъ представилась только что видѣнная картина постройки моста... Паровичекъ, турки, греки, русскіе, наскоро построенные бараки и рабочая суматоха.

Мы остановились, чтобы сходить на минеральный источникъ, который находится въ полутора верстахъ отъ шоссе, по дорогѣ въ

Краснополянское шоссе. Видъ тоннеля и скалы.

русское селеніе Медовеевское. Путь все время по рѣчкѣ, безъ подъемовъ и спусковъ, дорога ровная среди лѣса. Близъ самой рѣки Чужице, на берегу построена скамейка и столикъ, откуда дорожка къ самому источнику, который мѣстные жители называютъ «Нар-

11*

заномъ». Источникъ желѣзистаго происхожденія, помѣщающійся въ деревянномъ срубѣ, благодаря присутствію угольной кислоты, на вкусъ очень пріятный, возбуждающій легкую отрыжку. На источникъ меня провожалъ рабочій. Онъ говорилъ, что всѣ пьютъ эту воду и не нахвалятся ея вкусомъ.

— Сладкая вода и очень пріятная, — рассказывалъ рабочій, — и полезная...

— Большой строите мостъ?

— 25-ти-саженный! работы много... теперъ еще ничего, а вотъ дожди пойдутъ—бѣда чистая!..

— Много зарабатываете?..

— Мастеровые 2 рубля и 2 рубля 40 копеекъ, а простые рабочіе 1 рубль и до 1 рубля 20 копеекъ въ день... Работы тяжелыя, харчи дорогіе, да и заболѣть легко можно...

— Чѣмъ? лихорадкой?

— Конечно, лихорадкой... многіе страдаютъ...

Скоро мы вышли на шоссе и поѣхали дальше.

— Немного подниметесь, а потомъ пойдетъ ровная дорога, — замѣтилъ прощаясь рабочій.

Эти 13 верстъ мы дѣйствительно проѣхали довольно скоро. Вечерѣло, всходила луна, прохладой и свѣжестью тянуло съ рѣки, которая все время неслась къ намъ навстрѣчу. По этому пути не было живописныхъ открытыхъ мѣстъ. Все лѣсъ кругомъ. Мзымта со своими бѣлыми гривами волнъ замѣчательно красиво сверкаетъ при лунномъ освѣщеніи. Мзымта—одна изъ самыхъ большихъ и длинныхъ рѣкъ Черноморскаго побережья съ совершенно опредѣлившимся глубокимъ русломъ. Начало свое она беретъ съ ледниковъ горы Шагусъ, протекаетъ съ постояннымъ ревомъ и шумомъ черезъ Красную Поляну и дальше по ущелью и около самаго Адлера впадаетъ въ море, окрашивая весь морской берегъ селенія желтоватаго цвѣта прѣсной водой. Съ парохода можно видѣть рѣзко очерченную прѣсную и морскую воду. Въ Мзымту впадаетъ въ Красной Полянѣ довольно порядочная рѣчка Бѣшеная и Ачипсе, а также великое множество горныхъ ручьевъ и водопадовъ... Мзымта рѣка многоводная.

Послѣ крутыхъ скалъ, гигантскихъ утесовъ, великановъ-деревьевъ, послѣ впечатлѣній грандіозныхъ, но подавляющихъ своей близостью и тѣсотой, наконецъ открылся просторъ. Мы въѣхали на Красную Поляну.

Какая художественная, полная таинственной прелести картина!.. Это восторгъ!.. совершенная поэзія при лунномъ освѣщеніи!.. Горы высились, отходя, какъ бы отступая своими разнообразными вершинами и прямо, и направо, и налѣво. Ширилась Поляна, вся облитая ровнымъ, серебрянымъ свѣтомъ. Тихо совершенно и ясно

Краснополянское шоссе. Начало ущелья Аксу.

на небѣ... Домики среди темной зелени и бѣлая церковь и налѣво гиганты-утесы, и снѣжные вершины... не знаешь, на что смотрѣть, чѣмъ любоваться!..

Да, хороша, божественно прекрасна Красная Поляна!.. воистину Красная!..

— А что это въ горахъ?.. тамъ высоко... какая постройка?..

— Это дворецъ!..— отвѣчалъ извозчикъ, подвозя насъ къ солидному помѣщенію горнаго клуба, около котораго гремѣла Бѣшеная рѣка.

II.

Общій видъ «Поляны».—Императорскій охотничій домикъ.—Помѣщеніе горнаго клуба.

Мы вышли на террасу горнаго клуба. Было прелестное утро. На небѣ ни облачка, ни тѣни. Все горы съ разнообразными причудливыми вершинами. Прямо передъ нами съ террасы снѣговья, налѣво и направо вершины зеленя и утесы и скалы. Мы—высоко. Красная Поляна представляетъ собой ровную площадь на высотѣ надъ уровнемъ моря 2.300 футовъ.

Что это за чудная, живописная мѣстность!.. Мѣсто рѣдкое даже и на Кавказѣ по своему удивительному положенію. Горы окружили «Поляну» и возвышаются передъ ней, и каждая гордится своей красотой и оригинальностью.

На югозападѣ Ангба (7.800 футовъ) круто и высоко поднялась къ синему небу бархатнымъ зеленымъ ковромъ своихъ дубовъ, букъ, каштановъ, елей и пихтъ. Четыре остроконечныя каменныя вершины-утесы столпились и словно задумались надолго, глубоко. Съ трудомъ отрывается взоръ отъ этихъ каменныхъ великановъ, отъ зеленой, могучей стѣны на сѣверовостокъ къ другой вершинѣ Ачишхо (7.757 футовъ), и въ головѣ мелькаетъ мысль: какая живописнѣе, величественнѣе? Нѣтъ, рѣшить трудно, горная красота такъ разнообразна въ своемъ могуществѣ, очертаніяхъ и краскахъ, что умолкнулъ умъ, и сердце бьется тихою радостью... Не до анализа и сравненія тогда!..

Гора Ачишхо оригинальна по своимъ замѣчательно красивымъ скаламъ, которыя загибаются къ сѣверу, образуя приэтомъ въ вышинѣ грандіозный полукругъ. Сѣрый колоритъ скалъ рѣзко выдѣляется отъ изумрудной зелени той части, гдѣ высится императорскій домикъ. Охота на этой горѣ запрещена безусловно. Дичи пропасть: олени, джейраны пасутся по высотамъ стадами. Много медвѣдей, козъ и, конечно, кабановъ. Туры водятся ближе къ снѣговымъ вершинамъ.

— На Ачишхо,—рассказывалъ мнѣ мѣстный житель,—тамъ, выше дворца, озера имѣются и превосходныя пастбища... Вотъ тамъ дичины посмотрѣли бы!.. и!.. и!.. живутъ въ тишинѣ, ни собакъ, ни выстрѣловъ, ни шума не слышать и человѣка мало боятся. Пойдешь туда, непременно встрѣтишь или козу или оленя. Расплодилось звѣрья и дичины много!..

Изъ скалъ Ачишхо вытекаетъ и несется рѣка Бѣшеная. Названіе совершенно оправдываетъ характеръ этой небольшой рѣчки,

которая шумить и безустанно, бѣшено мчится и впадаетъ въ Мзымту.

На югѣ высятся въ своемъ серебряномъ величїи снѣговья горы. Прямо по «Полянѣ» между упомянутыхъ вершинъ, отступая, въ снѣгу блещетъ гора Псеашхо. Оригинальными очертанїями эта громада со своей серебряной шапкой кажется совсѣмъ близко, какъ и наши сосѣдніе богатыри-великаны.

Къ востоку расположилась снѣжная Шугусъ (10.642 фута), дальше еще и еще горы толпятся и уходятъ въ Кубанскую область. Оттуда со снѣговъ вытекаетъ Мзымта, многоводная, безпокойная, протекаетъ по всей Красной Полянѣ и прячется въ ущельѣ горъ и скалъ до Адлерской низины.

Вотъ какая изумительная декорація окружаетъ Красную Поляну, это благодатное мѣстечко, прежде греческое селеніе, а теперь городъ Романовскъ, еще впрочемъ не организованный и не устроенный.

Красная Поляна—обширная долина въ нѣсколько квадратныхъ верстѣ довольно плодородной земли, пересѣкаемой тремя рѣками: Мзымтой, Ачипсе и Бѣшеной. Кромѣ этихъ рѣкъ, на «Полянѣ» имѣется множество ручьевъ и рѣчекъ, берущихъ свое начало изъ горныхъ родниковъ (Мельничїй ручей и другіе). Вода превосходная, необыкновенно чистая, холодная и очень вкусная. Лососина и форель водятся въ достаточномъ количествѣ. Почва глинистая съ верхнимъ слоемъ чернозема. Рожь, овесъ, кукуруза даютъ хорошіе урожаи, пшеница—неособенные. Огородные овощи произрастаютъ прекрасно: капуста и фасоль достигаютъ почти гигантскихъ размѣровъ; картофель родитъ тоже хорошо.

Во времена черкесскія эта долина носила названіе Квааде, затѣмъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, по приходѣ и заселенїи ея греками, она стала называться Красной Полянкой. Говорятъ, когда пришли первые поселенцы и спускались съ горъ при закатѣ солнца, то вся долина была покрыта краснымъ ковромъ верховъ папоротника, покраснѣвшихъ и увядшихъ осенью. Послѣ ухода черкесовъ остались ихъ аулы и превосходные фруктовые сады, уцѣлѣвшіе и до нашего времени. Прекрасныя груши, яблоки, сливы, огромныя ягоды черешенъ, айва, абрикосы и вѣковыя деревья волошскихъ орѣховъ напоминаютъ о далекомъ времени, когда здѣсь была иная культура. Еще сохранились каменные уступы и плиты, вѣроятно, отъ фундаментовъ горскихъ саклей. Чрезвычайно холодный родникъ прозрачной, какъ чистое стекло, воды около этихъ камней. Черкесы любили воду, умѣли охранять ее и ухаживать за источниками и родниками.

Несомнѣнно долина Кваабе была населеннымъ мѣстомъ и центромъ черкесскаго скотоводства. Отсюда шли крѣпкія, горныя дороги на Адлеръ и Сочи. По нѣкоторымъ наблюденїямъ черкесы

здѣсь занимались пчеловодствомъ и медъ и воскъ отправляли въ Турцію. Почти всѣ склоны горъ, кромѣ выходящихъ къ сѣверу, покрыты фруктовыми деревьями и орѣхомъ.

Долгое время «Поляна» оставалась незаселенной. Въ 1878 году пришли греки, которыхъ привелъ раньше осмотрѣвшій эти мѣста грекъ Фанаиловъ. Онъ и теперь живъ, содержитъ небольшую гостиницу. Я нашелъ его и разговорился съ этимъ колонизаторомъ.

— Я былъ здѣсь раньше турецкой войны и познакомился съ мѣстами... хорошія мѣста и земля хорошая и вода.

— Вы изъ Ставропольской губерніи пришли?

— Да,—отвѣчалъ грекъ.—Изъ Турціи мы попали въ Ставропольскую губернію, но намъ не понравилось тамъ: воды нѣтъ, къ степямъ мы не привыкли, всѣ выросли въ горахъ. Какая тамъ жизнь!.. Вотъ я и сталъ искать другихъ мѣстъ, гдѣ удобнѣе намъ поселиться, и лучше Красной Поляны не нашелъ. Со мной пошли на переселеніе 120 семей, все греки, изъ которыхъ часть не дошла сюда и поселилась по ту сторону перевала, нѣкоторыя семьи получили земли въ Лѣсной, а 32 семьи остались здѣсь... къ намъ приписались еще двѣ семьи русскихъ, но не жили и не живутъ до сихъ поръ, работаютъ на сторонѣ.

— Васъ поселили на основаніи «Положенія» 10-го марта 1866 года?

— Да, нарѣзали по 30 десятинъ на семью на ровномъ мѣстѣ, кругомъ селенія земли были наши, мы сѣяли пшеницу, кукурузу, табакомъ занимались, огородами, почти всѣ «хозяйновали», а теперь нѣтъ, хозяйства побросали, и кто работаетъ на шоссе, кто торговлю открылъ... городъ будетъ!

— Какъ же такъ?.. Вѣдь вамъ нарѣзали землю въ другомъ мѣстѣ?

— Корчевать надо... та земля не годится... Нѣкоторые попробовали, да и бросили. Раскорчевали восемь десятинъ, посѣяли пшеницу, и не было урожая. Прежде 32 семьи насъ было и земли 960 десятинъ, а теперь больше 36 семей, а земли стало меньше 680 десятинъ, стали арендовать земли близъ Адлера.

Дѣйствительно, послѣ даннаго жителями согласія-приговора на замѣну селенія городомъ Романовскомъ, что произошло еще при покойномъ Н. С. Абазѣ, греки перестали заниматься земледѣліемъ и пустились въ торговлю и другіе промысла.

Внѣшній видъ селенія-города вполне приличный. Хорошее впечатлѣніе производятъ на высокомъ фундаментѣ, окруженные зеленью и фруктовыми деревьями довольно помѣстительные дома большею частію изъ каштановаго лѣса съ балконами и террасами. Небольшая церковь, возлѣ которой строится зданіе новой школы, такъ какъ въ старомъ помѣстилось сельское правленіе, и множество мелочныхъ лавокъ, пекаренъ, кофеенъ,— все это располо-

жено по единственной большой улицѣ вдоль долины. Земледѣльческое мѣстечко, съ проведеніемъ шоссе, мало-по-малу стало принимать видъ небольшого торговаго центра, а переходъ его въ городъ окончательно измѣнилъ характеръ жизни на Красной Полянѣ, гдѣ, между прочимъ, всякіе необходимые продукты не дешевы: мясо 15 копеекъ фунтъ, хлѣбъ 4 копейки и т. д. — все привозное, а дорога далекая. Мѣстечко живетъ не столько прїѣзжими, сколько многочисленными рабочими съ шоссе, гдѣ постоянная постройка и ремонтъ, а также рабочими по постройкѣ дворца и

Охотничій домикъ Государя Императора.

другихъ сооруженій. Заработокъ жителей отличный: работникъ на парѣ лошадей зарабатываетъ до восьми рублей въ день.

Будущее Красной Поляны, конечно, зависитъ отъ развитія курорта и отъ соединенія шоссеинымъ путемъ съ Кубанской областью, со станицей Аксипаемъ. Тогда жизненные продукты подешевѣютъ, а теперь цѣны ихъ изъ года въ годъ несомнѣнно будутъ повышаться, ибо то хозяйство, которое было, — теперь прекратилось. Романовскъ - курортъ долженъ будетъ существовать на счетъ другихъ сельскохозяйственныхъ центровъ.

Красота природы, вѣрнѣе сила и оригинальность горной красоты съ соединеніи съ прекраснымъ, здоровымъ климатомъ, мягкимъ зимой и нежаркимъ лѣтомъ, гарантируютъ будущность этого чуд-

наго уголка, если бы... если бы не такая опасная дорога!... Но какъ здѣсь хорошо!... Какой гордый покой и могучее величіе!.. Куда ни помотришь съ «Поляны», вездѣ очаровательный видъ, художественная панорама!... Это внизу, а чѣмъ выше, тѣмъ обширнѣе горизонтъ и тѣмъ шире, грандіознѣе горная красота!..

Охотничій домикъ Государя среди густой зелени высится на горномъ склонѣ и глядитъ на «Поляну». Совсѣмъ близко, только нужно подняться вверхъ, всего какая нибудь верста. По шоссе до «дворца» считаютъ ровно 8 верстъ; прекрасная дорога кружитъ по предгорью. На поворотахъ открываются одинъ другого затѣйливѣе горные виды. Живописныя скалы Ачишхо развертываются во всей своей гордой красотѣ. Огромная ложбина съ вершинъ спускается внизъ правильнымъ крутымъ скатомъ, а рядомъ по обѣимъ сторонамъ горнаго утеса-гиганта—зелень и зелень горнаго лѣса, которая тянется, поднимается, высится, ширится... и такъ до безконечности, до синевы поднебесной. Прозраченъ и чистъ горный воздухъ, даль видна, ясна. Какая свѣжесть!... кругомъ журчатъ, шумятъ родники, ручейки!... Свободно дышитъ грудь!..

Выше и выше!... все повороты, а «домика» не видно! По гладкому шоссе идти хорошо, а главное прохладно, несмотря на солнечный августовскій полдень. Еще поворотъ. На дорогѣ идутъ работы, палатки рабочихъ открыты, и мы видимъ большіе чайники и солидные куски хлѣба.

Но вотъ и дворецъ!..

Не доходя саженъ пятьдесятъ, мы остановились, чтобы полюбоваться дивной картиной. Подъ нами раскинулось селеніе, каждая постройка, садикъ, сверху въ миньятюрѣ замѣчательно красивы и затѣйливы, маленькая церковь, словно только что выточенная игрушка, блещетъ на солнцѣ, и все это въ зелени, такъ пестро и радостно.

Ангба раскинулась вся лощинами, зелеными балками и морщинистыми утесами-стариками. Отъ дворца еще величественнѣе, грандіознѣе эта широкая и высокая гора. Превосходенъ видъ и на снѣжныя вершины, которыя теперь еще ярче свѣркаютъ и блещутъ своими снѣгами, нежели утромъ.

Какой дивный, очаровательный день!

Мы подошли къ самому охотничьему домику, и чудная панорама снѣжныхъ горъ скрылась, оставшись за поворотомъ, Аишха высилась, загибалась и красовалась вся отъ подошвы до самой вершины. Но и съ того мѣста, которое мы только что оставили, также видна Аишха, но не снѣжныя высоты Псеаихо, которыхъ, увы, не видно ни съ террасы, ни съ балконовъ дворца! Не понимаю, почему выбрано это мѣсто, которое скрываетъ серебряныя выси на югѣ, и не поставленъ дворецъ нѣсколько ближе къ самому повороту?! Тогда панорама и видъ изъ «домика» были бы полнѣе!

Мнѣ понравился охотничій домикъ Государя, хотя это не домикъ, а цѣлый двухъэтажный домъ съ полуподвальнымъ отдѣленіемъ. Простота и прочность постройки несомнѣнныя. Нижній и первый этажи изъ кирпича и цемента, второй этажъ деревянный, весь изъ великолѣннаго каштановаго лѣса. Крѣпкое, красивое дерево съ отдѣлкой останется *au naturel*, что и оригинально и гигиенично. Балконы и террасы, окружая «домикъ», открываютъ превосходное зрѣлище на «Поляну» и на горы. Постройка подходит къ концу, отдѣлываются двери, окна, перила на террасахъ. Рабо-

Церковь на Красной Полянѣ.

таетъ народа много, и скоро охотничій домикъ будетъ готовъ совершенно.

Расположеніе комнатъ удобное, а главное уютное, большихъ помѣщеній нѣтъ, лѣстницы широкія и свѣтлыя. Вообще свѣта въ «домикѣ» много, а о воздухѣ и говорить нечего!... Такого чистаго, горнаго воздуха не найти—кругомъ одна только природа, дѣвственная, строгая.

Выше надъ «домикомъ» десятинъ въ тридцать—поляна съ роскошной растительностью и семь озеръ. Богатый сѣнокосъ составляетъ особенность горной поляны. Мнѣ говорили, что покойный Н. С. Абаза сначала выбралъ именно это мѣсто, чтобы построить охотничій домикъ для Государя, но вслѣдствіи ли высоты или по какимъ другимъ причинамъ отъ своей мысли отказался.

Неудобство настоящаго положенія дворца главнымъ образомъ въ томъ, что вокругъ «домика» нѣтъ ровной плоскости: постройки какъ бы слѣпились въ гору и повисли на горѣ. Безспорно, что это очень красиво, особенно, если смотрѣть на домикъ снизу съ поляны: тогда солидная постройка кажется такой среди зелени пестрой, игрушечной и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозной.

Назадъ мы пошли другой дорогой: спустились по лѣсной тропинкѣ съ горы прямо, пересѣкая шоссеиную дорогу. Здѣсь обыкновенно ходятъ рабочіе, которые показались мнѣ такими строгими, приличными.

— Какой у васъ заработокъ?—спросилъ я столяра, отдѣлывающаго, и, надо признаться, мастерски, внутреннюю дверь.

— Издѣльно работаемъ,—отвѣчалъ онъ,—а если разсчитать по-дешню, то по 1 рублю 50 копеекъ будетъ.

«Недорого,—подумалъ я, вспоминая своего плотника-столяра Поликарпа,—разница, какъ небо и земля, а цѣна одинаковая».

День стоялъ превосходный, а вечеръ прямо чудный и при этомъ лунный. На нашу долю выпало рѣдкое по своей тишинѣ время, и мы вполне могли любоваться и наслаждаться красотами «Поляны». Благодаря замѣчательному горному воздуху, аппетитъ превосходный, а свѣжая форель, поджаренная въ кукурузной мукѣ, такое блюдо, которое всегда вспомнешь, но рѣдко гдѣ найдешь...

Кстати о горномъ клубѣ... Помѣщеніе клуба за церковью, нѣсколько въ сторонѣ отъ селенія-города, на самомъ берегу Бѣшеной, одно изъ лучшихъ на «Полянѣ». Это—сравнительно порядочный (шесть комнатъ) одноэтажный въ два террасы кирпичный съ каштановой отдѣлкой домъ. Одна большая терраса, крытая, съ широкими и высокими рамами, которыя поднимаются по желанію. Комнаты очень уютныя съ приличной вполне обстановкой. Столовая выходитъ на упомянутую террасу. Мѣсто выбрано очень удачно. Покой и полная тишина, если бы не бѣшено неслась и не бурлила днемъ и ночью Бѣшеная. Впрочемъ ея шумъ не рѣзкій и не неприятный, скорѣе глухо-рокочущій, шумъ и говоръ, къ которому можно очень скоро привыкнуть. Подъ эту однообразную музыку рѣчки хорошо думается и прекрасно спится. Такого крѣпкаго, спокойнаго сна, здороваго аппетита, которые сопровождали наше пребываніе на «Полянѣ», мы не zapomнимъ.

Помѣщеніе клуба не открыто для всѣхъ, имъ пользуются, кромѣ членовъ, лица, имѣющія рекомендацію отъ послѣднихъ. При клубѣ находится человекъ, исполняющій должность и повара и смотрителя, онъ хорошо готовитъ, отдаетъ отчетъ въ купленномъ для стола и вообще охотно исполняетъ всякія порученія. За помѣщеніе платы не взимается.

На «Красной Полянѣ» насчитывается пять или шесть домовъ, гдѣ отдаются комнаты и помѣсячно и посуточно. Конечно, обста-

новка не важная, кровать, столъ и нѣсколько стульевъ, имѣется большею частію балконъ или терраса. Комнаты среднихъ размѣровъ, 50 копеекъ въ сутки и 10—15 рублей въ мѣсяцъ, свѣтлыя и, повидимому, сухія. Здѣсь же можно и обѣдать. Благодаря тому, что прїѣздъ на «Красную Поляну» съ проведеніемъ шоссе каждый годъ увеличивается, греки стали привыкать къ дачникамъ и итти навстрѣчу потребностямъ и привычкамъ культурныхъ людей.

Многіе о «Красной Полянѣ» имѣютъ превратное понятіе. Когда мы туда ѣхали, одинъ побережный житель совѣтовалъ намъ запа-

Мостъ черезъ Мзымту въ колоніи эстонцевъ.

стись съѣстными припасами и чуть ли не говорилъ, что мы не найдемъ тамъ даже хлѣба. Вздоръ и пустыяки... Побъжайте смѣло и не безпокойтесь... Въ городѣ Романовскѣ имѣется все нужное, кромѣ роскоши и комфорта, но зато какая природа, господа!

III.

Распланировка города.—Эстонское селеніе.—Охота.—Минеральные источники.

Городъ Романовскъ занимаетъ вмѣстѣ съ землей, отведенной для выгона, около 500 десятинъ и раздѣляется на 5 кварталовъ, кромѣ 3-хъ для ремесленниковъ. Къ этому надо еще прибавить дачные участки. Первый кварталъ состоитъ изъ 55 участковъ,

второй—изъ 21, третій кварталъ, ровно 30 десятинъ, составляетъ нынѣшнее сельское населеніе, въ которомъ насчитывается 53 участка¹⁾. Этотъ кварталъ заселенъ и застроенъ, всѣ прочіе кварталы еще только размежеваны, и участки еще не розданы и не раскуплены. Четвертый кварталъ—56 участковъ и пятый—58 участковъ. Всѣ эти участки, по 1200 квадратныхъ саженъ каждый, будутъ продаваться министерствомъ земледѣлія съ торговъ отъ цѣны 200 рублей за планъ, кромѣ, конечно, поселянскихъ и ремесленныхъ: послѣдніе будутъ розданы бесплатно. Участки для ремесленниковъ, смежные съ поселянскими, нарѣзаны при самомъ вѣздѣ на «Красную Поляну». Участки по 300 квадратныхъ саженъ каждый тоже раздѣлены на три небольшихъ квартала: первый состоитъ изъ 30 участковъ, второй вмѣщаетъ 20, а третій только 19 участковъ. По склонамъ горъ обмежеваны дачные участки по 2 десятины. Такихъ участковъ—132. Но въ послѣднее время въ министерствѣ возникла мысль уменьшить такое количество плановъ, увеличивъ площади дачныхъ участковъ до 5—6 десятинъ. Кромѣ того, 25 десятинъ отведено подъ паркъ—это мѣсто южиѣе и ниже «охотничьяго домика» по дорогѣ въ эстонскую колонію. Паркъ уже расчищенъ; густая тѣнь вѣковыхъ дубовъ и буковъ будетъ хранить покой и тишину ищущихъ уединенной прогулки. Паркъ простирается по скату горы вдоль на довольно большое, хотя не широкое пространство.

Но лучшее и поэтическое мѣсто выбрано и предназначено для санаторіи, для которой нарѣзано 30 десятинъ подъ скалами Ачишко, тамъ, гдѣ вытекаетъ Бѣшеная, и гдѣ такъ много горныхъ источниковъ. Я—не врачъ и не больной, но вполне понимаю, какой покой и какую чудную природу найдетъ послѣдній, особенно невзрастеникъ или страдающій грудными болѣзнями. Такого уединеннаго и защищеннаго отъ вѣтровъ мѣста не найдется во всей «Полянѣ» и ея окрестностяхъ. Правда, нѣсколько далеко отъ центра (версты двѣ), но я думаю, что и это достоинство, ибо когда организуется настоящій городъ, и застроятся и заселятся городскіе участки, тогда санаторія и ея жители почувствуютъ и сознаютъ всю прелесть дивнаго и здороваго уголка.

Видъ съ будущей санаторіи на селеніе (или городъ) и на горы превосходный. Естественный садъ яблочныхъ, грушевыхъ и орѣховыхъ деревьевъ, окружая будущія постройки, простирается до самаго центра.

Повторяю, лучше мѣста для санаторіи найти трудно; одно богатство ключей и родниковъ замѣчательно чистой и холодной воды красить и цѣнить весьма дорого такое мѣсто. Кстати не лишнее прибавить, что на «Красной Полянѣ» въ теченіе всего лѣта можно

¹⁾ Остальную часть занимаютъ церковь и общественныя зданія.

имѣть снѣгъ. Нѣкоторые поселяне построили погреба, гдѣ и сохраняютъ такой цѣнный на побережьѣ продуктъ, который зимою покрываетъ ближайшія высоты на два и болѣе аршина. Постройка погребовъ обыкновенная: цементированныя стѣны, полъ и двойныя двери. Обстоятельство очень важное для санаторіи и больницы.

Относительно дачныхъ участковъ, занимающихъ вообще хорошее положеніе, по моему мнѣнію, лучшія по живописности мѣста

Краснополянская дѣвочка-гречанка.

и по богатству растительности—по склонамъ предгорій по правой сторонѣ Бѣшеной. Эти склоны защищены съ сѣвера и открыты къ югу. Впрочемъ удивительный и сильный ростъ деревьевъ—общее качество этой мѣстности.

Когда мы ѣхали къ эстонцамъ, зелень окружала дорогу, зелень справа, слѣва, впереди, и мнѣ казалось, что нѣтъ мѣста на «Полянкѣ», гдѣ не было бы какой нибудь растительности. Дорога идетъ

все время по шоссе среди предполагаемыхъ дачныхъ мѣстъ и парка. Живописная дорога лентой вьется по скату горы, вершина которой все время то выступаетъ, то прячется за лѣсомъ. Это шоссе построено еще покойнымъ Н. С. Абазой, который предполагалъ провести его на 25 верстѣ до минеральнаго источника. Но за его смертью шоссе осталось недостроеннымъ.

Колонія эстовъ расположена по обоимъ берегамъ Мзымты. Когда вы подъѣзжаете къ ней, дорога идетъ по возвышенному правому берегу, и передъ вами на другой сторонѣ рѣки подъ горой въ живописномъ безпорядкѣ среди густой темной зелени бѣлѣютъ постройки эстонцевъ. Замѣчательно красивый и оригинальный пейзажъ!... Издали постройки такія чистенькія, аккуратныя. Но только издали, а при ближайшемъ знакомствѣ жилища колонистовъ крайне мрачны и далеко не отличаются чистотой, дворы небольшіе, пристройки, какъ и дома, деревянные. Всѣхъ дворовъ по обѣимъ сторонамъ рѣки считается 36 при количествѣ населенія мужского—101 и женскаго—99 душъ. Эстонцы поселились на «Полянѣ» (пять верстѣ отъ Романовска) съ 1887 года. Они пришли сюда частью изъ Эстляндской губерніи, частью изъ Ставропольской губерніи, получивъ на семью, какъ и греки, 30-ти-десятинный надѣлъ. Первые поселенцы заняли правую сторону берега, а вторые лѣвую. Последніе поселяне поставлены въ лучшее положеніе по отношенію къ условіямъ скотоводства: у нихъ пастбища близкія и богатыя, но зато въ теченіе зимняго времени и вообще, когда Мзымта многоводна, жители лѣвой стороны лишены всякаго сообщенія,—они тогда отрѣзаны отъ остальнаго міра въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ лѣтнее время между поселками строится для пѣшеходовъ мостъ, строится высоко надъ ревущей и шумящей рѣкой. Но что это за мостъ?.. живой, колеблющійся подъ ногами, на весьма сомнительныхъ устояхъ съ наложенными въ безпорядкѣ досками, камнями и просто хворостомъ. Пройти по такому мосту значитъ обнаружить нѣкоторое мужество; жители впрочемъ привыкли и объ опасности не думаютъ и даже перегоняютъ по такому прелестному мосту овецъ.

— И что же?—спрашиваю я.

— Много падаетъ ихъ въ рѣку, — отвѣчалъ сопровождавшій насъ сельскій писарь.

Говорить нечего, что при каждомъ капризѣ Мзымты жалкій мостъ летитъ къ чорту, и эстонцы мастерятъ другой, тоже временный.

Постоянный мостъ, конечно, нуженъ, но такой мостъ будетъ стоить не дешево, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бурная рѣка уже четыре раза мѣняла свое русло. Тамъ дальше Мзымта скована могучими скалами, а между эстонцами мѣсто сравнительно ровное, и она всегда можетъ разгуляться на просторѣ.

Эстонцы занимаются земледѣліемъ: сѣютъ рожь, сажаютъ кукурузу, картофель. Послѣдній родится очень хорошо, но только прѣбѣтъ. Почти въ каждомъ домѣ имѣются 2 — 3 коровы. Поселяне приготавливаютъ прекрасное масло, которое сбываютъ на «Красной Полянѣ» по 35 копеекъ фунтъ. Сѣютъ немного табака, но не для продажи, а для собственнаго употребленія. Фруктовыхъ деревьевъ много, все селеніе утопаетъ въ зелени яблокъ, грушъ, сливъ и пр. Фруктовъ много, но дѣвать ихъ некуда—пудъ сушеныхъ плодовъ стоитъ 50 копеекъ.

Эстонцы очень трудолюбивы, сумрачны по характеру и не особенно привѣтливы. Они не радушны, какъ русскіе, но не вертлявы и не хитры, какъ греки. Какъ хозяйева, они замѣчательно устойчивы, и мужчины и женщины. Дѣлаютъ рѣшительно все сами. Очи работаютъ дилижансы, весь составъ и деревянный и желѣзный. Каждый эстонецъ самъ можетъ построить домъ со всеѣми каменными, деревянными и печными работами. Мы видѣли, какъ недурно, даже съ нѣкоторымъ вкусомъ, построено училище, и какъ достраивается зданіе новаго сельскаго правленія.

Кстати, прежде до открытія города, греки и эстонцы составляли одно общество и имѣли общее правленіе, одного старшину, писаря и общіе расходы,—теперь они должны представлять свою самостоятельную административную единицу.

Женщины занимаются, кромѣ хозяйства, рукодѣліемъ: ткуютъ, прядутъ. Эстонцы одѣваются во все свое, сдѣланное трудами рукъ ихъ женъ, матерей и сестеръ. Рубаха изъ своего льна, одежда изъ своей шерсти — все свое, чужой промышленности и торговли они не поддерживаютъ, даже сапогъ не носятъ, замѣняя ихъ посталами. Кромѣ того, эстонки превосходно дѣлаютъ перчатки, чулки, плетутъ кружева.

Въ ихъ селеніи 22-го сентября бываетъ нѣчто въ родѣ выставки-ярмарки, гдѣ все эстонскія кустарныя производства выставляются на продажу. Не знаю, чья это мысль—выставлять на сельскихъ ярмаркахъ кустарныя производства, но мысль благая, требующая себѣ поддержки.

Отчего въ самомъ дѣлѣ на сельскихъ ярмаркахъ побережья не знакомить поселянъ со всевозможными предметами и орудіями, имѣющими возможность давать толчекъ сельско-хозяйственной культурѣ? Отчего на такія ярмарки не посылать агрономовъ, которые занимались бы демонстраціями, подходящими къ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ, и не снабжали бы (конечно, за плату) сѣменами, книгами и орудіями производства. Въ настоящее время такія ярмарки ¹⁾ представляютъ собой торговлю дешевымъ кислымъ

---

¹⁾ Исключительно зависящія отъ административно-полицейской власти.
«Истор. вѣстн.», мартъ, 1904 г., т. хсѣ.

виномъ и краснымъ товаромъ и только. Времяпровожденіе веселое, исключительно посвященное выпивкѣ.

По моему мнѣнію, сельскохозяйственныя выставки въ городахъ для народнаго хозяйства рѣшительно никакого значенія не имѣютъ: это культурное баловство и ничего больше, но въ трудовыхъ центрахъ такое дѣло требуетъ серьезной, но не административной только поддержки. Въ началѣ своего поселенія эстонцы жили неважно, да и дѣйствительно трудно было приспособляться къ незнакомымъ условіямъ горной природы. Но свойственное трудолюбіе и терпѣніе помогли имъ устроиться. Теперь, особенно съ проведеніемъ шоссеиной дороги стали жить лучше и не нуждаться. Въ первое время поселенцамъ много помогала охота. Почти все эстонцы—хорошіе и смѣлые охотники, а дичины въ сосѣднихъ горныхъ лѣсахъ пропасть: стрѣляли медвѣдей, кабановъ, сернь.

Много ловкости и энергіи надо имѣть, чтобы преслѣдовать въ горахъ звѣря, подниматься, спускаться по горнымъ тропинкамъ, по утесамъ и скаламъ, вступать иногда въ отчаянную борьбу съ ранеными кабанамъ и медвѣдями. Мы познакомились и посѣтили одного изъ такихъ страстныхъ охотниковъ, еще молодого, сильнаго эстонца. Въ его незатѣйливомъ и далеко недостаточномъ хозяйствѣ, на не прибранномъ дворѣ мы встрѣтили цѣлую кучу маленькихъ дѣтей охотника. Эстонецъ показывалъ намъ шкуры убитыхъ звѣрей, рога турьи, олени, сернь—все это хранилось у него на чердакѣ.

— Недавно продалъ бѣлую медвѣжью шкуру,—сказалъ онъ.

— Совершенно бѣлаго медвѣдя?..

— Совсѣмъ бѣлаго... ну, чисто, какъ снѣгъ!..

— Это очень большая рѣдкость...

— Да, говорятъ, что такого не видѣли... я и самъ удивился и, признаться, немного даже испугался... но все-таки убилъ!..

— А за сколько вы его продали?

— За двѣнадцать рублей, и шерсть такая пушистая, добрая шерсть...

— Недорого, очень недорого!..

Эстонецъ рассказалъ мнѣ нѣсколько случаевъ изъ охотничьей жизни; я купилъ у него кое-что на память, и мы простились. Проходя мимо училища, мы видѣли, какъ молодой человекъ работалъ на дворѣ, что-то рубилъ, прилаживалъ.

— Это сельскій учитель и вмѣстѣ съ тѣмъ и священникъ.

Эстонцы—лютеране, и учитель, гдѣ нѣтъ пастора, часто справляетъ нѣкоторыя службы.

Въ нѣкоторыхъ садахъ я видѣлъ огромныя яблоки, оказавшіяся черкесскими, поздняго сорта. Прекрасная почва, вѣроятно, близость рѣки отлично дѣйствуютъ на ростъ и созрѣваніе фруктовъ, которые поспѣваютъ въ концѣ сентября, при чемъ яблоко вѣситъ

болѣе двухъ фунтовъ. Вслѣдствіе хорошихъ кормовъ скотъ у эстонцевъ сытый и молочный. Не только подножнаго корма достаточно, но эстонцы, какъ основательные хозяева, на зиму запасаются серьезно сѣномъ. Способъ перевозки этого сѣна съ ближайшихъ луговъ весьма примитивный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удобный. Въ работѣ одна лошадь, которая возитъ на приспособленномъ къ запряжкѣ хворостѣ, что и выходитъ какъ бы на саняхъ. Возъ ничего себѣ порядочный, и сытый конь везетъ сѣно безъ особаго усилія.

Въ одномъ домѣ я встрѣтилъ больного лихорадкой. Оказалось, что эстонцы страдаютъ отъ этой болѣзни значительно въ большей степени, нежели греки въ теперешнемъ городѣ Романовскѣ. Городъ гораздо выше колоніи и удаленъ отъ рѣки, эстонцы же помѣщаются на самомъ берегу Мзымты. Впрочемъ мѣстная лихорадка не такая злокачественная, какъ на самомъ побережьѣ, въ Адлерѣ, Хостѣ... Лихорадка на Красной Полянѣ легко поддается лѣченію, и, какъ мнѣ говорили постоянные жители побережья, заболѣвшіе лихорадкой тамъ, на берегу моря, отъ нея здѣсь быстро поправляются. Чиновникъ М. указалъ мнѣ на два случая въ своей семьѣ, когда въ Новороссійскѣ жена и его сынъ заболѣли злѣйшей лихорадкой, и онъ ихъ перевезъ съ собой на Красную Поляну, то они черезъ два дня совершенно выздоровѣли.

Въ заключеніе объ эстонской колоніи я долженъ сказать, что ея общее впечатлѣніе нѣсколько сумрачное, селеніе грековъ выглядить гораздо веселѣе, да и мѣсто красивѣе.

Красная Поляна и окрестныя горы, какъ я уже говорилъ, очень богаты источниками, среди которыхъ встрѣчается немало минеральныхъ. Профессоръ Пастернацкій, изслѣдовавшій черноморское побережье и между прочимъ Красную Поляну, минеральныхъ источниковъ насчитываетъ восемь. Но, я думаю, ихъ несравненно больше. Посудите въ самомъ дѣлѣ: передъ вами гигантская горная пустыня безъ дорогъ и путей... чего, чего только не найдется въ лощинахъ и балкахъ горныхъ, чего только нѣтъ тамъ, гдѣ еще не ступала нога человѣческая! Источники, которые извѣстны, открыты совершенно случайно мѣстными жителями-охотниками, которые называютъ ихъ «нарзанами».

Источникъ Ачипсе—въ восьми верстахъ отъ эстонской колоніи, и къ нему добратся стоитъ немалого труда: приходится очень часто переходить рѣчку Ачипсе и подниматься круто въ гору, гдѣ когда-то былъ большой черкесскій аулъ Рыхъ-айе. Недалеко расположенъ и источникъ, находящійся на высотѣ уровня моря 2.370 ф., саженьяхъ въ двадцати отъ берега рѣки. Источникъ обдѣланъ каштановымъ срубомъ, кругомъ лѣсная чаща и глушь; по сырой землѣ берега видны слѣды лѣсныхъ обитателей. По словамъ профессора Пастернацкаго, «дебитъ его у поверхности стока опредѣ-

лень въ 148 ведеръ въ сутки, а при откачиваніи 384 ведра въ сутки. Температура воды 11° съ четвертью по Ц. Вода углекислая, щелочная ¹⁾, очень пріятная на вкусъ и, по мнѣнію профессора, очень близкая по своему составу къ *Wichy celestins*.

Надо думать, что въ будущемъ, когда разовьется и вырастетъ городъ Романовскъ, около этого источника построена будетъ гостиница-санаторія для пользованія больныхъ желудочными болѣзнями и отъ расстройства печени. Вообще, стоить обратить серьезное вниманіе на источникъ Ачипсе, который въ настоящее время засорился, какъ и другой, о которомъ нужно сказать нѣсколько словъ.

Этотъ источникъ—Пслухъ, близъ рѣчки того же имени. Родникъ обдѣланъ срубомъ, но засорился. Вода на вкусъ пріятная, но съ меньшимъ содержаніемъ углекислоты, нежели въ источникѣ Ачипсе. Температура, по словамъ профессора Пастернацкаго, 10¹/₂°Ц. и дебитъ до 600 ведеръ. Содержаніе желѣза довольно значительное, источникъ подходит по своему характеру къ минеральнымъ источникамъ въ Желѣзноводскѣ. Отъ колоніи эстонцевъ до источника около или болѣе 20-ти верстъ труднаго горнаго пути, возможнаго только верхомъ съ перѣздами черезъ Мзымту и восхожденіемъ по горнымъ тропамъ. Мѣстность лѣсная, глухая, съ замѣчательно богатой растительностью и съ художественными до прелести видами, когда открывается горизонтъ на горные перевалы и на разнообразныя вершины, которыя съ каждаго новаго мѣста кажутся иными, точно впервые выступающими передъ вами.

Такъ красивая женщина-кокетка, при перемѣнѣ прически и костюма, кажется иной и еще болѣе интересной.

Самый богатый и интересный источникъ, который мы не успѣли посѣтить, вслѣдствіе его отдаленности отъ Красной Поляны—это, Царскій источникъ, о которомъ профессоръ Пастернацкій говоритъ ²⁾: «этотъ замѣчательный источникъ находится на высотѣ 4.000 футовъ надъ уровнемъ моря и на двѣ сажени надъ уровнемъ рѣки Мзымты. Онъ представляетъ собой круглую яму 5 футовъ въ діаметрѣ и глубиною около аршина. Вся водная поверхность его сильно клокочетъ и кипитъ, какъ въ котлѣ, отъ массы грифоновъ (струй) газа и воды, поднимающихся на высоту двухъ вершковъ. Клокотаніе воды и трескъ разрыва газовыхъ пузырей производитъ шумъ, или, вѣрнѣе сказать, сильное шипѣніе, которое можно уподобить, но только въ гораздо большей степени, происходящему при откупориваніи бутылки съ газированной водой. Нагибаясь ближе къ источнику при вдыханіи получается въ носу ощущеніе легкаго покалыванія. Зачерпнутая въ стаканъ вода искрится отъ выдѣле-

¹⁾ Съ преобладаніемъ углекислаго натра.

²⁾ Климатолѣчебные пункты на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа.

нія массы пузырьковъ газа на поверхность, тѣ же пузырьки осѣдаютъ въ огромномъ количествѣ на стѣнкахъ стакана. На видѣ вода (какъ въ родникѣ, такъ и въ стаканѣ) совершенно прозрачна, чиста, безъ всякихъ признаковъ мути или осадковъ въ ней. На вкусъ она даетъ покалываніе на языкѣ и ощущеніе очень пріятной углекислой воды, безъ всякаго посторонняго привкуса. Принятая внутрь, она вызываетъ ощущеніе пріятной теплоты въ желудкѣ и, спустя нѣкоторое время, производитъ отрыжку углекислымъ газомъ. Температура воды въ источникѣ 7°Ц. По текущему изъ него ручейку воды осадокъ яркочернаго цвѣта окиси желѣза. Дебитъ источника, опредѣленный у поверхности, отъ 3 до 4 тысячъ ведеръ въ сутки. Сухого остатка въ немъ 0, 636 граммъ».

Въ пяти верстахъ отъ Царскаго имѣется еще желѣзистый источникъ на высотѣ 3.200 фуговъ, температуры 11°Ц., весьма схожій съ Барятинскимъ въ Желѣзноводскѣ, но съ большимъ содержаніемъ желѣза.

Такимъ образомъ изъ краткаго обзора нѣсколькихъ источниковъ въ окрестностяхъ Красной Поляны читатель пойметъ, какія богатства скрыты въ горахъ-великанахъ, не говоря о томъ, что на ихъ поверхности. Какіе буки, пихты и дубы!.. а каштановыя рощи!.. а громадныя альпійскія горныя пастбища, могущія выростить и прокормить безчисленныя стада всякаго скота—все это можетъ видѣть каждый, кто посѣтитъ Красную Поляну и познакомится съ ея чудными и богатыми окрестностями...

IV.

Природныя богатства.—Скотоводство.—Характеръ жизни на «Полянѣ».—Греки.—Обратный путь.

Какая будущность ждетъ Красную Поляну и когда?

Несомнѣнно окружающія горы изобилуютъ всевозможными породами рудъ, имѣются признаки желѣза, признаки безусловные, ртути, серебра и каменнаго угля. Какое качество этихъ рудъ, я не знаю, но сомнѣваться въ ихъ наличности нельзя.

Какія воды, родники и источники!.. а климатъ и почва, на которой все растетъ и живетъ могучею, гордою жизнью! Можетъ быть, когда начнется систематическое изслѣдованіе горныхъ богатствъ, когда извлеченные изъ нѣдръ земли сырые продукты начнутъ обрабатываться и поступать на всемірные рынки, тогда процвѣтетъ, выростетъ Красная Поляна и обратится изъ безлюднаго мѣста въ оживленный центръ: тогда естественно и фактически будетъ развиваться городъ Романовскъ.

А теперъ трудна, неустойчива его организація.

Въ самомъ дѣлѣ, кто въ настоящее время пойдетъ на Красную Поляну на постоянное жительство въ городскіе обыватели?.. Пока,

кромѣ будущности курорта, и притомъ лѣтнаго, мы ничего не предвидимъ. Изъ какихъ элементовъ станетъ составляться городская организація, кто будутъ эти городскіе представители?.. тѣ же греки, бывшіе поселяне? ремесленники, надѣленные маленькими планами?.. Культурный элементъ, элементъ дачный, скоропреходящій, чуждый интересовъ мѣстныхъ, городскихъ, ибо эти интересы у него тамъ, далеко, и онъ на время оставилъ ихъ, чтобы пожить въ покой и тишинѣ, чтобы отдохнуть и тѣломъ и душой.

При современномъ состояніи Красной Поляны съ городомъ Романовскомъ въ смыслѣ курорта постепенно съ прїѣздомъ курсовыхъ и дачниковъ образуется два теченія: одни будутъ желать покоя и природы, другіе—этотъ покой нарушать. Первые, утомленные городской культурой, съ разстроенными отъ нея нервами, придутъ пожить въ природѣ и на время избавиться отъ впечатлѣній городской жизни, вторые, мѣстные, всѣми силами будутъ стремиться именно къ этой культурѣ, ибо для нихъ природа и покой—явленія не городскія, невыгодныя. Городъ всѣми силами будетъ стараться обратиться въ сплошной ресторанъ-гостиницу съ концертными помѣщеніями, и тогда, по нашему мнѣнію, только на дачныхъ участкахъ можно жить сравнительно покойно.

Эксплуатація прїѣзжихъ мѣстными горожанами приметъ характеръ обычной, жадной, безпокойной погони за рублемъ. Другое дѣло, если Романовскъ обратится въ промышленный центръ. Тогда развитіе города приметъ опредѣленное, самостоятельное теченіе, а окрестности обратятся въ населенныя дачныя мѣста; тогда около каждаго минеральнаго источника организуются прелестныя поселки, въ устройствѣ которыхъ городъ, имѣя свои средства, приметъ дѣятельное, живое участіе. Но если это и произойдетъ, то во всякомъ случаѣ въ отдаленномъ будущемъ, когда вопросъ сводится къ образованію на Красной Полянѣ курорта, а вопросъ объ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ замѣчательной мѣстности остается совершенно открытымъ.

Бываетъ, что прїѣдетъ дѣлецъ-купецъ, свезетъ партію краснаго дерева, закупить по баснословно дешевой цѣнѣ фрукты, орѣхи, да и дѣлу конецъ!

Рѣдкіе, дорогіе предметы хранятъ горы. Что за деревья, какое разнообразіе!.. Развѣсистые, вѣковые орѣхи спускаются по склонамъ къ рѣкѣ, по мѣстамъ ауловъ ихъ цѣлыя рощи.

Лѣтъ десять назадъ на этихъ орѣхахъ остроумный человѣкъ изъ Батума нажилъ десять тысячъ рублей. Эти 10.000 р. онъ пріобрѣлъ скоро, въ какойнибудь мѣсяцъ и при томъ безъ риска; рисковалъ, положимъ, своей жизнью турокъ-фелюжникъ изъ Адлера. На деревьяхъ волошкаго (въ Россіи привыкли называть грецкаго) орѣха образуются такъ называемые напльвы ¹⁾. Эти напльвы

¹ Бываютъ до четырехъ пудовъ вѣса.

распиливаются на тонкія філенки (дощечки) и идутъ на отдѣлку орѣховой мебели, на разныя къ ней украшенія. Въ послѣднее время эти наплывы очень цѣнятся у насъ, а особенно за границей.

Этого наплыва на Красной Полянѣ сколько угодно, имъ не только никто не интересуется, но напротивъ мѣстные жители считаютъ такое дерево съ наплывами больнымъ, дающимъ плохой урожай орѣховъ, и потому такое дерево рубятъ и жгутъ.

Остроумный человѣкъ изъ Батума такъ не думалъ: онъ испросилъ у казны разрѣшеніе за двѣсти рублей въ годъ снять эти наплывы и вывезти. Это право онъ получилъ. Но провозъ дорогъ, за подводу изъ Красной Поляны до Адлера просятъ 10—15 р.¹⁾ Но тутъ нашелся остроумный человѣкъ. Турки отчаянные, ловкіе моряки... почему же эти турки не провезутъ его товара по бѣшеной Мзымтѣ, рѣкѣ, по которой никто не осмѣливался плавать? Устроили крѣпкій и легкій каюкъ, нагрузили его товаромъ, сѣлъ турокъ, подхватила его голубая Мзымта и черезъ два часа въ Адлерѣ. Каюкъ притянуть обратно, поставленъ въ непроходимыя мѣста берега, гдѣ эти самые наплывы во множествѣ. Опять нагружена лодка и, какъ молнія, несется между скаль, камней, среди пѣны голубой, ревущей Мзымты.

Турокъ справлялся съ теченіемъ, у него былъ вѣрный глазъ и сильная рука, да и смѣлое сердце навѣрно. Я смотрѣлъ на Мзымту и думалъ: «Какъ? на такой лодкѣ можно спуститься по этому отчаянному потоку воды?» и не могъ понять, не могъ себѣ представить этого отчаяннаго плаванія. А турокъ не разъ и не два проплылъ, привезъ и доставилъ товаръ, и, вѣроятно, за небольшую плату.

Остроумный человѣкъ отправилъ всю массу наплыва за границу и получилъ 10, если не болѣе тысячъ!

Вотъ что я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей на мѣстѣ.

Когда мнѣ это рассказывали, я смотрѣлъ на горы. Былъ вечеръ послѣ замѣчательно хорошаго теплаго дня, но теперь дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, который принесъ съ собой хмурия, сѣрыя тучи. Эти тучи ползли по срединѣ горъ, ползли словно хмара по зеленому фону, вершины котораго были чисты, безоблачны совершенно. Вотъ ударили лучи солнца по этимъ сѣрымъ облакамъ-тучамъ, и онѣ заблѣли, и нѣкоторыя изъ нихъ стали такими же блестящими, какъ и снѣговья вершины.

Удивительно оригинально, когда рядомъ съ ними неосвѣщенные солнцемъ тучи казались такими мрачными, свинцоваго цвѣта!

При такой декорациі сумерки въ горахъ казались таинственными и полными невѣдомаго очарованія! Да, читатель, горы, и горы, а Красная Поляна центральное междугорное чудное мѣсто.

---

¹⁾ А чтобы вывезти съ горъ, съ той стороны Мзымты, невозможно найти и за болѣе дорогую цѣну.

Горы со своими полянами и альпійскими пастбищами созданы для скотоводства. Родники, ручьи, превосходные корма даютъ возможность развиваться скотоводству, которымъ занимаются имеретины. Скотоводство примитивное, имеретины не разводятъ, не поддерживаютъ горской породы, а попросту спекулируютъ на чудныхъ сытныхъ пастбищахъ. Они покупаютъ за 10—12 р. корову, лошадь, въ Кубанской области, замореную, большую, только не старую, приводятъ скотину въ горы, гдѣ она пасется и по прошествіи недолгаго времени становится совершенно неузнаваемой и продается на побережьѣ за 50—70 рублей. Огромныя пространства пастбищъ между кубанскими и бережными хребтами снимаютъ имеретины у министерства земледѣлія за сравнительно ничтожную арендную плату.

Окрестные поселяне обыкновенно отдаютъ имеретинамъ въ горы свой запасной скотъ, платя имъ по 1—2 рубля за голову. Этотъ скотъ въ горахъ нагуливается, набирается силъ и идетъ снова въ работу.

Правильнаго скотоводства на удивительныхъ пастбищахъ, какъ видитъ читатель, не имѣется. Впрочемъ, изъ коровьяго и овечьаго молока имеретины готовятъ сыръ, который сбываютъ по двадцать копеекъ за фунтъ въ Сочи и Адлерѣ. Качество этого сыра неважное.

Такимъ образомъ въ общемъ скотоводство въ горахъ Красной Поляны печальное. Въ самомъ дѣлѣ, природа для этого рода хозяйства дала все, даже въ избыткѣ, а результатъ—подкармливаніе больныхъ экземпляровъ, выдѣлка плохого сыра и только.

Развѣ это не печально, когда именно въ этихъ горахъ могутъ быть организованы и доведены до самой тонкой степени и овцеводство, и коневодство, и разведеніе горной молочной породы коровъ, въ которой, какъ и лошадяхъ, такъ нуждается бережное населеніе? А сыровареніе? Самаго высокаго сорта «швейцарскіе сыры» могутъ въ огромномъ количествѣ производиться здѣсь и доставляться съ Красной Поляны не только на русскіе, но и на европейскіе рынки. Море всего 50 верстъ, а Адлеръ—мѣсто остановки и захода пароходовъ и всякихъ судовъ. Но ничего подобнаго не имѣется даже въ зачаткѣ, никто объ этомъ не думаетъ, и дремлетъ Красная Поляна, дремлетъ побережье и дремлетъ весь могучій, богатый Кавказъ, неизслѣдованный, неразработанный.

Какое въ самомъ дѣлѣ страшное богатство! и нѣтъ правильнаго, разумнаго пользованія, нѣтъ въ сущности культуры, а только одна путаница и земельная и всякая... Хотя бы нефть! сама бѣжить, идетъ въ руки... бери и пользуйся самъ и давай другимъ.

Нефть, которая должна быть въ сущности доходомъ государственнымъ и народнымъ, должна быть дешевой внутри государства и имѣть твердую цѣну на всемірномъ рынкѣ, эта нефть на-

ходится въ рукахъ иностранцевъ, и не мы, а они опредѣляютъ и цѣну, и, конечно, не даютъ этому необходимому предмету дешево идти въ народъ, который и до сихъ поръ въ деревняхъ освѣщается знаменитой лучинушкой!

— «Лучинушка не ясно горить!» Но зато пылаютъ ярко, дьявольски пылаютъ въ Баку нефтяныя вышки!

Вообще, когда думаешь и пишешь о Кавказѣ, совершенно ясно представляется, что Кавказъ не для русскихъ, и русскимъ отведено въ чудной странѣ самое послѣднее мѣсто: они допущены, напримѣръ, на побережье въ качествѣ чернорабочихъ; даже чиновники не русскіе, а больше поляки и армяне. А греки? тоже элементъ, которому покровительствуютъ: лучшее горное мѣсто, Красная Поляна, кѣмъ заселено? греками.

Грустно, читатель!

Безспорно грандіозна природа, сильны впечатлѣнія и ярко ложатся на душу, вызывая въ воображеніи дивныя картины могущества горнаго, но печально и грустно среди обывателей краснополянскихъ, этихъ будущихъ гражданъ города Романовска.

Чѣмъ живутъ эти люди?

Я ходилъ и знакомился, бесѣдуя со старыми и малыми, сидѣлъ въ кофейной, присматривался къ домашней жизни, и, кромѣ близорукой тупости и единственнаго стремленія къ деньгамъ, я ничего не наблюдалъ и иныхъ интересовъ не замѣтилъ. Среди грековъ, какъ у эстонцевъ, нѣтъ и охотниковъ, они всѣ торговцы и всѣ предприниматели. Домъ грека—это въ то же время лавка, меблированныя комнаты, складъ если не въ дѣйствиіи, то въ приспособленіи.

— Что это у васъ за пристройка?

— Для торговли старался.

— Для какой торговли?

— Не знаю, право: можетъ, табакомъ, сахаромъ буду торговать, винный погребъ можно открыть, кофейню,—отвѣчаетъ серьезно грекъ.

И онъ откроетъ непременно то или другое, а въ крайнемъ случаѣ кофейню. Въ Красной Полянѣ нѣсколько кофейенъ, и тамъ всегда сидятъ греки... Они играютъ въ кости, карты, узнаютъ торговыя новости и заключаютъ кое-какія сдѣлки. Кофейня—это родъ нѣкоторой биржи, маклерской конторы. Въ кофейнѣ можно почевать, можно закусить, узнать, что нужно, продать, купить... Содержатель кофейни — грекъ, который все знаетъ, все видитъ и всегда обманетъ, но обманетъ не грубо, а вѣжливо и пріятно.

Коммерческія способности грековъ замѣчательны, они всегда найдутся и извлекутъ пользу тамъ, гдѣ русскій «горбомъ» добываетъ хлѣбъ. Кофейня только предлогъ—это открытая официаль-

нал штабъ-квартира «юрки» ¹⁾). Появляется, къ примѣру, такой юрка въ русскомъ селеніи на побережьѣ и открываетъ кофейню и меблированныя комнаты съ вывѣской «Харковъ», хотя меблированныя комнаты составляетъ только одна его юркина маленькая комната съ огромной постелью и кривымъ зеркаломъ. Поселяне, конечно, кофе не пьютъ, а ходятъ такъ «бачить». Тогда юрка дѣлаетъ квасъ, торгуетъ кислымъ виномъ, солитъ рыбу, продаетъ муку, крупу, все, что угодно.

Его постоянно посѣщаютъ другіе юрки и тайственно съ нимъ бесѣдуютъ. А осѣвшій юрка приспособляется и входитъ въ мѣстные интересы... Прошелъ годъ, и юрка сдалъ «Харковъ» другому юркѣ, а самъ занялся табачной плантаціей или лѣсной торговлей. Прошелъ годъ, пріѣхалъ и третій, которому второй уступилъ «Харковъ», а самъ открылъ торговлю винограднымъ виномъ и т. д. Въ концѣ концовъ цѣлая организація юрокъ въ русскомъ поселеніи, и всѣ крестьяне въ рукахъ этой когда-то исторической, но теперь, увы, коварной націи «юрокъ».

Расплодилось это коварство по побережью, пустило глубокіе корни въ новомъ краѣ, благодаря начальнику округа Никифораки, который, покровительствуя своимъ компатріотамъ, селилъ ихъ повсюду, выписывая такой пріятный фруктъ изъ-за границы. Положеніе женщины-гречанки весьма печальное. Эти потомки Сократа и Перикла забыли, или вѣрнѣе не имѣютъ никакого понятія о своихъ знаменитыхъ предкахъ, воспитанные въ турецкихъ традиціяхъ, относятся къ своимъ женамъ, какъ рабынямъ, заставляя ихъ работать и угождать. Греческіе обычаи по отношенію къ женщинамъ совершенно восточные и даже для насъ русскихъ возмутительные. Жена должна разувать мужа на сонъ грядущій, мыть ноги пріѣзжимъ гостямъ, особенно тщательно родственникамъ мужа и проч.

Юрка дѣйствуетъ: торгуетъ, маклеруетъ, продѣлываетъ всевозможныя коварства, а жена его должна ублажать, какъ какого-то полубога!

Читатель изъ бѣглой замѣтки пойметъ, что поселеніе грековъ-юрокъ на кавказскомъ побережьѣ для культуры края въ положительномъ смыслѣ результатовъ не принесло,—въ отрицательномъ, пожалуй, кое-что привилось среди хохлацкаго довольно хитраго по природѣ населенія. Въ прежнее время греки довольно усиленно занимались на побережьѣ контрабандой, да и теперь при случаѣ не избѣгаютъ этого выгоднаго промысла. Къ русскому крестьянскому населенію юрки относятся съ пренебреженіемъ, состоя обыкновенно въ дружбѣ съ урядниками, псаломщиками, которыхъ хитрые классики въ состояніи угостить виномъ, табаккомъ и проч.

¹⁾ Почти всѣхъ грековъ зовутъ «юрками».

Большинство грековъ на Красной Полянѣ приспособилось къ путейскимъ инженерамъ, которые ихъ цѣнятъ за сноровку и коммерческія способности. Между прочимъ не мѣшаетъ отмѣтить прочную и тѣсную связь греческаго населенія съ духовенствомъ. Греческій священникъ — совершенная противоположность русскому попу на побережьѣ. Насколько послѣдній важенъ, гордъ, настолько греческій простъ и доступенъ; интересы его прихожанъ — грековъ — его интересы, хотя бы и коммерческіе, въ которыхъ онъ принимаетъ равное участіе. Въ этомъ отношеніи русскій священникъ дѣйствуетъ в одиночку и ведетъ жизнь, замкнутую отъ поселянъ, поддерживая знакомство исключительно съ чиновниками да со своимъ братомъ, псаломщикомъ. Греческій священникъ болѣе демократиченъ.

Во все время моего пребыванія на Красной Полянѣ я видѣлъ молодого греческаго «батюшку» постоянно въ кофейнѣ, гдѣ онъ пилъ кофе, игралъ въ кости и велъ себя съ народомъ просто, хотя и не безъ достоинства.

Въ общемъ жизнь на Красной Полянѣ скучная и монотонная. Были мы и въ будній день и въ праздникъ, разницы мало — одинаково дѣйствуютъ кофейни.

Относительно санитарнаго состоянія населенія, которое вообще удовлетворительно, мнѣ указывали на явленіе зоба у мѣстныхъ жителей, происходящаго отъ большого количества въ горныхъ водахъ извести. Говорили мнѣ также о кретинизмѣ, наблюдаемомъ среди мѣстнаго греческаго населенія. Меня нѣсколько удивило отсутствіе живости у маленькихъ дѣтей на Красной Полянѣ, большешаглыя ребятишки слишкомъ серьезны, хотя и дики. Положимъ, какое воспитаніе могутъ они получить отъ своихъ матерей, забытыхъ отцами, мужьями, несущихъ на себѣ обязанности рабынь. Гречанки — не важныя сельскія хозяйки, но по кулинарной части искусны, готовятъ особенно рыбный столъ умѣютъ. Впрочемъ греки не интересуются сельскохозяйственной культурой, кромѣ одного только табаководства.

Вообще странное впечатлѣніе осталось по сіе время отъ Красной Поляны, какое-то двойственное: природа одно — это царство гордой красоты, бодрящее, возвышающее душу, а люди — маленькіе коммерсанты въ погонѣ за рублемъ, жалкіе, мелкіе люди. Въ такой грандіозной обстановкѣ слѣдовало бы жить инымъ людямъ, смѣлымъ, открытымъ, сильнымъ; я вспоминалъ швейцарцевъ временъ Вильгельма Телля, и при такомъ воспоминаніи дѣлалось еще грустнѣе, непрятнѣе въ этомъ горномъ, но коммерческомъ поселкѣ.

На Красной Полянѣ лучше быть въ сторонѣ отъ грековъ и ихъ жизни, — природа даетъ много, слишкомъ много, чтобы игнорировать выражающихся классиковъ.

Наше обратное путешествіе было тревожное, благодаря до нѣ-которой степени погодѣ. Въ самый день отъѣзда, рано утромъ, шелъ дождь, который пересталъ, но тамъ въ Аксу толпились темныя мрачныя тучи.

— Нѣтъ, дожда не будетъ, — проговорилъ служитель горнаго клуба.—Ѣхать можно.

Экипажъ былъ поданъ, и мы уложили вещи. Я все посматривалъ на тучи, которыя, повидимому, приближались.

— Какіе чудные были дни... и вотъ дождь!..

— Опасно ѣхать,—отвѣчалъ извозчикъ.

— Отчего?.. проѣдемъ, намъ нужно къ пароходу!..

Лошади тронули, и мы, проѣхавъ Поляну, скоро были въ лѣсу. Мрачно, сыро, непріятно, въ дали совсѣмъ темно. Спустия какіе нибудь полчаса, хлынулъ сильный, частый дождь, и извозчикъ погналъ лошадей. Миновали шесть верстъ и вдругъ на седьмой остановились.

— Что такое?.. въ чемъ дѣло?..

— Что же ѣхать дальше?..—въ свою очередь взволнованнымъ голосомъ спросилъ грекъ.

Въ это время передъ нами, по ущелью, стала сизая туча, и полилъ такой дождь, что вздрогнули лошади. Засверкала молнія, загремѣлъ громъ. Что было дѣлать?

— Нельзя ѣхать!.. — твердо проговорилъ извозчикъ: — смерть будетъ!

— Какъ смерть?! ты серьезно говоришь?..

— Что жъ?.. поѣдемъ,—отвѣчалъ онъ, передергивая плечами:—но говорю, что смерть будетъ!

— Поѣзжай назадъ!..

Мы повернули, и грекъ погналъ лошадей. На Красной Полянѣ по служебнымъ надобностямъ временно проживали два чиновника. Я пошелъ къ нимъ.

— А, вернулись?.. мы видѣли, какъ вы поѣхали.

Я рассказалъ, въ чемъ дѣло, и что говорилъ извозчикъ о дорогѣ. Правда ли?

— Да, теперь опасно безусловно,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ... ливень захватываетъ камни, которые катятся и падаютъ на шоссе. Видѣли такіе сѣрые камни, кажется, на 7-й или 8-й верстѣ? Здѣсь самое опасное мѣсто, гнать надо лошадей...

— Ну, и Аксу тоже небезопасно,—сказалъ другой... вы отлично сдѣлали, что вернулись!.. Скатится во время такого дождя каменная глыба и вдребезги и васъ, и экипажъ, и лошадей!.. да и мелкимъ камешкомъ убьетъ, какъ пулей. Сообразите высоту паденія и силу!..

Мнѣ стало страшно, когда я вспомнилъ, какъ лилъ дождь, и навстрѣчу намъ неслись потоки мутной, грязной воды, внизу бѣшено ревѣла Мзымта, а вверху грохоталъ громъ.

Было жутко и темно надъ пропастями. Вотъ, вотъ посыплется на насъ со скалъ камень... страшно смотрѣть на эти скалы-стѣны, которыя мокрыми кажутся еще угрюмѣе, грознѣе.

— Послѣ токого ливня сторожамъ шоссейнымъ много работы,— продолжалъ чиновникъ:—валить и камень и деревья...

Я посмотрѣлъ на календарь, который показывалъ 29-е августа. Былъ праздникъ, но тихо и безлюдно было въ селеніи, изъ котораго мнѣ теперь хотѣлось поскорѣе уѣхать.

— Знаете, обвалъ произошелъ,—сообщилъ мнѣ служитель горнаго клуба:—большой обвалъ.

— Гдѣ?

— Кажется, на седьмой верстѣ... Дорога загромождена, и проѣхать нельзя. Говорятъ, дня три будутъ очищать шоссе.

«Вотъ такъ штука!—подумалъ я:—и на 7-й верстѣ, откуда мы вернулись назадъ». Впрочемъ, къ вечеру отъ шоссейнаго техника я узналъ, что завтра проѣхать будетъ можно, много рабочихъ собрано.

— Большой обвалъ?

— Кубовъ (кубическихъ саженъ) восемь будетъ навѣрно!...— отвѣчалъ техникъ, которому такіе обвалы, конечно, не въ новостъ.

На другой день мы проѣзжали это мѣсто, то самое, откуда мы повернули назадъ. Каменные глыбы были спущены въ пропасть, гдѣ течетъ сердитая Мзымта, нѣкоторые слѣды крушенія оставались, но мы все-таки проѣхали благополучно.

На обратномъ пути послѣ дождя было жутко ѣхать, мысль невольно носилась по высокимъ каменнымъ твердынямъ, и скалы казались опасными. Красота, грандіозность дороги послѣ дождя, послѣ того, какъ я познакомился съ опасностью замѣчательнаго шоссе, всѣ его виды принимали иной, мрачный колоритъ... Откровенно говоря, хотѣлось скорѣе проѣхать опасныя мѣста, а ихъ много, чуть ли не на тридцать верстъ тянутся съ перерывами эти дьявольскіе утесы. Да и земляные обвалы не менѣе страшны!

По дорогѣ мы видѣли скатившіеся небольшіе и средней величины камни, встрѣчались огромныя, упавшія на шоссе деревья, которыя, вѣроятно, сторожами или рабочими оттянуты въ сторону. «Хватитъ такимъ букомъ сверху, и, говоря словами грека: «смерть будетъ!» И тамъ смерть и здѣсь опасность, когда же мы проѣдемъ и выѣдемъ на адлерскую низину? Скорѣе бы!»...

Дождя не было, день разгуливался, и солнце грѣло и сушило мокрые камни, а мнѣ припоминались слова мѣстныхъ жителей: «опасно, когда трескунъ послѣ дождя ссыхається, можетъ тогда скатиться внизъ». Я продолжалъ внимательно смотрѣть на утесы, мимо которыхъ мы проѣзжали, повсюду торчали камни, торчали на вѣсу, и мнѣ казалось, что при малѣйшемъ толчкѣ понесутся они, какъ бѣшеные, черезъ шоссе туда въ мрачную пропасть.

Проѣхали Аксу, и стало не такъ мрачно, кое-гдѣ расширялся горизонтъ, скалы и горы отходили въ сторону вмѣстѣ съ мрачными мыслями о ежеминутной опасности. А по шоссе вездѣ идутъ работы, турки, греки и русскіе возятъ землю, камни, строятъ мосты, производятъ всякіе ремонты, и казалось, что эти работы никогда не кончатся, и грозныя скалы и утесы не простятъ человѣку его дерзости, не простятъ того, что онъ смѣлъ нарушить мрачный покой и вторгнулся въ каменное царство угрюмыхъ великановъ, составляющихъ вмѣстѣ съ сумасшедшей рѣкой грозное и страшное мѣсто.

Что сказать въ заключеніе?

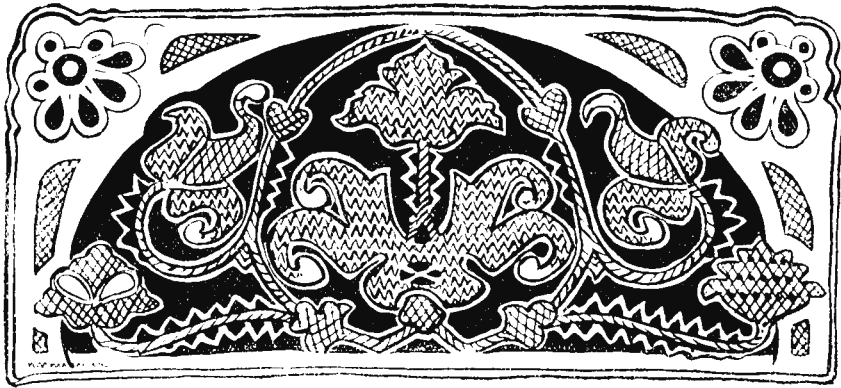
Когда я читалъ отрывки изъ настоящей статьи въ Московскомъ университетѣ въ засѣданіи Общества охраненія народнаго здравія ¹⁾, то предсѣдатель профессоръ В. С. Богословскій въ своемъ резюме сказалъ: «на Красной Полянѣ мы можемъ организовать такой горный курортъ, какого нѣтъ не только въ Европѣ, но и въ мірѣ, и въ такомъ дорогомъ мѣстѣ мы строимъ городъ вмѣсто того, чтобы немедленно устроить санаторію, въ которой нужда неоспоримая. Мы, доктора, несмотря на замѣчательно благопріятныя на Красной Полянѣ климатическія условія для легочныхъ больныхъ, не можемъ рекомендовать этого чуднаго мѣста, потому что тамъ нѣтъ не только удобства для больныхъ, но вообще никакихъ удобствъ для культурнаго человѣка ни въ смыслѣ помѣщенія ни въ смыслѣ питанія».

Въ самомъ дѣлѣ, городъ—вмѣсто селенія, городская культура,—вмѣсто сельскохозяйственной, и это тамъ, гдѣ природа произвела чудеса, создавъ вполне защищенный горный пунктъ, въ которомъ благопріятныя климатическія условія соединились съ грандіозной красотой мѣстности, съ богатствомъ разнообразныхъ минеральныхъ источниковъ, сильными альпійскими пастбищами, могущими стать центромъ горнаго скотоводства, рѣдкимъ даже на Кавказѣ мѣстомъ по богатству почвы и растительности—однимъ словомъ по всему, чтобы сельскохозяйственная культура играла первую роль, проявляя широкую и всестороннюю дѣятельность и развитіе.

По нашему мнѣнію, въ устройствѣ на раціональныхъ условіяхъ санаторіи, гдѣ могли бы найти себѣ пріютъ не только богатые, но люди съ ограниченными средствами, попросту, обыкновенные работники — вотъ будущее благородное, твердое, къ которому слѣдуетъ идти смѣло, имѣя такого могучаго и вѣрнаго товарища, какъ окружающая природа, неистощимая и способная возстановить силы, оздоровить и богатаго, и бѣднаго, и стараго, и малаго!

С. И. Васюковъ.

¹⁾ 25 ноября 1903 года.

БРЮЛЕВСКІЙ ДОМЪ ВЪ ВАРШАВѢ.

А ОЧЕРЕДИ стоитъ проектъ сломки Брюлевскаго дома въ Варшавѣ и постройки на его мѣстѣ новаго зданія. Брюлевскій домъ выходитъ на Саксонскую площадь, на которой теперь строится новый православный соборъ, въ Саксонскій садъ и на Вербовую улицу. Это — одна изъ самыхъ бойкихъ улицъ въ Варшавѣ, а между тѣмъ стѣны Брюлевскаго дома выступаютъ угломъ на эту улицу, такъ что въ той части ея, на которую выходятъ эти стѣны, она очень узка.

На томъ мѣстѣ, гдѣ находится Брюлевскій домъ, по словамъ г. Краусгара, автора статьи объ этомъ домѣ въ 13 № варшавскаго польскаго «Иллюстрированнаго Еженедѣльника» (№ 13 за 1903 годъ), въ началѣ XVI вѣка коронный шталмейстеръ Сигизмундъ Зебржидовскій построилъ деревянный домъ. Въ 1641 году этотъ домъ съ сосѣдней недвижимостью перешелъ къ коронному канцлеру Георгію Оссолинскому, который построилъ вмѣсто этого дома новый, разоренный затѣмъ шведами во время шведско-польскихъ войнъ. Площадь съ разоренными домами по окончаніи этихъ войнъ была приобретена князьями Любомірскими, отъ нихъ перешла къ князьямъ Сангушкамъ, а въ 1750 году была куплена Брюлемъ, министромъ польскаго короля Августа III.

Брюль былъ родомъ саксонецъ, какъ и его покровитель польскій король и въ то же время курфюрстъ саксонскій Августъ III. Брюль былъ извѣстенъ и въ Варшавѣ, и въ Дрезденѣ, какъ богачъ,

Брюлевскій домъ въ Варшавѣ.

добывавшійся всѣми путями денегъ. Его помѣстья въ Польской Рѣчи Посполитой и въ Саксоніи оцѣнивались въ 30 милліоновъ талеровъ, а капиталы опредѣлялись въ 90 милліоновъ талеровъ. Онъ содержалъ большой дворъ и, купивъ площадь, на которой находится

сохранившійся доселѣ Брюлевскій домъ, построилъ этотъ домъ. Домъ былъ построенъ въ стилѣ временъ Людовика XIV. Скульптурныя украшенія дѣлалъ скульпторъ Дейбель. Послѣ смерти короля Августа III Брюлевскій домъ перешелъ отъ Брюля по дарственной записи во владѣніе графа Евстаѳія Потоцкаго. Затѣмъ въ этомъ домѣ поселился русскій посолъ, князь Репнинъ. При немъ была построена посольская церковь, По желанію Россіи, король Станиславъ-Августъ Понятовскій купилъ этотъ домъ для помѣщенія русскаго посольства, и послѣ князя Репнина въ немъ жили послы: князь Волконскій и графъ Штакельбергъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши, по которому Варшава перешла къ Пруссіи, въ Брюлевскомъ домѣ поселился прусскій губернаторъ Варшавы Келлеръ, а затѣмъ, когда начались наполеоновскія войны, въ немъ жили: французскій губернаторъ де-Сенъ-Сиръ, маршалъ Даву и вестфальскій король Иеронимъ, братъ Наполеона.

Съ 1815 года Брюлевскій домъ становится зимней резиденціей цесаревича Константина Павловича; въ этомъ же домѣ помѣщается и тогдашній императорскій комиссаръ при польскомъ сеймѣ, Н. Н. Новосильцовъ. Въ 1832 году въ этомъ домѣ была помѣщена канцелярія варшавскаго военнаго генераль-губернатора, находившаяся здѣсь до 1862 года. Въ 1861 году въ этомъ домѣ покончилъ съ собою тогдашній военный генераль-губернаторъ Герштенцвейгъ, насколько извѣстно, вслѣдствіе американской дуэли съ намѣстникомъ графомъ Ламбертомъ. Въ 1862 году здѣсь поселяется маркизъ Велепольскій, назначенный въ то время начальникомъ гражданскаго управленія царства Польскаго, а въ концѣ 1863 г. Н. А. Милютинъ. Тутъ въ кабинетѣ Милютина происходятъ оживленныя бесѣды его о переустройствѣ Привислинскаго края съ Ю. Ф. Самаринымъ и княземъ Черкасскимъ и Я. А. Соловьевымъ, и изъ этого кабинета вышло много проектовъ Милютина по реорганизациі Привислиня. Въ квартирѣ Милютина нерѣдко собиралась почти вся тогдашняя русская Варшава.

Одинъ изъ флигелей Брюлевскаго дома былъ перестроенъ въ 70-хъ годахъ, и въ немъ помѣщена телеграфная контора. На рисункѣ представленъ видъ Брюлевскаго дома со стороны Саксонской площади. Направо и налево — флигеля, не подвергавшіеся до сихъ поръ перестройкамъ. Въ глубинѣ двора флигель, перестроенный подъ телеграфную контору и управленіе варшавскаго почтово-телеграфнаго округа. За правымъ флигелемъ Вербова улица.

А. Сидоровъ.

ТРИ НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ.

В МОЕМЪ распоряженіи имѣется рукописный сборникъ XIX вѣка, составленный старообрядцами. Въ немъ помѣщены, между прочимъ, три слѣдующія картинки.

I. Бѣсъ заботливо закрываетъ что-то рогожкой; изъ-подъ нея видны двѣ ноги. Подъ картинкою подпись:

Егда лукавый бѣсъ на грѣхъ челоуѣка поучаетъ,
Отъ начала коего грѣха рогозницею покрываетъ,
Дабы никто не увѣдалъ.

II. Бѣсъ, держа одною рукою рогожку, за которую виднѣются уже двѣ пары ногъ, другою рукою дѣлаетъ жестъ глядящимъ изъ окна людямъ: приглашаетъ ихъ обратить вниманіе на совершаемое за рогожкой. Подпись:

Когда лукавый бѣсъ похотѣніе исполняетъ,
Тогда помалу начинаетъ рогозницу отерывать:
Тогда о томъ челоуѣкъ клевета въ людяхъ бываетъ.

III. Бѣсъ, трубя въ большую трубу, собралъ толпу народа и высоко поднялъ рогожку: зрителямъ предстали молодые люди,— мужчина и (въ кокошникѣ) женщина. Подпись:

Когда вся бѣсъ желаемая исполнитъ,
Тогда всю рогозницу отереть.
И самъ велегласно вострубитъ,
И всѣмъ знаемо будетъ.

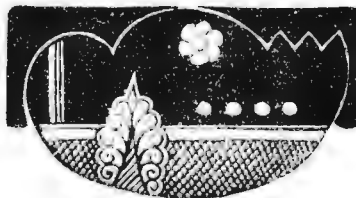

Человѣкъ соблазняется возможностью тайно и безнаказанно совершить преступленіе, но оно обнаруживается и влечетъ за собою наказаніе: эта мысль въ разсматриваемыхъ картинкахъ выражена въ яркихъ и пластичныхъ образахъ, и картинки эти, несмотря на крайнее несовершенство ихъ рисунка, могутъ быть признаны художественными и интересными произведеніями народнаго творчества.

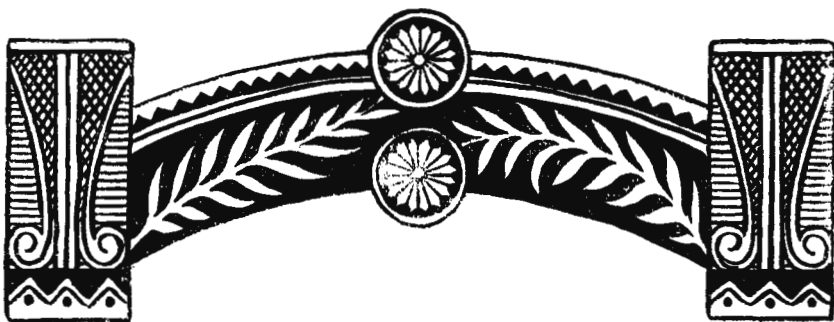

Въ капитальныхъ изслѣдованіяхъ покойнаго Д. А. Ровинскаго о народныхъ картинкахъ (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, т. XXIII—XXVII, Спб., 1881 г., и Русскія народныя картинки, т. I—II, Спб., 1900 г.) описанныя картинки не указаны; были ли онѣ когда напечатаны,—неизвѣстно.

М. Успенскій.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

I.

ВЪ НОЧЬ съ 27-го на 28-е января, скоропостижно скончался въ С.-Петербургѣ извѣстный писатель и редакторъ «Русскаго Богатства», Николай Константиновичъ Михайловскій. За продолжительный періодъ его литературной дѣятельности онъ пользовался значительнымъ вліяніемъ на либеральную часть періодической печати и русскаго общества.

Николай Константиновичъ совершенно справедливо считался въ теченіе долгой своей литературной жизни «вѣстителемъ думъ» многихъ молодыхъ поколѣній, воспитавшихся на «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Богатствѣ». Несомнѣнно, что онъ имѣлъ свою публику, своего читателя съ весьма опредѣленной физиономіей.

Онъ родился 15 ноября 1842 года, въ уѣздномъ городѣ Мещовскѣ, Калужской губерніи, въ бѣдной дворянской семьѣ, а учился въ костромской гимназіи, изъ четвертаго класса которой перешелъ въ Горный корпусъ, гдѣ, однако, курса не кончилъ, и болѣе ни въ какомъ учебномъ заведеніи не былъ. Сообщая объ этомъ въ книгѣ «Литература и жизнь», Н. К. Михайловскій замѣчаетъ: «Изъ пѣсни слова не выкинешь, а это біографическій фактъ. Фактъ для меня, разумѣется, не совсѣмъ удобный, но постыднаго въ немъ, я думаю, ничего нѣтъ; тѣмъ болѣе, что, вѣдь, и Бѣлинскаго дразнили «недоучкой», и Некрасовъ нигдѣ не окон-

чилъ курса, и я знаю много балбесовъ, правильно окончившихъ надлежащіе курсы и снабженныхъ соответственными дипломами. Надо замѣтить, что въ мое время Горный институтъ состоялъ изъ пяти приготовительныхъ и трехъ специальныхъ классовъ. Я вышелъ изъ корпуса, сдавъ экзаменъ въ 3-й спеціальный, то есть послѣдній классъ. Поэтому въ выданномъ мнѣ аттестатѣ значатся успѣхи въ такихъ наукахъ, какихъ господа, дразнящіе меня неокончаніемъ курса, можетъ быть, даже и не слыживали. Разумѣется, я всѣ эти спеціальныя знанія давно растерялъ, но это произошло бы и въ томъ случаѣ, если бы я благополучно дотянулъ школу до конца, какъ это бываетъ со всѣми, кто покидаетъ спеціальность, къ которой онъ готовился. А то, что и въ этихъ случаяхъ можетъ дать систематическое школьное ученіе, — извѣстную умственную дисциплину, — я получилъ. Нѣсколько мѣсяцевъ, которые мнѣ оставалось дотянуть для полученія диплома на чинъ горнаго инженера-поручика, въ этомъ отношеніи много не прибавили бы».

Несмотря на такое заключеніе о своемъ школьномъ образованіи, надо признать, что онъ весьма мало чѣмъ обязанъ ему. Онъ обратился къ общему источнику самообразованія, который выдвинулъ очень многихъ недоучившихся въ школахъ русскихъ людей на видный постъ литературы, начиная съ Бѣлинскаго, Некрасова и кончая Л. Толстымъ, Лѣсковымъ, Шеллеромъ и т. д. Этимъ общеобразовательнымъ источникомъ были западно-европейская наука и ея рационалистическая философія. Въ ранній періодъ жизни Н. К. Михайловскаго европейскій ученый міръ гремѣлъ именами Геккеля, Дарвина, Спенсера, О. Конта, Милля, Дрѣпера, Бокля, Лун-Блана, Маркса, Лассаля и т. д. Михайловскій основательно ознакомился съ ихъ учеными трудами и могъ не только опираться въ своихъ журнальныхъ статьяхъ на европейскіе авторитеты, но и полемизировать съ ними самостоятельно, въ тѣхъ случаяхъ, когда его личное дарованіе усматривало ихъ ошибки и недочеты.

Началъ онъ свою литературную карьеру въ 1860 году, 18—19-лѣтнимъ кадетомъ Горнаго корпуса, статьей по женскому вопросу въ журналѣ «Разсвѣтъ», издававшемся артиллерійскимъ офицеромъ Кремнинымъ «для взрослыхъ дѣвицъ». Статья Михайловскаго была написана по поводу появившагося въ «Современникѣ» отрывка изъ романа «Обрывъ», озаглавленнаго «Софья Николаевна Бѣловодова». Статья была напечатана, и авторъ получилъ за нее 13 рублей гонорара. Иронизируя надъ собой, Михайловскій признается: «Дѣло въ томъ, что я тогда женщинъ не только не зналъ, а почти что и не встрѣчалъ. Оторванный волею судьбы съ 14-ти лѣтъ отъ всякой семейной обстановки, заключенный въ четырехъ стѣнахъ закрытаго заведенія и долго не имѣя въ Петербургѣ ни-

какихъ знакомыхъ, я только передъ самымъ своимъ выходомъ изъ корпуса, можно сказать, увидалъ женщинъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ статейку о Софьѣ Николаевнѣ Бѣловодовой едва ли вложено особенно глубокое пониманіе, хотя тогда я, разумѣется, былъ совершенно иного мнѣнія объ этомъ своемъ первенцѣ».

Молодые годы и книжное пониманіе жизни нѣкоторое время мѣшали Михайловскому выдвинуться въ литературѣ. Работая въ газетѣ «Якорь» Н. И. Шульгина и «Книжномъ Вѣстникѣ» В. Курочкина, онъ влачилъ жизнь литературнаго пролетарія, о которой самъ пишетъ: «Я жилъ тогда въ меблированной комнатѣ, въ мансардѣ дома Китнера, у Вознесенскаго моста, въ настоящей типической мансардѣ, какихъ въ Петербургѣ немного. Платилъ за комнату, помнится, рублей двѣнадцать и тутъ же обѣдалъ за девять рублей въ мѣсяцъ. По этимъ цифрамъ можно судить и объ остальномъ бюджетѣ. Какъ нищій испанскій гидальго, гордо драпирующійся въ дырявый плащъ, я, полный своего достоинства, каждый день шагаль въ продранныхъ сапогахъ на Невскій проспектъ, въ книжный магазинъ издателя, и сплошь и рядомъ на просьбу о заработанныхъ деньгахъ получалъ предложеніе посидѣть въ магазинѣ, не навернется ли, дескать, покупатель: все, что при васъ наторгуемъ, ваше будетъ. Увы! пскунатели приходили рѣдко и покупали мало... Тѣмъ не менѣе, когда черезъ нѣсколько времени вслѣдствіе плохихъ дѣлъ закрылся книжный магазинъ Вл. Курочкина и прекратился «Книжный Вѣстникъ», я былъ, разумѣется, глубоко огорченъ. Я уже настолько вошелъ во вкусъ литературной работы, что жить безъ нея не могъ, а работать негдѣ было. «Современникъ» и «Русское Слово» не существовали».

Въ это время черезъ Н. И. Шульгина Михайловскій попадаетъ въ журналъ «Дѣло», но не сошелся съ его издателемъ, Г. Е. Благосвѣтловымъ. Невзирая на цыганскую и безденежную жизнь, Николай Константиновичъ говоритъ: «Несмотря на всѣ невзгоды, у меня ни разу даже не мелькнула мысль измѣнить литературѣ для какой нибудь другой дѣятельности. Очевидно, я былъ въ этомъ отношеніи уже конченный человекъ. Въ самомъ водоворотѣ цыганской жизни мнѣ удавалось, все-таки, работать, приготовляясь къ исполненію обширныхъ литературныхъ плановъ. Еще подъ влияніемъ Ножина и отчасти подъ его руководствомъ я заинтересовался вопросомъ о границахъ біологіи и соціологіи и возможностью ихъ сближенія. Постепенно сначала въ очень смутныхъ очертаніяхъ, скорѣе угадываемыхъ, чѣмъ сознаваемыхъ, складывался планъ обширной соціологической работы. Появившіеся въ 1866 году по-русски первые томы сочиненій Спенсера придали нѣсколько болѣе опредѣленные контуры одной части этого смутнаго плана,—теоріи прогресса. Рѣзкая противоположность идей и приемовъ Спенсера всему

тому, до чего я мысленно не то что доработался, а доработывался, уяснила мнѣ многое. Однако, и эта часть общаго плана была еще далеко не ясна, когда я уѣзжалъ въ 1867 году изъ Петербурга. Тѣмъ болѣе, что въ то же самое время меня преслѣдоваль еще другой литературный планъ—романъ. Но впоследствии, убѣдившись въ слабости своего художественнаго дарованія, я бросилъ романъ».

Столь же незамѣтнымъ продолжаетъ быть его участіе въ «Гласномъ Судѣ», «Недѣлѣ», «Невскомъ Сборникѣ» и «Современномъ Обзорѣніи». Но съ того момента, когда Некрасовъ взялъ у Краевскаго въ аренду «Отечественныя Записки» и былъ приглашенъ въ 1869 году работать въ нихъ Михайловскій, литературное значеніе послѣдняго быстро возрастаетъ.

— Я,—говоритъ онъ,—въ первый разъ подошелъ къ вершинамъ русской литературы, настоящимъ, несомнѣннымъ...

Дѣйствительно, въ «Отечественныхъ Запискахъ», кромѣ Некрасова, участвовали М. Е. Салтыковъ, Г. З. Елисѣевъ, Гл. И. Успенскій, А. Н. Энгельгардтъ и т. д. Наиболѣе тѣсно Михайловскій сошелся съ Г. З. Елисѣевымъ и, говоря объ этомъ, дѣлаетъ нѣсколько характерныхъ замѣчаній о «трехъ старикахъ редакціи», а именно: «Приходилось, разумѣется, очень часто видаться и съ Некрасовымъ, и съ Салтыковымъ, но, за весьма рѣдкими исключеніями, это были свиданія по дѣлу. Складъ жизни Некрасова такъ же рѣзко отличался отъ склада жизни Салтыкова, какъ и сами они рѣзко разнились другъ отъ друга. Но для меня и съ тѣмъ, и съ другимъ одинаково невозможны были товарищескія, пріятельскія отношенія, внѣшнимъ образомъ выражающіяся тѣмъ, что люди другъ къ другу ходятъ чайку попить, поболтать и т. п. Впоследствии, уже по закрытіи «Отечественныхъ Записокъ», Салтыковъ писалъ мнѣ однажды: «Вы были для меня однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и любимѣйшихъ людей, хотя разность лѣтъ и моя болѣзнь препятствовали мнѣ ближе сойтись съ вами». Но Михаилъ Евграфовичъ ошибался,—не въ разности лѣтъ и не въ его болѣзни дѣло было, по крайней мѣрѣ, не только въ нихъ. Елисѣевъ былъ даже старше его и тоже человѣкъ хорошій, но это не мѣшало намъ съ нимъ быть въ короткихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Глубоко уважая и любя Салтыкова не только, какъ литературнаго дѣятеля, но и какъ человѣка; будучи очень близокъ съ нимъ въ сферѣ идей и общественныхъ симпатій и антипатій, я, однако, даже и представить себѣ не могу, какъ бы мы съ нимъ другъ къ другу, на примѣръ, «въ гости» ходили. Слишкомъ ужъ велика разница была въ нашихъ привычкахъ, обстановкѣ, во всемъ складѣ жизни. Безъ дѣла я бывалъ у Салтыкова только во время его болѣзни. Еще меньше житейскихъ точекъ соприкосновенія было у меня съ Некрасовымъ, который жилъ баринкомъ, имѣлъ обширный кругъ разнообразныхъ и нисколько для меня не заниматель-

ныхъ знакомствъ, шибко игралъ въ карты, устраивалъ себѣ грандіозныя охотничьи предпріятія, а я, не говоря о прочемъ, не беру картъ въ руки и терпѣть не могу охоты. Съ Елисѣевымъ у меня было много общаго въ привычкахъ и образѣ жизни, да и просто какъ-то по душѣ мы другъ другу пришлись».

Привожу это свидѣтельство Михайловскаго о томъ, какъ онъ трудно сходилъ съ людьми, и что даже Салтыковъ и Некрасовъ были ему въ тягость при близкомъ знакомствѣ, исключительно за тѣмъ, чтобы отмѣтить этимъ самымъ личную черту въ характерѣ Николая Константиновича. Въ литературной средѣ весьма распространено мнѣніе о его «генеральскихъ» привычкахъ и недоступности къ нему обыкновенныхъ смертныхъ. Между тѣмъ многими фактами изъ жизни Михайловскаго можно доказать совсѣмъ не то въ его отношеніяхъ къ людямъ. Бываютъ разные характеры и одинаково благородные. Одни экспансивные, открытые, быстро сближающіеся съ людьми и т. д. Другіе сдержанные, сосредоточенные. Отношеніе ихъ къ людямъ не менѣе сердечно, чѣмъ у первыхъ, но сближаются они постепенно, а не разомъ. Сближеніе такихъ людей начинается иногда холодно, и только со временемъ этотъ холодъ исчезаетъ. Но многимъ ли пріятно дожидаться момента, когда человѣкъ запросто приметъ васъ къ своему сердцу, и не легче ли отойти отъ него, платя ему той же монетой? Вотъ причина, почему многіе считаютъ Михайловскаго натурой холодной, разсудочной и надменной къ меньшей братіи. А между тѣмъ его собственное показаніе о томъ, какъ ему было трудно даже въ ранній періодъ жизни сойтись даже съ Некрасовымъ и Салтыковымъ, — говоритъ только объ особенностяхъ его характера, но совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи.

Позднѣе, конечно, сдѣлавшись извѣстнымъ журналистомъ, Михайловскому было нелегко удержаться въ равновѣсіи и избѣгнуть самолюбованія при всеобщемъ къ нему поклоненіи «молодой Россіи». Свойства его сдержаннаго характера окрѣпли еще болѣе сознаніемъ своего высокаго литературнаго достоинства. Оно выражалось, правда, въ нѣкоторой его нетерпимости и односторонности сужденій безъ самокритики. Самъ его поклонникъ, А. М. Скабичевскій, говоритъ о немъ:

«Онъ зорко слѣдилъ за строгою дисциплиною своего лагеря, и стоило единомышленнику его хоть на одну іоту отступить отъ излюбленныхъ ему идей 60-хъ годовъ или оказать хотя бы малѣйшую непочтительность къ дорогимъ для него именамъ, чтобы сдѣлаться заклятымъ его врагомъ. Такъ ужъ на что онъ былъ близокъ съ Гл. Успенскимъ и горячо любилъ его до самой смерти, но и съ нимъ онъ на время былъ въ открытой ссорѣ, такъ какъ въ разсказѣ его «Черная работа» подозрѣвалъ побужденіе отдать долгъ крѣпостному праву, и онъ былъ даже противъ помѣ-

щенія въ «Отечественныхъ Запискахъ» этого очерка. Мнѣ, въ свою очередь, онъ никогда не могъ простить, что въ своей «Исторіи литературы» я нѣсколько критически отнесся къ эстетическимъ воззрѣніямъ Чернышевскаго». Между тѣмъ, среди близ-

Николай Константиновичъ Михайловскій.

кихъ ему и вполнѣ единомысленныхъ съ нимъ людей, онъ былъ, по свидѣтельству того же Скабичевскаго, «душою общества». Онъ рисуется его слѣдующими чертами: «Средняго, роста съ классическими правильными чертами лица, сіяющаго и физическою, и умственной красотою, чрезвычайно-умными, пронизательными гла-

зами, зачесанными назадъ пышными бѣлокурыми кудрями, крайне подвижной, остроумный, съ безукоризненно-свѣтскими манерами, и человѣкъ не только хорошаго тона, но и во всѣхъ отношеніяхъ изящный, онъ былъ кумиромъ женщинъ, но увлекалъ не менѣе и мужчинъ, съ которыми сближался, и своимъ смѣлымъ и глубокимъ умомъ, и своею поистинѣ энциклопедическою начитанностью, и своею свѣтлою веселостью... Онъ вовсе не былъ аскетомъ или недантомъ, всю жизнь денно и ночью корпѣвшимъ за книгами. Не будучи бонвиваномъ и прожигателемъ жизни, умѣренный и воздержный, онъ, тѣмъ не менѣе, любилъ посѣщать многочисленныя и шумныя собранія, участвовалъ въ публичныхъ литературныхъ чтеніяхъ, въ дружескихъ пирункахъ и пикникахъ, не пропускалъ ни одного студенческаго бала, не чуждался женщинъ, которыя взапуски ухаживали за нимъ». Но такимъ простымъ и милымъ товарищемъ онъ былъ попреимуществу среди «своего лагеря», въ кругу друзей, во всемъ солидарныхъ между собой.

II.

Въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» Михайловскій вошелъ малорасположеннымъ къ ея членамъ, но самъ онъ быстро покорилъ расположеніе «трехъ стариковъ» умственнымъ своимъ значеніемъ въ составѣ редакціи, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, письмо Некрасова 1869 года къ Краевскому, хранящееся въ императорской Публичной библиотекѣ. Онъ писалъ: «Вотъ что, Андрей Александровичъ. Есть у насъ сотрудникъ—Николай Михайловскій. Теперь ясно, что это—самый даровитый человѣкъ изъ новыхъ, и ему, безъ сомнѣнія, предстоитъ хорошая будущность. Кромѣ несомнѣнной талантливости, онъ человѣкъ со свѣдѣніями, очень энергиченъ и работящъ. «Отечественнымъ Запискамъ» онъ можетъ быть полезенъ сильно и надолго».

Послѣ смерти Некрасова (1877 года) Михайловскій дѣлается въ послѣдствіи соредакторомъ и создателемъ «Отечественныхъ Записокъ».

Литературное значеніе Н. К. Михайловскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» сказалось прежде всего въ его статьяхъ, направленныхъ противъ примѣненія къ человѣческой исторіи теоріи органическаго развитія міра, по Дарвину и Спенсеру. Поправки, внесенныя Николаемъ Константиновичемъ въ эту теорію, будутъ виднѣе при ознакомленіи съ нею въ общихъ чертахъ. По этому ученію, образованіе вселенной и ея дальнѣйшее развитіе вызваны, подъ вліяніемъ механическихъ силъ природы, переходомъ разсѣянныхъ матеріальныхъ частицъ въ болѣе сконцентрированное состояніе, въ которомъ однородныя части со временемъ специализируются (дифференціація), съ утратою, однако, своей самостоятельности

въ пользу развитія цѣлаго. Всѣ наши органы функціонируютъ каждый по-своему, но всѣ они служатъ интересамъ цѣлаго и работаютъ исключительно въ видахъ его благополучія. По этой теоріи (Геккель, Дарвинъ и Спенсеръ), концентрація цѣлаго въ связи съ дифференціаціей его частей создаетъ опредѣленную организацію во всемъ міровомъ процессѣ, не исключая и человѣчества. Но для усовершенствованія цѣлаго и его частей необходимо, чтобы «равновѣсіе», т.-е. приспособленіе частей къ цѣлому (человѣка къ обществу и государству) постоянно смѣнялось «разложеніемъ» (консерватизмъ и реформаторство). Этими эволюціями и разложеніями обусловлено сохраненіе механическихъ силъ природы, безъ чего онѣ израсходовались бы до конца въ одномъ изъ направленій: или въ пользу цѣлаго, или въ пользу его частей. Постоянное между ними передвиженіе называется жизнью, прогрессомъ...

Безразличіе и бездушіе этого эволюціоннаго процесса невольно бросается въ глаза... Здѣсь и въ періодъ эволюціи, и въ періодъ разложенія необходимо принять все совершающееся за прогрессивныя начала міра, тогда какъ въ дѣйствительности весьма часто бываетъ обратное, по крайней мѣрѣ, среди человѣчества.

Н. К. Михайловскій поостерегся переносить законъ развитія низшихъ организмовъ на высшую ступень мірозданія—въ государственный и общественный строй человѣка. Недостаточно сказать, что личность утратила свою цѣлость и самостоятельность въ пользу касты, сословія, цеха, крупнаго капитала и т. д. Необходимо опредѣлить, въ какой мѣрѣ это явленіе прогрессивно. Для облагораживанія человѣческой исторіи, по мнѣнію Н. К. Михайловскаго, необходима «борьба за индивидуальность» свободнаго человѣка. Прекраснымъ дополненіемъ къ этой статьѣ: «Борьба за индивидуальность», является статья: «Что такое прогрессъ?», въ которой такъ же «мѣриломъ достоинства всякаго союза-партіи, кружка, семьи, націи и проч. долженъ служить интересъ личности. Значитъ, во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи правды и освѣтятъ вамъ значеніе того или другого общественнаго союза». Въ связи съ мыслями о прогрессѣ и нравственности стоитъ статья: «Что такое счастье?», заключающееся, по мнѣнію Михайловскаго, въ гармоническомъ развитіи всѣхъ нашихъ способностей.

Всѣ эти обобщенія изъ исторіи послужили для Михайловскаго руководящими нитями его соціологическихъ идеаловъ. Если обстоятельно ознакомиться съ ними по его статьямъ, то легко освоиться съ его представленіемъ о томъ, что такое прогрессъ, счастье, нравственность, и признать всѣ обратныя обобщенія за регрессивныя и безнравственныя. Совершенно вѣрно замѣчаетъ С. Венге-

ровъ, что «протестъ Михайловскаго противъ органической теоріи Спенсера и его стремленіе показать, что въ исторической жизни народовъ идеаль, элементъ желательнаго, имѣеть огромное значеніе, создавали въ читателяхъ настроеніе, враждебное историческому фатализму и квіетизму». Къ этому слѣдуетъ прибавить, что тотъ же нравственный идеаль («субъективный идеализмъ»), которымъ измѣряется всякій моментъ въ исторіи, давалъ Михайловскому указанія въ его борьбѣ съ «экономическимъ матеріализмомъ» марксистовъ.

Такимъ образомъ, его журнальная дѣятельность носила проповѣдническій характеръ на основаніи научныхъ данныхъ. Его наука объ обществѣ построена на біологіи съ тою только разницею, что законовъ развитія отдѣльнаго организма онъ не переносилъ на социальный.

Этой опредѣленностью социальнаго идеала и слѣдуетъ объяснить то, что Михайловскій нашелъ своего читателя и имѣлъ многочисленныхъ поклонниковъ.

Онъ самъ говоритъ о себѣ: «Я такъ сжился съ мыслью, что обладаю широкой и многообъемлющей истиной. Когда я переживаю мысленно различные моменты исторіи человѣчества, то они такъ правильно, такъ сами собой примыкають къ изгибамъ теоріи борьбы за индивидуальность» (т. III, стр. 319).

Можно, разумѣется, думать, что идеаль Н. К. Михайловскаго о всестороннемъ развитіи всѣхъ способностей человѣка въ государствѣ не осуществлялся до сихъ поръ нигдѣ, и что человѣчество какъ бы не знакомо ни съ прогрессомъ, ни съ нравственностью. Но это *reductio ad absurdum* (приведеніе противника на его же утвержденія къ нелѣпости) болѣе страшно на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Дѣйствительно, если недосыгаемыя звѣзды указываютъ кораблю его путь въ океанѣ, то и здравыя утопіи въ социологіи указываютъ степень уклоненія дѣйствительности отъ идеала... Этотъ показатель, въ какой мѣрѣ и какая нація уклонилась отъ истинныхъ путей «прогресса», — имѣеть научное и практическое значеніе. Въ этомъ отношеніи у Михайловскаго имѣются свои заслуги въ области социологіи. Опасность для его популярности заключается не въ утопичности его стремленій, а въ необыкновенной ихъ азбучности или универсальности, когда онъ говоритъ о нихъ, иногда, даже тяжелымъ языкомъ ученаго: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнообразность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнообразность его отдѣльныхъ членовъ» («Что такое прогрессъ?»).

т. I, стр. 150). Мысли, изложенныя въ такомъ видѣ, лишены оригинальности и не могутъ имѣть продолжительной власти надъ обществомъ, и Михайловскій рискуетъ быть очень скоро исчерпаннымъ и забытымъ, какъ то случилось и съ его другомъ, Н. В. Шелгуновымъ.

III.

Соціологическіе труды Н. К. Михайловскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Борьба за индивидуальность», «Что такое прогрессъ?», «Что такое счастье?», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Герои и толпа», «Записки профана» и т. д.) преимуществу посвящены общимъ вопросамъ философіи. Между тѣмъ, другія его статьи: «К. Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго», «Политическая экономія и общественная наука», «Дневникъ читателя», «Литературныя замѣтки», «Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» и множество статей въ «Русскомъ Богатствѣ» посвящены явленіямъ русской литературы и экономическимъ вопросамъ о «народничествѣ», «марксизмѣ» и т. д.

Прежде чѣмъ говорить объ основахъ экономической жизни Россіи, Михайловскій предварительно посвятилъ свои силы разбору новыхъ людей въ 70-хъ годахъ, которые впервые обязаны Михайловскому тѣмъ, что онъ ихъ замѣтилъ и мѣтко назвалъ: однихъ «кающимиися дворянами», другихъ — «разночинцами». Онъ даже имъ посвятилъ полу-беллетристическіе очерки «Вперемежку» (1876—1877 г.г.). Въ «Письмахъ посторонняго» онъ говоритъ, что «такой крупный и рѣзкій фактъ, какъ паденіе крѣпостного права, составлявшаго основу всей нашей жизни, уже самъ по себѣ долженъ былъ, такъ сказать, взболтать общественную совѣсть и породить, если не прочное, то, во всякомъ случаѣ, страстное желаніе передѣлать всю жизнь заново, пересмотрѣть весь ходящій нравственный кодексъ. Стыдъ за свое прошлое, самоуничиженіе и самооплеваніе за него были, при этихъ условіяхъ, очень естественны». На этой почвѣ «кающійся дворянинъ», во-первыхъ, устыдился своего предка, происхожденія и воспитанія; во-вторыхъ, онъ призналъ себя «должникомъ народа» и свое интеллигентное положеніе слишкомъ привилегированнымъ и дорого стѣнящимъ для народнаго кармана. Отсюда и возникло два теченія: одно изъ нихъ создало лицъ, стремившихся устроить свою чисто личную жизнь на такъ называемыхъ «разумныхъ началахъ»,—это тѣ реалисты Писарева, которыхъ послѣдній опозитизировалъ въ Базаровѣ. Премникъ Писарева, Николай Константиновичъ оказался отрицателемъ «писаревщины» и нанесъ полнѣйшее пораженіе «утилитарному эгоизму» эмансипированной личности. По Писареву, мыслящій человекъ прежде всего долженъ эмансипироваться отъ предразсудковъ и обездоленности, и вынести изъ cadaго своего усилія

возможно большее количество наслажденій. Для этого нужно поставить цѣль жизни такимъ образомъ, чтобы она отвѣчала личнымъ наклонностямъ, не дрессируя и не ломая себя... Просвѣщенный эгоизмъ Базарова и его холодность къ общественнымъ нуждамъ встрѣтили въ лицѣ Михайловскаго энергичное осужденіе. Эмансипированная личность была отозвана имъ отъ наслажденій «разумной жизни» на службу народа. Открылся широкой горизонтъ и даль для мыслящихъ реалистовъ въ историческомъ долгѣ передъ народомъ, къ уплатѣ котораго они призывались. На этотъ голосъ откликнулась уже имѣвшаяся въ дѣйствительной жизни часть «кающихся дворянъ», переросшая «писаревщину» и отдававшая дѣлу народнаго блага во имя совѣсти, а не классовыхъ интересовъ. Рядомъ съ этимъ типомъ возникло одновременно и наше будущее tiers-état — типъ «разночинца». Этому не въ чемъ было каяться: «Съ чего ему,—спрашиваетъ Михайловскій,—было накладывать на себя какія бы то ни было епитиміи, когда жизнь и безъ того навалила на него цѣлую гору всякихъ тяжестей, когда онъ ни за собой, ни за близкими своими не чувствовалъ того грѣха, въ которомъ каялись дворяне, когда его «дѣдъ землю пахалъ»?.. Онъ отъ другихъ требовалъ покаянія и, встрѣтивъ въ кающихся дворянахъ такую полную готовность, пошелъ съ ними рука объ руку»...

Отсюда, между прочимъ, возникло «хожденіе въ народъ», столь характерное явленіе въ 1870-хъ годахъ послѣ разрушенія «писаревщины».

Значеніе Н. К. Михайловскаго въ эти годы измѣряется именно его призывомъ русской интеллигенціи на защиту интересовъ народнаго труда, и въ то же время онъ былъ чуть ли не единственнымъ бытописателемъ «кающихся дворянъ» и «разночинцевъ» (см., между прочимъ, отрывки его неудавшагося романа: «Карьера Оладушкина»).

«Народничество» 1870-хъ годовъ было явленіемъ чисто бытовымъ, оставшимся, однако, въ литературѣ до сихъ поръ безъ художественнаго выразителя и только до нѣкоторой степени отмѣченнымъ Н. К. Михайловскимъ. Онъ даже отчасти содѣйствовалъ ему въ той мѣрѣ, въ какой перо публициста помогаетъ жизненнымъ явленіямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и боролся съ нимъ противъ его односторонности. «Должники народа» скоро стали слѣпо поклоняться народу и предпочли не имѣть своихъ личныхъ мнѣній о его интересахъ, предполагая, что самъ народъ понимаетъ ихъ гораздо лучше, и что интеллигенція въ своей политической дѣятельности должна руководствоваться прежде всего мнѣніями и симпатіями народныхъ массъ. Михайловскій не могъ отказаться отъ собственныхъ воззрѣній на прогрессъ даже въ пользу воззрѣній и чувствъ самого народа. Онъ говоритъ: «У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣ-

линскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все-таки сказалъ бы, по малой мѣрѣ: прости имъ, Боже истинны и справедливы, они не знаютъ, что творятъ! И все-таки, значить, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь, но, пока они мнѣ дороги, и ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ. Отказаться отъ своихъ мнѣній ради чужихъ мнѣній психологически невозможно, и если бы интеллигентный человекъ даже искренно пожелалъ «прислушаться къ голосу деревни и обновить себя имъ», то онъ былъ бы поставленъ въ затрудненіе, въ виду крайняго разнообразія бытовыхъ особенностей русской жизни. Подъ влияніемъ различныхъ историческихъ условій, въ жизнь и понятія народа вошли черты, съ нашей точки зрѣнія безнравственныя и стоящія въ противорѣчій съ другими требованіями моральнаго кодекса того же народа. Поэтому, рѣшившись слѣдовать «голосу деревни», мы должны были бы выбирать изъ «народной правды» одно и отбрасывать другое, а для этого у насъ должны быть собственные принципы».

Много перьевъ поломать Михайловскій въ борьбѣ изъ-за народничества съ О. Н. Каблицемъ (см. «Основы народничества»), съ В. Яковенкомъ (см. «Сѣв. Вѣстникъ», 1886 г., № 11), призывавшими интеллигенцію прежде всего руководиться народными взглядами и чувствами. Онъ отвѣчалъ имъ: «Безспорно, что у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вождѣлѣнный новый періодъ русской исторіи. Голосъ деревни слишкомъ часто противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы искренно и честно, признавъ интересы народа своею цѣлью, сохранить въ деревнѣ, какъ она есть, только то, что дѣйствительно этимъ интересамъ соответствуетъ».

Наконецъ, въ 1890-хъ годахъ появились у насъ неомарксисты въ лицѣ г.г. Струве, Плехановъ и т. д. Тотъ же «субъективный идеализмъ», которымъ Михайловскій осѣиваетъ историческій ходъ вещей, помогъ ему выступить въ борьбу и съ сторонниками «экономическаго матеріализма». Удѣляя экономическимъ основамъ подбавляющее имъ мѣсто, но не считая ихъ главными факторами прогресса, онъ полагаетъ, что крупная индустрія при настоящихъ усло-

віяхъ разлучаетъ работника отъ условій производства, и потому не могъ опираться на нее въ своихъ надеждахъ на лучшее будущее.

Съ точки зрѣнія всесторонняго развитія личности Н. К. Михайловскій разрѣшаетъ и вопросъ о сельской общинѣ, отстаивая ее въ той мѣрѣ, въ какой она служитъ примиренію личнаго и общественнаго начала. «Сторонники общины,—говоритъ онъ,—не дѣлали себѣ изъ нея фетиша, передъ которымъ надо лбы разбивать. Они не говорили, что община дорога, потому что она община. Они видѣли въ ней надежное убѣжище для крестьянской личности отъ грядущихъ бѣдъ капиталистическаго порядка. Подумайте и осуществите что нибудь лучшее въ смыслѣ огражденія личности мужика отъ бурь промышленной конкуренціи, и кто же бы сталъ тогда требовать ея сохраненія?»

Готовый отказаться и отъ безправной и невѣжественной общины, если кто укажетъ лучшую гарантію отъ обезземеленья мужика, Михайловскій не видѣлъ этого «лучшаго» въ кооперированіи рабочихъ на чужихъ фабрикахъ при наличности всѣхъ прочихъ существующихъ условій и имѣлъ смѣлость предсказывать о скоромъ охлажденіи къ «экономическому матеріализму» бывшихъ «идеалистовъ». Его предсказанія, какъ извѣстно, оправдались въ лицѣ того же г. Струве и Булгакова (см. книгу послѣдняго: «Отъ матеріализма къ идеализму»).

IV.

Въ области чисто литературной критики Н. К. Михайловскій не обнаруживалъ той чуткости и проницательности, которыя требуются отъ литературнаго критика. Въ шеститомномъ его «Собраніи сочиненій» и въ двухтомныхъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ и современной смутѣ» нѣтъ такого писателя, котораго бы онъ не касался. Его сужденія, какъ философски образованнаго писателя, съ опредѣленнымъ политическимъ идеаломъ, конечно, весьма часто интересны. Иногда одной фразой онъ исчерпываетъ все значеніе писателя. Прочитавъ у него о томъ, что въ «Ивановѣ» А. Чехова вложена авторомъ идеализація безпринципности и измельчанія идеаловъ, хочется то же самое думать и о «Палатѣ № 6», и о «Трехъ сестрахъ», и о «Дядѣ Ванѣ» и т. д. Хочется думать, что на этой почвѣ г. Чеховъ изобразилъ одну сторону провинціальной жизни, а болѣе дѣятельная и рвущаяся къ свѣту ему совершенно незнакома... Словомъ, опредѣленность идеаловъ и научное ихъ обоснованіе указывали Михайловскому нерѣдко на самыя существенныя стороны таланта писателя и его значенія въ русской литературѣ. Это было въ особенности замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда Михайловскій трактовалъ о комъ либо изъ писателей-художниковъ, менѣе его, попросту говоря, умныхъ... Съ за-

мѣчательнымъ искусствомъ онъ обнажилъ безсмысліе литературнаго декадентства, символизма, нищезанства, патриотическаго изувѣрства и т. д.

Но все, что возвышалось въ художественной литературѣ надъ самимъ Н. К. Михайловскимъ, послѣдній не только не могъ раздѣлять, но даже понимать, какъ слѣдуетъ. Ни на одного изъ крупныхъ писателей онъ не установилъ правильнаго взгляда и не указалъ имъ «своего мѣста». Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ правъ о нихъ—онъ не оригиналенъ, а гдѣ оригиналенъ—тамъ онъ всегда ошибается. Въ книгѣ «Литература и жизнь», изданной имъ въ 1892 году, во многихъ ея мѣстахъ, ученіе Л. Н. Толстого о цѣломудренности жизни Михайловскій признаетъ «преувеличенно-нравственными проповѣдями», содѣйствующими распространенію «лицемѣрія». Съ этой точки зрѣнія, на которой стоитъ здѣсь Михайловскій, придется заподозрѣть чистоту и евангелической проповѣди и даже просто всѣхъ людей строгихъ и аскетическихъ правилъ. Совѣтъ Л. Н. не принимать участія въ худыхъ дѣлахъ и довольствоваться службою другимъ людямъ, Михайловскій прямо признаетъ проповѣдью личнаго благополучія, лишеной всякаго самопожертвованія... Не понималъ онъ также и Достоевскаго, находя въ статьѣ «Жестокій талантъ», что Достоевскій безъ всякаго толку мучилъ своимъ «жестокимъ талантомъ» русскую публику, не будучи въ состояніи быть для нея не только «умственнымъ центромъ», но и вообще выситися надъ нею и руководить ею. Про Н. С. Лѣскова онъ писалъ, что этотъ бытовикъ представляетъ одну клевету на русскую жизнь, не обладая при этомъ ни малѣйшимъ беллетристическимъ талантомъ... («Русское Богатство», 1897 года, № 6). Объ И. С. Тургеневѣ онъ отзывался въ томъ смыслѣ, что «это былъ талантъ, такъ сказать, музыкальный, а музыка, какъ извѣстно, вызываетъ неопредѣленные, но хорошія, пріятныя, свѣтлыя волненія» (т. V, стр. 808). Такимъ образомъ, Тургеневъ лишенъ опредѣленнаго облика художника-протестанта Николаевскому режиму и уловителя историческихъ «моментовъ» въ русской жизни. Причиной тому, кромѣ «акварельной манеры писанія», были «смягчающія кровныя связи автора съ помѣщичьимъ бытомъ» (т. V, стр. 810). Даже въ лицѣ Базарова, по мнѣнію Михайловскаго, молодые люди 60-хъ годовъ названы нигилистами «съ прискорбной опрометчивостью» («Литер. и жизнь», стр. 38). «Пустилъ это слово Тургеневъ собственно для нашего русскаго обихода. Пустилъ неудачно, потому что слово привилось, а между тѣмъ оно вовсе не соответствовало тѣмъ явленіямъ русской жизни, которыя должно было покрывать, и Тургеневу пришлось потомъ горько каяться въ этомъ промахѣ» (тамъ же, стр. 21). Всякій, однако, знаетъ, что «Отцы и дѣти»—лучшій памятникъ о 60-хъ годахъ,—отвѣтимъ мы.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1904 г., т. хсv.

14

Объ Ант. Чеховѣ Михайловскій писалъ: «И не знаю зрѣлища печальнѣе, чѣмъ этотъ даромъ пропадающій талантъ» (стр. 93). Объ Э. Золя сказано, что «крупный беллетристическій талантъ Золя, къ сожалѣнію, не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ совершенно необразованнымъ» (стр. 2), что въ его натуралистическомъ талантѣ скрывается «нравственно-политическій индифферентизмъ» и «безъидейная сытость»; что онъ даже вреденъ тѣмъ, что негодяйство и пороки изображаетъ «соблазнительными красками» и т. д. Нѣтъ числа ошибочнымъ приговорамъ Михайловскаго надъ литературными именами. Но рядомъ съ многочисленными ошибками въ области художественной критики Николай Константиновичъ вносилъ такую массу трезвыхъ взглядовъ на вопросы внутренней жизни Россіи и задачи литературы, что вниманіе невольно сосредоточивалось на послѣднихъ. Въ этомъ его сила, которая всегда спасала его даже въ заблужденіяхъ. Правда, если читателю будутъ не бесполезны убѣжденія Михайловскаго, то сами писатели все-таки ждуть отъ критики указанія имъ «своего мѣста» въ литературѣ, а не демократическихъ проповѣдей по разнымъ поводамъ. Михайловскій никого изъ нихъ, разумѣется, не удовлетворитъ. Къ числу прочихъ его недостатковъ слѣдуетъ отнести также и тѣ, о которыхъ говоритъ даже одинъ изъ его поклонниковъ: многопредметность и растянутость, а также множество отступленій часто лишаютъ читателя возможности уловить главныя мысли автора. Если еще сравнительно легко ориентироваться въ отдѣльныхъ его статьяхъ, посвященныхъ тому или другому вопросу, то особенно трудно разбраться въ собраніи его сочиненій, оразившемъ на себѣ разные моменты его творчества, о которыхъ онъ самъ говоритъ: «Потребность теоретическаго творчества требовала себѣ удовлетворенія, и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но тутъ же, иногда среди самаго процесса этой творческой работы, привлекала меня къ себѣ своею яркою и шумною пестротой, всюю своею плотью и кровью, житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теории, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить».

Разумѣется, это не оправданіе... Такимъ вторженіемъ въ сюжетъ разныхъ вводныхъ обстоятельствъ — «къ слову» да «мимоходомъ» — несомнѣнно портилось единство статьи. А онѣ всѣ у Н. К. Михайловскаго пестрятъ такими отступленіями, и нужно большое усиліе, чтобы изъ разрозненныхъ кусковъ его міросозерцанія построить болѣе или менѣе стройную систему. Но въ настоящемъ случаѣ мы задались указать по преимуществу на положительные пункты его писательской дѣятельности, которую всего лучше заключить словами самого Николая Константиновича, сказанными имъ самимъ на его сороколѣтнемъ юбилеѣ. А именно:

— Оглядываясь на свое прошлое, я долженъ сказать, что въ моей дѣятельности могли быть ошибки, какъ и у всякаго писателя... Простыя ошибки на разные случаи, но не было измѣны направленію. Я неоднократно печатно заявлялъ о себѣ, что я былъ такъ счастливъ, что крутыхъ переломовъ въ моемъ міросозерцаніи съ тѣхъ поръ, какъ я выступилъ на литературное поприще, не было. Подобные переломы, для искреннихъ натуръ тяжелые вообще, для писателя отягчаются еще мучительнымъ сознаніемъ, что, дескать, не только самъ заблуждался, а еще публично проповѣдывалъ заблужденіе, распространялъ его. Я не испыталъ этихъ мученій. Кромѣ какихъ нибудь мелочей, которыя мнѣ сейчасъ даже въ голову не приходятъ, мнѣ не отъ чего отречься въ своей дѣятельности. На мнѣ всегда былъ одинъ и тотъ же литературный сюртукъ, и я не мѣнялъ его на другой костюмъ. Сюртукъ этотъ, можетъ быть, плохо сидитъ на мнѣ, кому нибудь не нравится, но онъ всегда былъ у меня одинъ и тотъ же. Это—моя личная гордость... А что касается моего общественнаго значенія, то я въ этомъ отношеніи цѣню себя въ той мѣрѣ, въ какой былъ продолжателемъ и послѣдователемъ школы Бѣлинскаго, Герцена и Чернышевскаго. Лично для себя я не желалъ этого чествованія и хотѣлъ уѣхать въ провинцію, но меня удержала мысль о томъ, что въ моемъ лицѣ чествуюсь не столько я самъ, сколько 60-ые годы. Наибольше замѣтные представители этого времени уже успокоились вѣчнымъ сномъ, и ряды ихъ замѣтно рѣдѣютъ. Я предлагаю присутствующимъ на моемъ юбилей встать съ своихъ мѣстъ и молча почтить память дорогихъ намъ покойниковъ...

Многочисленная толпа друзей и почитателей Н. К. Михайловскаго поднялась, какъ одинъ человекъ, и было что-то трогательное въ молчаливомъ торжествѣ писателей вокругъ сѣдого юбиляра.

О послѣднихъ дняхъ жизни Николая Константиновича г. Скабичевскій пишетъ слѣдующее:

«Какъ ни была внезапна смерть Николая Константиновича, ее нельзя назвать неожиданной. Года два, если не три, уже Николай Константиновичъ, какъ говорятъ обыкновенно, скриѣлъ, жалуясь на сердечные припадки. Особенно плохо ему было зимою въ 1903 году. Онъ до такой степени тогда ослабѣлъ, что нѣкоторое время, передъ весною, не былъ въ состояніи посѣщать редакцію, которая находилась черезъ два—три дома отъ его квартиры. И уже тогда доктора опредѣлили у него склерозъ артерій и первые признаки грудной жабы. Лѣто онъ провелъ на Волгѣ въ Костромѣ, у родныхъ и настолько поправился, что вернулся къ осени въ Петербургъ снова, повидимому здоровымъ и бодрымъ. Но въ теченіе зимы снова началъ хирѣть, велъ самую строгую діету и правильную жизнь. Болѣзнь, между тѣмъ, дѣлала свое дѣло, и дни его были сочтены... Смерть его можно считать внезапной, но она отнюдь не

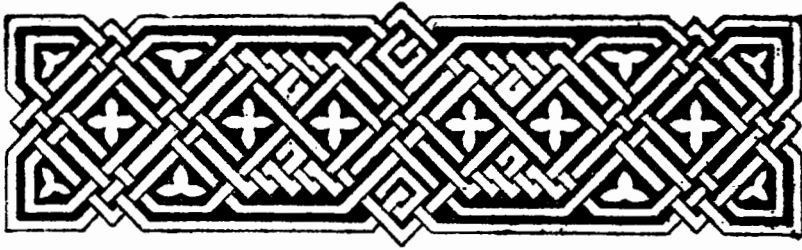
была неожиданной. Постороннихъ людей, дѣйствительно, могло удивить, что человѣкъ не лежалъ, окруженный докторами и микстурами, не прощался съ родными и знакомыми, не мучился въ предсмертной агоніи въ присутствіи всѣхъ окружающихъ, а, напротивъ того, въ тотъ самый день смерти былъ такъ же бодръ и подвиженъ, какъ всегда, участвовалъ на засѣданіи литературнаго фонда вечеромъ. Тамъ былъ также веселье и остроумень. Не преминулъ при концѣ засѣданія шуточно замѣтить, чтобы ему не присылали впредь повѣстокъ о засѣданіяхъ комитета, — все по три копейки будетъ оставаться у фонда въ экономіи. Суевѣрные люди не преминули увидѣть въ этихъ словахъ какъ бы предчувствіе смерти, своего рода пророчество, хотя бы и бессознательное. На самомъ же дѣлѣ, слова эти были, конечно, совершенно простымъ и естественнымъ заявленіемъ, что зачѣмъ же тратиться на присылку повѣстокъ человѣку, который каждый разъ самъ участвуетъ въ назначеніи дня и часа засѣданій.

«Но по свидѣтельству швейцара въ домѣ, гдѣ жилъ Николай Константиновичъ, вернулся онъ въ двѣнадцатомъ часу ночи очень блѣднымъ и ослабѣвшимъ и съ трудомъ при помощи швейцара поднялся по лѣстницѣ до своей квартиры. Дома никого не было. Сынъ и племянникъ, съ которыми онъ жилъ, были въ отсутствіи. Прислугу онъ отослалъ спать, а самъ остался одинъ въ своей спальнѣ. Когда же молодые люди вернулись въ третьемъ часу ночи, они были удивлены, увидя, что дверь въ спальню его открыта, и въ спальнѣ горитъ огонь. Войдя въ спальню, они съ ужасомъ увидѣли Николая Константиновича лежащимъ совершенно одѣтымъ поперекъ кровати и уже скончавшимся, хотя еще совершенно теплымъ».

Похороненъ Николай Константиновичъ на Волковомъ кладбищѣ, и изъ всѣхъ рѣчей, сказанныхъ надъ его могилой, я помню рѣчь рабочаго, указавшаго присутствующимъ на значеніе «Отечественныхъ Записокъ» въ жизни проснувшагося къ знанію простолюдина и напомнившаго о томъ, что интеллигентные люди для самообразованія имѣютъ всякія школы: и среднія, и высшія, а простолюдины одну литературу, которой онъ и приносить свою признательность.

Съ своей стороны, и мы думаемъ, что если значеніе Н. К. Михайловскаго для науки и русской критики значительно потускнѣетъ въ очень ближайшемъ будущемъ, то въ живой дѣйствительности найдется немало людей, обязанныхъ ему и гуманнымъ настроеніемъ души, и широкимъ пониманіемъ историческихъ интересовъ нашей родины.

А. Фаресовъ.

СТОЛѢТІЕ ПЕРВАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИМПЕРАТОРСКОЕ общество исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ 18 марта нынѣшняго года празднуетъ столѣтіе своего существованія. Одно изъ старѣйшихъ ученыхъ обществъ въ Россіи, оно было первымъ, обратившимся къ ученымъ разысканіямъ въ области русской исторіи. «Приведеніе въ ясность исторіи російской»—вотъ цѣль, поставленная обществу въ первомъ уставѣ, и девизъ его дѣятельности въ теченіе столѣтія. Дѣятельность Общества не всегда совершалась въ условіяхъ, благопріятныхъ для научной работы,—по временамъ она почти совсѣмъ замирала,—и все-таки, оглядываясь на пройденный Обществомъ путь, нельзя не признать, что услуги, оказанныя Обществомъ русской исторической наукѣ, важны и значительны, а огромные и многочисленные труды Общества немало содѣйствовали разъясненію російской исторіи. О размѣрахъ работы можетъ дать нѣкоторое представленіе количество выпущенныхъ Обществомъ повременныхъ изданій: 8 частей «Трудовъ и лѣтописей», 3 книги «Русскихъ достопамятностей», 7 книжекъ «Русскаго историческаго сборника», 25 книгъ «Временника общества», 207 томовъ «Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей». Немногія изъ нашихъ ученыхъ обществъ насчитываютъ за собой такой почтенный рядъ трудовъ. Не лишней поэтому является попытка, въ виду приближенія столѣтняго юбилея, вспомнить о возникновеніи общества и сказать нѣсколько словъ о его ростѣ.

Своимъ возникновеніемъ Общество обязано знаменитому Шлецеру и русскому правительству. Шлецеръ далъ идею Общества, а правительство приказало осуществить ее. Въ началѣ 1804 года попечитель Московскаго учебнаго округа, М. Н. Муравьевъ, обратился къ ректору университета, профессору Х. А. Чеботареву, со слѣдующей бумагой: «Славный господинъ Шлецеръ, отецъ, изъ Геттингена, принося благодарность за пожалованіе орденомъ въ письмѣ своемъ къ графу Петру Васильевичу (Завадовскому, въ то время министру народнаго просвѣщенія) показываетъ желаніе соучаствовать съ учеными російскими въ критическомъ изданіи нашихъ древнихъ лѣтописей. Господинъ министръ имѣлъ счастье докладывать государю императору по предмету его посланія: и Его Величеству угодно было собрать свѣдѣнія, не составится ли изъ нашихъ ученыхъ сословіи какого либо Общества для произведенія въ дѣйство сего полезнаго предпріятія. Графъ Петръ Васильевичъ препоручилъ мнѣ отнести предпочтительно къ Московскому университету, дабы онъ, уваживъ всѣ обстоятельства, способы и пространство труда, представилъ начертаніе о составленіи подъ покровительствомъ своимъ особеннаго Общества изъ ученыхъ, въ російской древней исторіи свѣдущихъ, которое могло бы пригласить въ содѣйствіе и господина Шлецера, сколько по отсутствію своему можетъ онъ опытностью своею содѣйствовать».

Ректоръ университета не замедлилъ привести въ исполненіе полученное имъ предписаніе и 7 марта 1804 года доносилъ министру, что Московскій университетъ «употребить дѣятельную ревность къ предпріемлемомъ дѣлу, дабы оказаться не недостойнымъ его къ нему расположенія». Совѣтъ университета избралъ въ предсѣдатели предполагаемаго Общества ректора университета Чеботарева и въ дѣйствительные члены нѣкоторыхъ профессоровъ, а «для вѣрныхъ и дѣятельныхъ усилій въ семъ важномъ и общепольномъ предпріятіи» рѣшилъ пригласить въ почетные члены «мужей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ отечественной древней исторіи». Первыми почетными членами были А. Л. Шлецеръ, извѣстный собиратель графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, А. Ф. Малиновскій и Н. М. Карамзинъ. Шлецеръ, получивъ предложеніе, предостерегалъ Общество отъ канцелярщины: «Съ этимъ дѣломъ не надобно поступать по приказному (auf Samzleifus), иначе въ 25 лѣтъ не сдѣлалось бы того, что могло и должно бы сдѣлаться въ пять лѣтъ», а Карамзинъ высказался въ слѣдующей фразѣ: «Я могу умереть, не дописавъ исторіи, но Россія должна всегда имѣть исторіографа. Десять Обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человекъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ».

18 марта было первое совѣщательное собраніе Общества. Въ этомъ собраніи Обществу было дано названіе, которое остается за

нимъ до сихъ поръ, и указана цѣль занятій: критическое изданіе русскихъ лѣтописей. Для начала дѣла выбранъ Несторъ и въ основу изданія положены слѣдующія правила: «Лѣтописецъ Несторъ, яко отецъ россійскихъ лѣтописей и исторій, назначается первый къ изданію, принявъ въ помощь критическія замѣчанія славнаго историка господина Шлецера, а особливо собравъ и сравнивъ самыя древнія рукописи. Предпріятіе сіе учреждается такимъ порядкомъ, чтобы, взявъ за основаніе древнѣйшій изъ всѣхъ манускриптовъ, какъ ближайшій къ подлинному и менѣе другихъ испорченный писцами, отпечатывать по листу въ университетской типографіи на половинѣ страницы рѣдкими строками и посылать поочереды гг. членамъ, вмѣстѣ съ такими же лѣтописцами для сравненія и критическихъ примѣчаній, а черезъ двѣ недѣли въ засѣданіи утверждать по всѣхъ суду самый лучший и вѣрнѣйшій способъ». Усвоивъ Шлецеровскіе взгляды на цѣль и приемы ученой работы, народившееся общество отнеслось къ своимъ занятіямъ, какъ къ служебному порученію, нѣсколько по-канцелярски. Случилось какъ разъ то, отъ чего предостерегалъ Шлецеръ. Вся работа по изданію пала на представителя общества Чеботарева; засѣданій не бывало по годамъ, участіе членовъ оказалось чисто фиктивнымъ, и за шесть лѣтъ (1804—1810) Чеботаревъ при содѣйствіи Черепанова напечаталъ всего на всего шесть печатныхъ листовъ лѣтописнаго текста по Лаврентьевскому списку. Въ этотъ начальный шестилѣтній періодъ общество обнаружило свое существованіе только тѣмъ, что предложило на соисканіе денежной преміи историческую тему. Задача была формулирована слѣдующимъ образомъ: «Несторъ, лѣтописецъ россійскій, говоритъ, что славяне, населившіе Россію, пришли съ береговъ Дуная изъ Болгаріи и земли Угорской, будучи вытѣснены оттуда волохами. Когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, могло случиться это переселеніе? И кого Несторъ называетъ волохами: римлянъ, ломбардовъ, болгаръ или дѣйствительныхъ волоховъ?»

1810-й годъ знаменателенъ въ исторіи Общества: за свою бездѣятельность оно понесло жестокою административную кару. Новый попечитель округа П. И. Голенищевъ-Кутузовъ 21 ноября 1870 года указалъ новому министру графу Разумовскому на совершенное бездѣйствіе Общества и просилъ предписаній и указаній: «дабы, какъ настоящая общества исторіи и древностей россійскихъ недѣятельность, такъ и вредъ продолжаться могущая, не могла возлежать на моей отвѣтственности, или, что еще и болѣе, не могла быть приписана моему невниманію». А 2 декабря государь, по докладу министра, приказалъ прекратить засѣданія Общества и учредить новое, выбравъ новыхъ членовъ и составивъ уставъ. Авторъ «Исторіи императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» (М., 1884, часть 1, 1804—1812), Ниль Поповъ, разъяснилъ закулисную сторону этой исторіи, совер-

шенно необычной и непонятной съ перваго взгляда: мало ли Обществъ, ничего ровно не дѣлающихъ и, тѣмъ не менѣе, не взысканныхъ за это карами правительства? П. И. Голенищевъ-Кутузовъ стяжалъ печальную память доносителя... на кого же? На Н. М. Карамзина. Ростопчинъ не скупится на эпитеты для его характеристики: «Кутузовъ,—пишетъ онъ,—самый пошлый человѣкъ, стихотворецъ, пьяница, обремененный долгами, доносчикъ по вкусу къ шпионству... во времена императора Павла чиновникъ тайной полиціи». Общество вызвало его враждебное отношеніе собственно не своею бездѣятельностью, а своею приверженностью къ ненавистному для него Карамзину. Въ своемъ доносѣ Кутузовъ придумалъ самое дикое объясненіе бездѣятельности Общества: «Несторъ бродитъ, по мнѣнію Карамзина, яко глупый монахъ,—пишетъ Кутузовъ,—и вотъ развязка, почему Нестора, нарочно въ угожденіе ему Чеботаревъ не далъ издавать, дабы дать время выдать исторію, и дабы изданіе Нестора не ускорило и не изобличило бы лживости г. исторіографа и не опровергло бы всѣхъ его вымысловъ и фантазіи».

22 декабря 1810 года состоялось первое засѣданіе преобразованнаго Общества; былъ предложенъ для разсмотрѣнія проектъ устава и выбранъ предсѣдатель—извѣстный богачъ П. П. Бекетовъ. Цѣль Общества оставалась прежняя—критическій разборъ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописей. Единственной заслугой П. И. Кутузова передъ Обществомъ нужно признать увеличеніе средствъ его путемъ привлеченія членовъ-благотворителей. Нѣкоторыя пожертвованія были довольно значительны. Правда, и тутъ общество имѣетъ основанія быть неблагодарнымъ, такъ какъ П. И. Кутузовъ своею властью взялъ одно изъ крупнѣйшихъ пожертвованій... и обществу пришлось судомъ взыскивать эту сумму съ его наследниковъ.

Главнѣйшимъ дѣятелемъ новаго Общества былъ Романъ Федоровичъ Тимковскій: усердный чиновникъ и исполнитель приказаній начальства, въ угоду попечителю, онъ сумѣлъ сличить и исправить въ 6 дней одиннадцать листовъ лѣтописнаго текста. Въ одинъ годъ (съ марта 1811 по мартъ 1812 года) Тимковскій успѣлъ напечатать 13 листовъ Нестора. Методы изданія были прежніе: въ основу былъ положенъ древнѣйшій списокъ; путемъ сличенія съ другими списками провѣрялся, объяснялся и исправлялся текстъ подлинника. Но, кромѣ лѣтописи, Тимковскій въ сотрудничествѣ съ начинавшимъ свою ученую дѣятельность Калайдовичемъ приступилъ къ изданію памятниковъ древней литературы и права, подъ заглавіемъ: «Русскія достопамятности»; къ первому годичному собранію было отпечатано 15 листовъ актовъ Общества и 6 листовъ перваго тома «Русскихъ достопамятностей». Отечественная война прервала и надолго затормозила дѣятельность Общества. Только въ 1815 году возобновились занятія въ Обществѣ, «Калай-

довичъ, осыпaeмый со стороны попечителя бранью и угрозами за медленность, выдалъ въ свѣтъ томъ «Актовъ» и томъ «Достопамятностей». Но Обществу не суждено было привести къ концу изданіе лѣтописи. Копія Лаврентьевскаго списка, находившагося въ Императорской Публичной библиотекѣ, по которой печатался текстъ, въ 1812 году сгорѣла. Когда общество обратилось въ 1815 году съ ходатайствомъ о высылкѣ въ его распоряженіе подлинника, министръ народнаго просвѣщенія отказалъ въ этой просьбѣ и увѣдомилъ, что лѣтопись уже оканчивается изданіемъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1815 году прервалъ свою ученую работу Калайдовичъ и уѣхалъ изъ Москвы; общество лишилось дѣятельнѣйшаго сотрудника, и его дѣятельность прекратилась надолго, на 8 лѣтъ.

Въ 1823 году, казалось, общество пробудилось отъ спячки. Былъ внесенъ цѣлый рядъ широкихъ проектовъ и принятъ рядъ предложеній, большинство которыхъ не осуществилось. Подъ предсѣдательствомъ А. А. Писарева, опять былъ поднятъ вопросъ объ изданіяхъ Общества. П. М. Строевъ выступилъ съ широкой программой: онъ находилъ, что «цѣль Общества будетъ маловажна и дѣйствія слишкомъ слабы и ограниченны, если по двѣнадцатилѣтнемъ бездѣйствіи оно снова займется печатаніемъ двухъ или трехъ списковъ лѣтописи, изданіемъ немногихъ достопамятностей и обнародованіемъ своихъ протоколовъ». Въ періодъ перерыва дѣятельности общества, благодаря извѣстной дѣятельности гр. Н. П. Румянцева, измѣнились взгляды на сущность историческаго изслѣдованія, и Строевъ, прошедшій школу канцлера, явился выразителемъ новыхъ взглядовъ. По его мнѣнію, общество должно было заняться приведеніемъ въ извѣстность письменныхъ памятниковъ исторіи и древней словесности, разбѣянныхъ по всей Россіи. П. М. Строевъ предлагалъ обществу грандіозную задачу — снарядить три экспедиціи въ сѣверную, среднюю и западную Россію для описанія всѣхъ рукописныхъ памятниковъ. Только потомъ наступить время, — говорилъ Строевъ, — изданій и критики. Общество не приняло программы П. М. Строева и склонилось къ предложенію Калайдовича «отправить одного изъ членовъ для обзорѣнія нѣсколькихъ важнѣйшихъ библиотекъ, а пока продолжать старыя изданія и выдать наконецъ, въ свѣтъ напечатанные Тимковскимъ 13 листовъ Лаврентьевской лѣтописи. П. М. Строеву же было поручено сдѣлать обзоръ Новгородской Софійской библиотеки, а Калайдовичу — выпустить второй томъ «Достопамятностей».

До 1836 года матеріальныя средства Общества были неопредѣленны. Этимъ отчасти объясняется несистематичность и нерегулярность занятій общества. На дѣятельности его, конечно, отражалась и неопредѣленность научныхъ требованій въ области русскихъ историческихъ изученій. Изданіе «Записокъ и тру-

довъ» прекратилось на 8-й части въ 1837 году. Исслѣдованія, помѣщенные здѣсь, относились къ древней географіи и исторіи Россіи и описанію монетъ и древностей. Въ 1838—1844, г.г., подъ заглавіемъ Погодина, Общество выпустило 7 томовъ «Русскаго историческаго сборника». Въ «Сборникѣ» печатались географическія изысканія, описанія древностей и кургановъ, описаніе городищъ, сдѣланное З. Ходаковскимъ. Здѣсь же впервые появились и архивныя матеріалы, мѣстныя дѣла XVI и XVII вѣковъ, сообщенныя начальникомъ сенатскаго архива П. И. Ивановымъ. Но, кромѣ периодическихъ изданій, Общество выпускало и отдѣльными изданіями труды своихъ членовъ. Въ 1829 году вышли въ переводѣ Погодина «Предварительныя критическія изысканія» Эверса, «Обзоръ кормчей книги» Розенкампфа (1834 г.), «Корсунскія врата» Аделунга (1834 г.), «Супрасльская рукопись» (1836 г.), «Шковская лѣтопись» (1837 г.), «Повѣствованіе о Россіи» Арцыбашева (3 т., 1838—1843 г.) и мн. др.

Въ 1837 году президентомъ Общества былъ избранъ графъ Строгановъ и была назначена ежегодная субсидія на изданія Общества въ 1428 рублей но издательская дѣятельность Общества могла быть поставлена прочно и широко лишь послѣ того, какъ нашелся ученый и энергичный человѣкъ, отдавшій все свои силы Обществу. Такимъ человѣкомъ былъ Осипъ Максимовичъ Бодянский, избранный секретаремъ 6 февраля 1845 года. «Бодянский, по словамъ Н. Е. Забѣлина, былъ человѣкъ неколебимыхъ точныхъ правилъ. Его погнуть было невозможно, развѣ переломить, и вотъ причина, почему послѣ первыхъ лѣтъ его дѣятельности Общество вполне ему довѣрилось, какъ доброму кормчему, съ которымъ плаваніе въ трудахъ надежно и безопасно отъ застою и безвѣчности». Бодянский позаботился и о точной программѣ изданій и объ аккуратномъ ихъ выходѣ. Въ 1844 году онъ открылъ новую серію изданій Общества подъ названіемъ «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ». Въ 1846—1848 г.г., за два съ половиной года, Бодянский издалъ 23 книжки «Чтеній», по объему равныхъ почти всему тому, что было издано до сихъ поръ Обществомъ. Въ нихъ были напечатаны исторія Руссовъ Конисскаго, лѣтописи малороссійскія и извѣстія о казакахъ малороссійскихъ и донскихъ (Симоновскаго, Ригельмана, Миллера и др.); V-й томъ Россійской исторіи Татищева; акты московскихъ соборовъ о еретикахъ; иностранныя извѣстія XVI—XVII вѣковъ (Баренцо, Бѣльскій, Коллинсъ и др.).

Въ 1848 году надъ Обществомъ и надъ его дѣятельнѣйшимъ членомъ Бодянскимъ разразилась административная гроза. Въ первой книжкѣ «Чтеній», вышедшей въ 1848 году, появился переводъ сочиненія англичанина Флетчера «О государствѣ русскомъ или образѣ правленія русскаго царя, обыкновенно называемаго царемъ Московскимъ, съ описаніемъ правовъ и обычаевъ этой страны», на-

писанное въ 1588 году и напечатанное въ Лондонѣ въ 1591 году. Казалось бы, это сочиненіе, представляющее важный источникъ для русской исторіи, не можетъ имѣть никакого касательства къ русской дѣйствительности 1848 года, и тѣмъ не менѣе графъ Уваровъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, усмотрѣвшій въ книгѣ Флетчера неодобрительный отзывъ о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ, приказалъ остановить книжку «Чтеній» и вырѣзать изъ нея сочиненіе Флетчера. Предсѣдатель Общества, по распоряженію котораго была напечатана книжка «Чтеній», графъ Строгановъ, сообщилъ графу Уварову: «Сочиненіе Флетчера, писанное въ 1588 году, казалось мнѣ такого содержанія, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени, и что любопытная сатира эта содержала много важнаго, но только для древней Руси. Самъ Карамзинъ неоднократно изъявлялъ желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ: такъ онъ оцѣнилъ его для эпохи, въ немъ изображенной. Я полагаю, что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ». Но оправданія графа Строганова ничуть не удовлетворили графа Уварова, который не ограничился однимъ запрещеніемъ книги. По его докладу Николай Павловичъ приказалъ подвергать изданія Общества общей цензурѣ. Графъ Строгановъ сложилъ обязанности президента Общества, а секретарь Бодянской не только былъ вынужденъ сложить съ себя званіе секретаря Общества и редактора изданій, но былъ лишенъ профессорской кафедры и сосланъ въ Казань. А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ слѣдующимъ образомъ излагаетъ исторію съ изданіемъ Флетчера (подъ 1 декабря 1848 года).

«Графъ Строгановъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Феодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви... Шевыревъ, нѣкогда ухаживавшій за Строгановымъ, теперь представилъ министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера, и какъ дурно дѣлаетъ Строгановъ, допуская это. И какъ то всегда бываетъ на святой Руси, онъ подкрѣплялъ свое представленіе увѣреніями въ собственной преданности и усердіи. Уваровъ приказалъ остановить печатаніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ чрезъ московскаго генералъ-губернатора Закревскаго. Это—неслыханный случай съ генералъ-адъютантомъ... Но дѣло не въ этомъ: въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ. Строгановъ, по выраженію Гоголи, нагадилъ Уварову, Уваровъ—Строганову. Это въ порядкѣ вещей на святой Руси... Но за что погибла книга Флетчера, книга полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь Общества

Бодянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано Общество, оказавшее немало услугъ наукъ?»

Въ засѣданіи 27-го ноября 1848 года въ президенты Общества былъ избранъ вице-президентъ А. Д. Чертковъ, а въ секретари—И. Д. Бѣляевъ. Изданіе «Чтеній» прекратилось. Ихъ замѣнилъ «Временникъ» подъ редакціей И. Д. Бѣяева (1849—1857, 25 книгъ). Измѣнился характеръ ученой дѣятельности Общества, сфера научныхъ интересовъ сузилась. Вниманіе теперь было обращено на изученіе исторіи Московскаго государства съ историко-юридической точки зрѣнія. «Временникъ» представляетъ собраніе матеріаловъ, весьма важное для историка русскаго права. Во «Временникѣ» напечатаны: Домострой, Новый лѣтописецъ, лѣтопись Норманскаго, Переяславля-Суздальскаго, разрядныя и писцовыя книги, статейныя списки, торговыя и таможенныя книги, мѣстническія дѣла, родословныя, расходныя книги, уставныя грамоты, Литовскіе статуты, экономическія записки Татищева и др.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра II, условія дѣятельности Общества измѣнились къ лучшему. О. М. Бодянскій былъ возвращенъ въ Москву и вновь избранъ въ секретари Общества. Съ 1858 года онъ возобновилъ изданіе «Чтеній общества», съ тѣхъ поръ не прекращавшееся. Съ 1858 года и по сіе время «Чтенія» регулярно выходятъ въ свѣтъ, по 4 огромныхъ книги ежегодно. О. М. Бодянскій редактировалъ ихъ до самой своей смерти въ 1877 году; его преемникомъ, по секретарству и редакторскимъ трудамъ, былъ Андрей Н. Поповъ, правда, въ теченіе непродолжительнаго времени, до 1881 года. Послѣ Попова секретаремъ общества былъ избранъ Е. В. Барсовъ, остающійся имъ и до сего дня. Предсѣдателями Общества послѣдовательно послѣ А. Д. Черткова были графъ Строгановъ (во второй разъ, 1857—1876), М. П. Погодинъ, графъ Д. Н. Толстой-Знаменскій, С. М. Соловьевъ, И. Е. Забѣлинъ. Въ настоящее время предсѣдателемъ Общества состоитъ В. О. Ключевскій.

«Чтенія»—съ 1857 года единственный органъ Общества и главное свидѣтельство о его дѣятельности. По образному выраженію И. Е. Забѣлина, «Чтенія» представляются намъ очень широкой и полноводной рѣкой, въ которую слились и прежніе потоки повремениаго изданія Общества—«Труды», «Историческій сборникъ», «Временникъ». Программа чтеній, дѣйствительно, очень широка и включаетъ всѣ тѣ труды, которые придавали особенную фізіономію и «Историческому сборнику» и «Временнику». Изданію, конечно, строго критическому и научному, старыхъ текстовъ историческаго и историко-литературнаго характера отводится много мѣста; почти всѣ изданія текстовъ снабжаются обстоятельными введеніями. Но, помимо текстовъ, въ «Чтеніяхъ» печатаются изслѣдованія, иногда очень огромныя по размѣру. Назовемъ крупнѣйшія изъ появившихся въ

последнее время: изслѣдованіе о Юріи Крижаничѣ — С. А. Бѣлокурова, Исторія русской церкви — Е. Е. Голубинскаго (2-ое изданіе), работы профессора Истрина объ откровеніи Меодія Патарскаго и объ Александріи, трудъ Богословскаго объ областной реформѣ Петра Великаго, «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» П. А. Кулиша (3 тома), изслѣдованіе В. Жмакина о митрополитѣ Даниилѣ и его сочиненіяхъ и др. Мы выбрали наудачу нѣсколько названій: читатель можетъ видѣть, какъ широка сфера научныхъ интересовъ Общества, не ограничивающагося областью собственно исторіи, но включающаго въ кругъ своихъ занятій и изученія чисто литературныя, не только русскія, но даже, напримѣръ, и грузинскія (труды профессора Хаханова). Важной особенностью «Чтеній» особенно въ періодъ редакціи О. М. Бодянскаго является обиліе изученій славянства. Обширныя связи Бодянскаго съ славянскими учеными дали ему возможность напечатать массу матеріаловъ по славистикѣ и статей Шафарика, Фр. Палацкаго, В. А. Маціевскаго и другихъ.

Когда, наконецъ, исторія съ изданіемъ Флетчера была забыта, и наступила пора, благопріятная для историческихъ изученій, Общество вернулось къ своей старой задачѣ — дать по возможности сводъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ о Россіи, оставленныхъ иностранцами. Въ «Чтеніяхъ» были даны переводы путешествія Марко Поло, Адама Олеарія, Мейерберга, Корнилія де-Бруина, дневника Корба. Въ особую заслугу Обществу нужно поставить изданіе огромнаго труда Павла Алеппскаго, описавшаго путешествіе въ Россіи антіохійскаго патріарха Макарія. Однимъ изъ важнѣйшихъ изданій Общества въ последнее время явились «Записки» Юста Юля и «Дневникъ» генерала Патрика Гордона. Благодаря содѣйствію Общества, немало матеріаловъ для русской исторіи извлечено изъ иностранныхъ архивовъ и напечатано въ «Чтеніяхъ».

Наконецъ, непростительно было бы забыть, что Общество еще до появленія специальныхъ историческихъ журналовъ — «Русскаго Архива» и «Русской Старины», положило начало опубликованію матеріаловъ по новой русской исторіи. Для оцѣнки этой заслуги нужно вспомнить, какія цензурныя преграды стояли передъ изучавшими событія русской исторіи XVIII и XIX вѣка. Впрочемъ, и теперь еще мы не можемъ сказать, что эти преграды исчезли. Въ «Чтеніяхъ» появились недоступные прежде матеріалы о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, Артеміи Волынскомъ, Ѳеофанѣ Пркоповичѣ, Биронѣ, о Брауншвейгской фамилии, Арсеніи Мацѣевичѣ, Новиковѣ, Радищевѣ, Пугачевѣ, княгинѣ Таракановой и другихъ; «Записки» Храповицкаго, Стурдзы, Толя, Шишкова, Ермолова и многіе другія.

Изъ этого очень краткаго перечня работъ, изданныхъ Обществомъ, видно, какую сокровищницу матеріаловъ и изслѣдованій предлагаютъ изслѣдователямъ изданія Общества. Становится оче-

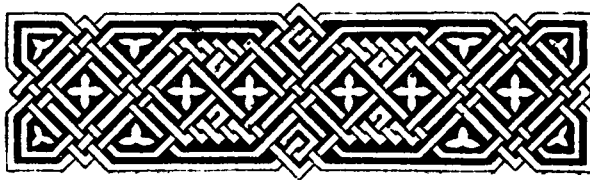
виднымъ то огромное значеніе, которое имѣло и имѣетъ Общество въ исторіи развитія отечественной науки. Общество помѣщаетъ въ своихъ изданіяхъ немало специальныхъ изслѣдованій, которыя ни по своему специальному содержанію, ни по размѣрамъ не могли бы быть приняты ни въ одномъ повременномъ изданіи и, слѣдовательно, безъ содѣйствія Общества, не увидѣли бы свѣта. Приходя на помощь ученымъ, Общество содѣйствуетъ прогрессу науки.

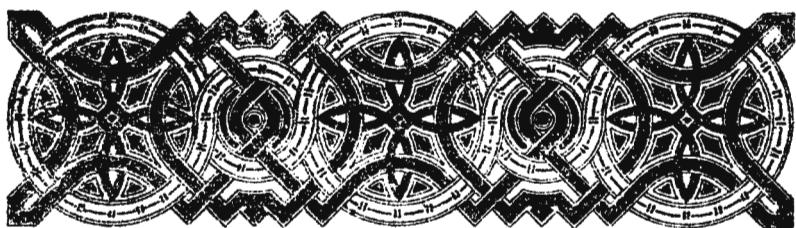
«Общество,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—никогда не руководилось тщеславными притязаніями придумать что либо особенное свое, дотошъ небывалое. Оно заботилось лишь о томъ, чтобы не отставать отъ движенія науки, идти вровень съ возникавшими отъ ея хода новыми запросами и новыми задачами, и всегда съ живымъ намѣреніемъ и усерднымъ желаніемъ стремилось соревновать начинавшемуся гдѣ бы ни было научному предпріятію или предположенной ученой работѣ. Въ началѣ по большей части благія мысли и благія намѣренія оставались только мыслями и мечтами. Но онѣ всегда, такъ сказать, пускали корни въ общее сознаніе дѣятелей общества, и рано или поздно, иногда очень поздно, но все-таки принимались за ростъ и выростали выполняемымъ дѣломъ».

Прошло сто лѣтъ со времени основанія Общества. Матеріальное его существованіе упрочено, программа дѣятельности выработана. Настойчиво и неуклонно трудится оно надъ приведеніемъ въ ясность русской исторіи. Много сдѣлало Общество для развитія русской исторической науки, но время ставитъ все новыя и новыя задачи дѣятелямъ науки, совершенствуются методы изученія и расширяется область знанія. Присоединяя свои привѣтствія къ тѣмъ, которыя будутъ принесены Обществу въ день юбилея 18-го марта, пожелаемъ ему долгой, неустанной и плодотворной работы въ области историческихъ изученій.

П. Е. Павловъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Сорель объ императорахъ Павлѣ и Александрѣ I-мъ. — Бурбоны въ Митавѣ въ 1799 — 1807 годахъ. — Воспоминанія барона Перси о кампаніи 1807 года. — Росточинскъ въ 1812 году. — Изъ Петербурга въ Парижъ въ 1815 году. — Анекдотъ о Гедсоновѣ. — Мифіе Александръ II о Крымской кампаніи. — Тьеръ въ Петербургѣ въ 1870 году. — Еще о Башкирцевой. — Генераль Драгомировъ съ французской точки зрѣнія.

СОРЕЛЬ объ императорахъ Павлѣ и Александрѣ I-мъ. Шестой томъ почтеннаго труда ¹⁾ французскаго академика Сореля посвященъ Люневильскому и Амьенскому трактатамъ, и такъ какъ авторъ не ограничиваетъ своего краснорѣчиваго разсказа одной Франціей, то онъ представляетъ любопытную панораму всѣхъ государствъ въ эпоху отъ 1800 до 1805 года. Поэтому и Россія, въ послѣдніе годы царствованія Павла и первые — Александра, занимаетъ значительное мѣсто въ его трудѣ. Выдающіяся событія за это время и характеристика главныхъ дѣятелей, особенно обоихъ императоровъ, такъ рельефно, справедливо и безпристрастно очерчены, что мы вкратцѣ познакомимъ читателя, насколько возможно, съ этими замѣчательными страницами книги Сореля. Предыдущій томъ авторъ закончилъ итальянскимъ походомъ Суворова и остановился на переходѣ генералиссимуса черезъ Альпы, совершенномъ съ цѣлью окончательнаго разгромленія Французской республики. Относительно швейцарскихъ подвиговъ русскаго фельдмаршала французскій историкъ распро-

¹⁾ L'Europe et la révolution française, par Albert Sorel, sixième partie Paris, 1903.

страняется немного. По его словамъ, Павелъ до того возненавидѣлъ коалицію и особенно австрійцевъ, что отозвалъ Суворова въ Россію и переѣхнулъ свои отношенія къ первому консулу, заявивъ согласіе на примиреніе съ нимъ. «Императоръ,—писалъ англійскій посланникъ Витвортъ, — просто сошелъ съ ума». Какъ только удалились русскіе, то Наполеонъ грянулъ на Австрію и одержалъ побѣду при Маренго, которая привела въ восторгъ Павла. «Наполеонъ понялъ его,—говоритъ Сорель,—и началъ политику высшаго кокетства. Онъ созналъ его слабыя стороны: чрезмѣрное самолюбіе, чрезвычайное тщеславіе и болѣзненное фантастическое самомиѣніе. Наполеонъ сталъ обращаться къ его страсти славы и выражалъ наибольшее уваженіе къ нему, чѣмъ къ другимъ врагамъ Франціи, увѣряя, что онъ безкорыстиѣ всѣхъ. Онъ предложилъ отдать Мальту «en depot» Павлу, что льстило его рыцарскимъ чувствамъ и окончательно поссорило его съ Англійей. Онъ преподнесъ ему мечъ одного изъ мальтійскихъ гротмейстеровъ и предложилъ возвратитъ безъ замѣны, съ военными почестями и русскими мундирами, 6.000 русскихъ плѣнныхъ. Все это такъ понравилось Павлу, что онъ согласился на союзъ съ Франціей и послалъ генерала Спренгпортена, которому Наполеонъ сказалъ: «Вашъ государь и я призваны измѣнить положеніе вселенной». Спренгпортенъ былъ посланъ собственно для принятія русскихъ плѣнныхъ, и Наполеонъ, кромѣ того, отправилъ Павлу очень любезное письмо, прося прислать уполномоченнаго для заключенія мирнаго трактата. Павелъ отвѣчалъ чрезвычайно дружескимъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «Я предлагаю вамъ найти средство прекратить бѣдствія, продолжающіяся въ Европѣ уже одиннадцать лѣтъ. Я не хочу говорить ни о правахъ человѣка, ни о принципахъ различныхъ правительствъ, установленныхъ въ тѣхъ или другихъ государствахъ. Возвратимъ всему свѣту спокойствіе и тишину». вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ въ Парижъ русскій посланникъ Колычевъ, а изъ Митавы былъ удаленъ французскій претендентъ. Въ сущности Колычевъ былъ враждебенъ союзу съ Франціей и неодобрительно относился къ людямъ, управлявшимъ Франціей, такъ что онъ съ самаго начала не вѣрилъ въ успѣхъ переговоровъ съ Талейраномъ. Говорятъ, что, кромѣ официальныхъ несочувственныхъ переговоровъ, велась тайная корреспонденція между Наполеономъ и Павломъ, но до сихъ поръ не найдено ни малѣйшихъ ея слѣдовъ. Единственнымъ основаніемъ этой легенды служитъ извѣстіе, имѣющееся въ бумагахъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ Русскаго историческаго общества», о томъ, что существовали письма Наполеона и Павла, имѣвшія цѣлью привести къ великимъ результатамъ. Но, какъ бы то ни было, открытые или тайные переговоры внезапно прекратились въ мартѣ 1801 года вслѣдствіе неожиданной смерти Павла.

Александръ, вступая на престолъ, долженъ былъ, по увѣренію Сореля, разыграть роль, которую онъ игралъ всю свою жизнь; въ этомъ отношеніи онъ представлялъ необычайнаго артиста. Неимовѣрный фаталистъ, онъ послѣ отчаяннаго горя сталъ радоваться со всѣмъ русскимъ народомъ. Ему было 23 года, и онъ сіялъ красотою, очарованіемъ и величіемъ среди общихъ восторженныхъ криковъ и привѣтствій. Государственный переворотъ въ Россіи глубоко повліялъ на европейскую политику. Англія была въ восторгѣ, узнавъ о восшествіи на престолъ новаго государя, окруженнаго англофилами, и снова была увѣрена, что тѣсная дружба возникнетъ между обѣими странами. Напротивъ, Наполеонъ понялъ, что союзъ Россіи съ Франціей былъ уже невыносимъ. Между Наполеономъ и Александромъ, по словамъ Сореля, началось то соперничество, которое продолжалось до гибели перваго. Александръ принялъ посланнаго Наполеономъ Дюрока съ лицемѣрной любезностью, выразилъ удовольствіе видѣть гражданина знаменитой Французской республики и заявилъ, что готовъ съ открытымъ сердцемъ дѣйствовать заодно съ первымъ консуломъ, ничего не желая для себя, а заботясь только объ европейскомъ мирѣ. Для заключенія трактата съ Франціей теперь былъ посланъ графъ Морковъ, старинный, хитрый дипломатъ Екатерины и создатель раздѣла Польши. Онъ не былъ обворожительнымъ человѣкомъ и самъ не поддавался чарамъ Наполеона. Очень ловкій, удивительно тонкій и вполне способный вести дѣло съ Талейраномъ, онъ былъ настоящимъ императорскимъ посланникомъ въ революціонной Франціи. Онъ велъ себя гордо, держалъ себя съ высокомѣріемъ, говорилъ прекрасно по-французски, но саркастически, и, по словамъ Строганова, онъ былъ «faux comme un jeton». Поэтому неудивительно, что трактатъ былъ заключенъ между Франціей и Россіей такого характера, что при первомъ обстоятельстве могъ быть нарушенъ. Напротивъ съ Англіей состоялся самый дружественный союзъ, и съ королемъ прусскимъ Александръ сошелся, какъ нельзя болѣе сочувственно. 10-го іюня 1802 года они впервые видѣлись въ Мемелѣ. Фридриха-Вильгельма сопровождала молодая королева Луиза, гордость всей Германіи по красотѣ и образованію. Сорель мастерски характеризуетъ, какъ героя и героиню Мемельскаго свиданія, такъ и третье дѣйствующее лицо—прусскаго короля. Относительно королевы онъ распространяется объ ея непреодолимой красотѣ, объ ея «восторженномъ и ангельскомъ кокетствѣ», объ ея чарующей, небесной прелести и о волнующей всѣ сердца ея добродѣтели. «Александръ тогда было двадцать пять лѣтъ,—говоритъ Сорель,—онъ былъ полонъ чувственности, страсти, нѣжности и увлекающихъ капризовъ. Высокаго роста, тонкій, съ ангельскимъ лицомъ, нѣсколько женственнымъ и дѣтскимъ, съ вьющимися напудренными волосами и высо-

кимъ лбомъ, точно уносившимся въ эмпиреи, онъ походилъ на іезуитскаго церковнаго херувима. Его глаза были задернуты облакомъ меланхоліи и печали, а его взглядъ какъ бы утопалъ въ волнахъ смущенія, его жесты были открытые, улыбка обворожительная, точно онъ приглашалъ всѣхъ его любить и получать отъ него счастье. Онъ смѣшивалъ свою славу, свое предназначеніе съ жаждою любви и гуманно соединялъ дипломатію съ влеченіями сердца, а воображеніе съ политикой. Александръ I-й сочеталъ прекрасное качество государя съ женскими слабостями; подозрительный къ людямъ, онъ склонялся скорѣе къ фаворитамъ, чѣмъ къ совѣтникамъ. Въ его головѣ быстро мѣнялись идеи, разсѣивались, исчезали въ ослѣпительномъ блескѣ инстинкта, вкуса, гениа, очарованія». Прусскій король былъ совершенная противоположность этимъ двумъ геройскимъ личностямъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, по опредѣленію Сореля, былъ простакомъ и «колпакомъ», столь ненавистнымъ Наполеону. Александръ завидовалъ послѣднему, питалъ къ нему ревность, а къ Фридриху-Вильгельму непонятное сочувствіе. Они выказывали другъ къ другу дружбу, длившуюся всю жизнь. Александръ свысока снисходилъ къ прусскому королю, послѣдній считалъ его чѣмъ-то неизмѣримо выше себя. Королева всячески старалась очаровать Александра и въ свою очередь подпала подъ его мистическія чары, результатомъ чего былъ вѣчный союзъ Россіи съ Пруссіей. Наконецъ Александръ сошелся и съ Австріей, какъ было при Екатеринѣ. Даже внутреннее положеніе Россіи въ 1803 году совершенно соответствовало заключенію новой коалиціи.

На основаніи только что вышедшаго, почтеннаго труда великаго князя Николая Михайловича: «Князь Павелъ Александровичъ Строгоновъ», Сорель чрезвычайно характеристически очерчиваетъ внутренній строй Россіи ровно сто лѣтъ тому назадъ. «Александръ,—говоритъ Сорель:—съ самаго начала своего царствованія мало-по-малу удалил Палена и его сторонниковъ, попробовавъ управлять государствомъ съ своими друзьями и согласно своимъ мечтамъ. Но его министры были только подставными лицами, а въ сущности пользовался всею властью вмѣстѣ съ императоромъ секретный комитетъ, въ шутку называемый государемъ «*Le comité de salut publique*», и членами комитета были: Адамъ Чарторыжскій, Кочубей, Новосильцевъ и Строгоновъ. Тонкій политикъ, врожденный дипломатъ, Чарторыжскій не вѣдалъ Россіи, мало ее уважалъ, склонялся къ инымъ странамъ, и Польша была вѣчно его руководящей мыслью. Кочубей учился въ Лондонѣ и Женевѣ, имѣлъ прекрасныя европейскія манеры, былъ мягкій челоуѣкъ, практическій въ дѣлахъ, но отличался малыми знаніями. Строгоновъ былъ ученикомъ члена конвента Ромма и провелъ юность въ Парижѣ. Самый способный изъ четверыхъ, Новосильцевъ, долго

прожилъ въ Англіи и вернулся англоманомъ. Завидовавшіе его возвышенію называли Новосильцева «великимъ человекомъ и всеобщимъ гениемъ à toute sauce». Всѣ они были въ душѣ членами учредительнаго собранія, и въ ихъ головѣ принципиально засѣла декларація правъ человека. Они предлагали помочь императору въ великомъ систематическомъ трудѣ, улучшить учрежденія Русской имперіи, обуздать деспотизмъ правительства и создать конституцію въ духѣ народа. Секретный комитетъ имѣлъ засѣданія подъ предсѣдательствомъ императора, составлялъ записки и протоколы; онъ учреждалъ реформы, напримѣръ, уничтожалъ тѣлесныя наказанія для дворянъ и смягчалъ крѣпостное право для низшихъ классовъ; императоръ обѣщалъ болѣе не раздавать человѣческихъ душъ, и даже былъ разговоръ о религіозной терпимости. Кромѣ того, пытались превратить русскій сенатъ, исключительно судебный, въ собраніе, имѣвшее сходство съ стариннымъ парижскимъ парламентомъ, англійской палатой лордовъ и государственнымъ совѣтомъ Бонапарта, но это не удалось. Министры получили опредѣленные назначенія, и между прочимъ созданъ былъ постъ министра народнаго просвѣщенія, что было важной реформой». Противъ этихъ новинокъ возставали старая русская партія, аристократы и духовенство.

По истеченіи двухъ лѣтъ, видя медленность и неуспѣшность своихъ либеральныхъ реформъ, а также свою непопулярность въ большинствѣ высшихъ слоевъ, Александръ рѣшился измѣнить правленіе въ Россіи и вернуться къ Екатерининской самодержавной политикѣ. «Если, — по словамъ Сореля, — ему не удалось возродить Россію, то онъ рѣшилъ сдѣлаться возродителемъ Европы».

9-го ноября 1803 года закрылся негласный комитетъ, и всѣ мысли Александра сосредоточились на европейской коалиціи. Сначала онъ послалъ Новосильцева въ Англію, и послѣ долгихъ переговоровъ заключенъ былъ союзъ 11-го апрѣля 1805 года, и Александръ называлъ этотъ трактатъ камнемъ основанія того зданія, «которое воздвигнуть Россія и Англія для благоденствія всей Европы». Затѣмъ въ томъ же году къ коалиціи примкнула Австрія, а Пруссія принадлежала къ ней уже съ Мемельскаго свиданія. Между тѣмъ Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, тайно готовилъ энергичныя мѣры противъ Англіи и всей коалиціи. Найдя невозможнымъ предпринять морскую экспедицію въ Великобританію и высадить на ея берегахъ обширную армію, онъ рѣшилъ броситься навстрѣчу коалиціи и разомъ ее разбить. Изложеніемъ фактовъ наканунѣ величайшей побѣды Наполеона, 2-го декабря, подъ Аустерлицемъ, оканчивается шестой томъ замѣчательнаго труда Сореля.

— Бурбоны въ Митавѣ отъ 1799 до 1807 года. Въ Парижѣ только что вышли «Воспоминанія барона Гю, старшаго камердинера королей Людовика XVI и Людовика XVIII», и для насъ, рус-

скихъ, всего интереснѣе та глава, которая относится къ пребыванію въ Россіи графа Прованскаго, будущаго Людовика XVIII. ¹⁾ Баронъ Гю вмѣстѣ съ несчастнымъ Людовикомъ XVI содержался до послѣднихъ его дней въ Тамплѣ, а послѣ казни короля отвезъ его дочь, принцессу Марію-Терезу, сначала въ Вѣну, а затѣмъ въ Митаву. Встрѣтившись въ Россіи съ своимъ будущимъ королемъ, который пользовался щедростью Павла, Гю получилъ отъ него назначеніе генеральнаго комиссара королевскаго двора. До начала 1801 года король мирно и спокойно проживалъ въ Митавѣ, но въ эту несчастную для нихъ годину Павелъ, неожиданно измѣнившій свою политику и сдѣлавшійся другомъ Наполеона, удалилъ Бурбоновъ изъ предѣловъ своего государства. Король находился въ Мемелѣ въ самомъ несчастномъ положеніи, и его племянница, Марія-Терезія, вышедшая замужъ за герцога Ангулемскаго, была принуждена продать свои брилліанты, большею частью подаренные ей въ минуту милости Павломъ. Кое-какъ Бурбоны устроились въ Варшавѣ и прожили тамъ четыре года подъ покровительствомъ прусскаго короля. Наконецъ, въ январѣ 1805 г. Александръ позволилъ имъ вернуться обратно въ Митаву, куда послѣдовалъ за ними и Гю. «Возвращаясь въ Россію, — говорилъ Гю, — король принялъ всѣ мѣры, чтобы не возстановить противъ себя государя. Для доказательства, что онъ вполне достоинъ довѣрія императора, его величество поручилъ мнѣ подробно осмотрѣть всѣ ящики и тюки, присланные въ Митаву сухопутьемъ и моремъ, съ цѣлью выбросить всѣ предметы, запрещенные къ привозу въ Россію. Александръ I-й былъ очень доволенъ этимъ распоряженіемъ и чрезвычайно благородно обошелся съ представителями Бурбонскаго дома, дабы они забыли оскорбленія, нанесенныя его отцемъ. Такъ какъ, прибывъ въ Митаву, я вступилъ въ мою прежнюю обязанность комиссара, то изъ моихъ счетовъ видно, что Александръ I-й платилъ королю около 200.000 рублей годовой пенсіи. Однако, несмотря на это, королю было очень трудно довольствоваться этой суммой для покрытія ежемѣсячныхъ расходовъ отъ десяти до двадцати тысячъ рублей. Свита его величества состояла изъ 43-хъ человекъ, какъ господъ, такъ и слугъ. Она ежедневно пользовалась столомъ во дворцѣ. Самъ король вставалъ очень рано и въ 8 часовъ слушалъ обѣдню въ маленькой католической часовнѣ, и къ величайшему его удовольствію ее служилъ аббатъ Эджвортъ, присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ несчастнаго Людовика XVI. По воскресеньямъ король давалъ аудіенціи знатнымъ иностранцамъ, русскимъ вельможамъ и французскимъ эмигрантамъ, оставшимся вѣрными своему королю. Къ сожалѣнію, мемуары Гю относительно вторичнаго пребыванія въ Митавѣ чрезвычайно

¹⁾ Souvenirs du baron Hüe. Paris. 1904.

отрывочны и кратки. Поэтому мы не приводимъ болѣе никакихъ выписокъ изъ этихъ воспоминаній, такъ какъ весною 1807 года Бурбоны снова были принуждены оставить Россію и просить гостепріимства въ Англіи, гдѣ оставались, въ Гартвелѣ, до 1814 года, когда возвратились во Францію вмѣстѣ съ преданнымъ и вѣрнымъ барономъ Гю.

— Воспоминанія барона Перси о кампаніи 1807 года. Военный докторъ Наполеона I-го, баронъ Перси, прозванный отцемъ военной хирургіи, написалъ мемуары о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, и на-дняхъ они выйдутъ въ Парижѣ. Но журналъ «Revue hebdomadaire» заранее помѣстилъ отрывки изъ этой книги. Въ нихъ имѣются воспоминанія о кампаніи 1807 г., именно объ императорѣ Александрѣ и русской арміи во время Тильзитскаго свиданія ¹⁾. «1-го іюля,—говоритъ баронъ Перси:—я надѣлъ мундиръ и отправился на квартиру его величества русскаго императора, котораго засталъ, къ величайшему моему удовольствію, одного съ его братомъ великимъ княземъ Константиномъ. Оба они приняли меня съ особой добротой, и мы долго разговаривали. Императоръ немного глухъ; обыкновенно при его пріемахъ дежурный камергеръ предупреждаетъ, чтобы съ нимъ говорили громко. Къ несчастію, меня объ этомъ не предупредили, и потому я замѣтилъ, что онъ часто нагибался въ мою сторону, стараясь разслушать. Онъ много говорилъ о русскіихъ плѣнныхъ солдатахъ и желалъ узнать, сколько ихъ было захвачено въ Фриландской битвѣ. Вопросъ былъ очень щекотливый, но я вышелъ изъ затрудненія, сказавъ, что когда двѣ храбрыя арміи сойдутся на полѣ битвѣ, то по необходимости течетъ много крови. Онъ боялся, что у насъ не хватитъ средствъ оказать имъ помощь, а я пытался успокоить его на этотъ счетъ. Потомъ мы бесѣдовали о перевязочныхъ средствахъ въ его арміи: я хвалилъ ихъ, и дѣйствительно они лучше нашихъ. Я полагалъ, что ихъ хирургическіе инструменты—англійскіе, но государь меня разубѣдилъ, говоря, что у него въ Петербургѣ дѣлаютъ инструменты не хуже, чѣмъ въ Лондонѣ. Въ разговоръ часто вмѣшивался великій князь Константинъ, который отличался живостью и порывистостью, мнѣ онъ показался очень добрымъ и пылкимъ. Государь простился очень милостиво и выразилъ удовольствіе, что познакомился со мною. На другой день я встрѣтилъ императора Александра и Наполеона верхомъ; они ѣхали на кавалерійскій смотръ. Первый чрезвычайно граціозно мнѣ поклонился и громко сказалъ: «А, это баронъ Перси». Нашъ императоръ снисходительно улыбнулся и что-то сказалъ обо мнѣ, чего я не слыхалъ». О русской арміи баронъ Перси говоритъ очень сочувственно; особенно его заинтересовали

¹⁾ Le journal du baron Percy. La Revue hebdomadaire. 5—12 Décembre 1903, 2 Janvier 1904.

калмыки и башкиры, которымъ онъ посвящаетъ цѣлую главу. Его сопровождали въ ихъ лагерь нѣсколько русскихъ офицеровъ, которые любезно объясняли французу всѣ непонятныя для него подробности. Всего болѣе его поразило необыкновенное сходство между собою калмыковъ. «Они точно всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты, вылупились изъ одного яйца,—замѣчаетъ Перси:—одинъ изъ нихъ, восемнадцатилѣтній юноша, бросился на насъ, громко крикнувъ: «ура, французы!». Несмотря на эту шутку, они вообще народъ невеселый. Башкиры, очень похожіе, по словамъ Перси, на китайцевъ и японцевъ, напротивъ старались позабавить французовъ пѣснями и танцами. Солдаты съ позволенія офицеровъ продавали имъ свое оружіе. Рядомъ съ башкирами стояли лагеремъ казаки, которые особенно понравились барону Перси своею статностью и военной осанкой.

— Ростопчинъ въ 1812-мъ году. Вѣроятно, читателямъ еще памятенъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1902 годъ о статьѣ графа Сегюра, надѣлавшей много шума въ исторической литературѣ, благодаря возобновленному въ ней вопросу о томъ, кто сжегъ Москву въ 1812-мъ году. Авторъ, внукъ графа Ростопчина, воспользовался письмами своего дѣда къ императору Александру отъ 7-го мая 1812 года до 2-го декабря того же года, которыя впервые обнародованы имъ. Эта переписка, хранившаяся въ петербургскихъ архивахъ, теперь напечатана въ четырехъ нумерахъ французскаго журнала «Carnet» ¹⁾, и если главные отрывки изъ нея уже упомянуты въ статьѣ Сегюра, то все-таки въ ней находятся новыя неизвѣстныя подробности. Назначенный на важный и отвѣтственный постъ генералъ-губернатора Москвы, Ростопчинъ съ самаго начала въ своихъ письмахъ къ императору Александру выражалъ увѣренность относительно конечнаго торжества Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. Въ письмѣ отъ 11-го іюня онъ говоритъ: «Я не боюсь военной неудачи: вапа имперія имѣетъ двухъ защитниковъ—пространство и климатъ. Шестнадцать милліоновъ людей одной религіи и одного языка—оплотъ Россіи; кровь, пролитая солдатами, породитъ героевъ, и если несчастныя обстоятельства, въ виду побѣдоноснаго врага, заставятъ русскаго императора отступить, то онъ будетъ могущественъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани и непреоборимъ въ Тобольскѣ». Но, несмотря на эту идею, высказанную Ростопчинымъ, онъ всего болѣе боялся для Россіи не французовъ, а внутреннихъ враговъ. Во всѣхъ его письмахъ къ Александру онъ безъ устали повторяетъ, что мартинисты были самыми могучими врагами, хотя онъ прямо нигдѣ не высказывался о покровительствѣ имъ императора, но, очевидно, разумѣлъ, что въ этомъ заклю-

¹⁾ Lettres inédites à l'empereur Alexandre, par le comte Rostopchine. Le Carnet, 1903, Février, Mars, Septembre et Octobre.

чалась главная опасность. Также точно онъ возставалъ противъ Сперанскаго, котораго, по его словамъ, вся Россія считаетъ за измѣнника. «Я не скрою отъ васъ, государь,—писалъ онъ,—что Сперанскій очень опасенъ. Находясь въ Нижнемъ, онъ близко сошелся съ архіепископомъ Моисеемъ, великимъ поклонникомъ Наполеона и противникомъ дѣятельности вашего величества. Сперанскій, благодаря своей популярности, своему лицемѣрью и напущенной на себя набожности, сдѣлался любимцемъ въ Нижнемъ; онъ сумѣлъ убѣдить всѣхъ, что онъ—жертва своей любви къ народу, котораго онъ хотѣлъ освободить, и что вы преслѣдуете его въ угоду министрамъ и дворянамъ». Но всѣ его жалобы и доносы на Сперанскаго и мартинистовъ были оставлены императоромъ безъ всякаго вниманія. Если Ростопчинъ не могъ предпринимать какія либо кары противъ Сперанскаго, находившагося не подъ его юрисдикціей, то противъ мартинистовъ онъ дѣйствовалъ самопроизвольно. Такъ главу ихъ Поздѣва, пріѣхавшаго на двѣ недѣли въ Москву, и всѣхъ его сектантовъ Ростопчинъ удалилъ изъ столицы и написалъ ему, чтобы онъ болѣе не возвращался. Точно также онъ поступилъ съ другимъ мартинистомъ—Ключаревымъ, отправивъ его въ Воронежъ. «Вообще мартинисты,—писалъ онъ,—распространяютъ враждебныя вамъ слухи. Особенно они увѣряютъ, что смерть императора Павла навлекла на Россію небесный гнѣвъ. Самые опасныя мартинисты: Лопухинъ, Ключаревъ и Лубяновскій. Они стремятся къ несчастію Россіи и хотятъ поступить съ вами, какъ мартинисты поступали съ Людовикомъ XVI. Время покажетъ, что эта отвратительная секта воспользовалась вашей милостью на зло вамъ. Кромѣ мартинистовъ, профессора и студенты университета—ужасныя якобинцы, къ которымъ принадлежатъ Чеботаревъ и Дружининъ. Если ваша армія потерпитъ неудачу, и полиція будетъ поставлена втупикъ отъ проповѣди возстанія этихъ людей, то я прикажу арестовать нѣкоторыхъ изъ нихъ». Что касается до военачальниковъ, то Ростопчинъ отзывался почти о всѣхъ очень рѣзко. До Бородинскаго сраженія и оставленія Москвы, онъ повторялъ московскія похвалы Кутузову, а впоследствии бранилъ его старой бабой и безтолковой соней. Еще болѣе осуждалъ онъ Барклая и Баграціона, а Бенингсена считалъ величайшимъ интриганомъ, добивавшимся званія главнокомандующаго. «Онъ въ большой дружбѣ съ Панинымъ, который пріѣзжалъ сюда,—писалъ Ростопчинъ:—и вмѣстѣ съ Зубовымъ, находившимся въ Петербургѣ, не можетъ простить вамъ, что вы не предоставили этимъ тремъ лицамъ управлять собою и государствомъ». Одною Витгенштейна Ростопчинъ ставилъ высоко и увѣрялъ, что первый пойдетъ далеко и «станетъ наравнѣ съ Суворовымъ и Румянцевымъ, тогда какъ Кутузовъ уже превзошелъ Каліостро и Пинетти». Не только о военныхъ, но и статскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, окружающихъ государя,

онъ отзывается самымъ неелстнымъ образомъ, напримѣръ, о министрѣ финансовъ Гурьевѣ, который, по его словамъ «наживается на подрядахъ съ своими жидами—Перетцемъ и Штиглицемъ». Относительно пожара Москвы нигдѣ прямо не упоминается объ участи въ немъ Ростопчина, но только въ послѣднемъ письмѣ онъ говоритъ, что спасъ Русскую имперію, не указывая, какимъ образомъ.

— Изъ Петербурга въ Парижъ въ 1815 году. Джонъ Квинси Адамсъ, бывший шестымъ президентомъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, провелъ пять лѣтъ въ Петербургѣ отъ 1809 по 1814 годъ, въ качествѣ американскаго посланника. Какъ ему, такъ и его женѣ, урожденной миссъ Джонсонъ, не очень понравилась Россія, и они съ удовольствіемъ покинули ее — сначала мужъ, назначенный комиссаромъ для заключенія мира съ Англіей, а потомъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и жена. Адамсъ покончилъ данное ему порученіе въ концѣ года, но не вернулся въ Петербургъ, а выписалъ жену въ Парижъ. Это путешествіе, полное приключеній, она описала для своихъ родственниковъ, и теперь ея внукъ, Бруксъ Адамсъ, напечаталъ его въ октябрьскомъ номерѣ «Scribner's Magazine»¹⁾. «12-го февраля памятнаго 1815 года, въ 5 часовъ утра, — начинаетъ мистриссъ Адамсъ свой разсказъ:— я простилась съ великолѣпнымъ городомъ Петербургомъ, который, однако, оставилъ во мнѣ холодное, ледяное впечатлѣніе, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ немъ. Обласканная только императорской фамиліей, я разсталась безъ сожалѣнія съ бездушнымъ обществомъ, въ которомъ чувствовала себя чужой. Меня сопровождали семилѣтній сынъ Чарльзъ, его французенка няня, которую я наняла въ Петербургѣ, и два лакея — одинъ англичанинъ, а другой французъ, изъ плѣнныхъ Наполеоновскихъ солдатъ. Погода была очень холодная, и я ѣхала въ возкѣ, а лакеи въ кибиткѣ. Все устроено было для меня правительствомъ какъ относительно паспорта, такъ и относительно всѣхъ подробностей путешествія. Министръ внутреннихъ дѣлъ далъ мнѣ курьера для сопровожденія по Россіи, за чтѣмъ я была ему очень благодарна, такъ какъ вслѣдствіе этого первая часть моего пути была успѣшная и спокойная. Прежде чѣмъ описывать мои странствованія, оказавшіяся во второй части путешествія очень тревожными и опасными, я должна вспомнить непріятное предсказаніе, сдѣланное мнѣ въ Петербургѣ наканунѣ моего отъѣзда. Я поѣхала вечеромъ пить чай и проститься съ графиней Коломби, дочерью баронессы Бодэ, прелестной женщиной, съ которой я была очень дружна. По несчастью, къ ней пріѣхала гостить на три дня графиня Апраксина, толстая, грубая, болтливая женщина, любившая свѣтскіе скандалы и гаданія на картахъ, — очень

¹⁾ Mrs John Quincy Adams's narrative of journey, from St-Petersbourg to Paris in February 1815. «Scribner's Magazine», October 1903.

модное препровожденіе времени въ Россіи. Послѣ чая она взяла карты и настаивала, чтобы я позволила ей погадать на даму, представлявшую меня. Хотя я прежде никогда не видала этой женщины и даже не слыхала ея имени, — и согласилась, и она начала гадать. Сначала она съ упрекомъ сказала, что я съ удовольствіемъ уѣзжаю изъ Петербурга, а потомъ стала предсказывать, что я скоро встрѣчу старыхъ хорошихъ знакомыхъ. На половинѣ дороги я буду очень испугана важной политической переменой, которая надѣлаетъ ужасный переполохъ во всей Европѣ и причинитъ мнѣ много безпокойства въ пути, но въ концѣ концовъ я счастливо соединюсь съ мужемъ. Я разсмѣялась, поблагодарила и сказала, что не боюсь никакихъ опасностей въ дорогѣ, тѣмъ болѣе, что время было мирное. Это, однако, не мѣшало намъ всеѣмъ прийти въ восторгъ отъ ея умѣлаго гаданья, хотя прямо недѣлаго. Когда мы прощались, то графиня Апраксина просила меня не забыть ея предсказаній. На это я отвѣчала, что, конечно, они будутъ вѣчно у меня въ памяти. Я упоминаю объ этомъ гаданіи, потому что обстоятельства заставили меня ежедневно вспоминать о послѣдней половинѣ моего путешествія». Вотъ все, что говоритъ о Петербургѣ американская посланница. Ея путешествіе по Россіи обошлось благополучно. Въ Нарвѣ, гдѣ она остановилась, чтобы отдохнуть, начальникъ города посѣтилъ ее и пригласилъ въ свой домъ, но она отказалась, чтобы не откладывать отъѣзда, и на другой день продолжала путь въ Ригу. Въ этомъ городѣ она должна была провести дней пять, чтобы возокъ поставить на колеса, такъ какъ наступила оттепель. Губернаторъ пригласилъ ее остановиться у него, но она отказалась и отъ этого, принявъ лишь приглашеніе на обѣдъ. Въ Митавѣ графиня Менгденъ, которую посланница видала въ Петербургѣ, окружила ее всевозможными любезностями и просила также, чтобы она провела у нея нѣсколько дней. Но и это предложеніе было отвергнуто. На другое утро путешественница отправилась дальше, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города у нея сломался экипажъ, и пришлось чинить его въ деревенской кузницѣ. Въ первомъ нѣмецкомъ городѣ Кюстринѣ посланница была очень удивлена, что всѣ жители расхваливали Наполеона и его солдатъ, а напротивъ о казакахъ говорили съ ужасомъ. Наконецъ она добралась до Берлина, гдѣ увидѣлась съ прежними своими друзьями, которые очень были привѣтливы съ нею во время ея пребыванія съ мужемъ, жившимъ тамъ въ качествѣ представителя Американскихъ Штатовъ. Особенно любезны были съ нею графиня Полина Ниль, графъ Фердинандъ Радзивиллъ съ женою, графъ Нарбонъ съ принцессой Луизой и проч. «О моемъ пребываніи въ Берлинѣ, — говоритъ мистриссъ Адамсъ, — я могла написать цѣлую книгу, настолько хорошо приняли меня мои пріятели. Вообще симпатичность берлинцевъ возбудила во мнѣ живое сожалѣніе въ сравненіи съ

безсердечностью русскихъ». До Франкфурта на Майнѣ посланница доѣхала совершенно спокойно, но затѣмъ начались тревоженія и безпокойства. Прежде всего она узнала о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы и невольно вспомнила предсказанія графини Апраксиной. Очень непріятное впечатлѣніе произвело на нее зрѣлище Ганаускаго поля битвы, покрытаго человѣческими костями и различными остатками мундировъ, киверовъ и т. д. Въ Франкфуртѣ была такая паника при извѣстіи о возвращеніи Наполеона, что слуги посланницы не захотѣли ѣхать дальше. Мѣстный банкиръ совѣтовалъ ей остаться нѣсколько дней во Франкфуртѣ и совершенно перемѣнить маршрутъ, такъ какъ впереди ее ожидали непріятности отъ собравшихся со всѣхъ сторонъ войскъ. Онъ нашелъ для нея прусскаго лакея, четырнадцатилѣтняго мальчика, оказавшагося полезной помощью. Относительно же перемѣны маршрута мистриссъ Адамсъ отказалась и на другой день выѣхала въ Карлеруэ, гдѣ, къ сожалѣнію, не застала принцессы Алисы Баденской, которая наканунѣ уѣхала въ Баденъ съ своей сестрой, русской императрицей. Оттуда мистриссъ Адамсъ прямо отправилась въ Страсбургъ, который застала въ большой тревогѣ, благодаря возвращенію Наполеона. Дальнѣйшій путь по Франціи до Парижа былъ очень тревожный и опасный. Встрѣчавшіяся французскія войска, спѣшившія навстрѣчу къ императору, обходились съ посланницей очень грубо; они останавливали ея экипажъ и кричали: «Ее надо убить, это русская!» По счастью, ее спасъ какой-то генераль, который объяснилъ, что она — американка. Тогда солдаты подняли крикъ: «Vivent les americains!» Вмѣстѣ съ тѣмъ они заставляли ее кричать: «Vive Napoléon!» Затѣмъ она была отпущена. Генераль совѣтовалъ ей не рисковать болѣе встрѣчей съ солдатами и добраться до Парижа окольнымъ путемъ. Но мистриссъ Адамсъ захотѣлось поскорѣе освободиться отъ всѣхъ этихъ напастей и добраться до мужа, а потому она продолжала свой путь, и наконецъ послѣ многихъ тревоженій и непріятностей достигла Парижа, гдѣ, измученная и видѣ себя отъ радости, упала въ объятія мужа, ожидавшаго ее въ Hôtel du Nord, въ улицѣ Ришелье.

— Анекдотъ о Гедеоновѣ. Во второмъ томѣ «Воспоминаній Левенштерна», переведенномъ съ большими пропусками въ «Русской Старинѣ», находится любопытный и забавный анекдотъ о Гедеоновѣ, директорѣ императорскихъ театровъ при Николаѣ I. Левенштернъ былъ двоюроднымъ братомъ Гедеонова и въ продолженіе пяти лѣтъ пользовался почти ежедневно его ложей въ Большомъ театрѣ. Онъ отличался необыкновенной вспыльчивостью, и поэтому между ними произошла исторія, причиной которой была знаменитая танцовщица Тальони. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ обстоятельстве самъ Левенштернъ: «Я очень восторгался Тальони и однажды послѣ обѣда у графа Воронцова сказалъ, что съ удовольствіемъ

увидѣлъ бы ее пятьдесятъ разъ, тогда какъ другія танцовщицы надобѣли бы на десятомъ представленіи. Услышавъ эти слова, Гедеоновъ воскликнулъ: «Вы готовы ее смотрѣть пятьдесятъ разъ, потому что даромъ пользуетесь моей ложей». Я взбѣсился и просилъ Гедеонова выйти въ другую комнату для объясненія. Гедеоновъ пошелъ впередъ, но едва онъ приблизился къ двери, какъ я лягнулъ его изо всей силы въ нижнюю часть спины, сказавъ: «Вотъ объясненіе, которое я даю подлецу». Графъ Воронцовъ подошелъ къ обоимъ родственникамъ и старался ихъ успокоить: «Господа, вы забываете, что здѣсь моя жена, и вы находитесь въ моей гостиной. Ради Бога успокойтесь». Я извинился предъ Воронцовымъ, уѣхалъ домой и написалъ Гедеонову, что на другой день до трехъ часовъ ожидаю посланныхъ отъ него. Дѣйствительно ко мнѣ явился въ назначенное время Обрѣзковъ, мой зять и родственникъ Гедеонова. «Что дѣлать?» — спросилъ онъ. — «Вамъ говорить, — отвѣчалъ я: — я назвалъ его, какъ онъ заслуживалъ, и готовъ дать ему удовлетвореніе». — «Онъ не хочетъ драться». — «Тѣмъ хуже для него, — воскликнулъ я: — если онъ не считаетъ необходимымъ пустить кровь для облегченія полученной имъ контузіи». Съ этимъ отвѣтомъ Обрѣзковъ вернулся къ Гедеонову, который поручилъ ему извиниться предо мною въ случившейся неприяности. Когда Обрѣзковъ передалъ данное ему порученіе, то я отвѣтилъ: «Если Гедеоновъ признаетъ себя виновнымъ въ этой скандальной исторіи и передаетъ черезъ васъ свои извиненія, то я только сожалѣю о случившейся для него неприяности. Хорошо, я согласенъ покончить дѣло». Въ обществѣ много говорили объ этой исторіи, и къ моему большому удивленію Гедеоновъ написалъ мнѣ, прося меня бывать въ его ложѣ попрежнему, но, конечно, я не бывалъ тамъ. Эпизодъ этой исторіи разыгрался во время слѣдующаго маскарада въ Большомъ театрѣ. Къ Гедеонову подошла одна маска и спросила по-нѣмецки: «Правда ли, что ты получилъ новую звѣзду?» На удивленіе Гедеонова она прибавила: «Ну, да, конечно, Levenstern!» Другая маска крикнула ему: «Зашей себѣ полы фрака, это будетъ осторожнѣе». Третья же посовѣтовала ему: «Смотри, не садись, тебѣ будетъ больно, вѣдь больное мѣсто еще не зажило»¹⁾.

— Мнѣніе Александра II о Крымской кампаніи. «Я былъ въ 1865 году, — рассказываетъ маршалъ Канроберъ въ своихъ мемуарахъ²⁾, — начальникомъ военнаго округа въ Ліонѣ. Въ это время русскій наслѣдникъ Николай Александровичъ умиралъ въ Ниццѣ, и Александръ II съ императрицей, проѣздомъ къ нему, остановился въ Ліонѣ на нѣсколько часовъ. Я представился ему и былъ

¹⁾ Memoires du baron de Levenstern. Tome II. Paris. 1903.

²⁾ Le maréchal Canrobert, par Germain. Vapst. Paris. 1902.

принять очень любезно. Разговаривая со мною, государь коснулся Крымской кампаніи и сказалъ: «Мы напрасно такъ ожесточенно защищали Севастополь: если бы вы взяли его съ самаго начала войны, что было очень легко, то этотъ успѣхъ не имѣлъ бы существеннаго результата. Имперія сохранила бы неприкосновенными все свое могущество и средства защиты. Что бы вы сдѣлали, взявъ Севастополь? Нашли ли бы вы другой уязвимый пунктъ? Я не думаю. Собравъ всѣ свои силы въ Севастополѣ, мы сдѣлали изъ него твердыню имперіи, а такъ какъ эта крѣпость находилась на краю Россіи, то мы очутились въ положеніи 1812 года, только наоборотъ. вмѣсто того, чтобы имѣть, по примѣру Наполеона I, свой базисъ на длинномъ разстояніи, вы пользовались, благодаря вашимъ кораблямъ, всѣми военными средствами подъ рукою. Напротивъ намъ надлежало терять три мѣсяца на полученіе подкрѣпленія арміи изъ Россіи; доставленіе продовольственныхъ запасовъ было еще труднѣе, такъ какъ у насъ не было дорогъ, и перевозить продовольствіе приходилось то по снѣгу, то по непроходимой грязи. Такимъ образомъ большая часть всего, что отправлялось изъ арсенала, пропадало по дорогѣ. Теперь съ желѣзными дорогами было бы совершенно иное. Въ концѣ концовъ вы сдѣлали ошибку, не взявъ Севастополя послѣ Альмы, а мы по несчастію слишкомъ энергично защищали Севастополь. Если бы вы были разумнѣе, а мы менѣе энергичны, то побѣда была бы за нами. Часто случается, что дѣло оборачивается противъ здраваго смысла и разума».

— Тьеръ въ Петербургѣ въ 1870 году. Сестра Тьера, госпожа Донъ, собрала въ одинъ большой томъ замѣчанія и воспоминанія ¹⁾ перваго президента третьей Французской республики за время 1870 — 1873 годовъ. Въ немъ заключается много любопытныхъ свѣдѣній и документовъ, среди которыхъ находится, между прочимъ, описаніе дипломатическаго посѣщенія Тьеромъ главныхъ европейскихъ державъ, съ цѣлью переманить ихъ на сторону французовъ во время войны съ пруссаками. Всего интереснѣе пребываніе Тьера въ Петербургѣ. Горчаковъ такъ же, какъ Бейстъ въ Вѣнѣ, напомнилъ Тьеру о бездѣйствіи Франціи во время нападенія Пруссіи на неприкосновенность германской конфедераціи. Однако въ Россіи Тьеръ чувствовалъ подъ собою болѣе твердую почву, чѣмъ въ Австріи, и встрѣтилъ гораздо глубже и живѣе симпатію. Поэтому онъ предложилъ Россіи вмѣшательство въ дѣла и даже союзъ съ Франціей. Въ обоихъ отношеніяхъ Горчаковъ откровенно отказалъ. Представивъ уполномоченнаго Франціи императору Александру II, Горчаковъ отретировался на второй планъ. Тьеръ произнесъ трогательную рѣчь и изложилъ государю, какимъ опасностямъ Германія будетъ подвергать Россію относительно

¹⁾ «Notes et souvenirs de M. Tiers». Paris. 1903.

Балтійскихъ провинцій, если ей удастся присоединить Эльзасъ. Въ концѣ концовъ онъ предлагалъ Россіи наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей. Александръ II отвѣчалъ серьезно: «Я знаю, господинъ Тьеръ, какъ важно для Европы и особенно для моего государства созданіе такой имперіи, какъ вы объясняете. Я очень желалъ бы заключить союзъ съ Франціей, но союзъ мирный, а не воинственный и наступательный. (Эти слова императоръ произнесъ съ особымъ удареніемъ). Укажите мнѣ средство вамъ помочь, и я съ удовольствіемъ воспользуюсь имъ. Я уже горячо вмѣшался въ это дѣло прежде, чѣмъ вы этого просили, и подалъ голосъ въ пользу мира. Я сдѣлаю это еще разъ, но я не могу довести дѣло до угрозъ, которыя причинили бы войну, такъ какъ прежде всего я обязанъ думать объ интересахъ своей страны. Я убѣжденъ такъ же, какъ вы, въ необходимости возможнаго для Франціи мира, который ратификовала бы вся Европа. Я это уже сказалъ и еще скажу, однимъ словомъ, я сдѣлаю все, что только возможно, но не просите меня вмѣшаться въ войну». Разочарованный словами русскаго императора, Тьеръ снова обратился къ Горчакову, надѣясь хотя чего нибудь добиться отъ него. Но Горчаковъ только совѣтовалъ ему, какъ можно, скорѣе заключить миръ, такъ какъ въ то время еще существовала возможность ограничиться уступкой одного Эльзаса и спасти Лотарингію. «Чѣмъ болѣе вы будете упорствовать, — прибавилъ канцлеръ: — тѣмъ болѣе вы увеличите свою потерю». Въ концѣ концовъ Тьеръ уѣхалъ изъ Россіи, добившись лишь согласія Горчакова выхлопотать ему свободный пропускъ въ германскую армію для мирныхъ переговоровъ.

— Еще о Башкирцевой. Недавно мы познакомили читателей со статьей о Маріи Башкирцевой князя В. Карагеоргиевича. Его разоблаченія надѣлали много шума, и теперь онъ помѣстилъ во второмъ январскомъ номерѣ «La Revue» новый очеркъ ¹⁾ о томъ же предметѣ. Онъ задался цѣлью оправдаться въ томъ, что не имѣлъ ни малѣйшаго желанія умалить значеніе Маріи Башкирцевой, а напротивъ стремился очистить ея память отъ многочисленныхъ легендъ и выставить ее въ настоящемъ свѣтѣ. По его словамъ, «она отличалась рѣдкимъ, возвышеннымъ умомъ и была во всѣхъ отношеніяхъ необыкновеннымъ существомъ, а не просто любопытнымъ феноменомъ. Многіе біографы, писавшіе о Маріи, не зная ея лично, представляли ее сверхъестественной диковиной и какою-то безпокойною эгоисткой, далеко не похожею на настоящую Башкирцеву, талантливую, умную, добрую и хорошую дѣвушку. Такимъ образомъ, изъ нея сдѣлали эксцентричную, банальную, современную барышню, капризную, постоянно въ движеніи, мистическую и неестествен-

---

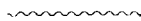
¹⁾ La mort de Marie Bachkirtzeff, par prince V. Karageorgevitch. «La Revue», 13 Janvier 1904.

ную комедіантку. Кто смеетъ съ ея лица прикрывающей толстый слой румянъ и бѣлилъ, тотъ заслужитъ большую благодарность отъ всѣхъ знавшихъ ее и возвратитъ имъ прелестную откровенную молодую дѣвушку». Далѣе Карагеоргіевичъ распространяется о талантахъ и граціи Башкирцевой. Въ противоположность онъ представляетъ, какъ біографы, даже въ описаніи ея послѣднихъ минутъ, старались осыпать ее банальными подробностями. Если же она дѣйствительно и заботилась о своемъ похоронномъ платьѣ, то лишь потому, что смѣло смотрѣла смерти въ лицо и хотѣла даже мертвой сохранить свою красоту. «За нѣсколько дней до ея смерти, — пишетъ Карагеоргіевичъ: — у нея сдѣлалось за завтракомъ страшное кровотеченіе горломъ, и, такъ какъ она не имѣла силъ вернуться въ свою комнату, ее положили въ гостиной на кровати, гдѣ она оставалась до послѣдней минуты. Ужасный кашель раздиралъ ея грудь, и ее мучила сильная лихорадка. Только ея своеобразная улыбка вызывала на лѣвой щекѣ ямочку. Это была не прежняя Марія, вѣчно занятая проектами о новыхъ картинахъ или воспоминаніями о Неаполѣ, Римѣ и Ниццѣ. Во время ея предыдущихъ болѣзней, Марія безпрестанно говорила, какъ она встанетъ на другой день и будетъ продолжать свои работы. Теперь же по цѣлымъ днямъ больная молчала, устремивъ взглядъ въ пространство. Она ничѣмъ не интересовалась и очевидно быстро ослабѣвала. 30-го октября ей было очень худо; дыханье ослабѣло, а пульсъ былъ едва ощущаемъ. Вечеромъ пришелъ докторъ Лимбо и, замѣтивъ близкій конецъ, остался на ночь. Въ 11 часовъ Марія, которой я читалъ «Le Lys de la vallée», незамѣтно заснула. На ея похудѣлыхъ щекахъ появился румянецъ; она спала очень тихо и дышала ровно, безъ свиста. Въ 4 часа утра послышался звонъ колоколовъ въ соборной церкви, и любимая собачка Маріи, Коко, неожиданно начала выть. Больная приподнялась и, какъ дѣти, просыпаясь, нѣжно вздохнула. Двѣ крупныя слезы покатались по щекамъ, и ея голова въ послѣдній разъ опустилась на подушку». Такъ просто, но трогательно описываетъ Карагеоргіевичъ смерть Башкирцевой. На другой день ее положили въ бѣлый гробъ, подбитый бѣлымъ атласомъ. На ней было, по ея желанію, бѣлое платье, а Эмиль Бастъень-Лепажъ принесъ изъ мастерской палитру Маріи и скрестилъ на ней ея руки. Ничего банальнаго, искусственнаго не было въ Маріи Башкирцевой, въ ея смерти или въ томъ, что сопровождало ея скромныя похороны.

— Генераль Драгомировъ съ французской точки зрѣнія. По случаю увольненія генерала Драгомирова отъ дѣйствительной военной службы и назначенія его членомъ государственнаго совѣта иностранные журналы и газеты помѣстили многочисленныя статьи объ этомъ замѣчательномъ военномъ дѣятелѣ. Самая любопытная изъ нихъ помѣщена въ «Journal de Débats» и принадлежитъ перу

извѣстнаго военнаго французскаго хроникера Шарля Мало. По его словамъ, Драгомировъ самый популярный и способный изъ современныхъ русскихъ генераловъ, и пользуется во всемъ свѣтѣ величайшей военной славой. Генераль Драгомировъ не только оказалъ на практикѣ большія военныя услуги, но главное содѣйствовалъ преобразованію русской арміи. Со времени Суворова Драгомировъ былъ величайшимъ военнымъ воспитателемъ. Суворовъ былъ его кумиромъ, и, по мнѣнію Мало, Драгомировъ — его достойнѣйшій ученикъ. Еще молодымъ офицеромъ, онъ былъ, по примѣру своего учителя, врагомъ теоретическихъ системъ и настаивалъ на томъ, что въ солдатѣ и офицерѣ главное—человѣкъ. Такъ же точно, какъ Суворовъ, онъ отдаетъ преимущество холодному оружію предъ «пулей-дурой». Онъ защищаетъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ такъ же, какъ на практикѣ во время восточной войны, теорію, что штыкъ—молодецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не пренебрегая ружьемъ, онъ настаивалъ на томъ, что главное надо хорошо стрѣлять — и изобрѣлъ систему обстрѣливанія. Она состояла въ томъ, что одинъ солдатъ становился мишенью, а другой обстрѣливалъ его со всѣхъ сторонъ. По словамъ Мало, конечно, первымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи становился самъ генераль. «Подобными доказательствами своего знанія психологіи солдата,—говоритъ Мало,—Драгомировъ приобрѣлъ себѣ особое мѣсто въ русской арміи, и всѣми, какъ офицерами, такъ и солдатами, онъ считается учителемъ военной педагогіи». Какъ профессоръ и директоръ военной академіи, такъ бригадный, дивизионный и корпусный командиръ, онъ одинаково, на словахъ и на дѣлѣ, придерживался своихъ Суворовскихъ принциповъ, проповѣдуя ихъ съ одинаковымъ умѣніемъ и въ замѣчательныхъ своихъ сочиненіяхъ. Въ числѣ поговорокъ Драгомирова, напоминавшихъ Суворова, одна особенно замѣчательна, какъ постоянный совѣтъ солдату: «Погибни самъ, но спаси товарища». Принципы и идеи великаго военнаго педагога распространяются не только по всей русской арміи, но, по словамъ Мало, имъ слѣдуютъ въ Австро-Венгріи эрцъ-герцогъ Іоганнъ-Сальваторъ и во Франціи генераль Кардо. Даже нѣмцы подражаютъ его системѣ, хотя скрываютъ ее подъ другими названіями. «Можно смѣло сказать,—оканчиваетъ свою статью Мало,—что генераль Драгомировъ совершилъ великое дѣло, которое не погибнетъ въ будущемъ такъ же, какъ и его имя. Пусть онъ будетъ еще долго жить и наслаждаться зрѣлищемъ, что возстановленная имъ вѣра въ великіе нравственные принципы въ военномъ дѣлѣ выше всего».

В. А. Тимирязевъ.

АМЕРИКАНСКІЯ ТРУЩОБЫ.

(Соціологическо-описательный очеркъ).

АМЕРИКАНСКІЯ трущобы! Кто возьмется, кто сможет надлежащимъ образомъ описать этотъ міръ, столь многочисленный, столь необычайный, столь сложный, этотъ необъятный океанъ, въ которомъ тонетъ вся голь и нищета Стараго Свѣта, въ которомъ растворяются всѣ расы и народности, всѣ религіи и вѣроисповѣданія, всѣ языки и нарѣчія всего земного шара? Эрудиція Спенсера, блестящій анализъ Ламброзо, вдумчивая проникательность Гейне, широкое, отзывчивое, всеобъемлющее сердце Некрасова, несравненный талантъ Диккенса, недосягаемый геній Гоголя, глядящій на жизнь сквозь «невидимыя міру слезы»,— вотъ что должно соединяться въ томъ перѣ, которое взялось бы должнымъ образомъ описать жизнь всѣхъ этихъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» этой пресловутой «страны свободы». Въ недоумѣніи стою я у этого океана: приступать или не приступать? Но вѣдь долженъ же, по крайней мѣрѣ, образованный русскій читатель знать кое-что о житьѣ-бытьѣ того далекаго заокеанскаго народа, который слыветъ и кичливо именуется себя «самымъ свободнымъ народомъ на земномъ шарѣ», который объявляетъ себя создавшимъ правительство «народа посредствомъ народа и для народа», прошлыя историческія судьбы котораго столь страннымъ образомъ переплетены съ судьбами русской государственности, который на зарѣ двадцатаго вѣка съ такимъ вѣсомъ вступилъ въ семью великихъ націй нашего времени, которому суждено несомнѣнно играть видную

роль въ будущихъ судьбахъ человѣчества, знать въ особенности о житьѣ-бытьѣ той его части, въ которой въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія ежегодно растворяются десятки тысячъ русскихъ выходцевъ. Но вѣдь раньше или позже долженъ же кто нибудь приступить къ выполненію подобнаго долга предъ русской цивилизаціей и русской государственностью, тѣмъ болѣе, что сама юная американская литература пока еще не создала ничего подобнаго «Петербуржскимъ трущобамъ», «Униженнымъ и оскорбленнымъ», «Оливеру Твисту» Диккенса, «Низменному міру» Гиссинга, либо «Гулигановымъ ночамъ» Рука, и по этому чрезвычайно важному и высоко интересному предмету ограничивается пока лишь нѣсколькими десятками журнальныхъ статей да брошюръ чисто публицистическаго свойства, такъ что русская публика лишена возможности ознакомиться съ этимъ необычайнымъ міромъ хотя бы по переводамъ.

Само собою разумѣется, что въ «странѣ свободы», какъ и повсюду, центромъ и средоточіемъ трущобъ являются крупнѣйшіе и наиболѣе промышленные города, а именно: Нью-Йоркъ, Чикаго, Филадельфія, Бостонъ, Питтсбургъ, Сэнтъ-Луисъ, Балтиморъ, Цинциннати, Буффало и Санъ-Франциско, населеніе которыхъ превышаетъ въ каждомъ полъ-милліона. Такъ какъ трущобными обывателями этихъ огромныхъ городовъ главнѣйшимъ, даже почти исключительно образомъ являются эмигранты и ихъ дѣти, какъ съ ними прибывшія изъ-за океана, такъ и рожденныя въ «странѣ свободы», то составъ трущобнаго населенія этой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» всецѣло опредѣляется составомъ иммиграціи, или, точнѣе говоря, составомъ европейской иммиграціи. Поэтому населеніе американскихъ трущобъ по національному своему составу въ порядкѣ относительной численности отдѣльныхъ національностей распредѣляется слѣдующимъ образомъ: ирландцы, нѣмцы, итальянцы, евреи и прочія національности. Въ этомъ отношеніи американскіе города, какъ выше мной поименованные, такъ и нѣкоторые иные, которые хотя и не обладаютъ населеніемъ свыше полумилліона, являются тѣмъ не менѣе крупными городами, какъ-то: Кливлэндъ, Миннеаполисъ, Нью-Орлеансъ, Детроитъ, Луисвилль, Мильвоки и Вашингтонъ, не представляютъ особой разницы между собой. Единственныя въ этомъ отношеніи исключенія составляютъ до нѣкоторой степени лишь, начиная съ запада, Санъ-Франциско, Нью-Орлеансъ, Вашингтонъ и Нью-Йоркъ. Въ Санъ-Франциско имѣется значительный контингентъ китайцевъ, и по сему существуютъ особыя, специфически китайскія трущобы, а въ Нью-Орлеансѣ имѣются особыя трущобы, населенныя исключительно неграми и креолами, представляющими помѣсь негровъ съ первоначальными французскими колонистами Луизианы, въ 1803 году проданной Франціей Соединеннымъ Штатамъ. Вашингтонъ, наро-

чито созданный для цѣлей правительственныхъ, не обладая ни фабриками, ни заводами, ни какими либо крупными промышленными предпріятіями, естественно въ значительной степени избавленъ и отъ этой печальной необходимости обладанія особой труппою частью города, и тѣ кварталы столицы Соединенныхъ Штатовъ, которые заселены бѣдняками, главнѣйшимъ образомъ неграми, не могутъ быть признаны и названы труппою въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, Нью-Йоркъ, обладая населеніемъ свыше 4¹/₂ миллионъ, вмѣщаетъ въ себѣ цѣлые кварталы, сплошь заселенные евреями, эмигрировавшими изъ Россіи, такъ что извѣстная часть этого города безъ всякаго преувеличенія можетъ быть названа русско-еврейской. За исключеніемъ нѣсколькихъ лишь улицъ, или, точнѣе говоря, нѣкоторыхъ частей нѣкоторыхъ улицъ, эта русско-еврейская часть города представляетъ собой одну сплошную труппою совершенно специфическаго свойства, которая сразу мысленно переноситъ васъ въ наиболѣе густо заселенные кварталы Вильны, Минска, Бобруйска или Бердичева. За вышеозначенными, сравнительно незначительными исключеніями труппою части Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфіи, Бостона, Питтсбурга, Сэнтъ-Луиса, Балтимора, Цинциннати, Буффало, Сантъ-Франциско, Кливлэнда, Миннеаполиса, Нью-Орлеанса, Детройта, Луисвилля, Мильвоки и прочихъ менѣе крупныхъ, но все же значительныхъ городовъ, представляютъ собой нѣчто однородное и единообразное, а потому воспроизведеніе типа труппою улицы этихъ крупнѣйшихъ городовъ «страны свободы» дало бы читателю достаточно точное и ясное понятіе объ этомъ характеристическомъ явленіи современной американской цивилизаціи. Такъ какъ, несмотря на существованіе въ его предѣлахъ специфической русско-еврейской части, Нью-Йоркъ представляется все-таки городомъ чисто американскимъ и является сверхъ того крупнѣйшимъ городомъ американскаго материка, истинной метрополіей Новаго Свѣта, то для такого воспроизведенія типа американской труппою съ ея особой жизнью, нравами, обычаями, горестями и радостями необходимо руководствоваться главнымъ образомъ типическими чертами той труппою части Нью-Йорка, которая, лежа за предѣлами вышеупомянутой русско-еврейской его части, представляетъ собой труппою царство, такъ сказать, интернаціональнаго характера, обще-американскаго свойства.

Такимъ образомъ, я попытаюсь прежде всего воспроизвести предъ читателемъ общій типъ американской труппою улицы, со всѣми ея характеристическими чертами и всѣми особенностями склада и образа жизни ея обитателей, типъ, созданный путемъ отвлеченія и обнимающій собой все это труппою царство «страны свободы». Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что типъ этотъ является типомъ американской городской труппою не въ томъ видѣ, въ ка-

комъ представлялась она еще сравнительно такъ недавно, а въ томъ уже обновленномъ и улучшенномъ видѣ, въ какомъ представляется она въ настоящій моментъ послѣ многократныхъ реформъ послѣдняго десятилѣтїя. Само собою разумѣется, что всѣ собственныя имена, употребляемыя въ этомъ изображеніи общаго типа улицы американскаго трущобнаго царства, начиная съ названія самой улицы, являются вымышленными.

I.

Зловонная улица расположена между двумя длинными и широкими улицами той части города, которая всецѣло запружена фабриками, заводами и конторами всевозможныхъ торговыхъ и промышленныхъ домовъ и фирмъ. Упираясь въ эти обѣ длинныя и широкія улицы подъ прямымъ угломъ, она прежде всего отличается отъ нихъ обѣихъ своимъ цвѣтомъ. Въ то время, какъ обѣ эти главныя улицы города, сплошь состоя изъ громадныхъ каменныхъ зданій, отливаютъ цвѣтомъ краснаго кирпича, кое-гдѣ перемежающагося съ кирпичемъ свѣтло-желтаго цвѣта, Зловонная улица отличается грязно-сѣрымъ цвѣтомъ, тамъ и сямъ испещреннымъ темно-коричневыми пятнами, ибо она сплошь почти состоитъ изъ окрашенныхъ въ сѣрую краску деревянныхъ домишекъ въ полтора, два и три этажа, кое-гдѣ перемежающихся съ узкими четырехъэтажными каменными домами позднѣйшаго происхожденія. Находясь на переходной ступени между деревяннымъ вѣкомъ и вѣкомъ каменнымъ, она общимъ цвѣтомъ своимъ напоминаетъ свинцовое небо поздней осени, между тѣмъ какъ сосѣднія съ нею двѣ большія улицы своимъ сочетаніемъ цвѣтовъ напоминаютъ группу осенней листвы, устилающей землю съ приближеніемъ зимы. Эти полуторазэтажные деревянные домишки цвѣта осенняго неба являются обиталищами отдѣльныхъ семействъ многочисленнаго состава, между тѣмъ двухъэтажные и трехъэтажные деревянные дома того же цвѣта, равно какъ и четырехъэтажные каменные дома, вмѣщаютъ въ своихъ отдѣльныхъ квартирахъ отъ трехъ до десяти семействъ обычнаго численнаго состава. Квартиры эти состоятъ изъ одной, трехъ и шести комнатъ (включая въ счетъ кухню), при чемъ, однако, квартиръ въ одну комнату не такъ много, квартиръ въ шесть комнатъ совсѣмъ мало, а квартира въ три комнаты (включая въ счетъ кухню) является почти общимъ правиломъ Зловонной улицы. Большая часть деревянныхъ домовъ Зловонной улицы обладаетъ боковыми дворами, среди которыхъ сушится бѣлье, между тѣмъ какъ обыватели прочихъ домовъ ея, не снабженныхъ дворами, принуждены для этой надобности пользоваться

крышами своихъ обиталищъ. Обыкновенная семейная квартира Зловонной улицы, состоя изъ трехъ комнатъ, представляетъ собой прежде всего кухню съ грубымъ некрашеннымъ поломъ, окрашенными въ темный цвѣтъ стѣнами, водопроводнымъ краномъ и небольшимъ окномъ, выходящимъ на задній дворъ, отдающій благоуханіями всевозможныхъ отбросовъ, нагроможденныхъ, согласно обязательнымъ правиламъ, въ большія бочки. Изъ кухни, сравнительно обширной, дверь ведетъ въ маленькую комнату съ такимъ же точно грубымъ некрашеннымъ поломъ, съ точно также окрашенными въ темный цвѣтъ стѣнами, съ такими же точно темными рамами и подоконниками, съ двумя маленькими окнами, выходящими на тотъ же задній дворъ, и, наконецъ, съ крохотнымъ стѣннымъ шкафомъ, въ родѣ маленькой кладовой. Это—семейная спальня со стѣннымъ шкафомъ для платья. Третья комната — побольше спальни, такихъ же почти размѣровъ, какъ и кухня. Два окна ея выходятъ или на улицу, или въ переулокъ, или наконецъ на тотъ же задній дворъ, смотря по расположенію квартиры. Въ первыхъ двухъ случаяхъ она является обыкновенно единственнымъ путемъ для проникновенія достаточнаго солнечнаго свѣта въ обычное семейное жилище Зловонной улицы, а такъ какъ, въ дополненіе къ этому, семейная гостиная оклеена въ свѣтлыя шпалеры и снабжена свѣтлыми рамами, подоконниками и дверями, то она одна лишь во всей маленькой квартиркѣ обладаетъ извѣстной привлекательностью и уютностью. Полъ въ ней крашеный, но обыкновенно краска на немъ отъ времени потрескалась и облѣзла, лишь небольшими спорадическими пятнами напоминая о своемъ существованіи. Каждый домъ въ Зловонной улицѣ снабженъ водопроводными трубами и трубами для стока нечистотъ, но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ ни газовымъ освѣщеніемъ, ни горячей водой, ни ваннами, тремя неизмѣнными принадлежностями всякаго добропорядочнаго американскаго жилища. Въ подвалѣ дома имѣются вдѣланныя въ стѣну деревянные перегородки для складыванія щепокъ и ссыпки каменнаго угля—по числу отдѣльныхъ квартиръ, а равно помѣщается одинъ общій для всѣхъ обитателей ватерклозетъ, неизмѣнно издающій неописуемое зловоніе. Трубы для стока нечистотъ почти всегда находятся не въ порядкѣ, и это обстоятельство весьма серіозно усугубляетъ общее зловоніе дома, порождаемое однимъ общимъ ватерклозетомъ и скопленіемъ столь громаднаго количества человѣческихъ существъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Хотя средняя семья Зловонной улицы, обитающая въ обычной квартирѣ изъ двухъ комнатъ съ кухней, состоитъ изъ шести душъ, каждая почти такая семья имѣетъ еще отъ двухъ до шести квартирантовъ. При всемъ томъ, однако, Зловонная улица не лишена нѣкоей своеобразной живописности: дикій виноградникъ, разросшійся въ теченіе многихъ лѣтъ, почти сплошь

покрываетъ стѣны многихъ домовъ до самой крыши, тамъ и сямъ къ слуховому окну придѣланъ импровизированный голубятникъ, тамъ и сямъ надъ дверями перваго этажа болѣе чѣмъ обыкновенныхъ размѣровъ виднѣются яркія, раззолоченныя на американскій манеръ вывѣски. Безформенный булыжникъ, которымъ вымощена Зловонная улица, представляетъ собой нѣчто въ родѣ мягкаго асфальта, вслѣдствіе накопившихся на его поверхности и въ промежуткахъ между отдѣльными камнями грязи и мусора всякаго рода, съ теченіемъ времени превратившихся въ одну сплошную и компактную массу.

Населеніе Зловонной улицы составляютъ 120 семействъ, состоящихъ изъ 600 душъ. Изъ этихъ 120 семействъ 90 ирландцевъ, при чемъ 29 ирландо-американцевъ, то-есть дѣти и внуки ирландскихъ иммигрантовъ, рожденные въ «странѣ свободы», а остальное 61 семейство—ирландскіе эмигранты, сравнительно недавно переселившіеся въ Америку; изъ остальныхъ 30 семействъ: 8—нѣмцы, 8—итальянцы, 5—евреи, 2—англичане, 2—шотландцы, 1—канадцы, 2—негры, 1—французы и 1—прирожденные американцы. По религіи 120 семействъ Зловонной улицы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 92—римско-католическаго вѣроисповѣданія, 15—протестанты нѣсколькихъ разновидностей, 5—еврейскаго вѣроисповѣданія и наконецъ 8 не принадлежатъ ни къ какому вѣроисповѣданію. Ошибочно было бы думать, однако, что эти 8 семействъ, не принадлежащихъ ни къ какому вѣроисповѣданію, являются атеистами: я бы назвалъ ихъ, если можно такъ выразиться, индифферентистами. По роду занятій обыватели Зловонной улицы распредѣляются нижеслѣдующимъ образомъ: 5 главъ семействъ—лавочники, 3—цѣловальники, 8—плотники, 3—лакировщики музыкальныхъ инструментовъ, 4—красильщики, 6—развозчики товаровъ покупателямъ изъ магазиновъ, 5—кучера, 4—каменщики, 2—машинисты, 3—кочегары, 3—управляющіе машинами на фабрикахъ, 2—рыболовы, 3—кровельщики, 3—слесаря, 2—матросы, 2—омыватели каретъ и экипажей, 3—повара, 2—трактирщики, 2—сортировщики льняной пряжи, 2—пожарные, 1—канцелярскій служитель мѣстнаго городского общественнаго управленія, остальные—простые поденщики. Такимъ образомъ, представители тѣхъ отраслей труда, которыя требуютъ какой либо технической подготовки, имѣются среди обывателей Зловонной улицы въ весьма ограниченномъ количествѣ, а слѣдовательно лицъ, которыя зарабатываютъ по 2 доллара въ день круглый годъ, здѣсь весьма мало. Что касается матерей семействъ, кругъ дѣятельности лишь весьма немногихъ изъ нихъ ограничивается исполненіемъ ихъ домашнихъ обязанностей, такъ что всѣ почти работаютъ на сторонѣ: большая часть изъ нихъ—прачки и поломойки, нѣкоторыя—судомойки, нѣкоторыя—бѣлошвейки, три—сидѣлки, двѣ—портнихи,

одна—лавочница, три—цѣловальницы, а остальные берутъ на домъ работу по швейной и вышивальной части. За немногими исключеніями молодые люди не довольствуются профессіями отцовъ своихъ, а стремятся воспріять болѣе «благородный» родъ занятій. Въ болѣе раннемъ возрастѣ, будучи еще мальчуганами, они продаютъ газеты на улицахъ и вокзалахъ, нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того чистятъ сапоги желающимъ на улицахъ по воскресеньямъ, иные разносятъ посылки частныхъ лицъ по субботамъ, иные служатъ доставщиками при полукаретахъ частныхъ компаній по развозкѣ товаровъ купцамъ и покупателямъ, иные наконецъ состоятъ телеграфными разносчиками. Лишь строгія наказанія за уклоненіе отъ посѣщенія школьныхъ занятій, полагающіяся по закону объ обязательномъ первоначальномъ обученіи, вынуждаютъ ихъ болѣе или менѣе регулярно являться въ школу. Здѣсь, сидя на школьной скамьѣ, этотъ сынъ американской труппы только и мечтаетъ о томъ, какъ не сегодня-завтра получить онъ маленькое мѣстечко при одномъ изъ этихъ колоссальныхъ магазиновъ, въ окна которыхъ онъ такъ любитъ глазѣть, въ особенности при вечернемъ освѣщеніи, какъ станетъ онъ зашибать деньги, какъ затѣмъ откроетъ онъ собственную торговлю, какъ наконецъ самъ онъ станетъ миллионеромъ, которому всѣ будутъ оказывать совершеннѣйшее почтеніе. Между тѣмъ, подростки, съ грѣхомъ пополамъ окончивъ, а то и вовсе не окончивъ школы, изъ мальчика превратившись въ молодого человѣка, этотъ представитель молодого поколѣнія труппаго царства «страны свободы» становится то цѣловальникомъ, то продавцомъ билетовъ, либо проводникомъ на мѣста въ театрѣ, то завѣдующимъ маленькой табачной лавочкой, то прислужникомъ въ бильярдной, то половымъ въ трактирѣ или ресторанѣ, то наконецъ, какъ бы въ осуществленіе отроческихъ мечтаній на школьной скамьѣ, приказчикомъ въ магазинѣ. Подобнымъ же образомъ дѣвочки, дѣвочки-подростки и дѣвушки относятся съ полнѣйшимъ презрѣніемъ ко всякаго рода домашней работѣ и стремятся избрать болѣе «благородный» родъ занятій. Такъ какъ, однако, онѣ еще болѣе стремятся къ замужеству и, выйдя замужъ въ раннемъ возрастѣ, многіе годы затѣмъ обременены рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей, то этимъ ихъ стремленіямъ къ избранію болѣе «благороднаго» рода занятій обыкновенно не суждено осуществиться, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брачной жизни онѣ вступаютъ на стезю матерей своихъ—по части мытья оконъ и половъ.

Наемная плата за квартиру въ Зловонной улицѣ колеблется, смотря по размѣру и расположенію квартиры, между однимъ долларомъ и семьюдесятью пятью сентами и двумя долларами и пятьюдесятью сентами въ недѣлю. Населеніе Зловонной улицы непре-

равно перекочевываетъ изъ одной квартиры въ другую и изъ одного дома въ другой. Въ каждое пятилѣтіе составъ населенія этой улицы совершенно мѣняется. Лѣтомъ часть мужчинъ ея работаютъ нѣкоторое время на фермахъ у родственниковъ и друзей, однако же никто еще не переселился изъ улицы на ферму, равно какъ почти не бываетъ случаевъ переселенія съ фермы въ улицу. Изъ 120 семействъ Зловонной улицы 82 не сходятъ со списковъ кліентовъ мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений, при чемъ 39 семействъ нуждаются въ помощи отъ благотворительности періодически, а остальные 43—безпрерывно. Изъ 38 семействъ, не прибѣгающихъ къ благотворительности, лишь 7 обладаютъ небольшимъ денежнымъ сбереженіемъ про черный день. Низкая заработная плата является основной причиной неустойчивости экономическаго положенія обывателей Зловонной улицы. Однако причиной еще болѣе важной является неустойчивость, нерегулярность, нѣкоторая неопредѣленность ихъ занятій. Иногда оба эти фактора, т.-е. низкая заработная плата и нерегулярность обычныхъ занятій, порождаются неудовлетворительностью работы или ненадежностью самого рабочаго. Изъ этихъ двухъ основныхъ причинъ неустойчивости экономическаго положенія обывателей Зловонной улицы нерегулярность занятій является болѣе важной, ибо весьма нерѣдко хорошій и опытный рабочій преувеличиваетъ свои будущіе заработки и входитъ въ непосильныя для него обязательства. Затѣмъ ненадежность самого рабочаго или неудовлетворительность его работы являются нерѣдко послѣдствіемъ постоянного перехода отъ одного рода занятій къ другому, естественно порождающаго непростительный диллетантизмъ въ эпоху столь высокой специализаціи труда. Такъ, напримѣръ, обыватель Зловонной улицы, Джэмсъ Офаррель, одинъ изъ тѣхъ блуждающихъ геніевъ, какими довольно богата американская трущоба, человекъ тридцати лѣтъ отъ роду, былъ попеременно телеграфнымъ разносчикомъ, управителемъ лошадей по перевозкѣ товаровъ покупателямъ изъ магазина, кучеромъ, цѣловальникомъ, приказчикомъ въ бакалейной лавкѣ, кузнецомъ, колесникомъ и наконецъ коммивояжеромъ, а Джимъ Оруркъ, такой же точно блуждающій геній, тридцати лѣтъ отъ роду, былъ попеременно мальчуганомъ на побѣгушкахъ при галантерейномъ магазинѣ, типографскимъ наборщикомъ, приказчикомъ въ книжной лавкѣ, собирателемъ подписной платы отъ подписчиковъ при мѣстной газетѣ, слесаремъ, извозчикомъ, разъѣзднымъ агентомъ оптоваго склада аптекарскихъ товаровъ и наконецъ конторщикомъ при фирмѣ для сдѣлокъ по недвижимой собственности. Болѣзнь и смерть, въ особенности когда таковыя проистекаютъ отъ несчастныхъ случайностей на фабрикахъ и работахъ разнаго рода, являются точно также немаловажнымъ факторомъ, серьезно подрывающимъ экономическое

благосостояніе обывателей Зловонной улицы. Сюда слѣдуетъ присоединить покупку разныхъ предметовъ необходимости въ разсрочку по крайне высокимъ цѣнамъ, частыя ссуды подъ залогъ домашней мебели безъ перемѣщенія оной за крайне высокіе проценты и наконецъ непосильные расходы на свадьбы и въ особенности похороны. Похоронная помпа представляется однимъ изъ непоколебимѣйшихъ устоевъ американскаго бытового уклада. Такъ называемое вспомошествованіе по случаю смерти, выдаваемое семьѣ, потерявшей отца или мать, разными обществами взаимопомощи, къ которымъ принадлежитъ почти всякій американецъ, простираясь отъ 300 до 2.000 долларовъ, идетъ почти цѣликомъ на похороны усопшаго или усопшей. Хотя въ принципѣ это вспомошествованіе предназначается для поддержанія семьи, потерявшей кормильца или его сотрудницу, въ дѣйствительности, однако, при составленіи или измѣненіи уставовъ разныхъ обществъ взаимнаго вспомошествованія, какими кишмя кишитъ «страна свободы», равно какъ и при управленіи дѣлами этихъ послѣднихъ, неизмѣнно имѣется въ виду и молча признается, что это такъ называемое «посмертное» почти цѣликомъ пойдетъ на похороны. Сверхъ сего всѣ тѣ столь многочисленныя здѣсь общества страхованія жизни, которыя страхуютъ жизнь мужчинъ, женщинъ и дѣтей на малыя преміи и построены на системѣ взноса мелкихъ еженедѣльныхъ страховыхъ платежей, имѣютъ въ виду именно лишь покрытіе похоронныхъ расходовъ страхующагося. Дѣти въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія, а такъ какъ американская трущоба, какъ и всякая иная, кишмя кишитъ дѣтишками, которыя мрутъ, какъ мухи, то отсюда обнаруживается, что трущобная плодовитость, являющаяся до извѣстной степени чрезмѣрной, представляется точно также немаловажнымъ источникомъ нищеты, хотя бы вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же чрезмѣрныхъ расходовъ на ихъ похороны. Такимъ образомъ, живутъ ли дѣти многочисленныхъ вообще трущобныхъ семействъ, или же умираютъ, они равно являются причиной непосильныхъ расходовъ. Къ выше исчисленнымъ источникамъ нищеты американскаго трущобнаго царства слѣдуетъ присоединить наконецъ какъ систематическое, такъ и хроническое пьянство, въ которомъ немалое участіе принимаютъ также и женщины.

II.

Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій Зловонная улица, постепенно разрастаясь въ отношеніи числа домовъ и количества населенія, успѣла образовать особую прочно сложившуюся общину, болѣе или менѣе изолированную отъ остальнаго міра и обладающую своими собственными нравами, обычаями, понятіями и развлеченіями, своей совершенно особенной общественной жизнью,

о которой ни американскіе литераторы, слегка касающіеся этого предмета по поводу какой либо разыгравшейся въ трущобной средѣ кровавой трагедіи, ни въ особенности церковныя проповѣдники, громящіе трущобу со всѣхъ кафедръ по разнымъ поводамъ, или же еще чаще безъ всякаго повода, попросту за неимѣніемъ иной темы, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. На 600 душъ Зловонной улицы имѣется въ ея предѣлахъ три бакалейныхъ лавченки, двѣ пекарни и одинъ сапожникъ. Изъ этихъ лавчонокъ лишь одна помѣщается въ первомъ этажѣ, а остальные двѣ въ подвалѣ; торгуютъ онѣ хлѣбомъ, молокомъ, маринованными огурчиками, солью, уксусомъ да щепками. Обѣ пекарни помѣщаются въ кухняхъ квартиръ перваго этажа, занимаемыхъ ихъ владѣльцами, которымъ дается знать о прибытіи покупателя посредствомъ звонка, привѣшеннаго снаружи. Сапожная мастерская, или, точнѣе говоря, мастерская для починки и поправки обуви всякаго рода и вида, помѣщается въ необычайно старомъ одноэтажномъ деревянномъ зданіи, являющемся чѣмъ-то въ родѣ сарая, съ двумя окнами, слабо освѣщенными по вечерамъ, кое-какъ приспособленнаго для вмѣщенія въ немъ человѣческихъ существъ въ теченіе большей части дня. Наконецъ, имѣется еще въ Зловонной улицѣ четыре питейныхъ заведенія, помѣщающихся точно также въ кухняхъ ихъ владѣльцевъ. Всѣ эти торговыя, такъ сказать, заведенія являются вмѣстѣ съ тѣмъ центрами и средоточіями общественной жизни и интеллектуальнаго общенія обывателей улицы. Въ нихъ и главнымъ образомъ въ питейныхъ заведеніяхъ собираются ея юмористы, сатирики, эпиграмматисты, оптимисты и пессимисты. Цѣловальникъ Робертъ Карнэй является оптимистомъ чистѣйшей воды, между тѣмъ какъ цѣловальникъ Артуръ Огарра представляется непреоборимымъ послѣдователемъ философіи Шопенгауэра, хотя сей сынъ бѣднаго ирландскаго эмигранта никогда не слыхалъ о существованіи великаго нѣмецкаго философа. Однако, ни цѣловальникъ-оптимистъ, ни цѣловальникъ-пессимистъ не привлекаютъ въ свое питейное заведеніе и половины того числа завсегдатаевъ, какое толпится неизмѣнно въ третьемъ заведеніи, завѣдуемомъ собственнолично его владѣльцемъ Эдуардомъ Оконнелемъ, величайшимъ юмористомъ Зловонной улицы, держащимъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ въ состояніи почти непрерывнаго хохота.

Несмотря на то, что Зловонная улица расположена въ фабрично-заводской или, выражаясь чисто по-американски, дѣловой части города, она носитъ на себѣ отпечатокъ полнѣйшаго спокойствія. Обыватели ея движутся медленно, останавливаясь почти у каждой двери и cadaго окна, дабы покалякать съ друзьями и знакомыми. Почти во всякое время дня тѣ или иные изъ ея обывателей или гораздо чаще обывательницъ совершаютъ повальный обходъ сосѣдей отъ дома къ дому и отъ двери къ двери, дабы

призаять сахару, масла, хлѣба и т. д. Женщины разговариваютъ обыкновенно черезъ улицу, нерѣдко по цѣлымъ часамъ, или же собираются у двери одной изъ сонма прекрасныхъ обывательницъ улицы, гдѣ проводятъ значительную часть утра, полудня или вечера. Въ предѣлахъ своей улицы онѣ разгуливаютъ обыкновенно безъ всякаго головного покрова или же съ маленькой шалью на головѣ, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ отправляются «въ городъ», т.-е. за предѣлы своей улицы, онѣ надѣваютъ шляпки. Потягиванье теплаго чая изъ чашки является любимѣйшимъ времяпрепровожденіемъ обывателей Зловонной улицы, безъ различія возраста и пола, за исключеніемъ лишь значительной части мужчинъ, болѣе склонныхъ къ спиртнымъ напиткамъ, да нѣкоторыхъ глубокихъ старухъ, для которыхъ потягиванье изъ маленькой, коротенькой трубки не менѣе обольстительно, нежели потягиванье изъ чайной чашки. Обыватели Зловонной улицы преисполнены разнаго рода суевѣріями. Будучи въ дѣйствительности и чувствуя себя изолированными отъ остальнаго міра, они любятъ хвастаться былой зажиточностью, являющейся, конечно, плодомъ живого воображенія. Обывательницы улицы съ необычайной быстротой замѣчаютъ появленіе въ ней чужого человѣка и съ такой же быстротой, какъ и слѣдуетъ отъ нихъ ожидать, опрашиваютъ его, чего ему нужно. Онѣ зорко слѣдятъ за нимъ изъ оконъ второго, третьяго и четвертаго этажей и, когда онъ исчезнетъ изъ виду, собираются воедино и подвергаютъ его личность и дѣятельность тщательнѣйшему и безпощадному анализу. Свобода нравовъ въ Зловонной улицѣ настолько велика, что видѣть женщину расчесывающей свои волосы на тротуарѣ вблизи своей квартиры, или группу женщинъ, пустившихся въ бѣга на перегонку (поднявъ для удобства юбки гораздо выше колѣнъ), представляется вещь совершенно обыкновенной. Въ то же время обыватели улицы любятъ выставять двугъ передъ другомъ свои синяки, раны, кровоподтеки и физическія уродства разнаго рода, а равно страдаютъ страстью показывать чужимъ людямъ своихъ больныхъ и усопшихъ.

Несмотря, однако, на подобную изолированность и самодовлѣніе Зловонной улицы, являющейся такимъ образомъ въ значительной степени самобытной и самостоятельной соціальной единицей, она не можетъ, конечно, избѣжать вліянія уклада жизни и эволюціи соціальныхъ силъ большого города, ее со всѣхъ сторонъ окружающаго. Первымъ звеномъ, ее связующимъ съ этимъ огромнымъ городомъ, является церковь: не религія, не вѣроисповѣданіе, какъ сумма извѣстныхъ теологическихъ и нравственныхъ догматовъ, а именно церковь—это стройное и величественное зданіе, въ которомъ раздаются величественные звуки органа, въ которомъ совершаются бракосочетанія и погребенія, въ которомъ чередуются

разныя религіозныя церемоніи. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о послѣдователяхъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ столь значительное большинство обывателей Зловонной улицы. Насколько церковный ритуалъ вкоренился въ жизнь католическихъ обывателей улицы, можно судить по тому, что многія матери вовсе не включаютъ въ счетъ членовъ своего семейства новорожденного ребенка до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ окрещенъ, а равно по той торжественности, съ какой группа родственниковъ и друзей отправляется въ церковь въ день конфирмаціи мальчика или дѣвочки. Въ этой католической средѣ улицы довольно систематически соблюдаются посты, постные дни и дни воскресные. Хотя протестантская часть населенія улицы, являющаяся значительнымъ меньшинствомъ, далеко не настолько подвержена вліянію церковнаго ритуала, тѣмъ не менѣе церковь съ ея богослуженіями и обрядами не является для этой части попросту религіознымъ клубомъ, какимъ она является несомнѣнно для протестантскихъ обитателей этихъ длинныхъ и широкихъ проспектовъ, для американца-протестанта многочисленной буржуазіи «страны свободы». Вторымъ звеномъ, связующимъ Зловонную улицу съ огромнымъ городомъ, ее со всѣхъ сторонъ окружающимъ, звеномъ не менѣе, а, пожалуй, еще болѣе важнымъ, нежели церковь, является школа, американская публичная школа, изъ которой совершенно изгнанъ вѣроисповѣдный элементъ, въ которой вовсе не преподается такъ называемаго закона Божія, и которая является могущественнѣйшимъ факторомъ государственной ассимиляціи, до сего времени извѣстнымъ въ исторіи человѣчества. Разговоры о школѣ и школьныхъ событіяхъ подавляющимъ образомъ преобладаютъ въ жизни юнаго поколѣнія Зловонной улицы, равно какъ и среди дѣтей всѣхъ классовъ населенія «страны свободы», между тѣмъ какъ объ урокахъ закона Божія, преподаваемыхъ по очереди или желанію болѣе выдающимися членами того или иного прихода при приходской церкви въ каждое воскресенье въ полдень, никогда не случается слышать отъ дѣтей позже, нежели вечеромъ въ то же воскресенье. Разные возникающіе между ними споры и пререканія американскія дѣти обыкновенно преподносятъ на разрѣшеніе учителя или учительницы, и дѣти Зловонной улицы въ этомъ отношеніи отнюдь не составляютъ исключенія. Третьимъ наконецъ краеугольнымъ звеномъ, связующимъ Зловонную улицу съ этимъ огромнымъ городомъ, среди котораго она представляется настолько изолированной, является театр, тотъ дешовый американскій театръ, который такъ близко находится, на подмосткахъ котораго душу раздирающія мелодрамы чередуются съ развеселыми куплетами и всевозможными сортами такъ называемыхъ *variété* въ антрактахъ. Такъ какъ простодушные и непритязательные зрители изъ Зловонной улицы не въ состояніи обнаружить ни неправдоподобности замы-

сла, ни невѣроятности интриги, ни грубости и шероховатости общаго построенія, ни чудовищности и карикатурности положеній, ни ходульности чувствъ, то въ общемъ вліяніе этого дешоваго театра на публику изъ обитателей трущобъ представляется несомнѣнно благодѣтельнымъ и даже облагораживающимъ. Вслѣдъ за этими тремя главными социальными факторами, оказывающими извнѣ воздѣйствіе на укладъ и ходъ жизни Зловонной улицы, т.-е. вслѣдъ за церковью, школой и театромъ, идетъ рядъ иныхъ, болѣе или менѣе важныхъ факторовъ, а именно: газеты, вліяніе которыхъ начинаетъ соперничать съ вліяніемъ церкви, школы и театра; рабочія организациі, вліяніе которыхъ изъ года въ годъ возрастаетъ; страховыя общества и общества взаимнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и на случай смерти; бѣга и скачки; публичные игры въ мячъ, даваемыя какъ профессиональными организациями игроковъ, такъ и сообществами любителей; публичные кулачные бои на преміи и наконецъ послѣ всего этого — политическія контрoверсіи даннаго выборнаго участка, т.-е. выборныя агитаціи конкурирующихъ представителей двухъ главныхъ политическихъ партій.

III.

Семейная жизнь обывателей Зловонной улицы отличается болѣе или менѣе самобытнымъ складомъ. Дѣти во всякомъ случаѣ находятся въ общеніи со своими родителями не менѣе, нежели въ зажиточныхъ буржуазныхъ семьяхъ, гдѣ отецъ съ утра до ночи находится въ магазинѣ, конторѣ или бюро, а мать большую часть дня отдается выполненію общественныхъ функцій, оставивъ дѣтей на попеченіе гувернантки, няньки или же подростковъ изъ ихъ же собственной среды, для того, чтобы на весь вечеръ отправиться затѣмъ въ театръ, концертъ или на какую либо безсодержательнѣйшую лекцію. Трущобная мать вообще гораздо чаще и гораздо больше ласкаетъ своихъ дѣтей, нежели мать изъ американской буржуазной среды. Но въ то же время эта самая трущобная мать, обыкновенно преисполненная искренней любви къ своимъ дѣтямъ, ведетъ себя по отношенію къ нимъ, въ особенности къ малюткамъ, совершенно безтолково: жесткое мясо, незрѣлые фрукты, сырые овощи, даже спиртные напитки — все дается малюткѣ, лишь бы только дитя не плакало. Тѣ же малютки, которые должны быть въ постели въ 6 часовъ вечера, обыкновенно слоняются по квартирѣ до 9-10 часовъ, а дѣтишки четырехъ-пяти лѣтъ нерѣдко посылаются за чѣмъ нибудь въ ближайшую аптеку, къ сосѣдямъ или даже въ ближайшее питейное заведеніе въ 10-11 часовъ вечера. Само собою разумѣется, что родители, никогда не помышлявшіе о какихъ либо сбереженіяхъ про черный день, не помышляютъ также внушить склонность къ сбереженіямъ своимъ дѣтямъ. Если слу-

чается поэтому, что трущобныя дѣтишки берегаютъ иногда перепадающіе имъ гроши, то единственно подѣ влияніемъ какой либо непреодолимой страсти, какъ, на примѣръ, подѣ влияніемъ страстнаго желанія приобрести ту или иную игрушку и т. п. Безтолковость и безпечность трущобныхъ родителей сказывается точно также въ ихъ отношеніи къ школьнымъ занятіямъ дѣтей: хотя они обыкновенно весьма гордятся ихъ школьными успѣхами, однако пропускъ дѣтьми уроковъ и даже цѣлыхъ семестровъ допускается родителями подѣ самыми ничтожными предлогами. Игры дѣтишекъ Зловонной улицы въ общемъ такія же точно, какъ игры дѣтей иныхъ классовъ американскаго общества, съ тою лишь разницею, что всѣ ихъ развлеченія ограничиваются предѣлами собственной улицы. Точно такъ же, какъ и дѣти болѣе зажиточныхъ классовъ, они обладаютъ собственными любимцами, каковы суть коты, собаки, голуби и кролики; точно также играютъ они въ домъ, лошадь, школу, трамвай, благо индійца, циркъ, свадьбу, похороны, рождественскую елку, армію спасенія, Робинзона Крузо, театръ и т. д.; точно также родители берутъ или пускаютъ ихъ на публичныя игры въ мячъ, публичные кулачныя бои и театральныя представленія. Единственная разница между дѣтьми американской трущобы и дѣтьми американской буржуазіи заключается въ томъ, что мальчики болѣе зажиточныхъ классовъ обыкновенно лишены удовольствія вспрыгивать на всемъ ходу на подножки трамвая и такимъ образомъ пользоваться бесплатнымъ катаньемъ, — удовольствія, которое, впрочемъ, оканчивается нерѣдко искалѣченіемъ и даже смертью. Въ общемъ трущобныя дѣтишки настолько же довольны и счастливы, насколько и дѣтишки иныхъ классовъ, и сынъ или дочь американской трущобы, разъ они умираютъ въ дѣтскомъ возрастѣ, никогда даже не подозрѣваютъ о существованіи какихъ либо классовыхъ различій. Между тѣмъ трущобныя матери, если только онѣ не уходятъ на работу внѣ собственной квартиры, имѣютъ гораздо болѣе свободнаго времени и гораздо долѣе предаются праздному времяпровожденію, нежели жены и матери болѣе зажиточныхъ классовъ. На скорую руку изготавивъ завтракъ или обѣдъ, неособенно заботясь о чистотѣ и порядкѣ въ своемъ домѣ, не имѣя, подобно буржуазной дамѣ, на своихъ плечахъ никакихъ общественныхъ функцій, трущобная жена и мать все почти время предается болтовнѣ или у собственныхъ дверей, или у дверей сосѣдки, или въ бакалейной лавкѣ, или, наконецъ, хотя и нечасто, въ питейномъ заведеніи.

Домашняя обстановка обывателя Зловонной улицы въ общемъ превосходитъ домашнюю обстановку европейскаго рабочаго соответственнаго рода занятій и аналогичнаго общественно-экономическаго положенія. Помимо приличныхъ и чистыхъ постелей, большого комода съ туалетнымъ зеркаломъ, ковра и т. д. въ спальнѣ, и при-

личной утвари и посуды въ кухнѣ, вы найдете здѣсь въ гостиной диванъ порядочнаго дерева на порядочныхъ пружинахъ, обитый порядочной шерстяной матеріей, а иногда даже и плюшемъ; точно такихъ же два или даже четыре кресла; два, по крайней мѣрѣ, порядочныхъ лакированныхъ кресла-качалки; по крайней мѣрѣ, одинъ большой и порядочный столъ, порядочный коверъ, по американскому обычаю сшитый изъ отдѣльныхъ кусковъ по размѣрамъ пола; большую лампу — въ видѣ украшенія, такъ какъ освѣщеніе почти повсемѣстно производится посредствомъ газа. Наконецъ, въ гостиной трущобнаго обывателя всегда найдется одна-двѣ книги, въ относительномъ смыслѣ принадлежащихъ къ числу такъ называемыхъ роскошныхъ изданій. Такъ какъ значительное большинство обывателей Зловонной улицы составляютъ ирландцы, то въ ея гостиныхъ, помимо весьма обычнаго альбома въ плюшевомъ переплетѣ, чаще всего найдется «Исторія Ирландіи» Мора, либо «Ирландія въ поэзи и пѣснѣ», снабженная превосходными иллюстраціями, въ хорошихъ кожаныхъ переплетахъ.

«Отцы и дѣти», этотъ непреложный законъ соціальной эволюціи, дѣйствуетъ въ полной силѣ и среди трущобнаго царства «страны свободы». Въ то время, какъ отцы Зловонной улицы, послѣ дневныхъ трудовъ, изъ нѣдръ своего семейства отретировываются въ питейное заведеніе, или — сравнительно лишь весьма немногіе изъ нихъ — въ театръ, а нѣкоторые упорно курятъ свою трубку у окна или у дверей, будучи черезчуръ измучены для того, чтобы двигаться или же черезчуръ разстроены событіями дня (если не грамотны) для того, чтобы читать, сыновья лишь въ сравнительно меньшемъ числѣ и сравнительно на болѣе короткое время посѣщаютъ питейныя заведенія, а большую часть времени проводятъ съ кіемъ въ рукахъ въ излюбленныхъ бильярдныхъ. Время, остающееся въ ихъ распоряженіи по посѣщеніи питейныхъ заведеній и бильярдныхъ, ими посвящается ухаживанью за молодыми дѣвушками на улицахъ, въ паркахъ и танцевальныхъ залахъ. Въ то время, какъ «отцы» весьма нерѣдко послѣ обѣда (6 часовъ по полудни) остаются въ томъ же старомъ испачканномъ костюмѣ, являющемъ ихъ рабочимъ платьемъ, «дѣти» всегда неизмѣнно переодѣваются послѣ обѣда въ свое лучшее платье. Подобнымъ же образомъ, въ то время какъ мамы обыкновенно все свое свободное время, которое у нѣкоторыхъ изъ нихъ значительно, проводятъ въ затрапезномъ костюмѣ у своей двери или двери сосѣдки, въ бакалейной лавкѣ или даже питейномъ заведеніи, предаваясь безконечной и вздорнѣйшей болтовнѣ, дочери, всегда болѣе или менѣе прилично одѣтыя, послѣ обѣда переодѣваются въ свои наилучшіе костюмы и отправляются или въ танцевальныя залы съ однимъ изъ своихъ постоянныхъ кавалеровъ, или въ театръ точно такъ же съ однимъ изъ своихъ постоянныхъ кавалеровъ,

или наконецъ на проспектъ — гулять и кокетничать съ мужчинами, которые имъ нравятся. Городовой, обходящій свой околотокъ, является для нихъ кавалеромъ столь же желаннымъ, какъ и для американской няньки, на этотъ счетъ вошедшей въ поговорку, а американская нянька въ этомъ отношеніи ровно ничѣмъ не отличается отъ петербургской горничной.

Такъ какъ населеніе Зловонной улицы принадлежитъ всецѣло къ рабочему классу, то послѣ обѣда (6 часовъ вечера) начинается обыкновенно самый разгаръ ея жизни. Хотя въ это время многіе изъ ея обывателей улетучиваются—кто на проспектъ, кто въ театръ, кто въ бильярдную, а огромное большинство въ питейное заведеніе, тѣмъ не менѣе, однако, все неулетучившееся, мужчины, женщины и дѣти, высыпаетъ на улицу. Дѣтишки становятся въ это именно время въ особенности шумливы и крикливы, съ наибольшей необузданностью отдаваясь всевозможнымъ проказамъ, а равно акробатическимъ и эквилибристическимъ упражненіямъ. Въ темныя ночи три газовыхъ фонаря возжигаются вдоль улицы: одинъ на одномъ ея концѣ, другой—посрединѣ, а третій—на другомъ ея концѣ. Всѣ эти три фонаря вмѣстѣ даютъ лишь настолько свѣта, чтобы повергнуть всю улицу въ нѣкій болѣе или менѣе таинственный полумракъ. У верхняго фонаря собираются обыкновенно мальчики-подростки (14—15 лѣтъ), проводя весь вечеръ въ повѣствованіяхъ о разнаго рода самоновѣйшихъ происшествіяхъ и приключеніяхъ, а у нижняго—образуется неизмѣнно группа молодыхъ сорванцовъ, предающаяся пронзительнымъ выкрикиваніямъ, громосному хохоту, издѣвательству надъ прохожими и погонѣ—группами и въ одиночку—за проходящими дѣвушками и молоденькими женщинами. Какъ и по всей странѣ, суббота отличается въ Зловонной улицѣ совершенно особымъ характеромъ. Всякаго рода работы прекращаются ранѣе обыкновеннаго, и рабочій людъ всѣхъ разновидностей и разрядовъ, получивъ недѣльный расчетъ, наводняетъ улицы, лавки, дешевые театры и въ особенности питейныя заведенія. Въ субботу вечеромъ, то-есть начиная съ шести часовъ, Зловонная улица болѣе или менѣе пустѣетъ, и лишь отъ времени до времени тамъ и сямъ вдоль ея появляются ея обыватели съ корзинами, наполненными провизіей на воскресенье, или пивомъ, или, наконецъ, покупками разнаго рода. Лишь около полуночи улица внезапно превращается въ нѣкоего рода адъ: толпы ея обывателей изъ непрекраснаго пола возвращаются во-свояси, нагруженные чрезмѣрными и необузданными изліяніями. Одинъ барабанитъ въ дверь и ставни, другой одолѣвается рвотою на тротуарѣ, третій издаетъ крики и вопли столь пронзительные и раздражительные, что обыватели двухъ сосѣднихъ большихъ улицъ, привыкшіе ко всему этому содому по ночамъ въ субботу, появляются на углахъ разузнать, въ чемъ дѣло, четвертый и пятый

вцѣпились другъ другу въ волосы съ такимъ остервенѣніемъ, что лишь шесть ведеръ холодной воды, на нихъ вылитыхъ изъ окна третьяго этажа, едва успѣли ихъ рознять и т. д. Зато слѣдующій день—воскресенье, являющійся по закону днемъ обязательнаго ничегонедѣланія и посему порождающій наканунѣ своего наступленія подобную кутерьму, обыкновенно проводится спокойно. Населеніе Зловонной улицы, какъ и всѣхъ иныхъ городовъ и мѣстностей «страны свободы», облекается въ свои наилучшіе костюмы, въ свое такъ называемое «воскресное платье». Мужчины, подвергшись бритью и чисткѣ своихъ сапоговъ съ четырехугольными носками еще въ субботу вечеромъ, въ воскресенье, въ чистой рубахѣ и наилучшемъ своемъ костюмѣ, чувствуютъ себя вполне «джентельменами», то-есть лицами, одѣтыми въ приличное платье и ничего ровно не дѣлающими, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день обычная трубка замѣняется дешевой сигарой. Однако, костюмы молодыхъ людей отличаются обыкновенно вычурностью и яркостью красокъ, между тѣмъ какъ между разнообразными костюмами молодыхъ женщинъ американской трущобы попадаются иногда отличающіеся изысканнымъ вкусомъ.

IV.

Повальная лживость является наиболѣе характеристической чертой обывателей Зловонной улицы, поскольку они входят въ сношенія и отношенія съ внѣшнимъ, такъ сказать, міромъ. Между собой, въ своей собственной уличной средѣ, они въ высшей степени прямы, непринужденны, откровенны и вообще вѣрны данному слову потому, быть можетъ, что ложью и увертками здѣсь ничего не выиграешь, а скорѣе рискуешь проиграть. Совершенно наоборотъ, разъ обыватель Зловонной улицы входитъ въ сношенія и отношенія съ лицами, не принадлежащими къ его уличной средѣ, онъ лжетъ направо и налево безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти и въ особенности тароватъ давать кучу всевозможныхъ обѣщаній и принимать на себя всевозможныя обязательства, которыхъ ни на единую секунду не думаетъ когда либо выполнить. Причиной подобнаго внезапнаго нравственнаго перерожденія американскаго трущобнаго человѣка, какъ только онъ вынырнулъ изъ своего трущобнаго омута, является, быть можетъ, то обстоятельство, что внѣ своей трущобной среды ему только и приходится имѣть дѣло лишь съ работодателемъ, владѣльцемъ дома, въ которомъ нанимаетъ онъ квартиру, да агентами разныхъ благотворительныхъ обществъ, посылаемыми въ трущобное царство для «изслѣдованія дѣйствительнаго положенія» просителей, вызывающихъ къ благотворительности. Если обманъ работодателя или квартиросдавателя въ большей части случаевъ оказывается болѣе или менѣе полез-

нымъ для обывателя Зловонной улицы, то обманъ агента благотворительнаго общества представляется прямо выгоднымъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что многіе изъ подобныхъ агентовъ прибѣгаютъ подъ лживымъ покровомъ дружбы къ столь дѣвольскимъ ухищреніямъ, дабы вывѣдать отъ просителей, ихъ друзей и сосѣдей факты свойства совершенно неблагопріятнаго для удовлетворенія ихъ ходатайствъ, что усвоеніе подобныхъ же мѣръ самими просителями представляется актомъ простаго подражанія, доведеннаго до виртуозности, въ которомъ, вопреки евангельскому изреченію, ученикъ сталъ выше своего учителя. Необходимо точно также принять въ соображеніе, что въ силу чудовищнаго ханжества американцевъ зажиточныхъ классовъ, доходящаго до положительнаго изувѣрства, случайное выпиваніе при подходящей оказіи смѣшивается съ беспросыпнымъ пьянствомъ, случайная утрата самообладанія или потеря терпѣнія со стороны отца или матери по отношенію къ дѣтямъ смѣшивается съ систематической и неискоренимой жестокостью и т. д. Такъ какъ благотворительныя учрежденія и ихъ правящіе элементы состоятъ, конечно, исключительно изъ подобныхъ невмѣняемыхъ ханжей, то обывателю американской трущобы, если онъ хочетъ добиться помощи, поневолѣ приходится лгать насчетъ употребленія спиртныхъ напитковъ, обращенія съ дѣтьми и т. п. Вышеописанная лживость обывателей Зловонной улицы неизмѣнно сопровождается безогляднымъ употребленіемъ лести и подлизничества. Такъ какъ, однако, подобная лесть и подлизничество представителями иныхъ классовъ американскаго общества и въ особенности этими благотворительными ханжами принимаются за выраженіе признательной оцѣнки ихъ личности и дѣятельности, за проявленіе благодарности и щедро вознаграждаются, то представителя американскаго трущобнаго царства и невозможно строго винить за ихъ употребленіе. Къ вышепомянутымъ основнымъ качествамъ нравственнаго характера американскаго трущобнаго обывателя необходимо присовокупить наконецъ почти безграничное прислужничество. Это нравственное качество присуще ему, однако, наравнѣ съ американскимъ буржуа, съ представителями американской торговли и промышленности. Это—такъ сказать, коммерческое прислужничество, иногда въ буржуа «страны свободы» неожиданно и безъ достаточной причины переходящее въ необузданную наглость.

Большая или меньшая склонность къ спиртнымъ напиткамъ присуща всѣмъ вообще обывателямъ Зловонной улицы, безъ различія пола, а до извѣстной степени даже и возраста. Всѣ вообще обитатели американской городской трущобы пьютъ въ большей или меньшей степени, а нѣкоторые отъ времени до времени напиваются сверхъ мѣры. Тѣмъ не менѣе, однако, настоящихъ пьяницъ сравнительно немного, хотя, къ сожалѣнію, среди этихъ послѣд-

нихъ оказываются иногда совершенные еще мальчишки. Само собою разумѣется, что быть пьянымъ во дни двухъ важнѣйшихъ американскихъ праздниковъ, каковы Рождество и четвертое іюля (день объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ), считается не только не предосудительнымъ, но даже неизбѣжнымъ, какъ бы обязательнымъ. Если такимъ образомъ настоящихъ пьяницъ въ американскомъ трущобномъ царствѣ сравнительно немного, а всѣ вообще, начиная приблизительно съ пятнадцатилѣтняго возраста, пьютъ въ большей или меньшей степени, но въ мѣру, то подобному явленію имѣется, конечно, множество причинъ. Главнѣйшими изъ нихъ являются: плохое, недостаточное питаніе, непосильный трудъ, хроническая безработица, бѣдность, нерѣдко переходящая въ нищету, жестокость мужей, сварливость и безпорядочность женъ, наконецъ, какъ это ни покажется страннымъ, попросту общительность. Не слѣдуетъ забывать, что американское питейное заведеніе, всегда чистое, опрятное, снабженное огромнымъ мраморнымъ буфетомъ-холодильникомъ, изъ котораго посредствомъ цѣлаго ряда крановъ истекаютъ всевозможныя минеральныя воды, и въ которомъ, кромѣ превосходной американской водки, пмѣются всегда еще и порядочныя вина,—является не только мѣстомъ распиванія питій спиртныхъ и неспиртныхъ, а точно также мѣстомъ шутокъ, прибаутокъ, сообщенія новостей дня, обсужденія политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, широкаго и непрерывнаго обмѣна мыслей. Картины, зеркала, рядъ боковыхъ кабинетовъ для дамъ, изобиліе минеральныхъ водъ придаютъ американскому питейному заведенію характеръ, совершенно отличный отъ того представленія, какое связано въ умѣ всякаго русскаго со словомъ «питейное заведеніе»: оно смахиваетъ скорѣе на хорошій трактиръ, въ которомъ предлагаются минеральныя воды, водка, пиво и вина съ холодными закусками, а равно иногда играетъ музыка. Представляется вполне естественнымъ, что для американскаго бѣдняка, въ особенности для обывателя американской городской трущобы, это питейное заведеніе является своего рода клубомъ, съ которымъ по относительной притягательности не можетъ сравниться ни дешевый театръ, ни разныя благотворительныя «пиршества съ мороженымъ и пирогами». Нерѣдко случается поэтому, что данный обыватель американской трущобы отирается въ питейное заведеніе попросту общенія ради, а такъ какъ необходимо же что нибудь да потребовать, потребовать же минеральной воды мужчинѣ какъ-то не къ лицу, то онъ требуетъ пива и мало-по-малу пріучается къ спиртнымъ напиткамъ.

По части такъ называемой половой нравственности трущобное царство «страны свободы» самымъ выгоднымъ образомъ отличается отъ американскаго буржуазнаго міра. Въ то время, какъ американскій буржуа, этотъ закоренѣлый ханжа, наиподлѣйшій коме-

діантъ и неисправимый лжецъ, распинаясь въ салонѣ и въ публикѣ за святость брачныхъ узъ, неизбежность семейнаго союза и т. д., своими щедрыми платежами и крупными тратами содержать безконечную вереницу самыхъ роскошныхъ и дорогихъ публичныхъ домовъ на земномъ шарѣ, въ то время какъ въ этой буржуазной средѣ «страны свободы» чистая и невинная дѣвушка, въ чистотѣ и невинности своей послѣдовавшая всемогущему голосу любви и отдавшаяся любимому человѣку безъ предварительныхъ торговъ и условій, если она станетъ матерью, или ея близкія съ нимъ отношенія выплывутъ наружу, подвергается безпощадному остракизму и безчеловѣчному преслѣдованію, нерѣдко кончающемуся самымъ трагическимъ образомъ; въ то время какъ даже «легальная» беременность въ этой буржуазной средѣ влечетъ за собой для будущей матери временное удаление изъ такъ называемаго общества; въ то время какъ бракъ въ этой средѣ является попросту спеціального сорта коммерческой сдѣлкой, — въ американской трущобной средѣ беременность не влечетъ за собой удаления изъ общественной среды; беременная дѣвушка не подвергается безчеловѣчнымъ преслѣдованіямъ и общественному остракизму; такъ называемые свободные союзы не представляются особой рѣдкостью и обыкновенно являются болѣе счастливыми, нежели формальные брачные союзы; наконецъ, что представляется наиболѣе достойнымъ замѣчанія и наиболѣе важнымъ въ общественномъ отношеніи, въ этой американской трущобной средѣ, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ Зловонныхъ улицахъ «страны свободы», не имѣется ни единаго публичнаго дома, являющагося спеціальнымъ достояніемъ американской буржуазной «цивилизациа» со всей ея чудовищной ложью, съ ея преимущественно дѣловымъ бракомъ, съ ея показной и поддѣльной моралью, съ ея изувѣрскимъ ханжествомъ или, точнѣе говоря, ханжескимъ изувѣрствомъ. Конечно, имѣются въ Зловонной улицѣ пошаливающія женщины и невѣрныя жены, но, во-первыхъ, онѣ становятся пошаливающими и невѣрными не столь поголовно, какъ женщины и жены «лучшаго» класса, а, во-вторыхъ, онѣ становятся таковыми не непременно за деньги, какъ это продѣлываютъ почти безъ всякаго исключенія благородныя матроны американской буржуазіи, нагло позирующія въ качествѣ безспорныхъ и недоступныхъ добродѣтелей и съ презрительнымъ негодованіемъ разглагольствующія объ этихъ такъ называемыхъ «падшихъ» женщинахъ. Незаконныя дѣти Зловонныхъ улицъ «страны свободы» пользуются вообще со стороны родителей и въ особенности матери такими же любовью и заботой, какъ и дѣти законныя, между тѣмъ какъ незаконныя дѣти всѣхъ этихъ ея проспектовъ и широкихъ улицъ, заселенныхъ «лучшимъ» ея классомъ, поскольку эти дѣти удѣляются въ живыхъ

какъ до, такъ и послѣ ихъ рожденія, усылаются куда нибудь какъ можно подалеже на предметъ возвращенія и воспитанія, никогда не видя родительской ласки.

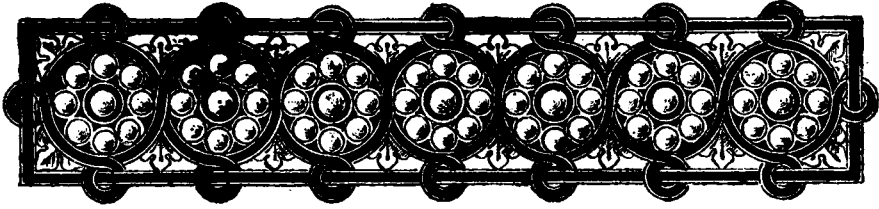
Другой свѣтлой стороной житейскаго уклада американскаго труппнаго царства представляется полная и неподдѣльная готовность сосѣдей, друзей, знакомыхъ, всѣхъ обывателей подобной Зловонной улицы вообще прійти на помощь въ бѣдѣ, выручить изъ безвыходнаго положенія, причиненнаго несчастнымъ случаемъ, болѣзнию или наконецъ смертью, оказывать другъ другу поддержку во всѣхъ заботахъ, хлопотахъ и тягостяхъ повседневной жизни. Сосѣди присматриваютъ за дѣтьми другъ друга, навѣщаютъ больныхъ въ ближайшихъ семьяхъ, занимаютъ другъ у друга предметы жизненной необходимости, начиная съ чашки сахара или ломтика масла и кончая кухонной печью или теплымъ одѣяломъ, посылаютъ больнымъ въ сосѣдскихъ квартирахъ частицу своихъ лучшихъ блюдъ, дѣлятся другъ съ другомъ разными лакомствами и предметами удобства и роскоши, ими выманенными у благотворительныхъ учреждений, даютъ временный пріютъ семьямъ, выселеннымъ изъ квартиръ за невзносъ наемной платы, укрываютъ жену и дѣтей отъ ярости бушующаго мертвецки пьянаго супруга и отца до его вырезвленія, наконецъ даютъ убѣжище и протягиваютъ дружескую руку помощи тѣмъ несчастнымъ женщинамъ, попреимуществу дѣвушкамъ, которымъ негдѣ разрѣшиться отъ бремени и пролежать до выздоровленія. Когда же по случаю тяжелой болѣзни или смерти своего кормильца семья попадаетъ въ критическое положеніе, то молодые люди Зловонной улицы въ пользу ея устраиваютъ «балъ» или лотерею, обыкновенно приносящіе несчастной семьѣ отъ 60 до 80 долларовъ, представляющихъ довольно солидной временной поддержкой. Едва лишь огромный черный или бѣлый бантъ, внезапно появившійся на ручкѣ входной двери снаружи дома, возвѣститъ о кончинѣ взрослого лица или дитяти внутри его, въ тотъ моментъ почти начинаютъ являться сосѣди для выраженія сочувствія и соболѣзнованія семьѣ, понесшей утрату. Это широкое и ничѣмъ неограниченное «благоволеніе» по отношенію другъ къ другу, это человѣколюбивое сочувствіе къ горю и тяжелому положенію «ближняго», эта братская пріязнь къ сосѣду, какъ близкому, такъ и болѣе дальнему, составляютъ самую типическую черту житейскаго уклада и повседневнаго существованія американской городской труппы. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ постороннему наблюдателю, эта именно наиболѣе свѣтлая черта американской труппной жизни труппными обывателями самымъ тщательнымъ образомъ скрывается отъ всѣхъ подобныхъ наблюдателей. Въ нихъ труппное царство неизмѣнно подозрѣваетъ если не прямыхъ агентовъ и «раз-

слѣдователей» разныхъ благотворительныхъ обществъ, то во всякомъ случаѣ людей такого сорта, которые тотчасъ доведутъ до свѣдѣнія означенныхъ обществъ обо всемъ ими обнаруженномъ, а если общества эти узнаютъ, какъ они, сыны и дочери трущобнаго міра, помогаютъ другъ другу въ бѣдѣ и несчастіи, то, конечно, не станутъ болѣе оказывать имъ своей благотворительной помощи.

Е. Н. Матросовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Древности русскаго права. Томъ III. Землевладѣніе, тягло, порядокъ обложенія. В. Сергѣевича. Спб. 1904.

НОВЫЙ ТОМЪ обширнаго труда почтеннаго автора посвященъ выясненію вопросовъ древнерусскаго землевладѣнія, тягла и порядка обложенія. Преимущественнымъ матеріаломъ для сужденій и выводовъ проф. Сергѣевичу служили писцовыя книги: древнѣйшія — новгородскія и позднѣйшія — московскія. На основаніи данныхъ писцовыхъ книгъ авторъ даетъ опредѣленіе деревни, села, погоста; указываетъ, въ чемъ заключались промыслы деревенскихъ жителей, каковы были размѣры ихъ земельныхъ участковъ, сколько они высѣвали хлѣба, косили сѣна, въ какомъ порядкѣ перемѣщались. Вмѣстѣ съ тѣмъ уважаемый ученый обстоятельно разбираетъ исторію возникновенія крестьянской общины.

Проф. Сергѣевичъ въ данномъ случаѣ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ свободнаго, самостоятельнаго возникновенія крестьянской общины и ея псконнаго существованія. Уважаемый ученый происхожденіе общиннаго строя ставитъ въ зависимость отъ размѣщенія крестьянъ на государевыхъ земляхъ, конфискованныхъ у Новгорода послѣ походовъ противъ него великаго князя Ивана Васильевича и выселенія новгородскихъ гражданъ въ московскіе предѣлы. На основаніи писцовыхъ книгъ профессоръ Сергѣевичъ прежде всего доказываетъ, что собственниками новгородскихъ земель были: бояре, купцы, посадскіе люди, крестьяне, поны, монастыри, самъ Великій Новгородъ, но ни одного клочка не принадлежало крестьянскимъ общинамъ. А въ Новгородѣ было все, что существовало въ древней Руси въ середнѣи пятнадцатаго вѣка. Общинное владѣніе, по мнѣнію г. Сергѣевича, возникаетъ никакъ не ранѣе конца XV вѣка и появляется впервые на конфискованныхъ въ пользу

государя земляхъ, при чемъ такое владѣніе получаетъ нѣкоторыя особенности, не волюнъ соответствующія нашимъ представленіямъ о собственности, владѣніи и пользованіи. Все общинное крестьянское землевладѣніе возникло у насъ изъ земель, отписанныхъ на государя. Всѣ конфискованныя Иваномъ Васильевичемъ земли составили его собственность и стали распредѣляться во владѣніе на извѣстныхъ условіяхъ помѣщикамъ и крестьянамъ. Крестьяне были пооброченны, при чемъ повпности для удобства московское правительство начало распредѣлять не по отдѣльнымъ дворамъ, а огуломъ на все имѣніе. Отсюда образовалась необходимость общей раскладки оброка между отдѣльными крестьянами, что привело въ свою очередь къ представленію, что общинникъ не только государевъ сборъ, но общинна и самая земля. Правительство не вмѣшивалось въ дѣла внутреннихъ крестьянскихъ распорядковъ и такимъ образомъ содѣйствовало укрѣпленію общины, которая постепенно привилась и въ Низовой землѣ.

Помимо общиннаго вопроса интересны выводы автора и относительно понятія деревни и села. Деревня, оказывается, могла существовать, состоя всего изъ одного двора, то-есть первоначальная русская деревня и представляла собою не что иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей къ нему землей. Каждый самостоятельный владѣлецъ устранивался своимъ хозяйствомъ на своемъ дворѣ съ прилегающимъ къ нему полемъ и угодьями. При дѣлежѣ первоначальный единый дворъ распадался, и такимъ образомъ получались деревни изъ нѣсколькихъ дворовъ. Помимо собственниковъ или вѣчныхъ владѣльцевъ земли, среди крестьянъ пашенныхъ явились арендаторы земли подъ дворы—крестьяне непашенные—«поземщики» новгородскихъ областей.

Такіе беспашенные люди были и въ Москвѣ, гдѣ писцы половины шестнадцатаго вѣка называли ихъ «бобылями», которые точно такъ же, какъ «поземщики», платятъ хозяину «поземъ». Профессоръ Сергѣевичъ, несмотря на практику московскихъ писцовъ, стремится указать разницу между новгородскими «поземщиками» и московскими «бобылями». И тѣ и другіе—непашенные люди, но поземщикъ только нанимаетъ землю подъ дворъ, въ которомъ и живетъ, тогда какъ бобыль обязывается «всякое сдѣлье бобыльское» дѣлать и еще оброкъ платить. Между прочимъ изъ нѣкоторыхъ цорядныхъ явствуетъ, что бобыль живетъ у господина во дворѣ; кромѣ того, въ одномъ изъ документовъ указано, что оброкъ бобыль долженъ платить въ томъ случаѣ, если онъ уйдетъ отъ хозяина на пашню. Отсюда профессоръ Сергѣевичъ заключаетъ, что бобыльство не было арендаторствомъ, а особымъ видомъ службы господину, оброкъ же являлся обезпеченіемъ неустойки на случай невыполненія бобылемъ своихъ бобыльскихъ обязательствъ передъ господиномъ, во дворѣ котораго онъ жилъ. Не вступая въ споръ съ уважаемымъ ученымъ, мы, однако, позволимъ себѣ сдѣлать маленькое не возраженіе, а предположеніе. Московскіе писцы до извѣстной степени отождествили новгородскихъ поземщиковъ съ бобылями, а въ основаніи поезда лежалъ арендный договоръ найма имущества земли для двора. Значитъ, какъ поземщикъ, такъ и бобыль нуждались въ дворѣ, котораго не имѣли. Эта черта у нихъ общая; ее отмѣтили московскіе

писцы, объединившіе поземщиковъ и бобылей въ одномъ понятіи людей безпашенныхъ. Но, съ другой стороны, г. Сергѣевичъ указываетъ на различіе, существовавшее между обоими разрядами этихъ безземельныхъ крестьянъ. Поземщикъ только платитъ «поземъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ живетъ въ своемъ дворѣ; бобыль не только платитъ, но и работаетъ на господина и живетъ въ чужомъ дворѣ. Последнее обстоятельство и наводитъ на слѣдующее предположеніе. Не есть ли бобыльство одинъ изъ видовъ такъ называемаго жилищнаго вопроса? Поземщикъ живетъ въ своемъ домѣ, а бобыль въ чужомъ. У поземщика нѣтъ пашни, но можетъ быть иное хозяйство и промыслы, съ которыхъ онъ платитъ хозяину арендную плату. Профессоръ Сергѣевичъ указываетъ на то, что среди поземщиковъ были очень состоятельные люди. Бобыль наоборотъ—онъ не имѣетъ своего двора, онъ не занимаетъ дома, а лишь имѣетъ квартиру или уголь въ чужомъ. Онъ—не предприниматель, а пролетарій, и потому можетъ платить за кровъ, а, быть можетъ, и за столъ своей работой, плодами ремесла. Г. Сергѣевичъ указываетъ, что бобыль платитъ и оброкъ въ случаѣ своего ухода на пашню. Это вполне понятно, если принять дѣлаемое предположеніе. Уходя на пашню, бобыль прекращаетъ прежній договоръ найма квартиры за личныя услуги и, превращаясь въ арендатора земельного участка, долженъ платить оброкъ.

Крайне любопытно также опроверженіе профессоромъ Сергѣевичемъ того весьма распространеннаго мнѣнія, что въ Московскомъ государствѣ служилые люди не обязаны были платить податей, бремя которыхъ несли только низшіе классы. Уважаемый авторъ доказываетъ, что государственныя повинности должно было нести все населеніе, но различные представители высшихъ классовъ могли получать отъ государей тѣ или другія податныя льготы. Это обстоятельство, какъ исключеніе, однако, нисколько не подрывало общаго правила.

Въ концѣ своей книги г. Сергѣевичъ даетъ обзоръ литературы предмета. Онъ разсматриваетъ труды г-жи Ефименко «О крестьянскомъ владѣніи на крайнемъ Сѣверѣ», профессора Лучицкаго «Сябры и сябренное землевладѣніе въ Малороссіи», критическія замѣтки г. Лапш-Данилевскаго на «Исторію экономическаго быта Великаго Новгорода». Разсмотрѣны также соответствующія работы Б. Н. Чичерина, И. Д. Бѣляева, С. М. Соловьева, гг. Соколовскаго, Дьяконова, Рожкова, Павлова-Сильванскаго, покойнаго Дебольскаго, Чечулина.

Въ этомъ очеркѣ литературы г. Сергѣевичъ съ присущей ему тонкостью критическаго анализа подвергаетъ строгой оцѣнкѣ сужденія и выводы названныхъ авторовъ, среди которыхъ отъ критическаго ножа наиболѣе пострадалъ г. Чечулинъ, которому профессоръ Сергѣевичъ указалъ, что легкомысленный историкъ, являясь горячимъ сторонникомъ древности общиннаго землевладѣнія, не имѣетъ понятія о существѣ земельныхъ передѣловъ, какъ явленія общиннаго хозяйства. Изъ иностранныхъ авторовъ г. Сергѣевичъ коснулся трудовъ Маурера, Фюстель де-Куланжа, но, къ сожалѣнію, не счелъ нужнымъ войти въ оцѣнку труда Кейссера «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», въ которомъ иностранный ученый даетъ критическо-историческое изслѣдованіе общиннаго землевладѣнія въ Россіи.

В. Грибовскій.

Пл. А. Кулаковскій. Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ изъ исторіи русскаго вліянія на югославянскія литературы. Спб. 1903.

Культурныя связи между русскимъ и сербскимъ народомъ ведутъ свое начало съ самыхъ древнихъ временъ исторической жизни этихъ двухъ славянскихъ народовъ. Когда надъ Русской землей тяготѣло татарское иго, задерживая развитіе нашего просвѣщенія, Сербія выслала не одного просвѣщеннаго дѣятеля на ниву русской культурной работы. Довольно вспомнить Кипріяна, сначала митрополита кievскаго, а потомъ московскаго, и Григорія Цамвлака, митрополита московскаго, обоихъ родомъ изъ Сербіи. Когда обстоятельства измѣнились, и на Куликовомъ полѣ Русь нанесла поражение татарамъ, а спустя 9 лѣтъ на полѣ Коссовомъ погибло Сербское царство Лаазаря, связи не прервались, только направленіе ихъ измѣнилось, и въ Сербію хлынула обратная струя—русскаго вліянія. Подъ турецкимъ игомъ сербская письменность стала постепенно замирать, и скорѣй обнаружилось полное ея оскудѣніе. Тогда-то начинаютъ уже, не прекращаясь, съ одной стороны, постоянныя поѣздки сербскаго духовенства въ Россію съ просьбою о помощи и присылкѣ богослужебныхъ книгъ и церковной утвари, а, съ другой, жалованныя грамоты русскихъ царей и ихъ дары сербскимъ монастырямъ. Постепенно возрастая, русское вліяніе, можно сказать, образовало новую сербскую словесность: оно вполне господствовало въ XVIII вѣкѣ и даже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка. Это—такъ называемый «славено-сербскій» періодъ сербской литературы, который вѣрнѣе было бы назвать «русско-сербскимъ»: произведенія писателей этого времени такъ далеки отъ народнаго сербскаго языка и такъ близки къ русскому и старо-славянскому языкамъ, что ихъ можетъ понимать безъ затрудненія всякій русскій, хотя бы и совершенно незнакомый съ языкомъ сербскимъ. Прослѣдить, какими путями шли русско-сербскія культурныя связи, и въ чемъ онѣ выразились,—предметъ любопытный и живой. Книга П. А. Кулаковскаго касается одного только эпизода этой исторіи, когда присоединенные къ Австріи по Пажаревецкому миру 1718 года сербы въ лицѣ своего митрополита Моисея Петровича, ища себѣ защиты противъ римско-католическаго вліянія, обратились къ Петру Великому съ просьбою прислать имъ учителей и дать средства на устройство школы, «понеже сербскій народъ много, кромѣ Россіи, прибѣжища себѣ не имѣетъ».

Здѣсь прежде всего любопытно отношеніе къ этой просьбѣ Петра. Митрополиту пришлось писать въ Петербургъ дважды: на первое письмо отвѣта онъ не получилъ. Г. Кулаковскій думаетъ, что оно пропало на пути. На второе послѣдовалъ отвѣтъ благопріятный: «щедрость подарковъ и поспѣшность удовлетворенія просьбы митрополита доказывали, что Петръ близко къ сердцу принялъ воззваніе къ нему сербскаго іерарха, жаловавшася на положеніе своей православной паствы». Что побуждало его къ этому? Соображенія религиозныя? Едва ли. Отношенія Петра къ религіи слишкомъ извѣстны. По всей вѣроятности, считая необходимымъ поддерживать православныхъ и въ Венеціи, и въ «державѣ Цесарской», и въ Польшѣ, императоръ руководился больше по-

литическими расчетами. Онъ понималъ, что православное населеніе Западной Европы—это твердая и прочная опора для русской политики на Западѣ. Мелькала ли у него мысль о славявствѣ, какъ цѣломъ? Это—вопросъ, который стоилъ бы подробнаго и обстоятельнаго изученія. Авторъ книги думаетъ, что онъ уже «предвидѣлъ великую роль Россіи, какъ православной и славянской державы». Какъ бы то ни было, въ Сербію былъ отправленъ учитель, и этимъ государь несомнѣнно показалъ свою прозорливость и вѣрное сознаніе русскихъ выгодъ.

Человѣкомъ, на котораго палъ выборъ синода, оказался козловскій дворянинъ и синодальный переводчикъ Максимъ Суворовъ, передъ тѣмъ довольно долго жившій въ Прагѣ чешской, что должно было ему облегчить учительство среди сербовъ. Скучность документовъ не позволяетъ вполне выяснитъ личность этого человѣка. Съ одной стороны, онъ представляется человѣкомъ неуживчивымъ, но, съ другой, онъ вѣрнѣе въ высоту своей мисси въ Сербіи и, повидимому, высоко цѣнитъ честь и пользу Россіи, стараясь оказаться на высотѣ своего достоинства. Такимъ рисуетъ его г. Кулаковскій, подробно излагая исторію его учительской дѣятельности, полной злоключеній. Въ началѣ XVIII вѣка у сербовъ школы, можно сказать, не существовало. Учили кое-гдѣ дьячки или звонари. Учили самымъ первобытнымъ образомъ, безъ книгъ, которыхъ достать былъ неоткуда, по навощеннымъ дощечкамъ, на которыхъ пиломъ выдалбливали азбуку, а потомъ псалмы; когда ученикъ выучивалъ написанное наизусть, тогда воскъ заглаживался, и на доскѣ писалось продолженіе заученнаго. Для этого учителя получали отъ общины ежегодно по 75 фунтовъ воску. Въ иныхъ мѣстахъ вырѣзывали тексты на липовой дощечкѣ, которую потомъ состругивали. Такимъ образомъ случалось, что ученики даже за 10 лѣтъ не научались читать и одной книги. Суворовъ самъ привезъ съ собой изъ Москвы книги и раздавалъ ихъ учащимся. Школа его была, можетъ быть, первой настоящей начальной школой у сербовъ. И, тѣмъ не менѣе, онъ встрѣтилъ себя недоброжелателей даже среди сербскаго духовенства. Появленіе Суворова могло поднять требованія отъ лицъ, ищущихъ священства. Недовольны были «москалемъ» и его соперники, «доскалы» (учителя). А отцы дѣтей говорили: «Что онъ учитъ: мой, твой, свой, онъ, она, оно? Мы это знаемъ и безъ грамматики. Пусть бы онъ лучше писалъ для своихъ учениковъ проповѣди и давалъ имъ выучивать ихъ наизусть». Латинскому языку Суворовъ долго не рѣшался учить, между прочимъ, боясь возбудить противъ себя католическое духовенство, державшее въ своихъ рукахъ все почти образованіе среди австрійскихъ сербовъ и подозрительно смотрѣвшее на «школы» Суворова. Словомъ, русскому учителю приходилось трудно тѣмъ болѣе, что въ Россіи синодъ недостаточно о немъ помнилъ, и жалованья случалось ему ждать по цѣлымъ годамъ. Единственною поддержкой его былъ митрополитъ Моисей Петровичъ. Когда онъ умеръ, и на митрополичій престолъ вступилъ Викентій Іоанновичъ, человѣкъ слабый, нерѣшительный и боявшійся Вѣны, положеніе Суворова стало совсѣмъ невозможнымъ тѣмъ болѣе, что открылось, что до сихъ поръ держалось въ тайнѣ, то-есть, что онъ былъ присланъ къ сербамъ русскимъ императоромъ и состоялъ на русскомъ жалованьи. Новый митрополитъ не поладилъ съ Суворо-

вымъ, и въ 1731 году Суворовъ бросилъ свои «школы» и выѣхалъ въ Вѣну, «безпшценъ и безодежденъ», какъ онъ самъ пишетъ, но лишь въ 1737 году удалось ему вернуться въ Россію.

Школа Суворова просуществовала въ Карловцахъ около 5 лѣтъ. Принесла ли она плоды? Самъ Суворовъ покинулъ Карловцы, считая свое пребываніе тамъ бесполезнымъ, но г. Кулаковскій высоко ставитъ значеніе его дѣятельности. Русская школа и русское вліяніе были тогда прямою потребностью сербовъ. Замѣчательно, что еще до посылки Суворова предприимчивые ярославскіе офени сами безъ всякихъ просьбъ заходили уже въ Австрію съ коробами богослужебныхъ русскихъ книгъ. Очевидно, это было небезвыгодно и не безъ значенія, потому что австрійское правительство вскорѣ закрыло передъ ними границу. Затѣмъ, отпустивъ Суворова, митрополитъ Викентій Іоанновичъ вовсе не думалъ, однако, объ уничтоженіи русской школы. Напротивъ онъ тотчасъ же обратился къ кievскому архіепископу Рафаилу Зборовскому съ просьбою о присылкѣ къ сербамъ русскихъ учителей, и на этотъ призывъ тотчасъ же откликнулись кievскіе воспитанники, среди которыхъ былъ между прочимъ Эммануилъ Козачинскій, самъ будущій извѣстный малорусскій писатель и учитель извѣстнаго сербскаго писателя Іоанна Раича. Наконецъ ученики Суворова были первыми сербами, поступившими въ Кievскую духовную академію, а привезенныя имъ изъ Москвы книги— «Грамматика» Смотрицкаго, «Лексиконъ Трехъязычный» и «Первое ученіе отрокомъ» Теофана— стали образцами для всѣхъ учебныхъ сербскихъ книгъ. Такимъ образомъ болѣе, чѣмъ столѣтіе, грамматика русско-славянская являлась у сербовъ руководящею книгой. Все это позволяетъ сказать, что «съ именемъ Суворова связано начало устройства правильной народной школы у сербовъ, а также употребленіе въ сербской письменности языка, сближеннаго съ русско-славянскимъ настолько, что еще въ 1832 году въ сербскихъ альманахахъ, какъ оригинальное сербское произведеніе, могла появиться ода Державина «На смерть князя Мещерскаго» съ измѣненнымъ заглавіемъ: «Плачь на смерть преосвященнѣйшаго г. Іосифа Путника, епископа темешварскаго». Во всякомъ случаѣ личность и дѣятельность Суворова, этого перваго, хотя, можетъ быть, и невольнаго, русскаго «славянофила», не лишена интереса и значенія.

Стоялъ ли онъ на вѣрномъ пути, этотъ «первый дѣятельный распространитель русскаго языка и просвѣщенія среди славянъ»? Конечно, потому что школы его отвѣчали потребностямъ сербскаго народа. Теперь время памялось: «славяно-сербскій» языкъ данъ въ архивъ, и со времени Караджича литературнымъ языкомъ стала живая, сербская народная рѣчь. «Теперь,— заканчиваетъ свою книгу г. Кулаковскій,—задача сводится къ тому, чтобы та культурная сила, которая сблизила русскихъ и сербовъ, не порвалась. Это должно быть предметомъ самыхъ тщательныхъ заботъ самихъ же сербовъ». Намъ кажется, что и нашихъ. Еще недавно г. Амфитеатровъ, говоря о русскомъ петинскомъ институтѣ, указывалъ въ своей книгѣ о Балканскомъ полуостровѣ, какое важное значеніе могла бы сыграть къ юго-славянской жизни русская школа. Не знаемъ, насколько онъ правъ, но есть одна русская школа, которой значеніе можетъ быть безспорно велико: это — наша литература и

наука. Чѣмъ выше она будетъ стоять, чѣмъ больше въ ней будетъ правды и добрыхъ чувствъ, чѣмъ шире будетъ она интересоваться славянскою жизнью, тѣмъ сильнѣе будетъ ея вліяніе, и безъ того уже впрочемъ сильное у славянъ.

Андрей Сиротининъ.

Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ (къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи). Составлено подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Н. Н. Бѣлявскаго и подъ редакціей генералъ-майора В. А. Потто.

До настоящаго времени въ русской литературѣ не было труда, который обнималъ бы собою исторію столѣтней борьбы за упроченіе владычества нашего на Кавказѣ. Поэтому еще въ 1899 году возникла мысль о составленіи историческаго очерка, приуроченнаго къ столѣтію со дня присоединенія Грузіи и долженствовавшаго заключать въ себѣ систематическое цѣльное изложеніе исторіи завоеванія Кавказа.

Въ томъ же году была составлена программа труда, которая затѣмъ была утверждена военнымъ министромъ. По программѣ, этотъ историческій очеркъ долженъ былъ «запечатлѣть упорную, кровавую борьбу въ памяти народа»; предположено было составлять очеркъ исключительно на основаніи документальныхъ данныхъ, съ лѣтописной точностью, освѣщенной, по возможности, языкомъ тогдашнихъ дѣятелей. Очеркъ долженъ былъ охватывать не только исторію кавказскихъ войнъ XIX столѣтія за обладаніе Кавказомъ, но и борьбу того времени съ персіянами и турками.

Однако, ограничиться указанными предѣлами было слишкомъ недостаточно, а потому, для полноты историческаго очерка, было рѣшено показать ходъ постепеннаго развитія гражданскаго управленія Кавказомъ за весь періодъ владычества нашего до настоящихъ дней, дать вполнѣ вѣрную и правдивую картину состоянія Кавказскаго края во всѣхъ отношеніяхъ во время присоединенія Грузіи къ Россіи, показать, чѣмъ сталъ Кавказъ послѣ столѣтней жизни его подъ управленіемъ Россіи, и сколько принесено жертвъ, крови и трудовъ на умиротвореніе страны, чтобы вывести народы Кавказа на путь широкаго культурнаго развитія и благоденствія.

Такова въ общемъ была намѣченная программа. Разработка ея и общее наблюденіе за ея выполненіемъ производились подъ руководствомъ начальника штаба кавказскаго военнаго округа, генерала Н. Н. Бѣлявскаго, общая редакціонная работа была возложена на начальника военно-историческаго отдѣла штаба округа, генерала В. А. Потто; составленіе же статей сборника поручалось лицамъ, знакомымъ съ исторіей распространенія и утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ, и специалистамъ по различнымъ отраслямъ правительственной и общественной дѣятельности; изъ послѣднихъ назовемъ Н. С. Аносова, Е. Г. Вейденбаума, В. Н. Иваненка и др.

Источниками для составленія статей служили преимущественно матеріалы, находящіеся въ Тифлисѣ и въ архивахъ другихъ городовъ Кавказа.

Въ настоящее время изъ печати вышли первые три тома. Томъ I охватываетъ періодъ 1801—1809 гг., томъ II—эпоху 1809—1817 гг. и томъ III—исторію гражданскаго управленія Закавказьемъ отъ присоединенія Грузіи до намѣстничества великаго князя Михаила Николаевича.

Первый томъ, несмотря на то, что въ его составленіи принимали участіе нѣсколько человѣкъ, представляетъ собою вполне цѣльное, законченное произведеніе. Въ шестнадцать главахъ авторы добросовѣстно излагаютъ историческія данныя. Томъ открывается изложеніемъ состоянія Грузіи при царѣ Георгіи, и затѣмъ разсказывается о переходѣ Грузіи въ подданство Россіи. Въ послѣдующихъ главахъ наибольшій интересъ возбуждаетъ: колебаніе Александра I относительно возможности принять Грузію въ подданство, введеніе перваго русскаго управленія, дѣятельность князя Циціанова, событія въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, Эривани, Осетіи и др.

Авторы отлично справились со своею задачею: несмотря на подавляющую обширность тома, онъ читается легко, и интересъ къ изложенію ни на минуту не ослабѣваетъ, чему немало содѣйствуетъ прекрасный, литературный языкъ, которымъ уже успѣлъ зарекомендовать себя редакторъ изданія, г. Потто. Само собою разумѣется, что въ задачи изданія не входило критическое отношеніе къ описываемымъ событіямъ; авторы довольствовались «лѣтописною точностью». И, дѣйствительно, въ особенности первый томъ представляетъ собою яркую, мѣстами даже художественно отдѣланную лѣтопись, въ которой лѣтописцы излагаютъ все, что имъ извѣстно по тому или другому вопросу, съ полною добросовѣстностью.

Сказанное находитъ себѣ подтвержденіе хотя бы въ изложеніи причинъ и обстановки убійства генерала Лазарева. По мнѣнію составителей, «происшествіе это, не вполне выясненное въ мелочныхъ подробностяхъ, дало поводъ ко многимъ невыгоднымъ для Лазарева толкамъ». Съ цѣлью реабилитаціи Лазарева, составитель приводитъ самыя разнообразныя данныя. Въ 1803 году Циціановъ поручаетъ Лазареву препроводить въ Моздокъ грузинскую царицу Марію Георгіевну. Лазаревъ окружилъ домъ царицы карауломъ, а на слѣдующее утро явился къ царицѣ съ нѣсколькими офицерами объявить ей, что все готово къ отъѣзду. Царица, какъ бы согласившись на это, подала Лазареву знакъ, будто хочетъ съ нимъ проститься, и когда тотъ подошелъ, то она выхватила спрятанный кинжалъ и поразила Лазарева. Такъ описывалось событіе во всеподданнѣйшемъ донесеніи. Въ рапортѣ коменданта происшествіе излагалось нѣсколько иначе, но вовсе не накладывая на Лазарева какого бы то ни было шокирующаго отпечатка. Зато въ другихъ свидѣтельствахъ—въ оправдательномъ письмѣ самой царицы, показаніи священника Юсселіани, сочиненіи французскаго консула въ Тифлисѣ Гамбы, словахъ генерала Тучкова,—во всѣхъ этихъ данныхъ объясняется, что поведеніе Лазарева было вызывающее, унижающее, даже грубое, что не могло не вызвать у мало культурной царицы желанія и жажды мести. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ, что реабилитація Лазарева автору не удалась.

Шестая глава, трактующая о безпокойномъ и коварномъ Соломонѣ II, написана блестяще, живо и интересно, характеристика этого оригинальнаго кав-

казскаго героя независимости не оставляет желать ничего лучшаго. Этот неуязвимый, лукавый, умный царь, въ изложеніи автора историческаго очерка можетъ служить прекрасною моделью для бытописателя той эпохи или темою для драматической поэмы или романа: такъ хорошо изложена эта глава.

Къ первому тому приложены на отдѣльныхъ листахъ хорошо исполненные портреты императоровъ Павла I и Александра I, Кюорринга, Циціанова, Гудовича, виды монастыря Эчмадзина, крѣпости Эривани, Тифлиса, крѣпости Баку и др.; кромѣ того, въ книгѣ имѣются планы крѣпостей, замковъ, сраженій, блокадъ и приложена на отдѣльномъ листѣ большая карта Кавказскаго края съ обозначеніемъ границъ 1801—1813 г.г.

Въ общемъ, благодаря литературному живому изложенію, благодаря отсутствію сухого протоколизма въ изложеніи и, наконецъ, массѣ цѣннаго, богатаго матеріала, который находился въ распоряженіи составителей, первый томъ долженъ быть признанъ солиднымъ вкладомъ въ историческую литературу.

Второй томъ, составленный по порученію военно-историческаго отдѣла г. Аносовымъ, заключаетъ въ себѣ описаніе времени управленія Кавказомъ Тормасова, Паулуччи и Ртищева. Эта эпоха—1809—1817 г.г. — по преимуществу эпоха военныхъ дѣйствій, эпоха распространенія боевого владычества путемъ завоеваній, а потому естественно автору приходилось останавливаться въ подробностяхъ на оцѣнкѣ боевыхъ силъ нашей арміи, плановъ наступательныхъ дѣйствій, осадъ крѣпостей и т. п.

Авторъ выполнилъ свою задачу съ значительнымъ успѣхомъ; онъ добросовѣстно отмѣчаетъ каждый шагъ русскихъ завоевателей, останавливается по мѣрѣ возможности на состояніи и боевой готовности областей, подлежащихъ завоеванію, характеризуетъ эпоху, нравы, бытъ и т. п. Въ изложеніи г. Аносова замѣчается полное отсутствіе специфическихъ чисто-военныхъ формулъ, онъ излагаетъ для читателя въ такой формѣ, которая понятна какъ специалисту, такъ и читателю изъ большой публики, для котораго важнѣе самая сущность военнаго предпріятія, нежели его внѣшняя сторона, полезная или даже необходимая для техниковъ дѣла.

Языкъ г. Аносова простъ, выразителенъ; собранные имъ матеріалы расположены искусно; въ книгѣ много портретовъ, видовъ, рисунковъ, картъ и плановъ; на отдѣльномъ листѣ приложена карта военныхъ дѣйствій въ Закавказскомъ краѣ съ 1809 по 1817 годъ.

Въ послѣдующихъ томахъ до XI включительно, вѣроятно, будетъ дано мѣсто изложенію поступательнаго движенія Россіи по пути завоеваній; вышедшій изъ печати XII томъ относится уже къ области гражданскаго управленія Закавказьемъ. Составленіе этого тома было поручено г. В. Н. Иваненкѣ.

Авторъ по преимуществу останавливается на обзорнѣи исторической смѣны системъ управленія Закавказьемъ, удѣляя порою извѣстную долю вниманія и другимъ правовымъ институтамъ—гражданскому и уголовному праву; выяснивъ прежде всего ту юридическую обстановку, съ которой пришлось столкнуться русскому правительству на Кавказѣ, познакомивъ съ исторіей мѣстнаго законодательства у каждаго изъ отдѣльныхъ племенъ (глава I), авторъ обращается къ «положенію объ управленіи Грузіею» 1801 года и подробно выясняетъ

какъ содержаніе этого законодательнаго памятника, такъ и обстоятельства, сопровождавшія введеніе въ дѣйствіе русскихъ законовъ въ краѣ (глава II).

Въ послѣдующихъ главахъ г. В. Иваненко рисуетъ картину управленія Грузіею и политическаго устройства присоединяемыхъ земель. Наибольшій интересъ имѣетъ глава XI, гдѣ, съ одной стороны, излагается проектъ гр. Паскевича о преобразованіи гражданскаго управленія Закавказьемъ, а съ другой—приводятся подробныя свѣдѣнія о ходѣ законодательныхъ работъ, о проектѣ Гана и, наконецъ, объ изданіи учрежденія 1870 года. Въ XII-й главѣ заслуживаетъ также вниманія вопросъ о законодательныхъ поправкахъ къ изданному законодательству, о преобразованіи судебной части, а въ главѣ XIV-й—о пересмотрѣ грузинскаго законодательства и включеніи обычнаго права въ сводъ российскихъ законовъ. Наконецъ, XV-я глава, трактующая объ управленіи Муравьева и Барятинскаго, интересна въ томъ отношеніи, что въ ней изложены едва ли не самыя важныя реформы какъ въ области мѣстнаго управленія, такъ и судебной части.

Въ общемъ трудъ г. Иваненка представляетъ большой интересъ. Однако, здѣсь же мы должны оговориться, что система и способъ изложенія автора, въ виду особенности задачи, поставленной всему труду, отнимаютъ у книги значеніе исторіи права закавказскихъ народовъ. Это—не болѣе, какъ сводъ законодательныхъ памятниковъ, издававшихся въ разное время, съ подробнымъ изложеніемъ причинъ, вызвавшихъ то или другое измѣненіе въ законодательствѣ, и слѣдствій установленія новыхъ нормъ права. Понятно, что задачи исторіи права рѣзко отличаются отъ задачъ исторіи законодательства. Въ первомъ случаѣ изслѣдователю важны внутренніе поводы, вызывающіе измѣненія правосознанія, во второмъ—внѣшняя наличность причинъ, обстоятельствъ, повлекшихъ за собою измѣненіе законодательства. На Кавказѣ, гдѣ народное правосознаніе еще до нашего времени представляетъ дѣйственную почву для изслѣдованія, гдѣ точныя, положительныя нормы писаннаго права сталкиваются со всеобщаю обычаемъ, часто *de facto* уступая послѣднему мѣсто, тамъ болѣе всего нужно научное изслѣдованіе исторіи права, прогресса правосознанія.

Такимъ образомъ, если смотрѣть на трудъ г. Иваненка именно, какъ на сводъ законодательнаго матеріала, систематизированнаго въ порядкѣ его изданія, то онъ не оставитъ желать лучшаго. Пожалуй, автору можно поставить въ упрекъ его пристрастіе къ уголовно-правовымъ институтамъ; эти послѣдніе всегда удостоиваются большаго вниманія съ его стороны; имъ удѣляется большее мѣсто; они комментируются иногда очень подробно. Съ меньшею любовью г. Иваненко относится къ вопросамъ административнаго законодательства и, наконецъ, вовсе уже мало занимается гражданскимъ правомъ и обычаями. Мы не хотимъ сказать, что авторъ игнорируетъ ихъ вовсе, но, по нашему мнѣнію, онъ говоритъ о нихъ не съ достаточною подробностью.

Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ винить г. Иваненка не приходится: если имѣть въ виду, что пересаживаніе правовыхъ институтовъ на кавказскую почву въ теченіе всего XIX столѣтія происходило принудительнымъ путемъ, то легко понять, что уголовные институты должны были получить преобладающее зна-

ченіе въ ущербъ институтамъ частно-правовымъ, гражданскимъ; если русское правительство устанавливало наказаніе за какое либо преступленіе или устанавливало особую форму судопроизводства, то все установленное легко осуществлялось, а потому усилія правительства въ отношеніи карательныхъ процессуальныхъ институтовъ имѣли результатомъ многочисленныя постановленія. Иначе было дѣло въ сферѣ имущественныхъ и другихъ частно-правовыхъ отношеній; здѣсь уже завоеватель не могъ наложить свою властную руку; сфера вліянія суживалась, гражданскія сдѣлки ускользали отъ его вниманія; а отсюда—бѣдность постановленій, регламентирующихъ гражданское право народовъ.

Трудъ г. Иваненка еще не законченъ; послѣдняя глава (XVI) содержитъ въ себѣ изложеніе управленія князя Бяратинскаго. Мы надѣемся, что авторъ съ успѣхомъ закончитъ свою работу, которая должна быть признана, какъ единственный въ своемъ родѣ обширный трудъ, имѣющій огромную дѣятельность; ничего подобнаго до сихъ поръ въ нашей литературѣ еще не появлялось.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ, подъ просвѣщеннымъ руководствомъ Н. Н. Вѣлявскаго, въ недалекомъ будущемъ внесетъ дорогой вкладъ въ сокровищницу русской историографіи.

Всѣ три тома изданы изящно; рисунки, карты и планы исполнены превосходно, большинство изъ нихъ—фототипическимъ способомъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ разобранные нами труды заслуживаютъ вниманія не только специалистовъ, но и общества. Ф. Лѣ—въ.

Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ четвертый. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра III. Составленъ П. И. Тхоржевскимъ подъ главной редакціей статьи-секретаря Куломзина. Спб. 1903.

Настоящій томъ обзора посвященъ изложенію дѣятельности комитета министровъ въ царствованіе императора Александра Александровича. По общему плану онъ прежде всего касается организаци и значенія комитета и затѣмъ отдѣльныхъ его функций по дѣламъ народнаго продовольствія, здравія, по вопросамъ переселенческимъ, сословнымъ, образовательнымъ, церковнымъ, государственно-хозяйственнымъ.

Въ предисловіи составитель отмѣчаетъ ту черту дѣятельности комитета, которая выразилась въ постоянномъ проведеніи нѣкоторыхъ общихъ коренныхъ началъ внутренней политики покойнаго государя. Основныя же задачи царствованія императора Александра III заключались по опредѣленію бывшаго предѣдателя комитета министровъ, покойнаго Н. Х. Бунге, въ слѣдующемъ: 1) въ удовлетвореніи народнаго чувства, согласно которому Россія должна принадлежать русскимъ; 2) въ упрямленіи и скрѣпленіи внутренняго строя управленія и заочлененіи пробѣловъ въ преобразованіяхъ прошлаго царствованія: въ развитіи духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа.

При этомъ Н. Х. Бунге поясняетъ, что императоръ Николай Павловичъ допускалъ общественную самодѣятельность только, какъ рѣдкое исключеніе;

администрація и правительственныя учрежденія должны были при немъ не только восполнять, но даже замѣнять частную дѣятельность. Въ царствованіе Александра II правительство, озабочиваясь пробужденіемъ общественной самодѣятельности, впало въ другую крайность; казалось, что все будетъ достигнуто, если обществу будетъ предоставлена возможно высшая степень самостоятельности. Императоръ Александръ Александровичъ въ своей политикѣ стремился примирить обѣ крайности: при помощи усиленія значенія власти и правительственного почина. Въ области духовной жизни поэтому покойный императоръ наиболѣе заботился объ усиленіи церкви и развитіи церковно-приходскихъ школъ; въ области народнаго хозяйства обращалось вниманіе на покровительство русской промышленности и торговлѣ; финансовое управленіе ознаменовалось отмѣной подушной подати, пониженіемъ выкупныхъ платежей, пониженіемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Кромѣ того, усиливалась постоянно власть мѣстныхъ начальниковъ, какъ въ губерніяхъ, такъ и уѣздахъ, подавлялись сепаратистическія стремленія на окраинахъ и проч.

Участіе комитета министровъ въ достиженіи этихъ дѣлей и результатовъ было довольно неравномѣрно. Наибольшее участіе выпало на долю комитета въ области національной русской политики на окраинахъ; точно также кругъ его вѣдѣнія значительно расширяли вносимые въ него губернаторскіе отчеты. На журналахъ комитета состоялось не особенно много собственноручныхъ высочайшихъ отмѣтокъ, въ особенности по сравненію съ предыдущими царствованіями; дѣятельность центральныхъ учреждений понемногу установилась. Непосредственного вниманія государя въ большей мѣрѣ требовала дѣятельность правительства на мѣстахъ. Отчеты генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ обыкновенно вызывали многочисленныя высочайшія отмѣтки и указанія. Отчеты эти слушались затѣмъ въ комитетѣ, куда поступали свѣдѣнія и объясненія министровъ по состоявшимся отмѣткамъ. Такъ велось дѣло и раньше; но въ царствованіе Александра Александровича дѣла эти выдвинулись въ комитетѣ на первый планъ съ особою силою. Между прочимъ губернаторскіе отчеты въ значительной степени содѣйствовали тому, что старое земское положеніе было замѣнено новымъ съ значительнымъ сокращеніемъ правъ самоуправленія. Почти всѣ губернаторы дѣйствовали въ данномъ случаѣ одинаково; они не уставали въ приведеніи и подчеркиваніи выставляемыхъ ими отрицательныхъ чертъ земства. Такъ, въ 1881 году, исковскій губернаторъ указывалъ, что со стороны мѣстнаго земства не видно благотворныхъ начинаній въ области экономическаго состоянія губерніи; въ томъ же году харьковскій губернаторъ отмѣчалъ равнодушіе земства къ своимъ дѣламъ; то же самое дѣлали саратовскій и пензенскій губернаторы; вятскій губернаторъ отказывалъ земству въ правительственномъ довѣрїи; полтавскій—предлагалъ назначить въ засѣданіи земскихъ собраній лицъ прокурорскаго надзора для прекращенія обещанія вопросовъ, не входящихъ въ кругъ вѣдѣнія земствъ, на что самъ государь замѣтилъ: «но-моему не практично». Новгородскій губернаторъ въ 1884 году доносилъ, что череповецкое земство систематически противодѣйствуетъ правительственнымъ распоряженіямъ и вноситъ смуту въ умы населенія. Донесеніе породило посылку на мѣсто особой комиссиі, докладъ ко-

торой вызвалъ высылку изъ предѣловъ Новгородской губерніи четырехъ наиболѣ дѣятельныхъ представителей череповецкаго земства.

Были, однако, и такіе губернаторскіе отчеты, которые по отношенію къ дѣятельности земствъ вызывали высочайшія отмѣтки съ выраженіемъ удовольствія. Такъ, въ двѣнадцать случаевъ императоръ удостоилъ похвалою дѣятельность земствъ на поприщѣ народнаго образованія. Кромѣ того, отмѣтки «утѣшительно» о дѣятельности земства послѣдовали на отчетахъ губернаторовъ: ярославскаго въ 1881 году, орловскаго, пензенскаго, тамбовскаго и херсонскаго въ 1882 году, с.-петербургскаго, олонцакаго и тульскаго въ 1883 году, нижегородскаго въ 1882 году, новгородскаго въ 1887 году, харьковскаго въ 1885 году, тверскаго въ 1883 году, псковскаго въ 1888 и 1889 годахъ и таврическаго въ 1890 году. Кстати сказать, съ нѣкоторой достоверностью въ данномъ случаѣ можно предположить, что степень согласія въ дѣйствіяхъ земства и губернаторской власти въ извѣстной мѣрѣ зависѣла отъ личныхъ свойствъ и взглядовъ самихъ губернаторовъ. Наряду съ репрессіей земства нѣкоторые губернаторы обвиняли и мѣстныхъ представителей министерства юстиціи въ равнодушіи къ новымъ мѣстнымъ органамъ, соединившимъ въ своихъ рукахъ функціи управленія и суда, смѣшеніи, осуждаемомъ теоріей права. Такимъ путемъ губернаторы старались внести поправку въ односторонность научной теоріи. Въ практическомъ отношеніи бессарабскій губернаторъ указывалъ вредъ такихъ воззрѣній, выражавшійся въ томъ, что въ уѣздныхъ сѣздахъ отмѣняются приговоры волостныхъ судовъ, основанные на внутреннемъ убѣжденіи судей и поддерживаемые земскими начальниками. Наряду съ этимъ губернаторы хлопотали объ улучшеніи положенія земскихъ начальниковъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ не всегда оказывались на высотѣ, что и вызвало высочайшую отмѣтку: «значить, выборъ лицъ былъ слабый».

Вообще и настоящій томъ обзора также богатъ матеріаломъ, какъ и прежніе, и потому заключаетъ въ себѣ множество интересныхъ данныхъ. Къ книгѣ приложено шесть портретовъ: императора Александра III, великихъ князей Владимира и Алексѣя Александровича и Михаила Николаевича, а также двухъ предсѣдателей комитета въ царствованіе Александра Александровича — Рейтерна и Бунге.

В. Грибовскій.

Императорская главная квартира. (Изъ исторіи столѣтія военнаго министерства). Подъ главной редакціей Д. А. Скалона, составилъ В. В. Квадри. Спб. 1904.

Первый выпускъ историческаго очерка императорской главной квартиры охватываетъ лишь эпоху XVIII столѣтія. Такъ какъ функціи этого учрежденія опредѣлялись положительными чертами въ законодательствѣ только сравнительно въ недавнее время, то авторъ пытается прежде всего отыскать въ исторіи тѣ первые слѣды, по которымъ шли историческія событія, создавшія совершенно особый, самостоятельный институтъ, входящій въ наше время въ составъ военнаго министерства.

Г. Квадри, такимъ образомъ, останавливается на описаніи службы государевыхъ ближнихъ слугъ великихъ князей и царей московскихъ и государевой свиты, ограничивая свое изложеніе событіями XVIII столѣтія.

Въ первой главѣ авторъ знакомитъ съ положеніемъ князей древней Руси и ихъ дружины, выясняетъ составъ дружины и ея отношенія къ князю, рассматриваетъ значеніе боярь-слугъ князя въ удѣльномъ періодѣ, указываетъ на устройство великокняжескихъ и царскихъ дворовъ; особый интересъ этой главы представляетъ собою изложеніе существа правъ и обязанностей такъ называемыхъ «введенныхъ» боярь, ихъ значенія при князѣ и ихъ службы, а также значенія ближнихъ боярь, окольничихъ, стольниковъ, оруженничихъ, спальниковъ, стряпчихъ и думныхъ боярь. Не меньшій интересъ возбуждаетъ «Именной шатеръ» царя Алексѣя Михайловича (родъ военно-походной канцеляріи), а также существо, организація и дѣятельность «приказа тайныхъ дѣлъ».

Къ первой главѣ приложено множество очень удачныхъ снимковъ съ древнихъ иконъ, гравюръ, картинъ, книгъ, а также отлично исполненная копія съ одного изъ указовъ приказа тайныхъ дѣлъ и съ «тайностей» (шифрованного письма) Алексѣя Михайловича.

Вторая глава, посвященная царствованію Петра Великаго, даетъ яркую картину постепеннаго вымѣранія прежнихъ московскихъ чиновъ и замѣны ихъ новыми чинами и званіями; здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о «денщикахъ», состоявшихъ при царѣ; интересно изложено развитіе и устройство института генераль-адъютантовъ, ихъ правъ и функцій. Помимо цѣлаго ряда различныхъ снимковъ съ картинъ и гравюръ въ текстѣ, пріятное впечатлѣніе производятъ приложенные на отдѣльныхъ листахъ и исполненные художественно: портретъ Петра Великаго въ краскахъ, воспроизведенный съ оригинала иностраннаго художника XVIII столѣтія (оригиналъ находится въ петербургскомъ градоначальствѣ); письма, написанныя собственноручно царемъ, и наконецъ великолѣпное воспроизведеніе одной части мозаики Ломоносова «Полтавская баталія», находящейся въ музеѣ императорскаго общества поощренія художествъ.

Въ третьей главѣ, заключающей въ себѣ эпоху до конца царствованія Петра III, авторъ подробно останавливается на составѣ государевой свиты и ея службѣ, при чемъ предпосылаетъ каждому царствованію краткое изложеніе государственныхъ событій, которыя такъ или иначе должны были отозваться на личномъ составѣ свиты; здѣсь же воспроизводится оригиналъ акта, подписаннаго императрицею Анною передъ вступленіемъ на престолъ и разорваннаго ею въ 1730 году.

Четвертая глава, обнимающая собою царствованіе Екатерины II, интересна въ томъ отношеніи, что въ ней приводятся подробныя біографическія данныя относительно всѣхъ генераль-адъютантовъ императрицы: графа А. Г. Орлова, князя Волконскаго, графа Брюса и др. Эта глава написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, читается легко, съ неослабвающимъ интересомъ; видно, что авторъ съ любовью относился къ изучаемому предмету, а потому обнаружилъ умѣнье справиться съ богатымъ, разнообразнымъ историческимъ матеріаломъ и создалъ изъ него интересную картину.

Изъ отдѣльныхъ приложений заслуживаетъ особаго вниманія группа силуэтовъ Екатерины II и ея сподвижниковъ, входившихъ въ ея свиту; силуэты взяты изъ изданія герцога Мекленбургскаго, они нарисованы художникомъ Сидо въ 1782—1783 году.

Въ «приложенія» выдѣлены выписки изъ документовъ, хранящихся въ архивахъ: министерства императорскаго двора, сената, и изъ «журналовъ» Петра Великаго.

Въ общемъ, можно привѣтствовать появленіе книги г. Квадри, которая имѣетъ несомнѣнный историческій интересъ; легкій языкъ и живость изложенія будутъ способствовать распространенію историческаго очерка среди большой публики.

Н. Фалѣевъ.

Г. М. Барацъ. Опытъ возстановленія текста и объясненія древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ. Спб. 1904.

Настоящая брошюра г. Бараца, котораго не нужно смѣшивать съ извѣстнымъ векселистомъ С. М. Барацемъ, появилась первоначально въ апрѣльской книжкѣ издаваемаго г. Сліозбергомъ журнала «Вѣстникъ права» и тогда же была встрѣчена отрицательно въ общей печати. Въ самомъ дѣлѣ, не иначе, какъ весьма странной, можно назвать мысль, стремящуюся свергнуть древнерусское правовое творчество съ пьедестала отечественности и представить его въ видѣ сплошнаго заимствованія изъ Талмуда. Появленіе сенсаціонной статьи г. Бараца можно было объяснить только желаніемъ г. Сліозберга какъ нибудь обратить вниманіе на свой сѣрый никѣмъ не читаемый и мало кому извѣстный журналъ. Цѣль эта была достигнута: большая публика узнала, что имѣется на свѣтѣ г. Сліозбергъ, который въ союзѣ съ г. Барацемъ, если нужно, можетъ удивить міръ неслыханною ученостью.

Несомнѣнно, что Талмудъ, какъ и многіе другіе чужеземные литературные памятники, вліялъ на древне-русскую литературу. Но одна вещь — литературныя заимствованія, а другая — правовыя. Право есть утвержденіе уже существующихъ въ обществѣ жизненныхъ отношеній. Нельзя заимствовать право безъ существованія этихъ отношеній, право нельзя навязать; что же касается міра литературнаго поэтическаго воображенія, то онъ не подчиняется никакимъ законамъ, ничѣмъ не привязывается къ землѣ и беретъ матеріалъ для обработки тамъ, гдѣ его находитъ. Поэтому, напримѣръ, указанія одного изъ русскихъ ученыхъ на то, что русское сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ заимствовано изъ талмудической Агады, можетъ быть встрѣчено съ признательностью. По той же причинѣ можно только поблагодарить г. Бараца за его опыты въ области указанія вліянія Талмуда на древне-русскую письменность¹⁾, но никоимъ образомъ не приходится привѣтствовать мысль названнаго автора доказать, что древнѣйшій памятникъ русскаго гражданскаго правотворчества — «Пековская судная грамота», представляетъ собою незаконное чадъ Тал-

¹⁾ Лѣтопись историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. Византійское отдѣленіе, II, 1894 г.

муда. Г. Барацъ уже ранѣе пытался приложить свои талмудическія познанія къ изслѣдованію византійскихъ правовыхъ памятниковъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ нашихъ Кормчихъ ¹⁾. Что на византійское право вліяло право Моисеево,—это фактъ общезвѣстный. Подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Пятикнижія создавались и наши церковные уставы, но тогда и нужно говорить о вліяніи Моисеева законодательства, къ которому Талмудъ является произвольнымъ комментариемъ. Кромѣ того, и Моисеево законодательство оказывало воздѣйствіе только въ такихъ вопросахъ, которые могли у византійцевъ или русскихъ быть общими съ евреями. Таковы нормы, касавшіяся борьбы съ язычествомъ, съ врагами внѣшними и т. п. Но тамъ, гдѣ не было родственныхъ общественныхъ отношеній, не могло возникнуть и воздѣйствія или вліянія чуждыхъ памятниковъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на разборѣ научныхъ приѣмовъ г. Бараца при доказательствѣ любезныхъ ему положеній. Оцѣнка этихъ приѣмовъ произведена въ томъ же «Вѣстникѣ права», гдѣ появился впервые трудъ г. Бараца. Авторъ рецензіи г. Блиновъ отмѣчаетъ, что г. Барацъ, когда ему нужно доказать заимствованіе русскимъ правомъ талмудическаго, ссылаясь на испорченность русскаго текста, переставляетъ слова, замѣняетъ одно другимъ, придаетъ имъ значеніе по своему усмотрѣнію и проч. Совершенно справедливо г. Блиновъ говоритъ, что, пользуясь такими приѣмами, какъ г. Барацъ, видя, гдѣ удобно и гдѣ нужно, ошибки переписчиковъ, можно найти сходство Псковской судной грамоты не только съ еврейскимъ правомъ, но даже съ Илиадой Гомера или съ какимъ либо другимъ литературнымъ произведеніемъ. Конечно, все будетъ зависѣть отъ того, въ какихъ мѣстахъ предположить ошибки переписчиковъ. Отмѣчаетъ г. Блиновъ также и неосвѣдомленность г. Бараца въ различныхъ бытовыхъ условіяхъ жизни сѣвера Россіи, вызвавшихъ кажущіяся г. Барацу бессмысленными статьи Псковской судной грамоты. Въ качествѣ иллюстраціи того, какъ обращается г. Барацъ съ русскими источниками, достаточно привести слѣдующій примѣръ. Г. Барацъ желаетъ объяснить слово «исады». Не подозревая, что это—коренное слово русскаго сѣвера, слово, обозначающее рыболовную пристань и живущее до сихъ поръ, авторъ откидываетъ у «исадъ» приставку «и» и затѣмъ указываетъ на сходство такимъ образомъ изуродованнаго слова съ еврейскимъ реченіемъ саде—село.

Послѣ обстоятельной критики г. Блинова на соображенія г. Бараца относительно мѣры талмудическаго вліянія на Псковскую грамоту останавливаться не приходится. Но въ брошюрѣ есть другой намекъ, который требуетъ вниманія. Говоря о вліяніи Талмуда на русское право, г. Барацъ заодно указываетъ и на средство такого вліянія — іудео-хазарь. Это замѣчаніе вызываетъ вопросъ, можно ли называть хазарь іудео-хазарами, и вмѣлось ли что либо іудейское въ старинныхъ южныхъ сосѣдяхъ русскихъ славянъ—хазаряхъ. На этотъ вопросъ наиболѣе серіозные авторитеты отвѣчаютъ отрицательно. Что евреи поселились въ южной Россіи очень давно, и первые изъ нихъ пришли не изъ Германіи, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Точно также уста-

¹⁾ Труды Кіевской духовной академіи, 1891 г., кн. 8.

новлено, что евреи жили среди хазарь, и незначительная часть послѣдняго племени исповѣдывала іудейскую религію. Но были ли іудействовавшіе хазары талмудистами, это нужно доказать. Что же касается племенного еврейскаго происхожденія хазарь, такъ объ этомъ не можетъ быть рѣчи. Правда, вопросъ о происхожденіи хазарскаго народа теменъ, но научный споръ идетъ о томъ, относить ли его къ турецкому, финскому или славянскому племени, а никакъ не къ семитическому. Давныя о вѣрѣ и происхожденіи хазарь черпаются преимуществу въ свидѣтельствахъ арабскихъ и еврейскихъ писателей, при чемъ научная критика сказанія первыхъ признаетъ болѣе достовѣрными, нежели свидѣтельства вторыхъ. Большинство же арабскихъ авторовъ согласно говорятъ, что хазарскій ханъ и высшіе государственные сановники исповѣдывали іудейство, а хазарская масса состояла изъ христіанъ, магометанъ и язычниковъ (Д. А. Хвольсонъ: Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ). По Ибнъ-Фодлану, іудеи среди хазарь были наиболѣе малочисленны по сравненію съ другими исповѣданіями. По Масуди, хазарскій царь и вельможи происходили изъ евреевъ, но такъ какъ тотъ же Масуди указываетъ, что хазарскій ханъ съ нѣкоторыми изъ подданныхъ принялъ іудейство въ царствованіе Гарунъ-аль-Рашида (786—789 г. по Р. Х.), то еврейство хазарь нужно понимать не въ смыслъ племенномъ, а только религіозномъ. По Эль-Балхи, языкъ хазарь былъ сходенъ съ болгарскимъ. Единственное слово, уцѣлѣвшее отъ хазарскаго языка, названіе крѣпости Саркель, производится учеными отъ татарскаго Сара-Кале, желтая крѣпость, точно такъ же, какъ русское слово Саратовъ производится отъ Сара-тау, желтая гора. Извѣстный гебраистъ Д. А. Хвольсонъ предполагаетъ родство хазарь съ гуннами.

Еврейскія же сказанія о происхожденіи хазарь вызываютъ многія сомнѣнія. Изъ еврейскихъ писателей о еврейскомъ происхожденіи хазарь говоритъ прежде всего полумифическій путешественникъ Эльдадъ-га-Дани. Относительно писаній этого автора критика пришла къ тому заключенію, что рассказы его имѣли цѣлью поднятіе духа евреевъ при помощи указанія на существованіе сильнаго еврейскаго государства. Къ этому взгляду присоединился и русскій ученый гебраистъ Гаркави (Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ). Тотъ же Гаркави, разсматривая отвѣтное письмо хазарскаго царя Іосифа арабскому министру Хасдаи, запросившему хана о происхожденіи хазарь, замѣчаетъ: «Ошибка Хасдаи, въ которую его ввели сказанія о десяти колѣнахъ подобныхъ Эльдаду путешественниковъ, состояла въ томъ, что онъ считалъ самихъ хазарь потомками древнихъ израильтянъ, проживавшихъ въ Хазаріи и въ окрестныхъ странахъ со времени изгнанія изъ Палестины. Изъ той ошибки его вывело отвѣтное письмо царя Іосифа, увѣдомлявшаго, что хазары не были еврейскаго происхожденія». Хасдаи же былъ еврей, и ему хотѣлось, чтобы сильный хазарскій народъ былъ тоже еврейскимъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что всѣ эти факты говорятъ противъ отождествленія хазарь съ евреями и противъ произвольной теоріи г. Бараца относительно хазарь, какъ проводниковъ талмудическихъ воззрѣній въ старую русскую правовую жизнь.

В. Грибовскій.

Русскій біографическій словарь. Сабанѣвъ-Смысловъ. Спб. 1904.

Каждый новый томъ «Русскаго біографическаго словаря» является цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Особенно тщательно редактированъ настоящій томъ, заключающій въ себѣ первую половину буквы С. Въ немъ мало пробѣловъ, а многія біографіи представляютъ собою обширныя изслѣдованія, основанныя на добросовѣстномъ изученіи источниковъ. Таковы, напримѣръ, біографіи Салтыкова-Щедрина (А. Н. Пыпина), Ю. Ѳ. Самарина (Д. Самарина), Самборскаго (Н. Барсова), Сенковскаго (Д. Корсакова), графа Сиверса (А. Черкаса), Скобелева (Гейсмана и Богданова), Скопина-Шуйскаго (В. Корсаковой), Скорнякова-Писарева (Н. Н. Павлова-Сильванскаго) и другихъ. Обстоятельны также біографіи, написанныя г. Храповицкимъ (актеры и западно-русскіе дѣятели) и г. Бѣлавенцемъ (моряки). Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ біографіяхъ мы все-таки замѣтили пропуски и неточности, которые и считаемъ нужнымъ оговорить въ интересахъ дѣла.

Въ біографіи партизана Сеславина (г. Николаева) не указанъ весьма существенный источникъ, именно статья его потомка, Д. Н. Сеславина, напечатанная въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», 1896 года, гдѣ приведены письма партизана, важныя для его характеристики. Въ біографіи извѣстнаго генерала Слѣпцова (г. Николаева) не указана статья его внука, В. А. Слѣпцова: «Одинъ изъ кавказскихъ героевъ», напечатанная также въ «Историческомъ Вѣстникѣ», декабрь, 1901 года, гдѣ приведены новыя свѣдѣнія о Слѣпцовѣ и рассказы очевидцевъ о его смерти. Въ біографіи великаго князя Симеона Ивановича Гордаго (г. Николаева) не указано ни время его рожденія (7-е сентября 1317 года), ни то, что передъ смертью онъ постригся съ именемъ Созонта, ни многія даты событій его княженія, тогда какъ все это легко можно найти въ «Алфавитно-справочномъ перечнѣ государей русскихъ» М. Д. Хмырова. Біографія Петра Сапожникова (г. Ч.) составлена на основаніи только сочиненія Карновича «Богатства замѣчательныхъ лицъ въ Россіи». Въ ней сказано, что Сапожниковъ былъ сперва писаремъ, а затѣмъ столоначальникомъ и секретаремъ Вольской думы. Но въ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источникахъ, напримѣръ, въ «Біографіи вольскаго именитаго гражданина Злобина» саратовскаго изслѣдователя г. Леопольдова, пользовавшагося архивнымъ матеріаломъ, сообщается совсѣмъ иная родословная Сапожникова. Отецъ его былъ крестьяниномъ-раскольниковъ, повѣшеннымъ за участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ; послѣ него остался малолѣтній сынъ Петръ, котораго изъ сожалѣнія воспиталъ священникъ и обратилъ въ православіе. Съ юныхъ лѣтъ онъ поступилъ на службу къ Злобину, сдѣлался его приказчикомъ и любимцемъ, а потомъ и главнымъ агентомъ по его дѣламъ въ Астрахани. Но не столько замѣчательенъ этотъ Сапожниковъ, сколько сынъ его, Алексѣй Петровичъ, которому и слѣдовало бы отвести отдѣльную страницу въ «Словарѣ», такъ какъ именно онъ развилъ рыбопромышленность въ Астрахани, дѣлалъ миллионныя обороты и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ много добра для края; устроенные имъ въ Астрахани сировоспитательный домъ и госпиталь, а въ Вольскѣ храмы и богадѣльня существуютъ до сихъ поръ. Въ біографіи извѣстной при-

тельницы Пушкина и Гоголя, Н. О. Смирновой (А. Вороздина), годъ ея рожденія обозначенъ 1809-й, а годъ смерти не указанъ вовсе. Если бы составитель биографіи заглянулъ въ «Библиографическій словарь русскихъ писателей» князя Голицына, то нашелъ бы тамъ, что А. О. Смирнова родилась 6-го марта 1810 года, а умерла 7-го іюля 1882 года.

Но приведенные нами пропуски и ошибки неизбежны въ такой сложной и кропотливой работѣ, какъ составленіе биографій, для которыхъ приходится разыскивать свѣдѣнія въ массѣ книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей, встрѣчаясь безпрестанно съ разнорѣчивыми указаніями. Такія мелочи нисколько не умаляютъ достоинствъ коллективнаго и добросовѣстнаго труда, положеннаго въ изданіе «Русскаго библиографическаго словаря». Этотъ словарь всегда будетъ настольной книгой для всѣхъ занимающихся русской исторіей и литературой.

С. Ш.

Записки Я. К. Номена о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ. Переводъ, введенія и примѣчанія В. Кордта. Кіевъ. 1904.

Во время пребыванія Петра Великаго въ Голландіи въ 1697 и 1716 годахъ, заандамскій кузнецъ Янъ Номенъ, заинтересовавшись личностью царя-плотника, записывалъ все то, что видѣлъ самъ, и что ему рассказывали другіе очевидцы относительно дѣятельности и образа жизни Петра. Записки эти въ 1855 году были принесены наслѣдниками Номена въ даръ библиотекъ Утрехтскаго университета. Извѣстный голландскій историкъ, Яковъ Схельтема, уже пользовался записками Номена и въ своемъ сочиненіи «Peter de Groote, keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam in 1697 en 1717» (было издано два раза, въ 1817 и 1842 годахъ) заимствовалъ изъ нихъ большую часть свѣдѣній о пребываніи Петра Великаго въ Голландіи и особенно въ Заандамѣ. Въ свою очередь, наши историки, Устряловъ, Соловьевъ, Брикнеръ, при описаніи голландскаго путешествія Петра, пользовались выдержками Схельтемы изъ записокъ Номена, выражая сожалѣніе, что никому изъ нихъ не приходилось ознакомиться съ подлинникомъ. Въ настоящее время г. Кордтъ перевелъ записки Номена и издалъ ихъ въ Кіевѣ съ обстоятельнымъ предисловіемъ и примѣчаніями. Хотя эти записки и не заключаютъ въ себѣ какихъ либо существенныхъ свѣдѣній о пребываніи Петра въ Голландіи, которыя не были бы извѣстны, тѣмъ не менѣе въ нихъ находится много мелкихъ и интересныхъ подробностей, касающихся занятій, знакомствъ и обыденной жизни царя въ Заандамѣ.

Для примѣра приводимъ слѣдующій разсказъ Номена: «Въ 11 часовъ вечера царь пріѣхалъ въ Гагу; остановились въ домѣ членовъ генеральныхъ штатовъ. На вопросъ «гдѣ я буду ночевать?» его ввели въ красивую комнату съ удобной кроватью; но онъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, гдѣ стояла постель служанки, и объявилъ: «тутъ я хочу спать». Нѣсколько минутъ спустя, онъ сказалъ: «хочу отправиться къ моему великому посольству», и хотя его уговаривали остаться, ничего не помогло. Несмотря на то, что

было уже 12 часовъ ночи, запрягли коляску и отвезли его въ Дулень, гдѣ помещалось посольство. Тутъ онъ опять спросилъ: «гдѣ я буду спать?» Ему показали хорошую кровать, но онъ пробѣжалъ по всѣмъ комнатамъ, наткнулся, наконецъ, на грязнаго простаго слугу, который спалъ на медвѣжьей шкурѣ, толкнулъ его и крикнулъ: «вставай, вставай!» Русскій проснулся, но не успѣлъ еще опомниться отъ сна, какъ царь уже крикнулъ снова: «вставай, вставай, тутъ я хочу спать». Слуга понялъ наконецъ, кто собственно его такъ безцеремонно будить, и поторопился оставить свою медвѣжью шкуру. На этой шкурѣ его царское величество провелъ ночь. На другой день онъ пожелалъ видѣть аудіенцію, назначенную его великому посольству генеральными штатами, и съ этой цѣлью присутствовалъ инкогнито въ сосѣдней комнатѣ. Сидѣть въ ней ему, однако, скоро надоѣло, и онъ сказалъ бургомистру Витсену, что пріемъ слишкомъ долго продолжается, и что онъ желаетъ уйти, но не хочетъ, чтобы члены генеральныхъ штатовъ его видѣли, вслѣдствіе чего и требуетъ, чтобы они отвернулись. Витсенъ отвѣтилъ, что онъ этимъ господамъ предписывать ничего не можетъ, такъ какъ они представители страны, но передастъ имъ, въ чемъ дѣло. Такъ онъ и сдѣлалъ и возвратился съ отвѣтомъ, что господа штаты согласны встать, повертываться же къ царю спиной ни намѣрены. Въ этотъ день на его величествѣ былъ большой парикъ; имъ онъ закрылъ себѣ лицо и быстро выѣхалъ изъ комнаты».

Номенъ такъ описываетъ наружность Петра: «его царское величество — человекъ высокаго роста, статный, крѣпкій тѣлосложеніемъ, подвижной, ловкій; лицо у него круглое, съ строгимъ выраженіемъ, брови темныя, волосы короткіе, кудрявые и темноватые. На немъ былъ надѣтъ саржевый кафтанъ, красная рубашка и войлочная шляпа. Онъ шелъ быстро, размахивая руками, и въ каждой изъ нихъ держалъ по новому топоричу».

Всѣ занимающіеся русской исторіей XVIII вѣка будутъ признательны г. Кордту за изданіе въ переводѣ записокъ Номена, такъ какъ они являются первоисточникомъ для описанія путешествія Петра Великаго въ Голландію.

О. Ш.

С. Уманецъ. Современный бабизмъ (расколъ въ магометанствѣ). Тифлисъ. 1904.

Мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что бабизмъ вообще — любопытнѣйшее явленіе нашего времени и заслуживаетъ всеобщаго вниманія. Очеркъ г. Уманца является результатомъ его личныхъ сношеній съ приверженцами бабизма въ Закавказьѣ, бесѣдъ съ ними о ихъ вѣрѣ, посѣщенія ихъ молитвенныхъ собраній, знакомства съ навѣщавшими Кавказъ бабидскими миссионерами и подлинниками вѣроисповѣдныхъ книгъ бабидовъ.

Этотъ обстоятельный и интересный очеркъ состоитъ изъ трехъ главъ.

Въ первой главѣ г. Уманецъ излагаетъ исторію происхожденія бабизма. Въ виду особаго интереса въ наше время къ бабизму, мы позволимъ себѣ передать въ самыхъ общихъ чертахъ эту исторію.

Основателемъ ученія былъ сынъ мелкаго торговца, Али-Мухаммедъ, прозванный «бабомъ», т.-е. дверью познанія истины. Аскетическая жизнь моло-

дого человека въ связи съ вдохновенностью его проповѣди сдѣлала пѣз Баба лусвятого, полупророка. Сторонники религіозно-соціальной реформы въ Персіи воспользовались именемъ Баба для распространенія своихъ идей, вслѣдствіе чего Бабъ былъ арестованъ и разстрѣлянъ по приказанію правительства.

Со смертью Баба религіозное движеніе, завоевавшее множествъ оадептовъ, не погасло. Руководителемъ бабидовъ явился нѣкто Мирза-Хусейнъ-Али, принявшій прозваніе Беха-Уллы, т. е. блескъ Божій. «Богато одаренный отъ природы, прекрасно образованный, краснорѣчивый, отлично владѣющій перомъ, съ благородно-гордымъ и самостоятельнымъ характеромъ, глубокой психологъ, ясно сознававшій необходимость коренной реформы отжившаго свой вѣкъ ислама, давно сыгравшаго свою высокую роль, какъ проповѣдь единобожія», — Беха-Улла смѣло взялъ на себя руководство и главенство бабидской общины въ Багдадѣ. Однако, оппозиція противъ Беха-Уллы заставила его скоро удалиться въ горы Курдистана, впрочемъ, не на долгое время. Въ 1862 г. шахское правительство пыталось убѣждать Беха-Уллу отказаться отъ своего вѣроученія; въ виду этой попытки и послѣдовавшихъ затѣмъ доносовъ, по настоянію персидскаго посланника въ Константинополь, багдадскіе бабиды были вызваны турецкимъ правительствомъ въ Стамбуль и затѣмъ пересланы въ Адрианополь. Къ этому времени относится распаденіе общины бабидовъ на двѣ группы: приверженцы Беха-Уллы стали называться бехандами, а сторонники брата Беха-Уллы, оспаривавшаго главенство среди бабидовъ, получили названіе «езели». Спустя нѣкоторое время, Беха-Улла былъ переселенъ въ Сирію, а затѣмъ въ Акру, гдѣ сначала даже содержался подъ стражей. Умеръ Беха-Улла въ 1891 году.

Г. Уманецъ въ этой первой главѣ даетъ крайне интересный сжатый историческій очеркъ, написанный прекраснымъ языкомъ; изложеніе — вполне объективно, вдумчиво и подкупаетъ читателя своею искренностью. Особеннаго вниманія заслуживаетъ правдивая характеристика Баба и его послѣдователя — Беха Уллы. По мнѣнію автора, Бабъ былъ мистикъ и преданъ ученію суфизма; въ своихъ притчахъ и пророчествахъ онъ дѣйствовалъ, какъ и всѣ суфіи; онъ проповѣдывалъ самоусовершенствованіе чрезъ самоуглубленіе и самопознаніе, восхвалялъ преимущество созерцательной жизни, говорилъ о смиреніи, покаяніи, о назрѣвшей реформѣ въ исламѣ, объ улучшеніи положенія женщины на востокѣ и т. п. Бабъ былъ не отъ міра сего, былъ полонъ обаянія, которымъ и объясняется успѣхъ его ученія. Напротивъ, дѣятельность Беха-Уллы и то направленіе, которое онъ придалъ доктринѣ Баба, даетъ возможность автору провести аналогію между Беха-Уллою и Лютеромъ: послѣдній боролся съ абсолютизмомъ папства и злоупотребленіями католическаго духовенства, первый возсталъ противъ ша мусульманскаго духовенства и приниженія личности въ мусульманствѣ; Лютеръ и Беха-Улла требовали реформы церкви; какъ Лютеръ въ увлеченіи борьбой довелъ свое ученіе до крайности, лишивъ его мистической прелести, такъ и Беха-Улла отнялъ у доктрины Баба ея символизмъ, мистицизмъ и созерцательность.

Таково въ общемъ содержаніе первой главы крайне интересной книги г. Уманца.

Во второй главѣ авторъ останавливается на письменныхъ источникахъ бабидовъ и пытается очертить нравственныя, религіозныя, философскія и социальныя основы ихъ ученія. Эгими источниками являются, главнымъ образомъ, «Китабе-акдесъ», представляющий собою коранъ бехаизма, «Лаухи» — скрижали Беха-Уллы, «Иканъ», «Ишракаты» и др.

Китабе-акдесъ, по словамъ г. Уманца, рисуетъ симпатичный, здоровый идеаль жизни, проникнутый духомъ, истины и альтруизма, совершенно отличный отъ фанатически узкихъ воззрѣній на жизнь мусульманской морали. Авторъ Китабе-акдеса призываетъ всѣхъ къ труду, къ равнодушію къ благамъ міра, требуетъ отъ своихъ почитателей уваженія къ законамъ, благочестія, честности, гостепріимства, возстаетъ противъ ньянства, дракъ, ошума, содоміи и даже ношенія оружія безъ крайней необходимости. Что касается брачнаго союза, то бабиды приглашаются къ мирному доброму согласію и, по возможности, къ единоженству. Подвижничество и анахоретство отвергаются.

Лаухи присоединяютъ къ этому ученію уваженіе къ религіи, заботы о всеобщемъ мирѣ, о единеніи и согласіи рабовъ Божіихъ («нѣтъ славы тому, кто любитъ отечество, но тому, кто любитъ весь міръ»), говорятъ о справедливости въ дѣлахъ правительственнаго управленія и т. п.

Догматическая часть ученія Беха-Уллы поражаетъ дѣйствительно широтой взгляда, духомъ кротости и смиренія, приближающимъ ее къ евангельской морали. Нельзя не согласиться, что нижеслѣдующія слова ученія заслуживаютъ особаго вниманія. «Благо тому, — говорится въ одномъ мѣстѣ, — кто предпочтетъ брата своего самому себѣ! Пришелъ Владыка міра и указалъ путь! Его установленіе — добрыя дѣла, Его бесѣды — перенесеніе невгодъ. Эта религія даруетъ жизнь вѣчную, а эти обряды приведутъ къ міру, гдѣ нѣтъ воздыхавій! Всякое страданіе на Его пути — великое лѣкарство, всякая горечь — сладость, всякое униженіе — возвышеніе!»

Покончивъ съ изложеніемъ ученія бабидовъ, г. Уманецъ приводитъ нѣкоторыя данныя относительно полемики противъ бехаизма среди мусульманъ и относительно возраженій «зелитовъ».

Въ третьей главѣ авторъ устанавливаетъ число послѣдователей бабизма, приводитъ описанія обрядовой стороны ученія и реабилитируетъ бабидовъ, на которыхъ, благодаря врагамъ ученія, падаетъ много упрековъ въ совершеніи ими якобы цѣлаго ряда насильственныхъ дѣйствій. Понятно, что всѣ эти вымыслы легко разбиваются объ основную часть ученія бабидовъ о непротивленіи злу, прощеніи обидъ и т. п. «Люди Беха не могутъ убивать, а если кто убиваетъ, онъ не изъ людей Беха».

Въ заключеніе авторъ говоритъ, что бабизмъ является «прямымъ переходомъ отъ ислама къ христіанству, къ которому бабиды относятся съ величайшимъ уваженіемъ, и основами котораго проникнуто ихъ ученіе; вотъ почему бабизмъ является въ высшей степени желательнымъ для современнаго общества, среди котораго мусульманство съ его фанатизмомъ и неподвижной косностью уже давно представляется какимъ-то недоразумѣніемъ и печальнымъ анахронизмомъ. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы бабизмъ сдѣлался когда нибудь государственной религіей въ Персіи, гдѣ уже и теперь не преслѣдуются ба-

лѣе его послѣдователи, составляющіе одну треть всего населенія страны Льва и Солнца».

Таково содержаніе не большой, но крайне интересной книги г. Уманца. Въ общемъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что основы этики и философіи бехаизма заслуживаютъ поощренія и поддержки, такъ какъ онѣ могутъ содѣйствовать сближенію мусульманства съ ученіемъ Христа и поведутъ, быть можетъ, къ переходу мусульманъ въ христіанство.

Книга г. Уманца настолько интересна, что мы рекомендуемъ ее всѣмъ, желающимъ изучить бабизмъ, какъ въ его историческомъ прошломъ, такъ и въ настоящемъ; не претендуя на полноту, на всеобъемлемость, очеркъ г. Уманца, написанный простымъ, литературнымъ языкомъ, даетъ возможность ознакомиться съ характернымъ явленіемъ нашего времени, которому не суждено закончиться въ ближайшемъ будущемъ. Послѣ прочтенія книги г. Уманца нельзя не притти къ убѣжденію, что ученіе Баба и Беха-Уллы пустило глубокіе корни и завоевало немало дѣятельныхъ поклонниковъ. Ф. Лѣ—въ.

Н. Кравченко. «Въ Китай!» Спб. 1904.

Подъ этимъ заглавіемъ вышло сочиненіе Н. И. Кравченка. Заглавіе нѣсколько воинственное, но содержаніе сочиненія вполне мирное. Это—описаніе путешествія челоуѣка наблюдательнаго, обладающаго довольно сильнымъ художественнымъ чутьемъ, и потому схватившаго многіе отгѣнки душевныхъ качествъ китайцевъ, особенности ихъ быта и міровоззрѣнія. Благодаря же массѣ искусно и умѣстно приведенныхъ фотографическихъ снимковъ и весьма характерныхъ набросковъ самого автора, сочиненіе даетъ наглядное понятіе о той странѣ, съ которою историческая судьба насъ сталкиваетъ, и которая отнынѣ будетъ играть немалую роль въ дальнѣйшей жизни Русскаго государства.

Въ своемъ предисловіи г. Кравченко предупреждаетъ читателей, что многое, быть можетъ, измѣнилось съ 1902 года, т.-е. съ того времени, когда онъ путешествовалъ по Манчжуріи и по побережьямъ Китая, но тутъ же добавляетъ, что тамошняя жизнь, отношеніе къ китайцамъ и типы всевозможныхъ авантюристовъ, бросившихся въ Китай за легкой наживой, останутся еще надолго такими же, какими онъ ихъ видѣлъ...

Смѣло могу присоединиться къ мнѣнію г. Кравченка. «Кое-что» дѣйствительно измѣнилось къ лучшему. Въ Манчжуріи возстановленъ извѣстный порядокъ. Движеніе по желѣзной дорогѣ производится съ болѣею аккратностью, если исключить время прекращенія сообщенія вслѣдствіе размыва въ нѣсколькихъ мѣстахъ полотна послѣ лѣтнихъ ливней въ 1903 году. Портъ-Артуръ и Дальній быстро отстраняются; но авантюристы всевозможныхъ національностей, набросившіеся на Китай за легкой наживой, попрежнему заставляютъ содрогаться всякаго посторонняго зрителя. Въ этомъ отношеніи мы грѣшимъ, пожалуй, менѣе всѣхъ. Наши авантюристы, по преимуществу изъ евреевъ, гнѣздятся только въ Портъ-Артурѣ да по линіи желѣзной дороги. За предѣлами же Манчжуріи ихъ видѣ и я не встрѣчалъ. Но возмутительное цренебре-

женіе цивилизованныхъ европейцевъ, особенно англичанъ и американцевъ, къ китайскому населенію едва ли даже не усиливается.

Вотъ кому мы главнымъ образомъ и обязаны той глухой ненавистью, которая глѣбеть гдѣ-то подъ спудомъ, но несомнѣнно не разъ еще будетъ прорываться наружу. Эту ненависть подмѣтилъ г. Кравченко и весьма образно описываетъ обращеніе иностранцевъ съ китайцами, которое вызываетъ ее и къ добру никогда не приводитъ.

Въ подтвержденіе замѣчаній автора могу привести еще одинъ фактъ, который необыкновенно и меня поразилъ. Я пріѣхалъ въ Тянь-Цзинь вмѣстѣ съ однимъ образованнымъ китайцемъ, который кончилъ курсъ не только въ высшей китайской, но и въ русской школѣ въ Пекинѣ. Одѣтъ онъ былъ вполне чисто и даже щегольски. Оба мы хотѣли остановиться въ гостиницѣ «Astor-House» и потому направились къ омнибусу, который пріѣхалъ на вокзалъ за пассажирами. Къ нашему изумленію, меня пропустилъ кондукторъ изъ китайцевъ, а моему спутнику загородилъ доступъ къ омнибусу, заявивъ съ замѣтнымъ смущеніемъ, что «китайцамъ не позволено садиться вмѣстѣ съ европейцами»... Нужно было видѣть, какъ передернуло лицо моего спутника, и съ какой досадой онъ сталъ со мной прощаться. Но мнѣ стало стыдно за нашихъ европейцевъ, и я предложилъ взять рюкзакъ и поѣхать въ «Французскую» гостиницу.

А не угодно ли взглянуть на погрузку китайцевъ въ вагоны (стр. 97). Да вѣдь въ такихъ вагонахъ у насъ даже скотъ не перевозится. И позволю себѣ добавить, что г. Кравченко нисколько не преувеличиваетъ безобразнаго отношенія къ китайцамъ. Я былъ свидѣтелемъ еще болѣе безобразной картины. На открытой платформѣ, на которой биткомъ набиты были китайцы, вмѣстѣ съ ними стояли два осла и быкъ... Замѣтимъ при этомъ, что такія платформы съ людьми и скотомъ ставятся непосредственно за паровозомъ, который обдаетъ ихъ дымомъ и искрами. По понятіямъ просвѣщенныхъ англичанъ, въ рукахъ которыхъ находится дорога, такъ могутъ перевозиться пассажиры-китайцы третьяго класса...

Къ сожалѣнію, англійское золото располагаетъ въ пользу Англійскаго сердца мандариновъ и высшихъ сановниковъ, а ненависть, скопляемая противъ европейцевъ, изливается преимущественно на насъ, какъ ближайшихъ сосѣдей. И мы всегда должны быть наготовѣ испытать на себѣ взрывъ азіатской ненависти...

Какъ ни интересно описаніе г. Кравченка бытовой жизни Китая, но болѣе заслуживаютъ вниманія его наброски перомъ и масляными красками. Въ этихъ наброскахъ необыкновенно мѣтко схвачены типы китайцевъ и отличительныя ихъ черты. Взглянувъ, на примѣръ, на китайскаго солдата, стоящаго на часахъ (стр. 176), можно себѣ составить полное понятіе о ничтожествѣ китайской арміи. Она именно такъ же апатично относится къ военному дѣлу, какъ и тотъ солдатъ, который изображенъ талантливымъ художникомъ...

С. Глинка.

**Сборникъ для народнаго чтенія. Приложение къ журналу
«Церковноприходская школа». Кіевъ. 1904.**

Въ этой интересной книгѣ, приворовленной для выѣкласснаго вообще чтенія — не только дѣтямъ, но и взрослымъ, въ особенности же простымъ деревенскимъ людямъ, видное и первое мѣсто занимаетъ большая повѣсть «Исторія одной доброй семьи», написанная покойнымъ отцомъ Іоанномъ Наумовичемъ, знаменитымъ борцомъ за самобытность галицко-русскаго народа въ его борьбѣ съ панисмомъ. Въ повѣсти рассказывается исторія одного честнаго труженика, крестьянина-кузнеца, въ галицко-русской деревнѣ Доброшолы — его жизнь, полная тяжелыхъ и неокладныхъ трудовъ, вознаграждавшихся лишь семейнымъ счастьемъ съ умною и любящею женой Ксеніей, и его страданій — при столкновенияхъ съ полноправными въ Галиціи евреями и съ австрійскими продажными судами и полиціей. «Исторія», очевидно, правдивая, взятая достопочтеннымъ авторомъ изъ міра дѣйствительности и представляющая большой интересъ, въ смыслѣ поученія и наученія, для нашего крестьянина, такъ какъ въ повѣсти рассказывается, между прочимъ, и о томъ, какъ эта «добрая семья», научаемая популярно-написанными книжками, вела свое деревенское хозяйство, ухаживала за пчелами, улучшила породу своего скота и проч.

Въ той же книгѣ помѣщены очень любопытныя статьи объ Африкѣ и знаменитомъ путешественникѣ Давидѣ Ливингстонѣ, а также и о народахъ этой мало еще извѣданной части свѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что эта книга, попадая въ руки скромнаго труженика церковноприходской школы, ея учителя, можетъ принести большую пользу дѣлу просвѣщенія нашего темнаго народа, въ особенности, въ глухихъ и отдаленныхъ отъ сель деревняхъ, куда рѣдко заглядываютъ даже и книгоноши.

Ив. Захарьянъ.

**Изданія Краковской академіи наукъ (Akademja Umiejętności)
по исторіи и древностямъ. Краковъ. 1903.**

Передъ нами 46-й томъ общаго собранія изданій академіи по отдѣлу историко-философскому (Rozprawy, in-8°, стр. 340, Kraków, 1903), — вотъ сколько издаво различныхъ сочиненій за тридцатилѣтній періодъ существованія этой академіи, задавшейся цѣлю собирать и издавать съ возможной тщательностію различные памятники старины — хроники, акты, дипломы, мемуары и т. п., чтобъ они могли служить фундаментомъ, какъ они и послужили, для цѣлаго ряда цѣнныхъ изслѣдованій главнымъ образомъ по исторіи Польши въ средніе вѣка, а отчасти и по исторіи соприкасавшихся съ Польшею странъ. Изслѣдованія эти, отличаясь строго выдержаннымъ историческимъ методомъ и систематичностью, свидѣтельствуютъ намъ о сильномъ подъемѣ, такъ сказать, ученаго духа среди поляковъ за вышеуказанный періодъ времени и даютъ имъ въ наукѣ не послѣднее мѣсто среди другихъ славянскихъ ученыхъ. Изданій источниковъ довольно много — около двухъ десятковъ томовъ, остальные томы заключаютъ въ себѣ научныя изслѣдованія, часто даже цѣлыя большія сочиненія, возник-

шія на почвѣ изслѣдованія этихъ новыхъ источниковъ. Конечно, различаясь по талантливости изложенія, по болѣе или менѣе глубокому пониманію матеріала историческаго, всѣ они, можно сказать, безпристрастно держатся строго выдержаннаго метода и отличаются пониманіемъ ихъ авторами потребностей польской исторіографіи, и многія изъ этихъ сочиненій могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими историческими изслѣдованіями ученыхъ другихъ странъ. Изъ нихъ наиболѣе важны и для насъ интересны слѣдующія сочиненія: профессора Бальцера—«Генеалогія Пястовъ», «Внутреннія дѣла Польши при Станиславѣ-Августѣ»—Коржона, «Мѣшко Старый»—Смоечки. Профессоръ Улановскій издалъ Литовскій статутъ 2 изд. 1566 г. съ прибавленіями, Богуславскій написалъ исторію славянъ сѣверозападныхъ (*Dzieje Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej*)¹⁾, Кентжинскій-Kętrzyński — «О славянахъ, жившихъ нѣкогда между Рейномъ, Лабой и др.» и «Свѣдѣнія Прокопія и Иордана о славянахъ» («Co wiedzą o Słowianach pierwsi ich dziejopisowie Prokopjusz i Iordanes»). О судахъ Польши въ средніе вѣка даетъ впервые довольно полную картину Кутжеба въ сочиненіи: «Суды земскіе и городскіе въ средніе вѣка» («Sądy ziemskie i grodzkie w wiekach srednich»). Онъ же далъ «Матеріалы для исторіи всеобщаго ополченія съ 1497 по 1509 годъ» («Materjały do dziejow powszechnego ruszenia w Polsce z lat 1497—1509»), «Акты торговыхъ сношеній Польши съ венграми 1354—1505 гг.» и очеркъ—«Торговля Кракова въ средніе вѣка»²⁾. Одновременно почти съ этими сочиненіями во Львовѣ Прохаска издаетъ «Акты судовъ изъ архива Бернардиновъ», Целиховскій въ Познані—XI томъ такъ называемыхъ «Acta tomiciana» — богатѣйшее собраніе актовъ царствованія Сигизмунда I, а Чучинскій—«Diarjusz sejmowe z r. 1585».

Затѣмъ, возвращаясь къ Краковскимъ изданіямъ, мы можемъ указать на нѣсколько монографій по церковнымъ вопросамъ въ Польшѣ: Закржевскаго—«Бенедиктинское аббатство на Авентинѣ» и его же «Древнѣйшую исторію монастыря цистерцовъ въ Щижичѣ» (*Najdawniejsze dzieje klasztoru Cysterzów w Szczuzycu*), Потканскаго—«Аббатство на Ленчицѣ» («Opalstwo na Łęczyckim grodzie») и болѣе позднее изданіе профессора Улановскаго—«Ивентарь имѣній и доходовъ епископства Влоцлавскаго 1534 г.». Сюда же можно отнести и работы Гумиловича, блестящія эрудиціей и массою всевозможныхъ гипотезъ, часто бездоказательныхъ: «Начала еврейской религіи въ Польшѣ» и «Жизнь Бальдуна Галла, епископа крушвицкаго». Объ еврейяхъ писалъ и Моисей Шорръ въ сочиненіи: «Организація евреевъ въ Польшѣ» и «Евреи въ Пшемислѣ до конца XVIII в.». Особая комиссія по польскому праву при академіи издаетъ рядъ изслѣдованій и матеріаловъ по исторіи права. Вышеуказанный 46-й томъ изданій Краковской академіи начинается изслѣдованіемъ профессора Бальцера: «Введеніе въ исторію источниковъ польскаго права». Это введеніе должно предшествовать изданію, уже приготовленному къ печати

¹⁾ Введеніе этого сочиненія переведено на нѣм. яз. Остерлоффомъ.

²⁾ Въ *Przewodnik naukowy i literacki*, XII, 1903 помѣстилъ: *Urzędy, koronne i nadworne w Polsce ich początek i rozwój do 1504 r.*, т.-е. должности коронныя и придверныя въ Польшѣ до 1504 г.

авторомъ: «Акты и распоряженія Сигизмунда I», какъ начало переизданія «*Volamina legum*». Здѣсь же въ введеніи мы находимъ и критику перваго тома изданія Конарскаго 1732 г. «*Volamina legum*» и «Статуты Сигизмунда I» (1602 г.). Буякъ (Fr. Bujał) въ статьѣ «О средневѣковыхъ морскихъ картахъ» изучаетъ терминологию морскую съ исторической точки зрѣнія, а Кентжинскій даетъ статью «Изъ изслѣдованій о Гервасіи изъ Тюльбюри».

Въ декабрѣ же 1903 г. Краковская академія рѣшила предпринять изданіе Польской энциклопедіи въ размѣрѣ листовъ полутора ста печатныхъ, не въ обычномъ алфавитномъ порядкѣ, но въ рядѣ отдѣльныхъ монографій по исторіи, литературѣ, языкознанію, этнографіи и исторіи культуры Польши, Литвы и Руси. Изданіе это не будетъ распределено по выпускамъ, но лѣтъ черезъ пять появится въ цѣломъ видѣ. Несмотря на энергическую дѣятельность академіи по изданію источниковъ, нельзя не признать, что ихъ еще издано очень мало для періода съ XVI по XVIII вѣкъ, что остается еще масса матеріаловъ, не тронутыхъ, но представляющихъ большой интересъ въ историческомъ отношеніи для Польши, а для насъ частью еще и большій, если они касаются странъ, или искони русскихъ или близко соприкасавшихся съ чисто польскими землями, какъ, напримѣръ, Червоная Русь. Въ этомъ отношеніи нужно удивляться огромной эрудици и трудолюбію двухъ польскихъ ученыхъ: Павиньскаго и Яблоновскаго, начавшихъ издавать, какъ *parant* къ академическимъ изданіямъ, «Источники исторіи» («*Zródła dziejowe*») и изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Польша XVI вѣка въ географическо-историческомъ отношеніи» («*Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym*»). Павинскій умеръ въ 1896 г., и съ этого времени этотъ трудъ продолжаетъ одинъ Яблоновскій. «Источниковъ» вышло уже 22 тома. Послѣдній томъ «Польша XVI вѣка» составляетъ VII тома 2-ю часть и содержитъ описанныя Яблоновскимъ «Земли русскія», «Червоная Русь» (Варшава, 1903 г.).

Червоная Русь описана А. Яблоновскимъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ XVIII томѣ «Источниковъ», въ части I-й, изданной въ 1902 году. Въ XVIII томѣ была помѣщена правительственная опись (*lustracje urzędowe*) какъ Червоной Руси, такъ и земель — Белзской, Хелмской, Галицкой и Львовской съ 1564—1589 г. Особенно богата содержаніемъ опись русскаго воеводства, относящаяся къ 1589 г., и Галицкой земли — къ 1575 г. Яблоновскій, избравшій спеціальностью своей преимущественно изслѣдованія географическо-статистическія, обѣщаетъ вскорѣ дать и большой историческій атласъ Польши, а пока на стр. 9—16 этого тома даетъ подробныя указанія относительно границъ Червоной Руси, величины земель и уѣздовъ (*powiat*), стр. 16—21, раздѣленія административнаго и по епархіямъ, 21—53 стр., и наконецъ, трактуетъ о величинѣ всего края. Опредѣляя величину, т.-е. пространство Руси, профессоръ Климъ (Kliem) на основаніи установленныхъ исторической критикой границъ этого края при помощи планметра Амстера. Результаты работы этого математика мало въ общемъ отличаются отъ результатовъ, къ которымъ пришелъ еще въ 1839 г. нѣмецкій ученый Friederick въ сочиненіи: «*Darstellung Alt und Neu-Polens*» (Berlin), именно по Климу Русь заключаетъ въ себѣ 1169,85 кв. миль, а по Фридеріку 1188,14 кв. миль, т.-е. разница очень незначительная, зато въ частностяхъ работа Клима имѣетъ боль-

шое значеніе, устанавливая новыя вѣрныя границы областей, часто невѣрныя у Фридерика и перепутанныя. Часть этнографическая сочиненія Яблоновскаго даетъ намъ плѣдую, законченную картину внутренней жизни Червонной Руси, предлагая свѣдѣнія о количествѣ населенія различныхъ частей этого края, о податяхъ, платимыхъ городами, о земледѣльцахъ, пастухахъ, правителяхъ (старосты, тиуны, бояре, князья и т. п.), о помѣстномъ дворянствѣ, преимущественно польскомъ, и все это безъ излишнихъ, такъ часто ведущихъ на ложный путь, гипотезъ и скороспѣлыхъ выводовъ, основанныхъ на одномъ или двухъ неясныхъ указаніяхъ источниковъ.

Въ заключеніе не можемъ не присоединить къ нашему краткому и, къ сожалѣнію, довольно поверхностному очерку историографіи, издаваемой при Краковской академіи, еще и упоминанія о только-что вышедшемъ въ Варшавѣ (1904 г.) сочиненіи профессора А. Брикнера: «Старая Литва, народы и боги», 166 стр. («Starożytna Litwa. Ludy i bogi, Szkice historyczne i mitologiczne», in-8°, 1905. W. Cena 1 r. 40 kop.). Профессоръ Брикнеръ давно, какъ извѣстно, занимается изслѣдованіями литовскими, напримѣръ, его докторская диссертация (на нѣмецкомъ языкѣ) въ 1877 г. имѣла темой вліяніе славянъ на литовцевъ. Эта книжка заключаетъ въ себѣ статьи о Литвѣ, которая были помѣщены въ «Библиотекѣ Варшавской» въ 1897 г. и 1898 г., и, несмотря на популярную, повидимому, форму изложенія, имѣющія чисто научный интересъ. Въ этой книгѣ, распадающейся на 10-ть отдѣловъ, авторъ сдѣлалъ много поправокъ и измѣненій, что, конечно, объясняется трудностью темы, особенно мифологіи. Сочиненіе это отличается еще очень малымъ количествомъ цитатъ и краткостью объясненій въ болѣе трудныхъ для разрѣшенія вопросахъ.

С. Гин—вѣтъ.

Екатерина Вторая. Историческій очеркъ С. Нестерова. Спб. 1904.

Историческій очеркъ г. Нестерова не вноситъ въ исторію Екатерины II ни новыхъ матеріаловъ, ни новыхъ взглядовъ, ни новаго освѣщенія фактовъ. Авторъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свой трудъ: «Наше скромное изслѣдованіе отнюдь не имѣетъ характера всесторонняго ученаго труда. Предпринимая это изслѣдованіе, мы имѣемъ въ виду обыкновеннаго читателя, который пожелаетъ подробно ознакомиться съ жизнью и царствованіемъ Екатерины Великой, и который вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ возможности непосредственно обратиться къ отдѣльнымъ монографіямъ».

Свою задачу г. Нестеровъ исполнилъ довольно удовлетворительно. Не мудрствуя, онъ добросовѣстно компилировалъ сочиненія Брикнера, Соловьева и Бильбасова и въ живомъ, послѣдовательномъ разсказѣ изложилъ главнѣйшія событія Екатерининскаго царствованія, такъ что «обыкновенный читатель» можетъ получить по очерку г. Нестерова ясное представленіе о политическихъ и военныхъ дѣлахъ, внутреннихъ реформахъ, литературѣ и искусствахъ того времени, а равно о придворномъ бытѣ и выдающихся сотрудиникахъ Екатерины. Недостатки книги заключаются въ многочисленныхъ опечаткахъ, плохой бумагѣ и плохихъ портретахъ и рисункахъ. С. Ш.

К. Скальковскій. Новая книга. Публицистика, экономическіе вопросы, путевыя впечатлѣнія. Спб. 1904.

Необычайная разносторонность г. Скальковскаго даетъ ему возможность откликаться на всевозможные вопросы дня. Почтенный авторъ не захватываетъ трактуемаго предмета очень глубоко, но особой глубины и нельзя требовать отъ бѣглыхъ летучихъ газетныхъ статей и фельетоновъ. Между тѣмъ вся книга г. Скальковскаго не что иное, какъ собраніе газетныхъ работъ автора, написанныхъ за послѣдніе годы. Въ виду нестроты матеріала содержанію книги трудно дать какую либо общую характеристику; отдѣльныя подраздѣленія приводитъ самъ авторъ: эти подраздѣленія: отдѣлъ безъ названія, куда между прочимъ вошли замѣтки «Какія женщины нравятся», «О русскомъ платьѣ», «О петербургскомъ древонасажденіи»; отдѣлы историческихъ очерковъ, экономическихъ этюдовъ, разныхъ вопросовъ. Въ историческомъ отдѣлѣ помѣщено изложеніе книги великаго князя Николая Михайловича «Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ», полемическая статья по поводу оцѣнки историческаго образованія покойнаго графа Д. А. Толстого, рядъ замѣтокъ по поводу различныхъ историческихъ разоблаченій, полемическая статья въ защиту доблести сербскаго народа, кровь котораго течетъ въ жилахъ автора, очеркъ сношевій Караджича съ русскими учеными и наконецъ путевыя замѣтки изъ путешествія по Англій и Шотландіи. Въ замѣткахъ, къ сожалѣнію, англійская и шотландская исторія затронуты слишкомъ бѣгло; большинство же страницъ посвящено современной жизни страны Байрона и Вальтеръ-Скотта. Конечно, это замѣчаніе—не упрекъ автору, который могъ бы только свои путевыя замѣтки перенести въ другой отдѣлъ. Техникъ и экономистъ въ области горной промышленности, г. Скальковскій въ своихъ статьяхъ обнаруживаетъ не только многостороннюю образованность, но даже и детальную осведомленность въ мелочахъ историческихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ осведомленность эта даже выражается въ забавной формѣ указыванія историческихъ промаховъ увлекающихся журналистовъ. Дѣло, это конечно, неблагодарное, но, безъ всякаго сомнѣнія, полезное, такъ какъ газета, забивающая журнальнаго читателя, должна съ осторожностью относиться къ фактамъ, въ особенности историческимъ. Всѣ замѣтки и фельетоны г. Скальковскаго отличаются бойкостью и остроуміемъ.

Ignotus.

Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Комитетъ министровъ въ первыя восемь лѣтъ царствованія государя императора Николая Александровича. Составлено помощникомъ управляющаго дѣлами комитета министровъ Н. И. Вуичемъ подъ главною редакцію статей-секретаря Куломзина. Спб. 1903.

Столѣтнее существованіе комитета министровъ, которому посвященъ настоящій (послѣдній) томъ «Обзора», охватываетъ также первыя восемь лѣтъ царствованія императора Николая Александровича. Конечно, дѣятельность ко-

мштега за этотъ промежутокъ времени, хотя отчасти уже и перешла въ область исторіи, но составить предметъ историческаго изложенія и оцѣнки еще не можетъ. Поэтому, не задаваясь никакими цѣлями освѣщенія матеріала, авторъ послѣдняго тома «Обзора» ограничился краткимъ обозначеніемъ того участія, которое комитетъ министровъ принималъ въ послѣдніе годы въ направленіи важнѣйшихъ отраслей государственнаго и экономическаго быта страны. Въ виду указанной причины и самое распредѣленіе матеріала въ настоящей части «Обзора» нѣсколько иное, нежели въ предшествовавшихъ частяхъ. Изложеніе настоящаго тома по порядку своему приближается къ формамъ всеобщихъ отчетовъ по комитету министровъ. Въ общемъ распредѣленіе матеріала слѣдующее: компетенція комитета, его составъ, особыя дѣла, дѣла гражданскаго управленія, казенное и сельское хозяйство и мѣры къ улучшенію быта сельскаго и инородческаго населенія, горное дѣло, промышленность и торговля. Въ силу принятаго порядка самое изложеніе отмѣчено офиціальнымъ и, если такъ можно выразиться, справочнымъ характеромъ. Среди этихъ справочныхъ данныхъ, между прочимъ, интересны свѣдѣнія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ на устраненіе запутанности дѣлъ нашихъ земельныхъ банковъ, среди которыхъ особенной запутанностью отличился Михайловскій дворянскій банкъ въ Кутанскъ.

Ignotus.

Большой всемірный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. Шокальскаго. Выпускъ I. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1904.

Не успѣлъ появиться первый выпускъ «Большаго всемірнаго настольнаго атласа Маркса», какъ уже на него посыпались въ печати различныя нападки. Но первому выпуску о всемъ изданіи судить, конечно, трудно, но и первые листы уже даютъ нѣкоторое представленіе о послѣдующихъ или, по крайней мѣрѣ, о характерѣ предпринимаемаго изданія. Повидимому, оно обѣщаетъ стоять на высотѣ задачи, если всѣ условія, при которыхъ начата работа, будутъ исполнены. Какъ видимъ изъ предисловія къ атласу, г. Марксъ, принимая свое изданіе, не рассчитывалъ на непосредственныя матеріальныя выгоды. Имъ учреждено спеціальное картографическое заведеніе, существующее уже восемь лѣтъ; на дѣло изданія затрачено болѣе 100.000 рублей; къ редактированію атласа были приглашены извѣстные спеціалисты. Первый выпускъ содержитъ карты обоихъ полушарій, съ обозначеніемъ устройства поверхности и растительнаго покрова земнаго шара, части картъ Россіи, Франціи и Балканскаго полуострова. Карта Россіи составлена, какъ и слѣдуетъ, особенно подробно. Благодаря большому масштабу, на карту нанесены многія подробности, какъ, напримѣръ: мѣстечки, слободы, села, деревни, форты, сторожевые посты, колодцы, водонады, пороги, минеральныя источники, каналы, маяки, рудники, таможни, ярмарки, желѣзныя, почтовыя, проселочныя дороги, перевалы, паро-

19*

ходныя пристани, пароходныя, телеграфныя и телефонныя лініи. Исполненіе картъ весьма тщательное, названія напечатаны различными шрифтами, при чемъ самый мелкій шрифтъ является вполне четкимъ. Г.

Соперничество торговыхъ интересовъ на Востокѣ. Докладъ члена совѣта общества востоковѣдѣнія М. П. Федорова. Спб. 1903.

Предъ нами первое изданіе петербургскаго «общества востоковѣдѣнія», которое открылось сравнительно недавно и мало чѣмъ доселѣ заявляло о своемъ существованіи, хотя, конечно, перецеполяло свои провинціальныя отдѣленія, которыя отцвѣли, не успѣвши расцвѣсти. Среди этихъ послѣднихъ особенную бездѣятельность обнаружило тифлисское отдѣленіе названнаго общества, не только ровно ничего не сдѣлавшее изъ широко намѣченной программы (курсы восточныхъ языковъ для русскихъ и русскаго языка для мусульманъ, справочныя бюро для торговыхъ сношеній нашихъ съ восточными странами, публичныя лекціи о Востокѣ, рефераты и доклады по востоковѣдѣнію, изданіе своей газеты и проч.), но даже, какъ это ни странно, ни разу не собиралось на засѣданія со дня официального своего возрожденія, въ маѣ 1901 года. Кстати, очень интересно бы знать, чѣмъ въ данномъ случаѣ руководствуются кавказскіе востоковѣды.

Однако, перейдемъ къ книгѣ М. П. Федорова. Это—весьма обширный и почтенный трудъ и, будучи снабженъ массою картъ, чертежей, таблицъ, объимаетъ собой исторію торговыхъ сношеній Европы съ восточными странами, подробно представляя картину импорта и экспорта въ различныхъ государствахъ Востока. Въ своемъ товарообмѣнѣ съ Европой Востокъ, какъ оказывается, вывозитъ значительно больше, чѣмъ ввозитъ, и Европа уплачиваетъ ему въ послѣднее время до 700 милліоновъ рублей ежегодно. Первое мѣсто во вѣншей торговлѣ съ Востокомъ принадлежитъ Англии, а затѣмъ Америкѣ и Германіи. Россіи среди конкурентовъ принадлежитъ седьмое мѣсто, при чемъ, по мнѣнію автора, наши торговые интересы сталкиваются на Востокѣ съ англійскими въ довольно рѣдкихъ случаяхъ. Гораздо болѣе сталкиваются наши и англійскіе торговые интересы на Востокѣ съ Германіей, которой становится тѣсно дома, и которая ищетъ новыхъ торговыхъ рынковъ. Въ настоящее время нѣмцы уже являются серіозной угрозой для Великобританіи въ Малой Азии, и угроза эта тѣмъ болѣе заставляетъ призадуматься, что нѣмцы идутъ на Востокъ тѣснымъ строемъ, вооруженные упорствомъ, энергіей, капиталомъ и руководимые такимъ замѣчательнымъ вождемъ, какъ императоръ Вильгельмъ II. Современемъ нѣмецкіе колонисты получаютъ на Востокѣ несомнѣнное первенство предъ Англійей, посылающей сюда лишь администраторовъ и купцовъ, и появленіе этихъ именно конкурентовъ въ азіатскихъ владѣніяхъ Англии гораздо опаснѣе для этой державы, чѣмъ всѣ остальные торговые конкуренты, ваятые вмѣстѣ. Переходя къ изложенію торговыхъ сношеній странъ Востока въ отдѣльности, авторъ долго останавливается на Китаѣ, при чемъ дѣлаетъ попытку установить, наконецъ, правильную транскрипцію «договорныхъ портовъ». Въ

особой таблицѣ онъ приводитъ ихъ названія на русскомъ, английскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и настаиваетъ на примѣненіи русской транскрипціи географическихъ именъ Китая, установленной нашими синологами. Къ сожалѣнію, авторъ самъ же впадаетъ потомъ въ текстѣ своей книги въ ошибки, измѣняя китайскія названія до неузнаваемости (Гу-куангъ, Сычжуанъ и проч.). Жаль также, что авторъ не даетъ никакихъ фактическихъ данныхъ о размѣрахъ торговыхъ оборотовъ русско-китайской торговли въ Манчжуріи. Въ приложенной къ главѣ о Китаѣ торгово-промышленной картѣ г. Федоровъ дѣлаетъ значительную ошибку, помѣстивъ открытый для русской торговли пунктъ Цан-юй-гуань на границѣ Сибири съ Китаемъ, между тѣмъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ лежитъ на тысячу верстъ южнѣе. Ошибку эту въ книгѣ востоковѣда указываетъ не безъ ироніи г. «Не-восточникъ» въ посвященной докладу М. П. Федорова ученой рецензіи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 262, 1903 года) и справедливо замѣчаетъ, что въ трудахъ общества востоковѣднія подобныя ошибки нежелательны. Большинство данныхъ, касающихся Японіи, доведены авторомъ только до 1899 г. и не могутъ служить картиной современнаго экономическаго положенія этой страны, гдѣ множество финансовыхъ и экономическихъ измѣненій произошло именно въ послѣдніе 3—4 года. Весьма интересны свѣдѣнія о торговлѣ въ Персіи, съ которою наши торговыя связи, по словамъ автора, начались еще съ VIII вѣка, при посредствѣ народностей, населявшихъ Прикаспійскія степи. Очеркъ исторіи нашей торговли съ Ираномъ составленъ чрезвычайно живо и представляетъ много любопытнаго, хотя врядъ ли можно считать цифру общаго импорта въ Персію въ 24 милліона рублей: она значительно больше и, по свѣдѣніямъ персидскимъ, равняется 40 милліонамъ рублей въ годъ. Торговля портовъ Персидскаго залива равняется, по английскимъ источникамъ, для 1900 г. въ 2.943 фунтовъ стерлинговъ по ввозу и въ 1.480 фунт. стерл. по вывозу. Эти цифры, конечно, нельзя считать вполне точными, такъ какъ онѣ показываютъ лишь непосредственный импортъ въ страну и умалчиваютъ о результатахъ торговли посредническимъ способомъ, практикующимся въ Персіи съ сосѣдними государствами. Затрогивая «модный» теперь вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ въ Персіи, г. Федоровъ является сторонникомъ желѣзнодорожнаго пути изъ Ленкорани въ Тебризъ, считая постройку (240 верстъ) въ 24.000.000 рублей и стараясь доказать, что эта затрата влослѣдствіи доставитъ выгоды для самой дороги. Врядъ ли такой оптимизмъ имѣетъ подъ собою реальную почву: слѣдуетъ при подсчетѣ общей суммы расходовъ на Ленкорань-Тебризскую желѣзную дорогу имѣть еще въ виду расходы на провозъ изъ Россіи матеріаловъ для ремонта пути, повышенные оклады служащихъ и охрану пути. Во что все это обходится на манчжурской желѣзной дорогѣ, намъ уже извѣстно, и это большой минусъ къ выводамъ автора.

Такова въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ книга г. Федорова, далеко не безгрѣшная отъ ошибокъ и пробѣловъ, но въ высшей степени интересная, какъ первая попытка систематическаго изложенія свѣдѣній о европейской торговлѣ на Востокѣ.

О. У—цъ.

**Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 годовъ.
I—IV. П. К. Симони. Спб. 1903.**

Настоящая брошюра составлена г. Симони на основаніи «писанныхъ листовъ», полученныхъ имъ отъ покойнаго академика Л. Н. Майкова, который въ свою очередь получилъ ихъ отъ Г. В. Есипова. На этихъ листкахъ оказались записи половины XVIII вѣка показаній обвиняемыхъ на допросѣ въ тайной канцеляріи, и, по мнѣнію Есипова, эти показанія были даны обвиняемыми со словъ народной молвы. Такимъ образомъ, на страницы суднаго дѣла были занесены сказки, и въ той именно формѣ, въ какой онѣ обращались въ народѣ. Въ сущности, авторъ приводитъ только одну сказку, но въ четырехъ вариантахъ. Въ нихъ разсказывается о похожденияхъ Петра вмѣстѣ съ воромъ съ цѣлью «красть казну», воръ бьетъ Петра, когда послѣдній предлагаетъ итти грабить царя, но соглашается обокрасть боярина и во время кражи узнаетъ о зломъ умыслѣ боярина «извести царя» — отравить его. Это спасаетъ Петра, который заставляетъ боярина выпить приготовленный ядъ и приближаетъ вора къ себѣ. Подобныя сказки народная литература относила и къ Ивану Грозному, такъ что настоящія сказки являются пережиткомъ розсказней, давно циркулировавшихъ въ массѣ, но въ особенности относились къ московскому періоду Петровской исторіи, ко времени стрѣльцкихъ бунтовъ и заговора на жизнь Петра.

Первый вариантъ представляетъ лишь общую канву сказки, во второмъ — въ качествѣ вора фигурируетъ Барма, ловкій московскій воръ, извѣстный въ сказочной литературѣ, въ третьемъ — вмѣсто боярина фигурируетъ уже сенаторъ; наконецъ, четвертый вариантъ заключаетъ въ себѣ дополненіе относительно продѣлки вора надъ архіереемъ, къ которому воръ явился подъ видомъ ангела, и котораго онъ уговорилъ съѣсть въ мѣшокъ.

Нечего говорить о томъ, что изданныя сказки имѣютъ извѣстное значеніе въ исторіи народной словесности; но назначать за 8 страницъ, изъ которыхъ двѣ заняты титуломъ книги, — 75 копеекъ едва ли дѣлесообразно.

Ф. Л — въ.

Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Систематическій указатель трудовъ по языкознанію, литературѣ, этнографіи и исторіи. Спб. 1903.

Интересъ къ зарубежному славянству, замѣтно растущій у насъ изъ года въ годъ, вызываетъ появленіе въ свѣтъ такой обширной литературы, что слѣдить за ней безъ помощи особыхъ библиографическихъ трудовъ не представляется никакою возможностью. Мы считаемъ излишнимъ распространяться здѣсь о необходимости всякаго рода указателей и систематическихъ каталоговъ. Каждому, кто когда нибудь принимался за изученіе болѣе или менѣе серьезнаго историческаго вопроса, хорошо извѣстно, въ какомъ положеніи находится начинающій авторъ, принужденный самостоятельно просматривать массу журналовъ, повременныхъ изданій и въ то же время опредѣлять научную цѣнность той или иной статьи. Вся эта подготовительная работа теперь

производится группой ученых, работающих при отделении русского языка и словесности императорской академии наук при участии главного редактора русской библиографии, академика А. Н. Соболевскаго.

Предъ нами второй выпускъ солиднаго изданія, предпринятаго академіей два года тому назадъ. Нужно удивляться той энергіи и любви къ дѣлу, которыя руководили многочисленными сотрудниками «Славяновѣдѣнія», и которыя вызвали въ свѣтъ ихъ великолѣпное изданіе. Матеріалъ распределенъ здѣсь въ такой строгой системѣ, что всякаго рода справки можно получить очень быстро. Кромѣ того, заглавія нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ на малоизвѣстныхъ языкахъ, напримѣръ, венгерскомъ или датскомъ, переведены на русскій языкъ, а иногда снабжены нѣсколькими объяснительными словами. Редакція отделовъ принадлежитъ профессорамъ П. А. Бодуэну-де-Куртене, П. А. Лаврову и А. Л. Петрову, С. Л. Пташницкому и академику А. А. Шихматову.

А. Я.

Первое столѣтіе Иркутска. Сборникъ матеріаловъ для исторіи города съ «Введеніемъ» и заключительной статьей приватъ-доцента П. М. Головачева: «Составъ населенія и экономическій бытъ Иркутска до 40-хъ годовъ XVIII вѣка», съ приложеніемъ 4-хъ видовъ и 3 плановъ стариннаго Иркутска. Изданіе В. П. Сукачева. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Спб. 1903.

Изданная г. Сукачевымъ книга состоитъ изъ 165 стр. сырыхъ матеріаловъ. 13 страницъ отведено введенію и 20 заключительной статьѣ г. Головачева. Документы, помѣщенные въ этомъ сборникѣ, вмѣстѣ съ трудомъ г. Оглоблина: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа», являются дополненіемъ книги, изданной г. Транезишковымъ: «Иркутскъ, матеріалы по исторіи города XVII и XVIII столѣтій». Часть этой книги, ставшей библиографической рѣдкостью, перепечатана въ книгѣ г. Сукачева. Матеріалы сборника относятся преимущественно къ экономической и финансовой исторіи города, часть—къ топографіи его. Есть члѣобитныя пашенныхъ крестьянъ и служилыхъ людей, обнаруживающія нужды и стремленія ихъ чисто матеріальнаго характера. То же подтверждаетъ «дѣло о бунтѣ заморскихъ казаковъ» противъ иркутскаго воеводы Савелова, бывшее въ 1696 году.

Заключительная статья г. Головачева является попыткой нарисовать картину роста Иркутска за 150 лѣтъ его существованія, выяснить ходъ заселенія его, составъ жителей и условія экономической жизни этого города до 20-хъ годовъ XVIII вѣка. Статья эта, написанная по печатнымъ даннымъ, использовала отчасти и документы, помѣщенные въ разбираемомъ нами сборникѣ. Вмѣстѣ съ введеніемъ того же автора она является прекраснымъ объясненіемъ помѣщенныхъ въ сборникѣ матеріаловъ.

Книга издана въ высшей степени аккуратно и изящно. Планы и чертежи исполнены ясно и художественно. Обложка, печатанная въ типографіи «Товарищества художественной печати», воспроизводитъ гербовые цвѣта Иркутска:

на серебряномъ полѣ черный бобръ, держащій во рту червленого соболя. Орфографія текстовъ—современная для доступности чтенія текстовъ всеѣмъ желающимъ, особенно, какъ сказано во введеніи, жителямъ города Иркутска. Все это свидѣтельствуетъ о любви къ родинѣ и предмету гг. издателей книги. То, что весь сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу общества содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ, усиливаетъ лишь симпатію къ этому изданію.

В. Ф—ко.

А. В. Пановъ. Домашнія библіотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Саратовъ. 1904.

Авторъ этой книжки, недавно умершій А. В. Пановъ, былъ однимъ изъ незамѣтныхъ тружениковъ провинціальной печати. Въ центрѣ публицистической дѣятельности покойнаго стояли интересы просвѣщенія, страстная любовь къ книгѣ, нѣжное—другого слова не подберешь—отношеніе къ новому русскому читателю—читателю изъ народа, и глубокое вниманіе къ броженію среди привычныхъ читателей-интеллигентовъ. «Домашнія библіотеки», по мысли автора, должны служить обѣимъ группамъ читателей. Первая половина книжки Панова составлена для лицъ «взрослыхъ (лѣтъ отъ 16 и выше), болѣе или менѣе грамотныхъ (прошедшихъ, напримѣръ, низшую школу), съ нѣкоторыми задатками и во всякомъ случаѣ способныхъ воспринимать прочитанное». Этой категоріи читателей Пановъ рекомендуетъ цѣлый рядъ отличныхъ книгъ беллетристическаго и популярно-научнаго содержанія. Переходя затѣмъ къ «книгамъ для чтенія интеллигенціи», авторъ употребляетъ весьма оригинальный и въ высшей степени любопытный приѣмъ. Какъ бы не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность за рекомендацію книгъ для интеллигенціи, Пановъ на основаніи наблюденій типичной провинціи: верхняго и средняго Поволжья, лишь отмѣчаетъ наиболѣе ходкія тамъ книги по беллетристикѣ и почти всеѣмъ отраслямъ знанія. Такимъ образомъ, вторая половина «Домашнихъ библіотекъ», давая отвѣтъ на вопросъ, что читаютъ въ провинціи, должна пролить нѣкоторый свѣтъ на далеко еще не разгаданнаго, таинственнаго провинціала. «Въ столицѣ шумъ,—писалъ Некрасовъ,—гремятъ виты, бичуя рабство, зло и ложь, а тамъ, во глубинѣ Россіи»... что тамъ? Богъ знаетъ... не поймешь! Понять дѣйствительно мудрено. Съ одной стороны, блестящая анологія провинціала и его дѣятельности, идущая отъ Вл. Короленка и М. Горькаго, сверкающіе всеѣмъ цвѣтами оптимизма отчеты комиссіи по организаціи домашняго чтенія, а, съ другой, чистая по направленію, но убогая и вульгарная провинціальная пресса, цѣлый рядъ любопытныхъ явленій провинціализма, освѣщаемыхъ столичною печатью, и, наконецъ, личные наблюденія каждаго случайнаго гостя провинціи, который не окруженъ, какъ два указанные писателя, сливками интеллигенціи. Рядовой провинціалъ изъ интеллигенціи, не глухой, милый и интересный въ дѣлѣ картъ и совместной закуски и выпивки, во всеѣхъ другихъ областяхъ проявляетъ себя съ самой темной стороны. Возможно, что, прочтя афишу о постановкѣ «Курьего домика» Пбсена, онъ поведетъ на это «дѣтское представленіе» сво-

ихъ малолѣтнихъ дѣтей и не меньшее недомыслие и дикость проявить въ дѣлѣ чтенія. Факты, приводимые Пановымъ о ходкахъ въ провинціи книгахъ, даютъ столь яркую картину безалаберщины провинціального чтенія, что поневолю оставляешь подъ большимъ сомнѣніемъ серіозность пресловутаго самообразования провинціала. Въ спискахъ Панова наиболее любопытнымъ представляется беллетристическій отдѣлъ, подраздѣленный на части: «борьба за идеалы», «вопросы о молодомъ поколѣніи и выработкѣ цѣльнаго и опредѣленнаго міросозерцанія», «положеніе фабричнаго труда», «бракъ и женскій вопросъ», «военный бытъ, война, націонализмъ» и мн. др. Знакомясь съ книгами, составляющими эти рубрики, удивляешься, такъ сказать, по двумъ направленіямъ: и тому, что читаютъ въ провинціи, и тому, чѣмъ тамъ пренебрегаютъ. Безцвѣтныя и бездарныя сочиненія Ивановича, комичныя по нынѣшнимъ временамъ «Знаменія времени» Мордовцева и т. п. имѣютъ въ провинціи, если вѣрить Панову, «огромный успѣхъ», а изъ Льва Толстого популярны лишь «Севастопольскіе разказы», «Война и миръ» и «Воскресеніе». Не менѣе печальна въ провинціи и судьба Достоевскаго: «Преступленіе и наказаніе», «Мертвый домъ» и больше ничего. Изъ иностранныхъ авторовъ совершенно отсутствуютъ симпатіи къ Диккенсу, Мопсану, Киплингу, Лотти, Бурже, Додэ... всего не перечесть. Я нарочно останавливаюсь на крупныхъ именахъ, которыя, будь на нихъ спросъ въ провинціи, не могъ преглядѣть составитель. Тяжелое впечатлѣніе, получаемое отъ знакомства съ беллетристическимъ чтеніемъ провинціала, еще болѣе усиливается при ознакомленіи съ его научнымъ чтеніемъ. Человѣкъ, не познакопившись съ огромнымъ большинствомъ глубочайшихъ произведеній родной и чужеземной литературы, не читавшій ни «Анны Карениной», ни «Фауста», ни «Братьевъ Карамазовыхъ», ничкаетъ себя всевозможными мудреными книжками, интересуется «частной и общественной жизнью грековъ», тратитъ пять рублей на «теорію и практику англійскаго трэдъ-юніонизма» и съ такимъ усиліемъ налегаетъ на рабочее движеніе Запада, что совершенно раскунаетъ книгу о немъ г. Прокоповича.

Десять тысячъ экземпляровъ книжки Панова разошлись въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Можетъ быть, товарищи покойнаго автора не дадутъ заглухнуть его предпріятію и со временемъ выпустятъ третье изданіе «Домашнихъ библиотекъ». Въ такомъ случаѣ необходима серіозная переработка всего второго отдѣла книжки. Въ своемъ же теперешнемъ видѣ она можетъ служить лишь въ качествѣ матеріала для иллюстраціи провинціального «ночитыванія» и сдѣлаться настольной книгой не интеллигента, конечно, а провинціального книгопродавца, пожелавшаго быть освѣдомленнымъ о спросѣ на книжномъ рынкѣ.

— о в ѣ .

Классическій Востокъ. Остатки финикійской литературы. Обработалъ Б. Тураевъ. Спб. 1903.

Появленіи этой специальной работы о культурѣ одной изъ «классическихъ» народностей Востока, сыгравшей столь выдающуюся роль въ ранней исторіи европейской цивилизаціи (культурное вліяніе на Грецію),—нельзя не привѣт

ствовать, какъ съ точки зрѣнія обогащенія русской литературы по культурной исторіи древнѣйшаго Востока вообще, такъ и принимая въ соображеніе состояніе нашихъ свѣдѣній по Финикіи въ частности. Авторъ—извѣстный египтологъ и знатокъ древняго Востока—уже не впервые выступаетъ съ цѣнными трудами по исторіи «древнихъ мореплавателей»; не перечисляя его другихъ работъ, достаточно будетъ упомянуть объ Очеркѣ исторіи изученія финикійской древности (Сиб., 1893 г.).

Настоящая книга г. Тураева — первая въ предпринятой имъ серіи «Классической Востокъ»—составилась изъ слѣдующихъ статей: «Отрывки финикійской космогоніи и мифологіи Филона Библикаго», «Финикійскіе отрывки у Дамаскія» и «Тирскія лѣтописи». Каждая изъ этихъ статей сопровождается обширнымъ филологическимъ и историко-археологическимъ комментариемъ. Въ концѣ книгѣ мы находимъ нѣсколько приложений, изъ которыхъ одно знакомитъ насъ съ «Описаніемъ Финикіи въ египетскомъ папирусѣ времени XIX династіи (XIII вѣка)». Настоящее изданіе украшено нѣсколькими рисунками, представляющими археологическую иллюстрацію къ тексту. М.

Album biograficzny zasłużonych polaków i polek wieku XIX. 2 тома. Варшава. 1901—1903.

Всѣхъ біографій въ обихъ томахъ 197. Такая масса заслужившихъ славу у потомства поляковъ и полячекъ по необходимости заставила поработать надъ ихъ біографіями массу писателей. Авторамъ біографій мы насчитали болѣе 60, между которыми отмѣтимъ Хмелевскаго, Хжиновскаго, Новаковскаго, Опимана. Имена эти свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о томъ интересѣ, какой питаютъ къ своей старинѣ поляки, а, съ другой, объ умѣніи польскихъ писателей не только самимъ увлекаться картинами и людьми прошлаго, но и вызывать интересъ въ читателяхъ. Біографіи, написанныя, правда, нѣсколько тенденціозно, представляютъ хорошій источникъ для знакомства съ культурой и дѣятелями Польши въ XIX вѣкѣ, такъ какъ во многихъ біографіяхъ полководцевъ, филантроповъ, артистовъ, ученыхъ, писателей, дамъ и пр. собраны и иллюстрированы подробности изъ жизни, историческія событія, исторія возникновенія и усадка различныхъ учреждений, реформы школь и т. п. Въ многихъ біографіяхъ находимъ подробности или малозвѣстныя, или даже совсѣмъ новыя, на примѣръ, въ біографіи Красинскаго, или встрѣчаемъ біографіи лицъ новыхъ, въ литературѣ появляющихся впервые, на примѣръ, Гельцели.

Альбомъ начинается біографіей генерала Домбровскаго, а кончается Косцюшкой. Каждая біографія съ портретомъ и факсимиле подписи; изъ 192 портретовъ 60 помѣщено на отдѣльныхъ листахъ; переплет простой, но красивый, и за все 25 рублей: поневолѣ позавидуешь, сравнивая это изданіе съ нашими секулярными галереями различныхъ знаменитостей, гдѣ вмѣсто портрета—какія-то кляксы, часто съ неподходящей подписью, а въ текстѣ масса всевозможныхъ погрѣшностей. О. Гинъ въгъ.

Проф. Р. Э. Брандтъ. Освобождение. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ. (Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1903 годъ). Воронежъ. 1903.

Текстъ настоящей народной пѣсни былъ сообщенъ профессору Брандту для изданія и перевода на русскій языкъ однимъ изъ дѣятелей по болгарскому освобожденію—М. Г. Грековымъ, которому пришлось услышать ее впервые въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ деревнѣ Хайн-кѣй (Старозагорскаго округа). Пѣсня эта съ особеннымъ сочувствіемъ, свойственнымъ благодарной народной душѣ, прославляетъ русскихъ подвижниковъ за святое дѣло: царя Александра и его генераловъ—Скобелева и Гурко; въ ней же нашли себѣ отраженіе и «туркофильскіе проски Англии» и своекорыстныя дѣйствія тѣхъ болгаръ, «которые въ столь великую пору позволили себѣ стремиться къ личной пользѣ и къ наживѣ на счетъ освободителей». Вообще данная пѣсня интересна, «какъ выраженіе народныхъ воззрѣній и чувствъ». Заглавіе—Освобожденіе, дано пѣснѣ самимъ переводчикомъ, профессоромъ Брандтомъ, согласно ея содержанію. Переводъ сдѣланъ стихами (съ внесеніемъ формъ, свойственныхъ только русской народной рѣчи или народной поэзіи) и въ общемъ близко передаетъ подлинникъ, который напечатанъ здѣсь же, en regard.

А.

Проф. С. Гюнтеръ. Вѣкъ великихъ открытій. Переводъ П. Ю. Шмидта. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. 1904.

Исторія каждой науки знакомитъ насъ не только съ содержаніемъ завоеваній человѣческой мысли въ различныхъ областяхъ знанія, но, кромѣ того, учитъ уваженію къ человѣческому самоотреченію и настойчивости въ области достиженія великихъ открытій и изобрѣтеній. Исторія и географія не составляютъ въ данномъ случаѣ исключенія. И эти отрасли науки учатъ насъ уважать человѣческій гений и характеръ во всѣхъ отдѣльныхъ представителяхъ. Исторія науки въ указанномъ отношеніи не только учитъ, но и воспитываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько героизма кроется въ исторіи завоеванія нами свѣдѣній изъ міра окружающей насъ природы. Еще до сихъ поръ въ народѣ живетъ убѣжденіе, что высшія знанія—познаніе таинственнаго, требуютъ у изучающихъ ихъ особыхъ испытаний и даромъ не даются. Дѣйствительно, изученіе таинственныхъ силъ природы потребовало со стороны челоѣка неисчислимыя жертвы борьбы съ ужасающими препятствіями. Пусть иногда настойчивые изслѣдователи тайнъ мірозданія непосредственно преслѣдовали свои ближайшія политическія цѣли; несмотря на то, они все-таки цѣною неизвѣстныхъ испытаний имѣли съ мучениками знанія по призванію ставили на карту свою жизнь въ погонѣ за разъясненіемъ неизвѣстнаго. Движимый разными побужденіями духъ великихъ путешественниковъ одинаково проявлялъ великія свойства и въ равной степени служилъ наукѣ, свѣточу челоѣчества.

Исторія различныхъ наукъ имѣетъ свой различный возрастъ. Большинство наукъ по времени своего происхожденія относится къ сравнительно еще не-

давнимъ вѣкамъ; къ нимъ между прочимъ относится и исторія географіи, связываемая не безъ основанія съ эпохой великихъ открытій, охватывающей собою почти два столѣтія. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще не появилось сколько нибудь полнаго и притомъ общедоступнаго очерка исторіи этого блестящаго вѣка «великихъ открытій», и потому переводъ книжки профессора Гюнтера пополниваетъ указанный значительный пробѣлъ въ нашей популярной литературѣ. Въ заслугу переводчику нужно поставить и то обстоятельство, что переводъ оригинала онъ пополнилъ извлеченіемъ изъ капитальнаго труда Софуса Руге (S. Ruge. Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen) объ открытіяхъ Колумба. Такимъ образомъ разсматриваемая книга заключаетъ описаніе географическихъ открытій преимущественно въ Новомъ свѣтѣ за океаномъ. Но, кромѣ того, имѣются очерки исторіи древней и средневѣковой географіи, дѣятельности португальцевъ въ Африкѣ и въ Индіи. Переводъ книги исполненъ умѣло и старательно, снабженъ множествомъ рисунковъ и двумя картами. Все это вмѣстѣ взятое обезпечиваетъ уснѣхъ книгѣ среди большой публики и учащейся молодежи.

Г.

А. А. Сааковъ. О необходимости введенія земскихъ учреждений въ Закавказьѣ. Тифлисъ. 1903.

Книжка эта представляетъ докладъ, читанный въ засѣданіи общаго собранія членовъ императорскаго кавказскаго общества сельскаго хозяйства 4 марта 1903 года. Авторъ ея еще въ 1899 году представилъ на обсужденіе названнаго общества соображенія «о нуждахъ нашего (кавказскаго) народнаго хозяйства и о необходимости введенія земскихъ учреждений въ край». Общество тогда рѣшило единогласно возбудить ходатайство о введеніи земскихъ учреждений въ Закавказьѣ по положенію 1890 года. Пользуясь моментомъ обсужденія нуждъ сельскохозяйственной промышленности по программѣ особаго совѣщанія въ обществѣ, авторъ ставитъ вопросъ, какое учрежденіе проведетъ въ жизнь проектируемыя мѣры, и отвѣчаетъ, что удовлетворить мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ могутъ лишь земскія учрежденія. Обезпеченіе земель малоземельныхъ крестьянъ, уничтоженіе земельныхъ неурядицъ, облегченіе налогового бремени, упорядоченіе натуральныхъ повинностей и, по возможности, переложеніе ихъ на деньги съ разверстаніемъ между всѣмъ населеніемъ, упраздненіе института временнообязанныхъ крестьянъ-поселянъ и раяатовъ, устройство дорогъ, обезпеченіе населенія дешевымъ кредитомъ, продовольствіемъ и оросительными средствами, поддержка кустарныхъ промысловъ, охрана народнаго здоровья, организація юридической помощи сельскому населенію, поднятіе культурности края просвѣщеніемъ земледѣльческой массы общими сельскохозяйственными и техническими знаніями, развитіе самостоятельности и самопомощи населенія, частной и общественной инициативы—вотъ тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ можно оживить застоявшуюся сельскую жизнь. Земство имѣетъ всѣ качества, необходимыя для рациональнаго разрѣшенія названныхъ проблемъ сельскохозяйственной жизни. Введеніе земскихъ учреждений послужитъ новымъ прочнымъ залогомъ единенія отдаленной богатѣйшей окраины съ центромъ имперіи.

А. Х—въ.

**К. I. Храневичъ. Очерки новѣйшей польской литературы.
Спб. 1904.**

Заглавіе этой книжки обѣщаетъ больше, чѣмъ она даетъ. Читатель ждетъ очерка новѣйшей польской литературы и находитъ рядъ отдѣльныхъ, совершенно случайно соединенныхъ въ одну книжку характеристикъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Среди нихъ попадаются такіе третъстепенные дѣятели, какъ авторъ довольно слабыхъ публицистическихъ романовъ Артуръ Грушецкій или начинающій и почти неизвѣстный беллетристъ Пашковскій, и нѣтъ ни Орженковскій, ни Болеслава Пруса, ни кумира современнаго польскаго общества, возведеннаго имъ въ геніи и дѣйствительно даровитаго Станислава Высианскаго. Эти пробѣлы объясняются происхожденіемъ книги г. Храневича: она составилась изъ ряда статей и замѣтокъ, написанныхъ по тому или другому случаю для «Новаго Журнала Иностранной Литературы» за 1898—1903 г.г. Конечно, при такихъ пробѣлахъ не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь полномъ очеркѣ новѣйшей польской литературы, но въ указанныхъ нами предѣлахъ книга г. Храневича небезынтересна и можетъ принести пользу нашему обществу.

Польская литература намъ знакома; мы много переводимъ съ польскаго, гораздо болѣе, чѣмъ поляки переводятъ съ русскаго, но бѣда въ томъ, что переводимъ мы, по большей части, безъ всякой сколько нибудь серьезной руководящей цѣли; переводимое никогда не подвергается обсужденію въ печати, не вызываетъ никакихъ критическихъ статей, и тысячи экземпляровъ польскихъ художественныхъ произведеній расходятся въ публикѣ, какъ матеріалъ для празднаго чтенія въ часы досуга, какъ забава—не болѣе. Если же когда нибудь они и вызываютъ болѣе серьезный интересъ, то лишь со стороны психологической или художественной. Но еще ни разу никто не обратилъ вниманія на польскій романъ, какъ на превосходное отраженіе народнои и общественной жизни того народа, съ которымъ мы живемъ подъ единой государственной кровлей, и который знать намъ во всякомъ случаѣ необходимо. Упрекая поляковъ за то, что «они ничего не забыли и ничему не научились», мы сами въ нашихъ свѣдѣніяхъ о польской жизни до сихъ поръ еще пробавляемся написанными въ 50-хъ годахъ статьями Гильфердинга и все попрежнему думаемъ, что современные польскіе крестьяне привязаны къ намъ, русскимъ, что шляхта насъ ненавидитъ, и что поэтому мы должны поддерживать первыхъ противъ послѣдней, что въ польскомъ народѣ нѣтъ третьяго сословія, что этотъ народъ, какъ былъ, такъ и до сихъ поръ остался аристократически-завоевательнымъ и т. п. Между тѣмъ польская жизнь за послѣднія 40 лѣтъ чрезвычайно далеко ушла впередъ. И ушла безъ нашего вліянія, хотя, можетъ быть, и не сознательнаго. Какъ-то польскій народъ создалъ о себѣ пословицу: *polak bez urzędu żyć nie może* (полякъ не можетъ жить безъ казенной должности). Теперь эта пословица отошла окончательно въ область проилаго, и поляки неожиданно для всѣхъ отыскали въ глубинѣ своей души способность къ личному почину и труду. Когда-то говорили: «со *polak, to rycarz*» (что ни полякъ, то рыцарь). Теперь прежніе «рыцари», заручившись университетскимъ дипломомъ, стано-

вятся за торговый прилавокъ и превращаются въ предприимчивыхъ купцовъ и промышленниковъ, поражая, а иногда, какъ сенкевичевскій Полавецкій, неприятно отталкивая насъ своей практичностью. На нашихъ глазахъ создается, если ужъ не создалось, третье сословіе. На нашихъ же глазахъ засыпается наконецъ и пронасть, несомнѣнно, существовавшая между шляхтою и крестьянствомъ, и хлоны и дворяне начинаютъ чувствовать и мыслить одинаково. Всѣ эти глубокія внутреннія перемѣны напли себѣ полное отраженіе въ польской литературѣ, и можно только жалѣть, что мы проходимъ мимо нихъ съ закрытыми глазами: это невыгодно для насъ же самихъ. Вотъ почему всякая попытка ознакомленія насъ съ новыми теченіями польской жизни должна быть принята съ признательностью. Авторъ выступаетъ въ своей книгѣ болѣе, какъ критикъ литературный, но, хотя мимоходомъ, онъ затрогиваетъ и вышеуказанныя нами явленія, и у него то и дѣло проскальзываютъ отдѣльныя мысли и замѣчанія по ихъ поводу. Въ этомъ главный интересъ его книги. Было бы желательно, чтобы авторъ въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ углубилъ свои изученія и нарисовалъ намъ полную картину современной польской общественности.

Изъ девяти отдѣльныхъ статей, составившихъ «Очерки» г. Храевича, наилучшая и наиболѣе обстоятельная статья о Юношѣ (Шанявскомъ). Это—бытописатель старой, отживающей своей вѣкъ, шляхетской Польши. Его сочиненія это—«прощальный взглядъ на эту догорающую жизнь, всыхивающую неровнымъ, трепетнымъ, слабѣющимъ огонькомъ»... Новая, нарождающаяся или уже народившаяся крестьянская Польша нашла себѣ выразительницу, между прочимъ, въ лицѣ Кононицкой, этой поэтессы народнаго горя, которая сама опредѣлила главный мотивъ своей поэзіи въ словахъ: «Не вѣтъ, соловушки, пришла я вторить; не съ тобой, роза, цвѣсти у дороги; не съ тобой, солнце, заливать блескомъ землю. Я пришла лить слезы съ тобой, горемыка». Очеркъ, посвященный Кононицкой, благодаря удачному подбору выдержекъ, производитъ впечатлѣніе, вызывая у читателей охоту познакомиться ближе съ писательницей. Изъ другихъ очерковъ болѣе обширны статьи о Сенкевичѣ, Свентоховскомъ и Грушецкомъ. Вообще же очерки г. Храевича поверхностны, но читаются они легко, написаны живо и не безъ дарованія и даютъ право ждать отъ автора новыхъ и болѣе обстоятельныхъ трудовъ по польской литературѣ.

Андрей Сиротининъ.

В. Л. Величко. Меншиковъ. Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1904.

Драматическое произведеніе В. Л. Велички воспроизводитъ жизнь любимца Петра Великаго, князя А. Д. Меншикова, въ тотъ позднѣйшій періодъ его жизни, когда этотъ нѣкогда простой продавецъ широкъвъ, сдѣлавшись наперсникомъ и правою рукою царя-преобразователя, долженъ былъ, по смерти послѣдняго, стать опорой обновленной Россіи и продолжать борьбу за «увѣнчаніе зданія» противъ приверженцевъ старины. Для такой роли годенъ былъ бы убѣжденный и вполнѣ подготовленный къ безкорыстному служенію государственный

дѣятель, какимъ, къ сожалѣнію, Меншиковъ не оказался. Онъ не понималъ значенія своей миссіи, когда ему пришлось управлять государствомъ при Екатеринѣ и малолѣтнемъ Петрѣ II. Будучи блестящимъ исполнителемъ плановъ Петра Великаго и не гнушался, однако, казнокрадства, грабежей въ Польшѣ и Малороссіи, честолюбивыхъ домогательствъ то Малороссійскаго гетманства, то Курляндскаго герцогства и даже польской короны, Меншиковъ всегда прежде всего думалъ о себѣ, а не о Россіи. При Екатеринѣ I коллегіальныя учрежденія Петра Великаго онъ подрываетъ созданіемъ верховнаго тайнаго совѣта, гдѣ «верховники» могли кассировать рѣшенія сената и синода, но сами вполнѣ зависѣли отъ произвола Меншикова и состояли изъ его клевретовъ. А послѣ смерти Екатерины I Меншиковъ отстраняетъ отъ престолонаслѣдія дѣтей Петра (Анну и Елизавету) и устраиваетъ дѣло такъ, что является «тестаментъ», правда, безъ подписи, по которому престолъ наследуетъ малолѣтній внукъ Петра Великаго, Петръ Алексѣевичъ, обязанный жениться на дочери Меншикова. За малолѣтствомъ Петра II, государствомъ управляетъ верховный тайный совѣтъ, т.-е. тотъ же Меншиковъ. Для усиленія личнаго значенія Меншиковъ послѣдовательно сближается то съ иностранцами (Остерманъ), то съ старорусскою партіей (Голицыны и Долгорукіе), все время не понимая своего историческаго значенія въ это переходное время. Однако господство личныхъ интересовъ въ концѣ концовъ вооружаетъ противъ него всѣ партіи, онъ погибаетъ въ борьбѣ и умираетъ въ изгнаніи и ссылкѣ. Таковы факты изъ жизни сподвижника Петра Великаго, оказавшагося вполнѣ неспособнымъ увѣнчать зданіе государя-реформатора. Не такъ взглянулъ на характеръ и дѣятельность Меншикова г. Величко въ своей драмѣ. Онъ старается реабилитировать Меншикова, который по нѣсѣ помогъ достигъ престола Петру Алексѣевичу, но въ моментъ преобладанія при дворѣ Долгорукихъ и Остермана не рѣшается употребить противъ нихъ преобразенцевъ, потому что «онъ—русскій князь, а не мятежный рабъ»... Вся исторія ареста Меншикова обставлена авторомъ чистыми и принципиальными стремленіями его: «спасги хотя пмя отъ позора», «хоть сознавать невинность предъ отчизной». Однако, тотъ же Меншиковъ не постѣнлся устранить отъ престола болѣе прямыхъ наследниковъ Петра I, когда былъ въ силѣ; а теперь онъ просто растерялся и, не увѣренный въ преданности ему войскъ и возможности вновь подчинить своему вліянію двѣнадцатилѣтняго избалованнаго государя, ничего не предпринимать для своего спасенія и далъ себя арестовать и сослать въ Березовъ. Точно также и жизнь Меншикова въ ссылкѣ и его примиреніе съ судьбой объясняется простыми побужденіями, а не рыцарскими чертами вельможнаго изгнанника. Ему было значительно легче, чѣмъ кому либо, вернуться въ ссылкѣ въ первобытное свое состояніе. Огорченный отъ государственныхъ дѣлъ, онъ, какъ умный человѣкъ, очень скоро понялъ безполезность растравлять себя утраченнымъ величіемъ и наполнилъ свою жизнь издавна привычными ему занятіями простого обывателя. Для историка въ этомъ нѣтъ ни патріотической, ни философской поэзии. Но В. Л. Величко даже въ уста умирающаго Меншикова влагаетъ такія представленія о будущности нашей отчизны:

Обайлена лазурными морями,
 Царить она, простершись на полмира,
 Страшна врагамъ, не вѣдая вражды!..
 И у нея на материнскомъ донѣ
 Братаются народы безъ числа!..
 Себя познавъ, любовь другимъ вѣщаетъ.
 И вѣтъ рабовъ! Могучей правды слово
 Кипитъ волной, къ ступенямъ трона плещеть—
 И не грозитъ завѣтамъ вѣковымъ,
 А жизнь даетъ и Бога славословить!
 Привѣтъ тебѣ, немеркнувшее пламя
 Народныхъ думъ, страданьями рожденных!
 Привѣтъ любви, дарованной Христомъ!
 Простору нивъ, радостью силы русской.
 Зарѣ надеждъ, созвѣдямъ преданій!..
 Привѣтъ тебѣ!..

Конечно, указывать предѣлы «слову правды» довольно рискованно, и едва ли оно не коснется «завѣтовъ вѣковъ».

Что касается литературнаго исполненія драмы г. Величка, то оно въ достаточной мѣрѣ и художественно, и сценично. Если игнорировать историческія неточности и отступленія отъ фактовъ, то пьесу слѣдуетъ призвать не лишней даже драматическаго и трогательнаго элемента во многихъ ея мѣстахъ.

А. Фаресовъ.

**Академикъ И. И. Янжулъ. Воспоминанія о дѣтской жизни.
 Москва. 1904.**

Воспоминанія почтеннаго автора, помимо личныхъ біографическихъ чертъ, рисуютъ намъ картины провинціальной русской школы (гимназій) и преподаванія шестидесятыхъ годовъ. Очень любопытны страницы, посвященныя памяти тѣхъ педагоговъ, которые, уцѣлѣвъ отъ добрыхъ старыхъ временъ, ловили нарушителей школьной дисциплины за ухо и ставили ихъ среди класса на колѣни. Странное обстоятельство, почему-то въ воспоминаніяхъ бывшихъ гимназистовъ преподаватели почти всегда играютъ или шутовскую или злобную роль. Бывшіе воспитанники гимназій обыкновенно затрудняются вспомнить своихъ наставниковъ добрымъ словомъ; исключенія представляютъ рѣдкость, и притомъ по большей части или естественники или учителя русскаго языка. Какъ и большинство выдающихся людей, И. И. Янжулъ развивался и образовывалъ себя почти внѣ школьнаго вліянія, а иногда и помимо него. Громадное вліяніе на будущаго академика оказалъ театр и внѣклассное чтеніе. Между прочимъ, И. И. научился англійскому языку, какъ и другимъ новымъ языкамъ, самоучкой, такъ какъ преподаваніе двухъ языковъ въ рязанской гимназій давало нищу только всевозможнымъ шалостямъ, а вносилъ дѣтскія выходы въ воспоминаніяхъ массу забавныхъ анекдотовъ. Воспоминанія написаны очень живо и занимательно. Процессъ превращенія шаловливаго бойкаго мальчика въ едучиваго юношу изображенъ съ всею жизненностью правды, и остается жалѣть о томъ, что авторъ не довелъ своихъ воспоминаній до студенческихъ годовъ.

В. Г.

Указатель книгъ и статей о кооперации и мелкомъ народномъ кредитѣ. Изданіе с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 1900.

Эта книжка — плодъ коллективной работы. Первый фундаментъ ея положенъ покойнымъ В. И. Межовымъ, который по просьбѣ с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ выдѣлилъ изъ своихъ «карточекъ» все, что относится къ области кооперации. Такимъ образомъ, получился «Библиографическій указатель книгъ и статей, относящихся до обществъ, основанныхъ на началахъ взаимности, артелей, положенія рабочаго сословія и мелкой кустарной промышленности въ Россіи»; указатель данъ былъ въ 1872 г., въ видѣ приложенія къ первому тому «Сборника матеріаловъ объ артеляхъ»; вышелъ также и отдѣльными оттисками. Въ періодъ времени съ 1872 по 1892 годъ вышеупомянутымъ отдѣленіемъ издано было восемь прибавленій къ указателю, составившихъ сперва Межовымъ, а потомъ другими лицами.

Въ настоящее время работами высочайше утвержденнаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности мелкій кредитъ выдвинутъ на первый планъ и въ общественномъ вниманіи котируется довольно высоко. «Интересъ къ вопросамъ кооперации и мелкаго кредита, — говорится въ предисловіи къ разсматриваемому нами указателю, — не ослабѣваетъ, и есть основаніе предполагать, что онъ будетъ возрастать. Въ послѣднее время люди науки, законодатели и практическіе дѣятели все болѣе склоняются къ мысли, что будущность въ сельскомъ хозяйствѣ и соприкасающихся съ нимъ областяхъ обрабатывающей промышленности принадлежить такой экономической организаціи, которая давала бы возможность соединить выгоды крупнаго предпріятія съ результатами личнаго участія въ процессѣ производства самого предпринимателя. Такую организацію представляетъ мелкое производство при условіи соединенія самостоятельныхъ хозяевъ-рабочихъ въ союзы для совместнаго достиженія общихъ цѣлей. Но мѣрѣ распространенія этихъ взглядовъ неизбежно должна усиливаться и потребность въ ознакомленіи съ теоретическими работами въ этомъ направленіи и результатами практическихъ опытовъ въ области товарищеской кооперации».

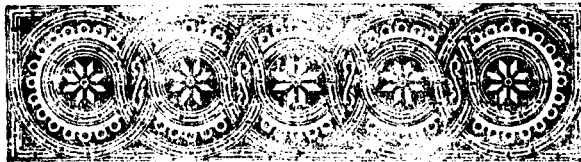
Удовлетворяя этой потребности, отдѣленіе комитета о сельскихъ товариществахъ предприняло изданіе настоящаго указателя, тѣмъ болѣе необходимаго, что указатель Межова и всѣ прибавленія къ нему давно уже разошлись. Престарѣвшій матеріалъ былъ пересмотрѣнъ, кое-что было изъ него исключено (напримѣръ, книги и статьи о мелкой кустарной промышленности и рабочемъ вопросѣ), зато много внесено новаго, именно: литература бытовой артели (извлечена преимущественно по изслѣдованію Е. П. Якушкина «Обычное право») и перечень важнѣйшихъ трудовъ по кооперации на иностранныхъ языкахъ, составленный по нѣмецкимъ указателямъ Мюльбрехта и Штамгаммера. Работа по пересмотру заглавій и систематизации указателя исполнена членомъ отдѣленія комитета, С. В. Бородавскимъ.

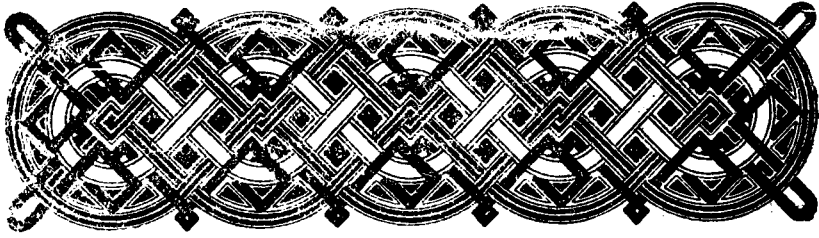
Указатель составленъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ или заглавій статей (если онѣ появились безъ подписи автора). Для облегченія же пользования имъ въ концѣ даны два «систематическихкихъ» указателя, гдѣ весь матеріалъ разбитъ на слѣдующія рубрики: общіе вопросы коопераціи и мелкаго кредита, мелкій кредитъ (ссудосберегательныя товарищества, кредитныя товарищества, сельскіе банки, гинныя кассы и пр.), потребительныя общества (городскія, сельскія, заводскія и военныя), артели и товарищества съ производительною цѣлью (земледѣльческія, рыболовныя, сыроварныя, биржевыя, таможенныя и др.) и, наконецъ, кооперація и мелкій кредитъ въ отдѣльных частяхъ имперіи и за границей. Въ такомъ же видѣ составленъ систематическій указатель и для иностранной литературы.

Со стороны систематизаціи матеріала указатель не оставляетъ желать ничего лучшаго. Что же касается системы подбора матеріала, то здѣсь сдѣлано весьма важное уиуценіе. Дѣло въ томъ, что настоящій указатель, по заявленію редактора его, «не можетъ претендовать ни на полноту, ни на безусловную точность свѣдѣній». При такихъ условіяхъ обязательно нужно было помѣстять совершенно точное указаніе тѣхъ источниковъ, откуда взять матеріалъ. Матеріалъ Межова «дополненъ новыми библиографическими данными» — вотъ и все, что мы знаемъ отъ составителя. Но откуда взяты эти «новыя данныя»? Добыты ли они путемъ самостоятельнаго просмотра періодическихкихъ изданій, или же взяты изъ какихъ либо библиографическихкихъ пособій? Если они составились первымъ путемъ, то слѣдовало указать, какія періодическія изданія просмотрѣны и за какіе годы, во второмъ же случаѣ слѣдовало назвать сборники, откуда выписанъ матеріалъ по мелкому кредиту. Это дало бы продолжателямъ настоящаго труда хоть какую нибудь нить для того, чтобы знать, въ какомъ направленіи дальше вести работу.

Ошибка, впрочемъ, легко можетъ быть исправлена, если составители теперешняго указателя сами предпримуть трудъ устранить «пропуски» и довести эту полезную работу до желательной полноты. Нечего говорить, что даже и въ теперешнемъ видѣ указатель имѣетъ громадное практическое значеніе, облегчая трудъ тѣхъ, кто пожелалъ бы изучить вопросы коопераціи.

К. Х.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОАНА д'Аркъ. Наконецъ совершился второй актъ давно ожидаемаго причисленія къ лику святыхъ знаменитой Іоанны д'Аркъ, и корреспондентъ «Figaro» такъ описываетъ эту церемонію. 6-го января новаго стиля, еще не было 10 часовъ утра, а въ Ватиканѣ уже собралась громадная толпа для этой церемоніи. Всѣ ожидали въ залѣ Клементины открытія консисторіальнаго зала, гдѣ должна была состояться церемонія. Этотъ залъ открывается въ исключительныхъ случаяхъ для такого рода церемоній, на которыя, противно принятымъ обычаямъ, папа разрѣшилъ разослать приглашенія многочисленнымъ лицамъ. Несмотря на толпу, царствовала тишина, и говорили только шопотомъ. Орлеанскій епископъ привлекалъ вниманіе всѣхъ, такъ какъ отчасти игралъ роль въ этомъ торжествѣ. Швейцарская гвардія разставляла рядами приглашенныхъ, чтобы не было толкотни, а папскіе гвардейцы проходили поминутно мимо. Только въ половинѣ одиннадцатаго открыли консисторіальный залъ; поднялась легкая толкотня среди публики, стремящейся занять лучшія мѣста, какъ можно ближе къ папскому трону. Приглашенные раздѣлились на группы по національностямямъ; между ними было много славянъ, а также нѣмцевъ, «лакомыхъ до папскихъ церемоній». Важныя лица заняли почетныя мѣста вокругъ папскаго трона, рядомъ съ епископомъ Орлеанскимъ, окруженнымъ протопотаріями и папскими придворными. Въ консисторіальномъ залѣ опять пришлось ожидать довольно долго. Наконецъ вышелъ французскій посланникъ, Иззаръ, со своею семьей и занялъ приготовленный для него кресла, справа отъ папскаго трона. Затѣмъ явились еще приглашенные, и наконецъ раздался звонъ колокольчика, возвѣщающаго о приближеніи папы. Ровно въ 11 часовъ появился папа въ сопровожденіи своего двора; онъ прямо направился къ трону и сѣлъ

дать знак начинать церемонію. Папа казался очень блѣднымъ, что въ особенности выдѣлялось на красномъ бархатномъ тронѣ. Постуланъ сначала прочиталъ декретъ о причтении къ лику святыхъ трехъ священниковъ, принадлежавшихъ къ епархіи Сягоня въ Венгріи, а затѣмъ приступилъ къ только что подписанному утромъ декрету, которымъ признавалась доблестная добродѣтель Іоанны д'Аркъ «Угодно было,—говорилось въ немъ,—мудрости Бога, который любитъ жить среди людей, породить въ XV вѣкѣ невинную дѣву съ мужественнымъ сердцемъ, соперничавшую своей отвагой съ Дѣворой и Юдиѣю, и которая могла бы съ большимъ правомъ потребовать ту похвалу несравненной женщины, о которой говорится въ священномъ писаніи. Надо было, чтобъ нація, славная блескомъ своего имени и своими военными подвигами, получила въ даръ такое чудо. Когда-то она была обязана своимъ спасеніемъ и честью Орлеанской Дѣвственницы: пусть она научится теперь въ тревожныхъ обстоятельствахъ съ довѣріемъ просить мира и справедливости у той, кому церковь присудила славу доблести». Затѣмъ была передана исторія Іоанны—ея дѣтство, слышанные ею голоса, Вокюлеръ, Орлеанъ, позорная смерть, на которую ее приговорили «порочные судьи», возстановленіе чести при Калликстѣ III, подписаніе Львомъ XIII перваго акта причисленія къ лику святыхъ и, наконецъ, собраніе 15-го декабря въ присутствіи папы Пія X, на которомъ были признаны добродѣтель и доблесть Орлеанской дѣвственницы. Папа приказалъ, чтобы этотъ декретъ былъ напечатанъ и помѣщенъ въ акты святой конгрегаціи обрядовъ. Затѣмъ постуланы поцѣловали руку папы, послѣ чего епископъ Орлеанскій поднялся по ступенямъ трона и въ свою очередь поцѣловалъ руку Пія X, а потомъ произнесъ изящную рѣчь на французскомъ языкѣ. По обычаю, его рѣчь должна быть написана по-латыни, тогда какъ онъ написалъ ее на французскомъ языкѣ. Въ ней епископъ благодарилъ папу за то, что онъ началъ свое царствованіе съ признанія доблестей молодой дѣвушки, въ высшей степени святой героини и самой популярной святой во Франціи и въ которой воплощается Франція. «Этотъ актъ благодарности,—сказалъ епископъ,—я приношу вамъ отъ имени моей епархіи, отъ имени Франціи и отъ имени церкви. Іоанна теперь, очевидно, самая знаменитая и популярная изъ преподобныхъ. Осмѣлюсь ли я, святой отецъ, отличить среди кардиналовъ одного? Осмѣлюсь ли я поблагодарить Пія X отъ имени венеціанскаго патріарха, кардинала Сарто, который въ 1899 году пожелалъ настоять предъ Львомъ XIII, чтобы дѣло Іоанны окончилось благополучно». Говоря о Франціи, онъ сказалъ: «Эта нація самая привѣтливая, когда она мирна, и человѣчная, когда она умротоворена». Рѣчь онъ закончилъ просьбой къ Орлеанской дѣвственнице, чтобы она вернула Франціи единство и миръ. Послѣ него прочиталъ свою краткую рѣчь папа. Онъ говорилъ яснымъ и выразительнымъ голосомъ по-латыни, сначала отвѣчая на два первыхъ декрета, а затѣмъ на декретъ объ Іоаннѣ д'Аркъ. Привѣтствуя новую звѣзду, которая взошла въ день своего рожденія на горизонтѣ церкви, папа радовался, что видитъ въ роли, исполненной Іоанной д'Аркъ и несвойственной простой пастушкѣ, еще одно доказательство Провидѣнія, которое всегда охраняетъ Францію. «Несмотря на печальныя обстоятельства настоящаго времени,—сказалъ папа,—поклоненіе отважной догарингской святой дастъ католикамъ урокъ мужества и самопожертванія, а

друзьямъ ея родины надежду, что великая Франція вспомнить, что ея историческая слава и цивилизаторская роль держатся тайными узлами съ евангельскимъ словомъ». Послѣ этого многія лица были допущены цѣловать руку папы, который затѣмъ обѣими руками благосклонно и крѣпко пожалъ руку епископа Орлеанскаго, благословивъ всѣхъ присутствующихъ, и удалился среди колѣнопреклоненной толпы. Это событіе вызвало немалый интересъ въ Европѣ. Англійская газета «Сенъ-Джемсъ» помѣстила статью относительно того, была ли Іоанна д'Аркъ итальянкой. Въ Италіи утверждаютъ, что она была уроженка Болоньи изъ семьи Чизильери, въ доказательство чего приводятъ сохранившуюся въ семьѣ Чизильери хронику, изъ которой видно, что въ 1401 году нѣкій Феррантъ Чизильери, находя неудобнымъ оставаться въ Италіи во время гражданской войны, отправился въ Лотарингію и содержалъ себя трудомъ. Іоанна была его дочь, ея же фамилія д'Аркъ происходитъ отъ того, что онъ перемѣнилъ свое имя вмѣстѣ съ положеніемъ. Газета «Pall-Mall» добавляетъ слѣдующія подробности. Эта хроника анонимная, она озаглавлена: «Жизнь 227 знаменитыхъ членовъ семьи Чизильери», заключаетъ въ себѣ генеалогическое древо. Изъ нея видно, что Чизильери были уроженцами Константинополя, и Ферранто, который бѣжалъ изъ Болоньи, былъ сыномъ Франческо и Бертеломеи Людовизи. У него было трое дѣтей, и въ числѣ ихъ дочь Іоанна, знаменитый воинъ во Франціи. Имя Ромен, какъ называлась мать Орлеанской дѣвственницы, давалось пилигримамъ въ некоторыхъ монастыряхъ и особенно въ Римѣ, что доказываетъ ея иностранное происхождение. Генеалогическое древо имѣетъ двѣ эпитафіи — итальянскую и французскую, и обѣ примѣнялись къ Іоаннѣ д'Аркъ, такъ какъ въ нихъ находится фраза: «au bon sang ghisilier dont elle était issue» По-итальянски «sangue ghisilier» означаетъ «sang de Guis», то-есть «peuple lorrain». Очевидно, анонимный авторъ воспользовался игрою словъ, чтобъ прославить семью Чизильери, переведя—Geanne de Lorraine—Gianna Chisilieri.

Извѣстность Іоанны д'Аркъ всемирна, и когда былъ поднятъ вопросъ о причтеніи ея къ лику святыхъ, повсюду рождались легенды о ней и ея дѣяніяхъ. Не только въ Италіи и Испаніи, о которыхъ Жерменъ Леверъ Монтали, издавшій «Diagio» Антонія Морозини, напечаталъ письма, полученные изъ Фландріи и Прованса этимъ венеціанскимъ купцомъ, съ изложеніемъ исторіи дѣвственницы, но даже въ Германіи существуютъ о ней легенды. Теперь тотъ же ученый напечаталъ отрывки изъ мемуаровъ одного майнцакаго финансиста Эбергарда Виндека. Туда включены латинскіе стихи, относящіеся къ Іоаннѣ Virgo puellaris, текстъ консультаціи въ Пуатье и письма Іоанны къ англичанамъ. Къ этому прибавленъ рассказъ, имѣющій большое сходство съ хроникой Турнэ и, повидимому, составленный по одному источнику — французскому. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлая серія легендъ, въ которыхъ Іоанна обладаетъ чудеснымъ даромъ угадывать; она не только изгоняетъ развратницу, переодѣтую солдатомъ, но угадываетъ, что она родилась въ Гіевѣ и убила ребенка; она узнавала отравленные блюда, предсказывала, что будетъ дѣлать король, и была предвѣстницей потопленія англичанъ. Кромѣ того, она дѣлала чудеса. Послѣ Реймса она заставляла цвѣсть виноградники, испорченные солда-

тами. «А когда король отправился из Реймса, говорится тамъ, и поѣхалъ далѣе, то, немного спустя, снова поднялись виноградники и цвѣли вторично, принося еще болѣе винограда, чѣмъ прежде, такъ что его должны были оставить до дня святого Мартина». Кромѣ того, тамъ есть любовное признаніе Іоанны передъ своимъ исповѣдникомъ. «И сказала ему, какъ должна произойти битва противъ невѣрныхъ, гдѣ ея отрядъ долженъ одержать побѣду, и что во время сраженія она посвятитъ свою невинность Богу и, кромѣ того, вручить свою душу, такъ какъ должна умереть. И послѣ нея будетъ другая дѣвственница, которая должна быть изъ Рима, и которая должна царить вмѣсто нея». Исповѣдникъ прибавляетъ: «дѣвственница съ этого дня еще болѣе работала, отдавая приказанія и переходя отъ однихъ къ другимъ, такъ что три самые сильные всадника едва могли ее найти, а ночью она вела тяжелую, суровую жизнь, какъ шартрезскій монахъ въ своей кельѣ; преклонивъ обнаженные колѣни, она просила со слезами на глазахъ всемогущаго Бога, чтобы онъ помогъ сираведливости и уничтожилъ бы беззаконіе, которое такъ долго брало верхъ».

— Лондонъ во времена Стюартовъ. Посмертныя сочиненія сэра Вальтера Безанта быстро выходятъ одно за другимъ, но по странной прихоти издателя колоссальный трудъ автора объ исторіи стараго Лондона печатался не въ хронологическомъ порядкѣ, а наоборотъ. Такимъ образомъ въ прошедшемъ году вышелъ «Лондонъ въ XVIII вѣкѣ», а въ настоящемъ году появилось описаніе англійской столицы въ XVII столѣтіи¹⁾: «Лондонъ во времена Стюартовъ». Въ будущемъ году обѣщаютъ характеристику Лондона эпохи Тюдоровъ, т.-е. въ XVI вѣкѣ. Трудно сказать, почему избранъ этотъ порядокъ изданія; по всей вѣроятности, издатель поторопился начать серію съ конца, потому что томъ, посвященный XVIII столѣтію, самый блестящій. Вторая часть значительно слабѣе вслѣдствіе того, что авторъ не перечелъ ея въ корректуру и не поправилъ тѣхъ мѣстъ, которыя требовали исправленія. Такимъ образомъ эта книга имѣетъ характеръ отдѣльныхъ замѣтокъ, а не дѣльнаго связаннаго труда. Все же относительно тѣхъ предметовъ, которыхъ Безантъ касается подробно, онъ рисуетъ графическую картину. Напримѣръ, онъ очень рельефно описываетъ общее положеніе Лондона во время гражданской войны. «Тогда вовсе не было иностранной торговли, — говоритъ онъ: — роялистскіе корабли плавали по германскому морю; западная Англія не посылала шерсти, восточная не доставляла жизненныхъ припасовъ; сѣверъ хранилъ у себя уголь; ни у кого не было денегъ; лавки были открыты, но хозяева отлучались на войну; семейства лавочниковъ нуждались въ хлѣбѣ, но отцы ихъ находились съ Фэрфаксомъ. Промышленность прекратилась, а рынки были закрыты. Солдаты въ промежуткѣ сраженія бѣжали въ Лондонъ и находили тамъ пріютъ; роялистское меньшинство было источникомъ постоянныхъ опасностей; религиозныя ссоры были безчисленны, и всѣ вѣроисповѣданія отличались такой же жестокостью, какъ римская церковь». Обыкновенно англичане означаютъ начало новыхъ временъ съ реформаціи, но гораздо правильнѣе начинать новую

¹⁾ London in the time of the Stuarts. By Sir Walter Besant. 1904. London.

Авглю съ возвращенія Карла II, такъ какъ тогда начинается эпоха тѣхъ мнѣній и слѣдъ, которыя преобладаютъ нынѣ. По словамъ Безантъ, XVII вѣкъ былъ въ первой части продолженіемъ Елизаветинской эпохи, а во второй уже принадлежитъ къ XVIII столѣтію, который въ сущности былъ только развитіемъ первыхъ сорока лѣтъ XVI столѣтія. Однако, эпоха Стюартовъ имѣла нѣсколько опредѣленныхъ періодовъ. Сначала преобладало пуританство въ царствованіе Якова I и въ началѣ царствованія Карла I. Въ то время пуританство не было мрачнымъ и суровымъ. Полковникъ Гучинсонъ танцевалъ, а также игралъ на музыкальныхъ инструментахъ, а Мпльтонъ писалъ маскарадныя программы. Только въ концѣ столѣтія прекратилась старая связь торговаго сословія съ дворянствомъ, и только въ наши дни она снова воскресла. Въ XVII вѣкъ въ Лондонѣ свирѣствовала чума, главнымъ образомъ, благодаря грязи и недостатку санитарнаго устройства. Впрочемъ, не этой одной причинѣ Безантъ приписываетъ означенное общественное бѣдствіе. Онъ увѣряетъ, что тогда дома состоятельныхъ лицъ отличались современнымъ комфортомъ: что распространены были турецкія ковры, и завелся обычай пить чай, замѣнившій всеобщее употребленіе вина. Хотя Безантъ не рисуетъ въ своей книгѣ полной картины тогдашняго свѣтскаго общества, представлявшаго прототипъ современнаго, но его замѣчаніе объ этомъ предметѣ чрезвычайно любопытно, такъ какъ Карлъ II ввелъ въ Англію свѣтское общество. Вообще его сочиненіе, несмотря на многіе недостатки, отличается богатствомъ историческихъ фактовъ и анекдотовъ.

— Актриса Монэнь. Недавно появившаяся въ Парижѣ біографія парижской оперной пѣвицы XVII вѣка, красавицы Монэнь, полна игривыхъ подробностей, и авторъ, Летентюрье-Фрадэнъ, не пожалѣлъ красокъ для болѣе яркой обрисовки ея характера ¹⁾. Эта искательница любовныхъ приключеній, одѣвавшаяся по-мужски и свободно расправлявшаяся шпагой съ дерзкими, была дочерью Обиньи, секретаря графа Арманьяка. Она родилась въ 1670 г., но впрочемъ, въ архивахъ не сохранилось о ея родословной никакихъ документовъ. Однако, говорятъ, что Обиньи былъ развратникомъ, посѣщалъ игорные дома, дрался на дуэляхъ, ухаживалъ за женщинами и не боялся ни Бога, ни чорта. Дочери онъ далъ прекрасное воспитаніе, въ которое входило и фехтованіе. Дѣвушка была живого нрава и любила буйныя игры. Графъ Арманьякъ нашелъ ей жениха съ мягкимъ характеромъ. Это былъ Монэнь. Вскорѣ мужъ былъ посланъ по службѣ въ провинцію, а молодая женщина осталась одна въ Парижѣ. Она познакомилась въ фехтовальномъ залѣ съ однимъ бретеромъ, по имени Сераньи, и вступила съ нимъ въ открытую связь. Они работали вмѣстѣ во всѣхъ фехтовальныхъ залахъ и даже отирались въ Марсель, гдѣ, по его словамъ, у него было имѣніе, котораго на самомъ дѣлѣ не существовало. Ради денегъ имъ пришлось давать представленія на постоялыхъ дворахъ. Успѣхъ красавицы Монэнь былъ крупный, особенно когда узнали, что она женщина. Обладая прекрасными, хотя не обработанными голосами, они, прежде чѣмъ начинать поединокъ, пѣли. Ихъ пѣніе нравилось публикѣ,

¹⁾ La Maupin, sa vie, ses duels, ses aventures, par Letainturier-Fradin. Paris. 1904.

и вскорѣ Моэанъ пригласили въ марсельскую оперу. Но изъ оперы она удалась послѣ одного приключенія, изъ-за котораго у нея вышло недоразумѣнїе съ правосудїемъ. Снова началась для нея бродячая жизнь, и она появилась въ Пуатье. Однажды, когда она пѣла въ грязномъ кабацкѣ, туда вошелъ человѣкъ съ краснымъ, одутловатымъ лицомъ въ пзнопенномъ сплемеъ бархатномъ камзолѣ. Это былъ старый актеръ, по имени Марешаль. Онъ взялся выучить ее музыкѣ и держаться на сценѣ. Тогда она отпавилась въ Парижъ, и дорогою съ нею случилось главное въ ея жизни приключенїе. На постояломъ дворѣ она поссорилась съ какимъ-то дворянномъ и дала ему пощечину. На равнинѣ состоялся между ними поединокъ, и она ранила противника. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, къ тому же изъ важной семьи—кавалеръ Луи Жозефъ д'Альберъ, сынъ герцога Люиня. Во время болѣзни онъ былъ пораженъ, узнавъ, что его ранила женщина, и влюбился въ нее. Сначала она не хотѣла ничего слышать, но молодой человѣкъ съ отчаянїя сорвалъ съ своей раны повязку и объявилъ, что хочетъ умереть. Это ее тронуло. Она полюбила его страстно, «съ перерывами, метаморфозами и возвращенїями». Но имъ пришлось все-таки разстаться. Г-жа Моэанъ продолжала свое скитанїе: Въ Руанѣ ее полюбилъ пѣвецъ Тевнаръ, бывший поваренокъ, и съ нимъ она прїѣхала въ Парижъ. Тамъ она отыскала Буvara, который представилъ ее Франспну. Последнїй устроилъ ее въ оперу, и въ 1690 году она дебютпровала. Въ то время ей было двадцать лѣтъ, и она представляла собою великолѣпную Палладу, прекрасно сложенную, съ густыми каштановыми волосами, обрамлявшими ея лицо съ орлинымъ носомъ, большими сивыми глазами, полными выраженїя и обѣщанїй. Ея контральтовый голосъ и красота произвели впечатлѣнїе, а когда она, желая поблагодарить публику, сняла каску, то ея волосы раскнудились по плечамъ, что привело зрителей въ восторгъ. Она повела жизнь, полную интригъ, которыя неудобно рассказывать. Въ 1694 году на ея бышаго любовника Альбера ночью нанали два наемные убійца, которые, нанеся ему удары, скрылись. Дѣло произвело шумъ. При этомъ извѣстїи старая страсть проснулась въ Моэанъ, и она снова сошлась съ Альберомъ. Въ июлѣ 1695 года, молодой человѣкъ отпавился на осаду Намюра и получилъ рану. Въ свою очередь съ пѣвицей приключилась неприятная исторїя: она отпавилась, переодѣтая мужичной, на балъ къ брату короля и поссорилась тамъ съ тремя молодыми людьми, вслѣдствїе чего дралась съ ними ночью на улицѣ, при чемъ ранила ихъ всѣхъ. Опасаясь преслѣдованїй, она бѣжала въ Брюссель. Тамъ она сошлась съ баварскимъ курфирстомъ, который, однако, измѣнялъ ей. Огорченная этимъ, она однажды вечеромъ, играя роль Дидоны, ранила себя кинжаломъ. Оправившись отъ раны, она отпавилась въ Иенавию. Тамъ она дошла до такой нищеты, что сдѣлалась горничной графини Марино. Скопивъ немного денегъ, она ушла отъ графини, отомстивъ за дурное съ собою обращенїе тѣмъ, что, причесывая графиню на придворный балъ, приколола ей въ волосы пучекъ розовой редиски съ ботвою. Графиня появилась на балу съ такимъ украшенїемъ и не понимала, отчего ей говорятъ проницескіе комплименты. Наконецъ она увидала свою прическу въ зеркалѣ и чуть не умерла отъ стыда. Когда она возвратилась домой, Моэанъ уже отпавилась во Францію. Она возвратилась въ оперу и снова

увидѣла Альберта. Но ихъ любовь была еще разъ нарушена вслѣдствіе дуэли Альбера изъ-за герцогини Люксамбургъ, послѣ чего онъ просидѣлъ 18 мѣсяцевъ въ Консьержери. Г-жа Монанъ была очень буйной (и даже однажды убила ключемъ служанку, которая отказалась дать ей ужинъ), а потому она осмѣлилась угрожать при всѣхъ въ церкви герцогинѣ Люксамбургъ, что разожметъ ей голову ударомъ пистолета. Черезъ четыре мѣсяца по освобожденіи Альбертъ отправился въ армию и переписывался съ г-жей Монанъ, даже въ стихахъ. Затѣмъ онъ возвратился въ Парижъ, но тамъ вступилъ въ связь съ г-жею Мюссеп, а потомъ женился на дѣвицѣ Монтиньи и получалъ 40.000 ливровъ пенсй изъ рукъ баварскаго курфюрста, съ которымъ жила его невѣста. Въ концѣ 1705 года г-жа Монанъ покинула театръ и удалилась въ уединенный кварталъ, тамъ ее потеряли изъ виду и рѣшили, что она впадала въ благочестіе. Въ 1709 году она умерла. Все, что рассказываетъ авторъ, очень занимательно, но нельзя ручаться, что это—точная правда изъ жизни извѣстной актрисы XVIII вѣка, хотя характеристика ея права совершенно точная.

— Другъ свѣтскихъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ. Никогда во Франціи не существовало свѣтскаго общества и свѣтскихъ людей въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ это было въ XVIII вѣкѣ. Общество эпохи Людовика XV и Людовика XVI можетъ назваться знатокомъ «сладости жизни». Оно жило этой сладостью и ради нея, дѣлая изъ нея свою цѣль и средство. Къ тому же, обстоятельства способствовали подобной жизни: крупныя состоянія и преизбытокъ свободнаго времени давали возможность вполнѣ отдаваться разсѣянной свѣтской жизни, со всѣми ея пріятными сторонами. Безчисленное количество именъ свѣтскихъ женщинъ, не забытыхъ и теперь, напоминаеть о разницѣ между настоящими и прошедшими женщинами, беззаботными, улыбающимися, всегда въ хорошемъ настроеніи, остроумными, хотя легкой нравственности. Та же разница существуетъ между настоящими и прежними свѣтскими мужчинами—тѣмъ типомъ свѣтскаго чловѣка, который носилъ особый отпечатокъ, какъ бы профессиональный. Въ то время не требовалось исключительно аристократическаго имени, чтобы попасть въ свѣтское общество и сдѣлаться свѣтскимъ чловѣкомъ, какъ это было и съ предсѣдателемъ Эно, которому А. Лионъ посвятилъ свой трудъ ¹⁾. Происхожденіе этого свѣтскаго чловѣка было не изъ блестящихъ. Внукъ скромнаго книготорговца и сынъ чловѣка интеллигентнаго и дѣятельнаго, понавившаго въ министерство финансовъ и сдѣлавшагося откупщикомъ, онъ получилъ кругленькое состояніе. Хотя послѣднее обстоятельство не было необходимою, чтобы попасть въ аристократическое общество, но все-таки это было нелпшимъ, такъ какъ онъ могъ давать тонкіе обѣды. Вместе съ деньгами Эно унаслѣдовалъ отъ отца литературный вкусъ. Чтобы обезпечить положеніе сыну, отецъ купилъ для него мѣсто совѣтника Парижскаго парламента, когда ему минуло 21 годъ, а чрезъ четыре года—предсѣдателя первой судебной палаты. Въ то время судебскія мѣста покупались, какъ теперь, но гаріальныя конторы. Это положеніе способ-

¹⁾ Un magistrat homme de lettres au dix-huitième siècle. Le président Hénault, 1685 - 1770. Paris. 1903.

ствоvalo Эно устроить свою свѣтскую карьеру. Онъ пробовалъ свои силы въ литературѣ, начавъ съ трагедій, и былъ счастливѣе другихъ, подобныхъ ему авторовъ, такъ какъ ее поставили на сценѣ Французской Комедіи; впрочемъ это произведеніе провалилось. Тѣмъ не менѣе онъ былъ сдѣланъ членомъ французской академіи, какъ это было принято тогда. Не найдя успѣха въ прозѣ, онъ принялся писать стихи въ приторномъ вкусѣ того времени. Жизнь свѣтскаго человѣка онъ началъ вести очень рано. Сначала онъ хотѣлъ поступить въ духовный орденъ, и два года провелъ въ одной духовной конгрегаци, но затѣмъ отказался отъ этой мысли. У отца онъ встрѣчалъ много капиталистовъ, въ высшее же общество попалъ чрезъ салонъ Сюлли, а затѣмъ, мало-помалу, сталъ посѣщать всѣ аристократическіе салоны. Успѣхъ его былъ полный, и его повсюду приглашали. Его наружность была самая подходящая для типа профессиональнаго свѣтскаго человѣка; онъ былъ худой, хрупкій, слабый, некрѣпкаго здоровья, съ разстроеннымъ желудкомъ, что не мѣшало ему дожить до восьмидесяти пяти лѣтъ. Форма его лица была квадратная, а черты лица довольно грубы, ротъ великъ, носъ толстъ, но выраженіе большихъ глазъ мягкое и нѣсколько живое. Спорилъ онъ даже съ горячностью, но никогда не выражалъ ненависти и оставался всегда дѣтски добродушнымъ. Однимъ словомъ это былъ самый «удобный свѣтскій человѣкъ, съ которымъ было пріятно жить и болтать». При этомъ онъ былъ скромнень и простосердеченъ до наивности. Безконечный говорунъ, онъ былъ способенъ переходить отъ серьезнаго къ игривому, и, воспѣвая красивые глаза хорошенькой женщины, онъ переходилъ къ разговорамъ съ Монтескье относительно судьбы римской республики. Идеаломъ его было сдѣлаться всеобщимъ любимцемъ, а непріятностей онъ боялся, и онъ доводили его до болѣзни. Деятнадцати лѣтъ онъ женился на дѣвицѣ Леба де-Монтаржи, которая, по его словамъ, была «нѣжной, любящей, простой и нѣсколько легковѣрной относительно поведенія мужа». Но для профессионально «свѣтскаго человѣка» это была самая удобная жена. Онъ не былъ ни ловеласомъ, ни Донъ-Жуаномъ, но «другомъ женщины», скромнымъ, вѣрнымъ наперсникомъ, опытнымъ совѣтникомъ и обладалъ всѣми качествами «неболтливаго друга», которыя такъ привлекаютъ нѣкоторыхъ женщинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ застѣнчивъ, терпѣливъ, умѣлъ безъ утомленія слушать, чѣмъ отличаются такого сорта люди. Казалось, что онъ никогда не добивался любви у женщинъ и самъ не расточалъ ея. Очень возможно, что, желая остаться съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ охранялъ эту любовь бережливо. Первой его связью, болѣе открытой, была связь съ г-жею Анри Льонъ. Затѣмъ послѣдовала герцогиня Мэнъ, фаворитомъ которой онъ былъ долго. Г-жа Капельморонъ была въ продолженіе сорока лѣтъ «главнымъ предметомъ его жизни», и онъ ее любилъ такъ глубоко, почтительно и непорочно, какъ только было возможно. Герцогиня Бранка, графиня Форкалькье, герцогиня Лавальеръ, принцесса Тальмонъ, герцогиня Люинъ и еще безконечное количество другихъ считались тоже его любовницами. Всѣмъ имъ онъ былъ вѣренъ, потому что оставался платоническимъ любовникомъ. Однажды въ 1744 году Эно, которому минуло уже шестьдесятъ лѣтъ, былъ замѣченъ королевой Маріей Лещинской. Это случилось въ церкви; королевѣ было въ то время сорокъ лѣтъ.

Покинутая, забытая мужемъ, она болѣе, чѣмъ какая либо женщина, жаждала встрѣтить надежнаго друга. Подойдя къ Эно, она осыпала его милостивыми разговорами и пожелала, чтобы его представили ей официально. Она назначила его къ своему двору и привязалась къ нему, какъ только могла привязаться такая женщина, какъ Марія Лепчинская, отдавшаяся вся Богу. Менѣе чѣмъ черезъ два года ихъ отношенія были таковы, что г-жа Люинь передала ему письмо отъ королевы съ слѣдующими словами: «Меня заставили прочесть это письмо и поручили вамъ послать. По доброму правилу я не должна бы ни видѣть его, ни читать, но я убѣждена въ добродѣтели, которая васъ тронетъ, не поколебавъ; и сердце мое оправдываетъ это чувство, которое я испытываю къ вамъ уже давно». Такимъ образомъ Эно получилъ два объясненія въ любви сразу—одно отъ королевы, другое отъ герцогини Люинь. Съ этого времени милости королевы распространились на всѣхъ родственниковъ Эно. Королева подолгу разговаривала наединѣ съ нимъ. «Она пригласила его къ своей кабинетъ, — говоритъ герцогиня Люинь, — усаживала его и оставалась съ нимъ, бесѣдая по два часа». Она посылала ему безконечное количество писемъ, то шуточныхъ, то серьезныхъ, но всегда любезныхъ и любящихъ, которыя представляютъ Марію Лепчинскую совѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Всѣмъ извѣстно, что она была добра, великодушна, но, что ея сердце такъ нѣжно заблилось ради Эно, оставалось тайной. Такъ герцогиня Люинь пишетъ ему: «королева набросилась на ваше письмо...». Въ другомъ письмѣ она говоритъ: «Ваше письмо (къ герцогинѣ) было прочтано вчера съ восторгомъ, но съ нѣкоторой ревностью, потому что то, которое отъ васъ получили, было серьезнѣе». Эта дружба продолжалась до смерти королевы и служила утѣшеніемъ для несчастной Маріи Лепчинской, которую Эно какъ бы убаюкивалъ и утѣшалъ. Самъ «свѣтскій человекъ» сдѣлался подъ старость богомольнымъ и сталъ хворать: онъ оглохъ, но его окружали друзья, и, по словамъ Гораса Вальноля, старикъ былъ любезнымъ и превосходнымъ другомъ. Философы негодовали, видя Эно внаившимъ въ ханжество, но все-таки его уважали. Мало-по-малу онъ прогрессивно дряхлѣлъ и не узнавалъ своей прежней пріятельницы Дюдефанъ, которая навѣщала его. Наконецъ въ 1785 году онъ тихо скончался, встрѣтивъ смерть съ неизмѣнной улыбкой. Послѣ его смерти, какъ обыкновенно бываетъ, друзья осыпали его грязью, Вольтеръ эпиграммами, а остальные насмѣшками.

— Невѣдомыя черты характера Робеспьера и его юность. Въ послѣднемъ январскомъ номерѣ «Revue Bleue» ¹⁾ Эдмонъ Пилонъ рассказываетъ о молодости Робеспьера. Семнадцатилѣтній Максимилианъ былъ представленъ на портретъ съ розою въ рукѣ, что дало поводъ Мишлэ отозваться о немъ: «Маленькій, ничтожный и слащавый портретъ». Дѣло въ томъ, что Максимилианъ Робеспьеръ любилъ болѣе всѣхъ цвѣтовъ розы: «даже впоследствии, когда онъ жилъ у Дюплэ, на его рабочемъ столѣ всегда стоялъ букетъ изъ розъ, кооторыя собирали для него дочери хозяина. Много времени спустя, на религиозномъ праздникѣ 20 преріала, когда онъ уже былъ диктаторомъ, Нодье

¹⁾ Jeunesse sentimentale de Maximilien Robespierre, par Edmond Pilon. «Revue Bleue», 30 Janvier, 1904.

видѣлъ его впереди другихъ депутатовъ съ двумя букетами розъ, однимъ на груди около сердца, а съ другимъ громаднымъ въ рукахъ». Эта любовь къ цвѣтамъ была въ большой модѣ еще до революціи; съ легкой руки Бюффона, Руссо и Бернардена Сень-Пьера, молодежь любила цвѣты, животныхъ, деревню, поля и лѣса, такъ что революція всныхнула среди цвѣтовъ. Идея свободы росла вмѣстѣ съ идеей о природѣ. Безъ листьевъ деревьевъ, которые Дюмуленъ собиралъ въ Палэ-Роялѣ и бросалъ въ толпу, Бастилія, можетъ быть, не была бы взята. На одной маленькой гравюрѣ той эпохи представлены колыбель изъ розъ, съ бюстами трехъ поэтовъ, гряда цвѣтовъ и накрытый столъ съ виномъ и стаканами. Это было общество Розати, названное колыбелью розъ, гдѣ собиралась Аррасская академія. Тамъ повсюду видѣлись розы: онѣ вились по трельяжамъ, покрывали полъ и столы и красовались въ видѣ вѣнковъ на бюстахъ Шапелля, Шолье и Жана Лафонтелля. Туда ходилъ юный Робеспьеръ «праздновать природу». Членами общества Розати состояли большею частью граждане Арраса: судьи, аббаты, адвокаты и офицеры. Когда ученый Ардюэнъ въ назначенный день впервые представилъ Робеспьера, канцлеръ общества Гэ сказалъ свое привѣтствіе, на что Робеспьеръ пропѣлъ оду: «Je vois l'épée avec la rose dans les bouquets que vous m'offrez» и т. д. Оканчивалась она словами: «La rose est votre compliment, l'épée est la loi d'y répondre». После него встали многія лица и заплѣли. Максимилианъ былъ въ этотъ день героемъ праздника. Его ода размягчила сердца слушателей и очаровала ихъ. До самой смерти Робеспьеръ всегда имѣлъ въ рукѣ розу или носилъ ее на груди около сердца; его друзья считали ее «символомъ красоты его нравственности и реального стоицизма». Но словамъ Мишлэ, съ тѣхъ поръ нравственность Робеспьера ничуть не опустилась, такъ какъ въ его частной жизни не извѣстенъ ни одинъ безнравственный или низкій поступокъ. Воспитанный патерами и старыми богемольными дамами, питаемый «Эмилемъ» Руссо и классиками, онъ уже съ очень раннихъ лѣтъ упражнялся въ томъ, что отгонялъ отъ себя всѣ порочныя идеи, всѣ развратныя мысли и безчестныя желанія. Его непорочность удивляла Мирабо; Маратъ вазывалъ его «несодкушнымъ», а Буасси д'Англа, удивленный такой красотой внутреннихъ чувствъ, сказалъ, что Максимилианъ — «Орфей, появившійся среди людей». Самъ Максимилианъ говорилъ о себѣ въ намятной рѣчи 8 термидора: «Отнимите отъ меня мою совѣсть, и я буду самый несчастный человекъ». Его ненависть къ разврату была столь велика, что когда однажды Дюмуленъ далъ дѣвицѣ Дюлэ книгу сомнительнаго содержания, то Максимилианъ съ такимъ страстнымъ гнѣвомъ возсталъ противъ него, что съ этого дня судьба пераго была рѣшена. Его прекрасное поведение еще на школьной скамьѣ, рвеніе къ работѣ, высшая стыдливость мысли и преждевременный примѣръ строгой добродѣтели, изъ которой выслѣдствіемъ онъ черпалъ всю свою силу противъ людей, заставили его воспитателя Эриво признать Максимилиана «римлянцемъ». Его двѣ старыя религиозныя тетки говорили о немъ: «Это — ангель, и поэтому его будутъ обманывать злые». Вдова члена конвента Леба, одна изъ дочерей Дюлэ, въ своихъ мемуарахъ писала: «Что до насъ, то мы любили его, какъ добраго брата; онъ былъ такъ добръ». Еще семилѣтнимъ мальчикомъ, по словамъ сестры,

онъ былъ мечтательнымъ и столь впечатлительнымъ, что малѣйшее оскорбленіе заставляло его плакать. Послѣ смерти матери онъ остался семилѣтнимъ мальчикомъ, но воспоминаніе о ней вызывало у него до самой смерти слезы. Находясь на попеченіи своего дѣда и тетокъ, Максимиліанъ съ самаго нѣжнаго возраста видѣлъ примѣръ благочестія. Свободные отъ занятій часы онъ посвящалъ устройству маленькаго алтаря, который онъ украшалъ гирляндами и посвящалъ св. Дѣвѣ. Онъ собиралъ коллекціи наивныхъ рисунковъ и гравюры священнаго содержанія. Уже тогда онъ любилъ цвѣты, а птицы были его душою. У него былъ прекрасный голубятникъ, полный голубей и воробьевъ, который подарили ему тетки. Въ свободные часы онъ приходилъ къ своимъ любимцамъ, и большимъ его счастьемъ было любоваться ими, чистить ихъ и заботиться о нихъ. Онъ неохотно поручалъ ихъ сестрамъ, и былъ глубоко огорченъ, даже до слезъ, когда одинъ изъ голубей погибъ, благодаря недосмотру сестеръ. По словамъ его сестры, Шарлоты, въ школѣ онъ защищалъ слабыхъ противъ сильныхъ. Послѣ смерти младшей сестры и аббата Лароша, съ которымъ онъ переписывался, Максимиліанъ сдѣлался печальнымъ и задумчивымъ. Только Станиславу Флерону и Камиллю Дюмулену удавалось сгонять съ лица Робеспьера мрачное выраженіе. Они вмѣстѣ читали «Исторію римской революціи», «Разговоры Силлы и Эвкрата» Монтескье и «Эмиля» Руссо, и уже тогда Робеспьеръ мечталъ о революціи и свободѣ, которую они дадутъ народу. Во время вакацій они отправлялись къ роднымъ и возвращались въ любимыя поля. Но со временемъ такая жизнь среди деревенскихъ забавъ, розовыхъ кустовъ, воспѣваній музы и вина показалась ему недостойной. Имъ овладѣло желаніе посѣтить самого Руссо. Съ этою цѣлью онъ отправился изъ Арраса въ Парижъ, чтобы оттуда попасть въ Монморанси и поцѣловать ногою дома «своего божества». Въ Парижѣ онъ поступилъ вторымъ клеркомъ къ прокурору Нолло и оттуда написалъ трогательное письмо аббату Пруаяру, у котораго, подъ предлогомъ посѣщенія епископа Арраса, онъ просилъ денегъ и одежду. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ отправился въ Монморанси. Въ это время Руссо, покинутый всѣми, ненавидимый философами и ханжками, жилъ въ такомъ холодномъ навильонѣ, что «чернила замерзали на его перѣ». Это былъ печальный вечеръ: г-жа Удето не пришла и не принесла ему цвѣтовъ; г-жа Эннэ не прислала ни яицъ, ни молока изъ Шевретта. Покинутый, угрюмый, съ большимъ сердцемъ онъ сидѣлъ предъ лампою; Тереза уже съ часъ, какъ ушла въ деревню или на соседнюю ферму; въ одномъ углу разбитая параличемъ тетка Левассеръ вздыхала предъ разведеннымъ огнемъ. Картина была суровая, захватывающая и трагическая. Вдругъ раздался робкій стукъ въ ставень.—Кто тамъ?—спросилъ Руссо. Отвѣта нѣтъ. Руссо всталъ и пошелъ открыть дверь. Вошелъ молодой человекъ, залепеталъ что-то, ужалъ на колѣни и зарыдалъ. Руссо взволновался, отбросилъ свою сучковатую палку и, протянувъ руки, прижалъ къ своей груди голову Робеспьера. Немного позже они уже сидѣли за столомъ, спорили, разговаривали о будущемъ. Старикъ былъ счастливъ и, поднявъ свои дрожавшія руки, благословилъ Робеспьера, посвятивъ его пріродѣ и истинѣ. Тогда къ Руссо явились многіе пылкіе и молодые люди, и на всѣхъ оставался его отпечатокъ. Но ниго изъ нихъ не сохранилъ къ нему

болѣе пламеннаго культа, какъ Робеспьеръ. «Я видѣлъ тебя въ твои послѣднiе дни, — писалъ ему впоследствии Робеспьеръ на вершинѣ своего могущества, — и это воспоминанiе для меня — источникъ горделивой радости; я любовался твоими величественными чертами, на которыхъ я видѣлъ отпечатокъ мрачнаго горя, на которое тебя приговорила человѣческая несправедливость. Съ тѣхъ поръ я цонялъ всѣ тягости благородной жизни, преданной культу истины; онѣ меня не испугали... Твой примѣръ предъ моими глазами... Я хочу слѣдовать по твоимъ чтимымъ стопамъ, если даже я оставлю только имя, о которомъ будущiе вѣка даже не справятся; счастье, если въ опасной карьерѣ, которую откроетъ предо мною не бывшая еще революцiя, я останусь непрестанно вѣрнымъ вдохновенiямъ, которыя я черпалъ изъ твоихъ сочиненiй». Это была самая добросовѣстная дань уваженiя, какую когда либо оказывали Руссо. «Робеспьеръ, — говоритъ авторъ, — созерцая Монморанси, черпалъ изъ этой мѣстности тайну той суровой добродѣтели, которая впоследствии сдѣлала изъ него человѣка съ грозными принципами и страшной честной добросовѣстностью. Максимилiанъ — мистикъ, и его культъ къ Руссо можетъ хорошо быть выясненъ только на мѣстѣ, гдѣ жилъ Руссо, мизантропъ, гдѣ Робеспьеръ впервые увидѣлъ чуднаго и жалкаго старика. Это посѣщенiе на зарѣ своей жизни, въ весеннее время, Робеспьеръ, жестокой членъ конвента, возобновилъ въ одинъ прекрасный день, какъ бы для того, чтобъ помочь себѣ слѣдовать по пути своей судьбы». Такимъ образомъ встрѣча молодого мечтателя Робеспьера со старымъ философомъ была рѣшающимъ моментомъ великаго республиканскаго дѣятеля. «Жанъ-Жакъ, — говоритъ Пилонъ, — овладѣлъ сердцемъ Максимилiана, вошелъ въ него до такой степени, что не могъ болѣе вытти, и съ такою силою и глубокимъ могуществомъ что всѣ, кто ни приходилъ съ тѣхъ поръ въ Эрмитажъ, не могли болѣе переступить его порога, не вспоминая о томъ, кто ранѣе ихъ приходилъ туда созерцать непреклонную суровость своей судьбы». Несмотря на чистоту души, Робеспьеръ не былъ красивъ, ему не доставало откровеннаго смѣха Фабра и Дюмелана. Онъ даже не обладалъ энергичнымъ уродствомъ Дантона, который минутами могъ казаться поразительно красивымъ. Черты лица Робеспьера оживлялись лишь выраженiемъ, которое придавало имъ жизнь. Ротъ у него былъ большой, блѣдный и сжатый; его морганье глазъ было непрiятно, а блѣдное и печальное лицо мало благообразно. Максимилiанъ старался исправить недостатки своей природы и хотѣлъ сдѣлать лицо болѣе привѣтливымъ, выразительнымъ и, если возможно, болѣе кокетливымъ. Прiѣхавъ въ Парижъ съ небольшимъ запасомъ бѣлья, онъ вскорѣ вошелъ во вкусъ и увлекся кружевами, изящными матерiями и пудрою, покинувъ свою мрачную оливковую одежду, въ которой прiѣхалъ изъ Арраса. Впоследствии, когда онъ жилъ у Дюплэ, то сталъ одѣваться иначе: носилъ нанковые панталоны и полосатую одежду, чистый галстухъ, прекрасно натянутыя чулки и жилетъ и пудрилъ волосы, приподнятые на вискахъ. Однажды въ Тюильри онъ былъ въ жилетѣ, вышитомъ розовымъ шелкомъ, а на праздникъ Верховнаго Существа, его фракъ былъ изысканно изищенъ. Съ юныхъ дней онъ старался нравиться женщинамъ. Его сестра писала: «Любезность моего брата къ женщинамъ плѣняла ихъ сердца. Нѣкоторыя изъ нихъ, я думаю, испытывали къ нему болѣе, чѣмъ обык-

новенное чувство. Одна изъ нихъ дѣвица Дезорти любила его, и была имъ любима». Для нея Робеспьеръ писалъ стихи и мадригалы. Еще изъ школы онъ писалъ призваніе въ любви актрисѣ Дюгазонъ, но не получилъ отвѣта. Въ 1789 году, сдѣлавшись молодымъ депутатомъ національнаго собранія, Робеспьеръ сохранялъ въ обращеніи съ женщинами неестественный тонъ и принужденныя манеры провинціального вздыхателя. Сладострастіе Ламета, примѣры легкомыслія относительно женщинъ Марабо, шутки Камиля Дюмулена, не оставили слѣда на чистотѣ сердца и мыслей Робеспьера. Никто, по словамъ Мишлэ, не умѣлъ лучше Робеспьера внушить женщинамъ довѣріе къ себѣ. Изящность его фразъ, чувство въ его рѣчахъ, суровость его права, изысканность его манеръ, чистота его одежды, наконецъ, классическая бѣдность, въ которой онъ жилъ, также служили мотивомъ господства надъ ними». Ненавидя безпорядочность одежды а также выражений и революціоннаго «тыканія», онъ сохранялъ даже среди самыхъ ужасныхъ событій ту крайнюю корректность сердца и языка, ту мягкость и холодную волю, которые очаровывали женщинъ и заставляли ихъ, слушая его въ конвентѣ, рыдать и съ мокрыми отъ слезъ лицами аплодировать ему въ патетическихъ мѣстахъ рѣчи. Онъ также любилъ музыку и, живя у Дюплэ, пробовалъ пѣть подъ аккомпанементъ клавесинъ. А когда, по вечерамъ, при свѣтѣ лампы, онъ читалъ вслухъ сестрамъ Дюплэ «Федру», «Британника» или другія трагедіи Расина, то его голозь дрожалъ, и онъ готовъ былъ плакать. Только г-жа Сталь не раздѣляла къ нему симпатіи большинства женщинъ, тогда какъ г-жа Роланъ восхваляла его нравственность, а г-жа Кералью, зная его съ юности, сохранила о немъ самое лучшее воспоминаніе. Чѣмъ болѣе росла его слава, тѣмъ страстнѣе и глубже становился культъ женщинъ къ Робеспьеру. Его мистицизмъ нравился имъ. Узнавъ, что за революціей послѣдуетъ, благодаря ему, возвращеніе къ благочестію, къ культу разума и Верховнаго Существа, многія изъ женщинъ потеряли всякую мѣру и смотрѣли на него, какъ на Мессію. Женщины во все время его диктатуры такъ соединились съ нимъ, что мало-по-малу подъ ихъ слабыми объятіями видно было, какъ ослабѣвалъ этотъ неукротимый человекъ, поддавался и покорился его характеръ, котораго ни Дантонъ, ни Марать, ни Эберъ никогда не могли смирить. Авторъ находить, что Мишлэ прекрасно выразился, что «подъ своей холодной жестокостью деспота Максимилианъ скрывалъ сердце, уязвимое гордостью, и чрезъ это долженъ былъ умереть. Но даже эта смерть принадлежитъ исторіи. Тѣ, которые болѣе всѣхъ его нѣжно любили, не были чужды его несчастнаго конца. Но эта смерть не пугала его; онъ съ очень раннихъ лѣтъ научился, благодаря благочестивымъ примѣрамъ, а также примѣрамъ римлянъ, презирать ее. И справедливо онъ сказалъ Шимету, что «смерть не вѣчный сонъ, смерть есть начало безсмертія».

— Наполеоніана. Наполеоновская литература не уменьшается, а все болѣе увеличивается, и становится оригинальнѣе и разнообразнѣе. Такъ въ февральской книжкѣ «Fortnightly Review» мы находимъ совершенно своеобразную статью ¹⁾ англійскаго историка Генри Голла о замѣткахъ Наполеона

¹⁾ English History in Napoleon's By G. Goll. Note-Books. Fortnightly Review February 9041.

относительно англійской исторіи, которыя были имъ написаны въ молодости. Эти замѣтки относятся къ его пребыванію молодымъ офицеромъ въ Оксанъ и послѣ сраженія при Ватерлоо были переданы вмѣстѣ съ другими личными документами на храненіе его дядѣ, кардиналу Фэшу. Путемъ долгихъ перипетій онъ теперь очутился въ Медицейской библіотекѣ, во Флоренціи. Всѣ эти рукописи составляютъ обширное собраніе записныхъ книгъ, въ которыя Наполеонъ вносилъ свои впечатлѣнія при чтеніи различныхъ книгъ. Генри Голль выбираетъ замѣтки, касающіяся «Исторіи Англии» Барро. Первая изъ нихъ очень замѣчательна и говоритъ: «Вѣроятно, Британскіе острова были населены галльскими колоніями». Вообще, сначала Наполеонъ выражаетъ къ англичанамъ большое уваженіе, вслѣдствіе того старательно выбираетъ въ хронологическомъ порядкѣ число ея королей, начиная съ саксонской гентархіи. Объ Альфредѣ Великомъ онъ выражается, какъ о популярнѣйшемъ королѣ и основателѣ англійской свободы. Онъ отмѣчаетъ далѣе, что съ 1294 года начинается превосходство англійской морской силы надъ другими державами. Эпизодъ возстанія Вата Тэйлора вызываетъ съ его стороны нѣсколько любопытныхъ замѣчаній. Въ то время, когда Наполеонъ писалъ эти замѣтки, онъ не былъ еще сердцемъ французъ, а какъ истый корейканецъ читалъ къ Франціи ненависть и ни разу не упомянулъ въ своей записной книжкѣ имя Іоанны д'Аркъ. То, что онъ говоритъ о Карлѣ I-мъ и Кромвэлѣ, заслуживаетъ большого вниманія. Вотъ какъ онъ характеризуетъ Кромвеля: «Лордъ протекторъ въ юности былъ распутникомъ, а потомъ онъ сдѣлался набожнымъ, въ родѣ проповѣдника. Храбрый, умный, онъ соединялъ самолюбіе съ республиканской восторженностью и даже стремился къ царской власти. Онъ былъ сильнаго сложенія и съ мужественными, грубыми манерами. Естественно онъ отличался ровнымъ нравомъ и былъ справедливымъ». Замѣчательно, что о Монкѣ Наполеонъ отзывался, какъ объ умномъ человѣкѣ, а двѣнадцать лѣтъ спустя Жозефина и Бурбоны хотѣли побудить его разыграть роль англійскаго полководца. Отзывы Наполеона объ англійской исторіи оканчиваются вступленіемъ на престолъ Вильгельма и Маріи.

Въ послѣднее время затѣялся ярый споръ между германцами и англичанами по поводу того, кто былъ настоящимъ побѣдителемъ при Ватерлоо. Возбудилъ эту сору самъ Вильгельмъ II: обращаясь съ рѣчью къ одному изъ прусскихъ полковъ, онъ сказалъ: «Поднимаю стаканъ въ честь нѣмецкаго легіона и надѣюсь, что каждый изъ васъ послѣдуетъ моему примѣру, отдавая справедливость высокимъ, нравственнымъ, подвигамъ, выказаннымъ подъ Ватерлоо Блюхеромъ и пруссаками, которые спасли англійскую армію отъ пораженія». Вся Англія вознегодовала, и во всѣхъ газетахъ стали упорно доказывать, что не Блюхеръ, подошедъ къ концу сраженія, а Веллингтонъ, выдержавъ пламенный жаръ боя, былъ побѣдителемъ при Ватерлоо. Нѣмцы, въ свою очередь, развибрились въ защиту императора и своего историческаго героя. Въ эту литературную борьбу вступились французы, хладнокровно доказывая, что побѣдили подъ Ватерлоо не доблести англичанъ и пруссаковъ, а измѣна французскихъ генераловъ. Всего безпристрастнѣе оказался извѣстный военный французскій писатель Шарль Мало. Онъ посвятилъ въ «Journal des

Débats» этому спорному вопросу замѣчательную статью ¹⁾ подъ названіемъ: «Настоящій побѣдитель подъ Ватерлоо». Отдавая полную справедливость, какъ противникамъ Наполеона, такъ и ему самому, онъ краснорѣчиво описываетъ всѣ фазисы знаменитаго сраженія и приходитъ къ заключенію, что Веллингтонъ безъ Блюхера и Блюхеръ безъ Веллингтона не вышли бы побѣдителями изъ смертнаго боя. По его словамъ, Вильгельмъ II-й нѣсколько ошарашанъ въ своей оцѣнкѣ, и если въ чью нибудь сторону слѣдуетъ склонить вѣсы правосудія, то, конечно, въ пользу «железнаго герцога, необыкновенной стойкости котораго англичане обязаны тѣмъ, что дождались прибытія пруссаковъ на поле сраженія». Послѣ Ватерлоо до отъѣзда Наполеона на св. Елену протекло четыре памятныхъ мѣсяца, которые до сихъ поръ не были подробно описаны ни однимъ біографомъ развѣнчаннаго императора, хотя этотъ эпизодъ чрезвычайно интересенъ и трагиченъ. Во время его пребыванія въ Елисейскомъ дворцѣ отъ 20-го до 24-го іюня громадныя толпы окружали дворецъ, крича во все горло: «Да здравствуетъ императоръ, смерть измѣнникамъ!». Въ Мальмезонѣ и въ Рамбульѣ его постоянно привѣтствовали восклицаніями, и повсюду доходили слухи о спѣшившей къ нему на помощь арміи. Въ Нюрѣ два полка егерей просили его на колѣняхъ вести ихъ противъ врага. Послѣдняя надежда исчезла въ немъ въ Рошфорѣ и предала его въ руки англичанъ. Всѣ эти драматическія обстоятельства изложены впервые съ обстоятельными подробностями Ж. Сильвестромъ въ его книгѣ «Отъ Ватерлоо до св. Елены».

Повидимому, даже въ Англии общественное мнѣніе покончило съ вопросомъ о жестокомъ обращеніи съ Наполеономъ на островѣ св. Елены его тюремщика— сэра Гудсона Ло. Недавняя книга лорда Розбери краснорѣчиво и вполне справедливо оцѣниваетъ поведеніе англичанина и оплакиваетъ мученическую смерть великаго героя. Казалось, что послѣ этого откровеннаго признанія англійскаго писателя не оставалось уже ничего сказать по означенному вопросу, но все же нашелся англичанинъ, Р. Ситонъ, который взялся реабилитировать сэра Гудсона Ло, на основаніи данныхъ въ трудѣ нѣмецкаго историка Е. Мейера ²⁾. Тотъ и другой стараются доказать пристрастіе лорда Розбери къ Наполеону, и вообще, что тюремщикъ св. Елены былъ «одинъ изъ наиболѣе оклеветанныхъ людей исторіи». Въ доказательство своихъ доводовъ Ситонъ приводитъ сочувственныя мнѣнія о Гудсонѣ Ло императора Александра, Блюхера и Гнейзенау, а также ссылается на лексиконъ Ларусса, въ которомъ сказано: «По правдѣ сказать, тираническія требованія побѣжденнаго дѣлали для несчастнаго губернатора почти невозможнымъ примиреніе обязанностей человѣколюбія съ инструкціями, полученными отъ начальства». Несмотря на всѣ успія Ситона, ему однако не удастся облить сэра Гудсона Ло, котораго онъ даже самъ признаетъ наиболѣе безтактнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, и Наполеонъ на островѣ св. Елены остается безспорнымъ мученикомъ своего безжа-

¹⁾ Le véritable vainqueur de Waterloo, par Charles Malo. Journal des Débats hebdomadaire.

²⁾ Napoleon's Captivity in Relation to sir Hudson Lowe. By R. C. Seaton. London. 1904.

лостнаго тюремщика. Еще оригинальнѣе этой поздней и неудачной защиты пресловутаго врага Наполеона новая, только вышедшая книга Мориса Дрейфуса: «Наполеонъ въ разсказѣ Шатобриана» ¹⁾. Автору вошла въ голову очень оригинальная мысль собрать въ хронологическомъ порядкѣ все, что писалъ о Наполеонѣ Шатобрианъ, хотя онъ былъ величайшимъ противникомъ и врагомъ великаго человѣка. Но изъ этихъ краснорѣчивыхъ страницъ вышелъ толстый томъ чрезвычайно патетической біографіи Наполеона. При этомъ замѣчательно, что, несмотря на всю враждебность Шатобриана, жизнеописаніе вышло во многихъ мѣстахъ очень сочувственнымъ, такъ какъ поэтическій авторъ невольно увлекался своимъ предметомъ.

Въ нынѣшнемъ номерѣ «Историческаго Вѣстника» въ отдѣлѣ «Иностранцы о Россіи» упоминается довольно подробно о томъ, что говорится о Россіи въ недавно вышедшемъ VI-мъ томѣ замѣчательнаго труда Альбера Сореля: «Европа и французская революція» ²⁾. Здѣсь мы скажемъ объ этой книгѣ съ общей французской точки зрѣнія, такъ какъ сочиненіе почтеннаго академика, главнымъ образомъ, отличается тѣмъ, что революціонную и наполеоновскую эпохи онъ характеризуетъ относительно не только Франціи, а всей Европы. Въ настоящей шестой части онъ бросаетъ блестящій свѣтъ на эпоху Люневильскаго и Амьенскаго мировъ, до Аустерлицкой битвы, отъ 1800 до 1805 г. Много томный трудъ Сореля быстро близится къ окончанію, и въ нынѣшнемъ году выйдутъ послѣдніе VII и VIII тома, посвященные событіямъ отъ 1806 до 1813 года. Что касается до настоящей части, то она рисуетъ живую картину возведенія Франціи и достиженія ею первенствующаго мѣста въ Европѣ. Съ начала консульства Наполеонъ озабочился постѣ побѣды при Маренго заключеніемъ мира съ Австріей въ Люневиль и съ Англійей въ Амьенѣ. Въ то же время внутренняя политика Франціи была сосредоточена на религіозной и административной организаціи, усмиреніи роялистскихъ агитаціи и подготовленіи имперіи. Это знаменательное событіе и коронація Наполеона, совершенная папой Піемъ VII, произошли въ 1804 г., ровно сто лѣтъ тому назадъ. Несмотря на великое торжество Наполеона во всѣхъ отношеніяхъ, Европа стала мало-помалу готовиться къ новой коалиціи, а новый императоръ задумалъ прежде проектъ высадки на берега Англии французской арміи, а потомъ борьбу съ континентальными державами: Австріей, Пруссіей и Россіей. Первое предпріятіе не удалось въ самомъ зародышѣ, а второе увѣнчалось славнѣйшей обще-европейской побѣдой Наполеона при Аустерлицѣ. Краснорѣчивымъ описаніемъ кануна Аустерлицы оканчивается вышедшій томъ любопытнаго труда одного изъ первыхъ современныхъ французскихъ историковъ. Тотъ же талантливый авторъ въ послѣднихъ двухъ номерахъ «Revue Bleue» помѣстилъ статью: «Наполеоновская эпопея» ³⁾. Она не столь оригинальна по своему содержанію, какъ по формѣ, потому что прежде напечатанія Сореель прочелъ ее въ видѣ

¹⁾ Napoleon raconté par Chateaubriand: par. M. Dreyfus. Paris. 1901.

²⁾ L'Europe et la révolution Française, par Albert Sorel. Paris. 1903.

³⁾ L'épopée Napoléonienne. Poètes et musiciens, par A. Sorel. «Revue Bleue», 6—13 Fevrier. 1904.

лекціи для открытія ряда чтеній, которыя редакция «Revue politique et littéraire» учредила даромъ для своихъ подписчиковъ. Этотъ своеобразный опытъ журнальныхъ преній заключается въ томъ, что лекціи читаются два раза въ мѣсяцъ, и редакция посылаетъ каждому подписчику два даровыхъ билета. Что касается содержанія чтеній, то онѣ относятся до самыхъ животрепещущихъ общественныхъ вопросовъ, и чтецами являются талантливые писатели. Въ первой лекціи «Наполеоновская эпопея» Альберъ Сорель знакомитъ читателя съ поэтами и музыкантами, которые придали Наполеоновской эпохѣ героическій и эпическій характеръ. Прежде всего онъ останавливается на офранцузившемся нѣмецкомъ поэтѣ Генрихѣ Гейне и на его балладѣ: «Два гренадера», написанной имъ въ девятнадцать лѣтъ, и музыку къ которой написалъ знаменитый Шуманъ. Къ этому чужеземному восхваленію Наполеоновской эпопеи надо присоединить чисто народную поэзію Беранже, который достойно воспѣвалъ наполеоновскихъ героевъ въ «Souvenirs du peuple», «Le vieux drapeau», «Le vieux sergent». За этими поэтами идутъ Ламартинъ и Викторъ Гюго, которые въ возвышенныхъ, вдохновенныхъ поэмахъ прославили и обезсмертили великаго героя. Наконецъ въ качествѣ музыкантовъ Сорель выставляетъ Бетховена и Берліоза, вдохновившихъ свой музыкальный талантъ Наполеоновской эпопеей. Всего замѣчательнѣе знаменитая героическая симфонія Бетховена, которая посвящена великому человѣку. На ея оригиналѣ имѣется собственно-ручная записка великаго композитора: «Написана для Бонапарта». Дѣло въ томъ, что Бетховенъ восторженно обожалъ перваго консула и написалъ въ его честь симфонію, но прежде, чѣмъ ее кончить, онъ разочаровался въ немъ, по случаю его внезапнаго превращенія въ императора. Что касается до Берліоза, то онъ восторгался легендарнымъ Наполеономъ и написалъ высоко-талантливый маршъ на погребеніе Наполеоновскаго героя Данремона.

— Современный итальянскій разбойникъ. Въ Римѣ недавно вышла книга профессоръ Морселли и Санктиса, посвященная характеристикѣ, съ медицинской, психологической и социологической точки зрѣнія, извѣстнаго современнаго калабрійскаго бандита Джузеппо Музолино, совершившаго немалое количество убійствъ съ цѣлью грабежа ¹⁾. Его приговаривали десять разъ, и только одинъ разъ онъ высидѣлъ назначенный срокъ заключенія. Послѣ десятаго приговора онъ совершилъ еще семь преступленій и серьезно ранилъ около двѣнадцати человѣкъ, однако захватить его не было возможности, такъ какъ ему покровительствовала народная любовь. До сихъ поръ Музолино гулялъ бы на свободѣ, если бы одинъ изобрѣтательный полицейскій не придумалъ засадить въ тюрьму его главныхъ сторонниковъ. Когда дѣло дошло до сто пятьдесятъ пятаго ареста, то бандитъ понялъ, что время бѣжать. Но его остановили въ Маркѣ. Въ тюрьмѣ его популярность еще болѣе усилилась, и у него оказался цѣлый отрядъ адвокатовъ. Кромѣ того, была устроена подписка, чтобы на собранныя деньги могли пріѣхать въ качествѣ свидѣтелей его сестра и дядя. Эта уловка еще болѣе усилила симпатіи къ Музолино въ толгѣ, такъ какъ его сестра, красивая дѣвушка въ живописномъ мѣстномъ нарядѣ, выка-

¹⁾ Biografia di un bandito, di professori Morselli e Sanctis. Roma. 1904.

зала къ нему сильную преданность. Дядя же, старикъ Гаэтано, необычайно развитой человекъ, высказалъ такія идеи объ общественномъ долгѣ, доказывая полное право племянника стрѣлять въ своего врага, что поставилъ втупникъ публику. Онъ пошелъ бы еще далѣе и сталъ бы требовать «вознагражденія» для Джузеппо, «славы Калабріи», но усомнился въ успѣхѣхъ. Однако онъ объяснилъ, что общество обязано удовлетворить его за то, что, притянувъ къ суду, оскорбило «въ самыхъ святыхъ правахъ индивидуума чести и свободы». Со всѣхъ сторонъ полетѣли къ Джузеппо ободряющія письма: изъ Италіи, Ниццы, Англии и Америки. Музолино ихъ не видѣлъ, но зналъ, что они существуютъ и общаются ему свободу, поэтому онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи и держалъ себя съ судьями свысока. На первое же засѣданіе толпа ломилась въ залъ, но подсудимый отказался выходить въ арестантскомъ платьѣ, такъ какъ, по его словамъ: «судьи могли принять его за разбойника, а онъ благородный человекъ, а не злоумышленникъ». Въ сущности Музолино нарочно придумалъ этотъ предлогъ, инстинктомъ понимая психологію толпы: оттягивая время появленія, онъ возбуждалъ сильнѣе любопытство публики, а это ему было выгодно. Достигнувъ цѣли, онъ рѣшилъ отправиться въ судъ, публика осадила желѣзную клѣтку, гдѣ онъ былъ запертъ. Каждый хотѣлъ его видѣть, послушать, какъ онъ говоритъ: многіе ободряли его, просили у него что нибудь на память, и угощали леденцами. Въ свою очередь Музолино въ благодарность раздавалъ улыбки, пожатія рукъ, дѣлалъ замѣчанія журналистамъ, хвастался благородствомъ своей крови, высказывалъ увѣренность, что его помилуютъ, говорилъ о королѣ, объ императорѣ и дѣлалъ различные планы на будущее. Самъ онъ не вѣрилъ тому, что говорилъ, но зналъ о влияніи газетъ и легкомысліи толпы, а потому настраивалъ общественное мнѣніе въ свою пользу. Авторы разбираютъ подробно, откуда спустился этотъ ореолъ на голову обыкновеннаго бандита, и въ какомъ странномъ и нездоровомъ состояніи находился умъ многихъ присутствовавшихъ тамъ честныхъ людей, если они выражали столько энтузіазма къ разбойнику, который при каждомъ удобномъ случаѣ убивалъ своихъ жертвъ, какъ измѣнникъ, безъ всякой опасности для себя. Но чтобы выяснитъ психологію Музолино, необходимо коснуться его родины—Калабріи. Эта живописная страна—самая отсталая во всей Европѣ: тамъ не существуетъ ни путей сообщенія, ни торговли, ни высшихъ школъ, жители бѣдняки и невѣжды, о газетахъ они не имѣютъ понятія, и эта мѣстность кишитъ преступлениями: прадѣдовскія традиціи служатъ тому причиною, новыя же идеи дѣлаютъ остальное. Неизвѣстно, какимъ образомъ попадаютъ туда эти идеи, когда не только европейцы, но даже итальянцы не отваживаются посѣщать этотъ уголокъ. Калабрійцы сохранили до послѣдняго времени восхищеніе первобытныхъ народовъ къ человекъ, который умѣетъ самъ себя судить. Многіе сторонники Музолино были убѣждены, что противъ него существовалъ заговоръ относительно вопросовъ мѣстной политики. «Общество», по ихъ мнѣнію, предоставило его преслѣдователямъ дѣйствовать, и судьи, которымъ оно платитъ за право судить, не явились на помощь слабому, обремененному организаціей сильныхъ. Тогда слабый возмущился и самъ сталъ судить своихъ враговъ; составлять приговоръ и казнить—это было его «право». Такимъ образомъ Музолино уже

являлся не злоумышленникомъ, такъ какъ онъ убивалъ изъ ненависти и мести. Если иногда онъ требовалъ милостивно угрожающимъ тономъ, такъ вѣдь надо же вѣсть; но зато онъ былъ и филантропомъ. Последнее обстоятельство выясняется очень просто — бандиту приходилось быть поневолѣ щедрымъ, чтобы его не выдавали. Въѣсть съ тѣмъ его обратили въ поэта: онъ сочинялъ стихи и ждалъ случая диктовать ихъ, такъ какъ самъ едва умѣетъ писать. Его стихи безформенны и неинтересны, но видно, что онъ дѣйствительно любитъ стихи. Въ тюрьмѣ онъ занимался чтеніемъ, и выборъ этого безграмотнаго бандита былъ очень любопытенъ; такъ въ его карманѣ лежалъ «Освобожденный Іерусалимъ», поэзія Леопарди и «Рокамболь». Сестра приносила ему также разные письма, просьбы интервьюировать его, и требованіе его біографіи, а также статьи о немъ. Все это онъ читалъ, отвѣчалъ на все и былъ переполненъ тщеславіемъ, что его имя у всѣхъ на языкѣ. Онъ хвастался, что принимаетъ важныхъ господъ и бароновъ, а также слышалъ, какъ дѣвушки его страны поютъ хоромъ въ честь его. Его репутація относительно женщинъ была такъ дурна, что одинъ изъ посѣтителей спросилъ его, какъ случилось, что онъ не останавливать ни одной изъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, когда онъ ему встрѣчались. «Потому что ни одна изъ нихъ не отказала бы мнѣ; но онъ это сдѣлалъ бы только изъ страха къ Музолино, а онъ хотѣлъ, чтобы его любили ради него самого». Трудно рѣшить, какъ попали ему и другимъ калабрійцамъ, никогда ничего не издавшимъ и не читавшимъ, анархическія мысли. Онъ все время толковалъ несвойственнымъ полуграмотному невѣждѣ языкомъ. Онъ представилъ себя несчастнымъ, который получилъ отъ «соціального правосудія» горестный призывъ въ судъ, что каждый человекъ имѣетъ право наслаждаться какъ можно болѣе жизнью и земными удовольствіями, и что всякій, посягающій на это право, заслуживаетъ немедленнаго и примѣрнаго возмездія. Подъ этимъ большимъ обаяніемъ толпа находилась до того момента, когда Музолино произнесъ свою тщательно приготовленную рѣчь въ поэтическо-мистическомъ духѣ, чѣмъ хотѣлъ отвести глаза публики отъ своихъ преступленій и сосредоточить все вниманіе на своей особѣ, несчастіяхъ, несправедливостяхъ общества. Онъ примѣшалъ сюда же и небо, которое интересуется имъ, такъ какъ св. Іосифъ однажды явился къ нему во снѣ, когда его хотѣли захватить, и указалъ, гдѣ онъ можетъ спастись. Это была ловушка, которую онъ разставилъ самъ для себя, такъ какъ послѣ него сообщники попросили разрѣшеніе тоже сказать рѣчь и повторили слово въ слово, что говорилъ онъ, даже не измѣнивъ явленія во снѣ св. Іосифа. Тогда толпа вышла изъ своего обаятельнаго сна и взглянула здоровыми глазами на Музолино, который еще болѣе ее разочаровалъ, отказавшись отъ разыгрываемой ранѣе роли благороднаго человѣка: онъ сдѣлался грубъ, свирѣпъ и лукавъ. Увидѣвъ Музолино въ его естественной роли, весь отрядъ адвокатовъ отшатнулся отъ него. Онъ хотѣлъ исправить свою ошибку и попросилъ разрѣшенія опять сказать рѣчь, но она была не приготовлена имъ, и его едва не освятали. Приговоръ былъ произнесенъ — пожизненные каторжныя работы.

— Англійскіе матеріалы о Японіи. Въ послѣдніе годы англійская литература обогатилась многими сочиненіями о Японіи. Въ числѣ ихъ одно

изъ первыхъ мѣстъ по богатству собраннаго матеріала занимаетъ колоссальный трудъ въ шести томахъ капитана Ф. Бринклея: «Японія, ея исторія, искусства и литература»¹⁾. Авторъ успѣшилъ окончить свое обширное сочиненіе въ виду настоящихъ событій и выпустилъ сразу четыре тома, оканчивающіе его рельефную картину съ исторической и социальной точекъ зрѣнія древней и новой Японіи. Относясь сочувственно и даже пристрастно къ японцамъ послѣ совершенной тридцать лѣтъ назадъ революціи въ ихъ странѣ, онъ основательно и подробно описываетъ ихъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и если иногда слишкомъ восхищается ими и чересчуръ ихъ хвалитъ, то волюнѣ знакомитъ съ ихъ исторіей и современнымъ положеніемъ, такъ что его книга, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе теперь во время разгара русско-японской войны. Особый интересъ возбуждаютъ его изслѣдованія обычаевъ, праздниковъ и времяпровожденія японцевъ въ старину. До сихъ поръ эти черты народной жизни Дальняго Востока были мало изучены европейскими писателями, а нельзя не признаться, что онѣ поражаютъ достоинствомъ и въ некоторый граціей въ сравненіи съ грубыми нравами, напримѣръ, англичанъ въ прежнія времена. По всей вѣроятности, все это исчезнетъ въ Японіи чрезъ какія нибудь пятьдесятъ лѣтъ. Относительно религіи и суевѣрій японцевъ авторъ сообщаетъ менѣе удовлетворительныя свѣдѣнія. Японская религія неопредѣленная: они преимущественно агностики или матеріалисты, а тѣ, которые во что нибудь вѣрятъ, то въ различные остатки буддизма, шинтоизма и конфуціонизма. Высшіе классы придерживались теорій Конфуція, проповѣдующаго субординацію и повинненіе, какъ и слѣдовало въ деспотическомъ государствѣ, но со времени революціи и въ этомъ отношеніи произошла замѣтная перемѣна. Театръ въ Японію занесенъ изъ Китая и произошелъ отъ священныхъ мимическихъ представленій, основанныхъ на солнечныхъ мѣсахъ. Но лучшіе изъ японскихъ драматурговъ уступаютъ во многомъ своимъ китайскимъ собратамъ по технику и литературному таланту. Тѣ главы почтеннаго труда капитана Бринклея, которыя посвящены исторіи замкнутой эпохи двухсотъ тридцати лѣтъ династіи Токугава, быть можетъ, всего интереснѣе. Онѣ представляютъ добросовѣстный, живописный и оригинальный разсказъ о малозвѣстномъ европейцамъ и очень любопытномъ періодѣ развитія національныхъ силъ Японіи. Какъ извѣстно, нынѣ царствующая династія Имму Тенно основана въ самой древности около 660 г. до Р. Х., и нѣсколько позднѣе учреждена должность шюгуна, или королевскаго полководца, которымъ въ 1600 году по Р. Х. сдѣлался Иѣйазау, забравъ въ свои руки всю власть въ государствѣ. Это былъ Бисмаркъ Японіи, и если бы онъ не изолировалъ страны, то она могла бы сдѣлаться съ тѣхъ поръ первенствующей державой Дальняго Востока. Японіи было суждено играть роль замкнутого государства до 1868 г., когда при только что вступившемъ на престолъ нынѣшнемъ микадо Мутсухито произошла междоусобная война Юга, защищавшаго интересы микадо, съ Сѣверомъ, гдѣ находилось большинство сторонниковъ военной власти. По-

¹⁾ Japan: its history, arts and literature. By capt. Brinkley. Vols III, IV, V, VI. 1904.

бѣду одержать микадо, быть уничтоженъ погнать, и свѣтская власть, перешла въ руки микадо. Потомъ совершилась полная революція и преобразование страны во всѣхъ отношеніяхъ съ небывалымъ въ исторіи быстрымъ успѣхомъ. Этотъ послѣдній періодъ развитія Японіи разсказанъ Бринклеемъ чрезвычайно графически, хотя онъ и расточаетъ безъ конца похвалы японцамъ за учиненный имъ въ теченіе тридцати лѣтъ замѣчательный государственный переворотъ, превратившій страну, по крайней мѣрѣ, съ вѣшной стороны, въ европейскую державу, но въ сущности главная причина японскаго превращенія было не ихъ умственное превосходство, а главнымъ образомъ тотъ фактъ, что имъ не мѣшали религиозныя предрассудки. Такое мнѣніе высказываетъ англійскій критикъ «Atheneum», давая отзывъ о трудѣ Бринклея. «Что касается того, — говоритъ онъ, — какую окончательную роль на Дальнемъ Востокѣ будетъ играть Японія, трудно сказать, но изъ многотомнаго сочиненія ясно видно, что японцы въ сущности не симпатизируютъ западу въ философіи, искусствѣ, музыкѣ, поэзіи и литературѣ. Поэтому очевидно, что превосходство Японіи на Дальнемъ Востокѣ было бы не полезнѣе для цивилизаціи, какъ ее понимаетъ Западъ, чѣмъ превосходство Россіи, которая, въ концѣ концовъ, относится симпатично къ высшему развитію латинской и тевтонской цивилизаціи».

— Сношенія между Россіей и Японіей. Русско-японская война вызвала цѣлый рядъ различныхъ статей въ иностранныхъ журналахъ, и въ одной изъ нихъ¹⁾, помѣщенной въ «Journal des Débats», Морисъ Куранъ касается возникновенія сношеній между обѣими странами. Извѣстно, что Россія Нерчинскимъ трактатомъ, заключеннымъ между нею и Китаемъ въ 1689 году, становилась пограничною съ послѣднимъ по рѣкамъ Аргунь, Горбицъ и Становому хребту, а съ 1699 года она владѣла уже Камчаткой. Однако, если съ Китаемъ сношенія Россіи можно считать съ 1618 года, когда тобольскій воевода послалъ туда двухъ казаковъ, которые возвратились изъ Пекина съ грамотой отъ имени китайскаго императора, то съ Японіей сношенія завязались гораздо позже и затруднительнѣе. О существованіи Японіи было извѣстно восточнымъ сибирякамъ, но проникнуть туда, благодаря существовавшимъ тамъ законамъ, могли лишь нѣкоторые китайцы и голландцы, съ трудомъ добившіеся разрѣшенія цѣною многихъ униженій. Впрочемъ ихъ выпускали только въ Нагасаки, такъ какъ Японія прервала свои сношенія съ иностранцами, запрещая своимъ гражданамъ посѣщать чужія земли. Хотя Петръ Великій издалъ приказъ изслѣдовать Охотское море, но результаты были незначительныя, такъ какъ изслѣдованіе оказалось поверхностное, и русскіе достигли лишь до Шартрекиныхъ острововъ. Даже извѣстный русскій мореплаватель, датчанинъ Берингъ, отправившійся въ царствованіе Анны Иоанновны изслѣдовать берега Сибири и Манчжуріи, немного узналъ объ Японіи, хотя одинъ изъ его кораблей приставалъ къ острову Іезо. Съ тѣхъ поръ, правда, завязались неофіціальныя сношенія русскихъ съ японцами, такъ какъ купцы, отъ времени до времени, приставали къ Іезо со своими товарами, а японцы, потерѣвшіе аварію и подобранные

¹⁾ «Un siècle et demie de relations russo-japonaises», par Maurice Courant. «Journal des Débats». Février 5—12. 1904.

русскими, доставлялись въ Иркутскъ, гдѣ съ 1770—1780 гг. даже существовала японская школа. Издавъ запрещеніе не впускать къ себѣ иностранцевъ, Японія думала, что этимъ навсегда положенъ конецъ различнымъ затрудненіямъ съ варварами, и не заботилась болѣе, что дѣлалось внѣ ея предѣловъ. Даже Іезо, отдѣленный лишь узкимъ морскимъ рукавомъ, имѣлъ только на южной сторонѣ, противъ большого Японскаго острова, исправныя жилища и нѣсколько рыбацкихъ хатъ. На сѣверо-западной сторонѣ острова Сахалина находились лишь храмъ, нѣсколько рыбныхъ тонъ и хижина для рыбаковъ. Сѣверо-восточные Курильскіе острова не посѣщались японцами и даже не были имъ извѣстны. Такимъ образомъ, когда въ 1768 году русскіе высадились на одномъ изъ Курильскихъ острововъ, Цуруѣ, то японское правительство узнало объ этомъ восемнадцать лѣтъ спустя, и то случайно, когда была послана миссія для изслѣдованія Курильскихъ острововъ и южной части Сахалина. Никто бы въ Японіи не обратилъ вниманія на посѣщеніе русскими острова, если бы нѣкій японецъ Хаязя, уроженецъ Сендая, не почувствовалъ безпокойства за будущее Японіи и не изложилъ своего мнѣнія въ трудѣ, озаглавленномъ «Военный трактатъ морскихъ государствъ». Его идеи оказались пагубными, книга была сожжена въ юнѣ 1793 года, самъ же авторъ, хотя не подвергся той же участи, но былъ посаженъ подъ домашній арестъ и умеръ съ горя. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, одинъ русскій корабль подобралъ тонущихъ японцевъ, и правительство Іеддо послало въ Іезо двухъ чиновниковъ за этими японцами, строго запрещая продолжать сношенія съ русскими, но поручивъ сдѣлать рекогносцировку береговъ для ихъ защиты. Авторъ, вѣроятно, говоритъ о тѣхъ японцахъ, которые были спасены русскими и привезены въ Иркутскъ, гдѣ они прожили около десяти лѣтъ, благодаря чему нѣсколькимъ русскимъ удалось изучить японскій языкъ, а японцамъ—русскій, и которыхъ, по приказанію Екатерины, отвезли обратно въ Японію. Императрица имѣла въ виду завязать торговля сношенія съ Японіей, но получила энергичный отказъ со стороны японцевъ, несмотря на посланные подарки, хотя не отъ имени императрицы. Екатерина предвидѣла отпоръ японцевъ и, не желая подвергаться униженію, послала не высшего сановника, а сына ученаго академика, жившаго въ Иркутскѣ, лейтенанта морской службы Лаксмана. Появленіе этого смѣльчака у японскихъ береговъ перешлошило японцевъ, и хотя они встрѣтили любезно и учтиво русскаго посла, даже допустили его въ Хакодате, куда явился и чиновникъ изъ Іеддо, прекрасно угощали, но мѣстныхъ жителей отдаляли отъ него. Подарки были приняты, и японцы въ свою очередь отдарили русскихъ, но все-таки они выразили ему за смѣлое вторженіе свое неудовольствіе, въ видѣ врученной ноты, въ которой было строгое внушеніе за то, что, не зная японскихъ порядковъ, русскій морякъ осмѣлился явиться на вооруженномъ кораблѣ въ японскую гавань, закрытую для иностранныхъ кораблей. Только благодаря этому незнанію, японцы не наказали русскихъ. Относительно сношеній съ Россіей Японія отказалась, но разрѣшила заходить въ Нагасаки, однако съ условіемъ не совершать христіанскихъ богослуженій. Хотя русскаго моряка японцы проводили ласково, но приняли мѣры, чтобы сношенія съ русскими не продолжались. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1798 году, русскіе снова появились на Курильскихъ

островахъ (это былъ, вѣроятно, купецъ Шелиховъ), что заставило японцевъ послать человѣкъ двѣнадцать саповниковъ съ порученіемъ на сѣверъ; первый министръ взялъ на себя руководство подготовительнымъ комитетомъ и составилъ проектъ колонизаціи Іезо и разграниченія русско-японской границы; въ 1801 году два члена сѣверной миссіи достигли Сахалина, затѣмъ, пройдя еще невѣстный тогда европейцамъ проливъ, высадились въ устьѣ Амура, подыались по рѣкѣ и, наконецъ, достигли Шанхай-Коана; въ Китаѣ они не могли проникнуть и возвратились съ отчетомъ о своихъ открытіяхъ. Результатомъ этого было рѣшеніе назначить въ Хакодате комиссара, которому можно было бы поручить администрацію острова и развитіе японскихъ колоній. Неудачныя попытки Россіи не охладили ея стремленій завязать сношенія съ Японіей, и въ Нагасаки были отправлены императоромъ Александромъ I посланные, опять со спасенными японцами и съ предложеніемъ вести торговлю, но были «выпроважены». Два года спустя, командиръ Хвостовъ, по словамъ японцевъ, «атаковалъ и ограбилъ» Іезо. Какъ было дѣло, и кто первый былъ инициаторъ этого инцидента, — авторъ не знаетъ. По другимъ источникамъ, дѣло было нѣсколько иначе. Императоръ послалъ въ Нагасаки вмѣстѣ со спасенными японцами Крузенштерна и чрезвычайнаго посла Резанова съ предложеніемъ завязать торговые сношенія. Царскій посоль былъ грубо принятъ и униженъ: съ русскими обращались, какъ съ узниками, и не давали сообщаться съ голландскими моряками. Въ концѣ концовъ японцы стали прямо спрашивать русскихъ, когда они уберутся. Причиной такого обращенія русскіе считали интриги голландцевъ. Что же касается поведенія Хвостова, то онъ, дѣйствительно, жестоко расправился съ японцами за пріемъ Резанова: взявъ предлогомъ какое-то недоразумѣніе, онъ разрушилъ тамъ храмы и надѣлалъ много другихъ бѣдъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, русское правительство, по словамъ японцевъ, не признало его дѣйствій. На слѣдующую весну 1810 года русскіе нѣсколько разъ высаживались въ Штуруиѣ: въ первую высадку японцы были разбиты и многіе взяты въ плѣнъ. Вторая стычка произошла въ Шанѣ. Уже въ теченіе двадцати лѣтъ сношенія между Курильскими островами и Японіей сдѣлались правильными, и въ Шанѣ находилось до 300 солдатъ, которые прекрасно справлялись со своими маленькими ружьями, но грохотъ русскихъ пушекъ, «похожій на раскаты грома», побѣдилъ ихъ. Убѣжая, русскіе приколотили на двери храма предупрежденіе, въ которомъ требовали сношенія обѣихъ націй, безъ чего они обѣщали не прекращать вражды. Это извѣстіе возбудило всѣхъ въ Іеддо. Нѣкоторые лица изъ высшаго класса предлагали собрать рекрутовъ и атаковать Россію. Чтобы успокоить разгорячившихся, правительство объявило прокламацію и въ то же время отдало Іезо подъ защиту дворянину Ахидзу и дворянину Сендѣ. Въ слѣдующіе годы были воздвигнуты крѣпости вокругъ Іеддо, и съ народа стали собирать спеціальную контрибуцію на военные расходы. Несмотря на европейскія войны и атаку англичанами голландцевъ на рейдѣ Нагасаки, Россія продолжала идти къ своей цѣли, и въ 1811 г. Головинъ отправился изслѣдовать южно-курильскіе острова. На островѣ Кунаширѣ по русскимъ былъ данъ залъ изъ пушекъ, но, затѣмъ, повидимому, дѣло мирно уладилось. Японцы отметили за Хвостова и предательски захва-

тили русских и увели въ Хакодате. Этотъ плѣнъ длился два года, но съ русскими обращались хорошо. Отпустили ихъ лишь послѣ того, какъ Головинъ объяснилъ японцамъ, что поступки Хвостова были противъ намѣреній государя. Было условлено, что Головинъ явится чрезъ годъ въ Японію, чтобы приступить къ разграниченію обѣихъ государствъ, при чемъ Японія предложила нейтрализовать островъ Уругъ; сѣверные острова достались бы Россіи, а Итурушъ и Іезо—Японіи. Однако, европейскія осложненія не дали реализовать этотъ проектъ. Японія, не слыша болѣе о Россіи, перестала остерегаться и отозвала своего комиссара изъ Хакодате. Прошло сорокъ лѣтъ, и Россія какъ будто забыла о восточномъ морѣ. Губернаторъ Восточной Сибири, Муравьевъ, начиная съ 1847 года, приказалъ изслѣдовать правый берегъ и устье Амура, берега Манчжуріи, а также Сахалинъ, и приготовить, такимъ образомъ, Айгунскій трактатъ (май 1858 года), по которому лѣвый берегъ рѣки признавался исключительно русскимъ, и допускалось временное русско-китайское содомініумъ на правый берегъ, ниже рѣки Уссури до моря. Пекинскимъ трактатомъ 1860 года уступалась вскорѣ вся территория, подчиненная содомініуму: и Россія, сдѣлавшись пограничной съ Кореей, завладѣла сѣверными и восточными рынками Манчжуріи, водворилась на твердой почвѣ противъ Японіи, сосѣдкой которой она уже была на Курильскихъ островахъ и Сахалинѣ. Въ то же время она повела переговоры. Такъ, въ августѣ 1853 г. въ Нагасаки явился адмиралъ Путятинъ, просилъ устроить торговый трактатъ и разграниченіе обѣихъ границъ: онъ добился отъ Японіи обѣщанія заключить конвенцію, какъ только Японія договорится съ иностранными державами. Дѣйствительно, прошло немного времени, и послѣдовалъ русскій трактатъ, вслѣдъ за американскимъ. Послѣ Крымской кампаніи Россія не выказывала прямого интереса къ японскимъ дѣламъ, въ которыхъ до реставраціи играли главную роль Франція и Америка. Все-таки Россія попробовала пополнить свои новыя пріобрѣтенія въ японскомъ морѣ, беря ключъ отъ этого моря — островъ Тцузима, расположенный въ проливѣ между Кореей и Кіусіу. Капитанъ Вирплевъ высадилъ часть экипажа въ 1861 году, въ портѣ Осаки, отказываясь выслушать комиссара, присланнаго изъ Іеддо, и удалить своихъ солдатъ, лишь благодаря энергичнымъ замѣчаніямъ адмирала Гопа. Между тѣмъ переговоры о разграниченіи Сахалина велись то въ Петербургѣ, то на Дальнемъ Востоцѣ. Одни уполномоченные предлагали сдѣлать границу на 48° широты, другіе требовали 50°, не приходя, такимъ образомъ, къ соглашенію. Въ концѣ концовъ, японское правительство приняло въ мартѣ 1867 года спорный островъ, какъ временное содомініумъ. Недовольное такимъ положеніемъ, русское правительство незамедлительно заняло Сахалинъ. Вдохновители новаго японскаго правительства, Окубо и Сайго, организовали на островѣ миссію, пытаясь съ помощью Соединенныхъ Штатовъ возобновить разговоръ о разграниченіи: они снова требовали границей 50° широты. На слѣдующій годъ (въ маѣ 1870 года) государственныи совѣтникъ Сохезима былъ посланъ въ прибрежную Сибирь, въ бухту Посьета, чтобы изучить этотъ вопросъ съ русскими авторитетными лицами, расчитывая купить Сахалинъ, какъ американцы купили Аляску въ 1867 году. Министръ финансовъ Окума, который въ настоящее время начальникъ про-

грессисткой партіи, обѣщала свою поддержку; оставалось зондировать русское правительство, которое согласилось на переговоры. Дѣло, казалось, налаживалось, какъ вдругъ Итагани, въ настоящее время ветеранъ либеральной партіи, представилъ меморандумъ, совѣтуя японскому правительству отказаться отъ Сахалина. Черезъ нѣсколько дней русскій посланникъ, узнавъ объ этомъ, прекратилъ переговоры. 7-го мая 1875 года японскій посланникъ Энмото подписалъ въ Петербургѣ уступку Сахалина, взаменъ Курильскихъ острововъ, имѣющихъ меньшее экономическое и стратегическое значеніе. Напротивъ, Сахалинъ, благодаря своему мѣстоположенію и доходамъ, служить важнымъ приобрѣтеніемъ Сибири. Права японцевъ на эти земли, по словамъ автора, были опредѣлены не болѣе, чѣмъ русскихъ, и плохо поддерживались за отсутствіемъ войска. Даже на Іезо, смежномъ съ центральнымъ японскимъ островомъ, было слишкомъ мало колоній, исключая самой южной его части. Такъ какъ положеніе оставалось не ясно, то для Японіи было важно, чтобы ея права опредѣлились трактатомъ. Подобная осмотрительность, которая, безъ сомнѣнія, руководила японскимъ кабинетомъ, ускользнула отъ публики «очень щекотливой относительно point d'honneur». Даже въ настоящее время большинство японской прессы еще не выразило своего мнѣнія о трактатѣ 1875 года, и въ прошедшемъ году было объявлено образованіе въ Камигавѣ, на Іезо, укрѣпленнаго лагеря въ 15.000 человекъ — часть предполагаемаго наступательнаго отряда противъ Сахалина. Казалось, что Энмотскій трактатъ долженъ быть «окончательно» устранить всѣ споры между обѣими странами, говоритъ авторъ, но слово «окончательно» должно быть изгнано изъ дипломатіи. Въ Южной Манчжуріи и Корей обнаружилось соперничество: Корея, вассальная Китаю болѣе десяти вѣковъ, охотно приняла его традиціонное, почтенное и очень легкое господство. Японія же открыла эту страну для своей торговли въ 1876 году, и замкнутое государство сдѣлалось яблокомъ раздора между Японіей и Китаемъ. Пятнадцативѣковыя традиціи привязывали Китай къ Корей; военныя и торговыя учрежденія, войны, горячо поддерживаемыя тою и другою стороною, литературныя и артистическія сношенія — все есть въ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ, но только отсутствуетъ симпатія. Японцы, имѣя трактатъ, утвердились въ трехъ открытыхъ портахъ полуострова, проникли внутрь, тайно изслѣдовали всю страну, захватили экономическую побѣду и попробовали завлечь на свой полуптескскій путь Корею. Повсюду японцы встрѣтили китайское вліяніе, китайскихъ мандариновъ и купцовъ, а также представителей иностранныхъ державъ, которыхъ, по совѣту Ли-Хунгъ-Чанга, пригласилъ Сеулскій дворъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ длилась эта борьба. Въ концѣ концовъ вспыхнула война: Японія предложила Корей независимость, посредствомъ союза съ нею. Побѣжденный Китай подписалъ Симонсекскій трактатъ въ апрѣлѣ 1895 года и уступилъ Японіи прибрежную Манчжурію отъ Ялу до рѣки Ляо-Хэ. Въ это время появилась Россія, уже двадцать лѣтъ не дававшая о себѣ знать, и, какъ другія страны, подписала съ Кореей торговый трактатъ 1884 года, а затѣмъ были взаимно вручены акты относительно общихъ границъ; но она не заняла виднаго мѣста въ Сеулѣ. Тѣмъ не менѣе русскія изслѣдованія восточныхъ береговъ къ Шортъ-Лазареву повели за собою занятіе англичанами въ 1885 году порта Гамиль-

тона, группы острововъ къ югу полуострова. Китайъ совмѣстно съ Россіей протестовалъ, и англичане удалились въ февралѣ 1887 года. Въ эпоху Симонскаго трактата постройка сибирской дороги обѣщала удесятить средства для дѣятельности Россіи на берегу Тихаго океана: уступка южной Манчжуріи хорошо организованному государству разрушила этотъ планъ Японіи. Вмѣшательство Россіи, Франціи и Германіи заставило Японію отказаться отъ этой части своей побѣды въ маѣ 1895 года. Черезъ годъ Россія добилась у Китая права провести желѣзную дорогу черезъ Манчжурію и охранять ея линію войсками. Конвенціей 1898 года Россія получила по договору Портъ-Артуръ и всю прилегающую къ нему территорію, а послѣ китайской атаки 1900 года она заняла Ню-Чжунань, Мунденъ и всѣ важнѣе пункты. Въ то же время желѣзная дорога была окончена и открыта: Портъ-Артуръ и Дальній были обстроены, и вся русская территорія соединена подъ авторитетомъ адмирала Атексева. «Если, — говоритъ Куранъ, — разсудить объ организаціи российской территоріи на Дальнемъ Востокѣ, подготовленіяхъ къ защитѣ, расходахъ на содержаніе, то было бы слишкомъ наивно думать, что Россія добровольно удалится изъ Манчжуріи, развѣ только она это сдѣлаетъ для формы. Японскіе государственные люди слишкомъ догадливы, чтобы обмануться; они, можетъ быть, горько сожальютъ, что Англія не поддержала ихъ въ 1895 году, но они предоставляютъ газетамъ и народу выржать свое обвиненіе и приходять въ шовинистское изступленіе». Японія думала, что, отдѣлвшись отъ вмѣшательства Китая въ Корей, она займетъ первенствующее мѣсто, но ошиблась въ своемъ расчетѣ. Сдѣлавшись хозяевами въ Корей, японцы хотѣли ввести тамъ новыя реформы до костюма включительно. Эта тщеславная и неловкая горячность заставила ихъ даже выставить у воротъ города солдатъ, вооруженныхъ ножницами, чтобы подстригать косы у корейцевъ, обрѣзывать рукава и укорачивать трубки. Вообще невыносимые корейцами, они сдѣлались ненавистны имъ. Королева, очень энергичная женщина, господствовавшая надъ слабымъ мужемъ, потерпѣливо выносила тиранію японцевъ. Тогда цѣлая шайка японцевъ ворвалась (въ 1896 году) во дворецъ, убила королеву и ея придворныхъ дамъ и, обливъ керосиномъ ихъ тѣла, сожгла несчастныхъ. Разслѣдованіе, произведенное въ Сеулѣ и въ Гирошимѣ, доказало, что японскій посланникъ, виконтъ Міура, былъ въ сношеніяхъ съ убійцами, но это убійство не принесло пользы японцамъ. 17-го февраля 1896 года король и наследный принцъ тайно, въ женскихъ носилкахъ, были перенесены въ русское посольство и до 20-го февраля 1898 года укрывались тамъ подъ покровительствомъ русскаго посла Вебера. Декретомъ были отозваны реформы; въ Россію была отправлена миссія съ просьбою дать военныхъ наставниковъ, и въ Корей былъ основанъ русско-корейскій банкъ. Въсѣтъ съ тѣмъ велись переговоры объ устройствѣ дѣлъ Кореи; независимость Кореи была признана. Россія и Японія сграницивали свои права военнымъ и финансовымъ вмѣшательствомъ. Насиліе Японіи въ Сеулѣ не дало иныхъ результатовъ, какъ подчиненіе вмѣсто китайскаго русскому вліянію. Въ то время какъ король думалъ, что его независимость болѣе укрѣпится, если онъ измѣнитъ королевскій титулъ на императорскій, потерявшіе могущество японцы увидѣли, что Россія назначила къ корейскому императору

финансового совѣтника Алексѣева. Между послѣднимъ и директоромъ корейскихъ таможенъ, англичаниномъ Макъ Леви Броуномъ, произошли несогласія, и русскій посланникъ, «считая себя достаточно сильнымъ», предложилъ (въ 1898 году) императору Кореи отозвать русскихъ совѣтниковъ и наставниковъ, когда они не будутъ болѣе нужны. Этому только и ждали японцы. Россія же, добившись Ляо-дуна, постройки желѣзной дороги и военнаго наблюденія за дорогой, стала менѣе цѣнить Корею. Такое полупривлеченіе Россіи изъ Кореи длилось до 1903 года: нѣрѣдка она напоминала о себѣ, какъ, наиримѣръ, относительно двухъ важныхъ юго-западныхъ пунктовъ — Ма-сан-хуо и Ка-тжіей. Японія воспользовалась этимъ временемъ лучше, чѣмъ въ 1895—1896 годахъ. Въ Корей, правда, еще было достаточно порочныхъ японцевъ, которые не могли жить въ своей странѣ, дурно обращались съ корейцами, постоянно дѣлали затрудненія иностранцамъ, которые грозили представителямъ Японіи: въ это было посвящено правительство въ Токио. Но дѣйствія Японіи были очень послѣдовательны — двуличны и отрицательны: она протпвится акцизу или реализаціи концессіи, приведенію въ порядокъ всѣхъ дѣлъ, которыя не касаются японца, и одерживаетъ легкій уенѣхъ надъ азиатичными и легкомысленными корейцами. Отказавшись отъ реформъ, которыя иногда представляють лишь пустыя слова, она добилась практическихъ результатовъ, основала множество школъ японскаго языка и восточныхъ наукъ, ссудила корейское правительство японскими деньгами въ видѣ кредитовъ и монетъ и пустила ихъ въ обращеніе, начала строить желѣзную дорогу Сеулъ-Пу-Санъ, добилась права для японцевъ на территоріальныя услуги возлѣ каждой станціи и военнаго надзора надъ японскими телеграфами въ Сеулѣ и Пу-Санѣ, развитія японской торговли и промышленности въ Корей, иммиграціи. Противъ такого положительнаго факта «Россія можетъ немного противопоставить»; трудно допустить, говорить авторъ, чтобы микадо уступилъ добровольно, точно также не вѣроятно, чтобы Россія добровольно отказалась отъ своего положенія въ Манчжуріи. Этотъ принципъ, казалось, допускался: Японія измѣнила къ Россіи обращеніе, японское общество сдѣлалось какъ бы дружественное Россіи, маркизъ Ито во время своего кругосвѣтнаго путешествія остановился въ Петербургѣ, — можетъ быть, съ цѣлью соглашенія, прежде чѣмъ заключить англо-японскій союзъ 1902 года. Этотъ дипломатическій шагъ намѣтилъ новый планъ, новую морскую программу, новыя финансовыя затрудненія и новое распушеніе парламента. Въ свою очередь Россія весной 1903 года, эксплуатирующая съ 1901 года сѣверные лѣса, въ силу соглашенія 1896 года купила земли въ Рянъ-амно, корейскій портъ вблизи устья Ялу. Это очень важный пунктъ, какъ выходъ въ богатую долину и будущій конечный пунктъ на манчжурской границѣ корейской желѣзной дороги. Безконечныя переговоры между Россіей и Японіей были неожиданно прерваны вспыхнувшей войной. Будущее покажетъ, выиграетъ ли Японія отъ своего смѣлаго и дерзкаго поведенія.

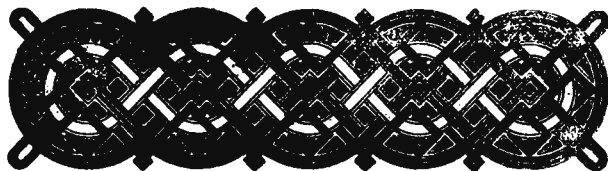
— Совѣты Спенсера японцамъ. Японцы — большіе поклонники Дарвина и Спенсера, и въ бытность свою въ Лондонѣ извѣстный въ Токио юристъ, баронъ Канеко, посетилъ англійскаго соціолога и просилъ его высказать свое мнѣніе о будущемъ Японіи, и какъ себя должна держать она съ европейцами.

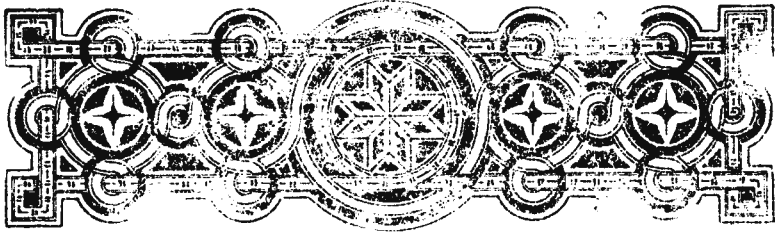
Сиенсеръ будто бы былъ очарованъ образованнымъ, умнымъ и любезнымъ барономъ Канеко и согласился изложить письменно свое мнѣніе о Дальнемъ Востоке и свои «совѣты японцамъ». Онъ ничего не возражалъ противъ того, чтобы баронъ показалъ эту рукопись главнымъ государственнымъ людямъ своей страны, но заставилъ его торжественно обѣщать не печатать ея до своей смерти. Японецъ сдержалъ слово. Теперь же, когда Гербертъ Сиенсеръ умеръ, баронъ Канеко помѣстилъ «совѣты» въ одномъ журналѣ, выходящемъ въ Токио. Прежде всего Сиенсеръ совѣтовалъ японскимъ патриотамъ и государственнымъ людямъ, какъ можно менѣе сообщаться съ европейцами и американцами. Въ интересахъ японцевъ—не давать возможность европейцамъ укорениться въ Японіи. Надо запретить имъ владѣть землями въ Японіи. Никогда не слѣдуетъ дѣлать съ ними обязательствъ болѣе чѣмъ на годъ, и то это—крайній срокъ. Безусловно надо исключать всѣхъ иностранцевъ отъ участія въ рудниковыхъ предпріятіяхъ. Точно также прибрежная торговля должна быть строго воспрещена иностранцамъ. Что касается до браковъ между иностранцами и японцами, то они должны совершенно запрещаться. Сиенсеръ находилъ, что скрещиваніе различныхъ расъ между собою даетъ такіе дурные результаты, что каждый социологъ долженъ произнести свой приговоръ противъ этого смѣшенія. Относительно будущаго Японіи, предсказаннаго Сиенсеромъ, излишне говорить, такъ какъ доктрины англійскаго философа достаточно извѣстны русской публикѣ. Эти совѣты японцамъ привели въ негодованіе «Times», и онъ принялся горько упрекать Сиенсера въ «ретроградствѣ», говоря, что самые отсталые китайскіе мандарины не откажутся отъ цѣнны уѣба англійскаго социолога.

— Смерть Эмиля Дешанеля, Эли Реклю и Марка Ганна. Въ концѣ января скончался одинъ изъ немногихъ старѣйшихъ представителей французской литературы и науки Эмиль Дешанель. Онъ родился 19-го ноября 1819 г. и еще ученикомъ въ лицей Louis le Grand и въ Нормальной школѣ получилъ тринадцать наградъ. Окончивъ воспитаніе, онъ былъ профессоромъ въ различныхъ парижскихъ лицеяхъ и участвовалъ въ журналѣ «Revue des deux mondes» и газетѣ «National». После государственнаго переворота 2-го декабря онъ отказался отъ присяги Наполеону III и былъ подвергнутъ изгнанію, поселившись въ Брюссель, гдѣ читалъ публичныя лекціи и сталъ заниматься литературой. Въ 1859 г. онъ воспользовался амнистіей и занялъ видное мѣсто въ либеральной оппозиціи. До третьей республики онъ исключительно предавался литературнымъ и журнальнымъ работамъ, а со времени паденія имперіи занялъ кафедру французской литературы, сначала въ лицей, гдѣ онъ воспитывался, а потомъ во французской коллегіи. Эту послѣднюю кафедру Эмиль Дешанель занималъ до своей смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ пожизненнымъ сенаторомъ. Замѣчательнѣйшія изъ его многочисленныхъ сочиненій: «Аристофанъ», «Ламартинь», «Романтизмъ классиковъ», «Физиологія художниковъ и писателей», «Народъ и буржуазія» и т. д. Онъ пользовался во время своей долготѣвней жизни славой честнаго, либеральнаго и знающаго человека. По его стопамъ пошелъ и сынъ его, бывший одно время предсѣдателемъ палаты депутатовъ. Занимаясь до послѣдняго дня своей жизни профессурою и литературой, онъ умеръ 85 лѣтъ.

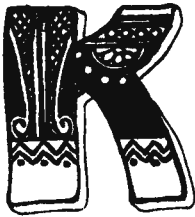
На-дняхъ французская и вообще европейская наука потеряла главу извѣстнаго семейства Реклю, Эли, брата знаменитаго географа Элизэ. Сынъ пастора, онъ родился 16 июня 1827 г. въ департаментъ Жиронды и началъ съ того, что изучалъ протестантское богословіе въ Женевѣ, Страсбургѣ и другихъ городахъ. Затѣмъ, отказавшись отъ мысли избрать духовную карьеру, онъ много путешествовалъ по европейскимъ странамъ, основательно изучая иностранные языки. Въ 1851 г. онъ былъ изгнанъ изъ Парижа по случаю государственнаго переворота и, вернувшись на родину чрезъ четыре года, дѣятельно занимался практическимъ развитіемъ кооперативныхъ обществъ. Во время коммуны Эли Реклю былъ назначенъ директоромъ публичной библіотеки, и ему обязана Франція сохраненіемъ своего славнаго книгохранилища. Несмотря на это, онъ былъ заочно приговоренъ къ ссылке версальскимъ правительствомъ. Скрывшись изъ Парижа, онъ жилъ въ Цюрихѣ и Лондонѣ, до амнистіи 1876 г. Несколько лѣтъ тому назадъ Брюссельскій свободный университетъ призвалъ его на этнологическую кафедру. Главнымъ образомъ онъ занимался этимъ предметомъ и написалъ замѣчательную книгу: «Первобытные обитатели Австраліи», а также вмѣстѣ съ братомъ Элизэ составилъ «Словарь французскихъ общинъ». Послѣ него осталась очень интересная рукопись: «Исторія хлѣба съ древнѣйшихъ временъ». Кромѣ этихъ сочиненій, онъ извѣстенъ многими учеными и публицистическими статьями въ различныхъ французскихъ и иностранныхъ журналахъ. Одно время онъ былъ между прочимъ постояннымъ политическимъ обозрѣвателемъ въ русскомъ журналѣ «Дѣло».

15-го февраля не стало въ Соединенныхъ Штатахъ самаго виднаго представителя республиканской партіи, или, какъ его называли, «bos». Онъ разыгрывалъ эту знаменательную роль съ 1896 г. и содѣйствовалъ избранію въ президенты Макъ-Кинлея. Ганна былъ не только политическимъ дѣятелемъ, но въ то же время финансистомъ и въ сенатѣ служилъ представителемъ денежной плутократіи. Въ послѣднее время Рузвельтъ съ нимъ разошелся, потому что объявилъ себя противъ трестовъ. Поэтому на предстоящей республиканской конвенціи въ іюнь мѣсяцѣ хотѣли предложить Ганна въ кандидаты республиканской партіи. Какъ вообще всѣ богачи Соединенныхъ Штатовъ, Ганна былъ самаго скромнаго происхожденія и началъ свою карьеру приказчикомъ бакалейной лавки; онъ умеръ шестидесяти семи лѣтъ.

СМѢСЬ.

КЪ ОТКРЫТИЮ памятника Глинкѣ. 25-го декабря 1903 года истекъ срокъ конкурса, объявленнаго на сочиненіе текста кантаты, имѣющей быть исполненной по случаю открытія въ маѣ 1904 года памятника М. И. Глинкѣ. Въ засѣданіи 4-го текущаго января коммиссія, рассмотрѣвъ всѣ представленныя конкурсныя произведенія, въ количествѣ 49, большинствомъ голосовъ высказалась за стихотвореніе подъ девизомъ «feci quod potui, faciant meliora potentes». По вскрытіи конверта, авторемъ текста оказался В. Н. Глѣбовъ. Текстъ стихотворенія слѣдующій:

«На Руси, на равнинахъ отчизны родной,
Заунывная пѣснь раздавалась...
За тяжелымъ трудомъ, за сохой бороной,
Эта пѣсня въ народѣ слагалась...

* * *

Удалство въ ней и мощь въ простотѣ, безъ затѣй
Въ первобытномъ напѣвѣ сказались,
И тѣ звуки неслись среди широкихъ полей,
И глубоко въ сердцахъ отзывались...

* * *

Но явился творецъ... Вдохновенія пылъ
Почерпнулъ онъ изъ пѣсни печальной;
И скрытый алмазь въ ней, провидя, открылъ,
И отдѣлалъ рукой гениальной...

* * *

И напѣвовъ родныхъ драгоцѣнный алмазь
Онъ вложилъ въ золотую оправу,
И, создавъ самобытную школу у насъ,
Приобрѣлъ ей безсмертную славу...

* * *

И сіяетъ она въ свѣтозарныхъ лучахъ,
Словно солнце на небѣ высокомъ,
И побѣдно звучитъ въ благородныхъ сердцахъ,
И несется въ пространствѣ далекомъ...

* * *

Слава тебѣ, незабвенный Баянъ,
Лучшія тронувшій чувства:
«Жизнь за Царя» и безсмертный «Русланъ» —
Наша основа искусства!...

Сочиненіе музыки кантаты на означенный текстъ комиссія поручила М. А. Балакиреву. До 1-го февраля 1904 года предоставляется всѣмъ, приславшимъ конкурентные тексты, получить таковые обратно отъ комиссія. Къ этому же сроку комиссія проситъ заявить объ обратномъ полученіи доставленныхъ на конкурсъ моделей статуи М. П. Глинки, хранящихся въ помѣщеніи комиссія (зданіе С.-Петербургской консерваторіи).

Преміи Петра Великаго. На соисканіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначена на 1905 годъ, по разряду начальныхъ народныхъ училищъ, слѣдующая, дополненная по указанію министра народнаго просвѣщенія, тема: «Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію съ отдѣломъ по исторіи Россіи». Примѣрная программа. I. Карта Россійской имперіи. Протяженіе Россіи съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Какія моря омываютъ ее, и гдѣ идутъ сухопутныя границы. Съ какими государствами соприкасается Россія, и какія изъ этихъ государствъ самыя важныя для насъ. Поверхность Россіи: низменности и горныя страны. Самыя большія рѣки и озера. Пространство и населеніе русскаго государства. Охрана русскихъ границъ въ настоящее время. Части Россійской имперіи: Европейская Россія, Кавказъ, Сибирь и Средне-Азіатскія владѣнія. II. Образованіе и ростъ Русскаго государства. Восточные славяне. Черты изъ первоначальнаго быта. Призваніе варяжскихъ князей. Начало русскаго государства въ землѣ новгородскихъ славянъ. Объединеніе восточныхъ славянъ при первыхъ князьяхъ. Сношенія съ Византією. Крещеніе Руси при Владимірѣ Святѣмъ. Ярославъ Мудрый. Свв. Антоній и Феодосій Печерскій и ихъ монастырь. Владиміръ Мономахъ. Его поученіе. Образованіе Суздальскаго княжества. Андрей Боголюбскій. Татарское нашествіе. Александръ Невскій. Начало Московскаго княжества. Свв. Петръ и Алексѣй — митрополиты. Дмитрій Донской. Куликовская битва. Св. Сергій и его монастырь. Иванъ III. Сверженіе татарскаго ига. Иванъ IV Грозный. Завоеваніе татарскихъ царствъ. Смерть царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ. Смутное время. Патриархъ Гермогенъ. Главныя эпизоды изъ осады Свято-Троицкой Сергіевской

лавры. Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова. Патріархъ Филаретъ. Царь Алексѣй Михайловичъ. Патріархъ Никонъ. Богданъ Хмельницкій. Присоединеніе Малороссіи. Петръ Великій и великая сѣверная война. Главнѣйшія преобразованія Петра Великаго. Ломоносовъ. Императрица Екатерина II. Ея пріобрѣтенія. Суворовъ. Императоръ Александръ I. Отечественная война. Кутузовъ. Императоръ Николай I. Крымская война. Оборона Севастополя. Императоръ Александръ II. Освобожденіе крестьянъ. Война съ Турціею за освобожденіе балканскихъ славянъ. Подчиненіе Кавказа и Средней Азій. Императоръ Александръ III. — III. Физическое обозрѣніе Европейской Россіи. Какова поверхность Европейской Россіи (низменности, возвышенности и окраинныя горы). Ископаемые богатства. Рѣки и озера. Гдѣ начинаются главныя рѣки, какъ текутъ и куда вливаются. Весеннее половодье и лѣтнее мелководье; замерзаніе. Климатъ. Времена года. Мѣста самыя холодныя и самыя теплыя. Гдѣ больше всего выпадаетъ дождя и снѣга и гдѣ меньше всего. Почвы и ихъ свойства. Растительныя области. Гдѣ простирается тундра. Что тамъ растетъ; жизнь въ тундрѣ лѣтомъ и зимой. Почему тундра неудобна для жизни человѣка. Гдѣ простираются лѣса. Самыя главныя деревья лѣсовъ. Лѣсныя звѣри и птицы. Важность лѣсовъ для Россіи. Гдѣ простираются степи. Дикія степи и степное скотоводство. Обработанныя степи и степное земледѣліе. Природа южнаго берега Крыма. — IV. Обозрѣніе Европейской Россіи по группамъ губерній или областямъ: 1) Великорусскія губерніи и великоруссы. Природа средней Россіи. Происхожденіе великоруссовъ. Физическій типъ великорусса. Языкъ. Разселеніе великоруссовъ. Быть крестьянина-земледѣльца средней Россіи. Жилнще, обстановка, одежда, пища. Семейная жизнь великоруссовъ. Черты изъ духовной культуры великорусской народности. Трудовой годъ крестьянина-земледѣльца. Кустари. Фабрично-заводская дѣятельность въ средней Россіи. Отхожіе промыслы. Торговля и пути сообщенія. Инородцы средней Россіи: карелы, приволжскіе финны, татары и другіе; выходцы Западной Европы (нѣмцы и другіе). Очерки и характеристики наиболѣе замѣчательныхъ въ религіозно-историческомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ мѣстностей средней Россіи. 2) Озерныя губерніи. 3) Губерніи крайняго сѣвера. 4) Приуральскія губерніи. 5) Юго-восточныя губерніи. 6) Новороссійскія губерніи. 7) Малороссійскія губерніи. 8) Бѣлорусско-литовскія губерніи. 9) Привислинскія губерніи. 10) Прибалтійскія губерніи. 11) Финляндія. — V. Азиатская Россія. Сибирь. Положеніе Сибири относительно Европейской Россіи. Общій характеръ поверхности. Природа Сибири. Суровость климата. Раздѣленіе на части: тундру, тайгу, культурную и горную. Разселеніе русскихъ и инородцевъ. Быть инородцевъ и ихъ вымираніе. Промышленное и торговое значеніе Сибири. Замѣчательныя мѣстности Сибири. Туркестанъ. Положеніе и границы Туркестана. Поверхность Туркестана. Система Тянь-Шаня. Шамыръ. Туркестанская низменность. Киргизскія степи. Пустыни. Оазисы. Русское и туземное населеніе Туркестана. Киргизы, таджики и саргы. Промышленное и торговое значеніе Туркестана для Россіи. Замѣчательныя мѣстности Туркестана. Кавказъ. Природа Кавказа. Предвѣстныя области Кубанская и Терская. Кавказскія

горы. Закавказье. Западное побережье Кавказа. Долина Ріона. Долина Куры. Гокчайское нагорье. Араратъ. Климатъ и рѣки Кавказа. Растительность и животное царство. Жители Кавказа: казаки, горцы, народы Картвельскаго племенн, армяне, татары. Замѣчательныя мѣстности Кавказа. — VI. Пути сообщенія въ Россійской имперіи. Моря, какъ пути сообщенія: морское государство. Рѣки, какъ пути сообщенія (въ прежнее время и теперь), искусственные водные пути. Гонка плотовъ по рѣкамъ, сплавъ барокъ и движеніе пароходовъ. Грунтовыя и шоссевыя дороги. Значеніе желѣзныхъ дорогъ. Сколько по нимъ провозится грузовъ и пассажировъ. Наши важнѣйшія желѣзнодорожныя линіи. — VII. Краткія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ и о мѣстныхъ установленіяхъ Россіи. — VIII. Образованіе. Общія условія, коимъ должна удовлетворять «Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію съ отдѣломъ по исторіи Россіи»: «Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію» должна быть доступна пониманію и удовлетворять любознательность читателей, получившихъ образованіе въ одноклассномъ начальномъ училищѣ. Сообразно этой цѣли составитель книги долженъ принять въ соображеніе нижеслѣдующее: 1. Книга должна быть изложена просто, безъ длинныхъ періодовъ, безъ поддѣлки подъ народную рѣчь: тамъ, гдѣ нельзя избѣгнуть какого либо иностраннаго термина, необходимо вводить соответствующее объясненіе, смотря по надобности, или въ текстѣ или въ примѣчаніяхъ подъ чертою. 2. По составу матеріала географической отдѣлъ не долженъ походитъ на какой либо географическій курсъ или справочную книгу; поэтому забота автора должна быть, главнымъ образомъ, направлена не столько на полную сообщаемыхъ свѣдѣній, сколько на то, чтобы всѣ характерныя данныя о природѣ, а равно и о дѣятельности человека были представлены, по возможности, живо и образно. 3. Въ отдѣлѣ «Карта Россійской имперіи» глава «Пространство и народонаселеніе Россіи» должна содержать отвѣты на слѣдующіе вопросы: Какое пространство, приблизительно, занимало русское государство за 1.000 лѣтъ до нашего времени и какое занимаетъ нынѣ. Какіе народы и племена жили въ русскомъ государствѣ 1.000 лѣтъ назадъ и какіе живутъ нынѣ. Затѣмъ идетъ перечень главныхъ народовъ и племенъ; характеристика же ихъ вводится при описаніи Россіи по пространствамъ. 4. При описаніи Россіи по пространствамъ и областямъ обращается вниманіе на полную или округленность въ томъ смыслѣ, что все, что необходимо сказать о данномъ пространствѣ, должно быть о немъ сообщено такъ, чтобы каждый отдѣлъ составлялъ нѣчто цѣлое. Въ общемъ, при описаніи каждой группы губерній или области, матеріалъ долженъ быть подраздѣленъ подъ слѣдующія примѣрныя рубрики: Общій видъ поверхности. Рѣки. Озера. Климатъ. Вскрытіе и замерзаніе водъ, рѣкъ. Засухи, ливни или грозы. Ископаемая богатства. Почва. Растительный и животный міръ. Русское и нерусское населеніе. Главныя черты изъ прошлаго. Пути сообщенія. Торговля. Достопримѣчательныя мѣста въ религіозномъ, историческомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Въ этнографическихъ очеркахъ, при описаніи группы губерній или областей, народы и племена характеризуются преимущественно чертами своего быта. Статистическія данныя сообщаются въ самомъ умѣренномъ количествѣ и глав-

нымъ образомъ по отношенію къ количеству населенія. Давныя же изъ промышленной статистики сообщаются описательно и сравнительно; напримѣръ, что въ главномъ нашемъ рыбномъ бассейнѣ—Каспійскомъ—уловъ рыбы составляетъ почти половину всего добываемаго количества рыбы въ моряхъ и озерахъ Европейской Россіи. Книга по отечествовѣднію должна особенно подробно и обстоятельно ознакомить читателя съ историческими судьбами и современнымъ состояніемъ великорусскаго племени; поэтому среднюю Россію составитель можетъ разсматривать по болѣе мелкимъ группамъ губерній. 5. Въ главѣ «Краткія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ» слѣдуетъ вкратцѣ ознакомить читателя съ законодательными, административными и судебными учреждениями Россіи, при чемъ главнѣйше обращается вниманіе на установленія, ближе всего касающіяся сельскаго населенія. Въ этотъ отдѣлъ входитъ также вопросъ о воинской повинности и о вооруженныхъ селахъ Россіи. 6. Отдѣлу объ образованіи не слѣдуетъ придавать справочно-статистическаго характера, а сообщить въ немъ краткій очеркъ развитія русскаго просвѣщенія отъ Петра Великаго до нашихъ дней и указать, что въ Россіи существуютъ всѣ учебныя заведенія и другія образовательныя средства (ученыя общества), какъ и въ другихъ государствахъ Европы, что учебныя заведенія доступны всѣмъ русскимъ сословіямъ, и что въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, есть ученые по всѣмъ областямъ знаній, есть художники, архитекторы, живописцы, скульпторы, инженеры и всякаго рода мастера. 7. Въ историческомъ отдѣлѣ всѣ рассказы безусловно должны быть представлены въ хронологической послѣдовательности, и гдѣ внутренняя связь можетъ быть кратко выяснена, она не должна быть опускаема. Но главная забота составителя должна сосредоточиться на томъ, чтобы каждый рассказъ, по возможности, былъ обстоятеленъ и изложенъ наглядно. Характерныя черты изъ нравовъ русскаго народа и быта, особенно военнаго, приурочиваются, смотря по свойству матеріала, къ жизнеописаніямъ, поінамъ и преобразованіямъ. Всюду наблюдается, чтобы все свѣтлое, лучшее, возвышающее духъ читателя имѣло преобладающее мѣсто, и чтобы въ общемъ весь историческій отдѣлъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ религіи, преданностью къ Престолу и любовью къ отечеству. Главныя хронологическія данныя должны быть занесены въ текстъ, а равно помѣщены въ концѣ историческаго отдѣла въ послѣдовательномъ порядкѣ, съ отмѣткою о совершившихся событіяхъ; также въ концѣ отдѣла помѣщается родословная таблица государей изъ дома Романовыхъ. Въ частности, указанія на освѣщеніе, которое желательно было бы придать всѣмъ явленіямъ и событіямъ, внесеннымъ въ программу, составители могутъ найти въ объявленіи отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о конкурсѣ на преміи императора Петра Великаго за «Исторію Россіи для народа», которое помѣщено въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за іюнь 1896 г. Кромѣ отдѣла, специально посвященнаго исторіи, факты историческіе должны найти мѣсто: а) при описаніи губерній и областей; такъ, напримѣръ, географическому описанію Кавказа предшествуютъ краткіе очерки о первыхъ поселеніяхъ на рѣкѣ Терекѣ, затѣмъ главныя черты изъ Кавказской войны преимущественно въ царствованіе императора Александра II; при описаніи Сибири вкратцѣ повто-

ряются заслуги Ермака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заслуги Дежнева, Хабарова, Пояркова и Невельскаго. б) При описаніи городовъ, конечно, вкратцѣ упоминается вновь объ имѣвшихъ отношеніе къ этимъ городамъ замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, а равно и лицахъ, чѣмъ либо прославившихся на какомъ либо поприщѣ. в) Въ краткомъ очеркѣ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій указываются государи, при которыхъ возникли тѣ или другія учрежденія. г) Составитель не долженъ обходить описанія живописныхъ мѣстностей и долженъ останавливаться на болѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ русскаго искусства и техники. 8. Мѣстамъ, какъ въ отдѣлѣ географическомъ, такъ и историческомъ, книга можетъ носить характеръ хрестоматическій и въ нее могутъ входить поэтическія и прозаическія статьи, историческія пѣсни, поговорки и т. п. 9. Къ книгѣ должны быть приложены необходимыя географическія карты, хотя бы и схематическія. Иллюстраціи желательны, но не обязательны. Въ случаѣ представленія конкурснаго сочиненія на разсмотрѣніе въ рукописномъ видѣ, требуемая программой географическія карты при книгѣ могутъ быть и не заново составлены, а взяты для образца изъ числа уже существующихъ въ обращеніи. 10. Книга можетъ быть составлена и нѣсколькими авторами, но съ сохраненіемъ строгой связи и систематичности въ ея содержаніи и изложеніи. Желательно, чтобы въ отпечатанномъ видѣ книга не превышала своимъ объемомъ 35 листовъ. Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1-го ноября 1904 года и могутъ быть, какъ рукописныя, такъ и въ видѣ отпечатанной книги. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени составителя (или составителей), подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія составителя и мѣстожительство. Въ томъ случаѣ, если ни одно изъ конкурсныхъ сочиненій, представленныхъ 1-го ноября 1904 года, не удостоится премии императора Петра Великаго, или же будетъ присуждена одному изъ нихъ лишь малая премія, то конкурсъ на означенную книгу будетъ продолженъ еще на одинъ годъ.

С.-Петербургское археологическое общество. Профессоръ В. В. Бартольдъ въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія, 22-го января, сдѣлалъ интересное сообщеніе о дѣятельности вновь возникшаго въ Россіи ученаго учрежденія: «Русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азій». Комитетъ этотъ является центральнымъ по отношенію къ такимъ же комитетамъ, учрежденнымъ въ другихъ государствахъ Европы. Всѣ комитеты въ своей совокупности составляютъ «международную ассоціацію для изученія Азій». Русскій комитетъ состоитъ изъ 18 членовъ. Въ число ихъ входятъ какъ русскіе ученые ориенталисты, такъ и представители разныхъ вѣдомствъ. На производство работъ комитету ассигнуется ежегодно 5.000 рублей. На изученіе памятниковъ буддійской культуры въ сѣверной части Тарима ассигновано, кромѣ того, на 5 лѣтъ—40.000 рублей. Первою задачею комитета является организація сѣти членовъ-корреспондентовъ для производства изысканій на мѣстѣ, а также за-

боты о сохраненіи письменныхъ памятниковъ старины въ разныхъ пунктахъ Азіи. Дѣятельность комитета обнимаетъ археологію, этнографію, лингвистику и исторію Азіи. Среди работъ, произведенныхъ комитетомъ, отмѣчены были между прочимъ: экспедиціи въ Монголію и Туркестанъ, этнографическое изслѣдованіе племени айновъ и др. Вторымъ референтомъ выступилъ профессоръ Н. И. Веселовскій, сообщившій о мѣстѣ первоначальнаго погребенія Тамерлана. По мнѣнію докладчика, Тимуръ былъ погребенъ въ Самаркандѣ же, но въ другой мѣстѣ роскошной усыпальницѣ, сохранившейся и донынѣ.

Московское археологическое общество. I. 9-го января, профессоръ В. Ө. Миллеръ прочелъ отчетъ о поѣздкѣ г. Завадскаго лѣтомъ истекшаго года, съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій, въ Дагестанъ. Районъ археологической экскурсіи Завадскаго охватываетъ Малую Чечню. Въ Дагестанѣ чеченцы встрѣчаются на восточномъ склонѣ Андійскаго хребта только въ одномъ селеніи Цихаль-Ватлухъ. Хотя изслѣдователю и не пришлось встрѣтить въ числѣ «памятниковъ христіанства» остатковъ церквей, однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что христіанство здѣсь было. На современныхъ могильныхъ мусульманскихъ плитахъ встрѣчается изображеніе креста въ качествѣ орнамента; кресты находятся также на старинныхъ мусульманскихъ каменныхъ могилахъ въ видѣ памятниковъ и на каменныхъ плитахъ въ строеніяхъ. Кромѣ того, кресты ставились также и на видныхъ мѣстахъ около дорогъ, въ память какихъ либо событій а, можетъ быть, и по убитыхъ или погибшихъ. Первая встрѣченная изслѣдователемъ башня, небольшая по размѣру, была расположена около Шатоя. Туземцы говорятъ, что многія башни, отъ которыхъ остались незначительные слѣды, были разрушены Шамилемъ. На высокомъ крутомъ берегу Шаро-Аргуна грозно стоятъ развалившіеся свидѣтели прошлыхъ невзгодъ, нѣкоторыя башни стоятъ надъ мечетями. Разсматривая стѣны старинныхъ башенъ и пристроекъ, изслѣдователь срисовывалъ нѣкоторые орнаменты и сдѣлалъ много фотографическихъ снимковъ. Старинные могильники, найденные изслѣдователемъ, можно подраздѣлить на 4 типа: 1) пещеры, 2) каменные ящики-склепы, 3) неопредѣленные, безъ ясныхъ слѣдовъ могилы, и 4) курганы. Около аула Памятой встрѣтили нѣсколько десятковъ «пещеръ», вырытыхъ въ щебневатомъ наносномъ грунтѣ. Два, три мѣсяца назадъ, мѣстные жители въ одной изъ нихъ нашли трущъ, лежавшій со слѣдами одежды: около него стояли кувшины, которые и были взяты изслѣдователемъ. На днѣ пещеръ, кромѣ того, найдены челюсти людей и животныхъ, кнѣжалы, листья, куски кукурузныхъ стеблей, кости и перья, а въ пещерахъ Саясана—кольцо. Каменные ящики или склепы были найдены въ могильникѣ близъ Хуландоя, при чемъ были раскопаны 4 могилы; въ нихъ найдены: горизонтально-лежащія плиты, на которыхъ покоились кости съ большими кусками кожаной обуви, имѣвшей шовъ на подошвѣ, черепа, куски грубой ткани. Въ верховьяхъ Шаро-Аргуна былъ раскопанъ другой могильникъ. Раскопки выяснили слѣдующее: могилы представляютъ 2 типа и переходныя между ними формы. Первый типъ—это могила о 2 ярусахъ. Покойника спускали въ могилу прямо съ украшеніями и ставили къ нему кувшины, послѣ этого закрывали огромными плитами первую и вторую камеры. Другой родъ могилъ отличается переход-

ностью къ болѣе простому типу каменнаго ящика, съ такимъ же поломъ. Въ нихъ найдены кости, желѣзные кольца, бронзовые: пряжки, проволочныя кольца со слѣдами волосъ, бубенчики, подобные которымъ носятъ чеченки и теберь, большое количество желѣзныхъ колецъ, остатки ножей, цѣльные и разбитыя кувшины съ остатками черныхъ рисунковъ, привѣски изъ розоваго камня (кварца) кольца и пр. Аналогичныя вещи, но въ меньшемъ количествѣ, найдены были и въ неопредѣленныхъ, безъ ясныхъ слѣдовъ, могилахъ, попадавшихся по всему пути. Кромѣ того, въ нихъ найдены были: привѣски, вырѣзанныя въ формѣ креста, бронзовые топоры, привѣски на грудь и браслеты. Особенно богаты находками берега рѣки Аксай. Что касается кургановъ, то всѣ они оказались уже разрытыми. Въ нихъ найдены только: скелеты, желѣзные ножи, частью истлѣвшіе, и стрѣлы.—И. Н. Г. Филанскій прочелъ докладъ о произведенномъ имъ изслѣдованіи памятниковъ украинскаго народнаго творчества XVII и XVIII вѣковъ. Указавъ на крайне бѣдную литературу вопроса, докладчикъ остановился на памятникахъ украинскаго деревяннаго зодчества, при чемъ были демонстрированы снимки, чертежи и рисунки, сдѣланные имъ лично, на основаніи детально изученнаго имъ матеріала. Отличительныя черты трехглавыхъ и пятиглавыхъ церквей, наиболѣе типичныхъ для края указаннаго періода, — находятся какъ въ планѣ, такъ и въ деталяхъ конструкціи отдѣльныхъ частей. Представляя въ планѣ комбинацію восьмиугольниковъ, эти церкви упорно сохраняютъ усвоенный пріемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ кажется, несомнѣнна его нераціональность. Отдѣльныя главы, сохраняя планъ восьмиугольныхъ до самаго верха, соединены одною изъ боковыхъ сторонъ съ главнымъ, болѣе обширнымъ корпусомъ зданія и кажутся какъ бы поставленными на самостоятельныхъ корпусахъ. Многоярусная система съ характерными деталями въ соединеніяхъ ярусовъ придаетъ этимъ сооруженіямъ строго опредѣленный характеръ. Своеобразныя узорныя кресты поставлены однимъ концомъ на востокъ, а другимъ на западъ,—отличны отъ постановки новѣйшаго времени. Внутри этихъ церквей обращаютъ на себя вниманіе высокіе величественныя иконостасы, которые, судя по ихъ роскоши, были очевидно центромъ вниманія строителей. Въ связи съ формами деревянныхъ церковныхъ сооружений, докладчикъ остановился на немногихъ каменныхъ церквахъ того же типа. Докладъ сопровождался демонстрированою въ засѣданіи выставкой, заключающею въ себѣ экспозиты какъ въ натурѣ, такъ и въ фотографическихъ снимкахъ. Въ числѣ экспозитовъ были: старинныя украинскіе ковры, изъ нихъ 2 весьма цѣнные, шитье и ткани, рисунки и чертежи деталей старинныхъ памятниковъ гражданской архитектуры, снимки съ тканей, съ памятниковъ зодчества, церковной живописи, внутренней архитектуры и пр. 25-го января, въ одной изъ залъ Историческаго музея подъ предѣтельствомъ графини П. С. Уваровой состоялось засѣданіе, которое почтилъ своимъ присутствіемъ августѣйшій предѣтель музея его императорское высочество великій князь Сергій Александровичъ. Къ участію въ засѣданіи прибылъ также изъ Петербурга предѣтель императорской археологической комиссіи гр. А. А. Бобринскій. Засѣданіе было главнымъ образомъ посвящено демонстраціи и

описанію новыхъ цѣнныхъ приращеній Историческаго музея по отдѣламъ вещественныхъ памятниковъ и рукописей, а также сообщенію В. А. Городцова — о майданахъ. Сообщеніе В. А. Городцова сводилось въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему. Майданами принято называть древнія кольцеобразныя земляныя сооруженія, внутри которыхъ имѣется углубленіе или впадина, а снаружи идетъ одинъ или нѣсколько радіальныхъ добавочныхъ валовъ, что придаетъ наиболѣе сложнымъ майданамъ видъ наука или крабба. Площадью распространенія майдановъ служатъ Черниговская, Кіевская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская губерніи и западная часть Земли войска Донскаго. Благодаря сложности внѣшней формы, майданы довольно рано обратили на себя вниманіе изслѣдователей; одинъ видѣли въ нихъ сооруженія скивовъ, другіе — остатки славянскихъ городищъ, третьи — остатки запорожскихъ укрѣпленій и т. д. Первымъ фактическимъ ихъ изслѣвателемъ явился, однако, гр. А. А. Бобринскій, раскопавшій четыре майдана. Въ каждомъ изъ нихъ были найдены такъ называемыя вводныя погребенія или слѣды разграбленныхъ могилъ, вслѣдствіе чего гр. Бобринскій приходитъ къ заключенію, что форма майдановъ могла образоваться изъ простыхъ кургановъ, раскопанныхъ кладонскателями; тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ онъ остался при ранѣе высказывавшемся взглядѣ, что майданы — не погребальныя курганы, а особаго рода сооруженія, воздвигнутыя, вѣроятно, съ религіозными цѣлями. Лѣтомъ 1901 и 1903 годовъ В. А. Городцовъ, производя по порученію московскаго археологическаго общества археологическія изслѣдованія по рѣкамъ Донцу, Торцу, Бахмуту и Кальміусу, могъ изучить на мѣстѣ болѣе сотни майдановъ самыхъ разнообразныхъ формъ и подвергнуть одинъ изъ нихъ детальному изслѣдованію. Въ результатъ онъ пришелъ къ заключенію, что майданы представляютъ остатки раскопанныхъ кладонскателями большихъ кургановъ, при чемъ самая раскопка производилась при помощи особыхъ «волокушъ», запрягаемыхъ волами и употребляемыхъ и теперь для сгребанія (отвоза) земли или сѣнга. Въ заключеніе В. А. Городцовымъ были представлены нѣкоторыя историческія справки, указывающія, что майданы въ Малороссіи возникали въ XVII—XVIII вѣкахъ, когда въ южной Россіи курганное кладонскательство, повидимому, практиковалось весьма усердно. Докладъ этотъ вызвалъ возраженіе со стороны гр. А. А. Бобринскаго, указавшаго на то, что формы майдановъ весьма разнообразны, что они относятся, повидимому, къ весьма древнимъ эпохамъ, и что раскопанные курганы часто вовсе не представляютъ такихъ характерныхъ валовъ, которые составляютъ одинъ изъ признаковъ майдановъ. А. В. Орѣшниковъ демонстрировалъ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ предметовъ, преимущественно серебряныхъ сосудовъ, пріобрѣтенныхъ въ послѣднее время Историческимъ музеемъ. Изъ ряда ковшей выдѣляется ковшъ, пожалованный царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ въ 1682 г. Салтанову «за церковныя и за хоромныя строенія и за иныя многія верховыя дѣла», какъ гласитъ имѣющаяся на немъ надпись. Затѣмъ идетъ рядъ ковшей времени царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей; два изъ нихъ были пожалованы Тягунову и Рѣзакону «за радѣніе о царскомъ величествѣ и за походъ въ Саввннъ монастырь». Особенный интересъ представляетъ ковшъ, богато

украшений чернымъ орнаментомъ и имѣющій длинную надпись, гласящую о награжденіи царями Иваномъ и Петромъ въ 1692 г. гостиной сотни Михаила Попова «за учененную имъ прибыль казнѣ въ суммѣ 4.647 денегъ» ковшемъ и, кромѣ того, сорока соболями, сукномъ лундушъ (лондонскимъ-англійскимъ), портищемъ камки и атласа. Интересенъ массивный въ $2\frac{3}{4}$ ф. ковшъ, пожалованный въ 1774 г. отъ правительствующаго сената ядринскому кушцу Михаилу Ивановичу Бритвину за усмиреніе бунтующихся при нападеніи на Ядринъ злодѣевъ (т. е. Пугачева). Кромѣ ковшей, заслуживаетъ вниманія чашка, относящаяся, судя по сохранившемуся на ней нарѣзному изображенію борьбы льва со змѣей, къ древнеперсидскому искусству, но бытовавшая въ домашнемъ русскомъ обиходѣ XVII вѣка, какъ гласитъ вырѣзанная въ этомъ столбѣти надпись о принадлежности ея Іосифу Михайловичу Голохвастову. Мелкія чарки, которыми черналось изъ ковшей вино, снабжены надписями назидательнаго характера въ родѣ «Совершенная любовь, яко сосудъ златъ, изъ него на здравіе выпивати, а милости и любви отнюдь не забывати», или же: «Нивши возвеселимся и во вѣки того не лишимся». Изъ прочихъ предметовъ можно отмѣтить: прекрасную восьмиугольную стопу конца XVII вѣка съ изображеніями восьми Сивиллъ съ ихъ пророчествами о рожденіи Спасителя (стопы эта или стаканъ, судя по надписи, принадлежала крестовому дьяку и ризничему Антону Муромцеву) и деревянный прорѣзной ларецъ въ серебряной оковкѣ, принадлежавшій княжнѣ Ульянѣ Львовнѣ Волконской. Въ заключеніе были показаны приобрѣтенія находокъ въ Кіевской губерніи, заключающихся въ превосходномъ золотомъ браслетѣ, украшенномъ алмадинами такъ называемаго готскаго стиля, двухъ массивныхъ золотыхъ витыхъ шейныхъ гривней и золотой пряжки: всѣ эти предметы относятся къ V—VI ст. Въ самомъ Кіевѣ найденъ интересный серебряный крестъ складень IX—X вѣка съ изображеніями, сдѣланными чернью и золотомъ инкрустаціей, Распятія и Божіей Матери съ греческими соответствующими надписями кругомъ. Изъ предметовъ доисторической эпохи была показана каменная сѣкира съ боковыми выступами изъ полированного діорита, найденная въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи и замѣчательная тѣмъ, что она снабжена рукояткой, выдѣланной изъ того же куска камня. В. Н. Сизовъ демонстрировалъ вещи, найденныя имъ въ длинныхъ курганахъ Смоленской губерніи. Курганы эти съ трупосожженіемъ характеризуются сравнительной бѣдностью находокъ, но въ нихъ оказались бронзовыя вещи съ выемчатой эмалью, что и позволяетъ отнести эти курганы ко времени, близкому къ эпохѣ переселенія народовъ, приблизительно къ V—VI вѣкамъ. Вблизи могильниковъ съ такими длинными курганами встрѣчаются и курганы обыкновенной формы, находимыя въ которыхъ вещи рѣзко отлчаются отъ вещей въ длинныхъ курганахъ, и указываютъ на ихъ принадлежность къ болѣе поздней эпохѣ, къ концу X-го и къ XI вѣкамъ. В. Н. Щепкинъ сдѣлалъ докладъ о лицевой болгарской псалтыри XIV вѣка, вывезенной изъ Македоніи бѣлградскимъ профессоромъ Томичемъ и поступившей въ Историческій музей, благодаря пожертвованію князя Н. С. Щербатова. Этотъ рѣдчайшій памятникъ славянскаго искусства относится къ блестящей художественной школѣ царя Іоанна-Александра и представляетъ большую важность для пониманія тех-

ники и исторіи русской иконописи, миниатюры и орнамента до эпохи Грознаго включительно. Заставки псалтыри Томича содержатъ великолѣпные образцы византийскаго стиля и чрезвычайно любопытныя попытки самостоятельнаго творчества болгарскихъ мастеровъ. Референтъ демонстрировалъ также другія рукописи, поступившія недавно въ музей, въ томъ числѣ произведеніе одного современнаго народнаго каллиграфа-иллюстратора, достигшаго любопытныхъ результатовъ въ подражаніи русской миниатюры XVI—XVII вѣковъ.

Общество археологін, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 27-го января состоялось общее собраніе, въ которомъ было доложено о пожертвованіи въ музей общества профессоромъ Казанскаго университета А. А. Штукенбергомъ коллекціи восточныхъ монетъ. Научныхъ сообщений въ программу засѣданія было внесено четыре: первымъ изъ нихъ было прочитано продолженіе доклада П. В. Селицкаго «Кульджинскіе переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы (экономическо-этнографическіе очерки и бытовая жизнь Джаркентскихъ таранчей и дунганъ)». Въ предложенной вниманію присутствующихъ части этого труда характеризовалась религіозная жизнь названныхъ племенъ. Второе сообщеніе, присланное П. В. Кузьминымъ, также касалось Востока и было заглавлено: «Вѣрованія и обряды пркутскихъ бурятъ-шаманистовъ». Здѣсь излагались космогоническія представленія этого племени, въ которыхъ весьма видную роль играетъ священный быкъ. Затѣмъ Я. А. Александровъ въ рефератѣ «Памяти члена соотрудника общества К. С. Рябинскаго» ознакомилъ слушателей съ личностью идеалиста-учителя, немало потрудившагося на поприщѣ народнаго образованія и сумѣвшаго, несмотря на крайне скудныя средства и неблагоприятныя обстоятельства, сдѣлать многое не только въ педагогической области, но и въ другихъ отрасляхъ дѣятельности; такъ, К. С. Рябинскому принадлежитъ немало историческихъ и этнографическихъ статей; имъ же устроена образцовая метеорологическая станція въ Козьмодемьянскѣ, прекратившая свое существованіе съ его отъѣздомъ изъ этого города. Послѣднее сообщеніе, М. Н. Бекимова, имѣло заглавіе: «Изъ области киргизскаго эпоса». Въ той его части, которая была прочитана въ засѣданіи 27-го января, содержался переводъ сказки о трехъ братьяхъ и необыкновенномъ облакѣ, похищавшемъ только что родившихся золотыхъ и серебряныхъ жеребятъ. Г. предѣдатель общества, профессоръ Н. Ѳ. Катановъ, припомнилъ по этому поводу другія сказки аналогичнаго содержанія, существующія у восточныхъ народовъ.

Ученый корреспондентъ академіи наукъ въ Римѣ. Въ Римѣ въ итальянскихъ архивахъ хранится много документовъ по исторіи Россіи. Заинтересованная этими документами императорская академія наукъ учредила при своемъ историко-филологическомъ отдѣленіи новую должность ученаго корреспондента въ Римѣ. Для того, чтобы дѣятельность этого корреспондента совершалась по опредѣленному плану и въ систематической послѣдовательности, состоящая при академіи постоянная историческая коммиссія выработала и общила въ Римъ особую инструкцію.

Филаретъ Никитичъ Романовъ въ Варшавѣ. Въ № 10000 «Новаго Времени» была помѣщена замѣтка слѣдующаго содержанія. Менѣ чѣмъ черезъ

10 лѣтъ исполнится трехсотлѣтіе со времени прекращенія Смутнаго времени на Руси и избранія земскимъ соборомъ на царство Михаила Феодоровича Романова. Костромское губернское земское собраніе постановило собрать къ 1913 г. ежегодными ассигнованіями капиталъ въ 10.000 рублей, въ качествѣ фонда на сооруженіе памятника въ Костромѣ. Виѣтъ съ тѣмъ слѣдовало бы озаботиться приобрѣтеніемъ къ 1913 г. въ городѣ Варшавѣ той башни, въ которой томился въ заключеніи отецъ родоначальника нашей династіи, митрополитъ Филаретъ Никитичъ, будущій патріархъ всея Руси. Башня эта, принадлежащая сосѣднему костелу, находится въ лучшей части города. Въ заключеніе замѣтки говорилось, что варшавское русское общество давно уже стремится приобрѣсть башню, чтобы устроить въ ней часовню. По поводу этихъ словъ г. Сидоровъ въ № 10016 той же газеты замѣчаетъ, что въ дѣйствительности дѣло стоитъ не совѣмъ такъ. Предположенія о приобрѣтеніи башни до сихъ поръ не возникло, но возникалъ проектъ постройки въ память патріарха Филарета, томившагося въ Варшавѣ въ плѣну, часовни. Точно извѣстно, гдѣ жили, находясь въ польскомъ плѣну, Шуйскіе, и гдѣ именно въ Варшавѣ была ихъ усыпальница. Въ послѣдніе годы этотъ вопросъ подробно изслѣдованъ проф. Д. В. Цвѣтковымъ. Но вопросъ о томъ, гдѣ именно жилъ патріархъ Филаретъ, находясь въ Варшавѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не разработанъ. Предполагаютъ, что онъ одно время томился въ заключеніи въ колокольнѣ бернардинскаго монастыря, но это предположеніе нельзя считать вполне обоснованнымъ. С. М. Соловьевъ упоминаетъ, что ко времени прибытія въ Варшаву Желябужскаго Филаретъ жилъ въ домѣ Льва Сапѣги. Было бы весьма желательно разработать вопросъ о пребываніи въ Варшавѣ Филарета Никитича, особенно теперь, въ виду приближенія 300-лѣтней годовщины вѣдранія Романовыхъ, но не затѣмъ ждать полной разработки этого вопроса для сооруженія въ Варшавѣ часовни въ память патріарха Филарета. Проектъ сооруженія этой часовни при вѣздѣ въ городъ съ Александровекаго моста возникъ въ началѣ 1880-хъ годовъ, и тогда начатъ былъ сборъ пожертвованій на эту цѣль, но затѣмъ дѣло остановилось. По почину покойнаго попечителя Варшавскаго учебнаго округа, сенатора Анухтина, на мѣстѣ временнаго погребенія въ Варшавѣ царя Василія Шуйскаго построено монументальное зданіе съ церковью. Родоначальникъ нынѣ Царствующаго у насъ Дома, конечно, въ большей степени заслуживаетъ быть почтенъ памятникомъ въ Варшавѣ. Когда будетъ точно опредѣлено, гдѣ именно томился въ заключеніи и гдѣ жилъ въ Варшавѣ патріархъ Филаретъ, тогда слѣдуетъ приобрѣсти зданіе, въ которомъ онъ находился въ заключеніи, и устроить въ немъ, напримѣръ, историческій музей; къ сооруженію же проектированной въ началѣ 1880-хъ годовъ часовни въ память Филарета на намѣченномъ тогда мѣстѣ можно было бы приступить теперь же, собравъ на эту цѣль нужную сумму пожертвованій.

Раскопки въ Екатеринославской губерніи. Въ виду имѣющаго быть въ августѣ 1904 года въ Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда, Д. П. Эварницкимъ были пропзведены раскопки многихъ кургановъ въ Новомосковскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи по р. Орели. Предварительный отчетъ объ этихъ раскопкахъ и другихъ изысканіяхъ мѣстныхъ

древностей, съ рисунками, помѣщенъ г. Эварницкимъ въ «Вѣстникъ Екатеринославскаго Земства» 1904 года, въ №№ 2 и 3. Курганы относятся къ двумъ эпохамъ: неолитической, каменнаго вѣка, и позднѣйшей, тюрко-тагарской. Въ одномъ изъ кургановъ этой позднѣйшей эпохи найдены были остатки двухколесной колесницы, окрашенной красной краской, а ниже—женскій костюкъ съ бронзовымъ зеркаломъ, богатыми золотыми украшениями, остатками золотой парчи, нитками жемчуга, серебрянымъ ковшикомъ, золотымъ перстнемъ, бусами и т. д. Въ другой могилѣ найденъ былъ скелетъ воина съ желѣзными оружіемъ, а рядомъ, въ особой ямѣ, скелетъ коня съ желѣзными удилами и стременами; иногда скелетъ былъ находимъ въ дубовомъ челиѣ (лодкѣ). Въ курганахъ каменнаго вѣка оказывались костяки въ скорченномъ (на боку) положеніи и при нихъ много грубыхъ глиняныхъ сосудовъ. Въ разныхъ имѣніяхъ и церквахъ г. Эварницкій встрѣтилъ много цѣнныхъ историческихъ древностей: церковные предметы XVII вѣка, старопечатныя книги, портреты историческихъ дѣятелей (гетмановъ и др.), старинное оружіе и т. п. Въ м. Мишурия въ Рогѣ встрѣчено было много расписныхъ хатъ, украшенныхъ внутри и снаружи разнообразными цвѣтными узорами, выведеніемъ коней занимаются болѣею частью «молодыци»; и кони съ которыхъ могли бы составить интересный альбомъ малороссійскаго орнамента.

Архангельскій епархіальный музей. Въ небольшомъ каменномъ зданіи у воротъ монастыря помѣщается архангельское «епархіальное древлехранилище»— учрежденіе, названное не совсѣмъ точно, такъ какъ музей заключаетъ не одну церковную старину, но и старину Архангельскаго края вообще. Музей имѣетъ уже интересную коллекцію иконъ, предметовъ церковнаго обихода, церковныхъ одеждъ, портретовъ, но главная цѣнность его заключается въ собраніи древнихъ рукописей, грамотъ, церковныхъ документовъ. Между рукописями музея имѣются, напримѣръ, пергаментное Евангеліе 1339 г., до поступленія въ музей безъ всякаго вниманія валявшееся на окнѣ кельи настоятеля извѣстнаго Сѣйскаго монастыря, а теперь, въ виду своего исключительнаго интереса, вытребованное временно въ академію наукъ. Грамоты есть съ подписями всѣхъ царей, отъ великаго князя Василія III до Алексѣя Михайловича. Есть грамоты патріаршіи и митрополичьи. Интересны и предметы церковнаго обихода и церковнослужительскія одежды. Среди послѣднихъ обращаетъ вниманіе всѣхъ посѣтителей — діаконскій стихарь, вѣроятно, изъ бѣдной сельской церкви: сшитъ онъ изъ ситцу, при чемъ на спинѣ выбитый на ситцѣ рисунокъ изображаетъ грунну китайцевъ, ньющихъ, сидя на корточкахъ, чай, и одинъ изъ нихъ куритъ трубку. Музей существуетъ съ 1888 года, и только съ позапрошлаго года получилъ опредѣленное пособіе изъ епархіальныхъ суммъ—300 рублей въ годъ, сумму болѣе чѣмъ ничтожную, такъ какъ на 25 рублей въ мѣсяцъ должны удовлетворяться всѣ нужды музея, отъ отопленія и освѣщенія до покупокъ древностей изъ чужиныхъ рукъ включительно, между тѣмъ часто приносятъ въ музей рукописи большой цѣнности. Музей официально существуетъ съ 1888 года, а помѣщается уже въ седьмомъ мѣстѣ. Отводилось подъ него то, что было совсѣмъ никуда не годно, и только послѣднее, нынѣшнее зданіе сдѣлано специально подъ музей, да и то не такъ, какъ слѣдовало бы, при чемъ сумма сдѣланныхъ на зданіе

затратъ не соотвѣтствуетъ ни самому зданію, ни удобствамъ, въ немъ имѣющимся: зданіе музея мало, комнаты низки, холодны и не совсѣмъ сухи. Завѣдуетъ музеемъ бывшій инспекторъ мѣстной духовной семинаріи І. М. Сибирцевъ, любовь котораго къ древностямъ русскимъ достойна всякой похвалы. Сибирцевъ не только хранитъ музей и занимается описаніемъ его рукописей и другихъ памятниковъ старины, но онъ же и создалъ музей положительно изъ ничего, и только своей энергіей заставилъ заинтересоваться стариной лицъ, отъ которыхъ зависѣло, чтобы старина эта стекалась въ Архангельскъ. Описаніемъ рукописей музея занимается теперь еще одинъ членъ окружного суда, и вообще теперь музеемъ здѣсь нѣсколько заинтересовались. Можно выразить только сожалѣніе, что, приобретаая ревностно вещи въ музей на мѣстѣ, то-есть въ Архангельскѣ, члены его ни разу не съѣздили въ губернію, гдѣ старины все еще много. Многое и самое драгоцѣнное изъ Архангельской губерніи, конечно, уже вывезено, но то, что въ ней осталось еще, составляетъ значительную цѣнность для музея. Скупщики старины и члены разныхъ ученыхъ обществъ, ежегодно посѣщающіе Архангельскую губернію, ежегодно дѣлаютъ здѣсь обильную жатву.

Рижскій музей. Въ здѣшнемъ музеѣ примѣняется, между прочимъ, такая система: воспроизводится изъ музейныхъ предметовъ одной какой нибудь эпохи цѣлая бытовая картина. Такъ, воспроизведена квартира средней руки рижанина со всею ея внутренней обстановкой половины XVIII вѣка. Вся мебель, всѣ вещи, утварь, даже обивка комнаты—подлинныя, того времени. Кафельная печь съ фигурными типичными рисунками, синими на бѣломъ фонѣ, доставлена музеемъ владѣльцемъ одной старинной, предназначенной на сломъ постройки. Посуда, кубки и проч. взяты изъ музейныхъ коллекцій; въ своемъ мѣстѣ стоятъ старинныя канделябры. Вотъ старинныя, обтянутыя черной кожей кресла, передъ ними столикъ, на которомъ лежитъ табакерка, раскрытая библія и на ней очки въ роговой оправѣ, точно кто-то сейчасъ читалъ эту библію и оставилъ на ней свои очки. Словомъ, наглядная страницка изъ исторіи культуры. По этой же системѣ возсоздана старая рижская аптека со всею принадлежностями тогдашней латинской кухни. На прилавкѣ вмѣсто вышѣшенной фармакопей печатная «*Rigasche Medicinal-Ordnung*» 1740 г. Такой способъ ознакомленія со стариною для большинства публики пригоднѣе. Старина такимъ путемъ оживляется. Вы пройдете мимо витринъ и шкафовъ, наполненныхъ предметами, почти одинаковыми и угоняющими своимъ однообразіемъ, но остановитесь передъ тѣми же предметами, когда они скомбинированы въ ихъ житейской связи. Изъ множества сокровищъ музея упомянемъ цѣнную коллекцію карикатуръ на Наполеона I и на отступленіе великой арміи изъ Россіи. Коллекція эта, можетъ быть, неизвѣстна была и Ровинскому Рижскій музей созданъ, содержится и пополняется на частныя средства, представляя собою и нынѣ уже отлично обставленное учрежденіе милліонной цѣнности. Главный предметъ музея, который не выставленъ, но который сквозитъ изъ всякаго уголка, изъ всякой полочки, изъ всякой вещицы, это именно духъ любви къ своему прошлому, культъ проплага. Здѣсь къ тому же сосредоточены политическія воспоминанія балтійцевъ. Поэтому дворянство и бюргерство, обыкновенно

очень расчетливыя, не жалѣють денегъ на музеи и архивы. Курляндское дворянство въ этомъ году дало 50.000 рублей на устройство своего архива, независимо отъ того, что оно же пригласило специалиста-историка для завѣдыванія имъ. Примѣръ этотъ едва ли не единственный среди губернскихъ дворянствъ.

Императорское общество любителей древней письменности. 23 января состоялось общее собраніе подъ предѣдательствомъ П. П. Кондакова. Первое сообщеніе—«Внука Владимира Мономаха, царица Зоя, какъ авторъ византійскаго сочиненія по гигиенѣ», принадлежало Х. М. Лопареву. Дочь Мстислава Владимировича, внука Мономаха, Евпраксія-Добродѣя, въ 1122 году вышла замужъ за византійскаго царя Алексѣя Комнина и при бракосочетаніи и коронованіи получила особое имя—Зои; отъ этого брака у нея была дочь; затѣмъ царица овдовѣла и завялась, повидимому, волхвованіемъ и чародѣйствомъ; по крайней мѣрѣ, при одрѣ послѣдней болѣзни царицы присутствовали волхвы и чародѣи, которые впрочемъ не могли вернуть здоровья умирающей. Г. Лопаревъ сдѣлалъ попытку приписать перу этой царицы одно медицинское сочиненіе «Аланна» (Мазь), находящееся между греческими рукописями бібліотеки Лаврентія Медичи во Флоренціи. Основанія для такого приуроченія слѣдующія: изъ четырехъ царицъ съ именемъ Зоя только одна Зоя Мстиславовна интересовалась медициной; греческій языкъ сочиненія, недостаточно правильный и литературный, указываетъ, что авторъ недостаточно освоился съ греческою рѣчью; нѣкоторые совѣты (о бани, грѣющихъ покрывалахъ—шубахъ?) говорятъ какъ бы о знакомствѣ съ холоднымъ климатомъ Руси. Пользованіе греческими книгами обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторую оригинальность и самостоятельность, такъ какъ авторъ не дѣлалъ выборокъ, а передавалъ содержаніе медицинскихъ трактатовъ въ своемъ собственномъ изложеніи. Вообще цѣлью труда является желаніе дать возможно полное руководство по гигиенѣ, при чемъ вопросы о гигиенѣ брака, новорожденнаго и кормилицы поставлены здѣсь впервые. Второе сообщеніе «О возрожденіи болгарско-византійской письменности и мистцизма XIV вѣка въ Румыніи въ XVIII вѣкѣ» было сдѣлано А. П. Яцимирскимъ. По указанію г. Яцимирскаго, такимъ возродителемъ является Пансіей Величковскій. Будучи русскимъ уроженцемъ, Пансіей въ первой половинѣ XVIII вѣка прибылъ въ Валахію въ поискахъ за истинною монашескою жизнью. Привлеченный строгимъ уставомъ валашскихъ монастырей, явившимся отголоскомъ афонскихъ киновій, Пансіей отправился на Афонъ и здѣсь познакомился съ болгарскою письменностью XIV вѣка, которая отразила въ себѣ релігіозный византійскій мистцизмъ, вызвавшій въ Болгаріи продолжателей въ области аскетической жизни и литературы. Послѣ пребыванія на Афонѣ Пансіей, возвратясь съ нѣсколькими учениками въ Молдавію, поселился въ данномъ ему монастырѣ Драгомириѣ и сталъ заниматься переводами византійскихъ аскетовъ, нрѣдко пользуясь старыми болгарскими переводами. Въ заключеніе своего сообщенія референтъ познакомилъ съ открытой имъ автобіографіей Пансіея Величковскаго, содержащей въ себѣ много бытовыхъ подробностей.

Кобзари и лирики. По порученію министерства внутреннихъ дѣлъ кіевскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, при посредствѣ мѣстныхъ

посредниковъ и исправниковъ, собраны свѣдѣнія о существующихъ въ настоящее время въ Киевской губерніи кобзаряхъ и лирникахъ. Полученный матеріалъ, несмотря на свою неполноту, чрезвычайно интересенъ и цѣненъ, а потому нельзя не выразить сожалѣнія, что комитетъ, рѣшившись предать его гласности, опубликовалъ его только въ выдержкахъ, да притомъ въ «Памятной книжкѣ Киевской губерніи за 1904 годъ». Собранный матеріалъ переработанъ В. Н. Доманицкимъ, снабдившимъ его вступительной статьей, гдѣ приводитъ подробный списокъ литературы о кобзаряхъ и лирникахъ, а также адреса наиболѣе извѣстныхъ изъ нихъ въ Киевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Подольской и Волынской губерніяхъ. Г. Логвиновскій — мировой посредникъ Бердичевского уѣзда, представившій въ губернскій статистическій комитетъ подробный отзывъ на сдѣланный ему запросъ относительно кобзарства и лирничества въ его районѣ, — отзывъ, могущій въ общемъ служить характеристикой лирничества для всей Киевской губерніи, — говоритъ, что съ подавленіемъ гайдамачества, паденіемъ Сѣчи, кобзарское искусство стало постепенно исчезать. Приблизительно съ 20-хъ годовъ XIX вѣка бандуру и кобзу, по словамъ самихъ бандуристовъ, начали вытѣснять крикливый, неповоротливый инструментъ, но болѣе доступный для игры на немъ, такъ называемая «лира». Одновременно съ этимъ измѣнились и отношенія народа къ бандуристамъ-кобзарямъ. Народъ все еще продолжаетъ съ благоговѣннымъ чувствомъ слушать своихъ пѣвцовъ, но вкусъ его къ думамъ и старымъ пѣснямъ мало-по-малу, по мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, начинаетъ исчезать, и къ исполнителямъ предъявляются менѣе высокія требованія. Народъ теперь охотнѣе слушаетъ шуточные и плясовые пѣсни, чѣмъ старыя думы. Лирники мало сохранили въ себѣ чертъ прежнихъ народныхъ пѣвцовъ, и лирничество, имѣя въ своей основѣ чисто идеальныя запросы жизни, начинаетъ приобрѣтать характеръ профессіи, служащей источникомъ пропитанія для однихъ слѣлыхъ исключительно. Но послѣднее обстоятельство нельзя считать единственной побудительной причиною, заставляющей слѣща взять въ руки лиру, такъ какъ лирники часто имѣютъ недвижимое имущество и вообще, по достатку, стоятъ нерѣдко даже выше средняго благосостоянія крестьянина. Часто причиною занятія этимъ искусствомъ является признаніе слѣщомъ за своего рода долгъ посвятить себя благочестивому занятію, быть можетъ, въ качествѣ искупленія за Божье наказаніе. Доказательствомъ того, что такъ именно смотрятъ на это крестьяне, служить то обстоятельство, что они ни за что не дозволяютъ зрячему заниматься лирничествомъ. Пѣсни лирниковъ, по словамъ г. Логвиновскаго, носятъ нравственно-поучительный или религіозный характеръ, въ нихъ обыкновенно олакивается горькая доля сироты или смерть бѣдняка, какъ успокоеніе въ его злосчастной, исполненной страданій жизни: берутся также сюжеты изъ Священнаго Писанія, изъ которыхъ особенно популярностью пользуется притча о благочестивомъ Лазарѣ. Въ соотвѣтствіи съ родомъ занятія находится и нравственный обликъ лирниковъ. По своимъ личнымъ качествамъ они въ большинствѣ случаевъ являются людьми благочестивыми, смиренными и набожными. У каждаго пѣвца есть строго-опредѣленный районъ, въ предѣлахъ котораго онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, приу-

рочивая свои посѣщенія къ праздничнымъ и ярмарочнымъ днямъ, когда бываетъ значительное стеченіе народа. Среди разнообразнаго шума малороссійской ярмарки почти всегда можно услышать заунывные голоса лирниковъ, чинно расположившихся на землѣ, среди снующей ярмарочной толпы, которая никогда не прочь послушать незатѣйливый напѣвъ, сопровождаемый время отъ времени жалобнымъ акомпанементомъ лиры, и наградить ея обладателя щедрыми подаваніями. Вообще крестьяне относятся къ лирникамъ сочувственно и окружаютъ ихъ всевозможными заботами и уваженіемъ. Вліяніе лирничества на окружающую среду если не прямо благотворно, то, по крайней мѣрѣ, безразлично, и оно, съ распространеніемъ грамотности и появленіемъ интереса къ книгѣ, мало-по-малу начинаетъ терять подъ собою почву и приходитъ къ упадку. Но лирничество не лишено, конечно, и отрицательныхъ сторонъ. Профессиональный характеръ этого искусства и его привилегированное положеніе создаетъ тѣ темныя стороны, которыя общи нищенству во всѣхъ его формахъ. На этой почвѣ возникаютъ возмутительные случаи искусственнаго увѣчья, съ цѣлью вырвать у зрителя состраданіе, которыми послѣднее время все чаще и чаще наполняются судебныя хроники. Общія выводы, вытекающіе изъ цитируемаго изслѣдованія комитета, слѣдующіе: кобзари почти исчезли, замѣнили ихъ лирники; въ большинствѣ случаевъ послѣдніе—народъ бѣдный и лирничествомъ занимаются для добыванія себѣ средствъ къ жизни, но иногда между ними бываютъ люди зажиточные, благодаря только своей слѣпотѣ неспособные ни къ земледѣльческому, ни къ какому нибудь другому труду. Слепота—обычный поводъ для крестьянина заняться лирничествомъ. Обучаются лирники обыкновенно на мѣстѣ у какого-либо лирника и посѣщаютъ окрестныя села; далеко отъ мѣста своей родины или жительства они уходятъ рѣдко. Между кобзарами и лирниками существуетъ крупная разница и въ отношеніи инструмента, и въ манерѣ пѣнія, и въ отношеніи репертуара. Кобза, по своей конструкціи, напоминаетъ арфу, гитару; звуки ея тихіе, мелодичные. Лиру же можно сравнить съ фортепіано—въ ея перзичномъ, зачаточномъ видѣ; звуки лиры рѣзкіе, визгливые. Въ связи съ разницей между звуками кобзы и лиры находится и отличіе въ манерѣ пѣнія кобзарей и лирниковъ: лирникъ, для того, чтобы слушатели изъ-за визгливыхъ звуковъ лиры могли разобрать слова пѣсни, долженъ напрягать свой голосъ, который поэтому бываетъ неурядно-рѣзкимъ; пѣніе же кобзара болѣе естественно и вслѣдствіе того сильнѣе дѣйствуетъ на слушателя. Наконецъ различіе, въ особенности въ послѣднее время, касается и репертуара: кобзари, кромѣ пѣсенъ, извѣстныхъ лирникамъ, поютъ еще и думы, то-есть историческія малорусскія пѣсни. Но послѣднее отличіе теперь уже не существенно: попадаютъ кобзари, не знающіе уже историческихъ пѣсенъ, и лирники, которымъ извѣстны кое-какія думы. Нельзя не выразить сожалѣнія, что подробности о бытѣ лирниковъ и кобзарей, а также репертуаръ исполняемыхъ ими произведеній остались не изслѣдованными. Это произошло потому, что сборъ этихъ свѣдѣній не входилъ въ программу, разработанную министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но кievскій губервскій статистическій комитетъ обѣщаетъ заняться этимъ вопросомъ въ ближайшемъ будущемъ.

Правительственное предостереженіе книгопродавцамъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликована слѣдующая выписка изъ журнала ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 8 декабря 1903 г. за № 1611, утвержденная министерствомъ 23 декабря 1903 года. Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 8 декабря 1903 года слушали (ст. V) мнѣніе о книгѣ: «Штоль, Г. В. Разказы изъ исторіи для школы и для дому (sic). Переводъ съ нѣмецкаго. Книга первая. Передняя Азія и Греція. Стр. 193. Книга вторая. Римская исторія. Стр. 158. Изданіе третье, исправленное. Спб. 1903. Ц. 1 рубль. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова». По выслушаніи доклада специалиста, председатель ученаго комитета предъявилъ комитету четыре экземпляра книги Г. В. Штоля: «Разказы изъ исторіи для школы и для дому» въ изданіяхъ разныхъ годовъ. На заглавныхъ листахъ и на обложкахъ этихъ экземпляровъ значится слѣдующее: На 1 экземплярѣ: «Типографія I. Мордуховскаго (бывшая Неклюдова), Офицерская, № 7—14. 1874». Цензурнаго дозволенія нѣтъ. На 2 экземплярѣ: «Изданіе второе, исправленное. Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Васильевскій Остр., 8 линія, № 45). 1884». Цензурное дозволеніе отъ 15 октября 1883 года. На 3 экземплярѣ: «Изданіе третье, исправленное. Въ типографіи В. Безобразова и Комп. 1890», а на оборотѣ титула: «Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 ноября 1889 года». Наконецъ, на четвертомъ экземплярѣ, представленномъ нынѣ книгопродавцемъ Карбасниковымъ: «Изданіе третіе, исправленное. Типографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27. 1903». Цензурнаго дозволенія нѣтъ. Изъ сличенія означенныхъ экземпляровъ оказалось, что всѣ они совершенно тождественны не только по содержанию текста, не заключающаго въ себѣ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ никакихъ исправленій или измѣненій противъ изданія 1874 года, но и по числу страницъ, по качеству и цвѣту бумаги, значительно пожелтѣвшей отъ времени, по характеру шрифта и по печаткамъ, какъ въ текстѣ книги, такъ даже и въ приложенномъ къ ней перечнѣ опечатокъ; иными словами, всѣ эти экземпляры различаются между собою только обложкою и заглавнымъ листомъ. Изъ этого съ полною несомнѣнностью можно заключить, что книгопродавецъ Карбасниковъ, представляя въ ученый комитетъ отпечатанную 30 лѣтъ назадъ книгу въ новой обложкѣ, на которой поставленъ 1903 годъ и отмѣчено «изданіе третье, исправленное», имѣлъ въ виду ввести въ заблужденіе ученый комитетъ и вызвать содѣйствіе послѣдняго къ распространенію въ публикѣ залежавшагося изданія путемъ опубликованія о выходѣ въ свѣтъ этого якобы новаго изданія 1903 г. въ спискахъ книгъ, печатающихся ежемѣсячно въ «Журналѣ Министерства». Посему и принимая во вниманіе, что книга Штоля «Разказы изъ исторіи для школы и дому» въ настоящее время значительно устарѣла по содержанию, необходимо: 1) признать представленную книгопродавцемъ Карбасниковымъ книгу не заслуживающею никакаго поощренія со стороны министерства народнаго просвѣщенія; 2) исключить ее, какъ устарѣлую по содержанию, изъ «Опыта каталога ученыхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія» и изъ «Каталога книгъ и періодическихъ изданій для бесплатныхъ народныхъ чита-

лень», въ конхъ она помѣщена въ изданіи 1884 года: 3) выписку изъ настоящаго журнала ученаго комитета напечатать въ извлеченіи въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»; 4) копію выписки препродать для свѣдѣнія въ главное управленіе по дѣламъ печати, и 5) на будущее время, при разсмотрѣніи представляемыхъ въ ученый комитетъ новыхъ изданій книгъ, тщательно сравнивать ихъ съ прежними изданіями. Ученый комитетъ, обсудивъ вышеизложенное, единогласно присоединился къ заключенію г. предсѣдателя. Курьезно, что г. Карбасниковъ напечаталъ свои разъясненія по поводу означенной выписки, но въ нихъ онъ вполне подтверждаетъ фактическую сторону дѣла, такъ что его «расписка въ полученіи» представляется вовсе излишнею.

Годовое собраніе географическаго общества. 28 января, происходило годовое собраніе императорскаго географическаго общества. Предсѣдательствовалъ членъ государственнаго совѣта П. П. Семеновъ. Открывая засѣданіе, онъ сказалъ небольшую рѣчь, въ которой коснулся современнаго тревожнаго положенія на Дальнемъ Востокѣ. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ Россія начала прокладывать себѣ путь къ Восточному морю, и въ этомъ отношеніи немало сдѣлано и географическимъ обществомъ, въ особенности же экспедиціей Муравьева-Амурскаго. Въ концѣ прошедшаго столѣтія мы осуществили давно желаемую мечту и закончили дорогу къ конечному пункту Востока. Въ данное время положеніе таково, что чуждая намъ держава хочетъ препятствовать свободному шествованію Россіи къ Восточному океану. Россія, проложивъ великій путь, слѣдовала въ этомъ завѣтамъ своего незабвеннаго преобразователя Петра Великаго, всегда неизмѣнно стремившагося къ морю. Мы были все поражены, возмущены образомъ дѣйствій японскаго правительства, которое, преступивъ все международныя права, начало военныя дѣйствія въ то время, когда уже шли переговоры, долженствовавшіе, по безконечному миролюбію Нашего Монарха, привести къ мирному разрѣшенію конфликта. Географическое общество не можетъ оставаться спокойнымъ, не высказавъ протеста по отношенію къ Японіи и чувствъ, волнующихъ каждое русское сердце. Я думаю, выражу мнѣніе всехъ собравшихся, если предложу отправить телеграмму на имя министра внутреннихъ дѣлъ съ просьбою повергнуть ее къ стонамъ монарха. Прочитанъ былъ текстъ телеграммы, вызвавшей продолжительные аплодисменты собранія. Затѣмъ секретаремъ общества прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности его за 1903 годъ и имена лицъ, получившихъ награды отъ общества. Константиновская медаль присуждена за совокупную пятидесятилѣтнюю ученую работу академику Ф. Б. Шмидту; медаль имени Ф. П. Литке англійскому океанографу Джону Меррею; золотая медаль имени П. П. Семенова профессору Юрьевскаго университета П. И. Кузнецову. Малыя серебряныя: по отдѣлу физической географіи В. А. Власову, Ф. П. Панаеву, В. М. Недзвѣцкому, М. М. Сязову, Е. Л. Бякову; по отдѣлу этнографіи Я. С. Смолеву, Н. Я. Коншину, Б. О. Пилсудскому, В. А. Антонову, В. Водарскому, Г. П. Петкевичу и Логинскому. Бронзовыя медали за участіе въ экспедиціи В. О. Новицкаго: Фазиль-бень-Хаджи, бухарскому чиновнику мирзѣ Наорадачъ-Караульбеку; за участіе въ экспедиціи Грумъ-Гржимайла казакамъ П. П. Стенанову, П. С. Симонову,

приказному Е. И. Нечаеву, Д. Г. Комболову, купцу Абдурахману-Муджанову. Нѣкоторыя медали были здѣсь же выданы. Какъ видно изъ отчета, капиталы общества достигаютъ 131.500 рублей. Закончилось собраніе выборами. Товарищемъ предѣдателя общества избранъ академикъ М. А. Рыкачевъ.

Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. 1. 14-го января, въ Политехническомъ музеѣ въ публичномъ засѣданіи врачъ Н. В. Кирилловъ сдѣлалъ два сообщенія. Первое сообщеніе было сдѣлано на тему «Этнографическій интересъ изученія Японіи». Референтъ демонстрировалъ рядъ картинъ на экранѣ, иллюстрирующихъ жизнь Японіи, ея города и селенія, типы населенія, бытъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, санитарныя мѣропріятія, воспитаніе дѣтей, храмы, театры и т. д., сопровождая картины соответственными объясненіями. Второе сообщеніе было посвящено «общей характеристикѣ восточныхъ системъ медицины (тибетской, китайской и др.)». Референтъ, пробывъ около 20-ти лѣтъ въ Восточной Сибири въ качествѣ врача, могъ ознакомиться въ Забайкальѣ съ принципами и методами тибетской (ламайской) медицины, а затѣмъ, проживая во Владивостокѣ и посѣтивъ Японію, могъ получить понятіе о медицинѣ китайской и японской. Теорія этой восточной медицины имѣетъ корни въ представленіяхъ индусовъ и представляетъ многія аналогии съ воззрѣніями, раздѣлявшимися Гиппократомъ, Галеномъ и средневѣковой медициной въ Европѣ. Обрывки этихъ представленій мы встрѣчаемъ и въ народной медицинѣ нашего народа, изученіе которой можетъ имѣти успѣшно только при знакомствѣ съ теоріей восточной медицины. Суть ея сводится къ принятію четырехъ главныхъ стихій или кардинальныхъ эссенцій: воздуха, огня, воды (слизи) и земли, при чемъ человѣческій организмъ представляется сложнымъ изъ трехъ первыхъ въ различныхъ комбинаціяхъ, смотря по особямъ, возрасту, полу, мѣсту жительства и т. д. Ткань тѣла, ихъ образованіе, выдѣленіе — все это имѣетъ своеобразное объясненіе, и въ связи съ этою теоріей построена вся діагностика и терапія. Въ леченіи играетъ также важную роль символизмъ, какъ, напримѣръ, это видно изъ употребленія корня жень-шеня, напоминающаго собою фигуру человѣка въ разныхъ положеніяхъ, и т. п. II. 26-го января, въ Политехническомъ музеѣ состоялось публичное засѣданіе этнографическаго отдѣла и состоящей при немъ музыкально-этнографической комиссіи. Е. Э. Линева прочитала докладъ «О задачахъ музыкантовъ-этнографовъ». Русская народная пѣсня по богатству этическаго и бытового содержанія, по красотѣ мелодіи, оригинальности голосоведенія и своеобразности ритма стоитъ очень высоко между пѣснями другихъ народностей. Многіе изъ народныхъ напѣвовъ уже собраны и записаны (Н. И. Якушкинъ, А. Ф. Гильфердингъ, П. В. Шейвъ, М. А. Балакревъ, Н. В. Римскій-Корсаковъ, А. А. Архангельскій, Н. М. Лопатинъ); при этомъ выработана и болѣе точная запись многоголосной пѣсни (Ю. Н. Мельгуновъ). Въ виду своеобразности гармоничности русской пѣсни, она съ трудомъ подчиняется правиламъ современной теоріи музыки. Полифоническое строеніе ея отличается отъ принятыхъ въ современной музыкѣ хоровыхъ формъ; она характеризуется свободой, съ которой перемежается удареніе въ словѣ и стихѣ. При перенесеніи пѣсни съ фонографа на ноты г-жа Линева выдѣляла

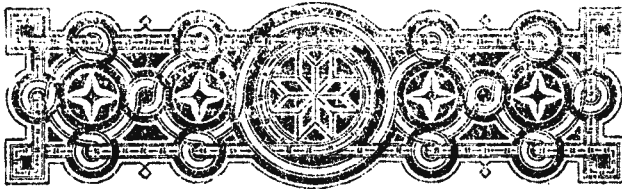

сперва основную мелодію, которую ведетъ заглаво, потомъ заносила на ноты отбивающіеся отъ нея голоса и опредѣляла основной видъ такта и его отклоненія. Сила и красота исполненія хоромъ (докладчица демонстрировала хорвое исполненіе смѣшаннымъ хоромъ въ 15 человекъ) народныхъ пѣсенъ заключается въ томъ, что хоръ этотъ поетъ, свободно импровизируя. Стростіе великорусской народной пѣсни, въ основѣ которой лежитъ разработка въ подголоскахъ главной мелодіи, обуславливаетъ необыкновенное разнообразіе и обиліе вариантовъ каждой пѣсни. Надо посигнать записываніемъ современной и особенно старинной русской пѣсни, ибо первая быстро пзмѣняется, а вторая и вовсе исчезаетъ. Смѣшанный хоръ съ аккомпанементомъ шанино исполнилъ «Лучинушку» и другія пѣсни. Изъ хоровыхъ пѣсенъ наиболѣе понравилась присутствовавшимъ пѣсня пзъ Тамбовской губ., записанная Ю. Н. Мельгуновымъ, въ обработкѣ П. Н. Бларамберга: «Зайныка, сѣрый мой». Изъ солистовъ удачно выступилъ баритонъ М. Я. Пятницкій.

Общество востоковѣдѣнія. I. 16-го января прослушано сообщеніе члена общества С. Д. Масловскаго «О Туркестанѣ». Сдѣлавъ краткій очеркъ страны, лекторъ перешелъ къ основнымъ элементамъ исторіи Азіи и той роли, которую игралъ въ данномъ случаѣ Туркестанъ. Борьба сѣверныхъ некультурныхъ племенъ Азіи съ южными культурными племенами, влияние на культуру Азіи семитическихъ племенъ и внѣшнія сношенія съ Африкою и Европою — таковы главные элементы исторической жизни Азіи. Туркестанъ по своему географическому положенію лежалъ на пути движенія сѣверныхъ племенъ на югъ, и здѣсь-то главнымъ образомъ происходили, такъ сказать, столкновенія передовыхъ отрядовъ. Лучшія времена — расцвѣтъ культуры страны, относятся ко времени бактрийцевъ. Въ общемъ въ исторіи культуры Туркестана можно наблюдать три періода: а) эпоха нашествія сѣверныхъ племенъ, начиная съ племени юзжы и кончая тюрками; б) эпоха возрожденія культуры подъ эгидою саманидовъ, продолжавшаяся до XI вѣка, и в) эпоха паденія культуры подъ напоромъ сѣверныхъ ордъ и, наконецъ, завоеваніе страны русскими. Что касается типа населенія, то онъ носитъ слѣды тюрко-гольскаго преобладанія, но безъ примѣси тоже и семитической крови. Коренное населеніе — таджики, населеніе именно смѣшаннаго типа. Въ горахъ Туркестана остались еще первобытныя племена страны, — племена негроидныя. Въ общемъ таджики не имѣютъ рѣзко выраженаго типа въ силу указанныхъ выше причинъ.

II. 23-го января состоялся докладъ Е. А. Пасынкына «Очерки быта древняго Египта. Изящная литература». Образчики литературныхъ произведеній древняго Египта дошли до насъ отъ очень отдаленныхъ эпохъ, съ 2150 года до Р. Х., слѣды этихъ произведеній замѣтны даже и въ наше время; большинство сказокъ, которыя теперь въ ходу среди населенія современнаго Египта, — лишь пересказы находимыхъ на папирусахъ литературныхъ отрывковъ. Особенной любовью пользовались рассказы о приключеніяхъ въ далекихъ странахъ, при чемъ требовалось, чтобы это было изложено красивымъ и элегантнымъ слогомъ: вотъ почему языкъ эпохи средняго царства остался навсегда литературнымъ и научнымъ языкомъ Египта. Въ новомъ царствѣ (1500 г. до Р. Х.) преобладаютъ уже сказки и рассказы на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ:

фабула пхъ имѣеть верѣдко историческїй оттѣнокъ; дѣйствующими лицами являются историческїя личности - цари, ученые и т. п. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ этой эпохи мы легко узнавали фабулу нашихъ сказокъ и даже библейскихъ сказанїй. Напримеръ, въ сказкѣ о предопредѣленномъ принцѣ, фабула напоминаетъ сказку о сиящей красавицѣ; сказка о двухъ братьяхъ начинается съ разказа о Иосифѣ и женѣ египетскаго сановника, во «взятїи Яффы» и въ сказкѣ о змѣѣ, въ нашемъ петербургскомъ панирусѣ, тождество фабулы съ арабскими сказками объ Али-Бабѣ и 40 разбойникахъ (а даже отчасти со взятїемъ Трои греками).

НЕКРОЛОГИ.

БАСИНЪ, П. П. 7-го февраля, скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, отъ паралича сердца, газетный работникъ, Петръ Павловичъ Басинъ, на 53-мъ году жизни. Покойный П. П. родился въ городѣ Иркутскѣ въ 1852 году; образование получалъ въ технологическомъ и горномъ институтахъ въ Петербургѣ и окончилъ курсъ съ званіемъ инженера. Въ качествѣ инженера покойный завѣдывалъ присадами на Уралѣ и въ Сибири. Послѣ паденія въ шахту онъ занемогъ и оставилъ службу инженера. Затѣмъ онъ посвятилъ себя журнально-газетной дѣятельности и, поселившись въ городѣ Екатеринбургѣ, началъ сотрудничать въ газетахъ «Екатеринбургская Недѣля», «Ураль» и издавалъ газету «Рудоконъ». Позднѣе, по прїездѣ въ Петербургъ, вошелъ вскорѣ въ редакцію только-что народившейся газеты «Россія»; въ ней онъ много поработалъ въ качествѣ секретаря и сотрудника, писалъ статьи и по техническимъ вопросамъ, замѣтки на злобу дня, рецензїи, рассказы и т. п. Позднѣе, когда «Россія» закрылась, П. П. сталъ работать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Петербургскомъ Листкѣ», въ «Новостяхъ», помѣстивъ нѣсколько статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ. Годы и плохое здоровье брали свое, и послѣднее время П. П. писалъ уже довольно мало, да и судьба ему какъ-то не улыбалась, и приходилось «устраивать» свои статейки то въ той, то въ другой газетѣ. Покойнаго его товарищи знали за самаго отзывчиваго, добрѣйшаго и въ выс-

шей степені интеллигентнаго челоуѣка. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10033; «Петербургскій Листокъ», 1904 г., № 38).

† **Вельямповъ-Зерновъ, В. В.** 17-го января, скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни въ Кіевѣ бывшій поочителъ Кіевскаго учебнаго округа, докторъ турецко-татарской словесности, дѣйствительный тайный совѣтникъ Владимиръ Владимировичъ Вельямповъ-Зерновъ. Покойный родился 31-го октября 1830 г., образование получилъ въ императорскомъ Александровскомъ лицей. Будучи воспитанникомъ лицея, онъ обнаружилъ наклонность къ изученію восточныхъ языковъ и сталъ брать уроки у спеціалистовъ арабскаго, персидскаго, еврейскаго и другихъ языковъ. Начавъ службу въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ командированъ въ 50-хъ годахъ въ Оренбургъ въ распоряженіе оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора. Здѣсь занялся изученіемъ мѣстныхъ татарскихъ и тюркскихъ нарѣчій и вынулъ свой первый трудъ о «киргизъ-кайсакахъ». Въ 1855 г. былъ избранъ адъюнктомъ академіи наукъ по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ, въ 1861 году—экстра-ординарнымъ академикомъ. Болѣзнь заставила его оставить занятія въ академіи наукъ и уѣхать за границу. По возвращеніи въ Россію посвятилъ свою дѣятельность службѣ по выборамъ и въ теченіе девяти лѣтъ (съ 1879 г. по 1888 г.), избрался малоархангельскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Орловской губерніи. Назначенный въ 1888 г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, занимался одновременно въ качествѣ предсѣдателя особой комиссіи разборомъ древнихъ актовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній. В. В. занималъ постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа почти пятнадцать лѣтъ, заботясь въ это время о насажденіи въ неземскихъ губерніяхъ особенно начальнаго образованія. Онъ, зная недостаточный бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, старался привлечь къ дѣлу распространенія образованія мѣстныхъ богачей и мѣстныхъ общества. При немъ, помимо открытія новыхъ школъ, многія учебныя заведенія обогатились собственными помѣщеніями и храмами. Онъ старался при помощи школъ объединить разнообразное по вѣроисповѣданію и національностямъ населеніе на почвѣ русскаго языка и русскихъ обычаевъ. Имя его, какъ администратора и педагога, было популярно на юго-западѣ Россіи. Не меньшей извѣстностью пользовался покойный, какъ ориенталистъ. Его заслуги въ области знаній отмѣчены избраніемъ его въ почетные члены императорской академіи наукъ. Ему принадлежатъ цѣлый рядъ интересныхъ и цѣнныхъ трудовъ: «О киргизъ-кайсакахъ и о сношеніяхъ Россіи съ Средней Азіей», «Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», «Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства», «Исторія курдовъ», «Монеты бухарскія и хивинскія», «Джагатайскій словарь» и др. В. В. происходилъ изъ старинной русскаго фамиліи. Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа покойный состоялъ до 1902 года, когда по разстроенному здоровью принужденъ былъ выйти въ отставку. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г. № 10013; «Кіевская Газета», 1904 г., № 18; «Приазовскій Край», 1904 г., № 20; «Южный Край», 1904 г., № 7976; «Курьеръ», 1904 г., № 21).

† **Войславъ, С. Г.** 26-го января, скоропостижно, отъ кровоизліянія въ мозгъ, скончался профессоръ Сигизмундъ Григорьевичъ Войславъ. Въ его лицѣ нашъ техническій и научный міръ понесъ весьма оцутительную утрату. С. Г. родился въ г. Маріамполь въ 1850 году. Въ 1866 г. онъ окончилъ гимназію въ г. Петроковѣ. Въ томъ же году поступилъ на естественный факультетъ въ главную школу въ Варшавѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1870 г., когда поступилъ въ С.-Петербургскій горный институтъ, который окончилъ въ 1875 г. Нѣкоторое время по окончаніи института С. Г. былъ на частной службѣ, а затѣмъ поступилъ на государственную службу и былъ назначенъ управляющимъ казенными заводами и рудниками на Уралѣ. Съ 1877 по 1894 г. С. Г. занималъ профессорскую кафедру въ С.-Петербургскомъ горномъ институтѣ по прикладной и горной механикѣ. Съ 1894 по 1897 г. состоялъ профессоромъ въ Москвѣ въ Петровской академіи, а затѣмъ, выйдя въ отставку, учредилъ собственное бюро по изслѣдованію почвы. Кромѣ того, покойный профессоръ цѣлый рядъ лѣтъ редактировалъ журналъ общества горныхъ инженеровъ. С. Г. извѣстенъ такъ же, какъ авторъ популярныхъ пособій и учебниковъ. Въ послѣднее время покойный усиленно работалъ по вопросу объ изслѣдованіи почвы и, какъ недавно сообщалось, заключилъ договоръ съ ораніенбаумскимъ городскимъ управленіемъ относительно произведенныхъ имъ изысканій ключевой воды для снабженія водою этого города. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 47).

† **Марковниковъ, В. В.** 29-го января, скончался въ Москвѣ извѣстный русскій ученый, химикъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета, Владимиръ Васильевичъ Марковниковъ. Съ именемъ покойнаго связано множество цѣнныхъ научныхъ работъ. Имъ произведенъ цѣлый рядъ химическихъ изслѣдованій, сопровождавшихся полученіемъ новыхъ кислотъ и углеводовъ. В. В. родился въ 1839 году, образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ на камеральномъ отдѣленіи юридическаго факультета. Въ университетѣ особенно охотно изучалъ технологию подъ руководствомъ профессора Китарры. Свою научную дѣятельность началъ лаборантомъ Казанскаго университета при кафедрѣ А. М. Бутлерова. Его первыя работы были посвящены изслѣдованіямъ вновь открытаго газа аллилена и дѣйствія бромнетаго этилпдева на щавелевое серебро. Въ это время имъ получена одновременно съ химикомъ Эрленмейеромъ первая изомерная органическая кислота эоприаго рода — изобутириновая. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ защитилъ диссертацию на магистра и доктора химіи. Его диссертации: магистерская — «Объ изомеріи органическихъ соединеній» и докторская — «Матеріалы по вопросу о взаимномъ вліяніи атомовъ въ химическихъ соединеніяхъ», обратили вниманіе химиковъ на молодого ученаго. Въ семидесятыхъ годахъ онъ занялся изслѣдованіями кавказской нефти. Въ 1872 г. оставилъ Казанскій университетъ, читалъ около года лекціи въ Новороссійскомъ университетѣ и затѣмъ былъ приглашенъ занять кафедру химіи въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь его дѣятельность продолжалась до самой его смерти. Благодаря его заботливости и стараніямъ, Московскій университетъ обогатился первой въ Россіи большой химической лабораторіей, хорошо приспособленной для научныхъ изслѣдованій. Затѣмъ покойный былъ однимъ изъ учредителей московскаго отдѣленія императорскаго рус-

скаго технического общества, во время русско-турецкой войны 1877—1878 г. трудился надъ организацией дезинфекціи въ военныхъ госпиталяхъ въ Румыніи и Болгаріи, въ 1882 г. состоялъ редакторомъ газеты «Всемирная Выставка», въ 1885 году изучалъ нефтяныя мѣсторожденія въ Галиціи. Во время борьбы съ вѣтянской чумой издалъ «Общедоступное руководство къ дезинфекціи». Въ 1880-хъ годахъ изслѣдовалъ соляныя озера въ Астраханской губерніи и на Кавказѣ. Затѣмъ изслѣдовалъ минеральныя воды Нарзана, обративъ особенное вниманіе на причины измѣненія Нарзана и средства къ устраненію ихъ. При появленіи въ Москвѣ въ 1890-хъ годахъ холерной эпидеміи имъ произведено около 50 анализовъ русскаго дефти съ цѣлью замѣнить имъ привозную карболовую кислоту. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ состоялъ почетнымъ членомъ императорскаго общества любителей естествознанія и предсѣдателемъ его химическаго отдѣленія, почетнымъ членомъ Московскаго, Казанскаго и Кіевскаго университетовъ, а также многихъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ лондонскаго и берлинскаго химическихъ. Международнымъ нефтянымъ конгрессомъ ему была присуждена золотая медаль за его весьма цѣнныя изслѣдованія нефтяныхъ продуктовъ. Въ январѣ 1900 года, по поводу исполнившагося незадолго передъ тѣмъ полуторастолѣтія со времени основанія Ломоносовымъ химической лабораторіи, В. В. составилъ «Ломоносовскій сборникъ», заключающій рядъ статей о Ломоносовѣ, какъ ученомъ, и объ исторіи русскихъ химическихъ кафедръ и лабораторій. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10026; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 35; «Кіевлянинъ», 1904 г., № 34; «Нижегородскій Листокъ», 1904 г., № 32).

† **Михайловскій, Н. К.** 29-го января, скоропостижно скончался Николай Константиновичъ Михайловскій. Н. К. Михайловскій являлся выдающимся публицистомъ, социологомъ и критикомъ нашего времени. Происходя изъ дворянъ Мещовскаго уѣзда Калужской губерніи, онъ самъ считалъ себя природнымъ костромичемъ, гдѣ прожилъ все дѣтство и получилъ образованіе въ мѣстной гимназіи, откуда по окончаніи курса поступилъ въ горный корпусъ, но изъ послѣдняго былъ исключенъ. Начало литературной дѣятельности Николая Константиновича слѣдуетъ отнести къ началу 60-хъ годовъ, когда онъ выступилъ незначительными статьями въ мелкихъ изданіяхъ («Разсвѣтъ», «Книжномъ Вѣстникѣ», «Гласномъ Судѣ» и другихъ). Въ 1868 году является его первая статья въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ онъ съ 1869 года становится постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ. Съ 1877 года, послѣ смерти Некрасова, Михайловскій вмѣстѣ съ Салтыковымъ и Елисеѣвымъ редактируетъ журналъ. Съ 1869 по 1884 годъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» проходитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей покойнаго: «Что такое прогрессъ?», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Суздальцы и суздальская критика», «Вольтеръ—человѣкъ и Вольтеръ—мыслитель», «Что такое счастье?», «Борьба за индивидуальность», «Герои и толпа», «Десница и шуйца графа А. Толстого», «Жестокій талантъ», и много, и много другихъ. Кромѣ того, онъ ежемѣсячно велъ отдѣлъ «Литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ» подъ заглавіемъ «Записки профана», «Письма о правдѣ и неправдѣ», «Письма къ ученымъ людямъ», «Письма къ неучамъ». Послѣ закрытія въ 1885 году

«Отечественныхъ Записокъ» Николай Константиновичъ нѣсколько лѣтъ участвуетъ въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» въ качествѣ члена редакціи, затѣмъ онъ писалъ въ «Русской Мысли» (рядъ статей подъ заглавіемъ «Литература и жизнь»), а съ 1890 года Николай Константиновичъ становится во главѣ журнала «Русское Богатство». Къ дешевому изданію сочиненій Вѣлинскаго приложена статья Николая Константиновича «Вѣлинскій и Прудонъ». Въ теченіе 40 лѣтъ Михайловскій стоялъ въ первыхъ рядахъ русской литературы, изслѣдуя законы общественнаго развитія, разъясняя роль личности въ исторіи, разбирая вопросы чести и совѣсти, «правды-истины и правды-справедливости», возбуждая общественную мысль и призывая къ энергичной самодѣятельности. Въ теченіе этого времени мѣнялись событія, мѣнялись люди и условія работы, но мѣсто Михайловскаго въ рядахъ литературы и миссія, взятая имъ на себя, оставались неизмѣнными. (Некрологи его: «Приазовскій Край», 1904 г., № 29; Орловскій Вѣстникъ», 1904 г., № 32; «Черноморское Побережье», 1904 г., № 313; «Бакинскія Извѣстія», 1904 г., № 29).

† **Пономаревъ, И. Н.** 20-го января, скончался въ Тверской губерніи Иванъ Николаевичъ Пономаревъ. По окончаніи школы гвардейскихъ подпоручиковъ, Пономаревъ поступилъ въ лейбъ-гвардію Гусарскій полкъ. Жизнь въ полку, связанная съ огромными расходами, неблагопріятно отразилась на денежныхъ средствахъ Пономарева. Онъ вышелъ въ отставку поручикомъ, и вскорѣ былъ выбранъ предводителемъ дворянства. Нѣсколько лѣтъ спустя, обремененный заставилъ Ивана Николаевича служить полицеймейстеромъ въ Житомирѣ, а затѣмъ перейти на службу въ таможенное вѣдомство. Переѣхавъ въ Петербургъ, Пономаревъ купилъ у Макшеева газету «Эхо», которую издавалъ подъ редакторствомъ Старчевскаго очень недолго. Вскорѣ затѣмъ онъ пріобрѣлъ у типографа Траншеля газету-журналъ «Родина» и года два былъ ея редакторомъ-издателемъ. Неумѣлое веденіе хозяйственной части газеты поглотило послѣднія средства Пономарева, который вынужденъ былъ уступить права изданія г. Каспарп, оставаясь редакторомъ «Родины» еще года два-три. Одновременно Пономаревъ началъ писать романы для журнала-газеты «Лучъ», затѣмъ романы его, бульварнаго характера, касающіеся разныхъ слоевъ общества, печатались въ «Петербургскомъ Листкѣ», «Петербургской Газетѣ», «Свѣтѣ», въ разныхъ московскихъ и провинціальныхъ изданіяхъ, и выпускались отдѣльными книгами. «Воспоминанія гусара» печатались вмѣстѣ съ разными другими воспоминаніями Пономарева въ историческихъ, ежедневныхъ и иллюстрированныхъ журналахъ. Лѣтъ десять назадъ Пономаревъ переселился въ имѣніе своего брата, гдѣ и умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду. Покойный былъ добрый, симпатичный, гостепріимный, отзывчивый на горе и нужду челоуѣкъ. Имѣя деньги, онъ раздавалъ ихъ направо и налево, забывая имена тѣхъ, кого онъ выручалъ, кого пригрѣвалъ, кормилъ... Онъ умѣлъ даже свой скромный литературный заработокъ дѣлить съ тѣми, кто обращался къ его доброму сердцу. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10019).

† **Предтеченскій, Е. А.** 8-го января, скончался въ Петербургѣ отъ тяжелой болѣзни Евгений Александровичъ Предтеченскій. Имя покойнаго извѣстно, какъ переводчика произведеній К. Фламмариона. Онъ много работалъ по вопросамъ

астрономіи и математики; имъ переведены на русскій языкъ алгебра и аналитическая геометрія Тоттенгера. Е. А. состоялъ членомъ русскаго, французскаго и бельгійскаго астрономическихъ обществъ. Покойный — уроженецъ Казанской губерніи, въ началѣ семидесятыхъ годовъ окончилъ курсъ Казанскаго университета со степенію кандидата физико-математическаго факультета и былъ оставленъ при университетѣ для приготовления къ кафедрѣ. Въ семидесятыхъ годахъ покойный заболѣлъ тяжелымъ душевнымъ недугомъ; болѣзнь то всыхивала, то затихала. Свѣтлыя полосу чередовались съ мракомъ. Усиленная умственная дѣятельность, работа сверхъ силъ и полная матеріальная необезпеченность работника пера привели въ сентябрѣ прошлаго года Е. А. на койку психіатрической больницы св. Николая Чудотворца, гдѣ и утѣла его жизнь. Послѣ покойнаго осталась семья, какъ водится въ литературномъ быту, безъ всякихъ средствъ. Помимо чисто переводной работы, покойный выступалъ популяризаторомъ астрономическихъ знаній; въ библиотекѣ Павленкова «Жизнь замѣчательныхъ людей» имъ написаны біографіи Кеплера и Лапласа; тѣмъ же издателемъ выпущено нѣсколько книгъ Предтеченскаго по популярной астрономіи, выдержавшихъ по нѣскольку изданій. Кромѣ того, покойный сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Приазовскій Край», 1904 г., № 13).

† Сафоновъ, С. А. 6-го февраля, скончался послѣ продолжительной болѣзни Сергій Александровичъ Сафоновъ. Это былъ писатель съ несомнѣннымъ талантомъ, самобытнымъ и яркимъ, настоящей поэтъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ С. А. помѣщалъ свои юмористическія стихотворенія и разныя мелочи въ журналѣ «Стрекоза», подъ псевдонимомъ Скаврончика. Затѣмъ онъ увлекся театромъ и съ усѣхомъ игралъ на провинціальныхъ сценахъ. С. А. скоро разочаровался въ сценической карьерѣ и, съ юныхъ лѣтъ, чувствуя къ литературѣ влеченіе, рѣшилъ попытаться счастья въ этой области. Стихи его искорѣ стали появляться въ «Сѣверѣ», «Нивѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Живомъ Обозрѣніи», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ» и т. д. Они обратили на себя вниманіе присутствіемъ въ нихъ истинной поэзіи и искренняго чувства, приятной мелодіи, своей прекрасной формой. Въ нихъ была простота и очень удачные образы и какая-то затаенная грусть. Когда во французской литературѣ появились провозвѣстники символизма и декадентства, Сафоновъ увлекся этимъ направлениемъ и усердно сталъ и самъ искать новыхъ путей въ поэзіи. Но въ немъ, въ этомъ исканіи, не было и тѣни паясничества, оно не переступало границъ истинно-прекраснаго. Увлеченіе С. А. новымъ влияніемъ французской поэзіи выразилось въ цѣломъ рядѣ переводовъ изъ Верлена и другихъ поэтовъ и въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ, которыя печатались въ «Петербургской Жизни». Мало-по-малу С. А. остылъ и сталъ самимъ собою. Съ теченіемъ времени горькое разочарованіе все сильнѣе овладѣвало С. А., являлась необходимость работать изъ-за куска хлѣба, и поэтъ принужденъ былъ оставить лиру и сдѣлаться присяжнымъ фельетонистомъ, газетнымъ работникомъ. Полное недовольство жизнью и собою сквозило въ его словахъ не одинъ разъ. А между тѣмъ онъ имѣлъ имя, даже его фельетоны, подписанные псевдонимомъ С. Печорина, — были замѣчены и говорили о его талантѣ, о присут-

ствилъ въ немъ той искры Божіей, которую не могли угасить самыя скорбыя дни его жизни. Онъ работалъ въ «Новостяхъ», во многихъ провинціальныхъ газетахъ, а послѣдніе два года велъ фельетонъ — остроумный, бойкій, содержательный, не рѣдко блестящій, — въ «Звѣздѣ». Изъ С. А. могъ бы выработаться еще болѣе видный поэтъ, на это у него были всѣ данныя—и природный даръ, и умѣнье имъ пользоваться, и умъ, и чувство. С. А. скончался на 37 году жизни. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 67; «Русь», 1904 г., № 58; «Петербургскій Листокъ», 1904 г., № 38.).

† Сильвай, И. А. Угорская Русь понесла тяжелую, незамѣнимую потерю. Скончался Иванъ А. Сильвай, приходскій священникъ въ Давидовѣ (около Мукачева), одинъ изъ лучшихъ угрорусскихъ писателей старой школы, извѣстный подъ псевдонимомъ «Уриль Метеоръ». Покойный принадлежалъ къ той группѣ угрорусскихъ патріотовъ-писателей и общественныхъ дѣятелей, которые, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ идей А. П. Добрянскаго, въ шестидесятыхъ годахъ сгруппировались въ литературномъ обществѣ св. Василія Великаго и объединили свои силы въ еженедѣльной газетѣ «Свѣтъ». Въ этомъ органѣ угрорусскихъ патріотовъ, издававшимся на литературномъ русскомъ языкѣ въ строго славянскомъ направленіи, работали извѣстнѣйшіе дѣятели угрорусскаго «возрожденія»: Добрянскій, Раковскій, Павловичъ, Митракъ, Краляцкій, Думишковичъ, Кимакъ, Сабовъ и др. Къ нимъ принадлежалъ и Сильвай. Поэтическія произведенія его не имѣютъ особеннаго значенія ни по внутреннимъ качествамъ, ни по формѣ. Значительно выше бытовые очерки и рассказы изъ угрорусской жизни, каковы, напримѣръ: «Свѣтлый день Воскресенія», «Вѣда—нѣтъ жида» и др. Интересны также его сатирическія произведенія, бичующія виднѣйшихъ угрорусскихъ дѣятелей-мадяроновъ. Такова, напримѣръ, «Крайцарова комедія» (Грошова комедія) — чрезвычайно смѣлый и рѣзкій политическій памфлетъ, жестоко осмѣявшій дѣятельность извѣстнаго мадярона, епископа Панковича: далѣе — «Люди въ желѣзныхъ шляпахъ», «Тестякъ», «Пупаки» и др. Сильвай занимался также переводомъ славянскихъ церковныхъ книгъ на мадярскій языкъ, и переводы его считаются образцовыми. Покойный принадлежалъ къ сильнымъ русскимъ характерамъ въ Угорщинѣ и пользовался уваженіемъ даже и въ мадярскихъ кругахъ, цѣнящихъ людей честныхъ и откровенныхъ, не отрекающихся ни отъ своей національности, ни отъ своихъ убѣжденій. Замѣтимъ, что Сильвай былъ большимъ противникомъ малорусскаго сепаратизма и сторонникомъ единства русской литературы и языка. «Русская литература, — говорилъ онъ, — не только достигла уровня прочихъ образованныхъ литературъ, но по своему богатству и полнотѣ достигаетъ до степени эллинскаго классицизма. Недалеко то время, когда русскій языкъ получитъ всемірное значеніе». Насмѣшки и вышучиванія галицко-русскихъ украинцевъ-радикаловъ не могли поколебать прочно сложившихся убѣжденій старца... Плеяда старыхъ угрорусскихъ патріотовъ, истинныхъ сыновъ великаго русскаго народа, сильно порѣдѣла. (Некрологъ его: «Вавшавскій Дневникъ», 1904 г., № 45).

† **Трирогова, Н. А.** 7-го декабря, въ Петербургѣ скончалась землевладѣлица с. Аряши, Наталія Алексѣевна Трирогова. Покойная Н. А. по справедливости должна быть отнесена къ числу видныхъ общественныхъ дѣятелей, не мало потрудившихся на пользу своему родному краю. Поселившись осенью 1891 года, послѣ смерти мужа, въ Аряшѣ, Н. А., сама едва оправившаяся отъ тяжелой болѣзни, немедленно открыла въ своемъ домѣ школу грамоты. Въ настоящее время въ глухомъ, забытомъ до того всѣмъ міромъ Аряшѣ неграмотныя дѣти составляютъ исключеніе. Сама школа, давно находящаяся въ прекрасномъ отдѣльномъ зданіи съ отдѣленіемъ женскаго двухкласснаго училища и двумя большими постройками — общежитіемъ для дѣвочекъ, можетъ служить образцомъ школьнаго зданія для всякаго крупнаго центра, а пзъ числа дѣвушекъ, окончившихъ двухклассное отдѣленіе, нѣкоторыя уже занимаютъ должности сельскихъ учительницъ. Заботясь о доставленіи аряшинцамъ возможности удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ, Н. А. на свои средства выстроила на сельскомъ кладбищѣ с. Аряша церковь. Н. А. прикладывала свою неутомимую энергію ко всякому дѣлу, могущему внести хотя бы маленькій свѣтъ въ однообразную суровую жизнь своихъ сосѣдей — аряшинскихъ крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ ею была отведена земля подъ крестьянскіе фруктовые сады, доставляющіе нынѣ ихъ владѣльцамъ, помимо матеріальной пользы, разнообразіе въ трудѣ, интересное дѣло и нравственное удовольствіе. Для болѣе же успешнаго развитія этого дѣла и вообще сельскаго хозяйства Н. А. исходатайствовала разрѣшеніе учредить аряшинское общество сельскихъ хозяевъ, имѣющее нынѣ уже утвержденный уставъ. При школѣ Н. А. заведены классы ручного труда — художественная рѣзба по дереву по заграничнымъ рисункамъ, при чемъ работы аряшинскихъ школьниковъ удостоены наградъ на выставкахъ: въ Петербургѣ, Саратовѣ, Пензѣ и Кузнецкѣ. Состоя членомъ попечительства о народной трезвости, Н. А. не замедлила непосредственно приложить свои руки и къ этому дѣлу, и въ 1902 году открыла въ Аряшѣ на свои средства хорошо обставленную чайную. Перечислить все сдѣланное Н. А. для окружнаго населенія не представляется возможнымъ въ краткой замѣткѣ. Высоко образованная, съ широкими взглядами, покойная вкладывала всю свою душу, всѣ свои знанія, неутомимый трудъ и энергію во всякое дѣло, за которое бралась. Тѣло покойной Н. А. перевезено изъ Петербурга въ Аряшѣ, гдѣ и погребено 14 декабря на сельскомъ кладбищѣ. (Некрологъ ея: «Саратовскій Дневникъ», 1904 г., № 3).

† **Чичеринъ, Б. Н.** 3-го февраля, скончался извѣстный ученый, юристъ и философъ, авторъ многочисленныхъ весьма важныхъ научныхъ трудовъ, докторъ государственнаго права, Борисъ Николаевичъ Чичеринъ. Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, Б. Н. родился въ 1828 году въ селѣ Уметь Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, въ имѣніи своего дѣда Б. Д. Хвоцинскаго. Получивъ образцовую подготовку дома, онъ поступилъ семнадцатилѣтнимъ юношей на юридическій факультетъ императорскаго Московскаго университета и въ 1849 году блестяще окончилъ курсъ третьимъ кандидатомъ правъ. Въ университетѣ онъ работалъ, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ Т. Н. Грановскаго, памяти котораго посвятить свой первый научный опытъ — магн-

сгерскую диссертацию, подъ заглавіемъ: «Областные учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ» (Москва, 1856 г.). По защитѣ этой диссертациі, покойный нѣкоторое время сотрудничалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», затѣмъ отправился съ научною цѣлью за границу, а по возвращеніи занялъ въ 1861 году въ Московскомъ университетѣ каѳедру государственнаго права. Вскорѣ послѣ того онъ былъ приглашенъ для преподаванія той же науки въ Бозѣ почивающему наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. Профессорская дѣятельность его продолжалась всего семь лѣтъ, и въ 1868 году онъ оставилъ университетскую каѳедру. Въ 1881—1883 годахъ Б. Н. занималъ должность московскаго городского головы, затѣмъ, поселившись въ родовомъ имѣніи, принималъ дѣятельное участіе въ работахъ земскихъ учрежденій Тамбовской губерніи и до конца жизни не переставалъ трудиться надъ разработкою научныхъ вопросовъ и отзываться на текущіе интересы общественной жизни. Первые ученые труды Б. Н., сразу создавшіе ему извѣстность, относились къ области исторіи русскаго права: «Областные учрежденія Россіи въ XVII в.» (1856 г.) и «Опыты по исторіи русскаго права» (1858). Въ этихъ раннихъ трудахъ уже сказались многія особенности Б. Н., глубокая эрудиція и стремленіе къ синтезу, къ широкимъ обобщеніямъ. Почти одновременно съ тѣмъ Б. Н. началъ писать и по другимъ вопросамъ и напечатать рядъ очерковъ по государственному праву и публицистическихъ статей. Эти статьи и очерки вошли въ сборники: «Очерки Англии и Франціи» (1858) и «Нѣсколько современныхъ вопросовъ» (1862 г.). Затѣмъ наступилъ самый плодотворный періодъ дѣятельности. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ имъ издава капитальная книга: «О народномъ представительствѣ» (1-е изд. 1866 г., 2-е изд. 1899 г.), до сихъ поръ сохранившая большое научное значеніе, а въ 1868 г. сталъ выходить въ свѣтъ капитальный трудъ Б. Н.: «Исторія политическихъ ученій». Этотъ трудъ вышелъ въ 5-ти томахъ и по обстоятельности и точности, съ какою переданы ученія различныхъ мыслителей, начиная съ философовъ древней Греціи и кончая публицистами XIX в., представляетъ выдающееся явленіе въ литературѣ. Изъ позднѣйшихъ трудовъ Б. Н. отмѣтимъ болѣе крупныя. Результатомъ преподавательской дѣятельности Б. Н. явился обширный «Курсъ государственной науки», изданный въ трехъ томахъ, много лѣтъ спустя по оставленіи имъ имъ каѳедры, въ 1894—1900 гг., «Наука и религія» (1879 г.), «Русскій дилетантизмъ и общинное земледѣніе» (1878 г.; написано въ сотрудничествѣ съ В. И. Герье), «Мистицизмъ въ наукѣ» (1880 г.—критика взглядовъ Вл. С. Соловьева), «Собственность и государство» (1882—1883 гг.), «Философія права» (1901 г.), «Наука и религія», «Основанія логики и метафизики» (1894 г.), «Вопросы политики» (1903 г.), «Положительная философія и единство науки» и т. д. Одинъ этотъ неполный перечень произведеній Б. Н. показываетъ, насколько продуктивна была его ученая дѣятельность, и какъ широкъ былъ кругъ его умственныхъ интересовъ. Но количествомъ изданныхъ трудовъ отнюдь нельзя измѣрять значенія научной дѣятельности Б. Н. Каждый его трудъ представляетъ крупный вкладъ въ науку. Важнаго значенія этихъ трудовъ не отрицали даже принципиальные противники покойнаго. Въ 1900 году докторъ государственнаго права В. И. Чичеринъ былъ

избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета. Б. Н. былъ консерваторъ, но онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми реакціонными направленіями, которыя въ послѣднее время любятъ становиться подъ знамя консерватизма. Этотъ консерваторъ былъ горячимъ сторонникомъ развитія и прогресса. Скончался Б. Н. Чичеринъ на 76 году своей трудовой, глубоко плодотворной жизни, которая въ исторіи русской научно-общественной жизни оставитъ замѣтный слѣдъ и заслужитъ полную признательность потомства. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10030; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 35; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 38; «Дѣлировскій Вѣстникъ», 1904 г., № 31; «Кіевская Газета», 1904 г., № 37; «Одесскія Новости», 1904 г., № 6216).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ дуэли Кушелева съ Бахметевымъ.

Разсказъ Н. И. Фалѣева о дуэли камеръ-юнкера Кушелева съ генераль-майоромъ Бахметевымъ, напечатанный въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній годъ, требуетъ небольшой поправки: поединокъ между ними состоялся не послѣ перевода Кушелева въ Кавказскій гренадерскій полкъ, а наоборотъ—переводъ изъ гвардіи въ армію послѣдовалъ въ видѣ наказанія за дуэль.

Читателямъ будетъ, можетъ быть, интересно узнать о дальнѣйшей судьбѣ Кушелева. Кавказскій (нынѣ Грузинскій) гренадерскій полкъ, въ который онъ былъ переведенъ въ 1804 году, участвовалъ въ томъ году въ походѣ подъ Эривань. Въ первомъ же сраженіи съ персіянами главнокомандующій князь Н. Д. Циціановъ обратилъ вниманіе на храбрость бывшаго гвардейца. Въ всеподданнѣйшемъ донесеніи князя отъ 4-го іюля сказано: «Кавказскаго гренадерскаго полка капитанъ Кушелевъ, за штрафъ выключенный изъ придворнаго стата и нанисанный въ оной полкъ на службу, доселѣ оказываетъ отличную храбрость и во всѣ опасности мечется, такъ какъ въ сраженіи 10-го іюня отряда генераль-майора Тучкова противъ персіянъ былъ въ охотникахъ, также въ присутствіи моемъ, на всѣхъ сраженіяхъ, отличаясь храбростью, шцетъ смерти не отъ чего больше, какъ отъ отчаянія, что заслужилъ гнѣвъ вашего императорскаго величества. Дерзаю всеподданнѣйше испрашивать ему всемилостивѣйшаго прощенія и возвращенія прежняго ему старшинства по придворной службѣ, въ коей многіе моложе его произведены уже въ камергеры, хотя оставя въ ономъ же полку на службѣ».

Императоръ Александръ I исполнилъ ходатайство князя Циціанова: указомъ придворной конторѣ 23-го іюля 1804 года Кушелевъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры съ возвращеніемъ слѣдовавшаго ему старшинства.

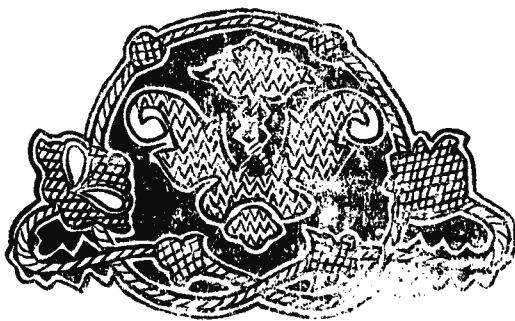
Въ сраженіи 15-го іюля подъ стѣнами Эривани капитанъ Кушелевъ, командуя охотниками, сблизъ персіянъ съ занятой ими высоты и овладѣлъ значкомъ и двумя фальконетами. Князь Циціановъ представилъ его къ Георгію 4 класса на основаніи орденскаго статута, однако на этотъ разъ государь приказалъ сообщить главнокомандующему, что исполнилъ бы его представленіе, но какъ Кушелевъ усердіемъ своимъ только заглаживаетъ учиненный имъ предъ отбытіемъ изъ Петербурга проступокъ, то его величество полагаетъ довольнымъ на сей случай наградить его орденомъ св. Анны 3-го класса.

Вскорѣ послѣ сраженія 15-го іюля, Кушелевъ заболѣлъ лихорадкой. Два мѣсяца пролежалъ онъ въ лагерѣ, упорно отказываясь отъ лѣкарствъ. Въ концѣ сентября повезли его въ Тифлисъ. Въ дорогѣ къ изнурительной лихорадкѣ присоединился кровавый поносъ, и на третій день послѣ пріѣзда въ городъ, въ ночь съ 30-го сентября на 1-е октября Кушелева не стало.

Въ наружной стѣнѣ тифлисскаго Капшветской св. Георгія церкви, съ южной стороны, еще сохранилась мраморная доска съ надписью на русскомъ и грузинскомъ языкахъ: «Александръ Ивановичъ Кушелевъ, російскій императорскій камергеръ, арміи капитанъ и кавалеръ, скончался 1804 года, сентября 30-го дня, на 21-мъ году отъ рожденія, отличную оказавъ храбрость противъ персіянъ. Въ знакъ дружества къ покойному и благодарности къ родителю его К.... Д.... В.....».

Инициалы эти означаютъ князя Дмитрія Михайловича Волконскаго, бывшаго въ то время правителемъ (губернаторомъ) Грузіи.

Е. Вейденбаумъ.

ЧЕРНАЯ МЕССА

(LA MESSE NOIRE)

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ

Г. ЛЕГЭ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ
„ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

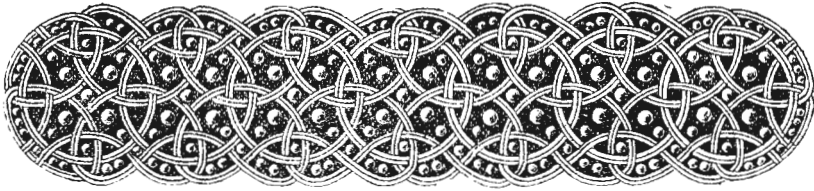

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1904

ПРОЛОГЪ.

ВЪ ЭПОХУ, когда Версаль преобразовывался и становился городомъ, въ одной изъ его еще неоконченныхъ улицъ, недалеко отъ шоссе, которое вело къ пруду Кланьи, можно было видѣть очень кокетливый, маленькій, уединенный домикъ среди лужаекъ и боскетовъ, скрывавшійся въ громадномъ безмолвномъ паркѣ.

Это былъ павильонъ, подаренный королемъ Франці своей любовницѣ, бѣлокурой Луизѣ Лавальеръ, предпочитавшей этотъ уединенный и таинственный уголокъ пышнымъ апартаментамъ Сень-Жерменскаго замка и Брионскаго дворца.

Съ конца осени и до весны Луиза Лавальеръ ежедневно, въ полдень, приглашала туда придворныхъ кавалеровъ и дамъ для утонченныхъ развлеченій. Часто великолѣпные экипажи возвѣщали даже присутствіе короля...

Въ мартѣ 1666 г., при наступленіи вечера, вскорѣ послѣ того, какъ уже удалились приглашенные фаворитки, изъ дома вышла дама и сѣла вмѣстѣ съ своею спутницею въ карету, ожидавшую у подъѣзда.

— Куда прикажете, маркиза?—спросилъ лакей, стоя у открытой дверцы экипажа.

— Въ Сень-Жермень,—отвѣтила дама:—и скорѣе!..

Экипажъ помчался.

Послѣ долгаго молчанія дама обратилась къ своей спутницѣ:

— Только бы пріѣхать намъ во-время въ Сень-Жермень, дорогая Дезэльѣ! Я не хотѣла бы сегодня вечеромъ опоздать къ игрѣ королевы... Я думаю, тамъ будетъ король?

— Безъ всякаго сомнѣнія, сударыня, потому что вы будете тамъ,— отвѣтила спутница: — одно ваше присутствіе побудитъ его величество...

— Только мое присутствіе!.. Для чего опять эта лесть, Дезэльэ?— спросила дама тономъ нѣжнаго выговора.

— Это не лесть, маркиза, я говорю совсѣмъ искренно. Если бы король не обратилъ вниманія на вашу красоту, то, по всей вѣроятности, онъ ни за что не являлся бы такъ правильно каждый вечеръ, чтобы присутствовать при отходѣ ко сну ея величества.

— Вотъ именно вы льстите, повторяю вамъ, Дезэльэ... Страсть короля къ Луизѣ Лавальеръ презираетъ еще всѣ интриги, и ничто не отвратитъ его величества отъ этой подруги, которую королева, дѣйствительно слишкомъ любезная и добрая, взяла къ себѣ только по настоянію своего августѣйшаго супруга. Нѣтъ, слышите ли вы, нѣтъ такой власти!..

— Развѣ только ваши прелести, маркиза,— отвѣтила спутница:— я это вполне объясняю себѣ. Тщетно его величество осыпаетъ въ настоящее время милостями Луизу Лавальеръ, въ воздухѣ носятся признаки, предвѣщающіе близкій конецъ этой сильной страсти. Г-жа Шуази, «опытная въ любовныхъ дѣлахъ», въ этомъ не ошибется, и съ намѣреніемъ, которое легко угадать, она хочетъ представить ко двору одну молодую дѣвушку, красота которой не смягчаетъ ея глупости... Сомнительно только, чтобы король поддался прелестямъ этой провинціальной барышни. Впрочемъ, если г-жа Шуази не достигнетъ этой цѣли, другая можетъ стремиться къ ней и достичь... Почему вамъ, сударыня, не быть этой другой? Король любитъ находиться въ вашемъ обществѣ, и развѣ тихонько не говорятъ, что онъ такъ часто посѣщаетъ свою любовницу единственно потому, чтобы видѣть васъ? Вы—изъ семьи Мортемаровъ, сударыня, потомокъ господствовавшихъ въ Лиможѣ виконтовъ. Развѣ можетъ бороться противъ вашего рода, вашихъ прелестей и обаянія какая-то Лавальеръ, не обладающая умомъ и дочь провинціального дворянина?

И спутница стала безконечно превозносить привлекательность и красоту своей госпожи, которая, мысленно унесясь къ далекимъ видѣніямъ, теперь молчала, захваченная въ ловушку этихъ искусовыхъ словъ.

Принимавшая снисходительно похвалы своей ловкой наперсницы принадлежала къ семьѣ Рошешуаровъ. Ея отецъ, маркизъ Габріэль Рошешуаръ, герцогъ де-Мортемаръ, владѣлецъ Вивона, князь де-Тонне Шаранъ, женился на Діанѣ Грансеннъ, дочери Жана де-Марсильяка, и отъ нея родились одинъ сынъ и четыре дочери.

Разоренный вслѣдствіе войны во время Фронды, герцогъ отчаивался, что не вернетъ прежняго блеска своему дому. Впрочемъ вѣрность, которую онъ во всѣ времена выказывалъ къ Ришелье (онъ

помогъ ему свергнуть Сенъ-Марса) и затѣмъ къ кардиналу Мазарини, давала ему право на придворныя почести. Такимъ образомъ, благодаря прибрѣтенному имъ высокому положенію, онъ могъ старшую дочь выдать замужъ за Клода-Леонара де-Дама, маркиза Тіанжастъ, а сына женить на богатой наслѣдницѣ, Антуанетѣ де-Мэмъ, единственной дочери Анри, владѣльца Руасси, предсѣдателя парижскаго парламента, и Мари де-ла-Валлэ Фоссе д'Эверли. Для своей второй дочери, красивой и ученой Маріи-Магдалины-Габріель де-Рошешуаръ, онъ добился аббатства Фонтерво, а что касается самой младшей, Франсуазы-Атенаисы де-Тонне-Шарантъ, то въ 1660 г. онъ представилъ ее ко двору, и она была назначена фрейлиной королевы. Красота новопріѣзжей была замѣчена тотчасъ же по ея прибытіи въ Сенъ-Жерменскій замокъ, но ея задорный и ѣдкій умъ не замедлилъ нажить многочисленныхъ враговъ среди ея подругъ. По счастью, ея примѣрная набожность ставила ее въ безопасность отъ самыхъ худшихъ злословіи.

28-го января 1663 года дѣвица де-Тонне-Шарантъ въ свою очередь вышла замужъ за дворянина стариннаго рода, Луи-Анри де-Пардэльянъ де-Гондрэнъ, маркиза Монтеспанъ, на одинъ годъ моложе ея. Молодой маркизъ былъ храбръ и уменъ, но причудливый, тщеславный и болтливый человѣкъ, обладавшій единственнымъ состояніемъ—титулочъ и замкомъ Бельгардъ, расположеннымъ, какъ орлиное гнѣздо, на вершинѣ крутой скалы Пиренеевъ.

Герцогъ де-Мортемаръ обѣщалъ за дочерью въ приданое сто пятьдесятъ тысячъ ливровъ; съ трудомъ ему удалось внести шестьдесятъ тысячъ, которыя онъ былъ принужденъ занять. Подобная сумма не могла быть достаточной, чтобы удовлетворить дорого стоящаго требованія обоихъ супруговъ.

Сознавая свою красоту, Атенаиса де-Мортемаръ, до этого времени державшаяся въ тѣни, захотѣла ослѣпить всѣхъ. Никакое празднество не давалось теперь при дворѣ безъ того, чтобы она не появлялась тамъ въ самомъ богатомъ нарядѣ, украшенная самыми рѣдкими драгоценностями. Надо сказать правду, она была такъ прекрасна, что всѣ приходили въ восторгъ отъ ея «длинныхъ бѣлокурыхъ волосъ, голубыхъ глазъ, полныхъ огня и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжности, отъ восхитительной бѣлизны цвѣта ея кожи и изящества ея талии».

Со своей стороны маркизъ Монтеспанъ не упускалъ ни одного устраиваемаго королемъ развлечения: «охоты, игръ, балетовъ, прогулокъ, слѣдовавшихъ почти ежедневно и противъ суетности которыхъ не переставалъ возставать на каедрѣ архидіаконъ Метца, аббатъ Боссюэ».

При такомъ образѣ жизни шестьдесятъ тысячъ ливровъ де-Мортемара быстро изсякли. Молодая пара, обремененная долгами и тревожимая со всѣхъ сторонъ кредиторами, чтобы поддержать эфемерный блескъ, принуждена была прибѣгать къ уловкамъ.

Постоянные несчастныя обязательства, создавшія Атенаисѣ такое непрочное существованіе, жестоко оскорбляли ея гордость и особенно возстановляли ее противъ мужа. Несмотря на это, слишкомъ гордая, чтобы выказать свою досаду, она продолжала казаться «властной, высокоумной, господствующей, насмѣшливой, съ такой граціей, которая заставляла прощать ея надменность».

Пользуясь довѣріемъ королевы Маріи-Терезы и въ то же время другъ Луизы Лавальеръ, маркиза Монтеспанъ въ своемъ бѣдственномъ положеніи казалась очарованной богатствомъ и почетомъ, окружавшими любовницу короля.

Она мечтала о нихъ днемъ и видѣла во снѣ ночью.

Ктонибудь долженъ помочь ей осуществить ея честолюбивыя мечты. У маркизы Монтеспанъ служила въ качествѣ компаньонки одна дѣвушка изъ буржуазіи, г-жа Дэээльэ, которая посредствомъ ловкой лести сумѣла заслужить благоволеніе своей госпожи и, мало-по-малу, сдѣлаться ея необходимой наперсницей, почти другомъ. Высокая, темноволосая, она была очень образованная, съ рѣдкими способностями, но кокетка, порочная, снѣдаемая любопытствомъ и завистью. Г-жа Дэээльэ скоро поняла г-жу Монтеспанъ. Ни одна изъ ея хлопотливыхъ заботъ и безпокойствъ не ускользнула отъ компаньонки. Ея умъ никогда не дремалъ, подстерегая благоприятный часъ для какойнибудь интриги, и она не переставала льстить надменности своей госпожи.

Она первая возбудила въ душѣ Атенаисы смѣлую мысль сдѣлаться фавориткой короля, вытѣснивъ Луизу Лавальеръ, а, чтобы облегчить къ этому средства, она пробудила въ душѣ потомка Мортеларовъ самыя худшіе инстинкты.

Маркиза Монтеспанъ была въ то время (въ 1666 году) во всемъ блескѣ своей красоты и казалась моложе, чѣмъ Луиза Лавальеръ, которая, однако, была на два года младше ея. Хотя она была уже матерью двоихъ дѣтей, сына и дочери, но сохранила юную грацію.

Лавальеръ добивалась совѣтовъ маркизы во всѣхъ случаяхъ, касающихся украшеній и нарядовъ, и не считала опасной замужнюю женщину, свою близкую подругу, которой она вполнѣ довѣрилась.

Поэтому маркиза Монтеспанъ, въ сопровожденіи своей вѣрной Дэээльэ еженедѣльно ѣздила въ Версаль къ легковѣрной фавориткѣ; тамъ она часто встрѣчала короля, который вскорѣ замѣтилъ «эту торжествующую красоту».

Впрочемъ, по своей привычкѣ и царедворцы посмѣшили указать королю на эту «столь умную и столь пріятную въ разговорѣ женщину».

Сама королева, часто остававшаяся одинокой, не могла болѣе обходиться безъ придворной дамы. Вечеромъ она призывала ее въ свою комнату, и Атенаиса забавляла Марію-Терезу своими разказами,

тонкими шутками, остротами и этимъ укорочивала длинные часы ожиданія. Наконецъ, когда король удостоивалъ приходить къ королевѣ, Атенаиса еще запаздывала, разговаривая и очаровывая короля какими нибудь ловкими остротами, ухитряясь представить въ смѣшномъ видѣ толпу обожателей, со дня на день увеличивавшуюся. Людовикъ сталъ замѣчать отсутствіе маркизы, когда она не являлась къ королевѣ предъ ея отходомъ ко сну, что впрочемъ случалось рѣдко.

Въ эту эпоху Луиза Лавальеръ потеряла свой нѣжный блескъ. Злые языки уже удивлялись, находя молодую женщину «такой некрасивой». Страсть короля, которую наперерывъ воспѣвало столько поэтовъ и писателей, была въ агоніи, и это ни отъ кого не ускользнуло, а отъ г-жи Дэзэльэ менѣе, чѣмъ отъ кого другого. Поэтому компаньонка не ошиблась, обративъ вниманіе своей госпожи на эти первые признаки охлажденія.

Итакъ, въ этотъ вечеръ, по дорогѣ въ Сень-Жерменъ, г-жа Дэзэльэ напомнила маркизѣ Монтеспанъ о скукѣ короля.

Наконецъ онѣ пріѣхали въ Сень-Жерменъ, и маркиза тотчасъ же возвратилась въ свои апартаменты. Многочисленныя горничныя поспѣшили разложить платья, драгоценности и дорогія кружева, а г-жа Дэзэльэ принялась одѣвать маркизу.

— О, какъ вы прекрасны, сударыня! — прошептала она, оканчивая одѣвать маркизу. — И какъ блѣднѣютъ предъ вами другія придворныя дамы!.. Ахъ, сударыня, король былъ бы безчувственнымъ, если бы устоялъ противъ столькихъ прелестей!..

— Опять, моя добрая Дэзэльэ, — нѣжно побранила ее маркиза Монтеспанъ. — Зачѣмъ возбуждать каждый моментъ эту несбыточную мечту, которая приводитъ въ отчаяніе болѣе красивыхъ, чѣмъ я?

— Болѣе красивыхъ, чѣмъ вы, сударыня? Но вы — небесное свѣтило, которое ослѣпляетъ взоръ короля! Кто же заставитъ его поблѣднѣть? Не г-жа ли Монако? Не княгиня ли д'Аркуръ? Г-жа дю-Руръ? Г-жа Лонгваль? Сама герцогиня Орлеанская? Развѣ вы не являетесь лучезарной и непреодолимой очаровательницей?.. Король, какъ вы сами прекрасно знаете, не можетъ болѣе обойтись безъ вашего присутствія, безъ вашей блестящей находчивости и безъ вашей все побѣждающей красоты... Лавальеръ также знаетъ, что каждый день похищаетъ понемногу ея могущество, и она дрожитъ предъ краснорѣчіемъ зеркала! Она предвидитъ, увѣ, что королю наскучила, и онъ скоро обратитъ свои разочарованные глаза на другую. Это будете вы, сударыня, вы, которую король встрѣтитъ на своемъ пути, и сорветъ васъ, какъ срываютъ прекрасную розу любви.

— О Дэзэльэ, Дэзэльэ! — пробормотала маркиза, раздумываясь отъ волненія: — зачѣмъ искушать меня? зачѣмъ волновать мое сердце безумными химерами?

— Химерами, которыя станут дѣйствительностью, сударыня... Никакое препятствіе не помѣшаетъ свершиться вашей судьбѣ.

— Моей судьбѣ!.. Должно ли и можно ли предсказывать будущее, Дэээльэ? Одинъ Богъ знаетъ человѣческую судьбу. Думать иначе— богохульствовать, — строго сказала маркиза Монтеспанъ.

— Нѣтъ, сударыня, — почтительно замѣтила компаньонка: — со всѣмъ это не богохульство, потому что Богъ даетъ божественный даръ проникать въ будущее небольшому количеству избранныхъ...

— По правдѣ, любопытно знать, какими средствами эти избранные, или скорѣе «математики» — какъ они заставляютъ теперь себя называть — научились разбирать то, что кажется для всѣхъ непроцеваемой тайной...

— Какими средствами, сударыня? — отвѣтила компаньонка: — но имъ достаточно замѣтить день и часъ рожденія, начертать систему, гдѣ въ данный моментъ каждая звѣзда находилась на небѣ, и согласно хорошему или дурному вліянію, ихъ виду, противостоянію, совпаденію двухъ планетъ на одной и той же части зодіака, чтобы достичь, съ помощью расчетовъ, непогрѣшимыхъ результатовъ относительно человѣческой судьбы.

Маркиза подняла голову, нисколько не убѣжденная.

— Впрочемъ допускается, — снова заговорила г-жа Дэээльэ, гордясь возможностью выказать столько знанія: — что звѣзды, господствующія при рожденіи ребенка, отпечатываютъ на его рукѣ извѣстныя линіи или очертанія, и что, согласно ихъ положенію или наружному виду въ частяхъ руки, соответствующихъ каждой изъ семи планетъ, можно узнать всѣ событія жизни этого ребенка. Равно можно рѣшить задачу неба во время рожденія ребенка посредствомъ извѣстнаго количества точекъ, которыя свойственны планетамъ и двѣнадцати знакамъ зодіака.

Г-жа Монтеспанъ становилась внимательнѣе.

— Не создалъ ли Господь, сударыня, свѣтлѣющія тѣла, и не помѣстилъ ли онъ ихъ въ небесной тверди, чтобы освѣщать землю и отдѣлять дни отъ ночи, обозначать время и времена года, дни и годы? Они — священныя книги, сообщающія намъ это великое событіе. Но такъ какъ они не говорятъ о немъ ничего болѣе, то не удивительно, что человѣкъ примѣнился узнавать количество и движеніе небесныхъ сферъ и причисленныхъ къ нимъ звѣздъ, чтобы затѣмъ, какъ естественное и необходимое слѣдствіе, онъ дошелъ до предвидѣнія всѣхъ перемѣнъ времени и даже до сужденія объ измѣненіяхъ, какія онѣ могутъ причинить всѣмъ подлуннымъ тѣламъ. Это, сударыня, наука и очень позволительная наука.

— Ахъ, — возразила улыбаясь маркиза: — если бы моя ученая сестра Фантевро была здѣсь, какъ она перевела бы вамъ это предостереженіе поэта, Впрочемъ языческаго:

Tu ne quoesieris — scire nefas — quem mihi, quem tibi

Finem Di dederint.

(Не старайся узнать—это знание намъ запрещено—какой конецъ предназначенъ богами тебѣ и мнѣ). Къ тому же, какъ добрая христіанка, и признавая законъ, данный Богомъ евреямъ, я имѣю поводъ бояться вашей темной науки. Вспомните страницу Исхода.

Г-жа Дэээльэ не смутилась.

— Развѣ я не христіанка? Ни за что на свѣтѣ я не хотѣла бы оскорбить Бога, нарушивъ его законы!—Затѣмъ она быстро прибавила:—Не возможно отрицать, однако, сударыня, эти высшія силы, которыя насъ удивляютъ. Но есть еще другая наука, болѣе возвышенная, которую знаютъ одни только патеры.

— Патеры?—перебила ее маркиза Монтеспанъ.

— Да, сударыня, патеры. Эти посвященные въ таинства благочестивые люди, находящіеся ежедневно во время обѣдненныхъ жертвоприношеній въ общеніи съ Богомъ, и которымъ дана власть производить таинство пресуществленія, владѣютъ чудесными тайнами судьбы. Это—священные посредники между чловѣческой душой и небомъ. Посредствомъ ихъ прямого общенія съ св. Духомъ они знаютъ то, что невозможно знать другимъ людямъ, а съ помощью особыхъ обрядовъ они часто вопрошаютъ другой міръ, и даже добиваются для своихъ близкихъ неоцѣненныхъ милостей: они исполняютъ всѣ ихъ желанія. Я твердо вѣрю въ душѣ и совѣсти, какъ смиренная слуга церкви, что позволительно приподнимать завѣсу будущаго. Нѣтъ, сударыня, это не грѣшно.

Маркиза Монтеспанъ, только что надѣвшая на шею ожерелье изъ трехъ рядовъ настоящаго жемчуга, стоя предъ зеркаломъ, любовалась эффекомъ, который произвелъ этотъ уборъ на ея ослѣпительной бѣлой шеѣ.

Г-жа Дэээльэ продолжала:

— Вотъ почему, сударыня, я хотѣла бы знать—настолько велика моя преданность къ вамъ—что приготовила судьба...

Маркиза Монтеспанъ обернулась къ своей наперсницѣ:

— Какъ вы осмѣлились, Дэээльэ?..

— Да, сударыня. Небо меня привело къ той, оккультическія знанія которой, согласно датѣ вашего рожденія, дозволили мнѣ провидѣть вашу чудесную судьбу.

Маркиза Монтеспанъ знала, насколько еще велико народное легковѣріе. Болѣе четырехсотъ прорицателей будущаго имѣли тогда въ Парижѣ совѣщательные кабинеты. Тѣмъ не менѣе, подстрекаемая живымъ любопытствомъ, она позабыла о зеркалѣ, въ которомъ разсматривала свой нарядъ, и насмѣшливымъ тономъ спросила:

— Неужели, Дэээльэ!.. Кто же эта искусная особа, дѣлающая такіе чудесные гороскопы?

— Ея репутація столь велика, что нельзя сомнѣваться въ ея способностяхъ.

— Но ея имя?..—настаивала маркиза Монтеспанъ.

— Ее зовутъ Катерина Дезэ.

— Катерина Дезэ! Дѣйствительно графиня Суассонъ недавно, во время поѣздки двора въ Муши, расхваливала талантъ этой женщины, этой Вуазенъ, какъ ее называютъ.

— Очень возможно, маркиза, такъ какъ я знаю, благодаря нескромности одного друга дѣтства, въ данный моментъ наставника пажей, что маркиза Суассонъ, какъ и многія другія, прибѣгала къ знаніямъ Катерины Дезэ и очень ихъ расхваливала. Въ свою очередь, и я захотѣла познакомиться съ знаменитой прорицательницей. Однажды я ее встрѣтила въ маленькомъ дачномъ домикѣ, которымъ владѣетъ мой другъ, близъ деревушки Мениль, около замка Вилльбузенъ, и мое любопытство было удовлетворено. Ахъ, сударыня, если бы вы могли повѣрить въ Катерину Дезэ!

— Я боюсь быть проклятой, Дезэльэ, — прошептала маркиза Монтеспанъ, уже колеблясь.

— Быть проклятой, сударыня!.. Дѣянія Катерины Дезэ могутъ быть лишь пріятны Богу, такъ какъ самъ Богъ далъ ей столько знаній... Кромѣ того, самые достопочтенные патеры — ея близкіе друзья; аббатъ же Гибуръ, главный патеръ графа Монгоммери, суровый аббатъ Сентъ-Амуръ, ректоръ Парижскаго университета, и аббатъ Марриетъ, патеръ Сентъ-Северина — близкій родственникъ председателя Мэмскаго суда, не считая другихъ, усердно посѣщаютъ ее.

— Очень хорошо, Дезэльэ, — перебила маркиза Монтеспанъ спокойнѣе: — подобныя сношенія всѣ въ пользу той, знакомство которой вы, повидимому, опѣниваете съ такимъ энтузіазмомъ... Но вы знаете, какъ я всегда опасалась всѣхъ составителей гороскоповъ...

— Ваше недовѣріе, сударыня, дѣйствительно можетъ быть законнымъ относительно предсказателей, размножившихся въ Парижѣ и злоупотребляющихъ наивностью людей... Но не такъ Катерина Дезэ, знаніе которой обнаруживаетъ совершенно особый даръ провидѣнія: она съ девяти лѣтъ уже дѣлала самыя необычныя предсказанія. Ежедневно масса вліятельныхъ людей стекается у нея, и когда, два года тому назадъ, она отдала отчетъ въ своемъ искусствѣ главнымъ викаріямъ и докторамъ Сорбонны, они ничего не нашли для возраженія и остались отъ нея въ восхищеніи.

— Но наконецъ что же необыкновенное разоблачила вамъ эта женщина о моей жизни... будущей?

— Ахъ, сударыня, осмѣлюсь ли я только вамъ повторить? Надо попросить, чтобы сама Катерина Дезэ описала ослѣпительныя фазы этой неподобной судьбы... Къ тому же, только ей одной принадлежитъ власть показать вамъ этотъ восходящій широкій и побѣдоносный путь, блестящую дорогу вашего существованія, въ концѣ

котораго я вижу васъ въ ореолѣ славы и восходящей по ступенямъ трона Франціи.

Послѣдовало молчаніе. Маркиза Монтеспанъ нѣсколько разъ слышала, а именно отъ графини Суассонъ, относительно этой г-жи Вуазенъ, слава о которой уже была значительна, но она знала ее только, какъ составительницу гороскоповъ.

Горячее убѣжденіе, съ какимъ г-жа Дзээльё восхваляла талантъ г-жи Вуазенъ, и умѣнье, съ какимъ она такъ быстро вызвала блестящее будущее, окончательно смутили маркизу.

Наконецъ слабымъ голосомъ она произнесла:

— Хорошо! Пусть г-жа Вуазенъ будетъ здѣсь чрезъ два дня. Я ее ожидаю въ три часа.

Г-жа Дзээльё поклонилась.

— Ваши приказанія будутъ исполнены,—отвѣтила она просто.

Въ концѣ весны того же года, въ темную ночь, чрезъ деревушку Мениль проѣхала почтовая карета и, свернувъ съ дороги, которая вела изъ Парижа въ Орлеанъ, на проселочную, она вскорѣ остановилась предъ однимъ изъ тѣхъ старинныхъ феодальныхъ зданій XIV вѣка, съ темными стѣнами, пробитыми бойницами и амбразурами и съ высокими-башнями по краямъ, зубцы которыхъ вырѣзались на фонѣ неба тонкими зубчатыми орнаментами.

Это былъ замокъ Вилльбузэнъ.

Расположенный въ полуверстѣ отъ королевской дороги, недалеко отъ Лонпона, въ Иль де-Франсѣ, онъ былъ относительно легко доступенъ. Однако его глубокіе рвы, наполненные водою, и прочность стѣнъ дѣлали изъ него настоящую крѣпость, надежное убѣжище преемникамъ феодальныхъ владѣтелей, которые придумали эту тяжелую архитектуру.

Это неприступное жилище принадлежало тогда графу Франсуа Монгоммери, предокъ котораго, несчастный герой турнира 1559 г., спустя два года послѣ Варооломеевской ночи, былъ обезглавленъ. Чрезъ свой бракъ съ Маріей-Луизой де-Бриссонъ, владѣлицей Вилльбузэна, предки которой владѣли этимъ замкомъ уже давно, графъ Франсуа Монгоммери, въ свою очередь, сдѣлался его владѣльцемъ. Слишкомъ большой искатель приключеній для того, чтобы жить въ такомъ одиночествѣ, онъ покинулъ замокъ въ 1664 году, и Вилльбузэнъ остался необитаемъ.

Три женщины, изъ которыхъ одна была замаскирована, вышли изъ экипажа. При свѣтѣ мерцающаго факела онѣ направились къ подъемному мосту, который по условному знаку опустился. Та изъ женщинъ, которая освѣщала путь нѣсколько шаговъ впереди своихъ спутницъ, замѣтила подходящаго къ нимъ человѣка высокаго роста, закутаннаго въ широкій плащъ.

— Да, это точно мы, дорогой аббатъ,—сказала она, узнавъ его.— Вамъ нечего бояться измѣны... Все ли готово?

— Все,—отвѣтила неизвѣстная личность и тихимъ голосомъ прибавила:

— Ни въ чемъ нѣтъ недостатка! Я могъ раздобыться ребенкомъ для тайнства и восковыми свѣчами... Вы видите, я слѣдовалъ вашимъ инструкціямъ... У меня есть такъ же два голубиныхъ сердца, которыя вы у меня просили.

— Прекрасно,—отвѣтила женщина.— Возьмите факель и проводите насъ.

Затѣмъ, обратившись къ обѣимъ женщинамъ, она сказала:

— Не угодно ли слѣдовать за нами, сударыни, г-нъ аббатъ проводить насъ.

Подъ впечатлѣніемъ, безъ сомнѣнія, темноты и безмолвія обѣ женщины, казалось, колебались... Та, которая обратилась къ нимъ, снова заговорила.

— Не бойтесь ничего... Небо покровительствуетъ тѣмъ, кто довѣряетъ мнѣ... Пойдемте... часъ благопріятенъ для тайнствъ...

Подъемный мостъ опять поднялся. Пройдя обширный дворъ, они проникли въ часовню замка. Вскорѣ раздался звукъ колокольчика, послышалось монотонное пѣніе, сопровождаемое молитвами и отвѣтами, затѣмъ продолжительный жалобный крикъ нарушилъ ночную тишину... Затѣмъ снова все успокоилось... И въ это уединенное мѣсто болѣе не проникалъ другой шумъ, какъ только шелестъ деревьевъ, порою качающихся отъ вѣтра...

I.

Въ маѣ 1678 лѣта отъ Р. X. при заходѣ солнца изъ Сенъ-Жермена выѣхалъ верхомъ дворянинъ и медленно сталъ спускаться вдоль косогора королевской дороги, ведущей въ Парижъ.

Беззаботный, съ развѣвавшимся плащемъ, чрезмѣрнымъ перомъ на шляпѣ, онъ отдался убаюкиванью спокойной рыси своего коня.

Онъ только что переѣхалъ мостъ невдалекѣ отъ Пэка. На порогахъ хижинъ, усыпавшихъ дорогу, стояли дѣвушки, подперевъ кулаками бока, и смотрѣли на него съ наивнымъ удивленіемъ. Долго онѣ слѣдили глазами за красивымъ всадникомъ съ нѣжнымъ и гордымъ лицомъ.

Безконечное спокойствіе разливалось теперь на долину; на горизонтѣ медленный туманъ растушевывалъ косогоры, окружалъ, какъ ореоломъ, лѣсъ своей голубоватой перевязью; большія придорожныя деревья вяло склонялись подъ вечернимъ вѣтеркомъ.

Всадникъ беззаботно направлялся къ большому городу. Такимъ образомъ онъ проѣхалъ съ полъ-версты; внезапно глухой шумъ,

какъ бы раскатъ отдаленнаго и продолжавшагося грома, нарушилъ тишину сумерекъ. Приподнявшись на стременахъ, всадникъ осмотрѣлъ горизонтъ, тонувшій въ тѣни. Шумъ возросъ и казался совсѣмъ близкимъ. Испуганная лошадь поднялась на дыбы и отказывалась двигаться впередъ. Всадникъ соскочилъ съ сѣдла и, потянувъ за поводья, хотѣлъ ее обуздать.

Вдругъ, на поворотѣ дороги, поднимая облака пыли и съ страшнымъ шумомъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ показалась карета, запряженная четырьмя сильными лошадьми, которыя неслись бѣшено, закусивъ удила. Форейторъ, выбитый изъ сѣдла, только что упалъ; сидѣвшій на козлахъ кучеръ обезсилѣлъ, тщетно стараясь остановить взмыленныхъ лошадей. Наклонившись надъ полуоткрытой дверцей, двѣ женщины, съ выраженіемъ смертельнаго ужаса на лицѣ и готовые выброситься на шоссе, раздирающимъ голосомъ призывали на помощь.

Видя это, всадникъ болѣе не колебался. Онъ бросился, не обращая вниманія на своего коня, и однимъ прыжкомъ схватилъ за поздри переднихъ лошадей, которыя отъ неожиданности круто попятились и упали въ оврагъ, увлекая съ собою смѣлаго незнакомца.

Толчекъ былъ столь неожиданный, и лакеевъ такъ сильно трянуло, что они отказались отъ дальнѣйшей попытки удержаться и вскрикнувъ скатились на мостовую.

Густой туманъ разсѣялся, небо зажгло свои первыя звѣзды, освѣтивъ скорбное зрѣлище.

Лошади бились невыразимо, перепутавшись въ остаткахъ упряжи, съ разодранными колѣнами и окровавленнымъ ртомъ. Ось кареты была сломана и висѣла на одномъ изъ колесъ, наполовину оторванномъ.

Цѣлыя и невредимыя путницы, но совершенно блѣдныя, съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами, были неспособны понять, что произошло.

Лакеи и форейторъ, отдѣлавшіеся нѣсколькими незначительными ранами, уже съ трудомъ поднимались... Кучеръ, несмотря на толчекъ, удержался на козлахъ; онъ наскоро соскочилъ и поспѣшилъ къ двумъ женщинамъ, которымъ помогъ выйти изъ кареты.

— Благодаря небу, вы, маркиза, не ранены,—сказалъ онъ.— Это настоящее чудо... Но пощаженъ ли этотъ молодой человѣкъ?

И съ этими словами онъ поспѣшилъ ко рву, гдѣ, потерявшій сознание всадникъ, лежалъ съ окровавленнымъ лицомъ и въ разодранной одеждѣ. Его руки, казалось, сжались въ послѣднемъ усиліи.

— Молодой человѣкъ?—спросила дама, слѣдуя за кучеромъ.

— Да, маркиза, этотъ молодой человѣкъ,—отвѣтилъ онъ, указывая на безчувственное тѣло.—Мы ему обязаны спасеніемъ отъ смерти, почти навѣрной... Онъ бросился на переднихъ лошадей, и, можетъ быть, его преданность стоила ему жизни.

— Ахъ, несчастный!—воскликнула совѣмъ растроганная дама.— Богъ дастъ, еще не поздно помочь раненому...

Тотчасъ же она приказала своимъ людямъ перенести всадника на газонъ откоса. Когда ея приказъ былъ исполненъ, то она опустилась на колѣни, затѣмъ положила свою бѣлую руку на грудь раненаго.

— Онъ живъ, — воскликнула она. — Сердце бьется!.. Но какъ быть, Боже мой! Какъ быть, чтобы позаботиться о немъ здѣсь на большой дорогѣ? У насъ даже нѣтъ флакона съ нюхательной солью!

— Дѣйствительно, маркиза, невозможно оказать какую нибудь помощь молодому человѣку въ этой мѣстности, — сказала компаньонка, присоединившаяся къ маркизѣ.—Но совѣмъ близко отсюда находится гостепріимный сельскій домъ. Ваши слуги легко донесутъ туда раненаго, а въ это время фореиторъ можетъ отправиться въ замокъ и привезти оттуда дежурнаго хирурга.

— Домъ?

— Да, маркиза... домъ, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, намъ окажутъ прекрасный пріемъ.

И, склонившись къ уху своей госпожи, компаньонка прошептала нѣсколько словъ.

— Ахъ, правда, я объ этомъ не подумала! Слѣдуйте за нами, Лафлёръ, Жасмэнъ. Что касается васъ, Лабри, вы сейчасъ же отправитесь въ Сенъ-Жерменъ и попросите г-на Феликса, хирурга его величества, немедленно явиться сюда. Вы ему скажите, что я велѣла его позвать.

Слуги съ предосторожностью взяли больнаго и, предшествуемые путницами, направились къ маленькому домику, окруженному стѣною, затянutoю плющемъ.

Дама и ея компаньонка скоро достигли главнаго входа. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ молотка онѣ услышали смутный шумъ разговора и приближавшихся шаговъ.

— Кто тамъ? — спросилъ наконецъ женскій голосъ.

Тогда компаньонка произнесла, какъ можно тише:

— Отворите, отворите скорѣе! Маркиза со мною.

Позади двери раздалось восклицаніе удивленія...

— Скорѣе, Лезажъ, Романи... Отворите...

Заскрежетала задвижка, и дверныя створы повернулись на своихъ петляхъ.

Тогда появилась освѣщенная факеломъ хозяйка дома между двумя мужчинами, которыхъ только что звала.

Она принялась было разсыпаться въ привѣтствіяхъ, но была остановлена произнесенными въ полголоса словами:

— Безполезно! Прикиньтесь, что вы не знаете ни меня, ни моей компаньонки. За мною слѣдуютъ люди, и лучше было бы, чтобы они ничего не знали.

Хозяйка дома взяла факель изъ рукъ своихъ спутниковъ, и по ея знаку они тихонько удалились.

Почти въ тотъ же моментъ принесли слуги раненаго.

Та, которую ея люди называли на дорогѣ маркизой, громко принесла:

— Простите, сударыня, что посторонніе люди нарушили вашъ покой въ такой часъ... Но жизнь человѣка зависитъ отъ гостепріимства, котораго я прошу у васъ.

И въ нѣсколькихъ словахъ она рассказала о происшедшемъ.

— Вашъ домъ былъ такъ близко, — прибавила она: — и я не поколебалась попросить у васъ помощи и содѣйствія...

— Отъ всего сердца, сударыня, и я глубоко признательна вамъ, что вы подумали обо мнѣ въ такомъ печальномъ и несчастномъ случаѣ.

Затѣмъ, обернувшись къ слугамъ, хозяйка просила ихъ слѣдовать за нею...

Все поднялись по ступенькамъ широкаго крыльца, составлявшаго террасу, гдѣ сидѣла на скамьѣ молодая дѣвушка. Она встала при видѣ незнакомокъ и привѣтствовала ихъ граціознымъ поклономъ.

Здѣсь, на этой террасѣ, передъ тѣмъ какъ раздалися стуки въ дверь, привѣтливая хозяйка и ея два друга засидѣлись среди теплой весенней ночи, усѣянной звѣздами, счастливые, что вдыхаютъ предъ цвѣтникомъ, тонувшимъ въ лунномъ, свѣтѣ запахъ первыхъ цвѣтовъ.

Хозяйка дома проводила гостей въ комнату перваго этажа, и слуги положили раненаго на кровать подъ балдахиномъ.

— Я послала за хирургомъ и думаю, что онъ не замедлитъ, — сказала маркиза.

— Такъ какъ у меня есть нѣсколько средствъ, то въ ожиданіи я могу попытаться привести въ себя молодого человѣка. Маргарита, — прибавила она, обращаясь къ молодой дѣвущкѣ, присоединившейся къ неожиданнымъ посѣтителямъ: — сходи, пожалуйста, въ мой кабинетъ и принеси ларецъ.

Молодая дѣвушка вскорѣ возвратилась съ маленькимъ ящикомъ, наполненнымъ различныхъ размѣровъ флаконами.

Омывъ тщательно окровавленное лицо раненаго, хозяйка дома смочила ему губы нѣсколькими каплями красноватой жидкости.

Черезъ полчаса онъ открылъ глаза.

— Гдѣ я? — пробормоталъ онъ съ удивленіемъ, оглядывая окружающихъ его лицъ. — Что же случилось?..

Благородная путница, охваченная сильнымъ волненіемъ, долго разглядывала того, кто спасъ ей жизнь, и, приблизясь, нѣжно взяла его за руку.

— Благодарю, сударь, благодарю... Вы вели себя, какъ герой. Ваше имя?

Ослѣпленный красотою своей собесѣдницы, молодой человѣкъ совсѣмъ смутился и, немного приподнявъ голову, застѣнчиво сказалъ:

— Я — кавалеръ Оливье де-Люссакъ, вашъ покорный слуга.

— Король, сударь, сумѣетъ отблагодарить васъ, какъ слѣдуетъ, за ваше мужество...

— Король?

— Да, сударь, король. Вы спасли жизнь маркизѣ Монтеспанъ... и королю слѣдуетъ вознаградить этотъ актъ самоотверженія.

Глубоко взволнованный Оливье, поборовъ страданія, принимаемыя ранами, пробормоталъ:

— Повѣрьте, сударыня, ничто не можетъ сравняться съ удовлетвореніемъ исполненнаго долга.

Въ этотъ моментъ вошелъ въ комнату хирургъ короля, Феликсъ.

Поздоровавшись съ маркизой, онъ приблизился къ постели и приступилъ къ подробному осмотру раненаго. Маркиза Монтеспанъ съ безпокойствомъ ожидала его приговора. Она испытала что-то въ родѣ облегченія, когда наконецъ хирургъ объявилъ:

— Этотъ молодой человѣкъ, конечно, перенесъ серіозное паденіе, но у него нѣтъ никакого перелома. И очень возможно, что, благодаря его здоровому сложенію, онъ вскорѣ будетъ внѣ опасности. Во всякомъ случаѣ ему необходимъ безусловный покой и самый внимательный уходъ.

— За этимъ дворяниномъ будутъ ухаживать, какъ слѣдуетъ, сударь, — сказала въ свою очередь хозяйка дома: — я оставлю его у себя до полного выздоровленія. Мой домъ будетъ его домомъ. Я сдѣлаю всѣ усилія, чтобы смягчить суровость плѣна у г-жи Вуазенъ.

— Г-жа Вуазенъ?

— Да, это — я, сударь.

— Безъ сомнѣнія, вы живете въ Сенъ-Жерменъ, сударыня? — спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, сударь. Мое обычное мѣстожителство въ Парижѣ, въ Вилль-Невъ... Но для здоровья моей дочери я должна была купить этотъ въ чистомъ полѣ домъ, куда я сама иногда удаляюсь.

— При имени этого новаго парижскаго квартала Феликсъ не могъ сдержать жеста удивленія.

— Вилль-Невъ! — воскликнулъ онъ. — Какъ, это вы — та самая г-жа Вуазенъ?! Вашъ талантъ, сударыня, сдѣлалъ васъ очень извѣстной.

— Правда? Слишкомъ много чести для меня быть оцѣненной такимъ достойнымъ уваженія человѣкомъ, какъ вы.

— Я могу только преклониться предъ истиной, и я убѣжденъ, что никто лучше васъ не сумѣетъ помочь мнѣ ухаживать за этимъ дворяниномъ...

Затѣмъ, обратившись къ маркизѣ Монтеспанъ, онъ сказалъ:

— Маркиза, моя карета къ вашимъ услугамъ, чтобы возвратиться въ замокъ. Мои слуги возвратятся за мною.

Въ 1678 г. дворецъ находился еще въ Сень-Жерменѣ. Въ Версаль, оживленномъ цѣлой трудолюбивой арміей рабочихъ, тогда оканчивали тотъ чудный дворецъ, гдѣ, четыре года спустя, король окончательно поселился.

Маркиза Монтеспанъ поблагодарила его жестомъ и, приблизившись къ г-жѣ Вуазенъ, протянула ей обѣ руки.

— Я никогда не забуду вашей доброй услуги, сударыня. Я оставляю подъ вашимъ надзоромъ кавалера де-Люссака. Я буду присылать ежедневно къ вамъ за извѣстіями о немъ и, если надо, приѣду сама. Еще разъ благодарю.

Въ послѣдній разъ она окинула раненаго взглядомъ нѣжнаго состраданія и, сопровождаемая своею компаньонкой, направилась по дорогѣ въ Сень-Жерменъ.

. . . . .

II.

Итакъ, предвидѣніе г-жи Дезэльэ исполнилось. Съ конца 1666 года, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ ночного визита въ замокъ Вилльбузэнъ, маркиза Монтеспанъ сдѣлалась любовницей короля.

Въ 1667 году король выказалъ пренебрежительную холодность при извѣстии, что Луиза Лавальеръ только что ему подарила послѣдняго ребенка. Нѣжная и вѣрная подруга уже давно отжила въ сердцѣ Людовика. Маркиза Монтеспанъ торжествовала. Она сдѣлалась матерью въ 1669 году. Августѣйшій любовникъ съ порывомъ радости принялъ извѣстіе о новорожденномъ сынѣ любви, котораго сдѣлалъ герцогомъ Мэнскимъ.

Между тѣмъ молодой маркизъ Монтеспанъ, казалось, мало былъ расположенъ къ дѣлежу съ Юпитеромъ и ни за что не хотѣлъ принимать, какъ дѣлали многіе, выгоды такой скандальной связи.

Онъ сталъ жаловаться прямо королю, «приводя ему тысячу текстовъ изъ священнаго писанія, между прочимъ изъ Давида. Наконецъ наговорилъ ему много всего, чтобы обязать короля возвратить жену и побояться Божьяго суда».

Король, несмотря на свое могущество, опасался, чтобы оскорбленный мужъ не явился въ одинъ прекрасный день требовать сына, котораго монархъ имѣлъ отъ своей любовницы.

Чтобы избѣжать скандала, который могъ скомпрометировать королевское величество, Людовикъ приказалъ подать въ Шатлэ прошеніе о разводѣ отъ имени маркизы Монтеспанъ.

7-го іюля 1674 года генеральный прокуроръ Ашиль-де-Арлэ, въ присутствіи шести судей, благосклонно принялъ эту просьбу. Рѣшеніе суда основывалось на расточительности маркизомъ Монтес-

паномъ общаго состоянія, несогласіи между супругами и дурномъ обращеніи со стороны мужа, на которое жаловалась маркиза.

Такимъ образомъ, маркиза Монтеспанъ видѣла, что всѣ ея надежды исполнились. Она была теперь свободна, свободна отъ всѣхъ препятствій, такъ какъ со своей стороны Луиза Лавальеръ не хотѣла оспаривать долге сердца Людовика.

20-го апрѣля 1674 года покорная и нѣжная герцогиня, сопровождаемая дѣтьми, сѣла въ карету, которая отвезла ее въ кармелитскій монастырь въ предмѣстьѣ Сень-Жакъ. Отказавшись отъ суетной славы двора и отъ любви, которую она посвятила королю, Луиза съ этихъ поръ стала называться въ продолженіе тридцати шести лѣтъ сестрою Луизой Милосердія.

Маркизъ Монтеспанъ послѣ рѣшенія угодливыхъ судей придумалъ оригинальную мезь. Онъ еще помнилъ—среди столькихъ оскорбительныхъ остротъ, которыя безпощадно отпускала на его счетъ та, которая была его женою—насмѣшливыя слова: «Онъ здѣсь, какъ придворный сказочникъ. Мнѣ стыдно, что мой попугай и онъ забавляютъ сволочь».

Поэтому покинутый мужъ порвалъ такимъ образомъ съ прошедшимъ: онъ официально объявилъ о смерти жены, и по его приказанію похороны маркизы Монтеспанъ были пышно справлены. Это было очень забавно: мужъ, носящій трауръ по умершей, которая блестяла теперь въ лучезарной славѣ двора.

Вся знать, литераторы и артисты, считая и знаменитыхъ людей, спѣшили въ салоны маркизы. Въ самомъ дѣлѣ никогда фаворитка не была такъ польщена и окружена столькими почестями.

Ея семья тоже была осыпана милостями: ея отецъ сдѣлался губернаторомъ Парижа, а братъ Вивонъ—начальникомъ королевскихъ галерей.

Впрочемъ все это счастье не обошлось безъ грозы.

Чтобы удержаться, маркиза Монтеспанъ должна была упорствовать противъ многочисленныхъ непріятелей: министры, патеры, съ Боссюэ во главѣ, наносили ей удары, а «придворныя дамы все время старались похитить у нея сердце короля, обладанію которымъ онѣ завидовали».

Уже въ 1673 году послѣдовалъ разрывъ, который, впрочемъ, былъ кратковременнымъ: король, покинувъ свою любовницу въ Куртрэ, бросился въ Сень-Жерменъ къ королевѣ, сблизился съ нею и не покидалъ ея въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но страсть отвлекла его отъ супружескихъ обязанностей, и онъ вскорѣ возвратился къ Атенаисѣ.

Два года спустя, въ 1675 году, неожиданное событіе еще нарушило видимое спокойствіе этой любви.

Въ великій четвергъ маркиза Монтеспанъ отправилась на исповѣдь къ версальскому викарію, и патеръ, на ея отказъ отречься отъ своего грѣха, не далъ ей разрѣшенія грѣховъ.

Взбѣшенная маркиза Монтеспанъ пожаловалась версальскому патеру, который одобрилъ поступокъ своего викарія и защищалъ его съ Боссюэ предъ королемъ. Они такъ хорошо это исполнили, что король подчинился ихъ совѣту и, чтобы подтвердить свое намѣреніе порвать окончательно съ маркизой Монтеспанъ, тотчасъ же отправился въ армію.

Маркиза Монтеспанъ должна была удалиться въ Парижъ, который былъ ей назначенъ, какъ мѣсто изгнанія. Каждый вечеръ Боссюэ, — котораго она сначала осыпала упреками, обвиняя прелата въ своемъ изгнаніи, чтобы одному господствовать надъ умомъ короля, — приходилъ ее уговаривать не сходить съ пути долга. Аテナиса, побѣжденная краснорѣчивыми и набожными словами, казалось, рѣшилась разстаться навсегда со скандальной жизнью и попробовала вполне раскаяться.

Тогда по совѣту де-Кондома, который былъ счастливъ отъ такого сокрушенія сердца, маркиза Монтеспанъ стала домогаться и добилась своего возвращенія въ Кланьи, въ то предмѣстье Версаля, гдѣ монархъ выстроилъ для нея по плану Мансара превосходную резиденцію, окруженную великолѣпными и обширными садами. Королева Марія-Тереза, совершенно успокоенная, согласилась позабыть всю свою злобу, а, чтобы болѣе огласить это примиреніе, она сдѣлала честь Аテナисѣ своими ежедневными посѣщеніями.

На этотъ разъ разрывъ казался окончательнымъ, и, желая разубѣдить невѣрующихъ, Людовикъ, по возвращеніи изъ арміи, хотѣлъ въ послѣдній разъ увидѣть свою любовницу въ присутствіи г. Монтозье и герцогини Ришельё. Такимъ образомъ, оцѣнивъ холодность его новыхъ чувствъ, они должны были бы признать дѣйствительною его готовность разстаться съ маркизой. Итакъ, свиданіе было устроено у маркизы Монтеспанъ; оба любовника удалились въ амбразуру окна.

Но эта снова близкая къ нему надменная красота, волнующія воспоминанія о слишкомъ восхитительныхъ часахъ, очаровательный и нѣжный голосъ понемногу смутили короля, и его неожиданная сила воли ослабла.

Онъ не могъ устоять противъ сладострастнаго прошлаго, появившагося, какъ искушитель. Онъ повиновался этой изящной притягательной силѣ и послушно склонился предъ могущественной тираніей тѣла, пробормотавъ нѣсколько страстныхъ словъ. Затѣмъ послѣ глубокаго поклона своимъ ошеломленнымъ надсмотрщикамъ, Людовикъ и Аテナиса прошли въ сосѣднюю спальню.

Король былъ вновь завоеванъ.

Недолго маркиза Монтеспанъ наслаждалась плодами этой новой побѣды. Ея неосторожность относительно любовныхъ напитковъ едва не испортила всего, и монархъ болѣе пылкій, чѣмъ

когда либо, запутался въ многочисленныхъ интригахъ, которыхъ онъ даже не скрывалъ. На этотъ разъ всѣ думали, что наконецъ звѣзда фаворитки поблѣднѣетъ... Всѣ—кромѣ Ментенонъ, которая писала: «Король твердъ, но маркиза Монтеспанъ очень интересна, когда плачетъ». И среди шествія красивыхъ женщинъ, которыя повсюду сопровождали короля и были всегда готовы по одному знаку удовлетворить его капризы, онъ выбиралъ послѣдовательно принцессу Субизъ, г-жу Лувињи, дѣвицу Рошфоръ-Теобонъ, г-жу Лудръ и еще другихъ, которыя лишь появлялись, исчезали, вновь появлялись въ его сердцѣ и на кровати...

Если Атенаиса могла буквально презирать этихъ эфемерныхъ соперницъ, то она боялась всего со стороны одного мужчины и одной женщины, нѣжно и льстиво предупредительныхъ.

Этотъ мужчина былъ министръ Лувуа, а женщина—Франсуаза д'Обиньи, вдова поэта Скаррона.

Франсуаза д'Обиньи проскользнула ко двору и добилаь должности воспитательницы маленькаго герцога Мэнскаго, перваго сына Людовика XIV отъ маркизы Монтеспанъ. Своимъ очарованіемъ, умомъ и видимой добродѣтелью она вдохновила королю почтительное расположеніе къ себѣ. Очень набожная или, по крайней мѣрѣ, притворявшаяся такою, она часто вела разговоръ съ королемъ на религіозныя и назидательныя темы, въ которыхъ она восхваляла сердечное спокойствіе, доброту Провидѣнія и тщету человѣческихъ вождѣлѣній. Людовикъ слушалъ ее съ удовольствіемъ и подчинился вліянію ея плѣнительныхъ и убѣдительныхъ словъ.

Увѣренная во власти своей красоты и ума, маркиза Монтеспанъ не могла рѣшиться считать, какъ соперницу, воспитательницу, въ которой она видѣла лишь скучную и болтливую святошу.

Какъ Атенаису, такъ и эту святошу снѣдало честолюбіе, и вскорѣ оно родило въ сердцѣ короля страсть, которая, хотя была уравновѣшеннѣе другихъ, тѣмъ не менѣе должна была привести Франсуазу д'Обиньи къ браку, столь долго желаемому дочерью маркиза Мортемара.

Ловкая политика Франсуазы д'Обиньи обезпечивала ее поддержкой Лувуа.

За нѣсколько времени до того Кольберъ, товарищъ по службѣ и соперникъ Лувуа, выдалъ замужъ свою третью дочь за герцога Мортемара, племянника маркизы Монтеспанъ, и сдѣлался, такимъ образомъ, ея другомъ и союзникомъ.

Но Лувуа ненавидѣлъ Кольбера. Ревнуя всѣхъ, кто могъ навести тѣнь на его вліяніе и авторитетъ, онъ пользовался каждымъ днемъ расположеніемъ короля, чтобы уничтожить вліяніе той, которую онъ считалъ помѣхой своимъ смѣлымъ замысламъ.

Атенаиса хорошо понимала, что ей надо всего бояться отъ этой нѣмой войны. До тѣхъ поръ она умѣла сохранять милость короля.

Теперь же, когда она достигла апогея своего счастья и мысленно подымалась по ступенямъ своей славы, въ ея душѣ родилось опасеніе. Ее окружало столько ненависти, столько враговъ желали ея гибели, что теперь она стала бояться непоправимаго паденія, послѣ того какъ вкусила высшую радость возвышенія.

Среди этихъ сомнѣній и безпокойствъ, при возвращеніи изъ Парижа отъ невѣстки, жены маршала Вивонъ, съ нею случилось неожиданное приключеніе, въ которомъ она была обязана спасеніемъ жизни случайно встрѣтившемуся на дорогѣ отважному, молодому и красивому кавалеру Оливье де-Люссакъ. . . . .

Благодаря заботамъ г-жи Вуазенъ, кавалеръ Люссакъ, хотя медленно, но поправлялся.

Ежедневно мать и дочь сидѣли около постели выздоравливавшего, которому очень нравились ихъ разговоры.

Въ началѣ великодушная хозяйка нѣсколько его удивляла. По обыкновенію спокойная и любезная, она иногда выказывала такую раздражительность, что даже увѣщеванія и улыбка ея дочери не могли ее успокоить.

Эти внезапныя перемены настроенія, казалось, совпадали съ посѣщеніями двухъ личностей, которыя разъ въ недѣлю оставались долгіе часы съ г-жею Вуазенъ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, подъ спальней Оливье.

Тогда онъ слышалъ смутный шумъ разговора и ясный звонъ металла; затѣмъ внезапно раздавались ругательства, и жестокіе споры, въ которыхъ слышался рѣзкій голосъ дамы.

Наконецъ по песку аллеи слышались шаги, дверь входа съ шумомъ захлопывалась, и г-жа Вуазенъ, поддерживаемая дочерью, старавшейся ее успокоить, возвращалась красная, съ блестящими глазами, бормоча гнѣвные слова.

Несмотря на это, Оливье соединялъ воедино свою благодарность какъ къ г-жѣ Вуазенъ, такъ и къ ея дочери, которыя окружали его ревностнымъ попеченіемъ.

Маргарита провела все свое дѣтство въ одномъ изъ монастырей Сентъ-Жермена, у сестеръ ордена св. Урсулы. Она жила съ матерью только недавно.

Г-жа Вуазенъ хотѣла дать воспитаніе принцессы этому бѣлокурому, хрупкому ребенку, крестной матерью котораго была дама высшаго общества, герцогиня Рошъ-Гійонъ. Впослѣдствіи, имѣя, какъ говорилъ Мольеръ, «des couleurs de toutes choses», воспитанная и образованная, она присоединяла къ природной прелести своей особы обаяніе, заключавшееся въ умѣннѣ вставить словечко во всѣ разговоры.

По причинамъ, лично ея касающимся, г-жа Вуазенъ отказала оставить у себя Маргариту въ Парижѣ. Подъ надзоромъ старой

служанки она поселила дочь близъ Сень-Жермена, въ этомъ сельскомъ домѣ, который она съ этой цѣлью купила, и гдѣ сама иногда проводила нѣсколько дней въ хорошее время года.

Маргарита часто спрашивала мать о причинѣ этого отдаленія.

— Это воля твоего отца...— неизмѣнно отвѣчала г-жа Вуазень.

Ея отца!—думала дѣвушка. Но она его видѣла такъ рѣдко, занятія обязывали отца отправляться въ длинныя путешествія.

Съ упрямствомъ ребенка и женщины молодая дѣвушка безпрестанно возобновляла попытку. Тогда г-жа Вуазень хмурила брови, и, чтобы не огорчать матери, Маргарита умолкала. Съ минуты она предавалась мечтаніямъ, затѣмъ беззаботно снова вела мирную жизнь. Когда на синемъ небѣ сіяло солнце, она блуждала въ далекихъ прогулкахъ, счастливая, что можетъ вдыхать чистый воздухъ и послушать пѣніе птицъ.

Она привыкла собирать по дорогѣ самые прекрасные цвѣты. Она размѣщала ихъ согласно времени года: розы—съ бѣлыми боярышниками; ландыши цвѣта слоновой кости—съ синими барвинками; нѣжные цвѣта подсѣжниковъ—съ блѣдными незабудками, разрисованными золотыми точками; желтый прись—съ мальвою, хранившей въ своемъ вѣнчикѣ меланхолическую тайну воды. Ея комнатку всегда украшалъ букетъ. Тамъ она цѣлыми часами читала, вышивала яркими шелками химерическіе лепестки, пѣла подъ акомпанементъ арфы, играла на шпинетѣ, изящно украшенномъ живописью, изображавшей въ нѣжной позѣ пастушковъ, ухаживающихъ за восхитительными пастушками.

Присутствіе Оливье прервало эти пріятныя занятія, и время, предназначенное прежде на веселыя прогулки въ полѣ, протекало теперь возлѣ больного.

Со своей стороны маркиза Монтеспанъ сдержала слово. Во время болѣзни Оливье она оставалась у постели больного, переживая не извѣданное ею очарованіе отъ этихъ продолжительныхъ свиданій наединѣ. Люссакъ изливалъ предъ ней все, что переполняло его душу, и высказывалъ свои честолюбивыя стремленія и надежды.

Такъ однажды онъ рассказывалъ ей о своей юности, протекшей въ родительскомъ домѣ—въ старомъ замкѣ, въ глуши Пуату, въ мирномъ и спокойномъ убѣжищѣ, гдѣ ему исполнился двадцатый годъ.

Его исторія, похожая на исторію многихъ дворянъ его лѣтъ, не поразила маркизы Монтеспанъ.

Воодушевленный высокими подвигами королевской арміи, онъ нетерпѣливо желалъ также служить своей странѣ и захотѣлъ уѣхать.

Старый баронъ Люссакъ узналъ объ этомъ рѣшеніи безъ изумленія и гнѣва. Жизнь дворянина принадлежала королю. Одна лишь баронесса, нѣжная и богомольная женщина, огорчалась близкимъ отъѣздомъ любимаго сына.

Но слезы матери не могли поколебать рѣшенія Оливье.

— Такъ какъ ты спѣшишь служить королю, дорогое дитя,—сказалъ баронъ:—ступай и постарайся покрыть себя славой. Помни, что наше имя—доблестныхъ рыцарей, которые никогда не забывали своего прекраснаго девиза: «Usque ad funera fidus». Ты выѣдешь завтра на разсвѣтъ. Вотъ моя шпага. Возьми ее.

На другой день утромъ, когда наступилъ часъ отъѣзда, Оливье преклонилъ колѣно подѣ благословеніе отца, въ то время какъ мать, понутивъ голову, молча плакала.

— Мой сынъ,—сказалъ старый баронъ, когда Оливье поднялся:—вотъ два письма: одно къ старому патеру, моему другу, аббату Гибуру, который живетъ въ улицѣ Жанъ-Тисонъ, въ Парижѣ, гдѣ онъ причисленъ къ приходу св. Евстаѳа. Онъ приметъ тебя наилучшимъ образомъ, и я увѣренъ, что ты въ немъ найдешь содѣтъ и поддержку... Другое письмо къ Дюфренуа, первому чиновнику маркиза Лувуа, канцелярія котораго находится въ Сень-Жерменѣ. Когда-то я оказалъ ему услугу, и онъ много разъ предлагалъ мнѣ быть тебѣ полезнымъ.

Такимъ образомъ Оливье съ тяжелымъ сердцемъ уѣхалъ изъ дома. Онъ еще чувствовалъ на своемъ лбу жаръ отъ упавшей, какъ рѣдкій подарокъ, слезы вмѣстѣ съ отцовскимъ прощальнымъ поцѣлуемъ.

— Я возвращался отъ г. Дюфренуа,—сказалъ онъ, окончивъ свой короткій разсказъ:—чтобы отправиться въ Парижъ для врученія моего второго письма аббату, когда на Сень-Жерменской дорогѣ...

— Увы! кавалеръ,—прошептала маркиза Монтеспанъ, вспомнивъ о его отважномъ поступкѣ:—я всегда буду сильно сожалѣть, что была причиной такого важнаго несчастія.

— Сожалѣть, сударыня? Зачѣмъ? Развѣ не ему я обязанъ честью и счастьемъ видѣть васъ здѣсь возлѣ меня?

Взволнованная маркиза Монтеспанъ отвѣтила привѣтливой улыбкой.

Вдругъ она вспомнила о г-жѣ Дюфренуа, которая, благодаря протекціи Лувуа, потому что была его любовницей, получила званіе «постельничей» королевы,—должность и почетное званіе, созданное нарочно для нея: У нея былъ братъ, Даморезанъ, военный комиссаръ въ Пиньеролѣ, и сестра, вышедшая замужъ за Сень-Марса, въ то время подпоручика мушкетеровъ.

Маркиза Монтеспанъ удивилась, открывъ въ себѣ чувство ревности къ г-жѣ Дюфренуа, недалеко, но очень красивой женщинѣ. Можетъ быть, Люссакъ также могъ не избѣжать непреодолимыхъ прелестей жены перваго чиновника, какъ нѣкогда пессимистъ Рошфуко, авторъ «Maximes», который совершенно потерялъ голову (какъ писала г-жа Куланжъ къ г-жѣ Севиньи), когда его впервые представили ей.

Эта мысль ее почти опечалила, и она спросила:

— Развѣ г. Дюфренуа обѣщаль добиться для васъ мѣста въ арміи?

— Да, у меня есть его формальное обѣщаніе.

Затѣмъ, представляясь равнодушной, маркиза сказала:

— Его жена, безъ сомнѣнія, произвела на васъ глубокое впечатлѣніе, потому что самъ Рошфуко поддался ему... Знаете ли вы, что г-жа Дюфренуа—самая красивая женщина при дворѣ?

— Я забылъ о ней, сударыня, съ того дня, когда увидѣлъ васъ.

Этотъ комплиментъ понравился Атенаисѣ и успокоилъ ее.

Когда она стала замѣчать такую откровенность и прислушиваться къ біенію этого молодого сердца, мало-по-малу въ ней рождалось новое чувство. Въ душѣ маркизы, всецѣло предававшейся страсти господствовать, возникла болѣе нѣжная страсть, еще прежде, чѣмъ она осмѣлилась признаться себѣ въ этомъ.

Она находилась тогда подъ нѣжнымъ вліяніемъ восхитительнаго романа г-жи Лафайетъ «La Princesse de Clèves», только что появившагося съ громаднымъ успѣхомъ у Клода Барбонъ. Атенаиса перечувствовала воображеніемъ «эту радость, какую даетъ первая молодость, соединившаяся съ красою, тотъ родъ смущенія и замѣпательства во всѣхъ дѣйствіяхъ, какое причиняетъ любовь въ невинности первой молодости». Нѣкоторыя мѣста въ книгѣ, безпрестанно ею перечитываемыя, повторились теперь съ нею, и она теперь начала сама вкушать всю ихъ восхитительную прелесть. Ей нравилось, что въ Люссакѣ она нашла блестящій цвѣтъ рыцарства; ей казалась его душа, какъ бы увеличивающимъ красоту зеркаломъ, въ которомъ отражаются его восемнадцать лѣтъ.

Сначала маркиза боролась, призывая всю энергію, какую должна была обнаружить, чтобы сдѣлаться болѣе, чѣмъ «сама королева»; она была удивлена, обнаруживъ въ себѣ столько слабости относительно Люссака. Но между нею и ея спасителемъ завязывалась цѣпь, кольца которой съ каждымъ днемъ все стягивались, и фаворитка чувствовала, что слабѣетъ предъ его юностью.

Сорвать съ этихъ юныхъ губъ незабвенный поцѣлуй, окружить свою красоту искренними нѣжностями, черпать радость изъ такой страсти, какую до сего дня ея честолюбіе запрещало ей извѣдать, и наконецъ имѣть возможность дозволить расцвѣсть въ своемъ сердцѣ этому цвѣтку любви!.. Однако возможна ли эта мечта? Можетъ ли она себя предложить сама, не уронивъ себя въ собственныхъ глазахъ и въ особенности безъ того, чтобы не осталось въ умѣ обожаемаго Оливье нѣкотораго презрѣнія къ столь податливой добродѣтели?

Это было послѣднее проявленіе гордости, послѣднее сомнѣніе, которое удерживало Атенаису.

Вблизи стольких прелестей и чувствуя себя окруженным въянием ласки, Оливье Люссакъ, со своей стороны, допустилъ охватить себя смущенію, причину котораго по неопытности онъ не могъ себѣ уяснить. Онъ чувствовалъ сразу стѣсненіе и радость, безпокойство и надежду.

Мелкій, сельскій дворянинъ, храбрый и въ то же время робкій, онъ смотрѣлъ на маркизу, какъ на кумира—женщину и фею мечты; обладать ею ему казалось безуміемъ. Подобная мысль не могла войти ему въ голову, настолько было велико его нѣмое восхищеніе, къ которому примѣшивались опасеніе и желаніе.

Однажды вечеромъ, сидя въ широкомъ креслѣ возлѣ г-жи Вуазенъ и Маргариты, Оливье сообщалъ имъ о своихъ планахъ относительно будущаго.

Въ полуоткрытое окно врывался благоуханный вѣтерокъ.

Оливье горячо благодарилъ г-жу Вуазенъ и Маргариту и обѣщаль никогда ихъ не забывать.

Такъ какъ онъ теперь выздоровѣлъ, то ему надо было покинуть этотъ гостепріимный сельскій домъ. Король, узнавъ о его храбрости, обратился къ нему съ комплиментами и съ обѣщаніемъ вознагражденія.

Безъ сомнѣнія, онъ отправится въ армію и покроетъ себя славою. Говоря о своихъ будущихъ подвигахъ, онъ оживился, его лицо порозовѣло, и онъ повторилъ въ сердечномъ изліяніи:

— Нѣтъ, дорогіе друзья, никогда я васъ не забуду.

— Никогда?—спросила г-жа Вуазенъ.—Ахъ! уже ваша мысль вся занята пріятнымъ предметомъ, и вскорѣ Маргарита и я исчезнемъ изъ вашей памяти..

— Что вы хотите сказать?—спросилъ онъ.

— Я читаю на вашемъ лицѣ тайны вашей души.

Люссакъ покраснѣлъ и опустилъ глаза подъ инквизиторскимъ взоромъ г-жи Вуазенъ.

— Удостоите ли вы меня своимъ посѣщеніемъ, когда узнаете, кто я? Только сила случая могла насъ свести. Моя профессія... странная... лишитъ насъ, безъ сомнѣнія, вашихъ посѣщеній и заставитъ смолкнуть вашу благодарность.

Люссакъ хотѣлъ возражать, но въ эту минуту вошла маркиза Монтеспанъ.

Оливье хотѣлъ встать, но она остановила его жестомъ.

Мать и дочь, поздоровавшись съ маркизой, потихоньку удалились.

Сѣвъ рядомъ, Оливье и Атенаиса начали разговаривать.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, полныхъ нѣжности, въ которыхъ маркиза находила удовольствіе прислушиваться къ изліяніямъ Оливье, чтобы лучше обнаружить сокровища его любви.

Маркиза Монтеспанъ выразила Оливье свою радость, видя его наконецъ здоровымъ.

— Я обязанъ вамъ, сударыня, моимъ выздоровленіемъ.

— Мнѣ?

— Ваши мысли обо мнѣ и ваши любезныя посѣщенія развѣ не заставили меня забыть мои страданія?

— Причиненныя вамъ неосторожностью моихъ слугъ... Прекрасной признательностью обязаны вы мнѣ!

— О сударыня, я слишкомъ горжусь и слишкомъ счастливъ моею судьбою, потому что я имѣлъ счастье познакомиться съ вами.

— Царедворецъ!... О! я сказала гадкое слово,—замѣтила маркиза.—Вы такъ искренни!... Простите меня, г. Люссакъ... Но меня такъ испортили напрасной лестью, я вижу столько умышленныхъ интригъ подъ личиной лести... Предо мною является столько ненависти, прикрашенной сладкими словами...

— Столько ненависти, сударыня! Развѣ можно ненавидѣть красоту и доброту?

При этомъ вопросѣ, пробудившемъ въ ней все скопившееся злопамятство и оживившемъ воспоминанія о низкихъ соперничествахъ, пресмыкавшихся вокругъ ея почти королевскаго могущества. Аテナиса почувствовала возмущеніе, которое она вскорѣ подавила въ себѣ. Нахмуривъ брови и устремивъ глаза на какой-то печальный призракъ, фаворитка смолкла. На ея рѣсницахъ показалась слеза.

— Ахъ, сударыня, я обидѣлъ васъ?...—спросилъ съ безпокойствомъ Оливье.

— Нѣтъ, сударь, печальныя мысли причинили мнѣ огорченіе. Можно ли меня ненавидѣть? Вы слушайте, сударь.

Наконецъ Аテナиса могла повѣрить ему свою печаль. Въ свою очередь она также открыла ему свою душу и облегчила себя отъ тайнъ, которыя уже давно тяготили ее. Предъ этимъ сердцемъ, знавшимъ только восхитительныя волненія любви, она сдержала завѣсу съ ревниваго лицемѣрія, подлости, алчности, однимъ словомъ со всѣхъ пороковъ царедворцевъ.

Очень нѣжно, съ ласковой улыбкой она умоляла Оливье не довѣряться блестящей, но невѣрной наружности этого новаго для него общества, которое вскорѣ онъ научится понимать. Она такъ хотѣла бы предостеречь его противъ ловушекъ, разставленныхъ на каждомъ шагу.

— Смотрите, сударь, какъ я несчастна,—вздохнула фаворитка.— посмотрите, какъ меня заставляютъ страдать!

И по ея щекамъ струились слезы.

Глубоко тронутый Оливье взялъ маркизу за руку и пробормоталъ:

— Ахъ, сударыня! Простите меня... Зачѣмъ я разбудилъ въ васъ эти тяжелыя воспоминанія?.. Ахъ! если бы я могъ только подозрѣвать!.. Если бы я могъ подумать!..

Аテナиса, облегченная своей исповѣдью, сказала нѣжно:

— Теперь я легче могу переносить оборотную сторону моей славы, потому что я встрѣтила друга...

Болѣе чѣмъ когда либо жаждавшая утѣшеній и нѣжности, она склонила голову на плечо Оливье, и ея благодарный взглядъ охватилъ Люссаса долгой лаской.

III.

Чтобы избѣгнуть недоброжелательныхъ пересудъ, маркиза Монтеспанъ не считала долгомъ представить своего спасителя монарху сама. Она поручила эту заботу своему брату, маршалу Вивоннь.

Людовикъ любилъ молодыхъ смѣльчаковъ съ пламеннымъ сердцемъ, энтузіастовъ и преданныхъ. За неимѣніемъ личнаго генія онъ лучше другихъ постигъ изученіе людей, судилъ о нихъ вѣрнѣе и скорѣе всѣхъ. Съ одного взгляда онъ умѣлъ читать въ глубинѣ душъ и оцѣнивалъ по ихъ стоимости.

Со свойственными ему изяществомъ и вѣжливостью, дѣлавшими его первымъ дворяниномъ въ королевствѣ, король принялъ выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ Люссаса. Даже крайняя работа способствовала кавалеру Люссаку еще болѣе заслужить благоволеніе монарха. Мужественная же красота и откровенный видъ сдѣлали остальное.

Немного время спустя послѣ этого представленія, братъ короля, назначилъ кавалера Люссаса въ качествѣ придворнаго при своемъ дворѣ.

Съ этого дня для «почти королевы» и ея страстнаго обожателя началась жизнь, полная наслажденій, которыя нарушались лишь ревнивыми, подсматривающими и непріязненными взглядами.

Чтобы избѣгнуть всѣхъ нескромныхъ взоровъ, фаворитка покинула свои апартаменты въ Сень-Жерменъ и удалилась въ свой замокъ Кланьи. Тамъ-то Оливье почти ежедневно видѣлся съ своей любовницей...

Удивленный рѣдкими появленіями маркизы Монтеспанъ при дворѣ, король пожелалъ узнать причину ея удаленія. Атенаиса отвѣтила, что у нея «припадки мигрени», и просила короля позволить ей продолжать ея пребываніе въ Кланьи.

Если Людовикъ XIV своимъ величіемъ внушалъ уваженіе маркизѣ Монтеспанъ, если она боялась короля и восхищалась имъ, какъ женщиной, то, по правдѣ сказать, она никогда не испытывала къ нему искренней привязанности, и съ тѣхъ поръ, какъ истинная любовь овладѣла ея сердцемъ, равнодушіе къ Людовику все увеличивалось. Несмотря на всѣ свои усилія и всю свою ловкость относительно сохраненія въ тайнѣ своей страсти, она болѣе не умѣла скрывать стѣсненія, причиняемаго ей присутствіемъ коронованнаго владыки.

Людовикъ, замѣтившій это стѣсненіе, тщетно пробовалъ открыть причину. Хотя онъ не любилъ Атенаисы, какъ прежде, и разглашалъ публично свои мимолетныя связи со многими придворными дамами, но онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ ея раздосадованному выраженію. Сначала въ его умѣ зародились подозрѣнія, но его гордость оттолкнула ихъ, и онъ приписалъ причину перемѣны ея настроенія собственнымъ измѣнамъ.

Однако отъ нетерпѣнія знать истину онъ однажды утромъ неожиданно явился въ Кланьи. Въ этотъ моментъ Оливье выходилъ изъ парка потайнымъ входомъ... Если бы король явился нѣсколько минутъ ранѣе, онъ засталъ бы кавалера Люссака. Людовикъ притворился, что не замѣчаетъ досады, причиненной его нечаяннымъ прїѣздомъ, взялъ руку маркизы и поднесъ ее къ своимъ губамъ...

— Ваше нездоровье обезпокоило меня, сударыня, и я лично прїѣхалъ провѣдать васъ.

— Правда? Вы слишкомъ добры, ваше величество.

Нѣсколько ироническій тонъ этихъ словъ не ускользнулъ отъ монарха.

— Могу ли я дѣйствовать иначе относительно васъ, сударыня?— спросилъ Людовикъ.

Ничего не отвѣчая, маркиза Монтеспанъ холодно взглянула на короля. И король прочелъ въ глазахъ Атенаисы всѣ скопившіяся обиды. Онъ смутился, вспомнивъ свои любовныя измѣны, и тогда увидѣлъ, насколько заслуживаетъ онъ упрековъ. Онъ не могъ вынести ея испытующаго взгляда; чувствуя нѣкоторое угрызение совѣсти, онъ понурилъ голову.

Болѣе чѣмъ когда либо Атенаиса сознавала свое господство надъ нимъ. Продолжая подавлять короля своимъ нѣмымъ порицаніемъ, она забыла о страсти Люссака, чтобы воспользоваться выгодами, которыя предоставилъ ей удобный случай.

Нѣтъ, она не сумѣетъ отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ намѣреній... И любовь Оливье, какъ она ни искренна и ни велика, должна въ этотъ моментъ исчезнуть предъ королемъ, единственнымъ раздавателемъ богатствъ и славы!

Во что бы то ни стало, надо укрѣпить поколебленное на мгновение вліяніе и, доведя до ничтожества вѣроломныя намѣренія ея враговъ, наконецъ вернуть себѣ своего коронованнаго любовника. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что время еще не ушло.

Вопросъ, заданный ея непостояннымъ любовникомъ, далъ ей въ руки оружіе, которымъ она можетъ воспользоваться.

— Вы ничего не отвѣчаете,—сказалъ Людовикъ, который мало-помалу оправился.—Не причинилъ я вамъ какого нибудь огорченія?

— О государь, если вы и причинили его, то я не позволила бы себѣ въ этомъ признаться вамъ... Впрочемъ на что же мнѣ

жаловаться?.. До сихъ поръ вы меня осыпали вашими милостями, и я всегда вамъ глубоко за это признательна... А если злые и завистливые люди пробовали своимъ злословіемъ стереть мое имя въ вашемъ сердцѣ, то только на нихъ направлены мои жалобы...

— Что вы хотите этимъ сказать, сударыня? — воскликнулъ Людовикъ, задѣтый за живое.—Вы забываетесь... Я не привыкъ слушать клеветниковъ, и если бы кто нибудь, хотя бы самый знаменитый человѣкъ въ королевствѣ, позволилъ себѣ предо мною вредить вамъ, я немедленно его выгналъ бы, чтобы не обломать объ его плечи моей палки... Вспомните Лозена!.. Зачѣмъ съ вашей стороны подобныя намеки?.. Я — король, сударыня... Вы, кажется, о этомъ забыли.

— Король забыть, что онъ—отецъ моихъ дѣтей?

— Нѣтъ, сударыня, я этого совсѣмъ не забыть и никогда не забуду... Я просто отвѣтилъ на ваши неосторожныя слова.

Это было какъ бы возмездіе, которымъ королевское величество послѣ отступленія любовника отплатило высокоомѣрной и хитрой фавориткѣ...

Маркиза поняла, что зашла слишкомъ далеко. Внезапно она прибѣгла къ крайнимъ мѣрамъ. Она измѣнила свой гордый тонъ, сдѣлалась смиренной, нѣжной и, дрожа отъ волненія, произнесла:

— О государь, простите меня, ради Бога...

Тогда королю показалось, что въ затуманившихся слезами глазахъ Атенаисы появились мольба и глубокое сожалѣніе.

— Государь, скажите, что вы прощаете меня... повторила фаворитка.

Людовикъ тронутый болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться, и боявшійся рыданій, отвѣтилъ уже примиреннымъ тономъ.

— Кто же, сударыня, можетъ остаться равнодушнымъ къ вашимъ просьбамъ?

— Ахъ, государь,—сказала Атенаиса:—вы видите, я плачу потому, что вы меня болѣе не любите.

— О сударыня!—воскликнулъ взволнованный король...—Можете ли вы этому повѣрить?..

— Увы! съ тѣхъ поръ, какъ я принадлежу вамъ, государь, столько препятствій встало между нами, что иногда,—еще разъ простите меня за мою откровенность,—я сомнѣваюсь въ вашей любви... Моя, повѣрьте, не ослабѣла ни на одну минуту, и мое единственное и самое большое удовольствіе быть увѣренной, что вы любите меня, какъ я васъ люблю!

Ея нѣжный, ласкающій, нѣсколько протяжный голосъ, прекрасныя умоляющіе глаза разомъ разсѣяли опасенія короля и напомнили ему слѣдующіе милые и правдивые стихи Лафонтена:

Paroles et regards—tout est charme dans vous...

И Людовикъ нѣжно привлекъ въ свои объятія Атенаису...

Еще разъ «торжествующая красота» снова захватила свою власть.

IV.

Теперь счастье стало улыбаться фавориткѣ болѣе, чѣмъ когда либо.

Съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась любовницей Оливье, никакое облако не омрачало этой невѣдомой никѣмъ любви.

Со своей стороны король отказался отъ всѣхъ эфемерныхъ побѣдъ. Одна Атенаиса, повидимому, овладѣла сердцемъ монарха.

Въ новый годъ Людовикъ XIV выказалъ себя королевски великодушнымъ относительно маркизы Монтеспанъ.

Дворъ слѣдовалъ примѣру короля.

Маркиза получила отъ брата короля золотую чеканную чашу, украшенную двумя рядами изумрудовъ и брильянтовъ, и два старинные серебряные кубка, на которыхъ пурпуровый цвѣтъ рубиновъ смѣшивался съ самымъ дивнымъ блескомъ другихъ драгоценныхъ камней.

Всѣ придворные кавалеры и дамы прислали ей великолѣпные подарки, и г-жа Ментенонъ тоже успѣшила поднести ей свой подарокъ. Это былъ переплетенный въ красный сафьянъ роскошный томъ, напечатанный на веленовой бумагѣ и озаглавленный: «Различныя сочиненія семилѣтняго автора». Въ немъ она собрала всѣ работы своего ученика, маленькаго герцога Мэнскаго.

Такая любезная предупредительность и столь деликатное вниманіе справедливо польстили гордости маркизы. Ея сила, вліяніе и авторитетъ казались съ этихъ поръ непоколебимо восстановленными.

Вкушая поэтическую любовь Оливье, она видѣла у своихъ ногъ не только самый блестящій дворъ, но еще могущественнаго, блестящаго монарха, побѣды котораго въ то время заставляли трепетать всю Европу.

Не безъ глубокаго огорченія смотрѣла Марія-Тереза, какъ ея коронованный супругъ выбиралъ публично изъ среды фрейлинъ любовницъ, которыхъ выставлялъ на показъ предъ народомъ.

Однако королева не докучала Людовику жалобами.

Марія-Тереза довольствовалась тѣмъ, что втихомолку плакала, сохраняя нѣжность къ невѣрному, и хранила данное ему слово.

Тѣмъ не менѣе теперь стало примѣняться самое строгое наблюдение, чтобы избавиться отъ возобновленія другихъ скандаловъ, а потому никто, даже король, не могъ проникнуть въ комнаты фрейлинъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ новаго года, маркиза Монтеспанъ, въ сопровожденіи короля, отправилась въ Сентъ-Клу съ визитомъ къ принцессѣ баварской, второй женѣ.

Едва только они вошли въ залъ, какъ фаворитка привлекла вниманіе короля на одну изъ фрейлинъ, восхитительно прекрасную

въ своемъ длинномъ парчевомъ платьѣ, окаймленномъ горностаемъ, которая почтительно ихъ привѣтствовала вмѣстѣ съ другими дамами.

— О государь,—сказала маркиза Монтеспанъ:—посмотрите, какая восхитительная особа... Можно подумать, что это—великолѣпная статуя, изваянная изъ мрамора искуснымъ артистомъ? Это—Галатея, которой не хватаетъ, чтобы сдѣлаться вполнѣ живой, счастливаго вмѣшательства богини любви...

— Кто же будетъ Пигмаліономъ!—отвѣтилъ въ свою очередь очарованный король...

Фаворитка съ досады закусила губы: она поняла свою ошибку слишкомъ поздно.

Заслужившая такое лестное восклицаніе монарха была Марія Анжелика де-Скорайль де-Руссиль де-Фонтанжъ.

Дочь руэргскаго дворянина, она совсѣмъ юной была привезена ко двору королевскимъ намѣстникомъ въ Лангедокъ, г. Пейромъ, и герцогиней Арнажонъ, которая добилась для нея мѣста фрейлины жены герцога Орлеанскаго. Правильныя черты Маріи Фонтанжъ, оживленный цвѣтъ лица, прелестный ротъ, томные глаза, тонкая, гибкая, стройная талія, чудное тѣло дѣлали изъ нея восхитительное существо.

Такимъ образомъ король возвратился въ мечтательномъ настроеніи.

Нѣсколько дней спустя, Венера оживила «великолѣпную статую» въ объятіяхъ новаго Пигмаліона. Прекрасная молодая дѣвушка заставила забыть Людовика о высококѣрной красотѣ маркизы Монтеспанъ.

.....
 Что особенно цѣнилъ Людовикъ въ Маріи-Анжеликѣ Фонтанжъ—это ея мягкость, свѣжесть, наивность, нѣжность лица и обращенія. Онъ предчувствовалъ какъ бы отдыхъ въ этомъ капризномъ возвратѣ его нѣжности. Онъ думалъ найти въ этой новой любви благотворный привалъ. Это былъ мирный оазисъ, въ которомъ наконецъ онъ освѣжится отъ безостановочныхъ этаповъ своей жизни.

Романическая и безъ энергіи, восхитительно застѣнчивая, дѣвица Фонтанжъ была неспособна на сопротивленіе и согласилась сдѣлаться любовницей короля безъ честолюбивой, предвзятой мысли.

Сначала маркиза Монтеспанъ не очень безпокоилась. Развѣ Людовикъ не самъ первый возвратился къ ней за нѣсколько дней до этого, и развѣ она не поняла, благодаря силѣ ея объятій, насколько велико еще ея вліяніе на сердце короля?

Эта связь съ Маріей Фонтанжъ не могла быть чѣмъ либо инымъ, какъ капризомъ, который скоро пройдетъ при одномъ воспоминаніи объ опытныхъ ласкахъ, блестящемъ умѣ и чувственномъ превосходствѣ Атенаисы. Юная Фонтанжъ противопоставляла всему этому только приторные поцѣлуи и жалкое остроуміе. Атенаиса бы-

стро взяла бы верхъ надъ «красивой дурочкой», какъ ее уже всѣ называли.

Въ данную минуту лучше приготовить западни, въ которыя неизбежно должна попасть ея слишкомъ наивная соперница.

Все еще надменная маркиза Монтеспанъ хотѣла доказать, что она осталась «все-таки» госпожей, словомъ, прежней, желаніе которой—приказъ. Въ это время мѣсто главной придворной дамы королевы было занято графиней Суассонъ.

Уже давно маркиза Монтеспанъ остановила свой выборъ на этой должности.

Добиться ея въ данный моментъ, когда всѣ вѣрили въ опалу фаворитки, было бы, по ея мнѣнію, доказательствомъ ея продолжавшагося владычества надъ королемъ. Слѣдовательно ей приходилось прибѣгнуть къ услугамъ Кольбера и поручить ему всѣ хлопоты.

Король охотно согласился на просьбу министра. Онъ думалъ такимъ образомъ освободиться, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время отъ требовательной и ревливой женщины и свободно вкусить наслажденіе своей новой любви.

Едва протекли двѣ недѣли со дня посѣщенія Сентъ-Клу, какъ Марія Фонтанжъ была осыпана милостями. Опьяненная лестью, она отдалась своему счастью и не заботилась объ интригахъ, которыя могъ породить ея слишкомъ быстрый успѣхъ.

На послѣдней недѣлѣ того же января мѣсяца 1679 года братъ короля давалъ балъ въ Палэ-Роялѣ. Марія Фонтанжъ въ великолѣпномъ нарядѣ явилась туда въ свѣтлосѣромъ экипажѣ, запряженномъ восемью лошадьми, и съ лакеями, одѣтыми въ свѣтло-сѣрыя ливреи.

Она была въ вышитомъ платьѣ неопѣнимой стоимости, украшенномъ синими лентами. Среди облака кружевъ выступала ея бѣло-снѣжная шея... Она въ этотъ день выбрала прическу, которая съ тѣхъ поръ носила ея имя. Ея чудесные рыжіе волосы падали тысячью локонами на виски и плечи, прибавляя къ ея ослѣпительному цвѣту лица безконечную нѣжность.

Высокая и стройная она при этомъ обладала поступью королевы и была «прекрасна, какъ ангелъ».

Когда она вошла подъ руку съ братомъ короля, раздался восторженный шопотъ.

Самыя громкія имена Франціи смѣшались въ длинной анфиладѣ великолѣпно убранныхъ залъ. Свѣтъ люстръ струился на драгоценные камни ослѣпительными и разноцвѣтными огненными каскадами, фееричеки отражался въ безконечныхъ зеркалахъ, скользилъ по обнаженнымъ плечамъ, сверкалъ безчисленными золотомъ среди шелка, бархата и кружевъ, тогда какъ тысячи улыбокъ расплывались, стройныя таліи кружились, тонкія руки поднимались и опускались въ изысканной граціи менуэта.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. И. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

